

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

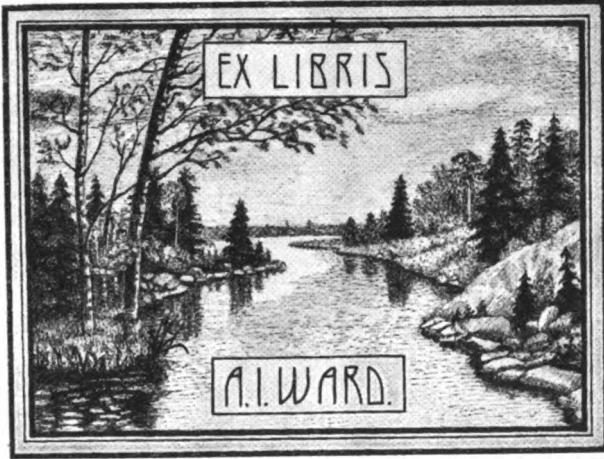
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DS
793
.M7
P59
v.4

Очерки
Съверо-Западной
Монголіи

Выпускъ 4

Г. Н. Потанинъ

Потанин, Григорій
Николаевич

Очерки **ОЧЕРКИ**
Черного-Харадхой Монго
СЪВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПУТЕШЕСТВІЯ,
исполненнаго въ 1879 году по порученію Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества
членомъ-сотрудникомъ онаго
Г. Н. Потанинымъ.

DS
793
. M7
P59
V. 4

ВЫПУСКЪ IV.
МАТЕРІАЛЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ,
съ 26-ью таблицами рисунковъ.

С. Петербургъ.
Типографія В. Кирьбаума, въ д. М-ва Финансовъ, на Дворцовой площади.
1883.

JK

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

8.20-83

Оглавление.

	Стран.
I. Племена и поколѣнія, населяющія сѣверо-западную Монголію	1— 25
I. Тюрки:	
1. Тюрское племя Русскаго Алтая	1— 10
2. Урянхайцы	10— 13
3. Киргизы	13— 19
II. Монголы:	
1. Дюрбюты	20— 21
2. Дархаты	21— 22
3. Буряты	22— 25
II. Замятки о семейномъ, общественномъ и религіозномъ бытѣ	26—135
1. Обряды при рожденіи дѣтей и уходъ за дѣтьми	26— 29
2. Свадебные обряды	29— 36
3. Похоронные обряды	36— 38
4. Семейные и общественные обычаи	38— 40
5. Бубны и шаманы	40— 77
5 (bis). Жертвоприношенія	78— 93
6. Онгоны	93—123
7. Повѣрья о духахъ и о почитаніи священныхъ горъ, лѣсовъ и камней	123—130
8. Повѣрья о болѣзняхъ, звѣряхъ и нѣкоторые предразсудки	130—133
9. Повѣрья о загробной жизни	133—135
10. Гаданія	135
III. Названія звѣздъ, мѣсяцевъ, пальцевъ, растеній и животныхъ и повѣрья о нихъ	136—166
1. Названія звѣздъ и созвѣздій	136—138
2. Повѣрья о громѣ	138—142

	Стран.
3. Названія мѣсяцевъ	143—144
4. Названія пальцевъ руки	144—145
5. Списокъ мѣстныхъ названій растений	145—155
6. Списокъ мѣстныхъ названій животныхъ	155—166
IV. Сказки и легенды	167—647
1. Медвѣдь.—Волкъ	167—169
2. Летучая мышь	169—175
3. Хотгунъ птица	175—176
4. Маны и его семь сыновей	176—178
5. Семь братьевъ	178—179
6. Тарбаганъ (сурокъ)	179—180
7. Тушканчикъ	180
8. Верблюды	180—181
9. Бурундукъ	181
10. Летага	181—182
11. Дергачъ	182
12. Усковъ-уль	182
13. Хаджиръ-шибонъ	182
14. Ласточка и оса	183
15. Сорока	183
16. Филинъ	183
17. Хухэй	183—184
18. Тажа (бѣлая сова)	184
19. Налимъ	184
20. Царь звѣрей	185
21. Хунъ Горогунъ	185
22. Боди-Гурогунъ	186
23. Му-шибунъ	186
24. Гакша хамыганъ	186
25. Водяная корова	186
26. Кара-гулакъ	186
27. Амьнъ саганъ-хулугуна	186—187
28. Змѣи	187
29. Дерево Оронъ-Ганцхонъ-Модонъ	187—188
30. Дзандынъ-модо	188
31. Трава Буху аранай	188—189
32. Чай	189
33. Камень „дзада“	189—190
34. Мѣсяцъ	190—193
35. Большая Медвѣдица	193—200
36. Дозонъ Эбугутъ (Большая Медвѣдица)	200—203
37. Мечинъ (созвѣздіе Плеяды)	203—204

	Стран.
38. Орионъ	204—206
39. Кубырѣ чолмонѣ	207
40. Радуга	207
41. Открытіе неба	207
42. Потопъ	207—208
43. Вода вѣчной жизни	209—211
44. Изобрѣтеніе вина	211—214
45. Преданія объ урочищахъ:	
1. Р. Таджики и скала Абымъ-бомъ	214—215
2. Ижимей	215
3. Арынъ гурба дагна	215
4. Ханъ-Мергѣй	216
5. Хоймаръ	216
6. Три рѣки Иркутъ, Ока и Ия	216
7. Цаганъ кюшочило	216—217
8. Лунъ-Ханъ	217
9. Горный проходъ Байрименъ дабанъ	217
10. Гора Шагшагъ	218
46. О сотвореніи міра и человѣка	218—226
47. Очирвани	226—228
47 (bis). Чингисъ-ханъ	228—233
48. Сынъ неба	233—235
49. Сказки о хитромъ ворѣ:	
1. Доновъ Дондушъ и Ганци Ментышъ	235—237
2. Бамба Шиту и Даудзукъ	237—243
3. Талынъ Хутулчи	243—244
4. Андзынъ Хурумчи	244—247
5. Чутъ	247—249
6. Аргата	249—250
50. Гесыръ-ханъ	250—257
51. Гегены	257—261
52. Разныя бурханы:	
1. Туртэ Дагбы	261
2. Пять боговъ братья	261
3. Боги чая, масла, воды и соли	261
4. Цаганъ Эбугенъ	261—262
5. Сабдыки Алтая и Хангая	262
6. Лама ава	262
7. Огонь	262
8. Богъ воды	262
9. Гахай бакши	263
10. Хухенъ Хутухту, хубилганъ Шидырвана	263—264
53. Буха-ноинъ	264—268

	Стран.
54. Бурхынъ-баши	268—275
55. Бэгаръ Мджитъ	275
56. Комбу Дорчжи	275—277
57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой	277—279
58. Сенге ханъ	279
59. Анъ-Богдоръ	279—283
60. Аю-Чигеты-ханъ	283—285
61. Сартагтай	285
62. Балатанъ	288
63. Начало камства	288—290
64. Тарханъ бо	290—293
65. Эльджигенъ	293—298
66. Шидырманъ	298—309
67. Шуно батыръ	309—310
68. Цаганъ Дарихе	310—320
69. Кунберъ-ханъ	320—322
70. Нохой-эргэнъ	322—323
71. Махэшинъ	323
72. Идзыль Цзай	323
73. Ежлель-ханъ	323—324
74. Цаганъ ханъ	324—325
75. Бубэ Хатунъ Батыръ	325
76. Одунтай Бодунтай	325—327
77. Кайраканъ	327—328
78. Изобрѣтеніе письма	328—329
79. Три сына Ханъ Чурмусенъ Тэнгрия	329—330
80. Отчего ламы не носятъ штановъ	330
81. Халкаская востъ Тоодынъ	330
82. Огонь	330—332
83. Повѣдка за живымъ богомъ	332—341
84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его сынъ Еръ Сару	341—348
85. Убѣгающій на быкъ отъ шулума мальчикъ	348—350
86. О предкѣ хойху	350—351
87. Легенда о кровосмѣшеніи	351—352
88. Ковъ изъ тѣста	352
89. Хлѣбъ	352—353
90. Тигръ и быкъ братья	353—354
91. Воръ, крадущій коровъ, и тигръ	354—355
92. Выдумка и знаніе	355—356
93. Отчего монгольскія женщины носятъ шубы съ бу- фами	356
94. Отчего у Русскихъ глаза круглые, волосы длинныя, платье короткое	356

	Стран.
95. Сорока и ея волшебный подарокъ	357—358
96. Лунатязмъ	358—359
97. Три товарища	359
98. Заячи	359—360
99. Бектеръ-Джанджинъ	360—362
100. Ерень чэчэнъ и Яра чэчэнъ	362—363
101. Джиренше шешенъ и Алдаръ-косо	364—365
102. Умная жена и глухой мужъ	365—366
103. Два царя, боязливый и бойкій	367
104. Байгусъ	367
105. Предки скота	367—368
106. Алаша ханъ	368
107. Долонъ Хобдокъ	368—369
108. Лемичи-Ерень	369—371
109. Каратты ханъ	371—373
110. Тунгъ Каратты ханъ	373—379
111. Бай Бородай	379—383
112. Батырь Чонунъ-белъ	384—387
113. Ергенъ-ерге	387—391
114. Мальчикъ Булотъ-хурэ и его конь	391—395
115. Оролынъ читкуръ	395—398
116. Мангысъ	398—399
117. Тончжи мергенъ	399—401
118. Палочка и ердене-паганъ	401—403
119. Абаденъ-хубынъ-шошки	403
120. Шильды занги	403—404
121. Бала мергенъ	404
122. Шонъ-би	404—405
123. Арсланъ	405—406
124. Сенгенъ Хунъ тайджи	406—407
125. Гелинъ-нойонъ	407—408
126. Даюнигъ Бё	408—410
127. Гаданъ бошко и Побей-Хатунъ батырь белъ	410—411
128. Бокухъ	411
129. Боходъ и Борзой	411—412
130. Бохыгъ и Адай	412
131. Ульберге	412—416
132. Ергене-мергенъ	416—424
133. Тана-Герель	424—427
134. Ирень Шайнъ Чичирге	427—429
135. Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле	429—486
136. Му-Монто	486—488
137. Бандынъ-Цзанъ	488—490

	Стран.
138. Хаеринъ-Харь-Бёко	491—493
139. Шанъ Тондубъ и Тамба Шанджи	493—495
140. Гумъ ханъ	495—496
141. Два бѣхѣ Комбу	497—498
142. Хурюн Халдын Халгачи	498—499
143. Братья Танъ и Шамъ, мужа Цаганъ и Ногонъ Да- рихэ	499—500
144. Мутуъ Даниъ или Харь Бакши	500—501
145. Хубогай Хуйныкъ	501—502
146. Занъ дзергъ Дзалута Мергенъ	503—507
147. Дзалута Мергенъ	507—512
148. Тангыль Мергенъ	512—517
149—152. (Эти №№ пропущены).	
153. Боролдой Обоговъ	517—519
154. Дочь Лусай-хана	519—523
155. Мани Ветыръ ханъ и Харь-Горѣчи	523—527
156. Хельбисъ будыръ	528—529
157. Кытцъ-Ху	529—531
158. Шыттыгуръ-бурханъ	531—534
159. Хунъ-Тайджи	534—535
160. Боро болджоханъ гуджи	535—539
161. Гахай Тологой Тюлюкчи	539—542
162. Толиндынь Ханъ и Шюриндынь Хатынь	542—544
163. Батыръ Цзанъ	544—547
164. Тондымъ	547—548
165. Змѣи	548—550
166. Мальчикъ съ ушко	550—551
167. Левъ	551—552
168. Уланъ Арбата Унюгу	552—554
169. Буху бюрэ	554—555
170. Бурханъ-Бакши и Хе-Даниъ	555
171. Сумбуръ-Уль	555—556
172. Харцига Шибо (воршунъ)	556
173. Алтынъ канъ	556—565
174. Алтынъ Чобе	566—577
175. Алтынъ-Тѣна	577—583
176. Хангавай	583—587
177. Ускезе-оль	588—590
178. Узунъ-ачакъ	591—594
179. Человѣческая голова	594—595
180. Алтынъ-Чагай	596—600
181. Хэрэкъ-Кирвесъ Хэмрэ-мергенъ	600—618
182. Кумюсъ-Иргэкъ	618—622

	Стран.
183. Алтынъ-Иргекъ	622—624
184. Тызмыъ богатырь	625—626
185. Перелетъ птицъ	627—629
186. Боско.	629—641
187. Богачъ Боилытъ и бѣднякъ Бордо	641—647

Примѣчанія.

Общее введеніе къ примѣчаніямъ	649—660
Къ главѣ I-й	660—672
Къ главѣ II-й	672—710
Къ главѣ III-й:	
Большая Медвѣдица	711—723
Оріонъ	723—729
Плеяды	729—731
Зарница	731—733
Полярная Звѣзда	734—740
Млечный путь	740—742
Радуга	742—745
Громъ	745—748
Названія растеній	748 749
Названія животныхъ	749—753
Къ главѣ IV-й:	
1. Медвѣдь	753—758
2. Летучая мышь	758—764
3. Хотгунъ птица	764
4. Мани	764—765
5. Семь братьевъ	765—767
6. Тарбаганъ	767—768
11. Дергачъ	768
12. Ускозь-уль	768
14. Ласточка и оса	768
18. Тажа	768
19. Нагнмъ	768—769
20. Царь звѣрей	769
21. Гунъ гуругунъ	769—770
22. Кара-кулакъ	770
27. Амннъ-саганъ-хулугуна	771—772
28. Змѣи	772
29. Дерево Оровъ-Ганцханъ-модонъ	772
30. Дзандынъ модо	773

	Стран.
31. Трава Буху-аранай	773
32. Камень „дзада“	773—774
33. Мѣсяць	774—778
34. Большая Медвѣдица	778—787
36. Доловъ-Эбугуть	787—788
37. Мечинъ	788
38. Орионъ	788—791
41. Открытіе неба	791
42. Потопъ	791—793
43. Вода вѣчной жизни	793—795
44. Изобрѣтеніе вина	795—796
45. Преданія объ урочищахъ	796—797
46. О сотвореніи міра	797—800
47. Очищаніи	800—801
47 (bis). Чингисъ-ханъ	801—806
48. Снъ неба	806—810
49. Сказки о хитромъ ворѣ	810—817
50. Гесыръ-ханъ	817—820
51. Гегенъ	820
52. Разныя бурханы	820
53. Буха-ноинъ	821—826
54. Бурхынъ-бакши	826—833
55. Бегеръ-Мджигъ	833
56. Комбу-Дорджи	833—834
57. О женѣ, заплodzрѣнной въ связи съ ламой	834
59. Ань-Богдоръ	835—838
60. Аю-чикты-ханъ	838—839
61. Сартакгай	839—840
63. Начало камства	840
61. Тарханъ-бо	840—866
67. Шуно	866—867
68. Цаганъ-дареке	867—869
69. Кункеръ-ханъ	869—871
70. Нохой-эргенъ	871
72. Идзиль-Цзай	871
73. Едженъ-ханъ	871
74. Цаганъ-ханъ	871—872
76. Одунтай Болунтай	872—877
77. Кайраканъ	877—878
78. Изобрѣтеніе письма	878
79. Три сына Ханъ Чурмусанъ Тенгріа	878—880
80. Отчего ламы безъ штановъ ходять	880
82. Огонь	880—881

	Стран.
83. Побѣдка за живымъ богомъ	881—885
84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его внукъ Ёр сару . .	885—891
85. Убѣгающій на быкъ отъ шулуша мальчикъ	891
86. О предкѣ хойху	892
88. Конь изъ тѣста	893
89. Хлѣбъ	893—894
90. Тигръ и быкъ братья	894
96. Лунатизмъ	894
97. Три товарища	894
98. Заячи	894—895
100. Ерень-чачэнъ и Яра-чачэнъ	895
101. Джиренше-пешенъ	895
102. Умная жена и глухой мужъ	896
105. Предки скота	896
106. Алашаханъ	896—897
109. Каратты-ханъ	897—898
110. Тунгъ Каратты ханъ	898
111. Боролдай ху	898—899
112. Батыръ Чонунъ бель	899
118. Эртэнъ-ерге	899
117. Тончжи-мергенъ	899—900
124. Сенте-хунъ-гайджи	900—901
126. Дзюникъ-бо	901—902
127. Галдаяъ-бошко и Побей-Хотунъ батыръ-бели	902—903
129. Бохолъ и Борзой	903
131. Ульберге	903
132. Эргене-мергенъ	903—905
134. Ирннъ-Шайнъ-Чичирге	905—906
135. Ирннъ-Сайнъ	906—919
139. Шанъ-Дондубъ и Тамба Шанджи	919
140. Гумъ-ханъ	919
141. Два бѣхѣ Комбу	919—920
148. Таяннъ-мергенъ	920
155. Мани-Ветыръ-ханъ и Харъ Горѣчи	920—923
160. Боро боджоханнъ туджи	923
166. Мальчикъ съ ушко	923
168. Аргата-Униогъ	923
176. Хаягавай	923
179. Человѣческая голова	923—924
181. Хэрэкъ - Жирвэсъ Хэмра-мергенъ	924—930
182. Кумюсъ-Иргэкъ	930
184. Тызынъ-богатырь	930
186. Воско	931—935

	Стран.
187. Богачъ Бойлыгъ и Бѣднякъ Бордо	985
Дополненія къ тексту:	
Къ главѣ I-й: Сѣбки и шуточные характеристики ино- родческихъ родовъ (сѣбковъ)	936— 941
Къ главѣ III-й: Дѣтскія названія пальцевъ	941
Къ главѣ IV-й: Птица дуудыиыъ	941
Дополненія къ примѣчаніямъ:	
Къ главѣ II-й	941
Къ главѣ III-й	942— 943
Къ главѣ IV-й	943— 944
Алфавитный указатель	945—1025
Опечатки и ошибки	1025—1026

Перечень рисунковъ.

Табл. I. Ф. 1—6. Тамги киргизскихъ поколѣній: 1) Кипчакъ; 2) Аргынъ; 3) Найманъ; 4) Конгратъ и Кирей; 5) Уакъ; 6) Тарақты (стр. 14).—Ф. 7—16. Тамги Алтайцевъ.—Ф. 17. Тамга киргизск. поколѣнія Чубаръ-айгыръ, неправильно представленная въ Оч., в. II (табл. XXVI, ф. 21).—Ф. 18—26. Тамги на джундидскихъ монетахъ, заимствованныхъ изъ сочиненія Френа (Fraehn, Die Münzen der Chane vom Ulus Dschutschis's, S. Ptbg., 1832: Tabl. XII, f. 1, 2, 3, 4, 7, 9, 18; Tabl. XIII, f. 3, 13, 19, 29), представляемые здѣсь для сравненія съ рисунками на бубнахъ (стр. 679).—Ф. 27 и 28. Знаки, которые иногда встрѣчаются на наружной поверхности китайскихъ фарфоровыхъ чайныхъ чашекъ.—Ф. 29. Шапочка мингатской женщины, отличающаяся отъ калхаской, представленной въ Оч., II, табл. XXIII, бѣльшимъ отверстіемъ надъ теменемъ.—Ф. 30. Кунтру или погремки на бубнѣ (стр. 41—42).—Ф. 31. Алтайскій онгонъ Куреместенготхуны (стр. 98).—Ф. 32. Алтайскій онгонъ съ изображеніемъ камлання (стр. 99).

Табл. II. Ф. 33. Серьга торгоутской женщины, представленная для сравненія съ привѣской на шаманскомъ плащѣ, изображенномъ на ф. 34.—Ф. 34. Желѣзная привѣска къ шаманскому плащу въ видѣ треугольника съ кунтру (стр. 50).—Ф. 35. Кумандинскій онгонъ Терджалы (стр. 98).—Ф. 36. Онгонъ Тюнгурчекъ, подвѣшенный къ отвѣсной полосѣ изъ дабы (стр. 98).—Ф. 37. Алтайскій онгонъ Тюнгурчекъ (стр. 98).

Табл. III. Ф. 38. Планъ юрты шамана и ея внутренняго расположенія; а, дверь; б, очагъ, в, у ламантовъ мѣсто для божницы, у чистыхъ шамановъ мѣсто для онгона Джанеа или Ерена; г, бубень; д, онгонъ Ёмегельджинъ; е, онгонъ Цахиусъ (стр. 101 и 103); ж, кровать; з, станокъ для бурдюковъ съ кислымъ молокомъ и масломъ; и, мѣсто для онгона Сангай или

для онгона, представленнаго на ф. 84 (стр. 96 и 101); к, станокъ для мелкой и берестяной посуды.—Ф. 39. Желѣзный вѣнецъ бурятскаго шамана, хранящійся въ музеѣ Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества въ Иркутскѣ (стр. 53).—Ф. 40. Бубень китайскаго ворожеи по рисунку Китайца Сунъ-тенъ-сы, живущаго въ городѣ Кобдо (стр. 678).—Ф. 41. Харьбо, желѣзный жезлъ бурятскаго шамана, хранящійся въ музеѣ Восточно-сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества въ Иркутскѣ (стр. 54). — Ф. 42. Деревянный жезлъ бурятскаго шамана (стр. 54).—Ф. 43—45. Желѣзныя привѣски къ желѣзному жезлу, изображенному на ф. 41. — Фф. 46—49. Деревянные и желѣзныя привѣски къ шнуру зэлэ (стр. 55).—Ф. 50. Часть шнура зэлэ (стр. 55).

Табл. IV. Фф. 51 и 52. Изображенія на внутренней сторонѣ алтайскихъ бубновъ (стр. 43 и 47).

Табл. V. Ф. 53. Изображенія на внутренней сторонѣ алтайскаго бубна.—Ф. 54. Изображенія на вѣшной сторонѣ того же бубна (стр. 43).

Табл. VI. Ф. 55. Изображеніе на внутренней сторонѣ алтайскаго бубна.—Ф. 56. Изображеніе на вѣшной сторонѣ того же бубна (стр. 43).

Табл. VII. Ф. 57. Изображеніе на бубнѣ Черневыхъ Татаръ (стр. 45).—Ф. 58. Изображеніе на бубнѣ Черневыхъ Татаръ, хранящемся у миссіонера о. Вербицкаго (стр. 45).

Табл. VIII. Ф. 59 и 60. Изображенія на внутренней и наружной сторонахъ бубна Черневыхъ Татаръ, хранящемся при полицейскомъ управленіи въ городѣ Кузнецкѣ (стр. 45).

Табл. IX. Ф. 61. Изображенія на бубнѣ съ ов. Кенъги (стр. 47).—Ф. 62. Изображенія на наружной сторонѣ бубна шамана Пахына (стр. 48).

Табл. X. Ф. 65. Изображенія на бубнѣ съ р. Чуи (стр. 46 и 47).—Ф. 66. Изображенія на алтайскомъ бубнѣ (стр. 47).

Табл. XI. Ф. 63. Изображенія на остячкомъ бубнѣ, который былъ выставленъ на съѣздѣ ориенталистовъ въ 1876 году, съ рисунка д. члена Имп. Р. Г. Общества А. И. Савельева (стр. 680). — Ф. 64. Изображенія на бубнѣ алтайскаго шамана Энчу (стр. 43).

Табл. XII. Ф. 67. Изображенія на лопарскихъ бубнахъ изъ Шеффера (Scheffer, Histoire de Laponie, sa description, l'origine etc., p. 372), съ его объясненіями. Бубень А: 1, церковь св. Павла въ Торнео (Paul de Tornea); 2, рѣка Торнео; 3, ручей Торнео; 4, показатель вѣтровъ, указывающій сѣверъ посредствомъ два раза перекрещенной линіи; 5, Богъ; 6, солнце; 7, мѣсяцъ; 8, громъ (Tonnerre) или Тюръ (Ture); 9, ангелъ Божій; 10, ангелъ Гавриилъ; 11, св. Іоаннъ; 12, св. Петръ; 13, св. Матвѣй; 14, св. Мартинъ; 15, св. Лука; 16, слуга Божій; 17, дождь; 18, свѣтъ солнца; 19, вѣтеръ; 20, счастье; 21, несчастье; 22, земля; 23, вода; 24, огонь; 25, старецъ горы, предназначенный для жертвоприношеній; 26, старуха горы, предназначенная для жертвоприношеній; 27, гора Стадебергъ, предназначенная для жертвоприношеній; 28, гора Тирро (Tirro), предназна-

ченая для жертвоприношеній; 29, Швеція; 30, Россія; 31, Голландія; 32, Англія; 33, Испанія; 34, Франція; 35, Келья; 36, Турція; 37, Лапландія; 38, Финляндія; 39, города Финляндіи; 40, города Швеціи; 41, города Германіи; 42, деревни земледѣльцевъ; 43, война; 44, миръ; 45, люди, идущіе въ церковь; 46, большой корабль; 47, лодка; 48, идолъ Лопарей; 49, судно діавола; 50, священное дерево Лопарей; 51, горожанинъ; 52, горожанка; 53, крестьянинъ; 54, крестьянка; 55, Лопарь или его жена; 56, приставъ при Лопаряхъ; 57, конюхъ пристава; 58, стражъ; 59, церковь для Лопарей; 60, церковь города Торнео; 61, крестьянская церковь въ округѣ Торнео; 62, священный камень Лопарей; 63, священный пень Лопарей; 64, медвѣдь; 65, корова; 66, быкъ; 67, волкъ; 68, сѣверный олень; 69, баранъ; 70, свинья; 71, лошадь и сани; 72, журавль; 73, аистъ; 74, гусыня; 75, большой дикій пѣтухъ; 76, Лопарь, ѣдущій въ саняхъ; 77, горы Лапландіи, назначенныя для жертвоприношеній; 78, жилище Лопаря; 79, самые опасныя и наиболѣе дѣлающіе вреда колдуны; 80, священникъ; 81, человекъ; 82, бѣлка; 83, ель; 84, сосна; 85, заяцъ; 86, лисица; 87, внутренности сѣвернаго оленя; 88, береза; 89, кошка; 90, коза; 91, озеро и въ немъ рыбы и судно; 92, бобръ; 93, животное, называемое іервь (Ierf) или росомаха; 94, козуля; 95, собака; 96, орнескръ или орнскръ (orneskre ou ornskre), слово испорченное, можетъ быть, означющее змѣиную кожу или выползокъ (la peau ou dérouille d'un serpent) 97, змѣя; 98, лягушка; 99, богъ Нао (Naо); 100, яма чертей; 101, горный духъ; 102, адскій холмъ; 103, смерть; 104, выдра; 105, Люциферъ; 106, Асмодей; 107, тиръ (tyre) или волшебный шаръ; 108, волшебныя стрѣлы; 109, совершилось то, чего хотѣлъ діаволь; 110, не исполнилось того, чего хотѣлъ діаволь; 111, тотъ же діаволь; 112, самый близкій его служитель; 113, адскій котель; 114, привидѣнія; 115, волки-оборотни; 116, адскій воронъ; 117, верховный глава въ собраніи колдуновъ; 118, второй глава того же собранія; 119, третій глава того же собранія; 120, четвертый глава того же собранія; 121, волшебницы, которыя ѣдутъ въ свое собраніе съ дѣтьми съ цѣлью учить послѣднихъ волшебству; 122, мѣсто, гдѣ собираются волшебницы; ихъ верховный господинъ; 123, Дронтеймскій округъ; 124, висѣлица; 125, палачъ; 126, предсѣдатель суда; 127, законъ; 128, двѣнадцать судей; 129, палата, гдѣ судьи совѣщаются; 130, глава судей квартала (le prefect des juges du quart); 131, то, что справедливо; 132, то, что не справедливо; 133, праздникъ Рождества Христова; 134, праздникъ Пасхи; 135, Троицынъ день; 136, праздникъ Богоявленія; 137, день пресвятой Дѣвы Маріи; 138, день солнца; 139, день св. Эрика; 140, день св. Іоанна; 141, день св. Петра; 142, день св. Іакова; 143, день св. Мухаммада; 144, нужно приносить жертвы безъ исключенія; 145, тотъ, который говоритъ правду; 146, тѣ, которые вредятъ землѣ и морю; 147, здоровье; 148, болѣзнь; 149, смертельный ударъ волшебнаго копья; 150, не слѣдуетъ никому приносить жертвъ — ни божеству горъ, ни какому дереву, ни какому камню, ибо этотъ знакъ указываетъ, что то бесполезно и безуспѣшно. Эти объясненія знаковъ заимствованы изъ фран-

цускаго перевода книги Шеффера; въ самой книгѣ эти объясненія не сходятся съ рисункомъ; такъ на рисунокѣ нѣтъ номеровъ: 7, 18, 19, 32, 44, 70, 100, 101, 104, 113, 122, 129, 135, 146; номера: 68, 105, 121, 126, 136, 139 на рисунокѣ поставлены вдвойнѣ; наконецъ, есть знаки не пронумерованные между 30 и 34, между 89 и 110, между 131 и 130. Группу 136—143, вѣроятно, слѣдовало изобразить выше горизонтальной черты.—Бубень В: *a*, Богъ Отецъ; *b*, Иисусъ; *c*, св. Духъ; *d*, св. Иоаннъ; *e*, досадная смерть (*la mort facheuse*); *f*, коза; *g*, бѣлка; *h*, небо; *i*, солнце; *l*, волкъ; *m*, рыба сикъ (*siik*); *n*, дикій буйволъ; *o*, дружба съ дикими оленями; *p*, Анундусъ Екрици (*Anundus Egrici*), которому принадлежалъ бубень, убилъ волка; *q*, дары (*les dons*); *r*, выдра; *s*, дружба Лопарей съ другими; *t*, лебедь; *u*, знакъ, чтобъ узнать въ какомъ состоянїи находятся другіе, и можетъ ли болванъ быть излѣчимъ; *x*, медвѣдь; *y*, свинья; *β*, рыба; *γ*, тотъ, кто уноситъ душу въ адъ. Литеръ *i*, *y*, *γ* у самаго Шеффера на рисунокѣ нѣтъ, а литера *l* поставлена вдвойнѣ.—Бубень С: *a*, Торъ; *b*, его служитель; *c*, Стооръюнкаръ (*Stoorjunkare*); *d*, его служитель; *e*, птицы; *f*, звѣзды; *g*, Иисусъ Христосъ; *h*, апостолы; *i*, мѣдвѣдь; *k*, волкъ; *l*, сѣверный олень; *m*, быкъ; *n*, солнце; *o*, озеро; *p*, лисица; *q*, бѣлка; *r*, змѣя.

Табл. XIII. Ф. 68. Бубень алтайскаго шамана, доставленный г. Ядринцевымъ въ музей Имп. Русск. Геогр. Общества въ Петербургъ, съ внутренней стороны.—Ф. 69. Онъ же съ наружной стороны (стр. 41—44).

Табл. XIV. Ф. 70. Урянхайскій онгонъ Емегель джинъ; войлочный мѣшокъ вывороченъ, чтобъ показать внутри его пришитыя куклы.—Ф. 71. Тотъ же онгонъ снаружи, въ закрытомъ положенїи, какъ онъ обыкновенно виситъ, привязанный къ юрточной рѣшеткѣ (стр. 99).

Табл. XV. Ф. 72. Онгонъ Хукскихъ Урянхайцевъ, называющійся Бурятъ (стр. 102).

Табл. XVI. Ф. 73. Бурятскій онгонъ Хурювшуть (стр. 104).—Ф. 74. Бурятскій онгонъ Мори-ирхи-изи (стр. 107).—Ф. 75. Бурятскій онгонъ Тэнгри-гурба-галдушинъ (стр. 106).

Табл. XVII. Ф. 76. Бурятскій онгонъ Хусай-убюгунъ и Хургинъ-Заринъ (стр. 104).—Ф. 77. Бурятскій онгонъ Нахурай (стр. 105).

Табл. XVIII. Ф. 78. Бубень Черневыхъ Татаръ съ внутренней стороны; по рисунку г. Ядринцева (стр. 44).—Ф. 79. Онгонъ Баргутовъ, живущихъ въ южной Монголіи около города Долонъ-норъ; вывезенъ г. Позднѣвымъ. Онъ называется Гахай-бакши; состоитъ изъ продолговатаго доскутка войлока, представляющаго человѣческое тѣло; нижній конецъ войлока разрѣзанъ на двое; на верхней части пришиты двѣ бисеринки вмѣсто глазъ и намѣченъ ротъ; сверху кукла одѣта шубкою изъ бѣличьей шкурки; на головѣ изъ той же шкурки шапка.—Ф. 80. Алтайскій онгонъ Джакъ, растянутый между безрезками.

Табл. XIX. Ф. 81. Маска шамана Черневыхъ Татаръ, по рисунку г. Ядринцева (стр. 54).—Ф. 82. Орбо или колотушка къ бубну (стр. 48).—Ф. 83. Ящикъ для онгона Усэтевъ (стр. 103).—Ф. 84. Урянхайскій онгонъ, который ставится въ честь Оравъ-Телегея у дверей (стр. 101).—Ф. 85. Урянхайскій онгонъ Ерень (стр. 100).

Табл. XX. Ф. 86. Онгонъ Черневыхъ Татаръ по имени Тюручекъ (стр. 97).—Ф. 87. Алтайскій онгонъ Тюнгурчекъ (стр. 98).—Ф. 88. Бурятскій онгонъ Бурьтынъ (стр. 120).—Ф. 89. Онгонъ Цахиусъ; вѣшается Урянхайцами на Хукъ и Дархатами между изголовьемъ и очагомъ (см. табл. III, ф. 38, подъ знакомъ е и стр. 101, 103 и 122).—Ф. 90. Бурятскій онгонъ, вывезенный г. Позднѣвымъ; состоитъ изъ лоскутка красной шелковой матеріи; у верхняго края желтою краской нарисованы четыре человѣческія фигуры; на груди каждой фигуры укрѣплена жестяная фигурка, изображающая человѣка; къ головамъ, концамъ рукъ и къ ногамъ пришиты кусочки бѣличьей шкурки, должны изображать шапки и отвороты рукавовъ и обуви; надъ каждою шапкой укрѣплено птичье перо.—Ф. 91. Шапка алтайскаго шамана, доставленная въ музей Имп. Р. Геогр. Общества въ Петербургѣ г. Ядринцевымъ; представлена съ наружной стороны; она украшена вертикальными рядами изъ раковинъ каури, перемежающимися съ опушками изъ бѣличьяго мѣха; верхній край усаженъ пучками совиныхъ перьевъ; къ нижнему краю подвѣшены каури.

Табл. XXI. Ф. 92. Бурятскій онгонъ Хоиръ-Хукшюгутъ (стр. 105).—Ф. 93. Бурятскій онгонъ Дэрэнь-изи (стр. 113).—Ф. 94. Бурятскій онгонъ Андо-бара (стр. 113).

Табл. XXII. Ф. 95. Теленгитскій онгонъ Ерень (стр. 97).—Ф. 96. Бурятскій онгонъ Тулашинъ (стр. 107).

Табл. XXIII. Ф. 97. Спинка плаща алтайскаго шамана Энчу (стр. 51), съ фотографіи г. Адрианова.—Ф. 98. Онгонъ косокольскихъ Урянхайцевъ или Хасутовъ (стр. 102).

Табл. XXIV. Ф. 99. Теленгитскій шаманъ Таранъ въ шаманскомъ плащѣ и шаманской шапкѣ спереди; съ фотографіи г. Адрианова.

Табл. XXV. Ф. 100. Овъ же сзади; на спинѣ видны двѣ круглыя мѣдныя бляхи, такъ-называемыя кудзюнго; съ фотографіи г. Адрианова.

Табл. XXVI. Ф. 101 и 102. Замшевыя нагрудники отъ шаманскихъ плащей тунгусскихъ шамановъ, хранящіеся въ музеѣ Имп. Русск. Геогр. Общества въ С.-Петербургѣ. На нагрудникѣ ф. 101 нашиты желѣзныя дугообразныя пластинки, утвержденныхъ горизонтально у верхняго и нижняго краевъ; къ нижней пластинкѣ привѣшено 9 желѣзныхъ подвѣсокъ; непосредственно подъ верхнюю пластинку подшиты три круглыя бляхи, двѣ рядомъ, а третья надъ ними; съ боковъ двѣ человѣческія желѣзныя фигуры; ниже этихъ фигуръ семь желѣзныхъ фигуръ птицъ, представленныхъ сбоку и обращенныхъ головой влѣво; верхняя птица двуглавая. На нагрудникѣ ф. 102 также двѣ пластинки у верх-

ниго и нижняго края; у верхней пластинки средняя часть оттянута внизъ въ видѣ шпоры; между пластинками семь желѣзныхъ фигуръ птицъ, обращенныхъ головами вправо; противъ двухъ верхнихъ птицъ съ боковъ пришиты желѣзныя фигуры, по видимому, изображающія птицъ сверху. Птицы, представленныя сбоку, имѣютъ длинныя шеи, и кажется, должны изображать лебедей.

Рисунки исполнены М. В. Бородиною: фф. 1—62, 64—66, 73, 80, 81, 86—частью съ набросковъ, сдѣланныхъ мною во время путешествія, частью съ набросковъ г. Ядринцева, ф. 63—съ рисунка, сдѣланнаго г. Савельевымъ, ф. 67—съ рисунка, напечатаннаго въ книгѣ Шеффера, фф. 68—77, 79, 82—85, 87—98, 101 и 102—съ оригиналовъ, фф. 99 и 100—съ фотографій.

I.

ПЛЕМЕНА И ПОКОЛѢНІЯ, НАСЕЛЯЮЩІЯ СѢВЕРО-ЗАПАДНУЮ МОНГОЛІЮ.

I.

Тюрки.

1. Тюркское племя русскаго Алтая.

Тюркское племя русскаго Алтая не имѣетъ общаго имени, однако различаетъ въ своей средѣ три отдѣленія: Алтай, Теленгитъ и Тоёлесъ. Первое отдѣленіе кочуетъ по лѣвому берегу р. Батуни, второе — по р. Чуѣ, третье — по Чулышману и Башкаусу ¹⁾. По языку они мало различаются и составляютъ одинъ народъ; кромѣ этого дѣленія, существуетъ другое на сеоки (кости) или поколѣнія; сами Алтайцы кажется насчитываютъ ихъ 24 ²⁾;

¹⁾ Г. Радловъ дѣлитъ всѣхъ Тюрковъ по языку на 4 группы: I) Восточные Тюрки, II) Западные Тюрки (Киргизы, Кара-Киргизы, Сибирскіе или Иртышскіе Татары, Башкиры и Волжскіе Татары), III) Средне-азиатскіе Тюрки (осѣдлые Турки Восточнаго и Западнаго Туркестана), и IV) южные (Туркмены, Турки Азербиджанскіе, Кавказскіе, Анатолійскіе, Крымскіе и Турки Балканскаго полуострова). Якуты и Чуваши представляютъ собою чуждую струю, влившуюся въ турецкое море. Алтайскія племена принадлежатъ къ группѣ восточныхъ Тюрковъ, которая разбивается на 8 языковъ: 1) южно-алтайскій 2) барабинскій, 3) сѣверно-алтайскій (Лебедянскіе Татары, куда относятся Куманда и Черпевые Татары, называющіе себя Туба и Шоры), 4) языкъ Абаканскихъ Татаръ, 5) Куарыгъ или языкъ Чулымскихъ Татаръ, 6) языкъ Саянцевъ или Урянхайцевъ, 7) языкъ Карагассовъ и 8) языкъ Уйгуровъ — мертвый, оставшійся только въ письменныхъ памятникахъ). Въ южно-алтайскомъ языкѣ г. Радловъ различаетъ два нарѣчія: собственно алтайское и телеутское.

²⁾ См. *Erman's Archiv*, В. XXI, стр. 281.

вѣроятно, это— цифра мистическая, а не дѣйствительная. Сеокн въ Алтаѣ живутъ смѣшанно, а не такъ какъ у Киргизъ, у которыхъ каждый родъ кочуетъ, не разбиваясь, вмѣстѣ; въ Алтаѣ въ одномъ и томъ же ущельѣ можно встрѣтить и Мундуса, и Кипчака, и Тоѣлеса. Названія сеоковъ у трехъ отдѣленій— у Алтайцевъ, Теленгитовъ и Тоѣлесовъ, почти одни и тѣ же. Ниже я привожу имена сеоковъ, записанныя мною у Алтайцевъ на лѣвомъ берегу Катунн и у Теленгитовъ на Чуѣ; тѣ имена, у которыхъ стоитъ знакъ †, найдены мною какъ у Алтайцевъ, такъ и у Теленгитовъ; имена безъ знака записаны только въ алтайскихъ стойбищахъ.

Вотъ эти имена сеоковъ: † Сары Тоѣлесъ, † Кара-Тоѣлесъ, † Сагалъ (Sahal), † Иркытъ; по показанію Алтайца Туйбаса, этотъ сеокъ дѣлится на три вѣтви: Кара-Иркытъ (черные Иркыты), Шира-Иркытъ (желтые?) и Кальджанъ-Иркытъ (голодные?), Тумать, † Ойродъ, † Кыпчакъ (Кыпчаки и Иркыты самые многолюдные сеокн), Сартъ, Кара-Сойонъ, Сары-Сойонъ, † Мундусъ (у Алтайцевъ эта кость дѣлится на двѣ вѣтви: Чулумъ-мундусъ и Коткоръ-мундусъ), Меркитъ (этой кости много также между Телеутами въ Бачатской степи; этихъ послѣднихъ нужно отдѣлять, по крайней мѣрѣ по языку, отъ тройственной группы Алтайцевъ, Тоѣлесовъ и Теленгитовъ, не смотря на то, что Телеуты сами себя называютъ, какъ и послѣдніе, Теленгитами); Мереть, Пуруть (произносятся также Пруть), Ногой (произносятся также Нохой, Ноой), † Кара-алмать, Сары-Алмать, Модоръ (о послѣднихъ говорятъ, что они немного отличаются своимъ нарѣчіемъ), Юлюбъ (живутъ на р. Наймѣ), † Кергиль, Торо (исключительно встрѣчается у Телеутовъ), † Тонгжанъ (произносятся также Тонгжуанъ; многолюдный сеокъ), † Коболу, Манджи, Майманъ или Найманъ (состоящій изъ двухъ вѣтвей: Кара-Майманъ и Когӧль-Майманъ), Тотошъ (Кара-тотошъ и Кятать-тотошъ), Паланъ, Чапты, Тонгокъ (послѣдніе три на р. Инѣ).

О нѣкоторыхъ изъ этихъ костей существуютъ прісказки и легенды.

Прісказка о Меркитахъ:

меркіт меркіт пеш меркіт
пежілезі піи меркіт

или:

пежілезі ялагалу меркіт

То-есть: Меркиты, Меркиты, пять Меркитовъ! и всѣ пять бѣн (князья).

О Меретахъ:

мерет мереть пеш мереть
пежілезі куд мерет

То-есть: Мереты, Мереты, пять Меретовъ! и всѣ пять рабы!

Присказка о Мундусахъ:

мус пурчактан; ярыган
музыган кааннимъ јсені

То-есть: рожденный (или сотворенный) изъ градины (буквально изъ ледяной горошины) потомокъ (собственно племянникъ) Музыган-кана.

Эта присказка объясняется слѣдующею легендой ¹⁾: Была дѣвица, убѣжавшая отъ военного разоренія, шаталась голодная по лѣсу и по горамъ; черезъ нѣсколько дней нашла аилъ, пришла беременная. Спрашиваютъ ее: Мужа не имѣешь, какъ стала беременною? Она разказала: Когда я сидѣла въ пустомъ мѣстѣ, шелъ великій градъ; одну градинку разбила и въ срединѣ ея нашла два пшеничныя зерна; рада была и этой пищѣ; съѣла зерна и съ того времени забеременѣла. Разрѣшившись, дѣвица родила двойниковъ; потомъ, вышедши за мужъ, отъ законнаго мужа родила еще третьяго. Всѣмъ тремъ сначала именъ не было. Отецъ раздѣлилъ между ними труды: одному велѣлъ овецъ пасти, другому верблюдовъ, третьему таскать воду и дрова для отца. Когда дѣти пришли въ полный возрастъ, наступило время дѣлить наслѣдство; сначала дѣлили овецъ на четыре части (въ томъ числѣ отцу часть); по счету одинъ баранъ съ рогами оказался лишнимъ. Братья начали спорить: кому лишній баранъ? Двое братьевъ совѣтуютъ: убить и артелью съѣсть, а третій, который пасъ овецъ, говорить: Я пасъ овецъ; лишній мнѣ слѣдуетъ.—Поймалъ пастухъ барана за рога, а братья ухватили барана за туловище, тащили, тащили, пастухъ и оторвалъ у барана рога. Отецъ далъ ему за это имя:

кочкор мюзин кодоро тарткан
котеор — мундус ползын

¹⁾ Эта легенда сообщена мнѣ о. Михаиломъ Чивалковымъ.

То-есть: тащившій за бараны рога будь же коткорь-мундусомъ ¹⁾. Потомъ стали дѣлить верблюдовъ; одинъ верблюдъ оказался лишній. Братъ, пасшій верблюдовъ, сказалъ: Братъ, пасшій овецъ, взялъ лишняго барана; поэтому лишній верблюдъ долженъ быть мой. Отецъ за эти слова далъ ему имя:

тюз артыгын алган тоёлес болзын

То-есть: лишняго верблюда взявшій будь тоёлесъ ²⁾. Третій сынъ, жившій у отца, получилъ имя Чулумъ-мундусъ.

Есть о Мундусахъ еще другая присказка:

мундус мундус мунг алу
пука юулун уй болбос
мундус юулун ель болбос
уйди сюзегенъ
юттій юреген
аттій тебеген
аюдій тудатан.

То-есть: Мундусы, мундусы! тысяча дураковъ.

Отъ сборища быковъ телятъ еще не будетъ—

Сборище Мундусовъ народа не составятъ.

(Ты) какъ бодливая корова,
Какъ собака, охотно лающая,
Какъ лежащаяся лошадь,
Какъ рвущій медвѣдь!

Кергилей дразнятъ:

кергиль кергиль керъ тас
кедегезы курту тас
атка мінзе пекон тас
(атка мінзе чабагын тас)
анга кырзе кобчі тас
аракы ічсэ чалчык тас
ором была чича тан
ойтук пыла сіе-тан

То-есть: Кергиль, кергиль, гнѣдой плѣшивецъ! съ червивою ко-сою плѣшивецъ! на лошадь сядешь — горбатый плѣшивецъ! (Или: на лошадь сядешь — скачущій плѣшивецъ!) въ юрту войдешь —

¹⁾ По смыслу этого толкованія выходитъ, что приставка коткорь происходитъ отъ глагола водоро, тащить.

²⁾ Отъ тоё, верблюдъ.

клеветникъ плѣшивецъ! вина выпьешь — драчунъ, вѣзбаломошный
плѣшивецъ! на улицѣ — засеря, въ ложку — зассыха.

Кипчаковъ дразнятъ:

кыпчак кыпчак кырган
кызын беріп тірілген
аланчѣктан астыгып
алты тѣлге теніген
теельгенды кыштөдип
айгыр салган кыпчактар
кутчѣяеты чѣктадып
кулун салган кыпчактар

То-есть: Кипчаки, Кипчаки! истребленные! Отдавъ дочь, ожив-
шіе, отъ аланчика отставъ, шесть лѣтъ шатавшіеся! Кипчаки, при-
нимавшіе за жеребца коршуна, принуждая его ржать! Кипчаки,
принимавшіе (или имѣвшіе) за жеребенка чирикающую птичку.

Присказка объясняется преданіемъ, что однажды всѣ Кипчаки
вымерли отъ исю уру (горячки); остался одинъ Мамытъ съ сестрой;
онъ шесть лѣтъ шлялся по свѣту, никто за него не пошелъ за
мужъ; онъ и женился на своей сестрѣ.

О Кипчакахъ же разказываютъ, что они народъ острый, на
все способный: „корон сары јлланым ѓзѓгінемъ ¹⁾ чыкан шулмус
кыпчак“, то-есть: изъ утробы ядовитой желтой змѣи вышедшій
чертъ Кипчакъ!

Еще присказка о Кипчакахъ:

іде баса ідін алган
іде баса кельдын алган
комурга архыт ту
водок пычкылу
дейлеген айгырлу
сааскан белю
кычакту кыпчак

Переводъ на мѣстѣ не удалось сдѣлать.

Четвертая присказка о Кипчакахъ же:

кыпчак кыпчак кыльган
кызын алып тірілген

¹⁾ Звукъ *м*, напечатанный курсивомъ, мы ставимъ тамъ, гдѣ въ татар-
скомъ стоитъ такъ-называемый сагыръ-нуъ, то-есть, гдѣ онъ произносится
въ носъ, какъ напримѣръ, въ алтайскомъ тенірѣ, небо; гдѣ же онъ напеча-
танъ обыкновеннымъ шрифтомъ, слѣдуетъ произносить, какъ въ монголь-
скомъ тенгри, небо.

кеніне болуп кельдын алган
кызылна болуп кызын алган

То-есть: Кипчакъ, Кипчакъ! умерь, а взявъ дѣвицу, ожилъ;
красивую сноху взялъ, красную дѣвицу взялъ!

Одинъ Алтаецъ (Почѣкъ въ Ангудаѣ) сообщилъ мнѣ, что Кипчакъ было два брата: Кодончи-кыпчакъ былъ старшій братъ и Ялчи-кыпчакъ младшій; оба брата приносили жертву богу и народному собранію (гостямъ) мяса не дали; старшій братъ взялъ себѣ картà (заднее мѣсто), за это Кодончи (кодон—задница), младшій гриву, за это Ялчи (ялъ—грива по алтайски).

Присказка о Торо:

торо торо тортеткен
тогушту уи юркеткен
агаш казык айланган
ады юркуп малтаган
тогус аяк коче ичиб
тойбогон ит торо

То-есть: звякнувшій (торкнувшій) Торо, Торо! коровы ¹⁾ испугался! ²⁾ деревянный колъ завертѣлся, испуганная лошадь побѣжала! девять чашекъ коджи ³⁾ выпилъ, ненасытная собака Торо!

О Тонгжуанахъ:

тонгжуан тонгжуан тортеткен
тогуз аяк кочже ічкен
тоинбаган ит тонгжуан

То-есть: звякнувшій Тонгжуанъ! девять чашекъ коджи выпившій, ненасытная собака, Тонгжуанъ.

Объ Иркытахъ:

иркыт, иркыт,
иринду тут азыкту
зыра јазын тартып албас
јаман адын миніп албас
јаман катын уредіп албас.

То-есть: Иркытъ! съ запасомъ гноящихся ногъ, не могущій

¹⁾ Слова тогушту о. Мих. Чивалковъ, переводившій мнѣ эти присказки, не знаетъ. Уй можно переводить и изба, и корова.

²⁾ Юркенп — дѣломъ стали волосы.

³⁾ Кашица или родъ супа (изъ муки и сыра).

натянуть лука Зыра ¹⁾, не могущій сѣсть на худую лошадь и выучить худую жену ²⁾.

Кость Иркыть происходитъ отъ дерева ргай (Cotoneaster). Говорятъ о нихъ: ргай чедрек. Другіе говорятъ: у Иркытовъ отецъ— ргай, мать—береза; поэтому Иркыты жарятъ шашлыкъ на березовыхъ прутьяхъ. Часто приходится замѣчать, что нѣкоторыя кости спариваются, напримѣръ Джабакъ-Кобокъ, Иркыть-Сойонъ; это объясняется по отношенію къ послѣднимъ преданіемъ, что Иркыть и Союнъ были два брата, у которыхъ отецъ былъ ргай, мать—береза.

О Союнахъ поговорка:

сойон кіжіде ук јок
корбо талда кок јок

То-есть: у союнскихъ людей роду нѣтъ, у сухого тала золы нѣтъ.

Кости Кобокъ и Джабакъ также, какъ и Иркыть-сойонъ, произошли отъ двухъ братьевъ — Кобогоша и Джабагаша, какъ сообщалъ мнѣ Теленгитъ Буунчукъ. Ябакъ или Джабакъ былъ прежде человѣкъ, который осѣдлалъ пѣгую лошадь и поѣхалъ на той (свадьбу); но когда пріѣхалъ, все уже было съѣдено и выпито; Джабакъ услышалъ, что въ сосѣдствѣ есть другой той, поѣхалъ туда и тамъ ничего не засталъ, тогда ему сказали, что въ одномъ мѣстѣ три брата устраиваютъ праздникъ; Джабакъ поѣхалъ туда, но и тамъ нашелъ только пьяныхъ людей. Поэтому его и прозвали: калъджан алаайгырту джабак, то-есть: Джабакъ на голодномъ пѣгомъ жеребцѣ. Этотъ послѣдній разказъ сообщилъ мнѣ камъ Таранъ кости Алматъ на Чуѣ.

Присказка о Джабакахъ:

айгырмын кочво јитпес
ябындаган явак
кочуб юртма јитпес яман явак
лундашеван явак
торбок той јтпес яман явак.

О Джеты-Сару:

јеті сару ууј
кечуунны уусыи боктобе
кенг јолны ачп пер
кердыи уусыи тартпа

¹⁾ Зыра—жердь по алтайски; но тутъ кажется собственное имя лука; у мифологическихъ героевъ луки и стрѣлы носили имена.

²⁾ Записано отъ Туйбаса, Алтайца кости Иркыть на р. Песчаной.

То-есть: Джетн-сару молодець! бродь не загораживай, широкую до-рогу давай, не тяни ротъ гнѣдого.

О Кара-пыратахъ (произносятъ иногда Кара-братъ):

кату темір төдөгөзі
кара агаштам өзөгінем чыбан
кара пыратъ

То-есть: отъ породы чернаго желѣза, изъ утробы чернаго де-рева вышедшіе Кара-пыраты.

Көгөль-Майманъ и Кара-Майманъ были два брата; Кара-Май-манъ былъ старшій, Көгөль младшій.

Присказка о Көгөль-майманахъ:

көгөль майман
сас јечін таштаган
как јерге конгон

То-есть: Көгөль-майманъ, болотистые мѣста оставившій, въ сухомъ мѣстѣ ночующій.

Присказка о Кара-майманахъ:

карат терезі пөрүктү
кажат пазын јуртаган кара майман
кумуль чамалдым паажын кезе јуртаган
курмөлгөндү кур майман
кузь јакшы товийди
јуртына таштаган ит майман.

То-есть въ шапкѣ изъ шкуры караба (лестреба), обитающій на горной вершинѣ ¹⁾ Кара-найманъ! обитающій урочище Кумуль-Ча-малъ ²⁾ Майманъ, хорошаго зятя бросившій собака—Майманъ.

Кость Манджи дѣлится на двѣ: Кара-манджи и Тоторъ-манджи; Тоторъ былъ старшій братъ. Отецъ ихъ былъ Талай-малай; отецъ Талая и Малая Пала-муусъ. Это сообщилъ мнѣ Пöchкь, крещенный Алтаецъ въ Ангудаѣ. По другому его же показанію, вѣтви Манджи называются Китатъ-манджи и Тоторъ-манджи.

Тонгжуанъ, родоначальникъ Тонгжуановъ, былъ младшій изъ девяти братьевъ.

Ногой родился въ то время, какъ гремѣлъ громъ и съ неба упала нокто (оборотъ или недоуздокъ); потому ему и имя дали Ногой

¹⁾ Кажат баш—отдѣльная близъ рѣки горная вершина.

²⁾ Чемалъ, рѣка, впадающая въ Катунь справа выше Бійска и мис-сіонерскаго селенія Улалы; урочище Кумуль мнѣ неизвѣстно.

Настоящее имя Тоелесовъ — Джиты тасъ (жетн тас), то-есть, семь плѣшивыхъ. Когда дѣлили сеоки (восты), то-есть когда Алтайскій народъ дѣлился на сеоки, семь братьевъ, имѣвшихъ лысины на головѣ, не получили кости (сеока). Ихъ и прозвали „семь плѣшивцевъ“^а. Присказка о Тоёлёсахъ:

тоёлёс, тоёлёс тынг тырюлген
тымысоко сайлган

То-есть: Тоёлёсъ, Тоёлёсъ, съ коня упалъ, въ пню приткнулся.

На вопросъ о. Михаила Чивалкова, откуда взялось названіе Телеметъ, одинъ Алтаецъ сказалъ ему, что есть старинное выраженіе: телегейдымъ телимъ кыз, аннамъ туулган уулдымъ ады теленгет, то-есть: отъ дикой¹⁾ дочери Телегея родился сынъ по имени Теленгитъ. О Теленгетахъ Алтайцы также выражаются: ала кайнамакъ кобъ Телемет, то-есть, Теленгетовъ больше, чѣмъ пѣгой березы. Есть еще старинное выраженіе: алтон тумен телемыт, то-есть: шестьдесятъ туменей Теленгитовъ; а такъ какъ каждый тумень равняется десяти тысячамъ, „слѣдовательно“ — насчитываютъ сами Телеуты — „народъ простирался до 600,000 душъ“.

Кара-тоёлёсъ, живущіе на урочищѣ Пеле, на восточномъ берегу Телецкаго озера, считаютъ своимъ предкомъ медвѣдя.

Куманда, народецъ, обитающій по р. Біѣ, раздѣляется на верхнихъ: ѳрегу Куманды и нижнихъ: тѳмѳнги Куманды; они произошли отъ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ поселился вверху, другой внизу. Третье отдѣленіе Кумандинцевъ называется Тоонъ, во множ. ч. Тоондоръ; Кумандинцы говорятъ: это съ боку пришедшіе; другіе говорятъ, что они помѣсь, метисы. Сами Тооны говорятъ: предки наши вышли изъ пня. Это сообщилъ мнѣ о. Мих. Чивалковъ.

Люди одного поколѣнія у Алтайцевъ считаются родственниками; Тотощъ, встрѣтивъ Тотоша, старше себя лѣтами или хоть днемъ, называетъ его дядей, абагай²⁾; младшаго возраста соплеменника онъ назоветъ ачимъ, племянникъ³⁾; женщину Тотошку старше годами теме, тетва, старуху абѳнеш, бабушка, дѣвочку сійнымъ (младшая сестра) или едем (старшая сестра).

¹⁾ Телимзек — полоумный.

²⁾ Дядя по отцу абагай, по матери тай.

³⁾ Племянникъ съ отцовской стороны ачим, съ материнной дегным.

Одинъ старикъ на р. Чулышманѣ передавалъ о. архимандриту Владиміру (начальнику Алтайской миссіи), что Чулышманскіе Теленгиты пришли сюда послѣ того уже, какъ въ этой странѣ смѣнились послѣдовательно одинъ послѣ другого нѣсколько народовъ; прежде тутъ жили Киргизы, потомъ Китайцы, потомъ Хотоны, но ушли—одни по недостатку лѣса, другіе—хлѣбопахатныхъ мѣстъ, Хотоны—кажется потому, что нѣтъ мѣста для разведенія верблюдовъ. Тогда эти мѣста заняли Теленгиты, вышедшіе изъ страны Конграй, которую разказчикъ указывалъ на сѣверо-востокъ отъ Телецкаго озера ¹⁾.

2. Урянхайцы.

Предѣлы обитанія Урянхайцевъ, то-есть, ихъ южную границу, я обозначилъ въ Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи, II, стр. 8. Здѣсь сообщу новыя свѣдѣнія объ административно-племенномъ раздѣленіи этого народа. Урянхайскимъ народомъ управляютъ пять князей, которые называются огурта ²⁾. Одинъ изъ нихъ считается старше другихъ, называется амбанемъ, и кажется, остальные князья подчинены ему. Этотъ амбанъ живетъ на р. Самгалтаѣ, на южномъ склонѣ Танну-олы, и имѣетъ свой хошунъ, какъ и другіе князья. Всѣ хошунны, за исключеніемъ одного кемчикскаго, состоятъ изъ четырехъ сумыновъ, изъ которыхъ одинъ считается княжескимъ; по имени его и весь хошунъ называется; то же имя обыкновенно приставляется и къ слову огурта. Такъ, амбаневскій хошунъ состоитъ изъ сумыновъ: Уинъ, Сойонъ, Иргитъ и Джоту; Уинъ считается княжескимъ сумыномъ, по нему и весь хошунъ называется Уинъ и самъ амбанъ иногда называется Уинъ-огурта. Уиновъ мы много встрѣчали на Елегесѣ близъ заимки купца Веселкова; всѣ Урянхайцы, пріѣзжавшіе на заимку, были Уины.

¹⁾ См. ниже мѣсто, гдѣ приводится показаніе шамана на р. Чуѣ Тарана, что р. Абаканъ впадаетъ въ Конграй; слѣдовательно, Конграй есть Енисей. О. Чивалковъ сообщилъ мнѣ, что Телеуты увѣряютъ, будто кромя Алтай Бійскаго округа, есть еще другой Алтай, больше этого, который называется Кунграй-Сагай. Туда изъ Алтая ѣздятъ торговать (это по виду-мону Сагайская степь).

²⁾ Это слово въ разныхъ мѣстахъ Урянхайской земли произносится различно: огурта, огурда, гурта.

Вся долина Кемчика занята самымъ большимъ урянхайскимъ хошуномъ Бадзырь-огурды; въ немъ считаютъ 10 сумыновъ: два Мангыш'а (Хара-мангышъ, и вѣроятно, Акъ или Сары мангышъ), два Ховалык'а, Андаръ, Сая, Хомышчи, Ирхитъ и два Арджаг'а.

По р. Бурену, на озерной степи къ западу отъ нея и по рр. Джвбею и Дзайгылу, а также на оз. Терьхулѣ и вершинахъ рр. Тариса и Термиса лежитъ хошунъ Сальджагъ-огурды; въ немъ четыре сумына: Сальджагъ, Киргисъ, Холь, Байгара. Сальджаки сидятъ по Бурену и Джвбею, Киргизы—на Дзайгылѣ и Иртышѣ, Байгара—на правомъ берегу Хуакема, люди сумына Холь—вокругъ озера Терьхоль, по которому они и называются „озерными“¹⁾; Монголы этотъ сумынь также зовутъ озернымъ: Нуръ-сумынь. Заподозривъ въ этомъ имени искусственно-административное названіе, я, когда прибылъ на озеро, спросилъ у тамошняго дзянги, изъ какихъ костей состоитъ сумынь, и онъ мнѣ назвалъ опять четыре: Балыкчи, Хэрдэбъ или Хердыгытъ, Иргитъ и Хускунъ. Но едва ли этими четырьмя костями или сеоками ограничивается составъ озернаго сумына; число четыре, по видимому, является какъ число административныхъ участковъ, дѣйствительно существующихъ или идеальныхъ. На озерѣ же я узналъ, что кость Иргитъ раздѣляется на двѣ вѣтви: Хара-иргитъ и Сары-иргитъ, на Тарисѣ же и Термисѣ, гдѣ живутъ также Хольсумынскіе Урянхайцы, мнѣ назвали кости: Мингытъ, Монгошъ, Союнъ, Хирейдъ, Хередякъ. Хередяковъ зовутъ также Чердэбъ; ихъ всего 5 дымовъ, и они не подчинены Сальджагъ-огурдѣ, а платятъ „албу“ хотогойтскому То-гуну.

Вѣроятно, и Сальджаки, и Унны, и всѣ остальные сумыны также составлены изъ многихъ костей, но почему-то неохотно сообщаютъ ихъ названія. Присказокъ, подобныхъ алтайскимъ, у Урянхайцевъ я не узналъ. Разказали мнѣ только, что надъ костью Балыкчи смѣются, что она происходитъ отъ рыбы; надъ костью Кускунъ или Хоскунъ—что она происходитъ отъ херьхенъ (небольшая сова?); говорятъ Хоскуну: угун эбугун сень херьхен! то-есть: твой родоначальникъ херьхенъ! Хэрдяковъ ведутъ отъ каменнаго возла, техе или те (*Aegocerus sibiricus*).

На Бейкемѣ лежитъ четвертый хошунъ, хошунъ Точжи-огурды,

¹⁾ Холь, значитъ озеро.

состоящій изъ четырехъ сумыновъ: Точжи, Хара-джоту, Акъ-джоту и Хонкь.

Пятый хошунъ, не подвѣдомственный Уинъ-огуртѣ, находится на сѣверныхъ берегахъ озера Косогола и состоитъ также изъ четырехъ сумыновъ: Хасутъ, Калиучинъ, Хердэкъ и Мундэй (по другому показанію: Хасутъ, Ирхитъ, Шеръхиттынъ и Хуреклыгъ). По первому изъ этихъ показаній и весь хошунъ зовутъ хасутскимъ; нойонскимъ то-есть, княжескимъ сумыномъ мнѣ назвали Калиучинъ, а не Хасутъ, тутъ разногласіе съ приведенными выше примѣрами соименности хошуна съ княземъ произошло вѣроятно оттого, что нынѣшній да-ноинъ назначенъ начальствомъ, а не по наслѣдству вступилъ въ управленіе; это едва ли не нововведеніе въ этомъ краѣ. Вѣроятно, прежніе огурды принадлежали къ сумыну Хасутъ, и только нынѣшній, не по обычаю сдѣланшійся правителемъ народа, вышелъ изъ кости Калиучинъ. Косогольскіе Урянхайцы называютъ себя Туфѣ или Туха. Они платятъ подати (алба) въ Уляссутай; а Уинъ-огурдѣ обязаны барщиной изъ трехъ въ годъ человекъ, которые и отправляются изъ хошуна на Самгылтай, а черезъ три года смѣняются. Косогольцы предлагали было князю исполнять барщину на ихъ родинѣ, но князь не согласился.

Кромѣ этихъ сумыновъ, есть еще Урянхайцы, не подчиненные огуртамъ. Такъ, на Улу Хемѣ, именно въ долинѣ р. Аръ-Торхолика, находится небольшой хошунъ Тулюшъ, который подчиненъ халхасскому князю Ша-бэйсы (Ша-бейзи, по выговору Урянхайцевъ), имѣющему ставку на Орхонѣ; они управляются талыномъ, присылаемымъ отъ Ша-бэйсы. Въ этомъ хошунѣ мнѣ называли кости: Тулюшъ, Кыргызъ, Туматъ. Другой такой отрывокъ Урянхайскаго народа, независимый отъ огурта-князей, обитаетъ въ долинѣ р. Хука; они подчинены хотогойтскому Биширлты-вану и управляются дзайсаномъ; ихъ курень находится на р. Борголтай; въ хошунѣ считается три кости: Джоклу, Зотъ и Ельджигенъ. По собственному ихъ показанію, они платятъ присылаемому отъ Штырвана тамглу, въ лѣтнемъ среднемъ мѣсяцѣ такъ-называемый сог-годыкъ, состоящій изъ кобылъ, соболей и рысей; зимой же съ нихъ собирается шусэнъ, который идетъ въ пользу тамгла. На Терхулѣ же объ нихъ говорятъ, что они платятъ Биширлтывану 9 бѣлыхъ (цаган юсун) лошадей и одного бѣлаго верблюда съ

серебрянымъ буйлемъ. Самѣ себя хукскіе Урянхайцы называютъ Туфа или Туха; слово урянхай произносятъ урангай. Одѣваются по-монгольски; женщины носятъ болты, но узкія, какъ Мингытѣн на р. Кобдо, такъ что отверстіе на темени большое; по бокамъ есть височные полукруглыя придатки (см. табл. I, фиг. 29). Волосы убираются по халхасски и склеиваются въ пластины; мѣшочки, въ которые прячутся концы косъ, называются „шибергыль“. Сверхъ шубы, женщины надѣваютъ черную кофту „аджи“; у нея разрѣзъ на груди противъ горла убранъ поперечными серебряными пластинками и кораллами. Буфы на плечахъ называются тютюгуръ.

Мы уже упомянули третьяго не урянхайскаго князя, имѣющаго данниковъ въ Урянхайскомъ народѣ: это хотогойтскій то-гунъ. Можно было бы думать, что въ отличіе отъ этихъ Урянхайцевъ, платящихъ дань хотогойтскимъ и халхасскимъ князьямъ, остальныхъ, подчиненныхъ огуртаемъ, называютъ Огуртенъ-урянхай, Ухуртенъ-урянхай или Ухыръ-урянхай. Дѣйствительно, по выѣздѣ въ Дархатскую землю, я услышалъ выраженіе, что за хребтомъ, лежащимъ въ вершинахъ Тариса и Тармиса, живутъ Ухуртенъ-урянхайцы. Но названіе Ухуртенъ-урянхай Дархаты придаютъ и хукскимъ Урянхайцамъ какъ бы въ отличіе отъ Хасутовъ; здѣсь даже и долина, на которой ихъ больше всего скопляется, называется Ухуртенъ-голь.

Кромѣ перечисленныхъ костей, мнѣ еще упоминали двѣ: Маты и Тонгогъ, безъ указанія ихъ мѣста жительства.

Дархаты зовутъ языкъ Урянхайцевъ уйгурскимъ; уйгуръ кельтей улусъ, то-есть, народъ уйгурскаго языка; такъ Дархаты выражаются объ Урянхайцахъ; вотъ гдѣ, вѣроятно, причина, почему П. А. Гельмерсенъ, бывшій на Косоголѣ до насъ, своему небольшому собранію хасутскихъ словъ далъ ¹⁾ названіе словаря уйгурскаго языка.

3. Киргизы.

Возвращаясь изъ поѣздки 1880 года, я заѣхалъ въ Баянъ-аулскій округъ Семипалатинской области, гдѣ провелъ недѣлю

¹⁾ См. Табл. I, фиг. 29.

въ аулѣ Мусы Чермановича Черманова. Г. Чермановъ обязательно предложилъ мнѣ воспользоваться бумагами, которыя были приготовлены имъ для покойнаго Чокана Валиханова, приходившагося г. Черманову племянникомъ. Эти бумаги содержатъ родословныя записи нѣкоторыхъ киргизскихъ родовъ, которыя я и привожу здѣсь съ дозволенія г. Черманова.

Предокъ всего Киргизскаго народа былъ Котанъ; онъ имѣлъ трехъ сыновей—Акъ-джоль, Альчинъ и Юсунъ. Отъ Акъ-джола произошла Средняя орда, отъ Альчина—Малая и отъ Юсуна—Большая.

У Юсуна два сына: Таракъ и Абакъ. О дѣтяхъ Тарака свѣдѣній въ бумагахъ г. Черманова нѣтъ. У Абака значитъ три сына: Адбанъ, Суанъ и Дулатъ. У Адбана было пять сыновей, но внесены въ записъ только два: Сары и Чэбилъ. У Сары два сына, Альджанъ и Сегизъ-Сары. У Чэбиля дѣти: Айтъ, Бузымъ, Кастыкъ, Кызыль-боркъ, Конуръ; у Кызыль-борка сынъ Бай-теке, у Бай-теке Атамкулъ. У второго сына Абакова Суана два сына—Бай-тыкей и Тогурасланъ. У третьяго сына Абакова Дулата: Боти пай, Чпырь, Каскарау и Чапрашты.

У Акъ-Джола было восемь сыновей: Кипчакъ, тамга—арабска " буква „алипъ“ (см. табл. I, ф. 1); Аргынъ, тамга—глаза, „кузь, (ф. 2); Найманъ, тамга—восяки, „босага“ (ф. 3); Конгратъ, Кирей, тамга—лоза, „чиликъ“ (ф. 4); Уакъ, тамга—подпорка для войлока прикрывающаго верхнее отверстие юрты, „баканъ“ (ф. 5); Таракты: тамга—гребень, „таракъ“ (ф. 6); Тюлюнгуть, тамга—пика, „найза“. Первые четыре сына: Кипчакъ, Аргынъ, Найманъ и Конгратъ происходятъ отъ законной жены Акъ-джола; другіе четыре: Кирей (у него было пять сыновей: Абакты, Курсары, Аксары, Иманалы и Нуралы), Уакъ, Таракты и Тюлюнгуть—отъ незаконной, а потому они должны были служить первымъ четыремъ своимъ братьямъ. Одинъ мель юрту—оттого у него и тамга лоза, другого обязанность была ставить юрту, за что получилъ тамгу подпорку, третій чистилъ лошадей, поэтому тамга—гребень, а четвертый пасъ лошадей съ никой въ ружь, поэтому и тамга у него—пика.

У Аргына шесть сыновей: Мйрямъ-софы, Кара-софы, Сары-софы, Акъ-софы, Надыръ-софы, Темиръ-софы.

У Кара-софы сынъ Караулъ, у Караула сыновья: Джаксылыкъ, Кылды, Ногай, Яллубай (эти четыре вмѣстѣ называются Тёртъ-

ата, то-есть четыре отца; общіе ихъ потомки кочуютъ около Омска), Атка, Джауаръ, Мѣнтукъ, Сары.

У Кендже-софы сынъ Атагай. У Атагая всего было 12 сыновей, но въ записи находятся только слѣдующіе: Кудай-берды, Банимбетъ, Майлибалта, Багысъ, Бабасанъ, Боба и Даудъ.

У Сары-софы сынъ Васентинъ. У Васентинна два сына: Катъсъ и Кокчукузь. У Катъса три сына: Мандай, Банимбетъ, Бюрё. У Банимбета 9 сыновей: Бука, Чокай, Губюръ, Коянбай, Джаманай, Кочень, Чорёкъ, Танатаръ, Бэсень. У Джаманая: Коджагуль, Козыбакъ, Козгакъ, Койсары, Ырскуль (произносятъ также Рыскуль), Ноурузбай, Джанай. У Ырскула три сына: Чакабай, Бёкобай и Карабатырь. У Чакабал: Тоймасъ и Джандосъ. У Тоймаса: Ай-досъ, Сердынъ-годжа и Избасъ; у Джандоса: Ельчибай, Сальджибай, Тэнесъ, Сабыръ, Бакыръ, Алэ, Османъ, Омаръ. У Бёкобай: Чока, Байеушукъ, Сарджанъ, Бай-габыль. У Чока: Досканъ, Кондубай и Джанысъ у Джаныса: Утёмьсъ; у Утёмьса Муса; у Мусы Баймамбетъ и Абдрахимъ ¹⁾.

У Акъ-Софы сынъ Тобуклы, у Надырь-софы сынъ Шаръ-джатимъ и у Темиръ-софы сынъ Шакшакъ.

У Мійрямъ-софы четыре сына: Шубуртъ-балы (малочисленное поколѣніе, не болѣе 500 кибитокъ), Кара-кисекъ (Булатъ-ходжа), Куандыкъ и Сююндукъ (послѣдніе два отъ одной матери, старшей жены Мійряма).

¹⁾ Послѣдніе два, можетъ быть,—наши современники; вѣроятно, и Муса, носящій мусульманское имя, также или живущее лицо, или покойникъ, но память о которомъ еще жива. Можетъ быть, и Утёмьсъ—лицо недавно жившее. Родословныя киргизскія обыкновенно состоятъ изъ двухъ источниковъ: изъ народнаго преданія о предкахъ, изъ котораго составляется начало родословной нисходящимъ путемъ, и изъ памяти живущихъ людей о ихъ умершихъ дѣдахъ и прадѣдахъ, по которой создается конецъ родословной восходящимъ порядкомъ, на встрѣчу нисходящей линіи предковъ; двѣ линіи смыкаются произвольно. Опредѣлить грань этихъ двухъ линій или точку смычки, то-есть, сказать: вотъ на этомъ имени кончается восходящая линія людей, дѣйствительно жившихъ, а дальше идутъ имена легендарныя,—трудно; для этого нужно разпросить на мѣстѣ массу лицъ, работа, не стоящая труда. Кто захочетъ воспользоваться приводимыми данными для своихъ изслѣдованій, можетъ самъ отсѣчь нижніе концы особенно длинныхъ линій, какъ не нужные.

Кара-кисекъ (буквально: черный кусокъ) былъ прозванъ такъ за свое черное тѣло; настоящее его имя было Булатъ-ходжа. Родъ Кара-кисекъвъ многочисленный, до 2000 кибитокъ. У Кара-кисека два сына: Майкы и Бошянь (произносятся и Бочянь). Отъ Майкы происходятъ поколѣнія Карсэнь-киринеи и Алтекъ-сарымъ. У Бошяна были дѣти: Джанту, Байбурэ, Тазъ, Мочалы и Манатъ. У Таза: Былбыль и Наманай. У Былбыла дѣти: Кушукъ, Алдіаръ, Чанчаръ, Кудай-берды и Усэнь. У Чанчара были три жены: Отъ первой сынъ Алысай. Отъ второй жены Айбике четыре сына: Джанибекъ, Тянибекъ, Кельдибекъ и Аширбекъ; Кельдибекъ-Айбике былъ самый знаменитый человѣкъ въ Кара-кисекахъ. У Кельдибега сынъ Казибекъ (это былъ знаменитый родоначальникъ въ степи; сынъ его Бекъ-булатъ былъ современникъ Аблая, слѣдовательно, жплъ въ серединѣ прошлаго столѣтія; о Казибекѣ сохранилось преданіе, что онъ имѣлъ громкій голосъ и поговорка о немъ: „каздаусты Казибекъ“, съ голосомъ гуся Казибекъ); у Казибега Бекъ-булатъ, у Бекъ-булата Тлянчи, у Тлянчи Альчинбай, у Альчинбая Какабай. Отъ третьей жены Нуръ-бике у Чанчара было три сына: Бердысъ, Турдубекъ и Тлеукэ. У Бердыса семь сыновей: Бектемиръ, Кызыль-гуртъ, Аозъ, Усамбетъ, Умурзакъ, Коканъ и Джанабатыръ. У Кызыль-гурта, были дѣти: Ильгельды, Авксы, Джанксы, Сенкубай, Исень, Кубекъ. У Ильгельды: Назыкпай и Тшянь. У Тшяна: Сыздыкъ, Абишь, Аймасъ, Кетеджанъ, Кѳлѳджанъ, Османъ Омаръ. У Аозя, второго Бердысова сына: Тлемисъ, Ма-кошѣкъ и Джанъ-кошѣкъ. У Тлемиса: Мамбетпай и Дулакъ. У Бектемира, третьяго Бердысова сына, дѣти: Даулетъ, Бая и Мучеке. У Даулета дѣти: Дондукъ, Аманъ-гельды, Утеулѳ, Аманбай, Кабыль и Бакаль. У Бакала: Иркэ, Атагозы и Курашъ. У Атагозы сынъ Кобей. У второго сына Бектемирова Бая дѣти: Джаба, Бердыгуль, Атагай, Аблай и Байгозы. У Джаба: Ардабай, Куаншъ, Рыспай (или Ырспай) и Мусулманкулъ. У Куанша: Кумыспай, Нусабай и Волуспай. У третьяго сына Бектемирова Мучеке: Казангапъ, Сазанъ, Куандыкъ, Сюндукъ, Кулатай, Джайлау, Кошкарбай, Тайчибай, Коджѳбай, Коттубай, Джавотэй, Кундыкеръ и Табылды. У Казангапа: Рысамбетъ, Коттумбетъ, Таттимбетъ, Койбагаръ, Якшимбетъ, Алпимбетъ и Дюйсембэ. У Рысамбета четыре сына; записанъ одинъ: Джанузакъ. У Таттимбета дѣти:

Мусатай, Косутай и Исатай. У Коттумбета сынъ Османъ. У Ялшимбета сынъ Бюркунтай (имена другихъ шести сыновей не записаны). У Алимбета сынъ Джамакъ (имена другихъ четырехъ сыновей не записаны). У Дюйсембэ сынъ Сыздыкъ.

У Кулатая, Мучекеева сына, дѣти: Кызданбекъ, Мырзанбекъ, Османъ и Тлеубекъ.

У Джайляу, Мучекеева сына: Итъ-куста, Итъ-аякъ и Тамракъ. У Итъ-куста: Байбекъ и Чинъ-темиръ. У Итъ-аяка семь сыновей, изъ нихъ записанъ одинъ: Мынджянъ. У Танграка сынъ Чагантай.

У Турдубека, втораго Чанчарова сына, отъ второй жены Нуръ-бике былъ сынъ Ботпанай, у Ботпаная Бокай, у Бокая Байшуме, у Байшуме Илекей, у Илекея Кадырбекъ. У Тлеуке, третьяго сына Чанчара отъ той же Нуръ-бике, сынъ Джарылгапъ, у Джарылгана Джаламанъ, у Джаламана Койсоймасъ, у Койсоймаса Баймурунъ, у Баймуруна Акай, у Акая Айча.

У Сюндука, третьяго сына Мійрамъ-софы, дѣти: Карджасъ, Айдабулъ, Кулюкъ и Козганъ. У Карджаса три сына: Сатылганъ, Кулюкъ и Алтынъ-торд. У Кулюкъ: Алимбетъ, Тэлэ и Оюмъ. У Тэлэ сынъ Анай, у Аная Мурзагулъ, у Мурзагула Сятій, у Сятія Кошбкъ, у Кошбка Чорманъ, у Чормана Муса (составитель всей этой родословной записи), у Мусы Чадвакасъ, у Чадвакаса Маскутъ (последніе три лица всё живы; Маскутъ — трехлѣтній мальчикъ). У Оюма сынъ Утэнь, у Утэня Бызаубай. У Алтынъ-торд дѣти: Джолумбетъ, Мамбетъ-алы и Артыкъ. У Джолумбета: Назаръ, Ырсынбетъ, Калкаманъ и Койсары. У Назара: Коджебергенъ, Мырзагельды и Даулетенбетъ; у Ырсынбета Аванъ, Шяканъ и Чалъчъ; у Калкамана: Бухаръ; у Бухара: Авдербисъ, Джарылгапъ и Джанта.

У Мамбетъ-алы, втораго сына Алтынъ-торд, сынъ Джандостъ-у Джандоста Таспулатъ; у Таспулата Джанъ-бара, Кечубай, Бошианъ и Кедей; у Кедея сынъ Утебай, у Утебая Тэнебекъ, у Тэнебека Исентай, у Исентай Джанабылъ.

У Козгана (у котораго настоящее имя было Бегендыкъ, Козганомъ же онъ названъ отъ слова „козгалу“ за то, что вѣчно двигался, не стоялъ на мѣстѣ) были дѣти Таиръ-бергенъ и Сарикъ. У Таиръ-бергана Оразъ, Малкаръ и Джулымъ-софъ. У Ораза: Джин-

налы, Курманалы, Агтай и Кенджебай. У Джинналы: Ильтузёръ, Чрёнь, Мансоръ и Джантыкъ. У Курманалы: Баймурать, Самрать, Бобанъ и Токанъ. У Агтая: Аю, Агчабай и Орусъ. У Кенджебая: Джумартъ, Мятень, Жангельды и Сартъ.

У Сарика, второго сына Козганова, дѣти: Токтасъ, Кожемберды и Ходжагуль. У Токтаса: Исенгуль, Эрсъ (или Рысь), Кобѣкъ, Тенибекъ, Тайтеке и Акбасъ. У Исенгула: Туркобай, Бикджанъ и Назикпай.

У Туркобая: Гайперды, Айтъ-ходжа, Барганà, Кудайбергенъ и Бердалы.

У Бикджана: Рай, Кенгирбай, Иркѣбай, Курсары, Айракпанъ и Алиманъ. У Рая: Байгутту, Баргана, Мындай, Карагызъ, Токходжа, Маманъ, Псурманъ, Сексенбай и Джанчузъ. У Токходжи дѣти: Байгызъ, Малгызъ, Байтерекъ, Жангельды, Тулѣкпай и Кошкаръ. У Байгыза: Джанай, Конай, Атагай и Карауль. У Жангельды: Бійсенъ, Нанбай, Менджебай, Альджанъ, Итпасаръ и Абень. У Байтерека: Менебай, Джанабай и Досанъ. У Тулѣкпая: Бейсъ, Джайрау и Бухаръ; у Бухара: Джаманъ, Аманъ и Чиманъ.

У Назикпая, третьяго сына Исенгула, сына Токтасова, было четыре сына: Таньркуль, Агъ-сары, Коджанъ и Тамъ.

У Эрса, второго сына Токтасова, дѣти: Тѣкѣбай и Дюйсенбай; у Тѣкѣбая: Бай-шумà, Крымъ-ходжа, Малбакты, Агъ-куль, Джанибекъ, Алибекъ, Кулубай и Мынбай. У второго Эрсова сына, Дюйсенбая дѣти: Исенъ, Байкаръ, Кендзегарà, Джуть-гарà и Балтагарà.

У Кобѣка, третьяго Токтасова сына, былъ сынъ Акшà, у котораго были дѣти: Баянъ, Самай, Багай и Исенбай.

У Тайтѣкѣ, пятаго Токтасова сына, было три сына: Тулекѣ, Садибекъ и Темирбекъ. У Тулекѣ дѣти: Кабыль и Тлеу. У Кабыла дѣти: Тукей и Нарбай, у Тукея Карабай, а у Нарбая: Байкара, Куль-вара и Сарыкуль. У Тлеу, Тулекеева сына, дѣти: Иръ-назаръ, Айтюмбекъ, Барьманбекъ и Кельдибекъ. У Иръ-назара сынъ Сарике. У Айтюмбека: Сютенгенъ и Асатъ; у Сютенгена Шабанъ; у Асата: Чорманъ и Джаманъ.

Потомки четырехъ сыновей Сюндуга: Карджаса, Айдабула, Булюка и Козгана носятъ общее имя: Тортоуль. По народному преданію оба брата Сюндугъ и Куандыкъ вышли въ Киргизскую

степь изъ Туркестана. Другой отрывокъ Тортоуловъ находится въ южной части Акмолинской области; и тамъ также, какъ мнѣ обязательно сообщилъ бывшій въ ихъ кочевьяхъ г. Балкашинъ, есть тѣ же преданія о Сюндукѣ и Куандыкѣ, вышедшихъ изъ Туркестана, и о шести братьяхъ Софы, сыновьяхъ Аргына. По другому показанію, записанному мною въ Баянъ-аульскомъ округѣ отъ одного Киргиза, Тортоулы происходятъ отъ четырехъ братьевъ: Чегендыка, Бегендыка, Шуманака и Маджика.

У Куандыка ¹⁾, четвертаго сына Мійрамъ-софы, было шесть сыновей: Бурѣши (отъ него небольшое потомство, не болѣе 300 кибитокъ въ настоящее время), Темешъ, Алтай (самый многочисленный родъ, до 10,000 кибитокъ), Каршыкъ, Агысъ и Калкаманъ. У Алтая дѣти: Сайдалы, Алысай, Алике, Байдалы, Муинъ и Нурбай; послѣдній отъ „истекъ-катынъ“, то-есть, отъ жены Остячки ²⁾. У Муина: Муратъ, Карикѣ, Аманкулъ и Аракшыя.

У Карикѣ: Наурзекъ, Бай-бура, Акъ-бура, Токъ-бура, Ольджелиды и Джанъ-базаръ. У Токъ-буры: Отѣнъ, Куланъ, Ала-гошѣкъ, Исень, Сентъ, Сакей и Казы; кромѣ того, еще три не записаны, такъ какъ всего у Токъ-буры было 10 сыновей. У Ала-гошѣка: Бектасъ, Чиликпай, Баймурза, Джанъ-мурза и Кошанъ. У Бектаса: Матакпай, Члѣнбай, Мырджикпай, Таймасъ и Бальчикъ; у Таймаса сынъ Токсанъ.

У другаго Муинова сына Аракшыя были дѣти: Калибекъ и Сармантай. У Калибека: Аралбай, Куттумбетъ и Араша. У Аралбая: Байтока и Бикшѣ. У Байтоки сынъ Бабкыкъ, у Бабына Утебай и Косубай; у Утебая сынъ Кутчанъ, у Кутчапа сынъ Мугамедъ-али; у Косубая сынъ Турсунбекъ, у Турсунбека Кійсыкпешъ.

У втораго Аракшынова сына Сармантая дѣти: Байдаулетъ и Джуманъ; у Байдаулета сынъ Исеньгельды, у Исеньгельды Байтокъ; у Джумана сынъ Коранъ, у Корана Чонъ, у Чона Исебекъ.

¹⁾ Имя Куандыкъ, по мнѣнію самихъ Киргизъ, происходитъ отъ глагола куаныб, обрадовался.

²⁾ Впрочемъ Киргизы зовутъ Истеками также Башкиръ и Барабискихъ Татаръ.

II.

МОНГОЛЫ.

1. Дюрбюты.

Во время поѣздки въ 1879 г. экспедиція всю первую половину лѣта вращалась въ предѣлахъ дюрбютскихъ, кочевьевъ и изъ нихъ почти исключительно въ предѣлахъ обширнаго хошуна дюрбютскаго вана. Въ сообщенномъ о Дюрбютахъ въ первыхъ „Очеркахъ“ (II, стр. 28—33) свѣдѣніямъ можемъ прибавить, что Дюрбютскимъ народомъ управляютъ четыре князя: ханъ, который часто титулуется Далай-ханъ (въ честь будто бы озера Убса, какъ увѣряютъ Дюрбюты), ванъ, бейли и дзасыкъ. Весеннія и осеннія перекочевки Дюрбюты совершаютъ въ трехъ направленіяхъ, такъ что народъ раздѣляется на три группы: одна часть, зимующая на рр. Бу-конь-бурени и Кобдо, имѣетъ лѣтовки на высокихъ поляхъ вокругъ бѣлковъ Харыра и Тюргунъ; сюда же являются и ламы изъ Улангомскаго монастыря, и Ботоны, зимующіе въ низовьяхъ р. Шибе. Другая группа, имѣющая зимовки на урочищахъ, лежащихъ къ западу и къ юго-западу отъ оз. Киргизъ-нора, поднимается лѣтомъ на гребень хребта Тухтугенъ-нуру. Наконецъ, третья группа, зимовки которой расположены въ южной части хошуна около горъ Чиргэтэ, Сэръ, Хара-аргалингу, лѣтомъ кочуетъ на берегахъ р. Дзабхына.

Легенда о родоначальникѣ дюрбютской княжеской фамиліи будетъ помѣщена ниже въ гл. IV: „Связки и легенды“. Здѣсь внесу только сообщенное мнѣ о. Михаиломъ Чивалковымъ преданіе, будто бы свое названіе Дѳрбѳтъ этотъ народъ получилъ за то, что предокъ его завѣдывалъ четырьмя народами. Тѣмъ же о. Михаиломъ было мнѣ сообщено извѣстіе, что около монгольскаго караула Суокъ есть два дюрбютскія поколѣнія — Булгучинъ и Керемучинъ; въ истинѣ этого показанія мнѣ не довелось убѣдиться; занову однако это извѣстіе потому, что, съ одной стороны, эти два поколѣнія упомянуты уже у Рашидь-эддина ¹⁾, и также

¹⁾ Введеніе, стр. 8 и 86.

радомъ, а съ другой—потому, что о. Михаилъ могъ это извѣстіе получить только изъ устъ народныхъ.

2. Дархаты.

Дархаты занимаютъ всю котловину р. Шишкита, за исключеніемъ долины Хуа, гдѣ живутъ Урянхайцы; внизъ по Шишкиту ихъ земли простираются до устья Тенгиса. Кромѣ того, имъ же принадлежитъ южная половина западнаго берега Косогола отъ горнаго прохода Джигилигенъ-дабанъ до бомовъ, которыми обставленъ западный берегъ у южнаго конца озера, а также къ Дархатской землѣ относится вся правая сторона долины р. Бельтуса и нижнія части р. Агара, отъ устья до ур. Курумсухъ. Лѣто Дархаты проводятъ въ долинѣ Шишкита и вокругъ озера Додъ-нора; осенью народъ распадается на три группы, изъ которыхъ самая многочисленная идетъ на югъ, черезъ горный проходъ Олѣнь-дабанъ, и располагается на зимовку въ широкихъ долинахъ Бельтуса, трехъ Томовъ и Агара; другая группа идетъ на востокъ и садится по берегу Косоголу, третья—удаляется на Тенгисъ.

Что Дархаты составляютъ шаби ургинскаго кутухты—извѣстно давно. Управляются они тремя чиновниками, избираемыми изъ Дархатовъ же; эти чиновники называются тарга и пользуются равною властью; меня убѣждали, что они могутъ дѣлать свои распоряженія только сообща, втроемъ, и одинъ тарга, не снѣвшись съ товарищами, распоряжаться не смѣетъ. Зиму всѣ три тарга проводятъ на южной сторонѣ Олѣнь-дабана, то-есть, въ долинахъ Агара и Бельтуса. Лѣтомъ ежегодно бываетъ суглаиъ, то-есть, народное собраніе, которое устраивается близъ куреня.

У Дархатовъ считается три оюза: Хара-дархатъ, Хуа-дархатъ и Хуаилуръ-дархатъ (или Хуулуръ); послѣдній живетъ по Тенгису. Впрочемъ, на вопросъ, какія кости есть у Дархатовъ, называя опять тѣхъ же Хара-дархатовъ, Уха-дархатовъ и Жуулуровъ, еще прибавляли имена: Шарьнутъ, Харнутъ, Барнутъ, Чоннутъ, Хоролмой, Олѣтъ, Манджракъ (по показанію нѣкоторыхъ, Манджраки происходятъ отъ Бурятъ).

Урянхайцы, по крайней мѣрѣ, Сальджаки и Уины, называютъ Дархатовъ Адай-таргитъ.

Дархаты, по видимому, стали Монголами сравнительно въ недавнее время, а прежде были Урянхайцами. Въ пользу такого мнѣнія говорить, во первыхъ, то обстоятельство, что ихъ шаманы, какъ въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться зимовавшій въ ихъ средѣ г. Палкинъ, до настоящаго времени дѣлають призыванія онгоновъ на урянхайскомъ языкѣ. Повторныхъ, хукскіе Урянхайцы, на вопросъ, сколько ихъ, Урянхайцевъ, отвѣчаютъ: четыре отука, изъ которыхъ три отука шабинскіе, а одинъ платитъ албу Шидырвану; кости въ шабинскихъ отукахъ называются: Уха-дархыть (очевидно, то же, что хуа-даркаты), Хардархыть, Харнуть и Шарнуть, кости ноинскаго, то-есть, княжескаго отука Эльджигень, Зоту и Джонту; такимъ образомъ, выходитъ, что они причисляютъ Дархатовъ къ Урянхайцамъ.

Въ Дархатской землѣ я встрѣтилъ одного Солона, который давно уже здѣсь живетъ и женился здѣсь; имя его Джамцинъ. Отъ него я записалъ имена солонскихъ поколѣній. Всего считается Солонъ пять отуковъ: Бару-солонъ, Чипчанъ-солонъ, Удзюмчи-солонъ, Бортогонъ-солонъ и Орчинъ-солонъ. Орчинъ-солонъ, другіе солонъ зовутъ Уранга, то-есть, Урянхайцами, и говорятъ о нихъ, что они „хандагатай малтай улус“, то-есть, народъ, у котораго скоть состоитъ изъ лосей. Джамцинъ былъ убѣжденъ, что Орчинъ-солонъ ѣздятъ на лосяхъ, а патфіи дѣлають деревянныя.

3. Буряты.

Съ Бурятами намъ довелось познакомиться въ предѣлахъ Иркутской губерніи—въ долинѣ р. Иркуты, а также въ Аларскомъ вѣдомствѣ, которое лежитъ между рр. Китоемъ и Окой. Помѣщаемъ здѣсь кое-какія отрывочныя свѣдѣнія, которыя удалось узнать о бурятскихъ родахъ.

Въ Аларскомъ вѣдомствѣ считается 10 родовъ; изъ нихъ 8 родовъ относятся къ одному поколѣнію Хонгдоръ, роды котораго есть и въ долинѣ Тунки; остальные два аларскіе рода принадлежатъ къ поколѣнію Шарнуть. Кромѣ Хонгдоровъ и Шарнуртовъ, между сѣверно-байкальскими Бурятами существуютъ роды: Ихиритъ, Булагатъ, Бадырхонъ (съ частью его: Ашахай), Угуръ,

Тайбажинъ, Болдой, Хуркутъ, Хангинъ, Шошолыкъ, Готолъ, Дурьтунъ, Бурьтунъ, Гартулъ или Сартулъ. По мѣстному преданію, Хонгодоры пришли въ край чрезъ вершины рр. Тунки и Иркуты; тогда какъ другіе бурятскія поколѣнія на пути съ юга на сѣверъ переходили черезъ Байкаль. Предокъ Хонгодоровъ былъ одинъ изъ трехъ сыновей Ханъ-джиргъа; имена этихъ сыновей были: Хонгодоръ, Далхай и Борджонъ. Одинъ изъ подрошковъ хонгодорскихъ называется Гакта-хонходыръ. По другому показанію, у Ашехая было семь сыновей: Хонгодоръ, Хуркутъ, Бадырханъ, Сагантинъ, Далахай, Хойхы, Шошоолыкъ, Тэртэ. Они пришли въ долину Иркуты въ то время, когда въ Монголіи возгорѣлась война между Бошохту-ханомъ и Хайнъ-ханомъ. Родъ Бадырхонъ происходитъ отъ двухъ братьевъ: Адай и Бохукъ (или Бахыкъ); отъ старшаго (Адая) произошли Харабадырхонъ, отъ младшаго (Бохука)—Шарабадырхонъ. Объ Адаѣ и Бохукѣ сохранился разказъ: оба они, стоя на горѣ Сорготой, стрѣляли въ гору Мандырга (близъ р. Голумети); когда пришли на гору Мандырга посмотрѣть, увидѣли, что стрѣла Адая упала на изюбря, а стрѣла Бохука—на камень и раздробила его.

О происхожденіи бурятскаго рода Дурьтунъ разказываютъ, что одна дѣвица родила и отъ стыда спрятала ребенка въ яму; эту яму разрыли быки и вырыли ребенка; люди нашли ребенка и дали ему имя Дурьтунъ—въ память о томъ, что онъ вырытъ быкомъ. Дурю — отверстіе въ носу, въ которое быку продѣваютъ бальну.

Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ есть родъ Хангинъ; Хангины почитаютъ своимъ предкомъ лебеда; они говорятъ, что три лебедя прилетали на озеро, снимали съ себя шкурки, обращались въ прекрасныхъ дѣвицъ и купались въ озерѣ. Предокъ Хангиновъ стащилъ одну шкуру, когда дѣвицы вошли въ воду; двѣ дѣвицы, обратившись въ лебедей, улетѣли, а одна осталась и должна была стать женою похитителя шкурки. Хангинъ считаетъ великимъ грѣхомъ убить лебеда; о нихъ разказываютъ даже, будто они стараются взять въ руки лебединое перо. Много разказовъ о томъ, какъ человекъ, убившій лебеда, потомъ пострадалъ. Эти разказы есть и у другихъ Бурятъ. Когда прилетать лебеди весной въ первый разъ, Буряты дѣлаютъ либацію, брызжутъ водкой. Женщина,

увидѣвъ весной въ первый разъ прилетѣвшаго лебеда, кланяется ему, сложивъ руки на лбу, и молится.

Вариантъ того же сказанія былъ мнѣ разказанъ аларскимъ Бурятомъ, какъ сказаніе о происхожденіи родовъ Харяты и Шаряты: Есть въ юго-западной сторонѣ озеро Алтынъ-норъ; къ нему летали купаться три дочери неба (тэнгриин гурбанъ басгыт [или кукут]) подъ видомъ лебедей (саган шабо); въ то время былъ шаманъ Одюгэ-Хогоръ-бо, то-есть, кривой Одюгэ. Онъ въблизи того озера вырубилъ ящикъ на вершинѣ горы и самъ спрятался за скалюю. Прилетѣли дочери неба; старшая говоритъ: „Здѣсь дурно пахнетъ; вѣрно есть человекъ“. Младшая возразила: „Съ какой стати въ такомъ чистомъ мѣстѣ будетъ вонь!“ Когда онъ сложили на берегу свои лебединныя одежды и вошли въ воду, бѣ'укуралъ платье младшей и спряталъ въ каменный ящикъ. Вышли дѣвицы изъ воды, младшей не во что одѣться. Двѣ старшія, обратившись въ лебедей и сказавъ младшей сестрѣ: „Мы отлетаемъ въ небо, а ты оставайся на землѣ и будь счастлива“,—улетѣли. Шаманъ взялъ оставшуюся дѣвицу замужъ; жили они три года и прижили сына и дочь. По истеченіи трехъ лѣтъ жена говоритъ мужу: „Что жъ ты мнѣ не отдашь мое лебединое платье; вѣдь мы ужъ три года какъ живемъ. Я бы попробовала, могу ли еще летать!“ „Гдѣ ужъ тебѣ летать!“ сказалъ бѣ;—„ты теперь нечистая, осквернилась земною нечистотой“. Однако онъ пошелъ за платьемъ. Жена безъ него стала омываться водой изъ чистаго родника и окуриваться арсой (можжевельникомъ), чтобъ очиститься отъ земной грязи и воню. Очистилась и ждетъ. Бѣ принесъ платье; она стала надѣвать его, а бѣ принялся обмазывать котель для сидѣнья водки глиной смѣшанною съ свѣжимъ навозомъ. Надѣвъ платье, жена взлетѣла на полку, потомъ на крышу дома ¹⁾; мужъ, когда она снималась съ полки, испугался, подумавъ, что жена улетитъ, хотѣлъ было ее удержать и схватился руками за ея ноги, но руки его отъ глины и навоза были слизки, и ноги лебеда выскользнули изъ нихъ.

¹⁾ Нужно подразумѣвать бурятскій домъ или юрту, гдѣ потолокъ вѣтъ а осемискатная крыша на верху имѣетъ широкое отверстіе, чрезъ которое выходитъ дымъ.

Лебедь съ крыши поднялась и полетѣла по небу, сдѣлавъ предварительно надъ жилищемъ шамана три круга и проговоривъ: „Будьте счастливы мои дѣти! да выйдетъ отъ сына родъ Харяты, а отъ дочери родъ Шаряты“.

Вотъ почему Харяты и Шаряты, считая лебедей своими предками, поклоняются имъ, приносятъ имъ жертвы и не убиваютъ ихъ. И вообще Буряты считаютъ дурнымъ убить лебедя, особенно съ красными ногами. Лебедь съ сѣрыми ногами, это — та жена шамана, у которой онъ замаралъ ноги глиной; она земная, и потому ее не такъ опасно убить. Но особенно опасно убивать лебедей съ красными ногами; это — небесные лебеди, дочери неба.

Дархаты называютъ Буряты Иркутской долины Харяты или Харясы; Тунгусы зовутъ Аларскихъ Буряты Дагурь, а Буряты Тунгусовъ — Камнагонъ, и говорятъ, будто Тунгусы сами себя называютъ Гелюхене-камнагонъ. Аларскіе Буриты, небольшое бурятское население Нижнеудинскаго округа (всего считаютъ 108 семей), зовутъ ихъ Санхе Зукденъ.

О Болдояхъ есть присказка:

бурь бурь уханда богдагын болдэй
бот иненде хондалдагын болдэй
харь харь угында халдыгэн болдэй
харакши инендэ хондалдагын болдэй

То-есть: Ручьевъ не могшій перейти Болдой, на стальной коровѣ переѣхавшій Болдой! Шиверой прегражденный Болдой, на черной коровѣ переѣхавшій Болдой!

Предки двухъ родовъ Ихирать и Булагать были дѣти Бухаюина. О нихъ сохранилось выраженіе: иргеге олгон Ихирит, бутага олгон Булгын.

О поколѣніи Гартуль (иногда произносятъ Сартуль) говорятъ, что имъ запрещается ѣсть кровь и ѣздить на крашенныхъ сѣдлахъ: шого видиху шонхо эмэль товкугэй; кто же изъ нихъ преступитъ эту заповѣдь, у того изъ носу кровь пойдетъ.

О поколѣніи Тертесъ: Была война между Халха и улѣтскимъ Бошохтуханомъ; отъ этой войны много народу бѣжало. Въ томъ числѣ одинъ человекъ съ бабой прибѣжалъ на озеро Байкаль, спилъ волосами лодку и переправился черезъ озеро; отъ него пошли Тертесы, расселившіеся вверхъ по Иркуту.

II.

ЗАМѢТКИ

О СЕМЕЙНОМЪ, ОБЩЕСТВЕННОМЪ И РЕЛИГИОЗНОМЪ БЫТЬ.

I. Обряды при рожденіи дѣтей и уходъ за дѣтьми.

У Аларскихъ Бурятъ (Иркутской губерніи) при рожденіи ребенка женщины-родственницы собираются къ родильницѣ, поднимаютъ новорожденнаго подъ спину и потомъ опускаютъ, такъ чтобы младенецъ упалъ свободно на мягко устланный полъ; при крикѣ младенца приемная мать тотчасъ приступаетъ къ отрѣзанію пуповины ножичкомъ, сперва перевязавъ ее шелковою ниткой или скотскою жилкою на два пальца отъ пупка, и на столько же отступая отъ завязаннаго мѣста, дѣлаетъ вторую перевязку. Пуповина отрѣзается между этими двумя перевязками; такимъ образомъ концы пуповины остаются оба завязанными. Затѣмъ малютку обмываютъ тепловатою водою и кладутъ въ пеленки. Дня черезъ два или три назначается пиръ; тогда всѣ являются, не дожидаясь приглашенія; родители ребенка колятъ барана и бьютъ корову или быка; начинается угощеніе гостей по средствамъ хозяина. Затѣмъ приступаютъ къ обряду пеленанія младенца въ люлькѣ. Выбираютъ одного изъ присутствующихъ, преимущественно мальчика, обязанность котораго отвѣчать на вопросы приемной матери. Последняя, держа въ рукахъ стрѣлу и мозговую кость съ мясомъ праваго задняго стерна, спрашиваетъ: „Кого пеленать, малютку или мозговую кость?“ Мальчикъ или дѣвочка отвѣчаетъ: „Малютку“. „Внизъ или вверхъ головою?“ „Вверхъ“, отвѣчаетъ мальчикъ. Эти вопросы и отвѣты по-

вторяются до трехъ разъ. Затѣмъ сидящіе нарекаютъ имя новорожденному. Малушку кладутъ въ люльку, сдѣланную въ родѣ четырехугольнаго корытца, приподнятаго въ изголовьи. Пиршество кончается обрядомъ: около мѣста рожденія кладутъ огонь, всѣ садятся вокругъ него, въ томъ числѣ и отецъ новорожденнаго, запасаются саламатой, брызгаютъ масло изъ рта въ огонь, и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: „Дай больше счастья! дай сына!“ и пр. Повторивъ эти слова трижды, мараютъ другъ друга масломъ, не щадя никого и никакой одежды; женщины стараются превзойти мужчинъ и на оборотъ; задоръ доходитъ до того, что женщины мараютъ мужчинъ сажей и заранѣе приготовленнымъ свѣжимъ скотскимъ пометомъ.

У Алтайцевъ, если дѣти въ семействѣ умираютъ, не достигая болѣе зрѣлаго возраста, родители, желающіе имѣть потомство, воруютъ у кого-нибудь ребенка, такъ что его мать сначала не знаетъ, куда онъ дѣвался; дня черезъ три мать узнаетъ—гдѣ ребенокъ, а черезъ мѣсяцъ родители ребенка идутъ къ ворами съ водкой и выкупаютъ его ¹⁾. У Телеутовъ желающіе имѣть ребенка не воруютъ, а покупаютъ его, а потомъ, покормивши, возвращаютъ его. Кромѣ того, у Алтайцевъ, чтобъ отогнать діавола, похищающаго младенцевъ, вѣшаютъ въ люльку плеть, стрѣлку и колючее растеніе.

У Урянхайцевъ (Тува) на Улукемѣ, когда дѣти не ведутся, новорожденнаго прячутъ подъ котель; сверхъ котла кладутъ агъ-иреня (то-есть, огонь состоящій изъ заячьей шкуры), а также слѣпленную изъ талкана ¹⁾ фигурку ребенка, надъ которымъ призванный камъ начинаетъ камлать. Ребенокъ, по увѣренію передававшего этотъ разказъ Урянхайца, дѣлается живой; тогда ему распарываютъ брюхо; онъ плачетъ и реветъ, а изъ раны течетъ кровь. Послѣ того тѣстянаго человѣчка разрѣзаютъ на три части и зарываютъ вдали отъ жилья. Вѣрятъ, что послѣ того настоящій ребенокъ не умретъ.

У Дюрбютовъ, въ случаѣ невода дѣтей, новорожденнаго кто-нибудь изъ родныхъ воруетъ. Украденнаго младенца прячутъ подъ котель, подъ которымъ держать трои сутки, открывая раза два въ

¹⁾ Это показаніе кажется мнѣ сбивчивымъ.

²⁾ Талканъ—мука изъ жаренаго ячменя.

день, чтобы покормить. Въ то же время похитившій ребенка дѣлаетъ куклу изъ травы и подбрасываетъ вмѣсто украденнаго младенца. Родители украденнаго, найдя куклу, притворно принимаютъ ее за настоящее свое дитя, но не живое, а мертвое, плачутъ и потомъ хоронятъ. Думаютъ, что читвуръ (чертъ), желающій похитить ребенка, повѣритъ, что ребенокъ дѣйствительно умеръ и пойдетъ искать добычи въ другомъ мѣстѣ.

У Аларскихъ Бурятъ обрядъ пеленанія ребенка совершается на третій день послѣ родовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ребенку нарѣзаютъ имя. Бурятъ боятся безчадія; если у него нѣтъ дѣтей, онъ говоритъ тоскливо: „Огонь моего очага потухнетъ!“ Бурятская клятва заключается въ словахъ: „Пусть потухнетъ мой очагъ“ ¹⁾. Этому страху обязаны своимъ происхожденіемъ нѣкоторые обряды.

Въ томъ случаѣ, если дѣти мрутъ, ловятъ филина и кормятъ его: думаютъ, что тогда ребенокъ не будетъ плакать въ люлькѣ; филинъ отпугиваетъ отъ ребенка духа анахай. Кромѣ того, заводятъ онгонъ „Усѣтенъ“ ²⁾. Для этого приглашается шамъ; цѣлое общество принимаетъ участіе въ устройствѣ онгона; изъ женщинъ кто шьетъ куклы, кто вышиваетъ глаза; мужчины дѣлаютъ ящичъ. Женщина, въ видахъ которой это дѣлается, носитъ въ это время въ рукахъ пеленку или нарочно сдѣланную куклу и дѣлаетъ видъ, будто кормитъ ребенка; другія женщины съ участіемъ спрашиваютъ ее: „каковъ ребенокъ, спокойный ли, не крикливъ ли, не хлопотно ли съ нимъ водиться?“ Потомъ берутъ куклу у нея изъ рукъ и сами водятся. Иногда та женщина оставитъ свою куклу въ юртѣ, а сама уйдетъ изъ нея по какому-нибудь дѣлу; другія вди-чуть ее подъ предлогомъ, будто ея ребенокъ плачетъ.

У Бурятъ Идинскаго вѣдомства, если дѣти не родятся, устраиваютъ вечеринку, призываютъ шамана, покупаютъ водки; дѣвицы сначала пляшутъ, потомъ садятся; шаманъ беретъ въ руки харьбо, начинаетъ пѣть гимнъ баабагай онгону (то-есть, медвѣдю—онгону) и колотить рукой по щекамъ присутствующихъ. Кого ударить сильнѣе—говорять, тому выпадетъ счастье.

¹⁾ Въ Балаганскомъ округѣ полиція даже употребляла заливаніе очаговъ водой, какъ мѣру для вынужденія признанія.

²⁾ Описаніе онгона Усѣтенъ помѣщено ниже.

У Аларскихъ Бурятъ существуетъ обычай становиться „найджи“ съ шаманомъ. Слово „найджи“ значитъ собственно „другъ.“ Найджи называются тѣ домохозяева, съ которыми шаманъ, такъ-сказать, покумился. Когда послѣ родовъ зарѣжутъ барана, то стегно или другую часть посылаютъ какому-нибудь шаману; шаманъ заключаетъ изъ этого уже, что его хотятъ пригласить въ найджи. Дѣйствительно, его потомъ призываютъ. Шаманъ приходитъ, заказываетъ сдѣлать небольшія харьбо ¹⁾ и втыкаетъ ихъ у дверей; потомъ навѣшиваетъ ребенку шелчинку или что-нибудь въ этомъ родѣ. Этотъ визитъ шамана называется сакіух байлга, „пожалованіе сакіуха“. Въ теченіе года ребенокъ состоитъ подъ покровительствомъ шамана; чуть ребенокъ прихворнулъ, зубы прорѣзываются, съ нимъ жаръ, ребенокъ кричитъ, сейчасъ зовутъ шамана, и онъ долженъ успокоить ребенка. Иногда ему приходится спать по три дня въ домѣ у своихъ найджи. Если ребенокъ кричитъ такъ, что ни мать, ни отецъ унять его не могутъ, его кладутъ шаману за пазуху, и онъ водится съ нимъ, пока ребенокъ не замолчитъ. По истеченіи года сакіухъ возвращается шаману. Тогда родители ребенка шьютъ шаману, его семьѣ и роднѣ обновы, берутъ съ собою угощеніе и ѣдутъ къ шаману; иногда приводятъ лошадь. Шаманъ, въ свою очередь, расходуетъ на угощеніе гостей. Родители берутъ съ собою также залу; послѣдняя берется вотъ на какой случай: если кого-нибудь изъ родни шамана забудутъ и обновы ему не привезутъ, ему-то и подносятъ залу. Бываетъ, что получившій залу, опьянѣвъ отъ угощенія, начнетъ сильно шумѣть: „Къ чему мнѣ дали залу? Здѣсь есть люди важнѣе меня! Мнѣ изъ нея не шубу шить!“ Подобныхъ найджи у одного шамана насбирается до двадцати. Когда онъ задумаетъ завести бубенъ, онъ обращается къ найджи за помощью, и они везутъ барановъ и тарасуну. При ихъ матеріальной помощи совершается обрядъ освященіе бубна.

2. Свадебные обряды.

Свадебный обрядъ у Телеутовъ (въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ) сопровождается пѣніемъ свадебныхъ пѣсень, „той са-

¹⁾ Харьбо — шаманскій жезлъ; ихъ бываетъ пара.

рынъ"; поютъ ихъ сваты и сватьи; дѣвицы не поютъ. Въ числѣ обрядовъ, совершаемыхъ во время свадьбы, одинъ состоитъ въ томъ, что когда невѣсту и жениха вводятъ въ юрту къ родителямъ послѣдняго, между огнемъ и порогомъ протягиваютъ занавѣсъ, „кѣшбого“; края занавѣски укрѣплены у березокъ, которыя держутъ два человѣка. Молодые и весь сопровождающій ихъ народъ, переступивъ черезъ порогъ, останавливается за занавѣской. Когда „алкышчи“ (читающій благословіе) кончитъ „алвышь“ (благословіе), молодые кланяются родителямъ жениха, не выходя изъ-за занавѣски. Всѣ присутствующіе дѣлаютъ тоже и кричатъ: адъ, енѣ баш баттым! Затѣмъ занавѣсъ убираютъ. Въ огонь выливаютъ цѣлую чашку масла; пламя взлетаетъ до дымоваго отверстія; опять всѣ закричатъ: баш баттым! Есть еще обрядъ во время свадьбы: водятъ молодыхъ вокругъ пустаго мѣста по солнцу. На свадебномъ тоѣ бываетъ игра: аил бузар „ломать домъ“; для этого разбираютъ у юрты двери; въ образовавшееся отверстіе вѣзжаетъ быстро кто-нибудь изъ родныхъ невѣсты и старается выскочить изъ аила ¹⁾ наружу, пытаясь даже проломить стѣнку юрты въ цѣломъ мѣстѣ; находящіеся въ юртѣ люди стараются обобратъ всадника; рвутъ стремена, патфію и даже отпускаютъ совсѣмъ безъ сѣдла. Отобранное поступаетъ невѣстѣ и называется „счастье невѣсты“.

Вставляемъ здѣсь отрывокъ изъ описанія Аларскаго Бурятскаго вѣдомства, которое составлено въ Аларской думѣ въ 1864 г. подъ руководствомъ бывшаго тайши Матханова.

„Буряты имѣютъ обыкновеніе сватать съ малолѣтства; за невѣсту платятъ условленный калымъ отъ 20 до 80 головъ разнаго скота и деньгами; по достиженіи молодыми зрѣлаго возраста, иногда раньше назначается свадьба. Дня за два или за три до свадьбы невѣста дѣлаетъ вечеринку и посѣщаетъ своихъ родныхъ въ сопровожденіи молодыхъ подругъ. На прощаніи ея колятъ барана, пьютъ тарасунъ и пляшутъ „ѣхоръ“ (хороводъ, который такъ называется отъ кликовъ: ѣхоръ, ѣхоръ! которыми сопровождается). Въ день, когда невѣсту слѣдуетъ отвезти къ жениху, всѣ соби-

¹⁾ Аилъ—юрта.

раются въ домъ ея отца, родные и посторонніе, приглашенные въ гости, и готовятся къ выѣзду; при этомъ невѣста прячется отъ мужчинъ, ей въ этомъ помогаютъ подруги; мужчины находятъ ее; подруги не даютъ, защищаютъ, составляютъ кругъ или цѣпь около нея и укрѣпляютъ другъ друга платками. Мужчины стараются разрознить кругъ и по одиночѣмъ отрываютъ дѣвицъ; плачь и рыданія сопровождаютъ эту сцену. Обрядъ этотъ означаетъ, что невѣста хочетъ остаться цѣломудренною; такое толкованіе придаетъ ему сами Буряты. Въ то же время у жениха идетъ приготовленіе къ приему гостей; запасаются тарасуномъ и разными снабдьями; во дворѣ втыкаютъ березовое дерево, означающее, что потомки новой четы должны разрости, какъ вѣтви дерева; на дерево навѣшиваютъ шубу съ кофтой и ставятъ къ нему онгоны. Большіе и малые, родные и не родные собираются на свадьбу. Невѣстина сторона, приближаясь, посылаетъ впередъ верховыхъ посланниковъ („туруши“); одинъ изъ нихъ держитъ стрѣлу съ желѣзнымъ наконечникомъ; на другомъ концѣ стрѣлы привязанъ кудыкъ (кусочекъ бѣлой матеріи). Этотъ туруши, прискакавъ къ дому жениха, бросаетъ лошадь, не привязавъ къ столбу (другіе должны подобрать ее), вбѣгаетъ въ юрту, и не оглядываясь и ни съ кѣмъ не здороваясь, стремительно подходитъ къ западной тенге (подпорѣ), которая находится между очагомъ и семейною кроватью, и втыкаетъ въ нее свою стрѣлу такъ, чтобъ она была обращена хвостомъ своимъ на востокъ. Затѣмъ онъ садится на самое почетное мѣсто или гдѣ вздумается; если мѣсто это занято, онъ грубо сталкиваетъ съ него сидящаго, хотя бы то былъ почтенный старикъ; если то молодой, то садится къ нему прямо на голову. Затѣмъ онъ здоровается со сватомъ; является угощеніе. Женихова сторона, завидѣвъ поѣздъ, встрѣчаетъ гостей на дорогѣ, и тамъ же начинается угощеніе тарасуномъ, виномъ и мясомъ. Въ домѣ жениха въ это время пляшутъ ёхорь; затѣмъ подъѣзжаютъ гости къ дому свата; молодые люди на верховыхъ коняхъ бросаются въ середину пляшущихъ, ихъ удерживаютъ за поводья; значеніе этого обычая Бурятамъ не извѣстно. Невѣста съ своей матерью и прочими женщинами входитъ въ особую юрту свата, который долженъ сидѣть у подпоры, а жена его у стѣны кровати съ хлѣбомъ и тарасуномъ; послѣ угощенія и изліанія родственниковъ

чувствъ приступаютъ къ обряду бракосочетанія. Два шамана подносятъ съ двухъ сторонъ тарасунъ и водку въ юртѣ свата и особо въ юртѣ жениха и невѣсты, призывая особенно Буха-нонна и Бодонъ-хатунъ. Невѣсту одѣваютъ въ женскую одежду; косу расплетаютъ, плетутъ многія мелкія косички, распуская ихъ надъ ушами и украшая ихъ золотыми и серебряными монетами и марджаномъ; надѣваютъ женское платье; затѣмъ назначаются къ невѣстѣ съ ея стороны и со стороны жениха свахи, обязанность которыхъ указывать невѣстѣ, что дѣлать во время обряда. Прежде всего онѣ навѣшиваютъ на ея лицо покрывало изъ бѣлаго коленкора (какъ бы для того, чтобы скрыть ее отъ стыда), а на свои пальцы навязываютъ хадьки; противъ глазъ и рта невѣсты въ покрывалѣ дѣлаются отверстія. Послѣ того ведутъ невѣсту на дворъ въ сопровожденіи родственниковъ обѣихъ сторонъ, держа надъ головой невѣсты за углы шаль; подойдя къ вышеупомянутому дереву, у котораго сидятъ оба свата и всѣ гости, свахи и невѣста кланяются и поворачиваются направо назадъ, обходятъ юрту жениха правою стороною, останавливаются на лѣвой и кличутъ жениха: „Давайте суженаго!“ Тутъ въ первый разъ является имъ на встрѣчу женихъ въ сопровожденіи двухъ товарищей, для важности поддерживаемый подъ руки. Не подходя близко, женихъ останавливается; его зовутъ къ себѣ дважды; но онъ не идетъ; послѣ третьяго зова женихъ, поклонившись, подходит къ невѣстѣ; свахи принимаютъ жениха и въ правую руку даютъ конецъ платка, другой конецъ держитъ невѣста. Это означаетъ соединеніе молодой четы. Тѣмъ же порядкомъ молодыя поварачиваются назадъ, обходятъ юрту, останавливаются у двери съ правой стороны и трижды кланяются сидящимъ тутъ. Въ этой толпѣ сидитъ на войлокѣ и то лицо, которое избрано для произнесенія благословенія; это обыкновенно бываетъ простой человѣкъ, ни лама, ни шаманъ; отъ него только требуется, чтобы умѣлъ произнести орель, то-есть, благословеніе; передъ нимъ стоитъ скотское мясо непремѣнно съ скотскою головою. При общемъ молчаніи во весь голосъ „орельщикъ“ (какъ выражаются Русскіе) произноситъ рѣчь:

1) „Да! кланяйся свѣту восходящаго солнца и будь счастлива подъ свѣтиломъ! кланяйся свѣту вечерней луны и будь благосло-

венна! Идя мимо бѣлаго моря, воспользуйся святою водою. Идя мимо величайшей горы (Сумберъ), возьми кремьнь!“

2) „Да! силѣ южнаго Буха-ноина отца кланяйся и къ покровительству Бадунъ-хотунъ матери прибѣгни! Кланяйся девяностидесяти хатамъ, предайся милостямъ ихъ; многочисленнымъ хатамъ кланяйся, покровителямъ предайся.“

3) „Да! предаваясь воплощенію Ушейтана въ красной шелковой одеждѣ, кланяйся божеству его; кланяйся многимъ тысячамъ Ушейтановъ, и милостями ихъ будь счастлива!“¹⁾

При этомъ молодая чета кланяется. По окончаніи рѣчи гово-

¹⁾ Въ этимъ орѣламъ Аларскаго вѣдомства могу присоединить еще орѣлы, записанные въ Балаганскомъ вѣдомствѣ и переданные мнѣ о. Яковомъ Чистохинымъ:

„Отъ югозападнаго (барулакши), отъ вѣчнаго Тэнгри да будетъ твое происхожденіе; отъ синяго вѣчнаго Тэнгри да будутъ твои дѣти (буквально: твой пупъ). Сѣрая береза—мѣсто почесаться, бѣлый песокъ—вальбище; черезъ грудь Буха-ноина баабая прійди, чрезъ утробу матери Буданъ-хатынь прійди, посредствомъ широко разставленныхъ роговъ черезъ великую Сумберъ гору переваль соверши; подобными арангха (полати для сушки арсы или для тѣла убитаго громомъ) большими рогами, алзамайю (?) подобными большими копытами черезъ бѣлое великое море (Цаганъ ихе далай), черезъ Хумуръ-олу переходя, бродъ проложи. Тамъ вполнѣ (тѣкши собственно четверугольный, въ переносномъ сммслѣ полный, счастливый, ровный), здѣсь всегда блаженствуй!“

„Въ странѣ, называемой Удактай, испивъ воды, пріѣзжай! Треть обоновымъ, семи тоблковымъ преклоняясь помолись и потомъ пріѣзжай. Твоя поклоняющаяся голова да вѣчно блаженствуетъ! Вѣчно живущихъ людей благословеніе подобно шондомани да пріймите! Здѣсь всегда, тамъ вполнѣ блаженствуй!“

„Съ вершины высокой Хумуръ-горы лучи золотого солнца притягивая на свою голову, прійди! Изъ пучины глубокаго моря бѣлый каменный шондомани держа въ правой рукѣ, принеси! Среди многочисленнаго бѣлаго табуна, живя, блаженствуй? Бѣлаго бога Майдери привлекая на свою голову, прійди! Сѣвъ на коня, догоняющаго волка, пріѣзжай! Держа въ правой рукѣ подобную рыси (шулусун), пріѣзжай! Пришивъ на плечо перламутрово-серебряную пуговку, пріѣзжай! Призывая на себя благословеніе (хурейлаху—призывать, произнося: „Хурэй“!) здѣсь пребывающаго народа, пріѣзжай! Тамъ вполнѣ, здѣсь всегда блаженствуй! Блаженную жизнь на себя прійми, сѣдые волосы да сплетутся на твоей макушкѣ!“

рить свое благословеніе свекоръ, за нимъ другіе сидящіе, кто какъ можетъ. Женихъ отходить отъ неvěсты, беретъ кусокъ жиру, и зайдя въ юрту, бросаетъ въ огонь. Между тѣмъ сваты встаютъ съ мѣста, входятъ въ юрту, садятся рядомъ, за ними идутъ неvěста и прочіе въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, только безъ жениха. Какъ только войдутъ они въ юрту, на нихъ бросаютъ поверхъ головы зерновой хлѣбъ въ убѣжденіи, что зерновой хлѣбъ прогоняетъ злыхъ духовъ. Невѣста останавливается передъ огнемъ у дверей; ее ставятъ на войлокъ, даютъ ей раскрошеннаго жиру; она трижды бросаетъ его въ огонь; потомъ такой же жиръ бросаютъ на разосланный подолъ свекра, повторяя это трижды; въ послѣдній разъ бывшіе тутъ люди отнимаютъ жиръ у свекра; неvěста причетъ часть жира въ свои рукава, какъ говорятъ на свое счастье. Потомъ неvěстѣ подаютъ въ чашкѣ молочной пищи: но свахи принимаютъ ее раньше неvěсты; онѣ не пьютъ, а только прикасаются губами къ блюду, сагалаху, то-есть, молосничаютъ; неvěста дѣлаетъ это послѣ всѣхъ. Затѣмъ уходятъ въ юрту жениха; тутъ только съ неvěсты снимаютъ покрывало. Вслѣдъ за ними приходитъ свекровка! съ своимъ тарасуномъ и шаньгами и въ первый разъ здороваается съ сватьею, подаетъ ей тарасунъ и шаньги, а та отдаетъ ей привезенное съ собой скотское мясо. Тогда оба свата входятъ въ юрту неvěсты, держа подъ мышкою дрова, которые кладутъ въ огонь, говоря: „Будь огонь неугасимый!“ Послѣ угощенія, которое имъ сдѣлаютъ въ юртѣ, сваты уходятъ въ другую юрту, садятся рядомъ, и начинается вновь угощеніе. Между тѣмъ неvěста становится передъ огнемъ; ей подаютъ коровье масло въ чашкѣ, которое по указанію свахъ она льетъ на огонь трижды; потомъ свекровка благословляетъ неvěсту и даритъ ей золото, серебро и денегъ, смотря по состоянію, и нѣкоторое количество скота. То же дѣлаетъ свекоръ и всѣ родственники дарятъ, кто что можетъ. Затѣмъ неvěста изъ юрты свекра, въ которой до сего времени исключительно находилась, уходитъ въ юрту жениха; за нею приходитъ свекровка съ сватьею. Послѣ взаимнаго угощенія мать неvěсты отдаетъ привезенное мясо во всемъ составѣ (сакимжа); изъ него отдѣляются для сватьи печенья, почка и другія внутренности (и хиревчи-иден). По окончаніи бурятскаго обряда приступаютъ къ ламайскому. Призванный лама садится у

подпирки на видномъ мѣстѣ, ставитъ икону и передъ собою скамейку съ священными книгами. Женихъ съ невѣстою стоятъ передъ каминомъ на войлокѣ, лама читаетъ тибетскую молитву. Затѣмъ, омывъ руки и лицо ихъ арчіяскомъ и священной водою, онъ кончаетъ чтеніе. Супруги молятся иконѣ и получаютъ благословеніе ламы приложеніемъ книги къ ихъ головамъ. Послѣ этого обряда гости посѣщаютъ родственниковъ свата, равно и невѣста въ сопровожденіи свахъ, которыя держатъ надъ ея головою шаль о четырехъ углахъ. При входѣ невѣсты въ каждую юрту также бросаютъ зерновой хлѣбъ, шаманы брызгаютъ тарасуномъ, а невѣста, стоя передъ огнемъ, кидаетъ на подолъ родственника подпругу отъ сѣдла съ матеріей и шелкомъ, которыя привѣшиваются къ столбу юрты. Затѣмъ невѣста трижды льетъ масло, а хозяинъ дома послѣ благословительной рѣчи даритъ ей золото, серебро и деньги въ томъ количествѣ, въ какомъ впослѣдствіи можетъ получить за свою дочь-невѣсту. Послѣ угощенія у одного родственника посѣщаютъ другаго и т. д. Затѣмъ невѣста возвращается домой и тогда только освобождается отъ церемоній; послѣ этого невѣста угощаетъ гостей по обыновенному. Далѣе начинается состязаніе обѣихъ сторонъ; пробуютъ лошадей въ бѣгу, избираются борцы. Зрители дѣлятся на партіи, держатъ пари; бываетъ и драка, послѣдствія которой на другой день забываются. Снова идетъ угощеніе „дукаринномъ“; дукаринъ — взаимное угощеніе тарасуномъ. Отпивши, гость передаетъ свой пай другому—это дукаринъ; каждому приходится выпить много чужихъ паевъ; отказъ принимается за обиду. Гулянка кончается черезъ два, три дня и болѣе. Въ тотъ день, когда гости уѣзжаютъ домой, ставятъ на дворъ въ большомъ количествѣ вино и тарасунъ на угощеніе всѣмъ („укыр ерки“, то-есть, бычачій тарасунъ), потому что по обычаю свать долженъ для гостей бить быка, но его замѣняютъ тарасуномъ. Но если гости недовольны чѣмъ-нибудь, то требуютъ быка въ натурѣ; въ случаѣ отказа угоняютъ изъ этого улуса чьего попало быка, дорогой убиваютъ, мясо сѣдаютъ, а кожу раздѣляютъ ремнями. Послѣ свать платитъ хозяину быка деньгами. При этомъ бываютъ кулачные бои. вмѣстѣ съ гостями уѣзжаетъ къ родителямъ и невѣста; вновь къ мужу она пріѣзжаетъ черезъ полгода или ранѣе вмѣстѣ съ своими подругами. Проживъ у мужа мѣсяцъ, опять

*

отправляется къ родителямъ, но тогда уже не такъ долго у нихъ остается. Затѣмъ посѣщенія мужа учащаются, и она наконецъ окончательно поселяется въ домъ мужа. Отецъ даритъ своей дочери въ приданое разныя скотъ и разную утварь, зятю—также скотъ и разныя вещи, такъ что на это приданое уходить весь капиталъ, полученный за невѣсту“.

3. Похоронные обряды.

У Алтайцевъ покойника одѣваютъ въ шубу, шапку и другую одежду, даютъ ему чашку, ложку и кладутъ въ деревянный срубчикъ. У богатыхъ колютъ лошадь. Прежде просто клали на землю и закладывали (колодами?). Въ старое время устраивали для покойниковъ полати на деревьяхъ. Поминокъ не дѣлаютъ; на запросы о поминкахъ мнѣ отвѣчали Русскіе: „Какія поминки! они боятся срубчиковъ или могилъ и стараются подальше ихъ объѣхать“. Н. М. Ядринцевымъ записано показаніе, что черезъ семь дней послѣ смерти человѣка у Алтайцевъ камлаютъ Тусъ-шайтану. Мать и отецъ, у которыхъ умеръ ребенокъ, сорокъ дней не входятъ ни въ чью юрту.

У Урянхайцевъ (Тува) шамановъ хоронятъ на полати, устроенныя на листовницахъ; бубень и маньякъ вѣшаютъ выше на тѣхъ же деревьяхъ, надъ головой покойника. Тѣла простыхъ людей кладутъ въ деревянный срубъ; въ головахъ ставятъ столбъ, раскрашенная верхушка котораго имѣетъ видъ чашки. Зажигаютъ костеръ передъ срубомъ и на немъ сжигаютъ масло, мясо и муку. Лошадь съ сѣдломъ дарятъ ламамъ. Богатые одѣваютъ покойника въ богатую шелковую шубу, къ которой все-таки пришиваютъ лоскутокъ старой поношенной шубы покойника. По смерти человѣка семейство въ память о покойникѣ чрезъ каждыя шесть дней въ седьмой, считая со дня смерти, ничего не выноситъ изъ юрты, не продаетъ и даромъ не даетъ ни молока, ничего другого; внутри юрты можно гостя накормить, но дать что-нибудь на выносъ нельзя. У Монголовъ есть этотъ обычай въ извѣстные дни не давать на выносъ, но онъ не погребальный; по монгольски онъ называется керектей удур, сэрътэй; Тува (Урянхайцы) зовутъ этотъ обычай ширлих. У Аларскихъ Бурятъ это запрещеніе выносить изъ дому соблюдается послѣ жертвы огню и называется хурирь или сэрътэй.

Дархаты и Дюрбюты, когда владутъ или холостятъ скотъ, не даютъ ничего изъ дому въ теченіе трехъ дней. У Дюрбютовъ существуетъ обычай не давать изъ юрты на выносъ въ день, когда кто умретъ; напримѣръ, если человѣкъ умретъ въ 13-е число мѣсяца, то не даютъ 3-го, 13-го и 23-го числа. Иногда по какому-нибудь случаю устанавливаютъ недаванье изъ дому 9-го, 19-го и 29-го, или 7-го, 17-го и 27-го числа. Почитаютъ также день, въ который посвящаютъ лошадей или другой скотъ Богу.

Если молніей убьетъ скотину или человѣка, Урянхайцы (Тува) устраиваютъ сѣрь, то-есть, четыре столба съ полатами и на послѣднія владутъ тѣла убитыхъ. Мясa убитыхъ молніей животныхъ не ѣдятъ ¹⁾.

У Бурятъ Аларскаго вѣдомства покойниковъ или зарываютъ, или сжигаютъ, или просто заваливаютъ въ лѣсу хворостомъ. При похоронахъ собираются родственники; у головы покойника ставятъ огонь съ благовонымъ куреніемъ; самого его одѣваютъ въ лучшую одежду, ротъ и глаза завязываютъ платкомъ, признавая запахъ изо рта покойника вреднымъ для здоровья живыхъ, какъ и послѣднее дыханіе покойнаго. Хоронятъ въ день смерти или на другой день, рѣдко на третій. Гробъ дѣлается изъ досокъ; такъ какъ кладбищъ нѣтъ, то трупъ просто отвозятъ на лучшей лошади въ лѣсъ; тамъ привалитъ двѣ колоды, одна подлѣ другой; на нихъ положить трупъ, одѣтый въ шубу и завернутый въ войлокъ, потомъ завалитъ хворостомъ и подожгутъ или оставятъ такъ. Прежде Аларскіе Буряты при похоронахъ убивали лошадей; этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояли, чтобы лошадь поступала въ дацанъ. Нынѣ, когда вліяніе ламства въ Аларскомъ вѣдомствѣ подорвано полицейскими мѣрами, шаманисты лошадей только отводятъ въ лѣсъ и оставляютъ подлѣ покойника; если похороны происходятъ зимой, и лошадь не останется въ лѣсу, а прибѣжитъ къ своему двору, ея не пускаютъ во дворъ, отгоняютъ прочь и наконецъ, отводятъ къ Русскимъ на продажу. Этой лошади Буряты боятся, какъ и самаго покойника. Она называется холго. Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ убіеніе лошади еще

¹⁾ На Термисѣ въ 1878 г. молнія убила въ одномъ богатомъ аилѣ разомъ человѣка и 104 барана.

сохранилось. Шамана въ Аларскомъ вѣдомствѣ хоронятъ на по-мостѣ, сдѣланномъ на соснахъ. Туда же относятъ всѣ шаманскія принадлежности, въ томъ числѣ и бубень, который при этомъ протягивается. Въ Тункинскомъ вѣдомствѣ тѣло умершаго шамана сжигаютъ; въ память же о немъ ставятъ при дорогѣ три столба.

4. Семейные и общественные обычаи.

Жена у Дюрбютювъ не называетъ имени мужа и вообще муж-чинъ старше по родству, а замѣняетъ ихъ имена подходящими словами, напримѣръ, вмѣсто имени Сарисынъ употребляютъ ильгынъ; оба эти слова имѣютъ одно значеніе „выдѣланная кожа“. Тотъ же обычай соблюдается и у Телеутовъ; для замѣны настоящихъ именъ мужей у женщинъ есть запасъ подставныхъ именъ; такъ, имя Тіенгашъ (въ переводѣ значить бѣлочка) замѣняется именемъ Керемель (ср. монг. керми, бѣлка), вмѣсто Коёнокъ (зайчикъ) го-ворять Тулай (ср. монгол. тулай, заяць), вм. Элигешъ (уменьши-тельное отъ эликъ, козуля) говорятъ Анай (ср. анай по соптски сѣверный олень).

У Аларскихъ Бурятъ женщина почитаетъ за стыдъ явиться предъ однородцемъ, который старше ея лѣтами, съ голыми пле-чами, съ открытою грудью, съ обнаженными ногами; предъ стар-шими у женщинъ голова должна быть покрыта шапкой, подолъ за-пахнуть, пуговицы застегнуты; поэтому однопородецъ, при входѣ въ юр-ту, прежде чѣмъ открыть дверь, кашляетъ; и если хозяйка не го-това, она кричитъ ему, чтобы погодилъ. Старшаго лѣтами одно-родца женщина называетъ хадым-аха, свекоръ братъ, онъ же ее зоветъ бэрэ или бэрэ басыгын. Предъ чужеродцами женщины не стыдятся.

У Алтайцевъ племянникъ имѣетъ право на „баркы“, то-есть, подарокъ отъ дяди съ матерней стороны. До семи лѣтъ ребенку вяжутъ впереди уха косички; на седьмомъ году дядя говоритъ мальчику: „Пріѣзжай, я тебѣ отдамъ баркы“. Пріѣхавшему племян-нику онъ отрѣзаетъ косичку и долженъ дать ему лошадь. Если не дастъ, то родители ребенка вытребуютъ ее черезъ зайсанга.

У Аларскихъ Бурятъ существуетъ запрещеніе брать въ руки кость (баранью лопатку) при роднѣ со стороны матери; въ против-номъ случаѣ привяжутъ на шею ремень съ тою лопаткой. Но это

знаеть девять поколѣній предковъ съ отцовской и съ материнской стороны, тотъ избавляется отъ наказанія. Во время обѣда голову подаютъ первому гостю, а лопатку—второму.

У Теленгитовъ на Чуѣ существуетъ обычай заключать союзъ братства; при этомъ одинъ лижетъ лезвее топора, другой—дуло.

У Сальджаконъ (Урянхайцевъ) на Хуакемѣ обрядъ заключенія братства называется тангуракъ.

Обрядъ клятвы или присяги у Алтайцевъ заключается въ томъ, что клянущійся садится на шкуру медвѣдя и цѣлуетъ его въ носдри. Медвѣдь считается карателемъ за преступленія; если кто-нибудь оговариваетъ другого въ какой-нибудь суммѣ денегъ и несправедливо вводитъ на него долгъ, невинный, не умѣя на судѣ убѣдить судей въ своей правотѣ, говоритъ: „Хорошо, я возьму въ одну руку медвѣжью голову, а другою рукой отдамъ деньги; возьми!“ Человѣкъ, несправедливо требующій, не рѣшится настаивать, и часто бываютъ случаи, что истецъ, начавъ дѣло, передъ этою клятвой отказывается ¹⁾. Прійми клятву по алтайски: шерть ич, „пей шерть!“ По видимому, прежде при клятвѣ что-то ѣли или пили.

У Сальджаконъ (на Хуакемѣ) о клятвѣ выражаются: джяганга крив тур, „войдти въ джяганъ“. Клятва состоитъ въ томъ, что говорятъ: „видитъ это солнце и мѣсяцъ“, кунъ ай куруб тур; при этомъ лижутъ конецъ ружья, лезвее ножа (ножь складной или бритва по урянхайски тангракъ), наконецъ, пьютъ воду, въ которую положенъ черепъ медвѣдя съ словами: „какъ я пью эту воду, такъ пусть съѣстъ меня медвѣдь“. Слово шерть у Сальджаконъ не извѣстно.

У Аларскихъ Бурятъ считается сильною клятвой жженіе жилъ сѣбра или альпійскаго волка. Вора, отпирющагося въ преступленіи, заставляють жечь ихъ.

У Дюрбютонъ когда дѣлать имущество, всякому, кто хотя случайно присутствовалъ при этомъ, что-нибудь да дадутъ; а человѣку, который дѣлилъ, иногда даже лошадь дарятъ: мори такина, „лошадью кланяются“. Когда невѣсту привезутъ въ домъ жениха, женихъ тещѣ также „кланяется лошадью“.

¹⁾ Сообщилъ дьячинный писарь г. Дорошенко.

У Бурятъ шаманы въ обществѣ всегда становятся въ ряду первыми съ правой руки: барунгар дархугей.

У Алтайцевъ существуетъ обычай, убивъ бурундука, втыкать его заднимъ концомъ на палку; въ ротъ ему вкладываютъ пучокъ травы; потомъ эту палку втыкаютъ въ листовницу подъ кору или въ щель съ восточной стороны (сообщено однимъ новокрещенымъ въ дер. Сараса).

5. Бубны и шаманы.

На мѣстныхъ языкахъ существуютъ слѣдующія названія бубна: по монгольски хэнгрэ или хэнгрикъ; по алтайски тумыръ, по урянхайски тунгуръ; на языкѣ Качинскихъ Татаръ тюръ или туре, на языкѣ Аларскихъ Бурятъ хэсэ.

Всѣ бубны, которые мы видѣли въ сѣверо-западной Монголиі и въ русскомъ Алтайѣ, у Урянхайцевъ и Алтайцевъ, имѣли круглый видъ; яйцевидной формы, которая встрѣчается въ Лапландіи и на Амурѣ, я въ сѣверо-западной Монголиі не видѣлъ ¹⁾. Бубень состоитъ изъ обода въ ладонь шириной, какъ у нашего рѣшета, обтянутаго сыромятью изъ моральей шкуры; кожа покрываетъ бубень только съ одной стороны; съ другой шаманскій бубень полный, чѣмъ онъ отличается отъ тѣхъ съ обѣихъ сторонъ обтянутыхъ бубновъ, которые употребляютъ при буддійскомъ богослуженіи. Кожа покрываетъ собою и наружную сторону обода; край кожи длиннѣе обода на вершокъ, подвернуть внутрь бубна, но не приколотенъ къ внутренней сторонѣ обода, а стянута сдержкой. Эта кромка называется карлыгачъ; она, какъ мнѣ говорили, бываетъ только на бубнахъ Алтайцевъ и Теленгитовъ; у Соионовъ и Урянхайцевъ ея нѣтъ (въ бытность на Улукемѣ мнѣ было не вдомекъ убѣдиться въ этомъ самому). Наружнымъ своимъ видомъ шаманскій бубень больше всего напоминаетъ наше лукошко; поперечникъ его бываетъ до 26 англ. дюймовъ, ширина обода до 8 дюймовъ.

Въ полости бубна укрѣплены двѣ поперечины, вертикальная деревянная и горизонтальная желѣзная. Деревянная поперечина у Алтайцевъ называется баръ; это слово я слышалъ и у Монголовъ въ

¹⁾ По словамъ г. Ядринцева, у Черневыхъ Татаръ всѣ бубны овальные.

окрестностяхъ города Кобдо, гдѣ оно употребляется въ значеніи всего бубна; напимѣръ, говорятъ объ извѣстномъ шаманѣ, что онъ бартай бѣ, то-есть, что онъ—шаманъ, имѣющій бубень, въ отличіе отъ шамана, камлающаго безъ бубна ¹⁾. У Черневыхъ Татаръ Кузнецкаго округа, по свидѣтельству г. Ядринцева, эта поперечина называется марсь; у Урянхайцевъ на Улу-хемѣ и Хуа-хемѣ она называется тутъ; у Качинскихъ Татаръ—тудъ. У алтайскихъ бубновъ она имѣетъ видъ стержня, расширяющагося на концахъ; сверху это расширеніе имѣетъ видъ набалдашника, обдѣланнаго въ видѣ человѣческой головы: тутъ вырѣзаны подборонныя углубленія для глазъ, выдающіеся впередъ носъ, губы и подбородокъ. Круглыя выпуклыя мѣдныя бляхи въ родѣ гладенхъ пуговицъ прибиты на мѣстѣ глазъ; конецъ носа, губы и подбородокъ также иногда окованы мѣдными пластинками. Внизу стержень кончается развилкомъ, то-есть, расширеніемъ, въ которомъ вдоль оси сдѣлана сквозная продолговатая вырѣзка; эта раздвоенная часть стержня у Алтайцевъ называется путъ, то-есть, ноги. Ниже головы на стержнѣ у нѣкоторыхъ бубновъ встрѣчаются горизонтальные придатки въ родѣ обрубленныхъ рукъ. На востокѣ у Урянхайцевъ я не замѣтилъ человѣческаго лица на барѣ, но развилка встрѣчается.

Желѣзная поперечина называется у Алтайцевъ кришь (или крышь), тетива, у Урянхайцевъ на Улухемѣ—шйджекъ; это—желѣзный пруть въ гусиное перо толщиною; на немъ навѣшаны желѣзныя погремушки, которыя по монгольски называются холбого, по алтайски кунгру, по телеутски (въ Кузнецкомъ округѣ) синкэръ, у Урянхайцевъ на Улухемѣ кунгуръ. Кунгру состоитъ изъ длинной трубочки, имѣющей сверху ушко, которымъ оно надѣто на тетиву. Число кунгру различно; иногда ихъ надѣто по девяти штукъ на правой и на лѣвой сторонѣ отъ бара; иногда ихъ всего девять; тогда на правой сторонѣ—четыре, на лѣвой—пять. Разница въ числѣ кунгру, по словамъ о. Постникова, миссіонера въ сел. Мыютѣ, соответствуетъ званію кама; у нѣкоторыхъ бываетъ всего четыре кунгру, у другихъ болѣе;

¹⁾ Нюрбы или казначей ламайскаго монастыря въ Улангомѣ на мой вопросъ, какъ называется эта поперечина по дюрбютски,—отвѣчалъ: онгонъ. Не знаю, названіе ли это этой части бубна, или толкованіе его значенія.

число ихъ указываетъ на количество „чалу“, то-есть, силъ или дучковъ, которыми повелѣваетъ шаманъ. Кунгру могутъ перекачываться по тетивѣ, когда бубень наклоняютъ, но не по всей длинѣ тетивы; ихъ удерживаютъ бугорки на тетивѣ, образованныя складкою ея (см. табл. I, рис. 30); всѣхъ бугорковъ четыре, два—на правой и два—на лѣвой. Они дѣлятъ тетиву на пять частей, изъ которыхъ средняя и двѣ крайнія гладкія, остальные двѣ, на которыхъ только и навѣшаны кунгру, рубчатая; эта рубчатость произведена тѣмъ, что желѣзный пруть въ этомъ мѣстѣ скрученъ. Рубчатость тетивы усиливаетъ шорохъ, который происходитъ, когда при наклоненіи бубна кунгру катятся по тетивѣ.

Кромѣ поперечинъ, слѣдуетъ еще указать на саблевидныя желѣзныя небольшія привѣски на внутренней сторонѣ бубна, прикрѣпленныя вправо и влѣво отъ головы бара. Они называются или срга, то-есть, серьги, или влччъ, то-есть, сабли, или наконецъ, кулакъ, уши. Съ наружной стороны обода, какъ разъ надъ головой бара, прикрѣпленъ ремешокъ; онъ служитъ для подвѣшиванія бубна къ рѣшеткѣ юрты и называется гизеге или кѣджиге, то-есть, коса. На бубнѣ ангудайскаго шамана Энчу на наружной сторонѣ обода подъ кожей находятся бугорки величиной съ конопляное сѣмечко; они расположены въ 9 поперечныхъ рядовъ; по толкованію шамана Энчу, это—кочкоръ, то-есть, аркары или каменные бараны. На другихъ бубнахъ эти шишки крупнѣе, съ бобъ или съ ружейную пулю, и тогда число ихъ меньше, и они помѣщаются только на плечахъ бубна. По словамъ о. Чивалкова, у Телеутовъ они называются ѳркѳшь (такъ называются собственно горбы у верблюда); при камланьи говорится о бубнѣ: алт' ѳрѳшьту ахъ ягалым, то-есть, „шестишишечный мой бѣлый (святой?) бубень!“

На тетивѣ подъ бородой бара всегда можно видѣть навязанною связку узкихъ полосокъ матеріи, такъ-называемыхъ ялама; эта связка образуется вслѣдствіе обыкновенія привязывать полоску матеріи къ тетивѣ всякій разъ, какъ бубень поднимаютъ съ мѣста для камланья. Эта связка, по показанію нѣкоторыхъ шамановъ, называется мончо, по показанію другихъ—кунѳэ.

На кожѣ, которою обтянутъ бубень, иногда на обѣихъ сторонахъ, наружной и внутренней, иногда только на внутренней, красною краской сдѣланы рисунки; Алтайцы полагаютъ, что красная

краска для этого должна быть взята изъ Красной горы на р. Чуѣ. Тѣ рисунки, которые я видѣлъ на внутренней сторонѣ бубновъ алтайскихъ и теленгитскихъ шамановъ въ Алтай, суть изображеніе внутреннихъ частей самага бубна (см. табл. IV, рис. 51 и 52, табл. V, рис. 53, табл. VI, рис. 55, и табл. XI, рис. 64); именно на ней прежде всего проведены двѣ перекрещивающіяся черты, одна вертикальная, другая горизонтальная; вертикальная сверху снабжена подобіемъ человѣческаго лица, а внизу имѣетъ раздвоеніе; это—баръ. На поперечной, изображающей кришь, тетиву, представлены подвѣшенные кунгуну; не забыты и саблевидные привѣски, клычъ. Иногда подъ тетивой проведена еще другая или двѣ другія черты; это, по толкованію шамановъ—солонго, радуга (табл. IV, рис. 52 и табл. XI, рис. 64). Затѣмъ въ четырехъ отрѣзкахъ, образованныхъ перекрещивающимися въ кругѣ линиями, представлены еще разныя фигуры, въ выборѣ которыхъ является уже болѣе произвола и личной фантазіи. Такъ, на бубнѣ теленгитскаго шамана Тарана (табл. VI, рис. 55) въ обонхъ верхнихъ секторахъ изображено по пяти ломаныхъ линій въ родѣ того, какъ у насъ представляется молнія. По объясненію шамана, это — змѣи. Подъ кришемъ съ лѣвой стороны изображенъ шаманъ съ бубномъ, то-есть, человѣческая фигурка, держащая въ лѣвой рукѣ, если принять ее стоящую задомъ, кружокъ, внутри котораго опять можно замѣтить баръ кришь и даже кунгуну. Ниже криша двумя чертами отдѣлены два сектора; въ лѣвомъ секторѣ находится опять фигура шамана съ бубномъ, аркаръ или баранъ и кругъ съ перекрещивающимися линиями и секторами. Въ правомъ секторѣ третья фигура шамана съ бубномъ въ лѣвой рукѣ и съ колотушкой въ правой; подъ фигурой такой же кругъ, какъ и въ лѣвомъ секторѣ.

На бубнѣ алтайскаго шамана въ Ангудаѣ Энчу (табл. XI, рис. 64) въ верхнихъ секторахъ изображено нѣсколько человѣческихъ фигурокъ; это по его собственному объясненію тэнридыны кыз, небесныя дѣвы; ниже криша, подъ радугой, — солонго, изображенной тремя дугообразными линиями, представлены два кружка, перекрещенные внутри; это курмѣсныя тюмуры, то-есть, бубны Курмѣсы; въ лѣвомъ секторѣ, кромѣ того, находится человѣческая фигурка—это самъ Курмѣсь; въ правомъ секторѣ ко-

роткая вертикальная черта представляет его колотушку. Точки числомъ 10, въ лѣвомъ секторѣ—звѣзды.

На бубнѣ теленгитскаго шамана на Чуѣ Буунчука (табл. V, рис. 53) представлены баръ съ однимъ вѣшнимъ очертаніемъ головы безъ глазъ и носа; нижній конецъ бара представленъ съ раздвоеніемъ; подъ головой проведена короткая горизонтальная черта, какъ бы распятія руки; ниже ея другая черта, упирающаяся концами въ стѣнки бубна — это кришь; на немъ представлены не только кунгру, но и складки или бугорки; подъ кришемъ три человѣческія фигуры; кромѣ того, надъ кришемъ два кружка, а подъ кришемъ — шесть, всѣ пустые, перекрещенные. По толкованію самаго владѣльца бубна, пустые кружки суть изображеніе бубновъ, тюмурдымъ бои; человѣческія фигурки — тюмурнымъ еезі ¹⁾. На наружной сторонѣ бубна были начерчены изъ центра расходящіеся радіусы (болѣе 10) и четыре концентрическіе круга, а въ клѣткахъ — мелкіе кружки и точки; это — „звѣзды и свѣтила“.

Помѣщаемъ извлеченіе изъ дорожныхъ замѣтокъ Н. М. Ядринцова о бубнахъ Черневыхъ Татаръ, которыхъ намъ не довелось видѣть.

Бубны Черневыхъ и Кумандинскихъ Татаръ, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, отличаются отъ алтайскихъ. На внутренней сторонѣ первыхъ вертикальная поперечина не имѣетъ изображенія человѣческаго лица; она имѣетъ видъ дощечки, въ ладонь или въ три пальца ширины, середина которой посредствомъ вырѣзокъ съ правой и съ лѣвой стороны сдѣлана уже, чтобъ удобно было держать за эту часть поперечины рукой. Эта поперечина, какъ сказано выше, называется марсъ. На наружной сторонѣ марса сдѣланы нарѣзки въ верхней половинѣ въ видѣ буквы V, въ нижней—въ видѣ буквы Л ²⁾. Впереди марса проходитъ горизонтальный желѣзный пруть, кришь, на которомъ желѣзныя подвѣски, сууръ, по четыре на каждой сторонѣ; между подвѣсками под-

¹⁾ Эезі—хозяинъ, также духъ урочища или вообще неодушевленной природы.

²⁾ См. рисунки, табл. XIII, фиг. 1. Такіе рисунки я видѣлъ и въ алтайскихъ бубнахъ на нижней расширенной части бара: семь чертъ на лѣвой и семь на правой сторонѣ отъ средней линіи.

вязаны ленты, также по четыре на сторонѣ. Вверху на ободѣ подвѣшены желѣзные пластинки колючь, сабли: три влѣво отъ верхняго конца марса и три вправо отъ него. Бубень у Черневыхъ Татаръ называется тюрё.

На наружной сторонѣ бубна находятся рисунки животныхъ и деревьевъ; поверхность бубна раздѣлена горизонтальною полосой на двѣ неровныя части; въ верхней большей части изображена дуга, обращенная концами внизъ и упирающаяся въ горизонтальную полосу; эта дуга, можетъ быть, изображаетъ радугу. Внутри ея находятся два дерева; на каждомъ изъ нихъ сидятъ птвица карагушь, обращенная носомъ влѣво, лѣвѣе же деревьевъ представлены два кружка, одинъ свѣтлый, это—солнце, кунь; другой темный, это—мѣсяцъ, ай. Подъ горизонтальною полосой изображены лягушка, пага, ащерица, келескенъ и змѣя, тиланъ. На дугахъ и на поперечной полосѣ изображены звѣзды, чаганъ.

Въ Кузнецкой Черни устройство бубновъ вполнѣ сходно съ устройствомъ ихъ у кумандинскихъ и бійскихъ Черневыхъ Татаръ; такой же марсъ, кришъ и пр., но въ рисункахъ наружной стороны является разнообразіе. На бубнѣ, находящемся у о. Вербицкаго, наружная поверхность или кругъ бубна раздѣленъ также горизонтальною полосой, но какъ эта полоса, такъ и кайма, по окружности круга вмѣсто звѣздочекъ украшена ломаною линіей или зигзагами ¹⁾. Въ верхней половинѣ круга представлено до семи фигуръ, напоминающихъ лошадей; это кони, „бура“, возносящіеся на небо, то-есть, жертвы; надъ ними вверху два кружка, испускающіе лучи, луна и солнце; вправо отъ лошадей три дерева. Подъ горизонтальною чертой слѣва находится змѣя, справа рыба, керъ балыкъ (китъ-рыба по объясненію о. Вербицкаго, буквально: гнѣдая рыба) ²⁾.

Бубень, конфискованный полиціей близъ Кузнецка, имѣетъ такое же дѣленіе на верхнюю и нижнюю половину ³⁾; на немъ также кайма и поясъ украшены ломаною линіей. Въ верхней половинѣ

¹⁾ Подобныя украшенія зигзагами, можетъ быть, означающими молнію, встрѣчаются и на мѣдныхъ гребняхъ, которыя носятъ на поясѣ дѣвцы у Вотажовъ Вятской губерніи.

²⁾ См. табл. VIII, фиг. 59.

³⁾ См. табл. VII, фиг. 58.

вверху два кружка—солнце и луна; въ лѣвомъ боку пять всадниковъ на лошадяхъ; подъ ними стрѣлецъ, атыгжа, также верхомъ на лошади; средину пространства занимаютъ изображенія невода, созурге, и сита для просѣванія кедровыхъ орѣховъ, елеть; въ правомъ боку—два дерева, бай газынъ или бай каннъ (буквально: богатая берега), надъ которыми парятъ двѣ птицы, карагушъ. Подъ чертой на правомъ и на лѣвомъ боку по овальной фигурѣ съ рѣшетчатою или чешуйчатою кожей; это два керьбалыка; въ срединѣ между ними—лягушка и олень, а внизу—змѣя. На верху къ ободу бубна прикрѣплено филиновое перо, укѣ.

Г. Ядринцевымъ описаны видѣнные имъ бубны и у Алтайцевъ. Онъ описываетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Большой чуйскій бубень нѣсколько отличается отъ черневаго. Внутренняя сторона его заключаетъ вертикальную поперечину съ изображеніемъ идола съ мѣдными глазами; этотъ идолъ называется борзы, боры или борысь; поперечный пруть называется кришъ, а привѣски на немъ—конру; ихъ девять, четыре—на одной, пять—на другой сторонѣ; вверху подвѣски по двѣ пары на сторонѣ, всего четыре пары; эти подвѣски называются кулакъ, то-есть, уши. Рисунокъ на передней сторонѣ бубна не былъ объясненъ, хотя онъ изображалъ, какъ видно, радугу, солнце, луну и какое-то созвѣздіе. На боковой поверхности бубна находятся поперечныя полосы, которымъ даютъ названіе боскышъ, ступеньки.

Другой чуйскій бубень¹⁾ имѣлъ на наружной сторонѣ изображеніе борсы, криша и верхнихъ подвѣсковъ или кулаковъ; выше криша были изображены солнце и луна въ видѣ кружковъ съ точкою по срединѣ²⁾. Ниже криша также два такіе же кружка съ центральною точкою. Кромѣ того, внизу изображены на лѣвой сторонѣ два шамана и подъ ними дикій козелъ, теке, и змѣя, на правой сторонѣ—три шамана и олень.

На третьемъ чуйскомъ бубнѣ, видѣнномъ г. Ядринцевымъ, че-

¹⁾ См. табл. IV, фиг. 51.

²⁾ Кружки съ центральною точкою встрѣчаются на мѣдныхъ гребняхъ, употребляемыхъ Вотяками Вятской губерніи; они есть также на костяныхъ издѣліяхъ, находимыхъ на городищѣ древняго Биляра, и на предметахъ, недавно открытыхъ г. Витковскимъ около Иркутска изъ кургановъ, гдѣ они лежали вмѣстѣ съ орудіями каменнаго вѣка.

четыре вертикальныя полосы изображали борсы, четыре горизонтальныя линіи радуго, солонго; точки между ними звѣзды; кромѣ того, нарисованы кружки съ центральною точкою, въ трехъ секторахъ по три кружка въ каждомъ, и въ четвертомъ секторѣ—одинъ кружокъ ¹⁾).

На четвертомъ бубнѣ вмѣсто выше описанныхъ рисунковъ начерченъ крестъ, концы котораго разщепляются и образуютъ завитки; на концѣ одной вѣтви креста изображеніе человѣческаго лица. Изображеніе этого креста перечеркнуто чертой, представляющею кришъ съ конгру.

На устьѣ р. Кеньги г. Ядринцевъ видѣлъ два бубна: одинъ былъ посвященъ Ерьсу абыгану; на внутренней его сторонѣ имѣется „борн“, кришъ съ 9-ю конгру и конче, то-есть, связка лентъ, привязанныхъ къ кришу; вверху по сторонамъ головы боры подвѣшено къ ободу по парѣ ушей, кулакъ. На боковой поверхности бубна поперечныя полосы были названы кочкоръ и „богова дорога“. На наружной поверхности бубна нарисованы: боры, кулаки, кришъ, солнце и луна въ видѣ концентрическихъ кружковъ съ центральною точкою и съ лучами, выходящими къ окружности; радуга въ видѣ пологой дуги подъ кришемъ; надъ радугой—двѣ человѣческія фигурки: боگوی дѣвицы, истюгуну кыстар; подъ радугой на одной сторонѣ—бубенъ, на другой—группа, представляющая принесеніе въ жертву коня. Какъ выше, такъ и ниже радуги, разсыпаны точки; это—звѣзды. О дѣвицахъ шаманъ отозвался, что это—дочери Ульгена, которыя играютъ: спускаются въ тайгу и поднимаются на небо ²⁾).

На другомъ кеньгинскомъ бубнѣ, который, по словамъ шамана, былъ посвященъ мѣдному носу ³⁾ Олыты-тѣсъ, были представлены: боры и кришъ, подъ которымъ проходитъ еще черта, означающая радуго, солонго; кришъ съ этою послѣднею соединена поперечными чертами. Внизу на лѣвой сторонѣ двѣ человѣческія фигуры, Олыты-кыстар, божья дочери, на правой—всадникъ и надъ нимъ солнце.

¹⁾ См. табл. X, фиг. 65.

²⁾ См. табл. IV, фиг. 52.

³⁾ Г. Ядринцевъ записалъ это имя только въ переводѣ; по татарски это должно быть джесь-мурушъ; не собственное ли это имя, испорченное домышленіемъ?

Близъ Паспаула на дорогѣ къ Телецкому озеру въ аилѣ у Черневыхъ Татаръ г. Ядринцевъ нашелъ кама Пакьяна, въ юртѣ котораго былъ бубень, посвященный, какъ объяснилъ камъ, горному духу Езыму, сидящему на семи бубнахъ. Бубень Пакьяна походилъ скорѣе на алтайскій, чѣмъ на бубень Черневыхъ Татаръ. На внутренней его сторонѣ находился идолъ съ мѣдными глазами; ниже подбородка стержень имѣеть два толстые придатка, какъ бы руки; на кришѣ были подвѣски сууръ или сумкыръ. Рисунокъ на наружной сторонѣ напоминаетъ бубны Черневыхъ Татаръ ¹⁾; кругъ раздѣленъ горизонтальною чертой на двѣ половины; поле верхней половины посредствомъ дугъ или полукруговъ раздѣлено на три слоя, изъ которыхъ первый слой—небо, второй—солонго, радуга; въ нижнемъ слоѣ изображены звѣзды, чеган, солнце на лѣвой сторонѣ и серповидная луна на правой, возуля, еликъ, деревья, и наконецъ, какое-то неопредѣленное изображеніе, которое на нашемъ рисункѣ не передано; камъ назвалъ его бура. Одни переводили (или толковали) это слово облако, другіе—небесные кони. Можетъ быть, это—тождественно, прибавляетъ г. Ядринцевъ; по крайней мѣрѣ, при объясненіи явленія грома называютъ небесныхъ коней, которымъ даютъ имя: кудайдмы бургазы. На нѣкоторыхъ бубнахъ изображаются несущіеся по небу кони. На боку Пакьянова бубна отъ сколачиванія обода гвоздями видны шишечки, которыя называются мяюзъ (рога). Поперечныя полосы на боковой поверхности бубна объясняются: тенкишъ, ступеньки на небо.

Для нанесенія ударовъ въ бубень служитъ колотушка, которая имѣеть видъ лопатки (длиною до 10 англ. дюймовъ) и состоитъ изъ ручки и широкой ложковидной части, которая съ одной стороны выпукла, а съ другой имѣеть углубленіе; выпуклая сторона обтянута шкурой дикаго козла (*Aegoceros sibiricus*) или зайца; на противоположной сторонѣ (которую иногда зовутъ алака, ладонь) въ полости ложковиднаго углубленія вставлены поперекъ его три проволоки, на которыхъ нанизаны колечки; къ ручкѣ, какъ и къ бару, бываетъ привязанъ пучокъ лентъ или яламы, который называется кунезъ; другіе зовутъ его манджак. Телеутскіе шаманы зовутъ эту связку лентъ ту, то-есть, знамя; число ленточекъ будто-

¹⁾ См. табл. IX, фиг. 62.

бы означаетъ, какъ велика подчиненная шаману дружина духовъ. Колотушка, какъ у Алтайцевъ, такъ и у Черневыхъ Татаръ и у Урянхайцевъ, называется орбо или орбы, а у Балаганскихъ Бурятъ тоборъ ¹⁾. Кольца, навязанныя на проволоку, иногда по девяти штукъ на каждую, называются чангракъ, чамгракъ или чамыракъ ²⁾.

Бубень дѣлается не самимъ шаманомъ, а постороннимъ лицомъ; когда бубень готовъ, онъ, по показанію шамана Энчу, не можетъ сейчасъ же быть употребленъ въ дѣло; шаманъ долженъ предварительно выслѣдить звѣря, изъ шкуры котораго сдѣланъ бубень, то-есть, разузнать, гдѣ онъ бѣгалъ, гдѣ пилъ, гдѣ кормился и пр. Узнаетъ онъ это, конечно, посредствомъ камланья, при чемъ всю исторію звѣря рассказываетъ присутствующимъ. Это выслѣживаніе будто бы иногда продолжается дня три.

У Аларскихъ Бурятъ ободъ бубна выдалбливается изъ ствола лиственницы. Освященіе его сопровождается обрядами. Во время камланья бурятскій шаманъ величаетъ свой бубень такими словами:

ой шиньк ургой минн урмара бытэ
хэри шиньк хэси минн хэбэрэ бытэ.

То-есть: лѣсу подобная, моя нерукотворная шапка, степи подобный, мой единный словомъ созданный бубень.

Спеціальная одежда шамана состоитъ изъ плаща, сшитаго изъ шкуры дикаго козла или оленя; подолъ плаща спускается немного ниже колѣнъ. Главная особенность шаманскаго плаща состоитъ въ томъ, что наружная поверхность его вся или за малымъ исключеніемъ бываетъ увѣшана множествомъ жгутовъ различной величины, которые представляютъ собою змѣй. Эти жгуты обшиты цвѣтными матеріями, ситцемъ и иногда парчей и пришиты къ плащу своими верхними концами; толщиной они дѣлаются въ палецъ и толще; нѣкоторые, впрочемъ немногіе, имѣютъ толщину въ ружейное дуло. Жгуты нашиты на спинѣ, плечахъ, рукавахъ (преимущественно вдоль задняго шва) и спереди на груди. Нѣкоторые жгуты пришиты къ плащу не самымъ концомъ

¹⁾ По словамъ „нюрбы“ Улангомскаго монастыря, по джурютски колотушка къ бубну называется докуръ.

²⁾ У Качинскихъ Татаръ колотушка состоитъ изъ ручки съ набалдашникомъ.

своимъ, а такъ, что верхній конецъ жгута остается свободнымъ и вызываетъ представленіе о головкѣ змѣи; на немъ очень часто битью вышиваются кружки вмѣсто глазъ; у толстыхъ жгутовъ этотъ верхній конецъ дѣлается разщепленнымъ, такъ что змѣя выходитъ съ разинутою пастью; такіе толстыя змѣи называются Абыргаджаланъ. У чуйскаго шамана Тарана на плащѣ были пришиты годъ самымъ воротникомъ два Абыргаджилана съ разинутыми ртами и съ голубыми бусинками вмѣсто глазъ. Концы большихъ змѣй раздваиваются, и каждый конецъ кончается кистью; на тѣлѣ такихъ змѣй въ двухъ мѣстахъ пришиваются пары тонкихъ жгутиковъ, кончающихся кистями, вѣроятно—ноги. Камъ Энчу толстыхъ змѣй на своемъ плащѣ называлъ Арба. Иногда дѣлаются три змѣи съ одной головкой. Кромѣ жгутовъ, на плащѣ нашито бываетъ множество узкихъ ремней изъ оленьей кожи, прикрѣпленныхъ пучками, какъ и тонкіе жгуты; пучки и тѣхъ, и другихъ состоятъ изъ девяти штукъ каждый. У хорошихъ и богатыхъ камовъ, говорятъ камы,—бываетъ тысяча и семь десятковъ змѣй или жгутовъ. Мелкіе жгуты у Алтайцевъ называются маньякъ (манджакъ, мандьякъ); этимъ же именемъ зовутъ и весь плащъ. Уранхайцы на Улухемѣ, какъ жгуты въ отдѣльности, такъ и весь шаманскій плащъ, называютъ ерень или манджакирень.

Кромѣ жгутовъ и ремней, или другими словами, кромѣ маньяка, къ плащу пришивается еще много другихъ символическихъ знаковъ и погребушекъ. Часто встрѣчаются стремянообразные желѣзные треугольники, на одно изъ колѣнъ которыхъ вдѣты желѣзныя привѣски: желѣзный лучокъ съ наложенною стрѣлкой (онъ имѣетъ свою цѣлью отпугивать отъ камлающаго шамана злыхъ духовъ) и нѣсколько трубочекъ, которыя называются холбого ¹⁾. На плащѣ у Энчу такихъ треугольниковъ или кришей (кришь—тетива) было нашито четыре; на плащѣ у Тарана, кромѣ множества мелкихъ кришей, пришитыхъ въ разныхъ мѣстахъ и снабженныхъ холбого по четыре штуки на каждый, на спинѣ между крыльдами помѣщены еще два большіе криша, на которыхъ было подвѣшено на одномъ 4, на другомъ 5 холбого или кунгру въ 3 вершка длиной. На спинѣ нашиваются двѣ круглыя мѣдныя бляхи, называемыя у

¹⁾ См. табл. II, фиг. 34.

Алтайцевъ кусумы или кулер кусумы; иногда двѣ другія нашиваются и на груди. Шкурки звѣрковъ горностаевъ, бурундуковъ и летягъ также пришиваются вмѣстѣ съ маньякомъ. На плащѣ у Тарана я замѣтилъ четыре кисета; хотя они, конечно, пустыя, но воображается, что въ нихъ насыпанъ табакъ, которымъ камъ угощаетъ духовъ во время странствованія въ ихъ мѣрѣ. Воротникъ плаща обшивается бахромой изъ филиновыхъ или совиныхъ перьевъ; у кама Энчу вмѣсто подобной бахрамы въ воротнику пришито семь куколокъ; каждая куколка состоитъ изъ туловища, пары ногъ и пары рукъ; къ головѣ каждой куколки, или вѣрнѣе, къ верхнему концу туловища, пришить густой плюмажъ изъ филиновыхъ перьевъ; эти плюмажи отъ семи куколокъ своею совокупностью и дѣлаютъ воротникъ плаща опереннымъ. Куколки эти, по объясненію Энчу,— небесныя дѣвы, тэнгринъ кыстар: „Ихъ называютъ на небѣ Яжилганъ или Бурганганъ“.

Не у всѣхъ, какъ сказано выше, шамановъ маньякъ покрываетъ всю поверхность ихъ плаща; у нѣкоторыхъ плащей спинка отъ воротника до пояса остается открытою; на ней иногда нашивается особаго цвѣта, напримѣръ, красный лоскутъ матеріи, на которомъ симметрически располагаются кусумы, холбого и часто русскіе колокольцы. У шамана Энчу на открытой спинкѣ было пришито, въ рядѣ, шесть русскихъ колокольцевъ ¹⁾; по одному такому же колокольчику было у него пришито и къ рукавамъ противъ локтей. У болѣе богатыхъ камовъ на спинѣ бываетъ девять колокольцевъ.

По объясненію Энчу, звуки этихъ колокольцевъ — голосъ семи дѣвицъ, пришитыхъ подъ воротникомъ и вызвающихся къ духу, чтобъ онъ спустился къ нимъ. На плащѣ у Энчу была еще та особенность, что его поверхность на мѣстахъ болѣе открытыхъ (на передней сторонѣ плечъ и рукавовъ и на груди) была расшита въ рѣшетку шнуркомъ изъ бити; въ каждой точкѣ пересѣченія трехъ линій была посажена коническая шишечка изъ бити же. Вообще новый маньякъ долженъ представлять блестящее и яркое одѣяніе.

¹⁾ Было какъ-то странно читать на шаманскомъ плащѣ надпись на колокольцахъ: „въ Слободскомъ Василій Макушинъ“.

Кромѣ бубна, при камланьи употребляется еще желѣзный инструментъ, который вкладывается въ ротъ; г. Палкинъ видѣлъ его у дархатскихъ шамановъ, которые называютъ его хуръ. При этомъ ставится березка, на которую привязаны хадаки пяти цвѣтовъ.

Шапка алтайскаго и урянхайскаго шамановъ представляетъ квадратную или четверугольную пластину изъ шкуры оленьяго теленка, покрытую съ лицевой стороны матеріей яркаго цвѣта или сукномъ; у Энчу лицевая сторона расшита въ рѣшетку шнуркомъ изъ бити также, какъ и плащъ. (Коннческія шишечки нашиты въ три ряда, въ каждомъ ряду по девяти шишечекъ). На одномъ боку пластины пришиты двѣ мѣдныя пуговицы, на другомъ—двѣ петли. Верхній край пластины у Энчу усаженъ перьями беркута или филина, которыя нашиваются пучками; по нижнему краю сдѣлана бахрома изъ каури, подвѣшенныхъ на шнуркахъ (у Энчу ихъ 19); между второю и третьею раковинами, какъ отъ лѣваго, такъ и отъ праваго края пластины, спускаются ремешки, на которые также нашиты бусы и каури, по двѣ на каждый, а къ концамъ ремешковъ прикрѣплены хвосты черной бѣлки. Эта пластина налагается нижнимъ краемъ на лобъ; бока ея заворачиваются къ затылку, застегиваются сзади на пуговицы и образуютъ надъ головой шамана цилиндръ ¹⁾; если пластина узка и достаточна жестка, то верхній край ея, украшенный плюмажемъ, торчитъ прямо, и тогда головной покровъ шамана походить на діадему; если же пластина широка, тогда цилиндръ образуется высокій, и верхній край его, особенно если пластина отъ ветхости стала мягкою, падаетъ назадъ, въ родѣ того, какъ верхъ у поварскаго колпака. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ шаманъ не имѣетъ того царственнаго вида, какъ тогда, когда плюмажъ поднимается прямо вверхъ, но во время пляски движущійся въ воздухѣ верхній конецъ шапки вводитъ въ картину нѣсколько новыхъ эффектовъ.

¹⁾ Съ этимъ шаманскимъ головнымъ покровомъ есть общія черты у женскихъ шапокъ у Вотяковъ. Вотская женская шапка, такъ называемый айшонъ, состоитъ изъ берестянаго тюрюка, на который спереди наложена облицовка или такъ-называемый ирбыртлэмъ; эта облицовка состоитъ изъ четырехугольнаго лоскута чернаго сукна, на который сверху нашитъ кусокъ красной матеріи, усаженный монетами; бока ея заворочены назадъ и стануты завязками позади тюрюка. Шаманскій головной покровъ—тотъ же ирбыртлэмъ, только безъ берестянаго остова.

У нѣкоторыхъ телеутскихъ шамановъ, какъ мнѣ говорилъ о. Михаилъ Чивалковъ въ Уралѣ,—шаманская шапка дѣлается изъ шкуры филина, при чемъ крылья не отрѣзываются, а остаются при шкурѣ и украшаютъ шапку; иногда и голова филина оставляется на шапкѣ. Мнѣ такихъ шапокъ не удалось видѣть. По словамъ о. Чивалкова, шапка шамана называется юльбрек (уйль-бере? уйлъ по монгольски какая-то хищная ночная птица, бере по алтайски и телеутски—шапка).

У Тарана шапка совершенно того же устройства, какъ и у Энчу, только въ подробностяхъ разница; лицевая сторона, покрытая краснымъ сукномъ, обшита по краямъ позументомъ, а внутри также разгорожена на четвероугольники посредствомъ поперечныхъ, вертикальныхъ полосокъ изъ позумента же; кромѣ того, здѣсь же нашита битъ зигзагами, такъ что четвероугольники разбиваются на треугольники, въ каждомъ треугольникѣ нашиты „яламаша“ или рядами, или звѣздочками; верхній и нижній край пластины опушены рысью; къ нижнему краю привѣшены нитки съ нанизанными на нихъ синими бусами, кончающіяся яламашемъ; къ верхнему краю пришить „юльбрек“, то-есть, пучки филиновыхъ перьевъ. Надъ лбомъ двѣ мѣдныя гладкія бляшки въ дюймъ поперечникомъ: это—глаза. Къ двумъ заднимъ угламъ пластины пришиты двѣ тесьмы, „учу“, соответствующія двумъ лентамъ обыкновенной шапки; къ нижней пуговкѣ сзади привязанъ шелковый шнурокъ, снабженный внизу девятью шелковыми длинными кистями на длинныхъ шнуркахъ, украшенныхъ яламашемъ, бусами и узелками изъ биты. Къ нижнему краю пластины пришито десять горностаевыхъ шкурокъ.

Не всѣ камни—„юльбректу“ и „маньякту“, то-есть, съ филиновою шапкой и съ маньякомъ; другимъ камамъ это одѣяніе не приличествуетъ; право ношенія ихъ указывается свыше во время камланья.

У бурятскихъ шамановъ вмѣсто филиновой шапки голова во время шаманскаго дѣйствія покрывается желѣзнымъ вѣнцомъ, который я видѣлъ только въ музеѣ Восточно-сибирскаго отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ ¹⁾, онъ состоитъ изъ горизонтальнаго желѣзнаго

¹⁾ Этотъ вѣнецъ изображенъ у насъ на табл. III, фиг. 39.

обруча, надѣваемого на лобъ; на этомъ обручѣ укрѣплены двѣ дуги: одна концами приходится противъ ушей, другая—однимъ концомъ противъ лба и другимъ—на затылкѣ. Вверху эти дуги перекрещиваются; въ точкѣ перекрещиванія ихъ укрѣплено желѣзное украшеніе въ видѣ двухъ роговъ, отброшенныхъ назадъ; концы роговъ лопатообразны, какъ у лося, и имѣютъ по три отрасли; какъ стержни роговъ, такъ и отрасли, подвергнуты крученію и имѣютъ винтообразно рубчатую поверхность. Въ четырехъ же точкахъ прикрѣпленія вѣнечныхъ дугъ къ обручу подвѣшены кольца; на переднее кольцо и два височныя вадѣты желѣзныя холбого, по три штуки на каждое; на затылочное же кольцо привѣшена длинная цѣпь, состоящая изъ четырехъ звѣньевъ; каждое звѣно состоитъ изъ желѣзнаго крученаго прута; звѣнья соединяются посредствомъ колець; на каждомъ кольцѣ находится три холбого; цѣпь кончается внизу четвертымъ кольцомъ, на которомъ, кромѣ холбого, подвѣшены еще крученый желѣзный прутикъ и небольшая лопаточка съ крученымъ черенкомъ ¹⁾).

У Черневыхъ Татаръ шаманы употребляютъ иногда маски, кочо, сдѣланныя изъ бересты и украшенныя бѣличьими хвостами вмѣсто бровей и усовъ. Кромѣ маски, у Черневыхъ же Татаръ г. Ядринцевъ замѣтилъ употребленіе двухъ костылей; одинъ изъ нихъ состоитъ изъ простой палки и называется тая, то-есть, палка, посохъ; другой называется тайжанъ и на одномъ концѣ имѣетъ утолщеніе, а на другомъ—двѣ подвѣски; это, по толкованію кама—конь. Ни у алтайскихъ, ни у урянхайскихъ (Тува) шамановъ я не встрѣчалъ жезловъ ²⁾, но они употребляются у Бурятъ. Въ Аларскомъ вѣдомствѣ я видѣлъ костыли, харьбо или харьбы, какъ они здѣсь называются, у одного шамана въ Нилгнскомъ улусѣ; это была пара деревянныхъ четырехгранныхъ немножко кривыхъ палокъ ³⁾; въ серединѣ костыль имѣетъ утолщеніе, какъ бы суставъ или колѣно;

¹⁾ Шаманы у Айносовъ надѣваютъ на голову вмѣсто шапокъ или вѣнковъ вѣнокъ изъ рододендроновъ.

²⁾ Впрочемъ въ Алтаѣ мнѣ сообщили, что шаманы иногда, чтобы узнать, какимъ духомъ послана болѣзнь, навязываютъ на палеку аршина въ два длиной лоскутъ въ видѣ флага и машутъ имъ надъ больнымъ. Это орудіе называется чабытъ.

³⁾ См. табл. III, фиг. 42.

одинъ конецъ костыля утолщенный, противоположный же кончается двумя короткими отростками (уши?). Къ серединѣ костыля навязанъ хадакъ или тряпка. Другіе харьбо я видѣлъ въ музеѣ Восточно-сибирскаго отдѣла Геогр. Общества въ Иркутскѣ¹⁾; это были желѣзные четырехгранные прямые костыли съ загнутымъ подъ прямымъ угломъ верхнимъ концомъ вродѣ клюки; надъ загибомъ имѣются два рожа (или ушка?); по длинѣ костыля приковано пять скобочекъ, двѣ на одной сторонѣ и три на противоположной; на каждую скобочку продѣто одно или два кольца, а на каждомъ кольцѣ виситъ три холбого; на третьей же сверху скобочкѣ, кромѣ двухъ колець, висятъ еще желѣзныя модели обоюдоостраго ножа или кинжала и стремени; третья привѣска въ родѣ иглы или проволоки для чистки трубки (можетъ быть—плеть?)²⁾. Харьбо у Аларскихъ Бурятъ увѣшивается по всей длинѣ зала (то же, что ялама), шкурками и погремешками. Во время камланья шаманъ дѣлаетъ разныя эволюціи жезлами, когда приходитъ въ безпамятство. Будинскіе Буряты называютъ эти трости хэсэ; они дѣлаютъ ихъ изъ березы такой же длины, какъ и у Аларскихъ Бурятъ; одинъ конецъ имѣетъ видъ лошадиной головы; на ту хэсэ, которую шаманъ держитъ во время камланья въ правой рукѣ, привязаны четыре колокольчика и шелковыя тряпки, а на лѣвой хэсэ три колокольчика и тряпки. У Балаганскихъ Бурятъ хэсэ той же формы; только, кромѣ тряпокъ, на нихъ вяжутъ и шкурки, какъ у Аларскихъ Бурятъ. Балаганскіе Буряты зовутъ ихъ морин харьбо, то-есть, „лошади харьбо“.

У аларскаго шамана въ Нилгынскомъ улусѣ я нашелъ еще снарядъ, который называется зэлэ; это шнуръ, на которомъ навѣшаны на отдѣльныхъ короткихъ шнуркахъ костыльки, чакта³⁾; къ концу зэлэ привязана связка желѣзныхъ и деревянныхъ моделей: молотокъ, малта, топоръ хухэ, колотушка, шугуй и ложка для либаціи съ девятью углубленіями, сара⁴⁾. Зэлэ⁵⁾ растягивается между двумя

1) См. табл. III, фиг. 41.

2) См. табл. III, фиг. 43, 44 и 45.

3) Такой костылекъ изображенъ на табл. III, фиг. 50.

4) См. табл. III, фиг. 46, 47, 48, 49. Срав. эту ложку съ подвѣской на поясѣ, изображенной на каменной бабѣ въ книгѣ *Кондараки*: „Описание Брѣна“, т. IV, ч. XV, стр. 82, правый рисунокъ.

5) Зэлэ собственно шнуръ, къ которому привязываются телята.

березками, когда шаманъ совершаетъ либацію своимъ предкамъ, а также этимъ зэлэ обводятъ юрту три раза, чтобы ребенокъ, въ ней находящійся, былъ защищенъ отъ духа анахай и другихъ; въ этомъ случаѣ зэлэ, или какъ онъ еще называется боголъ, держится на юртѣ цѣлый годъ.

Шаманы въ Аларскомъ вѣдомствѣ носятъ въ отличіе отъ простыхъ людей зала, то-есть, шелковую кисть на шапкѣ; прежде будто бы шаманы носили косы, потомъ стали носить оселедцы, еще позже стали носить только нѣсколько болѣе длинные волосы на темени, нынѣ носятъ совсѣмъ ровные.

Камское званіе получается не по обычному, а по физическому наслѣдству; способность къ камланью врожденная, обученіемъ пріобрѣтается только знаніе алкышей, напѣвовъ и вообще внѣшняго обряда. Вотъ чтó мнѣ по этому поводу сообщилъ о. Михаилъ Чивалковъ: Человѣкъ, которому суждено природою сдѣлаться шаманомъ, рано начинаетъ чувствовать свое предрасположеніе къ тому; онъ становится болѣнъ и по временамъ впадаетъ въ бѣшенство ¹⁾. Нѣкоторые по нѣскольку лѣтъ воздерживаются отъ вступленія въ камы, потому что участь шамана не завидная; камы и адучи (вожаки на звѣриномъ промыслѣ), какъ говоритъ народная примѣта, — не бываютъ богаты. Но это воздержаніе обходится имъ дорого; оно соединено съ большими страданіями; отдаленные звуки бубна сначала приводятъ такого болѣзненнаго человѣка въ легкую дрожь; его начинаетъ подергивать, потомъ подергиванія становятся все сильнѣе и сильнѣе; человѣкъ начинаетъ кривляться, глаза разгораются; онъ вскакиваетъ, мечется, дуритъ. То же бываетъ съ тѣми, которые вдругъ прекратили камланье. Есть крестившіеся камы, воздерживающіеся отъ камланья добровольно; они при всякомъ звукѣ бубна страдаютъ отъ подергиванія и приступовъ бѣшенства. Крещеный камъ Григорій Тацаковъ, въ Уралѣ, былъ шерстобитъ; часто звуки струны, напоминая бубенъ, вызывали въ немъ экзальтированное состояніе,

¹⁾ Призваніе къ шаманству иногда обнаруживается задолго до зрѣлаго возраста; камъ Тюбешъ, жившій на Телецкомъ озерѣ, началъ будто бы камлатъ съ шестилѣтняго возраста.

ливавшаяся до бѣшенства, въ которомъ онъ ломалъ свой инструментъ.

Подобное же разказывали мнѣ и въ Ангудаѣ, въ центрѣ -Алтая. Если на кого выпадетъ рокъ быть шаманомъ, тотъ сначала терпитъ физическія мученія; ему ведутъ руки, ноги; онъ становится болѣзнъ. Послѣ того онъ учится у стараго кама; сначала слушаетъ напѣвы, потомъ повторяетъ ихъ тотчасъ же за учителемъ. Камское званіе не всегда передается отцемъ сыну, но какъ врожденная болѣзнь, влеченіе къ камству бываетъ наслѣдственно. Потому у кама часто рождаются дѣти, предрасположенные къ болѣзненнымъ припадкамъ, влекущимъ за собою вступленіе въ камское званіе. У ангудайскаго шамана Энчу и отецъ, и дѣдъ были камы. Если рождаются мальчикъ или дѣвочка съ припадками въ семействѣ, въ которомъ нѣтъ шамана, все-таки надо полагать, что кто-нибудь изъ умершихъ членовъ восходящей линіи былъ шаманъ. Уже если въ роду былъ шаманъ, то кровь его непременно отродится въ потомкахъ. Чуйскій шаманъ Таранъ выразился, что камская страсть наслѣдственна, какъ дворянская порода, какъ „бѣлая кость“; если сынъ кама не почувствуетъ склонности къ камскому званію, то какой-нибудь племянникъ родится съ этимъ призваніемъ. Но есть, по видимому, и такіе шаманы, которые вступили въ это званіе по личному хотѣнію; сообщая объ этомъ, Таранъ употреблялъ выраженіе „родовой шаманъ“, укту кам: родовые шаманы, говорилъ онъ,—могущественнѣе обыкновенныхъ.

То же самое я слышалъ и у Бурятъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ. Шаманская способность врожденная и бываетъ наслѣдственна, какъ нервная болѣзнь ¹⁾. Человѣкъ обнаруживаетъ склонность къ ней

¹⁾ У Аларскихъ Бурятъ, кромѣ понятія о „кости“, яган, то-есть, понятія о происхожденіи отъ извѣстнаго предка, есть еще другое оставшееся для насъ невьясненнымъ понятіе объ утхэ или утха. Такъ напримѣръ, у Н. В. Матханова, съ которымъ я познакомился въ Иркутскѣ, родъ называется Хонходоръ, а утхэ Хуху—морьтунъ. Мнѣ объясняли „утхэ“ именемъ предка матери или бабушки, или же говорили, что „утхэ“ есть „родство по шаманству“. Последнее выраженіе можетъ быть значить, что во время камланья только „утхэ“ имѣетъ значеніе, кость же, „яган“, вовсе не упоминается. Если во время винокуренія паръ сброситъ крышку и молоко бросится въ трубу, тогда припоминаютъ, это бы это изъ покойниковъ могъ пошутить. Подозрѣніе падаетъ на какого-нибудь

заблаговременно; онъ видитъ сны, испытываетъ болѣзненные припадки и т. п. Замѣтивъ это, сосѣди совѣтуютъ больному сдѣлаться бо, шаманомъ; ему даютъ провожатаго, и онъ вдвоемъ съ нимъ отправляется по улусу для сбора приношеній; провожатый держитъ березовую вѣтку, къ которой привязаны тряпочки, шкурки и пр.; это дѣлается въ серединѣ лѣта; возвратясь изъ улуса, будущій шаманъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ отправляется въ лѣсъ, гдѣ они вырубаютъ два посоха; посохи у бурятскихъ шамановъ есть у каждаго, тогда какъ бубны не у всѣхъ; какъ болѣе дорогой предметъ, бубень заводится послѣ. Посохи или харьбо вырубаютъ изъ березы, но такъ, чтобы дерево осталось на корнѣ, то-есть, ихъ выдалбливаютъ изъ дерева; по тому, засохнетъ или нѣтъ дерево послѣ этого, замѣчаютъ хорошо или дурно будетъ будущее новаго шамана. Затѣмъ тутъ же нарубаютъ кустовъ или деревцовъ; часть ихъ идетъ на постройку шалаша „бухэкъ“, часть—именно девять штукъ—втыкаютъ въ рядъ передъ шалашемъ нѣсколько правѣ входа, одно деревцо вплоть къ другому. Бухэкъ имѣетъ до 2¹/₂ саж. въ поперечникѣ; березки для него втыкаютъ кругомъ и верхушки связываютъ; посрединѣ бухэка раскладывается огонь. Внутри бухэка сидятъ старики, держащіе харьбо и другія вещи, старухи, лица постороннія, приглашенныя изъ уваженія, и наконецъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ шаманы; одинъ изъ старыхъ шамановъ приглашается по выбору ставленника быть его отцомъ; правило требуетъ, чтобы старый шаманъ, котораго молодой зоветъ отцомъ, зависѣлъ отъ тѣхъ же духовъ, отъ которыхъ зависитъ и посвящаемый. Два эти шамана, старый и молодой, связываются вмѣстѣ и камлаютъ въ одно слово, въ одинъ жестъ. Посвящаемый шаманъ и тотъ, который названъ его отцемъ, имѣютъ на головахъ бѣлыя шапки съ шелковою красною кистью, такъ-называемою зала. Эти-то залы и связаны у шамановъ. Процедура посвященія длится девять сутокъ, и изъ нихъ въ теченіе трехъ духовные отецъ и сынъ остаются связанными.

Обрядъ посвященія въ шаманы обходится дорого; при этомъ колятъ до 20 барановъ и нѣсколько жеребятъ; въ теченіе девяти

богатаго Бурята, память о которомъ живетъ въ улусѣ, и тогда брызгаютъ въ честь „ухэкъ“ этого богатаго человѣка.

суюкъ происходитъ непрерывный пирь и безпробудное пьянство и шумъ; пьютъ тарасунъ, варять и ѣдятъ мясо, ѣдятъ торокъ; дѣвщи пляшутъ такъ-называемый „ѣхорь“, то-есть, водятъ хоропроводъ съ припѣвомъ: „ѣхорь, ѣхорь, ѣхорь“, а передъ дверью бухэка поочередно шаманятъ шаманы. Кто-нибудь садитъ съ виномъ; кто захочетъ, беретъ отъ него стаканъ вина, подноситъ его священнодѣйствующему шаману и проситъ предсказанія. Шаманъ, выпивъ весь стаканъ или возвративъ невыпитый, предсказываетъ. Вѣрятъ, что въ это время бываютъ самыя вѣрныя предсказанія, и потому съѣздъ бываетъ большой. Вечеромъ каждый день шаманъ съ ударами бубна три раза обходитъ пирующую толпу, которая сама сгруживается къ бухэку, чтобы не очутиться вѣтъ круга.

Существенная часть обряда заключается въ подниманіи шамана на войлокъ. Этотъ обрядъ называется: бо бегде, то-есть, шаманъ вознесся. Шамана ставятъ на войлокъ, поднимаютъ на воздухъ и подносятъ къ девяти воткнутымъ въ землю деревцамъ; посвящаемый шаманъ соскакиваетъ съ войлока на вершинку крайняго деревца, по верхушкамъ деревьевъ, держась рукой, обѣгаетъ ихъ быстро вокругъ три раза и снова вступаетъ на подставленный войлокъ. Послѣ этого обряда шаманъ начинаетъ камлатъ, ворожить и гѣчить, но еще безъ бубна. Бубень онъ уже самъ приобретаетъ года черезъ три.

Каждое лѣто у Аларскихъ Бурятъ совершается тѣломытіе шамана; это бываетъ два раза въ лѣто во время весенняго и осенняго пролета птицъ. Шаманъ садится на бѣлый войлокъ съ бубномъ и камлатъ, а старики въ это время водятъ по нему вѣниками, которые предварительно макаютъ въ ведро съ водой.

Во время проѣзда чрезъ Ангудай, 7-го мая, мы цѣлою компаніей нарочно ѣздили въ аилъ на р. Талду, въ 6 верстахъ отъ Ангудая, чтобы видѣть камланье молодаго шамана Энчу. Камланье его состояло изъ четырехъ частей: 1) передъ огнемъ, сидя къ нему лицомъ, 2) стоя задомъ къ огню, 3) антрактъ, во время котораго камъ, поставивъ бубень ребромъ на землю и опираясь на него, разказалъ намъ то, что было ему разказано или показано духами, и 4) въ заключеніе камъ еще покамлатъ задомъ къ огню передъ мѣстомъ, гдѣ виситъ обыкновенно бубень, и раздѣлся. Передъ этимъ заключительнымъ камланьемъ мы спросили кама, при-

ѣдутъ ли наши спутники, которыхъ мы ждемъ изъ Омска; для этой цѣли камъ удалился къ дверямъ и еще немного покамлялъ лицомъ къ нимъ. Приступая къ своему камлянью, камъ прежде всего попросилъ духовъ не сердиться, потому что онъ призываетъ ихъ не изъ своей прихоти, что онъ человѣкъ подначальный, податной, что русскій чиновникъ требуетъ отъ него показать ему, какъ алтайскіе шаманы камлаютъ, и что только страхъ послушаться чиновника заставляеть его беспокоить духовъ. По окончаніи камлянья Энчу говорилъ, что онъ не помнитъ, что было съ нимъ, когда онъ плясалъ, стоя на ногахъ спиною къ огню. Въ это время онъ бѣшено крутился тѣломъ, не сдвигая ногъ; онъ глубоко присѣдалъ, извивался и выпрямлялся, какъ бы подражая своимъ тѣломъ движениямъ змѣи; отъ быстрого колебанія верхней части его тѣла маньяки рассыпались и кружились въ воздухѣ, образуя изящныя волнообразныя линіи. Въ то же время онъ неустанно работалъ съ бубномъ, заставляя его вертѣться въ воздухѣ вертикально. Повертывая свое тѣло налѣво, онъ поворачивалъ бубень головой бара внизъ; вслѣдъ затѣмъ, повертывая свое тѣло на право, онъ заставлялъ бубень дѣлать оборотъ вокругъ центра (слѣва на право). Отъ этого вращенія бубна къ грому его, свисту и шуму маньяковъ и навѣшанныхъ на плащѣ холбого присоединялся шорохъ перекатывающихся по кришу кунгру. Иногда Энчу придавалъ бубну горизонтальное положеніе баромъ вверхъ и при этомъ неистово билъ въ бубень снизу; это, по объясненію нашимъ ангудайскихъ спутниковъ, означало, что онъ собиралъ въ бубень духовъ. По окончаніи этого отдѣла, состоявшаго изъ неистойвой пляски, камъ сѣлъ спиной къ огню; въ это время онъ камлялъ гораздо спокойнѣе; онъ иногда прерывалъ удары въ бубень, съ кѣмъ-то разговаривалъ, хохоталъ (очевидно, онъ былъ въ обществѣ духовъ). Въ одномъ мѣстѣ онъ протяжно и очень пріятно пѣлъ. подъ удары въ бубень, похожіе на топотъ коней; говорили, что это онъ пѣхалъ вмѣстѣ со своею дружиной.

Другое камлянье мы устроили на р. Чуѣ; здѣсь мы пригласили извѣстнѣйшаго на Чуѣ шамана Тарана, который и провелъ въ нашемъ аилѣ цѣлыя сутки. Таранъ пѣлъ, хуже чѣмъ Энчу; сравнительно съ послѣднимъ, въ числѣ особенностей Таранова камлянья одна состояла въ томъ, что онъ выходилъ съ буб-

номъ изъ юрты и камлалъ внѣ ея; тутъ онъ кружился на одномъ мѣстѣ въ томъ же родѣ, какъ шаманка Найдыгъ, которую мы видѣли на Тесѣ въ 1877 г. (Очерки, II, стр. 86). Отъ Тарана я записалъ нѣсколько сказаній, но вѣроятно, онъ знаетъ ихъ больше, только заставить его разказать было трудно. Вообще шаманы въ Алтаѣ, въ Саянахъ и Таннуолѣ—главные хранители народныхъ преданій, но дѣлятся своими знаніями неохотно.

На Улухемѣ намъ удалось устроить камланье только одинъ разъ, хотя нигдѣ на нашемъ пути не было столько шамановъ, какъ здѣсь. На Аръ-торхолигѣ (въ ур. Модонъ-обо) мы видѣли трехъ утыганъ, то-есть, шамановъ—Чикей, Джаппай и Самдынъ; болѣе знаменитая утыганъ Тольджамай откочевала въ это время внизъ; устроить здѣсь камланье не удалось; въ первый день, когда мы пришли въ юрту урянхайской шаманки, съ насъ запросили одинъ кирпичъ чая, чтобы положить на мѣсто бубна (это правило; бубенъ нельзя снять съ мѣста, не положивъ на его ложѣ какого-нибудь подарка) и кромѣ того, бѣлую лошадь, на которой будетъ отвезенъ ирень (такъ здѣсь зовутъ шаманскій плащъ) и бубенъ въ нашу юрту. Пожертвовать лошадь за удовольствіе видѣть процедуру улухемскаго камланья, конечно, было очень дорого; потомъ мы узнали, что можно было бы ограничиться однимъ чаемъ, еслибы камланье устроить въ юртѣ самой шаманки; къ сожалѣнію, мы не захватили съ собою чая и потому на этотъ разъ должны были отказаться отъ зрѣлища. На другой день молоденькая и живая утыганъ Джаппай сама пришла къ намъ въ гости и предлагала камлать за одинъ чай; послали за бубномъ, но не догадались послать бѣлый войлокъ и девять бѣлыхъ вещей, которые должны быть повѣшены на бубенъ, когда его берутъ съ мѣста: таковъ будто бы обычай; вслѣдствіе несоблюденія этого обычая намъ не дали бубна. Въ другихъ мѣстахъ нигдѣ такъ дорого съ насъ не просили за камланье, и очевидно, что шаманки запрашивали съ насъ небывалую цѣну.

Только на Елегешѣ намъ удалось устроить камланье одной пожилой шаманки; почему-то она не согласилась камлать въ нашей юртѣ, и мы цѣлымъ обществомъ должны были отправиться въ сосѣдній урянхайскій аилъ. Юрта, въ которой происходило камланье, была очень тѣсна; желѣзный таганъ былъ вынесенъ изъ юрты,—

не знаю почему, требует ли того обрядъ, или только потому, что въ юртѣ было тѣсно. Шаманка имѣла при себѣ въ качествѣ помощника своего мужа, который помогалъ ей одѣваться, сушилъ бубенъ надъ огнемъ, бросалъ въ огонь можжевеловикъ и пр. Въ камланьи елегешской шаманки намъ пришлось въ первый разъ видѣть изступленіе и корчи; бросивъ бубенъ, шаманка начала тянуться къ сидящимъ въ юртѣ, съ оскаленными зубами и съ распяленными пальцами въ видѣ звѣриной лапы; потомъ она упала, или лучше сказать, грохнулась на землю, что вызвало у сидящей публики единодушный возгласъ: э, кѳркей! ахъ, бѣдная! Падая, шаманка чуть не попала головой въ огнище или на очажный камень; лежа на землѣ, шаманка корчилась и нѣсколько разъ пыталась грызть зубами накаленные камни, которыми былъ обложенъ очагъ. Публика при этомъ торопливо кричала: э, кѳркей, кѳркей! а мужъ удерживалъ ее за голову и произносилъ слова: джидек! джидек! пук! изъ которыхъ первое значитъ: воюче! и второе, вѣроятно, что-нибудь въ томъ же родѣ ¹⁾.

Процедура камланья, по словамъ Алтайцевъ, у разныхъ камовъ разная: и самое дѣйствіе разнообразно, и пѣсни другія, и боги, которыхъ камъ призываетъ тоже другіе. По видимому, составъ дружины духовъ зависитъ отъ того, къ какому поколѣнію принадлежитъ шаманъ, и вообще отъ его родственныхъ отношеній. О. Чивалковъ говорилъ мнѣ, что всякая кость (сеок) имѣетъ своего бога и камлаетъ ему; такъ напримѣръ, Мундусы камлаютъ Музыганъ-хану (то-есть, своему предку); кто женился на дѣвицѣ другой кости, камлаетъ и богамъ кости своей жены. Только будто бы Ульгенъ и Ерликъ боги общіе для всѣхъ Алтайцевъ. По словамъ чуйскаго шамана Тарана, Алматы, въ нѣдрахъ которыхъ живетъ будто бы потомство могущественнѣйшаго шамана Тостогоша, могутъ камлатъ всякому курмесю; Джабаки же не могутъ камлатъ Ульгеню: они камлаютъ только мѣстнымъ тайгамъ и Кайракану, который былъ изъ ихъ породы. Шаманъ Буунчукъ, котораго мы видѣли въ долинѣ Чуи, и который по старости лѣтъ уже прекратилъ камлатъ, призывалъ трехъ духовъ: Ерликъ-кайракана, Кайракана и Ерена;

¹⁾ Шакай по урянхайски—гадно, худо.

Кайракана въ своихъ призваніяхъ онъ величалъ Бай-буруль. Камни призываютъ и своихъ умершихъ отцовъ, какъ духовъ.

Если камъ женится, то онъ начинаетъ призывать и тѣхъ духовъ, которыхъ жена приведетъ съ собою; поэтому одинъ Телеутъ выразился въ разговорѣ со мною, что дружина духовъ у кама какъ будто приданое; частью она составляется изъ доставшагося по наслѣдству, частью приобрѣтается новыми родственными связями.

Духовъ, которыхъ камъ призываетъ, Алтайцы называютъ курмбсь ¹⁾, Монголы—онгонъ, Урянхайцы—ужютъ, узютъ ²⁾, хамнынъ джиме (шаманскія вещи) или хамнынъ ээзи (хозяева шамана). Урянхайцы думаютъ: если узюты помогутъ каму, онъ можетъ показать ельби, „чудо“ (напримѣръ, въ пустую чашку молоко начнетъ капать съ бубна, или камъ вколачиваетъ себѣ ножъ въ грудь); если они не придутъ на помощь къ нему, тогда каму становится трудно; его схватятъ корчи, и онъ будетъ мучиться. Жженіе можжевельника во время камланья дѣлается для того, чтобъ отуманить голову шамана (баш тенеб); когда голова его обезумѣетъ, тогда къ нему сходить узютъ. У худаго шамана узютъ кружится вокругъ огня, у средняго—на высотѣ вершины дерева, у сильнаго—въ небесной высотѣ. Есть высокое хвойное дерево хара чойгон (пихта?); его зовутъ хам ниш, камское дерево. Его также жгутъ вмѣсто можжевельника; отъ него также голова кружится. Корень (тогузи) точжинскихъ камовъ ³⁾ происходитъ отъ этого дерева, это—плохіе камни, багай кам. Камовъ два рода: одни—хорошіе, происходятъ отъ неба; другіе—худые, происходятъ отъ дерева.

Смотря по божеству, къ которому обращаются съ молитвой или съ жертвой, процедура камланья бываетъ различна; она должна

¹⁾ Слово курмбсь Урянхайцамъ не извѣстно; нечистаго духа они называютъ адзѣ. Буратамъ также не извѣстно, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ Алтайцы. У нихъ есть выраженіе: ты не сѣмя (или сынъ) Коремоса, коремосен урэ биши или коремосен кубун биши; говорятъ это человѣку важничающему. Тутъ скорѣе намеки на Хурмустьенъ-хана.

²⁾ Узютъ по алтайски души умершихъ людей; узют-байрам—родительскій день.

³⁾ То-есть, камни изъ поколѣнія Точжи-урянхай.

изобразить поѣзду шамана со своею дружиной духовъ въ далекому обиталищу божества. Если божество это живетъ на небѣ—какъ напримѣръ, Ульгень, то мистерія кама должна изобразить наглядно путешествіе на небо, при чемъ шаману приходится, какъ по ступенямъ лѣстницы, переходить съ одного неба на другое, пока онъ не достигнетъ послѣдняго седьмага неба. Если божество живетъ подъ землей, какъ напримѣръ Ерликъ, то мистерія изображаетъ, какъ шаманъ спускается въ подземное царство. Мистерія, изображающая поѣзду къ Ульгеню, описана была миссіонеромъ о. Вас. Вербицкимъ ¹⁾; намъ удалось записать интересный разказъ о. Чивалкова о камланьи Ерлику.

Мистерія начинается выѣздомъ кама изъ того урочища, гдѣ онъ камлаетъ, въ страну, гдѣ живетъ Ерликъ. Если камъ камлаетъ въ Бачатѣ, онъ начинаетъ описывать, какъ онъ выѣзжаетъ изъ Бачата; путь къ Ерлику идетъ отсюда на югъ; камъ проѣзжаетъ черезъ сосѣднія къ Бачату мѣста, переваливаетъ черезъ Алтай, описываетъ многоходомъ Китайскую землю: „кытай јері кызыл кум“, то-есть, Китайская земля—красный песокъ; затѣмъ камъ переѣзжаетъ черезъ желтую степь, черезъ которую сорока не летаетъ; „съ пѣснями черезъ неѣ проѣдемъ!“ приглашаетъ камъ свою дружину (сангыскан учпас сары чѣль, сарын была баралдар). При этомъ камъ запѣваетъ пѣсню; молодежь подсаживается къ нему и подтягиваетъ; о. Михаилъ Чивалковъ въ молодости самъ часто принималъ участіе въ этомъ хоровомъ пѣніи. Пѣсня, которая при этомъ поется,—та же самая, какъ и при сидѣннй водки изъ молока (она приведена ниже въ главѣ: „Сказки и легенды“). За желтою степью камъ проѣзжаетъ черезъ блѣдную степь, по которой воронъ не пролеталъ, и опять предлагаетъ дружину развеселить себя пѣсней: кускум учпас куба ²⁾ чѣль, кубат ³⁾ была баралдар. За двумя скучными степями лежитъ желѣзная гора Темиръ тайха (то-есть, желѣзный бѣлокъ), упряющаяся въ небо; камъ приглашаетъ дружину быть единомушнѣе на опасномъ подъемѣ;

¹⁾ Вѣстникъ Р. Геогр. Общества, XXIV, стр. 97—101.

²⁾ Сарын—пѣсня; сарынчи—пѣсенникъ. Ср. обл. на Тульск. оруж. заводѣ сарынчи, музыкантъ (сообщилъ свящ. В. Постниковъ).

³⁾ Куба—блѣдный.

⁴⁾ Кубат—веселье.

тэмрэ тэбильген ¹⁾ темир тайха тэмь билэ чигалдар, то-есть: небо
лагающую желѣзную тайгу съ единомушіемъ пройдемъ. Далѣе
камъ описываетъ трудный подъемъ на гору, представляетъ, будто
онъ поднимается на нее и потомъ, взобравшись на вершину гор-
наго перевала, тяжело вздыхаетъ. На горѣ онъ видитъ множество
костей когда-то погибшихъ при смѣломъ и самонадѣянномъ подъемѣ
камовъ, отправившихся также къ Ерлику, но не обладавшихъ до-
статочнымъ количествомъ силы:

жерь сюёгы эзрету полуптыр
ат сюёгы алату полуптыр

„Кости мужей навалены рыбами горами, конскія кости пѣгми
горами стали“.

тэмрэ тозі тэбильген
темір капкак кагылган ²⁾
тэмрэ тозі тэбильген
тэмь билэ одольтыр
темір капкак кагылган ³⁾
тэменіб калыб одольтыр

„Небесный край прядаетъ, желѣзная крыша ударяется. Небес-
ный край прядаетъ; единомушно пройдемъ! Желѣзная крыша уда-
ряется; прыгнувъ, перескочимъ!“

Пропѣвъ эти слова, камъ и въ самомъ дѣлѣ прыгаетъ; тихо
поколотивъ въ бубенъ послѣ прыжка и помолчавъ немного, камъ
тяжело вздыхаетъ. И здѣсь камъ удивляется тѣми же словами
грудамъ костей погибшихъ камовъ и лошадей. Потомъ камъ подѣ-
зжаетъ къ отверстію, ведущему въ подземный міръ: жерь уузы,
„земная пастъ“, или жерь тунигы (туниг, выводъ изъ очага или тру-
ба). Спустившись въ земную пастъ, камъ опять ѣдетъ по плоскости
и встрѣчаетъ море, черезъ которое протянуть одинъ волосъ. Онъ
переходитъ по этому опасному мосту. Чтобы наглядно предста-
вить этотъ переходъ, камъ шатается изъ стороны въ сторону и
по временамъ будто падаетъ. Здѣсь онъ опять видитъ на днѣ
моря множество костей погибшихъ камовъ и замѣчаетъ, что ни
одна грѣшная душа не въ состояніи пройти чрезъ это море

¹⁾ Тэбильген—лагающійся.

²⁾ Такъ по телеутски; по алтайски: табылган.

³⁾ Каду кагылган, вбитый гвоздь.

и при переходѣ по волосу непременно упадетъ въ море и утонетъ ¹⁾. На другомъ берегу моря камъ видитъ человѣка, который прибитъ за ухо къ столбу; камъ спрашиваетъ свою дружину, зачѣмъ онъ прибитъ; дружина отвѣчаетъ ему, что этотъ человѣкъ, когда живой былъ, любилъ подслушивать людей. Далѣе встрѣчается человѣкъ, подвѣшенный на столбъ за языкъ: это былъ при жизни клеветникъ. Еще далѣе человѣкъ, окруженный яствами и напитками, но руки его не достаютъ до нихъ, и сидитъ онъ голодный: это былъ при жизни скупой. Еще далѣе сидитъ человѣкъ на раскаленной желѣзной лошади, слѣзти не можетъ, а горѣтъ — не горитъ, только мучается: это — человѣкъ, воровавшій чужую скотину. Другихъ мукъ грѣшниковъ о Чивалковъ не помнитъ; помнить однако, что тутъ терпятъ муку и такіе, которые слишкомъ много стрѣляли звѣрей.

Послѣ того камъ подѣзжаетъ къ Ерликову жилищу. Его встрѣчаютъ собаки, ерликтимъ тайгандары ²⁾. Камъ является къ придвернику, тотъ не пускаетъ; камъ даетъ ему подарки. Еще до начала камланья бываютъ приготовлены туяся (бураки) съ брагой, вареное мясо, хорьковья шкуры; изъ этого запаса и дѣлаетъ камъ подарки и угощеніе придвернику. Принявъ подарокъ, придверникъ впускаетъ кама въ юрту Ерлика; при этомъ камъ отходить къ дверямъ той юрты, въ которой онъ камлаетъ, и изображаетъ, какъ будто онъ подходитъ къ Ерликъ-хану, сидящему въ глубинѣ юрты; камъ кланяется хану, приложивъ бубень ко лбу, говорить: мергу! мергу! и докладываетъ, откуда онъ и зачѣмъ пришелъ. Затѣмъ онъ вскрикиваетъ; это значитъ, что Ерликъ замѣтилъ его и закричалъ, осердившись на его появленіе. Камъ отскакиваетъ къ дверямъ, будто испуганный гнѣвомъ бога, и снова

¹⁾ У Аларскихъ Бурятъ мнѣ не удалось собрать свѣдѣній о камланьи Ерлику. Я записалъ только такое повѣрье: шаманъ, который грѣшенъ, при переходѣ черезъ пронасть (на какомъ пути она ему должна встрѣтиться, и зачѣмъ ее нужно переходить — осталось мнѣ неизвѣстнымъ) по волосу, упадетъ на дно ея и тамъ будетъ мучиться.

²⁾ Тайганъ — особая порода собакъ, въ дѣйствительности, кажется, не существующая. Въ словарѣ, приложенномъ къ Алтайской грамматикѣ (Казань, 1869 г., стр. 258), тайганъ — собака, но не указано, употребляется ли это слово въ общезитіи, или заимствовано изъ сказокъ.

приближается къ его престолу. Это онъ продѣлываетъ до трехъ разъ. Послѣ третьяго раза Ерликъ-ханъ говоритъ:

канату поо учпайтан
кайгакту поо паспайтан
кара коммс тиди титанын
кайдан поо кельдын

„Пернатые сюда не летаютъ, имѣющіе когти ¹⁾ не ходятъ; ты, черный, пахучій жукъ, откуда сюда явился?“ Камъ говоритъ свое имя, имя своего отца, сеока, называетъ себя „камкадылбашевымъ остаткомъ“, и наконецъ, угощаетъ хана виномъ; при этомъ онъ дѣлаетъ видъ, будто бубномъ черпаетъ изъ туясеевъ или ведеръ (по телеутски конѣк, по алт. саба) вино и подноситъ Ерликъ-хану. Сейчас же вслѣдъ за этимъ камъ представляетъ самого хана, пьющаго вино, и дѣлаетъ вмѣсто хана отрыжку. Подпоивъ хана, камъ предлагаетъ ему быка (который былъ заколотъ ранѣе) и толлу, „откупъ“; такъ называется собраніе шубъ и платьевъ, на этотъ случай вынутыхъ изъ ящиковъ и развѣшанныхъ на веревку; трогая эти вещи рукой, камъ будто одну за другою передаетъ онъ хану. При этомъ онъ говоритъ:

атводарбэс ар толу
арха мойнына кэбъ ²⁾ ползын

„Разнообразный толлу, который на лошади не поднять, пусть тебѣ будетъ одеждой на шею и на все туловище“.

Впрочемъ этотъ скарбъ потомъ остается у хозяина. При передаче каждой вещи хану дѣлается ударъ въ бубенъ. Ерликъ пьянѣетъ, и камъ передразниваетъ пьянаго человѣка. Затѣмъ Ерликъ шлетъ благословеніе сиротелю, обѣщаетъ дать приплодъ скота, открываетъ даже каму, какая кобыла родить жеребенка и съ какими примѣтами. Оттуда камъ съ радостью возвращается назадъ. Впередъ онъ ѣхалъ на конѣ, назадъ поднимается на гусѣ; онъ ходитъ по юртѣ на ципочкахъ, чтобы показать, что онъ летитъ;

¹⁾ Кайгак—копытце; по словамъ о. Чивалова, это слово встрѣчается только въ пѣсняхъ; въ разговорѣ же оно не употребляется; въ одной пѣснѣ Черневыхъ Татаръ соболю называется кайгакту.

²⁾ Кэбъ—сапожная колодка; одежда; лицо человѣческое.

въ рѣчь свою въ это время онъ вставляетъ подражаніе гусиному крику: найнгак! найнгак! Камланье затихаетъ, камъ садится. Бубень онъ не кладетъ своими руками; кто-нибудь другой беретъ его изъ рукъ кама, при чемъ ударяетъ въ него три раза. Камъ продолжаетъ еще бить колотушкой по ладони или по своей груди; берутъ у него и колотушку. Потомъ камъ протираетъ глаза, какъ будто послѣ сна; его спрашиваютъ: „Каково съѣздилъ? съ какимъ успѣхомъ?“ Камъ отвѣчаетъ: „Съѣздилъ благополучно! принятъ былъ хорошо!“

Нынѣшніе шаманы, по общему убѣжденію, какъ Алтайцевъ и Урянхайцевъ, такъ и Бурятъ, далеко не обладаютъ тѣми знаніями и властью надъ таинственными силами природы, какъ прежніе; нынѣшніе шаманы—не настоящіе, а только обманщики. Разказовъ о могуществѣ прежнихъ шамановъ много. Такъ, въ мѣстности Коты (Котунъ въ вершинахъ р. Кобдо?) жилъ камъ, который камдалъ по семи сутокъ Ерликъ-байракану; прежде приносили ему въ жертву по семи лошадей; трехъ или четырехъ дѣлали „джанвами“, остальныхъ рѣзали (показаніе чуйскаго шамана Тарана).

У Аларскихъ Бурятъ различаются два рода шамановъ: саганэбо и харэнбо, или саган утхэтэй бо и хара утхэтэй бо, то-есть, „шаманы бѣлаго утхэ и шаманы чернаго утхэ“ (или можетъ быть, шаманы утхэ Сагана и шаманы утхэ Хара). Первые находятся подъ покровительствомъ юго-западныхъ хатовъ; ихъ зовутъ еще: тэнгирен бо, саганэй тэнгирен бо. Въ случаѣ болѣзни можно обращаться къ тѣмъ и другимъ.

Нѣкоторые алтайскіе шаманы ведутъ свой родъ отъ славнаго и сильнаго шамана, котораго Алтайцы и Телеуты называютъ Кадылбашъ, а Теленгиты на Чуѣ—Тостогошъ. Такъ нашъ знакомый шаманъ Таранъ самъ считалъ себя потомкомъ Тостогоша. На озерѣ Кенги живетъ шаманъ Келекъ; намъ не удалось его видѣть, но отъ многихъ Алтайцевъ мы слышали увѣренія, что онъ происходитъ отъ Кадылбаша. Такъ сказывалъ и ангудайскій шаманъ Энчу, у котораго въ аилѣ мы были.

У Аларскихъ Бурятъ шаманы находятся въ нѣкоторой зависимости отъ стариковъ; напримѣръ, если гдѣ-нибудь появилась горячка, шамана зовутъ туда, и онъ порывается поѣхать ради своего дохода, но старики запрещаютъ ему это во избѣжаніе перенесенія заразы (не отъ прилипчивости болѣзни, о чемъ Буряты не

имѣютъ понятія, а потому, что духи болѣзни могутъ отпистить улусу за то, что его шаманъ вмѣшался въ дѣла чужаго улуса), и шаманъ не ѣдетъ.

Прежде бурятскіе шаманы не входили въ русскія избы, потому что въ избахъ есть полаты со входа надъ дверьми, а на полатахъ могутъ быть женщины: это осквернило бы шамана. Женщина не можетъ перешагнуть черезъ шаманскую шапку, тѣмъ болѣе—черезъ „харьбо“.

Во время камланья шаманы поютъ призыванія богамъ; число этихъ призываемыхъ божествъ значительно, и не всѣ изъ нихъ имѣютъ повсемѣстное распространеніе у Алтайцевъ. Меня даже увѣрили, что извѣстный шаманъ можетъ призывать только опредѣленныхъ духовъ, и другіе духи будутъ глухи къ его призываніямъ. Вотъ имена боговъ, которые, кромѣ Ульгена и Ерлика, упоминаются въ призываніяхъ алтайскихъ камовъ: Угузь-каан, Таз-каан (это женщина, мать Ульгена, живетъ на 16-мъ небѣ, самъ же Ульгенъ, по однимъ—на 12-мъ, по другимъ—на 15-мъ), Музыган-каан, Бобырган, Лик-каан (у Черневыхъ Татаръ произносятся Чаик-каан; онъ дѣлалъ потопъ на землѣ), Киргиз-каан, Тотой-каан или Адам-Тотой-Тэнгрэ.

Буунчукъ, чуйскій шаманъ, призывалъ кайракана, какъ было уже сказано подъ именемъ: Бай-буурул. Другой чуйскій шаманъ Чулту сказалъ мнѣ: „Какъ зовутъ Кайракана, не знаю; знаю только, что мы, Алтайцы, говоримъ: Кайракан! когда громъ гремитъ, или когда бѣда случится, или когда во снѣ что страшное привидится“. По словамъ шамана Тарана, Кайраканъ умеръ и похороненъ въ мѣстности Алаканнъ на Чулышманѣ; это урочище, поросшее березами различнаго роста.

Яче, Джаячи—творецъ земли и міра, по представленіямъ Телеутовъ. Если ребенокъ во снѣ смѣется, это значить, что съ нимъ играетъ Пайана или Джаячи; этотъ ребенокъ будетъ здоровый, крѣпкій. На вопросъ, кто такая Пайана, одна Теленгитка отвѣтила намъ: тэмри, кудай. Плачь ребенка во снѣ приписывается курмѡс'ю.

У Ульгена Телеуты насчитываютъ трехъ сыновъ и двѣнадцать дочерей; другіе говорятъ: семь дочерей. Сыновья носятъ имена: Темир-каан, Солтыгаан и Ямграту-Яжиган; этотъ послѣдній про-

неводить грозу ¹⁾. Сходно съ этимъ записаны у Телеутовъ имена и г. Ядринцевымъ: у Ульгена три сына: 1) Ягырь-охту Яжиганъ, это — громовержецъ; 2) Солтыганъ; 3) Тимырь-ханъ; послѣдній заяка и богъ войны. У Кумандинцевъ, по г. Ядринцеву, главный богъ, кудаи, называется Ичкирихтэ. Ульгенъ въ трехъ лицахъ, о трехъ шапкахъ; у него три сына: 1) Ямырь-охту Яжиганъ и Тежиганъ, громовержецъ; 2) Темиръ-ханъ; 3) Солтыганъ, который называется еще Тотой-тенере.

Ульгена въ разныхъ мѣстностяхъ называютъ различно: Алтайцы зовутъ его Ульгенъ и Карчить; другіе (на Чуѣ) называютъ Джарыкъ, Черневые—Абыганъ.

Духъ земли, которому приносятъ жертвы весной, когда расцвѣтутъ цвѣты, въ призваніяхъ называется Іер еези или Іезим пій, при этомъ еще упоминаются Джеты гурэ, Сутьбуль (молочное озеро) и Сумаръ Уланъ, высокая гора.

Полныхъ призваній къ божествамъ намъ не удалось записать, какъ по трудности собиранія подобнаго матеріала для путешественника, который не имѣетъ возможности подолгу оставаться въ одной мѣстности, такъ и вслѣдствіе неимѣнія хорошаго переводчика. Привожу здѣсь тѣ отрывки, которые удалось на лету записать, преимущественно отъ рабочихъ.

Телеутское призваніе Адам-тотой-тэнгрію ²⁾:

айлянжа айга чирган
алтин сюдэр сайнган
ак позаты ярадып
ак ульгенде яргы алышкан
колёныже кувъ качірган
кумыш сюдэр сайнган
кок посатты ярадып
кок ульгенде яргы алышкан

„Кругомъ за мѣсяцемъ слѣдующій, золотой зонтикъ водрузив-

¹⁾ Сообщилъ свящ. Чивалковъ.

²⁾ Телеуты разливъ рѣчной весной или послѣ дождей называютъ джанк; вода, выступившая зимой поверхъ рѣчнаго льда, также называется джанк или чанк; о всѣхъ подобныхъ явленіяхъ говорятъ: су дан джанк чибеты, изъ воды Джанк вышелъ. Алтайцы называютъ разливъ джайкынъ.

³⁾ Сообщилъ свящ. Чивалковъ.

шій, бѣлосивую лошадь начредивъ ¹⁾, вступающій въ сношеніе ²⁾ съ бѣлымъ Ульгеномъ; за тѣнью солнца гоняющійся, серебряный зонтикъ водрузившій, синесивую лошадь начредивъ, вступающій въ сношеніе съ снимъ Ульгеномъ“.

Призваніе Ерлику ³⁾:

кара мѣк сакаду
канга чапкон чирайлу
карыш полгон камакту
курдаг јетпес пельду
кучан јетпес моінду
кара бука минитту
кара джиан камчигу

„Черноусый и чернобородый, румянолицый ⁴⁾, имѣющій четверть между бровей, кушакъ ⁵⁾ не охватываетъ твоего чрева, обхватомъ не обхватима твоя шея; на черномъ быкѣ ѣздящій, черную змѣю употребляющій вмѣсто плети“...

При описаніи жилища Ерлика, которое дѣлается камомъ во время камланья, о Ерликѣ говорится: кара кундус тожѣкту, „имѣющій собровое одѣло“. Ерлика въ призваніяхъ величаютъ: Ерлик ада (ада—отецъ), другіе—Ада кижі (кижі—человѣкъ). Кузнецкіе Татары зовутъ его Адамъ и считаютъ первымъ человѣкомъ.

Отрывокъ изъ призванія Тайга-този:

ак сарать нѣкту
сары пчен тѣбшилю
керельтены кенит
чигалтаны тарыл

¹⁾ Переводъ сдѣланъ о. Чивалковымъ. Ярадып — чередить, приготовить скакуна лошадь къ бѣгу.

²⁾ Яргы — судъ, сношеніе (судебное). Другаго значенія этому слову о. Чивалковъ не нашелъ въ своей памяти.

³⁾ Сообщилъ свящ. Чивалковъ.

⁴⁾ Вариантъ этого призванія помѣщенъ въ „Алтайской грамматикѣ“ (стр. 196). По мнѣнію о. Чивалкова, выраженіе: канга чапкан чирайлу слѣдуетъ перевести: румянолицый, на томъ основаніи, что встрѣчающееся въ тѣснѣхъ выраженіе: чирайна кан чаап јорю обыкновенно понимается въ смыслѣ: въ лицѣ румянецъ играетъ. Точно такъ оно переведено и въ „Алтайской грамматикѣ“.

⁵⁾ Курдаг—ременный поясъ.

„Съ никомъ изъ бѣлоголовой лошади, съ жертвой изъ желтаго возла; прибыль, чтобъ прибыла, убытокъ, чтобъ уменьшился“.

Призываніе аркару, которое сообщилъ мнѣ теленгитскій шаманъ Таранъ ¹⁾:

Золоторогій аркаръ по имени, сидящій верхомъ на коуромъ аркарѣ съ головой въ видѣ комыса ²⁾.

Какъ красивъ (ты), съ змѣей (въ рукѣ) вмѣсто плети! Шестигранный мѣсяцъ, кусумы ³⁾ (на себя) наложившій.

Шестисуставчатый пестрый маньякъ надѣвшій, живущій въ урочищѣ Амаръ-юмаръ, рыскающій (по урочищу) Ачыларъ-джумаларъ ⁴⁾, достойнѣйшій абысь ⁵⁾ Тостогошъ!

Въ золотой шубѣ, которую лошадь не подниметь, съ бѣлою радугой вмѣсто костыля, передъ мѣсяцемъ не робѣющій ⁶⁾!

Бѣлою молніей играющій, золотоглавый, обитающій рядомъ съ Абыганомъ! ⁷⁾

Родавшійся, какъ свѣтлое солнце, съ блескомъ полного мѣсяца! ⁸⁾

Одѣтый въ шелковый мандыкъ! ⁹⁾

¹⁾ Это призываніе Таранъ мнѣ сказалъ въ отвѣтъ на мою просьбу пропѣть какое-нибудь призываніе знаменитому Тостогошу.

²⁾ Комысъ—струнный инструментъ.

³⁾ Кусумы—круглая мѣдная бляха, нашиваемая на шаманскій плащъ.

⁴⁾ По объясненію Тарана, это—географическія имена; онъ пропозносилъ ихъ также: Амаръ-джумаръ, Ачыларъ-Юмаларъ, и прибавилъ еще третью мѣстность: Ала-гулдъ.

⁵⁾ Абысь—вышшій родъ шамановъ.

⁶⁾ Въ текстѣ: ай тышту; переводчикъ перевелъ: „съ отвѣтомъ передъ мѣсяцемъ“; но ай тышту значитъ: „съ зубомъ мѣсяца“.

⁷⁾ По объясненію Тарана, это—не р. Абаканъ, впадающая въ р. Конгрою (такъ онъ самъ выразился; отсюда слѣдуетъ, что подъ именемъ Конгрою Алтайцы разумѣютъ Енисей ниже бома), а небожитель Абыганъ.

⁸⁾ Въ текстѣ стоитъ керельду; Таранъ не могъ объяснить этого слова; я перевожу „съ блескомъ“, принимая керель за монгольское керель, отраженіе, отблескъ.

⁹⁾ Мандыкъ, по произношенію Туркестанцевъ: манлыкъ, дорогая шелковая китайская матерія, расшитая цвѣтными изображеніями драконовъ или другихъ фигуръ. Не отъ алтайскаго ли маньякъ или мандыкъ.

Девять мораловъ довшій, девять тоштогочевыхъ лютыхъ неукротимыхъ! ¹⁾

Взявшій огонь съ неба, Яламой удостоенный Сары-алмать! ²⁾
Стоглазый Сары алмасъ! ³⁾

На голешнигъ спустившаяся желтая утка! ⁴⁾ пришедшіе желтые алматы, ⁵⁾ рѣдкіе!

Съ сайдаками мергены, разоряющіе желтыхъ змѣй, играющіе съ желтыми облаками, усмиряющіе желтые вѣтры, неисчислимые, какъ тьмы рѣчныхъ галекъ!

Шаманы у Аларскихъ Бурятъ призываютъ нѣкоего Дархата:
дайньига гархан дархат
буинга гархан бурхат

То-есть: „Изъ сраженія вышедшій Дархатъ, изъ вышедшій Бурхатъ“.

Молитва путешественника къ Хангаю ⁶⁾:

Оспа голой жилэши бани хангай
ани харгуй дымнэ
дабан дадар угэ
хугудэ хулугу угэ
нарин харгаши
хуру топтогоши
сэк сэк бани хангай

или

татыш татыш бани хангай

Смыслъ призванія въ общихъ чертахъ: Чтобы дорогой на перевалѣ лошади не падали бы, спускъ былъ бы благополученъ, погода (солнце) стояла бы хорошая, дождя не было бы.

¹⁾ Въ текстѣ калји—дикий (о звѣряхъ), лютый; дикий конь—калји ат; тутъ же другое слово въ текстѣ: токсун—полохливый (о лошади); ср. монгольское докшин, бѣшенный.

²⁾ Сары-алмать, то-есть, желтый Алмать.

³⁾ Сары-алмасъ—желтый Алмасъ; конечно, это то же, что желтый Алмать. Ниже пропущена строка, которая переводится: „сумасшедшихъ сто абызовъ“; судя по ходу текста, это есть величаніе все того же Алмата или Алмаса, хотя и въ множественномъ числѣ.

⁴⁾ Въ текстѣ не знакомое Теленгитамъ слово: сакап.

⁵⁾ Въ текстѣ старинное, забытое слово: савѣлганду.

⁶⁾ Записана г. Черскимъ у сѣверо-байкальскихъ Бурятъ.

По сообщенію г. Черскаго, буратскіе шаманы призываютъ Шидун нухэй эжилхэн гурбунбакиш лама, трехъ ламъ - учителей, живущихъ въ каменной пещерѣ. О нихъ дѣйствительно говорятъ, что они живутъ въ пещерѣ въ скалѣ; передъ ними стоятъ котель, полный тарасуну.

У сѣверо-байкальскихъ Бурятъ бываютъ иногда паломничества. Партии паломниковъ ходятъ изъ деревни въ деревню и поютъ въ честь бездѣтнаго Балухая. Это называется боолешинъ. Обыкновенно начинается такъ: какой-нибудь человѣкъ, будучи болѣвъ болѣзнию, отъ которой не можетъ отдѣлаться, беретъ посохъ или плеть, привязываетъ къ ней колокольчикъ и отправляется по деревнѣ, напѣвая пѣсню. Къ нему присоединяется другой, третій; толпа эта растетъ и превращается въ процессію. Иногда собирается до 40 человѣкъ; бываетъ даже, что бросаютъ жатву и присоединяются къ паломникамъ. При входѣ въ юрту главному въ толпѣ странствующихъ хозяева подаютъ черепокъ съ жодо (пихтой) или арса (можжевельникомъ); онъ окуриваетъ себя и передаетъ товарищамъ. Если у хозяевъ есть тарасунъ, гостей угощаютъ имъ или повязываютъ на ихъ посохи зала. При этомъ поется пѣсня, отрывокъ которой; записанный г. Черскимъ, здѣсь приводится:

далай алтын минагар
даро ложе надобѣ
аёренге халагда
тужеренге тулугде
булугеен заянда
дуулагеен заявда
дуулануге яхабѣ
алтын дуутѣ шингенур
далоложе надобѣ
ханайкэн хара тумурор
хара зурке хорни харгаба
хугун модор мугой хыже
хара зур куруга шага

Въ видѣ припѣва къ стихамъ повторялось:

Аёренге шумурда
Тужеренге шумурда

Въ Аларскомъ вѣдомствѣ мнѣ также продиктовали отрывокъ

изъ середины призванія Балихаю, которое, можетъ быть, есть
ни что иное, какъ вариантъ предыдущаго:

узур убай модон
ундэ хэнган хурэ
урь угэй Балихай
сэжгэн хурэ
.....
алтын мюнгун шанья нур
алтай дэгур ээдылэ
тангарнэ хубун Балихай
амитын зондо зугала
хылыр мунгун шаньянур
хутхо дэгур ээдылэ
хунэй хубун Балихай
зонхун дондо зугала
тангарынэ Балихай
танюлхая ябаным
тата хайнын зоноро
зугалхая ябаным
халтын ундюр хууды
долон хугын серге
унюшин хундэ исыгы би
уныр хундэ аха би
хараты нмы ирхиде
халха болокше би
бороты нмы ирхиде
бүргулаже ябыкше би.

„Безвершинное дерево съ корня сухо, (у) бездѣтнаго Балихая
въ груди ¹⁾ сухо. Златосеребрянный волокольчикъ надъ Алтаемъ зве-
нитъ, Тангаровъ ²⁾ сынъ Балихай въ живомъ народѣ пируетъ.
Тумпакново-серебрянный волокольчикъ надъ толпой звенить, сынъ
человѣческій Балихай среди народа пируетъ. (Я), Тангаровъ Ба-
лихай, кожу, чтобы познакомиться, между пріятнымъ и добрымъ
народомъ кожу, чтобы поировать. Халтинская возвышенность—

¹⁾ Въмсто сэжген г. Матхановъ предположилъ здѣсь сэжде, грудь, такъ
какъ сэжгенъ для него совершенно неопытно.

²⁾ Тангар на хубун, можетъ быть, значить сынъ неба; ср. тангара, небо
по якутски; тогда слѣдующія слова: сынъ человѣческій, будутъ эпическимъ
противоположеніемъ первой фразы. По бурятски сынъ неба будетъ не
Тангарнэ Хубун, а Тэнгрин Хубун.

мое) жилище, Семь березъ ¹⁾ — (моя) коновязь. Сироть я отецъ, благополучному братъ; я—защита отъ злыхъ намѣреній, я—защита отъ дурныхъ замысловъ“.

Шаманъ, когда бѣшеное состояніе его во время камланья стихнетъ, стоя лицомъ къ югу и спиной къ публикѣ, вдругъ обращается къ ней со словами: хара тологой зон хамгара барун менду, хэрэ тологой зон хылгыдэ барун менду, то-есть: „черноголовый народъ весь, здравствуй, темноголовый народъ весь, здравствуй“; послѣ этого привѣтствія онъ говоритъ: унтагана хербеют мартагана ханабаут, „спящіе пробудились, забывшіе вспомнили“; юндэ тиме хан убэй бэрхэ ухыр хашин, „зачѣмъ такъ бѣдность трудна, быгь лѣнивъ?“ Эти всѣ фразы шаманъ говоритъ уже не отъ себя, а отъ духа, который въ немъ воплотился. Загал танай хусыже зайн танай ороже бэе уйлы танай бутыже ульгыр танай хусыже бэе, „желаю, чтобъ жертва ваша была принята, пусть „заянъ“ вашъ сойдетъ; пусть жертва ваша исполнится, ваше сказаніе достигнется“.

Въ Идинскомъ вѣдомствѣ призываютъ Ундур дэрхи убугунъ, „старика, обитающаго на бугрѣ“. Имя его считается опаснымъ произносить, не брызнувъ при этомъ водкой; думаютъ, что онъ за это вредить. Ему посвящаютъ лошадей (онгон мори); думаютъ, что такая лошадь не испортится. Его столбъ (табис) находится въ Идинскомъ вѣдомствѣ недалеко отъ Асинской управы; проѣзжая мимо столба, Буряты льютъ вино. Этотъ убугунъ пользуется большимъ почетомъ у Бурятъ Балаганскаго и Идинскаго вѣдомствъ; о немъ говорятъ, что онъ былъ шаманъ.

Помѣщаемъ здѣсь еще нѣсколько замѣчаній о шаманствѣ, выписанныхъ нами изъ записной книжки алтайскаго миссіонера о. Василія Постникова:

„Камъ Тумчугашъ разказывалъ, что діаволь является къ нему во время камланья въ видѣ темнаго облака, похожаго на шаръ. Когда это облако осѣняетъ, въ это время онъ ничего не помнитъ, весь задрожитъ отъ страха и говоритъ, уже самъ не помнитъ чтѣ. На совѣтъ креститься, онъ отвѣчалъ миссіонеру: „Если окрещусь, діаволь задавитъ меня“. Камы разказываютъ, что русскіе

¹⁾ Долонъ—хугинъ, то-есть, Семь березъ—урочище къ сѣверу отъ мѣстности Халтынъ-ундюрь.

образа, мѣдныя и рисованныя, такъ велики, что достаютъ до небесъ. Надъ русскими абьсами (то-есть, священниками) носятся духи свѣтлыя на подобіе голубей, а надъ камами летаютъ духи черныя, какъ галка. Духи разказываютъ камамъ, что отъ Русскихъ нестерпимо какъ северно пахнетъ. Если два Калмыка (то-есть, Алтайца) поссорятся и оба не примирившись помрутъ, а свидѣтель останется въ живыхъ, Калмыки вѣрятъ, что и свидѣтель скоро умретъ, чтобы на томъ свѣтѣ объяснить, какъ было дѣло между ссорившимися. Калмыкъ не жалѣетъ приносить въ жертву лучшихъ лошадей, потому что вѣрять, что на томъ свѣтѣ она ему отдастся; онъ смотритъ на это, какъ на запасъ для будущей жизни. Поэтому больные нерѣдко переводятъ на тотъ свѣтъ весь свой скотъ ¹⁾. Абьсъ если лжетъ, будетъ на томъ свѣтѣ строго наказанъ, а если говорить правду, то онъ будетъ богомъ, будетъ являться абьсамъ на камланья и возвѣщать отвѣты и волю боговъ. Когда камъ умретъ, дѣлаютъ идола и называютъ именемъ покойника“.

У Урянхайцевъ на Улухемѣ и Хуахемѣ намъ удалось узнать еще о слѣдующихъ вѣрованіяхъ. Два Кайракана существуютъ: одинъ небесный, производящій громъ; это Кайракан-Кудай; другой, живущій на землѣ въ лѣсу (то-есть, медвѣдь). Улы-Кайраканъ обитаетъ сверху вмѣстѣ съ солнцемъ и луной.

У Сальджаковъ на Буренѣ и Хакемѣ почитается Оранъ-телегей. Ему посвящаютъ вороныхъ лошадей, увѣшиваютъ ихъ яламою (адык по урянхайски), а также въ честь его увѣшиваютъ яламою и деревья. „Ему молюсь о поданіи добычи на охотѣ“, говорилъ мнѣ Сальджакъ Джалбыратъ,—„и другихъ боговъ не знаю“.

Оранъ-телегею молятся, кланаясь на четыре стороны, сначала впередъ, потомъ направо, и т. д., слѣдовательно, посолонь. При этомъ произносятъ: Оранъ-телегей ѳрше. Это дѣлается когда варятъ чай; при этомъ плещутъ чаемъ въ честь Оранъ-телегея.

Вѣра въ Заячи существуетъ у Урянхайцевъ (Тува), какъ и у Монголовъ; они называютъ его джаян и думаютъ, что онъ дѣлаетъ то же, что и его двойникъ-человѣкъ, и предохраняетъ человѣка отъ зла. Алтайцы зовутъ его джаячи (на другомъ нарѣчій теіачи) и ару пайана.

¹⁾ Зайсанъ Пошій, будучи боленъ, прокалалъ 100 быковъ и умеръ.

Б. Жертвоприношенія.

Кровавыя жертвоприношенія сохранились только у Алтайцевъ и Бурятъ; здѣсь колятъ не только овецъ, но и коровъ, лошадей и козловъ; здѣсь, то-есть, какъ въ Алтай, такъ и въ бурятскихъ мѣстностяхъ (по крайней мѣрѣ въ Аларскомъ вѣдомствѣ), и теперь еще можно видѣть деревянныя подставки, на которыхъ виситъ шкура принесеннаго въ жертву животнаго. Въ Урянхайской землѣ (въ системѣ Улукема) и у Дархатовъ, какъ и въ остальной ламайской Монголіи, кровавыя жертвоприношенія уничтожены, вѣроятно, вліяніемъ ламъ; проѣзжая по долинѣ Улукема и Хакема, не говоря уже о долинѣ Шишкита, мы нигдѣ не встрѣтили слѣдовъ кровавыхъ жертвъ, то-есть, этихъ подставокъ съ вывѣшанною шкурой, такъ-называемыхъ по бурятски куруковъ или по алтайски таялгъ. Какъ единственный остатокъ кровавыхъ жертвоприношеній у Урянхайцевъ, Дюрбютовъ и Дархатовъ, существуетъ только жертвоприношеніе огню, при чемъ колятъ овцу.

Обряда приношенія въ жертву лошади намъ не довелось видѣть; распрашивать же объ этомъ обрядѣ мы сочли излишнимъ въ виду существующаго описанія его, сдѣланнаго, по видимому, очевидцемъ, о. Вербицкимъ ¹⁾, къ которому и отсылаемъ желающихъ съ нимъ познакомиться.

Опишу здѣсь только таялгъ, который мы видѣли 13-го мая на правомъ берегу Катуня. На пути отъ Ангудая до Кошагача мы видѣли ихъ нѣсколько, но этотъ таялгъ былъ больше всѣхъ другихъ. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ построекъ; на каждой были вывѣшаны по двѣ шкуры, одна лошадиная, другая овечья. Каждая постройка состояла изъ четырехъ столбиковъ, на которые были насланы полати или повѣты; эти постройки называются по алтайски ширэ, по телеутски таскае; полати состоятъ изъ березовыхъ вѣтвей; на нихъ сверху сложены кости. Къ западу отъ cadaго такого жертвенника въ землю вбитъ столбъ съ развилкомъ вверху; высота столба выше полатей; на развилокъ положена длинная жердь, которая западнымъ концомъ уперта въ землю; другой восточный

¹⁾ См. статью: „Алтайцы“ въ *Вѣсти. Имп. Русск. Геогр. Общ.*, XXIV.

конецъ ея торчитъ въ воздухѣ какъ разъ надъ серединой полатей. Упертый въ землю конецъ укрѣпленъ тремя кольями. На восточный свободный конецъ напялена шкура лошади ¹⁾, снятая цѣликомъ, въ видѣ рукава; эта-то жертвенная шкура собственно и называется таилгà; жердь проходитъ чрезъ заднее отверстіе и переднимъ концомъ поддерживаетъ головной черепъ; ноги съ копытами болтаются свободно. Ширэ, на которомъ вывѣшена баранья шкура, совершенно такого же устройства; оно было сооружено рядомъ съ лошадыю съ лѣвой или сѣверной стороны. Впереди этихъ двухъ ширэ, то-есть, съ восточной стороны, стояли у одной постройки двѣ жердочки съ сдѣланными изъ дерева птичками, шонхор, то-есть, соколами (жердочки съ деревянными птичками на вершинахъ у Телеутовъ называются каршить); между жердочками привязанъ шнуръ, на который по всей его длинѣ навѣшано множество тесемокъ, нарванныхъ изъ бѣлой бязи, шириной въ большой палецъ, длиной въ двѣ четверти. По разказамъ туземцевъ, въ серединѣ шнура привязывается еще шкурка зайца. Эти жердочки съ тесьмами называются кэджиль. Съ южной стороны поставлены другія двѣ жердочки близко одна отъ другой, одна южнѣе другой; на вершинѣ каждой изъ нихъ укрѣплена горизонтально дощечка, на углахъ которой есть вертикальные колышки; это—тэбкышъ, лѣсенка.

Другіе два жертвенника такого же рода стояли поодаль отъ этихъ; вѣроятно, тутъ два таилгà, которые хотя можетъ быть и однимъ хозяиномъ сооружены, но не въ одно время.

Въ этомъ второмъ таилгà не было тэбкыша, и ялама была укрѣплена не на жердочкахъ, а на воткнутыхъ въ землю березкахъ, у которыхъ вѣтви не были обрублены. Такія березки съ яламой Алтайцы зовутъ яикъ, Телеуты—сомъ; по словамъ первыхъ, они ставятся въ честь Яика или Джанка. Къ югу отъ первой таилги вдали была воткнута березка, въ которой на суехъ надѣтъ большой березовый вѣнокъ; по словамъ нашихъ проводниковъ, тутъ было особое жертвоприношеніе изъ мелкой скотины; въ вѣнокъ

¹⁾ Головой на востокъ выставляютъ жертвенныя шкуры послѣ жертвоприношенія Ульгөню; шкуры же животныхъ, привезенныхъ въ жертву Ерику, выставляются головой на западъ.

будто бы складываются кости. На жердь, на которую повѣшена шкура, и которая называется чюкели, на серединѣ вбито три колышка для того, чтобы собаки или волки не взопли на ширѣ и не изорвали шкуры. Въ последнее время появились воры, крадущіе жертвенныя шкуры; въ предупрежденіе этого жертвоприносители стали портить шкуры, надрѣзывая ихъ ножемъ.

У Урянхайцевъ (Тува) на Улухемѣ, Хакемѣ и Буренѣ лошадей въ жертву не приносятъ, а только увѣшиваютъ ихъ „адыками“ или „ндыками“: чубарыхъ въ честь Джетыгана, сивыхъ (вок порат) въ честь Кайракана и бѣлыхъ въ честь Ереня. Этотъ обрядъ безкровнаго жертвоприношенія называется „ыдыктар“; такое посвященіе животнаго Большой Медвѣдицѣ, по мнѣнію Урянхайцевъ, приноситъ жертвователю богатство. Овецъ колютъ въ честь Джетыгана и Кайракана. Въ честь Джетыгана Сальджаки Урянхайцы колютъ бѣлаго лысаго барана (то-есть, бѣлаго барана съ черною головой и съ бѣлымъ пятномъ на лбу). Въ честь огня колютъ краснаго козла (показаніе одного Урянхайца). По другому показанію, Урянхайцы въ жертву не приносятъ лошадей, это дѣлаютъ только Сойоны; Урянхайцы же приносятъ въ жертву только барановъ, аккальджан (съ бѣлой лысиной?), особенно при началѣ посѣва, а также когда заводятъ аг-ереня (фетиша); шкуру барана вѣшаютъ на жердь, которая называется такылга; кости сжигаютъ, а переднюю часть подносятъ большому человѣву (улу еши). Ерликъ-Кайракану приносятъ жертву въ весенній мѣсяцъ; колятъ барана и поклоняются на всѣ четыре стороны, вращаясь слѣва направо (то-есть, посолонь) сначала на востокъ, потомъ на югъ и т. д.

У Бурятъ Аларскаго вѣдомства жертвоприношенія бываютъ общія и частныя; общія жертвоприношенія называются тайлганъ или тайлаганъ и бываютъ три раза: 1) лѣтомъ въ честь земли и воды, газыругун; 2) лѣтомъ же въ честь хатовъ, и 3) осенью опять въ честь земли и воды; первый ранній лѣтній и третій осенній называются бага тайлган, „малый тайлганъ“; на нихъ менѣе истребляется животныхъ, чѣмъ на среднемъ. Въ жертву приносятъ кобыль и овецъ; бараны доставляются членами общества поочередно, кобылы покупаются. Для правильной раскладки налога на тайлганъ, улусъ разбивается на части или артели; каждая артель на первый лѣтній тайлганъ даетъ приблизительно одну кобылу и отъ двухъ до пяти барановъ,

на большой лѣтній отъ 5 до 20 барановъ и одну или иногда двѣ кобылы; въ осенній таилганъ не требуется барановъ, но за то артели мельче, такъ что какая часть народа приносила въ ранній лѣтній одну, приноситъ теперь двухъ кобылъ. Впрочемъ, тѣ артели, которыя не имѣютъ средствъ купить кобылицъ, рѣжутъ барановъ; эта замѣна допускается во всѣхъ трехъ таилганахъ. Первый лѣтній таилганъ бываетъ въ началѣ юня, когда переѣзжаютъ въ лѣтники; большой, въ честь хатовъ,—въ началѣ юля или около Петрова дня; нынче больше стали придерживатся послѣдняго времени; осенній—по уборкѣ хлѣба, въ концѣ сентября. Когда рѣшатъ день таилгана, дружно всѣ начинаютъ помогать: кто ѣдетъ покупать кобылицу, кто везетъ котлы на мѣсто дѣйствія. Таилганное сборище производится для каждаго улуса въ опредѣленной мѣстности и не одновременно для всего Аларскаго вѣдомства; послѣднее дѣлится на четыре хурэна ¹⁾, въ каждомъ хурэнѣ стараются совершить таилганъ одновременно, но нѣкоторые опаздываютъ. Таилганомъ завѣдуетъ избранный убугунъ, „старикъ“; шаманы никакой роли на этой церемоніи не играютъ.

Располагается таилганъ такимъ образомъ: молящіеся образуютъ фронтъ, обращенный лицомъ на югъ; восточное или лѣвое крыло этой линіи занимаютъ лошади, на которыхъ привезены вещи; къ западу отъ нихъ очаги; еще западнѣе разстилаются войлоки, на которыхъ разсаживаются семейства (на таилганахъ участвуютъ мужчины, дѣвѣцы незамужнія и дѣти; замужнія женщины и просватанныя дѣвѣцы на таилганахъ не бываютъ); эти войлоки образуютъ линію, идущую съ востока на западъ; передъ каждымъ войлокомъ (или семействомъ) воткнуть березовый прутикъ, „турги“, а впереди прутіеа стоятъ посуда съ припасами (тарасуномъ, молокомъ, сыромъ и проч.). На правомъ крылѣ этой линіи стоятъ старики, и изъ среды ихъ впередъ выстраиваются въ рядъ лицомъ на югъ тѣ, которые должны будутъ дѣлать возліяніе; убугунъ становится на ихъ правомъ крылѣ. Сзади стариковъ помѣщаются случайные гости и пріѣзжіе; это такъ-называемый зошонъ. На югъ

¹⁾ Эти четыре хурэна называются: Додо-хурэнъ, Донду-хурэнъ или Хилпъ-хурэнъ, Дедехурэнъ и Зунъ-хурэнъ. По хурэнамъ распределяются сѣнокосы; раскладка же податей въ вѣдомствѣ производится по родамъ.

отъ этой линіи, впереди разсланныхъ войлоковъ, стоятъ жертвенники по числу жертвенныхъ животныхъ. Это или камни, или четыре вбитыя въ землю кола, изъ которыхъ два южные выше сѣверныхъ; они сверху покрыты покатою кровлей. Жертвенники ставятся въ рядъ, который параллеленъ общей линіи расположенія. На правомъ крылѣ жертвенника втыкается въ землю залмъ, то-есть, срубленное березовое деревцо, вершина котораго должна быть выше жертвенника; подлѣ залма находится маленькій жертвенникъ, шире, на которомъ разложенъ огонь. Каждый хозяинъ, явившись на таилганъ, идетъ къ залмѣ съ туесомъ, наполненнымъ молокомъ; къ дужкѣ крыши туеса обыкновенно биваются привязаны двѣ „зала“, то-есть, двѣ тряпочки, бѣлая и синяя; подошедшій сначала бросаетъ въ огонь арса (можжевелиникъ) или жодо (пихту) и потомъ, повертѣвъ въ дѣму жертвенника двѣ зала, или правильнѣе сказать, сдѣлавъ ими три круга, привязываетъ ихъ къ залмѣ. Впереди жертвенниковъ, но въ значительномъ отдаленіи отъ нихъ, стоитъ жертвенная лошадь, бараны же ставятся близъ жертвенниковъ.

Первое дѣйствіе на таилганѣ—возліаніе тарасуна и молока; представители отъ каждаго предназначеннаго въ жертву животнаго, какъ мы сказали выше, становятся вмѣстѣ съ убугунемъ на правомъ крылѣ; въ руки даютъ имъ чашки, въ которыя наливаютъ тарасунъ или молоко, собранныя по каплѣ со всѣхъ принесенныхъ на таилганъ туесовъ; старики брызжутъ до трехъ разъ, призывая на свой улусъ милость боговъ, просятъ сдѣлать волковъ беззубыми, камни тупыми, шоно шуды угэй, шилун ирмык угэй, потомъ кидаютъ чашки и всѣ идутъ смотрѣть; если чашка упала отверстиемъ кверху, говорятъ: „тѳряхъ“; это—къ счастью. Убугунъ выкрикиваетъ, кому что выпало. Которымъ выпать тѳряхъ, тѣ весело ему отвѣчаютъ. Если у кого чашка упала дномъ кверху, тотъ идетъ молча; это замѣчаютъ тѣ, которые разливаютъ тарасунъ, спрашиваютъ, чѣмъ онъ дѣлалъ возліаніе, тарасуномъ или молокомъ, и сейчасъ наполняютъ ему чашку вновь. Онъ снова кидаетъ ее. Такимъ образомъ онъ можетъ повторить этотъ опытъ до трехъ разъ. Если за всѣмъ тѣмъ ему нѣтъ тѳряха, убугунъ говоритъ: кого-то забыли сегодня; не такого-то ли забыли? припоминаетъ имя какого-нибудь умершаго родственника того человѣка, которому не выпадаетъ тѳряхъ,

или имя умершаго шамана, и самъ кидаетъ чашку, кидаетъ недалеко и бережно. Если чашка упадетъ наконецъ отверстиемъ кверху, всѣ говорятъ: да, да, забыли таково-то!

Послѣ возмѣнанія колятъ животныхъ ¹⁾; кожи, снятыя съ нихъ, складываютъ вдвое шерстью вверхъ и разстилаютъ по одной передъ каждымъ жертвенникомъ съ южной стороны; мясо сваливаютъ въ котлы и варятъ; народъ шумитъ, хлопочетъ около котловъ, пьетъ тарасунъ. Мясо варится снятое съ костей, но и оголенные кости также опускаются въ котель; головы опаливаютъ, очищаютъ и также варятъ; когда онѣ готовы, на лбу и щекахъ надрѣзываются треугольники; уругунъ отдираетъ ихъ и кидаетъ въ пламя жертвенника. Свареное мясо рѣжется на куски; при этомъ стараются, чтобы всякому семейству досталось по куску всякаго рода мяса. Если сорокъ душъ на тайлганѣ (подъ душой разумѣется женатый мужчина), то наприимѣръ, правая задняя нога рѣжется на сорокъ частей; если у кого три женатые сына, ему дается четыре части. Мелкія вещи, наприимѣръ, сердце, яловый жиръ, рѣжутся мелкими кусками и правильно раздѣляются. Почки не дѣлятся, а или отдаются тому, кто продалъ свою кобылу на жертву, если онъ, продавая ее, предварительно договорился о томъ, или тому, кто ѣздилъ покупать кобылу, или въ томъ случаѣ, если предварительнаго договора о почкѣхъ ни съ кѣмъ не было, — тому, кто себѣ попроситъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ торгуются и уступаютъ почки за рубль или за полтора. То же самое и съ кожей: ее или продаютъ, или уступаютъ тому, кто продалъ кобылу. Остатки отъ ляшки противъ сорока, наприимѣръ, кусковъ предназначаются зошону, то-есть, обществу гостей и постояльцевъ. Нарѣзанные куски складываются въ ведра; кто-нибудь беретъ ведро съ однимъ сортомъ мяса и раскладываетъ его на полянѣ; такимъ же родомъ раскладываются и другіе сорта; образуется сорокъ кучъ; когда мясо разложено, хозяева разносятъ его

¹⁾ По разказамъ самихъ Бурятъ, жертвенное животное валятъ на землю, разрѣзываютъ ему животъ и отрываютъ сердце: въ то же время другіе люди тянутъ животное за переднія ноги впередъ и за заднія назадъ. Этотъ обычай растягивать животное есть и у Алтайцевъ; о немъ сообщаетъ и о. Вербицкій въ своей статьѣ, и я самъ слышалъ о немъ отъ Алтайцевъ.

каждый на свой войлокъ къ своей семьѣ. Тогда убугунъ беретъ свое ведро, качаетъ его надъ жертвенникомъ и выкрикиваетъ: ай, хурэй! и затѣмъ просить у боговъ милостей. За нимъ подходить и другіе поочередно съ своими ведрами и произносятъ тѣ же слова. Послѣ того мясо съѣдается. Кровь барана, начиненную въ кишки, и нѣкоторые другіе куски кладутъ на пучки прутьевъ, связанныхъ своими вершинами; два человѣка, взявшись за колевые концы прутьевъ, подносятъ эти части къ жертвеннику съ южной стороны и три раза вертятся съ ними.

Возвращаясь съ таилгана, каждый беретъ съ собою головню съ огнемъ, и пріѣхавъ домой, кладетъ ее въ очагъ. Заключение таилгана представляетъ оригинальное зрѣлище: при вечернемъ освѣщеніи въ разныя стороны несутся, иногда во весь опоръ, подгулавшіе Бураты съ факелами въ рукахъ, разсыпая искры въ воздухъ. Женатый человѣкъ считаетъ своимъ долгомъ привезти съ таилгана своей женѣ кусокъ конины.

Кромѣ этихъ общественныхъ жертвоприношеній, у Аларскихъ Бурятъ бываютъ частныя, такъ-называемыя курукъ; тѣмъ же именемъ называютъ и шкуры животныхъ, вывѣшанныя на жердь ¹⁾; произносятъ это слово также хурйк или хрик; есть еще имя для нихъ: сасаль. Каждый Бурятъ считаетъ своимъ долгомъ въ теченіе своей жизни разъ принести жертву Буха-ноину, его женѣ Бодынъ-хатунъ и ихъ сыну Булганъ-хара-кубуну. Если же имѣетъ средства, то можетъ приносить ихъ и ежегодно и даже чаще. Каждый домохозяинъ приноситъ жертвы своимъ домашнимъ огномамъ. Затѣмъ Аларскіе Бураты приносятъ еще жертвы Халтынъ-убугуну, Ангарен-ноину (господину Ангара), Ханъ-джиргаю и двумъ какимъ-то птицамъ—Оинъ-шибону и Улэнъ-шибону. Халтынъ-убугуну приносятъ жертву только Нилгинскій улусъ; Имагинскій улусъ имѣетъ своего убугуна, доспѣхи котораго также были вывѣшаны на возвышенномъ мѣстѣ, носящемъ названіе Има-тэнундур.

¹⁾ Проѣзжая по бурятскимъ улусамъ Аларскаго вѣдомства, часто приходится видѣть передъ воротами, которыя бываютъ обыкновенно обращены на югъ, четыре столбика съ повѣтью и жердь со шкурой, наклонно положенною на этотъ жертвенникъ. Съ западной стороны всегда вонзнуты березки. Это „курукъ“.

Во время дѣтскаго возраста сына приносится жертва подѣ названіемъ Шарьтехе (козлять бѣлаго козла); если шаманъ присовѣтуетъ, то эта жертва приносится два раза; иногда она совершается до трехъ разъ. Потомъ приносятъ въ жертву бѣлаго ягненка—также иногда до трехъ разъ; эта жертва называется Улан-хорюгон (красный ягненокъ?) ¹⁾. Кромѣ того, когда ребенокъ не имѣетъ еще году, бываетъ булхы: колютъ, если ребенокъ дѣвочка,—овечку или козлушку, если мальчикъ—барана или козла. Эта жертва считается какъ бы за омовеніе.

Наконецъ, бываютъ еще случайныя} жертвы, напримѣръ, въ случаѣ болѣзни. Камланье во время болѣзни основано на слѣдующихъ повѣрьяхъ: Буряты не имѣютъ никакихъ понятій о физическихъ причинахъ болѣзней; они не знаютъ слова простуда, всякая внутренняя и наружная болѣзнь, за исключеніемъ развѣ поруба, порѣза, ушиба и т. п., приписывается сверхестественной причинѣ; поэтому и лѣченіе болѣзней, по мнѣнію Бурятъ, возможно только посредствомъ колдовства; цѣлебное же свойство травъ и другихъ произведеній природы, за исключеніемъ минеральныхъ источниковъ, шаманистамъ - Бурятамъ не извѣстно. Въ числѣ причинъ болѣзней одною изъ главныхъ является исчезновеніе души изъ тѣла; Буряты допускаютъ существованіе въ человѣкѣ двухъ душъ; такое представленіе, по видимому, является, какъ объясненіе страннаго явленія сновидѣній у спящихъ людей. Буряты думаютъ, что въ то время, какъ одна душа во время сна остается въ тѣлѣ спящаго человѣка, другая, которая называется худыгн ²⁾, бродитъ въ разныхъ мѣстахъ, бываетъ въ поляхъ, въ тайгѣ и т. д. Если къ утру что-нибудь помѣшаетъ попасть ей обратно въ тѣло, человѣкъ пробуждается безъ души; онъ тотчасъ же начинаетъ болѣть. Задержаніе души внѣ тѣла можетъ происходить отъ разныхъ причинъ: душа во время ночныхъ прогулокъ могла заблудиться въ тайгѣ или вообще въ пустынѣ, или вер-

¹⁾ Двѣ жертвы Шарьтехе и Уланъ-хорюгонъ называются алба; онѣ совершаются ради только мальчиковъ, почему мальчики и называются албатай, дѣвочки же зовутъ—албаугей.

²⁾ О смерти не говорятъ: „худыгн“ оставила тѣло, а дыханіе, „амин“, прекратилось.

нувшись къ тѣлу, не можетъ найти входъ въ него (худыгын хойга), или наконецъ, она похищена послами Ерликъ-хана. Каждую ночь Ерликъ высылаетъ двухъ своихъ ельчи, пословъ, ловить шатающіяся души людей; ельчи схватываютъ душу и увлекаютъ ее въ ерликовъ „тамы“. Это вѣрованіе такъ распространено между Бурятами, что по улусамъ можно собирать разказы очевидцевъ или свидѣтелей подобныхъ похищеній. Случилось, напримѣръ, Буряту или Буряткѣ выйти въ полночь изъ юрты; она прислушивается и различаетъ въ ночномъ воздухѣ какой-то шумъ, происходящій возлѣ юрты одного изъ сосѣдей ¹⁾, какъ будто идетъ какая-то борьба; затѣмъ раздается тонкій, едва слышный крикъ или плачь, который постепенно затихаетъ съ шопотомъ удаляющихся ногъ ²⁾. На другой день Бурятка возвѣщаетъ своей семьѣ, что сегодня ночью ерликовы ельчи унесли чью-то душу, которую схватили, когда она проходила мимо избы такого-то ³⁾. Вѣсть эта облетаетъ улусъ; гдѣ-нибудь въ это время прихворнетъ человѣкъ, и его болѣзнь сейчасъ же сопоставляется съ ночнымъ происшествіемъ. Призванный къ постели больного шаманъ долженъ прежде всего опредѣлить, отчего заболѣлъ человѣкъ: заблудилась ли его душа, и находится гдѣ-нибудь въ нежиломъ мѣстѣ, или она тутъ, но не умѣетъ войти

¹⁾ На зимникахъ юрты или избы Буряты строятся на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ сажень одна отъ другой.

²⁾ Когда Ерликовы послы ловятъ бродячую душу, слѣдуетъ молчать; посторонній разговоръ испугаетъ пословъ, помѣшаетъ имъ исполнить свое дѣло, и тогда они вмѣсто той души унесутъ душу помѣшавшаго имъ. Г. Адриановъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая: чesавшій шею ягненокъ завязилъ шею въ пряслахъ и задыхался въ судорогахъ; Буряты-ямщикъ не рѣшился освободить его боясь, что та же сила, которая его тутъ засадила, за освобожденіе его, похититъ большаго барана.

³⁾ Буряты указываютъ стариковъ, которые знаютъ и видятъ, когда ерликовы ельчи изловляютъ бродячія души; въ Халтинскомъ улусѣ этимъ вѣдѣніемъ отличался нынѣ умершій уже старикъ Балтыръ. Къ такимъ старикамъ заходятъ сами ерликовы ельчи и оповѣщаютъ, чья душа намѣчена. Встаетъ Балтыръ утромъ и проговаривается своей женѣ, что сегодня душу такого-то поймали. Жена тихонько сообщаетъ сосѣдкѣ; слухъ дойдетъ до человѣка, душа котораго изловлена, и онъ ѣдетъ къ Балтыру. Балтыръ сначала отрицается, говоритъ, что это бабы выдумки, но потомъ произноситъ многозначительное арга бедырхэ, то-есть, нужно искать исхода.

въ тѣло, или наконецъ, она въ темницѣ Ерлика. Предварительное камланье даетъ отвѣтъ шаману: если онъ находитъ ее возлѣ, тогда задача лѣченія простая; нужно только вставить ее въ тѣло больного, что шаманъ посредствомъ особыхъ дѣйствій и совершаетъ; если ее нѣтъ возлѣ, шаманъ отправляется искать ее по всему свѣту, въ дремучихъ лѣсахъ, въ степяхъ, на днѣ морскомъ; если онъ найдетъ ее, опять приносить ее въ улусъ и вставляетъ въ тѣло. Душѣ, ловимой шаманомъ, можетъ прийдти капризъ ускользнуть отъ его преслѣдованій; она или бѣжитъ туда, гдѣ ходили бараны,—слѣды души смѣшиваются съ слѣдами бараньихъ ногъ, и шаманъ не можетъ отличить ихъ; или она убѣгаетъ въ барунъ хатамъ (юго-западнымъ хатамъ), то-есть, въ Буханонну и Бадунъ-хатунѣ. Здѣсь она безопасна отъ преслѣдованій шамана. Но если души нигдѣ нѣтъ въ предѣлахъ нашего міра, значитъ—она покищена Ерликомъ; тогда шаману приходится совершать трудный, сопряженный съ опасностями путь въ Ерликово подземное царство, а больному это обходится дорого, такъ какъ на умилоствивленіе Ерликъ-хана требуются жертвы. Но не всегда Ерликъ бываетъ удовлетворенъ жертвами изъ домашнихъ животныхъ; онъ требуетъ въ замѣнъ заточенной души другую душу, притомъ такую, которая ему также понравилась бы, какъ и та, которою онъ уже завладѣлъ. „Кто у тебя самый близкій другъ?“ спрашиваетъ шаманъ больного. Если больной не на столько великодушенъ, чтобы любить своего друга больше себя, онъ выдаетъ своего друга. Тогда шаманъ продолжаетъ камлатъ и ловить душу друга больного въ то время, когда тотъ спитъ, то-есть, дѣлаетъ то же, что дѣлаютъ Ерликовы ельчи. Душа, преслѣдуемая шаманомъ, обращается въ жаворонка, шаманъ обращается въ ястреба, изловляетъ душу и доставляетъ Ерлику, который и отпускаетъ въ замѣнъ ея душу, взятую его ельчами. Больной выздоравливаетъ, но его другъ начинаетъ болѣть и умираетъ. Впрочемъ эта замѣна дѣйствительна только на срокъ; больной можетъ сохранить жизнь только на три, на семь или на девять лѣтъ; поэтому онъ проводитъ остатокъ своей жизни въ кутежахъ. Другіе Буряты не соглашаются на замѣну душой своего друга; дружба побѣждаетъ страхъ передъ смертью.

Нѣкоторыя жертвоприношенія совершаются на дворѣ или на

улицѣ, другія, какъ наримѣръ, халтинскому убугуну или тарасинскимъ шаманамъ,—внутри дома. При жертвоприношеніи на улицѣ кости жертвы сжигаются на жертвенникѣ, который называется ширѣ. Сжигаются кости, ноги, голова и горло съ небольшою частью легкихъ, то-есть, преимущественно вещи, неудобосѣдомья или совсѣмъ не сѣдомья. Огонь раскладывается подъ жертвенникомъ; когда кости и другія вещи на него сложены, огонь усиливаютъ; колья, поддерживающіе жертвенникъ, подгораютъ, — жертвенникъ и лежащее на немъ падаетъ въ середину костра. „Цзурь-мыгынъ“, то-есть, кусокъ брюшины, обернутый саломъ и обмотанный тонкою кишкой, вѣшается на сучокъ одного изъ кольевъ, поддерживающихъ жертвенникъ; онъ также предназначается въ жертву и долженъ бы сгорѣть, но когда огонь подойдетъ подъ этотъ кусокъ, и онъ начнетъ подгорать, схватываютъ его съ сучка и сѣдаютъ.

Жертвоприношеніе „гушнъ тоготу“, то-есть, „тридцатикотловое“, нынѣ уже не бываетъ; о немъ только старики разказываютъ. При этомъ устраивался будто бы шалашъ въ родѣ того, какъ при посвященіи шамана. Совершившій это жертвоприношеніе смотрѣлъ съ высококріемъ на тѣхъ, которые приносили жертвы только хатамъ. Онъ считалъ себя огражденнымъ отъ всякихъ несчастій; всѣ духи и Ерликъ имъ были задобрены, и не откуда ему было ждать напасти. Онъ говорилъ: Ви загала доудан хунэ или хусэн хунэ, то-есть: „я человекъ, окончившій всѣ загалы“ (жертвы); онъ называлъ себя: догурхэ бохолдэяга айха угей хунъ, „человекъ, не боящимся низшихъ бохолдеевъ“. Жертвоприношеніе „гушнъ тоготу“ приносилось только тогда, когда домохозяинъ совершилъ постепенно въ теченіе своей жизни всѣ обязательныя жертвы: хатамъ, то-есть, Буханюну и его семейству, мѣстнымъ убугунамъ и домашнимъ онгонамъ.

При нѣкоторыхъ жертвахъ посуду, бывшую подъ молокомъ, въ теченіе трехъ дней не вносятъ въ домъ, и мясо также; при другихъ же вносить не возбраняется.

Когда дархатскій дзайранъ камлаетъ, семья или больной торгуется съ вызваннымъ имъ онгытомъ. Онгытъ требуетъ непомерной жертвы; мать семейства, услышавъ это, кричитъ: „Сколько тебѣ уже закололи овецъ, а все еще не доволенъ, какой больше-

ротый (ямыр ики амытей цатхуга байна). Видно у тебя вовсе силы нѣтъ, что не можешь сдѣлать, чего отъ тебя просятъ!“ Онгытъ потихоньку сбавляетъ, пока, наконецъ, шаманъ не уговорить его ограничиться лоскуткомъ или яламой. Теперь дзайранъ торопитъ его въ дорогу: Джуреръ! джуреръ! кричить онъ ему. Онгытъ смиренно говоритъ: Джа, джуреръ, джуреръ! иду, иду! На пути онъ еще разъ останавливается, оборачивается назадъ и говоритъ: Нельзя ли прибавить! Дзайранъ безъ церемоніи ругаетъ его словомъ „катышъ!“ (эта брань есть и у Алтайцевъ) и гонитъ дальше.

Жалобы на то, что онгоны стоятъ дорого, повсемѣстны. Аларскіе Буряты, показывая мнѣ своихъ онгоновъ, говорили: „Страсть обжорливы, какъ овцы! По многу ѣдятъ“.

Бываютъ и другія причины болѣзней, кромѣ плутанія души; иногда ихъ насылаютъ духи. Призванный шаманъ узнаетъ сначала, какимъ духомъ наслана болѣзнь. Напримѣръ, если помнѣть, что умеръ кто-нибудь постоянно страдавшій животомъ, и если у кого изъ живыхъ заболитъ животъ, разубнаютъ утхэ покойника и брызгаютъ ему.

Если гдѣ бываетъ горячка, туда много съѣзжается шамановъ; о горячкѣ говорятъ: хадут буга, то-есть, „хаду спустились“. Это особенные духи, ни барун-хаты, ни дзонь-хаты.

При сифилисѣ также приносятъ жертву, обыкновенно чернаго барана: жертвенникъ устраивается на сѣверъ отъ жилия. Это не хорошая жертва; никто въ ней добровольно не участвуетъ, и „хурика“, то-есть, выставленной шкуры, боятся.

Во время жертвоприношеній вообще женщины сидятъ вдали за огнемъ. Въ „пхи-засалъ“, въ большомъ жертвоприношеніи, женщины вовсе не допускаются,—только одна хозяйка присутствуетъ. При нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ даже дѣтямъ возбраняютъ присутствовать.

Алтайцы приносятъ жертву огню послѣ перваго грома. При этомъ колятъ рыжеголоваго барана, сарбашту кой; подлѣ огня кладутъ на четырехъ углахъ тряпки, въ рукахъ также держатъ тряпки, камъ въ это время камлаетъ вокругъ костра. Огонь Алтайцы называютъ от енем, мать-Огонь.

У Дюрбютовъ обрядъ жертвоприношенія огню можетъ быть совершенъ свѣтскимъ человѣкомъ, хара-хунемъ, безъ ламы. Ко-

лять барана на западной сторонѣ отъ юрты на бѣломъ войлокѣ, исполнителемъ этой процедуры отнюдь не бываетъ самъ хозяинъ, а кто-нибудь другой, — такой, у кого ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестры не умирали. Отъ бараньей тушки отрѣзываютъ зюльду, то-есть, грудную часть съ внутренностями и нижней челюстью (такъ вырѣзываютъ зюльду и алтайскіе охотники, приносятъ его въ домъ и вѣшаютъ отъ входа на западъ, гдѣ у Алтайцевъ висятъ пенаты). Очистивъ мясо, грудную часть (зюльду) вмѣстѣ съ мясомъ варятъ въ котлѣ; нѣкоторые присутствующіе вынимаютъ кости изъ котла, а остальную мелочь (сердце, легкое и проч.) завертываютъ въ зюльду и завязываютъ бѣлымъ шерстянымъ шнуркомъ. Сваривъ, хозяинъ вынимаетъ мясо изъ котла, колеблетъ имъ въ воздухѣ и читаетъ молитву, держа въ рукѣ „сумынь“¹⁾, то-есть, палочку съ пятью наконечниками, къ которымъ привязаны „пять цвѣтовъ“, то-есть, тряпочки пяти цвѣтовъ. Остальные присутствующіе держатъ чаши съ сыромъ, молокомъ и проч. Чтецъ восклицаетъ: Балбы орунаса алтын кишик хурэй, хурэй, хурэй! Китат орунес иден кишик хурэй, хурэй, хурэй! Тибет орунас номын кишик хурэй, хурэй, хурэй! То-есть: „Съ балбинской стороны золотое довольство приди (?), съ китайской стороны довольство въ пищѣ приди, съ тибетской стороны духовное (книжное) довольство приди!“ Всѣ, колебля въ воздухѣ чашами съ сыромъ и т. п., кричатъ: хурэй! Это мясо послѣ обряда въ теченіе трехъ дней не ѣдятъ; по истеченіи же этого срока хозяинъ раздаетъ мясо только своимъ семейнымъ. Нѣкоторые даютъ и постороннимъ.

Урянхайцы (Тува) поклоняются (тагыр) огню, льютъ масло и бросаютъ сало въ огонь; при этомъ держатъ въ рукахъ сыръ (пиштагъ) и кричатъ: куруй! куруй!

Алтайцы имѣютъ особый родъ жертвы, который называется тебиш, что буквально значитъ „сѣльница“. Это—жертвы родителямъ и дѣдамъ, по словамъ о. Чивалкова. По другому показанію, тебиш устраивается по случаю болѣзни, и жертва эта приносится разнымъ духамъ, въ томъ числѣ „тюнгурчэку“; показаніе это, по видимому, не противорѣчитъ предыдущему, по крайней мѣрѣ по

¹⁾ Сумынь—стрѣла.

духу своему. Убиваютъ барана не рѣжа, а задушая; затѣмъ вырѣзаютъ изъ его тушки въ видѣ цѣльнаго куска голову, горло легкія и печень, и какъ эти части, такъ и остальное мясо, варятъ; немного поваривъ, голову съ висящими на ней частями кладутъ въ тебигшъ; камъ держитъ ее передъ собою и произноситъ алкышъ; послѣ того выкладываютъ эти части передъ „яикомъ“¹⁾, а остальное мясо довариваютъ и съѣдаютъ.

Во время жертвоприношенія огню у Аларскихъ Бурятъ ставятъ подлѣ огня ведро со смѣтаной, въ которое опущена стрѣла (утѣ); эта смѣтана поѣдается въ теченіе трехъ дней, и во все это время стрѣла остается въ ведрѣ. Послѣ жертвоприношенія огню три дня изъ дому ничего не даютъ, даже воды и трубки съ табакомъ. Во время жертвоприношенія пересматриваютъ, нѣтъ ли въ иртѣ чужихъ вещей, и возвращаютъ ихъ хозяевамъ; это дѣлается изъ опасенія, что хозяинъ вещи, вмѣсто своей, можетъ, по ошибкѣ, унести вещь, принадлежащую дому. Или объявляютъ всѣмъ, чтобъ тѣ, кто имѣетъ свои вещи въ домѣ, взяли ихъ.

У Алтайцевъ существуетъ обычай приносить жертвы у обо, то-есть, у кучъ, сложенныхъ изъ камней и называемыхъ такылганъ. Къ кому онѣ относятся, къ самому ли обо, или къ духу урочища, я себѣ не уяснилъ.

Возліаніе по алтайски называется чачылгы. Возліаніе молокомъ, по увѣренію Алтайцевъ, производится въ честь Кайракана, ялама вѣшается въ честь Джайка, Ульгеню же и Ерлику приносятся кровавыя жертвы. Возліанія производятся во время грома и при началѣ всякаго камланья. Телеуты, когда дѣлаютъ возліаніе, протяжно восклицаютъ: чээ! Алтайцы же произносятъ это восклицаніе коротко: чѣк! Говорятъ: чѣтѣб жат, то-есть: „онъ дѣлаетъ возліаніе“.

Урянхайцы льютъ молоко въ честь ужютовъ; подѣ именовъ ужют или узют Урянхайцы разумѣютъ тѣхъ духовъ, которыхъ призываютъ камы; поэтому они называются: камнынъ джиме, то-есть, шаманскія вещи.

Первый выходъ вина изъ „буркеля“ у Урянхайцевъ наливается въ чашку, и хозяйка сначала брызжетъ на „ирена“ (онгона), ви-

¹⁾ Яикъ—шнуръ съ заячьей шкуркой и яламой, хранящійся въ чехлѣ въ иртѣ противъ дверей.

сящаго надъ дверью, потомъ три раза на „иреня“, висащаго передъ дверью у задней стѣны, потомъ льетъ немного на огонь:

Буряты брызгаютъ, кромѣ хатовъ, филину (шарышбо), а также орлу (хоньшибон). Для куренія во время жертвоприношеній и камланья Аларскіе Буряты употребляютъ можжевельникъ арса, а также траву гангъ (*Thymus Serpillum* или *Oryganum vulgare?*). Шаману во время шаманскаго обряда даютъ въ руку жодо, то-есть, березовую вѣтвь длиной въ 1½ четверти аршина; комель вѣтки заостренъ, вершина тупо обрублена, а ниже вершины оставленъ цѣлый сучекъ, къ которому навязываютъ зала, если же просьба къ духамъ важная, то — заячью шкуру; верхній конецъ жодо расщепленъ, и въ расщепъ вставляется пихтовая кора ¹⁾, которая при этомъ зажигается. Шаманъ, умѣющій владѣть этимъ талисманомъ, называется жодотэй бо. Жодо употребляется только при кровавыхъ жертвоприношеніяхъ.

У каждаго улуса есть мѣсто, гдѣ всякій отъѣзжающій изъ улуса курить съ духами трубку или брызжетъ водкой; при этомъ онъ говоритъ: урду минни харан болхы, хойни баран балхы. Урянхайцы на охотѣ устраиваютъ сан, то-есть, куреніе можжевельникомъ на ургѣнъ; ургѣн — треножникъ, на который владется дощечка, а на дощечку угли; на угли владутъ можжевельникъ (по урянхайски артиш). Подобныя куренія на ургѣнъ устраиваются и въ томъ случаѣ, когда молятся о приплодѣ скота. Они предназначаются въ честь Оранъ-телегея.

Посвященіе животныхъ божествамъ распространено по всей странѣ. По монгольски такое посвященное животное называется сэтэртэй, по алтайски — джанкъ или ынкъ, по урянхайски — отыкъ (или одык).

Сальджаки коню одыку или адыку вьжутъ въ гриву только яламу и хадаки (шелковыя тряпочки), а Киргизы-Урянхайцы — зайца-бѣляка (котан); тѣ же Киргизы воронаго коня дѣлаютъ адыкомъ, привязывая ему въ гриву медвѣжьей волосъ; на этомъ конѣ ночью запрещается ѣздить; онъ называется туне одо ат.

Обычай посвящать лошадей божеству существуетъ и у Тун-

¹⁾ Пихта по бурятски — жодо, пихтовая кора — жодонн холтогон; отсюда, вѣроятно, и названіе курительнаго орудія.

кинских Бурятъ; такихъ лошадей Буряты зовутъ сетертэ или онгонъ; а лама же по бурятски называется адьгъ или цзурмытеген. Аларскіе Буряты навязываютъ яламу въ честь Буха-ноина рогатому скоту; такое животное зовутъ онгонъ, а яламу—залà и также хадьгъ. Увѣшиванье деревьевъ яламой или залой, то-есть, лентами, существуетъ у Алтайцевъ, Урянхайцевъ, Дархатовъ и Бурятъ. Тункинскіе Буряты эти навѣшанныя на деревьяхъ ленты называютъ модон сумени.

6. Онгоны.

Домашнихъ фетишей, которые встрѣчаются только на крайнемъ сѣверѣ Монголіи—у Алтайцевъ, Урянхайцевъ (Тува), Дархатовъ и Бурятъ, я называю въ своей книгѣ монгольскимъ именемъ онгонъ, хотя ни Алтайцы, ни Урянхайцы этого имени не употребляютъ. Я потому прибѣгъ къ помощи монгольскаго языка, что у Тюркскихъ племенъ нѣтъ общаго имени для фетишей, тогда какъ Монголы называютъ всѣхъ урянхайскихъ фетишей безъ различія именемъ онгонъ.

У Алтайцевъ самый распространенный онгонъ—такъ-называемый джанкъ. Въ разныхъ мѣстахъ это имя произносится различно: джанк, янк, ынк, инк. Этимъ именемъ называется шкурка бѣлаго зайца, прикрѣпленная къ серединѣ шнура въ сажень и болѣе длиной; къ ушамъ, переднимъ и заднимъ ногамъ и къ хвосту зайца пришиты длинные и узкіе лоскутки цвѣтной бязи въ палецъ или въ два шириной и до $1\frac{1}{2}$ —2 четвертей длиной; эти лоскутки называются яламà. Подобная же ялама навязана и къ самому шнуру отъ одного конца его до другаго ¹⁾; весь этотъ онгонъ бываетъ обыкновенно свернутъ и уложенъ въ войлочный мѣшечекъ, который завязывается завязкой и всегда виситъ на кереге противъ дверей, гдѣ у буддистовъ обыкновенно помѣщается божница. Если въ юртѣ имѣется нѣсколько онгоновъ, мѣсто противъ дверей всегда занято джанкомъ. Когда въ юрту по какому-нибудь случаю приглашается камъ камлатъ, джанкъ растягивается передъ дверями

¹⁾ См. табл. XVIII, фиг. 80.

юрты на березки. Не во всякой куртѣ, говорятъ, встрѣчается джайкъ; у нѣкоторыхъ онъ замѣняется другимъ онгономъ. „Иному“, объясняли мнѣ Алтайцы,—„джайка держать не только не полезно, но даже вредно“. Тѣмъ не менѣе во всѣхъ юртахъ Алтайцевъ, въ которыя мнѣ приходилось входить, я находилъ джайкъ.

У Кокчулутуновъ или Сойоновъ, живущихъ въ вершинахъ р. Кобдо, также есть джайки, но они замѣняютъ это имя другимъ именемъ: ерень. Это заключеніе я сдѣлалъ изъ слѣдующаго обстоятельства: Въ Кошагачѣ (на Чуѣ) я встрѣтилъ Сойонку поколѣнія Ирхытъ съ вершины р. Камду, какъ она сама назвала рѣку; по разъясненію оказалось, что она назвала такъ р. Кобдо ¹⁾. Она мнѣ сказала, что у Сойоновъ, ея сородичей, джайка нѣтъ, но есть ерень; изъ ея описанія было видно, что это—тотъ же заяцъ съ яламой; кромѣ того, по ея же словамъ, Сойоны дѣлаютъ ерени и въ видѣ куколки, изображающей человѣка; смыслъ ея показанія, по видимому, такой: у Сойоновъ имени „джайкъ“ нѣтъ, а слово это замѣняется другимъ: ерень. Затѣмъ она прибавила, что есть два ерени, одинъ Кудай-окту, другой джерь-окту, то-есть, одинъ ерень—божескаго или небеснаго происхожденія, другой—земнаго. Который же изъ двухъ ереней небеснаго происхожденія, заяцъ или кулка, понять было нельзя.

По словамъ Алтайцевъ, джайкъ ставится въ честь Джайка.

У Урянхайцевъ на Улухемѣ зайцы-фетиши называются аг-ирень, то-есть, „бѣлый ирень“; сосѣдніе Монголы, напримѣръ, Халхасцы караульной линіи, переводятъ это имя на свой языкъ словами цаган-онгытъ, то-есть, „бѣлый онгонъ“. Мнѣ самому не удалось видѣть зайца у Урянхайцевъ; у Сальджавовъ же, кажется, нѣтъ зайцевъ, а вмѣсто того кулки, пришитыя внутри войлочнаго мѣшочка. Имя же ирень или ерень распространено вплоть до оз. Терьхулъ по всей Урянхайской странѣ; этимъ именемъ здѣсь называютъ шаманскій плащъ. Я былъ очень удивленъ, когда во время стоянки въ долинѣ р. Буренъ-гола, я вошелъ въ юрту одного сальджав-

¹⁾ Камду — по алт. выдра; ср. также бурятское имя выдры хобъ (*Рай. Zoogr.*, I, 77). По видимому, Хобдо то же самое, что киргизское Суту, „выдровая“, какъ называется одинъ притокъ Чернаго Иртыша.

скаго кама и попросилъ его показать его ирень; вмѣсто зайца онъ выложилъ передо мною большой мѣшокъ, въ которомъ, какъ оказалось, когда я его оцорознилъ, лежалъ шаманскій плащъ. Названіе ерень для плаща, кажется, извѣстно и Алтайцамъ. Одинъ камъ на р. Чуѣ на мой вопросъ, кто такой былъ ерень, отвѣчалъ: „Ерень — это камъ, который имѣетъ маньякъ“.

Одинъ Халхасецъ, долго жившій между Урянхайцами, разказалъ мнѣ такое повѣрье о началѣ заведенія аг-иреня: „Одинъ старикъ Урянхаецъ охотникъ застрѣлилъ зайца бѣляка, цаган шиндага, снялъ сумочкой (то-есть, безъ продольнаго разрѣза) и спрашиваетъ старуху, что бы сдѣлать изъ него пригодное. Старуха сказала: „Сдѣлаемъ изъ него цаганъ-онгытъ“. Набили его травой и поставили противъ дверей. Однажды старикъ заболѣлъ и призвалъ кама; тотъ сталъ камлатъ, и цаганъ-онгытъ явился каму. Съ той поры стали почитать цаганъ-онгыта. Эта вѣра началась недавно, распространяется отъ Кемчика, а на Терькулѣ ея еще нѣтъ“.

Между Урянхайцами я записалъ отъ разныхъ лицъ слѣдующія повѣрья: Ерень прежде былъ куртъ, „червь“ (?) На его голову упала молнія, и онъ сталъ камомъ. Агъ-ирень слетѣлъ съ неба; его камы призываютъ, когда камлаютъ. Агъ-ирень и Улу-кайраканъ (см. выше, стр. 77)—одно и то же лицо. Агъ-ирень падаетъ съ неба въ бубень, когда камъ камлаетъ; его никто не видитъ, кромѣ самаго хама.

Въ Алтай же отъ Алтайцевъ я слышалъ: Ерень былъ могущественный камъ съ бубномъ и маньякомъ. „Ерень кемчикъ оку“, то-есть: Ерень родомъ изъ Кемчика. „Его призвалъ къ себѣ Кайраканъ“.

Кромѣ джайка, у Алтайцевъ есть еще и другіе онгоны. 17-го мая 1879 г. на Айгулакѣ я заѣхалъ въ юрту одного Алтайца; противъ дверей у него висѣлъ войлочный мѣшочекъ; въ немъ, по словамъ хозяина, хранился джайкъ, влѣво отъ него по керегѣ были развѣшены другіе пенаты: два квадратные лоскута съ пришитыми къ нимъ тремя куколками на каждомъ, которыя изображали „небесныхъ дѣвъ“, тэнгрины; выстар; головы куколокъ были увѣнчаны пучками совиныхъ перьевъ; къ одному лоскуту, кромѣ того, было пришито три жгутика съ красною бахромой на концахъ; хозяинъ юрты назвалъ ихъ маньякъ. Наконецъ, еще дѣвѣ былъ горизонтально протянуть

шнурокъ, на которомъ навѣшана ялама, шкурка бѣлки и лисья морда; это—Сару-чалъ ¹⁾.

На Чуѣ, въ юртѣ богатаго Теленгита Белека противъ дверей мы нашли подвѣшенную шкурку бѣлаго зайца безъ шнура и не въ войлочномъ мѣшочкѣ, а открыто висѣвшую; уши, ноги и хвостъ зайца были снабжены красною и бѣлою яламою. Одинъ изъ сидѣвшихъ въ юртѣ туземцевъ пояснилъ, что этотъ онгонъ называется Будуть-ганъ ²⁾, хозяйка же назвала его просто джанкъ. На вопросъ, почему онъ называется „царемъ облаковъ“, намъ отвѣтили только, джанкъ кудайданъ тукван, „Джанкъ сошелъ съ неба“ (собственно отъ Бога). Влѣво отъ джанка висѣлъ маленький бубенъ; онъ былъ сдѣланъ въ родѣ большаго, но безъ шкуры; внутри обода двѣ поперечины; баръ или вертикальная поперечина имѣлъ на верхнемъ концѣ впрѣзанное лицо, а въ нижнемъ развилокѣ; на деревянномъ кришѣ было навязано девять деревянныхъ кунгру ³⁾. Его назвали намъ Кайраканъ; зовуть этотъ онгонъ, также и тюнгурчекъ — уменьшительное отъ тюнгуръ, бубенъ. На немъ было повѣшено за углы два квадратные куска синей и красной бязи, а правѣе отдѣльно на вереве еще два такіе же; это были кайраканными джанги, то-есть, „джанки Кайракана“; хозяйка же назвала ихъ кыак, при чемъ объяснила, что джанк и кыак—одно и то же. У дверей съ лѣвой стороны, то-есть, съ восточной, такъ какъ юрта стояла дверью на югъ, было еще два онгона: Самай и Калымъ; подъ Самаемъ разумѣли шкуру какого-то звѣря съ подвѣшенною на ней яламою ⁴⁾; Калымъ—это была медвѣжья лапа на шнуркѣ, на которомъ, кромѣ того, было прикрѣплено семь жгутиковъ (это, по

¹⁾ По показанію одного Алтайца, тѣмъ же именемъ Сару-чалъ называется онгонъ, который вѣшается у дверей и состоитъ изъ шкурки колонка (сарас) съ желтою яламою; его зовуть также Кутанъ и Чакырби. Ему дѣлають тангу изъ лошади, а также соловую лошадь въ честь его дѣлають „янкомъ“, то-есть, обвѣшиваютъ яламою. Сары или сару значить желтый; чалу имѣеть три значенія въ алтайскомъ: 1) шаманскій бубенъ, 2) вывѣшиваемые ленты или ялама, во множ. числѣ чалулар, и 3) силы, подвластныя каму.

²⁾ Буквально: „облако-царь“.

³⁾ См. табл. XX, ф. 87.

⁴⁾ Теленгиты утверждали, что Сангай всегда дѣлается безъ жгутовъ и состоитъ только изъ шнурокъ бѣлокъ съ яламою.

толкованію самихъ Теленгитовъ, семь змѣй), два русскіе изломанные замка и изломанныя ножницы.

Въ аялѣ Белека мы заказали себѣ сдѣлать ерениа, и женщины Теленгитки сшили намъ онгона, который представленъ на таблицѣ ХХП ф. 95. Онъ состоитъ изъ доскута бязи въ $2\frac{1}{2}$ четверти длины и 2 четверти ширины; къ верхнему краю доскута пришито три куколки изъ цвѣтныхъ доскутковъ; къ концамъ рукавовъ пришиты мѣховые доскутки, а къ головамъ пучки совиныхъ перьевъ; судя по этому головному украшенію, куклы изображаютъ шамановъ или шаманокъ; по показанію нѣкоторыхъ Теленгитовъ, куклы означаютъ „небесныхъ дѣвъ“, тѣмъ же наз. Къ верхнему же краю доскута пришиты шкурка хорька, три лентообразныя тряпочки изъ бязи и шесть жгутиковъ отъ 2 до 3 четвертей длиной и въ мизинецъ толщиной, обшитыхъ матеріей разнаго цвѣта; верхніе концы жгутиковъ—тупо заостренные, слегка напоминающіе голову змѣи; нижніе концы имѣютъ видъ кисточекъ, сдѣланныхъ изъ цвѣтныхъ ленточекъ; мѣстами жгутики перетянуты битью. Въмѣсто хорька иногда пришивается шкурка бѣлки, бурундука или другаго мелкаго звѣрка ¹⁾.

Деревянныхъ истуканчиковъ намъ не довелось видѣть у Алтайцевъ, но существованіе названія для нихъ „курмежекъ“, которое мы слышали, свидѣтельствуетъ о существованіи и самихъ истуканчиковъ.

Г. Ядринцевъ передалъ намъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ онгонахъ у Черневыхъ Татаръ и Кумандинцевъ. У тѣхъ и у другихъ встрѣчаются тѣмгурчеки или маленькіе модели бубновъ. Они состоятъ изъ обода съ двумя поперечинами: вертикальной—марсъ и горизонтальной—кришъ; на послѣдней вмѣсто кунггу напизаны четыре деревянные кружка, которые называются сумръ, серьги; къ этой же поперечинѣ бываетъ подвязана связка изъ лентъ, кялова, буквально „кисть“. Ободъ иногда бываетъ обтянутъ брюшиной. Къ модели бубна присоединяется и модель колотушки, орбосы. Эти модели Черневые Татары называютъ „тюручекъ“ ²⁾.

¹⁾ На стоянкѣ у Белека я услышалъ отъ Теленгитовъ слово натагай хотя они примѣняли его къ куколкамъ онгона, но потомъ разъяснили, что такъ зовутъ только дѣтскія куклы.

²⁾ Табл. ХХ, фиг. 86.

Кромѣ этихъ тюручековъ, въ жилищахъ встрѣчаются небольшіе идолы съ мѣдными пуговеами вмѣсто глазъ; они называются у Ку-мандинцевъ терджалы, у кузнецкихъ Черневыхъ Татаръ куртолкъ. Къ шейкѣ или къ рукамъ идола привязываются бѣличьи хвостики ¹⁾. У Шелькальцевъ, по разеазамъ, встрѣчаются идолы о двухъ головахъ. Ихъ обрызгиваютъ брагой послѣ охоты.

У Алтайцевъ г. Ядринцевъ также, какъ и я, видѣлъ тюнгурчеки, которые Алтайцы ему называли турместымъ: тумыр въ отличіе отъ настоящаго шаманскаго бубна, называемаго кудайтымъ тумыр; алтайскіе тюнгурчеки всегда дѣлаются съ баромъ, то-есть, на вертикальной поперечинѣ имѣется изображеніе человѣческаго лица, чего на бубнахъ и ихъ моделяхъ у Черневыхъ не встрѣчается. Иногда тюнгурчеки у Алтайцевъ комбинируются съ маньякомъ или шнуромъ съ яламой. Такъ г. Ядринцеву рисовальщикомъ Падеринымъ былъ доставленъ рисунокъ онгона, состоявшаго изъ тесьмы съ яламой; къ серединѣ тесьмы подвѣшенъ тюнгурчекъ съ изображеніемъ бара внутри. Съ лѣвой и съ правой стороны къ тесьмѣ прикрѣплены деревянные фигурки въ родѣ идола терджалы, а на обоихъ внѣшнихъ концахъ тесьмы привязано по лапѣ какой-то хищной птицы ²⁾. Иногда тюнгурчекъ подвѣшивается и на среднѣй отвѣсно висящей полосѣ ³⁾.

Кромѣ тюнгурчековъ, г. Ядринцевъ видѣлъ и другіе онгоны, какъ напримѣръ, пластину изъ синей бязи, пришитую къ шнуру; къ шнурамъ, пришитымъ къ двумъ верхнимъ угламъ доскута, съ каждой стороны подвѣшено по четыре желѣзныя подвѣски, какія бываютъ на бубнахъ; у верхняго края доскута пришиты двѣ мѣдныя пуговицы, а къ серединѣ ея двѣ ленты, красная и синяя; этотъ онгонъ назвали г. Ядринцеву Куреместенготхуны ⁴⁾. Другой онгонъ состоялъ изъ доскута бѣлой бязи, на которомъ посредствомъ красной краски представлено камланье, то-есть, нарисованъ шаманъ съ орбо въ рукаѣ и отдѣльно отъ него бубень; къ сердцу бубна пришитъ пучокъ

¹⁾ Табл. II, фиг. 35.

²⁾ Табл. II, фиг. 37.

³⁾ Табл. II, фиг. 36.

⁴⁾ Табл. I, фиг. 31.

яламы ¹⁾. Въ той же юртѣ, въ которой находился этотъ онгонъ, былъ и деревянный тюнгурчекъ, посвященный по словамъ обитателей юрты Ору-куремесю и Улутъ-хану (Булутъ-хану?), занявъ шкурка съ яламой на ухахъ, лапахъ и хвостѣ, такъ-называемый „чаикъ“, посвященный Улутъ-ханъ-куремесю, а у дверей шнуръ, на которомъ находятся медвѣжья лапа и рядъ бѣличьихъ шкурокъ; медвѣжья лапа посвящается Кара-куремесю, бѣлки Сангай-куремесю.

У Урянхайцевъ на Улухемѣ и Хакемѣ мы стали встрѣчать онгонъ Емегельджинъ или Емегенъ ²⁾; этотъ онгонъ устраивается тѣми, кто не имѣетъ дѣтей (у кого они не родятся, или родятся да умираютъ). Емегельджинъ состоитъ изъ четверугольнаго дабоваго доскута, на которомъ нашиты куколки съ руками и ногами; на головахъ куколокъ сдѣланы мѣховыя шапки; къ животу куколокъ пришиваются пучки яламы, или какъ Урянхайцы произносятъ, джалама; на лицахъ тремя бисеринками намѣчены глаза и носъ; вмѣсто шапочки пришить доскутокъ отъ шкурки бѣлки или другаго звѣрка; такіе же доскутки пришиты къ концамъ рукъ вмѣсто ошлаговъ. Этотъ доскутъ имѣетъ вверху шнурки, которыми онъ подвѣшивается къ юрточной рѣшеткѣ (кереге). Предварительно доскутъ опускается въ войлочный чехоль, который также посредствомъ шнурковъ подвѣшивается къ рѣшеткѣ. Иногда куколки прямо нашиваются внутри войлочнаго чехла, который тогда имѣетъ одинъ край у отверстія длиннѣе и закрывается въ родѣ нашихъ портфелей ³⁾. Емегельджинъ, который былъ сдѣланъ для насъ по заказу (въ стойбищахъ Сальджаковъ на Улухемѣ), состоялъ изъ войлочнаго мѣшка, внутри котораго нашиты три куколки, обшитыя красной бязью; къ животу пришито по пуговицѣ и по пучку лентовидныхъ тряпочекъ; такіе же пучки пришиты къ концамъ рукъ; у двухъ куколокъ черезъ лѣвое плечо надѣта перевязъ изъ синей бязи. Такъ какъ Улухемскіе Урянхайцы всѣ считаютъ себя ламаистами, то мѣсто противъ дверей всегда занято божницей съ буддѣйскими божествами; эмегены же вѣшаютъ обыкновенно между божницей и изголовьемъ кровати. Эмегенамъ курятъ верескомъ, льютъ молоко и масло.

¹⁾ Табл. I, фиг. 32.

²⁾ Табл. XIV, фиг. 70.

³⁾ Табл. XIV, фиг. 71.

У нихъ же я замѣчалъ и онгоны въ видѣ шнура, горизонтально протянутаго, на который были навѣшаны ялама, жгутики въ видѣ змѣй, бѣличьи шкурки, а къ серединѣ шнура была прикрѣплена куколка менѣе четверти длиной; къ лѣвой рукѣ куколки былъ прикрѣпленъ маленькій бубень, имѣвшій не болѣе дюйма въ поперечникѣ. Кромѣ того, къ тому же шнуру была пришита спи- тая изъ тряпки кукла, изображающая четвероногаго животнаго; это мал, „скотина“, по объясненію Урянхайца. Этотъ онгонъ намъ назвали еренемъ.

Иногда ерень ближе напоминаетъ шаманскій плащъ, имя кото- раго онъ носить. На табл. XIX, фиг. 85 представленъ ерень, состоя- щій изъ моральей кожи, выкроенной въ родѣ спинки шаманскаго плаща; на этомъ лоскутѣ въ три четверти аршина длины и пол- четверти ширины прикрѣплены двѣ человѣческія фигурки, вырѣ- занныя изъ жести, а по бокамъ два жестяные кружка въ 30 мм. въ поперечникѣ, конечно, изображающіе то, что Алтайцы назы- ваютъ кусумы, Урянхайцы кудзюнго, а Монголы толи. Нижній край ерени украшенъ бахромой изъ лентовидныхъ тряпичекъ и жгути- ковъ, сдѣланныхъ изъ замши и бязи; жгутики толщиной въ гуси- ное перо, длиной около 2 четвертей; они плотно прошиты нит- ками изъ скотскихъ жилъ; всѣхъ жгутиковъ девять; на нижнихъ концахъ ихъ находятся кисточки изъ ремешковъ; въ однѣхъ ки- стяхъ насчитывается семь ремешковъ, въ другихъ девять; иногда, кромѣ конечной, на жгутикѣ прикрѣплена такая же кисточка еще въ серединѣ его длины. Лентообразныя тряпочки (ялама) пришиты, какъ отдѣльными единицами, такъ и цѣлыми пучками. Однихъ пучковъ насчитывается семь штукъ; въ каждомъ пучкѣ или семь или девять лентъ; иногда вмѣсто лентъ привязанъ хадакъ; кромѣ того, отъ лѣваго конца пластины до праваго протянута горизон- тальная полоска каленкора, на которой прикрѣплено еще семь пучковъ яламы. Къ концамъ нѣкоторыхъ жгутиковъ прикрѣплены въ видѣ привѣсокъ верблюжій ноготь, косточки изъ ноги какого-то животнаго, звѣрушечьи мордки, бѣличій хвостъ. Къ верхнимъ угламъ лоскута прикрѣплены ремни для привязыванія его въ юртѣ въ вертикальномъ положеніи; къ лѣвому ремню привязанъ другой ре-мень въ два пальца ширной, на которомъ, кромѣ яламы, нашито пять жгутиковъ, такихъ же, какъ и на самомъ лоскутѣ, только короче.

Въ другихъ юртахъ я замѣчалъ вмѣсто Эмегельджина или подобнаго ерени просто густую связку яламы; подобныя связки вѣшаются также у изголовья, но не на кереге, а на уну ¹⁾, на такой высотѣ, что связка приходится между изголовьемъ кровати и огнемъ. Подобную связку я нашелъ въ юртѣ у одного салджакскаго кама на Буренѣ. При входѣ въ его юрту прежде всего бросались въ глаза два бубна, изъ которыхъ одинъ, старый, хранился въ чехлѣ. Бубны стояли лѣвѣе буддѣйской божницы, то-есть, западнѣе. У кровати висѣла связка закоптѣвшихъ и грязныхъ тряпокъ, среди которыхъ блестялъ мѣдный кругъ. На мой вопросъ: какъ это называется? камъ отвѣчалъ: Кудзюнго. Далѣе онъ сообщилъ, что этотъ Кудзюнго упалъ съ неба на камень, что въ то время, какъ онъ игралъ на камнѣ; его поймалъ Чулохамъ, отъ котораго, передаваемый изъ поколѣнїя въ поколѣнїе, онъ достался наконецъ этому каму. Отъ Чулохама же нынѣшнїй обладатель Кудзюнго насчитывалъ пять поколѣнїй.

Еще есть одинъ видъ онгоновъ у Урянхайцевъ. Онъ состоитъ изъ березоваго сучка съ тремя отраслями, который втыкается отраслями вверхъ около дверей, внутри юрты; высота сучка около трехъ четвертей; на концы отраслей навязываются совиныя (или орлиныя) перья и ялама. Этотъ онгонъ, по словамъ Урянхайцевъ, устраивается въ честь Оранъ-телегея и кажется изображаетъ священное дерево, увѣшанное яламой ²⁾. Въ юртахъ намъ не удалось самимъ видѣть подобный онгонъ; мы нашли его брошеннымъ въ долинѣ р. Хакема въ общей связкѣ съ кожаной пластиной, описанною выше и представленною на фиг. 85. Въ той же связкѣ находилось еще два онгона: желѣзное кольцо около 3 дюймовъ въ поперечникѣ, съ навѣшенными на немъ яламой и жгутами въ 3 четв. длиной, и шкурка хорька, увѣшанная яламой и ремешками.

У Дархатовъ, также какъ и у Урянхайцевъ, онгоны встрѣчаются рядомъ съ буддѣйскими божницами; на вопросъ: чтѣ это такое? они отвѣчаютъ: онгонъ или сакюсъ (сакюсь). Ему не поклоняются, говорятъ Дархаты,—потому что поклоняться онгонамъ дурно, хур-

¹⁾ Уны — стрѣлы, которыми поддерживается верхъ юрты.

²⁾ Табл. XIX, фиг. 84.

мучи; но эту вещь полезно держать въ домѣ: скотъ хорошо ведется, болѣзней въ домѣ не бываетъ; вещи эти получаютъ отъ шамановъ. Образки буддійскихъ божествъ, носимые на шеѣ, въ отличие отъ сакиусовъ шаманскихъ, называются бурхной сакиусъ.

У сосѣднихъ Урянхайцевъ, то-есть, у Хужскихъ и Косоголскихъ Урянхайцевъ онгоны одинаковые съ дархатскими. Это четырехугольные лоскутки матеріи съ нашитою на нихъ куволкой и разноцвѣтною яламой или связки одной яламы. Въ одной юртѣ косоголскаго шамана (касута) я увидѣлъ онгонъ отличный отъ видѣнныхъ въ другихъ мѣстахъ и заказалъ съ него копію; онъ состоялъ изъ четырехугольнаго лоскута болѣе $1\frac{1}{2}$ четвертей высоты и немного болѣе четверти ширины, по срединѣ его была нашита изъ бѣлой бязи кукла, въ 2 вершка длиною, съ распростертыми руками; шапка и обшлага рукавовъ были обозначены лоскутками бѣличьяго мѣха; бѣличій хвостъ былъ пришитъ къ нижнему концу куклы; подъ правую руку пришито кольцо, на которомъ навѣшены три мѣдныхъ кунгру; подъ лѣвою рукой пришитъ будто бы висящій на сдержкѣ кисеть, въ которомъ было положено немного табаку. Къ нижнему краю сняго лоскута была пришита ялама изъ красныхъ, синихъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ лентъ; всѣхъ лентъ было двѣнадцать; нашиты онѣ были въ двѣ отдѣльныя партіи съ промежуткомъ въ срединѣ. Къ верхнимъ угламъ лоскута были пришиты шнуры, которыми онъ прикрѣплялся къ юрточной рѣшеткѣ ¹⁾.

У Урянхайцевъ поколѣнія Ельджигентъ, живущихъ въ долинѣ р. Хука, онгоны въ этомъ же родѣ; по моей просьбѣ мнѣ сдѣлали и здѣсь копію съ онгона, который назвали по имени „Бурятъ“ ²⁾. Это лоскутъ краснаго коленкора четверть высоты и двѣ длины, висящій отвѣсно на стѣнѣ юрты противъ изголовья кровати. По срединѣ лоскута нашита кукла съ опущенными руками, одѣтая въ плисовое одѣяніе; на головѣ мѣховая шапка, у рукавовъ мѣховые обшлага; на лицѣ три бисеринки—двѣ вмѣсто глазъ, одна вмѣсто носа или рта; на груди двѣ бисеринки сверхъ шубы, обозначающія сосцы груди; ниже пояса бисеринкой обозначенъ пупъ. Кукла нашита не прямо на каленкоръ, а подъ нее подложенъ голубой

¹⁾ Табл. XXIII, фиг. 98.

²⁾ Табл. XV, фиг. 72.

шелковый лоскутъ, такъ - называемый хадакъ, а подъ хадакомъ еще другой красный шелковый лоскутокъ. Противъ рукъ съ правой и лѣвой стороны буюлы, въ разстояніи отъ нея на вершокъ, пришиты шелковые хадаки. Къ нижней каймѣ лоскута пришито девять узкихъ полосокъ изъ разныхъ цвѣтныхъ матерій; каждая такая полоска имѣетъ $1\frac{1}{2}$ четверти длины и два пальца ширины; на шести изъ нихъ, именно на трехъ лѣвыхъ крайнихъ и трехъ правыхъ крайнихъ, въ половинѣ длины ихъ нашиты придатки или четырехугольные лоскуточки, на темныхъ полосахъ свѣтлые, а на свѣтлыхъ темные; эти лоскуточки пришиты только верхней каймой; снизу они свободны и разрѣзаны на внутренней трети, а на двухъ внѣшнихъ четвертяхъ вертикальными надрѣзами, отчего эти придатки имѣютъ видъ четырехъ и пяти внизъ направленныхъ зубчиковъ. Они, можетъ быть, должны обозначать ноги. Этой нижней бахромѣ, когда мы о ней спросили, Урянхайцы дали имя маньжакъ-салбынъ или чимыкъ. Какъ у Дархатовъ, такъ и у Урянхайцевъ рода Хасутъ (на оз. Косоголъ), я встрѣчалъ простыя связи и яламы и хадаковъ (ф. 89), подвѣшанныя къ своду юрты между изголовьемъ кровати и очагомъ; ихъ называли мнѣ цакиусъ, цаюсъ, саяюсъ; это имя, по видимому, имѣетъ здѣсь такое же значеніе, какъ на западѣ ерень или манджакъ, которые также придаются самымъ простымъ онгонамъ.

У Аларскихъ Бурятъ онгоны сохранились еще во множествѣ; у крещенныхъ ихъ вмѣсто жилой избы держать въ амбарахъ. Самый главный онгонъ у Аларскихъ Бурятъ называется ихъ онгонъ, „большой онгонъ“ или усэтенъ; онъ состоитъ изъ ящика, который привѣшивается къ стѣнѣ избы съ улицы вправо отъ входа въ избу. Ящикъ имѣетъ видъ скворешницы; онъ состоитъ изъ четырехграннаго обрубка, въ которомъ выдолблена полость, закрываемая съ боку подвижною дверцей; сверху ящикъ прикрытъ двускатною крышцей ¹⁾. Въ этомъ ящикѣ хранятся слѣдующіе онгоны, сдѣланные изъ тряпокъ ²⁾:

¹⁾ Таб. XIX, фиг. 83. Г. Черскій также видалъ подобные ящички, иногда съ стеклянными оконцами; ему называли ихъ: гурбун хуухун бурхын, то есть, три бого-дѣвицы.

²⁾ Онгоны Аларскихъ Бурятъ описаны мною по содержанію одной только бурятской избы.

1) Хурюкшуть, шелковый почти квадратный лоскутокъ около 5 дюймовъ въ поперечникѣ ¹⁾; въ серединѣ лоскута пришито семь маленькихъ человѣческихъ фигурокъ, вырѣзанныхъ изъ жести; надъ каждою фигуркою помѣщено по двѣ бисеринки для обозначенія глазъ. Фигурки эти представляютъ какихъ-то дѣвъ. Края лоскута обшиты собольимъ мѣхомъ; тотъ же край, который приходится надъ головами фигурокъ, усаженъ семью пѣтушиными (за немѣніемъ совиныхъ) перьями. Къ этому же онгону прикладывается еще отдѣльный онгонъ, совершенно такой же, какъ онгонъ Хоиръ хукшугуть, который будетъ ниже описанъ. На этомъ дополненіи Хурюкшута имѣется рисунокъ двухъ человѣческихъ фигуръ; это—такъ же дѣвы; съ прибавкою ихъ въ Хурюкшутѣ насчитывается всего девять дѣвъ. Призываніе Хурюкшуту начинается словами:

Олон тумун усэтен
хамы тумун хайсэтен
Бурят хуни табилгы
Болгот хувэ ёго

То-есть: „Многотысячная Усэтенъ, тысячная Хайсэтенъ, создательница Бурятъ, правительница Болготовъ!“

Девять дѣвъ Хурюкшуть; по преданію Бурятъ, прибыли къ Бурятамъ изъ юго-восточныхъ странъ.

2) Хусай-убюгунъ ²⁾ и Хургинъ-заринъ ³⁾; другіе называли его Ихимаилгынъ хитыгыръ-заринъ ⁴⁾. Это двѣ очень нарядныя куклы, на которыхъ выдѣляются голова, руки и туловище; голова отдѣлена отъ туловища галстучкомъ изъ согнутой жестяной полоски; двѣ бисеринки обозначаютъ глаза, голова прикрыта собольею шапкой съ пѣтушинымъ перомъ; туловище куклы одѣто въ шубку изъ желтой шелковой матеріи, подолъ которой и обшлага у рукавовъ опушены соболемъ; на груди приврѣплена жестяная пластинка, вырѣзанная на подобіе человѣческой фигуры. Обѣ куклы сдѣланы совершенно одинаково, но, по толкованію Бурятъ, одна изъ нихъ представля-

¹⁾ Табл. XVI, фиг. 73.

²⁾ Хусай—баранъ, убюгун—старикъ.

³⁾ Хургунъ—ягненокъ, заринъ—шаманъ,

⁴⁾ Табл. XVII, фиг. 76

еть шамана Хусай Убюгуна, другая—его жену, шаманку Хургинъ-заринъ. Другіе, впрочемъ, давали обѣимъ букламъ одно имя: Хаты-маилга или Хаты-маилгынъ, и говорили, что это—двѣ старухи, что онѣ въ родѣ нянекъ, качаютъ дѣтей и помогаютъ, когда дѣти бываютъ больны.

3) Нахурай; это—двѣ совершенно одинаково вырѣзанныя изъ чернаго сукна человѣческія фигурки съ опущенными внизъ руками ¹⁾. На лицевой сторонѣ по сукну сдѣланъ красною краской рисунокъ, изображающій человѣческую фигуру съ головой, руками и ногами; на грудь этой нарисованной фигуры наложена жестяная человѣческая фигурка. Къ головѣ и концамъ рукавовъ съ лицевой стороны пришиты лоскуточки бараньяго мѣха. О нахураяхъ говорить, что это слуги шамана Хусай-убюгуна или Хитыгыра и становятся на запятки саней, когда тотъ отправляется въ гости. Шаманъ Хитыгыръ сидитъ въ саняхъ впереди и правитъ лошадей; сзади его сидитъ его жена; онъ не видитъ, что Нахурай любезничаютъ съ его женой Хаты-Маилганъ и держатъ свои руки у нея за пазухой. Когда шаманъ прѣзжаетъ въ гости, его и его жену садятъ въ почетное мѣсто и выставляютъ передъ ними самое разнообразное кушанье; но шаманъ и его жена, какъ люди важные, церемонятся и едва трогаютъ его, Нахурай же, какъ простые люди, безъ церемоніи съѣдаютъ все, что передъ ними поставятъ. Поэтому и теперь у Бурятъ, если что-нибудь дѣлать, напримѣръ, пироги, и послѣдному выкроится кусокъ больше, чѣмъ другимъ, смѣются и зовутъ этого счастливецъ „нахурай“. Нахурай съѣдаютъ остатки смѣтаны отъ жертвъ, которыя приносятся дѣвицамъ Хурюкшутъ.

4) Хoirъ-хукшюгутъ; этотъ оignonъ напоминаетъ полотно хоругви; онъ состоитъ изъ трехъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, сшитыхъ вмѣстѣ; каждый лоскутъ имѣетъ длину болѣе чѣмъ вдвое противъ ширины; одинъ лоскутъ—основной верхній, горизонтальный, два другіе нижніе вертикальные; послѣдніе пришиваются своими короткими боками къ нижнему длинному боку верхняго; между собою же нижніе лоскуты не сшиваются и образуютъ два свободные языка знамени; каждый языкъ имѣетъ четыре дюйма длины и два

¹⁾ Табл. XXI, фиг. 77.

съ половиной ширины. На лицевой сторонѣ этого знамени красною краской нарисованы человѣческія фигурки, по одной на каждомъ языкѣ; туловища приходятся на языкахъ знамени, головы—на верхнемъ основномъ лоскутѣ; на мѣстѣ глазъ, кромѣ красныхъ точекъ, означенныхъ охрой, нашиты бисеринки; изъ каждой головы исходятъ три луча или три волоса. На груди нарисованныхъ фигуръ наложены человѣческія фигурки изъ жести ¹⁾. По толкованію Бурятъ, этотъ онгонъ представляетъ двухъ шамановъ, которые прибыли къ Бурятамъ съ сѣвера; ихъ единственную кобылу украли и съѣли; кости кобылы плясали. Отрывокъ изъ призыванія Хукшюгутамъ:

нюгулэ ихидэ нюхун голи ижилэ
шибилэ ихидэ шихын голи ижилэ
арбын гурбын ахунэя алчин дэрэ хужелэ
хорин гурбы ахунэя хорин дэрэ хужеле.

То-есть: „Будучи многогрѣшною ²⁾, завладѣла ямистою падью, будучи многогрѣшною, завладѣла прямою падью, тринадцать ахунэ ³⁾ парила на ладони, двадцать три ахуна парила въ наперстѣ!“

Онгонъ Хокшюгутъ помогаетъ при выкармливаніи дѣтей.

5) Тэнгри гурба галдзушинъ ⁴⁾; этотъ онгонъ отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что верхній основной лоскутъ длиннѣе (при 2½ дюймахъ ширины, семь дюймовъ длины) и снизу къ нему пришито не два, а три разноцвѣтные (желтый, синій и красный) языка тѣхъ же размѣровъ, какъ и у Хойръ-хукшюгута; остальное все то же: тѣ же фигурки, тѣ же жестяныя накладки, только все въ тройственномъ числѣ. Это три дочери какого-то ширэтэя, которые прибыли къ Бурятамъ на козлѣ вслѣдъ за Хурюшшутомъ. Въ честь Галдзушина приносятъ въ жертву чернаго козла: предварительно навязываютъ ему на морду красную узду и подъ шкуру втыкаютъ семь заостренныхъ деревянныхъ лучинъ, потомъ вытаскиваютъ его, кричащаго отъ боли, изъ юрты въ верхнее дымовое отверстіе и закалываютъ.

¹⁾ На табл. XXI, фиг. 92 представленъ онгонъ, полотнище котораго устроено совершенно такъ, какъ въ онгонѣ Хукшюгутѣ.

²⁾ Нюгултэй шибилтэй, говорятъ про хитраго плута.

³⁾ Ахуна, куропатка, *Lagopus alpinus* по халхасски. Аларскіе Буряты слова ахуна не знаютъ.

⁴⁾ Табл. XVI, рис. 75.

6) Мори-ирхи-изи; четырёхугольный продолговатый лоскутокъ (5 дюйм. длины и 3 дюйма ширины) яркой матеріи; на лицевой сторонѣ пришита человѣческая фигурка изъ жести; верхній и нижній края лоскута опущены мѣхомъ; на бокахъ противъ жестяной фигуры также пришиты лоскуточки мѣха ¹⁾). Объ этомъ онгонѣ передали слѣдующее отрывочное сказаніе: У одного человѣка было десять дочерей; девять вознеслись на небо, десятая осталась на землѣ; потомъ черезъ три дня и она вознеслась, сказавъ людямъ, что она будетъ покровительницей дѣтей.

Усэтенъ заводится, когда женщина выйдетъ замужъ, и когда у ней болѣютъ и умираютъ дѣти. Завести Усэтена не дешево; говорить, что заведеніе его по малой мѣрѣ обходится рублей въ пятьдесятъ. Прежде всего нужно принести въ жертву богамъ двухъ барановъ, во время самой постройки и шитья куволъ еще двухъ барановъ, потомъ еще одного барана и одну лошадь; кромѣ того, нужны расходы на подарки шаману, который приглашенъ былъ камлать, и на угощеніе народа.

Внутри бурятской юрты находятся, частью закрытыя, частью открытыя онгоны. Закрытыхъ два—Тулашинъ и Дэрень-изи.

7) Тулашинъ, иначе называется Байгашинъ, Заяша, Заянъ, или наконецъ, Хоринъ конръ хухи, то-есть, двѣ хоринскія дѣвицы. За то что этотъ онгонъ вѣшается обыкновенно на правую заднюю podporку (тенге) въ лѣтней юртѣ, то-есть, на ту, которая приходится между очагомъ, находящимся въ серединѣ юрты, и изголовьемъ кровати, этотъ онгонъ зовутъ еще тэнгитхи заянъ „счастье podporки“. Этотъ онгонъ хранится въ деревянномъ ящикѣ и состоитъ изъ лоскута хорошей матеріи, иногда парчи, верхнею кромкой пришитой на другой лоскутъ изъ болѣе простой матеріи, служащей вмѣсто подкладки ²⁾; чаще, говорятъ, Тулашинъ состоитъ изъ семи отдѣльныхъ узкихъ полосъ, которые пришиты къ подкладкѣ только своими верхними концами и висятъ вертикально. На лицевой сторонѣ Тулашина пришиты двѣ пары бисеринонь, да кромѣ того, двѣ сережки и двѣ костяныя пуговицы или перламун-

¹⁾ Табл. XVI, фиг. 74.

²⁾ Табл. XXII, фиг. 96.

тровны бляшки, изъ-подъ которыхъ висятъ пряди или кисти шелку ¹⁾. Эти украшения обозначаютъ двѣ пары глазъ и двѣ косы и должны указывать на существованіе двухъ дѣвицъ. Лоскутъ обыкновенно свертывается въ трубку и укладывается въ ящичекъ, окрашенный красною краскою и имѣющій около 15 дюймовъ длины и около 2 1/2 дюймовъ ширины. Ящикъ закрывается задвигною крышкою и подвѣшивается къ подпорѣ.

По толкованію бурятскихъ шамановъ, Тулашинъ—двѣ дѣвочки, бѣжавшія отъ злой мачихи изъ мѣстности Орхонъ-тула; во время ихъ пребыванія еще на родинѣ, когда ихъ дядя увѣждалъ смотрѣть табуны, въ его отсутствіе одну дѣвочку бодала корова; отъ этого онѣ бѣжали сначала въ Хори, потомъ въ Тунку и здѣсь умерли. По другому разказу, онѣ умерли оттого, что мать положила ихъ, больныхъ дѣвочекъ, въ разрѣзанную утробу коровы.

Въ честь Тулашина бываетъ моленье; у столба, на которомъ обыкновенно виситъ онгонъ, ставятъ столъ; на немъ выкладываютъ онгона, вынувъ его изъ ящика; передъ онгономъ ставили прежде плоску изъ глины или изъ тѣста, а нынѣ просто чайное блюдо, наполненное масломъ, въ которое погруженъ конецъ зажженной свѣтильни; правѣ этой плоски ставится чашка съ чаемъ, еще правѣ чашка со смѣтаной. Напитки ставятся у очага около огня; дѣвицы Тулашинъ водки не пьютъ, пьютъ только ихъ дядя; поэтому водка предназначается только ему. Шаманка беретъ платокъ въ обѣ руки, и то приподнимая его, то опускаая, протяжно напѣваетъ призываніе:

Сэн шибун сэрыл
хонг шибун хорил
долон хошун хуудыл
дурман нонн-исмы
найман хошун-хуудыл
нал хатун ихы
утхы лама утка

¹⁾ У сѣверо-байкальскихъ Бурятъ на шапкахъ посреднѣ верха пришивается кисть или прядь шелковыхъ шнурковъ, которая называется дзала или зала; точка прикрѣпленія этой пряди сверху прикрывается перламутровой пластинкой: иринджин тобчи. Не этотъ ли головной уборъ представленъ на Тулашинѣ?

дайнага гаргын дархын
шэксне нонн шимжешн хатун
Уйлюше нонн ульгерше хатун
шара далан захаде
шазн мынген шрэн
бурхандо орчжи буруга меде угей
бурханай шара Зула шатаг гажа гара
гегендо оржи гимиле меде угей
гегенай шара Зула шатаггажи гара
хори дөре байхада хорин хоир хухут
хорига хойше ирхиде бушкэ буумын хоир
окторгодо гархыда
ойдыл цаган харгуй
одун мышин серге
найман хуре нарын ихи
югун хуре хар нсыкэ (нскэ)
хорэ гежи газыр
хото ирижи байга
хоир мингын хардул
шорхиржи байга
тункен гежи газыр
тухержи байга
тумын миньгын харьдык
шорхиржи байга
орду газыр борижи
улан сайгар ундухе
оргольджиндо оржи
улан тамихи гөбшюр
шарьтэ зухэ шанаже
шагалзажи наада
шата сэмөгөн шанаже
тунтуй деже нада
шарэн далан захеде
шазн
харадалэн закаде харакчи
иненэ ханчирта амьра
хобтагайхын шолугар дарула
алтын тобчи арыда
аханыре хурьктэ
мюнгун тобши морюдö
мунхпныре хурьктэ
холо яра хохиржи
хушин найгур гулэ
тангала яра танширжи

татэ найгур гулэ
гунхир гунхыр гунхирда
гурбар гурхын гурлей
найгур найгур найгурда
наймар гургын гурлей
чихинде пхитей
горхонла орѳдахатэй
уга барта бугахтай
иржи мөнгүн толи
ирхин доро золготэ
боржи мөнгүн толи
бугалга доро золготэ
адушельже гаргын абган бары
аргалным гежи бангын
хойто ихэ бары
дурбэн хултэ малда
донжин ирэхшин бѳзекдык
хоир хылтэ хохимыдэ
хойтэ ихн бызюкдык
шанья нуха захид
шара улан хоир
шата алгында захид
шамшинъ шара зула
уыр хаята хужи
дун хаята домбур
дурбюн хэльту ширэн намтыршаже
дюнун харэн туян
хайхашаже дыгдэ
долон жалгэн санага
докшилдыжи ирхидэ
дойбод хэйтэ палагар
хибилсиже иреб
найман жалгэн санага
найгурдаджи иреб
нарын хэйтэ палагар
хибилсиже иреб
газыре холого ирхидэ
габсган модон залмоя
хатхулыже иреб
төнгыт улан тахши минн
табилгында зохиңд
тажи торгон хуриэ мөнэ
дэлгэсидэ зохиңд
аларь гежи газырлэ ирхидэ

минган шаргэн байгашь нэ
бойгын шаргада хурбаэ
арбан аха байгалиэ
бодони тэлиды хурбаэ
урду газыр орижи
улан сайгар ундыхэ
хойту газыр орижи
хонгыр сайгар ундыхэ
тамхиде хургагын тамхинжи бергын
архидэ хургагын архинже абага.

То-есть: „Птица сэнъ твой сэрлль, птица лебедь твой хорилль, семь хошуновъ твоё сѣдалище, Дурманъ-ноинъ твой отецъ, восемь хошуновъ твоё сѣдалище, Налъ-госпожа твоя мать. Твой родъ изъ войны вышедшій Дархытъ, На берегу желтаго моря престолъ изъ серебра „шазы“. Къ Богу входя, виноватымъ не былъ, желтую божескую свѣчу затепливъ выходилъ; къ святи-телю входя, вина не зналъ; желтую святигельскую свѣчу затепливъ, выходилъ. Въ Хори пребывавшя, двѣ хоринскія дѣвы, отъ Хори на сѣверо-западъ направляясь, назывались двумя святынями ¹⁾: Возносясь на небо, имѣють дордогю Ойдыль-цаганъ (буквально бѣлую прошву; Млечный путь?); Одунъ-мышинъ (то-есть, Плеяды) служить имъ маякомъ ²⁾. Восьмируговое солнце мать, девяти-круговый мѣсяцъ отецъ! Мѣстность Хори разстиается, двѣ тыся-чи хардуловъ струятся; мѣстность Тункэ представляетъ видъ по-лулруга, десять тысячъ хардыковъ (бѣлковъ) струятся. Въ юго-восточной мѣстности жажду утоляли краснымъ чаемъ, въ Оргольд-жинъ прибыли, красный табакъ сосали. Масляную смѣтану сва-ривъ, играли; кость „шата семенъ“ сваривъ, играли На берегу Желтаго моря. . . На берегу Чернаго моря въ ханчиръ (слоъ мяса подъ кожей на животѣ) отъ черной коровы умерли (собственно: отдохнули), плоскимъ камнемъ придавлены. Золотая пуговица на спинѣ, великое (или старшее) имя на хурюкѣ (изобра-женіи), серебряная пуговица на влючицѣ, вѣчное имя на хурюкѣ ³⁾.

¹⁾ Словоиъ „святиня“ г. Матхановъ перевелъ выраженіе: буюкэ буумы.

²⁾ Сера—верстовой столбъ, также коновязь.

³⁾ Здѣсь, по видимому, шаманка описываетъ онговъ, пуговицы, нашитыя на немъ, серыги и пряди шелку, долженствующія изображать босы.

Горломъ хрипя, старымъ найгуромъ назывался, пощелкивая языкомъ, сладкимъ найгуромъ назывался. Три заплетенныя косы качаются, восемь заплетенныхъ косъ болтаются ¹⁾; въ ушахъ серьги, на перстахъ перстни, на запястьяхъ браслеты. Перламутровое серебряное „толи“ подъ (двернымъ) косякомъ закопано, каралловое (борджи-марджанъ?) серебряное „толи“ подъ порогомъ закопано. Жаль, что дядя выѣхалъ въ табуны; жаль, что мачиха имѣеть злой умыселъ ²⁾. Въ числѣ четырехногихъ животныхъ четырехгодовалую пеструку не дай видѣть; между двуногими людьми ³⁾ мачиху не дай видѣть! Къ колокольчику подстать два желтокрылыхъ (?); шамшинская желтая свѣча для затепленія годится. Ароматическая „хужи“, звѣнящій „домбуръ“ (бубеѣъ)! Четырехножный престолъ считая (для себя) низкимъ, увлекаясь блескомъ молодой ⁴⁾ луны, (вы) вознеслись (на небо). Направляясь изъ-за семи долинъ, ни хлынцей, ни рысью (вы) пришли, помахивая платкомъ съ шахматнымъ рисункомъ. Изъ-за восьми долинъ, шатаясь (собственно: совершая шаманскую пляску), (вы) пришли, помахивая платкомъ съ солнечнымъ рисункомъ. Изъ дальняго края приходя, заставили поставить одинокое дерево залмы. Тангутскую красную мою чашку можно поставить на столъ, яркій шелковый нашъ образъ можно развернуть. Придя въ мѣстность Аларь (говорила): Хотя и есть здѣсь тысяча соловыхъ лошадей, да не будутъ стоять одного соловка Байгына; хотя и есть десять старшихъ братьевъ, да не стоятъ средняго сына Бодона. Въ юго-восточной сторонѣ краснымъ чаемъ питалась, въ сѣверо-восточной сторонѣ коурнымъ чаемъ питалась! Научившая меня курить табакъ, табачная сноха! научившій пить вино, винный дядя!“

¹⁾ Четыре эти строки не переводимы вполнѣ; смыслъ въ нихъ очевидно пожертвованъ музыкѣ. Гурле—плетеная коса; гунхырке—мотать головой (говорится о пьяномъ). Что такое найгуръ—Бураты не могли объяснить.

²⁾ Намекъ на то, что мачиха убила дѣтей, заложивъ ихъ въ утробу коровы. Глаголь: аргыхэ, по мнѣнію г. Матханова, намекаетъ, что мачиха принялась врачевать больныхъ съ заднею цѣлью погубить ихъ.

³⁾ Въ текстѣ: хонр хультэ хохимий, „двуногий хохимий“.

⁴⁾ Въ текстѣ дюнун хар; хар—луна, дюнун — четырехгодовалая коро-ва; гунетэ, дюнэтэ говорить о трехлѣтнемъ, четырехлѣтнемъ ребенкѣ.

8) Дэрэнь-изи, буквально: хозяинъ подушки ¹⁾. Онгонъ этотъ имѣеть тотъ же видъ, какъ описанный выше Гурба галдзушинъ, то-есть, состоитъ изъ четырехъ лоскутковъ, спитыхъ въ видѣ знамени о трехъ хоругвяхъ; верхній горизонтальный лоскутъ бѣлый; на немъ красною окрой представлены три человѣческія фигурки; на лицахъ, гдѣ быть глазамъ, кромѣ точекъ, назначенныхъ окрой, пришиты еще бисеринки; нижніе лоскутки разныхъ цвѣтовъ, синий, красный и бѣлый; на нихъ рисунковъ нѣтъ, но нашиты человѣческія фигурки изъ жести. Этотъ онгонъ свернутый укладывается въ суконный кошелекъ, который вѣшается на уну надъ изголовьемъ. Двѣ изъ изображенныхъ на немъ фигуръ представляютъ дѣвицу Атуйхинь и Шатуйхинь, а третья—Абагази (ихъ тетю). Говорятъ также, что отецъ этихъ двухъ дѣвицъ—хату-булутъ (то-есть, вѣрпкій булатъ), а мать—харъ шилунъ (то-есть, черный камень) ²⁾. Отрывокъ изъ призыванія имъ:

хойн ханэ хамьрхада
буршаета ханэ бугалхада
харыл моринэ хамнэдэ
бурыл моринэ большиндэ
харжн ирэ.

То-есть: „Во время войны и во время смуты (вы) прибыли, (скры-
ваясь) подъ горломъ сивой лошади, подъ ногой (подъ мышкой) у
сѣрой лошади“.

Слѣдующіе онгоны открыто висятъ на палочкахъ, воткнутыхъ
въ пазы избы:

1) Андо бара. Состоитъ изъ двухъ частей, висящихъ на отдѣль-
ныхъ палочкахъ. На одной палочкѣ виситъ модель бубна, которая
состоитъ изъ обода, имѣющаго $3\frac{1}{2}$ дюйма въ поперечникѣ и обтя-
нутаго съ одной стороны мохнатою шкуркой; задняя сторона бубна
открыта, и въ ней видна горизонтальная поперечина. При бубнѣ
висятъ пропорціональныхъ размѣровъ колотушка въ видѣ неболь-
шой деревянной лопаточки, одна сторона которой покрыта мѣхомъ.
На концѣ той же поддерживающей онгонъ палочки виситъ узкій
и длинный (восемь дюймовъ длины и $1\frac{1}{2}$ дюйма ширины) лоскутъ

¹⁾ Табл. XXI, фиг. 93.

²⁾ Также называются отецъ и мать огня.

толстаго краснаго сукна, на которомъ пришита раковина каури. Другая палочка имѣетъ на концѣ развилокъ, на который повѣшанъ четырехугольный лоскутъ оленьей кожи (5 дюйм. длины и 4 дюйм. ширины); нижній край лоскута разрѣзанъ на девять язычковъ; по серединѣ лоскута нашита человѣческая фигурка изъ жести. Къ той же палочкѣ привязанъ волосяной шнурокъ съ большою бусиною внизу ¹⁾. По объясненію Бурятъ, онгонъ этотъ представляетъ шамана и его жену; шамапъ символизированъ посредствомъ бубна съ колотушкой; суконный лоскутокъ съ каури представляетъ его шубу; вмѣсто шаманки представленъ посредствомъ лоскутка оленьей кожи ея плащъ; волосяной шнурокъ—это коса шаманки. Андобара былъ сынъ шаманки Асуйханъ; эта шаманка однажды нашла двухъ мальчиковъ, которые были закованы въ люльки. Она приняла ихъ и полюбила болѣе родныхъ дѣтей; однако одинъ изъ нихъ, именно Андобара, оставилъ шаманку и пошелъ прочь; шаманка шла вслѣдъ за нимъ, и проклиная его, крикнула: „Если будешь ходить въ лѣсу, будешь Урянха, если будешь по скаламъ ходить, будешь Хамногынъ!“ Андобара зашелъ на сѣверъ; здѣсь Урянха ²⁾ угощали его головами туланг'а, то-есть, тальменя. Когда же Андобара пришелъ къ Бурятамъ, его кормили головами козъ. Андобара былъ промышленникъ и хорошій шаманъ; онъ убилъ оленя, принадлежавшаго другому шаману, который и погнался за Андобарой; Андобара бѣжалъ отъ него и скрылся въ юрту, хозяиномъ которой былъ Ханъ-джиргай-ханъ-ноинъ-баабай. Ханъ-джиргай спряталъ его; хозяинъ оленя сталъ требовать выдачи Андобары; ханъ сказалъ: „Возьми его въ видѣ Андобара“. Хозяинъ оленя не согласился и ушелъ, сказавъ: „Если хочешь, такъ возьми его себѣ“. Ханъ и сдѣлалъ его онгономъ. Андобара не хать, но спутникъ хатовъ. Когда дѣлаютъ жертвоприношеніе богамъ, шамапъ наливаетъ чашку виномъ, подаетъ ее назадъ себя и говоритъ: „Андобара!“ Кто-нибудь изъ толпы подсказываетъ и

¹⁾ Табл. XXI, фиг. 94.

²⁾ Аларскіе Бураты подъ именемъ Урянха разумѣютъ двѣй лѣсной народъ въ родѣ тунгусскаго. Мѣсто жительства его указываютъ на сѣверъ отъ своихъ мѣстъ. „Ты хочешь быть Урянха-хамногынъ“, говорятъ тому, кто праздно ведетъ себя, шатается безъ дѣла.

схватываетъ чашу. Онгонъ Андобара мажутъ смѣтаной, когда идутъ на охоту, а также если имѣютъ чесотку на тѣлѣ.

2) Шабаршинъ хонрь-хубуть. На двухъ концахъ раздваивающейся палочки привязаны на одномъ концѣ шкурка куницы (хуныр), на другомъ—горностай (уин), почему онгонъ еще называется: уиты-хунырты. Это былъ рыболовъ. Ему брызгаютъ, когда глаза болятъ. Жертву приносятъ рыбой, а за неимѣніемъ ея—конскимъ жиромъ. Въ призваніи ему говорится между прочимъ:

уын дыгил уин
забуекты заян
хошун дыгил хунырп
боло булнды бурхын боло.

3) Булгаша или Ханъ-булгаша. Онгонъ состоитъ изъ заячьей шкуры, къ которой пришиты залъ къ спинѣ, переднимъ лапамъ и къ хвосту по одной штукѣ, и къ груди двѣ штуки. Ханъ-булгаша была девятибубенная шаманка. Въ призваніи ей описывается ея превращеніе:

хулугуна боложе хубилхугей
джирхе боложе джибылхугей
хасура дэрэ халялдаже
хара булгын хубилган мини
наргын дэрэ халялдаже
нарин булгын хубилган мини
тумэнэн шини бын уягут хунэ
тииргэр дурюн ирын игын шошоолыкта тушэ
хан булгаша тудэ
харьга ханильгын хани мини буши ихи зарин
прин игын тэнгри иргулэ
ихи оргѳйн захай худэрэ
пгын хысэ той быр баря
ходныкта хахил боло
болындэ бурхын боло
забыкта заян боло
вргины угей ихит гулхыугей
харгана убэй хахит гулхыугей
мансуйтын мангыскы
убетей унсыгылхы
агдирэн ¹⁾ имни гэрьтэ

1) Неизвѣстное старинное слово.

акта ¹⁾ юмэ узюх угей
хобгон ²⁾ шини гэрэтэ
хорто юмэ узюх угей

То-есть: „Въ видѣ мыши не возрождайся, въ видѣ бурундука не возрождайся, на ели перелетывающій черный соболь хубилганъ мой, на соснѣ перелетывающій тонкій соболь, хубилганъ мой! Твой родъ (тутъ переводчикомъ пропущено слово: тумэн) происходитъ отъ Унгутовъ, (весь) улусъ вполне прибѣгъ къ Ирнѣ-игынѣ-шошолыку, бабушѣ Ханъ-булгаши! Съ чужой стороны (чужеродецъ?) присоединившійся другъ мой, великій ружейный шаманъ! Девяносто-девять тэнгри гремѣло. Великаго шаманскаго плаща воротникъ накиннулъ, отъ девяти бубновъ волотушку держалъ. Стражемъ у столбика въ изголовьѣ кровати сталъ, съ углу (стоящимъ) богомъ сталъ, въ „забыкъ“ заняномъ сталъ. Рѣшетчатую люльку не трясъ, изъ вустарника (сдѣланную) люльку не трясъ, лежащаго въ пеленкахъ наблюдай, лежащаго въ лѣчьѣ охраняй. Въ жилищѣ ядовитыхъ вещей не терпи, въ жилищѣ, наполненномъ ящиками, вредныхъ вещей не терпи“.

4) Брунъ-ихи, Борунъ-ихи, или Бронхи. Онгонъ состоитъ изъ трехъ лоскутковъ бязи, спитыхъ въ видѣ знамени на манеръ онгона хукшюгутъ ³⁾; онъ подвѣшивается къ двумъ концамъ развилистой палочки, которая втыкается въ пазъ около дверей. Этотъ онгонъ помѣщается на женской половинѣ юрты и считается полезнымъ для скота. Боронъ-ихи былъ пастухъ; его не кормили, ножа у него не было, поэтому онъ палкой убивалъ телятъ, а козловъ вѣшалъ и ѣлъ. Когда замѣтили, что теряются телята, стали угощать его, чтобы телята впередъ не терялись. Бронъ-ихи мажутъ смѣтаной, когда бываютъ больны телята. Отрывокъ изъ призыванія ему:

хоргон ихи дахата
хорь ихи утхэтэ
хань ихи бороники
шарьту ⁴⁾ зухэ ⁵⁾ шабай баря

¹⁾ Ак—ядъ.

²⁾ Хопто—ящикъ.

³⁾ Табл. XXI, фиг. 92.

⁴⁾ Шарьту—масло въ саламатѣ.

⁵⁾ Зухэ—смѣтана.

тугул тархугей
ишиги илтырэх угей ¹⁾

То-есть: „Въ борловой большой дахъ ²⁾ съ великою стрѣлой, оперенною перомъ глухаря, большой царь Бронки! Масляную смѣтану подношу (тебѣ) кушать! Телята пусть будутъ цѣлы, козлята пусть не теряются“.

5) Холонгота убюгунъ, буквально „старикъ съ колонкомъ“. Стоитъ изъ шкуры колонка, къ которой присоединенъ пучекъ „зала“ и волосаной шнурою съ большою бусой на концѣ. Къ шкурѣ колонка на серединѣ прикрѣплена человѣческая фигурка изъ жести. Это былъ шаманъ, зять шаманки Хуэшиюгутъ; имя его было: Иргыл-бугэ тункэ-галдзу; отецъ его назывался Мандахей. Отрывокъ изъ призванія:

шарь тэнигир гэзиге шара холонго мена
мандахэй кубун иргулъ бугэ тункэ галдзу
вуден голю хугохуга ушюта газыр худыл.

6) Идирхинъ или Алхынсанъ-идирхинъ. Онгонъ состоитъ изъ зайца съ двумя залами. Идирхинъ былъ знаменитый шаманъ, Алхынсанъ имя его отца ³⁾. Призваніе Идирхиу:

убуген тавай бахын
исыгын тавай алхынсай
нарин шилбы идирхин
алмы жоро морин
актэн туру забора
алхынсан идирхин
ирень туру забора
ундюр халю малахай
удюршин газыр тыглэгэ
алхынсан хубун идирхэн
хабагай газа харбада
утха гурбун дзон мури
гучин гурбын хамнагын

¹⁾ Илтырхэ—отламываться (объ осколкахъ отъ горшка или камня).

²⁾ Борловая даха—шуба оленья шерстью вверхъ.

³⁾ Алхынсанъ, по словамъ Аларскихъ Бурятъ, былъ шаманъ, очень извѣстный въ трехъ вѣдомствахъ Аларскомъ, Балаганскомъ и Идинскомъ; онъ закладывалъ шанку въ кабаки, и она сама уходила изъ кабака и возвращалась ему на голову. Въ честь его приносятъ жертвы: саган тулай, то-есть, бѣлаго зайца, и саглуд модон, березовый прутыкъ.

дурбюн дзон мури
дюшн дурбын хамнагын
уйгыр ихы хэлитын
уйгын заби забитын
хэлтигей ихы нюртын
хэрмын жоро баритын
ихи шини номгошу
ихин шини утхынъ
хамык тумын ханъян
хан ныръл тэнгри
хойн бундэгэн хубширгэйн баритын
буше их зарин
ботоголо нагасы
аилган ханилгын
ажин хубын шарикшын
хада улэн юнгутей
харэлгажи гархада
халтэн хубун харбагари
ижилъ ханн аба
хатурхажи ханильгын
шаргэн хонр шуумыр
хаймыл саган горнисэ
хабсагайда дууредэ
саган монгун хоолобше
сайбыл закше голхонда
улан монгун хоолобше
улан закше голхонда
голхонон нэрэрин гол бэрэ ябаб
бани джурген хобундэ
баха тыжи ороб
махар гэжэ хобуинъ
мори барюгын модо тохогын абаб
модон бутэ мүлеже
могой бутэ зулмага
гол бэрэ ороже
табын шоро захаже
татэ хүсэ шорло
табын тогонэ архэр
тала бариним
унюшинг хундэ аха болоб
саган тулай билык,
сагдул модон залмы.

То-есть: „Твой дѣдъ Бахынвъ, твой отецъ Алхынсай, Наринъ-шилъ-

бы Идирхинь! ¹⁾ Пѣгій иноходець игриво опережаетъ кладенныхъ ²⁾ лошадей; Алхынсаевъ Идирхинь игриво впереди мужчинъ идетъ. Высокая бобровая шапка на дневное пространство видѣется; Алхынсаевъ сынъ Идирхинь проложилъ дорогу къ кабаку! Родъ твой — триста Мури, тридцать-три Хамнагына; четыреста Мури, сорокъ-четыре Хамнагына, великимъ уйгирскимъ ³⁾ языкомъ говорящіе, въ берестяныхъ лодкахъ ходящіе ⁴⁾, съ кривымъ ⁵⁾ большимъ лицомъ иноходую бѣлку (или можетъ быть: иноходца Хэрмына) ловящіе! Мать твоя Номгошу, родъ матери твоей Ханьцырьиль-тэнгри, и всѣ десять тысячъ ханьяновъ. Пуповину отрѣзавъ, поперечины люльки ⁶⁾ держаль (то-есть, укладываль въ люльку) великій ружейный шаманъ Ботоголо, дядя по матери. Его улусный товарищъ, сынъ Ажина, (былъ) Шарикшинъ ⁷⁾. Когда ты махнулъ на лошади въ скалистыя горы, гдѣ (живутъ) Юнгуты, то въ товарищи-друзи взялъ Харбагари, Халтэнова сына. Избраль друзьями крѣпкихъ (духомъ) двухъ Шаргэевыхъ (сыновей) Шуумырь. Бѣлая, тесаная горница тихо стоитъ, въ скалахъ ⁸⁾ эхо раздается. Бѣлосеребряное монисто ⁹⁾ у блестящей (жены) Голхондо, красно-серебряное монисто у румяной Голхондо. Искаль жену по падямъ, къ Бани'евымъ шести сыновьямъ яро входилъ, изъ нихъ Макара взялъ, чтобы лошадей ловилъ, сѣдла сѣдлаль. Кабъ дерево, оскоб-

¹⁾ Шилбы—голенная кость; нариц шилбы—тонкая голенная кость. Почему такъ названъ Идирхинь—Буряты не знаютъ. Есть еще выраженіе: шилбы дзалу, въ цвѣту молодости. Можетъ быть, это собственное имя, не имѣющее никакого отношенія къ голенной кости.

²⁾ Слово актэ оставлено безъ перевода. Буряты всегда ѣздятъ на кладенныхъ лошадяхъ, но не на жеребцахъ и кобылахъ.

³⁾ Уйгур г. Матхановъ перевелъ: „непонятный“. Я оставилъ слово безъ перевода въ виду того, что этотъ эпитетъ есть, можетъ быть, память о существованіи уйгурскаго языка, такъ какъ Дархаты зовутъ урянхайскій языкъ: уйгур бэлип, то-есть, уйгурскимъ языкомъ.

⁴⁾ Уйгыя—береста.

⁵⁾ Можетъ быть—съ наклоненнымъ лицомъ.

⁶⁾ Хубширгэ—поперечины люльки.

⁷⁾ Шарикшинъ—самка антилопы, *Antil. gutturosa* по халхасски.

⁸⁾ Хабсагай—утесь.

⁹⁾ По видимому, дѣло идетъ о серебряномъ уборѣ на груди.

лилъ, какъ со змѣи шкуру ¹⁾ содралъ; въ разныи пади заѣзжая, пять роженъ заставилъ сдѣлать; вкуснаго барана на нихъ насадилъ, отъ пяти котловъ водкой угостилъ. Сиротѣ становился отцомъ, богатому дѣтми братомъ ²⁾. Бѣлый заяцъ—приношеніе (тебѣ), дерево сагдуль вмѣсто залмы.

Еще два отрывка изъ прызваній Идирхину:

аргъмайхан алык моритей
алхырсайн хубун идирхин!

То-есть: „Имѣющій пѣлаго аргамака Алхынсаевъ сынъ Идирхинъ!“

ирдэчи даро хуга угэйб
алхынсайн хубун идирхин
актэйи хойно аба угэй
аргъмайхын алык мори мнин!

То-есть: „Ниже удалаго молодца не сживвалъ Алхынсаевъ сынъ Идирхинъ; сзади лошадей не бѣгивалъ мой пѣгій аргамакъ!“

8) Табынъ хошуту (то-есть, семишкурный или семипушинный). Состоитъ изъ шнура, на который привѣшено на равномъ разстояніи другъ отъ друга пять шкурокъ: заяца-бѣляка, ягненка, козули, волонка (холоنگо), горностая (цаган унн) и бѣлки; въ промежуткахъ же между шкурками привязаны зала.

9) Въ родѣ Хангинъ въ большомъ употребленіи онгонъ, состоящій изъ человѣческой фигуры, вырѣзанной изъ дерева ³⁾. Фигура эта вырѣзывается изъ доски; длина ея около 1½ четвертей аршина или болѣе; на фигурѣ представлены шея, руки и ноги; на лицѣ кусочки свинца, вбитыя въ углубленія, обозначаютъ глаза; верхушка фигуры (темя), мѣста надъ глазами (брови), верхняя губа и борода украшены пучками лошадиныхъ волосъ; на затылкѣ прикрѣплены двѣ лентообразныя тряпочки разныхъ цвѣтовъ. По сторонамъ лица прибиты желѣзныя привѣски вмѣсто серегъ. Онгонъ носятъ названіе Бурьтынъ; такъ назвала его одна Хангинка, которую я встрѣтилъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ. Бурьтынъ былъ шаманъ.

У Аларскихъ Бурятъ, которые считаютъ себя изъ рода Дархатъ, есть особый онгонъ, состоящій изъ небольшихъ желѣзныхъ

¹⁾ Зулмаган—выползокъ, шкура вылинявшей змѣи.

²⁾ Уныр—богатый дѣтми.

³⁾ Табл. XX, фиг. 88.

моделей молотка, наковальни и напилка; этотъ онгонъ обыкновенно виситъ на западной тенге (подпоркѣ) внутри юрты; во время жертвоприношенія шаманъ беретъ ихъ въ руки и примѣрно куеть.

У кузнецовъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ устраиваются особые онгоны въ видѣ лоскута бѣлой бязи, на которой изображены красною краской лягушки, змѣи, люди и пр.; кромѣ того, другой онгонъ снабженъ молоткомъ, щипцами и другими подобными орудіями. Послѣдній онгонъ называется Гузирь-тѣгри.

У Балаганскихъ Бурятъ, по сообщеннымъ мнѣ свѣдѣніямъ, встрѣчаются онгоны: усайтэн, то-есть, ящигъ, и въ немъ три небесныя дѣвицы, Тэнгирин-гурба-басыгыт; при нихъ есть одинъ или два нахура, „товарища“. Кромѣ того, есть Харнар-цзин, „господинъ луны и солнца“, и еще Галдзушинъ, „шесть бѣшеныхъ дѣвъ“ ¹⁾.

Аларскіе Буряты, когда хозяинъ дома умереть, сжигаютъ онгоновъ—онго галда, или какъ еще выражаются, „онгона возвращаютъ хозяину“, онго харюла. Въ Хангинскомъ родѣ онгоны переходятъ въ наслѣдство.

Онгонамъ, хранящимся въ ящикахъ или чехлахъ, только брызжутъ виномъ или тарасуномъ; остальныхъ же, кромѣ того, мазутъ смѣтаной и масломъ. Оттого только тѣ, которые въ чехлахъ (какъ напримѣръ, Усэтенъ, Тулашинъ и пр.), остаются съ чистою наружностью; остальные же всегда замазаны, грязны и покрыты копотью отъ дыма. Когда топятъ масло, всегда нѣсколько капель каплютъ на Тулашина (то-есть, на ящикъ, въ которомъ оно хранится); въ это время въ череповъ бросаютъ можжевельнику на горячіе угли, и сдѣлавъ въ дыму отъ можжевельника онгономъ три круга, перебиваютъ топленое масло изъ котла въ посуду, такъ чтобы нѣсколько капель упало на онгонъ. При переѣздахъ съ лѣтниковъ въ зимники и обратно Буряты всегда угощаютъ онгоновъ масломъ и тарасуномъ.

У Тункинскихъ Бурятъ я видѣлъ онгоны: надъ подушкой или изголовьемъ кровати заицъ, украшенный залой; его назвали мнѣ

¹⁾ Галдзу—водобоязнь, помѣшательство.

Теренъ-тиби ¹⁾; другаго же онгона, который хранился подъ крышей въ сѣняхъ въ войлочномъ чехлѣ, назвали Зултынъ; хозяева изъ суетвѣрнаго страха отказались снять его оттуда и показать мнѣ; по ихъ словамъ, у него есть, между прочимъ, двѣ серьги; далѣе сказали, что это небесная дѣва, Тэнгриин басыгыт. По преданію, одна дѣвица жила съ мачихой и пошла за водой, взявъ желѣзное ведро и мѣдный ковшъ; только какъ стала она черпать, мѣсяцъ (хар) ухватилъ ее и унесъ на небо. И теперь ее видно на мѣсяцѣ. Ее зовутъ Харэн-кукун, дочь мѣсяца. Съ той поры Бурятки считаютъ за грѣхъ черпать воду изъ источника мѣднымъ ковшомъ ²⁾.

По разказамъ, у мѣнскихъ жителей есть еще и третій онгонъ— Баръ или Баръ-убюгунъ, то-есть, старикъ Баръ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей: одна часть заключается въ деревянномъ кружкѣ, другая—въ кожанной пластинкѣ съ надрѣзами внизу, отъ которыхъ получается пять лепестковъ. Отъ этого онгона зависить хорошій уловъ звѣря, здоровье дѣтей, удача въ торговлѣ, здоровье скота и телятъ.

У Урянхайцевъ на Хужѣ въ одной юртѣ я видѣлъ три онгона: 1) Бурать-онгонъ, 2) Дархатъ-онгонъ и 3) Цахиусъ. Онгонъ „Бурать“ описанъ выше ³⁾; онгонъ Дархатъ отъ предыдущаго отличался только тѣмъ, что вмѣсто куклы изъ тряпокъ на серединѣ четырехугольнаго доскута бязи была укрѣплена большая жестяная пластинка, вырѣзанная въ видѣ человѣческой фигуры.

О Бурать-онгонѣ, который называли также и Емегельджинъ, намъ разказали, что это была Бурятка отогонъ (шаманка), вышедшая замужъ въ урянхайскій отукъ; о Дархатъ-онгонѣ—что это былъ сильный шаманъ, который назывался Татай-эмэгэнъ. Цахиусъ и у Хувскихъ Урянхайцевъ состоитъ изъ связки тесемокъ или лентъ ⁴⁾. У Косогольскихъ Хасутовъ встрѣчаются онгоны: Цахиусъ

¹⁾ На р. Шошолыкѣ, въ долину Иркута же этотъ онгонъ зовутъ чеби.

²⁾ Сообщилъ мѣнскій житель Бурять Солдатъ.

³⁾ Стр. 102.

⁴⁾ Въ Хангинскомъ куренѣ настоятель его лама Лубсынъ Гончикъ Дагбы любезно показалъ намъ свою собственную образную. Это былъ небольшой деревянный баракъ, сплошь уставленный предметами почитанія. Середина его была занята особымъ отдѣленіемъ въ родѣ темнаго чу-

и Эмгельджинъ; послѣдній есть будто бы опгонъ хозяина, первый—онгонъ остальныхъ домочадцевъ.

У Аларскихъ Бурятъ, кромѣ понятія о „кости“, *ямъ*, то-есть, понятія о происхожденіи отъ предка, есть еще другое, не выясненное мною понятіе объ *утхэ* или *утха*. Такъ напримѣръ, у Н. В. Матханова, съ которымъ я познакомился въ Иркутскѣ, родъ называется Хонходоръ, а утхэ—Хуху-морьтунъ. Мнѣ объясняли утхэ именемъ предка или матери или бабушки, или говорили, что утхэ есть „родство по шаманству“. Послѣднее выраженіе, можетъ быть, значить, что во время камланья только „утхэ“ имѣетъ значеніе, кость же, яганъ, вовсе не упоминается. Если во время винокуренія паръ сбросить крышку, и молоко бросится въ трубу, тогда припоминаютъ, кто бы это изъ покойниковъ могъ пошутить. Подозрѣніе падаетъ на какого-нибудь богатаго Бурята, память о которомъ живетъ въ улусѣ, и тогда брызгаютъ въ честь утхэ этого богатаго человѣка.

7. Повѣрья о духахъ и о почитаніи священныхъ горъ, лѣсовъ и камней.

Всѣ обитатели сѣверной Монголіи, какъ сами Монголы и Буряты, такъ и Урянхайцы и Алтайцы, населяютъ духами окружающій человѣка міръ природы. Каждая долина, каждая гора имѣетъ своего духа или хозяина, который по алтайски называется ээзи ¹⁾, по дюрбютски—сабдыкъ, по бурятски—хатъ. Отъ этого хозяина мѣста зависитъ пользованіе дарами природы; хозяинъ таѣжныхъ мѣстностей даетъ уловъ звѣрей, хозяинъ степныхъ—урожай скотскихъ кормовъ. Это нашъ домовой, только вѣдѣнію его подлежатъ не одинъ дворъ, а цѣлая долина или цѣлая гора со многими на ней долинами, или наконецъ, даже цѣлая горная система. Человѣкъ обязанъ съ почтеніемъ относиться къ этимъ духамъ. Буряты и Алтаецъ, выѣхавъ на переваль, съ котораго онъ увидѣлъ

лапа; чрезъ маленькую дверь, которую намъ открылъ лама, трудно было много разглядѣть, что тамъ есть внутри; я замѣтилъ только изображенія мертвыхъ головъ. Лама сообщилъ, что тамъ по стѣнамъ стоятъ знамена. Эту святиню лама назвалъ Уланъ-цахіусъ.

¹⁾ Ту-ээзи—хозяинъ горы; су-ээзи—хозяинъ рѣки; ээлю—хозяева скалъ или пещеръ.

новую долину, дѣлаетъ либацію духу этой новой долины, а если съ нимъ нѣтъ ни вина, ни воды, онъ накладываетъ трубку, раскуриваетъ и выбрасываетъ изъ нея зажженный табакъ на воздухъ. То же самое дѣлается, если съ перевала откроется видъ на бѣлокъ или высокую гору; иногда путникъ, если знаетъ, что съ дороги онъ не увидитъ уважаемой горы, сворачиваетъ съ пути, поднимается на одну изъ ближайшихъ къ дорогѣ возвышенностей и тамъ совершаетъ поклоненіе горѣ, распространяясь на землѣ. Иногда въ такихъ пунктахъ устраивается небольшое куреніе: наламываютъ можжевельнику и сжигаютъ на камнѣ, что называется сан или хан. Г. Черскій передавалъ мнѣ, что ему, во время его разъѣздовъ кругомъ Байкала, не разъ доводилось видать, какъ Бурятъ, выѣхавъ на перевалъ, привѣтствуетъ хата новой долины; обычая снимать шапки и кланяться у Бурятовъ нѣтъ; поэтому Бурятъ оттягиваетъ только голову впередъ по направленію къ новой долинѣ, трясетъ головой и улыбается, дѣлая видъ, какъ будто видитъ какое-то лицо, съ которымъ свиданіе доставляетъ ему удовольствіе.

Хотя этимъ духамъ придаются фантастическія плотскія формы,— такъ, напримѣръ, Дюрбютъ представляетъ иногда своего сабдыка съ птичьимъ клювомъ, но въ то же время представленія объ ээзи, сабдыкахъ и хатахъ сливаются съ самою природой; хозяйнъ горы или долины и есть сама гора или долина. Житель сѣверной Монголіи одухотворяетъ части природы; каждая мѣстность представляется для него живымъ тѣломъ. Замѣчательна въ Монголіи квалифікація географическихъ именъ; здѣсь часто рѣка на своемъ теченіи носитъ нѣсколько именъ, какъ будто цѣльность рѣки не ощущается; напротивъ, одно и то же имя часто дается и рѣкѣ, и горѣ, возлѣ нея стоящей, и озеру, возлѣ лежащему, и степи, которая кругомъ озера разстилается ¹⁾. Такъ, напримѣръ, бѣлокъ Харвира носитъ одно имя съ рѣкой, которая съ него течетъ; а бѣлокъ Тюргунъ даетъ начало даже двумъ Тюргунамъ, текущимъ въ разныя стороны. Немного ниже восточный Тюргунъ уже теряетъ это имя и получаетъ другое—Шибиръ, а еще ниже та же рѣка называется Кунделенъ. У насъ рѣка измѣняетъ названіе

¹⁾ Алтайское су-ээзи, хозяйнъ рѣки, я думаю также слѣдуетъ скорѣе понимать въ смыслѣ духа пади, долины, а не исключительно водяной струи.

только отъ присоединенія новыхъ притоковъ, въ Монголіи же на измѣненіе названія рѣки вліяетъ характеръ мѣстности. Такъ напримѣръ, р. Хо-ебинъ или Куиртысъ получаетъ новое имя Чебеты только потому, что горный характеръ окружающей страны уступилъ степному; р. Шинкитъ превращается въ Кысылъ только потому, что долина, прежде довольно просторная, превращается въ тѣсныя и непроходимыя щели. Монголь и Урянхаецъ видятъ въ урочищѣ цѣльное и нераздѣльное тѣло: горы, скалы, вода, лѣсъ, степь этого урочища — какъ будто его неотдѣлимые члены. Такое урочище живетъ самостоятельною жизнью; у него есть душа. Такъ какъ урочища сливаются въ цѣлыя страны, то рядомъ съ представленіемъ о духахъ мелкихъ урочищъ въ народномъ воображеніи создаются духи, соотвѣтствующіе этимъ обширнымъ представленіямъ. Являются сабдыки цѣлыхъ хошуновъ, или сабдыки горныхъ хребтовъ. Такъ есть сабдыкъ Алтая, Хангая и Ханъ-хухей. Эти великіе сабдыки у Монголовъ уже получаютъ титулъ хановъ, то есть царей; сабдыкъ Алтая называется Хан-алтаемъ, сабдыкъ Хангая—Хан-хангаемъ ¹⁾. Есть поговорка у Дюрбютовъ: у Алтайскаго сабдыка длань открыта, у Хангая сжата (см. ниже, гл. IV). Наконецъ, представленіе объ окружающемъ насъ мірѣ расширяется до представленія обо всей землѣ, о цѣлой природѣ; въ мірѣ духовъ этому представленію соотвѣтствуетъ у Сальджакъ-Урянхайцевъ Оранъ Телегей, у Дархатовъ—Орунъ Дэльхи.

У Аларскихъ Бурятъ мѣстные духи называются уругутъ, „старика“, съ приложеніемъ названія мѣстности; въ Аларскомъ вѣдомствѣ насчитывается три такихъ уругуна, а именно:

1) Около Нилгынскаго улуса указываютъ сосну, на которой будто бы еще недавно висѣлъ желѣзный вѣнецъ и другія желѣзныя вещи шамана; тутъ, говоритъ преданіе, былъ назадъ тому сто лѣтъ похороненъ убусинскій ²⁾ шаманъ Улал-зары; эта мѣстность на-

¹⁾ Въ имени хребта Ханъ-хухей этотъ эпитетъ сабдыка остался при названіи хребта, и безъ него хребетъ не называется. У Бурятъ слово ханъ, но только въ формѣ множественнаго числа хатъ, явилось нарицательнымъ для сабдыка.

²⁾ Убусу мѣстность въ Иднискѣмъ вѣдомствѣ. У Сѣверо-Байкальскихъ Бурятъ извѣстны убусинскіе и тарасинскіе шаманы, между которыми существуетъ ревность и вражда.

зывается Халтын-ундурь. Халтинскаго уругуна почитаетъ только Нильгинскій улусъ, и онъ одинъ приносить ему жертвы.

2) Иматинскій улусъ имѣетъ своего уругуна, который назывался Хохорь-богдонъ; его доспѣхи также были вывѣшены на возвышенномъ мѣстѣ, которое называется Иматэн-ундурь.

3) Третій уругунъ Аларскаго вѣдомства называется Харги-мандурь; онъ почитается въ улусѣ Тоготъ.

Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ самыя важныя уругуны: Балихай и Манухай (мѣсто почитанія послѣдняго называется Зуларэн-ундурь).

Бурятскіе уругуны, по видимому, соотвѣтствуютъ мелкимъ монгольскимъ сабдыкамъ. Хаты выше уругуновъ; хаты это Буха-ноинъ, Бадунъ-хатунъ и Булганъ-хара; эти трое называются барун хат, юго-западные хаты; это добрыя хаты, дающіе людямъ благополучіе, оказывающіе имъ покровительство. Есть еще дзунъ хаты, сѣверо-восточныя: то нечистыя хаты.

Хаты, по повѣрью Аларскихъ Бурятъ, живутъ на скалахъ; ихъ считаютъ бумылъ, то-есть, испустившимися (съ неба). Къ мѣстамъ, гдѣ живутъ хаты, женщинамъ запрещается подходить.

Г. Черскій слышалъ вмѣсто хатъ названіе хангай; у каждой долины есть свой хангай; переваливая изъ долины въ долину, Бурятъ дѣлаетъ либацію водкой сначала тому хангаю, долину котораго благополучно миновалъ, а потомъ хангаю долины, по которой предстоитъ ѣхать. Либацію дѣлаютъ, обмакивая въ водку палецъ или травинку; при этомъ произносится слово: сэв! Иногда чмокаютъ при этомъ губами, какъ мы дѣлаемъ, когда зовемъ собаку. Когда нѣтъ водки, даютъ духу покурить; наложивъ трубку, устремляютъ мундштукъ въ воздухъ и встряхиваютъ табакъ; если табаку въ кيسетѣ мало, то ограничиваются только тѣмъ, что протягиваютъ трубку въ воздухъ.

У Бурятъ, живущихъ въ мѣстности Котоголь (въ долинѣ Иркут-та), мѣстный уругунъ называется Алтынъ-чиргай-ноёнъ и Кэрдекъ-ноёнъ-баабай; близъ Туранскаго минеральнаго источника—Алтынъ-шаргы-моритэй Хайрханъ, то-есть, Хайрханъ на золото-соловой лошади; на Хангинскомъ караулѣ—Дарханъ-ноёнъ; въ мѣстности Мёнъ — Хаджиръ-ноёнъ. (Такъ говорилъ одинъ Бурятъ изъ Котогола).

Тункинскимъ Бурятамъ пзвѣстенъ также и Оранъ-делехе. Ему брызгають, а также приносятъ жертвы (дѣлають таилганы), когда волки начинаютъ давить скоть.

Буряты, живущіе въ мѣстности Менъ, называютъ мѣстныхъ духовъ-покровителей вообще хать-бурхыть, а своему мѣстному даютъ имя Тарханъ-дурискъ; у него отецъ былъ Тайхынъ, мать Иджи-хынъ. Онъ былъ кузнецъ и жилъ въ мѣстности Менъ, когда здѣсь еще никого не было. По другому показанію, Тарханъ-дурискъ былъ шаманъ и кузнецъ, который жилъ въ здѣшней мѣстности. Одна дѣвица копала сарану; Тарханъ-дурискъ попросилъ у нея одну лувовицу и сѣлъ; должно быть, женщина была „мѣсячная“, „въ краскѣ“; Тарханъ-дурискъ захворалъ, поднялся на голецъ ¹⁾ и умеръ на горѣ Мондю-байсинъ. Съ той поры здѣсь нѣтъ змѣй, бѣлой сараны и сосны, и не ходитъ верблюдь. (Недавно проѣхали мужъ съ женой на верблюдахъ, и оба вскорѣ умерли; съ этихъ поръ стали встрѣчаться змѣи). Кромѣ того, здѣсь мѣстнымъ духомъ считается Мунку-саганъ-иджинъ-ханъ-моринъ-ноень-баабай, то-есть, если переводить буквально, „мать вѣчно бѣлая, отецъ Царь-Лошадь господинъ“. Разказчикъ прямо отнесъ это имя къ тому вѣчному снѣгу, который въ нашихъ географіяхъ называется Мунко-сардыкъ. Другіе Буряты называли бѣлокъ нѣсколько иначе, именно: Мунку-саганъ-хутуль-ханъ-моринъ-нойонъ. Говорятъ еще, что Хятагай слетѣлъ съ неба вмѣстѣ съ громомъ на Мунко-саганъ; при этомъ толкуютъ, что Ханъ-моринъ и Хятагай—два имени вершины бѣлка Мунко-сагана. Величаніе, которое дѣлается Мунко-сагану въ призываніяхъ бурятскихъ шамановъ, заключается въ словахъ: окторгойн буумыл хумо харбаджи буга один ганц нюдутей ошин ганц шюдутей, то-есть: „стрѣляя небесною стрѣлой спустился (ты) одноглазый Одинъ, однозубый Ошинъ“. Дархатскій лама Гончикъ показалъ, что бѣлокъ въ вершинахъ Косогола (Мунко-саганъ) прежде назывался Долонъ Мундурго. Я переспросилъ его, чтобъ убѣдиться, не значитъ ли первый членъ „озерный“, далэн, но Гончикъ отрицательно закачалъ головой и выставилъ семь паль-

¹⁾ Гольцами въ Восточной Сибири называютъ скалистыя вершины, поднимающіяся выше предѣльной линіи лѣсовъ.

цевъ руки ¹⁾. По словамъ же бурятскаго ламы на Мёнѣ Навана, Мунко-саганъ прежде былъ Шоно-нойонъ, при чемъ слово шенс-лама перевелъ русскимъ словомъ: волкъ. Этотъ же Шоно-нойонъ назывался Лайханъ-сурукдыеъ, который былъ иджин, хозяинъ Барунъ-далая (оз. Косокола), а Ривиль-хама былъ иджинъ Дзюнъ-далая (Байкала).

Священныя горы, какъ Алтайцы, такъ и Улухемскіе Урянхайцы, ознаменовываютъ устройствомъ на ихъ вершинѣ обо изъ камней или хворосту, на который навѣшивается лама; подобнымъ горамъ молятся о звѣринонъ-уловѣ. Такія поклонныя горы по алтайски называются джайкъ-ту, по урянхайски ыдыгъ-тагъ. Въ русскомъ Алтай, по сообщенію г. Ядринцева, священными считаются слѣдующія горы: 1) три горы Кесъпы или Тесъпы на р. Біѣ (имъ молятся, когда бываетъ горячка; 2) гора Ова, въ 15 в. отъ улуса Елейскаго, 3) гора Бобырганъ на р. Біѣ; 4) гора Абыганъ въ вершинахъ р. Абакана, по словамъ туземцевъ — о шести горбахъ; 5) гора Алтынъ-тау со скалами, носящими названіе сына и снохи (коледы); 6) гора Бѣлуха, по алтайски Учъ-сюри; 7) гора Янкъ-ту, въ Чуйскихъ бѣлкахъ. Въ Урянхайской же землѣ, по собраннымъ нами самими свидѣніямъ, одна ыдыгъту лежитъ на лѣвомъ берегу Хакема близъ устья Седзена, а другая—противъ нея на противоположномъ берегу Хакема.

Въ Аларскомъ Бурятскомъ вѣдомствѣ на р. Ирети есть лѣсъ, который называется Нилханъ-наргынъ, „нилханова сосна“. Въ этомъ лѣсу запрещается рубить деревья. Здѣсь, по преданію, удалась одна шаманка Ваиръ-ханъ; она спорила съ однимъ шаманомъ (Хохоръ-богданомъ), чьи духи сильнѣе; шаманъ предсказалъ ей: „тебѣ не доѣхать до дому“, а шаманка предсказала шаману: „ты по приѣздѣ домой на третій день умрешь“; на пути домой шаманка повѣсилась; шаманъ доѣхалъ до дому, но на третій день умеръ.

Въ Балаганскомъ Бурятскомъ вѣдомствѣ есть бѣлый камень, валяющійся на степи. Буряты называютъ его бумыл саган шлун, „бѣлый упавшій камень“, и думаютъ, что онъ спустился съ неба.

¹⁾ Названія Мундургонъ, значущагося у Гумбольдта на мѣстѣ бѣлка Мунко-саганъ: ни я, ни г. Черскій, объѣхавшій бѣлокъ со многихъ сто-

Алтайскіе ээзи, монгольскіе сабдыки и бурятскіе хаты—благодѣтельные духи.

Кромѣ того, у народовъ сѣверо-западной Монголіи есть вѣра въ злыхъ духовъ. Буряты вѣрятъ въ существованіе духовъ: анахай¹⁾, зэтхирь, ада. Маленькій анахай имѣетъ способность превращаться въ крысу и кошекъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ мяучитъ. Если крыса долго живетъ, шерсть сходитъ съ нея, и она превращается въ анахая.

Если въ юртѣ ночью слышны шаги, шумъ, стукъ отъ паденія утвари—это дѣлаетъ бохолдэй. Тогда призываютъ человѣка, который одаренъ способностью видѣть и прогнать бохолдэя, „бохолдэй удюдуй хунь“ или „бохолдэй хараша“. Этотъ человѣкъ видить бохолдэя и рассказываетъ, какого онъ роста, какъ одѣтъ. Если силъ его хватить, онъ прогоняетъ бохолдэя, обходя вокругъ юрты съ черепкомъ, въ которомъ курится жодо (пихта), арса и ганга; иногда такой человѣкъ говоритъ, что это не простой бохолдэй, и что его прогнать можно только посредствомъ жертвы: тогда призываютъ шамана.

Г. Ядринцевымъ записаны слѣдующія повѣрья Черневыхъ Татаръ и Алтайцевъ:

Черневые Татары вѣрятъ въ существованіе злыхъ духовъ аза; кромѣ того, у нихъ существуютъ для темныхъ силъ имена: шайтанъ, алмысь, каала, куремесь, курюм-тертигры или тертигры-курюмъ, айна и четкеръ (послѣдніе два—слуги куремеса). Телеса не знаютъ айна, а Алтайцы не знаютъ аза.

Ерликъ-ханъ есть высшій злой духъ. Его же Черневые Татары называютъ аю или медвѣжья лапа. Прислужникъ его, по словамъ

ронъ, не слышали. Отъ всѣхъ Бурятъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, онъ слышалъ только имя Мунко-саганъ; также и я, за исключеніемъ показанія Гончика. Хасуты зовутъ бѣловъ Бурюнь-ханъ. Но, будучи у Ингурѣнскихъ Бурятъ (живущихъ на берегу Байкала къ с. отъ острова Ольхона), онъ слышалъ отъ жителей, что имъ Кударинскіе Буряты рассказываютъ, будто къ западу отъ Байкала есть высокія горы Мундургонъ. На картѣ г. Орлова къ в. отъ бѣлка Мунко-сардыкъ назначенъ хребетъ Дуланъ-ола.

¹⁾ Именами анахай и ада Буряты въ шутку зовутъ шустрыхъ мальчиковъ; малорослымъ людямъ иногда даютъ уличное прозвище арахинъ. „Бохолдей“ служатъ бранью для взрослыхъ людей, какъ у насъ сатана, чортъ, діаволь, лѣшій.

Кумандинцевъ, называется кебенекъ, у Телеутовъ—янгызъ-конекъ, въ сказкахъ онъ представляется хромымъ и кривымъ. Телеуты объясняютъ, что Ерликъ и Ульгень прежде были ханами на землѣ и брали подать; теперь та же подать идетъ имъ жертвами. У Телеутовъ есть еще въ числѣ злыхъ духовъ Кагыръ-ханъ.

Узютъ—мертвецъ, превратившійся въ злаго духа и причиняющій болѣзни; душа покойника три года насылаетъ болѣзни.

Эрке, гарышь—домовой у Черневыхъ Татаръ. У Алтайцевъ эжикъ савчи—хозяинъ юрты.

У Алтайцевъ есть вѣрованіе о кривомъ чортѣ, который называется чулмыс; полный его титулъ: яныс костоу (янгыс тысту, то-есть, однозубый?) сокор караматыр, то-есть, кривой черный богатырь Яныскостоу.

На перекресткахъ дорогъ, перевалахъ и близь приторовъ происходитъ собраніе чертей, „тургак“; оттого эти мѣста опасны и, миновавъ ихъ, ставятъ обо.

8. Повѣрья о болѣзняхъ, звѣряхъ и нѣкоторые предрасудки ¹⁾.

Алтайцы словомъ тиргильдинъ называютъ переливы въ воздухѣ во время рефракціи, а также трепетаніе воздушной струи надъ пламенемъ костра. Лихорадка приписывается тому, что тиргильдинъ входитъ внутрь человѣка, или что человѣкъ своимъ дыханіемъ втягиваетъ его въ себя, когда спитъ; тряска въ лихорадкѣ оттого и происходитъ, что тиргильдинъ трясется въ человѣкѣ ²⁾.

О кошмарѣ Телеуты выражаются: гурмосъ тумалаб ят; для отвращенія кладутъ ножикъ или топоръ подъ постель. По другому показанію Алтайца, узют курмосъ, душа покойника давитъ человѣка. У Урянхайцевъ (тува) кошмаръ приписывается аза или адза; для отогнанія адзы призываютъ кама, который камлаетъ въ юртѣ предъ таловымъ прутомъ съ „привязанными пятью цвѣтами“ (то-есть, лоскутками или тесемочками пяти цвѣтовъ). По другому показанію, нашептываютъ на землю и послѣднюю выбрасываютъ въ двери.

У Алтайцевъ бываетъ болѣзнь, похожая на дѣтскій молочникъ; Алтайцы названія для нея не имѣютъ, а выражаются о ней посред-

¹⁾ Нѣкоторые повѣрья о животныхъ помѣщены ниже въ главѣ сказокъ.

²⁾ Записано въ д. Мьюта, населенной Телеутами.

ствомъ глагола: ылбрабъ. На губахъ выступаютъ бѣлые пузырьки и конецъ языка болитъ; становится затруднительно ѣсть, пить горячее и говорить. Лѣчатъ купоросомъ.

Отъ вереда, по телеутски чійчан, по урянхайски (тува) катага, Алтайцы прикладываютъ заячью шкуру, намазанную мыломъ.

Рану отъ порѣза Алтайцы лѣчатъ мозгомъ изъ заячьей кости.

Оспа по телеутски называется кінн, по урянхайски (тува) тоолга.

Заговоръ у Аларскихъ Бурятъ отъ вереда (бомо, шихан):

алхугед шійхан обошин бэрхэ
абырхугед (ноин) бошеи бэрхэ
улыкэ талар гаргын нарын хурсэ
удурер оргон ноин бэрхэ.

Отъ зубной боли Буряты добываютъ языкъ черного дятла (желны), и высушивъ его, ковыряютъ имъ въ больномъ зубѣ.

При воспаленіи глазъ или при бѣлымъ (у Бурятъ) въ глазамъ прикладываютъ сырое мясо или моютъ дѣтскою мочою.

При болѣзни урѣ шагаху Буряты протыкаютъ грудь живаго барана, и больной смотритъ въ отверстие (стараясь, чтобы горячій воздухъ шелъ въ глазъ). Во время горячки Буряты дѣлаютъ припарки изъ горячихъ внутренностей барана, обкладывая ими больного сверху и снизу.

Въ Баянаульскомъ округѣ киргизскія дѣвицы носятъ на шапкахъ филиново перо, уку; навязываютъ его также дѣтямъ. Особенно распространенъ этотъ обычай въ Кокчетавскомъ округѣ, гдѣ носятъ уку не только дѣвицы, но и джигиты: полезно отъ сглазу. Первый взглядъ упадаетъ на уку, второй только, уже безвредный, — на самого человѣка.

У Дюрбютговъ существуютъ слѣдующіе предрасудки:

Красная пищечка на шапкѣ (дзала или джипса) есть знакъ подчиненности нойону; если придти къ нойону безъ этого знака, думаютъ, что онъ оскорбится и приѣдетъ.

Чигень (кумысь) и вообще цаганъ иден, „бѣлую ѣду“, то-есть, молочное, пролить на землю грѣхъ. Пролитъ, мочать въ лужѣ пальцы и вытираютъ ихъ о правое плечо и правое колѣно. Если предъ кочевкой прольютъ, собираютъ смоченную землю, везутъ съ собою и выбрасываютъ на новой стоянкѣ.

Говорить имя своего нойона не слѣдуетъ — нойонъ не обидится,

*

но худо будетъ тому человѣку, кто произнесетъ имя ноёна; онъ можетъ заболѣть, или лошадь, на которой онъ ѣхалъ, можетъ умереть.

Дѣтямъ не даютъ кости съ мозгомъ—въ противномъ случаѣ будутъ сонливы. Не даютъ и мозгу изъ головы—въ противномъ случаѣ будутъ не крѣпко ѣздить въ сѣдлѣ.

Грѣхъ: перешагивать черезъ пищу; задѣть, проходя, полой платья за посуду; власть тряпку, которой вытирають котель, на землю.

Ѣсть послѣ другаго человѣка нѣкоторые брезгуютъ: „Съ твоими соплями не буду ѣсть“, говорятъ. Но послѣ дѣтей берутъ пищу безъ замедленія. Считаютъ за счастье, если ребенокъ самъ подаетъ не доѣденное, и принимаютъ отъ него, прилагая сложенные ладоши ко лбу.

На двери въ юртѣ Дюрбюты вѣшаютъ кость бутё чумы, къ которой привязываютъ „бу“, деревяшку; въ этой кости, украшенной деревяшкою, находятъ сходство съ человѣкомъ, стрѣляющимъ изъ ружья (ружьё—бу); этотъ снарядъ будто бы отпугиваетъ отъ юрты читкура.

Урянхайцы привѣшиваютъ къ „ереню“, вмѣстѣ съ кораллами, серебрянными и золотыми вещицами, баранью голую голенную кость.

Убить сурка, но не поймать, допустить, чтобъ онъ улезъ въ нору—тому человѣку, думаютъ Дюрбюты, худо будетъ. Убить лисицу и дать ей улести въ нору,—того больше худо. Тогда нужно цѣлымъ сумыномъ вырыть ее, если охотникъ одинъ своими силами не можетъ добыть ее; если сумынъ не сможетъ, цѣлымъ кошуномъ слѣдуетъ рыть ее. Худо тому, думаютъ Дюрбюты, кто убиваетъ сурковъ въ излишествѣ, и кто убиваетъ мараловъ (бугу) болѣе двухъ въ годъ. Если заяцъ (тоола) перебѣжитъ дорогу—худо; если волкъ (чоно)—хорошо. Если лисица быстро пробѣжитъ мимо ѣдущаго—худо; если тихо—ничего. Волка увидѣть въ дорогѣ вообще хорошо.

Лебеда, по понятію Дюрбютовъ, грѣшно убивать; если убьешь, другой, жившій съ нимъ парой, будетъ проклинать тебя. Если убьешь осенью во время отлета, черезъ годъ въ тотъ же самый день умрешь.

Аларскіе Буряты считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ, если

удодъ поселится подъ кровлей жилья, напримѣръ, лѣтника. Точно также дурной знакъ видятъ и въ томъ, если въ лѣтникѣ, до переселенія въ него семьи изъ зимника, поселится дикая утка, или если въ зимникѣ поселится хорекъ. Змѣю увидѣть подлѣ дома также считается у Аларскихъ Бурятъ знакомъ къ бѣдѣ. Они же считаютъ дурнымъ предзнаменованіемъ, если ласточка выброситъ дѣтеныша изъ гнѣзда.

Если кукушка сильно кукуетъ или глухарь сильно токуетъ, тункинскіе Буряты говорятъ, будетъ худой годъ.

Тува-Урянхайцы (по словамъ Урянхайца Котрукпая, кости Сальджакъ, на Бурень-голѣ) думаютъ, что не слѣдуетъ убивать летягу (абырганъ); кто убьетъ, тому будетъ худо.

Алтайцы считаютъ за грѣхъ убивать журавлей, какъ сѣрыхъ (турпина), такъ и другой видъ (харкыра, *Grus Virgo*), ангыровъ (*Vulpanser gutila*), лебедей, тельгеновъ (родъ астребовъ), голубей (кудай кушъ) и ласточекъ.

О ежѣ повѣрье у Хасутъ-Урянхайцевъ на Косоголѣ: кто носитъ его иглы, зашитыя въ платьѣ, въ тяжбѣ не проиграетъ. О звѣрѣ минджинъ-халю (выдра?) Хасуты думаютъ, что онъ ловитъ рыбу, примораживая ее къ хвосту. По повѣрью Аларскихъ Бурятъ, когда чернота съ ушей зайца сойдетъ, наступитъ царство Майтере. Урянхайцы на Улухемѣ думаютъ, что коровъ сосетъ алындага (тушканчикъ).

У Киргизовъ существуетъ повѣрье, если лошадь поѣстъ траву, выросшую на мѣстѣ, гдѣ ударила молнія и сожгла траву, съ той лошади шерсть облезетъ, какъ у опаршивѣвшей, особенно на ребрахъ.

Субрѣ, по повѣрью Бурятъ, сильный и смѣлый звѣрь, бросающійся на человѣка; онъ кидается камнями, становится на заднія ноги, беретъ въ переднія лапы хворостъ и бросаетъ имъ въ дичь, которую загоняетъ, хлопаетъ при этомъ въ ладоши и хохочетъ по человѣчески.

О мамонтѣ ничего не знаютъ ни Алтайцы на Катунѣ и Чуѣ, ни Монголы.

9. Повѣрья о загробной жизни.

Алтайцы вѣрятъ, что на томъ свѣтѣ мы будемъ жить также, какъ и здѣсь, то-есть, будемъ сѣять хлѣбъ, водить скоть, пить вино

и ѣсть говядину. Только на томъ свѣтѣ мы будемъ жить гораздо богаче, потому что намъ будетъ отданъ не только весь тотъ скотъ, который мы имѣли на землѣ, но и тотъ, который околѣлъ. Кто окрестится, тотъ будетъ мучиться за свои грѣхи, а кто не окрестится, того мучить на томъ свѣтѣ не будутъ, а только посадятъ въ темное мѣсто (изъ записокъ миссіонера о. Постникова).

По вѣрованію Урянхайцевъ, души худыхъ людей идутъ въ Ерлику, въ „тамы“, то-есть, въ адъ, въ которомъ ужасный жаръ и ужасный холодъ; души хорошихъ становятся Оранъ-тува-джанъ-бурхан'омъ. По смерти человѣка душа его три дня живетъ около того мѣста, гдѣ онъ умеръ. Душа покойника не можетъ сразу понять, что она оставила тѣло, три дня ходитъ по старому жилищу, и только тогда догадывается, что она свободна, когда замѣтитъ, что она не оставляетъ слѣдовъ на золѣ огнища. Душа умершаго хорошаго хама остается тамъ, гдѣ онъ похороненъ, и каждую ночь камлаетъ тутъ. Души умершихъ приходятъ иногда къ своимъ живымъ, родственникамъ; тогда Урянхайцы просятъ хуваракъ¹⁾ читать молитвы и посѣщенія прекращаются. Иначе тотъ, кого посѣщаетъ покойникъ, заболѣетъ и умретъ. Эти привидѣнія называются аза. Душа покойнаго хама, бродящая и являющаяся живымъ, называется аза-пуеъ.

Слѣдующій рассказъ записанъ со словъ Бурята Н. В. Матханова.

Иногда человѣку шаманской вѣры видится такой сонъ: Будто бы зашелъ онъ въ какое-то незнакомое, глухое, лѣсистое мѣсто; видитъ мостъ черезъ пропасть; съ моста каплетъ что-то; на противоположномъ берегу стоитъ человѣкъ и стадо овецъ. Видящій этотъ сонъ спрашиваетъ пастуха, чтò все это значитъ. Тотъ объясняетъ: „Я былъ шаманъ; стадо это—тѣ бараны, которые были заколоты по моему указанію и не приняты богами. Съ моста каплетъ молоко, которое я брызгалъ, и которое также было не принято“. Видящій сонъ идетъ далѣе и находитъ другаго шамана (указывается и имя какого-нибудь недавно умершаго знакомаго шамана); онъ прикованъ къ дереву; передъ нимъ поставлены яства и напитки, но онъ не можетъ достать ихъ. Это шаманъ, отличавшійся скупостью. Рассказъ этотъ становится извѣстнымъ во всемъ улусѣ, и всѣ

¹⁾ Хуваракъ—духовное лицо у ламантовъ.

запомнать, что такой-то шаманъ страдаетъ, распятый на деревѣ. Потомъ какъ-нибудь въ обществѣ сидящихъ Бурятъ вдругъ како-го-нибудь тутъ же сидящаго шамана схватятъ корчи; онъ побѣснуется, потомъ утихнетъ и расскажетъ, что онъ былъ внезапно унесенъ въ міръ духовъ и тамъ присутствовалъ при освобожденіи распятаго шамана. Съ этой поры всѣ вѣрятъ, что мученикъ сдѣлался свободнымъ.

10. Гаданья.

Гаданье по лопаткѣ у Аларскихъ Бурятъ производитъ обыкновенно шаманъ, но онъ передаетъ ее и старикамъ, которые также разбираютъ черты. Одна сторона лопатки считается холодною, другая теплою. Если образовалась поперечная трещина—значитъ требуется „дельбыргы“, то-есть, возліаніе передъ шнуромъ съ залой, которое выше простаго брызганья. Отвѣты, даваемые лопаткой, въ родѣ слѣдующихъ: кражу совершилъ халун хунь, теплый человѣкъ, то-есть, однородецъ или харъ-хунь, черный человѣкъ, то-есть, чужеродецъ. Рубецъ на лопаткѣ—баранья дорога.

У Алтайцевъ гадаютъ, бросая чашку; такъ напримѣръ, находясь на охотѣ, гадаютъ будетъ ли уловъ. Если чашка вверхъ дномъ упадетъ, несчастья не будетъ—комгоро тушсэ рыс ек; если чашка упадетъ вверхъ впадиной, счастья не будетъ—алча тушсэ, вэжик ек. Ворожатъ у Алтайцевъ также ударами бубенной колотушки по лѣвой ладони, и посредствомъ лучка. Послѣдняя ворожба называется: тюльго салын. Лучокъ дѣлается изъ прутика тогда же, когда въ немъ явилась надобность. Камъ беретъ его пальцами за середину тетивы, устанавливаетъ равновѣсіе, потомъ слегка потрясетъ его и водить вдоль тетивы носомъ, какъ будто нюхаетъ.

III.

НАЗВАНІЯ

ЗВѢЗДЪ, МѢСЯЦЕВЪ, ПАЛЬЦЕВЪ, РАСТЕНІЙ И ЖИВОТНЫХЪ И ПОВѢРЬЯ О НИХЪ.

1. Названія звѣздъ и созвѣздій ¹⁾).

Большая Медвѣдица.

Алтайцы: *Итмианъ* (по сообщенію о. Соколова: Йеттеген); Теленгыты на Чуѣ: *Джетмианъ*; Телеуты, по словамъ свящ. Чивалкова, говорятъ *Тъэтиэн*, нѣкоторые же *Тъэтиан*; въ послѣднемъ случаѣ имя будетъ значить семь царей. По словамъ о. Чивалкова же, зовутъ это созвѣздіе также *Атъ Тъэтиэнъ* (атъ лошадь); въ этомъ созвѣздіи различаютъ ноги—четыре звѣзды и хвостъ, въ которомъ три звѣзды; есть еще созвѣздіе *Итъ Тъэдеи*—тоже семь звѣздъ, но хвостъ врючкомъ (итъ—собака).

Тува-Урянхайцы кости Кыргызъ (на Улу хемѣ): *Джитмианъ*; Тува-Урянхайцы кости Сальджакъ (на Буренъ голѣ): *Джедыманъ* и *Джитмианурманъ*; Урянхайцы въ долинѣ р. Хукъ: *Окториой Джеды бурханъ*.

Дурбюты на оз. Убса: *Окториенъ-Долон-Бурханъ*.

Буряты въ вершинахъ Иреута: *Долонъ-Бурханъ*, *Долонъ убулутъ* (7 стариковъ) или *Долонъ Хогонъ* (семь моралухъ).

Буряты близъ д. Култубъ: *Долонъ Кубынъ*; Буряты Аларскаго вѣдомства: *Долонъ Эбулутъ* (семь стариковъ).

¹⁾ На языкѣ Чернев. Татаръ звѣзда: чаган (сообщ. г. Ядринцевъ), на языкѣ Качинск. Татаръ: чилтыс, Алт. нлдис, у Сальджаконъ и Тува вообще: сылтыс, дзылтыс.

Дархаты на Шишентѣ: *Окторю Долонъ-бурхынъ*.

Оріонъ.

Алтайцы: *Учь-Арка, Учь Мыйлакъ*; Телеуты (сообщ. г. Ядринцевъ): *Учарга*; Черневые Татары (сообщ. г. Ядринцевъ); *Учерекъ*.

Тува-Урянхайцы на Улу-хемѣ: *Учь Мыйлакъ*; Тува Урянхайцы на оз. Терь-норъ: *Киши Чолбанъ*; Урянхайцы на Хукѣ: *Ушь мыйлакъ*.

Буряты въ вершинахъ Иркута: *Гурба хого* (три моралухи); Буряты близъ Култукка: *Юнь Кубынъ*; Буряты Аларскаго вѣдомства: *Гурунь Барыкъ* или *Гурунь-Гуруленъ*; Забайкальскіе Буряты, по словамъ свящ. Як. Чистохина: *Гурбанъ Мушинъ, Гурбанъ Сожъ* (то есть, три пламенѣющіе угля); Тункинскіе Буряты, по показанію одного обурятившагося Тунгуса, *Кусеге-меренъ*.

Дархаты: *Гурбу Сога* (три моралухи).

Дюрбюты: *Гурбы Маралъ* (три моралухи).

Плеяды.

Алтайцы: *Улькэръ*.

Тува-Урянхайцы (на Улу Хемѣ): *Ўтаръ*. Тува-Урянхайцы (на Терь норѣ): *Ухэръ*. Урянхайцы въ долині р. Хукъ: *Ульхэръ*.

Буряты въ вершинахъ Иркута: *Мыши* (по ихъ словамъ, созвѣздіе состоитъ изъ 6 звѣздъ).

Буряты Аларскаго вѣдомства: *Одунъ-Мышитъ*.

Зарница.

Алтайцы *Чолмонъ, Кубыръ-Чолмонъ*; по словамъ о. Соколова, они различаютъ утреннюю *танъ чолмон* и вечернюю *энир чолмон*.

Телеуты: *чолмонъ илдасы*; по сообщ. г. Ядринцева: вечерняя *энир-чалманъ*, утренняя *танъ-чалманъ*. Черневые Татары (сообщ. г. Ядринцевъ): вечерняя зарница *криш бол*, утренняя *тонжол бола*.

Тува-Урянхайцы (на Улу-хемѣ): *Чолбанъ*; (на Терь-норѣ): *Дзылтизъ*; Урянхайцы въ долині р. Хукъ: *Шолбанъ*.

Буряты Аларск. вѣдомства: *Одунъ Солбынъ, Уха Солбынъ; Солбынъ* (ему приносятъ жертвы).

Буряты въ вершинѣ Иркута: *Мечинъ Солбы, Саланъ-Солбы*.

Дюрбюты: *Урилинь Цолмонъ* (собств. утренняя зарница).

Полярная звѣзда.

Телеуты и Алтайцы: *Ямыс казык* (одиной колъ) или *алтынь казыкъ* (золотой колъ).

Буряты въ вершинахъ Иркута: *Иланъ Одунъ*. Забайкальскіе Буряты: *Алтынъ-Очиръ* (золотой очиръ) (сообщ. Д. Ос. Родванъ).

Орочоны: *Алтынъ Сагасу* (сагасу—коль внутри двора) (сообщ. г. Родванъ).

Кромѣ того, называютъ еще слѣдующія созвѣздія и звѣзды: Телеуты: *Кресь-илдысь*, созвѣздіе въ видѣ креста, и Буряты въ вершинахъ Иркута: *Хунъ-Одунъ* или *Хонъ-Одунъ* (лебедь-звѣзда), созвѣздіе, состоящее изъ 5 звѣздъ.

Млечный путь:

Телеуты: *Кру елы*.

Тува-Урянхайцы (на Улу Хемѣ): *карумынъ оруги*.

Буряты Аларск. вѣдомства: *тэнгриинъ ойдылъ* (небесная прошва).

Радуга: Тува-Урянхайцы на оз. Терь-Хулѣ: *джелешъ; телешъ, телегешъ*; Чернев. Татары (сообщ. г. Ядринцевъ): *титень*, Алт.: *солоню*.

Громъ гремитъ по тува-урянхайски: *харгыра, тибреб, кайракан едын ят, кан едын ят, тюндже тенгри етеды*. Алтайцы говорятъ: *тенгри едын ят* (про кукованіе кукушен также говорятъ: *куук едын ят*); Черневые Татары: *теге ыргеп* (сообщ. г. Ядринцевъ). Буряты Аларск. вѣдомства: *тенгри тугара*. Теленгиты на Чуѣ: *кудай кукреб ят*.

Паденіе дождя и снѣга по тува-урянхайски—*джаикъ*.

Молнія по тува-урянхайски: *аинга; кызаннашъ*. На языкѣ Качинскихъ Татаръ *торъ*. На языкѣ Черневыхъ Татаръ: *теге яман* (сообщ. г. Ядринцевъ). У Бурятъ Аларск. вѣдомства: *бодыл*¹⁾. По киргизски блескъ молніи называется *джасынъ*. Киргизская вѣтва: ой, джасынныи огы туссун, да стрѣлптъ въ тебя громовая стрѣла!

Громовая стрѣлка (орудіе каменнаго вѣва) по тува-урянхайски *чанникъ*; на языкѣ Бурятъ Аларск. вѣдомства: *будылын ши-лун, бурхынай хахыл*; у Теленгитовъ: *кордон шулумс*.

2. Повѣрья о громѣ.

1) Громъ происходитъ оттого, что Тенгри ѣздитъ на *лу* (драконъ); когда Тенгри потянетъ бурундукъ (поводъ), лу сердится и кричитъ, какъ верблюдъ кричитъ въ подобномъ случаѣ. Тенгри,

¹⁾ Дѣтская стрѣлка по бурятски *боделе*; стрѣлка для большаго лука *утке*; ея наконечникъ *юмо*.

потянувъ за бурундукъ, бросаетъ въ это время стрѣлу аюнго сумунъ въ одноногого тирина (ханцхан кельтей тирина), который на одной ногѣ такъ быстро бѣгаетъ, что стрѣла „аюнго“ едва его достигаетъ.

(Списанъ, Дюрбютъ изъ Улангома).

2) Громъ производитъ Улы-Кайраканъ; онъ зимуетъ на землѣ, на высокихъ горахъ, а лѣтомъ поднимается на небо. Мѣста его зимовки недоступны, ни одинъ человѣкъ не въ состояніи ихъ видѣть; гдѣ онъ зимуетъ, паръ стоитъ. Улы-Кайраканъ бросаетъ молнію въ Чокуръ-Корюка (полосатаго бурундука), на котораго почему-то сердитъ; почему — не знаетъ.

(Урянхаецъ Ульбо, кости Кыргызъ. Р. Аръ-Торхойль).

3) Молнію кидаетъ съ неба Хормусту-Тостъ-Кара-Тэнгиръ. Она падаетъ на тѣхъ людей и животныхъ, которые что-нибудь сдѣлали противное небеснымъ кайраканамъ.

(Танза Урянхаецъ, кости Туматъ. Торхойль).

4) Нѣкоторые говорятъ, что лу есть бо, шаманъ; другіе — что это небесный верблюдъ, тэнгринъ-теме, при которомъ три человѣка: одинъ сидитъ между кочками и бьетъ въ хэнгрикъ, бубень; отъ этого происходитъ громъ; другой помахиваетъ въ воздухѣ бѣлымъ лоскутомъ, на которомъ написана тангутская молитва (такіе лоскуты вѣшаются на деревья и называются цаганъ-шухуръ); отъ этого происходитъ молнія; третій потягиваетъ за поводъ; изъ рта верблюда течетъ вода: это — дождь. Въ этомъ значитъ алба, то-есть, служеніе этихъ трехъ человѣкъ, имѣющее цѣлью производить дождь и вызывать зелень на землѣ и возрожденіе жизни послѣ зимняго оцѣпенѣнія; гдѣ пройдетъ дождь, тамъ появляется множество мелкихъ тварей, дѣйствительное количество которыхъ убѣгаетъ отъ человѣческихъ глазъ. Есть люди, которые мѣгутъ отводить грозу; это грѣшно, потому что на томъ мѣстѣ, гдѣ тѣ три человѣка хотѣли грозу сдѣлать, жизнь замретъ, и они, можетъ быть, должны будутъ пойти въ другое мѣсто, гдѣ не нужно дождя. Какъ ни великъ бываетъ иногда ливень, онъ все-таки не можетъ сравниться съ тѣмъ потокомъ, какой небесный верблюдъ въ состояніи прозвестъ, еслибъ онъ не умѣрялъ себя; пролей онъ всю свою слюну, сдѣлался бы „галапъ“, потопъ.

(Гунинъ, грамотный лама Халхасецъ хошуна Лу-гуна).

5) Монголы говорятъ, что лу зимуетъ на высокихъ горахъ.

Если на скалахъ этихъ горъ замерзаетъ ледъ, образуя свѣсившіяся массы, думаютъ, что этотъ ледъ образовался отъ дыханія лу.

(Гуннпъ, грамотный лама Халхасецъ хошуна Лу-гуна).

6) Громъ производитъ Тердынгъ Улы (можно перевести: сынъ неба и небесный драконъ); онъ зимуетъ на землѣ, лѣтомъ поднимается на небо. Въ долину р. Аръ-Торхоликъ есть гора, которая называется „зубы Тердынгъ Улы“, тердынг улы тыши.

(Тува-Урянхайцы).

7) У Тамдына былъ богатырь Джесъ Маадыръ, которому навредилъ Кызылъ-Курюнъ (хорекъ); теперь Джесъ Маадыръ бросаетъ въ него молніей. Тамдынъ былъ великій камъ (шаманъ); всѣ нынѣшніе камы есть его потомки.

(Шаманъ тува-урянхайскій, кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

8) Есть камы, которые могутъ сводить молнію съ неба; если они на кого сердиты, то бросаютъ молнію на его скотину.

(Онъ же).

9) Громъ производитъ сынъ неба, Тэнгредынъ Улы, который зиму проводитъ на землѣ. Это показаніе старикъ Чингиджекъ далъ въ отвѣтъ на вопросъ: есть ли сынъ у неба?

(Чингиджекъ, Тува-Урянхаецъ, кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

10) Громъ Тува-Урянхайцы приписываетъ лу, который сердится и крутитъ хвостомъ, отчего происходитъ громъ. Когда бываетъ первый громъ, туваскіе камы на Теръ-норѣ камлаютъ на бѣломъ войлокѣ, разсланномъ внѣ юрты; на томъ же войлокѣ кладутъ заколотого барана и три девята, то-есть, двадцать-семь разныхъ съѣстныхъ вещей, какъ-то: пушхулюкъ (сыръ), арулъ (сыръ), арихи (водку) и пр. Этотъ обрядъ называется теръ-тагыръ. Въ то же время юрту обливаютъ молочнымъ; „обмываютъ юрту“, какъ говорятъ. При этомъ „обмываньи“ произносятъ слова: „Едзень-Сульдэ“.

11) Если громъ убьетъ человѣка, вырываютъ яму и кладутъ въ неё покойника; затѣмъ девять тайджи на бѣлыхъ лошадяхъ въ бѣлой одеждѣ ѣздятъ кругомъ и кричатъ; если этотъ обрядъ не совершить, другаго кого-нибудь постигаетъ та же участь. Иногда бываетъ, что тотъ, вокругъ котораго ѣздятъ, оживаетъ. Въ предупрежденіе несчастія отъ грома брызжутъ надъ бѣлымъ войлокомъ

молокомъ посредствомъ „цасыла“, то-есть, деревянной лопаточки, на которой сдѣлано девять углубленій.

(Гунынь, Халхасецъ хошуна Лу Гуна).

12) Громъ, по мнѣнію Буряты, производитъ Тэнгри; онъ старается убить Арахынъ-Шитеура, который прячется то за дерево, то въ щель, и послѣ громоваго удара дразнить Тэнгри, выскакивая изъ щели уже въ другомъ мѣстѣ и показывая палецъ Тэнгри какъ бы говоря: „Вотъ уже гдѣ я очутился“. Арахынъ-Шитеуръ прячется также подъ собакъ. Щепки отъ разбитаго грозой дерева хранятъ въ домахъ. Въ дерево громъ выдаетъ каменною стрѣлой, въ животныхъ огнемъ. Найденныя стрѣлы также хранятъ.

(В. Н. Матхановъ, Буряты, бывший тайша Аларскаго вѣдомства).

13) Громъ производитъ луй. Это—его крикъ; онъ кричитъ, когда на него садится Тенгиръ-бурхынъ (такъ называется громъ) и ѣдетъ. Зимой луи (они многочисленны) живутъ въ морѣ, лѣтомъ поднимаются на небо. У луй два камня эрдене, которыми онъ производитъ грозу; одинъ во рту, другой въ рукѣ.

(Хандакъ, Буряты Тункинск. вѣдомства).

14) У Тэнгрэ-Буркана есть Каджиръ-Буура (то-есть, верблюдъ, жеребецъ Каджиръ); его коренной зубъ (азу тыжи) есть молнія. У Каджира на спинѣ четыре горба (терт оркешъ), которые соотвѣтствуютъ четыремъ днамъ неба (терт туб).

(Почукъ, крещеный Алтаецъ. Ацгудай).

15) По мнѣнію Тува-Урянхайцевъ кости Сальджакъ, молнія бьетъ въ летягу (абырганъ), по другимъ—въ бурундука (корюкъ).

16) Молнія бьетъ въ бурундука (корюкъ) и летягу (бобырманъ); оба почему-то неприяты небу; почему, неизвѣстно. Шкурки обонхъ вывѣшиваются при камланьи; когда камъ поднимается, камлая, на небо, онъ видитъ тамъ „бобыргана“ привязаннымъ и стреноженнымъ. Когда во время камланья выставляютъ „толу“, то-есть, вывѣшиваютъ девятки платья (богатые вывѣшиваютъ до 5 и 7 девятковъ), то вывѣшиваютъ также и шкуру бобыргана.

(Мендышъ, Алтаецъ кости Иркытъ. Р. Иня).

17) Молнія бьетъ въ „корюка“, то-есть, въ бурундука. Тэнгрэ мститъ ему за то, что онъ выкопалъ глаза младшему сыну Тэнгрэ.

(Чончу, вдова Теленгитва, кости Алмать Долина Чуи).

18) Молнія называется курдайдым; ялыш, громъ — курдайдымъ кукурт; если бьетъ молнія, это значить, что Кудай (небо) уноситъ съ земли бурундука (корюкъ) на небо; зачѣмъ-то онъ ему нуженъ.
(Найба, Алтаецъ въ Ангудаѣ).

19) Молнія бьетъ въ корюка; послѣ удара вокругъ дерева бываетъ видна борозда; это молнія окружила дерево, преслѣдуя корюка.

(Буунчукъ, шаманъ Теленгитъ. Чуя).

20) Громъ производитъ Улу, который зимуетъ на тайгахъ (бѣлкахъ), а лѣтомъ поднимается на небо; молнія происходитъ отъ вилянiя его хвостомъ, громъ егò голосъ. Молнія бьетъ въ то дерево, гдѣ скрывается бурундукъ; она огибаеть дерево винтообразно (айландра) и уходитъ въ землю.

(Тотой, Теленгитка. Чуя).

21) Громъ производитъ Исыгы Малан тэнгри, у котораго подѣ въдомствомъ пятьдесятъ-пять тэнгри, табин табын тэнгри. Когда молнія ударить во что-нибудь, небесное нужно поднять на небо. Тогда призываютъ тэнгриин бо, тэнгриева шамана, который зависить отъ грома и молнии, будыл. Сѣдлають девять лошадей и кричать что-то.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

22) Громъ бьетъ въ бурундука или въ грѣшное дерево, въ которомъ поселился чулмусъ, или въ грѣшныхъ людей. Когда первый громъ гремитъ, примѣчаютъ съ которой стороны въ юртѣ его слышно: если съ женской — будетъ хорошiй удой молока, съ мужской — прибыль въ звѣрѣ и т. п. Во время грозы стоятъ съ ковшомъ молока, которымъ и тушатъ, если гдѣ загорится. Также, въ предотвращенiе этого бѣдствiя, жгутъ растенiе, которое Русскiе называютъ „росной ладонь“.

(Записаль г. Ядринцевъ въ русскомъ Алтаѣ).

23) Громъ и молнiю на землю пускаеть Тэнгри. Онъ преслѣдуетъ прячущагося Читкура. Олбо — это злой духъ, котораго Тэнгри хочеть убить молнiей. Олбо во время грома сердится и становится большой, съ котель величиной.

(Солдаты, Бурятъ Тункинск. вѣдомства).

24) Волковъ Дархаты зовутъ тэнгриин нохой, то-есть, собаки Тэнгри.

(Записаль г. В. Палкинъ).

3. Названія мѣсяцевъ.

Шаманскій счетъ мѣсяцевъ у Бурятъ начинается съ осени:

- 1) Улара. „Въ мѣсяць улара вода замерзаетъ“, улара сарда уга саган хурьхэ.
- 2) Уре. Сѣномъ кормить скоть начинаютъ, убугун идихэ.
- 3) Гуранъ, то-есть, „козула“. „Въ ноябрѣ козулинъ прыжокъ прибавится“, гура харда гурнэ харясы ныхихэ.
- 4) Буга, то-есть, порогъ юрты. „Бѣлое подъ порогомъ тлѣветъ“, богоген саган шимылээ.
- 5) Хуса (февраль).
- 6) Уланъ зодынъ, то-есть, красный хребетъ. „Въ мартѣ красная лужа потечетъ“, улан зодында улан хэб урдыха.
- 7) Ихн боргунъ.
- 8) Бага боргунъ или ноготу.
- 9) Ганигара. Поговорка: ганигара галдзу иден, „въ юнѣ бѣшеная ѣда“.
- 10) Хожа (июль). „Коровы превращаютъ доитъся“, инен хогорхы.
- 11) Уульджинъ. Сѣно косятъ, убугу шэпишхэ.
- 12) Хук-гара.

Года соединяются въ циклы по двѣнадцати; каждый годъ носить названіе звѣря. Имена эти тождественны съ извѣстными именами монгольскаго цикла. Первый годъ носить названіе мышинаго; по сказанію Аларскихъ Бурятъ, ему слѣдовало бы быть верблюжьимъ, но верблюдь лишился этой чести: тэмен ихибхыже желэгэ хождэ, „верблюдь, считая себя великимъ, лишился года“. По преданію, верблюдь и мышъ (хологуна) спорили, кому первымъ годомъ владѣть. Рѣшили: тому, кто увидитъ первый лучъ солнца. Верблюдь легъ головой на востокъ; мышъ сѣла ему на кочку и смотритъ на западъ. Еще солнце не показалось изъ-за горизонта, верблюдь еще не видитъ его, а мышъ уже увидѣла свѣтъ на западныхъ горахъ. Ей и достался первый годъ.

Другой вариантъ того же сказанія, записанный отъ о. Чистохина, уроженца Агинскаго Бурятскаго вѣдомства, таковой: Амьнъ-саганъ-хулугуна и верблюдь спорили, съ чьяго мѣсяца годъ начинать. Рѣшилъ: съ того, кто первый увидитъ восходящее солнце. Верблюдь легъ мордой на востокъ, а хулугуна забралась къ нему на кочку,

увидѣла первая и закричала. Верблюдъ спросилъ ее, какъ она могла увидѣть первую, и когда хулугуна объяснила свою хитрость, верблюдъ осердился и кинулся на нее. Хулугуна зарылась въ золу отъ страха. И теперь верблюдъ разрываетъ часто огнище и золу въ надеждѣ найти хулугуну. Говорится: арбан хоир жили аказаха амы саган хулугуна, то-есть: „изъ двѣнадцати лѣтъ главная и первая бѣлоротая мышь“.

„Ухырѣ (корова) — холодѣ, могай (змѣя) — засуха“, говорятъ Аларскіе Буряты.

4. Названія пальцевъ руки.

У Телеутовъ.

Обыкновенныя:	Дѣтскія:
Большой: эргэк	паш патыр (главный богатырь),
Указательный: сук кол	пажи кырлю (граненая голова),
Средній: ортон кол	ортон оймок (средній наперстокъ),
Безымянный: аты жок кол	обо чечен (мѣловой мудрецъ),
Мизинецъ: чичалык	кичивэк бубеш (бубеш — люлька по телеутски ¹⁾).

У Теленишовъ на Чупь.

У Урянхайцевъ поколѣнія Кырысь на р. Торголикъ.

Дѣтскія:	Дѣтскія:
Б. паш паатыр	мат падыр
Ук. пажы гырлю	баши гурлю
Ср. обо чечен	ху башеджен
Безым. орто мерген	орта мерген
М. кичи бобей	бичи бобей

У Урянхайцевъ поколѣнія Самд-жакъ на р. Буренъ.

У Урянхайцевъ Хасутъ на озерѣ Косоюль.

Дѣтскія:	Дѣтскія:
Б. пад матыр	ба борлай
Ук. пажы гурлу	баши гурлюк
Ср. орто мерген	орто мерген

¹⁾ По алтайски люлька — кабай.

Безым. уа чеджек	уртун хойлюк
М. бичи бобей	вичигене бобей

У Урянхайцевъ въ долину р. Хука.

Обыкновенныя:	Дѣтскія:
Б. улу иргек	бат байран
Ук. долабыр	баши хойлян
Ср. орта иргек	урта мерген
Безым. ат джок иргек	уашь иджи
М. шиме джіидур	бичи бобык

У Качинскихъ Татаръ Минусинскаго округа.

Обыкновенныя:

иргек
устук сала
ортун сала
вос сала
чымальчик

У крещеныхъ Татаръ Мамадышскаго уѣзда Вятск. губ.

(сообщено свящ. о. Борисомъ Гавриловымъ).

Дѣтскія:

Б. баш бармак
Ук. бадан іюк (калиновый подбородокъ)
Ср. урта тшык („собачка“ въ ткацкихъ кроснахъ)
Безым. сырлы сюк (бороздчатая кость)
М. бабякей.

5. Списокъ мѣстныхъ названій растений ¹⁾.

Abies дюрб. чигырсынъ; ал. бур. жодо.

Aconitum napellus, там. дурзэломъ; манчинъ; дюрб. хара хоросу, то-есть, черный ядъ.

Agriophyllum agenatum—дюрб. сурькуръ. О. Іакинеъ упоминаетъ (Зап. о Монголіи, т. I, ч. 1, стр. 75) траву суля, доставляющую

¹⁾ Сокращенія:

ал. бур.—Бураты Аларскаго вѣдомства.

алт.—Алтайцы.

дарк.—Дархаты.

дюрб.—Дюрбюты.

вач. тат.—Качинскіе Татары.

кирг. Б. а.—Киргизы, кочующіе около горъ Баянъ-ауль.

жителямъ южной Монголіи подспорье въ пищу; это, вѣроятно, то самое соли, о которомъ мнѣ разказывали въ сѣверо-западной Монголіи, какъ о хлѣбномъ растеніи, отличая его отъ *Agriophyllum aenearium*; однажды мнѣ выдали за соли *Teloxys aristata*, но кажется, невѣрно. Можетъ быть, это *Agriophyllum gobicum*?

Allium fistulosum—*алт.* согонб; *тува на Улх.* сонгонà; *монг.* сонгинъ.

Allium sativum, чеснокъ—*кит.* ссуай; *ал.* бур. гогонъ; *тел.* съ *Улаалъ* джеръ-ускумы.

Allium ursinum—*алт.* калба; *тунк.* и *ал.* бур. халяръ.

Allium неопредѣл. вида—*тунк.* бур. ханджана, манджана; вѣроятно, тотъ же лукъ извѣстенъ у Аларскихъ Бурятъ подъ названіемъ маньяганъ.

Alnus sp. (?)—*тува на Хх.* чѣрошъ.

Alnus glutinosa—*кирг.* Б. а. карагачъ.

Anabasis cretacea—*дюрб.* дэрэнъ-дэль.

Ancathia igniaria—*тува на Улх.* сйргакъ.

Angelica sylvestris—*тува на Улх.* моргу, маргà; ирей, балтырганы, то-есть, медвѣжій балтырганъ.

Aquilegia glandulosa—*дюрб.* хархоросу (смѣшиваютъ съ *Asopitum napellus*); употребляютъ въ лѣкарство; *там.* дурзеломъ.

Artemisia frigida—*кирг.* Б. а. мынгъ-джусанъ.

кит.—Китайцы.

минг.—Мингаты.

монг.—Монголы.

танг.—Тангуты.

теленг.—Теленгиты.

тел.—Телеуты.

тува ух. на Улх.—Тува (то-есть, Урянхайцы), живущіе на р. Улхемѣ.

тува хх. на Хх.—Тува на р. Хухемѣ.

тува хк. на Хк.—Тува на р. Хукѣ.

тува на Ксг. (Кос.) или *Хас.* на Ксг. (Кос.)—Тува на оз. Косоголѣ, или, что все равно, Хасуты на Косоголѣ.

тува на Терх.—Тува на оз. Теркулъ.

тува на Трх.—Тува на р. Торхоликѣ.

тунк. бур.—Буряты Тункинскаго вѣдомства.

халх.—Халхасы.

черн. тат.—Черные Татары.

як.—Якуты.

Artemisia maritima—*дюрб.* паганъ-шарильджинъ, камбы-шарильджинъ.

Artemisia rutaefolia—*дюрб.* хара-шарильджинъ, шявыкъ или шабыкъ.

Artemisia sacrorum—*дюрб.* шявыкъ.

Astragalus mongolicus—*халх.* хончиръ.

Atragene alpina—*дюрб.* чюдуръ-убюсу, то-есть, путы-трава, хоцу; *тува на Улх.* байраканъ-крыджи (или керджи), атыгъ-крыджи, ирей-крыджи (всѣ три наименованія означаютъ: „тетива медвѣдя“); *тел.* въ Улаалъ кумдакъ-сабы, то-есть, хивлевой стебель; *алт.* юргомышъ ¹⁾.

Atraphaxis spinosa—*мон.* нохай ширенъ (собачья голень), темень-соль (верблюжий хвостъ); *дюрб.* нохой хошунъ, то-есть, собачій носъ; *телем.* емегенъ-джилиги, то-есть, голень старухи.

Atriplex sibirica—*халх.* хамгыль; по словамъ Монголовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по дорогѣ изъ сѣверо-западной Монголіи въ Хухухото это единственныя дрова; *дюрб.* хумхуросу (?), хургуль (?).

Axuris amarantoides—*дюрб.* тэскій.

Berberis sibirica—*дюрб.* шары мото, то-есть, желтое дерево; *дарх.* алтынъ-харагана, то-есть, золотая карагана, ургюстей карагана, то-есть, колючая карагана; *телем.* сары текенекъ, то-есть, желтая колючка.

Beta—*кит.* въ Кобдо лагадзи.

Betula alba—*тумк.* бур. хогунъ; *ал. бур.* хагынъ; *тува на Хк.* кадынъ, хадынъ.

Betula fruticosa—*тува на Улх.* кадынъ.

Betula papa—*тува на Улх.* харахараганъ.

Blitum неопред. вида—*кирг.* Б. а. алабота; собирается Киргизами для полученія поташа; растетъ на старыхъ становищахъ и около бараньихъ дворовъ.

Camelina sativa—*ал. бур.* шаръ тоны.

Cannabis sativa—*ал. бур.* ултэвныкъ.

Saragana Bungei—*мон.* ухиръ-харагана, то-есть, коровья карагана.

Saragana jubata—*тумк.* и *ал. бур.* темень-гуль (то-есть, верблюжий хвостъ); *тува* теме худуру, *idem.*

¹⁾ Юргомышъ по алтайски — паукъ.

Caragana pugnata—*дюрб.* боро-харагана, шарь-харагана, яманъ-харагана.

Spicus esculentus—*дюрб.* когусунъ.

Conferva—*дюрб.* цзамыкъ.

Convolvulus arvensis et Ammani—*дюрб.* башига марбу (съ тангутскаго?).

Convolvulus Gortschacowii—*дюрб.* сэдэргенъ.

Coriandrum sativum—*кит.* въ *Кобдо* юаньцей, сянцей.

Cotoneaster—*алт.* иргай.

Crataegus—*ал. бур.* дулоганъ; *тунк. бур.* ургынъ-дологынъ.

Synomorium coccineum—*дюрб.* гаёха; *халх.* гаё.

Cypripedium calceolus—*тунк. бур.* тутэнь-хабтыга (тутэ—голубь, хабтыга—сума, кошель), тутэнь-хаптасу (хаптасу—полица у сѣдла), тутэнь-хабтаганъ; *ал. бур.* халдыгынъ-ногонъ.

Elymus lanuginosus—*дюрб.* котёнъ.

Ephedra—*тува на Хх.* джустынь-тарь-отъ; *телен.* таруть; *мон.* дзеергене.

Equisetum—*тел.* въ *Уламъ* сылганъ; *ал. бур.* ужиргынъ.

Euphorbia—*телен.* көсь.

Eurotia ceratoides—*дюрб.* тэскій, тэскена, кургюль (?).

Ferula paniculata—*халх.* цоргунъ.

Fragaria vesca—*ал. бур.* седэгэнъ.

Galium Aparine—*кит.* въ *Кобдо* хуйшѳ.

Galium (?)—*ал. бур.* носоргана.

Gentiana decumbens et sulcata—*мин.* дегде.

Geranium davuricum—*кит.* въ *Кобдо:* кнучидзы, то-есть, собачья лапа; *мон.* ацзырга.

Glycyrrhiza—*тел.* въ *Уламъ* кадышеанъ.

Halogeton arachnoides—*кирг. Б. а.* тье-гарынъ, то-есть, верблюжій желудокъ; собирается Киргизами для получения поташа; растеть на мѣстахъ верблюжьихъ ночевокъ.

Heimerocallis flava—*тел.* въ *Уламъ:* карга улёны то-есть, воронья ягода; *тунк. бур.* шоньинъ-тюбусу или шоньинъ-тюбугунъ, то-есть, волчья сарана.

Heracleum sibiricum—*тува на Улх.* балтырганъ; люди ѣдятъ стволы; *тува на Кси.* балтырганъ; *тунк. бур.* балтырганъ, бальджиргана; Буряты не ѣдятъ; *дарх.* бальчирганъ; *ал. бур.* расте-

не въ цѣломъ видѣ называютъ бальчирганà, а съѣдобный стебель отдѣльно сурь.

Pipporhae gamnoides—*тува на Хк.* адзыргана.

Hordeum vulgare—*кит.* та мя; *дюрб.* ходжугурь.

Hyoscyamus niger—*ал. бур.* тэныкъ-убугунь.

Hyoscyamus physaloides—*дюрб.* хунхоросу.

Inula Helenium—*кир.* Б. о. карандакъ.

Iris'ы, растущіе большими кустами и зарослями—*алт.* кыйгакъ; *иргомышъ* (то-есть, паукъ; сомн.); *дюрб.* цахильдыкъ, цахильдыкъ, сагылдакъ; на Дзабхынѣ сѣмена варать въ водѣ и ѣдятъ.

Iris неопредѣл. вида—*алт.* чемене олѣнь.

Iris неопредѣл. вида—*кир.* Б. а. кыякъ; корень употребляется какъ слабительное; присутствіе кыяка означаетъ, что въ этомъ мѣстѣ, если рыть, можно близко къ земной поверхности встрѣтить воду.

Iuniperus—*алт.* аршанъ, аржанъ; отсюда въ долинѣ Чуи названіе горы Аржанту, то-есть, можжевельниковая гора; Русскіе зовутъ ее Аржаная гора; у Аларскихъ Бурятъ различаютъ: хони арса и яманъ арса, бараній и козлинный межжевельникъ.

Kalidium foliatum—*дюрб.* цзак-цзамыль.

Lasiagrostis splendens—*алт.* хулузунъ; *телен.* на Чуь чый; *тува на Улх.* терезинъ.

Larix davurica—*дюрб.* карагай, *алт.* тыдъ; шишка *дюрб.* тоур-цыкъ; *алт.* чочогой.

Larix sibirica—*тува на Хк.* каранашъ, то-есть, черное дерево; *ал. бур.* шиньгынъ.

Ledum palustre—*тунк. бур.* сорго, хасура (?).

Leontopodium alpinum—*дюрб.* бегеръ (?).

Lepidium latifolium—*кит.* въ Кобдо сягуцко.

Lilium Martagon—*тува на Улх.* и на Хк. ай, сарыгъ-ай, то-есть желтый ай; *алт.* и *телен.* сарагай, саргай, саракай.

Limnathemum nymphoides—*дюрб.* бюльбѣ.

Lonicera—*тунк. бур.* далё халыгынъ (семьдесятъ корь); *мон.* таланъ халысынъ (*idem*).

Lycium turcomanicum—*кир.* Б. а. ить-сйгэъ, то-есть, собачья моча.

Mulgedium sibiricum—*кит.* въ Кобдо бу джу цхай.

Nanophytum caspicum—*дюрб.* таръ.

Nitraria Schoberi—*дюрб.* хармыкъ; *телен.* на Чувъ катугара (?).

Orchis неопред. вида—*тунк. бур.* пмы-убугунъ.

Oxytropis aciphylla—*дюрб.* цаганъ ортытъ.

Oxytropis microphylla—*дюрб.* такшь, такышь; *дарх.* тавшь ¹⁾.

Oxytropis ampullata—*халх.* уланъ ортытъ ²⁾.

Raeonia anomala—*алт.* чейне; *тел.* чейнабашъ; *тува на Улх.* шегне; *Урянхайцы* ѣдятъ варенные корни; *тунк. бур.* сина; *ал. бур.* сійныкъ.

Panicum miliaceum—*мон.* шарь бута; *тува на Улх.* кара бута.

Paraver alpinum—*дюрб.* мамбыръ; *телен.* на Чувъ: кунгаиръ.

Patrinia sibirica—*дарх.* серимджи, серхелякъ; корни ея будто бы ѣдятъ люди; настой изъ нея и настой изъ *Rheum*, выпитые одинъ вслѣдъ за другимъ, по мнѣнію Дюрбютовъ, опьяняютъ челоуѣка, какъ хлѣбная водка.

Phaseolus vulgaris—*кит.* съ *Кобдо* тнуджадза.

Pinus Cembra—*дюрб.* самырсинъ; *тува на Хк. и Хх.* пѣшь; *хас. на Ксг.* бошь; *алт.* мошь; *ал. бур.* хошѡ.

Pinus sylvestris—*ал. бур.* наргынъ.

Pinus Picea Endl.—*ал. бур.* хасура.

Plantago—*кит.* съ *Кобдо* трава чичанцо, сѣмяна чичанцзы; колосокъ фуйба (то-есть, хвостъ тигра).

Polygonum aviculare—*ал. бур.* гахай ноговъ, то-есть, свиная зелень.

Polygonum convolvulus—*ал. бур.* шюдуръ - убугунъ, пугы трава.

Polygonum fagorugum—*ал. бур.* вршуха, хурлушь.

Polygonum viviparum—*алт.* мангыръ; *тува на Улх.* мынрякъ; корни собираютъ на оз. Терьхулѣ изъ мышиныхъ норъ; *тува на Хк.* мыйрякъ; *мон.* мяквръ; *ал. бур.* махыръ.

Populus nigra *тува на Улх.* терекъ.

¹⁾ Кромѣ того, Монголы даютъ то же имя сходнымъ съ (*Ox. microphylla* видамъ—*Ox. muricata* и *Ox. trichophylla*, Vge.

²⁾ *Ox. tragacanthoides* также называется уланъ ортытъ. Теленгиты на Чувъ вм. ортытъ произносятъ отгуть.

Populus tremula—*ал.* и *тунк.* *бур.* улагынь; считается нечистымъ деревомъ (ошкё); шаманы не употребляютъ его ни на что.

Улясын модонэй утанинь хорон
улинха изын харалинь хорон

то-есть, дымъ осины ядовитъ, брань сварливой бабы ядовита.

Potentilla anserina—*тува на Улх.* кичигенё; ѣдятъ корни, сваривъ въ водѣ.

Potentilla bifurca—*дарх.* гижигене; корни весной дѣти и взрослые ѣдятъ.

Potentilla fruticosa—*алт.* тая; *тува на Кси.* тая; *дарх.* тап.

Prunus padus—*ал.* и *тунк.* *бур.* жойгынь.

Prunus pedunculata Pall.—*дюрб.* хатугара.

Pulsatilla patens, *алт.* куукъ таманъ, то-есть, слѣдъ кукушки; *тува на Хх.* хэгъ-таманъ, *idem*—*дюрб.* юрго; прикладываютъ къ распухшимъ членамъ; *тунк.* *бур.* ургуй; *монг.* ургой.

Rugus baccata—*ал.* *бур.* улпръ.

Rheum leucorhizum—*тува на Хх.* кичіуна; *тунк.* *бур.* ишіуны; пьютъ вмѣсто чая; корень сушатъ, толкутъ и варятъ; *тува на Кси.* сарапчи.

Rhododendron davuricum—*алт.* мараль; *тува на Улх.* юбандже; *тува на Трх.* ухэнджи; *тунк.* *бур.* тэрэлгинъ, тэрэльджинъ; *ал.* *бур.* яма-арса (?), то-есть, козливый можжевельникъ.

Rhododendron chryzanthum—*алт.* ползынь (?); *тува на Кси.* гашея такши; *дарх.* касылгынь; привязываютъ растеніе къ опухолямъ у лошадей, образовавшимся отъ надава сѣдломъ; порошкомъ присыпаютъ раны.

Rhododendron parvifolium—*тува на Хх.* юбандже; *тува на Кси.* кара такши.

Ribes неопредѣл. вида—*алт.* тожула; *дарх.* хаскурго; *дюрб.* укуринъ нюдъ, то-есть, коровій глазъ, укуринъ хать, коровья ягода

Ribes rubrum—*тува на Улх.* вызылганъ; *дюрб.* моринъ-хать, то-есть, лошадиная ягода.

Rubus saxatilis—*ал.* *бур.* улагына.

Rosa—*алт.* текенекъ; ить кудё, то-есть, собачья задница; *тунк.* *бур.* нохойнь хончуръ, то-есть, собачій носъ; *ал.* *бур.* ургене; *дарх.* нохой хошу, собачій носъ; *дюрб.* нохойнь хошу, *id.*; *кирг.* Б. а. ит-мурунь, собачій носъ; *тува на Улх.* тэнгъ.

Rumex неопред. вида—*тува на Кси.* курганъ гулка, ягвячье ухо; *дарх.* хургунай чикы, *idem*; *дюрб.* моринъ чивынъ, лошадиное ухо.

Salicornia herbacea и *Schoberia corniculata* (?)—*кир.* Б. а. сары-сузанъ.

Salix, разные виды—*дарх.* бургасу; *ал. бур.* ушогынъ; *тува на Улх. и Хк.* хакъ.

Salsola неопред. вида—*тува на Улх.* атпакъ.

Sanguisorba—*халх.* сѣди; *тува на Улх.* хочжинъ; длинные корни растенія Урянхайцы ѣдятъ; *ал. бур.* худунъ.

Saussurea laciniata—*дюрб.* хадзыръ-кукэ; найденъ въ уроч. Алтынъ-хатысынъ; по словамъ Дюрбютовъ, употребляется ими для куреній въ кумирняхъ.

Saxifraga crassifolia—*тунк. бур.* буда, буданъ; Буряты пьютъ вмѣсто чая; *ал. бур.* боданцай.

Scirpus Tabernaemontani—*дарх.* цзэгисъ.

Scirpus maritimus—*кир.* Б. а. чошко торторъ; растеніе это, по разказамъ Киргизовъ, ѣдятъ кабаны.

Sempervivum—*ал. бур.* могой идень, то-есть, змѣиная ѣда.

Setaria viridis—*мон.* хонькэ; *тува на Улх.* хунькэ.

Sibbaldia procumbens (?)—*дарх.* херениъ хошунъ, то-есть, вороній влювъ.

Solanum dulcamara—*тел.* въ Улалъ узутъ-аши то-есть, ѣда покойника.

Solanum melongena—*кит.* въ Кобдо чидза.

Sorbus aucuparia—*ал. бур.* тышн.

Spiraea media—*амт.* согускенъ, соускенъ, сѣскенъ; *дюрб.* табилха; *дарх.* табилгынъ.

Spiraea Ulmaria—*ал. бур.* масай чай.

Statice Gmelini—*кир.* б. а. томаръ буяу.

Taraxacum officinalis—*тунк. бур.* харацай; *ал. бур.* гахай погонъ, свинячья зелень; Русскіе въ Ирк. губ. зовутъ его свинячье молоко.

Thermopsis lanceolata—*дюрб.* темень-кукѣнъ, то-есть, верблюжья титька; *тува на Хк.* тарбаганай ширъ, то-есть, голень сурка.

Thymus serpyllum—*кир.* Б. а. кинъ оту, саёжій кормъ.

Tragopogon laetevirens—*дюрб.* нохай ширенъ, собачья голень.

Triticum vulgare—*дюрб.* цаганъ таранъ.

Trollius asiaticus—*тел.* въ Улаѣ манай; *ал. бур.* зубку вденъ, то-есть, ѣда кукушки.

Ulmus campestris—*монг.* хайлясь.

Urtica cannabina—*телен.* на Чутъ: чалканъ; *тел.* въ Улаѣ ачу чалванчакъ; *тува на Улх.* чагаръ-отъ; *дюрб.* халха.

Usnea barbata—*тува на Улх.* джамать; *тунк. бур.* хубкы или хубкэ.

Vaccinium myrtillus—*ал. бур.* ухыренъ хара нидунъ, коровій чернѣй глазъ.

Vaccinium vitis idaea—*тува на Улх.* кичъ-кыла, чжечекъ-ватъ; *тунк. бур.* нюргунъ; *ал. бур.* аляргынъ.

Vaccinium uliginosum—*дарх.* анирсь.

Veratrum album—*тел.* аксыргакъ; *алт.* аламашъ; *тунк. бур.* бальчирганъ; *кирг.* Б. а. у-коргасынъ.

Vicia cracca—*ал. бур.* кпси-убугунъ.

Vincetoxicum sibiricum, *дюрб.* тэмэнь-чикы, верблюжье ухо.

Грибъ—*алт.* атын сидэги, то-есть, лошадиная моча.

Остались не опредѣленными:

Кытатъ-цыгэнь—*тува на Улх.*; Урянхайцы ѣдятъ корни сырыми; вкусомъ они сладкіе; по монгольски это растеніе, какъ увѣряютъ Урянхайцы, называется чигыръ-сыгэнь ¹⁾. Не то ли же это растеніе, корни котораго ѣдятъ Тункинскіе Буряты весной въ половинѣ мая, когда они бываютъ полны и сочны, и которые они называютъ шамырсынъ, шамыргынъ и чамыргынъ? Аларскимъ Бурятамъ также извѣстно водяное растеніе замырганъ.

Эмишь кеекъ (последнее в глубоко гортанное)—*тува на Улх.*; корни Урянхайцы ѣдятъ.

Топчи гонуръ—*тува на Улх.*; кустарникъ, зола котораго употребляется на порохъ.

Джаба—*тува на Улх.*; ядовитое растеніе.

Укыръ-бо—*тунк. бур.*

Дахулунъ-убугунъ, то-есть, хромая трава—*тунк. бур.*

¹⁾ Чигыръ-сыгэнь, впрочемъ, урянхайскія слова, которыя значатъ „сахарная трава“.

Куку-убугунъ, то-есть, вукушечья трава—*тунк. бур.*

Сарыбсынъ—*дарх.*; ср. сарабчи, *урианх.* имя ревеня, *Rheum leucorhizum.*

Харгуна; это имя одинъ Туньинскій Бурятъ далъ золотарнику, *Potentilla fruticosa*, прибавивъ, что имъ чистятъ, вытираютъ котлы. Но можетъ быть, этимъ именемъ называется *Сагагана arborescens.*

Джалманъ-кулакъ—*кирг. Б. а.*, сочное растеніе; зимой лошади ѣдятъ его, что замѣняетъ имъ водоюй.

Тымеп-тапхай—*ал. бур.*, водяное растеніе.

Акъ-ширгана—*ал. бур.* ядовитое растеніе; ср. *алт. акъ-сыргагъ*, (чемерица, *Veratrum album*).

Шонанъ-убугунъ, то-есть, волчья трава—*ал. бур. (Aconitum ?)*.

Могой-убугунъ, змѣиная трава—*ал. бур.*, пахучее растеніе; владутъ въ курительный табакъ (*Melilotus officinalis?*).

Каскыр-джемысъ, волчья ѣда—*кирг. Б. а.*, кустарникъ съ черными горькими ягодами.

Ширмауъ, то-есть, дрожжи—*кирг. Б. а.*, вьющееся растеніе.

Шангышъ—*кирг. Б. а. (Viburnum ?)*.

Шябага—*тува на Улх.*

Джау-касынъ—*кирг. Б. а. (Erythronium Dens canis?)*; дѣти ѣдятъ; послѣ грома матери запрещаютъ ѣсть его; говорятъ, съ того времени оно становится ядовито; жаворонки, вороны и галки, по словамъ Киргизовъ, выкапываютъ корни и ѣдятъ.

Буулдукъ—*кирг. Б. а.*; корневище въ кулакъ бываетъ; ѣдятъ печеный въ золѣ (*Alisma plantago?*).

Би емчекъ, то-есть, кобылье вымя, или туюбанъ, то-есть, верблюжья подошва—*кирг. Б. а.*; ѣдятъ вчетенообразный корень сырой или варятъ съ молокомъ.

Кумыздыкъ—*кирг. Б. а. (Rumex acetosa?)*; ѣдятъ кислые листья, а послѣ мая, когда листья высохнутъ, ѣдятъ кислый стволъ, который называется солкулдакъ.

Джуа—*кирг. Б. а.*; мелкій лукъ; кой-джуа растетъ на горахъ, ить-джуа въ луговыхъ мѣстахъ.

Атъ-чонкай—*кирг. Б. а.*

Агашъ-бога—*кирг. Б. а.*; цилиндрическіе полые молодые побѣги отъ камыша.

Май-кога—*кирг. Б. а.*; роговидные, неполые побѣги отъ растенія каракога (Турпа?); пухомъ съ послѣдняго растенія набиваютъ подушки.

Балдырганъ—*кирг. Б. а.*; по русски пучка (*Heracleum sibiricum?*); „балдыргандай майскап“, гибка, каеъ дягиль: такъ хвалятъ женщины.

Булдюргунъ—*кирг. Б. а.*; кой-булдюргунъ (*Fragaria collina?*) и сир-булдюргунъ (земляника, *Fragaria vesca?*).

Селеу (*Stipa?*)—*кирг. Б. а.*; зерна, запутавшись въ шерсть, впадаютъ въ тѣло, дѣлаютъ раны, отчего бараны худѣютъ; въ дождливые годы селеу бываетъ обильнѣе, то-есть, болѣе экземпляровъ въ цвѣту и плодахъ.

Тюе-гарынъ (*Salsola?*)—*кирг. Б. а.*; изъ этого растенія дѣлаютъ поташъ (сахаръ) для мыла.

Хангаин-хара-тюбугунъ (или тюбусу), черная хангаева сарана—*тунк. бур.*; это же растеніе Русскіе въ Тункѣ называютъ купоротивнѣ (*Aspidium Filix mas?*).

Халунъ убугунъ, то-есть, горячая трава—*тунк. бур.*; Русскіе въ Тункѣ называютъ это растеніе каменный звѣробой.

Хара-тюбугунъ, то-есть, черная сарана—*тунк. бур.*; растеть только по берегамъ Косокола.

Нохоннъ-кылынъ, собачій языкъ—*тунк. бур.*; Русскіе въ Тункѣ называютъ это растеніе пьяна трава.

Ава-ногонъ—*тунк. бур.*; ею лѣчатся отъ глазныхъ болѣзней, отъ темноты въ глазахъ.

Кылыкей—*тунк. бур.*; ср. *Dsongilgah* (*Erythronium dens canis*, Анненк., Бот. сл., стр. 138)¹ и келька (Очерки сѣв.-зап. Монг., II, 136).

Шивей—*тунк. бур.*; Русскіе называютъ: семиволѣнная; трется ею отъ чесотки; употребляется въ краску.

6. Списокъ мѣстныхъ названій животныхъ.

1. Зѣбри.

Aegoceros sibiricus—*алт. пун*, (по сообщ. о. Соколова) теке, самка юмга; телята: юмганым; балдары; *кач. тат. на Абаканъ*

чинма; *тува на Трх.* самка джунма; самецъ техè, те; *тува на Хк:* самка джунма; самецъ те; *хас. на Кс.* самка юнма; самецъ яма; *ал. бур.* имангурогун; *тува на Хк.* аргалл.

Antilope gutturosa—*кач. тат.* кинк; *тува на Хк.* джэрэн; *ал. бур.* гурогун.

Antilope subgutturosa — *кир.* Б. а. карагуйрюк.

Antilope saiga — *кир.* Б. а. кинк; зимой, когда животное бѣлѣтъ, буконь; самка кинетен ишкэсэ; самецъ теке.

Arctomys bobac—*всѣ тува* тарбаган; самецъ: *тува на Хк.* бурху; *хас. на Кс.* бурхò; *дарх.* бурхи; самца: *тува на Хк.* тарчи; *хас. на Кс.* тарчà; *дарх.* тарчи; сурчата: *алт.* (по сообщ. о Соколова) мѣндѣлè; *тува на Хк.* оглы; *хас. нк Кс.* мундулà; *дарх.* мундуле; прошлогоднй сурченокъ: *хас. на Кс.* хотолà; *дарх.* хотолà; *кир.* Б. а. суур; самый большой караней; трехлѣтнй так кутурар; двухлѣтнй сàры тушà; самый маленькй куде бас (куде—трава, бас—голова?).

Arvicola—*Дархаты* мышь, собирающую корни растенія *Polygonum viviparum*, называют ургенше хулугуна. *Аларскіе Буряты* мышь, собирающую сарану, корень худунь, колосья, называют ургѣнше, *Идинскіе Буряты*—атахай хулугуна.

Bos taurus—самецъ: *кач. тат.* бугà; *тува на Улх.* бухà; *хас.* бухà; владеннй: *кач. тат.* тàзын; *тува* шар; корова: *кач. тат.* инèк; *тува на Улх.* инèк; *тува на Хк.* эбшинèк; *хас. на Кс.* хусь; теленокъ: *кач. тат.* бызà; *тува на Улх.* быза; *тув а на Хк.* будзà; *хас. на Кс.* тугул; двухлѣтнй теленокъ: *кач. тат.* усь елик; *хас. на Кс.* гунà.

Bos gruniens—*алт.* сарлык; помѣсь сарлыкась *Bos taurus:* кайлык. *тува на Хк., хас. на Кс.* сарлык.

Camelus bactrianus—*тува на Хк.* тебà; *хас. на Кс.* темè.

Canis alpinus? — *тува. на Хк.* шòбòри, шòй бори, шон бори *хас. на Кс.* цòбр; *дарх.* цòбр; *дюрб.* чагыл чòбр; *ал. бур.* сèбр, сибр; *бур. тунк.* субр. Это же животное, вѣроятно, разумѣтся подѣ алтайскимъ именемъ чопòру въ спискѣ алтайскихъ звѣрей о. Мих. Чивалкова, помѣщенномъ у г. Радлова (*Prob., I, въ тат. текстѣ стр. 154, въ нѣмецк. 168*).

Canis corsak—*кир.* Б. а. карсàк; *тува на Улх.* кырза.

Canis lupus — *тел.* пèрю; *кач. тат.* бюр; *тува на Трх.*

бурö; *тува* на *Хк.* бөре, волченокъ большрэк; *хас.* на *Кс.* кайгад, бокджовó, носунтологой, обöк, бултрук; *кир.* *Б. а.* каскыр, бури; *самецъ:* арлан каскыр; *самка:* канчик каскыр¹⁾; *бур. тунк.* шонò, султы; *бур. ал.* шонà; *мон.* (по словамъ Бурятъ) хайгыл.

Canis vulpes—*чер. тат.* тюльгы; *кач. тат.* тюльгу; *тува* на *Трх.* дельги; *тува* на *Хк.* тильгä; *хас.* на *Кс.* дулко, тульхò, ширишь хав (?); *як.* (записано отъ якутскаго купца) сагыл, си-водушва: кермясь сагыл; *бур. тунк.* унегè; *бур. ал.* уныгын²⁾.

Canis familiaris—*кач. тат.* адай; *тува* на *Трх., Хк. и Кс.* ыт; *шенокъ:* *тува* на *Хк.* ытоглы; *хас.* иньк.

Canis lupus—*кач. тат.* öскэ; *тува* на *Трх.* ушкеу; *тува* на *Хк.* ошкез; *хас.* на *Кс.* *самецъ* имà; *бур. ал.* *самецъ* имань; *ягненокъ:* *хас.* ичиген.

Castor fiber—*тува* на *Терьх.* сары кундуз (живетъ въ водѣ, ѣсть прутья); *тува хук.* хундуз; *хас.* темен халю; *бур. ал.* халюн.

Canis Alces—*самецъ:* *алт.* (по сообщ. о. Соколова) пулан; *кач. тат.* булан; *тува* на *Терьх.* бур; *тува* на *Хк.* буур; *хас.* хандагай; *самка:* *алт.* (по сообщ. о. Соколова) тижн пулань; *тува* на *Терьх.* иниг; *тува* на *Хк.* ингилик.

Canis Elaphus—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) ам; *самецъ* сыгын; *кач. тат.* сын. *тува* на *Улх.* сыгын; *тува* на *Терьх.* сыын; *тува* на *Хк.* сын; *хас.* на *Кс.* сон; *бур. ал.* саган гурöгун. *кир.* *Б. а.* бугу; *самка:* *алт.* (по сообщ. о. Соколова) мыйгак; *тува* на *Терьх.* мыйгак; *тува* на *Хк.* мыняк; *хас.* на *Кс.* маймай. *кир.* *Б. а.* марал; *теленокъ*—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) амнын балазы; *тува* на *Терьх.* мыйгак оглу.

Canis carpeolus—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) элик; *самецъ алт.* (по сообщ. о. Соколова) куран; *кач. тат.* кульбус; *тува* на *Терьх.* вульбус; *тува* на *Хк.* гуран; *хас.* на *Кс.* куран; *самка:* *алт.*

¹⁾ У всѣхъ звѣрей Киргизы самца зовутъ арлан, самку канчик.

²⁾ Киргизы зовутъ лисицу тюльку и различаютъ сорта: кокче тюльку алтайскую, алтай тюльку, красную алтайскую, кара тюльку чернобурую, арка-тюльку киргизскую и урмав-тюльку гѣсную.

(по сообщ. о. Соколова) керекшин; *кач. тат. илик; тува на Терьх.* елик; *тува на Хк. иликь; хас. елик.; кир. Б. а. элвк;* теленокъ; *алт. (по сообщ. о. Соколова) чаап; тува на Хк. анхай; хас. имдзага.*

Cervus tarandus—*алт. (по сообщ. о. Соколова) ак кинк; кач. тат. ак-кинкь; тува на Улх ибе; самецъ: тува на Терьх. дзарь; тува; ни Хк. джар; хас. джарà; самка: тува на Терьх. пби; тува на Хк. пби; хас. ебши джарà.*

Dipus jaculus—*тува на Улх. алага; тува на Терьх., Хк. и Кс. алыгдага; кир. Б. а. косаяк.*

Elephas (живущіе виды)—*алт. улы, андалма (по предположенію о. Миханла Чивалкова; оба имени, кажется, встрѣчаются только въ сказкахъ и повѣрьяхъ; подь андалмой о. Михайль разумѣеть слона на томъ основаніи, что это слово въ переводѣ означаетъ: не валиющійся, о слонѣ же извѣстно не основанное впрочемъ на дѣйствительности повѣрье, будто онъ спитъ, не ложась на землю, а прислонясь къ дереву); хас. дзан; кир. пиль.*

Elephas primigenius—*бур. ал. арсалын зан; Сартъ зовуть именемъ керък единорога.*

Ephedris lutris, L.—*кач. тат. камчат.*

Epinaceus euroraeus—*алт. или тел. ян, яган (сообщ. о Мих. Чивалковимъ); тува на Терьх. и Хк. джарà; хас. на Кс. дзарà.*

Equus caballus—*кач. тат. ат; хас. ат; жеребецъ: тува на Хк. и Кс. аскыр; кобыла: тува на Хк. би; хас. гу; жеребенокъ: тува на Хк. и хас. хулун; годовикъ: тува на Хк. джафа; хас. шутлян. двухгодовой: хас. хедзалам; трехгодовой: соѣлом; четырехлѣтній: джетымьген (то-есть, достигшій, дошлый).*

Felis catus—*кач. тат. коска; тува на Терьх. и Хк. ми-нохой; хас. ми; кир. мысык.*

Felis feo—*тува на Хк. арслын; хас. арслан; кир. Б. а. арыстан; бур. ал. бар.*

Felis irbis—*тел. ирбисъ; кир. Б. а. кабан.*

Felis tigris—*алт. (по сообщ. о. Соколова) парс; тува на Хк. и Кс. бар; бур. ал. ирбит; кир. джолбарс.*

Felis manul—*тува на Терьх. и хас. манул; тува на Хк. маныл; кир. Б. а. мялн; халх. ман.*

Felis lynx—*тел. усь; алт. шулюзин; есть ат шилюз, лоша-*

днная рысь съ грубою шерстью, и кой шилюз, овечья рысь съ мягкой шерстью; *кач. тат.* усь; *тува на Улх.* юс; *тува на Терьх. и Хк.* ус или усь; *хас.* алдà; *кир.* Б. а. слеусин отличаютъ тай-слеусин жеребачью рысь и кой-слеусин, овечью; *дарх.* шилюсу; *бур. тунк.* шилюсу; *бур. ал.* чудугун.

Gulo borealis — *тел.*, *алт. и черн. тат.* джекен, теген и ежен; *тува на Улх.* джекен, джекпе; *тува на Терьх. и Хк.* джекпе; *хас.* чекпэ; *бур. тунк. и ал.* дзеген.

Lagomys ogotopa—*кач. тат.* кускэ (?); *тува на Улх.* сары тегè; *тува на Терьх.* хучугенè; *хас.* огутоно; *дюрб.* сериг текè; *дарх.* вучугенè; *бур. тунк.* охотона.

Lagomys alpinus—*алт.* (сообщ. о Соколова) сыгырган; *тува на Улх.* кушигень; *тува на Хк.* таширган. *кир.* Б. а. комур тышкан, его сѣно тышкан курук; *дарх.* таджиргана; *бур. тунк.* шациргана.

Lepus variabilis—*алт.* койон; *тел.* коён; *кач. тат.* козан; *тува на Улх.* котан; *тува на Терьх.* ходан; *тува на Хк.* хотан; *хас. на Кси.* кѡйкын, хотан; *кир.* Б. а. ор-гоян. *бур. ал.* шиндагын.

Lepus, особый видъ—*кир.* ковше куян; водится за р. Чуйей.

Lutra vulgaris — *кач. тат.* хомнус; *тува на Улх.* кара кундуз (живетъ въ водѣ, ѣсть рыбу); *тува на Терьх.* кундуз; *тува на Хк.* субхалю; *хас.* минджин халю; *бур. тунк.* халю; *бур. ал.* хоб-халюн.

Meles taxus—*кач. тат.* борсук; *тува на Терьх.* боорсык; *тува на Хк.* борсук, борсок; *хас.* торгон; *кир.* борсук; *бур. тунк.* торго; *бур. ал.* доргунь.

Moschus moschiferus—*алт.* (по сообщ. о Соколова) табыргы; *кач. тат.* табыргы; *тува на Терьх.* тоорго; *тува на Хк.* тооркы; *хас.* худары, шибирган; струя кабарожья: *тува на Улх., Хк. и Кси.* кин; *тува на Терьх.* гин; *дарх., дюрб.* худурин дзар.

Mus вообще — *кач. тат.* мыс; *тува на Хк. и хас. на Кси.* кускà.

Mustela erminea—*тел.* агас, *алт.* (по сообщ. о Конст. Соколова) топтонокъ; *кач. тат.* горносталь; *тува на Улх.* аг-ас.; *тува на Терьх. и Бк.* ас; *хас.* уэ; *кир.* Б. а. актышкан; *бур. ал.* уин.

Mustela martes—*тел.* сузар ¹⁾; *тува на Улх.* соосар; *тува на Хк.* соосар; *хас. на Кси.* сосур; *кир.* Б. а. суасар.

¹⁾ Различаютъ: каш сузары—соболья кунница, сарас сузары—колонковая кунница и ас сузары—горностаевая кунница. Не гибриды ли?

Mustela putorius—*тел.* кузэнь; *алт.* бон жонн, то-есть, толстая шея *тува на Улх.* джидыг кырса, оозы джидэк, то-есть, вонючий ротъ; *тува на Терьх.* джидыг хырса; *тува на Хк.* ббдөрэй; *хас. на Кс.* доточо; *кир.* *Б. а.* сасыгъ кузэнь.

Mustela sibirica—*алт.* кошкуну (въ рукописномъ сообщеніи о. Конст. Соколова изъ с. Ангудая калазак); *тел.* сарас; *тува на Улх.* кызыл-күрюн (?); *тува на Хк.* кызыл-гырса (?); *тува на Терьх.* кырса; *тува на Хк.* солонго; *дарх.* солонго; *бур. ал.* колунго.

Mustella zibellina—*тел.* кышь ¹⁾; *кач. тат.* кыс; *тува на Улх.* кыш; *тува на Терьх.* кышь; *тува на Хк.* алды; *хас. на Кс.* кышь; *як.* сарба, кысь (запис. отъ якут. купца); *бур. ал.* булгын; *пмя,* употребляемое на охотѣ: кошун.

Mustela vulgaris—*тел.* токтонов ²⁾.

Ovis argali—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) самецъ кочкор; самка аркар; *тува на Улх. и Терьх.* аргалын, аргар.

Ovis aries, — *хас. на Кс.* баранъ; *вуча;* овца: кой, ебпи кой, агненовъ: хурган.

Phoca—*бур. тунк. и ал.* хаб загыгын.

Pteromys volans—*алт.* (по сообщ. о. Соколова) пабырган; названа такъ будто бы за то, что она камлаеть, издаетъ звуки: бо, бо, бо (сообщ. г. Ядринцевымъ; ср. *мон.* бб, шамант); *тува на Хк.* (Сальджаки): абырган, его крылья: кѣжѣ; *тува на Терьх.* абырган; *тува на Хк.* абырган, афырган, алхырхан; *хас. на Кс.* ольбогб. *бур. тунк.* олбо; *бур. ал.* олбын.

Sciurus vulgaris—*тува на Хк.* (Сальджаки): тѣнн, сырбые; *тува Терьх., Хк. и на Кс.* тѣнн. *бур. тунк. и ал.* хермын.

Siphneus aspalax—*тел.* кучигень кучу номон ³⁾.

Spermophilus Eversmanni—*тел.* тибран; *алт.* уркѣ; *кач. тат.*

¹⁾ Телеуты говорятъ, что есть ай быстан кышь, у котораго ость вся одноцвѣтная, а не какъ у алтайскаго, у коего корень, середина и внѣшній конецъ волоска трехъ разныхъ цвѣтовъ; поэтому объ такомъ соболѣ говорятъ: уѣзи жок кара кыш, безостный черный соболь.

²⁾ Кажется, ласку Качинскіе Татары зовутъ ак кузрук.

³⁾ Подвожу подъ это опредѣленіе только на томъ основаніи, что, по разказамъ, это слѣпой звѣрекъ.

ургэ; *тува на Хх.* (Сальджаки) ургö; *тува на Терьх.* ургэ; *тува на Хх.* ургä; *хас.* ургä; *дарх.* цэурум; *бур.* тунк. цэумрэ; *бур. ал.* цэумурэ; *кир.* *Б. а.* сары чунаь (?); *Русскіе въ Тункь*— замурышка; *Русскіе* по большому тракту между Ирвутскомъ и Томскомъ—шнырокъ.

Sus scrofa—*кач.* *тат.* соскà; *тува на Улх.* хабан, самецъ: азыглыг, то-есть, вьлкастый; *тува на Хх.* хабан; *хас. на Кси.* томс; самка ебши томс; *кир.* *Б. а.* кабан, чошка.

Talpa europaea—*тел.* терсаяк ¹⁾, кара номон; *тува на Хх.* кей куске; *тува на Терьх.* куске; *тува на Хх.* номин куске, кара кускà; *кир.* *Б. а.* кортышкан; *дарх.* номын (номин) хулугунà; *бура тунк.* харьхо ²⁾; *Русскіе въ Тункь*—кротъ, земляная мѣдвѣда.

Tamias striatus—*тел.* корюк ³⁾; *тува на Терьх.* хорюк; *тува на Хх.* хурюк, хöрик; *хас. на Кси.* джеркè; *дарх.* джурихè; *бур. тунк.* джирхи; *бур. ал.* жирхè.

Ursus arctos — *тел.* аю; на охотѣ изъ суевѣрнаго страха это имя не употребляется, а говорятъ: абагай, дядя, или абышка, старикъ; если назвать медвѣдя настоящимъ именемъ, онъ услышитъ, потому что медвѣдь ерь кулакту, „имѣетъ земляное ухо“; *кач. тат.* аба (что вромѣ того, значить дѣдъ); *тува на Улх. и Хх.* кайракан, атыг, прей, пакпагай; *тувана Хх.* атыг, убуь, обöк, ирей; *хас. на Кси.* кара кайрхан; гар гаирхан; *бур. тунк.* баабагай, хара гуресу *бур. ал.* баабагай, баран ⁴⁾ гурöгун; *бур. Селенгинскіе:* бырь тыхи, бырь тыви (сообщ. о. Я. Чистохинъ, родомъ Селенгинскій Буряты) ⁵⁾. Самецъ: *тува на Улх.* ергè ергек; *тува на Терьх.* иркек. Самка: *тува на Улх.* неш; *тува на Терьх.*

¹⁾ Терсь—противъ; аяк—нога; звѣрекъ будто бы названъ такъ за свои вывороченныя ноги.

²⁾ И у Дархатовъ есть имя харкы; особый ли это звѣрекъ, или тотъ же номинъ—уяснить не удалось.

³⁾ Просыпается послѣ зимней спячки въ мартѣ, почему этотъ мѣсяць у Телеутовъ и называется „бурундучьимъ“, корюкай.

⁴⁾ Баран—черный, темный.

⁵⁾ Въ „Очеркахъ“, вып. II въ прим. 6 къ III главѣ по ошибкѣ было напечатано: бартахи—медвѣдь, записано отъ Алтайца; слѣдовало: отъ Бурята.

джарынды; *Буряты Селенгинские*: былъ тыкчин. Медвѣженовъ: *тува ух.* инѣ; *тува на Терѣх.* торум, вульге; *хас. на Кс.* инѣ.

Vespertilio—*кач. тат.* чарханат; *тува ух.* джавсы, джаскы; Сальджикъ *Хх.* джаскы, джергас, джергаш, джергаш-джаскы; *тува на Терѣх.* джапкыш (?); *тува на Хх.* джаскѣ, джаскѣ; *хас. на Кс.* сарсын эрбехэй. *кирг. Б. а.* джарганат; *дарх.* сарисын эрбѣкѣ; *бур. тунк. и ал.* урмушѣ, хэрмишѣ, кермиши.

2. Птицы.

Alauda вообще — *кирг. Б. а.* бос тургай—*бур. ал.* бульджумыр.

Anas вообще—*хас.* ногусо, удрек.

Anser вообще—*тува хк.:* каз; днвйй гусь *алт.* (сообщ. о Соколова) йаламгаз.

Ardea cinerea—*алт.* (сообщ. о Соколова) балыкчы.

Aquila—*алт.* (сообщ. о Соколова) мюркют; *тува на Хх.* эсыр.

Astur palumbarius—*алт.* (сообщ. о Соколова) варчага.

Botaurus stellaris — *кирг. Б. а.* аупельдек; *бур. ал.* норп буха (озерный быкъ?)

Bubo maximus — *алт.* (сообщ. о Соколова) укю; *тунк. бур.* шарь шибо; *ал. бур.* шарь шибон; *тува на Хх.* хугу; *хас.* сары гушь.

Caprimulgus—*телен. на Чув:* тэмгердекѣ; *дарх.* чевчеге, чевчог; *Дархаты* думаютъ, что козодой на зиму ложится въ норы сусликовъ.

Coccothraustes Caryocatactes—*алт.* (сообщ. о Соколова) тарал.

Cigonia—*тунк. бур.* шилын.

Columba *дарх.* тагтá; *бур. тунк.* тутэ, хоро; *хас.* тагтá. *бур. ал.* тутэ; *Тунгусы Малобльскаго рода* ту.

Columba—друг. видъ—*ал. бур.* бурхын-шибон.

Corvus corax—*кирг. Б. а.* кара карга; *алт.* карган.

Corvus corone—*кирг. Б. а.* кузгун; киргизская поговорка: „вѣкъ ворона не проживешь“, кузгунча мым джасамассын; *тува хк.* кускун.

Corvus daurica—*алт.* (сообщ. о Соколова) ала таан.

Corvus frugilegus—*алт.* (сообщ. о Соколова) кам-карлыгаш, то-есть, шаманская ласточка.

- Corvus monedula* — *тува хк.* карган; *алт.* таан; *кирг.* Б. а. узак.
- Coturnix dactylisonans* — *алт.* пёдне.
- Cuculus canorus* — *алт.* (сообщ. о. Соколова) куув; *кирг.* Б. а. кѳѳѳ; *тува на Хк.* хѳѳ.
- Cygnus* вообще — *дарх.* хунг; *тува на Хк.* хум.
- Falco peregrinus* — *алт.* (сообщ. о. Соколова) помжор.
- Fregilus Graculus* — *тува на Хк.* помнул.
- Fulica atra* — *ал.* бур. халыстай.
- Fuligula cristata* — *ал.* бур. шогодокъ.
- Grus cinereus* — *алт.* (сообщ. о. Соколова) туруна; *тува на Хк.* дуряни; *бур.* тунк. тохурюн; *хас.* тогюру; *бур. ал.* тохурюнъ ылы.
- Grus Virgo* — *бур.* тунк. харкира; *хас.* хара тогюру; *алт.* харкыра; *кирг.* Б. а. дживафарлу турна; *бур. ал.* абага.
- Gypaetos barbatus* — *алт.* тарбальджин.
- Gyps himalajensis* — *алт.* тас; *тува на Ух.* эзир, эзир джул, ой дая; *кирг.* Б. а. тас-гара.
- Hirundo rustica* — *хас.* харацге; *кирг.* Б. а. кырлгац.
- Lagopus alpinus* — *тел.* акуна; *алт.* агун, (по сообщ. о. Соколова) агунак.
- Larus* вообще — *дарх.* цахылд; *бур.* тунк. сахалд.
- Mergus* — *тел.* сусваз; *алт.* ала тархат.
- Milvus ater* (?) — *алт.* (сообщ. о. Соколова) теильген.
- Motacilla* вообще — *алт.* (сообщ. о. Соколова) йилкычы.
- Nyctale Tengmalme* — *алт.* (сообщ. о. Соколова) юзаак (русское сычъ).
- Otis tarda* — *кирг.* Б. а. тоб дуадак; *алт.* (по сообщению о. Соколова) ёуй кенек (?) *бур. ал.* тогудакъ.
- Otis orientalis* — *кирг.* Б. а. джек-дуадак.
- Passer domesticus* — *алт.* (сообщ. о. Соколова) кучняк.
- Perdix huckar* — *алт.* тарло; *кирг.* Б. а. чил.
- Pica caudata* — *алт.* (сообщ. о. Соколова) самыскан; *кирг.* Б. а. саускан; *хас.* шяцгай; *тува хк.* сяскан, сааскан.
- Picus*, *алт.* (сообщ. о. Соколова) томуртка; *кирг.* Б. а. тобулдак; *тува хк.* торга.
- Platalaea leucoroides*, *кирг.* Б. а. ая колбагай.
- Pelecanus crispus* — *дюрб.* хордо; *халх.* хотгун.

Podiceps auritus — ал. бур. хунь ногон.

Podiceps cristatus — алт. (сообщ. о Соколова) чуптай.

Scolopax (бекасъ) — ал. бур. харальджин.

Sturnus — алт. (сообщ. о Соколова) кара паарчык; кирг. Б. а. джилыши кара тургай ¹⁾; ал. бур. шаршигулдэй.

Surnia funerea (?) — алт. (сообщ. о Соколова) мерчитги.

Tetrao Bonasia — алт. сумда, сымда; ал. бур. ахнду.

Turdus, вообще — алт. (сообщ. о Соколова) поро-паарчык.

Totanus (кроншнепъ) — ал. бур. утугальджинъ (вообще же кулики сусгальджинъ).

Tertao tetrax — алт. (сообщ. о Соколова) куртюк.

Tertao Urogallus — алт. (сообщ. о Соколова) чай; дарх. соръ, кара шибо; *Киргизы балнаульскіе* различаютъ три вида тетеревовъ: кара кур, комур кур и ак кур.

Urupa erops — алт. (сообщ. о Соколова): кууктым энези; Бур. тунк: бобольджин; по мнѣнію Бурятъ названіе это происходитъ отъ глагола бобулеху, шаманить; птица будто кричитъ: бѣ-бѣ-бѣ; дарх. обяльджин; кирг. Б. а. удугуд; тыва жк. итпая.

Vanellus cristatus — дюрб. царык.

Vanellus pygargus — кирг. Б. а. таргак.

Vulpanser rutila — тыва жк. ангыр.

Бромъ того мною записаны еще слѣдующія названія:

Одинъ видъ утки по алтайски называется чоугуш (чонгуш?) другая ныряющая птица — чуптаай.

На ночлегахъ на р. Улегемъ и Чуфъ, по вечерамъ кричала какая-то птица, по видимому, изъ куликовъ, по алтайски ускузь уул (то-есть, сирота), по телеутски джузаак.

Дархатскія названія птицъ: саральджин (тыва на Хк. таргый); алтын гургултай (тыва на Хк. бас арык); хухэй (водяная черная ныряющая птица; бавлянъ?); цуцал (*Русскіе въ Тункѣ* зовутъ ее же водянымъ дроздомъ; зимородовъ?); хуху дигиле (береговая птица); дорхилур (птица, лазящая по скаламъ); бештирген

¹⁾ Киргизы знаютъ двѣ птицы, которыя называютъ кара торгай; одна изъ нихъ, водящаяся зимой стадами на солонцахъ, называется кара боздакъ, другая — джилыши кара торгай.

(хищная птица; сова?); у *Урянхайцевъ на Улужемъ* есть также видъ совы буксерге, у *Забайкальскихъ Бурятъ* боксерге, бокбатырь.

Бурятскія: хольджиръ—небольшая птичка въ родѣ жаворонка; выкармливаетъ птенцовъ кукушки; сюсеси.

Киргизскія названія водяныхъ птицъ: джатаганъ; ков котан; карабай (бакланъ?); окпак (по ночамъ кричить: ок!); тау вудрет. Хищныя: кара джапалак, ак уку (бѣлая сова; по замѣчанію Киргизъ, если бѣлыхъ совъ много, зима будетъ суровая), байгис, боктерге, кесъгуйрук (то-есть, вырѣзанный хвостъ), карагус, акпас кучюгунъ, ак сары, вуйконтай ¹⁾, турунтай, джагалтай, карагылыч ²⁾. Изъ воробьиныхъ: алаганат ³⁾, чыбышек ⁴⁾, тонгаша ⁵⁾. Изъ куриныхъ булдурукъ, два вида: тувтаакъ булдурукъ и май булдурукъ.

Алтайскія названія куликовъ: чуучелишь, кедей балык.

3. Гады.

Лягушка—*тува* *хк.* мелехей.

Ящерица—*тува* *хк.* келескѣ.

Змѣя—*тува* *хк.* удзун гурт.

4. Рыбы.

Acipenser sturio—*алт.* сары балык, то-есть желтая рыба.

Acipenser ruthenus—*алт.* оской.

Chondrostoma (?)—*алт.* сѣек-балык (то-есть, костлявая рыба).

Cobitis taenia (у *Русскихъ* вьюнъ?) *алт.* койрундуш.

Syrpinus Carassius—*алт.* язы-балык.

Esox lucius—*алт.* чортон.

Gadus lota—*алт.* ит-балык, то-есть, собака-рыба; *тува на Кси* (рукъ. Гельмерсена) бисил.

Perca fluviatilis—*алт.* алабуга.

Salmo coregonoides—*алт.* туулы.

¹⁾ Ястребъ, ловящій только мышей.

²⁾ Ястребъ небольшой; для ястребиной охоты не годится.

³⁾ Жаворонокъ съ бѣлыми крыльями.

⁴⁾ Пташка съ желтою грудью, держится около лошадей и барановъ.

⁵⁾ Мелкая пташка, водящаяся въ лугахъ; осенью живетъ около юртъ.

Salmo fluviatilis—*алт.* пель.

Salmo nelma—*алт.* ак балык.

Thymallus vulgaris—*алт.* чараган.

Урянхайскія названія рыбъ въ оз. Терьхулъ: бютельгене, шерешъ, торшь или шуршь (1 ф. длиной), дзебеге (до $\frac{3}{4}$ арш.), хатырхе (до 1 ф. длиной) и калбакъ (по монгольски тосутологой).

5. *Настъкомья и другія низшія животныя.*

Жукъ—*алт.* конгус.

Бабочка—*алт.* кёбёлёк; *хас.* эрбэхи, шибегян. *тува* хобоган; *тува* *хх.* кобыган.

Слѣпень—*алт.* кёбёнёк; *тува* *хх.* сээк.

Пауъ (*Tabanus*)—*алт.* кёгёён.

Пчела—*алт.* ару, адару.

Муравей—*алт.* кузюрим; *бур.* тунк. шоргольджин; муравьище: шоргольдживэй гыр; *хас.* шоргольджин; *кир.* бурмуск; *тува* *хх.* хымыс-ымыяк.

Муха—*алт.* чымын; *тува* *хх.* батаган.

Бомарь—*алт.* томонов; *тува* *хх.* ыира.

Мошка—*алт.* кылдорок.

Бузнечикъ—*алт.* чегиртки, сегерткиш. *тува* *хх.* шартла.

Тараканъ—*алт.* таракан.

Клопъ—*алт.* клап; *кир.* кандала.

Паукъ,—*алт.* йоргомыш; паутина: йоргомышным уйазы, то-есть, гнѣздо паука; *кир.* урмукше.

Клещъ, *алт.*: сальйа (сообщ. о. Соголовъ); *телен.* шальджи *хас.* хачик; *тува* хуксе.—хачик.

Дождевой червь—*алт.* чолышеан.

Червякъ—*тува* *хх.* курт, гурт.

Раковина—*алт.* паканым; кабыгы (то-есть, скорлупа лягушки).

IV.

СКАЗКИ И ЛЕГЕНДЫ.

1. Медвѣдь.—Волкъ.

а. Медвѣдь былъ прежде ханъ, по имени Карабты-ханъ. Онъ приказалъ одному сиротѣ (ускѣзь) достать себѣ лисью шапку (тюлькэ бюркэ) Ерликъ-хана. Сирота спросилъ: „Какъ я достану?“ Карабты-ханъ сказалъ: „Иди какъ будто съ войной на него; когда онъ выйдетъ къ тебѣ, схвати съ него шапку“: Сирота пошелъ доставать лисью шапку Ерликъ-хана; подѣхавъ къ его юртѣ, онъ закричалъ. Крикъ его былъ подобенъ крику ста человѣкъ, топотъ его лошади былъ подобенъ топоту ста лошадей. Ерликъ-ханъ испугался и выскочилъ; сирота схватилъ съ него шапку и поскакалъ прочь. Ерликъ-ханъ закричалъ ему въ догонку: „Зачѣмъ ты унесъ мою шапку?“ Сирота отвѣчалъ, что такое ему было порученіе отъ Карабты хана. Тогда Ерликъ сказалъ: „Пусть же Карабты-ханъ станетъ медвѣдемъ, его жена свиньей (какай), а сынъ его звѣздой“.
(Мудай, Теленгитъ кости Кобокъ. Чуйская степь).

б. Прежде поѣдалъ людей Джельбага и всѣхъ уже съѣлъ,—остался одинъ старикъ съ женой; Джельбага хотѣлъ и ихъ съѣсть, но эти двое убѣжали; мужъ убѣжалъ въ лѣсъ и сталъ медвѣдемъ, а жена въ воду и стала рыбой мезиль. Вотъ почему медвѣдь кижи уганду, то-есть, съ человѣческимъ смысломъ и со слѣдомъ, похожимъ на человѣческій.

(Чингиджекъ, старикъ 69 лѣтъ, и Бургунъ, оба Урянхайцы кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

в. Медвѣдь прежде былъ охотникъ (ангушин) и шаманъ (бо), даже больше, чѣмъ простой шаманъ; онъ былъ абтай-хунь; бо бываютъ ложные, врутъ; абтай никогда. Онъ, отправляясь на охоту, обходилъ три раза одно дерево и обращался въ медвѣдя; въ такомъ видѣ онъ ловилъ звѣрей, потомъ снова обходилъ вокругъ дерева три раза и становился человѣкомъ. Кто-то срубилъ то дерево, и шаманъ остался навѣки медвѣдемъ.

(Кузьма Саховъ, Бурятъ. Р. Иркутъ).

г. Медвѣдь былъ прежде человѣкъ, и очень сильный. Богъ, видя, что съ этимъ богатыремъ люди не смогутъ справиться, отрубилъ ему большой палецъ, чтобы силы было меньше, и обратилъ его въ звѣря.

(О. Яковъ Чистохинъ, свящ. въ дер. Шивки, родомъ Забайк. Бурятъ).

д. Медвѣдь былъ человѣкъ, который, выскочивъ, испугалъ лошадь ѣхавшаго мимо бога; лошадь бросилась, богъ упалъ съ лошади и за это обратилъ того человѣка въ звѣря.

(У Бурятъ Агинскаго вѣдомства слышалъ тотъ же разказчикъ).

е. Одинъ охотникъ (гуречи) наткнулся на медвѣдя, который свалилъ его и началъ бить лапой; когда человѣкъ потерялъ уже силы, медвѣдь началъ испытывать, мертвъ или еще живъ человѣкъ: приложить ухо къ тѣлу, прислушается къ дыханію и снова побѣетъ. Охотникъ притаилъ дыханіе; тогда медвѣдь завалялъ его лѣсомъ и ушелъ.

(Халхасецъ).

ж. Одинъ гуречи подсмотрѣлъ, какъ медвѣдица шла съ медвѣжатами, отыскала двѣ чурки, подвела медвѣжатъ къ обрыву, уложила и придавила чуркой, а съ другой спустилась въ долину и убила ея морала.

(Халхасецъ).

з. Тункинскіе и Аларскіе Буряты величаютъ медвѣдя ханъ-хунь, „царь-человѣкъ“.

и. Медвѣдь былъ прежде человѣкъ; онъ былъ абтай ирѣ хунь; обойдя противъ солнца вокругъ одной одинокой березы (хогун), онъ обращался въ медвѣдя; потомъ обойдя посолонь, становился опять человѣкомъ. Одинъ человѣкъ срубилъ березу въ то время, какъ абтай-хунь былъ въ медвѣжемъ видѣ. Пришелъ онъ, увидѣлъ

срубленную березу, долго плакалъ, да такъ и остался на вѣки мѣдвѣдемъ.

(Вурятъ Тунк. вѣдомства, солдатъ).

і. Было три брата; всѣ трое ѣздили въ лѣсъ по дрова; младшій всегда привозилъ больше старшихъ. Старшіе братья сговорились подсмотрѣть, какъ это онъ успѣваетъ, и увидѣли: воткнувъ два ножа въ пень, ихъ младшій братъ перекувырнулся между ножами, сталъ волкомъ и убѣжалъ. Братья выдернули ножи. Въ ту же ночь волкъ подбѣгалъ къ куртѣ братьевъ, и на другую ночь подбѣгалъ, но уже не такъ близко, а потомъ совсѣмъ отсталъ. (Петръ Гантимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ, родомъ изъ долины Тунки).

2. Летучая мышь.

а. Когда царь птицъ Канъ-Каридэ потребовалъ алманъ (дань) отъ птицъ, Джарканатъ (летучая мышь) сказалъ, что онъ не птица, потому что у него есть клыки; когда сталъ собирать алманъ царь клыкастыхъ (аратынъ) животныхъ Арсланъ-Ганъ, Джарканатъ сказалъ, что онъ—птица, что онъ имѣетъ крылья. Всѣ птицы платятъ алманъ Канъ-Каридэ, всѣ клыкастые животные платятъ алманъ Арсланъ-Гану,—Джарканатъ отбился отъ того и другаго: никому дани не платить.

(Кеспій, Тэлэнгитъ, кости Телесъ. Р. Чуя).

б. Джарканатъ (летучая мышь) прежде былъ камомъ (шаманомъ). Джаячи-ханъ призвалъ кама Джарканата камлатъ надъ своимъ больнымъ сыномъ. Джарканатъ покамлатъ и объявилъ, что нужно поднести жертву Ерликъ-хану изъ 9 черныхъ лисыхъ (вальджанъ) коней, 9 черныхъ быковъ и 9 черныхъ барановъ. Джаячи-ханъ велѣлъ заколоть животныхъ, но, не довѣряя каму, когда тотъ сталъ камлатъ, самъ пошелъ за нимъ слѣдомъ въ подземное царство Ерлика. Ерликъ-ханъ не принялъ жертву. По тогдашнему обычаю слѣдовало, если хотять, чтобы больной человѣкъ выздоровѣлъ, а Ерликъ животную жертву не принимаетъ, вмѣсто больного человѣка принести въ жертву здороваго человѣка. Джарканатъ вернулся отъ Ерликъ-хана и сказалъ Джаячи-хану, что Ерликъ-ханъ не принялъ жертву. „Зачѣмъ же ты не остался самъ у него“ (то-есть, не отдалъ себя въ жертву)? спросилъ Джаячи-ханъ. „Летай

же ты послѣ этого только ночью, и пусть отъ тебя не будетъ людямъ никакой пользы“.

(Пѣчѣкъ, крещенный Алтаецъ. С. Ангудай).

в. У Джаячи-хана былъ сынъ Джангысь-Уль; сынъ этотъ заболѣлъ. Джаячи-ханъ призывалъ многихъ камовъ: никто не могъ помочь. Онъ обратился къ знаменитому каму Ярубая; Ярубай также оказался безсиленъ. Тогда Джаячи-ханъ призвалъ другаго знаменитаго шамана Джарканата. Камъ Джарканатъ пришелъ, погамлалъ и сказалъ, что душу Джангысь-Ула хочетъ взять Ерликъ-ханъ, что нужно принести ему въ жертву 9 лягушекъ, 9 змѣй, 9 воронихъ лысыхъ коней и 9 черныхъ быковъ. Джаячи-ханъ подумалъ: „Эти камы только обманываютъ меня! Пойду я самъ слѣдомъ за Джарканатомъ и самъ выслушаю отвѣтъ Ерлика“. Камъ пошелъ въ Ерлику, а Джаячи украдкой за нимъ и слушаетъ, что будетъ говорить Ерликъ. Камъ предложилъ Ерлику 9 лягушекъ—Ерликъ не принялъ; затѣмъ Джарканатъ послѣдовательно подносилъ 9 змѣй, 9 лошадей, 9 быковъ—Ерликъ ничего не принялъ. Тогда камъ преподнесъ Ерлику свою шубу и бубень; когда Ерликъ и отъ этихъ приношеній отказался, камъ предложилъ ему свою душу. И ту Ерликъ не принялъ и сказалъ, что ему нужно только одного Джангысь-Ула. Джарканатъ вернулся къ Джаячи-хану и передалъ ему отвѣтъ Ерлика. Тогда Джаячи-ханъ сказалъ: „Если Ерликъ-ханъ хочетъ взять у меня сына, то пусть возьметъ и весь народъ; мнѣ не такъ жаль народъ, какъ сына“. Послѣ этого Джаячи велѣлъ собрать весь народъ. Собрали народъ, одинъ только сирота, по имени Ускузь-Уль ¹⁾, не пришелъ. Ханъ послалъ искать его. Ускузь-Уль сказалъ посланнымъ, что черезъ три дня придетъ, однако не пришелъ. Снова послали за нимъ; онъ опять сказалъ, что придетъ черезъ три дня, и опять не пришелъ. Въ третій разъ то же самое. Тогда ханъ велѣлъ связать его и привести. Когда Ускузь-Ула привели, Джаячи-ханъ спросилъ его: „Почему ты не пришелъ черезъ три дня послѣ первыхъ словъ?“ Ускузь-Уль отвѣчалъ: „Я считалъ рыбу въ водахъ“. „Всю ли сосчиталъ?“ спросилъ ханъ. „Всю“, отвѣчалъ Ускузь-Уль,— „только одной не досчитался“. Тогда вышелъ изъ народа одинъ старикъ и сказалъ, что дѣйствительно онъ на дняхъ

¹⁾ Ускузь—по алтайски сирота.

поймалъ одну рыбу. Тогда ханъ спросилъ: почему онъ послѣ вторыхъ пословъ не пришелъ. Ускузь-Уль отвѣчалъ, что онъ считалъ цвѣты и одного не досчитался. Тогда изъ толпы вышелъ одинъ мальчикъ и сказалъ, что онъ насъ оведъ и одинъ цвѣтокъ сорвалъ. Послѣ третьихъ пословъ онъ не пришелъ потому, что увидѣлъ человѣка— съ ногъ нищій, съ головы знатный, и не могъ надивиться этому явленію. Джаячи-ханъ догадался, что Ускузь-Уль говоритъ о его женѣ, и хочетъ сказать, что она—шумусъ (нечистый духъ). Ускузь-Уль объяснилъ хану, что когда онъ высваталъ за себя ханскую дочь, шумусъ убила ее, а сама, принявъ ея образъ, стала женой хана. Джаячи-ханъ велѣлъ убить свою жену. Послѣ того Ускузь-Уль влѣзъ въ бубенъ къ Джарканату. Сталь Джарканатъ камлать и удивляется, отчего бубенъ сталъ тяжелый. Ускузь-Уль, сидя въ бубнѣ, сталъ упрекать Джарканата, что онъ не могъ возвратить душу Джангысь-Ула; Джарканатъ принялъ это за голосъ Курмося и сказалъ: „Видно это повелѣніе Кудая (бога), чтобъ я снова камлалъ о Джангысь-Улѣ. Но какъ я добуду душу отъ Ерлика?“ И уснулъ. Тотчасъ Ускузь-Уль надѣлъ его шубу, взялъ бубенъ и отправился къ Ерлику; бубенъ и шубу повѣсилъ на столбѣ, вошелъ въ юрту къ Ерлику: тотъ спитъ. Ускузь-Уль схватилъ душу Джангысь-Ула и убѣжалъ. Ерликъ проснулся, видитъ—души Джангысь-Ула нѣтъ; онъ выскочилъ изъ юрты, видитъ—шуба и бубенъ Джарканата. „Это Джарканатъ укралъ душу Джангысь-Ула“, подумалъ онъ, и послалъ двухъ вороновъ погубить Джарканата. Увидѣлъ Ускузь-Уль, что прилетѣли два ворона и стали клевать глаза скоту, догадался, что это Ерликовы вороны, хотѣлъ поймать ихъ, но поймалъ только одного; другой улетѣлъ. Ускузь-Уль пойманному ворону отрубилъ носъ, отхлесталъ его плетью и отпустилъ. Воронъ далъ заклятье никогда не приходять въ другой разъ и улетѣлъ. Ерликъ-ханъ самъ отправился къ Джарканату; Ускузь-Уль то же пришелъ, принявъ другой видъ, и на требованіе Ерлика отвѣчалъ, что душу Джангысь-Ула взялъ Учъ-Курбустанъ. Ерликъ пошелъ къ Учъ-Курбустану, а Ускузь-Уль, обернувшись боро-кучціякомъ (пташкой), прилетѣлъ къ Учъ-Курбустану и учить его потребовать отъ Ерлика въ подарокъ его бѣлую шелковую шубу и бѣлаго коня, а вмѣсто того дать ему чернаго быка. Такъ Учъ-Курбустанъ и сдѣлалъ; онъ потребовалъ въ подарокъ бѣлую шелковую шубу (агъ

торко тонъ) и бѣлаго коня, а въ замѣнъ того далъ Ерлику быка и топоръ и сказалъ: „Если быкъ не побѣжитъ, ударь его топоромъ по головѣ; тогда онъ побѣжитъ, какъ лошадь“. Поѣхалъ Ерликъ домой и дорогой встрѣтилъ Джарканата, хотѣлъ поймать его; быкъ не бѣжитъ. Онъ ударилъ быка топоромъ по головѣ, разрубилъ ему голову, быкъ палъ; Ерликъ остался пѣшъ. Тогда Ерликъ-ханъ послалъ своего богатыря позвать Ускузь-Ула и велѣтъ ему достать душу Джангысь-Ула отъ Учъ-Курбустана. Ускузь-Уль обѣщалъ прійти черезъ три дня, но не пришелъ. Когда его привели къ Ерлику, и тотъ спросилъ: отчего онъ не пришелъ по первому зову. Ускузь отвѣчалъ, что онъ не могъ прійти безъ шубы и бубна, которые висѣли на столбѣ предъ Ерликовою юртой. Ерликъ отдалъ ему эти вещи. Такимъ образомъ Ускузь еще разъ обманулъ Ерлика. Теперь Ускузь велитъ Джарканату снова камлатъ Ерлику; Джарканатъ началъ камлатъ, а Ускузь-Уль пошелъ за нимъ слѣдомъ (то-есть, оба спустились въ Ерликово царство). Джарканатъ пришелъ къ юртѣ Ерлика; Ерликъ отъ страха забился въ уголъ и клянется, что онъ не будетъ больше требовать Джангысь-Ула. Ускузь-Уль послѣ этого ударилъ Джарканата по щекѣ; Джарканатъ думалъ, что это Ерликъ ударилъ его, и убѣжалъ. Ускузь-Уль спрашиваетъ его: что онъ слышалъ и видѣлъ. Джарканатъ сказалъ, что Ерликъ поклонился въ томъ, что больше не будетъ требовать Джангысь-Ула, а потомъ ударилъ его по щекѣ. Тогда Ускузь-Уль снова заставляетъ Джарканата камлатъ, и когда тотъ явился въ царство Ерлика, Ускузь-Уль ударилъ по его бубну и раскололъ его. Въ третій разъ Ускузь-Уль заставляетъ камлатъ Джарканата; Джарканатъ возражаетъ, что ему не на чемъ камлатъ; бубень его разбитъ. Ускузь-Уль доставляетъ ему другой девятиглавый (тогузь-башту) бубень, который, скованный по ногамъ, былъ зарытъ въ землю. Тогда Джарканатъ снова начинаетъ камлатъ. Спустившись въ область Ерлика, онъ видитъ коня, который стоитъ въ вывороченныхъ оглобляхъ. На вопросъ Джарканата: что это значить,—духи отвѣчаютъ ему, что этотъ конь топталъ чужой хлѣбъ. Потомъ онъ видитъ чловѣка, подвѣшеннаго за язвѣ; этотъ при жизни величался своею знатностью. Другой чловѣкъ былъ распятъ на деревѣ (за что—разказчикъ забылъ). Затѣмъ Джарканатъ увидѣлъ еще чловѣка, прикованнаго за руки и за ноги. „Ты кто?“ спросилъ Джарканатъ.

„Я кокъ-боро-атту Тэнгрэныиъ-Улы Темиръ-Бокѣ“ (сынъ неба Темиръ-Бокѣ на сивосѣрой лошади), отвѣчалъ прикованный. „Остался ли у тебя кто на свѣтѣ?“ спросилъ Джарканатъ. „Только одинъ сынъ Ускузь-Уль“. Джарканатъ вернулся и разказалъ Ускузь-Улу, что онъ видѣлъ. Ускузь-Уль говоритъ, что нужно освободить отца, но какъ это сдѣлать—не знаетъ, и потому опять Джарканатъ долженъ былъ камлатъ и спросить у духовъ объ этомъ. Духи открываютъ, что это могутъ сдѣлать только два нама (ламы) при Учъ-Курбустанѣ, а если не они, то—два великіе абыса. Отправился Ускузь-Уль къ двумъ намамъ: тѣ посмотрѣли въ книги и сказали, что время пришло, и что онъ можетъ ѣхать выручать отца. Ускузь-Уль спустился къ Ерлику, разбилъ желѣзные путы на ногахъ отца и вывелъ его на свѣтъ.

(Сапашъ, Алтаецъ).

г. Ханъ Гариде еще не былъ птичьимъ царемъ. Стали птицы выбирать царя и порѣшили: кто выше всѣхъ взнимется и потомъ быстрѣе всѣхъ опустится, тотъ и будетъ царь. Начали птицы подниматься. Сарисынъ Бакбагай (летучая мышь) сѣла къ Ханъ Гариде на спину, взявъ съ собою камень. Ханъ Гариде не замѣтилъ этого и полетѣлъ; поднялся выше всѣхъ, увидѣлъ, что всѣ птицы очутились внизу, крикнулъ имъ: „Кто выше меня?“ И услышалъ надъ собою голосъ: „Я, Сарисынъ Бакбагай! Теперь нужно внизъ спускаться“. Сарисынъ Бакбагай прижала камень къ груди, прыгнула съ Ханъ Гариде и живо прилетѣла на землю. Царемъ ея не сдѣлали, но освободили ее отъ албы (дани) и опредѣлили, чтобы птицы строили для нея гнѣздо. Ея гнѣзда (собственно ремезовы) называются Бакбага урюнъ шибонай урь (гнѣздо птицы бакбага-урюнъ). У Ханъ Гариде родился сынъ; ханьша говоритъ, что нужно для новорожденного сдѣлать колыбель изъ птицъ; ханъ послушался своей жены, собралъ всѣхъ птицъ и проткнулъ имъ носы, чтобы связать ихъ и сдѣлать колыбель. Сарисынъ-Бакбага не явился; Ханъ Гариде послалъ за нимъ, Сарисына привели. Ханъ спросилъ, зачѣмъ онъ медлилъ прійти по первому ханскому приказу? Сарисынъ отвѣчалъ: „Я былъ занятъ рѣшеніемъ двухъ задачъ: чего больше—дней или ночей, мужчинъ или женщинъ?“ „Чего же больше“, спросилъ ханъ,—„ночей или дней?“ „Ночей“, отвѣчалъ Сарисынъ. „Почему же?“ „Есть время“, отвѣчалъ Сарисынъ,—„когда

хотя и свѣтло, но солнца нѣтъ; это утренніе и вечерніе сумерки; это время нужно причислить къ ночи“. „А мужчинъ или женщинъ больше?“ спрашиваетъ опять ханъ. „Мужчинъ“, отвѣчаетъ Сарисынъ;— „потому что если женщина станетъ требовать что-нибудь отъ мужа неразумное, ему слѣдуетъ только крикнуть на нее, и она замолчитъ“. Ханъ подумалъ: „Это Сарисынъ на мой счетъ говорить; это правда“. И велѣлъ всѣхъ птицъ отпустить.

(Сарисынъ, Дурбютъ хошуна Вана. Г. Улангомъ).

д. Птицы стали избирать царя; кто-то предложилъ журавля, но перепелка (будене) сказала, что онъ не дастъ покою ни днемъ, ни ночью, все будетъ кричать. Журавль осердился, топнулъ ногой о будене и надломилъ ей хребетъ, отчего она не можетъ далеко летать. За это птицы присудили, чтобы журавль на своей спинѣ относилъ перепелку въ теплые края. И теперь, когда журавли летать, Буряты, прислушиваясь къ журавлиному крику, отличаютъ какой-то отдѣльный пискъ: это — крикъ перепелки. Въ царя избрали орла и стали подчинять ему всѣхъ птицъ. Летучая мышь (урмуше) отказалась подчиниться, сказавъ, что она не птица, что хотя у нея и есть крылья, но есть и зубы. Когда же мыши стали избирать своего царя и избрали Амынъ Цаганъ Хулугуну, летучая мышь сказала, что она не мышь: у нея есть крылья. За это птицы и мыши присудили ее летать только ночью, а не днемъ. Всѣ птицы, подчиненныя царю птицъ, имѣютъ протекнутые носы.

(Н. В. Матхановъ, Буряты, бывший тайша Аларск. вѣдомства).

е. Когда ханъ птицъ хотѣлъ подчинить себѣ летучую мышь (урмуше), она сказала, что она не птица, а человѣкъ, потому что она имѣетъ коренные зубы, какъ у человѣка; когда же онъ хотѣлъ ее подчинить себѣ ханъ людей, она сказала, что она — птица; такимъ же родомъ она отказалась подчиниться царямъ звѣрей, змѣй и мышей. За это Тэнгри присудилъ ей не жить на бѣломъ свѣтѣ (Алтын тельхиде) днемъ, а только ночью.

(Абашей, Буряты Аларск. вѣдомства).

ж. Шарисынъ (летучая мышь) познакомился съ беркутомъ-самкой (емь беркутъ) и леталъ къ ней ночью спать. Беркутиха не знала въ лицо своего посѣтителя; онъ прилеталъ поздно вечеромъ и улеталъ рано утромъ; днемъ же при свѣтѣ она никогда его не видала. Желая узнать, что онъ за птица, беркутиха привязала къ ногѣ

Шарисына красную нитку. На завтра Ханъ Гарди сдѣлалъ сборъ всѣмъ птицамъ; всѣ птицы собрались; старшія большерослня сидѣли на вершинѣ дерева дзандынъ; беркуты сидѣли въ серединѣ; ниже ихъ сидѣли разныя мелкія птицы, а на самомъ низу воробьи (бокширге). Беркутиха примѣчала, гдѣ сидитъ ея другъ съ красною ниткой; вверху такой не было; стала смотрѣть ниже, и только на самомъ низу на землѣ замѣтила своего друга; онъ сидѣлъ лицомъ къ дереву, прячась подъ тѣнь, потому что боялся засохнуть на солнцѣ. Съ тѣхъ поръ беркутиха бросила вести съ нимъ дружбу.

(Записано г. Палкинымъ отъ Гунына, Халхасца, хошуна Лу-Гуна).

3. Сарисынъ баабга познакомился съ птицей Кохъ-Цехце. Эта спросила его однажды: какое мѣсто онъ занимаетъ между птицами, и зачѣмъ онъ прилетаетъ поздно вечеромъ и улетаетъ рано утромъ. Сарисынъ отвѣчалъ, что онъ, какъ старшій вельможа (тушмитъ) у Ханъ Гарди, днемъ долженъ быть въ обществѣ вельможъ и разбирать и судить дѣла. Кохъ-Цехце полетѣла, чтобъ убѣдиться своими глазами въ истинѣ словъ своего друга, и не могла его найти между птицами; когда ночью онъ вновь прилетѣлъ, Кохъ-Цехце спросила: гдѣ жъ онъ былъ? Она-де видѣла собраніе птицъ, тамъ его не было. На верху дерева сидѣлъ беркутъ, а не онъ. Сарисынъ Баабга отвѣчалъ, что это онъ и былъ, только обернувшись (хувильсын). Кохъ-Цехце не повѣрила и опять на другой день полетѣла за нимъ. Увидѣвъ, что онъ прильнулъ къ большой скалѣ подъ тѣнь, она вернулась; когда ночью Сарисынъ Баабга прилетѣлъ къ ней, она спросила: зачѣмъ онъ прильнулъ къ камню? Онъ отвѣчалъ, что онъ держалъ этотъ камень, потому что былъ вѣтеръ, и еслибъ онъ не прикрылъ камень собою, то его сорвало бы съ мѣста и убило бы имъ много народа. Однако Кохъ-Цехце не повѣрила и развелась съ нимъ.

(Записано имъ же отъ Дархата).

3. Хоттунъ птица ¹⁾.

Ханъ Гариди подружился съ шульмусомъ, которая и сдѣлалась его женой. Однажды она сказала: „Ханъ Гариди, хорошо бы

¹⁾ Хоттунъ по монгольской легендѣ; такъ какъ сказка представляетъ варіантъ предыдущихъ, мы помѣщаемъ ее вслѣдъ за ними.

сдѣлать башню изъ птичьихъ носовъ⁴. Ханъ Гариди согласился съ этимъ и велѣлъ собраться всѣмъ птицамъ. Когда они собрались, Ханъ велѣлъ проткнуть имъ всѣмъ носы, чтобы ловчѣе было отрубить ихъ всѣмъ за разъ. Собрались всѣ птицы, не явилась только Хоттунъ шибо; три раза за нею послали, и она только на третій день явилась. Ханъ Гариди сталъ спрашивать, почему она не явилась по первому призыву. На это Хоттунъ птица отвѣчала, что въ первый день она считала, чего больше: дней или ночей; во второй день потому, что считала: мужчинъ ли больше или женщинъ; въ третій день считала: сырыхъ ли деревьевъ больше или сухихъ? Ханъ Гариди спросилъ: „Ну, такъ чего же больше?“ Хоттунъ птица отвѣчала, что ночей больше, если къ нимъ причислить всѣ пасмурные дни, что сухихъ деревьевъ больше, если считать и такіе, у которыхъ хоть одна вѣточка высохла, и что женщинъ больше, если причислить къ нимъ и всѣхъ тѣхъ мужей, которые своихъ женъ слушаются. Ханъ Гариди понялъ намекъ и отмѣнилъ приказаніе рубить птичьи носы. Шулъмусъ разсердилась на Хоттунъ птицу и велѣла ея шею три раза противъ солнца повернуться; шея однако повернулась только одинъ разъ. Послѣ этого у всѣхъ птицъ клювы остались проткнутыми.

(Записано г. Палкинымъ у Дархатовъ).

4. Маны и его семь сыновей ¹⁾.

а. У Маны было семь сыновей; старшій сынъ назывался Борсукъ (барсукъ); слѣдующіе носили имена: Джекенъ (россомаха), Ирбисъ, Шулузинъ (рысь), Кыскэ (кошка), Какай (свинья), младшій назывался Паръ (тигръ). Они были звѣропромышленники, ходили на охоту; однажды они встрѣтили звѣря Муйгакъ (благородный олень). Паръ говоритъ: „Я его поймаю“. Барсукъ ему на это: „Нѣтъ я старшій братъ; я его поймаю“. И схватилъ муйгака за ногу. Муйгакъ ударилъ Борсука въ лобъ и ранилъ. Впослѣдствіи рана заросла, но мѣсто это покрылось бѣлою шерстью; оттого-то барсукъ и съ лысиной.

(Бутушъ, Алтаецъ кости Иркытъ).

¹⁾ Маны, алт. имя кошки, *Felis manul*, которую Монголы называютъ манула и просто манъ.

б. Въ древности былъ человекъ по имени Маны; у него было 9 сыновей: старшій назывался Парь, затѣмъ другіе были Ирбисъ, Шулузінъ, Порсукъ, Ерленъ (крыса), Кяске, Кара Гула, Джекенъ, младшій Тарбаганъ (сурокъ).

(Олонко, Алтаецъ кости Алматъ. Р. Чуя).

в. Маны, имѣющая семь сыновей, есть мать всего: барчаными энези Маны джеты уулду. Имена сыновей суть: Каругула, Улу (драконъ), Парь, Борсукъ, Мечирткэ (сова). (Одинъ старикъ, присутствовавшій при рассказѣ, вмѣсто мечирткэ называлъ Уву (филинъ).

(Тотой, женщина Теленгитка кости Телесъ. Р. Чуя).

г. Звѣрь Маны не боится охотника, ждетъ его спокойно, не убѣгая, потому что думаетъ: „Сильнѣе меня никого нѣтъ, такъ какъ у меня семь сыновей“. Оттого его и убиваютъ часто. Если кто увидитъ маны, да маны побѣжитъ отъ него, п охотнику не удастся убить его — худой знакъ; тотъ человекъ скоро умретъ.

(Она же).

д. Маны есть мать всего, барчаными (или марчаными) энези. Онъ имѣлъ семь сыновей, которые назывались: Баръ, Ирбисъ, Уву (филинъ), Мэрчиткэ, Мый (кошка)...., а потому, завидѣвъ охотника, не встаетъ съ мѣста, не боится, думаетъ что она сильная, такъ какъ у нея есть семь сыновей. Старшій сынъ ея Баръ отправился однажды на охоту и встрѣтился съ Джекеномъ (россомахой), также выѣхавшимъ на охоту. Джекенъ спросилъ его: „Кто ты и какого роду?“ Баръ отвѣчалъ: „Я Баръ, сынъ Маны“. „А ты кто?“ „Я Джекенъ“, сказалъ тотъ, — „роду Пори“ (волка). Они поѣхали вмѣстѣ п встрѣтились звѣря ангъ (морала, благороднаго оленя). Баръ говоритъ своему товарищу: „Я буду стрѣлять первый“. Джекенъ сталъ спорить: „Нѣтъ, я буду стрѣлять первый! Посмотри, какая у меня шерсть на загривкѣ?“ Баръ сказалъ: „Вся вывалилась или побѣлѣла; ты устарѣлъ!“ „А посмотри“, сказалъ опять Джекенъ, — „сыплются ли у меня искры изъ глазъ“. „Не только не сыплются искры, а глаза сдѣлались, какъ ямы“. Пока они спорили, мораль убѣжалъ.

(Старикъ Теленгитъ на Чуйской степи).

е. Маны, марчаными энези, имѣла семь сыновей; старшій былъ Борсукъ, младшій Баръ. Братья пошли вдвоемъ на охоту п встрѣтили моралуху (муйгак). Борсукъ говоритъ: „Я буду стрѣлять“. Баръ: „Я“. Поспорили, поспорили, и Баръ уступилъ. Борсукъ хо-

тѣлъ застрѣлить моралуху, но та ударила его копытомъ и раскроила ему лобъ. Борсукъ едва живъ остался. Баръ убилъ моралуху. Послѣ того Баръ сталъ страшнымъ охотникомъ, не было отъ него никакому звѣрю проходу.

(Далѣе разказчикъ отказался продолжать, сознавшись, что конецъ забылъ).

(Санашъ, Алтаецъ).

ж. У Бара было семь сыновей (барын ху долон ху; вар. у кошки было семь сыновей, мійгес ху долон ху): Шилюсъ (рысь), Мій (кошка), Аю (медвѣдь), Ирбисъ (ирбисъ), Манулъ (кошка манулъ, *Felis manula*), Хара Хулу. Съ матерью Баромъ ихъ насчитывается семь.

(Чо Джамцынъ, Халхасецъ изъ хошуна Тачжи Урянхай и Табынъ Сахалъ, Олетъ-Урянхаецъ изъ г. Бобдо).

5. Семь братьевъ.

Было семь братьевъ промышленниковъ: лисица, барсукъ, заяцъ, сурокъ, человѣкъ, собака и котъ; всѣ были одной породы. Они ловили звѣрей. Другіе пять: Джелбегенъ, медвѣдь, волкъ, барсъ и левъ (арсланъ) охотились отдѣльною артелью. Лисица встрѣтилась съ медвѣдемъ; медвѣдь говоритъ: „Лисица, я тебя съѣмъ!“ „Не ѣшь“, говоритъ лисица, — „а то не радъ будешь, я не одна, у меня шесть товарищей: сурокъ, человѣкъ, барсукъ, заяцъ, собака и котъ; если ты съѣшь меня, они отомстятъ тебѣ; особенно лютый изъ нихъ котъ“. Медвѣдь оставилъ ее живую, пришелъ къ товарищамъ и говоритъ: „Встрѣтилъ я лисицу, хотѣлъ ее съѣсть, а она мнѣ въ отвѣтъ: не ѣшь, у меня есть шесть товарищей, которые отмстятъ за меня, а лютѣ ихъ всѣхъ котъ. Сурка, человѣка, собаку, зайца, барсука мы знаемъ, какая у нихъ сила, но котъ (мій) что за звѣрь? Намъ нужно его извести, а то если дѣйствительно онъ насъ сильнѣе, намъ живыми не быть“. Придумали звѣри хитрость, сдѣлали яму, закрыли ее вѣтвями, сверхъ вѣтвей наставили кушанья. Лисицу попросили пригласить кота на пиръ и джелбегеню сказали: „Ты изъ насъ всѣхъ смѣлѣе и ловче, ты скажи ему первое привѣтствіе и пригласи откушать“. Медвѣдь залѣзъ на березу, подъ которою была вырыта яма; барсъ, волкъ и левъ залезли на утесъ. Вотъ, подходя къ ямѣ, какъ увидѣлъ ѣду, глаза вытаращилъ;

дзельбегень думаетъ: „Въ самомъ дѣлѣ должно быть сильный звѣрь, коли у него такіе большіе глаза“. Говоритъ коту: „Пожалуйте, закусите“. А самъ все пятится назадъ, бьется ката. Пятился, пятился, наступилъ на вѣтви и упалъ въ яму. Котъ испугался и махнулъ на березу. Медвѣдь думаетъ: „Одного брата успѣлъ въ яму отправить, теперь за мною идетъ“. Бултыхъ съ березы да въ ту же яму. Котъ съ испугу съ дерева на утесъ, а тамъ левъ; левъ бросился съ утеса, разбился до смерти, котъ—на другой утесъ. Такъ всѣ пять сильныхъ братьевъ и убились.

(Свящ. Михаилъ Чивалковъ, род. Телеутъ. Сел. Угала).

6. Тарбаганъ (сурокъ).

а. Тарбаганъ (сурокъ) прежде былъ человѣкъ, лхой охотникъ, срѣекой атучи. Однажды онъ хотѣлъ убить тельгена (родъ хищной птицы), выстрѣлилъ и попалъ ему въ хвостъ, отчего и теперь у тельгена хвостъ съ выемкой. Промахнувшись, Тарбаганъ проклялъ себя, отрубилъ себѣ большой палецъ, зарылся въ землю и сказалъ: „Чтобы мнѣ только четыре мѣсаца жить въ году!“

(Сарисынъ, Дюрбютъ изъ Улангома).

б. Тарбаганъ (сурокъ) былъ человѣкъ и безстрашный стрѣлокъ; онъ никого не пропускалъ, не исключая и сильныхъ звѣрей. и подстрѣлилъ крыло у птицы Канъ Гередей. За это Канъ Гередей отрубилъ ему палецъ, закопалъ его въ землю и сказалъ: „Пусть тебѣ никто спуска не даетъ, пусть тебя бѣдные люди ѣдятъ, птицы и звѣри таскаютъ!“

(Таранъ, теленгитскій шаманъ. Чуйская степь).

в. Сурокъ былъ прежде человѣкъ, охотникъ. Въ то время было три солнца; онъ намѣтилъ попасть въ одно изъ лука и промѣтилъ; осердился, отрѣзалъ себѣ большой палецъ и зарылся въ землю.

(Комбу, Тува Урянхаецъ кости Балнъ. Оз. Теръ-норъ).

г. Сурокъ прежде былъ охотникъ; въ то время было четыре солнца, на каждой сторонѣ неба по солнцу. Онъ началъ стрѣлять по солнцамъ и три уже застрѣлилъ. Тогда Бурхынъ-бакши испугался, что не будетъ свѣта на землѣ и обратилъ этого охотника въ сурка.

(Найдынъ, богдошабинецъ изъ Урги).

*

д. Суроокъ былъ прежде человекъ и стрѣлокъ, Тарбаганъ-мэргынъ; онъ имѣлъ лошадь. Однажды онъ сказалъ, увѣренный въ своей мѣткости, что если онъ не попадетъ въ ласточку, то коню отрубить переднія ноги, себѣ большой палецъ, не будетъ пить черную воду (хара усунъ), будетъ ѣсть ширей (кякъ) и зароется въ землю. Онъ промахнулся и попалъ только въ хвостъ, отчего и образовалась въ немъ выемка. Самъ Тарбаганъ-мэргынъ обратился въ суреа, живущаго въ норѣ и пьющаго только росу, а его конь былъ обращенъ въ тушканчика (алыедага).

(О. Яковъ Чистохинъ, свящ. въ дер. Шямки, родомъ Бурятъ).

е. Тарбаганъ былъ прежде сирота, выросшій безъ отца и матери. Изъ него вышелъ большой охотникъ, который много истреблялъ звѣрей. Устюги Бурканъ (Всевышній Богъ) осердился, отрубилъ ему большой палецъ и бросилъ его (самого ли, палецъ ли— отъ разказчицы нельзя было добиться) къ Тюменьги Буркану (Нижнему Богу) и сказалъ: „Пусть же тебя бьютъ, стрѣляютъ и ѣдятъ голодные люди, пусть ловятъ звѣри, клюютъ птицы“.

(Тотой, Теленгята. Р. Чуя).

7. Тушманчикъ.

а. На Чуѣ есть какой-то длинноногій звѣрекъ, о которомъ говорятъ, что онъ по ночамъ сосетъ корову.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Улала).

б. У Урянхайцевъ на Терьхулѣ повѣрье, что тушманчикъ ночью гоняется за козлухами и сосетъ ихъ молоко.

(Урянхаецъ на оз. Терьхулѣ).

8. Верблюдъ.

в. Богъ создалъ аргмака; Ерликъ-ханъ позавидовалъ и хотѣлъ создать такое же красивое животное, сдѣлалъ шею также дугой, но приставилъ её наоборотъ, такъ что шея выгнулась не вверхъ, а внизъ; у него не вышло, какъ у Бога. Такимъ образомъ явился на свѣтъ верблюдъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. Улала).

г. Тангуты хотѣли отнять у Монголовъ чочжинъ (искусство чуда совершать), и слѣпивъ изъ тѣста верблюда, привезли его въ

Монголію и молитвами своими (чтеніемъ нома) оживили его. Верблюдь пошелъ во дворъ ламы Тамджинъ Чоджимъ (внизное имя: Бауджикъ); но ламы догадались, подрылись подъ лапы верблюда, и онъ упалъ. Тогда они продѣли ему „буиль“ въ носъ и стали на немъ ѣздить.

(Найдынъ, богдошабинець изъ Урги).

9. Бурундукъ.

а. Бурундукъ собиралъ орѣхи. Медвѣдь попросилъ у него орѣховъ, и бурундукъ далъ ему. Медвѣдь погладилъ его за это лапой, и оттого онъ сталъ полосатый.

(Тункинскіе Бураты).

б. Бурундукъ потому полосатый, что Кудай (богъ) бичевалъ его (камчилана).

(Чончу, Теленгитка, кости Алмагъ. Долина р. Чуи).

в. Бурундука Алтайцы убиваютъ и бросаютъ, потому что онъ что-то на небѣ непріятное сдѣлалъ, и Тэмрѣ-бурканъ прогналъ его на землю. Его натыкаютъ на палочку, и вложивъ въ ротъ траву, вѣшаютъ на дерево съ западной стороны ствола.

(Сообщено Алтайцемъ).

г. Бурундукъ укралъ у Бога (тэмри?) корову, за что божій посланникъ преслѣдовалъ его и билъ плетью, отчего на спинѣ у него остались слѣды. Преслѣдованія его небомъ продолжаются и донинѣ; молнія бьетъ именно въ то дерево, подъ которымъ скрывается Бурундукъ.

(Записано г. Ядринцевымъ у Алтайцевъ).

10. Летяга.

а. Летягу (ольби) Дархаты считаютъ за полезное убивать. Убивши, слѣдуетъ сжечь ее и пепель развѣять по воздуху. Это дѣлается за то, что она что-то худое сдѣлала сыну неба—Тэнгринху. Въ нее же падаетъ молнія; поэтому ольби боятся молніи и лѣтомъ прячется, а показывается только зимой.

б. По повѣрью Аларскихъ Бурятъ, летяга (олбо или олбын) во время грома становится большою, съ нетель; она вступаетъ въ споръ съ громомъ. Хасуть-Урянхаецъ, встрѣтя ее въ лѣсу, непре-

мѣнно стрѣляетъ въ нее, потому что небо радуется смерти этого звѣрка; небо на него сердится, за что не известно.

(Хасутъ Соснуръ).

в. По повѣрью Алтайцевъ, летяга была прежде шаманомъ.

(Зап. г. Ядринцевъ).

11. Дергачъ.

Весной отъ каждаго крика дергача родится рѣшето комаровъ, а осенью умираетъ рѣшето комаровъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Улала).

12. Уснозь-уль.

Птица, называемая по алтайски ускѣзь-уль, то-есть, сирота сынъ, по телеутски юзаакъ или джюзакъ, кричитъ по ночамъ, начиная съ сумерекъ, съ семи часовъ вечера, летая вдоль горныхъ рѣчекъ. О ней Бутушъ разказалъ слѣдующее: Женихъ съ невѣстой, находясь въ пути, встрѣтили рѣку, стали ее переѣзжать и утонули; одного выкинуло на одинъ берегъ, другую на другой; они цѣлую ночь ходили, одинъ по одному берегу, другая по другому, влеча другъ друга, а къ утру, когда ихъ освѣтило солнце, они обратились въ птиць.

(Бутушъ, Алтайецъ, кости Иркытъ. Р. Песчаная).

13. Хаджиръ-шибонъ.

Хаджиръ-шибонъ называется похалхаски та же птица, которую Дюрбюты зовутъ тасъ. Эти птицы живутъ на родинѣ Шикджимуни ¹⁾, въ странѣ Энетхыкъ. Когда появится падалъ или человѣческой трупъ въ какой-нибудь землѣ, на примѣръ, въ Улангомѣ, Хаджиръ-шибонъ поднимается кругами до самаго неба и оттуда прямо спускается на землю, на что употребляетъ всего одинъ день; также въ одинъ день онъ возвращается назадъ. Голова у Хаджиръ-шибона бѣлая, потому что онъ при своихъ странствованіяхъ на падалъ обтираетъ ее объ небо. Птица тасъ „табынъ гелюнъгъ ухэтэй“, то-есть, убить таса все равно, что убить пять гелюнговъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

¹⁾ Савія-муни.

14. Ласточка и оса.

Дзюгу (оса)—шумусанъ хубилганъ, то-есть, оса, перерожденець шумуса. Ханъ шумусовъ (шумусенъ-ханъ) послалъ дзюгу узнать, чье мясо вкуснѣе. Дзюгу попробовала кусать и пить кровь разныхъ животныхъ, и когда укусила человѣка, нашла, что его мясо вкуснѣе всѣхъ, и полетѣла къ Хану. Ей на встрѣчу птица харада (ласточка); спрашиваетъ: „Куда ты дзюгу летала?“ „Я—ханскій посоль“, сказала она дзюгу;— „имѣла порученіе узнать чье мясо вкуснѣе“. „Что жь, чье же мясо вкуснѣе?“ спросила птица харада. „Человѣчье“. „А ну, покажи языкъ, я посмотрю“, сказала харада. Дзюгу высунула языкъ, а харада откусила его. Дзюгу прилетѣла къ хану, ханъ спрашиваетъ ее, а дзюгу ничего не можетъ сказать, а только бунчить: „Бу, бу, бу!“

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

15. Сорока.

Сорока была жена Ханъ-Гариде, но не понравилась ему, и онъ прогналъ ее и наложилъ на нее обязанность выпаривать яйца кукушки.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

16. Филинъ.

а. Филинъ (шаръ-шибо) кричитъ: супъ! супъ! Выдры (супъ) думаютъ, что ихъ кличутъ, сбѣгаются къ нему, и онъ ихъ убиваетъ. Одинъ охотникъ нашель гнѣздо филина, досталъ изъ него много выдровыхъ шкуръ и разбогатѣлъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ).

б. Филинъ, увѣ, былъ прежде камомъ, но превращенъ богомъ въ птицу. Когда онъ плачетъ или кричитъ, будетъ покойникъ.

(Запис. г. Ядринцевъ у Алтайцевъ).

17. Хухэй.

Птица хухей прежде была единственною дочерью одного богатаго человѣка; пришло время отдавать дочь замужъ; старикъ устроилъ девятидневный пиръ, но пожалѣлъ скота и на угощеніе

гостей зарѣзалъ самую худую овцу въ своемъ стадѣ. Дочь, имя которой было Алтынъ Горголтѣй, отъ стыда бросилась въ воду и утонула. Родители, чтобъ оплакать дочь, сквасили тарыгъ и мутровкой начали бить свой скотъ; козы ихъ превратились въ дивныхъ козловъ (яманъ-гурёсу), овцы — въ козуль (гурогенъ); вотъ отчего у послѣднихъ задъ бѣлый: это слѣдъ тарыка. Всѣ звѣри были нѣкогда домашнимъ скотомъ этого скупца. Дочь же по ночамъ и теперь выходитъ изъ воды въ видѣ птицы хухэй и стонетъ: „Ай халыгъ, ай халыгъ, хухэй!“

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

18. Тажа (бѣлая сова).

а. Тажа живетъ лѣтомъ у вершинъ ключей, потому что здѣсь никогда не падаетъ громовая стрѣла. Во время грозы она выходитъ изъ своего убѣжища, ставитъ грому (Тэнгри) кукишь (салапши) и потомъ скрывается. Такимъ образомъ она издѣвается надъ громомъ, который сердится на нее. У Тэнгри есть семьдесятъ-семь плѣшивыхъ кузнецовъ (Тэнгриин далин долондархашул¹⁾), которые каждый день выковываютъ стрѣлы; этими стрѣлами Тэнгри и стрѣляетъ. Громовая стрѣла, попавъ въ цѣль, остается на землѣ, потому что становится поганою; ушедши въ землю, черезъ три дня, она становится каменною; ихъ находятъ и называютъ тенгриинъ хумынъ. Тѣ стрѣлы, которыя не попали въ читекура, возвращаются на небо.

(Свящ. Як. Чистохинъ, род. Забайкальскій Бурятъ. Д. Шимки).

б. Саганъ шибонъ, бѣлая сова, только зимой живетъ на землѣ, а лѣтомъ погружается въ воду, и когда подгоняютъ повтъ табунъ въ тому озеру, въ которое она укрылась, она убиваетъ громомъ по нѣсколько скотинъ за разъ.

(Д. О. Родванъ слышалъ о бѣлой совѣ отъ Забайкальскихъ Бурятъ).

19. Налимъ.

Рыба налимъ (гутаръ) была прежде дѣвица; родители за что-то осердились на нее, и она утопилась.

(Бурятъ съ Хангинскаго караула).

¹⁾ Въ монгольскомъ текстѣ слово „плѣшивый“ опущено; плѣшивый по монгольски галдэинъ.

20. Царь звѣрей.

а. По однимъ, царь звѣрей—арсланъ, левъ; по другимъ,—Кара-Гула. Одни говорятъ, что Кара-Гула слонъ, другіе—что левъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Узала).

а. Звѣри и птицы собрались, чтобъ избрать себѣ царей. Царемъ птицъ выбрали орла, который называется Кань-Кереде; царемъ звѣрей выбрали льва, арслана. На этомъ собраніи и журавлю дали мѣсто какого-то начальника; дергачъ, стоя въ сторонкѣ, сказалъ: „Зачѣмъ дали такое мѣсто такому длинноному и длинноносому?“ Журавль обидѣлся, клюнулъ дергача и переломилъ ему спину; оттого теперь дергачъ не можетъ сразу подняться на воздухъ, а сначала долженъ побѣжать по землѣ. Дергачъ въ свою очередь содралъ съ головы журавля кохоль, отъ котораго только остатки около ушей сохранились.

(Онъ же).

21. Хунъ Гурогунъ.

Хунъ-гурогунъ—называются человѣко-подобные звѣри, живущіе въ лѣсу; ихъ стати человѣческія, они говорятъ человѣческимъ языкомъ; только тѣло ихъ покрыто шерстью. Они ходятъ подвое, мужъ съ женой. У женщины груди до колѣнъ; когда она бѣжитъ, то закидываетъ ихъ за плечи. Иногда они подходятъ къ огню разложенному человѣкомъ въ лѣсу. Однажды четыре охотники заночевали въ лѣсу, разложили огонь и легли спать; трое уснули, одинъ не спитъ. Приходятъ хунъ-гурогунъ, мужъ съ женой, и говорятъ: „Принесемъ колоду, положимъ на нихъ и задавимъ, а вещи соберемъ и унесемъ.“ Товарищъ, когда хунъ-гурогунъ ушли, разбудилъ охотниковъ; они оставили на мѣстахъ, гдѣ они лежали, только свои шубы, а сами, взявъ ружья, залезли на дерево. Пришли хунъ-гурогунъ, навалили колоду, хохочутъ, что задавили людей. Мужъ говоритъ: „Одной колоды мало, принесемъ другую“. Пошли, принесли другую, положили. Въ это время раздался выстрѣлъ изъ четырехъ ружей; жену ранило въ плечо. Жена закричала, заругалась на мужа. „Я“, говоритъ,—„говорила, что не нужно ихъ трогать.“ И побѣжала прочь, закинувъ груди на плеча. Оба убѣжали.

(Бурятъ, родомъ изъ Забайкалья. С. Тунка).

22. Боди-Гурогунь.

Есть звѣри боди-гурогунь или бурхани-гурогунь; они очень смѣлы, не боятся человѣка. Сядутъ въ рядъ и смотрятъ на приближающагося человѣка. Ихъ поэтому и убивать легко.

(Тункинской Бурятъ).

23. Му-шибунь.

Въ прежнее время водилась птица Му-шибунь, которая подлетала къ путнику и принимала сначала видъ нарядной и красивой дѣвицы, закрывавшей рукавомъ носъ, а потомъ заклеивала человѣка своимъ большимъ и крѣпкимъ клювомъ.

(Н. В. Матхановъ, Бурятъ, бывшій тайша Аларск. вѣдомства).

24. Гакша хамыгунь.

Гакша хамыгунь является въ бурятскихъ сказкахъ болѣе, какъ мать Мангытхая. Какой-нибудь витязь (Алтынъ-шагай напр.) ѣдетъ и въ полѣ находитъ „убугун-бухэг“, то-есть, шалашъ, покрытый травой; изъ него выходитъ старуха: это и есть Гакша хамыгунь. Она принимаетъ витязя привѣтливо, жалѣетъ утомленнаго путника; но витязь или убиваетъ ее или бьетъ желѣзнымъ прутомъ. Является сынъ, находитъ избитую мать и преслѣдуетъ витязя. Мангытхай изображается нерѣдко многоголовымъ; его особенность—обжорство.

25. Водяная корова.

Въ озерахъ Алтая (Бучурлинскомъ, Кенъге, Ебоганѣ, Канскомъ и Джелукулѣ) живетъ „куль еезы“, хозяинъ озера. Онъ кричитъ, какъ быкъ.

(Запис. г. Ядринцевымъ).

26. Кара-гулань.

Кара-гулакъ дигенъ джолбарстынъ шямы, „Кара-гулакъ есть „шямъ“ (стыдъ, срамъ) для тигра“, то-есть, тигръ боится кара-гулака.

(Киргизы Баянаул. округа).

27 Амынь саганъ-хулугуна.

а. Амынь-саганъ-хулугуна сосетъ дѣтей, то-есть, высасываетъ изъ нихъ кровь.

(Петръ Гантимуровъ, обурятившійся Тунгусъ).

б. Амынь-саганъ-хулугуна самый сильный звѣрь на землѣ.
(Буряты Аларск. вѣдомства).

28. Змѣи.

а. У бѣлой змѣи въ головѣ есть камень, который приноситъ счастье.

(Буряты Аларск. вѣдомства).

б. Есть въ Гоби такія змѣи, которыя, если на нихъ падетъ тѣнь, бросаются и пробиваютъ насквозь не только человѣка, но даже верблюда и два мѣста чаю.

(Дюрбютъ кошуна вана).

в. Змѣя, которая сто лѣтъ не видитъ человѣка, становится аждаха; которая тысячу лѣтъ не видитъ человѣка, становится джука; эта можетъ принимать всякій видъ.

(Киргизы Баянаульск. округа) ¹⁾.

29. Дерево Оронъ-Ганцханъ-Модонъ.

а. На западѣ есть дерево Оронъ-Ганцханъ-Модонъ; подъ его тѣнью могутъ укрыться двѣ тысячи человѣкъ; шишки на немъ съ юрту (геръ), листья толсты, какъ лепешки. Оно стоитъ на равнинѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни травы, ни лѣсу, ни песку, ни камня, а почва мягкая.

(Табиятъ Сахаль, шаманъ въ г. Кобдо, родомъ Олетъ-Урянхаецъ).

б. Шуну и Галдума были. Шуну отправился на Едженъ-хана и повачнулъ его престолъ. Едженъ-ханъ велѣлъ его схватить и молоткомъ изломать лопатки. Шуну поѣхалъ прочь, и въ знакъ своей силы, которую сохранилъ, не смотря на поломанныя лопатки, выстрѣлилъ въ дерево Орунъ Ганцханъ Модонъ и отшибъ его верхнюю половину. Оно теперь безъ вершины. Когда оно отростетъ, Шуну снова явится. До Орунъ Ганцханъ Модона нѣкто еще не могъ дойти; оно такъ велико, что тѣнь отъ него сходитъ только въ полдень. Изъ одного листа его выходитъ шесть покрышъ на юрту.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

в. Въ землѣ Киргизской (хасыкен нотукту) есть дерево Ороин Ганци Модо; беръ юрмакта ун алты атлыкъ вши батаду; на од-

¹⁾ Записано отъ человѣка, знающаго татарскую и арабскую грамоту.

номъ его листѣ помѣщается (?) человѣкъ съ шестнадцатью лошадыми.

(Аюша, Халха, проживающій въ сартской деревнѣ Номъ Тологой, у восточнаго конца Тянь Шаня).

30. Дзандынъ-модо.

Дерево дзандынъ растетъ дальше Тангутской земли въ недоступной мѣстности. На немъ обвившись сидятъ Абыргамогой. Ханъ-Гариде, питающійся только этою змѣей, тамъ и живетъ; въ нашихъ краяхъ оттого и нѣтъ птицы Ханъ-Гариде, что здѣсь нѣтъ Абырга-могой. Ханъ-Гариде беретъ змѣю вмѣстѣ съ деревомъ, вырываетъ послѣднее съ корнемъ, и летя черезъ Тангутскую землю, склевываетъ змѣю, а затѣмъ бросаетъ дзандынъ-модонъ тамъ, гдѣ кончитъ змѣю. Только такимъ образомъ Тангуты получаютъ это дорогое дерево. Когда Ханъ-Гариде летитъ, поднимается сильная буря. Тогда люди удаляются въ мѣста, куда не проникаетъ буря, или застигнутые врасплохъ, прилегаютъ въ землѣ. Богомольцы прячутся въ цвѣтокъ батманъ-цецевъ отъ жаровъ и гада; цвѣты эти большіе: по нѣскольку человѣкъ помѣщаются въ ихъ чашечку; вечеромъ цвѣтокъ закрывается со своими гостями, утромъ раскрывается.

(Записано г. Палепнымъ во время зимовки на р. Агырь, отъ Дархатъ).

31. Трава Буху аранай.

а. Осенью, когда бываетъ течка у мараловъ, они ѣдятъ одну траву, которая называется буху аранай убюсу. Одинъ охотникъ осенью убилъ марала въ то время, когда тотъ ѣлъ эту траву. Онъ вынулъ траву изо рта марала и попробовалъ; трава имѣла такое дѣйствіе на его половые органы, что онъ лишился бы ихъ, если бы мать не рѣшилась проспать съ нимъ три ночи. Цецевъ-ханъ былъ 90 лѣтъ, жена его 16 лѣтъ; онъ не имѣлъ уже половой способности и велѣлъ послать солдатъ набить осенью мараловъ, собрать изъ ихъ ртовъ этой травы и отдать докторамъ; доктора высушили ее и истолкли въ порошокъ; Цецевъ-ханъ выпилъ, силы его возобновились, но образовалась течь, и онъ умеръ.

(Джамцинъ, Баргусоловъ съ оз. Бумыр-норъ).

б. Есть трава „буху“, то-есть, силачъ. Эту траву ѣдят маралы во время ярованья. Она производитъ возбужденіе и придаетъ силу человѣку; ее можно найти такимъ образомъ: заткнуть гнѣздо желны (хара тонгшюль) и разослатъ подь нимъ простыню; тогда птица принесетъ въ лапахъ эту траву и приложить къ гнѣзду, а потомъ бросить ее на землю. Сила травы такова, что прикосновеніемъ къ дереву эта птица можетъ выворотить кусокъ больше, чѣмъ человѣкъ это могъ бы сдѣлать.

(Свящ. Як. Чистохинъ, род. Бурятъ изъ Забайкалья. Д. Шимки).

32. Чай.

Когда чай кипитъ, думай, что Сумъ Далай волнуется—цай буцухаду Сум Далай долгисву гечи сана. Когда слышишь черпанье чая, думай, что хувараки молитвы читаютъ — сампрхад бурсун ховырык ном аилдаба; когда пьешь чай, думай, что золотая чакчагай въ нору входитъ—цай уухадаи алтын чакчагай нюеунду орбо.

(Сарисынъ, Дербютъ. Г. Улангомъ).

33. Камень „дзада“.

Повсемѣстно въ сѣверной Монголіи распространено повѣрье о камнѣ, который имѣетъ способность изводить дождь съ неба. Дюрбюты называютъ его дзада, Урянхайцы и Алтайцы—джада. Нѣкоторые говорятъ, что его находятъ на горахъ, другіе—въ головѣ змѣи. Дюрбюты думаютъ, что этимъ камнемъ обладаютъ Урянхайцы; такъ думаютъ потому, что когда Урянхайцы приѣзжаютъ въ Дюрбютскую землю для воровства, бываетъ обмененно ненастье ¹⁾.

Камень дзада находятъ въ головахъ звѣрей, напримѣръ, изюбря, или птицъ—ангира, утви и пр. Находятъ камни дзада и въ животѣ быка. Цвѣтомъ они бываютъ черные и полосатые, а величиной иногда съ кулакъ. Нѣкоторые обманщики выдаютъ простые камни за дзада; поэтому, чтобы не быть обманутымъ, нужно знать признаки, по которымъ можно отличить настоящій дзада отъ фальшиваго. Настоящій дзада, зажатый въ руку, холодитъ,

¹⁾ Вообще Урянхайцы представляются монголамъ народомъ, обладающимъ знаніемъ тайныхъ силъ природы. Они называются „народомъ съ черной книгой“, хара номтай улус.

такъ что рука едва терпитъ; поднесенный къ уху, онъ издаетъ звуки, почииваетъ. Когда хотятъ посредствомъ дзада произвести ненастье, то камень мочатъ въ естественномъ водоемѣ, отнюдь не въ искусственномъ, въ родѣ, напимѣръ, чашки или выкопаной ямы; кромѣ того, нужно въ это время побрызгать на солнце. Камень дѣйствуетъ въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ чего умираетъ. Тогда его оживляютъ; для этого нужно подстрѣлить животное той породы, изъ какой былъ вынутъ дзада, и подставить камень подъ дыханіе умирающаго звѣря или птицы. Чтобы не умиралъ дзада, его держатъ завернутымъ въ перья той птицы или въ шерсть того звѣря, изъ которыхъ онъ вынутъ. Если дзада дѣйствуетъ сильно, такъ что дождь льетъ черезъ мѣру, дзада вытираютъ и сушатъ. Вѣра въ дзада здѣсь такова, что всякая дурная погода приписывается дзада—камню; морозъ — это кто-нибудь дзада пустилъ, чтобы заморозить рѣку, по которой ему нужно проѣхать; пошелъ снѣгъ—это Урянхайцы сдѣлали дзада, чтобы можно было слѣдить звѣря.

Кромѣ камня дзада, ненастье производятъ посредствомъ нѣкоторыхъ корней; тѣми же чудотворными корнями лѣчатъ отъ полома костей, рукъ и пр. Такой больной, лѣчащійся этимъ корнемъ, долженъ прятать, зарывать свою мочу, а то сдѣлается такая дзада, такой ливень, что произведетъ галапъ, то-есть, „всемирный потопъ“.

34. Мѣсяць.

а. Джелъбегень очень губилъ людей. Учъбурханъ, то-есть, трибога, совѣтовались между собою, что дѣлать. Солнце сказало: „Я бы спустилось на землю, но отъ моего жара люди сгорятъ“. Мѣсяць сказалъ: „Отъ жара пожалуй сгорятъ, но мой холодъ можетъ быть стерпятъ“. Онъ спустился и засталъ Джелъбегеня ѣвшимъ ягоды на черемухѣ; мѣсяць схватилъ его вмѣстѣ съ кустомъ, посадилъ за пазуху и унесъ съ собою на небо. Отъ джелъбегенева прожорства уцѣлѣло только восемь человѣкъ; отъ нихъ и расплодился вновь люди.

(Почуекъ, крещеный Алтаецъ въ с. Ангудаѣ въ Алтай).

б. Одна мать послала дочь за водой съ ведрами (хонькы) и когда она замѣшкчалась, мать вляла ее: „Чтобъ тебя мѣсяць взялъ!“

Дѣвушку мѣсяцъ и взялъ; и теперь она видна на мѣсяцѣ вмѣстѣ съ своими ведрами.

(Записано отъ Забайкальскаго казака Кузмина, который слышалъ повѣрье отъ Забайкальскихъ Бурятъ).

в. Джелбегень былъ прежде на землѣ и поѣлъ множество людей; мѣсяцъ унесъ его на небо. Теперь Джелбегень сглатываетъ мѣсяцъ: отъ этого бываетъ затмѣніе. При этомъ бьютъ въ желѣзо, стрѣляютъ, кричатъ: „Аим, гуним салъ!“ (оставь мой мѣсяцъ, мое солнце). Бьютъ собакъ.

(Алтаецъ).

г. Затмѣніе по алтайски называется „ай карыкан“; говорятъ также: „ай кары“, „ай карые тутты“.

(Записано отъ одного алтайскаго зайсана).

д. У Алтайцевъ есть фраза въ родѣ нашего: „Господи помилуй“,—о солнце мать, о мѣсяцъ отецъ! Э, кайракан, кунь энэ! Э, кайракан, ай ада!

(Свящ. Михаилъ Чивалковъ, родомъ Телеутъ. С. Улала).

е. Въ прежнее время по землѣ ходилъ Ихи-Мангысъ и поѣдалъ скотъ и людей. Одинъ Ихи Бурхынъ разрубилъ его лопомъ и переднюю часть (чѣджи) помѣстилъ на луну, заднюю или нижнюю часть (бѣесе) на солнцѣ. И теперь виднѣются эти части подъ видомъ черныхъ пятенъ на лунѣ и солнцѣ. Передняя часть Мангыса и есть тотъ Арахы, который борется съ мѣсяцемъ, отчего бываетъ затмѣніе: „саръ куртега“.

(Баянъ-Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

ж. Когда не было ни солнца, ни луны, люди летали по воздуху, сами сыпали искры и не нуждались въ солнечномъ теплѣ. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ. Богъ послалъ Отучи-гелюнга исцѣлительства; гелюнгъ взялъ трость въ 10.000 сажень длиною, сталъ ею шарить на днѣ океана (хадваду далай) и спугнулъ съ него сначала одну арягень-бурхынъ (дѣву-бога), потомъ другую; обѣ онѣ возлетѣли на небо. Потомъ онъ ушарилъ „толи“ (круглое металлическое зеркало), которое очень блестѣло; онъ помѣстилъ его на небо; потомъ нашель и другое толи; онъ и это помѣстилъ на небо. Съ тѣхъ поръ на землѣ стало свѣтло.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

в. Затмѣніе происходитъ оттого, что луну хочетъ схватить Джеббага. Во время затмѣнія кричатъ: „Оны салъ! Голось такого-то (кричащій произноситъ собственное имя), одинокаго человѣка (ерь джангысь), дойдетъ до неба!“

(Тува-Уранхаецъ кости Кыргызъ. Р. Улукемъ).

и. О затмѣніи Буряты выражаются: Арахн баря или Олху баря, то-есть, Арахн схватилъ или Олху схватилъ. Г. Матхановъ еще помнитъ, какъ во время его дѣтства при затмѣніи стучали желѣзными вещами, били собакъ и кричали: „Олху таби!“ То-есть: Олху, положи!

(Н. В. Матхановъ, Буряты, бывшій тайша Аларскаго вѣдомства).

і. Во время затмѣнія луну схватываетъ Алхы, когда та спитъ. Во время полнолунія мѣсяць спитъ въ растяжку.

(Буряты Балаганск. округа, рода Ехивитъ, изъ улуса Бельчиръ).

к. Дархаты объясняютъ затмѣніе тѣмъ, что луну глотаетъ семидесяти головый Мангысь, котораго разбилъ пополамъ Очиръ-Вани за то, что онъ выпилъ у Бурхынъ-Бакши „аршанъ“. Очирвани былъ посланъ Бурхыномъ-Бакши, потому что послѣдній сказалъ: „Я не могу сдѣлаться синимъ; я долженъ быть бѣлымъ; такъ мнѣ предназначено“. Поэтому Очирвани, получивъ отъ Бурхынъ-Бакши очиръ, догналъ Мангыса, разбилъ его, выпилъ его мочу и сталъ синимъ.

л. На землѣ не стало житья отъ семиголового Ельбегеня, который поѣдалъ и скотъ, и людей. Люди взмолились солнцу и мѣсяцу. Солнце спустилось, но людямъ стало жарко, и оно должно было снова подняться, чтобы не сжечь людей. Спустился мѣсяць, схватилъ Ельбегеня; но тотъ ухватился за кустъ. Мѣсяць унесъ его, и съ кустомъ вмѣстѣ. Въ рукѣ у Ельбегеня былъ чумаекъ (тусь-каръ), одна нога была обута, другая босая. И теперь на лунѣ видно руку съ чумакомъ, одна нога толще, другая тоньше. Передъ тѣмъ, какъ спускаться на землю, чтобы легче это совершить, мѣсяць разрѣзалъ себя пополамъ.

(Свящ. Михаилъ Чивалковъ, родомъ Телеутъ. С. Улала).

м. Мачиха ругала падчерицу, пошедшую за водой: „Чтобъ тебя взяли солнце, мѣсяць“. Мѣсяць и спустился на землю; дѣ-

вухка ухватила за кустъ тальника; мѣсяцъ вырвалъ тальникъ съ борнемъ и унесъ дѣвицу на небо вмѣстѣ съ ведромъ, ковшомъ и кустомъ тальника. Когда бываетъ затмѣніе, это альбинъ-читкуръ хочетъ отнять дѣвицу у мѣсяца. Во время затмѣній въ старыя годы (Петруха еще помнитъ) науськивали собаекъ, чтобъ они своимъ лаемъ прогнали альбинъ-читкура отъ мѣсяца.

(Петруха Гантимуровъ, обурятавшійся Тунгусъ, родомъ съ вершинъ р. Иркуты).

н. О затмѣніи мѣсяца говорятъ: „мѣсяцъ омертвѣлъ“ оттого, что „орбыше“ и „торынчи“ (колдуны) закрыли его. При этомъ начинаютъ камлать, стрѣлять, бить въ желѣзо (у Кумандинцевъ) и кричатъ. Затмѣніе солнца у Телеутовъ называется: кунъ караган (солнце почернѣло), у Черневыхъ Татаръ: „Кунъ ѳльде“ (солнце умерло). Алтайцы также во время затмѣнія стрѣляютъ, кричатъ, заставляютъ колотушками дѣтей плакать, а собаекъ дерутъ для вою. При этомъ кричатъ: „А кунюм салъ аним кунюм божот“ (мѣсяцъ, солнце оставь! мой мѣсяцъ, мое солнце отпусти!).

(Зап. г. Ядринцевымъ у Телеутовъ и Черневыхъ Татаръ).

о. Богъ преслѣдовалъ Арахы за то, что онъ съѣлъ шерсть на человѣкѣ; послѣдній былъ созданъ съ шерстью. Богъ спросилъ у мѣсяца: не видѣлъ ли онъ Арахы. Тотъ указалъ, гдѣ спрятался Арахы. Богъ догналъ Арахы и очиромъ разбилъ его на двое; осталась одна верхняя половина. Арахы мститъ теперь мѣсяцу, проглатываетъ его, но мѣсяцъ снова изъ него вываливается.

(Солдаты, Буряты Тункинск. вѣдомства).

35. Большая Медвѣдица.

а. Джетыганъ (Большая Медвѣдица) и Укуръ-Ганъ (Плеяды) были прежде ханы; у перваго было шесть звѣздъ, у втораго—семь. Они между собою имѣли споръ, и Джетыганъ отобралъ у Укура одну звѣзду. Ее и теперь видно: это маленькая звѣзда, которая видна въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается „куйрукъ“, хвостъ, Джетыгана.

(Тотой, Теленгутва рода Телесъ. Р. Чуя).

б. Итыганъ укралъ у Мечина (Плеяды) звѣзду; съ тѣхъ поръ Мечинъ гонится за Итыганомъ по небу, но не можетъ догнать.

(Мудай, Теленгитъ кости Кобаекъ. Р. Чуя).

в. Джитыганъ прежде жилъ на небѣ; Мечинъ (Плеяды) былъ куртъ-чулмусъ (червь—чортъ), жилъ на землѣ и много поѣдалъ людей и скота. Джитыганъ не вытерпѣлъ и спустился на землю, чтобъ уничтожить его, и спрашиваетъ своего коня: „Какъ бы мнѣ убить Мечина?“ Конь отвѣчаетъ: „Я раздавлю его копытомъ“. Корова предупредила коня, топнула Мечина, который лежалъ на льду, но онъ ускользнулъ чрезъ щель въ ея раздвоенномъ копытѣ. Джитыгану удалось изъ семи шулмусовъ Мечина унести на небо только одного. Мечинъ погнался за нимъ; Джитыганъ отвернулъ свою голову въ сторону. И до сихъ поръ Мечинъ, состоящій нынѣ изъ шести звѣздъ вмѣсто семи, гонится по небу за Джитыганомъ.

(Саянскъ, Алтаецъ).

г. Древній ханъ Амынь-Цаганъ-Бурекей наготовилъ себѣ различныхъ кушаній; къ нему пришла старуха и попросила милостыни. Амынь-Цаганъ-Бурекей не далъ ей. Она пришла во второй разъ и получила отказъ, въ третій разъ также. Амынь-Цаганъ-Бурекей подумалъ, что это, должно быть, шулмусъ (нечистый духъ), захотѣлъ испытать ее и послалъ за водой съ ведромъ, у котораго было вышиблено дно. Старуха принесла воды. Тогда Бурекей рѣшилъ убить ее хитростью; онъ предложилъ ей играть, а во время игры обвилъ старуху веревкой, связалъ и потомъ молоткомъ сталъ бить шулмуса въ грудь и убилъ его. Потомъ Амынь-Цаганъ-Бурекей поднялся на небо къ Тэнгри-Ханъ-Хурмусту и оттуда увидѣлъ двухъ быковъ: бѣлый быкъ Тэнгриинъ-Буха гоняетъ чернаго, земнаго. Бурекей спустился на землю и увидѣлъ, что весь домъ его разрушенъ. Онъ догадался, что это сдѣлалъ шулмусъ, обратившійся въ чернаго быка. Онъ выстрѣлилъ въ него, но быкъ боднулъ Бурекея и перешибъ; нижняя половина его осталась на землѣ, верхняя съ головой поднялась на небо. Это и есть теперь созвѣздіе Мечинъ Окторго Долонъ-Бурхинъ (то-есть, Большая Медвѣдица).

(Баянъ-Джиргылъ, лама въ хошунѣ Джурбютскаго хана).

д) Созвѣздіе Долонъ-Бурхинъ прежде было Цаганъ-Бюрю. Въ старое время жили старикъ со старухой, питались отъ одной коровы. Старикъ говоритъ старухѣ: „Пришло лѣто, корова не телится; надо исскать быка“. Искать, искали и не нашли быка; самъ замѣнилъ быка. Корова отелилась бычкомъ: верхняя половина—че-

ловѣкъ, нижняя—былъ съ длиннымъ хвостомъ. Старикъ, увидавъ такое чудо, испугался и хотѣлъ застрѣлить бычка стрѣлой, но теленокъ сказалъ: „Не бей меня; я буду тебѣ помощью подѣ старость!“ „Какъ же тебя звать?“ спросилъ старикъ. Теленокъ сказалъ: „Амы Цаганъ Бюрю“. Послѣ этого теленокъ пошелъ въ лѣсъ, упдалъ тамъ сидящаго человѣка, спросилъ его: „Кто ты?“ Тотъ отвѣчалъ: „Я Ой ¹⁾ Тюрельтэй Тельгиръ“. Бюрю сказалъ: „Если ты мнѣ сказалъ свое имя, то пойдемъ вмѣстѣ“. Когда они шли двое, въ лѣсу нашли третьяго человѣка, который назвалъ себя Модонъ ²⁾ Тюрельтэй Тельгиръ. Идя втроемъ, они увидѣли снѣгаго человѣка, сидящаго на прилавкѣ изъ снѣгаго камня; спросили его имя, онъ назвалъ себя Тебсинъ ³⁾ Тюрельтэй Тельгиръ. Четверо идутъ, идутъ долго, перевалили большую гору, нашли въ пустынѣ домъ (байшинъ), наполненный всякимъ изобиліемъ. Цаганъ-Бюрю говоритъ своимъ товарищамъ: „Вѣрно боги назначили намъ этотъ домъ! Останемся здѣсь“. Остались. Жили нѣсколько времени. Бюрю опять говоритъ своимъ товарищамъ: „хотя боги и послали намъ это добро, но все таки когда-нибудь придетъ ему конецъ; чтобъ оно не истошилось, нужно вновь приобрѣтать. Пойдемъ на охоту, а одного оставимъ варить пищу“. Трое пошли на охоту, а Ой Тельгира оставили въ байшинѣ. Приходитъ въ байшинъ старуха съ огромною ношей и говоритъ Ой Тельгиру: „Какъ же вы безъ спросу поселились въ чужомъ домѣ и ѣдите чужое? По крайней мѣрѣ, дай мнѣ поѣсть!“ Ой Тельгиръ открылъ ей казанъ, въ которомъ онъ варилъ пищу для своихъ товарищей; она разомъ все пожрала и ушла. Ой Тельгиръ, устыдившись, что испугался старухи, придумалъ скрыть это обстоятельство отъ товарищей; взявъ конское копыто, надѣлалъ имъ на землѣ знаковъ и напускалъ въ степь стрѣлы. Пришли товарищи, просятъ ѣсть. Ой Тельгиръ говоритъ имъ: „Приходило большое войско и поѣло пищу; я взстрѣлялъ всѣ свои стрѣлы, и не могъ отбить войско. Если не вѣрите, пойдите въ степь и посмотрите, вы увидите слѣды конскихъ копытъ и мои стрѣлы“. Товарищи повѣрили. На другой день остается Модонъ

¹⁾ Ой—лѣсъ по монгольски.

²⁾ Модонъ—дерево.

³⁾ Тебсинъ—прилавокъ, по объясненію разказчика.

Тельгирь; опять приходитъ старуха и поѣдаетъ все, что было въ котлѣ. Модонъ Тельгирь нашель копыто лосы (мула) и имъ надѣлалъ знаки. Когда товарищи пришли и попросили поѣсть, и онъ объяснилъ пустоту въ котлѣ тѣмъ, что приходило войско. Товарищи опять повѣрили. При Тебсинѣ Тельгирѣ исторія повторяется, и онъ кладетъ знаки сарлычьимъ копытомъ. На четвертый день остается караульщикомъ Амы Чаганъ Бюрю. Началь онъ варить, ходитъ кругомъ котла со своими большущими рогами. Пришла старуха съ огромною ношей; онъ подумалъ: „Не она ли это сѣдала все у его товарищей, не обманывали ли они, разказывая о приходѣ войска?“ Старуха просить у Бюрю поѣсть. Бюрю говоритъ: „Я варю чай и мясо своимъ братьямъ; принеси воды, сварю и тебѣ“. и далъ ей дырявое ведро. Пошла старуха за водой и сдѣлалась высокою, высокою. Посмотрѣлъ Бюрю въ ея оставленной ношѣ, а тамъ желѣзный арканъ, желѣзный молотокъ и желѣзные щипцы. Онъ взялъ эти вещи себѣ, а ей положилъ въ ношу деревянный молотокъ, деревянные щипцы и ременный арканъ. Старуха пришла безъ воды и говоритъ: „Ты хитрый! Далъ мнѣ дырявое ведро. Давай играть!“ „Давай“, соглашается Бюрю, — „но какъ?“ Старуха говоритъ: „Сначала я тебя свяжу моею веревкой и буду тебя щипать и бить, а потомъ ты меня свяжи и бей“. Бюрю далъ ей себя связать, стала она его щипать щипцами и бить молоткомъ. Деревянный молотокъ и деревянные щипцы изломались, онъ потянулся и изорвалъ веревку; потомъ онъ связалъ ее у нея же украденнымъ желѣзнымъ арканомъ, сталъ щипать ее желѣзными щипцами и бить желѣзнымъ молоткомъ. Отъ втораго удара молоткомъ у старухи пошла кровь, она рванулась, разорвала желѣзный арканъ и убѣжала. Когда товарищи пришли, Бюрю говоритъ имъ: „Мы обманывали другъ друга; вѣрно и къ вамъ, какъ ко мнѣ, приходила старуха; я ее зашибъ. Пообѣдаемъ и пойдемъ искать ее по слѣдамъ крови“. Взялъ Бюрю лукъ и стрѣлы и пошелъ со своими товарищами; кровяные слѣды привели ихъ на вершину крутой каменной горы; влезли на гору, а тамъ пропасть, на днѣ которой накоплено множество всякаго добра и драгоценностей; между ними лежитъ и трупъ умершей старухи. Бюрю говоритъ: „Надо спускаться и доставать добро“. Три брата боятся; тогда Бюрю говоритъ: „Спустите меня на арканѣ; когда все вытащите, я закричу вамъ, тогда вы и меня вытяните“.

Спустили братья Бюрю въ пропасть, начали таскать имущество; когда уже ничего въ ямѣ не осталось, Бюрю привязаль себя къ веревкѣ и закричалъ, чтобъ его тащили. Братья совѣтуются между собой: „Онъ насъ всѣхъ сильнѣе и умнѣе; онъ убьетъ насъ и все имущество возьметъ себѣ. Оставимъ его въ ямѣ, а сами будемъ жить въ томъ байшинѣ“. И оставили его на днѣ ямы. Задумался Бюрю; въ ямѣ ничего не осталось, кромѣ трехъ челюстей скотскихъ. Истолокъ онъ ихъ въ порошокъ, замѣшалъ на своей мочѣ, сдѣлалъ трехъ бурхановъ, поставилъ ихъ на плоскомъ камнѣ и помолился словами: „Если жить мнѣ, да выростутъ три дерева на днѣ ямы!“ Легъ головой на трупъ старухи и заснулъ. Спалъ два или три года, проснулся и видать три дерева. Онъ по сучьямъ ихъ вышелъ изъ ямы, нашелъ тропу къ байшину, гдѣ жили его три брата, дошелъ до байшина, вошелъ внутрь и нашелъ тамъ трехъ женщинъ. „Кто вы такія?“ спросилъ онъ ихъ. „Мы жены трехъ братьевъ“, отвѣчали женщины, — „Ой Тельгира, Модонъ Тельгира и Тебсинъ Тельгира“. Гдѣ же они сами? „На охотѣ“, отвѣчаютъ женщины. Бюрю пошелъ къ нимъ на встрѣчу съ умысломъ убить ихъ; увидѣвъ ихъ, онъ натягиваетъ лукъ и кочетъ спустить стрѣлу. Братья говорятъ ему: „Мы виноваты передъ тобой! Все оставляемъ тебѣ, и байшинъ, и богатство, и женъ своихъ, только оставь насъ живыми. Мы уйдемъ отсюда“. Бюрю увидѣлъ въ это время дѣтскій слѣдъ, въ каждомъ слѣдочкѣ вышелъ золотой цвѣтокъ. Бюрю сказалъ братьямъ: „Хорошо, идите къ своимъ женамъ и не бойтесь болѣе меня. А я пойду, послѣжу этотъ дѣтскій слѣдъ“. Слѣдъ этотъ прошелъ на небо, гдѣ стоитъ большая юрта Тэнгриинъ Цаганъ Хана. Бюрю вошелъ въ юрту и видитъ: сидитъ ханъ, старый, престарый, изнемогающій отъ болѣзней. Бюрю поклонился хану; ханъ сказалъ: „Я—небесный царь; знаю, что ты хорошій богатырь, и что ты думаешь другимъ сдѣлать добро, а тебѣ дѣлаютъ худо. Я каждый день бьюсь съ царемъ Шулмусовъ; оба мы въ это время обращаемся въ быковъ, я—въ бѣлаго, онъ—въ чернаго. До полдень я его побиваю, съ полдня онъ меня побиваетъ. Помогь мнѣ; послѣ полудня ты стрѣлай ему въ бѣлое пятно на лбу; попадешь—услугу мнѣ сдѣлаешь, и я тебя вознагражу за нее, не попадешь—тебѣ худо будетъ“. Бюрю послѣ полудня выстрѣлилъ и попалъ въ пятно на лбу, черный быкъ убѣжалъ. Тэнгри-ханъ сказалъ Бюрю: Ты мнѣ

оказалъ услугу, живи у меня, пей аршанъ". Бюрю отвѣтилъ: „Не могу у тебя остаться; у меня есть старикъ отецъ, а ему еще долженъ послужить". „Хорошо", сказалъ Тэнгри-ханъ, — „види; если будешь въ бѣдѣ, я тебѣ помогу. Выйдя отсюда, ты заблудишься; увидишь байшинъ и возлѣ него старуху; назовись ей емчи (лѣкаремъ), она тебя тогда допустить къ хану Шулмусовъ. Когда увидишь его, убей его окончательно. За тобою старуха затворитъ три желѣзныя двери, но я тебѣ спущу въ верхнее отверстіе желѣзную цѣпь и вытащу тебя". Бюрю пошелъ отъ Тэнгри-хана, заблудился и попалъ къ байшину хана Шулмусовъ. Старуха не хотѣла было пускать его, но Бюрю сказался лѣкаремъ, и старуха впустила его. Ханъ Шулмусовъ, увидѣвъ передъ собою мнимаго емчи, сказалъ ему: „Я воевалъ нѣсколько лѣтъ съ Тэнгри-Цаганъ-Ханомъ, но онъ не могъ меня побѣдить; ему помогъ какой-то богатырь, который ранилъ меня. Не вылѣчишь ли меня!" Бюрю велѣлъ ему лечь противъ отверстія въ крышѣ, сталъ разсматривать рану, вытащилъ украдкой другую стрѣлу и убилъ. Но выйдти онъ уже не могъ; двери плотно заперлись. Тотчасъ же съ неба спустилась цѣпь, Бюрю схватился за нее, и Тэнгиръ-Цаганъ-Ханъ потащилъ его на небо. Это увидѣла старуха и бросила въ Бюрю желѣзнымъ эдриномъ (эдринь—зубчатая линейка, которой мнутъ овчины, когда выдѣлываютъ) и разбила его тѣло на семь частей. Тэнгри-Цаганъ-Ханъ однако не допустилъ упасть частямъ на землю, а взялъ ихъ на небо; вотъ они-то теперь и есть семизвѣздное созвѣздіе Окторгәнъ Долонъ Бурхынъ.

е. Былъ одинъ царскій сынъ; отправился онъ къ Бурхынъ-Бакши учиться грамотѣ и волшебству, не возвращался два года. Одинъ сановникъ послалъ своего сына провѣдать царевича и отвезти ему запасъ. Оказалось, что царскій сынъ ничему не научился, потому что Бурхынъ-Бакши заставилъ сначала царевича служить себѣ три года. Сынъ сановника подошелъ къ двери, посмотрѣлъ туда и увидѣлъ, какъ семь волшебниковъ, бывшихъ у Бурхынъ-Бакши, волшебствуютъ; высмотрѣвъ ихъ дѣйствія, онъ и самъ научился волшебствовать. Сынъ сановника сказалъ ханскому сыну: „Я выучился волшебству, поѣдемъ домой. Если не вѣришь, я тебѣ покажу на дѣлѣ свое знаніе: я сдѣлаюсь сивымъ конемъ, ты продай меня, но безъ узды". Царевичъ продалъ коня, но узду забылъ взять. Бур-

хынъ-Бакши узналъ, что это не конь, а человѣкъ; его семь волшебниковъ посадили коня сначала въ крѣпкую конюшню и стреножили, потомъ хотѣли убить его и съѣсть, а чтобы мясо не было вредно отъ волшебства, хотѣли предварительно напоить его въ рѣкѣ Нарзы-морэнь, но только подвели коня къ водѣ, онъ увидѣлъ въ ней рыбу, обратился въ эту рыбу и ушелъ въ воду. Семь волшебниковъ стали чайками и гонялись за рыбой по морю; сынъ сановника сдѣлался булджумуромъ (небольшою пташкою), семь волшебниковъ стали семью коршунами (карцига). Подлетѣлъ булджумуръ къ скалѣ, видитъ отверстіе пещеры, и въ ней сидитъ лама; онъ проситъ ламу спасти его. „Какъ я тебя могу спасти?“ спросилъ лама. „Отъ твоихъ четокъ“, сказалъ тотъ, — „отдѣли четыре зерна и удержи ихъ въ рукѣ, остальные разсыпь по полу“. Лама такъ и сдѣлалъ; семь волшебниковъ обратились въ семь пѣтуховъ и стали клевать зерна. Тогда сынъ сановника, скрывавшійся подъ видомъ тѣхъ зеренъ, которые лама держалъ въ рукѣ, обратился въ человѣка и убилъ семь пѣтуховъ. Лама сказалъ: „Вотъ я тебя спасъ, а ты семь человѣкъ убилъ!“ „Наложни на меня покаяніе“, сказалъ тотъ. „Есть мѣсто, уверь“ (кладбище), сказалъ лама, — „гдѣ выросла золотая тополь; на ней сидитъ Чуткуръ-бурхынъ; зови его, не пойдетъ—этимъ золотымъ топоромъ руби ту золотую тополь; тогда онъ, жалѣя тополь, сойдетъ съ нея къ тебѣ, и ты привези его ко мнѣ на себѣ; но въ дорогѣ ни одного слова не промолви, что бы онъ тебѣ ни говорилъ“. Когда сынъ сановника нашелъ золотую тополь и сталъ звать Чуттукуръ-бурхана, послѣдній сказалъ: „Не пойду; тотъ лама совершилъ великій грѣхъ“. Но когда сынъ сановника сталъ рубить тополь, Чуттукуръ-бурханъ сказалъ: „Пойду, но не иначе, какъ на твоихъ корточкахъ“. Сынъ сановника несетъ Чуттукуръ-Бурхана, а онъ все говоритъ съ нимъ и упрасиваетъ отвѣчать; сынъ сановника крѣпится, не говоритъ. Тогда Чуттукуръ-бурханъ началъ разказывать сказку объ Амы Цаганъ Бюрю, и когда кончилъ, то сынъ сановника воскликнулъ: „А какъ же Бюрю хотѣлъ возвратиться къ отцу, къ матери и служить имъ!“ Какъ только онъ сказалъ это, Чуттукуръ-бурханъ возвратился на золотую тополь. Имя сына сановника было Амгулунге Едиликчи ханъ кубынъ, то-есть, сынъ хана Амгулунге Едиликчи.

(Сарисынъ, Дурбютъ Ванскаго хошуна. Г. Улангомъ).

з. Одна изъ звѣздъ Большой Медвѣдицы есть Бурхынъ-Бакши.
(Чо Джамцинъ, лама, Халхасецъ хошуна Тачжи Урянхай).

и. Большая Медвѣдица называется Титаганъ, „семь государей“. Это были семь братьевъ промышленниковъ, которые промышленляи морала; у нихъ было три собаки, которыя преслѣдовали трехъ моралухъ, послѣднія поднялись на небо (это Учмыйгакъ, то-есть, Орионъ); за тремя моралухами поднялись и три собаки. Богъ заклалъ ихъ здѣсь. Титаганъ отобралъ себѣ одну звѣзду у Мечива (Плеяды): это маленькая звѣзда около Титагана.

(Записано г. Ядринцевымъ въ русскомъ Алтай).

к. Джеты-каракше были семь братьевъ; они украли у Уркера (Плеяды) одну изъ двухъ дочерей; украденную звали Кальпе, оставшуюся Зура.

(Киргизъ около ст. Семіарской, на Иртышѣ).

36. Долонъ Эбугутъ (Большая Медвѣдица).

Были два брата, оставшіеся сиротами; одинъ былъ богатый, другой бѣдный. Бѣдный пошелъ наняться въ работники и нашелъ мѣсто у одного богатаго человѣка; тотъ послалъ его дрова рубить; вошелъ бѣдный братъ въ лѣсъ, хотѣлъ рубить одно дерево, оно было хорошее, онъ подумалъ: „Оно красиво и хорошо, какъ мой богатый братъ“. Пожалѣлъ и пошелъ къ другому дереву. То было худое; онъ опять подумалъ: „Это дерево жалкое, какъ я же“ и тоже, пожалѣвъ, не срубилъ. Послѣ того онъ не сталъ болѣе выбирать деревъ, набралъ прутьевъ, хворосту и вернулся изъ лѣсу; хозяинъ поругалъ его и снова послалъ въ лѣсъ; онъ и во второй разъ также деревья жалѣлъ—одни какъ похожія на богатаго брата, другія какъ похожія на себя, и опять вернулся только съ хворостомъ. То же, наконецъ, случилось, когда въ третій разъ хозяинъ послалъ его въ лѣсъ. Тогда хозяинъ прогналъ его. Идетъ онъ и встрѣчаетъ старика, который спрашиваетъ: „Куда идешь?“ Тотъ разказалъ ему о своемъ приключеніи. Они остановились отдохнуть, бѣднякъ заснулъ. Въ это время старикъ вытянулъ ему языкъ изъ рта и сдѣлалъ на немъ 70 уколовъ иголкой. Когда бѣднякъ проснулся, старика уже не было; видитъ онъ далѣе, что на сосну, подъ которою онъ лежалъ, прилетѣлъ воронъ, держа глазъ въ клювѣ, а за нимъ вороньиха. Послѣдняя спрашиваетъ ворона: „Гдѣ ты

взялъ глазъ?" „Молчи“, говорить воронъ, — „подъ деревомъ лежитъ человекъ и услышитъ“. „Развѣ онъ можетъ понять птичій языкъ!“ А бѣднякъ дѣйствительно получилъ способность понимать всѣ языки отъ наколовъ, которые сдѣлалъ ему старикъ. Воронъ сталъ разказывать воронихѣ, что гдѣ-то далеко царскій сынъ болѣнъ, что у хана теперь большой съѣздъ большихъ ламъ и шамановъ съ дѣлю пзлѣченія, что принесены большія жертвоприношенія (таилганъ), и что онъ у убитой скотины выклевалъ глазъ. „Чѣмъ же болѣнъ царевичъ?“ спросила ворониха. „Къ нему въ ротъ вошла змѣя и въ его утробѣ расплодился, отчего у него животъ вздуло“. „Чѣмъ же можно вылѣчить?“ спросила ворониха. „Нужно выбрать изъ девяти табуновъ“, сказалъ воронъ, — „одну жирную три лѣта не жеребившуюя соловую лошадь, убить ее и куски жирнаго мяса бросать въ огонь, разложенный такъ, чтобы царевичъ, стоя на возвышенномъ мѣстѣ надъ огнемъ, могъ вдыхать въ себя открытымъ ртомъ паръ отъ горящаго жира“. Бѣднякъ пошелъ въ ту сторону, явился къ хану и сказалъ, что онъ можетъ вылѣчить сына царя. Царь велѣлъ слугамъ слушаться его приказаній; обиженные ламы отступились отъ лѣченья. Тогда бѣднякъ сдѣлалъ все такъ, какъ говорилъ воронъ. Царевича поставили на крышу дома такъ, чтобы паръ отъ кидаемыхъ въ огонь кусковъ мяса шелъ ему въ открытый ротъ. Змѣи, какъ только услышали запахъ жирнаго мяса, одна за другою во множествѣ вышли изъ его рта. Тогда царь пожелалъ наградить врача и предложилъ ему половину своего богатства, но тотъ отказался и попросилъ себѣ только семь тощихъ соловыхъ кобылицъ, осѣдланныхъ ветхими сѣдлами, и табунъ лошадей. Получивши эту плату, онъ отправляется въ путь. Дорогой онъ встрѣчаетъ человекъ, который переставляетъ горы съ мѣста на мѣсто. „Ты что дѣлаешь?“ спрашиваетъ бѣднякъ. „Говорять, что я силачъ, пробую силу“. Бѣднякъ пригласилъ его идти съ собою. Затѣмъ онъ встрѣчаетъ человекъ, который приложился ухомъ къ землѣ. „Что ты дѣлаешь?“ спрашиваетъ опять бѣднякъ. „Говорять“, отвѣчаетъ тотъ, — „что я имѣю такой слухъ, что могу даже слышать, что подъ землею“. „Что же слышно?“ „У подземныхъ людей моръ“. И этого бѣднякъ пригласилъ съ собою. Идутъ втроемъ и встрѣчаютъ человекъ, который смотритъ на небо. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ: „Говорять, что я отличный стрѣлокъ; я

попробовалъ выстрѣлить; теперь смотрю на свою стрѣлу, скоро ли она возвратится“. Черезъ нѣсколько времени стрѣла съ шумомъ летитъ съ неба и вмѣстѣ съ нею обломокъ скалы, который она оторвала отъ неба. Бѣднякъ пригласилъ стрѣлка съ собою. Пошли далѣе вчетверомъ и встрѣчаютъ человѣка, который переставляетъ перья отъ ворона къ сорокѣ, а отъ сороки ворону. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ: „Говорятъ, что я такой мастеръ, что могу переставлять перья и вещи; такъ вотъ я пробую свое искусство“. Теперь они пошли впятеромъ. Дорогой еще встрѣтили человѣка, который обладалъ способностью вбирать въ свой ротъ цѣлую рѣку и снова выпускать. Взяли и этого съ собою. Далѣе имъ встрѣтился еще человѣкъ, который такъ быстро бѣгалъ, что могъ обгонять дикую козу; и его также взяли съ собою. Потомъ они говорятъ тому, который можетъ все слышать: „Приложи ухо къ землѣ и послушай, что тамъ дѣлается“. Тотъ послушалъ и говоритъ: „Въ одной сторонѣ ханъ выдаетъ свою дочь, которая сидитъ за двѣнадцатю занавѣсами; отовсюду съѣзжаются женихи свататься и предварительно подвергаются тремъ испытаніямъ; на правой сторонѣ поставлены столы съ ядовитыми яствами, а на лѣвой безъ яду“. Сѣли семь богатырей на соловыхъ лошадехъ и поѣхали. Прибывъ въ ханство, бѣднякъ выставляетъ сначала противъ ханскаго силача своего товарища, переставляшаго горы; сначала народъ расхохотался надъ этимъ противникомъ, такъ какъ онъ былъ малъ ростомъ. Однако онъ схватилъ противника и для пробы вбилъ его въ землю, такъ что поверхъ ея торчалъ одинъ только большой палецъ ноги. Потомъ соперники должны были стрѣлять въ алтынъ зурге, золотой дискъ, висѣвшій между небомъ и землею; бѣднякъ выставилъ своего стрѣлка, и тотъ разбилъ золотое зурге. Потомъ пустили въ бѣгъ обгонявшаго козу съ двумя гакша хамыгынъ (старухами-людодѣлками); отошедши съ своимъ соперникомъ на назначенное разстояніе, старухи сѣли, пригласили его отдохнуть и стали искать у него въ головѣ; онъ заснулъ; тогда онѣ побѣжали; онѣ были уже въ половинѣ пути, когда онъ проснулся; онъ побѣжалъ стороной и прибѣжалъ ранѣе ихъ. Послѣ этого семь товарищей взяли ханскую дочь и повезли. Ханъ послалъ за ними погоню; когда войско стало приближаться, они остановились на ночлегъ на вершинѣ горы; тогда одинъ изъ

семерыхъ, умѣвшій набирать воду, набралъ въ ротъ цѣлое море и пустилъ воду съ горы; все войско потонуло въ ней. Потомъ они пришли къ ламѣ просить его простить ихъ грѣхи. Лама, вмѣсто того, чтобы сдѣлать имъ добро, велѣлъ имъ взойти на высокую гору и скатиться; они скатились, и у всѣхъ головы отлетѣли. Богъ, видя, что они пострадали отъ коварства ламы, воскресилъ ихъ и поднялъ на небо; это теперь семь звѣздъ Большой Медвѣдицы (Долонъ-Убугуть); малая звѣзда въ серединѣ—жена ихъ. А ламу Богъ обратилъ въ ангира и проклялъ, сказавъ: „Истребляй своихъ дѣтей“.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

37. Мечинъ (созвѣздіе Плеяды).

а. Въ прежнее время Мечинъ былъ былъ на землѣ, и тогда на землѣ было вѣчное тепло. Верблюдъ (тѣмень) и быкъ (укуръ) вздумали его раздавить и поспорили, кому совершить это предпріятіе. Верблюдъ говорилъ, что онъ вѣрнѣе исполнить его, потому что у него широкая лапа; корова однако предупредила его, первая наступила, и Мечинъ, проскользнувъ чрезъ ея раздвоенное копыто, ушелъ на небо. И теперь, когда онъ восходитъ на небо (то-есть, зимой, когда онъ бываетъ видимъ на небѣ), бываетъ холодно.

(Дюрбютъ на Дзабхынѣ).

б. Прежде Мечинъ напускалъ на землю большіе снѣга, голодъ и моръ на скотину. Верблюдъ, корова и другой скотъ и животныя стговорились раздавить его. Такъ какъ Мечинъ прятался въ золу огнищъ, верблюдъ пришелъ и наступилъ на золу лапой; корова ему сказала: „Твоя нога мягкая; дай я лучше раздавлю своимъ копытомъ!“ Верблюдъ посторонился; корова наступила на золу. Мечинъ раздѣлился на шесть звѣздъ, проскользнулъ чрезъ ея копыто и поднялся на небо. Еслибы не было Мечиновъ, не было бы холодно. Верблюдъ и теперь любитъ ложиться на золу, все думаетъ раздавить мечина.

(Сарисынъ, Дюрбютъ Г. Улангомъ).

в. Созвѣздіе Угаръ прежде было на землѣ; лошадь и корова спорили, кому его раздавить. Корова напередъ наступила, Угаръ съвозъ разщепъ ея копыта ушелъ на небо.

(Урянхаецъ кости Кыргыс. Р. Улукемъ).

г. Мечинъ прежде былъ на землѣ; въ то время было жарко. Верблюды и корова стали спорить, кому его раздавить. Корова сказала: „я старше!“ и наступила на Мечина, но онъ ушелъ на небо черезъ ея раздвоенное копыто. И съ тѣхъ поръ стало холодно.

(Чингиджекъ, 70-лѣтній старикъ Тува - Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

38. Оріонъ.

а. За Учъ-мыйгак'ами, тремя моралухами, гнался богатырь Кугульдей Матырь; моралухи обѣжали всю землю, нигдѣ не могли найти убѣжища отъ преслѣдующаго богатыря и поднялись на небо. Кугульдей -матырь также поднялся; лошадь оставилъ на востокѣ (гдѣ указываютъ большую звѣзду), а самъ выстрѣлилъ по звѣрямъ два раза; эти двѣ стрѣлы также указываются на небѣ; одна бѣлая звѣзда, другая красная; эта послѣдняя есть та окровавленная стрѣла, которая прошла севозъ тѣло моралухъ. Кугульдей-Матырь также указывается на небѣ.

(Свящ. о. Мих. Чивалковъ, Телеутъ. С. Улала).

б. Коголь-Майманъ охотился за учъ-майгак'омъ. Одна звѣзда изъ Оріона—собака Коголя, другая—его беркутъ, третья—стрѣла; остальные три звѣзды—хвостъ Учъ-мыйгака. Этому Коголь-Майману молятся звѣроловы и просятъ объ удачѣ.

(Енчу, Алтаецъ, шаманъ. С. Ангудай).

в. Когольдей богатырь охотился за моралухами (мыйгакъ); разъ онъ сказалъ: „Выбью всѣхъ, ни одного не оставлю!“ За это богъ проклялъ его. Три „мыйгака“ стали тремя звѣздами въ небѣ; четвертая звѣзда Оріона—самъ Когольдей багатуръ; пятая—лошадь его; шестая—стрѣла; седьмая—собака.

(Алтаецъ).

г. Былъ на свѣтѣ сирота (ускюзъ), который былъ очень ловкій стрѣлокъ (мергенъ). Ни одинъ звѣрь отъ него не уходилъ. Много звѣрей такимъ образомъ онъ пригубилъ; люди спросили его: „Ты по божьему повелѣнію истребляешь звѣрей, или по своей волѣ?“ Мергенъ отвѣчалъ: „Что мнѣ богъ! я кого хочу, того и стрѣляю“. Послѣ этого онъ поѣхалъ на охоту, встрѣтилъ Учъ мыйгака, не могъ догнать; лошадь устала, собакъ распустилъ; Учъ мыйгакъ

поднялся на небо, за нимъ поднялся и стрѣлокъ, и его конь, и собаки. Всѣ они теперь видны въ видѣ звѣздъ; тутъ же есть и его окровавленная стрѣла.

(Буунчукъ, Теленгитъ на р. Чуѣ, шаманъ).

д. Учъ-муйгаки были преслѣдуемы охотникомъ по имени Кобонъ Чаганъ; онъ пустилъ на нихъ собаку, но она не догнала ихъ; потомъ пустилъ стрѣлу, и она прошла Учъ муйгаку чрезъ сердце. Теперь на небѣ и Учъ муйгакъ и собака и стрѣла.

(Тотой, женщина Теленгитка. Р. Чуа).

е. Коке-меренъ Кобонъ Чаганъ моритай хонръ нохойтай (Коке стрѣлецъ на бѣлой лошади Кобонъ съ двумя собаками) охотился за Гурбы Мараль (трема моралухами).

(Дюрбютка въ ханскомъ куренѣ).

ж. За тремя моралухами, Гурбы марыль или Гурбы сого, гнался охотникъ Когульдей-мергенъ Кобунъ Чаганъ сумутай Асырь Басырь нохойтой Когненъ Чаганъ моритай (вооруженный стрѣлой Кобунъ Чаганъ, имѣющій двухъ собакъ Асырь и Басырь и лошадь Когненъ Чаганъ). Моралухи добѣжали до горы, на которую спустился Меле-бурхынъ; онъ тутъ сидѣлъ и читалъ книгу; моралы, добѣжавъ до горы, остановились и смотрятъ на святаго; охотникъ и собаки также остановились и смотрятъ на него. Меле-бурхынъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ поднялъ на небо; еслибъ онъ не сдѣлалъ этого, охотникъ застрѣлилъ бы моралухъ. Всѣ они сдѣлались бурхынами. Когульдей мергенъ назывался также Комбу Дорчжи ¹⁾.

(Чо Джаминъ, грамотный лама, халха изъ хошуна Тачжи Урянхай. Г. Кобдо).

з. Въ Учъ муйгака стрѣлялъ Когутей-мергенъ.

(Чингиджекъ, Тува Уранхаецъ кости Самьджакъ. Р. Буренъ-голь).

и. Тува Урянхайцы на Терьнорѣ въ Орионѣ, Киши Чолбанъ, видятъ двѣ руки, двѣ ноги, туловище и голову.

і. Охотникъ, стрѣлявшій въ Гурбы Сого, назывался Кобундей-мергенъ.

(Дархатъ. Р. Шишеитъ).

¹⁾ Выраженіе „назывался также“ даетъ поводъ догадываться, что подобное же сказаніе разказывается и о богатырѣ Комбу Дорчжи.

в. Охотникъ назывался Кусеге-мергенъ или Кохоце-мергенъ кубынь; у него была собака Кубынь Цаганъ. Онъ родился отъ коровы, голова его была человѣчья, туловище—конь. Его стрѣла называлась Гал хомынъ (то-есть, „огонь стрѣла“).

(Петръ Гантимуровъ, обратившійся Тунгусъ, родомъ съ вершины Иркута).

л. Гурунь-Барыкъ или Гурунь-гурогень — это три звѣзды рядомъ; три, лежащія ниже ихъ, звѣзды — три собаки Ког оден-Мергена, карающіе звѣрей; всю эту группу Когодей-Мергенъ поставилъ на небо на память людямъ о себѣ. Въ сторонѣ отъ этой группы стоитъ конь Когодей-мергена, созданный изъ девяти простыхъ лошадей. Направо отъ Оріона кровавая звѣзда (краснаго цвѣта): это—стрѣла мергена, которою онъ прострѣлилъ среднюю козулю (гурогень), и которая несетъ на себѣ слѣды крови. Когодей-мергенъ былъ сынъ Хуху-Мунгунъ-Тэнгри; онъ спустился на землю, чтобы спасти родъ человѣческій отъ Мангытхая, который разорялъ народъ; былъ моръ на людей отъ Мангытъ-Хая, всѣ люди погибли, осталось только семь старухъ, которыя поднялись на высокую гору, плакали и молились о спасеніи. Отъ этихъ старухъ ведетъ свой родъ нынѣшнее человѣчество. Когодей-мергена послалъ на землю Исыгы-Маланъ-Тэнгри, и мергенъ родился отъ старика и старухи. Потомъ Исыгы-Маланъ-Тэнгри послалъ мергену богатырскаго коня, въ полной сбруѣ.

(Абашей, Бурятъ аларскаго вѣдомства).

м. Въ Гурба-Когонъ (три моралухи) стрѣлялъ Куутей-мергенъ; на небѣ видны, какъ моралухи, такъ и онъ самъ съ собакой.

(Бурятъ въ вершинахъ р. Иркута).

н. Гурба морала гонить Сагатай мергенъ съ тремя собаками. Другіе говорятъ: его гонитъ Одой-ханъ.

(Бурятъ Аларск. вѣдомства).

о. Богатырь Гоголь голодай стрѣлялъ въ моралухъ; пули его летѣли на небо. Его пуля и теперь видна: это—красная звѣзда, кызыл-илтис.

(Зал. г. Ядринцевъ отъ Алтайцевъ въ русскомъ Алтай).

п. Богатырь, стрѣляющій въ трехъ моралухъ (ушь-мыйгак) называется Когудей мергенъ. У него жеребецъ—Ханъ-цаганъ-аскыръ: это—большая звѣзда, которая выходитъ послѣ Ушь-мыйгака.

(Урянхайцы въ долинѣ р. Хука).

39. Кубырь чолмонь ¹⁾.

Звѣзда, Кубырь-чолмонь удалилась отъ Ойродь-кана, который прежде былъ на землѣ ²⁾. Кубырь-чолмону Алтайцы поклоняются. (Шаманъ Энчу, Алтаецъ. С. Ангадай).

40. Радуга.

Радуга—лукъ Джесь-мадыра; аинга (громовая стрѣла)—стрѣла того же богатыря. Радуга называется солонго, а когда бываетъ полосатою (?), называется телешь. По одной полосѣ радуги спускается на землю Тамдынъ, по другой Агырь, по третьей Телешъ; всѣхъ ихъ девять.

(Тува Урянхаецъ на р. Буренъ голѣ).

41. Открытіе неба.

Когда бываетъ „открытіе неба“, Аларскіе Буряты думаютъ, что слѣдуетъ произнести слѣдующіе стихи:

мэнгын адун кэрэк угей
мэхин хэлин кэрэктэй
тумун адун кэрэк угей
тухэ хэлин кэрэктэй,

и тогда тебѣ небо дастъ то, чего ты желаешь.

42. Потопъ.

а. Въ древности вода разлилась и затопила землю; спасся только одинъ старикъ съ тремя сыновьями на салѣ (плотѣ); одинъ изъ этихъ сыновей назывался Хамъ; онъ-то и былъ первый хамъ туваскій.

(Тува-урянхаецъ, жившій годъ въ Минусинскѣ. Р. Улухемъ).

з. Этотъ разказъ былъ разказанъ на вопросъ: кто былъ Ирень? Когда же разказчика спросили: этотъ камъ что ли и былъ Ирень? онъ отвѣчалъ: „Нѣтъ, но онъ призывалъ Ирени и его силой дѣйствовалъ“.

¹⁾ Судя по второму члену имени, это зарница.

²⁾ При этомъ разказчикъ употребилъ причастіе: эрбаб, которое мнѣ не могли перевести.

б. Нѣкогда былъ потопъ, и одинъ старикъ спасся на желѣзномъ плотѣ.

(Одна женщина Тува-Урянхайка. Р. Бурен-голъ).

в. Прежде вода покрывала всю землю, и лѣсу не было. Все растущее явилось только послѣ потопа.

(Тува-Урянхаецъ, кости Сальджака. Р. Седзень).

г. Земля лежитъ на Алапъ-мелекеѣ (то-есть, на лягушеѣ Алапъ). Когда лягушка пошевелится, пожалуй и земля упадетъ. Однажды она пошевелилась; Улу-Далай (великое море) заволновалось, какъ будто закипѣло, и вышло изъ береговъ. Одинъ только старикъ предвидѣлъ это обстоятельство и выстроилъ плотъ, окованный желѣсомъ—темір хадалу сал, сѣлъ въ него съ немногими людьми и запасомъ и тѣмъ спасся. Этотъ плотъ и теперь стоитъ на высокой тайгѣ, на которой нѣкогда остановился. Всѣ остальные люди и животныя погибли.

Послѣ этого Кезерь Чингисъ Кайраканъ началъ творить то, что теперь есть на землѣ; онъ создалъ горы, лѣса; онъ открылъ огонь, научилъ людей всему, что они дѣлаютъ, научилъ курить вино, выстроилъ хуралъ и былъ правителемъ ихъ. Онъ далъ имя народу Тува, потому что они были его подданные. Тувасцы не платили ему подати (албай), а только обязаны были доставлять ему птицу эвир. Потомъ къ нему пришелъ съ войной Едженъ Кайраканъ; въ первый разъ ударилъ его саблей, ничего не могъ сдѣлать; со втораго раза отсѣкъ ему голову и взялъ его хуралъ и народъ. Однако Кезерь поднялся на небо и сказалъ: „Прійдетъ время, и тебѣ будетъ такой же конецъ“. Съ той поры Тува платятъ албай Едженъ-хану соболями, бѣлками и проч. Прежде Кезерь-Кайраканъ находился близъ Акъ-Хана (то-есть, бѣлаго или Русскаго царя)—Акъ-Ханымъ янда, Оруснымъ-Ханымъ янда.

(Бюргунъ, Тува-Урянхаецъ кости Сальджака. Р. Буренъ-голъ).

д. Алтайцы вѣрятъ, что былъ потопъ. Салъ (плотъ), на которомъ спасся предокъ нынѣшняго человѣчества, и теперь цѣлъ; онъ стоитъ на горѣ Адыганъ (къ ю. отъ с. Улалы, на правомъ берегу р. Катуня). Кто взойдетъ на эту гору, тотъ уже не возвратится оттуда, умретъ.

(Изъ записокъ миссіонера о. Постыкова).

43. Вода вѣчной жизни.

а. Очирвани-тэнгирь облагодѣтельствовалъ бы насъ долгимъ вѣкомъ, продолжительною счастливою жизнью, если бы не помѣшалъ ему Мангысь. Очирвани велѣлъ солнцу и мѣсяцу сварить „аракшинъ“, а самъ долженъ былъ куда-то отправиться; поѣхалъ и скрылся за горнымъ переваломъ. Въ это время наѣхалъ Мангысь, поѣлъ „аракшинъ“ и въ чашу, въ которой онъ былъ, помочился. Потомъ спросилъ: „Куда поѣхалъ Очирвани?“ Мѣсяць сказалъ, а солнце умолчало. Мангысь поѣхалъ слѣдомъ за Очирвани; только онъ исчезъ изъ виду, какъ Очирвани вернулся домой и спрашиваетъ, что безъ него случилось. Ему рассказали. Очирвани выѣхалъ на переваль; увидѣлъ Мангыса, бросилъ въ него своимъ очуромъ и нанесъ ему семь поврежденій: на лицѣ испортилъ глазъ, перешибъ руку, повредилъ спину и т. п.; кромѣ того, перешибъ его пополамъ, въ носъ продѣлъ желѣзный „буль“ (палочка, втыкаемая въ ноздри верблюда) и далъ солнцу и лунѣ держать его. И теперь солнце и мѣсяць держатъ эту верхнюю половину (чоджи) Мангыса; иначе этотъ Мангысь называется Тайчжинъ-Арахн. Его „чоджи“ (туловище) и теперь видно на мѣсяцѣ (это пятна).

(Чо Джамцинъ, лама Халхасецъ съ р. Усюнь-Дзюль въ хошунѣ Тачжн Урянхай).

б. Бурхынъ-Бакши жилъ въ небесныхъ высотахъ, гдѣ ходитъ солнце. Ему пришла мысль спуститься на землю и посмотрѣть, каково житье людей и животныхъ (амитын); спустился и сталъ ходить съ двумя шаби: Хайдынъ и Джапсылъ; онъ вырубилъ палки, сдѣлалъ хабчикъ (дорожную суму) и подъ видомъ батырчи (калики переходяго) втроемъ съ своими товарищами обошелъ всю землю. Насмотрѣвшись на земную жизнь, Бурхынъ-Бакши сказалъ своимъ ученикамъ, что жизнь людей и животныхъ на землѣ трудна и несчастлива. Ученики удивились, не сознавая трудныхъ условій земной жизни. Тогда Бурхынъ-Бакши поставилъ иглу остриемъ вверхъ, сталъ сыпать на нее зерно и сказалъ: „Какъ трудно сдѣлать, чтобы всѣ зерна попали на острие, также трудно жить на землѣ. Нужно сдѣлать ихъ жизнь вѣчною и счастливою!“ И съ этою цѣлью онъ снова поднялся на небо и сталъ готовить арашанъ; читая молитвы надъ водой. Когда онъ вратковременно отлучился, Арахн-ами-

тынъ выпилъ арашанъ и самъ убѣжалъ. Не найдя приготовленнаго напитка, Бурхынъ-Бакши спросилъ солнце: „Кто выпилъ арашанъ?“ Солнце сказала: „Арахи-амитынъ“. „Гдѣ же онъ?“ „Далеко, далеко! Арахи сказалъ, что онъ, выпивъ арашанъ, сталъ безсмертенъ, и что убьетъ тебя!“ Бурхынъ-Бакши побѣжалъ далѣе и спросилъ у мѣсяца: видѣлъ ли онъ Арахи? „Видѣлъ“, отвѣчалъ мѣсяцъ.— „Только что мимо пробѣжалъ“. И указалъ ему, гдѣ найдти Арахи. Бурхынъ-Бакши догналъ Арахи, и ударивъ его по поясу, очиромъ, разбилъ его поаламъ: нижняя половина его упала на землю, верхняя поднялась на небо; изъ его обрубленной утробы вылилась моча. Бурхынъ-Бакши собралъ ее въ чашку и подумалъ: „Вылить на землю—на темлѣ все сгибнетъ отъ этаго яда; вылить на небо—будетъ худо для зэнгри“. Выпилъ самъ, лице его почернѣло, тѣло стало синимъ. Такимы его и рисуютъ. За то, что солнце и мѣсяцъ выдали, Арахи, который хотъ и разрубленъ, сталъ теперь, выпивъ арашанъ, безсмертнымъ, мститъ обѣимъ свѣтиламъ тѣмъ, что старается проглотить ихъ; солнце онъ не можетъ проглотить, а мѣсяцъ проглатываетъ; но такъ какъ задъ у него обрубленъ, то мѣсяцъ снова вываливается изъ его утробы. Такъ какъ мѣсяцъ всю правду сказалъ, а солнце скрыло, что Арахи былъ близко, Арахи нападаетъ на мѣсяцъ чаще, чѣмъ солнце.

(Найдннъ, богдо-шабинецъ, Халха, изъ г. Урги).

в. Потомъ Бурхынъ-Бакши снова началъ готовить арашанъ, далъ его воронѣ, велѣлъ снести на землю и вылить на голову человѣку. Ворона прилетѣла на землю, сѣла на ель (хацзура) и дожидается, когда пойдетъ человѣкъ мимо, чтобы вылить воду ему на голову. Случилось, что въ то же время на ели сидѣлъ филинъ (шаръ шибо); онъ крикнулъ, ворона испугалась и пролила арашанъ; поэтому ель вѣчно зеленая, хвоя никогда не опадаетъ съ нея. Послѣ второй неудачи Бурхынъ-Бакши удалился на небо, гдѣ и теперь находится, а вмѣсто себя на землю послалъ Богдогегена.

(Онъ же).

г. Воронъ пьетъ воду Мынхэнъ хара угунъ (по варианту, разказанному Петромъ Гантимуровымъ, Буратомъ съ верш. Иркута: мунко-хара угунъ, „вѣчную черную воду“), и оттого бываетъ долговѣченъ. Богъ послалъ ворона отнести этой воды во рту человѣку, чтобы сдѣлать его безсмертнымъ. Воронъ понесъ и дорѣгой сѣлъ на сосну

отдохнуть, а на той же соснѣ сидѣлъ филинъ и закричалъ. Воронъ испугался, раскрылъ ротъ и пролилъ воду; оттого сосна и не теряетъ хвои зимой, что была облита водой Мыхэнъ хара угунъ. Изъ арашана, чтобы вода имѣла силу, нужно брать утромъ прежде, чѣмъ напьется изъ него воронъ, потому что воронъ рано прилетаетъ пить. Оттого онъ получаетъ безсмертіе.

(Н. В. Матхановъ, бурятъ, бывший тайша Аларск. вѣдомства).

44. Изобрѣтеніе вина.

а. Арихи-чингисъ-ханай идэ, водка—Чинхисъ-ханова ѣда. До Чингисъ-хана люди не знали ея. У него было много скота, много молока; что дѣлать съ излишкомъ? Онъ устроилъ бурхель, цорго и выгналъ въ котлѣ вино, собралъ сановниковъ, угостилъ ихъ и самъ выпилъ. Всѣ стали пьяны, и ханъ также. Въ ханской юртѣ подпоры были красныя; Чингисъ-ханъ, будучи пьянъ, принялъ красную подпору за свою жену, которая ходила обыкновенно въ красномъ шелковомъ одѣяніи (хунтусъ), обнялъ подпору и сталъ ее цѣловать. Назавтра, когда ему рассказали, что съ нимъ было, онъ сказалъ: „Это ядъ! если ханъ такія вещи сдѣлалъ, что будутъ дѣлать его подданные!“ Онъ скралъ все въ бурхель и спустилъ по рѣкѣ, а самъ снялся и ушелъ къ ея вершинамъ. Когда разбили ханскую ставку на новомъ мѣстѣ и пошли за водой, смотрять — бурхель, спущенный въ воду, тоже тутъ; онъ приплылъ вверхъ по водѣ. Тогда ханъ сказалъ: „Видно было угодно самому Тэнгри, чтобы я изобрѣлъ этотъ напитокъ“. И повелѣлъ своимъ подданнымъ бурить водку, но только не напиваться. При его жизни народъ сдерживался, но послѣ его смерти народныя нравы ослабѣли, началось пьянство. Молоко, еумысь, творогъ нельзя проливать или ронять на землю; сдѣлавъ это нечаянно, нужно омочить пальцы въ пролитомъ и вытереть о правое плечо,—потому что эти три вещи „Чингисъ-ханай кэшикъ“, то-есть, счастье, оставленное Чингисъ-ханомъ.

(Сарисынъ, Дурбютъ изъ г. Улангома).

б. Вино (арихи) составлено изъ девяти ядовъ (хоронъ), человѣкъ изъ десяти; только потому, что въ человѣкѣ есть одинъ ядъ лишній, онъ и можетъ пить водку. Яды, вошедшіе въ составъ, слѣдующіе: пѣна изъ рта самца верблюда, бьющая во время гона (оттого

пьяные срежешутъ зубами); зрачекъ (цедекъ) изъ глаза бѣшеннаго волка (оттого глаза у пьяныхъ мутны); мозгъ слона (цанъ) (оттого пьяные валятся ко сну, какъ слоны); слези отъ жены Мангьса (оттого у пьяныхъ появляется похотливость и друг.).

(Онъ же).

в. Водку изобрѣлъ Гесерь.

(Танза, Уранхаецъ кости Туматъ. Р. Аръ Торходнѣъ).

г. Водку изобрѣлъ бурхынъ Шигимунн; онъ сдѣлалъ ее и наполнилъ ею слѣпаго и безрукаго-безногаго; слѣпой выпилъ и говоритъ: „Вотъ я и съ глазами сталъ!“ А безрукій-безногій сказалъ: „А я сталъ съ руками и ногами“. И начали они драться. Приходитъ богъ, увидѣлъ послѣдствія своего изобрѣтенія и убавилъ силу у водки; повелѣлъ народу дѣлать только тарасунъ (молочную водку), въ которомъ только одна треть водки.

(Старуха Бурятка, въ верш. р. Иркута).

д. Водку изобрѣлъ Арахн; онъ сдѣлалъ ее изъ девяти ядовъ (югунъ хорор) и сначала наполнилъ ею слѣпаго и безногаго (вѣдбу-гейтей).

(Сынъ той старухи).

Водку первый сдѣлалъ Кезерь-Кайраканъ.

(Бюргутъ, Тува Уранхаецъ кости Салджакаъ. Р. Буренъ-голь).

е. Хвала вину, которую поютъ Буряты въ Аларскомъ вѣдомствѣ:

Чирымъ танхада шимынгын иден
Чингис ханен бутегын иден
Тэрэ иден тюрюдѣ зоход
Тюмын адун тиргенде зоход
Гууде танхада гоожигын иден
Голто бурханай бутегын иден
Тэрэ иден тюрюдѣ зоход
Тюмын адун тиргенде зоход
Алтын танхада амигын иден
Амида (вар. Аха) бурханай бутегын иден
Тэрэ иден тюрюдѣ зоход
Тюмын адун тиргенде зоход

То-есть:

Въ чугунный кувшинъ точащееся вино,
Чингисханомъ созданная ѣда!

Эта ѣда пріятна на пиру ¹⁾,
Десять тысячъ скота пріятны въ улусѣ.
Въ мѣдный кувшинъ струящееся вино,
Живымъ богомъ ²⁾ созданная ѣда!
Эта ѣда пріятна на пиру,
А десять тысячъ скота пріятны въ улусѣ.
Въ золотой кувшинъ испаряющееся вино,
Амида бурхыномъ созданная ѣда!
Эта ѣда пріятна на пиру,
А десять тысячъ скота пріятны въ улусѣ.

ж. Сидя въ ожиданіи выкурки тарасуна, Аларскіе Бураты поютъ:

Булхын, булхын тонхыа бусылхын худон
Бурхын, бурхын Баабен урюлинь хялен
Ханэ мингыи барыкда угей
Хабагай удыл кара угей
Халюн-булгын зугынде
Хунэ хабы увдэ
Арахин биде уи
Тамахин биде татап,
Алхын номогор цэугалиэ.

То-есть:

Будемъ ждаты ипѣнїя круглаго, круглаго кувшина,
Будемъ ждаты призванїя къ бурхину Баабей!
Царскїя деньги не кончились,
Кабакцїя дзери не заперты,
Выдра, соболь съ доброй цѣнѣй,
Человѣкъ въ полномъ возрастѣ!
Будемъ водку пить,
Табакъ курить,
Тихо и мирно веселиться!

з. Пѣсня, которую поютъ во время выкурки вина Телеуты (сообщилъ о. Мих. Чивалковъ, живущій въ Улалѣ). Для этого избираются красивыя молодыя замузныя женщины, хорошо наряженныя.

Айдим алдыппан абан агын су (или ару су)
Арал кик сугады
Арулар жеткен ак айран
Адам Ерлин сугады
Купь алдыппан абан су
Корѣль кик сугады

¹⁾ Тюрю—свадьба, поминки, избраніе царя.

²⁾ Голъ—по указанію г. Матханова, живой.

Коркуюю жетвен кок айран
Кондулю Ерлик сугады

или:

Ковшин Ерлик сугады.

Въ каждой строчкѣ припѣвъ: ай ай ду! ай ду!

Переводъ: Подъ мѣсяцемъ быстро ¹⁾ текущая вода — водопой звѣрей, живущихъ въ чащѣ ²⁾; чистыми (или красивыми) женщинами сдѣланный бѣлый айранъ (кислое молоко), напитокъ Адамъ-Ерлика; подъ солнцемъ текущая вода — водопой король-звѣря ³⁾; красавицамъ ⁴⁾ сдѣланный синій айранъ — напитокъ почтеннаго (или стараго) Ерлика.

45. Преданія объ урочищахъ.

1. Р. Таджилу и скала Абымъ-бомъ.

(Р. Таджилу впадаетъ съ сѣвера въ р. Чую. Она течетъ по западной окраинѣ Курайской степи, омывая восточную подошву горы Оржанту (оржанъ—можжевеликъ, ту—гора), извѣстной у Русскихъ подъ именемъ Аржаной горы. Скала Абымъ-бомъ находится на правомъ берегу р. Чуи, выше Курайской степи).

а. На рѣкѣ Таджилу въ древности жилъ халхасскій таджи, то-есть, князь; по нему и рѣчка названа Таджилу. Онъ высваталъ въ вершинахъ Чуи невѣсту; отецъ и мать везли ее къ жениху, но въ мѣстности, которая теперь называется Абымъ-бомъ, ей стало холодно, хотя она была одѣта въ девять шелковыхъ покрововъ. Она

¹⁾ Агнн—быстро.

²⁾ Переводъ пѣсни сдѣланъ о. Михаиломъ. Слово *арамъ* онъ принялъ за чащу; но можетъ быть, *араль-книгъ*—названіе какого-нибудь особаго звѣря.

³⁾ О. Михайлъ слово *корбъ* призналъ за старинное, значеніе котораго ему не извѣстно.

⁴⁾ Такъ перевелъ о. Михайлъ, основываясь на томъ, что въ одной пѣснѣ есть выраженіе: корыи акшины курюб алгыпча, когы акшины сураб ал, то-есть: чѣмъ смотрѣть на красоту, спроси о добротѣ. Есть впрочемъ тунгусское слово: *коркелю, corceïlâ*, степной рябчикъ (*Castren, Grundz. ein. tungus. Sprachlehre, S. 104*).

замерзла, успѣвъ только произнести: „Абым!“ (мой батюшка!) Женихъ, услыхавъ, что невѣста его умерла, съ горя застрѣлился ¹⁾.
(Вутушъ, Алтаецъ).

б. На урочищѣ Таджилу жилъ би (князь), по имени Таджилу; у него была дочь. Онъ просваталъ ее за калхасскаго князя, который жилъ на рѣкѣ Боро Бургуссунъ, къ востоку отъ мѣстности Кошагачъ; отецъ везъ свою дочь къ жениху; тамъ, гдѣ лежитъ въ долинѣ Чуи столбообразный камень, случился буранъ. Дѣвица была одѣта въ шелковое платье въ девять рядовъ, но мѣху не было, и она умерла отъ мороза, успѣвъ только сказать: „Абым, эди!“ (батюшка, матушка!) Таджилу, пораженный смертью дочери, внезапно умеръ. Послѣ этого событія въ здѣшней мѣстности не стало змѣй и лягушекъ, потому что покойники свазали имъ: „Мы здѣсь будемъ жить, а вы удалитесь“.

(Тотой, старуха Теленгитка кости Телесъ на р. Чуѣ).

в. Шидырванъ просваталъ свою дочь за Кунгеръ хана и везъ ее къ нему. На мѣстности Абомъ-Бомъ невѣста замерзла, хотя была закутана въ девять слоевъ шелку (тогуз кат торко).

(Таранъ, шаманъ Теленгитъ на Чуйской степи).

2. Ижимей.

На островѣ Ольхонѣ самая высокая гора Ижимей. По повѣрью Ольхонскихъ Бурятъ, на ней находится бессмертный медвѣдь въ цѣпяхъ. На эту гору Буряты не осмѣливаются входить.

(Сообщено г. Черскимъ).

3. Арбынъ гурба дагна.

Танну-ола въ вершинахъ р. Торхолька (по урянх. Торголикъ) называется Арбынъ гурба дагна; это — тринадцать онгоновъ; ихъ призываютъ хамы.

(Сенге-дорджи, Халха съ караула Чициргана).

¹⁾ Алтаецъ Олѣнѣй показалъ намъ въ восточномъ концѣ Курайской степи, въ ущельѣ, по которому протекаетъ р. Чуя, на горизонтальной террасѣ, по которой проходитъ дорога, вправо отъ послѣдней, если ѣхать на востокъ, два камня, лежащіе отдѣльно; восточный имѣетъ кубическую форму безъ слѣдовъ искусственной обтески; въ поперечникѣ онъ болѣе аршина. Кто-то его обрылъ. Другой камень неправильной формы. Подъ первымъ будто бы похоронена невѣста Таджи, подъ вторымъ положенъ конь, убитый на поминкахъ.

4. Ханъ-Мергѣй.

Близъ бурятскаго улуса Нигды въ Аларскаго вѣдомствѣ, близъ роши, гдѣ удавилась шаманка Баиръ-ханъ, у мыса Хара-хошунъ, есть мѣсто, гдѣ шаманъ Ханъ-Мергей, гонясь за звѣремъ, умеръ.

5. Хоймаръ.

Въ долину Иркута есть гора Хоймаръ. На вершинѣ ея находится изображеніе двухъ бѣлыхъ лошадей; тутъ источникъ вѣчной святой воды, которая кипитъ ключомъ. Достать эту воду невозможно: врутъ подъемъ. Одинъ Бурятъ поднимался на оленѣ, но привезъ только вѣтви чернаго можжевельника. Тотъ же разказчикъ (Бурятъ-Петръ Гантимуровъ) въ другой разъ сказалъ, что на этомъ камнѣ находится изображеніе солнца и луны. Буряты дѣлаютъ этому камню возліанія.

6. Три рѣки Иркутъ, Ока и Іа.

Ирху (Иркутъ), Аха (Ока) и Іа (Іа) были три брата или сестры; Ирху былъ упрямый, капризный (ирхэху—капризничать), пошелъ отъ двухъ другихъ въ сторону и ударился объ Ангару. Аха былъ старшій изъ трехъ.

(Сообщ. Н. В. Матхановъ; бурятское сказаніе).

7. Цаганъ юшочило.

а. Каменная баба этого имени, стоящая около города Улангома, только для простаго человѣка кажется простымъ камнемъ, но ноговъ-дариху открыла нойону (то-есть, Дюрбютскому вану), что это бурхынъ, и нойонъ велѣлъ надъ нею построить фанзу. Этому камню молятся объ открытіи вражи или о потерѣ: Цаганъ-юшочило имѣетъ силу открывать потерянное.

(Баинъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Нѣкоторые говорятъ, что тутъ лежитъ прахъ Уй-Джанджина (Уй-Джанджинини куръ), другіе—что тутъ похороненъ царь здѣшнихъ мѣстъ. Пріѣзжалъ однажды въ Улангомъ великій лама, смотрѣлъ юшо-чило и сказалъ, будто камень обратился къ нему съ такими словами: „Я стою надъ великимъ кладомъ; мнѣ неприлично

стоять безъ одежды“. Поэтому одѣли камень и построили фанзу. Другой лама заявилъ, что нужно въ честь его соорудить обо на черной горкѣ, что лежитъ къ востоку отъ Улангома, будто потому, что эта горка служить защитой для кюшо-чило. Это обо и было насыпано.

(Сарисынъ, дюрбютъ. Г. Улангомъ).

8. Лунъ-Ханъ.

Къ сѣверу отъ монастыря Улангома лежитъ мѣстность, состоящая изъ голаго голешника; она считается мѣстомъ жительства Лунъ-хана. Въ честь его-то и строятъ новый тугумъ въ Улангомѣ. Лунъ-ханъ хозяинъ (едзек) всего Улангомскаго урочища; срубить не сухое, зеленое дерево въ Улангомѣ значить впасть въ отвѣтственность передъ Лунъ-ханомъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

9. Горный проходъ Байримень дабанъ.

На Беконъ Берени выше Табынъ Сала, на правомъ берегу подлѣ красныхъ горокъ, гдѣ нынѣ находятся фанзы китайскихъ купцовъ (торговой фирмы Аршанъ), по разказамъ мѣстныхъ жителей, видны слѣды старинныхъ построекъ. Во времена Дондукъ-Церена былъ знаменитый лама Очиръ Даръ лама, который раскапывалъ эту мѣстность и нашелъ два огромные въ аршинъ длинной, стремени, люльку дѣтскую въ полсажени длинной, конскую голову въ полсажени длинной и объявилъ, что тутъ прежде былъ китайскій городъ. Въ это время въ народѣ были падежи, болѣзни; лама предположилъ, что это по той причинѣ, что тутъ былъ китайскій городъ. Чтобъ отвратить бѣдствія, лама съ народомъ взошелъ на Байримень-дабанъ, откуда видно мѣсто развалинъ, именуемое теперь Байшинту, и здѣсь молился четыремъ силамъ, дурбен кучитей: тигру (бар), льву (арслан), Ханъ Гариде и дракону (лу). Бѣды прекратились. Въ память этого и поставлено на горномъ проходѣ Байримень-дабанъ большое обо съ деревянными изображениями на четырехъ странахъ свѣта, дракона, льва и другихъ животно-миеологическихъ формъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

10. Гора Шагшагъ.

Шагшагъ—гора близъ селенія Улала, лежитъ къ в. отъ нея. Здѣсь отсиживались Алтайцы отъ киргизскаго батыря Кочкорбая, пришедшаго подъ Улалу съ двумя сыновьями. Теперь преданія разногласятъ: одни говорятъ Кочкорбая застрѣлили Ерельдей, другіе: дѣдъ зайсана Бакая. Сѣверная сторона этой горы покрыта чернью, южная открытая; народъ и скотъ Алтайцы спрятали въ чернь на сѣверной сторонѣ горы, вершину горы съ южной стороны обложили лѣсомъ и камнями. Кочкорбай былъ одѣтъ въ кольчугу, такъ что стрѣла не брала его; Ерельдей нацѣпилъ въ луку, прострѣлилъ ее и попалъ въ животъ Кочкорбая, который не былъ защищенъ кольчугой, что зналъ Ерельдей; въ полдень Кочкорбай умеръ. На другой день старшій сынъ Кочкорбая подѣхалъ къ засѣбѣ, держа въ рукѣ щитъ. Ему Ерельдей нацѣпилъ въ шагшагъ, те-есть, въ сочлененіе пальцевъ съ пастыемъ; другой сынъ былъ раненъ въ колѣно.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, род. Телеутъ. Улала).

46. О сотвореніи міра и человѣка.

а. Есть на небѣ Ульгень; у него есть семь сыновей: Яжиганъ, Каршитъ, Бахтаганъ, Кара Кушканъ, Каанымъ и Янкъ (въ честь послѣдняго навѣщиваются доскутки на березу). У Ерлика также семь сыновей: Баатыръ, Керей, Ельтекъ, Тэбиръ-ханъ, Абраганъ ¹⁾. Когда не было ни неба, ни земли, а была только вода, Ульгень спустился къ водѣ, чтобы сотворить землю. Думалъ, думалъ и не знаетъ, какъ начать. Въ это время къ Ульгению подошелъ человѣкъ; Ульгень спросилъ его: „Ты кто?“ „Я тоже пришелъ сотворить землю“, отвѣчалъ тотъ. Ульгень осердился и сказалъ: „Я не могу сотворить, гдѣ же тебѣ?“ А человѣкъ ему въ отвѣтъ: „Я сейчасъ найду изъ чего сотворить землю“. „Откуда же ты возьмешь такую вещь, изъ которой можно сотворить землю?“ спросилъ Ульгень. „Ты не сердись, а я знаю, откуда ее достать“, сказалъ тотъ. Ульгень сказалъ: „Я сердиться не буду; если можешь достать эту вещь, то скорѣй доставай“. Человѣкъ сказалъ Ульгению: „Если не

¹⁾ Ябашъ—Черневыхъ Татаръ и Карашъ Алтайцевъ.

будешь сердиться, то я достану". И тут же нырнул въ воду. На днѣ воды онъ нашель гору, оторвалъ отъ нея кусокъ земли и набилъ ею свой ротъ. Вылезши изъ воды, человѣкъ выплюнулъ землю въ пригоршни Ульгенью. Ульгень бросилъ эту землю, и стала земля только изъ дерна. У человѣка же между зубами осталось немного земли; онъ плюнулъ и сдѣлалась согра, то-есть, кочковатое и болотистое мѣсто. Ульгень осердился и говорить человѣку: „Зачѣмъ ты такъ сдѣлалъ? Землю надо гладкою сотворить“. Тутъ Ульгень осердился, сталъ ругать человѣка; у того человѣка была палка, на которую онъ опершись стоялъ и слушалъ, пока богъ ругался. Наконецъ, Ульгень сказалъ: „Пусть тебя не будетъ на этой землѣ“. Тотъ выслушалъ и говорить Ульгенью: „Дай мнѣ хоть только мѣста, сколько занимаетъ конецъ моей палки!“ Ульгень сказалъ: „И этого не дамъ“. Человѣкъ стоитъ и плачетъ. Тогда Ульгень съ сердцемъ сказалъ: „Ну возьми это мѣсто! Чтò ты изъ него сдѣлаешь?“ При этихъ словахъ тотъ человѣкъ провалился сквозь мѣсто, которое выпросилъ, и его не стало.

Теперь Ульгень сталъ думать, какъ сотворить дерно. Прилетѣла къ Ульгенью ласточка; у ней во рту было дерно, она и разсѣяла его по землѣ. Потомъ Ульгень сотворилъ лѣсъ и все, чтò есть на землѣ. Сотвореннаго было очень много, плоды такъ и вѣсились. Потомъ Ульгень вздумалъ сотворить человѣка. Тѣло онъ сотворилъ изъ земли, кости изъ камней; потомъ сотворилъ женщину изъ ребра и положилъ ихъ двоихъ на землю. Только душу не могъ вложить въ человѣка. Потомъ сотворилъ собаку живую, но безъ шерсти. Затѣмъ онъ задумался и ушелъ, толи такъ ушелъ, толи душу искать, а собаку оставилъ караулить тѣла двухъ человѣкъ. Не извѣстно, откуда явился человѣкъ, имя ему Ерликъ (это былъ тотъ самый, который провалился въ дыру). Собака начала лаять на него и не пускать къ тѣламъ. Ерликъ говоритъ ей: „Я пришелъ сотворить тебѣ шерсть и вложить въ тѣла душу“. „Если такъ“, сказала собака,— „то иди и дѣлай“. Ерликъ говоритъ собакѣ: „Съѣшь то, чтò я тебѣ дамъ!“ Пошелъ, испражнялся, и собака съѣла его испражненіе; оттого у нея выросла шерсть. Потомъ Ерликъ сломилъ дудку, вложилъ ее въ заднепроходное отверстіе человѣку и дунулъ. Тѣла ожили, и Ерликъ исчезъ. Ульгень воротился къ тѣламъ и думаетъ: „Вотъ человѣкъ, который

провалился, обманул меня и вмѣшался въ мое дѣло“. Сѣлъ Ульгень и не знаетъ, что дѣлать, толи истребить эти тѣла и новыя сотворить, потому что Ерликъ вложилъ въ нихъ худую душу, толи такъ оставить? Когда Ульгень сидѣлъ и думалъ. Къ нему прискакала лягушка и говоритъ: „Зачѣмъ истреблять ихъ? Пусть себѣ живутъ: которые умираютъ, пусть умираютъ, которые живутъ, пусть живутъ“. Ульгень послушался и оставилъ людей жить.

Потомъ Ульгень сталъ думать, изъ чего бы сотворить огонь,— потому что люди были нагіе. Лягушка говоритъ Ульгенью: „На горѣ есть камни, а на березѣ губа“. Ульгень догадался, взялъ губу, сдѣлалъ трутъ, потомъ взялъ два камня и добылъ огонь. Потомъ Ульгень сказалъ людямъ: „Всѣ плоды ѣшьте, только съ одного дерева не ѣшьте плодовъ“ (какое дерево не извѣстно), и не извѣстно куда ушелъ. Въ его отсутствіе Ерликъ вышелъ и говоритъ людямъ: „Худые плоды Богъ велѣлъ вамъ ѣсть, а хорошіе себѣ оставилъ“. Люди послушались и сѣбли плоды запрещеннаго дерева, и какъ только сѣбли, такъ и почувствовали, что они наги; имъ стало стыдно, и они разбѣжались въ разные стороны. Когда Ульгень воротился, онъ не могъ найти людей; кликнулъ ихъ и они отозвались. Ульгень говоритъ имъ: „Вы что не идете ко мнѣ?“ Они сказали: „Намъ стыдно“. „Идите“, говоритъ Ульгень,— „не стыдитесь“. Они взяли съ дерева листьявъ, закрылись и пришли къ нему. Ульгень осердился на людей и говоритъ: „Я не велѣлъ ѣсть плодъ съ этого дерева, зачѣмъ вы ѣли? Теперь сами добывайте себѣ хлѣбъ и одежду“. Послѣ того онъ сотворилъ другихъ животныхъ.

У перваго человѣка Адама родилось девять сыновей: Тонжуанъ, Тодошъ, Найманъ, Капчакъ, Комдошъ, Юсь, Кузень, Тогусъ, Кэргэшъ (отъ нихъ пошли сеови или кости этихъ именъ) и девять дочерей. Эти братья взяли сестеръ замужъ, и отъ нихъ расплодился люди; они сѣяли хлѣбъ, разводили скоть.

(Записано миссіонеромъ о. Вас. Постниковымъ у Алтайцевъ въ д. Мыютѣ).

б. Сначала было небо да вода; земли еще не было. Очурманы жилъ на небѣ, ему и присѣсть было негдѣ. Вотъ онъ смотрѣлъ внизъ и думалъ: „Что это все вода да вода, дай сдѣлаю мѣстами землю“. Вздумалъ сдѣлать землю, а самъ сталъ сомнѣваться: „ну-ка не сдѣлаю!“ И сталъ онъ искать товарища. Нашелъ Чаганъ-Шу-

куты и сталъ просить его спуститься съ неба внизъ. Они согласились между собою и стали спускаться на воду. Лишь только они стали приближаться къ водѣ, увидали лягушку (лягушекъ въ Алтаѣ не бьютъ, потому что на лягушекъ земля стоитъ), которая, какъ только замѣтила ихъ, унырнула въ воду. Очурманы послалъ товарища Чаганъ-Шукуты отыскать въ водѣ лягушку. Товарищъ нырнулъ въ воду, вытащилъ лягушку, на поверхности воды повернулъ ее вверхъ брюхомъ. Очурманы сказалъ Чаганъ-Шукуты: „Я сяду на брюхо лягушки, а ты нырни въ воду и достань со дна, что тебѣ попадется. Только въ водѣ помниай меня, а то тебѣ своею силою ничего не сдѣлать“. Чаганъ-Шукуты спустился въ воду, а Очурманы остался на лягушкѣ и дожидался товарища. Чаганъ-Шукуты, достигнувъ дна, захватилъ цѣлую охапку жидкой земли и съ нею вынырнулъ. Очурманы сказалъ: „Давай сюда землю“. Чаганъ-Шукуты сказалъ ему: „Если бы не я, такъ тебѣ не достать бы земля“. Лишь только онъ это выговорилъ, земля вывалилась у него изъ рукъ и упала въ воду. Очурманы сказалъ: „Какой же ты дуракъ! вѣдь я тебѣ говорилъ, чтобы ты поминалъ мое имя, а ты этого не сдѣлалъ. Ты бы такъ сказалъ: не я тебя земля беру, а Очурманы, а ты, дуракъ, только разъ меня помянулъ“. Потомъ Очурманы послалъ своего товарища въ воду и на этотъ разъ наказалъ ему: „Что тебѣ попадется, то ты и неси ко мнѣ, да при этомъ говори: не я тебя беру, а Очурманы беретъ, а когда понесешь, говори: не я тебя несу, а Очурманы тебя несетъ“. Спустился Чаганъ-Шукуты на дно, сталъ брать землю и не можетъ взять: очень тверда земля; вылезти же ни съ чѣмъ не хотѣлось; поэтому онъ сталъ руками царапать землю и нацарапалъ только пригоршни, при чемъ говорилъ: „Не я тебя земля беру, а Очурманы тебя беретъ“. И когда понесъ изъ воды, сталъ говорить: „Не я тебя несу, а Очурманы тебя несетъ“. Когда Чаганъ-Шукуты вынырнулъ и принесъ землю Очурманы, то Очурманы велѣлъ высыпать землю на лягушку, самъ сѣлъ на эту землю и товарища посадилъ рядомъ съ собою. Лягушки не стало видно, а только была видна земля, и притомъ столько, сколько они двое заняли мѣста, лишней же земли не было. Посидѣли они оба и задремали, а прежде имъ негдѣ было отдохнуть; потомъ и заснули оба. Во время ихъ сна явился Шулмусъ и смотреть, что это два человѣка

лежать на землѣ, а лишней земли подъ ними нѣтъ. Подошелъ и думаетъ: „Взять ихъ и бросить вмѣстѣ съ землею въ воду“. Пока онъ брался за край земли, взглянулъ, воды уже нѣтъ; онъ поспѣшно схватилъ ихъ обоихъ и бѣгомъ понесъ, чтобы добѣжать до края земли и бросить ихъ въ воду; но пока онъ бѣжалъ, земля все росла; Шулмусъ бѣжалъ, бѣжалъ, изъ силъ выбился, а воды все не видать; бросилъ онъ ношу, и Очурманы пробудились съ своимъ товарищемъ. Шулмусъ успѣлъ убѣжать еще въ то время, какъ они глазъ не раскрыли. Очурманы сказали товарищу: „Когда насъ Курюмесь хотѣлъ бросить въ воду и утопить, земля насъ защитила“. Сотворивъ землю и отдохнувши, Очурманы съ товарищемъ стали ходить по землѣ. Очурманы говорятъ товарищу: „Я выдумалъ, а ты мнѣ помощникъ. Теперь давай дѣлать на землѣ живое“. Вотъ и вздумали они сотворить человѣка.

Очурманы съ товарищемъ Чаганъ-Шукуты (или Чукуты) сотворили тѣло человѣка изъ земли. Чаганъ-Шукуты сказалъ Очурманы: „Мы сотворили человѣка; надо искать душу, чтобы онъ былъ живой“. Очурманы возразилъ: „Когда мы уйдемъ, это тѣло потеряется; дѣволъ украдетъ“. „Сдѣлаемъ караульщика“, сказалъ Чаганъ-Шукуты, — „чтобы онъ никого не допускалъ“. Сдѣлали собаку, но безъ шерсти, и сказали ей: „Мы пойдемъ тебѣ шерсть искать, а человѣку душу“. Лишь только они двое ушли, приходитъ дѣволъ. Собака не пускаетъ его, а сама между тѣмъ мерзнетъ и ѣсть хочетъ. „Ты на меня не лай и не ворчи, а тебѣ дамъ шерсть и накормлю тебя“, сказалъ дѣволъ. Собака допустила, дѣволъ пошепталъ что-то, и собака стала съ шерстью. Она стала просить ѣсть. Дѣволъ сказалъ ей: „Вотъ твой хозяинъ, онъ тебя накормитъ“. Потомъ дѣволъ подошелъ къ тѣлу человѣка, зажегъ пряжу, дымъ вдунулъ ему въ носъ, и человѣкъ сталъ ходить, а дѣволъ скрылся. Очурманы съ товарищемъ возвратились, нашли его живымъ и сказали: „Мы тебя сотворили, пошли искать душу, не успѣли къ тебѣ воротиться, а ты ужъ живой. Кто тебѣ далъ душу?“ „А я какъ знаю“, отвѣтилъ человѣкъ, — „вы ли, кто другой меня сотворилъ“. Создавши человѣка и скотину, Очурманы сказали товарищу: „Теперь всему сотворенному нуженъ правитель. Ты хоть мнѣ помогалъ, но самъ ты ничего не выдумалъ“. Чаганъ-Шукуты обидѣлся и сказалъ: „Если бы не я, такъ ты ничего бы не сдѣлалъ“. Слово за сло-

во и поругались; хотѣли было драться, но Очурманы сказали: „Постояй, мы поставимъ чашку съ водой и сядемъ подлѣ чашки одинъ противъ другаго. На чьей сторонѣ выростетъ въ чашкѣ цвѣтокъ, тому и быть богомъ и править землею“. Во время ихъ ссоры явился Шулмусъ и сказалъ: „Вы спорите о томъ, кому быть богомъ и править землею, а меня позабыли. Если бы не я, такъ земли бы не было. Давайте же и мнѣ пай изъ сотвореннаго“. Долго они спорили и ругались, наконецъ, чтобъ какъ-нибудь отвязаться отъ Шулмуса, Очурманы, посоветовавшись съ товарищемъ, сказали: „Вотъ твой пай; сколько есть земли подъ оконечностью твоей палки, то и возьми“. Шулмусъ осердился, ткнулъ палкою въ землю, выдернулъ ее и оттуда поползли черви, змѣи и прочіе гады. Послѣ того Очурманы съ товарищемъ налили чашку воды, сѣли и стали дожидаться, на чьей сторонѣ выростетъ цвѣтокъ. Пока сидѣли, оба задремали. Чаганъ-Шукуты проснулся напередъ, посмотрѣлъ однимъ глазомъ на товарища, видитъ, что тотъ еще не открылъ глазъ, взялъ да и сорвалъ цвѣтокъ и положилъ на свой край блюда. Проснулся Очурманы, посмотрѣлъ, видитъ, что цвѣтокъ на сторонѣ Чаганъ-Шукуты, а корень на его сторонѣ, догадался въ чемъ дѣло и сказалъ: „Вотъ мы, боги, воруемъ другъ у друга, значитъ, и люди будутъ такіе же воры, все сотворенное будетъ въ постоянной ссорѣ и враждѣ, и люди и животныя будутъ стараться истреблять другъ друга“. Обидѣлся Очурманы и вознесся на небо. Ему жертвъ не приносятъ, хотя онъ настоящій богъ; Ульгень— это не богъ; это выдумали камы.

(Записано о. В. Постниковымъ отъ Халхаса Пахраса).

в. Земли не было; была въ началѣ одна вода, изъ которой вывалились только двѣ горы Сумеръ Ула и Дорджи Тангъ. На вершинѣ Сумеръ Улы было три сумѣ, въ которыхъ жили 33 тэнгира; при подошвѣ горы была трехугольная площадка (въ память о которой у людей лицо суживается книзу клинообразно). На ней росло дерево Замбы дандзынгъ, вершина котораго поднималась выше верхушки Сумеръ Улы; тэнгиры питались плодами этого дерева. Бывшіе на площадкѣ подъ деревомъ Замбы ассиры кричали тэнгирамъ: „Зачѣмъ вы поѣдаете плоды дерева, которое принадлежитъ намъ, потому что растетъ на нашей землѣ!“ И однажды побѣди тэнгировъ. Тэнгиры пожаловались Очирвани; этотъ богъ ото-

слалъ ихъ къ Сульди-Тэнгри ¹⁾, а этотъ—къ Тайчжи-Тэнгри. Послѣдній вынулъ изъ океана мѣшокъ и въ немъ разные военные доспѣхи и молотъ; этимъ молотомъ онъ отломилъ отъ Сумеръ Улы камень, выковалъ изъ него желѣзо, изъ желѣза оружіе, подошелъ къ краю горы и крикнулъ на ассировъ: „Джа! джа! джа! хум! хум! хум! пад! пад! пад!“ Всѣ ассирѣ отъ этого крика погибли. Послѣ того на ту гору слетѣлись тысячи боговъ и стали разбрасывать съ нея песокъ; бросали и золото, поэтому землю и зовутъ алтынъ-тельке; подобно смѣтанѣ, густѣющей на молокѣ, сгустился песокъ, затвердѣлъ, и образовалась земля. Тогда боги сказали: „Надо ее населить“. Два бога, одинъ мужскаго, другой женскаго пола спустились на землю и стали жить по человѣчески. Стыда и срама они не знали. Богъ-мужъ отрѣзалъ конецъ отъ чулка и повѣсилъ на дверь на веревочкѣ; мышь отгрызла веревочку, собака унесла упавшій чулокъ; Тэнгри наказалъ за это собакъ тѣмъ, что они послѣ совокупленія распадаются мордами врознь, а мышей тѣмъ, что онѣ скопляются. У пары боговъ родились сынъ и дочь. Они испробовали плодовъ дерева *бамъ* и почувствовали стыдъ; попробовали плодовъ дерева *самъ* и еще болѣе устыдились, и больше грѣшить стали. Послѣ того у нихъ расплодилось большое потомство; жизнь усложнилась, начались споры, тяжбы; избрали старшину; потомъ потребовались судьи, наконецъ ханъ. Этого хана носили на носилкахъ, почему ему имя было Кузень ширету ханъ, то-есть, ханъ съ престоломъ на шеѣ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

г. Міръ создалъ Тенгисъ.

(Старикъ Теленгятъ. Чуйская степь).

д. Четыре кана (царя) держатся за „небесную пуговицу“, тэнгрины: тобчисъ; этимъ крѣпится міръ. Четыре эти кана суть: Кункыръ-каан, Еденъ пууду каан, Чаган-каан и Амырсананы: улы Темірсана (то-есть, Темірсана, сынъ Амырсаны).

(Почукъ, вѣщенный Алтаецъ. С. Ангудай).

е. Маджи шири обратился въ лягушку, легъ на брюхо, растанулъ

¹⁾ По словамъ разказчика, у нойоновъ черезъ три года бывають жертвоприношенія Сульдѣ.

руки и на своемъ брѣхѣ утвердилъ имъ же созданную землю. Если одинъ палецъ пошевелится у лягушки, бываетъ землетрясеніе.

(Сарисенъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

ж. Три кайракана: Шитаръ, Чингисъ и Кезеръ сотворили Оранъ-Телегея, то-есть, міръ.

(Бюргутъ, Тува Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Буренъ-голь).

з. Дерево и камень на землѣ создалъ Оронъ Телегей Кайраканъ—Оронъ Телегей няшъ, ташъ булгашъ. Три кайракана на небѣ: Кезеръ, Чингисъ и Амурсана; всѣ они трое — одно, джангызла. Или какъ онъ же выразился: учъ кайраканниг, „три кайракана — одинъ“¹⁾. Ихъ всѣхъ вмѣстѣ называютъ Телегей. Всѣ они трое сильны и страшны; человѣкъ не можетъ вынести ихъ вида; увидѣвъ, умираетъ. Изъ трехъ кайракановъ Кезеръ-кайраканъ азы то-есть, старшій, Амурсана аньякъ, то-есть, младшій. Кезеръ, испытавъ силу Чингиса, сталъ пытатъ силу Амурсаны. Амурсана подаль ему змѣю; Кезеръ проглотилъ ее безъ вреда. Потомъ Кезеръ положилъ топоръ въ огонь, и когда тотъ накалился, далъ Амурсанѣ; Амурсана не могъ выдержать ни тяжести, ни жара желѣза и уронилъ топоръ, который ушелъ въ землю. Кезеръ сказалъ: „Нѣтъ, въ тебѣ силы мало, но все-таки больше, чѣмъ у Чингиса“.

(Отъ него же).

и. Ерликъ-кайраканъ живетъ на небѣ (вопреки вѣрованію Алтайцевъ, Теленгитовъ и Монголовъ, которые помѣщаютъ его подъ землей). На небѣ живетъ Учъ Курбустанъ, то-есть, три хана: Ерликъ-ханъ, Орусъ-ханъ и Еджень-ханъ.

(Ульбо Тува Урянхаецъ. Р. Улукемъ).

і. Была прежде тьма на землѣ; по ней летали злые духи Кэралъ и убивали людей камнями. Людямъ невозможно было жить на землѣ; тогда Очирвани закричалъ: „Солнце и мѣсяцъ, гдѣ вы?“ Бурхынъ Бакши отвѣчалъ, что они на днѣ океана. Тогда Очирвани велѣлъ свѣтламъ подняться на небо и освѣтить землю.

(Табынъ Сахалъ, шаманъ, Олетъ Урянхаецъ. Г. Кобдо).

к. Очирвани взялъ огня, положилъ на очуръ и подбросилъ въ небо,—и загорѣлось солнце. Ударилъ очуромъ по водѣ,—и появился на небѣ мѣсяцъ. Свѣтъ солнца оттого и горячъ, что оно сдѣлано

¹⁾ Учъ—три по урянхайски, ниг—одинъ по монгольски.

изъ огня; свѣтъ мѣсяца холодный потому, что онъ изъ воды. Огонь для солища Очирвани взялъ отъ Шитырѣ Тюльгуна.

(Чо Джамцинъ, лама, Халхасецъ изъ хошуна Тачжи Урянхай).

л. Три драгоцѣнности, золото, серебро и красную мѣдь, гурбу ердени алтын мэнгу здесь, Бурхынъ Бакши вымѣнялъ у худыхъ существъ на землю и далъ людямъ.

(Чо Джамцинъ; лама, Халха хошуна Тачжи Урянхай. Г. Кобдо).

д. Два бурхана, создавая человѣка, совѣтовались, какую душу вложить въ него. Одинъ говоритъ: „Бѣлую, какъ лебедь“. Другой: „Черную, какъ ворона“. Первый сказалъ: „Если вложить черную, то онъ въ адъ будетъ идти“. А другой думалъ такъ: „Если вложить бѣлую, какъ онъ будетъ рѣзать барашковъ? Онъ съ голоду умретъ“. И потому согласились дать человѣку душу пеструю, какъ сорока. Такимъ образомъ сорока есть образъ человѣческой души.

(Сарисынъ, Дурбютъ. Г. Улангомъ).

е. Земля состоитъ изъ семи словъ; на каждомъ народѣ. Въ сказкахъ говорится: джеты кат джердынъ дже сокты, пробилъ семь словъ земли.

(Алексѣй, крещенный Телеутъ. С. Ангуай).

ж. Су ээзі Сулай каан, Талай ээзі Таджи боко, то-есть, духъ водъ Сулай ханъ, духъ морей Таджи боко.

(Чончу, Теленгитка. Р. Чуя).

з. Бурятскія сказки начинаются такимъ предисловіемъ:

захэн зондыр модони уртюгун байхада
загали ихи бугэ инзыгги байхада
абьрга ихэ загахани джараха байхада
ихи ихи далэн горхон байхада

„Въ то время, когда дерево Захэнъ-зондыръ было прутомъ, великій олень Загали былъ теленкомъ, великая рыба Абьрга была малькомъ, великое море Ихъ было ручьемъ“.....

(Сообщ. Н. В. Матхановымъ).

и. Летучихъ мышей (ярганатъ), ящерицъ, змѣй, лягушекъ сотворилъ Курмесь, по кумандински аза.

(Сообщ. о. М. Чивалковъ; телеутское ибѣрье).

47. Очирвани.

а. Очирвани прежде былъ „докшинъ“, то-есть, дикій, какъ „мечи“ (обезьяна?); творилъ людямъ зло, убивалъ ихъ. Онъ обладалъ ве-

ликою физическою силой. Богъ (Тэнгри) завалилъ его горой; какъ ни силенъ былъ Очирвани, онъ не могъ свалить съ себя горы, потому что на горѣ лежала книга Цанъ Бомбу. Былъ одинъ лама Тонсыгъ; онъ съ неба услышалъ крикъ Очирвани, спустился къ нему и спросилъ: что ему нужно. Очирвани разказалъ, что онъ давно уже заваленъ горой, и просилъ освободить его. Лама спросилъ: какимъ образомъ онъ можетъ ему помочь. „Сними только съ горы книгу Цанъ Бомбу“, сказалъ Очирвани. Тонсыгъ лама взошелъ на гору и снесъ съ нея книгу. „Теперь ты уйдя какъ можно дальше“, сказалъ Очирвани,—„потому что я имѣю силу скакать по тысячѣ мерге“. Тонсыгъ Лама отошелъ, Очирвани вскочилъ, и гора слетѣла съ него. Потомъ Очирвани пошелъ къ Тонсыгъ ламѣ, взялъ у него книгу Цанъ Бомбу и пошелъ отъ него прочь. Въ одномъ мѣстѣ онъ легъ ночевать; подъ нимъ сдѣлалось море, и онъ сталъ тонуть. Очирвани прижалъ книгу Цанъ Бомбу подъ мышками и сталъ переплывать черезъ море. Во время этого плаванія все тѣло его покрылось писаніемъ. Вышедши на берегъ, онъ началъ вытряхиваться; куда трахнеть рукой или ногой, туда летѣло особое писаніе. Такимъ образомъ получили особое писаніе Кятайцы, Чахары, Монголы, Русскіе. Четыре божества были товарищи: Гахай Бакши, Шорой Бакин, Цаганъ моринъ дагна ¹⁾ и Очирвани. Въ настоящее время Джахандзегегенъ есть хубилганъ Очирвани.

(Тибетъ-Сахалъ, Олетъ-Урянхаецъ, шаманъ въ г. Кобдо)

б. Очирвани или тэнгэтэй бурхын, то-есть, богъ съ великою физическою силой. „Читкуръ“ (дѣволъ) хотѣлъ его обмануть и сказалъ ему: „Если ты сильный, то войди зимой въ море“ (далай). У него на умѣ было, чтобы въ то время, когда ледъ покроетъ озеро и скуетъ шею Очирвани, отрубить ему голову саблей. Море застыло, ледъ окружилъ шею Очирвани; Читкуръ собирался уже отрубить ему голову. Очирвани приподнялся, не могъ ничего сдѣлать, въ другой разъ то же, въ третій разъ поднялся и сбросилъ съ себя ледъ. Въ настоящее время Очирвани переродился въ Джахандзе-гегена.

(Банъ Цаганъ, Дюрбитъ изъ г. Улангома, кости Шацгай).

¹⁾ Дагна—небесная дѣва.

в. Очирвани кучи экитей, то-есть, съ большою физическою силой. Изображается приподнимающимся на правую ногу, правая рука протянута вверх съ очиромъ въ кулакѣ, лѣвая у груди; ротъ разинуть. Въ древности Лосы, большой змѣй, жившій въ водѣ, пускалъ ядъ по землѣ, отчего люди и скоть мерли. Тэнгри (небо) повелѣлъ Очирвани спуститься на землю и укротить Лосы; у Очирвани силъ не хватило на борьбу съ Лосун'омъ; послѣдній не только не сдался на его слова, чуть самаго Очирвани не побѣдилъ. Очирвани поднялся съ земли, улетѣлъ на высокую гору Сумерь Улм, постился, молился и курилъ благовонія передъ Тэнгри, прося о дарованіи ему силы, и чрезъ семь дней обратился въ Канъ Гариде, схватилъ Лосун'а за голову, обтащилъ три раза вокругъ вершины горы и голову прижалъ ему камнемъ. Лосунъ былъ такъ великъ, что въ то время, какъ голова его лежала придавленная на вершинѣ горы, а тѣло было три раза обернуто вокругъ горы, хвостъ его все-таки лежалъ въ водѣ. Лосунъ спросилъ: „Ты кто?“ „Я Очирвани“, отвѣчалъ противникъ. „Ты прежде не былъ такъ силенъ?“ „Я молился Тэнгри семь дней“, отвѣчалъ Очирвани. Тогда Лосунъ покорился. И теперь Очирвани держитъ Лосуна въ повиновеніи. Когда поклоняются Лосуну, то вывѣшиваютъ икону Очирвани. Лосунъ господствуетъ въ водѣ, Канъ Гариде на горахъ. Очирвани обращается (?) въ высокія страшныя горы, въ скалы, на которыхъ голова кружится.

О Канъ Гариде разказчикъ прибавилъ, что въ „номѣ“, то-есть, въ писаніи, онъ называется Ламнырь-Чугнукъ.

(Сарисынъ, грамотный Дюрбютъ изъ г. Улангома).

г. Очирвани въ одной рукѣ держитъ очуръ, который также называется *алтынъ-берія*. Эту вещь онъ добылъ отъ Лосина, спустившись на дно Хата-Далая (океана). Въ настоящее время онъ, держа ее въ рукѣ, держитъ океанъ въ границахъ и не позволяетъ ему выйти изъ береговъ.

(Табинъ Сахалъ, шаманъ, Олетъ-Урянхаецъ хошуна Тачжи Урянхай).

47. Чингисъ-ханъ.

а. Кто говоритъ, что Чингисъ-ханъ былъ бурхынъ, кто—что это былъ ханъ. Разказываютъ, что это былъ сынъ неба, который сошелъ на землю и лежалъ подъ деревомъ; возлѣ этого дерева

стояло другое, и оба дерева вершинами склонялись и соединялись. Съ вѣтвей одного дерева капалъ сокъ и попадалъ въ ротъ ребенка, чѣмъ онъ и питался. Въ это время Дзюнгарскій ханъ умеръ, не оставивъ наслѣдника; сановники собрались, чтобы выбрать хана, но не могли прійти къ соглашенію, потому что всякому хотѣлось быть ханомъ; потому рѣшили выбрать хана внѣ своей среды и выбрали этого ребенка. Халха называютъ этаго ребенка Чингисъ-ханъ, Дюрбюты—Одунтай Бодунтай Тайши Гурбустень-ханъ.

(Лама Лудзынь, Дюрбютъ, въ г. Улангомѣ).

б. Чингисъ-ханъ съ большою свитой выѣхалъ однажды на охоту; въ это время выпалъ снѣгъ; дордогой ханъ увидѣлъ ямку, въ которой была налита кровь, смѣшанная со снѣгомъ. Чингисъ-ханъ, прельщенный яркостью краски, спросилъ старшаго изъ своихъ приближенныхъ: „Бываютъ ли такіе красивые люди, какъ хороша эта окраска?“ Тотъ отвѣчалъ, что есть такая одна женщина—это жена Шитыръ Тюльгунъ-хана. Чингисъ-ханъ задумалъ овладѣть ею; онъ послалъ противъ Шитыръ Тюльгунъ-хана войско; хана схватили, и Чингисъ-ханъ хотѣлъ убить его. Шитыръ Тюльгунъ-ханъ обѣщалъ Чингисъ-хану изловить звѣзду Цолмонъ, чтобы война никогда не посѣщала его царства; Чингисъ-ханъ отказался; Шитыръ Тюльгунъ-ханъ обѣщалъ изловить звѣзду Мечинъ, чтобы въ царствѣ Чингисъ-хана никогда не было холодно; Чингисъ-ханъ отказался. Шитыръ Тюльгунъ обѣщалъ уничтожить безводье, то-есть, открыть искусство, будучи въ безводной степи, добывать воду; и на это Чингисъ-ханъ не согласился. Тогда Шитыръ Тюльгунъ ханъ сказалъ, что онъ научитъ искусству, очутившись въ темнотѣ, добывать огонь. Чингисъ-ханъ пожелалъ знать это искусство, и Шитыръ Тюльгунъ-ханъ высѣкъ ему огонь изъ кремня. Но Чингисъ-ханъ все-таки убилъ Шитыръ Тюльгунъ-хана и взял его жену. Жена Тюльгунъ-хана ночью оскопила ножемъ Чингисъ-хана, и онъ отъ этого умеръ. Чингисъ теперь на небѣ, то-есть, богъ, бурхынъ онъ; въ настоящее время на землѣ его нѣтъ (то-есть, его помещенія, хубилгана). Въ молодости Шитыръ Тюльгунъ-ханъ назывался Ойтынъ Мэргэнъ Тэбэнъ.

(Чо Джамцынь, Халха, родомъ съ р. Узюнь-Дзюль, въ хошунѣ Тачжи-Урянхай; записано въ г. Кобдо).

в. Чингисъ-ханъ былъ сынъ Хурмустанъ-хана; отъ него пошло до десяти туменей (тумень—10,000) потомства. Онъ изобрѣлъ водку. Время его было временемъ веселья, пированія и непрерывнаго блаженства; войны ни съ кѣмъ не было.

(Табынъ-Сахагъ, шаманъ въ г. Кобдо, родомъ Олетъ-Урянхаецъ).

г. Чингисъ отправился на охоту; въ его отсутствіе ночью ханьша слышитъ, что кто-то входитъ въ ея покои. Она удивилась, кто смѣлъ войти въ ея спальню, и обмаравъ руку о закопченный бокъ котла, тронула вошедшаго по спинѣ. Утромъ она велѣла осмотрѣть всѣхъ людей въ ставкѣ; пятно оказалось на спинѣ ея младшаго сына. Она сказала: „Это не сынъ мой!“ и велѣла его казнить, а отрубленную голову, руки и дѣтородный членъ принести. Палачи увели тайджи (царевича) въ поле, но пожалѣли его — отрѣзали ему только косу, ошлага (нотургу) и часть тѣла съ дѣтороднаго члена. Царевичъ сдѣлался потомъ нойономъ у Хасыковъ, то-есть, у Киргивовъ. Вотъ отчего Киргизы брѣютъ волосы и не носятъ вощь, не нгѣютъ ошлаговъ на рукавахъ и совершаютъ обрядъ обрѣзанія.

(Чо Джамцинъ, Халхасецъ).

д. Около монастыря на р. Эгъ, гдѣ стоитъ каменная баба Даннъ Дэрхэ, есть мѣстность Хара-Того (черный котель); эта круглая впадина, снаружи черная, внутри заросла лѣсомъ; возлѣ нея гора по имени Буркель (такъ называется сводообразная покрывша, надѣваемая на котель во время выкуриванія воды); другая гора называется Тангна (жолобъ, употребляемый при винокурени и вставляемый для стока воды); четырехугольная скала съ жолобомъ по срединѣ называется Цорго (трубы, употребляемыя при выкуриваніи водки). Это все приписывается Чингисъ-хану. Есть тутъ также и Гадисъ, то-есть, колъ, въ которому будто Чингисъ-ханъ привязывалъ своего коня. На немъ видна полоса въ родѣ пояса.

(Лубсынъ лама, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

е. Въ Хошунѣ Уйдзинъ-Гуна есть котель (того) и таганъ (толго) Чингисъ-хана. Котель этотъ величиной съ тѣ котлы, что бывають въ буддійскихъ монастыряхъ; таганъ также большихъ размѣровъ. Въ 8-й лунѣ 15-го числа празднуютъ — варить мясо, а котель Чингисъ-хана наполняютъ арикомъ (кислымъ молокомъ), пушюликомъ (сыромъ) и вообще „бѣлою ѣдой“, цаганъ идень (то-есть, молочнымъ). На котлѣ есть отверстіе больше пальца; замѣчаютъ,

если изъ него потечеть—къ общественной невзгодѣ (му цакъ); не потечеть—ко благу.

(Сенге Доржия, писарь на караулѣ Цициргана; Халха хошуна Уйдзинь-Гуна).

ж. Чингисъ былъ ханомъ у народовъ Тайсы и Тайфу, которые живутъ къ востоку отъ Хатунь-гола и Алашана; они ждутъ его пришествія черезъ 80 лѣтъ и ходятъ по Монголіи дѣлать сборъ; простой людъ ничего не даетъ, князья, которые всѣ суть потомки Чингиса, подаютъ усердно; княгини и княжны (бэръ) не показываются этимъ сборщикамъ. Въ хошунѣ Джанджинь-Мергентъ-Вана есть мѣстность Эргуль; это квадратная долина, окруженная съ четырехъ сторонъ горами; горы мягкія. Нѣкто изъ поселившихся тамъ началъ раскапывать гору и нашель гробъ изъ дерева зандынь, опоясанный пятью стальными обручами; раскрывъ гробъ, онъ нашель въ немъ женщину съ огромною головою; на каждомъ пальцѣ было по кольцу, на рукахъ браслеты и въ ушахъ серьги золотыя и серебряныя. Это была могила жены Чингисъ-хана. Снова сложили останки и драгоценности въ могилу, закрыли ее и приставили стражу. Шелковыя вещи при открытіи гробо тотчасъ истлѣли. Вмѣстѣ съ женой Чингиса тутъ было открыто 18 другихъ труповъ.
(Онъ же).

з. Въ хошунѣ Уйдзинь-Гуна, въ горахъ Банинь-Уланъ есть мѣстность, обильная водой; здѣсь была зимовка Чингиса; она усыяна черными камнями, которые почитаются за аргаль (пометь) чингис-хановыхъ овецъ; камни эти жгутъ и дымомъ ихъ окуриваютъ хворающій скотъ. Въ горахъ Багадзень-чидо указывается зимовка Шиджирь-ватыра.

(Онъ же).

и. Миръ создалъ Чингисъ, возсѣдая верхомъ на десяти шу—он шу мэнген.

(Шаманка Джаппа, Урянхайка. Р. Торхойль).

і. У Бурятъ есть сказка о Шингисѣ, которая начинается такимъ образомъ: У одного хана было двѣ жены; у младшей родился ребенокъ, у старшей не было. Младшая написала мужу, находившемуся въ походѣ, письмо; старшая подмѣнила письмо и написала въ немъ: родился ни ребенокъ, ни звѣрь. Царь на это письмо отвѣтилъ: „Оставить до моего приѣзда“. Старшая жена опять под-

иѣнила письмо и написала: „Заложить въ смоленую бочку и бросить въ море“. Носило бочку по морю и прибило къ берегу. Шингисъ, заключенный въ бочкѣ, топнулъ ногой, и бочка разлетѣлась. Онъ вышелъ изъ бочки. Въ это время жаворонокъ пропѣлъ: „Шин, шин!“ За это и дали ему имя Шингисъ.

(Свящ. Як. Чистохинъ, род. Бурятъ изъ Забайкалья, д. Шимки).

в. Чингисъ-Тэнгиръ-Ханъ-Курбусту прежде былъ на землѣ, теперь на небѣ.

(Унцунъ, Халха хошуна Сартаулъ, родомъ изъ уроч. Хузу Дерису).

г. У Шингисъ-хана отецъ назывался Жусеѣй-батырь. Шингисъ-ханъ имѣлъ врагами Олетовъ, которые его преслѣдовали, хотѣли отравить и копали яму.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

д. Шингитъ-ханъ имѣлъ четыре сына: старшій — Далай-лама, слѣдующій — Амы-гылынгъ-ханъ, третій — Талдэнъ-ханъ (онъ же Джумбуль-дорджиханъ); онъ собиралъ въ свое вѣдѣніе тѣхъ умершихъ, которые были воры или преступники; четвертый младшій сынъ былъ Цаганъ-ханъ. Вѣчный снѣгъ бѣла Мунко-сагана есть сляна, которую сплюнулъ Шингитъ-ханъ, покуривъ трубку; гдѣ онъ выколотилъ изъ нея золу, образовался голецъ Байнъ-ола, лежащій не вдалекѣ къ югу отъ Мунко-сагана ¹⁾. Гора Янгитъ, лежащая къ востоку отъ бѣла Мунко-сагана, — это дженса (камень) съ шапки Шингитъ-хана, который оставилъ ее тутъ.

Другой Бурятъ, объясняя точно также образованіе Байнъ-олы, Янджитъ-олы и льда Мунко-сагана, приписалъ это, вмѣсто Шингитъ-хана, Тарханъ-дуриску ²⁾.

(Бурятъ Тункинск. вѣдомства, солдатъ).

¹⁾ Байнъ-ола коническая, крутая, каменная и безлѣсная гора; снѣгъ зимой на ней не лежитъ, и она бросается въ глаза своею чернотой среди другихъ побѣлѣвшихъ горныхъ вершинъ.

²⁾ Одинъ лама Урянхаецъ ту гору, которую другіе обыкновенно называли Янгитъ-олой, назвалъ Ундюръ-бай-сахылынъ; по его же словамъ, къ сѣверу отъ нея, влѣво отъ дороги, если ѣхать съ Косогола на Иркутъ, на сѣверной сторонѣ р. Усунъ-сайръ (Цаган-усунъ?) находится холмъ Талы-болдовъ-тологой, гдѣ былъ ввать Шингисъ-ханъ. У южнаго же конца горы Ундюръ-бай-сахылынъ находится холмъ Ванту-тологой.

н. Чингисъ-ханъ посадилъ Амыголынъ-хана подъ желѣзную рѣшетку (тѣмур шибѣ), но братъ Чингиса, Турубъ или Турумъ (полное его имя: Турумъ Бодонъ хошуши), подрылъ подъ рѣшетку ходъ; она провалилась, и Амыголынъ вышелъ на третій день послѣ заключенія. Чингисъ-ханъ приходитъ посмотрѣть, Амыголынга нѣтъ; онъ удивился: „Какъ такъ, у него силы меньше, чѣмъ у меня, какъ онъ спасся?“ Чингисъ могъ летать на три сажени, онъ былъ крылатый. Когда Чингисъ-ханъ полетѣлъ, народъ испугался его и разбѣлся. Отъ крыльевъ поднялась буря, отъ которой снесло съ горы Сугду-сумур-уланъ (онъ же произносилъ: монастырь сукту сэн муру ола), вмѣстѣ съ жившимъ тамъ святымъ Орхонъ-хулубахча. Турумъ (или Турай или Турубъ) былъ убитъ въ мѣстности Гуджиръ близъ Тунки тремя стами Битайцевъ; онъ не былъ бы убитъ, да жена въ торопяхъ не застегнула ему ошейника, которымъ прихватывались нижніе концы шлема, и стрѣла попала ему въ горло. Петръ Гантимуровъ считалъ себя потомкомъ этого Турума; именно онъ насчитывалъ съ собою семь поколѣній: 1) Турумъ Бодонъ хошуши, 2) Измайло, 3) Гурубъ или Гуринвай, 4) Ламай, 5) Дормой, 6) Морово.

(Петръ Гантимуровъ, обуратившійся Тунгусъ).

48. Сынъ неба.

а. Бобырганъ (летяга) выкопалъ глазу Джанку, сыну Тѣмрѣ-нымъ-Кана (небеснаго царя). Поэтому камы во время камланья имѣютъ при себѣ шкуру летяги. Я долженъ сознаться, заявилъ Буунчукъ, — что во время камланья я видѣній никакихъ не имѣлъ, а чувствовалъ себя только въ туманѣ; но голоса слышалъ, чтобы вязали бобыргана, несли узду и желѣзные треноги и наложили крѣпи на него. Вѣрно онъ только на землѣ ничтоженъ, на небѣ же становится великъ и силенъ.

(Буунчукъ, камъ на р. Сарытума, Алтаецъ кости Бобокъ).

б. Бобырганъ прежде жилъ на небѣ; онъ выкопалъ глазу сыну божию (Кудайдымъ-олы) Канъ-Джанку и бѣжалъ съ неба на землю; Канъ-Джанкъ бросился за нимъ, сошелъ на землю, но не могъ найти, остался на землѣ и сталъ курюмемъ. Когда камъ камлаеть, то слышитъ голосъ, гремащій съ неба къ Джанку, что

нужно стреножить Вобырмана. На вопрос: гдѣ же теперь Джаякъ, — старуха отвѣчала: Кто его можетъ видѣть. Это Курюместъ! Ходящія по небу акъ-булутъ, кокъ-булутъ (бѣлые и синіе облака) мы называемъ Джаякъ.

(Тотой, старуха кости Телесъ, на р. Чузъ).

в. Тэнгиринъ Цаганъ-шибо (небесная бѣлая сова), солонгд, или иначе называемый цокуръ-адзырга (бурундукъ), и сокуръ-номынъ (кротъ?) втроемъ погубили единственнаго сына неба (Тэнгиринъ-кубунъ); поэтому они теперь боятся молніи и прячутся; цаганъ-шибо на лѣто уходитъ на дно моря, сокуръ-номынъ дѣлаетъ нѣсколько норъ, чтобы Тэнгиръ не узналъ, въ которой онъ норѣ сидитъ; бурундукъ прячется подъ корни дерева; поэтому молнія часто падаетъ въ дерево, и убивая бурундука, разщепляетъ и дерево.

(Сарисынъ, Дюрбютъ хошуна Вана. Г. Улангомъ).

г. Цаганъ-шибо, ямынъ (тушеанчикъ) и цохуръ-номынъ убили сына неба (Тэнгри кубынъ). Теперь молнія стрѣляетъ въ этихъ звѣрей. Убивъ ямына, народъ нашъ втыкаетъ его осниманное мясо на тычку или вершину дерева брюхомъ кверху, распяливъ ноги; шкуру бросаютъ.

(Дюрбютъ хошуна Вана сумына Хондого).

д. Сынъ Тэнгри-Гурбустэнъ-хана былъ убитъ на землѣ птицей цаганъ-шибо и звѣркомъ цокуръ-номынъ. Поэтому оба скрываются отъ молніи: цаганъ-шибо на лѣто улетаетъ изъ края и является только зимой, когда грома не бываетъ; цокуръ-номынъ зарывается въ землю.

(Лузынъ Саты, Дюрбютъ хошуна Вана на р. Дзабхынъ).

е. Тэнгри цаганъ-шибо, цохуръ-номынъ и джиренъ-холь (насъкомое двухвостка) втроемъ убили сына неба; поэтому цаганъ-шибо на зиму улетаетъ; иные говорятъ, лежитъ въ морѣ.

(Дюрбютъ хошуна Вана, на р. Дзабхынъ).

ж. Сынъ неба былъ убитъ сокуръ-номыномъ; въ него теперь стрѣляетъ молнія; онъ боится ея и потому дѣлаетъ много отнорковъ; молнія не знаетъ, въ которомъ отноркѣ онъ дѣйствительно находится, и попадаетъ въ пустую. На вопросъ: какъ зовутъ сына неба,

Банягъ цаганъ отвѣчалъ: Слышалъ, какъ старыя люди называли его Темиръ Бѣсъ (желѣзная вошь).

(Банягъ цаганъ, Дюрбютъ ханскаго хопуна изъ г. Улангома).

з. Сына неба убилъ звѣрокъ хула джиргы. Разказчикъ прибавилъ, что у этого звѣрка подъ мышками есть крылья (слѣдовательно, это летяга).

(Табинъ сахалъ, шаманъ въ г. Кобдо, кажется, Олетъ-Урянхаецъ).

и. Бобирганъ (летяга) прежде жилъ на небѣ; онъ выкопалъ глаза старшему сыну неба Джаяку. Джаякъ погнался за нимъ, спустился на землю, но не могъ догнать и найти Бобиргана, который спрятался въ кедръ (мѣшь). Небо бросило въ него молнію. Оттого молнія всегда поражаетъ карагачъ (чернолѣсье), но не падаетъ на сарагачъ (желтый лѣсъ). Когда камъ приносятъ на небо (во время мистерій) шкуру бобиргана, небо велитъ стреножить его, связать ему руки и сковать ноги.

(Таранъ, камъ на р. Чуѣ).

і. Сынъ неба, „воплотившись, спустился“ на землю—хубулубъ тушер.

(Шаманка Курукпай, Тува Урянхайка кости Салъджагъ. Р. Улуконъ).

к. Бобирганъ (летяга) выкопалъ глаза любимому сыну Тэмре; поэтому, если камъ восходитъ на небо съ бобирганомъ (то-есть, камлаетъ, имѣя привязанною къ плащу или бубну шкуру летяги), то его (бобиргана) тамъ схватываютъ, вяжутъ и треножатъ.

(Чончу, Теленгитка, вдова кости Алмать. Долина р. Чуи).

л. Были сынъ неба (тенгрии ху) Теке бѣхо и сынъ земли (гадзыренъ ху) Ягъ-бѣхо-ясенъ-бѣхо; они боролись между собою.

(Джамцинъ Солонъ, съ оз. Буиръ-нора).

49. Сказни о хитромъ ворѣ.

1. Долонъ Дондушъ и Ганци Ментышъ.

Жили семь Дондушей (долонъ семь по монгольски), имѣвшіе семь матерей; жилъ также Ганци Ментышъ съ матерью. Дондыши убили мать у Ментыша; Ментышъ собралъ кровь своей матери, пошелъ въ поле, увидѣлъ тамъ семь верблюдовъ съ бѣлыми лысынами (цаган манхынтай) и вымазалъ эти лысины кровью своей матери. Потому онъ пошелъ далѣе, встрѣтилъ человѣка, который спросилъ его: „Не

видалъ ли моихъ семь верблюдовъ, съ бѣлыми лычинами? „Видѣлъ семь верблюдовъ, но съ красными лычинами“, отвѣчалъ Ментышъ. „Это вѣрно мои и есть“, сказалъ человѣкъ, — „только ты ошибся, принялъ бѣлыя лычины за красныя“. Поспорили, и тотъ человѣкъ сказалъ Ментышу: „Пойдемъ и посмотримъ, и если лычины окажутся красныя, то пусть верблюды будутъ твои“. Приѣхали къ верблюдамъ, и хозяинъ долженъ былъ убѣдиться, что Ментышъ былъ правъ, и отдалъ ему верблюдовъ. Гонитъ Ганци-Ментышъ семь верблюдовъ и встрѣчаетъ Долонъ Дондышей; тѣ спрашиваютъ: „Гдѣ ты взялъ верблюдовъ?“ Ментышъ отвѣчаетъ: „Ханъ далъ ихъ мнѣ за убитую вами мою мать“. Семь Дондышей пошли домой, убили своихъ семь матерей, отнесли ихъ къ хану и стали просить, чтобы тотъ и имъ далъ за каждую по семи верблюдовъ. Ханъ взялъ двѣ палки сухую и сырую и избилъ ими Дондышей. Плачутъ они, идучи домой, и думаютъ: „Надо отомстить Ментышу“. Пришли къ нему, исколотили его, привязали крѣпко спиной къ столбу, рѣшили убить его, а сами ушли домой (за топоромъ?) Къ дереву подѣхалъ горбатый старикъ на красномъ быкѣ, гнавшій тысячу сѣрыхъ барановъ. „Зачѣмъ ты, молодой парень, привязанъ?“ спросилъ горбунъ. „У меня спина горбата“, отвѣчалъ Ганци-Ментышъ, — „такъ я привязалъ себя къ дереву, чтобы выпрямить ее“. „Привяжи меня вмѣсто себя, чтобы и моя спина выпрямилась“, просить горбунъ. Развязалъ онъ Ментыша, и Ментышъ крѣпко приврутилъ старика къ дереву вмѣсто себя. Старикъ говорить: „Пока я буду привязанъ, ты попаси моихъ овецъ“. „Хорошо“, сказалъ Ментышъ, сѣлъ на краснаго быка и угналъ стариковыхъ овецъ къ себѣ домой. Дондыши вернулись и хотятъ рубить горбуна. Горбунъ сталъ кричать, что онъ другой человѣкъ, что тотъ, кого они привязали, обманулъ его, сказавъ, что привязываніе къ дереву выпрямляетъ спину, что этотъ обманщикъ угналъ у него овецъ; Дондыши не повѣрили горбачу и убили его. Ъдутъ домой и встрѣчаютъ Ментыша, который сидитъ на быкѣ и гонитъ тысячу овецъ. „Гдѣ ты досталъ быка и овецъ?“ спрашиваютъ его. „Два озера дѣлили между собою наслѣдство“, отвѣчалъ Ментышъ — „я помогалъ дѣлежу и за то получилъ этотъ подарокъ“ „Да развѣ можно попасть къ нимъ (эзенамъ озеръ)?“ спрашиваютъ Дондыши. „Очень легко“, говоритъ Ганци-Ментышъ, — „нужно только поясъ привязать къ палкѣ, бросить ее на воду и

вскочить на нее: она, кружась, пойдетъ ко дну, и вы легко съ ней вмѣстѣ спуститесь“. „Покажи дорогу къ тѣмъ озерамъ“, просить Долонъ Дондушъ. Ганци-Ментышъ указалъ имъ дорогу къ озерамъ, которые были вблизи; Дондыши такъ и сдѣлали, какъ ихъ училъ Ментышъ, и всѣ семь утонули. Долонъ Дондыши имѣли дурное сердце и погибли, а Ганци-Ментышъ имѣлъ добрую душу и сталъ богатъ.

(Баянъ цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

2. Вамба Шиту и Даудзугъ.

а. Былъ Шерисень-ганъ; близъ него жилъ Шулмусъ подъ видомъ старухи, у которой была всего одна корова — сарлыкъ. Однажды сынъ хана Хара Нидунъ-тайджи, играя, зашелъ къ старухѣ съ своимъ провожатымъ; у нея въ юртѣ оказалось всякаго добра и пищи—арулу, урюму, пислыху обиліе; Тайджи спросилъ: откуда старуха имѣетъ все это, когда у нея всего одна корова? Старуха отвѣчала, что ея корова такая, что возлѣ нея она всегда вмѣсто навоза находитъ серебро и золото. Тайджи разказалъ отцу, и ханъ послалъ его купить чудесную корову. Тайджи снова пришелъ къ старухѣ и предложилъ ей вмѣсто этой коровы другую съ теленкомъ; шулмусъ отказалась; тогда онъ ей предложилъ пять коровъ, потомъ 10, и 20, но старуха не хотѣла и слышать, и только тогда уступила корову, когда Тайджи предложилъ ей пятьдесятъ коровъ съ телятами. Тайджи вернулся къ отцу и сказалъ ему, что старуха просить за свою корову; ханъ сказалъ: „Ничего, пусть отведутъ ей 50 коровъ съ телятами: въ пять дней корова старухи доставитъ намъ золота и серебра столько, что можно будетъ снова купить 50 коровъ“. Согнали ханскихъ коровъ къ старухѣ, а у нея взяли ея единственную; спустя нѣкоторое время, навѣдались къ этой коровѣ,—подлѣ нея лежитъ вмѣсто серебра обыкновенный навозъ. Ханъ сказалъ: „Старуха обманула насъ; нужно допросить ее: отчего корова не даетъ золота и серебра, а даетъ обыкновенный навозъ?“ Допросили старуху, и она сказала, что нужно корову въ то время, когда замѣтять, что она хочетъ класть навозъ, бить желѣзнымъ пестомъ (тумур мун). Повѣрили старухѣ, но только изломали коровѣ ноги, а кромѣ навоза, все-таки ничего не получили. Тогда ханъ послалъ воиновъ убить старуху обманщицу; воины подошли къ юртѣ и

видятъ, изъ юрты огонь стоитъ до неба; они посмотрѣли въ прорѣху въ войлокѣ и увидѣли, что старуха варить въ котлѣ цѣлую корову и мѣшаетъ мѣднымъ носомъ (дзесь хошу). Воины испугались и убѣжали. Ханъ сказалъ: „Это шумусь, его не убьешь. Надо скорѣе скочевать отсюда“. И уючевали, а шумусову корову, которая была стельная, бросили. Корову выздоровѣла и пошла. На встрѣчу ей тигрица (бар). „Куда корова идешь?“ спрашиваетъ тигрица. „Телиться“, отвѣчаетъ корова. „Ну, и я съ бременимъ“, говоритъ тигрица;— „пойдемъ вмѣстѣ“. Пошли вмѣстѣ, нашли одно спокойное мѣсто, остановились. Тигрица родила напередъ, пришла къ коровѣ и говоритъ: „Дай моему дѣтенышу имя“. Корова дала ему имя Бамба Шиту. Потомъ отелилась корова, и тигрица дала имя теленку Дзудзукъ. Стали жить вмѣстѣ, и тигренокъ игралъ съ теленкомъ, какъ съ братомъ подъ деревомъ, когда корова уходила на траву, а тигрица ловить сурковъ. Однажды корова не пришла, Дзудзукъ плачетъ; Бамба Шиту пошелъ къ своей матери и спросилъ: „Гдѣ мать Дзудзукъ?“ Тигрица сказала: „Молчи, не спрашивай“. Однако Бамба Шиту присталъ къ матери, и тогда она сказала: „Ее волки съѣли“. Пришелъ Бамба Шиту къ Дзудзуку, тотъ плачетъ и говоритъ: „Ты имѣешь мать, а у меня нѣтъ матери, ее волки съѣли“. Бамба Шиту отвѣчаетъ: „Твою мать не волки съѣли, а моя мать. Я убью ее за это, и будемъ оба жить равными сиротами“. Бамба Шиту сталъ уговаривать свою мать показать ему мѣсто, гдѣ волки съѣли корову. Тигрица не хотѣла, но наконецъ, согласилась, привела сына на высокую скалу и показала кости. Посмотрѣлъ Бамба Шиту: слѣды все тигрицины, а не волчьи. Онъ говоритъ: „Подвинься еще, я поближе посмотрю; еще подвинься! еще!“ Тигрица додвигалась до самаго края, и сынъ столкнулъ ее со скалы; тутъ она и убилась. Потомъ Бамба Шиту сказалъ Дзудзуку: „Пойдемъ отсюда“. Пошли; дорогой встрѣтили мѣсто, гдѣ стоялъ аилъ, и на аилищѣ нашли колокольчикъ (хонхо); Бамба Шиту взялъ его и привѣсилъ теленку, сказавъ: „Если мы разойдемся, по звуку этого колокольчика я буду тебя находить“. Однажды они шли одинъ по одну сторону горы, другой по другую. Тигренокъ все слышалъ колокольчикъ; потомъ звуки вдругъ прекратились. Онъ бросился въ ту сторону и видитъ—два батирчи (нищіе) успѣли уже убить теленка и варить мясо, а четыре ноги

лежать въ сторонѣ. Тигръ (бар) заплакалъ надъ востами бычиа и съ словами: „У меня теперь нѣтъ ни матери, ни товарища“ тутъ же умеръ. На этомъ мѣстѣ выросли два тополя золотой и серебряный. Кочевалъ мимо тополей Хара Нидунъ тайджи, увидѣлъ тополи и сказалъ: „Вотъ хорошее мѣсто для стоянки“. И разбилъ тутъ свою ставку. Работница, вставая рано, замѣтила, что тутъ по утрамъ играютъ два красивые мальчика, одинъ въ синей, другой въ желтой шубѣ, и когда она ихъ увидитъ, уходятъ въ тополи. Она сказала о томъ тайджи; тотъ захотѣлъ въ этомъ самъ убѣдиться и всталъ пораньше; дѣйствительно, такъ случилось и въ это утро. На слѣдующій день тайджи приказалъ выворотить эти деревья съ корнемъ; подъ корнями нашли храмъ (сумынъ) и въ немъ двухъ играющихъ дѣтей. Тайджи взялъ этихъ дѣтей и отдалъ воспитывать своей женѣ. Однако старшій мальчикъ Бамба Шиту сказалъ своему брату: „Ты здѣсь живи у тайджи, а я долженъ идти на востокъ, гдѣ солнце всходитъ“. И ушелъ. Дзудзукъ остался у тайджи и звалъ его отцемъ, а жену его матерью. Однажды, проигравъ внѣ юрты до полудня, онъ пришелъ къ матери и попросилъ ѣсть: „Еджи, я хочу ѣсть!“ Мать сказала: „Что ты такъ рано захотѣлъ, поди еще поиграй“. Мальчикъ еще поигралъ, и уже поздно стало, онъ снова пришелъ просить ѣсть, но получилъ тотъ же отвѣтъ. Тогда онъ подумалъ: „Видно мнѣ здѣсь не дадутъ ѣсть; пойду на востокъ къ старшему своему брату“. И ушелъ. Шелъ, шелъ, пришелъ къ горѣ, на которой жилъ отшельникъ-лама. Дзудзукъ пришелъ къ ламѣ; тотъ спросилъ: „Куда ты идешь, мальчикъ?“ Дзудзукъ сказалъ: „Иду къ брату Бамба Шиту, который ушелъ на востокъ; меня не накормили дома, и я рѣшился разыскать брата“. Потомъ онъ прибавилъ, что не надѣется найти брата, и хочетъ остаться жить здѣсь у ламы, и попросилъ ѣсть. Лама сказалъ: „Я молюсь и поцусь, и у меня нѣтъ ничего тебѣ дать поѣсть, и жить тебѣ здѣсь остаться нельзя; лучше ступай дальше къ брату; вотъ могу только тебѣ дать на дорогу эту вещичку!“ И далъ мальчику круглый кусочекъ дерева двандынъ. Идетъ мальчикъ далѣе, приходитъ къ желѣзной стѣнѣ; стучалъ, стучалъ, на силу достучался. Отворила ему двери прекрасная женщина; внутри двора многоэтажный дворецъ (байсин): одинъ ярусъ чугунный, другой стеклянный, третій желѣзный.

Женщина ввела его въ домъ; при входѣ лежалъ слѣпой тигръ (бар); Дзулдзукъ ударилъ его по головѣ; женщина накормила мальчика, и онъ сказалъ ей, что онъ останется тутъ жить. Женщина стала отговаривать его: „Тутъ остаться тебѣ жить нельзя; потому что мужчины въ здѣшной землѣ все львы (арслан) и тигры (бар) и съѣдятъ тебя“. Однако мальчикъ объявилъ, что онъ дальше не пойдетъ, потому что все равно, если не здѣсь отъ львовъ и тигровъ, то въ дорогѣ придется умереть съ голода. Женщина спрятала Дзулдзука подъ войлокъ. Пришли левъ и тигръ и услышали запахъ дерева дзандына, стали допрашивать женщину. Она сказала, что никого нѣтъ. „Мы слышимъ запахъ дерева дзандынъ“, сказали тѣ. Слепой тигръ также сообщилъ, что его кто-то, проходя, ударилъ по головѣ, когда ихъ не было дома. Однако женщина не выдала мальчика. Когда левъ и тигръ ушли, женщина сказала: „Ну, теперь намъ нужно бѣжать обоимъ, не то и меня, и тебя съѣдятъ“. Побѣжали. Левъ и тигръ тоже побѣжали за ними въ погоню; женщина увидѣла ихъ и говорить Дзулдзукъ: „Левъ и тигръ догоняютъ; нѣтъ ли у тебя средства отвратить опасность“. Дзулдзукъ сказалъ, что у него есть только шарикъ изъ дерева дзандынъ, данный ему ламою. Женщина посоветовала ему бросить шарикъ на дорогу и помолиться ламѣ. Дзулдзукъ бросилъ шарикъ и проговорилъ: „Лама, помолись обо мнѣ“. Шарикъ обратился въ скалу до небесъ, и левъ и тигръ больше не могли догнать ихъ. Дошли бѣглецы до высокой горы; Дзулдзукъ спросилъ: „Что это за гора?“ „Это Сумбюръ-ола“, сказала женщина. При подошвѣ горы видно было двѣ бѣлыя юрты (цаган гер). Женщина жила тутъ прежде и привела сюда Дзулдзука. Стали они тутъ жить. Дзулдзукъ сталъ звать ее матерью. Однажды мать говоритъ: „Я буду волосы чесать, тебѣ не годится видѣть; не входи въ юрту“. Мальчикъ однако подсмотрѣлъ въ прорѣху, и у матери волосы посыпались съ головы; мать узнала и сказала: „Коли ужъ подсмотрѣлъ, то войди“. Мать собрала волосы, заперла въ желѣзный ящикъ и сказала сыну: „Отнеси и положи въ чистое мѣсто“. Сынъ подумалъ: какое же мѣсто чище рѣчной воды, и спустилъ ящикъ на рѣку; ящикъ уплылъ внизъ, а внизу жилъ Шарисынъ-ханъ. Когда хану принесли ящикъ и вскрыли, онъ сказалъ: „Въ вершинахъ рѣки, вѣроят-но живеть дагине, дочь Тэнгри Хурмустенъ-хана; у дагине воло-

сы сыплются, если кто подсмотреть, какъ она чешется". Поѣхалъ ханъ посмотрѣть, увидѣлъ красивую дагине и ея мальчика, задумалъ взять ее замужъ за сына. Онъ послалъ къ ней служанку; эта по совѣту хана сказала мальчику: „Спроси у матери: гдѣ нашъ богъ, и потомъ скажи мнѣ“. Дзулдзукъ сдѣлалъ по просьбѣ служанки, и дагине указала сыну на харадюрбюльджинъ (черный четвероугольникъ), находившійся на тонѣ¹⁾. „Ты брось его въ огонь“, сказала потомъ служанка мальчику. Дзулдзукъ бросилъ, богъ сгорѣлъ, и Дзулдзукъ умеръ. Въ это время пришелъ къ дагине Бамба Шиту, увидѣлъ мертваго Дзулдзука и говоритъ: „Это мой братъ! Какъ онъ сюда попалъ и отчего умеръ?“ Дагине разказала. Тогда Бамба Шиту открылъ пазуку у брата, поплевалъ ему на грудь, и тотъ ожилъ. Съ той поры Дзулдзукъ сталъ называться Банынь-Сенге.

(Найднъ, богдошабинецъ изъ г. Урги).

б. Ерликъ ханъ, узнавъ, что есть Банынь-Сенге, послалъ двухъ своихъ ельчи (пословъ) взять его душу. Тѣ попли, но не нашли. Тогда онъ послалъ другихъ и сказалъ имъ, что если прійдутъ ни съ чѣмъ, то онъ ихъ броситъ въ адъ. Ельчи пошли и нашли Банынь-Сенге, но онъ притворился мертвымъ. Они посыпали ему соли въ глаза—онъ не пошевелился; надрѣзали пятки и насыпали гуджиру—не пошевелился. Ельчи сказали: „Пойдемъ пока за другой душой и прійдемъ сюда снова черезъ три дня; если онъ не притворился, то найдемъ его опять на томъ же мѣстѣ и въ томъ же видѣ“. Пошли ельчи къ одному богатому человѣку, взяли душу его сына, положили въ мѣхъ (бурдюкъ) и пошли опять къ Банынь-Сенге; онъ лежитъ все въ томъ же видѣ. Тогда они пошли къ Ерликъ хану; Банынь Сенге догналъ ихъ, спрашиваетъ: „Куда идете?“ „Къ Ерликъ-хану“, отвѣчаютъ;—„ходили за душой Банынь-Сенге, но не нашли; несемъ душу сына одного богатаго человѣка“. „Я пойду съ вами“, просится Банынь-Сенге. „Иди“, сказали ельчи. Идутъ вмѣстѣ. Дорогой Банынь-Сенге спрашиваетъ ихъ: „Вы чего боитесь?“ „Мы боимся колючей караганы (ургюстей харагана) и Шикурту нома“. „А ты чего боишься?“ въ свою очередь спрашиваютъ ельчи. „Я боюсь мяса и чая“, отвѣчалъ Банынь-Сенге. Идутъ далѣе. На

¹⁾ Тонъ—верхній деревянный кругъ, служащій замкомъ для свода юрты.

дорогѣ растеть карагана. Балынъ-Сенге говорить своимъ товарищамъ: „Вамъ трудно пройти черезъ карагану; дайте я перенесу черезъ нее вашу ношу, а вы обойдите кругомъ“. Тѣ отдали мѣхъ Балынъ-Сенге, и онъ бросился въ середину пустой караганы и началъ читать Шигуртуномъ. Ельчи думаютъ: „Надо его выгнать отсюда“. И стали въ карагану бросать мясо и чай. Балынъ-Сенге сварилъ чай и мясо, сидитъ и закусываетъ. Ельчи ушли ни съ чѣмъ. Тогда Балынъ-Сенге пошелъ къ богатому человѣку, у сына котораго была взята душа и возвратилъ душу; сынъ ожилъ. Отецъ говорить: „Ты намъ сдѣлалъ большую радость; что тебѣ подарю? сколько скота?“ Балынъ-Сенге отвѣчаетъ: „Ничего мнѣ не нужно, дай только худого сиваго быка (хуху буха) и ковшъ“. Получивъ, что просилъ, вышелъ онъ на рѣчку и поливаетъ на быка изъ ковша водой. Когда ельчи доложили Ерлику, что не нашли Балынъ-Сенге, онъ самъ поѣхалъ за его душой. Ѣдетъ Ерликъ на лу; Балынъ-Сенге спрашиваетъ его: „Куда поѣхалъ?“ „За душой обманщика Балынъ-Сенге“, отвѣчаетъ Ерликъ. „А ты что дѣлаешь?“ „Обливаю быка“, отвѣчаетъ Балынъ-Сенге. „Зачѣмъ?“ „Этотъ быкъ обижновенно обвозилъ меня семь разъ кругомъ земли въ одинъ день, а вчера только три раза успѣлъ обвезти; должно быть не выстоялъ, хорошо“. Ерликъ думаетъ: „Мой лу только три раза успѣваетъ меня обвезти; нужно вымѣнять быка“. И предложилъ мѣну. Балынъ-Сенге согласился. Отдавъ своего быка Ерлику, Балынъ-Сенге сѣлъ на лу, поѣхалъ прямо въ адъ, привязалъ лу къ столбу и сѣлъ на Ерликовъ шире (престоль); слуги Ерлика думаютъ: „Какъ измѣнился Ерликъ послѣ послѣдней поѣздки!“ А Ерликъ между тѣмъ на синемъ быкѣ не можетъ отѣхать отъ того мѣста, гдѣ вымѣнялъ быка. Балынъ-Сенге приказываетъ слугамъ Ерлика: „Я нашелъ обманщика Балынъ-Сенге; онъ на такой-то рѣчкѣ Ѣдетъ на сивомъ быкѣ; поѣжайте сейчасъ туда и бросьте обманщика въ адъ. Пожалуй онъ будетъ называться вамъ Ерликомъ, такъ не вдайтесь въ обманъ и тащите его прямо въ адъ“. Посланные слуги поймали настоящаго Ерлика, и не смотря на его крикъ и на увѣренія, что они введены въ заблужденіе обманщикомъ Балынъ-Сенге, бросили его въ адъ. Тогда Ерликъ изъ ада закричалъ Балынъ-Сенге: „Будь ты Ерликомъ на мое мѣсто, только отпусти меня изъ ада“. Балынъ-Сенге отпустилъ его и сдѣлалъ привратникомъ ада. При

старомъ Ерликѣ мухи были вѣчны, при новомъ стали срочны; новый Ерликъ мѣсяца три продержитъ и отпустить.

(Онъ же).

3. Талынъ Хутулчи.

Талынъ Хутулчи (семьдесятъ вралей) не могъ слова сказать, чтобы не соврать. Однажды онъ куда-то ушелъ и на дорогѣ встрѣтилъ человѣка, который несъ котелъ на головѣ. „Ну-ка, Талынъ Хутулчи, соври мнѣ что-нибудь!“ „Не до тебя“, говоритъ Талынъ Хутулчи;— „все небо горитъ, а ты тутъ съ шутками“. Тотъ взглянулъ на небо, уронилъ котелъ на землю и разбилъ его. Тотъ же Талынъ Хутулчи и былъ потомъ Балынъ-Сенге. Пришелъ онъ въ юртѣ, въ которой женщина была при смерти; у дверей уже стояли два ельчи отъ Ерлика, и одинъ говорилъ другому: „Завтра на восходѣ солнца возьмешь душу этой женщины; ее на ночь перенесутъ въ другую юрту; я схвачу ее за больное мѣсто, она чихнетъ, ты не прозѣвай и схвати ее душу“. Балынъ-Сенге вошелъ въ юрту и говоритъ: „Я съумѣю сдѣлать, что она не умретъ. Положите въ другую юрту не покойницу, а глиняную куклу, одѣтую въ платье покойницы; остальное мое дѣло“. Самъ раздѣлся до нага и спрятался у юрты. Когда ельчи схватились за куклу, Балынъ-Сенге выскочилъ и закричалъ: „Что вы дѣлаете? Развѣ Ерликъ послалъ васъ глиняныя куклы давить!“ Потомъ они согласились пойдти далѣе втроемъ; дорогой Балынъ-Сенге спрашиваетъ: „Вы чего боитесь?“ „Мы боимся“, отвѣчали ельчи,— „волочей караганы, искръ отъ огня и навара отъ непромытой брюшины. А ты?“ „Я боюсь красного чая, пѣгаго (то-есть, жирнаго, съ бѣлыми кусками сала) мяса и бобо“ (бѣлаго хлѣба). Когда поравнялись съ караганой, Балынъ-Сенге заскопчл въ нее; ельчи, чтобъ выгнать его оттуда, начали бросать въ него чаемъ, мясомъ, бобо. Живетъ себѣ Балынъ-Сенге въ караганѣ, есть у него и ѣда, и питье. Побились, побились ельчи и оставили. Когда ушли, Балынъ-Сенге идетъ далѣе, видитъ—дѣвица съ быкомъ стоитъ у колодца и смотритъ. „Что смотришь?“ спрашиваетъ Балынъ-Сенге. „Кольцо уронила, не знаю какъ достать“. „Это сдѣлать просто“, говоритъ Балынъ-Сенге;— „я спущу тебя на веревкѣ“. Спустилъ да и веревку бросилъ; взялъ быка и ѣдетъ на немъ. На встрѣчу Ерликъ и предложилъ ему обмѣнъ, далъ ему лосы (мула) и взялъ быка. Быкъ не идетъ; онъ ударилъ его по лбу,

какъ совѣтовалъ Балынъ-Сенге, и убилъ быка; отрѣзалъ быку голову и несетъ ее. Между тѣмъ Балынъ-Сенге забѣжалъ впередъ въ адъ (тамы) и говоритъ: „Идите на встрѣчу человѣку съ коровьею головой (уқыртологойтей) и отдуйте его хорошенько“. Потомъ самъ пошелъ и сказалъ Ерлику: „Ты валилъ въ свой адъ народъ безъ разбора, не отличая грязи отъ свѣтлаго зеркала“. Съ тѣхъ поръ Ерликъ сталъ брать въ адъ только грѣшниковъ и на срокъ, послѣ котораго сталъ выпускать.

(Гунынъ, Халха хошува Лу-Луна).

4. Андзынъ, Хурумчи ¹⁾.

а. Однажды, чтобъ обмануть двухъ пословъ Ерликъ-хана Андзынъ Хурумчи притворился мертвымъ; надѣлъ даху, взялъ въ ротъ комъ масла, въ руки по молотку, легъ на дорогѣ и велѣлъ, чтобъ у него изъ зада выросла трава. Двое ельчи Ерликъ-хана пришли и удивляются этому чуду, думаютъ: „Какою смертью умеръ человѣкъ? Если подумать, что онъ замерзъ, то даха на немъ; подумать, что звѣри убили, то два молотка (мон) въ рукѣ; если подумать, что умеръ съ голоду, то кусокъ масла во рту; если подумать, что умеръ недавно, то изъ зада уже трава выросла большая; если подумать, что давно, то масло во рту еще не растаяло“. Не могли разгадать образа его смерти и возвратились безъ его души.

(Записавъ г. Палкинмъ отъ Дархата).

б. Бурханъ Бакши послалъ Андзынъ-Хурумчи обманывать народъ; народъ былъ сильно глупъ; вотъ онъ и послалъ его обманывать, чтобъ умъ народа сталъ острѣе (ухан хурцу болтогой). Андзынъ-Хурумчи взялъ найденную имъ на дорогѣ оглоданную овечью лопатку, вымазалъ ее кровью изъ своего носа и пришелъ въ одинъ аилъ. Хозяинъ аила, не разсмотрѣвъ, что она голая, принялъ ее за покрытую мясомъ. Андзынъ-Хурумчи постоянно держалъ лопатку въ рукѣ, прижавъ къ груди, и выходя изъ аила, и снова входя, не выпускалъ ее изъ рукъ. Хозяинъ сказалъ ему: „Что ты ее носишь, что не сварить?“ Андзынъ-Хурумчи опустил лопатку въ котель и спросилъ: „А что, вашъ котель, я думаю, не съѣстъ мясо съ моей лопатки?“ Хозяинъ захохоталъ и сказалъ: „Если котель

¹⁾ Дархаты не знаютъ имени Балынъ-Сенге.

сѣсть мясо съ твоей лопатки, то возьми котель себѣ“. Черезъ нѣсколько времени лопатка выплыла наверхъ бѣлая, потому что кровь смылась, и Андзынь-Хурумчи сталъ упрекать хозяевъ: „Что жь вы обманываете, говорите, что вашъ котель не ѣсть мяса. Смотрите, гдѣ же мясо, которое было на лопаткѣ?“ Хозяинъ началъ извиняться; онъ говорилъ, что онъ самъ не зналъ, что его котель ѣсть мясо, и накормивъ Андзынь-Хурумчи своимъ мясомъ, отдалъ ему котель. Андзынь-Хурумчи пошелъ дальше и на другой день остановился ночевать въ аилѣ, гдѣ только и была одна сѣрая овечка. И здѣсь онъ, когда выходилъ изъ аила, носился съ котломъ, не выпуская его изъ рукъ. Хозяинъ сказалъ: „Что его не положишь?“ Андзынь-Хурумчи оставилъ котель внѣ юрты и сказалъ: „А что, я думаю, ваша овца не изломаетъ мой котель“. Старикъ захохоталъ и сказалъ: „Если она изломаетъ, то ты ее и возьми тогда себѣ за котель“. Легли спать. Андзынь-Хурумчи тихонько ночью вышелъ изъ юрты, разбилъ котель и опять легъ въ юртѣ. Старикъ утромъ, увидѣвъ, что котель разбитъ, сказалъ проснувшемуся Андзынь Хурумчи: „Горе случилось! Твой котель изломала наша овца!“ И отдали ему овцу за котель. Пошелъ Андзынь-Хурумчи дальше и остановился ночевать въ богатомъ аилѣ, гдѣ была тысяча сѣрыхъ овецъ. Здѣсь опять онъ водилъ за собою, не отпуская, овцу, и на предложеніе хозяина аила отпустить ее въ его стадо, согласился, но отпуская, сказалъ: „А что, я думаю, ваши овцы не сѣдятъ моей?“ Хозяинъ сказалъ: „Если сѣдятъ, то ты возьми ихъ всѣхъ за нее“. И вотъ Андзынь-Хурумчи всталъ ночью, закололъ свою овцу, вымазалъ ее кровью губы тысячи овецъ, мясо отдалъ собакамъ, воротился въ юрту и легъ спать. Хозяинъ утромъ вышелъ изъ юрты, и увидавъ кровь на губахъ своихъ овецъ, пришелъ назадъ и сталъ будить Андзынь-Хурумчи, говоря: „Горе случилось!“ „Что за горе?“ спрашиваетъ Андзынь-Хурумчи. „Твою овцу наши овцы сѣли“. И заплатилъ ему за нее, какъ самъ же говорилъ, тысячу овецъ.

(Записано имъ же отъ Дархата Ерельтъ-заеранъ).

в. Ельчи или посланникъ Ерликъ-хана искалъ Андзынь-Хурумчи семьдесятъ лѣтъ и не могъ поймать или узнать его; разъ онъ подошелъ къ одному человѣку и сталъ его спрашивать: не видалъ ли онъ Андзынь-Хурумчи, — не подозрѣвая, что его же самого

спрашивалъ; не знаетъ ли онъ, сколько лѣтъ Андзынь-Хурумчи, старъ ли, молодъ ли? Андзынь-Хурумчи отвѣчаетъ ему: „Лѣта его узнать я могу тебя научить“. „Какъ же?“ говоритъ ельчи. „Ты иди на такую-то гору, тамъ у ключа увидишь старика, пасущаго тысячу бѣлыхъ лошадей; ты поймай одну лошадь и поведи понть, а пой ее задомъ“. Тотъ такъ и сдѣлалъ, пришелъ на гору къ ключу, увидѣлъ старика, поймалъ лошадь и сталъ понть ее задомъ; тогда старикъ проговорилъ: „Живу“, говоритъ, — „я вотъ уже сто восемьдесятъ лѣтъ, но ни разу не видалъ, чтобы лошадей поили задомъ!“ Этотъ старикъ былъ самъ Андзынь-Хурумчи переродившійся. (Записано имъ же отъ Дархата).

г. Андзынь-Хурумчи гналъ лѣтомъ въ зной тысячу овецъ. Они у него устали и не пошли далѣе. Андзынь-Хурумчи закололъ ихъ, изъ крови рѣку пропустилъ, внутреннимъ саломъ поля устлалъ, ноги воткнулъ въ землю вмѣсто лѣсу, изъ почекъ холмъ сдѣлалъ (цусар кол хисни, семджигар тали хисни, ширер бут хисни, бѣрер губе хисни) и пошелъ дальше. Ему попался человекъ въ собольей шубѣ и спросилъ: „Откуда ты?“ Андзынь-Хурумчи отвѣчалъ: „Я“, говоритъ, — „ѣхалъ черезъ кровяную рѣку, сальную степь, ножковый лѣсъ и почковый холмъ“. Тотъ возразилъ, что мѣстностей съ такими названіями нѣтъ, что онъ готовъ биться объ закладъ, что онъ не могъ проѣзжать черезъ подобныя мѣста. „Я отдамъ тебѣ свою соболью шубу, если ты мнѣ покажешь такое мѣсто“, сказалъ онъ. Андзынь Хурумчи повелъ его и указалъ на мѣсто, гдѣ зарѣзалъ своихъ овецъ, взялъ соболью шубу; поѣхалъ дальше и пріѣхалъ въ одинъ аилъ. Выходя изъ него и входя обратно онъ носилъ въ рукахъ свою соболью шубу; хозяинъ ему и говоритъ: „Что ты не покинешь своей шубы? Кто ее возьметъ?“ „Нѣтъ“, говоритъ Андзынь-Хурумчи, — „ваши два сына возьмутъ“. „Они у насъ иголки не возьмутъ“, сказалъ хозяинъ. „А если они украдутъ мою шубу, то я ихъ возьму себѣ?“ спросилъ Андзынь-Хурумчи. „Возьми“, сказалъ хозяинъ. Андзынь-Хурумчи всталъ ночью, разрѣзалъ свою шубу пополамъ, снялъ съ пояса ключи у обоихъ сыновей и положилъ въ ихъ ящики, по половинѣ въ каждый, привязалъ ключи и легъ спать. Утромъ встали и онъ говоритъ: „Дайте мою шубу! Я пойду!“ Хозяинъ отвѣтилъ ему: „Кто-то укралъ твою шубу“. „Кто же, кромѣ твоихъ дѣтей“, сказалъ Андзынь-Хурумчи и велѣлъ отереть ихъ ящики. Отерли ящики

и въ каждомъ нашли по половинѣ собольей шубы. Андзынь-Хурумчи взялъ обоихъ сыновей хозяина этого аила и теперь пошли уже втроемъ. Андзынь-Хурумчи дорогой говоритъ двумъ мальчикамъ: „Я посажу одного изъ васъ на лѣсину, а другаго въ яму, выкопанную къ землѣ. Погонить одинъ человѣкъ тысячу лошадей, и я скажу, что лошади мои, а когда онъ начнетъ спорить, то я скажу: ну хорошо, если не мои, то спросимъ небо и землю, и тогда вы отвѣчайте, когда я васъ спрошу: твои, а когда онъ спроситъ: не твои“. Такъ и сдѣлали. Идетъ человѣкъ и гонитъ тысячу лошадей. Андзынь-Хурумчи встрѣчаетъ его словами: „Спасибо, что пригналъ! Я“, говорить,—„пѣшій, когда бы ихъ нашелъ“. Тотъ говорить: „Я не понимаю, что ты говоришь“. „Да это мои лошади, говорю“, говоритъ Андзынь-Хурумчи. Хозяинъ заспорилъ съ нимъ, и Андзынь-Хурумчи предложилъ ему спросить у неба и земли, чьи это лошади, и пусть такъ и будетъ, какъ небо и земля скажутъ. „Ну, спрашивай“, сказалъ хозяинъ лошадей. Тогда Андзынь-Хурумчи закричалъ: „Небо, небо, чьи это лошади?“ Сверху раздался голосъ: „Это лошади Андзынь-Хурумчи!“ Потомъ хозяинъ лошадей закричалъ: „Небо, небо, чьи это лошади!“ Опять сверху раздался голосъ: „Это лошади Андзынь-Хурумчи“. Потомъ оба они такимъ же образомъ спросили и землю: „Земля, земля, чьи это лошади?“ Услышали изъ земли голосъ: „Это лошади Андзынь-Хурумчи“. И онъ взялъ ихъ. Поѣхали всѣ трое дальше, поселились въ одномъ мѣстѣ и стали жить. Андзынь-Хурумчи заболѣлъ и въ бреду разказалъ всю свою жизнь, какъ обманывалъ людей, и два его воспитанника сварили его въ молокѣ за то, что онъ ихъ обманомъ увелъ отъ отца и матери. Затѣмъ они возвратились обратно къ отцу и къ матери.

(Записанъ имъ же отъ Дархата).

Б. Чуть.

Жилъ одинъ пахарь Чуть; онъ варилъ въ горшекѣ пищу; ѣдутъ четыре купца; онъ огонь потушилъ, закрылъ угли дерномъ, горшекъ поставилъ на печь. Подъѣзжаютъ купцы, видятъ—горшекъ кипитъ, спрашиваютъ: „Что это за чудо?“ Чуть говорить: „Я человѣкъ бѣдный, варить не кому, Богъ мнѣ далъ таковой горшекъ; положу въ него припасъ, онъ самъ варить“. „Продай намъ“, говорятъ

купцы. „А какъ же я останусь безъ горшка? Кто мнѣ будетъ варить?“ Однако купцы уговорили Чуту продать чудесный горшекъ за четыреста рублей; сложились купцы по сотнѣ, отдали деньги Чуту и повезли горшекъ. Дорогой остановились ночевать, наклали въ горшекъ мяса, налили воды, поставили на печь; вода какъ была холодная, такъ и осталась холодною. „Обманулъ Чуть“, говорятъ купцы;— „нужно его убить“. Ъдутъ къ нему, а онъ ужъ ждалъ. Загородилъ свою кобылу, смѣшалъ навозъ съ деньгами, которыя получилъ за горшекъ, сидитъ и выбираетъ изъ пудовки монеты; нѣсколько монетъ спряталъ кобылѣ подъ хвостъ. Купцы спрашиваютъ: „Что ты дѣлаешь?“ Чуть отвѣчаетъ: „Богъ вмѣсто горшка далъ мнѣ, бѣдному человѣку, кобылу, которая деньгами гадитъ; вотъ сижу и выбираю“. „А по многу она денегъ приноситъ?“ спрашиваютъ купцы. „А вотъ это она за вторныя сутки наложила; вчера не удалось выбрать“. Въ это время въ виду купцовъ кобыла стала еще класть навозъ, и вмѣстѣ съ нимъ посыпались и тѣ монеты, которыя Чуть спряталъ подъ хвостъ. „Продай кобылу“, опять говорятъ купцы. Продавъ Чуть кобылу, купцы увели ее, накормили овсомъ, подставили пудовку, полную наложила навозу, а денегъ ни гроша. „Опять насъ обманулъ“, говорятъ купцы;— „надо его убить“. А Чуть уже ждетъ ихъ, поймавъ двухъ воронъ; одну ворону женѣ оставилъ, другую съ собою взялъ. Женѣ наказалъ самоваръ поставить, то-то и то-то наготовить. Пашетъ пашню; подѣзжаютъ купцы. Видятъ— опять выдумка, ворона на что-то привязана; угадать не могутъ. „Это мой слуга“, говоритъ Чуть. „Зачѣмъ ты насъ обманулъ?“ спрашиваютъ купцы. „За обманъ и почтите“; отвѣчаетъ Чуть,— „отдайте назадъ горшекъ и кобылу, а деньги возьмите. Повремените только, я допахну; а потомъ поѣдемъ ко мнѣ, и я отдамъ вамъ деньги“. Ворону отвязалъ, гладитъ ее и наговариваетъ: „Ворона, лети къ моей женѣ, скажи, чтобъ самоваръ поставила, то-то и то-то приготвила“. И отпустилъ ворону. Потомъ понахалъ еще и говоритъ купцамъ: „Теперь поѣдте“. Приѣхали купцы къ Чуту, видятъ— самоваръ готовъ, на столѣ стоятъ тѣ самыя блюда, которыя Чуть заказалъ воронѣ, и сама ворона тутъ же. А Чуть говоритъ женѣ: „А что же вотъ такого-то кушанья нѣтъ? Я наказывалъ воронѣ“. Жена оправдывается; говоритъ, что ворона ей объ этомъ не передавала. Чуть ругать жену и ворону, но купцы принялись за-

ступаться. „Нѣтъ, другъ“, говорятъ Чуту,— „ты самъ не заказывалъ этого; мы всѣ рѣчи твои слышали и помнимъ“. Думаютъ купцы: „А эта ворона и намъ годится. Продай“, говорятъ,— „ворону“. Продавъ Чуть ворону, и только они уѣхали, Чуть убѣжалъ подальше, чтобы купцы его не нашли.

(Свящ. о. Михаилъ Чивалковъ, род. Телеутъ. С. Угала).

6. Аргата.

У одного хана былъ сынъ. Тайджи ¹⁾ ходилъ на охоту, тамъ его убили. Убійца боялся, что его отерокутъ, и обратился съ просьбой къ одному аргата (хитрецу), нельзя-ли сдѣлать такъ, чтобы подумали, что тайджи самъ убитъ. Аргата взялся за это дѣло. Ночью онъ принесъ мертваго въ ханскоеургѣ ²⁾, и поддѣлываясь подъ голосъ убитаго тайджи, проговорилъ съ улицы: „Мать, дай мнѣ чего-нибудь поѣсть!“ Мать сердилась, что онъ такъ долго не шелъ домой и говорить: „Не посылаютъ тебя, по своей охотѣ до этой поры шатаешься! Теперь чего найдешь, то и ѣшь!“ Аргата, опять поддѣлываясь подъ голосъ тайджи, отвѣчалъ: „Если мать мнѣ такъ говоритъ, такъ я удавлюсь!“ Перекинулъ веревку черезъ кругъ вверху юрты и повѣсилъ на ней мертвое тѣло; самъ ушелъ потихоньку. На другое утро увидали повѣшеннаго; ханъ усумнился въ томъ, чтобы тайджи самъ удавился. Онъ послалъ за матерью Толонъ, Шюбгуръ Мангысовъ, которая была утыгунъ (шаманка). Собралось множество народа смотрѣть, какъ она будетъ шаманить; въ оградѣ было столько осѣдланыхъ лошадей, сколько и въ табунѣ пасущихся не всегда бываетъ; тутъ же былъ и Аргата; онъ очень боялся, что утыгунъ откроетъ убійцу, и потому рѣшилъ убить ее. Когда всѣ были въ явлѣ, онъ остался на улицѣ, перевязалъ всѣхъ лошадей хвостами, нѣкоторымъ подвязалъ подъ хвосты какіе-нибудь твердыя вещи, накалилъ желѣзку и началъ ею тыкать лошадей. Они перепугались, забѣсались, и пошла суматоха, словно на войнѣ; весь народъ, не исключая и хана, выбѣжалъ изъ юрты посмотрѣть, что случилось. Въ это время Аргата вбѣжалъ въ юрту, задушилъ утыганъ и засунулъ ее ногами вверхъ въ большой булуръ съ кумысомъ, а самъ вышелъ опять на дворъ и сталъ

¹⁾ Тайджи—царевичъ.

²⁾ Ургѣ—княжеская ставка.

съ прочими ловить коней. Успокоившись, вошли опять всѣ въ юрту, и не видя утыгань, думали, что она вышла на дворъ. Сѣли ее поджидать; Аргата сѣлъ возлѣ сумы съ кумысомъ и сказалъ: „Уставшимъ людямъ хорошо бы теперь кумысу выпить!“ Всталъ къ мѣшку и говоритъ: „Не поболтавши, кумысъ въ чашки не наливаютъ“. Сталъ болтать и бормочетъ себѣ подъ носъ: „Что это за мѣшалки объ двухъ ручьяхъ, словно какъ человѣчьи ноги“. Услыхавъ его бормотанье, ханъ закричалъ: „Чего ты тамъ врешь! Какія человѣчьи ноги увидалъ!“ Аргата говоритъ: „Да я дѣйствительно человѣчьи ноги вижу, совсѣмъ не вру“, и вытащилъ изъ мѣшка старуху. Ханъ испугался, что Толонъ Шюбгуръ Мангысы будутъ ему мстить за смерть старухи, сталъ просить Аргата, чтобы помогъ онъ ему отдѣлаться отъ нихъ. Аргата обѣщала. Велѣлъ напечь себѣ полный мѣшокъ сладкихъ пироговъ, осѣдлать беспокойнаго верблюда, а самъ привязалъ себѣ на грудь пузырь съ кровью, къ сапогамъ приделалъ шилья, сѣлъ на верблюда, взялъ мертвую старуху и отправился въ путь. Подѣхалъ къ старухину аилу; собаки заладали, всѣ Толонъ Шюбгуръ Мангысы выбѣжали навстрѣчу, кричатъ: „Наша мать прѣехала, намъ гостинца привезла“. Аргата бросилъ имъ мѣшокъ съ пирогами и кричитъ: „Уйдите скорѣй въ аилъ; у меня верблюдъ беспокойный“. Мангысы все бѣгаютъ вокругъ него да подбираютъ пирога. Аргата прищипорилъ шильями верблюда, тотъ сдѣлалъ скачекъ, Аргата упала, сдернулъ съ собою убитую старуху, раздавилъ пузырь, весь облился кровью и лежитъ, притворившись мертвымъ. Мангысы увидели мать мертвую и Аргата въ крови и говорятъ: „Мать то хоть и убила, это ничего, а вотъ что ханскій посланецъ (эльчи) убитъ—это плохо! Ханъ подумаетъ, что мы убили“. Ушли къ себѣ въ аилъ, горюютъ. Немного погодя, Аргата всталъ и зашелъ къ нимъ въ аилъ; охаетъ, а они обрадовались, что онъ живъ остался. Такъ и избавился Аргата отъ мертвой старухи.

50. Гесыр-ханъ.

а. Гэспыр-ханъ ѣхалъ на гнѣдомъ конѣ Вельгунъ (Вельгунъ Герьморинъ) мимо цѣли, въ которую стрѣляли изъ луковъ Китайцы; у нихъ былъ какой-то праздникъ. Одинъ выстрѣлъ китайскаго стрѣлка спугнулъ сороку, которая сидѣла на цѣли или мишени; лошадь

Гэсырь-хана испугалась, бросилась и сронила Гэсырь-хана на землю; онъ былъ очень старъ и ушибся. Сынъ его сказалъ Китайцамъ, что онъ пововетъ ихъ, если они не выльчатъ его отца. Китайцы испугались и сказали: „Вѣрно мы сдѣлали проступокъ, стрѣляя въ этотъ день“. Они выльчили Гэсырь-хана и построили ему на томъ мѣстѣ сумэ (храмъ); онъ сталъ ихъ богомъ.

(Чо Джамцинъ, лама Халхасецъ, родомъ съ р. Усюнь-Дзюль въ хошунѣ Тачжи Урянхай).

б. Гэгэръ былъ сынъ неба, родился отъ старика и старухи на землѣ. Мангытхай пришла и спрашиваетъ: „Сосеть ли ребенокъ?“ „Нѣтъ“, „говорять родители“. „Это оттого“, говоритъ Мангытхай, — „что у него болитъ языкъ; дайте, я ему поправлю во рту своимъ языкомъ“. И всунула языкъ въ ротъ ребенка; ребенокъ откусилъ ей языкъ, и Мангытхай умерла. Послѣ того Кэгэръ поѣхалъ на битву съ Мангытхаемъ, не могъ его убить, положилъ подлѣ горы и сдѣлалъ съ нимъ условіе на три года.....

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

в. Гэсэръ-ханъ былъ сынъ Ханъ-Хэрмысь-ханъ Тэнгиръ-Нойона; онъ родился отъ тринадцатилѣтней дочери царя Аюханъ-Буды-хана. Раньше его на землю спустился дядя его Зото-нойонъ или Зотынъ Хара Буха. Узнавъ о существованіи дочери Аюханъ-Буды Зотынъ со своимъ слугою старикомъ Сенгыломъ поѣхалъ сватать ее; увидѣвъ старика-жениха, дѣвица бѣжала прочь; сваты погнались за нею; она упала, конь наступилъ ей на ногу и изломалъ ее Зотынъ-нойонъ счелъ за стыдъ имѣть хромую жену и отдалъ ее Сенгылу. Но когда она выздоровѣла и перестала хромать, Зотынъ-нойонъ сталъ постоянно стараться ссорить ихъ; однако тѣ жили мирно; за то, что Сенгылъ не билъ свою хозяйку, Зотынъ-нойонъ сослалъ Сенгыла вмѣстѣ съ нею въ сѣверную сторону, гдѣ они жили нѣсколько лѣтъ. Онъ ловилъ петлей хохын'овъ(?) и горностаевъ (охотыр уин), сперва по немногу, потомъ по семидесяти въ каждую петлю. Однажды онъ не могъ управиться съ добычей и пробылъ на охотѣ весь день до вечера; жена его пошла за водой, увидѣла слѣдъ великана, пошла слѣдомъ и пришла къ щели, гдѣ сидитъ старикъ съ длинною бородой до полу; въ это же время ударилъ громъ, и старикъ исчезъ; она упала безъ чувствъ и очнулась беременною. Начерпавъ воды, только успѣла добѣжать до

шалаша (бухэк), въ которомъ они жили, какъ отъ нея начали рождаться одинъ вслѣдъ за другимъ безчисленные дѣти и уходить на небо. Одинъ только послѣдній остался при ней, потому что былъ уродъ: одинъ глазъ смотрѣлъ въ небо, другой въ землю, одна рука искалѣчена, одна нога искалѣчена, носъ сопливый. Мать хотѣла его зарыть, потому что думала, что это шулмусъ; она выкопала яму, но никакъ не могла справиться съ ребенкомъ, который не хотѣлъ въ нее лѣзть. Прибыль Сенгыль и рассудилъ такъ: „Будь это и шулмусъ, все-таки лучше кормить его; все равно, онъ намъ не поддастся, такъ лучше не сердить“. Соплякъ три дня плакалъ, не давая покою матери, и постоянно марался своими соплями. Къ нимъ пришелъ Манхытхай, притворившись ламой. Родители спрашиваютъ, что дѣлать съ беспокойнымъ ребенкомъ. Манхытхай говоритъ: „У него „хото“, прыщъ подъ языкомъ. Я его сейчасъ вылѣчу, надрѣжу своимъ языкомъ“. Манхытхай всунулъ ребенку въ ротъ свой языкъ, но ребенокъ ухватился зубами за языкъ ламы, ударилъ ногами его въ грудь, вырвалъ языкъ и лама замертво палъ. Черезъ три года мальчикъ пошелъ къ берегу моря, построилъ серебряный мостъ, изъ трехъ девятковъ прутьевъ сдѣлалъ лошадей, изъ трехъ девятковъ травъ сдѣлалъ молодцовъ и катался съ ними по серебрянному мосту. Пришли три пары шулмусовъ и попросили проѣхать по мосту на его коняхъ. Нѣтай Сара (такое имя ему дали) далъ имъ коней; шулмусы въѣхали на средину моста; тогда Нѣтай Сара уничтожилъ свое созданіе, мостъ исчезъ, лошади обратились въ прутья, и только когда ихъ выкинуло на берегъ, они снова стали лошадьми; шулмусы же упали въ море и утонули. Зотынъ нойонъ, узнавъ, что родился Нѣтай Сара, вытребовалъ его мать къ себѣ, построилъ ей домъ и надѣлилъ табуномъ; однако Нѣтай Сара не жилъ въ домѣ съ матерью, а предпочиталъ жизнь въ собачьемъ гнѣздѣ. Однажды Нѣтай Сара говоритъ Зотынъ нойону: „Отчего въ твоихъ владѣніяхъ, дядя, китайцы сѣютъ таранъ (ячмень)? Поѣдемъ, посмотримъ“. Поѣхали на одномъ быкѣ втроемъ: впереди кучеръ, въ срединѣ на быкѣ сидѣлъ Зотынъ нойонъ, сзади Нѣтай Сара. Когда проѣзжали нивой, изъ жнива вылетѣла перепелка (бодене), быкъ испугался, а Нѣтай Сара еще ударилъ его сапогами, въ которые были вколочены гвозди; быкъ бросился въ сторону, отчего всѣ трое упали.

Зотынъ нойонъ притворился мертвымъ, чтобъ испытать, что объ немъ думаетъ племянникъ. Онъ одинъ глазъ прищурилъ, другимъ смотритъ. Нѣтай-Сара говоритъ тому, что правилъ быкомъ: „Это худой знакъ, если человекъ умеръ, а глазъ остался открытымъ; нужно выколоть его“. И хотѣлъ ножомъ ткнуть въ глазъ. Зотынъ-нойонъ закрылъ глазъ. Тогда Нѣтай Сара говоритъ: „Если бы пашни не было, не было бы будене; еслибъ не будене, быкъ не испугался бы; если бъ быкъ не испугался, онъ насъ не сбросилъ бы. Нужно съечь Зотынъ нойона, потому что тѣло великаго хана нельзя оставить на посмѣяніе“. Они вдвоемъ собрали травы и сухихъ дровъ, разожгли костеръ и положили на него Зотынъ нойона. Тотъ вскочилъ. Нѣтай Сара сказала: „Это худо, если великій ханъ, умерши, снова оживаетъ“. „Но я живой!“ сказалъ Зотынъ нойонъ. „Это худо, если великій ханъ, умерши, заговоритъ“, сказалъ Нѣтай Сара и бросилъ его снова въ огонь. „Я шутилъ“, признался Зотынъ нойонъ. „Это худо“, сказала Нѣтай Сара, — „если великій ханъ шутить“. Послѣ этого, увидѣвъ, что Зотынъ ханъ порядочно обжегся и обгорѣлъ, онъ болѣе уже не толкалъ его въ огонь, и они возвратились.

Днемъ Нѣтай Сара постоянно шляется по степи; однажды онъ видитъ, кобыла только что ожеребилась, тутъ же дѣвица спитъ подъ шелковымъ одѣяломъ; онъ мокраго жеребенка подсунулъ ей въ платье, взявъ съ ея руки кольцо и закричалъ: „Вставай!“ А когда она встала, онъ прибавилъ: „Что за чудо! Отъ дѣвицы не слѣдовало бы родиться жеребенку“.

Зотынъ нойонъ, не говоря никому, тайно собрался въ сѣверную сторону къ Турюши-хану, который выдаетъ дочь. Ѣдетъ ханъ, а Нѣтай Сара сзади бѣжитъ пѣшкомъ. Зотынъ нойонъ сказалъ ему: „Племянникъ, не хорошо родственнику великаго хана прибыть пѣшкомъ. Вернись“. Нѣтай Сара вернулся, а когда стали подъѣзжать къ Турюши-хану, смотреть—Нѣтай Сара Ѣдетъ на жеребой кобылѣ, сѣвъ лицомъ къ хвосту, и палкой погоняетъ. Зотынъ нойонъ опять началъ его уговаривать не срамить своего дядю, а вернуться. Нѣтай Сара послушался, вернулся. Но когда Зотынъ нойонъ подъѣхалъ къ ханской юртѣ, Нѣтай Сара снова предсталъ на кобылѣ лицомъ къ хвосту и съ палкой въ рукѣ. Зотынъ нойона проводить въ почетное мѣсто, а Нѣтай Сара также протѣсняется въ толпу, обмазывая всѣхъ соплями; всѣ его стараются оттолкнуть

отъ себя, а онъ еще болѣе мараеъ толпу. Ханъ объявляетъ, что дочь отдаетъ тому, кто въ то время, какъ она разъ обернется, разрѣжетъ мясо кобылицы, семьдесятъ лѣтъ сохшее, на триста частей и раздасть его. Многіе принимались за эту задачу; кто не успѣлъ и ножа вынуть, пока обернулась царевна, кто ножъ изломалъ о сухое мясо. Выходитъ Нѣтай Сара. Ему говорятъ: „Куда ты? мясо только замараешь“. Нѣтай Сара на это возразилъ: „Слово хана назадъ не возвращается; плюнувъ, слюну назадъ въ ротъ не берутъ“. Ханъ велѣлъ допустить его, Нѣтай Сара разрѣзалъ мясо и роздалъ его прежде, чѣмъ царевна успѣла обернуться. Онъ беретъ ее, садитъ сзади себя на коня и везетъ, часто оглядываясь, будто справиться: тутъ ли, и всю обмоталъ соплями. Имя ея было Тумуръ Джиргмыльнъ. Отвезши ее домой, онъ выстроилъ для нея хорошій домъ, а самъ опять живетъ въ собачьемъ гнѣздѣ.

Черезъ три года Зотынъ нойонъ опять поѣхалъ на этотъ разъ къ Шара-Лама-хану, выдававшему замужъ свою дочь Амыръ Гоя. Поѣздка описывается почти дословно тѣми же словами; на этотъ разъ рѣзали коровье мясо, сохшее пятнадцать лѣтъ. Опять царевна досталась Нѣтай Сара. Привезъ онъ Амыръ Гоя къ себѣ, построилъ ей домъ, а самъ опять живетъ въ собачьемъ гнѣздѣ. Еще три года прошло. Нѣтай Сара обернулся юношей и пришелъ къ двумъ своимъ женамъ въ видѣ странника; они угостили его и уговорили ночевать. Ночью имъ что-то показалось, они вскочили въ испугѣ—странника нѣтъ. Тогда они начали сучить шелковую нить, намотали клубокъ. Утромъ Нѣтай Сара пришелъ къ нимъ завтракать, они конецъ нити заткнули ему за спину. Когда онъ ушелъ, они пошли слѣдить за нимъ и пришли на вершину горы Мѳнгѳтуй-Олы (серебряной). Здѣсь они увидѣли собраніе боговъ и самаго Ханъ-Хэрмысь-хана, Тэнгирь-Нойна; далѣе они видятъ—передъ богами стоитъ человѣкъ, великій какъ гора, и получаетъ отъ нихъ благословеніе, а къ спинѣ его привязана шелковая нить. Женщины спрятались за дерево, но Ханъ-Хурмусъ-ханъ Тэнгиръ Нойонъ увидѣлъ ихъ и говоритъ: „А, это мои невѣстки!“ Подозвалъ ихъ и далъ каждой сосудъ вина, старшей опустилъ въ сосудъ свой большой палецъ, отрѣзавъ его, а младшей—мизенецъ. Первая проглотила вино съ пальцемъ, вторая выпила только вино, а палецъ возвратила. Хурмусъ-ханъ сказалъ: „У старшей ро-

дится сынъ, который будетъ стрѣлокъ, у младшей родилась бы дочь, но она останется бездѣтною“. Женщины вернулись домой, вернулся и Нѣтай Сара; онѣ ему говорятъ: „Сколько времени ты уже съ нами живешь, скрывая, что ты Гесеръ-ханъ; зачѣмъ ты насъ мучишь? Прійми свой настоящій видъ“. Онъ принялъ свой настоящій видъ послѣ тринадцатилѣтнаго калѣчества. „Такъ какъ за три дня ранѣе сдѣлалъ я это, чѣмъ слѣдовало, то я долженъ буду проиграть три битвы“, сказалъ онъ.

Добывъ богатырскаго коня и тридцать-трехъ богатырей, да къ нимъ триста хошуи (помощниковъ) и три „тука“ войска, онъ отправился на первый разъ на Мангытхая, который въ одной сторонѣ губилъ народъ. Онъ поѣхалъ туда съ однимъ богатыремъ, который назывался Барсъ-батырь. Три мѣсяца боролся Гесеръ-ханъ и убилъ Мангытхая. Затѣмъ онъ возвратился домой. Въ это время Зотынъ-нойонъ убилъ чернаго барана, кишки, начиненныя кровью, зарылъ на перекресткѣ трехъ дорогъ, „гурбунъ харуй бельширъ“, а желудокъ, наполненный кровью, вложилъ въ сапогъ Гесеровой жены Тумуръ-Жиргмынъ и крикнулъ: „Невѣства, всѣ телата сосутъ коровъ!“ Та бросилась надѣвать сапогъ, раздавила кишку, кровь брызнула въ огонь, пошелъ смрадъ, попалъ въ носъ Гесеръ-хана, и онъ заболѣлъ. Призвали ламу на совѣтъ, и онъ сказалъ, что онъ выздоровѣетъ, если Тумуръ-Жиргмынъ уйдетъ въ жены къ Абыргъ-Сэсэнъ-Мангытхаю, живущему въ мѣстности Хони-Хотой Орунъ Хальхинъ-Хуткурдой. Хотя Гесеръ-ханъ уговаривалъ свою жену Тумуръ-Жиргмынъ не ходить, она все таки отправилась къ Абыргъ-Сэсэнъ-Мангытхаю. Гесеръ-ханъ выздоровѣлъ и пошелъ выручать свою жену; онъ переродился двумя мальчиками, родившимися въ той мѣстности, гдѣ жила Тумуръ-Жиргмынъ. Когда мальчики подросли, они рѣшили убить напередъ сестру Абыргъ-Мангытхая; они сдѣлали палки съ крючками и пришли къ ней; она обыкновенно сглатывала проходящихъ и ихъ стала сглатывать, но только заглотала палки, они выдернули ихъ назадъ и вырвали у ней вмѣстѣ съ тѣмъ языкъ, сердце и легкое. Потомъ они пришли домой и сдѣлали жаръ. Абыргъ-Мангытхай говоритъ: „Слышу жаръ Гесеръ-хана. Надо очиститься, омыться передъ битвой“. Пошелъ къ морю; тамъ на берегу два мальчика дерутся и спорять, кто изъ нихъ застрѣлилъ алтынъ-гургултая Абыргъ-

Мангытхай сталъ разнимать ихъ и говорить: „Стрѣляйте мнѣ въ большой палець; кто попадетъ, тотъ, значить, и застрѣлилъ алтынъ-гургултая“. И подставилъ палець. Одинъ мальчикъ выстрѣлилъ и попалъ ему прямо въ глазъ. Абригъ-Мангытхай прибѣжалъ домой, разказалъ этотъ случай женѣ и спрашиваетъ ее: не вынетъ ли она стрѣлу, выколачивая исподволь молоткомъ, такъ какъ рукой она не вытаскивается; такъ туго и глубоко вошла. Между тѣмъ Тумуръ-Жиргмыль узнала, что это стрѣла Гесеръ-хана, взяла молотокъ и еще крѣпче забила стрѣлу. Абригъ-Мангытхай умеръ.

Потомъ Гесеръ-ханъ боролся съ Анъ-Долманъ-ханомъ, былъ увѣченъ и страдалъ; тутъ его выручаетъ одинъ изъ его братьевъ Заса Шикыръ. Есть у него еще третій братъ Шахай Туксыръ. Потомъ онъ воевалъ съ Шарголи-ханомъ.

(Манзановъ, грамотный Бурятъ Азарск. вѣдомства).

г. Однажды Гесеръ-ханъ попалъ къ тремъ дочерямъ Мангытхая, которыя приняли видъ красавицъ; тамъ его напоили виномъ и онъ девять лѣтъ въ безпамятствѣ бродилъ въ ихъ странѣ. Когда его исцѣлили три сестры Гурбунъ Хухой Эвши „три дѣвы сестры“, онъ поѣхалъ домой; подъѣзжая къ своему дому, онъ видитъ мальчика девяти лѣтъ. Онъ узналъ своего сына и спросилъ: „Что дѣлаетъ мать?“ Тотъ отвѣчалъ: „Лукъ строить“. Онъ сообразилъ такимъ образомъ, что это она на него дѣлаетъ лукъ за то, что онъ жилъ девять лѣтъ у дочерей Мангытхая, ревнуя его къ нимъ. Онъ велѣлъ сыну сказать матери, что онъ ушелъ въ эту сторону, если она спроситъ его о томъ, а самъ ушелъ въ другую. Амыръ Гуя вышла, смотреть въ ту сторону, куда показалъ сынъ—нѣтъ мужа; обернулась въ другую сторону, увидѣла, но онъ уже далеко, стрѣла не достанетъ; она осердилась и застрѣлила сына. Потомъ „мать“ изломала свой лукъ на семьдесятъ частей.]

(Онъ же).

д. Гесеръ—богдоханъ, онъ же—Ами-голынъгъ ханъ; это теперь Китайскій императоръ.

(Петръ Гаптимуръ, обурятившійся Тувгусъ).

е. Полное имя Гесера: Абэ Гэсиръ-богдо-ханъ; имя его жены: Ана Мэргынъ-хатунъ. По другому показанію Абай Гесеръ-богдо имѣлъ три жены: 1) Тумуръ-Джиргмыль, 2) Амыръ-гуя и 3) Ана-

мергенъ. Отецъ его назывался: Ханъ-Хәрмысь-ханъ тэнгиръ воинъ; мать его была тринадцатилѣтняя дѣвочка. Жилъ онъ въ мѣстности Морильджинъ Дайдунъ минку далай. У него было тридцать три богатыря и къ нимъ триста хошуши (помощниковъ) и три тука войска. Два брата его носили имена: старшій—Заса-шикыръ, младшій—Шахай-туксырь.

(Буряты Аларск. вѣдомства).

51. Гегены.

а. У Гесыръ-хана прежде было 32 богатыря; самый старшій изъ нихъ былъ Богдо-бурхынъ, который теперь хутухтой въ Ургѣ; второй по немъ былъ Очирвани, нынѣ Джахандзе-гегенъ; остальные богатыри стали гегенами: Илгысынъ, Наръ банджинъ и друг. (Банъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Джахандзе-гегенъ теперь семи лѣтъ мальчикъ. Когда онъ былъ трехъ лѣтъ, къ нему на поклоненіе пришелъ одинъ человекъ. Гегенъ ему сказалъ: „Ступай, напередъ возврати украденную тобою серебрянную патфію“ (худорго). Вотъ до какой степени онъ святъ (срѣкей бурхынъ)!

(Онъ же).

в. Нарбанджинъ-гегенъ нанъ найманъ седетей, то-есть: Нарбанджинъ-гегенъ владѣеть искусствомъ производить 88 чудесъ. Одинъ батырчи (калика переходящая) шелъ къ этому гегену молиться и встрѣтилъ человекъ на лошади, который ѣхалъ въ табунъ. Батырчи спросилъ его: гдѣ живетъ Нарбанджинъ-гегенъ? Человекъ на лошади сказалъ, что онъ не знаетъ. Такъ какъ это было близко отъ жилища гегена, и старику показалось страннымъ это незнаніе, онъ высказалъ свое недовѣріе къ отвѣту и еще разъ попросилъ указать ему дорогу. Человекъ на лошади не хотя указалъ ему дорогу и самъ поѣхалъ прочь. Когда батырчи пришелъ къ Нарбанджину, гегенъ спросилъ его: кто ему указалъ его домъ. Батырчи сказалъ: „Человекъ на лошади, который ѣхалъ въ табунъ“. Нарбанджинъ удивился, потому что это былъ человекъ, который не признавалъ святость Нарбанджина и не звалъ его гегеномъ, а просто Нарбанджиномъ. Нарбанджинъ вознамѣрился убѣдить этого человекъ въ своей святости. Онъ пригласилъ его на охоту; встрѣтили трехъ мараловъ. Нарбанджинъ сказалъ товарищу, чтобъ онъ заворотилъ

звѣрей, а самъ приготовился стрѣлять. Когда звѣри заворотились, Нарбанджинъ выстрѣлилъ и убилъ одного звѣря; онъ сказалъ своему товарищу, чтобы тотъ навьючилъ звѣря на своего коня, но тотъ отговаривался тѣмъ, что поздно, что можно и завтра это сдѣлать. На завтра этотъ человѣкъ поѣхалъ одинъ и нашелъ вмѣсто марала вдову, у которой половина тѣла была отстрѣлена (ихинэр орёсын тал). Это была шулмусъ.

(Лубсынъ Очуръ, лама Халхасецъ, хошуна Сайнъ ноёна).

г. Одинъ ноёонъ послалъ посла къ Нарбанджинъ-гегену требовать отъ него шаргылъ-моринъ (буланую лошадь), на которой тотъ постоянно ѣздилъ. Нарбанджинъ отказалъ. Тогда ноёонъ самъ пріѣхалъ къ нему и лично потребовалъ этой лошади, но Нарбанджинъ и тогда ему отказалъ. Ноёонъ послалъ своихъ людей поймать лошадь; Нарбанджинъ осердился и ударилъ по столу трубкой, которую курилъ. Огонь вспыхнулъ, разлился, сталъ пламенемъ и опалилъ ноёона, и вмѣстѣ съ этимъ ноёонъ лишился своихъ онгытовъ (то-есть, власти надъ ними). До того онъ былъ шаманъ (бо).

(Онъ же).

д. Хубилганъ Бурхана-Баяши есть ургинскій хутукту.

(Лубсынъ, лама Дурбютъ. Г. Улангомъ).

е. Прослышавъ о мудрости и чудотворствѣ Илгысынъ-гегена, Едзень-ханъ пригласилъ его въ Пекинъ, налилъ ему въ чашку воды или чаю и молока и спросилъ: можетъ ли онъ раздѣлить ихъ въ чашкѣ. Молоко отдѣлилось отъ воды и стало само по себѣ. Поэтому Едзень-ханъ даровалъ ему имя Илгысынъ, „отдѣлилось“. Прежде его имя было Цаметей-гегенъ.

(Найдынъ, шабинецъ изъ Урги).

ж. Прежнее имя Джахандзе-гегена было Очирвани. Едзень-ханъ пригласилъ его въ Пекинъ и подаль ему чашку; въ рукахъ у Очирвани она всколебалась, и въ то же время почва подъ Пекиномъ покачнулась. Оттого этотъ городъ и теперь стоитъ на косогорѣ, а также отсюда и имя гегена Джахандзе, „качается“. Гегену вслѣдствіе этого запрещенъ въездъ въ Пекинъ.

(Онъ же).

з. Илгысынъ-гегенъ, Хамбы-гегенъ и Чокуръ бейли—аха дю гурбы, трое родныхъ братьевъ.

(Онъ же).

и. Бурхынъ бакши одного изъ своихъ шааби (учениковъ) называлъ Богдо гегенъ. Тогда одинъ изъ совѣтниковъ Богдо-Едзенъ-хана, по имени Ямши, спросилъ его: знаетъ ли онъ, что есть еще Богдо? Тотъ отвѣчалъ, что онъ единственный Богдо на землѣ. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Ямши;— „есть еще Богдо гегенъ“. Тогда Богдо Едзенъ велѣлъ позвать гегена въ Пекинъ и спросилъ: кто далъ ему это имя. „Бурхынъ Бакши“, отвѣчалъ тотъ. „Кто далъ тебѣ джинсу“ (знакъ на шапкѣ)? спросилъ Богдо Едзенъ. „Это не джинсу, а очиръ или цахиусъ, данный мнѣ Бурхыномъ-Бакши“, отвѣчалъ гегенъ. Потомъ Едзенъ-ханъ сказалъ ему: „Если ты дѣйствительно великій чудотворецъ, то покажи мнѣ Ерликъ-хана“. Богдо гегенъ отвѣчалъ, что можетъ это сдѣлать, что онъ почуветъ для этого у хана. Онъ сталъ читать номъ, ночью разбудилъ Едзенъ-хана, вывелъ его въ поле: передъ ними изъ земли показалось пламя, и въ серединѣ его огненная голова, держащая во рту сердце. Ханъ испугался и умолялъ Богдо гегена убрать этотъ призракъ. Затѣмъ отпустилъ его, сказавъ: „Ты дѣйствительный Богдо“.

(Онъ же).

і. Жилъ одинъ бѣднякъ и надумался на старости лѣтъ идти на богомолье въ Богдохуре (то-есть, въ Ургу) поклониться Богдо (то-есть, кутухтѣ). Идетъ онъ дорогой, усталъ, нѣтъ мочи идти далѣе, видитъ хорошую юрту, вошелъ въ нее; тутъ сидитъ лама, сѣдой, съ длинною бѣлою бородой, читаетъ „мани“; старикъ лама такъ долго молился, что у него и четки износились, и пальцы истерлись отъ перебирания. Лама спросилъ старика, куда онъ идетъ, и узнавъ, что онъ идетъ въ Богдо, передалъ ему свои четки и сказалъ: „Когда придешь къ Богдо, отдай ему эти четки и скажи ему, что я вотъ до чего домолился, истеръ пальцы и износилъ четки. Достаточно ли моя добродѣтель передъ нимъ?“ Пошелъ старикъ далѣе, проходитъ высокія горы, свѣжныя поля, опять усталъ, увидѣлъ худую юрту и хочетъ войдти. Вышедшая старуха не пускаетъ его и говоритъ: „Здѣсь нельзя ночевать“. „Какъ можно отказывать въ ночлегѣ уставшему и голодному страннику?“ возразилъ старикъ. Но старуха отвѣчала ему, что она его же пользы ради не пускаетъ его: ея мужъ — „махачи“, ѣсть только людскія почки и сердца и каждый день истребляетъ по пачисотъ человекъ. Старикъ подумалъ, что женщина обманываетъ его, и вошелъ въ юрту. Хозяинъ

*

спросилъ его: куда онъ идетъ. „Въ Богдохуре поклониться Богдо“, отвѣчалъ старикъ и разказалъ, что ему одинъ богомольный лама поручилъ передать Богдо свои изношенныя чѣтки. Хозяинъ велѣлъ женѣ угостить и уложить путника; тотъ улегся, но не могъ сомкнуть глазъ, потому что хозяинъ всю ночь оттачивалъ ножъ. Утромъ стали провожать старика въ дальнѣйшій путь. Махачи разрѣзали свою грудь, вынули свое сердце, отдали его старику и сказали: „Передай это Богдо и скажи ему, что я великій грѣшникъ, много зла на землѣ сдѣлалъ; пусть проститъ меня“. Послѣ этого онъ тотчасъ же умеръ. Жена махачи подала старику желтый шелковый лоскутъ (хадакъ) и просила отъ себя также передать Богдо. Старикъ завернулъ сердце въ шелковый лоскутъ и пошелъ дальше. Придя въ Богдохуре, онъ предсталъ передъ Богдо, передалъ ему чѣтки и сердце и разказалъ, кѣмъ они посланы. „Хорошо“, сказалъ Богдо;— „есть здѣсь два ключа, серебряный и золотой; въ одинъ ключъ положи чѣтки, въ другой сердце, а завтра посмотри и скажи мнѣ, что увидишь“. Старикъ такъ и сдѣлалъ; на завтра пошелъ посмотреть и увидѣлъ: въ одномъ колодцѣ часть чѣтокъ обсохла и валяется на сухомъ берегу, другая часть покрыта червями, которые кишатъ на нихъ; въ другомъ колодцѣ вмѣсто сердца въ 80 локтей высотой статуя бога Май-Тере. Вотъ почему и говорится: Май Тере родился изъ сердца разбойника. Богдо потомъ объяснилъ старику: „Лама хотя и великій богомолецъ, но онъ молился только о себѣ, а не о другихъ; вотъ почему и молитва его не пошла въ его пользу; махачи же хотя и великій грѣшникъ, но онъ сразу, не думая, отъ полного сердца покаялся; потому онъ и сталъ бурхынномъ“.

(Баянъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

к. Шаргынъ-моринъ-кутукта имѣетъ сумунъ къ востоку отъ Бяхты на р. Шаркуйтунголь; другіе зовутъ его Шар-данчи-лама, и еще Мунко-лама, то-есть, вѣчный лама.

(Халха).

л. Въ старину было пять богатырей; нынѣ они живутъ подъ видомъ пяти ламъ (гегеновъ): 1) Шаренъ-даячи, живетъ между Бяхтой и Ургой; 2) Хуухунъ Хутукта; 3) Нойонъ-Хутукта; 4) Орланъ мергенъ и 5) Очирвани. Послѣдній есть хубилганъ Герсеръ-хана. Такъ какъ послѣдній былъ свирѣпъ и много зарѣзалъ народа, то и неприлично Джахандзе-гегена, который есть ху-

бияганъ Очирвани, называть Гесеръ-ханомъ. Шаренъ - Даячи щедрый, даетъ все, что ни попросишь. „Дай мнѣ ердене“, скажешь. „Дза, дза, болыно!“ отвѣтитъ. „Дай успѣха въ воровствѣ“, спросишь, а онъ опять: „Дза, дза! болыно!“ Отрубилъ онъ однажды пяти чело­вѣкамъ головы; онѣ висѣли, какъ на ниткахъ; дунулъ—и снова люди стали живы. Шаренъ-Даячи можетъ, убивъ чело­вѣка, снять съ него кожу, разрубить его на части, и уложивъ мясо въ телегу, снова оживить его.

(Гунынъ, Халхасецъ, хошуна Лугуна).

52. Разныя бурхыны.

1. Туртэ Дагбы.

1. Туртэ Дагбы бурхынъ былъ чочинъ-лама, то-есть, шаманъ-лама. Онъ открываетъ воровъ и покражу.

(Бавнъ Цаганъ и Сарисынъ, Дюрбюты. Г. Улангомъ).

2. Пять боговъ братья.

Шорой-Бакши, Мечинъ-Бакши, Гахай-Бакши, Цаганъ-моринъ и Тансыгъ лама были братья. Цаганъ-Моринъ былъ сынъ хана лосунъ (Лосунай ханъ).

(Сарисынъ, Дюрбюты. Г. Улангомъ).

3. Боги чая, масла, воды и соли.

Богъ чая—Амитъ Даба уланъ гегетей, то-есть, краснолицый; молова—Джихджитъ цаганъ гегетей—бѣлолицый; богъ масла—Манджишири улбур шара гегетей; богъ воды—Отучи хара ково гегетей; бога соли разказчикъ забылъ.

(Сарисынъ, Дюрбюты. Г. Улангомъ).

4. Цаганъ Эбугенъ.

а. Цаганъ Эбугенъ есть хозяинъ (едзен) всей земли и всего на ней находящагося: камней, горъ, воды, лѣса, травъ, звѣрей и проч.

(Сарисынъ, Дюрбюты. Г. Улангомъ).

б. Цаганъ убугенъ по ламски называется Гамбы-гарбы. Во время священный пляски монахъ, изображающій Цаганъ убугена, представляется хромымъ. Цаганъ убугенъ жилъ въ пустынѣ; къ нему

приходили козули, лебеди и другія животныя, почему онъ и изображается среди ихъ ¹⁾:

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

5. Сабдыкы Алтай и Хангая.

Сабдыкы Алтенъ-хана, то-есть, Алтайскихъ горъ, держитъ длань открытою, щедръ на раздачу милостей скоту и народу. Сабдыкы Хангая держитъ длань сжатою, скупъ. Алтай гаран делгиджи байна, Хангай гаран атхаджи байна.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

6. Лама ава.

Изъ павшей джунгарской столицы, во время переселенія Дюрбютовъ на сѣверъ въ нынѣшнюю землю, въ Улангомъ перенесены Алтынъ-Ганджуръ-Танджуръ и истуканы Махагаль и Лама ава, „отецъ лама“. Послѣдній считается главнымъ покровителемъ Дюрбютскаго народа; во время перекочевокъ куреня на лѣтовку или зимовку, его везутъ впереди всего кортежа.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

7. Оговъ.

Бурхынъ огня называется Онъ-Гала ханъ и постоянно пребываетъ надъ вершиной пламени; онъ имѣетъ матерью камень Хайръ, отцомъ желѣзо Хатунъ; хайръ чило эджитей, хатунъ тѣмуръ эцигтей.

(Сенге Дорчжи, Халха хошуна Тачжи Урянхай).

8. Вогъ воды.

Бурхынъ водъ называется по шамански Ирнъ-игынъ-хатъ, по ламски Гушинъ дзурынъ лусыта. Лусутовъ три рода: бѣлые, синіе и черные: цаганъ-лусутъ, хуху-лусутъ и хара-лусутъ; каждаго рода двѣнадцать, всего тридцать-шесть. Бѣлымъ жертву приносятъ зимой, синимъ весной и чернымъ лѣтомъ.

(Лама изъ Аларскихъ Бурятъ).

¹⁾ Въ дацанѣ Аларскаго вѣдомства Цаганъ убугунъ изображенъ въ видѣ старика съ длинною бородой въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ правой рукѣ. Подъ нимъ изображены въ уменьшенномъ противу его фигуры масштабъ быки, козы и бараны. На другихъ рисункахъ посохъ въ лѣвой рукѣ, а въ правой четки. На вершинѣ посоха изображена звѣрная головка; тутъ же подвѣшены какія-то двѣ вещицы на шнуркѣ.

9. Гахай бакши.

Въ Агинскомъ вѣдомствѣ говорятъ весной, въ 17-й день апрѣля: гахай бакши гадзар доро гал тулена, то-есть: Гахай бакши подъ землей огонь разводитъ. О немъ есть легенда, рисующая его глуповатымъ, привязавшимъ свою шубу къ хвосту лисицы и потерявшимъ ее, далѣе—залезшимъ въ тарбаганью нору.

(Сообщилъ свящ. Чистохинъ).

10. Хухенъ Хутухту, хубилганъ Шидырвана.

Къ Богдо Гегену пришелъ разъ Хухенъ Хутухта просить у него разрѣшенія жениться. „Ты дай мнѣ“, говоритъ, — „нимирь-сельби“. Богдо сказала: „Дамъ“. Хухенъ Хутухта отправился обратно. Взялъ пятьдесятъ человѣкъ шабинцевъ, двадцать верблюдовъ завьючилъ, взялъ новый аилъ и отправился. Приѣхали въ одну гоби; Хухенъ Хутухта сказалъ, что тутъ нужно остановиться. „Здѣсь“, говоритъ, — „я буду жениться, сюда приѣдетъ моя невѣста“. Велѣлъ шабинцамъ все приготовить къ сватбѣ, въ томъ числѣ вино и чигенъ (кумысъ). На другой день увидали столбы пыли, и когда они приблизились, то разглядѣли прекрасную молодую дѣвушку въ зеленой шелковой шубѣ, всю увѣшанную серебромъ, золотомъ и кораллами. Хутухту вышелъ къ ней на встрѣчу, помогъ ей сойти съ лошади и повелъ въ аилъ ¹⁾, шабинцамъ же запретилъ слѣдовать за собою; между тѣмъ одинъ изъ его шаби снялъ сапоги, и подошедши потихоньку къ аилу, сталъ смотрѣть въ небольшое отверстіе. Хутухта и его невѣста пили вино; онъ наливалъ и подчивалъ невѣсту, но она мало пила и все подчивала своего жениха; Хутухта былъ уже замѣтно пьянъ. Потомъ Хутухту сказалъ невѣстѣ, чтобъ она раздѣлась и легла съ нимъ спать; сначала она отказывалась, но потомъ согласилась, сняла съ себя одежду и легла, и стали они бороться; долго боролись въ аилѣ, такъ что аилъ изломался, и они очутились на степи и все продолжали бороться; то невѣста была на верху, то Хутухту; солнце уже закатилось; тогда Хутухта закричалъ: „Богдо Джисынъ-Дамба-Таранетъ нимирь сель-

¹⁾ Аилъ—юрта.

би дай мнѣ!“ И тотчасъ навалилась маленькая тучка, брызнуло нѣсколько капель дождя, раздался громъ, затѣмъ все было тихо. Хутухта отряхивала съ себя пыль, а его невѣста лежала убитою. Тогда всѣ узнали, что это была шулмусъ; чтобы убить ее, Хутухта обманомъ заманилъ ее къ себѣ. Кожу съ нея сняли и сдѣлали изъ нея „депси“ (коверь, подстилка), а тѣло положили въ желѣзный ящикъ. Хухенъ Хутухту по этому событію и рисуютъ на иконахъ съ головой, загнутою къ верху, а подъ нимъ обнаженную распростертую на землѣ дѣвушку.

(Записано г. Палкиннмъ у Дархатовъ).

53. Буха-ноинъ ¹⁾.

а. Призыванія:

Буха ноин баабай
Бодон хотон иби
Ильджихинъ изы
Ирыги хан быри ²⁾.

(Записано отъ сѣверо-байк. Бурятъ г. Черскимъ).

Буха ноин баабэй
Юрюн хатын эджи

То-есть: „Буха-ноинъ—отець, Юрюнъ хатунъ—мать“.

(Сообщено о. Чистохиннмъ).

Буха ноинъ баабай
Бодын хатун иби.

(Сообщено г. Матхановнмъ).

б. У Исгы-маланъ-тэнгри былъ сивый порозъ. Этотъ порозъ однажды закричалъ: „Есть ли такой силачъ, какъ я, порозъ Исгы-маланъ-тэнгрия?“ Бывшій въ это время за Байкаломъ двухлѣтній Буханоёнъ, услышавъ этотъ хвастливый крикъ, явился на едино-

¹⁾ Буха—быкъ, ноинъ—господинъ, князь. Буха-ноинномъ называется значительная скала съ двурою вершиной, которая въ общей картинѣ Тункинскаго хребта, представляющагося изъ селенія около Тункинской степной думы, рѣзко выдѣляется на темномъ фонѣ цѣлаго хребта своимъ бѣлымъ цвѣтомъ. Прежде женщины подходили къ Буха-ноину и издѣлялись; послѣ того, какъ на одной изъ двухъ вершинъ (прежде на обѣихъ были обо) поставили крестъ, женщины перестали издѣляться, и Буряты говорятъ, что богъ оставилъ эту гору.

²⁾ Въ призываніяхъ у Тункинскихъ Бурятъ каждой строкѣ предшествуетъ слово: дод, напримѣръ: дод буха ноин баабай дод бодон хотон иби и т. д. У Балаганскихъ Бурятъ вмѣсто дод употребляется: сая! (Сообщ. г. Черскій).

борство. Въ первое лѣто сивый порозъ одолѣвалъ Буха-нонна, на второе Буха-ноинъ сталъ побѣждать. Пастухи сообщили Исыгы-малану-тэнгри, что какой-то быкъ пришелъ и одолѣваетъ сиваго пороза. Исыгы-маланъ-тэнгри пришелъ и ударилъ своего быка прутомъ разъ, а чужаго два. Буха-ноинъ сказалъ: „Вотъ и самъ Исыгы-маланъ-тэнгри несправедливъ; своего быка ударилъ только разъ, а меня два“. Послѣ того онъ побѣждалъ и окаменѣлъ.

(Записано отъ свящ. Чистохина).

в. Буха-ноинъ пришелъ изъ Забайкалья, чтобы побороть пороза; соперникъ Буха-нонна былъ злой духъ. Боролись девять дней и девять ночей. Буха-ноинъ шелъ изъ Забайкалья черезъ хребетъ Санга; гдѣ онъ мочился, тамъ выросли кедры. Когда онъ отправился къ Хормусту (умеръ), тѣло его осталось въ мѣстности Торо (противъ Тункинской степной думы) въ видѣ камня.

(Тунк. Буряты Шагдуръ Гутаевъ).

г. У Тайджи-хана была дочь; однажды она увидѣла, что спустившійся съ неба сивый быкъ сталъ бороться съ быкомъ ея отца, и послѣдній взялъ верхъ. Небесный быкъ и былъ Буха-ноинъ; побѣжденный, онъ сталъ удалиться по направленію къ тункинскимъ гольцамъ; дочь Тайджи-хана пошла посмотрѣть слѣдомъ за нимъ; по его слѣдамъ выросли пихтовые деревья. Быкъ, дойдя до горъ, окаменѣлъ. Дѣвушка забеременѣла. Призвали шаманку (одюгон) Усэйхэнъ, которая была первымъ по времени шаманомъ на землѣ, и спросили ее: что значитъ беременность ханской дочери. Шаманка объяснила, что отецъ ребенка—сивый небесный быкъ Буха-ноинъ, что ханская дочь забеременѣла оттого, что въ то время, какъ она слѣдила за быкомъ, шелъ снѣгъ и попалъ ей въ ротъ. Царевна родила сына, отнесла его къ окаменѣвшему Буха-ноинну, положила подлѣ него и оставила. Быкъ кормилъ ребенка своею мочей; ребенка нашли въ люлькѣ, на которой были надѣты желѣзные обручи. Опять позвали шаманку, и она сказала, что для освобожденія ребенка нужно достать циминьгъ (голенную кость быка) и спросить: что положить въ люльку, эту кость или ребенка; присутствующіе должны отвѣтить: ребенка. Это должно повторить до трехъ разъ. Этотъ обычай и теперь соблюдается съ новорожденными.

(Аларск. Буряты; сообщено Н. В. Матхановымъ).

д. Гдѣ Буха-ноинъ прошелъ, по слѣдамъ его полосой выросъ кедровый лѣсъ. Онъ началъ мочиться—отъ этого пошла рѣка.

(Сѣверо-байк. Бураты; сообщено г. Черскимъ).

е. Буха-ноинъ, сынъ Хуху-мунгунъ-тэнгри, пасъ скота у Исгы-маланъ-тэнгри; подъ видомъ порога онъ спустился на землю. Исгы-маланъ-тэнгри, хватившись пастуха, послалъ за нимъ Хара-джиргай; Хара-джиргай спустился на землю, увидѣлъ, что Буха-ноинъ борется съ быкомъ Тайбажинъ-хана, и легъ спать; на утро Хара-джиргай пробудился; Буха-ноинъ вѣтъ; подняться на небо Хара-джиргай уже не могъ, потому что отъ земнаго духа онъ испортился. Послѣ того Исгы-маланъ-тэнгри послалъ Боръ-джиргай; съ тѣмъ случилась та же исторія. У Буха-ноина была жена Бодунъ-хатунъ; отъ дочери Тайбажинъ-хана былъ сынъ Булгахара. Саганъ-ноинъ унесъ дочь Буха-ноина къ Ирлынь-номонъ-хану. Буха-ноинъ посылаетъ Ханъ-джиргай, но Ирлынь запраетъ его. Тогда Бороджиргай ѣдетъ къ Ирлыку, переѣзжаетъ черезъ Шарьдалай и освобождаетъ душу Ханъ-джиргай.

(Абашей, Бураты Аларск. вѣдомства).

ж. Хуху мунгунъ тэнгриин хубун ирхи номон тайжи харьдын хара моритай, то-есть, „Ирхи-номонъ царевичъ, сынъ Хуху-Мунгунъ (сине-серебрянаго) Тэнгриа, на карей лошади Харьдынъ“, поѣхалъ и встрѣтился съ Молонтей-убугюномъ на порозѣ; сила Молонтея равнялась силѣ его быка. Ирхи-номонъ-тайджи спросилъ Молонтей-убугюна: „Куда ѣдешь?“ „Я“, отвѣчалъ тотъ, — „обѣзжаю въ день три раза землю“. Ирхи-номонъ удивился и предложилъ въ бѣгѣ бѣжать. Остановились сначала на пескѣ, чтобы видѣть слѣдъ. Молонтей вѣхалъ изъ песка на быкѣ и тотчасъ вернулся; Ирхи обѣхалъ разъ землю, вернулся, а Молонтей уже тамъ. Ирхи-номонъ-тайджи предложилъ ему помѣняться животными, и помѣнялись; Молонтей-убугюнь далъ Ирхи-номону молотокъ погонять быка. Затѣмъ Молонтей убилъ быка, снялъ шкуру цѣликомъ, надѣлъ на себя и пришатился къ табуну одного хана; тамъ одинъ быкъ сталъ его бодать. Днемъ они бодались, а ночью Молонтей-убугюнь снималъ шкуру и ходилъ къ царевнѣ. Наконецъ, испугавшись врага, онъ бѣжалъ въ горы, тамъ высѣкъ изъ камня быка, готоваго къ бою, а самъ

спрятался. Быкъ ханскій въ ярости не разобралъ, ринулся на мнимаго врага, сломалъ о каменнаго быка оба рога и возвратился.

(Буряты Аларск. вѣдомства).

з. Буха-ноенъ былъ кочерикъ (двухгодовалый бычокъ). Онъ пришатился къ стаду Тайжи-хана. Дочь (абахай) ханская увидѣла его, и замѣтивъ, что онъ бодается съ пестрымъ большимъ порозомъ, велѣла кормить его лучше. Ночью Буха-ноинъ обошелъ три раза юрту царевны, благодаря ее за покровительство, и сказалъ: „Черезъ годъ въ это самое время у тебя родится сынъ“. Сынъ и родился. Тогда она отъ стыда заключила ребенка въ избыку, обвила желѣзными ремнями и бросила въ кочки. Буха-ноинъ услышалъ крикъ голоднаго ребенка и сталъ кормить его своею мочей. Потомъ нашли его люди, взяли и дали ему имя: Бутага олгон хубун Булган хара тургун саган, „въ кочкахъ найденный мальчикъ Булганъ-хара-тургунъ-саганъ“.

(Салтыковъ, Буряты Аларск. вѣдомства).

и. Одинъ изъ сыновей отца неба (Эцеге-маланъ-тэнгри) и матери Эхе-ѣронъ снизошелъ во образѣ пороза сивой шерсти. Ходя по землѣ, порозъ наткнулся на улусъ племени Хотогойду, состоявшій изъ десяти юртъ. Владѣтельница улуса была шаманка Асуй-ханъ, которая была бездѣтна, почему родственники хотѣли развести ее съ мужемъ и выгнать изъ улуса, такъ какъ бездѣтная женщина у Буряты въ презрѣніи. Асуй-ханъ знала это и молилась Богу о защитѣ. Въ это время низшедшій порозъ боролся съ пестрымъ порозомъ царя Тайжи, у котораго была единственная дочь прекрасной наружности. Она видѣла, какъ пестрый порозъ пересилилъ сиваго небснаго, и какъ этотъ послѣдній бросился въ сторону, а по слѣдамъ его выросли дремучіе лѣса. Дочь царя удивилась и скорѣй забеременѣла; приблизилось время разрѣшенія отъ бремени; дѣвица стыдилась людей, хотя и была невинна. Наконецъ, она рѣшилась идти за небеснымъ порозомъ, который, боясь своего противника—пестраго пороза, чѣд на горѣ въ Тункинскомъ вѣдомствѣ поставилъ статую свою изъ камня въ видѣ готоваго къ бою быка. Царевна нашла пороза вблизи отъ этого камня. Порозъ принялъ ребенка и кормилъ его своею мочей. Царевна, возвращаясь домой, зашла къ шаманкѣ Асуй-ханъ и разказала ей обо

всемъ. Асуй-ханъ, призвавъ родственниковъ, объявила, что къ ней снизошелъ ребенокъ, но чтобы достать его, нужно сначала сдѣлать тайлаганъ небесному порозу Буха-ноину. Родственники принесли въ жертву бѣлоголовую кобылу. Тогда порозъ или Буха-ноинъ оставилъ младенца въ люлькѣ съ желѣзными ремнями, которыхъ развязать не могли. Поэтому шаманка снова собрала родственниковъ, заколола двухгодовалого бычка бѣлой шерсти и мозговою костью правозаднаго стегна (подъ названіемъ шата семигги) пилила желѣзные ремни. Ремни расторглись и освободили младенца. Родственники Асуй-ханъ пировали отъ радости и тутъ же нарекли младенцу имя Бугатъ. Отъ него впоследствии родился сынъ Ботой-бушиль-болотъ-саганъ, отъ этого—Булганъ-хара, отъ Булганъ-хары—Бурятай, отъ Бурятай—Бунгуй, отъ Бунгуя—два сына: Ханъ и Хопготоръ. Ханъ захотѣлъ основать особое племя отъ брата, и его потомки называются Бурутчанъ („противное племя“); потомки Хонходора называются Хонходоръ. Хонходоровъ въ Аларскомъ вѣдомствѣ много родовъ; еще болѣе, говорятъ, осталось въ Монголіи. По этому преданію Буряты считаютъ своимъ предкомъ Буха-ноина (которому придаютъ жену Бадунъ-хатунъ) и дочь царя Тайжи, почему и дѣлаютъ ежегодно жертвоприношеніе Буха-ноину и Бодунъ-хатуну, называемое большимъ тайланомъ, ихи тайланъ, а обрядъ шаманки Асуй-ханъ и по нинѣ соблюдаютъ при рожденіи дѣтей.

(Изъ записки: „Этнограф. свѣдѣніе за Аларск. вѣдомство“, составл. въ 1864 г.; рукопись доставилъ мнѣ для пользованія г. Матхановъ)¹⁾.

54. Бурхынъ-бакши.

а. Сначала огонь, вода и вѣтеръ были въ смѣшеніи, и земли не было. Бурхынъ-бакши взялъ праху (шорой), и раздѣливъ стихіи, сталъ сыпать его надъ водой: образовалась земля, на которой произрасли травы и деревья. Затѣмъ онъ создалъ и человѣка. Бурхынъ-бакши теперь одна изъ большихъ звѣздъ созвѣздія Большой Медвѣдицы.

¹⁾ Записка эта была составлена сельскимъ учителемъ по предложенію Иркутскаго статист. комитета въ бытность г. Матханова аларскимъ тайшей. Можетъ быть, и по другимъ вѣдомствамъ были составлены подобныя же записки и лежать безъ обработки въ архивѣ комитета.

Три драгоценности (гурбу эрдэни): золото (алтынъ), серебро (мэнгу) и красную мѣдь (дзесъ), Бурхынъ-бакши вымѣняли у худыхъ людей на землю и даль людямъ.

Теперь время Бурхынъ-бакши. Три бога—Май-Тере, Бурхынъ-бакши и Шиминъ-бурхынъ, хотѣли рѣшить, кому изъ нихъ быть правителемъ міра. Они сѣли рядомъ, Бурхынъ-бакши въ серединѣ; каждый поставилъ передъ собою чашку и сталъ читать книгу, чтобъ у него въ чашкѣ выросъ цвѣтокъ. У Май-Тере выросъ цвѣтокъ; онъ пошелъ сообщить объ этомъ товарищамъ, но въ его отсутствіе Бурхынъ-бакши сорвалъ у него цвѣтокъ, сдѣлалъ ямку въ своей чашкѣ и воткнулъ его. Май-Тере уступилъ ему правленіе вселенной, но сказалъ: „Пусть будетъ твое время, но оно будетъ отличаться тѣмъ, что люди будутъ имѣть низкій ростъ, краткій вѣкъ и будутъ заниматься воровствомъ!“ Наше время и есть время Бурхынъ-бакши; потомъ придетъ на землю Май-Тере, и наступитъ его время; близость пришествія Май-Тере ознаменуется тѣмъ, что люди станутъ ростомъ съ локоть, кони будутъ величиной съ зайца. Когда же наступитъ время Май-Тере, люди станутъ ростомъ въ 80 локтей.

(Чо Джамцынъ, лама Халхасецъ, хошуна Тачжинъ Урианхай съ рѣки Усюнъ Дзюль).

б. Теперь время Бурхынъ-бакши. Май-Тере и Бурхынъ-бакши сидѣли вмѣстѣ; передъ каждымъ была золотая чашка, совершенно одинаковая; Май-Тере держалъ ее дномъ книзу, Бурхынъ-бакши дномъ вверху. Задремали боги и заснули. Бурхынъ-бакши проснулся прежде и перемѣнилъ положеніе чашекъ; себѣ поставилъ вверхъ дномъ, а у Май-Тере дномъ внизъ. Май-Тере узналъ и сказалъ: „Ты своровалъ. Твое время будетъ воровское“.

(Байнъ Цаганъ, Дюрбютъ хошуна хана).

в. Когда Бурхынъ-бакши создалъ людей, животныхъ и народы, онъ сталъ раздавать имъ номы (писанія), имена и назначать пищу: кому — скотское мясо, кому — траву; волкъ опоздалъ и пришелъ позже; онъ спросилъ у Бурхынъ-бакши: что же ему ѣсть. Бурхынъ-бакши уже всю пищу раздѣлилъ и потому сдѣлалъ такое рѣшеніе: „Ты захватывай самъ, что тебѣ попадется чужое, и пусть люди тебя бьютъ, ловятъ и убиваютъ“.

(Чо Джамцынъ, лама Халхасецъ хошуна Тачжинъ Урианхай, съ р. Усюнъ Дзюль).

г. Бурхынъ-бакши въ старое время ходилъ по землѣ подь видомъ батырчи, съ котомкой и посохомъ, не обнаруживая своего божескаго происхожденія. Только одному старцу онъ отерлся, написавъ буквы ка и ха. Онъ научилъ людей закону, грамотѣ и врачебному искусству; онъ училъ жить пустынночески, указалъ гелюнгамъ носить двабирь. Если бы держать законъ такъ, какъ училъ Бурхынъ-бакши, гелюнга не должны бы жить въ юртахъ съ семействами и заниматься хозяйствомъ, а должны бы жить въ пещерахъ.

(Лубсынъ Очуръ, лама Халхасецъ хошуна Саянъ-Нойона).

д. Бурхынъ-бакши имѣеть 32 перерожденія (гучинъ хонръ хубилгетей). Однажды онъ обратился въ рыбу, чтобы тѣломъ своимъ накормить звѣрей; звѣри съѣли верхнюю половину и не могли переверотить рыбу, потому что она была велика; тогда Бурхынъ-бакши самъ перевернулся, и звѣри доѣли другую его половину. Потомъ онъ превратился въ зайца величиною съ гору и умеръ, чтобы опять накормить звѣрей. Звѣри съѣли его, а шкуру его Мангырбе Бурхынъ помѣстилъ на мѣсяцѣ: вотъ ее-то мы и видимъ въ видѣ пятенъ на мѣсяцѣ. Онъ обращался также и въ вша (хотѣлъ извѣдать, каково житье всякаго звѣря и всякой животной твари) и вошелъ въ волосы одной обовшивѣвшей ханской дочери; царевна выбирала вшей изъ головы и убивала ихъ, катая между пальцами; испытавъ на себѣ мучительность такой смерти, Бурхынъ-бакши постановилъ сразу убивать вшей, не муча ихъ, какъ дѣлала ханская дочь. Ходилъ Бурхынъ-бакши по землѣ также въ видѣ гуйлинчи (нищаго); приходитъ въ мѣстность, гдѣ жилъ два богача — Дуть Баянъ и Донѳнгъ-Баянъ. У нихъ было столько скота, что они его не считали, а загоняютъ скотъ въ долину Донѳнгъ-Хундей (будто бы есть такая мѣстность въ хошунѣ Сартаулъ), и если долина наполнилась, значитъ — скотъ весь. Бурхынъ-бакши пришелъ въ юрту Донѳнгъ-Баяна и попросилъ ѣсть; Донѳнгъ-Баянъ въ это время стругалъ дерево; онъ отвѣчалъ Бурхуну-бакши: „Мы ѣдимъ вотъ эти стружки; другой ѣды у насъ нѣтъ“, и положилъ ихъ въ чашку, которую протянулъ къ нему Бурхынъ-бакши. За это Бурхынъ-бакши обратилъ весь скотъ обоихъ богачей въ дикихъ животныхъ: лошади Донѳнгъ-Баяна стали тѣкэ, хулунъ и чигтэй (дикіе ослы), которые теперь живутъ въ Гоби, а

верблюды Дуть-Банна обратились въ дикихъ верблюдовъ (тэмэнъ-гурёсу).

(Сарисмъ, пѣвецъ и музыкантъ, Дюрбютъ изъ г. Улангома).

е. Бурхынъ-бакши въ древности ходилъ съ двумя шаби подъ видомъ батырчи съ хабчикомъ за спиной. Пришли къ одной женщинѣ, у которой была тысяча коровъ; женщина въ это время доила. Бурхынъ-бакши подставилъ свою чашку и попросилъ молока; богатая женщина положила ему въ чашку коровьяго аргалу. „Живи же ты“, сказалъ святой, — „тысячу лѣтъ въ аргалѣ“. Послѣ этого женщина обратилась въ червя, который живетъ въ навозѣ. Потому онъ увидѣлъ бѣдный аилъ, изъ котораго вышли голые бѣдные дѣти; онъ попросилъ у нихъ поѣсть, но у нихъ ничего не было. Они искали, искали и только нашли въ цовцо, чашечкѣ, стоявшей на божницѣ зерна, и подали ихъ Бурхыну-бакши. Онъ сказалъ имъ: „Да будете вы Жибузунъ Хамбы“. Одинъ изъ дѣтей сталъ Ногонъ Дариху, другіе—тегенами. Такимъ образомъ Ногонъ дариху пашель Бурхынъ-бакши, а уже Ногонъ нашла Цаганъ-дариху.

(Найдынъ, богдошабиенецъ изъ г. Урги).

ж. У Бурхынъ-Бакши было два шаби: Шарэнъ-Кубунъ-Моломъ-Тень и Аанада; Бурхынъ-Бакши жилъ вмѣстѣ съ ними. Ханъ шулмусовъ пришелъ къ этимъ шаби и сталъ соблазнять ихъ убить своего учителя. Шаби не согласились. Бурхынъ-Бакши ушелъ въ одно уединенное мѣсто, чтобы помолиться наединѣ. Ханъ шулмусовъ пришелъ къ нему и сталъ просить у него самаго его смерти. Бурхынъ-Бакши молился, ничего не говоря. Шулмусенъ-ханъ отрубилъ ему руку; Бурхынъ-Бакши продолжалъ молиться, молча; Шулмусенъ-ханъ отрубилъ ему другую руку, Бурхынъ-Бакши продолжалъ молчать. Тогда Шулмусенъ-ханъ спросилъ его: „Ты ли Бурхынъ-Бакши?“ „Если я Бурхынъ-Бакши“, сказалъ тотъ, — „то мое тѣло снова будетъ цѣло“. И руки его снова приросли къ тѣлу.

Послѣ того, какъ Бурхынъ-Бакши помолился, шаби нашли его мертвымъ; они жалѣли и плакали; положили его тѣло въ желѣзный гробъ, одѣли въ семь шелковыхъ одеждъ и подъ гробъ положили древесныхъ опилокъ, но не могли ихъ зажечь. Пришелъ посмотрѣть на святаго Дзюджинъ Омбо (это книжное имя; мон-

гольское имя Дюрюсту-Дзюркунъ-Ханъ); опилки загорѣлись; гробъ накалился. Когда гробъ раскрыли, оказалось, что три одежды сгорѣли, остались цѣлы только четыре одежды и четыре зуба; одинъ зубъ взялъ себѣ Тэнгри, другой Ананда, третій Лосынай-ханъ (ханъ лосовъ); четвертый находится у какого-то гэгэна. Отца Бурхынъ-Бакши звали Арюнъ Иденъ Ханъ, брата этого хана—Цаганъ Иденъ ханъ; третій братъ также назывался Иденъ-ханъ; первый членъ имени развазчикъ забытъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

з. Создавъ животныхъ, Бурхынъ-Бакши помѣстилъ въ сосѣднихъ ущельяхъ въ одномъ кобылу съ жеребенкомъ, въ другомъ корову съ теленкомъ, въ третьемъ верблюдицу съ верблюденкомъ, въ четвертомъ женщину съ ребенкомъ, привязавъ ихъ на арканы. Женщина и ребенокъ были также четвероногя. Черезъ сутки онъ пришелъ посмотрѣть: у всѣхъ въ ущельяхъ травы довольно, а у женщины пусто, и она уже начала обижать своихъ сосѣдей. Тогда Бурхынъ Бакши подумалъ, что она такимъ образомъ оголодитъ всѣхъ животныхъ, и указалъ, чтобы люди ѣли мясо животныхъ, и изъ переднихъ ногъ сдѣлалъ имъ руки.

(Найдынъ, неграмотный богдинскій шабинецъ изъ Урги).

и. Тэрсинъ Дзурганъ Бакши и одинъ гециль, по имени Паримни Гоодомбы, спорили: кто изъ нихъ болѣе знаетъ. Пошли они къ хану; гостямъ подали чай; гециль пьетъ, а у Дзурганъ-Бакши въ чашкѣ заледенѣло; гециль наливаетъ себѣ другую чашку, а у Дзурганъ-Бакши чай изъ домбы не льется; послѣ чаю ханъ угостилъ гостей мясомъ; гециль, поѣвъ мяса и сдѣлавъ изъ дерева ковырялку, поковырялъ въ зубахъ и воткнулъ ковырялку въ землю; ковырялка принялась, быстро выросла и стала деревомъ. Дзурганъ-Бакши также воткнулъ свою ковырялку, но она такою и осталась. Такихъ чудесъ гециль совершилъ пятнадцать. 15-го числа зимняго средняго мѣсяца гециль возсѣлъ на арсланъ-шире, львиный престолъ; это былъ Бурхынъ-Бакши. Дзурганъ Бакши ударилъ льва, левъ побѣжалъ и потопталъ Дзургана; послѣдній взмолился, и Бурхынъ-Бакши удержалъ льва; у Дзургана послѣ того осталось только три бакши, а три бакши улетѣли на озеро и утонули.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

і. Было двѣ юрты; въ одной жили богатые люди, въ другой бѣд-

ные. Къ богатымъ всё ѣдутъ: ламы часто посѣщаютъ ихъ, читаютъ номъ и служатъ молебны; у бѣдныхъ никто не бывалъ. Они со-старѣлись и говорятъ: „Вотъ мы стали стары, а у насъ никто не былъ, никто изъ ламъ у насъ никогда Богу не молился, нѣтъ у насъ и дѣтей“. Старуха сказала: „Поѣзжай и пригласи кого-нибудь“. Старикъ поѣхалъ къ одному худому ламѣ; тотъ сказалъ: „Ступай домой, я слѣдомъ буду“. Однако не пріѣхалъ. На другой день старикъ пригласилъ другаго; тотъ сказалъ, что онъ долженъ сейчасъ ѣхать къ одному больному, и что онъ оттуда уже пріѣдетъ къ нему. Но и этотъ обманулъ, не пріѣхалъ. Послѣ того старикъ поѣхалъ къ одному тецилю. Тотъ тоже обманулъ. Тогда, по совѣту старухи, старикъ сѣлъ съ сидкомъ изъ аркана на перекресткѣ трехъ дорогъ; ѣдетъ лама на огромномъ бѣломъ верблюдѣ. Старикъ набросилъ на ногу верблюду петлю. Лама осердился и закричалъ, но старикъ разказалъ ему, какъ онъ дожилъ до старости и не былъ посѣщаемъ ламами, приглашалъ трехъ, но они обманули его. Лама пріѣхалъ къ старику и пропѣлъ молитвы; старики хотѣли готовить ему чай, хотѣли угостить его и оставить почевать, но лама сталъ отговариваться, что у него дикій верблюдъ. Старикъ сказалъ ламѣ, что онъ привяжетъ всѣ четыре ноги верблюда къ кольямъ, а самъ будетъ держать въ рукѣ поводокъ и такъ будетъ спать. Такъ и сдѣлалъ; однако утромъ верблюда не стало. Старикъ въ юрту къ ламѣ, и ламы нѣтъ. Старикъ подумалъ: не читуръ ли это? Но старуха говоритъ: „Если читуръ, слѣда не должно быть, а если есть слѣдъ, то это настоящій лама. Поди посмотри, и если увидишь слѣдъ, то ступай этимъ слѣдомъ“. Старикъ нашелъ слѣдъ и пошелъ имъ. Шелъ, шелъ—пришелъ къ двурогой змѣѣ, пожирающей животныхъ и людей. Старикъ спрашиваетъ: не видѣла ли змѣя ламу на бѣломъ верблюдѣ, по слѣду котораго идетъ. Змѣя ему сказала: „Это не лама, а Бурхынъ-Бакши. Зачѣмъ ты къ нему идешь?“ Старикъ разказалъ. Змѣя отломилъ одинъ рогъ, отдала старику и сказала: „Покажи этотъ рогъ Бурхыну-Бакши и спроси его: за чтò онъ наказалъ меня этою парой роговъ; они мѣшаютъ мнѣ пролѣзать въ нору, и выходя изъ нея, я всегда сбиваю вожу съ головы. Пусть проститъ меня“. Старикъ пошелъ дальше. Пошелъ дождь, старикъ спрятался подъ высокую свалу и слышать на вершинѣ горы человѣческой голосъ.

Взглянулъ—тамъ сидитъ лама. Старикъ поднялся къ нему и спрашиваетъ: не видѣлъ ли онъ ламу на бѣломъ верблюдѣ. „Это Бурхынъ-Бакши“, сказалъ лама;— „когда дойдешь до него, спроси, когда будетъ конецъ моей молитвѣ. Восемнадцать лѣтъ сижу здѣсь. Руку не разводя, такъ что онѣ обросли травой. Не пора ли мнѣ дать отпущеніе?“ Идетъ старикъ дальше и встрѣчаетъ трехъ махачи (людоѣдовъ), которые въ день съѣдаютъ по 500 человѣкъ. Они просятъ старика попросить Бурхынъ-Бакши, чтобы тотъ простилъ ихъ, великихъ грѣшниковъ. Дальше идетъ старикъ и приходитъ къ морю; идти больше некуда, слѣдъ ушелъ въ воду. Старикъ рѣшился войти въ воду; только вошелъ въ нее, воды не стало, и онъ увидѣлъ двѣ юрты; въ одной жилъ самъ Бурхынъ-Бакши. Онъ угостилъ старика чаемъ и спросилъ: что онъ видѣлъ дорогой. Старикъ сказалъ, что онъ видѣлъ дорогой змѣю, которая проситъ снять съ нея рога. Бурхынъ-Бакши сказалъ, что ей не будетъ отпущенія, потому что она много зла сдѣлала. На счетъ ламы Бурхынъ-Бакши сказалъ, что ему тоже не будетъ отпущенія, потому что онъ молился только о себѣ, а о другихъ людяхъ и тваряхъ не думалъ. Про трехъ же махачи сказалъ, что онъ ихъ прощаетъ, потому что они давно покаялись и признали себя грѣшниками. Потомъ Бурхынъ-Бакши далъ старику ящикъ съ бурхынами и не велѣлъ въ него заглядывать до прихода домой. Пошелъ старикъ домой. Только сказалъ онъ волю Бурхына-Бакши тремъ махачи, какъ они тотчасъ же стали подниматься на небо и сдѣлались бурхынами. Лама, 18 лѣтъ молившійся, выслушавъ рѣшеніе Бурхынъ-Бакши, тотчасъ умеръ и свалился съ горы. Змѣя, выслушавъ старика, заплакала, взяла рогъ, снова приставила къ головѣ и уползла въ нору. Пришедши домой, старикъ раскрылъ ящикъ, поставилъ въ него и своихъ бурхыновъ, зажегъ дзулу и легъ спать. Утромъ онъ пробудился молодымъ, старуха его также стала молодою; въ эту же ночь у нихъ родился сынъ. Вышелъ старикъ изъ юрты—стѣна на всѣ четыре стороны покрылась скотомъ четырехъ шерстей (то-есть, четырехъ видовъ).

(Баянъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

к. Создавъ людей и животныхъ, Бурхынъ-Бакши роздалъ имъ пищу, а волка забылъ. Когда онъ отослалъ животныхъ отъ себя, волкъ подошелъ къ нему и спросилъ: чѣмъ же ему питаться?

Бурхынъ-Бакши позволилъ ему воровать скоть у людей. Создавая корову, Бурхынъ-Бакши забылъ дать ей почку, и когда она заявила ему о томъ, Бурхынъ-Бакши взялъ отъ почкежъ всѣхъ животныхъ по кусочку и создалъ почку коровѣ. Поэтому большіе ламы не ѣдятъ коровьей почки: она состоитъ изъ поганныхъ кусочковъ. Верблюду Бурхынъ-Бакши забылъ дать мочу; когда верблюду стало просить мочи; Бурхынъ-Бакши не могъ дать ему много и далъ небольшую мочу. Верблюдъ осердился и ушелъ. За это Бурхынъ-Бакши обернулъ его дѣтородный членъ назадъ.
(Навдынъ, богдошабиницъ изъ Урги).

55. Бэгэръ Мджитъ.

а. Макшинъ Бадн ханъ имѣлъ двухъ женъ: Лакджимъ и Маха Лакджимъ; отъ первой было два сына: Загры Варди и Сурунзу Варди; отъ второй—Бэгэръ-Мджитъ. Старшіе братья были женаты, Бэгэръ-Мджитъ не женатъ. Однажды онъ вернулся съ охоты и попросилъ у невѣстки ѣсть. Та была занята какою-то работой для бога и сказала, что ей некогда, пусть самъ пошлетъ. „Какая упрямая!“ сказала Бэгэръ Мджитъ.— „Неужели кончитъ твою работу дороже, чѣмъ накормитъ голоднаго человѣка?“ И онъ поѣхалъ искать невѣсту и гдѣ разъѣзжаетъ, до сихъ поръ не извѣстно.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Бэгэръ-Мджитъ женился на дѣвицѣ Бамья Вади, которая была дочь Онгѣтенъ-Тэнгира, но воспитана была Сурья-ханомъ.
(Онъ же).

56. Комбу Дорджи.

Жилъ царь Комбу-Дорджи; онъ умеръ, его вдова осталась бездѣтна. Сосѣдній царь Чилунъ Ташюръ предложилъ ей выйти за него замужъ; у него было тысяча - одна жена, но дѣтей не было, а онъ хотѣлъ имѣть дѣтей. Вдова царя Комбу Дорджи однако отказалась отъ предложенія; у ней было богатство, народъ, и ей также хотѣлось имѣть дѣтей; поэтому она отправилась къ ламѣ Бурхынъ Бакши, который сидѣлъ въ скалахъ и читалъ книгу; она попросила его дать ей дѣтей. Бурхынъ-Бакши сказалъ тѣста и далъ ей. Она пришла домой и половину съѣла; остальную половину съѣла ея служанка. Обѣ забеременѣли. Ханьша сказала служан-

*

кѣ: „Ты вѣрно съ кѣмъ нибудь имѣла дѣло!“ „Нѣтъ“, отвѣчала служанка. „Я“, сказала ханша, — „оттого забеременѣла, что съѣла тѣсто, а ты?“ „Я тоже съѣла тѣсто“, призналась служанка. У нихъ обѣихъ родились дѣти. Чилунъ Ташюръ снова прислалъ пословъ сватать вдову-ханшу, но она сказала, что у нея есть теперь наследникъ, и что теперь она имѣетъ болѣе прежняго основаній отказать ему. Чилунъ-Ташюръ сказалъ, что это не законный сынъ, что онъ, вѣроятно, прижитъ отъ лamy, который сидитъ въ скалѣ, и послалъ за ней тысячу воиновъ (чириковъ). Ханша снова обратилась къ Бурхынъ-Бакши; тотъ велѣлъ нарѣзать тысячу камышинъ съ головками и воткнуть ихъ на пути непріятельскаго войска. Камышъ обратился въ войско изъ желѣзныхъ солдатъ съ желѣзными лошадьми. Большая часть Чилунъ-Ташюрова войска была избита; остатки бѣжали. Ханъ велѣлъ послать сто тысячъ войска, но вернушіеся изъ перваго похода сказали ему, что напрасно онъ будетъ тратить свое войско: непріятельскіе солдаты сильные да и желѣзные. Тогда онъ велѣлъ всѣмъ своимъ женамъ отправиться къ тому же Бурхынъ-Бакши и просить его, чтобъ онъ и имъ далъ дѣтей подобно тому, какъ далъ вдовѣ хана Комбу Дорджи. Ханскія жены пошли, предпославъ Бурхыну Бакши на подносѣ кувшинъ (домбу) чаю и молочную пищу (цаган иден). Когда ханскія жены пришли, Бурхынъ-Бакши угостилъ ихъ этимъ же чаемъ; тысяча женъ пила и не выпила кувшина чая, ѣли молочную пищу и не опорожили подноса. Потомъ онъ далъ имъ снадобье. Дорогой самая младшая жена попробовала: оно было горькое, и она бросила его. Всѣ тысяча женъ забеременѣли, только та, которая бросила снадобье дорогой, не забеременѣла. Она пришла къ старшей женѣ и жалуется на свою участь. Когда она созналась, что свою долю снадобья она выбросила, старшая жена, которая съѣла не всю свою долю, а только половину, отдала оставшуюся часть младшей женѣ, и та такъ поторопилась съѣсть ее, что забыла развести снадобье предварительно водой. Родился и у нея сынъ, но уродъ—все тѣло исковерканое, руки и ноги врознь, глаза кривые, языкъ неправильный. Она съ старшею сестрой вдвоемъ пошла къ Бурхынъ Бакши; тотъ при видѣ новорожденнаго урода не могъ удержаться отъ хохота, но сказалъ, что это будетъ замѣчательный человекъ; онъ будетъ ханъ, а остальные тысяча сы-

новой сдѣлаются Мингынъ-Бурхыномъ. Уродъ получилъ имя Гесиръ-ханъ и возсѣлъ на витайскій престоль. Потомки хана Комбу Дорджи—нойонское сословіе у Монголовъ, а потомство служанки—подданные монгольскихъ нойоновъ.

(Чо Джамцинъ, лама Халха, хошуна Тачжи-Урянхай. Г. Кобдо).

57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой.

Мнѣ разказывалъ Калка (Халхасецъ): Въ Китаѣ воцарился новый царь. Послѣ восшествія на престоль этотъ царь потребовалъ отъ своихъ подданныхъ, чтобъ ему выстроили особый огромный дворецъ, дали сто-двадцать женъ, и чтобы для каждой жены былъ особый домъ. Какъ царь требовалъ, такъ и сдѣлали. Потомъ царь оградилъ свой дворецъ и дома своихъ женъ высокою оградой и поставилъ стражу у воротъ, чтобы никто не смѣлъ ходить изъ мужчинъ. Стража была вся изъ евнуховъ. Жилъ этотъ царь со своими женами, и никто изъ мужчинъ не ходилъ на женскую половину. Онъ однако не зналъ всѣхъ женъ, такъ какъ ихъ много было, другихъ даже и въ глаза не видалъ. Однажды царская жена, которую царь никогда не видалъ, прогуливаясь по двору, увидала что-то блестящее, подняла и съѣла, и оттого сдѣлалась беременна. Этой царской женѣ показалось удивительнымъ, какъ она, не зная мужа, могла забеременѣть. У царя жилъ нама (лама?), лицо духовное, не женатый и лѣкарь. Эта жена обратилась за разъясненіемъ недоумѣнія къ намѣ. Нама, посмотрѣвъ въ свою книгу, сказалъ: „Ты на дворѣ увидала что-то блестящее и съѣла. Это царь плюнулъ; ты съѣла его слюну и зачала. Ты объ этомъ не тужи, я самъ переговорю на этотъ счетъ съ царемъ“. Пришелъ нама къ царю и разказалъ ему, что одна изъ женъ его, которой онъ никогда не видалъ, съѣла его слюну и оттого забеременѣла. Царь не повѣрилъ ему и сказалъ: „Ты самъ видно жилъ съ этою женою, такъ ступай же, живи съ нею“. Потомъ царь приказалъ отвезти наму и свою невѣрную жену на одинъ морской островъ и тамъ поселилъ ихъ въ разныхъ избахъ, а между тѣмъ велѣлъ потихоньку доглядывать, будетъ ли нама ходить къ его женѣ. Нама поселился въ своей избушкѣ и все читалъ свою книгу, а жена царская жила въ другой избушкѣ, и другъ къ другу они никогда не ходили. Прошло нѣсколько времени, жена царская ро-

дила сына. Царь спросилъ сторожей: „Ходилъ ли нама къ его отверженной женѣ?“ Тѣ отвѣтили, что никогда не ходилъ. Царь сказалъ: „Теперь родился ребенокъ, вы смотрите строже; непременно они будутъ ходить одинъ къ другому“. Прошло нѣсколько времени, ребенокъ сталъ расти и уже сталъ ходить. Однажды женѣ царской нужно было сходить за дровами. Ребенка одного нельзя было оставить дома, а взять съ собою то же не доводилось. Поэтому царская жена привела этого ребенка къ намѣ и попросила его, чтобъ онъ повараулилъ ея ребенка. Нама согласился, посадилъ ребенка подлѣ себя, а самъ сталъ читать свою книгу; читалъ, читалъ и зачитался до того, что не видалъ, какъ ушелъ отъ него ребенокъ. Хватился, искалъ его, звалъ и все-таки найти не могъ. „Должно быть утонулъ“, подумалъ онъ;— „островъ малъ, вездѣ вода“. Какъ быть? Вотъ и вздумалъ нама: дай почитаю книгу. Почиталъ, и видно вычитавъ въ книгѣ, взялъ муки, замѣсилъ тѣсто, вылѣпилъ точь въ точь такого же ребенка и посадилъ его подлѣ себя. Между тѣмъ воротилась съ дровами царская жена, пришелъ и потерявшійся ребенокъ. Чтò тутъ дѣлать? Нама и порѣшилъ: пусть оба растутъ. А между тѣмъ доглядчики донесли царю, что у царицы теперь уже другой ребенокъ. Царь осердился, послалъ нѣсколько солдатъ и велѣлъ имъ убить наму и царицу съ дѣтьми. Когда солдаты подплывали въ острову, на которомъ жили нама и царица съ дѣтьми, нама по книгѣ узналъ, что ѣдутъ посланные отъ царя, чтобъ убить ихъ. Онъ приказалъ царицѣ, чтобъ она поскорѣе принесла ему одну горсть камышу. Царица принесла. Нама изъ этого камыша сдѣлалъ солдатъ. Когда посланные отъ царя высадились на островъ, то произошло сраженіе. Солдаты царскіе всѣ были побиты, кромѣ одного, который, воротившись, сказалъ царю, что силы у царицы много, и солдаты всѣ побиты, и что остался онъ только одинъ. Нама кормилъ солдатъ, сдѣланныхъ изъ камыша. Они его спрашиваютъ: „Что же намъ теперь дѣлать?“ „Ступайте на западъ“, сказалъ онъ;— „тамъ есть какаютò Русь; туда идите, тамъ вамъ и мѣсто“. Солдаты ушли. Царь отправилъ солдатъ еще больше и велѣлъ убить наму, царицу съ дѣтьми и ихъ солдатъ. Когда это войско подъѣзжало къ острову, нама по книгѣ опять узналъ, что ѣдутъ бить ихъ. Онъ велѣлъ принести двѣ горсти камышу, сдѣлалъ изъ него солдатъ, и они

побѣдили царскихъ солдатъ, а потомъ также были отосланы въ Русь. Послалъ царь въ третій разъ большое войско. Нама дочитался, что идетъ большое войско, велѣлъ принести цѣлую охапку камышу. Принесли. Нама опять сдѣлалъ изъ него солдатъ. Когда посланные отъ царя высадились на островъ, произошло сраженіе, царскіе солдаты были всѣ побиты, кромѣ одного, который и принесъ царю извѣстіе, что все войско его избито. Тогда царь понялъ, что ему ничего не сдѣлать съ намой и отверженною царицей. Онъ призвалъ къ себѣ наму и ласково спросилъ: какъ это родился у царицы другой сынъ? Нама разказалъ ему, какъ было дѣло, то-есть, что ребенокъ былъ сдѣланъ изъ тѣста, а солдаты изъ камыша. Тогда царь повѣрилъ намѣ во всемъ. Онъ призвалъ къ себѣ царицу, одного сына, который зачался отъ слюны, взялъ себѣ, а царицу съ другимъ ребенкомъ отправилъ на западъ. „Идите въ западную сторону“, сказалъ царь царицѣ и солдатамъ, — „тамъ есть Русь, тамъ ты будешь царицею; а потомъ воцари тамъ своего сына“. Тѣ ушли, какъ велѣлъ имъ царь. Когда они ушли, царь обрадовался и сказалъ своимъ приближеннымъ: „Съ этими солдатами Русскій царь побѣдитъ весь міръ, спорщика съ нимъ не будетъ на бѣломъ свѣтѣ; хорошо, что они ушли отъ насъ безъ всякаго спора“. Вотъ откуда пошелъ царскій родъ Бѣлаго царя.

(Записано алтайск. миссіонеромъ о. Вас. Постниковымъ отъ жителя с. Мпюта, Алтайца Пахраса).

58. Сенге ханъ.

Послѣ Арджи Борджи на его золотой престолъ вступилъ Сенге-ханъ; этотъ ханъ заболѣлъ; что ни ѣлъ, ни что не выходило изъ него: ни калился, ни мочился. Когда онъ умеръ, и животъ его разрѣзали, нашли жеребенка, верблюденка и ребенка, которыхъ онъ съѣлъ предъ смертью.

(Чо Джамцинъ, лама Халхасецъ, хошуна Тачжи Урянхай. Г. Кобдо).

59. Анъ-Богдоръ.

Жилъ царь Анъ-Богдоръ, который имѣлъ одну дочь. Однажды царь увидѣлъ сонъ, будто его дочь родила сына, который сдѣлался царемъ. Тогда царь Анъ-Богдоръ заперъ свою дочь въ подземную темницу вмѣстѣ со страпкой, которая приготовляла ей ку-

шанье и ухаживала за нею. Нѣкто, по имени Би, молодой человекъ, отправился искать эрдэмъ (волшебный камень); послѣ долгихъ поисковъ онъ нашелъ его, и встрѣтивъ товарища, по имени Санъ, передалъ ему найденный эрдэмъ, прося его отнести домой и передать роднымъ, а самъ пошелъ дальше. Но Санъ не передалъ эрдэмъ, а удержалъ у себя. Когда Би пришелъ домой и узналъ отъ родныхъ своихъ, что Санъ не передавалъ имъ эрдема, онъ отправился искать своего товарища; послѣ долгихъ поисковъ нашелъ его и спросилъ: гдѣ его эрдэмъ. Санъ сказалъ ему, что эрдема отъ него не бралъ, а нашелъ самъ. Тогда Би отправился къ царю жаловаться на Сана; царь позвалъ Сана и спросилъ его: бралъ ли онъ отъ Би эрдэмъ для передачи его роднымъ? Санъ отвѣчалъ: „Я Би не видалъ, эрдэмъ я самъ нашелъ“. Тогда царь сказалъ, обращаясь къ Би: „Иди домой, такъ какъ Санъ говоритъ, что самъ нашелъ эрдэмъ; у тебя же нѣтъ свидѣтелей“. Тогда Би пошелъ домой; дорогой идетъ и плачетъ. На одномъ бугорѣ пасли телятъ семь сыновей богатаго человѣка; съ ними вмѣстѣ пасъ одинъ сынъ бѣднаго человѣка одного теленка. Всегда они играли и бѣгали въ бѣгъ, и если кто выбѣжитъ, тотъ становился царемъ и судилъ другихъ. Однажды дѣти богатаго человѣка прибили сына бѣдняка; этотъ мальчикъ шелъ и плакалъ; съ нимъ встрѣтился Би, который тоже плакалъ. Сынъ бѣдняка спросилъ у Би: почему онъ плачетъ. Тотъ разказалъ свое горе, какъ у него удержалъ эрдэмъ его товарищъ Санъ, и какъ царь не удовлетворилъ его жалобы. Мальчикъ сказалъ: „Если царь не можетъ разсудить это дѣло, то какъ же онъ сдѣлался царемъ?“ Би, въ свою очередь, спросилъ мальчика, почему онъ плачетъ. Тотъ отвѣчалъ: „Дѣти богатаго человѣка прибили меня таба ярьямать“. Оттого онъ и получилъ имя Таба Ярья. Дѣти богатаго человѣка пошли домой и разказали отцу, что говорилъ Таба-Ярья, а отецъ ихъ пошелъ къ царю и ему разказалъ.

Царь Анъ-Богдоръ призвалъ сына бѣднаго человѣка Таба Ярья и сказалъ ему: „Если ты не разсудишь ихъ, то отрублю твою голову“. Тогда потребовали Би и Сана; Санъ привелъ съ собою трехъ свидѣтелей, которые говорили, что эрдэмъ нашелъ Санъ, а не Би. Таба Ярья поставилъ ихъ отдѣльно другъ отъ друга, а самъ пошелъ къ рѣкѣ, тамъ взялъ глину, раздѣлилъ ее на пять частей,

роздалъ по части тремъ свидѣтелямъ, а также Би и Сану, посаженнымъ въ разныхъ мѣстахъ и сказалъ, чтобы каждый изъ нихъ сдѣлалъ изъ глины фигуру, какую имѣеть спорный эрдэмъ. Похожія фигуры сдѣлали только Санъ и Би, а свидѣтели слѣпили разныя фигуры. Тогда Таба Ярья сказалъ: „Би сдѣлалъ фигуру, похожую на эрдэмъ, потому что самъ нашель ее; Санъ сдѣлалъ похожую фигуру, потому что взялъ эрдэмъ отъ Би и видѣлъ его; свидѣтели не сумѣли сдѣлать похожей фигуры, потому что не видали эрдэма; это ложные свидѣтели. Санъ привелъ ложныхъ свидѣтелей; значить, онъ не самъ нашель эрдэмъ“. Поэтому Таба Ярья разсудилъ эрдэмъ отдать Би, а Сана и его трехъ свидѣтелей наказать. Тогда царь Анъ Богдоръ велѣлъ казнить виновныхъ, а Таба Ярья сдѣлалъ первымъ чиновникомъ.

Однажды царь говорить Таба Ярья: „Я посадилъ въ темницу свою дочь, чтобы она не родила сына, который можетъ лишить меня царства и самъ сдѣлаться царемъ. Что съ нею дѣлать?“ Таба Ярья сказалъ: „Пусть сидитъ въ темницѣ“. Но самъ сталъ ходить въ темницу смотрѣть царевну. Скоро царевна сдѣлалась беременною. Царь узналъ, что его дочь скоро должна родить, и поставилъ къ темницѣ строгій караулъ. Въ тотъ день, когда царевна должна была родить сына, Таба Ярья напоилъ всѣхъ стражей дурманомъ, отчего всѣ они опьанѣли и упали безъ чувствъ. Тогда Таба Ярья вошелъ въ темницу и увидѣлъ, что царевна родила двухъ близнецовъ, которыхъ онъ взявъ, вынесъ изъ темницы и унесъ домой. На другой день стражи поднялись и стали на караулъ у темницы; въ это время приходитъ царь съ намѣреніемъ взять родившагося сына, чтобы убить его. Онъ вошелъ въ темницу, но не нашель ребенка, и потому подумалъ, что дочь его еще не родила. Таба Ярья воспитывалъ этихъ дѣтей нѣкоторое время, а потомъ пустилъ ихъ въ лѣсъ. Одинъ изъ нихъ воспитывался съ волчатами. Когда волчата выходили изъ норы, то сзади всѣхъ выходилъ мальчикъ безъ одежды; въ нору онъ входилъ послѣ всѣхъ. Другой мальчикъ воспитывался въ лѣсу (къмъ—разказчикъ не сообщилъ). Однажды этотъ послѣдній подкрался и поймалъ того мальчика, который росъ съ волчатами. Они стали жить въ лѣсу вдвоемъ.

Однажды ихъ окружило семь волковъ, которые стали выть.

Это были тѣ самые волки, съ которыми онъ выросъ; такъ какъ одинъ изъ мальчиковъ росъ съ волками, то понималъ, что они говорили. Семь волковъ говорили: „Царь Анъ Богдоръ узналъ про васъ и послалъ искать васъ триста человѣкъ войска. Мы задавимъ у нихъ лошадей, а вы идите дальше“. Въ ту же ночь семь волковъ задавили триста лошадей, а войска, оставшись безъ лошадей, возвратились и сказали царю, что царевичей не могли найти, лошади же пропали отъ голода. Тогда царь Анъ Богдоръ послалъ искать царевичей пятьсотъ человѣкъ войска. Семь волковъ снова окружили мальчиковъ и воютъ: „Царь Анъ Богдоръ послалъ пятьсотъ человѣкъ войска искать васъ; въ эту ночь мы задавимъ всѣхъ ихъ лошадей, а вы идите дальше“. Въ ту ночь семь волковъ задавили пятьсотъ лошадей у посланнаго войска; войско ушло домой и сказало царю, что не могли найти царевичей. Тогда Анъ Богдоръ послалъ семьсотъ человѣкъ войска. Тѣ же волки опять окружили царевичей и воютъ: „Царь Анъ Богдоръ послалъ семьсотъ человѣкъ войска искать васъ; мы ночью задавимъ всѣхъ ихъ лошадей. Когда вы встанете утромъ, то идите дальше; вы придете къ рѣчкѣ; тутъ купайтесь и ловите рыбъ. Въ это время сверху по рѣкѣ поплыветъ мертвый ребенокъ; вы распорите ему брюхо, тамъ найдете эрдэмъ; возьмите его, а мальчика положите подъ камнями. Тогда можете явиться къ царю Анъ Богдору“. Въ ту ночь волки задавили семьсотъ лошадей, и войско пошло домой, какъ и прежде.

Два мальчика утромъ пошли далѣе и пришли къ рѣчкѣ, гдѣ стали купаться и ловить рыбу. Въ это время течениемъ рѣки принесло мертваго ребенка; они распорили ему брюхо, нашли въ немъ эрдэмъ, вынули его, а ребенка положили подъ камнями и сами пошли къ царю Анъ Богдору.

Таба Ярья велѣлъ копать тотъ бугорокъ, гдѣ онъ пасъ теленка и гдѣ игрывалъ съ дѣтьми въ царя; когда бугорокъ раскопали, оттуда вышли два престола (шэрэн), одинъ золотой, другой серебряный; каждый изъ нихъ имѣлъ по двадцати-пяти деревянныхъ вооруженныхъ солдатъ, которые стояли на ступенькахъ престола съ разныхъ сторонъ. Царь Анъ Богдоръ хотѣлъ сѣсть на одинъ престолъ, но деревянные солдаты не пустили его; Таба Ярья тоже хотѣлъ попробовать сѣсть, но и его не пустили солдаты. Въ это

время пришли тѣ два мальчика, которыхъ искалъ Анъ Богдоръ. Они получили имена одинъ Ойхо опдохон Олот, то-есть, въ лѣсу найденный Олотъ, другой Шонон Хобун Шолгу, то-есть, волчій сынъ Шолгу. Когда они пришли, ихъ попросили сѣсть на престолы; мальчики сѣли, деревянные солдаты не оказали имъ противодѣйствія. Олотъ сѣлъ на золотой престолъ, Шолгу на серебряный. Тогда Анъ Богдоръ спросилъ: „Что дѣлать?“ Таба Ярья отвѣчалъ ему: „Сними свою полную одежду и отдай Олоту, а я сниму свою полуодежду (то-есть, полукафтанье) и отдамъ Шолгу“. Олотъ надѣлъ полную одежду, то-есть, длинное платье, и сдѣлался Олотъ-ханомъ или Монгольскимъ царемъ, а Шолгу надѣлъ полуодежду, то-есть, короткій кафтанъ, сдѣлался Бѣлымъ царемъ (то-есть, Русскимъ). Поэтому послѣдній и его подданные и носятъ теперь короткое платье. Вотъ какимъ родомъ, по мнѣнію Бурятъ, Русскій и Китайскій цари родня между собою.

(Записано учителемъ Галхановымъ отъ Бурятскаго шамана Манджу въ Кудинскомъ вѣдомствѣ).

60. Аю-Чикты-ханъ.

а. Жилъ одинъ ханъ Ою-Чикту-ханъ; у него было два тайджи (сына), одинъ четырехъ лѣтъ, другой трехъ; перваго звали именемъ отца Ою-Чикты, другаго Эрденэ-Абахай-Цецекъ; была у него и жена, очень красивая и добрая; въ которую сторону она взглянетъ, тамъ солнце всходитъ. Она умерла. Ханъ жалѣлъ, что лишился такой жены, и послалъ пословъ искать себѣ другую, такую же добрую и красивую. Послы объѣздили все царство и не нашли. У хана было два сановника (тушемиль), которые узнали, что у ханскаго пастуха есть красивая дочь, и поѣхали посмотреть на нее, добра ли она или зла. Тушемили были прозорливы, умѣли предугадывать (шиеджилъна) и убѣдились, что дѣвушка зла. Приѣхавъ къ царю, они сказали, что хотя она и красива, но зла, не годится въ царицы. Царь не послушался, поѣхалъ самъ; она такъ ему понравилась, что ханъ взялъ ее за руку, посадилъ на свою лошадь, увезъ и сдѣлалъ ханьшей. Увидѣвъ тайджей, ханьша задумала погубить ихъ. Дня черезъ три она притворилась больною; ханъ испугался, что и вторая жена умретъ. Онъ сталъ уговаривать ее лѣчиться; но она сказала, что ей никто не можетъ помочь; есть только одно сред-

ство: если она съестъ сердце и почки двухъ тайджи, то выздоровѣтъ. Ханъ послалъ своихъ двухъ тушемилей убить тайджи. Тушемили, зная, что подъ видомъ ханьши скрывается шулмусъ, не убили тайджей, а заперли ихъ въ стеклянный домъ, на ханскій же столъ доставили сердца и почки двухъ собакъ. Ханьша, съѣвъ ихъ, сказала, будто выздоровѣла. Прошло нѣсколько времени, тайджи какъ-то вышли изъ своего стекляннаго дома; ханьша увидѣла ихъ, узнала, что ее обманули, снова притворилась больною и снова потребовала, чтобъ ей доставили сердца и почки тайджей. Ханъ снова отдалъ приказъ тѣмъ же тушемилямъ; тогда тушемили дали тайджамъ лошадей и запасу и велѣли имъ уѣзжать, а сами опять закололи собакъ и подали ханшѣ собачьи сердца и почки. Ханьша съѣла ихъ и сказала, что выздоровѣла. Ъхали, ѣхали тайджи, до того долго ѣхали, что запасъ у нихъ вышелъ, они проголодались, а поѣсть было нечего. Въ это время съ неба упалъ „хэтъ“, мѣшокъ съ молокомъ; это было молоко матери, которая была уже въ это время бурхыномъ и жила въ небѣ. Они стали питаться этимъ молокомъ, которое не убывало. Наконецъ тайджи пріѣхали къ юртѣ Тюре-Герельтей-хана, двери которой оберегали двѣ огромныя, величиной съ быковъ, собаки Хасыръ и Басыръ. Собаки сидѣли на цѣпяхъ, и срываясь, съѣдали челоуѣка вмѣстѣ съ лошадью. Онѣ были въ это время на свободѣ, кинулись къ тайджи и стали ласкаться къ нимъ. Ханъ удивился, принялъ ихъ и разпросилъ: откуда они? У хана было два сына: Саналѣнъ-Чымыкъ и Сеткилинъ-Чымыкъ. Принцы сдружились; Саналѣнъ-Чымыкъ съ Ою-Чикты выстроили себѣ домъ, Сеткилинъ-Чымыкъ и Абахай-Цецекъ—другой. Здѣсь они выросли. Тогда старшій говоритъ: „Я поѣду провѣдать наше царство и нашъ скоть!“ Младшій заспорилъ и сказалъ, что онъ лучше поѣдетъ. Старшій уступилъ. Ханъ далъ Абахай-Цецеку лошадь, которая пробѣгала въ день пространство съ мѣсяцъ ѣзды, а въ мѣсяцъ—пространство въ годъ ѣзды. Пріѣхалъ тайджи къ пастуху коровъ; пастухъ и думаетъ: „Что ровно это сынъ нашего Ою-Чикту, какъ похожъ на него!“ Тайджи не признался ему, поѣхалъ дальше, набралъ душистыхъ травъ въ мѣшокъ, пріѣхалъ наконецъ къ отцу и вошелъ въ домъ. Въ дому вонь, а самъ ханъ едва живъ. Жена его была нечистый духъ (читкуръ), ночью голова ея обращалась въ лебединую, которую она просовывала въ его ротъ и сосала его

кровь. Сынъ объяснилъ это отцу и научилъ его ночью лечь на ящикъ, въ который долженъ былъ спрятаться самъ тайджи, на ящикъ положить мѣшокъ съ травой, а въ руки взять сабли. Ханъ такъ и сдѣлалъ. Когда жена пришла къ нему, и обративъ свою голову въ лебединую, стала просовывать ее въ ротъ хана, ханъ отрубилъ ей голову; отрубленная голова все еще бросалась на хана, но ханъ и выскочившій изъ ящика тайджи забросали ее травой, зажгли и пепель развѣяли по воздуху. Потомъ тайджи сталъ лѣчить и чистить отца; день кормилъ его овечьимъ молокомъ, день коровьимъ и т. д. Очистивъ отца, тайджи собралъ весь скотъ и народъ, взялъ отца, которому омерзѣло его царство, и уѣхалъ къ Теръ Герелтей-хану, у котораго и стали всѣ жить.

(Бангъ-Цаганъ, неграмотн. Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. У Аю-Чикты-хана было два сына: Абахай-Цэцэжъ и Шоно-Доитъ ¹⁾; послѣднй былъ „баръ-джильтей“, то-есть, онъ родился въ годъ „бара“, тигра, а такихъ людей уноситъ Лосынай-ханъ. Когда онъ пришелъ къ одному старцу; тотъ сказалъ, что ему предстоитъ отъ Лосынай-хана. Лосынай-ханъ пришелъ вмѣстѣ съ дочерью, та полюбила Шоно-Доита и сказала отцу: „Если ты его унесешь въ воду, то и меня возьми вмѣстѣ съ нимъ“.

(Дюрбютъ).

61. Сартактай.

а. Сартактай былъ хубилганъ бога Очирвани. Ему или Едженъ-ханъ или другой кто—разказчикъ не помнить—сказалъ, чтобъ онъ вошелъ въ озеро и замерзъ въ немъ. „Если ты послѣ того будешь имѣть силу вылѣзть изъ озера, сдѣлаю тебя ханомъ“, сказалъ ханъ. Сартактай вошелъ въ озеро по горло, и вода замерзла; Сартактай сталъ шевелиться, и ледъ заколебался. Тогда ханъ сказалъ, чтобъ онъ подождалъ, пока образуется девять слоевъ льда. Сартактай переждалъ и хотѣлъ пошевелиться, но не могъ. Дунулъ, отъ этого по льду прошла дорога, но богатырь все-таки не могъ выйдти. Тогда Едженъ-ханъ сталъ ѣздить по озеру въ телегѣ и колесами убилъ Сартактая. Сартактай рылъ канаву (буху), чтобы провести воду изъ рѣки Кобдо въ Пекинь для одной дѣвицы. Во время

¹⁾ Шоно—волкъ по монгольски.

работы онъ похвасталъ надъ водой: „Теперь я овладѣлъ тобою, вода, не какъ верблюдомъ, а какъ верблюденкомъ (ботогонъ), не какъ конемъ, а какъ жеребенкомъ, не какъ быкомъ, а какъ теленкомъ, не какъ бараномъ, а какъ ягненкомъ“. Вода не пошла въ его канаву, которая и теперь стоитъ сухая, а пошла мимо горы Торхула.

(Сарисынъ, Дюрбютъ Г. Улангомъ).

б. Сартактай называется у Алтайцевъ Сартакай¹⁾. Онъ охотился на гусей, бросая въ нихъ камни; и теперь указываютъ эти камни въ Алтаѣ: это большія скалы. Ниже устья р. Едигана указываютъ слѣды ногъ его и слѣды сидѣнья; тутъ-то онъ и строилъ мостъ черезъ Катунь.

(Свящ. о. Мих. Чивалковъ, родомъ Телеутъ, въ Алтаѣ).

в. Сартактай хотѣлъ перекинуть мостъ черезъ Катунь, носилъ камни къ рѣкѣ, но поссорился съ сыномъ, собралъ камни въ подолъ и ссыпалъ ихъ выше устья р. Яламана.

(Човчу, Теленгитка кости Алматъ. Р. Чуя въ Алтая).

г. Въ долинѣ р. Мэнъ, притока Чуи, лежитъ камень Бѣдѣргѣ-ташъ; это камень, брошенный Сартактаемъ въ гусей.

(Алексѣй, крещеный Телеутъ).

д. Сартактай Кэзеръ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ прудилъ Катунь камнями; немного уже осталось доложить, — наступилъ вечеръ, пошли спать. Сартактай сказалъ своему сыну, чтобъ онъ въ эту ночь спалъ одинъ, безъ жены. Сынъ преступилъ заповѣдь отца; Сартактай на завтра сталъ поднимать камень и не могъ. Онъ бросилъ его, осердился и ушелъ въ землю Халха. Слѣды его лошади показываютъ около китайскаго караула Суокъ. На р. Мэнъ лежитъ камень, который онъ возилъ въ „каптырѣ“ (мѣшочекъ для пуль). Алтайцы любятъ пробовать поднимать этотъ камень; часто случается, что между тѣмъ, какъ одни поднимаютъ этотъ камень, другой человекъ, хотя и болѣе сильный, не можетъ отдѣлать камень отъ земли; это знакъ, что этотъ человекъ скоро умретъ.

¹⁾ Отъ Алтайцевъ и чуйскихъ Теленгитовъ я всегда слышалъ „Сартактай“, а не „Сартакай“. Вѣроятно, такъ называютъ его Кузнецкіе Телеуты. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ мнѣ удалось убѣдиться, что то, что о Михаилѣ Чивалковѣ называлъ особенностью Алтайцевъ, на дѣлѣ оказывалось особенностью Телеутовъ.

Сартактай ушелъ въ мѣстность Коту, гдѣ состарѣлся и умеръ. Тѣло его съѣли котунскія собаки.

(Тотой, старуха Теленгитва кости Телесъ. Р. Чуа).

е. Сартактай имѣлъ старшую сестру (эгичъ), выданную замужъ въ Пекинъ. Въ этой столицѣ вода плохая; сестра просила брата достать воды изъ вѣчныхъ снѣговъ вершины рѣки Кобдо. Сартактай, жалѣючи сестру, началъ копать канаву (буху). При этомъ онъ похвастался, что это дѣло у него совершится также легко, какъ легко надѣтъ оброть (нокто) на верблюда. Хозяинъ (эдзень) водъ обидѣлся этимъ и сказалъ: „Если вода пойдетъ впередъ, будетъ Ики-Араль, если—назадъ, то будетъ Большинъ-Тохой (или Булунъ-Тохой)“¹⁾. Поэтому вода бросилась въ рывину, которую Сартактай рылъ съ сыномъ, но назадъ обратилась²⁾. На завтра Сартактай велѣлъ сыну въ ночь не спать съ своею женой: „Хорошенько будемъ работать“, сказалъ онъ. Но сынъ не выдержалъ и на другой день совсѣмъ потерялъ силу.

(Баннъ-Цаганъ, Дюрбютъ изъ Улангома).

ж. Возлѣ города Кобдо есть двѣ красныя горы³⁾. Сартактай легъ на одну головой, на другую ногами. Волки пришли и стали грызть ему пятки. Сартактай почесалъ и сказалъ: „Вошь кусаетъ“.

(Молодой парень, родомъ Мингатъ, на рѣкѣ Кобдо).

з. Едзеньханъ и Балаганъ были братъ и сестра (бала—по алтайски дѣвица). Едзеньханъ правилъ народомъ; сестрѣ также хотѣлось быть ханомъ. Съ западной стороны пришелъ красный туманъ; это шло войско. Балаганъ послала письмо; чтобъ это войско шло къ ней; Едзеньханъ звалъ его къ себѣ. Однако Балаганъ отдѣлилась съ народомъ отъ Едзеньхана; этому помогъ военачальникъ Тэнгрэ-

¹⁾ Ики-Араль—мѣстность въ долинѣ р. Кобдо выше Коко-котеля, Большинъ-тохой—мѣстность ниже Коко-котеля и выше горы Торхула.

²⁾ Сартактен-буху (канаву Сартактая) находится близъ оз. Хара-Усу, на западномъ берегу его южнаго конца, и тянется параллелью подошвѣ горы Яматы. Это рывина до 5 саж. ширины и въ сажень глубины. Восточный край ея выше, чѣмъ западный; на восточномъ боку замѣтно, какъ будто намыта галька. Вообще это водное, а не искусственное образование, потому что рывина не сопровождается отвалами.

³⁾ Онѣ называются Аршанты и запирають долину рѣки Буянту ниже города.

Тушетуханъ. Изъ шести богатырей, бывшихъ стражами при Едзеньханъ и Балаганъ, Козоръ пошелъ къ Балагану, а Сартактай къ Едзеньхану. Козоръ хотѣлъ часть народа, оставшагося у Едзеньхана, перевести къ Балагану; изъ-за этого богатыри поссорились: Сартактай выстрѣлилъ въ Козора и прострѣлилъ ему грудь насквозь; кровь потекла ручьемъ, но Козоръ не почувствовалъ этого и проѣхалъ мимо. Это случилось въ мѣстности Иты-Удрекъ, гдѣ и теперь видно красные камни, какъ будто недавно залитые кровью. Козора впоследствии съѣла китайская собака тайгалу-ить.

(Санашъ, Алтаецъ. Чуйская степь).

62. Балаганъ.

Балаганъ тушинда каишь кырлу хара албату, то-есть, во времена Бала-хана (были) черные подданные съ ременнымъ поясомъ. (Старинное выраженіе).

(Чепанъ, Алтаецъ. Р. Чуа).

63. Начало камства.

а. Первый камъ была женщина. Богдоханъ сказалъ: „Если это дѣйствительный камъ, то его не застрѣлиты!“ И велѣлъ въ нее стрѣлять. Камъ-женщина не только не была убита, но еще сильнѣе прежняго начала камлать. Тогда богдоханъ призналъ ее дѣйствительнымъ камомъ и далъ ей прозвище: Ельбичи-камъ. У нея былъ ребенокъ, который вслѣдствіе этого стрѣлянія родился со знакомъ. Въ память объ этой шаманкѣ и теперь зовутъ свѣдущихъ камовъ: ельбичи-камъ, то-есть, камъ, умѣющій производить ельби. Ельбилу, шиделу называется камъ-чудотворецъ, который терзаетъ себя ножомъ, показывается присутствующимъ въ видѣ медвѣдя (обращающійся въ медвѣдя) и т. п.

(Сальджакъ Бюргутъ).

б. Одинъ ханъ велѣлъ собрать всѣхъ камовъ и сжечь; собрали, посадили въ одну юрту и зажгли. Всѣ сгорѣли, только одинъ камъ вылетѣлъ изъ огня невредимо и спасся; его имя было Камъ-кадылбашъ; отъ него-то и расплодился нынѣшніе камы. Телеутскіе камы при камланьи поминаютъ его, говорятъ о себѣ: камъ-кадылбашнымъ угумэн, то-есть: „я изъ поколѣнія Камъ-кадылбаша“. Другіе говорятъ: Кам-кадылбашнымъ калдыгмэн, то-есть: „я изъ кадылбашева остатка“.

(О. Чивалковъ, телеутское сказаніе).

в. Шаманъ Махунай былъ столь могущественъ, что садился въ сани, и они сами катились безъ лошадей. Иркутскій начальникъ велѣлъ позвать шамановъ и спросилъ ихъ: чѣмъ они докажутъ, что ихъ вѣра не ложь. Махунай сказалъ, что онъ не сгораемъ. Посадили его съ бубномъ на камень, обложили и завалили соломою, которой собрали семьдесятъ возовъ. Зажгли, солома сгорѣла, Махунай стряхнулъ съ себя пепелъ и всталъ невредимъ. Послѣ этого иркутскій поевъ велѣлъ ему продолжать камланье.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

г. По словамъ ангудайскаго шамана Энчу, спаслось отъ огня двое: дядя и племянникъ; дядя вынесъ племянника подъ мышкой. Одно-го изъ нихъ звали Тостубашъ.

д. Во время двухъ хановъ Дѳрбѳнъ-ойродъ-хана и Балагана много было камовъ, но большая часть ихъ были ложные. Два хана положили собрать ихъ всѣхъ и сжечь: кто не ложный, тотъ спасется. Всѣ камы были собраны въ одну юрту и начали камлатъ снаружи юрты былъ сложенъ костеръ изъ дровъ и сухой травы и зажженъ. Всѣ камы сгорѣли, только одинъ шаманъ вылетѣлъ невредимо: Балаганъ ¹⁾ положилъ ему имя абысь-камъ, а Дѳрбѳнъ-ойродъ далъ ему имя Тарханъ-бо.

(Пѳгѳкъ, Алтаецъ, кости Иркутъ).

е. По словамъ ирента Туйбаса (Алтайца) возлеганіе кама изъ огня произошло на урочищѣ Коту, по сю сторону Уляссутая. На этомъ мѣстѣ видѣнъ его бубенъ и находится его могила.

ж. Ули-Кайраканъ, зимующій на землѣ и лѣтомъ возносящійся на небо, бросаетъ молнію разныхъ цвѣтовъ и кому попадетъ въ голову, тотъ становится камомъ: Въ кого упадетъ бѣлая молнія, тотъ становится какъ себѣту хам.

(Урянхайская шаманка Чикей на р. Торхоликѣ).

з. Одинъ ханъ призвалъ кама-женщину (хам-катын) камлатъ; она была въ это время беременною и плохо камлала; ханъ велѣлъ застрѣлить ее. Дѣйствительно ее застрѣлили, но она родила сына

¹⁾ Бала-ганъ значитъ „жена-ханъ“; бала—незамужняя женщина. Это очевидно мненческое имя Балаганъ Алтайцы переносятъ въ настоящее время на императрицу Екатерину II.

со знакомъ на лбу отъ стрѣлы. Это и былъ родоначальникъ всѣхъ камовъ ¹⁾.

(Бургутъ, Сальджакъ-Урянхаецъ).

в. Шаманы получили начало на берегу какого-то Шарь-далая.
(Бураты Аларск. вѣдомства).

і. Ханъ велѣлъ собрать всѣхъ шамановъ, сдѣлать для нихъ соломennую юрту и сжечь; онъ говорилъ: „Если они настоящіе шаманы, то не сгорятъ“. Всѣ сгорѣли, одинъ только вышелъ невредимъ. Это было въ мѣстности Онгу, которая лежитъ къ востоку отъ Иркутска (Онгурѣнь).

(Бураты въ вершинахъ р. Иркуты рода Хонгодоръ).

64. Тарханъ бо.

а. Было два великихъ кама: Тостогошъ и Газыръ-гамъ. Едженъ-ханъ собралъ всѣхъ камовъ и велѣлъ сжечь, при чемъ сказалъ: „Худые сгорятъ, а настоящіе живы останутся“. Воля ханская была исполнена; всѣ камы сгорѣли, только эти два, Тостогошъ и Газыръ-гамъ, остались живы и вылетѣли невредимо изъ огня. Послѣ этого Тостогошъ сказалъ: „Я буду предсказывать войну“. А Газыръ-гамъ сказалъ: „я буду знать человѣческую смерть“. Съ этими словами они обратились къ Ерлику. Вдругъ пришла война, Тостогошу отрубили голову и повезли къ Едженъ-хану; туловище кама пошло вслѣдъ за головой, и въ землѣ Едженъ-хана стало кюшотап'емъ (каменной бабой). Халхасское прозвище Тостогоша Тарханъ-бо-Даннъ-Тере. Тостогошъ однажды камлалъ какому-то Абысу и такъ понравился, что тотъ далъ ему прозвище: Абысъ-Кыдай. Газыръ-гамъ пошелъ къ Ерлику и сказалъ ему. „Я буду узнавать впередъ человѣчью смерть; если скажу, этотъ человѣкъ умретъ, онъ долженъ умереть; если скажу, живеть, онъ долженъ остаться живъ“. Ерликъ осердился на него и сказалъ: „Ты хочешь больше меня знать!“ Они поссорились. Газыръ-гамъ въ сердцахъ отрубилъ лапу Ерликовой собакѣ Тайгылъ-итъ; собака умерла, а Газыръ-гамъ улетѣлъ къ Тэнгри-Кудая. Ерликъ пошелъ жаловаться къ Тэнгрѣ-Кудая и сказалъ, что Газыръ-гамъ

¹⁾ Эта легенда была рассказана въ отвѣтъ на вопросъ: кто былъ первый шаманъ?

зарубилъ у него собаку. Тэнгрэ-Кудай завинилъ Газыр-гама. Газыр-гамъ и здѣсь поспорилъ, схватилъ съ юрты Тэнгрэ-Кудая желѣзные „карачки“ (верхній кругъ юрты) и бросилъ на землю, а самъ убѣжалъ. Онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ на Кемчикѣ — бросился со скалы; скала отъ его крови и теперь красная; на мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, выросъ красный тальникъ. Эта мѣстность называется Кызыль-гая; отсюда Китайцы берутъ красныя стрѣлы (кызыль-окъ). Оба кама Тостогошъ и Газыр-гамъ родомъ были съ рѣки Чуи, Теленгиты.

(Санашъ, Алтаецъ, кости Тонжуанъ).

б. Въ Теленгитахъ былъ одинъ великій камъ, по имени Тостогошъ. Русскій ханъ велѣлъ всѣхъ камовъ сжечь, но Тостогоша не могли убить. Тогда Русскій ханъ далъ ему имя Абысь-камъ и позволилъ камлатъ. У Ойродъ-хана, толи у Эдзень-хана заболѣли сынъ и дочь; онъ пригласилъ Абысь-кама покамлатъ надъ ними; Абысь-камъ пріѣхалъ и вылѣчилъ больныхъ; ханъ подарилъ ему девять табуновъ лошадей и человекъ; Тостогошъ отправилъ лошадей впередъ, а самъ тайно остался близъ хана, потому что задумалъ увести ханскую дочь; онъ уговорился съ нею, и ночью на хорошей лошади они убѣжали вдвоемъ. Ханъ послалъ за ними погоню и велѣлъ, если поймаютъ бѣглецовъ, привязать дочь къ конскимъ хвостамъ и разорвать, а каму отрубить голову. Посланные такъ и сдѣлали — дѣвицу разорвали надвое, а каму отрубили голову и привязали въ торока; но голова въ торокахъ захотела, и тѣло ходило, какъ живое. Привезли его къ Ойродъ-хану; Тостогошъ превратился въ камень; и теперь онъ стоитъ въ видѣ кюшочило; иному кажется буримъ (курѣн таш), иному бѣлымъ, иному краснымъ; около него живетъ большой камъ; хорошій камъ передъ нимъ камлаетъ безвредно, худой умираетъ. Халха приносятъ ему жертвы.

(Таранъ, шаманъ Теленгитъ на Чуйской стѣнѣ).

Одинъ присутствовавшій при разказѣ старикъ сообщалъ, что въ жертву этому истукану всегда приносятъ чубарыхъ лошадей.

в. Каменная баба (кюшочило) Даниъ-Дерхе стоитъ въ мѣстности Шари Китынъ; она стоитъ внутри сумъ и обвѣшана многими хадаками (шелковыми лоскутками). Прежде этотъ камень лежалъ, теперь приподнимается. Цвѣтомъ сталъ коричневый — кровью на-

ливается! Наступило время совѣмъ встать ему. У Даинь-Дерхе спрашиваютъ о способахъ излѣченія, подаютъ ему бѣлыя бумажки; на нихъ появляется написаннымъ отвѣтъ, хотя въ это время около камня людей нѣтъ. Отвѣты эти народъ приписываетъ Даинь-Дерхе. (Лубсынъ, лама Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

г. Даинь-Дерхе прежде былъ Арахи; онъ что-то украсть у Очирвани, ерхе (чотки) или что другое—разказчикъ не помнить,—сѣлъ на своего сѣросиваго жеребца (боро цаган адзырга) и убѣжалъ; Очирвани за нимъ въ погоню. Въ западной сторонѣ есть двѣ рѣки: Иррингенъ-голь—тутъ онъ потерялъ свою покражу, и Адзыргенъ-голь—тутъ его лошадь устала. Очирвани догналъ и бросилъ въ него своимъ очиромъ; Даинь-Дерхе обратился въ кюшочило. Зимой голова этаго камня покрывается инеемъ, какъ у живаго человѣка. Отъ Банчинъ-Далай-ламы пришелъ приказъ (сундукъ, благословеніе)—основать возлѣ камня сумунъ; въ этомъ письмѣ точно было указано мѣстоположеніе камня: къ югу отъ рѣки Уръ, по ту сторону рѣки Уилханъ, по сю сторону рѣки Архынъ; Даинь-Дерхе даровано было названіе Гелюнъ-Сахылъ. При Даинь-Дерхе прежде была шаманка (утаганъ) переводчица, которая передавала отвѣты Даинь-Дерхе. Однажды она дала одному богомольцу гребень, велѣла зайти въ одинъ аилъ и воткнуть его въ волосы живущей тамъ дѣвицы; тотъ такъ и сдѣлалъ. Та дѣвушка вдругъ стала камлать, а утаганъ умерла. Вокругъ сумуна сложены четыре кучи камней (обо); если шаманъ идетъ на поклоненіе къ Даинь-Дерхе, отъ котораго шаманы получаютъ сакиусы, и если онъ худой шаманъ, онъ падаетъ замертво у этихъ кучъ, дальше ихъ не можетъ проникнуть и теряетъ послѣднихъ онгытовъ; хорошій бо не только доходить до божественнаго камня, но и получаетъ отъ него сакиусъ. Около сумуна есть щели (капцылъ), въ которыхъ есть пещера; входъ въ нее узкій и темный, но онъ ведетъ въ свѣтлую залу; кто туда проникнетъ, безумѣетъ; одинъ лама прошелъ туда, но вышелъ безъ памяти. Тамъ, говорятъ, живутъ дѣти Даинь-Дерхе. Кто-то видѣлъ также около этой пещеры человѣка, ѣдущаго на сѣробѣломъ жеребцѣ, всего сѣдаго, съ огромною бѣлою бородой. Думаютъ, что это былъ Даинь-Дерхе. Долго послѣ смерти утаганъ-толковательницы показывали ея священническое одѣяніе, хранившееся въ сумунѣ при камнѣ; теперь уже не показываютъ.

(Гуныпъ, грамотн. лама, Халха, хошуна Лу-Гуна).

д. Таинъ-Дерхе былъ злой человѣкъ, многихъ убивалъ. Чингисъ-Тэнгиръ хотѣлъ его казнить. Таинъ-Дерхе сказалъ, что онъ болѣе не будетъ такъ поступать. Таинъ-Дерхе обратился въ камень. Онъ былъ бо.

(Унцинъ, Халха, хошуна Сартаулъ, родомъ съ уроч. Хуху-дерису).

е. Два кама худой и хорошій камлали на Башкаусъ; худой предсказалъ, что будетъ война; добрый не повѣрилъ. Пришли Калка (то-есть, Халхасцы) съ войной, хорошему каму отрубили голову и онъ умеръ; худаго кама жгли огнемъ—изъ огня онъ вышелъ невредимъ; въ водѣ топили—изъ воды вышелъ цѣлъ; тогда отрубили ему голову и повезли въ торокахъ. Голова захохотала. Когда ее привезли къ калкаскому бѣю, она обратилась въ камень. И теперь эта каменная баба (кюшоташъ) стоитъ въ мѣстности Коту. Скозько ни камлали передъ камнемъ, онъ не шевелился; одинъ молодой человѣкъ пришелъ съ водкой (арыкы), сдѣлалъ возліаніе (чачылгы), и голова зашевелилась. Имя этому каму было Тарханъ-Бо-Таинъ-Дере Тостогошевой породы.

(Теленгитка Тотой. Чуйская степь).

ж. Даинъ-Дере (или Тере) былъ прежде сильный ханъ, подобный силою самому небу. Потомъ онъ превратился въ камень. Близъ него есть камы, когорые камлаютъ, когда бываетъ громъ. Имя Даинъ-Тере произносится, по словамъ Комбу, также Даинъ-Тэнгри или Даинъ-Тэнгиръ.

(Комбу, Тува-Урянхаецъ кости, Балыкчи. Оз. Теръ-Норъ).

з. Около Таинъ-Дерхе шаманы (бо) столь могущественны, что сводятъ молнію съ неба.

(Сенге Дорджи, Халха, хошуна Уйдзинъ-Гуна, писарь на караулѣ Цициргана).

и. Ойродъ-ханъ воевалъ съ Кыпчаками и Сары Союнами; послѣдніе схватили ойродскаго кама Абысь-Тостогоша и стали его жечь: онъ улетѣлъ отъ нихъ. Келекъ, камъ, нынѣ живущій на р. Кеньге, есть потомокъ этого кама.

(Чончу, Теленгитка Р. Чуя).

65. Эльджигень.

а. Эльджигени составляютъ два монгольскіе хошуна: 1) Лу-гуна или большой Эльджигень и 2) Иринъ Ба Эльджигень или малый

Эльджигентъ; послѣдній хошунъ называютъ также просто хошуномъ дзаснка, потому что имъ управляетъ князь степени „дзаснкъ“, тогда какъ большой Эльджигентъ управляется княземъ степени „гунъ“. Предокъ этихъ князей Эльджигентъ-нойонъ имѣлъ ослиныя уши и скрывалъ ихъ подъ шапкой, а обривъ волосы, казнилъ брадобрѣя. Очередь идти брить нойона выпала мальчику, который былъ единственный сынъ у матери. Мать дала ему три капли молока; когда онъ брилъ нойона, одну каплю онъ взялъ въ ротъ, другую оставилъ за пазухой, третью уронилъ къ ногамъ нойона. Нойонъ спросилъ его: что это такое? Мальчикъ отвѣтилъ, что это вкусная пища. Нойонъ поднялъ, положилъ въ ротъ, и убѣдившись, что это было сладко, какъ сахаръ, спросилъ: „Откуда ты добылъ такое лакомство?“ Мальчикъ сказалъ, что мать дала ему на дорогу три капли молока, надонвъ его изъ своихъ большихъ грудей. Тогда нойонъ сказалъ: „Я съѣлъ молоко твоей матери, теперь я твой братъ, и потому убить тебя не могу, но ты ни кому не сказывай, что у меня ослиныя уши“. Мальчикъ вернулся къ матери и говорить: „Что мнѣ дѣлать? Такъ и хочется сказать!“ Мать научила его сказать объ этомъ въ нору мыши. Мальчикъ пошелъ въ поле, напелъ мышиную нору, и нагнувшись къ ней, сказалъ: „У нашего нойона ослиныя уши!“ И вскорѣ потомъ повсюду между мышамп, собаками и людьми пошелъ говоръ: „У нашего нойона ослиныя уши!“
(Лама хошуна Сартаулъ).

б. Въ древности былъ Эльджигентъ-чиктей ханъ (ослиноухій ханъ). Онъ казилъ всѣхъ, кто ему стригъ волосы. Позвалъ онъ мальчика, сына одной бѣдной женщины; та скатала хургуловъ (хургулъ — шарикъ, собственно пометъ бараній) изъ муки на молоко изъ своей груди и на сахаръ, и сказала сыну: „Когда будешь брить хана, ѣшь это!“ Мальчикъ взялъ шарики и пошелъ къ хану; во время бритья онъ остановился и сталъ ѣсть ихъ. Ханъ спросилъ: „Что ты ѣшь? Дай мнѣ одинъ“. Мальчикъ далъ ему одинъ шарикъ. Хану понравилось и, онъ остальные выпросилъ у мальчика. Когда съѣлъ ихъ, спросилъ у мальчика: „Изъ чего это сдѣлано?“ И когда тотъ разказалъ ему составъ шариковъ, ханъ сказалъ: „Ну, я теперь пилъ молоко твоей матери и потому не могу тебя казнить. Иди домой, но никому не говори, что видѣлъ“. Пошелъ мальчикъ домой; идетъ полемъ, трава (олень) колышется; онъ думаетъ,

что она спрашивает его: что онъ видѣлъ, и такъ ему хочется сказать ей. Не вытерпѣвъ и сказалъ травѣ: „У нашего хана ослиныя уши. Манай ханъ ельдженъ чиктей!“ Идетъ дальше; мыши выглядываютъ изъ норъ и пищать: „Чиртъ, чиртъ!“ Онъ думаетъ, что онѣ его спрашиваютъ: что онъ видѣлъ, и такъ ему опять захотѣлось сказать. Не утерпѣвъ, и сказалъ мышамъ: „У нашего хана ослиныя уши!“ Идетъ дальше; стоитъ дерево, вѣтви его качаются въ воздухѣ. Онъ думаетъ, что дерево спрашиваетъ его: что онъ видѣлъ? Опять ему хочется сказать, и онъ сказалъ дереву: „У нашего хана ослиныя уши“. Поѣхалъ ханъ по своему ханству; трава качается и нашептываетъ: „Вотъ ѣдетъ ханъ съ ослиными ушами!“ Дерево шумитъ листьями: „Вотъ ѣдетъ ханъ съ ослиными ушами!“ Тогда ханъ подумалъ: „Теперь узнали не только всѣ подданные, но и трава, и лѣсъ, и звѣри“. И пересталъ казнить.
(Гунынъ, Халха хошуна Лу Гуна или Ихэ-Эльдженъ).

в. Эльдженъ-нойонъ имѣлъ большіе уши, скрывалъ ихъ и казнилъ тѣхъ, которые поочереди приходили брить его. Очередь дошла до единственнаго сына одной бѣдной женщины; она подоила изъ своей груди молока на сахаръ и велѣла сыну уронить его въ подолъ нойона во время бритья. Когда сахаръ упалъ въ подолъ нойона, нойонъ взялъ его въ руки, попробовалъ на вкусъ и спросилъ: „Что это такое?“ Юноша отвѣчалъ: „Молоко моей матери“. „Хорошо“, сказалъ нойонъ, — „я поѣлъ молока твоей матери, я тебя не убью. Но ты никому не говори о моихъ ухахъ; если же придетъ сильная охота сказать, скажи дереву, только не тому, которое прямо растеть, а которое къ землѣ склонилось“. Пошелъ юноша домой, охота его разбуждаетъ сказать кому-нибудь объ ухахъ нойона, онъ отыскалъ нагнувшееся дерево и сказалъ ему: „Я брилъ нойона, у котораго ослиныя уши!“ Когда подулъ вѣтеръ, дерево качаясь стало говорить: „У нойона ослиныя уши, ослиныя уши!“ Шли мимо дерева люди, шли собаки — всѣ узнали, что у нойона ослиныя уши. Эльдженъ — насмѣшливое прозвище; имъ невѣжливо называть жителей этого хошуна; слѣдуетъ говорить: хошунъ Хэби Гуна.

(Дюрбютскій мальчикъ лѣтъ 14-ти на р. Дзабкынѣ).

г. Въ Дархатской землѣ живали (нотуглуджи байсанъ) три хана: Чингисъ ханъ, Эльдженъ-Джигитъ и Сай-ханъ. Эльдженъ-чик-

тэй ханъ имѣлъ ослиныя уши и никому ихъ не показывалъ; кто ему брилъ голову, тѣхъ казнилъ; люди назначались брить по порядку. Досталось одному парню; мать сварила изъ собственнаго молока „урукъ“ (густыя сливки) и велѣла ему во время бритья ѣсть, не переставая. Ханъ спросилъ: „Что ты это все ѣшь?“ „Это моя обыкновенная ѣда“, отвѣчалъ мальчикъ; — „очень ужъ она сладка, потому и ѣмъ все“. „Дай мнѣ“, сказалъ ханъ. Мальчикъ далъ. Хану понравилось и онъ еще попросилъ. Затѣмъ онъ спросилъ мальчика: „Изъ чего это сдѣлано?“ Мальчикъ сказалъ, что изъ молока его матери. Тогда ханъ не рѣшился казнить его, потому что они оба ѣли молоко одной женщины. Но послѣ этого всѣ узнали, что у хана ослиныя уши. Все стало говорить, и лѣсъ, и трава, и воздухъ, звѣри, и домашнія животныя, и люди, что у хана ослиныя уши. Ханъ не могъ вынести этого говора и удалился изъ Дархатской земли.

(Гончикъ-лама, Дархатъ, на р. Шижкентѣ).

д. По показанію разныхъ Урянхайцевъ, Ельджигентъ Джигитъ ханъ жилъ на озерѣ Теръ-норъ, гдѣ по срединѣ озера былъ его дворъ (хашанъ), сложенный изъ глины. Отъ него-то и получили свое названіе Урянхайцы кости Ельджигентъ, живущіе въ верхней части долины р. Хукъ; главная вѣтвь Ельджигентовъ, по словамъ Хукскихъ Урянхайцевъ, находится между Сартулами подъ вѣдомствомъ Гуна (это, конечно, Лу Гунъ).

е. Эльджигентъ ханъ былъ дуракъ (тэнекъ-ханъ); онъ жилъ на озерѣ (то-есть, на оз. Теръ-норѣ; Дархаты Теръ-норъ зовутъ просто озеромъ, а Косоголъ моремъ), когда тамъ еще ни озера, ни лѣса не было; воду брали изъ колодца. На днѣ колодца появилась мелкая рыба (джираха); ханъ сказалъ: „Нельзя здѣсь болѣе жить, вода испортилась, черви появились“. Когда стали появляться ростки листовниці, ханъ сказалъ: „Земля испортилась, лезетъ изъ нея какая-то колючка вмѣсто доброй травы“. И скочевалъ. Когда онъ поднялся на Ханъ-тайгу, взглянулъ назадъ и увидѣлъ, что должна наполвилась озеромъ, онъ воскликнулъ: „Удзи теръ-норъ! смотрите вонъ озеро!“ Съ тѣхъ поръ и стали то озеро звать Теръ-норъ ¹⁾.

¹⁾ Теръ—небо по урянхайски, норъ—озеро по монгольски.

На озерѣ и теперь видны остатки глиняныхъ стѣнъ его хашана. Онъ много на своемъ вѣку кочеваль и умеръ близъ Хухухото. (Джамцынъ, Баргу-Солонъ съ оз. Бурь-норъ, проживающій въ Дархатской землѣ).

ж) Изъ слезъ Арья-балынъ родились двѣ дарихе: Цаганъ-дарихе и Ногонъ-дарихе ¹⁾. Ногонъ-дарихе родилась дочерью Сарандзы Гомбухана; ухаживая за скотомъ, Ногонъ-дарихе вошла въ любовную связь съ многочисленною прислугой и родила четырехъ сыновей. Рабочихъ было много, она со многими жила. Воронъ (хара кире) сказалъ ей доброе слово ²⁾, что отъ нея родится сынъ Берюдзаны, и указалъ, гдѣ его найти. За это Ногонъ-дарихе дала ворону способность видѣть за шестюдесятью рѣками кусокъ мяса величиной только съ большой палецъ и летать, не боясь мороза, подъ небомъ выше облаковъ, гдѣ отъ мороза камни величиной съ ящикъ трескаются. Воронъ этотъ потомъ обратился въ ламу Балъ дорчжи. У Ногонъ-дарихе родился сынъ Эльджигенъ. Онъ былъ глупый и бѣшенный; онъ истребилъ номъ (святое писаніе); изъ типографскаго станка велѣлъ сдѣлать себѣ кровать. Балъ-дорчжи пріѣхаль и осудилъ его; Эльджигенъ-ханъ рѣшился застрѣлить этого ламу. У Эльджигенъ-хана были ослиныя ушп, и онъ казнилъ тѣхъ, которые по очереди чесали ему голову; очередь пала на младшую сестру ламы Балъ дорчджи. Мать дала ей „бобо“ (булочку), замѣшанную на своемъ молокѣ. Ханъ, поѣвъ бобо и узнавъ, изъ чего оно сдѣлано, сказалъ: „Теперь не могу убить тебя, потому что поѣлъ молока твоей матери, но ты никому не сказывай о моихъ ухахъ“. Дѣвушка не могла утерпѣть, чтобы не сказать и мать посовѣтовала ей передать тайну въ нору мышки; мышь передала тайну Лусай-хану, Лусай-ханъ—ламѣ даянчи (то-есть, отшельнику). Лусай-ханъ пошелъ къ ламѣ даянчи изучать номъ, и спросилъ: „Что у васъ новаго?“ „Ничего“, отвѣчаль лама;— „а у васъ?“ „Слыпаль я“, сказалъ Лусай-ханъ,— „что у хана ослиныя уши!“ Отъ ламы даянчи

¹⁾ Лаванъ заявилъ между прочимъ, что Ногонъ-дариху то же, что у Русскихъ Дѣва Марія. Вѣроятно, есть какія-нибудь легенды о ней, сходныя съ нашими апокрифическими.

²⁾ Лаванъ, говорившій по русски, сказалъ просто: „Воронъ сказалъ ей добро“.

слухъ прошелъ и въ остальной народъ; Эльджигень-ханъ рѣшился застрѣлить ламу, но его защищали двѣ птицы голубъ (такта) и павлинь (тоготъ), бросаясь въ огонь и разсыпая уголь. Наконецъ тази лама была убита. Онъ возродился подъ видомъ Джакандзе гегена, который есть хубилганъ Очирвани. Эльджигень чигтей ханъ по тангутски называется Ланъ Дарма ханъ.

(Наванъ или Лаванъ, Вурятъ въ вершинахъ р. Иркуты, въ мѣстѣ Менъ).

66. Шидырванъ.

а. Шитырванъ, Тарханъ-бэйли, Уй-Джанджинъ и Амурсана сговорились противъ Едзень-Богдо; Шитырванъ имѣлъ намѣреніе сѣсть на престолъ вмѣсто Едзень-Богдо. Уй-Джанджинъ (потомки его нынѣ составляютъ фамилію Цепенъ-ханъ) выдалъ заговоръ; Шитырванъ былъ схваченъ. Едзень-Богдо хотѣлъ его казнить; рубили ему голову до трехъ разъ, но онъ все воскресалъ. Его хубилганъ теперь существуетъ въ видѣ Хуухюнь-Хутухту. (Унцунъ, неграмотн. Халха хошуна Сартаулъ изъ мѣстн. Хуху дерису).

б. Шидырванъ былъ Ойродъ-ханъ; у него было два сына Темир-сана и Амурсана. Едзень-ханъ завоевалъ владѣнія Ойродскаго хана; Шидырванъ бѣжалъ не извѣстно куда. При этомъ онъ отсѣкъ коню половину хвоста и сказалъ: „Когда хвостъ отростетъ, верну мое царство“.

(Таранъ, шаманъ, Теленгитъ. Долина р. Чуи).

в. Шидырванъ былъ мингьтскій нойонъ; онъ родомъ былъ Хотогойту; калхасскій князь Удзюмъ-гунъ наговорилъ на него Едзень-хану, будто онъ замышляетъ измѣну, хочетъ оставить „тамгу“. Едзень-ханъ велѣлъ схватить Шидырвана; его схватили, но Шидырванъ поднялся на воздухъ; тогда Едзень-ханъ велѣлъ сдѣлать молебствіе; Шидырванъ долженъ былъ спуститься и отдаться въ плѣнъ; онъ былъ плѣненъ у дерева Орѣнъ Ганцханъ Модонъ; ему связали руки желтымъ хадакомъ и привели къ Едзень-хану; нѣкоторые просили хана отпустить Шидырвана, но Манджуры настояли убить его; Шидырвану отрубили голову. Передъ казнью Шидырванъ сказалъ, что его кровь будетъ отомщена. Вотъ почему съ тѣхъ поръ манджурскій престолъ сталъ шатокъ. Въ то время, какъ Шидырвана брали подъ деревомъ Орѣнъ Ганцханъ

Модонъ, на небѣ появилась радуга, а во время казни въ Пекинѣ произошла большая смута. Шидырванъ завѣщалъ Мингьнтамъ имѣть синія двери, чтобъ узнать ихъ среди другихъ племенъ впослѣдствіи, когда онъ снова прійдетъ. Поэтому-то у нихъ и обшиваются двери синею бязью.

(Мингьтъ. Р. Кюбдо).

г. Шитырванъ былъ предокъ фамиліи хотогойтскаго Биширияту вана; и теперь въ хуренѣ послѣдняго хранятся котель (того) и великое черное знамя (икэ хара тук) Шитырвана, которые онъ оставилъ, отправляясь на войну противъ Амурсаны. До сихъ поръ онъ еще не возвращался, однако время его пришествія приблизилось. На вопросъ, почему знаютъ, что онъ скоро прійдетъ, Хото-Гойту говорятъ, что въ ихъ хошунѣ родился мальчикъ восьми лѣтъ съ огромною головою, которую онъ съ трудомъ держитъ на плечахъ; голова имѣетъ девять отверстій; думаютъ, что это Мангьсъ, котораго долженъ убить Шитырванъ. Шитырванъ и Амурсана заключили союзъ побратимства (тангрые хійгед), помѣнялись сакіусами¹⁾; при этомъ Шитырванъ обманулъ Амурсану; Амурсана погнался за Шитырваномъ; послѣдній бѣжалъ черезъ горные проходы Халтмь-Хамыръ (въ Тангну-олѣ къ востоку отъ Дзиндзи-лиа) и Дабысынъ-дабанъ (еще восточнѣе), но въ вершинахъ Хема Амурсана догналъ Шитырвана и убилъ его.

(Найдынъ, богдошабинецъ изъ Урги).

д. Шитырванъ и Амурсана ушли одновременно, одинъ на западъ, другой на сѣверъ. Шитырванъ пришелъ къ Дархатамъ и просилъ перевезти его за границу; Дархаты сказали, что дадутъ ему верблюдовъ и лошадей нѣсколько сотъ, и указали дорогу черезъ Ванъ-Тологой (на р. Хоро), а сами дали знать Ецзенъ-хану. Войска застали его у Ванъ-тологоя и тутъ схватили. Этотъ тологой, „холмъ“, находится внизъ отъ Дархатскаго куреня по Шишкиту.

(Чиванъ, дархатскій камъ. Р. Шишкитъ).

е. Три монгольскіе князя Шитырванъ, Амурсана и еще какой-то третій согласились уйдти на сѣверъ въ предѣлы Русскаго государства. Амурсана былъ изъ нихъ самый западный, жилъ про-

¹⁾ Сакіусъ, цахіусъ, цакусь — образокъ, который буддисты носятъ на шеѣ.

тивъ Алтая; Шитырванъ жилъ въ срединѣ; третій князь жилъ на востокѣ. Послѣдній измѣнилъ и донесъ Едзень-хану; Шитырванъ бѣжалъ черезъ Дархаты и вышелъ на русскую границу; русскій пограничный дзанги сказалъ ему, что не смѣетъ пропустить его безъ полученія разрѣшенія отъ Цаганъ-хана; черезъ годъ пришло разрѣшеніе, но между тѣмъ 330 солдатъ было послано отъ Едзень-хана, и они окружили Шитырвана; Шитырванъ хотѣлъ обмануть китайское войско, одѣлъ своего любимца въ свое платье, посадилъ на свою лошадь и велѣлъ ему прорваться черезъ китайскую цѣпь, въ расчетѣ, что Китайцы удалятся въ погоню за посланнымъ. Однако кто-то изъ слугъ выдалъ это и сказалъ Китайцамъ, что Шитырванъ остался въ станѣ. Онъ былъ плѣненъ и казненъ; жены его также были казнены, осталась только одна она была беременна. Отъ нея-то и пошло потомство Шитырвана. Въ долинѣ Хука, въ ущельѣ р. Укертай, указываютъ мѣсто, гдѣ лежитъ серебро, положенное Шитырваномъ; никто не смѣетъ взять его подъ страхомъ казни. Говорять, что Шитырванъ во время побѣга имѣлъ сильно нагруженныхъ верблюдовъ, складывалъ серебро, зарывалъ въ землю съ зароконъ, что кто его возьметъ, тотъ умретъ. На р. Шаргы-голѣ также указываютъ холмъ съ серебромъ Шитырвана; говорятъ, что на этомъ холмѣ растутъ три кедра, и что на одномъ изъ нихъ есть тамга.

(Русск. купецъ Григ. Ив. Посылинъ слышалъ отъ Дархатовъ).

ж. Шитырванъ былъ схваченъ у холма Ванъ-Тологой.

(Лубсынъ-Гончикъ, Дархатъ. Р. Шинкиятъ).

з. Шитырванъ, Амурсана и Хуухюнъ-Хутухту бѣжали; двое послѣднихъ ушли, Шитырвана китайскіе солдаты нагнали у Мусюнъ-дабана (то-есть, у ледянаго перевала; гдѣ онъ находится разказчикъ не знаетъ); половина народа успѣла перевалить черезъ хребетъ, другая, въ томъ числѣ и Шитырванъ, была захвачена. Биширигты Шитырванъ (то-есть, нынѣшній хотогойтскій ванъ) ¹⁾—потомокъ казненнаго Шитырвана.

(Тува-Урянхаецъ съ р. Хука).

и. Чтуръ ванъ „гурбу дзонъ нхуртэй“, то-есть, съ тремястами товарищей, бѣжалъ на сѣверъ; путь его шелъ черезъ горный пере-

¹⁾ Ставка его на Тесѣ. См. „Очерки“, II, 24.

валъ Джангысь-дабанъ (къ западу отъ горы Джангысь; проносятъ также Янгысь, Янджись, Янджитъ). Онъ только 20 верстъ не дошелъ до границы,—тутъ его схватили и казнили; убивали его до трехъ разъ; но онъ воскресалъ каждый разъ. Снимали мясо кусочками величиной съ монету (дзосу).

(Кузьма Саховъ, крещеный Бурать. Верхняя часть долины р. Иркуты).

і. Шидырманъ съ разными другими ханами составилъ заговоръ; князья собрались въ Ургѣ, убили козла, ѣли мясо, пили кровь и поглялись въ вѣрности общему дѣлу. Кто-то измѣнилъ; Шидырманъ бѣжалъ, но заблудился въ Саянскихъ горахъ. Подумавъ, что заблудился потому, что не запасся благословіемъ хутухты, онъ послалъ къ нему за благословіемъ, и пока ждалъ, его нашли и взяли въ плѣнъ.

(Ник. Вл. Матхановъ, Бурать, бывший тайша Аларскаго вѣдомства).

к. Отрывокъ изъ пѣсни, которая о Шидырманѣ поется въ кругу стариковъ Бурать:

Будада шургагын больджамур
Ханъда тушигын Шидырман
Барасыда шургагын харасыгай
Ханда тушигын Шидырман
Ирьиде шургагын угольджин
Ижинъ-ханъда тушигынъ Шидырман

То-есть:

Подъ вочку прикурнувшій жаворонокъ,
Къ хану преклонившійся Шидырман!
Подъ стрѣху прикурнувшая ласточка,
Къ хану преклонившійся Шидырманъ!
Подъ...? прикурнувшій удождь,
Къ Ижинъ-хану преклонившійся Шидырманъ!

л. Шоно батырь Шудуръ манъ былъ сынъ, хана; онъ былъ очень силенъ; лукъ отца былъ слабъ для него и онъ безъ спроса отца отнесъ его передѣлать. Отецъ за такое своеволие велѣлъ ему отсѣчь большой палецъ у руки и изгналъ. Чодырманъ отправился къ Мангытъ-хану (то-есть, къ Русскому царю) и служилъ при его дворѣ. Отецъ Чодымана получилъ трехъ верблѣдовъ, навьюченныхъ вѣрными лукомъ; кромѣ того, было на каждомъ, по 40 пудовъ вьюку, все одиѣ иголки. Никто въ государствѣ не могъ

ни лука натянуть, ни разгадать смыслъ присылки иголь. Тогда ханъ вспомнилъ о сынѣ и послалъ къ Русскому царю пословъ съ просьбой отпустить Чодырмана. Царь отпустилъ; Чодырманъ сталъ натягать лукъ и изломалъ его; для него слабъ оказался; затѣмъ онъ объяснилъ отцу, что иголки означаютъ—сколько иголокъ, столь много будетъ противъ него послано войска. Затѣмъ самъ отправился къ Русскому царю; мать трои сутки шла за нимъ, упрашивая его вернуться, держа въ руцѣ обнаженные груди, которыми она его вскормила; но онъ не вынулъ ея рыданіямъ и ушелъ таки къ Русскому царю. Здѣсь, то-есть, въ Русской землѣ, появилась гакша-хамгынъ, старуха, которая своими заклинаніями производила моръ въ народъ; желая избавить послѣдній, Чодырманъ взглянулъ въ книгу „Заянэ шара худыръ“ и тамъ увидѣлъ слова: „Высоко пустивъ стрѣлу, царя убьешь; низко пустивъ стрѣлу, народъ перебьешь; въ средину пустивъ стрѣлу, себя убьешь“. Народа ему было жалъ; оставить народъ безъ царя тоже не хотѣлось: какъ безъ царя будетъ народъ жить? И онъ сказалъ: „Лучше я собою пожертвую“. Пустилъ стрѣлу по срединѣ, убилъ старуху и самъ умеръ черезъ двои сутки. Онъ былъ похороненъ съ почестью.

(Абашей, Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

м. Шогылдынъ батырь Чудурманъ былъ сынъ дѣвницы. Его три раза убивали, но онъ снова родился ¹⁾. Китайцы стали выбирать царя; произошелъ бунтъ, одни хотѣли одного, другіе—другаго; въ числѣ лицъ, хотѣвшихъ занять престолъ, былъ и Чудурманъ; его хотѣли поймать, послали за нимъ людей, но онъ обманулъ ихъ, придѣлавъ себѣ бороду изъ бѣлаго конскаго хвоста; думали 70-лѣтній старикъ, не взяли, а это былъ онъ. Сынъ Чудурмана, Анголмынгъ-ханъ, былъ первый Китайскій царь. (Петръ Гантимуровъ, обурятившійся Тунгусъ, родомъ съ верш. р. Иркута).

н. Шидырванъ и Еженъ ханъ были большіе друзья. Еженъ-ханъ очень довѣрялъ Шидырвану, и такъ какъ послѣдній былъ очень уменъ и зналъ управленіе, то Еженъ-ханъ уступилъ ему

¹⁾ Когда я въ первый разъ спросилъ Гантимурова: слыхалъ ли онъ про Шидырвана, котораго Китайцы убили въ Пекинѣ, онъ возразилъ: „Кто вамъ сказалъ, что Чудурмана убили? Развѣ его можно убить? Онъ—сынъ неба“.

управленіе государства, а самъ хотѣлъ удалиться отъ дѣлъ. Другіе монгольскіе нойоны стали говорить: „Почему Еженъ-ханъ такъ возвысиль этого монгольскаго князя? Мы—такіе же князья; почему не насъ?“ Одинъ изъ нихъ написалъ два письма, одно—Еженъ-хану, что Шидырванъ увочевываетъ съ народомъ прочь изъ государства, а другое Шидырвану, что Едженъ-ханъ посылаетъ войско противъ него, чтобы схватить. Обманутый письмомъ, Едженъ-ханъ дѣйствительно послалъ войска, а Шидырванъ, услышавъ, что войска и въ самомъ дѣлѣ идутъ, покочевалъ прочь. Онъ пришелъ въ Дархатскую землю и потребовалъ себѣ подводъ и корму для свиты, но Дархаты уже получили приказъ, не пропускать Шидырвана и схватить его. Однако дархатскіе тарга не смѣли его схватить: онъ былъ важный нойонъ, а они ничтожны; потому они прибѣгли къ хитрости и оттягивали время снабженія его подводами. Шидырванъ все-таки потихоньку подавался на сѣверъ на своемъ скотѣ; дархатскіе тарга подговорили воровъ украсть у него лошадей. У Ванту толгоя кони были у него отогнаны, и тутъ его догнало китайское войско. За свои дѣйствія дархатскіе тарга получили трехчковыя павлиньи перья на шапки, но въ послѣдствіи лишились этого знака за то, что заморили въ тюрьмѣ одного вора, который укралъ овцу. Хозяинъ выслѣдилъ вора по слѣгу и пришелъ въ его юрту, но воръ убилъ хозяина овцы. Вора посадили въ тюрьму; изъ Пекина былъ приказъ, выслать вора въ Пекинъ, но онъ тѣмъ временемъ умеръ въ тюрьмѣ. За это у дарга отобрали павлиньи перья.

(Балдынъ, Дархатъ. Р. Шишкитъ).

о. Шидырванъ, Амурсана и другіе, всего шесть князей, сговорились бѣжать; Амурсана ушелъ черезъ западныя страны, Шидырванъ пошелъ черезъ Дархатскую землю. Остальные четверо раздумали и донесли; Шидырванъ шелъ черезъ горныя проходы Хони-Маилганъ и Хонгрень-дабанъ. Дархаты завели его нарочно къ Ванту Толгой, чтобы ему нельзя ли было далѣе идти ¹⁾. Между тѣмъ пришли китайскіе солдаты; богатырь Шидырвана Гулдзей-Токчи-батырь сѣлъ на Шидырванова аргамака и умчался быстро, какъ

¹⁾ Путь въ Россію мимо Ванъ-толгоя—наиболѣе удобный изъ всѣхъ, идущихъ черезъ Сааны.

воронъ, по воздуху. Когда Шидырвана стали брать, онъ ударилъ ханскаго посланника плетью, и у того кровь потекла по обѣимъ щекамъ. Его взяли и увезли въ Пекинъ. Солдаты жили у дархатскаго Мергенъ-дзайсана и истребляли овецъ до тѣхъ поръ, пока Отукъ-батырь не пріѣхалъ и не натянулъ лука; тогда солдаты удалились. Шидырвана въ Пекинѣ казнили, заклеивъ его монетами (дзосу). Онъ переродился женой Едзень-хана; увидали на ней тѣло, заклеименное монетами, казнили и ее. Такъ онъ перерождался три раза. У него было двѣ дочери, которыхъ онъ отдалъ подъ сохраненіе Богдогегену; Едзень-ханъ потребовалъ ихъ и казнилъ. Богдогегенъ осердился и сказалъ: „Дали мнѣ только два янца, и тѣ Едзень-ханъ отнял; какой я гегенъ послѣ этого!“ Не захотѣлъ остаться въ Халхасской землѣ и возродился въ далекой гоби Летынь-Хамбу. Отыскивать его пошелъ Батырь-белъ; на пути онъ остановился въ одномъ аилѣ и увидѣлъ мальчика трехъ лѣтъ, которой сдѣлалъ себѣ маленькаго верблюда, навьючилъ его, водить и приговариваетъ: „Ботъ такъ у насъ въ Халхасской странѣ ѣздятъ на верблюдахъ съ караванами“. Батырь-Бели узналъ гегена; гегенъ понялъ, что онъ узнанъ, и бѣжалъ было, но Батырь-Бели догналъ и привезъ его въ Халху.

(Старикъ Дархатъ. Р. Джара).

п. Назадъ тому 124 года три князя Шидырванъ, Амурсана и Уй-Джанджинъ, жившій въ Уляссутаѣ; сошлись вмѣстѣ и говорили о томъ, чтобъ уйдти отъ Едзень-хана къ Орусень-хану. Когда Шидырванъ вышелъ изъ собранія, одинъ изъ его мелкихъ чиновниковъ сказалъ ему, что Уй-Джанджину не слѣдуетъ довѣрять, что онъ, когда выходили заговорщики изъ дверей, не хорошими глазами смотрѣлъ на нихъ. Однако Шидырванъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе и сказалъ: „Не можетъ этого быть, чтобы между нами нашелся измѣнникъ; мы такъ искренно разговаривали!“ Затѣмъ Шидырванъ обратился за благословеніемъ къ Богдо-гегену; тотъ благословилъ его на это дѣло, но сказалъ, что только на будущій годъ это предпріятіе будетъ имѣть благополучный конецъ. Между тѣмъ Уй-Джанджинъ донесъ Едзень-хану, и за Шидырваномъ были посланы 200 солдатъ съ двумя амбаниями; Шидырванъ и Амурсана бѣжали; послѣдній ушелъ черезъ Сабынъ-дабанъ въ Алтаѣ (и теперь Едзень-ханъ выставляетъ отрядъ ки-

тайскихъ солдатъ на этотъ дабанъ смотрѣть, не идетъ ли Амырсана). Шадырванъ пошелъ черезъ Дархатскую землю; дархатскіе тарга проводили его, чтобъ оттянуть время: одинъ дастъ подводу, другой уворуетъ; скажутъ ему: дорога по этой щели хороша, онъ пойдетъ и зайдетъ въ непроходимое мѣсто; покажутъ другую щель, и тамъ то же. Въ долинѣ рѣки Ухургень-голь (притокъ Хука) онъ сложилъ въ пещерѣ часть своего имущества; въ долинѣ рѣки Шаргень-голь есть холмъ Уланъ-тологой; здѣсь на кедровомъ деревѣ онъ оставилъ затесь, зарылъ свое богатство и принесть въ жертву человѣка; изъ Шаргень-гола ему указали дорогу на р. Ирху, завели по р. Наринъ-Хоро; переваль трудный, спускъ по гладкимъ плитамъ; тутъ у него много убилося верблюдовъ и изломался „тонъ“ его юрты, сдѣланный изъ задынь-модо. Наконецъ, онъ достигъ до Харятскаго дзанги; тотъ не рѣшился впустить его въ предѣлы со-сѣднаго государства безъ разрѣшенія своего начальства; прошло нѣсколько дней въ ожиданіи отвѣта; на завтра долженъ былъ прійти русскій отрядъ, а вечеромъ пришли китайскіе солдаты и окружили вана. Въ ночь Шадырванъ сказалъ своему богатырю Гулдзе-Токчи, чтобъ онъ сѣлъ на его аргамака и вынесъ знамя. Стража стояла въ три ряда; однако аргамакъ пронесся, какъ вѣтеръ, черезъ стражу. Стража закричала: „Шадырванъ бѣжалъ.“ Но начальникъ отряда былъ проникательный, и сказавъ, что это только богатырь Шадырвана, а не самъ онъ, велѣлъ разорвавшемуся дѣшп снова сомкнуть. Утромъ Шадырвана взяли и отвезли въ Пекинъ. Едзень-ханъ сказалъ: „Сколько я тебѣ давалъ серебра! Гдѣ же оно?“ Шадырванъ отвѣчалъ: „Оно было сложено и спрятано у меня въ одномъ мѣстѣ, и была къ нему приставлена стража, но два амбана, посланные тобою, перебили эту стражу“. Едзень-ханъ подумалъ, что это правда, что генералы хотѣли присвоить богатство, и велѣлъ казнить генераловъ прежде Шадырвана. Самаго же его Едзень-ханъ велѣлъ казнить такимъ образомъ: налагать на его тѣло монеты (дзосу или чохъ, круглая монета съ отверстіемъ посрединѣ) и выковыривать мясо крючкомъ чрезъ отверстія ихъ, а потомъ отрубить голову. Послѣ казни Шадырвана у жены Едзень-хана родились дѣти, первое рябое, съ пятнами съ дзосу величиной каждое, второе безъ головы, третіе просто въ видѣ колоба. Это были перерожденія Шадырвана. У Шадырвана было два сына; онъ оставилъ ихъ Богдо-

гегену; Едзень-ханъ сталъ ихъ требовать, Богдо просилъ оставить ихъ ему. Но Едзень-ханъ сказалъ: „Ты знай одно свое дѣло—молитву“. Взялъ дѣтей и казилъ. Тогда Богдо сказалъ: „Какой я послѣ этого гегенъ!“ Умеръ и возродился въ далекой странѣ Летынь-Хамбы. Оттуда его досталъ Батыръ-Бели.

(Джамцинъ, Баргу-Солонъ съ озера Буыръ-нортъ, проживающій въ Дархатской землѣ).

р. Шидырванъ прошелъ изъ дархатскаго куреня въ Урянхайскую землю чрезъ Улей-дабанъ; отсюда же, то-есть, съ Улей-дабана, посланная за нимъ погоня увидѣла дымъ надъ Ванъ-Тологоемъ, поднимавшійся до небесъ подобно пятицвѣтной радугѣ; это Шидырванъ дѣлалъ „санъ“, то-есть, сжигалъ воскуреніе богамъ. Начальникъ погони былъ „галда“; онъ сказалъ: „Это Шидырванъ тамъ стоитъ; болѣе не кому“. Они увидѣли этотъ столбъ дыма съ Дөше-Тологой (гора близъ Улей-дабана, по высотѣ немногимъ ниже Мунко-Сагана); тутъ есть плоскій, какъ наковальня (дөше), камень. Прибывъ къ Шидырвану, посланный отъ галда три раза поклонился ему въ землю, потомъ связалъ ему руки желтымъ хадакомъ. У Шидырвана было два шаби; онъ сказалъ: „Мени вы можете убить, но оставьте живыми, по крайней мѣрѣ, двухъ моихъ шаби“. Однако Кятайцы увезли ихъ всѣхъ и убили и его, и шаби. Русскій отрядъ пришелъ на другой день утромъ и не засталъ уже никого; Русскіе въ досадѣ изрубили саблями камень, на которомъ сидѣлъ Шидырванъ.

(Галсанъ, лама Дархатъ. Р. Шишкитъ).

с. У Чингисъ-хана было четыре сына; онъ раздѣлилъ свой народъ на четыре аймака; отсюда четыре хана: Цедень-ханъ, Туше-гунъ, Сайнъ-нойонъ и Дзасакту-ханъ. Шидырванъ жилъ на р. Тесѣ, князья съѣхались и рѣшили въ разговорѣ уйдти въ подданство къ Балбень-хану; Сайнъ-нойонъ и Шидырванъ дали другъ другу клятву, заключили „тонгракъ“; Шидырванъ искренно заключилъ союзъ и кляпался до земли, Сайнъ-нойонъ дѣлалъ клятву ложно: онъ влялся передъ пустою божницею, въ которой бурхыновъ не было. Онъ и донесъ Едзень-хану. Едзень-ханъ сталъ просить Богдо-гегена помочь ему поймать Шидырвана; тотъ далъ желтый хадакъ и сказалъ: „Имъ поймаете“. Шидырванъ пришелъ на Ванъ-Тологой (иначе Шидыренъ-тологой) и сдѣлалъ воскуреніе изъ арса (мож-

жувальника); дымъ поднялся и уперся въ самое небо. Погоня увидѣла этотъ дымъ съ Улей-дабана и сказала: „Это дымъ не простаго человѣка, а бурхана; это, вѣроятно, Шидырванъ“. Тутъ его настигли и поднесли ему желтый хадакъ, сказавъ, что это присылка Богдо-гегена. Только взявъ въ руки Шидырванъ этотъ хадакъ, какъ онъ обязался вокругъ рукъ. Шидырвана отвезли въ Пекинъ; тамъ у него выщипывали мясо щипцами сквозь отверстія двосу; послѣ 81 двосу онъ умеръ; черезъ годъ у хана родился ребенокъ съ 81 ранкой; ему отрубили голову; черезъ годъ родился ребенокъ съ перерѣзаннымъ горломъ.

(Наванъ, Буратъ лама, грамотный. Р. Иркутъ).

т. Шидырванъ былъ нойонъ пяти лежащихъ на югъ отъ Дархатовъ, хошуновъ; онъ задумалъ отнять престолъ у Едзень-хана; съ этою цѣлью онъ пригласилъ дѣйствовать съ нимъ заодно Амырсану, но тотъ, будучи самъ нойономъ, позавидовалъ предпріятію Шидырвана и донесъ на него Едзень-хану. Послѣдній отправилъ два письма: одно Шидырвану, другое Амырсанѣ; послѣднему Едзень-ханъ писалъ, чтобъ онъ поймалъ Шидырвана. Письма по ошибкѣ перемѣшались, и Шидырванъ получилъ то, въ которомъ было написано о его пѣимкѣ; узнавъ, что заговоръ открытъ, и что ему грозитъ опасность, Шидырванъ бѣжалъ, но былъ пойманъ чериками (солдатами) Едзень-хана въ Дархатской землѣ у Банту-Тологой; три дархатскіе чиновника или тарга измѣнили ему; они вызвались проводить его; одинъ велъ его караванъ, другой—его солдатъ, а третій провожалъ самаго нойона; они завели его въ такое мѣсто, гдѣ онъ не могъ проѣхать впередъ; здѣсь онъ былъ схваченъ съ женой и матерью и увезенъ въ Пекинъ. Тамъ его никакъ не могли убить. Наконецъ, сняли съ него грудь и высушили; только тогда онъ умеръ, но снова возродился сыномъ Едзень-хана; его узнали, потому что у родившагося ребенка было пятно во всю грудь, какъ будто была снята грудь; его тотчасъ же убили, отрубивъ голову; но онъ опять родился другимъ сыномъ съ рубцомъ черезъ всю шею; и этого убили. На этотъ разъ онъ родился въ Монголіи; узнавъ о его новомъ рожденіи, Едзень-ханъ велѣлъ убить его. Но когда ему донесли, что онъ родился дѣвицей, Едзень-ханъ сказалъ: „Дѣлайте, какъ знаете!“ Такимъ образомъ онъ остался живъ подъ именемъ Хухенъ-Хутуху. Этотъ хубильганъ и теперь есть, живетъ въ трехъ

*

дняхъ ѣзды отъ Богдо-курена въ своемъ куренѣ. Только въ первый разъ онъ родился дѣвницей, послѣ же сталъ родиться мужчиной. Амырсана бѣжалъ со всѣмъ своимъ народомъ; этотъ-то народъ и называется ихи-Монголь, „великіе Монголы“, пршества которыхъ ждуть, и о которыхъ говорятъ, что они должны освободить Монголовъ изъ-подъ китайской власти.

(Записано В. А. Палкинымъ отъ Дархатовъ Агырь).

у. У Шидырвана было два сына; когда его поймали, онъ поручилъ ихъ Богдо-гегену, и тотъ обѣщалъ спасти ихъ, сдѣлавъ своими учениками, но Едзень-ханъ приказалъ ихъ тоже казнить. Богдо-гегенъ осердился; онъ самъ и шесть гелюнговъ, сдѣлавшись анграми (турпанами или красными утками), улетѣли въ Летынъ-Хомбу, въ столь недостижимое мѣсто, что ихъ оттуда нельзя было никакъ привезти. Нашелся однако нѣкто Дюргучи-Батырь, и онъ принесть его. Знамя Шидырвана о восьми ножкахъ (найман-кельтей) теперь хранится у Биширелты-Вана, который наследовалъ этотъ титулъ послѣ Шидырвана. Этому знамени прежде приносили въ жертву людей, а нынѣ приносятъ скотъ. Знамя черное.

(Записано имъ же. Тамъ же).

х. Отрывки пѣсенъ о Шудурманѣ:

1.

Ботода хоргонъ больджимур
Бурхында заригынъ Шудурман
Харасада хоргонъ харасгай
Ханда заригынъ Шудурман

2.

Мориней ширбитымъ борондо
Модовой хохурмо салхиндо
Муя турисынъ Шудурман
Али голдо шокшоулово
Хонине ширбитымъ борондо
Хубилган турисынъ Шудурман
Али голдо шокшоулово.

3.

Пѣсня, которую пѣла мать Шидырвана:
Хара болот юден
Ханьхи дархынъ бутэнбы?
Ханьширга гарысынъ Шудурман

Ямыв юмэ уйлитбы?
Хуху т эмыр юлден
Хэни дархын бутэябы?
Хубун турэсын Шудурван
Ямыр юмэ уйлитбы?

(Записано у Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

Ф. Шудурманъ былъ братъ Амыгылынъ-хана и не захотѣлъ почему-то жить съ братомъ, пошелъ къ Цаганъ-хану; Амыгылынъ-ханъ послалъ за нимъ погоню. Нашлось у Шудурмана триста всадниковъ. Съ монгольской стороны начальникъ надъ погоней былъ хитрый человекъ (медеультей хунъ, хубилганъ хунъ); онъ съ Улей-дабана увидѣлъ, что Шудурманъ прошелъ черезъ Хорету на Яджитенъ-дабанъ. Здѣсь Шудурманъ далъ знать хангинскому старшинѣ, а тотъ не пустилъ его черезъ границу и сначала послалъ запросъ въ Иркутскъ. А на завтра пришло монгольское войско и взяло Шудурмана на горѣ Янджитъ.

(Бурятъ Тункииск. вѣдомства).

67. Шуно батырь.

У Хунъ-тайджи было три сына: Шуно-батырь, Шоронъ-гуа и Срэнъ-Галда. Шуно былъ отъ другой жены, и два другіе брата его не любили. Шуно изломалъ отцовскую саблю (хельмы) и велѣлъ надѣлать изъ нея наконечниковъ стрѣлъ. За это отецъ приказалъ вырѣзать ему хрящи изъ лопатокъ, чтобы не былъ такъ силенъ. Сосѣдній ханъ прислалъ къ нему нѣсколько выюковъ иголь и три лука. Отецъ ханъ подумалъ: „Это хорошая присылка. Она значить, что сильный ханъ считаетъ меня другомъ“. Шуно сказалъ: „Не радуйся отецъ; эта посылка объявленіе тебѣ войны. Иглы — это значить, что столько войска пошлетъ на тебя непріятель; луки, что будутъ противъ тебя посланы три богатыря“. Шуно взялъ ихъ и всѣ три разомъ натанулъ; въ это время у него пошелъ гной изъ лопатки. Ханъ пожалѣлъ, что такую силу испортилъ.

Три брата поѣхали на охоту. Шуно говоритъ: „Когда пріѣдемъ на Гадолиту (стрѣльную) рѣчу, стрѣлы найдемъ“. И изрѣзалъ свои стрѣлы на дрова, потому что остановились на мѣстѣ, гдѣ дровъ не было. Братья тоже сдѣлали и со своими стрѣлами. Шуно, какъ богатырь, дорогой снова добылъ себѣ стрѣлы, а братья не могли.

Снова прѣхали на ночлегъ безъ дровъ. Шуно опять говоритъ: „Впереди будетъ сѣдельная рѣчка (Бымлгу), сѣдла найдемъ. Теперь можемъ изрубить свои сѣдла“. Изрубилъ свое сѣдло, изрубили свои и братья. И опять дорогой Шуно добылъ себѣ сѣдло, а братья остались безъ сѣделъ. Такимъ же образомъ Шуно оставилъ братьевъ и безъ луковъ. Когда наконецъ встрѣтились со звѣремъ, братья оказались безъ сѣделъ, луковъ и стрѣлъ. Обидѣвшись на Шуно, они сказали отцу, что Шуно замышляетъ противъ него, отца, войну. Ханъ послалъ за Шуно погоню, которая прижала его къ морю. Шуно заплѣлъ:

Къ черному морю вы меня притиснули,
Черезъ черное море я перелечу,
Къ Цаганъ-хану уйду.
Къ синему морю вы меня притиснули,
Черезъ синее море я перебреду,
Къ Цаганъ-хану я уйду.

А ранѣе онъ еще пѣлъ:

Удивляюсь я сколько на березѣ листьвѣхъ,
Удивляюсь, сколько ненависти ко мнѣ въ моихъ братьяхъ;
Удивляюсь, сколько хвоя на ели,
Удивляюсь, сколько довѣрія у моего отца къ моимъ братьямъ.

(Со словъ о. Чистохина; разказъ этотъ можно слышать у рода Дзунгаръ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ; родъ Дзунгарнутаъ живетъ въ мѣстности Биритъ).

68. Цаганъ Дарихе.

а. Омъ мани падме хомъ. Въ старое время въ монастырѣ Дунзынь-Гарбынь-Китъ, въ храмѣ Джинсаннь-суме въ пещерѣ (дзянг) съ десяти лѣтъ возраста до семидесати лѣтъ молилась богу Багма-хатунъ; она усердно просила его указать ей путь, по которому она должна идти; она просила у бога одной милости, чтобъ онъ ниспослалъ на нее одно изъ трехъ именъ хурула; на 99-мъ году жизни у нея родился сынъ, похожій на восходящее солнце, съ устами, похожими на красное бимбо, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, съ лицомъ какъ дерево галбурусъ, съ видомъ Бодотай Бурхына; имя его было Аю (Ургумил нарынъ мѣту унгетѣй, уланъ бимбо мѣту урултай, хашъ эрдене мѣту шюдутай, галбурусъ модонъ мѣту нюгуртай, Бодотай Бурхынь дюртѣй Аю нѣртай

кубынъ гарба). Только два дня этотъ мальчикъ пососалъ сладкое молоко матери и возвратился къ отцу (умеръ). Цаганъ Дареке, стоя на колѣнахъ на голой землѣ, плакала и призвала своего сына, похожаго на восходящее солнце, съ устами, какъ красное бимбо, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, и т. д. Она говорила: „На золотомъ престолѣ долженъ бы сидѣть ты, Аю, цвѣтомъ цвѣтка гюши, похожій на гургюм талан, единственный мой сынъ, Аю-бодисатты мой! Мать свою оставилъ ты одну въ горячей Гоби и ушелъ далеко. Если счастье мое будетъ, то моя просьба доплетъ до неба; если я обречена на несчастье, и просьба моя не угодна небу, то да провалится она въ адъ“. Она спрашиваетъ тэнгировъ: „Вы не видали ли моего единственнаго сына Аю Бодисатты? Не найдете ли вы его душу? Не отыщите ли вы моего сына, у котораго на тѣлѣ полторы тысячи родимыхъ пятнышекъ (боко унгей), на сердцѣ полторы тысячи бустовъ, а на спинѣ красное пятно? По этимъ примѣтамъ ищите и поймите (его душу?). Выше васъ есть Сайнъ Гальбинъ Мингынъ Бурхынъ; около него поищите въ 33 номахъ небесныхъ“. Тэнгиры отвѣчаютъ ей: „Мы твоего сына на землѣ не видѣли“. Тогда она обращается къ Сайнъ-Гальбинъ Мингынъ Бурхыну: „Ты, Сайнъ Гальбинъ Мингынъ Бурхынъ, мой богъ, не видалъ ли моего единственнаго сына?“ „Не видалъ“, отвѣтилъ Мингынъ Бурхынъ. Цаганъ Дареке опять стала звать своего сына: „Подохожій на восходящее солнце, съ устами какъ уланъ-бимбо, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, съ лицомъ какъ дерево галбурусъ, съ видомъ Бодотай Бурхына, Аю бодисатты мой! Къ моей черной горѣ прійди, рычащій черно-пестрый барсъ мой (хара ерень барс), сердце мое, левъ мой, покачиваясь, прійди! (Хара улан оргель дэркэ ханькин улыи ябукчи хара ерень барс мийи, хамыкъ букденъ дзорху минни, арслын улан оргельдэркэ анлгы минни). Я воздухъ наполнила своимъ крикомъ, выплакала цѣлое море слезъ, отъ рыданья и плача я надсадилась; успокой мое сердце! Дума моя отъ тоски потемнѣла! Слезы мои льются, какъ дождь; рыданья мои, какъ „ура“ (крикъ) Амит Даба бурхына“.

Плакала, плакала Цаганъ Дареке и упала ницъ лицомъ. Бухунъ Букдеранъ своею божественною силой поднялъ ее. Съ трудомъ она поднялась на ноги и продолжала: „Не въ восемнадцать ли

адахъ онъ возродился Ерликъ ханомъ? Нѣтъ ли его между червыми, змѣями, звѣрами? Въ нихъ не обернулся ли онъ? Нѣтъ ли его въ воздухѣ, между небомъ и землей, не нырнулъ ли въ хатанъ-далай (океанъ)? Подите туда, зовите его, не откликнется ли на зовъ? На золотой горѣ сидитъ Дзурхайчи Бакши куминъ (ворожея); въ его книгѣ Долонъ Уйтэ Номынъ Чиныръ не написано ли? Привѣтствуйте его и спросите! Глаза его далеко видать, умъ его великъ; спросите его: гдѣ мой молодой лѣтамп, кроткій душою, однородный Бодисатты? (иди дзалу настай, эльмэгэ джюлинъ абиртэй, ильты бурхыни шаби болыксын гакци турюксен Бодисатты мини удзюбу та геби). На тебя похожаго не видалъ ли?"

Цзурхайчи отвѣтилъ, что своимъ умомъ розыскать не можетъ. „Ты поворожи предъ Богомъ (бурхынъ) и скажи мнѣ“, сказала Цаганъ Дарехе.

Черный бакши (хара бакши) сталъ ворожить на 366 чернобѣлыхъ (хара цаганъ) четырехвѣтныхъ камняхъ. Три раза погадалъ онъ; въ первый разъ выпало: „Сайнъ Гальбинъ Мингынъ Бургинъ“; во второй разъ: „366 золотыхъ бѣлыхъ бомбу“; въ послѣдній разъ: „твой сынъ у Сайнъ Гальбинъ Мингынъ Бурхына въ 366 золотыхъ бѣлыхъ бомбу заложенъ“. Съ радостью встала Цаганъ Дарехе на золотую бѣлую кѣде (кѣдэ Алтынъ Цаганъ) между двумя горами, надопла ворожеѣ (Цзурхай чи) своего молока рѣку, чрезъ которую можно только на лодкѣ переправиться; отрѣзала драгоценное мясо отъ четырехъ конечностей и подала ему.

„Тысячу возобновленій жизни дамъ я тебѣ!“ сказала она ему. — „Я такую думу вложу въ тебя, что ты никогда зла не будешь имѣть и въ водѣ не утонешь. По твоему сказанью пусть все будетъ, а мнѣ бы найти моего сына. Теперь будь хара бакши, а когда переродишься да будешь выше Гашангана, держа въ рукѣ посохъ съ головкой дракона, да будешь Гуйдненъ Сайнъ-Гелюнгомъ!“ Дала такое обѣщаніе.

Потомъ подумала: „Если мнѣ идти въ своемъ видѣ, къ Гальбину, не удастся мое дѣло. Обману его, пойду къ нему простою женой въ прислужницы“.

Въ среднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ 15-го числа Аю Бодисада раскрылъ 366 влатобѣлыхъ бомбу, вышелъ и возсѣлъ на престолъ Бадмъ-Араши; со всѣхъ странъ свѣта къ нему слетѣлись тысячи

бодисадъ (удзюк удзюктен мингат мингат бодисада). Багма Хатунъ увидала его на престолѣ и подумала: „Какъ будто мой сынъ?“ Сердце ея затрепетало при этомъ видѣ; на макушкѣ головы зашевелились волосы. Всѣмъ тѣломъ и нутромъ затрепетала. Она подумала: „Хорошо, что въ плохомъ видѣ простою служанкой сюда пришла по внушенію Бэль Шахджимини“. „Ты, Гальбинъ Бурхынъ, зналъ ли эту нищую?“ спросилъ Шахджимини у Гальбина. „Я переродилъ ее въ такой видъ и послалъ искать сына“. Шахджимини протянулъ передъ Цаганъ Дарене радугу двухъ цвѣтовъ, снлаго и бѣлаго, и она не стала видѣть своего сына. Цаганъ Дарене дунула, радуга исчезла; она увидѣла только пустой престолъ и стала снова оплакивать своего однороднаго (гакци турекси) сына:

„Эй, подобный восходящему солнцу, съ устами какъ красное бимбу, съ зубами какъ драгоценный камень нефритъ, съ лицомъ какъ дерево галбурусъ, сіяющій, какъ пятнадцатидневная луна, Аю мой! Цвѣтомъ подобный цвѣтку Гюши, Аю мой! Подобный Гургумъ-Талану, Аю мой! Рожденный свѣтъ на золотомъ престолѣ, Аю мой! Черно пестрый барсъ мой, сердце мое, левъ мой! Голосъ мой будь какъ голосъ Амитдаба-бурхына, слезы мои летятъ дождемъ!“

Плакала, плакала она и упала ницъ. Бухунъ Букдеренъ поднялъ ее своею силой. Съ трудомъ она поднялась.

„Какъ увидала тебя, изъ бѣлой груди море молока потекло, внутренность посохшая снова оживилась, небо просвѣтлѣло, стало видно солнце и мѣсяцъ. Какъ солнце скрывается за тучей, такъ и сынъ мой опять скрылся. Какъ въ книгѣ письмо не ясно, такъ не вижу моего сына. Ты, мой сынъ, Аю Бодисата, внемли словамъ своей матери царицы: выйди немедленно, какъ солнце!“

Какъ только онъ услышалъ слова матери, внутренности его какъ будто выпали на землю, потемнѣло въ его умѣ. (Әлькин, обро гадзырту унуксен мѣту, нига мѣсюн хаб харальджи отод). Онъ ринулся и въ мигъ разрушилъ бомбу, бросился къ матери и обвилъ ее руками. Оба, сынъ и мать, заплакали; вышній Сайнъ Гальбинъ загоревалъ (гашіунъ дариядабо). Изъ Донзунъ-Гарбынъ-Кита 84 тысячи отцовъ гелюнговъ пришли и началъ горевать; изъ Джинсайнъ-сумэ 84 тысячи матерей гелюнговъ пришли и загоре-

вали; всѣ плакали, жалѣли. Бѣль Шаджимини Бурхынъ заплакалъ; слезы, какъ серебряныя и золотныя кольца, посыпались и навалились, какъ двѣ горы. „Аю Боди, Дариху моя, подберите слезы (прекратите плачь)! Ты плакала такъ, что я съ престола скатился? Море Сумъ-Далай заволновалось, гора Сумерь Ола погрузилась, хозяева дома Баргу оставили его и вышли плакать, а которые остались, и тѣ задумались о твоёмъ горѣ, богослуженіе и хурулы оставили. Морю Сумъ Далай подобная, мать моя! Сумерь-Олѣ подобная, мать моя! При тебѣ я сталъ, какъ будто я опираюсь на серебряный посохъ; какъ березовая подпорка, во время вѣтра поддерживающая юрту, ты меня поддержишь, подошвамъ моимъ подковою будешь! Перестань плакать!“

Таковъ былъ приказъ Аю Бодисаты.

„Хоть бы хотѣла тебя отпустить, руки мои замерли и не отпускаютъ. Какъ тревожно держать воршуна, боюсь, какъ бы не выпустить изъ рукъ, чтобы не улетѣлъ, такъ я боюсь тебя выпустить“.

Очирвани бурхына приказъ вышелъ: „Не плачь, мать моя!“

Не послушалась его просьбы. Очирвани разсердился, сдѣлалъ изъ своего очура два гвоздя, разжалъ ими руки Цаганъ Дареке и освободилъ Аю Бодисата.

Аю Бодисата десять зубовъ выронилъ, сталъ трехлѣтнимъ мальчикомъ; 33 года сосалъ безостановочно груди матери; половину молока высосалъ, но еще не оправился; еще сосалъ до 57 лѣтъ; ополовинилъ молоко у матери и вошелъ въ разумъ. Цаганъ Дареке Гальбинъ Бурхыну сдѣлала приношеніе тысячу головъ шелковья и въ сто сажень длиною связку изъ тысячи куджи (церковныхъ свѣчъ); поставила все это предъ его лицомъ. Она поселилась вмѣстѣ съ сыномъ близъ Бодылынъ Олы въ зданіи Мингунъ-Шиль. Одинъ вѣкъ (уй) прожили, и Аю Бодисата сказалъ своей матери: „Эй, царица мать моя! Я пойду, а ты въ благополучіи поживи здѣсь у горы Бодылынъ въ зданіи Мингунъ-Шиль. Я спущусь внизъ и научу весь народъ молиться, послѣ чего возвращусь назадъ“. Цаганъ Дареке сказала: „Эй, Аю Бодисата, единородный сынъ мой! Я не хочу воспретить тебѣ эту поѣздку, но поживи еще со мною! Еще успѣешь спуститься“.

Аю Бодисата еще прожилъ одинъ вѣкъ, и затѣмъ, переро-

дившись въ золотого павлина (алтын тогус), спустился. Цаганъ Дареке превратилась въ птицу съ золотымъ хвостомъ, съ серебряными крыльями, по имени Токточуръ; она остановилась на срединѣ между небомъ и землею, сѣла на престолѣ и три дня кормила своего сына сладкимъ молокомъ. Потомъ спросила Аю Бодисата: „Когда ты вернешься? Въ какой день ждать тебя!“

„Мать царица моя! Возвращайся въ Мингынъ Шиль у Бодыльнѣ оми, живи тамъ благополучно, я чрезъ 15 дней возвращусь“.

Она полетѣла вверхъ, онъ сталъ спускаться внизъ. Она полетѣла къ 18-ти адамъ и смотреть: что за люди сидятъ, добродетельные или обманщики. Видитъ 10 тысячъ сажень пространства покрыто мракомъ, тысяча царицъ прилетѣли и провалились въ эту бездну. Цаганъ Дареке пять дней сидѣла, 50 тысячъ „мани“ прочитала: силой этой молитвы тысяча царицъ вышли изъ бездны и поднялись на Бодулу-олу. Эти царицы за то попали въ адъ, что, выучась святому ученію у одного ламы, стали пренебрегать имъ. Опростала адъ Цаганъ Дареке и полетѣла на Бодулу-олу; срокъ возвращенія сына приблизился, она смотреть во всѣ стороны. Аю Бодисата написалъ двѣ книги—Бодинъ Орѣль и Орѣльнѣ-ханъ. Не знавшіе книги (номъ) съ книгой стали. Мертвыхъ онъ ввелъ въ доброе мѣсто (сайнъ орун, рай?), всѣхъ страдавшихъ сдѣлалъ счастливыми, далъ людямъ блаженство и вѣчную жизнь. На все это употребилъ онъ восемнадцать дней и возвратился.

Прожилъ онъ съ матерью еще вѣкъ (уй).

„Въ Сэръ-Бэрэбинѣ-Галдынѣ-Гомынгэнѣ-китѣ шестьдесятъ-шесть годовъ мы будемъ эркешиями, мы, мать съ сыномъ, ламами будемъ сидѣть выше всѣхъ ламъ, надъ кшатами китѣ нашъ китѣ ¹⁾ будетъ“.

Одинъ нищій лама (шебречи-лама), не имѣвшій ни ѣды, ни питья, былъ голоденъ; онъ лежалъ близкій къ смерти, томимый жаждой. Цаганъ Дареке взяла его на колѣни, обтерла ротъ отъ грязи, языкомъ сняла пыль съ глазъ, покормила его своимъ молокомъ; онъ окрѣпъ, ожилъ, посилѣлъ. Взяли его мать и сынъ изъ плечи и отнесли изъ жаркаго мѣста въ прохладное.

¹⁾ Китѣ—обитель.

Пошли дальше къ ламѣ, который выше всѣхъ другихъ ламъ. Онъ имъ повелѣлъ: „Переваливъ чрезъ гору Гундюни-Гурмыль Хара Ула, поднимитесь на переваль Будулмынь-Шонхой-Цаганъ-котель; по ту сторону его увидите землю, точно серебро. На солнечной сторонѣ впятъ два ключа, золотой и серебряный; въ вершинѣ по два дерева—серебряное дерево съ золотыми вѣтвями и золотое дерево съ серебряными вѣтвями; на каждой вѣточкѣ сидитъ бурхмынь. Тамъ выстройте свой кить!“ Цаганъ Дареке, выслушавъ ламу, перевалила черезъ дабанъ и котель, увидела указанную ламой землю. Пришедши на мѣсто, она сѣда поблагодарить Бога, бросила нѣсколько зеренъ, чтобы произрасли растенія, положила двѣ палочки, чтобы воздвигся кить. Утромъ раньше полудня выстроила золотой кить, который тысячу съ половиной лѣтъ нужно было бы строить, вечеромъ до заката серебряный кить выстроила, который надо бы тысячу пять туменей лѣтъ строить. Выстроивъ киты, мать съ сыномъ легли вздремнуть. Утромъ встали, посмотрѣли: стоитъ лошадь съ золотымъ хвостомъ, съ серебряною гривой, съ булатными копытами; масть ея состояла изъ 88 цвѣтовъ; лошадь по имени Намчи хара моринъ; стоитъ она, до верхушекъ травы не касаясь, привязанная на золотой веревкѣ.

„Эй, царица мать! У насъ, кажется, не было лошади? Что же это за лошадь такой красивой масти (сайхан дзусунтэй)? Я сяду на нее“.

Царица сказала: „Аю Бодисата, однородный сынъ мой! Хрошенько подумай! Эта лошадь къ намъ не ко злу пришла, а для пользы“.

Аю Бодисата пошелъ поймать лошадь. Она сама запуталась въ серебряныя косы своей гривы. Поѣздилъ на ней Аю Бодисата иноходью „бэръ“, около двухъ „бэръ“ проѣхалъ. До Эрликъ-хана 88 лѣтъ надо было ѣхать, онъ это пространство три раза въ день проѣзжалъ и его адъ, наполненный людьми, допуста опрастывалъ (харанху хар тамар хоб хосун хійгед). Сынъ Эрликъ-хана съ львиною головой (арслын теригунтей) сказалъ отцу: „Прежде три ада въ день наполнялись, отчего нынѣ въ день три опрастываются? Какой бодисатва ихъ опрастываетъ?“

Ерликъ Номынъ-ханъ вышелъ изъ города въ 300 аспровъ (этажей?) и посмотрѣлъ на востокъ; увидѣлъ два кита—серебряный

и золотой, которые сияли, какъ будто солнце взошло. Онъ сказалъ сыну: „Это Паганъ-Дареке съ сыномъ“. Ерликъ Номонъ-ханъ сталъ молиться ей: „Прости меня и укрѣпи (Ая дзурган дзелин икѣ бур-гасин). Ты держишь живущихъ (амитын) подъ своимъ покровительствомъ; прійми и меня подъ свой кровъ!“

И сдѣлавъ восемьдесятъ-восемь поклоновъ, сказалъ сыну. „Иди къ Паганъ Дареке-гэгэну и поднеси ей тысячу хадаговъ и стосаженную благовонную свѣчку“.

Ерликъ ханъ далъ своему сыну десять тысячъ лусы, чтобы ѣхать къ Паганъ-Дареке; ѣхать нужно было десять тысячъ мѣсяцевъ; чрезъ каждый мѣсяцъ онъ мѣнялъ лусына. Приѣхавъ къ Паганъ-Дареке, сынъ Ерлика сложилъ во дворѣ хадаки и куджи (свѣчки), и украсъ лошадь Намчи-Хара моринъ, убѣжалъ. Онъ поставилъ лошадь въ горячій адъ, она двѣнадцать прохладъ внесла, и грѣшники возрадовались; сынъ Ерлика перевелъ ее въ студеный адъ, она внесла двѣнадцать теплотъ, и грѣшники возрадовались; сынъ Ерлика перевелъ ее въ мрачный адъ, она выпустила всѣхъ грѣшниковъ и улетѣла на небо.

Вышняго ламы (дэдин дэтхи лама) былъ навазъ: „Зандынъ-Тагне, хубилганъ Ике Тагны, дочь Галдынъ-Тэнгрия, и Аю Бодисата, будьте вмѣстѣ царями и беззаботно живите“ (Галдын Тэнгрийн куулюн Мингын табын дзон уханд моргоджисын, зандынъ тугузусен или Тагнын хубилган Аю Бодисата хоюла сэткиль нанрюлад хан оро борихала).

Лошадь Намчи Хара взлетѣла на небо и стала у дверей Галдынъ Тэнгри, привязанная на золотой веревкѣ, не касаясь копытами верхушекъ травы Зандынъ-Тагне, перерожденецъ великой Тагне, увидавъ эту лошадь, воскликнула: „Это какая такая прекрасная лошадь? Приведите, я сяду на нее“. Проводникъ ея, Янсыкъ Улакчинъ, пошелъ къ лошади и думаетъ; подумавъ, назадъ вернулся. „Это не лошадиной, а человѣческой природы лошадь; на ней ѣздить нельзя!“ У Зандынъ-Дагне страсть овладѣть лошадыю побѣждаетъ умъ. Она опять посылаетъ за лошадыю, Янсыкъ Улакчинъ снова идетъ ловить ее; лошадь сама запуталась въ серебряныя косы своей гривы, и Янсыкъ Улакчинъ поймалъ ее. Зандынъ-Дагне сѣла на нее, одну „бѣрь“ иноходью проѣхала; какъ другую „бѣрь“ поѣхала, лошадь и увезла эту дѣвицу къ Аю Бодисата. Янсыкъ-

Улакчинъ спустился вслѣдъ за нею и доложилъ ей: „Ты, оставивъ отца и мать, и Нарбы Тэнггра, старшаго брата, и 80 тысячъ шаби, ты куда одна пошла?“ „Ты подумай, Улакчинъ! Мнѣ вышній лама (дэдин дэтхин) предназначилъ быть женой Аю Бодисата. Царю отцу и царицѣ матери отвези извѣстіе, что я осталась здѣсь и иду замужъ“. Отецъ и мать, выслушавъ это извѣстіе, заплакали.

Аю Бодисата и дочь Галдынь-Тэнгріева въ лѣтнемъ среднемъ мѣсяцѣ 15-го числа поженились. Аю Бодисата проспалъ одну ночь, всталъ и увидѣлъ, что на крышѣ кита, гдѣ Цаганъ Дареке жила, горятъ три цзуга (свѣчи), и что лошади Намчи Хара моринъ нѣтъ. Видитъ также, что трехъ времени Бурхынъ Бакши (гурбын цаген Бурхын Бакши) сидитъ въ средѣ трехъ тысячъ ламъ. Бурхынъ Бакши сказалъ: „Ая, ты зналъ ли? Когда вы шли съ матерью между двумя „хэби“, вы нашли въ худомъ положеніи ламу, отерли съ него грязь, напоили, накормили и до устали тащили его на себѣ, чтобы доставить ему прохладу; это былъ я. Обратившись въ лошадь восьмидесяти-восьми цвѣтовъ, я отплатилъ вамъ!“ Сказавъ это, трехъ времени Бурхынъ Бакши съ тремя тысячами шаби возлетѣлъ на небо.

Потомъ Цаганъ Дареке сказала ему: „Если ты обращался въ восьмидесяти-восьми цвѣтовъ лошадь, и если мой сынъ на тебѣ ѣздилъ, то да будешь ты гелюнгомъ“.

Въ лѣтній послѣдній мѣсяцъ 19-го числа Зандынъ-Дагне увидѣла сонъ: монастырь сталъ безъ маковки, цвѣтовъ Аилгы Мандырба изломался (Алтынъ Ордо хашин орѣ бургулукин болына, Аилгы Мандырба цецек хугуруксен болына). „Морю Сумъ Далай подобная мать моя, Сумерь горѣ подобная мать моя, будь здорова, поскорѣе выйди!“ Аю Бодисата пошелъ посмотреть престолю, на которомъ сидѣла Цаганъ Дареке: онъ былъ пустъ и опрокинутъ. Цаганъ Дареке отлетѣла; Аю Бодисата заплакалъ. Пришла Зандынъ Дагне и также заплакала. Въ груди сперло, дышать не могутъ, такъ плакали цѣлый вѣкъ. Зандынъ-Дагне сказала мужу: „Сходи къ вышнему ламѣ и узнай, что съ нами случилось. Сумъ-Далай морю подобная, Сумерь горѣ подобная, переродись въ Суки Боди! На гору Арслынъ взойди, тамъ ея нѣтъ ли? На Сумерь-олу взойди, тамъ ея нѣтъ ли? Трехголовую, трехголосую пташку (бокширги) спроси: ушами что слышала, глазами что видѣла?“ Одна голова сказала: „Ушами не слышала, глазами не видала! На Арслынъ-олѣ

хубилганъ Цаганъ дарекѣ сидитъ, слышала“. Зандынъ поблагодарила птичку и сказала: „Переродись за это въ гелюнга, сидящаго на престолѣ“. Зандынъ-Дагне услышала запахъ куджи, идущій отъ горы Арслынъ-олн, зашла на гору, увидала хубилгана Цаганъ дарекѣ и припала къ ея правой ногѣ. Цаганъ дарекѣ сказала: „Ая, Галдынъ Тэнгриева дочь, хубилганъ великой Дагне! Не плачь и встань!“ Ая Бодисата также прибылъ на гору Арслынъ-олу. Цаганъ Дарекѣ сдѣлалась двадцатипятилѣтнею дѣвушкой.

Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомт.

б. Цаганъ дарекѣ и Ногонъ дарекѣ были жены Курде Орчоулукчи хана (по тибетски Сорукдзунъ Гомбу Джалбу). Отца Цаганъ-дарекѣ звали Го-Бавнъ. Цаганъ-дарекѣ молятся о дарованіи дѣтей и здоровья.

(Овъ-же).

в. Одинъ охотникъ (горѣчи) заблудился въ лѣсу; долго блуждалъ, наконецъ увидѣлъ бѣлый англъ и зашелъ въ него; тамъ онъ увидалъ красивую дѣвушку, всю въ бѣлой одеждѣ, и гелюнга, котораго звали Толгырь Тальджинъ. Охотникъ отдохнуль у нихъ и спросилъ о дорогѣ; гелюнгъ разказалъ ему, какъ идти, и далъ хвостъ павлина (тогус). Охотникъ, возвратившись домой, былъ позванъ своимъ ханомъ и разказалъ, что видѣлъ; ханъ, взявъ его проводникомъ, поѣхалъ, чтобы взять себѣ эту дѣвушку въ жены. У хана было семь сѣрыхъ слоновъ (цзан) и семь сѣрыхъ овецъ; приведа невѣсту въ свой домъ, ханъ заколотъ трехъ слоновъ и трехъ овецъ и сдѣлалъ пиръ. Прежде взятая имъ жена задумала погубить новую и велѣла ночью заколотъ одного слона и одну овцу и вымазать ихъ кровью одежду новой жены. Ханъ узналъ, что его слонъ заколотъ, велѣлъ сыскать виноватыхъ, и служанки сказали, будто видѣли, какъ его новая жена ночью ѣла слона и и овцу, и онъ увѣренъ, что ея одежда непременно окажется въ крови. Ханъ пошелъ къ новой женѣ и нашелъ ея одежду въ крови; онъ хотѣлъ ее зарубить, но въ это время прилетѣла птица Тотн и сказала: „Выслушай напередъ меня; одинъ человекъ просилъ бога, чтобы онъ далъ ему богатство, и богъ сказалъ, что бросить ему кусокъ серебра; когда серебро летѣло, нищій подставилъ руки, и ему ихъ оторвало“. Сказавъ это, Тотн улетѣла. Ханъ же казнилъ на этотъ разъ жену. На другой день служанки стар-

шей жены опять закололи слона, и ханъ, опять увидѣвъ у новой жены платье, запачканное кровью, хотѣлъ казнить жену, но птица Тоти вновь прилетѣла и стала говорить: „Одна голодная лисица нашла кусокъ жирнаго мяса; неся его, она увидала на берегу моря серебряный ножъ и бросила мясо, чтобы взять ножъ, потому что онъ дороже мяса“. Сказавъ это, Тоти улетѣла. Ханъ опять не казнилъ жену. Служанки еще закололи слона и овцу, опять сказали, что новая жена ихъ съѣла. Ханъ вывелъ жену на казнь. Тоти опять прилетѣла, но ханъ не сталъ ее слушать, и казнилъ жену. Казненная была хубильганъ Цаганъ дареке. Черезъ нѣсколько времени послѣ казни Цаганъ дареке спустилась съ небесъ, и протянувъ пятицвѣтную радугу (таби онго солонго татад), сказала служанкамъ, которыя ее оклеветали, чтобъ они сдѣлались травой *джангыссэнъ-буръ* (травя, на которую мочатся собаки), хану сказала, чтобъ онъ сталъ деревомъ *камди* (кандимодо, какое-то проклятое дерево), а его женѣ—чтобъ она стала навознымъ червемъ (басын хорхо).

(Цюлтумъ, дархатскій лама. Записано г. Паленнымъ. Р. Шишкитъ).

Всѣхъ дариху три; двѣ изъ нихъ въ Олѣтахъ: Цаганъ-дариху и Ногонъ-дариху. Третью разказчикъ не могъ назвать. „Настоящая (чухум) Цаганъ-дариху у васъ въ Россіи“, прибавилъ разказчикъ.

(Халха хошуна Сартугъ, по имени Унцывъ).

69. Куннеръ-ханъ.

а. Въ Улангомѣ прежде жилъ Бошухту ханъ ¹⁾. Въ числѣ подданныхъ этого Бошухту-хана былъ Абдыль-хотонъ ²⁾, который отправился путешествовать на западъ. Сначала онъ пришелъ въ Русскую землю; здѣсь его спросили, кто онъ, откуда, ласково приняли и дали ему мѣдныхъ денегъ. Оттуда онъ пошелъ въ страну Куннеръ-хана; здѣсь также стали его спрашивать, кто онъ, откуда, но приемъ не былъ такъ ласковъ, какъ въ Русской землѣ.

¹⁾ Вблизи г. Улангома есть рывина или арыкъ (канавы), называемая Бошухтубуху, то-есть, канавы Бошухтуя.

²⁾ Хотонами или Ботонами называются улангомскіе мусульмане, происходящіе изъ Туркестана (см. Оч., II, стр. 15); Абдыль—собственное имя.

Ему дали большую золотую монету. Абдыль откинулъ ее въ сторону. Тогда жители царства Кункера сказали: „Вотъ у насъ говорить, что царство Едзень хана бѣдное, что у Кункеръ-хана тысяча слоновъ, а у Едзень-хана только семь сѣрыхъ слоновъ (Едзень-ханъ долонъ боро цзантай). Вѣрно это не правда, если человѣкъ изъ этого царства бросаетъ данное ему золото“. Тогда спросили у Абдыла: съ какою цѣлью онъ путешествуетъ. Абдыль сказалъ, что Едзень-ханъ строить дворець и послалъ его искать кораллы (шюръ) для украшенія подпоръ или колонозъ; въ Русской землѣ онъ не нашелъ шюри и пришелъ въ царство Кункеръ-хана. Ханъ велѣлъ впустить его въ кладовую. Она была полна кораллами, нѣкоторыя связки рассыпались. Абдыль украдкой подобралъ рассыпавшееся, набилъ оба кармана; затѣмъ сказалъ, что эта „шюръ“ плоха и для Едзень-хана не годится. Потому онъ сталъ собираться домой. Ханъ велѣлъ провести Абдыла черезъ гору, отъ которой отламываютъ куски золота, чтобъ онъ подивился, какимъ богатствомъ обладаетъ Кункеръ-ханъ. Когда стали проѣзжать чрезъ золотую гору, Абдыль уронилъ плеть, слезъ съ коня, и будто ищетъ плеть, а самъ большой комокъ золота поднялъ съ земли и за пазуху. Потомъ прѣхалъ онъ въ Улангомъ и разбавалъ Бушухту-хану, что онъ былъ у Кункеръ-хана, привезъ хану шюръ и комокъ золота, и добывая эти подарки для хана, славу своего государства не уронилъ: предложенной золотой гривны не принялъ. Есть книга этого Абдыль-хотона; изъ нея ламы выбираютъ мѣста, выписываютъ и тѣмъ лѣчатъ людей.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Едзень-ханъ кулиндзосутай, паганъ-ханъ куренъ-дзосутай, Кункеръ-ханъ алтынъ-дзосутай. То-есть: Едзень-ханъ (Китайскій императоръ) имѣетъ деньги изъ желтой мѣди, Бѣлый ханъ (Русскій царь)—изъ красной мѣди, а Кункеръ-ханъ—изъ золота.

(Онъ же).

в. Кункеръ-ханъ обитаетъ на западѣ; это самый могущественный ханъ. Онъ ежемѣсячно умираетъ и снова возрождается, такъ что вѣчно живетъ.

(Чончу, Теленгитка. Р. Чуа).

г. Кункеръ-Маца-ханъ живетъ на крайнемъ западѣ. Это очень

богатый ханъ; когда нищіе приходятъ просить милостыни, онъ велитъ слугамъ бросать имъ золото лопатю.

(Дархатъ, лама. Р. Шибитъ).

70. Нохой-эргень

Къ западу отъ Орусень-хана (Русскаго царя) живетъ Кунерь-ханъ; за нимъ улусъ Шибитъ; за Шибитомъ хребеть, а за хребтомъ нохой-эрте (или нохой-эргень, нохой-ердени), люди съ собачьими головами; такой видъ имѣютъ только мужчины, женщины же имѣютъ настоящій видъ и красивы. Одинъ человекъ зашелъ въ ихъ страну и вошелъ въ одну юрту; въ ней мужчинъ не было, была одна только женщина; она сказала ему, чтобъ онъ уходилъ отсюда какъ можно скорѣе, потому что какъ только мужъ ея придетъ, увидитъ его, позоветъ своихъ сосѣдей-собакъ, и собаки загрызутъ его. Тотъ просилъ спрятать его, но женщина отказалась, и сказала, что у здѣшнихъ людей очень сильное чутье, и они отыщутъ его. Тогда онъ ушелъ въ гору, нашелъ въ ней пещеру и залѣзъ туда; черезъ нѣсколько времени онъ видитъ, что прямо къ нему бѣжитъ человекъ съ собачьею головой, нюхая носомъ дорогу. Спрятавшійся въ пещеру человекъ выстрѣлилъ изъ ружья; раненный нохой-эрте убѣжалъ домой. Тогда странникъ пошелъ слѣдомъ за нимъ и пришелъ въ ту же юрту, въ которую раньше заходилъ; тамъ слышитъ, какъ нохой-эрте упрекаетъ свою жену за то, что она впускала къ себѣ человека и не сказала ему. Человекъ, войдя въ юрту, окончательно убилъ нохой-эрте. Тогда жена его сказала человеку: „Намъ нужно убѣжать отсюда, въ противномъ случаѣ родные убитаго загрызутъ насъ“. Они убѣжали, и человекъ благополучно прибылъ на свою родину и сталъ жить съ этою женщиной. Только она все худѣла и дурнѣла. Онъ обратился къ ламѣ за совѣтомъ. „Чѣмъ ты ее кормишь?“ спросили тѣ. „Тѣмъ же, чѣмъ и самъ питаюсь“, отвѣчалъ онъ. „А ты попробуй покормить ее одними голыми костями, какъ мы собакъ кормимъ“. Сдѣлавъ онъ по ихъ совѣту, женщина стала поправляться, стала полною и красивою. Монголы вечеромъ не мочатся на западъ по той причинѣ, что нохой-эрте вечеромъ становятся на колѣни и кланяются въ нашу сторону (то-есть, на востокъ), прося небо, чтобъ у нихъ

родился нашъ ребенокъ (то-есть, ребенокъ съ настоящимъ человѣческимъ видомъ); когда онъ родится, они разрѣзываютъ его на мелкія части и дѣлаютъ изъ нихъ себѣ сакіюсъ; а ребенокъ съ нашею головой у нихъ родится только тогда, если кто изъ насъ, людей, мочится на западъ и брызги попадутъ въ ихъ страну.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

Въ сторонѣ „дзунъ-хойшо“ (то-есть, въ восточной) есть „нохой-иртэ“, народъ у котораго женщины люди, мужчины собаки. Они молятъ, чтобъ небо даровало имъ дѣтей, и тѣ рождаются только въ томъ случаѣ, если въ первые три весенніе мѣсяца здѣшніе люди мочатся, становясь лицомъ въ ихнюю (дзунъ-хойшо) сторону. Поэтому въ теченіе этихъ трехъ мѣсяцевъ слѣдуетъ воздерживаться и не мочиться на востокъ.

(Бурять изъ долины р. Ирвута).

71. Махэшинъ.

У Аларскихъ Бурять есть сказанія о народѣ Махэшинъ, то-есть, людѣдахъ, которые живутъ въ сѣверной сторонѣ, въ странѣ, гдѣ небо безъ солнца, земля безъ растительности (наръ угей тэнгри, ногонь угей дэдэ). Нашу русскую Бабу-Ягу въ бурятскихъ сказкахъ замѣняетъ Мангытхай.

(Сообщ. Н. В. Матхановичъ).

72. Идзиль Цзай.

На рѣкѣ Идзиль Дзай живутъ люди по сту лѣтъ и имѣютъ прекрасные глаза и прекрасные зубы.

(Чо-Джампинъ, лама, Халхасецъ хошуна Тачжи-Уранхай).

73. Еджень-ханъ.

Еджень-ханъ спросилъ однажды у ворожей (цзурхайчи) о своей судьбѣ, и тѣ ему сказали, что ему угрожаетъ смерть, но что онъ отъ нея избавится, если отправится совершить воровство. Еджень-ханъ вышелъ тайно изъ дворца съ намѣреніемъ украсть что-нибудь, и встрѣтивъ человѣка, спросилъ его: „Ты куда идешь?“ „Воровать“, отвѣчалъ тотъ. „И я тоже; возьми меня съ собою“. „Пойдемъ!“ „Буда же пойдемъ?“ спрашиваетъ Еджень-ханъ. „Есть“, гово-

*

рить тутъ Кокъ-Джанджинъ. У него во дворѣ много овецъ; одну украдемъ". Пришли во дворъ; товарищъ спрашиваетъ у Еджень-хана, умѣетъ ли онъ воровать. „Вотъ то-то и бѣда“, отвѣчаетъ Еджень, — „что плохъ я по этой части“. „Ну, такъ ты стань на караулѣ подлѣ юрты“, учить его воръ, — „и прислушивайся, чтобы не поймали насъ“. Еджень-ханъ остался у юрты, а тотъ полезъ во дворъ. Еджень-ханъ посмотрѣлъ въ щелочку и видитъ: сидитъ Кокъ-Джанджинъ съ женой, передъ нимъ бутылка (лонху). „Что у тебя въ этой бутылкѣ?“ спрашиваетъ жена. „Зачѣмъ тебѣ знать, не твое дѣло“, сказалъ мужъ. „Какъ же мнѣ не знать, вѣдь я твоя жена“. „Это гостинецъ Еджень-хану“, сказалъ тогда мужъ; — „это ядъ. Я хочу поднести его хану; когда онъ отравится, престолъ перейдетъ нашему сыну“. Между тѣмъ воръ добылъ овечку, и ханъ съ воромъ пошли прочь. Дорогой воръ говоритъ хану: „Я теперь тебѣ отъ овечки долю не выдѣлю; ты только на караулѣ постоишь, ничего не дѣлалъ, послѣ прійди, я что-нибудь тебѣ дамъ“. „А какъ же я тебя найду?“ спросилъ Еджень-ханъ. „Помѣняемся шапками“, предложилъ ханъ вору. Тотъ согласился, помѣнялись шапками и разошлись. Вернулся ханъ во дворецъ. На завтра приходитъ къ нему Кокъ-Джанджинъ и предлагаетъ напитокъ. Еджень-ханъ говоритъ ему: „Я теперь боленъ, принялъ лѣкарство, и выпью послѣ“. Затѣмъ налилъ поднесеннаго напитка въ чашку и поднесъ Кокъ-Джанджину. Тотъ было отказывался, но когда ханъ началъ настаивать, выпилъ и умеръ. Потомъ ханъ велѣлъ позвать вора и спросилъ его: „Ты ходилъ сегодня воровать?“ „Нѣтъ, ханъ“, отвѣчалъ воръ. „Не укралъ ли ты сегодня овечку?“ опять спросилъ ханъ. „Нѣтъ, ханъ“. „Не воровалъ ли ты сегодня ночью съ товарищемъ у Кокъ-Джанжина?“ „Нѣтъ, ханъ“. „Не твоя ли это шапка?“ спросилъ ханъ, показывая вору его шапку. „Не моя“, сказалъ воръ. Тогда ханъ сказалъ ему: „Ты не бойся; это я съ тобою ходилъ воровать“. Разказалъ ему, что онъ подслушалъ на караулѣ, какъ это открыло ему заговоръ противъ него, и наградивъ вора, отпустилъ.

(Иричинъ, зама, Дархатъ. Р. Шижитъ).

74. Цаганъ ханъ.

Дочь Чингисхана, укравъ небесное бѣлое знамя, убѣжала и стала Цаганъ-ханомъ (Русскимъ царемъ) (Чингисханай хуухон тэн-

гринъ цаган тук абад хулахайлджи ябад орусэн нотукту—Цаган хан терь). Когда дочь Чингисхана отправлялась, Чингисханъ спросилъ ее: что она желаетъ получить въ приданое; она попросила бѣлое небесное знамя, тэнгриин цаган тук. Чингисъ отказалъ, сказавъ, что онъ ханъ, властитель, и не можетъ отказать отъ признака своей власти. Тогда дочь украли знамя и ушла. Оттого-то русскіе нойоны ходятъ въ бѣломъ платьѣ и бѣлыхъ шапкахъ. (Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

75. Бубэ Хатунъ Батырь.

Бубэ Хатунъ Батырь былъ олетскій тайджи (принцъ); онъ имѣлъ брань съ Шидырваномъ, отъ которой послѣдній бѣжалъ. Этотъ-то Бубэ Хатунъ Батырь указалъ олетамъ носить разрѣзныя шапки (съ ушами), а олетскимъ женщинамъ имѣть шубу съ разрѣзомъ на груди.

(Сенге-Дорджи, Халха хошуна Уйдзинъ-гуна. Караулъ Цицержана).

76. Одунтай Бодунтай.

а. Въ Ганджурѣ написано: Когда Улбуръ-Шари воевалъ, двадцать-одинъ человекъ женились и спрятались въ займищѣ на рѣкѣ Нарзы-морэнтъ. Изъ нихъ одинъ былъ старше. Они молились Хара Махагалу, и когда приносили жертву, говорили: „Мы не имѣемъ среди себя никого, кромѣ старости. Во снѣ или другимъ способомъ укажи намъ царя“. Старостѣ приснилось, что въ вершинѣ рѣки, на которой они жили, сидятъ три Лусовы дочери въ видѣ утокъ; въ средней спускается сынъ неба, Тэнгриин ку, и имѣеть съ нею связь. Отъ нея родится сынъ. Утромъ староста спросилъ: „Кто что видѣлъ?“ Оказалось, что никто ничего не видалъ. Тогда онъ разказалъ свой сонъ и говоритъ: „Надо искать родившагося ребенка“. „Какъ же искать?“ спросили люди. „Какъ ищутъ лошадей“, отвѣчалъ староста. Всѣ разѣхались по степямъ, но ничего не нашли. Тогда староста сѣлъ воровать, но и въ воровствѣ ничего не выходило. Въ это время кто-то услышалъ крикъ ребенка вверху рѣки. Они поѣхали туда и нашли дерево дзандынъ, подъ нимъ старуху со старикомъ; старуха качаетъ ребенка и приговариваетъ: „Ольгут, ольгутъ!“ Поэтому Дюрбютотъ и называютъ Олютъ. Другіе разказываютъ иначе. Будто подъ деревомъ

нашли колыбель и въ ней ребенка. Широкий древесный листъ согнуть и вложенъ въ ротъ ребенку, по листу изъ дерева течеть ему въ ротъ сокъ, рядомъ съ нимъ въ чашкѣ вода. Искавшіе царя говорятъ: „Вѣрно это и есть нашъ царь!“ И такъ какъ возлѣ него стояла чашка, то дали ему имя Цорось. На деревѣ, подъ которымъ онъ лежалъ, сидѣла птица ули, вслѣдствіе того и говорятъ: „Урун модон эцигтай, ули шибо эхитай Одун Бадни Тайши“, то есть: Имѣющій отцомъ Урунъ дерево и матерью ули птицу Одунъ-Бадниъ-тайши. Люди взяли ребенка, воспитали и потомъ сдѣлали царемъ. Женили его, отъ него родилось три сына: Че, Тойнь и Цаганъ. Отъ этихъ трехъ родились дѣти: Далай-Тайши, Тергитъ-Тайши, Данджинъ Хошучи, Дачинъ Хошучи, Тарджипъ-Дарджипъ, Улахай Тайши, Ишига Тайши, Боро-Нахылъ. Абджи ноюнъ ¹⁾ былъ потомокъ Цагана; отецъ Абджи-ноюна назывался Церинъ-Убаши. Три сына Абджи-ноюна пришли въ нынѣшнюю Дюрбютскую землю; отъ старшаго произошелъ ханскій хошунъ, отъ средняго—Байты, отъ младшаго—хошунъ вана. Всѣхъ трехъ братьевъ звали Церинъ съ отдѣльною приставкой къ имени; полное имя съ приставкой у младшаго было Дондукъ-Церинъ. Дондуку не хотѣлось получить въ надѣлъ восточную часть земли, которая ему слѣдовала по порядку, и которую занимаетъ теперь байтскій хошунъ; онъ придумалъ хитрость; сказалъ своему слугѣ: „Когда ты будешь варить мясо и чай, я буду спать и бредить; ты меня въ это время разбуди!“ Онъ легъ, заснулъ и бредить: „Въ западной сторонѣ ханскій хошунъ. Какъ онъ прекрасенъ, какими горами обложенъ, какія хорошія рѣки! На востокѣ байтскій хошунъ, и онъ какъ хорошъ! Какія степи, какіе корма, какія воды! А въ серединѣ Улангомъ — какое худое мѣсто! Болото, голые пески, неплодная глина!“ Дѣло это происходило на поднебѣ, когда братья пріѣхали съ старой родины смотрѣть нынѣшнюю Дюрбютскую землю подъ поселеніе своего народа. Старая родина трехъ братьевъ была тамъ, гдѣ лежатъ мѣста: Эмиля, То, Цаль, Кобукъ-Сайра, Хобугенъ-шилъ, Хонуханъ-Шиль, Тара Лонху Цастай. Когда братья вернулись на старую родину и сдѣлали народное собраніе, на немъ и опредѣлили старшаго брата поселить тамъ, гдѣ ханскій хошунъ.

¹⁾ Дебачи?

средняго поселили въ бантскій кошунъ, а младшему Дондукъ-Церену отвели Улангомъ. Послѣ того Абджи съ тремя сыновьями и ста-пятьюдесятью аялами переселился въ нынѣшнюю Дюрбютскую землю. Тэнгирь-Тентякчи-Едзень-ханъ царствовалъ 60 лѣтъ; они пришли въ тридцатый годъ его царствованія. Когда народъ устроился на новомъ мѣстѣ, Абджи роздалъ хлѣбъ на посѣвъ, взявъ Ончикъ-зайсана и Баръ-зайсана, и она втроемъ отправились въ Пекинъ, къ Едзень-хану. Въ то время, какъ они были еще на дорогѣ, у Едзень-хана замокъ отъ дворца самъ собою слетѣлъ. Ханъ спросилъ у своихъ ламъ Береме Чочжи и Лама Чочжи: „Что это значитъ?“ Тѣ поворожили и сказали: „Войны нѣтъ, но ѣдетъ князь съ двумя придворными; не нужно съ нимъ ссориться, а принять и проводить съ честью“. Когда нойонъ пріѣхалъ, доложили Едзень-хану. Ханъ спросилъ ихъ: кто они и откуда. Абджи нойонъ отвѣчалъ, что въ старомъ мѣстѣ у нихъ были междоусобія, а потому они удалились на новое мѣсто. „Зачѣмъ же вы пріѣхали сюда?“ спросилъ ханъ. „Просить разрѣшеніе“, отвѣчалъ Абджи нойонъ. „Хорошо“, сказалъ Едзень-ханъ, — „живи тамъ; я тебя считаю хорошимъ человѣкомъ, дарю тебя чиномъ чи-вана, отовомъ (павлиньимъ перомъ), жалованьемъ въ 1.500 ланъ серебра и отъ 25 до 30 торхо“ (шелковыхъ матерій).

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

6. Предокъ Дюрбютскаго народа Гурбынь модонъ едзинтай Оли шибо ецинтай Одунъ Одунъ, то-есть: Одунъ Одунъ, имѣющій матерью дерево Гурбынь (или можно перевести „три дерева“), а отцомъ птицу Оли.

(Байнъ-Джиргылъ, Дюрбютъ. Курень Дюрбютск. хана).

77. Кайраканъ.

а. Кайраканъ былъ прежде охотникъ; его настоящее имя было Кашка Буурулъ; онъ охотился въ вершинахъ рѣкъ Катуня, Сумулты, Кабакъ, Кадринъ, Ту Абаганъ (?). На одномъ озерѣ онъ встрѣтилъ муйгака (моралуху) и хотѣлъ убить его; предъ нимъ предсталъ сѣдой старикъ съ бѣлою бородой. Кашка Буурулъ застрѣлилъ-таки муйгака; бѣлый старикъ ударилъ его змѣей, которую держалъ вмѣсто плети; Кашка Буурулъ сталъ отъ этого удара безъ ума, пріѣхалъ домой и началъ съ той поры камлатъ. Вскорѣ затѣмъ у не-

го заболѣлъ сынъ и умеръ. Кашка Бууруль отправился на небо къ Тэнгри и спросилъ: почему старикъ ударилъ его плетью и вышибъ изъ ума, и за что Тэнгри отнял у него сына. Тэнгри отвѣчалъ, что это не онъ, а Ерликъ; что бѣлый старикъ, который ударилъ его змѣею, былъ посолъ отъ Ерлика. Тогда Кашка-Бууруль отправился къ Ерлику; при дверяхъ его стояли два богатыря съ желѣзными костылями; Кашка Бууруль перешибъ эти костыли и убѣжалъ; Ерликъ-ханъ послалъ за нимъ погоню, но Кашка Бууруль спрятался за семьдесятъ-семь слоевъ земли. Потомъ, когда Ерликовы посланные вернулись къ Ерлику, Кашка Бууруль продолжалъ жить въ Алтай. Когда онъ состарѣлся, то велѣлъ похоронить себя на устьѣ Башауса и сказалъ: „Если я хорошій камъ, то на моей могилѣ выростетъ береза, если—худой, то черное дерево“. На его могилѣ выросла береза въ сажень высоты. Потому и стали его почитать; въ честь его вѣшаютъ небольшой бубенъ; когда молокомъ брызжутъ, это ему жертва.

(Таранъ, шамапъ, Теленгитъ. Чуйская степь).

6. Настоящее имя Кайракана Бай Буруль; это былъ въ древности могущественный камъ; онъ имѣлъ бубенъ. Его величаютъ „кайраканъ“; его же зовутъ Камъ-Курмосъ. Онъ родомъ Теленгитъ, жилъ въ Кадринѣ. (Послѣдняя фраза служила отвѣтомъ на вопросъ: кто онъ и гдѣ жилъ, поэтому можетъ быть она есть ничто иное, какъ поблажка разпрашивателю).

(Буунчухъ, камъ, родомъ Теленгитъ, кости Жобокъ. Долина р. Чуя).

3. Нынѣшніе духи кайраканами называются изъ уваженія. Кайраканъ прежде былъ великій шаманъ, „жаан кам“, по имени Сары Тирмашъ. Этотъ камъ ходилъ черезъ рѣки по суху; проходя черезъ рѣку, высушить переправу, а какъ пройдетъ, послѣ него опять вода течетъ.

(Чончу, Теленгитка. Р. Чуя).

78. Изобрѣтеніе письма.

а. Тангутское письмо изобрѣтено ламами Джибцзунъ Цсамбу Кутухту и Арибджанъ Зая Бандида; монгольское письмо долго не могли изобрѣсть. Когда молились цѣлымъ хуруломъ о дарованіи письма, одна старуха подошла къ собранію ламъ, держа на

плечѣ эдрина (палку съ зарубками, которою выдѣлывають овчину). Бункеръ Заячи сказалъ: „Это, вѣроятно,—указаніе свыше“. Съ этого эдрина и скопировали монгольское письмо.

(Сарисняъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Другіе говорятъ, что отправившись искать письмо, Монголы наткнулись на старуху, которая выдѣлывала овчину. Принявъ это за внушеніе свыше, истолковали обстоятельство такъ: бѣлая овчина—это бумага, знаки, оставляемые на ея поверхности эдриномъ,—буквы. И позаимствовали отсюда рисунокъ буквъ для тодо-монгольскаго языка.

(Онъ же).

79. Три сына Ханъ Чурмусень Тэнгрия.

У Ханъ Чурмусень Тэнгри было три сына—Шингибыль, Сагадай збугунъ и Тольты ханъ. Они между собою спорили, кому изъ нихъ управлять міромъ. Отецъ, чтобы рѣшить ихъ споръ, каждому далъ по золотому сосуду (алтынъ-лонху) и сказалъ: „Подите лягте спать; каждый пусть свой сосудъ поставитъ противъ себя; у кого за ночь выростутъ цвѣты, тотъ и будетъ міровладѣльцемъ“. Старшій проснулся и видитъ, что у младшаго выросли цвѣты; онъ пересадилъ ихъ въ свой сосудъ и снова легъ спать. На утро встали и увидѣли цвѣты въ сосудѣ старшаго брата. Но младшій по книгамъ узналъ, что цвѣты украдены и сказалъ: „Ты укралъ цвѣты; ну, владѣй міромъ, а я, нечего дѣлать, буду Ерликомъ, но за это я сдѣлаю такъ, что твои двуногіе не будутъ жить болѣе ста лѣтъ, а четвероногіе болѣе сорока лѣтъ; лучшихъ двуногихъ и четвероногихъ я буду у тебя постоянно отнимать“. И самъ сталъ Ерликъ-ханомъ ¹⁾. Сагадай збугенъ имѣлъ сына Саганъ ноина; Тольты ханъ (онъ же и Ерликъ) захотѣлъ украсть себѣ въ жены дочь Буханоина и послалъ Саганъ-ноина; такимъ образомъ жена Ерлика есть дочь Буханоина. Саганъ збугунъ улэн арейгага уга гарга, далэн оёрга гал гарга, то-есть: „Саганъ-збугунъ съ вершинъ горъ досталъ воду, со дна моря огонь“.

(Абашей, Бурятъ Аларск. вѣдомства).

¹⁾ У Бурятъ есть поговорка: бурхын бурхынган хулыхыйме, „богъ у бога воруетъ“; говорится въ смыслѣ, что намъ-то, простымъ смертнымъ, и подавно пристаю воровать.

б. У Хурмустенъ хана три сына — Аминъ-сакнчки, Гэсэръ-ханъ и Тугу-сакта.

(Лама Хамдаевъ изъ Аларскихъ Бурятъ).

в. Шингытъ бурхыновъ было трое. Они спорили о владѣніи міромъ; одинъ изъ нихъ укралъ цвѣтокъ и сталъ правителемъ. Поэтому и время его отличается воровствомъ и разбоями.

(Петръ Гантимуровъ, обуратившійся Тунгусъ съ р. Тунки).

80. Отчего ламы не носятъ штановъ.

Было два царя Русскій и Бурятскій; они между собою спорили, кому царствовать. Порѣшили посадить два цвѣтка, покрыть шапками и лечь спать: подъ чьею шапкой цвѣтокъ разцвѣтетъ, тотъ и царь. Ночью Бурятскому царю не спится; онъ заглянулъ подъ свою шапку, цвѣтокъ вышелъ изъ земли, но не разцвѣлъ; заглянулъ подъ шапку своему товарищу, у того цвѣтокъ разцвѣлъ. То да Бурятскій царь свой цвѣтокъ поставилъ подъ шапку Русскаго царя, а цвѣтокъ Русскаго царя подъ свою. Но въ это время проснулся и Русскій царь и хотѣлъ отнять свой цвѣтокъ у Бурятскаго царя. Бурятскій царь полетѣлъ на небо, Русскій царь за нимъ. У самаго неба Русскій царь успѣлъ схватить Бурятскаго за ноги, но у него въ рукахъ остались только одни штаны.

(Записано отъ Бурятъ г. Тумановымъ).

81. Халхаская кость Тоодынъ.

Найдынъ, нашъ рабочій, родомъ изъ этой кости, на вопросъ: откуда такое у кости имя, отвѣчалъ, что онъ на этотъ счетъ ничего не слышалъ, но что есть обычай во время грома кричать: „Тоодынъ байна! Тоодынъ байна!“ Поэтому разказчикъ полагалъ, не отсюда ли произошло имя кости.

82. Огонь.

а. Гэсэръ-ханъ пріѣхалъ къ Лосынай-хану; у хана была дочь Анымъ-Мергенъ-хатунъ. Она вшила ему въ шубу длинную нитку въ три сажени длины. Когда Гэсэръ уѣхалъ, Анымъ-Мергенъ слѣда его на землѣ не нашла, но былъ видѣнъ слѣдъ нитки. По этому слѣду она догнала Гэсэра и спросила: „Ты куда ходишь,

что дѣлаешь?" „Я“, отвѣчалъ Гэсэръ, — „до шестнадцати лѣтъ перерождался въ разные образы; я выдумываю то, чего людямъ не хватаетъ для блаженства“. Анимъ-Мергенъ сказала, что если онъ не будетъ болѣе перерождаться, она станетъ его женой. Въ другихъ книгахъ говорится, что онъ сдѣлалъ четыре выдумки: будучи въ полѣ безъ огня, добывать огонь посредствомъ огнива; въ безводномъ мѣстѣ добывать воду; когда воръ совершитъ кражу, дѣлать шаги его слышными, а также дѣлать громкими шаги приближающагося волка; у невѣрной жены вызывать появленіе хвоста, облачающее ея дурное поведеніе.

(Сарисинъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Вернувшись однажды утромъ изъ поѣздки, Гэсэръ-ханъ спросилъ свою жену Анъ-Мергенъ-хатунъ: „Ты встала или нѣтъ?“ Та отвѣчала: „Проснулась, но не встала еще, лежу“. Гэсэръ-ханъ на это сказалъ: „Стыдно такъ валяться, какъ теленокъ на оленъ-травѣ (осокеѣ?) или маралъ (бугу) на высокой травѣ. Серебро снаружи, золото внутри (мэнгунъ катырла, алтан тоотырла)!“ Этими послѣдними словами онъ хотѣлъ сказать: „Разводи огонь“.

(Онъ же).

в. Богъ (Ульгень) создалъ все живое, звѣрей и человѣка, но огня не создалъ. Какъ быть человѣку? Онъ голый, безъ огня холодно, да и ѣсть нужно варить. Всѣ звѣри собрались, совѣтуются, какъ достать огня. Нѣсколько дней совѣщались и не могли прийти ни къ какому отерытію. Птица колборкы (сычъ, который летаетъ опускаясь ребромъ внизъ то вправо, то влѣво, откуда будто бы и имя его происходитъ), которую прежде звали алу-кушъ (глухая птица), говорить собранію: „Не знаете, гдѣ огня достать! Я дуракъ, да знаю“. „Знаешь, такъ скажи“, сказали звѣри. Колборкы на это сказалъ:

Каннда мѣшеэ ёк па?

Каяда таш ёк па?

То-есть: „Развѣ на березѣ нѣтъ губы, развѣ въ скалѣ нѣтъ камня?“ Птицы и звѣри не поняли, а колборкы улетѣлъ. Потомъ птицы и звѣри снова обратились къ колборкы съ просьбой объяснить имъ, что значать его слова. Тогда колборкы сказалъ: „Возьмите два камня, уларыте другъ о друга и подставьте березовую губу“.

(О. Мих. Чивалковъ, свящ. въ Улаѣ въ Алтаѣ, родомъ Телеутъ).

г. Прежде огня не было; ударилъ громъ, отъ молніи (будыль) Сагадай-убугунъ взялъ огонь. „Вотъ послѣ Сагадая у насъ на землѣ и сталъ бѣлый свѣтъ огонь“, добавилъ по русски разказчикъ ¹⁾.
(Салтыковъ, Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

д. Огонь указалъ людямъ Кезеръ-Кайраканъ.
(Бюргутъ, Тува-Уранхаецъ востн Салджакъ. Р. Бурень-голъ).

6) Громъ имѣлъ трехъ сыновей. Въ то время, когда сыновья были на работѣ, отецъ (то-есть, громъ) принялъ на себя видъ незнакомца, пришелъ къ нимъ въ поле и сказалъ, что родители ихъ заболѣли и умираютъ. Узнавъ объ этомъ, старшій и младшій сыновья поспѣшили бѣжать къ заболѣвшимъ, не смотря на томившій ихъ голодъ; средній же сынъ остался пообѣдать и затѣмъ уже пошелъ къ родителямъ. За это отецъ (то-есть, громъ) сдѣлалъ его вѣчно измѣняющимся и временно умирающимъ мѣсяцемъ, тогда какъ старшій и младшій братья сдѣланы: первый не погасающимъ и согрѣвающимъ солнцемъ, а второй—всѣми поддерживаемымъ и чтимымъ огнемъ.

(Запис. г. Черскимъ у Онгуренскихъ Бурятъ, живущихъ на сѣв. берегу Байкала противъ остр. Ольхона).

83. Поѣздка за живымъ богомъ.

а. Въ монастырѣ Эрдени Цзо есть бурхунъ Гомбугуръ; онъ имѣеть свойство кричать передъ войной; при немъ до двадцати каменныхъ собакъ; онѣ также кричатъ въ это время. Бурхунъ этотъ имѣеть только верхнюю половину тѣла. Прежде, когда Монголы еще не были буддистами, Гомбугуръ-бурхунъ находился въ Тибетѣ; при введеніи буддизма изъ Монголіи былъ посланъ въ Тибетъ за бурхуномъ одинъ шаби; Далай-лама указалъ на Гумбугура; но послѣдній отказался ѣхать въ Монголію. Тогда халхасскій Абта-Сайнь-ханъ съ досады разрубилъ его пополамъ.

Севге-Дорчжи, писарь на караулѣ Цициргана, родомъ Халха изъ хошуна Уйдзинъ-гуна).

б. Алтынъ гартай ханъ (златорукій царь), желая насадить въ своей землѣ вѣру, поѣхалъ въ страну Барунъ-Дзу, чтобы добыть

¹⁾ Одинъ лама изъ Аларскихъ Бурятъ также указалъ на Сагадая, какъ на изобрѣтателя огня, прибавивъ, что у ламъ Сагадай извѣстенъ подъ именемъ Мэрзынь-богдо-хана.

бога Эрдени-Дзо; прїѣхавъ туда, онъ обратился съ просьбою къ духовнымъ лицамъ Далай-ламѣ и Банчинъ-Богдо; тѣ сказали ему, что они не знаютъ, который богъ Эрдени-Дзо: пусть самъ найдетъ, Алтынъ-гартай-ханъ вошелъ въ сумунъ (кумирню); въ немъ было сто бурхыновъ, но всѣ они были похожи одинъ на другаго. Алтынъ-гартай-ханъ подумалъ: „Не узнаю ли, постукивая по богамъ курительною трубкой?“ Началъ постукивать и прислушиваться, но не могъ отличить Эрдени-Дзо по звуку отъ другихъ боговъ. Тогда онъ обратился къ привратницѣ, старухѣ, жившей возлѣ сумуна въ худомъ обахаѣ (войлочномъ шалашѣ). Та сказала, что она не смѣетъ выдать ему эту тайну, потому что какъ только она это сдѣлаетъ, Далай-лама и Банчинъ-Богдо тотчасъ же узнаютъ о томъ; у нихъ есть цзурхайчи (ворожея) такой хитрый, что узнаеть сколько камней въ горѣ, сколько зеренъ пшеницы въ мѣшкѣ: „Если Далай-лама и Банчинъ-Богдо спросятъ его, онъ сразу узнаетъ, кто тебѣ открылъ, какъ узнать Эрдени-Дзо. Развѣ ты возьмѣшься выручить меня?“ спросила старуха подъ конецъ. Алтынъ-гартай-ханъ поручился, что онъ ее выручитъ, и она тогда сказала: „Утромъ на зарѣ посмотри въ отверстіе сумуна. Вокругъ Эрдени-Дзо будетъ колышаться синій воздухъ!“ Алтынъ-гартай ханъ взялъ бога, затѣмъ выкопалъ яму въ три сажени, опустилъ на дно ея старуху, отверстіе ямы прикрылъ мѣднымъ котломъ и убѣжалъ. Далай лама и Банчинъ-Богдо, узнавъ, что Эрдени-Дзо увезенъ, спросили цзурхайчи, кто выдалъ тайну; тотъ погадалъ и сказалъ: „Старуха съ мѣднымъ носомъ въ три сажени глубины“. Ламы не догадались; однако послали погоню за Алтынъ-гартай-ханомъ. Погоня стала догонять хана; похищенный богъ всталъ на одномъ мѣстѣ и не движется. Тогда Алтынъ-гартай-ханъ отрубилъ ему верхнюю половину тѣла и только ее вывезъ въ Монголію, а задъ оставилъ. Оттого въ Монголіи вѣру скоро воспринимають, но скоро и забываютъ, а гдѣ остался задъ, тамъ туго воспринимають, но за то долго помнятъ.

(Найдены, шабинецъ вѣдомства Ургинскаго хутукты; разказъ слышалъ отъ ламы въ монастырѣ Эрдени-Цзо).

в. Абатай Санъ, ханъ халхасскій, имѣлъ у себя мудраго со-вѣтника Кункуръ-Заячи. Однажды Кункуръ-Заячи сказалъ Абатай Санъ хану, что нужно выстроить курэ (монастырѣ) и ввести номъ

(святое писаніе); поѣхали они вмѣстѣ искать мѣсто для куреня, пріѣхали на Усюнь-Дзюль, рѣку, которая составляетъ изъ множества вершинъ; на одномъ обширномъ ровномъ мѣстѣ они встрѣтили красную суку Уланъ Улукчунъ ¹⁾ со множествомъ щенятъ, сосущихъ молоко изъ ея сосцовъ; Кункуръ-Заячи сказалъ: „Это предзнаменуетъ, что здѣсь долженъ быть выстроенъ нашъ курень; красная масть — это наше духовенство; щенята — многочисленное шаби; молоко—обиліе пищи и благоденствіе шаби“. Стали тутъ строить курень, и когда выстроили, Абатай Санъ ханъ и Кункуръ-Заячи поѣхали въ Тибетъ. На пути имъ пришлось переѣзжать чрезъ гору Шотханъ-Тологой; сабдыкъ (духъ, хозяинъ) этой горы не пропускалъ никого; онъ напустилъ холодъ и снѣгъ, когда путники поднялись на гору. Абатай Санъ ханъ, бывший хубилганомъ бога Очирвани, началъ стрѣлять изъ ружья и лука. Сабдыкъ, раненный имъ, обливаясь кровью, пришелъ къ хану и сказалъ: „Вижу, что ты сильный! Скажи, куда ты ѣдешь?“ Абатай Санъ-ханъ сказалъ, что онъ ѣдетъ за номомъ въ Тибетъ. „Когда привезешь номъ“, сталъ просить сабдыкъ, — „дай и мнѣ сакылъ ²⁾“; подъ этимъ условіемъ дамъ тебѣ пропускъ“. Путники дали согласіе, переименовали гору въ Номгонъ-Убашинъ-Дабанъ и поѣхали дальше. На пути ханъ нашелъ эрхе четки) и спросилъ у Кункуръ-Заячи: „Что это такое?“ Кункуръ Заячи сказалъ, что это вещь, употребляемая при молитвѣ. Сказавъ это, онъ надѣлъ ихъ на шею, намоталъ на руку и на пуговицу шубы и прибавилъ: „Старики будутъ носить ихъ на шеѣ, молодые на рукѣ, а женщины на пуговицѣ“. Поѣхали дальше; Абатай Санъ ханъ нашелъ царъ (церковный колокольчикъ съ ручкой). Онъ опять былъ въ недоумѣніи—что это за вещь, и Кункуръ-Заячи объяснилъ ему, что это церковная утварь ³⁾. Пріѣхавъ въ Тибетъ,

¹⁾ Уланъ—красный, улукчунъ—сука.

²⁾ По объясненію разказчика, сакылъ—званіе среднее между ламой и простымъ міряниномъ.

³⁾ Въ другой разъ разказчикъ эпизодъ объ этихъ двухъ находкахъ помѣстилъ ранѣе поѣздки въ Тибетъ и намекнулъ, что эти-то находки и вызвали поѣздки въ Тибетъ; Кункуръ ханъ, объяснивъ значеніе вещей, сказалъ, что нужно строить курень и ѣхать въ Тибетъ за книгой.

Абатай Санъ ханъ, по совѣту Кункуръ-Заячи, сталъ просить живаго бога, амитынъ-бурхына. Ему позволили выбрать и ввели въ сумунъ; Абатай Санъ ханъ сталъ прикладывать къ сердцу каждаго свою руку; только у самаго послѣдняго, который былъ всѣхъ хуже, сердце билось. Абатай Санъ ханъ взялъ его. Потомъ онъ сталъ просить хувараковъ, книгу Ганьджуръ-Танджуръ и верблюдовъ подъ своѣмъ ея. Ему дали 21 хуварака, дали Ганьджуръ-Танджуръ, верблюдовъ подъ нее и крѣпкаго коня подъ живаго бога. Абатай Санъ ханъ привязалъ бога въ торока и поѣхалъ. Переваливая черѣзъ гору Шодонъ Харъ Тологой, конь усталъ и не могъ идти далѣе. Абатай Санъ ханъ спросилъ коня: почему онъ не идетъ далѣе. Конь отвѣчалъ: „Я бога везу, оттого тяжело“. Тогда Абатай Санъ ханъ отрубилъ нижнюю часть (боксы) бога и взялъ только одну верхнюю, потому что въ ней чѣджи. Въ память объ этомъ событіи перевалъ этотъ названъ Бурхунъ-Бѣксетэй-дабанъ (перевалъ Божьей нижней половины). Оттого у Халхасцевъ и бурханы дѣлаются только въ видѣ бюстовъ.

Одинъ женатый Халхасецъ Дюгуръ Дзайсанъ былъ въ Тибетѣ; однажды ламы пошли въ хурулъ, а у дверей его стоятъ два тигра (баръ) и не выпускаютъ. Тогда Дюгуръ Дзайсанъ одного тигра убилъ, на другаго надѣлъ пѣши и держалъ рукой. Разказчикъ не помнить кто, Далай лама или Бакчинъ-Богдо, отерылъ въ книгахъ, что Дюгуръ Дзайсану назначено управлять хуруломъ у Абатай Санъ хана,—онъ и отправился въ Халхасскую землю. Оттого, что Дюгуръ-дзайсанъ былъ уже женатъ, и ламы у Халхасцевъ женатые. Дюгуръ-дзайсанъ былъ хубилганъ Цаганъ-Шикуртея. Онъ взялъ съ собою въ Халхасскую землю слоноваго молока и воды изъ рѣки Ганъ (Гангенъ-муренъ).

(Сарисинъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

г. Батырь Бель, подданный Сайнъ хана, ѣздилъ къ тремъ гегенамъ Далай ламѣ, Таранатъ-гегену и Ванджинъ-ламѣ просить бога; ему предоставили самому выбрать; Батырь Бель колотъ боговъ копьемъ въ сердце; у всѣхъ сердце шевелилось, только у бога Очирвани сердце не тронулось; онъ его и взялъ. На обратномъ пути онъ остановился на перевалѣ почевать и положилъ бога на камень. Богъ такъ прилипъ къ камню, что Батырь Бель на другой день утромъ не могъ отодрать его, и отрубивъ верхнюю часть

(чѣджи), увезъ съ собою только ее одну. Такъ какъ нижняя часть (бѣкси) осталась на перевалѣ, то послѣдній получилъ имя Бурхонъ-бѣксень-дабанъ (то-есть, переваль нижней части бога). Батиръ Бель просилъ у трехъ гегеновъ, чтобъ они отпустили съ нимъ одного гегена; ему въ этомъ отказали, но сказали, что гегенъ явится въ его землѣ въ такой-то годъ, и что предъ его явленіемъ будетъ знаменіе. Сайнъ ханъ сталъ устраивать сумунъ для ожидаемаго гегена; строителемъ былъ Китаецъ. Сайнъ ханъ указывалъ Китайцу, какъ строить. Китаецъ былъ удивленъ знаніями хана и сказалъ: „Какой свѣдущій ханъ (ясинъ абтай ханъ)! „Съ тѣхъ поръ и стали звать этого хана Абтай Сайнъ ханомъ. Когда сумунъ былъ готовъ, пошелъ дождь и градъ; Абтай Сайнъ хану доложили, что градъ избилъ всю золоченую крышу. Ханъ вышелъ изъ дома и увидѣлъ, что на степи выпала въ конское копыто крупа; это былъ ячмень (хар'тара). Съ этого времени и начали воздѣлывать землю. Абтай Сайнъ ханъ догадался, что это и есть то знаменіе, которое было обѣщано передъ пришествіемъ гегена. Гегенъ хотѣлъ родиться въ аймакѣ Цеценъ-хана, но у этого хана была въ то время война; потому онъ пошелъ къ Тушету хану и засталъ его за чтеніемъ большой книги; ему показалось приличнѣе всего здѣсь явиться, и онъ родился сыномъ Тушету-хана.

(Старикъ Дархатъ. Р. Джара, въ с.:отъ дархатскаго курена).

д. Абатай Сай ханъ былъ глупый ханъ (тенежъ ханъ); въ его время не было нома; ханъ ѣздилъ на черномъ лысомъ мулѣ (хара халдзынъ лусы). Однажды онъ поѣхалъ на охоту, увидѣлъ козулю (дзурь), хотѣлъ выстрѣлить, но разстояніе было большое; хотѣлъ ударить и подогнать свою лошадь плетью, но промахнулся, упалъ на землю и сказалъ: „Э, далай лама!“ Вернувшись домой, онъ сказалъ матери: „Я былъ на охотѣ, гнался за козулей, хотѣлъ ударить лошадь плетью, и промахнувшись, упалъ и сказалъ при этомъ: э, далай лама! Что это за слово? Я его не понимаю. Не читкурь ли это?“ Мать отвѣчала: „Я слышала отъ покойнаго мужа, что это не читкурь, а большой чудотворецъ“ (эдетей шидетей хунь). Абатай Сай ханъ рѣшился поѣхать искать этого чудотворца; семь дней онъ выставлялъ своего лусы, затѣмъ взялъ лукъ, стрѣлы и саблю и поѣхалъ. Ѣхалъ онъ до Далай ламы семь дней; въ этотъ срокъ онъ проѣхалъ пространство, на которое обыкновенной ѣзды нужно два

года. Доѣхавъ до Сюртъ-дабана ¹⁾, Абатай Сай ханъ слѣзь отдохнуть. Боясь уснуть, не принявъ предосторожностей, онъ натануль лукъ, и держа его, въ такомъ положеніи, заснулъ; явился мѣстный сабдыкъ, увидѣль хана и думаетъ: „Что за человѣкъ? Нѣтъ закона проѣзжать здѣсь людямъ!“ И хотѣлъ на него накинуть петлю (цалма). Хар-лосу ударилъ Абатай Сай хана копытомъ по лбу, и тотъ, пробудившись, выстрѣлилъ и отшибъ сабдыку руку вмѣстѣ съ петлей. Сабдыкъ закричалъ, побѣждалъ къ Далай-ламѣ и говорить ему, что какой-то человѣкъ отшибъ у него руку. Далай лама сталъ уговаривать сабдыка, чтобъ онъ не дѣлалъ впредь вреда людямъ, и далъ ему цакиль (посвятилъ въ ламы). Потомъ Далай лама распорядился, чтобы привязали двухъ лардзи-нохой (нохой—собака), но Тангуты выпустили собакъ. Появилась пыль, увидѣли приближающагося богатыря; собаки бросились на встрѣчу, но, къ удивленію Тангутовъ, вмѣсто того, чтобы разорвать его, стали ласкаться къ нему. Тогда Далай лама испугался и спрятался въ парныя чашки (кангаръ; верхняя чашка прикрываетъ нижнюю, какъ крышка). Абатай Сай ханъ пріѣхалъ, отдалъ своего хара лосу Тангутамъ, подошелъ къ юртѣ, саблей поддѣлъ и откинулъ дверь, вошелъ и спросилъ: „Гдѣ Далай лама?“ Ему отвѣчали: „Нѣтъ его!“ „А что у васъ въ этихъ чашкахъ?“ спросилъ онъ и раскрылъ ихъ саблей. Далай лама съ испуганнымъ видомъ вылезъ и сдѣлалъ хану земной поклонъ. Абатай Сай ханъ сказалъ, что онъ пріѣхалъ посмотреть на него, такъ какъ слышалъ, что онъ большой чудотворецъ (едетей, шюдетей, эльбитей, хубильгетей хунь). Увидѣвъ боговъ, ханъ спросилъ: „Что это у тебя за вещи?“ Далай лама отвѣчалъ: „Это боги!“ „Къ чему же они полезны?“ опять спросилъ ханъ. „Они полезны“, отвѣчалъ Далай лама, — „въ этой и въ будущей жизни“. „Теперь“, сказалъ Абатай Сай ханъ, — „покажи мнѣ твое искусство“ (эльби). Далай лама взялъ дунгуръ (раковину, въ которую трубятъ въ кумирняхъ), вытянулъ ее въ три сажени и подпоясался ею. „Какъ ты это сдѣлалъ?“ воскликнулъ Абатай Сай ханъ. „Это не я, это искусство (эльби) отъ силы боговъ, которыхъ ты видишь“. Абатай Сай ханъ спросилъ: „Не согласишься ли и ты эльби чернаго человѣка?“ Затѣмъ взялъ себя за усы и

¹⁾ Дабанъ—горный переваль.

вытянулъ ихъ на сажень; изъ концовъ ихъ посыпались искры. Далай-лама раскрылъ ладонь и привлекъ на нее пятицвѣтную радугу. Абатай Сай ханъ сказалъ: „Дай мнѣ эту радугу (солонго)!“ Онъ взялъ ее въ руки, но тотчасъ бросилъ и сказалъ: „Какое горячее!“ Затѣмъ взялъ саблю, вытянулъ ее, извязалъ узлами, кинулъ въ Далай ламѣ и сказалъ: „Развяжи!“ Далай лама только дунуль, сабля сдѣлалась постарому. „Чѣмъ ты это дѣйствуешь?“ спросилъ опять Абатай Сай ханъ. „Силой этихъ боговъ“, отвѣчала Далай лама, указывая на свою божницу. Тогда Абатай Сай ханъ сталъ просить себѣ одного бога; Далай лама сказалъ: „Завтра прїѣзжай и получишь, останься ночевать въ моемъ худенькомъ обахаѣ (шалашѣ)!“ „Я не помѣщусь здѣсь“, возразилъ Абатай Сай ханъ. „Можетъ ли быть, чтобы не помѣстился? Ложись вонъ на ту кровать, сдѣланную изъ семидесяти слоновыхъ костей“. „Она не сдержитъ одной моей ляшки“, сказалъ Абатай Сай ханъ. „Попробуй“. Абатай Сай ханъ облокотился на кровать, и она изломалась. Тогда Далай лама отпустилъ его ночевать въ полѣ. На завтра Абатай Сай ханъ прїѣхалъ выбирать бога; ламы догадались, что идетъ искусный (эльбитей) Абатай Сай ханъ, и спрятали живаго бога Гомбугура въ желѣзный ящикъ, который зарыли по срединѣ сумуна, а сверху присыпали золой. Абатай Сай ханъ сталъ тыкать боговъ саблей и говорить: „Что жъ это за боги? Мѣдь да шанкай (лощанка, которую теперь Дархаты употребляютъ на шиваніе своихъ онгоновъ)! Кому вы молитесь? А это что за зола? Зола бросаютъ подальше, а не сыплютъ по срединѣ юрты“. Ковырнулъ саблей, выворотилъ ящикъ; разбилъ его и нашелъ Гомбугура; Абатай Сай ханъ воткнулъ ему саблю въ грудь, сабля задрожала. Тогда онъ сказалъ „Вотъ я этого худаго, выброшеннаго и засыпаннаго соромъ бога и возьму себѣ“. Далай лама сталъ ему совѣтовать, чтобы онъ хорошенько чествовалъ этого бога. Абатай Сай ханъ сказалъ: „Я не умѣю; поѣзжай ко мнѣ ты“. Далай лама отвѣтилъ ему: „Мнѣ не предназначено отсюда удалиться въ этой жизни; возьми другаго ламу“. Абатай Сай ханъ пошелъ выбирать ламъ, а ламы старшіе сѣли на мѣста младшихъ, младшихъ помѣстили на старшія мѣста, сами одѣлись въ войлочное платье, а свое хорошее платье надѣли на младшихъ. Абатай Сай ханъ сталъ давать имъ лизать свою саблю; у всѣхъ пошла кровь съ языка. Лама, сидѣвшій на самомъ

последнемъ мѣстѣ, одѣтый въ самое худое одѣяніе, лизнулъ и ничего; даже на саблѣ лезвіе загнулось. Абатай Сай ханъ выбралъ этого ламу, но тотъ сказалъ, что теперь ему ѣхать нельзя, и назначилъ другой срокъ, когда онъ къ нему пріѣдетъ. Абатай Сай ханъ сказалъ: „Какъ же ты, оставаясь здѣсь, посвятишь сумунъ?“ „Я откуда посвящу“, сказалъ лама, и далъ хану горсть зеренъ. И еще сказалъ: „Я рожусь сыномъ твоего сына“. Абатай Сай ханъ положилъ горсть зеренъ за пазуху, привязалъ Гомбугура въ торока и поѣхалъ домой. На одномъ перевалѣ онъ слѣзъ помочиться и поставилъ Гомбугура на камень; богъ такъ прилипъ къ камню, что сколько Абатай Сай ханъ не ковырялъ его саблей, не могъ отдѣлать и сказалъ: „Если ты, задъ (боксп), не хочешь ѣхать со мной, то оставайся здѣсь!“ Съ этими словами онъ отрубилъ верхнюю половину бога, привязалъ въ торока и поѣхалъ дальше. Пріѣхавъ домой, онъ выстроилъ сумунъ и поставилъ Гомбугура. Однажды поднялась буря, палъ градъ, когда посмотрѣли пристальнѣе, оказалось, что это было зерно. Абатай Сай ханъ вспомнилъ, что у него за пазухой было привезено зерно; вынулъ его изъ-за пазухи, сличилъ съ только что упавшимъ—оказалось одинаковое. Абатай Сай ханъ увѣровалъ, что то былъ великій лама. Жена у ханскаго сына Гомбу-Тушетухана еще до этого родила сына и съ трудомъ; потому она приняла снадобья, чтобы больше не родить, и сказала мужу, чтобы онъ женился на другой. Ея мужъ взялъ другую жену, отъ которой и родился Ундюръ Богдо. Абатай Сай ханъ велѣлъ додѣлать нижнюю часть Гомбугура одному Китайцу; но тотъ никакъ не могъ угадать въ мѣру; либо велики сдѣлаеть ноги, либо малы. Абатай Сай ханъ снялъ свои штаны, велѣлъ смѣрять свой задъ и по этой мѣркѣ сдѣлать нижнюю часть Гомбугура. Мастеръ сдѣлалъ, примѣряли—и какъ разъ пришлось.

(Джампцянъ, Баргу-Солонъ съ оз. Бумръ, что близъ города Хайларъ, нынѣ проживающій въ Дархатской землѣ).

е. Аватай Сайнъ ханъ сдѣлалъ изъ трехъ-сотъ драгоцѣнныхъ камней трехъ божковъ и повезъ ихъ къ Талай ламѣ просить у него въ замѣнъ ихъ живаго бога и номъ; онъ отправился съ многочисленнымъ войскомъ; прибывъ къ Талай ламѣ, онъ сказалъ ему, что слышалъ, будто здѣсь есть номъ и живые боги, и потому просить, чтобы Талай лама далъ ему одного изъ боговъ. Талай

*

лама сказалъ, чтобъ онъ выбралъ самъ. Аватай Сайнъ ханъ сталъ пробовать боговъ, втыкая въ нихъ саблю; изъ одного бога стала сочиться кровь; Аватай Сайнъ ханъ взялъ этого бога и уговорился съ Талай ламой, чтобы тотъ отпустилъ къ нему десятилѣтняго ламу Чо-Джамцинъ; назначили срокъ, въ который этотъ лама долженъ былъ прїѣхать къ Аватай Сайнъ хану. Когда этотъ лама полетѣлъ въ Халхасскую землю, онъ усыпалъ всю землю зерномъ; послѣ этого и стали сѣять хлѣбъ, котораго прежде не знали. Прибывши въ Халху, лама сталъ называться Ундюръ-гегеномъ. На обратномъ пути отъ Талай ламы Аватай Сайнъ ханъ отрубилъ задъ у бога въ мѣстности, получившей названіе Бурхонъ Бокси дабанъ; привезенный богъ былъ Очирвани. Ханъ велѣлъ придѣлать задъ къ богу, но мастеръ никакъ не могъ этого сдѣлать. Тогда ханъ приподнялъ полы, велѣлъ снять съ себя мѣрку и по ней сдѣлать задъ богу. Сдѣлали, и новый задъ пришелся въ пору, потому что Аватай Сайнъ ханъ былъ хувильганъ бога Очирвани. Тушету ханъ считается потомкомъ Аватай Сайнъ хана. (Записано г. Палкинымъ отъ Дархата во время зимовки въ Дархатской землѣ).

ж. Абатай Санъ хану живаго бога указала старуха шульму ¹⁾. Талай лама открылъ книгу Точчи Хара номъ и увидалъ изъ нея, что живаго бога выдала Абатай Сайнъ хану самка (емь) съ мѣднымъ клювомъ изъ земли въ три сажени глубиной; Талай лама разсердился на неясность книги и велѣлъ ее сжечь; пепель этой книги прильнулъ барану на лопатку; оттого онъ (лопатки) и „мергенъ“, то-есть, знаніемъ снабженныя. Когда Абатай Сайнъ ханъ везъ живаго бога домой, въ одномъ мѣстѣ слѣзъ помочиться, а живаго бога положилъ на землю; богъ ушелъ въ землю по поясъ; Абатай Сайнъ ханъ отрубилъ его верхнюю часть, сказавъ нижней: „Оставайся здѣсь, если не желаешь ѣхать со мной“.

(Записано имъ же тамъ же).

з. Алтынъ Гартай ханъ захотѣлъ стать бурхиномъ и отправился къ Далай ламѣ, но Далай лама былъ сердитъ на него за то, что увезъ Ердене Дзо, и сказалъ, что ему не бывать богомъ. Алтынъ Гартай ханъ возразилъ, что онъ искупитъ это воровство

¹⁾ Шульму—нечистая сила, дѣволъ.

своею жизнью. „Ну развѣ такъ?“ сказалъ Далай лама. Тогда Алтынъ Гартай ханъ сложилъ ладони, перевязалъ себѣ руки по пальцамъ и положилъ ихъ на огонь; когда онъ сталъ догорать, голова его отлѣтѣла прочь, и онъ обратился въ бурхана, котораго Далай Лама спряталъ себѣ за пазуху. Теперь онъ на небѣ и называется Хончжиха.

(Найдунъ, богдо-шабинель изъ Урги).

84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его сынъ Ерь Сару.

У старика Тюмендея, имѣвшаго тысячу коурыхъ лошадей (мынг хонгор атту), была старуха и три дочери. Однажды онъ пошелъ на рѣку и увидѣлъ, что по ней плыветъ желтый войлокъ; войлокъ вдругъ превратился въ джельбага, который схватилъ старика за бороду и грозился съѣсть его. Старикъ сказалъ джельбагѣ: „Возьми моихъ тысячу коурыхъ лошадей, только отпусти меня“. Джельбага отвѣчалъ: „Лошади не уйдутъ у меня и такъ, а тебя все-таки съѣмъ“. „Возьми еще моихъ трехъ дочерей“, сказалъ старикъ Тюмендей, — „только отпусти“. Джельбага согласился и отпустилъ старика. Приѣхавъ домой, старикъ взялъ три ведра (едыш), вышибъ у нихъ дна, далъ ихъ тремъ своимъ дочерямъ и велѣлъ идти въ лѣсъ по ягоды (кызыл кат), а самъ со старухой укочевалъ. Дѣти его долго ходили въ лѣсу и не могли насбирать ягодъ; наконецъ замѣтили, что ведра безъ дна; тогда они затенули ихъ травой, насбирали ягодъ и пришли домой; здѣсь они увидѣли, что отецъ и мать ихъ укочевали, а на ихъ мѣстѣ лежитъ какой-то большой человѣкъ; однимъ ухомъ слушаетъ въ землѣ, другимъ въ небѣ. Дѣти догадались, что родители ихъ бросили, и спросили у незнакомца: что онъ за человѣкъ. Тотъ отвѣчалъ: „Я старшій человѣкъ, не могу ни встать, ни ходить“. Ночь дѣти переночевали въ одной куртѣ съ незнакомымъ человѣкомъ; утромъ старшая дочь проснулась раньше всѣхъ и видитъ: подлѣ человѣка лежитъ топоръ (ай балта); она подумала, что это лихой человѣкъ, джельбага, и что онъ убьетъ ихъ. Проснулся человѣкъ и говорить: „Ну, дѣти, вставайте, играйте; скоро вамъ конецъ будетъ“ (кызтар ойна кылбырт, кылбырт! олар ойна кылдырт, кылдырт)! Дѣти встали; старшая сестра сказала джельбагѣ: „Я хочу на дворъ сходить и вышла“. Вторая и третья сдѣлали то же. Втроемъ онъ

пустились бѣжать отъ джелбаги; старшая дочь захватила изъ родительской юрты забытый отцомъ брусъ (джана) и забытый матерью гребень (тыргакъ ¹⁾). Джелбага, догадавшись, что дѣти убѣжали, пустился въ погоню за ними. Когда онъ сталъ догонять ихъ, одна дѣвочка бросила гребень,—сдѣлался дремучій лѣсъ (кой няш). Джелбага сталъ рубить лѣсъ топоромъ, прорубилъ и опять побѣжалъ за дѣтьми; снова онъ сталъ догонять ихъ; тогда другая дѣвочка бросила брусъ,—сдѣлалась скала (кая). Джелбага принялся рубить топоромъ скалу, разрубилъ ее, снова побѣжалъ за дѣтьми и опять догоняетъ ихъ. Дѣти въ это время добѣжали до рѣки, у которой лежалъ боберъ (кундуз); онъ, разложивъ огонь, грѣлся. Дѣти обратились къ нему съ просьбой: „Боберъ, перевези насъ на другую сторону! За нами гонится джелбага“. Боберъ спросилъ ихъ: „Хорошъ ли мой хвостъ?“ (худуру джагай ля). „Хорошъ“ (джагай)! отвѣчали дѣти. „Хороши ли мои ребра?“ (халбыргамджагай ля) опять спросилъ боберъ“. „Хороши“, отвѣчали дѣти. „Хороши ли мои ребра“ (амыргам джагай ля)? ²⁾ спросилъ боберъ въ третій разъ. Дѣти отвѣчали: „Хороши“. „Хороши ли мои зубы?“ (тышим джагай ля) въ послѣдній разъ спросилъ боберъ. Дѣти отвѣчали: „Хороши“. Тогда боберъ посадилъ ихъ къ себѣ на спину и перевезъ ихъ на другую сторону; здѣсь онъ указалъ имъ на три ели (шибе) и сказалъ: „Вотъ живите на этихъ еляхъ, здѣсь васъ джелбага не достанетъ“. Вслѣдъ за дѣтьми къ рѣкѣ прибѣгаетъ джелбага и говоритъ бобру: „Гдѣ мое мясо?“ „Какое твое мясо!“ спрашиваетъ боберъ. „Тутъ у меня сбѣжали трое дѣтей“. „Я перевезъ ихъ на ту сторону“, говоритъ боберъ. „Ну, перевези теперь и меня“, просятъ джелбага. „А хвостъ мой хорошъ ли?“ спрашиваетъ боберъ. „Твой желтый хвостъ худой!“ отвѣчалъ джелбага. „Хороши ли мои ребра?“ Съ чего они будутъ хороши: они червивы, потому что ты ѣшь червивый таль (хак).“ „Хороши ли мои зубы?“ „И зубы твои червивы, потому что ты ѣшь червивый таль“. „Хорошо“, сказалъ боберъ;—„теперь ты собирай себѣ камней за пазуху и возьми въ руки стебель дягиля“ (балдырган). Джелбага такъ и сдѣлалъ; боберъ повезъ его черезъ рѣку, а на серединѣ отпустилъ; сте-

¹⁾ Тыргакъ по урянхайски—и гребень, и ноготь.

²⁾ Халбырга и амырга—какъ будто два отдѣльные вида реберъ.

белъ въ рукѣ у джельбаги изломался, камни потянули его внизъ, и онъ утонулъ.

Три дѣвицы сидѣли на вершинахъ трехъ елей и играли на чатаганѣ, шорѣ и экилѣ. Ъхали три охотника, услышали игру на инструментахъ и подѣхали подѣ деревья. Дѣвицы помочились; когда жидкость попала на головы молодцовъ, они подумали, что дождь идетъ, посмотрѣли вверхъ, увидѣли живыя существа и хотѣли стрѣлять, но дѣвицы закричали имъ, что онѣ люди, и разказали свои похождения. Когда молодцы узнали, что онѣ дѣвицы, они сказали имъ: „Мы не женаты; будьте нашими женами“. Дѣвицы спустились. На другой день старшій изъ молодцовъ говоритъ своей женѣ: „Мы теперь пойдемъ на охоту, ты что мнѣ сдѣлаешь?“ „Я сошью тебѣ даху изъ шкуры джалбана“. Средній спрашиваетъ свою жену: „Ты что сдѣлаешь?“ „Я“, говоритъ жена, — „сдѣлаю чехоль на брусъ (джана хабы) изъ шкуры вши“ (бить кежи). Жена третьяго обѣщалась родить мальчика съ серебряною шеей и золотою головой. Уѣхали мужья; третья сестра родила мальчика, какого обѣщала; старшій двѣ позавидовали, бросили ея ребенка въ озеро и подложили вмѣсто него крота (кей куське). Вернулись мужья; у старшихъ вещи сдѣланы, младшій идетъ къ женѣ, видитъ колыбель, и думая, что въ ней лежитъ чудесный ребенокъ, хочетъ поцѣловать его; кротъ укусилъ его за губу; тогда мужъ изломалъ ноги и руки у жены и выколупалъ глаза. Потомъ всѣ трое укучевали, и искалѣченная сестра осталась одна. Вышла изъ норы крыса (куське) и стала грызть ей ноги; калѣка схватила палку, бросила ее и перешла у крысы ногу. Крыса вырыла травку, съѣла, и ея нога выросла. Калѣка съѣла ту же травку и стала съ ногами. Другая крыса стала грызть ей руки; и ей калѣка перешла ногу; крыса нашла травку, вырыла, съѣла, и нога ея выросла; тогда и калѣка поѣла той же травки и стала съ руками. Третья крыса стала грызть ей глаза; калѣка и ее зашибла палкой, такъ что вышибла ей глаза; крыса вырыла травку, съѣла, и глаза ея снова явились. Ту же травку съѣла калѣка и сдѣлалась съ глазами. Пошла она на сзеро и стала кликать сына; онъ вышелъ изъ воды и сталъ бѣгать кругомъ озера; мать хотѣла поймать его, но не могла; тогда она крикнула: „Абай, ача тутар!“ Это она взмолилась озеру. Мальчикъ снова ушелъ въ воду. Мать пришла къ лоскуту бѣлаго

войлока лучокъ и стрѣлку, положила на берегу и снова стала кли-
вать сына. Озеро заиграло, сынъ вышелъ и сталъ бѣгать. Мать
опять не могла его поймать и взмолилась: „Куль абай, куль ачей
тутар“ (отецъ-озеро, мать-озеро, поймайте)! Мальчикъ опять скрылся
въ водѣ. Только въ третій уже разъ ей удалось схватить и задер-
жать мальчика. Сынъ сказалъ ей: „Если ты моя мать, то дай мнѣ
груднаго молока и пусти свои слезы въ мои глаза“. Она дала ему
молока и капнула слезы. „Теперь вижу, что ты моя мать“, сказалъ
мальчикъ. Сталъ онъ жить съ нею и ходить съ сдѣланнымъ ею
лучкомъ на охоту; онъ стрѣлялъ птицъ „торло“ и кормилъ мать.
Матери наскучила птица, она попросила звѣринаго мяса. „Чѣмъ
буду стрѣлять звѣрей?“ спросилъ сынъ у матери. Та ему отвѣчала:
„Отсюда близко есть Кудай-базыру ¹⁾; отвали камень, тамъ найдешь
садакъ и лукъ“. Мальчикъ нашелъ лукъ, взялъ его и сталъ стрѣ-
лять звѣрей. Однажды въ его отсутствіе пролетѣли мимо его ма-
тери семь гусей (джеты каз) и прокричали: „Ерь-сару дома ли, Ер-
бей-ширбей на приколѣ ли, Джесь-тумана на зарубкѣ ли?“ (Ерь-сару
уйде ба, Ербейширбей букде ба, Джесь тумана кисекте ба). Мать,
услышавъ этотъ крикъ, отрѣзала одно свое ухо. На другой день
опять летятъ семь гусей и кричатъ тѣ же слова; женщина отрѣ-
зала себѣ носъ; въ третій разъ услышавъ тотъ же гусинный крикъ,
она отрѣзала себѣ губу. Пришелъ ей сынъ и спросилъ: „Гдѣ твои
ухо, носъ и губа?“ Мать разказала, что въ его отсутствіе три дня
сряду пролетали гуси и кричали: „Ерьсару дома ли, Ербей Шир-
бей на приколѣ ли, Джесь-тумана на зарубкѣ ли“, и что, услышавъ
эти слова, она отрѣзала себѣ сначала ухо, потомъ носъ, потомъ
губу. Сынъ ея самъ взялся караулить пролетъ гусей и не пошелъ
на промыселъ; онъ заснулъ и услышалъ крикъ: „Ерь-Сару дома ли?“
и проч. Онъ вышелъ изъ юрты; гуси были уже далеко; онъ все-
таки выстрѣлилъ; стрѣла прилетѣла назадъ и принесла на своемъ
концѣ человѣческой палець. Тогда онъ рѣшился пойти слѣдомъ
за гусями; онъ настрѣлялъ звѣрей и заготовилъ для матери въ
запасъ (шкырдь) мяса высотой съ юрту, потомъ спросилъ мать: „Если
спросятъ мое имя, что сказывать?“ Мать отвѣчала ему: „Твое имя
Ерь-сару, твоя лошадь Ербей Ширбей, твоя стрѣла Джесь-тумана“.

¹⁾ Базыру по урянхайски — древняя могильная насыпь.

Выслушавъ отвѣтъ матери, Ерь-Сару сдѣлался мальчикомъ, лошадь сдѣлалъ жеребенкомъ и отправился. На дорогѣ ему попался старикъ, пасшій телятъ, по имени Бузакай Таракай ашякъ ¹⁾. „Ты кто?“ спросилъ его Ерь-сару. Бузакай Таракай отвѣчалъ, что онъ ханскій пастухъ, и разказалъ также, что у его хана есть семь дочерей, за которыхъ сватается Джеты-тасъ. „Ты ступай къ хану и посватай его дочь за меня“, говоритъ Ерь-сару. „Гдѣ тебѣ равняться съ ними“, говоритъ пастухъ;— „ты не стоишь одного куска изъ ихней чашки. Они положатъ тебя на ладонь, щелкнутъ, отъ тебя ничего не останется“. „Дай“, говоритъ Ерь-сару,— „я попробую щелкнуть тебя!“ Щелкнулъ пастуха, убилъ его сразу, зарылъ въ землю, самъ сдѣлался Бузакаемъ, пошелъ къ хану. Семь зятьевъ сидятъ тутъ же. Ерь-сару, посмотрѣвъ на нихъ, подумалъ про себя: „Старикъ правду сказалъ, сильные богатыри!“ Ханъ, увидѣвъ Бузакаю, спросилъ его: „Ты что здѣсь сидишь! Ступай, смотри за телятами; вотъ поймайка одного теленка, да приведи сюда“. Побѣждалъ Ерь-сару, но не могъ поймать теленка. Ханъ ударилъ его и приказалъ коровъ доить. Корова не дается Ерь-сару; тогда онъ закричалъ: „Сагыл, сагыл! молоко дойся!“ Ведро наполнилось молокомъ. „Что ты тамъ дуришь!“ закричалъ ханъ;— „иди сюда; облизывай подошвы моихъ сапоговъ“. Самъ ханъ легъ спать. Ерь-сару намазалъ ханскія подошвы смѣтаной и бросилъ ихъ собакамъ; тѣ ихъ вылизали. Пришли семь дѣвицъ, красивы всѣ, а младшая всѣхъ краше, только указательнаго пальца у ней нѣтъ. Ерь-сару говоритъ ей: „Неужели ты пойдешь за Таса; онъ плѣшивый ²⁾. Пойди лучше за меня“. Ханъ на другой день проснулся, всталъ съ постели и сталъ отдавать своихъ семь дочерей за семь Тасовъ (Джеты-тасъ); младшая сказала: „Не пойду за Таса, пойду за Бузакаю“. Ханъ осердился, но согласился и велѣлъ для нея поставить худую юрту. Поженивъ Джеты-тасовъ, ханъ сказалъ имъ: „Достаньте мнѣ архаръ-бочкора“ ³⁾. Джеты тасы собираются въ дорогу, собирается и Бузакай. Ханъ говоритъ ему: „Куда тебѣ за ними гнаться? Одна пыль изъ-подъ нихъ тебя задушитъ“. Ханьша сказала: „Пусть поймаешь худаго же-

¹⁾ Ашякъ-старикъ.

²⁾ Тасъ—плѣшивый. Джеты-тасъ буквально—семь плѣшивыхъ.

³⁾ Каменный баранъ, *Ovis argali*.

ребенка и поѣдетъ“. Поѣхали зятя. Ерь-сару застрѣлили аркара и проговорилъ: „Наружное мясо да будетъ ядъ, внутреннее мясо да будетъ сладкій сахаръ“ (ком эдэ у корон бул, иште де амдан чикыр бул). Привезли мясо, ханъ сталъ ѣсть наружное мясо; оно оказалось горькое, и ханъ осердился. Ханьша сказала ему: „Ты попробуй внутренняго мяса, хоть съ пальца лизни“. Попробовалъ ханъ, чуть свой палець не съѣлъ; унесъ мясо въ отдѣльный домъ и тамъ ѣлъ. Потомъ ханъ велѣлъ застрѣлить такого аркара, у котораго наружное мясо было бы сладко. Зятя вновь поѣхали, но удалось застрѣлить аркара только Ерь-сару, который, убивъ звѣра, проговорилъ: „Внутреннее мясо будь, какъ ядъ, наружное мясо, будь какъ сладкій сахаръ“ (иште гаруне у горон бул, ком эдене амдан чикыр бул). Ханъ не могъ ѣсть горькое внутреннее мясо, но попробовалъ наружное и чуть не изжевалъ свой палець; унесъ мясо въ отдѣльный домъ и тамъ ѣлъ.

Потомъ ханъ сказалъ Джеты тасамъ: „У меня есть кобыла, которая родить каждый годъ жеребенка Канъ-губа-хулунъ, но Ханъ-Гариде всякій разъ уносить его. Ступайте къ Ханъ-Гариде и доставьте жеребенка“. Зятя собираются въ дорогу. Ерь-сару говорить: „И я вмѣстѣ поѣду“. Ханъ сказалъ ему: „Ты лучше телягъ паси“. Потомъ въ насмѣшку надъ нимъ, ханъ прибавилъ: „Пожалуй, поѣзжай, осѣдлавъ трехъ священныхъ вороныхъ коней Тэнгри-хана“ (Терь-ханымъ ушь адак ¹⁾ харатъ); Ерь-сару, выслушавъ эти слова хана, поднялся по радугѣ (Телеш) на небо, поймалъ трехъ вороныхъ коней, къ хвостамъ ихъ привязалъ вогур-хонекъ (ведро и подойникъ?) и отпустилъ; кони сами приближали на дворъ къ хану. Жены Джетытасы хохочутъ и говорятъ: „Какъ тэнгрихановы-то кони таскаютъ Бузакая!“ Стали Джетытасы караулить. Прилетѣлъ Ханъ-Гариде; Джетытасы выстрѣлили, промахнулись; Ерьсару выстрѣлили, отшибъ хвостъ у жеребенка и хвостъ у Ханъ-Гариде и спрятали ихъ въ ящикъ подъ ханскимъ трономъ (шире). Пришли Джетытасы домой; ханъ спрашиваетъ ихъ: „Ну что?“ Джетытасы говорятъ: „Мы только отшибли хвосты у жеребенка и у Ханъ-Гариде“.

¹⁾ Адакъ — лентообразная тряпочка, привязываемая къ предметамъ, посвященнымъ божеству, къ деревьямъ, лошадямъ и пр.; адак ат — лошадь, посвященная божеству, въ знакъ чего къ ея гривѣ навязываются адаки.

„Гдѣ же хвосты?“ „Не знаемъ, не могли найти“. „Ну, достаньте же теперь самаго жеребенка“, сказалъ ханъ. Поѣхали Джетытасы; поѣхалъ за ними и Ерь-сару; на половинѣ дороги онъ нашелъ Джетытасовъ — похудѣли, свонхъ лошадей съѣли, подошвы ногъ ихъ состарѣлись. Ерь-сару настрѣлялъ имъ дичи три стога, а самъ поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ Хань-Гариде, тотъ испугался. „Зачѣмъ ты приѣхалъ?“ спрашиваетъ. „За тобою“, говоритъ Ерь-сару; — „ханъ тебя требуетъ“. „Не убивай меня“, говоритъ Хань-Гариде, — „возьми жеребятъ, изъ которыхъ теперь накопился цѣлый табунъ, возьми и послѣдняго жеребенка, который сталъ уже конемъ, скажи хану, будто убилъ меня, и покажи ему вотъ этотъ пухъ“. Вырвалъ Хань-Гариде изъ себя пуху и далъ богатырю. Ерь-сару навьючилъ пухъ на коня, взялъ табунъ и погналъ его. Среди дороги лошадь его остановилась и спрашиваетъ своего хозяина: „Ты не знаешь ли чего?“ „Ничего не знаю“, говоритъ Ерь-сару. „Джетытасы“, говоритъ конь, — выстроили хорошую юрту (айл), выкопали въ семьдесятъ сажень глубиной яму (собственно тамы, что по монгольски значитъ адъ), прикрыли ее бѣлымъ войлокомъ и хотятъ тебя бросить въ эту яму“. Ерь-сару подѣхалъ къ юртѣ Джетытасовъ, они схватили его и бросили въ тамы; потомъ они хотѣли убить его лошадь, но не могли ее поймать; она убѣжала. Далеко, далеко жила Менгу-кызь ¹⁾; она собралась кочевать, въ это время увидѣла прибѣжавшаго коня, понравился онъ ей, она поймала и сѣла на него; конь привезъ ее къ тамы, вырытый Джетытасами, и попросилъ вынуть Ерь-сару. Менгу-кызь спустила въ тамы свои волосы, которые были длиною шестьдесятъ сажень; волосы не достали до дна; тогда она отрѣзала одну косу, наставила другую косу и вытащила Ерь-сару. Богатырь заплакалъ и спрашиваетъ у Менгу-кызь: чѣмъ онъ можетъ ей отплатить. Менгу-кызь попросила только одного, чтобы лошадь, которая привезла ее сюда, снова отвезла бы ее на ея родину. Когда конь вернулся, Ерь-сару поѣхалъ къ своему хану; когда онъ подѣзжалъ, земля зашевелилась, ханъ испугался и послалъ посмотреть, что случилось. Посланные отвѣчаютъ ему, что приѣхалъ какой-то богатырь. Ханъ велѣлъ звать его въ ханскую юрту. Ерь-сару вошелъ въ юрту; когда онъ проходилъ въ двери, желѣзные косяки ея не выстояли,

¹⁾ Кызь — дѣвица.

изломались. „Кто ты таковой?“ спросил ханъ. „Я Ерь-сару“, отвѣчалъ богатырь, — „а прежде былъ твой Бузакай; я убилъ Ханъ-Гариде“. Ханъ не повѣрилъ ему. „Посмотри въ ящикѣ подь твоимъ шире, тамъ лежатъ хвосты, отшибленные мною“. Ханъ нашелъ хвосты, но все еще не хотѣлъ вѣрить. Тогда Ерь-сару сказала: „Прикажи, чтобъ Джетытасы вмѣстѣ со мною выстрѣлили въ небо; кто не правъ, того стрѣла, обратно возвращаясь, убьетъ“. Ханъ отдалъ приказъ, стали стрѣлять, выстрѣлилъ Ерь-сару, его стрѣла упала мимо; Джетытасы выстрѣлили и были убиты своими стрѣлами. Пожилъ Ерь-сару у хана и говорить: „У меня есть мать, поѣду, провѣдаю“. Приѣхалъ къ матери; мясо, которое онъ оставилъ, лежитъ цѣлое, не убавилось, а мать состарѣлась. „Гдѣ ты былъ?“ спрашиваетъ она сына. Ерь-сару все разказала ей и прибавилъ, что онъ женился на ханской дочери. Мать не повѣрила. Въ это время поднялся шумъ и громъ, мать вышла изъ юрты и видитъ—ѣдетъ жена Ерь-сару, красивая ханская дочь съ своею свитой. Старуха обрадовалась, бросилась снять ее съ сѣдла; конь лягнулъ ее и ушибъ до смерти. Пожалѣли старуху и похоронили.

(Бюргуть, Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

85. Убѣгающій на быкъ отъ шулума мальчикъ.

Жилъ одинъ богатый старикъ, имѣвшій тысячу лошадей и единственнаго сына, у котораго былъ для ѣзды конь Наръ-алыкъ, имѣвшій восемь ногъ. Однажды старикъ погналъ своихъ лошадей поить на озеро; лошади не подхожа къ берегу, кружатся около, а къ водѣ не идутъ. „Что это значитъ?“ думаетъ старикъ. Заѣхалъ онъ посмотрѣть съ восточной стороны и видитъ: въ озерѣ сидитъ шулумъ (чортъ) съ саблей въ рукѣ и говорить: „Я, старикъ, тебя зарублю“. Старикъ въ отвѣтъ: „Не руби, мнѣ жизнь дороже, чѣмъ весь этотъ скотъ; возьми эту тысячу лошадей“. Шулумъ не согласился. Старикъ опять говорить: „У меня есть единственный сынъ; возьми его“. Шулумъ говоритъ: „Какъ я его возьму; мнѣ нельзя отсюда уйти“. Старикъ отвѣчаетъ: „Я скокую“. „Если ты скокуюшь, то и сына съ собою увезешь“. „У моего сына“, говоритъ старикъ, — „есть двѣ бабки (шагà), золотая и серебряная, я оставляю ихъ на старой кочевкѣ, и сынъ мой приѣдетъ за ними; ты и возьмешь его въ это время“. Шулумъ согласился. Старикъ

скочевалъ съ сыномъ на другое мѣсто, а шяга оставилъ. На новой кочевкѣ сынъ хватился своихъ шяга, спрашиваетъ отца: гдѣ они. Отецъ отвѣчаетъ: „Я видѣлъ ихъ на старой кочевкѣ, хотѣлъ положить и забылъ“. Сынъ говоритъ отцу: „Дай мнѣ моего коня, я поѣду за ними“. Сѣлъ онъ на Наръ-алыка и поѣхалъ; шулумъ уже сидитъ на старой кочевкѣ возлѣ бабокъ. Подѣхавъ къ шулуму, сынъ старика говоритъ ему: „Подай мнѣ мои шяга. Шулумъ отказался исполнить его просьбу подѣ предложомъ, будто ему нельзя съ мѣста встать“. „А мнѣ“, сказалъ сынъ старика, — „нельзя съ лошади слезти“. Потомъ сынъ старика разогналъ своего Наръ-алыка, смаху схватилъ шяга съ земли и поскакалъ прочь. Шулумъ за нимъ въ погоню, догналъ и отрубилъ Наръ-алыку одну ногу; скачетъ Наръ-алыкъ на семи ногахъ; шулумъ отрубилъ ему еще ногу, Наръ-алыкъ скачетъ на шести ногахъ; постепенно шулумъ отрубаетъ Наръ-алыку по одной ногѣ, и онъ скачетъ на пяти ногахъ, потомъ на четырехъ, потомъ на трехъ, на двухъ, на одной и все уходитъ отъ шулума. Наконецъ, шулумъ отрубилъ ему и послѣднюю ногу; конь и безъ ногъ скачетъ (это былъ бурхынъ-мори, богъ-конь, пояснилъ разказчикъ). Подскакалъ наконецъ конь къ лиственницѣ, и сынъ старика залѣзъ на дерево. Шулумъ сталъ рубить дерево; рубилъ, рубилъ, наконецъ сронилъ его, схватилъ сына старика, связалъ его и привезъ въ свой худенькій, прехуденькій обахай (шалашъ). Сидятъ вдвоемъ въ обахаѣ; вдругъ обахай заходилъ ходенемъ. Сынъ старика спрашиваетъ: „Что это значитъ?“ „Это должно быть верблюдь пришелъ и трется боками“, говоритъ шулумъ; — „поди, прогони его“. Развязалъ его шулумъ и выпустилъ, а самъ думаетъ: „Если и вздумаетъ бѣжать, такъ неужели мнѣ не догнать его пѣшаго, когда догналъ его на лошади?“ Сынъ старика вышелъ изъ обахая и говоритъ верблюду: „Увези меня, верблюдь, къ моему отцу; буду тебя чествовать, какъ отца роднаго“. Верблюдь ему сказалъ: нѣтъ, „Не увезу тебя; ты меня обзывалъ: гувру“. Потомъ приближала лошадь, и она отказалась увести мальчика, потому что онъ обзывалъ еѣ „цоксалъ“; приближалъ барашекъ, и то же отказался, потому что онъ обзывалъ его „хоргрѣ“; козель и корова также, потому что онъ первого обзывалъ „худрѣ“, а вторую — „момырѣ“. Послѣ всѣхъ приближаетъ быкъ, у котораго вмѣсто рта и морды змѣинный носъ; сынъ старика

обратился съ тою же просьбой и къ нему; быкъ сказалъ: „Дотронься до меня“. Мальчикъ тронулъ его. У быка появились бычьи морда и ротъ. Тогда быкъ научилъ мальчика въ руку взять бѣлый камень, въ ротъ воды и сѣсть на его спину. Мальчикъ сдѣлалъ такъ, и быкъ побѣжалъ. Шулумъ догадался и пустился въ погоню. Когда онъ сталъ догонять, быкъ велѣлъ мальчику бросить камень; сзади быка вся степь покрылась камнями; шулумъ запнулся, упалъ и разбилъ себѣ лобъ; вотъ съ тѣхъ поръ онъ и сталъ уланъ халдзынъ, краснолицый; пока онъ перебирался черезъ камни, быкъ ушелъ впередъ. Однако шулумъ все-таки догналъ его снова; тогда быкъ велѣлъ мальчику выплюнуть воду. Образовалось озеро. Шулумъ подбѣжалъ къ озеру и закричалъ мальчику: „Какъ ты перебрался черезъ озеро?“ Мальчикъ ему отвѣтилъ: „Я разрѣзалъ себѣ животъ, выпустилъ кишки и по нимъ перебрался“. Шулумъ разрѣзалъ себѣ животъ и умеръ тутъ же. Быкъ тогда сказалъ мальчику: „Теперь ты меня заколи“. Мальчикъ сталъ ему говорить: „Какъ можно, чтобъ я тебя закололъ! Ты спасъ меня; я тебя буду почитать, какъ отца, сдѣлаю тебя сэтэромъ“. „Нѣтъ“, говоритъ быкъ, — „заколи, а то тебѣ будетъ худо“. Закололъ мальчикъ быка и одну ногу бросилъ на востокъ, другую на югъ, третью на западъ, четвертую на сѣверъ; изъ одной вышли лошади, изъ другой верблюды, изъ третьей коровы, изъ четвертой бараны. Вычистивъ внутренности, мальчикъ залѣзъ внутрь бычьяго остова и тамъ ночевалъ; утромъ пробудился, лежать онъ не въ бычьемъ нутрѣ, а въ богатой юртѣ, наполненной всякими вещами; тутъ у него не откуда и жена явилась. Сдѣлался онъ богатымъ и сталъ жить,

(Бзинъ-Цаганъ, Дюрбютъ хавскаго хошуна).

86. О предкѣ хойху.

Жили богатые Китаецъ и Китаанка; у нихъ была единственная дочь; однажды эта дочь вышла гулять въ поле, тамъ провела ночь на одномъ ложѣ съ Шарь Макчиномъ, и забеременѣла. Родителямъ стыдно стало, убить дочь однако было жалко; они накормили ее и сказали ей, чтобъ она шла въ пустыню, гдѣ никого нѣтъ, и тамъ бы родила. Дѣвица ушла въ степь, родила ребенка, бросить его въ степи пожалѣла и понесла съ собою; при-

шла въ одинъ „хашанъ“ (дворъ), гдѣ были свиньи (гахай). „Есть же хозяинъ у этихъ свиней“, подумала она, — „и вѣроятно, онъ подберетъ моего ребенка“. И съ этими словами она оставила ребенка въ этомъ дворѣ. Хозяинъ хашана нашелъ ребенка, и такъ какъ былъ бездѣтный, былъ радъ находкѣ. Когда ребенокъ подросъ, онъ отдалъ его учиться въ школу. Тамъ школьники обыкновенно дразнили его: „Твой отецъ Шаръ Макчинъ, твоя мать свинья!“ Безродный мальчикъ спросилъ ихъ: на какомъ основаніи они его такъ дразнятъ; тогда ему разказали исторію его происхожденія. Когда мальчикъ выросъ, отецъ отправилъ его торговать. Странствующій юноша остановился въ одномъ домѣ; разговорился съ хозяйкой его, она спросила его: кто онъ; Енъ сказалъ, что ему въ школѣ говорили: „Отецъ твой Шаръ Макчинъ, мать твоя свинья!“ Тогда хозяйка узнала, что это ея сынъ. Отъ него произошли хойху (дунгане, китайскіе мусульмане); оттого они и подбриваютъ усы на губахъ, что дочь Китайки цѣловалась съ Шаръ-Макчиномъ.

(Дорчжи, неграмотный лама Халхасецъ хошуна Дзасактухана, постоянно проживающій въ гор. Кобдо).

87. Легенда о кровосмѣшеніи.

а. Одинъ Китаецъ имѣлъ двухъ враговъ; когда они умерли, онъ взялъ ихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, и заперъ въ фанзу, перегороденную по срединѣ стекломъ; когда дѣти достигли пятнадцатилѣтняго возраста, Китаецъ убралъ стеклянную перегородку; узники познакомились и сошлись; когда они творили блудъ, Китаецъ подрылъ стѣны, крыша упала и задавила любовниковъ; на мѣстѣ ихъ смерти выросла трава; это былъ макъ. Китаецъ собралъ ея сокъ, покурилъ и открылъ чудное свойство этой травы.

(Джамцянъ, Баргу-Солонъ съ оз. Буыр-норъ).

б. У одной женщины умеръ мужъ; она была беременная. Мальчикъ изъ утробы говоритъ: „Ты не ложись съ другою женщиной, мой отецъ умеръ“. Мать родила, подбросила ребенка въ солому въ чужой дворъ, а себѣ взяла другаго ребенка, который въ это время родился у сосѣдей. Хозяинъ соломы хотѣлъ брать ее вилами да и нашелъ ребенка. Онъ выкормилъ его. Пошелъ маль-

чигъ по свѣту, напросился ночевать къ одной одинокой женщинѣ, а потомъ выпросился къ ней на постель. А это была его мать. (Бурятъ Тупкинскаго вѣдомства, Создать Ивановъ, почти не умѣющій говорить по русски. Р. Иркутъ).

88. Конь изъ тѣста.

Въ прежнее время одинъ охотникъ (гурочинъ) выстрѣлилъ въ дичь и замѣтилъ, что она упала на дно ущелья, спустился въ него, но тамъ нашелъ какаго-то звѣря, похожаго на верблюда (ботогонъ); онъ сѣлъ на него, не подозрѣвая, что это былъ лу. Лу поднялъ его высоко на воздухъ, подъ нижнее небо, и спустился снова на землю. Съ того времени этотъ человекъ сталъ невидимкой; онъ ходилъ по землѣ, ѣлъ, пилъ; люди замѣчали, какъ около нихъ что-нибудь убывало, но не могли понять, отчего это происходитъ. Только одна догадливая дѣвушка ударила палкой по лицу этого „гурочина“, и онъ сталъ видимъ. Отъ удара у него распухла голова, и онъ пошелъ лѣчиться къ одному ламѣ; тотъ замѣсилъ тѣсто, а самъ вышелъ за чѣмъ-то на улицу. Въ его отсутствіе „гурочинъ“ надѣлалъ изъ тѣста фигурокъ, лошадей, сѣделъ, взялъ номъ ламы, и вышедши къ нему на дворъ, сказалъ, что онъ хочетъ показать ему своего иноходца; вынулъ изъ-за пазухи фигурку, обратилъ ее въ коня, сѣлъ и уѣхалъ. Лама вошелъ въ свой домъ, но тамъ нашелъ только фигурки изъ тѣста, а номъ его былъ выерадень.

(Чо-Джамцинъ, Халха хошуна Тачжи-Урянхай. Г. Кобдо).

89. Хлѣбъ.

а. Въ старое время не снѣгъ, а бѣлая мука (цаганъ гулюръ) падала съ неба зимой на землю. Одна женщина имѣла единственнаго сына; онъ огадился, она подтерла его тѣстомъ, и съ той поры вмѣсто мукн сталъ падать снѣгъ.

(Банинъ-Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Прежде зерна покрывали стволъ жита отъ верхушки до земли; кто-то, бурхинъ или человекъ, принявъ это растеніе за ненужное, сталъ ногой ошмыгивать зерна, и они всѣ осыпались; прибѣжала собака и стала просить оставить для нея. Только и оста-

лось, сколько теперь есть въ колосѣ. По этому слѣдуетъ засѣвать хлѣбъ на собаку или на дѣтей, чтобы хлѣбъ хорошо родился.
(Сарисивъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

90. Тигръ и быкъ братья.

а. Жила одна тигрица (бар), которая съѣла корову, а теленка, оставшагося отъ той коровы, стала воспитывать вмѣстѣ съ своимъ тигренкомъ. Впослѣдствіи дѣти выросли, тигренокъ сдѣлался взрослымъ тигромъ, бычокъ порозомъ; жили они какъ братья; тигрица, умирая, завѣщала дѣтямъ, чтобы они жили побратски; жили они въ вершинѣ одной рѣки; окрестные жители были счастливы, люди не умирали, скотъ не падалъ. Тогда лисица (унюгунъ) пришла къ хану того народа и начала жаловаться, что ей ѣсть нечего, народъ не умираетъ, скотъ не падаетъ. Ханъ сказалъ, что такое состояніе причиняетъ братская жизнь двухъ братьевъ—быка и бара. Тогда лисица пошла къ быку въ то время, когда баръ ушелъ въ горы на добычу. Она сказала ему: „Тебя хочетъ братъ убить“. „Ты врешь“, отвѣчалъ быкъ;—„онъ братъ мой, мать намъ завѣщала жить дружно. Какіе же есть знаки, что онъ задумываетъ противъ меня дурное?“ „Запримѣть“, сказала лисица,—„если утромъ онъ не будетъ потягаться и хвостъ изгибать, тогда я лгу“. Потомъ она пошла къ тигру. Тотъ спросилъ у нея: „Что новаго?“ „Время худое настало“, говоритъ лисица,—„начали скотъ и люди умирать; кромѣ того, твой братъ быкъ замышляетъ тебя убить“. „Ты врешь“, сказалъ тигръ;—„онъ мой братъ, мать намъ завѣщала жить дружно. Какіе же знаки того, что онъ имѣетъ дурныя мысли?“ „Когда онъ утромъ встанетъ“, отвѣчала лисица,—„онъ голову опуститъ, и въ глазахъ измѣнится взглядъ“. Въ ту ночь братья легли врознь; утромъ они оба замѣтили, что каждый изъ нихъ такъ сдѣлалъ, какъ говорила лисица. Они бросились другъ на друга и другъ друга убили. Послѣ того въ томъ краю люди и скотъ начали умирать.
(Дюрбютскій лама).

б. Тигръ (баръ) и быкъ (укуръ) жили вмѣстѣ; тигръ повѣсилъ быку колокольчикъ; а самъ уходилъ въ горы. Аргытъ саръ унюгунъ (лисица Аргытъ ¹⁾ саръ) задумала съѣсть укура. Она съѣла

¹⁾ Аргата—хитрый.

его, а хвостъ воткнула въ скалу; тигръ отыскалъ хвостъ, подумалъ, что его товарищъ влѣзъ въ скалу, потянулъ за хвостъ, выдернулъ, упалъ навзничъ, зашибся и умеръ.

(Дюрбютъ на р. Дзабхннѣ).

91. Воръ, крадущій коровъ, и тигръ.

а. Жили старикъ и старуха; у нихъ было пять коровъ. Кто-то укралъ одну, на другую ночь другую, осталось три. Пошелъ старикъ караулить коровъ и видитъ—виѣстѣ съ коровами лежитъ тигръ (бар). Въ это время пришелъ воръ; принявъ тигра также за корову, онъ выбралъ на этотъ разъ его украсть и наслѣлъ на него. Тигръ вскочилъ и побѣжалъ; воръ не успѣлъ соскочить и долженъ былъ поѣхать на тигрѣ; дорогой онъ хотѣлъ удержаться за дерево, схватился за него, но дерево вырвалось съ корнемъ; онъ схватился за змѣю, и та стащила его. На другой день коровы отделились тремя телятами; тигръ опять лежитъ между ними. Высмотрѣли двѣ лисицы и пошли сказать своей матери шулмусу, что есть три коровы и при нихъ четыре теленка, одинъ теленокъ пестрый, лучше всѣхъ: котораго принести? Шулмусъ велѣла принести пестраго. Лисицы пошли и схватили тигра, принесли къ норѣ шулмуса; одна осталась держать тигра внѣ норы, другая пошла въ нору сказать матери. Въ это время тигръ вырвался и убѣжалъ. Между тѣмъ старуха, хозяйка коровъ, стала пухнуть; черезъ нѣсколько дней она стала здорова, и у нея явился мальчикъ. Старикъ подумалъ, что это шулмусъ родился; поэтому родившійся мальчикъ спѣшилъ удалиться и подговорилъ тигра отправится на гору Баръ Тайга, чтобы жить тамъ виѣстѣ. Въ это время лисицы пришли, съѣли коровъ и старика со старухой. Тигръ пришелъ, не нашелъ никого, отрѣзалъ себѣ конецъ хвоста и поклялся отмстить шулмусу. Пришелъ опять воръ и говорить тигру: „Что жъ ты не выручаешь коровъ и стариковъ?“ Тигръ соглашается свезти этого человѣка, если онъ возьмется за это дѣло. Воръ сдѣлалъ изъ змѣи пеструю плетъ, съѣлъ на тигра, стегнулъ его два раза, и тотъ мигомъ довезъ его до шулмуса. Тогда человѣкъ схватилъ шулмуса. Шулмусъ сталъ просить не убивать его; человѣкъ спросилъ Шулмуса: полезетъ ли онъ въ отверстіе, которое онъ пробьетъ желѣзнымъ коломъ въ девяти слояхъ земли? Шулмусъ залезъ въ ды-

ру, и человекъ снова заткнулъ ее желѣзнымъ коломъ. Потомъ онъ схватилъ лисицъ и велѣлъ имъ возвратить стариковъ и коровъ; лисицы отдали.

(Санашъ, Теленгитъ кости Тонжуанъ. Чуйская степь).

б. Жили старикъ и старуха, у которыхъ была всего одна корова; однажды вечеромъ тигръ (бар) пришелъ съ умысломъ съѣсть корову, легъ подлѣ нея и дожидался, когда старики уйдутъ изъ юрты. Между тѣмъ того же дня высмотрѣвшій корову воръ лама тоже пришелъ на дворъ и удивился, что видѣлъ прежде одну корову, теперь стало двѣ. Рѣшился съѣсть на одну и ухватъ на ней, да угадалъ на „бара“; тотъ испугался, побѣжалъ; воръ не знаетъ, что дѣлать; хотѣлъ ухватиться за дерево, но вырвалъ его съ корнемъ. Утромъ „баръ“ завезъ его на ханскій дворъ, здѣсь его поймали и думаютъ—должно быть хитрый лама, что „бара“ взнуздаль. На ханскій дворъ повадился шесть баровъ ходить и душить скотъ; ханъ попросилъ ламу уничтожить ихъ. Лама велѣлъ отрубить хвостъ тому „бару“, на которомъ пріѣхаль, и отпустить, а затѣмъ спросилъ: гдѣ живутъ тѣ шесть баровъ. Ему указали отвѣсную скалу, на вершинѣ которой было дерево. Лама залѣзъ на дерево и увидѣлъ подъ скалой семь баровъ; былъ въ томъ числѣ и его баръ съ отрубленнымъ хвостомъ. Когда бары замѣтили ламу на деревѣ, вздумали его съѣсть. Но какъ его достать? Куцый баръ сталъ подъ дерево; другіе стали становиться другъ на друга, въ расчетѣ, что верхній прійдется противъ ламы. Лама крикнулъ сверху: „Ты куцый! Или тебѣ мало отъ меня досталось? Хочешь, чтобъ я прибавилъ!“ Тотъ узналъ ламу, бросился бѣжать, а остальные попадали подъ скалу въ долину и убились.

(Найданъ, богдо-шабинецъ изъ Урги).

92. Выдумна и знаніе.

Цокъ Илгисынъ ханъ, имѣвшій лысаго слона (халдзы цан), собралъ однажды своихъ вельможъ и спросилъ: „Что выше, догадливость (аргы) или знаніе (билик)?“ Вельможа, хуже всѣхъ одѣтый и сидѣвшій ниже всѣхъ, сказалъ: „Догадливость выше“. Ханъ возразилъ: „Врешь! Знаніе выше“. Вельможа стоялъ на своемъ. Ханъ осердился и велѣлъ его выбросить на сѣденіе слону, во дворъ,

*

въ которомъ тотъ содержался. Слона пойли виномъ, и онъ былъ пьянъ. Вельможа, очутившись передъ слономъ, догадался сѣсть, какъ будто испражняется; прибѣжала собака, и онъ, поймавъ ее, сталъ держать передъ собою. Собака изпарала слону хоботъ, и тотъ, зарычавъ убѣжалъ. Ханъ узналъ объ этомъ, согласился, что догадливость или выдумка выше, чѣмъ знаніе, и сдѣлалъ этого вельможу старшимъ.

(Сарисынъ, Дурбютъ. Г. Улангомъ).

93. Отчего монгольскія женщины носятъ шубы съ буфами.

Разъ Еджень-ханъ заболѣлъ; присудили принести въ жертву мальчика и дѣвочку; выбрали ихъ и выбросили въ степь. Дѣвочка была одѣта въ шубу съ буфами; въ память объ этомъ халхасскія женщины носятъ шубы съ буфами. Отсюда же, говорятъ, происходитъ названіе народа Урянхай: урунхай, то-есть, гаргысын кай, „выброшенное“.

(Онъ же).

94. Отчего у Русскихъ глаза круглые, волосы длинные, платье короткое.

Въ одномъ монастырѣ (сумэ) принесли въ жертву богамъ глинянаго человѣчка; въ голову фигурки воткнули березку, самое одѣли въ бересту, глаза намѣтили камышинкой: вотъ отчего у Русскихъ, которые произошли отъ этой фигурки, глаза круглые, волосы длинные (березка), платье короткое.

(Онъ же).

95. Сорока и ея волшебный подарокъ.

а. Жили старикъ со старухой въ крайней бѣдности; былъ у нихъ только свѣій быкъ съ испорченною спиной. Навѣючивъ на него свой худой обахай (шалашъ), старики покочевали, ведя быка въ поводу; остановясь въ одномъ мѣстѣ на ночлегъ, быка пустили пасться. Утромъ старикъ приходитъ посмотреть быка—спину его расклевали сороки (шацгай). „Какъ, старуха, поѣдемъ?“ спрашиваетъ старикъ. Старуха научила его: „Надо намазать спину быка клеемъ, сорока сядетъ и прильнетъ ногами. Тогда поймемъ ее, оборвемъ крылья и привѣсимъ—сороки будутъ бояться“. Такимъ образомъ удалось поймать одну сороку. Сорока проситъ старика:

„Не убивай меня, я тебя награжу“. „Ты врешь“, говорит старикъ,— „что у тебя есть!“ „Иди“, снова говорит сорока,— „куда я тебѣ велю, и тогда увидишь, что я не лгу“. Старикъ пошелъ, держась за сороку. Пришли къ урго (ставкѣ) сорочьяго хана (Шацгай-хана). Сорока выпросила у хана для старика алыгдагы (пестраго жеребенка) и сказала: „Если тебѣ понадобится золото и серебро, только скажи: багулюкъ,—и онъ будетъ валиться золотомъ и серебромъ; если нужно будетъ ѣды, скажи: дургулюкъ,—и у тебя явится всякая ѣда; если вздумаешь достать дичь, то скажи: тугулюгулюкъ,—и онъ будетъ стрѣлять чугунными пулями“. Старикъ взялъ алыгдагы, отпустилъ сороку, вернулся къ старухѣ и сталъ богатъ; много у него стало скота, золота, серебра; узналъ ханъ, призвалъ его и спросилъ: откуда онъ это все взялъ. Старикъ отвѣчалъ: „Сорока дала“. „Явная ложь“, сказалъ ханъ,— „можно ли этому повѣрить?“ Старикъ разказалъ все, какъ было. Ханъ велѣлъ, чтобы старикъ отдалъ ему этого алыгдагы, но старикъ не согласился и уѣхалъ. Ханъ послалъ тысячу солдатъ взять алыгдагы силой; пришли къ нему солдаты, но старикъ произнесъ: „Тугулюгулюкъ!“ И алыгдагы осыпалъ ханское войско чугунными шарами. Тогда ханъ объявилъ старика ханомъ и снабдилъ его „цахиркичи“ и другими чиновниками.
(Байнъ Цаганъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Жили старикъ и старуха; у нихъ скота не было, кромѣ жеребенка, да и тому сорока расклевала спину; жеребенокъ бился, бился и утонулъ въ озерѣ. Старикъ осердился на сороку (саусканъ, шацгай) и погнался за нею; она взлетѣла на небо, и онъ за нею; она опустилась на землю, на землѣ онъ поймалъ ее и говоритъ: „Я тебя убью“. „Нѣтъ, ты не убивай меня“, говоритъ сорока;— „я тебѣ подарю три подарка“. И дала ему дойную корову (вайдакъ инекъ). Старикъ отпустилъ сороку. Стала старуха донть корову—молока много; на этой же коровѣ старикъ и ѣздилъ вмѣсто коня. Вздумалъ онъ поѣхать въ гости къ хану; пріѣхавъ, привязалъ корову, самъ вошелъ къ хану въ юрту, стали бесѣдовать. Ханъ зачѣмъ-то вышелъ изъ юрты, увидѣлъ корову, сказалъ: „Какая красивая корова! Поймайте въ моемъ табунѣ такого же цвѣта корову, осѣдлайте сѣдломъ старика и привяжите, а эту отпустите въ мой табунъ“. И вошелъ въ юрту. Старикъ поѣхалъ домой, билъ, билъ корову, на силу домой доѣхалъ; старуха стала донть, молока

вовсе нѣтъ. Тогда старикъ сказалъ: „Сорока обманула меня, худую корову подарила, только до времени была годна“. Поймалъ онъ сороку, хочетъ убить. Сорока дала ему Атбашъ Ертене (драгоценность—конская голова). Что ни попросить старикъ у Ертене, которую онъ поставилъ въ своей юртѣ на мѣстѣ бурхана, все дастъ Ертене: вино, молоко, хумисъ, лошадь куда съѣздить. Вздумалъ онъ опять поѣхать къ хану въ гости, попросилъ у Ертене лошадь; явилась лошадь. Онъ осѣдлалъ ее, Ертене привязалъ къ сѣдлу, поѣхалъ. Оставивъ Ертене въ торокахъ у сѣдла, самъ вошелъ къ хану. Ханъ угостилъ его, вышелъ изъ юрты, и увидѣвъ Ертене, сказалъ: „Тамъ валяются лошадиные черепа, одинъ изъ нихъ принесите и привяжите старику въ торока, а этотъ спрячьте ко мнѣ“. И вошелъ въ юрту. Старикъ уѣхалъ домой, поставилъ лошадиный черепъ на мѣсто бурхана. Захотѣлъ ѣсть, попросилъ—нѣтъ ничего; чего ни попросить—ни что не является, какъ прежде. Онъ разбилъ черепъ, пошелъ снова, поймалъ сороку, и сказалъ: „Давай третій подарокъ“. Сорока дала ему темиръ-мына (мына — деревянный пестъ, которымъ толкутъ ячмень въ ступѣ; темиръ мына — желѣзный пестъ). „Что я буду дѣлать имъ?“ спросилъ старикъ. „Если захочешь дичь убить, прицѣпись — убьешь“. Сталъ старикъ охотиться съ желѣзнымъ пестомъ. Поѣхалъ снова къ хану; увидѣли люди, сказали хану, что старикъ ѣдетъ съ желѣзнымъ пестомъ, должно быть, мститъ ѣдетъ. Ханъ велѣлъ отнять у старика пестъ, но пестъ началъ бить, людей и убилъ многихъ, убилъ самаго хана и его женъ и дѣтей. Взялъ старикъ свою корову, Атбашъ Ертене и весь скотъ и народъ хана. Сталъ богатъ и говорить жещѣ: „Иди, поймай темиръ мына“. Та пошла ловить, но пестъ убилъ старуху; старикъ послалъ людей, пестъ прибилъ всѣхъ людей; самъ пошелъ, пестъ и его убилъ.

(Бюргуть, Тува Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурянь-голъ).

96. Луматизмъ.

Монголы думаютъ, что душа оставляетъ тѣло и бродить, а тѣло ходитъ за нею слѣдомъ. Двое спали; одинъ изъ нихъ проснулся и видитъ, что душа его товарища вышла изъ рта въ видѣ крошечнаго краснаго паучка (аальджин), который живетъ подъ камнями; паучокъ проползъ подъ траву „даганъ-дерису“; проснув-

пнйса товарищъ кинулъ въ паучка песчинкой, а между тѣмъ слюной намазалъ ротъ товарищу. Испуганный паучокъ пустился бѣжать, хотѣлъ попасть въ ротъ, попалъ въ слюну, долго барахтался и ушелъ въ носъ. Тогда наблюдавшій все это разбудилъ товарища и спросилъ: что онъ видѣлъ во снѣ. Тотъ сказалъ, что онъ очутился въ высокомъ лѣсу, тамъ онъ нашелъ огромныя глыбы золота и серебра (это были песчинки золота и серебра), но какой-то охотникъ выстрѣлилъ въ него, и онъ бѣжалъ, на дорогѣ упалъ въ море и чуть не утонулъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

97. Три товарища.

Тузь уль, Чаазунъ уль и Енги уль, то-есть, соль-молодецъ, бумага-молодецъ и кость-молодецъ, жили въ одной юртѣ (ал); на дворѣ залаяли собаки; Чаазынъ уль, какъ былъ старше другихъ, велѣлъ Енги улу выйдти посмотрѣть; собаки подхватили его и унесли. Чаазынъ уль выслалъ Тузь ула посмотрѣть, куда дѣвался Енги уль. Тузь уль вышелъ — пошелъ дождь, и онъ растаялъ. Вышелъ самъ Чаазынъ уль, поднялся вѣтеръ, подхватилъ его и унесъ.

(Бюргутъ, Тува Урянхаецъ, кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь).

98. Заячи.

Одинъ человекъ былъ сильно бѣденъ, ничего у него не было. Пошелъ онъ къ мергенъ-ламѣ (ученому) и просить его научить разбогатѣть. Лама сказалъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, а пусть онъ попроситъ своего заячи. Вышелъ бѣднякъ на дорогу, по которой шли заячи. Ёдетъ одинъ заячи въ шелковой красной шубѣ на отличной лошади; бѣднякъ схватилъ его, давай бить и таскать и приговаривать: „Ты мой заячи! самъ въ шелковой шубѣ, а меня держишь въ бѣдности“. Тотъ кричитъ: „Я не твой заячи, я другаго“. Бѣднякъ отпустилъ его. Видитъ—ёдетъ другой такой же богатый заячи. Онъ принялся того бить, но тотъ также закричалъ, что онъ не его, а другаго человека заячи. Отпустивъ этого, видитъ—ёдетъ третій: и съ тѣмъ то же. Много богатыхъ заячи проѣхало, но все чужие. На послѣдокъ тащится на худой

клячѣ весь оборванный бѣдный заячи. „Не ты ли мой заячи?“ спрашиваетъ его бѣдный человѣкъ. „Я“, отвѣчаетъ тотъ. „А, такъ ты и самъ на клячѣ въ оборванной шубѣ ѣдишь, и меня въ томъ же видѣ держишь!“ сталъ упрекать его бѣднякъ. „Ты самъ виноватъ“, сказалъ заячи;— „ты воровалъ, плутовалъ, ничего не нажилъ; оттого у тебя ничего и нѣтъ, да и я по твоей милости въ такомъ видѣ“. Бѣднякъ началъ просить его научить, какъ побогатѣть. Заячи сказалъ: „Гдѣ ни какъ добудь верблюда, убей его, шкуру его набей сухою травой, зашей и внеси на гору“. Когда заячи собрались всѣ къ Богу, заячи бѣдняка крикнулъ: „Посмотрите какой силачъ, верблюда на себѣ несетъ на гору“. Всѣ боги и заячи, засѣдавшіе въ собраніи, взглянули въ ту сторону. Въ то же мгновеніе у бѣдняка стало множество скота. Скоро скотъ такъ расплодился, что старикъ одинъ управиться съ нимъ не можетъ, а нанять пастуховъ не хочетъ; не добрая дума была у него; думалъ, что воровать и наживаться около него стануть. Онъ опять къ мѣргенъ-ламу и говорить: „Скота у меня слишкомъ много, не управлюсь; воры разворовываютъ, волеи тащуть. Убавь, сдѣлай въ мѣру“. Лама ему въ отвѣтъ: „Вѣдь у тебя скота не убываетъ, съ тебя хватить, пусть воры воруютъ и волеи тащуть; имъ тоже ѣсть нужно“. „Да вѣдь скотъ-то мой“, вскричалъ бывшій бѣднякъ;— „развѣ мнѣ его не жалко?“ Тогда мѣргенъ-лама научилъ его, что дѣлать: „Вноси семь дней золу изъ юрты на югъ, отвори семь дней двери корытомъ (тебши) и ковшомъ (шинг) и семь разъ ударь собаку пазникомъ (уль)“¹⁾. Онъ такъ и сдѣлалъ, и у него ничего не осталось; снова сталъ бѣднякомъ, какъ былъ.

(Сарисинъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

99. Бентеръ Джанджинъ.

а. Пекиномъ управлялъ умный амбанъ Бѣктеръ Джанджинъ. Въ это время одинъ Китаецъ сказалъ своей женѣ: „Я пойду на годъ въ работу и заработаю денегъ“. Ушелъ и пробылъ годъ; заработалъ 50 ланъ; пришедши домой, не сказавъ женѣ, положилъ ихъ подъ буркына надъ воротами. Прійдя къ женѣ вечеромъ, онъ

¹⁾ Все это у Дюрбютонъ запрещается дѣлать.

спросилъ: каково она жила, а она его: принесъ ли что. Китаецъ сказалъ, что онъ принесъ 50 ланъ и положилъ подъ бурхыномъ надъ воротами. Воръ Мечи Хуаръ подслушалъ разговоръ и вынулъ серебро. На завтра Китаецъ, не найдя денегъ, пожаловался амбаню Бектеръ Джанджину. Амбань велѣлъ собрать весь народъ и предъ сборище принести также и бурхына. Амбань сказалъ бурхыну: „Покажи, кто изъ народа взялъ изъ-подъ тебя деньги“. Мечи Хуаръ началъ прятаться. Хотя Бектеръ Джанджинъ и не видѣлъ этого, онъ все-таки закричалъ: „Ловите его, ловите!“ Мечи Хуаръ побѣжалъ; его поймали, привели къ Джанджину, и онъ повинился.

(Сарысынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

б. Этотъ умный и честный амбань три года правилъ Пекиномъ; другіе амбани грабли народъ и досадовали, что Бектеръ-Джанджинъ ставятъ имъ въ укоръ. Проправивъ три года, Бектеръ-Джанджинъ обратился къ Едзенъ-хану съ просьбой отпустить его домой, потому что ему захотѣлось посмотрѣть свою родину. Ханъ отпустилъ его. Три года прослуживъ, честный Бектеръ-Джанджинъ ничего не нажилъ; онъ велѣлъ однако завьючить 50 лосы (муловъ) ящиками, наполненными кирпичами (той-пу); когда онъ выѣхалъ, другіе амбани донесли хану, что прослывшій честнымъ Бектеръ-Джанджинъ вывезъ на пятидесяти мулахъ серебра. Ханъ велѣлъ вернуть Бектера съ его грузомъ. Бектеръ возвратился въ Пекинъ; торжествующіе враги Бектера говорятъ ему: „Вотъ говорили, что ты былъ честенъ и не нажилъ богатства; а что же ты везешь въ ящикахъ такое тяжелое, какъ не серебро“. „Дѣйствительно“, сказалъ Бектеръ, — „я съ народа ничего не бралъ, но стыдно уѣзжать изъ Пекина, прослуживъ у Едзенъ-хана амбанемъ три года безо всего; что народъ скажетъ объ амбанѣ, который ничего у Едзенъ хана не выслужилъ? Поэтому я велѣлъ нагрузить ящики кирпичами“. „Это твой выдумки, чтобы только отклонить осмотръ ящиковъ“, сказали обвинители. Тогда Бектеръ сказалъ: „Если въ ящикахъ все серебро, то пусть оно будетъ ваше; если окажется, что въ ящикахъ все кирпичи, то вы должны будете наполнить ихъ серебромъ; согласны ли вы?“ Амбани такъ вѣрили въ то, что въ ящикахъ было серебро, что согласились. Вскрыли ящики, и Едзенъ-ханъ приказалъ обвинителямъ наполнить ихъ своимъ сереб-

ромъ. Бэктеръ-Джанджинъ отправился на родину съ ящиками, нагруженными серебромъ, на 50 мулахъ.

Хубилганъ Бэктеръ-Джанджина есть Цаганъ Эбугенъ.

(Онъ же).

100. Ерень чэчэнъ и Яра чэчэнъ.

Ерень чэчэнъ вздумалъ женить сына и поѣхалъ искать умную невѣсту, потому что сынъ былъ глуповатый. Ѣдетъ дорогой и видитъ—дѣвѣнцы идутъ съ дровами; пошелъ дождь; всѣ дѣвѣнцы положили свои пучки и сѣли на нихъ; одна сняла съ себя платье, покрыла ими дрова и сѣла сверху нагая; руки сложила не тамъ, гдѣ бы другая ихъ держала, а прикрыла ими груди. „Зачѣмъ ты“, спрашиваетъ Ерень Чэчэнъ,—„прикрыла дрова своимъ платьемъ, а сама сидишь нагая и прикрываешь то, что не надо, а что прикрыть надо, держишь открыто?“ „Мои родители старые“, отвѣчала дѣвица;—„прийдя домой, я должна буду тотчасъ же развести огонь, чтобъ обогрѣть ихъ; дрова у меня тотчасъ разгорятся, потому что будутъ сухіе, не подмоченные. Открытое мѣсто у меня видѣли отецъ и мать, а груди никто не видалъ“. Ерень Чэчэнъ подумалъ: „Она это умно говорить“. И взялъ ее за своего сына. Его начальникъ, Яра Чэчэнъ, узнавъ, что у Ерень-Чэчэна такая хорошая сноха, захотѣлъ отобрать ее. Онъ призвалъ Ерень-Чэчэна и велѣлъ ему сдѣлать сапоги изъ камня: „Иначе“, говоритъ,—„казню“. Запечалился Ерень-Чэчэнъ, пришелъ домой, рассказываетъ снохѣ. Сноха говоритъ: „Не печалься, сиди дома“. Сама на другой день въ назначенное время идетъ на дорогу. Яра-Чэчэнъ Ѣдетъ за каменными сапогами и видитъ сноху Ерень-Чэчэна, сидитъ у дороги и собираетъ песокъ въ кучу. Яра-Чэчэнъ спросилъ ее: зачѣмъ она это дѣлаетъ? „Ерень-Чэчэнъ велѣлъ свить веревку“, отвѣчала женщина. „Развѣ можно веревку свить изъ песка?“ возразилъ Ерень-Чэчэнъ. „А развѣ можно шить сапоги изъ камня?“ Яра-Чэчэнъ покраснѣлъ и вернулся домой. Потомъ Яра-Чэчэнъ даетъ Ерень-чэчэну быка и говоритъ: „Уведи его къ себѣ; я буду къ тебѣ черезъ три дня; чтобы къ моему приѣзду быкъ принесъ бы телянка, и ты угостишь бы меня молокомъ отъ быка“. Ерень-Чэчэнъ идетъ домой и плачетъ. „О чемъ ты плачешь?“ спрашиваетъ сноха. Ерень-Чэчэнъ говоритъ, что

Яра-Чэчэнъ далъ ему быка и велѣлъ, чтобъ этотъ быкъ принесъ теленка. „О чемъ тутъ плакать?“ говорить сноха;— „отдай быка на мои руки, принесетъ онъ теленка“. Сноха вышла на дорогу, по которой долженъ былъ ѣхать Яра-Чэчэнъ, рветъ траву и складываетъ въ кучу. Яра-Чэчэнъ, увидѣлъ ее и говоритъ: „Езень! Зачѣмъ рвешь траву?“ Женщина ему въ отвѣтъ: „Свекоръ родитъ ребенка, такъ надо травы подослать“. „Развѣ мужчина можетъ родить?“ „А развѣ быкъ можетъ телиться?“ Яра-Чэчэнъ со стыдомъ воротился. Потомъ Яра-Чэчэнъ снова призываетъ Ерень-Чэчэна и велитъ ему прибыть къ себѣ ни въ рубахѣ, ни нагишомъ, ни на лошади, ни пѣшкомъ, ни дорогой, ни безъ дороги, и чтобы ни въ юрту вошелъ, ни за юртой остался. Сноха опять научила Ерень-Чэчэна, какъ выпутаться изъ бѣды; она научила его надѣть на себя сѣть, сѣсть верхомъ на палку, идти хребтикомъ между бороздами дороги и въ дверяхъ одну ногу оставить снаружи порога, другую за порогомъ. Яра-Чэчэнъ смотритъ на него: нагишомъ нельзя сказать, да и въ рубахѣ нельзя—тѣло видно; нельзя сказать также, что пѣшкомъ онъ пришелъ, да и на лошади сказать нельзя. Яра-Чэчэнъ велѣлъ вырыть яму и бросить въ нее Ерень-Чэчэна, а къ его сыну послалъ семь пословъ. Ерень-Чэчэнъ пишетъ съ нимъ письмо: „Лежу на шести слояхъ бѣлаго шелку, покрываюсь семью шелковыми одеялами, играю въ шашки, пью сладкое свѣтлое вино. Дома у меня есть семь барановъ, шесть убейте, седьмому выколите глазъ, изломайте руку и пришлите сюда. Это письмо разберетъ моя сноха“. Письмо перехватилъ Яра-Чэчэнъ, но ничего не понялъ. „Ладно написано“, сказалъ онъ;— „видно хочетъ поддаться“. Семь пословъ принесли письмо сыну Ерень-Чэчэна; тотъ прочелъ и говоритъ: „Моему отцу хорошо живется у Яра-Чэчэна“. Сноха ему на это: „Дуракъ, ничего ты не понялъ; сладкое вино это слезы, бѣлый шелкъ это снѣгъ, шашки это звѣзды. Семь барановъ это семь пословъ. Ерень-Чэчэнъ велитъ шесть пословъ убить, а седьмому выколоть глаза“. Сынъ Ерень-Чэчэна такъ и сдѣлалъ. Затѣмъ сноха собрала своихъ людей и велѣла окривѣвшему послу вести себя къ Яра-Чэчэну; ночью ее люди нечаянно окружили Яра-Чэчэна, убили его, и Ерень-Чэчэнъ на мѣсто его сдѣлался начальникомъ.

(Свящ. Мих. Чивалковъ, родомъ Телеутъ. С. Угала).

101. Джиренше шешень и Алдаръ-носе.

Однажды дѣвушки пошли собирать дрова; пошелъ дождь; дѣвицы побросали свои дрова и убѣжали въ юрты; одна только дочь Алдаръ-носе осталась въ полѣ, прикрыла подоломъ свою вязанку караганы и сидитъ. Ёхаль Джиренше-шешень и спросилъ ее: почему, когда другія убѣжали, она осталась подъ дождемъ и сама мокнетъ, а дрова спрятала подъ подолъ. Дѣвушка отвѣчала: „Хотя меня и замочитъ дождемъ, я приѣду домой съ сухими дровами, зажгу огонь и скоро высохну и обогрѣюсь“. Джиренше-шешень не спросилъ ее имени; потомъ, вздумавъ женить своего сына, хотѣлъ отыскать эту умницу, но не зналъ, какъ спрашивать. Онъ взялъ своего сына, поѣхалъ по городамъ и въ каждомъ городѣ бьетъ его. Когда его спрашивали, за что онъ бьетъ сына, Джиренше-шешень отвѣчалъ: „За то его бью, что онъ все дѣлаетъ такъ, какъ ему скажешь“. Всѣ удивляются глупому отцу. Одна только дочь Алдаръ-носе сказала: „И бей его; его нужно бить, пока онъ не начнетъ поступать по своему разуму“. Тогда Джиренше-шешень угадалъ, что это та самая, которую онъ ищетъ, и взялъ ее за мужа за своего сына.

Джиренше-шешень былъ въ одномъ собраніи, гдѣ говорили, что Алдаръ-носе—самый умный человѣкъ; что нѣтъ человѣка котораго онъ не могъ бы обмануть. Джиренше-шешень, не встрѣчавшійся еще съ Алдаромъ-Носе, сказалъ: „Можетъ быть, онъ и обманываетъ людей простоватыхъ, но человѣка съ прямымъ умомъ не обманетъ; меня обмануть ему не удастся“. „Испробуй на себѣ его искусство“, сказали Джиренше-шешену, и онъ поѣхалъ. Алдар-носе предупредили, что ѣдетъ Джиренше-шешень съ умысломъ помѣряться съ нимъ умомъ. Алдаръ-носе оставилъ свою юрту, уѣхалъ въ горы и тамъ около одной сопки ходитъ пѣшкомъ то вправо, то влѣво, то впередъ, то назадъ. Джиренше-шешень спрашиваетъ: „Что дѣлаешь?“ Алдаръ-носе отвѣчаетъ: „Вотъ ханъ поручилъ мнѣ мудреное дѣло—измѣрять, гдѣ середина земли; между тѣмъ шагами мѣрять трудно, шаги неровные бываютъ, а палка мѣрная осталась въ юртѣ, идти за нею тяжело“. Джиренше-шешень говоритъ: „Возьми мою лошадь и съѣзди за палкой“. „Хорошо“, сказалъ Алдаръ-носе. Съѣлъ онъ на лошадь Джиренше-шешена и

сказалъ ему: „Эй, Джиренше-шешень, поговорку: „джердын ортасы вок тубэ“¹⁾ слыхалъ ли? (И теперь Киргизы говорятъ эту поговорку, когда кто кого проведеть).

Алдаръ-косе и шайтанъ отправились на охоту и вмѣстѣ убили звѣря. По киргизскому обычаю, добыча принадлежитъ тому, кто изъ охотниковъ старше. „Кто изъ насъ старше?“ спрашиваетъ Алдаръ-косе у шайтана. „Тебѣ сколько лѣтъ?“ Шайтанъ сказалъ: „Когда Богъ создавалъ свѣтъ, мнѣ было семь лѣтъ“. Давай же Алдаръ-косе плакать. „О чемъ ты плачешь?“ спрашиваетъ шайтанъ. „У меня сынъ родился въ тотъ самый годъ, какъ и ты! Онъ былъ бы такой же большой, какъ и ты, еслибъ не умеръ! Какъ мнѣ не плакать!“ Шайтанъ повѣрилъ и добычу взялъ Алдаръ-косе.

(Записано у Киргизовъ Баянаульск. округа).

102. Умная жена и глупый мужъ.

Одна женщина имѣла глупаго сына. Разъ она подумала: „Дай узнаю, есть ли въ городѣ человѣкъ глупѣ моего сына“. Съ этою цѣлью она послала его въ городъ продать овцу за двѣнадцать чашекъ муки и чтобы овцу назадъ привезти, завьючивъ ее купленною мукой. Дуракъ ходитъ по городу, но кому ни скажетъ о странномъ условіи, всякій расхохочется и отойдетъ отъ него. Одна женщина увидала его изъ воротъ, подозвала, и узнавъ о цѣнѣ, остригла овцу, взяла себѣ шерсть и заплатила за нее двѣнадцать чашекъ муки. Дуракъ пришелъ домой и съ мукой, и съ овцой. Мать подумала: „Должно быть это умная женщина; возьму ее замужъ за своего сына“. И взяла. То была бѣдная женщина и привела только чернаго быка. Надоѣло ей жить съ глупымъ мужемъ, послала она его въ городъ продать быка ни больше, ни меньше, какъ за 50 ланъ серебра. Дураку давали въ городѣ и болѣе, и менѣе, но онъ не отдалъ быка. Одинъ Китаецъ согласился дать ему пятьдесятъ ланъ и взялъ быка. „А гдѣ же деньги?“ спрашиваетъ дуракъ. „За ними прійди послѣ“, сказалъ Китаецъ;— „домъ мой ты узнаешь по слѣдующимъ примѣтамъ: на верху два лу, на западной сторонѣ два льва, съ западной стороны течеть рѣкой бѣлое масло, съ восточной жел-

¹⁾ То-есть: середина земли—сивая солка.

тое масло; когда Бала-аяка ¹⁾ наполнится, тогда приходи за получкой". Дуракъ передалъ женѣ слова Китайца. Жена перевела: „Два лу это двѣ трубы на домѣ; два льва—два жернова на мельницѣ; бѣлое масло—ткуть бѣлую дабу; желтое масло—ткуть красную дабу. Бала-аяка—это мѣсяць. Въ полную луну иди къ нему". Въ срокъ дуракъ пришелъ къ Китайцу за деньгами. Тотъ спросилъ: „Самъ ли ты разгадалъ мои загадки или кто другой?" Дуракъ сказалъ, что ему разгадала жена. Китаецъ подумалъ: „Зачѣмъ умная жена за такимъ дуракомъ. Надо ее отобрать". Онъ отдалъ 50 ланъ и при этомъ женѣ дурака послалъ подарокъ—въ одномъ сверткѣ конскій аргаль (визякъ, сухой коровій пометъ), въ другомъ черннй сахаръ и леденець. Жена угадала; смыслъ загадки былъ такой: „Твой мужъ аргаль пусть отдѣльно живетъ, а мы вдвоемъ два сахара вмѣстѣ". Она убѣжала къ Китайцу. Тогда дуракъ, проживъ 50 ланъ, пришелъ къ Китайцу, и разказавъ свое горе, что у него жена бѣжала, и что онъ голоденъ, сталъ просить у него ѣсть. Китаецъ пожалѣлъ его и велѣлъ ему, надѣвъ на себя два сѣдла и два потника, подкладываемыхъ подъ сѣдла, пройти на четверенькахъ по городу и слѣдить, кто его увидитъ. Дуракъ прошелся по городу и вернулся къ Китайцу. „Что, видѣли тебя люди?" спросилъ Китаецъ. „Многіе видѣли, смѣялись". „А жена твоя видѣла?" „Она также выглянула въ ворота". „Ну, теперь ступай домой; она дома. Отдай ей эти пять ланъ". Дуракъ вернулся домой и тамъ нашелъ свою жену; она поняла, что два сѣдла значили—живите вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Китаецъ все-таки послалъ ей пять ланъ серебра, что значило, что онъ—сынъ амбана, получающій жалованье серебромъ. Это былъ знакъ, что Китаецъ все-таки не бросаетъ мысль взять ее замужъ. Она завернула серебро въ длиннй, длиннй хадакъ и вновь отослала къ Китайцу. Китаецъ понял, что она согласна выйдти за него, что она прійдетъ къ нему (хадакъ означалъ дорогу), но просить отсрочки. Отецъ Китайца умеръ, сынъ сдѣлался амбанемъ на мѣсто отца, женился на этой женщинѣ, а мужа сдѣлалъ помощникомъ.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

¹⁾ Аяка—чашка.

103. Два царя, боязливый и бойкий.

Было два хана, одинъ боязливый, другой бойкий; послѣдній—по прозванію Чечень ханъ. Бойкій ханъ захвастался, что онъ ничего не боится, даже самаго солнца. Боязливый ханъ сказалъ ему, что впередъ нельзя такъ самонадѣянно говорить. Поспорили и побились объ закладъ. Боязливый ханъ велѣлъ приготовить угощеніе Чэчэнь-хану; поставилъ передъ нимъ разныя блюда и сласти; самъ вышелъ на улицу, и увидѣвъ тамъ множество дѣтей, впустилъ ихъ въ домъ, гдѣ сидѣлъ Чэчэнь-ханъ. Дѣти вошли, набросились на сласти, все разтащили и перебили; Чэчэнь-ханъ утрапился этаго нашествія, и когда вошелъ другой ханъ, почувствовалъ себя пристыженнымъ.

(Таранъ, Телевгитъ, Р. Чул.)

104. Байгусъ.

Ханъ-Сулейманъ женился на царской дочери и спросилъ ее однажды: довольна ли она имъ. Она сказала, что довольна, но что ей не достаетъ только одного: дворца изъ птичьихъ костей. Тогда ханъ Сулейманъ рѣшается построить дворецъ и велѣлъ собрать всѣхъ птицъ; байгусъ не явился. Ханъ велѣлъ ястребу привести его силой на ремнѣ, продернувъ его въ носъ. Ястребъ прокололъ байгусу носъ и привелъ. Ханъ спросилъ байгуса: отчего онъ не шелъ ранѣе. Байгусъ отвѣчалъ, что онъ былъ занятъ дѣломъ: считалъ — кого больше: умершихъ или живыхъ, мужчинъ или женщинъ? „Кого же больше?“ спросилъ Сулейманъ. „Умершихъ больше, чѣмъ живыхъ“ отвѣчалъ Байгусъ, — „потому что я считалъ и тѣхъ за мертвыхъ, кто рано ложится спать и поздно встаетъ; и женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, потому что я считалъ за женщинъ и тѣхъ мужчинъ, которые слушаются совѣтовъ женщинъ“. Сулейманъ понялъ отвѣтъ байгуса и отпустилъ птицъ.

(Записано у Киргизъ Баянаульск. окр.)

105. Предки скота.

Есть у Киргизовъ обычай молиться о здоровьи скота святымъ, покровителямъ особыхъ породъ. Напримѣръ, даютъ сто рублей

бѣдняку и просить его молиться о верблюдахъ давшаго деньги святому Ойсъ-кара (Киргизы будто бы по незнанію проносятъ Ойсуль-кара). О коровахъ молятся святому Зенгъ-баба, объ овцахъ святому Чопанъ-ата, о лошадяхъ святому Джилкышъ-ата. Прежде женщины о животныхъ говорили не иначе, какъ „дѣти Чопанъ-аты“ вмѣсто бараны, „дѣти Ойсуль-кары“ вмѣсто верблюды.

(Тамъ же).

106. Алаша ханъ.

Уранъ всего Киргизскаго народа есть: Алашъ! Съ этимъ крикомъ киргизскіе витязи всегда ходили въ атаку. Есть выраженіе: Алаша-ханъ бшу хан аксакъ кулан шошиган, то-есть: „Алашаханъ . . . (?) хромой куланъ (дикій оселъ) испугался“. Объяснительной легенды мнѣ не передали. Другое выраженіе: алаш алаш булганда, алаша ханбулган да, то-есть: во время (повѣтрія) „алашъ“, во время хана Алаша. Есть болѣзнь „алаша“, заключающаяся въ появленіи пятенъ на тѣлѣ. Хотя ни ранъ, ни боли нѣтъ, но болѣзнь не излѣчима, и такихъ людей отдѣляли. У хана заболѣлъ сынъ этою болѣзнию, и отецъ держалъ его при себѣ; народъ началъ говорить: „Почему у простонародья больныхъ отдѣляютъ, а у хана нѣтъ“. Тогда ханъ отдѣлилъ сына, придавъ ему сто человѣкъ свиты. Когда сынъ прощался съ матерью, та дала ему еще сто человѣкъ; бабушка (мать отца) еще сто. Вотъ эти-то три сотни и образовали Киргизскій народъ.

(Тамъ же).

107. Долонъ Хобдонъ.

Въ давнишнее благое время одинъ молодой богатый юноша поѣхалъ къ тестю въ гости. На пути онъ увидѣлъ семь стариковъ (хобдоковъ), которые варили себѣ мясо. Юноша, увидѣвъ ихъ огонь, слѣзъ съ своего коня, не поздоровавшись съ ними, закурилъ трубку отъ ихняго огня, потомъ сѣлъ на коня и поѣхалъ было дальше; тогда одинъ изъ семи стариковъ сказалъ ему: „Юноша, когда кто-либо съ кѣмъ увидится, неужели не поздоровается? Ты не поздоровавшись, закурилъ отъ нашего огня трубку, это еще ничего; ты развѣ не знаешь бурятскую пословицу: отъ сваренаго поѣшь, отъ старика послушай совѣту“. Тогда юноша сказалъ старпку: „Вѣрно, вѣрно, старички, извините, причиною моею оплошно-

сти 15-ти лѣтняя неопытность и 25-ти лѣтняя безпечность“. Сказавъ это, юноша слѣзъ съ коня, и отъ свареной ихъ пищи попробовавъ, ихъ совѣту послушавъ, поѣхалъ дальше. На пути молодому человѣку захотѣлось слѣть пѣсенку; когда онъ затянулъ ее, то у него заплѣли глаза, уши, ноздри; юноша испугался и удивился этому. Доѣхавъ до своего тестя, онъ, не сказавъ ни одного слова, напился у него чаю и возвратился домой. Приѣхавъ домой, не договоривъ съ женой своею, онъ поѣхалъ пасти свой табунъ; день пасеть, два пасеть и недѣлю пасеть, не возвращается домой. Тогда жена сказала сама себѣ: „Что такое значить, что мужъ мой, возвратившись изъ гостей отъ своего тестя, а отъ моего отца, не сказавъ мнѣ ни одного слова, уѣхалъ пасти табунъ и до сихъ поръ не возвращается? Это что-нибудь да значить“. Сказавъ это, она велѣла осѣдлать себѣ коня и поѣхала съ однимъ товарищемъ разыскивать своего мужа; увидѣвъ его, поймала и привезла домой. Спрашиваетъ: „Что съ тобою, почему ты сталъ бѣгать изъ дому своего, какъ приѣхалъ изъ гостей отъ моего отца?“ Мужъ молчать. Жена продолжаетъ допрашивать. Наконецъ, онъ вышелъ изъ терпѣнія и началъ говорить въ семь отверстій, то-есть, ушами, глазами, ноздрями и языкомъ. Тогда жена узнала въ чемъ дѣло и побранила за то, что долго не сказывалъ. Потомъ сказала ему: „Завтра утромъ я разбуду мальчишку-пастуха овецъ, чтобъ онъ разводилъ огонь въ юртѣ; когда онъ нагнется и станетъ раздвигать головню, тогда ты перескочи черезъ него“. Мужъ такъ и сдѣлалъ. Болѣзнь ея мужа перешла на мальчику; тогда эта женщина велѣла мальчику, когда онъ пойдетъ пасти овецъ, перешагнуть черезъ козла-ямана, а потомъ привязать его на волчій слѣдъ; мальчикъ такъ и сдѣлалъ. Волки, пришедши, съѣли этого козла и съ тѣхъ поръ стали пѣть на семь голосовъ, а мальчикъ вылѣчился.

(Записано по памяти свящ. о. Я. Чистохинымъ, природнымъ Забайкальскимъ Бурятомъ).

108. Демичи-Ерень.

У Акъ-бій ¹⁾ былъ сынъ Демичи-Ерень; у него былъ рыжій конь, на которомъ онъ ѣздилъ на охоту. Много лѣтъ онъ былъ

¹⁾ Акъ-бій — бѣлый князь.

охотникомъ, и когда опомнился, его волосы были сѣды. Наконецъ, онъ вспомнилъ о домѣ и воротился. Когда онъ пріѣхалъ домой, то нашелъ слѣдъ около Алтынъ-ту (золотой горы). „Что это значить?“ подумалъ онъ;— „никогда здѣсь птица не летала, а теперь богатырь побывалъ“. Осмотрѣвъ слѣдъ, онъ сѣлъ за столъ. Жена и дочь подаютъ кушанья; онъ не ѣстъ и спрашиваетъ: „Отчего около горы, гдѣ птица не летала, слѣдъ богатыря лежитъ?“ Жена говоритъ, что это слѣдъ дочери; она ѣздила. Дочь начала утѣшать отца и пѣть пѣсни. Отецъ принялъ пищу. Тогда на коновязь прилетѣлъ бѣлый воронъ (акъ - кусвунъ). Демичи-Ереникъ взялъ ружье и застрѣлилъ его. Дочь побѣжала и принесла убитаго; у ворона оказалась надпись: „Домъ находится безъ хозяина, женщина безъ мужа“. Это была надпись сына неба Чахыръ-Саяна, который хотѣлъ жениться на дочери Демичи-Ереника. Онъ спустился съ неба, убилъ Демичи-Ереника, а жену и дочь его, а также и все его имѣніе, взялъ себѣ. Когда они поднимались на небо, жена спросила Чахыръ-Саяна: „Когда ты убивалъ мужа, срѣзалъ ли ты родимое пятно надъ его бровью“. „Нѣтъ—убить, убилъ, а родимое пятно не срѣзалъ“, отвѣчалъ Чахыръ-Саянъ. Убивъ Демичи-Саяна, Чахыръ-Саянъ поѣхалъ на его конѣ; въ пути лошадь пропала. У ней также было родимое пятнышко. Жена Демичи-Ереника сказала Чахыръ-Саяну: „Ты какъ у моего мужа не срѣзалъ родимаго пятнышка, такъ не срѣзалъ и у коня; тебѣ счастья не будетъ“. Когда она сказала ему это, Чахыръ-Саянъ воротился къ коню срѣзать пятно, но коня уже не было. Лошадь ожива и убѣжала къ Демичи-Еренику; она не могла оживить своего хозяина и прибѣжала къ его матери; та сказала коню: „Ступай на небо къ Чахыръ-Саяну, у него есть двѣ сестры: если старшая будетъ тебя ловить, не давайся, если младшая, то дайся“. Такъ и было. Лошадь далась младшей сестрѣ; она осѣдлала ее и поскакала. Лошадь повправилась ей; она сказала: „Это мое счастье, это моя лошадь!“ Потомъ лошадь привезла дѣвицу къ своему хозяину Демичи-Еренику и просила оживить его. „Хорошо“, сказала сестра Чахыръ-Саяна;— „только потомъ вновь отвези меня на небо“. Тогда она оживила Демичи-Ереника. У Демичи-Ереника было семь собакъ; онѣ были также похищены. Демичи-Ереникъ сказалъ дѣвицѣ: „Выкрадъ у брата моихъ семь собакъ, тогда я возвращу тебя на небо“. Дѣвица общала. Тогда ее посадили

на лошадь, и она была отвезена на небо, а Демичи-Ерениъ остался дома. Когда дѣвица поднималась на небо, она увидѣла утку и просила отпустить семь сабагъ. Утка помогла отпустить собакъ; онѣ пустились бѣжать. Тогда Чахырѣ-Саянѣ погнался за собаками. Лошадь Демичи-Ерениа успѣла прискакать впередъ. Чахырѣ-Саянѣ и Демичи-Ерениъ съѣхались и начали бороться. Они боролись семь лѣтъ, но ни тотъ, ни другой не могъ взять верхъ. Тогда они помирились, и Чахырѣ-Саянѣ возвратилъ Демичи-Ерениу его жену, дочь и имѣніе.

(Записано г. Ядринцевымъ у Черневыхъ Татаръ).

109. Каратты-ханъ.

Каратты ханъ былъ старъ и бездѣтенъ; у него была тайга (высокая снѣжная гора) и желтое море (Сары-Далай). Разъ онъ пошелъ на тайгу, услышалъ громъ, испугался и прибѣжалъ домой. На золотой престолѣ къ нему упало золотое письмо отъ Кара-Гулы, который грозилъ войной. Каратты ханъ написалъ Кара-Гулѣ такой отвѣтъ: „Я сталъ старъ и неспособенъ воевать; видно мой народъ будетъ твоимъ!“ Самъ взошелъ на тайгу заплакалъ и сказалъ: „Нѣтъ у меня сына, который заступился бы за меня“. Вернувшись домой, онъ нашелъ, что его жена въ его отсутствіе родила сына. Каратты ханъ отнесъ его на тайгу и тамъ спряталъ подъ корни березы. Когда онъ вернулся, у него въ юртѣ уже сидѣлъ Кара Гула. Онъ сурово спросилъ Каратты хана: „Говори скорѣе, или будешь воевать или идешь въ подданство?“ Каратты Ханъ пошелъ въ подданство; Кара Гула увелъ его со всѣмъ народомъ, и Каратты ханъ побѣднѣлъ. Одна сѣрая лошадь и пять возловъ (ичкэ) убѣжали назадъ; Кара Гула не могъ ихъ догнать. На старомъ мѣстѣ остались старикъ и старуха; однажды старикъ говоритъ своей женѣ: „Гдѣ-то спрятанъ сынъ Каратты-хана, надо его поискать“. Старикъ пошелъ на тайгу, нашелъ ребенка и принесъ домой, а между тѣмъ прибѣжала лошадь и пять козлухъ; молокомъ послѣднихъ старики стали кормить ребенка. Пришли къ старику семь волковъ и стали просить отдать имъ или ребенка, или единственную бывшую у нихъ корову. Старикъ хотѣлъ отдать корову, но мальчикъ уговорилъ старика отдать его; онъ былъ отданъ волкамъ; тотчасъ же онъ убилъ ихъ

*

всѣхъ одною стрѣлой и изъ шкуръ ихъ сшилъ себѣ одну рукавицу. Послѣ того сынъ Каратты хана сталъ допрашиваться у стариковъ: кто его отецъ. Когда ему сказали, что отецъ его Каратты ханъ, уведенный въ плѣнъ Кара-Гулой, юноша рѣшился ѣхать отыскивать отца. Сначала онъ помолился Курбустунъ-хану, чтобы тотъ далъ ему коня. На другой день является огромный быкъ, подсѣдельные потники на немъ велики какъ степь, сѣдло какъ гора; сынъ Каратты хана поѣхалъ, обратившись въ Тастаракаю (плѣшивца). Когда онъ вошелъ въ юрту Кара Гулы, тотъ спросилъ его: „Зачѣмъ ты, худой мальчишка, пріѣхалъ?“ „Я пріѣхалъ сказать, что у меня не хватаетъ заплатить тебѣ подать“. Кара Гула прогналъ его. Сынъ Каратты хана заѣхалъ къ своему отцу; отецъ не узналъ его. Въ то время, какъ сынъ сидѣлъ въ юртѣ отца, его сивый быкъ (вок буха) началъ рыть копытомъ землю; когда сынъ Каратты хана услышалъ шумъ и вышелъ изъ юрты, быкъ говорить ему: „Что ты дѣлаешь? Есть Сумерь Уланъ тайга ¹⁾ и озеро Суть-куль ²⁾; въ этомъ озерѣ маралъ, въ маралѣ душа Кара-Гулы; если овладѣешь этою душой, и Карагула будетъ въ твоихъ рукахъ“. Поѣхалъ Тастаракай добывать душу Кара-Гулы; подѣхавъ къ Суть-кулю, Тастаракай обернулся сѣрой мышью, а его быкъ звѣздой, и оба они поднялись на небо; маралъ (муйгазъ) также поднялся на небо, но быкъ схватилъ его и спустился съ нимъ на землю; здѣсь Тастаракай взрѣзалъ маралу животъ, вынулъ золотой ящикъ, и открывъ его, нашелъ въ немъ три перепелки (будене); Тастаракай положилъ ихъ въ карманъ и пріѣхалъ къ Кара-Гулѣ. Богатыри, которыхъ имѣлъ Кара-Гула, не пускаютъ Тастаракаю, говорятъ ему: „Кара-Гула боленъ“. Тастаракай объявилъ имъ, что онъ лѣкарь и можетъ вылѣчить больного. Тогда его впустили. Кара-Гула ласково спросилъ его: „Кто ты, хорошій мальчишъ?“ Тотъ отвѣчалъ: „Я сынъ Тастаракая“. И ударилъ Кара-Гулу по щекѣ. Кара-Гула осердился и началъ кричать. Тогда Тастаракай принялъ богатырскій видъ и убилъ Кара-Гулу. Потомъ онъ пришелъ къ своимъ отцу и матери и признался, кто онъ; собрали народъ, и давъ богатырю имя: Канъ-Улетэй на красно-ры-

¹⁾ То-есть, бѣлогъ Сумерь-уланъ.

²⁾ Суть-куль—молочное озеро.

жей лошади (вызылъ джирен атту), сказали ему алькышъ ¹⁾ (не кончено).

(Акча, Черновой Татаринъ изъ сел. Едиганъ).

110. Тунгъ Каратты ханъ.

Тунгъ Каратты ханъ на лошади Тайга Чокуръ (тайга чокур атту) имѣлъ сто восемь женъ, двухъ сановниковъ (тушмятъ)—старшаго съ двумя печатами (тамга), младшаго съ одной, и кромѣ того, семь рабовъ Таянджи (джеты таянджи кул). Близъ ханской урги было Золотое озеро (алтын хуль), на которомъ поили ханскіе табуны; у этого озера была гора, въ которой въ пещерѣ (агай) жилъ Аджи Сурджи бакши. Однажды въ озерѣ вода высохла, и ханскому скоту нечего было пить. Каратты ханъ обвинилъ въ этомъ таянджи-куловъ и велѣлъ ихъ ущемить въ деревьяхъ, то-есть, руки и ноги каждого положить между двумя туго связанными деревьями. Рабы пролежали въ такомъ положеніи безъ пищи такъ долго, что тѣло ихъ похудѣло, остались однѣ кости; тогда они безъ труда вынули свои руки и ноги изъ щелей и пошли къ Аджи-сурджи бакши просить пищи и разказать о томъ, что они потерпѣли отъ Тунгъ Каратты хана и по какой причинѣ. Аджи-Сурджи бакши сказалъ, что у него пищи нѣтъ, но подалъ имъ золотой арканъ. „Что жъ мы будемъ дѣлать съ нимъ?“ спросили Таянджи-кулы. „Идите и караульте на озерѣ; прилетятъ пять золотоголовыхъ утокъ (алтын башту удрекъ), и озеро тотчасъ нальется водой, утки будутъ купаться и полоскаться въ водѣ; одна изъ нихъ обратится въ Самбай-дагине. Вы на нее накиньте арканъ и поймайте“. Семь рабовъ Таянджи пошли на берегъ высохшаго Алтынъ-хуля и стали ждать; пятеро изъ нихъ заснули, а двое увидѣли, что прилетѣло пять утокъ, и тотчасъ озеро наполнилось водой. Утки стали полоскаться, одна изъ нихъ обратилась въ Самбай дагине, одинъ изъ не спавшихъ товарищей накинулъ на нее арканъ и поймалъ. Она закричала, чтобъ ее отпустили, но семь товарищей взяли ее и повели. Тогда она сказала, что если они ее не хотятъ отпустить, то пусть же построятъ ей домъ изъ бязи. Они выстроили ей домъ изъ бязи, поселили ее въ немъ и думаютъ: „Чѣмъ же будемъ кормить ее? У насъ ничего нѣтъ!“ Пошли къ

¹⁾ Благословеніе.

Аджи-Сурджи бакши и говорятъ: „Мы Самбай-Дагине поймали, но у насъ не чѣмъ ее кормить“. Аджи-Сурджи бакши сказалъ, чтобъ они закинули золотой арканъ за семь горъ (джеты таг). Они забросили и вытащили семь золотыхъ аркаровъ (джеты алтын архар); одного они дали Дагине, а трехъ сами съѣли. Дагине взяла только бедро, остальную часть мяса возвратила Таянджи-куламъ. Потомъ Таянджи-кулы снова пошли къ Аджи-Сурджи бакши спрашивать, что имъ дѣлать, и онъ сказалъ имъ, чтобъ они снова закинули арканъ за шесть горъ; они закинули и вытащили шесть золотыхъ аркаровъ, трехъ себѣ взяли, одного дали Дагине.

Младшій сановникъ Тумъ-Караттыхана поѣхалъ посмотрѣть скотъ, увидѣлъ Алтынъ хуль полное воды и на берегу домъ изъ бязи; удивился и хотѣлъ зайти въ домъ, но изъ дома вышелъ человекъ и сказалъ: „Не смѣй входить!“ Сановникъ разказалъ объ этомъ старшему сановнику; тотъ не повѣрилъ, самъ поѣхалъ посмотреть озеро; его также въ домъ не пустили. Онъ разказалъ о видѣнномъ хану. Ханъ самъ поѣхалъ, увидѣлъ озеро полное воды и хотѣлъ войти въ домъ, но и его остановилъ вышедшій изъ дома человекъ, сказавъ: „Хоть ты и ханъ, но въ домъ не смѣй входить!“ Хану стало не по себѣ, и онъ сказалъ: „Какой ни есть, но все-таки я ханъ; пустите въ домъ“. Его пустили. Войдя въ домъ, ханъ увидѣлъ красавицу и спросилъ ее: „Кто ты?“ „Я“, отвѣчала она, — „Самбай Дагине, жена семи Таянджи-куловъ“. Ханъ сталъ просить у семи Таянджи красавицу въ замѣнъ своего скота; Таянджи отказались; тогда ханъ обѣщалъ къ скоту придать своихъ сто-восемь женъ. Таянджи-кулы согласились. Они поѣхали въ ханскую ургу и заняли мѣсто хана, а Тумъ-Каратты остался на ихъ мѣстѣ. Однажды Дагине говорить, что она видѣла худой сонъ, будто ханъ похудѣлъ и конь его отоцалъ. Каратты-ханъ цѣлый день пролежалъ не вставая и вечеромъ сказалъ: „Идетъ на меня войной Джюсунъ-ханъ; у тебя есть двѣ крылатыя шубы, одну ты надѣнь, другую дай моей матери и улетай отсюда къ твоему отцу, а я поѣду отсюда на встрѣчу къ Джюсунъ-хану; не знаю, буду живъ, или мертвъ“. Осѣдмалъ ханъ коня и уѣхалъ. Дагине надѣла крылатую шубу (джалганду тонъ) и полетѣла сначала туда, гдѣ жили сто-восемь женъ Каратты-хана. Обратилась худою дѣвочкой и вошла въ домъ. Семь рабовъ Тайганчи (такъ иногда произно-

силъ разказчикъ) жгутъ уголь. „Что это дѣлаете?“ спросила Дагине. „Сто восемь нашихъ женъ заставили насъ нажечь четыре мѣшка (тѳрт борбу) угля“, отвѣчали ей Тайганчи-кулы. „Для чего же понадобился этотъ уголь?“ опять спрашиваетъ Дагине. „Хотятъ онѣ убить Самбай-Дагине“, отвѣчали Тайганчи-кулы. Потомъ они стали дѣлать порохъ. Она опять спрашиваетъ ихъ: зачѣмъ они дѣлаютъ порохъ, и они отвѣчали, что сто восемь ихъ женъ заставили ихъ приготовить четыре „борбу“ пороху, хотятъ убить Самбай-Дагине. Тогда Самбай-Дагине полетѣла назадъ и сказала матери Каратты-хана: „Меня хотятъ убить сто восемь женъ, дайте мнѣ крылатую шубу“. Старуха дала, и она улетѣла. Потомъ сто-восемь женъ пришли и велѣли своимъ мужьямъ подложить уголь и порохъ подъ желѣзный домъ (темир байси), который былъ выстроенъ Тумъ-Каратты ханомъ для Дагине. Таганджи-кулы подожгли порохъ и взорвали желѣзный домъ, вершина котораго достигала до неба. Жены ихъ говорятъ: „Ну, теперь Дагине, сидѣвшая въ верхней части дома, погибла; желѣзный домъ упалъ и задавилъ ее“. Между тѣмъ Дагине осталась невредимою; она была уже на небѣ; у своего отца Теръ-хана.

Тумъ-Каратты ханъ встрѣтился съ Джюсунъ-ханомъ и говорить: „Теперь дѣло къ вечеру, отложимъ битву до завтра“. Тотъ согласился. Каратты ханъ ночью обратился въ крысу (кусѳ), пошелъ въ станъ Джюсунъ-хана и перегрызъ доспѣхи его войска, луки, стрѣлы и сайдаки. Утромъ онъ говоритъ Джюсунъ-хану: „Ну, теперь давай сражаться!“ Джюсунъ-ханъ говоритъ: „Какъ я буду сражаться! У меня ночью крысы изгрызли всѣ доспѣхи“. „Ну, такъ отошлемъ войска домой“, совѣтуетъ Тумъ-Каратты ханъ, — „и будемъ сражаться поединкомъ“. Джюсунъ-ханъ согласился, а Тумъ-Каратты и радъ этому; у него войска было мало противъ Джюсунъ-хановскаго. Отослали ханы войска. Тумъ-Каратты ханъ говоритъ: „Сначала я привяжу себя своею толстою косою къ дереву Ата-санданъ, а ты рѣжь меня; потомъ я тебя буду рѣзать“. Такъ и поступили. Джюсунъ-ханъ ударилъ Каратты-хана саблей (салиме), вся сабля искрами разсыпалась, осталась въ рукѣ одна рукоятка, а Тумъ-Каратты-ханъ остался невредимъ. Потомъ Джюсунъ-ханъ привязалъ себя къ дереву, и тоже у Каратты-хана сабля разсыпалась въ искры, и въ рукѣ осталась одна рукоятка. „Теперь будемъ стрѣлять другъ въ друга“, говоритъ Тумъ-Каратты-ханъ, —

„я сначала открою свою грудь“. Выстрѣлили Джюсунъ-ханъ въ открытую грудь Каратты-хана, и его стрѣла изломалась; выстрѣлили Каратты-ханъ въ открытую грудь Джюсунъ-хана, и его стрѣла изломалась. „Будемъ теперь бороться“, говоритъ Тумъ-Каратты-ханъ. Много лѣтъ они боролись; гдѣ были горы, стали равнины; гдѣ были ровныя мѣста, тамъ стали озера. Потомъ Джюсунъ-ханъ говоритъ: „Мы не можемъ другъ друга побороть; зачѣмъ намъ драться! Станемъ лучше друзьями!“ Прекратили ханы бой, подружились и разошлись.

Тумъ-Каратты-ханъ приходитъ къ своей матери, видитъ разрушенный желѣзный байсинъ и спрашиваетъ ее: кто его разрушилъ. Она говоритъ: „Не знаю; должно быть Самбай Дагине; она выпросила крылатую шубу, улетѣла, а потомъ и желѣзный байсинъ палъ“. Тумъ-Каратты-ханъ отправился къ Аджи-Сурджи бакши и его спросилъ; тотъ сказалъ, что байсинъ взорвали сто-восемь женъ и Джеты-Таянджи-кулы, что Самбай Дагине жива, что она улетѣла къ Теръ-хану, а ему на память оставила золотой перстень и золотой браслетъ (бельзекъ). Тумъ-Каратты-ханъ взялъ эти вещи у бакши, завернулъ ихъ въ платокъ, положилъ за пазуху, и обратившись въ худаго мальчика, поѣхалъ къ Теръхану. На встрѣчу ему летитъ воронъ (кускун) съ саженнымъ носомъ, съ трехсаженными крыльями (джангыз кулач тумчукту, ушь кулашь турьту) и кричить: „Посторонись, худой мальчишка!“ Тумъ-Каратты-ханъ посторонился и спросилъ: „Суда, воронъ, летишь?“ Воронъ отвѣчалъ: „Клевать глаза коню Тумъ-Каратты-хана“. Каратты-ханъ выстрѣлялъ, подстрѣлялъ крыло ворону; воронъ упалъ. Каратты-ханъ билъ, билъ его, мучилъ, мучилъ, обломалъ его носъ и крылья до величины, какая теперь у ворона, сказалъ: „Будь же ты теперь такой навѣки“. И положилъ. Ёдетъ далѣе. Ёжитъ волкъ, носъ сажень, ноги по три сажени; волкъ кричитъ: „Посторонись, худой мальчишка!“ Каратты-ханъ посторонился и спросилъ: „Куда волкъ бѣжишь?“ Волкъ отвѣчалъ: „Задавить коня Тумъ-Каратты-хана“. Схватилъ его Тумъ-Каратты-ханъ, билъ, билъ, обломалъ ему носъ и ноги до величины, какая теперь у волка, сказалъ: „Будь же ты отнынѣ такой“. И положилъ. Ёдетъ далѣе. Идетъ аза съ саженнымъ носомъ съ трехсаженными ногами и кричитъ: „Посторонись, худой мальчишка!“ Посторонился Каратты-ханъ и спросилъ: „Куда аза идешь?“ Аза отвѣ-

чалъ: „Задавть Тумъ-Каратты-хана и съѣсть его мясо, а кости унести съ собою“. Схватилъ его ханъ, билъ, билъ, изломалъ его, истеръ въ порошокъ и порошокъ разсыпалъ по воздуху; и стали изъ этого порошка три рода овода: пауть, слѣпень (маас) и комарь. Ёдетъ далѣе. Стоитъ непроходимый, страшный бомъ или утесъ (мунгуш кая); нѣтъ черезъ него дороги. Каратты-ханъ вырвалъ изъ хвоста лошади двѣ пряди волосъ, свилъ изъ нихъ двухъ воронъ (кусун), пустилъ ихъ и сказалъ: „Посмотрите, есть ли дорога?“ Вороны летали, летали, крылья ихъ почернѣли, прилетѣли назадъ и говорятъ, что нѣтъ дороги. Тогда конь сказалъ богатырю: „Развѣ твоя стрѣла не богатырская? Стрѣлай!“ Тумъ-Каратты-ханъ выстрѣлилъ, прошибъ въ бомѣ дыру, проѣхалъ ею и снова отыскалъ свою стрѣлу, лежитъ она по край непроѣздной грязи (балгаш). Тумъ-Каратты-ханъ выдернулъ изъ хвоста лошади двѣ пряди волосъ, связалъ изъ нихъ двухъ воронъ (варган) и велѣлъ имъ посмотреть, есть ли проѣздъ. Воронъ вернулись и сказали: „Нѣтъ проѣзду“. Тогда конь сказалъ: „Развѣ твоя стрѣла не богатырская? Стрѣлай!“ Тумъ-Каратты-ханъ выстрѣлилъ, грязь высохла, ханъ проѣхалъ и прибылъ къ берегу великаго моря (улуг далай); здѣсь онъ увидѣлъ, что на водѣ плаваютъ золотой кувшинъ (алтын домбу) и золотой тазъ (алтын хо, собственно ведро), а на берегу сидятъ два мальчика. Тумъ-Каратты-ханъ спросилъ у мальчиковъ: „Что это за посуда?“ Тѣ отвѣчали: „Это посуда, изъ которой мы каждое утро подаемъ воду умываться Самбай Дагине“. „Всю ли воду до дна выливаете?“ спросилъ ихъ Каратты-ханъ. „Всю“, отвѣчали мальчики. Тогда Каратты-ханъ опустилъ въ домбу браслетъ и кольцо и сказалъ мальчикамъ: „Если Самбай Дагине увидитъ эти вещи и будетъ спрашивать, откуда онѣ, не сказывайте“. Мальчики налили домбу водой и ушли, а Каратты-ханъ остался на берегу моря. Когда Дагине увидѣла вещи, стала спрашивать мальчиковъ, гдѣ они ихъ взяли; сначала мальчики отрицались, потомъ одинъ признался, что вещи въ домбу положилъ какой-то большой человекъ, прѣхавшій на большой лошади къ великому морю, гдѣ они черпаютъ воду для умыванья. Дагине пошла сама къ морю. Каратты-ханъ сказалъ ей, что онъ прѣхалъ за нею. „Можно ли“, спросилъ онъ, — „идти ему къ Теръ-хану и прійметъ ли онъ его?“ „Гдѣ прійметы!“ отвѣчала Дагине; — „онъ и меня те назы-

ваетъ вонючею (джидѣк), говоритъ: побывала на землѣ, провоняла, а тѣмъ болѣе тебя будетъ гнушаться! Все-таки я спрошу его“. Дагине ушла къ отцу и сказала ему: „У меня на землѣ былъ другъ (иджим); онъ хочетъ прійти сюда; допустишь ли?“ „И не говори“, сказалъ ей Терь-ханъ;— „вонп достаточно и отъ тебя, а ты только побывала не надолго на землѣ. А твой иджимъ—совсѣмъ земной человекъ“. Тогда Дагине заплакала; отцу стало жаль ее, и онъ сказалъ: „Ну, если онъ хорошій человекъ, пусть прійдетъ“. Дагине послала сказать Каратты-хану, чтобъ онъ пришелъ, и тотъ отвѣтилъ, что завтра утромъ онъ прійдетъ. На завтра онъ пришелъ, и Терь-ханъ, увидѣвъ богатыря, сказалъ: „Это хорошій зять“.

У Терь-хана было три старика (ушь ашяк), которые стали говорить, что отъ этого богатыря житья не будетъ, нужно его сгубить, и присовѣтовали Терь-хану послать богатыря съ порученіемъ убить змѣю Амырга Могусъ, которая много поѣдаетъ людей. Терь-ханъ призвалъ зятя и велѣлъ ему ѣхать, убить змѣю и что-нибудь привезти въ знакъ ея смерти. Поѣхалъ Тумъ Каратты-ханъ; дорогой конь остановился и говоритъ: „Видишь желтую гору (тэнг) въ томъ ущельѣ? Какъ ты думаешь, что это такое!“ „Гора“, отвѣчаетъ Тумъ Каратты ханъ. „Это Амырга Могусъ“, говоритъ конь. Подѣхалъ Каратты ханъ къ змѣѣ; цѣлый день лукъ натягивалъ; выстрѣлилъ, перешибъ змѣю пополамъ, вырѣзалъ легкое, привезъ домой, легкое оставилъ въ торокахъ, самъ вошелъ въ домъ къ Терь-хану и доложилъ, что порученіе исполнилъ. Терь-ханъ велѣлъ своимъ богатырямъ внести легкое въ домъ; тѣ не могли поднять. Терь-ханъ самъ пошелъ, внесъ легкое въ домъ, и оно собою наполнило всю внутренность дома. Три старика опять научили Терь-хана послать Тумъ Каратты хана убить змѣю Темиръ-Могусъ; Терь-ханъ призвалъ зятя, отдалъ ему новый приказъ и сказалъ: „Это будетъ твоя послѣдняя служба: если ее исполнишь, отпущу съ тобою Дагине“.

Поѣхалъ Тумъ Каратты ханъ. Дорогой увидѣлъ четырехъ человекъ, которые землю копаютъ. „Что дѣлаете?“ спросилъ ихъ Каратты ханъ. „Камни вырываемъ“, отвѣчаютъ они. „Зачѣмъ?“ „На пищу Темиръ Могусу“, отвѣчаютъ они. „Развѣ онъ камни ѣстъ, а не людей?“ спросилъ Каратты ханъ. „Прежде ѣлъ людей, но нынѣ заключилъ братство (танграк) съ Бурканомъ-Бакши и далъ слово не ѣсть людей“, отвѣчали четыре человекъ. Подѣхалъ Тумъ-Каратты къ

змѣѣ и обратился въ пташку (кутчіяк), чтобы высмотрѣть змѣю. Змѣя лежитъ, какъ земля; конца края не видно; вся желѣзная; одно мѣсто полое—пуць. Обернулся Тумъ-Каратты ханъ снова человѣкомъ; цѣлый день натягивалъ лукъ, намѣтилъ въ пуць, выстрѣлилъ, убилъ змѣю, вырѣзалъ легкое и привезъ къ Теръ-хану. Богатыри не могли внести въ домъ привезенное, Теръ-ханъ вышелъ изъ дома, но и онъ не могъ поднять легкаго. Самъ Каратты ханъ внесъ его въ домъ. Послѣ этого Теръ-ханъ отпустилъ Тумъ-Каратты хана на землю. Тумъ-Каратты ханъ сталъ у него просить скота, Теръ-ханъ не далъ. Тогда Тумъ-Каратты ханъ укралъ у Теръ-хана солнце и луну, первую положилъ за пазуху, вторую сзади бедра, и уѣхалъ. Теръ-ханъ проснулся и ждетъ разсвѣта, не свѣтаеть; онъ спросилъ трехъ стариковъ: „Отчего долго не свѣтаеть?“ Тѣ сказали, что Тумъ-Каратты ханъ увезъ солнце и луну. Теръ-ханъ послалъ человѣка догнать Тумъ-Каратты хана и попросить его возвратить солнце и луну; Каратты-ханъ самъ вернулся и сказалъ тестю: „Ты пожалѣлъ мнѣ дать скота, поэтому я увезъ солнце и луну“. Теръ-ханъ предложилъ ему скота, сколько хочетъ, только отдалъ бы солнце и луну. Но Тумъ Каратты-ханъ отказался и уѣхалъ. Поэтому теперь на землѣ людямъ солнце и луна свѣтятъ, а у Теръ-хана вѣчныя потемки.

(Бюругъ, Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-гогъ).

111. Бай Боролдай.

а. Одинъ сирота питался тѣмъ, что копалъ кичигене (корни травы гусиной лапки). Пришла къ нему лисица (тильке) и проситъ накопать и ей кичигине. Сирота сказалъ, что онъ и себѣ-то не можетъ достаточно добыть. „Ну, погоди“, сказала лисица, — „придетъ время, ты мнѣ поклонись“. Ушла къ богатому человѣку Мангысу и говоритъ: „Тебя ожидаетъ бѣда; Теръ-ханъ хочетъ сегодня убить тебя молніей“. „Что же мнѣ дѣлать?“ спрашиваетъ Мангысъ лисицу. Надо послать ему пятьдесятъ бѣлыхъ хадаковъ, (пежен ак адикъ). Мангысъ далъ ей пятьдесятъ бѣлыхъ хадаковъ и велѣлъ отнести къ Теръ-хану. Лисица отнесла хадаки къ Теръ-хану и говоритъ: „Бай Боролдай прислалъ меня сватать за него твою дочь и въ задатокъ (ас белек) прислалъ хадаки“. Отъ Теръ-хана она опять зашла къ Боролдаю и ска-

зала: „Ты мнѣ не даль вичигине; скоро наступить время, ты мнѣ поклонись“. Потомъ лисица снова пошла къ богатому человѣку Мангысу; тотъ спросилъ: „Ну, что? Принялъ ли Терь-ханъ хадаки?“ „Принялъ“, говоритъ — „лисица, но только согласился отсрочить твою смерть до завтра, а завтра, сказалъ, все-таки брошу молнію въ Мангыса“. „Что же мнѣ дѣлать?“ спрашиваетъ опять Мангысь. „Терь-ханъ“, отвѣчаетъ лисица, — „просить доставить ему Сугадынь-эртене“. Мангысь послалъ войско къ морю, и оно поймало эртене. Лисица взяла эртене и пошла къ Терь-хану. На пути ей встрѣтился волкъ и говоритъ, что онъ ее съѣсть. „Не ѣшь меня“, говоритъ лисица; „я иду отъ Бай-Бородаа къ Терь-хану; лучше пойдемъ-ка вмѣстѣ сватами!“ Волкъ согласился; пошли вмѣстѣ. На встрѣчу имъ идетъ медвѣдь (ирей) и говоритъ: „Я васъ съѣмъ“. „Не ѣшь насъ“, говоритъ лисица, — „а лучше пойдемъ-ка вмѣстѣ сватами къ Терь-хану отъ Бай Бородаа!“ Медвѣдь согласился: пошли втроемъ. Имъ встрѣтился баръ (тигръ), потомъ арсланъ (левъ). И этихъ лисица уговариваетъ идти въ мѣстѣ съ нею. Идутъ теперь впатеромъ. Когда стали подходить къ Терь-хану, арсланъ и говоритъ: „Какъ же мы войдемъ къ Терь-хану? Онъ спроситъ: вы зачѣмъ?“ „Я знаю“, говоритъ лисица, — „что вамъ слѣдуетъ сказать. Нужно входить по одному; первымъ пусть войдетъ арсланъ; онъ сильнѣе всѣхъ. Пусть всякій скажетъ: я ищу темир тамака кинджи“ (то-есть, желѣзное кольцо въ носъ и цѣпь). Какъ только арсланъ, вошедшій первымъ, сказалъ это Терь-хану, ханъ сказалъ: „Это у меня найдется“. И велѣлъ слугамъ принести цѣпи и кольцо, и спутать и обрататъ звѣря. Та же участь постигла тигра, медвѣдя и волка. Потомъ пришла лисица и говоритъ Терь-хану: „Вотъ Бай Бородаа прислалъ вамъ въ калымъ (халым) за вашу дочь четырехъ звѣрей и Сугадынь-эртене“. Терь-ханъ принялъ эртене, попросилъ отъ него пищи, и столько отъ эртене явилось пищи, что всѣ подданные его ѣли и не прикончили. Терь-ханъ сказалъ: „Видно Бай Бородаа дѣйствительно богатый человѣкъ! Ну, скажи ему, что я самъ къ нему привезу свою дочь“. Лисица отправилась къ Мангысу. Тотъ спрашиваетъ: „Принялъ ли Терь-ханъ эртене?“ „Принялъ“, говоритъ лисица, — „но только на день отложилъ грозу; а завтра, говоритъ, непременно поражу его молніей“. „Какъ же быть?“ спрашиваетъ Мангысь; — „что еще послать ему?“ Но лисица не хо-

четь болѣе идти къ Терь-хану, говорить: „Не пойду, а то голову Терь-ханъ отрубить. Сильно грозный царь! И то кланялась, кланялась, на силу упростила отложить до завтра. Впрочемъ ты можешь выкопать глубокую яму и тамъ поселиться; тамъ живи, вари, ѣшь и спи. Если молнія и ударить въ твой домъ, только одинъ домъ сгорить. Скотъ пусть останется на землѣ“. Мангысъ велѣлъ людямъ выкопать яму и переселился туда со всѣмъ семействомъ. Тогда лисица сказала пастухамъ: „Сюда прійдетъ Терь-ханъ; если онъ спроситъ васъ, чей скотъ, говорите: Бай Боролдая; а если скажите Мангысовъ, Терь-ханъ убьетъ васъ“. Потомъ пошла къ Бай Боролдаю и велѣла ему идти за собою; ввела его въ домъ Мангыса, одѣла въ крытую шелкомъ лисью шубу и посадила на шире. Пріѣхалъ Терь-ханъ и остался доволенъ богатствомъ зятя. Лисица научила Бай Боролдая сказать Терь-хану: „У меня есть къ концѣ овцевязи (железъ бажинда) гнилой скотъ (чирик жал), зарытый въ землю; не убьете ли ее, ханъ, своею молніей. Терь-ханъ бросилъ молнію и убилъ Мангыса. Лисица вырыла его и съѣла со всѣмъ его семействомъ.

(Бургутъ, Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Буренъ-голъ).

б. Найднѣ, Халхасецъ, шабинецъ изъ Урги, разказалъ эту сказку почти безъ отгѣны противъ того, какъ она изложена въ „Очеркахъ“, II, 171; только имя Боролдай онъ произносилъ Боролдай, и отца невѣсты называлъ Тэнгре Хурмушту ханъ. Началъ сказку онъ такъ: Жилъ сирота у берега моря, питаясь выкапываньемъ кореньевъ...

в. На берегу жилъ одинъ бѣднякъ (му хунъ), у котораго ничего не было. Жилъ онъ въ шалапѣ. Однажды онъ поставилъ петлю, и въ нее попалъ заяцъ (шиндыгын) и говоритъ: „Не бей меня! Насъ сорокъ зайцевъ собрала лисица (унюгуи), хочеть доставить къ царю и сватать за тебя его дочь“. Боролдай отпустилъ зайца, и тотъ пошелъ къ царю. Послѣ того лисица ешила изъ бересты лодку, убрала цвѣтами, спустила въ море и подвела противъ ханскаго дворца, сама вошла къ нему во дворецъ и говоритъ: „Мой сынъ Боролдай ѣхалъ сватать вашу дочь, но поднялась буря, и онъ потерялъ шубу и все платье“. А Боролдай сидитъ на берегу голый; у него вѣкъ никакой шубы не было. Царь послалъ ему шубу, шапку и кушакъ. Потомъ царь

сказала, чтобы лисица доставила ему сорок козуй, медвѣдя и волка, и что затѣмъ онъ самъ поѣдетъ посмотрѣть домъ Боролдая. Идетъ лисица, встрѣчаетъ медвѣдя. Она въ кусты прячется. „Ты чего?“ спрашиваетъ медвѣдь. „Идетъ человѣкъ“, отвѣчаетъ лисица,— „хочетъ убить меня“. „А мнѣ куда дѣваться?“ спрашиваетъ медвѣдь. „Ты можешь спрятаться вотъ въ тотъ домъ, я тебя запру, и тебя никто не тронетъ“. Такимъ же родомъ она обманула волка и козуль. Потомъ приходитъ во дворецъ Харь Тыгынъ-хана и бѣгаетъ то подъ крыльцо, то въ кусты. „Ты чего?“ спрашиваетъ ханъ. „Идетъ войско, оно убьетъ меня“. „А мы какъ?“ спрашиваетъ ханъ. „А вы съ женой выйдите изъ дворца, зайдите въ кусты и обратитесь въ деревья; васъ не узнаютъ“. Боролдай пріѣхалъ съ женой и тестемъ. Лисица говоритъ хану: „Для молодыхъ будетъ вредно оттого, что противъ дворца стоятъ два дерева; срубите ихъ!“ Ханскіе люди срубили ихъ.

(Солдатъ Ивановъ, Буратъ поколѣнія Хонходоръ; вершина р. Иркуты).

г. Боролдай Ху былъ хорошій силачъ; у него былъ паршивый сѣрый жеребенокъ (хамутэй боро дага), на которомъ онъ ѣздилъ, и еще былъ черный лукъ. Разъ поѣхалъ онъ къ одному хану взять за себя его дочь замужъ. По дорогѣ остановился у ханскаго пастуха, который пасъ верблюдовъ; дома была одна старуха; она напоила и накормила его и велѣла отправиться дальше; Боролдай хочетъ остаться у нихъ ночевать, но старуха говоритъ: „Уѣжай, скоро старикъ воротится, верблюдовъ пригонитъ; тамъ есть одинъ бура (самецъ), который, если тебя увидитъ, непременно убьетъ; я“, говоритъ старуха,— „тебя напоила и накормила; не мѣста тебѣ для ночлега жалѣю, а тебя самого мнѣ жалко“. Боролдай ху все-таки остался ночевать. Воротился старикъ, пригналъ верблюдовъ, вошелъ въ анлъ, поздоровался и сказалъ юношѣ: „Нютинда галтей нюринда цахтей тухе уланъ царятей тмун хуни сюре тюресынъ“ (то-есть: съ огненными очами и свѣжимъ румянымъ лицомъ... отсюда и куда ѣдешь)?

„Ѣду я“, говоритъ Боролдай,— „съ востока къ вашему хану взять его дочь замужъ; слышалъ, что съѣхались туда богатыри, и что приказъ (дзарлив) есть, кто побѣдитъ всѣхъ, за того и отдадутъ Дагине замужъ; ты накорми меня, старикъ, досыта да завтра укажи дорогу“. „Хорошо“, говоритъ старикъ,— „я накормлю, скажи: чѣмъ и

какъ? Накормить такого челоѣка, какъ ты, я могу, благодаря хану (хани буин)! Боролдзай“ сказалъ: „Заколи верблюдицу, которая три года не жеребилась; старикъ сказалъ: „Поди выбирай самъ“. Пошелъ Боролдзай выбирать, на него бура бросился; ударилъ онъ его, и бура почувствовалъ ударъ богатырской руки, убѣжалъ; однако Боролдзай не могъ самъ выбрать верблюдицу, попросилъ старика. Старикъ указалъ верблюдицу, которая не жеребилась не меньше трехъ лѣтъ; тогда Боролдзай взялъ ее и бросилъ черезъ верблюдовъ въ аилу, оснималъ, сварилъ и сталъ ѣсть такъ, что кости черезъ носъ выпускалъ. Поѣли, легли спать. Боролдзай пробудился и закричалъ: „Вставай, старикъ, разсвѣтало!“ „Нѣтъ“, говоритъ старикъ;— „еще только полночь; это свѣтъ отъ Дагне, которая въ полночь выходитъ гулять; у нея на шеѣ солнце, а на спинѣ мѣсяцъ; отъ того такъ свѣтло, когда она гуляетъ“. Утромъ старикъ указалъ Боролдзаю дорогу и сказалъ, что за ханскимъ урго на западѣ стоитъ аилъ, въ которомъ собрались всѣ богатыри и тушмюты (знатные люди). „Ты“, говоритъ— „зайди прежде туда“. Онъ такъ и сдѣлалъ; вошелъ въ аилъ; батыри поздоровались, потомъ стали разсуждать о томъ, на какое пространство слѣдуетъ имъ пустить въ бѣгъ своихъ коней. Боролдзай сказалъ, что они не дѣти, чтобы назначать пространство въ десять или двадцать дней пути, слѣдуетъ имъ пустить лошадей на три года пути. Всѣ согласились и пустили лошадей; онъ самъ не поѣхалъ, а посадилъ сѣдока. Стали ждать лошадей; завидѣвши пыль, каждый сталъ говорить: „Это моя лошадь бѣжитъ“. И Боролдзай говоритъ: „Это мой паршивый сѣрый жеребенокъ бѣжитъ; я узнаю его потому, что пыль по солнцу вьется“. Дѣйствительно хамутѣй боро дага прибѣжалъ первый. Стали бороться; Боролдзай всѣхъ поборолъ. Затѣмъ стали стрѣлять; онъ опять предложилъ, чтобы стрѣляли съ трехгодоваго пространства; положили камень въ ящикъ величиной, за нимъ быка, за быкомъ сюджи (кость съ отверстиемъ), за сюджи иголку; стали стрѣлять; у многихъ стрѣлы не долетѣли до мѣтн, Боролдзай выстрѣлилъ, камень раздробилъ въ пепель, прострѣлилъ насквозь быка, попалъ въ отверстие сюджи, затѣмъ въ ушко иглоки. Послѣ того онъ взялъ за себя ханскую дочь и сталъ жить счастливо. Амыр сайхан джиргала!

(Записано г. Палкинымъ у Дархатовъ).

112. Батырь Чонунъ-бель.

Въ концѣ худаго времени и въ началѣ хорошаго времени жилъ сынъ Банна-Дорчжи богатырь Чонунъ-бель (баин дорчжи ху батыр чонун бель); онъ имѣлъ мать старуху и двухъ братьевъ Ага и Дзуга. Онъ увидѣлъ однажды сонъ и сказалъ матери, чтобъ она приготовила его въ дорогу, приставила котель и пришла пуговицы въ шубѣ. „Куда ты хочешь ѣхать?“ спрашиваетъ мать. „Я видѣлъ во снѣ“, говоритъ Чонунъ-бель, — „что въ сѣверной сторонѣ есть красавица; поѣду на ней жениться“. Мать стала отговаривать его убѣждая, что на этой дорогѣ много препятствій (дай сын), и поднесла сыну желтый хадакъ въ сажень длиной. Батырь Чонунъ-бель отвѣчалъ ей, что мужчина не долженъ пугаться опасностей и отказываться отъ предпріятія; если ему назначено на сѣвѣрѣ добыть невѣсту, онъ долженъ за нею ѣхать. Поймалъ онъ коня своего Дархинъ-хонгора, положилъ на него великіе, какъ степь, токумы ¹⁾, великое, какъ гора, сѣдло, надѣлъ свою шубу, шитую изъ шкуръ ста быковъ и обложенную шкурами шести мараловъ, взялъ свой лузъ и садакъ и отправился въ путь. Много дней ѣхалъ, не разсѣдывая коня, годовое пространство проѣзжалъ въ мѣсяць, мѣсячное пространство въ день. Когда онъ въѣхалъ въ промежутокъ между семьюдесятью горами, только шлемъ, сдѣланный изъ ста бояровъ (квадратныхъ кусковъ) листоваго желѣза и обтянутый желѣзною обложкой въ шесть сажень шириной, повачивался и блестѣлъ. Долго онъ ѣхалъ и встрѣтилъ старика Долонъ-тѣ сахынтай Тончжи-Молонъ-хана и спросилъ его: кто онъ? Тотъ назвалъ себя по имени. „Гдѣ твой домъ и куда ѣдешь?“ спросилъ Чонунъ-бель. „Домъ мой я миновалъ, мѣсто, куда ѣду, впереди“, отвѣчалъ старикъ, — „ѣду я въ южную сторону, гдѣ по слухамъ живетъ большой богатырь Чонунъ-бель съ матерью и двумя братьями. Хочу забрать его семью, народъ и скоть. А ты, съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ глазахъ (видунту галтай, нюрюнду цоктай, шильдэ шильдей, шильбеде чумуктэй), ты кто и какъ тебя зовутъ?“ „Я сынъ Банна-Дорчжи, батырь Чонунъ-бель“, отвѣчалъ богатырь. При этомъ онъ тронулъ ногами и отъ стремянъ пошелъ

¹⁾ Потники.

громъ; отпыхнулся—воздухъ помрачился; вынулъ саблю и взмахнулъ—земля всколебалась. Старикъ испугался и сказалъ: „Я не Тонджи-Молонъ-ханъ, а только его пастухъ“. Оставивъ старика въ живыхъ, богатырь поѣхалъ дальше, пріѣхалъ наконецъ на гору Боро-Болдзетей-Тологой и увидѣлъ съ нея юрту двадцати-голового Хотгоръ-хара-мангыса; юрта состояла изъ пятисотъ хановъ ¹⁾ и пяти тысячъ уннъ ²⁾; передъ ея былъ прикрытъ шкурами мораловъ и опоясанъ шелковымъ поясомъ; правый бокъ юрты одѣтъ шкурами тигровъ (бар) и опоясанъ серебрянымъ поясомъ, задъ одѣтъ аркаръскими шкурами и опоясанъ золотымъ поясомъ, лѣвый бокъ одѣтъ шкурами козуль (дзура). Женщины, доившія коровъ, увидѣли пріѣхавшаго богатыря и говорятъ между собою: „Какой-то великій богатырь пріѣхалъ“. Хара-мангысъ услышалъ этотъ разговоръ и сказалъ своему сыну Темиръ-цохуръ-батырю: „Поди, посмотри, что тамъ бабы увидѣли“. Темиръ-цохуръ вышелъ и затрасся отъ одного вида богатыря. Онъ вернулся и разказалъ отцу; тотъ взялъ свой лукъ изъ дерева зандинъ, сѣлъ на чернаго криваго быка (сохур хара буха) и поѣхалъ на гору. Подѣхавъ къ богатырю, онъ спросилъ: „Съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ лицѣ (видунту галтай, нюрюнду цоктай, шильде шильтэй, шильбеде чумуктэй), кто ты и зачѣмъ пріѣхалъ?“ Богатырь назвалъ по имени и сказалъ, что онъ пріѣхалъ сразиться съ Хара-мангысомъ. „Я Хара-мангысъ; если ты пріѣхалъ за этимъ, сразимся“, сказалъ Хара-мангысъ. „По очереди будемъ стрѣлять другъ въ друга. Кто первый?“ „Я буду первымъ стрѣлять“, сказалъ Чонунъ-бель,— „потому что я пріѣзжій“. Мангысъ раскрылъ свою грудь, а Чонунъ-бель отѣхалъ на полдневное пространство, началъ натягивать лукъ, до полдень натягивалъ, съ пальцевъ сваливались куски мяса по тигру (бар) и льву (арсланъ) величиной; спустилъ стрѣлу, и она прошибла грудь Мангыса, пролетѣла насквозь, ударила въ гору и высѣкла изъ нея пламя. Чонунъ-бель навьючилъ зандиновый лукъ Мангыса на криваго быка и отпустилъ его. Быкъ пришелъ къ сыну Мангыса и говоритъ: „Ты, ничего не зная, сидишь

¹⁾ Ханъ—часть юрточной рѣшетки; въ обыкновенной юртѣ четыре хана, но бываетъ и до восьми хановъ.

²⁾ Унны—стрѣлы, изъ которыхъ составляется сводъ юрты.

здѣсь. Твоего отца убилъ прїѣзжій богатырь“. „Что же я сдѣлаю“, сказалъ Темиръ-цохуръ,—„если онъ моего отца, который бывало взглянетъ на югъ—весь южный народъ тянетъ къ себѣ, взглянетъ на сѣверъ—весь сѣверный народъ тянетъ къ себѣ, взглянетъ на востокъ и западъ, и оттуда весь народъ тянетъ къ себѣ, и того онъ убилъ?“ Бикъ сказалъ: „Развѣ ты не богатырь? Развѣ ты не можешь приготовить ядовитой водки ардзы хардзы, развѣ не можешь положить въ баранью голову яду и вырыть подъ его пятами тамы (яму)?“ Темиръ-цохуръ послалъ своего челоувѣка, Алтынъ-эчжинова сына Аляшаръ-тыргу (Алтын эчжин ху аляшаръ-тырга), собрать съ народа кумысу; Аляшаръ-тырга собралъ кумысу на пятпстахъ верблюдахъ; везли верблюды тотъ грузъ съ большимъ трудомъ они скрипѣли бѣлыми зубами, черные глаза повыкатили (харни ниден мельтылдзед), серебряные буйли (поводки) натянули. Изъ привезеннаго кумыса выгнали арахы, изъ арахы выгнали ардзы-хардзы, положили яду въ баранью голову, выкопали въ Темиръ-цохуровой юртѣ тамы; Темиръ-цохуръ поѣхалъ на гору Боро-Болдзетей и сказалъ прїѣзжему богатырю: „Ты убилъ моего отца, но я не сержусь; я пришелъ звать тебя на пиръ“. Чонунъ-бель прїѣхалъ къ нему; его стали угощать мясомъ и виномъ; Чонунъ-бель напился ардзы-хардзы и опьянѣлъ, сѣлъ въ баранью голову, отравился и провалился въ тамы, а Темиръ-цохуръ отбечевалъ съ своимъ народомъ.

Была у Мангыса одна женщина Санхони-цедекъ; она увидѣла на днѣ тамы богатыря и думаетъ: „Что это за богатырь съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ лицѣ и пр.“ И смотрѣла на него глазами, какъ пятнадцатидневная луна; пролила слезы, какъ ключевую воду. Слезы упали на грудь богатыря, и онъ ожилъ и сказалъ: „Какъ я долго спалъ!“ „Ты не спалъ“, сказала Санхони-цедекъ,—„а тебя отравилъ Темиръ-цохуръ“. Всталъ богатырь, вылезъ изъ тамы, нашелъ Темиръ-цохура, убилъ его и его жену, весь народъ его перебилъ, а скотъ захватилъ, взялъ Санхони-цедекъ женой и ушелъ домой. Отъ этого побонца уцѣлѣла только одна старуха Хончжи-Харэмъ въ черной шубѣ (хара девильтей емеген хончжи харем). Она подумала: „Весь Мангысовъ народъ избить: что я буду тутъ одна оставаться! Пойду искать мужа“. Сѣла на жеребца и поѣхала; на встрѣчу ей старикъ и спрашиваетъ: „Ты куда ѣдешь?“

„Иду мужа“, отвѣчаетъ Хонджи-Харемъ. „Возьми меня“, предлага-
етъ встрѣтившійся старикъ. „А у тебя каково мясо, которое пря-
чуть?“ „Какъ у твоего жеребца“, отвѣчалъ старикъ. „Мнѣ этого
мало“, сказала Хонджи-Харемъ и поѣхала дальше. Видитъ большую
гору и на ней старика. Она задесть ему тотъ же вопросъ: „Каково
твое мясо?“ Новый старикъ отвѣчалъ: „Мое мясо обернетъ эту гору
три раза“. Емегенъ согласилась выйти за него замужъ, и у нихъ
множество дѣтей народилось, такъ что народъ сталъ не помѣ-
щаться на горѣ. Старики порѣшили вывести народъ съ горы; на
пути лежало море (далай). Старикъ положилъ свое мясо вмѣсто
моста, и народъ началъ переходить. Въ это время ворона (хире)
влюнула мостъ, онъ пошевелился, и весь народъ потонулъ. Тогда
старикъ сдѣлалъ изъ своей шерсти неводъ, и начали они со ста-
рухой удить людей. Часть втудили, часть осталась въ водѣ. Отъ
тѣхъ, которыхъ спасли старики, пошло человѣчество (или Монголь-
скій народъ; сказка была разказана на вопросъ: откуда взялись
Монголы?), а отъ тѣхъ, которые утонули, произошла рыба.

(Найдунъ, Халха, шабинецъ изъ г. Урги).

113. Ертенъ-ерге.

Жили старикъ со старухой; у нихъ была только одна корова;
старикъ зарѣзалъ ее, чтобъ имѣть мясо для варева; отрѣзывая
кость, онъ нечаянно отсѣкъ себѣ палецъ; старуха завернула от-
рубленный палецъ въ заячью шкурку и заткнула въ юртѣ за уну
противъ дверей ¹⁾. Палецъ обратился въ ребенка и заплакалъ;
старуха хотѣла его взять, но онъ выскочилъ и началъ бѣгать по
юртѣ. Поймали его и накормили молокомъ; въ ночь онъ выросъ
такъ, что заячья шкурка уже недостаточно его покрывала; обер-
нули его въ двѣ шкурки; на третій день потребовалось уже три
шкурки. Старикъ убилъ двухъ птицъ—шюль и торло, и ихъ мясомъ
выкормилъ мальчика; сталъ мальчикъ самъ ходить на охоту, бить
птицъ и тѣмъ кормить стариковъ.

Однажды увидѣлъ онъ елика, пришелъ къ старику и спросилъ:
„Видѣлъ я звѣря съ бѣлымъ задомъ. Можно ли его ѣсть?“ Старикъ

¹⁾ Слѣдовательно, на мѣстѣ, гдѣ обыкновенно вѣшается главный огонь.

отвѣчалъ: „Можно; это еликъ!“ На другой день мальчикъ убилъ елика камнемъ и принесъ мясо старикамъ. На слѣдующій день онъ убилъ аркара, потому морала. Спустя нѣкоторое время онъ во время охоты увидѣлъ высокую гору, пришелъ къ старику и спрашиваетъ: „Что такое я видѣлъ, какъ будто солнце, какъ будто мѣсяцъ, такая гора?“ Старикъ отвѣчалъ ему: „Это должно быть лошадь, на которой я ѣздилъ въ молодости; прежде здѣсь жилъ ханъ; онъ хотѣлъ эту лошадь взять; ловили ее люди, но не могли поймать; лошадь убѣжала и стала горой“. Мальчикъ спросилъ старика: „Могу ли я ее осѣдлатъ?“ „Гдѣ тебѣ!“ возразилъ старикъ; — „сильные богатыри не могли ее осѣдлатъ“. Мальчикъ взялъ арканъ, подошелъ къ горѣ; она, дѣйствительно, оказалась лошадью; онъ накиннулъ на нее арканъ и поймалъ, лошадь съ мѣста не двинулась. Привелъ онъ лошадь домой. Старикъ удивился и обрадовался, что сынъ его изъ богатырей. „Теперь мнѣ нужно сѣдло, узду, лукъ (ок-джа), гдѣ ихъ взять?“ спросилъ мальчикъ старика. Старикъ сказалъ ему: „Здѣсь недалеко есть скала Кудай базыру; въ ней найдешь эти деспѣхи, отваливши заложенный камень“. Мальчикъ пошелъ въ указанное мѣсто, нашелъ сѣдло, узду и лукъ, осѣдлалъ коня, надѣлъ куякъ (кольчугу), потянулъ лукъ и сказалъ: „Это по мнѣ!“ Поѣхалъ онъ на промыселъ; тагдамъ анг тагда гырыб, сугдымъ балыгы сугда гырыб, горную дичь на горахъ убивая, водяную рыбу въ водахъ убивая, такъ промышлялъ. Навьючилъ лошадь мясомъ и привезъ домой. На другой день онъ снова поѣхалъ и опять увидѣлъ высокую гору; вернувшись домой, онъ спросилъ старика: „Могу ли я заѣхать на вершину этой горы?“ „Гдѣ тебѣ“, говоритъ старикъ, — „я на нее не могъ заѣхать!“ Мальчикъ все-таки рѣшился взѣхать на гору и поднялся на самую ея вершину, съ которой впереди увидѣлъ золотую тайгу (тайга—снѣжный бѣлокъ), окруженную дремучимъ лѣсомъ. Вернувшись домой, онъ вновь спросилъ старика: „Что это за тайга?“ Старикъ отвѣчалъ: „Золотая тайга—это золотой мораль, а лѣсъ—это войско, ханова защита; этотъ мораль ни кого не пропускаетъ къ хану. Когда я былъ молодъ, я также пытался пройти къ хану, но не смогъ“. „Нельзя ли мнѣ попробовать съѣздить?“ спрашиваетъ мальчикъ. Старикъ не пускаетъ его. „Сильные богатыри не могли проѣхать заставу, тебѣ ли удастся?“ Не послушался мальчикъ, поѣхалъ. Доѣхавъ до среди-

ны дороги, сдѣлался кротомъ (куське); дошелъ до морала, снова принялъ свой видъ. Смотрить—у морала рога до неба, передняя половина тѣла золотая. Цѣлый день мальчижь натягивалъ лукъ, выстрѣлилъ, пополамъ расшибъ морала; накиннулъ арканъ ему на шею, таскомъ приволочилъ домой, изъ шкуры сдѣлалъ урго (покрышку на верхнее отверстіе въ юртѣ), мяса навалилъ, какъ тайга лежать. Потомъ онъ опять поѣхалъ на ту же гору, встрѣтилъ дорогой человѣка и увидѣлъ идущія куда-то войска. Человѣкъ спросилъ его: „Какъ тебя зовутъ?“ Ничего не отвѣчалъ мальчижь, вернулся домой и разказалъ о случившемся старику. Старикъ на это ему сказалъ: „Имя твое Ертенъ-ерге, коня твоего зовутъ Чаганъ-Хобонъ, лукъ Джесь Томана; если кто встрѣтится и спроситъ тебя объ имени, такъ и скажи“. Опять мальчижь поѣхалъ въ ту же тайгу и вновь увидѣлъ идущія войска. Онъ обернулся въ худаго мальчишку, лошадь обратилъ въ жеребенка, догналъ войско и спросилъ: „Куда идете?“ „Мы посланы отъ хана“, отвѣчало ему войско, — „идемъ на озеро Сутьхуль, на которомъ есть тайга, а въ тайгѣ живетъ Канъ-Герעדѣ“. Ханъ приказалъ привести крылья Канъ-Герעדѣ: „Кто ихъ доставитъ мнѣ, за того выдамъ дочь свою“, сказалъ онъ. „Я поѣду съ вами“, напрашивается Ертенъ-ерге. Захотало войско: „Куда тебѣ такому худому (багай-олу); впрочемъ поѣзжай, если хочешь“. Поѣхалъ онъ съ ними. Приѣхали на высокую гору и увидали—блѣдется небо. „Это что за небо?“ спросилъ Ертенъ-ерге. Ему отвѣчали: „Это и есть Суть-хуль“. „А что это чернѣется по срединѣ его?“ спросилъ Ертенъ-ерге. „Это тайга, въ которой живетъ Канъ-Герעדѣ“. Стали они стрѣлять и не могли дострѣлять. Ертенъ-ерге спуталъ свою лошадь и сталъ натягивать лукъ. Чирики ¹⁾ смѣются надъ нимъ. Наконецъ, онъ пустилъ стрѣлу, Канъ-Гередѣ упалъ. Ертенъ-ерге сѣлъ на лошадь и поплылъ черезъ озеро. Чирики заспорили, одинъ говоритъ: „Я убилъ“. Другой говоритъ: „Я!“ Нѣкоторые также поплыли слѣдомъ за Ертенъ-ерге, не могли доплыть до острова, гдѣ жилъ Канъ-Гередѣ, и утонули. Ертенъ-ерге доплылъ до него, отломилъ крылья, переицалъ назадъ, вышелъ на берегъ, началъ свистать и кричать, конь сталъ чихать, сдѣлался туманъ, Согуръ-туганъ-ашяки ²⁾

¹⁾ Чирикъ по монгольски—солдатъ.

²⁾ Ашякъ по урянхайски—старикъ.

заблудились: которые зашли въ тайгу, которые въ морѣ утонули. Стала тьма; только былъ слышенъ шумъ и громъ отъ ѣзды Ертень-ерге. Чирьки, оставшіеся живыми, вернулись домой; ханъ спросилъ ихъ: добыли ли крылья? „Добыли“, отвѣчали чирьки;— „Хана-Герееде убили, но одинъ великанъ напустилъ туманъ и отнялъ крылья“. „Какъ зовутъ его?“ спросилъ ханъ. „Не знаемъ“, отвѣчали чирьки. Потомъ пришли ашьяки и сказали хану: „Великанъ не знакомый, а лошадь подъ нимъ была знакомая, извѣстная Чаганъ-хобонъ, на которой ѣздилъ Ерге-бурге“. Ханъ сказалъ: „Гдѣ ему самому теперь ѣздить; онъ уже старикъ“. Ханъ послалъ однако людей посмотреть; посланные увидѣли золотую ургу, съ наружной стороны которой лежали крылья Канъ-Герееде; они зашли въ ургу, увидѣли богатыря, и спугались и спросили у старика: „Кто такой этотъ богатырь?“ Старикъ отвѣчалъ: „Это мой сынъ“. Посланные вернулись и доложили хану. Ханъ послалъ къ старику пять человѣкъ съ привязаніемъ, чтобъ онъ прикочевалъ къ ханской ургѣ. Старикъ отвѣтилъ имъ, что онъ привыкъ къ родному мѣсту и не хочетъ скочевать. Тогда ханъ послалъ десять человѣкъ съ привязомъ: добромъ не покочуетъ, силой привести. Старикъ пошелъ къ сыну и говорить: „Покочуемъ, что ли? Хана прогнѣвать не хорошо“. Сынъ согласился и сказалъ имъ: „Ступайте; я самъ доставлю къ хану свой домъ и семейство“. На другой день, сѣвъ на лошадь и накинувъ веревку на золотую ургу, онъ отвезъ ее къ хану. Ханъ вышелъ утромъ изъ своей урги, и увидѣвъ на степи другую золотую ургу, спросилъ: „Чья эта урга?“ Слуги сказали, что это урга старика Ерге-бурге. Ханъ послалъ человѣка за старикомъ, старикъ явился. Ханъ спросилъ его: „Какимъ образомъ ты приобрѣлъ золотую ургу?“ „Сынъ добылъ“, отвѣчалъ старикъ. „Откуда у тебя взялся сынъ?“ спросилъ ханъ; „ты былъ бездѣтенъ“. Старикъ разказалъ о происхожденіи Ертень-ерге. „А кто убилъ Канъ-Герееде?“ спросилъ ханъ. „Мой сынъ“, отвѣчалъ старикъ. „Пусть онъ будетъ моимъ зятемъ“, сказалъ ханъ;— „пошли его сюда“. Старикъ посылаетъ сына къ хану, а самъ радуется, что ханъ отдаетъ за него свою дочь. Сынъ говорить: „И самъ не пойду, и крылья не отдамъ, и его дочери мнѣ не надо“. Тогда ханъ послалъ къ Ертень-ерге пять человѣкъ звать его; онъ не пошелъ. Ханъ послалъ десять человѣкъ звать его. Ертень-ерге подумалъ: „Не надо гнѣвить хана“. И велѣлъ десяти человѣкамъ нести

къ хану крылья Канъ-Герее, а о себѣ сказалъ: „Послѣ прійду“. Десять человѣкъ насплу подняли крылья, принесли ихъ къ хану; его домъ полонъ сталъ отъ крыльевъ. Вслѣдъ за десятью человѣками пришелъ и самъ Ертень-ерге; въ дверь онъ не могъ пройти и сломалъ ея желѣзные косяки. Ханъ спросилъ его: „Ты убилъ Канъ-Герее“. Ертень-ерге отвѣчалъ: „Я“. „Ну, ты будешь мой зять“, сказалъ ханъ. Сдѣлали свадьбу, девять лѣтъ сряду пировали.

(Сказка этимъ не кончается; конецъ ея разказчикъ плохо зналъ, мѣстами забылъ и въ неполномъ, отрывочномъ видѣ, не смотря на упрасиванія, отказался разказывать, отговариваясь тѣмъ, что Оранъ ээви подслушиваетъ сказки, и если кто сказку не вѣрно разказываетъ, тому дѣлаетъ худо).

(Бюргуть, Урянхаецъ кости Сальжака. Р. Бурень голъ).

114. Мальчикъ Булотъ-хурэ и его конь.

Въ старинное время, когда еще Сумбуръ-Ола была болотомъ, гуранъ еще былъ индогашкой ¹⁾, когда снѣга были мелки, а сахильдаа (ковылъ) былъ зеленый, въ то время жилъ одинъ мальчикъ; имя его было Булотъ-хурэ. У него не было ни роду, ни племени. Однажды пошелъ онъ на охоту, увидалъ козулю-самку; когда онъ выстрѣлилъ изъ лука, козлуха, ударившись о землю, сдѣлалась лебедью, взяла его стрѣлу въ ротъ и сказала: „Если ты добрый молодецъ, то найдешь свою стрѣлу“. Сказавъ это, она улетѣла. Булотъ-хурэ когда внизъ смотрѣлъ, плакалъ, когда вверхъ смотрѣлъ, смѣялся. Воротился домой, разказалъ своимъ отцу и матери, что съ нимъ случилось, и просилъ отца отпустить его отправиться на поиски лебеда. Отецъ не сразу согласился; онъ говорилъ сыну: „Кости твои хрящи, кровь твоя вода“. Булотъ-хурэ отпустилъ своего коня, чтобъ онъ копыта выростилъ, и мать свою попросилъ, чтобъ она починила его платье; самъ сталъ бить звѣрей и сушить борсу (сушеное мясо). Выладилъ своего коня, осѣдлалъ его сѣдломъ, сдѣланнымъ изъ дерева, выросшаго локтемъ (тохой), и отправился въ путь на востокъ. Когда жукушка начнетъ жуковать, онъ думаетъ, что лѣто; когда сорока защеочетъ, онъ

¹⁾ Куранъ—самецъ козули; индогашъ—теленекъ козули.

думаетъ, что зима. Видитъ, летитъ надъ нимъ воронъ. Воронъ говоритъ: „На этой горѣ есть три слѣпыхъ даянчи; поѣзжай туда и спроси о своей судьбѣ“. Булотъ-хурэ поѣхалъ по совѣту ворова, трое сутокъ молился у дверей отшельниковъ, потомъ зашелъ въ юрту и разказалъ имъ, зачѣмъ поѣхалъ, чего ищетъ. Они открыли книгу судебъ (Заяни-алтын-чара судур) и сказали: „Твоя невѣста живетъ далеко отсюда на разстояніи восьмидесяти лѣтъ“. Булотъ-хурэ, взявъ отъ нихъ благословіе, отправился въ путь. Гдѣ нужно десять лѣтъ ѣхать, доѣхалъ въ десять мѣсяцевъ; увидѣлъ на пути бѣлую юрту; привязалъ коня, вошелъ въ юрту, видитъ — старикъ со старухой сидятъ и пьютъ чай; старикъ пилитъ стрѣлы-Булотъ-хара, не сказавъ ни слова, не поздоровавшись, закурилъ трубку; выкуривъ ее, поѣхалъ дальше. Старикъ вышелъ вслѣдъ за нимъ и спросилъ: „Ты чей, мальчикъ, и откуда? Какъ ты смѣлъ въ мой домъ зайти и не поздороваться? Если есть у тебя языкъ, говори, а если нѣтъ, то сейчасъ твою голову отстрѣлю“. Тогда Булотъ-хурэ воротился и попросилъ у старика извиненія. Старикъ простилъ ему. Булотъ-хурэ, вошедши снова въ домъ, разказалъ, кто онъ и куда поѣхалъ. Старикъ сказалъ: „Эта лебедь будетъ мнѣ внучка“. И далъ ему совѣтъ, какъ добыть ее. Булотъ-хурэ приѣзжаетъ во владѣнія того хана, гдѣ его невѣста, передѣлалъ своего коня въ дряннаго жеребенка, самъ сдѣлался сопливымъ мальчишкой. По золотому мосту играютъ ханскія дочери, по серебряному мосту дочери вельможъ, по желѣзному мосту дочери ханскихъ подданныхъ. Булотъ-хурэ хотѣлъ съ царскими дочерьми плясать, онѣ сбросили его съ моста; съ боярскими дочерьми хотѣлъ играть, и тѣ его сбросили; дочери подданныхъ также сбросили. Онъ пролежалъ трои сутки подъ мостомъ, на четвертыя оправился и пошелъ въ царскому двору; шла мимо его та самая Абахай-дангинъ, которая унесла стрѣлу, узнала его и велѣла слугамъ накормить чужестранца; слуги дали ему сыворотку въ собачьемъ корытѣ. Онъ вылилъ сыворотку тайкомъ себѣ за пазуху. Назначена была стрѣльба; кто лучше выстрѣлитъ, тотъ возьметъ за себя Абахай-дангинъ: такъ опредѣлилъ ханъ. На мѣсту было поставлено три предмета рядомъ; первая мѣта — чтобы стрѣла перебила по суставу траву ковыль (хилгана), вторая — разбила бы въ щелки тридцать возовъ дровъ, третья — разорвала бы игольное ушко.

Всѣ съѣхались богатыри, и между ними былъ главный Иргай Ширгай (за него Абахай-дангинъ была уже просватана); стрѣляютъ и не могутъ попасть. Иргай-ширгай ковыль прострѣлялъ, дрова разщепалъ, но въ иголку не попалъ. Стрѣла Булотъ-хурэ попала въ иголку и вырыла мѣста въ землѣ, сколько можетъ занимать (подъ табуны) богатый человѣкъ. Тогда Иргай-ширгай проситъ Булотъ-хурэ, чтобъ онъ сказалъ, будто этотъ послѣдній выстрѣлъ сдѣланъ имъ, Иргай-ширгаемъ. Булотъ-хурэ согласился съ условіемъ, чтобъ Иргай-ширгай позволилъ вырѣзать два ремня изъ его спины. Послѣ того богатыри должны были бросать черезъ море камень, величиной съ корову (ухурин шинен ихи хара чило). Иргай-ширгай добросилъ только до половины моря, Булотъ-хурэ не только перебросилъ черезъ море, но еще на томъ берегу разбилъ утесъ. За это взялъ онъ съ Иргай-ширгая два мизинца. Потомъ былъ назначенъ бѣгъ съ матерью Иргай-ширгая, которую звали „съ граненымъ носомъ, съ пѣшневиднымъ подбородкомъ, съ волосами въ бровяхъ длиною съ четверть, съ глазами въ глубокихъ впадинахъ Хайханъ хамыгын“ (самсал хошута салир ургута гом нохо нитхидэ ургулни хонхулдзур хай хан хамыгын). Они должны бѣжать на разстояніи трехъ мѣсяцевъ; всѣ поѣхали на мѣсто, откуда бѣжать слѣдуетъ. Булотъ-хурэ ѣдетъ сзади на своемъ худенькомъ жеребенкѣ, всѣ смѣются надъ нимъ; конь его усталъ, и онъ остался сзади всѣхъ, но когда стали подъѣзжать къ ночлегу, Булотъ-хурэ уже тамъ сидитъ, набивъ дичи и звѣрей и наготовивъ мяса. На другой ночлегъ также. Такимъ образомъ они доѣхали до мѣтн черезъ три мѣсяца. Ханъ Хулдзуръ-Хайханъ Хамыгынъ попросила воды, сказавъ: „Мы далеко будемъ бѣжать, путь будетъ трудный; нужно будетъ выпить чашки по три“. Когда всѣ выпили, всѣ заснули. Старуха побѣжала. Тогда конь Булотъ-хурэ прыснулъ и навелъ туманъ на три дня, такъ что старуха заблудилась и къ вечеру пришла на старое мѣсто. Такъ конь дѣлалъ до трехъ разъ, но такъ какъ онъ имѣлъ только гурбы эрдени (три драгоценности?), то болѣе трехъ разъ не могъ дѣлать это. Тогда онъ разбудилъ своего хозяина. „Булотъ-хурэ, хозяинъ мой, если живъ, то вставай; если не живъ, то я побѣгу въ свою землю. Сорокъ два мои зуба съ уздой вмѣстѣ гремятъ, четыре моихъ копыта свалиться хотятъ. Если можешь говорить, то говори, а если не можешь го-

ворить, то я прощаюсь съ тобой“. Таковы были слова коня. Булоть Хурэ, вставши, спросил коня: что съ ними случилось? Конь сказалъ: „Хайханъ хамыгынъ напоила тебя водкой съ ядомъ“. Потомъ конь Вуруль Цохуръ велѣлъ Булоть-хурэю наложить четыре круглыя камня въ пазуху и сказалъ: „Дери мои жирныя бедра плетью и мой ротъ раздирай до коренныхъ зубовъ. Мы догонимъ Хайханъ-хамыгынъ у чернаго моря, гдѣ она будетъ мыть свое лицо. Тогда ты бросишь одинъ камень и переломишь ей ногу“.

Когда Хайханъ-Хамыгынъ увидѣла, что у нея нога изломана, перевязала ее ковыль травой и побѣжала далѣе, сдѣлавъ все это на бѣгу. Булоть-хурэй между тѣмъ убѣжалъ впередъ; но Хайхынъ-хамыгынъ догнала его и хотѣла своимъ подбородкомъ пробить его голову; тогда онъ выбилъ ей глазъ камнемъ. Хайханъ-хамыгынъ на бѣгу вырвала глазъ у лисицы и вставила себѣ, опять стала догонять Булоть-хурэа! Тогда онъ ей перебилъ камнемъ руку. Она перевязала ее на бѣгу ковылемъ и побѣжала за нимъ. Въ четвертый разъ, когда она стала догонять, онъ перебилъ ей другую ногу; тутъ уже была близка граница, до которой они бѣжали. Булоть-хурэй прибѣжалъ впередъ. Хайханъ-хамыгынъ говорить своему сыну Иргай-ширгая: „Ну, сынъ мой Иргай-ширгай, на сколько было у меня силы, я постаралась для тебя, но такой прыти, какъ у этого мальчишки, я не видывала, хоть много лѣтъ живу. Камни, летящіе изъ-подъ заднихъ ногъ Булоть-хуреева коня, переломали мнѣ всѣ члены“. Сказавъ это, она сломала свою желѣзную „хидырхэ“¹⁾, въ которой заключалась ея душа, и сказала: „Тебя пусть ржавчина точить, меня пусть точить червь“. А сыну сказала: „Много благожеланія!“ Повернулась и умерла. Тогда Иргай-ширгай пришелъ къ хану и сказалъ: „Я взялъ два приза, а Булоть-хурэй одинъ“. Булоть-хурэй перебилъ его: „Я взялъ всѣ три приза, потому что я имѣю задатки за первые разы: два ремня и два мизинца“. Ханъ согласился отдать свою дочь за Булоть-хурэя и во время свадьбы велѣлъ богатырямъ накормить однимъ быкомъ всѣхъ подданныхъ, чтобъ еще узнать ихъ догадливость. Всѣ богатыри и Иргай-ширгай не могутъ раздѣлить быка. Булоть-хурэй сварилъ

¹⁾ Кэндьргэ, (а не хидырхэ) — орудіе для выскабливанія шкуръ при ихъ выдѣлкѣ.

бика, искрошилъ его, и смѣшавъ съ чаемъ, сталъ брызгать въ народъ. Ханъ спросилъ народъ: „Насытились ли, когда васъ Булотъ-хурей кормилъ“. „Нѣтъ“, отвѣчалъ народъ, — „мы даже не видали, чтобы Булотъ-хурей кормилъ насъ“. Тогда Булотъ-хурей привелъ одного подданнаго къ хану и говоритъ: „Еслибъ онъ не ѣлъ, откуда у него взяли бы пятна и брызги жира на платъ?“ Ханъ убѣдился, что Булотъ-хурей и силенъ, и ловокъ, и уменъ, отдалъ за него Абахай-Дангинъ, а Иргай-ширгая сказнилъ.

(Сказка Бурятъ Агнискаго вѣдомства; сообщ. о. Я. Чистохинъ).

115. Оролынъ читкуръ.

Жили старикъ со старухой; у нихъ ничего не было, ни дѣтей, ни скота; они едва пропитывались тѣмъ, что старикъ рубилъ дрова, носилъ въ городъ продавать и приносилъ оттуда по чашкѣ проса; были у него для этой работы топоръ и веревка. Такъ старики дожили до старости; ему стало шестьдесятъ лѣтъ, ей пятьдесятъ лѣтъ. Въ это время старуха забеременѣла; оба обрадовались, что родится имъ кормилецъ. Родился сынъ, выросъ, достигъ восьми-лѣтняго возраста, но нѣмой и слѣпой; на морозъ выйдетъ—слезы текутъ. Пользы отъ него нѣтъ старикамъ. Однажды мальчикъ сронилъ котелъ съ варившимся просомъ, и старики прогнали его; „Баккой, дескать—это намъ помощникъ; онъ только ко вреду намъ“. На другой день старикъ хотѣлъ идти въ городъ, но ни веревки, ни топора нѣтъ; мальчикъ унесъ эти вещи. Старики стали уже собираться умирать, потому что послѣдняго заработка лишились. Но мальчикъ возвращается съ огромною ношей; у него за спиной перевязанный мѣшокъ, въ одной половинѣ котораго просо, въ другой мука. Мальчикъ сказалъ, что онъ нарубилъ дровъ, продалъ въ городѣ и купилъ припасовъ; потомъ мальчикъ наловилъ цзурумовъ (сусликовъ), и сдѣлали они себѣ такой обѣдъ, какаго старики никогда не имѣли. Послѣ того мальчикъ сказалъ старику, чтобы онъ сходилъ въ городъ и купилъ веревку въ восемьдесятъ сажень длины и топоръ въ восемьдесятъ фунтовъ вѣсомъ. Старикъ заказалъ вещи общаюсь плату заносить дровами. И сталъ мальчикъ добывать дрова, цѣпляя деревья съ корнемъ выворачивалъ. Въ сосѣдствѣ, былъ богатый аилъ ¹⁾, въ который повадился волкъ ходить и да-

¹⁾ Ауль.

вить скотъ. Богатый хозяинъ аила вздумалъ нанять мальчика пасти скотъ и пришелъ къ старикамъ; тѣ говорятъ: „Какой онъ караульщикъ; онъ нѣмой и слѣпой!“ Однако спросили у мальчика: не пойдетъ ли онъ въ пастухи; тотъ изъявилъ согласіе, взялъ съ собою веревку и топоръ, которые онъ никогда не оставлялъ, и отправился. Его накормили въ богатомъ домѣ и осѣдлали ему смирную лошадь согласно его просьбѣ; веревку и топоръ онъ привязалъ въ торока. Хозяева говорили ему: зачѣмъ ему топоръ, пусть бы лучше взялъ упряжь. Но мальчикъ не согласился. „Что-то будетъ?“ подумали хозяева. Остался мальчикъ въ табунѣ ночевать и въ полночь слышитъ, что весь табунъ бросился въ сторону; онъ поѣхалъ на встрѣчу, видитъ что-то черное, схватилъ его, долго боролся, и наконецъ, убилъ. Утромъ онъ разсмотрѣлъ, что это былъ какой-то пестрый звѣрь; это былъ ирей ¹⁾. Онъ думалъ, что это волкъ, о которомъ говорилъ хозяинъ, привязалъ его и задавленную имъ кобылу въ торока, хотѣлъ ѣхать — коню не подъ силу было везти. Тогда онъ привязалъ одинъ конецъ веревки къ одному животному, другой къ другому и поволокъ къ себѣ; пришелъ къ хозяину и попросилъ ѣсть. Ему дали и спросили: „Въ какомъ положеніи дѣла?“ „Опять волкъ задавилъ кобылу“, отвѣчалъ пастухъ. Хозяинъ осердился, бросилъ въ него чашкой, въ которой была наложена ему ѣда, и прогналъ. Пошелъ потомъ хозяинъ изъ юрты, увидѣлъ какую-то кучу, разглядѣлъ кобылу и ирею, догадался, что онъ убилъ мальчикомъ, поѣхалъ къ старикамъ и говоритъ имъ: „Перекочевывайте жить подлѣ моего аила, ѣшьте мое, что хотите, надѣвайтесь, что вздумаете, только пусть вашъ сынъ пасетъ мой скотъ. Старики перекочевали, мальчикъ сталъ пасти скотъ. Замѣтилъ онъ однажды, что куда-то идетъ войско; ханъ набираетъ его и шлетъ на войну. Мальчикъ вернулся домой и говоритъ, что онъ пойдетъ въ чирики (солдаты). „Куда тебѣ!“ говоритъ хозяинъ; — „ты и нѣмой и слѣпой, твое дѣло скотъ пасти“. Однако мальчикъ взялъ свои веревку и топоръ и ушелъ слѣдомъ за войскомъ; слѣдъ войска онъ потерялъ, а все-таки идетъ впередъ; перевалилъ гору, проголодался, видитъ подъ горой городъ, байшины (глиняные дома) и подлѣ нихъ юрты;

¹⁾ Разказчикъ не могъ хорошо объяснить, что такое ирей; по его мнѣнію, это должно быть тигръ. По урянхайски ирей — медвѣдь.

онъ вошелъ въ бѣлую юрту (цаган геръ), чтобы попросить поѣсть. Тамъ сидѣли двѣ женщины, старуха и молодая. Онъ поздоровался съ молодою—ничего не отвѣтила; поздоровался со старухой—та что-то пробормотала, чего онъ не разобралъ. Онъ попросилъ ѣсть, ему дали. Молодая взглянетъ на него, улыбнется; отвернется, плачетъ. Мальчикъ (ху) спросилъ старуху: что это значитъ? Старуха объяснила, что у нихъ ежедневно посылаютъ по человѣку на съѣденіе Оролынъ-мангысу, что они семья одного тушемиля (вельможи) и что очередь идти на съѣденіе досталась его сыну, мужу молодой женщины. Мальчикъ спросилъ: „Не могу ли я вмѣсто него пойдти?“ Родители обрадовались, и когда сынъ вельможи, сопровождаемый четырьмя „ка“, пріѣхалъ, мальчику сказали, чтобы онъ одѣлся въ платье сына вельможи и сѣлъ на его мѣсто. Мальчика одѣли въ шелковое платье, посадили на переднее мѣсто и служили ему, какъ сыну вельможи, а послѣднего посадили къ дверямъ одѣтаго въ худое платье мальчика; это для того такъ сдѣлали, чтобы Оролынъ-мангысъ не узналъ. Мальчика угостили, посадили на носилки и понесли въ степь. Дорогой онъ вспомнилъ, что забылъ топоръ и сказалъ о томъ четыремъ „ка“. Тѣ говорятъ: „Теперь топоръ, ужъ не спасетъ тебя“. Въ пустынь они достигли до одинокой фанзы или дома, хара мухор байшин¹⁾; отомкнули огромный замокъ, который висѣлъ на дверяхъ; внутри байшина было пусто, былъ одинъ только голый канджинъ²⁾. „Ка“ постлали бѣлый войлокъ на канджинъ, поставили масло, водку, пислыхъ (сыръ), сваренаго барана; мальчику велѣли встать подлѣ и не шевелиться; заперли байшинъ и уѣхали. Мальчикъ однако не сталъ слушаться ихъ приказанія, началъ ходить, поѣлъ, попилъ и даже помочился. Черезъ нѣкоторое время онъ замѣтилъ отверстіе въ крышѣ и увидалъ звѣзды, по которымъ разчиталъ, что на дворѣ полночь. Въ это отверстіе просунулъ мѣдный носъ (джесть хамыр) и выпилъ масло; оно только зашурчала. Потомъ зашурчала и водка, когда ее потянулъ въ себя мѣдный носъ. Мальчикъ схватился одною рукой за носъ, другою за матицу (нуру); носъ началъ рваться. „Эхъ, нѣтъ топора“, пожалѣлъ мальчикъ. Мѣдный носъ вырвалъ, матицу разворочалъ и

¹⁾ Хара байшин—тюрьма.

²⁾ Канджинъ—нары.

крышу; тогда мальчикъ увидѣлъ, что это была огромная птица бѣлаго цвѣта. Онъ сѣлъ на нее и сталъ бить. „Не убивай меня“, сказалъ Оролынъ мангысъ;— „я тебѣ сослужу службу“. „Ну, такъ, вези меня къ хану“, потребовалъ мальчикъ. Оролынъ мангысъ повезъ его къ хану, а мальчикъ правилъ птицей, держа ее за нось. Приѣхавъ къ хану, мальчикъ потребовалъ желѣзную узду, желѣзную веревку и желѣзныя путы, чтобъ укрѣпить Оролына. Ханъ обрадовался, что его ханство избавилось отъ Оролына, и угостилъ мальчика.

Послѣ этого мальчикъ велѣлъ Оролыну везти себя къ своему хану, который ушелъ съ войскомъ на войну. Онъ нашелъ своего хана только съ небольшимъ числомъ войска; непріятель все почти войско у него избилъ. Ханъ объявилъ, что завтра онъ въ послѣдній разъ будетъ биться. Оролынъ сказалъ мальчику: „Войско хана потому побито, что непріятель умѣетъ драться не только надъ водой, но и подъ водой. Ты только сиди на мнѣ; я могу бить и подъ водой“. Выѣхали завтра на битву, Оролынъ мангысъ перебилъ все непріятельское войско. Тогда ханъ возвратился домой, мальчикъ убилъ Оролына, потому что онъ болѣе ему былъ не нуженъ, а ханъ мальчика освободилъ отъ податей, тархылна ³⁾.
(Гунынъ, Халхасецъ хошуна Лугуна).

116. Мангысъ.

Въ одномъ ханствѣ появился Мангысъ, которому на стѣденіе ежедневно выставляли въ желѣзномъ байшинѣ масло, вино и челоуѣка. Очередь выпала ханскому тайджи; одинъ бѣдный челоуѣкъ вызвался пойдти вмѣсто тайджи. Его одѣли въ платье тайджи, чествовали какъ тайджи, и онъ три дня пировалъ у хана; потомъ повели его къ Мангысу. Дорогой онъ вспомнилъ, что забылъ топоръ

³⁾ По объясненію сказочника, во время праздничныхъ игръ, устраиваемыхъ во время народныхъ сборищъ у монастырей, кто одержитъ верхъ надъ всѣми побѣдителями въ борьбѣ, въ первый годъ получаетъ прозвище Цанъ, на второй годъ—Арсланъ, на третій—Абрикъ-гариде, на четвертій—Тархылъ. Тогда онъ избавляется отъ податей и во время игръ болѣе уже не борется, а только сидитъ голый и получаетъ свою долю изъ призовъ, которая равняется девяти девяткамъ (то-есть, 81 шт.). Это, можетъ быть, не что иное, какъ народное повѣрье.

Провожатые сказали: „Что уж теперь думать о топорѣ; что имъ сдѣлаешь? Во всякомъ случаѣ тебя въ байшинѣ ждетъ смерть“. Отвели его въ гоби, ввели въ желѣзный байшинъ и заперли. Въ верхнее единственное отверстіе въ байшинѣ просунулся желѣзный ключъ и сталъ пить масло, потомъ выпилъ вино и только хотѣлъ приняться за человѣка, какъ послѣдній самъ ухватился за него. Мангысъ старался освободить свой носъ и разломалъ крышу желѣзнаго байшина. Тогда человѣкъ сѣлъ на Мангыса, и тотъ помчался съ своимъ всадникомъ, который дорогой до того билъ его, что заколотилъ до смерти.

(Найдынъ, Халхасецъ, шабинецъ изъ г. Урга).

117. Тончи мергенъ.

Тончи мергенъ на вороной лошади имѣлъ двухъ собакъ—Асыръ и Басыръ: на передней луцѣ у него сидѣлъ бюргутъ, на задней—ястребъ; у него была мать и сестра; къ югу, западу и востоку отъ его юрты было по большому озеру, на которыя его мать и дочь ходили умываться. На южномъ берегу былъ верблюдъ, который три дня лежалъ не вставая, потомъ три дня ходилъ. Каждый день Тончи-мергенъ ѣздилъ на охоту, и возвращаясь, подѣхавъ къ юртѣ, обыкновенно кричалъ: „Эджъ, эджъ, эгичъ, эгичъ! Мать, мать, сестра, сестра! Вывязывайте дичь изъ тороковъ!“

Съ южной стороны пріѣхалъ Тэнгиринъ-урту-шарь-бухо богатырь, спознался съ матерью и сестрой Тончи мергена, и они втроемъ задумали убить послѣдняго. Однажды Тончи мергенъ пріѣзжаетъ къ юртѣ и кричитъ: „Мать, мать, сестра, сестра!“ Никто не выходитъ. Онъ вошелъ въ юрту и видитъ—мать лежитъ вывалившая въ пещлѣ. Сестра говоритъ брату, что мать больна. „Чѣмъ тебя могу вылѣчить?“ спрашиваетъ Тончи свою мать. „Достань сердце Хортонъ-могая“ (ядовитой змѣи), говоритъ мать. Поѣхалъ Тончи; ѣхалъ такъ долго, что конь кровью сталъ мочиться. „Что съ тобой, конь?“ спросилъ Тончи мергенъ. „Ты ничего не знаешь“, отвѣчалъ конь;—„твоя сестра и мать—„ерлики“; они задумали погубить тебя, спознавшись съ Шарь-бухо“. Однако Тончи-мергенъ доѣхалъ до змѣи; она показывалась только утромъ и въ полдень. Тончи мергенъ, по совѣту коня, сталъ на гору Уланъ-тологой, съ утра началъ натягивать луцъ, въ полдень спустилъ стрѣлу,

убилъ змѣю, вырѣзалъ сердце, привезъ домой и отдалъ матери. Мать змѣиное сердце спрятала, а съѣла вмѣсто него бычье; сердце же змѣи она отдала Шарь-бухо, потому что она знала, что кто съѣстъ его, тотъ будетъ силенъ. Шарь-бухо, съѣвъ его, сказалъ: „Все еще я не силенъ его. Нужно послать его достать пѣны съ моря Хатха-далая. Либо онъ достанетъ пѣну, и тогда я выпью ее и стану силенъ его, либо онъ, не доставъ, погибнетъ“. Тончжи мергенъ поѣхалъ. Конь опять сталъ мочиться кровью. Тотъ же вопросъ со стороны богатыря и тотъ же отвѣтъ коня. При этомъ конь далъ богатырю такой совѣтъ: „Нужно заѣхать въ аилъ и попросить утварь „хобо“; я буду плавать, а ты лови пѣну (кось)“. Наловилъ Тончжи-мергенъ пѣны и привезъ ее своей матери. Подъѣзжая къ дому, онъ встрѣтилъ Шарь-бухо; богатыри стали бороться. Тончжи мергенъ свалилъ соперника и забилъ его подъ лежавшаго верблюда. Женщины нашли Шарь-бухо, но не могутъ вручить; били верблюда плетью, онъ не встаетъ. Они насыпали передъ верблюдомъ гуджиру, верблюдъ тянется къ нему, а все-таки не встаетъ. Провели ручей воды; верблюдъ потянулся, но не всталъ. Тогда Шарь-бухо присовѣтовалъ разложить подъ задомъ верблюда огонь; верблюдъ всталъ. Женщины ввели Шарь-бухо въ домъ и спрятали его въ большой ящикъ отца Тончжи мергена.

Привезенную пѣну Тончжи мергенъ отдалъ матери; мать сказала нѣсколько времени спустя, что она съѣла пѣну и теперь выздоровѣла. Возвратясь однажды съ охоты, Тончжи мергенъ спросилъ: „Гдѣ отцовская чашка?“ „Въ отцовскомъ ящикѣ“, отвѣчала мать. Тончжи мергенъ открылъ ящикъ, оттуда выскочилъ Шарь-бухо, и стали они драться. Не можетъ Тончжи мергенъ одержать верхъ и говорить матери: „Мать, положи подъ меня муки, а подъ врага моего верблюжьяго хорголу“. Мать подложила наоборотъ. Тончжи-мергенъ упалъ, Шарь-бухо убилъ его; выкопали яму, глубиной три года копать, бросили его въ нее. Собаки, птицы и конь Тончжи-мергена вознеслись на небо; спустя три года, они вернулись; собаки стали рыться и вырыли Тончжи-мергена; остались одни кости да мозгъ въ нихъ; конь лизнулъ кости, онъ покрылись мясомъ, собаки лизнули, богатырь ожилъ. Съѣлъ онъ на коня, нашелъ Шарь-бухо, убилъ его; потомъ матери и сестрѣ сказалъ: „Выбирайте или восемьдесятъ арыковъ аргасуну носить въ день, или восемьдесятъ

кобыль донть". Они выбрали послѣднее; кобылы были дикія и убили женщину. Потомъ Тончжи мергенъ женился на дѣвицѣ, у которой на шеѣ было солнце, на затылкѣ мѣсяцъ.

(Гунынь, Халха изъ хошуна Лу-гуна).

118. Палочка и ердене-цаганъ.

Жилъ старикъ съ сыномъ; оба были охотники, сынъ ловчѣе отца. Сыну досталось идти въ чирики; какъ ни жалъ было отцу сына, повезъ онъ его въ войско. На дорогѣ они остановились на ночлегъ. Сынъ замѣтилъ въ полѣ какой-то огонь, выстрѣлилъ въ него, и ему показалось, будто упало что-то величиной съ человѣческой палецъ. Сынъ сказалъ объ этомъ отцу; тотъ замѣтилъ, что это онъ худо сдѣлалъ. На утро сынъ пошелъ посмотреть и увидѣлъ, что онъ убилъ тигра (бар). Онъ опять сказалъ объ этомъ отцу, и отецъ опять сказалъ, что это не хорошо, однако снялъ шкуру съ тигра. Доѣхали они до войска, и отецъ сдалъ сына джанджину. Между тѣмъ дѣла у джанджина были плохи, войска у него осталось уже мало. Онъ отдалъ привазь, чтобы чирики бросили котлы, оставили шапки и скорѣе уходили бы. Когда они ушли, въ станъ прибѣжалъ тигръ, одну шапку разорвалъ и убѣжалъ. Войско вернулось, чирики разобрали шапки, разорванною оказалось шапка охотника. Тогда джанджинъ сказалъ ему, чтобы онъ тутъ остался; дали ему палатку, оставили ѣды и двухъ верблюдовъ, а остальное войско ушло. Тутъ онъ догадался, почему отецъ сказалъ, что худо, что онъ застрѣлилъ тигра. Двѣ ночи онъ ночевалъ, на третью прибѣжалъ тигръ; увидя его, охотникъ натянулъ лукъ, и когда тотъ подошелъ ближе, убилъ его, шкуру снялъ, навьючилъ на верблюдовъ, поѣхалъ слѣдомъ войска, но слѣдъ потерялъ. Остановился на ночлегъ возлѣ одной норы, возлѣ которой была хорошая трава; палатку разбилъ дверями къ отверстію норы. Сварилъ чай, сталъ пить; изъ норы кто-то просунулъ чашку; онъ налилъ въ чашку. Сварилъ мясо, сталъ ѣсть; изъ норы снова высунулась чашка, онъ положилъ въ чашку мяса. На ночь онъ сдѣлалъ куклу, положилъ на свое мѣсто, одѣлъ въ свое платье и легъ въ сторонѣ, натянувъ лукъ. Изъ норы потянулось что-то длинное и черное; это былъ Оролынъ-читкуръ. Охотникъ выстрѣлилъ, и Оролынъ закричалъ: „Ай, ай, ай! цаганъ, цаганъ! кошкуль!“ (то-есть: бѣлое! зарѣ-

зали!“ Тотчасъ изъ норы показалось что-то бѣлое, и разбитый Оролынь снова сталъ цѣль и исчезъ въ норѣ; осталась только одна кость „слюжи“. Охотникъ успѣлъ однако схватить бѣлое. На завтра онъ поѣхалъ далѣе. Задній верблюдъ вскрикнетъ и оторвется, вскрикнетъ и оторвется. Охотникъ посмотрѣлъ изъ-подъ лѣваго локтя и увидѣлъ, что кто-то жирный отрываетъ верблюда; онъ выстрѣлилъ—ничего не стало; лежитъ одна палочка. Охотникъ взялъ ее, подумавъ: „Годится огонь растопить“. Ѣдетъ далѣе, видитъ пять дзереновъ. Онъ сталъ палочкой пересчитывать ихъ; сказалъ: „Одинъ!“ Звѣрь упалъ. Сказалъ: „Два!“ Другой упалъ. Такъ всѣ пять дзереновъ упали мертвые. Онъ снималъ звѣрей, сварилъ мясо, сталъ ѣсть, порѣзалъ большой палецъ, сѣлъ и заплакалъ; тутъ онъ вспомнилъ, что у него есть бѣлое, отъ котораго испѣлился Оролынь, вынулъ его, приложилъ къ пальцу и сталъ здоровъ. Навьючилъ мясо на верблюдовъ, поѣхалъ далѣе и прибылъ къ джанджину; у того уже мало осталось войска. Охотникъ объявилъ, что у него есть чудодѣйственная палочка, и просилъ дозволенія испробовать ея силу на чирикѣ. Джанджинъ далъ позволеніе. Тогда охотникъ показалъ на чирика палочкой, и чирикъ умеръ. На утро, когда войска сошлись на битву, сталъ охотникъ помахивать палочкой надъ непріятельскимъ войскомъ, и все оно легло мертвое. Послѣ этого войско пошло домой; дорогой наѣхали на бѣлую юрту и вошли попросить „цаган еден“¹⁾. Лама, сидѣвшій внутри юрты, при входѣ ихъ сказалъ: „Вы заѣхали просить цаганъ еден (онъ былъ пронизательный и впередъ узналъ ихъ намѣреніе); вонъ въ ящикѣ возьмите“. Они отворили ящикъ и нашли тамъ цаганъ еденъ всякаго сорта. Это былъ Арши-цаганъ-лама. Увидѣвъ у охотника палочку, лама спросилъ его: „Что это у тебя за палочка?“ Тотъ отвѣчалъ: „Такъ, пустая палочка; на дорогѣ подобралъ, огонь развести“. „Нѣтъ“, возразилъ лама,—„я знаю, что это за вещь. Это моя вещь. Кромѣ нея, я знаю, у тебя еще есть ердене-цаганъ. Насъ было всего трое: Арши-цаганъ-лама, Дорджиджалбы и Аралъ Дзубъ. Мы вели войну съ Орулуны-чткуромъ и не могли одержать верха, потому что у насъ эти двѣ вещи, палочку и ердене-цаганъ, украла. Отдай ихъ мнѣ и возьми за то

¹⁾ Цаганъ еден—молочная пища всѣхъ сортовъ.

что хочешь. Охотникъ отдалъ и въ замѣнъ ихъ получилъ другія вещи, отъ которыхъ разбогатѣлъ. (Конецъ сказки разказчикъ забылъ).

(Гуныя, Халха хошуна Лугуна).

119. Абаденъ-хубынъ-шошки.

О немъ есть поговорка: „Абадаевъ сынъ Шошки если немолодець, то кто же онъ?“ (Абаден хубынъ шошки кырин биши юдэй би). Онъ убилъ огненно-черную лисцу (галту хара унугун) и подарилъ Цаганъ-хану. Ханъ спросилъ его: „Что тебѣ нужно?“ Шошки попросилъ ружье. Ханъ велѣлъ сковать ружье, и кузнецамъ, которымъ онъ поручилъ это, было приказано при каждомъ ударѣ молотомъ приговаривать: „Бей, бей!“ (ала, ала). Когда царь послалъ ружье къ Шошки, то посовѣтывалъ ему не ѣсть первую убитую этимъ ружьемъ дичь. Шошки застрѣлилъ въ первый разъ самку сѣвернаго оленя (анг сагъани хого); смотреть—на шкурѣ семьдесятъ-семь дыръ. Послѣ этого онъ никогда не дѣлалъ промаха. Однажды къ нему приѣзжаетъ старикъ на бѣлой лошади и спрашиваетъ: „Ты молодець стрѣлять?“ Шошки отвѣчалъ: „Молодець!“ „Стрѣлай въ меня“, говорить старикъ, — „когда я побѣгу отъ тебя“. Шошки выстрѣлилъ и промахнулся. Это была первая дичь, которую онъ, нацѣливъ ружье, болѣе не увидѣлъ. Шошки продалъ ружье Монголамъ за нѣсколько тысячъ головъ скота, но потомъ ему стало жаль ружья, и онъ снова укралъ его. Когда Монголы стали догонять Шошку на берегу Ангары, онъ бросился въ рѣку и вмѣстѣ съ ружьемъ утонулъ.

(Сказаніе бурятское. Сообщ. о. Я. Чистохинъ).

120. Шильды занги.

Во время проведенія государственной границы Шильды Занги, недовольный Китайцами, пошелъ въ Россію, но былъ схваченъ и казненъ на самой границѣ. Голова его шесть верстъ катилась въ Русь послѣ казни.

О немъ Буряты поютъ:

Гулгын ¹⁾, гулгын харахын
Гурбан дабхыр шюдургэй

¹⁾ Гулгын—гибкій.

Гурбы цыкши ¹⁾ Шильдэни
Гурбан дабхыр цериктэй.
Дунун дунун харахын
Дурбан дабхыр шюдуртэй
Дурбылцакши Шильдэни
Дурбан дабхыр цериктэй.

То-есть:

Тонкій, тонкій воронко
Въ три ряда стреноженный,
Увертливый Шильдэ,
Въ три ряда окруженный войсками,
Четырехлѣтній воронко
Въ четыре рада стреноженный,
? Шильдэ,
Въ четыре рада окруженный войсками ²⁾.

(Преданіе Бурятъ Агинскаго вѣдомства. Сообщ. о. Я. Чистохинъ).

121. Бала мергенъ.

Прежде въ Баянъ-Аулѣ, Каркаралахъ и Кентѣ было много всякаго звѣря—мораловъ, лосей, медвѣдей. Вездѣ ихъ истребилъ нѣкто Бала-мергенъ, умершій пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Онъ былъ великій истребитель; стрѣлялъ безъ сожалѣнія. Встрѣтивъ стадо саегъ, онъ избивалъ всѣхъ безъ остатка. Избивъ звѣрей въ здѣшнихъ мѣстахъ, онъ удалился на оз. Кокуй-куль, гдѣ-то за р. Чуей (которая течетъ къ с. отъ Ташкента), гдѣ множество всякаго звѣря, и онъ ходитъ безъ всякой боязни. Тамъ до Бала-мерегна охотился только Идыге-би. За грѣховное истребленіе и безжалостность къ звѣрямъ Богъ не далъ счастья Бала-мергену: онъ умеръ въ бѣдности и съ голоду.

(Киргизское преданіе. Сообщ. М. Ч. Чермановъ).

122. Шѣнь-би.

Въ мусульманскомъ мірѣ являлось черезъ 600 лѣтъ другъ послѣ друга четыре Идыге, четыре Турсуна и четыре Ахмета. Послѣдній Идыге-би былъ киргизскій; теперь только ожидается Магди. У Идыге былъ сынъ Шѣнь-би, которому было въ видѣ исключенія

¹⁾ Гурбылцыму — говорится о рыбѣ, когда она стоитъ и повиливаетъ хвостомъ.

²⁾ Переводъ сдѣланъ о. Я. Чистохиннымъ.

предоставлено право вѣшанія, тогда какъ другіе бѣи лишены этого права. Разказывается одно мудрое рѣшеніе Шѳнъ-би такого рода: На одномъ тоѣ (свадебномъ пирѣ) Киргизъ укралъ узюкъ (одинъ изъ двухъ войлоковъ, прикрывающихъ верхъ юрты); стали судить вора; кто сказалъ, что узюкъ стоитъ двадцать барановъ, кто — верблюда, и совѣтовали столько и взять съ вора. Кутай-Менды говорить: „Ты что, Шѳнъ-би, молчишь? Скажи слово!“ Шѳнъ-би отвѣчалъ: „Мало этого; узюкъ сколько человекѣвъ прикрывалъ? За безчестье этихъ людей еще нужно взять“.

(Киргизское преданіе, изъ Ваянаулск. округа. Сообщено онъ же).

123. Арсланъ.

Жили старикъ со старухой. Видитъ онъ, что къ нему идетъ арсланъ (левъ), и испугался. Старуха говоритъ старику: „Не бойся, я научу тебя, что дѣлать. Возьми топоръ и молотокъ, иди на встрѣчу, и когда арсланъ спроситъ тебя: куда пошелъ старикъ, скажи: убить арслана на обѣдѣ“. Старикъ такъ и сказалъ. Арсланъ говорить ему: „Развѣ ты сильнѣе арслана? Попробуемъ силы?“ „Хорошо“, соглашается старикъ. „Кто изъ камня выдавить масло, тотъ изъ насъ сильнѣе; кто же окажется слабѣе, тотъ пусть идетъ къ сильному въ услуженіе“. На этомъ договорились. Арсланъ нашелъ камень, а старикъ сходилъ въ лѣсъ, нашелъ тамъ птичье гнѣздо и вынулъ изъ него яйцо. Давилъ арсланъ камень, раздавилъ его въ порошокъ, а воды изъ камня не течетъ. Тогда старикъ спросилъ: „Вотъ видишь бѣлый камень“. „Вижу“, говорить арсланъ. Пожалъ старикъ и раздавилъ яйцо; потекла жидкость. Арсланъ пошелъ къ старику въ услуженіе; старикъ продѣлъ ему въ носъ буѣль и началъ на немъ ѣдить. Только арсланъ сталъ догадываться на ѣдѣ, что старикъ не силенъ, и старикъ замѣтилъ, что арсланъ оцѣнилъ его силу, какъ слѣдуетъ; пришелъ старикъ къ старухѣ и говорить: „Арсланъ догадался, что у меня силы нѣтъ; онъ меня съѣстъ“. „Не бойся“, успокоиваетъ старуха, — „я тебя опять научу, что дѣлать. Когда ты вернешься домой на арсланѣ, сердито закричи на меня: что ты мнѣ сварила?“ Старикъ такъ и сдѣлалъ; когда онъ вернулся на арсланѣ, онъ сердито закричалъ на старуху: „Что ты мнѣ сварила?“ Старуха отвѣчала: „Я остатки отъ стараго арслана сварила,

да новаго арслана немного почала^а. Арсланъ испугался; онъ подумалъ: „Старикъ арслановымъ мясомъ питается, двухъ арслановъ уже убилъ, убьетъ потомъ и меня“. И убѣждалъ арслана отъ старика. Ему встрѣтилась лисица и спрашиваетъ: „Что ты съ буйлемъ въ носу?“ Арсланъ разказалъ, какъ онъ попался въ руки къ сильному старику. „Обманули они тебя, все лгутъ“, сказала лисица; — „пойдемъ снова, ты ихъ задавишь, и тебѣ обѣдъ будетъ, и мнѣ кусокъ достанется“. Лисица ведетъ арслана къ старикамъ. Увидѣлъ ихъ старикъ, бросился къ старухѣ и говоритъ: „Старуха, лисица опять ведетъ арслана; теперь онъ съѣстъ насъ“. Взялъ старикъ топоръ и молотокъ, пошелъ на встрѣчу идущимъ и закричалъ: „Ахъ ты, обманщица лисица, я тебѣ приказалъ жирнаго арслана привезти, а ты того же и поймала, на которомъ я ѣздилъ“. Арсланъ подумалъ, что лисица подвела его, ударилъ ее, осердившись, по головѣ, убилъ до смерти, а самъ убѣжалъ.

(Гунинъ, Халха хошува Лугуна).

124. Сенгенъ Хунъ тайджи.

а. Сенгенъ Хунъ тайджи бѣжалъ отъ своего отца и увелъ съ собой семь буланыхъ (шархыл) лошадей своей матери. Отецъ его, Хунъ тайджи погнался за нимъ, догналъ и просилъ отдать хоть одну лошадь, но Сенгенъ Хунъ тайджи не согласился; тогда отецъ проклялъ его, чтобъ ему не имѣть дѣтей, чтобы прервалось его потомство. Сенгенъ Хунъ тайджи прошелъ въ Дархатскую землю и поселился у Онгонъ-олы, на которой поставилъ обо и вырѣзанную гнѣдолысю лошадь (геръ халдзын мори). На этомъ мѣстѣ и потомъ Дархаты приносили въ жертву упомянутой масти коня, а теперь колятъ только овецъ. Послѣ того Сенгенъ Хунъ тайджи отправился къ Ундюръ-гегену (то-есть, Богдо-гегену или ургинскому кутухтѣ), поднесъ ему тысячу ланъ серебра и сталъ просить его даровать ему дѣтей; Ундюръ-гегенъ не согласился. Сенгенъ Хунъ тайджи поднесъ еще тысячу ланъ; тогда Ундюръ-гегенъ сказалъ: „Есть только даю тебѣ два дара“. И у него родилась въ тотъ же годъ дочь, а на другой годъ родился сынъ. Первой Богдо-гегенъ далъ имя Деджитъ-Ага, второму — Геликъ. Дочь умерла и похоронена на горѣ Ундуръ-цапы-ола. Геликъ купилъ у Биширилтывана десять дымовъ (арбан урхо) Урянхайцевъ вости Ирхитъ и привезъ

ихъ въ Дархатскую землю. Отъ нихъ и пошли Дархаты ¹⁾. Потомъ Геликъ собрался уѣхать въ западныя страны (барун тиша), Богдо-гегену оставилъ золотую башню Бурхына-бакши (алтын субурги), менгунъ-дарьхе и поясъ и просилъ его, чтобъ онъ безъ него научилъ его Дархатовъ закону, а ихъ самихъ подарилъ ему въ шаби. Богдо-гегеномъ былъ посланъ къ Дархатамъ учить ихъ Джуджу-лама, но Дархаты не повѣрили ему и сказали: „Пусть пришлютъ намъ нашихъ старыхъ боговъ.“ Тогда начали искать оставленныя у Богдо-гегена вещи и отыскивали золотую башню и менгунъ-дарьхе по тому признаку, что они залипли шерстью, а поясъ узнали по масляному пятну. Отправили эти вещи къ Дархатамъ, но и тогда они не хотѣли принять законъ сразу, а опустили боговъ въ рѣку, сказавъ: Если это урянхайскіе, здѣшніе боги, то они поплывутъ вверхъ по рѣкѣ, если чужіе, то внизъ“. Боги поплыли вверхъ, и Дархаты приняли вѣру.

Когда Сенгенъ Хунъ тайджи впервые прибылъ въ Дархатскую землю, какая-то птичка все кричала: цис, цис! За это и прозвали рѣку, протекающую по Дархатской землѣ, Шишкитомъ.

(Старикъ Дархатъ съ р. Джара).

6. Сенгелинъ Хунъ тайджи былъ древнѣйшій владѣтель Дархатовъ; прежде Дархатская земля была пустая; Сенгелинъ Хунъ тайджи пришелъ и занялъ ее. Желая имѣть дѣтей, онъ обратился къ Ундюръ-богдо. Тотъ сказалъ, что онъ получитъ только двухъ дѣтей. Вскорѣ у него родилась дочь Деджитъ-аха и сынъ Геликъ-нойонъ-хутукту. Отецъ, мать и сестра умерли. Геликъ-нойонъ отдалъ своихъ Дархатовъ Нойонъ-хутукту, а самъ удалился въ Ели-стынъ-гоби. Дархатами завладѣлъ Шидырванъ. Одинъ лама вычиталъ въ книгахъ, что Дархаты—шаби Ундюръ-гегена, и тотъ сталъ просить Шидырвана отдать ему этотъ народъ. Шидырванъ уступилъ.

(Джамцинъ, Баргу-Солонъ съ оз. Бууръ).

125. Геликъ-нойонъ.

Въ Дархатской землѣ жилъ Хунъ тайджи, у котораго были дѣти,—дочь Деджитъ-аха и сынъ Геликъ-нойонъ. Пришла война (дань); учинилъ ее народъ Дюрбѳ. Дюрбѳ угнали людей и скотъ

¹⁾ Иногда и Бураты зовутъ ихъ Ирхедархатъ.

Геликъ-нойона и его самого увели въ плѣнъ въ страну Харъ Иря, которая лежитъ за куренемъ Амыръ-бай-сахылынь. Народъ и самъ Геликъ-нойонъ стали тосковать въ плѣну; коровы бросали телятъ и уходили въ свой старый нотукъ. Не вытерпѣвъ наконецъ и Геликъ-нойонъ и бѣжалъ съ своимъ народомъ снова на Шишеить, и съ тѣхъ поръ Дархаты живутъ здѣсь. Птичка „боро бульджумуръ“ сидѣла на вершинѣ ивы (бургасу) и щебетала: цис, цис! За это рѣку прозвали Шишеить.

(Галсанъ, Дархатъ, лама. Дархатскій курень).

126. Дзюникъ Бѵ.

а. Это былъ первый бѵ (шаманъ) на землѣ. Онъ сошелъ съ неба во время войны Шидырвана съ Дархатами, на помощь имъ. Вошелъ онъ въ средину Шидырванова войска; когда въ него стрѣляли, онъ вынималъ стрѣлы и бросалъ обратно, говоря: „Это твоя, это твоя!“ И сердился только за то, что они дрявили его шубу. Шидырванъ сказалъ: „Это сурькэй амитгынъ (мудрая тварь)! Его не убьешь иначе, какъ огнемъ (тюмиртху)“. И приказалъ обложить его дровами съ двадцати вьючныхъ быковъ. Дрова сгорѣли, но Дзюникъ-бѵ остался невредимъ; даже соболь на его большой шапкѣ нисколько не опалился. Тогда Шидырванъ сталъ его упрямивать, чтобъ онъ перешелъ на его сторону. Но Дзюникъ Бѵ сказалъ, что онъ посланъ истребить его войска и взять его самого. Дзюникъ Бѵ отправился къ морю и сталъ, обращаясь къ войскамъ Шидырвана, махать рукой и кричать: „Таллынь! таллынь!“ Силой этихъ словъ онъ стянулъ все войско Шидырвана въ море, оставилъ только двѣнадцать человѣкъ въ доказательство своей побѣды и слѣлалъ ихъ своими рабами. Это была первая услуга Дархатовъ Эдзень Хану; вторая состояла въ томъ, что у горы Ванту тологой Шидырвана поймали; третья—въ томъ, что Дзюникъ Бѵ проложилъ границу съ Русскою землею и ѣздилъ къ Русскому царю заключать пограничный договоръ. За эти три услуги Дархаты получили отъ Эдзень-хана дархатство.

(Записано г. Паленинымъ отъ Дархатовъ).

б. Дзюникъ бѵ не родился отъ человѣка, а вышелъ изъ отверстія въ большой скалѣ. Онъ былъ самый первый бѵ, и отъ него-то произошли миллионы бѵ; сколько ни было бы дѣтей, сыновей и до-

черей у каждого бѣ, всѣ они должны быть бѣ, и каждый умершій бѣ оставляетъ своего онгота, такъ что теперь и сосчитать нельзя сколько ихъ ¹⁾.

Разъ на Дархатскую землю пришла войной Хухенъ-батырь Хоролмой. Дзюникъ бѣ пошелъ къ ней. Его поймали, били, рубили, стрѣляли и жгли, но никакъ не могли истребить.

Хухенъ батырь (то-есть, двѣнца-богатырь) просила его быть проводникомъ; Дзюникъ-бѣ согласился, повелъ ея войско не вѣрною дорогою, привелъ къ большой рѣкѣ Уширь, въ тайгѣ, гдѣ вода била со скалы, велѣлъ положить нѣсколько деревьевъ и по нимъ велѣлъ переходить войску; всѣ переходившіе потонули, остались въ живыхъ только оставшіеся на берегу, именно сама Хухенъ батырь и сто ея чириковъ, да Дзюникъ бѣ съ двумя своими людьми. Здѣсь Хухенъ батыря поймали чирики Эдженъ Хана. За это Дзюникъ бѣ получилъ званіе нойона (дворянство). Онъ же проложилъ границу между русскими и эдженъ хановыми владѣніями. За эти три услуги Дархаты получили свое дархатство.

(Записана г. Палкинымъ отъ Дархата Эрель-Заерона).

в. Во времена „Хоролмой дань“, то-есть, войны, которую произвелъ въ Дархатской землѣ Хоролмой, шаманъ Дзюникъ (Дзюникъ-бѣ) былъ такъ силенъ, что пули издырявили его голую кожанную одежду, а тѣла не повредили. Послѣ сраженія онъ сказалъ воинамъ Хоролмой: „Вы люди проѣзжіе; вамъ это сподится“. И вытрясъ изъ-

¹⁾ Лама Эрель Заеранъ (заеранъ-шаманъ по дархатски), рассказывавшій г. Палкнну эту легенду, назвалъ шесть бывшихъ у него онготовъ. Вотъ имена четырехъ изъ нихъ: 1) Бурбны, 2) Уланъ Хаты, 3) Хармы Аво, 4) Харь Луса Эмегенъ; всѣ четыре были нашиты на одномъ лоскутѣ красной материи, въ видѣ человѣчковъ съ хвостиками изъ соболей; на нихъ красная одежда, а шапки и обшлаги на рукавахъ изъ соболинаго мѣха; каждая кукла прикрѣплена къ бѣлой свареной въ маслѣ лентѣ. Два другіе онгота были нашиты на желтой материи и тоже были прикрѣплены промасленными лентами; одинъ въ зеленой одеждѣ называется Ногонъ Тенгинринъ, другой въ мишурной одеждѣ, называется Алтытэй. Надъ постелью Заерана висѣло нѣсколько разноцвѣтныхъ лоскутковъ; это называли Харь-ванчинъ или Харбанчинъ, царь всѣхъ онготовъ. Онготы даютъ благосостояніе въ настоящей жизни; послѣ смерти отъ нихъ ни добра, ни худа. Они стараются дѣлать зло, и хорошій бѣ ихъ прогоняетъ, а худой не можетъ. Прежде бѣ были сильвѣе; они могли быть въ одно время въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

за пазухи пули, которыя въ него попали. Потомъ онъ взялся ихъ вести и обманулъ, сказавъ, что лучшій путь имъ лежитъ черезъ Хэсылъ; они спустились по Хэсылу внизъ и утонули въ порогѣ.

(Гончикъ, лама, Дархатъ. Р. Хуль).

Хоролмой приходилъ войной на Дархатскую землю; отечество (уг) Хоролмоя называлось Дугунь-Техевъ; Дзюниль-бѣ-ханрханъ былъ богатырь дархатскій. Онъ уговорилъ войско Хоролмоя спуститься въ лодкахъ по Хочиру, и они утонули въ водопадѣ. Есть между Дархатами и теперь кость Хоролмой.

(Джамзинъ, Баргу-Солонъ, проживающій въ Дархатской землѣ).

127. Галданъ бошко и Побей-Хатунъ батырь бели.

У Олѣтовъ былъ ханъ Галданъ-бошко; онъ поѣхалъ къ Далай-ламѣ и посвятился въ гелюнга, а ханомъ сдѣлалъ своего брата; но Халхасцы убили его брата, голову его привѣсили къ его коню вмѣсто колокольца; съ этою пошею конь прибѣжалъ въ ханскую ставку. Тогда Бошко ханъ сказалъ: „Приходится снять ламскую одежду и идти проливать человѣческую кровь“. Онъ собралъ войско, пошелъ на Халхасцевъ, взялъ Эрдени-Дзо, вошелъ въ сумунъ и сталъ саблей выколупывать „бадмаракъ-эрдени“ изъ лба бога Гумбугура; Гомбугуръ привсталъ и закричалъ: у-у! Двѣ каменные собаки около него также залаяли; Галданъ-бошко испугался, бѣжалъ, войско его также; много ихъ притонуло въ Орхонѣ; Халхасцы преслѣдовали ихъ; халхасскій богатырь Побей-Хатунъ-батырь-бели слѣдилъ за Галданъ-бошко, но онъ былъ не уязвимъ подъ толстою броней. Три дня онъ слѣдилъ за нимъ напрасно. Галданъ-бошко истреблялъ народъ, держа и повертывая въ рукахъ какое-то орудіе; только повернетъ—народъ сотнями валится мертвый. Разъ онъ приподнялъ руки, кольчуга поднялась, и открылось не покрытое мѣсто на животѣ. Батырь-бели кольнулъ его пикой въ животъ. Тогда Галданъ-бошко сказалъ: „Ты славный богатырь; я не зналъ, что ты тутъ; вынь копье, поговоримъ.“ Батырь-бели вынулъ копье. Галданъ-бошко оторвалъ кусокъ войлока отъ потника, заткнулъ рану и сказалъ: „Я долженъ умереть. Тѣло мое грѣшное, поганое! Не давай его никому, а выбрось“. Батырь-бели отрубилъ ему голову, а тѣло отдалъ лѣкарямъ на лѣкарство. Дюр-

бюты и теперь поютъ ибсню, когда напьются пьяны: „Изъ подстилки Майтере сошьемъ потники, изъ Махагаловыхъ подстилокъ сошьемъ тебенъи“.

(Джампинъ, Баргу-Соловъ съ оз. Буыръ).

128. Бокухъ.

Назадъ тому двѣсти лѣтъ, при Ханнъ-ханѣ (добромъ царѣ?) былъ царедворецъ, ловкій въ стрѣляннн изъ лука. Его звали Бокухъ. Оклеветанный передъ царемъ за любовную связь съ приближенною къ царю женщиной, Бокухъ былъ присужденъ къ отрѣзанію большаго пальца руки; когда казнь была исполнена, Бокухъ сумѣлъ на мѣсто отрѣзаннаго пальца вставить костяной палецъ изъ хвоста кочерика (быка), который приросъ къ рукѣ Бокуха. Когда царь назначилъ необыкновенную облаву на звѣрей, Бокухъ выѣхалъ съ облавщиками и взялъ первую добычу, вонзивши стрѣлу въ одного большаго звѣря. Царь узналъ объ этомъ, еще болѣе сталъ его бояться и велѣлъ посадить въ тюрьму. Дядя Бокуха съ матерней стороны Адай вручилъ его изъ тюрьмы, и боясь гнѣва царя, они оба Бокухъ Ирбаловъ (по другому показанію—Ирбановъ) и Адай съ соплеменниками и скотомъ вышли изъ Монголіи въ Сибирь въ то время, когда Ханнъ-ханъ велъ войну съ другимъ царемъ Бошукту-ханомъ. Бокухъ шелъ за вожака съ намѣреніемъ отдаться въ подданство „чистаго бѣлаго царя“, Арсонъ-цаганъ-хана. Хотя за Бокухомъ была послана погоня, но Бокухъ успѣлъ застрѣлить начальника посланнаго войска, и войско воротилось. Бокухъ поселился сначала на р. Китоѣ, оттуда переселился въ Тайтурскую степь, а оттуда въ Аларскую.

(Преданіе Бурятъ Аларскаго вѣдомства).

129. Бохолъ и Борзой.

Бохолъ съ племянникомъ своимъ Борзой были подданные Ханнъ-хана¹⁾; во время войны его съ Бошукту-ханомъ Бохолъ рѣшился выйдти изъ Монголіи. За нимъ была послана погоня въ триста человекъ; погоня догнала его у одной рѣки, но когда онъ уже

¹⁾ Мѣстожителство Ханнъ-хана указываютъ въ Монголіи.

успѣлъ переправиться. Бохоль положилъ своего семилѣтняго племянника Борзю въ щель и далъ ему саблю, а самъ спрятался въ другое мѣсто. Воевода посланнаго войска переѣхалъ за рѣку одинъ и съѣлъ помочиться какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ Бохоловъ племянникъ; этотъ всадилъ въ воеводу саблю, и тотъ умеръ. Войско, оставшись безъ воеводы, вернулось. Бохоль поселился сначала на р. Китоѣ, а потомъ переселился въ Аларскую степь:

(Преданіе Бурятъ Аларск. вѣдомства. Сообщ. г. Матхановъ).

130. Бохыкъ и Адай.

Бохыкъ и Адай, состязаясь, стрѣляли съ горы Сорготой въ гору Мундура, между которыми нѣсколько верстъ разстоянія. У Бохыка былъ сынъ Байма, у котораго была дочь; она украла „алды—указъ“ и убѣжала ¹⁾.

(Преданіе Аларскихъ Бурятъ).

131. Ульберге.

Жилъ одинъ бѣдный человѣкъ, у котораго ничего не было, кромѣ семи соловыхъ лошадей (джеты сару атту); онъ никого не стрѣлялъ, потому что былъ жалостливъ. Однажды волкъ (пѣри) съѣлъ у него одну лошадь; Ульберге хотѣлъ застрѣлить его, но пожалѣлъ и не застрѣлилъ; на другую ночь волкъ съѣлъ у него другую лошадь, на третью ночь съѣлъ третью лошадь и т. д. до послѣдней. Тогда Ульберге стало жалко коней, и онъ натянулъ лукъ, чтобъ убить волка, но волкъ взмолился ему и сказалъ: „Погоди, не стрѣлай, а прійди ко мнѣ въ гости, и я тебѣ дамъ, что только ты не попросишь“. „А ты гдѣ живешь?“ спросилъ Ульберге. „Я живу“, отвѣчалъ тотъ,—„въ Бѣлой горѣ“ (Акь-тагъ). Ульберге отпустилъ волка, и тотъ убѣжалъ. Взялъ Ульберге сѣдло и пошелъ къ Бѣлой горѣ; дорогой онъ увидѣлъ красную лисицу, натянулъ лукъ, и спустивъ стрѣлу, попалъ въ лисицу; подошелъ—стрѣла лежитъ одна, а лисицы нѣтъ. Онъ поднялъ стрѣлу. Лисица снова явилась и говоритъ ему: „Ты куда идешь?“ „Къ волку“, говоритъ Ульберге. „Онъ гдѣ живетъ?“ вновь спрашиваетъ лисица. „На Бѣлой

¹⁾ Что это за указъ „алды“—разказчикъ объяснить не могъ.

горѣ“, отвѣчаетъ Ольберге. „Это ханъ“, сказала лисица;— „къ нему нужно съ умомъ войти; если ты меня отпустишь, я научу тебя, какъ войти къ волку. Когда войдешь къ нему въ юрту, ты увидишь двухъ красавицъ, которыя блистаютъ одна какъ солнце, другая какъ мѣсяцъ. Волкъ предложитъ тебѣ любую изъ нихъ, не бери; а попроси золотой ящичекъ (каирджакъ), который стоитъ подлѣ божницы (бурган ширэзи), и старый худой ширдекъ (войлочная подкладка подъ верблюжье сѣдло), лежащій у его изголовья“. Ольберге отпустилъ лисицу и пошелъ далѣе; подошелъ къ Бѣлой горѣ, нѣтъ въ нее входа. Онъ обошелъ ее три раза, но дверей не нашелъ и повернулся уже, чтобъ идти прочь, какъ увидѣлъ женщину (курьяк). Та спросила его: что онъ ищетъ? Ольберге сказалъ, что онъ пришелъ къ волку, который живетъ на Бѣлой горѣ, но не можетъ найти дверь. Женщина показала ему двери. Ольберге вошелъ въ нихъ и увидѣлъ, что на постели лежатъ не волкъ, а ханъ; по сторонамъ сидѣли двѣ красавицы, одна блистала какъ солнце, другая какъ луна; подлѣ божницы золотой ящичекъ, а въ изголовьи старый ширдекъ. „А, пришелъ таки!“ сказалъ Пѣриханъ;— „ну вотъ, любую изъ этихъ красавицъ выбирай“. „Нѣтъ“, сказалъ ему на это Ольберге;— „ихъ мнѣ не надо, а вотъ дай мнѣ этотъ золотой ящичекъ и тотъ старый ширдекъ“. „На что тебѣ ширдекъ?“ спросилъ ханъ, — „онъ худой“. „Я самъ худой“, сказалъ Ольберге. „Ну, нечего дѣлать“, сказалъ Пѣриханъ (волкъ-ханъ);— „надо держать слово“. Заплакавъ и отдалъ Ольберге просимыя вещи. Взялъ ихъ Ольберге и пошелъ домой. Дорогой остановился въ одномъ мѣстѣ ночевать; на утро пробудился—лежитъ въ прекрасномъ дому, украшенномъ серебромъ; красивая дѣвица приготовила ему воды умыться и сварила чай; Ольберге по своему обычаю, прежде чѣмъ сѣсть за чай, надѣлъ шубу и вышелъ изъ дому, чтобы помочиться; вернулся — никакого дома нѣтъ, а только лежитъ золотой ящичекъ и старый ширдекъ. На другой ночевкѣ тоже, на третьей тоже. Наконецъ онъ догадался и на слѣдующій разъ, не выходя изъ дому, сѣлъ пить чай. Тотчасъ кругомъ дома появился скотъ въ такомъ количествѣ, что не можетъ помѣститься на стени; появились слуги; вскорѣ онъ узналъ, что все это имущество принадлежитъ ему, и дѣвица—его жена. Ольберге сѣлъ на лошадь и поѣхалъ съ своею женою домой; слуги погнавши скотъ. Сынъ Караб-

ты-хана, увидѣвъ его домъ, заѣхалъ къ нему въ гости, зашелъ въ двери и такъ былъ пораженъ блистательною красотой жены Ульберге, отъ которой въ дому было свѣтло, что не смѣлъ двинуться дальше дверей. Жена Ульберге сказала ему: „Или ты людей не видалъ; проходи впередъ!“ Но сынъ Карабты-хана не только не пошелъ впередъ, а повернулся и убѣждалъ, при чемъ даже отъ поспѣшности двери изломалъ. Прийдя къ отцу, онъ разказалъ объ удивительной красотѣ жены Ульберге и сталъ просить его отнять эту женщину отъ бѣдняка и отдать ему. „Есть ли у тебя умъ?“ спросилъ отецъ;— „отъ живаго мужа вздумалъ жену отобрать“. Но сынъ сказалъ: „Если ты не достанешь ее мнѣ, я умру“. Тогда Карабты-ханъ поѣхалъ къ Ульберге, зашелъ къ нему въ домъ, посмотрѣлъ на удивительную красавицу, ничего не сказавъ, уѣхалъ домой и сказалъ сыну: „Какъ знаешь, такъ и добывай эту женщину“. Тогда сынъ хана отправился съ намѣреніемъ убить Ульберге; жена послѣдняго сказала мужу, что ханскій сынъ ѣдетъ убить его, чтобы взять ее за себя замужъ. „Куда же я отъ него спрячусь?“ спросилъ ее Ульберге. Жена ударила мужа палкой по сапогу, и онъ обратился въ худой старый сапогъ; жена забросила его за кул-дурго (посуда съ кумысомъ), а сама легла на кровать. Явился тайджи, началъ вездѣ искать Ульберге, нашелъ старый сапогъ, отбросилъ его въ сторону, не могъ найти Ульберге, хотѣлъ унести его жену, но не могъ поднять ее; хотѣлъ повачнуть ее, но и повачнуть не могъ, и вернулся домой. Жена Ульберге снова обратила своего мужа въ человѣка, и тотъ сказалъ: „Теперь, пожалуй, тайджи больше не прійдетъ“. „Нѣтъ“, отвѣчала жена,— „онъ тебя не оставитъ, еще будетъ искать убить тебя. Онъ теперь обратился въ три тальника, стоящихъ на берегу рѣки. Если не вѣришь, самъ сходи и посмотри“. Пошелъ Ульберге на рѣку и увидѣлъ три тальника; только сталъ подходить къ рѣкѣ, какъ тальникъ превратился въ человѣка, который погнался за Ульберге. Послѣдній прибѣжалъ домой, и жена снова обратила его въ сапогъ. Тайджи опять не узналъ его, хотѣлъ унести жену его, но не могъ поднять и опять ушелъ. Послѣ этого жена сказала Ульберге: „Тайджи все еще не оставилъ тебя; онъ обратился въ воронаго красиваго бона и бѣгаетъ въ твоемъ табунѣ; вели слугамъ поймать его!“ Ульберге исполнилъ ея совѣтъ; поймали бона, мучили и потили до тѣхъ

поръ, пока конь не взмолился, и отпустил его. Потомъ жена говоритъ: „Теперь ступай еще и увидишь домъ, въ которомъ найдешь хорошій лукъ. Это тайджи“. Ульберге отправился по словамъ жены, нашель этотъ лукъ и сказалъ: „Вотъ лукъ приличный для меня!“ И началъ его натягивать. Тогда тайджи закричалъ: „Постой, постой! Ты изломаешь мнѣ спину“. Затѣмъ онъ снова принялъ свой настоящій видъ и ушелъ со стыдомъ. Послѣ этого Карабты-ханъ придумалъ послать Ульберге къ Ерлику достать отъ него булатный ножикъ, въ разчетъ, что Ульберге въ этой поѣздкѣ погибнетъ. Призвалъ ханъ Ульберге и велѣлъ ему ѣхать къ Ерлику; Ульберге согласился; пришелъ домой и сказалъ женѣ, что ханъ велѣлъ ему ѣхать къ Ерлику. „А ты согласился?“ спросила его жена. И когда Ульберге отвѣтилъ, что согласился, жена сказала ему: „Да вѣдь ты погибнешь! Ну по крайней мѣрѣ исполни совѣтъ, который я тебѣ дамъ: на дорогѣ тебѣ встрѣтится сначала лугъ, конца краю не видно, можно заблудиться; ты ему повѣсь адыкъ изъ двухъ бѣлыхъ цвѣтковь (ак чече); потомъ встрѣтишь красный утесъ (кызыл одру), чрезъ который нѣтъ возможности проѣхать; ему сдѣлай возліяніе (чачылгы) изъ бѣлаго молока на огонь; потомъ будетъ море, которое кипитъ, какъ вода въ котлѣ; ему тоже сдѣлай „чачылгы“ изъ бѣлаго молока. Потомъ встрѣтишь двухъ блѣдныхъ женщинъ (ку-курьякъ; можно перевести—лебедь-женщина); имъ дай жилы, употребляемыя для шитья (симыр); двумъ воронамъ, которыхъ увидишь далѣе, дай глаза, а не то они выключаютъ твои собственные глаза; еще далѣе двумъ верблюдамъ, чтобъ не затоптали тебя своими колѣнями, вколоти въ землю два колышка; двумъ собакамъ (ногой) дай по куску мяса; тремъ Ерликовымъ богатырямъ дай по аркану“. Выслушавъ эти совѣты, Ульберге велѣлъ поймать коураго коня, сѣлъ на него и поѣхалъ. Приѣхавъ на лугъ, онъ повѣсилъ одыкъ изъ бѣлыхъ цвѣтвъ и заготовилъ другія вещи для раздачи. На дальнѣйшемъ пути онъ благополучно миновалъ красный утесъ, сдѣлавъ возліяніе бѣлаго молока огню; миновалъ благополучно и кипящее море, также сдѣлавъ возліяніе; старухамъ подаль жилы, воронамъ глаза, верблюдамъ вбилъ колышки, собакамъ бросилъ по куску мяса и тремъ богатырямъ подаль арканы; всѣ они, завидѣвъ его, сначала бросались, чтобъ убить его, но потомъ пропускали его невредимо,

когда онъ дѣлалъ имъ приношенія. Такимъ образомъ онъ прибылъ въ ургу Ерлика; Ерликъ спалъ. Войдя къ нему въ юрту, Ульберге увидѣлъ булатный ножикъ пижакъ, схватилъ его и побѣждалъ. Когда Ерликъ проснулся и замѣтилъ пропажу, онъ бросился въ погоню, но не могъ догнать; добѣжавъ до своихъ богатырей, онъ велѣлъ имъ догонять вора; тѣ побѣжали и догнали Ульберге, но узнавъ въ немъ человѣка, давшего имъ арканы, отпустили его. Добѣжавъ до собакъ, Ерликъ велитъ имъ догонять Ульберге; собаки догнали его и сказавъ: „А, это тотъ человѣкъ, который далъ намъ мяса, когда мы были голодны“. И пропустили его. Такимъ же образомъ, жалючи, пропускаютъ его вѣроны, верблюды, старухи. Миновавъ опять благополучно и кипящее море, и красный утесъ и безконечный лугъ, Ульберге пріѣхалъ въ ургу Карабатынъ-хана, отдалъ ему булатный ножикъ, а самъ убѣжалъ въ свой домъ. Ерликъ прибѣжалъ къ Карабаты-хану, нашелъ у него свой ножикъ, его и сына убилъ и побѣждалъ къ Ульберге; въ это время жена придала своему мужу Ульберге необыкновенную силу, онъ поборолъ прибѣжавшаго Ерлика и сталъ драть его боярышникомъ (дулана). Ерликъ повѣлся, что онъ не будетъ болѣе трогать ни его, ни его племени. Ульберге отпустилъ Ерлика, взялъ народъ и скоть Карабаты-хана и сдѣлался ханомъ.

(Бюргуть, Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Буренъ-голь).

132. Ертене-мергенъ.

Были два брата Атучи Аксага Ашякъ (*вар.* Аксагалъ ашякъ) и Эртене-мергенъ. У перваго былъ конь Арта-курюнъ аскыръ (бурый жеребецъ Арта), у Ертене-мергена—Угада-Шилги (*вар.* Угатай Джилги). Золотая ставка (урга) у братьевъ была до неба, коновязь или приколь, также достигавшій до неба, былъ толщиной 60 человѣкамъ не обнять. Спали братья по мѣсяцу. Каратты ханъ сказалъ: „Есть богатырь Ертене-мергенъ; идите къ нему, и если онъ окажется сильный, то схватите и приведите сюда; если безсильный, убейте, а его народъ и скоть пригоните сюда“. Съ этими словами Каратты ханъ послалъ своего сына Хара Сагашту хана, придавъ ему на помощь пять ельбичиновъ („шулмусъ“, перевелъ разказчикъ на монгольскій языкъ), двухъ силачей (моко) и сто воиновъ (джосъ черу). Хара Сагашту ханъ отправился къ Ертене-

мергену и увидѣлъ его золотую ургу, поднимающуюся до неба; стали искать дверей и не могли найти; нашли двери, не могли отворить; срубили дерево, прислонили его къ ургѣ; къ вершинѣ дерева привязали веревку; при ея помощи влезли на вершину дерева и спустились въ юрту чрезъ верхнее дымовое отверстіе. Ертене-мергенъ девять сутокъ (или мѣсяцевъ?) спалъ безъ просыпа; люди Сагашту хана будили Ертене-мергена, не могли разбудить; два силача (моко) хотѣли поднять одну ногу, не могли поднять; сто воиновъ залѣзли всѣ разомъ на его тѣло; Ертене-мергенъ наконецъ проснулся, всталъ, и сто человѣкъ посыпались съ него на землю. Онъ вышелъ изъ юрты и помочился; изъ его мочи образовалось большое озеро; скотъ его пилъ воду изъ этого озера, но не могъ допить. Войдя обратно въ юрту, Ертене-мергенъ увидѣлъ Хара Сагашту хана и спросилъ его: „Зачѣмъ ты пріѣхалъ? Если съ худымъ намѣреніемъ, то будемъ драться, если съ добрымъ, то садись на порогъ и раскрой грудь, я буду въ тебя стрѣлять; если худого намѣренія въ тебѣ нѣтъ, то стрѣла тебѣ вреда не сдѣлаетъ“. Хара Сагашту ханъ сѣлъ на порогъ и раскрылъ грудь; Ертене-мергенъ выстрѣлилъ и отшибъ Хара Сагашту хану мизинецъ. Хара Сагашту испугался, поднесъ Ертене-мергену адыкъ и сказалъ, что онъ пріѣхалъ предложить мергену свою сестру въ замужество. Ертене-мергенъ сталъ угощать Хара Сагашту хана. Въ это время конь Арта курюнь аскыръ сталъ биться и ржать, такъ что самъ Оранъ-Телегей слышалъ ея крикъ; Атучи аксага ашякъ осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ брату; конь его бѣжалъ съ такою силой, что гдѣ были горы, образовались озера, гдѣ были озера, вышли горы; отъ копытъ летѣли комья величиной съ мелкія горы. Ертене-мергенъ посадилъ ельбичиновъ и силачей (моко) подъ мышки; прибѣжалъ конь, остановился и покрылъ своимъ копытомъ всѣхъ сто воиновъ. Ашякъ спросилъ брата: что у него случилось. Тотъ отвѣчалъ, что онъ беретъ дочь Каратты-хана замужъ. Получивъ отвѣтъ, ашякъ уѣхалъ домой. Хара Сагашту сталъ собираться домой; Ертене сказалъ, что онъ поѣдетъ черезъ день, и далъ ему на запасъ ногу перепела (будене); Сагашту сказалъ: „Что же ты, смѣешься что ли надъ нами? Насъ много“. „Ничего“, сказалъ Ертене;— „не думайте, что мало; еще останется“. Ельбичины также сказали, что этого будетъ имъ достаточно.

Поѣхалъ Хара Сагашту домой, и дѣйствительно, отъ ноги перепела еще осталось. На другой день послѣ отъѣзда гостей Ертене осѣдлалъ своего Угада Шилгы и поѣхалъ съ такою силой, что высокія деревья валились, люди Каратты хана, жившіе по окраинѣ его ханства, умерли. Конь на половинѣ дороги остановился. „Что ты остановился?“ спросилъ Ертене. „А сумѣешь ли ты узнать“, спросилъ конь,—„которая дочь Каратты-хана; онъ велѣлъ выставить сто юртъ и въ каждой будетъ по дѣввицѣ“. „Не знаю“, отвѣчалъ Ертене. „Ну, такъ знай“, сказалъ конь;—„у которой юрты я остановлюсь, въ ней и есть ханская дочь“. Конь подбѣжалъ къ одной изъ выставленныхъ юртъ; Ертене взялъ свою невѣсту красавицу на руки (*вар.* конь сказалъ: „Ханъ выставилъ сто юртъ и въ каждой посадилъ по дѣввицѣ; всѣ онѣ красавицы, одна только безобразная съ длиннымъ лицомъ, но эта-то и есть ханская дочь“). Рядомъ съ ханскою дочерью красавицей сидѣла еще безобразная старуха съ длиннымъ лицомъ; это тоже была ханская дочь въ превращенномъ видѣ. Она сказала Ертене-мергену: „Ты ли богатырь?“ Ертене отвѣчалъ: „Да, я богатырь“. „Если богатырь“, сказала та—„то прострѣли на вершинѣ Кырындая лѣсъ изъ 60 туменей тополей, на вершинѣ Таландая лѣсъ изъ 70 туменей тополей“ (кырындайдымъ кырында джеран тумен терек, таландайдымъ кырында талан тумен терек). „Хорошо“, сказалъ Ертене,—„а ты, если ты ельбичи, достанься неба кольчугу (хоо) и сбей съ неба на землю коралловую пуговицу (шур)“. Самъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; доѣхавъ до тополей, онъ выстрѣлилъ и уронилъ весь лѣсъ; самъ догналъ и поймалъ свою стрѣлу; затѣмъ и второй лѣсъ сронилъ и снова догналъ и поймалъ свою стрѣлу; сложилъ весь лѣсъ вмѣстѣ и снегъ. Когда онъ ѣхалъ назадъ, конь остановился и говорить: „Ты знаешь ли что?“ „Ничего не знаю“, отвѣчалъ Ертене. „Когда приѣдешь“, продолжалъ конь,—„тебя будутъ стараться убить; ханъ подастъ тебѣ бѣлое блюдо и въ немъ кушанье, завернутое въ бумагу. Это ядь. Ты приими и скажи, что ѣсть не будешь, что тебѣ этой ѣды не вытерпѣть, а вытерпѣть ее черный камень, лежащій въ огнѣ. И брось на камень. Потомъ тебѣ подадутъ что-то въ синей бумагѣ. Ты опять скажи: это мнѣ не стерпѣть, а стерпѣть только очагъ (три камня, окружающіе огнище въ юртѣ) и брось на очагъ. Потомъ дадутъ тебѣ сто кокурровъ водки. Это можешь выпить“. Приѣхалъ Ертене

къ своей женѣ, а у нея кольчуга уже готова, и пуговица лежитъ на землѣ. Пошелъ Ертене къ хану; сѣлъ у порога, а чумбуръ не выпускаетъ изъ рукъ. Каратты-ханъ говорить ему: „Что ты тамъ сѣлъ; проходи впередъ“. „У насъ такой обычай“, сказалъ Ертене, — „мнѣ нельзя выпустить изъ рукъ коня, потому что въ немъ сидитъ моя душа“. Ханъ подаль ему чашу (шадзон) съ ядомъ въ бѣлой бумагѣ. Ертене сказалъ и сдѣлалъ, какъ конь училъ. Черный камень исгдѣлъ и рассыпался. Ядъ, поданный въ синей бумагѣ Ертене бросилъ на очагъ; камни искрами взлетѣли кверху. Тогда Хара Сагашту ханъ сказалъ: „Надо его спить виномъ, и тогда мы имъ овладѣемъ“. Дали ему сто кокуровъ вина, двѣ трети Ертене выпилъ самъ, одну треть спилъ коню. Оба стали пьяны, Ертене заснулъ, а конь пьяный валается. Ханъ и его сынъ велѣли связать Ертене желѣзными арканами и заключить въ желѣзный домъ (темир-байсын), а съ конемъ не могли справиться. Прославшись, конь началъ биться, такъ что его ноги ушли по колѣно въ землю, и началъ ржать, такъ что самъ Оранъ Телегей услышалъ. Атучи Аксага ашякъ также услышалъ этотъ крикъ, осѣдлалъ своего коня и поѣхалъ. Пылъ земная поднялась до неба, пылъ небесная опустилась до земли, солнца стало не видно. Атучи Аксага ашякъ пріѣхалъ, увидѣлъ желѣзный домъ, ударилъ саблей и разбилъ его пополамъ. Ертене сказалъ: „Какъ я крѣпко спалъ послѣ вина!“ Пошевелилъ своими ногами, и желѣзный арканъ, бывший на нихъ, порвался. Атучи Аксага ашякъ передалъ Ертене черного ягненка и желѣзный кокуръ на свадьбу и сказалъ, что молодому человѣку вино нужно пить умѣренно, а не то стубишь свою голову. Сказавъ это, Атучи Аксага ашякъ уѣхалъ. Послѣ того Каратты ханъ устроилъ свадьбу; девять лѣтъ пировали на свадьбѣ. У Хара Сагашту хана было три совѣтника, три сѣдые ельбичи; онъ сказалъ имъ: „Ертене нужно погубить, а не то намъ отъ него житья не будетъ“. Они посовѣтовали Каратты-хану послать Ертене достать чернорогаго аргамака (хара муюзту аргамак), который находится у Кулюстей мергена. Этотъ мергенъ былъ птица. Жилъ на небѣ. Каратты ханъ послалъ человѣка къ Ертене, велѣлъ ему пріѣхать и сказалъ, чтобъ онъ досталъ ему чернорогаго аргамака. Ертене сказалъ: „Хорошо“. И вернулся домой. Жена спросила его: „Зачѣмъ звалъ ханъ?“ Ертене разказалъ. Жена гово-

*

рить ему: „Лучше отъезжись; сколько богатырей пыталось добыть этого аргамака, но всё погибли; развѣ тебѣ меня не надо, что хочешь ѣхать въ опасную поѣздку?“ Однако Ертене, не смотря на уговоры жены, рѣшился поѣхать. „Когда ханъ велить, надо ѣхать!“ сказалъ онъ. Осѣдлалъ своего коня и поѣхалъ; конь остановился и спрашиваетъ у Ертене: „Какъ же ты будешь добывать чернорогаго аргамака?“ „Не знаю“, отвѣчалъ Ертене. „Полетятъ на тебя стрѣлы, какъ туча, посыпятся, какъ дождь!“ сказалъ конь. „Ничего“, сказалъ Ертене-мергенъ, — „я прикроюсь кольчугой“. „Потомъ“, сказалъ конь, — „прилетитъ самъ Кулюстей мергенъ и унесетъ насъ на небо“. Дѣйствительно, стало темно, надвинулась туча; это были стрѣлы; онѣ посыпались, какъ дождь. Ертене прикрывшись кольчугой и ею же прикрылъ коня; стрѣлы свользили и никакаго вреда ему не сдѣлали. Потомъ прилетѣлъ самъ Кулюстей мергенъ (*вар.* Ханъ Гариде) и поднялъ Ертене мергена на небо вмѣстѣ съ конемъ. Ертене изловчился и изломалъ Кулюстей мергену крыло; всѣ трое упали на землю; Ертене угодилъ головой внизъ, ушелъ въ землю по грудь и выставилъ шею; у коня изломались переднія ноги. Ертене вытянулся изъ земли, ущемилъ свою голову въ щель дерева, выправилъ свою шею и думаетъ: „Хозяинъ у меня теперь въ рукахъ; и аргамакъ, хотя и улетѣлъ на небо, будетъ мой“. Натянулъ лукъ, чтобы выстрѣлить по аргамаку, но аргамакъ сказалъ: „Не стрѣлай въ меня; я изцѣлю твоего коня, если твой конь изцѣлитъ моего хозяина“. Ертене спросилъ: „Ты чѣмъ изцѣлишь?“ „Отрѣжь“, сказалъ аргамакъ, — „кончикъ моего рога и приложи къ ногамъ“. Ертене согласился и вылѣчилъ своего коня, а конь вылѣчилъ Кулюстея. Послѣдній сказалъ: „Ну, теперь намъ не нужно ссориться, будемъ друзьями“. Ертене сказалъ: „Развѣ отъ тебя прежде выйдетъ ссора, но не отъ меня“. Кулюстей мергенъ далъ Ертене мергену Хара Муюзту аргамака: „Ты за нимъ ѣхалъ, такъ и возьми его!“ сказалъ Кулюстей мергенъ и далъ ему еще саблю (кышъ) Кулеме-Селиме ¹⁾. Ертене пріѣхалъ къ Каратты хану и передалъ ему аргамака; Хара-Сагашту ханъ сталъ требовать саблю, но Ертене не далъ и сказалъ, чтобъ онъ самъ добылъ ее. Каратты-

¹⁾ Сабля по урянхайски кыш, по халхасски селим, по бурятски келме.

ханъ сѣлъ на аргамака и поѣхалъ на охоту, увидѣлъ марала (муй-гак), хотѣлъ стрѣлять; конь сталъ бить и сбиль Каратты-хана, а самъ улетѣлъ. Каратты-ханъ по колѣни ушелъ въ землю, такъ что пять богатырей не могли его вытащить. Ертене мергенъ вытащилъ его одною рукой, поймалъ аргамака и сказалъ: „Эта лошадь не по тебѣ“. Каратты-ханъ велѣлъ надѣть на нее желѣзные пути и запереть въ крѣпкое мѣсто; но конь пути изорвалъ, стопталъ людей и улетѣлъ къ Кулюстей-мергену. Три сѣдые ельбичина опять стали совѣтовать погубить Ертене и съ этою цѣлью послать его къ Халамѣ, чтобы достать отъ него Колду буркана (*вар.* къ Сорджи-бакши: сорджи-бакшиду Колду буркан джила тутар). Ертене согласился. Жена опять стала отговаривать его, но Ертене не хотѣлъ отказаться и послалъ человека за своимъ братомъ. Атучи Аксага ашыкъ пріѣхалъ. Ертене говорить ему: „Я ѣду доставать Колду буркана; ты возьми мою жену и мое имущество и отвези къ Каратты-хану“. Атучи Аксага ашыкъ взялъ жену, золотые и серебрянные ящики и поѣхалъ. На пути встрѣтился Эткитынбомъ; Атучи Аксага ашыкъ слѣзъ съ коня, засвисталъ, конь его заржалъ; бомъ, какъ свинецъ (воргольджин) расплавился и самъ внизу (въ подземномъ царствѣ?) живущій Оранъ Телегей пошевелился. Ертене услышалъ свистъ брата, догналъ его и сказалъ: „Я совѣмъ ѣду“. „И я съ тобою поѣду“, сказалъ Атучи Аксага ашыкъ; — „тамъ есть другая твоя невѣста“. Послѣ этого Атучи Аксага ашыкъ выстроилъ домъ, чтобы оставить въ ней жену Ертене-мергена; самъ Ертене-мергенъ оставилъ женѣ саблю Кулеме-Селиме; жена осталась отъ него беременною. Поѣхали вдвоемъ; Атучи Аксага ашыкъ пошелъ впередъ, Ертене остался сзади; выпалъ снѣгъ, слѣдъ Атучи Аксага ашыка замело, только гдѣ, гдѣ его было видно; ашыкъ въ махъ пошелъ. Однако Ертене догналъ его и говорить: „Здѣсь надо отдохнуть, коней накормить и чай сварить“. Стали чай варить. Ертене сказалъ: „Двоимъ что одно дѣло дѣлать; ты вари чай, я пойду за конями смотрѣть“. „Хорошо“, согласился ашыкъ и остался чай варить, а Ертене пошелъ и изломалъ ашыкову коню ногу. Напившись чаю, поѣхали далѣе; ашыковъ конь не идетъ. Догадался онъ и говорить: „Хорошо же, ты изломалъ ногу моего коня, теперь ты не зови меня братомъ и не увидать тебѣ меня во вѣкъ“. Съ этими словами Атучи Аксага ашыкъ возвратился домой. Ертене поѣхалъ

одинъ, чего ему и хотѣлось. Конь его остановился и спрашиваетъ: Знаешь ли, что тебѣ встрѣтится на пути? „Не знаю“, отвѣчаетъ Ертене-мергенъ. „Проѣхать къ Бурканъ Халамѣ трудно, у него есть много защитъ, и достать Колду Буркана не легко, потому что онъ хранить человѣческія души. Первая защита у Халамы— мараль, вторая тигръ (бар)“ и пр. Ёдетъ мергенъ далѣе. Стоитъ мараль (муйгак), рога до неба. Ертене засвистѣлъ, мараль дрогнулъ. Ертене выстрѣлилъ и отстрѣлилъ голову у марала, привязавъ ее къ своему сѣдлу и ѣдетъ далѣе. Стоитъ тигръ (бар). Опять засвисталъ Ертене; тигръ задрожалъ; Ертене мергенъ застрѣлилъ тигра. Ёдетъ далѣе; встрѣчаетъ спящаго человѣка Бигедеръ съ чернымъ ножикомъ (хара пижякту Бигедер). Ертене мергенъ взялъ этотъ ножикъ, поднялъ одною рукой и говоритъ: „Что это за богатырь, коли я одною рукой поднялъ его оружіе“. Взялъ ножъ и поѣхалъ. Бигедеръ проснулся, началъ кричать Ертене-мергену, чтобъ отдалъ ножъ назадъ, гнался за нимъ, но не могъ догнать. Потомъ Ертене-мергенъ пріѣхалъ къ большому морю, ударилъ своего коня два раза; конь скакнулъ, перескочилъ море до половины и поплылъ; коня схватила большая рыба Хапъ-балыгъ и до половины заглотала; Ертене разрубилъ рыбу пополамъ своею шестидесяти-саженною саблей Кулеме-Селиме, переднюю часть ея привязавъ къ сѣдлу и поѣхалъ далѣе. Видитъ—стоитъ человѣкъ, достигающій головой до неба. „Это“, говоритъ конь,—„Улъ на карей жеребой кобылѣ (бооз хара би атту Ул); онъ никого не пропускаетъ къ Бурканъ-Халамѣ; онъ уже поставилъ котель (паш) на небо, кипятить воду и точить ножъ, чтобы тебя зарѣзать, сварить и съѣсть. У тебя есть сила, но ея одной мало; у меня есть мудрость. Держись за меня; я перескочу черезъ него“. Лошадь скакнула и перескочила не только черезъ Ула, но даже еще шесть горъ (алты таг) перемахнула, только копытомъ задѣла котель и сбросила его съ неба на землю. Перескочивъ черезъ Ула, Ертене-мергенъ увидѣлъ юрту, крытую травой (сыгэн ал); онъ посредствомъ своей мудрости обратился въ мальчишку, коня обратился въ жеребенка и вошелъ въ юрту. Сидѣвшій въ ней сѣдой старикъ спросилъ: „Куда ты такой молодой мальчишка поѣхалъ?“ „Я собираю волосы на арканы“, отвѣчалъ Ертене-мергенъ;—„у моего хозяина много скота“. „Не слыхалъ ли ты про Ертене мергена?“ опять спросилъ

старикъ;— „говорятъ, что онъ сюда ѣдетъ“. „Не видалъ, а слышалъ, что онъ убилъ Ула“. Старикъ подивился, что у Ертене-мергена хватило силы убить Ула. Потомъ Ертене спросилъ старика: чей это хорошій домъ онъ видѣлъ, когда ѣхалъ. „Это домъ“, отвѣчалъ старикъ,— „моего сына Акъ-хана, который взялъ въ жены дочь у Халамы Буркана“. Тутъ Ертене-мергенъ догадался, что это его невѣста. „Гдѣ теперь Акъ ханъ?“ спросилъ Ертене мергенъ. „Онъ на охотѣ, но скоро вернется“, сказалъ старикъ.

Ѣдетъ Акъ ханъ со своею женою, съ правой стороны ѣдутъ десять мужичиъ, играя на дудкахъ, съ лѣвой стороны—десять дѣвицъ, играя на чатаганахъ. Они вошли въ юрту, и Ертене за ними. Жена Акъ хана догадалась, кто пріѣхалъ, глазъ съ Ертене-мергена не сводить. Акъ ханъ сказалъ: „Ты, худой мальчишка, зачѣмъ тутъ ходишь?“ „Я, худой мальчишка, собираю волосъ на арканы“, отвѣчалъ Ертене-мергенъ;— „у моего хозяина много скота“. „Дайте ему“, сказалъ ханъ,— „тамъ есть провисшее молоко“ (ачу таран). „Развѣ онъ не человѣкъ? Зачѣмъ его обижать?“ сказала жена Акъ хана. Обидѣлся Ертене-мергенъ на Акъ хана и принялъ свой настоящій богатырскій видъ. Акъ ханъ испугался. „Зачѣмъ богатырь пріѣхалъ?“ спросилъ онъ. Ертене отвѣчалъ: „Дочь Бурканъ Халамы есть моя невѣста, я за нею поѣхалъ“. „Я ее взялъ за себя“, сказалъ Акъ ханъ;— „какъ же теперь быть? Миромъ ли, ссорой ли разойдемся?“ Ертене сказалъ: „Я сяду на порогъ; ты стрѣлай въ меня; убьешь—жена твоя! Потомъ ты сядь; я убью—я возьму дочь Бурканъ Халамы“. Сѣлъ Ертене-мергенъ на порогъ, выстрѣлилъ Акъ ханъ, стрѣла ударилась объ Ертене-мергена и отлетѣла прочь. Сѣлъ Акъ ханъ на порогъ; дунуль на него Ертене, Акъ-ханъ ударился о каменный косякъ двери и умеръ. Поѣхалъ Ертене къ Халамѣ; тотъ спрашиваетъ: зачѣмъ пріѣхалъ. „У меня здѣсь есть невѣста, за которою я пріѣхалъ; кромѣ того, Каратты-ханъ проситъ привести Колду Буркана“. Халама сказалъ, что у него дочь уже выдана за Акъ хана. „Я убилъ его“, сказалъ Ертене-мергенъ. „Ну, если такъ“, сказалъ Халама,— „возьми ее, возьми и Колду буркана, только оставь вмѣсто него своего коня, а я тебѣ дамъ другаго воронаго коня, украшеннаго адыками или лоскутками“ (адык карат). Ертене-мергенъ взялъ Колду Буркана и невѣсту, сталъ сѣдлатъ Адыка, на силу рукой до его спины досталъ. Поѣхалъ

Ертене-мергенъ, конь по колѣна вязнетъ въ землю. Халама сѣлъ на Угада Шилгы, поѣхалъ провѣдать свой скоть; скоть вывалился; три его пастуха (джилкыши) тоскуютъ: „Какъ выйдемъ изъ степи безъ ѣды?“ Взомель Бурканъ Халама на высокую гору и заплакалъ; онъ вмѣстѣ съ Колду-бурканомъ и Адавъ-каратомъ отдалъ свое счастье (кешик). Приѣхавъ домой, онъ еще болѣе заплакалъ. Угада Шилгы убѣжалъ отъ Халамы, догналъ Ертене и сказалъ ему: „Ты увезъ у тестя счастье. Отведи его коня назадъ, отрубив одинъ палецъ у Колду Буркана и отдай его тестю“. Ертене такъ и сдѣлалъ, и у Халамы опять скоть началъ умножаться. Приѣхалъ Ертене къ своей женѣ, у нея родился сынъ, но на его ургу напало чужое войско; сабля Кулиме Селиме одна изрубила это войско все безъ остатка; урга была окружена кровью по колѣна. Ертене сталъ жить съ двумя женами, одна дочь Каратты хана (*вар.* Мергенъ дайгине было ея имя), другая дочь Бурханъ-Халамы.

(Бюргуть, Тува-Урянхаецъ кости Сальджакъ. Р. Бурень-голь. Варианты были подсказаны Джалбыратомъ, Урянхайцемъ-сальджаккомъ съ р. Джибей).

133. Тана-Герель.

Тана-Герель богатырь на лошади Ташъ Куренъ былъ подданный Шяль-гана, у котораго было народа такое множество, сколько шерсти на трехъ лошадяхъ. У хана было 108 женъ, но не было дѣтей. Шяль-ганъ задумалъ взять за себя замужъ Тайгине, дочь Падпакши. Онъ собралъ народное собраніе (чошь шиглыб); три дня стоялъ народъ, но никто не рѣшался ѣхать сватомъ. Наконецъ вышелъ старикъ и сказалъ, что его сынъ поѣдетъ. Сановники спросили его: „Да развѣ твой сынъ въ состояніи совершить это дѣло?“ Старикъ увѣрялъ, что его сынъ сможетъ съѣздить сватомъ по Тайгине; когда старикъ сказалъ о томъ своему сыну, послѣдній согласился ѣхать, но спросилъ отца: „Какъ же я поѣду, не имѣя коня?“ Старикъ отецъ сказалъ: „Въ ящикѣ есть арканъ, возьми его и ступай въ поле; тамъ будетъ жеребиться лысая бурая кобыла; не прозѣвай и поймай ея жеребенка“. Сынъ пошелъ въ поле и увидѣлъ лысую бурую (кальджанъ куренъ) кобылу; голова жеребенка стала выходить, сынъ старика накинулъ на него арканъ; но жеребенокъ вырвался и улетѣлъ къ небу; сынъ старика погнался за нимъ; конь спустился

и когда летѣлъ по вершинамъ деревъ, молодецъ накинулъ на него арканъ, уперся въ землю ногой, такъ что нога ушла въ землю, остановилъ жеребенка и сказалъ: „Справляюсь съ тобою, сломяу тебѣ голову!“ Вернувшись домой, онъ спросилъ у отца: „Гдѣ же я достану сѣдло и токумъ?“ Отецъ сказалъ: „Есть большая гора, въ ней пещера; тамъ найдешь сѣдло“. Сынъ отправился, нашелъ гору, три раза обшелъ ее, но не могъ найти входъ и возвратился домой. Отецъ сказалъ ему, что входъ заваленъ большимъ камнемъ. Тогда его сынъ снова поѣхалъ, отворотилъ камень, досталъ изъ пещеры сѣдло величиной съ гору и потники величиной въ степь (шилъ джаланашъ), и осѣдлавъ коня, поѣхалъ. Приѣхавъ къ горѣ Богдоннымъ Боро-тэнгъ, онъ ударилъ плетью два раза по небу, и оттуда спустился сынъ Билигчина, Билчинарь (Билигчинными-олы Билчинарь) съ 50 воинами; ударилъ два раза по землѣ, оттуда вышелъ сынъ Тулюкчина, Тольджинарь (Тулюкчинными-олы Тольджинарь) съ 40 воинами. Вмѣстѣ съ ними онъ вернулся; собрали народъ, чтобы дать сыну старика имя, но никто не сумѣлъ. Старикъ самъ далъ ему имя Тана-герель на бурой лошади Ташъ (Таш курѣн атту Тана герель). Послѣ этого богатырь отправился за невѣстой. Дорогой онъ встрѣтилъ Кускунъ-куйранъ'a и Кускунъ-сайранъ'a ¹⁾ и спросилъ ихъ: „Куда вы ѣдете?“ „Сватать дочь Падъ-падакши“, отвѣчали Кускунъ-куйранъ и Кускунъ-сайранъ. Тана-герель поймалъ ихъ, мучилъ, мучилъ и бросилъ. Далѣе на дорогѣ ему встрѣтился Тэнгри-ханъ; у него была одна женщина чибшинъ (?), которая увидѣла ѣдущихъ и сказала хану, что ѣдетъ Тана-герель на бурой лошади Ташъ, съ войскомъ. Ханъ зазвалъ богатыря къ себѣ и спросилъ: куда онъ поѣхалъ? Тана-герель сказалъ: „Ѣду сватать Тайгине ²⁾, дочь Падъ-падакши“. „У меня есть дочь Хара-Тайгине; почему ее не сватаете?“ спросилъ Тэнгри-ханъ. „Хорошо“, сказалъ Тана-герель, — „обратно я заѣду и возьму ее“. Хара-тайгине дала ему въ подарокъ черный платокъ (хара орчул). Поѣхалъ Тана-герель дальше: стоитъ ставка Ай-гана; его женщина шимекчинъ увидѣла ѣдущихъ и доложила хану, что ѣдетъ Тана-герель на бурой лошади Ташъ и

¹⁾ Кускунъ—воронъ.

²⁾ Нашъ переводчикъ Телеуть Иванъ Чивалковъ при передачѣ этой сказки провозносилъ всегда Таджине вм. Тайгине.

съ нимъ съ пятидесятью войнами (пежан чируду) сынъ Биликчина Бильджинаръ и съ сорока воинами (торган чируду) сынъ Тулюкчина Тольджинаръ. Ханъ велѣлъ звать ихъ къ себѣ. Тана-герель сказалъ, что ему нѣкогда, нужно торопиться. Тогда Айганъ послалъ другую шимекчинъ, и Тана-герель заѣхалъ къ нему. Ай-ганъ спросилъ: „Куда богатырь поѣхалъ?“ Тана-герель отвѣчалъ: „У Шяль-гана 108 женъ, но дѣтей нѣтъ; поэтому онъ послалъ меня сватать невѣсту у Падъ-падакши“. Ай-ганъ спросилъ: „Отчего не сватаете моей дочери Алтынъ-тайгине?“ Тана-герель сказалъ: „Хорошо, только не теперь, а въ обратный путь заѣду и возьму ее“. Алтынъ-тайгине дала ему въ задатокъ золотой платокъ (алтын олчур); онъ положилъ его за пазуху и поѣхалъ далѣе. Еще ѣдетъ и встрѣчаетъ юрту Кунь-гана; ханская женщина шимекчинъ увидѣла Тана-гереля и доложила хану: „Ѣдетъ Тана-герель на бурой лошади Ташъ, и съ нимъ сынъ Биликчина, Бильджинаръ и сынъ Тулюкчина, Тольджинаръ“. Ханъ велѣлъ зазвать богатыря къ себѣ, но онъ не поѣхалъ, сказалъ, что торопится впередъ, что у него времени нѣтъ. Тогда ханъ послалъ вторую шимекчинъ, и Таңа-герель заѣхалъ. Ханъ спросилъ: куда онъ ѣдетъ? Тана-герель отвѣчалъ, что Шяль-ганъ имѣетъ 108 женъ, но не имѣетъ дѣтей, и что онъ, богатырь, ѣдетъ доставать ему Тайгине, дочь Падъ-падакши. Кунь ханъ предложилъ свою дочь Кузь-Тайгине, которая дала Тана-герелю въ задатокъ бурый платокъ (курён олчур). Еще далѣе Тана-герель подѣзжаетъ къ ставкѣ Ерликъ-хана; его шимекчины были злые духи (азалар, множ. ч. отъ аза, злой духъ). Одна аза увидѣла Тана-гереля и доложила хану; тотъ велѣлъ зазвать богатыря, но Тана-герель по первому зову не поѣхалъ; ханъ послалъ вторую аза, и тогда только Тана-герель заѣхалъ къ хану. Восемь дверей прошелъ богатырь; восьмая дверь была стеклянная; Ерликъ-ханъ сидѣлъ на стеклянномъ престолѣ (шире); ханъ спросилъ богатыря: куда онъ поѣхалъ? Тана-герель разказалъ ему о цѣляхъ своей поѣздки. Тогда Ерликъ-ханъ сказалъ ему: „Погоди, погадаю“. Тана-герель сталъ ждать, но ему гаданье показалось долгимъ, не вытерпѣлъ, разбилъ стеклянную верхушку юрты (харачи) и уѣхалъ. Пріѣхалъ онъ наконецъ къ Падъ-падакшѣ и обратился въ худаго мальчишку. У Падъ-падакши были уже два жениха—Кускунъ-кайранъ и Саусканъ-сайранъ, которые временно обращались въ птицъ, а теперь

сидѣли въ видѣ богатырей. Падъ-падакши спросилъ Тана-гереля: „Ты зачѣмъ пріѣхалъ, мальчишка?“ Тана-герель отвѣчалъ: „Сватать вашу дочь за Шяль-гана“. „Моя дочь уже просватана за этихъ богатырей“, отвѣчалъ Падъ-падакша. Тогда Тана герель принялъ свой настоящій видъ, женихи узнали его и испугались. Падъ-падакши сказалъ: „Боритесь, и кто побѣдитъ изъ васъ, тому и отдамъ свою дочь“. На Саусканъ-сайрана Тана-герель выпустилъ Тольджинара, вынулъ его изъ-за пазухи; тотъ поднялъ Саускана къ небу и оттуда ударилъ о землю; ушелъ онъ глубоко въ землю. Кускунъ былъ сильнѣе; на него Тана-герель вынулъ изъ-за пазухи Бильджинара; боролись они девять лѣтъ; лежачій лѣсъ ломался лежа, стоячій лѣсъ ломался стоя; на небѣ громъ гремѣлъ, и была молнія. Наконецъ, Кускунъ усталъ; поднялъ его Бильджинаръ къ небу и ударилъ о землю. Отдалъ Падъ-падакши свою Тайгине Тана-герелю; Тана-герель отправилъ ее съ Бильджинаромъ и Тольджинаромъ къ Шяль-гану по небу, а самъ поѣхалъ по землѣ, чтобы забрать другихъ невѣстъ. Еркикъ велѣлъ своимъ азъ схватить его, но Тана-герель вынулъ свои платки и ихъ силою обратился въ Манджишири-бургана, и азъ ничего не могли ему сдѣлать. Такимъ образомъ онъ привезъ четырехъ невѣстъ вмѣсто одной; дочь Падъ-падакши (Падъ-падакшинымъ тайгине) взялъ Шяль-ганъ, Кузь-тайгине взялъ Тана-герель, Хара-тайгине Тульджинаръ, Алтынь-тайгине Билчинаръ (Белджинаръ).

(Бюргуть, Урянхаецъ вости Сальджавъ. Р. Бурень-голь).

134. Ирень Шайнь Чичирге.

Во владѣннн Тойбонъ-хана, при которомъ было девять хорошихъ зайсановъ, у старика Улакшина былъ сынъ Ирень Шайнь Чичирге; Тойбонъ-ханъ сдѣлалъ совѣтъ съ девятью зайсанами; на совѣтѣ порѣшили погубить его. Съ этою цѣлью Тойбонъ-ханъ послалъ его достать Кара-гулу ¹⁾; Ирень Шайнь досталъ, но Тойбонъ-ханъ испугался Кара-гулы и запросилъ поскорѣе убрать его прочь. Послѣ того зайсаны совѣтуютъ Тойбонъ-хану привязать Ирень Шайну привести девяти-бубеннаго вама Толучака подѣ предлогомъ, будто у хана заболѣла жена, а она была совершенно здорова; Ирень

¹⁾ Разказчикъ сообщилъ, что Кара-гула и теперь есть; это—звѣрь, похожій на лошадь.

Шайнъ привезъ кама; началъ Толучакъ камлатъ, ханьша отъ испуга обмерла, ханъ испугался и сталъ просить Ирень Шайна поскорѣе отвезти Толучака назадъ. Затѣмъ Ирень Шайну поручаютъ достать Канкере; это была женщина, которая была въ одно время и ханъ, и шаманъ (хамъ). Ирень ѣдетъ; на пути лежитъ ядовитое море Сары-Далай ¹⁾; здѣсь его встрѣчаетъ старуха и говоритъ, что ему не проѣхать далѣе, да и Кан-кере такъ силенъ, что овладѣть имъ не возможно. Однако, когда Ирень Шайнъ подъѣхалъ къ морю, оно замерзло, и богатырь проѣхалъ по льду; только у коня отвалились копыта. Далѣе ему встрѣчается богатырь Олѡкѡндин дженгис покови; онъ даетъ Ирень Шайну указанія, съ какими предосторожностями войти въ юрту Канкере, и какъ вести себя. Подъѣзжаетъ Ирень Шайнъ къ юртѣ Канкере и видитъ золотой приколь (алтын чакы), къ которому привязанъ конь. Ирень Шайнъ обернулся пташкой (боро кутчіякъ) и влетѣлъ въ юрту. Канкере не было дома, въ юртѣ были только двѣ его дочери. Онъ вылетѣлъ изъ юрты, обернулся по прежнему человѣкомъ и вновь вошелъ. Дочери Канкере приняли богатыря. Вдругъ раздался громъ; это Канкере идетъ. Старшая сестра обратила Иреня въ красный платокъ и положила на столъ. Канкере вошла въ юрту, глаза ея налились кровью; она говоритъ дочерямъ, что она слышитъ—кто-то здѣсь есть. Старшая дочь бросила платокъ, сталъ Ирень. Канкере спросила: кто онъ? Ирень сказалъ, кто онъ и зачѣмъ посланъ Тойбонъ-ханомъ. „Не врешь ли ты?“ спросила Канкере. Потомъ она начала камлатъ и цѣлый день и ночь прокамлала. „Правду ты сказалъ“, объявила она Иреню;— „тебя хотѣлъ погубить Тойбонъ-ханъ. Поѣдемъ къ нему вмѣстѣ.“

Только въѣхали въ первые улусы, Канкере закамлала, ханъ Тойбонъ испугался, послалъ девять пословъ просить прекратить камланье и отправить Канкере домой. Канкере уѣхала, сказавъ Ирень Шайну: „Пріѣзжай ко мнѣ черезъ три года“. Между тѣмъ Тойбонъ-ханъ вновь послалъ Ирень Шайна достать джиракы (посуду для сидѣнья водки) отъ Ерлика. Отправился Ирень Шайнъ; конь велѣлъ Ирень Шайну зажмуриться, и они спустились подъ землю. Здѣсь конь говоритъ своему хозяину: „Теперь насъ встрѣтятъ

¹⁾ По монгольски—желтое море.

два ворона, девять черныхъ дѣвицъ и два верблюда; поймай девять ерликовыхъ коней, вынь у нихъ глаза и отдай воронамъ; они останутся этимъ довольны; дѣвицамъ отдай жилы лошадей, а верблюдамъ четыре желѣзныхъ кола“. Такъ и сдѣлалъ Ирень Шайнъ, безпрепятственно пріѣхалъ къ Ерлигу и сталъ просить у него джиракы. Ерликъ согласился, но въ замѣнъ того потребовалъ коня у богатыря. Ирень Шайнъ отдалъ коня и получилъ джиракы. Ерликъ велѣлъ поставить коня въ стойло за девятью стѣнами. Заплакалъ Ирень Шайнъ и пошелъ домой пѣшкомъ. Вдругъ громъ гремитъ, туча пыли несется: это бѣжитъ его конь. Подбѣжавъ къ хозяину, конь велитъ ему садиться на себя и зажмуриться и выносить его на этотъ свѣтъ. Пріѣхалъ Ирень Шайнъ къ Тобойнъ-хану, бросилъ ему джиракы, а самъ поѣхалъ къ Канкере. Канкере сказала ему: „Видно самъ Учъ-Курбустанъ назначилъ тебѣ мою дочь“. И отдала ему младшую. Вернулся Ирень Шайнъ домой и сталъ дѣлать свадьбу. Девять зайсановъ и собравшійся на свадьбу народъ сдѣлали его ханомъ.

(Санашъ, Алтаецъ. Р. Чуя).

135. Иринъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле.

Когда море Сумъ-далай было болотною лужей, гора Сумберъ-ола горужкой была, Хангай былъ кочкой, дерево Хайлясь было маленькимъ, океанъ Хадзырь-далай былъ болотною лужей, когда Ганджуръ-Танжура еще не было, когда Далай-лама былъ банди, Тайбинъ-ханъ (Китайскій императоръ) былъ ребенкомъ, Дариху-бурхынъ была въ несмысленномъ возрастѣ, по волѣ вверху живущаго Гучинъ-Гурбу-Гурбустень-Тенгрина ¹⁾ послѣ трехъ сестеръ за три вѣка до Лусень-хана родился мальчикъ; матерью его была Энкэдургеле, отцомъ его былъ Мэнку тургеле. Отцу-хану было девятьсотъ девяносто лѣтъ, матери-ханшѣ 886 лѣтъ; табуновъ своихъ ханъ въ шестнадцать лѣтъ не могъ счесть, своихъ подданныхъ въ тридцать-шесть лѣтъ не могъ счесть. Изъ утробы матери родившійся мальчикъ держалъ во рту алмыса ²⁾, въ правой руцѣ крови величиною съ барана, въ лѣвой драгоцѣнность въ кулакѣ. Только что родившемуся, ему уже нужна была одежда, какъ на

¹⁾ Можно перевести: „тридцати трехъ Гурбустень-тенгировъ“.

²⁾ Алмусъ—дѣволъ.

пятнадцатилѣтняго мальчика; со дня рожденія онъ уже могъ со-
стояться въ стрѣльбѣ и съ мудрецами бесѣдовать; въ крыльцахъ
его была сила семидесяти лу (драконовъ), по поясъ у него была
сила Ханъ-Гаридэ. Пальцы его были такіе, что чего ни коснется, все
ломается; на верхней губѣ было слово „дѣ“, на нижней „то“, на
лбу было изображеніе Махагала, на темени изображеніе Очирвани,
на вискахъ Шахджи-мани; съ благословенія Минганъ-бурхына ¹⁾ онъ
родился. Все счастье было въ его рукѣ; имя его раздалось во
всѣхъ сторонахъ. Если была война далеко, онъ поражалъ войска
мыслю; если близко—личнымъ участіемъ. Сорокъ тысячъ мангсовъ
онъ могъ подъ стремениемъ задавить, десять „муджи“ могъ ла-
донью раздавить. Съ не смущающимся умомъ, съ не падающимъ
сердцемъ, не раздѣлимое у него было дѣлимо, не возможное воз-
можно. Ерень-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле онъ именовался.

Три года онъ прожилъ на одномъ мѣстѣ, при устьѣ Така
(Тавтен амы); пять „муджи“ у него было подданныхъ въ нъ-
зовьяхъ рѣки Удзюмты, въ вершинѣ рѣки Джиргылннгты, при впа-
деніи рѣки Олдзеты, при огромномъ морѣ, гдѣ было шестьдесятъ
шесть сопокъ съ вѣчными снѣгами, гдѣ синѣется гора Синяя Дзан-
дынъ, гдѣ играетъ марево, гдѣ гуси и ангирь кричатъ, дерево
гандыгари отъ вѣтра шатается. Весновалъ онъ въ кочковатыхъ
чѣяхъ, зимовалъ на высокой горѣ, между восемью рѣчками лѣ-
томъ стоялъ, въ огромной Гоби осень проводилъ. Аилъ (юрта)
его раскинулся на нѣсколько верстъ; столбы (багана) его были
золотые; въ аилѣ было сорокъ четыре ханата, четыре тысячи унинъ,
семьдесятъ-пять подстоекъ изъ слоновой и львиной кости; по сре-
динѣ харачи (то-есть, верхняго круга) порхалъ Ханъ-Гариде, на
четырёхъ сторонахъ харачи было по беркуту; на урко пѣли раз-
ныя птвицы. Задняя крыша была сдѣлана снаружи изъ канфы, а съ
внутренней стороны изъ самаго чистаго войлока; передняя крыша
снаружи изъ разныхъ матерій, а съ внутренней стороны изъ вой-
лока, скатаннаго изъ самой нѣжной овечьей шерсти; двадцать-че-
тыре шурка были змѣвидно обвиты золотомъ и серебромъ; на
четырёхъ углахъ урко были Махарандзы съ разинутыми ртами.
Съ одной стороны двери сидѣлъ баръ (тигръ), съ другой утѣго;

¹⁾ Можно перевести: „съ благословенія тысячи боговъ“.

черный мангысь, съ проколотымъ носомъ, былъ привязанъ къ коновязи. Золотая маковка у урко хватала почти до неба. Когда онъ ставилъ свой айль, четыреста-сорокъ болѣзней и триста-шестьдесятъ бѣдъ подь свой огонь сложилъ.

На передней (или солнечной) сторонѣ Хангая стояли его десять тысячъ табуновъ; никто ихъ никогда не вороваль. На солнечной сторонѣ Алтая стояли его табуны также безвредно; годовики и двухгодовалые жеребята вѣчно рѣзвились. На вершинахъ этихъ горъ стояли не ѣзженные кони; въ жаръ они на мѣстѣ стояли, когда жаръ спадеть, на кормъ шли; пыль стояла непроглядная, когда они играли; десять туменей было смирныхъ лошадей, десять туменей не смирныхъ. Изъ песчаной почвы западной долины выходили травы кокъ-битэгэ, котунъ-зоултыргана и аги-шарильджинъ, которыя покрыли собою всю степь. Десять тысячъ пѣгихъ и двадцать тысячъ коурныхъ лошадей ѣли эту траву, изгибая свои высокія шеи; какъ щипцами, рѣзали ее, широкими бѣлыми зубами, какъ ножницами, стригли ее, громъ стоялъ на ихъ коренныхъ зубахъ; жеваную траву они проводили по длинному горлу; въ мигъ съѣденная трава сваривалась, скоро опрастывались ихъ желудки. Тѣневая сторона Алтая была также вся покрыта его скотомъ—четырехъ родовъ; подь всякимъ кустомъ дѣрису лежало по десяти тысячъ пестрыхъ быковъ и коровъ; быки и порося были отдѣлены, коровы и телята ходили особо. Черные и красные быки сошлись въ одномъ тѣсномъ мѣстѣ, большіе бодались, малые играли; красный быкъ съ десятисаженными рогами, девяти сажень самъ длиной, былъ надо всѣми старшій. Рѣка Тургунтинъ была наполнена десятью туменами верблюдовъ; по утреннему вѣтерку они вставали по одному съ мѣста; жеребцы и атаны ходили отдѣльно, верблюдицы и верблюжата отдѣльно. Внизъ по рѣкѣ ходили синеголовые верблюды, вверхъ по рѣкѣ бурне бѣлоголовые. Тонкоживотый бѣлый верблюдъ, въ 50 сажень высотой, съ шей въ 5 сажень длиной, ворчить и скрежещеть зубами; передняя кочка его, какъ гора, задняя ледяная; между ними дзакъ растеть; на дзакѣ сидѣла птица Зарыкъ и свила гнѣздо. Какъ по горамъ кустарниекъ табилга, такъ безчетны были бараны. Когда они спускались съ Алтая, поднималась такая пыль, что ничего не было видно; отъ крика козлятъ и агнятъ, отъ игры

прыковъ и стука о камни ничего не было слышно; большіе козлы бодались, малые играли.

Гунинъ (Кунинъ) Настай Мекеле ѣздилъ на конѣ Кэйюлюкъ, который родился отъ сѣрой кобылы и отъ двухъ мухортыхъ четырехлѣтнихъ жеребцовъ; съ трепещущейся гривой и растилающимся хвостомъ онъ бочился на лѣвую сторону, на правую шею заворачивалъ на подобіе звѣря „таки“¹⁾; животъ его былъ подобранъ; въ костяхъ его не было пустоты; жилы сростались съ костями. Грива была у него, какъ горный хребетъ; между крыльцами могли установиться два быка, на крупѣ могли рѣзвиться два верблюженка; шея его была крѣпка какъ напарья (урмѣ), ротъ былъ крѣпокъ какъ шипцы; зубы были изъ нефрита (хашъ эрдэнэ шюдутаѣ), губы серебряныя (халя менгу), хребетъ не спаянный (слитный), остовъ зада какъ у волка; коренные зубы смотрѣли внутрь рта; на шеѣ были знаки (за что и былъ названъ кюлюкъ); ноздри какъ музыкальныя трубы, глаза, какъ подзорныя трубы. Желѣзное стремя ломалось отъ его бѣга; молодой человѣкъ могъ состарѣться въ то время, какъ онъ бѣжалъ, не уставая; когда стоялъ, никогда передними ногами не переступалъ, головы не клонилъ. На груди его бѣлая пѣна никогда не высыхала отъ рожденія; ѣзди, не ѣзди на немъ—тѣло его никогда не упадало; мозгъ былъ у него поверхъ костей. Грива его распадалась на двѣ стороны; промежутокъ между ними—какъ пометъ отъ 80 верблюдовъ. Между двухъ ушей укладывалось двадцать верблюдовъ. Умъ его былъ такой—гдѣ нужно годъ думать, онъ успѣетъ сообразить, пока ухомъ пошевелинетъ. Мотая головой, онъ движеніемъ чолки гналъ облака, черными копытами не сшибалъ травинки. Пять сѣделъ могло уложиться на его спинѣ. Какъ огромный Хангай, дикій гнѣдокарій конь!

Доспѣхи для Гунинъ Настай Мекеле дѣлалъ кузнецъ Метылъ-Хара, сынъ 88-лѣтняго Найтектэй-мергена. Тысячу человѣкъ посылали за этимъ кузнецомъ; онъ расплавилъ мѣхами гору Онгонъ-Кокъ-Ола, сдѣлалъ изъ нея черную сталь „тэмуренъ ханъ“; изъ желтой стали, размельченной на комаринные носы, сдѣлалъ „Тармы Цаганъ“, кольчугу для Мекеле о семидесяти-пяти пуговицахъ. На-

¹⁾ Таки—дикая лошадь, Equus Przewalskii.

локотники ея были остры какъ ножи; на груди были четыре стальные „толи“; подложена кольчуга шелковою подкладкой, стегана на пуху; на полахъ были выкованы внизъ головой желѣзные мангысы; на заду были выкованы изъ желѣза левъ и тигръ съ раскрытыми пастьми, съ стиснутыми зубами, будто хотятъ схватить. Какъ снѣжный бѣлокъ, высокая шапка съ наушниками, которые закрывали все лицо, кромѣ глазъ; она была станута 33 обручами, привинчена тремя тысячами винтовъ. Сапоги были изъ кожи „лодунъ“; десять тысячъ войска уководило въ одно голенище; на носкахъ былъ выкованъ Ханъ Гариде, оторочены сапоги желѣзною змѣей, каблуки изъ челюсти Мангыса.

Кузнецъ Далай семьдесятъ лѣтъ коваль, кузнецъ Ой много лѣтъ коваль саблю для Гунинъ Настай Мекеле; трехлѣтній желтый кузнецъ (Шаръ тарханъ) три года закаливаль, четырехлѣтній желтый тарханъ четыре года закаливаль. Изъ двухъ желѣзъ, сравнивъ ихъ, выбрали лучшее и изъ него сдѣлали саблю; отшлифовали ее, какъ ледъ, сверху покрыли сталью „агуй“. Сабля была волшебная, какъ „алмысь“. Она была закалена на лошадиной раковинѣ, селитрѣ и каменной соли. Когда водили саблю противъ отверзтія „кисы“ (дудки мѣховъ), бросая закаль въ огонь, приговаривали, чтобъ она не гнулась ни отъ человѣческой кости, ни отъ стали, ни отъ камня, ни отъ заговора; въ студеномъ синемъ морѣ, по самой серединѣ его, обухомъ три раза и остриемъ три раза погрузивъ, остудили.

Тибке (косточки на стрѣльномъ лукѣ) были такія, что на нихъ могли установиться будущіея тѣка и мораль-самецъ (огулдза). Длина лука была такая, что внутри могли дикій осель (вулунъ) и тѣка сбѣжаться, а снаружи гусь (голунъ) и турпанъ (красная утка) слетѣться. На ручкѣ лука дрались тигръ (баръ) и утѣгѣ; съ наружной стороны наклеена береста съ десяти огромныхъ березъ; сверхъ бересты наложены конскія жилы; съ внутренней стороны лукъ подклеенъ рогомъ отъ ста моральныхъ роговъ. Тетива лука была сдѣлана изъ сотни человѣческихъ жилъ и сотни жилъ коней вулюкъ; это былъ коричнево-пестрый лукъ Кудюръ (Кудюръ крющъ чокуръ ному).

Стрѣла, по имени Галынъ Табыкъ, величпной съ небольшою степь, выстругана изъ дерева Цангысь, оперена перьями птицы

Чакцагай-Кууеюнъ; развилокъ у нея былъ съ сѣдло; всего въ колчанѣ было 30 такихъ бѣлыхъ стрѣлъ; колчанъ (садакъ) носилъ имя Архытъ Хара.

Подъ копейцемъ красной стосаженой пики былъ привязанъ ремень изъ кожи звѣря кудурь ¹⁾, на которомъ богатырь носилъ пикю. Копейцо было изъ стали „шургу“, обручъ на пикѣ изъ стали „шуррукъ“; изъ черной стали были сдѣланы „хаджи“, то-есть, два ножа подъ копейцомъ (чтобы непріятель не могъ ухватиться рукой за пикю). Пика была воткнута съ правой стороны юрты за ея поясъ; отъ пики до небесъ свѣтъ горѣлъ, внизъ по землѣ было сіяніе.

Ножны у ножа были обложены слоновою костью, сами сдѣланы изъ дерева дзандынъ; на нихъ было тридцать-три черточки, три тысячи гвоздочка; имя ножу было Гульджинъ Цаганъ хутуху. Съ черня и острія летѣлъ огонь; изъ ядовитаго моря былъ взятъ матеріалъ для него. Въ восемь рядовъ онъ складывался; 83 сгиба было у него.

На правой сторонѣ огнива золотой рисунокъ бабочки (эрбекэ), на лѣвой—серебряный. Внутренній бокъ огнива (обращенный къ сумкѣ) изъ ледяной стали, внѣшній изъ настоящей стали; крышка у сумки (улубчи) — какъ верхняя покрыва юрты (дэбирь). Въ сумкѣ былъ, какъ застывшая кровь, кремень и трутъ по имени Тургюнъ-шари; „тэкъ“ (или прицѣпокъ, брилокъ, закладываемый за поясъ) былъ изъ серебряной головы двухлѣтнаго верблюденка въ настоящую величину.

Сѣдло было составлено изъ ставокъ изъ дерева дзандынъ, „вычимы“ (вожаная покрывка на подсѣдельные потники) изъ слоновой кожи, задняя лука изъ дерева агыръ дзандынъ, передняя изъ дерева угюръ-дзандынъ. Полицы у сѣдла изъ твердаго дзандына оправлены серебромъ; по оправѣ серебряные обручи. У сѣдла 66 подпругъ, 66 подтягъ. Какъ сѣдловина на Хангаѣ, такое было его черное сѣдло. Въ кольцо узды четырехлѣтній верблюдъ пройдетъ, а въ удила трехлѣтній; изъ самаго чистаго серебра набрана узда, обротъ изъ черной шелковой тесьмы „хамджакъ“. Поводъ въ тридцать сажень длиной, въ три ряда сплетенный изъ кожи козули

¹⁾ Кудурь-кабарга.

(гурунъ) перевить золотомъ. Черень у плети изъ дерева „дзягды“ убранъ серебромъ и золотомъ; петля (салдыргы) изъ шеи козули (гурунъ); самъ черень изъ чернаго звонкаго (гунышъ) дерева. Плетъ выплетена изъ 40 бычьихъ шкуръ; внутрь ея засыпано три мѣшка песку. Колечко на чернѣ съ годовика-верблюденка. Имя плети было „Мангытъ-хара плетъ съ череномъ изъ дерева Ихинъ-Чихинъ“.

Изъ пестрой „хамбу“ черношелковый лабашекъ ему скронта премудрая мать, а теща (удма еджи) сложила; швецъ (най тархынъ) выстежилъ, Наджи тархынъ сшилъ; сто-восемь женъ восемь мѣсяцевъ стежили, шесть хорошихъ женъ пуговицы пришили, петли примѣтали.

Крѣпкіе красные штаны были сдѣланы изъ ста-шести бычьихъ шкуръ, ошкуръ изъ шести бычьихъ шкуръ.

Бѣлобородый старикъ пастухъ (ах сахал эбуген адучи) съ сѣдою бородою по колѣна протянулъ дзель (канать для привязыванія кобылицъ) на длинномъ зеленомъ лугу, поставилъ свою бѣлую юрту наравнѣ съ горой Орду-Цаганъ дверью на востокъ, осѣдлалъ мухортаго коня Аргуя, подкованнаго золотыми подковами и съ крикомъ и свистомъ пригналъ сто тысячъ пѣгихъ и двѣсти тысячъ коурныхъ кобылицъ; пѣгихъ и коурныхъ жеребятъ онъ по шерстамъ разбиралъ, бралъ за морды и надѣвалъ на нихъ оброты; вырвавшихся жеребятъ онъ всѣхъ переловилъ и перевязалъ. Отъ вершины рѣки Джинтыръ-Наймынъ до ея устья онъ на дзель навязалъ жеребятъ, чтобы посмотрѣть на лицо и сравнить ростъ. У всѣхъ одна походка; косички на вискахъ (халха усюнъ) почти до земли висать. Двадцать - пять дѣвушекъ брали по ведру и шли донть кобыль; на помощь имъ шли такого же возраста двадцать-пять молодцовъ. Кумысъ (чигәнъ) стоитъ въ архытѣ, какъ озеро Цайлимъ-Цаганъ; архытъ былъ такой, что десять тысячъ человекъ не могли пошевелить его, десять тысячъ туменей было на немъ колець (шиширге). Краснаго (то-есть, коровьяго) кумыса также было наготовлено. Была выкопана дзуху (яма вмѣсто очага), и запахъ отъ варенаго кобыляго мяса разносился по степи.

Ханъ-Сайнъ отецъ и Хатынъ-Сайнъ мать говорятъ сыну: „Собери своихъ худыхъ и добрыхъ подданныхъ и угости“. Въ большую грубу

*

затрубили, стариковъ собрали; въ малую трубу затрубили, молодыхъ собрали. Тринадцать дней гласъ трубъ малыхъ и большихъ по всему царству раздавался. Восьмидесятидѣтніе старики и восьмилѣтнія дѣти не остались дома; безконные пришли пѣшкомъ, больные были привезены; восьмилѣтнія и десятилѣтнія ребятишки ловили дивихъ жеребятъ, сѣдлали, и ѣхали на нихъ. Изъ кошуна женщины и дѣти везли на десяти тысячахъ верблюдовъ кумысъ въ архытахъ изъ слоновой кожи. На двадцатый и пятнадцатый день дальніе доѣзжали до ханской ставки; караванъ съ кумысомъ остановили за полдня до ставки, и отсюда къ ставкѣ слуги послали кумысъ на себѣ. Когда люди собрались, отецъ Гуннына сказалъ: „Къ счастливому и богатому чиновные и хорошіе люди собираются, а ко мнѣ всѣ и худые и хорошіе собрались. Отворите мою ургу!“ Почетные старики съ праваго боку передняго мѣста сѣли, старыя и молодыя знатныя женщины съ лѣваго бока передняго мѣста сѣли, а молодежь и дѣти у дверей въ три ряда. Съ пригонъ величиною мѣдный (кулюр) котель былъ наваренъ краснаго чая; разлитъ былъ этотъ чай въ большія домбы (жбаны) изъ краснаго дзандына; въ желто-золотыя багбыры (чаши) была насыпана мука съ ароматомъ дерева агри, положено масло и золотыя ложки. Престарѣлые люди до поту чай пили; старыя и молодыя люди чай пили; остатки докончили слуги. Архытъ, который не могли сдвинуть десять тысячъ человѣкъ, бѣлобородый старикъ пастухъ (ах сахал збуген адучи) поставилъ въ колѣни и сталь разливать (кумысъ?). Семьдесятъ - пять молодыхъ людей только могли поднять, такую серебряную чашу наполнили и выносили прыскать (цатса), а потомъ подавали всѣмъ гостямъ старымъ и молодымъ. Послѣ перваго вина другая красная чашка изъ дзандына съ семьдесятю ручками, не поднимаемая и семьдесятю человѣками, была налита виномъ тамъ арза и поднята всѣмъ гостямъ. И справа, и слѣва сѣдящіе всѣ были обнесены. У стариковъ вино текло по усамъ, у молодыхъ сало текло по пальцамъ. Во время этого пира не замѣтили, что солнце двадцать-пять разъ всходило и закаталось; двадцать-пять сутокъ за день показались. Охмѣлѣвшіе старики спорили о сказкахъ и пѣсняхъ и копали другъ другу пальцами глаза; охмѣлѣвшія старыя и молодыя женщины расхвастались или своимъ рукодѣлемъ или самими собою;

подъ порогомъ сидѣвшіе, охмѣлѣвъ, спорили и ножами протыкали другъ другу ягодицы.

У Гунына кудри назади колышались, косички (орбюллэ) впереди развѣваются; снявъ съ себя баринтыкъ (халатъ) и положивъ на плечо, онъ началъ играть въ бабки; игралъ онъ сорока бабками (сахы) отъ аргали ¹⁾, металъ (харбаджи) онъ сорока бабками отъ огулдзы ²⁾. Отецъ Ханъ-Сайнъ и мать Хатунъ-Сайнъ выпили по семидесяти красныхъ чашекъ и остановились пить. Отецъ и мать говорятъ своимъ подданнымъ: „Люди, вдали живущіе, о нашемъ сынѣ слышали, близко живущіе его видѣли. При этомъ нашемъ пирѣ нужно сдѣлать его съ косою!“ Всѣ общество отвѣчало: „Царская рѣчь справедлива! Подождемъ только отсутствующаго сановника Джигенъ-Джилъбинъ-Хара“.

Джигенъ-Джилъбинъ-Хара съ двумя „кя“ пошевеливался, поворачивался и наконецъ пріѣхалъ. Онъ сѣлъ впереди всего общества на восьми албыкахъ (подушкахъ), опершись руками на тушельгы (подкладки). Подали ему чай въ бѣлосеребряной чашкѣ, налили вина въ серебряную чару; на четырехъ углахъ ея налѣпили по куску масла величиною съ быка и подали чашку Джилъбину. Джилъбиновы кя взяли Гунына съ улицы въ баринтыкъ, подвели его въ Джилъбину и поднесли серебряныя ножницы. Джигенъ-Джилъбинъ-Хара принялъ ребенка, попробовалъ вино, помазалъ имъ и масломъ въ четырехъ мѣстахъ голову ребенка, остригъ волосы и сказалъ: „Отецъ и мать, четыреста,-сорокъ болѣзней и триста-шестьдесятъ бѣдъ-напастей пусть срѣжутся, какъ срѣзались эти волосы“ ³⁾. Все общество провозгласило, кто какъ могъ, славу и непобѣдимость Гунына. Оставили ему тѣбикъ (оселедецъ) величиною съ огнище; шесть женъ сановниковъ шесть дней чесали тѣбикъ рѣдкимъ гребнемъ, восемь женъ сановниковъ восемь дней приглаживали тѣбикъ частымъ гребнемъ. Къ косѣ привязали бодыгъ, который небесная дѣва (окторгон хуухун) Онцо-Гериль-хатынъ много лѣтъ ткала, Санылъ-Хани хуухунъ Гургюмъ-Гоо восемь-

¹⁾ Аргали—каменный баранъ, самба.

²⁾ Огулдзы—самецъ той же породы животного.

³⁾ Здѣсь мы опускаемъ другія части благословія, сказаннаго Джилъбиномъ, такъ какъ онъ остались безъ перевода.

десять-восемь узелочковъ на пемъ завязала; въ хорошій день сампи сплела и завязала, въ счастливый день обрвняла, въ справедливый день довершила. Изъ крученаго чернаго шелку бодыгъ въ широкой, какъ рѣка Хобдо, косѣ привязали; висти на оба плеча пали.

Въ этотъ хорошій и славный день надѣли на него досѣхи. Желѣзный племъ днемъ горѣлъ какъ солнце, ночью какъ мѣсяцъ; надѣвъ его, Гунынъ сѣлъ на восемь албыковъ. Крѣпкіе (сайн) сильные смотрѣли ему въ колѣни, слабые во вземы ступней: глаза его горѣли, какъ черные угли. Порѣшили посадить его на коня. Бѣлобородому старику пастуху (ах сахыл эбуген адучи) велѣли привести коня, чтобы Гунынъ могъ въ этотъ счастливый день взѣхать на горы, увидѣть долины и проложить слѣдъ.

Пастухъ Ахъ-сахалъ-Адучи былъ старъ, и выпивъ семьдесятъ-пять чашекъ вина, обезсилѣлъ, но сказалъ: „Все-таки для вашего сына я изловлю коня“. Пастухъ завилъ свою огромную бороду, заложилъ ее за пазуху, взялъ семидесятиколѣнный урукъ съ семидесятью- семью ремнями, сѣлъ на мухортую лошадь Аргуй съ золотыми подковами и поѣхалъ вверхъ по рѣкѣ ловить коня. Темногнѣдой конь Хангиль-Таши бѣгалъ по самой серединѣ табуновъ изъ пѣгихъ и коурыхъ лошадей, распустивъ хвостъ и поднявъ голову. За мѣсяцъ онъ слышалъ пастуха, за день зачуялъ, за полдня на видъ взялъ. Сталъ Ахъ-сахалъ-Адучи подѣвзгать, повернулъ Хангиль-Таши на востокъ и убѣжалъ изъ виду. Адучи поѣхалъ шагомъ; отъ бѣга Хангила подѣлались ямы. Адучи приходилось то спускаться въ ямы, то въѣзжать на бугры. Алтай съ тринадцатю перевалами миновалъ, на высокій, какъ птица тась, черный перевалъ Шоронги выѣхалъ и увидѣлъ Хангила; онъ казался малъ какъ пауть, а пыль отъ него стояла до неба. Пастухъ говоритъ своему коню: „Если ты его не догонишь, четыре твои копыта отрублю“. Конь ему отвѣчалъ: „Если ты его не поймашь, твой десять пальцевъ зубами изжую“. Пастухъ Ахсахылъ Адучи подумалъ: „Конь въ силѣ до десяти лѣтъ, человекъ до сорока лѣтъ, мнѣ уже пятьдесятъ лѣтъ. Конь мой крѣповъ, догонить, а я старъ; какъ я его поймаю“. Заплакалъ бѣдняга (кѳркэй). Подтянулъ онъ пятнадцать подпругъ, снова сѣлъ и смотреть, куда убѣжалъ Хангиль; его конь Аргуй туда же смотреть. Пастухъ видитъ гору, а конь

смотреть ближе. Взялъ Адучи урукъ, усѣлся въ сѣдло, какъ вбитый гвоздь, ударилъ коня справа три, съ лѣваго бока шесть разъ; тогда конь малыя горы перешагивалъ, на большія горы наступалъ, потряхивался, переваливался (ухын дабага алхад уйтун дабага кишкяд эдзин товар бѣджин тюшед эбрин товар бѣгюн джурелед), головой моталъ, съ сѣдла (сѣдока) потягивалъ; удила съ громомъ грызъ, каменистое мѣсто въ мелкій камень разбивалъ, яры равниной дѣлалъ, пески въ плотный камень сбивалъ, гдѣ съезживался—въ наперстокъ былъ, гдѣ растягивался—въ ремешокъ становился. Хвостъ и грива гребнемъ стояли, токумъ чуть изъ-подъ сѣдла не вылеталъ, Ахъ-сахылъ-Адучи отъ выпитаго вина чувствовалъ въ пальцахъ силу, зубы стиснулъ и губы сжалъ. На старый слѣдъ нападаетъ—видитъ, что конь еще далеко, на новый слѣдъ нападаетъ—чувствуетъ близость коня. Взялъ Хангила на видъ, разчитываетъ, что онъ въ тринадцати дняхъ, и видитъ: песокъ подъ нимъ камнемъ становится, огромныя камни въ щебенъ дробятся, изъ-подъ копыта летятъ камни на день ѣзды. Отъ четырехъ копытъ его слышенъ громъ, какъ отъ четырехъ бизующихъ быковъ. Огромную гоби ¹⁾ Хай тебѣ кругомъ обѣжалъ, ее же поперекъ пересѣкъ, бѣль ²⁾ горы Ганджуръ-Цаганъ всю пробѣжалъ, непроходимыя займища и бѣль горы Арсланъ-Цаганъ пробѣжалъ, всю гоби Албынь-Цаганъ пробѣжалъ, по берегу моря Анымъ-Хара-талай кругомъ обѣжалъ, загналъ Хангила въ займище Мергентъ-Шары-Тогой. Но Хангиль-Таша вновь вырвался и съ правой стороны горы Гэлигъ-Арыкба - Чильтумъ - Тунджиръ - Инсыкъ-Ганъ-ола бѣлью убѣжалъ Пастухъ билъ своего коня до самаго мяса; и у сайра ³⁾ Кельгиръ-Сайханъ Аргый догналъ Хангила. Набросилъ на него петлю пастухъ и урукъ бросилъ; воткнулся урукъ въ землю отвѣсно и задрожалъ. Хангиль натянулъ арканъ; пыль изъ-подъ него стоитъ—какъ отъ тысячи табуновъ; ногами, какъ сохой, землю вспахиваетъ. Старикъ Адучи и его конь Аргый изъ всѣхъ силъ упираются. Хангиль, попавъ на арканъ, еще больше сердится. Аргый такъ упирался, что отъ каменистой почвы обезноживать началъ. Онъ говоритъ

¹⁾ Гоби—равнина.

²⁾ Бѣль—плоская подошва горы

Сайръ—сухое русло рѣки.

пастуху: „Я догналъ коня, и ты поймалъ его; но теперь меня нѣтъ болѣе силы; во рту у меня сухо, ноги обезножили. Ты—человѣкъ; какою-нибудь хитростью удержи его, а моихъ силъ болѣе нѣтъ“. Слѣзъ съ коня Адучи, потащилъ его Хангилъ черезъ горы, черезъ гоби, черезъ озера. Взмолился Адучи Богу. На вершинѣ бѣли была сопка; пастухъ завернулъ за нее ремень. Ремень натянулся и оборвался. Оглянулся пастухъ и видитъ пыль: то догоняетъ его конь Аргнй. Пастухъ сказалъ ему: „Ты не бросилъ хозяина, не далъ ему умереть въ гоби! У меня въ рукахъ остался только обрывокъ ремня“. Поправилъ коню чолку, погладилъ его слѣва, слѣзъ; какъ бѣлая лисица бѣжитъ Хангилъ, беркутомъ несется Ахъ-сахылъ-Адучи. Догналъ онъ Хангила до мѣста, гдѣ земля съ небомъ сходится, и гдѣ живетъ Ханъ-Гариде. Ухватился онъ за оборванный конецъ ремня, подтянулъ коня къ себѣ и говоритъ: „Сколько служилъ хану, не доводилось еще доѣзжать до конца міра! Видно суждено мнѣ обучить коня для царевича!“ Набросилъ на Хангила сѣдло и сѣлъ на него; Хангилъ полетѣлъ, какъ пуля изъ ружья; бьетъ задними ногами. На двадцать-шестой день по выѣздѣ возвратился Адучи на Хангилъ, какъ на смиромъ конѣ. Беретъ въ руки урукъ, пересаживается на своего коня Аргны и подѣзжаетъ къ ханской ургѣ. Былъ тутъ камень Тѣасъ-хара-чило, на немъ росло дерево дзандынъ, а кругомъ росли малые дзандыны; Адучи привязалъ Хангила къ дереву, стреножилъ его и вошелъ въ юрту. Гунынъ спросилъ его: „Поймалъ ли коня?“ Старикъ Адучи отвѣчалъ: „Никогда еще такаго страху не испытывалъ!“ Выпилъ чашку водки и говоритъ Гунынъ: „Пятнадцать лѣтъ служилъ твоему отцу, сѣрый жеребецъ со ста кобылами сталъ жеребцомъ съ тысячей кобылъ, рыжій жеребецъ со ста кобылами сталъ жеребцомъ съ тысячей кобылъ. Этого жеребенка я тебѣ сберегъ!“ Сказавъ это, онъ легъ спать.

Гунынъ вышелъ, увидѣлъ коня, и захотѣлось ему посмотрѣть хошунъ, съѣздить на гору. Вернувшись въ юрту, онъ вынулъ изъ ящичка хадакъ, поднесъ его отцу съ матерью вмѣстѣ съ кумысомъ и сказалъ, что не будетъ болѣе жить здѣсь, а поѣдетъ: „Хоть и съ шапку тучка, а и изъ той бываетъ дождь; изъ большой же тучи бываетъ ливень; изъ горсти закваски въ архнтѣ заводятся вино. Я родился отъ васъ, хорошихъ родителей; я сильный богатырь. По-

ѣду на югъ—кто мнѣ долженъ, съ того взыщу; кто зло сдѣлалъ моимъ предкамъ, тѣмъ отомщу“. Родители говорятъ: „Славный сынъ нашъ, ты росъ въ нѣгѣ, какъ кумысъ въ архытѣ! Отправляешься въ дальній путь, а людей хорошо не знаешь, нашъ несчастный Гуннычъ-Настай-Мекеле“ (хайран Гуннычъ Настай Мекеле минн)! Родители продолжаютъ упрашивать: „Какъ вѣтеръ въ полѣ, таковъ одинокій человекъ! Нѣтъ у тебя ни братьевъ, ни сестеръ! Проживи еще годъ у насъ“. Гуннычъ отвѣчалъ родителямъ: „Если молодецъ задумалъ, да не сдѣлалъ, лучше умереть ему. Если дерево дзандынъ надломилось, лучше бы совсѣмъ упало!“ Родители думаютъ: „Надо его обмануть!“ И говорятъ они Гуннычу: „Когда ты родился, одинъ лама сдѣлалъ намъ такое предсказаніе: не отпускайте его на третьемъ году, отпустите его только на четвертомъ; только въ такомъ случаѣ изъ него выйдетъ непобѣдимый богатырь“. И потомъ родители велѣли тайкомъ снять узду съ коня и отпустить его. Гуннычъ вышелъ, увидалъ, что конь отпущенъ, ни слова не сказавъ, вновь вошелъ въ юрту и началъ безъ счету пить вино изъ чаши, которую семьдесятъ человекъ не могли поднимать и подносить гостямъ. Гости сказали ему ѳрѳль (благословеніе): „Если поѣдешь, будь счастливъ! Тысячу мангысовъ раздави подъ стремянемъ, десять муджи раздави на ладони“. Гости развѣхались. Мекеле заснулъ:

Въ самое старое время на западѣ (арын нарын шинкуху джюнопуткай), въ землѣ Замбы-Теби хозяинъ всей земли родился, въ седьмомъ вѣкѣ побѣдитель семи царствъ родился! Родился тотъ, который долженъ проглотить съ головой богатыря Доломъ-Хатына. Три колѣна боговъ Теди-Гучинъ-Ханъ-Хурмусту воевали съ нимъ и не могли побѣдить; три Теди-Гучинъ-Ханъ-Хурмусту громомъ поражали его, но не могли убить (Теди Гучун Гурбу Хан Хурмусту Гурбу тахиджи аюнго буулгад эгат орхисѣ); земной Лусы-ханъ огнемъ хотѣлъ его пожечь, но напрасно; онъ синевѣлымъ камнемъ дѣлался, быкомъ-чернымъ-камнемъ (ухыр хара чило) дѣлался.

У сына Харидая, богатыря Хатычъ-Хара-Хурмукина (Харидани кумун) было десять туменей бѣшенныхъ (олдзу) богатырей да двадцать туменей пьяныхъ (сокту) богатырей и черногѣдая лошадь по имени Дзанъ-Хаясынъ. Въ самое старое время, на сѣве-

ро-востокъ въ странѣ Хайръ-Чидуръ родился обладатель десяти туменей, богатырь Кійтынъ Зеби, на синесѣрой (хох боро) лошади по имени Килпъ ¹⁾.

Хара-Хурмукинъ пошелъ войной на Кійтынъ-Зеби; онъ убилъ его и его блистающую какъ солнце жену, Нарынъ-Хуукунъ-Наглынъ-Хоо отвелъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ десятью тысячами его подданныхъ; онъ выкопалъ восьмидесяти-саженную яму и закопалъ въ нее убитаго Кійтынъ-Зеби. Харъ-Хурмукинъ не велитъ своимъ пьянымъ и бѣшеннымъ богатырямъ развѣзаться по домамъ, беретъ жену Наглынъ-Хоо за правую руку, вертитъ ее и говоритъ „Что я слышалъ! Будто ты знаешь впередъ за три года и назадъ за три года! Скажи, въ которую сторону мнѣ ѣхать, съ какимъ богатыремъ сразиться, и гдѣ болѣе достать добычи“. Наглынъ-Хоо вспомнила, что Кійтынъ-Зеби, передъ отправленіемъ на войну, заказывалъ ей, что на востокѣ у него есть меньшій братъ Гунынъ-Настай-Мекеле; ей жаль было выдать молодаго родственнаго богатыря, и она не сказала. Но у нея былъ ребенокъ, котораго она родила уже въ плѣну, такъ какъ была захвачена беременною; родивъ ребенка, она спрятала его въ желѣзную люльку и украдкой кормила. Вспомнивъ о ребенкѣ, она подумала: „Если провожу Харъ-Хурмукина въ походъ, ловчѣе будетъ кормить ребенка“. И она сказала Харъ-Хурмукину, что на востокѣ есть богатырь Гунынъ-Настай-Мекеле. Хара-Хурмукинъ догадался, что она имѣетъ сына, нашелъ желѣзный ящикъ (то-есть, люльку), разбилъ его и хотѣлъ убить ребенка. Наглынъ-Хоо подставила тогда свою шею и сказала ему: Развѣ вша убиваютъ ножомъ? Развѣ богатырю не стыдно убить младенца? Образумься! Если это мальчикъ, и если я вскормлю его, онъ будетъ тебѣ пасти табуны и собирать аргысъ (топливо изъ навоза); если дѣвица, она будетъ доить коровъ и выносить золу“. Хара Хурмукинъ собралъ своихъ десять тысячъ бѣ-

¹⁾ Разкащикъ пояснилъ, что Кійтынъ-Зеби былъ старшій братъ Гунына, что оба они были сыновья Тэнгри-хана, и что всѣхъ сыновей у Тэнгри-хана было трое: Кійтынъ-Зеби, Китынъ-Арсланъ и Ирнъ-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле; послѣдній былъ самый младшій. Дальнѣйшимъ текстомъ это поясненіе подтверждается.

шенныхъ и двадцать тысячъ пьяныхъ богатырей и спросилъ ихъ: „Послушаться ли этой плѣнной бабы?“ (олды дайрсын эмь). „Твоя воля!“ отвѣчали богатыри. „Впрочемъ“, сказалъ Харь-Хурмукинъ, — „какой вредъ мнѣ можетъ сдѣлать этотъ ребенокъ!“ Поѣхалъ Харь-Хурмукинъ противъ Мекеле, взявъ своихъ богатырей; десять тысячъ бѣшенныхъ богатырей ѣдутъ по одну сторону, двадцать тысячъ пьяныхъ богатырей ѣдутъ по другую, а самъ Харь-Хурмукинъ ѣдетъ по серединѣ. Послѣ его отъѣзда, Наглингъ-Хоо приложила своего ребенка къ груди, и глядя по головѣ, говорила: „Ты, невинный младенецъ, не знаешь, что твоего отца убилъ Хара-Хурмукинъ и меня взялъ въ плѣнъ. Если ты счастливъ, то твой дядя убьетъ Харь-Хурмукина, а не то онъ будетъ убитъ; на третьемъ году я посажу тебя на коня Харалы-Харь-Гадзына, и поѣздай ты вслѣдъ за Харь-Хурмукиномъ“.

Харь-Хурмукинъ высокія большія горы (ундюр ихі ола) переваливаетъ, бесплодныя сухія гоби переѣзжаетъ, солнечный жаръ ему не мѣшаетъ, сухой вѣтеръ и буранъ его не держатъ, большія моря не останавливаютъ. На востокъ держать свой путь Харь-Хурмукинъ. На гладкомъ его конь не скользитъ, на кругломъ не спотыкается. Годъ за мѣсяцъ, мѣсяцъ за день проѣзжаетъ. Черно-гнѣдой конь Дзанъ-Хайсанъ бѣжитъ, протанувъ голову, сорокъ бѣлыхъ зубовъ стиснувъ, желѣзными стременами брякая. Отъ Харь-Хурмукиновыхъ длинныхъ, какъ растущій на горахъ тонкій лѣсъ, стрѣлъ вѣтеръ вслѣдъ ему струится. Десять туменей бѣшенныхъ богатырей и двадцать туменей пьяныхъ богатырей по сторонамъ ѣдутъ. Послѣ того, какъ семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ прошло, и семь ночей онъ проночевалъ, доѣхалъ онъ до верхушки горы Эрдени-Торъ-Хара-ола, стоявшей на краю Гуныновой родины (нотук). Выстроились богатыри на вершинѣ горы рядами; увидѣли они съ горы Гуныновъ нотукъ. Увидѣли озеро Цайлюръ-Цаганъ-норъ; мысъ Синибѣлой скалы (Ценки-цаганъ-хата) обозначился, сто тысячъ рѣкъ засинѣлись; мысъ горы Будумылъ-Дзандынъ-ола сталъ видѣнъ, гора Хохъ-Дзандынъ-ола засинѣлась; стали они различать голубей (кугульджирны), стали слышать голоса гусей и ангировъ. Деревья „гандигаръ“ колеблются, кукуетъ (донгудад) кукушка, трава „хуху дзюльгунъ“ колышется. Лѣтомъ разныя птицы поютъ, весной цвѣты растутъ, все радуется. Видно было лѣтовку, обросшую зелеными

деревьями. Съ горъ, съ восьми сторонъ восемь аршановъ протекли и соединились съ рѣкой Хитынъ-Хуху-голь. Хатынъ-Хара-Хурмукинъ три дня стоялъ на вершинѣ горы и разсматривалъ нотукъ Гунына-Мекеле. Десять туменей бѣшенныхъ и двадцать туменей пьяныхъ богатырей говорятъ ему: „Когда мы ѣхали, то голоду и холоду, жару и сухости натерпѣлись. Что же стоишь, насъ держишь и не ѣдешь сражаться?“ „Я ѣздилъ“, отвѣчалъ имъ Харь-Хурмукинъ,— „по всему лицу земли, а не видалъ такого прекраснаго мѣста, какъ эта гора Крюнъ-Дзандынъ-ола, облегающая лѣтовку. Это не гора, а желѣзная крѣпость. Я слышалъ объ ней только отъ своей плѣнной бабы. Онъ (Гунынъ) еще никуда не выѣзжалъ и теперь спитъ; я думаю, какъ къ нему приступить! Я теперь догадываюсь, что плѣнная баба съ умысломъ меня сюда проводила; у ней было на умѣ меня погубить, а ребенка своего на свободѣ вскормить. Онъ (Гунынъ) спитъ; если наѣдемъ съ войной на спящаго, намъ не честь! Пусть проснется. А мы обратимся домой и убьемъ сначала плѣнную бабу, а потомъ снова приѣдемъ. Онъ же къ тому времени проснется“.

Спустились съ горы. Ходятъ Гунынъ-Мекелевы табуны. Они пытались въ теченіе трехъ дней объѣхать табуны слѣва, въ теченіе другихъ трехъ дней объѣхать справа, цѣлый день старались насквозь пробиться и не могли. Богатыри говорятъ Харь-Хурмукину: „Мы семь дней были; у насъ запасъ вышелъ; убьемъ скотъ“. Убили семьдесятъ кобылъ, наклали, какъ гору, костеръ, нажгли углей съ цѣлое поле и жарили мясо на шашлыкахъ. Поѣхали они далѣе; которое мѣсто ранѣе въ мѣсяцъ проѣзжали, теперь ѣхали полгода. Конь Хангиль-Ташя сначала не догадывался, что табуны отгоняютъ, а не пасутъ; потомъ догадался и подумалъ: „Мой хозяинъ спитъ и остался безъ коня; проснувшись, онъ долженъ будетъ взять узду и идти пѣшкомъ“. Онъ превратился въ жеребенка и легъ, будто усталъ. Но Хатынъ-Хара-Хурмукинъ узналъ его и своею черною плетью Мангырь такъ сильно билъ его, что мясо, кости и кожу врознь разъединилъ и гналъ жеребенка четыре года. Пригнали табуны на Елистынъ-дабанъ (Песчаный перевалъ); Хангиль-Ташя сдѣлался пескомъ. Харь-Хурмукинъ закололъ семидесяти-четырехлѣтнихъ и семидесяти-пятилѣтнихъ кобылъ, снялъ съ нихъ шкуры рукавомъ, насыпалъ въ эти мѣха весь песокъ съ

перевала, и сказавъ: „Повезу песокъ запрудить рѣку Хальха-голы!“ положилъ ихъ на Дзанъ-Хаясына, на сѣдло и поѣхалъ. Еще четыре года гнали табуны и пригнали къ Дзось-дабану (Охриюму перевалу). Хангиль-Таша обратился въ дзось (охру). Харь-Хурмукинъ песокъ изъ мѣховъ высыпалъ, насыпалъ ихъ охрой, опять поѣхалъ. Еще гнали табуны четыре года; пригнали въ таковой непроходимый лѣсъ, что комаръ не можетъ протиснуться; Хангиль-Таша сдѣлался синимъ мараломъ и ускачилъ въ лѣсъ. Тогда Харь-Хурмукинъ велѣлъ и снизу, и сверху пустить огонь. Когда огонь сталъ доходить до Хангила, онъ обратился въ жирнаго сурка (тарбаган) и ушелъ въ сурью нору; Харь-Хурмукинъ обратился въ длиннохвостаго хорька (курюню) и влѣзъ въ нору. Сурокъ выскочилъ въ другой отноровъ, сдѣлался тридцатисаженною рыжею лисицей Курунгай (курунгай шар унюгу) съ трехсаженнымъ хвостомъ и побѣжалъ; Харь-Хурмукинъ сдѣлался тридцатисаженною чернубурою сукой (улакчин) съ трехсаженнымъ хвостомъ и погнался за лисицей. Алтай онъ обѣжалъ кругомъ двадцать-четыре раза, Хангай обѣжалъ кругомъ двадцать-три раза, у перевала Амгаинъ-Цаганъ-котель сталъ догонять. Хангиль-Таша изъ лисицы обратился въ чернополосаго (хара ирень) коршуна и полетѣлъ къ Ханъ-Тэнгри. Тогда Хара-Хурмукинъ принялъ свой настоящій видъ, схватилъ лука Далай-шаръ-Чохуръ-номынъ, со звономъ наложилъ на него стрѣлу Тансыкъ-хара-сумынъ, натянулъ лука на всю ручную сажень; лукъ сгибается во всю его гибкую способность; судорога тянетъ шею у Хара-Хурмукина, пяты его ушли въ землю, грудь въ судорогѣ, лопатки одна за другую зашли, желудокъ подтянулся, коренные зубы стиснулись, во рту завоняло отъ сухости, большой и указательный палецъ какъ иглой затывало; распухли они съ баранью голову, и потекла алая кровь изъ нихъ. Концы лука сошлись вмѣстѣ; при закатѣ краснаго солнца началъ тянуть, на восходѣ краснаго солнца опустилъ и говорить: „Хоть ты подъ синія облака улетѣлъ, но я тебя не отпущу, хоть ноги отшибу!“ Отпустилъ стрѣлу; лукъ прозвенѣлъ: танг! стрѣла прозвенѣла: джин! и улетѣла; она отшибла Хангилу переднія ноги по колѣна, заднія по щетки. Упалъ конь, семьдесятъ логовъ попережъ закрылъ своимъ тѣломъ. Харь-Хурмукинъ, обратившись къ своимъ богатырямъ, сказалъ: „Теперь Гунинъ-Настай Мекеле безъ коня; коня не нужно и доби-

вать; пусть онъ мучится.“ Конь поднялъ голову, три раза проржалъ и остался на мѣстѣ.

Мекеле пробудился и говорить отцу и матери: „Какъ долго я спалъ и какой дурной сонъ видѣлъ, будто Харъ-Хурмукинъ пришелъ на гору Эрдени Торъ-Хара-ола, угналъ всѣ наши табуны и убилъ моего коня. Еслибъ онъ всѣхъ подданныхъ угналъ, не было бы такъ жалко, какъ коня“. Выходить Гунынъ-Мекеле въ своемъ баринтыкѣ изъ юрты, влезить на лѣстницу и смотреть. Табуновъ не видать; надѣлъ онъ штаны, спитые изъ шкуръ ста быковъ, взялъ трубку и пришелъ на то мѣсто, гдѣ ходили табуны; видѣнъ былъ только богатырскій слѣдъ. Пошелъ Гунынъ-Мекеле этимъ слѣдомъ. Гдѣ Харъ-Хурмукинъ ѣхалъ четыре года, Гунынъ-Мекеле сдѣлалъ только четыре шага и пришелъ на переваль, гдѣ Хангиль-Таша лежалъ, обратившись жеребенкомъ; тутъ онъ все узналъ, что сдѣлалъ Харъ-Хурмукинъ, осердился, зубы стиснулъ, глаза его разгорѣлись, какъ угли. Подоткнувъ полы баринтыка, онъ въ четыре шага дошагнулъ до Елистынъ-дабана; тутъ онъ увидѣлъ убитыхъ кобылъ; дошелъ до Дзосъ-дабана, увидѣлъ, что охра была забрана, понялъ все, сѣлъ, заплакалъ и сказалъ: „Я погибаю за то, что не послушалъ своего отца и матери и былъ пьянъ. Хотя бы мнѣ увидать кости своего коня, и тогда я разрубилъ бы Харъ-Хурмукина на десять частей, всѣхъ его подданныхъ и лошадей забралъ бы и своимъ подданнымъ отдалъ бы на съѣденіе.“ Въ три шага онъ дошелъ до сожженнаго лѣса; отъ пней еще дымъ идетъ. „Что это значитъ?“ думаетъ Гунынъ; — „здѣсь былъ большой лѣсъ, а теперь его нѣтъ“. Взошелъ на гору Дзандынъ-ола, сѣлъ, вынулъ трубку, огниво, табакъ и закурилъ. „Какъ я буду искать коня?“ думаетъ онъ; — „дай я крикну, не донесется ли до него мой голосъ?“ Крикнулъ. Камни съ горы посыпались, земля затряслась, и до ушей Хангила голосъ хозяина, какъ стрѣла, долетѣлъ. Конь раскрылъ ротъ и заржалъ. Камни посыпались, земля затряслась, море всколебалось. Мекеле вскочилъ и камнемъ скатился съ горы; онъ искалъ коня и внизу у Гурбы Огульзуда, искалъ и вверху у Найманъ-Цигистай! Увидѣлъ онъ огромную сопку: „Дай,“ — думаетъ, — „взойду на нее и посмотрю“. А эта сопка и былъ его конь. Прибѣжалъ Мекеле, обнялъ шею коня и упалъ въ безпамятствѣ. Конь сказалъ ему: „Ты родился мнѣ хозяиномъ, а я тебѣ конемъ. Никогда ты

меня до поту не пачиваль, къ дзандынъ-дереву не привязываль, ключевою водой не павиваль, въ зимнее время подножнымъ кормомъ не кармиваль, сѣдла на меня не накладываль. Зачѣмъ ты пришелъ? Ты посмотрѣль бы на мои ноги“. И Хангиль выхватилъ у Мекеле изъ мягкаго мѣста мяса съ чашку величиной. Посмотрѣль Мекеле на ноги коня; ихъ нѣтъ; изъ ранъ текутъ ключи и внизу засыхаютъ; кровью коня напитались лисицы и волки; которые изъ нихъ сидятъ подъ камнями, которые—подъ деревьями. Нашель Мекеле обрубки ногъ, вколотилъ ихъ въ землю; разъ попробоваль поднять коня, поднялъ до колѣнъ; еще разъ приподнял, поднялъ по бедра; еще приподнял, и поднялъ по поясъ. Тогда онъ поставилъ коня на обрубки и вынулъ „бѣлое лѣкарство“; настоящимъ бѣлымъ лѣкарствомъ помазаль—кожа и мясо наросли къ полудню; сладкимъ бѣлымъ лѣкарствомъ помазаль—срослись ноги къ закату, и конь выдернулъ свои копыта изъ земли. Изъ косматой его гривы Гунынъ-Мекеле выдернулъ восемьдесятъ-восемь прядей, изъ сорока прядей сдѣлаль стремяна, изъ сорока-восьми—узду съ чумбуромъ. „Если ѣхать домой за сбруей“, думаетъ онъ,—то Харь-Хурмукинъ уѣдетъ далеко; за нимъ вслѣдъ ѣхать, дослѣховъ нѣтъ“. Однако рѣшилъ догонять Харь-Хурмукина. Онъ вырваль три листовницы, которыя росли у высокой горы на бѣли, и ударилъ коня по правому боку; конь побѣжалъ. Гдѣ Харь-Хурмукинъ четыре года ѣхаль, онъ четыре шага дѣлаль. Гунынъ-Мекеле спрашиваетъ коня: „Когда били тебя и стрѣляли въ тебя, не говорили ли, далеко ли ихъ ногуеъ?“ Конь сказалъ: „Если сказать, какъ говорятъ въ сказкахъ, съ сверкающими синими глазами, съ сгорбленою спиной, съ хохлатымъ лбомъ, съ толстою нахмуренною головой, съ орлинымъ полетомъ, съ серебрянымъ носомъ, съ полосатопестрыми крыльями, съ пятью эрдене на надхвостѣ (эрдене таби котунтай), съ прямымъ двѣнадцатиперымъ хвостомъ, отъ спины къ хвосту тонкій, въ груди широкій, быстрый, прекрасный беркутъ въ три года можетъ туда долетѣть“.

Сталь бить Мекеле своего коня по лѣвому боку, конь малня горы между ногъ пушаль, по большимъ шагаль. Сталь Мекеле бить его по правому боку, конь полетѣль стрѣмой; подъ ногами у него какъ будто дуль утренній вѣтеръ. Только гдѣ-гдѣ онъ привасался къ горамъ. Поднялся онъ повыше черныхъ горъ, пониже синяго неба.

Пятнадцать дней Мекеле шелъ пѣшкомъ; пятнадцать дней лѣчилъ коня; десять дней ѣхалъ на немъ, и взялъ на видъ нотукъ Харъ-Хурмукина. Харъ-Хурмукинъ былъ въ это время въ двухъ дняхъ отъ своего дома. Мекеле опередилъ его, спустился на высокую гору и крикнулъ; Гучинъ Гурбу Гурбустевъ-ханъ услышалъ его голосъ и сказалъ: „Сколько наши предки боролись съ Харъ-Хурмукиномъ и не могли его поборотъ. Теперь Гучинъ Мекеле былъ безъ коня и догналъ его; нужно ему помочь. Нужно дать на каждую ногу десяти туменей пѣгихъ и двадцати туменей коурныхъ лошадей по десяти туменей чириковъ“. Когда пѣгіе и коурные кони услышали голосъ Мекеле, они повернули назадъ; десять туменей пѣгихъ лошадей затоптали десять туменей бѣшеныхъ богатырей, а двадцать туменей коурныхъ лошадей затоптали двадцать туменей пьяныхъ богатырей. Гора насыпалась изъ труповъ богатырей, и огромное озеро крови налилось. Харъ-Хурмукинъ стоитъ и дивится. Мекеле сосчиталъ коней; восьмидесяти-восьми кобылъ не досчитался. Выхватилъ онъ десять деревьевъ, девять изъ нихъ заткнулъ за поясъ, одно взялъ въ руку и поскакалъ къ Хара-Хурмукину. Подскакавъ къ нему, взялъ всѣ десять деревъ за вершины и говоритъ: „Если ты—сильный богатырь, побѣждай моихъ небесныхъ предковъ и дусовъ, моихъ земныхъ предковъ; ты крадучи угналъ мои табуны лошадей и моего коня, какъ волкъ ягненка у овцы. Ты не богатырь, а воръ, черная собака (Хулахай чи хара нохой)!“ Ударилъ онъ Харъ-Хурмукина сзади по головѣ, комки деревъ отлетѣли прочь. Затуманилась голова богатыря, поверотилъ Харъ-Хурмукинъ коня къ Мекеле: „Кто ты, чьихъ отца и матери, куда и зачѣмъ поѣхалъ?“ Мекеле отвѣчалъ: „Отправляясь изъ дому, куда ты ѣхалъ, у кого угналъ табуны? Ты безумный (монку) самъ знаешь. Хотя у меня нѣтъ всѣхъ доспѣховъ, но есть отъ отца и матери ростъ и сила; ими я развѣдаюсь съ тобою“. Хара-Хурмукинъ сказалъ: „Ты молодой человѣкъ не можешь говорить такіа рѣчи. Хотя ты безъ узды и сѣдла въ старой худой шубѣ пріѣхалъ, но видно, что ты дородный богатырь. Я съ тобою теперь не сражусь, а наступитъ время, когда намъ прійдется сражаться: тогда сражусь“. Харъ-Хурмукинъ думаетъ: „Сразу не нужно его сердить, а сначала нужно развѣдать его силу“. И говоритъ онъ: „У тебя во рту спеклось, ты пить хочешь, заѣзжай напиться чаю. Если у насъ споръ,

на полѣ послѣ разберемся. Или ты ѣдешь отплатить за своего старшаго брата или увидѣться съ нимъ?“ Мекеле сказалъ: „Ѣду отплатить за своего брата, если онъ убитъ, а если живъ, то повидаться съ нимъ.“ Харь-Хурмукинъ разсердился, стиснулъ зубы, ударилъ коня и ткнулъ Мекеле пикой въ правое ребро; три локтя пика прошло насквозь. Три года они бѣжали; пика сидѣла въ Мекеле. Мекеле сталъ выходить изъ силъ, далекіе предметы не могъ уже разглядывать, голова затуманилась. Онъ думаетъ: „Я родился у отца и матери въ аилѣ, а умереть доводится на степи; послушаться бы мнѣ отца, матери, не пить вина, не спать бы долго“. Степь стала желтѣть въ его глазахъ. Онъ подумалъ: „Не буду сердить Хара-Хурмукина, а спрошу его.“ „Я догналъ тебя“, сказалъ онъ ему, — „и откровенно сказалъ, что я пріѣхалъ отплатить за брата. У меня нѣтъ ни узды, не доспѣховъ. Тебѣ это не въ честь, — безоружнаго трехлѣтняго мальчишку проткнулъ пикой и гонишь три года. Это все равно, что поссорившіяся бабы ножницами другъ друга тычуть“. Харь-Хурмукинъ говоритъ: „И дѣйствительно“, это мнѣ не честь“. Выдернулъ пикую; кровь не канула изъ раны. „Поѣдемъ въ ратное поле“, сказалъ Харь-Хурмукинъ. И они поѣхали на горную бѣлу. Отъ злости у Харь-Хурмукина изъ крыльцевъ и у его коня изъ хвоста пламя летѣло; у Мекелеева коня изъ-подъ четырехъ ногъ какъ степной пожаръ идетъ, а отъ сережета зубовъ молнія сверкаетъ. Дорогой богатыри играютъ и стаскиваютъ другъ друга съ сѣдла. Доѣхали до мѣста, слезли съ лошадей, Харь-Хурмукинъ спялъ съ коня сѣдло, съ себя шлемъ, какъ бѣлую сопку, стрѣлы приставилъ къ камню; вынулъ изъ-подъ токумовъ шаровары, спитыя изъ трехъ тысячъ бычьихъ шкуръ, и надѣлъ на себя. Мекеле снимаетъ шелковый баринтыкъ и кладетъ на землю, кладетъ серьгу величиной съ верблюденка, обвертываетъ полу вокругъ головы.

Харь-Хурмукинъ превратился: изъ его темени вылетѣло пять орловъ; изъ плечъ вышло съ громомъ по двадцати-одному лу, изъ шеи огромная змѣя къ небу поднялась, изъ живота разныхъ цвѣтовъ змѣи вышли и обвили его; по поясу восемь лусовъ опоясали; грудь стала огромною, ближайшія сопки загорѣлись отъ него огнемъ. Мекеле превратился: въ его крыльцахъ стало семьдесятъ лусовъ, вдоль пояса явилось семьдесятъ Ханъ-Гариде, на головѣ

Очирвани, на лбу Махагаль, на вискахъ образъ Шахджимиини; десять его пальцевъ стали ядовиты. Сайнъ-Гальбинъ-Мингинъ бурхынъ охранялъ его; его черные глаза съ сорока-четырьмя жилами стали какъ два угля, и не обращаясь назадъ, видѣли, что есть сзади.

Когда Харъ-Хурмукинъ увидѣлъ образъ Очирвани, сердце его упало. Два богатыря разѣзжались, огромную степь кругомъ обѣгали, изъ-за горы другъ друга высматривали, на гладкомъ мѣстѣ останавливались, земляныя кочки руками срывали; когда стали сходиться, красно-коричневыми стали, взялись руками, сдѣлались подобными бодающимся порозамъ и дерущимся бурâ (верблюдамъ-самцамъ). По лопатѣ мяса рвали другъ у друга изъ плечь, по котлу мяса рвали изъ рукъ. На горѣ Амганъ Цаганъ котель два крѣпкіе мужа, два тамговые богатыря (тамгату батыр) кружатся, какъ птицы илз, ходять, какъ птицы дудаеъ (дрофа). Какъ вѣчный свѣтъ на горахъ не ставваетъ, такъ стояли они неподвижно. Какъ громъ грянулъ, они схватились другъ за друга. Когда они крикнули: ай! Алтынъ-телье пошевелилась; когда они врыгнули: ой! земля (орун замбы тиб) ¹⁾ потряслась. Гдѣ была вода, тамъ стало сухо; гдѣ было сухо, стала вода. Каменные скалы разсыпались щебнемъ, лиственничный лѣсъ весь выломался. Въ задорѣ они не замѣчали, что камни сыпались чрезъ ихъ руки, какъ песокъ. Пятнадцать дней проборолись, смекая ухватки другъ у друга. Черезъ двадцать-пять дней начали догадываться, какъ сронить противника. Двадцать-пять дней боролись, и не могли другъ друга побороть, восемьдесятъ-пять дней боролись, не сходя съ мѣста. На плечахъ отъ борьбы мяса не стало, пальцы обезмясли. Два крѣпко рожденные тамговые богатыря не могутъ побороть другъ друга. Мекеле и Харъ-Хурмукинъ просятъ Бога о помощи. Мясо на нихъ стало наростать, такъ что въ одежду не вмѣщается. Сынъ Хардая (Хардани кубун), Хатунъ Харъ-Хурмукинъ, ухватился одною рукой за шаровары Мекеле, другою за его шею, подлилелъ ногой и поставилъ Мекеле теменемъ на землю. Мекеле сказалъ: „Хоть ты и съ злою силой уронилъ меня, но я еще на тебя не сержусь“. Мекеле вскочилъ, какъ бул хара чило (колесо-черный-камень) и

¹⁾ Джамбудиппа?

какъ разъяренный быкъ. Мекеле взялся одною рукой за шаровары Харь-Хурмукина, другою за его шею и поставилъ его теменемъ на землю. Три вѣка (уѣ) бился Харь-Хурмукинъ, не могъ выбиться изъ-подъ Мекеле; восемьдесятъ разъ Мекеле надавливалъ колѣномъ на грудь Харь-Хурмукина, изъ носу и изъ рта пошла у него кровь. „Если ты можешь биться, то бейся“, говоритъ Мекеле;— „если хочешь мириться, то сказывай“. Харь-Хурмукинъ говоритъ: „Я двѣнадцать разъ прошелъ по всей землѣ, сколько я богатырей побѣдилъ, но этихъ словъ не высказывалъ; теперь выскажу ихъ тебѣ. Нѣкогда я погубилъ семь богатырей; семь ихъ женъ говорили мнѣ: Ты погибнешь отъ трехлѣтнаго ребенка, и кровь свою передъ нимъ прольешь и ему взмолишься. Правду они говорили; теперь тебѣ сказываю. Хочешь убить, убей; хочешь помиловать, помилуй“. Мекеле придавилъ его колѣномъ, но убить его было не чѣмъ; такъ и держитъ, не зная, какъ быть. Хангиль-Таши выдернулъ ножъ изъ ноженъ и принесъ хозяину. Замахнулся Мекеле и говоритъ: „Ты, молодой человекъ, не совѣмъ зло сдѣлалъ. Я еще только жить начинаю. Вставай!“ Злой Харь-Хурмукинъ отвѣтилъ ему: „Со сколькими богатырями я боролся, не просилъ у нихъ прощенія, и у тебя, мальчишки, не буду! Хочешь рѣзать, такъ рѣжь“. Гунинъ Мекеле сказалъ: „Если дѣйствительно тебѣ жены семи богатырей говорили то, что ты сказалъ, то будешь ты у Ерлика, зло на меня не думай“. И Мекеле тридцати-саженнымъ ножомъ отрубилъ Харь-Хурмукину голову; голова отлетѣла, а туловище забилось на мѣстѣ. Мекеле снялъ грудь, положилъ ее на камень и обратился къ Гучинъ-Гурбу-Гурбустенъ-хану съ словами: „Вы сколько лѣтъ боролись, не могли побѣдить Харь-Хурмукина; должно быть вашею силой я убилъ его! Приношу вамъ это мясо!“ Съ неба прилетѣли тридцать-три ворона, истребали тѣло Харь-Хурмукина и вновь поднялись на небо.

Гунинъ Настай Мекеле собралъ доспѣхи Харь-Хурмукина; сложилъ востеръ съ цѣлую гору, огнище сдѣлалъ въ цѣлую степь и сжегъ доспѣхи Харь-Хурмукина. Двѣ лошади Гуннинова и Харь-Хурмукинова въ это время стояли привязанныя къ двумъ деревьямъ и такъ выхудѣли, что кости ихъ торчали изъ кожи, какъ острія, и глаза впали. Гунинъ Мекеле хотѣлъ заколоть Харь-Хурмукинову лошадь, да и жалко было губить хорошую лошадь. Онъ

•

думаетъ: „Отпустить ее на свободу—въ дорогѣ будетъ плохо, отвести въ табунъ—табуну будетъ не хорошо“ (гэмтэй). Порѣшилъ убить ее, зажмуривъ глаза. Вынулъ ножикъ, у котораго черенъ изъ слоновой кости, ножны изъ дерева дзандынъ, на ножѣ тридцать-три полоски, три тысячи гвоздиковъ; имя ножу Гульджинъ-цаганъ (гибкій бѣлый ножъ). Этимъ ножемъ онъ прокололъ коня въ сердце. Такъ какъ это была первая побѣда Мекеле, то онъ сожегъ лошадь Харъ-Хурмукчина въ жертву Дэды-Гучинъ-Гурбу-Гурбусту.

Мекеле сѣлъ на своего Хангиль-Таши безъ сѣдла и поѣхалъ въ нотукъ Харъ-Хурмукчина. Пробѣжалъ онъ годовое пространство; на встрѣчу ему несется вихорь. Мекеле думаетъ: „Кто это ѣдетъ? Братъ ли, сынъ ли Харъ-Хурмукчина?“ Двухъ-лѣтній паренъ верхомъ на Харалы-Хара-Халдзынъ, въ рубашкѣ изъ чернаго шелка, съ сине-желтыми (ценкир шари) волосами, которые рассыпаются по спинѣ, держитъ въ рукѣ копые въ сто сажень длиной и бѣжитъ, роняя искры и поднимая пыль. Подбѣжавъ къ Мекеле, онъ представилъ свое копые къ синевѣлому сердцу и спрашиваетъ: „Чей ты сынъ и кто ты? Откуда ѣдешь и куда? Безъ сѣдла на лошади ѣдешь, эльмиръ! Безъ узды на лошади ѣздишь, эльмиръ! Чей ты сынъ и кто ты, подвязавшій ширеунецъ (монцыкъ) подъ горло лошади?“ У Гунынъ-Мекеле подъ шеей лошади была подвязана голова Харъ-Хурмукчинова коня. Мекеле отвѣчалъ: „Я убилъ Харъ-Хурмукчина и ѣду въ его Хардаевъ нотукъ (Хардани нотукъ). Ты зачѣмъ меня спрашиваешь? Я Ерень-Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле!“ Двухлѣтній паренъ заплакалъ: „Я—сынъ Кійтынъ-Зеби на синесѣрой лошади Кійлибъ; Нарыны Куукюнъ Нагылынъ Гоо—мать моя. Хардаевъ сынъ Харъ-Хурмукчинъ убилъ моего отца, полонилъ всѣхъ моихъ подданныхъ, взялъ въ плѣнъ мою мать. Моя мать сказала мнѣ о однородномъ моемъ дядѣ Гунынѣ, что онъ уѣхалъ на войну; она послала меня на Харалы-Хара-Халдзынъ посмотреть, живъ ли онъ или убитъ“. Сказавъ эти слова, мальчикъ въ слезахъ упалъ съ лошади. Мекеле слѣзъ съ коня, взялъ мальчика на колѣни, отеръ грязь съ его рта и понюхалъ въ обѣ щеки. Мекеле велѣлъ ѣхать ему впередъ къ матери: „Обрадуй ее, скажи, что я ѣду“! сказалъ Мекеле.

Двухлѣтній мальчикъ, пріѣхавъ домой, слѣзъ съ лошади и говорить матери: „Готовъ урюмъ и чай, ѣдетъ мой дядя Иринъ-

Сайнъ-Гунынъ-Настай-Мекеле“. Приѣхаль Мекеле, слѣзь съ коня, наполниъ его и отпустилъ, а самъ вошелъ въ юрту; его встрѣчаютъ сынъ Кійтына Зеби съ чашкой въ рукѣ; увидала его Наголынъ-Гоо, узнала его, заплакала и сказала: „Не знала я, живъ ли ты!“ Три дня они праздновали.

Мекеле говоритъ снохѣ (бэргэн): „Я двадцать-пять лѣтъ не видѣлъ своего дома, родители мои стары, хочу ихъ посмотрѣть. Собирайте и вы весь свой народъ и вмѣстѣ поѣдемъ на мою родину“. Двухлѣтній мальчикъ и его мать говорятъ: „Ты убилъ Харь-Хурмукчина; мы войдемъ въ твой улусъ. Дзюбъ! (да будетъ!)“ Мекеле погналъ народъ Харь-Хурмукчина со скотомъ и собаками; двухлѣтній мальчикъ поѣхаль въ свое старое царство и объявилъ, что онъ со своимъ народомъ поѣдетъ въ потукъ Мекеле. Харь-Хурмукиновъ народъ заплакалъ, думая, что онъ на новомъ мѣстѣ сгинетъ; народъ Кійтынъ-Зеби кочеваль съ радостью, какъ на свою родину. Подобно восьми чернымъ рѣкамъ гналъ Мекеле народъ; тонкая пыль къ небу поднимается. Харь-Хурмукинова отца Хардая заставили собирать аргысынъ и пасти скотъ; Харь-Малджинъ-Гоо-хатынъ заставили коровъ доить и золу выносить. Серебро и золото навьючили на верблюдовъ, для Наголынъ-Гоо запрягли телегу. Широкое ихъ царство поѣхало, пыль къ небу поднимается. Высокую гору перевалили, широкую гоби пересѣкли, Альбинъ-цаганъ-гоби пересѣкли, гору Арслынъ-цаганъ перевалили. Года ѣдутъ, мѣсяца ѣдутъ. Наймынъ-Кійтынъ-Хара-гоби (восемь холодныхъ черныхъ гоби) пересѣкли, гору Наджиръ-Хара перевалили, къ горѣ Алтанъ-Шатà приѣхали. Гунынъ-Настай-Мекеле сказалъ двухлѣтнему мальчику: „Ты эти два улуса провожай, а я черезъ эту гору перевалю, съѣзжу къ отцу, къ матери и оповѣщу ихъ. Ты же убю мѣстность мимо проходи, а въ круглыхъ мѣстахъ ночуй“ ¹⁾ На пять годовъ впередъ Мекеле уѣхаль, достигъ до горы Эрдене-Торхула, взѣхаль на нее и посмотрѣлъ на свой потукъ: трава не топтана, воды не взмучены (убюсун сэрмунъ усун тонгылык); дома заросли травой, сумэ лежитъ въ развалинахъ. Когда подѣхаль Мекеле ближе, изъ домовъ къ нему на встрѣчу высочили волки и лисицы, изъ сумэ вылетѣли вороны (жерэ шибо). Приѣхаль

¹⁾ То-есть: узкія долины мпчуу, въ котловинахъ переночевывалъ.

онъ къ своему дому, отпустилъ лошадь и вошелъ въ свой домъ: харачи (верхній кругъ) сѣлъ, вещи разбросаны. „Что же мнѣ отецъ и мать оставили“? думаетъ Мекеле, — письмо или закуску? „Увидалъ очагъ; подъ его ножкой болтолого онъ нашелъ свареннаго барана (бокцетей боро прик); если ѣсть его, на вкусъ словно аргасунъ (коровій сухой пометъ). Другую ножку хатынъ-тогого поднялъ, нашелъ въ мѣшкѣ (бѣрби) налитое молоко матери, ставшее вкусомъ, какъ вода. Подъ ножкой нойонъ-тогого онъ нашелъ письмо въ пожелтѣвшемъ футлярѣ. Въ письмѣ Мекеле прочиталъ такія слова: „Когда ты, Гуньнъ, уѣхалъ, черезъ семь дней послѣ твоего отъѣзда десять туменей (алычут) пѣгихъ лошадей и двадцать туменей саврасыхъ лошадей назадъ пришли. Послѣ того черезъ семь дней съ востока, гдѣ солнце всходитъ, куда лошадь Ерень (ерен морин) не достигаетъ, птица Элэ не долетаетъ, лошадь Туруту не добѣгаетъ, птица Турукъ не долетаетъ, изъ такой дальней стороны, куда быстрый прекрасный беркутъ съ сверкающими синими глазами, съ сгорбленною спиной, съ хохлатымъ лбомъ, съ толстою нахмуренною годовою, съ огромнымъ полетомъ, съ серебрянымъ носомъ, съ полосато-пестрыми крыльями, съ прямымъ двѣнадцатиперымъ хвостомъ, отъ спины къ хвосту тонкій, въ груди шпрокій, только въ три года долетаетъ (тюльбун ценкир вюдутей тунджир менгун хоншортей эрень цокур шанхуртай тюргур урю талтай эрбес гаксын урюльгетей улюн мангын тогогойтей туулуи гардэн дэвилгетей бэль кусэр нарихэн экце арбын хонр сюльтей тиме сайхан бергут шибо гурбу гуучжад гурбан джил болод курху коло потуктай), изъ той-то стороны пришли пять братьевъ: на бурорыжей лошади Талынъ Элькинъ Хара, родившейся изъ камня, девяносто-пяти-головый Хара-Мангьсь, на сивой лошади Дѳринкэ сорока-пяти-головый Дѳнонъ Хара-Мангьсь, на сивой лошади Гуньнъ тридцати-пяти-головый Гуньнъ-Хара-Мангьсь, на сивой лошади Хо двадцати-пяти-головый Хотогаръ Хара-Мангьсь и на рыжей лошади Аля пятнадцати-головый Атгаръ-Хара-Мангьсь; пришедши, они безчисленный народъ въ плѣнъ взяли (гунъ ики турѣчи олдзылад), трехугольныя большія фанзы разбили (гургульджин ики байшинъ балбылад), все царское родство плѣнили (хан ики туречп олдзылад), всѣ плоскія большія фанзы разбили (халтагай пви байшин балбылад), ханьшу, мать твою, и хана, отца

твоего, со всѣмъ подданствомъ, забравъ руками, въ торокахъ увезли. Твой сѣдло и доспѣхи мы положили въ пещеру на горѣ Ценкяръ-Цаганъ-Уланъ; черный ковшъ изъ дзандына (зандына хара сабыл), принадлежащій твоему царю-отцу, съ правой стороны сѣдла положили, кэрэсъ (память, сувениръ) твоей царицы-матери, сливки (алтын шари урук) золотисто-желтыя, надвоенныя въ черный бурдюкъ ¹⁾ Хатысын (Хатысын хара бѳрбѳ), съ лѣвой стороны положили. Ты, нашъ сынъ, въ добромъ здоровьѣ прїѣзжай съ побѣдой! Пять мангысовъ имѣютъ такую силу: если вверху летитъ птица, не уйдти ей—поймають; если внизу бѣжитъ звѣрь, не утечъ ему—поймають; къ востоку близко, отъ сѣвера далеко увезены Хара-Мангысами твой отецъ и мать. Осѣдай, Иринъ Сайнъ Мекеле, коня своимъ сѣдломъ, отыщи насъ, убей пять Мангысовъ. Твой отецъ и мать положили четки за пазуху. Такой войны мы еще не видали, любезный нашъ Мекеле (хайрын турэксин Гунын Настай Мекеле минн). Твой царь-отецъ и твоя царица-мать двадцать-пять лѣтъ уже какъ въ рукахъ у Хара-Мангыса. Теперь мы тебя будемъ ждать пять лѣтъ, а если пройдетъ больше и тебя не дождемся, то на деревѣ задавимся“.

Гунынъ Мекеле, прочитавъ письмо, заплакалъ, положилъ письмо, сѣлъ на коня Хангиль Ташия и поѣхалъ къ сѣдлу; сѣдло и доспѣхи нашель въ не испорченномъ видѣ и обрадовался; сѣдло узда, ружье, садакъ, цакиусъ витязя (ерь кумын), все было цѣло „Ржавчины нѣтъ“, думаетъ Мекеле, — „и я одержу побѣду надъ Мангысами“. Мекеле отвязалъ отцову чашку и матерно молоко; молоко налилъ въ чашку и три дня пилъ и плакалъ. Конь Хангиль-Ташия человѣческимъ голосомъ сказалъ ему: „Ты будешь хорошимъ мужемъ, не забудь! Ты моимъ хозяиномъ родился, а я еще раньше тебя для тебя родился! На меня еще сѣдла не кладено, въ лѣсистыхъ мѣстахъ (хангай) я еще не бѣгивалъ, черныя воды не перебѣгивалъ, траву не топталъ, въ большихъ войнахъ не бывалъ, крѣпкаго острія не испыталъ, копье въ моей крови не застывало. Крѣпко рожденный мой, Гунынъ-Настай-Мекеле! Въ черномъ логу сидя, зачѣмъ черныя глаза свои надсажаешь плачемъ? Зачѣмъ не ѣдешь отца-царя и мать-царицу выручать отъ Хара-Мангысовъ?“

¹⁾ Бѳрбѳ — мѣшокъ изъ ноги животного.

Желтыя копыта мои уже отросли. Теперь пяти дней нельзя пропустить! скорѣе поѣзжай!“ Мекеле связалъ: „Твое слово вѣрно! Когда я увидѣлъ гэрэсъ отца-царя и матери-царицы, у меня изъ глазъ ключомъ полились слезы, красная, какъ иньчжурь-элькинъ, печень сама опустилась“. Съ этими словами Мекеле положилъ чашку (сабыл) и молоко (урук) опять въ ту пещеру, гдѣ лежало сѣдло, и сталъ сѣдлатъ коня и надѣвать доспѣхи. Онъ надѣлъ на лошадь черношелковую обротъ по имени Хамджакъ и потомъ, пригнувъ уши и наморщивъ мясо на щекахъ коня, заложилъ ему за уши узду съ бляхами (тулюк) величиной съ четырехлѣтняго верблюда, съ удилами съ трехлѣтняго верблюда и съ серебряною насѣчкой. Подъ шею привязалъ пятьдесятъ тысячъ колокольчиковъ. Такъ-тикъ на черношелковыхъ лентахъ. На черную спину Хангыль-таши, какъ на горный переваль, положилъ сѣдло. Какъ степь, великіе бѣлые токумы, скатанные шестью человекѣми изъ шерсти ста быковъ, положилъ на спину, подобную горному перевалу. Деревяга у сѣдла изъ дерева зандынь, покрывка у токумовъ изъ слоновой кожи; задняя лука изъ дерева агиръ, передняя лука изъ дерева урюкъ зандынь. Шестьдесятъ-пять подпругъ съ лѣвой стороны и шестьдесятъ-пять подтяжекъ съ правой стороны туго подтянулъ, патфію, усаженную шестидесяти-пятью золотыми бляхами (шикширге) наложилъ. Черенъ у плети изъ дерева дзегде оправленъ мѣдью и серебромъ; петля на черенѣ изъ кожи звѣря гуронъ; черенъ изъ дерева гуныша, плетешокъ сплетенъ изъ кожъ сорока быковъ, внутрь плети заложено тридцать бычьихъ шкуръ и всыпано три мѣшка песку; пуговка на плети изъ серебра „шархылъ“ величиной съ верблюда; имя плети—Ихэнъ-Уихэнъ-ишитай Мангытъ-хара-малы. Поводья изъ золота „джоръ“ прицѣпилъ къ уздѣ, заложилъ за переднюю и за заднюю луку и привязалъ къ торокамъ; потомъ, нагнувъ дерево зандынь по имени Нарынъ-Замбы, привязалъ къ нему коня Хангыль-Таши. Черный лабашакъ Мекеле сваялъ и положилъ, надѣлъ рубаху изъ лебяжьего пуха (улбу) и перьевъ и изъ перьевъ и пуха гусей; лицо рубахи изъ чернаго шелка, подкладъ изъ снѣга шелка. Сверху надѣлъ колычугу съ семидесятью пуговками, подбитую бѣлою ватой, съ острыми, какъ бритва, налокотниками (тохойбчи), съ четырьмя толи (калхабчи) на груди и

на спинѣ. Шлемъ былъ великъ, какъ бѣлокъ; днемъ отъ него шелъ свѣтъ какъ отъ солнца, ночью какъ отъ мѣсяца; въ верхушкѣ шлема Мекеле прикрѣпилъ харыра (длинный шестикъ ¹⁾); откинулъ въ сторону забрало (халхабчи); тридцать-три лу, изображенные на шлемѣ, блестятъ, какъ огонь. Завинтилъ онъ три тысячи винтиковъ, надѣлъ шлемъ на голову и туго его натянулъ. На свои широкія, какъ рѣка Кобдо, лядвен онъ надѣлъ красные штаны, сдѣланные изъ ста бычьихъ хребтовъ со сдержкой (бѣлкѣ) изъ шести бычьихъ шкуръ. Потомъ надѣлъ сапоги, которые шли нѣсколько туменей чириковъ. Потомъ взялъ множество садаковъ, подобныхъ листовничному лѣсу (ар харагай), и сто-саженную пилку съ краснымъ копьцомъ.

Отвязавъ поводья изъ тороковъ, Мекеле вступилъ въ тяжелыя серебряныя стремяна, нажалъ на пяти-ременное путлице, сѣлъ въ сѣдло, взялъ въ правую руку черную плеть Мангытъ и поѣхалъ на востокъ. Какъ будто полный мѣсяцъ выплываетъ на небо, ѣдетъ Мекеле; какъ цвѣтокъ атыръ-гадзыръ, онъ покачивался; Хангиль-Таши иноходью бѣжить; безъ ховайскаго понуканья своею охотой бѣжить. Перевалъ Ухунъ-дабанъ ступью пробѣжали; Уйтунъ-дабанъ малою рысью конь пробѣжалъ; головой игралъ, въ грудь себя покалачиваетъ; головой подергивая, на широкую бѣлую грудь слюну набиваетъ; длинная грива развѣвается; ноги растапулъ, голову поднялъ, вотъ, вотъ порветъ уши у стремянъ! Крѣпкія булатныя удила со звономъ грызетъ. Затылокъ (ял) у коня какъ горный хребетъ, на которомъ могутъ разбѣжаться два марала трехлѣтній и четырехлѣтній; на крупѣ два верблюда-самца могутъ бѣгать и играть. Чолкой конь хлыщеть по небу. Высокую гору перевалилъ, широкую гоби переѣхалъ, восемь холодныхъ черныхъ гоби переѣхалъ, черную гору Наджиръ перевалилъ, Альбинъ-Цаганъ-гоби переѣхалъ, гору Арсланъ-Цаганъ-Ола рысью перевалилъ, разбивая камень въ щебень, черные и красные камни выравнивая, какъ ладонь. Косогоромъ бѣжить конь, камни сыплются внизъ; отъ его храпа деревья турувъ-зандынъ падаютъ на пространствѣ, которое глазомъ можно охватить. Отъ колчана

¹⁾ Карвара—у Киргизъ называется филиново перо, привязываемое къ шапкѣ.

вѣтеръ стоитъ, отъ пыли земля и небо помрачились. Сорокъ бѣлыхъ зубовъ оскалпвъ, бѣжитъ конь; стремена звѣнать, изъ-подъ копытъ искры шипать, грива съ стороны на сторону переваливается, топотъ отъ золотыхъ копытъ слышенъ и вверху, и внизу.

Пятьдесятъ-пять лѣтъ Мекеле не видался съ отцомъ. Въ пять лѣтъ онъ пріѣхалъ въ нотукъ пяти черныхъ Мангысовъ. Онъ говоритъ своему коню: „Я не зналъ, что ты такой сильный, не зналъ и своей собственной крѣпости“. И велѣлъ ему еще сильнѣе бѣжать. Взявъ дзада (дождетворный камень), сдѣлалъ вѣтеръ и вмѣстѣ съ нимъ полетѣлъ впередъ. Хангиль Таша на полдня еще прибавилъ бѣгу. Звукъ отъ копытъ Хангила черныя Мангысы услышали за пять лѣтъ до его прибытія, и говорятъ промежь себя: „Со стороны солнозаката (арды нарын шиньугу удзюгес) идетъ вѣсть отъ четырехъ копытъ. Къ намъ не кому пріѣхать; развѣ Мекеле изъ своего нотука ѣдетъ. Поѣдемъ ему на встрѣчу и не допустимъ до нашей границы, зарубимъ!“ Поѣхали. Хангиль Таша говоритъ: „Думая и соображая, поѣзжай! Къ тебѣ на встрѣчу ѣдутъ пять Мангысовъ“. Мекеле сказалъ: „Я радъ, что они ѣдутъ на встрѣчу. Я поѣхалъ искать ихъ, а они сами ѣдутъ. Бѣги во весь махъ, а я ихъ всѣхъ перерублю!“ Хангиль Таша помчался. Мекеле взялъ семисаженный мечъ, сіяющій, какъ зеркало, и разомъ отсѣкающій головы у семидесяти тысячъ человекъ, и погладилъ его семь разъ по своему бедру. Пятнадцати-головый Мангысъ встрѣтился ему на вершинѣ горы Аръ-Хангай; топотъ отъ него столбомъ вилась, пятнадцать головъ торчмя стоятъ; десять головъ Мекеле просто отрубилъ, пять головъ въ видѣ зюльду ¹⁾ вырубилъ и бросилъ, какъ камни, черезъ гору. Еще годъ ѣзды проѣхалъ; на вершинѣ горы Хойту-Хангай ѣдетъ двадцати-пяти-головый Мангысъ на саврасой лошади Хо; пыль стоитъ столбомъ отъ него; Мекеле двадцать головъ просто отрубилъ, изъ пяти зюльду сдѣлалъ, лошадь на двадцать частей разрубилъ и забросилъ за Аръ-Хангай. Еще годъ ѣзды пространство проѣхалъ, на вершинѣ горы Гурбольджинъ-Хангай увидѣлъ пыль столбомъ; то ѣхалъ тридцати-пяти-головый Хара-Мангысъ на сивой лошади Гуньнъ. Мекеле тридцать головъ просто срубилъ, пять головъ въ видѣ зюльду вы-

¹⁾ О зюльду см. выше, стр. 90.

рубиль, лошадь на тридцать частей разрубилъ и перебросилъ все черезъ гору Гурбэльджинъ-Хангай. Еще годъ ѣзды пространства проѣхалъ, увидѣлъ пыль столбомъ на вершинѣ горы Дурбюльджинъ-Хангай: то ѣхалъ сорока-пяти-головый Хара Мангысъ на лошади Дѳнѳнъ; Мекеле сорокъ головъ просто срубилъ, пять головъ въ видѣ зюльду вырубилъ, лошадь на сорокъ частей разрубилъ и перебросилъ черезъ Дурбюльджинъ-хангай. Мекеле не пьетъ ихъ крови, не ѣстъ ихъ мяса, ѣдетъ впередъ. Хангилъ-Таша отъ крови сталъ красный. Еще годъ ѣзды пространства проѣхалъ, увидѣлъ на вершинѣ великой черной горы копоть отъ девяностопяти головаго Эдеръ-Хара Мангыса, ѣдущаго на буро-рыжей лошади Дагненъ. Мекеле три раза рубилъ его, но не могъ зарубить. Ткнулъ своимъ сто-саженнымъ копьемъ ему въ грудь, и оно назадъ отскочило. Эдеръ-Хара-Мангысъ вынулъ чернобулатный мечъ и разсѣкъ Мекеле и его лошадь пополамъ. Мекеле сказалъ: „Ха, ха!“ И двѣ половины снова срослись. Копьями и саблями они сражались цѣлый годъ, но другъ друга одолѣть не могли. Они говорятъ другъ другу: „Вотъ ужъ годъ, какъ мы сражаемся, но безъ послѣдствій. Поборемся безъ оружія одною тою силой, которую мы получили отъ отца, матери“. Слѣзли съ лошадей, разошлись, сняли кольчуги, остались въ однихъ шараварахъ и пошли другъ другу на встрѣчу. Мекеле расправилъ свои шаровары, спиття изъ ста бычьихъ кожъ; Мангысъ на своихъ бѣлыхъ бедрахъ расправилъ шаравары, спиття изъ десяти тысячъ бычьихъ лбовъ. Два богатыря борятся, какъ ладонь, кочки сравниваютъ, краснымъ-краснѣхоньки стали, какъ порозы, косятся, какъ буря, плечами толкаются, кожу другъ съ друга срываютъ, мясо клочьями рвутъ. Отъ вздоховъ Алтынъ-Дэляхъ: ахъ! золотой паръ идетъ; отъ вздоховъ ея: охъ! деревья качаются. Зло и сердце у богатырей такое, что схватятъ камень, сдавятъ между пальцами—сокъ пойдетъ. Мокрое мѣсто высушиваютъ, горы степью выравниваютъ, лѣсное мѣсто выкарчиваютъ, скалистое мѣсто разламываютъ. Пятнадцать дней борятся, никто никого не можетъ поборотъ и разойтись не думаютъ. Двадцать дней борятся, никто ни кого не можетъ поборотъ и разойтись не думаютъ. У обоихъ ляшки, какъ рѣка Кобдо, разстолстѣли, соски, какъ горы, вздулись. Девяносто-пяти-головый Эдеръ-Хара-Мангысъ отъ борьбы еще сильнѣе становится, а бѣд-

нага (хайрэн) Мекеле слабѣтъ. Девяносто-пяти-головый Мангысь взялъ Мкееле черезъ голову за поясъ (ардан ачин ардад), и бросилъ на землю; Мекеле вывернулся и всталъ на ноги. Мекеле взялъ Мангыса черезъ голову за поясъ и бросилъ на землю; Мангысь черною своею силой, какъ черный камень, вывернулся. Конь Хангиль-Таша былъ созданъ изъ семидесяти одного хубильгана; одинъ хубильганъ отдѣлился, пошелъ къ лошади Хара-Мангыса, вывязалъ изъ торокъ ремень, изъ человѣческой кожи, приблизился къ Мекеле и прошепталъ: „Мангысь силенъ; тебѣ его не побѣдить. Его смерть далеко. Вотъ сначала свяжи его этимъ ремнемъ и потомъ поѣзжай за его душой“. Мекеле закинулъ ремень, задернулъ петлю, когда Мангысь вступилъ въ нее ногой, уронилъ и связалъ его. Какъ только Мекеле связалъ Мангыса, Мангысова лошадь, сбивъ сѣдло, побѣжала на востокъ сообщать душѣ Мангыса объ опасности. Хангиль сбросилъ сѣдло и бросился вслѣдъ за нею; Мангысова лошадь обратилась въ осу (дзюгу), а Хангиль въ коромысло (тэмэль джиргене) ¹⁾. Тогда Мангысова лошадь обратилась въ сляну, отъ которой трава выгорѣла. Хангиль-Таша вознесся къ Гучинъ Гурбу Хурмусту и попросилъ его убить Мангысову лошадь; Хурмусту пустилъ аюнго (молнію) и убилъ ее.

Мекеле надѣлъ свою вольчугу и доспѣхи, на щеку лошади повѣсилъ хадакъ, поклонился своей лошади три раза и сказалъ: „Скажи, далеко ли душа Мангыса“? Хангиль-Таша сказалъ: „Въ солнно-восходной сторонѣ есть три моря:—Хоронъ-Далай, Шю-Талай и Дабысинъ-Далай; въ серединѣ послѣдняго есть ледяная гора, на ней есть двѣ мѣдныя фанзы (вурюль-байшинъ и дзесь-байшинъ); въ нихъ черный трехлѣтній быкъ (укуръ), въ быкѣ два ящика: золотой и серебряный; въ каждомъ ящикѣ по шести пташекъ (больджуха). Нужно ихъ убить, крови не пролить! Не то изъ каждой пташки тумень мангысовъ выйдетъ“. Мекеле сѣлъ на коня и рысью побѣжалъ на востокъ.

(Далѣе слѣдуетъ описаніе бѣга лошади Хангиль-Таша, повторяющее все то, что говорилось, когда Мекеле ѣхалъ къ Мангысу).

¹⁾ Коромысло, libellula, по дюрбютски—тэмэль-джиргэнэ, по халхасски—алтынъ-суму.

Пять лѣтъ спустя Мекеле приѣхалъ къ Хоронъ-Шю-Далай и сдѣлалъ девяносто-два заговора, взялъ большую дзаду; поднялась буря, моря покрылись льдомъ; Мекеле переѣхалъ моря и достигъ до чернаго, какъ уголь, ледянаго холма (долодо). Увидѣлъ двѣ фанзы, мѣдную и латунную, безъ оконъ и дверей. „Чѣмъ взломать“? думаетъ Мекеле. Онъ опять взялъ великую дзаду, пошелъ великій желѣзный градъ по чашкѣ величиной и имъ разбило фанзы. Черный быкъ всталъ; Мекеле поймалъ и распоролъ ему брюхо, ящички выпали и раскрылись; пташки больджуха разсѣлись по крышкамъ и запѣли; Мекеле заслушался и сталъ грезить; ему приснился его счастливый нотукъ, семья, отецъ и мать. Вдругъ всѣ двѣнадцать пташекъ снялись и разлетѣлись на двѣнадцать сторонъ. Мекеле очнулся, опять сдѣлалъ великую дзаду; начался семидневный холодъ, небо сдѣлалось черно-краснымъ; солнце свѣтило только на переднюю и заднюю луку Мекелеева сѣдла; всѣ птицы, какія только есть на свѣтѣ, слетѣлись на двѣ луки сѣдла, а двѣнадцати больджуха нѣтъ. Тогда Мекеле еще на семь дней продолжилъ дзаду, самъ Ханъ-Гариде замерзъ и прилетѣлъ на луку погрѣться, а двѣнадцать больджуха спрятались къ нему въ тепло подъ крыльями. Мекеле вынулъ двѣнадцать пташекъ изъ-подъ крыльевъ Ханъ-Гариде и убилъ ихъ, катая ихъ по сѣдлу; потомъ вырылъ черный адъ (хара тамыи) во сто сажень глубиной и взмолился Гучинъ-Гурбу-Хурмусту; тотъ пустилъ айяго въ двѣнадцать шулмусовъ, заключенныхъ на днѣ ада. Потомъ поднялась погода, пошелъ дождь и надъ этимъ мѣстомъ образовалось море: Мангысен сюнисэгэ дарикчи Аршан нур. Мекеле сѣлъ на лошадь и поѣхалъ рысью.

(Опять повторяется описаніе бѣга лошади).

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Мекеле оставилъ связаннаго Мангыса; приѣхалъ Мекеле, Мангысъ только что умеръ, тѣло его лежитъ еще теплое. Разложилъ Мекеле огнище въ степь величиной, развелъ огонь, положилъ на него Мангыса и сжегъ безъ остатка; кости не осталось, какъ отъ (сѣдленнаго) быка остается; запаху не осталось лисицѣ понюхать. Пепель развѣялъ по воздуху.

Мекеле вѣхалъ въ владѣнія Мангыса. Такъ какъ на горахъ есть снадобья и яды (емчи хор), чтобъ чего не приключилось,

Мекеле переродился; сдѣлался невзрачнымъ; шуба на немъ войлочная дырявая, рукава отпали, конь хромой, колчанъ ветхій, вмѣсто пика пастушій посохъ. Стуча ногами и плетью, пріѣхалъ онъ на границу Мангысова царства. Тутъ какой-то старикъ пасетъ бумъ (сто тысячъ) быковъ, сидя на красномъ быкѣ; у всѣхъ быковъ рога врознь глядятъ, одинъ вверхъ, другой внизъ. Старикъ спрашиваетъ Мекеле: „Чей ты сынъ? Какъ тебя зовутъ? Гдѣ твой нотукъ? За какимъ дѣломъ ѣдешь молодець съ огнемъ въ глазахъ, съ румянцемъ въ лицѣ“ (нюдунтэн галтей нюртэн цоктей)? Мекеле отвѣчалъ: „Я изъ солнозакатной стороны пастухъ верблюдовъ хана Гарди-Церби. Поднялась буря (халып), я потерялъ верблюдовъ, заблудился и сюда пріѣхалъ“. „Твои верблюды съ какими приимътами?“ спросилъ старикъ. „Съ носомъ, ртомъ не проколотыми старый бура и черная верблюдица и числа нѣтъ верблюдытъ! Деяносто-девять лѣтъ ищу ихъ, не найду!“ „Ты, человекъ съ солнозаката“, говоритъ старикъ, — „не слыхалъ чего про Мекеле? Не побѣдилъ ли онъ Мангыса?“ „А тебѣ на что?“ спросилъ Мекеле. „Я отецъ его“, говоритъ старикъ;—меня Мангысъ захватилъ и заставилъ быковъ пасти. Я писалъ сыну, что черезъ пять лѣтъ задавлюсь, если онъ не пріѣдетъ и не освободитъ. Теперь срокъ подходитъ. Я старикъ сталъ; служба моя тяжела.“ Мекеле сказалъ: „Я хотя и худенькій человекъ, но слышалъ, что Мекеле побѣдилъ Мангыса и хотѣлъ сюда пріѣхать. Или сегодня или завтра утромъ, гляди, пріѣдетъ“. „Ты, мой сынъ, радостную вѣсть мнѣ привезъ. Поѣзжай ко мнѣ, тамъ напейся и наѣшься и лошадь покорми.“ Онъ указалъ ему свое жилище хуже хатгура, шалашъ изъ жердей (уль хара урцу). Мекеле вошелъ въ урцу и увидѣлъ старуху съ включенными волосами, съ рѣдкими зубами. „Чей ты сынъ, съ огнемъ въ глазахъ, съ краской въ лицѣ молодець? Откуда ѣдешь и куда? Когда я тебя увидѣла, сердце мое взрадовалось, изъ сосцевъ молоко пошло; что ты за человекъ?“ (Мекеле говоритъ ей то же, что и старику). Старуха спросила его: „Не слыхалъ ли ты чего о Мекеле?“ Мекеле отвѣчалъ: „Слышалъ, что пять лѣтъ тому назадъ Мекеле побѣдилъ Мангыса, и что скоро пріѣдетъ.“ У старухи было приготовлено молоко для Мекеле; она сказала: „Мы хотѣли подождать еще два, три дня и умереть; теперь ты насъ обрадовалъ!“ И она подала ему приготовленное молоко. Мекеле

налилъ его въ черную чашку изъ дзандына и началъ пить; попьеть и отвернется, поплачетъ; долго плакалъ, отвернувшись. Приѣхалъ старикъ и говоритъ: „Надо тебя покормить и самимъ поѣсть. Ступай, любаго быка выбери изъ стада и убей“! Мекеле пошелъ и убилъ того краснаго быка, на которомъ старикъ ѣздилъ. Съ трехъ ударовъ ножа убилъ, за три потяга всего обснямалъ, очистилъ, разложилъ мясо на шкурѣ, а голову внесъ въ урцу. Старикъ, увидѣвъ, заплакалъ. „Что ты сдѣлалъ“! сказалъ онъ. — „Это былъ мой любимый быкъ, самый быстрый и съ мягкимъ бѣгомъ; мнѣ старику на немъ было хорошо пасти и заворачивать скоть. Теперь я растеряю скоть, и Мангысы меня убьютъ“. Гунынъ-Настай Мекеле сказалъ: „Что вы о быкѣ такъ плачете, о сынѣ такъ не плакали“! Сварилъ онъ мясо и сталъ дѣлить его; мягкое мясо старикамъ отдавалъ, жесткое съ костями себѣ оставлялъ, большія кости ртомъ выплевывалъ, малыя кости черезъ носъ пропускалъ. Переночевавъ, Мекеле спрашиваетъ у стариковъ: Есть ли у Мангыса братья и дѣти; я поѣду на встрѣчу къ Мекеле и предупрежу его“. Старикъ отвѣтилъ: „У Мангыса нѣтъ никого, кромѣ жены; но жена хитрая; мысли внутри человѣка знаетъ, волосы на головѣ, не снимая шапки, можетъ сосчитать. Мекеле сѣлъ на Хангила, и не перемѣняя своего вида, поѣхалъ въ ургу Мангыса. Вошелъ въ юрту жены девяносто-пяти-головаго Эдеръ-Хара-Мангыса; тутъ всѣ пять женъ пяти Мангысовъ сидятъ и играютъ въ шатыръ (шапки) и въ карты. „Чей ты сынъ, откуда, далеко ли ѣдешь и по какому дѣлу?“ спросили его Мангысовы жены. (Мекеле отвѣчаетъ имъ также, какъ и отцу съ матерью). Старшая жена спрашиваетъ: „Ты, человѣкъ съ западной стороны! Не видѣлъ-ли Хара-Мангыса и Мекеле? Кто изъ нихъ побѣдилъ?“ „Когда-то въ давнишнія времена я слышалъ, что Мекеле побѣдилъ Харь-Хурмукина, сжегъ и пепель его развѣялъ по воздуху“. Жены Мангысовъ обрадовались, налили ему кислаго молока изъ архыта, сдѣланнаго изъ слоновой кожи съ мутовкой (белюр) изъ зандына; налили полную чашу и говорятъ: „У богатыхъ выше семьдесятъ семь чашекъ и опростай архытъ!“ Мекеле выпилъ весь архытъ. Мангысова жена удивилась и думаетъ: „Какъ это такой ничтожный человѣкъ пьетъ, какъ богатырь!“ Мекеле также понялъ, что жена догадалась о его богатырской силѣ; онъ свою силу отбросилъ къ кобю. Мангысова жена пошла къ кобю, думаетъ: по кобю не

узнаеть ли еще лучше. Тогда Мекеле свою силу въ себя втянулъ. Потомъ онъ сказалъ: „Живите благополучно; пождите три дня съ половиной, а я поищу своихъ верблюдовъ“. Переѣхавъ семь рѣкъ, онъ принялъ свой богатырскій видъ и спросилъ Хангила: „Есть ли кто, кого еще нужно бояться?“ Хангиль сказалъ: „Одна изъ пяти женъ беременна; въ ея утробѣ мѣсячный сынъ; его слѣдуетъ сейчасъ же убить; если же онъ станетъ двухмѣсячнымъ, тогда не побѣдить его не только намъ съ тобою, но и никому на свѣтѣ“. Мекеле, взоидя на высокую гору, закричалъ: „Мои подданные, я побѣдилъ пять Мангысовъ, народъ свой освободилъ! Возвращайтесь на свою родину!“ Народъ обрадовался; босые, безштаные, всѣ заторопились и начали собираться. Мекеле подѣхалъ къ пяти ургѣ, и вздѣнувъ каждую на копье, отбросилъ въ сторону; Мангысовы жены закричали: „Что это за невѣжа! У насъ есть мужья Хара-Мангысы, которые на ногахъ бѣгая, ни кого на землѣ не пропускаютъ, на крыльяхъ летая, на воздухѣ никого не пропускаютъ“. Мекеле отвѣчалъ: „Я, Мекеле, пять Мангысовъ убилъ, мясо ихъ съѣлъ и кровь выпилъ“. Съ этими словами онъ приколовъ четырехъ жепъ, а пятую беременную оставилъ, чтобы посмотрѣть, что отъ нея родится, и привязалъ въ торока. Поѣхалъ къ родителямъ; тѣ уже приготовили было веревку, чтобъ удавиться. Мекеле пососалъ молока матери, взялъ ее въ лѣвую руку, отца въ правую, посадилъ въ разукрашенную телегу и со всѣмъ своимъ народомъ и скотомъ отправился на родину. Народъ пяти Мангысовъ, когда его погнали, заплакалъ, скотъ заревѣлъ, собаки (улукчин нохой) завывали; остались только сороки, вороны и лисицы; трава поблекла, лѣсъ погибъ, моря взмутились, воды обратилсь въ болота. Жена деваносто-пяти-голового Эдеръ-Хара-Мангыса была привязана на четырехлѣтнаго мухортаго жеребца; онъ бросился впередъ, сбплъ Мангысову жену, началъ топтать ее и выдавилъ изъ нея одномѣсячнаго ребенка, который вскочилъ на ноги, и схватившись за чумбуръ, удержалъ коня. Мекеле подѣхалъ и хочетъ убить его; думаетъ: „Зачѣмъ я буду бить его мечемъ? Зашибу плетью“. Ударилъ три раза по головѣ, не могъ свалить его съ лошади. Хангиль сказалъ: „Ахъ, Мекеле, говорилъ я тебѣ, что нужно было его ранѣе убить. У него есть въ головѣ трехсаженная желтопестрая змѣя; ее нужно разрубить. Если она цѣла уйдетъ, не только тебѣ, самому

Гучинъ-Гурбу-Хурмусту ничего не подѣлать!* Вынулъ Мекеле мечъ и съ трехъ разовъ разрубилъ Мангысова сына на три части, а съ нимъ и змѣю вмѣстѣ. Хангиль истопталъ Мангысова сына, а змѣиные остатки проглотилъ, сказавъ, что это при случаѣ можетъ пригодиться. Гунинъ-Мекелеевы собаки разорвали Мангысова сына, а вороны исклевали его. Девять муджи (хошуновъ), принадлежавшихъ отцу Мекеле, и пять муджи Мангыса, девяносто пять лѣтъ шли подъ предводительствомъ Мекеле; выѣхавъ на высокую великую гору Хангай-олу, Мекеле увидѣлъ свой родной нотукъ. Видитъ—его двухлѣтній племянникъ сражается съ тремя великими богатырями, защищаетъ свой народъ и кричитъ. Мекеле прислушался и разобралъ слова: „Въ срединѣ огня проклады нѣтъ, среди земли покою нѣтъ (галын донду сэрюнь уга, орчилинген донду амыр уга)! Гдѣ царь отецъ, гдѣ царица мать и гдѣ самъ Мекеле? Три сильные воина напали на меня!“ Кричитъ и плачетъ. Мекеле крикнулъ ему съ горы. Племянникъ воодушевился, ринулся и убилъ одного изъ нихъ, старшаго брата Хайбенъ-Харъ-Бурмэ; двое другихъ братьевъ испугались, бросились прочь, въ сторону, гдѣ былъ Мекеле. Онъ убилъ ихъ. Двухлѣтній мальчикъ съѣздилъ въ нотукъ трехъ братьевъ и привелъ ихъ улусъ. Десять муджи самаго Мекеле, десять муджи Харъ-Хурмукина, пять муджи Мангысовыхъ, десять муджи Кійтынъ-Зеби, три муджи Хайбенъ-Харъ-Бурмэ съ братьями—всѣ собралъ Мекеле и расположилъ въ землѣ Алтай, сиротъ отдалъ богатымъ людямъ, собакъ и суекъ отдалъ хозяевамъ. Сынъ Кійтынъ-Зеби исправилъ тугуны и ставку Цаганъ-Далай-урго еще до прибытія Мекеле; въ эту ставку Мекеле помѣстилъ своихъ старыхъ родителей и пожелалъ имъ жить благополучно; мать двухлѣтняго мальчика поставила свою бѣлую ургу на западъ отъ урги Цаганъ-Далай. Скотъ четырехъ шерстей раздѣлили на двое, и матери двухлѣтняго мальчика Мекеле отдалъ половину. Она свой скотъ согнала на степь (бѣлтала) Дурбенъ-Хара-Уланъ; скотъ Мекелеевъ сталъ ходить на степи Гурбанъ-Хара-Уланъ. Пять сивыхъ лошадей сдѣлали „сэтэръ“ въ честь онгона синяго неба (онгонъ кѣкѣ тэнгри сакіусинда оро табык кѣкѣ мориг сѣтирлед табинкѣбѣ). Всѣмъ своимъ царствомъ хуруль (молебствіе) совершили. Тѣ два дерева зандынъ, къ которымъ Мекеле привязывалъ свою лошадь, вновь отросли, травы распустились, птицы

защобетали, молоко полилось изъ выменъ. Мекеле съ Хангила и двухлѣтній мальчикъ съ своего коня сняли сѣдла, отпустили ихъ въ середину табуновъ. Собрали народъ, собрали арикъ (кислое молоко) и вино и устроили пиръ. Мекеле положилъ на лѣвое плечо желтопеструю флейту (лимбы), красную свою губу по ней разостлалъ, шестью пальцами сталъ перебирать по ней, поетъ двѣнадцать айдымовъ, шестьдесятъ джиргыловъ и восемьдесятъ-два паштыра безъ пропусковъ. У стариковъ вино бѣжить по усамъ, сало течетъ по пальцамъ. Семидесятью человѣками не поднимаемая чашка съ виномъ обходить всѣхъ отъ восьмидесятилѣтняго возраста до восьмилѣтняго. Красный чай затѣ, налитый въ коричневую домбу изъ дзандына, ячменную сладкую бѣлую муку, насыпанную въ золотой багбырь, сладкое желтое масло, золотыми ложками наложенное, поставили предъ отцами, матерями, старшими братьями, силачами. Красный чай „кокте“ роздали старикамъ, красный чай „акте“ бабамъ и дѣтямъ и всѣ пили до пота. Большой пиръ восемьдесятъ-пять дней праздновали, ликованье девяносто-пять дней продолжалось. Мекеле сказалъ двухлѣтнему мальчику: „Налей вина, подай матери и ея ближнимъ“. Потомъ Мекеле сказалъ: „Надо ему дать имя“. И пригласилъ собраніе провозгласить имя молодцу и дать ему долю скота и народа. Изъ всего собранія ни одного голоса не вышло, только на правой сторонѣ сидѣвшій Алтычи-мэргэнъ, сынъ бѣлобородаго пастуха Ахсахыла-Адучи, сказалъ: „Я дамъ хорошее имя“. Семидесятью человѣками не поднимаемую чашку наполнили кумизомъ, подозвали Алтычи-Мэргэна и дали ему пить. Онъ сталъ говорить: „Ты, двухлѣтній ребенокъ, не пропуская словъ, слушай! Между лопатками въ спинѣ ты имѣешь силу семидесяти лу, въ поясѣ ты имѣешь силу семидесяти Ханъ-Гаряде, грудь твоя полна духомъ (чѣджи) и изобрѣтательностью (аргы), десять твоихъ пальцевъ ядовиты! Ты, имѣющій вьюки на атанахъ ¹⁾, имѣющій полонъ изъ айльныхъ людей! Хоть семьдесятъ копей всади въ тебя, тебѣ ничего не сдѣлается, отъ долгой ѣзды (собственно: отъ нажима лукой) брюхо твое не заболитъ, поясницу твою семидесяти-саженными пивами пронзи, знамя въ твоей рукѣ не дрогнетъ! Если въ большой войнѣ тебя перерубятъ, ты только скажешь: ха! ха! и

¹⁾ Атанъ—кладеный верблюды.

снова сростешься. Богатыремъ и отличнымъ витяземъ будь (батыр сайн эр болтыгайчи). Во лбу у тебя Махагаль возродился, а пониже его Очирвани. Кровь твоя не изсякнетъ, кости твои не утомятъ! Крѣпко рожденный Харалы-Хара-Галдзынъ уретей Хабханъ-Шюдунъ-Хайртхаръ-Кѳкѳль!" Такъ сказалъ сынъ Ахсахыла-Адучи. Царь-отецъ, царица-мать, Мекеле и весь народъ прокричали: „Съ этимъ подаркомъ будь“ (тѣрь бѣльгер болтогѳй)! Половину скота и половину народа дали сыну пастуха и провозгласили его дзасыкомъ.

Мекеле сказалъ своимъ отцу и матери и всему народу: „Восемдесятъ дней мы пиروвали, девяносто-пять дней лпковали! Ты отецъ, не владѣешь урукомъ, ты, мать, не можешь нитеу въ иголу вдѣть. Пока вы живы, мнѣ слѣдовало бы жениться (собственно: не время ли мнѣ увидѣть дымъ сына? Кубюни утаги удзюху цав болбу). Вы укажите мнѣ, въ какую сторону и сколько лѣтъ до моей невѣсты ѣхать?“ Родители сказали: „Твои слова вѣрны!“ Царь отецъ сказалъ: „Въ восточной сторонѣ, гдѣ солнце восходитъ, куда ни птица не долетаетъ, ни звѣрь не добѣгаетъ (далѣе слѣдуетъ не разъ уже приведенное мѣсто о фялинѣ), есть Толи-Занданъ-тайгназ, дочь Тотурхай Илгысынъ-хана. Это—твое счастье (чини дзая терѣ). Съ десяти сторонъ богатыри (ерчут), съ двадцати сторонъ богатыри (батырмут) три игры по закладу играютъ (гурбан толгогѳ мѳрѳ надын хиджи): борятся, въ бѣгъ бѣгаютъ и въ цѣль стрѣляютъ. За нею ступай и возьми ее!“ Мекеле сказалъ своему бѣлобородому табуныцику Ахсахылу: „Скорѣе приведи мнѣ мою лошадь Хангила!“ Ахсахыль-Адучи взялъ узду (слѣдуетъ приведенное уже выше описаніе узды), вышелъ на гору и сталъ махать уздой. Хангиль увидалъ, прибѣжалъ и голову протянулъ. Ахсахыль-Адучи надѣлъ на него узду, привелъ на широкій дворъ, положилъ на него токумы, привязалъ къ дереву зандынъ (слѣдуетъ повтореніе описанія сѣдланья). Хабхенъ-Кѳкѳль своего коня также осѣдлалъ и тутъ же поставилъ. Кѳкѳль вынулъ изъ ящика кольчугу своего отца и большой хадакъ, поднесъ ихъ Мекеле и сказалъ: „Я буду вести твою лошадь въ поводу и буду тебѣ въ дорогѣ товарищемъ“. Мекеле сказалъ: „Я одинъ сѣвзжу и привезу невѣсту, а ты останься и берегай наше царство“. Мекеле поставилъ отцу куджи и взялъ сахюсь. Кѳкѳль сказалъ своей матери: „Я сѣвзжу на границу царства, къ полдню вернусь“. Ро-

*

дители сказали Мекеле: „Ты назначь время, сколько годовъ, сколько дней тебя ждать?“ Мекеле отвѣчалъ: „Я вернусь черезъ двадцать пять лѣтъ; а если черезъ пятьдесятъ лѣтъ не вернусь, то знайте, что кровь моя пролилась на землю, и кости мои истлѣли на солнцѣ“. Мекеле прошелъ въ двери, которыя семидесяти человѣкамъ не поднять, задѣлъ плечемъ и выставилъ ихъ. Однимъ прыжкомъ онъ вскочилъ на Хангила, какъ вѣтеръ взлетѣлъ Көкөль на Харалы, и они отправились. На тысячи хуруловъ помолились и поѣхали на востокъ. Семь лѣтъ, семь мѣсяцевъ и семь дней ѣхали до границы своего царства. Көкөль говоритъ своему дядѣ: „Дядя! неужели твоя земля такъ длинна во всѣ стороны?“ Мекеле отвѣчалъ, что во всѣ. Көкөль снова говоритъ дядѣ: „Ты прославился своею силой, земля твоя велика. Кто можетъ напуститься на такое сильное царство! Ты счастливымъ (алдар) родился! Еслибы мнѣ еще за эту гору съѣздить, оттуда бы я воротился!“ Мекеле согласился взять его съ собою еще на годъ. Доѣхали до горы, Мекеле отсылаетъ племянника домой. Көкөль говоритъ: „Правда твоя! Мнѣ слѣдуетъ вернуться! Но позволь еще до половины той горы доѣхать!“ „Какой ты охотникъ до ѣзды!“ сказалъ Мекеле и взялъ его еще на годъ. Доѣхавъ до половины горы, Мекеле сказалъ ему: теперь поѣзжай домой!“ Көкөль сказалъ ему: „Твоя правда! Но позволь мнѣ перевалить на солнечную сторону этой горы!“ Мекеле взялъ его еще на годъ. Перевалили на солнечную сторону, Мекеле отсылаетъ племянника, а Көкөль говоритъ ему: „Твоя правда! Отъ нашего царства теперь далеко, а отъ Тотурхай Илгысына близко; твое царство велико, нѣтъ его не тронетъ. Позволь мнѣ проводить тебя, держать твою лошадь; въ твоихъ состязаніяхъ я буду замѣнять тебя“. Мекеле сказалъ: „Далекіе люди услышатъ, близкіе люди увидятъ, что отъ рожденія сильный Мекеле пріѣхалъ за не вѣстой не одинъ; убыль моей славы! Вернись домой!“ Көкөль опять говоритъ: „Одному тебѣ въ дорогѣ не ловко, не кому лошадь поддержать, когда ты войдешь въ домъ“. Мекеле вскричалъ: „У народа есть старшіе, у шубы есть край! Разсердился и замахнулся на племянника плетью. Көкөль наклонился и сказалъ: „Грудь моя широкая, спина моя крѣпкая, выбирай мѣсто и бей!“ Мекеле опустил плеть и сказалъ: „Поѣзжай домой и оберегай царство!“ Көкөль отвѣтилъ ему: „Какъ я буду оберегать его? Я не умѣю, я не бары-

вался! Научи меня, поборемся!“ Слезли съ коней, раздѣлись, подпоясались чумбурами. Мекеле сначала жалѣетъ племянника, тихо борется, но Кѣкѣль нажимаетъ сильно; принялся и Мекеле за правду бороться. Кѣкѣль привзнылъ его и бросилъ на землю. Мекеле едва-едва поднялся на ноги и еле дыша побѣжалъ къ своей шубѣ. Послѣ этого Кѣкѣль говоритъ: „Ты поѣзжай впередъ, а я поѣду назадъ“. И запѣвъ пѣсню, поѣхалъ. Въ четырнадцать лѣтъ Кѣкѣль объѣхалъ всю границу царства Мекеле и вернулся къ его отцу, къ матери.

Мекеле ѣдетъ день и ночь. Высокую гору перевалилъ, широкую гоби переѣхалъ, восемь холодныхъ гоби переѣхалъ, черную гору Наджиръ перевалилъ, Альбинъ цаганъ-гоби переѣхалъ, гору Арсланъ-цаганъ-олу перевалилъ, доѣхалъ до перевала Алтынъ-Шатадабанъ, увидѣлъ большой камень Ханъ-Ардзга Уланъ съ острымъ верхомъ. Сталъ понуждать лошадь, перевалилъ гору Ханъ-Ардзга, три дня и три ночи ѣхалъ ущельемъ и выѣхалъ въ амны¹⁾. Поперекъ дороги стоитъ пятидесятисаженный волкъ Кѣдѣгинъ-Кѣкѣ-Зогулъ съ пятисаженною шеей; сорокъ своихъ зубовъ оскаливъ, изъ желѣзныхъ ногъ огонь летитъ, синяя шерсть дыбомъ стоитъ, хвостъ поднималъ вверхъ. „Что ты, волкъ, загораживаешь дорогу!“ вскричалъ Мекеле. Выхватилъ черную плеть Мангытъ и ударилъ волка три раза; рука у Мекеле заболѣла, а волкъ не пошевелился; ткнулъ его стосаженнымъ копьемъ, оно отскочило. Саблей ударилъ, она отскочила. Волкъ подбѣжалъ ближе къ амну и схватилъ Мекеле; ни впередъ, ни назадъ не можетъ Мекеле двинуться; бьетъ волка и саблей, и копьемъ—ничего ему не дѣлается.

Три дня Мекеле бился съ волкомъ, слѣзъ съ коня, снялъ доспѣхи, подвязался чумбуромъ и сталъ бороться безъ оружія. Волкъ рветъ у Мекеле мясо изъ лѣваго и праваго плеча по чашкѣ и бросаетъ; набросалъ горы мяса, кровь изъ Мекеле течетъ рѣками. Пять лѣтъ борятся. Водныя мѣста высохли, сухіе мѣста стали водянистыми, горы въ степи выровнялись; гдѣ были степи, горы стали; воздухъ такъ наполнился паромъ отъ дыханія, что въ пару ни птицы, ни звѣри не могутъ находить пищу. Лосунъ-хатъ (хо-

¹⁾ Амны—нижнее отверстіе ущелья.

занивъ водѣ) удивился, что темно стало, солнца и луны не видно. „Должно быть“, подумаль онъ,— „два хубилгана борятся, что этакъ небо изломали. И послалъ онъ письмо къ Гучинъ-Гурбу-Номту-Тэнгиру такого содержания: „Не два ли это богатыря—хубилгана дерутся? Можетъ быть, это братья, не узнавшіе другъ друга. Нужно въ такомъ случаѣ одного убить“. Тэнгиры посмотрѣли въ свои тухэ (книги) и увидѣли: были три брата Кійтынъ-Зеби, Китынъ-Арслынъ и Гунынъ-Настай Мекеле; одинъ изъ нихъ родился на землѣ подь именовъ Мекеле и теперь борется съ братомъ Китынъ-Арслыномъ, который во образѣ волка; другъ друга не узнали и мясо и кровь другъ у друга ѣдятъ. Тэнгиры спросили у Дэтхэ-Тэнгри: какъ поступить, и тотъ указаль: кинуть имъ аюнго-сумынъ съ надписью на трехгранномъ копьецѣ: „Мы—ваши отецъ и матъ! Китынъ-Зеби, Китынъ-Арслынъ и Мекеле—три наши сына; вы двое борящіеся—братья!“ Стрѣла пала въ средину между борящимися и отбросила одного къ одной горѣ, другаго къ другой. Волкъ прочель письмо, переродился въ красиваго юношу и сказалъ Мекеле: „Ты—мой младшій братъ. Я здѣсь охраняю предѣлы царства своего отца и матери отъ шумусовъ и дурныхъ людей и никого не пропускаю. Только ты со мною такъ долго боролся, другихъ же я сразу побиваю. Китынъ-Арслынъ поймалъ Хангила, посадилъ Мекеле и повезъ его къ горѣ Ханъ-Ардзга-Уланъ въ свою ургу, которая была сдѣлана безъ крѣпей, изъ цѣльнаго камня. На „терме“ кругомъ были навѣшаны головы шумусовъ. Китынъ-Арслынъ сталъ власть на раны Мекеле бѣлое, какъ горностай (уин), лѣкарство, вылѣчилъ ихъ ранѣе полдня; сталъ власть бѣлое, какъ баранъ лѣкарство, до вечера исцѣлилъ. Три дня братья пировали и гуляли. Мекеле сказалъ брату: „Я поѣхаль жениться. Ты здѣсь восемьдесятъ—пять лѣтъ живешь, скажи, если мнѣ на пути препятствія?“ „Много будетъ препятствій“, сказалъ Китынъ-Арслынъ,—но ты ихъ одолѣешь. Не бойся! Пять лѣтъ проѣдешь, на бѣли горы Ихи-Ундуръ-Уланъ, у мелкой черной воды, въ мелкомъ лѣсу изъ зандына будетъ лежать бѣлый аргали; если ты не убьешь его, вернись сюда, а убьешь—возьми его два глаза, четыре бабки и восемь жилъ. Годъ еще проѣдешь, увидишь двухъ вороновъ (хун-коре); одинъ воронъ скажетъ другому: Ты у лошади выклюй глаза, а я выклюю у богатыря!—Тогда ты отдай имъ два арга-

линихъ глаза по своему разуму (эбренн сайн ухагар ог); если не возьмутъ, вернись сюда. Еще годъ пройдеши, встрѣтишь двухъ старухъ Зекци Цаганъ, у которыхъ ноги дзереньи, клювы мѣдине (дзерен шилбитей дзес хоншортей зекци цаган хонр эмеген). Одна изъ нихъ скажетъ: Ты вынь себѣ жилы (ширбнс) у лошади, а я возьму жилы у богатыря.—Тогда ты этимъ эмегенамъ (старухамъ) отдай по своему разуму аргалиныя жилы. А если не возьмутъ, то вернись сюда. Еще годъ пройдеши, ты встрѣтишь двухъ ребятъ; одинъ изъ нихъ спросить другаго: Тебѣ взять конскія бабки (шягà), а мнѣ человѣчи или тебѣ человѣчи, а мнѣ конскія?—Тогда ты отдай имъ по своему разуму бабки аргали; если не возьмутъ, то вернись сюда. Еще годъ пройдеши, будетъ лежать змѣя Хо-Цохуръ, которая верхнюю челюсть упираетъ въ небо, нижнюю въ землю; величиной змѣя съ рѣку Кобло; лежитъ она свернувшись двадцать-три раза; за день видитъ она человѣка, за полдень, потянувъ воздухъ, притягиваетъ къ себѣ. По своему разуму убей ее. Еще годъ пройдеши, встрѣтишь лѣсъ Шюгунъ-хара; у него концовъ нѣтъ, чтобъ объѣхать; въ серединѣ просѣки нѣтъ чтобъ проѣхать (дэгур оирхо ихин уга адагарын гардык адак уга талын дондурын гардык цзабсыр уга шюгун хара буту би). По своему разуму преодолѣй его. Еще годъ пройдеши, увидишь ледяную гору Цаганъ-Ула; ни концовъ у ней нѣтъ, ни переваловъ (ихин адак уга дабадык дабан уга тэнгарда хурмэ мѡсин цаган ула би). Преодолѣй ее по своему разуму. Еще годъ пройдеши, поперегъ дороги будетъ стоять быкъ Хара-Лосыней-куку-буху, съ хвостомъ съ гнѣздо (урь), съ девяти-саженными рогами, а самъ быкъ длиною въ девяносто сажень. Преодолѣй его по своему разуму. Еще годъ пройдеши, будетъ стоять посвященный богамъ верблюдъ - самецъ Уру-Цаганъ (тэнгрин сэтэртей уру цаган буру); верхнею губой клещетъ по небу, нижнею губой клещетъ по землѣ, изъ-подъ четырехъ лапъ дымъ идетъ. Преодолѣй его по своему разуму. Еще годъ пройдеши, прїѣдешь къ морю Хоринъ-Шюдалай. Своимъ умънемъ преодолѣй его. Еще годъ пройдеши, достигнешь наконецъ ставки Тотурхай-Илгысынъ-хаха¹⁾.

¹⁾ Эти девять препятствій были, по объясненію разказчика, девять харауловъ царства Илгысынъ-хана, то-есть, девять заставъ.

Мекеле съѣлъ на Хангила; Кытынь-Арслынъ, съѣвъ на сивую лошадь, проводилъ его на годъ пространства и вернулся. Оглянулся Мекеле и увидѣлъ, что онъ опять обернулся волкомъ и побѣжалъ. Пожалѣлъ его Мекеле и подумалъ: „Трудное же ему получение дали родители“.

(Слѣдуетъ опять стереотипное описаніе бѣга лошади).

Проѣхалъ Мекеле пять лѣтъ, увидѣлъ аргали, пьющую воду; слышавъ запахъ человѣка, аргали (боро гурёсу)¹⁾ побѣжала за горный мѣсъ; не успѣла она обогнуть его, какъ Мекеле всадилъ въ нее двадцать-пять стрѣлъ, а когда обогнула, еще семьдесятъ-пять стрѣлъ. Аргали умерла. Это была златогрудая среброзадая аргали, по имени Амы-Цаганъ (алтын чѣджптей менгу боксетей амы цаган аргали). Мекеле взялъ два глаза, четыре шяга и восемь жилъ и поѣхалъ дальше. Подѣхавъ къ воронамъ, онъ сказалъ имъ: „Я убилъ своихъ отца и мать и вотъ привезъ вамъ ихъ глаза“. Сказавъ это, Мекеле отдалъ имъ аргалины глаза. Вороны сказали: „Намъ было приказано Хара-Лосуней-ханомъ для его дѣтей на игрушку достать два черныхъ богатырскихъ глаза и два черныхъ глаза богатырской лошади (кулюкъ мориней хара нидун). Поѣзжай благополучно, со выюкомъ на атавахъ, съ барышемъ аульныхъ людей“ (атан тэмэн ацатай аилин хумын олдзытай амыр менду харэй).

Мекеле приѣхалъ къ Эмегенамъ (то есть старухамъ); онѣ спорять; одна говоритъ: „Ты возьми жилы у богатыря, а я у коня“. Другая говоритъ: „Нѣтъ, ты у богатыря, а я у коня“. Мекеле подѣхалъ къ нимъ и говоритъ: „Я двухъ своихъ братьевъ убилъ. Вотъ возьмите ихъ жилы!“ Эмегены сказали: „Мы посланы отъ жены Лосунай-хана достать для нея ширбису для шитья²⁾. Атановъ завьучивъ, съ прибылью аульныхъ людей благополучно поѣзжай!“ Еще годъ Мекеле проѣхалъ, встрѣтился съ двумя мальчиками на четверенькахъ. Они спорять о бабкахъ: кто вынетъ ихъ изъ богатыря, кто изъ коня. Мекеле сказалъ имъ: „Я убилъ двухъ своихъ племянниковъ (ачи чиджи) и привезъ вамъ ихъ бабки“. „И

¹⁾ Аргали—самка каменнаго барана. Oris argali.

²⁾ Ширбисъ—скотскія жилы, а также нитки или волокна изъ жилъ, которыя употребляются для шитья обуви, сбруи и т. п.

передалъ аргалиныя бабки. Дѣти взяли бабки и сказали, что они посланы отъ Хара-Лосынай-хана достать бабки для игры. „Завьючивъ атановъ, съ прибылью аульныхъ людей поѣзжай!“ сказали они ему. Еще годъ Мекеле проѣхалъ и встрѣтилъ змѣю большую, какъ рѣка Кобдо; какъ только приблизился онъ къ ней на полдень ѣзды, она втянула его въ свою пасть; Мекеле верхнюю ея губу приколотъ своимъ копьемъ къ небу, нижнюю губу придавилъ тупымъ концемъ къ землѣ, коня привязалъ къ копью, самъ вошелъ въ пасть, началъ рубить направо и налево, прорубилъ изъ утробы змѣи отверстіе въ спинѣ и вылѣзъ; захватилъ змѣю руками, разорвалъ на двѣ части и разбросалъ въ разныя стороны; на два дня разстоянія отлетѣли брошенныя части. Изнутри змѣи вышли два улуса Хошоутъ и Олютъ; два улуса сказали Мекеле: „Атановъ навьючивъ, съ прибылью аульныхъ людей поѣзжай!“ Хошоуты на сѣверъ пошли, Олюты на югъ (Хошоут хорон нюгад ѳлѳт ѳмѳрян нюгад). Еще годъ проѣхалъ, пріѣхалъ Мекеле къ лѣсу; объѣзду нѣтъ, и насквозь проѣзду нѣтъ. Мекеле вынулъ лукъ; шириной лукъ въ степь, подъемъ лука съ горный перевалъ (водѳгни чинен эктеѳ котѳлин чинен ѳнтей); на лукъ наложилъ стрѣлу; тетиву отъ лука на сажень оттанулъ, во всю силу натянулъ и спустилъ стрѣлу. Восьмидесяти чирикамъ пройди — такую просѣку сдѣлалъ; проѣхалъ лѣсъ и снова стрѣлу свою нашелъ и вложилъ въ садакъ. Годъ спустя, доѣхалъ до горы, достигающей вершиной до неба. Взойди нельзя, такая гладкая; ни перевала нѣтъ, ни объѣзда нѣтъ. Мекеле вынулъ лукъ, на лукъ наложилъ стрѣлу, а къ стрѣлѣ привязалъ морду Хангила. Тянулъ тетиву съ утра до вечера, съ вечера тянулъ до утра и только утромъ спустилъ. Тетива закипѣла, дерево лука задымилось. Стрѣла перелетѣла черезъ гору и перенесла на себѣ Хангила и сидящаго на немъ Мекеле. Еще годъ Мекеле проѣхалъ; стоитъ быкъ Куку-буху съ девяти-саженными рогами и мычтъ. Мекеле слѣзъ съ лошади, засучилъ рукава, засучилъ штаны, заткнулъ за поясъ полы кольчуги и всталъ въ ожиданіи. Быкъ набѣжалъ на него, девять разъ боднулъ его своимъ девяти саженнымъ рогомъ, но не могъ пробить до крови. Быкъ промычалъ: „Никто еще не устаивалъ отъ моихъ роговъ, никто мимо меня цѣлъ не проходилъ; вѣрно, это ты вѣѳкорожденный съ печатью мужа (хату тюрексен ерѳ тамгатаѳ) Мекеле!“

Мекеле сказалъ: „Теперь мой чередъ!“ Разгорѣлся, глаза скосилъ, зубы стиснулъ, схватился за девяти-саженныя рога и разорвалъ быка на двое.

Проѣхалъ Мекеле еще годъ. Стоитъ верблюдъ, верхняя его губа по небу бьетъ, нижняя губа о землю бьетъ, губы раскрываются и вновь смыкаются; отъ этого грома скалы, камни катятся, деревья лиственницы падаютъ. Мекеле взялъ верблюда за двѣ кочки, ударилъ о землю; когда верблюдъ припалъ на переднія колѣни, Мекеле продѣлъ ему въ носъ буйль ¹⁾ изъ крѣпкаго дерева, выдернулъ изъ гривы Хангила пасмо волосъ, свилъ изъ нихъ пестрый бурундукъ ²⁾, привязалъ къ буйлю, и ведя за собою верблюда, поѣхалъ къ Ядовитому морю. Приѣхавъ къ его берегу, сдѣлалъ великую дзада ³⁾. Поднялась буря, сдѣлался холодъ; море покрылось льдомъ на девять четвертей. Мекеле переѣхалъ черезъ море, но у противоположнаго берега Хангиль Таши проступился по щетку, и копыта его сгорѣли. Тогда Мекеле помазалъ ноги у коня бѣлымъ лѣкарствомъ и онѣ выздоровѣли. Еще годъ Мекеле проѣхалъ, встрѣтилъ ѣдущаго съ юга богатыря. На сѣрой лошади Хо величиной съ гору, съ холодно-черными глазами, съ небольшою черною бородой, съ румянымъ лицомъ, богатырь Эре-Нидунъ-Торцо-Золу девяноста съ половиной лѣтъ отъ роду приѣхалъ на встрѣчу Мекеле. Онъ вынулъ изъ-за пазухи саженный хадакъ и разложилъ передъ Мекеле. Мекеле спросилъ его: „Откуда ты, кто ты и какъ тебя зовутъ?“ Богатырь отвѣчалъ: „Я рожденный небомъ твой „дзе“. Услыхавъ, что ты ѣдешь, двадцать-пять лѣтъ ждалъ у Илгысынъ-хана, который съ десяти сторонъ десять богатырей собралъ, съ двадцати сторонъ двадцать богатырей собралъ; богатыри въ три игры въ закладъ играютъ; богатырь по имени Докшинъ-Хара-Кюрюль, имѣющій домъ, подобный скалѣ, (хаданхуй гертей) и ѣздящій на бурой лошади Зургенъ-Зандынъ, у которой отъ зада до головы надо ѣхать цѣлый день,

¹⁾ Буйль—деревянная палочка, продѣваемая въ носъ; въ ней привязывается понодь.

²⁾ Бурундукъ—верблюжій поводъ.

³⁾ Дзада — буря, дождь, гроза, причиненные посредствомъ чудеснаго дождетворнаго камня.

въ трехъ играхъ взялъ верхъ и завтра беретъ невѣсту. Я поѣхалъ къ тебѣ на встрѣчу". Побѣжали вдвоемъ рысью. Лошадь Хо и лошадь Хангиль побѣжали ухо съ ухомъ, грудь съ грудью, нзъ носу, и рта дымъ и пламя летятъ; Мекеле ведетъ за собою верблюда. Стали пробѣгать мимо анловъ и людей; люди удивляются красотѣ всадниковъ. Во дворѣ у хана собралось множество народу; доспѣховъ военныхъ точно лѣсъ стоитъ. Во дворѣ стоятъ кони Докшинъ-Хара-Кюрюлевъ бурный Зургень-Зандынъ и Темиръ-босевъ конь Чилинъ-Хара-Халдзынъ, такой гладкій, что рукой не ухватить. Мекеле поставилъ рядомъ и свою лошадь. Всѣ три лошади были, какъ одна. Верблюда Мекеле привязалъ къ дереву зандынъ; воткнулъ копье и на него повѣсилъ свои доспѣхи. Мекеле вошелъ къ Илгысынъ-хану и привѣтствовалъ его, подавая хадакъ въ три сажени. Ханъ посадилъ его выше всѣхъ, даже выше и Докшинъ-Кюрюля; возлѣ Мекеле сѣлъ Торцо. Ханъ спросилъ: „Откуда ты, кто ты и какъ тебя зовутъ?“ Мекеле разказалъ о себѣ, что онъ сошелъ съ неба, что отца его зовутъ Мэнку Дургюль, а мать Энке Дургюль, что онъ поборолъ Харъ-Хурмукина и пять Мангысовъ, и что его самага зовутъ Эренъ Сайнъ-Гунынъ Настай-Мекеле. Ханъ спросилъ: „Какъ же ты проѣхалъ девять заставъ на границѣ моего царства?“ Мекеле разказалъ, какъ онъ велъ себя во время путешествія, и сказалъ, что во свидѣтельство (тэмдык) своихъ побѣдъ онъ привелъ верблюда. Тогда ханъ спросилъ: „съ какою цѣлью онъ пріѣхалъ“. Мекеле сказалъ: „Отецъ цар и царица мать мнѣ сказали: Одно полѣно не горитъ, одинъ человекъ не человекъ (гакци цуцул гал болдуга гакци кумун кумун)! Изъ дѣтей бываютъ люди, изъ жеребятъ лошади (урярни кумун гэднѣ урягерин моринъ гэднѣ)! Родители мнѣ сказали: Твое счастье у Илгысынъ-хана. Затѣмъ я и пріѣхалъ“. Невѣста его Толи вышла къ лошади Хангилу, чтобъ узнать по ней, что за богатырь пріѣхалъ. Хангиль забилъ копытомъ, не подпустилъ ее къ себѣ; она вернулась въ юрту. Мекеле посмотрѣлъ на богатырей и смѣрялъ ихъ силу; Толи посмотрѣла на Мекеле и постигла, сколько въ немъ хубилгановъ. Тотурхай сказалъ: „У меня собралось десять богатырей съ десяти сторонъ да двадцать богатырей съ двадцати сторонъ; досталась моя невѣста Кюрюлю. Но съ солнозакатной стороны не было соперника. Теперь, богатыри, снова въ три игры

играйте! Тому отдамъ свою дочь, кто побѣдитъ; кто поборетъ кто обѣжитъ на лошади и кто лучше выстрѣлитъ“. Кюрюль сказалъ: „Ханское слово бываетъ одно (ханай дзарлиг ниген билэ); я выигралъ на трехъ играхъ. Пожалуй, ханъ, мнѣ свою дочь! Я больше бороться не буду и увезу свою невѣсту“. Мекеле сказалъ: „Я двадцать-пять лѣтъ ѣхалъ къ невѣстѣ, дорогой мнѣ пришлось много воевать; а ты тѣмъ временемъ выигралъ мою невѣсту. Это не по совѣсти!“ Богатыри съ десяти сторонъ и богатыри съ двадцати сторонъ сказали: Ханское и Мекелеево слово вѣрно! Вы двое играйте въ три игры, а мы будемъ смотрѣть“.

Мекеле посмотрѣлъ на богатырей. Возлѣ богатыря Кюрюля сидитъ богатырь Темиръ-Бось-Тэнгринъ-кумунъ; подлѣ него богатырь Ке-Замбылай изъ далекой, далекой родины на гнѣдой лошади Кэинъ; еще ниже сидитъ богатырь Уинъ-Замбылай изъ далекой, далекой родины на гнѣдой лошади Уинъ; за нимъ богатырь Хултэ-мергенъ на гнѣдой лошади Хулу; за нимъ два богатыря Ханъ-Чинкей на лошади Эрепъ-Сайнъ-Хамъ (эрен сайн хам бюргетей); за ними еще два силача (хоир боко) Идырь-Арслынъ на двухъ лошадяхъ Эрги-Тохо; за ними два силача Хату-Ширюнъ на двухъ рыжихъ лошадяхъ Хуй-Сальвинъ; за ними два силача Кебисъ-Бюдырь на лошади Ке-Цохуръ; за ними на лошади Гунунъ-Хонгуръ (гунун хонгур уретей) богатырь Эрки-Баханъ-Сѣнекѣ съ огнищеподобнымъ теменемъ; за нимъ Цакылганъ-богатырь на лошади Цаганъ-Шари.

Мекеле спросилъ: „Ваши лошади далеко ли бѣгаютъ?“ Кюрюль отвѣтилъ: „Мой конь отъ солнечной подошвы горы Арслынъ побѣжалъ, воды Гунь-хара-усу пробѣжалъ, не разбирая что большая вода (гунь), что малая рѣчка (гэдиг): гору Гуши-Зандынъ перешагнулъ, не вѣдая переваловъ, гору Ики-Ундуръ перебѣжалъ, великія степи пересѣлъ, бродъ Кай-Теберъ миновалъ, подъ лѣсомъ Калыбъ-Теберъ проскользнулъ, до подошвы (бэлъ) горы Ганьджуръ-Цаганъ добѣжалъ“. Мекеле сказалъ: „Это дѣтскія игрушки!“ Ханъ и богатыри сказали: „А по твоему каковъ же долженъ быть бѣгъ лошади?“ „Я съ своимъ конемъ“, отвѣчалъ Мекеле, — не былъ въ повоѣ, какъ вы; двадцать-пять лѣтъ я ѣду; у моей лошади копыта и подошвы изнасились. И все-таки ей и горы, и воды ни-по-чемъ; гдѣ небо съ землей сходится, туда добѣгу и назадъ вернусь“. Хан-гиль-Таша услышалъ слова хозяина и подумалъ: „Мало сказалъ;

еще бы на пять лѣтъ прибавить надо, чтобы до Ардзга-Улана сбѣгать“. Всѣ богатыри заповаживали головами и стали пересаживаться. Богатырь Торцо сказалъ: „Вѣрно сказалъ!“ Кюрюль подумалъ: „Если его правда, его невѣста будетъ“. Мекеле сказалъ: „Я изъ далекой страны пріѣхалъ, съ собою никого не привезъ, дайте мнѣ Торцо, пусть сядетъ на мою лошадь, а на его лошадь также посадите крѣпкаго человѣка. Ханъ позвалъ Барчинъ-Хара-Бургута и его послалъ. Пятьдесятъ лѣтъ надо было ѣхать впередъ и обратно; не разбирая ни горъ, ни дорогъ, лошади летятъ. Добѣжали сѣдоки до мѣста, гдѣ сходятся небо и земля, не дали вздохнуть лошадямъ, пустились назадъ. Когда Мекеле догадался, что лошади отъ края небесъ пущены, онъ сократилъ землю (собственно: застегнулъ землю на пуговицы, табин табын джилѣ холо гадзыриг табын сарда тобчнлед), гдѣ бы пять лѣтъ ѣхать, сдѣлалъ пять мѣсяцевъ; гдѣ пять мѣсяцевъ, тамъ пять дней. Давъ пробѣжать имъ половину пятилѣтняго пространства, онъ снова распустилъ землю. Хангилъ впереди бѣжитъ, за нимъ лошадь Торцо, за нимъ лошадь Темиръ-Бѣсъ-Тэнгринъ-Кумуна, Кюрюлева лошадь сзади всѣхъ на годъ отстала. Только тутъ онъ и видѣли Хангила; а потомъ онъ впередъ пошелъ, оставилъ всѣхъ лошадей на годъ позади себя. Какъ стрѣла летитъ; только потъ прошибся. Увидѣвъ своего коня, Мекеле вышелъ, засучилъ рукава, схватилъ чумбуръ, и ему съ сѣдокомъ Торцо вдвоемъ едва удалось удержать коня. Хангилъ попенялъ хозяину: „Зачѣмъ удержалъ меня, я только что разгорячился!“ Привязали лошадь къ дереву Шонъ-модонъ, только что сняли сѣдло, какъ мчится лошадь Хо. И ее за поводъ остановили, привязали къ дереву и сняли сѣдло. Когда первыя лошади уже выстоялись, прибѣжалъ Темиръ-Бѣсъ-Тэнгринъ-кумунъ. Лошадь же богатыря Кюрюля едва-едва пришла, когда Темиръ-Бѣсева лошадь уже высохла. Собрались всѣ богатыри и выпили арахи (вина).

Ханъ сказалъ Мекеле: „Для стрѣльбы ты самъ выбери мѣту“. Мекеле сказалъ: „Поставьте въ рядъ семь синевѣлыхъ камней (долонъ табхыр ценжир цаган хада), за ними лисью нору, потомъ былинку отъ травы бѣлой дѣрису (уин цаган дѣрису), ушко иголки, верблюжій хургусунъ ¹⁾ и въ листовенниду, стоящую при подошвѣ

¹⁾ Хургусунъ—шарообразный пометь верблюда.

Арслынъ-олы, вбейте гвоздь; я всѣ эти мѣты трону и не дамъ стрѣль упасть, подхватчу ее на лету“. Богатыри такъ и сдѣлали. Кюрюль выстрѣлилъ, семь камней прострѣлилъ, но до лисей норы стрѣла не долетѣла. Потомъ Мекеле сталъ натягивать свой желтопестрый лукъ Кудюръ (Кудюр шар цохур), величиной со степь, грудь втянулъ, животъ подобралъ, подошвы ногъ ушли въ землю; лопатки зашли другъ за друга, темя трясется, мышцы на спинѣ растянулись, изъ указательнаго и большаго пальцевъ кровь идетъ. Опустилъ стрѣлу; лукъ издалъ звукъ: тангъ! стрѣла пропѣла: джингъ! Камни стрѣла разбила въ крошки, не осталось кремня сдѣлать; угодила въ лисью нору, изъ нея въ дѣрисину, потомъ прошла чрезъ ушко иголки, попала въ верблюжій хургусунъ; Торцо сѣлъ на Хангила и пустился вслѣдъ за стрѣлой; вровень со стрѣлой бѣжитъ. Стрѣла ударилась въ намѣченное дерево, отъ дерева пошелъ огонь съ зимовку богатаго человѣка. Стрѣла не успѣла упасть на землю, какъ Торцо подхватилъ ее и пріѣхалъ назадъ. Слѣзъ съ лошади; богатыри также слѣзли и вошли въ ханскую ургу. Торцо говоритъ: „Двѣ игры мы взяли; одна осталась. Позволь мнѣ бороться!“ Мекеле сказалъ: „Кто со мною, кто съ Торцо хочеть бороться?“ Кюрюль сказалъ: „Я здѣсь двадцать-пять лѣтъ жилъ, выигралъ невѣсту; ты пріѣхалъ изъ неизвѣстнаго царства и уже успѣлъ выиграть двѣ игры. Невѣста будетъ твоя развѣ тогда, если ты изъ воды сдѣлаешь труть, изъ льду камень и ледъ вмѣсто дровъ зажжешь (усар ул хійгед цасар цакиур хійгед мѣсер гал тулед) и цѣлаго двухлѣтнаго быка въ одинъ часъ сваришь. Если сваришь, ты возьмешь невѣсту; если не сваришь, невѣста моя!“ Мекеле вышелъ и спрашиваетъ у своей лошади: „Можно ли это сдѣлать? Ты лошадь съ семьдесятъ однимъ хубилганомъ“. Хангиль сказалъ: „Положи камни, поставь котелъ, налей воды, сложи быка, подъ котломъ разложи ледъ, какъ кладугъ аргаль ¹⁾, намочи бумагу въ водѣ и высѣвай на нее огонь; а я одного хубилгана пошлю тебѣ въ голову, ты будешь мигать глазами и изъ, нихъ будутъ летѣть искры по кунану величиной; другой хубилганъ будетъ подкладывать сало въ ледъ. Ледъ разстаетъ, сало очутится на верху и загорится“. Всѣ богатыри вышли изъ урги.

¹⁾ Аргаль—коровій и конскій пометь, употребляемый вмѣсто дровъ.

Хубилганъ вошелъ въ голову Мекеле и стукнулъ его три раза, Мекеле мигнулъ три раза, огонь вылетѣлъ изъ его глазъ, сало загорѣлось; менѣе часу прошло, какъ мясо сварилось. Иренъ-Сайнъ усадилъ богатырей и роздалъ мясо. „Въ трехъ играхъ я старшій сталъ. Время настало взять Зандынъ-Толи!“ сказалъ Мекеле. Кюрюль сказалъ: „Зандынъ-Толи не мое счастье, твое!“

Илгысынъ-ханъ сказалъ Мекеле: „Сдѣлай еще одну службу, прежде чѣмъ взять мою дочь. На южной границѣ моего царства лежитъ черный буру (верблюдъ-самецъ); всѣ богатыри пробовали поднять его, но не могли. Когда земля и небо еще не были раздѣлены, тогда еще онъ былъ положенъ. Я просилъ Де-Тэнгри поднять его, но тщетно. Ноги его вросли въ землю. Подними его и отпусти въ мой табунъ“. Мекеле сказалъ: „Пусть такъ будетъ!“ Сѣлъ на лошадь, богатырю Торцо сказалъ: „Оставайся!“ и одинъ поѣхалъ. Годъ ѣзды поѣхалъ и на краю моря увидѣлъ верблюда. Видитъ и думаетъ: „Трудно поднять безъ хитрости!“ Мекеле обратился въ буру (верблюда-самца), Хангиль обратился въ верблюдницу; стали они другъ за другомъ бѣгать вокругъ лежащаго верблюда. Тотъ разъярился, вскочилъ на ноги и разорвалъ цѣпи, лежавшія на его ногахъ. Когда земля и небо были еще новыя (тэнгир гадыр шипи битуджи байха цакту), этотъ верблюдъ хотѣлъ убить единственнаго сына неба (тэнгри ганцхан кумун) и за это былъ скованъ. У моря не было ни травы, ни (прѣсной) воды; верблюда кормилъ стерегшій его Лосунай-ханъ. Когда Мекеле освободилъ верблюда, изъ моря выступилъ посланный отъ Хара-Лосынай-хана и сказалъ: „Мы стерегли этого верблюда; но такъ какъ ты женишься и далъ обѣщаніе Илгысынъ-хану, ты же сынъ неба и родственникъ Лосынай хану, то Лосынай-ханъ отдаетъ тебѣ этого верблюда“. Мекеле погналъ его. Когда Мекеле вѣхалъ въ улусъ, когда увидѣли его и верблюда съ звѣнящими цѣпами, всѣ удивлялись богатырю, который всякое дѣло легко выполняетъ. Мекеле привязалъ верблюда къ дереву Шонъ-модонъ и своимъ копьемъ разбилъ цѣпи на верблюдѣ; въ честь Мекеле верблюда сдѣлали сѣтаромъ ¹⁾ и отпустили въ табунъ, а желѣзныя цѣпи

¹⁾ Сѣтаръ—животное, посвященное богамъ; ему въ гриву заплетаютъ цвѣтныя ленты.

положили въ хорошее мѣсто. Если нужно кого сковать, это самныя крѣпкія цѣпи. Богатыри говорятъ: „Ты одержалъ верхъ въ трехъ играхъ; бери невѣсту и возвращайся въ свой домъ; и мы разѣдемся“. И уѣхали по своимъ нотукамъ. Ерень-Нидунъ-Тордо сказалъ: „Я изъ своего мѣста девяносто пять лѣтъ назадъ выѣхалъ, все это время я не видѣлъ своихъ родителей; нельзя ли поскорѣе сыграть свадьбу?“

Илгысынъ-Ханъ сказалъ: „Моя дочь Зандынъ-Толи шьетъ, какъ вшей кладеть, строчить, какъ гнидь кладеть. Если прямо взглянуть, всѣ существа, живущія на югѣ, говорятъ: Заря занимается: солнце всходитъ! Если назадъ взглянуть, всѣ существа, живущія на сѣверѣ, говорятъ: заря занимается, солнце всходитъ!“ Зандынъ-Толи сказала: „Моя дѣвичья жизнь у Тотурхай Илгысынъ-хана кончилась, послѣдніе дни ея покончить Гунынъ-Настай-Мекеле!“ Ханъ сказалъ Мекеле: „Твое царство далеко; нашимъ людямъ до него не доѣхать и не вернуться; возьми атановъ, навьючь золотыхъ и серебряныхъ ковровъ и поѣзжай по своему разумѣнію“. Мекеле отвѣчалъ: „Мой нотукъ далеко; своимъ умомъ уйду. Я Зандынъ-Толи посажу въ сумку (тонгурцы), въ другую сумку сложу ея драгоценности и буду держать обѣ сумки на глазахъ. Поѣхалъ Мекеле и сократилъ землю: „Мѣсто пять лѣтъ ѣхать сдѣлалъ мѣстомъ въ пять мѣсяцевъ, пятимѣсячное обратилъ въ пятидневное. Доѣхалъ до Ханъ-Ардзга-Улана. Кійтынъ-Арслыну срокъ службы кончился; онъ досталъ изъ моря свой домъ, раскинулъ его и ждалъ брата. Мекеле пріѣхалъ, досталъ изъ сумки Зандынъ-Толи и помолился брату. Три дня они здѣсь пировали, послѣ чего Мекеле снова посадилъ Зандынъ-Толи въ сумку. Кійтынъ-Арслынъ сказалъ: „Срокъ дзарлика (приказанія) моего отца Тэнгри кончился; шулмусовъ я искоренилъ; теперь твоя жена мнѣ помолилась“. Затѣмъ онъ протянулъ пятицвѣтную радугу и по ней поднялся на небо со всею своею ургой. Поѣхалъ Мекеле дальше, опять сокративъ землю. Пятнадцать лѣтъ прошло, какъ онъ отправился отъ Илгысынъ-хана и только до границъ своего царства доѣхалъ. Кѣкѣль уже ждалъ его на границѣ; онъ приготовилъ пятнадцать палатокъ, наготовилъ море кумысу и море чаю, думалъ: много народу пріѣдетъ. Тутъ они прошировали три дня и поѣхали со всѣмъ улусомъ въ ургу Цаганъ-Далай. Отецъ и мать съ южной стороны

урги повѣсили занавѣсъ (кѣшѣго), сдѣланную изъ шелка „таджи“, настлали двѣнадцать рядовъ ковровъ, посадили жениха и невѣсту за занавѣсъ; царь-отецъ и царица-мать и всѣ присутствующіе помолились Шютунъ-савіусу (или Шютунъ-бурхану) и запировали. Бурхану Шахджи, какъ солнцу, впередъ молились, Эрдемчинъ Төрѣ, какъ хашъ (нефритъ?), сзади поставили; кукушка кукуетъ, зеленая, трава зюльгунъ колышется, гуси, ангирь гогочать, дерево гандигари качается, весь народъ пируетъ, кислое молоко и творогъ (айрыктарык), вино-кумысъ (арикичиген), масло (окун тосун), красный чай пьеть и ѣсть.

Мекеле живетъ пять лѣтъ, но сына у него нѣтъ. Отецъ и мать говорятъ: „Ты взялъ жену, поставилъ свою ургу, мы твой дымъ увидѣли, а сына у тебя нѣтъ; найди средство, чтобы пріобрѣсть сына“. Мекеле сказалъ: „Вы укажите мнѣ средство!“ Они сказали: „На юго-востокѣ, на горѣ Арслынъ-Олѣ въ пещерѣ живетъ лама Дамбы-Цаганъ, проводашій въ моленіи семьдесятъ лѣтъ. Возьми лучшую драгоценность изъ привезенныхъ тобою и поѣзжай къ нему“. Мекеле взялъ драгоценность, осѣдлалъ Хангила и поѣхалъ по указанію отца и матери. Пріѣхавъ къ Арслынъ-Олѣ, онъ вошелъ въ пещеру, досталъ хадакъ и драгоценность и передалъ ламѣ. Лама сказалъ: „Ты, славный богатырь, взялъ Зандынъ-Толи, но дитяти у тебя нѣтъ. Помолись Гучинъ-Гурбу-Хормусту; онъ дастъ“. Пріѣхавъ домой, Мекеле взшелъ на Ики-Ундюръ-Уланъ, сдѣлалъ великое обо ¹⁾, повѣсилъ на шесть куски дабы (бѣсъ) пяти цвѣтовъ и сталъ кричать къ небу: „Семьдесятъ лѣтъ молящійся Дамбы-Цаганъ-лама сказалъ, чтобъ я тебѣ помолился. Гучинъ-Гурбу-Хормусту, помилуй, подай!“ Съ неба раздался голосъ: „Ты, крѣпкорожденный герой, опростай восемнадцать адовъ Ерлика, уничтожь Ерликъ-Номынъ-хана! Если это повелѣніе исполнишь, у тебя родится сынъ!“ Мекеле, услышавъ повелѣніе неба, осѣдлалъ Хангила, взялъ желтый въ три сажени длиной хадакъ, зашелъ къ отцу и къ матери и сказалъ, что онъ ѣдетъ къ Ерлику. Тѣ сказали: „Восемьдесятъ-восемь лѣтъ ѣхать до Ерлика“. Мекеле сказалъ: „Я въ шестнадцать лѣтъ доѣду“ и поѣхалъ на солнзакатъ (ар нар шингугу удзюету).

¹⁾ Обо—насыпь изъ камней.

(Слѣдуетъ описаніе бѣга лошади).

Ѣхалъ, Ѣхалъ, сдѣлалъ попутный вѣтеръ и полетѣлъ вмѣстѣ съ вѣтромъ. Полдня пролетѣлъ Хангиль, у переднихъ ногъ его сдѣлались крылья; еще полдня пролетѣлъ, у заднихъ ногъ сдѣлались крылья. Пространство въ восемь мѣсяцевъ ѣзды въ восемь съ половиной дней проѣхалъ и спустился въ Ерликово царство. Арслынъ-тергитей (собственно: львиноголовый), сынъ Ерликъ-Номынъ-хана, взошедши на крышу трехэтажнаго дворца, увидѣлъ ѣдущаго богатыря и сказалъ отцу: „Какъ будто сорокъ тысячъ чириковъ бѣгутъ, а ѣдетъ всего одинъ человѣкъ! Это или Алыччи-Дайсынъ, или Абрывчи-Бурханъ въ наше мѣсто ѣдетъ“. Ерликъ-Номынъ-ханъ вышелъ и смотритъ: голова Мекеле въ небо уперлась, и земля дрожитъ подъ нимъ. Ерликъ послалъ ему на встрѣчу триста всадниковъ съ копьями и свое „верме“ (крѣпость) заперъ. Мекеле только показался на перевалѣ; у ѣхавшихъ ему на встрѣчу трехсотъ всадниковъ копыя изъ рукъ выпали, и сами они замертво пали. Мекеле взялъ воды, спрыснулъ чириковъ, и они встали. Только онъ подѣхалъ къ воротамъ, всѣ триста воротъ со звономъ: ханкиръ-чинкиръ! сами растворились. Войдя къ Ерлику, Мекеле разложилъ передъ нимъ желтый хадакъ на колѣни. Ерликъ сказалъ: „Кто ты и откуда? То ли ты Алыччи-Дайсынъ, то ли ты Абрывчи-Бурханъ?“ Мекеле разказалъ, какъ онъ женился, просилъ сына и Тэнгри-ханъ далъ ему порученіе опростать восемнадцать адовъ. Ерликъ-Номынъ-ханъ взялъ книги и тухэ Гучинъ-Гурбу-Хормустень-хана и сталъ разбирать ихъ. Тамъ было сказано: „Мекеле прійдетъ и опростаетъ восемнадцать адовъ на горѣ Ары-Сюдюрту-Уланъ.“ Ерликъ сказалъ: „Не о тебѣ ли это сказано? Это время пришло“. И онъ велѣлъ своему сыну Арслынъ-Тергитю отворить восемнадцать адовъ. Когда Арслынъ Тергитей привелъ Мекеле къ адамъ, они всѣ сами растворились. Сдѣлалась пятицвѣтная радуга, и всѣ заключенные поднялись на небо и сдѣлались бурханами. Потомъ они пришли къ восемнадцати адамъ, гдѣ были люди, заключенные на вѣки, ни слуху, ни духу нѣтъ о концѣ мученій (чѣло уга забы уга). Здѣсь двери не отворились. Тогда Мекеле произнесъ восемнадцать заклинаній въ честь Амиты-бурхына, дунулъ, и двери отворились. Явилась пятицвѣтная радуга, всѣ заключенные поднялись на небо и стали бурханами.

Только одинъ богатырь Алачи-Укуръ-Хара-батырь остался; Мекеле не могъ его поднять. Сталъ поднимать за руки—руки оторвались, взялся за поясъ—ноги отстали. Онъ пошелъ къ Ерлику и спросилъ: что это значить. Ерликъ сказалъ: „Этотъ человѣкъ семь лѣтъ рождался на свѣтъ, и каждый разъ во время своей земной жизни онъ убивалъ своихъ отца, мать и учителя (батьши). Когда опростаются восемьдесятъ уурхайевъ (ямъ для зерна), наполненныхъ просомъ (шари таран), выбираемымъ по одному зерну въ годъ, только тогда Алачи-Укуръ-Хара-батырь освободится.“ Мекеле сказалъ: „Я пришелъ опростать всѣ восемнадцать адовъ: выпусти, помилуй и этого послѣдняго, а то мое дѣло будетъ не кончено. Если же ты не выпустишь его, я буду съ тобою сражаться“. И онъ схватилъ свою саблю. Ерликъ сказалъ: „Онъ самъ себя уронилъ туда и пусть лежитъ. Я родился на то, чтобы разбирать худыя и добрыя дѣла; я, Ерликъ-Номынъ-ханъ, разбираю дѣла вѣрно, на волосъ не ошибаясь. Для тебя я выпускаю его на волю на двадцать одинъ годъ, но по истеченіи этого времени онъ опять долженъ идти на свое старое мѣсто. Такимъ образомъ будетъ исполнена воля неба, чтобы ты опросталъ восемнадцать адовъ“. Мекеле сталъ просить прощенія, что онъ вынималъ саблю. Ерликъ-Номынъ-ханъ далъ ему золотую бомбу, наполненную аршаномъ, чтобы онъ былъ бессмертенъ. Мекеле спросилъ у Ерлика, какія главныя добродѣтели и главныя грѣхи. Ерликъ отвѣчалъ: „Главныя добродѣтели—накормить голоднаго, подвести безногаго и поклоняться тремъ драгоценностямъ (гурбы эрдени); грѣхи—брань, обида и побой и непочитаніе „гурбы эрдени“.

Ерликъ-ханъ пожелалъ ему хорошей дороги и сказалъ, чтобы онъ проѣхалъ чрезъ жаркую страну (зуурдан дзон найман хабцагай). Мекеле сѣлъ на Хангила, Арслынъ-Тергитей взялъ Хангила за поводъ и повелъ его. Пріѣхали въ мѣстность, гдѣ множество скота, верблюдовъ, лошадей, коровъ, овецъ, а также и людей, ходятъ, истыканные пиками; плечи поранены, животы издыривлены кровью ручьями бѣжить; чуть ходятъ и по степи стонъ стонитъ. Мекеле спросилъ у Арслынъ-Тергитея: „Отчего это случилось съ ними?“ Тотъ отвѣтилъ: „Двѣнадцать государствъ воевали между собою; израненные въ этой войнѣ люди не могутъ дойти до Ерлика и кружатся въ степи. Отправь ихъ на небо!“ Мекеле помогъ

*

Амитбы-бурхыну, и тотъ поднялъ мучениковъ на небо, сдѣлавъ радугу. Потомъ пріѣхали къ дереву Багъ-модонъ; вѣтви его были усажены дѣтьми и пташками (бокширге), которыя пищали и плакали. Арслынъ-Тергитей сказалъ, что это души дѣтей, умершихъ во время той войны. И этихъ Мекеле переправилъ на небо, помолвившись Амитбы-бурхыну. Арслынъ-Тергитей распростился съ Мекеле и сказалъ: „Ты опросталъ наши восемнадцать адовъ; теперь мы стали, какъ братья!“ И уѣхалъ.

Мекеле поѣхалъ домой (слѣдуетъ описаніе бѣга лошади). Въ шестнадцать дней онъ пріѣхалъ въ свое мѣсто. Подъѣхавъ къ границѣ, онъ взѣхалъ на гору Эрдени-Торко-хара-ула, посмотрѣлъ на свою урго и увидѣлъ—золотой столбъ водруженъ на юртѣ, а съ неба на него слетаетъ желтый хадакъ. Мекеле думаетъ: „Мое желаніе исполнилось, сынъ родился!“ И съ радостнымъ сердцемъ подъѣхалъ къ ургѣ. Снялъ сѣдло и узду съ Хангила и отпустилъ его въ табунъ. Сѣдло и всѣ доспѣхи внесъ въ домъ, надѣлъ свой желтый лабашакъ и увидѣлъ, на золотомъ престолѣ сидитъ годовоі ребенокъ съ золотистыми волосами, ползаетъ и напѣваетъ: „Ом маи падме хом!“ Мекеле взялъ его на руки и нюхалъ. Потомъ онъ отдалъ приказъ, чтобы весь народъ съѣзжался на пиръ, и чтобы, навьючивъ на верблюдовъ, привезли для народа кумысу и вина. Поймавъ неманыхъ кобылъ (байсин гунь), убили и варятъ и жарятъ. Въ бѣлыхъ архятахъ навезли множество кумысу. Въ Далай-Цаганъ-ургѣ старики сѣли на правой сторонѣ, женщины и дѣти на лѣвой, а молодые люди у входа. (Далѣе описывается угощеніе, какъ и при постриженіи самого Мекеле). Царь-отецъ, царица-мать, Мекеле съ женой и его сноха съ его племянникомъ сѣли въ хойморѣ ¹⁾; стали подносить каждому гостю по семидесяти разъ чашу, которую семьдесятъ человекъ не поднимутъ, великую, какъ море. Большой пиръ восьмьдесятъ - пять дней продолжался, большое ликованіе девяносто-пять дней продолжалось. Не дожидаясь солнечнаго восхода, начинали и съ закатомъ солнца не кончали. У старыхъ съ усомъ вино бѣжитъ, между пальцевъ сало течетъ. Всѣмъ людямъ Мекеле годы жизни продолжилъ.

¹⁾ Хойморъ—почетное мѣсто въ юртѣ противъ дверей, занимаемое хозяиномъ.

Мевеле сказалъ: „Настало время моему сыну, которому теперь три года (гунын настай), подрѣзать волосы (хайчильна).“ Мальчику остригли волосы и оставили косичку (тѣбикъ). Мевеле въ свою чашу величиной въ море налилъ кумысу, на края положилъ комки масла величиной съ быка и сказалъ своему сыну ѓрѓль ¹⁾: „Сорокъ тысячъ попать пятой родившійся, десять муджи мангысовъ полонить родившійся, двѣнадцать государствъ, находящихся подъ солнцемъ, спасти родившійся, восемнадцать холодныхъ адовъ освободить родившійся, будь ты Эренъ-Сайнъ-Кійтынъ-Хара-Души на сивосѣрой лошади Дзюрку!“

Отець-царь, царица-мать и всѣ сказали Хара-Души свои ѓрѓли, и стали разѣзжаться. Старики по стариковски на коней сажались, бабы по бабьи на коней садились, а молодые по молодецки, и на три кучи разбившись, поѣхали въ свои нотуки. Гдѣ не было травы, трава пошла, гдѣ не было воды, вода просочилась, у недоинныхъ коровъ молоко потекло! Подъ тѣнью яровъ, въ свѣжей зелени, у прозрачныхъ водъ, безъ войны лѣтуя, безъ надежей зимуя, безъ болѣзней и оханья, безъ походовъ, безъ кашля и насморка, съ полнякомъ въ свѣтъ, съ жиромъ въ тѣлѣ... въ предѣлахъ богами уставленныхъ правилъ наслаждаясь, пребывайте!

ур дондан усюксэн
 уи дондан кокшириксэн
 уин сайхан кокшин албыты
 уйли мордод хариба
 ур дондан усюксэн
 уи дондан цогулуксэн
 экеныр урлю мордод хариба
 ур дондан усюксэн
 уи дондан цогулуксэн
 цзалучит урлю мордод хариба
 хубахай сайгар усун гюйгад
 хубахай модонду намчи ургад
 хушик кѡвѡнду усюн ород
 ерген сюдурту
 убюсюней бюрду
 усунай тонгулукту
 дайн уга даданъ цзусад

¹⁾ Орѓль—благословеніе.

зут уга голдон убюльдзед
ё геху убючин уга
ябу геху заргы уга
хак геху ханад уга
тонг геху тому уга
то бюрун
тому таргын
энкэ сайхан төртей
мёнку сайхан шаджитай
бурхин номын ясор джиргад суба.

(Сарисынъ, Дюрбютъ. Г. Улангомъ).

136. Му-Монто.

У царя Гондола было двѣ жены; отъ старшей родился глупый сынъ, отъ младшей—умный и красивый; первому было имя Му-Монто; царь далъ ему желѣзный щестъ и велѣлъ пасти овецъ; имя младшему было Алтанъ Сэгсэ; его одѣвали хорошо, потому что онъ былъ любимецъ. Однажды Му-Монто, одѣтый въ телячью шубу, подпоясанный веревочнымъ поясомъ, спалъ ночью; пробудившись, онъ видитъ огненный вихоръ до неба, а въ немъ кружится золотое колесо и не можетъ высвободиться; Му-Монто желѣзнымъ пестомъ выкинулъ колесо. Оно сдѣлалось молодымъ красивымъ человѣкомъ, который назвалъ себя Мого-ханомъ; онъ велъ продолжительную войну съ Голто-Мого-ханомъ, былъ побѣжденъ, окруженъ пламенемъ и кружился девяносто лѣтъ. За спасеніе онъ пригласилъ Му-Монто въ гости. Мать подоила двухъ овецъ, на молоко сдѣлала два хлѣба и дала ихъ сыну на дорогу. Му-Монто пошелъ черезъ степи, моря и горы; стеръ ноги до костей, идетъ на колънахъ; стеръ до костей колъна, идетъ на четверенькахъ; стеръ ладони, легъ на брюхо и повалился. Докатился до юрты; въ ней былъ старикъ, который сказалъ ему, что Мого-ханъ близко, и посоветовалъ просить у хана только Агу-Ногонъ. Пришелъ Му-Монто къ Мого-хану и попросилъ Агу-Ногонъ. Мого-ханъ далъ ему снью птичку, завернутую въ золотой платокъ, и желтаго щенка, который дорогою долженъ поймать на пищу тетерева и ястреба. Взявъ подарки, Му-Монто пошелъ назадъ; щенокъ ничего не поймалъ; Му-Монто убилъ его и очутился въ богатомъ дворцѣ лежащимъ рядомъ съ красавицей. Му-Монто испугался и

бѣжалъ изъ дворца. Онъ очутился въ городѣ, зашелъ на базаръ, отобралъ у торговекъ калачей, поѣлъ и сталъ искать мѣста для ночлега, но лошади прогнали его изъ своихъ стойлъ, собаки прогнали его изъ своихъ конуръ. Онъ опять пришелъ во дворецъ. Дѣвица между тѣмъ бросила его телячью шубу въ огонь и сказала ему, что она его жена, что онъ — царь этого города и не долженъ бѣгать изъ дворца. Му-Монто одѣлся въ царское платье и пошелъ на рынокъ; однѣ торговки говорили: „Это тотъ парень, который у насъ отбиралъ калачи. Другія говорили: „Это нашъ царь.“ Въ это время Алтанъ Сэгсэ выѣхалъ посмотрѣть отцовскіе табуны, увидѣлъ новое богатое царство и спросилъ: что это за царь? Ему сказали: „Му-Монто, сынъ Гондола.“ Алтанъ Сэгсэ заѣхалъ къ брату, а потомъ, вернувшись домой, разказалъ о немъ отцу Гондолу. Гондоль позавидовалъ сыну, и съ умысломъ убить его и завладѣть новымъ царствомъ, позвалъ его къ себѣ. Му-Мунто пріѣхалъ къ отцу. Гондоль поручилъ ему съѣздить на тотъ свѣтъ къ дѣду и попросить у него бѣлую лошадь съ сѣдломъ, которую ему Гондоль далъ по смерти его и которую тотъ до сихъ поръ не вернулъ. Му-Монто вернулся домой и сказалъ своей женѣ о порученіи, которое ему сдѣлалъ отецъ. Агу-Ногонъ научила мужа, какъ вести себя въ дорогѣ въ царство мертвыхъ (додо зомби). Му-Монто приходитъ къ черному камню, вызываетъ большую лисицу, и держась за ея хвостъ, спускается въ подземный міръ; тамъ онъ видитъ души, которыя различнымъ образомъ мучатся за грѣхи. Наконецъ, приходитъ къ дѣду; дѣдъ говоритъ ему: „Друга не прогонишь, черезъ печь не перешагнешь“. Потомъ дѣдъ ведетъ его обратно; дорогой онъ толкуетъ казни грѣшниковъ. Сидятъ двѣ женщины; одна ничего не имѣетъ, но все находитъ; въ земной жизни она ничего не имѣла, но все отдавала бѣднымъ; другая была скупая, хотя богатая; за то здѣсь голодаетъ и куритъ пепель, хотя возлѣ ея лежатъ и яства, и табакъ. Нагія женщины обнимаютъ суковатія полѣна и ранятъ себя; это — невѣрныя жены. Мужчины мучатся, будучи соединены руками и ногами; это были воры. Въ большомъ котлѣ кипятъ чиновники и шаманы (ноёт бѣхут), первые — за взятки и неправый судъ, вторые — за большіе поборы за жертвы, за ложное пуганье народа гнѣвомъ духовъ; тутъ были также тѣ шаманы, которые, зная, что больной не выздоровитъ,

вѣтъ, все-таки брались шаманить, чтобы получить доходъ. Женщины соединены губами и языками за то, что кляузничали и ссорили людей. Домашнія животныя стояли по колѣни въ травѣ, а были тощи и падали безъ силъ; это—лошади худыхъ хозяевъ, которыя были такъ заморены, что не могутъ поправиться на хорошихъ кормахъ. Жирныя лошади стоятъ на голыхъ камняхъ; это—лошади хорошихъ хозяевъ, которыя такъ были откормлены, что, стоя на голой скалѣ, не теряютъ жира.

Когда дѣдъ и Му-Монто вышли на этотъ свѣтъ, дѣдъ далъ Му-Мунто бѣлаго коня съ сѣдломъ и велѣлъ передать Гондолу приказаніе пріѣхать на этомъ конѣ къ нему въ царство мертвыхъ. Когда Гондолъ услышалъ повелѣніе своего отца, страшно испугался, но все-таки велѣлъ Му-Монто снова ѣхать къ Эсэгэ Маланъ Тэнгри Бабаю и потребовать назадъ принесеннаго ему въ жертву, когда Му-Монто былъ еще ребенкомъ, бѣлаго барана и девять звѣринныхъ шкуръ. Агу-Ногонъ утѣшаетъ мужа, привязываетъ къ его плечу красную шелковую нитку и своей силою поднимаетъ его на небо. Му-Монто доложилъ Маланъ Тэнгрию требованіе своего отца. Маланъ Тэнгри сказалъ: „Черезъ три дня возвращу эти вещи, которыми онъ заплатилъ мнѣ слѣдующую дань.“ Му-Монто началъ спускаться на землю. Въ это время Эсэгэ Маланъ Тэнгри Бабай ударилъ громомъ и молніей. И Гондолъ со всѣмъ семействомъ, скотомъ и домомъ былъ истребленъ; Му-Монто на его мѣстѣ нашелъ только свою мать, сидящую на бугрѣ. Онъ взялъ ее, привезъ въ свой домъ и сталъ жить съ своею женой Агу-Ногонъ и царствовать.

(Записана г. Галхановымъ у Бурятъ Кудинскаго вѣдомства).

137. Бандынъ Цзанъ ¹⁾.

Такъ назывался послѣдній бѣко (силачъ, богатырь) въ кошунѣ Лу-Гуна. Бандынъ-Цзанъ умеръ голодною смертію въ песчаной гоби, и послѣ него въ кошунѣ Лу-Гуна уже не было силачей. Въ молодости онъ былъ воръ и за воровство былъ посаженъ въ Пекнѣ

¹⁾ Ниже слѣдующія сказки отъ № 137 до № 169 включительно записаны г. Палкинымъ во время его зимовки въ Дархатской землѣ.

въ тюрьму. Въ хара-байшинѣ ¹⁾ просидѣлъ онъ двѣнадцать лѣтъ; услыхалъ онъ тамъ, что у вторыхъ воротъ Эдзень-ханова дворца лежатъ русскій бѣлый силачъ (Орусъ Цаганъ-Бѣко) и никого не пропускаетъ къ Эдзень-хану: всѣхъ переходящихъ черезъ него онъ убиваетъ ногой, не вставая. Бандынъ-Цзанъ сталъ просить, чтобы доложили о немъ въ дзурганъ-ямнъ. Когда узнали, что онъ вызывается убить Цаганъ-Бѣко, его тотчасъ же выпустили. Онъ просилъ приготовить для него три корма, говоря, что онъ отоцалъ, сидя въ хара-байшинѣ. Первый кормъ—сварить сто овецъ такъ, чтобы изъ нихъ получилась одна чашка мяса; другой кормъ—отъ ста овецъ молоко сварить такъ, чтобы получилась одна чашка, третій кормъ—сварить звѣринаго ремня сто сажень такъ, чтобы получилась одна чашка. Велѣвши это варить, пошелъ самъ посмотрѣть на Цаганъ-Бѣко; изъ первыхъ воротъ посмотрѣвши, увидалъ онъ, что-то длинное и бѣлое лежитъ у вторыхъ воротъ. Онъ воротился, съѣлъ два корма, отправился опять на ханскій дворъ и перескочилъ черезъ Цаганъ-Бѣко впередъ и назадъ, ушелъ и съѣлъ третье блюдо. Пришелъ опять къ Цаганъ-Бѣко. Тотъ всталъ, чего раньше не дѣлалъ, и стали они бороться; подняли страшную пыль, выбили огромную яму, а побороть другъ друга не могутъ; боролись три мѣсяца. Послѣ этого Цаганъ-Бѣко сказалъ, что не одолѣть его силой, но такъ какъ ему смерть суждена на этомъ мѣстѣ, то онъ и откроетъ Бандынъ-Цзану тайну, какъ убить его; онъ сказалъ, чтобы Бандынъ-Цзанъ ударилъ его повыше лодыжки правой ноги, и что тогда онъ, Цаганъ-Бѣко, умретъ. Бандынъ-Цзанъ такъ и сдѣлалъ. Ударилъ Цаганъ-Бѣко по выше лодыжки и убилъ. Эдзень-ханъ сталъ предлагать Бандынъ-Цзану большія награды, но онъ ото всего отказался, попросилъ только, чтобы закололи ему быка и накормили до сыта. Наѣвшись, онъ пошелъ сейчасъ же домой; предлагали ему провожатыхъ, но онъ отъ нихъ отказался. Шелъ пятнадцать дней голодомъ, наконецъ по дорогѣ увидалъ табунъ лошадей, закололъ одну лошадь и съѣлъ; на другой день остался тутъ дневать и другую лошадь съѣлъ; когда пріѣхалъ хозяинъ лошадей, Бандынъ-Цзанъ подалъ ему обѣ шкуры съѣденныхъ лошадей; обидѣлся хо-

¹⁾ Хара-байшинъ, то-есть, „черный домъ“,—тюрьма.

зяинь, однако взял шкуры и уѣхалъ. Пошелъ Бандынъ-Цзанъ дальше; на встрѣчу ему бѣжитъ Сюку-Мангысь; схватилъ его, взялъ подъ пазуху и побѣжалъ дальше: ѣдетъ Китаецъ на верблюдѣ; и его также Сюку-Мангысь подхватилъ подъ другую пазуху и побѣжалъ дальше. Притащилъ ихъ къ одному камню, отворотилъ его; подъ нимъ былъ спускъ внизъ. Сначала лѣстница была тѣсная и темная, а потомъ просторно стало, и сверху откуда-то свѣтъ падалъ. Мангысь разложилъ большой огонь, положилъ въ него большущій вертѣль, а самъ, сидя у огня, задремалъ и сталъ клевать носомъ къ самому огню; Китаецъ все смѣялся; вдругъ мангысь очнулся, схватилъ вертѣль, насадилъ на него Китайца и поставилъ на огонь; сало такъ и затрещало, капая на огонь. Бандынъ ждалъ своей участи. Живо съѣлъ Мангысь Китайца и положилъ опять вертѣль въ огонь; въ это время послышался стукъ по лѣстницѣ; Бандынъ увидалъ, что бѣгутъ шесть барановъ, прибѣжали и улеглись въ углу у стѣны. Мангысь, съѣвши Китайца, еще пуще сталъ дремать, наконецъ совсѣмъ свалился и заснулъ. Бандынъ какъ увидалъ это, схватилъ вертѣль и выкололъ ему глазъ, который у него только одинъ во лбу и былъ. Мангысь заревѣлъ, заметался, полѣзъ прежде на лѣстницу, завалилъ крѣпче камень и сталъ искать Бандына; шарилъ, шарилъ—Бандынъ все отъ его длинныхъ рукъ увертывался; наконецъ, Мангысь повалился и уснулъ. Тогда Бандынъ разложилъ большой огонь, зарѣзалъ одного барана; мясо изжарилъ и съѣлъ, а въ шкуру самъ залѣзъ и ждалъ утра. Мангысь утромъ всталъ, и отваливши камень на столько, чтобы баранъ могъ пройти, съѣлъ у входа и сталъ пропускать по одному барану, ощупывая каждого. Бандынъ полѣзъ послѣднимъ; Мангысь, ощупывая по спинѣ, дошелъ до того мѣста, гдѣ шкура кончалась, и схватилъ за край шкуры; Бандынъ—нечего дѣлать,—не пожалѣлъ шубы, рванулъ, оставилъ подолъ въ его рукавъ, а самъ убѣжалъ, но выбѣжалъ въ пустыню да и заблудился; тамъ и умеръ. Теперь, кто ѣдетъ въ Пекинъ, видятъ на дорогѣ камень: это и есть Бандынъ-Цзанъ; отъ него всегда берутъ немного песку, чтобы благополучно черезъ пустыню проѣхать. А Мангысь опять сталъ зрячимъ и опять таскалъ людей и ѣлъ; теперь по дзарику Эдзень-хана приложили Эдзень-ханову печать къ его подземелью, и онъ уже больше не выходитъ.

138. Хаеринъ-Харъ-Бёко.

Въ вершинѣ Шарай-Гола жилъ богатырь Хаеринъ-Харъ-Бёко, а Шаргольджинъ ханъ жилъ въ низу. У Харъ-Бёко была старшая сестра Кангынъ-Цаганъ-эгечи. Разъ Харъ-Бёко пріѣхалъ съ охоты, набивъ дичи много: крупной дичи наклавъ, какъ аргылу (скотскаго навоза); мелкая дичь, какъ утукъ (навозъ), покрыла землю. Привязалъ онъ дичь въ торока, пріѣхалъ домой и сталъ звать сестру помочь ему сложить добычу, но она не вышла, и онъ засталъ ее въ слезахъ. Онъ спросилъ ее: о чемъ она плачетъ. Она ему отвѣчала: „Принеси зайца величиной съ овцу, который на сѣверной горѣ ходитъ (хойто улында ябысынъ хонинъ чиненъ боръ тулай апчиръ), тогда я плакать не буду“. Онъ поѣхалъ и привезъ ей зайца; сестра его перестала плакать. На другой день опять онъ засталъ ее въ слезахъ; сталъ спрашивать: отчего она плачетъ. Она сказала: „Для чего у насъ на сѣверной рѣкѣ двадцать тысячъ коурныхъ кобылъ (конкоръ гуе)? Почему бы намъ не насидѣть вина и чигена (кумыса)?“ Хаеринъ-Харъ-Бёко уѣхалъ за кобылами, чтобы пригнать ихъ домой. Сестра въ это время положила зайца въ золотой ящикъ и пустила въ низъ по рѣкѣ; на ухахъ его она написала: „Я, дѣвица, живу въ верху этой рѣки, почему никто не пріѣдетъ и не возьметъ меня?“

Братъ пригналъ табунъ, и она стала сидѣть вино; насидѣвши вина, сдѣлала десять когкуровъ ардзы и двадцать когкуровъ хордзы. Когда братъ пришелъ, она стала его угощать этимъ ядомъ. Выпивъ первый когкуръ, онъ проговорилъ: „Я держу двадцать тысячъ кобылицъ, я твой старшій братъ (танай аха би)! двадцать тысячъ каурыхъ лошадей, будьте моими младшими братьями (ихи хоринменгу хонгур ату надосъ дю болою)! За рѣкой распущенные ангиро-пѣгіе десять тысячъ лошадей, будьте моими младшими братьями!“ (ар голдо залысын арба-менгу ангиралык аду надосъ дю болою)! и другой когкуръ выпилъ. Сказавъ: „Ганджуръ-Танджуръ будь моимъ братомъ (ганджуръ танджуръ шуэнк надосъ дю болою)!“ выпилъ и третій. Послѣ этого онъ сталъ пить ардзу; выпилъ десять чашекъ — во рту стало жарко; выпилъ двадцать чашекъ харцзы, пьянъ сдѣлался и легъ. Вдругъ послышался шумъ. Братъ спросилъ сестру: „Что это

за шумъ?" Она отвѣчала, что это двадцать тысячъ кобылицъ съ жеребятами играютъ. „Нѣтъ, не конскій это топотъ, то чирики идутъ! Достань мнѣ мою кольчугу.“ Сестра спрятала его кольчугу, взяла его девяносто-четырехъ струнный, стрѣлой Эндырва-Цаганъ снабженный, изъ семидесяти козловыхъ роговъ сдѣланный черный лукъ, по имени Тарха, съ чернымъ сайдакомъ Аркай, и шлемъ черную шапку (прин дюрба онтэй эндырва-цаган сумутэй талын техэ убюрер хійсын аркай хар садытетэй тарха хар ном энгерин сегурь болсын тулгун хар малахай), и ушла на встрѣчу къ чирикамъ, посланнымъ за нею отъ Шаргологжинъ хана. Служанки этого хана, поймавъ на водѣ ящикъ съ зайцемъ, принесли его къ нему, и онъ, узнавъ, что дѣвица ищетъ жениха, послалъ тысячу чириковъ взять ее. Пьянаго Хаеринъ-Харъ-Бѣко чирики завалили семью горами, все забрали и ушли. Двѣ служанки (хоиръ шюбукчи) Шаргологжинъ хана узнали объ этомъ и пошли ему помогать; взяли съ собою немного мяса, пришли подъ тѣ горы, которыми Хаеринъ-Харъ-Бѣко былъ придавленъ, и увидали, что у него голова изъ-подъ горы высунулась. Онѣ сказали ему, что пришли ему помогать; онъ попросилъ ѣсть; онѣ сварили мясо, нарѣзали и стали ему въ ротъ класть. Когда съѣлъ онъ мясо и выпилъ наваръ, онъ сказалъ, чтобъ онѣ уходили какъ можно дальше, а какъ услышать большой шумъ, такъ послѣ этого шли бы къ нему назадъ и несли ползвѣрца мяса, которое они найдутъ на дорогѣ. Шюбукчи ушли за гору; услышавши шумъ, опять къ нему пошли, нашли по дорогѣ убитаго звѣря, отрубили заднія ноги и принесли къ Харъ-Бѣко; онъ уже по поясъ выдвинулся изъ-подъ горы. Они опять сварили мясо, онъ его съѣлъ, выпилъ наваръ и сказалъ, чтобъ онѣ опять ушли и приходили бы послѣ того, какъ шумъ услышать. Онѣ такъ и сдѣлали. На этотъ разъ, когда онѣ воротились, Хаеринъ-Харъ-Бѣко только уже пылъ съ себя отряхалъ. Всѣ трое пошли за горы, нашли тамъ звѣря, котораго осколкомъ скалы убило, когда Харъ-Бѣко горы раскачалъ, изъ-подъ нихъ вылѣзая; сварили звѣря и съѣли. Хаеринъ-Харъ-Бѣко такъ ѣлъ, что кости черезъ носъ выпускалъ. Наѣвшись, онъ отвелъ женщину въ безопасное мѣсто, набилъ имъ дичи и сказалъ, чтобъ онѣ его не дожидались, а самъ ушелъ и сдѣлался батырчи. Подходя къ царству Шаргологжина, онъ встрѣтился съ ханомъ. Ханъ спросилъ у него: что онъ за человекъ и

зачѣмъ пришелъ? Батырчи отвѣчалъ, что пришелъ онъ съ верховьевъ Шорой-гола просить милостыни. Ханъ спросилъ его: не видалъ ли онъ тамъ Хаеринъ-Харъ-Бѣко? „Какъ не видать“, говорить батырчи, — „видѣлъ одну только его голову, что семью горами завалена“. Ханъ сказалъ: „Хорошій ты человекъ; за добрыя вѣсти (за добрыя твои слова) пойдѣ ко мнѣ въ юрту, я угощу тебя чаемъ“. Батырчи пришелъ въ юрту; сестра узнала его по голосу; а онъ увидалъ свой черный лукъ, схватилъ его, натянулъ стрѣлу и убилъ Шарголоджинъ хана; потомъ онъ поймалъ двухъ кобылицъ, привязалъ сестру къ нимъ за ноги, пустилъ ихъ по полю, и они ее разорвали. Бѣко привезъ къ себѣ хонръ-шубукчи и сталъ съ ними жить счастливо, ханомъ сдѣлался.

(Запис. отъ Урянхайца Дзулту).

139. Шанъ Тондубъ и Тамба Шанджи.

У Эренчинъ-Джончинъ-хана не было дѣтей, и онъ послалъ свою жену къ гелюngu, который жилъ въ пещерѣ и спасался. Гелюнгъ сказалъ ей, что у нея будетъ сынъ. Попедши назадъ, она увидала на дорогѣ дѣвушку, которая лежала на травѣ; она взяла ее съ собою. Когда прибыли они домой, ханъ взялъ эту дѣвушку за себя замужъ; отъ обѣихъ женъ родилось по сыну. Ханъ снова послалъ къ гелюngu и просилъ его дать дѣтямъ имена. Гелюнгъ сказалъ: „Отъ первой жены родившагося ребенка назовите Шанъ-Тондубъ, а отъ второй—Тамба-Шанджи.“ Дѣти росли вмѣстѣ, любили другъ друга и вмѣстѣ играли; Тамба-Шанджи звалъ сына первой жены дядей (ава-аха, „отецъ-братъ“).

Однажды младшая жена услышала, что ханъ хочетъ передать ханство сыну первой жены; она расплакалась, притворилась больною; ханъ созвалъ лѣкарей, и они сказали ему, что его жена больна отъ думы. Ханъ спросилъ ее: о чемъ она горюетъ? Она сказала: „До тѣхъ поръ я не буду спокойна, пока сынъ твоей первой жены не будетъ удаленъ“. Она надѣялась, что когда Шанъ-Тондуба удалятъ, то ея сынъ будетъ ханомъ. Ханъ, любя ее, послушался, велѣлъ завьючить одного слона, положить мѣшокъ крупы и велѣлъ сыну уѣзжать; но младшій сынъ никакъ не хотѣлъ разлучаться со старшимъ братомъ, и ханъ ихъ обоихъ велѣлъ отвес-

ти въ пустыню. Тамъ они съѣли крупу, бросили тогда слона и пошли дальше; воды не было; младшій умиралъ отъ жажды и совсѣмъ изнемогъ; старшій понесъ его на себѣ, но и самъ обезсилѣлъ. Увидавъ, что братъ его уже не дышетъ, онъ свесъ его подъ дерево зандынъ, завернулъ листьями этого дерева и пошелъ дальше, грустя и плача о братѣ.

Дошелъ онъ до одной пещеры, гдѣ жилъ лама, который уже давно не вставалъ съ мѣста; у него на колѣняхъ выросли цвѣты; Шанъ-Тондубъ сталъ готовить и подносить пищу этому ламѣ и назвался его сыномъ. Неподалеку отъ нихъ жилъ ханъ, который приносилъ въ жертву людей, родившихся въ годъ лу (дракона). Однажды Шанъ-Тондубъ, играя, побѣждалъ всѣхъ; ханъ велѣлъ спросить его: какого онъ году? По его мнѣнью, такой мужественный человѣкъ (эръ-хунь) непременно долженъ быть луджилтей, то-есть, родившимся въ годъ дракона. Не зная, что такихъ людей бросаютъ въ море въ жертву Лусай-хану, Шанъ-Тондубъ сказалъ, что онъ—луджилтей. Когда настало время приносить жертву морю, ханъ послалъ къ старику, чтобы привели его сына; старый лама спряталъ сына подъ котелъ. Кя (слуги хана) стали требовать у старика сына: „А не то,“ говорятъ, — „мы тебя бросимъ, ты тоже должно быть луджилтей“ (драконова года). Шанъ-Тондубъ, услышавши это, вышелъ изъ подъ котла и говоритъ: „Не трогайте моего отца, возьмите меня“. Бросили его въ море, но онъ тамъ не умеръ, а пошелъ дальше и пришелъ во дворецъ Лусай-хана. Ханъ принялъ его, научилъ ному (книгамъ) и отпустилъ обратно. Тогда онъ опять пришелъ къ ламѣ; здѣсь его узнали ханскіе луги и донесли хану, что онъ вышелъ изъ моря; ханъ потребовалъ его къ себѣ и сталъ разпрашивать. Шанъ-Тондубъ разказалъ о своемъ происхожденіи, сказалъ, что его младшій братъ остался въ пустынѣ. Тогда ханъ далъ ему людей и лошадей и отпустилъ въ пустыню, чтобъ отыскать его младшаго брата. Шанъ-Тондубъ пріѣхалъ подъ то дерево, гдѣ оставилъ брата, но не нашелъ его, и сталъ спрашивать проходящихъ и проѣзжающихъ: не видали ли они нагаго мальчика. Ему сказали, что видѣли человѣка, обросшаго шерстью, который ходитъ и кричитъ: „авâ ахâ“. Шанъ-Тондубъ прокричалъ: „Тамба-Шанджи, ава аха тебя зоветъ!“ И Тамба-Шанджи явился. Шанъ-Тондубъ стеребилъ съ него шерсть, на-

училъ ному и самъ сталъ Бурхын'омъ-Бакши, а Тамба-Шанджи сталъ Далай-Ламой.

140. Гумъ ханъ.

Гумъ-ханъ ѣздилъ на охоту и встрѣтилъ дѣвушку-красавицу, полюбилъ ее и взялъ за себя замужъ. Она была шульмусъ, дочь Мангыса; отецъ нарочно послалъ ее соблазнить хана, чтобы дѣлать ему зло, сдѣлавшись его женой.

Возвратясь домой, Гумъ-ханъ сдѣлалъ праздникъ по случаю своей свадьбы; раньше у него была уже жена и два сына Тайджи-Дава и Тайджи-Нема. Молодая жена, завидуя старшинству этихъ тайджей, отравила старшую жену.

Разъ Гумъ-ханъ, возвратясь съ охоты, засталъ свою молодую жену больною; она сказала ему, что не выздоровѣетъ до тѣхъ поръ, пока не съѣстъ сердца и почку двухъ тайджи. Ханъ призвалъ къ себѣ тамга-нойона ¹⁾ и поручилъ ему заколотъ дѣтей; но тотъ не убилъ ихъ, а спряталъ въ сдѣланное подземелье, заколотъ двухъ собакъ и поднесъ сердца и почки ихъ ханьшѣ. Она, узнавъ отъ служанокъ, что съѣла собачьи почки, опять притворилась больною, и когда ханъ прѣехалъ съ охоты, она рассказала ему, что ее обманули, дали ей собачьи почки. Ханъ опять послалъ за тамга-нойономъ; на этотъ разъ онъ велѣлъ принести сердца, почки и мизинцы. Тамга-нойонъ нашелъ двухъ мертвыхъ мальчиковъ подходящаго возраста, и взявъ отъ нихъ все, чего требовалъ ханъ, принесъ и отдалъ; при этомъ онъ плакалъ, какъ будто дѣйствительно убилъ тайджи. Между тѣмъ онъ надѣлилъ ихъ мясомъ и водой, указавъ дорогу и отправилъ въ путь. На дорогѣ имъ надо было пройти три гоби (пустыни). Двѣ они уже прошли, какъ у нихъ вода истощилась, и младшій Нема-тайджи упалъ въ изнеможеніи; старшій сталъ читать молитву, и Богъ послалъ дождь; Дава-тайджи подставилъ чашку, которая наполнилась водой; ею онъ напоилъ брата. Они пошли дальше и встрѣтили пастуха, который пасъ овецъ. Они спросили его: „Чей это табунъ?“ Пастухъ отвѣчалъ, что это табунъ хана: „Вы“, говоритъ,—

¹⁾ Тамга—печатъ, нойонъ—дворянинъ, сановникъ.

идите дальше къ другому пастуху, который пасеть коровъ; онъ вамъ укажетъ ханское ургö; онъ самъ хану родственникъ“ (тюр-гюль). Коровій пастухъ указаль имъ дорогу къ хану, свазаль, чтобъ они зашли напередъ въ ближній аяль, а то у хана собаки сильно злы. Тутъ ихъ напоили, накормили и проводили къ хану; у него они прогостили семь дней, подробно разказали хану свои приключенія, и онъ послаль ихъ къ Хата-Талай, гдѣ есть рѣка Халдэу Уланъ-муренъ (бѣшеная красная рѣка); течеть она айрикомъ (кислымъ молокомъ) и виномъ; народъ, живущій тамъ, блаженствуетъ (джиргалабайна). Въ той сторонѣ прожили они до тѣхъ поръ, какъ младшему брату исполнилось восемнадцать лѣтъ, послѣ чего они пошли отца провѣдать. Пришли въ то время, когда всѣ въ домѣ спали; старшій братъ, прочитавъ номъ, дунуль на мачиху, и она лишилась жизни. Ханъ ужасно гореваль: онъ не разлучался съ трупомъ; тамга-нойонъ собраль цугланъ (народное собраніе) и сталъ уговаривать хана, чтобы онъ не грустиль и съѣздиль на охоту. Ханъ послушался и поѣхаль; на дорогѣ, когда онъ возвращался, встрѣтилъ ему красавица дѣвушка; ее поставиль тутъ на дорогѣ и сдѣлаль красивою Дава. Ханъ, удивившись ея красотѣ, свазаль: „Неужели это дѣвушка изъ моего ханства?“ Онъ взяль ее съ собою, но когда вернулся домой, онъ опять упаль на тѣло своей мертвой жены, обнималь ее и плаваль. Опять выманили его изъ дому на охоту; во время его отсутствія взяли трупъ жены, увезли за семь горъ, вырыли яму въ девять сажень, зарыли и завалили камнемъ съ быка величиной. На дорогѣ домой хану опять попалась дѣвушка еще красивѣе прежней. Онъ взяль ее съ собою. Приѣхавъ домой, онъ не нашель трупа своей жены и на другое утро поѣхаль его искать. Уѣхавши за семь горъ, онъ увидалъ два зандынъ-дерева, растущія по краямъ камня величинной съ быка. Тогда ханъ свазаль: „Вѣрно тутъ моя жена! Она превратилась (хубилжи) въ эти два дерева“. Онъ сталъ срывать листья съ деревьевъ, нюхаль ихъ и куриль, удивляясь ихъ запаху. (Вотъ отъ того теперь и стали всѣ табакъ курить и нюхать) На возвратномъ пути онъ опять встрѣтилъ красивую дѣвушку; на этотъ разъ онъ уже дѣйствительно полюбилъ ее, взяль за себя замужъ и сталъ жить счастливо. Дѣти его сдѣлались солнцемъ и мѣсяцемъ. Имена ихъ тангутскіе: Нема солнце, Дава мѣсяць.

141. Два бѣхѣ ¹⁾ Комбу.

Было два брата бѣхѣ Комбу старшій и Комбу младшій. Старшій сталъ звать младшаго на охоту въ Русскую землю на Урусь-Янъ-Олу. Младшій далъ слово ѣхать, но пришедши домой, задумался; три дня не ѣсть, не пьетъ. Жена стала спрашивать: отчего онъ печалится? Онъ сказалъ, что далъ слово брату ѣхать въ опасную дальнюю дорогу; она пошла къ его родителямъ и указала имъ это. Когда старшій Комбу пріѣхалъ за братомъ, отецъ и мать сказали, что не отпускаютъ они своего Комбу ѣхать съ нимъ.

Братъ сказалъ, что онъ одинъ поѣдетъ; пусть братъ не печалится, что далъ слово и не ѣдетъ. Пріѣхавъ къ Янъ-Олѣ, Комбу убилъ козулю (дзуря), изжарилъ ее, повѣсилъ мясо на дерево, а самъ поѣхалъ опять промыслять, но ничего не убилъ, воротился и сталъ ѣсть жареное мясо; когда сталъ доѣдать, то замѣтилъ, что нѣтъ одной почки, и задумался онъ. „Не могъ же звѣрь быть объ одной почкѣ! Вѣрно здѣсь еще кто-нибудь живетъ“, подумалъ онъ. Надѣлъ на бревно свою одежду, а самъ отошелъ въ сторону и спрятался съ ружьемъ, а бревно, прикрытое одеждой, у большого огня оставилъ. Въ полночь видитъ — идетъ высокій бѣлый старикъ съ огромнымъ широкимъ топоромъ; принявши прикрытое бревно за человѣка, старикъ ударилъ по немъ острымъ топоромъ; въ это время Комбу выстрѣлилъ; старикъ зажалъ рукой рану и сталъ звать къ себѣ на помощь, крича: „Умираю!“ Когда Комбу подошелъ, старикъ сталъ разказывать ему, что онъ — русскій изгнанникъ, что жилъ онъ здѣсь двѣнадцать лѣтъ и много накопилъ добра; много у него звѣринныхъ шкуръ, есть два ружья, изъ которыхъ не давалъ онъ промаха во всѣ двѣнадцать лѣтъ; и все это отказываетъ онъ ему; есть у него два котла; если стукнуть легонько по одному, будетъ готовъ чай; если стукнуть по другому, будетъ готова пища, какую пожелаешь; есть много серебра и золота. Разказалъ ему, какъ найти дорогу къ его ялу, указалъ тропинку, которая вела на утесъ. „Тамъ“, говорилъ онъ, — „найдешь ты два жилища: въ одномъ жилъ я, въ другомъ стоятъ котлы, а на право въ пещерѣ сложены шкуры“. Потомъ еще сказалъ, что убить его

¹⁾ Бѣхо — силачъ, богатырь.

хотѣлъ затѣмъ, чтобы, завладѣвши лошадьми, возвратиться на родину. Сказавъ все это, старикъ отнялъ руку отъ раны, упалъ и умеръ. Комбу нашель все, какъ сказалъ старикъ, отдохнулъ тутъ два дня, собралъ все дорогое оружіе и котлы и воротился домой.

142. Хурюн Халдын Халгачи ¹⁾.

Хурюнь Халдынъ Халгачи поѣхалъ разъ куда-то на восьми верблюдахъ. Подъѣзжаетъ къ горѣ, спрашиваетъ: „Куда ведетъ эта дорога?“ Ему отвѣчаютъ: „Дорога ведетъ туда, куда тебѣ слѣдуетъ ѣхать, но теперь по ней ѣзды нѣтъ; на горѣ два шулмуса поселились, убиваютъ проѣзжающихъ. Поѣзжай“, говорятъ, — „вокругъ горы; хоть на три дня путь длиннѣе, да вѣдь жизнь дороже скота“.

Халгачи поѣхалъ прямо черезъ гору, остановился тамъ ночевать, развьючилъ верблюдовъ, разложилъ огонь, сварилъ мяса, наѣлся, и положивъ мѣшокъ съ мукой на землю, покрылъ его своею шубой, а самъ спрятался за дерево, взявъ съ собою ружье. Вскорѣ увидалъ онъ шулмуса съ красномъ носомъ; шулмусъ подошла къ покрытому мѣшку и вонзила въ него свой носъ. Халгачи выстрѣлилъ и отбилъ у нея носъ; шулмуса не стало, только вдругъ Халгачи слышитъ, кто-то разговариваетъ. Одинъ шулмусъ говорить другому: „Ступай“, говоритъ, — „Ходжигда, посмотри сама; у меня силы нѣтъ безъ носа“. Ходжигда пришла къ Халгачи и предложила ему свою дружбу. „Не убивай“, говоритъ, — „меня; я тебѣ все сдѣлаю, что ты хочешь, подружись только со мною“. „Да я тебя не вижу“, говоритъ Халгачи. „Ничего, ты только позови меня; я буду откликаться, ты и будешь знать, что я съ тобою“. „Все-таки желалъ бы я тебя посмотрѣть“, говоритъ Халгачи. Представилась она его глазамъ: тоненькая какъ пальчикъ, на тонкихъ ножкахъ и съ короткимъ мѣднымъ носомъ. Показалась и сейчасъ же опять исчезла, и говоритъ ему: „Я теперь полечу впередъ, къ богатому человѣку въ аилъ и сдѣлаю больной его дочь, а ты, когда пріѣдешь, проси сколько хочешь за то, чтобы ее вылѣчить, и когда мнѣ скажешь, я оставляю больную.“ Шулмусы улетѣли. Халгачи пріѣхалъ въ богатый аилъ, тамъ его спрашиваютъ: не лѣкаръ ли онъ, не вылѣчить ли ихъ дочь? Онъ назвался лѣкаремъ, угово-

¹⁾ Привратникъ коричневый Халдынъ.

рился, что за лѣченіе они дадутъ ему верблюдовъ. „У моихъ“, говоритъ, — „спины у всѣхъ стерты“. Вылѣчилъ онъ имъ дочь, и они не только верблюдовъ ему дали, а еще всѣхъ ихъ серебромъ и шелковыми матеріями навьючили; отправился онъ дальше. На ночлегѣ онъ говоритъ: „Хаджигда, принеси мнѣ съ неба Гурба-Эрдени“ (три драгоцѣнности). Она улетѣла, уврала у Хурьюсты-хана гурба-чендамынь и стала спускаться съ неба. Лу сталъ ее догонять и она бросила одну эрдени, а двѣ принесла къ Хурюнь Халдынь Халгачи. Тогда онъ опять послалъ ее принести брошенный Лунь шюръ убюръ (рогъ Луншюра). Принесла она и рогъ и отдала Халгачи; потомъ онъ видитъ огромную черную тучу; говоритъ Халгачи: „Спрячь меня подъ котель“. Спряталъ онъ ее, тамъ ее и убило ¹⁾. Тогда Халгачи возвратился домой и сталъ богатымъ человѣкомъ. Гурба-Эрдени онъ отдалъ Богдо, у котораго они и теперь хранятся, а самъ попалъ въ исторію; одинъ его чумыкъ (бедренная кость) хранится въ дархатскомъ куренѣ.

(Записано отъ Дархата Тюдюба).

143. Братя Тамъ и Шамъ, мужья Цаганъ и Ногонъ Дарихэ.

Жили два брата, богатыря, одинъ Тамъ съ лошадыю. Хурюнь-Яманъ (коричневый козель), рога остры какъ пика, черно-коричневые копыта, съ зубами крестовидно-серебряными (или съ зубами какъ серебряныя гвозди), каждый волосъ исписанъ, конечности окрыленныя (тамъ хурюн яман моритей хурюль джит убюртей хурюн турутэй хас менгу шудютэй усь болгон узюктей уй болгон джи беретей). Другой младшій назывался Шамъ; Шамъ читалъ однажды номъ; въ это время явилась къ нему дочь Лусай-хана, Отконъ Цаганъ Дагине. Когда она слушала его чтеніе, у нея капнула слеза; изъ этой слезы родился сынъ; потомъ капнула изъ другаго глаза слеза; и изъ нея родился сынъ. Имъ даны были имена Манъ и Санджа.

Когда Шамъ прочиталъ номъ, то Отконъ Цаганъ Дагине не совсѣмъ ушла, а спряталась въ дверяхъ. Шамъ пошелъ на улицу, съ удивленіемъ замѣтилъ, что двери стали тяжелыя и увидалъ тутъ Отконъ Дагине. Онъ спросилъ ее: почему она не ушла домой;

¹⁾ Громомъ?

она сказала, что хочетъ быть его женой. Онъ взялъ ее въ жены; это была хубилганъ Цаганъ Дарихэ. Старшій братъ жилъ на небесахъ и увидѣлъ во снѣ, что братъ женился; онъ пріѣхалъ къ нему; шестьдесятъ дней веселились они, восемьдесятъ дней пиръ былъ; потомъ Танъ снова уѣхалъ на небо. Когда онъ спалъ, то опять увидѣлъ сонъ, что и онъ долженъ жениться; было ему сказано: „Поѣзжай на востокъ, тамъ найдешь сумунъ (монастырь), гдѣ живутъ двадцать-одна дагине; ты изъ нихъ долженъ взять одну въ жены“.

Онъ поѣхалъ, нашелъ сумунъ и увидѣлъ на оградѣ повѣшанную Абыргамогой (змѣю Абырга). Змѣя просила его, чтобъ онъ ее освободилъ. „Я“, говорить,— „за это укажу тебѣ, которую изъ дагине ты долженъ взять въ жены. Здѣсь двадцать-одна дагине; каждое утро они ходятъ вокругъ ограды и поютъ пѣснь двадцать-одной дарихе (хорин ниг дархе). „Ты“, говорить змѣя,— „поймай послѣднюю всю въ зеленомъ; она хоть теперь и некрасива, но когда ты ее возьмешь, будетъ всѣхъ красивѣе“. Танъ отпустилъ змѣю и сдѣлалъ такъ, какъ она его научила; Ногонъ Дарихэ сдѣлалась его женой.

144. Мутукъ Дайнъ или Харъ Бакши.

Харъ Бакши говорилъ, что Бога нѣтъ, и Номъ (книгу) и ученіе называлъ обманомъ. Джицункубъ ¹⁾ узналъ, что онъ говоритъ такія слова народу, и послалъ къ нему двухъ своихъ учениковъ (шаби); они не могли убѣдить Мутукъ Дайна, что Богъ есть. Тогда Джицункубъ, переродившись (хубиль юнар), послѣшилъ самъ къ нимъ на помощь. Стали всѣ трое убѣждать Харъ-Бакши увѣрять въ Бога. Онъ убѣждалъ отъ нихъ на небо; Джицункубъ погнался за нимъ; Харъ-Бакши былъ уже высоко подъ самымъ „санфынъ сердце“ (это вѣчно вертающееся мѣсто на небѣ). Джицункубъ

¹⁾ Джицункубъ Бурханъ, по словамъ Дархатовъ, показалъ ламамъ правила богослуженія, а простымъ людямъ правила жизни. У него было два „шаби“—Джалзынъ и Хайрынъ; въ прежнее время онъ ходилъ по землѣ и училъ народъ, какъ жить, и обращалъ много невѣрныхъ въ свою вѣру. На иконахъ рисуютъ у него на правой рукѣ сто-восемь дзулъ (свѣчей или лампадъ). Празднуютъ ему 25-го числа средняго зимняго мѣсяца.

закричалъ ему: „Смотри, голову потеряешь!“ Мутузъ Даниъ взглянулъ вверху, увидалъ санфынъ сердце и опустился на землю; тутъ его поймали и посадили въ башню, наполненную книгами. Мутузъ Даниъ, посмотрѣвши одну книгу, сказалъ: „Что это за ученіе!“ И положилъ книгу подъ сидѣнье. Черезъ нѣсколько времени онъ точно отъ сна проснулся, увѣровалъ, подобралъ всѣ книги по порядку; сталъ молиться и плакать, прося у Бога отпущенія грѣховъ. Теперь онъ Бурханомъ сдѣлался.

145. Хубогай Хуйныкъ.

Лежалъ разъ Хубогай-Хуйныкъ на сурочьей ямѣ, изъ которой онъ сурка выкопалъ; прибѣгаетъ лиса и говоритъ: „Спрячь меня, за мной охотники гонятся; я“, говоритъ,—„тебя потомъ награжу“. „Ладно“, говоритъ Хубогай-Хуйныкъ,—„ложись въ эту яму, я тебя собою прикрою“. Она спряталась. Приѣхали охотники, спрашиваютъ Хубогай-Хуйныка: не видалъ ли онъ лисицы. Онъ сказалъ: „Не видалъ“. Они уѣхали. Лисица тогда сказала: „Ну, я тебя за твою услугу женю на дочери Хурмустенъ-хана“. „Полно болтать пустяки“, сказалъ на это Хуйныкъ,—„у меня до сихъ поръ рубахи не бывало, а ты хочешь меня женить на дочери Хурмустенъ-хана, ты бы лучше дала мнѣ поѣсть чего-нибудь“. Лисица убѣжала; попался ей на встрѣчу мораль; она говоритъ ему: „За тобою охотники гонятся, бѣги скорѣе къ Хубогай-Хуйныку, проси его спрятать тебя, онъ спасъ меня отъ смерти“. Мораль послушался, побѣжалъ къ Хубогай-Хуйныку и просить его спрятать, потому что за нимъ охотники гонятся. „Ладно“, говоритъ Хубогай-Хуйныкъ,—„полѣзай въ эту яму“. Мораль легъ въ яму; тутъ его и зарѣзалъ Хубогай-Хуйныкъ. Лисица опять прибѣжала, говоритъ: „Пойду сватать за тебя дочь у Хурмустенъ-хана“. Пришла къ хану и говоритъ: „Дайте вѣсковъ свѣшать серебро у Баниъ-Хуйныка (у богатаго Хуйныка); живетъ онъ одинъ и очень богатъ“. Ей дали вѣсы; она на нихъ вѣшала камни до того, что протерла дно у чашки, раздобыла гдѣ-то три лана серебра, пошла къ Хурмустенъ-хану благодарить за вѣсы, извиняется, что попорчены и даетъ три лана на починку. „Да еще“, говоритъ,—„Баниъ-Хуйныкъ просить вашу дочь себѣ въ жены“. Хурмустенъ-ханъ говоритъ: „Пусть онъ достанетъ мнѣ пять сильныхъ львовъ (табин кучитей арслан), тигра

(бар), медвѣдя, Ханъ-Гариди и ирбиса; тогда я отдамъ за него свою дочь“. Лисица пришла къ Хубогай-Хуйныку и говоритъ: „Пойдемъ со мною. Онъ не идетъ; лисица его гдѣ тащила, гдѣ толкала и дотасила до дворца Мангыса, которому она еще раньше сказала, что Хурмустенъ-ханъ спустится сюда охотиться. Мангысъ испугался и спросилъ лисицу: что ему тогда дѣлать, когда прійдетъ Хурмустенъ-ханъ? Она сказала: „Вели выкопать яму въ восемьдесятъ сажень, запасись съѣстнымъ припасомъ, спустись туда и сиди дней двадцать“. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда онъ спустился въ яму, лисица привела Хуйныка, одѣла его въ Мангысову одежду, сказала, что весь домъ, все что въ домѣ, и скоть принадлежитъ теперь ему. Наказала Хуйныку почаще перебивать одежды и все показывать видъ, что недоволенъ ею. Пастухамъ наказала, чтобы на вопросъ: чей скоть? отвѣчали Баннъ-Хуйныка. „Иначе“, говоритъ, — „васъ Хурмустенъ-ханъ убьетъ“. Побѣжала лиса веселая, распушивши хвостъ. Бѣжитъ, а на встрѣчу ей Арслынъ (левъ). „Что ты“, говоритъ, — „такая веселая?“ „Какъ“, говоритъ, — „не веселиться! Хурмустенъ-ханъ выдаетъ дочь замужъ, меня послалъ васъ пригласить. У него будетъ пиръ (нарь), много всего сладкаго настряпано“. „Ладно“, говоритъ арслынъ, — „я пойду“. „Только надо вамъ сказать“, говоритъ лисица, — „что прежде на васъ надѣнуть желѣзные путы и узду, запрутъ въ желѣзную башню, а потомъ ужъ будутъ подчивать“. „Ну, что ты меня учишь, я самъ все знаю, самъ въ ханы выбранъ“, сказалъ левъ. Лисица и прочимъ звѣрямъ сказала тоже и привела ихъ къ Хурмустенъ-хану. Тамъ ихъ заперли, а ханъ сказалъ лисицѣ: „Ну, дѣлать нечего; коли слово далъ, надо исполнить, а я и не думалъ, что Баннъ-Хуйныкъ можетъ мнѣ звѣрей доставить“. Спустился ханъ съ дочерью на землю праздновать свадьбу; праздновали десять дней, послѣ чего ханъ Хурмустенъ сказалъ, что пора ему домой собираться. Лисица стала его просить, когда будетъ онъ дома, такъ пустилъ бы стрѣлу въ ихъ яму, куда поселился шульмусъ, что отъ этого шульмуса у нихъ скоть не ведется. „Сегодня“, говоритъ, — „штукъ сто пропало“. Ханъ общалъ, и дѣйствительно, пустилъ съ неба стрѣлу въ ту яму, гдѣ сидѣлъ Мангысъ. Узналъ послѣ Хурмустенъ-ханъ, что лисица его обманула и сказала: „Хель чини тасыра, араси чини малахай бол“ (то-есть: „прервись твой языкъ, шкура твоя пусть пойдетъ на шапки“).

146. Занъ дзертъ Дзалута Мергенъ.

У Занъ-дзертъ Дзалута-Мергена было двѣ лошади: одна быстрѣе вѣтра (сальхинас тюргун) Сайнъ Цохуръ мори (хорошая пѣтая лошадь), другая быстрѣе вихря (хуйнос тюргун) Хуртунъ Цохуръ мори. Были у него еще братъ и сестра. Братъ жилъ на сѣверъ отъ него, назывался Хортай Мергенъ; сестра называлась Булгунъ Абахай Цицинь. На югъ отъ нихъ жилъ Буруль ханъ. Разъ Дзалутай Мергенъ пріѣхалъ съ охоты и засталъ свою сестру въ слезахъ. Онъ спросилъ ее: о чемъ она плачетъ. Она сказала: „Почему бы намъ не устроить пиръ?“ Тогда онъ велѣлъ ей приготовить вина. Сестра насидѣла ардзы и хордзы (водка изъ молока и кумысу). Дзалутай Мергенъ напился, упалъ и умеръ. Сестра его уѣхала съ Мангысомъ, который и научилъ убить брата. Мангысъ взялъ его оружіе, скотъ и все царство; тѣло Дзалутай Мергена бросилъ въ 80-саженную яму. Только не могъ поймать двухъ его лошадей, которыя убѣжали на небеса; тамъ поймалъ ихъ Тенгриинъ Ху Тебикъ ¹⁾ Уланъ Дзалута. Лошадь привезла его въ царство Дзалута Мергена; здѣсь Тебикъ Уланъ Дзалута увидаль исхудалаго волка и спросилъ его: „Чье это царство?“ Волкъ отвѣчалъ: „Царство это было Дзалута мергена, но его отравила сестра, сама уѣхала съ Мангысомъ; а я теперь съ голоду умираю, такъ какъ раньше питался скотомъ Дзалута Мергена, а теперь его нѣтъ. Тѣло его лежитъ въ восьмидесяти-саженной ямѣ, а душа его на сѣверо-западѣ (барунъ хойто) на горѣ Теби Ханъ Бюрюнъ Ханъ Узунъ оройду, на лиственницѣ, которая растетъ на вершинѣ этой горы“. Тебикъ Уланъ Дзалута уѣхалъ доставать душу Дзалутай Мергена и оживилъ его. Назвавшись братьями, поѣхали они вмѣстѣ, чтобъ убить Мангыса. На дорогѣ попался имъ человекъ, поднимающій горы; они стали приглашать его съ собою; тотъ отвѣчалъ, что поѣхалъ бы да лошади нѣтъ. Дзалутай Мергенъ выдернулъ волосокъ изъ хвоста своей лошади и сдѣлалъ лошадь; поднимающій горы поѣхалъ съ ними. Дальше встрѣтился имъ человекъ съ лукомъ; они спросили: что онъ тутъ дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ, что

¹⁾ Тебикъ—темя.

застрѣлилъ подѣ небесами ворону и дожидается, когда она упадетъ на землю; они пригласили его съ собою, а ему также сдѣлали лошадь изъ волоса своей лошади. Еще дальше встрѣтили они человѣка, который ловилъ дикихъ животныхъ и отпускалъ ихъ; пригласили и его съ собою, давши лошадь; поѣхали опять и увидали человѣка, который припалъ ухомъ къ землѣ; они спросили его, что онъ дѣлаетъ? Онъ отвѣчалъ, что слушаетъ, какъ у Эрликъ Хана поютъ; взяли и его съ собою, давши лошадь. Приѣхали они въ аилъ, гдѣ дѣлали громадный лукъ. Спросили: для чего этотъ лукъ? Имъ отвѣчали, что Мангысъ дѣлаетъ пирь (наръ) и тамъ будутъ игры богатырей; два его сына Ясынъ Чипха и Чулунъ Чипха будутъ выступатьъ въ играхъ. Еще дальше увидали они—дѣлаютъ саблю и стрѣлу для этого состязанія. Подѣвзжая ко дворцу Мангыса, Дзалута Мергенъ увидалъ свою сестру, которая пасла свиней; братья взяли и ее съ собою. Оставивши своихъ слутниковъ, пошли они двое къ Мангысу, сдѣлавшись нищими. Пришли и стали просить милостыни; онъ далъ имъ дохлаго ягненка; увидали они здѣсь саблю и спросили: для чего такая большая сабля. Мангысъ отвѣчалъ, что завтра будетъ пирь, и онъ будетъ сражаться съ богатырями. Дзалутай Мергенъ взялъ саблю двумя пальцами за ея конецъ, повернулъ и изломалъ ее, сказавъ, что онъ пожалуй можетъ вредъ сдѣлать ею. Мангысъ удивился такой силѣ и подаль ему лукъ, прося испробовать и его. Дзалутай Мергенъ опять повернулъ и изломалъ лукъ. Ушли нищіе отъ Мангыса, а на завтра явились въ своемъ настоящемъ видѣ. Когда стали стрѣлять на праздникѣ, Дзалута Мергенъ выставилъ стрѣлка, котораго они взяли въ дорогѣ; онъ и взялъ верхъ; потомъ тотъ его товарищъ, что поднималъ горы, сразился съ Ясынъ Чипха и побѣдилъ его; Тебикъ Уланъ Дзалута убилъ Чулунъ Чипха, а Дзалута Мергенъ самаго Мангыса; взявши все его царство, возвратились они домой. Тебикъ Уланъ Дзалута взялъ за себя замужь сестру Дзалутай Мергена; отпраздновали свадьбу и Тебикъ Уланъ Дзалута уѣхалъ на небо.

Буруль ханъ, что жилъ на югъ отъ Дзалутай Мергена, послалъ одного Мангыса убить его. Девяностопяти-головый Мангысъ приѣхалъ и сказалъ Дзалутай Мергену, что хочетъ его убить; они сразились, и Дзалутай Мергенъ побѣдилъ: тогда Буруль-ханъ,

услыжавъ объ этомъ, поѣхалъ къ нему на встрѣчу, взявши свою дочь. Встрѣтившись, онъ сказалъ Дзалутай Мергену, что послалъ Мангыса не убивать его, а сказать, что желалъ бы свою дочь отдать за него замужъ. Дзалута Мергенъ женился на дочери Буруль-хана.

Буруль ханъ сталъ просить свою дочь, чтобы заставила она своего мужа достать сердце Ханъ-Гарди. „Иначе“, говорить, — „не выздоровѣю я и умру“. Жена Дзалута Мергена стала просить мужа, чтобы спасъ онъ ея отца отъ смерти. Сѣлъ Дзалута Мергенъ на свою лошадь Сальхинъ Хурдунъ Саинъ Цохуръ мори, поѣхалъ и убилъ Ханъ-Гарди. Въ немъ было множество людей, которыхъ онъ проглатывалъ; всѣ они разошлись по своимъ государствамъ, а Дзалутай Мергенъ привезъ Буруль-хану сердце Ханъ-Гарди. Но ханъ Буруль притворился опять больнымъ и сталъ просить зятя, чтобы тотъ досталъ ему сердце Хоролдай-Мергенъ-хана, думая, что Дзалутай Мергенъ непременно погибнетъ въ эту поѣздку, такъ какъ туда и птица не долетаетъ. По просьбѣ своей жены Дзалутай Мергенъ опять поѣхалъ, на дорогѣ увидалъ онъ двухлѣтняго бара (тигра), выстрѣлилъ и не нашелъ его; сталъ класть стрѣлу и увидалъ его въ дырочкѣ стрѣлы. Баръ сталъ просить не убивать его. „Много ли“, говорить, — „ты изъ моей шкуры сдѣлаешь?“ Баръ разказалъ ему, что Хоролдай-Мергенъ находится на охотѣ съ своимъ беркутомъ и двумя собаками Хасыръ и Басыръ; что дворецъ его стоитъ среди моря и въ немъ живетъ его сестра, красавица Алтынъ Дзандынъ Абахай Эгечи. Тогда Дзалутай Мергенъ отпустилъ бара и поѣхалъ дальше. Приѣхалъ къ морю, увидалъ дворецъ; Алтынъ Дзандынъ Абаха вышла къ нему на встрѣчу, привела въ свой дворецъ (орге), напоила чаемъ и сказала, что брать ея на охотѣ. Дзалута Мергенъ поѣхалъ искать его, встрѣтилъ беркута и собакъ и убилъ ихъ, потомъ встрѣтилъ самаго Хоролдай хана; поздоровались, покурили трубки, напились хорошаго чаю и стали разговаривать, какъ братья. Дзалутай Мергенъ сказалъ, что ему нужно его сердце, и они условились назавтра, какъ только взойдетъ солнце, стрѣляться. Хоролдай-ханъ сказалъ: „Я стану стоять съ распахнутой грудью, а ты стрѣлай по богатырски“. На утро стали стрѣлять; Дзалута Мергенъ выстрѣлилъ, стрѣла ударила въ грудь Хоролдай Хана, раздался звукъ какъ отъ желѣза

джинь! и какъ отъ дерева: ташь! и стрѣла разломилась на семь частей; потомъ сталь стрѣлять Хоролдай-хань и его стрѣла также изломалась на семь частей. Послѣ этого стали они рубиться саблями; Дзалута Мергенъ своею саблей съ рукояткой изъ зандынь дерева взмахнулъ до небесъ, ударилъ и изломалъ ее на семь частей; также сдѣлалъ и Хоролдай-хань. Стали они бороться; гдѣ были горы, тутъ стало ровное мѣсто, гдѣ были моря, тамъ стали болота; не могутъ побороть другъ друга. Тогда Дзалута Мергенъ, разсердившись, сказалъ: „Для чего въ моихъ лопаткахъ по семидесяти человѣчьихъ силъ и въ моихъ перстахъ въ каждомъ по силѣ тигра!“ Поднялъ Хоролдай Мергенъ-хана, ударилъ и переломилъ ему ногу. Тогда Хоролдай Мергенъ сказалъ: „Ну, когда ты меня изувѣчилъ, то и до смерти добивай. Въ правой моей ногѣ есть деревянный ящикъ, въ немъ желѣзный, въ желѣзномъ стальной, въ стальномъ мѣдный, въ мѣдномъ серебряный, въ серебряномъ золотой, и наконецъ, въ золотомъ стеклянный, а въ этомъ семь воробьевъ; ты ихъ убей; они моя смерть“. Дзалутай-Мергенъ нашелъ все, какъ тотъ сказалъ; разломалъ ящички, и когда разбилъ послѣдній, семь воробьевъ улетѣли подъ небеса; тогда онъ сдѣлалъ „дзаду“ (навелъ дождь) съ желѣзнымъ градомъ и этимъ убилъ ихъ. Взялъ потомъ сердце у Хоролдай-хана, его сестру и все его царство и поѣхалъ обратно. Поѣхавши, Алтынъ-Дзандынъ взглянула на свое царство и заплакала съ горя. Прибѣжалъ волкъ и сталь говорить Дзалута-Мергену, что его обманываютъ, что Буруль-хань здоровъ, что посылаетъ его въ дальнія царства только для того, чтобъ его погубить. „И ты“, говоритъ волкъ, — „убиваешь людей безвинно да и меня заставляешь умирать въ голодной степи“. Дзалутай-Мергенъ сказалъ волку, чтобъ онъ шелъ за нимъ, что онъ убьетъ Буруль-хана. Прибѣхавши, онъ убилъ Буруль хана, отдалъ привезенную Алтынъ-Дзандынъ своему брату въ жены, а самъ легъ спать на цѣлый годъ, приказавъ своей женѣ разбудить его, если будетъ нужно. „Возьми тогда“, сказалъ онъ, — „золотую волотушку и ударь ею меня по уху; если отъ этого я не проснусь, то ткни меня серебряною иглой въ бокъ“. Когда онъ уснулъ, жена узнала, что идетъ на нихъ Мангысъ; она не могла его разбудить и заплакала, слеза капнула ему на щеку, и онъ проснулся. Въ кладовой онъ не нашелъ своего оружія, которое украли бывшіе его товарищи богатыри и

уѣхали. Онъ сдѣлалъ „дзадзу“ и завалилъ дорогу Мангысу на 99 лѣтъ работы. Мангысь, раскапывая эти горы, приближался; тогда Дзалута-Мергенъ взялъ лукъ Хоролдай Мергенъ хана и поѣхалъ на встрѣчу Мангысу. Мангысь былъ только съ одною желѣзною зубчатою палкой. Когти его занимали все поле, пасть онъ разинулъ, такъ что верхняя губа уперлась въ небо, а нижняя въ землю. Сражаясь Мангысь отрубилъ четыре ноги у восьминогой лошади Дзалута Мергена; тогда лошадь сказала своему хозяину, чтобъ онъ стрѣлялъ въ Мангыса въ середину того мѣста, гдѣ сходятся всѣ его головы. Дзалутай Мергенъ выстрѣлилъ и убилъ Мангыса; это былъ зять того Мангыса, котораго онъ убилъ раньше, доставая свою сестру. Послѣ этого стали жить счастливо. Амуръ сайханъ джиргаланъ!

147. Дзалута Мергенъ.

(Сказка начинается также, какъ и предыдущая того же имени, только въ описаніи оружія у героя вмѣсто сабли здѣсь упоминается топоръ).

...Одна лошадь у него называлась Унгунъ мори, другая Хургунъ мори; зимоваль Дзалута Мергенъ въ срединѣ трехъ большихъ горъ, а лѣтовка его была на берегу большой рѣки. Онъ жилъ вдвоемъ съ своею женой; его пастуха звали Акскылды. Дзалута Мергенъ спалъ обыкновенно по три года, а другіе три года вовсе не спалъ. Разъ, когда онъ ложился спать, жена спрашивала его: какъ ей разбудить его въ томъ случаѣ, если во время его сна прійдутъ его враги или друзья. Дзалутай Мергенъ сказалъ: „Вънъ тогда изъ бѣлаго ящика бѣлый саженный хадакъ, и держа его въ рукахъ, поклонись мнѣ; если отъ этого не пробужусь, то вънъ изъ желтаго ящика желтый хадакъ и съ нимъ поклонись; если и отъ этого не проснусь, то вънъ изъ серебрянаго ящика серебряную иголку моей матери и уколи меня ей, тогда я встану. Мои собаки Хасыръ и Басыръ почувютъ зло за три года и будутъ лаять, лошади мои почувютъ зло за три мѣсяца, и будутъ бѣгать вокругъ аила; мой верблюдъ, встающій только разъ въ семьдесятъ лѣтъ, почуветь зло за три дня, онъ встанеть и будетъ чесаться объ аилъ съ западной стороны“. Сказавши это, заснулъ Дзалута Мергенъ, и вотъ во время его сна собаки стали лаять,

лошади бѣгать вокругъ аила, верблюды встали и стали чесаться объ аилъ. То шелъ на нихъ Эббгонъ Мангысь (старый Мангысь). Встрѣтилъ онъ пастуха Акскылду и хотѣлъ его убить, но пастухъ сказалъ: „Не убивай меня, возьми всѣхъ лошадей“. Мангысь сказалъ: „Лошади чьи, какъ не мои?“ Тогда Акскылда сказалъ: „Ну, если ты меня оставишь въ живыхъ, то я научу тебя убить Дзалута Мергена“. Тогда Мангысь оставилъ въ живыхъ Акскылду и тотъ сказалъ ему, что Дзалута Мергенъ теперь спитъ, что на завтра его жена его разбудитъ, что надо скорѣе истребить оружіе Дзалута Мергена; пастухъ указалъ и мѣсто, гдѣ оно лежало.

Жена разбудила Дзалута Мергена, онъ одѣлся и пошелъ за своимъ оружіемъ, не нашелъ его, пошелъ на гору и сѣлъ на ея вершинѣ; тогда прибѣжали къ нему объ его лошади и говорятъ: „Сяди скорѣе на насъ и убѣгай въ степь“. Сѣлъ онъ безъ сѣдла и уѣхалъ. Долгое время ѣздилъ, наконецъ лошади сказали ему: „Что ты думаешь Маханъ ху (мясной парень или дитя мяса)?“ Онъ отвѣчалъ: „Такъ вотъ и думаю ѣздить въ полѣ, Убусъ ху (травяные парни)!“ „Нѣтъ“, говорятъ лошади, — „воротись на родину и посмотри, что безъ тебя сдѣлалось“.

Поѣхалъ Дзалутай Мергенъ и на своемъ прежнемъ огнищѣ нашелъ записку, въ которой говорилось такъ: „Поѣзжай на лѣтовку, тамъ найдешь письмо“. Поѣхалъ онъ на лѣтовку и тамъ нашелъ письмо, въ которомъ было сказано: „Оружіе твое закопано подъ золотою тополью; я, твоя суженая, дочь Харъ-Лусай-хана, Нарсинъ Гуали; если хочешь меня отыскать, то я помогу тебѣ убить Эббгонъ Мангыса“.

Дзалутай Мергенъ взялъ свое оружіе, поѣхалъ и увидалъ дзур¹⁾, выстрѣлилъ, убилъ, но не успѣлъ поднять добычи, какъ откуда-то взялся человѣкъ и раньше его схватилъ его добычу и исчезъ. Дзалута Мергенъ опять увидалъ звѣря, спустилъ стрѣлу и убилъ; и опять раньше его невзвѣстный человѣкъ поднялъ его добычу и исчезъ. „Что“, говоритъ Дзалутай Мергенъ, — „это за дьяволъ? Онъ уморитъ меня съ голоду!“ И поѣхалъ его искать. Въѣхалъ онъ на вершину лѣсистой горы и увидалъ здѣсь человѣка, который спалъ; возлѣ стояла его лошадь, запертая на желѣзной цѣпи, и лежали

¹⁾ Козуля, *cervus capreolus*.

оба убитыя животныя. Разбудилъ его Дзалутай Мергенъ и спрашиваетъ: „Что ты за діаволь (читкуръ)? Ты два раза похищаль мою добычу. Кто ты такой?“ Тотъ, ничего не отвѣчая, сталъ бороться; долго боролись, ни тотъ, ни другой одолѣть не можетъ. Дзалутай Мергенъ сказалъ: „Не бывало еще у меня такого сильнаго противника; скажи, богатырь, какъ твое имя?“ „Я своего имени не знаю“, отвѣчалъ тотъ; „когда я былъ трехъ лѣтъ отъ роду, мать посадила меня на лошадь, велѣла жить въ степи и питаться дичью. Она сказала, что отца моего зовутъ Дзалута Мергенъ“. Тогда Дзалута Мергенъ сказалъ ему, что онъ его отецъ, указалъ зимовку и лѣтовку и не велѣлъ уѣзжать отъ этихъ мѣстъ далеко. А я, говорить, поѣду доставать твою мать. Приѣхавши къ Мангысу, увидалъ онъ жену, которая пошла верблюда; она сказала ему, что на завтра она опять придетъ повтъ верблюда и тогда скажетъ ему, гдѣ находится смерть Мангыса, и что у нея отъ Мангыса семеро остроголовыхъ дѣтей. Она научила своихъ дѣтей, чтобъ они спросили у Мангыса, гдѣ его смерть.

Младшій со слезами пришелъ къ отцу и спрашиваетъ: „Отецъ, отецъ (ава, ава), гдѣ твоя смерть?“ „Зачѣмъ тебѣ моя смерть?“ говоритъ Мангысъ. Чтобы утѣшить ребенка, онъ сказалъ однако: „На устьѣ пятнадцати рѣкъ (арбын табын голынн бельчирду колтуунду) бѣгаетъ красно-пѣгій тигръ, то моя смерть“. Потомъ пришелъ другой сынъ и также со слезами сталъ спрашивать отца: гдѣ его смерть? Чтобы утѣшить ребенка, Мангысъ сказалъ: „На вершинѣ горы, подъ которою мы живемъ, есть золотой бокширго, это моя смерть“. И такъ дальше Мангысъ всѣмъ своимъ дѣтямъ разказывалъ, гдѣ его смерть; послѣднему онъ опять сказалъ, что она среди пятнадцати рѣкъ. Дѣти разказали слышанное матери, а мать передала Дзалутай Мергену. Дзалутай Мергенъ сталъ убивать всѣ мангысовы смерти; тогда Мангысъ сталъ жаловаться на то, что у него спина болитъ; Дзалутай Мергенъ убилъ и послѣднюю его смерть, выстрѣливъ въ средину пятнадцати рѣкъ, послѣ того онъ убилъ всѣхъ дѣтей Мангыса и забралъ все его царство и жену.

Воротился домой, отыскалъ сына, и оставивъ ихъ съ его матерью, самъ поѣхалъ отыскивать свою суженую Нарсынъ Гуали.

Приѣхавъ въ царство Лусай-хана, онъ превратился въ простаго

человѣка въ худой одеждѣ (сарисын дельтей бор ху хувильсын), лошадей превратилъ одну въ однолѣтняго жеребенка, а другую въ стрѣлу, которую заткнулъ въ садакъ, и пришелъ въ орго (дворецъ) Харъ-Лусай-хана. Тамъ сидятъ три богатыря, одинъ по имени Мангысэнъ Темень Шаръ бѣко, другой Тевгріинъ Ху Тебиэкъ Уланъ Дзалата, и третій Темиръ Бѣсь. Дзалута Мергена спросилъ: чей онъ сынъ, какаго царя подданный? Онъ отвѣчалъ, что никому хану онъ не подданный и никакой службы не несетъ, а ѣздитъ по свѣту нищимъ. Потомъ онъ въ свою очередь ихъ спросилъ: что они за люди? Богатыри отвѣчали, что они пріѣхали сюда силами помѣряться, а кто одержитъ верхъ, тотъ возьметъ за себя замужъ Нарсынъ Гуали. Тогда Дзалутай Мергенъ просилъ у Лусай-хана позволенія быть и ему на играхъ. Ему позволили и онъ сказалъ въ отвѣтъ на это: „Правая ваша рѣчь“. Въ это время привезли во дворецъ на семидесяти телегахъ лукъ, который Дзалутай Мергенъ видѣлъ дорогой, когда его дѣлали. Богатыри вышли, чтобы посмотреть па лукъ; Темиръ Бѣсь не могъ его пошевелить, Тебиэкъ Уланъ Дзалата приподнялъ, Темень Шаръ Бѣко съ телеги снялъ, а Дзалутай Мергенъ натянулъ. Тогда Лусай-ханъ сказалъ ему: „Положи, еще убьешь кого-нибудь“. На это Дзалутай Мергенъ отвѣчалъ: „Правы ваши рѣчи!“ Поклонился и положилъ желѣзный лукъ на мѣсто. На завтра богатыри условились пустить лошадей въ бѣгъ, на разстояніи ста лѣтъ. Дзалутай Мергенъ взялъ съ собою мѣшокъ золы, мѣшокъ снѣгу и мѣшокъ песку и на дорогѣ бросилъ ихъ. Дзалутай Мергенъ пріѣхалъ къ назначенному мѣсту, пятнадцать дней онъ своего коня водилъ, пятнадцать дней выстаивалъ, пятнадцать дней кормилъ и пятнадцать поилъ; тогда только пріѣхали остальные богатыри. Поѣхали они обратно; тогда, проѣзжая мимо своихъ мѣшковъ съ золой, снѣгомъ и пескомъ, Дзалута Мергенъ велѣлъ имъ сдѣлать шюргунъ, вѣтеръ со снѣгомъ и пылью. Прибѣжавъ къ дворцу Лусай-хана, онъ не могъ остановить своей лошади, и Нарсынъ Гуали остановила ее, накинувши золотую цалму¹⁾. Опять Дзалутай Мергенъ пятнадцать дней водилъ свою лошадь, пятнадцать выстаивалъ, пятнадцать кормилъ и столько же поилъ; только спустя это время остальные богатыри на своихъ коняхъ едва

¹⁾ Набрасываемый на лошадей арканъ, лассо.

приѣхали. Послѣ того стали бороться; Дзалутай Мергенъ въ борьбѣ переломилъ обѣ ноги у Темень Шаръ Бѳко, остальные два богатыря убѣжали. Дзалутай Мергенъ взялъ за себя дочь Харъ-Лусай-хана. Отецъ сильно горевалъ, что дочь его доставалась нищему безъ роду, племени, безъ званія и рѣшился погубить зятя. Былъ у него одинъ жеребецъ, котораго никакой богатырь не могъ ни поймать, ни усмирить; вотъ и послалъ онъ Дзалутай Мергена поймать его, думая, что убьетъ его жеребецъ. Дзалутай Мергенъ поймалъ жеребца, сѣлъ на него, а когда жеребецъ сталъ его бить, онъ ударилъ его кулакомъ два раза; жеребецъ почувствовалъ его силу и присмирѣлъ. Приѣхалъ Дзалутай Мергенъ невредимо. Тогда Лусай ханъ увидалъ, что ошибся и сталъ просить зятя, чтобы привезъ онъ ему пѣны съ Хангай-талаа ¹⁾. Не пѣна ему была нужна, а нужна была смерть Дзалутай Мергена; пѣна эта была ядовита, и кто ее тронетъ, тотъ долженъ умереть. Дзалутай Мергенъ отправился доставать эту пѣну, по дорогѣ увидалъ онъ дерево Дзандынъ Модо и на немъ гнѣздо Ханъ Гариди и змѣю Абырга могой, которая обвилась вокругъ дерева и уже готова была съѣсть дѣтей Ханъ Гариди; тогда Дзалутай Мергенъ пустилъ стрѣлу и убилъ змѣю Абырга могой. Дѣти Ханъ Гариди обрадовались и стали его спрашивать: откуда онъ и куда ѣдетъ. Онъ сказалъ, что идетъ доставать пѣны съ Хата-далая; на это они ему отвѣчали, что достать этой пѣны никто, кромѣ Ханъ Гариди не можетъ, потому что она ядовита и велѣли ему подождать ихъ матери. Онъ сталъ ждать; вдругъ подулъ вѣтерокъ, закапалъ дождикъ, и явилась Ханъ Гариди; увидавъ убитую змѣю, она спросила: кто ее убилъ? „Только Дзалута Мергенъ въ прежнее время убивалъ такихъ змѣй“. Дѣти разказали ей, какъ ихъ спасъ человекъ, и Дзалута Мергенъ въ это время показался ей. Она сказала ему: „Проси у меня, чего хочешь; все для тебя сдѣлаю!“ Дзалутай Мергенъ просилъ ее, чтобы достала она ему пѣны съ Хата-далая. Она принесла ему на крыльяхъ пѣны, и онъ воротился къ Харъ-Лусаю живымъ. Тогда Харъ-Лусай велѣлъ выкопать яму глубиной въ девяносто сажень и прикрыть ее, подвелъ къ ней Дзалутай Мергена и сказалъ: „Я

¹⁾ При поклоненіи Хара Лусаю ламаисты приносятъ ему въ жертву морскую пѣну (показаніе разказчика).

дѣлаю пиръ; садись, вотъ твое мѣсто“. Дзалутай Мергенъ сѣлъ и провалился въ яму, а Харъ-Лусай скочеваль съ этого мѣста. Лошади Дзалутай Мергена Унгунъ и Хургунъ прибѣжали къ ямѣ, узнали, что тамъ сидитъ ихъ хозяинъ, и побѣжали къ Иритгэ Обѳгону, у котораго была дочь съ косою въ девяносто сажень, посадили дѣвушку на себя и привезли ее; она отпустила свою коосу въ яму, по ней выбрался на верхъ Дзалутай Мергенъ. Онъ убилъ Лусай-хана, взялъ все его имущество, взялъ Нарсынъ Гуали и воротился домой. Нарсынъ Гуали онъ отдалъ въ жены своему сыну.

(Запис. отъ Дархата ламы Дзундуна).

148. Тангылъ Мергенъ.

Послѣ галыша въ началѣ Ганджуръ-Танжура, когда теленокъ умершаго дзерена (которые живутъ по тысячѣ лѣтъ) еще былъ маленькій (галып юлля ганджур-танджир ихинда хуахай дзерены яндык бага байха цаета), былъ Тангылъ-мергенъ. Мать его живетъ на небѣ, зовутъ ее Хатынь-Чинги. Его сестра старшая Хангылъ-Цаганъ у высокой горы зимуетъ, при широкой рѣкѣ лѣтуетъ (ундюр-ула убильдзатай ургюн гол двуслынтай). Его лукъ звали Иритъ-Хара (оюн номын онотей малыр эрдним болцотэй барюлас батман цинцин батырсын хичернес уру мандзышир дельгирсын прин теке богувнулюджи хійсын ирит хар номтей). Ѣздилъ онъ на зелено-саврасой лошади, имѣвшей три сажени росту (гурбан алды битей ногон-хулу моритей).

Вышелъ разъ Тангылъ-Мергенъ на гору Болдогой-Боро-тологой посмотрѣть, гдѣ есть хорошенькая дѣвушка, гдѣ есть богатырь, съ которымъ ему можно было бы сразиться, и счастье свое посмотреть (абмар сайн хухен ю байна алылмар хую байна олзылмар сайн ю байна).

Когда вышелъ онъ на верхъ этой горы и посмотрѣлъ, то увидалъ пылъ на сѣверо-западѣ. Воротился, собралъ десять тысячъ лошадей, которыя паслись на этой сторонѣ горы, и двадцать тысячъ, что паслись за горой; поймалъ годовалаго сѣраго жеребенка (боро-дага); сталъ на него надѣвать узду,—жеребенокъ сталъ двух-годовалымъ жеребенкомъ; наложилъ токумы (потники)—онъ сталъ четырехъ лѣтъ; сѣдло наложилъ—жеребенокъ сталъ лошадыю въ

полной силѣ. Сѣдло его было изъ слоновой кости сдѣлано, рыбьею костью олеено и называлось Яганъ ёвунъ (дзаны ясоръ дзаджи хійсын дзагасын ясор наджи хійсын яган ёвун емель). Осѣдлалъ богатырь лошадь и поѣхалъ въ ту сторону, гдѣ пыль виднѣлась. Приѣхалъ и увидалъ, что то былъ Хаеранъ-Бёхо, который пасъ овецъ. Лошадь этого богатыря ¹⁾ звали Хангай Чиненъ (величиной съ хангай) Хангылъ Тапа. Богатыри поздоровались. Хаеранъ-Хара-Бёхо спрашиваетъ: „Съ огнемъ въ глазахъ и румянцемъ на лицѣ юноша (нютинда галтей нюринда цоктей ку), какъ тебя зовутъ, откуда и куда ты ѣдешь?“ Тангылъ Мергенъ объявилъ свое имя и сказалъ, что поѣхалъ счастья искать и съ богатырями силой помѣяться. „Давай“, говорить, — „поиграемъ!“ „Какъ будемъ играть?“ Тангылъ-Мергенъ сказалъ: „Накладемъ сто бычьихъ вьюковъ дровъ, по ту и по другую сторону этихъ дровъ воткнемъ сюджи ²⁾ и пголку, и будемъ стрѣлять“. Такъ и согласились. Хаеранъ-Хара-Бёхо помѣтился и попалъ стрѣлой въ дрова, а заднюю сюджи и иголку и не тронулъ. Тангылъ-Мергена стрѣла пролетѣла, черезъ дырку въ кости, въ игольные уши, пробила дрова и опять въ заднюю сюджи и иголку пролетѣла.

Послѣ этого стали бороться, послѣ трехъ дней борьбы Тангылъ-Мергенъ поборолъ Хаеранъ-Харъ-Бёхо. Тогда Хаеранъ-Харъ-Бёхо сталъ Тангылъ-Мергена просить, чтобъ онъ убилъ его: „Ты“, говорить, — „мое имя унижилъ, поборолъ меня, окончи и жизнь. На тебѣ мой складень и имъ разрѣжь мнѣ грудь; иначе меня ничѣмъ не убьешь“.

Тангылъ-Мергенъ поднялъ его, обнялъ и поцѣловалъ: „Что ты“, говорить, — „зачѣмъ тебя убивать! Будь мнѣ братомъ старшимъ по лѣтамъ! Поѣдемъ вмѣстѣ и убьемъ двадцатитрехголоваго Ахыръ шаръ мангыса, который много зла людямъ дѣлаетъ“. Подружились они и общали другъ другу всю жизнь не разлучаться. Поѣхали къ Мангысу, заѣхали съ двухъ сторонъ и убили его. Возвращаются домой къ Тангылъ-Мергену и не нашли ничего, ни его дома, ни скота, ни сестры. Узнали, что послѣ ухода изъ дому Тангылъ-Мергена приходилъ тринадцатиголовнй Мангысъ и про-

¹⁾ Бёхо (богатырь).

²⁾ Кость съ амкой для вертлюга.

глотивъ его царство. Не найдя дому, они поѣхали на юго-востокъ къ Хасырхай-Хованъ-Шютен'у и Бурхонъ-Хаганъ-Ламѣ. Эти указали богатырямъ, куда ѣхать къ Мангысу. Поѣхали они на поиски и лишь подѣхали къ Мангысову жилищу, Мангысъ вышелъ и проглотилъ ихъ. Тангыль-Мергенъ разрубилъ Мангыса своею саблей, ходя у него внутри; освободилъ свою сестру и подданныхъ, сталъ искать Хаиракъ-Харъ-Бехо, нашелъ его въ одной изъ головъ Мангыса, освободилъ и его. Приѣхали домой, стали праздновать, три года пировали. Послѣ этого Тангыль-Мергенъ послалъ на небо шесть птицъ ¹⁾ спросить свою мать: кто его суженая. Птицы прилетѣли и сказали: „Твоя суженая (сютъ) дочь Цаганъ-Лусай-хана и Цанде-Мергенъ-хатун'и“ (цаган лусай хан цанде мерген хатынас гарсын дагине). Товарищи отправились ее отыскивать; по дорогѣ Тангыль-Мергенъ увидалъ лисицу на три года ѣзды отъ нихъ и пустилъ въ нее стрѣлу. Доѣхавши до того мѣста, не нашли они лисицы; заплакалъ тогда Тангыль-Мергенъ и говорить: „Не стоятъ намъ ѣздить за невѣстой, когда я лисицы не могъ застрѣлить“. Но когда онъ поднялъ свою стрѣлу и сталъ класть ее въ колчанъ, то увидалъ, что лисица запуталась въ перьяхъ его стрѣлы. Лисица говоритъ: „Не бей меня! Много ли ты изъ моей шкуры сдѣлаешь? А я скажу тебѣ твою судьбу“. Тангыль-Мергенъ согласился ее отпустить, если она скажетъ, какія препятствія ихъ ожидаютъ въ дорогѣ. Лисица сказала: „Первая преграда красная скала (улан хат) до небесъ, потомъ будутъ два ворона, всѣмъ глаза клюютъ, отъ нихъ какъ избавитесь? Дальше два верблюда бура (самцы), ѣдятъ людей; потомъ двѣ собаки Хасыръ-Басыръ, и море такое, что береговъ не видать; его какъ перейдете! Ты прежде умрешь, а потомъ ужъ достанешь свою суженую“, прибавила лисица и скрылась. Тангыль-Мергенъ запасся двумя мѣшками гуджиру (солонцу, которымъ кормятъ верблюдовъ), двумя мѣшками глазъ, двумя мѣшками костей и поѣхалъ. Приѣхали къ камню; Тангыль-Мергенъ натянулъ свой лукъ до того, что у него съ пальца мяса съ барана упало и пустилъ стрѣлу; она пробила камень, и они проѣхали. Дальше встрѣтили вороновъ, бросили имъ два мѣшка глазъ и проѣхали; еще дальше встрѣтились два верблюда

¹⁾ Дзурган удзюк аддылуга тохтосын ноголын ногос номын.

бура; имъ бросили худжиръ; собакамъ бросили два мѣшка костей, послѣ того пріѣхали къ морю. Лошади сказали имъ: „Бейте насъ до того, чтобы съ заду и переду упало по куску мяса съ быка величиной, тогда мы перескочимъ“. Они такъ и сдѣлали, лошади едва перескочили. Поѣхали они дальше, увидели пастуха, который лошадей пасъ; спросили его о дорогѣ къ Лусай-хану; онъ сказалъ: „Поѣзжайте за гору, спросите тамъ у пастуха, который верблюдовъ пасетъ“. Тотъ имъ сказалъ: „Поѣзжайте за гору, спросите у пастуха, который быковъ пасетъ“. Тотъ послалъ ихъ къ пастуху, что пасетъ овецъ; послѣдній указалъ имъ гору, за которой хапъ живетъ, и сказалъ, что у хана теперь прѣ, что его дочь выходитъ замужъ за Курюлдей мергена на жеребцѣ Купкюнѣ (Купкюнъ адзыргатай). Тангыль-Мергенъ спросилъ его: „Гдѣ смерть жены Лусай-хана?“ Пастухъ отвѣчалъ, что внутри трехугольнаго горнаго хребта въ мышиной норѣ, въ четырехугольномъ бѣломъ камнѣ (курбельджин нуру туутур хулгуну нюхун туутур тербельджин цаган чулу), и они поѣхали. Пріѣхали къ жилищу хана и переродились простыми людьми; спрашиваютъ: „Куда намъ привязать лошадей?“ Имъ сказали: „Если вы богатыри, такъ привязывайте къ желѣзному столбу; если простые люди, привяжите къ деревянному“. Они привязали къ желѣзному. „Куда“, говорятъ, — „намъ положить лукъ и стрѣлы?“ „Если вы богатыри, то положите въ желѣзную владовую, если простые, то въ деревянную“. Они положили въ желѣзную. Потомъ они спросили: „Куда намъ идти?“ Имъ сказали: „Если вы богатыри, то въ желѣзные, если простые люди, то въ деревянные двери заходите“. Они вошли въ желѣзные и сѣли. Тамъ имъ говорятъ: „Если вы богатыри, то пейте вино и чегенъ (кумисъ) изъ желѣзныхъ чашекъ; если простые люди, то изъ деревянныхъ“. Они стали пить изъ желѣзныхъ. Когда стали спрашивать ихъ имена, они скрылись; на другой день они явились уже въ своемъ видѣ, и Тангыль-Мергенъ сказалъ дочери Лусай-хана, что онъ Тангыль-Мергенъ, и что она назначена небомъ ему въ жены. Она сказала, что ему надо сразиться съ Курюлдей-Мергеномъ и побѣдить; тогда она будетъ его женою.

Тангыль Мергенъ вызвалъ Курюлдей Мергена и предложилъ ему сразиться; тотъ въ замѣнъ поединка предложилъ пустить въ бѣгъ лошадей: чья лошадь обѣжитъ напередъ гору Сумбуръ, тотъ, значить,

*

и будетъ побѣдитель. Такъ и сдѣлалъ; Курюлдей Мергенъ поставилъ тысячу солдатъ по дорогѣ, и когда Тангыль Мергенъ бѣжалъ, они пустили въ него стрѣлы и убили. Курюлдей Мергенъ не могъ поймать его лошади, она забѣжала на недоступную никому вершину горы. Женится на Дагине Курюлдей Мергенъ, но она знала, что ея суженый Тангыль Мергенъ, и хотѣла его оживить. Переродившись, полетѣла она къ Эрликъ хану спросить его, кѣмъ родился теперь Тангыль Мергенъ. Эрликъ отвѣчалъ ей: „Смотри сама въ книгѣ, если хочешь узнать“. Стала она смотрѣть и узнала, что онъ родился красношеимъ тигромъ (бар), который по утрамъ бѣгаетъ внизъ по рѣкѣ Бургастай, а въ полдень мычить. Тогда попросила она у Эрлика отдать его душу (сюнис) и спросила: чѣмъ оживить богатыря. Эрликъ-ханъ сказалъ: „Въ ящикѣ есть стеклянка (лонхо) бѣлая; возьми ее“. Дагине взяла стеклянку, полетѣла къ Хаеранъ Хара Бехо и сказала ему: „Помоги мнѣ оживить твоего брата“. Хаеранъ Харъ Бехо отвѣчалъ, что не имѣетъ онъ столько силы; Дагине спросила: „Что нужно сдѣлать, чтобы ты былъ силенъ?“ „Мнѣ“, говоритъ,— „нужно съѣсть утромъ стадо овецъ и въ полдень стадо быковъ“. „Ну ѣшь“, сказала Дагине. Когда онъ съѣлъ, она спросила: „Теперь довольно ли ты силенъ?“ „Посмотрю“, говоритъ Хаеранъ Харъ Бехо, и взявъ двухъ бодающихся быковъ за ноги, бросалъ ихъ до небесъ и ловилъ три раза, не допуская падать до земли. „Теперь я силенъ“, говоритъ.

Дагине сказала: „Иди теперь на рѣку Бургустай, тамъ увидишь красношеяго тигра, убей его“. И дала ему лукъ и стрѣлы. Онъ пошелъ, увидалъ тигра и убилъ. Тогда Дагине стала лить тигру въ правую ноздрю изъ стеклянки, и онъ сталъ живъ и сталъ человѣкомъ, какимъ прежде былъ. Очнувшись, Тангыль Мергенъ сказалъ: „Какъ долго я спалъ!“ Такъ какъ Дагине сдѣлалась невидима, то Хаеранъ Хара Бехо разказалъ ему, что онъ былъ мертвъ, и что оживила его Дагине. Тогда Тангыль Мергенъ поклялся убить ея отца, думая, что это онъ научилъ Курюлдей Мергена его убить. Обнялись они тутъ и долго плакали, потомъ Хаеранъ Хара Бехо сказалъ: „Будетъ плакать, надо о дѣлѣ говорить. Лошадь твоя на вершинѣ Сумберъ-олы“. Пошелъ Тангыль Мергенъ, крикнулъ разъ—ничего не видно; крикнулъ въ другой—тоже; въ третій разъ крикнулъ—тогда только лошадь явилась къ нему. Го-

ворить: „Слышала я и первыя два раза твой голосъ, да боялась явиться; знала, что ты убить“. Долго онъ ее обнималъ и плакалъ надъ ней; потомъ лошадь сказала: „Будетъ плакать! надо тебѣ убить Цаганъ Лусай хана прежде всего“.

Цаганъ Лусай ханъ сидитъ дома и говорить женѣ, что у него голова болить. Жена сказала: „Что ты не слетаешь посмотрѣть свою душу?“ Полетѣлъ онъ къ Курбелджинъ-нору (къ трехугольному озеру) ¹⁾; тамъ онъ сдѣлался рыбкой тальменемъ (тулу боло оржо). Тангылъ Мергенъ тоже сдѣлался рыбой и смотрѣлъ за нимъ; когда Лусай ханъ воротился, Тангылъ Мергенъ взялъ его душу (сюнис) и разбилъ въ куски. Ханъ не долетѣлъ до дому, умеръ; дорогу улилъ кровью, которая бѣжала у него изъ носу и рта. Жена Лусай хана поѣхала по слѣду къ Тангылъ Мергену и сразилась съ нимъ; три раза его убивала, онъ все оживалъ; тогда стала она его просить, чтобъ онъ оживилъ ея мужа, и улетѣла, сказавши: „Сражайся теперь съ Курюлдей Мергеномъ!“ Тангылъ Мергенъ обратился воробьемъ и полетѣлъ узнавать, гдѣ смерть Курюлдей Мергена; условились они съ Дагине убить его. Она сказала, что смерть Курюлдей Мергена иголка, которая воткнута въ его номунъ (лукъ или стрѣла). „Когда“, говоритъ, — „ты зарубишь его, брось ноги въ озеро, изрубивши на три части; потомъ гонись за мной, я возьму лукъ (номунъ) Курюлдей Мергена и брошу тебѣ назадъ себя иголку; ты ее и перестрѣли; тогда онъ умретъ“. Тангылъ Мергенъ такъ и сдѣлалъ. Убивъ Курюлдей Мергена, они бѣжали всѣ трое домой. Тутъ имъ оставаться было нельзя, потому что не могли они оживить отца Дагине Цаганъ Лусай хана и должны были бояться мести его жены.

Пріѣхавши домой, стали они жить счастливо. Тангылъ Мергенъ отдалъ свою сестру замужъ за Хаеранъ Хара Бехо, надѣлялъ его скотомъ и стали они жить вмѣстѣ.

(Записано отъ Урянхайца ламы Цюльтума, не знающаго по урянхайски и говорящаго только по дархатски. Зимуетъ на Оголькѣ).

153. Боролдзой Обогонъ.

У Боролдзой Обогона были двѣ сивыя лошади, одна хорошая, другая худая, и шесть овецъ, которыхъ онъ пасъ на Болтогой то-

¹⁾ Можетъ быть, и выше слѣдуетъ поставить норъ, „озеро“, вмѣсто „нуру“, хребетъ.

логоѣ (на неприступномъ холмѣ). Однажды у него одна овечка обьягилась, и ягненокъ родился лысымъ. Боролдзой пообѣщаль посвятить его Тенгирь-Хурмусты-хану, но прилетѣлъ Хунь-Херѣ (воронъ) и выклевалъ глаза у ягненка. Боролдзой сѣлъ на свою сивую лошадь (вок мори), догналъ Хунь-Херѣ и выкололъ ему глаза. Тогда Хурмусты-ханъ послалъ волка, чтобъ онъ за это сѣлъ у Боролдзой Обогона его хорошую сивую лошадь. „Узнать ее“, говорить,— „легко, потому что она всегда подъ токумомъ ходить (подъ чапракомъ), а худая ходить безъ покрывала“.

Узналъ это Боролдзой Обогонъ раньше, чѣмъ волкъ до него добѣжалъ, и худую лошадь покрылъ токумомъ, а хорошую пустилъ такъ; волкъ и сѣлъ худую лошадь. Боролдзой догналъ его, содралъ кожу съ хвоста на голову и оставилъ тулуномъ ¹⁾ висящею на носу, отпустилъ въ такомъ видѣ волка. Ханъ-Хурмусты послалъ Лу убить у Боролдзой всѣхъ его овецъ, указавъ, что они всегда пасутся на Болтогой тологоѣ. Боролдзой узналъ объ этомъ раньше и перегналъ овецъ на другое мѣсто. Лу ударилъ стрѣлой въ Болтогой тологою, но разбилъ только гору; Боролдзой догналъ его и переломилъ у него ногу.

Тогда Ханъ-Хурмусты послалъ семь чертей (долон читкур), чтобъ они привели къ нему Боролдзоя; они пришли и стали смотрѣть въ аялъ съ улицы, что дѣлаетъ Боролдзой, провертѣвъ для этого дырочки въ кошмѣ. Видятъ—онъ варить аргаль (скотскій калъ). Долонъ Читкуръ удивляются, ждуть, что дальше будетъ. Когда котель закипѣлъ, Боролдзой почерпнулъ полный ковшъ и выплеснулъ въ глаза чертямъ. Всѣ они отъ этого ослѣпли. (Въ другомъ вариантѣ онъ обмакнулъ въ варево пукъ караганы и ею выжегъ и выхлесталъ глаза чертямъ). Послѣ этого Хурмусты-Ханъ самъ пошелъ къ Боролдзю, чтобъ убить его. Узналъ это Боролдзой, закололъ барана, у дверей юрты разослалъ бѣлую кошку, положилъ приготовленное мясо и велѣлъ вырости двумъ ведрамъ по бокамъ мяса, затеплил девятью девятью восемьдесятъ одну дзулу (юсун юсо нанн нига дзулу) ²⁾, самъ

¹⁾ Тулуномъ снять значить рукавомъ или мѣшкомъ, не дѣлая продольнаго разрѣза.

²⁾ Дзула—свѣча, ставимая передъ бурханами.

зашелъ въ аилъ и сталъ поджидать Хурмусти-Хана. Ханъ пришелъ и спрашиваетъ: „За что ты выкололъ глаза Хунъ-Херэ?“ „А за то, что онъ вылевалъ глаза тому ягненку, котораго я вамъ посвятилъ“. „Чья правда, какъ не Боролдзоя!“ сказалъ Хормусти-Ханъ. „А за что ты содралъ кожу съ волка, котораго я послалъ съѣсть твою лошадь?“ Боролдзой отвѣчалъ: „Ты послалъ волка съѣсть мою хорошую лошадь, а не худую, вотъ за то я его и ободралъ“. „Чья правда, какъ не Боролдзоя!“ сказалъ Хурмусти-Ханъ. „Ну, а за что ты изломалъ ногу Лу?“ „А за то, говоритъ Боролдзой,— „что ты послалъ его убить моихъ овецъ, а не разбивать Болтогой тологой!“ „Чья правда, какъ не Боролдзоя!“ сказалъ Хурмусти-Ханъ. „За что“, говоритъ,— „ты ослѣпилъ чертеймною посланныхъ?“ „За то“, говоритъ Боролдзой,— „что ты ихъ послалъ взять меня, а не рвать мой аилъ; вотъ за то я и выжегъ имъ глаза“. „Чья правда, какъ не Боролдзоя!“ „Что это у тебя передъ дверями?“ спрашиваетъ Хурмусти-Ханъ. „Это тебѣ жертва, чтобы ты видѣлъ, что я тебя чту, какъ Бога“, сказалъ Боролдзой,— „чтобы ты прежде, чѣмъ меня убить, увидѣлъ это“. Ханъ остался очень доволенъ имъ, и послѣ того Боролдзой сталъ богатъ.

(Записана отъ Дархата Ереатъ Захрана).

154. Дочь Лусай-хана.

Жилъ старикъ со старухой, у нихъ былъ одинъ только сынъ, и были они очень богаты. У нихъ было 1000 верблюдовъ, 1000 лошадей, 1000 быковъ и столько же овецъ. Однажды сынъ сказалъ отцу: „Не худо бы намъ доброе (буин) дѣло сдѣлать; ты ужъ сколько на свѣтѣ живешь, а еще ни разу не дѣлалъ добраго дѣла“. Отецъ велѣлъ сыну позвать ламу, который жилъ недалеко отъ нихъ. Сынъ пошелъ и позвалъ ламу; тотъ пришелъ и сталъ читать номъ: „Алтынъ Зотви“. Читая молитвы, онъ все требовалъ жертвъ; до того дошло, что онъ заставилъ ихъ весь ихъ скотъ прирѣзать, да и остальное имущество все въ жертву принести. Когда уже у нихъ почти ничего не осталось, тогда только онъ сказалъ: „Ну, ваши грѣхи теперь искуплены“. Осталось у нихъ всего на все только девять ланъ серебра. Старикъ и старуха померли, сынъ взялъ девять ланъ серебра и пошелъ изъ этого мѣста. По дорогѣ онъ встрѣтилъ ламу, далъ ему три лана серебра и сказалъ

„ёрёль таби!“, то-есть, сдѣлай поминование! Тотъ отвѣчалъ: „Иди за семь горъ!“ И уѣхалъ.

Пошелъ сынъ дальше; пройди семь горъ, онъ опять встрѣтилъ ламу въ желтой шелковой шубѣ, опять отдалъ ему три лана се-ребра и просилъ указать ему мѣсто, гдѣ онъ могъ бы счастливо жить. Лама сказалъ: „Иди за гору направо къ морю“. И уѣхалъ. Пошелъ молодой человѣкъ дальше и опять встрѣтилъ ламу, отдалъ ему послѣдніе три лана и просилъ указать дорогу къ морю. Тотъ, указавъ гору, сказалъ: „Ступай за эту гору, тамъ и увидишь море“. Пошелъ молодецъ и едва-едва дошелъ до моря отъ утомленія; увидалъ тамъ рыбаковъ, которые ловили рыбу, и попросилъ у нихъ рыбку, чтобы поѣсть. Они дали ему малька (джираха), у котораго передъ былъ золотой, а другая половина серебряная. Пожалѣлъ онъ ее съѣсть, думаетъ: „Много ли я поѣмъ!“ И отпустилъ ее опять въ море. Попилъ воды, умылся и пошелъ дальше. На встрѣчу ему идутъ два человѣка, подошли къ нему и зовутъ къ Лусай-хану, увѣряя, что ханъ послалъ ихъ за нимъ. Молодецъ не соглашается идти. „Какъ“, говоритъ,—„я въ воду пойду? Я тамъ задохнусь“. Но посланные отъ Лусай-хана, не слушая его, заткнули ему ротъ и носъ и кинулись вмѣстѣ съ нимъ въ воду. Очутился молодецъ у Лусай-хана, увидалъ тамъ весь свой скоть. Тотъ лама, что приносилъ его въ жертву, былъ посланъ отъ Лусай-хана.

Лусай-ханъ сказалъ молодцу: „За то, что ты спасъ мою дочь отъ смерти, въ то время, какъ гуляла она въ морѣ рыбкой, вотъ тебѣ награда!“ И подаль ему коричневый ящичекъ. „Только“, говоритъ,—„ты раньше трехъ дней его не открывай“. Затѣмъ онъ отпустилъ его. Когда очутился онъ на землѣ, сильно ему захотѣлось открыть ящикъ и посмотреть, что въ немъ, однако терпѣлъ, боялся раньше срока отереть; на третій день не выдержалъ, открылъ и увидѣлъ тамъ рыбку, которую онъ раньше въ море отпустилъ, и сказалъ: „Ладно же онъ меня наградилъ! Тѣмъ, что я самъ бросилъ“. И легъ спать.

Просыпается утромъ, видитъ—лежитъ онъ въ хорошемъ аилѣ, на шелковой постели и въ шелковой одеждѣ, а его старая одежда за дверями валяется. Подлѣ него сидитъ красивая знатная женщина. Онъ удивляется, гдѣ онъ и какъ попалъ въ такой богатый аилъ; ничего не могъ припомнить. Сталъ спрашивать красавицу,

что возлѣ него сидѣла и что-то шила: „Чей это аилъ?“ Она отвѣчала: „Вашъ, а я ваша жена, дочь Лусай-хана“. Вышелъ онъ изъ аила и увидѣлъ пять большихъ табуновъ скота, верблюдовъ, быковъ, лошадей, овецъ и сарлыковъ. И сталъ онъ жить счастливо.

Прошло нѣсколько дней; услышалъ онъ, что пріѣхалъ въ ихъ сторону какой-то ханъ съ двумя тысячами солдатъ. Солдаты убили трехъ хучгунъ-хулу-гуна ¹⁾; ханъ послалъ ихъ въ аилъ мужа Лусай-хановой дочери, чтобы тамъ изжарить звѣрей. Пришли три солдата, стали жарить трехъ хучгунъ-хулугунъ да засмотрѣлись на красавицу и сожгли все жареное. Стали они жаловаться красавицѣ, что вотъ, засмотрѣвшись на нее, сожгли они ханское кушанье. „Убейте насъ теперь ханъ!“ говорятъ. Сжалилась она надъ ними, сдѣлала изъ муки такихъ же три хучгунъ-хулугуны и говорить имъ: „Не узнаетъ вашъ ханъ, что не настоящіе!“ Принесли они кушанье хану, тотъ поѣлъ и отдалъ остатки солдатамъ; они всѣ наѣлись и не могли всего съѣсть. Тогда ханъ велѣлъ имъ на завтра убить пять хулугунъ, предполагая, пяти имъ хватить на два дня. На завтра солдаты пришли въ аилъ жарить пять хулугунъ и на этотъ разъ изжарили, какъ слѣдуетъ. Принесли хану, онъ одинъ все съѣлъ и не наѣлся; сталъ ихъ спрашивать: „Какъ такъ, вчера три звѣрка было, мы всѣ насытились, а сегодня пять и одному мало, чтобы быть сытымъ?“ Тогда солдаты рассказали, что случилось на канунѣ, и ханъ поѣхалъ посмотреть на красавицу. Какъ увидѣлъ ее, такъ и упалъ въ обморокъ отъ ея красоты; она велѣла своимъ служанкамъ поднять его и привести въ чувство. Ханъ остался у нихъ ночевать; когда стали ложиться спать, дочь Лусай-хана попросила хана выдти закрыть уркѣ (вошму, закрывающую верхнее отверстіе юрты). Тотъ вышелъ, запутался въ веревкахъ, которыми уркѣ привязано, и ночевалъ на улицѣ около аила. На завтра онъ сказалъ ей мужу: „Давай отыскивать другъ друга (играть въ прятки)! если“, говорить, — „я тебя три раза найду, а ты меня не найдешь, такъ я буду мужемъ твоей жены“. Мужъ было отказываться, но жена сказала ему: „Ты долженъ согласиться на предложеніе хана; это тебѣ за то, что открылъ ты свой ящикъ раньше срока“. Мужъ согласился; ханъ спрятался, и мужъ

¹⁾ Хулугуна—мышь и вообще звѣрокъ изъ рода грызуновъ

долженъ былъ искать хана. Горюетъ, пришелъ къ женѣ, говоритъ: „Не найти мнѣ его! онъ вѣрно во что-нибудь переродился“. Тогда жена ему сказала: „Иди направо за аилъ; тамъ увидишь три золотые тополя; ты руби среднее изъ этихъ деревьевъ“. Онъ пошелъ, замахнулся топоромъ надъ среднимъ тополемъ, а ханъ, превратившійся въ тополь, и закричалъ: „Не руби человѣчью спину“. Теперь слѣдовало мужу прятаться, а онъ не зналъ „ильби“ (искусство превращаться), пришелъ къ женѣ, спрашиваетъ: „Какъ я спрячусь?“ Она превратила его въ свой наперстокъ и ханъ не могъ его найти. Тогда ханъ говоритъ женѣ: „Пусть онъ въ другой разъ меня ищетъ! я его не могъ найти“. И ушелъ. Жена сдѣлала мужа какимъ былъ и сказала: „Поди, ищи теперь хана! онъ у себя въ аилѣ сдѣлался лукомъ; ты увидишь ихъ тамъ три; возьми средній и гни, черезъ колѣно“. Онъ такъ и сдѣлалъ; тогда ханъ закричалъ: „Не ломай человѣчью спину“. И сказалъ: „Ты меня два раза нашелъ, а я тебя не могъ; прячься еще! я попробую еще разъ“. Мужъ пошелъ къ женѣ, просить ее спрятать; она превратила его въ иглоу, и ханъ опять его не нашелъ. Сталъ онъ искать хана въ третій разъ, спросилъ у жены; она сказала: „Ступай въ овечій табунъ, поймай средняго изъ трехъ приковъ, что стоятъ позади табуна, возьми его и положи на землю, какъ будто колоть хочешь“. Онъ такъ и сдѣлалъ, поймалъ средняго прика (взрослаго барана) и хотѣлъ его колоть; тогда ханъ закричалъ: „Не рѣжь человѣчьяго брюха!“ И сдѣлался человѣкомъ. Тогда молодецъ сказалъ: „Ясын аптей джитей!“ Ханъ спрашиваетъ его: „Что это такое Аптей-Джитей? Покажи мнѣ“. Мужъ пошелъ къ женѣ и разказалъ, что проговорился, сказавъ при ханѣ слова: „Аптей-Джитей“. Жена говоритъ: „Объ этомъ надо сказать отцу; осѣдай лошадь Цаганъ Шибо (Бѣлая птица) ¹⁾ и ступай къ моему отцу“. Поймалъ онъ лошадь Цаганъ Шибо и поѣхалъ къ Лусай-хану, приѣхалъ и все ему разказалъ. Ханъ сказалъ: „Вотъ это все оттого, что не послушался ты моихъ словъ, открылъ раньше срова коробочку; безъ этого жилъ бы себѣ покойно“. Однако смиловался Лусай-ханъ, далъ зятю двухъ бѣлыхъ верблюдовъ и говоритъ ему: „Когда приѣдешь домой, осѣдай лошадь Сальхинъ (Вѣтеръ) и на ней

¹⁾ Именемъ цаганъ-шибо Дюрбюты зовутъ бѣлую сову, Бураты—лебедя.

бѣги во весь опоръ къ хану такъ, чтобы поводья оборвались у верблюдовъ. Когда прїѣдешь къ хану, онъ тебя спроситъ: Привелъ ли ты Аптей-Джиштей? Ты ничего не отвѣчай, ударь верблюдовъ три раза по головѣ и три раза по заду, оборви поводья, выдерни серебряные буйли (палочки, проткнутые въ носъ верблюда, за которые ихъ привязываютъ) и гони ихъ, какъ можно сильнѣе!“ Онъ такъ и сдѣлалъ; привелъ къ себѣ верблюдовъ, осѣдлалъ лошадей Сальхинъ и помчался къ хану. Тотъ спросилъ его: „Принесъ Аптей-Джиштей?“ Мужъ Лусай-хановой дочери, не отвѣчая, выдернулъ буйли у верблюдовъ, разогналъ ихъ и убѣжалъ. Когда онъ оглянулся послѣ назады, на томъ мѣстѣ увидалъ озеро. Послѣ этого стали они жить покойно.

155. Мани Ветырь ханъ и Харь-Горѣчи.

Былъ одинъ бѣдный ханъ; у него былъ лама съ трехсаженною косой и съ лицомъ краснымъ, какъ коралль (шюрюн улан царятей). Разъ ханъ спросилъ его: „Что мнѣ сдѣлать, чтобы разбогатѣть?“ Лама сказалъ на это: „Есть ханъ озера Цюнкунь, очень богатый ханъ; у него есть драгоценный камень, величиной съ лошадь, по имени Моляръ-Эрдени, и два чендомына. Чтобы отнять у него богатство, надо сдѣлать якорь (тар), бросить этотъ якорь въ его озеро да бросить туда же ядъ и человѣческую голову; тогда всѣ въ озерѣ помрутъ, а мы будемъ таскать якоремъ его богатство“. Ханъ послалъ ламу все это сдѣлать. Но Цюнкунь, озерный ханъ, узналъ все это раньше и сказалъ женѣ, что хотятъ ихъ (озеро) опоганить и отравить. Тогда жена сказала: „По берегу постоянно ходитъ старикъ Харь-Горѣчи и копаешь тумись (корни сараны); надо его сюда позвать“. Послалъ ханъ двухъ человѣкъ, и они привели къ нему Харь-Горѣчи. Ханъ сказалъ ему: „Не допускай ламу до озера, а за это я награжу тебя, чѣмъ ты пожелаешь!“ И отпустилъ. Харь-Горѣчи вышелъ на берегъ, сталъ копать сарану и забылъ, что говорилъ ему ханъ. Только когда лама пришелъ и сталъ вбивать приколь (хатас) для якоря, Харь-Горѣчи вспомнилъ, и сказалъ ламѣ: „Если ты не уйдешь отсюда, то я тебя убью“. Лама ушелъ, вернулся къ хану и разказалъ ему о неудачѣ. Ханъ посадилъ его въ ящикъ съ дырами и велѣлъ щипать его тѣло щипцами, какъ обманщика. Цюнкунь-нуринъ-ханъ опять прислалъ за Харь-Горѣчи; тотъ

спрашиваетъ у посланныхъ: что ему просить у хана въ награду; они сказали: „Проси сумы (тали), что стоятъ за дверью въ ханскомъ андѣ“. Харь-Горѣчи такъ и сдѣлалъ. Ханъ сказалъ: „Возьми, только постоянно носи ихъ на себѣ и никогда не ставь на землю“. Взялъ онъ ихъ, вышелъ на сухую землю и пошелъ къ одному ламѣ, который спасался въ пещерѣ неподалеку, спросить: что такое въ этихъ сумакъ. Лама сказалъ ему: „Я мало знаю. Ты поди вверхъ по рѣкѣ, тамъ живетъ въ пещерѣ лама, который прочиталъ десять тысячъ словныхъ вьюковъ книгъ (номъ) и скоро уже будетъ взятъ на небо; онъ тебѣ скажетъ; я прочиталъ только тысячу вьюковъ и не могу тебѣ сказать“. Харь-Горѣчи пошелъ выше и увидалъ молодаго и очень красиваго ламу. спрашиваетъ его: отчего онъ такъ молодъ и такъ красивъ. Лама отвѣчалъ, что вверху есть золотой ключъ, гдѣ онъ умывается, оттого онъ такъ красивъ и молодъ. Харь-Горѣчи пошелъ къ ключу, умылся въ немъ и сталъ молодъ и красивъ. Умываясь, онъ замѣтилъ на пескѣ много слѣдовъ маленькихъ и красивыхъ человѣческихъ ногъ; онъ воротился къ ламѣ и спрашиваетъ: „Ты живешь здѣсь одинъ, а я видѣлъ тамъ слѣды не твоихъ ногъ“. Лама отвѣчалъ, что пятнадцатаго числа каждаго мѣсяца на ключъ прилетаютъ восемь красивыхъ дѣвушекъ; выкупавшись, они приходятъ къ нему за благословіемъ и потомъ улетаютъ. Харь-Горѣчи говоритъ, что ему хотѣлось бы поймать одну изъ нихъ. „Это“, говоритъ лама,—„ты можешь сдѣлать, потому что у тебя въ сумѣ есть золотая веревка, которой привязываютъ солнце и мѣсяцъ“. Харь-Горѣчи спрашиваетъ: что же дальше дѣлать? Лама научаетъ его спрятаться за него. „А когда“, говоритъ,—„я ихъ благословлю, я скажу: бросай веревку! Ты бросай и поймашь“¹⁾. Онъ такъ и сдѣлалъ. Когда дѣвушки подошли къ ламѣ для благословія, Харь-Горѣчи взглянулъ потихоньку, но не могъ смотрѣть на ихъ лица; они были блестящи, какъ солнце. Когда лама сказалъ: „бросай веревку“, онъ бросилъ и поймалъ одну изъ дѣвушекъ; лама посмотрѣлъ въ книгѣ и сказалъ: Это дочь конеголоваго Гевиринъ-хана (морин то-

¹⁾ Лама не могъ иначе сдѣлать, не могъ отказать въ помощи, такъ какъ собирался летѣть на небо. Еслибъ у него попросили руку или ногу, то и ихъ отдалъ бы.

логойтей генирын хан); имя же ея Юсынъ юса Наннъ нига Шиджи Бюрдюксынъ (девятью девять восемьдесят одну задачу рѣшившая); она должна быть женой Мани-Ветыръ-хана, ты долженъ ему ее доставить; ханъ наградить тебя за это и отдастъ свою дочь за тебя замужъ; она твоя суженая“. Лама научилъ Хара-Горѣчи снять съ пойманной дѣвушки покрывало (титимъ), потому что она безъ него не можетъ улетѣть, и отвести ее къ Мани-Ветыръ-хану, чтобъ онъ ее хранилъ. Харъ-Горѣчи исполнилъ приказаніе ламы, и превративши себя и дѣвушку въ некрасивыхъ бѣдныхъ людей, на дѣлъ на себя и на нее одежду слугъ и пошелъ къ хану. Слуги сначала не хотѣли ихъ допустить до Мани-Ветыръ-хана, но они настоятельно просили доложить о нихъ; ханъ услышалъ, что его спрашиваютъ какіе-то люди въ одеждѣ слугъ, и велѣлъ ихъ привести; когда они вошли и умылись, ханъ былъ пораженъ красотой дѣвушки до того, что упалъ въ обморокъ. Когда опомнился, онъ сталъ спрашивать Харъ-Горѣчи; тотъ разказалъ ему все, что случилось и что говорилъ лама. Ханъ наградилъ Харъ-Горѣчи отдалъ за него свою дочь и полцарства, а самъ женился на Юсынъ юса Наннъ нига Шиджи Бюрдюксынъ. У него было еще сто-восемьдесятъ женъ, которыя теперь казались ему, какъ изъ тѣста вылѣпленныя, и онъ пересталъ ихъ навѣщать. Тогда жены пошли къ ламѣ Харъ-Эмчи (черному доктору), взявши по дробѣ (кувшину) чаю и по шелковому терлику (халату); все это они подарили Харъ-Эмчи, прося его помочь имъ избавиться отъ новой ханьши. Они жаловались ему, что ханъ ихъ совсѣмъ забылъ изъ-за этой шубуки (служанки), какъ называли они новую жену. Лама сказалъ, что нужно прежде всего удалить хана изъ дома; тогда имъ легче будетъ избавиться и отъ нея. Харъ-Эмчи привидѣлся во снѣ отцу Мани-Ветыръ-хана и сказалъ, что враги идутъ на ихъ царство войной. Отецъ Мани-Ветыръ-хана пошелъ къ Харъ-Эмчи и разказалъ ему, что во снѣ видѣлъ. Харъ-Эмчи сказалъ: „Да, дѣйствительно на ваше царство идутъ войной“. Отецъ Ветыръ-хана идетъ къ сыну и говоритъ, чтобъ онъ взялъ солдатъ и шелъ непріятелю на встрѣчу. Сынъ послушался, взялъ съ собою Хара-Горѣчи и ушелъ; безъ него сто-восемьдесятъ женъ опять взяли богатые дары и пошли къ Харъ-Эмчи, просятъ избавить ихъ отъ новой ханьши. Онъ обѣщалъ имъ; снова по его чарамъ

отец Ветыр-хана видит во снѣ, что ему Шулмусъ распарываетъ брюхо; онъ идетъ къ Харь-Эмчи спросить, что значитъ этотъ сонъ. Харь-Эмчи говоритъ: „Видно святой вы человекъ, что впередъ видите все, что вамъ можетъ повредить. Дѣйствительно, Шулмусъ хочетъ вамъ брюхо разрѣзать; надо скорѣе сдѣлать „курюнь“ (жертвоприношеніе) и молебствіе для отогнанія Шулмуса“. Сталь назначать, какія должны быть жертвы, и говоритъ, что надо крови и сала жены Мани-Ветыр-хана, той, что онъ недавно взялъ. Отецъ говоритъ: „Какъ можно жену сына заколоть?“ А Харь-Эмчи на это сказала: „Хотите себѣ жизнь спасти, такъ не жалѣйте невѣстки“. Старикъ согласился и послалъ двоихъ людей заколоть невѣстку; посланные не нашли ее въ анлѣ, она была у матери Ветыр-хана. Когда они пришли и туда, мать ея мужа дала ей ея „титимъ“ и сказала: „Улетай! спасайся!“

Не нашелъ ханъ никакой войны, воротился домой и спрашиваетъ у своихъ ста-восьми женъ: „Гдѣ моя новая жена?“ Они говорятъ, что вскорѣ послѣ его отъѣзда, когда она вышла гулять, на нее напалъ трехголовый Мангысъ и убилъ. „Укажите“, говоритъ ханъ,—„мнѣ ея кости?“ Какія ужъ теперь кости!“ отвѣчаютъ жены;—„давно коровы и собаки съѣли“. Мани-Ветыр-ханъ узналъ отъ матери, какъ было дѣло, и пошелъ съ Харь-Горѣчи отыскивать свою жену.

Пришли они снова къ Детханъ-ламѣ (верховному ламѣ), и онъ сказалъ имъ, что была у него Юсынъ юса Наннъ нига Шинджи Бюрдюксынъ, оставила свое золотое колечко и наперстокъ, просила передать отъ нея мужу на память и улетѣла на небо.

Мани Ветыр-ханъ просилъ ламу помочь ему воротить жену. Лама сказалъ: „Моя земная жизнь оканчивается; послѣ завтра я полечу на небо; вотъ когда я полечу, схватись ты за мой орхонджи и улетишь со мною“. Ханъ пошелъ къ золотому ключу, умылся, сталъ моложе и красивѣе прежняго, и на завтра улетѣлъ съ ламой на небо. Какъ поднялись съ земли, ханъ потерялъ сознание. Очнулся и увидалъ прекрасную дѣвушку, которая держала въ рукахъ золотую вазу (дзавья). Онъ спросилъ: куда она идетъ? она отвѣчала: „За водой; старшая моя сестра была на землѣ, стала вонючею и испоганилась, бывши тамъ женой какого-то хана; вода нужна, чтобъ ее обмыть; послѣ завтра нашъ отецъ проснется

отъ своего трехлѣтняго сна,—надо, чтобъ и она могла къ нему явиться“. Мани Ветыр-ханъ пошелъ за дѣвучкой къ ключу, и когда она почерпнула воды, онъ незамѣтно бросилъ въ ея сосудъ кольцо и наперстокъ, и сказалъ дѣвухѣ: „Когда будете ее мыть, лейте воду не жалѣя; чѣмъ больше воды прольете, тѣмъ чище она будетъ“. Мани Ветыр-ханъ напился, умылся и остался у ключа.

Принесла дѣвушка воду и стала мыть свою сестру. „Слышала я“, говорить,—„тамъ на ключѣ отъ одного червяка, что надо лить воду не жалѣя“. Стала выливать остатки изъ вазы и уронила кольцо въ ротъ Юсунъ-юсѣ. Та узнала по этому, что мужъ ея на небѣ, сейчасъ же пошла къ нему и привела въ домъ. Обмыли его, одѣли въ небесныя одежды, и сталъ онъ совсѣмъ красавцемъ. На третій день проснулся отецъ дѣвухекъ, позвалъ дочерей къ себѣ; старшая разказала ему все, чтó съ нею случилось. Моринъ тологойтой Генирынъ-ханъ говорить: „Можно ли дочери небесъ выйти за земнаго человѣка?“ Дочь отвѣчала, что онъ ханъ большаго государства, да притомъ вѣдь и на землѣ много святыхъ людей, которые каждый день возносятся на небо. Моринъ тологойтой Генирынъ-ханъ сказалъ: „Дѣлать нечего, онъ у тебя красивъ и уменъ; сумѣлъ попасть на небо; сдѣлаемъ пирь!“ И праздновали они три года. Послѣ того Мани Ветыр-ханъ сказалъ: „Пора теперь намъ домой собираться, потому что по вашему предопредѣленію (дзарликъ) я ханъ своего народа“. Моринъ тологойтой Генирынъ-ханъ сократилъ три года въ три мѣсяца, три мѣсяца въ три дня и далъ имъ по мечину (по звѣздѣ); держась за эти звѣзды, и слетѣли они на землю къ тому ключу, гдѣ остался Харъ-Горѣчи. Мани Ветыр-ханъ послалъ его посломъ въ свое царство къ отцу и велѣлъ сказать, что до его возвращенія долженъ онъ совершить судъ надъ ста десятью человѣками. Отецъ понялъ, что, кромѣ ста-восьми женъ, Мани Ветыр-ханъ осудилъ и его самаго съ Харъ-Эмчи, и бѣжалъ изъ дому. Мани Ветыр-ханъ прибылъ домой, велѣлъ Харъ-Эмчи посадить въ ящикъ съ дырами и изщипать его тѣло на мелкіе кусочки, а сто-восемь женъ велѣлъ привязать ногами къ кобыламъ и разорвать ихъ; отецъ его умеръ въ голодной гобв. И Мани Ветыр-ханъ сталъ жить счастливо (амыр сайхан джиргала).

(Записано отъ Урянхайца Цюлгума).

156. Хельбисъ будырѣ.

На южную сторону снѣжной горы ѣздили, четыре витязя, дѣти Охтыр-ганъ царевны; первый изъ нихъ назывался Хельбисъ Будырѣ, второй на буролобой желто-гнѣдой лошади Хучи Бѣхо (сильный силачъ), третій на рыже-гнѣдой лошади Шарь Хермиль тюшемилъ, четвертый на кровномъ рысакѣ Шубунъ Уланъ Будунъ (цаста улан урту бйду дюрба эрѣ ябысын охтырган дагни ху хельбис будырѣ хучи бѣхо хурюн мангнай сарыл хер моритѣй шагай чимен шар херѣ моритѣй шарь хермил тюшемил хусун дзерд моритѣй шубун улан будун); такіе четыре витязя жили. Разъ мать сказала Хельбисъ Будырѣ: „Суженая твоя дочь Толиндынь-хана Нарындынь Хатунъ живетъ на востокѣ; ѣзды до нея девяносто лѣтъ; ты поѣзжай туда. На дорогѣ будутъ три препятствія, которыя ты долженъ будешь одолѣть. Первое—море, не видать другаго берега; ты черезъ него долженъ переѣхать; второе—лѣсъ, который такъ густъ, что черезъ него даже муха пролетѣть не можетъ; третье—у Толинды-хана и Нарындынь-хатуны живутъ два Мангыса; ихъ ты долженъ будешь побѣдить и тогда привезешь ты свою суженую“.

Хельбисъ Батырѣ отпавился; черное сѣдло у него было изъ слоновой кости сдѣлано, рыбьею костью обложено, потники изъ бѣлаго войлока такіе, что пятьдесятъ человекъ могутъ подъ ними помѣститься (дзаны ясыр дзаджи хійсын дзагасын ясыр наджи хійсын хара эмилъ). Подѣхалъ онъ къ лѣсу, натянулъ свой девяносточетырехструнный черный лукъ и пустилъ Индырве бѣлую стрѣлу (ирин дюрба онтей хар ному и индырве цаган суму), прострѣдилъ себѣ дорогу и проѣхалъ по ней черезъ лѣсъ. Подѣхалъ къ морю, нахлесталъ свою лошадь и перескочилъ на ней черезъ море. Приѣхавъ къ Толиндынь-хану и Нарындынь-хатунѣ, онъ сказалъ имъ, что приѣхалъ по указанію своей матери взять свою суженую (сють). „Ну, когда такъ“, сказалъ ханъ,—„надо дѣлать пиръ (наръ)“. Пировали шестьдесятъ лѣтъ. Хельбисъ Будырѣ, играя съ пятнадцатоголовымъ Мангысомъ, побѣдилъ его во всѣхъ играхъ. Первая игра была стрѣльба; наложили три вязанки дровъ, за ними поставили двухгодовалого быка, а за нимъ иголку. Стали стрѣлать, Мангысъ пробилъ только дрова, тутъ его стрѣла и упала; быка

она даже и не тронула. Сталь стрѣлять Хельбисъ Батырь; тянуть свой лукъ съ вечера до утра, и пустивъ стрѣлу, пробилъ дрова и быка и стрѣла проскочила въ ушко серебряной иглки.

Послѣ стали бороться; Хельбисъ Батырь переломилъ Мангысу обѣ лодыжки (шагай); сталь бороться съ двадцатоголовымъ Атгырь Шаръ Мангысомъ, и также переломилъ ему лодыжки. Взялъ онъ ключъ отъ желѣзной башни и пошелъ посмотрѣть Нарындынъ Дагине; вошедши въ желѣзную башню, онъ увидалъ зеркальную (или стеклянную) башню (толинды байсни) и въ ней Нарындынъ Дагине, у которой во лбу было солнце, въ спинѣ мѣсяць; взявши за руку, онъ подвелъ ее къ дверямъ, гдѣ стоялъ его конь, и возвратился домой, гдѣ сталь жить счастливо. Только разъ Нарындынъ Дагине нашла въ рѣкѣ колечко, которое принадлежало ей матери; затосковала она о ней и скрылась.

Дальше разказчикъ не зналъ.

(Записано отъ Дархата Найдына).

157. Китыть-Ху ¹⁾.

У одного Китайца былъ сынъ. Отецъ спросилъ его: чему хочеть онъ научиться? Сынъ сказалъ, что желаетъ учиться стрѣлять изъ лука. Отецъ купилъ ему черный лукъ, и сынъ ввучился отлично стрѣлять изъ него. Разъ шли они вмѣстѣ; отецъ, увидавъ камень, сказалъ: „Когда я умру, ты похорони меня въ этой дырѣ ногами вверхъ.“ И онъ указалъ сыну отверстіе въ камень. Сынъ такъ и сдѣлалъ; когда отецъ умеръ, онъ принесъ его къ этому камню и закинулъ въ дыру ногами вверхъ. Пошелъ дальше; попадается ему старикъ съ ношей; Китыть-Ху сталь просить у него чего-нибудь съѣстнаго. „Я самъ думаю тебя съѣсть!“ сказалъ старикъ. Это былъ пятнадцатоголовый Мангысъ, сдѣлавшійся старикомъ. Онъ опять сталь Мангысомъ, но Китыть-ху натянулъ лукъ, наложилъ на него пятнадцать стрѣлъ, пустилъ ихъ въ Мангыса и убилъ его. Взявъ его ношу, онъ нашелъ въ ней съѣстное, поѣлъ чего-то и отправился дальше. Вдругъ видитъ между небомъ и землей летѣть что-то черное—Китыть-Ху пустилъ стрѣлу изъ лука. Онъ видѣлъ, какъ стрѣла его упала на землю въ крови, а это черное, во чтѣ онъ

¹⁾ Сынъ Китайца.

стрѣлялъ, упало возлѣ скалы. Идя дальше, онъ встрѣтилъ тысячу чириковъ; онъ спросилъ ихъ: куда они идутъ? Чирики отвѣчали, что они идутъ искать Саинъ-Хунь-Тайджи, которую унесъ двадцатипятиголовый Мангысь, и спросили его: куда онъ идетъ! Онъ казалъ, что идетъ къ Кунь-хану искать пропитанія, потомъ разказалъ имъ также, что онъ видѣлъ на небѣ что-то черное, стрѣлялъ въ него, что стрѣла его упала въ крови, а черное упало за ту скалу. Тогда чирики и ихъ начальникъ стали его уговаривать, чтобъ онъ шелъ съ ними и указалъ имъ, куда это черное упало. „Послѣ, когда мы Хунь-Тайджи найдемъ, мы дадимъ тебѣ лошадь и къ хану привеземъ“, говорили ему солдаты. Китыть-Ху согласился и поѣхалъ съ ними къ той скалѣ, куда что-то черное упало съ неба. Приѣхавъ, они увидѣли дыру внизъ, которая была закрыта огромнымъ камнемъ; чирики не могли своротить камня, а Китыть-Ху одинъ своротилъ. Онъ велѣлъ связать вмѣстѣ восемьдесятъ татлыковъ ¹⁾, на нихъ спустить его въ эту яму и дожидаться, когда онъ подергается за веревку. Спустившись въ подземный мѣръ (энтэ тунду), онъ встрѣтилъ тамъ прекрасную дѣвушку, которая шла за водой; въ рукахъ у нея была серебряная ваза (менгу завья). Она спросила его: какъ онъ сюда зашелъ и зачѣмъ? Китыть-Ху отвѣчалъ, что пришелъ онъ спасти Хунь-Тайджи отъ Атгыръ-Харъ-Мангыса. Дѣвушка сказала: „Я и есть Хунь-Тайджи. Ты натяни свой лукъ; когда я подамъ Мангысу воду, и онъ будетъ пить, ты выстрѣли ему въ бокъ; онъ еще не оправился и отъ перваго твоего выстрѣла, который получилъ въ то время, какъ несъ меня сюда“. Китыть-Ху натянулъ двѣ стрѣлы, и спрятавшись за Хунь-Тайджи, пошелъ къ Атгыръ-Харъ-Мангысу. Дѣвушка подала Мангысу серебряную вазу, высоко держа ее надъ нимъ; Мангысь протянулъ руки вверхъ, чтобы взять вазу; въ это время Китыть-Ху выстрѣлилъ, и Мангысь упалъ мертвый. Пошли Китыть-Ху и Хунь-Тайджи къ отверстию, откуда висѣла веревка; Китыть-Ху говорилъ, что Хунь-Тайджи должна прежде подняться, а дѣвушка говорила, чтобъ онъ раньше поднимался; однако Китыть-Ху переспорилъ; Хунь-Тайджи поднялась, а онъ ждалъ, ждалъ веревки, не могъ дождаться, захотѣлъ пить и пошелъ къ источ-

¹⁾ Татлыкъ—ремень, которымъ привязываютъ вьюкъ на верблюда.

нику живой воды (менгу-аршан), чтобы напиться; не то умерь бы онъ тутъ съ голоду, силы у него ужь совсѣмъ не стало. Напившись живой воды, онъ увидалъ подь огромнымъ камнемъ прикованнаго старика; онъ спросилъ его, кто онъ? Старикъ отвѣчалъ: „Я Бокъ-Лусай-ханъ; приковалъ меня здѣсь Атгырь-Харъ-Мангысъ“. Китыть-Ху разказалъ старику, что съ нимъ случилось, и прибавилъ, что постарается его освободить. Лусай-ханъ сказалъ: „Я и послѣднѣе тебя да не могу эту цѣпь порвать!“ Тогда Китыть-Ху попросилъ его натянуть свою цѣпь какъ можно туже, уйдти какъ можно дальше; ханъ натянулъ цѣпь, Китыть-ху ушелъ на полдня пути, выстрѣлилъ, перешибъ цѣпь, Лусай-ханъ упалъ. Послѣ этого напился Лусай-ханъ живой воды и сказалъ Китыть-Ху, что онъ вынесетъ его наверхъ. „Садись“, говоритъ,— „ко мнѣ на спину и держись крѣпче!“ Полетѣли; когда къ верху подлетали, темно было, потому что верхнее отверстіе было камнемъ закрыто, и только снизу проникалъ лучъ солнца; Китыть-Ху натягивалъ свой лукъ съ вечера до утра, выстрѣлилъ и увидалъ, какъ стало свѣтать въ ямѣ. Вынесши его, Лусай-ханъ воротился, а Китыть-Ху пошелъ къ Кунь-хану и велѣлъ о себѣ доложить. Ему отвѣчали, что теперь никого не принимаютъ, что установлено „цертэй“ по случаю того, что Хунь-Тайджи найдена тысячею солдатъ (чириками). Онъ сказалъ: „Чьею силой, какъ не моею она спасена! Поди такъ и царю доложи!“ Слуга пошелъ и доложилъ. Его тотчасъ же попросили войдти; Саинъ-Хунь-Тайджи сидѣла на восьми коврахъ, и Хунь-ханъ велѣлъ ей сойдти съ своего мѣста и уступить его Китыть-Ху. Узнавъ, какъ было дѣло, Кунь-ханъ приказалъ казнить тысячу чириковъ, а за Китыть-Ху выдалъ свою Хунь-Тайджи, наградилъ скотомъ, серебромъ и золотомъ и сдѣлалъ его первымъ нойономъ, и всѣ стали жить счастливо! Амиръ сайханъ джиргала!

(Записано отъ Дархата Дзууту).

158. Шыттыкуръ-бурханъ.

У одного старика было три сына. Разъ онъ привазалъ имъ отправиться въ разныя стороны, научиться разнымъ художествамъ (гурба эрденим) и прійдти въ одинъ день и въ одинъ часъ. Сыновья отправились и на развѣтвленіи трехъ дорогъ уговорились, кому куда идти и чему обучаться; старшій сказалъ: „Я пойду на

*

востокъ и буду учиться воровать и скоро бѣгать“. Средній сказалъ, что пойдетъ на югъ и будетъ учиться волшебству, искусству превращеній (хубильганству или эльби); младшій пошелъ на западъ и сказалъ, что научится слушать, что говорятъ на небѣ и на землѣ; послѣ этого они условились, въ какое время имъ возвратиться, и разошлись въ разныя стороны. Черезъ нѣсколько времени два младшіе брата научились чему хотѣли, воротились на условленный перекрестокъ и стали ждать старшаго брата; не дождавшись въ назначенный срокъ, они воротились къ отцу. Отецъ сердито спросилъ ихъ: „Гдѣ вашъ старшій братъ?“ Они отвѣчали, что не знаютъ. Тогда отецъ спросилъ: чему они научились? Средній отвѣчалъ, что онъ можетъ превращаться въ кого угодно, а также деревянныя четки можетъ превратить въ кораллы (шюръ). „Это хорошо!“ сказалъ отецъ.— „Ну, а ты чему научился?“ спросилъ онъ младшаго сына. Тотъ отвѣчалъ, что онъ научился „слушать“. Отецъ разсердился и сказалъ: „Какая въ этомъ польза?“ Въ это время пріѣхалъ и старшій сынъ. Отецъ и его спросилъ сурово, чему онъ научился? Тотъ отвѣчалъ, что научился воровать. Отецъ сталъ бить его за то, что онъ учился тому, чему не слѣдуетъ. Сынъ сказалъ: „Не бей меня! Я еще научился скоро бѣгать“. Тогда отецъ велѣлъ ему показать свое искусство сначала въ воровствѣ, а потомъ въ бѣгѣ. Сынъ вышелъ изъ аила, увидалъ зайца, тихо подкрался къ нему, поймалъ и сказалъ отцу: „Вотъ какъ я научился воровать!“ Послѣ этого онъ увидалъ нѣсколько дикихъ животныхъ (гурёсу), догналъ ихъ и поймалъ. Отецъ сталъ хвалить его, согласившись, что онъ научился полезному дѣлу. Послѣ этого средній братъ сказалъ старшему: „Пойдемъ въ городъ! Я сдѣлаюсь зеленымъ иноходцемъ (ногон джоро); ты продавай меня, проси тысячу ланъ, за шестьсотъ уступи, только скажи, что нужно лошадь напоить на рѣкѣ и потомъ снять съ нея обротъ“. Братъ обѣщался исполнить все, какъ ему было сказано. Средній братъ сдѣлался зеленою лошадью (ногон джоро морин), старшій сѣлъ на него и поскакалъ вдоль улицы, какъ вѣтеръ. Китайцы любовались иноходцемъ; одинъ сталъ давать пятьсотъ ланъ, другой далъ шестьсотъ, и старшій братъ согласился продать, какъ ему было сказано. Купивши лошадь, Китайцы стали угощать продавца; онъ напился пьянъ и забылъ взять обротъ, взялъ серебро и уѣхалъ домой. Ки-

тайцы подумали, что это волшебная (эльбитэй) лошадь, заперли ее въ желѣзную конюшню, потомъ послали за прозорливцемъ (шиньд-жечи); тотъ сказалъ имъ: „Ведите лошадь къ рѣкѣ! Если она настоящая лошадь, то будетъ пить много, а если человѣкъ, то мало“. Дѣйствительно, лошадь мало пила, и они узнали, что это человѣкъ; лошадь, зная, что ее отведутъ опять въ желѣзную башню и тамъ заморять, и увидѣвъ, что надъ водой летаетъ борь-больджихай (маленькая птичка), переродилась въ нее. Китайскій „шиньджи“ сдѣлался соколомъ (харцига) и полетѣлъ за пташкой слѣдомъ. Борь-больджиха полетѣлъ къ старому ламѣ, который спасался въ горахъ, и сказалъ ему: „Позволь мнѣ сдѣлаться твоею бородой, а если у тебя попросятъ нѣсколько волосковъ изъ твоей бороды, ты не давай“. Лама отвѣчалъ, что онъ не можетъ этого обѣщать, что если у него попросятъ руку или ногу, то онъ и то долженъ будетъ отдать. Тогда борь-больджиха сказалъ: „Позволь мнѣ сдѣлаться головкой твоихъ чѣтокъ, и когда сюда прилетитъ харцига-шибо, ты брось четки на землю, а головку оставь въ рукѣ“. Лишь только успѣлъ борь-больджиха превратиться въ зернышко четока, какъ прилетѣлъ харцига; старикъ разорвалъ четки и рассыпалъ, оставивъ только головку въ рукѣ. Тогда харцига превратился въ семь голубей (долон-тохта) и сталъ клевать зернышки четока, склевалъ всѣ, и не замѣтивъ, что тамъ не было головки, полетѣлъ назадъ. Борь-больджиха сдѣлался тогда человѣкомъ, благодарилъ ламу за то, что онъ избавилъ его отъ смерти, сказалъ, что онъ за добро ему добромъ заплатитъ. Старикъ сказалъ: „Я былъ уже святъ, а теперь опять сдѣлалъ грѣхъ; утай въ тебя, я не могу уже быть бурханомъ“. Молодой человѣкъ сказалъ, что онъ готовъ все сдѣлать, чтобы возратить ему безгрѣшность. Старикъ сказалъ: „Для этого нужно принести Шитытхурь-бурхана, а тебѣ этого не сдѣлать, потому что онъ находится очень далеко, за пятьсотъ лѣтъ пути, и за все время пути, когда его несешь надо быть безмолвнымъ, а если что-нибудь скажешь, онъ опять назадъ воротится“. Молодой человѣкъ сказалъ, что онъ принесетъ Шитытхура молча. Старикъ сказалъ, что Шитытхурь-бурханъ живетъ подъ тремя задынь-деревьями, что видъ имѣетъ сѣдого старика, а нести его надобно на спинѣ, посадивши въ большую домбу (жбанъ деревянный). Молодой человѣкъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ къ тремъ задынь де-

ревамъ, помолился, посадилъ Шитытхура въ дѣмбу, которую на-
шелъ тутъ, и отправился обратно. Дорогой Шитытхуръ сказалъ:
„Поговоримъ! Ты только слушай, я буду говорить, а на вопросы
ты кивай головой; или самъ говори, я буду слушать; ты только
не долженъ отвѣчать на мои вопросы“. Вотъ они и отправились;
они приближались уже къ мѣсту назначенія, какъ вдругъ молодой
человѣкъ проговорился и Шитытхура съ нимъ не стало. Такимъ
образомъ онъ три раза ходилъ за нимъ и всякій разъ не могъ
донести до мѣста. Онъ пошелъ къ Ламѣ сказать, что не можетъ
принести, пришелъ и не нашелъ Ламы; онъ удивился, но увидѣлъ
его на небѣ. Лама сталъ бурханомъ и сказалъ, чтобъ онъ больше
не ходилъ за Шитытхуромъ. „Ты“, говоритъ, „исполнилъ уже мой
грѣхъ своими трудами“. Тогда средній братъ возвратился домой.

Дальше разказчикъ не знаетъ.

(Записано отъ Гуннына, ламы, Халхаса хушуна Лу-гуна).

159. Хунъ-Тайджи.

Хунъ-Тайджи былъ прежній нойонъ у Дархатовъ. У него дѣтей
не было; онъ поѣхалъ къ Богдо-гегену, просить его о томъ, чтобъ
у него были дѣти, тотъ отвѣчалъ, что у него будетъ сынъ и дочка.
Сына велѣлъ назвать Гелиномъ (гелюнгомъ?), а дочка Деджитъ.
Сынъ сдѣлался Нойонъ-Хутухту и дархатская земля сдѣлалась его
„шаби“. Онъ поѣхалъ въ Тангутскую землю и передъ поѣздкой
привезъ Богдо-гегену серебрянаго бурхана Тархи, іерикъ (поясъ),
серебрянаго бурхана Седыть и подарилъ ему свою Дархатскую
землю. Онъ умеръ въ Хались гоби. Хунъ-Тайджи происходилъ отъ
Биширильты Вана, и Дархаты, не зная, что они подарены гегену,
стали платить албынь (подать) Биширильты Вану. Послѣдній сталъ
притѣснять ихъ, и тогда одинъ изъ шабинцевъ гелюнгъ, узнавъ,
что они подарены Богдо-гегену, поѣхалъ и напомнилъ ему это.
Гегенъ поѣхалъ къ Биширильты Вану и сказалъ, чтобы онъ отдалъ
подаренную ему землю. „Иначе ты“, говоритъ, „мнѣ не молись!“
Биширильты Ванъ сказалъ, что онъ будетъ молиться Хутухтѣ; на
другой же день онъ изломалъ себѣ ногу; онъ понялъ, что это на-
казаніе гегена; раскаялся, заказалъ сдѣлать серебряный мандыль
въ тысячу ланъ, повезъ его гегену въ подарокъ, молился ему и
сказалъ, что поступилъ неправильно и теперь отдастъ ему шаби,

прося исцѣлить ногу. Нога стала здоровою на другой же день. Вотъ какъ Дархаты стали принадлежать Богдо-гегену. Могила Хунь-Тайджи находится близъ горнаго перевала Олѣнь-дабанъ; дочь погребена возлѣ него; на могилѣ поставленъ памятникъ (соргиль чило).

Шаби, который напомнилъ Богдо-гегену о томъ, что они подарены ему, потребовалъ обратно бурхановъ, которые Гелингъ далъ гегену на сохраненіе; узналъ ихъ онъ потому, что они были набиты шерстью оленей (гуресу). Возвращаясь съ ними, онъ подошелъ къ рѣкѣ Долонъ-голь; бросивъ ихъ въ воду, онъ сказалъ: „Если вы наши боги, то плывите вверхъ по рѣкѣ, а не наши, такъ потоните!“ Бурханы поплыли вверхъ по рѣкѣ; послѣ этого онъ принесъ ихъ въ свой монастырь.

Гелингъ сталъ дѣлиться съ своимъ отцемъ; послѣ раздѣла онъ угналъ у отца восемь бѣлыхъ лошадей. Хунь-Тайджи догналъ его на дорогѣ и говорилъ ему: „Отдай мнѣ хотя четыре лошади! это лошади твоей матери“. Но Гелингъ не отдалъ и четырехъ; тогда Хунь-Тайджи сказалъ: „Пусть не будетъ у тебя дѣтей и умрешь ты въ пустой гоби!“ Такъ и сдѣлалось.

160. Боро болджоханъ туджи ¹⁾.

Жили мужъ и жена; у нихъ было два сына; были они люди бѣдные и питались чѣмъ попало,—и птицъ ловили, и рыбу ²⁾. Однажды мужъ поймалъ маленькую бокширго ³⁾ и подумалъ: „Что же? Я его съѣмъ, сытъ не буду!“ и отдалъ его дѣтямъ, чтобы они играли съ нимъ. Послѣ этого звѣри стали сами приходиться къ нему, и онъ ловилъ ихъ руками. И стали они жить счастливо, то-есть, каждый день были сыты. Вотъ разъ, когда мужа не было дома, къ нимъ пришелъ майма-хунъ (торговый человѣкъ); онъ сталъ уговаривать жену, чтобы она съ нимъ бѣжала; онъ говорилъ ей, что онъ богатъ и знатенъ. Жена согласилась съ нимъ убѣжать, но онъ при этомъ потребовалъ, чтобы она сварила для него бокширго.

¹⁾ То-есть, сказка о сѣрой пташкѣ.

²⁾ Что у Халха и Дюрбютговъ считается за грѣхъ.

³⁾ Бокширго—воробей и всякая мелкая пташка.

Она поколотила дѣтей и прогнала ихъ изъ дому, схватила бокширго и сварила. Дѣти вернулись домой, стали искать бокширго и нашли его въ котлѣ сваренаго; младшій изъ дѣтей съѣлъ головку, старшій крылышко. Пришелъ торговецъ и сталъ требовать бокширго, хозяйка подала его ему; онъ увидалъ, что у птицы нѣтъ головы и крылышка, сказалъ, что онъ теперь жениться на ней не можетъ, и ушелъ. Мать стала бить дѣтей, и грозилась совѣмъ убить ихъ. Ночью, боясь, чтобы мать ихъ не убила, дѣти ушли изъ дома; въ туманѣ они заблудились и потеряли другъ друга. Младшій пришелъ къ какому-то городу и зашелъ въ первую избушку. Тамъ жила старуха чаугунца (монахиня). Она его накормила и стала спрашивать: чей онъ сынъ и откуда? Онъ разказалъ, и чаугунца взяла его къ себѣ въ сыновья. Старуха кормилась тѣмъ, что продавала вязанками сѣно; на другое утро ея названный сынъ понесъ продавать вязанку сѣна и продалъ ее за семь мѣшковъ муки, а старухѣ за такую вязанку давали всего муки одну чашку; такъ и были они сыты. Однажды молодой человѣкъ увидалъ прекрасную дѣвушку, дочь нойона, и полюбилъ ее; приходитъ къ старухѣ и сказываетъ, что хочетъ жениться на нойоновой дочери. Старуха ему говорить: „Не надо этого дѣлать!“ Но онъ ее не послушалъ и ушелъ. Когда онъ шелъ мимо дома нойона, дѣвушка его окликнула: „Нюдинда галтей, нюрминда цоктей ¹⁾! откуда ты и какъ тебя зовутъ?“ Зазвала его къ себѣ, стала угощать сладкими и виномъ. Онъ сильно опьянѣлъ, и съ нимъ сдѣлалась рвота. Сначала изъ его рта сыпались драгоценные камни, наконецъ выпала головка бокширго; послѣ этого дѣвушка велѣла его вынести и бросить за огородъ. Проснувшись, онъ воротился опять къ старухѣ, и взявъ вязанку сѣна, понесъ продавать, но теперь ему за сѣно дали только одну чашку муки, потому что онъ лишился счастливой головки бокширго. Онъ ушелъ изъ этого города, но недалеко за городомъ увидалъ онъ семь человѣкъ, которые сильно спорили; они подозревали его и просили разсудить ихъ споръ. „Ты“, говорятъ, „посторонній человѣкъ, лучше разсудишь. У нашего отца было три вещи; онъ сталъ старъ и отдалъ ихъ намъ съ тѣмъ,

¹⁾ Съ огненными глазами и цвѣтущимъ лицомъ.

чтобы мы раздѣлили ихъ между собою; вещи эти: черная шапка, надѣвши которую человѣкъ дѣлается невидимъ, ящичекъ, исполняющій все, чего захочетъ тотъ, кто имъ владѣть, и посохъ, съ которымъ по водѣ можно ходить, какъ по землѣ. Молодой человѣкъ сказалъ имъ: „Я брошу камень, и кто первый изъ васъ его принесетъ, тотъ и будетъ хозяинъ этихъ вещей“. Они согласились; онъ бросилъ камень, и когда они побѣжали, онъ надѣлъ на себя шапку, сталъ невидимъ и пошелъ съ этими вещами опять въ городъ. Дочь нойона опять его зазвала къ себѣ, напоила виномъ, взяла его вещи и опять велѣла выбросить за городъ. Проснувшись онъ пошелъ по дорогѣ и зашелъ въ одну избушку; здѣсь также жила старуха чаугунца; онъ опять поселился у старухи, назвавшись ея сыномъ. Когда она стала варить чай, онъ замѣтилъ, что она положила туда яду; когда она подала ему чашку, то онъ сказалъ, что въ ихъ сторонѣ чай пьютъ закрывшись. Закрывшись полой, онъ чай вылилъ, а потомъ нарочно сталъ тануть воздухъ ртомъ изъ пустой чашки, представляя, будто пьетъ. Потомъ сказалъ, что сильно хочетъ спать, легъ и притворился спящимъ. Тогда онъ увидѣлъ, что чаугунца была шульмусъ съ однимъ глазомъ во лбу и подходила къ нему, чтобы его съѣсть. Онъ сдѣлалъ видъ, будто просыпается, и замѣтилъ, какъ шульмусъ опять сдѣлалась старухой; онъ сказалъ ей: „Мать! что это за цвѣты стоять у тебя на ящикѣ?“ „Это“, говоритъ старуха, — „такіе цвѣты, которые, что захочешь, то и сдѣлаютъ“. Видя, что молодой человѣкъ не спитъ, старуха сама легла спать; тогда онъ накалилъ свой посохъ, который остался у него, потому что нойонская дочь не знала, что онъ волшебный, и выкололъ имъ глаза шульмусу; схватилъ цвѣты и убѣжалъ. Старуха разбила избушку и бросилась за нимъ; онъ добѣжалъ до моря, положилъ свой посохъ и пошелъ по нему черезъ море, какъ по сухой землѣ, а шульмусъ побѣжала за нимъ и утонула. Возвращаясь назадъ, онъ увидѣлъ на берегу дочь нойона, которая купалась вмѣстѣ съ своими семью служанками. Онъ подошелъ и сказалъ ей: „Будь моею лошадейю съ сѣдломъ!“ Силой цвѣтовъ, которые онъ взялъ у старухи, она сдѣлалась лошадейю, а ея служанокъ онъ превратилъ въ ословъ. Поѣхалъ въ городъ и сталъ тамъ жить. Нойонъ обѣщалъ большую награду тому, кто найдетъ его дочь; молодой человѣкъ явился къ нему и

сказалъ, что онъ найдетъ его дочь, если нойонъ отдастъ ему ея ящичекъ. Нойонъ отдалъ ему ящичекъ; онъ вынулъ изъ него голову бокширго, шапку и волшебный ящичекъ; послѣ этого велѣлъ принять лошади человѣческой видъ, но не прежній, а съ однимъ глазомъ. Отецъ сталъ требовать, чтобъ онъ возвратилъ ей настоящій видъ; тогда онъ сдѣлалъ ее по прежнему красивую. Отецъ выдалъ дочь за него замужъ и сдѣлалъ его старшимъ тушмютомъ (сановникомъ). Онъ разскалъ своего отца и мать, отца сдѣлалъ тушмютомъ, а мать служанкой; наградилъ также старуху чаугунцу.

Старшій его братъ, разставшись съ нимъ, поймалъ маленькую золотую сороку; онъ былъ голоденъ, но пожалѣлъ ее съѣсть и, сказавъ: „Сытъ я съ нею не буду!“ отпустилъ ее. Тогда сорока превратилась въ дѣвицу, сказала, что она дочь Шацга-хана, и повела его съ собою. Когда они пришли къ Шацга-хану, дочь разказала ему, что этотъ человѣкъ спасъ ее отъ смерти. Ханъ далъ ему одну бояру синей дабы (квадратный лоскутъ синей бумажной матеріи) и велѣлъ идти домой, никуда, ни въ какіе аялы не заходить по дорогѣ, а пришедши домой, положить дабу и сказать: „Дабу дельгиръ“ (даба, развернись)! Молодой человѣкъ исполнилъ приказа; по дорогѣ заѣхалъ въ одинъ аялъ; тамъ угостили его виномъ; онъ разказалъ, что былъ у Шацга-хана, и что ханъ подарилъ ему одну бояру синей дабы. Хозяева переменяли его дабу; онъ пріѣхалъ домой, развернулъ и сказалъ: „Дабу дельгиръ!“ Но даба была какъ есть даба.

Поѣхалъ онъ опять къ Шацга-хану и разказалъ, что его даба самая обыкновенная даба. Тогда ханъ сказалъ: „Ты заѣхалъ въ аялъ и у тебя переменяли мой подарокъ. Я дамъ тебѣ мунъ (чекмарь, палицу); ступай въ этотъ аялъ и скажи: мунъ цохо! а если нужно будетъ остановить, то гладь и говори: цзохсо мунъ! цзохсо мунъ!“ Молодой человѣкъ пріѣхалъ въ аялъ, гдѣ у него переменяли дабу и сказалъ: „Мунъ цохо!“ И мунъ сталъ всѣхъ колотить. Они закричали: „Отдадимъ тебѣ твою дабу, только останови мунъ!“ Онъ взялъ мунъ, сталъ его гладить и приговаривать: „Мунъ цохсо“ (мунъ, стой)! Мунъ остановился. Онъ взялъ свою дабу и пріѣхалъ домой. Здѣсь онъ сказалъ: „Даба, развернись!“ И она развернулась. У него стало множество скота и слугъ; онъ указалъ слугамъ, что имъ каждому дѣлать. Тогда передъ нимъ явилась

дочь Шацга-хана, которую онъ взялъ за себя замужъ; сдѣлавшись большимъ войномъ, сталъ онъ жить счастливо. Вотъ какъ счастливо было крылышко отъ бокширго, которое онъ съѣлъ.

(Запис. отъ Дархата гелюнга Иши Джамсына).

161. Гахай Тологой Тюлюкчи.

Гахай-Тологой-Тюлюкчи до старости дожилъ у своей матери; онъ боялся выходить изъ аила и даже за естественной нуждой не выходилъ. Разъ мать положила недалеко отъ дверей цѣлюю брюшину (гудзе) съ масломъ (тосу) и говорить сыну: „Ты бы хотъ мочиться выходилъ изъ аила!“ Онъ послушался, вышелъ за дверь и увидалъ гудзе тосу, принесъ его матери и радуется: „Я“, говорить,— „мать, цѣлое гудзе тосу нашель“! „Видишь, я тебѣ правду говорила, что обмотавши палець ремешкомъ въ три ряда, ты будешь счастливъ; вотъ далеко ли ты вышелъ, а ужъ гудзе тосу нашель. А если дальше пойдешь, такъ чего ты не найдешь, такой мужественный человекъ“ (эръ хунь)! Сынъ дѣйствительно былъ радъ, что нашель находку и сказалъ: „Завтра пойду еще дальше мочиться!“ Мать опять вынесла тихонько и бросила полный мѣшокъ арулю (сыру). Сынъ вышелъ на другой день, нашель его и принесъ къ матери, радуется. Мать говорить: „Какъ тебѣ не найти! Вѣдь ты эръ хунь! Постоянно будешь находить; ты сядь на бѣлую лошадь, возьми бѣлогрудую собаку, ружье и поѣзжай дальше; посмотри сколько тамъ разныхъ звѣрей; ты ихъ стрѣлай и привози домой, мы тогда будемъ сыты и богаты“. Сынъ поѣхаль, на дорогѣ увидалъ лисицу, выстрѣливъ, промахнулся; лисица ушла въ нору. Слыхаль онъ, что изъ норъ выживаютъ звѣрей дымомъ; разложилъ курево, дымъ пошелъ во многихъ мѣстахъ изъ отнорковъ; онъ ихъ сталъ затквать, которую халатомъ заткнулъ, которую шапкой, рубахой, раздѣлся до нага; всѣ норы утыкалъ. Лисица высочила въ ту дыру, что была заткнута шапкой, и унесла на себѣ шапку; собака кинулась за лисцей, а лошадь у него была привязана къ собакѣ; она тоже усакала за собакой; ружье было привязано къ сѣдлу; остальная одежда, что была заткнута въ норы, сгорѣла; остался онъ одинъ въ полѣ нагой. Подумаль, подумаль, что ему дѣлать, и рѣшилъ, идти въ ту сторону, куда убѣжала собака съ лошадыю. Стемнѣло; онъ дошелъ до аила и залѣзъ въ навозъ,

приготовленный для топлива, ночевать; онъ устроился такъ, что его снаружи не видно было; чтобы смотрѣть, дыру оставилъ; на другой день онъ боялся вылѣзти изъ своего гнѣзда и смотрѣлъ, что кругомъ дѣлается. Это было ханское ургѣ; ханская дочь вышла изъ юрты за нуждой и обронила золотое кольцо съ пальца; немного погодя, пришла на это мѣсто корова и положила на кольцо навозу; немного погодя, вышла служанка, увидала коровью лепешку, подняла и положила въ общую кучу, гдѣ Тюлюкчи сидѣлъ, чтобы сохла на дрова. Стали кольцо искать; поднялась тревога. Тогда Тюлюкчи рѣшился выйдти изъ своего мѣста. Сталъ кричать, чтобы дали ему одежду. Доложили хану, что какой то человѣкъ сидитъ въ аргалѣ. Ханъ пошелъ самъ, спрашиваетъ его: „Кто ты такой?“ „Я Гахай-Толога-Тюлюкчи“. ¹⁾ „А если ты тюлюкчи“, сказалъ Ханъ, — „такъ найди намъ кольцо“. Дали ему одежду; онъ велѣлъ себѣ новый аилъ поставить, сказалъ, что книги будетъ читать (все обманывалъ, онъ никакой молитвы не зналъ), велѣлъ принести голую голову отъ издохшей свиньи, убралъ эту голову лентами и хадаками для обману, дулъ, плевалъ, дѣлалъ разныя гримасы и наконецъ покатилъ эту голову впередъ себя къ тому мѣсту, гдѣ было кольцо. Стукнулъ сухую коровью лепешку, кольцо изъ нея и выпало. Ханъ сказалъ: „Проси чего хочешь, все дамъ!“ Въ это время изъ аила крикнули: „Собирайте всю посуду! Она нужна для молока!“ Тюлюкчи и сказалъ хану, что ему нужна вся посуда для молока. Ханъ велѣлъ отдать, посмѣялся только надъ его прихотью.

Тюлюкчи привезъ домой цѣлый возъ посуды для молока и старой и новой; мать долго надъ нимъ смѣялась. „Лучше бы“ говорить, „тебѣ попросить у хана что-нибудь изъ одежды“. Прошло сколько-то времени, у хана заболѣлъ сынъ; онъ вспомнилъ про Тюлюкчи и послалъ за нимъ. Тюлюкчи испугался, потому что онъ ничего не зналъ; однако виду не подавъ, пріѣхалъ; его помѣстили въ тотъ аилъ, гдѣ больной жилъ. Больной былъ женатъ; видитъ Тюлюкчи, что жена перемѣнилась что-то въ лицѣ, испугался этого, не знаетъ что ему дѣлать, помѣстилъ свиную голову туда, гдѣ бурханы стоятъ, взялъ четки, и плакалъ и дулъ на нихъ. Когда стемнѣло, жена

¹⁾ Гахай тологой тюлюкчи—„толкатель свиной головы“.

больнаго вышла изъ юрты и Тюлюкчи за нею. Слышитъ, жена шепчется съ кѣмъ-то. „Что, каковъ больной“? „Плохъ!“ говоритъ жена. „Пора съ нимъ покончить!“ кто-то ей шепчетъ. „Нѣтъ“, погоди!— надо посмотрѣть, что Тюлюкчи будетъ дѣлать; я его боюсь; онъ все на меня глядитъ да держитъ свою свиную голову; я и ея боюсь!“ Вотъ что Тюлюкчи подслушалъ. На другой день онъ опять пошелъ слушать; слышитъ, кто-то говоритъ: „Надо украсть свиную голову, а потомъ съ нимъ и покончить!“ Тюлюкчи подумалъ, что это его самого собираются убить, и рѣшился бѣжать въ эту же ночь. Дальше слышалъ онъ, что жена больнаго тоже собирается бѣжать. „Чего“, говоритъ,— „намъ бояться; насъ никто не узнаетъ, я сдѣлаюсь лисицей, а ты сарлыккомъ; а и поймаютъ, такъ вѣдь, чтобы насъ истребить, двадцать вьюковъ дровъ надобно; только на такомъ огнѣ насъ и сожжешь?“ А кто здѣсь это знаетъ.

Ночью Тюлюкчи не спалъ; когда всѣ уснули, онъ взялъ свою свиную голову, и вышелъ изъ дому, намѣреваясь бѣжать, да побоялся собакъ и полѣзъ на крышу сосѣдскаго двора; пошелъ по ней, вдругъ крыша подломилась; онъ провалился, упалъ на что-то мохнатое, испугался и давай колотить свинной головой; мохнатое захрюкало, какъ сарлыкъ; тутъ Тюлюкчи вспомнилъ, что жена больнаго собиралась съ кѣмъ-то бѣжать, который долженъ былъ обратиться въ сарлыка. На шумъ залаяли собаки, сбѣжались люди; самъ ханъ проснулся и вышелъ посмотрѣть, что случилось, а Тюлюкчи такъ избилъ сарлыка, что тотъ не можетъ двигаться. На сарлыка надѣли крѣпкую обороть и заперли въ желѣзную башню. Тюлюкчи велѣлъ приготовить двадцать вьюковъ дровъ и разложилъ изъ нихъ костеръ именно такъ, какъ подслушалъ ночью. Вокругъ огня чириковъ поставили съ ружьями да пиками, привели сарлыка и поставили его на костеръ; солдаты не давали ему убѣжать изъ огня. Послѣ этого Тюлюкчи сказалъ, что надо сжечь и невѣстку; но ханъ на это не согласился и сказалъ, что онъ невѣсткѣ больше, чѣмъ сыну, вѣритъ. Тюлюкчи стоялъ на своемъ. „Вы только приведите ее къ огню“, говорилъ онъ,— „да посмотрите, что съ ней будетъ“. Ханъ наконецъ согласился. Привели жену больнаго къ костру, она оборотилась лисицей; тогда ее схватили и бросили въ огонь; нѣсколько разъ она выскакивала, да чирики ея опять въ огонь бросали. Послѣ этого ханскій сынъ выздоро-

вѣлъ. Ханъ наградилъ Тюлюкчи, сдѣлавъ его небольшимъ тушмотомъ и сталъ онъ жить съ своей матерью счастливо.

162. Толиндынь Ханъ и Шюриндынь Хатынь ¹⁾.

Ханскій сынъ и сынъ нойона отправились путешествовать — искать счастья. Сынъ нойона зналъ десять языковъ, между прочимъ языкъ звѣрей, языкъ птицъ и т. д. Шли они и остановились отдохнуть у золотой тополи; прилетѣли на дерево вороны и стали между собою говорить. Воронъ говоритъ: „Эти молодцы будутъ счастливы, если пойдутъ къ Толиндынь-хану и увезутъ Шюриндынь хатынь!“ Ворона спрашиваетъ: „Какъ же они ее увезутъ?“ Воронъ разсердился и говоритъ: „Твое ли дѣло это знать?“ Ворона говоритъ: „Сколько лѣтъ я съ тобою живу, а ты мнѣ не хочешь сказать правды; когда такъ, я не хочу тебя знать!“ И полетѣла прочь. Воронъ закричалъ: „Воротись, скажу!“ Ворона воротилась, и онъ сталъ ей разказывать, что надо имъ для этого выучиться кузнечному и плотничьему ремеслу и эльби; сдѣлать хазыкъ-терге (телегу) и поймать тогусъ-шибо (павлина), прельстить этимъ хатынь, и когда она выйдетъ изъ юрты хана посмотрѣтъ на терге и тогусъ-шибо, схватить ее и увезти; вотъ тогда они будутъ счастливы!⁴ Сынъ нойона выслушалъ все это и сказалъ ханскому сыну: „Мы теперь должны разойтись и научиться плотничьему и кузнечному ремеслу“. Сынъ нойона пошелъ учиться кузнечному, а сынъ хана плотничьему; нойонскій сынъ скоро выучился и ремеслу и эльби, а ханскій сынъ не могъ ничему выучиться; сынъ нойона и плотничать самъ за товарища долженъ былъ научиться; и эльби за это время отлично научился. У него была четырехугольная бумажка; какъ онъ ей почему нибудь стукнетъ и скажетъ: „будь то то, и то то, все сейчасъ и сдѣлается“. Изъ дерева дѣлалъ серебро и золото. Когда сошлись они опять съ сыномъ хана, онъ стукнулъ бумажкой по дереву и сказалъ: „Будь хазыкъ-терге!“ И хазыкъ-терге была готова. Потомъ онъ стукнулъ опять по дереву и сказалъ: „Будь тогусъ-шибо!“ И тогусъ-шибо былъ передъ ними. Они сѣли въ телегу, взяли тогусъ-шибо и отправились къ Толиндынь хану. Когда

¹⁾ Зеркальный ханъ и коралловая царица.

они подѣзжали къ его дому, дочь хана Шюриндынь Хатынь услышала стукъ телеги и пѣніе тогусь-шибо и сказала отцу: „Я пойду, посмотрю казыкь-терге и тогусь-шибо!“ Только подошла она къ нимъ, нойонскій сынъ схватилъ ее, посадилъ въ телегу и по-скакалъ съ нею назадъ. Выѣхали за границу этого ханства; сынъ нойона уничтожилъ терге и тогусь-шибо и сдѣлалъ хапчины (мѣшеи); сами они сдѣлались нищими (батырчи) и пришли опять подъ золотую тополь отдохнуть. Опять прилетѣли двѣ вороны и сказали одна другой: „Смотри-ка, они въ самомъ дѣлѣ увезли Шюриндынь Хатынь. До счастья имъ однако еще далеко! Они идутъ теперь домой, и на дорогѣ имъ попадутся три пары сапогъ; они не должны ихъ брать, хотъ и босы; дальше три шубы; хотъ они и въ лохмотьяхъ теперь одѣты, они не должны брать эти шубы; еще дальше попадутся имъ три осѣдланныя лошади; они не должны ихъ брать и на нихъ садиться, хотъ и устануть. Последнее испытаніе ихъ будетъ состоять въ томъ, что попадется имъ Абырга-могой въ десять сажень длины; послѣ этого придутъ они домой“. Пошли они дальше и по дорогѣ нашли сапоги; сынъ хана непременно хотѣлъ ихъ надѣть, сынъ нойона изрубилъ ихъ въ куски; нашли дальше три шубы; сынъ хана опять сталъ говорить, что онъ непременно надѣнетъ шубу; сынъ нойона изрубилъ и шубы. Пошли дальше, увидали трехъ осѣдланныхъ лошадей; царскій сынъ хотѣлъ было уже сѣсть на одну лошадь, какъ нойонскій сынъ зарубилъ и лошадей. Пошли они дальше и черезъ нѣсколько времени остановились отдохнуть; пока другіе отдыхали, нойонскій сынъ все точилъ свою саблю; въ это время увидали они, что ползетъ на нихъ Абырга-могой; нойонскій сынъ однимъ размахомъ убилъ змѣю. Одна капля крови Абырга-могой брызнула на лицо Шюриндынь Хатунъ. Если эту кровь вытирать, то черное пятно останется, поэтому сынъ нойона слизалъ эту каплю языкомъ. Сынъ хана разсердился, сталъ укорять своего товарища, что общалъ онъ отдать ему Шюриндынь Хатунъ въ жены, а самъ ее напередъ поцѣловалъ. Сынъ нойона обидѣлся на его упреки и превратился въ камень. Тогда Шюриндынь Хатунъ стала плавать и упрекать ханскаго сына. „Сынъ нойона спасъ меня отъ пятна“, говорила она, — „а ты его оскорбилъ!“ Стала царевна просить, чтобы небо дало ей живой воды (менуу армян). Устала ужъ она держать

чашку, а въ нее капнула еще только одна капля воды; стала она просить ханскаго сына, чтобы подержалъ онъ чашку, пока еще капнетъ капля и чашка будетъ полная. Ханскій сынъ сталъ держать чашку да заснулъ и пролилъ живую воду изъ чаши. Тогда опять Шюриндынъ Хатунъ сама стала держать чашку, но только одна капля ей капнула; другой она такъ и недождалась. Подошла она къ камню и влила каплю живой воды въ отверстіе камня; тогда изъ него опять сдѣлался сынъ нойона, но онъ уже не зналъ ни эльби, ни азыковъ, ни ремесла, сталъ простымъ человѣкомъ, потому что выпилъ только одну каплю живой воды; если бы двѣ выпилъ, у него остались бы старыя познанія и всѣ мы были бы такіе же знающіе, какъ онъ. (Дальше разказчикъ не зналъ).
(Записано отъ Урянхайца Дзулту).

163. Батырь Цзанъ.

Батырь-Дзанъ услышалъ, что на одной знаменитой горѣ живутъ очень богатые неизвѣстно какіе-то люди, что тотъ, кто къ нимъ съѣздитъ, возвращается богатымъ. Онъ задумалъ туда съѣздить и сталъ подыскивать себѣ товарища въ такую дальнюю дорогу. Приѣхалъ къ нему Джамба лама, тоже славившійся силой, и просилъ взять его съ собою, но Батырь-Цзанъ отказалъ, говоря, что онъ не можетъ равняться съ нимъ силой и удальо. Три дня ѣздилъ Джамба лама, упрасивая, чтобъ его взяли, на четвертый Цзанъ согласился. Поѣхали они вмѣстѣ; близъ горы нашли они бѣдный хатгуръ (шалашъ изъ кошемъ), въ которомъ жили старикъ со старухой. Они сошли съ коней, стреножили ихъ и зашли въ аилъ; Цзанъ сѣлъ выше, Джамбалама ниже; поздоровались, закурили трубку, старикъ сталъ спрашивать: „Откуда вы и что за люди? Какъ васъ зовутъ? Куда вы ѣдете?“ и т. д.

Они сказали ему, что ѣдутъ искать счастья, а именно хотятъ проѣхать къ тѣмъ людямъ, что живутъ на ближней горѣ. Старикъ сказалъ, что раньше это были люди торговые, а теперь стали разбойники, и что кто къ нимъ приѣдетъ, назадъ уже не возвращается. Однако дорогу имъ указалъ, сказалъ, что надо сначала подниматься въ гору по узкому ущелью, дальше ѣхать по тропинкѣ, проложенной въ скалѣ, а тамъ они увидятъ площадку, на которой стоятъ пять аиловъ. Одинъ аилъ съ красными дверями,

другой съ синими, третій съ черными, а остальные два аила бѣлые; въ аилѣ съ красными дверями живетъ Китаецъ, Джамба-лама, и одна хатуна (знатная женщина); люди эти заѣзжихъ къ нимъ людей бросаютъ въ колодезь, который есть выше ихъ юртъ на горѣ. Старикъ угостилъ Цзана и его товарища чаемъ и оставилъ почевать. Цзанъ сталъ уговаривать Джамбу-ламу воротиться, но тотъ настаивалъ на томъ, чтобъ ѣхать. Утромъ они отправились и нашли все такъ, какъ разказалъ имъ старикъ. У аила съ красными дверями они привязали коней у привязи; а сами вошли въ аилъ. Поздоровались съ ламой; онъ, отвернувшись, сказалъ только „менду“, а Китаецъ и хатуна и совѣмъ промолчали; трубки никто изъ нихъ не принималъ; было тутъ еще двое съ звѣрскими лицами людей, они тоже не поздоровались и трубокъ не принимали. Китаецъ кивнулъ этимъ людямъ; они достали два черные ремня и стали связывать руки Цзанъ-батырю и Джамба-ламѣ; на помощь къ нимъ явились еще два человѣка; вывели богатырей изъ аила, посадили на лошадей и повезли на гору къ ямѣ. На горѣ они ссадили богатырей съ коней и Джамбу-ламу перваго повели къ ямѣ; какъ онъ ни сопротивлялся, его туда столкнули, и Цзанъ-батырь только услышалъ, какъ онъ о дно стукнулся. Когда повели Цзана, онъ повернулъ руки; ремень затрещалъ; когда подвели его къ ямѣ, онъ дернулъ руками и порвалъ ремень, двухъ схватилъ, какъ щепки и бросилъ въ яму, третьяго туда же, а четвертый палъ на колѣни и сталъ просить пощады. Наложивши трубку, онъ сталъ подбивать Цзана; Цзанъ сталъ его распрашивать: сколько у нихъ людей, много ли скота, серебра и золота? Разбойникъ разказалъ, что верблюдовъ у нихъ одинъ суръ; столько же быковъ, лошадей и овецъ; въ ящикахъ все серебро и золото; самое худшее изъ того, что у нихъ есть, то соболи и шелковыя ткани. Далѣе разбойникъ разказалъ, что Китаецъ шинжечи, ворожбой знаетъ все впередъ, а Джамба-лама—такой силачъ, что, схвативъ двухъ верблюдовъ, побѣжитъ съ ними такъ, что на конѣ не догонишь; хатуна это ихъ любовница; людей ихъ всего двадцать человѣкъ; они четверо самые послѣдніе по силѣ и ловкости; живутъ они въ аилахъ съ черными и синими дверями, а въ остальныхъ живутъ пастухи, повара, сторожа и другая прислуга. „Крѣпко ли они спятъ?“ спросилъ Цзанъ. „Спать какъ мертвые“, отвѣчалъ разбойникъ. „Какъ

же мы убѣжимъ отсюда?“ спрашиваетъ Цзань. „Это трудно“, отвѣчалъ разбойникъ. „Не труднѣе же этого!“ сказалъ Цзань и столкнулъ разбойника въ пропасть. Взявъ шесть аргамаковъ, заѣхалъ въ лѣсъ и сталъ дожидаться ночи. Здѣсь онъ горевалъ, плакалъ и пѣлъ, потомъ сталъ ломать деревья; положивъ ихъ, онъ сталъ кидать на нихъ тяжелые камни, переломалъ почти всѣ; наконецъ, бросилъ на одну лѣсину камень съ ящичъ величиной, она не переломилась; онъ взялъ ее вмѣсто дубины. Дождавшись полночи, пошелъ онъ къ аиламъ; всѣ уже спали: уркѣ (кошма, прикрывающая дымовое отверстіе) было опущено, огня не видать. Онъ вошелъ въ аилъ, гдѣ жилъ Китаецъ съ ламой и женщиной; принесъ со двора аргалу и сталъ его разжигать на огнищѣ, чтобы только дымилось; одну половину дверей привязалъ и сталъ ждать на улицѣ. Китаецъ проснулся, закашлялся отъ дыму и сталъ звать ламу. „Это“, говорилъ онъ, — „вернулся одинъ изъ тѣхъ, что велѣли сегодня въ яму бросить“. Лама встала, крехтя: „Ахъ! ахъ!“ А Цзань съ улицы кричать толстымъ голосомъ: „Выходи скорѣе!“ Лама отвѣчаетъ: „Не торопись! поторопишься, задавлю!“ Не торопясь, подпоясавшись, взялъ саблю и пошелъ; но въ дверяхъ застрялъ, такъ какъ одна половинка была привязана. Цзань въ это время ударилъ его по головѣ; лама даже не покачнулся. Вылѣзъ на улицу совѣмъ съ дверями, схватилъ Цзана и придавилъ колѣномъ къ землѣ, какъ шапку. Цзань ударилъ его подъ лоботь и вышибъ изъ рукъ саблю; пока лама искалъ саблю, Цзань вывернулся изъ подъ колѣна и ударилъ Джамбу по косицѣ; тотъ повачнулся; Цзань схватилъ саблю и отрубилъ ему голову. Китаецъ разбудилъ женщину и велѣлъ ей чай варить, говоря, что прійдетъ сейчасъ Джамба и захочетъ чаю. Цзань подошелъ къ дверямъ и крикнулъ: „Выходи черный Китаецъ!“ Китаецъ, держа саблю подъ колѣнами, звалъ его къ себѣ, говоря: „Заходи, будемъ друзьями! Будемъ одну думу думать!“ Цзань ударилъ его по головѣ палкой и убилъ, потомъ женщинѣ сказалъ: „Выходи, харъ янку!“ Та заплакала и стала просить пощады; онъ оставилъ ее въ живыхъ. Пошелъ къ тѣмъ аиламъ, гдѣ жили разбойники, сталъ у дверей и закричалъ, чтобы они всѣ выходили. Они выходили по одному, и онъ по одному убивалъ ихъ. Послѣ этого онъ созвалъ всѣхъ слугъ старыхъ и молодыхъ, красивыхъ и дурныхъ, и объявилъ имъ свободу. Къ утру онъ при-

казалъ имъ собрать весь скоть и все имущество; бѣдняки не спали всю ночь, радуясь своей свободѣ. Цзанъ приказалъ женщинѣ отпереть всѣ сундуки и сталъ осматривать богатство. На другой день онъ навьючилъ себѣ пятнадцать верблюдовъ всякаго имущества, остальное раздѣлилъ другимъ людямъ; женщина предлагала ему остаться у нея въ аилѣ, потомъ просила взять ее съ собою, но онъ, не отвѣчая на ея просьбы, убилъ ее за то, что не приняла у него трубки, когда онъ въ первый разъ къ нимъ зашелъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ опять къ старикамъ, которые приняли его тогда ласково, какъ сына, и указали дорогу въ горы, наградили ихъ и поѣхалъ домой. Сталъ жить богато и счастливо.

(Записано отъ ламы Гуннына, Халхасца хошуна Лу-гуна).

164. Тондыкъ.

Тондыкъ былъ знаменитый воръ; онъ славился силой и ловкостью. Заѣхалъ онъ однажды ночевать къ вдовѣ, у которой былъ молодой сынъ; молодые люди разговорились, Тондыкъ признался, что онъ воръ. Сынъ вдовы сталъ проситься ѣхать съ нимъ воровать. Тондыкъ согласился, и вотъ они отправились вмѣстѣ; Тондыкъ послалъ товарища въ богатый аилъ, чтобъ украсть тамъ хорошую лошадь; тотъ укралъ, вернулся и поѣхали вмѣстѣ дальше къ богатому аилу. Тондыкъ говорить, чтобъ онъ меньше двадцати лошадей не воровалъ никогда, что всегда воруетъ или ровно двадцать, или ровно тридцать, или ровно сорокъ. Три дня они прожили на одной горѣ, ожидая удобнаго времени, наконецъ уехали двадцать лошадей. За Тондыкомъ давно уже слѣдили; хозяева лошадей бросились догонять ихъ, сына вдовы догнали, набросили на него веревку и сдернули съ лошади, а Тондыкъ ускакалъ на своемъ конѣ. Сына вдовы привели въ аилъ и стали пытать: кто съ нимъ былъ и откуда онъ самъ? Онъ ничего имъ не сказалъ, только охалъ, когда его били. Тондыкъ, когда замѣтилъ, что за нимъ ужъ нѣтъ погони, воротился назадъ, чтобы посмотреть, нельзя ли выручить товарища. Подѣхалъ къ аилу; вокругъ никого нѣтъ, только множество лошадей привязанныхъ стоитъ; онъ выбралъ ту вороную лошадь, на которой догнали его товарища, отвелъ ее въ кусты и тамъ привязалъ вмѣстѣ съ своею, а самъ вернулся къ аилу, привязалъ всѣмъ лошадямъ къ хвостамъ кошмы и

*

испугалъ ихъ. Изъ яила всѣ выбѣжали ловить своихъ лошадей; только одна женщина, варившая въ большомъ котлѣ чай, осталась. Тондыкъ вбѣжалъ въ яилъ, перерѣзалъ на товарищѣ веревки, взвалилъ его себѣ на плечи и унесъ къ тому мѣсту, гдѣ были привязаны лошади; посадилъ его на вороную лошадь, самъ сѣлъ на свою, и погнали опять тѣхъ двадцать лошадей, которыхъ онъ успѣлъ отогнать. Три дня гнали; на четвертый день имъ приключилось гнать узкимъ ущельемъ; здѣсь увидали они человѣкъ двѣсти народа, который ихъ тутъ ждалъ, зная, что въ другомъ мѣстѣ прогнать лошадей не гдѣ. Тутъ Тондыкъ сказалъ своему товарищу, чтобъ онъ спасался. Тотъ отвѣчалъ, что онъ мастеръ бросать камни, и что ему случалось этимъ способомъ убивать звѣрей. Набравъ камней, онъ бросился впередъ и сталъ убивать людей; за нимъ Тондыкъ гналъ лошадей; нѣкоторые люди были убиты, другіе разбѣжались; хозяинъ лошадей кричалъ имъ съ горы, чтобы не угоняли его мухортую лошадь, что она *сетэртэй* (посвященная Богу); но Тондыкъ гналъ, не обращая ни на что вниманія. Когда они добрались до своего мѣста, Тондыкъ не далъ сыну вдовы ни одной лошади; только уже спустя нѣкоторое время, привезъ ему нѣсколько сотъ ланъ серебра и сталъ убѣждать его никогда не воровать больше. „Этихъ денегъ надолго хватитъ тебѣ платить албу (подать) и жить съ матерью“, сказалъ онъ; потомъ назвалъ сына вдовы своимъ старшимъ братомъ по ремеслу и ухалъ, взявши съ него слово, что онъ воровать не будетъ.

165. Зми.

Одинъ Монголь наткнулся на груду зми; испугавшись, онъ сталъ молиться имъ, думая, что они собрались по повелѣнію неба. Когда онъ молился, то увидѣлъ, что одна змиа стала приближаться къ нему; на головѣ у нея онъ замѣтилъ два небольшіе красные рожка; змиа подползла къ нему и потеряла свою голову о его колѣни; одинъ рогъ съ нея свалился ему въ колѣни. Въ это время небо покрылось тучами, и пошелъ дождь; Монголь спрятался подъ утесъ, гдѣ было совершенно темно; пощупавъ кругомъ, онъ наткнулся на что-то мягкое, мелкое и круглое; онъ попробовалъ на вкусъ, оказалось сладкое, какъ сахаръ, и онъ поѣлъ его довольно; послѣ этого показалось ему, что все кругомъ закачалось

и онъ потерялъ сознание; пришедши въ чувство, онъ увидѣлъ передъ собою совершенно новую мѣстность, какой прежде не видалъ; лежалъ онъ на мѣстѣ большого скочевавшаго аяла; вокругъ росли громадныя деревья, какихъ онъ раньше и не видывалъ; вставши, онъ пошелъ дальше и увидѣлъ большой аилъ; онъ вошелъ въ него и поздоровался, но на него не обратили никакого вниманія; между тѣмъ въ аилѣ было много молодыхъ людей необыкновеннаго роста, такая же высокая дѣвица, и сидѣлъ старикъ въ синей шелковой шубѣ, Ханъ-Хурмусти. Варился чай въ огромномъ котлѣ. Скоро всѣ стали пить, но ему не дали, и онъ догадался, что его не видятъ. Когда напились всѣ, чаю осталось довольно, онъ взялъ чашку и также напился. Пришло время варить мясо; точно также ему не дали, но онъ послѣ другихъ взялъ самъ мяса и наѣлся. Когда всѣ легли спать, онъ улегся въ рукавѣ высокой дѣвицы, дочери хана. Вставши утромъ, дѣвица почувствовала себя нездоровою; послали къ Цорджи-ламѣ просить его къ больной, а если не поѣдетъ, то прислалъ бы цакиусъ. Черезъ нѣсколько времени цакиусъ явился; монголь также вышелъ посмотрѣть на цакиусъ; это былъ огромный беркутъ. Беркутъ посидѣлъ немного и улетѣлъ, а дѣвушка все не было лучше. Опять послали за Цорджи-ламой. Явился онъ самъ; это былъ громадной величины толстый сѣдой старикъ; онъ пощупалъ пульсъ у больной, потомъ сталъ въ своей книгѣ смотрѣть. Посмотрѣвши въ книгу, онъ обратился въ ту сторону, гдѣ былъ Монголь, и сталъ на него смотрѣть. Монголь поздоровался съ нимъ. Цорджи-лама отвѣтилъ ему привѣтствіемъ и спрашиваетъ: „Какъ ты сюда попалъ“? Монголь отвѣчалъ, что онъ не знаетъ. Тогда лама опять посмотрѣлъ въ книгу и сказалъ, что на небо его забросила Лу, что дочь Хурмусти-хана заболѣла отъ того, что онъ спалъ въ рукавѣ ея шубы, то-есть, отъ нечистоты. Монголь сталъ просить ламу, чтобъ онъ доставилъ его на землю. Цорджи-лама обѣщала и сказала: „Только крѣпче держись за коня, а не то притянетъ тебя огонь, и ты сгоришь“. Далъ ему книгу и сказалъ: „Когда ты увидишь вороную осѣдланную лошадь, садись на нее и будешь дома“. Послѣ этого лама замѣсилъ тѣсто, налѣпилъ изъ него пять лошадей съ сѣдлами и сталъ читать молитвы; лошади сдѣлались большущими и ожили; онъ бросилъ поводья одной изъ нихъ Монголу; тотъ сѣлъ на нее,—больше ничего не помнить. Опомнился

онъ въ своей юртѣ рано утромъ; мать чай варила и удивлялась, какъ онъ могъ войти въ юрту, когда двери были завязаны. Сынъ напился чаю и сталъ припоминать, что съ нимъ было; пощупалъ за пазухой, тамъ лежитъ номъ, что далъ ему лама; это былъ номъ „Цаганъ-Шюктуру“. Черезъ нѣсколько времени онъ сходилъ на то мѣсто, гдѣ видѣлъ змѣй, и нашелъ красный змѣиный рогъ; онъ положилъ его вмѣстѣ съ номомъ и съ тѣхъ поръ живетъ очень счастливо; онъ сталъ богатъ, потому что „Цаганъ-Шюктуру“ и змѣиный рогъ приносятъ счастье.

166. Мальчикъ съ ушко.

Одна старуха загоняла козъ въ пригонъ; поймавши одного козла за хвостъ, она нечаянно оторвала его. Пришедши въ аилъ, она сунула хвостъ за кошмы и стала варить молоко. Когда накипѣла пѣнка, она сняла ее въ чашку и говоритъ: „Ахъ, нѣтъ у меня сыночка, не кому пѣнки ѣсть!“ Вдругъ слышитъ, кто-то кричитъ: „Мама, мама (эджи, эджи), я съѣмъ!“ Изъ хвоста сдѣлался мальчикъ съ ушко (чих чинек). Закомпла разъ старуха верблюда ¹⁾ и говоритъ: „Ахъ не кому у меня и за хлѣбомъ въ поле съѣздить“. Мальчикъ кричитъ ей: „Эджи, я съѣзжу!“ Поѣхалъ онъ, навьючилъ на верблюда хлѣба, ѣдетъ обратно и поетъ. Сталъ накрапывать дождикъ; мальчикъ сѣлъ подъ листочекъ травы и сталъ пережидать; верблюдъ сѣлъ его вмѣстѣ съ травой и пошелъ домой. Старуха удивляется, что ея сына нѣтъ; стала развѣивать верблюда. Мальчикъ, услыхавъ, что старуха близко, закричалъ ей, что онъ въ брюхѣ у верблюда. Нечего дѣлать, заколола верблюда, но не могла найти мальчика; онъ былъ въ слѣпой кишкѣ, а старуха ее выбросила. Не нашедши сына, старуха скочевала съ этого мѣста. Прибѣжалъ волкъ и сѣлъ брошенную кишку. Какъ только волкъ подбѣжитъ къ своту, мальчикъ съ ушко и закричитъ въ его брюхѣ: „Ловите, ловите! Волкъ пришелъ!“ Волкъ испугался. „Что такое кричитъ у меня въ брюхѣ?“ думаетъ. Пошелъ онъ къ лисѣ и просить: „Матушка, полѣчи!“ Лиса велѣла ему напиться воды изъ рѣки

¹⁾ Закомить (выраженіе русскихъ прикащиковъ въ Монголіи) значить привязать на спину верблюда „комы“, которые замѣняютъ вьючное сѣдло, нѣчто въ родѣ двухъ тюфяковъ.

Шарь-Усу (желтая вода), побѣгать подольше и послѣ того испражниться на семи перекресткахъ дорогъ. Волкъ такъ и сдѣлалъ. Мальчикъ съ ушко остался на одномъ перекресткѣ. Ъхали мимо два человѣка; онъ залѣзъ къ одному подъ сѣдельную луку и пріѣхалъ съ ними въ аилъ, гдѣ они остановились ночевать. Когда всѣ улеглись спать, мальчикъ съ ушко вышелъ изъ аила и закололъ овцу; въ ней онъ нашелъ недоноска и положилъ его между двумя спящими дѣвушками; жидкость изъ брюшины вылилъ на постелю двумъ парнямъ, съ которыми пріѣхалъ, а сало съ брюшины прикрылъ старика со старухой, самъ залѣзъ за кошмы и сталъ смотрѣть, что изъ этого выйдетъ. Старикъ проснулся и потащилъ сало на себя, думая, что это его нагольная шуба; сало подсохло и потрескиваетъ; старуха также потащила на себя, чтобъ одѣться, и изорвала все сало; старикъ принялся бить старуху за то, что изорвала она его шубу. Дѣвицы проснулись, увидали на постели выкидышъ и заспорили, упрекая другъ друга: „Это твой выкидышъ!“ Парни проснулись и поссорились, тоже упрекая одинъ другаго. Мальчикъ съ ушко хохоталъ, хохоталъ, до того хохоталъ что у него задница треснула, и онъ умеръ.

167. Левъ.

Въ одномъ государствѣ былъ голодъ три года. Царь послалъ за ворожеемъ спросить его: отчего у нихъ голодъ? Ворожей отвѣчалъ, что прійдетъ въ ихъ землю левъ и поѣстъ весь народъ, если они изъ этихъ мѣстъ не откочуютъ. Ханъ сейчасъ же велѣлъ всѣмъ кочевать на новыя мѣста. Одинъ только старикъ съ своею старухой остались тутъ, потому что не на чемъ имъ было кочевать.

Узнали они, что левъ уже близко подходитъ, и что впереди его бѣжать лисица. Старуха и говоритъ старику, чтобъ онъ взялъ топоръ и шелъ льву на встрѣчу, и какъ левъ будетъ близко, то закричалъ бы на лисицу: „Что ты, обманщица, за тысячу ланъ привела мнѣ такого стараго да не жирнаго льва!“ Потомъ, научаешь старуха, ты кричи мнѣ: „Есть ли у насъ львиное мясо?“ Старикъ такъ и сдѣлалъ. Какъ увидѣлъ, что левъ уже близко, онъ и закричалъ на лисицу: „Что ты, обманщица, за тысячу ланъ привела мнѣ такого худаго льва!“ Потомъ къ старухѣ обратился, спрашиваетъ: „Брать ли отъ лисицы за тысячу ланъ стараго и худаго

льва? Есть ли у насъ львиное мясо?“ Старуха кричитъ ему изъ юрты: „Отъ бѣлаго льва есть задъ да отъ стараго крестецъ“ (уцъ). Левъ услышалъ это, поймалъ лисицу и убилъ. „Что ты это задела меня туда, гдѣ львовъ ѣдятъ“, говоритъ, и убѣжалъ. Черезъ два года пріѣхалъ ханъ, узналъ, что старикъ живъ, позвалъ его къ себѣ, разпросилъ какъ онъ остался живъ, и наградилъ ихъ съ старухой за выдумку, которою они обманули льва.

168. Уланъ Аргата Унигу ¹⁾.

Жили вмѣстѣ лисица, тигръ, медвѣдь, ворона и волкъ; лисица задумала ихъ всѣхъ погубить: узнала она, что въ одной пещерѣ жилъ лама и умеръ; она взяла его одежду и принесла домой. Даетъ воронѣ четки (эрхи) и говоритъ: „Лети на вершину лѣсны, надѣнь четки на шею и читай „Мани“; ты будешь сыта“. Волку дала сапоги ламы и сказала: „Надѣнь ихъ, поди въ стадо барановъ и ѣшь ихъ; тебя не узнаютъ; подумаютъ—человѣкъ“. Медвѣдю дала цань (тарелки музыкальныя). Ворона, надѣвши четки на шею, взлетѣла на лѣсину, повѣсплась и удавилась; волка убили, когда онъ зашелъ въ стадо; а медвѣдь сталъ колотить въ тарелки, подумалъ, что это левъ рычитъ, испугался, убѣжалъ за семь горъ и пропалъ тамъ. Пошла лисица и нашла на дорогѣ узелокъ съ лакомствами и пропащаго дзерена, вымазала себѣ кровью глазъ, пришла къ тигру, сама жуетъ что-то. Тигръ спрашиваетъ: „Что ты ѣшь?“ „Я проголодалась“, говоритъ лиса, „выкопала себѣ одинъ глазъ да его и ѣмъ“. „Вкусно?“ „Очень вкусно, выкопай и ты, вѣдь и однимъ глазомъ можно глядѣть“. „Нѣтъ, я не умѣю, выкопай ты мнѣ“. Лисица выдернула ему глазъ, бросила его, а ему подала вмѣсто глаза кусокъ сахару. Тигръ съѣлъ и сказалъ, что глазъ очень сладокъ. „Такъ выкопай и другой“, говоритъ лиса, — „чтобы досыта наѣсться; я буду тебя водить слѣпаго, не оставлю“. „Если такъ, то выкопай мнѣ и другой глазъ“. Лисица выдернула ему другой глазъ, и бросила ему въ ротъ. „Тфу!“ говоритъ, — „какой этотъ нехорошій!“ Лисица сказала: „Значить, и у меня другой-то былъ бы нехорошій!“ Пожалѣла, что выдернула тигру другой глазъ понапрасну, и сказала,

¹⁾ Красная хитрая лисица.

что себѣ другой глазъ она уже не будетъ выдергивать, потому что горькій. Повела тигра дальше, на одной скалѣ остановились. Лисица развела большой огонь; легли; тигръ легъ на край. Лисица говорить ему: „Отецъ, подвинься! Твои пестрины горять“ (барирень чини туледжи байна). Тигръ подвинулся и упалъ со скалы; падая ухватился зубами за карагану и повисъ. Лисица закричала: „Ты ли это, отецъ, тамъ?“ „М-м! м-м!“ кричитъ тигръ. „Нѣтъ“, говорить лисица, — „еслибы то былъ отецъ, онъ сказалъ бы: я, а не мычалъ бы“. Тигръ, чтобы проговорить я, разинулъ пасть, упалъ, вышустивши карагану изъ рта, и убится.

Лисица побѣжала въ аилъ, гдѣ жили старикъ со старухой и ребенкомъ и говорить имъ: „Ступайте, возьмите мертваго тигра, который убится, упавши со скалы; очень жирный тигръ!“ Старики говорятъ: „Пошли бы да не кому съ ребенкомъ водиться“. „Идите“, говорить лисица „я повожусь!“ „Да ты умѣешь-ли?“ „Умѣю“, говорить лиса и начала напѣвать: „пѣбэй! пѣбэй!“ „Ну“, говорятъ старикъ и старуха, водись коли умѣешь“. И ушли. Лисица отрубила голову ребенку, мясо сварила, а голову уложила подъ шубу, будто ребенокъ спитъ. Когда воротились старики, она подала имъ мясо. Старикъ узналъ, что мясо—ихъ ребенка, схватилъ топоръ и бросился на лису, чтобы се убить; она увернулась за старуху, и старикъ, промахнувшись, убилъ старуху. Лисица выбѣжала на улицу и стала бѣгать вокругъ сиваго быка; онъ только одинъ и былъ у стариковъ; старикъ сталъ бѣгать за лисицей, ударилъ въ нее топоромъ, да промахнулся и зарубилъ быка; съ горя убится и самъ; а лисица вытаскала изъ быка все сало, наѣлась и побѣжала дальше; на встрѣчу ей попались семь волковъ; лиса говорить имъ: „Давайте блевать! Кто саломъ наблюдеть?“ Стали блевать; у лисицы все одно сало. Тогда волкиспросили: „Гдѣ ты наѣлась сала?“ „Я“, говорить, — „сидѣла на льду, опустивши хвостъ и задъ въ воду, и глядѣла, кверху разинувъ ротъ; мнѣ съ неба и падало, когда гудзэ¹⁾ тосу, когда комъ величиной съ чашку“. „Уважи намъ это мѣсто!“ просятъ лисицу волки, „гдѣ ты сидѣла?“ Она привела ихъ къ рѣкѣ, посадила на ледъ и го-

¹⁾ Гудзэ—желудокъ; въ него обыкновенно накладываютъ сало и масло, чтобы сохранять и перевозить; слово тосу у Монголовъ значитъ и сало, и масло.

ворить: „Я въ полдень прибѣгу, а вы дайте мнѣ тогда маслица“. „Ладно“, говорятъ волки, — „если лишнее будетъ, дадимъ“. Лисица прибѣжала въ полдень, волки кричатъ ей, что имъ до сихъ поръ не упало еще ни кусочка, и хотѣли лису поймать, но у нихъ хвосты примерзали; лисица посмѣялась надъ ними и побѣжала дальше. Прибѣжала къ золотой тополи, увидала тамъ на гнѣздѣ сороку и кричитъ ей: „Сорока, брось мнѣ своихъ дѣтей, а не то я перегрызу золотой тополь (алтынь-улясь), съѣмъ твоихъ дѣтей и тебя догоню и съѣмъ“. Сорока испугалась и бросила одного дѣтеныша, на завтра другаго, на третій день третьяго; у сороки остался одинъ только; пролетаетъ мимо нея гусь, она и спрашиваетъ его: „Въ самомъ ли дѣлѣ лисица такая сильная, что можетъ перегрызть тополь?“ „Вретъ она“, сказалъ гусь. Въ слѣдующій разъ, когда лисица пришла просить послѣдняго дѣтеныша, сорока отвѣчала такъ, какъ научилъ ее гусь: „Прежде чѣмъ ты золотой тополь перегрызешь, ты свои зубы изотрешь; прежде чѣмъ меня догонишь въ степи, ты свои кости изотрешь!“ „А кто тебя научилъ такъ сказать?“ спросила лиса. „Гусь“, отвѣчала сорока. Побѣжала лисица къ морю разыскивать гуся, но ей встрѣтился у моря быкъ порозъ, который пилъ воду по мѣсяцу, и по мѣсяцу не пилъ; лисица увидала его мошонку и подумала, что скоро она отпадетъ. „Мнѣ, говоритъ, „будетъ довольно пищи!“ Легла подъ брюхо ждать; ждала, ждала, да тутъ и умерла съ голоду, не могла дожидаться.

169. Буху бюрэ.

Буху бюрэ (порозъ, годовой бычѣкъ), ботгонъ тэмэ (годовой верблюженокъ самецъ), хургунъ-хуць (ягненокъ самецъ), эшигентъ-охону (козленокъ) и унугунъ-адзырга (годовой жеребчикъ); жили вмѣстѣ подъ камнемъ. Пришелъ баръ (тигръ), чтобы съѣсть козленка; но прежде спросилъ: „Что у тебя подъ брюхомъ?“ Тотъ отвѣчалъ, что небо дало ему два батива! „А что на головѣ?“ спросилъ баръ. Онъ отвѣчалъ, что небо дало ему два копыя, чтобы колоть ими. Баръ испугался и убѣжалъ. Встрѣтился ему волкъ и спрашиваетъ: „Чего ты баръ испугался?“ Баръ разказалъ; тогда волкъ уговорилъ его воротиться: „Ты посмотри“, говоритъ, „какъ я съѣмъ барана“. Тигръ все не соглашался; тогда волкъ привязалъ его къ своей шеѣ и

повель, говоря: „Не бойся, мы вмѣстѣ съѣдимъ добычу“. Пришли; козель побѣждалъ къ тигру, зафыркалъ на него, затопалъ ногами; баръ испугался, побѣжалъ и помчалъ за собою волка. Волкъ издохъ. Баръ остановился, чтобъ отдохнуть немного, увидалъ, что у мертваго волка оскалились зубы, подумалъ, что онъ надъ нимъ смѣется, увидалъ царапины отъ когтей на снѣгу, подумалъ, что волкъ записалъ, какъ было дѣло, разсердился на волка и убилъ его, и безъ того мертваго.

170. Бурханъ-Бакши и Хе-Даинь.

Хе-Даинь былъ не вѣрующимъ дурнымъ челоѣкомъ, развращалъ людей; Бурханъ-Бакши взялъ его къ себѣ въ ученики. Онъ показалъ ему номовъ (книгъ) тысячу вьюковъ сѣрыхъ слоновъ, или все равно, одинъ вьюкъ бѣлаго слона, такъ какъ тысяча вьюковъ сѣрыхъ слоновъ совершенно равна вьюку одного бѣлаго слона. Хе-Даинь сдѣлался гелюнгомъ по имени Сайдыкъ, однако все-таки остался дурнымъ челоѣкомъ. Бурханъ-Бакши возродился Угулунчи-ханомъ (то-есть, ханомъ раздавателемъ) и давалъ все, что у него ни попросилъ бы; въ это время пришелъ къ нему гелюнгъ Сайдыкъ и сталъ просить его собственную голову; Бурханъ-Бакши наклонилъ голову и сказалъ: „Возьми!“ Небо и Лусайханъ не допустили этому совершиться. Сайдыкъ упалъ на землю; изъ рта и носа у него хлынула кровь. Бурханъ-Бакши сказалъ небу (Тэнгри-хану и Луса-хану): „Оставьте вашъ гнѣвъ, онъ долженъ взять мою голову!“ Велѣлъ встать Сайдыку и опять наклонилъ голову. Сайдыкъ отрубилъ ее; за это онъ находится теперь въ самомъ нижнемъ аду, который называется Торджи Нелба.

171. Сумбуръ-Уль.

Сумбуръ-Уль лежитъ на сѣверо-востоку; это—гора, окруженная четырьмя холмами, которые и называются четырьмя странами свѣта. Верха ея не видать; онъ кажется въ видѣ трехъ ступеней, верхушка четырехугольная; на самой вершинѣ квадратное пространство, надъ которымъ выросло огромное дерево Джамцынь-Шиндынь или Боксынь-Шинъ; если залѣзть на вершину этого дерева, то земля покажется не больше конскаго копыта, плавающего въ морѣ; такъ

это дерево высоко. Если бросить съ этого дерева камень величиной съ быка, онъ долетитъ до земли только черезъ пятьдесятъ лѣтъ (табын он) ¹⁾ и упадетъ на землю только съ барана величиной.

172. Харцига Шибо (коршунъ).

Птица харцига-шибо въ прежнее время получила отъ неба силу и власть пробивать черепа у людей и ѣсть ихъ мозгъ; тѣмъ она и питалась. Когда Бурханъ-Бакши ходилъ по землѣ, то спросилъ ее: „Что ты ѣшь“? Она сказала ему, что пробиваетъ черепа у людей и ѣсть ихъ мозгъ. „Ну-ка“, говоритъ Бурханъ-бакши, — „я посмотрю, можешь ли ты теперь этимъ питаться? Вотъ“ говоритъ — „черепъ отъ мертваго человѣка; ты взлети какъ можно выше и пробей его“. Положилъ на землю черепъ, а самъ сѣлъ возлѣ. Когда птица взвилась подъ небеса, онъ вмѣсто черепа положилъ круглый бѣлый камень; харцига со всею силою ударилась носомъ о камень и потеряла сознание. Тогда Бурханъ-бакши опять на мѣсто камня положилъ черепъ и сказалъ птицѣ, когда она пришла въ чувство: „Время ѣсть человѣческіе черепа прошло уже; ты не могла мертваго черепа пробить, тѣмъ болѣе тебѣ не пробить живаго!“ И лишилъ птицу силы пробивать черепа у людей.

(Записано отъ Дархата Дзулута).

173. Алтынъ канъ ²⁾.

Старый 60-лѣтній царь Алтынъ-канъ и 70-лѣтняя жена его Алтынъ-Сабакъ не имѣли дѣтей. Жили они такъ бѣдно, что поѣсть иногда нечего было, никакого имущества не имѣли. Однажды Алтынъ-канъ отправился на промыселъ; перешелъ сначала серебряную гору Кумушъ-тагъ — ничего не встрѣтилъ; перешелъ золотую гору Алтынъ-тагъ и тоже ничего не нашелъ; только увидѣлъ слѣдъ богатыря и направился по нему. Видитъ — богатырь ѣдетъ по берегу Бѣ-

¹⁾ Онъ — десять лѣтъ.

²⁾ №№ 173—175 записаны А. В. Адриановымъ во время его поѣздки въ 1881 г. къ Черневымъ Татарамъ отъ одного нарпахчи (сказочника) въ Чергоратѣ, мѣстности по р. Онзасу, притоку р. Пызаса, гдѣ живутъ Узуть-шоры или Таяшъ сеѣкъ (востъ Таяшъ), какъ они сами себя называютъ. ¶

лаго моря (Ак-талай), весь обвѣшанный звѣремъ, котораго онъ перебилъ въ золотой и серебряной тайгахъ: обвѣсился такъ, что только у коня уши видно было. Алтынъ-канъ остановился, натянулъ лукъ и пустилъ въ богатыря стрѣлу сдѣлался туманъ бѣлый и синій на семь дней. Когда разсѣялся туманъ, Алтынъ-канъ увидѣлъ богатыря, лежащаго убитымъ; стрѣла перешибла его вмѣстѣ съ конемъ пополамъ. Это былъ Канъ-мергенъ и конь его Кара-дорать. Алтынъ-канъ, пуская стрѣлу, позабылъ ей сказать, чтобъ она вернулась на свое мѣсто, она улетѣла впередъ. Погнался Алтынъ-канъ за стрѣлой. Много прошелъ неизвѣстныхъ горъ и рѣкъ и на пути видѣлъ, что гдѣ стрѣла проходила, тамъ она уничтожила маленькія царства. Наконецъ, по слѣду стрѣлы, онъ пришелъ къ двумъ братьямъ злодѣямъ Айкану и Кункану; у нихъ стрѣла воткнулась въ крыльцо и вошла въ него вся; только конецъ выставлялся. Братья пытались вытащить ее, но не могли, и потому стали стрѣлу на дрова рубить. Вошелъ къ нимъ Алтынъ-канъ, на четыре стороны поклонился, зтѣ и звать его не хотая. Тотчасъ сѣшались, вышли въ поле и давай драться. Айканъ началъ одолѣвать Алтынъ-кана. Тогда одинъ старикъ, прислужникъ Айкана, и говорить, что слѣдуетъ сначала накормить-напоить Алтынъ-кана, да тогда и драться. Остановились. Послѣ отдыха опять схватились, и снова Айканъ началъ одолѣвать. Тотъ же старикъ обращается къ Айкану и говорить: „Ты лучше дочь у него возьми замужъ, и если не отдастъ, тогда и добивай его“. Послушались старика, поѣхали къ Алтынъ-кану. Когда пріѣхали, Алтынъ-канъ, говорить старухѣ женѣ: „Гдѣ у тебя дочь, давай ее сюда, а то смерть мнѣ“. Старуха пошла къ Алтынъ-тагу и вывела оттуда дочь—Алтынъ-Сабакъ. Айканъ увезъ ее съ собою. Послѣ этого Алтынъ-канъ началъ жену ругать, зачѣмъ она ему раньше не говорила, что у нихъ дочь есть, что вотъ теперь пришлось отдать ее чужому человѣку. Пока бранились, изъ той же горы вышелъ мальчикъ въ красной рубашкѣ — Алтынъ-кокъ-кызыл-торгу-куйнекты и закричалъ: „Что вы бранитесь, отецъ и мать!“ Схватилъ ихъ и разбросалъ въ стороны. „Ну, теперь я ни черта, ни богатырей не боюсь“, сказалъ Алтынъ-канъ, и эти слова разнеслись повсюду: и на небѣ ихъ слышали, и богатыри, и діаволы слышали. На другой день пріѣхалъ къ Алтынъ-тагу какой-то богатырь, ступилъ на него

ногой и крикнулъ: „Алтынъ-ковъ, выходи, пострѣляемъ; говорятъ, тебя стрѣла не беретъ!“ Алтынъ-ковъ взялъ лучекъ и стрѣлу, которые ему мать сдѣлала, и вышелъ изъ горы. Уставилъ грудь, раздвинулъ рубашку и говоритъ богатырю: „Стрѣлай, только рубаху не разорви!“ Тотъ выстрѣлилъ ему въ грудь, прямо въ сердце. Стрѣла остановилась, простояла тутъ девять дней и воткнулась въ небо. Тогда Алтынъ-ковъ выстрѣлилъ въ богатыря и тотчасъ повернулся и ушелъ въ свою золотую гору, и не посмотрѣлъ даже, попалъ ли нѣтъ въ богатыря. На другой день послѣ этого, новый богатырь явился на Алтынъ-тагъ, также вызвалъ Алтынъ-кова драться и первый въ него выстрѣлилъ. Стрѣла ткнулась въ грудь, простояла девять дней, изломалась въ девяти мѣстахъ и воткнулась въ небо. Алтынъ-ковъ выстрѣлилъ въ богатыря и опять не посмотрѣлъ, что съ нимъ случилось,—видѣлъ только, что вчерашній богатырь лежалъ пополамъ разорванный вмѣстѣ съ конемъ. На третій день еще вышелъ изъ земли богатырь и закричалъ: „Что ты, Алтынъ-ковъ, зарылся въ гору, живъ ли тамъ? Говорять, тебя стрѣла не беретъ, дай-ка я попробую, не возьметъ ли моя?“ Алтынъ-ковъ вышелъ. Выстрѣлилъ въ него богатырь, стрѣла девять дней долбилась въ грудь, изломалась въ девяти мѣстахъ и улетѣла на небо. Алтынъ-ковъ выстрѣлилъ въ него и не посмотрѣлъ, а видѣлъ вчерашняго богатыря разстрѣленнаго пополамъ. Ночью затряслась земля, послышался конскій топотъ. Вышелъ Алтынъ-ковъ и видитъ, прибѣжалъ конь—Ай-каратъ, сбруя на немъ девятирядная, а на сѣдлѣ надпись: „Пора тебѣ, Алтынъ-ковъ, жениться; поѣзжай за двѣсти небесъ къ Карахтыхану, у него есть дочь Алтынъ-арыгъ: ее возьми замужъ“. Алтынъ-ковъ привязалъ коня и сталъ собираться въ путь. Пошелъ благословиться къ отцу-матери и сказалъ имъ, чтобъ они сдѣлали саль¹⁾ и весло, потому что будетъ потопъ въ теченіе семи дней такой, что вода сравняется съ бѣлою и синею тайгой. „Понесетъ“, говорить,—„васъ сначала въ одну сторону, потомъ назадъ, и принесетъ опять къ тому же мѣсту“. Благословившись, Алтынъ-ковъ сѣлъ на коня и ноги хорошенько не вдѣлъ въ стремя, какъ пролетѣлъ 40 небесъ. Наконецъ проѣхалъ онъ 200 небесъ къ назначенному мѣсту, при-

¹⁾ Саль—плоть.

вязалъ коня къ золотому столбу, а узелъ завязалъ на другомъ ¹⁾. Вошелъ Алтынъ-кокъ къ Карагат-кану; тотъ лежитъ и не поворачивается. Семь лѣтъ передъ нимъ стояли двѣ сестры шибельдэи и сватали за своего сына его дочь: онъ не поворачивался; лежитъ, какъ гора. При входѣ Алтынъ-кока, одна изъ шибельдэй налила чашку арака и поднесла ему, а въ чашкѣ плаваешь волосъ; жена Карагат-кана, увидѣвъ это, вырвала чашку и выплеснула вино— на томъ мѣстѣ земля прогорѣла насквозь. Тогда она налила ему своего вина и подала. Алтынъ-кокъ выпилъ. Вышелъ онъ изъ дома и схватился за столбъ, корень котораго на семь рядовъ въ землю вошелъ (тебир тотъ ушь коуту утре ускен). Алтынъ-кокъ взвился на столбъ и втрое обвилъ его собою. Карагат-канъ вышелъ и говоритъ: „Эхъ, дитя, ты лучше подними столбъ“. Алтынъ-кокъ слѣзъ, полы заткнулъ, и выдернулъ столбъ съ корнемъ. Похвалилъ его Карагат-канъ, и велитъ поставить столбъ снова на мѣсто—тотъ поставилъ. Въ это время изъ Алтын-тага вышла дѣвица и пустила въ Алтынъ-кока стрѣлу, которая помчала его и прижала къ камню Кок-кая; однако, стрѣла грудь не пробила, а изломалась на девять частей и воткнулась въ небо. Тогда Алтынъ-кокъ выстрѣлилъ въ дѣвицу, но та поймала стрѣлу на лету и спрятала ее. Алтынъ-кокъ пошелъ опять къ Карагаты-кану; оба шибельдэя вышли ему на встрѣчу и схватились съ нимъ. Семь лѣтъ они бились—не могъ ихъ одолѣть Алтынъ-кокъ. Слышитъ онъ, во время боя, летить по небу дѣвица кукушкой и кричитъ ему, что за нею богатырь гонится: „Спасай, иначе, больше не увидишь меня!“ Съ яростью схватилъ Алтынъ-кокъ обѣихъ шибельдэевъ, поднялъ ихъ, и бросивъ о землю, убилъ. Затѣмъ, сѣлъ на коня и погнался за богатыремъ. Какъ только догналъ его, такъ и схватился съ нимъ; поднялъ богатыря Алтынъ-кокъ выше лѣсу и бросилъ на землю. Богатырь Борбакай-канъ только съвозъ землю провалился и похваляется тамъ, что онъ и конемъ, и женой Алтынъ-кока завладѣетъ и его самого убьетъ. Алтынъ-кокъ взялъ дѣвицу и поѣхалъ домой. Ыхали—Ыхали, и видятъ—на дорогѣ лежитъ богатырь Краты-Крчаты-мергенъ, сѣдло подъ голову подло-

¹⁾ По сообщенію г. Адрианова, существуетъ обычай. въ силу котораго женихъ, пріѣзжая свататься, завязываетъ два узла.

жилъ и поджидаетъ Алтынъ-кока, чтобъ убить его. „Слышалъ я“, говоритъ, „что тебя стрѣла не беретъ; дай, я попробую, буду стрѣлять“. Выстрѣлилъ въ грудь Алтынъ-кову; стрѣла девять дней стояла, не прошла, на девять частей сломалась и въ небо ушла. „Ну“, говоритъ богатырь, — „дай, попробую сзади выстрѣлить“. „Нѣтъ“, думаетъ Алтынъ-кока, — „сзади онъ меня еще кулаками пришибетъ“. Повернулся и ударилъ богатыря. Схватились драться — не могутъ одолѣть одинъ другого. Наконецъ, Алтынъ-кока поднялъ богатыря и бросилъ; тотъ провалился сквозь землю, поетъ тамъ пѣсни и похваляется, какъ и первый богатырь, забрать коня и жену Алтынъ-кока, а его убить. Приѣхалъ Алтынъ-кока съ женою домой и сталъ той ¹⁾ дѣлать. Послѣ этого свадебнаго пира Алтынъ-кока началъ такъ пить, что зиму и лѣто узнавалъ только потому, что его солнцемъ жгло или снѣгомъ мочило. Очнувшись немного, онъ увидѣлъ, что его жена въ половинѣ беременности; опять запилъ, и очнувшись, услышалъ, что жена мучится отъ родовъ. Въ третій разъ запилъ Алтынъ-кока, и когда очнулся, то увидѣлъ, что у него родился мальчикъ. Алтынъ-кока пьетъ безъ просыпу по прежнему, а мальчикъ между тѣмъ на столько подросъ, что уже самъ на охоту ходитъ. Слышитъ Алтынъ-кока громъ — очнулся; то конь прибѣжалъ, а на сѣдлѣ у него написано, что сынъ Алтынъ-кока Ак-койаты Алтын-ульбекъ долженъ ѣхать къ Тогосъ-конгураты-бинджи за 300 небесъ и взять тамъ себѣ жену. Снялъ онъ это письмо съ сѣдла и спряталъ. Ак-койаты Алтын-ульбекъ приходитъ къ отцу-матери самъ и начинаетъ просить ихъ отпустить его жену искать. Тѣ стали отговаривать. „Молодъ ты еще“ говорятъ, — „если близко указать невѣсту — не понравится, а далеко — будетъ трудно доставать ее“. Алтын-ульбекъ не отстаетъ, проситъ; „Чѣмъ дальше“, говоритъ, — „тѣмъ лучше“. Нечего дѣлать, пришлось родителямъ сказать, гдѣ ему искать свою жену. Снарядился Алтын-ульбекъ въ путь, осѣдлалъ коня, сѣлъ и поѣхалъ. Дорогой онъ, замѣчаетъ слѣдъ проѣхавшаго богатыря, который уже мохомъ поросъ. Погнался за нимъ Алтын-ульбекъ; пока богатырь сдѣлаетъ одинъ шагъ, Ульбекъ сдѣлаетъ два. На встрѣчу этому богатырю ѣхалъ другой, именно Конураты - бинджи; схватились они при

¹⁾ Той — свадебный пиръ, званый праздникъ.

встрѣчѣ и давай драться, гора попадетъ на дорогѣ — гору разворачаютъ, море—расплещутъ; такъ дрались и незамѣтно пролетѣли 70 небесъ. Послѣ драки занялись разговоромъ, но не утерпѣли и опять начали драться, пока не пролетѣли полтора ста небесъ. Тутъ Конгураты-бикжи убилъ богатыря. Подѣхавшій Алтынъ-ульбекъ увидѣлъ убитаго богатыря. Наконецъ, Алтынъ-ульбекъ пріѣхалъ. Конгураты-бикжи самъ только что пріѣхалъ домой и сѣлъ за столъ. Народу собралось къ нему множество, со всѣхъ сторонъ сѣхались богатыри на пиръ, по случаю сватовства богатыря Акъ-шократы Алтынъ-чилтыса, пріѣхавшаго съ неба сватать дочь Конгураты-бикжи. Съ нимъ же пріѣхали и два свата: Джиты-башты-джельбегень и Тогосъ-башты-джельбегень ¹⁾. Когда Алтынъ-ульбекъ вошелъ, Тогосъ-Конгураты-бикжи подвинулъ ему скамейку о ста ножкахъ, а жена его принесла чашу вина, изъ которой 60 богатырей напились. Выпилъ онъ ее. Тогда Конгураты-бикжи сталъ его спрашивать: откуда, куда и зачѣмъ онъ поѣхалъ. Алтынъ-ульбекъ сказалъ, что пріѣхалъ сватать его дочь. Конгураты говоритъ ему на это: „Много пропито и сѣдено, поздно пріѣхалъ; дочь просватана за Чилтысъ-бана“. Алтынъ-ульбекъ погорячился и отвѣтилъ: „Я столько же могу дать всего, а если не отдашь мнѣ дочь добромъ—силой возьму“. Послѣ этого Конгураты-бикжи схватился съ Ульбекомъ: девять дней бились, другъ друга одолѣть не могли; наконецъ, Алтынъ-ульбекъ поднялъ противника, со всей силы ударилъ его о землю и растопталъ. Также точно онъ поступилъ съ Чилтысъ-каномъ и со всѣми присутствовавшими богатырями—всѣхъ убилъ. Вдругъ, въ это время вышла изъ подъ земли тѣрт-ууну карагатъ (черная баба о четырехъ косахъ), сдернула Алтынъ-ульбека подъ землю и начала съ нимъ драться. Такъ они подошли къ черному дому—дерутся; долго не могъ одолѣть ее Ульбекъ, но наконецъ разсердился, поднялъ ее, и ударивъ о землю, убилъ. Тотчасъ же изъ чернаго дома вышла ушь-ууну карагатъ (черная баба о трехъ косахъ) и вступила съ нимъ въ бой; Ульбекъ и ее также убилъ. Потомъ вышла о двухъ косахъ баба, которую онъ также убилъ, но уже совсѣмъ сталъ выбиваться изъ силъ—ребра у него были видны, и хребетъ засвистѣлъ. Наконецъ, вышла желтая баба объ

¹⁾ Семиголовый джельбегень и девятиголовый джельбегень.

одной косѣ; схватился съ ней Алтынъ-ульбекъ и потащилъ ее на свѣтъ, самъ то видѣлъ, а ее вытащить не можетъ; ей нельзя выходить изъ-подъ земли. Къ Алтынъ-ульбеку подбѣжалъ его конь, котораго онъ и отпавилъ къ дочери Конгураты-бѣкжи. Конь тотчасъ обратился человѣкомъ, взялъ мѣдный костыль и пошелъ къ Поро-нинджиль: такъ звали дочь Конгураты. Она въ это время сидѣла съ богатыремъ, который сватался за нее. Поро-нинджиль узнала коня и дала ему совѣтъ сходить къ Алтынъ-ульбеку и сказать ему, чтобы написалъ своему отцу письмо и просилъ его выручить изъ бѣды. Алтынъ-ульбекъ написалъ письмо надѣлъ на стрѣлу и пустилъ. Стрѣла ударилась въ крыльцо Алтынъ-кока, который, услышавъ шумъ и свистъ, вышелъ. Взялъ письмо, прочиталъ и призадумался: „Два дня“ говорить,— „сыну осталось жить“. Велѣлъ Алтынъ-кокъ домашнимъ сдѣлать салъ и весло и быть готовыми на случай потопа, а самъ засѣдлалъ коня и какъ только сѣлъ на него, такъ изъ подъ копытъ потекли ручьи, и рѣчки, и настала потопъ. Алтынъ-кокъ прѣхалъ къ Конгураты-хану, и увидѣвъ тамъ сына, оторвалъ его отъ бабы и отбросилъ въ сторону, а ту схватилъ за косу и началъ тащить. Однако вытащить не могъ, а только оторвалъ у ней косу, которая вмѣстѣ со шкурой осталась въ рукахъ Алтынъ-кока, сама же баба упала въ подземелье, ударилась о черный домъ, разбившійся отъ этого въ дребезги, и пошла съ пѣснями. „Ну, ты поѣзжай съ молодою женой домой и устранвай тамъ той“, говоритъ Алтынъ-кокъ,— „а я поѣду отыскивать эту бабу“. Поѣхалъ Алтынъ-кокъ, спустился подъ землю и встрѣтилъ человѣка, котораго послалъ Чельсары-канъ-чельгуренъ-атыгъ отыскивать Алтынъ-кока. Послѣдній назвалъ себя и спросилъ посланнаго: „Праведный ли судья Чельсары-канъ?“ „Праведный“, отвѣчалъ тотъ. Прѣхали къ Чельсары-хану и застали его за обѣдомъ. Глаза у него горять—небо прожигаютъ, а пятки горять—землю прожигаютъ. Поздоровались. Кроткій Чельсары-канъ обласкалъ Алтынъ-кока, посадилъ съ собою за столъ, угощаетъ, аракой поить. Сюда же пришли нѣсколько человѣкъ съ жалобой на Алтынъ-кока. Порбаканъ-канъ (тотъ, что гнался за кукушкой), пожаловался, что его Алтынъ-кокъ о земь ударилъ. Чельсары-канъ разсудилъ, что онъ неправъ: „Зачѣмъ мѣшалъ человѣку, когда тотъ жениться хотѣлъ!“ и велѣлъ Порбаканъ выдрать. Краты-краты-мергенъ жаловался, что

его Алтынъ-кокъ убить не убилъ, а до полусмерти избилъ, что всѣ теперь надъ нимъ насмѣхаются и говорятъ, что онъ получилъ полу-смертную смерть (чарым ѳлешту олюм). Алтынъ-кокъ объяснилъ, какъ было дѣло, какъ Браты-крчаты-мергенъ поджидалъ его, чтобъ убить какъ стрѣлялъ въ него и проч. Чельсары-канъ разсудилъ, что и Крчаты-мергенъ не правъ, и приказалъ его выдрать. Пришла съ жалобой и Сарыгатъ-беръ-тулуну, что и ее Алтынъ-кокъ убить не убилъ, а только шкуру ободралъ да волосы, да такъ на смѣхъ и отпустилъ. Алтынъ-кокъ подробно разказалъ, какъ было дѣло. Чельсары-канъ разсердился и закричалъ: „Что вы, смущаете людей, мѣшаете имъ жениться?“ Приказалъ бабу выдрать. Судъ кончился, всѣ опять развеселились. Чельсары-канъ обращается къ Алтынъ-коку: „Давай“, говоритъ,— „я буду въ тебя стрѣлять! Если не возьметъ тебя моя стрѣла, то никакой богатырь тебя не застрѣлитъ“. Заплакалъ Алтынъ-кокъ, снялъ кольчугу и всталъ одною ногой на Алтынъ-тагъ, другой на Кумышь-тагъ. Чельсары-кану привезли стрѣлу на 90 лошадахъ, а лукъ на 70. Тянулъ онъ эту стрѣлу отъ 7 до 9 дней, изъ острія стрѣлы шелъ огонь, и когда спустилъ онъ ее съ тетивы, то ни стрѣлы не стало видно, ни Алтынъ-кока. Стрѣла унесла Алтынъ-кока за 70 небесъ и приткнула его къ зеленому утесу (кок кая), но пробить его не могла. Алтынъ-кокъ схватилъ ее, изломалъ на 9 кусковъ и бросилъ. Разсердившись, онъ пошелъ къ Чельсары-кану—стрѣлять его; шелъ по горамъ, только ноги хватали. Когда пришелъ, Чельсары-канъ вышелъ къ нему на встрѣчу, снялъ шапку и держитъ ее подъ пазухой, и на колѣняхъ проситъ Алтынъ-кока простить его. „Если“, говоритъ,— „будешь въ меня стрѣлять, убьешь; подружимся лучше и будемъ помогать другъ другу“. Отошло сердце у Алтынъ-кока, подружились они. Когда Алтынъ-кокъ сталъ собираться домой, Чельсары-канъ далъ ему письмо и говоритъ: „Когда будешь выѣзжать изъ-подъ земли, тебя встрѣтятъ 40 богатырей и станутъ стрѣлять; ты только покажи имъ это письмо, и стрѣлы, пущенныя ими, вернутся назадъ и ихъ же самихъ убьютъ“. Выѣхалъ Алтынъ-кокъ и дѣйствительно увидѣлъ 40 богатырей. Показалъ имъ письмо, но они ему сказали, что хоть одна стрѣла, да убьетъ его. Пустили стрѣлы; градомъ онѣ посыпались на Алтынъ-кока, но не сдѣлавъ ему вреда, вернулись назадъ и поразили всѣхъ богатырей. Ёдетъ Алтынъ-кокъ

*

дальше и видеть, девять богатырей; спрашиваетъ ихъ: „убить его, что-ли, они хотятъ?“ Тѣ отвѣтили: „нѣтъ“! А сами сѣли на коней лицомъ къ хвосту и ускакали прочь. 300 небесъ проѣхалъ Алтынъ-кокъ, и когда явился домой, устроилъ пиръ. Пріѣхалъ къ нему посланникъ изъ-за 200 небесъ отъ Кара-кана и сказалъ, что одинъ изъ 66 сыновей его господина, младшій—Мюссю-муке, зоветъ къ себѣ Алтынъ-кока пострѣляться, что его также земля не сдерживаетъ и стрѣла не беретъ. „Если“, говоритъ Мюссю-муке,—„онъ убьетъ меня, то пусть возьметъ къ себѣ мою мать, шибельдѣя, а если я его убью, то увезу къ себѣ его жену“. „Ладно“, говоритъ Алтынъ-кокъ,—„выпей, вотъ, вина!“ И далъ посланному двѣ чашки. Тотъ выпилъ и поѣхалъ назадъ. Алтынъ-кокъ сталъ собираться въ путь и велѣлъ домашнимъ снова сдѣлать салъ. Когда онъ поѣхалъ, ручьи и рѣки потекли изъ-подъ копытъ. 40 небесъ онъ проѣхалъ и увидѣлъ, что вода въ уровень съ горами стоитъ. Такъ быстро ѣхалъ Алтынъ-кокъ, что нагналъ посланнаго и обогналъ его. Пріѣхалъ къ Каракану; тамъ было 66 домовъ. Закричалъ Алтынъ-кокъ: „Эй, Мюссю-муке, выходи! Звалъ стрѣляться! Гдѣ ты тамъ спрятался въ горѣ?“ Тотъ вышелъ и выстрѣлилъ въ Алтынъ-кока; стрѣла унесла его къ зеленому камню, 9 дней стояла у груди и не могла его добыть; въ 9 мѣстахъ сломалась и воткнулась въ небо. Тогда Алтынъ-кокъ пришелъ къ Каракану, выстрѣлилъ въ Мюссю-муке и перешибъ его пополамъ. Принялись за него 65 братьевъ, но не могли справиться съ Алтынъ-ковомъ; онъ ихъ всѣхъ сложилъ въ кучу и тутъ же придавилъ. Послѣ того схватился съ нимъ самъ Караканъ. Дрались такъ, что гора казалась имъ кочкой, а море—лужей. Долго они возились; наконецъ, Алтынъ-кокъ поднялъ Каракана высоко и ударилъ о землю съ такою силою, что тотъ тотчасъ же и умеръ. Тогда вышла жена Каракана—шибельдѣя и говоритъ Алтынъ-коку: „Теперь вези меня съ собою домой“! „Не надо мнѣ тебя“, говоритъ тотъ,—„проклятую“! И не взялъ ея. Баба ухватилась за него; началась драка. Много лѣтъ они боролись, такъ что у Алтынъ-кока борода до колѣнъ выросла. Наконецъ, онъ ухитрился и прибилъ ее гвоздями въ лобъ, въ руки и ноги къ камню, и самъ поѣхалъ домой. Только вдругъ видитъ, что шибельдѣя оторвала утесъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжитъ за Алтынъ-ковомъ. „Что ты“, говоритъ,—„хозяинъ, меня бросилъ? Зачѣмъ отъ меня

бѣгаешь?“ Алтынъ-кокъ едва-едва примчался домой, вошелъ въ домъ и упалъ въ изнеможеніи на полъ. Шибельдэй слѣдомъ за нимъ прибѣжала, но не можетъ попасть въ двери, — камень не пролѣзаетъ. Жена Алтынъ-кова, увидѣвъ ее, обидѣлась, стала упрекать мужа за то, что онъ чужую жену къ себѣ привелъ, собралась и уѣхала къ своему отцу, Карагаты-кану. Послѣдній, выслушавъ жалобу дочери, направился къ Алтынъ-кову, пріѣхалъ и говоритъ: „Ты что же надъ чужими дѣтьми смѣешься?“ Взялъ стрѣлу и прошибъ ею Алтынъ-кова въ самое сердце, насквозь. Когда обо всемъ этомъ узналъ Алтынъ-ульбекъ, онъ разсердился и сталъ мстить за смерть отца; схватилъ онъ шибельдэя и ударомъ о земь разбилъ ее на 9 кусковъ: шибельдэй была вылита изъ одной стали. Послѣ того Алтынъ-ульбекъ велѣлъ женѣ насидѣть 9 туясковъ (тѳрсук) айрана, осѣдлалъ коня и поѣхалъ къ Карагаты-кану звать мать свою домой воротиться. Пріѣхалъ туда, привязалъ коня къ двумъ столбамъ и вошелъ въ домъ. Карагаты-канъ лежитъ и не поворачивается. Алтынъ-ульбекъ налилъ айрана и подаетъ Карагаты-кану, упрашивая его выпить; тотъ не взялъ. Подала айранъ матери, она выпила, и наступивъ ему на ногу, вышла вонъ. Алтынъ-ульбекъ вышелъ за нею. Тамъ она отдала ему поясъ 70 сажень длины (кызыл-гур-джетон-гулат), затолкала ему на грудь и сказала: „Знай, что съ этимъ поясомъ тебя стрѣла не возьметъ!“ Какъ только получилъ поясъ Алтынъ-ульбекъ, сталъ тонуть въ землю—прибавилось у него силы. Карагаты-канъ вышелъ въ это время изъ дому и выстрѣлилъ въ Алтынъ-ульбека, но стрѣла изломалась на 9 кусковъ, не причинивъ вреда, и воткнулась въ небо. Алтынъ-ульбекъ подошелъ къ Карагаты-кану и ударилъ его по щекамъ; тотъ слетѣлъ съ ногъ. Карагаты-канъ обидѣлся. „Никто“, говоритъ, — „меня никогда еще не билъ, а это что за проклятый такой?“ Схватились драться. Много времени прошло въ борьбѣ, пока Алтынъ-ульбекъ не ударилъ его о земь и не расшибъ на 6 кусковъ. Тогда онъ сталъ звать мать къ себѣ, домой ѣхать, но она отказалась. „Я“, говоритъ, — „дала клятву не возвращаться туда болѣе, и если поѣду—умру; ты поѣзжай одинъ и живи и только навѣдайся потомъ обо мнѣ—жива ли я“. Уѣхалъ Алтынъ-ульбекъ домой и устроилъ съ женой пиръ, на которомъ ѣли мясо, пили айранъ.

174. Алтынъ-Чобе.

Аксаръ-атты Алтынъ-Тана и Алтынъ-Сабакъ-епчизы скота имѣли на 60 небесъ, а людей на 70. Дѣтей у нихъ не было, за что старикъ упрекалъ свою старуху и однажды сказалъ ей, что поѣдетъ за 9 небесъ къ своему другу Кара-Мукэ Кара-доръ-атты и отберетъ у него жену. Сказано — сдѣлано. Сталъ собираться, хотѣлъ надѣть свою девятирядную кольчугу, но не могъ ее поднять; надѣлъ одежду полегче, осѣдлалъ коня и поѣхалъ. Въ то время, когда Алтынъ-Тана подъѣзжалъ къ дому Кара-Мукэ, тотъ уже куда-то поѣхалъ. Поздоровались саблями. Кара-Мукэ догадался о цѣли приѣзда старика и тотчасъ вступилъ съ нимъ въ бой; поднялъ его выше себя, ударилъ о землю и убилъ. „Поѣду“, говоритъ Кара-Мукэ, — „къ старику и убью его сына, а то худо будетъ“. Подъѣзжаетъ и слышитъ таковой плачь ребенка, что у деревьевъ верхушки ломаются. Когда вошелъ въ домъ, то увидѣлъ, что Алтынъ-Сабакъ только что родила. Сталъ онъ ее просить отдать ему ребенка на вскормленіе; старуха обидѣлась: „Кормить, что ли у меня нечѣмъ? На старости лѣтъ родила, да буду отдавать ребенка въ чужіе люди!“ И отказала. Кара-Мукэ схватилъ ее и отбросилъ въ сторону, а мальчика вытащилъ изъ дому и ударилъ сначала о камень, потомъ сталъ бить его объ утесъ: чѣмъ сильнѣе бьетъ, тѣмъ мальчикъ больше растеть; сталъ его бить о желѣзную ель, а тотъ приговариваетъ: „Бей сильнѣй, скорѣе вырасту!“ Билъ до того, что мальчикъ всталъ на ноги и говоритъ: „Что тебя, старика, бить.“ Взялъ, посадилъ его на коня и вмѣстѣ съ нимъ забросилъ за 9 небесъ, прямо къ его женѣ за пазуху. Когда мальчикъ возвратился домой, то увидѣлъ, что мать его горько плачетъ, жалуясь на свое горе. „Была“, говоритъ, — „у меня дочь; я спрятала ее и хотѣла вскормить тайкомъ; дочь пропала, неизвѣстно куда; былъ сынъ, и того потеряла“. Мальчикъ сталъ утѣшать свою мать и сказалъ, что онъ-то и есть ея сынъ; она признала, наконецъ, его. „Надо мнѣ коня“, говоритъ мальчикъ. Мать велѣла ему владѣть конемъ отца Аксаратомъ, на которомъ должны ѣздить три поколѣнія. Потомъ, онъ сталъ просить, чтобы мать дала ему имя. Та сказала, что въ ящикѣ, запертомъ 40 ключами, есть книга,

въ которой записаны имена, данныя ему и его сестрѣ Создателемъ. Онъ досталъ книгу и узналъ, что его имя было Аксаръ-атты Алтынъ-Чобе, а сестрѣ его—Алтынъ-Арыгъ. Собрался Алтынъ-Чобе отыскивать сестру, надѣлъ отцовскую кольчугу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Мало ли, много ли онъ ѣхалъ, видѣть—на зеленомъ утесѣ Кокъ-гая стоитъ бѣлый дворецъ, а вдали подвѣзжаетъ къ утесу богатырь и то скроется изъ глазъ, то опять покажется. Видѣть потомъ Алтынъ-Чобе, какъ этотъ богатырь вскочилъ до половины утеса, но тутъ сорвалось у коня копыто, и они оба полетѣли внизъ и убились. Много богатырей убилося здѣсь такимъ же образомъ. Аксаратъ и говорить Алтынъ-Чобе: „Ты дери меня (плетью) отъ мяса до кости, отъ кости до мозга и сильнѣе дергай за поводья, а самъ глаза закрой“. Алтынъ-Чобе такъ и сдѣлалъ. „Ты что, уснулъ, не видишь?“ говоритъ Аксаратъ. Алтынъ-Чобе открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою бѣлый дворецъ. Слѣзъ съ коня и вошелъ туда; во дворцѣ онъ увидѣлъ дѣвицу съ такимъ прозрачнымъ тѣломъ, что видно было, какъ мозгъ въ костяхъ переливался. Переступивъ порогъ, Алтынъ-Чобе упалъ въ обморокъ. „Не видалъ, что лп, ты людей?“ говоритъ дѣвица; махнула чернымъ платкомъ по лицу Алтынъ-Чобе, и онъ всталъ. Очень понравилась ему дѣвица; онъ облокотился правою рукою на колѣно, а лѣвою взялъ дѣвицу за косы и говорить: „Возьму я тебя замужъ“. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ она,—„намъ съ тобою сходиться нельзя; вотъ книга, въ которой написано, за кого я должна идти замужъ“ (дѣвица была создана, а не рождена). Алтынъ-Чобе прочиталъ въ книгѣ, что она должна выйдти замужъ за Карадоръ-атты-Карадаса, сына Чаракархты-Карагатъ-черези (одноглазой черной бабы, земляной хозяйки). „Ты поѣзжай искать сестру, Саракархты все знаетъ“. Дѣвица посадила Алтынъ-Чобе за столъ, а онъ отъ роду еще ничего не ѣлъ; когда онъ сталъ ѣсть, кольчуга на немъ рассыпалась, вмѣсто нея появилась новая, самъ онъ сталъ расти и крѣпнуть. Когда пообедалъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Видѣть, передъ нимъ море, и никакъ его нельзя переѣхать. Тогда Алтынъ-Чобе схватилъ своего коня и бросилъ черезъ море, и сдѣлался желѣзный мостъ; онъ перешелъ по немъ, коня выдернулъ и поѣхалъ дальше. Подвѣзжаетъ къ черному желѣзному дому, гдѣ жила Саракархты. Когда онъ сталъ привязывать коня, то увидѣлъ на столбѣ надпись,

что Карадорь-атгы-Карадась уѣхалъ назадъ тому 40 лѣтъ; оставшійся слѣдъ отъ его коня былъ величиною въ большое сито и уже поросъ мохомъ. Алтынъ-Чобе зашелъ въ домъ и видитъ, что Саракарахты-Карагатъ лежитъ, одну титку подъ себя подостлала, а другою сверху покрылась, пыли на ней накопилось на четверть, а глазъ у нея былъ величиною съ мѣсяцъ. Спрашиваетъ она, кто такой молодецъ, и откуда пріѣхалъ. Тотъ сказался. Старуха всо-чила, пыль встряхнула и стала здороваться. „Твой отецъ“, говоритъ, — „былъ мнѣ другъ“. Стала разспрашивать, куда онъ поѣхалъ? Алтынъ-Чобе объяснилъ. „Да, твою сестру сначала я увела, хотѣла выкормить тайкомъ, а потомъ у меня увелъ ее жившій за 90 небесъ Аквопатты-Алтынъ-Картага. Молодъ ты, не доѣхать тебѣ. На-ко, пососи мою правую грудь; если половину высосешь—лучше на-задъ вернись, а всю высосешь—поѣзжай впередъ“. Алтынъ-Чобе принялся сосать и высосалъ всю: только кожа осталась. И сталъ онъ крѣпкій и большой, такъ что самъ себѣ дивится; въ одну сторону поидеть къ стѣнѣ—изба валится туда, въ другую поидеть—сюда валится. „Теперь не сдержитъ твой Аксаратъ“, говоритъ Саракарахты. Сама вышла изъ избы, подозвала своего вороного коня, вырвала изъ его хвоста 3 волоса и привязала ихъ къ хвосту коня Алтынъ-Чобе. Аксаратъ тотчасъ выросъ“. Вотъ теперь поѣзжай, говоритъ Саракарахты, и дала ему на дорогу черный шел-ковый платокъ его сестры. Саракарахты дала ему наставленіе: „На дорогѣ твоей будетъ лежать гора—не гора, человекъ—не чело-вѣкъ; будетъ онъ играть на трубѣ, ты не слушай, а то сестру твою и оттуда снова уведутъ. Тамъ тебя ждутъ богатыри и всѣ звѣри и гады, собранные Алтынъ-Картагой; они уже знаютъ, что ты ѣдешь къ нимъ“. Алтынъ-Чобе поѣхалъ. Дорогой дѣйствительно увидѣлъ чудовище, которое играло въ трубу на всѣ лады, какъ всякія птицы поютъ; заслушался Алтынъ-Чобе, остановился, слѣзъ съ коня. „Дай“, думаетъ, — „хорошенько послушаю“. Заслушался такъ, что когда очнулся, то узналъ, что три дня тутъ слушалъ, и вспо-мнивъ наставленіе старухи, помчался впередъ. Наконецъ, пріѣзжаетъ къ бѣлому дому Алтынъ-Картага, входитъ въ него и видитъ тамъ девять дѣвицъ, всѣ—какъ одна. Вынувъ изъ кармана черный пла-токъ, онъ сталъ имъ утираться. Тогда одна изъ дѣвицъ заплакала и говоритъ: „Зачѣмъ ты, братъ, пріѣхалъ сюда на погубель?

Здѣсь много богатырей, гдѣ тебѣ съ ними справиться!“ Поздоровались братъ съ сестрой, поцѣловались, сѣли, поговорили. Видитъ Алтынъ-Чобе, что богатыри стали сходиться и усѣлись вокругъ дома въ 60 рядовъ; потомъ еще пришли другіе—усѣлись въ 70 рядовъ. Вдругъ поднялась погода, зашумѣло, — пріѣхалъ Карадоръ-атты-Карадасъ. Богатыри толкуютъ между собою, что если Карадасъ пристанетъ за Алтынъ-Чобе—всѣхъ ихъ перебьетъ, а если за нихъ, то они убьютъ Алтынъ-Чобе. Карадасъ слѣзъ съ коня и началъ обходить богатырей, сердитый, толкаетъ ихъ всѣхъ въ грудь; толкнулъ и Алтынъ-Чобе. „Ты, что“, говоритъ, — „погань, вляча такая! Поѣхалъ сестру выручать, а не видишь, сколько могучихъ богатырей! Не думаешь ли со всѣми справиться?“ Такъ Карадасъ нѣсколько разъ обходилъ богатырей и толкалъ ихъ въ грудь, а Алтына-Чобе бранилъ (Саракарахты между прочимъ сказала Алтынъ-Чобе, чтобъ онъ ни въ чемъ не противорѣчилъ сыну, если тотъ пріѣдетъ). Потомъ Карадасъ поуспокоился и говоритъ: „Алтынъ-Чобе, вѣрно тебя научила моя мать не перечить мнѣ?“ Алтынъ-Чобе принялъ другой видъ, (а то былъ черный и плѣшивый), и сталъ хорошимъ богатыремъ. Поздоровавшись съ Алтынъ-Чобе, стали дружно разговаривать. Карадасъ ему и говоритъ: „Посмотри-ка, какъ я управляюсь съ этими богатырями!“ Схватилъ одного, вытащилъ изъ дворца и назадъ воротился,—убилъ, потомъ другого, третьяго и т. д., всѣхъ богатырей перебралъ—только трое остались; одного изъ нихъ Карадасъ также потащилъ и сталъ съ нимъ барахтаться, и кричитъ Алтынъ-Чобе: „Что ты сидишь, ротъ разинулъ! Поборись хоть съ оставшимися богатырями!“ То были Алтынъ-Картага, хозяинъ дома, и Айканъ. Алтынъ-Чобе ударилъ Алтынъ-Картагу, такъ что тотъ вылетѣлъ изъ дому, ударился объ утесъ, переломился пополамъ, да такъ тутъ и остался. Въ это время Карадасъ уже вернулся, убивъ богатыря. Алтынъ-Чобе хотѣлъ было убить и Айкана, но Карадасъ остановилъ его: „У него есть дочь, возьми ее замужъ“ (Айканъ жилъ отсюда за 30 небесъ). Уговорились сдѣлать такъ, что Карадасъ возьметъ съ собою сестру Алтынъ-Чобе и поѣдетъ за своею невѣстой на зеленый утесъ, оттуда, вернувшись домой, сдѣлаетъ той; Алтынъ-Чобе съ дочерью Айкана также вернется пировать въ Карадасу. Отправился Алтынъ-Чобе съ Айканомъ. Проѣхали 30 небесъ—стоитъ бѣлый дворецъ, гдѣ жилъ Айканъ

съ своею дочерью красавицей. Только что они вошли и сѣли за столъ, какъ вдругъ земля затряслась, послышался звукъ стремянъ; это джетонъ-вуланъ-синныгъ-черин-атыгъ Кыстай-мергенъ кони сѣдлалъ; потомъ посыпался градъ—Кыстай-мергенъ поѣхалъ. У него также было намѣреніе убить Айкана, но тотъ откупился тѣмъ, что обѣщаль выдать за него дочь. Приѣхалъ Кыстай-мергенъ, и усѣвшись за столъ, сталъ выговаривать Айкану: „Ты что дѣлаешь? Одному голову, а другому—задницу?“ Дочь Айкана—Айарыгъ на это сказала: „Я пойду замужъ за того изъ васъ, у кого конь сильнѣе бѣжитъ, и кто изъ самихъ васъ сильнѣе. Я пушу зайца (аккоян), который бѣжитъ всю землю, поднимется на небо, пробѣжитъ мимо Создателя (чалчи) и еще дальше убѣжитъ“. Замотали богатыри узды на своихъ коняхъ и пустили ихъ за зайцемъ. Кони пробѣжали всю землю до краю рядомъ; Аксарать выкусилъ у себя сначала одну холку, потомъ другую, и поднявшись на небо, сразу пролетѣлъ 30 небесъ, а другой конь отсталъ отъ него; потомъ пролетѣлъ мимо Создателя, какъ пуля; тотъ хотѣлъ было посмотрѣть на него и не успѣлъ. Аксарать догналъ наконецъ зайца, схватилъ его зубами и полетѣлъ назадъ, да на 40 небесъ пролетѣлъ дворецъ Айкана мимо—не могъ удержаться, и потомъ уже воротился съ зайцемъ. „Теперь поборитесь“, говоритъ Айарыгъ,— „кто изъ васъ окажется сильнѣе!“ А сама наступила на ногу Алтынъ-Чобе и вышла; онъ за нею. Айарыгъ дала ему черный шелковый платокъ и сказала: „Утрись имъ, когда понадобится; силою Кыстай-мергенъ тебя не возьметъ, а хитростью одолѣть можетъ“. Потомъ богатыри стали бороться, да такъ разсердились, что отъ борьбы перешли къ дракѣ, во время которой незамѣтно подошли къ морю. Кыстай-мергенъ зоветъ Алтынъ-Чобе драться въ море, а тотъ не идетъ. Улучивъ минуту, Алтынъ-Чобе тихонько вытащилъ платокъ, утерся имъ, и моря не стало, одна дресва осталась. „Ну, теперь поидемъ въ море драться“, говоритъ Алтынъ-Чобе. Кыстай-мергенъ упалъ передъ нимъ на колѣни и сталъ упрашивать побрататься. Тотъ подумалъ и согласился. Побратались—поцѣловались. Пришли къ Айкану и начали пировать. „Надо мнѣ ѣхать домой“, говоритъ Алтынъ-Чобе,— „соскучился я, а вы пируйте“. Собрался онъ, взялъ съ собою жену и поѣхалъ къ Карадасу, а тотъ пируетъ, все пѣсни поетъ и вспоминаетъ, отчего долго не

ѣдетъ его другъ Алтынъ-Чобе. Послѣдній, наконецъ, пріѣхалъ, поздоровались—поцѣловались. Долго они пировали; Карадасъ три раза сваливался, а Алтынъ-Чобе пьетъ себѣ, да похаживаетъ. Попировали. Алтынъ-Чобе сталъ собираться домой: также той надо и ему сдѣлать; сталъ звать къ себѣ Карадаса, но тотъ отказался. „Некогда“, говорить,—„миѣ! Я еще съ женой не спалъ“. Алтынъ-Чобе уѣхалъ, увезъ и сестру съ собою. По пріѣздѣ домой, сдѣлали той и нѣсколько лѣтъ пировали со всѣми людьми. Только вдругъ во время пира Алтынъ-Чобе слышитъ, что конь его Аксаратъ ржетъ у крыльца, и вышелъ къ нему. „Ты что пируешь?“ говорить Аксаратъ,—„собирайся въ путь!“ Алтынъ-Чобе надѣлъ кольчугу, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Когда выѣхали на чистую гриву, Аксаратъ остановился и говорить: „Крѣпче натяни поводья, упрись въ стремя и держись: прикатится пустая человѣческая голова и ударится въ тебя прямо противъ сердца; если она тебяшибетъ, не быть тебѣ живому“. Приготовился Алтынъ-Чобе и видитъ, катится голова по землѣ; и ударила она его въ грудь—изъ ума вышибла. Когда Алтынъ-Чобе очнулся, то увидѣлъ, что лежитъ на землѣ, и Аксаратъ передъ нимъ стоитъ. Поднялся онъ съ земли, сѣлъ на коня и поѣхалъ домой. Пріѣзжаетъ и узнаетъ, что ничего не стало: ни скота, ни людей, только мать съ женой осталась. Куда все дѣвалось—не знаетъ. Посмотрѣлъ на ладонь—онъ могъ видѣть на ладони за 70 небесъ—не видно слѣда; досталъ изъ ящичка письмена (ворожейныя книги), и тамъ ничего не видно. Тогда Алтынъ-Чобе снарядился ѣхать за совѣтомъ къ Саракарахты-Карагаты-черези. Пріѣхалъ опять къ морю, бросилъ коня, перешелъ по мосту, потомъ коня выдернулъ снова и доѣхалъ до Саракарахты. „Здравствуй, мама!“ Та поздоровалась и сама плачетъ, знаетъ уже въ чемъ дѣло. „Отрѣжь“, говорить,—„мою титьку и похорони меня, а титьку привяжи въ торока и не сноси, пока не пріѣдешь къ Курубашу“ (пустой головѣ). Алтынъ-Чобе отрѣзалъ у Саракарахты титьку, и она скоро умерла; тогда онъ связалъ вершинами 9 елей и на верху ихъ поставилъ гробъ съ тѣломъ старухи, а потомъ привязалъ титьку въ торока и поѣхалъ къ Курубашу. Спустился черезъ 7 рядовъ подъ землю и увидѣлъ,—стоитъ желѣзный домъ отъ земли до неба, нѣтъ въ немъ ни оконъ, ни дверей, ни маленькой щелочки. Алтынъ-Чобе замѣтилъ, что конь

его былъ весь въ пѣнѣ и спрашиваетъ: „Что ты, Аксарать, никогда не потѣлъ, а теперь въ пѣнѣ весь“? „А посмотри назадъ!“ отвѣтилъ тотъ. Алтынъ-Чобе оглянулся, а титька какъ гора налилась. Слѣзъ онъ съ коня у желѣзнаго дома и началъ сосать титьку; высосалъ всю; тогда спала, въ дребезги разбилась кольчуга на немъ, а вмѣсто нея появилась новая. Алтынъ-Чобе взялъ саблю и копье и подошелъ къ дому. Махнулъ саблей—разсѣкъ пополамъ домъ и камень, который въ немъ лежалъ; тамъ, внизу стоялъ человѣкъ—Курубашъ (онъ происходилъ отъ сѣбка Кутезекъ)—голый; сабля не хватила его немного и прошла мимо, только разсѣкла камень (съ корову величиной—инекче карадашъ), на которомъ онъ стоялъ, и ниже землю до 9 рядовъ. „Ну, Алтынъ-Чобе, отнял ты у меня всю хитрость“, говоритъ Курубашъ, — „я былъ такъ силенъ, что земля не могла меня сдержать, а потому я и ушелъ сюда. На, вотъ, книгу, прочитай“. Алтынъ-Чобе сталъ читать; въ книгѣ написано было, что они будутъ драться, но только не извѣстно, кто кого побѣдитъ. Курубашъ говоритъ:— „Я холостой, а ты женатый, но не успѣлъ еще поспать съ женой, такъ поѣзжай домой; а потомъ съѣдемся на чистомъ мѣстѣ, на землѣ (въ вашемъ мѣстѣ), и кто изъ насъ впередъ прійдетъ, тотъ и одолѣетъ. На мѣсто битвы съѣдется много богатырей, тутъ будутъ и создатели Чагысъ-чаячи и Тогосъ-чаячи. Ты теперь поѣзжай и выпусти своихъ людей и скоть, иначе они задохнутся,—я заперъ ихъ въ твоёмъ Алтынъ-тагѣ“. Алтынъ-Чобе поѣхалъ домой, выпустилъ людей и скоть. Скоро онъ сталъ собираться снова въ путь. Жена его сѣла на шестиногую кобылу—Алабей алты азакты, и проводивъ немного, воротилась домой. Богатыри ѣдутъ по гривѣ: съ этой стороны поднимается Алтынъ-Чобе, а съ той—Курубашъ, и никто изъ нихъ не ѣдетъ впередъ; къ назначенному мѣсту прійхали оба въ одинъ разъ. А народу собралось уже на это мѣсто многое множество. Богатыри поздоровались, сѣли разговаривать; слово за слово, начали ругаться и вступили въ драку. Не поднимаетъ ихъ земля, оба провалились сквозъ семь рядовъ и тамъ, внизу, на чугунной землѣ начали драться, только земля трясется. Богатыри сидятъ вверху, ничего не видятъ, только громъ и стукъ слышать. Долго-долго они ждали, много лѣтъ, и не могли дождаться. Посылаютъ Алтынъ-Эргека (онъ уже женился на Алтынъ Арбыѣ), шурина

Алтынъ-Чобе спуститься и посмотрѣть ихъ тамъ. Тотъ поднялъ саблю, разсѣкъ землю и спустился; и видитъ—гдѣ гора была, тамъ богатыри разбили ее на мелкіе кремни, гдѣ было море, лужа осталась; во время драки они все расплескали и переломали. Когда Алтынъ-Эргекъ дошелъ до края земли, то увидѣлъ, что оба богатыря лежатъ мертвые, обхвативъ руками одинъ другаго. Алтынъ-Эргекъ взялъ Алтына-Чобе за ноги и началъ трасти; вдругъ у него пошла изъ носу кровь печенками; очнулся Алтынъ-Чобе и говоритъ: „Ну, еслибы не ты, не встать бы мнѣ, до чертовой дороги шести четвертей не дошелъ, а до покойницкой только три четверти (узут чолна ушь карыш четпеннандым, айна чолна алты карыш четпеннандым)“. Алтынъ-Чобе за это время совсѣмъ состарѣлся, обросъ бородой по колѣна, а глаза ввалились такъ, что птица гнѣздо могла свить; едва-едва сѣлъ онъ на своего Аксарата и поѣхалъ, а Курубашъ такъ и издохъ тутъ. Когда вѣхали на свѣтъ, Алтынъ-Эргекъ и говоритъ старику: „Ты поѣзжай ко мнѣ, а я къ тебѣ скоро вернусь“. Развѣхались. Приѣхалъ Алтынъ-Чобе въ зятю, бросилъ поводья: и коня не въ силахъ былъ привязать! Вошелъ онъ въ домъ. Сестра не узнала его, спрашиваетъ: „Откуда старикъ? не слыхалъ ли чего о мужѣ?“ А тотъ только одно и твердить, что старъ сталъ. Посадила Алтынъ-Арыгъ старика за столъ и замѣтила, что у него на одной рукѣ перчатка. „Неужели“, говоритъ,—„такъ и станешь ѣсть, не снимешь перчатку?“ А сама подошла и стала снимать, и увидѣла золотой перстень, по которомъ узнала, что это братъ ея. Стала его угощать. Вдругъ слышатъ громъ, затряслась земля; то изъ-за 40 небесъ ѣдетъ богатырь. Приѣхалъ; вбѣгаетъ въ домъ мальчикъ и спрашиваетъ у тетки. „Гдѣ Алтынъ-Чобе? живъ-ли онъ?“ А это былъ сынъ его—Айкараатты Алтынъ-Кылышъ. Въ это время приѣхалъ и Алтынъ-Иргекъ и дивится на ребенка: „По отцѣ“, говоритъ,—„будетъ! Не могъ съ нимъ ни сговорить, ни догнать его“. Говорятъ мальчику: „Вотъ твой отецъ, старикъ Алтынъ-Чобе!“ Алтынъ-Кылышъ сталъ спрашивать у дяди, есть ли такой богатырь, чтобъ ему подраться съ нимъ? „Я бы“, говоритъ,—„взялъ, да разорвалъ его пополамъ или только дунулъ бы“. „Нарѣжь-ко, да принеси 9 пучковъ прутьевъ“, отвѣчаетъ ему на это Алтынъ-Иргекъ. Тотъ пошелъ и нарѣзалъ, но догадался, что дядя хочетъ его выдрать; принесъ, положилъ и не смотритъ на него. Дядя

выдралъ его и говорить: „Не стало-ли на свѣтѣ богатырей, и въ какомъ тайномъ мѣстѣ что ты хвастаешь!“ Алтынъ-Кылышъ молчить, сѣлъ на колѣно къ отцу. Слышать опять громъ, изъ-за 80 небесъ ѣдетъ богатырь. Приѣхалъ и вошелъ въ избу такой же ребенокъ и спрашиваетъ: гдѣ его дядя, Алтынъ-Чобе, живъ ли? Ему указали на дядю. Это былъ сынъ Карадаса — Айкараатты Канъ-мергенъ. И этотъ опять похваляется, спрашиваетъ: нѣтъ-ли богатыря, ему подраться? Алтынъ Иргекъ и этого послалъ нарѣзать 9 пучковъ прутьевъ, выдралъ его и такой же выговоръ сдѣлалъ. Сѣлъ Канъ-мергенъ на другое колѣно къ Алтынъ Чобе, а тотъ ласкаетъ ихъ обоихъ. Алтынъ-Чобе собрался съ сыномъ домой, а Канъ-мергенъ провожать ихъ поѣхалъ. Когда стали подъѣзжать къ своему царству, Алтынъ-Чобе сказалъ: „Стойте, дѣти!“ Остановились. Онъ вырвалъ изъ своей бороды 3 волоса и положилъ ихъ за пазуху Алтынъ Кылышу, потомъ изъ хвоста Аксарата вырвалъ также 3 волоса и ввязалъ ихъ въ хвостъ коня сына; Алтынъ-Кылышъ выросъ какъ гора, и конь также выросъ. Когда подъѣхали къ дому, Алтынъ-Чобе слѣзъ съ коня, и обезсилѣвъ, упалъ на крыльцѣ и тутъ же умеръ. Жена его выбѣжала, плачетъ, жалѣетъ, что не могъ даже въ домъ войти и поговорить. Канъ-мергенъ, проводивъ ихъ, вернулся назадъ. Алтынъ-Кылышъ пообѣдалъ, простился съ матерью и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. На дорогѣ ему встрѣтился Карамуке и жалуется, что къ нему приѣхалъ какой-то неизвѣстный богатырь свататься за его дочь. „Посмотри“, говоритъ Карамуке, — „какой онъ такой? И какъ ты скажешь, такъ и будетъ“. Приѣхали. Богатырь сидитъ. „Ну-ко“, говоритъ Алтынъ-Кылышъ, — „подеритесь! Я еще не видалъ, какъ богатыри бьются“. Схватились они—дерутся; Карамуке сталъ ужъ изъ силъ выходить; тогда Алтынъ-Кылышъ сдернулъ его, а самъ схватилъ другаго богатыря, растеръ его на ладони въ пыль и пустилъ по вѣтру. Самъ поѣхалъ дальше и слышитъ, кукушка на небѣ кукуетъ. Протянулъ онъ руку, досталъ—кукушку и спрашиваетъ: о чемъ она кукуетъ. „А если“, говоритъ, „не скажешь всѣ перья по одному выдержай!“ „Я тебѣ зла не дѣлала“, отвѣчаетъ та, — „а кукую о томъ, что у Кубаша родилось два сына-двойника и такихъ сильныхъ, что оторвутъ гору, да лошадей и понужаютъ ея“. Алтынъ-Кылышъ кукушку отпустилъ, а самъ поѣхалъ назадъ, домой. Приѣзжаетъ, видитъ, — два

богатыря пріѣхали, коней у столба привязали. Это были братья, дѣти Кубаша. Сталь ихъ угощать Алтынъ-Кылышъ. Вдругъ послышался громъ—пріѣхаль Канъ-мергенъ. „Ты что“, говоритъ,—„вздумаль ихъ угощать?“ Хватъ одного, тотъ вылетѣлъ изъ дома вонъ. „Вотъ имъ“, говоритъ,—„угощеніе!“ И самъ сцѣпился съ нимъ. Алтынъ-Кылышъ ударилъ другаго, вышибъ изъ дому и схватился съ нимъ. Поднялся вдругъ непроглядный туманъ, другъ друга имъ стало не видно. Долго они дрались; наконецъ, Алтынъ-Кылышъ схватилъ богатыря, ударилъ о землю, разбилъ на 9 кусковъ и растопталъ ногами. Потомъ услышалъ таковой громъ, какъ будто гора упала; то грохнулся гдѣ-то въ туманѣ другой богатырь: Канъ-мергенъ убилъ его. Тогда оба они вернулись домой и сѣли чай пить. „Хорошо еще“, говоритъ Канъ-мергенъ,—„что они двойни, а еслибъ сила не раздѣлилась, и родился одинъ, такъ во вѣкъ бы тебѣ съ нимъ не справиться, до старости дрался бы съ нимъ, какъ отецъ твой, и также бы ты погибъ, да и я не пріѣхаль бы тогда къ тебѣ“. „Что ты Алтынъ-Кылышъ, до сихъ поръ не женишься? Сколько изъ-за тебя народа гибнетъ? Поѣзжай къ Аккойатты Алтынъ-Картагъ, что живетъ за 90 небесъ; онъ тебя ждетъ, ни за кого не отдаетъ свою дочь, всѣхъ богатырей убиваетъ“. Канъ-мергенъ уѣхаль домой, а Алтынъ-Кылышъ отправился къ Алтынъ-Картагъ. Подѣзжаетъ къ дворцу—гора мертвыхъ тѣлъ богатырей и коней такая, что ни солнце, ни мѣсяцъ сквозъ нихъ не свѣтять. Привязаль онъ своего коня къ столбу, у котораго стоялъ также конь Картага; недавно, должно быть, пріѣхаль; дрался съ кѣмъ-нибудь. Алтынъ-Кылышъ вошелъ во дворецъ. Картага встрѣчаетъ его съ упрекомъ, отчего онъ долго не ѣхаль взять замужъ его дочь. „И изнемогъ я“, говоритъ,—„до старости все дерусь съ богатырями и только что, вотъ, пріѣхаль съ боя“. Алтынъ-Кылышъ взялъ его дочь и сталь домой собираться. „У меня“, говоритъ,—„хоть и небольшія горы и рѣчки, да есть; соскучился объ нихъ!“ „Я тебя не гоню“, отвѣчаетъ Картага,—„но и держать не держу“. Кылышъ пріѣхаль домой, устроилъ той и такъ запилъ, что ничего не сталь помнить; очутился онъ подъ землей у Шибельдея въ мѣдной избѣ и горѣлъ въ печи. Шибельдей хитростью утянула его къ себѣ. Уже сгорѣла совсѣмъ девятирядная кольчуга, и начало горѣть тѣло, когда, наконецъ, Алтынъ-Кылышъ очнулся и ударилъ кулакомъ: вся изба разле-

тѣлась въ дребезги. Выбѣжалъ онъ оттуда весь въ огнѣ, горить; бросился въ бѣлому морю — то высохло, а онъ пуще прежняго горить; побѣжалъ и бросился въ бѣлое озеро — и то все высохло, только дресва осталась. А между тѣмъ Алтынъ-Кылышъ все горить; у него отпала уже съ одной стороны рука, а съ другой нога. Взялъ онъ ихъ, подобралъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Подбѣгаетъ его конь Акквартъ и говоритъ: „Садись, поѣдемъ домой“. Алтынъ-Кылышъ сѣлъ; впередъ упадетъ — конь гривой подпретъ, назадъ отклонится — конь хвостомъ подпретъ. Приѣхали. Алтынъ-Кылышъ говоритъ женѣ: „Что мнѣ теперь дѣлать? Сважи, гдѣ бы умереть?“ „Слыхала я“, отвѣчаетъ жена, — „есть за 90 небесъ желѣзное озеро: кто въ него войдетъ, тотъ или выздоровѣетъ или умретъ“. Тотчасъ же Алтынъ-Кылышъ поѣхалъ туда на своемъ Акквартѣ. Приѣхалъ наконецъ и говоритъ коню. „Если буду живъ, на девятый день выйду; если же черезъ 9 дней меня не будетъ, то умру“. Вскочилъ въ озеро и утонулъ, а оно закипѣло ключемъ, и послышался оттуда стонъ. Акквартъ бѣгаетъ вокругъ озера и подъ конецъ протопталъ такую глубокую дорожку, что стремена стали задѣвать землю. Не слышно стало, наконецъ, и стоновъ. Конь все бѣгаетъ и думаетъ: „Вѣрно, не воротится Алтынъ-Кылышъ“. На девятый день озеро стало подниматься, и Алтынъ-Кылышъ вылетѣлъ; въ 10 разъ онъ сталъ здоровѣе и сильнѣе прежняго. Сѣлъ на Аккарата и поѣхалъ домой. Дорогой услышалъ, что кукушка въ небѣ кукуетъ; остановился и спросилъ ее. Та говоритъ ему, чтобъ ѣхалъ скорѣе на помощь Кыстай-мергену, котораго хотятъ убить. Помчался Алтынъ-Кылышъ, и кукушка полетѣла: кто впередъ успѣетъ? Но кукушка стала-таки отставать, хвалить коня и просить Алтынъ-Кылыша посадить ее на коня. „А то устала“, говоритъ, — „я“. Онъ посадилъ ее и поѣхалъ дальше. Приѣзжаютъ къ Кыстай-мергену, а тамъ стоятъ 4 коня такихъ, что ушами до небесъ хватаютъ — айкварты терты кара муке. Вошелъ въ домъ Алтынъ-Кылышъ и видитъ, что 4 богатыря связали Кыстей-мергена и на порогъ положили. Алтынъ-Кылышъ смѣется и хвалить ихъ. „А ну-ка“, говоритъ, — „трое четвертаго свалите, вырѣжьте изъ спины ремни да свяжите“. Тотчасъ трое вскочили и повалили четвертаго, вырѣзали у него ремни изъ спины и связали. Хвалить ихъ Алтынъ-Кылышъ. „А ну-ка“, говоритъ, — „двое третьяго также

связите". Тѣ вскочили, повалили одного богатыря, вырѣзали ремни и связали. Осталось богатырей двое. Алтынъ-Кылышъ опять и говорить: „А ну-те, поборитесь, кто кого изъ васъ осилить?" Тѣ начали барахтаться; одинъ одолѣлъ, вырѣзаль у другаго изъ спины ремень и связаль его. Оставшагося богатыря Алтынъ-Кылышъ самъ повалилъ и связаль, а потомъ всѣхъ ихъ прибилъ къ черному камню величиной съ корову и вмѣстѣ съ камнемъ забросилъ въ бѣлое море. Друга своего Кыстай-мергена онъ развязаль и сталъ съ нимъ пировать. Потомъ Алтынъ-Кылышъ собрался домой. „Будеть", говорить, — „драться! Поѣду на покой, да и къ тебѣ тоже пусть никто не ѣздитъ!" Сначала Алтынъ-Кылышъ поѣхаль къ Кайгану, тестю своему, попироваль у него и на прощанье сказалъ, что онъ ѣдетъ на покой. Потомъ заѣхаль къ другу своему Канъ-мергену, съ нимъ попироваль и также распростился. Попріѣздѣ домой, Алтынъ-Кылышъ сталъ пировать, а мнѣ пряники подавать.

175. Алтынъ-Тѡна.

Поѣхаль Алтынъ-Тѡна промышлять на бѣлую гору (Ак-таскыль) и набилъ тамъ много всякаго звѣря. Воротившись домой, увидѣлъ, что у него ничего не стало—ни скота, ни людей; все куда-то дѣвалось. Посмотрѣлъ онъ сквозь пальцы: за шестьдесятъ небесъ ничего не видать; посмотрѣлъ на ладонь и увидѣлъ, что за семьюдесятью небесами живетъ Чиланъ-канъ, который и похитилъ все его имущество. Алтынъ-Тѡна собрался и поѣхаль къ Чиланъ-кану, а тотъ, узнавъ объ этомъ, самъ выѣхаль къ нему на встрѣчу,—превратился въ птицу „картага" и летить. Алтынъ-Тѡна выстрѣлилъ въ птицу изъ лука и перешибъ ее пополамъ; тотчасъ Чиланъ-канъ выпустилъ и людей, и скоть. Однако, Алтынъ-Тѡна не воротился домой, а поѣхаль къ жилищу Чиланъ-кана. Стрѣла, пущенная Алтынъ-Тѡной, на своемъ пути, гдѣ ни проходила, все уничтожила—горы, лѣса, и все владѣніе Чиланъ-кана. Пріѣхаль Алтынъ-Тѡна—его встрѣтила Чиланъ-канова жена, стала угощать айраномъ и называетъ своимъ хозяиномъ. „Не надо мнѣ тебя", отказывается Алтынъ-Тѡна. Слово за слово, заспорили, потомъ вышли на улицу и давай драться. Вдругъ, его кто-то хлестнулъ; это былъ сынъ Чиланъ-кана.

Алтынъ-Тона схватился съ нимъ драться и началъ его одолѣвать. Тотъ кричитъ матери, чтобъ она спустила двухъ цѣпныхъ собакъ. Собаки бросились и начали кусать Алтынъ-Тона за ноги. Чиланъ-кановъ сынъ опять кричитъ матери, чтобы спустила двухъ орловъ. Тѣ прилетѣли и давай клевать Алтынъ-Тону. Тогда Алтынъ-Тона разсердился, схватилъ собакъ, разорвалъ и бросилъ, и собравъ послѣднія силы, убилъ Чиланъ-канова сына. Схватилъ онъ потомъ орловъ и сталъ имъ крылья ломать, но они начали его упрашивать, чтобъ отпустилъ ихъ. „Все равно“, говорятъ, — „вѣдь твой же будемъ!“ Онъ отпустилъ. Орлы стали его звать къ себѣ на Алтынъ-тагъ. Алтынъ-Тона пошелъ и видитъ—спущена съ неба цѣпь къ столбу, который тутъ же стоитъ, и лежитъ на землѣ камень величиною съ корову. Къ этой цѣпи Чиланъ-канъ привязывалъ орловъ. Орлы говорятъ ему: „Подними этотъ камень выше себя, брось я прошиби землю, а иначе, мы поднимемъ тебя на небо, спустимъ оттуда и рассыплешься ты въ песокъ!“ Алтынъ-Тона взялся за камень—поднялъ его только до колѣнъ, а орлы ему угрожаютъ. Черезъ великую силу поднялъ онъ камень выше себя, бросилъ его и прошибъ землю (Алтынъ-тагъ) насквозь; видитъ—тамъ такое же солнце, мѣсяцъ и все другое, какъ и на этомъ свѣтѣ. Алтынъ-Тона сталъ туда спускаться и увидѣлъ дѣвицу; это была Алтынъ-Тулго, сестра девяти братьевъ Авуспагъ (тогосъ - акпуспагъ); тутъ же онъ увидѣлъ и сестру свою, которая убѣжала, когда Чиланъ-канъ поглотилъ его владѣнія. (Эту гору — Алтынъ-тагъ — Чиланъ-канъ поглотилъ вмѣстѣ съ дѣвицей и орлами и увезъ къ себѣ). Дѣвица ему сказала, что 40 лѣтъ она томится здѣсь, ее ищутъ братья и найти не могутъ, и что ей давно уже предназначено выйти замужъ за Алтына-Тона. Съ этими словами она подала ему книгу, въ которой тотъ прочиталъ, что, дѣйствительно, давно прошло то время, когда они должны были сойтись. Тогда Алтынъ-Тона сказалъ: „Ты поѣзжай теперь домой; я послѣ приѣду и увезу тебя съ собою, а теперь мнѣ нужно ѣхать стрѣлу отыскивать“. На прощаньи Алтынъ-Тулгѣ сказала ему, что если попадется на встрѣчу бѣлый старикъ, то его не нужно трогать, это—братъ. Два орла подхватили гору Алтынъ-тагъ и понесли домой вмѣстѣ съ Алтынъ-Тулгѣ, а Алтынъ-Тона поѣхалъ за стрѣлой. На встрѣчу ему попался сѣдой старикъ—младшій изъ брать-

евъ Акпуспагъ. Поздоровались, разговорились. Старикъ объяснилъ, что онъ вотъ уже 40 лѣтъ ищетъ свою сестру и не можетъ найти. „Быль“, говорить,— „и подъ землей, всѣхъ богатырей перебилъ тамъ; былъ на землѣ, также перебилъ всѣхъ, не могъ ни у кого доспроситься толку“. Алтынъ-Тона съ своей стороны сказалъ про себя, что онъ ни отца, ни матери, ни царства своего не знаетъ, а что сестру Акпуспага нашелъ и домой отправилъ,—потомъ придетъ и возьметъ ее за себя за мужъ. Старикъ поблагодарилъ Алтынъ-Тону и простился съ нимъ. Развѣхались. Опять на встрѣчу ему попадается богатырь, стремглавъ летитъ. Остановились. Это былъ Аккобатты Канъ-Тона. Онъ сталъ спрашивать Алтына-Тону: откуда и куда тотъ ѣдетъ? „А тебѣ зачѣмъ?“ говорить тотъ. Алтынъ-Тона былъ грубый. Канъ-Тона продолжаетъ ласково разпрашивать. Алтынъ-Тона сказалъ, что ѣдетъ свою стрѣлу отыскивать. „Твоя стрѣла находится за 70 небесъ, воткнулась тамъ въ крыльцо Кункана, у котораго собралось много богатырей, и теперь идетъ пиръ“, отвѣтилъ Канъ-Тона и спросилъ Алтынъ-Тону: кто онъ такой и откуда родомъ? Алтынъ-Тона сказалъ, что не знаетъ ни отца, ни матери, ни царства своего, а зовутъ его Алтынъ-Тона. Кони, кольчуги и все прочее были одинаковы на обоихъ богатыряхъ. Канъ-Тона и говорить: „А вѣдь, ты мнѣ братъ! Война разлучила насъ съ тобою“. „Какой ты мнѣ братъ?“ отказывается отъ него Алтынъ-Тона. Канъ-Тона опять говорить: „Поѣзжай ты къ Кункану, а я съѣзжу въ свое царство за 70 небесъ, вернусь оттуда и обгоню тебя, пока ты успѣешь отъѣхать только за девять небесъ“. Поѣхали. Алтынъ-Тона только и слышалъ, какъ конь Канъ-Тоны стукнулъ. Едва проѣхалъ онъ 9 небесъ, какъ тотъ обогналъ его. Наконецъ, Алтынъ-Тона приѣзжаетъ къ Кункану; народу было тамъ такъ много, что и коня негдѣ привязать: въ 60 рядовъ вокругъ дома были кони навязаны. Стрѣлу его съ крыльца срубили, потому что мѣшала, проходу не было. Алтынъ-Тона обратился мухой, залетѣлъ въ домъ и сидитъ тамъ; видитъ онъ, что его братъ Канъ-Тона сидитъ у порога. „Отчего же онъ впередъ не идетъ? Зачѣмъ у порога сидитъ?“ подумалъ про себя Алтынъ-Тона. Канъ-Тона знаетъ думу брата и про него тоже думаетъ: „Какой ты не догадливый, братъ! А того и не подумаешь, что съ порога богатырей легче таскать“. Видятъ оба брата, что дочь Кункана, Кунарыгъ,

*

гостей айраномъ угощаетъ; красавица была такая, что приглянулась обоимъ, и оба хотятъ ее замужъ взять. Алтынъ-Тона думаетъ про брата: „Только помѣшай—голову оторву!“ Схватилъ онъ Кунарыгъ, помялъ въ рукахъ, положилъ въ карманъ и поѣхалъ домой. За нимъ поѣхала также и сестра Кунарыгъ. Приѣхавши домой, онъ устроилъ той. Когда пиръ кончился, Алтынъ-Тона отправился на промыселъ. Сколько ни набилъ звѣря, все раздѣлил по ровну между своими людьми, а себѣ взялъ только оленью голову; бросилъ онъ ее на очагъ и принялся жену свою бить. Во второй разъ онъ также пошелъ на охоту, опять раздѣлил всю добычу, а себѣ оставилъ голову оленью; бросилъ голову на очагъ и пуще прежняго жену свою избилъ. Въ третій разъ пошелъ Алтынъ-Тона промыслять. Сестра и говоритъ Кунарыгъ: „Онъ бьетъ тебя, потому что вспомнилъ свою невѣсту Алтынъ-Тулгб; ты скажи ему, чтобъ онъ взялъ ее за себя“. Воротился Алтынъ-Тона съ охоты, все раздѣлил по ровну между людьми, а себѣ опять взялъ одну оленью голову; бросилъ ее на очагъ и давай бить жену. Кунарыгъ тутъ и сказала ему: „За что ты бьешь меня? Вѣдь, до смерти такъ добьешь! Отчего ты не возьмешь замужъ Алтынъ-Тулгб?“ Алтынъ-Тона повеселѣлъ и не сталъ ее бить; велѣлъ приготовить айрану и сталъ пировать. Потомъ скоро собрался и поѣхалъ за Алтынъ-Тулгб. Проѣхавъ три неба, видитъ—живутъ три брата Кара-Могусы. Алтынъ-Тона превратился въ самаго худаго стариченка, такого, что изъ него гной сочился, и вошелъ. Ушь-Кара-Могусы спрашиваютъ старика: кто онъ такой? Онъ назвалъ человѣкомъ Алтынъ-Тоны, праздношатающимся, а про Алтынъ-Тону сказалъ, что тотъ давно умеръ. Братья обрадовались этому извѣстію, угостили старика и стали собираться къ девяти Акпусагамъ сватать—два брата за третьяго—сестру ихъ Алтынъ-Тулгб. Поѣхали, и старикъ съ ними связался; не могъ онъ сдержатъ своего Аккойата, тотъ пролетѣлъ 100 небесъ, приѣхалъ впередъ, и пока Кара-Могусы подѣхали, да развьючивались (девять туасковъ айрана привезли), старикъ ужъ сваталъ за нихъ Алтынъ-Тулгб. „Мы“, говорятъ Акпусаги,—„ужъ стары, развѣ только айрану поъемъ; а за кого идти замужъ Алтынъ-Тулгб, про это она сама знаетъ“. Кара-Могусы вошли и видать, что старикъ и въ самомъ дѣлѣ за нихъ сватаетъ. Акпусаги сказали, что Алтынъ-Тулгб живетъ

отсюда за три неба, въ Алтынъ-тагъ. Плѣшивый, гноящійся старикъ вызвался пѣшкомъ туда сбѣгать. Побѣжалъ, только въ трехъ мѣстахъ землю хватилъ. Подходить къ Алтынъ-тагу и видитъ, что 9 мальчиковъ (сыновья Акпуспаговъ) играютъ въ бабки; старикъ вмѣшался въ игру и обобралъ у нихъ всѣ бабки, у кого силою, у кого обманомъ. Заллакали ребятишки, побѣжали къ Алтынъ-Тулгѣ жаловаться, что какой-то плѣшивый и гнойный старикъ отобралъ у нихъ всѣ бабки. Алтынъ-Тулгѣ послала ихъ нарѣзать 9 пучковъ прутьевъ, и когда они принесли, то выдрала ихъ: „Вишь“, говоритъ, — „вздумали еще съ дядей въ бабки играть!“ Старикъ вошелъ къ ней и сталъ опять прежнимъ богатыремъ. Посадилъ Алтынъ-Тулгѣ къ себѣ въ карманъ и вернулся къ Акпуспагамъ. Кара-Могусы, увидѣвъ его, перепугались и убѣжали домой. Алтынъ-Тѣна устроилъ тутъ той, и, попировавъ нѣсколько времени, собрался домой и поѣхалъ, а Алтынъ-Тулгѣ везетъ въ карманѣ. Дорогой вздумалъ онъ заѣхать къ Кара-Могусамъ и направляетъ туда коня: Аккоять не идетъ. Однако, Алтынъ-Тѣна заставилъ его силой туда ѣхать. Приѣхалъ — вошелъ въ домъ. Кара-Могусы посадили его за столъ и стали угощать. Алтынъ-Тѣна до того напился айрана, что потерялъ чувства, вышелъ на поле и свалился. Кара-Могусамъ только это и было нужно; они вырыли яму, сбросили въ нее Алтынъ-Тѣну и завалили землей и большими камнями, а жену вытащили изъ кармана и увели къ себѣ. Долго лежалъ тутъ Алтынъ-Тѣна. Наконецъ приѣзжаетъ къ этому мѣсту Канъ-Тѣна; раскидываетъ камни, раскидать не можетъ: цѣлыя горы навалены, а самъ обливается слезами. Слышитъ, подѣзжаетъ другой богатырь — Шакратты-Алтынъ-Чидтысь. Это былъ старшій ихъ братъ, жившій за тремя рядами небесъ. Съ горькими слезами началъ и онъ раскидывать камни. Наконецъ, вытащили они Алтынъ-Тѣну: только, тотъ уже умеръ. Плачутъ надъ нимъ братья; Канъ-Тѣна сталъ уже терять чувства, но вдругъ точно кто отбросилъ его; онъ очнулся и увидѣлъ, что они оба умрутъ, если будутъ плакать. Оглянулся Канъ-Тѣна назадъ и видитъ — стоятъ земная (?) гора, а на верхушкѣ ея камень, на которомъ 9 травокъ растутъ. Поднялся онъ на гору, отрѣзалъ у себя мизинецъ и приложилъ травку: палецъ зажилъ. Тогда онъ взялъ отъ корня травку и воротился назадъ; положилъ ее брату въ ротъ, тотъ очнулся и вскочилъ. „Ухъ, какъ я долго

спалъ!“ говорить. „На вѣкъ бы уснулъ, еслибъ не мы“. Шакратты-Алтынъ-Чилтысъ ударилъ Алтынъ-Тѳну и сказалъ: „Ахъ, ты, пьяница этакой! Дома то не могъ пить?“ Тогда всѣ отправились къ Кара-Могусамъ. Алтынъ-Тулгѳ все время плакала, крошки въ ротъ не брала, а Кара-Могусы боялись ее взять замужъ. Алтынъ-Тѳна выстрогалъ палку, нанизалъ на нее трехъ Кара-Могусовъ, разложилъ огонь и сталъ ихъ жарить; также онъ поступилъ и съ двумя женами ихъ. Потомъ онъ взялъ Алтынъ-Тулгѳ, зазвалъ братьевъ и поѣхалъ домой той устроить. Стали пировать,—два старшіе брата во время пира три раза сваливались, а Алтынъ-Тѳна все на ногахъ. Наконецъ, они сказали, что всего вина у него не перепьешь, и поѣхали домой. По отъѣздѣ братьевъ, Алтынъ-Тѳна сталъ еще пировать, и вдругъ слышитъ, что ѣдетъ богатырь. Приѣхалъ и сталъ сватать свояченицу Алтынъ-Тѳны; звали его Айкаратты Каткандашъ. Когда Алтынъ-Тѳна сталъ спрашивать: кто онъ и откуда? Каткандашъ сказалъ: „Ни отца, ни матери не знаю, мѣста своего также; родился я на камнѣ, лизалъ его и съ того выросъ, а потомъ сѣлъ на коня и съ тѣхъ поръ все ѣзжу,—теперь уже половина моей жизни прошла“. Алтынъ-Тѳна сказалъ, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на свою свояченицу, которая за кого сама захочетъ выйти за мужъ, за того и выйдетъ. Позвали ее и спросили. Сестра Кунарыгъ отвѣтила: „Какъ ты захочешь, такъ я и сдѣлаю.“ „Ну, если такъ, то поди за богатыря!“ Въ это время Алтынъ-Тѳна взглянулъ на свою жену Алтынъ-Тулгѳ: та плачетъ; сталъ спрашивать: о чемъ? не говорить. Въ другой разъ взглянулъ—опять плачетъ, и въ третій разъ то же самое. Сталъ допрашиваться о причинѣ, она сказала, что къ ея братьямъ наѣхало богатырей изъ-подъ земли въ 60 рядовъ войска, а съ земли въ 70 рядовъ,—и должно быть, теперь ея братьевъ ужь и въ живыхъ нѣтъ. Алтынъ-Тѳна проситъ своего свояка поѣхать туда на помощь. Тотъ вскочилъ на коня и умчался; только и слышали, какъ его конь копытомъ стукнулъ. Алтынъ-Тѳна опять принялся за айранъ; пилъ, пилъ, разъ выпроситъ у козявки—выпьеть, другой, третій—все не пьянъ. „Съ этого вина, должно быть, пьянъ не будешь?“ говорить Алтынъ-Тѳна, собрался и поѣхалъ къ Акпусагамъ. Приѣзжаетъ за 70 небесъ и видитъ, что ничего въ ихъ владѣніяхъ не стало: гдѣ

прежде были люди, скотъ, постройки, тамъ дудки выросли. Половину ихъ владѣній подъ землю унесли, другую по землѣ растащили. Подъ землю уѣхалъ драться Кань-Тона, а по землѣ Каткандашъ; сюда же поѣхалъ и Алтынъ-Тона. Догналъ и видитъ, что Каткандашъ не столько саблей рубить, сколько конемъ топчетъ. Алтынъ-Тона также врубился. Всѣхъ богатырей они изрубили и очутились, наконецъ, другъ противъ друга только двое и остались среди поля битвы. Посмотрѣли по сторонамъ и увидѣли, на двухъ горахъ два богатыря сидятъ; эти самые и увели Акпусаговъ въ плѣнъ. Алтынъ-Тона и Каткандашъ забрались къ нимъ и давай драться: гдѣ гора, тамъ имъ кочкой кажется, гдѣ море—лужей. Убили, наконецъ этихъ богатырей, сошлись, поцѣловались и отправились назадъ; Акпусаги уже пришли домой, и Кань-Тона былъ съ ними: подъ землей онъ всѣхъ изрубилъ. Стали пировать у Акпусаговъ. Потомъ всѣ три богатыря отправились къ Алтынъ-Тонѣ. Нѣсколько времени пировали у него, а потомъ и домой стали собираться. Кань-Тона уѣхалъ въ свое царство, а Каткандашъ взялъ молодую жену и говоритъ Алтынъ-Тонѣ: „Если у меня родится сынъ, а у тебя дочь, такъ пусть они женятся; если у меня дочь, а у тебя сынъ, такъ ты вели ему сейчасъ же ѣхать догонять; я живу такъ далеко, что если онъ оповдаетъ, то состарѣтся, пока доѣдетъ до меня. Я, вотъ, полвѣка своего ѣхалъ къ тебѣ, и теперь не знаю, доѣду ли?“ Съ этими словами Каткандашъ уѣхалъ ¹⁾.

176. Хангавай ²⁾.

Въ былое время жилъ богатырь Хангавай. Коуро-пѣгнхъ лошадей и верблюдовъ у него было столько, что степь не вмѣщала. У него было два пастуха, Аксагалдай и Саингеле. Однажды поѣхали пастухи заворачивать (загонять) верблюдовъ,—не хватило

¹⁾ Сказка известна нарпахчи (чорчихчи), то-есть разказчику г. Адрианова только до половины; онъ слышалъ и перенималъ ее отъ другого сказочника; подравшіеся въ юртѣ мужъ съ женой помѣшали дослушать сказку.

²⁾ Этотъ номеръ записанъ г. Адриановымъ у Софотовъ, именно отъ одного пастуха на Улукемѣ (Енидѣ), въ мѣстности Булукъ, близъ слиянія Вейкеман Хакема.

цѣлаго угла; тогда Хангавай самъ поѣхаль осматривать табунъ— не хватило только одного желтаго жеребца. Осѣдлалъ онъ своего коня Канга-Карата и отправился слѣдить. На встрѣчу ему идетъ желтый верблюдъ, но прострѣленный. Сталъ Хангавай раздумывать: „Кто бы могъ его прострѣлить?“ Осмотрѣлся кругомъ и видитъ— впереди гора—не гора, не знаетъ, что. Подѣхаль ближе и увидѣль, что человекъ ѣдетъ; спросилъ его: кто онъ такой? Тотъ назвалъ Ирѣ-сары-мугэ, а коня его звали Тагъ-чокуръ-атъ. Хангавай назвалъ себя. Поздоровавшись, они начали пробовать свои силы. Сначала Ирѣ-сары-мугэ тянулъ свой лукъ съ утра до вечера и съ вечера до утра, и выстрѣлилъ прямо въ грудь Хангаваю: стрѣла отскочила. Тогда Хангавай началъ тянуть лукъ, тянулъ только съ утра до вечера и насквозь прострѣлилъ Ирѣ-сары-мугэ, не сдѣлавъ ему, однако, вреда. Тотъ долженъ былъ признать, за Хангаваемъ первую силу. Стали бороться; шесть дней и шесть ночей боролись, одинъ другаго не могутъ одолѣть. Ирѣ-сары-мугэ спрашиваетъ Хангавая: на сколько у него еще хватитъ силы? Тотъ отвѣтилъ: „Съ утра до вечера, и съ вечера до утра, и еще съ утра до вечера“. „А у меня,“ отвѣчаетъ Ирѣ-сары-мугэ,— „хватитъ силы только съ утра до вечера и съ вечера до утра“. Боролись, боролись, Ирѣ-сары-мугэ сталъ слабѣть; Хангавай переломилъ ему ногу, а самого завалилъ камнемъ, потомъ отрѣзалъ косу и спряталъ ее за голенище, а коня спуталъ. Самъ поѣхаль и видитъ—на дорогѣ улусъ стоитъ. Хангавай зашелъ въ богатую юрту; тамъ сидѣла женщина, красавица собою. На ея разпросы Хангавай назвалъ себя и разказалъ, что онъ убилъ Ирѣ-сары-мугэ. Женщина—жена убитаго—не повѣрила этому, сказавъ, что мужъ ея—сильный богатырь. Въ подтвержденіе своихъ словъ Хангавай вытащилъ косу и показалъ ей. Та признала косу, мужа, признала, что Хангавай еще болѣе сильный богатырь, и вышла за него замужъ. Хангавай и забылъ про свою первую жену живеть съ этою. А та ждала, ждала мужа, не дождалась и послала своихъ пастуховъ въ розыски. Аксагалдай осѣдлалъ коня трехгодовалаго (тюрбес тюнен) Хората, а Саннгеле трехгодовалаго (тюнен) Калтара и отправились; розыскавъ Хангавая, они вернулись домой и все разказали его женѣ. Тогда она сама поѣхала на Тюненъ-Калтарѣ но слѣду Хангавая и дорогой услышала гдѣ-то человѣческой голосъ.

Подъѣхала и увидѣла, что подъ камнемъ заложенъ богатырь Иръ-сары-мугэ. Просить онъ ее освободить, но она не можетъ своротить камня. Иръ-сары-мугэ просить поймать коня Тагъ-чокурат'а. Хангаваева жена осмотрѣлась и сказала, что коня вѣтъ, а стоитъ какой-то спутанный жеребенокъ. А это и былъ Тагъ-чокурать, но, спутанный желѣзными путами, исхудалъ до того, что казался жеребенкомъ. Иръ-сары-мугэ велить достать изъ сѣдла подпирокъ (?) и перепилить путы, а потомъ привязать арканъ однимъ концомъ за камень, а другимъ за шею коня. Та такъ и сдѣлала. Конь сдернулъ камень. Тогда Хангаваева жена увезла Иръ-сары-мугэ къ себѣ домой, вырыла пещеру въ 60 сажень глубиной и спрятала его въ нее; туда же и пищу ему подавала. Во второй разъ посылаетъ она пастуха Аксагалдая къ мужу спросить: отчего онъ такъ долго не ѣдетъ? Аксагалдай поѣхалъ къ Хангаваю и передалъ все. Тогда Хангавай со скотомъ и съ другою женой перекочевалъ къ первой женѣ. Живутъ всѣ вмѣстѣ. У Хангавая была сестра Чечинъ-кызъ. Приѣхали три богатыря, братья Темиръ-мука, Джанджи-мука и Тэкъ-мука и два старшіе брата стали сватать Чечинъ-кызъ за младшаго брата Тэкъ-мука. Сначала сваталъ Темиръ-мука, пробилъ землю лбомъ до колѣнъ; потомъ сталъ сватать средній братъ, пробилъ землю по грудь. Хангавай видитъ, что какіе-то сильные люди приѣхали свататься, и сказалъ, что въ будущемъ мѣсяцѣ 15 числа отдастъ имъ сестру. Братья уѣхали, а Хангавай сталъ готовиться. Сдѣлали юрту, навьючили приданого на 15 верблюдовъ и поѣхали. На дорогѣ имъ встрѣтилась крутая гора, которую они никакъ не могутъ перевалить. Чечинъ-кызъ заплакала, стала упрекать брата, что онъ везетъ ее на погибель. Хангамай началъ стрѣлять изъ лука; цѣлый день стрѣлялъ и пробилъ гору насквозь. Проѣхали. Ёхали, ёхали, встрѣтили море. Сестра опять плачетъ и упрекаетъ брата. Тотъ сдѣлалъ морозъ, нагналъ вѣтеръ, и черезъ три дня море замерзло, такъ что они проѣхали по льду. Поѣхали дальше, попалась на самой дорогѣ гора, которая стѣной стояла, и проѣхать нельзя. Хангамай началъ стрѣлять изъ лука; три дня стрѣлялъ, пробилъ дыру, только-только верблюду пройти. Когда проѣхали эту гору, выбрались на прекрасную степь, на луга, гдѣ стояли большія, бѣлыя юрты—тутъ и жили три брата. Когда Хангавай приѣхалъ, братья удивились, что онъ та-

кой сильный, поборошь всё препятствія. Устроили той, стали угощать Хангавая виномъ, но сколько онъ ни ѣсть, все трезвый, только около его коня лужи стоятъ; пилъ столько, что вина не хватило. Братья заплатили ему калымъ, дали скота, но Хангавай не взялъ его, а подарилъ сестрѣ. Стали прощаться, сестра ему и говоритъ, чтобъ онъ не пилъ вина, когда домой прїѣдетъ: она вѣщая была. Прїѣхалъ Хангавай домой и видитъ, всё пьяны, веселятся. Спрашиваетъ: „Что это значить?“ Ему говорятъ, что у него родился сынъ отъ второй жены, худенькій такой. „По случаю такой радости, надо“, говорятъ, — „той сдѣлать!“ Хангавай убилъ черную яловую кобылу и 50 кукеровъ (кожаныхъ посуды) вина выставилъ. Мать взяла ребенка на руки и уколола въ ногу иглой; онъ закричалъ. Хангавай спрашиваетъ: „О чемъ кричить ребенокъ?“ Мать отвѣчаетъ, что онъ желаетъ знать: въ чемъ заключается сила отца? Хангавай, забывъ совѣтъ сестры, уже порядочно выпилъ. „Въ стрѣлѣ“, говоритъ — „заключается моя сила.“ Во второй разъ мать уколола ребенка, онъ опять закричалъ. Хангавай спрашиваетъ: о чемъ онъ кричитъ? Мать отвѣчаетъ, что сынъ хочетъ знать: въ чемъ настоящая сила отца заключается, почему онъ слыветъ богатыремъ? Хангавай сказалъ, что настоящая его сила въ лукѣ. Въ третій разъ мать уколола ребенка и на этотъ разъ вывѣдала отъ Хангавая, что его настоящая сила заключается въ конѣ. Хангавай напился уже такъ, что лежалъ безъ чувствъ. Тогда его первая жена вызвала Ирѣ-сары-музэ и спросила: можетъ ли онъ убить Хангавая теперь, когда онъ безъ чувствъ? Тотъ побоялся, не надѣясь на свою силу. Придумали они убить чернаго пороза, сняли съ него шкуру тулуномъ (мѣшкомъ, нигдѣ не распарывая), и зашивъ въ нее пьянаго Хангавая, бросили его въ море. Не даютъ имъ покоя волчанъ и лукъ, напоминая хозяйина; хотѣли они забросить ихъ куда-нибудь, но не могли съ мѣста поднять. Тогда привязали они ихъ къ 30 жеребцамъ, увезли и забросили на островъ. Канга-Каратъ и другой конь Хангавая Калтаръ тоже не даютъ покоя — рѣшились и ихъ убить. Поймали коней, завязали имъ глаза войлокомъ, но кони вырвались и убѣжали въ степь. Ребенокъ также напоминалъ Хангавая; взяли его вмѣстѣ съ колыбелью и бросили на степь, какъ мертвыхъ бросаютъ. Опротивѣло имъ и самое мѣсто; сняли юрты, угнали скотъ и перекоче-

вали на другое мѣсто. Канга-каратъ, вырвавшись, убѣжалъ къ сестрѣ Хангавая Чечинъ-кнзъ. Та, увидѣвъ его, сказала мужу, что дѣло не ладно, что Хангавая или убили, или что-нибудь сдѣлали съ нимъ; надо туда ѣхать. Всѣ три брата и Чечинъ-кнзъ отправились. Приѣзжаютъ; юрты нѣтъ, а мѣсто, гдѣ они стояли, травой поросло. Только слышатъ плачь ребенка. Подошли и увидѣли мальчика и около него люльку. Ребенокъ на столько уже выросъ, что могъ ходить и говорить. Чечинъ спрашиваетъ: кто онъ такой? Тотъ сначала отвѣтилъ: „Не скажу!“ Потомъ онъ сталъ просить ее пустить на него изъ груди молока. „Если,“ говоритъ, „оно попадетъ мнѣ въ глазъ, тогда точно, это ты, тетка“. Та брызнула молоко, и оно попало ему въ глазъ. Послѣ этого, ребенокъ разказалъ, какъ его отца пьянаго зашили въ тулунъ и бросили въ море. Братья начали стрѣлять утокъ, настрѣляли, нашили себѣ шубъ и поплыли по морю отыскивать кости Хангавая. Нашли ихъ; тулунъ уже сгнилъ и мясо также. Кости сложили вмѣстѣ—не хватаетъ суставовъ пальцевъ рукъ. Снова стали нырять по морю; нашили и эти кости и приложили на мѣсто. Чечинъ заставляетъ ржать Канга-карата, чтобъ оживить Хангавая. Конь заржалъ, но богатырь не ожилъ. Стали осматривать кости и увидѣли, что не хватаетъ одного сустава отъ пальца. Стали опять нырять на дно, нашили суставъ и приставили. Тогда Калтаръ заржалъ и Хангавай ожилъ—опять сталъ человѣкомъ—потягивается. „Долго,“ говоритъ,—„я спалъ, ничего не помню!“ Тутъ ему разказали, что съ нимъ было. Сестра его и зятя возвратились домой, а онъ поѣхалъ отыскивать свой лукъ и, по указаніямъ сына, нашелъ его. Поѣхали вдвоемъ отыскивать Ирѣ-сары-мугѣ. Хангавай, когда стали подъѣзжать къ юртѣ, сына оставилъ въ степи, а самъ сдѣлался худенькимъ человѣкомъ, маленькимъ, коня тоже сдѣлалъ клячкой; зашелъ въ юрту и просить напиться; ему подали „куйт-пака“ въ худой чашкѣ. Напился онъ и уѣхалъ. Сдѣлался настоящимъ богатыремъ, какъ прежде, и подъѣхалъ къ этой же юртѣ. Ирѣ-сары-мугѣ, увидѣвъ его, испугался и спрятался за ящики. Хангавай вошелъ въ юрту, и ничего не говоря, убилъ Ирѣ-сары-мугѣ, потомъ убилъ обѣихъ женъ своихъ, а юрту и весь скотъ перетащилъ на старое мѣсто и сталъ тамъ жить.

177. Ускезе-оль.

Одинъ бѣднякъ Ускезе-оль жилъ вдвоемъ съ матерью старухой. Ничего у нихъ не было, кромѣ стада ямановъ. Жили они на большой рѣкѣ и питались частью рыбой, частью мясомъ. Случилось такъ, что они долго не могли наловить рыбы и принуждены были колоть ямановъ. Всѣхъ съѣли, только одна осталась яманушка. Умерла старуха, парень остался одинъ. Юрта у него совсѣмъ уже изнасилась, шерсти нѣтъ, и другую не изъ чего сдѣлать. Поголодалъ онъ дня три-четыре, рыбы наловить не могъ, а послѣднюю яманушку жаль колоть. Увидѣлъ онъ, что на рѣкѣ люди рыбу ловили; сталъ просить у нихъ поѣсть; ему дали одну маленькую рыбку. Взялъ онъ ее, принесъ домой и хотѣлъ жарить, да пожалѣлъ: рыбка была золотая, хорошенькая такая, да къ тому же, маленькая. Ускезе-оль разсудилъ, что лучше отпустить рыбку назадъ въ рѣку. „Все равно,“ думаетъ, — „сытъ не буду!“ Отпустилъ рыбку въ воду, а самъ закололъ яманушку. На другой день слышитъ громъ на рѣкѣ; смотритъ—старикъ съ бѣлою бородой на бѣломъ конѣ, запряженномъ въ телегу, выѣзжаетъ изъ воды; онъ разпрашивать сталъ: кто такой? Старикъ объявилъ Ускезе, что рыбка, которую онъ вчера отпустилъ, былъ самъ Алтынъ-ханъ, что онъ, старикъ, присланъ за нимъ, Ускезе-оломъ отъ Алтынъ-хана. Ускезе-оль началъ отказываться: „Боюсь я!“ говоритъ;— „какъ въ воду поѣду?“ Старикъ успокоилъ его, завязалъ ему глаза, посадилъ въ телегу и поѣхалъ. Ъхали, ѡхали, Ускезе показалось, что цѣлый день и ночь прошли. Наконецъ, ему развязали глаза, и онъ увидѣлъ золотой городокъ и золотые байшинны (то-есть домики). Старикъ съ бѣлою бородой и говоритъ ему: „Когда ты пойдешь къ Алтынъ хану, поклонись ему, не бери ничего изъ того, что онъ будетъ тебѣ предлагать, а попроси только отдать *торлака* (рябчика) или трехъ его дочерей“. Пошелъ Ускезе-оль къ Алтынъ-хану, поклонился ему. Алтынъ-ханъ сталъ его спрашивать, кто онъ такой, и самъ ему разказалъ про себя, что онъ пошелъ поохотиться, но по неосторожности попалъ въ сѣти къ рыбакамъ, а отъ нихъ къ Ускезе-олу. Въ награду за спасеніе жизни Алтынъ-ханъ предлагаетъ ему все, что онъ тутъ видитъ. Ускезе-оль, какъ училъ его старикъ, сталъ просить *торлака* или

трехъ его дочерей. Алтынъ-ханъ далъ ему торлака. Ускезе-оль положилъ его за пазуху и пошелъ; на той же телегѣ старикъ съ бѣлой бородой увезъ его опять на старое мѣсто. „Ступай“, говорить,— „ты на гору, тамъ ночуй!“ Ускезе отправился, дошелъ до горы, а на верхушку никакъ не могъ забраться и остался ночевать внизу. Утромъ просыпается, и видитъ—онъ въ хорошей, новой юртѣ, а рядомъ съ нимъ молодая жена, красавица; въ юртѣ у него раскрашенные, золоченные сундуки и вся утварь, а жена варить ему чай, подаетъ трубку. Вышелъ онъ изъ юрты, смотритъ—скота у него многое множество. Радуется. Пріѣхалъ въ это мѣсто охотиться Караханъ, и убилъ двухъ птицъ чукчулъ (?); зналъ онъ, что здѣсь живетъ Ускезе-оль, и послалъ къ нему трехъ человѣкъ готовить кушанье изъ убитыхъ птицъ. Пришли посланные въ юрту Ускезе, попросили позволенія жарить и засмотрѣлись на жену красавицу до того, что сожгли жареное; испугались и плачутъ: „Убьешь ихъ за это царь“, думаютъ. Жена Ускезе-ола взяла у нихъ этихъ птицъ, прибавила муки и снова начала жарить, — половину изжарила, а половину сырыми оставила. Принесли посланное жаркое къ Карахану, тотъ ѣсть и нахвалиться не можетъ. На другой день Караханъ опять охотился и убилъ одного чукчула; послалъ двухъ человѣкъ жарить птицу. Тѣ уговорились [на этотъ разъ, что пока одинъ смотритъ на красавицу, другой будетъ жарить, и на оборотъ. Пришли—одинъ жарить, другой любитъся. Изжарили птицу, принесли царю—не понравилось кушанье; сталъ ругать и допрашивать, почему такъ. Тѣ разказали. Караханъ наказалъ ихъ, а самому захотѣлось отбить жену у Ускезе-ола или почевать съ нею. Зашелъ Караханъ въ ихъ юрту и просится почевать. Ему постлали на одной сторонѣ, а на кровати улеглись Ускезе-оль съ женой. Ночью Караханъ встаетъ и говоритъ, что надо бы тюндюкъ (дымовое отверстие) закрыть. Ему отвѣчаютъ, что они сами привыкли спать съ открытымъ тюндюкомъ, а что если онъ желаетъ, то пусть закроетъ. Нечего дѣлать, Караханъ пошелъ. Жена Ускезе-ола вѣщая была, знала намѣреніе Карахана, и устроила золотыя тенета, въ которыхъ онъ запутался и никакъ не могъ попасть въ юрту. Такъ ни съ чѣмъ утромъ Караханъ и уѣхалъ отсюда, однако пригласилъ Ускезе-ола къ себѣ въ гости. Когда Ускезе пріѣхалъ къ нему, Караханъ началъ предлагать ему со-

стваться сначала въ прятки, кто изъ нихъ окажется хитрѣе. Первымъ спрятался Караханъ. Ускезе-оль бѣжитъ къ женѣ и просить ее помочь ему. Та говоритъ: „Увидишь большую, мягкую подушку въ юртѣ Карахана; возьми ее, и хлопни скажи: какая мягкая!“ Ускезе-оль такъ и сдѣлалъ; подушка превратилась въ Карахана. Очередь пришла прятаться Ускезе-олу. Онъ просить жену спрятать его. Та посадила мужа въ мѣдный сосудъ, что передъ бурханами ставится, налила туда масла и зажгла фитиль Караханъ сколько не искалъ, не могъ найти, долженъ былъ опять признать превосходство Ускезе-ола надъ собою. Сталъ прятаться еще разъ Караханъ. Ускезе побѣждалъ къ женѣ, просить помочь. Та сказала: „Увидишь самага большаго верблюда, хорошаго; подойди къ нему и погладь на шеѣ шерсть, (бахраму на горлѣ)!“ Ускезе такъ и сдѣлалъ, погладилъ, и Караханъ тутъ оказался. Ускезе просить жену спрятать его. Она обернула мужа кольцомъ, надѣла на палець и сидитъ. Не могъ его найти Караханъ. Стали еще прятаться. Жена Ускезе сказала, чтобъ онъ погладилъ гриву караго лысаго коня; Караханъ тамъ. Ускезе нашель его и сталъ прятаться самъ. Жена сдѣлала его иглой, сидитъ и шьетъ. Караханъ не могъ его найти и на этотъ разъ. Видитъ, что хитростью ему не одолѣтъ Ускезе-ола. „Давай“, говоритъ, — „драться!“ Ускезе перепугался, пришелъ къ женѣ и просить ее выручить изъ бѣды. Она достала изъ ящика шубу изъ утиныхъ шкурокъ, нарядила его и послала къ своему отцу Алтынъ-хану. Пришелъ Ускезе-оль и сначала встрѣтилъ того же старика съ бѣлою бородой. Старикъ упрекнулъ его, зачѣмъ онъ не послушалъ его совѣта, не залѣзъ на гору, а ночевалъ подъ горой: „За это ты теперь и терпишь!“ Привезъ его старикъ къ Алтынъ-хану. Ускезе-оль разказалъ ему, какъ было дѣло, и зачѣмъ пришелъ къ нему. Алтынъ-ханъ далъ ему верблюда и далъ еще бѣлый стальной клинъ. „Если“, говоритъ, — „тебѣ удастся воткнуть этотъ клинъ въ юртѣ Карахана, тогда ты спасенъ“. Ускезе-оль сѣлъ на верблюда и отправился съ клиномъ. Подѣвхалъ къ юртѣ Карахана и воткнулъ клинъ въ землю,—а Алтынъ-ханъ послалъ съ нимъ свою рѣку въ этомъ клинѣ-го. Вдругъ изъ того мѣста, гдѣ былъ воткнуть клинъ, полилась вода, потопила юрту Карахана и все его имущество и его самого унесло къ Алтынъ-хану. Ускезе-оль самъ сдѣлался Караханомъ и началъ управлять его народомъ.

178. Узунъ-ачакъ.

Въ старину жилъ Узунъ-ачакъ; у него было двѣ сестры, старшая— Чаганъ-чугурту-увазы, младшая— Джанай-чеченъ-тумазы. Старикъ промышлялъ звѣрей въ тайгѣ и тѣмъ питался, а скотскаго мяса и молока никогда не употреблялъ въ пищу. Джанай-чеченъ была еще мала и очень скучала и потому стала просить старика, чтобъ онъ сдѣлалъ ей какую-нибудь игрушку. Узунъ-ачакъ (ачакъ, апшакъ—старикъ) напустилъ холодъ, снѣгъ, разложилъ огня и собралъ сюда всѣхъ звѣрей; когда они собрались, онъ поймалъ изъ нихъ торго (кабаргу) и далъ ее сестрѣ играть. Джанай-чеченъ поиграла, поиграла съ нею, но осталась недовольна, потому что у кабарги были длинныя зубы, она стала кусать дѣвочку. Опять она просить старика дать ей какую-нибудь другую игрушку. Узунъ-ачакъ напустилъ холодъ, собралъ всѣхъ звѣрей и поймалъ изъ нихъ соболя. Поиграла нѣкоторое время съ нимъ дѣвочка, но также осталась недовольна: и этотъ звѣрь кусался. „Сдѣлай мнѣ коробку!“ просить старика Джанай-чеченъ. Старикъ сдѣлалъ. Дѣвочка посадила въ нее соболя и положила туда же бумагу, на которой написала: „Кто одолѣетъ моего брата, за того я выйду замужъ; а для того, чтобъ одолѣть его, нужна сила ста солдатъ, каждому изъ которыхъ я дамъ по волчьей шубѣ“. Бумажку эту привязала къ уху соболя и въ коробкѣ пустила его по водѣ. Четырехцвѣтная коробка поплыла внизъ по рѣкѣ. Увидѣлъ ее сначала одинъ 60-лѣтній старикъ, который пасъ 60 ямановъ, погнался за коробкой, но не могъ поймать. Потомъ ее увидѣли пастухи, которые пасли барановъ Караты-хана, и тоже не могли догнать; коробка все плыветъ. Увидѣли ее пастухи того же хана, пасшіе табуны лошадей, погнались за нею, но поймать не могли. Наконецъ, увидѣлъ коробку Тинигъ-ачакъ, старикъ; онъ поймалъ чернаго верблюда, погнался за коробкой и вытащилъ ее. Принесъ онъ ее къ Караты-хану; достали изъ коробки письмо и стали его разбирать; никакъ не могли прочесть, сколько ни бились. Только, когда съ неба упали три бичечки (писаря), они прочитали письмо и разказали Караты-хану, что въ немъ было написано. Караты-ханъ собралъ сто человекъ и отправилъ ихъ вверхъ по этой рѣкѣ съ тѣмъ, чтобъ они убили Узунъ-ачака, а сестру его привезли къ нему (Ка-

раты-ханъ былъ уже женатъ). Между тѣмъ, Джанай-чеченъ сказала брату, что ей надоѣло играть, что она лучше желала бы заняться хозяйствомъ. Старикъ обрадовался этому, досталъ котель, всю посуду и домашнюю утварь и передалъ сестрѣ. Джанай-чеченъ стала доить скотъ, сдѣлала кумысъ и изъ него насидѣла вина, которымъ и начала угощать брата. Старшая сестра воспротивилась было этому и сказала, что братъ не употребляетъ молока, но Джанай-чеченъ обругала ее и заставила молчать. Старикъ выпилъ вина и слышитъ лай собачій и конскій топоть. „Что бы это значило?“ спрашиваетъ онъ у Джанай-чеченъ. „Это пѣгій жеребецъ лошадей гонить“, отвѣчаетъ сестра, а сама продолжаетъ пить виномъ Узунъ-ачака. Второй разъ залаяли собаки, и топоть послышался ближе; Узунъ-ачакъ тревожится, опять спрашиваетъ: „Что это такое?“ „Это карій жеребецъ кобыль заворачиваетъ“. Въ третій разъ залаяли собаки, и топоть раздался совсѣмъ близко. Джанай-чеченъ снова успокоила старика. „Это“, говоритъ,— „гнѣдой жеребецъ около юрты съ жеребятами играетъ“. Старикъ, между тѣмъ, совсѣмъ опьянѣлъ, свалился и уснулъ. Джанай-чеченъ отрѣзала воротъ у его шубы и голенища отъ сапоговъ. Сто человѣкъ, посланныхъ Караты-ханомъ, пріѣхали и вошли въ юрту. Старикъ проснулся, но ничего не могъ сдѣлать; ему отрубилъ голову, вырыли на горѣ яму въ 60 сажень глубиной и закопали его туда, а Джанай-чеченъ взяли и увезли съ собою. У Караты-хана было двѣ жены; когда пріѣхала Джанай-чеченъ, онъ взялъ ее замужъ, а обѣихъ женъ бросилъ, оставивъ имъ ямановъ (возловъ), и уключивалъ на другое мѣсто. Осталось двѣ жены и стали пасти ямановъ. Однажды на нихъ напали какіе-то люди, отобрали ямановъ и угнали ихъ; только одна яманушка осталась. Обѣ женщины погнались за яманами, догнать—не догнали, но заблудились; не могутъ найдти свою юрту. Ходили, бродили и слышатъ изъ подъ земли человѣческой голось: „Заколяте ямана, сварите и поставьте на такой-то камень! Я проголодался, ѣсть хочу“. Испугались онѣ этого голоса, но дѣлать нечего, закололи яманушку, сварили и поставили на указанное мѣсто. Въ ту же минуту мясо кто-то сразу проглотилъ. Скоро послѣ того изъ-подъ земли вышелъ старикъ и сталъ разпрашивать женщинъ: кто онѣ такія? Тѣ отвѣтили ему, что онѣ—прежнія жены Караты-хана, который убилъ Узунъ-ачака, женился на его сестрѣ, а ихъ прогналъ; рассказали

какое несчастіе съ ними случилось; украли у нихъ ямановъ и послѣднюю яманушку они закололи для старика. Старикъ сказалъ, что онъ-то и есть самый Узунъ-ачакъ. Пошли всѣ вмѣстѣ. Проголодались женщины и обращаются къ старику съ просьбой помочь имъ. Узунъ-ачакъ говоритъ: „Прежде я охотился здѣсь за кабаргой!“ Поднялся на гору и увидѣлъ, что одна кабарга стоитъ; такъ какъ у него не было оружія, то онъ бросилъ въ звѣря камень и убилъ его. Поѣли. Пошли дальше и снова женщины проголодались, просятъ у старика поѣсть. „Охотился“, говоритъ, — „я прежде въ этомъ мѣстѣ за дикими козлами“. Возшелъ старикъ на гору, увидѣлъ тамъ козлуху и убилъ ее камнемъ. Когда сталъ Узунъ-ачакъ распарывать ей брюхо, то увидѣлъ, что она беременна была двумя козлятами; ихъ онъ отдалъ женщинамъ, а самъ проглотилъ козлуху. Каждый разъ, какъ только Узунъ-ачакъ поѣсть, онъ толстѣлъ и становился крѣпкимъ. Пошли дальше и опять захотѣли дорогой ѣсть. „Охотился“, говоритъ старикъ, — „я прежде въ этомъ мѣстѣ на изюбрѣ“ ¹⁾. Пошелъ и одного убилъ. Наѣлись они мяса, а сколько осталось, то старикъ взвалилъ на себя, и пошли дальше. Дошли они наконецъ до прежней юрты Караты-хана; старикъ оставилъ тутъ обѣихъ женщинъ, а самъ пошелъ отыскивать Караты-хана. На дорогѣ онъ повстрѣчалъ пастуха овецъ; спрашиваетъ: чей онъ пастухъ? Тотъ разказалъ, что прежде онъ былъ пастухомъ Узунъ-ачака, а теперь пасетъ овецъ у Караты-хана. Старикъ назвалъ себя и велѣлъ пастуху со стадомъ идти на старое мѣсто, гдѣ онъ пасъ у Узунъ-ачака. Пошелъ далѣе и повстрѣчалъ пастуха съ лошадьми. Спросилъ его старикъ: чей онъ? Тотъ отвѣчалъ, что онъ изъ числа тѣхъ людей, которые ходили убивать Узунъ-ачака, а теперь пасетъ лошадей у Караты-хана. Узунъ-ачакъ убилъ пастуха. Дальше онъ повстрѣчалъ пастуха съ табуномъ верблюдовъ, еще дальше пастуха съ коровами. На разпросы старика они отвѣчали, что прежде были солдатами и оба изъ числа тѣхъ ста человекъ, которые ходили убивать Узунъ-ачака; старикъ убилъ ихъ обѣихъ. Отправился онъ дальше, дошелъ до юрты Акбана и не можетъ никакъ пролѣзть внутрь ея. Спрашиваетъ: „Гдѣ живетъ Караты-ханъ?“ Акбанъ сказалъ, что тотъ живетъ такъ далеко, что старику не дойти, и предложилъ ему коня. Узунъ-ачакъ от-

¹⁾ Изюбрь, мораль—по сойотски „снвъ“.

казался. „Я“, говорить, — „никогда на лошадяхъ не ѣздилъ, а всегда пѣшкомъ ходилъ!“ Тогда Акканъ вызвался сковать ему желѣзные сапоги. Въ нихъ Узунъ-ачакъ отправился. Дошелъ наконецъ до владѣній Караты-хана: стоитъ большая, бѣлая юрта. Сдѣлался Узунъ-ачакъ маленькимъ, вошелъ въ юрту и просить поѣсть. Ему подали чашку желтой сыворотки изъ-подъ пыштака (прѣснаго сыра). Однако, сестра Узунъ-ачака, Джанай-чечень, начала догадываться, что этотъ старикъ—братъ ея, и о своихъ опасенiяхъ сказала Караты-хану. Тотъ разсердился, началъ ругать ее и укорять, увѣряя, что Узунъ-ачакъ убитъ. Старикъ между тѣмъ вышелъ изъ юрты, принялъ свой настоящій видъ и снова явился. Увидѣвъ его, Караты-ханъ испугался. „Ну, давай“, говорить, — „сражаться!“ Караты-ханъ тянулъ свой лукъ три дня и три ночи, спустилъ стрѣлу, та ударилась въ грудь Узунъ-ачака и отскочила прочь. Тогда Узунъ-ачакъ взялъ свой лукъ, тянулъ его съ утра до вечера, пустилъ стрѣлу и перешибъ Караты-хану шею—убилъ его наповаль. Забралъ все его имущество, скотъ и людей, и погналъ домой, а сестру привязалъ за ноги къ хвостамъ двухъ жеребцовъ, которые и разорвали ее. По дорогѣ Узунъ-ачакъ зашелъ въ юрту къ двумъ прежнимъ женамъ Караты-хана, женился на нихъ и отправился на свое старое мѣсто. Пришелъ туда, а тамъ ни юрты, ни имущества, ничего нѣтъ, только стоитъ столбъ, на которомъ на бумагѣ написано: „Если я черезъ три дня не вернусь, то жива не буду“. Прошло три дня, старшая сестра Узунъ-ачака, Чаганъ-чугурту, возвратилась, и они стали всѣ вмѣстѣ жить.

179. Человѣческая голова.

Жилъ старикъ со старухой; у нихъ была бѣдная юртенка, да корова, а больше ничего. „Давай“, говорить старикъ, — „заколемъ корову!“ Старуха не соглашается. „Чѣмъ мы“, говорить, — „потомъ питаться станемъ?“ А старикъ все присѣаетъ: „Убьемъ, да убьемъ!“ Разъ погналъ онъ корову пасти и гдѣ-то съ горы отвалилъ на нее камень—корову задавило. Бѣжить къ старухѣ и кричить ей: „Вѣдь, я говорилъ тебѣ: заколемъ корову, ты не хотѣла, а вотъ теперь камнемъ ее и зашибло“. Заплакала старуха, но дѣлать нечего. Ободрали они корову, старикъ понесъ мясо въ юрту, а старуха стала кишки собирать. Когда собрала ихъ, пошла въ юрту и не можетъ попасть въ дверь; старикъ заперся на запоръ, не пускаетъ старуху. Заплакала

она и видеть—летитъ ворона; старуха кричитъ ей остановиться, разказала про свое горе и проситъ научить: куда идти? „Есть когда мнѣ дорогу тебѣ показывать! Мнѣ надо искать скорѣе, гдѣ бы глаза выклевать!“ И улетѣла. Стоитъ старуха, плачетъ, и видеть, летитъ сорока; и ее старуха остановила, спрашиваетъ: куда ей дѣваться? Сорока сказала, что ей некогда, что она торопится расклевывать спины больныхъ лошадей, коровъ, верблюдовъ (испорченныя вьюками, сѣдлами) и улетѣла. Летитъ, наконецъ, воронъ. Старуха остановила его, разказала про свое горе и пожаловалась, что никто ей не хочетъ помочь. „Отдай мнѣ“, говоритъ воронъ,—„вишки, такъ научу, куда идти“. Старуха отдала ему послѣднее, что имѣла; воронъ съѣлъ ихъ и говоритъ: „Ступай за пять рѣчекъ и за пять горъ, и когда ихъ перейдешь, то увидишь юрту; къ юртѣ подкатится человѣческая голова,—скота пригонить, а ты возьми топоръ и расколи эту голову, и если тебѣ это удастся, то все, что есть тамъ, будетъ твое“. Пошла старуха въ указанное мѣсто, перешла пять рѣкъ и пять горъ, и видитъ—стоитъ большая, бѣлая юрта. Вошла въ юрту, тамъ никого нѣтъ, а стоять ящики, лежать шелковыя шубы, шапки и всякаго добра много. Погода немного, старуха слышитъ шумъ; вышла изъ юрты и увидѣла, что катится человѣческая голова, а вокругъ юрты множество скота. Схватила старуха топоръ, разсѣкла голову пополамъ. Вышло изъ головы 40 человѣкъ. Когда старуха снова вошла въ юрту, увидѣла, что въ котлѣ мясо варится; поѣла она, потомъ достала шелковую шубу, шапку соболью, одѣлась и вышла изъ юрты; смотреть—стоятъ два осѣдланые коня. „Поѣду“, говоритъ старуха,—„я за старикомъ!“ Съѣла на одного коня, другаго взяла за поводъ и отправилась къ своему прежнему жилищу. Приѣхала туда, зашла въ юрту, а старикъ еле живой, мясо все съѣлъ, голодаетъ. Старуха разказала ему все, что съ нею произошло, и зоветъ его съ собою ѣхать. „Мы теперь“, говоритъ,—„богаты стали!“ Поѣхали со старикомъ. Приѣзжаютъ къ новой юртѣ, тамъ все цѣло, какъ было. Стали они жить. Разъ старикъ пошелъ скотъ загонять, и захотѣлось ему спать, легъ и уснулъ. Когда проснулся, оглядѣлся кругомъ, увидѣлъ, что ничего не стало, ни юрты, ни старухи, ни скота. Ходилъ, ходилъ старикъ кругомъ, искалъ, искалъ, ничего не могъ найти, такъ и умеръ тутъ.

*

180. Алтынъ-Чагай.

Жили два брата: Старшій, Ара-Мергенъ, былъ промышленникомъ, охотился за звѣрями; младшій, Алтынъ-Чагай, былъ просто умный, знающій человекъ. Однажды ушелъ старшій братъ на охоту, а младшій остался дома, и захотѣлось ему ночевать съ женой брата. Та посовѣтовала ему одѣться рысьимъ одѣяломъ. Когда братъ возвратился съ промысла, то ни та, ни другой не могутъ слова вымолвить отъ стыда. Ара-Мергенъ догадался, въ чемъ дѣло, и началъ бранить и стыдить брата и выговаривать ему, что у него самаго высватана невѣста; и сталъ его посылать за невѣстой. „А на чемъ я“, говоритъ, — „поѣду?“ Ара-Мергенъ велѣлъ ему взять изъ табуна коня. Пошелъ Алтынъ-Чагай въ табунъ и увидѣлъ, что одна кобыла только что ожеребилась пѣгнимъ жеребенкомъ. Поймалъ онъ этого жеребенка, и тотъ сталъ годовымъ; сталъ сѣдлать—жеребенокъ двухлѣтнимъ сталъ; подтянулъ подпруги, тотъ въ трехлѣтняго выросъ. Когда сѣлъ на него Алтынъ-Чагай, жеребенокъ сдѣлался настоящимъ конемъ, началъ скакать и бить ногами. Ара-Мергенъ велитъ ему взять своего большаго коня. „Куда“ говоритъ, — „поѣдешь на такомъ дикомъ?“ Потомъ онъ смягчился, пересталъ сердиться и говоритъ брату: „Далеко тебѣ прійдется ѣхать! На дорогѣ попадетъ сначала большая гора (таскылъ), натяни поводья крѣпче и ударь коня: онъ перескочитъ; потомъ попадется стѣна каменная, ты возьми лукъ, натяни его и пусти стрѣлу (Ара-Мергенъ далъ брату и лукъ и колчанъ свой), стѣну прострѣливъ и проѣдешь; потомъ подъѣдешь къ морю, крѣпче натяни поводья, хорошенько стегни коня; онъ перескочитъ черезъ это море“. Снарядился Алтынъ-Чагай и поѣхалъ. Подъѣзжаетъ къ таскыду; тянулъ онъ поводья съ утра до вечера, стегнулъ коня, перелетѣлъ черезъ гору; опять ѣдетъ сколько времени, доѣхалъ до каменной стѣны; тянулъ лукъ съ утра до вечера и съ вечера до утра и на третью сутки выстрѣлилъ, прострѣлилъ дыру—только, только коню пройти. Ѣдетъ опять много ли, мало ли, подъѣзжаетъ къ морю; натянулъ онъ поводья, ударилъ коня; тотъ перенесъ его черезъ море, но переломилъ ногу. Алтынъ-Чагай слѣзъ съ коня, сидитъ и плачетъ; куда на безногомъ конѣ поѣдешь? Конь сталъ его упрекать, зачѣмъ онъ не послушалъ совѣта брата, худо тянулъ

поводья, худо ударилъ его плетью. Алтынъ-Чагай смотритъ, бѣжитъ мышь съ переломленною ногой; подбѣжала къ одному мѣсту, начала рыть землю, вырыла корень куске-сарыджакъ (?), съѣла его и выздоровѣла. Алтынъ-Чагай накопалъ этихъ кореньевъ, далъ съѣсть коню, и тотъ сталъ здоровъ. Поѣхалъ дальше и пріѣзжаетъ къ юртѣ Караты-хана, у котораго еще отцомъ Алтынъ-Чагай была высватана для него дочь. Привязалъ коня, вошелъ въ юрту, поздоровался и сказался, кто онъ такой. „Отецъ мой заплатилъ тебѣ балымъ и высваталъ за меня твою дочь, такъ я за нею пріѣхалъ!“ говоритъ Алтынъ-Чагай. Караты-ханъ признался, что это дѣйствительно такъ, но только у него нѣтъ дочери, ее увезъ сильный богатырь Катчигыръ-ханъ и взялъ за себя замужъ. Алтынъ-Чагай вызвался выручить ее и поѣхалъ, хотя Караты-ханъ и предупреждалъ его, что этотъ богатырь очень сильный и живетъ очень далеко. Ыхалъ Алтынъ-Чагай такъ сильно, что гдѣ надо ѣхать мѣсяцъ, онъ въ три дня проѣзжалъ, и увидѣлъ, наконецъ, овечьяго пастуха. Обернулся онъ изъ богатыря въ худенькаго, хромаго и криваго стариченка, а коня сдѣлалъ клячей. Подѣхалъ къ пастуху, тотъ спрашиваетъ: кто онъ такой? Алтынъ-Чагай отвѣчаетъ, что живетъ недалеко и ѣздитъ собирать милостыню, и въ свою очередь сталъ разпрашивать пастуха: чей онъ? Пастухъ сказалъ, что онъ пасетъ скотъ у Катчигыръ-хана, который недалеко живетъ. Поѣхалъ Алтынъ-Чагай дальше, повстрѣчалъ скотскаго пастуха, еще дальше верблюжьяго, потомъ конскаго—со всѣми одинъ разговоръ былъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ въ улусъ: стоитъ большая, бѣлая юрта, а около нея богатая коновязь. Алтынъ-Чагай привязываетъ къ коновязи свою клячу; его стали гнать. „Тутъ“, говорятъ, — „только ханъ привязываетъ своего коня!“ Однако, онъ привязалъ, потомъ вошелъ въ юрту и проситъ поѣсть. Ему подали желтой сыворотки; онъ ее выпилъ, съѣлъ половину чашки и ушелъ. Катчигыръ-ханъ дивится, до какой степени человекъ голоденъ, что полчашки съѣлъ. Алтынъ-Чагай подѣхалъ къ конскому пастуху и сдѣлался, какъ прежде былъ, настоящимъ богатыремъ. Пастухъ сказалъ ему, что ханъ—сильный богатырь; Алтынъ-Чагай назвалъ себя и разказалъ, зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ. Потомъ снова подѣхалъ къ юртѣ Катчигыръ-хана, гдѣ его богатырскаго коня тотчасъ привязали, а самъ онъ вошелъ въ юрту; увидѣвъ богатыря,

ханъ испугался. Алтынъ-Чагай назвалъся и объяснилъ, что прѣхалъ за своею женою. „Ну, что жь, пусть она будетъ твоею, если ты окажешься сильнѣе меня“. Сначала они начали пробовать свои силы на коняхъ. „У меня“, говоритъ Катчигыръ-ханъ, — „есть 50 бѣгунцовъ; съ любимъ изъ нихъ пускай въ бѣгъ своего' любого коня!“ „А у меня одинъ только конь“, отвѣчаетъ Алтынъ-Чагай, — „я его пушу, а ты пускай всѣхъ пятьдесятъ!“ Пустили. Пѣганко Алтынъ-Чагай далеко позади себя оставилъ всѣхъ бѣгунцевъ. „Ну на твоей сторонѣ первая сила“, говоритъ Катчигыръ ханъ, — „давай теперь стрѣляться!“ И стали тянуть свой лукъ; тянулъ его два дня и двѣ ночи и выстрѣлилъ: стрѣла ударилась въ грудь Алтынъ-Чагай, но отскочила. Тогда Алтынъ-Чагай началъ натягивать свой лукъ, тянулъ съ утра до вечера, и выстрѣлилъ: сшибъ Катчигыръ-хана съ ногъ, но не сдѣлалъ ему вреда. И вторая сила была признана за Алтынъ-Чагаемъ. Снова предлагаетъ Катчигыръ-ханъ испытать силу на коняхъ. „Давай“, говоритъ, — „пустимъ въ бѣгъ лошадей, нагруженныхъ пескомъ; у меня такихъ бѣгунцовъ есть 50“. Нагрузили всѣхъ 50, а Алтынъ Чагай пустилъ одного пѣганка, и тотъ обогналъ всѣхъ, не смотря на то, что ханъ прибѣгъ къ обману: на 50 лошадей своихъ онъ велѣлъ надѣть пустыя сумы, а на пѣгаго коня съ пескомъ. И въ этотъ разъ сила осталась на сторонѣ Алтынъ-Чагай. „Станемъ теперь драться на смерть!“ говоритъ Катчигыръ-ханъ. Тянулъ онъ свой лукъ три дня и три ночи и выстрѣлилъ: стрѣла попала въ грудь Алтынъ-Чагай, но переломилась. Тогда Алтынъ-Чагай пустилъ свою стрѣлу съ такою силою, что отъ нея искры посыпались; стрѣла убила Катчигыръ-хана и сожгла его огнемъ. Алтынъ-Чагай тотчасъ взялъ свою жену, забралъ весь скотъ и отправился къ Караты-хану. Прѣзжаетъ; тотъ обрадовался, расквалилъ его, что онъ такой сильный богатырь, и сталъ просить съ него остальной калымъ. Алтынъ-Чагай предложилъ ему взять все, что онъ хочетъ изъ скота, отобраннаго у Катчигыръ-хана, но Караты-ханъ сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ пѣгаго коня. Жаль было расставаться Алтынъ-Чагаю съ конемъ, но жена для него дороже; отдалъ онъ коня и поѣхалъ. Дорогой его взяло раздумье, какъ ему безъ коня обойти всѣ препятствія, и онъ заплакалъ. Только слышитъ, гдѣ-то конь заржалъ; оглянулся, а это пѣганко прибѣжалъ. Караты-ханъ поставилъ его

въ желѣзное стойло и крѣпко заперъ тамъ, но конь все переломалъ и убѣжалъ. Благополучно преодолевъ всѣ препятствія, Алтынъ-Чагай пришелъ со своею женою на мѣсто прежняго жительства, но тамъ ни юрты, ни брата, ничего нѣтъ, и мѣсто это травой уросло. Удивляется Алтынъ-Чагай, что бы это значило, и увидѣлъ, висить на деревѣ большой *бичикъ* (письмо). Тамъ написано: „Если ты, братъ, прійдешь, такъ знай, что меня одолѣлъ Кара-Мангысъ, забралъ скоть и меня самого, и угналъ“. „Надо выручить брата“, думаетъ Алтынъ Чагай. Оставилъ свою юрту и жену и поѣхалъ въ розыски. Ъхалъ, ѣхалъ, подвѣзжаетъ къ одной юртѣ; обратился изъ богатыря въ маленькаго стариченка, коня также сдѣлалъ худенькимъ и вошелъ въ юрту. Тамъ увидѣлъ своего брата Ара-Мергена; тотъ старикомъ уже сталъ, немощный такой. Стали разпрашивать одинъ другаго: кто они такіе? Ара-Мергенъ разказалъ, что на него напалъ Кара-Мангысъ, отобралъ весь скоть и его самого угналъ къ себѣ и сдѣлалъ работникомъ, измучилъ. „Былъ“, говорить,— „у меня младшій братъ. Онъ отправился за своею женою вотъ на такомъ же пѣгомъ конѣ, какъ у тебя, только тотъ конь былъ богатырскій“. Легли они ночевать въ юртѣ. Утромъ Ара-Мергенъ проснулся и увидѣлъ, что въ его юртѣ богатырь лежитъ, и призналъ въ немъ своего брата. Алтынъ-Чагай также проснулся. Обрадовались они другъ другу и поцѣловались. Алтынъ-Чагай разказалъ ему всѣ свои приключенія. „А теперь“, говорить,— „я тебя выручать поѣхалъ“. Ара-Мергенъ сталъ ему говорить, что отъ Кара-Мангыса можно освободиться, что у него есть знакомая старуха, которая живетъ въ работникахъ въ юртѣ самого Кара-Мангыса. Позвали эту старуху и стали ее просить помочь освободиться отъ Кара-Мангыса. Старуха сказала, что она также захвачена была злымъ Кара-Мангысомъ и также желаетъ отъ него освободиться. „Сила Кара-Мангыса“, говорить старуха,— „заключается въ его шубѣ и сапогахъ, а жизнь свою онъ носить на шеѣ“¹⁾. Старуха взялась изрѣзать у него сапоги, распоротъ шубу и порвать тетиву на лукѣ, пока онъ будетъ спать, а Алтынъ-чагаю съ Ара-мергеномъ велѣла его застрѣлить и какъ можно скорѣе сорвать у него съ шеи жизнь и бросить ее въ огонь, потому что онъ обладаетъ способностью возрождаться; самого же его ве-

¹⁾ То-есть, сакиусъ, мѣшечекъ, въ которомъ зашитъ бичикъ; онъ носится на шеѣ всякимъ ламаптомъ.

лѣли сжечь и пепель развѣять. Такъ и сдѣлали. Ночью, когда Кара-мангысъ уснулъ, старуха отрѣзала у его сапоговъ голенища, распоролла шубу, воротъ оторвала и перерѣзала тетиву на лукѣ, а Алтынъ-чагай вошелъ въ юрту и сталъ натягивать свой лукъ. Въ это время Кара-мангысъ проснулся и тотчасъ схватился за сапоги, шубу и лукъ, но все оказалось изрѣзаннымъ. Тутъ Кара-мангыса и убили; сорвали съ шеи его жизнь и сожгли на огнѣ, а потомъ и его самого сожгли, а пепель развѣяли. Тогда Алтынъ-чагай взялъ съ собою брата вмѣстѣ съ женой его и старуху и поѣхали всѣ на свое старое мѣсто, и стали тамъ жить.

181. Хэрэнь-Кирвесъ Хэмрэ-мѣргень.

Когда-то, въ былыя времена, жилъ сильный богатырь Аралбай Эго-ханъ. У него было двѣ жены, а дѣтей ни одного. Людей подъ его властію было много, а скота еще больше. Въ своемъ улусѣ онъ рѣдко жилъ и все время проводилъ на охотѣ; подбереть себѣ товарищей и уѣдетъ. Съ охоты онъ возвращался рѣдко съ товарищами, а то всего болѣе одинъ. Начнутъ жены спрашивать: гдѣ его товарищи? Онъ скажетъ, что они раньше его воротились, а то—поселились на новыхъ мѣстахъ или ушли въ какое-нибудь царство. Другого отвѣта нѣтъ, да и спрашивать нельзя.

Поживетъ Эго-ханъ нѣсколько времени дома и опять соберется на охоту, наберетъ съ собою людей больше прежняго и уѣдетъ, и опять о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Черезъ нѣсколько времени явится, и опять одинъ, а иной разъ воротится безъ оружія, безъ коня, да и самъ весь оборванный. Никто не смѣетъ его спрашивать объ этихъ поѣздкахъ, а между тѣмъ и люди, и скотъ все убываютъ. Такъ шло время, день за днемъ, годъ за годомъ. Разъ, воротившись съ такой охоты, Аралбай Эго-ханъ и говоритъ своей старшей женѣ: „Силы у меня одного не хватаетъ, да и ума не стало; дай мнѣ совѣтъ, какъ быть, и помоги!“ Жена отвѣчаетъ, что въ его дѣлѣ она пособить ему не можетъ, совѣтъ дать также. „Сошью“, говоритъ, „—я тебѣ шелковый халатъ, да сапоги и шапку соболью“. Аралбай Эго-ханъ остался доволенъ и этимъ. Потомъ обратился онъ къ младшей женѣ за совѣтомъ и помощію. Та говоритъ: „Сама я не могу помочь тебѣ, а рожу сына богатыря, который будетъ твоимъ помощникомъ“. Получивъ отъ обѣихъ женъ

по обѣщанью, Аролбай Эго-ханъ набралъ себѣ товарищей и уѣхалъ, не пзвѣстно куда. Младшей женѣ его начали сниться худые сны. Разъ, увидѣвъ во снѣ мужа, она пошла къ старшей женѣ и застала ее за работой; та собиралась кроить пзъ черной шелковой матеріи халатъ мужу; младшая жена помогла ей скроить халатъ и сама его сшила весь, такъ что швовъ нигдѣ не видно, и за работой разказала, что видѣла во снѣ мужа не хорошо: не случилось ли съ нимъ какого несчастья? Старшая жена сказала, что она видитъ мужа хорошо, и стала упрекать младшую жену за то, что она, должно быть, худо про мужа думаетъ, худого ему желаетъ. Снова младшая жена увидѣла худой сонъ; идетъ къ старшей женѣ и застаётъ ее за работой; та кроить сапоги. Помогла ей скроить и сама сшила сапоги, такъ что на нихъ швовъ не видно, и разказала, что видѣла худой сонъ. Старшая жена говорить, что видѣла хорошей сонъ. Прошло еще нѣсколько времени, и видитъ младшая жена опять худой сонъ; другимъ разказывать его не хочетъ, пошла къ старшей женѣ. Та шьетъ мужу соболью шапку и не можетъ сшить. Младшая жена сшила ей шапку сама и разказала про худой сонъ. Старшая жена запретила ей и говорить о своихъ снахъ, а сама замѣтила, что та беременна и скоро должна родить. Какъ только младшая жена ушла, старшая позвала къ себѣ старуху прислужницу и велѣла ей найтти въ улусѣ только что родившагося щенка. Когда старуха нашла щенка, старшая жена пошла съ нею въ гости къ младшей женѣ и дорогой сказала ей, что если младшая жена Эго-хана родитъ дочь, то ее можно оставить, а если родитъ сына, то его нужно взять, а вмѣсто него подложить щенка. Когда они пришли къ юртѣ младшей жены, то ее прислужница старуха не хотѣла ихъ впускать въ юрту къ больной, зная, съ какимъ намѣреніемъ они пришли, но старшая жена Аролбай Эго-хана распорядилась вытолкать старуху, и онѣ остались въ юртѣ однѣ. Когда больная родила, то прислужница старшей жены, увидѣвъ, что родился мальчикъ, схватила его отъ матери, а ей подложила щенка, и затѣмъ, обѣ они ушли домой, придумывая средство, какъ убить мальчика. Старуха посовѣтовала бросить его тамъ, гдѣ пасется табунъ лошадей съ воронимъ жеребцомъ. Такъ она и сдѣлала, въ увѣренности, что ребенокъ не останется живъ. Когда старуха

ушла, бросив ребенка, вороной жеребец услышал дѣтскій плачь, и подбѣжавъ къ ребенку, сталъ охранять его, чтобы другія лошади не раздавили. „Какъ люди глупы и жестоки!“ сказалъ конь; „бросаютъ того, кто долженъ быть главою и хозяиномъ имъ всѣмъ“. Онъ зналъ, что ребенокъ былъ сынъ Аролбай Эго-хана. На другой день старуха увидѣла, что ребенокъ живъ, удивилась и пошла сказать хозяйкѣ объ этомъ. Чтобы сбить съ рукъ, они придумали бросить ребенка въ табунъ дикихъ верблюдовъ, но тутъ ошиблись въ расчетахъ. По уходѣ старухи, къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ мальчикъ, подбѣжалъ желто-черный буга (не кладенный верблюдъ) и не давалъ подходить близко другимъ верблюдамъ, оберегая ребенка отъ опасности, какъ своего господина. На завтра старуха увидѣла, что ребенокъ живъ, и стала ругаться, что нѣтъ на него пропасти. Посовѣтовалась съ хозяйкой и бросила его въ стадо овецъ, но и тутъ неудачно. Не кладенный баранъ подошелъ къ ребенку, и зная, что онъ наследникъ хана, не сдѣлалъ ему никакого вреда и всю ночь караулилъ, пока стадо паслось вблизи. Утромъ пошла старуха посмотреть и увидѣла, что мальчикъ по прежнему кричалъ и барахтался, и сказала объ этомъ хозяйкѣ. Придумали онѣ тогда бросить его въ озеро Алтынкуль, которое было не далеко отъ ихъ кочевья. Тѣмъ временемъ воротился Аролбай Эго-ханъ безъ оружія, кони и товарищей, сильно недовольный своею поѣздкой. Старшей женѣ онъ сказалъ, что тутъ ему нельзя жить, и нужно со всѣмъ перекочевать на другое мѣсто. Жена поднесла ему сшитые будто бы ею халатъ, шапку и сапоги и наговорила на младшую жену, что та наворожила ему несчастье, и вмѣсто сына, котораго обѣщала, родила щенка. Озлобленный неудачей и обманомъ младшей жены, Аролбай Эго-ханъ велѣлъ все собирать и готовиться кочевать съ стараго мѣста, а самъ пошелъ къ младшей женѣ. Та лежала больная и ничего не знала о похищеніи ребенка и подмѣнилъ его щенкомъ; вмѣстѣ со своею прислужницей старухой она должна была перенести ругательства и побои; Аролбай Эго-ханъ переломилъ ей руку и ногу и выкололъ одинъ глазъ, и вмѣстѣ со старухой приказалъ бросить ихъ на старомъ стойбищѣ безъ всего, а самъ, когда собрали скотъ, лошадей, овецъ, верблюдовъ, все имущество и юрты, отправился искать себѣ со своимъ народомъ и старшею женою другія кочевья. Дорогою въ

одномъ изъ своихъ табуновъ онъ замѣтилъ хромаго пѣгаго жеребенка, который едва тащился за лошадьми; Аролбай Эго-ханъ велѣлъ отогнать его прочь и бросить; жеребенковъ кое-какъ уплелся назадъ, гдѣ осталась брошенная ханомъ жена съ прислужницей. Прошло нѣсколько времени; старуха пришла въ память, и вида, что кромѣ ихъ двоихъ и пѣгаго жеребенка никого и ничего нѣтъ, собрала кое-какія старыя лохмотья и укрыла ими жену хана, а сама принялась копать корни, потому что другой пищи не было. Черезъ нѣсколько времени хозяйка поправилась немного и съ помощью костыля могла ходить не далеко. Зная, что одними корнями не пропитаться, старуха придумала способъ ловить рыбу въ озерѣ Алтынъ-булѣ; она сдѣлала нѣсколько волосяныхъ силышковъ и каждое утро отправлялась на озеро ловить рыбу, а къ вечеру возвращалась домой со своею добычей. Хозяйка ея тѣмъ временемъ собирала все, что годилось для топлива. Однажды, сидя на камнѣ, жена Эго-хана увидѣла у ногъ своихъ мышъ, ударила ее костылемъ и переломила ногу; мышъ отползла недалеко, съѣла какую-то травку и побѣжала здоровою. Видя это, жена хана начала искать травку случайно наткнулась на нее и съѣла, и къ удивленію своему почувствовала, что переломленная кость ноги срослась, такъ что она могла свободно ходить безъ костыля. Спустя нѣсколько времени, хозяйка видитъ, что у чашки, въ которую были насыпаны зерна, найденныя старухой въ мышиномъ гнѣздѣ, сидитъ маленькая птичка и клюетъ ихъ; она ударила птичку палкой и перешибла ей крыло. Птичка попрыгала, попрыгала, потомъ выбралась на травку, посидѣла тамъ и улетѣла здоровою. Жена хана догадалась въ чемъ дѣло, пошла на то мѣсто, откуда вылетѣла птичка, и стала искать цѣлебную травку; послѣ долгихъ трудовъ она нашла эту травку, и съѣвши ее, почувствовала, что сломанная рука выздоровѣла, — остался поврежденнымъ только глазъ. Въ этотъ день старуха, служанка ея, замѣшкалась на озерѣ и поздно вечеромъ воротилась домой съ пустыми руками. Хозяйка съ радостью разказала ей о случившемся. Въ свою очередь, старуха разказала ей, почему пришла безъ рыбы; съ ранняго утра и до поздняго вечера она сидѣла на берегу озера, спрятавшись за камни, и смотрѣла, какъ игралъ тамъ на берегу вынырнувшій изъ воды ребенокъ; старуха думаетъ, что это сынъ жены хана, потому что онъ, разговаривая самъ съ

собою, упоминалъ Аралбай Эго-хана, который будто бы ему ничего не оставилъ, кромѣ воды въ озерѣ и камушковъ на берегу. Когда старуха подходила ближе къ берегу, ребенокъ нырнулъ въ воду, и потомъ снова появлялся поверхъ ея. Разказавъ другъ другу все, что съ ними случилось, онѣ стали придумывать средство, какъ поймать ребенка. На завтра онѣ принялись за работу; одна изъ нихъ собирала по всему кочевью клочки шерсти, а другая, найдя старыя ножницы, обрѣзывала гриву и хвостъ пѣгому жеребенку, который за это время поправился и пересталъ хромать. Изъ шерсти онѣ сдѣлали большую кошму, а изъ волоса два аркана; потомъ по краямъ кошмы надѣлали дырѣ и продернули въ нихъ одинъ изъ аркановъ, такъ чтобы двумя концами его можно было стянуть кошму, какъ мѣшокъ. Когда все было готово, онѣ наложили въ кошму разныхъ бабокъ и пошли къ озеру. Старуха разостлала войлокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ игралъ ребенокъ, а потомъ спряталась за камни вмѣстѣ съ хозяйкой. Недолго пришлось ждать; ребенокъ показался изъ воды и усѣлся играть въ камушки, но увидѣвъ что-то новое, онъ подошелъ къ кошмѣ, постоялъ и усѣлся на нее играть бабками, разговаривая самъ съ собою, что это — наследство отъ отца. Старуха и мать ребенка выждали пока онъ разыграется, а потомъ дернули концы аркана и затянули войлокъ въ мѣшокъ; ребенокъ началъ кричать и биться, стараясь высвободиться изъ мѣшка; озеро, покойное до тѣхъ поръ, вдругъ заволновалось, валы выбѣгали одинъ за другимъ на берегъ далеко за кошму, и скатываясь назадъ, едва не снесли ребенка. Обѣ женщины старались дотащить войлокъ до того мѣста, гдѣ стоялъ пѣганко съ арканомъ на готовѣ, и когда дотацили, то привязали за конецъ другаго аркана у жеребенка и погнали его. Ребенокъ уже прорвалъ кошму, высвободилъ руки и ноги и просилъ отпустить его назадъ въ озеро. Мать начала его успокаивать и сказала ему, что онъ — сынъ ея; ребенокъ сначала этому не повѣрилъ и захотѣлъ убѣдиться, дѣйствительно ли тутъ мать его. „Взойди“, говорить, — „ты на ближайшую гору и пусти изъ груди молока; если оно попадетъ мнѣ въ ротъ, тогда ты точно мать моя; и тогда я не буду рваться въ озеро, а останусь съ тобою“. Мать согласилась на это, освободила его изъ войлока и оставила внизу со старухой, а сама взошла на гору и пустила изъ сосцевъ молоко. Молоко попало прямо ребенку въ ротъ, и тогда онъ

увѣрился, что это мать его, и остался жить съ женщинами. Старуха по прежнему ходила на озеро ловить рыбу, а мальчикъ билъ птичекъ камушками, ни по одной ни дѣлая промаха. Потомъ старуха сдѣлала ему для игры лучекъ и нѣсколько стрѣлокъ. Мальчикъ сталъ стрѣлять птичекъ изъ лучка. Разъ онъ увидѣлъ зайца, пустил стрѣлу и убилъ его. Съ тѣхъ поръ онъ пересталъ стрѣлять птичекъ, а охотился только за зайцами; изъ шкурокъ ихъ они шили себѣ одежду, а мясо употребляли въ пищу. Охотясь за зайцами, онъ увидѣлъ однажды другаго звѣря. По его разказу, старуха догадалась, что это коза, таежный звѣрь, который рѣдко встрѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ зайцы. Разпросивъ старуху объ этомъ звѣрѣ, мальчикъ принялся дѣлать для себя другой лукъ изъ найденнаго имъ рога, на тетиву вырвалъ прядь волосъ изъ хвоста пѣгаго жеребенка, а въ стрѣлѣ придѣлалъ востаной наконечникъ и началъ ходить въ тайгу за промысломъ козъ, билъ ихъ также, какъ и зайцевъ. Такъ они жили нѣсколько времени; день ото дня мальчикъ выросталъ, да и жеребенокъ тоже становился больше и крѣпче. Охотясь за козами, мальчикъ видѣлъ въ тайгахъ и большихъ звѣрей (сыновъ, сохатыхъ и медвѣдей) и сталъ дѣлать лукъ и стрѣлы больше и крѣпче, найденные обломки желѣза передѣлывалъ на ножи и наконечники для стрѣлъ, кости и рога употреблялъ на луки, а жилы на тетивы. Мать и ея служанка старуха стали беспокоиться, чтобы мальчикъ, гоняясь по тайгамъ за звѣремъ, не попалъ нечаянно на желѣзнаго звѣря (сына)¹⁾, и предупредила его, чтобы онъ не ходилъ на одну высокую гору, отдѣльно стоящую въ тайгѣ, гдѣ живетъ желѣзный звѣрь, покрытый желѣзною броней весь, кромѣ двухъ мѣстъ—на лбу и между стегнами; отецъ его, Аролбай Эго-ханъ, пробовалъ сражаться съ этимъ звѣремъ, но загубилъ много людей, а убить звѣря все-таки не могъ и въ послѣдній разъ оставилъ въ немъ и ножъ свой, сдѣланный его кузнецомъ: кромѣ этого ножа ничѣмъ больше нельзя оснимывать звѣря. Выслушавъ разказъ про желѣзнаго сына, мальчикъ охотился по прежнему на другихъ звѣрей и не показывалъ вида, что онъ отыскиваетъ запрещенное ему для охоты мѣсто.

¹⁾ Желѣзный изюбрь по сойотски будетъ темиръ-сынъ, а желѣзный звѣрь — темиръ-ангъ.

Однажды, онъ попалъ на эту гору, и подкравшись, высмотрѣлъ звѣря; какъ разказывали, звѣрь былъ весь въ желѣзѣ, только на лбу и между стегнами оставались два небольшіе пятна, не покрытые желѣзомъ, а вмѣсто шерсти вся кожа была покрыта желѣзными иглами; величиной звѣрь на столько превосходилъ другихъ звѣрей, что мальчику показалось, будто это лежитъ громадный камень, только похожій на звѣря, но камень этотъ шевелился, и при поворотѣ его мальчикъ увидѣлъ торчавшій въ боку громадный ножъ. Изъ разказа старухи мальчикъ уже зналъ, что это ножъ его отца Аролбай Эго-хана, и что этотъ звѣрь есть дѣйствительно желѣзный сынъ. Удалившись отъ звѣря не замѣченнымъ, мальчикъ пришелъ домой и принялся дѣлать новый лукъ, такъ какъ старые для него негодились. Старуха и мать его начали догадываться о намѣреніяхъ мальчика и уговорились караулить его по очереди, чтобъ онъ опять не ушелъ въ тайгу. Два дня и двѣ ночи такъ онѣ караулили, на третью сонъ одолѣлъ ихъ, а мальчикъ, притворяясь спящимъ, только и ждалъ, когда онѣ уснутъ, и не медля, собрался въ путь и пошелъ по извѣстной тропѣ, черезъ тайгу. Онъ засталъ звѣря спящимъ и сталъ оглядывать его, куда бы выстрѣлить; видя, что звѣрь начинаетъ шевелиться, онъ выцѣлилъ на лбу мѣсто, не покрытое желѣзомъ, и спустилъ стрѣлу. Звѣрь бросился прямо, на него и мальчикъ упалъ безъ чувствъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что передъ нимъ что-то лежитъ и загоразиваетъ свѣтъ; оцувствовавшись совсѣмъ, онъ поднялся на ноги и увидѣлъ, что рядомъ съ нимъ лежитъ издохшій звѣрь. Оснимать его можно было, только вырѣзавъ всѣ внутренности, за чтò онъ и принялся добытымъ изъ боку звѣря отцовскимъ ножомъ, вынимая по частямъ мясо и кости. Часть мяса онъ взялъ съ собою и направился домой. Прийдя на стойбище, онъ не нашелъ тамъ ни матери, ни старухи; одинъ пѣгій жеребецъ ходитъ около юрты. Послѣ долгихъ поисковъ, онъ нашелъ ихъ на вершинахъ двухъ горъ не далеко отъ кочевья; онѣ пошли разыскивать его. Тогда онъ велѣлъ имъ идти назадъ и напрасно не горевать, а помочь ему перетаскать мясо убитаго звѣря, и разказалъ имъ о своей удачѣ. Все мясо онъ перетаскалъ къ юртѣ, а изъ шкуры звѣря, оставшейся цѣлою, придумалъ устроить жилье для себя. Пѣгій жеребецъ помогъ ему перевезти шкуру, два

отверстія, на которой годились одно для дверей, а другое для выхода дыма. Управившись съ желѣзнымъ звѣремъ, сынъ Аролбай Эго-хана по старому принялся за охоту.

Между тѣмъ отецъ мальчика не забылъ своего стараго кочевья; онъ выбралъ изъ подвластныхъ ему людей восемь человекъ и послалъ ихъ узнать, что дѣлается у озера Алтынъ-куля, кочуетъ ли тамъ кто, или нѣтъ, и гдѣ живетъ желѣзный звѣрь? Четверо изъ посланныхъ вздумали вернуться съ половины дороги назадъ и стали уговаривать сдѣлать то же и остальныхъ, боясь, что звѣрь ихъ съѣстъ, и имъ не быть живыхъ. „Скажемъ“, говорятъ, — „хану, что на прежнемъ кочевьѣ все по старому, улусовъ нѣтъ; желѣзный сынъ тутъ же живетъ“. Четверо другихъ посланныхъ не согласились на это и пошли далѣе, а тѣ вернулись и сказали хану, что товарищи ихъ погибли отъ звѣря, а они едва спаслись, что на старомъ кочевьѣ никого нѣтъ. Выслушавъ разказъ, ханъ отпустилъ ихъ домой. Между тѣмъ четверо другихъ посланныхъ подходили уже къ тому мѣсту, гдѣ жилъ желѣзный звѣрь, но не могли его отыскать, только замѣтили, что отъ того мѣста, гдѣ спалъ звѣрь, пошла дорога съ буграми земли по ту и другую сторону, какъ будто нарочно сдѣланная по направленію къ старому кочевью хана. Подходя къ старому стойбищу Аролбай Эго-хана, они, не спускаясь еще съ горъ, увидѣли, что видъ равнины измѣнился, посреди ея стоялъ холмъ, котораго прежде не было, а потомъ увидѣли много конскихъ слѣдовъ и задумались: кто тутъ могъ ѣздить, чьи табуны ходили, откуда взялся холмъ, кто сдѣлалъ дорогу? Все это отнимало у нихъ рѣшимость идти далѣе; не переселился ли туда желѣзный звѣрь? Разчитывая на вѣрную смерть, двое отказались идти впередъ, а другіе двое рѣшились во что бы то ни стало исполнить повелѣніе хана и пошли впередъ. Спускаясь съ горы и подходя ближе, они рассмотрѣли, что принятое ими за холмъ была шкура желѣзнаго звѣря, а по дыму, выходящему вблизи ея, они заключили, что тутъ есть люди. Подойдя еще ближе, они увидѣли пѣгаго коня и двухъ женщинъ. Поздоровавшись, женщины велѣли войдти имъ въ юрту, то-есть, подъ желѣзную крышу, и угостивъ ихъ, стали спрашивать: кто они такіе, куда и зачѣмъ идуть? Посланные Аролбай Эго-хана разказали подробно, что ихъ сюда привело. Жена хана, услышавъ, кто они такіе, принялась обоимъ ихъ бить, приговари-

вая, что ихній ханъ не доволенъ должно быть тѣмъ, что оставилъ женщинъ безо всего и чуть живыхъ, и снова думаетъ воротиться сюда. Старуха служанка стала уговаривать хозяйку небить этихъ людей, потому что они передъ ней не виноваты, такъ какъ пришли не по своей волѣ, а исполняя ханское приказаніе, и посовѣтовала дожидаться сына Аролбай Эго-хана. Старуха разказала имъ, что сынъ хана, родившійся отъ его младшей жены, ея госпожи, и утопленный по приказанію старшей жены въ Алтынъ-кулѣ, найденъ ими и живетъ тутъ же. Посланные растерялись, боясь, чтобъ сынъ хана не вздумалъ мстить имъ за свою мать. Наконецъ, пришелъ сынъ Аролбай Эго-хана, и распросивъ посланцевъ подробно, приказалъ имъ привести и товарищей, не пошедшихъ съ ними. Тѣ сходили за ними, но не могли ихъ уговорить. Тогда сынъ Эго-хана самъ поѣхалъ, и связавъ ихъ, притащилъ къ юртѣ. На другой день онъ отправилъ ихъ обратно къ Аролбай Эго-хану и предварительно спросилъ: сколько времени они шли до его кочевья? Они отвѣтили ему, что шли одинъ мѣсяцъ и четыре дня. Тогда онъ далъ имъ по кости (цзала), а отцу послалъ отъ убитаго имъ желѣзнаго звѣря одну лытку и найденный имъ отцовскій ножъ. Когда посланные возвращались, пробывъ въ дорогѣ 30 дней, и подходили уже къ кочевьямъ Аролбай Эго-хана, сынъ его поѣхалъ на пѣгомъ жеребцѣ и въ 4 дня догналъ ихъ около кочевья хана; оставивъ коня въ укромномъ мѣстѣ, онъ обернулся птичкою, полетѣлъ вслѣдъ за ними и въ одно время съ посланцами поспѣлъ къ хану, у дверей юрты котораго и сѣлъ. Аролбай Эго-ханъ, узнавъ о приходѣ остальныхъ четырехъ изъ посланныхъ восьми человекъ, потребовалъ къ себѣ тѣхъ и другихъ и ранѣе пришедшихъ велѣлъ тотчасъ же казнить, а послѣднихъ сталъ спрашивать подробно обо всемъ ими видѣнномъ. Посланцы передали ему посланную сыномъ лытку отъ звѣря и его ножъ; ханъ, увѣрившись, что желѣзныи звѣрь убитъ, однако не рѣшился призвать сына, говоря: „У моего сына должно быть имя, и онъ долженъ имѣть богатырскаго коня и богатырское оружіе отъ моего кузнеца Толонъ-Арыкъ-Дархана; тогда я повѣрю, что это мой сынъ!“ Присутствуя тутъ же, невидимый никѣмъ, сынъ его все выслушалъ и улетѣлъ; въ четыре дня онъ былъ уже дома на пѣгомъ жеребцѣ.

Прошло нѣсколько времени, старуха и хозяйка стали замѣчать, что сынъ ихъ печалится. На разпросы ихъ онъ отвѣтилъ, что ему, какъ сыну богатыря, нельзя жить безъ имени, нельзя обходиться безъ оружія и коня. Тогда его мать и старуха по общему съ нимъ совѣту назвали его Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергенъ. Оставалось добыть коня и оружіе; Хэрэкъ-Кирвесь сталъ допытываться у матери и старухи: „Гдѣ живетъ кузнецъ Аралбай Эго-хана и вакою дорогою къ нему доѣхать?“ Сначала тѣ стали отговаривать его отъ этой поѣздки, но должны были на неотступныя просьбы сказать, гдѣ живетъ кузнецъ Толонъ-Арыкъ-Дарханъ; старуха разказала дорогу и дала нѣсколько совѣтовъ. Хэмэрэ-Мергенъ не долго собирался, — взялъ свой лукъ и колчанъ со стрѣлами, накиннулъ потникъ на пѣгаго жеребца, сѣлъ и поѣхалъ; ѣдетъ по указанной дорогѣ и доѣхать не можетъ; наконецъ, выѣхалъ на чистое мѣсто и видитъ, табуны верблюдовъ ходятъ, а за ними ѣздитъ старикъ пастухъ. Подъѣзжаетъ къ нему и спрашиваетъ: „Далеко ли живетъ Толонъ-Арыкъ-Дарханъ?“ „Недалеко!“ отвѣчаетъ старикъ. Поѣхалъ дальше; попадаютъ табуны лошадей и сколько ни ѣдетъ, нѣтъ конца этимъ табунамъ; наконецъ, подъѣзжаетъ къ послѣднему и спрашиваетъ у пастуха: „Далеко ли еще ѣхать до Толонъ-Арыкъ-Дархана?“ „Нѣтъ“, говоритъ, „недалеко! только проѣдешь стадо овецъ, а тамъ и юрты увидишь“. Доѣхалъ Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергенъ до овечьихъ стадъ и, проѣхавъ ихъ, увидѣлъ юрты; подъѣзжаетъ къ самой большой изъ нихъ, привязываетъ коня и идетъ къ юртѣ, а на встрѣчу ему вышелъ старикъ, и называя его по имени, приглашаетъ зайти въ юрту. Угостивъ его, Толонъ-Арыкъ-Дарханъ говоритъ, что давно приготовилъ все, изъ чего нужно дѣлать оружіе, да только не знаетъ, будетъ ли оно ему подъ силу. „И конь богатырскій есть у меня“, говоритъ, — „только не знаю, справишься ли ты съ нимъ? Сдѣлаемъ испытаніе: если ты съ оружіемъ и конемъ справишься, то я награжу тебя всѣмъ, и народомъ, и скотомъ, и имуществомъ, а если нѣтъ, то ты долженъ будешь у меня остаться“. Кузнецъ началъ дѣлать лукъ изъ костей бита (хабъ балыкъ), тетиву изъ его жилъ, а колчанъ изъ китовой же кожи, потомъ обтянулъ лукъ бычачьими кожами, а стрѣлы сдѣлалъ изъ сандалнаго дерева со стальными головками. Когда оружіе было изготовлено,

Толонъ-Арыкъ-Дарханъ привелъ сиваго жеребца, осѣдлалъ его богатырскимъ сѣдломъ и подаль лукъ, а для пробы поставилъ чернаго каменнаго пороза. Сѣлъ Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергенъ на сиваго богатырскаго коня, взялъ лукъ и поѣхалъ на поле, гдѣ поставлена была мѣта. Тянулъ онъ лукъ съ утренней зари до вечерней и съ вечерней до утренней, пустилъ стрѣлу въ чернаго каменнаго пороза, пробилъ его насквозь и отбросилъ съ того мѣста, гдѣ онъ былъ поставленъ, а стрѣла улетѣла, и найти ея не могли. Толонъ-Арыкъ-Дарханъ испытаніемъ остался доволенъ, надѣлилъ Хэрэкъ-Кирвеса всѣмъ, чѣмъ обѣщалъ, а коня его взялъ себѣ. „Когда“, говоритъ, — „пріѣдешь домой, къ матери, возьми изъ стада овецъ чернаго некладенаго барана, заколи его, вынь глазъ и вставь матери вмѣсто выколотаго Аролбай Эго-ханомъ“. До половины дороги Хэрэкъ-Кирвесь ѣхалъ вмѣстѣ съ народомъ и помогалъ гнать подаренный ему скотъ, а съ половины поѣхалъ впередъ; гдѣ раньше ѣхалъ три дня, теперь пробѣгаетъ въ одинъ, а слѣдъ оставалъ такой, что по нему шедшій сзади народъ прогонялъ скотъ табунами. Когда народъ явился со скотомъ, онъ велѣлъ заколотъ чернаго барана, вынулъ у него глазъ и вставилъ матери, — та сдѣлалась зрачею.

Спустя нѣсколько времени, Аролбай Эго-ханъ опять посылаетъ людей на старое кочевье къ сыну просить у него шкуру убитаго имъ желѣзнаго звѣря себѣ на юрту, подъ тѣмъ предлогомъ, что войлочная ему не годна. Мать Хэрэкъ-Кирвеса не соглашалась отдать, но сынъ уговорилъ ее уступить отцу и отдалъ юрту посланнымъ людямъ; тѣ всѣ-то вмѣстѣ едва могли ее увезти. Хэрэкъ-Кирвесь заказываетъ передать хану, что у него есть и оружіе, и конь богатырскій отъ Толонъ-Арыкъ-Дархана, и что въ своемъ житіѣ онъ не нуждается ни въ чемъ. Спустя мѣсяцъ по уходѣ посланныхъ, Хэрэкъ-Кирвесь поѣхалъ за ними на своемъ богатырскомъ конѣ, а затѣмъ, обернувшись ястребомъ, догналъ ихъ и сѣлъ у юрты Аролбай Эго-хана. Послы, передавъ шкуру желѣзнаго звѣря, сказали хану, что сына его зовутъ Хэрэкъ-Кирвесь-Хэмэрэ-Мергенъ, что у него есть оружіе и конь богатырскій, добытый имъ отъ кузнеца Толонъ-Арыкъ-Дархана, и что онъ богаче Аролбай Эго-хана. Ханъ, выслушавъ разказъ, говоритъ: „Хэрэкъ - Кирвесь, должно быть, дѣйствительно мой сынъ. Только удивляюсь я, отчего мой сынъ, такой сильный бога-

тырь, убивши желѣзнаго звѣря, добывъ себѣ оружіе и коня отъ Толонъ-Арыкъ-Дархана и имѣя такъ много народа, сидитъ дома и не хочетъ достать себѣ невѣсту, дочь Убиртыхъ-Хормозда, Ногонъ-тэмэнь-тэнгэрлеръ-кызъ“. Хэрэкъ-Кирвесъ, выслушавъ, что ему нужно было, полетѣлъ обратно; и чрезъ четыре дня былъ дома. Мать его и старуха служанка стали замѣчать, что сынъ ихъ печалится. На разпросы ихъ онъ сказалъ, что ему нужно достать жену, дочь Убиртыхъ-Хормозда, Тэмэнь-ногонъ-тэнгэрлеръ-кызъ. Старуха говоритъ ему на это: „Отецъ твой Аролбай Эго-ханъ всю жизнь старался достать себѣ въ жены дочь Убиртыхъ-Хормозда, да не могъ, а только загубилъ много народа; отецъ этой дѣвицы, трехголовое чудовище, лежитъ на грани своихъ владѣній и не пропускаетъ въ свое царство ни пѣшаго, ни коннаго. Аролбай Эго-ханъ, должно быть, и тебя хочетъ извѣсть, а если ты доставишь эту дѣвицу, то ханъ навѣрное отберетъ ее у тебя себѣ въ жены“. Сколько ни отговаривала его старуха не ѣздить туда, Хэрэкъ-Кирвесъ стоялъ на своемъ. Тогда старуха сказала, что его богатырскій конь знаетъ дорогу къ дѣвицѣ и доведетъ его куда слѣдуетъ. Хэрэкъ-Кирвесъ скоро собрался, осѣдлалъ коня богатырскаго, взялъ лукъ и поѣхалъ, куда конь его повезъ. Дорогой Хэрэкъ-Кирвесъ спрашиваетъ коня: „Далеко ли еще до Убиртыхъ-Хормозда?“ Конь отвѣчаетъ, что и самъ не знаетъ. Хэрэкъ-Кирвесъ разсердился и сталъ коня бить. Конь ему говоритъ: „Куда же ты поѣхалъ, и почему не видишь, что впереди на одной высокой горѣ виднѣется красный каменный утесъ? Это и есть самъ Убиртыхъ-Хормоздъ!“ Не допуская близко до себя, Убиртыхъ-Хормоздъ кричитъ: „Куда поѣхалъ сильный и могучій богатырь Хэрэкъ-Кирвесъ-Хэмэрэ-Мергенъ? Не въ мое ли царство? Не за дочью ли моею? Такъ прежде помѣраемся силою!“ Кинули жребій, и первому досталось стрѣлять Хэрэкъ-Кирвесу. Натянулъ онъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ Убиртыхъ-Хормозда, отбилъ у него всѣ три головы разомъ, а конь помогаетъ ему, топчетъ трупъ Хормозда. Затѣмъ, Хэрэкъ-Кирвесъ вѣзжаетъ въ его владѣнія и встрѣчаетъ на дорогѣ старика; остановивъ его, онъ спросилъ: гдѣ ему найти Ногонъ-тэмэнь-тэнгэрлеръ-кызъ? Старикъ, указавъ ея жилище, спрашиваетъ: какъ его пропустилъ сюда Убиртыхъ-Хормоздъ? Хэрэкъ-Кирвесъ назвалъ ему себя и сказалъ, что онъ убилъ того.

Старикъ далъ ему совѣтъ, какъ найти и удержать Ногонъ-тэмэнь: „У нея“, говоритъ, — „есть особая одежда, лидымъ, которую она никогда съ себя не снимаетъ; при входѣ твоёмъ Ногонъ-тэмэнь можетъ въ юрту улетѣть, и тогда тебѣ ее не поймать“. Хэрэкъ-Кирвесъ поѣхалъ къ юртѣ Ногонъ-тэмэнь и дорогой сказалъ коню, чтобы тотъ караулилъ у дверей; когда подѣхали къ юртѣ, Хэрэкъ-Кирвесъ соскочилъ съ коня и тотчасъ закрылъ тюндюкъ, а потомъ бросился въ юрту и схватилъ Ногонъ-Тэмэнь за руки. Онъ сказалъ ей, что онъ сынъ Аролбай Эго-хана, Хэрэкъ-Кирвесъ, что онъ отца ея убилъ и пріѣхалъ взять ее въ жены. Ногонъ-Тэмэнь, вырвавшись изъ его рукъ, бросилась въ верхъ юрты, чтобы вылетѣть, но не могла попасть; верхъ былъ закрытъ и привязанъ. Тогда она бросилась къ дверямъ, но тутъ конь не выпустилъ ея; тѣмъ временемъ Хэрэкъ-Кирвесъ поймалъ ее снова. Видя, что ей не вырваться, она начала просить Хэрэкъ-Кирвеса послать человѣка узнать, точно ли имъ убить Убиртыхъ-Хормоздъ. „Если это такъ окажется“, сказала она, — „то я согласна быть твоею женой, но съ условіемъ, чтобы ты доставалъ мнѣ трехъ коурыхъ лошадей, на которыхъ только я одна и ѣзжу; кони эти пасутся теперь на той сторонѣ кипящаго моря“. Пока у нихъ шли переговоры, посланный вернулся и сказалъ, что Убиртыхъ-Хормоздъ убитъ. Тогда Ногонъ-Тэмэнь разказала Хэрэкъ-Кирвесу, куда и какъ ѣхать за конями; черезъ кипящее море можно только перелетѣть, а иначе попасть на ту сторону нельзя. Дала она ему на дорогу трои пути для коурыхъ коней. Хэрэкъ-Кирвесъ тотчасъ собрался и поѣхалъ. Ѣхалъ, Ѣхалъ, пріѣзжаетъ наконецъ къ кипящему морю, въ которомъ вода, какъ въ котлѣ кипѣла. Ударилъ онъ путами своего богатырскаго коня и перелетѣлъ черезъ море, только копытомъ задней ноги конь его коснулся воды, но это большаго вреда не причинило. Поѣхалъ дальше и увидѣлъ: ходятъ на лугу три коуры коня. Погнался Хэрэкъ-Кирвесъ за первымъ, поймалъ и спуталъ; также поймалъ онъ и втораго; осталось еще поймать третьяго, восьмикрылаго. Подѣзжаетъ онъ къ нему и хочетъ только накинуть, какъ конь увернулся; сталъ ловить его и догнать не можетъ. Взялъ онъ перваго пойманнаго коня, началъ на немъ гоняться, не могъ поймать; взялъ другаго спутаннаго коня и также не поймалъ. Что дѣлать? Вернуться съ двумя конями нельзя,

а третьяго поймать не можетъ. Переночевавъ, онъ придумалъ средство поймать его. Утромъ, когда конь паса на этомъ же лугу, Хэрэкъ-Кирвесъ натянулъ свой лукъ и пустилъ стрѣлу въ копыто задней ноги, а потомъ догналъ его на своемъ сивкѣ и поймалъ. Собравшись совсѣмъ, онъ сѣлъ на своего коня, а остальныхъ трехъ взялъ за поводья и перелетѣлъ черезъ море; въ этотъ разъ онъ бѣжалъ вдвое скорѣе, чѣмъ впередъ. Тэмэнь-Ногонь-тэнгэр-лэръ-кызъ вышла встрѣчать своего жениха и замѣтила, что восьмичашечный (восьмикрылый) коурый конь хромаетъ на заднюю ногу и спрашиваетъ Хэрэкъ-Кирвеса: „Отчего это сдѣлалось?“ Тотъ разказалъ, какъ онъ не могъ поймать коня и принужденъ былъ выстрѣлить, чѣмъ и попортилъ ногу. Ногонь-Тэмэнь говоритъ: „Ты не ногу испортилъ, а бѣгъ; теперь восьмичашечный конь долженъ летѣть три дня то пространство, какое пробѣгалъ прежде въ одинъ день; я сама виновата въ этомъ, потому что позабыла сказать средство, какъ поймать коня“. Ногонь-Тэмэнь достала лѣкарство „эмъ цаганъ томъ цаганъ“ и только приложила его къ копыту, какъ конь выздоровѣлъ и пересталъ хромать.

Пробывъ тутъ нѣсколько времени, Хэрэкъ-Кирвесъ и Ногонь-тэмэнь собрали всѣ свои богатства, людей и скотъ, и перекочевали на то мѣсто, гдѣ жилъ Хэрэкъ-Кирвесъ съ матерью, и начали тамъ жить, да поживать. Много ли, мало ли времени жили, только опять пришли посланцы отъ Аролбай Эго-хана узнать, что тамъ дѣлается. Хэрэкъ-Кирвесъ, угостивъ ихъ и надѣливъ подарками, отправилъ обратно и велѣлъ передать хану все, что они видѣли. Посланцы такъ и сдѣлали. Аролбай Эго-ханъ, узнавъ, что сынъ его досталъ себѣ въ жены дочь Убиртыхъ-Хормозда, Ногонь-Тэмэнь-тэнгэрлеръ-кызъ, велѣлъ своимъ людямъ идти снова туда и звать Хэрэкъ-Кирвеса съ женою и матерью въ гости. Посланцы явились и передали повелѣніе хана. Младшая жена хана отказалась ѣхать и сказала, что не желаетъ, чтобы ханъ еще разъ переломалъ ей руки и ноги; Ногонь-Тэмэнь также не поѣхала, потому что Аролбай Эго-ханъ не посылалъ сватовъ съ предложеніемъ взять ее замужъ за сына, да и самъ едва убрался, когда хотѣлъ взять себѣ въ жены; мужу своему Ногонь-Тэмэнь совѣтовала не слушаться повелѣній хана и отца и ѣхать въ гости, только не пить вина и не отказываться, если ему будутъ давать какія-либо порученія.

Посланцы воротились къ хану съ отвѣтомъ, а вслѣдъ за ними пріѣхалъ и Хэрэкъ-Кирвесъ-Хэмэра-Мергенъ. Гуляньямъ и пирамъ, которые устраивалъ отецъ для сына, не было конца, но на этихъ пирахъ Хэрэкъ-Кирвесъ отказался отъ вина подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ никогда его не пилъ и не будетъ пить. Аролбай Эго-ханъ предложилъ сыну перекочевать вмѣстѣ съ женою и матерью его на одно мѣсто, такъ какъ онъ становится старъ и не можетъ всѣмъ управлять. Хэрэкъ-Кирвесъ сказалъ, что на это не согласится его мать, а одну ее оставить онъ не смѣетъ, и отказался. Тогда Аролбай Эго-ханъ обратился къ нему съ просьбой достать отъ чудовища Чеканъ, которое живетъ около Куль-хана и Айхана, восемь влыковъ. „Боюсь“, говоритъ, — „я, чтобы жилище мое, сдѣланное изъ шеуры желѣзнаго звѣря, отъ тяжести не упало и не задавило насъ съ женой, и хочу изъ влыковъ сдѣлать подпорки подъ желѣзную крышу“. Сынъ согласился исполнить волю хана и поѣхалъ домой. Когда онъ разказалъ женѣ о новой службѣ, наложенной на него отцемъ, Ногонъ-Тэмэнъ научила его, гдѣ и какъ достать влыки. „Была бы эта служба легкая, еслибы не былъ испорченъ восьмичапечный коурый конь! успѣеть-ли онъ убѣжать отъ чудовища?“ Жена посоветовала ему не оборачиваться назадъ на обратномъ пути. „А иначе“, говоритъ, — „Чеканъ тебя съѣстъ!“ Хэрэкъ-Кирвесъ осѣдлалъ коураго восьмичапечнаго коня и поѣхалъ, куда ему указали. Доѣхалъ до мѣста, гдѣ жило чудовище Чеканъ, нашелъ тамъ влыки, и привязавъ ихъ къ сѣдлу, помчался назадъ. Чекана не было дома на это время, но когда онъ узналъ о похищеніи, кинулся догонять. Слышитъ Хэрэкъ-Кирвесъ, что чудовище его настигаетъ, вотъ-вотъ схватитъ, но оглянуться нельзя; уже увидѣлъ онъ и табуны свои, а чудовище все гонится за нимъ, щелкаетъ зубами; наконецъ, онъ ударилъ коня и вбѣжалъ въ свои табуны; тогда вдругъ Чеканъ неизвестно куда скрылся. Хэрэкъ-Кирвесъ оглянулся—никого нѣтъ, только хвостъ у коня его какъ будто сталъ короче. Пріѣхавъ домой, онъ все разказалъ женѣ. „Не много подальше“, говоритъ онъ, — „будь гравь, за которую чудовище не можетъ переходить, не остался бы я въ живыхъ“. Какъ бы то ни было, служба была окончена. Хэрэкъ-Кирвесъ отвезъ влыки хану, установилъ ихъ тамъ подъ юртой и воротился домой. Спустя нѣсколько времени, Аролбай Эго-

ханъ требуетъ сына къ себѣ и велитъ ему отыскать мечъ, потерянный гдѣ-то въ тайгѣ отцомъ Аролбай Эго-хана. Хэрэкъ-Кирвесъ не смѣетъ отказаться и по приѣздѣ домой разказываетъ женѣ о приказаніи хана. Ногонъ-Тэмэнь успокоила его и велѣла ѣхать на первомъ пойманномъ имъ коуромъ конѣ въ тайгу и тамъ ни на кого не нападать, никого ни убивать напрасно, кто ни попалъ бы ему на встрѣчу. Почти всю тайгу извѣдиль Хэрэкъ-Кирвесъ, не могъ найти меча и не знаетъ, гдѣ его искать. Разъ, взбираясь на таскылъ (высокую гору), увидѣлъ онъ на полянѣ кошгара и аргали (каменныхъ барановъ, самца и самку), дерущихся между собою; онъ подѣхалъ и рознялъ ихъ. Звѣри стали его спрашивать: кто онъ такой, откуда и зачѣмъ ѣдетъ? Хэрэкъ-Кирвесъ разказалъ имъ все подробно. Аргали и кошкаръ посовѣтовались о чемъ-то между собою и говорятъ, что они хотятъ ему помочь за то, что онъ ихъ рознялъ. Аргали остался караулить лошадь его, а кошкаръ велѣлъ ему сѣсть на себя верхомъ и побѣжалъ съ нимъ въ тайгу. Сколько ни попадалось имъ на встрѣчу разнаго звѣря, кошкаръ выспрашивалъ у всѣхъ: не видѣлъ ли кто меча въ какомъ-нибудь мѣстѣ по этимъ тайгамъ, но никто ничего не зналъ. Наконецъ, одинъ старый престарый кошкаръ сталъ разказывать, что будучи еще маленькимъ и бѣгая съ матерью, онъ видалъ на одной горѣ въ камнѣ что-то похожее на мечъ. Послѣ долгихъ поисковъ, кошкаръ привелъ ихъ къ этой горѣ и указалъ камень. Хэрэкъ-Кирвесъ видитъ что-то похожее на мечъ, но оно все вросло въ камень; разбивъ камень, онъ досталъ мечъ и помчался на кошкарѣ къ мѣсту, гдѣ остался аргали караулить его коня. Затѣмъ Хэрэкъ-Кирвесъ поблагодарилъ кошгара и аргали, выbralся на своемъ конѣ домой и отвезъ отцу найденный имъ мечъ.

Прошло нѣсколько времени, Аролбай Эго-ханъ требуетъ сына къ себѣ и велитъ ему достать со дна моря сѣть, оставленную тамъ его прадѣдомъ, который однажды поймалъ такъ много рыбы, что не могъ вытащить ея и оставилъ сѣть въ морѣ. Возвратясь домой, Хэрэкъ-Кирвесъ разказалъ женѣ о новомъ приказаніи хана, прося ее помочь ему. Тэмэнь-Ногонъ говоритъ, что и эта служба не служба, исполнить ее можно; и дала ему указаніе, какъ доѣхать до моря, и посовѣтовала никого не обижать, а пользоваться случаемъ. Велѣла ему взять другого ко-

ураго коня. Поѣхалъ Хэрэкъ-Кирвесъ къ морю, живетъ тамъ день, другой,—ниего не ѣдетъ; на третій день видитъ, что море у береговъ заволновалось, подходитъ ближе—два большіе таймени дерутся; онъ поймалъ ихъ обоихъ и бросилъ въ разныя стороны въ воду. Таймени подпливаютъ къ нему и спрашиваютъ: кто онъ такой и зачѣмъ тутъ сидитъ? Выслушавъ его разказъ, они обѣщали поискать на днѣ моря сѣтъ и нырнули въ воду. Долго онъ сидѣлъ и ждалъ у моря тайменей; наконецъ они вернулись и сказали, что нашли сѣтку, только не могутъ ее вытащить. „Не можешь-ли ты“, говорятъ,—„сдѣлать такой сильный вѣтеръ, чтобы море взволновалось до самаго дна; тогда мы соберемъ другихъ рыбъ и будемъ разрывать песокъ, который валами унесетъ въ равныя стороны“. Хэрэкъ-Кирвесъ сдѣлалъ вѣтеръ, а таймени и подвластная имъ рыба принялись за работу и вручили сѣтку, подтащили ее къ берегу и тамъ оставили, а сами ушли. Хэрэкъ-Кирвесъ привязалъ сѣтъ въ торока и повезъ домой, а потомъ доставилъ ее Аралбай Эго-хану. Получивъ сѣтку, ханъ вновь началъ придумывать службу, чтобы поскорѣе сжить со свѣта своего сына. Хэрэкъ-Кирвесъ немного пожилъ дома, какъ Аралбай Эго-ханъ потребовалъ его къ себѣ и велѣлъ достать ему изъ подземнаго царства даху (шубу), оставшуюся тамъ отъ его прадѣда. Когда Хэрэкъ-Кирвесъ воротился домой и разказалъ Ногонъ-Тэмэнь о порученіи хана, она сказала мужу, что эта служба тяжелая, разказала, какъ попасть въ подземное царство, и посоветовала быть осторожнымъ, а то пожалуй, и не воротиться. Долго ѣхалъ Хэрэкъ-Кирвесъ, никто не попадался; ѣдетъ дальше, видитъ въ сторонѣ отъ дороги мальчика и около него нѣсколько коровъ и вычную лошадь; пойдетъ мальчикъ за конемъ, коровы идутъ въ стороны; станеть заворачивать коровъ, лошадь остается; никакъ не можетъ съ ними справиться. Проѣхалъ еще и видитъ—на травяной лужайкѣ, около которой выходилъ небольшой ключъ съ чистою водою, привязана карья кобыла, до того сухая, что едва ногами шевелить, а трава и вода подъ самымъ ртомъ. Немного подальше привязана была вороная кобыла, кормъ около нея былъ весь выбитъ, и вода едва сочилась между кочками, а между тѣмъ кобыла была жирная. Не зная, что все это значить, онъ поѣхалъ дальше и наконецъ увидѣлъ множество юртъ. „Дай“, думаетъ,—„спрошу, далеко

ли до Эрликъ хана?“ И остановился у первой юрты. Только что успѣлъ сойти съ коня, какъ его вдругъ схватили, сковали желѣзными цѣпами и втолкнули въ юрту. Прийдя въ себя, онъ видитъ, что передъ нимъ на высоко устроенномъ мѣстѣ сидитъ сѣдой старикъ, который, назвавъ его по имени, обратился къ нему съ вопросомъ: зачѣмъ онъ пришелъ сюда и какъ смѣлъ прийдти, зная, что отсюда нѣтъ выхода никому? Хэрэкъ-Кирвесь отвѣчаетъ, что онъ пришелъ сюда не по своей волѣ, а по приказанію отца Аролбай Эго-хана за дахою его прадѣда. Старикъ засмѣялся и говоритъ: „Ханъ и безъ того скоро будетъ здѣсь вмѣстѣ съ женою, не за чѣмъ было посылать и сына“. Сталъ старикъ спрашивать Хэрэкъ-Кирвеса: что онъ видѣлъ дорогой. Тотъ передалъ подробно о мальчикѣ и двухъ кобылахъ, которыхъ онъ видѣлъ. „Что же все это значить?“ продолжалъ допрашивать Эрликъ ханъ. (А это онъ и былъ, старикъ-то). Хэрэкъ-Кирвесь не зналъ, что отвѣтить. Эрликъ-ханъ объяснилъ: Сухая кобыла на хорошемъ корму и обильной водѣ означаетъ богатаго и завистливаго человѣка, который не приноситъ пользы не только другимъ, а даже и себѣ. Жирная кобыла на худомъ корму и при недостаточной и худой водѣ означаетъ бѣднаго человѣка, довольнаго и тѣмъ, что у него есть, поэтому-то она и на худомъ корму жирна, а другая и на хорошемъ, да тоща. Мальчикъ, котораго онъ видѣлъ, мучится не по своей винѣ; ему надавали другіе столько скота, что ему не подъ силу съ нимъ справиться. „На обратномъ пути ты долженъ помочь мальчику“, говоритъ Эрликъ-ханъ, — „а когда воротиться отсюда на свѣтъ, то объяви всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ, чтобъ они не приносили никакой жертвы при смерти дѣтей, а приносили бы только при смерти взрослыхъ. Когда ты воротиться домой, то первыхъ родившихся при тебѣ жеребенка отъ карей кобылы и телку отъ черной коровы принеси въ жертву“. Послѣ того Эрликъ-ханъ велѣлъ отдать ему просняую даху и сказалъ, что отецъ его Аролбай Эго-ханъ, вмѣстѣ со старшею женою, не замедлятъ прийдти въ подземное царство на замѣну вытребованной ими дахи. Хэрэкъ-Кирвесь, получивъ даху, безъ оглядки бѣжалъ изъ подземнаго царства, чтобы не остаться тамъ. Мальчику, котораго онъ раньше видѣлъ, пособилъ собрать скотъ, а самъ скорѣе поторопился выѣхать на свѣтъ. Какъ ему говорилъ Эрликъ-

ханъ, такъ и случилось: лишь только онъ воротился домой, оже-ребилась каряя кобыла, и отелилась черная корова; жеребенка и теленка онъ закололъ; даху онъ отвезъ своему отцу Аролбай Эгохану, который послѣ того скоро умеръ; умерла и его жена. Все наслѣдство досталось сыну его, и съ тѣхъ поръ Хэрэкъ-Кирвесъ-Хэмэрэ-Мергенъ сталъ ханомъ ¹⁾.

182. Нушюсъ-Иргэиъ ²⁾.

Были три дѣвцы—сестры. Старшую звали Алтынъ-ары, среднюю—Абахай-ары и младшую—Отче-ары. Отца ихъ звали Акканъ Алтынъ-ганъ Аккойатты ³⁾. Все достояніе ихъ заключалось въ 300 рубльяхъ денегъ и трехъ табунахъ лошадей. Вдругъ эти три табуна потерялись. Акканъ задумалъ отправиться на поиски, осѣдлалъ коня и хочетъ ѣхать. Старшая дочь выбѣжала, ухватила лошадь за поводъ — не пускаетъ отца, упрасиваетъ его не ѣздить. Тотъ бился, бился: „Я“, говорить, — „три дня уже не ѣздилъ!“ Вырвался и уѣхалъ. Долго ли, мало ли прошло времени въ поискахъ, нашолъ Акканъ свои табуны въ чистомъ полѣ и гонитъ ихъ домой. На дорогѣ встрѣтилось ему желтое озеро. Какъ перейти черезъ него? Одна кобыла отлучилась отъ табуна, не идетъ черезъ

¹⁾ Эта послѣдняя сказка получена г. Адриановымъ въ Томскѣ отъ г. Шишмарева, который управляетъ главною заимкой купца Сафьянова на лѣвомъ берегу Енисея (Улукема), близъ слиянія Бейкема и Хакема. Въ бытность свою тамъ, г. Адриановъ просилъ г. Шишмарева, какъ превосходно знающаго монгольскій языкъ, а также и сойотскій, собирать сказки, легенды и пѣсни и этнографическій матеріалъ и съ этою цѣлью составилъ программу, какія свѣдѣнія желательно получить.

²⁾ Слѣдующія двѣ сказки записаны г. Адриановымъ на р. Узун-жуль (ключикъ въ системѣ р. Уйбата, впадающаго въ Абаканъ) отъ 80-лѣтнаго пастуха Татарина. На вопросъ г. Адрианова о сеѣкѣ (кости, родѣ), этого Татарина, онъ оказался Карашоръ; при дальнѣйшихъ разпросахъ о его роднѣи и на выраженное г. Адриановымъ предположеніе, не съ Кондомы ли онъ, такъ какъ эти сеѣки только тамъ существуютъ, Татаринъ сказалъ, что его отецъ вышелъ на Абаканъ изъ Кузнецкой Черни.

³⁾ Аккойатты значитъ: „на бѣломъ конѣ“. Во всѣхъ сказкахъ, записанныхъ г. Адриановымъ у Черневыхъ Татаръ, Качинскихъ и Сойотовъ и прежде слышанныхъ имъ у Алтайцевъ, вмѣстѣ съ богатиремъ упоминается и конь, на которомъ онъ ѣздитъ, въ видѣ эпитета богатыря.

озеро. „Вѣрно, есть какая-нибудь помѣха!“ думаетъ старикъ, и на-думалъ сдѣлать изъ своей бороды неводъ. Началъ неводить — ничего нѣтъ. Сдѣлалъ тогда изъ бороды сито и сталъ черезъ него сѣять песокъ со дна озера. Кобыла перешла. Гонить Акканъ табуна дальше; вдругъ подбѣжала красная собака семи сажень длины и ухватила старика за бороду—не пускаетъ. Акканъ просить ее отпустить его, предлагаетъ ей и три табуна, и 300 рублей денегъ, — ничего собака не беретъ. „Я и такъ“, говоритъ, — „это могу взять, если захочу“. Тогда Акканъ предлагаетъ ей отдать любую изъ своихъ дочерей. Собака отпустила его при этихъ словахъ и сказала, что черезъ три дня прійдетъ. Старикъ возвратился домой, плачетъ. Дочери разпрашиваютъ его: о чемъ онъ плачетъ. Онъ разказалъ. Старшая дочь, Алтынъ-ары, услыхавъ это, начала его ругать и упрекать, зачѣмъ онъ не послушалъ ее — поѣхалъ; потомъ и Абахай-ары напустилась на отца и говоритъ, что его стоитъ только убить за это. Пуще прежняго заплакалъ старикъ и пошелъ къ своей младшей дочери; сталъ ей разказывать про свое горе. Отче-ары заплакала, утѣшаетъ отца, что она выйдетъ за собаку замужъ. „Если“, говоритъ, — „ты мнѣ камень на шею навяжешь и въ воду бросишь, такъ я и въ томъ смучаѣ не пойду противъ твоей отцовской воли!“ При этихъ словахъ, отецъ обрадовался, повеселѣлъ. На третій день собака эта приходитъ, языкъ высунула на сажень, вездѣ бродить—нюхаетъ, но не говоритъ ни слова. Отдалъ ей Акканъ младшую дочь; собака пошла впередъ, Отче-ары за нею. Дорогой дѣвица и спрашиваетъ собаку: кто она—добрый ли богатырь или кто другой? Собака молчитъ, сама идетъ себѣ впередъ. Опять спрашиваетъ ее дѣвица: „Далеко ли еще идти намъ?“ Собака только подняла морду вверху—молчитъ. Шли, шли они и добрались до моря. Собака закинула на спину хвостъ — стоитъ. Отче-ары догадалась, не сѣсть ли ей на хвостъ; сѣла, и собака тотчасъ поплыла черезъ море. Выплыли, а тамъ стоятъ домъ, амбары, все вызолоченое. Отче-ары пошла въ одинъ амбаръ и нашла тамъ много всякаго мяса. Сходила за водой, сварила мясо и подала на столъ. Собака сидитъ и кусочки, что пожирнѣе, подталкиваетъ мордой дѣвицѣ, а себѣ выбираетъ похуже. Пришла ночь—переночевали. На утро Отче-ары опять мяса сварила и опять собака ей подталкивала, что пожирнѣе. Поѣвши, собака собралась на

охоту и переплыла за море. Осталась дѣвица одна и думаетъ: „Дай посмотрю, что наложено въ амбарахъ!“ Отворила одинъ, а тамъ 70 головъ человѣческихъ лежитъ; другой отворила—тамъ 60 труповъ женскихъ безъ головъ, а въ третьемъ—80 головъ богатырей. „А, а!“ думаетъ Отче-ары,—„вотъ онъ что дѣлаетъ!“ И заплакала. Потомъ надумала она идти по слѣду за собакой и досмотрѣть, что она тамъ дѣлаетъ. Пошла и видитъ—на дорогѣ наложено много убитыхъ звѣрей и птицъ. „Постой,“ думаетъ,—„онъ хитеръ, а я его перехитрю!“ А она красавица такая была и умная. Обратилась она травинкой (сигѣнь, изъ котораго дѣлаютъ вязальныя спицы) и ждетъ. Видитъ—ѣдетъ ея мужъ богатыремъ на конѣ; это былъ Канъ-мергенъ. Приѣхалъ домой и не нашелъ тамъ своей красавицы. Отправился разыскивать ее; 17 царствъ объѣхалъ, всѣхъ спрашивалъ—не нашелъ. А Отче-ары изъ травинки опять сдѣлалась дѣвицей, воротилась домой, наготовила всего и ждетъ мужа. Канъ-мергенъ приѣхалъ съ безуспѣшныхъ поисковъ домой и обрадовался. Собрались они въ гости къ тестю. Поѣхали, погостили и назадъ вернулись. Сестеръ своихъ Отче-ары не застала у отца: онѣ вышли объ за мужъ за богатырей. Собрались они опять ѣхать въ гости къ сестрамъ. Приѣхали; Отче-ары и давай ихъ бить; бьетъ и приговариваетъ, отчего они не хотѣли къ ней на свадьбу приѣхать. Канъ-мергенъ запилъ у свояковъ; семь дней пилъ безъ просыпу. Жена стала его уговаривать, чтобъ онъ не пилъ,—пуще прежняго Канъ-мергенъ запилъ; пилъ девять дней безъ просыпу и свалился. Двое свояковъ его, обиженные за оскорбленія Отче-ары, сговорились убить Канъ-мергена, пока онъ пьянъ. Чѣмъ ни бьютъ, все ломается, ничто его не беретъ. Удумали привезти его собственное оружіе и имъ убить; привезли саблю, но никто изъ нихъ не можетъ поднять ее надъ нимъ. Наконецъ, вчетверомъ подняли саблю стоймя и уронили; она упала и какъ разъ угодила по шеѣ; отлетѣла голова прочь, умеръ Канъ-мергенъ. Конь его Канъ-бозра убѣжалъ домой, жена возвратилась туда же. Черезъ девять мѣсяцевъ родился у нея сынъ, такой, что ночь почуветъ—ему годъ, двѣ ночи—ему два года. Когда онъ сталъ подростать, началъ ловить отцовскаго коня, но не могъ съ нимъ совладать, не поймалъ—маль былъ еще. Конь Канъ-бозра посадилъ мальчика на жеребенка и сталъ водить его за собою. Между тѣмъ,

двое дядей мальчика, задумали и коня Канъ-мергенова поймать; ловили, ловили, не могли поймать, а поймали только жеребенка съ мальчикомъ и увели ихъ къ себѣ. Мальчикъ восемь сутокъ жилъ у нихъ и все съ ними боролся; боролся и убилъ ихъ обоихъ. Мальчика звали Кумюсъ-иргекъ. Убивъ дядей, онъ пошелъ къ отцу, нашелъ его мертвого и оживилъ. Канъ-мергенъ точно отъ сна проснулся—ожилъ, удивляется, что долго спалъ. Затѣмъ, онъ взялъ къ себѣ въ услуженіе всю семью свояковъ, кого въ пастухи, кого въ стряпки, и т. д. Живетъ Канъ-мергенъ дома. Вдругъ Кумюсъ-иргекъ почувалъ что-то недоброе, что войной на нихъ идутъ, и сказалъ отцу. Канъ-мергенъ выскочилъ изъ дому и видитъ, что войско тутъ и есть, кругомъ заставой стоитъ. Противъ этой заставы отецъ съ сыномъ вдвоемъ идутъ. Впередъ шли—70 человекъ перебили, улицу сдѣлали, назадъ шли—60 убили. Черезъ шесть дней перебили все войско. Подъ таскыломъ ¹⁾ стоятъ два богатыря и два буланныхъ коня; вызываютъ они Канъ-мергена на поединокъ, а смотрѣть на нихъ нельзя: такъ они свѣтятъ. Семь сутокъ Канъ-мергенъ съ сыномъ боролись съ богатырями—не могутъ одолѣть одинъ другого. На седьмой день Кумюсъ-иргекъ поднялъ этихъ богатырей, ударилъ о земь—они рассыпались. Поѣхалъ Канъ-мергенъ съ сыномъ домой и на дорогѣ повстрѣчалъ старуху—косы коношляныя, ѣдетъ на коурой кобылѣ. Кумюсъ-иргекъ схватился съ нею тотчасъ, но не можетъ одолѣть. Слышитъ, ѣдетъ богатырь на бѣло-голубомъ конѣ и кричить: „Бейся, старуха, держись, пока я не подѣду!“ Подѣхалъ богатырь, схватилъ старуху за косы и началъ ее бить нагайкой; старуха его убила. Потомъ Кумюсъ-иргекъ опять схватился съ нею и убилъ ее. Другой богатырь ѣдетъ на саврасомъ конѣ и поетъ: „Если трава не родится, я сдѣлаю, что она будетъ расти; если листа на деревѣ нѣтъ, я сдѣлаю, что онъ будетъ, только не отпускайте до меня старуху!“ Когда онъ подѣхалъ, Кумюсъ-иргекъ схватилъ его и тутъ же убилъ. Слышитъ Кумюсъ-иргекъ потопъ, наноситъ ему вѣтромъ голосъ: „Поможетъ или нѣтъ моему горю?“ Затѣмъ и другой голосъ слышитъ: „Не помогай и не давай защиты; это все обманъ“. Съ той стороны, откуда слышался первый голосъ, пріѣхала дѣвица; пріѣхала и по-

¹⁾ Таскыль—бѣлогорье, высокія горы.

воротила тотчасъ назадъ. Кумюсъ-иргекъ кинулся за нею. Гонится за тридевять земель, гонится на востокъ и догнать не можетъ. А дѣвица обернулась лебедемъ, летить впереди него на свою родину. Попадается на встрѣчу богатырь Кучунъ-мукэ на буромъ конѣ. Встрѣтились — начали драться; гдѣ повернутся — земля не остается, гдѣ развернутся — воды не стааетъ, въ мерзлой землѣ дерутся — по колѣно, въ талой — по поясъ; за что другъ друга ухватятъ, то и вырвутъ. Дѣвичій голосъ наноситъ Кучунъ-мукэ слова, чтобъ онъ какъ-нибудь осилилъ Кумюсъ-иргека. Но послѣдній схватилъ богатыря, поднялъ чуть не до неба и забилъ его въ землю совсѣмъ, убилъ. Снова погнался за дѣвицей. Догналъ ее: она красивица такая, что съ одной стороны глянетъ, какъ мѣсяцъ покажется, съ другой глянетъ, какъ солнце покажется. Видитъ Кумюсъ-иргекъ, что это его суженая. Звали ее Алтынъ-Сабакъ. Она не велитъ ему подходить къ ней. Однако, Кумюсъ-иргекъ поймалъ ее — ничего она не можетъ съ нимъ подѣлать. Пока они боролись, съ неба Саратъ-Сабы-мергенъ обернулся лошадю и выстрѣлилъ въ Кумюсъ-иргека, да мимо. Усмотрѣлъ Кумюсъ-иргекъ своего врага между облаками, выстрѣлилъ туда и убилъ его. Тотъ упалъ на землю. Какъ только онъ упалъ, у дѣвицы въ карманѣ письмо появилось. Читаетъ она его, а тамъ сказано, что сколько бы она ни блплась, а быть ей за Кумюсъ-иргекомъ за мужемъ. Тогда она бросилась къ нему на шею и поцѣловала. Отправились они отсюда домой. Близко ли, далеко ли ѣдутъ — доѣхали. У Кумюсъ-иргека было два табуна; съ радости онъ всѣхъ лошадей перекололъ на свадьбу, на которую слѣпыхъ везуть, а хромые на костыляхъ плетутся. Девять дней пируютъ — земля не поверхнетъ; остатки доѣдаютъ — народъ расходится. Хорошіе хвалятъ, а худые ругаютъ: „Два табуна закололъ, а накормить не можетъ!“

183. Алтынъ Иргекъ.

Жили около моря братъ съ сестрой и ничего не знали о своемъ происхожденіи. Сестра была старше. Когда они подросли, сестра стала совѣтовать брату заняться какимъ-нибудь промысломъ для пропитанія. Братъ сдѣлалъ изъ дерева лучокъ, изъ лыка тетиву, и пошелъ охотиться. Впередъ шелъ — семь убилъ, назадъ пошелъ — шесть убилъ. Этой пищи было мало. Сестра совѣтуетъ ему

пленки поставить. Онъ поставилъ на горѣ на тетерь, подъ горой—на зайцевъ; самъ легъ спать и видитъ во снѣ, что въ пленки ему попались зайцы и тетери. Утромъ всталъ и увидѣлъ, что по горамъ въ каждой пленкѣ по косачу, а на рѣчкѣ—по зайцу. Сталъ онъ вынимать тетерь; они рванулись, силки порвали и улетѣли; то же случилось и съ зайцами: порвали пленки, убѣжали. Разсердившись на неудачу, онъ вырвалъ дерево съ корнемъ, сдѣлалъ его батогомъ и пошелъ куда глаза глядятъ, а сестру оставилъ. Сначала онъ шелъ по тайгѣ, ничего не встрѣтилъ, потомъ шелъ близъ моря и ушелъ на таскылъ — нигдѣ ничего найти не могъ. Поднялся онъ на таскылъ и оттуда увидѣлъ вдали огонь, и не знаетъ, чтобы такое это было. Направился онъ на огонь, и, когда сталъ къ нему подходить, вдругъ изъ огня навстрѣчу ему вышелъ змѣй, вытянулъ голову и хотѣлъ ужалить. Тотъ сказалъ: „Подожди, что ты такъ наступаешь на меня“. И змѣй обернулся человѣкомъ. Парень объяснилъ этому человѣку, что онъ шелъ на огонь узнать, чтобы онъ значилъ. Человѣкъ, обернувшійся изъ змѣя, сказалъ, что тамъ его жилище, серебромъ и золотомъ крытое, что тамъ много змѣй живетъ, много всякаго золота и серебра, и далъ парню совѣтъ, что когда онъ придетъ туда и увидитъ у дверей привязаннаго щенка желтаго, то чтобы ничего не бралъ, ни золота, ни серебра, а просилъ бы эту собачку. Получивъ совѣтъ, онъ отправился; когда пришелъ въ юрту, всѣ змѣи бросились на него, но онъ обошелся съ ними, и они сдѣлались людьми. Онъ имъ сказалъ, что онъ бѣдный человѣкъ, нѣтъ у него ни роду, ни племени. Ему даютъ серебра, золота, одежды всякой — ничего не беретъ, а, увидѣвъ собачку, сталъ просить ее. Всѣ тогда заплакали вдругъ, но все-таки отдали. Пошелъ онъ съ этой собачкой и думаетъ: „Поймать бы хоть выдру!“ Встрѣтилъ выдру, сталъ собаку усыкать на нее, но та бросилась назадъ, ему подъ ноги. Пошелъ дальше, въ тайгу. „Попробую“, думаетъ,— „на соболя пустить!“ Но и отъ него собака бросилась назадъ. Попробовалъ на медвѣдя пустить—убѣжала, Потомъ, встрѣтилъ 60 мараловъ, пускаетъ на нихъ собаку, та не идетъ. „Что“, думаетъ,— „за собака? Ни на какого звѣря не идетъ!“ Пошелъ домой. Дорогой попалась береза; онъ сѣлъ подъ ней отдохнуть и уснулъ. Проснувшись, видитъ, что онъ весь въ золотѣ и серебрѣ, сапоги у него съ отворотами, а

березы не стало. Собаченка тутъ же лежитъ. Передъ нимъ стоитъ столъ со всякими кушаньями и винами. Пока онъ любовался всѣмъ этимъ, его опять позвало на сонъ. Проснулся, смотреть—за столомъ сидитъ дѣвица, красавица и нарядная такая; сидитъ и шьетъ; а это собачка обернулась въ нее: потому и плакали такъ о ней дома. Дѣвица говоритъ парню, что мѣсто это чужое, и прожиться имъ тутъ не слѣдуетъ, а нужно идти на свое мѣсто. Сироту этого дѣвица тутъ же назвала Аксаптакъ-аттыгъ-Алтынъ-Иргекъ. Повелъ онъ дѣвицу къ себѣ домой, гдѣ сестра его жила. Пришли; сестры нѣтъ, а вся домашность, хозяйство тутъ. Началь Алтынъ-Иргекъ сестру звать, кричать: не выйдетъ ли откуда? На этотъ крикъ изъ Алтынъ-тага вышло множество скота; передніе идутъ—траву ѣдятъ, а заднимъ достается только землю лизать. Скотъ былъ запертъ въ Алтынъ-тагъ его сестрой. И слышитъ Алтынъ-Иргекъ, что кто-то, гдѣ-то пѣсни поетъ, а потомъ, вдругъ, все стихло. И сталъ онъ спрашивать у дѣвицы, теперь ужъ у жены, кто бы это былъ. Та хоть и не видала, но знала, что это былъ Кубай-госъ, который его сестрѣ выкололъ одинъ глазъ и отломилъ руку. „И тебя“, говоритъ,—„хотѣлъ убить, но побоялся и вернулся назадъ“. Алтынъ-Иргекъ сейчасъ осѣдлалъ коня, поѣхалъ къ этому богатырю, который завладѣлъ его сестрой. Много рѣкъ и таскыловъ проѣхалъ онъ, море проѣхалъ, и видитъ—въ одномъ мѣстѣ около юрты богатырскій конь стоитъ Корать. Изъ юрты вышелъ богатырь, сѣлъ на коня и выѣхалъ на встрѣчу Алтынъ-Иргеку. Поздоровались. Алтынъ-Иргекъ началъ выговаривать Кубай-госу зачѣмъ онъ его сестру увезъ. Тотъ отвѣтилъ, что онъ ее взялъ потому, что у нея ничего не было, и она голодала, взялъ ее изъ жалости. Однако, Алтынъ-Иргеку обидно стало, зачѣмъ увезъ ее Кубай-госъ и изуродовалъ. Схватились драться, и Кубай-госъ былъ убитъ. Алтынъ-Иргекъ забралъ все его имущество и скотъ, оздоровилъ свою сестру, а женѣ Кубай-госа въ отместку выкололъ глазъ и переломилъ руку и погналъ ее къ себѣ домой вмѣстѣ со скотомъ. Приѣхали. Жена Алтынъ-Иргека встрѣтила ихъ. Жену Кубай-госа заставили скотъ пасти, пастухомъ сдѣлали.

184. Тызынь богатырь ¹⁾.

Очень давно прибѣжалъ на Лену якутъ Омогой съ большимъ семействомъ; спустя нѣсколько лѣтъ послѣ него приплылъ Якутъ Тызынь-богатырь и поселился вмѣстѣ съ Омогоемъ въ мѣстахъ, гдѣ теперь находится Якутскъ. Тызынь отличался необыкновеннымъ ростомъ и силою. Когда онъ былъ убитъ въ сраженіи съ Русскими, свѣшали на вѣсахъ одинъ его глазъ, и онъ вытянулъ три фунта; глазъ этотъ былъ отосланъ казаками Бѣлому царю. Народъ выбралъ Тызыня-богатыря своимъ вождемъ. Вотъ однажды приѣзжаютъ сверху по Ленѣ „бѣлые люди“. Ихъ было человекъ восемь. Они притворились, что убѣжали отъ притѣсненій, и просили убѣжища. Тогда Якуты, посовѣтовавшись между собою, рѣшили принять ихъ въ свое общество: „Народъ они сильный; будутъ намъ помощниками!“ Но перезимовавъ, бѣлые люди, какъ только Лена очистилась отъ льда, исчезли. Послѣ оказалось, что это были Русскіе. Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ приплыло сверху множество плотовъ и лодокъ съ „бѣлыми людьми“, которые подплыли къ столицѣ Тызына, и высадившись на берегъ, поднесли ему богатые подарки и множество бисеру (такъ Якуты называютъ мелкіе бусы), который тогда цѣнился Якутами наравнѣ съ алмазомъ. За одну бисерину, величиною съ горошину, давали корову или быка.

Перезимовавъ съ Якутами, Русскіе попросили у нихъ клочокъ земли для поселенія. Якуты, собравшись на совѣтъ, сначала не рѣшались впустить въ свою среду Русскихъ, опасаясь ихъ, какъ сильныхъ людей. Но когда Русскіе попросили у нихъ такой клочекъ земли, который будетъ величиною въ длину и ширину съ воловью шкуру, то Якуты, удивившись такой скромности просьбы, охотно согласились дать просимый кусокъ земли. „Зачѣмъ вамъ такой клочекъ земли? Что вы будете дѣлать съ нею?“ спрашивали добродушные Якуты.

Русскіе, изрѣзавъ бычью шкуру на тончайшіе ремешки, от-

¹⁾ Сказки подъ №№ 184—187 заимствованы нами, съ дозволенія автора, изъ рукописныхъ записокъ о Верхоянскомъ округѣ Якутской области, составленныхъ Евг. Ив. Борисовымъ. Всѣ они записаны у Якутовъ Верхоянскаго округа.

мѣрили столько земли, сколько хватило ея, измѣренной въ длину и ширину связанными ремешками воловьей шкуры. На этой землѣ они построили городъ, обнесли его деревянною стѣной съ башнями и такимъ образомъ заложили городъ Якутскъ. Дома привезли они готовыми на плотахъ, разобранными. Только тогда Якуты увидѣли, что были обмануты; но примирились съ новымъ положеніемъ тѣмъ болѣе, что Русскіе обращались съ ними гостеприятно и часто принимали ихъ у себя. Но Русскіе на этомъ не остановились. Они стали въ своемъ городѣ по дворамъ разбрасывать въ большомъ числѣ бисеръ, который и привлекалъ во дворы громаднаыя толпы Якутовъ, собиравшихъ по русскимъ дворамъ эту драгоценность. Сами же Русскіе подавали видъ, что не обращаютъ на это никакого вниманія. Впослѣдствіи Русскіе вдругъ потребовали отъ Якутовъ свой бисеръ. Это и послужило предлогомъ къ открытой войнѣ, такъ какъ разбросанный бисеръ ни коимъ образомъ нельзя было собрать снова въ томъ количествѣ, въ какомъ онъ былъ разбросанъ по дворамъ. Начинается война. Русскіе заперлись въ своемъ укрѣпленномъ городкѣ и съ успѣхомъ отстрѣливались отъ нападеній Якутовъ, вооруженіе которыхъ состояло изъ луковъ и стрѣлъ, между тѣмъ какъ Русскіе сражались огнестрѣльнымъ оружіемъ. Якуты, не знакомые съ ружьями, крайне удивлялись такому способу защиты. „Что это значитъ?“ недоумѣвали они;— „прилетитъ какая-то муха, укуситъ, и человекъ умираетъ“. Якуты были побѣждены въ этой войнѣ. Только богатырь Тызынъ съ своею дружиною побѣдоносно отражаетъ нападенія Русскихъ, которые, убѣдившись въ невозможности взять его силою, рѣшились завладѣть имъ хитростью. Заключивъ миръ, Русскіе пригласили Тызына и другихъ богатырей съ дружиною къ себѣ на мировой пиръ. Когда Тызына и его дружину Русскіе угощали водкой, то гости сначала обидѣлись и не хотѣли брать въ руки чашекъ съ виномъ. „Въ великой Ленѣ много воды и ею мы угощаемъ даромъ не только людей, но и скотъ нашъ“, говорили Якуты. Но когда, послѣ усиленныхъ просьбъ, гости попробовали водку, то крайне удивились и говорили: „Что это значитъ? Пьешь воду, а жжетъ огнемъ и веселіе великое находить“. Когда Якуты перепились, Русскіе перебили всѣхъ ихъ на мѣстѣ.

185. Перелетъ птицъ.

Въ незапамятныя времена всѣ птицы, прилетающія сюда на лѣто, не дѣлали этаго, а жили постоянно на югѣ. Но когда имъ сдѣлалось тѣсно и жарко, онѣ созвали собраніе и начали говорить: „Намъ сдѣлалось тѣсно, корму недостаетъ, отъ жаровъ яйца наши гніють, число дѣтей не увеличивается; необходимо найдти другое мѣсто для лѣтняго времени. Для этого нужно послать кого-нибудь высмотрѣть хорошія удобныя мѣста“. Съ этимъ всѣ согласились и выбрали журавля, птицу важную, почтенную, умную, осторожную, умѣющую хорошо летать и отлично ходить, благодаря длиннымъ ногамъ. Дали журавлю три года сроку, ибо ему нужно было облетѣть и осмотрѣть три страны: западь, сѣверъ и востокъ. Журавль улетѣлъ. Утка чирокъ была красивѣе всѣхъ птицъ; перья ее блестящи ярко-зеленымъ цвѣтомъ; кромѣ того чирокъ отличался юркостью, веселостью и волокитствомъ. Когда улетѣлъ журавль, чирокъ сейчасъ же началъ ухаживать за журавлихой и очень ей понравился. Зажили они знатно и чирокъ даже поселился у журавлихи. Прошло три года. Какъ-то ночью прилетѣлъ журавль и сейчасъ же къ своей женѣ; чирокъ едва успѣлъ спрятаться подъ гнѣздо. Журавль и говоритъ своей женѣ: „Прекрасныя мѣста нашелъ я на сѣверѣ—обширныя, привольныя, прохладныя, изобильныя кормомъ. Тамъ можно много расплодить птенцовъ. Но я не дуракъ. Завтра на общемъ собраніи птицъ я заявлю, что на сѣверѣ хуже, чѣмъ гдѣ либо, а потомъ мы съ тобой полетимъ на сѣверъ и тамъ заживемъ на славу; никто не помѣшаетъ!“ Чиркъ! чиркъ! закричалъ чирокъ и вылетѣлъ изъ подъ гнѣзда. „Что это такое?“ спросилъ журавль у жены. „Ахъ, другъ“, сказала журавлиха: „здѣсь чудится. Послѣ того, какъ ты улетѣлъ, я ни одной ночи не провела спокойно; все чудится, кричитъ, свиститъ, поетъ, хохочетъ, стонетъ, плачетъ“: „Да, да, всегда такъ бываетъ“, сказалъ журавль.

Маленькая бойкая утка богоргоно, родственница чирка, отличалась невоздержностью языка. Чирокъ прилетѣлъ прямо къ богоргоно и говоритъ: „А знаешь? Журавль вернулся!“ „Ну и что же?“ спрашиваетъ богоргоно. „А то, что журавль хочетъ погубить весь нашъ птичій родъ!“ „Не врешь ли? Этакая почтенная птица, какъ

*

журавль, не сдѣлаеть дурнаго дѣла“. „А вотъ сдѣлала же! Слушай, сейчасъ я случайно слышала разговоръ журавля съ своей женой; онъ говорилъ, что на сѣверѣ есть прекрасныя мѣста для лѣтровки, а собранію хочетъ доложить, что на сѣверѣ скверно; хочетъ улѣтѣть туда только самъ съ своею женой“. „Смотри, какой мерзавецъ!“ сказала богоргоно. „Но, постой! Надѣлаю я ему стыда; пусть вспомнить онъ, какъ однажды при многихъ женщинахъ онъ смѣялся надъ моими короткими ногами“.

Вотъ собрались всѣ птицы большія и малыя на совѣтъ. Журавль рассказываетъ о томъ, что видѣлъ онъ во время своего полета. „Быль я“, говоритъ, „на западѣ и на востокѣ; тамъ все одно, какъ и здѣсь; тѣсно, жарко, корму мало; потомъ я полетѣлъ на сѣверъ и едва, едва вернулся оттуда живымъ; тамъ ужасно холодно; вѣчные туманы, нѣтъ лѣта, постоянная зима; растительности нѣтъ никакой, въ добавокъ тамъ водятся огромныя хищныя птицы съ клювомъ, длиною, какъ коса и съ такими же когтями; онѣ прожорливы и жестоки; если летѣть туда, никто не воротится“. „А какъ же ты вернулся?“ вдругъ спросилъ богоргоно, и затѣмъ, обратясь къ собранію, продолжалъ: „Не вѣрьте ему: онъ вретъ“. Прошлою ночью онъ женѣ своей рассказывалъ совсѣмъ другое; онъ одинъ хочетъ воспользоваться удобствами сѣвера, онъ одинъ хочетъ расплодить птенцовъ. Я случайно узналъ о его зломъ умыслѣ“. „Какъ ты смѣешь предъ такимъ почтеннымъ собраніемъ позорить меня?“ вскрикнулъ журавль и, вскочивъ съ своего мѣста, бросился на богоргоно. Не успѣли крупныя птицы броситься защищать богоргоно, какъ большая птица журавль до полусмерти избилъ маленькую птицу богоргоно, вывихнула ему ноги и вѣроятно убила бы, если бы собраніе не спасло ее. Птицы сказали журавлю: „Старикъ журавль, ты напрасно такъ разгорячился, напрасно такъ избилъ бѣднаго богоргоно. Мы этого не одобряемъ онъ, вѣдь семейный. Смотри онъ чуть живъ. Нѣтъ, мы тебѣ теперь не вѣрнимъ!“ Нѣсколько успокоившись, птицы снова обсудили вопросъ и рѣшили: „Если бы журавль говорилъ дѣйствительно правду, то не ожесточился бы такъ сильно на малую птицу. Ясное дѣло, что бѣдный богоргоно не удержался и сказалъ слышанное. Поэтому надобно послать снова когонибудь на сѣверъ. Пусть полетитъ туда орель, птица умная, дальноворкая, храбрая и ско-

пополетная. Дадимъ ему годъ сроку. А богоргоно пусть лечится и кормится на счетъ журавля, который пусть вперед не расправляется своей волей; на то есть общественное собраніе!“ Орель полетѣлъ на сѣверъ. Ровно черезъ годъ, весной, вернулся орель. Опять собрались птицы. Орель доложилъ, что онъ на сѣверѣ нашелъ прекрасныя, обширныя, прохладныя и обильныя кормомъ мѣста; для вывода птенцовъ мѣста какъ нельзя болѣе удобныя. Никакихъ страшныхъ птицъ, о которыхъ сказывалъ журавль, тамъ нѣтъ.

Не теряя времени птицы собрались для полета на сѣверъ и только что хотѣли тронуться, какъ явился предъ ними богоргоно хромой и съ вывихнутымъ крыломъ. „Старики“, сказалъ онъ,— „я имѣю слово сказать. Въ прошломъ году при васъ же журавль избилъ меня безвинно и за правду; сами вы теперь видите. Вы теперь улетаете, а куда я дѣнусь больной и при томъ семейный человѣкъ? Безъ общества я здѣсь останусь на вѣрную гибель. Посмотрите на меня „теплымъ глазомъ“, отцы-господа; рѣшите мою участь, пока не улетѣли!“ „Да, онъ правду говоритъ“, сказали всѣ птицы. „Дѣйствительно, онъ погибнетъ безъ посторонней помощи, а дать погибнуть своему брату птицѣ будетъ для насъ срамомъ. Такъ какъ въ его безпомощности виноватъ журавль, который виноватъ и тѣмъ, что вралъ передъ нами, то онъ и долженъ нести наказаніе: пусть онъ отнынѣ и до вѣка таскается къ сѣверу и обратно на себѣ птицу богоргоно“. И съ тѣхъ поръ при полетѣ на сѣверъ и обратно богоргоно садится на спину журавля. послѣдній поэтому и рѣдко долетаетъ до дальняго сѣвера, ибо ранѣе другихъ птицъ устааетъ, такъ какъ летитъ съ тяжестью на спинѣ. А орла за его заслугу зовутъ тоёнъ (господинъ, начальникъ).

186. Босно.

Въ одномъ изъ чудныхъ и прелестныхъ уголковъ земли жили три брата. Старшаго звали Батеръ-богатырь; средняго — Бухариатахъ; а третій былъ калѣка-дурачекъ, тридцать лѣтъ лежавшій въ постели. Старшіе братья занимались звѣроловствомъ и въ продолженіе 30 лѣтъ добыли такое множество богатства, что биткомъ набили девять амбаровъ дорогой пушниной. Старшіе братья не любили младшаго и кормили его объѣдками послѣ себя. 30 лѣтъ

калѣка терпѣливо выносилъ всякія обиды отъ своихъ братьевъ, тридцать лѣтъ кормился объѣдками, которые бросали ему на полъ, но на 30-й годъ не стерпѣлъ и задумалъ отомстить братьямъ.

Однажды старшіе братья отправились на промыселъ; калѣка взялъ горячую головню, зажегъ три амбара съ пушниной, а когда они сгорѣли, собралъ остатки обгорѣлой кожи и снова началъ жарить, чтобы съѣсть этотъ обгорѣлый мусоръ до прихода братьевъ. Братья такъ удачно охотились, что и лошадей навьючили и на себѣ едва тащили добычу. Подходи вечеромъ къ дому, они еще издали услышали горѣлый запахъ кожъ и никакъ не могли догадаться, что это значить. Предчувствуя недоброе, они бросили добычу и скорѣе побѣжали домой. Очень они удивились, когда увидели, что три амбара съ пушниной сгорѣли. Войдя въ юрту, они нашли калѣку за ѣдой жареной кожи, которой онъ набилъ себѣ полонъ ротъ. Братья догадались, кто сжегъ амбары, а калѣка съ усмѣшкой поздравилъ ихъ съ богатой добычей. Тогда старшій братъ страшно разсердился и говоритъ среднему: „Возьми его, стащи въ тайгу и убей тамъ! Тридцать лѣтъ копили мы богатство, а онъ въ одинъ день сжегъ третью часть“. Калѣка мало беспокоился о своей участи, но все таки уговаривалъ братьевъ его не убивать, пугал ихъ судомъ. Средній братъ схватилъ калѣку за волосы, вытащилъ изъ юрты и началъ топтать своими богатырскими ногами, такъ что у калѣки кости трещали; бросилъ онъ его бить только тогда, когда уже калѣка едва дышалъ; братъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ умретъ. Черезъ три дня братья опять отправились на охоту. Калѣка послѣ ихъ ухода оправился и первымъ дѣломъ опять сжегъ еще три амбара. Когда братья возвратились съ охоты, старшій сказалъ среднему: „Зачѣмъ ты не убилъ калѣку? Видно ты съ нимъ за одно?“ Средній братъ оправдывался и общалъ на этотъ разъ непременно убить калѣку. „Въ противномъ случаѣ“, говорить, — „ты убей меня“. Калѣка снова усовѣщивалъ братьевъ, просилъ не убивать его и пугалъ судомъ, но средній братъ вытащилъ его за волосы изъ юрты, и такъ топталъ ногами, что всѣ кости изломалъ, потомъ зарылъ его въ глубокую яму, землю притопталъ а поверхъ могилы наложилъ толстыхъ бревенъ. Черезъ три дня братья снова отправились на охоту, а калѣка снова очнулся и опять сжегъ три амбара. Когда братья вернулись и увидѣли это,

старшій страшно разсердился и сказалъ среднему: „Я васъ обонхъ убью! Тридцать лѣтъ копили мы богатство, терпѣли и голодъ и холодъ, сколько разъ насъ едва звѣри не растерзали, а этотъ калѣка-дуракъ лишилъ насъ всего, сдѣлалъ опять нищими!“ Средній братъ оправдывался и говорилъ: „Если ты мнѣ не вѣришь, такъ убей меня сейчасъ!“ Калѣка же началъ подтрунивать и смѣяться надъ братьями; тогда старшій братъ схватилъ его за волосы, вытащилъ изъ юрты. Калѣка все не переставалъ смѣяться и пугалъ братьевъ судомъ, если они его убьютъ. Старшій братъ замахнулся на него копьемъ, но промахнулся и копье воткнулось въ землю такъ глубоко, что изъ ямы пошла вода и затопила весь дворъ. Старшій братъ въ гнѣвѣ и не замѣтилъ, какъ калѣка у него вывернулся и скрылся подъ корнями большого дерева; потомъ онъ вышелъ оттуда, началъ стучать по дуплу и заплѣлъ: „Ты, мать моя, родившая меня, услышь меня! Тридцать лѣтъ я жилъ и тридцать лѣтъ меня братья обижали; за это время много горя вытерпѣлъ я отъ нихъ! Теперь настало время мнѣ встать и сбросить братское иго! Въ небесахъ есть для меня конь и все оружіе богатырское, пошли мнѣ ихъ на землю и дай мнѣ силы!“

Дерево расщепилось на двое, и изъ него вышла полная женщина съ бѣлыми волосами; вся одежда на ней была изъ рысяго мѣха; женщина утѣшала калѣку и дала ему сосать лѣвую грудь. Потянувъ три раза, калѣка почувствовалъ прибыль необычайной силы и причинилъ женщинѣ такую боль, что она его оттолкнула. Калѣка снова заплѣлъ, прося ея помощи. Женщина обратилась къ Аи-Тоѣну (Творцу вселенной) съ такими словами: „Твой сынъ, проклятый тобою, тридцать лѣтъ пролежалъ на землѣ, терпя всевозможныя лишения; теперь прости его и прекрати его несчастья!“

Въ отвѣтъ на эту молитву съ четырехъ сторонъ поднялись вѣтры и небо все заволокло тучами, засверкали молніи, загремѣлъ громъ и вдругъ небесный сводъ разверзся пополамъ и изъ сіяющей разелины показалось много людей въ бѣлыхъ одеждахъ; они спустили на землю коня и все оружіе. Тогда женщина сказала калѣкѣ: „Смотри, не опусти своего коня, а то на вѣки потеряешь свою богатырскую судьбу!“ Конь чуть было не убѣжалъ, но калѣка ловко поймалъ его за узду, ударилъ плетью и остановилъ его. На сѣдлѣ коня были два мѣшка съ одеждой, оружіемъ и припасами.

Свѣтлые люди, благословляя калѣку на добрыя дѣла, заплѣли: „Отнынѣ имя твое будетъ Бдско-чалай-долонхса; да будешь ты непобѣдимъ и неузвимъ.“ Послѣ этого свѣтлые люди удалились на небо, и небеса сомкнулись.

Калѣка снялъ мѣшки и началъ примѣрять одежду и оружіе и все пришлось ему какъ разъ впору. Тогда вскочилъ онъ на коня и конь носилъ его три дня по горамъ и доламъ; калѣка не испугался и подъ конецъ усмирилъ своего коня. Все это братья видѣли и дивились диву. Спустя три дня калѣка вернулся къ братьямъ и говорилъ: „Тридцать лѣтъ вы обижали меня всячески. Что теперь долженъ я дѣлать съ вами? Самому мнѣ драться съ вами грѣшно, поэтому я вмѣсто себя поставлю иноплеменныхъ богатырей!“ И повернулъ калѣка своего лихаго коня на западъ; долго калѣка ѣхалъ на западъ и пріѣхалъ наконецъ въ желѣзное царство. Вдали онъ увидѣлъ большую восьмигранную желѣзную юрту; къ столбу возлѣ былъ привязанъ желѣзный двуногій конь, который ѣлъ каленое желѣзо, и испражнялся холоднымъ. Калѣка поставилъ своего коня рядомъ, кони начали драться и вырвали другъ у друга клочья тѣла. Калѣка вошелъ въ юрту и увидѣлъ на желѣзной кровати трехграннаго желѣзнаго человѣка, спящаго глубокимъ сномъ. Присмотрѣвшись, калѣка замѣтилъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ одну ногу, одну руку, одинъ глазъ; человѣкъ, очевидно такъ давно спалъ, что обросъ мохомъ и землей засыпался; глазъ у него былъ такой огромный, что черви величиной съ быка ползали въ немъ. Калѣка дивился; осмотрѣвшись, увидѣлъ онъ тридцатипудовую палицу; онъ три раза ударилъ этою палицей по лбу спящаго человѣка. Желѣзный человѣкъ проснулся и пробормоталъ: „Что за черви не даютъ мнѣ спать!“ Калѣка объяснилъ, что разбудилъ его онъ, и разказалъ, зачѣмъ къ нему пріѣхалъ. Желѣзный человѣкъ внимательно его выслушалъ, а когда калѣка закончилъ свою рѣчь словами: „Всего у насъ много да ѣсть некому!“ онъ сказалъ: „Я поѣду къ вамъ и все поѣмъ!“ Потомъ желѣзный человѣкъ всталъ, одѣлся въ желѣзную одежду, вышелъ изъ юрты и сѣлъ на желѣзнаго коня бокомъ; калѣка ѣхалъ сзади желѣзнаго всадника. Когда они пріѣхали туда, гдѣ жилъ калѣка, послѣдній предложилъ желѣзному всаднику ѣхать впередъ и вызвать его братьевъ на поединокъ, общая пособить, еслибы случилось, что желѣзный всадникъ не

осилить братьевъ. Желѣзный человѣкъ, подѣзжая къ юртѣ братьевъ, поднялъ шумъ. Старшій братъ, увидавъ желѣзнаго человѣка, удивился и пошелъ сообщить объ этомъ среднему брату. Потомъ взялъ лукъ и стрѣлы, величиною съ юрту и вышелъ навстрѣчу желѣзному человѣку. Тридцать дней онъ прицѣливался и натягивалъ лукъ, выстрѣлить прямо въ печень желѣзному человѣку; стрѣла прошла насквозь. Калѣка, погорѣвавъ, что не смотря на всѣ трудности въ поѣздкѣ, онъ привезъ такого слабаго богатыря, сказалъ братьямъ, что онъ поищетъ другаго посильнѣе и поѣхалъ на югъ. Долго пришлось ему ѣхать, наконецъ пріѣхалъ онъ въ мѣдную землю, гдѣ увидалъ мѣдную юрту и возлѣ нея привязаннаго къ столбу мѣднаго коня на восьми ногахъ. Привязавши своего коня рядомъ, калѣка вошелъ въ юрту и увидѣлъ спящаго мѣднаго человѣка, о восьми головахъ и двухъ ногахъ. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ 30-пудовую мѣдную палицу и ударилъ ею мѣднаго человѣка по лбу. Мѣдный человѣкъ проснулся и заговорилъ на восьми языкахъ. Калѣка разсказалъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ и просилъ богатыря помочь одолѣть братьевъ. Мѣдный человѣкъ сказалъ, что еще до его пріѣзда онъ зналъ про обиду, которая калѣка терпѣлъ отъ братьевъ, но что онъ самъ помочь ему не можетъ; совѣтовалъ ѣхать на востокъ, гдѣ живетъ богатырь, родовитый Якутъ, извѣстный подъ именемъ Сабуй-я-бай-тогю (то-есть, первый богачъ въ мірѣ). „У этого богатыря“, сказалъ онъ, — „есть дочь по имени Ханъ-ивняхъ-кочулахъ-ко (румяныя щеки, завѣтная дѣвица); ею хотятъ завладѣть девять богатырей; иди, побей ихъ, возьми дѣвицу за себя замужь! Мнѣ же твоей благодарности и богатства вашей страны ненужно, такъ какъ я имѣю владѣнія во всѣхъ четырехъ странахъ свѣта и голодать мнѣ еще не случалось. Если же ты не одолѣешь девяти богатырей, то я тебя убью! Мое имявелпкое; Агисъ-бастахъ-Андурай (восьмиголовый богатырь). И такъ согласенъ ли ты или нѣтъ?“ Калѣка разсердился на мѣднаго богатыря и сказалъ: „Не хвастай своими восемью головами! я растопчу ихъ, какъ ягоды!“ Взбѣшенные, бросились они другъ на друга и вступили въ бой; земля подъ ними дрожала, глубоко взрываясь подъ ихъ ногами, лѣса и горы падали, шумъ отъ ихъ поединка разнесся по всему міру и дошелъ до небесъ. Двадцать-три колѣна святыхъ духовъ на небесахъ услышали этотъ шумъ, испугались и

поставили по дорогамъ стражу; а двадцать шесть колѣвъ подземныхъ духовъ, испугавшись этого шума и землетрясенія, поставили по дорогамъ двойную стражу. Наконецъ калѣка изловчился и повалилъ восьмиголового человѣка на землю; отъ его паденія земля подалась на восемь сажень въ глубину. Калѣка наступилъ врагу колѣномъ на грудь и занесъ уже ножъ, чтобы заколоть его, какъ вдругъ восьмиголовый богатырь исчезъ изъ подъ него, а калѣка ушелъ въ землю еще на семь сажень въ глубину. Тогда калѣка всталъ и началъ осматриваться, не вѣря своимъ глазамъ, а потомъ заревѣлъ съ горя, что потерялъ противника. Вдругъ калѣка услышалъ изъ подъ земли плачь восьмиголового человѣка: „Столько лѣтъ я славился во всемъ мѣрѣ своею силою и вдругъ нашелся такой простофиля—увалень и поборолъ меня. Но подожди, придетъ время, когда ты женишься и у тебя будутъ дѣти; я приѣду и раздѣлаюсь съ тобою!“ Порѣшивши, что восьмиголового богатыря ему теперь не найдти, калѣка вспомнилъ его слова и отправился на востокъ къ Якуту Сабуйя-бай-тоѣго. Долго ѣхалъ калѣка и приѣхалъ въ прекрасную золотую рошу, слѣзъ къ коня, обратилъ его въ кремень и положилъ его въ карманъ; самъ же превратился въ бѣднаго, одѣтаго въ рубище, парня. Идя по дорогѣ, онъ сдѣлалъ себѣ мѣдный ножъ и деревянные ножны. По дорогѣ встрѣтилъ онъ такого же парня съ ведрами, который гналъ на водопой девять телятъ. Калѣка спросилъ у него: куда онъ зашелъ, въ какую землю и кто здѣсь живетъ? Парень началъ ругать калѣку за то, что онъ его останавливаетъ; калѣка подарилъ этому работнику мѣдный ножъ, тотъ обрадовался подарку и рассказалъ ему тоже, что говорилъ и восьмиголовый богатырь. „Третій годъ“, говорилъ слуга, „живутъ здѣсь девять богатырей; поѣли они много скота; вотъ имена этихъ богатырей: первый богатырь ллэръ-Этинъ-Юла-Бура-Дохсунъ (то-есть, сынъ грома, страшно дерзкій, неукротимый); второй: Карджитъ, сынъ неба, снѣжный богатырь; третій: Кара-Сурунъ-Юла-Шилу-Частой; четвертый: Тасъ-Кайя-Итчитя-Толь-Эгой (горный духъ каменный богатырь); пятый Сорбя-Хоя-Итчита Соодалъ Бэго, духъ утеса; шестой Баягаль-Итчита Балхакъ (морской богатырь, духъ волнообразный); седьмой Ютъ-Байгаль Итчита (богатырь духъ огненнаго моря); восьмой Боръ-Итчита-Борбухай богатырь, подземный духъ; девятый Сигирь-

Уола-Темиръ Силрденъ (сынъ земли, желѣзо сокрушающій). Черезъ три дня у нихъ порѣшено биться изъ за дѣвцы, изъ за дочери Сабуйя-бай-тоиго; сильнѣйшій будетъ ея женихомъ“. Выслушавъ слугу, калѣка отправился къ дому богача Якута, но встрѣтилъ на дорогѣ такую огромную толпу народа, что три дня ему понадобилось, чтобы добраться до юрты; потомъ столько же времени пошло на то, чтобы добраться отъ дверей до самаго богача. Калѣка началъ звать хозяина и жаловаться, что его не накормили. Старикъ богачъ приказалъ слугамъ накормить калѣку, который, хорошо поѣвши, тихонько отправился на дѣвичью половину. Подойдя къ двери, онъ услышалъ женскій голосъ: „Завтра послѣдній день жизни моея съ вами! Завтра одинъ изъ девяти богатырей увезетъ меня! Скучно мнѣ! Увеселяйте меня пѣснями и сказками!“ Это говорила дочь богача своимъ рабнямъ. Рабни отказываются пѣть и рассказывать, говоря, что не умѣютъ; тогда калѣка входитъ къ нимъ какъ бы нечаянно; ему предложили развлечь скучающую красавицу. Онъ охотно согласился и началъ рассказывать въ формѣ сказки свои похождения. Когда свой разказъ довелъ онъ до конца, то началъ плакать. Красавица спросила, отчего онъ плачетъ. Калѣка притворился, что онъ усталъ, что ему холодно; тогда красавица предложила ему лечь къ ней на кровать. „Ахъ“, сказала она, „какъ бы я желала быть женой этого славнаго богатыря, про котораго ты разказывалъ!“ Тогда калѣка принялъ свой настоящій видъ, во всемъ открылся красавицѣ и объяснилъ ей цѣль своего приѣзда. Послѣ этого калѣка опять началъ плакать и жаловаться на то, что красавица не его жена. Красавица сказала, что она полюбила его и что отъ него зависитъ отбить ее у девяти богатырей. Калѣка поклялся, что постарается убить всѣхъ до единаго. Затѣмъ онъ опять сталъ плакать и жаловаться на то, что ему холодно. Красавица обняла его и старалась согрѣть своимъ тѣломъ,—калѣка не переставалъ плакать и жаловаться; тогда красавица предложила ему лечь на нее, и обхвативъ его ногами, старалась согрѣть его, но калѣка все жаловался на холодъ.... Въ это время вдругъ подъ окномъ заржалъ конь калѣки и сказалъ ему: „Господинъ мой, не увлекайся и не предавайся любви. На тебя хотятъ напасть девять богатырей и заковать тебя въ распахъ. Слѣши же приготовиться и встрѣ-

тить ихъ, иначе ты погибнешь". Калѣка вскочилъ и отправился къ Сабуйя-бай-тоіго, объявляя ему свое имя и цѣль прїѣзда, и здѣсь же попросилъ его дочь себѣ въ жены. Сабуйя-бай согласился и началъ гадать о судьбѣ ихъ брака. „Если счастливъ будешь, отдамъ за тебя свою дочь!" сказалъ онъ и призвалъ шаманку гадать. Шаманка взяла золотое кольцо и бросила его на полъ, сказавши: „Если это кольцо не разобьется на двое, то бракъ будетъ счастливъ!" Кольцо оказалось съ одной стороны немного надтреснутымъ и шаманка дала благопрїятный отвѣтъ. Тогда Сабуйя-бай, обратясь къ калѣкѣ, сказалъ ему: „Теперь отъ тебя зависить твое счастье; если побѣдишь девять богатырей, то будешь владѣть моею дочерью". Калѣка во всеоружіи вышелъ изъ дому богача, и едва успѣлъ немного отойти, какъ на него напали девять богатырей, которые ожидали его тутъ. Первый богатырь чуть было не убилъ его, но промахнулся и упалъ самъ. Калѣка упрекнулъ богатырей, что они нападаютъ на него вдесятеромъ на одного, какъ разбойники, и предложилъ имъ выходить съ нимъ на поединокъ по очереди. Но они его не слушали и продолжали нападать всѣ разомъ; тогда изъ лѣсу вылетѣла птица и испустила на калѣку кусокъ помета; онъ почувствовалъ при этомъ, что силы у него прибавилось. Однако калѣка, обороняясь, продолжалъ отступать къ тремъ елямъ; дойдя, онъ взобрался на одну изъ нихъ и началъ просить дерево упасть, предлагая отдать за это свои обручальные кольца. Дерево упало. Калѣка схватилъ его и началъ размахивать елью вокругъ себя, наступая на богатырей. Только такимъ способомъ удалось ему побѣдить богатырей. Отдохнувши нѣкотрое время у рѣки, калѣка возвратился къ своему тестю. Между тѣмъ въ душѣ тестю не хотѣлось имѣть калѣку своимъ зятемъ и онъ думалъ, что калѣка погибнетъ въ борьбѣ съ богатырями; увидавши, что калѣка возвратился живъ и невредимъ, Сабуйя-бай скрылъ свое удивленіе и неудовольствіе и сказалъ: „Былъ у меня сынъ Гунтурантай (исполивъ), но вотъ прошло уже тридцать лѣтъ, какъ я не имѣю о немъ никакихъ извѣстій и незнаю, гдѣ онъ. Если можешь, то исполни мою просьбу, отыщи моего сына!" Калѣка согласился, и распростившись съ тестемъ, вышелъ на дворъ и вскочилъ на коня. Тогда вышла къ нему его жена тайно отъ отца, удержала коня и сказала: „Не торопись, побудь

со мной! Когда девять богатырей нападали на насъ, отецъ послалъ за Гунтурунтаемъ, чтобы онъ забавилъ насъ отъ нихъ, но онъ не явился; отецъ посылаетъ тебя на вѣрную гибель“. Калѣка выслушалъ свою жену, ударилъ коня по уху, превратилъ его въ камень, положилъ въ карманъ и пошелъ. Жена превратила его въ пыжика ¹⁾, въ пыжиковъ же обратила шесть слугъ. Сама она пошла домой, брызнула на очагъ масломъ и обратившись въ дятла вмѣстѣ съ дымомъ вылетѣла въ трубу и полетѣла вслѣдъ за пыжикомъ—мужемъ. Къ этому времени воротился домой изъ неизвѣстнаго своего пребыванія Гунтурунтай. Онъ былъ девяти сажень въ плечахъ, исполинскаго роста и такой тяжести, что девять лѣсинъ не могли его сдержать; онъ принужденъ былъ сѣсть на гору. Отъ дыханья его шелъ огонь и палилъ кругомъ лѣсъ. Онъ спросилъ Сабуйя-бая, зачѣмъ его звали послѣ тридцати лѣтъ разлуки. Сабуйя-бай сказалъ: „Звали тебя на помощь, такъ какъ девять богатырей хотѣли взять силой твою сестру. Теперь же калѣка якутъ увелъ ее съ собою и пропалъ безъ вѣсти; тебѣ нужно отыскать ихъ“. Тогда Гунтурунтай, убравъ огонь въ ротъ, пустился въ погоню за бѣглецами. Отъ его бѣга происходилъ страшный шумъ, лѣсъ и дома трещали, Гунтурунтай нагонялъ ихъ. Дятель, услышавъ погоню, велѣлъ пыжикамъ бѣжать во весь духъ. Шесть пыжиковъ слугъ разбѣжались въ разныя стороны, а дятель съ пыжикомъ мужемъ побѣжали на востокъ. Гунтурунтай погнался прежде за шестью пыжиками, потомъ, не догнавъ ихъ, бросился за пыжикомъ съ дятломъ; догоняя ихъ, онъ кричалъ, что съѣсть ихъ. Тогда дятель велитъ бѣжать пыжику въ каменный домъ съ высокой каменной стѣной, который былъ недалекъ; дятель быстро долетѣлъ до дома, а пыжикъ едва успѣлъ добѣжать; едва его схватилъ великанъ. Дятель и пыжикъ заперлись въ домѣ. Гунтурунтай началъ уговаривать свою сестру, чтобы она на свое волшебство не надѣялась, а лучше бы отдалась ему въ руки вмѣстѣ съ ея похитителемъ. Послѣ этого Гунтурунтай наклеилъ себѣ желѣзный носъ въ три аршина длиной и началъ долбить имъ стѣну; разломивши ее, онъ вошелъ во дворъ. Затѣмъ, раскрывъ свою пасть, онъ положилъ верхнюю челюсть на крышу дома, а нижнюю

¹⁾ Молодой олень.

подъ основаніе и хотѣлъ проглотить ихъ вмѣстѣ съ домою. Видя свою погибель, сестра предложила, что лучше она съ мужемъ выдетъ изъ дома и сами они войдутъ въ ротъ Гунтурунта. Великанъ согласился, бѣглецы вмѣстѣ съ оружіемъ вошли въ ротъ и Гунтурунта проглотилъ ихъ. Попавъ въ желудокъ, они прорубили его своимъ оружіемъ, добрались до сердца и изрубили его. Гунтурунта, чувствуя себя не хорошо и быстро теряя силы, упалъ на землю въ предсмертныхъ мукахъ. „Это я потерпѣлъ наказаніе за то, что не пожалѣлъ свою родную сестру!“ воскликнулъ онъ и мгновенно умеръ. Калѣка съ женой, прорубивъ его грудь, вышли наружу, сожгли трупъ великана, а пепелъ и кости бросили въ море.

Обрадовавшись побѣдѣ, калѣка предложилъ женѣ поѣхать къ отцу. Они поѣхали; на дорогѣ встрѣтился имъ Тунгусъ промышленникъ, въ пестрой оленьей шубѣ и на такомъ же оленѣ; онъ только что убилъ сохатаго (лося) и предложилъ имъ отдохнуть и раздѣлить съ нимъ пищу въ нарочно разбитой для нихъ палаткѣ ¹⁾.

Тунгусъ прозывался Арджаманъ-Джарджаманъ; поѣвъ и отдохнувъ, Тунгусъ предложилъ калѣкѣ игру въ трости. Она состояла въ томъ, что оба они кидали другъ другу свои трости и должны были ловить ихъ. Послѣ этой игры, въ которой оба оказались одинаково ловкими, калѣка съ женой продолжали свой путь вмѣстѣ съ Тунгусомъ. Однажды путешественниковъ вдругъ настигла тьма, и калѣка впалъ въ безпамятство. Въ такомъ состояніи онъ пролежалъ трое сутокъ, и проснувшись, не увидалъ ни Тунгуса, ни своей жены.

Сильно погорѣвавъ о томъ, что послѣ такихъ громадныхъ трудовъ пришлось потерять жену, калѣка пустился отыскивать ее. Долго онъ блуждалъ, пока попалъ на слѣды Тунгуса и пошелъ прямо на югъ. Дойдя до мѣста, гдѣ расходилось нѣсколько дорогъ, онъ хотѣлъ было отдохнуть, но конь посоветовалъ ему не останавливаться и продолжать путь: „Пріѣдемъ сперва въ то мѣсто, гдѣ встрѣтятъ насъ девять волковъ и будутъ нападать на насъ; потомъ девять медвѣдей будутъ загораживать намъ дорогу

¹⁾ По сообщенію г. Е. Борисова, есть обычай отдавать извѣстную часть убитаго звѣря лицу, которое въ моментъ охоты проѣзжало мимо.

и не пускать насъ; затѣмъ прїѣдемъ въ такое мѣсто, гдѣ будетъ множество разныхъ звѣрей. „Ты нигдѣ не останавливайся, продолжай пути! Послѣ всѣхъ этихъ препятствій ты отпусти меня и иди одинъ; когда же я тебѣ понадобитсяъ, ты крикни и я явлюсь“. Калѣка послушался совѣтовъ своего коня и поѣхалъ, не останавливаясь. Все, что предсказывалъ конь, такъ и случилось: волки, медвѣди и хищные всѣхъ родовъ звѣри нападали на калѣку, но онъ, преодолевая всѣ препятствія, ѣхалъ, не останавливаясь. Всѣ эти затрудненія въ пути ставилъ ему Тунгусъ Арджаманъ-Джарджаманъ. Наконецъ преодолевъ послѣднее препятствіе въ образѣ мошекъ и комаровъ, въ несмѣтномъ количествѣ напавшихъ на него, калѣка отпустилъ коня и по слѣдамъ Тунгуса пошелъ прямо къ девяти тунгусскимъ шаламамъ. Онъ вошелъ въ первый изъ нихъ и нашелъ тамъ свою жену. Онъ хотѣлъ ее распрашивать, но убѣдился, что она онѣмѣла. Тогда калѣка обошелъ всѣ девять шаламъ и въ каждомъ изъ нихъ нашелъ по одной женѣ Тунгуса. Вернувшись снова въ первый шаламъ, онъ засталъ тамъ вмѣстѣ съ своей женой и Тунгуса Арджаманъ-Джарджамана. „Ты пришелъ за своей женой, но я не уступлю тебѣ ее! Скажи, чѣмъ ты можешь отнять ее у меня?“ Калѣка показалъ ему кулакъ и вызвалъ его на поединокъ. Тридцать дней они дрались съ одинаковымъ успѣхомъ и наконецъ выбившись изъ силъ, дали себѣ рѣзкихъ. Тогда Тунгусъ, видя что единоборствомъ они не могутъ рѣшить спора, предложилъ отправиться на судъ въ страну подземнаго духа Карага-Короба-Буллуръ-Аймага. „Но, можетъ быть, ты согласишься разрѣзать ее пополамъ и взять одну половину?“ спросилъ Тунгусъ. Калѣка ни за что не хотѣлъ согласиться на это, потому что жена его была уже на третьемъ мѣсяцѣ беременности. „Тебя“, сказалъ калѣка, — „это можетъ удовлетворить, такъ какъ ты съѣшь эту половину, а меня нѣтъ“. И они рѣшили отправиться на судъ къ подземному духу. Якутъ калѣка обратился въ желѣзный гвоздь, а Тунгусъ въ расплавленное олово и опустились оба въ преисподнюю, въ то мѣсто, гдѣ было отдѣленіе подземнаго духа Арсандолы. Якутъ рассказалъ Арсандолѣ, какихъ трудовъ стоило ему добыть себѣ жену, и что въ концѣ концовъ Тунгусъ похитилъ ее и не отдаетъ ему. Арсандола, обратившись къ Тунгусу, спросилъ его: „Что ты можешь сказать съ своей стороны?“

Тунгусъ спросилъ: почему же ему не воспользоваться женой калѣки, если ему Арджаману дана на это сила? Арсандола присудилъ отдать жену Якуту-калѣкѣ. Тунгусъ остался недоволенъ рѣшеніемъ и снова предложилъ калѣкѣ разрѣзать жену пополамъ вдоль или поперекъ и подѣлиться половинами, но Якутъ не согласился и просилъ Тунгуса подчиниться суду Арсандолы. Тунгусъ не соглашался и предложилъ идти на судъ въ страну свѣтлаго духа, къ духу Аи-Тойону. „Въ преисподней судять неправильно; пойдемъ въ свѣтлую страну къ Аи-Тойону!“ говорилъ Тунгусъ. Якутъ-калѣка, заручившись письменнымъ свидѣтельствомъ судебного рѣшенія Арсандолы, который написалъ это рѣшеніе на бычьей кожѣ смоляными чернилами, вышелъ съ Тунгусомъ на землю. Якутъ обратился въ дятла, а Тунгусъ въ сокола и полетѣли оба на небо. Калѣка, представъ передъ Аи-Тойономъ, упалъ передъ нимъ на далекомъ разстояніи и изложилъ ему свою просьбу. Выслушавъ обомъ, Аи-Тойонъ присудилъ жену Якуту, сказавъ: „Женщина, которую ты похитилъ, принадлежитъ якутскому племени и потому ты долженъ возвратитъ ее по принадлежности. Если же ты останешься недоволенъ рѣшеніемъ и не исполнишь его, то по своему могуществу я устрою иначе!“ Такъ говорилъ Аи-Тойонъ. Тунгусъ остался недоволенъ рѣшеніемъ. Тогда Аи-Тойонъ призвалъ своихъ духовъ и приказалъ жечь Тунгуса на раскаленномъ желѣзѣ. Тунгусу обожгли всѣ руки и ноги, но онъ все таки упорствовалъ. Тогда Аи-Тойонъ сказалъ калѣкѣ: „Мы не можемъ отнять у твоего противника душу, поэтому я отпускаю васъ и предлагаю рѣшить дѣло единоборствомъ, и съ своей стороны даю вамъ мое благословеніе“. Противники спустились на землю, завели снова бой и дрались въ продолженіе 30 дней. Случайно привелось калѣкѣ вышибитъ у Тунгуса оба глаза; затѣмъ онъ повалилъ Тунгуса на землю, распоролъ ему брюхо, вытащилъ внутренности, и схвативъ за животъ, далъ ему время проститься со свѣтомъ. Плача и рыдая, простился Тунгусъ со всѣмъ міромъ. Послѣ этого калѣка яростно рванулъ животъ его, тѣло обратилъ въ пепель и бросилъ въ море. Отдохнувъ, калѣка пустился въ путь къ своей женѣ, но заблудился и плуталъ девять дней. У Тунгуса Арджамана-Джарджамана была мать Джага-Баба; она пришла къ женѣ калѣки и сказала, что съѣстъ ее вмѣстѣ съ ея ребенкомъ за то,

что ея мужъ убилъ ея сына. Жена калѣки совѣтуетъ Джагъ-Бабу доподлинно убѣдиться: убить ли ея сынъ или нѣтъ. Джага-Баба согласилась и сказала, что за ночь она узнаетъ все обстоятельно. На другой день она объявила, что дѣйствительно калѣка убилъ ея сына; жена калѣки проситъ еще хоть одинъ день повременить ѣсть ее и еще разъ убѣдиться: дѣйствительно ли это такъ. „Вѣдь могло случиться и такъ, что Арджаманъ убилъ калѣку“. Джага-Баба соглашается повременить еще день. Тогда мать обращается къ своему ребенку и совѣтуется съ нимъ, какъ имъ избавиться отъ Джаги-Бабы... (конца нѣтъ).

187. Богачъ Боилыть и бѣднякъ Бордо.

Нѣкогда жили въ сосѣдствѣ, въ урочищѣ Бурунуръ, богачъ Боилыть и бѣднякъ старикъ Бордо съ тремя сыновьями: старшаго звали Додой, средняго Налыбырь, младшаго Берть-Эрь.

Бордо и сыновья занимались охотой, тѣмъ и существовали. Въ одинъ годъ, неизвѣстно почему, совершенно не было охотничьяго промысла и жить бѣднякамъ пришлось очень трудно. Не смотря на то, что иной разъ имъ приходилось ничего не ѣсть, они все таки держались, не ходили на грабежъ ¹⁾. Пришла однако такая сильная нужда, что отецъ предложилъ сыновьямъ, чтобы одинъ изъ нихъ продался въ рабы къ Боилыту. Сыновья подумали и рѣшили между собой, чтобы шелъ въ рабы старшій, Додой. На другой день Додой пошелъ къ Боилыту, разказалъ ему, что охота у нихъ не удачна, что дома ѣсть нечего, и просилъ Боилыта помочь имъ, спасти ихъ отъ голодной смерти, а его взять за то въ рабы. Боилыть выслушалъ, пожалѣлъ ихъ и сказалъ: „Хорошо, я тебя возьму и дамъ твоему отцу и братьямъ на прожитокъ, но ты поклянись, что будешь мнѣ вѣрнымъ слугой!“ Додой оогласился. „Ну, ладно“, сказалъ Боилыть, — „возьми теперь бересту и сдѣлай на ней свой клятвенный знакъ!“ Заторопился Додой, вытащилъ изъ ноженъ при бедрѣ костяной ножикъ и порѣзалъ имъ палецъ мизинецъ, кровью онъ намазалъ конецъ ножа и написалъ имъ на берестѣ не то конь, не то просто палку и проговорилъ: „Съ сего-

¹⁾ При этомъ разказчикъ сообщилъ г. Борису, что въ прежнее время въ голодные годы люди часто нападали на сосѣдей и грабили у нихъ, даже женъ и дѣтей отнимали.

дня чту тебя надъ собой владыкой!" Послѣ этого онъ подѣловаль окровавленный ножъ, и стоя на колѣняхъ подалъ бересту Боилыту. Боилыть взялъ Додоя за руку и привелъ къ своимъ семи женамъ. „Вотъ мой новый подданный, вашъ рабъ!“ Послѣ этого богачь далъ Додю нѣсколько штукъ рогатаго скота и лошадей и позволилъ идти домой къ отцу ночевать. На другой день, когда Додой пришелъ къ Боилыту, онъ ему сказалъ, что если онъ въ точности не исполнитъ всего, что ему прикажутъ, онъ его жестоко накажетъ; затѣмъ далъ Додю хорошихъ быковъ, топоръ для рубки дровъ, далъ мясо для ѣды и сказалъ, чтобы онъ возилъ дрова. Выслушавъ приказъ Додой и вспомнилось ему, какъ одинъ старикъ работникъ разказывалъ, какъ съ одного раба хозяинъ его велѣлъ содрать кожу за самую малую провинность и стало ему жутко. Въ страхѣ онъ не зналъ, что ему и дѣлать; надо было, однако, собрать все что нужно и ѣхать по дрова. Въ лѣсу онъ все время думалъ о томъ, какъ съ раба содрали кожу и также о томъ, что невозможно ему одному нарубить десять возовъ дровъ въ одинъ день. Потъ лился съ него, а онъ все рубилъ да рубилъ. Наконецъ онъ такъ усталъ, что безъ чувствъ упалъ на землю. Очнувшись, онъ сталъ кричать: „На десять быковъ дровъ наволошь! это невозможно!“ Хотѣлъ было онъ встать на ноги, но силъ у него не было и онъ опять повалился. Сталъ онъ свою прежнюю жизнь вспоминать, какъ онъ охотился на всей своей волѣ. А теперь ждетъ быть можетъ и его такая же участь, какъ того раба, съ котораго кожу сняли! Не зналъ что и дѣлать Додой; голова у него кружилась, началъ онъ плакать и причитать: „Лучше бы мнѣ не жить, не видать свѣта, лучше умереть!“ Оборотясь въ ту сторону, гдѣ лѣсъ былъ гуще, онъ сталъ просить себѣ или смерти или помощи у лѣснаго духа, покровителя всѣхъ находящихся въ бѣдѣ. Запѣлъ Додой свою просьбу: „Владыка всѣхъ лѣсовъ претемныхъ, владѣющій пушшиной, богатый милостію для бѣдныхъ, меня горемыку спаси!“ Долго онъ тянулъ эту пѣсню, пока не задремалъ. Когда онъ проснулся, не было около него ни быковъ, ни инструментовъ, ни мяса. Какъ бѣшенный, искалъ Додой свою пропажу, но куда ни бросался, нигдѣ не нашелъ. Въ то время, какъ Додой спалъ, приходилъ Боилыть и все утащилъ. Додой подумалъ, что быки могли уйти домой, онъ кинулся поскорѣе на хозяйскій дворъ:

но лишь только онъ вошелъ въ ворота, какъ его встрѣтилъ Боилытъ и сказалъ: „Плохой ты рабъ, клятвы своей не исполнилъ!“ Потомъ обратясь къ слугамъ, онъ велѣлъ принести мечъ. Когда принесли мечъ, Додоя повалили и безъ всякой жалости содрали у него кожу со спины, съ ногъ и рукъ. Послѣ этого Боилытъ приказалъ Додоя бросить въ воду, а отцу и братьямъ сказать, что его въ лѣсу медвѣдь задралъ. Сильно горевали въ семьѣ о томъ, что Додой погибъ. „Вѣрно духу лѣсному такъ было угодно, коли его медвѣдь растерзалъ!“ говорили его отецъ и братья. Промысла все не было, голодъ продолжался, Бордо съ семьей опять сталъ бѣдствовать и рѣшили, чтобы средній братъ Налыбыръ шелъ къ Боилыту въ работники. Съ Налыбыромъ случилось тоже самое, что съ Додоемъ; его также звѣрски убили и бросили въ воду. Старикъ Бордо такъ горевалъ о сыновьяхъ, что и самъ умеръ; остался теперь изъ всей семьи одинъ Бертъ-Эръ. Онъ былъ человѣкъ смысленный и имѣлъ необыкновенную силу; ему не разъ приводилось на охотѣ безъ всякаго оружія убивать медвѣдя или волка. Бертъ-Эръ не повѣрилъ, чтобы его братья были зарѣзаны медвѣдемъ и сильно ему хотѣлось узнать настоящую причину ихъ смерти; ему часто думалось, не виноватъ ли въ ихъ смерти самъ Боилытъ? Думалъ, думалъ Бертъ-Эръ и рѣшился идти къ Боилыту въ рабы. Бертъ-Эръ, заключая съ Боилытомъ условіе, выговорилъ себѣ, что бы десять дней ему жить безъ работы. Въ эти десять дней, живя безъ работы, познакомился Бертъ-Эръ съ другими рабами и съ тѣмъ старикомъ, что развязывалъ Додоя, какъ съ раба кожу содрали, и отъ него узналъ какой смертью погибли его братья. Сильно разсердился послѣ этого Бертъ-Эръ и поклялся отомстить Боилыту. Когда прошли десять дней, богачъ далъ Бертъ-Эру быковъ, топоровъ и пицъ и послалъ въ лѣсъ за дровами. Поѣхалъ Бертъ-Эръ; тамъ онъ живо справился съ работой, какъ какое дерево схватить, такъ его съ корнемъ и выдернуть, положить въ сани и готово! Не прошло часу, какъ у него всѣ десять саней были деревомъ навалены; воза были такіе тяжелые, что быки ихъ едва тащили; Бертъ-Эръ гналъ ихъ до того, что они по дорогѣ у него подошли. Тогда Бертъ-Эръ связалъ всѣ сани и самъ поволокъ всѣ десять саней. Когда увидѣли это слуги, всѣ страшно перепугались, самъ Боилытъ былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха. Очнув-

шись, Боилыть послалъ спросить: какъ дерзкій рабъ посмѣлъ убить его быковъ? Посланный съ большимъ страхомъ подошелъ къ Берть-Эрю, поклонился ему и говоритъ: „Добрый другъ, хозяинъ спрашиваетъ: зачѣмъ ты убилъ его быковъ?“ „Скажи хозяину, пусть онъ прежде скажетъ, зачѣмъ онъ убилъ моихъ братьевъ, тогда и я ему скажу, зачѣмъ убилъ быковъ“, отвѣчалъ Берть-Эрь. Посланный пересказалъ отвѣтъ Боилыту. Богачъ разсердился; въ другое время онъ убивалъ рабовъ ради своего удовольствія, а тутъ такъ струсилъ, что послалъ сказать Берть-Эрю: „Эту первую вину я ему прощаю, а вторую не прошу! пусть больше не попадается, а не то не миновать ему жестокой казни!“ Берть-Эрь велѣлъ ему сказать: „Нечего меня пугать, не боюсь я наказаній! пусть лучше хозяинъ подумаетъ, какъ жестоко отомщу я ему за братьевъ“. Возвращаясь съ этимъ отвѣтомъ, посланный думалъ: „Вотъ какой молодецъ Берть-Эрь! онъ Боилыта знать не хочетъ; вѣрно онъ сильный богатырь, коли такія дѣла продѣлываетъ. Скоро видно конецъ настанетъ Боилыту. По дѣломъ ему! Жестокой онъ хозяинъ, съ кого кожу дралъ, кого подъ стрѣлами заставлялъ стоять; мало ли собака нашего брата мучилъ? Теперь остынешь! научить тебя Берть-Эрь, какъ съ людьми надо жить!“ При этомъ слуга даже подпрыгнулъ отъ радости; такъ онъ былъ радъ, что приходитъ конецъ Боилыту. Съ этого времени Берть-Эрь сталъ всѣмъ извѣстенъ; стали на него всѣ смотрѣть, какъ на необыкновеннаго человѣка. Стали ему всѣ почетъ оказывать; всѣмъ казалось, что онъ защитникъ угнетенныхъ, всякое слово рабы его слушали, какъ священное. Каждый рабъ старался, чтобъ Берть-Эрь обратилъ на него вниманіе. Имя его вездѣ было слышно, вездѣ говорили о добрыхъ дѣлахъ, какія дѣлалъ Берть-Эрь. Добродѣтель и геройство Берть-Эря почитались и въ домѣ Боилыта.

У Боилыта была дочь, красавица и добрая, совсѣмъ на отца не похожая; звали ее Кытень-Кыталынь; она полюбила Берть-Эря, а онъ полюбилъ ее. Боилыть боялся того, что всѣ любили Берть-Эря, что рабы готовы были во всемъ его слушаться; онъ боялся за свою жизнь, онъ зналъ, что рабы ждутъ, не дождутся его смерти. Ему не разъ самому приводилось слышать, какъ рабы говорили: „Хорошо, еслибы Берть-Эрь этого Боилыта предоставилъ намъ! мы бы убили его, какъ собаку!“ Боилыть задумалъ известить Берть-

Эря. Вотъ разъ приходитъ къ нему одинъ человекъ и говорить: „Ты теперь, господинъ нашъ, въ большой опасности! этотъ саргы-дакъ (негодяй), дѣвольское отродье, слишкомъ дерзокъ! Мы покажемъ ему, съ кѣмъ онъ имѣеть дѣло! вѣдь ты искони нашъ великій владыка; никто никогда не смѣлъ противъ тебя идти“. „Что и говорить! Онъ кѣстубить (очень бранное слово), ты песминя“ (ласковое слово)! сказалъ Боилнть. „Не знаешь ли, какъ бы избавиться намъ отъ Берть-Эря?“ „Какъ не знать! Пошли его за медвѣдемъ, который кажется ужъ три вѣка сидитъ взаперти. Ты, господинъ, вѣрно слыхалъ о богатырѣ Халланъ-Ола-Харыллы-Мохсоголѣ ¹⁾, который жилъ еще при твоёмъ прадѣдѣ. Мохсоголъ схватилъ этого медвѣдя и посадилъ въ подземелье, а медвѣдь этотъ, говорятъ, питался только человѣчьимъ мясомъ, и не пропадетъ, пока нашъ мѣръ стоитъ“. „Ну что же будетъ изъ того, что мы пошлемъ Берть-Эря за медвѣдемъ? Еще согласится ли онъ идти?“ „Не беспокойся! навѣрное согласится, и навѣрное отсюда не вернется. Ты обойдись съ нимъ поласковѣе, сважи: „Вѣрный ты мой слуга и храбрый человекъ! Приведи ты мнѣ моего быка; стоитъ онъ у меня въ такомъ то подземельѣ; быкъ совсѣмъ особенный: онъ безъ роговъ и безъ хвоста“. Чтобы онъ навѣрное согласился, ты пообщай ему, что въ награду отдашь за него свою дочь замужъ; я слышалъ, что онъ ее очень любить, и за нее на все согласится“.

На другой день Боилнть позвалъ къ себѣ Берть-Эря, принявъ его ласково и съ почетомъ, усадилъ на „бильдерикъ“ (самое почетное мѣсто въ домѣ, мѣсто, на которомъ сидятъ и спятъ старики и невинныя дѣвушки), угостилъ его жирнымъ конскимъ мясомъ и кумысомъ съ масломъ. Послѣ этого онъ началъ говорить: „Я почувствовалъ близость смерти, шаманы и снотолкователи (биттяхтарь) тоже предсказываютъ мнѣ скорую смерть; вотъ я и думаю, кому оставлю я свое богатство и власть; сына у меня нѣтъ; а дочь безъ мужа что за человекъ! Чужіе люди могутъ все расхитить и дочь мою отдать на поруганіе. Вотъ я и придумалъ

¹⁾ По замѣчанію разказчика г. Борису, это одинъ изъ главныхъ богатырей, о которомъ если бы пришлось разказывать, то разказъ тянулся бы не менѣе трехъ дней; въ сказкѣ, помѣщенной у Миддендорфа, ч. 2, в. 7, также упоминается о Мохсоголѣ. Халланъ—небо; ола—снѣгъ.

найти поскорѣ зятя. Тебя Берть-Эрь я люблю! Ты храбрый человекъ, хорошій; у насъ давно такихъ людей, какъ ты, не было; тоже самое говорить и моя дочь. Я желаю, чтобы ты былъ моимъ зятемъ, и моимъ наслѣдникомъ!“ Берть-Эрь не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ. Онъ себя не помнилъ отъ радости; забылъ всѣ обиды, забылъ и о томъ, что поклялся мстить Боилыту за братьевъ. Онъ упалъ на колѣни и, держа ноги своего будущаго тестя, увѣрялъ его въ своей преданности и говорилъ: „Ты меня прости, а я тебя прощаю!“

Боилытъ поднялъ съ пола Берть-Эря и сказалъ: „Теперь все твое: мое богатство, моя власть и дочь! Но ты, конечно, знаешь обычай, если кто желаетъ жениться на дѣвушкѣ, то прежде онъ долженъ почтить ея родителей—исполнить одно изъ ихъ желаній, хотя бы ему это грозило опасностью смерти. Такъ вотъ и я по обычаю желаю, чтобы и ты для меня послужилъ. Давно, очень давно, когда еще моего отца на свѣтѣ не было, жилъ на свѣтѣ медвѣдь, Ага-огусъ (отецъ-быкъ); мы такъ называемъ его изъ уваженія. Онъ былъ страшенъ всякому; онъ мстилъ тѣмъ, кто объ немъ отзывался непочтительно. По ночамъ онъ будто бы обращался въ Эрень-кыла (змѣя) и въ этомъ видѣ леталъ по всему свѣту; къ какому сонному человеку притронется, такъ тому либо болѣзнь, либо смерть приключалась. Вотъ этого-то медвѣдя во времена моего дѣда, одинъ сильный, какъ ты, богатырь по имени Халланъ-Ола-Харылы-Мохсоголъ, заковалъ въ желѣзные цѣпи, и заперъ въ подземельѣ, какое я тебѣ недавно показывалъ. Не знаю, за что онъ его туда заперъ, а много чудеснаго объ этомъ звѣрѣ разказываютъ въ народѣ; хотѣлось бы мнѣ посмотреть, каковъ онъ и правду ли про него говорятъ. Сходи, сынъ мой, приведи это чудовище ко мнѣ и тогда и дочь будетъ твоя и все богатство“.

„Хорошо, отецъ!“ проговорилъ Берть-Эрь, поклонился Боилыту и пошелъ изъ его дома, думая, какъ бы ему поскорѣ достать чудовище. Боилытъ радъ былъ, что устроилось все, какъ онъ желалъ, такъ легко и скоро и говорилъ своимъ приближеннымъ: „Довольно намъ Берть-Эря бояться! Пришло время съ нимъ покончить!“ Не долго времени прошло, слышать Боилытъ на дворѣ у него страшный шумъ: люди кричатъ, быки, коровы мычатъ, ло-

шадя ржутъ, собаки лаютъ; немного погода въ его юрту вбѣжало человѣкъ двадцать, чуть въ дверяхъ другъ друга не передавили и всѣ врчатъ: Абытай! Абахы! Альлярхай! ¹⁾ Выбѣжалъ Боилыть на дворъ, видитъ вездѣ мертвые люди валяются, и всякая скотина, а по двору бѣгаетъ чудовище и нападаетъ на Бертъ-Эря, и всякій разъ, какъ оно на него наскочитъ, онъ бьетъ его дубиной. Сильно испугался Боилыть, упалъ передъ Бертъ-Эремъ на колѣни и молить: „Спаси, владыка!“ Тогда Бертъ-Эрь, не долго думая, съ одного взмаха убилъ дубиной чудовище, и изрубилъ его на мелкіе куски. Потомъ онъ подошелъ къ Боилыту и сказалъ: „Вотъ я твое желаніе исполнилъ, теперь ты свое обѣщаніе исполни“. „Бери, все твое“, сказалъ Боилыть, взялъ его за руку и повелъ къ своей дочери. Показывая ей Бертъ-Эря, онъ сказалъ: „Дитя мое, вотъ твой мужъ!“ Послѣ этого богачъ никогда не отваживался просить о чемъ нибудь Бертъ-Эря.

Примѣчаніе. При окончательной проверкѣ текста сказокъ оказалось, что нѣкоторыя изъ нихъ остались безъ указаній, кѣмъ, гдѣ и когда онѣ записаны. Пополняемъ здѣсь этотъ пропускъ.

№ 49 вар. 6 подъ названіемъ „Аргата“ записанъ г. Палинымъ отъ Дархатовъ во время зимовки въ Дархатской землѣ.

№ 170—172 записаны г. Палинымъ отъ Дархатовъ, тамъ же.

№ 177—180 записаны г. Адриановымъ у Сойотовъ на Улукемѣ, въ той же мѣстности и отъ того же лица, какъ и № 176.

¹⁾ По сообщенію г. Борисова, абытай (больно) есть восклицаніе при ожогѣ. Абахы, абагы—дьяволъ, злой духъ; альлярхай—безпорядокъ, разрушеніе.

Примѣчанія.

Сказки, напечатанныя въ этомъ выпускѣ, были собраны мною такимъ же способомъ, какъ и въ первую мою поѣздку въ Монголію, въ 1876—1877 году, то-есть, я записывалъ ихъ со словъ русскаго переводчика. Киргизскія сказанія были записаны мною частью въ прикобдинскомъ Алтайѣ (въ 1876 г.), частью въ Баянаульскомъ округѣ Семипалатинской Области (въ 1880 г.); въ первомъ случаѣ переводчикомъ былъ казакъ Михаленковъ, превосходно знавшій киргизскій языкъ; во второмъ сказанія записывались отъ Киргизъ, знающихъ русскій языкъ. Главный сборъ алтайскихъ и урянхайскихъ сказаній былъ сдѣланъ въ послѣднюю поѣздку; часть алтайскихъ сказаній записана мною отъ миссіонера о. Чивалкова; о. Чивалковъ—природный Телеутъ, знаетъ достаточно русскій языкъ, занимается переводами съ русскаго языка на алтайскій по порученію Алтайской миссіи и издалъ нѣсколько брошюрочекъ для чтенія на алтайскомъ языкѣ, сочиненныхъ имъ самимъ; другія сказанія были переведены взятымъ мною въ путешествіе Телеутомъ И. Чивалковымъ, родственникомъ миссіонера; И. Чивалковъ учился въ миссіонерской школѣ въ Улаѣ и умѣетъ писать по русски и алтайски; нѣкоторые сказанія были записаны имъ на алтайскомъ языкѣ; эти алтайскіе тексты переданы мною Н. И. Ильминскому въ Казани. Тотъ же И. Чивалковъ служилъ переводчикомъ и при сборѣ сказаній у Урянхайцевъ въ долинахъ Улукема и Хуахема. Монгольскія сказки записывались при помощи знающихъ языкъ русскіихъ прикащиковъ, которые были подъ рукою; главными моими помощниками въ этомъ дѣлѣ были прикащики г. Хабаровъ и В. А. Палкинъ. Оба они до знакомства со мною прожили въ краѣ около трехъ лѣтъ, и хотя не знали языка во всей тонкости, могли все-таки бѣгло объясняться съ Монголами. Г. Хабаровъ взятъ былъ мною въ Улангомѣ и провелъ со мною нѣсколько дней на Цзусланѣ, но затѣмъ былъ мною оставленъ; дальнѣйшее путешествіе отъ Цзуслана до Кобдо было совершено безъ переводчика; затѣмъ въ Кобдо присоединился къ экспедиціи г. Палкинъ. Въ то время, когда я оставался безъ переводчика, я продолжалъ все-таки записывать сказанія, пользуясь при этомъ услугами одного изъ своихъ рабочихъ; во второе путешествіе такимъ посредникомъ между мною и разказчикомъ былъ обыкновенно Дюрбютъ Байнь-Цаганъ, какъ въ первое путешествіе—Халха Чиринъ-Дорчжи. Помощь такого посредника состояла въ слѣдующемъ: разказчикъ передавалъ мнѣ сказаніе; затѣмъ Байнь-Цаганъ, уже привычшій ко мнѣ и знавшій предѣлы моихъ познаній въ монгольскомъ языкѣ, вновь передавалъ мнѣ тотъ же разказъ, стараясь обойтись тѣмъ запасомъ словъ, которыя были извѣстны мнѣ. Такимъ образомъ я

получалъ краткое содержаніе сказанія. Записанныя безъ переводчика сказанія, впоследствии, когда къ экспедиціи присоединился г. Палкинъ, были при помощи этого послѣдняго провѣрены и дополнены со словъ Байнъ-Цагана. Переводы съ бурятскаго сдѣланы природными Бурятами о. Чистохинымъ и г. Матхановымъ.

Разказчики, отъ которыхъ записывались сказанія, были различны: это были шаманы, ламы грамотные и безграмотные, и простые люди; пѣвцовъ былинъ встрѣтилось мнѣ мало; у Алтайцевъ только пѣвецъ въ вершинахъ рѣки Песчаной пѣлъ для меня пѣсни подъ акомпанементъ струннаго инструмента; записанные отъ него Ив. Чивалковымъ тексты остались безъ перевода и находятся теперь въ рукахъ Н. И. Ильминскаго; у Урянхайцевъ я не встрѣтилъ пѣвцовъ, но думаю, что они у нихъ есть; у Халхасцевъ пѣвцовъ, кажется, нѣтъ; по крайней мѣрѣ мнѣ они не встрѣчались; но у Дюрбютовъ они есть, и отъ одного изъ нихъ, старика Сарисына, записано мною много сказаній, изъ которыхъ два — о Цаганъ-Дарихе и Иринъ-Сайнѣ, онъ пѣлъ подъ акомпанементъ хура, струннаго инструмента. Сарисынъ — простой Дюрбютъ, старикъ лѣтъ 60-ти, знающій хорошо монгольское письмо, но лѣнивый писать; послѣ перваго свиданія съ нимъ въ Улангомѣ я, отъѣзжая въ Кобдо, оставилъ ему бумаги, для того, чтобъ онъ записалъ „Иринъ-Сайна“ къ моему возвращенію, и обѣщалъ ему заплатить за трудъ серебромъ; онъ обѣщалъ, но во второму моему пріѣзду ничего не сдѣлалъ. Былину объ Иринъ-Сайнѣ Сарисынъ разказывалъ мнѣ въ продолженіе семи дней; первая половина ея (до смерти Харъ-Хурмукчина) была переведена г. Хабаровымъ, вторая г. Палкинымъ. Сарисынъ же разказывалъ о другомъ пѣвцѣ Байтѣ, уже умершемъ, который записалъ былинку объ Иринъ-Сайнѣ на бумагу. Во время проѣзда отъ Улангома въ городъ Кобдо я слышалъ о третьемъ пѣвцѣ, мингатскомъ дзанги, кочующемъ около горы Торхула у р. Кобдо; онъ также знаетъ былинку объ Иринъ-Сайнѣ; посѣтить его у меня не было времени.

Къ собранію, сдѣланному лично нами, мы присоединили 50 сказокъ, записанныхъ г. Палкинымъ во время его зимовки въ Дархатской землѣ, 10 сказокъ, записанныхъ г. Адриановымъ во время его поѣздки въ Сойотскія земли въ 1881 г., 4 сказки Якутовъ, заимствованныя изъ рукописи г. Борисова, доставленной въ Географическое Общество, и нѣсколько сказаній бурятскихъ, записанныхъ у Иркутскихъ Бурятъ учителемъ Ханъ-Галовымъ, природнымъ Бурятомъ, доставившимъ ихъ въ Восточно-сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества.

Наше собраніе, сдѣланное при вышеописанныхъ условіяхъ, не имѣетъ той цѣнности, какую оно могло бы имѣть, будучи сдѣлано лингвистомъ, какъ, напримѣръ, собраніе сказаній южно-сибирскихъ Татаръ, составленное г. Радловымъ или то собраніе монгольскихъ устныхъ памятниковъ, какового мы въ правѣ ожидать отъ г. Позднѣва. Но если наше собраніе не имѣетъ значенія для лингвиста, оно не лишено его для филолога и мифолога и можетъ служить имъ для выводовъ и сближеній. Поэтому думаю, что не напрасно мною

потрачено время на собраніе этихъ сказаній, тѣмъ болѣе, что специалистовъ-лингвистовъ не много, и слѣдовательно, путешествія ихъ въ Монголію не могутъ быть часты, да и лингвистъ, заѣхавшій въ такой обширный край, какъ Монголія, не можетъ же побывать вездѣ и не оставить пробѣловъ. Способъ собранія сказаній въ видѣ конспектовъ посредствомъ переводчиковъ въ особенности было бы полезно примѣнить въ отношеніи разнообразныхъ инородцевъ Сибири; ждать лингвистовъ по отдѣльнымъ языкамъ Сибири придется долго, а между тѣмъ преобразование племенъ въ другія національности идетъ быстро, и иное нарѣчіе вымретъ прежде, чѣмъ дождется изслѣдователя своего нарѣчія. Для мнѣолога не имѣетъ такой важности, какъ для лингвиста, буквальная записъ сказанія; для него будетъ имѣть цѣну и одно содержаніе сказанія, съ сохраненіемъ собственныхъ именъ и тѣхъ типическихъ чертъ, сознание важности которыхъ воспитывается въ собирателѣ самимъ процессомъ записыванія.

Свое собраніе мы снабдили примѣчаніями, въ которыхъ сдѣланы указанія на сходство нѣкоторыхъ средне-азиатскихъ сказаній съ европейскими, особенно русско-славянскими сказаніями. Считаю приличнымъ сказать здѣсь нѣсколько общихъ словъ по поводу этихъ примѣчаній.

Сходство въ сказаніяхъ можетъ быть объясняемо тремя путями: единствомъ законовъ человѣческаго мышленія, племеннымъ сродствомъ и заимствованіемъ. Многое, что представляется сходнымъ въ сказаніяхъ азиатскихъ и западныхъ, вѣроятно, придется объяснить заимствованіемъ; тогда является вопросъ: какимъ путемъ и къ у кого сдѣлано заимствованіе, — Арійцами ли у не Арійцевъ или на оборотъ?

Распространеніе сказаній заимствованіемъ можетъ совершаться чрезъ: 1) торговыя сношенія, посредствомъ каравановъ и т. п., 2) посольства, которыя въ прежнее время въ Азіи, кажется, по преимуществу выполнялись тѣми же купцами, 3) переселенія племенъ, и 4) завоевательныя арміи, которыя въ древнія времена совпадали съ переселяющимися племенами. Изъ этихъ четырехъ способовъ распространенія сказаній — самый существенный, конечно, переселенія племенъ.

Въ частномъ вопросѣ объ отношеніи сѣверо-азиатскихъ и средне-азиатскихъ сказаній къ западнымъ сходство ихъ можетъ быть истолковано: 1) заимствованіемъ европейскими народностями у Монголовъ и другихъ не арійскихъ племенъ (Половцевъ, Печенѣговъ, Аваровъ, Гунновъ), приходившихъ въ южную Россію въ историческое время; 2) заносомъ западныхъ сказаній Монголами и другими завоевательными толпами, послѣ нашествія на Европу возвратившимися въ центральную Азію, а также возвращавшимися въ Азію караванами; 3) принесеніемъ сказаній Арійскимъ племенемъ Европы съ своей отдаленной родины, гдѣ оно могло жить также и въ сосѣдствѣ съ не арійскими племенами, какъ жило и въ южной Россіи; наконецъ, 4) заимствованіемъ у не арійскихъ аборигеновъ Европы, которые жили въ ней до прихода Арійцевъ и могли прийти въ Европу изъ сѣверной Азіи. Изъ этихъ направленій распространенія сказаній наименьшее значеніе

можно приписывать тому, которое шло съ запада на востокъ; народныхъ переселеній въ этомъ направленіи въ историческое время не извѣстно, за исключеніемъ немногихъ случаевъ возвращенія племени, ушедшаго изъ центральной Азіи въ Европу. Торговымъ же и тому подобнымъ единичнымъ сношеніямъ приписывать болѣе важное, чѣмъ переселеніямъ, значеніе нельзя. Въ противоположность слабому воедѣйствію запада на востокъ, воедѣйствіе не арійскихъ племенъ Азіи на Европу посредствомъ переселеній продолжается почти во все историческое время, по крайней мѣрѣ въ восточной Европѣ; къ этому слѣдуетъ присоединить вліяніе Финскихъ племенъ, занимавшихъ европейскую территорію до Арійцевъ, слившихся съ ними и продолжающихъ сливаться. Чтобы отвергать возможность усвоенія сказаній отъ этихъ не Арійцевъ Европейцами необходимо допустить что-нибудь въ родѣ невоспримчивости Арійцевъ къ чуждымъ вліяніямъ вслѣдствіе, на примѣръ, своей высшей расы или высшей культуры.

Вопросъ о распространеніи сказаній приводитъ къ вопросу о размѣненіи племенъ изъ Азіи. Рѣшеніе этого вопроса находится въ рукахъ специалистовъ—антропологовъ и филологовъ; не могъ, однако, и насъ не интересоваться этотъ предметъ, на сколько въ частности онъ относится къ той странѣ, въ которой намъ пришлось странствовать, и нѣкоторыя замѣтки, которыя явились подъ нашею рукою вслѣдствіе наблюденій надъ бытомъ въ средней Азіи, и которыя мы помѣщаемъ ниже, полагаемъ, не будутъ лишними въ качествѣ матеріала для соображеній специалистовъ. Намъ довелось проводить время между Тюркскимъ и Монгольскимъ племенами.

Тюркское племя занимаетъ территорію, которая имѣетъ длины съ в. на з. около 65 градусовъ и ширины около 16-ти; такимъ образомъ уже самое линейное протяженіе этой территоріи отчасти указываетъ на направленіе, въ которомъ племя расселялось. Самое широкое и сплошное залеганіе племени приходится на арало-каспійскую низменность съ ея окрестностями; здѣсь обитаютъ Туркмены, Узбеки, Кара-Киргизы, Киргизы (Казаки) Башкиры и Сибирскіе Татары около городовъ Тюмени и Тобольска. Здѣсь Тюркское племя занимаетъ сплошь все пространство отъ Мерва до Петропавловска. Отъ этой площади на востокъ Тюркское племя идетъ клиньями вдоль трехъ большихъ горныхъ системъ алтайско-сайанской, Тянь-шаня и Нань-шаня. Вдоль первой изъ этихъ системъ оно идетъ до Косокола и даже немного восточнѣе. Есть еще и болѣе восточные Тюрки—это Якуты, но они представляютъ отдѣльный далеко на сѣверо-востокъ Сибири заброшенный островъ. Сплошное тюркское населеніе начинается только отъ Косокола; отсюда оно тянется на западъ сначала узкою полосой, залегая сначала только по южную сторону Саяновъ, а потомъ и по обѣ ихъ стороны, а также и вдоль хребта Таннуола, параллельнаго Саянамъ. На сѣверной сторонѣ Саяновъ самый восточный отрывокъ Тюркскаго племени находится въ вершинахъ р. Оки; это сильно обурятавшіеся Сойоты; западнѣе обитаютъ Карагасы, Качинскіе Татары, Койбалы и Кызыльцы. На южной сторонѣ Саяновъ живутъ Урянхайцы или Сойоты; они занимаютъ

пространство между Саянами и Таннуолой; небольшая часть их переходит на южную сторону Таннуоли къ ю. отъ устья Теса; отрывокъ Сойотскаго народа живетъ въ вершинахъ р. Кобдо. Сѣверный склонъ русскаго Алтая занятъ Алтайцами и Теленгитами; къ сѣверо-востоку отъ нихъ въ долинахъ Кондомы и Мрассы обитаютъ Черневыя Татары, а прямо на сѣверъ— мелкія тюркскія поколѣнія: Телеуты, Томскіе Чулымскіе Татары и Барабинскіе Татары. Въ прошломъ еще столѣтіи эта часть Сибири представляла болѣе сплошное тюркское населеніе; между Алтаемъ и Томскомъ существуютъ инородческія волости Кумышская, Шуйская, Темерчинская, Шагарская и другія; часть ихъ омусульманилась, другая, болѣе значительная—обрусѣла.

Вдоль Тянь-шаня Тюркское племя сидитъ преимущественно вдоль южной подошвы хребта, только мѣстами переходя на сѣверную его сторону. Отъ восточнаго конца Тянь-шаня тюркскія селенія простираются на юго-востокъ по направленію къ китайской провинціи Гань-су; въ Хами я самъ видѣлъ Тюрка изъ Сучжеу. По китайскимъ свѣдѣніямъ Тюрки или такъ-называемыя Саларцы встрѣчаются и въ застѣнномъ Китаѣ, въ провинціяхъ Гань-су и Сы-чуань.

На западѣ Тюркское племя также вдается въ Европу тремя клиньями; сѣверный клинь, начинаясь отъ южнаго Урала отъ границъ Башкиріи, простирается въ губерніи Казанскую, Вятскую, Нижегородскую, Пензенскую и Симбирскую; другой клинь тянется вдоль сѣверной подошвы Кавказа и береговъ Каспійскаго и Чернаго морей (Киргизы Букеевской орды, Ногайцы, Кундровскіе Татары, Горскіе Татары сѣвернаго Кавказа, Крымскіе Татары); наконецъ, третій клинь проходитъ по южной подошвѣ Кавказа (Азербиджанскіе Тюрки).

Мы свои примѣчанія ограничимъ только Тюрками западной Монголіи и южной Сибири.

Тюрки на западной окраинѣ Монголіи разобцены частью пустынями, частью китайскими колоніями, частью кочевьями Монголовъ. Такъ между восточнымъ концомъ Тянь-шаня, который окруженъ селеніями Тюрковъ, и южною границей Урянхайцевъ, лежитъ промежутокъ въ 700 верстъ, занятый Монголами. Но еще недавно, кажется, этотъ промежутокъ былъ менѣе; по всей южной границѣ Урянхайской земли мы встрѣчаемъ поколѣнія или отдѣлы народа, которыя чертами своего быта заставляютъ видѣть въ себѣ омонголившіхся Тюрковъ; такъ живущіе въ долинѣ Шишкита Дархаты, по видимому, не что иное, какъ омонголившіеся Урянхайцы; за такихъ же омонголившіхся Тюрковъ можно принять и населеніе пяти хошуновъ Хотогойту, а затѣмъ и небольшой хошунъ Мингатовъ на сѣверномъ берегу р. Кобдо, и наконецъ, народецъ, обитающій въ западной части монгольскаго Алтая, между вершинами рѣкъ Кобдо и Сенкуля и описанный во II выпускѣ „Очерковъ“ подъ названіемъ Урянхайцевъ, говорящихъ монгольскимъ языкомъ. Въ еще болѣе отдаленной древности промежутокъ между Яньшаньскими и Саянскими Тюрками былъ, по видимому, еще меньше. Уйгуровъ, народъ, многими ориенталистами причисляемый къ Тюркскому племени, Рашидъ-Эддинъ помѣщаетъ въ Хан-

гаѣ, что ясно изъ его описанія Уйгурской страны и названія рѣкъ, протекающихъ по ней. Въ средней части монгольскаго Алтая находится халхасскій хошунъ Тачжи-Урянхай; теперь это настоящіе Монголы, но имя хошуна вполне совпадаетъ съ именемъ урянхайскаго поколѣнія Тачжи-Урянхай, которое живетъ въ вершинахъ Енисея по Бей-вему и Тенгису. Не было ли то тюркское поколѣніе, впоследствии омонголившееся, но удержавшее свое имя? Этотъ халхасскій хошунъ лежитъ близко къ Тянь-шаню, и его южная граница отстоитъ отъ сѣверной подошвы Тянь-шаня всего на семьдесятъ верстъ. Не далеко отъ западной границы этого хошуна начинаются и земли Урянхайцевъ, говорящихъ по монгольски, такъ что этотъ хошунъ какъ будто еще недавно составлялъ восточную оконечность омонголивашагося урянхайскаго населенія, жившаго вдоль гребня монгольскаго Алтая.

Можетъ быть, и Ойраты или Дурбень-Ойраты въ болѣе отдаленныя времена говорили тюркскимъ языкомъ; изъ четырехъ племенъ, причисляемыхъ къ нимъ, иногда упоминаются Кергуты и Хонты; послѣднее, можетъ быть, ничто иное, какъ нынѣшнее Соитъ, а первое есть имя Киргизъ съ другимъ окончаніемъ; Кергуты съ Киргизами сходятся и потому, что Сананъ-Сэценъ разказываетъ о Кергутахъ то, что другіе источники сообщаютъ о Киргизахъ; оба же эти имени Соитъ и Киргизъ встрѣчаются теперь, какъ имена тюркскихъ поколѣній или народовъ. Замѣчательно, что Алтайцы, народъ Тюркскаго племени, называетъ себя иногда Ойродъ, что едва ли достаточно объясняется тѣмъ, что они нѣкогда находились въ зависимости отъ джунгарскихъ хановъ.

Любопытная черта въ расселеніи Тюркскаго племени въ западной Монголіи заключается еще въ томъ, что въ областяхъ, гдѣ оно, по видимому, уступило монгольскому вліянію и омонголилось; остатки его, удерживающіе еще свой языкъ, сбереглись не на равнинахъ, а близъ гребня хребта. Такіе островные отрывки Урянхайскаго народа, говорящіе тюркскимъ языкомъ и пріютившіеся у самаго гребня горъ, представляютъ собою Сойоты, живущіе въ вершинахъ р. Оки въ Иркутской губерніи, и Сойоны (или Кокчудутуны) въ вершинахъ р. Кобдо. Ту же привязанность къ лѣсистымъ вершинамъ хребта выказываютъ и алтайскіе Урянхайцы, говорящіе монгольскимъ языкомъ; и отъ нихъ сохранился отрывокъ въ вершинахъ Сѣнкула, окруженный совсѣмъ другимъ племенемъ, Торгоутами.

Въ противоположность Тюркскому, Монгольское племя занимаетъ въ сѣверо-западной Монголіи мѣста болѣе низкія, какъ будто оно вторгалось въ тюркское море вдоль степныхъ долинъ, отбѣгая Тюрковъ къ горамъ. Такъ въ киргизъ-норской низменности мы находимъ степную долину Дзабхына занятою Халхасцами хошуна Сартоль; окружающія же низменность горы, приобдинскій Алтай, хребетъ Ханъ-Хухей, высокія окрестности Сангинъ Далая, заняты Дюрбютами, Бантами. Хотогойтцами и Урянхайцами, говорящими по монгольски; такимъ образомъ съ трехъ сторонъ—съ востока, сѣвера и запада, киргизъ-норская низменность окружена племенами, въ

которыхъ можетъ быть предполагаема болѣе или менѣе густая тюркская кровь; на югъ же отъ этой страны вершины Алтая заняты сомнительнымъ халхасскимъ хошуномъ Тачжи-Урянхай. Если мы отъ горъ, окружающихъ киргизь-порескую равнину, будемъ подниматься еще выше, къ лѣсистымъ салонамъ бѣлковъ, то мы будемъ находить Урянхайцевъ, говорящихъ еще по тюркски.

Точно также и въ Восточной Сибири Бурятское племя распространялось вдоль степныхъ долинъ Селенги и Ангары, отгѣсня Тюркское племя (Сойотовъ и Карагасовъ) на югъ въ Саяны; вѣроятно, и Тунгусская долина была занята бурятскимъ нашествіемъ съ сѣвера, отъ Ангары, а не съ юга, изъ Дархатской земли. Спускался вдоль Ангары, Бурятскій народъ еще на памяти сибирскихъ историческихъ актовъ доходилъ до Красноярска.

Двигаясь вдоль южной подошвы монгольскаго Алтая, Монгольское племя дошло до рѣки Урунгу; отсюда оно расселилось по степнымъ долинамъ до озера Балхаша и еще западнѣе до рѣки Таласа. На сѣверѣ оно вошло въ степную долину Чернаго Иртыша и по ней достигло до озера Зайсана; ниже этого озера степная долина Иртыша прерывается шеками; но невысокій Калбинскій хребетъ, замыкающій долину, не служитъ препятствіемъ разселенію, и Монгольское племя разливается вдоль степной долины нижняго Иртыша; въ XVII столѣтіи Монголы занимаютъ иртышскія степи до озера Ямышъ и ниже. Такимъ родомъ въ теченіе XVII и начала XVIII в. иртышскіе Монголы отдѣляютъ Тюрковъ Алтая, то-есть Алтайцевъ и Теленгитовъ, отъ Тюрковъ арало-каспійской низменности, то-есть, отъ Киргизовъ (Казаконъ). Подъ Урянхайцами, которые подъ предводительствомъ Зайсана Бабая являлись въ прошломъ столѣтіи ежегодно къ Устькаменогорску, спускался въ своихъ лѣтовокъ въ вершинахъ Бухтармы, какъ о томъ сообщаютъ историческіе акты того вѣка (см. ст. „О караванной торговлѣ съ джунгарск. Бухаріей“ въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. Россійск., стр. 101), слѣдуетъ разумѣть нынѣшнихъ приобдинскихъ Урянхайцевъ, говорящихъ монгольскимъ языкомъ. Вѣроятно, до прихода Монголовъ нынѣшняя Семипалатинская область, Джунгарія прошлаго столѣтія, была занята Тюркскимъ племенемъ, но какими поколѣніями его и куда эти поколѣнія были отгѣснены, это должны открыть послѣдующія изслѣдованія. Тутъ, конечно, напрашивается предположеніе: не занимали ли эти мѣста нынѣшніе Киргизы (Казаконъ)? Но нѣкоторые обстоятельства мѣшаютъ согласиться съ такимъ предположеніемъ.

Еслибы Киргизы дѣйствительно занимали нѣкогда страну между Алтаемъ и Тянь-шанемъ, то они должны бы имѣть много общаго въ языкѣ и бытѣ, съ одной стороны, съ Алтайцами, съ другой, съ самими Монголами. Между тѣмъ это не такъ. Г. Радловъ, лингвистъ, дѣлаетъ двѣ отдѣльныя группы: группу восточныхъ и группу западныхъ Тюрковъ, изъ которыхъ къ первымъ онъ причисляетъ Сойотовъ, Качинцевъ, Алтайцевъ и Барабянскихъ Татаръ, словомъ, всѣхъ Тюрковъ отъ Косогола до Барабы, во вторымъ—Кара-Киргизовъ, Киргизовъ, Башкиръ, Сѣверно-Сибирскихъ и Казанскихъ Татаръ; если онъ правъ, то по языку Киргизы должны значительно отличаться

отъ Алтайцевъ, къ которымъ они теперь почти окончательно применили свои кочевьями; ихъ языкъ ближе къ языку Кара-Киргизовъ Тянь-шаня, чѣмъ къ языкамъ Алтая. Обращаясь къ чертамъ быта, находимъ факты, стоящіе въ согласіи съ показаніями лингвистики. Въ то время, какъ племена, населяющія Саяны и Алтай, имѣютъ въ одеждѣ, лицѣ, обычаяхъ и вообще въ образѣ жизни много общаго съ Монголами, съ которыми они давно живутъ рядомъ, у Киргизъ не замѣтно слѣдовъ подобнаго сосѣдства съ Монголами, или, предполагая, что западная Монголія была занята Тюрками, то съ этими домонгольскими Тюрками, бытъ которыхъ, вѣроятно, былъ тотъ же, что у нынѣшнихъ обитателей этой страны. Напротивъ, у Киргизъ замѣчаемъ много чертъ, усвоенныхъ какъ бы въ средѣ, чуждой монгольскимъ обычаямъ. Отмѣтимъ слѣдующія особенности киргизскаго быта сравнительно съ другими племенами:

1) Монголы и Тюркскія племена въ Алтай и Саянахъ варятъ мясо не подолгу, не болѣе получаса времени, такъ что наваръ бываетъ невкусный, пропадаетъ даромъ и выплескивается; мясо, приготовленное Монголами, бываетъ полусырое; этимъ Монголы приближаются къ сибирскимъ сыродцамъ. Киргизы, напротивъ, варятъ мясо часа два и болѣе, получается вкусный наваръ, который распивается изъ небольшихъ чашекъ въ заключеніе обѣда.

2) Монголы почти не употребляютъ соли; навара съ мясомъ совсѣмъ или почти не солятъ; гуджиръ (соловецъ) кладутъ только въ чай. И эта черта сближаетъ Монголовъ съ инородцами Сибири, почти не употребляющими соли; Остяки рыбу употребляютъ въ пищу безъ соли, а соленой рыбы вовсе не ѣдятъ. О томъ, что Зыряне прежде не знали соли, см. Клавд. Попова, „Зыряне“ въ Изв. Им. Общ. любит. естествозн., антроп. и этногр., т. XIII, в. 2, стр. 14. О неупотребленіи соли Шогудами см. у Палласа, Путеш., кн. I, ч. 2, стр. 328, и Лепехина, Дневн. Зап., О Финнахъ и Финнск. племенахъ вообще см. Hehn, Das Salz, Berl., 1873, s. 16. О Якутахъ см. Н. Попова, В. Н. Татищевъ, стр. 712. О Тунгусахъ у Георги, Опис. народ., стр. 47; о Самоѣдахъ у него же, стр. 8.

Киргизы, напротивъ, мясной наваръ солятъ даже больше, чѣмъ это дѣлаемъ мы, Европейцы, и куски варенаго мяса передъ отправленіемъ въ ротъ макаютъ въ густой растворъ соли. Впрочемъ и между степными номадами встрѣчаются не употребляющіе соли; Генъ въ вышеприведенной книгѣ своей говоритъ, что путешественникъ по Аравіи Вреде утверждаетъ, будто есть кланъ бедуиновъ, который ѣстъ мясо безъ соли и употребленіе соли находитъ страннымъ обыкновеніемъ.

3) Монголамъ не извѣстно мытье бѣлья; разъ сдѣлавъ платье, Монголы носятъ его до износу. Монголы не дѣлаютъ мыла и не употребляютъ его. Слой грязи, накопившійся отъ времени на лицѣ и рукахъ, не смывается руками, а самъ собою сваливается съ отшелушивающеюся эпидермой, образуя по темному фону лица свѣтлыя пѣжинки. Киргизы въ этомъ отношеніи счастливо отличаются отъ Монголовъ; Киргизки моютъ бѣлье и даже сами умѣютъ варить мыло и готовить поташъ. Самый костюмъ Кир-

гизки отличается от монгольского тѣмъ, что разчитанъ на опрятность. Монголка носитъ на своей головѣ узланную кораллами шапочку, прилепленную къ волосамъ шубнымъ клеємъ и рѣдко снимаемую съ головы. У Киргизки на голову намотанъ кусокъ бѣлаго миткала или бязи, который былъ бы не изященъ, еслибы не былъ часто мытъ.

4) Киргизки знакомы съ искусствомъ тканья; онѣ ткуть изъ верблюжьей шерсти родъ камлота, изъ котораго шьется верхняя одежда; имъ извѣстны многія мѣстныя красильныя растенія. Монголкамъ ткацкій станокъ не извѣстенъ; шерстяныя нитки онѣ рѣдко прядутъ, большею частью сучать, потому длинныя нитки у нихъ рѣдко встрѣчаются, большею же частью ихъ нитки короткія, немного болѣе фута; красящія растенія имъ неизвѣстны.

5) Монголы не коптятъ мяса. Киргизы въ зимнее время коптятъ его въ видѣ тушекъ, окороковъ и колбасъ.

Продолжая сравнивать киргизскій бытъ съ монгольскимъ, мы замѣчаемъ однако, что Монголы, представляя расу, какъ будто менѣе Киргизъ тронутую культурой, въ другихъ сторонахъ быта оказываются далеко выше Киргизъ. Перекочевки Монголовъ съ мѣста на мѣсто меньше; такъ называемыя кочевыя орбиты у Монголовъ большею частью въ 10 верстъ и рѣдко болѣе, тогда какъ у Киргизовъ они достигаютъ длины въ 200 верстъ. Юрта ставится Монголомъ прочнѣе; полъ иногда устилается досками, или вымощивается камнями; въ юртѣ встрѣчается мебель: деревянная кровать, деревянная этажерка для мелкой посуды и станокъ для бурдюковъ съ кислымъ молокомъ и масломъ; у Киргизъ самые богатые люди кроватей не имѣютъ, спятъ на войлокахъ, посланныхъ на землѣ; мелкая посуда свалена просто на полу, а большіе бурдюки за горловину привязаны къ юрточной рѣшетѣ. У Монгола домашній сварбъ уложенъ въ деревянные ящики, у Киргиза ящики р дѣи, чаще имущество хранится въ переметныхъ сумкахъ. Посуда у Монгол въ преимущественно деревянная, у Киргизъ кожаная; вообще мелкихъ фабрикатовъ въ монгольской юртѣ больше; здѣсь даже встрѣчаешь щипцы для углей и утюги, чего у Киргиза и въ поминѣ нѣтъ. Кромѣ того, предметовъ духовной культуры, какъ напримѣръ книгъ, у Монголовъ несравненно болѣе, чѣмъ въ рукахъ Киргизъ; а сколько еще они затрачиваютъ на истукановъ и живописныя изображенія своихъ божествъ. Вглядываясь въ характеръ тѣхъ чертъ культуры, которыми отличаются эти два народа, можно прійти къ такому заключенію, что все, чѣмъ богаче жизнь Монгола, принесено ему торговыми и религиозными сношеніями съ болѣе культурными расами, живущими на отдаленномъ югѣ, то-есть, изъ Китая и Тибета; Китайцы приучили Монгола къ потребленію чая, къ потребленію китайскихъ тканей и множества другихъ фабрикатовъ; Тибетъ содѣйствовалъ развитію грамотности и любви къ книгѣ. Но въ то же время слѣды стараго быта, сыродство, нечистоплотность и пр. какъ будто свидѣтельствуютъ, что Монголы никогда не жили совмѣстно съ націями старой культуры, въ родѣ Китайцевъ или

Туркестанцевъ. Напротивъ, отсутствіе фабрикатовъ у Киргизъ говорить только за слабость торговыхъ сношеній, между тѣмъ существованіе нѣкоторыхъ мѣстныхъ производствъ какъ будто показываетъ, что Киргизы жили гдѣ-то среди культурной расы, гдѣ усвоили нѣкоторыя привычки и производства, удаляющія ихъ значительно отъ дикарей; такимъ мѣстомъ ихъ прежняго жительства могъ быть Туркестанъ. Будучи далеко ниже Монголовъ въ отношеніи духовной культуры, во внѣшней Киргизы представляютъ нѣкоторый прогрессъ. Еслибы Киргизы пришли съ востока, отъ Алтая, то они не представляли бы такихъ рѣзкихъ различій съ Алтайцами; между ними было бы тоже отношеніе, какъ и между другими частями группы восточныхъ Тюрковъ; если сравнить Барабинскаго Татарина съ Косогольскимъ Урянхайцемъ, конечно будетъ найдена значительная разница, но если путешествовать отъ Косогола къ Барабѣ, то между крайними представителями этой группы окажется множество переходныхъ степеней, которыя ихъ свяжутъ; то же слѣдовало бы ожидать и относительно сосѣдствующихъ теперь Алтайцевъ и Киргизъ; разница могла бы быть, но до извѣстной степени; между тѣмъ на дѣлѣ вовсе не такъ, и быть Алтайцевъ представляетъ болѣе сходства съ иноязычными Монголами, чѣмъ съ Киргизами, которые въ вершинахъ Бухтармы живутъ теперь съ Алтайцами смежно. Очевидно Киргизы и жили сначала гдѣ-то очень далеко отъ Алтайцевъ.

Преданія Киргизъ отчасти указываютъ на Туркестанъ. Поколѣнія Кувандыкъ и Сююндукъ прямо говорятъ о приходѣ своемъ изъ Западнаго Туркестана; эти два племени встрѣчаются въ двухъ мѣстахъ, въ Баянаульскомъ и Атбасарскомъ округахъ; у Баянаульскихъ Кувандыковъ и Сююндуковъ мы сами записали это преданіе; г. Балкашинъ передавалъ намъ, что онъ слышалъ его и отъ Атбасарскихъ. Въ Зайсанской долигнѣ народныя преданія Киргизъ говорятъ о переселеніи съ запада, что согласно и съ историческими извѣстіями, по которымъ можно прослѣдить постепенное передвиженіе восточной границы Киргизскаго народа на востокъ. На правый берегъ Иртыша Киргизы переместились только въ половинѣ прошлаго столѣтія; около Петропавловска и Омска они также явились только въ позднѣйшее время; на западѣ, около Оренбурга, точно также движеніе замѣчается отъ центра киргизской территоріи. Такимъ образомъ по всей сѣверной границѣ киргизскаго народа извѣстія о расселеніи не противорѣчатъ преданію о приходѣ племени съ юга. Есть одно любопытное извѣстіе о жителяхъ владѣнія Шягрисабъ, будто бы они считаютъ себя Киргизами Урта-Юза, то-есть, средней Орды (Матер. для статист. Туркест. края, в. II, изд. Маева, стр. 85).

Приведемъ еще одно обстоятельство, говорящее въ пользу южной родины Киргизскаго народа. У Киргизъ существуютъ преданія о предкахъ скота, о Зенгъ-бабѣ, предѣхъ коровъ, Чапанъ-атѣ, предѣхъ овецъ и др. Эти имена локализовались въ Туркестанѣ около Самарканда и въ Туркменской землѣ; это говоритъ за то, что киргизскія преданія жили и въ Туркестанѣ, между тѣмъ у Саянскихъ Тюрковъ подобныхъ именъ, а также и связанныхъ съ ними легендъ, пока не замѣчено.

Эти данныя не позволяют видѣть въ Киргизахъ потомковъ того народа, который занималъ Джунгарію до прихода Монголовъ. Ихъ слѣдуетъ искать между племенами, стоящими впереди киргизскаго фронта, то-есть, или между сибирскими племенами или племенами восточной Россіи.

Если относительно западной Монголіи очень вѣроятно направленіе расселенія Монголовъ съ востока на западъ, то для болѣе восточныхъ частей той же страны трудно сказать, откуда онѣ были заселены Монгольскимъ племенемъ, иными словами, гдѣ находилась первоначальная родина Монголовъ, на сѣверѣ, востокѣ или югѣ. Оріенталисты различно рѣшали этотъ вопросъ; Шмидтъ искалъ ее на югѣ около оз. Хухунора на основаніи только того, что въ вакомѣ то урочищѣ близъ этого озера узнавалъ имя легендарной родины Монголовъ Ергене-хонъ; Банзаровъ находилъ родину Монголовъ около Муни-олы. В. П. Васильевъ считаетъ родиной Монголовъ рѣку Амуръ, слѣдовательно, вопреки двумъ предыдущимъ ученымъ, ведетъ ихъ не съ юга, а сѣверо-востока. Рихтгофенъ также указываетъ на сѣверъ, какъ на родину Монголовъ. Съ точки зрѣнія чертъ внѣшняго быта, единственно доступной для нашихъ наблюденій области, мы не смѣемъ съ рѣшительностью высказаться ни за ту, ни за другую гипотезу. Если сравненіе быта Монголовъ и Киргизъ ведетъ, съ одной стороны, къ заключенію о приходѣ Киргизъ съ юга, то съ другой—оно же благопріятно относится къ предположенію, что Монголы пришли съ сѣвера. Въ пользу такого предположенія говорятъ ихъ суровость, неупотребленіе соли, неряшливость. Можетъ быть, и обычай выбрасыванія тѣлъ мертвыхъ не обусловленъ введеніемъ буддизма, а есть обычай, общій у Монголовъ съ дикарями Сибири, у которыхъ онъ также существуетъ. Замѣчательно также сходство Монголовъ съ сибирскими дикарями и въ ихъ мирномъ характерѣ, который также скорѣе можетъ быть отнесенъ къ расѣ, чѣмъ къ вліянію религіи.

Иногда полезныхъ указаній на исторію расселенія племени ищутъ въ географической терминологіи племени, но монгольская терминологія едва ли можетъ здѣсь оказать большую услугу. Монголы зовутъ западъ „правую“ стороною, востокъ „лѣвою“; это какъ будто говорить за то, что народъ шелъ съ сѣвера, имѣя западъ вправо, востокъ влѣво; но названіе юга „прежней“ стороною и сѣвера „будущей“ противорѣчитъ предыдущему. Подобныя выраженія, какъ и выраженія „передняя сторона“ горы вмѣсто южная и „задняя“ вмѣсто сѣвера, а также обычай ставить югу лицомъ на югъ покоится можетъ быть не на традиціяхъ о направленіи расселенія, а на почитаніи солнца и другихъ свѣтилъ.

Важную пользу для рѣшенія вопроса о родинѣ Монголовъ можетъ доставить сличеніе повѣрій, сказаній и обрядовъ съ одной стороны у Монголовъ съ сибирскими инородцами, съ другой у Монголовъ съ дикарями сѣвернаго Тибета.

Прошу читателя принять къ свѣдѣнію, что тамъ, гдѣ указана страница безъ указанія книги, это значитъ, что ссылка относится къ настоящему IV выпуску моихъ „Очерковъ“.

Къ главѣ I-й.

1) Къ стр. 2. Имя Ойродъ намъ выдали за имя кости; у другихъ авторовъ оно является съ болѣе широкимъ смысломъ. Таеъ г. Ядринцевъ въ ст. „Объ Алтайцахъ и Черневыхъ Татарахъ“ (въ Изв. И. Р. Геогр. Общ., 1881, т. XVII; в. 4, с. 230), передавая подраздѣленіе алтайскихъ инородцевъ на 6 отдѣловъ, пятому отдѣлу даетъ имя: „Алтайцы-Ойроты или Алтайцы-Калмыки“ здѣсь Ойротъ является именемъ цѣлаго народа, а не кости. Въ другомъ же мѣстѣ (стр. 232) тотъ же авторъ говоритъ, что Черневые Татары помнятъ, что когда-то они платили подать Ойротаиъ, которые жили на р. Именъ (Емилъ?). Это очевидно память объ историческихъ Ойротахъ, то-есть, Дюрбитахъ или Ойротахъ Монгольскаго племени.

2) Къ стр. 2. Названіе поколѣнія Юлюбъ ср. съ монгольскимъ названіемъ летяги, ольби, которое иногда произносится улюбъ-хула-гуна. См. Оч. II, 140.

3) Къ стр. 2. Торо ср. съ Джоро, первоначальнымъ именемъ Гесеръ-хана, героя одного монгольскаго сказанія. Заиѣна т и дж обозначена въ тюркскихъ нарѣчіяхъ Алтая.

4) Къ стр. 2. Имя Найманъ Д. Банзаровъ производилъ отъ монгольскаго найманъ „восемь“ (Библиот. вост. истор., издаваем. Березинимъ, Казань. 1854, т. II, стр. 27 татарскими цифрами). На языкѣ Косогольскихъ Урянхайцевъ маймай, „сѣверный олень“. У Алтайцевъ это слово неизвѣстно, но у нихъ есть имя созвѣздія Оріона Коголь-Найманъ, между тѣмъ въ другихъ вариантахъ имени этого созвѣздія часто во второмъ членѣ содержится сходное значеніе: моралуха или сѣверный олень. См. стр. 137 и въ соответствующемъ мѣстѣ примѣчанія къ ней.

5) Къ стр. 3. Подобно Мундусу отъ проглоченной градины родится Ташин-хай, основатель могущественнаго племени Сянби (Банзаровъ въ Учен. Зап. Казанск. унив., 1846, III, 65). Ср. также съ исторіей рожденія Катигорошка въ русскихъ сказкахъ (Аванас., Р. Н. Ск., в. 3, № 2). Мундусъ ср. съ монгольск. мундуръ, „градъ“; заиѣна на концѣ с и р въ языкахъ монголо-тюркской группы иногда встрѣчается.

6) Къ стр. 4. Котгоръ-мундусъ первымъ членомъ напоминаетъ сказочное имя Хотгоръ-мангысъ (см. стр. 385); это хотгоръ вѣроятно то же, что монгольское читеуръ или зетхэръ, „злой духъ“. Чулумъ ср. съ монгольскимъ шулумъ (стр. 348), то же, что шулумъ (см. также ниже примѣч. къ ст. 138 о радугѣ). Слова читеуръ и шулумъ имѣютъ одинаковое значеніе. Въ числѣ бурятскихъ огионовъ есть Хитыгырь-заринъ (стр. 104).

7) Къ стр. 6. Преданіе о гнилыхъ ногахъ Иркытовъ напоминаетъ книжное о Хонкиратахъ, у которыхъ будто бы отъ обжога во время исхода изъ долины Ергене-хонъ была наследственная боль въ ногахъ (Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 137). О хромотѣ и поломанныхъ плечахъ въ арій-

скихъ мѣсахъ говорить Мангардтъ, Germ. Myth., 77, 163, 656, 708. Алтайское повѣрье хромоту приписываетъ Ерлику; во время священнѣхъ плясокъ при буддѣйскихъ монастыряхъ, по увѣренію Монголовъ, хуваракъ, изображающій Цаганъ-эбугена, долженъ прихрамывать. Человѣкъ, призваніе котораго стать шаманомъ, по алтайскому повѣрью узнаетъ о томъ по тому, что духи во время камланья отырывають въ немъ поломанную кость (Изв. Имп. Р. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, с. 248).

8) Къ стр. 7. Сойотъ у Алтайцевъ является именемъ поколѣнія; но тѣмъ же именемъ они называютъ вообще всѣхъ жителей въ вершинахъ рѣкъ Кемчика и Кобдо. Слово Сойотъ, которымъ русскіе жители Минусинскаго округа обозначаютъ вообще Урянхайцевъ, признается за ту же форму съ другимъ окончаніемъ (множ. числа); близкую къ этой послѣдней форму Сонтъ мы встрѣтили въ в. отъ оз. Убса (Оч., II, 8). Въ числѣ четырехъ Обратскихъ племенъ иногда упоминается Хонтъ, что отличается только замяной начальныхъ с и х. Часть Сойотовъ, живущая въ вершинахъ р. Оки, сама себя называетъ Сайдутъ или Хайдутъ (Radde, Berichte üb. Reisen im Süden v. O.-Sibir., въ Väg und Helmersen's Beiträge, XXIII, p. 48). Ср. это имя съ вторымъ членомъ названія Хотогайту или Хотогойту, какъ себя зовутъ жители пяти хошуновъ около оз. Сангинъ-Далай. Миссіонеръ о. Вербицкій приводитъ алтайское сказочное выраженіе сайдут или сайыт, которое онъ переводитъ русскимъ „царедворцы“ (Томск. губ. вѣд., 1882, № 33, стр. 532) Можетъ быть, и урянхайскій Хойтъ-омбо не есть „сѣверный омбо“, какъ было истолковано мною въ Очерк. II, 35, а хойтскій омбо. У Якутовъ по Татищеву было поколѣніе Гонъ-Саіонъ (Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ“ стр. 710).

9) Къ стр. 8. Присказка о Карапыратахъ даетъ имъ почти тѣхъ же родителей, какіхъ одинъ гимнъ, приведенный Банзаровымъ (Учен. Зап. Каз. универс., 1846, III, 89) даетъ огню, называя отцомъ его сталь, матерью время, а предками ильмовыя деревья. Не намекъ ли это на бывшую связь въ представленіяхъ о грозовомъ явленіи, открытіи огня и первомъ человѣкѣ? и въ силу этого нельзя ли присказку объ Иркытахъ (стр. 7): „отецъ ихъ рай, мать берега“ объяснить такимъ образомъ: для добыванія деревяннаго огня вертикальный стержень дѣлали изъ очень крѣпкаго ргаеваго дерева (Cotoneaster), а доску изъ березы? Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что на мои неоднократные спросы о добываніи огня изъ дерева Монголы отзывались повсемѣстно, что они такого обыкновенія не имѣютъ.

10) Къ стр. 9. Родъ Теленгитъ есть у Волжскихъ Калмыковъ. (Небольсинъ, Очерки быта хошуотск. улуса, стр. 17). Другихъ случаевъ упоминанія этого имени гдѣ-нибудь внѣ Алтая намъ не извѣстно. за исключеніемъ племени Дуланге, упоминаемомъ китайскими писателями (О. Лавиана, Собраніе свѣд. о народ. средн. Азии, ч. I. стр. 436) и племени Теленгутъ у Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 89), подъ которыми, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть предковъ нынѣшнихъ Теленгитовъ. У Киргизъ есть родъ Тлеу; ср. съ именемъ народа Телеутъ, которое обра-

зовалось изъ Теленгитъ. Имя Телегей ср. съ тюркскими наименованіями лисицы: тюльке, дульхо и пр.

11) Къ стр. 9. Выраженіе о многочисленности Теленгитовъ напоминаетъ такое же торгоутское о Халхасцахъ:

шаргын моринан носун ихи бы
халга монгол ихи бы

то-есть: какъ много волосъ на буланой лошади, такъ много Халха-монголовъ“. Едва ли впрочемъ эти выраженія всегда говорились по поводу многочисленности племени. Въ устныхъ памятникахъ встрѣчается указаніе на многочисленность звѣздъ или стрѣлъ громовника. У Урянхайцевъ слово кайраканъ, подъ которымъ разумѣется обыкновенно виновникъ грозоваго явленія, употребляется во множественномъ числѣ: „небесные кайраканы“ (стр. 139); по бурятскому повѣрью лу многочисленны (стр. 141); у камчадаловъ камулы также многочисленны. Монголы слово тэнгри, небо, употребляютъ иногда во множеств. числѣ. Подобныя же представленія были, кажется, у Семитовъ и Арійцевъ; см. Chwolson, Die Ssabier und d. Ssabismus, II, 675. См. также ниже примѣч. 43 къ II гл.

12) Къ стр. 9. Почитаніе Кара-тоелесами своимъ предкомъ медвѣдя, можетъ быть, имѣетъ себѣ параллельный случай въ преданіи Якутовъ, что ихъ предокъ былъ нѣкто Омагай, жившій въ вершинахъ Лены (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., кн. VIII, смѣсь, стр. 89); имя Омагай очень близко къ тунгусскому *amisi*, „медвѣдь“.

13) Къ стр. 10. Имя Урянхай самими Урянхайцами произносится уранга, очень близко къ бурятскому аранга, помость на четырехъ столбахъ; такой помость по якутски называется арангасъ; тѣмъ же именемъ Арайгасъ Якуты называютъ созвѣздіе Большую Медвѣдицу. На сѣверѣ Сибири созвѣздія очень часто носятъ имена звѣрей; нельзя ли поэтому и якутское имя Большой Медвѣдицы сблизать съ якутскимъ именемъ бѣлаго медвѣдя *ugung-esse* (Pall. Zoog. I, 69) или урунг-асъ (брѳнг-асъ, Böhrlingk, Jakut. Vörter., 19)? Обыкновенный медвѣдь по якутски называется *асъ*, то-есть, „дѣдь“, слѣдовательно специальное имя полярнаго медвѣдя будетъ урунг (брѳнг); это слово значитъ по якутски „бѣлый“, но едва ли это эпитетъ, данный звѣрю по цвѣту шерсти. Есть звѣринныя сходныя имена: оронго, миенческій однорогій звѣрь у Монголовъ (см. Оч., II, стр. 161); оронъ, „олень“ у Тунгусовъ (Castren, Tungus. Sprachlehre, 76); имя оронго придается въ южной Монголіи особому, живущему, тамъ виду антилопы, открытому Н. М. Пржевальскимъ. Мѣсяцъ часто въ мѣнахъ представляется въ видѣ рогатаго животнаго. Монгольское чаганъ, также какъ и якутское урунг (брѳнг) имѣетъ двойной смыслъ: „бѣлый“ и „самка сѣвернаго оленя“, а у Черневыхъ Татаръ чаганъ—значить „звѣзда“.

Названіе Урянхай у Рашидъ-эддина является съ окончаніемъ итъ: Урянхитъ; въ Юаньчаомиши: Урянханъ; у нынѣшнихъ волжскихъ Калмыковъ есть родъ Урангхусъ. Это имя, конечно, одного происхожденія съ именемъ Урянхай; за это говорить калмыцкое преданіе, разказывающее, будто въ

древности, когда Калмыки кочевали еще за Алтаемъ, Урянхусы занимались звѣроловствомъ и платили подать звѣринными шкурами (Небольсинъ; Опис. быта Калмыковъ Хошоутовск. улуса, Спб., 1852, стр. 18); то же самое разказываютъ о себѣ Урянхайцы (стр. 208). Ср. также у Палладія въ ст. „Слѣды христіанства въ Китаѣ“ (Восточн. Сборн., т. I, в. 1, стр. 49), гдѣ тѣ же обязанности приписываются императорской гвардіи, составленной изъ Олосы, т. е. изъ „Русскихъ“ (сл. съ сказкой о русскомъ изгнанникѣ, стр. 497). Имя Урянхусъ близко къ якутскимъ урунгасъ и Арангасъ; переданное сейчасъ преданіе указываетъ, что подъ урянхусами разумѣлся звѣроловный народъ. Такое же представленіе связываютъ съ именемъ Урянхэ Буряты и Солонь. Аларскіе Буряты о своемъ сородичѣ, занимающемся звѣроловствомъ и живущемъ грязно, говорятъ: урянхэ хамноговъ, то-есть, „грязный Тунгусъ“; по ихъ представленіямъ Урянхэ—народъ, живущій отъ нихъ на сѣверъ, а не на югъ. Солонь называютъ именемъ уранга племя Орчинъ (Орочонъ?) (стр. 22). У Якутовъ по Порядину урянхай „качество дурнаго человѣка, злаго духа“ (Якутск. слов. рукоп.). Этимологія слова Урянхай, какъ ее сочиняютъ сами Монголы, или, по крайней мѣрѣ, Дюрбюты, такого рода: Эдженъ ханъ, то-есть, Китайскій императоръ, изгналъ это племя изъ своихъ владѣній; вотъ почему оно называется урунь-кай; послѣдній членъ кай будто бы значить „бросовое“, выброшенная мерзость. Въ другомъ сказаніи (стр. 497) изгнаніе связывается съ именемъ Русскій, то-есть, вѣрнѣе съ архангелскою формою Орусъ. По заявленію г. Пржевальскаго на одномъ изъ его чтеній Цайдамскіе Монголы называютъ тибетскихъ дикарей арангынами. По видимому, имя Урянхай означаетъ человѣка низшей культуры, звѣроловнаго быта, варвара и можетъ быть аборигена. Мысль объ отчужденіи отъ человѣческой среды, соединяемая съ словомъ уранга, напоминаетъ намъ слово *warg*, сближаемое нѣкоторыми учеными съ *варягъ*, *wargan* (Исторія Россіи, Соловьева, I, 347); слову *warg* придавалось значеніе негоднаго, изгнаннаго изъ общества; въ древней Германіи приговоренный за ограбленіе покойниковъ и преступленіе въ священныхъ мѣстахъ къ изгнанію въ дѣсь назывался *варгомъ*. Въ смыслѣ врага, убійцы, вора это слово перешло отъ Готовъ къ Пруссамъ, Литовцамъ, Финнамъ и Славянамъ. На скандинавскомъ сѣверѣ *wargt i wept* буквально „волкъ въ сѣтнѣ“, назывался человѣкъ, совершившій святотатство и изгнанный (см. примѣч. Куника къ соч. Дорна „Каспій“, стр. 401 и 406). Впрочемъ Куникъ возстаетъ противъ сближенія *warg* и *wargan*. Оба слова, европейское *warg* и азиатское уранга, вѣроятно скрываютъ въ себѣ намекъ на одинокаго человѣкоподобнаго свитальца гѣсовъ, отчужденнаго отъ человѣческаго общества. Ср. съ остяцкимъ *jugex*, волкъ (Castren, *Ostjak. Sprachlehre*, 85), самоѣдскимъ *уѣркъ*, медвѣдь (Поляковъ, рукоп. общ.). Въ Норвегіи, Швеціи, Финляндіи и Эстляндіи *warg*, „волкъ“ („Каспій“, стр. 406). Волжскіе Калмыки, впрочемъ, съ именемъ Урянхусъ соединяютъ понятіе объ отличномъ, избранномъ народѣ (Небольсинъ, Опис. Хошоут. улуса, стр. 18). Не было ли имя Урянхай, Уранга, Урянхъ именемъ медвѣдя, съ котораго оно могло быть перенесеннымъ на дикарей-аборигеновъ,

не сливавшихся въ мирное пастушеское общество, а продолжавшихъ вести единенную и разбойничью жизнь въ родѣ одинокаго скитальца царя лѣсовъ? Монголы до сихъ поръ, какъ мы видѣли, не соединяютъ съ нимъ опредѣленнаго этнографическаго понятія, а придаютъ его то Тюркамъ, то Тунгусамъ, то Тибетцамъ; можетъ быть, этимъ же именемъ они называли и финское племя, если только оно въ отдаленныя времена обитало въ Монголіи. Имѣ Урянхай и теперь иногда прилагается къ нѣкоторымъ частямъ Монгольскаго племени, живущимъ въ центральной Монголіи; такъ напр. есть кошунъ Таджи Урянхай (Очерки, II, 20); г. Ровинскій нашелъ имя Урянхай, прилагаемое къ чистымъ Монголамъ, въ восточной Монголіи на пути изъ Нерчинска въ Пекинъ. Финны въ свою очередь употребляли, по видимому, это же имя для племенъ имъ враждебныхъ; такъ Остяки зовутъ Самоѣдовъ Ярунхо, именемъ, очень близкимъ къ Уранга; Пермьки и Зыряне зовутъ ихъ Ярангъ, Вогуличи Юрронкумъ (Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. VII, 42).

14) Къ стр. 10. Огурта, огурда, гурта, по видимому, состоитъ изъ двухъ членовъ: огур или гур и та или да; членъ да встрѣчается и отдѣльно; такъ старшины у Мингатовъ на р. Кобдо и у Олютовъ, которыхъ зовутъ Урянхайцами, называются просто да; этотъ же членъ слышенъ въ титулѣ правителя косокольскихъ Урянхайцевъ: да-ноинъ; у восточныхъ Урянхайцевъ, именно у бейкемскихъ Крыжиновъ встрѣтилъ названіе даинъ-ноинъ. Мингатскіе старшины вмѣсто да иногда называются ухурда. Около Косокола намъ довелось слышать выраженіе ухуртенъ уранга, „огуртинскіе Урянхайцы“ т. е. Урянхайцы, подчиненные огурта. По видимому, это выраженіе относилось къ Урянхайцамъ, живущимъ въ долинахъ Бейбема и Хуахема; Урянхайцы въ долинѣ Хуахъ носятъ также специальное имя Ухуртенъ-уранга; но замѣчательно, что и рѣка, въ долинѣ которой они живутъ, называется Ухуртенъ-голь.

15) Къ стр. 10. Имя Иргить, Иркытъ, Ирхытъ ср. съ бурятскимъ выраженіемъ о медвѣдѣ (стр. 168, вар. и); не было ли иркунъ именемъ медвѣды? Рашидъ Эддинъ (Труд. Имп. Археолог. Общ. до Вост. отд., ч. XIII, стр. 48) у сложнаго имени поколѣнія Оинъ-Иргень первый членъ толкуетъ, какъ эпитетъ „лѣсной“; Иргень, вѣроятно, то же, что Иргить съ другимъ окончаніемъ (какъ мергенъ и Меркитъ). Спариваніе Иркытовъ и теперь въ обычаѣ у Алтайцевъ съ созвучнымъ Уинамъ именемъ Сойонъ (см. стр. 7). Оюнь по якутски шаманъ.

16) Къ стр. 10. Сумынь Сойонъ, упоминаемый здѣсь, конечно, тотъ самый, который лежитъ по р. Наринъ-сумуну, и который мы пересѣкли въ 1877 году (Оч. I, 292 и II, 8); жители его назвались намъ тогда Соинъ.

17) Къ стр. 10. Названіе Контрай-сахай представляетъ соединеніе тѣхъ же корней, какъ и въ словѣ хэнгрикъ-дзехе, монгол. росомаха. О. Вербицкій (въ „Миссіонеръ“ за 1876 г., № 22) разсказываетъ, что Татары въ вершинахъ Абакана, услыжавъ отъ него, что онъ Русскій, и какъ будто переводя непонятное „Русскій“ на болѣе понятный языкъ, сказали ему: „а, ко-

урай!" Не значить ли это, что въ какой-нибудь сказкѣ имена Орусь и Коурай спариваются? Кастрень говоритъ, что Котовцы и другіе Татары близъ Красноярска называются Kongroitschiris (Ann. d. voyag., 1849, t. III et IV, 131). Есть татарское слово kongogoi, означающее мѣсто, гдѣ звенять колокола.

18) Къ стр. 11. Вариаци имени Сальджакъ приведены въ Очеркахъ, II, прим. 80 къ гл. I. Окончаніе этого имени джакъ (въ другихъ вариантахъ джугуть, джиють), вѣроятно, одного происхожденія со второй половиной названій другихъ поколѣній: Ельджигенъ, Байджигитъ, Борджигитъ (у волжскихъ Калмыковъ Борцугуть; Небольсинъ, Очерки быта Хошоут. улуса, стр. 19); у Алтайскихъ Олютовъ, которыхъ называютъ Урянхайцами, есть родъ Оорцугъ (Очерки, II, 36). Тунгусовъ Буряты зовутъ Кальджакинъ (Риттеръ, Землев. Азия, русск. перев., V, Забайкалье, 141), что можетъ быть только вариантъ формы сальджакъ; въ тунгусскомъ kalzangu, борсукъ (Castren, Grundz. ein. tungus. Sprachlehre, 101). Калмыцкая форма Боорцугуть также напоминаетъ тюркское имя этого звѣря: борсукъ. Названіе алтайской кости Кальджанъ-Ирхытъ также, вѣроятно, архаическая форма. Предкомъ Сальджиутовъ Рашидъ Эддинъ называетъ брата Бодонджара, Бугу Сальджи (у Сананъ Сэона: Бугу Сальджиго); въ числѣ предковъ Бодонджара у Сананъ Сэона упоминается Сали Кальджиго.

19) Къ стр. 11. Названіе Балыкчи, можетъ быть, есть испорченное Булагачинъ и въ такомъ случаѣ не будетъ значить „рыбакъ“ отъ слова балыкъ, „рыба“, а будетъ стоять въ связи съ монгольск. именемъ соболя, булыганъ. Булагачинъ упоминается у Рашидъ Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 88) рядомъ съ именемъ Керемучинъ. Г. Березинъ, сводя первое имя съ словомъ булыганъ, второе сближаетъ съ монгольскимъ херими, „бѣлка“ (ibid., стр. 255); ср. также бурятское керимиши, „летучая мышь“. Въ нашемъ текстѣ (стр. 20) также упоминаются эти два имени рядомъ. Хошунъ Мулгочинъ упоминается въ южной Монголіи въ сказкѣ казака Петлина, ѣздившаго въ Китай въ 1620 году (напечатана въ „Сибирск. Вѣстникѣ“ Спасскаго). Сказанное выше даетъ нѣкоторый поводъ догадываться, что стоящее рядомъ съ Балыкчи имя Хэрдэкъ или Хердыгитъ соответствуетъ имени Керемучинъ, тѣмъ болѣе, что бѣлка на нѣкоторыхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, какъ наприм. по алтайски, носитъ названіе чырдыкъ (Граммат. алтайск. яз., Казань, 1869, стр. 13). Хердыгитъ, вѣроятно, то же, что поколѣніе Чертыкинъ у Пермикина, помѣщаемое имъ около Косогола („Вторая поѣздка на Косоголъ“, рукоп.). Ниже, на стр. 11, упоминаемое Хердыкъ есть только легкое измѣненіе имени Хэрдэкъ. Не лишне здѣсь замѣтить, что это имя напоминаетъ также слово хоредякъ или сардыкъ, какъ Буряты въ окрестностяхъ Косогола и къ з. отъ Байкала означаютъ бѣлки и гольцы. Бѣлокъ, лежащій у сѣвернаго конца Косогола, называется въ нашихъ географическихъ книгахъ или Мунко-сардыкъ или Мунко-хуредякъ. Балыкчи есть родъ Киргизской внутренней Букеевской орды (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. II, стр. 36).

20) Къ стр. 11. Племя Кирейтъ упоминается у Бундровскихъ татаръ (Пав. Небольсинъ въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1851, ч. II, отд. V), въ Малой Киргизской ордѣ (Мейера, Киргизск. степь Оренб. вѣдом. стр. 92), у Узбековъ въ Бухарскомъ ханствѣ (Н. Ханьковъ, Опис. Бухарск. ханства, стр. 61 и 65).

21) Къ стр. 11. Нѣкоторые факты свидѣтельствуютъ, что число четыре въ сѣверной Монголіи пользовалось особымъ значеніемъ въ родѣ чиселъ три, семь и девять. Это значеніе отразилось на дѣленіи племенъ. У Тува-Урянхайцевъ каждый хошунъ, за исключеніемъ одного, расположеннаго на Кемчикѣ, дѣлится на четыре сумына, которые носятъ названія костей; такое же четверное дѣленіе замѣчается и въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ у Киргизъ; Тортогуды встрѣчаются въ трехъ мѣстахъ, на Черномъ Иртышѣ, въ Балнаульскомъ округѣ и въ югозападной части Аюлинскаго округа; не смотря на взаимную отдаленность этихъ участковъ, во всѣхъ трехъ замѣчается дѣленіе на четыре рода, хотя названія родовъ не всегда одни и тѣ же; это четверное дѣленіе Тортогудовъ сами Киргизы объясняютъ происхожденіемъ этого племени отъ четырехъ братьевъ. Четверное дѣленіе замѣтно и у Аргыновъ.

Дюрбюты кажется объясняли въ старину свое имя числомъ четыре, дюрбанъ, производя свое племя отъ четырехъ братьевъ (Очерки, II, 64 прим. къ 1 гл.; см. также Исторія Абульгази, перев. Саблукова, стр. 54). У Алтайцевъ повѣрье, будто имя Дюрбютскаго народа произошло отъ того, что этотъ народъ былъ подвластенъ четыремъ ханамъ. Можетъ быть на то же повѣрье, но нѣсколько въ другой редакціи, указываетъ эпитетъ: „повелитель сорова и четырехъ“, который Сананъ-Сэцэнъ (Gesch. d. Ost-Mong., s. 165—169) придаетъ хану Ойротовъ Есену. Алтайцы въ своихъ преданіяхъ часто спариваютъ обѣ формы въ одно сложное: Дурбень-Ойротъ; въ ихъ преданіяхъ упоминается Дурбень-Ойротъ-ханъ.

Ойротъ-ханъ у жителей Алтая, по видимому, лицо полумифическое, если несовсѣмъ мифическое. Помѣщаемъ здѣсь выписку объ этомъ ханѣ изъ не напечатанныхъ путевыхъ записокъ по Алтаю г. Ядринцева: „Преданія объ Ойротѣ существуютъ у Телеутовъ, у семи дючинъ Алтайцевъ, а также около Телецкаго озера, на Чуѣ и Чулышманѣ. У Телеутовъ Ойротъ связанъ съ ихъ родами и является то родоначальникомъ, то мифическимъ лицомъ, котораго ждуть Телеуты, какъ мессію алтайскихъ народовъ. Остальные Алтайцы не связываютъ свое родство съ Ойротомъ. Ойротами они называютъ народъ, жившій до нихъ и оставившій вездѣ огромныя каменные насыпныя могилы. Вездѣ говорятъ про курганы: „это ойротскія могилы“. Существуетъ могила Ойротъ-хана на устьѣ Улагана (въ системѣ Телецкаго озера); это большая могила. Около Удалы разказываютъ, что царь Ойротъ дошелъ до Улагана и тамъ умеръ. Но на Чуѣ вновь появляются разказы объ Ойротѣ, что онъ шелъ изъ Алтая по р. Чуѣ со свитой и войскомъ, откочевывая въ Монголію. Абымъ-бомъ названъ въ память его дочери, умершей здѣсь. На Чуѣ близъ Кошъ-агача есть мѣсто, гдѣ онъ стоялъ и

у четырех деревьевъ были растянуты арканы для его лошадей. По Аргуту и по Катуню опять могли „Ойроты“. У Телеутовъ подъ Улаюй и у Телесовъ сохраняются преданія о походѣ Ойротовъ въ чернь и въ Алтай. Они приходили даже одновременно съ Киргизами. Ойроты, какъ видно когда-то завоевывали Алтайцевъ. Они преслѣдовали шамановъ и особенно одного, котораго они сожгли, но онъ возродился изъ пепла, какъ фениксъ. Одно телеутское преданіе объ Ойротахъ говоритъ: сначала Ойроты жили на зимовкѣ Кулунду-Талбу, ближе вершины Иртыша, а лѣтние ихъ былъ у устья Иртыша, гдѣ онъ впаде въ Обь; по Оби отъ Томска до Кузнецка простирались ихъ кочевья. Ойротъ былъ царь надъ Телеутами. Старшій сынъ Ойрота былъ Тамуръ-сана, другой сынъ Амуръ-сана, а третій Шунабатырь. Четыре семейства Ойротовъ отправились въ Алтай; въ числѣ этихъ семей былъ Мундузъ (теперь сеокъ); они и теперь живутъ въ Бачатѣ и въ Алтай. Остальные остались подъ Томскомъ на мѣстности Каратандѣ. Дѣти просили у Ойрота благословія; онъ благословилъ всѣхъ, чтобы они рассыпались по чернямъ; благословіе это было произнесено въ стихахъ; оно и теперь хранится въ устахъ народа. Самъ Ойротъ переселился на Телецкое озеро и водворился тамъ, гдѣ протекаютъ Башкаусъ и Чулышманъ. Разселивъ людей, онъ самъ ушелъ въ горы. Уходя, Ойротъ сказалъ своимъ дѣтямъ: „Пройдетъ двѣнадцать поколѣній и я снова къ вамъ приду; тогда я своихъ Телеутовъ узнаю по глазамъ“. Теперь, говорятъ Телеуты, семь поколѣній послѣ его ухода уже прошло. Изъ четырехъ семей Ойротовъ только одно съ Шуной осталось въ русское подданствѣ; остальные три разсѣлись“. Имя Alten-Aiga встрѣчается въ сказкахъ минусинскихъ Татаръ (Melang. asiatiques, t. III, liv. 4, стр. 389); онъ вѣщаетъ на кроукъ, между небомъ и землей, Alten-Tactai'я, который потомъ освобождается и убиваетъ Алтынъ-Айру.

Въ монгольскихъ сказаніяхъ формы дѣрбѣнъ и ойратъ также спариваются (Позднѣевъ, Образцы, стр. 135; Банзаровъ въ Библиот. восточн. историковъ, изд. Березинимъ, т. I, стр. 23 татарск. цифр.); иногда встрѣчается выраженіе дурбѣнъ-тумень-ойротъ, то-есть, сорокъ тысячъ Ойротовъ, какъ и къ имени Монголъ иногда прибавлялось дучинъ-тюмень, т. е. „четыреста тысячъ Монголовъ“; встрѣчается также и просто дучинъ-монголъ. Иногда перечисляются четыре поколѣнія, на которыя будто бы раздѣляется народъ Ойратъ; такъ Сананъ-Сэцэнъ (Gesch. d. Ost. Mong. 57) приводитъ четыре племени: Угеледъ, Багатудъ, Хойтъ и Кергутъ, которыя будто бы произошли отъ четырехъ братьевъ: Доноя, Докшина, Эмнека и Ерке, четырехъ сыновей Дуа-Сохора. Палласъ (Sammlung. histor. Nachrichten, t. I s. 6) по калмыцкимъ показаніямъ называетъ четыре ойрадскія племени: Олютъ, Хойтъ, Тюмедъ и Барга-Буратъ.

Монгольское племя Халха, какъ извѣстно, дѣлится на четыре аймака; Чингисъ-ханъ раздѣлилъ свою имперію на четыре удѣла по четыремъ сынамъ своей старшей жены, которые носятъ специальное имя: четыре кулюка. Еще ранѣе, имперія Дизавула по византийскимъ источникамъ дѣлилась на четыре участка.

Четверное число племенъ является при восточномъ обрядѣ возведеніи на царство. Объ этомъ см. у Вельяминова-Зернова: „Изсгѣдов. о Касимовск. царяхъ и царевичахъ“, т. II, (стр. 401, 411, 420, 426, 430 и 431). Возводи-маго на царство хана садили на войлокъ или столъ, и поднимали за четыре угла послѣдняго; по видимому, беки, державшіе за углы, носили особенное названіе карачи (карачен нашихъ лѣтописей); такихъ карачеевъ было четыре при Крымскомъ ханѣ; они были изъ поколѣній Ширинъ, Барынъ, Аргынъ и Кипчакъ; главнымъ изъ этихъ четырехъ бековъ считался Ширинъ; здѣсь кстати замѣтить, что у Рашидъ-Эдина старшій бекъ Вана, Кирейскаго хана, „бекъ изъ бековъ“, называется Така-Джаранъ (Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 166). Вельяминовъ-Зерновъ думаетъ, что четыре карачен было и въ Казани, и что даже имена ихъ были тѣже; при возведеніи касимовскаго хана Уразъ-Мухаммеда упоминается четыре бека поколѣній: Мангытъ, Джеланръ, Аргынъ и Кипчакъ. Карачен упоминаются также у Ногайцевъ и въ Сибири: Когда Бухарскаго эмира, который изъ рода Мангытъ, возводятъ на ханство, четыре угла войлока держатъ представители родовъ: Мингъ, Алмать, Бехринъ и Баташъ.

Здѣсь кстати вспомнить сходный съ обрядомъ возведенія на ханство обрядъ посвященія въ шаманское званіе (стр. 59), а также погребальный обичай, состоящій въ выставленіи трупа шамана на помостъ, поддерживаемомъ четырьмя столбами. Такіе помосты на четырехъ столбахъ мѣстами (у Урянхайцевъ) называются шире; тѣмъ же именемъ Монголы называютъ сидѣнье главнаго ламы въ кумирняхъ, а также жертвенники, устраиваемые въ стенахъ и состоящіе изъ одного плоскаго камня, положеннаго на четыре другихъ, круглыхъ (что имѣетъ видъ миниатюрнаго долмена).

Вельяминовъ-Зерновъ, на стр. 437 того же своего сочиненія, высказываетъ мнѣніе, что „карача“ могло производиться отъ татарскаго слова карачи, „гляди-ка!“

22) Къ стр. 12. Именемъ Туфа называютъ себя также и Койбалы; (Castren's Versuch ein. Koibalisch. und Karagass. Sprachlehre, Vorwort, s. V). Карагассы сами себя зовутъ Тофа (Этн. Сб., IV, с. 1).

23) Къ стр. 12. Крыжинъ (Труды Сибир. эксп., матем. отд., стр. 90) упоминаетъ на Бейкемѣ поколѣнія Хара-Джетъ, Акъ-Джетъ, Хара-Додоть, Акъ-Додоть и Хонкъ. Вѣроятно Акъ-Джоту и Кара-Джоту, обозначая особыя племена, филологически есть совершенно то же, что Акъ-Додоть и Кара-Додоть. Сближенія съ другими именами см. въ Очерк., II, 46 прим. къ I гл. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 4) упоминается страна Зудъ и рядомъ съ нею вода Тенгинъ (у Сананъ-Сецена: Тенгисъ; ср. съ названіемъ р. Тенгисъ, притока Шишкита). У Волжскихъ Калмыковъ есть родъ Цаатынъ (Небольсинъ, Опис. быта Хошоут. улуса, стр. 18). Тулюшъ вѣроятно тоже, что Тое-лесъ у Алтайцевъ. Ср. съ урянхайскимъ названіемъ радуги: делешъ (см. стр. 138 и примѣч. къ пей).

24) Къ стр. 13. Названіе урянхайскаго языка уйгурскимъ позволяетъ распространить и на Урянхайцевъ предположеніе г. Пондѣева (Образцы,

стр. 153) о Хото-Гойту, что это потомки древних Хойхоровъ, подъ которыми, впрочемъ, г. Повднѣвъ, вопреки другимъ ученымъ, не хочетъ видѣть Уйгуровъ, а разумѣетъ особое племя. Можетъ быть выраженіе ухуртень-уранга или огуртень-уранга, а также княжеское званіе огурда, заключаютъ въ себѣ память о томъ же имени. Обыкновенно имя Уйгуръ производятъ отъ татарскаго глагола уймакъ, „соединяться“ (Березинъ, въ Зап. Русск. Археол. Общ., XIV, 221; Казембеъ въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1841, авг., отд. II; Абульгази; см. перев. Саблукова, стр. 38). Эта этимологія увлекла ученыхъ къ объясненію и другихъ именъ народовъ тѣмъ же способомъ; такъ объясняли названіе Ойратъ монгольскимъ ойрхо, „соединяться“ и имя Керайтъ манджурскимъ керентъ, „общій“ (Березинъ, въ Зап. Русск. Археол. Общ., XIV, 258). Для имени Ойротъ г. Банзаровымъ было предложено другое объясненіе (Библ. восточн. ист., т. I, стр. 25 татарск. цифрами). Нельзя ли оба имени Уйгуръ и Ойратъ производить отъ хонгоръ или унгуръ путемъ перехода носоваго звука въ й? Форма хонгра могла дать вариаци: Хонкиратъ (Рашидъ-Эддинъ); Унгира, Хунгира (Юаньчаомиши), вѣроятно, то же, что Хонкиратъ; Ингирасъ (Абульгази), которое соотвѣтствуетъ поколѣнію Икирасъ у Рашидъ-Эддина, и вѣроятно то же, что нынѣшній бурятскій родъ Икиратъ; наконецъ Ойратъ (Рашидъ-Эддина), которому въ Юаньчаомиши соотвѣтствуетъ Оира. Форма унгур могла дать формы уйгуръ и огуръ; послѣдняя форма отъ выпаденія носоваго н. Ср. айгыръ, татарск. „жеребець“; ухыръ или укыръ, монгольск. „корова“.—Второй членъ имени Хото-Гойту не находится ли въ связи съ именами: Хойтъ, Соитъ, Сойонъ, Хайдуть, Сайдуть? см. примѣч. къ стр. 10. Замѣчательно отношеніе именъ Хойху (которое у Китайцевъ соотвѣтствуетъ имени уйгуръ мусульманскихъ историковъ) и Сьянь-то; это какъ будто одно и то же племя, бывшее аборигеномъ центральной части Монголіи (Хангай); ср. у о. Юкиноа, въ Свѣд. о народ. Средн. Азіи, ч. I, стр. 246 и 426—442. Сьянь не есть ли нынѣшнее Сойонъ?

25) Къ стр. 14. Въ Очеркахъ, II, 1 прим. къ I гл., первый членъ имени Абакъ-Кирей былъ нами сближаемъ съ татарск. выраженіемъ аб-ак, „бѣлохонекъ“. Вѣроятноже однако, что этотъ членъ, какъ и имя втораго Юсупова сына, Абака находится въ связи съ монгольскимъ убугъ, „медвѣдь“ или убугунъ, „дѣдъ“, если только такой переходъ филологически можетъ быть допущенъ. Почитаніе медвѣдя предкомъ возможно, по нашему мнѣнію, вслѣдствіе сліянія представленія объ этомъ звѣрѣ съ представленіями о громовникѣ. На стр. 9 приведено прямое указаніе на медвѣдя, какъ на предка. У кузнецкихъ Татаръ есть поколѣніе Аба (ср. аба, медвѣдь у Алтайцевъ).

26) Къ стр. 14. Раздѣленіе дѣтей на двѣ группы замѣчается и въ другихъ случаяхъ; у Рашидъ-Эддина разказывается (Труды вост. отд. Р. Археолог. Общ., XIII, с. 28 и 31), что у Тумена-хана было девять сыновей, пять отъ одной жены и четыре отъ другой; за тѣмъ въ той же главѣ говорится, что потомству однихъ было указано рабство въ отношеніи другихъ. У Чингисъ-хана также выдвигаются четыре сына, дѣти старшей жены, подъ именемъ четы-

рехъ Кудюковъ (ibid., стр. 77). Ср. также мѣста въ Лѣтоп. русск. лнт., изд. Тихонравова, в. 1, стр. 45, и въ Simrock's Edda, Stuttg., 1876, 112—124; въ скандинавской сагѣ отъ трехъ паръ, съ которыми поочередно спитъ Ригъ (сокращенное отъ Ерикъ, которое тождественно съ Ирингъ) происходятъ рабы, крестьяне и дворяне.

27) Къ стр. 14. Названіе рода Таракты, совпадающее съ тамгой того же рода таракъ, „гребень“ напоминаетъ имя одного отдѣленія въ племени Джелайръ, которое упоминается въ одной татарской лѣтописи (Вельяминовъ-Зерновъ, Исслѣд. о касим. царяхъ, II, 121) и которое называлось Таракъ-тамга, „гребень-влеймо“. Ср. съ названіемъ существующаго въ восточной части Киргизской степи поколѣнія Терсъ-тамгалы. Нынѣшнія названія Орiona Таразы или Тарази, „вѣсы“ (см. стр. 137) не производились ли прежде таракъ? У кундровскихъ Татаръ тамга таракъ, „гребень“ есть тамга бѣлой кости (Пав. Небольсинъ въ Вѣст. Р. Геогр. Общ., 1851 кн. 2).

28) Къ стр. 14. Относительно имени Софы, которое дается всѣмъ сыновьямъ Аргына, г. Балкашинъ сообщилъ мнѣ показаніе одного Киргиза, что такъ они назывались будто бы за то, что были двоedanцы. Не находится ли это показаніе въ какой-нибудь связи съ повѣрьемъ о летучей мыши, которую привлекали къ платежу дани и царь звѣрей и царь птицъ (см. стр. 169)?

29) Къ стр. 16. Кызыль-гуртъ есть въ Малой Киргизской ордѣ (Мейера, Кирг. степь Оренбур. вѣд., Спб., 1865, стр. 89), въ Букеевской внутренней (вѣроятно, вслѣдствіе опечатки: Кызымъ куртъ; З. Р. Геогр. Общ., т. II, стр. 36). Ср. показаніе о происхожденіи всего киргизскаго народа отъ Кызыль-гурта („Очерки“, II, 149). Куртъ по киргизски „червь“, но въ урянхайскомъ удзунъ-гуртъ, „змѣя“ (стр. 165).

30) Къ стр. 18. Джантыкъ можетъ быть одного происхожденія съ именемъ Джантыкей (Очерки, II, 3). Ср. янтако, іендако, *Canis procioides* (Маакъ, Пут. по Уссурі, I, 108; Radde, Reise, I, 75). Замѣтимъ здѣсь кстати о сородичахъ черноиртышскихъ Джантыкеевъ, о Джадыкахъ. Въ указанномъ мѣстѣ мы сообщили показаніе, что Абакъ-кюрей, въ составъ которыхъ входятъ и Джадыки, происходятъ отъ Сары-Юсуна; если это имя принять за монгольское, то оно въ переводѣ будетъ значить „девять рыжихъ“. Вельяминовъ-Зерновъ въ своемъ „Исслѣд. о Касим. царевичахъ“, II, 269, приводитъ извѣстіе изъ восточныхъ мусульманскихъ лѣтописей, что у нѣкоего Ядика былъ сынъ Тугумъ-ханъ, родъ котораго звали Токувъ-сары, „девять рыжихъ“.

31) Къ стр. 18. Существованіе имени Псурманъ среди киргизскихъ поколѣній внушаетъ мысль, что имя особаго племени Бесермене въ лѣтописныхъ сказаніяхъ, касающихся прикамскаго Поволжья, не есть испорченное „мусульманъ“, а древне-туземное, домусульманское имя; сами Татары и теперь еще часть своего народа въ Вятской губерніи называютъ этимъ именемъ. На р. Валѣ въ Вятской губ. есть село Вусурманъ-Можга; о происхожденіи этого имени разказываютъ, что тутъ жилъ отецъ съ тремя сыновьями; двое сыновей выселились, младшій по имени Можга, остался тамъ, гдѣ нынѣ

стоять село. Почему-то отецъ былъ недоволенъ сыномъ и назвалъ его бусурманомъ; съ того времени и стало такъ зваться это село. Такое толкованіе, вѣроятно позднѣйшее, можетъ быть, показывается, что бусурманъ было имя бранное, но едва ли оно означало у языческихъ Вотяковъ „мусульманинъ“. Не было ли оно въ устахъ Вотяковъ и другихъ Финновъ Поволжья именемъ аборигеновъ страны то-есть, тѣмъ же, что русское Чудь, чувашское Олимпъ и вотяцкое Аланъ-гасаръ? Въ сказкахъ сѣверной Монголіи встрѣчаются иногда собаки Асыръ и Басыръ (см. Очерки, II, стр. 175 и въ настоящемъ выпускѣ, стр. 284); эти два имени, конечно, одно въ двухъ различныхъ произношеніяхъ. Въ монгольскихъ преданіяхъ мы имѣемъ имя Гесеръ-ханъ, первый членъ котораго, вѣроятно, тождественъ съ именемъ собакъ; самыя формы бесермен, бусурман, можетъ быть, только варіаціи имени Гесеръ-ханъ, занесенныя на западъ. Переходъ ханъ въ манъ едва ли можетъ возбуждать возраженія, въ виду того, напримѣръ, что Джетыганъ, „Б. Медвѣдица“ иногда (въ Крыму) переходитъ въ Джетымень (см. ниже); сходный переходъ представляютъ слова волкънъ (чуваш.) и волманъ (черемисск.), чудовище, отличающееся обжорливостью. Правда, Гесеръ-ханъ существо свѣтлое, но на западѣ оно могло явиться существомъ темнымъ; отъ туземцевъ Европейской Россіи оно могло быть усвоено Русскими и явилось въ видѣ прозвища бусурманища, придаваемого темнымъ личностямъ.

32) Къ стр. 20. Во II в. Очерковъ, въ 113 прим. къ г. I, было уже указано на существованіе варианта имени Дюрбуть у Узбековъ въ Бухарѣ: Дѣрменъ у Вамбери (Путеш. въ Сред. Азію, М., 1874, стр. 302), Дурманъ у Ханькова (Опис. Бухар. ханства, стр. 65). У Туркменъ есть родъ Торамень (Вамбери, *ibid.*, стр. 266).

33) Къ стр. 21. Изъ двухъ показаній о Дархатахъ, въ одномъ стоитъ Хуа-дархатъ, въ другомъ Уха-дархатъ. Такая же замѣна замѣчается и въ другихъ случаяхъ; напримѣръ, высокая гора, въ вершинахъ Арасая (въ дархатской землѣ) намъ была названа жителями южнаго конца Косогола Хуа-хемъ, на рукописной же картѣ нашего спутника г. Орлова на этомъ мѣстѣ значится Уха-хемъ.

34) Къ стр. 21. Первый членъ сложнаго Адай-дархатъ ср. съ адай, „собака“ у качинск. Татаръ; см. стр. 157. Въ Малой Киргизской ордѣ есть поколѣніе Адай (Мейеръ, Киргизск. степь Оренб. вѣдомства, стр. 89).

35) Къ стр. 23. Поколѣніе Хонходоръ у Рашидъ-Эддина не упоминается, но въ надписи на памятникѣ князя Исункэ значится племя Хонггодаръ (Труды Вост. Отд. Археолог. Общ. XIII, 199).

36) Къ стр. 23. Имя поколѣнія Хурхуть напоминаетъ Куркутъ, имя древняго киргизскаго шамана. См. ниже, примѣч. къ ст. „Тарханъ-бо“.

37) Къ стр. 24. Сказаніе, подобное хангинскому, о происхожденіи племени отъ лебедя встрѣчается и у Арійцевъ; см. Mannhardt, Germ. Myth. 694 (рыцарь плѣнитъ у воды дѣвицу, ставшую матерью семи Schwankinder). Верковичъ, „Описаніе быта Болгаръ въ Македоніи“, Изв. Имп. Общ. любит.

естеств., антр. и этногр., т. XIII, в. 1, с. 17—18 (сказаніе о пастухѣ, который пасъ овецъ у оз. Перина, куда летали купаться Юды-самовилы); Труды этн. эксп. въ зап. русск. край, II, 195 (сказка о персидскомъ царевичѣ); Veckenstedt, Wendische Sagen, 1878, Graz, s. 120 (вм. шамана Tommel-schläger). О существованіи подобнаго сказанія въ приамурскомъ Поволжѣ свидѣтельствуеъ г. Золотницкій (Невид. міръ по шам. возвр. Черемисовъ, стр. 18). То же сказаніе, по видимому, есть и у Якутовъ, потому что верховному богу Аръ-тоену Якуты даютъ въ жены Хубай-хатунъ, которая явилась предкамъ въ видѣ лебедя. Имя Аръ-тоенъ, можетъ быть, только вариация бурятскаго Харидай, о которомъ г. Позднѣвъ (Образцы народн. лит. монгол. плем., с. 265) записалъ такое же сказаніе, какое намъ передали объ Одюго. Имя Хубай-хатунъ, подобно монгольскому Хонгъ-хотанъ (см. ниже), можетъ быть парное тавтологическое. Хуба „лебедь“ по якутски, ходангъ, котенгъ „лебедь“ по остяцки (Castren, Ostjak. Sprachl., 120). Имя Одюго сходно съ именемъ героя барабинской сказки Идыге (Radlof, Proben, IV, 35; Одюго кривой шаманъ, Идыге также кривой; ему вышибъ глазъ сынъ его Мырадылъ) и съ названіемъ Большой Медвѣдицы на татарск. нарѣчіяхъ: Итыганъ; ср. также одюговъ, „шаманка“ по бурятски, утаганъ „шаманка“ по монгольски и урянхайски, утаганъ „медвѣдь“, а также старѣйшина по монгольски. Въ книжныхъ сказаніяхъ центральной Азіи встрѣчается предокъ Бугу Хатави; это имя можно, пожалуй, разсматривать, какъ вариантъ имени Одюго-бо; бо соотвѣтствуетъ бугу; бо или бугъ значитъ шаманъ; Хатави=Одюго. Форма Хогоръ бо можетъ быть принята за версію имени Байсанкуръ (у Рашидъ-Эддина), если допустить родство формъ бай и бо съ одной стороны, и формъ санкуръ и хогоръ съ другой.

38) Къ стр. 25. Имя Зукденъ, придаваемое Бурятами своимъ сородичамъ Нижнеудинскаго округа, близко стоитъ къ Зуктей, какъ Буряты зовутъ Карагассовъ, а также къ Джокту, кости у Урянхайцевъ (см. стр. 12). Ср. также со вторымъ членомъ имени хана Ою-читу въ одной сказкѣ (стр. 283) и съ такимъ же членомъ въ имени Ельджигенъ-читей-хана (стр. 294). По Татищеву Якуты сами себя называютъ Зымъ-Заха-Заготонъ (Н. Поповъ, В. Н. Татищевъ, Москва, 1861, стр. 610).

Къ главѣ II-й.

1) Къ стр. 27. Въ текстъ не внесенъ обычай Алтайцевъ омывать новорожденнаго густо соленнымъ чаемъ. Сходный обычай есть у крымскихъ Грековъ (Кондараки, Опис. Крыма, Спб., 1875, т. III, ч. VIII, с. 101).

2) Къ стр. 27. Повѣрья о похищеніи новорожденнаго злымъ духомъ существуютъ у Русскихъ и у казанскихъ Татаръ (о послѣднихъ см. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 255). Въ южной Россіи вѣрятъ, что дьяволъ можетъ украсть ребенка и подложить своего, который называется „видминоу“.

Відміна до 7 лѣтъ не ходить при людяхъ и не говоритъ, но безъ нихъ лезеть въ печь и сѣдасть въ ней все, а горшки разбиваетъ; эта характеристика Відмины напоминаетъ киргизское повѣрье о джалмаусахъ. Въ Сибири Русскіе вѣрятъ, что вѣщицы (вѣдьмы) ворують дѣтей даже изъ утробы матери, дѣтей сѣдають, а вмѣсто нихъ кладуть въ утробы голики. На существованіе русскаго обычая власть въ люльки стрѣлки указываетъ выраженіе: „булатъ-желѣзо катается у маленькихъ ребятъ по зыбочкамъ“ (Рыбн., I, въ былинѣ „Садео“, стр. 366). Другія русскія повѣрья говорятъ о похищеніи дѣтей мѣсяцемъ. Русско-сибирское повѣрье говоритъ, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ долго смотрѣть: утащить. Когда мѣсяцъ начнетъ чернѣть (намеръ на затменіе?), тогда нужно накрыть столъ и положить хлѣбъ, а самому сѣсть подъ столъ; мѣсяцъ унесетъ одинъ только хлѣбъ. (Этн. Сб., VI, стр. 117). Участіе мѣсяца въ повѣрьяхъ о поворожденныхъ объясняется тѣми физическими явленіями, которымъ народный языкъ и названіе даетъ: „рожденіе мѣсяца“. Новолуніе, какъ и затменіе, представлялось, по видимому, въ видѣ похищенія; новолуніе, по народному повѣрью всегда сопровождается грозой и невастьемъ, было похищеніемъ поворожденнаго; мѣсяцъ похищаетъ ребенка—это перетасовка членовъ миеа. Вмѣсто ребенка въ иныхъ сказаніяхъ и повѣрьяхъ является дѣвица; такъ у Русскихъ существуетъ повѣрье, что мѣсяцъ уноситъ тѣхъ дѣвицъ, которыя на святкахъ, гадаъ, смотрятъ на отраженіе луннаго диска въ проруби. Повѣрья о дѣвицѣ, похищенной мѣсяцомъ, очень распространены; см. стр. 190 и слѣд. и примѣчанія къ нимъ. Прятанье подъ котель см. Mannhardt, Germ. Myth., 192 (жена людюѣда Нуміг'а прячетъ подъ котель странниковъ Thorг'a и Tуг'a). Укрыванье ребенка подъ котель встрѣчается также въ сказаніи о Бого-джинанѣ (Алтанъ-тобчи, стр. 53): О чувашскихъ обрядахъ въ предупрежденіе отъ смерти новорожденнаго см. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. чувашск. вѣры, стр. 196; см. также Крашенинникова, Опис. Камч., ч. III, стр. 127. У Ингушей на Кавказѣ, чтобъ дитя не пугалось, подвѣшиваютъ къ люлькамъ камешки, а также медвѣжьё бабку, чей голыг, и медвѣжьей коготь чей мар (изъ собственныхъ разпросовъ).

3) Къ стр. 28. Азиатскія повѣрья о похищеніи новорожденныхъ злымъ духомъ бросаютъ свѣтъ на миеъ о Сатурнѣ, поглощавшемъ своихъ дѣтей. На дворѣ дельфійскаго храма Павзаній нашель камень, который ежедневно помазали; это былъ камень, который проглотилъ Сатурнъ вмѣсто своего сына; Реа, чтобъ спасти новаго ребенка отъ угрожавшей ему участи быть проглоченнымъ, скрыла его, положивъ на его мѣсто камень, окутанный козлиными шкурами. Обманутый Сатурнъ проглотилъ камень вмѣсто ребенка (Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythologie, Leipz. 1850, II B., S. 15). Бöttigerъ по этому поводу приводитъ извѣстіе, что въ Финикіи и Сиріи почитались павшіе съ неба камни, которые назывались Βάτυλεν; такъ какъ случайно βαίτη значитъ козлиная шкура, то Греки, прицѣпившись будто бы только къ созвучію, создали цѣлую сказку (ib., 17). Созвучіе здѣсь могло послужить только къ приврѣпленію сказанія къ дельфійскому священному камню; самое же сва-

заніе могло возникнуть помимо созвучія изъ элементовъ, которые давали повѣрья и образъ жизни, если они у древнѣйшихъ Грековъ были похожи на повѣрья и обычаи нынѣшнихъ диварей сѣверной Азіи, гдѣ мы находимъ повѣрье объ истребленіи дѣтей, приписываемое читкуру, одѣваніе дѣтей въ бараньи и козлиныя шкуры и дѣланіе куколъ для обмана читкура. Въ сѣверной Монголіи, какъ эти куклы, такъ и онгоны дѣлаются изъ тряпоевъ и камни не употребляются; но это мѣстная черта; у Самоѣдовъ Тоболск. губ. и у Лопарей онгонами дѣлались булыжные камни, которые при этомъ одѣвались въ платье.

4) Къ стр. 28. О филинѣ, котораго держать при люлькѣ и выкармливаютъ, см. въ Миссіонерѣ за 1878 г., № 29, стр. 231. Въ сказаніяхъ о сынѣ неба (то-есть о перворожденномъ на землѣ?) также является часто ночная хищная птица уйлъ, которая иногда выдается за отца ребенка. См. стр. 233 и примѣчанія къ ней. Ср. также киргизское повѣрье о филинѣ, какъ предкъ поколѣнія Казбекъ („Очерки“, II, 4). Въ Западной Европѣ покровителемъ дѣтей, кажется, считается аистъ. На западѣ говорятъ о ребенкѣ: „его аистъ принесъ“, какъ у насъ: „сорока на хвостѣ принесла“. Аистъ по албански и румынски леглекъ; имя это похоже на имена летучей мыши и козодоя: лелекъ, лилякъ и пр. У Литовцевъ люлькѣ или люлькисъ богъ дѣтей.

5) Къ стр. 33. Выраженіе „Ушейтанъ въ красной шелковой одеждѣ“, вѣроятно, намекаетъ на яркую одежду куколъ, содержащихся въ коробкѣ съ онгонами, извѣстной подъ именемъ Усѣтенъ или Ушейтанъ.

6) Къ стр. 33. „Вѣчное синее небо“, въ текстѣ хуху мунгунъ тэнгри, обыкновенное выраженіе въ бурятскихъ шаманскихъ молитвахъ. Дорджи Банзаровъ переводитъ его точно также (Учен. Зап. Казанск. универс., 1846, III, 61). Осетины въ клятвахъ небо называютъ „голубой богъ“ (Сборн. свѣд. о Кавк. гор., вып. 5. Мат. для ист. Осетин, стр. 50). Въ числѣ легендарныхъ именъ у Монголовъ встрѣчаются имена: Хухэ-монголь; такъ Чингисъ ханъ наименовалъ свой народъ Беде, когда сдѣлался ханомъ (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong.); Ихе-монголь—легендарный народъ, обитавшій, будто бы, въ Монголіи въ древности („Очерки“, II, 151), гдѣ ихе (ихе по монг. большой, великій) явилось на мѣстѣ хуху, можетъ быть, только по созвучію; ихи мангысь, чудовище, встрѣчающееся въ монгольскихъ сказаніяхъ (см. выше, стр. 191, вар. е). Можно подумать, что всѣ эти выраженія: хуху-мунгунъ, хухэ-монголь, ихе-монголь, ихи-мангысь только разные версіи; не было ли хуху-мунгунъ именемъ неба прежде, чѣмъ образовались названія для понятій о синемъ и о вѣчномъ? Первый членъ хуху въ татарскомъ переходитъ въ кокъ, что означаетъ не только синій, но и небо. Это какъ будто подтверждаетъ догадку, что „хуху“, „кокъ“ означало прежде небо. Конечно люди сначала дали имя небу „кокъ“, а потомъ это же имя стали употреблять въ значеніи „голубой“. Для отвлеченія понятія о голубомъ, что можетъ служить лучше неба? Одна изъ приведенныхъ формъ ихи-мангысь въ сказаніи является во враждебномъ отношеніи къ мѣсяцу; такъ какъ подъ враждебнымъ мѣсяцу существомъ, какъ мы постараемся показать это ниже, нужно

разумѣть созвѣдіе Б. Медвѣдицу, то и подѣ ихн-мангысомъ можно разумѣть его же. Существомъ, враждебнымъ Аю-бодисатвѣ, подѣ которымъ видимоу скрывается мѣсяць, является Минганъ, см. стр. 310. Въ сказаніи о Гессеръ ханѣ упоминается Мангу, гороподобный тигрь, свирѣпствующій на сѣверѣ и поѣдающій людей (ст. Шотта въ *Abhandl. v. Acad. d. Wissenschaft. zu Berlin*, 1851, S. 271). У Рыбникова (Рыб., IV, 261) въ числѣ заговоровъ помѣщенъ одинъ подѣ названіемъ: „приворъ отговаривать“. Онъ состоитъ изъ трехъ частей; въ первой говорится: есть синее море, на немъ синій островъ, на островѣ синій камень, на камнѣ синій человѣкъ, держитъ синій лукъ; во второй: есть серебряное море, на немъ серебряный островъ, серебряный камень, серебряный человѣкъ, держитъ серебряный лукъ; въ третьей: Мугай море, Мугай-островъ, Мугай птица. Въ первыхъ двухъ частяхъ какъ будто переводъ монгольскаго хуху мунгунъ; нашъ заговоръ какъ будто идетъ отъ какого-то монгольскаго заговора, содержавшаго въ себѣ члены хуху и мунгунъ, изъ которыхъ первый переданъ словомъ „синій“, а второй, вмѣсто „вѣчный“, переведенъ словомъ „серебряный“ (менгунъ—серебро). Форму Мугай ср. съ монгольскимъ могай, „змѣя“, которое, можетъ быть, произошло отъ одного корня съ „мангысъ“ чрезъ опущеніе носоваго и въ родѣ того, какъ монгольское мангысъ въ якутскомъ переходитъ въ могусъ.

7) Къ стр. 36. Обычай не давать изъ дома въ извѣстнѣй день существовать на Кавказѣ. Абхазская семья чтитъ день, въ который громомъ убита скотина, и ничего не даетъ изъ дома въ этотъ день, говоря, что ожидаетъ посѣщенія Афы (Сбор. свѣд. о Кавк. горц., в. V, ст. Религ. вѣров. Абхазц., стр. 16—17). Въ Чечнѣ у Ингушей считается за грѣхъ противъ мѣстныхъ духовъ, аульных патроновъ, работать въ праздники, давать что либо изъ дома въ день извѣстнаго праздника, особенно огонь. Когда случится несчастіе, Ингушъ гадаетъ; ворожея говорить, что у него „гамъ“, согрѣшеніе противъ такого-то святаго или такого-то дня. Ингушъ общается въ этотъ день не работать и ничего не давать. Гиляки слѣдятъ, чтобъ никто не выносилъ огня изъ юрты (Посмерт. зап. адмир. Невельскаго, стр. 127). Айны не выносятъ огня изъ юрты, если въ домѣ есть больной (Депрерадовичъ, Этнограф. очеркъ южнаго Сахалина въ Сборн. свѣд. о Сибири, изд. Милютинимъ, стр. 25). Въ Малороссіи повѣрье: когда въ домѣ есть новорожденное дитя, не слѣдуетъ ничего давать изъ дома постороннимъ, особенно огонь, иначе вѣдьма можетъ отнять у дѣтей сонъ (Н. Данильченко, Этногр. свѣд. о Подольск. губ., Кам. Под. 1869, в. 1, с. 29). Въ Нижегородской губ. иногда не даютъ по пятницамъ.

8) Къ стр. 37. Объ обычаѣ Абхазцевъ выставлять убитаго громомъ челоува или убитую скотину на вышкѣ въ 1½ саж. высоты, при чемъ родственники убитаго пляшутъ и благодарятъ Афы (громовника) за посѣщеніе, см. въ Сборн. свѣд. о Кавк. гор., в. V, ст. „Религ. вѣров. Абхазцевъ“, стр. 16—17. О погребеніи на вершинахъ нагорныхъ деревь у Киданей и Шивзевъ см. у о. Гоакина: Собрание свѣд. о народ. Средн. Азін,

*

ч. II стр. 91 и 93. У Якутовъ на деревьяхъ въ старину хоронили шамановъ: на деревѣ устраивалась площадка, куда клали трупъ, котелокъ, деревянную ложку, топоръ, ножъ и бубень. (Сборн. газеты Сибирь, С-Пб., 1876, стр. 414). О томъ же обычаѣ у Тунгусовъ и Юраковъ въ Туруханск. краѣ см. въ ст. Третьякова въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 382, 398. Помость по тунгуски называется ширивко. Остяко-самоѣды и Васюганскіе Остяки устраиваютъ подобные помосты только для складыванія припасовъ; первые называютъ ихъ влезъ, вторые—лугасъ.

9) Въ стр. 37. Бурятскій обычай класть покойника между колодами напоминаетъ погребеніе св. Глѣба: „Глѣбу же убьену бывшую и повержену на брезѣ межѣ двѣма колодами“. Лавр. лѣт., изд. 1872, стр. 134. У Тунгусовъ умершихъ женщинъ чаще всего заваливаютъ деревьями, положивъ на землю (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 383).

10) Къ стр. 39. О клятвѣ на шкурѣ медвѣдя разказываютъ многіе путешественники по Сибири. Въ другихъ случаяхъ упоминается дѣлованіе дула ружья или ливанье стрѣлы (Фишеръ, Слб. Ист., 421). У Васюганскихъ Остяковъ по сообщенію сваяц. о. П. Краснова христіанская присяга не дѣйствительна; преступленія, воровство, обманы, нарушенія супружеской жизни откерживаются посредствомъ азыческой клятвы, совершаемой надъ черепомъ медвѣдя, а такъ какъ его труднѣе найти, то большею частью надъ медвѣжьей шкурой. Приводимый въ присягѣ беретъ шкуру, кусаетъ ее и треплетъ зубами, при этомъ ворчитъ, подражая медвѣдю, и произносить слѣдующія слова: „если я сдѣлалъ то-то и то-то, то пусть меня, такого-то, нивѣшнимъ же годомъ найдетъ гдѣ-нибудь медвѣдь и пусть поступитъ со мной также, какъ я теперь поступаю съ его шкурой“. Кусать и трепать зубами шкуру медвѣдя при присягѣ значить кусать и трепать самого медвѣдя, который, по понятіямъ Остяковъ, все знаетъ; Остяки вѣрятъ, что ложно принявшій присягу, не умретъ естественною смертію, но она непременно послѣдуетъ отъ медвѣдя. Всякая смерть отъ медвѣдя Остяками объясняется обыкновенно или тѣмъ, что или погибшій принималъ ложную присягу или когда-нибудь дурно говорилъ или дурно думалъ о медвѣдѣ. О женіи жилъ каменнаго барана для открытія воровства у Камчадаловъ см. у Крашенинникова, Опис. Камч., II, стр. 23. Пермьки хранятъ послѣды домашнихъ животныхъ на случай потери ихъ и вѣрятъ, что если пожечъ послѣдъ, то животное само прибѣжитъ домой (Мозель, Пермская губернія, стр. 569). Въ сказкахъ часто разказывается о покровительствующихъ звѣряхъ или птицахъ, которые прибѣгаютъ, когда ихъ волосы или перья были пожжены (Сбор. свѣд. о Кавк. горц., в. 2, стр. 30; Тр. Курск. Стат. комитета, 1863, кн. I, стр. 531).

11) Къ стр. 40. Къ тюркскимъ формамъ имени бубна близко также якутское догуръ, образовавшееся изъ урянхайскаго тюнгуръ чрезъ выпаденіе носоваго н; у Качинскихъ и Черневыхъ Татаръ „туръ“ вслѣдствіе полного выпаденія носоваго звука. Остяко-самоѣды на Оби по сообщенію г. Григоровскаго называютъ бубень пинггартъ; Остяки по Васюгану (по

сообщ. св. Краснова)—коимъ. Кроме того, у Васюганскихъ Остяковъ есть еще струнный инструментъ, который мѣстные Русскіе зовутъ домра, а Остяки пана-юхъ (пана—струна, юхъ—дерево); домра имѣетъ 5 струнъ изъ оленьихъ жилъ; устройство ея походитъ на гитару, только декъ ея безъ отверстія. Домра, какъ и бубень, имѣетъ важное значеніе для шамана. (Сообщ. св. Краснова). У Остяко-самоѣдовъ, по словамъ г. Григоровскаго, струнный инструментъ, употребляемый шаманами, называется пингырсагвожь.

12) Къ стр. 40. Бурятское хэсэ (кеце у Нила, Будд., стр. 354) ср. съ айнискимъ кацо (Добровольскій, Аинскій словарь, Изв. Казанск. унив., 1876, № 2, стр. 43) и съ хасъ у енсейск. Остяковъ (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 428). Третьяковъ сообщаетъ слѣдующія названія бубна: юрадкое пантеръ, по самоѣдски фэддіз, по тунгуски унтоунъ (ibid.). По ороchonски, какъ значится на этикетѣ бубна, хранящагося въ И. Р. Геогр. Обществѣ, хунтунъ.

13) Къ стр. 40. Бубны упоминаются путешественниками у Самоѣдовъ, Остяковъ, Лопарей, Якутовъ, Тунгусовъ. Самоѣдскій бубень или пензеръ походитъ на рѣшето; одна сторона его вмѣстѣ съ боками обтянута кожей убитаго оленьяго теленка, а другая остается открытою; внутри пензера по срединѣ проведена перекладина и отъ нея въ одинъ изъ боковъ другая; перекладки эти служатъ вмѣсто рукоятки (Этногр. Сборн., IV, стр. 60). Судя по этому описанію, крестообразной фигуры изъ поперечинъ въ самоѣдскомъ бубнѣ не образуется. На обѣихъ перекладинахъ по тому же описанію вырѣзывается по семи идольскихъ лицъ „для означенія уважаемаго ими седмиричнаго числа“, ibidem. Ср. съ рисункомъ древняго распятія у Didron'a, *Annal. archeolog.*, t. III, p. 359.

Въ Туруханскомъ краѣ бубень односторонній; внутри бубна поперечина, по тунгуски называемая дзавалганъ; на ней вырѣзаны идольскія лица (Третьяковъ, Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429). На наружной сторонѣ намалевываются изображенія духовъ въ видѣ людей, звѣрей, птицъ, рыбъ и чего-то въ родѣ ящерицы и огромнаго паука (стр. 429). У Качинскихъ Татаръ (по рукоп. сообщ. г. Катанова) бубень называется тюръ, имѣетъ желѣзную поперечину съ привѣсками изъ желѣза, которые называются „хонгра“. На внутренней сторонѣ бубна изображаются черной краской разныя фигуры: линіи, имѣющія видъ молніи, кружки, изображающіе бубны, фигуры людей, держащихъ въ рукѣ бубень, то-есть фигуры шамановъ.

Ороchonскій бубень, хранящійся въ музеѣ Русск. Геогр. Общ. въ Петербургѣ, имѣетъ 4 четв. длины, 2½ ширины, яйцевидной формы, подобно лопарскому, т. е. клинообразно суживающійся книзу, обтянутъ кожей только съ одной стороны. На открытой сторонѣ, вм. деревянныхъ поперечинъ, протянуты, сплетенные изъ ремней, тяжи, идущіе крестообразно; въ пунктѣ скрещенія помѣщено кольцо, къ которому и прикрѣплены четыре тяжа своими внутренними концами, внѣшніе же концы ихъ передъ прикрѣпленіемъ къ ободу первоначально раздваиваются, а нижній дѣлится даже на

три вѣтви. Концы вѣтвей укрѣплены за проводочныя скобки, вбитыя въ ободъ. Кромѣ тѣхъ скобокъ, къ которымъ прикрѣплены тяжи, въ ободъ съ внутренней стороны вбито еще 6 скобокъ, четыре въ верхней половинѣ бубна и двѣ внизу; на нихъ привѣшены желѣзныя погремушки.

Бубны Чукчей отличаются, кажется, тѣмъ, что вмѣсто поперечинъ внутри бубна имѣютъ внѣшнюю ручку, придѣланную съ боку, такъ что бубенъ напоминаетъ форму зажигательнаго стекла, или круглаго китайскаго вѣера. Такіе же бубны употребляются и у дикарей сѣверозападной части Сѣверной Америки; образцы такихъ бубновъ находятся въ антропологическомъ музеѣ Академіи Наукъ. Одинъ Китаецъ въ Кобдо передавалъ мнѣ, что въ Китаѣ гадалщики употребляютъ бубны съ ручкой; мнѣ не довелось видѣть такого бубна, но въ Кобдо въ рукахъ одного китайскаго ребенка я увидѣлъ игрушку, которая состояла изъ маленькаго, вершоекъ въ діаметрѣ, двусторонняго бубна съ ручкой, прикрѣпленной къ ободу снаружи. Съ боку такого бубна на ремешкѣ была привѣшена колотушка, которая при быстрыхъ вращеніяхъ игрушки въ рукѣ била по бубну снаружи. Изображенія на нѣкоторыхъ менгирахъ сѣверной Монголіи, состоящихъ изъ кружка съ вертикальной чертой („Очерки“, II, табл. XI, XII, XIV) намекаютъ, можетъ быть, что форма бубновъ съ наружной ручкой была въ употребленіи и въ Монголіи. Чѣмъ болѣе ручка представляется удлиненною, тѣмъ форма бубна будетъ ближе подходить къ формамъ струнныхъ инструментовъ; не изъ бубновъ ли они образовались у народовъ Сѣверной Азии? Первые музыкальные инструменты у Тюрковъ, говоритъ Вамбери (*Die primit. Cultur*, S. 145), по видимому, были ударные; на это указываетъ глаголъ *salmak*, „играть на музыкальномъ инструментѣ“, собственно „бить“. Говорятъ *kobuz salmak*, бить на скрипкѣ, *boğu salmak*, бить на трубѣ, и т. п.

14) Къ стр. 41. Деревянная поперечина отличается въ бубнахъ Алтайцевъ и Черневыхъ Татаръ; у первыхъ она имѣетъ сверху изображеніе человѣческаго лица, внизу раздвоеніе; у Черневыхъ Татаръ вертикальная поперечина имѣетъ видъ доски, на которой вырѣзаны только украшенія въ видѣ повторяющейся фигуры V или V. Различіе въ типѣ алтайскаго бубна отъ бубна Черневыхъ Татаръ обнаруживается и на рисункахъ, сдѣланныхъ на кожѣ, какъ увидимъ ниже.

15) Къ стр. 43. Разсматривая подробнѣе рисунки на алтайскихъ бубнахъ, замѣчаешь, что нѣкоторые изъ нихъ представляютъ постепенное упрощеніе изображенія самаго бубна. На табл. VI, рис. 55 представлены три человѣческія фигуры, держащія бубны, внутри которыхъ изображены перекрещивающіяся поперечины; эти изображенія по своей простотѣ уже приближаются къ тѣмъ кругамъ съ крестообразнымъ рисункомъ внутри, которые видны внизу на рис. 55 и также на рис. 56. Тотъ же характеръ крестообразнаго рисунка развертывается и во всю величину бубна на рисункахъ табл. X, ф. 65 и 66, табл. VIII, ф. 60 и т. VI, ф. 56. Что эти крестообразныя фигуры произошли отъ бара, свидѣтельствуютъ изображенія человѣческаго лица, иногда появляющіяся на верхнемъ концѣ креста,

какъ на табл. X, рис. 65 и 66. Крестообразныя фигуры, рис. 56, имѣютъ большое сходство съ фигурами, изображенными на концахъ глиняныхъ цилиндровъ, отрываеваемыхъ въ могильникѣ у Виллановы въ Италіи и относимыхъ къ доэтрuscoму времени; см. Mortillet, *Le signe de la croix avant le christianisme*, Paris, 1866, на стр. 80 или 95—96, особенно фигуры 38, 37 и 40, или 44, 45 и 47. Иногда число параллельныхъ линий въ кругѣ сокращается до того, что все изображение состоитъ только изъ круга съ крестомъ внутри; такія фигуры мы имѣемъ на бубнѣ, представленномъ на рис. 64, а также на табл. XIII, на рис. 68 и 69; эта послѣдняя форма ближе всего къ ф. 38 у Mortillet. Вертикальная поперечина, несомнѣнно, представляетъ человѣка; на это указываетъ человѣческое лицо и названіе путь „ноги“, придаваемое нижнему раздвоенію. Фигура бара имѣетъ близкое сходство съ изображеніями людей на тѣхъ же бубнахъ; ср., напримѣръ, человѣческія фигуры на рис. 53, 55 съ изображеніемъ бара на рис. 53. Изображенный на ф. 65 у Mortillet египетскій иероглифъ, такъ называемый *tau egyptien* или *croix ansée*, напоминаетъ баръ нашего рис. 53, только не имѣетъ раздвоенія внизу.

Интересно также сравнить изображенія на бубнахъ съ фигурами, встрѣчающимися на джучидскихъ монетахъ; эти фигуры представлены у насъ на табл. I, рис. 18—26. Номера 24, 25 и 26 особенно напоминаютъ баръ на табл. V, рис. 53; номеръ 22 какъ будто представляетъ баръ съ раздвоеніемъ и частью обода; номеръ 20 есть повтореніе номера 22; номера 18 и 19, можетъ быть, видоизмѣненіе той же формы; фиг. 27 и 28 взяты съ китайскихъ чашекъ; это, повидимому, осложненіе номера 18; фиг. 23, взятая съ джучидской монеты, представляетъ одну верхнюю часть фигуры 27-й; фиг. 21 также съ джучидской монеты повторяется на изображеніи ф. 28 внизу.

Изображеніе креста съ раздвоеннымъ нижнимъ концомъ встрѣчается и на древнихъ христіанскихъ памятникахъ. На нашихъ рисункахъ, табл. IV, ф. 51, т. V, ф. 53, по сторонамъ головы бара представлены два кружка, изображающіе, по всей вѣроятности, солнце и луну; ср. съ изображеніями у Didron, *Annal. archeolog.*, т. I, рисунокъ къ ст. „*Dalmatique imperiale*“, и т. III, р. 359 (распятіе: на правомъ концѣ дискъ съ изображеніемъ солнца, на лѣвомъ луны), р. 360 и наконецъ т. I, р. 57: миниатюра изъ реймской бібліотеки, находящаяся въ книгѣ *Liber pontificalis*. Человѣческая фигура съ разставленными ногами и поднятыми руками, представляющая *Air*, изображена на поверхности круга; съ правой стороны головы изображено солнце, съ лѣвой—луна; по окружности расположено 9 музъ, а ближе къ центру представлены три великихъ музыканта древности: Аріонъ, Пнеагоръ и Орфей. Появленіе крестообразной фигуры на бубнахъ не можетъ быть приписано вліянію христіанства: оно явилось, какъ видно, вслѣдствіе копированія бара; можетъ быть и монгольскій знакъ хасъ, представл. во II выпускѣ „Очерковъ“ на табл. XXVI, ф. 1, а также клейма въ видѣ креста, тамъ же ф. 20, и въ настоящемъ выпускѣ, т. I, ф. 8, происходятъ отъ изображенія бубна съ баромъ внутри. Самое монгольское названіе знака хасъ напо-

минаетъ бурятское имя бубна хэсэ (аинск. вацо) и остяцкое его имя хасъ (Третьяковъ, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., т. II, 428). Крымскіе Татары также крестъ называютъ „хачъ“ (Кондараки: Опис. Крыма, т. III, ч. XI, стр. 24); тѣмъ же именемъ „хачъ“, „ghaç“ крестъ назывался и у Кумановъ или Половцевъ. Blau (Zeitschr. D. Morg. Gesel., XXIX, стр. 572) едва ли справедливо относить это обстоятельство къ слѣдамъ знакомства Половцевъ съ христіанствомъ. Киргизы влеймо въ видѣ креста зовутъ „чекъ“, Алтайцы „саракай“; Пермьяки „перна“ (Роговъ, Пермязк. Слов., стр. 266). Васюганскіе Остяки, по сообщенію свящ. о. П. Краснова, изображеніе креста называютъ „пирня“. У Волжскихъ Калмыковъ крестообразная тамга называется цагрыкъ; тѣмъ же именемъ Калмыки зовутъ верхній обручъ юрты (киргизское чангаракъ, монгольское харачи), который имѣетъ внутри двѣ пары перекрещивающихся поперечинъ (П. Небольсинъ, Очер. Хошоут. улуса, стр. 35). Монг. харачи ср. съ карачеями; см. выше, прим. 21 къ I гл.

16) Къ стр. 45. Изображенія на бубнахъ Черневыхъ Татаръ сильно разнятся отъ алтайскихъ; вмѣсто бара, криша и погремущекъ здѣсь представляются обыкновенно два міра, наземный и подземный, раздѣленные горизонтальной линіей, которая дѣлитъ бубенъ на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Такое же дѣленіе бубна и представленіе двухъ міровъ представлены и на остяцкомъ бубнѣ, рисунокъ съ котораго былъ доставленъ въ Геогр. Общество д. чл. А. И. Савельевымъ и копія съ котораго представлена у насъ для сравненія на табл. XI, ф. 63. Этотъ рисунокъ скопированъ А. И. Савельевымъ съ бубна, выставленнаго на съѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ въ 1876 г.; бубенъ принадлежитъ антропологическому отдѣленію музея Академіи Наукъ; Обдорскій Остякъ Собринъ, находившійся на съѣздѣ, на разпросы А. И. Савельева, признавалъ этотъ бубенъ за остяцкій. Еслибы это указаніе подтвердилось, оно могло бы вести къ заключенію о расселеніи племени; тогда можно было бы думать, что есть какаѣ-то племенная связь у Черневыхъ Татаръ съ болѣе сѣверными Остяками. Здѣсь кстати замѣтить, что Черневые Татары и еще одной чертой напоминаютъ Остяковъ: они умѣютъ ткать изъ крапивы и конопли, знаніе, распространенное и у Остяковъ, но неизвѣстное, кажется, сосѣдямъ Черневыхъ Татаръ, ни Алтайцамъ, ни Качинскимъ Татарамъ, ни Урянхайцамъ. На бубнахъ Лопарей, представленныхъ у Шеффера (Ioannis Schefferi, Laponia, Francofurti, 1672, стр. 125), есть раздѣленіе и горизонтальной и вертикальной линіей.

17) Къ стр. 45. Украшеніе ломаной линіей встрѣчается на желѣзныхъ бляхахъ на плащахъ тунгусскихъ шамановъ; см. ниже, а также „Очерки“, II, табл. XI, рис. 28 а.

18) Къ стр. 45. Именемъ Бура называется также и тотъ конь, на которомъ шаманъ поднимается на небо или спускается въ подземное царство Ерика. Эти формы бура и боргазы сходны съ вариациями названія тала по-монгольски; вообще таль (Salix) Монголы называютъ бургасунъ (Алтайцы проносятъ боргазынь), а нѣкоторые виды его бура. Такъ какъ бубенъ тоже иногда представляется конемъ, на которомъ шаманъ ѣздитъ въ міръ духовъ,

то, слѣдовательно, самими шаманистами миѳическій конь бурь или боргазы отождествляется съ бубномъ. Можетъ быть названія миѳическаго коня суть только версія названія бара, который называется еще: боры, боран; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что названія бара переходятъ иногда и на весь бубень; такъ Монголы около Кобдо зовутъ иногда бубень баромъ; говорятъ: бартай бо, т. е. „шаманъ, имѣющій бубень“. Если форма борзы дѣйствительно придавалась миѳическому коню, то это даетъ поводъ не разсматривать слово фаразь, „конь“ въ сказкѣ объ Урусланѣ Загазаревичѣ (Тихонравова, Лѣтоп. русск. литерат., IV), какъ арабское; оно могло попасть въ нашу сказку прямымъ путемъ, какъ сѣверноазиатское имя миѳическаго коня. Арабское фаразь, можетъ быть, также пришло къ Арабамъ съ востока; извѣстно, что семитическій мѣръ позднѣе Туранцевъ узналъ коня, какъ домашнее животное; на египетскихъ памятникахъ изображеніе коня является только послѣ нашествія Гиксовъ.

Воображаемый конь, на которомъ шаманъ отправляется въ мѣръ духовъ, у Алтайцевъ называется Бурь или Аргамакъ. Словомъ аргамакъ въ западномъ Туркестанѣ означаютъ арабскую породу лошадей; въ этомъ значеніи это слово вошло въ употребленіе и у Русскихъ. Начало слова нужно искать въ сѣверной Азіи; вѣроятно этимъ именемъ назывался здѣсь самъ громовникъ; другое имя этого коня, Бурь, есть, вѣроятно, другое наименованіе громовника; ср. стр. 139 и 141, вар. 4 и 14; есть монгольское повѣрье о чудовищѣ усунай архамнѣ'ѣ, живущемъ на днѣ большихъ озеръ, то-есть тамъ, гдѣ по одному повѣрью зимуетъ громовникъ. Миѳическій характеръ слова аргамакъ сохранился и на западѣ. У Черемисовъ называютъ аргамаками изображенія лошадей, коровъ, быковъ, птицъ и пр., сдѣланныя изъ сладкаго гѣста, и приносимыя ими въ жертву водышамъ (Знаменскій, Горн. Черемисы въ Вѣстн. Евр., 1867, декабрь, стр. 54); Чуваши называютъ эти приносики аргамакъ и приносятъ ихъ въ жертву Керемети (Магнитскій, Матер. въ объясн. стар. чуваш. вѣры, Каз., 1881, стр. 11). Бурятское аргалынъ-занъ, названіе миѳическаго звѣря, живущаго только подъ землей, началомъ своимъ сходно съ архамнѣ или аргамакъ; разница заключается только въ замѣнѣ окончанія мак и мыг другимъ окончаніемъ лунъ?). Можетъ быть въ имени богатыря Урызмага въ нартовскихъ сказаніяхъ сѣвернаго Кавказа мы имѣемъ не что иное, какъ ту же форму только съ переходомъ г въ з. Имя это въ нарѣчіяхъ Кавказа варьируется такимъ образомъ: Урызмагъ, Урызмегъ, Урызмакъ, Урызманакъ (Шифнеръ, Осет. Тексты, с. 20), Урузманъ (Сб. св. о Кавк. горц., в. VIII, ст. Ингуши, стр. 33; ср. рузманъ, „пятница“ по аварски на Кавказѣ).

Киргизское повѣрье называетъ предкомъ всѣхъ лошадей Джуппара (см. „Очерки“, вып. II, стр. 152); вѣроятно и это имя было первоначально именемъ громовника. Татарское айгырь, жеребецъ, также имѣло повидному миѳическій характеръ; Вамбери указываетъ на миѳическое турецкое айгіг, уйгурск. atkir, Ungehezer, сказочное животное, то же что у Персовъ Gul-i-bijaban.

19) Къ стр. 45. Переводъ слова керъ-балыгъ русскимъ „вить“ показываетъ, что подъ этимъ именемъ въ сказкахъ разумѣлось морское чудовище. Познакомившись съ Русскими, Алтайцы впервые, вѣроятно, услышали о вить и подыскали ему подходящее имя изъ сказочной терминологіи. Въ одной минусинской сказкѣ (Mel. asiat. d. Ac. Imp. des Sc. de SPb., t. III, l. 4, p. 376) дѣйствительно является Кыропалакъ, въ море къ которому Катай-ханъ бросаетъ дѣтей Агъ-кана; у Радлова (Proben, II, 469) дитя женщины Ала-Мангыгъ брошено въ море на съденіе Керъ-палыгу. Одно изъ брошенныхъ дѣтей, мальчикъ, впоследствии становится богатыремъ Ай-Долеемъ; ай мѣсяць по татарски; долей напоминаетъ финскій корень въ именахъ мѣсяца: тэлысь, тэлысь, тыльзъ и т. п. Не разумѣется ли въ этой сказкѣ подъ моремъ небо? Подъ брошенными въ море можетъ быть слѣдуетъ разумѣть луну и еще какое-нибудь другое свѣтило, а подъ чудовищемъ Кыропалакъ Большую Медвѣдицу. У Византіяца Тлетцеса Азовское море называется Кагалукъ. Нашебылинное Пилигримище или Бѣлогримище, которое распадается на пили и гримище, такъ какъ иногда замѣщается формой Угрюмище, не есть ли только перестановка тѣхъ же членовъ? Есть, кажется, поводъ и въ Пилигримищѣ видѣть морское чудовище; это имя замѣщается иногда именемъ Андронище, которое, по всей вѣроятности, одно съ именами Бѣлондрихъ, Индригъ-звѣрь, Индрія Голубиной книги и индѣрь, именемъ мамонта въ областномъ говорѣ Воронежской губерніи; Чулымскіе Татары мамонта называютъ „геръ“, что сходно съ первымъ членомъ имени Керъ-балыгъ; второй же членъ послѣдняго имени близокъ ко второму члену бурятскаго ха-палахъ „тюлень“. Пилигримище является покрытый колоколомъ, что напоминаетъ въ другихъ сказаніяхъ нерѣдко встрѣчающихся персонажей, покрытыхъ котломъ, т. е. по толкованію Маннгардта, сводомъ небеснымъ (Germ. Myth., 193). Въ чуйской долинѣ въ Алтаѣ есть рѣчка Джеръбалыгъ „земляная рыба“, что, вѣроятно, есть только искаженіе имени Керъ-балыгъ. Было бы интересно собрать варианты этого имени у другихъ инородцевъ Сибири; судя по рисункамъ на остяцкомъ бубнѣ, представленномъ нами на табл. XI, ф. 63, можно думать, что представленія о Керъ-балыгѣ, т. е. морскомъ чудовищѣ, есть и у Остяковъ. У Албанцевъ *каравоулахон*, журавль; Hahn, Alban. Stud., III, 195. Ср. также татарскія названія калины: *koropala*, *karabalam* (Апенковъ, Бот. Слов., стр. 378).

20) Къ стр. 46. Клеймо въ видѣ кружка съ точкою въ центрѣ встрѣчается и у Самоѣдовъ. См. у Кушелевскаго, Сѣв. пол. и земля Ялмалъ, стр. 66.

21) Къ стр. 48. Бубенная колотушка у Самоѣдовъ называется ладуранцъ; она обтянута оленью кожей; на рукояткѣ вырѣзано лицо идола (Этн. сб., IV, стр. 60). У Якутовъ колотушка называется булаяхъ; тѣмъ же именемъ Якуты называютъ дѣльную переднюю ногускотины съ лопаткою (Шорядинъ, Рукоп. як. слов.). У Нила (Буддизмъ, стр. 354) приводится, какъ бурятское имя колотушки, холбого. На этикетѣ при ороchonской колотушкѣ, хранящейся въ музеѣ Географ. Общества въ Петербургѣ, она названа гасъ; она имѣеть

видъ линейки съ служенымъ въ видѣ рукоятки концошъ; одна сторона ея покрыта кускомъ оленьей шкуры шерстью вверхъ, остальная поверхность покрашена въ красный и черный цвѣтъ; на рукояткѣ вырѣзана фигура четырехъконечнаго креста, ромбическими расширеніями на концахъ напоминающая отчасти крестъ у Аспелина (*Antiquités*, III, № 1121). О гаданіи бросаніемъ лопатки см. у Третьякова (*Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, стр. 431); паденіе выпуклой, покрытой шерстью стороною вверхъ предвѣщаетъ счастье. По поводу приведенныхъ нами въ „*Очеркахъ*“, II, стр. 84, 86, терминовъ торякъ и ойго въ *Сибирской Газетѣ*, 1882, № 16, стр. 387, сдѣлана г. Адриановымъ такого рода поправка: колотушка всего легче и чаще падаетъ при бросаніи на выпуклую сторону и шаманъ всего охотнѣе предвѣщаетъ счастье, почему торякъ означаетъ счастье; если колотушка падаетъ выпуклой стороною вверхъ—ойго, это сулитъ несчастье. Г. Адриановъ видитъ въ этомъ его показаніи несогласность съ нашимъ, но перечитавъ стр. 84 и 86 своей книги, мы убѣждаемся, что новое показаніе г. Адрианова относительно значенія того или другаго образа паденія колотушки противорѣчитъ Третьякову, съ нашимъ же совпадаетъ. Или несогласіе показаній нашего и г. Адрианова заключается не въ толкованіи образа паденія колотушки, а въ примѣненіи терминовъ торякъ и ойго къ сторонамъ ея? Слова эти, какъ видно изъ словаря Порядина, извѣстны и Ялутамъ: торякъ—ворожба упаденіемъ вверхъ брошеннаго знакомъ къ верху; уйгу—обиліе, богатство; хойгу—1) затеска на лѣсинахъ образа идола, 2) койло (ср. самоѣдское хайго, молнія). Тунгусы кидаютъ медвѣжью лапу и по паденію ея узнаютъ: былъ ли онъ людоѣдъ или нѣтъ? если она упадетъ подошвою вверхъ, это значитъ, что онъ не пробовалъ человѣческаго мяса; въ такомъ случаѣ его можно ѣсть (*Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, стр. 487). Монгольское названіе колотушки тахиуръ „плеть“ соответствуетъ представленію о бубнѣ, какъ о конѣ, на которомъ ѣздитъ шаманъ.

23) Къ стр. 49. Плащъ самоѣдскаго шамана шьется изъ оленьей кожи и убирается кистами, бляхами, пуговицами и другими привѣсками (*Этн. сб.* IV, стр. 60); у шамановъ Туруханскаго края желѣзными или оловянными изображеніями звѣрей, птицъ и пр. (*Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, стр. 427). Плащъ у сагайскихъ и качинскихъ шамановъ шьется изъ бараньей кожи. Наружныя украшенія шубы состоятъ изъ ремней „хась“, лентъ изъ разныхъ матерій „сюбрекъ“ и желѣзныхъ привѣсковъ или бубенчиковъ „хонгра“ (*Рукоп. сообщ. г. Катанова*).

Въ петербургскихъ музеяхъ найдено нами только 7 шаманскихъ плащей, пять въ Географическомъ Обществѣ и два въ антропологическомъ отдѣленіи музея Академіи Наукъ. Послѣдніе два по типу, по видимому, тунгусскіе изъ Восточной Сибири; въ Географическомъ Обществѣ два того же типа, одинъ ороchonскій съ Амура и три недавно присланы г. Адриановымъ съ Алтая. Прилагаемъ описаніе этихъ плащей (за исключеніемъ присланныхъ г. Адриановымъ), изъ котораго будетъ видна важность числа семи у шамановъ.

Плащи въ музеѣ Русск. Геогр. Общества:

а) Шаманскій плащъ, доставленный г. Маакомъ. На задней сторонѣ плаща нашиты металлическія привѣски въ девять горизонтальныхъ рядовъ; самый верхній рядъ состоитъ изъ семи сферическихкихъ мѣдныхъ ширеунцовъ; слѣдующіе шесть рядовъ состоятъ изъ плоскихъ желѣзныхъ пластинокъ, подвѣшанныхъ къ кольцамъ попарно; эти пластинки, длиною отъ 8 до 11 см., имѣютъ ланцетовидное очертаніе; въ каждомъ ряду по семи паръ такихъ пластинокъ, за исключеніемъ верхняго, въ которомъ 10 паръ и нижняго съ 9 привѣсками. Еще ниже этихъ рядовъ рядъ трубчатыхъ привѣсокъ въ родѣ алтайскихъ кунгура; въ этомъ же ряду подвѣшены двѣ желѣзныя пластинки, вырѣзанныя въ видѣ четвероногихъ животныхъ; одна фигура напоминаетъ медвѣда отсутствіемъ хвоста и опущенной головой; другая фигура имѣетъ длинный хвостъ. Кромѣ того на томъ же плащѣ находится еще слѣдующія привѣски: на стоячемъ воротникѣ сзади посрединѣ мѣдная круглая бляха 7 см. въ поперечникѣ; у праваго плеча на воротникѣ такая же, украшенная узорами посредствомъ вдавленныхъ точекъ. Въ четвертомъ ряду желѣзныхъ привѣсокъ на срединѣ ряда прикрѣплена за середину желѣзная круглая бляха, украшенная узоромъ изъ concentрическихъ круговъ и прямыхъ черточекъ, расположенныхъ группами. Рукава снабжены желѣзными скобами, которыя прикрѣплены вдоль рукава; одна скоба пришита сзади рукава между плечомъ и локтемъ, другая между локтемъ и кистью руки. Подолъ плаща обшитъ бахромой изъ замшевыхъ ремней, которые имѣютъ до $\frac{3}{4}$ арш. длины. Къ одному изъ этихъ ремней привязано вырѣзанное изъ желѣзной пластинки изображеніе птицы; птица представлена сверху. На нагрудникѣ плаща сохранилась всего одна фигура; она также представляетъ птицу сверху, но вмѣсто одной вытянутой шеи, здѣсь ихъ двѣ.

б) Плащъ неизвѣстно откуда доставленный. Подъ воротомъ сзади двѣ круглыя бляхи изъ тонкой латуни съ выбитыми выпуклыми точками; длина бляхъ $5\frac{1}{2}$ см. Подъ ними къ спинкѣ плаща пришить рядъ круглыхъ плоскихъ (чечевицеобразныхъ) ширеунцовъ; они расположены попарно; всѣхъ паръ 9; десятая пара состоитъ изъ желѣзныхъ привѣсокъ въ видѣ пластинокъ; она помѣщена тутъ, можетъ быть, послѣ, за неизмѣнимъ мѣста ниже. Подъ рядомъ ширеунцовъ находится пять рядовъ привѣсокъ, имѣющихъ видъ удлиненныхъ ромбоидальныхъ пластинокъ; такая пластинка имѣетъ въ нижнемъ концѣ разщепъ, а близко къ верхнему суженіе, что дѣлаетъ ее похожою на птицу безъ ногъ и крыльевъ, изображенную сверху. Въ третьемъ ряду находится мѣдная гладкая круглая бляха, прикрѣпленная за отверстіе въ срединѣ и желѣзный плоскій кружокъ съ большимъ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ. На правомъ боку плаща желѣзная пластинка, вырѣзанная въ видѣ оленьяго рога съ 4 вѣтвями; подъ нею семь плотно, чешуеобразно налегающихъ, горизонтально нашитыхъ желѣзныхъ скобъ; на лѣвомъ боку также рогъ и подъ нимъ скобы. На плечахъ короткія скобы; на задней сторонѣ рукавовъ по двѣ длинныя скобы на каждомъ,

прикрѣпленныя вдоль руки. Грудь прикрывается нагрудникомъ, на которомъ приняты желѣзные украшения; вверху подъ горломъ скоба, искривленная въ видѣ слѣпой воронки; подъ этой скобой семь изъ желѣзныхъ пластинокъ вырѣзанныхъ изображеній птицъ, головами обращенныхъ направо, т. е. къ лѣвому плечу шамана; шея птицъ длинная, высоко поднята. На уровнѣ верхней птицы, съ лѣвой и правой стороны, прикрѣплено по двѣ желѣзныхъ фигуры, изображающихъ птицъ сверху. Внизу у подола горизонтальная скоба въ родѣ такихъ, какъ на рукавахъ.

в) Ороchonскій шаманскій плащъ. Станъ плаща изъ замши, крыльца покрыты широкимъ лоскутомъ, сшитымъ изъ 5 разноцвѣтныхъ горизонтальныхъ полосъ; эта пятицвѣтная пелерина пришита къ стану верхнимъ краемъ; крылья ея продолжаютъ вдоль рукавовъ и доходятъ до ихъ концовъ. Противъ спины къ нижнему краю этой пелерины придѣлано 11 треугольныхъ зубчиковъ съ кистями, а вдоль рукавовъ нижній край ея снабженъ бахромой изъ замшевыхъ ремней въ $1\frac{1}{4}$ арш. длиной; на концѣ каждаго ремешка мѣдное колечко. Ниже поясицы свады къ стану пришить другой лоскутъ, состоящій изъ семи цвѣтныхъ полосъ; онъ имѣетъ 4 пальца ширины; къ серединѣ этого цвѣтнаго лоскута прикрѣпленъ за середину жестяной кружокъ, украшенный выбитыми бородавками, расположенными concentрически; нижній край этого лоскута дѣлаетъ тупой уголъ внизъ; къ нему прикрѣпленъ узкій лентообразный надставокъ, къ нижнему концу котораго привязанъ мѣдный колокольчикъ. Подолъ стана обшить густой бахромой изъ замшевыхъ ремней, имѣющихъ до аршина длины.

Плащи въ музеѣ Имп. Академіи Наукъ:

г) Плащъ замшевый безъ воротника. На спинѣ семь горизонтальныхъ рядовъ желѣзныхъ привѣсокъ. Первый рядъ подъ воротомъ состоитъ изъ семи желѣзныхъ чечевицъ, поддѣшанныхъ за кольца. Второй рядъ: парныя пластинки на желѣзныхъ петляхъ. Длина пластинокъ 9 см.; пластинки имѣютъ видъ ланцетовидныхъ листьевъ; на наружной сторонѣ имѣютъ узоръ; уцѣлѣло только двѣ пары; для шести есть мѣста; слѣдовательно всѣхъ было 8, а не 7 паръ. Третій рядъ: семь паръ привѣсокъ; нѣкоторыя имѣютъ тотъ же видъ, какъ и предыдущія; другія въ видѣ линеекъ, на наружной сторонѣ украшенныхъ штрихами, обращенными острыми концами къ нижнему концу (не представляютъ ли они звѣринныя мѣха?); третій родъ привѣсокъ состоитъ изъ трубочекъ въ родѣ холбого или кунгура. Въ 4 ряду 5 паръ трубчатыхъ и одна пара плоскихъ привѣсокъ. Въ 5-мъ шесть паръ трубчатыхъ привѣсокъ; въ серединѣ пара плоскихъ ланцетовидныхъ; къ ней прикрѣплена желѣзная бляха 15 см. въ поперечникѣ; на бляхѣ изображены три птицы, изъ которыхъ одна большая съ разинутымъ ртомъ и приподнятыми крыльями; четвертая фигура изображаетъ животное вродѣ собаки, съ загнутымъ къ верху хвостомъ. Въ 6-мъ ряду восемь паръ трубчатыхъ привѣсокъ; къ средней парѣ прикрѣплена круглая желѣзная бляха. Въ седьмомъ ряду шесть паръ трубчатыхъ привѣсокъ. На плечахъ прикрѣплено по одной круглой бляхѣ въ 7 см. въ поперечникѣ и по три квадрат-

ныхъ; на рукавахъ по задней продольной линіи двѣ желѣзныя скобы длиною 22 см. Подолъ плаща снабженъ бахромой изъ замшевыхъ ремней длиною отъ 1 до 2 четв. арш. и болѣе. Спереди подъ горломъ желѣзная дужка съ выбитымъ на ней узоромъ. На груди двѣ мѣдныхъ пластинки, вырѣзанныя въ видѣ человѣческихъ фигурокъ (одна безъ головы). Подолы фигурокъ исчерчены вертикальными линіями, какъ-бы намекая на бахраму изъ ремней; такая же бахрама намѣчена и вдоль рукавовъ, по ихъ нижней сторонѣ отъ пазухи до вѣшняго конца; подъ горломъ проведена горизонтальная прямая линія; подъ ней у обѣихъ фигуръ семь точекъ, расположенныхъ въ горизонтальный рядъ; на животѣ два кружка, одинъ надъ другимъ, а выше ихъ двѣ точки, какъ будто сосцы. Ниже этихъ человѣческихъ фигурокъ сохранилась только одна фигура птицы, представленной съ боку; остальные растерялись. На бокахъ плаща, противъ реберъ шамана, по одной длинной линейной пластинкѣ, наложенной на плащъ горизонтально, параллельно ребрамъ человѣка.

д) Замшевый плащъ безъ воротника. Подъ воротомъ сзади нашитъ четырехугольный длинный лоскутъ краснаго сукна, на которомъ бисеромъ вышиты кресты, вѣшнимъ очертаніемъ сходные съ крестомъ, изображеннымъ у Аспелина (*Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, III, стр. 230, № рис. 1121*). Спина увѣшана четверугольными желѣзными бляхами 10 см. длиною; всѣхъ бляхъ около 70. Число рядовъ и вообще порядокъ прикрѣпленія трудно опредѣлить; бляхи навѣшаны густо и одна другую покрываютъ. Попадаются и трубчатые привѣски. На нѣкоторыхъ бляхахъ въ серединѣ выбиты фигуры въ родѣ андреевскаго креста. На рукавахъ нашиты узоромъ по локтевой задней поверхности цвѣтные треугольники изъ шерстяной матеріи; желѣзныхъ скобокъ нѣтъ. Подолъ плаща обшитъ бахромой изъ узкихъ ремней очень тонкой замши: бахрама въ 4 ряда; ремешки около 1½ четв. длиною. Спереди грудь шамана прикрывалась нагрудникомъ; съ лѣвой стороны онъ прикрѣпленъ ремешками къ полѣ плаща, справа имѣетъ свободный край. Желѣзныхъ украшеній на немъ нѣтъ, но онъ расшитъ окрашенной шерстью и шнурами изъ замши. Подолъ нагрудника украшенъ бахромой.

25) Къ стр. 50. Словомъ „маньякъ“ въ Тульск. губ. называется падающая звѣзда; гдѣ она упадаетъ, тамъ дѣвица лишилась невинности (ср. съ монгольскимъ повѣрьемъ о радугѣ [солонго], появленіе которой означаетъ воплощеніе божества въ утробѣ человѣческой). Въ Курск. губ. маньякъ—привидѣніе; маньячить—казаться, грезиться. Ср. *Mannhardt, Germ. Myth., 702: manákus, lat. monile*. Маньякъ встрѣчается не разъ, какъ имя историческихъ лицъ въ южной Россіи (*Ж. М. Н. Пр. XI, отд. II, с. 197 и 1872, кн. 12, стр. 272*). У Бурятъ священная одежда шамана, увѣшанная погремушками, называется оргой (Ниль, *Будд., 354*). Ср. съ греческими представленіями о эгидѣ Юпитера, края которой были убраны молніеносными змѣями. Слово маньякъ (можетъ быть, правильнѣе мангякъ) первой своей половиной сходно съ названіемъ мнѣческаго змѣя у Монголовъ: мангысь. Ман-

линомъ въ Кульдѣжѣ Тюрки называютъ китайскую шелковую матерію съ изображеніемъ драконовъ.

24) Къ стр. 51. Выраженіе „шестигранный кусунгы мѣсяцъ наложившій“ (стр. 72) приравниваетъ кусунгы къ мѣсяцу. Монгольское „толи“ ср. съ остяцкимъ *toleze*, зырянскимъ *tolys*, „мѣсяцъ“. Въ повѣрьяхъ замѣчается связь между мѣсяцемъ и зайцемъ, названія же послѣдняго: монгол. *тулай*, алтайск. *кузень*. У Якутовъ: *кусяга*—1) желѣзный кружокъ, пришиваемый къ шаманской одеждѣ и означающій солнце и 2) роковое время (Порядки).

25) Къ стр. 51. Названіе Бурганъ-ганъ можно сближать съ именемъ Больш. Медвѣдицы, которая по монгольски называется Долонъ-Бурханъ; число семь, можетъ быть, соотвѣтствуетъ числу звѣздъ созвѣздія. Это число очень часто встрѣчается на изображеніяхъ, относящихся къ шаманскому культу; на нагрудникахъ тунгусскихъ шамановъ (см. табл. XXV) представлены семь фигуръ птицъ, можетъ быть лебедей, которые, вѣроятно, то же самое, что семь дѣвъ на плащѣ алтайскаго шамана, такъ какъ сказочныя дѣвы иногда превращаются въ лебедей и подъ этимъ видомъ летаютъ купаться на озеро. Такія мнѣшескія дѣвы-лебедей существуютъ и въ азиатскихъ сказаніяхъ, и на татарскомъ нарѣчій называются Кукатынь, что значитъ „лебедь-жена“. Можно бы впрочемъ принять это слово за парное: ку татарское „лебедь“ и котанъ остяцкое „лебедь“. Въ виду сближенія этихъ мнѣшескихъ дѣвъ-лебедей съ числомъ семь можно допустить, что и встрѣчающееся въ книжныхъ монгольскихъ сказаніяхъ Хонгъ-хотанъ (которое также сопоставляется съ числомъ семь; см. Труды Пек. дух. миссіи, т. IV, стр. 134 и 193, прим. 202), есть то же, что татарскія Кукатынь, дѣвы-лебедей. Самоѣды также почитаютъ число семь: по ихъ повѣрью темное божество Авъ-Весакъ имѣлъ семь лицъ; на поперечинѣ бубна они вырѣзываютъ семь лицъ (Этн. Сб., IV, с. 60). У инородцевъ Туруханскаго края сани, на которыхъ возятъ идоловъ, дѣлаются всегда на семи копыльяхъ съ изображеніями духовъ (Третьяковъ, Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429). Группы изъ семи человѣческихъ или животныхъ фигуръ можно видѣть у Аспелина, *Antiquités du Nord Finno-Ougrien*, №№ 518 и 615.

26) Къ стр. 52. У бурятъ шапка шамана называется *маяхабчи* или *моя-хабчи* (Ниль, Будд., стр. 354). Самоѣдскіе шаманы также имѣютъ особую шапку, которой приписываютъ особенную важность; она называется „севопць“ то-есть наглазникъ. (см. Этн. Сб., IV, стр. 60). У качинскихъ шамановъ шапка называется „бюрикъ“. У Васюганскихъ Остяковъ, по сообщенію свящ. о. П. Краснова, — „ель-мюль“.

27) Къ стр. 54. Въ антропол. отдѣленіи музея Академіи Наукъ находится шаманскій вѣнецъ изъ мѣдной жести; онъ обозначенъ на этикетѣ остяцкимъ изъ юрты Инбадкихъ (то-есть, изъ Тобол. губ.). О вѣнкахъ изъ рододендрона, которые надѣваютъ айские шаманы, см. въ ст. Депрерадовича, Этногр. оч. Сахалина, стр. 30 въ Сборникѣ г. Милютина, т. II, в. I, С. Пб. 1877. Въ Туруханскомъ краѣ шаманы надѣваютъ на голову ремень, обхва-

тывающій ее въ видѣ обруча, а въ болѣе важныхъ случаяхъ шапку, вынутую изъ олова или скovanную изъ желѣза съ изображеніями духовъ. Тунгусскіе шаманы къ шапкѣ иногда прикрѣпляютъ рога (Третьяковъ, Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 428). И бурятскіе шаманы въ Забайкальи, какъ намъ разказывали, прикрѣпляютъ къ шапкѣ бычьи рога.

28) Къ стр. 54. Маски употребляются шаманами у Бурятъ, которые называютъ ихъ абагадѣй (Нилъ, Будд., 354) и у Ороchonовъ, какъ это видно на фотографическомъ снимкѣ въ альбомѣ Тумапова, № 218.

39) Къ стр. 54. Бурятское имя жезловъ у Нила „сорьби“ или „шалдей“ (Будд. 354), у Вилера „харьбо“; по словамъ Нила это шаманскій конь. Имя харьбо ср. съ финскимъ словомъ арпа, агра, жребій, жезлъ (прутъ) для узнанія тайнъ, также предсказатель; Кенпентъ (въ ст. Водъ и Вотская пятинна, Ж. М. Н. Пр., 1851, т. IXX, с. 114) обличаетъ это слово съ лѣтописнымъ арбуи, вохвъ въ Вотской пятинѣ (грамм. Макарія въ Древн. Визіюв., ч. XIV, 168; Карамз., VII, пр. 371). О существованіи этихъ (железныхъ) жезловъ у туруханскихъ шамановъ см. у Третьякова въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 429. Въ Новороссіи по малороссійски пастушья палка называются гырлыга или ырмыкъ, по татарски ырмыкъ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 109). Имя это сходно съ именемъ урянхайско-монгольскаго божества Ерликъ. О чудотворной силѣ жезла по русскимъ повѣрьямъ см. у Аeon., Поэт. Возвр., II, 391, 393, 422; ср. также Труды этн. эсп. въ зап. русск. край, т. II, 9 (о палочкѣ, отъ удара которой всѣ гады и всякій звѣрь со всего свѣта собираются). Гермесовъ кадуцей, какъ извѣстно, былъ украшенъ змѣями и крыльями; змѣи явились можетъ быть на мѣсто загла, которыя навязываются на харьбо; крылья указываютъ, что жезлъ представлялся у Грековъ не конемъ, а птицей. См. на стр. 67 о гусѣ, на которомъ шаманъ вылетаетъ изъ царства Ерлика.

30) Къ стр. 55. О шнурѣ, которымъ обводится дождь, см. Mannhardt Germ. Myth., стр. 664—685.

31) Къ стр. 56. О врожденномъ предрасположеніи въ шаманской профессіи см. у Банзарова (Черн. вѣра въ Учен. Зап. Казанск. универс., 1846, III, 107), Степанова (Енис. губ., ч. II, стр. 59), и Паласа (Reise, III, 59). Ср. съ русскимъ повѣрьемъ о травѣ „пьяныя кореня“, вызывающей подражательность (Этн. Сб., VI, 126), а также съ повѣрьями сѣверовосточной Сибири и Амурскаго края объ „омерчествѣ“, болѣзни, заключающейся въ повтореніи большимъ тѣлодвиженіемъ посторонняго челоуѣка.

32) Къ стр. 59. У Айнонъ два рода пляски: безъ словъ и съ словами; послѣдняя назыв. юара (Добротворскій, Аннскій Словарь, Изв. Казанск. Универс., 1875, № 2, стр. 38); ср. съ бурятскимъ: ехорь.

33) Къ стр. 59. Подниманіе на воздухъ часто встрѣчается при жертвоприношеніяхъ; во время жертвоприношенія огню у Монголовъ смръ, который присутствующіе держатъ въ рукѣ, поднимаютъ и болышатъ въ воздухѣ; Якуты во время жертвоприношеній поднимаютъ къ небу кувшинъ съ молокомъ (Сборн. газ. Сибирь. С.-Пб., 1876, стр. 415); вотяцкій жрецъ до

трехъ разъ приподнимаетъ въ воздухъ блюдо съ приносимою въ жертву пищей или виномъ; мордовская повивальная бабка во время праздника въ честь божества Буламань-патай (26-го окт.) читаетъ молитву и съ помощью другихъ женщинъ приподнимаетъ три раза столъ съ поставленными на немъ ешаньями (П. И. Мельниковъ, Очерки Мордвы, въ Русск. Вѣст., 1867, окт., стр. 419); во время свадебнаго обряда въ южной Россіи поднимаютъ дичу на воздухъ и пляшутъ (Данильченко, Этногр. свѣд. о Подольск. губ., Каменецъ-Подольскъ, 1869, в. I, стр. 29); во время одной дѣтской игры въ „Володаря“ на Волыни поднимаютъ товарища и поютъ пѣсни, въ которыхъ обѣщаютъ дать дѣвицу (въ жертву? О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 328). Ср. еще киргизское сказаніе объ Аласаканѣ, котораго поднимали на воздухъ („Очерки“, II, 148); Маловыхъ пословъ въ сказаніи о мести Ольги за Игоря также несли на рукахъ въ лодкѣ передъ тѣмъ, какъ бросить въ яму. Все это какъ будто указываетъ, что обрядъ подниманія шамана есть собственно обрядъ принесенія въ жертву.

34) Къ стр. 59. У Сабеевъ 30-го декабря былъ обрядъ, состоявшій въ томъ, что жрецъ хлесталъ всѣхъ вѣтвями; молились при этомъ о возстановленіи культа Azúz'a. Chwolsohn, Die Ssabier und der Ssabismus, II, 35.

35) Къ стр. 62. Къ слову: пук! У бурятъ бугъ, домовый. Нилъ, Будд., 232.

36) Къ стр. 65. Первый членъ имени Темиръ-тайга встрѣчается часто въ собственныхъ именахъ сѣверной Азіи: Темиръ-ханъ, Темиръ-сана, Чинъ-темиръ и т. п. Въ числѣ подобныхъ именъ встрѣчается Темиръ-боко тэн-грэнгнъ улъ, „железный силачъ, сынъ неба“, въ алтайскомъ сказаніи (см. стр. 173) и Темиръ-бось-тэнгринъ кумунъ, „железная вошь, сынъ неба“, въ дюрбютскомъ (см. стр. 476). Сынъ неба въ алтайскомъ сказаніи представляется скванымъ въ царствѣ Ерликъ-хана, то-есть въ царствѣ мертвыхъ. Подобное положеніе на дѣли напоминаетъ созвѣздіе Большую Медвѣдицу, которая иногда представляется въ видѣ семи собакъ или семи волковъ, сидящихъ на железной дѣли (Вѣстн. Р. Геогр. Общ., VI, 191—198). Отсюда можетъ слѣдовать догадка: не есть ли и Темиръ-боко, и Темиръ-бось, а также и скваный верблюду (теме) въ былинѣ объ Иринъ-сайнѣ (см. стр. 479), имя Большой Медвѣдицы? Равнымъ образомъ и Темиръ-тайга можетъ быть Большая же Медвѣдица; это не „железная“ гора, а гора Темиръ. Приводимъ для сравненія нѣкоторыя имена звѣрей: теме „верблюду“, монг. (на другихъ языкахъ дюве, тюз, туга); теме-халю, „бобръ“, монгол.; йиме „выдра“ якут. (киргиз. и монгол. сунъ, бурят. хобъ); караджиме, „медвѣдь“ урянх. (см. Оч., II, стр. 138; кара-джиме по алтайски темные духи въ противоположность акъ-джиме, свѣтлымъ духамъ). Между арийскими именами Б. Медвѣдицы есть латинское *temo*, которое толкуютъ и переводятъ словомъ „дышло“ (Max-Muller, Lect. on the sc. of lang., s. II, 366). Въ бурятскомъ или монгольскомъ темиръ (железо) было бы тумуръ (ср. тумыръ, бубенъ на языкѣ Алтайцевъ, по словамъ г. Ядринцева; см. стр. 98); эти

формы близко подходят къ названію мнѣческой горы буддизма: Халхаск. Сумерь-ола или Сумбурь-ола, бурят. Хумурь или Сумурь-ола. Членъ Темиръ и теперь еще встрѣчается въ небесной терминологіи; Полярная звѣзда по киргизски называется Темиръ-казыкъ (железный колъ), по осетински Аксакъ-темиръ. Въ крымскихъ повѣрьяхъ существуетъ какая-то Джемире, которая появляется на землѣ въ определенное время (что намекаетъ на какую-то звѣзду, не всегда видимую надъ горизонтомъ) и которую старается добыть Соломонъ. Множество костей, лежащихъ на вершинѣ Темиръ-тайги, а также около того мѣста, гдѣ приходится прыгать между толкучими краями неба и земли, напоминаетъ прыгающихъ на камнѣ: мнѣческаго бурятскаго шамана Бохили-хара (или Моргонъ-хара; см. Изв. Восточно-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI, №№ 1 и 2, стр. 87) и нашего Василія Буслаева. Последний скачетъ черезъ камень Алатыръ и тутъ умираетъ; по другому варианту, Василій Буслаевъ встрѣчаетъ на горѣ Сорочинской кость человѣчью и горючъ камень, скачетъ, спотыкается и умираетъ (Рыбн., I, 362). Этотъ эпизодъ г. Буслаевъ сближаетъ съ лѣтописнымъ разказомъ о Моиславѣ, видѣвшемъ гору, на которой находится рай (П. С. Р. Л., VI, 87—89); сообщаемое объ этой горѣ напоминаетъ алтайское повѣрье о горѣ Адыганъ (см. стр. 208; ср. также Итыганъ, имя Большой медвѣдицы). И въ русскихъ повѣрьяхъ рай помѣщается на „железной“ горѣ (Аеонас., Поэт. Возр., I, 120—121). Въ сказаніяхъ часто встрѣчаются „железные врата“; Владиміръ Мономахъ загналъ окаянныхъ Агарянъ за железныя врата (П. С. Р. Л., I, 55). Въ одной былинѣ Минусинскихъ Татаръ (Этн. Сб., IV, стр. 93) упоминается железный домъ о девяти углахъ, въ который заключенъ богатырь; домъ этотъ разжигается сорока мѣхами; по видимому, это адъ. Самая былина имѣетъ нѣкоторыя отдѣльныя черты сходства съ русскою о Потыгѣ: богатырь Агое встрѣчаетъ двухъ поляницъ (Чистое-Серебро и Чистое-Золото, то-есть луну и солнце?); на одной изъ нихъ онъ женится, затѣмъ борется съ другою и за это заключенъ въ железный домъ, откуда его выручаетъ его мать „бѣлый камень“ (акъ-ташъ?), лежавшій на днѣ моря. Въ Потыгѣ также двѣ сестры (луна и солнце?); на одной онъ женится, съ другою вступаетъ въ бой; затѣмъ онъ заключенъ въ камень, изъ котораго его освобождаетъ Никола Можайскій.

37) Къ стр. 65. Съ прядущими краями неба и земли ср. въ Эддѣ поднимающееся и опускающееся небо; Simrok, Edda, Stutg., 1878, S. 39.

38) Къ стр. 67. Возраженіе шамана на гусѣ, можетъ быть, находится въ связи съ представленіями о возвращеніи лѣта вмѣстѣ съ весеннимъ прилетомъ птицъ изъ теплыхъ краевъ. Въ прикамскомъ Поволжьѣ инородцы, совершающіе языческія жертвоприношенія, подъ вонецъ послѣднихъ колятъ гусей; говорятъ: „гусь жертвенному животному (лошади или быку, заколотымъ ранѣе) узду даетъ“, т. е. направляетъ жертву въ небо. Въ известной сказкѣ Ивашка бѣлая рубашка (Аеон., в. I, № 4) возвращается отъ вѣдмы домой на гусѣ или на крыльяхъ, сбѣланныхъ изъ гусиныхъ перьевъ. Не заключается ли въ этихъ чертахъ тотъ смыслъ, что весна и громъ должны возвратиться вмѣстѣ съ гусями?

39) Къ стр. 69. Ульгень или Пай-Ульгень извѣстенъ только инородцамъ русскаго Алтая; у Качинцевъ есть божество Улаханъ, но оно, кажется, не занимаетъ того важнаго мѣста, какъ Ульгень у Алтайцевъ; Урянхайцы Ульгени не знаютъ; здѣсь вмѣсто Ульгени является Оранъ-телегей (у Дархатовъ Урунь-дельке). Телегей, вѣроятно, то же, что монгольское Алтынъ-делегей, которое, можетъ быть, произносилось и Алтынъ-Улугей; по крайней мѣрѣ въ сѣверной Монголіи есть хребетъ (къ ю. отъ Урги), который называется Алтынъ-Улугуй (Гимковск., ч. I, с. 172). Въ монгольскомъ гимнѣ огню, напечатанномъ Банзаровымъ (Учен. Зап. Каз. Унив., 1846, III, 89), находится фраза: „огонь, высѣченный небожителемъ и разведенный царицею Улукэнтъ!“ Вмѣсто „небожитель“ въ текстѣ, вѣроятно, стоитъ тэнгри или тэнгирь. Не означаютъ ли эти тэнгри и улукэнтъ громъ и молнію? Въ числѣ алтайскихъ огноновъ встрѣчается Улутъ-ханъ или Булутъ-ханъ (стр. 96 и 99). Между именами звѣрей встрѣчаются: улукъи, ходзенск., улху, манджурск. „бѣлка“; альге, ходзенск., альгинъ, манджурск. „выдра“; uluki, тунгусск., ilughoen, якутское „летига“. (Маакъ, Путеш. по Усс. т. I, стр. 105 и 121; Castren, Tung. Gramm., 101, Mel. asiat., t. VIII (1877), p. 368; Pall., Zoogr., I, s. 190) Часто эта форма встрѣчается въ названіяхъ урочищъ въ сѣверной Монголіи; напримѣръ, Ольге, озеро; Эльге, мѣстность на р. Кобдо; Eloughei, урочище въ восточномъ Алтайѣ („Очерки“, I, стр. 206, 309, 322); мѣста эти лежатъ къ югу отъ русскаго Алтая, въ широтахъ, гдѣ теперь не слышно татарской рѣчи; не указываютъ ли эти названія, что почитаніе Ульгени распространялось прежде далеко на югъ отъ русскаго Алтая?

40) Къ стр. 69. Пай-ана или Байана Радловъ переводитъ „богатая мать“ (бай—богатая, ана—мать). У Якутовъ есть божество Байнай или Байбайнай, но съ другимъ значеніемъ; это богъ лѣсной, богъ звѣролововъ (Порядинъ, Якут. сл., рук.). Алтайской Байанѣ, покровительницѣ дѣтей, соотвѣтствуетъ у Нѣшцевъ Judel, которой кладутъ игрушку, чтобъ она, играя ею, не беспокоила ребенка; у Мордвы Ангепатай (patâi—„тетка“ по эрямордовски, batâi—„дядя“, по мокшамордовски), которая навѣщаетъ дѣтей во снѣ и ласкаетъ ихъ, отчего они улыбаются (П. Мельниковъ, Очерки Мордвы, въ Русск. Вѣстн., 1867, окт., стр. 400); Ангепатай называется также Буламанъ-патай (буламанъ, „повивальная бабка“). Въ Монголіи часто встрѣчаются урочища съ сложными именами, первымъ членомъ которыхъ стоитъ байнъ, обыкновенно переводимое словомъ „богатый“, напримѣръ, Байнъ-ола, Байнъ-дзюрку (богатое сердце), Байнъ-хаирханъ и т. п. Это архаическое „байнъ“ изъ монгольскаго въ киргизскій переходитъ въ формѣ баянъ; такъ когда-то калмыцкія урочища, впоследствии занятыя Киргизами, у послѣднихъ носятъ теперь названія Баянъ-ауль (прежде вѣроятно Байнъ-агола), Баянъ-джурекъ (гора близъ города Копала, прежде вѣроятно Байнъ-дзюрку); въ извѣстной киргизской сказкѣ о Козу-Бурпешѣ героиня называется Баянъ-сулу. Монгольское же байнъ „богатый“ разговорнаго языка въ киргизскій перешло въ формѣ бай (въ чувашскомъ богатый—пуанъ).

Въ алтайскихъ повѣрхяхъ Байана сливается съ Джаячи-ханомъ, твор-

цель дѣтей, который можетъ быть принятъ за посредствующее звѣно къ переходу отъ Байаны къ громовнику (ср. имя Джалчи-хана съ Джанкомъ; см. примѣч. къ стр. 231).

41) Къ стр. 70. Имя Ямгырь-охту можно бы перевести „съ дождевою стрѣлой“ или, принимая первый членъ за собственное имя, „со стрѣлою Ямгырь“. Второй членъ слышится и въ сказаніяхъ на другихъ нарѣчіяхъ. Въ бурятскомъ сказаніи одинъ изъ трехъ сыновей Чурмусень-хана носить имя Сагадай; ему приписывается открытіе огня (см. стр. 329 и 332); у Вотяковъ изъ трехъ божествъ, сопоставляемыхъ рядомъ въ молитвахъ, одно называется Агташъ. Агди—громъ у Ходзеновъ по Брылину (Путеш. Маака по Уссуріи, т. I, стр. 12), а также и у другихъ Тунгусовъ отъ нилней Тунгуски до Амура.

42) Къ стр. 70. О почитаніи Абыгана см. въ Изв. Р. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, с. 244.

43) Къ стр. 70. „Молочное озеро“ упоминается въ одной аварской сказкѣ на Кавказѣ; въ немъ купается морской конь, способный подниматься подъ самое небо (громовникъ?) (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. 2, ст. Аварск. нар. сказ., стр 11). Сутьгуль или Суть-акъ-куль, вѣроятно, соответствуетъ монгольскому Сумъ-далай или бурятскому Хубъ-далай, также какъ гора Сюря, упоминаемая Радловымъ (Вост. Обзор., 1882 г., № 7, стр. 12),— монгольской Сумеръ-олъ.

44) Къ стр. 71. У Алтайцевъ, Черневыхъ Татаръ и Монголовъ Ерликъ считается властителемъ надъ міромъ умершихъ душъ (осетинскій Барастырь, финскій Тупен Икко). Монгольскія сказанія говорятъ, что Ерликъ-ханъ „царствовалъ прежде насильно гдѣ-то въ горнемъ мірѣ“, но былъ побѣжденъ божествомъ Ямандага (Амынь-цаганъ?), послѣ чего наименованъ владѣтелемъ нижняго міра (Тимковск., Путеш., III, стр. 390). Алтайскія призыванія представляютъ его съ змѣей въ рукѣ вмѣсто плети (Тимковскій говоритъ, что онъ изображается съ арканомъ въ рукѣ). Алтайская пѣсня вино называетъ напиткомъ Ерлика, подобно тому, какъ бурятская зоветъ его напиткомъ Чингисъ-хана, къ которому сказанія относятъ и самое изобрѣтеніе вина (см. стр. 211); отсюда можно догадываться, что Ерликъ есть изобрѣтатель вина; къ нему ѣдетъ богатырь Ирень-Шайнъ доставать джиракъ, винокуренный снарядъ (см. стр. 429); призываніе изображаетъ Ерлика румянолицымъ, какъ бы богомъ веселія. Въ нѣкоторыхъ монгольскихъ сказкахъ Ерликъ представляется ѣдущимъ на быкѣ, что дѣлаетъ его похожимъ на качинскаго Джедай-хана, подъ которымъ, кажется, слѣдуетъ разумѣть Большую Медвѣдицу (Джитыганъ). Названіе Ерликъ-ада, то-есть, „отецъ Ерликъ“, заставляетъ видѣть въ немъ или перваго человѣка или творца его; Кузнецкіе Татары, сказано у насъ, и считаютъ его первымъ человѣкомъ; то же рассказываетъ и г. Радловъ (Восточн. Обзор., 1882, № 7, стр. 11); по его словамъ, Ерликъ былъ первый человѣкъ, котораго создалъ міросоздатель Ульгенъ, и который потомъ помогаетъ Ульгеню строить землю; тутъ же онъ и превращается въ соперника и завистлива творцу міра; въ сказаніи, помѣщенномъ у насъ на стр. 220, раздоръ доходитъ до

битвы между соперниками, отцомъ и сыномъ. Кузнецкое Адамъ едва ли, какъ думаетъ г. Радловъ, слѣдуетъ приписывать мусульманскому вліянію; по всей вѣроятности это вліяніе никогда сюда не достигало. Имя Адамъ можетъ быть то же, что Дюрбютское Одунъ-Бодунъ, родоначальникъ княжеской фамиліи у Дюрбютовъ (то-есть первый человѣкъ на землѣ?). Не зачѣмъ приписывать это мусульманскому вліянію, если мы повѣрье о первомъ человѣкѣ, становящемся во главѣ міра умершихъ душъ, находимъ не у однихъ Турковъ Алтая, но и у другихъ инородцевъ. По черемисскому повѣрью, каждый Черемисинъ по смерти является въ Кіамать-горѣ, (первому покойнику, который однихъ щадитъ, другихъ отсылаетъ въ котель съ кипящей смолой (Вѣстн. Евр., 1880, сент., 172). Крашенинниковъ сообщаетъ о камчадалскомъ Гаечѣ, первомъ покойникѣ, сынѣ самого Бутхи, который спускался на землю, заходилъ во всѣ юрты и научилъ Камчадаловъ всему, чему они теперь вѣрятъ (Крашен., Опис. Камчатки, II, стр. 78). Ср. у Куна (Herabk., 10) о Ямѣ. Споръ отца съ сыномъ выраженъ въ ингушской легендѣ о сынѣ бога Елтѣ; споръ кончается тѣмъ, что отецъ выкальваетъ глазъ сыну (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 12). Сходные разказы у Вотяковъ о хожденіи по землѣ Иньмара и Колдышина подъ видомъ старца и молодого человѣка; вѣроятно, при ближайшемъ знакомствѣ съ сказаніями и повѣрьями инородцевъ прикамскаго Поволжья окажется связь между вотяцкимъ Колдышиномъ и черемисскимъ Кереметемъ. Кереметь въ сказаніи о сотвореніи міра у Черемисовъ занимаетъ то же мѣсто, что Ерликъ въ средне-азиатскомъ и также называется сыномъ Бога-творца. Вообще антагонизмъ двухъ творцовъ міра (отца и сына) въ зародышѣ открывается въ мифахъ сѣверной Азии. Поэтому высказываемыя иногда мнѣнія о заимствованіи инородцами дуалистической легенды о сотвореніи міра у христіанъ (Знаменскій въ Вѣстн. Евр., 1867, дек., 49; Шифнеръ, въ предисловіи къ Радловскимъ Proben, t. I, S. X; Радловъ, Восточн. Обзор., 1882, № 8, стр. 12.) едва ли основательны. Въ монгольскихъ сказаніяхъ Ерликъ иногда смѣняется птицей Ханъ-Гариде; см. разказы о ласточкѣ („Очерки“, II, стр. 159 и настоящій выпускъ, стр. 183). Въ русскихъ загадкахъ о смерти встрѣчаются выраженія: „стоитъ дубъ Веретанской“, „дубъ Ордынской, на немъ птица Веретено“, „на полѣ на Ордынскомъ стоитъ дубъ Таратынскій, сидитъ птичка Веретено“ (Садовниковъ, Загадки, №№ 2027 и 2028); вообще смерть загадывается въ видѣ птицы (или орла, *ibid.*, № 2033 и 2035), сидящей на деревѣ или кустѣ и склевывающей ягоду или цвѣты. Ср. съ именемъ монгольской мифической птицы Ханъ-Гариде (мандж. Гарудай, алт. Каанъ-Керей; см. прим. къ гл. IV къ № 14). Не явился ли въ русской загадкѣ орелъ вмѣсто Ерлика, который иногда называется Ерленъ-ханъ, а въ одной сказкѣ (см. стр. 395), кажется, онъ же является подъ именемъ Оролынъ? Ерликъ въ бурятскихъ сказаніяхъ иногда носятъ имя Ерленъ-Номонъ-ханъ; членъ Ерленъ ср. съ алтайскимъ ерленъ, „врыса“, съ татарск. орлянъ, „кротъ“, съ горночеремисск. арланга, лугов. черем. орланге, „кротъ“, чувашск. арланъ, „кротъ“ (Золот-

ницкій, Чувашск. Сл., стр. 6); номонъ, „кротъ“, „крыса“ по монгольски. Къ этому можно прибавить, что въ одной алтайской незаписанной нами сказкѣ, какъ передавалъ намъ о. Чивалковъ, богатырь Боролдай, получивъ отъ хана порученіе съѣздить въ царство Ерлика, послѣдовательно побиваетъ высланныя противъ него Ерликомъ сначала войско, ѣдущее на ерленахъ (крысахъ или кротахъ), потомъ на хорькахъ, потомъ на черныхъ лошадяхъ и наконецъ на черныхъ быкахъ. У Русскихъ въ Бійскомъ округѣ о мышахъ, дѣлающихъ ишествіе на нивы (*Mus agrarius*), есть повѣрье, что это скотъ „лѣснаго дѣдушки“; говорятъ, что онъ у него мѣченъ, у каждой ухо порото. Кроты, какъ показываютъ нѣкоторыя сказанія (стр. 234), находятся въ связи съ представленіемъ о молніи; не напоминалъ ли этотъ звѣрь первобытному дикарю представленіе о громовой стрѣлѣ? И та, по повѣрью, и другой зарываются въ землю. Выше уже было сказано о многочисленности камчадалскихъ камуловъ, то-есть горныхъ духовъ, монгольскихъ тенгировъ, алтайскихъ кайракановъ (прим. 11 къ гл. I). Можетъ быть, и ерлены, составляющіе войско Ерлика (или Ерленъ-номонъ-хана), относятся къ имени этого хана въ томъ же родѣ, какъ тенгиры къ имени Тенгрихана или кайраканъ къ имени Кайракана.—Одна изъ русскихъ загадокъ, въ которой фигурируетъ орелъ, загадывается не о смерти, а о царѣ (Садовниковъ, Загадки, № 2129).

45) Къ стр. 72. Къ слову *Керель ду*. Керель—монг., особые злые духи. Герель, монг., отраженіе луны или звѣзды въ водѣ. Въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ есть личность Таргутай-Кирилтухъ (Зап. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 168 и 172; Труд. Пек. дух. мисс., IV, стр. 74).

46) Къ стр. 73. Фразу „долгъ девять“ ср. съ нѣмецк. нѣснами у Mannh. Germ. Muth., S. 388 (Марія или дѣвица доить семь коровъ).

47) Къ стр. 75. Балихай, вѣроятно, первый шаманъ, то-есть, громовникъ. У Камчадаловъ громовникъ назывался Билюкай или Пилячучъ. Крашениниковъ приводитъ слѣдующее камчадалское повѣрье о немъ: Тыжиль-Кутху, сотворивъ земныхъ звѣрей, опредѣлилъ къ нимъ „пастухомъ“ нѣкоего Пилячуча, подъ вѣденіемъ котораго они и теперь состоятъ. Пилячучъ ростомъ весьма малъ (?), живетъ на облакахъ со многими камулами и ниспосылаетъ на землю грозу. (Краш., Опис. Камч., II, стр. 73 и 78). Въ монгольскомъ есть слово мелекей, лягушка; міръ по монгольск. повѣрью утверждёнъ на лягушкѣ. Въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на основанія, дающія возможность предполагать, что подъ опорой міра, на которой онъ неизбежно покоится, разумѣлась Полярная Звѣзда или Большая Медвѣдица; не скрывается ли это же созвѣздіе и подъ Мелекеемъ? У Сананъ-Сэцэна (*Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongol.*, стр. 207) упоминается Gun-Bilik, у котораго „девять“ сыновей. Въ средней Азій встрѣчаемъ слово меликъ, ангелъ; у Кавказскихъ горцевъ повѣрье: грозовую тучу гонить меликъ (то-есть, ангелъ). По записанному нами въ Тифлисѣ отъ Казыкумыка повѣрью: *малаки* (ангелъ) бьетъ въ землю, чтобы трава выросла. Долонъ Хугунъ, упоминаемца въ призы-

ванія, можетъ быть, не семь березъ, а Большая Медвѣдица, которая иногда называется Долонъ-хого, семь оленьихъ самокъ.

48) Къ стр. 77. По черемисскому повѣрью, у каждого человѣка есть вуй-юма; родившемуся онъ тотчасъ пишетъ его судьбу (Знаменскій въ Вѣсти. Европы, 1867, дек., стр. 44). У Зырянъ ортъ есть духъ, который приставляется къ ребенку, какъ только тотъ родится. Куда бы ни пошелъ человѣкъ, туда же идетъ и его ортъ (Изв. Общ. любит. естеств., антр. и этн., т. XIII., в. 2, стр. 59). У Казанскихъ Татаръ по словамъ Каюма Насырова повѣрье: у каждого человѣка есть урякъ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 251); это, впрочемъ, скорѣе алтайскій узюкъ или монгольскій онгонъ. У Лопарей монгольскому заячи соотвѣтствовалъ saivo (Castren's Finn. Myth., 138).

49) Къ стр. 77. Объ Оранъ-Телегеѣ мы услышали только на р. Буренѣ у Сальджановъ; западнѣ Бурена на Улукемѣ и Торхоликѣ мы этого имени не слышали. Кажется, это имя извѣстно Дархатамъ и Тункинскимъ Буратамъ, такъ какъ и они брызжутъ молокомъ и виномъ въ честь Урунъ-Тельхи. По монгольски тельхи „вселенная“; поэтому въ почитаніи Оранъ-Телегея можно видѣть обожествленіе вселенной, а въ членѣ Телегей испорченное монгольское тельхи. И дѣйствительно, сами Урянхайцы подъ Оранъ-Телегеемъ разумѣютъ всю вселенную; на вопросъ: „гдѣ живетъ Оранъ-Телегей и кто онъ?“ намъ отвѣчали: „Оранъ-телегей—это все; эти горы, рѣки, вода, лѣсъ, все это Оранъ-Телегей“. Между тѣмъ въ сказкахъ иногда разказывается, будто богатырь такъ сильно закричалъ, что самъ Оранъ-Телегей услышалъ (стр. 419, 421); слѣдовательно, Оранъ-Телегею дается личный характеръ. Въ одномъ алтайскомъ сказаніи мы встрѣчаемъ имя Телегея, какъ лица (см. стр. 9). Не было ли это первоначально именемъ громовника (ср. Телегешъ, радуга; стр. 138), которое потомъ перешло въ наименование вселенной? Гольцманъ говоритъ (Indra n. d. Vorstell. d. Mahābhārata: Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch. B. XXXII, H. II, S. 292). Когда духъ народа пересталъ довольствоваться отождествленіями силъ природы и позади ихъ сталъ искать мировую душу, онъ прежде всего увидѣлъ еѣ въ Индрѣ. Этотъ пантеистическій взглядъ на Индру выразился въ гимнѣ къ Индрѣ: „Ты вѣтеръ, ты облако, ты огонь небесной молніи, ты блескъ всего существующаго ты солнце и огонь, ты земля съ горами и лѣсами, ты свѣтлое небо съ солнцемъ, ты великій океанъ съ рыбами Timi и Tipingila“. У Бурятъ есть выраженіе Алтынъ-тельхе; Буряты переводятъ его русскимъ: „бѣлый свѣтъ“ (ср. dilaca, солнце по тунгусски). Шоттъ (Abhandl. d. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851 въ ст. Die Sage v. Geser-chan, стр. 285) переводитъ его: „Золотая поверхность земли“; жена Гесера Аралго-гоа клянется золотою поверхностью земли, altan dälägäi, и синимъ небомъ, kukä octorgoi, изъ чего какъ будто слѣдуетъ, что Алтанъ-дэлэгэй противопоставляется небу. Далѣе Шоттъ говоритъ, что Аралго-гоа называетъ еѣ еще ädügän äkä, то-есть, матерью здѣсь живущихъ. Д. Банзаровъ (въ Уч. Зап. Каз. универс., 1846, III, 75) Этүгәнъ-экэ переводитъ: „мать-земля“; по видимому, слово этугенъ утра-

тило свой настоящей смысл и дает повод къ различнымъ толкованіямъ; переводъ Банзарова, вѣроятно, основанъ на пониманіи этого слова самимъ народомъ. Банзаровъ сближаетъ Этугэнъ съ Итогой (Itoga) у Плато-Карпини, который говоритъ, что Команы того же Итогу называютъ Хамомъ или „великимъ императоромъ“. Банзаровъ поправляетъ: „шаманомъ“ и думаетъ, что Плато-Карпини смѣшалъ имена хамъ (или камъ) и ханъ. Шамана Монголы называютъ бугэ, шаманку удаганъ и идоганъ. Это сходство идоганъ, „шаманка“ съ Итога и ввело будто бы Плато-Карпини въ заблужденіе; онъ услышалъ, что идога(нъ) по комански хамъ, то-есть, „шаманка“, и вывелъ собственнымъ соображеніемъ, что Команъ называютъ Итогу хамомъ. Банзаровъ, очевидно, не признаетъ родственности между Итога и идоганъ, „шаманка“; но не суть ли всѣ эти выраженія Итога, идоганъ или утыганъ, какъ производятъ Урянхайцы, а также татарское Итыганъ (созвѣдіе Больш. Медвѣдица) вариациі одной формы? Въ той же статьѣ Банзаровъ упоминаетъ, что по Іоанну Мандевильскому высшее божество, „богъ природы“ у Монголовъ назывался Ирога (Iroga); Банзаровъ думаетъ, что это испорченное Итога или Этугэнъ. Однако формы итыгъ и иригъ существуютъ и теперь въ шаманскомъ мірѣ востока съ тождественнымъ значеніемъ (см. ниже прим. 61). Банзаровъ говоритъ, что у Этугэнъ-эзъ были и другіе титулы: алтынъ-делехей, а также дэлэжинъ-эдзэнъ. Иногда вмѣсто одной Этугэнъ насчитывали семьдесятъ семь, число, говоритъ онъ,—совершенно произвольное и составленное по примѣру иренъ юсунъ тэнгри, „99 геніевъ неба“. Не представляютъ ли эти числа намекъ на число звѣздъ Большой Медвѣдицы? О сближеніи чиселъ семь и девять будетъ сказано ниже.

У Самоѣдовъ упоминается божество Авъ-Весако, у котораго жена Хадако (т. е. бабушка); подъ этимъ послѣднимъ именемъ Самоѣды разумѣютъ лицо земли (слѣдовательно то же, что Алтынъ-гельхе у Монголовъ); въ призваніяхъ шамановъ она называется Я-хадако, „земля бабушка“ (Этн. Сб., IV, 64); ср. хадако съ монгольскимъ adügan.

У Финскихъ племенъ прикамскаго Поволжья также встрѣчается божество „мать-земля“. У Черемисовъ оно называется Меляндъ-ава (меляндъ — „земля“, ава—„мать“); у Мордвы Анге-патяй (см. прим. 40); у Вотяковъ Муму-Колчинъ или Муму-Колчинъ, гдѣ муму значитъ „мать“; по Георги Муму-Колчинъ считается матерью верховнаго божества Иньмара (Опис. народовъ, стр. 53). Всѣ трое въ то же время, соединяются съ представленіемъ о свѣтовомъ явленіи; электрической блескъ, такъ называемая зарница, считается за приракъ этого божества; ср. дельхе съ урянхайскимъ делешъ, „радуга“. У Чувашъ этому божеству кажется соотвѣтствуетъ Хирле-сьиръ (сьиръ—„земля“; Хирле-сьиръ переводятъ „красная земля“, но едва ли этимъ переводомъ можно ограничиться). Мордовская Анге-патяй, по повѣрьямъ о ней, сходится съ Пятницей нашихъ русскихъ повѣрій. Недѣльный день пятница называется у Вотяковъ арня, у Чувашъ эрне-ватты; соединяются ли съ этимъ именемъ повѣрья въ родѣ мордовскихъ объ Анге-патяй или нашихъ о Пятницѣ—миѣ не извѣстно. Эрне напоминаетъ историческія имена: Ирнахъ—

сынъ Аттилы гунскаго, Ирникъ—третій царь въ ряду Болгарскихъ царей по Хлудовскому хронографу. См. прим. къ гл. IV къ № 82, вар. е.

Кажется, тотъ же Оранъ-телегей разумѣтся Урянхайцами и подъ именемъ Оранъ-эзви, „хозяинъ мѣстности“. Мнѣ случилось имя его услышать по поводу недосказанной сказки; Урянхаецъ отказался досказать сказку, потому что плохо знаетъ ея конецъ, а плохое разказываніе сказокъ не любить Оранъ-телегей, который всегда слушаетъ, когда ихъ сказываютъ. Кстати замѣтимъ, что важность сказокъ признается и Ороचनाми на Амурѣ; по словамъ г. Родвана, переданнымъ намъ лично, Орочны, отправляясь на охоту, расчищаютъ огнище, выравниваютъ пепель, опровериваютъ котель и за тѣмъ, сѣвъ вокругъ, заставляютъ старика разказывать сказки. Окончивъ сказки, высказываютъ пожеланіе обильной добычи, снимаютъ котель и на пелѣ находятъ слѣды звѣрей, по которымъ предугадываютъ количество и родъ добычи. Членъ Ору встрѣчается въ мифологіи Алтайцевъ (см. выше стр. 99). У Нила (Буддизмъ) лягушка, поддерживающая землю, представляетъ божество Уранъ-Мандзи-шири; народное названіе лягушки Алтынъ-мелекей.

50. Къ стр. 78. Выставленіе шкуръ жертвенныхъ упоминается у Георги относительно Вогуличей (Belegk. e. Reise im Russ. Reiche, 1775 г., стр. 596—600) и у Новицкаго относительно Остяковъ (въ его Кратк. Опис. ост. нар.); объ Осетинахъ см. В. Миллера, Осет. Эт., II, стр. 242 (о выставленіи шкуры животнаго на шесть на мѣстѣ громоваго удара) и у Гакстаузена, Закавказскій край, ч. II, 129. У другихъ сѣверныхъ народовъ на жертвенныхъ мѣстахъ скопили черепа съ рогами убитыхъ оленей. У Вогуличей Георги также указываетъ на выставленіе черепа; его вѣшаютъ на ближайшее дерево. Въ Туруханскомъ краѣ шкурой жертвеннаго животнаго, снятою не рѣдко съ рогами и копытами, покрываются сани, въ которыхъ хранятся домашніе фетиши (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 438). У Тунгусовъ и Гиляковъ на Амурѣ упоминаются выставленія на коль только медвѣжьей головы, особеннымъ образомъ приготовленной. Алтайское слово тайлга конечно то же, что бурятское тайлганъ или тайлаганъ; ср. таылганъ по алтайски—насыпь изъ камней, то же, что у Монголовъ обо. У Качинскихъ Татаръ жертвоприношеніе называется таирга. Брызганье молокомъ по алтайски чачылга (по монгол. цасылъ по бурятски хахылъ); цзайлганъ, цагилганъ молнія по монгольски.

51) Къ стр. 79. Идолы въ видѣ алтайскаго Каршита указываются у Самоѣдовъ, которые въ память о томъ, что птицы однѣ летаютъ къ Нуму, дѣлаютъ истувана въ видѣ летящей птицы, посаженной на палочку (Кушелевскій, Земля Ялмалъ, стр. 110 и 116). Имя Каршить, можетъ быть, происходитъ отъ *каршма*, „ястребъ“,—значеніе, близкое къ другому наименованію тѣхъ же деревянныхъ птицъ *шонгоръ*, „соколъ“.

52) Къ стр. 79. Различіе странъ свѣта при выставкѣ жертвеннаго животнаго замѣчено у Самоѣдовъ; когда колятъ оленя въ честь Нума, то ставятъ животное головой на востокъ; когда же въ честь Авъ-Весако, то на западъ;

съѣвъ мясо, головы выставляють на волю, соблюдая тоже правило относительно странъ свѣта (Этн. Сборн., IV, 62 и 63). Слѣдовательно самоѣдскій Нумъ соотвѣтствуетъ алтайскому Ульгеню, а самоѣдскій Авъ-Весакъ—Ерлику.

53) Къ стр. 80. О существованіи общественныхъ жертвоприношеній у Алтайцевъ намъ слышать не довелось; у Качинцевъ такой обрядъ есть, какъ это видно изъ доставленной намъ въ рукописи замѣтки туземца г. Катанова; обрядъ этотъ называется тагтай или тагтайрга, „нагорное жертвоприношеніе“. Желая отблагодарить Бога за дарованіе благополучія или желая очистить себя отъ грѣховъ (чабал кярек), Татары разъ въ годъ собираются на гору. Наканунѣ назначеннаго дня привозятъ березу и ставятъ ее въ юртѣ; къ одной изъ вѣтвей ея привязываютъ бѣлую и черную ленты въ знакъ хорошихъ и дурныхъ дѣлъ человѣка. На слѣдующій день утромъ всѣ Татары, собравшіеся изъ улусовъ, ѣдутъ на гору, взявъ съ собою барановъ для жертвы, вина и березу. Прибывъ на гору, сначала ставятъ березу и утврждаютъ ее, обкладывая камнями; передъ березой устриваютъ столъ, колятъ барана, варятъ мясо и выставляютъ на столъ; затѣмъ вся толпа вмѣстѣ съ шаманомъ, не одѣтымъ въ свой плащъ, обходитъ столъ съ березой три раза, при чемъ шаманъ произноситъ какія-то слова. Потомъ бросаютъ три куска мяса въ огонь, ѣдятъ мясо и пьютъ вино. Костей не раздробляютъ, а бросаютъ въ огонь и сжигаютъ. Съѣвъ мясо, возвращаются домой.

54) Къ стр. 82. Имя священной березки залма напоминаетъ тунгусско, слово *salban*, береза (*Castren, Tung. Gram., стр. 120*). Ср. также алтайское *ялама*, якутское *салама*, тряпичн, навѣшиваемыя на священные предметы; вотяцкое *чалма*, „полотенце“; Вотяки вывѣшиваютъ полотенца на березки, выставленныя во время жертвоприношенія, на иконы въ избахъ и т. п. Можетъ быть, этую языческую терминологіей объяснится темное мѣсто болгарскаго лѣтописца о чулманской березѣ, посредствомъ которой совершено чудо исцѣленія царевны мусульманскими проповѣдниками (въ болгарскомъ царствѣ на Волгѣ).

55) Къ стр. 87. Въ рукописныхъ запискахъ Бурята Хангалова, которыя я видѣлъ въ Иркутскѣ, говорится, что Ерликъ-ханъ не властенъ надъ ухунъхатами, т. е. надъ хатами воды (См. Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XI, №№ 1—2, стр. 87). Это напоминаетъ нашу загадку: „Летѣла птица орель, садилась на престолъ: и царю мой Боже мой! далъ ты мнѣ волю надъ всѣми городами, надъ всѣми царями, не далъ ты мнѣ воли надъ щукой въ морѣ“ (Садовниковъ, Заг. № 1446, вар. 3); ср. также вар. е (надъ синнимъ моремъ), и варианты в, г и д (надъ рыбой въ морѣ).

56) Къ стр. 89. Огонь почитается за проявленіе божества. Одна Бурятка на Мѣнѣ (въ вершинахъ Иркуты) на мой вопросъ: „Гдѣ живетъ Богъ и какой онъ?“ отвѣчала мнѣ: „Кто можетъ видѣть Бога! Никто его никогда не видѣлъ и не слышалъ; мы видимъ только огонь, горящій на очагѣ; а какой Богъ въ настоящемъ видѣ, мы ничего не знаемъ и никто не знаетъ!“—Айны думаютъ, что боговъ не видно; только очажный богъ выходитъ по ночамъ

изъ пелла въ видѣ хорошенькаго мальчиѣа (Добротворскій, Аниско-русск. Слов., стр. 40).—У Якутовъ божество огня называется Анъ-дарханъ тоень или Алъ-отъ иччнта (Сборн. газ. Сибирь, Спб., 1876, стр. 418); *иччнта* значить ховляинъ; *алъ* вѣроятно монгольское *галъ*, „огонь“; *отъ* татарское „огонь“. То же спариваніе и въ монгольской молитвѣ къ огню Удъ-халай-ханъ! (Записки Имп. Археолог. Общ., т. XIII, стр. 238).

57) Къ стр. 90. Слову „хурей“ мы придали тотъ смыслъ („приди!“), какой даютъ ему мѣстные жители, знающіе оба языка, бурятскій и русскій. Д. Банзаровъ въ переводѣ молитвы огню (Учен. Зап. Фаз. универс., 1846, III, стр. 89), по видимому, это же восклицаніе перевелъ словомъ „поклоняемся“. Кличь: уруй! есть и у Якутовъ. Порядишь переводить: подай! исполни! и относить его къ междометіямъ. Въ санскритскомъ было слово *ghat*, означавшее бросаніе масла въ огонь (Max Muller, Lectures on the science of language, II ser., 369).

58) Къ стр. 91. Слѣды обычая свладывать обо встрѣчаются въ Западной Европѣ (Liebrecht, Zur Volkskunde, 1879, s. 267—284); въ Европейской Россіи, пмечню въ Зырянской землѣ (Клад. Поповъ, Зыряне и Зырянскій край въ Изв. Им. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр., т. XIII, в. 2, стр. 19), на Уральскомъ хребтѣ у Башкиръ (Гофманъ, въ Горн. Журналѣ, 1868, № 4, с. 122: о горѣ Аушъ-куль), въ Бѣлоруссіи (Этн. Сб., в. III, ст. „Зап. о Гродн. губ.“, стр. 90).

59) Къ стр. 91. У Айновъ существуетъ обрядъ брызганья водки въ огонь деревянной лопаточкой (Сборн. историко-стат. свѣд. о Сибири, изд. Милютина, „Этногр. очеркъ южнаго Сахалина“, ст. Де-Прерадовича). О слѣдахъ этого обычая см. въ Труд. Этногр. Эксп. въ Зап. русск. край, III, 28; ср. также Grimm, Deut. Myth., 554; Zeitschr. Deut. Morg. Gesell., V. XXXI, H. II, u. III, s. 254.

60) Къ стр. 93. Огонь, которые мы видѣли у Алтайцевъ, Бурятъ и Урянхайцевъ, преимущественно имѣють видъ куколъ, спитыхъ изъ цвѣтныхъ доскутковъ. Тряпичныя куклы напоминають тѣ куклы, которыя пьютъ Киргизки, когда у нихъ умретъ мужъ. Предъ такою куклою вдова ежедневно въ опредѣленные часы плачетъ и причитаетъ, а вечеромъ кладетъ съ собой въ постель. Этотъ обычай мнѣ самому приходилось наблюдать у Киргизъ въ Замлійскомъ краѣ. Тотъ же обычай существуетъ и у Самоѣдовъ; жена умершаго Самоѣда дѣлаетъ куклу на подобіе умершаго и одѣваетъ его въ такую же одежду, въ какой ходилъ покойникъ. Когда ѣдятъ, то и покойнику положить кушанья въ корытцо. Къ ночи жена раздѣваетъ куклу и кладетъ съ собой спать. Эти церемоніи соблюдаются болѣе года. Куселевскій, Зем. Ялмалъ, Спб., 1868, стр. 120. Словомъ *онгонъ*, во множ. *онгытъ*, называютъ Монголы также тѣхъ духовъ, которыхъ призываютъ къ себѣ на помощь шаманы во время камланья; въ алтайскомъ—тѣ же духи называются *узютъ*, именовъ, которымъ также зовуть вообще души умершихъ.

Банзаровъ (Ученія Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 60) *онгонъ*, множ.

онгоны, переводить словами: души усопших; слѣдовательно то же, что у алтайцевъ узюгъ. Онгоны, по его словамъ, вселяются въ людей и причиняютъ имъ болѣзни (ibid., 100); то же самое Алтайцы думаютъ и объ узюгахъ. Но Алтайцы идоловъ не зовутъ узюгами. Въ поклоненіи онгонамъ Банзаровъ видитъ поклоненіе душамъ предковъ и выводитъ этотъ культъ изъ обычая дѣлать послѣ смерти покойника куклу, представляющую его (ibid., стр. 97). На онгонахъ часто встрѣчаются изображенія шаманскаго дѣйствія: иногда на нихъ бываетъ представленъ человекъ, держащій въ рукѣ бубенъ (стр. 98 и 100, и фиг. 32); самые лоскутки, кажется, должны представлять шаманскій плащъ. На стр. 100 описанъ онгонъ, который представляетъ спину шаманскаго плаща; другіе лоскутки можно принять за упрощеніе этого онгона; и на нихъ, какъ на шаманскомъ плащѣ, нашиты змѣевидные жгутыки и куголки. Ср. рис. 95 и 97. Названія онгоновъ, каковы: манджакъ, ерень, сходятся съ названіями плаща. Этимъ изображеніемъ домашнихъ духовъ покровителей въ видѣ змѣй, мы полагаемъ, можно объяснить сліяніе представленій о домовыхъ и змѣяхъ у Славянъ. Въ албанскомъ также домовой и змѣя носятъ одно имя *Storpsia*, Nahn, Alb. Stud., 187, 214. Дикари сѣверной Сибири и сѣверной Россіи кромѣ домашнихъ идоловъ, которые хранятся въ юртахъ или санахъ, ставятъ еще другіе въ лѣсахъ или въ тундрѣ на горахъ; въ то время, какъ первые должны приносить здоровье домочадцамъ, вторые имѣютъ цѣлью доставить хорошій уловъ. Есть ли этотъ второй родъ идоловъ въ странѣ, посѣщенной нами, я упустилъ разузнать. Каменныхъ фетишей въ родѣ самоѣдскихъ (Этн., Слб., IV, стр. 59) или лопарскихъ *сторъ-юнкароев*, *Stor-juncare* (Scheffer, Laponia, 106), въ южной Сибири нѣтъ. Деревянные онгоны встрѣчаются въ южной Сибири, но рѣдко; по крайней мѣрѣ мнѣ удалось видѣть только одинъ такой онгонъ у Бурятъ, описанный на стр. 102 и 122. У Качинскихъ Татаръ встрѣчается деревянный онгонъ подъ названіемъ Ирлыгъ-хаанъ-агасте (Катал. Минус. мѣстн. музея. Томскъ 1881, стр. 96). Объ онгонахъ у Туруханскихъ инородцевъ говорится у Третьякова (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429 и 438).

61) Въ стр. 92. У Якутовъ мѣсто джайка, кажется, занимаетъ онгонъ Кысъ-танара (буквально дѣва-богъ), или полнѣе, Магыны-Кыса-тынырыхтахъ; это горностаи, украшенный бездѣлушками и стоящій въ переднемъ углу; онъ переходитъ изъ рода въ родъ и составляетъ фамильную святыню. „Происходитъ отъ шаманокъ“, сказано въ статьѣ, изъ которой заимствуемъ извѣстіе о немъ. Причиняетъ людямъ сумашествіе и др. болѣзни (Сборн. газ. Сибирь, стр. 417). На Руси существуетъ повѣрье: плывя по водѣ, не слѣдуетъ поминать зайца: водяной подниметъ бурю; по другому повѣрью не слѣдуетъ поминать медвѣда (Аеон. II. В., II, 644). Какъ будто заяцъ и медвѣдъ носили одно имя. Виѣсто медвѣдъ слѣдуетъ говорить „раменскій или аевъ“ (Сост. рыболовъ. въ Россіи, т. IV, стр. 3). У Осетинъ дадеги — духи покровители людей (Зап. Имп. Акад. Н., т. XIV, кн. II, 54). См. о зайчи, стр. 359.

Слово джайкъ имѣетъ у Алтайцевъ слѣдующія значенія: 1) онгонъ, слѣданный изъ шкуры зайца; 2) животное, посвященное богамъ и увѣщанное

яламою или лентами; 3) наводнение въ горныхъ рѣчкахъ послѣ дождеваго ливня или таянiя снѣговъ; говорятъ: джангъ суданъ чикты, то-есть „джангъ изъ воды вышелъ“; 4) джангъ-ту называются поклонныя горы, то-есть то же, что въ монгольскомъ хаирханъ и 5) Джангъ есть собственное имя сына неба (см. стр. 233). Урянхайцы именуютъ адыгъ-ту называютъ высокiе, удивительныя пики, ставшия поклонными горами; ту на обоихъ языкахъ значить „гора“, адыгъ очевидно то же, что джангъ. Тождество этихъ рѣченiй поддерживается и другими образцами; вездѣ, гдѣ въ алтайскомъ стоитъ й, въ языгѣ тува — урянхайскомъ стоитъ д; напримѣръ:

алт.:	кайын, береза;	тува:	кадымъ;
	бойим, свой;		бодым;
	кiйизъ, войлокъ;		видым;
	вуйю, зять;		худелу;
	вуйрукъ, хвостъ;		худуру;
	бiйикъ, высокiй;		бедым;
			адыгъ.

поэтому и кiйик,

Въ урянхайскомъ—слово адыгъ, впрочемъ, не совмѣщаетъ всѣ тѣ значенiя, какiя съ нимъ соединяются въ алтайскомъ; такъ, онгонъ изъ зайчeyей шкуры Урянхайцы зовутъ иренемъ; за то слово адыгъ распространяется на привѣшиваемыя къ священнымъ предметамъ ленты, тогда какъ у Алтайцевъ для этихъ лентъ есть особое названiе — ялама. Отъ урянхайскаго адыгъ, можетъ быть, происходитъ и монгольское хадагъ; такъ называются шелковые лоскуты или платки, которые въ монгольской обрядности играютъ особую роль: они подносятся и богамъ, и важнымъ людямъ въ знакъ уваженiя. Подобный же, по видимому, переходъ совершился и съ вотяцкимъ словомъ чалма, которое стало означать всякое полотенце. Ср. наше ширинка и урянхайское ирень (джирень), шаманскiй плащъ, а также шнуръ съ жгутами и яламою. Хадаги употребляются въ Монголии вмѣсто разнѣнныхъ денегъ (сл. съ разказомъ о Славянахъ у ал-Бекри, Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XXXII, кн. II, стр. 49). Джангъ или иигъ ср. съ алтайскимъ айыгъ, „медвѣдъ“, а урянхайское адыгъ съ урянхайскимъ же адыгъ, и монгольскимъ утыгъ, „медвѣдъ“. Представляемъ списокъ именъ медвѣда и священныхъ предметовъ, сопоставленныхъ рядомъ.

Алтайск. джангъ, заяцъ-фетишь и конь, посвященный богамъ.	}	Алт. айыгъ, медвѣдъ.
		Остяцк. <i>jiq</i> , медвѣдъ.
Якутск. ытыгъ, чтимый, священный, посвященный. Boeth- lingk, s. 30.	}	Урянх. адыгъ, медвѣдъ.
		Монгольск. утыгъ, медвѣдъ.
Урянх. адыгъ, конь, посвященный богамъ.	}	
Качинск. изыкъ, лошадь, посвящен- ная духамъ.		Якутск. эсе, медвѣдъ.
Татары:		Тунгусск. <i>ucikan</i> , медвѣдъ.

Чувашск. Ирихъ, вещи посвященныя божеству. (Золотницкій, Чуваш. Слов., 185).	}	Остяк. <i>jures</i> , волеъ. Самоѣдск. уѣреъ, медвѣдь (Поляковъ въ рукоп.) Юрацк. <i>work, wark</i> (Castren's Wörterverz. aus d. Samojed. Spr., s. 202).
--	---	---

У Аларскихъ Бурятъ заяцъ не занимаетъ такого первенствующаго мѣста, какъ у Алтайцевъ и Соѣоновъ; но у другихъ Бурятъ онъ есть; см. Гомбоева, О древн. монг. обычаяхъ (въ Зап. Имп. Археолог. Общ., XIII, стр. 247). Выраженіе, находящееся въ одной южно-русской сказкѣ (Труды этнограф. экск. въ Зап. русск. край, II, 451): „а зайчиѣва ялянку кодо дитини“, напоминаетъ обычай Бурятъ привѣшивать къ дѣтской люлькѣ звѣриныя шкурки; я, напримѣръ, видѣлъ привѣшаную къ люлькѣ шкурку хорька. О „заячьемъ богѣ“ у Литовцевъ см. П. С. Р. Л. II, 188.

62) Къ стр. 96. Ялама навѣшивается, кромѣ джанка, и во многихъ другихъ случаяхъ: на гривѣ живыхъ животныхъ, посвященныхъ божеству, къ шкуркамъ, служащимъ вмѣсто онгоновъ и вообще къ онгонамъ, какого бы вида они ни были, къ деревьямъ, почему либо удостоившимся почитанія, на шести или прутья, воткнутые въ обо и т. п. Съ алтайскимъ ялама ср. якутское салама, волосяная нить, къ которой нанизываются дары богамъ и нечистымъ духамъ (Поряд., Якутск. слов. рук.); это очевидно тоже, что алтайскій джанкъ, или вотяцкое чалма, т. е. шнуръ между двумя березками, увѣшанный полотенцами. Относительно слѣдовъ обычая вѣшать яламу на западъ см. о Хорутанахъ у Аeon., II, В., II, 358; Срезн., Изсл. о яз. бог. др. сл., 28; о Русскихъ у Шейна, Русск. народныя пѣсни, М. 1870, стр. 442 (объщаніе увѣшать грушу лентами въ свадебной пѣснѣ); въ житіи Муромскаго князя Константина: „дуплинамъ древянымъ вѣтви убрुцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеса“ (Карамз., I, пр. 216); у Аварцевъ на Кавказѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, ст. „Авар. нар. ск.“, стр. 14; въ сказкѣ царевна даетъ платокъ, велитъ кому-нибудь взойдти на гору и взмахнуть; набѣгаютъ бурныя коровы, молокомъ ихъ наполняется глубокой колодезь; старики и старухи купаются въ немъ и молодѣютъ).

У Остяко-Самоѣдовъ на Оби по сообщенію г. Григоровскаго также существуетъ обычай увѣшивать деревья тряпочками въ даръ духамъ мѣстности, которыхъ они зовуть: лозъ. Лозы духи ни злые, ни добрые, но будучи сильнѣе людей, они могутъ помѣшать человѣку на охотѣ; поэтому, каждый инородецъ считаетъ своей обязанностью принести каждому лозу какой-нибудь даръ, „кѣза“ (отъ глагола козынгу, „дарить“), привѣсивъ его къ извѣстному кусту или дереву. У каждыхъ юртъ, у cadaго овража, на каждой горѣ и на берегу всякой рѣчки есть свой заветный кустъ или дерево, гдѣ инородцы приносятъ свои дары или козы своимъ лозамъ; эти деревья увѣшаны разными ленточками, тесемочками, тряпочками, ремешками и даже нитками. Все это дары лозу, покровителю той мѣстности. Это не жертва, говоритъ г. Григоровскій, а просто подачка; какъ кусокъ, брошенный собакѣ, чтобы не лаяла, чтобы лозъ не мѣшалъ въ дѣлѣ; по-

этому, всё эти привѣски инородцами не считаются священными; тѣмъ же менѣе, ни одинъ инородецъ не рѣшится снять съ дерева навѣшанную козу, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ и мщеніе лоза.

63) Къ стр. 94. Выраженіе Софонки: „два ерени, одинъ небесный, другой земной“, нужно, вѣроятно, понимать такъ: небесный—это Ерень громовникъ; земной—это медвѣдь.

64) Къ стр. 95. Ерень ср. съ дархатскимъ *дзеремъ* или *дзайремъ*, шаманъ, и съ урянхайскимъ прей, „медвѣдь“. Въ выраженіи: „Ерень былъ прежде куртъ“ подъ словомъ куртъ, можетъ быть, слѣдуетъ разумѣть змѣю, а не червя. Ср. урянхайск. *удзунъ-куртъ*, „змѣя“.

65) Къ стр. 99. О Емегельджинѣ см. у Палласа, *Sammlung historischer Nachrichten üb. die Mongol. Völkersch.*, Th. 2, s. 347; у Кастрена: *Vorlesungen üb. die finnische Mythologie*, s. 234; у Гомбоева: О древн. обыч. Монгол., въ Зап. Имп. Археолог. Общ., XIII, стр. 247. Георги и Палласъ описываютъ Емегельджина, какъ бурятскаго онгона. Порядинъ въ своемъ якутскомъ словарѣ приводитъ слово: *эмгэть*, мѣдный идолъ, пришиваемый впереди шаманской одежды. Емегень ср. въ тунгусск. *amisan*, *amisi*, медвѣдь. Въ алтайскомъ и дюрбютскомъ *эмегенъ* значить старуха; въ манджурскомъ *етекэ*, теща; въ самоѣдск. *этѣки*, мачиха; Schott, *Altaische Stud.*, 4 H., s. 281); на языкѣ сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ *эмегенъ*—старуха людоедка, соотвѣтствующая алтайской *джельбегенъ* и киргизской *джалмаусъ*. Въ бурятскомъ старуха людоедка *хаммынъ*. Емегельджинъ ср. съ калмыцкимъ емегольданъ, „бересклетъ“, *Evonimus europaeus* (Жирѣевскій, *Флора нашихъ среднеазиатск. владѣній*, стр. 153).

66) Къ стр. 104. Названіе Хурюкшуть ср. съ киргизскимъ Джеты-Каракше, Большая Медвѣдица.

67) Къ стр. 105. Въ русской дѣтской пѣснѣ: пріѣдетъ Захарка (вар. Макарека) на бѣлой лошадеѣ (на свадьбу волковой дочери лисицы), дѣтки на телаткахъ, слуги на собачкахъ (Шейнъ, *Русск. нар. пѣсни*, М. 1870, № 53, стр. 35).

68) Къ стр. 111. Имя хардуль, какъ и хардымъ, прилагается къ высокимъ горамъ; оно соотвѣтствуетъ русскому восточно-сибирскому: „голецъ“. Здѣсь оба слова хардуль и хардымъ употреблены въ смыслѣ горныхъ потоковъ. Не говорить ли это обстоятельство въ пользу смѣшенія у первобытнаго человѣка представлений о горахъ и потокахъ? Или фразу эту слѣдуетъ такъ понять: хардулы и хардымы пустили водяныя струи?

69) Къ стр. 111. Описаніе одѣянія дѣвъ Тулашинъ заимствовано отъ онгона; Греки эпитеты для своихъ божествъ иногда заимствовали отъ статуй; Венера, напримѣръ, называлась „вѣнчанная фіалками“, потому что ея статуи украшались вѣнками изъ фіалокъ (Chwolsohn, *Die Ssabier*, II, s. 240).

70) Къ стр. 116. Онгонъ Борунъ-ихи (Борунъ ср. съ баранъ-гуресу, медвѣдь по бурятски) напоминаетъ нашего Волоса, скотьяго бога. Не дѣлали ли наши предки домашнего идола Волоса? Выраженіе „у св. Власія борода

въ маслѣ“, можетъ быть, не есть риторическое выраженіе о сдобныхъ яствахъ этого дня, а хранить въ себѣ указаніе на нѣкогда существовавшій обрядъ. Можетъ быть, и киргизскіе покровители скота: Ойсуй-кара, Зенгъ-баба и пр. (см., Оч., II, стр. 152) также были онгонами. Коровы назывались у Киргизъ прежде дѣтми Зенгъ-бабы (см. выше стр. 368), въ родѣ того, какъ у насъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ называются Власьевнами (Сабининъ въ ст. „Волось“, въ Ж. М. Н. Пр., XL, отд. II, стр. 27). Онгонъ „телячій пастухъ“, кажется, есть и у Якутовъ; по крайней мѣрѣ у нихъ упоминается духъ-покровитель скота Сеги-тоенъ, Хара-бечи-тоенъ; онъ даетъ жеребятъ, телятъ и дѣтей (Сборн. газ. Сибирь, Спб. 1876 г., стр. 416). Въ рукописной статьѣ г. Евг. Борисова называются духи-покровители скота у Якутовъ Иоторъ-уоль и Иоторъ-кысъ (пастухъ и пастушка). Нилъ упоминаетъ бурятскаго пастушьяго бога „сульбунду“, которому посвящаютъ лошадей (Будд., стр. 153).

71) Къ стр. 117. Идиркинъ ср. съ тунгусскимъ *ätirku*, медвѣдь; *ätirkän*, старикъ. У Рашидъ-Эддина встрѣчается племя Идеркинъ (Ист. Монголовъ, пер. Березина, стр. 200), въ Юаньчаомиши племя Адаргинъ (Труд. Пек. Мисс., IV, 31) и лицо Итурганъ (*ibid.*, 97).

72) Къ стр. 123. Слово хать, по видимому, есть множ. ч. отъ ханъ. Буряты также доказываютъ, что хать значить: ханы, цари, но „ханъ“ въ смыслѣ духа мѣстности не употребляютъ. Алтайцы говорятъ не только о ханахъ, обитающихъ на небѣ, но и на землѣ; земные ханы живутъ на высокихъ горахъ; ихъ они насчитываютъ, по Радлову, 17; г. Радловъ приводитъ и имена ихъ (Вост. Обзор., № 7, стр. 12). Въ Монголіи мы встрѣчаемъ выраженія: Алтай-ханъ и Хангай-ханъ въ смыслѣ духовъ этихъ горныхъ системъ. Не означало ли слово ханъ нѣкогда родоначальника вообще, и не приняло ли оно значеніе царя только въ позднѣйшее время? Еще у Половцевъ это слово, по видимому, не имѣло послѣдняго значенія; съ одной стороны, старинный путешественникъ Раби Петахія говорить о нихъ: „общаго властителя не имѣютъ, но только князей и благородныя фамиліи“, съ другой, — въ русскихъ лѣтописяхъ иногда при описаніи одной битвы перечисляются не одинъ, а нѣсколько хановъ. Подъ бурятскими хатами, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть души родоначальниковъ; Буха-ноинъ, родоначальникъ Бурятскаго племени, причисляется къ хатамъ. Въ призваніяхъ Алтайцевъ духъ Алтая называется Алтай-хангай (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XVII, в. 4, стр. 244); не извѣстно, слѣдуетъ ли тутъ слово хангай принять за нарицательное или за собственное. У Осетинъ духи-покровители называются зады (зѣд; см. Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Ак. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 54). Остяко-Самоѣды, по сообщенію г. Григоровскаго, вѣрятъ въ существованіе духовъ, которыхъ они называютъ „лозь“. Для каждой горы, долины, ручейка, перелѣска и вообще для каждой мѣстности, по ихъ повѣрью, есть свой особый духъ, ни добрый, ни злой, одаренный силою свыше человѣческой. Это и есть лозь. До своего крещенія Остяко-Самоѣды и Вышаго Бога называли: Варгъ-ловъ, то-есть-Великій лозь. Лозы безтѣлесны, не имѣютъ опредѣлен-

наго вида, но могутъ появляться въ разныхъ образахъ. Такъ, лозы долинь, деревь, пригорбовъ, ручейковъ и вообще всѣхъ мѣстностей, а также лозы разныхъ породъ животныхъ и звѣрей, данные во власть ворожецамъ (кэ-дычанъ) для услугъ имъ, показываются въ видѣ воробья безъ перьевъ, обтянутаго черною кожей съ перепончатыми крыльями, какъ у летучей мыши. Въ даръ лозамъ на деревья вѣшаютъ тряпочки (кова). Изъ лозовъ выдѣляются: масси-ловъ въ родѣ нашего гѣшаго, ютыго-ловъ, „водяной“, массиная, „гѣсная-баба“, жена гѣшаго, пинѣ-гуссе, „людоѣдка“, и кондеганъ, „чортъ“. Всѣ эти пять духовъ представляются въ человѣческомъ образѣ, только большихъ размѣровъ, такъ что обыкновенный человѣкъ достигаетъ имъ только до колѣна. Это полу-духи, полу-люди; они обложены плотью, но ноги ихъ не оставляютъ слѣдовъ. Они живутъ семьями, имѣютъ женъ и дѣтей. Они стараются сбить человѣка-охотника съ дороги, заводятъ въ гѣсную глушь, вводятъ въ свои жилища, построенныя на манеръ инородческихъ „карамо“, тамъ кормятъ, приручаютъ къ себѣ и даже женятъ на своихъ дочеряхъ. Дѣти же, рожденныя отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ, бываютъ также полу-люди, полу-духи. Кромѣ того, были еще духи, которые теперь вымерли. Это были: кура, въ родѣ гѣснаго человѣка, и чвочен-зиди-чага-пая, подземная старуха. Кура имѣла видъ человѣка; подъ самымъ подбородкомъ у него находился лукъ, а потому онъ всегда смотрѣлъ вверхъ, задрывъ голову: на локтяхъ у него были полуаршинныя рогатины. Чвочен-зиди-чага-пая была маленькая, плюгавая бабѣнка, знавшая въ землѣ всѣ клады. Нѣкоторые инородцы, при встрѣчѣ съ нею, будто бы даже въ недавнее еще время, брали ее въ плѣнъ, приводили домой, и она всегда откупалась отъ нихъ серебряными деньгами, принося ихъ откуда-то, когда ей дадутъ свободу. Сообщение Григоровскаго о „курѣ“ ср. съ аварскимъ повѣрьемъ албасті, фантастическомъ существѣ, которое имѣетъ на груди костяной топоръ (Усларъ, Азб. аварск. яз.).

73) Къ стр. 124. Монгольскимъ сабдыкамъ, то-есть, духамъ мѣстностей, у Айновъ соответствуютъ сибѣсьма-камун (см. Добротворскаго, Аино-руск. слов., въ Изв. и Учен. Зал. Каз. унив., 1875, № 2, стр. 40), у Черемисовъ вадыши (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 40). Умершій человѣкъ, по повѣрью Черемисовъ, тоже иногда дѣлается вадышемъ (ibid.).

74) Къ стр. 127. Doorigkui, имя оружія, которое Гесеръ-ханъ получилъ отъ своего небеснаго отца. Schott, Ueber die Sage v. Geser-chan въ Abhandl. v. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851, S. 288. Одинъ ср. съ ходоенскимъ одинъ, мужъ, хозяинъ, царь (Брыленинъ въ Мааковомъ Путеш. по Уссурі, стр. 16). Ошинъ ср. съ остяцкимъ ошъ или ошника, медвѣдь; послѣднее ошнина, можетъ быть, слѣдуетъ разбить: ошн-ина; ина по остяцки дѣдъ. Одинъ-Ошинъ напоминаетъ монгольское названіе Шлядъ: Одунъ-Мечинъ (или Мышинъ). У Якутовъ упоминается божество одноглазый сордахъ-чонохъ; чонохъ напоминаетъ монгольское чоно, волкъ; сордахъ ср. съ якутскимъ сырдык, свѣтъ у Бетлинга, стр. 164; по одному записанному нами указанію сырдыкъ по якутски: луна. Въ русскихъ сказ-

какъ встрѣчается лихо одноглазое. См. также объ Одогэ, стр. 24 и о Янсы-костю, стр. 130.

75) Къ стр. 128. Къ священнымъ горамъ въ Алтай, почитаемымъ Алтайцами, слѣдуетъ еще прибавить бѣлокъ Ягъ-Менку или такъ-называемый по-русски Семинскій бѣлокъ. Ему приносятъ жертвы. Въ призываніяхъ онъ называется Бай-Тере.

76) Къ стр. 128. Въ Финикіи и Сиріи почитались павшіе съ неба камни, которые назывались Bätilen (Böttiger's Ideen zur Kunst-Mythol., Leipzig, 1850, В. II, с. 16).

77) Къ стр. 130. Г. Григоровскій сообщилъ намъ слѣдующее о повѣрѣхъ Остяко-Самоѣдовъ объ одноглазомъ существѣ, живущемъ въ озерѣ: Вблизи юртъ Канеровыхъ, недалеко отъ села Тогура-Кетской волости, есть озеро, называемое Пуруль-то. Въ этомъ озерѣ въ прежнія времена водился одноглазый бѣсъ, котораго называли Лѣка. Глазъ у него былъ на самомъ темени головы; этотъ глазъ былъ большой и свѣтился въ темнотѣ и даже подъ водою, какъ раскаленная головня. Лѣка схватывалъ людей, неосторожно подошедшихъ къ этому озеру, уносилъ въ воду и тамъ пожиралъ ихъ. Близніе жители боялись не только плавать по озеру, но даже ъ близко подходить къ его берегу. Однажды какому-то бродячему Остяку, не знавшему о существованіи Лѣки, пришлось остановиться на берегу этого озера для ночлега. Была у него съ собою сѣть для ловли рыбы, а въ лѣсу близъ озера онъ нашелъ обласокъ (небольшую лодку), дно котораго было покрыто уже мохомъ; счистивъ мохъ, Остякъ убѣдился, что обласокъ цѣль и годенъ для плаванія. Ставивъ обласокъ въ воду и подмывавъ толстую, короткую палку вмѣсто весла, Остякъ поѣхалъ по озеру поставить свою сѣть, не попадетъ ли рыбы на ужинъ. Рыбы ему попало много; и все это были караси, да такіе большіе, до полуаршина длины каждый. Доставши сѣть съ карасями, онъ присталъ къ берегу, развелъ тутъ огонь и принялся готовить себѣ ужинъ. Распластавъ карасей, онъ поджаривалъ ихъ на вертелѣ. Когда совсѣмъ стемнѣло, и настала ночь, въ озерѣ поднялся необыкновенный шумъ; озеро заволновалось, и изъ глубины его показался одноглазый Лѣка. Выйдя на берегъ, онъ подошелъ къ огню, поздоровался съ Остякомъ и спросилъ его: кто онъ, откуда, и что тутъ дѣлаетъ? Остякъ отвѣтилъ на его вопросъ, что слѣдовало, и пригласилъ Лѣку сѣсть у огня, обѣщая угостить его жареными карасями, которыхъ Лѣка жареными еще никогда ни ѣдалъ. Лѣка сѣлъ, и чтобы получше разглядѣть своего товарища, все наклонялъ свою голову впередъ, такъ какъ глазъ былъ у него на верхушкѣ головы; онъ свѣтился, какъ большой раскаленный уголь. Такъ сидѣли они, посматривая другъ на друга, Лѣка—въ ожиданіи общаго угощенія, Остякъ—придумывая средство, какъ бы избавиться отъ одноглазаго гостя. Карась зажался; Лѣка поднялъ голову, чтобы взглянуть вверхъ; въ это самое время Остякъ раскрылъ брюхо карася, какъ книгу и каленными внутренностями положилъ его Лѣкѣ на макушку, на самый глазъ. Лѣка, обожженный каленными внутренностями карася, со всего размаху бросился въ озеро, и долго

потомъ Остякъ слышалъ въ водѣ крикъ и стоны, а тамъ все смогло. Утромъ же, на восходѣ солнца, въ глубинѣ озера раздался дикій бабій ревъ и причитанья, какъ по покойникѣ. Это умершаго отъ обжого Лѣку оплакивала его мать, старуха; изъ этихъ причитаній Остякъ могъ только слышать слова: „Сынъ мой Лѣка пропалъ“. Съ тѣхъ поръ на этомъ озерѣ стало безопасно; сосѣдніе жители стали по нему плавать и ловить карасей, не опасаясь болѣе попасть въ руки Лѣкѣ. Названіе же Пуруль-ту за этимъ озеромъ осталось и доннынѣ. То или ту называется всякое озеро, въ которомъ водятся только караси; съ прибавкой пуруль имя это значитъ „озеро черной воды“, то-есть, очень глубокое. Впрочемъ, именемъ пуруль-ту называютъ вообще озера, гдѣ обитаютъ какія-нибудь сверхъестественныя чудовища, или гдѣ, по повѣрью Остяковъ, водятся кволли козарь, „мамонть-рыба“. Повѣрья объ одноглазыхъ великанахъ есть и у Осетинъ; они называютъ ихъ онгъ; этимъ именемъ Осетины называютъ также и медвѣдя. Ср. ойхъ, „луна“, по чувашски, айгыъ „медвѣдь“, по алтайски.

78) Къ стр. 130. Греческое имя ночной бабочки *ήπιόλος* представляетъ, говоритъ Пикте, —темную связь съ *ήπιόλος*, „лихорадка“; тотъ же двойной смыслъ находится въ литовскомъ *drūgis* (Pictet, Orig. indo-europ., II, p. 524). Лихорадка по киргизски называется безгильдекъ; тѣмъ же именемъ Киргизы называютъ въ Тарбагатаѣ куропатку, *Lagopus alpinus*, живущую у снѣжной линіи, въ Кочетавскомъ же округѣ Акмол. обл.—стрепета. Названіе сибирской болѣзни омерячество (больной ею называется омерякъ) ср. съ тунгусск. ашугака, медвѣдь. Монгольское имя оспы, бурхать, ср. съ бурханъ, „богъ“. Одно изъ славянск. названій оспы: богине (Котляр., О погреб. обр., 193).

79) Къ стр. 130. Къ числу повѣрій о болѣзняхъ можемъ еще присоединить существующее въ Забайкальѣ—о цѣлебномъ свойствѣ птицы хойлюкъ, о которомъ мы сами отъ Бурятъ не слышали, но извѣстія о которомъ попадаются въ книгахъ. Хойлюкомъ тамъ называютъ альпійскую галку, *Fregilus gascilus*; если человекъ укуситъ бѣшеная собака, его везутъ на высокія горы, достаютъ перьявъ этой птицы и ими окуриваютъ больного; если птицы добыть не могутъ, то стараются доставить больному возможность послушать крикъ этой птицы (См. также пр. Нила, Будд., 274). Въ Монголіи именемъ хойлюкъ называется уже другая птица, именно большая курица *Megalopteryx*, но также живущая близко къ снѣжной линіи. Повѣрій объ монгольскомъ хойлюкѣ не удалось услышать; у Киргизъ въ Тарбагатаѣ эта курица очень уважается и мясо ея считается приносящимъ какое-то благо, почему, если птицу убьютъ, то мясо дѣлятъ всѣмъ присутствующимъ при ѣдѣ. У Остяковъ именемъ хуй-лукъ называется глухарь (Castren's, Ostjak. Spr., s. 107); у Качинск. Татаръ хайлахъ „галка“. Въ Юаньчао-миши упоминается въ числѣ предковъ Чингисъ-хана Хачи-Кюйгукъ (Труд. Пек. дух. миссіи, IV, стр. 30). Въ остяцкомъ имя хойлюкъ распадается на хой и люкъ; рядомъ съ хуй-лукъ существуютъ пегда-люкъ „глухарь“ и пен-люкъ, хандженгъ-люкъ, „бопылиха“, Auerhenne (Castren's Ostjak. Spr., 109). Съ сходнымъ окончаніемъ существуютъ зоологическія названія: леглегъ „журавль“ кюринск.

на Кавказѣ (Усларъ), хаджи леглегъ, на киринско-ахтинск. нарѣчїи (запис. нами въ Тифлисѣ), журавль; якутск. лыглык, „лѣсная утка“, Anas erythroris (Böhtlingk, Jacnt. Wörterb., 151). Ср. также новогреч., албанск. и пиндо-влахск. лелѣх, лелѣіех, „журавль“, „Storch“ (Hahn, Alban. Stud. III, 246); лелекъ, „козодой“ въ Вологодск. губ. и „летуч. мышь“ въ Новгор. губ.; ли-іаѣк, на южно-славянск. нарѣч. и по румынски „летучая мышь“.

80) Къ стр. 131. Филиновыя перья, прикалываемыя къ шапкамъ, Киргизы называютъ или уку (уку по киргизски—филинь) или карвара. Ср. хар-кира, монгол. имя журавля съ косичкой, Ggus Virgo.

81) Къ стр. 132. Съ дюрбютскимъ обычаемъ вѣшать на двери кость ср. совѣтъ быка въ южно-русской связи убить его п „кости застромыть за стрѣху“. Труды этн. эксп. въ зап.-русск. край, т. I, 138.

82) Къ стр. 133. Повѣрье о томъ, что царство Майтере наступитъ, когда хвостъ у зайца почернѣетъ, вѣроятно, находится въ связи съ напечатаннымъ нами, не ясно переданнымъ разказомъ о томъ, почему у зайца хвостъ черный (Оч., II, 167). Въ готентотской легендѣ мѣсяць поручилъ вѣдѣ идти и сказать людямъ: „Подобно тому, какъ я умираю и оживаю, и вы умирайте и оживайте“. Заяцъ, встрѣтивъ вошь, принялъ порученіе на себя, но сказалъ людямъ: „Подобно тому, какъ я умираю и погибаю, и вы умирайте и погибайте“. Когда заяцъ явился къ мѣсяцу, послѣдній, осердившись за переименованіе его словъ, ударилъ его палкой и раскололъ ему верхнюю губу, а заяцъ оцарапалъ мѣсяцу лицо, отчего на немъ пятна (Girard de Rialle, La mythologie comparée, Paris, 1878, p. 147; Басни и сказки дикихъ народовъ, пер. съ англ. С.-Пб., 1874, стр. 26). Жители острововъ Фиджи думаютъ, что мѣсяць хотѣлъ, чтобы люди воскресали послѣ смерти, но крыса упросила боговъ, чтобы люди умирали, какъ крысы. На Каролинскихъ островахъ также вѣрятъ, что люди прежде воскресали подобно лунѣ, но что злой духъ былъ причиной того, что смерть сдѣлалась вѣчною (Girard de Rialle, 149). Индѣйскіе Khasias пятна на лунѣ приписываютъ тому, что теща мѣсяца бросаетъ ему въ лицо золу (ibid., 149). Въ Jagic's Archiv (III, 216) помѣщенъ, сообщенный Даничицемъ, текстъ сербской сказки о неблагогодарномъ сынѣ, который, поддаваясь желанію своей злой жены, прогналъ своего отца изъ дома и заставилъ его питаться милостыней; однажды, когда отецъ вошелъ къ нимъ, они спрятали индѣйку, которую ѣли передъ тѣмъ, но когда вновь ее вынули по уходѣ отца, индѣйка превратилась въ жабу; жаба, прыгнувъ, вцѣпилась въ щеку сына и повисла; и онъ такимъ образомъ долженъ былъ носить ее вѣчно въ предостереженіе другимъ. Въ нашемъ разказѣ (Оч., II, 167) дочь также украдкой ѣстъ какое-то вкусное кушанье.

83) Къ стр. 133. Объ Остячко-самоѣдскихъ повѣрьяхъ о мамонтѣ сообщилъ намъ г. Григоровскій. Мамонта Остячко-Самоѣды на р. Оби называютъ сури-козарь, то-есть, „звѣрь козарь“ въ отличіе отъ кволли-козарь, то-есть, „рыбы козара“. Оба рода этихъ мнѣнческихъ животныхъ водятся въ глубинѣхъ мѣстахъ; сури-козарь преимущественно водится въ Оби, а кволли-

козарь въ ея притогахъ и въ глубокихъ озерахъ, затопляемыхъ весеннимъ разливомъ. Первый изъ нихъ своими рогами роетъ берега и даетъ рѣкѣ другое теченіе. Второй же, кволли-козарь, болѣе смиренный, живетъ спойбно, пока какой-нибудь пловецъ не вздумаетъ нарушить его спокойствія плаваніемъ въ его водахъ. Тогда онъ проглатываетъ дерзкаго. Всѣ эти разказы имѣютъ, однако, одинъ исходъ: смѣльчакъ, проглоченный кволли-козаромъ, опомнившись внутри чудовища, вынимаетъ изъ ножей ножъ, всегда при-вѣщенный къ его поясу, и распарываетъ брюхо чудовищу. Тогда кволли-козарь бросается на берегъ, сглаживая на своемъ пути бочки и кусты, и окопываетъ въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ своего жилища, озера. Смѣльчакъ же выгѣзаетъ тогда изъ нутра чудовища. По мнѣнію Остяко-Самоѣдовъ, мясо и сури-ковара, и кволли-ковара имѣетъ то свойство, что чрезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти чудовища оно каменѣетъ, „последе кандезимба“, какъ говорятъ они, то-есть, „замерзло въ камень“. По мнѣнію Остяко-Самоѣдовъ, мамонтъ дѣлается изъ лося; когда лось проживетъ свой вѣкъ и достигнетъ полной старости, онъ измѣняется и становится мамонтомъ; у него вырастаютъ вмѣсто роговъ клыки, и онъ приобретаетъ возможность жить въ водѣ и на сушѣ; предъ восходомъ солнца онъ иногда всплываетъ изъ глубины на поверхность воды, и спина его показывается въ видѣ опрокинутой большой лодки. Кволли-козарь дѣлается изъ большой щуки, если та проживетъ болѣе ста лѣтъ. Тогда она принимаетъ огромные размѣры, во время разлива рѣкъ выбираетъ для себя глубокое озеро безъ истоковъ и остается тамъ жить. Такія озера Остяко-Самоѣды называютъ обыкновенно пуруль-то (озеро черной воды); по этимъ озерамъ опасаются не только плавать, но и ходить зимою по замерзшему льду. Вѣрятъ также, что люди, имѣющіе сношеніе съ лозами, то-есть, духами, поживъ на свѣтѣ и послужа лозамъ, просятъ этихъ лозовъ обратить ихъ въ кволли-козарь на извѣстное число лѣтъ, и тѣ исполняютъ это желаніе. По сообщенію свящ. Краснова, васюганскіе инородцы называютъ мамонта *веса*. О происхожденіи его одни говорятъ, что онъ родится отъ подобныхъ себѣ родителей, другіе же допускаютъ, что онъ образуется изъ медвѣдя, оленя и лося; последнее мнѣніе господствуетъ. Когда лось доживетъ до глубокой старости, потеряетъ зубы, рога и пр., онъ, чувствуя свой конецъ, переселяется, по выраженію инородцевъ, на другой свѣтъ, то-есть, въ воду. Тамъ онъ видоизмѣняется; у него вновь вырастаютъ зубы и рога, но рога не развѣтвленные, а прямыя, идущіе отъ головы вдоль спины. Когда рога дойдутъ до такой длины, что начнутъ спускаться отъ спины къ заднимъ ногамъ, существованіе мамонта кончается и теперь уже навсегда. Существованіе мамонта предполагается всегда тамъ, гдѣ крутой берегъ осыпается и валится, и гдѣ около береговъ, въ тихихъ мѣстахъ, около такъ-называемыхъ заводей, бьютъ ключи. Осыпанье берега и обвалы приписываются тому, что мамонтъ ѣстъ будто бы корни деревъ и глину. Мимо такихъ мѣстъ инородцы не плаваютъ, опасаясь, чтобы мамонтъ не съѣлъ ихъ. Чулымскіе Татары, по сообщенію свящ. о. І. Соколова, называютъ мамонта *керь* или *керь*, другіе же изъ

нихъ зовуть его *сухъ-герсъ*, причисляя его къ водянымъ животнымъ (сухъ— вода; керъ, геръ, герсъ—мамонтъ). По повѣрью, впрочемъ мало распространенному, мононта по его громадности и необычайной тяжести земля не могла сдержатъ, а потому Богъ опредѣлилъ для него подземное жилище и назначилъ ему поддерживать землю.

84) Къ стр. 134. Кажется, то же повѣрье о бродящихъ душахъ шамановъ, о которомъ говорится у насъ, внушило Д. Банзарову фразу: „всѣхъ чаще онгонами дѣлаются шаманы“ (Учен. Зап. Казан. унив., 1846, III, 100). У Албанцевъ о призракахъ, которые называются *Каркадсол*, думаютъ, что они при жизни были Цыганами (Hahn, Alb. Stud., III, 43).

85) Къ стр. 134. Въ одной киргизской сказкѣ, которой я теперь не имѣю подъ рукой, описывается поѣздка богатыря за какое-то море. Перемахнувъ на богатырскомъ конѣ на другую сторону огромнаго моря, богатырь увидѣлъ старика съ желѣзнымъ посохомъ. Они пошли вмѣстѣ съ этимъ старикомъ. Сначала богатырь видитъ коня; по одну сторону его чистая, прозрачная вода, по другую—свѣжей зеленый лугъ. Конь протанетъ голову къ водѣ, озеро отходить; онъ протанетъ голову къ травѣ, трава отходить; по объясненію старика съ желѣзной палкой это былъ скупой человѣкъ. Далѣе богатырь видитъ человѣка, который, нарубивъ подъ горой вязанку караганы, нестеть ее на гору; только онъ взнесъ ее и положилъ, какъ она скатилась назадъ подъ гору; человѣкъ снова спускается подъ гору, снова рубить и пр. Сказку эту я слышалъ отъ Киргиза Акмол. области. Осетинскія представленія о царствѣ мертвыхъ, о мукахъ, о переѣздѣ черезъ узкій мостъ и пр. обнаруживаются изъ рѣчей къ коню, которыя произносятся на похоронахъ. См. у Шифнера, „Осетин. тексты“, Зап. И. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, 87; у В. Миллера, „Осет. этюды“, I, стр. 109. О представленіяхъ Чувашъ о мученіяхъ за гробомъ см. у Магнитскаго, Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры, Казань, стр. 192.

Къ главѣ III-й.

Большая медвѣдица.

1) Къ стр. 136. Якуты у Бетлингга: *Аранас сулус* (Jasut., Wörterb. стр. 8); у Порядина: *Аранасъ*. Порядинъ дѣлаетъ примѣчаніе: арангасъ—скирда на столбахъ, на которой древніе Якуты клали трупы почитаемыхъ покойниковъ въ гробахъ; въ другомъ мѣстѣ своего словаря г. Порядинъ даетъ созвѣдію имя Арагасъ и переводить: горизонтально. Кромѣ Арангасъ, г. Порядинъ упоминаетъ еще созвѣдіе Тунгусъ-Арангасъ, то-есть, Тунгусскую Большую Медвѣдицу. Съ именемъ Арангасъ ср. *урумесе*, бѣлый медвѣдь; Уранхусъ, родъ у Волжскихъ Калмыковъ (см. 13 прим. къ I гл.); Жарныгасъ, киргизск. поволеніе въ Букеевск. внутр. ордѣ (См. Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. 2, с. 34). и бурятское *аранга*, полати на 4 столбахъ, устраиваемыя для убитыхъ молніей. Монг. *харану*, кирг. *караны*—иракъ.

Койбалы: *Тьдигенъ, Тьдигенъ, Дьдигенъ*. Castren, Versuch ein. Koi-bal. und Karag. Sprachl., 135.

Карагассы: *Тьтеменъ*. Ibid. *Тьдэгаръ*, „семь звѣздъ“. Этн. Сборн., IV, 14. Изъ этого толкованія слѣдовало бы думать, что гаръ должно значить по карагасски звѣзда; но у Кастрена нѣтъ такого слова. Салбинск. нарѣчіе: *Тьтеменъ-дѣлетесь*. Castren, Versuch, 135.

Чулымскіе Татары: *Четемъ, Этемъ*. (Рукоп. сообщ. свящ. о. І. Соколова князю Кострову).

Тобольск. Татары: *Иттыманъ* (Гигановъ, Граммат. тат. яз., Спб. 1801, стр. 20).

Татары Мишарь Симб. губ. семь звѣздъ Больш. Медвѣдицы вонуть *Джедигенъ*, а двѣ звѣзды между Большою Медвѣдицей и Полярною звѣздой: *Колатъ* и *Саратъ*, то-есть, сивая и соловая лошадь. Крещенные Татары Мамадышск. уѣзда: *Жидиганъ*.

Башкиры: *Джигитанъ*. Сообщ. г. Малаховымъ.

Крымскіе горные Татары: *Едиганъ* „семь князей“, *Мажаръ*, „телега“ (рукоп. сообщ. г. Калачева). Татары въ селеніи Старый Крымъ: *Джестыменъ*. Не отсюда ли русское атаманъ, то-есть, главное лицо въ шайбѣ разбойниковъ? Менъ во второмъ членѣ крымскаго названія вм. ханъ въ родѣ того, какъ въ черемисскомъ вошманъ вм. чувашскаго вопемнъ (Знам., Горн. Черем. Каз. губ., Вѣстн. Евр. 1867, дек., 43; Золотн., Чув. Слов., 27). Мажаръ ср. съ сложнымъ *Netu Moger*, т. е. семь мадыаровъ или моджаровъ, подъ предводительствомъ которыхъ по анониму Бѣлы Венгры вышли изъ Сцитіи; число семь находится и въ венгерскомъ преданіи о переселеніи въ Венгрію Половцевъ (Уч. Зап. Ак. Н., по I и III отд., 1855, т. III, см. ст. Куника „О Торкахъ и Печенегахъ“, стр. 740). По другому преданію, сохраненному Константиномъ Порфиророднымъ, Венгры вышли изъ страны *Lebedias* (*Hunfalvi, Ethnographie von Ungarn, Vuda-Pest*, 139). Въ ослѣдкомъ семь *tabet*; первое *t* произносится, какъ среднее между *tnl*, такъ что вмѣсто *tabet* можно читать *labet*. Г. Остряковымъ въ Кабардѣ записано сказаніе о старцѣ Деветѣ, который сначала носился на суднѣ; судно остановилось на Ельбрусѣ и Деветъ сдѣлался отцомъ девятнадцати (деяти?) сыновей; сказаніе сохранило только имя младшаго изъ нихъ, Аллаутана (Остряковъ, Народн. литер. Кабардинцевъ, Вѣстн. Евр., 1875, августъ).

Дагестанскіе Татары: *Едды-Кардашъ*, „семь братьевъ“ (сообщ. г. Габеркорнъ).

Сѣверо-кавказскіе Татары-горцы (общ. Урусбій, Малкаръ и др.): *Джестегей*. (Сообщ. г. Урусбиевымъ). Къ этому имени В. Медвѣдицы близки легендарныя и личныя имена: лѣтописное Едигей, киргизское и Барабинскихъ Татаръ Идыге (*Radloff, Prob.*, IV, 35), бурятское Одогэ (см. стр. 24), а также второй членъ аккадскаго имени звѣзды Юпитера по Ленорману: *Amar-Utuki*. Последнее *utuki*, по мнѣнію Ленормана, состоитъ изъ корня *ud* или *uti*, дополненнаго суффиксомъ въ томъ же родѣ, какъ *Mul-ge, Dam-ki* (*Lenormant, Langue primitive et les idiomes touraniens, Paris, 1875, p. 369*).

Какъ называется Б. Медвѣдица на языкѣ Иссиккульскихъ Киргизъ, намъ узнать не удалось.

Чукчи: гѣло Б. Медвѣдицы *Huyotkenotsutlen*, *Uotkinautil*, хвостъ ея *Arquarkartergosten*, *Unapuger* (Vega expedit. vetenskapliga iakttagelser, af A. E. Nordenskiöld, B. I, s. 397).

Тунгусы: *Säktäwun* (собственно „ложе“), *Töki* (лось) (Castren, Grundzüge ein. Tunguss. Spr., S. 100), *Faula* (Hawlen), *Lowyn*, *Howlyn* (ibid. 120), *Xoglen*, *Höglen*, *Hawlan*, *Pöule*, *Faula* (Al. Czekanowski's Tung. Wört. вь Mel. asiatiques, t. VIII. (8 Mai 1877), стр. 377).

Манджуры: *Наданъ-усиха*, то-есть, „семь звѣздъ“; *Найху*, *Абкай-шурде-чжень*. Захаровъ, Полн. манчж. сл., с. 210.

Лопари по Георги (Опис. народ., I, стр. 4) Большую Медвѣдину называютъ лувожъ Цоува.

Остяко-Самоѣды: а) нарѣчія Байха: *Puorëa*, *Pord*, *Kiskael-puorëa*; б) Камасинскіе и Кетскіе: *Port*, *Parre*; в) Натпумповольскіе: *Pëäre* (Castren Wörter a. d. Samoied. Spr., 203). Низовскіе инородцы на нижней Оби (Самоѣды?): *Портъ*, то-есть, лось (Григоровскій вь рукоп. сообщ.).

Верховскіе инородцы нижней Оби (Самоѣды?): *Пемъ*, то-есть, лось (Григоровск., рукоп.).

Енисейскіе Остяки: *Форредя* (Третьяковъ вь Зап. И. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415); ср. съ юрацкимъ парьдина, „медвѣдъ“ (ibid., 298) и съ самоѣдскимъ *pord*, „лось“.

Юраки: *Som*, *S'om* (Castren, Wört. a. d. Samoied. Spr., 203).

Самоѣды Березовскіе: *Som* или *Siw-numgy*; послѣднее значить „семь звѣздъ“ (A. Schrenck, Reise, II, 278).

Котовцы: *Acanse*, то-есть, лось. Castren, Versuch e. Jen.-Ostj. und Kot. Spr., 233.

Васюганскіе Остяки: *Нель*, то-есть, лось. Каждой отдѣльной звѣздѣ созвѣздія дается особое значеніе; первая звѣзда называется пунукъ, „голова“; вторая и третья называются вмѣстѣ: ка-семь, „два глаза“; четвертая и пятая: ва-веть, „двѣ руки“, шестая и седьмая: ка-куръ, „двѣ ноги“. У Остяковъ для отличія переднихъ и заднихъ ногъ, какъ у лоса, такъ и у всѣхъ другихъ животныхъ, употребляются выраженія „руки“ для переднихъ конечностей и „ноги“ только для заднихъ. Б. Медвѣдица имѣетъ для Васюганскихъ Остяковъ большое значеніе; ночью она служитъ для нихъ путеводителемъ; ее, слѣдовательно, было бы приличнѣе, чѣмъ другое созвѣздіе, назвать остяцкимъ Меркуриемъ, то-есть, „богомъ дорогъ“ и „возажомъ путниковъ“. По ней же они судятъ и о перемѣнѣ погоды; если семь звѣздъ ея кажутся имъ какъ бы сближенными, они говорятъ: „Лось сжался вь кучу“ и ожидаютъ большихъ морозовъ; если, напротивъ, созвѣздіе какъ будто раздалось и промежутки между звѣздами увеличились, они говорятъ: „Лось растанулся“ и вѣрятъ, что будетъ впереди тепло или буранъ (Займствовано изъ рукоп. сообщ. свящ. П. Краснова).

Коряки по Крашенинникову (Опис. Камч., II, 22): *Елус-Кымтъ*, чѣдъ

Кращенинниковъ перевелъ „дикий олень“; въ спискѣ же коряцкихъ словъ (ibid., 160) каннга, „медвѣдь“. Чукчи, по словамъ г. Нордквиста, даютъ имя *Utkan* отъ *utki*, „бѣлый медвѣдь“, не Б. Медвѣдницъ, а созвѣдью Кассіопея, которое имѣетъ еще и другое имя: *Mel'utankin*, производное отъ *mél'otadlin*, „заяцъ“. Вообще, говоритъ Нордквистъ, Чукчи заимствуютъ имена для звѣздъ изъ міра животныхъ. (Nordguist, *Bidrag till kändedomen on tschuoktscherna*, 32).

Черемисы: *Шордо*, то-есть, „лосъ“ (записано мною въ дер. Бимы. Елаб. у. Вятск. губ.) или *Шордо-шюдырь*, „лосъ звѣзда“. Черемисы въ этомъ созвѣдїи видятъ лося съ четырьмя дѣтенышами и охотника съ собакой; послѣдніе осуждены вѣчно кружиться по небу за то, что они умертвили первыхъ, то-есть, молодыхъ лосей съ маткою (чего не слѣдовало бы имъ дѣлать). Относительно Б. Медвѣдницы существуетъ скороговорка: *шордо шюдырь шымъ гана савралтѣн каласан гын суап лѣшь*, „если я произнесу семь разъ; *семь лосыкъ звѣздѣ* (не перевода духа), то (за это) получу благодареніе (свыше) (Записано въ Бирскѣ учителемъ Дм. Аптріевымъ).

Вотяки: *Джескъ-хукъ*, „ножка стола“ (Запис. мною въ Елаб. у. Вятск. губ.) Ср. съ монгольск. именемъ ководаю: *чогчогъ*; въ монгольск. сказанїяхъ встрѣчается миенческая птица Цакцагай (Алтанъ-Тобчи, стр. 22).

Мордва-эря: *Нешке-назын-овто*, то-есть, медвѣдь бога Нешке; Нешке — богъ, управляющій среднимъ пчельникомъ, то-есть, міромъ и богъ настоящихъ пчель; онъ ѣздитъ на медвѣдѣ, большемъ любителѣ меда (сообщ. В. Н. Майновымъ). Мною записано отъ Мордвина Сергачск. у. Нижегород. губ. названіе Б. Медвѣдницы: *Бурсякъ-паркъсть*; *бурся* — „кормысло“, изъ чего можно думать, что это, можетъ быть, Орїонъ; впрочемъ, есть другими записанныя имена и для Б. Медвѣдницы съ значеніемъ кормысла.

Мордва-Мокша: *Офта*, то-есть, „медвѣдь“ того же бога Нешке, по сообщ. В. Н. Майнова. Мною записано отъ одного мокшинскаго Мордвина: *Нилъ-таштъ*. „четыре звѣзды“.

Финны балтійскіе: *Otäva*. Castren's, *Finn. Myth.*, s. 54, 58. Не будетъ ли полная форма *Otävan*, по сравненію финнскаго *Kalewa* съ русскимъ *Кольванъ*?

Эсты: *Rootsi-kabu* „шведскій быкъ“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Эсты зовутъ ее *Wana wanker* „старая телега“. *Melang russ.*, 2, 1851—1855, p. 416.

Латыши Вивдавск. у. (по словамъ моего спутника по Монголіи П. Д. Орлова, уроженца того уѣзда): *Кривораттъ*, „косая телега“.

Венгры: *Konkol*. Ср. съ тунгусск. гонглей, „лосъ“.

На евриискомъ нарѣчїи на Кавказѣ: *Йеддйаргъ*; записано отъ миллионера лезгина въ Тифлисѣ. Вѣроятно татарское личное имя Джетыгеръ или Едигеръ было однимъ изъ именъ Б. Медвѣдницы. Ср. тунгусское Этыгеръ, мѣлическїй амѣй (Зап. Р. Географ. Общ. по общ. геогр., I, 419); Агаръ-Мангысь, многоголовое чудовище, стр. 454; Хотгоръ-хара-мангысь, стр. 385, а также чигуръ, зегхеръ, хоткоръ—чортъ по монгольски. Въ уйгурскомъ *atkir*, чудовище (*Vambery, Die primit. Cult.*, стр. 185).

На тадышскомъ нарѣчїи: *Хастъ-Боа* (сообщ. г. Габергорнъ).

Кабардинцы: *Вагозашибль*, „звѣзды семь братьевъ“ (ваго—„звѣзда“). Надъ второй звѣздой справа находится маленькая звѣзда; это: *Вагозашибль я камыръ*, канъ (воспитанникъ, прїемышъ) семи братьевъ. Одинъ князь отправилъ своего ребенка въ „канъ“ къ семи братьямъ; въ то время, какъ его везли къ аталыкамъ, Плеяды, Вагоба, напали и хотѣли убить ребенка; но семь братьевъ подоспѣли и спасли мальчика (сообщ. Кабардинцемъ г. Хатановымъ). Ср. съ вступительнымъ разказомъ въ романѣ о семи мудрецахъ.

Лаки на Кавказѣ: *Аруль-уку*, „семь козъ“. (Усларъ, Авб. Лакск. яз.).

Аварцы: *Уарани тиоби* „верблюжья звѣзды“ (Сообщ. Д. Н. Анучинъ). У Услара верблюдъ по аварски: варани.

Ингуши: *Уоръ-вожъ* „семь братьевъ“ (записано мною отъ Ингушамиллионера въ Тифлисѣ). Казикумыки также зовутъ Б. Медвѣдцу семью братьями, по сообщенію г. Анучина; вѣроятно, есть-какая нибудь легенда.

Осетины: *Ладзартъ* (мн. ч.), „простаки“, а также *Фысыммъ цъуджитъ*, то-есть, „идущіе на ночлегъ“ (сообщ. В. О. Миллеромъ). По другому показанію, записанному для насъ г. Вороновымъ отъ Осетиновъ Гивельскаго и Шанаевскаго селеній, *Авд-хои*, „семь сестеръ“; при этомъ Осетины сообщили повѣрье, что одна изъ сестеръ поглѣдѣла (см. ниже о Плеядахъ и въ сказкѣ № 186 объ онѣмѣвшей женѣ, стр. 639).

Армяне въ Θεодосїи (въ Крыму): *Огтну агтаръ*, „семь братьевъ“.

Новогреческое названіе: „*Астров тѣс Траμουτάνας* (сообщ. И. Г. Троицкїй). Арабское названіе Б. Медвѣдцы *Dubb*, „медвѣдь“, Пяте приписываетъ заимствованію у Грековъ, то-есть, считаетъ его за переводъ древне-греческаго: *Ἄρκτος*. Впрочемъ уже у Халдеевъ по Гезихію оно называлось *Δαβουλή*, что Ленорманъ ставитъ въ связь съ семитическимъ названіемъ медвѣдя, *dubb* (*Lenormant, Langue primitive et les idiomes touraniens, Paris, 1875, p. 345*).

Русскія областныя: *Возниа*, Курск. губ. (Оп. обл. сл.); *Коромыслъ* Оренб. г. (*ibid.*); *Лоса*, Олон. г. (*ibid.*); *Лосъ*, Нижегород., Иркутск. (*ibid.*); *Сажары* Тульск. (*ibid.*); *Возъ*, южнорусское. Въ одномъ заговорѣ „быкъ-третьякъ смотрится въ небесную высоту на луну и колесницу“ (Зап. Имп. Р. Геогр. общ. по этн., IV, 473). *Медвѣжатники* въ Новг. губ., въ дер. Запальники; здѣсь же записано о созвѣздіи слѣдующее преданіе: „Змѣи слѣпы, и вотъ по какому случаю они стали такими. Жилъ нѣкогда одинъ царь; онъ былъ добродѣтельный, и при немъ подданнымъ его было хорошо; онъ имѣлъ семь сыновей и восемь дочерей и самъ пахалъ землю. Однажды, когда онъ былъ на полевой работѣ и легъ съ дѣтьми спать, во время сна змѣя высосала кровь изъ его дѣтей. Проснувшись и увидѣвъ своихъ дѣтей мертвыми, царь обратился къ Богу съ жалобой: „За что же мнѣ такое горе? Развѣ я не старался о благѣ своихъ подданныхъ?“ Богъ отвѣчалъ: „Это я попустилъ для твоего же прославленія. Отнынѣ ты будешь ходить солнцемъ и грѣть землю и людей, семь сыновей твоихъ стануть Б. Медвѣдцей и будутъ

свѣтитъ ночами, когда ты будешь отдыхать!" Змѣю же за это Богъ сдѣлалъ "слѣпою" (запис. г-жею Наумовой).

У Вамбери (Die primitive Cultur des turko-tatar. Volkes, Leipz., 1879, S. 154) приводятся по видимому киргизскія, а можетъ быть туркестанскія названія: Бол. Медвѣдицы — *jetî karakci*, двухъ звѣздъ, находящихся между нею и полярной звѣздой *kök-bogat* и *ak-bogat* и трехъ звѣздъ, лежащихъ между этими послѣдними и полярной звѣздой *arkan jolduz*, то-есть, канатъ-звѣзда. Карагчи киргизское „разбойникъ“ ср. съ самоѣдскимъ *харакси*, idem (Кушелевскій, Земля Ялмалъ, С.-Пб., 1868, стр. 152). Въ самоѣдскихъ словаряхъ Кастрена этого слова нѣтъ. Въ шорской сказкѣ упоминается Очи-Каракишия, дѣвица, у которой семь братьевъ, Radlof, Prob., I, 421) Ср. монгольское Хурюшуть, семь или девять дѣвицъ (см. стр. 104). Въ барабинской сказкѣ (Radl., Prob., IV, s. 93) Алтайнъ Сайнъ-Суме, достаетъ для хана семь сивыхъ лошадей Пурюкше (пурюкшенинг джиди ак пос ады). Керекшинъ по алт. козуля (Грамм. алт. яз., с. 208).

2) Къ стр. 136. Въ Очеркахъ, II, стр. 125, было приведено урянхайское имя-Джиды-Урганъ, которое есть, конечно, то же, что Джеды-бурханъ или Джиты-Пурганъ настоящаго выпуска (стр. 136). Вамбери, встрѣтивъ въ одномъ уйгурскомъ сочиненіи выраженіе иты-эрянъ (*erkian*), перевелъ его: „семь планетъ“, хотя самъ сознается въ примѣчаніи, что *erkian*, „столбъ“, „подпорка“ не совсѣмъ приличный эпитетъ для планетъ (*Zeitschr. d. Deut. Morg. Gesell.*, V. XXI, N. IV, s. 646). Это Иты-Эрянъ, вѣроятно, есть не семь планетъ, а Б. Медвѣдица, урянхайское Джиды-Урганъ.

3) Къ стр. 136. Бурятское Дожонъ-Кубынъ, можетъ быть, не монгольское „семь смыной“, а якутское „семь лебедей“ отъ хуба, „лебедь“.

4) Къ стр. 136. Бурятскій эпитетъ убугунъ, „старикъ“ напоминаетъ классическіе эпитеты *senex*, *ὁ ἀρχαῖος*, которые придавались богу Сатурну, а также звѣздѣ Сатурну, а въ семитическомъ Балу (*Bel*), котораго отождествляютъ съ Сатурномъ (*Chwolohn, Die Ssabier und der Ssabismus, St.-Pet., 1856, II, 275*). Не перенесены ли эти имена на планету съ Б. Медвѣдицы? Культъ семи планетъ долженъ былъ явиться только впоследствии, когда планеты были наблюдениемъ выдѣлены изъ неподвижныхъ звѣздъ; до этого же открытія подъ „семью звѣздами“ или „семью богами“ первобытные дикари могли разумѣть Б. Медвѣдицу.

5) Къ стр. 136. И Пикте (*Ad. Pictet, Les origines indo-européennes ou les Aryas primitifs, essai de paleontologie linguistique, Paris, 1859, t. II, p. 581*), и Максъ-Миллеръ отвергаютъ мысль, что Б. Медвѣдица съ самаго начала называлась медвѣдемъ. Пикте говоритъ, что Б. Медвѣдица въ Ригведѣ называлась *gkshâs* „звѣзды“ или „медвѣди“, потому что *gkshâ* значить и звѣзда и медвѣдь вмѣстѣ; онъ думаетъ, что значеніе „звѣзда“ древнѣе, потому что слово стоитъ во множ. числѣ, и что если въ созвѣздіи можно еще видѣть грубое сходство съ однимъ медвѣдемъ, то никакъ невозможно видѣть въ немъ нѣсколькихъ медвѣдей; *gkshas* значило сперва „звѣзды“ и только вслѣдствіе какой-то путаницы приняло значеніе „медвѣдя“, которое и рас-

пространилось на западѣ. Максъ Миллеръ также не соглашается съ тѣмъ, чтобы человѣкъ далъ созвѣдiю имя по звѣрю; сходство съ телегой онъ еще допускаетъ, но сходства созвѣдiя съ медвѣдемъ, по его мнѣнiю, не могъ видѣть человѣкъ; Максъ Миллеръ (*Lectures on the sciences of the language*, зѣг. II, р. 359) объясняетъ греческое названiе созвѣдiя „Арктос“ слѣдующимъ образомъ: отъ санскритскаго корня *agsh*, „быть свѣтлымъ“ произошли формы *agkah*, „солнце“, *giksha*, „свѣтлая звѣзда“. Въ этомъ смыслѣ *giksha* ведійскими поэтами придавалось Б. Медвѣдицѣ; то же имя *giksha* придавалось и медвѣдю или за блескъ глазъ, говоритъ Максъ Миллеръ, — или за блескъ шерсти. Этимологическое значенiе *giksha* въ смыслѣ свѣтлыхъ звѣздъ впоследствии было забыто, *giksha* въ значенiи „медвѣдь“ сохранилось и было извѣстно всякому. Отъ того же корня *agsh* произошло и греческое *Arctos*. Когда Греки оставили свое центральное отечество и осѣли въ Европѣ, они сохранили имя *Arctos* для семи сѣверныхъ звѣздъ, но не зная, почему эти звѣзды въ началѣ получили это имя, они перестали говорить объ нихъ, какъ объ *arctoi* или о многихъ медвѣдахъ, но говорили объ нихъ, какъ о Медвѣдѣхъ.

Это мнѣнiе Макса Миллера падаетъ передъ фактами, заключающимися въ нашемъ спискѣ именъ Б. Медвѣдицы. Изъ этого списка видно, что многiе сѣверные народы даютъ Б. Медвѣдицѣ имя, если не медвѣдя, то все-таки животнаго; Остяки, низовскiе инородцы Нарымскаго края, васюганскiе инородцы, Енисейскiе Остяки, Тумгусы, Черемисы называютъ его именемъ, которое въ переводѣ означаетъ „лось“; русское областное названiе его на сѣверѣ и въ Сибири также Лось; на языкѣ Мордвы оно называется медвѣдемъ. Объяснять это заимствованiемъ отъ Арийцевъ, какъ это дѣлаетъ Пикте (I. с., р. 581) относительно арабскаго названiя Б. Медвѣдицы *Dubb*, „медвѣдь“, едва ли возможно. Вполнѣ соглашаясь съ Пикте и Максамъ Миллеромъ, что названiе созвѣдiя не могло явиться изъ сопоставленiя его очертанiя съ фигурой звѣря, мы полагаемъ однако, что нужно придумать новое объясненiе, почему звѣриное имя стало именемъ созвѣдiя. Наша мысль останавливается на такомъ объясненiи: и у Арийцевъ, и у не Арийцевъ существовали общiя мнѣологическiя представленiя о солнцѣ, грозовомъ явленiи, периодическихъ явленiяхъ въ жизни звѣрей и планеты вообще и о центральномъ созвѣздiи неба. И Ариець и сѣверный Азиатець наименовали созвѣздiе именемъ громовника, такъ какъ оно занимаетъ самое высокое мѣсто въ небѣ, громовникъ же первобытному человѣку могъ представляться въ животной формѣ: медвѣдя, волка (енисейскiе Остяки и теперь представляютъ своего громовника Уца въ видѣ волка; см. у Третьякова въ Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 414), верблюда, лошади, коровы, слона, можетъ быть и лося у сѣверныхъ дикарей; отсюда и у тѣхъ, и у другихъ созвѣздiе носитъ звѣриное имя. Только впоследствии человѣческое воображенiе стало представлять громовника въ видѣ человѣка, сидящаго на животномъ, а еще позднее въ колесницѣ или телегѣ.

Оба животныя, медвѣдь и лось, замѣчательны по своей величинѣ, силѣ своихъ мускуловъ и силѣ голосоваго органа; поэтому неудивительно, если окажется смѣшеніе какъ въ именахъ ихъ, такъ и въ повѣрьяхъ объ нихъ; ср. бого, „медвѣдь“ по самоѣдски (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр. II, стр. 298), и богу, бугу олень по монгольски, алтайски и киргизски; гуресу животное вообще и въ частности олень или антилопа по монгольски, карагурсу, „медвѣдь“ по-монгольски. Ср. также латышское *lazis*, „медвѣдь“ и русское лошанить, „разрѣшаться отъ бремени“; говорится только о медвѣдицѣ (Нижегор. Сборн., V, 309). На такое же смѣшеніе названій медвѣдя и лося указываетъ Гриммъ въ нѣмецкомъ (цитировано Максомъ Миллеромъ въ Lect. on the sc. of lang., II, стр. 361). Отъ Русскихъ въ долинѣ Тунки (Иркутск. губ.), я записалъ повѣрье о томъ, что медвѣдь грызеть осину во время течи, чтобъ усилить свою похотливость; у Монголовъ же обыкновеніе отыскивать похотливую траву (*Brunst-krant*) приписывается лосю. Въ однихъ вариантахъ сказаній или повѣрій открытіе цѣлебной силы растений или минеральныхъ источниковъ приписывается медвѣдю (см. Анненкова, Бот. Слов., стр. 241); въ другихъ, какъ напримѣръ, открытіе Эмарскихъ водъ въ Забайкальи, приписывается оленю.

У Татарскихъ племенъ очень распространена одна форма: Итыганъ, Джитыханъ, Джитыганъ, Тъедыганъ, Джидганъ, Джедпганъ или Жидитганъ, Четегенъ, Этегенъ, Едиханъ, Джетымень, Джетегей (стр. 136, 137 и 711, Очер., II, 125). Если къ этимъ именамъ присоединить еще карагасское Тъедыгаръ, кюринское на Кавказѣ Йедійаръ, тангу-урянской Джиды-урганъ и киргизское Джеты-караше, въ которыхъ заключается тотъ же первый членъ, что и въ выше приведенныхъ названіяхъ, то районъ этой формы станетъ довольно обширнымъ; онъ охватываетъ Татарскія племена отъ восточнаго Саяна и восточнаго конца Тянь-Шаня до Камы, Волги и южнаго берега Крыма. Название Итыганъ, Едиханъ самъ народъ переводить иногда „семь царей“; киргизское Джеты-караше значить „семь воровъ“. Какъ ни проста эта этимология, я позволю себѣ предложить вмѣсто нея другую. Одно изъ именъ медвѣдя въ монгольскомъ языкѣ, утыганъ, довольно близко къ татарскимъ именамъ Б. Медвѣдица; въ виду того, что на многихъ другихъ языкахъ Большая Медвѣдица носитъ имя крупнаго звѣря, а на нѣкоторыхъ и прямо называется медвѣдемъ, можно полагать, что имена Итыганъ, Джетыганъ, Едиханъ, Жидиганъ суть только варіаціи монгольскаго утыганъ и всѣ означаютъ медвѣдь. Слово утыганъ состоитъ изъ корня уты и окончанія ганъ.

Для сравненія съ корнемъ уты, приводимъ слѣдующія названія звѣрей: ит, ит, гит — собака, по татарски, киргизски и урянхайски; йнда, id., по чувашски (Золотн., Чув. сл., 15); уту выдра по якутски (Pall. Zoogr., I, 77), тегъ, id., по остяко-самоѣдски (Третьяковъ, Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. по общ. географ., II), тоет, id., Нарыскіе Остяки (Pall Zoogr., I, 77), tjaedt, id., камассин. (ibid.), taedt, id., койбах. (ibid.), thitau, id., аринск., (ibid.); kutu, медвѣдь, по тунгусски (Mel. asiaticq., tirés du bull. d. Ac. d. sc. d. St. Ptb., t. VIII. 1877, стр. 373). Не отсюда ли русское кить (въ простонародномъ

иногда рыба-титъ)? Та же замѣна инициаловъ дж, т, замѣчается и въ названіяхъ Б. Медвѣдицы: Итыганъ, Джетыганъ, Тидыганъ. Въ книжныхъ сказаніяхъ Востока встрѣчаются собственныя имена Дидэуганъ (Васильевъ, Ист. древн. вост. Азіи, въ Зап. Имп. Археолог. Общ., XIII, 32), Тодоянъ (Труды Пек. дух. мисс., IV, 37), Кэтуганъ (Васильевъ, Ист. и древн. вост. Азіи, въ Зап. Имп. Археол. Общ., XIII, 10). Суффиксъ ганъ встрѣчается и въ другихъ звѣриныхъ монгольскихъ именахъ, наприм. тарбаганъ, „сурокъ“; шиндаганъ, „заяцъ“; въ другихъ языкахъ: мундуканъ, „заяцъ“ по тунгусски, гѣрмахонъ, „заяцъ“ по ходженски (Брылкинъ въ Путеш. по Уссури Маана, т. I, стр. 12), кучигень—сѣноставка, по алтайски.

Названіе „итыганъ“ (утыганъ) созвѣдіе могло получить еще тогда, когда человекъ не придумалъ еще особаго термина для цифры семь и только уже впоследствии, привыкнувъ къ виду созвѣдія, состоящаго изъ семи звѣздъ, онъ сталъ обозначать число семь тѣмъ же словомъ, которымъ звалъ и это созвѣдіе. Подобно тому, какъ для обозначенія числа пять онъ заимствовалъ имя руки, такъ и для числа семь онъ могъ искать выраженіе между именами предметовъ природы, особенно между устойчивыми группами звѣздъ на небѣ; здѣсь мы находимъ двѣ рѣзко выраженныя группы: семь звѣздъ Больш. Медвѣдицы и три звѣзды въ поясѣ Оріона; гдѣ было найдти дикарю другой равносильный фактъ въ окружающей природѣ, который послужилъ бы ему для образованія именъ чиселъ семи и трехъ?

Если наше предположеніе, что имя созвѣдія Джетыганъ древнѣе образованія слова джеты, „семь“, вѣрно, то и въ Джеты-каракше, киргизскомъ названіи того же созвѣдія, слѣдуетъ видѣть не тотъ смыслъ, который ему придаютъ сами Киргизы (семь воровъ), а иной. По киргизски, каракше значить воръ, и дѣйствительно, какъ у пихъ, такъ и у другихъ народовъ, какъ увидимъ ниже, Б. Медвѣдица представляется воровъ, разбойникомъ или похитителемъ; можно было бы думать и такъ, что названіе „семь воровъ“ явилось уже вслѣдъ за легендой. Но у Алтайцевъ каракше значить „красавица“; далѣе—у Шорцевъ есть сказаніе (Radloff, Proben, I, 411), хотя и не относимое прямо къ занимающему насъ созвѣдію, о красавицѣ Очи-каракше, у которой есть семь братьевъ. Можно помирить это разногласіе, измѣнивъ послѣдовательность въ исторіи мѣта въ такомъ родѣ: сначала дикарь далъ созвѣдію имя, потомъ сочинилъ о немъ легенду; въ одномъ вариантѣ легенды оно представлялось похитителемъ красавицы, въ другомъ—самой красавицей. Затѣмъ, дикарь собственное имя изъ легенды обратилъ въ нарицательное, вродѣ того, какъ и теперь еще имена лицъ изъ литературныхъ произведеній превращаются нами въ родовыя, какъ напримѣръ, мольтеровъ Тартюфъ. Подобное обыкновеніе можно указать и у полудицилизованныхъ націй. Часто встрѣчающееся въ нартовскихъ сказаніяхъ сѣвернаго Кавказа имя Сирдона, который представляется плутомъ большой руки, сдѣлалось у Осетинъ нарицательнымъ для плута, хитраго человека (Шифнеръ, Осетин. тексты, въ Записк. Имп. Ак. Н., т. XIV, кн. II, 1869, стр. 54). То же самое, вѣроятно, дѣлалъ и дикарь; легенды о Медвѣдицѣ рассказы—

вались различныя; одинъ народъ называлъ ее Каракше и разказывалъ о ней, какъ о ворѣ; другой то же звалъ ее Каракше, но говорилъ, что это необыкновенная красавица; первый потомъ сталъ употреблять слово каракше, какъ прозвище для замѣчательнаго вора, второй—то же слово для обозначенія замѣчательной красавицы. Съ послѣднимъ случаемъ совпадаетъ греческое названіе Б. Медвѣдицы *Kallisto*, которое также значитъ „красивая“; обыкновенно принято думать, что здѣсь эпитетъ *kallisto* обратился въ собственное имя. Не было ли здѣсь обратной послѣдовательности? Въ одной русской сказкѣ безымянный богатырь добываетъ предварительно невѣсту своему другу Ивану Бѣлому, а потомъ самъ женится на дѣвицѣ Семи-красѣ (Тихонравовъ, Лѣт. русск. лит., V, 15); о похищеніи дѣвицы Насти-Самоврасти см. Труд. этн. эксп. въ Зап. Русск. край, т. II, стр. 39. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ Лаваревичѣ, князь Иванъ русскій богатырь побилъ рать Θεодула царя Змія, добываясь его дочери Кондурин (Пам. стар. русск. лит., в. II, стр. XVI); гондырь—медвѣдь по вотапки. Θεодула г. Стасовъ обливается съ качинскимъ Джедай-ханомъ (о тождествѣ послѣдняго съ Медвѣдицей, см. Очерки, II, въ гл. I прим. 27).

По видимому, и монгольское хуа или гоа, „красавица“, въ какой-то связи съ названіемъ Б. Медвѣдицы. Это слово, какъ второй членъ, входитъ въ имя Бодонджаровой матери Алань-гоа или Алань-гова; въ сказкахъ сибирскихъ Татаръ встрѣчаются женскія лица, въ именахъ которыхъ вторымъ членомъ стоитъ ко, въ другихъ—вога (Radloff, Proben, s. 386: Агтыланъ-Ко; 698: Еджень-Ко; 577: Ала-во; IV, s. 33: Тебене-вога); очевидно, эти еще нынѣ живущія въ народѣ ко и вога то же, что книжное гоа или хуа. Что же касается до вога, оно почти тождественно съ бурятскимъ хого, „лань“, „моралуха“; это тѣмъ болѣе интересно, что начало родословной у Бодонджаровой матери есть не что иное, какъ только варіація сказанія о волкѣ и лани. Одно изъ бурятскихъ названій Б. Медвѣдицы Долонъ-хого, то-есть, семь ланей. Не есть ли это только варіація имени Алань-гоа?

Признавая, что первоначальное значеніе слова каракше не было ни воръ, ни красавица, мы должны указать, какой же оно имѣло другой смыслъ. Приведенныя выше названія созвѣздія, заимствованныя отъ звѣрей, и предположеніе, что первобытное человѣчество сѣверной и средней Азіи сближало Б. Медвѣдицу, громовника и крупныхъ ревушихъ звѣрей, наводятъ на мысль, что и для этого имени объясненіе нужно искать въ животномъ мірѣ. Прежде всего нужно замѣтить, что окончаніе ше встрѣчается и въ другихъ названіяхъ; такъ есть Урманше, поколѣніе у Киргизовъ, Джеренше, герой одной киргизской сказки; тотъ же герой въ алтайскомъ вариантѣ называется уже просто Джерень (Radloff, Proben I, 197 и III, 201). Встрѣчаются и звѣринныя имена съ этимъ окончаніемъ, какъ напримѣръ, бурятское хурмуше, летучая мышь, алтайск. веревшинъ, козуля. Отбросивъ отъ каракше окончаніе ше, мы получаемъ форму карак. Медвѣдь по монгольски называется харагуресу, что собственно значитъ „черный звѣрь“. Можно

думать, что гуресу первоначально было именем самого медвѣдя и только потомъ сдѣлалось родовымъ; у Карагассовъ медвѣдь называется просто курсей; (Этн. сб., IV, 3). У Бурятъ монгольскому гуресу или гуресунъ вполне соответствуетъ гуругунъ; именемъ гуругунъ они зовутъ оленей, а для наименованія медвѣдя прибавляютъ хара; такимъ образомъ говорятъ: хара-гуругунъ. Монголы часто усѣкаютъ окончаніе сунъ и вмѣсто гуресунъ произносятъ гуресу, гурес; еслибы тотъ же обычай былъ прижъненъ къ бурятскому гуругунъ, мы имѣли бы форму гуруг, очень близкую къ каракъ; (ср. самоѣд. гарко, „медвѣдь“, Pall., Zoogr., I, 64; Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 289); намъ не удавалось слышать гуругунъ съ такимъ усѣченіемъ, но приходилось часто слышать аналогично кончающіяся слова: тарбаганъ, „сурокъ“, булыганъ, „соболь“ усѣченными такимъ образомъ: тарбыг, булыг.

Если эти соображенія вѣрны, то Джеты-каракше можно принять за парное тавтологическое имя медвѣдя въ родѣ самоѣдскаго haibide-sermik (Pallas, Zoogr., I, 64). Въ числѣ именъ повогнѣй средней Азіи есть Джеты-ру или Джеты-уругъ (у Киргизъ Малой орды); его переводятъ обыкновенно „семь родовъ“, но эта народная этимологія едва ли заслуживаетъ довѣрія. Г. Березинъ сближаетъ Джеты-уругъ съ Еди-урусъ, народностью или владѣніемъ, о которомъ упоминаетъ Рашидь-эддинъ въ своей „Исторіи Монголовъ“ (Зап. Имп. Археолог. Общ., т. XIV, стр. 270); этотъ Еди-урусъ (можно бы перевести „семь Русскихъ“) помѣщается Рашидь-эддиномъ въ вершиннахъ р. Енисея. Въ текстѣ у Рашидь-эддина стоитъ впрочемъ Еди-урунь, а Еди-урусъ есть уже форма, восстановленная г. Березиннымъ.

Уру по киргизски „воръ“. Семь воровъ по киргизски будетъ джеты уру. Такого названія Б. Медвѣдцы намъ самимъ не довелось услышать у Киргизъ (Казаковъ), но Англичанинъ Шау, путешествовавшій въ Кашгаръ, приводитъ киргизскія (казачьи) имена этого созвѣздія: yetti yulduz, „семь звѣздъ“ и yetti nghri, „семь воровъ“ (Zeitschr. d. Gesellsch. für Erdkunde zu Berlin, 1882, V. XVI, H. VI, s. 449).

Существованіе этихъ варіацій, къ которымъ можетъ быть позволено будетъ отнести и урянхайское джидекъ-гарса, „хорекъ“, подрываютъ народную этимологію киргизскаго названія Б. Медвѣдцы: „семь воровъ“. Ни первый членъ Джеты, ни второй Каракше, первоначально не значили, вѣроятно, того, что подъ ними разумѣтъ теперь народъ. Джеты не значило семь, а состоитъ въ связи съ уты, корнемъ, который входитъ въ составъ монгольскаго имени медвѣдь, утыганъ; каракше также не значило первоначально воръ, а по видимому, было именемъ медвѣдя. Относительно Джеты слѣдуетъ еще замѣтить, что этимъ именемъ называется въ настоящее время одно поколѣніе у Урянхайцевъ; имя это произносится различно: Джеты, Джоту, Зоту; въ другомъ мѣстѣ мы сводимъ это имя съ Додотъ, Дьлуда, Дада (стр. 668 и Оч., в. II, прим. 27 къ гл. I); трудно согласиться, чтобъ имя народа было создано изъ числа семь, или чтобъ для этого было взято слово, которое значило бы вонючій (джыды по алт. вонючій). Разум-

нѣе предположить, что Джеты, Дьяуда, Додо, Дада—варианці имени громовника и медвѣдя, являющихся въ народныхъ повѣрьяхъ родоначальниками, по которымъ и должны были назваться нисходящіе потомки; тривиальныя же значенія: семь, вонючій, суслигъ, хорекъ и проч. явились поздѣе и теперь затемняютъ истинный путь, которымъ шелъ человѣкъ, создавая имена поколѣній и народовъ.

Кажется, и монгольское названіе Б. Медвѣдицы, Долонъ бурханъ, „семь боговъ“, имѣло первоначально другое значеніе. Относительно слова „бурханъ“ см. прим. къ № 54. По видимому, членъ „бурханъ“ въ монгольскомъ имени Б. Медвѣдицы не всегда такъ произносился. На это намекаетъ имя въ одномъ сказаніи, записанномъ нами у Дюрбютовъ; сказаніе это есть вариантъ III-ей главы сборника Шиддикуръ въ переводѣ Гомбоева. Въ Шиддикуръ герой носить имя Масангъ, въ нашемъ вариантѣ (№ 35, вар. г. и д.) Амгнъ Цаганъ Бурекей или Бюрю. Въ обоихъ вариантахъ спускается на землю цѣпь, при помощи которой герой поднимается, но злая старуха разбиваетъ его палкой на семь частей; въ Шиддикуръ изъ семи кусковъ Масанга образовалось семь буддъ, въ нашемъ вариантѣ изъ семи частей Бурекея—семь звѣздъ Б. Медвѣдицы. Это свидѣтельствуетъ, что созвѣздіе носило нѣкогда имя Бурекей или Бюрю, которое, можетъ быть, есть только вариантъ слова „бурханъ“; ср. формы Тенгревей и Тенгри-ханъ; послѣдняя форма въ урянхайскомъ переходитъ въ Терханъ (Tängkägākai встрѣчается у Радлова, Проб., I, 424; полное его имя: Ханъ-Курбусту Тэнгэрэкэй Кѳджѳ Пурхонъ Пакши). Случалось намъ также слышать отъ Монголовъ, что Бурханъ-бакши въ настоящее время обращенъ въ одну изъ звѣздъ Б. Медвѣдицы. Здѣсь опять какъ будто слово „бурханъ“ увлекаетъ народную мысль къ сопоставленію сказанія съ сѣвернымъ созвѣздіемъ. Этою связью между мифическимъ образомъ Бурхана-бакши и созвѣздіемъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить, почему семь колдуновъ, у которыхъ учится царевичъ въ Шиддикуръ, состоятъ въ нашемъ вариантѣ подъ вѣдомствомъ Бурхана-бакши.

Въ монгольскихъ вариантахъ сказки о хитромъ ворѣ является имя Долонъ-дундышъ, „семь Дундышей“; по смыслу сказки это семь братьевъ; въ видѣ семи братьевъ представляется не рѣдко и Б. Медвѣдица; противникъ семи Дундышей, ловко ихъ обманывающій, называется Ганциментышъ; въ другихъ вариантахъ хитрый обманщикъ называется Хутелю; по своему мѣсту этотъ Хутелю не соотвѣтствуетъ семи братьямъ, и потому его имя нельзя бы, по видимому, сводить съ первымъ членомъ имени братьевъ—Долонъ, но въ одной урянхайской сказкѣ есть имя: Джеты-тасъ-куделю, буквально: семь плѣшивыхъ зятьевъ (стр. 345; ср. Radl., Proben, II, 466); едва ли однако тутъ куделю не есть собственное имя, и притомъ то же самое, что и Хутелю. Подобозвучными съ Хутелю или Куделю именами представляются: Атилъ или Идыль, названіе Волги у Татаръ и Калмыковъ; Ители, имя одного киргизскаго поколѣнія („Очерки“, II, 4); въ одной русской сказкѣ куческій сынъ идетъ учиться къ Идолу (Нар. Ск., изд.

Әрленвейномъ, стр. 32). Не были ли эти формы: вуделю, хутелю, джеты и долонъ именемъ созвѣдїа, прежде чѣмъ начать обозначать что-нибудь другое?

Татарское имя Б. Медвѣдицы Итыганъ ср. съ именами нѣкоторыхъ горъ въ центральной Азіи: Адыганъ (см. стр. 208); Идыге, гора въ Кыргызской степи подъ 49° с. ш. и 37° в. д.; Отханъ-тэнгри или Отханъ-хаирханъ, бѣлокъ подъ 47° с. ш. и 67° в. д.; послѣдній мы принимаемъ за Утевянъ-тэнгри Рашидъ-эдина. Переходъ формы Идыганъ или Адыганъ въ Отханъ возможенъ на основаніи перехода татарскаго к въ монгольское х (какъ въ словахъ: кара, хара, „черный“, казанъ, хясынъ, „котель“, Казавъ, Хасынъ, „Кыргызъ“ и пр.). Монголы, живущіе около бѣлка, толкують его имя: „младшій Хаирханъ“, такъ какъ отханъ по монгольски значить „младшій изъ братьевъ“. Другое названіе младшаго сына „езенъ“ также встрѣчается въ ряду миеологическихъ именъ: Езенъ-ханъ, Ессенъ-тайши, Богдо-эзенъ, Эженъ-ко и др. Въ одной статьѣ говорится, что сибирскіе шаманы призываютъ: „Отецъ лысое небо, младшій сынъ плѣшиваго неба, сдѣлайте меня богатымъ!“ (приб. къ Ж. М. Н. Пр., 1846, 55—56). Это призываніе, конечно, есть не что иное, какъ призываніе къ Буханоину, и фраза: „Отецъ лысое небо!“ есть переводъ монгольскаго имени Исыгы-маланъ-тэнгри (см. стр. 264). Вторая фраза, вѣроятно, должна быть восстановлена такъ: „Отханъ-маланъ тэнгри“, при чемъ Отханъ вѣроятно вовсе не младшій сынъ, а татарское Идыганъ, миеическое имя, придававшееся между прочимъ Б. Медвѣдицѣ. Имя Идыганъ могло придаваться къ высокимъ горамъ на томъ же основаніи, какъ въ монгольскомъ и урянхайскомъ придаются имена хаирханъ или кайраканъ (см. прим. къ стр. 139, а также стр. 128, гдѣ говорится о терминѣ ыдыкъ-тагъ), то-есть, вслѣдствіе того, что Итыганъ значило, вѣроятно, „громовникъ“. О горѣ Адыганъ или Эдиганъ существуетъ повѣрье, что на ней слышится какой-то таинственный звукъ (Миссіонеръ, 1876, № 5, стр. 38). На связь идей о громовникѣ и Б. Медвѣдицѣ, можетъ быть, указываютъ также слѣдующіе факты:

а) Въ русскихъ вариантахъ сказки о Бухтанѣ Бухтановичѣ (Аванас., Нар. Ск., в. 4, № 10) является Громъ-батько или царь-Огонь; въ аварской сказкѣ о Букучи-ханѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 2, стр. 45), которая есть вариантъ Бухтана, вмѣсто Грома-батьки стоитъ, „семь царей“, что имѣетъ видъ перевода татарскаго Джеты-ганъ.

б) Семь куколъ на плащѣ шамана называются Яжилганъ или Бурганъ-ганъ (стр. 51). Выраженіе: „ихъ такъ называютъ на небѣ“ можно понимать такъ: семь дѣвъ суть семь звѣздъ, видимыхъ на небѣ. Яжилганъ ср. съ тат. яшинъ, „молнія“, съ монгол. цзайлганъ, idem. Бурганъ ср. съ вторымъ членомъ монг. имени Б. Медвѣдицы: Долонъ-бурханъ.

в) Русская загадка: „что на свѣтѣ всего грознѣе?“ отгадывается: семь-десять семь громовъ (Садовниковъ, Загадки, № 2321). По бурятскому повѣрью, громъ производитъ Исыгы-маланъ-тэнгри, у котораго подъ вѣдомствомъ семь-десять семь тэнгри. Встрѣчается рядомъ съ представленіемъ о громѣ и другое число „девять“; гроза представляется въ видѣ девяти ангеловъ, гонящихъ змѣя

(Ж. М. Н. П., 1863, кн. 1); въ латышской пѣснѣ Перкуансу дается девять сыновей (Изв. Общ. любителей естеств., антр. этногр., т. XII; Труды этн. отд., кн. II, № 47). Жители Этрурии, по Плинію, удары молній приписывали девяти богамъ (Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythol., В. II, 94). По одной шведской хроникѣ образъ Тора имѣлъ въ рукѣ семь звѣздъ (Mannhardt, Germ. Myth., 142); ср. также мѣсто у того же автора о семи братьяхъ Biörn'ахъ (Germ. Myth., 123).

Оріонъ.

6) Къ стр. 137. Названіе этого важнаго созвѣздіа нашими собирателями этнографическихъ свѣденій и составителями словарей постоянно игнорируется. Его нѣтъ ни въ одномъ словарѣ сибирскихъ нарѣчій Кастрена, ни въ одномъ словарѣ горскихъ языковъ Услара.

Татары Елаб. и Мамад. уу. Вят. губ.: *Кіонто*, „коромысло“; *Кіонто-жондогъ*, „коромысло-звѣзда“.

Татары Мишарь Симб. губ.: *Квенде-бидбѣзъ*, „коромысло-звѣзда“.

Башкиры близъ Верхнеуральска: *Аръ-Кусакъ*.

Крымскіе Татары въ Алуштѣ: *Сабанъ-аягъ* (сообщ. г. А. Калачевымъ). Не происходятъ ли эти формы: *кіян-то*, *квен-де*, *сабан*, отъ встрѣчающихся въ монгольскихъ именахъ Оріона формъ Кобундей, Кобунъ?

Закавказскіе Турки: *Таразы*, „вѣсы“.

Чукчи поясъ Оріона называютъ *Раи* „китъ“ (Nordquist, Bidrag till kändaomen om tschouktschern, 32); для цѣлаго же созвѣздіа тотъ же авторъ даетъ чукотскія имена: *Akaru'tenne*, *Ru'tenne* (Vega expedit. Vetenskapliga iakttagelser, af Nordenskiöld, В. I, 397).

Камчадалы: *Укальтежидъ* (Крашенинниковъ, Опис. Камч., II, 22).

Коряки: *Юлтаутъ* (Ibid., 160).

Нарымскіе инородцы на средней Оби (Самоѣды?): *идень нагуръ газе понкъ* „три плавательныя сѣти“, которыми добываютъ рыбу, плавая (рукоп. сообщ. г. Григоровскаго).

Черемисы: *Битбара-шудуръ*, „коромысло-звѣзда“.

Чуваши: *Квенде-шилдыръ*.

Вотяки: *Тарази*, „вѣсы“.

Мордва обоихъ нарѣчій: *Пинэ*, собака, посвященная по мокшинскому преданію шайтану, который въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ является даже подъ ея формою; самъ онъ такой же творецъ, какъ и Шкай или Чимпазъ („богъ неба“ у Мокши и „богъ солнца“ у Эрзи) (сообщ. В. Н. Майновымъ).

Венгры: *Казалыду*. Ср. съ словацкимъ названіемъ того же созвѣздіа Koszi и русскимъ — Клячиги.

Аварцы на Кавказѣ: *Ритциль-утлалъ*, „три звѣзды ровно“ (звѣзда-тцуга, звѣзды-тцуби) (сообщ. Д. Н. Анучинимъ).

Ингуши: *Сатибоджилки*; боджилки — трехугольный чурекъ (хлѣбъ);

Сати—сказочная мудрая женщина, часто упоминаемая въ сказаніяхъ о нар-тахъ. Сати-боджилки будетъ значить: „чурекъ женщины Сати“ (запис. отъ Ингуша Сулеймана Бузуртанова въ Тифлисѣ). Г. Хатановъ сообщилъ намъ, что Кабардинцы знаютъ какое-то созвѣдіе: *Ваюлукумъ*; ваю „звѣзда“, лукумъ „четвероугольная лепешка“. Хагхасцы имѣютъ тамгу чондымынъ, состоящую изъ трехъ кружковъ (см. Очерки, II, табл. XXVI, фиг. 3); тѣмъ же именемъ чондымынъ они называютъ плитки сыра, имѣющія вѣншее очертаніе, сходное съ этой тамгой.

Кюринцы (ахтинцы): *Речеречаръ*.

Казы-кумыхи: *Хами-турши*, „вѣсы“ (?).

Кабардинцы: *Систляха*, „треногъ“ (сообщ. г. Хатановъ).

Осетины: *Ладзута* (мн. ч. отъ ладзга), „палки“; а также *Уастырджи-бѣхъ*, „конь св. Георгія“ (сообщ. Вс. Θ. Миллеромъ). *Уастыри бѣхъ*, трехногій „конь св. Георгія“ (записано отъ осетина Хонукова). По третьему показанію, *Уастыржи-сагсынъ*, „треногъ (пути, которыми соединяютъ три ноги коня) св. Георгія“. Уастырджи потерялъ треногъ; Богъ помѣстилъ этотъ треногъ на небѣ. По четвертому показанію, *Арта-хои*, „три сестры“, ищущія потеряннаго брата, Полярную звѣзду (запис. г. Вороновымъ отъ жителей селеній Гизельскаго и Шанаевскаго). Есть русскій народный разказъ о трехъ сестрахъ-вѣдьмахъ, которымъ послѣ смерти досталось весь вѣкъ горѣть на небѣ тремя звѣздами близъ Млечнаго пути; звѣзды эти называются „дѣвичьи зари“ (Ж. М. Н. Пр., 1863, июль, 21). Ладзга не значило ли посохъ, жезлъ въ родѣ бурятскаго харьбо, которыя также сливаются съ представленіемъ о конѣ (см. стр. 54)?

Уастырджи обыкновенно принимается за св. Георгія, какъ самими Осетинами, такъ и пишущими о нихъ, при чемъ послѣдніе считаютъ это имя за заимствованіе отъ христіанъ. Имя это разбивается на уас и тырджи, по другимъ произношеніямъ—тырги, кырги; однако уас не значитъ святой и переводится этимъ словомъ только потому, что оно и еще въ двухъ другихъ случаяхъ приставляется къ именамъ христіанскихъ именъ (Ильи и Николая). Кырги или Тырджи, кажется, принимается за искаженіе христіанскаго: Георгій. Не будетъ ли, однако, ближе къ истинѣ предположить въ Уастырджи языческое имя, имя, можетъ быть, какого-нибудь созвѣдья? Такъ какъ Оріонъ не есть самъ Уастырджи, а только конь его, то самого Уастырджи нужно искать въ другомъ какомъ-нибудь созвѣдья или въ другомъ свѣтилѣ. *Qrpur* кырги какая-то птица, какъ это слѣдуетъ изъ одного осетинскаго текста (см. у Шифнера, „Осет. тексты“, въ Зап. Ак. Н., т. XIV, ч. II, стр. 62); въ киргизскомъ кыргый, птица ястребиной породы.

Грузины: *Сасцари*, „вѣсы“.

Армяне въ Закавказьѣ: *Киеркъ*, „вѣсы“.

Ассоры (сирійскіе христіане съ оз. Ванъ, приходящіе въ Тифлисѣ): *Массетеръ*.

Греки въ Θεодосіи въ Крыму: *Триа дельфи*, „три брата“.

Русскія областныя: *Кичици*, Тоб. губ. Полясь въ созвѣдья Оріона: *Три*

царя, Камч., Оренб., Челябин. уу. (Оп. обл. сл.). Въ Елаб. у. въ деревнѣ Ананьевой я слышалъ названіе *Кашеговы зубы* (требуется повѣрки). Щаповъ (въ Ж. М. Н. Пр., 1863, июль, 2) приводитъ еще форму *Кичани*. Ср. съ башкирскимъ Арь-Кусагъ и урянхайскимъ Гокчу-мэргэнъ-ашьякъ (Оч., II, 124). Гокчу-мэргэнъ, можетъ быть, то же самое, что киргизскій легендарный Ерь-Гокчу (Оч., II, 158).

Нѣкоторые Сербы въ Колашинѣ зовутъ Оріона *Байрактарь*. Другіе же этимъ именемъ зовутъ комету, иначе называемую репата звѣзда; Гусиньцы также зовутъ ее *байракміа* (сооб. П. А. Ровинскій).

Церковнослав.: Кражилиа; см. Слов. Востокова. Ср. съ литовскимъ названіемъ Б. Медвѣдица *Grizulo rotas*, „колесница Гризула“.

7) Къ стр. 137. Большая часть домѣщенныхъ въ нашемъ текстѣ именъ Оріона означаетъ „три моралухи“ (три оленьихъ самки): учъ мыйгагъ, гурба маралъ или гурба сого. Поэтому очень вѣроятно, что и въ алтайскомъ Коголь-майманъ послѣдній членъ майманъ стоитъ въ связи съ хасутъ-урянхайскимъ маймай, сѣверный олень (рукоп. списокъ хасутскихъ словъ, сост. П. А. Гельмерсеномъ). Имя Майманъ придается также одному алтайскому поколѣнію, при чемъ произносится и Найманъ. Отсюда слѣдуетъ, что имя Найманъ можно производить не отъ одного монгольскаго „восемь“, какъ думалъ Банзаровъ (въ Библ. вост. истор., Березина, II, 27), но съ равнымъ правомъ и отъ звѣринаго имени.

8) Къ стр. 137. Треногій конь встрѣчается въ сказкахъ Крымскихъ Татаръ и Кавказскихъ горцевъ. На немъ ѣздитъ злой богатырь, похититель чужой жены вродѣ нашего Кощея. Въ одной крымской сказкѣ, которую приводимъ ниже, этотъ похититель на треногомъ конѣ называется Чернымъ Арабомъ. Въ чеченскихъ сказкахъ на треногомъ конѣ ѣздитъ одноглазый Ногай (Н. Семеновъ, Сказки и легенды Чеченцевъ, Владикавказъ, 1882, стр. 12—17). Въ нѣмецкихъ сказкахъ встрѣчается трехногій заяцъ или трехногій олень; въ послѣднемъ видѣ является иногда Люциферъ (Mannhard, Germ. Muth., 409, 411 и 412).

Отъ Крымскаго Татарина записана С. Б. Тумановымъ въ Феодосіи слѣдующая сказка о женитбѣ царскаго сына. У нѣкаго царя было три сына и три дочери. Умирая, отецъ оставилъ имъ такое завѣщаніе, чтобы дочерей выдавали замужъ за перваго сватающаго. За старшую дочь посватался левъ; старшіе братья не хотѣли за него выдавать, лишь меньшой братъ согласился и выдалъ; за вторую дочь посватался тигръ; старшіе братья опять не соглашаются, младшій одалъ; за третью сестру посватался Черный Воронъ, такой большой, что когда онъ летаетъ, бываетъ затменіе и чуть не землетрясеніе. Женясь на младшей сестрѣ, Черный Воронъ сказалъ, что онъ готовъ къ услугамъ трехъ братьевъ, въ особенности радъ служить младшему. Два старшіе брата находили удовольствіе внѣ дворца и въ сообществѣ съ другими, лишь одинъ младшій братъ часто засиживался у окна своего дворца и смотрѣлъ изъ него вдаль; вдали видѣлся колодезь, къ которому приходили за водой женщины. Разъ видитъ онъ, пришли три женщины съ

бурдюками за водой, и стали между собою разговаривать, оставивши бурдюки въ сторонѣ. Царскій сынъ выстрѣлилъ изъ лука и своею стрѣлой прострѣлилъ два бурдюка, которые принадлежали младшей изъ трехъ женщинъ; та обернулась, и увидавъ испорченныя ведра, хотѣла проклясть того, кто это сдѣлалъ, но старшія сестры ее остановили, и она успѣла только проговорить: „Да будетъ онъ мучиться любовью къ дочери солнца и луны!“ Послѣ этихъ словъ царскій сынъ тотчасъ же получилъ нестерпимую боль въ сердцѣ и заболѣлъ. Братья его не знали, что съ нимъ дѣлать; пригласили знаменитыхъ медиковъ, которые порѣшили, что больной влюбленъ, только не могли отгадать, въ кого. Больной непремѣнно хотѣлъ узнать, гдѣ живетъ солнцева дочь; онъ пошелъ къ женщинѣ, у которой разбилъ ведра, предложилъ ей вучу золота, чтобъ она сказала ему, гдѣ живетъ солнцева дочь. Женщина сказать не сказала, а только рукой махнула въ ту сторону, гдѣ та живетъ; золото тоже не взяла, а взяла только малость за бурдюки. Царевичъ отпрашивается у братьевъ въ походъ за своею невѣстой. Братья отпустили, даютъ ему золотую уадечку, алмазное сѣдло и лучшаго коня. Долго онъ ѣхалъ, наконецъ заѣхалъ въ большой городъ, гдѣ есть двухъэтажные дома, и зашелъ въ одинъ домъ. Тамъ жила старуха; она прала волну въ восемнадцать окъ сразу; на веретенѣ у нея былъ каменный жерновъ; она сильна, какъ богатырь. Старуха уговаривала царевича не оставаться у нея почевать, указывая на опасности; царевичъ все готовъ перенести; старуха говоритъ ему, что у нея собаки очень злы, что разъ, когда она во снѣ вытянулась, такъ что ноги ея высунулись изъ дому на дворъ, собаки ей обгрызли ноги; царевичъ предложилъ ей караулить собакъ по очереди. Переночевавши, царевичъ на утро увидѣлъ какое-то чудо: и на востокѣ солнце, и на западѣ солнце. Онъ спросилъ у старухи и та сказала: „Чудо есть Черный Воронъ, владѣтель всей здѣшней земли; онъ такой величины, что когда летаетъ, бываетъ затменіе; недавно онъ досталъ себѣ жену изъ царскаго дома“. „Это моя сестра!“ сказалъ царевичъ. „Нельзя ли тебѣ, добрая старуха, отправиться къ ней, попросить, чтобъ она повидалась со мной?“ „Ладно“, говоритъ старуха, — „есть только препятствіе; у него вмѣсто стражи сорокъ львовъ и сорокъ тигровъ по обѣимъ сторонамъ дороги расположены; прежде, чѣмъ дойти до его жены, надо имѣть сорокъ окъ мяса, чтобы бросить лъвамъ, и сорокъ окъ мяса, чтобы бросить тиграмъ; иначе они разорвутъ; а я женщина бѣдная, мнѣ не начто покупать мяса“. Царевичъ далъ старухѣ денегъ; она пошла къ мяснику и къ его удивленію купила у него восемьдесятъ окъ мяса. Взваливъ мясо на спину, пошла она во дворецъ Чернаго Ворона, бросая по оку мяса на право и на лѣво звѣрямъ; подходя къ дому, она замѣтила, что у нея не восемьдесятъ окъ мяса было, а только семьдесятъ девять; послѣднему звѣрю не достало и онъ выхватилъ око мяса у нея изъ ноги. Старуха стала хромать и хромая вошла въ спальню къ женѣ Чернаго Ворона. Сестра, услыхавъ отъ старухи, что братъ ея находится у старухи въ домѣ, очень обрадовалась и просила прислать его къ ней повидаться; старухѣ она выгнѣчила ногу, отнявъ мясо отъ ея ноги у лъва, бо-

торый еще не успѣлъ его проглотить; она приставила этотъ кусокъ къ ногѣ старухи и нога стала здоровой. Обратио старуха возвратилась безъ всякаго вреда, и передала приглашеніе царевичу; онъ тотчасъ же отправился къ сестрѣ; львы и тигры были смиры, такъ какъ имъ дано было приказаніе пропустить. Сестра обрадовалась брату, стали они разговаривать; вдругъ онъ увидалъ, что посуда, стоящая на одной сторонѣ полки, перешла на другую сторону, противоположную. Это былъ знакъ, что Черный Воронъ приближается. Сестра спрятала брата въ шкафъ. Сдѣлалось затменіе; является Черный Воронъ, обтирается (?) и становится красивымъ мужчиной; онъ говоритъ женѣ, что у нея кто-то есть, спрашиваетъ: „кто?“ и грозитъ убить. Она говоритъ: „А что если это мой старшій братъ?“ Воронъ говоритъ, что убилъ бы и его. „А если это средній братъ?“ „Средній еще хуже, я бы его растерзалъ!“ „Ну, а если это мой младшій братъ?“ „Ну, этому я былъ бы радъ!“ „Хорошо!“ сказала она и отворила шкафъ. Царевичъ вышелъ, поздоровался съ аятемъ и развазалъ ему о причинѣ своего путешествія. Тогда Черный Воронъ подумалъ и сказалъ: „Я не знаю, гдѣ живетъ дочь солнца и луны, но я созову всѣхъ своихъ подвластныхъ птицъ; авось кто нибудь изъ нихъ знаетъ!“ Сдѣлалъ кличъ и началъ созывать все пернатое царство. Къ нему на зовъ начали слетаться птицы въ такомъ множествѣ, что три дня солнца не было видно. Когда всѣ собрались, онъ спросилъ ихъ: „Не знаетъ ли кто, гдѣ живетъ дочь солнца?“ Всѣ покачали только головами; только одна птица отвѣтила, что онъ не всѣ еще собрались, что самихъ дальнихъ нѣтъ еще; можетъ быть онъ знаетъ? завтра и онъ должны быть. На другой день дѣйствительно явились отдаленныя птицы, но онъ то же не знали; сказали, что за ними еще птицы летятъ, можетъ быть онъ знаетъ. Къ обѣду прилетѣли птицы самыя дальнія; онъ то же не знали, но сказали, что за ними еще птица есть. Къ вечеру послѣдняя самая дальняя птица прилетѣла; она сказала, что она знаетъ, гдѣ живетъ дочь солнца, что она сосѣдка солнцевой дочери, но что птицамъ запрещено туда летать. Царевичъ просилъ ее хоть до ближайшаго мѣста довести, что онъ самъ найдетъ средство отправиться дальше. Птица велѣла ему взять на дорогу двухъ быковъ и двѣ бочки воды, такъ какъ мѣста, по которымъ она летаетъ, пустыни и безводны. Царевичъ сѣлъ съ своимъ конемъ на птицу и полетѣли. Прилетаютъ къ тому мѣсту, гдѣ она живетъ, къ ея дереву; тамъ высокій дубъ растетъ, на томъ дубу огромное гнѣздо, гдѣ ея дѣти пищать, ѣды просить. Вотъ когда ѣда вся кончилась, птица полетѣла за кормомъ, а царевичу поручила стеречь своихъ дѣтей. Жила эта птица 365 лѣтъ и всегда случалось такъ, что она улетала отъ дѣтей и, возвращаясь, уже не заставала ихъ въ живыхъ; въ ея отсутствіе кто-то пожиралъ ея дѣтей. Когда птица улетѣла, царевичъ увидалъ громадную змѣю, которая, обвившись вокругъ дерева, ползла къ птичьему гнѣзду. Царевичъ вынулъ свой мечъ, разрубилъ змѣю на много частей и отдалъ куски птенцамъ. Возвратясь, птица увидала своихъ дѣтей живыми; въ благодарность за это она проглатываетъ царевича живымъ; онъ въ ея желудкѣ сталъ на ноги и слышитъ ея го-

лось: „Я поѣла тебя, чтобы тебя усминовить, дать тебѣ возможность летать по поднебесью; отнынѣ ты мой сынъ и имѣешь способность летать“. Получивъ свободу, царевичъ полетѣлъ дальше къ царству солнца и луны. Прилетѣлъ и сѣлъ на крышу царскаго дома. Царь увидалъ птицу, поймалъ, ласкалъ, миловалъ и подарилъ своей дочери. Сорокъ дней она держала птицу въ клѣткѣ, наконецъ отворила дверцу и пустила птицу летать по комнатѣ; царевна спала въ той же комнатѣ. Разъ ночью царевичъ, вылетѣвъ изъ клѣтки, преобразился въ человѣка и выпилъ шербетъ, приготовленный для нея на ночь и снова птицей залѣзъ въ клѣтку. Царевна, проснувшись и не найдя шербета, повзала своихъ сорокъ служанокъ и стала допрашивать: „гдѣ шербетъ?“ Онѣ не знали и говорили только, что шербетъ былъ приготовленъ. На другую ночь поставили ей опять шербетъ, царевна притворилась спящей и увидала, что какой-то молодой человѣкъ пьетъ ея шербетъ; она открыла глаза и спросила его: „Ты какъ сюда попалъ?“ Онъ разказалъ ей всю правду. И за эту правду она предложила ему лечь съ нею въ постель. Долго продолжалась у нихъ эта любовь, наконецъ царевна упростила отца, чтобы онъ выдалъ ее за молодаго человѣка. Отецъ согласился и предложилъ ему царство послѣ своей смерти. Царевичъ объявилъ, что онъ соскучился по своей родинѣ, домой хочет ѣхать. Царь отпустилъ и далъ ему сорокъ верховыхъ лошадей и одну карету. Они поѣхали, на дорогѣ расположились отдохнуть, раскинули шатеръ; въ это время туманъ сильный палъ, прибылъ къ нимъ Черный Арабъ на треногой лошади, и повелительно закричалъ, чтобы царевна подала ему закурить трубку. Царевичъ сначала на это не соглашался, а потомъ сказалъ женѣ: „Возьми золотые щипцы и подай ему огня такъ, чтобы онъ тебя не видалъ“. Она такъ и сдѣлала, но Арабъ схватилъ ее за руку, привлекъ къ себѣ и усакаалъ; царевичъ за нимъ погнался и не могъ догнать. Тогда царевичъ опять пошелъ странствовать, опять пришелъ въ какой-то городъ, зашелъ въ домъ, гдѣ старуха прядетъ сразу 28 овъ пряжи; сила у нея необыкновенная и сердце доброе. Тутъ онъ увидалъ два солнца; старуха на его вопросъ отвѣчала, что въ ихъ сторонѣ есть чудо, Арабъ на треногой лошади, что недавно онъ укралъ у кого-то жену, которая его не любитъ. Царевичъ признался ей, что это у него онъ укралъ жену; старуха обѣщала ему помочь. Пошла старуха къ Арабу и говорить ему, что она волшебница, знаетъ, что его жена не любитъ его и можетъ вселить въ нее любовь къ нему. Арабъ обрадовался, отдалъ ей сорокъ ключей отъ сорока дверей, за которыми сидѣла его плѣнница. Какъ только старуха дошла до нея и разказала все, плѣнница согласилась бѣжать съ мужемъ. Они убѣжали. Приѣзжаетъ Арабъ домой, не найдя своей плѣнницы, обращается къ своему коню и говоритъ: „Теперь ли поѣхать за ними въ погоню или послѣ того, какъ ты нашьешься?“ Конь отвѣчалъ, что надо дать ему поѣсть и выспаться; что они и послѣ того бѣглецовъ могутъ догнать. Дѣйствительно на другой день Арабъ догоняетъ ихъ, рубитъ царевича на куски, складываетъ куски въ мѣшокъ, привязываетъ мѣшокъ къ коню царевича и отпускаетъ. Конь возвращается къ Черному Ворону, такъ какъ былъ

взять отъ него. Сестра узнала въ кускахъ мяса своего брата, печалится; тогда старуха, мать Чернаго Ворона, посылаетъ за тремя гранатами (гранатъ по татар. нарѣ) и губкой, обмакнутой въ сокъ гранатоваго дерева; старуха склеиваетъ сокомъ разрубленные куски мяса, а гранатами оживляетъ его. Оживши, царевичъ снова летитъ въ погоню за женой и снова прилетаетъ къ доброй старухѣ, опять объявляетъ ей о желаніи воротить жену. Старуха снова идетъ къ Черному Арабу съ предложеніемъ возбудить въ плѣнницѣ любовь къ нему. Арабъ далъ ей ключи и самъ куда-то уѣхалъ. Старуха, увидя царевну, рассказала ей, что ея мужъ здѣсь. Долго она не вѣрила, наконецъ, увидавъ его, повѣрила, но не рѣшилась опять бѣжать съ нимъ, чтобы не случилось опять того же. Она рѣшила вывѣдать у Араба хитростью силу его треногаго коня и притворилась, будто любитъ Араба. Увидя постель, посланную для нихъ обоихъ вмѣстѣ, Арабъ обрадовался и рассказалъ ей, что у него есть девять луговъ и девять косяковъ лошадей, что на девятомъ лугу есть кобылица, которая, если побѣжитъ на сѣверъ, значитъ будетъ рожать и если родить, то это будетъ конь самый быстрый; что во время ея родовъ приходятъ четыре волка требовать добычи; что разъ онъ отправился за такимъ быстрымъ конемъ, но у него не стало нищи для четвертаго волка, и потому четвертый волкъ схватилъ жеребенка за ногу; вотъ почему онъ и треногій; а можно и съ четырьмя ногами жеребенка получить отъ той же кобылицы. Царевна рассказала все это своему мужу; тотъ нашелъ кобылицу, подкараулил время родовъ, накормилъ всѣхъ четырехъ волковъ, взялъ жеребенка, да кстати взялъ и мать, жену посадилъ на кобылицу, самъ сѣлъ на жеребенка. И ускакали. Арабъ погнался за ними, но мать связала своему треногому сыну: „Довольно тебѣ служить злу, пора дѣлать добрыя дѣла!“ Тогда треногій конь сбросилъ Араба внизъ и онъ убилися.

Плеяды.

9) Къ стр. 137. Якуты: *Юргаль* (Порядиѣ, рус. якут. слов. Г. Порядокъ дѣлаетъ примѣчаніе: юргаль—продыравливать; юргаль саныѣ—многоголовчатый вередъ).

Татары Мишарь Симб. губ: *Илекъ-ондогъ*—„сито-звѣзда“. Карагассы: *Ыргаръ* (Этн. Сб., IV, 14).

Татары-горцы въ сѣверномъ Кавказѣ: *Лижерлеръ* (Сообщ. туземцемъ г. Саф. Урусбиевымъ); окончаніе леръ есть суффиксъ множ. числа; первую половину имени ср. съ осетинск. именемъ Б. Медвѣдицы Ладзартъ, гдѣ та также означаетъ множ. ч.

Крымскіе Татары (дер. Капсихоръ): *Улкэръ*.

Камчадалы: *Дожичъ* или *Иожичъ* (Крашенинниковъ, Опис. Камч., II, 22). Ср. Ыжыхъ, высшее божество у Гиляковъ, творецъ міра и виновникъ всякаго богатства (Древн. и Нов. Россія, 1881, февр., стр. 269).

Коряки: *Amàga* (Крашенин., Оп. Камч., II, 160).

Чукчи: *Uaetskatsop* (Vega-*expedit. vetenskapliga iakttagelser, af Norden-skiold*, B. I, 397).

Тунгусы на Алданѣ (Миддендорфъ въ *Castren, Tung. gramm.*, 129) и на Амурѣ (Герстфельдъ, *ibidem*): *Urgöl*.

Нарымскіе инородцы на Оби (Самоѣды?): *Нюнъ-олъ-имаркъ*, заячья голова (Сообщ. Н. П. Григоровскій).

Черемисы: *Шоктэ-шудуръ* (Записано въ с. Бямы Елаб. у. Вят. губ.).

Вотяки: *Шертужъ-кижсели*, то-есть, рѣшето-звѣзда; *Вальсиръ-кижсели* (Запис. въ Елабуж. у.).

Мордва на обонхъ нарѣчіяхъ *Веле*, что значитъ и рой, и деревня; на Веле живеть Нешкепазъ въ стеклянномъ дворцѣ, вѣрнѣе въ ледяномъ, такъ какъ „стеклянный“ и „ледяной“ звучатъ одинаково—*зи* (сообщ. В. Н. Майновымъ). Мною записано отъ Мордовки Мокши Пенз. губ. Чембарск. у.: *Сисэмъ-двистъ*, „семь звѣздъ“, и отъ Мордвина Эряя Сергачск. у. Нижегород. губ.: *Сисэмъ-озястъ*, „семь воробьевъ“.

Чуваши: *Умляръ* (Золотн., Чув. Слов., 161); *Ала-шильдыръ*. Лопари по Георги (Опис. нар., I, 4): *Теико*, коровье сердце.

Финны: *Seula*, сито. Венгры: *Fiasnyuk* (тычок—курница); *Heteveny*. Нетн, венг. „семь.“ Ср. съ татарскимъ названіемъ Больш. Медвѣдицы: Джедитенъ.

Кабардинцы: *Вагоба*, „многозвѣздіе“ (сообщ. г. Хатановъ).

Ингуши на Кавказѣ: *Чехтэръ*.

Аварцы на Кавказѣ: *Цалку*, сито (Усларъ, Аварск. азб., литогр.); *Тцаль-кади* отъ тцальку, „мѣшать тѣсто“. Созвѣздіе это извѣстно вездѣ, какъ имѣющее связь съ погодой и временами года (сообщ. Д. Н. Анучинъ).

Казикумыки: *Курчлю*, сито.

Осетины: *Авд хожі*, „семь сестеръ“, а также *ѣмбырдтѣ*, „собрание“, „сборище“ (сообщ. Вс. Ѳ. Милеромъ). Мною записано осетинское *Нартъ-ѣмбыртъ*, собраніе нартовъ. По увѣренію Осетинъ, созвѣздіе состоитъ изъ замѣнутаго круга: это пирующіе нарты; въ центрѣ его одна звѣзда: это бочка съ виномъ; нѣсколько звѣздъ внутри круга—разнощипки вина. У Кюринцевъ вообще во время пировъ гости дѣлятся на группы по семи; каждой группѣ подаютъ семь чуреконъ въ салфеткѣ, мису супу, блюдо пилава и проч.

Грузины: *Кребули*, *Мравали*.

Армяне: *Астыгъ модарацъ*.

Русскія областныя: *Кучки*, Нижегород.; *Утичы* *ѣмъдо*, въ Сибири, Вятск. и др. *Ключи Петровы*, Воронежск.; *Птичы* *ѣмъдо*, Курск., Оренб., Орл. (Опытъ обл. слов.) Въ Чебоксарск. у. Каз. губ.: *Попова семья* (ср. польское *Вабу*); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи: *Стожаръ*.

П. А. Ровинскій записалъ въ Колашинѣ отъ потурченца изъ Гусинья слѣдующую легенду о Влашитахъ (Шлеядахъ): Семь звѣздъ, называемыхъ *Влашита*, представляютъ собою 6 братьевъ *Асгаби-тефови* и седьмаго пса *Китмир'а*. Шесть братьевъ были люди добраго рода и пользовались распо-

ложепіемъ своего народа; а прибылъ въ то мѣсто какой-то краль, бегъ или вообще забить (главарь, поставляемый высшею властью), которому то было противно, и потому онъ рѣшился ихъ погубить. Они же, догадавшись о томъ, удалились въ одну пещеру со своимъ псомъ и какъ прибыли туда, заснули. Сколько спали, неизвѣстно; только пробудившись, почувствовали голодъ и послали одного изъ братьевъ въ городъ купить чего-нибудь. Когда онъ вошелъ въ городъ, всѣ на него смотрятъ и удивляются; даетъ онъ деньги, удивляются еще больше; такихъ денегъ никто не знаетъ. Тогда, распросивъ его обо всемъ, догадались, кто они, и оказалось, что они спали нѣсколько сотъ лѣтъ. Отпустивъ посланнаго, они пошли слѣдомъ за нимъ, чтобы привести всѣхъ братьевъ въ городъ; но пещеры никакъ не могли найти, и съ той поры въ честь ихъ Богъ и поставилъ тѣ семь звѣздъ на небѣ.

Для сравненія привожу мусульманскій разказъ, записанный мною въ Баянъ-аульскомъ округѣ отъ Киргиза г. Черманова. Въ городѣ Турѣ былъ царь Такианусъ; онъ повелѣлъ своимъ подданнымъ поклоняться ему, какъ Богу. Семь благочестивыхъ братьевъ рѣшились убѣжать; дорогой они встрѣтили пастуха; онъ, узнавъ о причинѣ ихъ бѣгства, пошелъ съ ними; пошла за ними и его собака Хетмиръ. Братья стали гнать ее, боясь, что она выдастъ ихъ убѣжище. Одинъ изъ братьевъ бросилъ въ нее камень и перешибъ ей ногу. Хетмиръ сказала: „Зачѣмъ меня отгоняете! Развѣ я безъ разума! И я понимаю, что человѣку неприлично назваться Богомъ!“ И они взяли ее. Они укрылись въ пещерѣ; поочередно братья ходили въ городъ за провизіей. Однажды проснулись утромъ; одинъ изъ братьевъ пошелъ въ городъ по обыкновенію и подалъ въ лавкѣ монету. Лавочникъ сказалъ: „Гдѣ ты взялъ эту монету! Вѣрно ты нашелъ кладъ! Это монета царя Такиануса, который царствовалъ тысячу лѣтъ тому назадъ“. Повели его къ царю; царь самъ захотѣлъ поѣхать къ пещерѣ. Братья, узнавъ, что они проспали такъ долго, не захотѣли жить при новыхъ порядкахъ и пожелали умереть. И умерли.

Въ церковно-славянскомъ: *Власожелмы* (Слов. Востокова). Къ этому имени примѣчаніе Востокова: *Волосожары* (Даль, Иллюстр., 1845) и *Волосыни* (Учен. Зап. 2-го отд. Ав. II, 2. 306).

Греки въ Θεοδοσία въ Крыму одно созвѣдіе изъ семи звѣздъ называютъ *Левы*, другое изъ шести *Эскиадельфи*, шесть братьевъ. Новогреческое названіе Плейдъ Πλειάς; народное Πάλια (сообщ. И. Е. Троицкій).

Зарница.

10) Къ стр. 137. Якуты: *Чолбонъ-сулусъ* (Поряд., рус. якут. слов.) Примѣчаніе г. Порядина: *чолбонъ* значитъ „свѣтлый“, „яркій“. Вамбери въ книгѣ *Die primitive Cultur d. turko-tat. Volkes*, 155, приводитъ имена *Чолбанъ*, *Цолбонъ*, *Чолманъ*. Въ Персіи, говоритъ онъ, — имя этой звѣзды *Zohra* занимаетъ въ мифахъ мѣсто Венеры.

Чулымскіе Татары вечернюю зарницу называютъ *Иньръ-цолбанъ*, а утреннюю *Танъ-цолбанъ* (рукоп. сообщ. свящ. о. І. Соколова).

Татары Мишарь Симб. губ.: *Заря—юндозъ*.

Тобольск. Татары: *Цуманъ* (Гигановъ, Грами., 1801 г.). Вечерняя звѣзда: *Шябакъ-юлдузъ* (Будаговъ, Сравн. Сл., II, 363).

Сѣверно-кавказскіе Татары-горцы (общ. Урусбій, Малкаръ и др.): *Чолпонъ* (сообщ. уроженцемъ общ. Урусбій г. Саф. Урусбіевымъ).

Дагестанскіе Татары: *Кярванъ-куишъ*, *Кярванъ-кяишъ* (сообщ. г. Габеркорнъ).

Васюганскіе инородцы въ системѣ Оби (Остяки?) зарницу зовутъ *Куньль*, утреннюю зарю—*Альни-куньль*, вечернюю—*Итти-куньль* (рукоп. сообщ. свящ. Краснова). Остяки-Самоѣды на Оби зарницу зовутъ: *кводде кызьманъ сей*; именемъ кызьманъ-сей, „небесный глазъ“ они зовутъ всякую звѣзду. Утреннюю зарницу они зовутъ кари кводде кызьманъ сей, вечернюю юди кводде кызьманъ сей, отъ словъ каремы, „утро“ и юдемы, „вечеръ“. Г. Григоровскій, сообщая это свѣденіе, дѣлаетъ примѣчаніе, что слово кызьманъ, въ смыслѣ „небесный“, встрѣчается только въ этомъ одномъ случаѣ; во всѣхъ же другихъ, напримѣръ небесный Богъ, небесное облако употребляется нунсюнчегой отъ нунсунчъ, „небо“, буквально: „Божья комната“.

Черемисы: *Ижсера* (?) (Знаменскій, „Горн. Черемисы“ въ Вѣстн. Евр., 1867, дек., 42).

Мордва Эрзя—*Чимпазынь вара*, Мовша—*Шкайнъ валма*, то-есть, дыра или окно Чимпаза или Шкая; такихъ дыръ двѣ: въ одну Богъ предъ выходомъ смотритъ, поднялся ли міръ отъ сна, въ другую успокоился ли онъ предъ тѣмъ, какъ опочить самому (сообщ. В. Н. Майновымъ).

Кабардинцы: вечерняя зарница—*Нахуиваго*; утренняя—*Пиэбль-тиаго* (сообщилъ г. Хатановъ).

Талышинцы: *Нъль-барюшъ*, „передъ зарей“ (сообщ. г. Габеркорнъ).

Кюринцы на Кавказѣ: утренняя звѣзда *Экюннъ-гедъ*.

Ингуши на Кавказѣ: *Сахулу-сетъхъ*.

Армяне: *Луишь-астагъ*, лунная звѣзда.

Ассоры: *Маданъ-хотра*.

Осетины: *Бонвѣрнѣ*, приносящая день (отъ *бон*, „день“ и *авѣрун*, „приносить“ (сообщ. Вс. Ѳ. Миллеромъ). Г. Вороновымъ отъ Осетинъ сел. Гивельскаго и Шанаевскаго записано имя вечерней зарницы: *Кардадже сталлъ* (или Кардег-стали) травяная звѣзда; Осетины вѣрятъ, что когда она взойдетъ надъ Тереккомъ, бытъ въдоволь найтса травы.

Греки въ Феодосіи въ Крыму: *Кирванъ-черанъ*; въ дер. Капсихоръ: *Саба илдызы* (?).

Русскія областныя: *Зорянка*, Петерб. губ. Лужск. у. (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по этн., IV, 273). Нѣкоторыя названія зарницы заимствованы изъ міра звѣрей, какъ русское *Волчья Звѣзда* (Аеонас., Поэт. Возр., I, 762), литовское *Zwerginne* отъ *zwergis* „волкъ“ чешское *Zwiretnice*, *Zwergenice*; не значило ли и монголо-татарское цолбонъ, чолбонъ, солбонъ также „волкъ“? Ср.

киргизское въ Тарбагатаѣ атъ-джалманъ, тушканчикъ и Крымскихъ Татаръ атъ-чалманъ, то же самое.

Сербы въ Колашинѣ утреннюю звѣзду зовутъ *Даница* или *Преходница*, а вечернюю *Говедарница*, потому что съ появленіемъ ея какъ разъ время гнать говеда (то-есть, коровъ, воловъ) домой (сообщ. П. А. Ровинскій).

Будаговъ (Сравн. слов. турецко-татар. нар., II, 363) и Вамбери (*Die primitive Cultur des turko-tatarischen Volkes*, Leipz., 1879, 155) сообщаютъ объ одномъ киргизскомъ повѣрѣ, что есть созвѣздіе *Sekis jolduz*, „восемь звѣздъ“, которыя являются на восточномъ горизонтѣ, восемь дней видимы, на девятая сутки исчезаютъ, около десятаго дня опять выступаютъ и такъ въ теченіе мѣсяца три раза являются. Между этими звѣздами находится одна несчастливая (акребъ); если она встрѣтится каравану или войску, то случается съ ними какое-нибудь бѣдствіе, а при появленіи ея въ десятый день спины верховыхъ лошадей покрываются ранами. Вамбери даетъ ей имя *Жеянъ-джолдузъ*, *Zejan jolduz*, Скорпионъ-звѣзда. Въ Персіи эта звѣзда называется *Gerdum* или *Akreb*, а также въ Персіи и Средней Азіи зовутъ ее *Керванъ-кушъ* (*Kerwan-kus*), „губитель каравановъ“, потому что караваны, вслѣдствіе ея сходства съ Оріономъ, видя въ ней знакъ приближающагося утра, чтобы во время достигъ до станціи, гоняютъ животныхъ до того, что они умираютъ. Повѣрье о Керванъ-кушѣ распространено на Кавказѣ и на Балканскомъ полуостровѣ. Одинъ Татаринъ изъ Темиръ-ханъ-Шурына Кавказѣ называетъ мнѣ именовъ *Керуанъ* Б. Медвѣдицу; мнѣ не удалось дальнѣйшими распросами убѣдиться въ правдѣ этого показанія. Въ другихъ мѣстахъ показанія о звѣздѣ Керуанъ сбивчивы до того, что трудно приурочить это имя на небѣ. Азербиджанскіе Турки знаютъ звѣзду *Геранъ-кареванъ*, то-есть, смотрящую караваны; Кавказскіе Татары называютъ ее *Керуанъ-коранъ*, Ассоры—*Каруанъ-кушъ*. Впрочемъ, ассорское названіе было сказано на вопросъ: какъ зовутъ семь сѣверныхъ звѣздъ? Отъ Кюринца (изъ Самурзакани) мы записали слѣдующее: „Кромѣ утренней звѣзды, *Екюннъ-идъ*, есть еще свѣтлая звѣзда, которая по кюрински и по татарски называется *Керуанъ-керенъ*; одинъ караванъ, увидѣвъ ее въ небѣ и думая, что вошла утренняя звѣзда, отправился въ путь черезъ горы Салаватъ, но перевалъ засыпало заваломъ и караванъ погибъ“. Албанцы одну звѣзду называютъ *ол* и *карванъ*; это свѣтлая звѣзда, которая всходитъ въ полночь; при ея появленіи караваны начинаютъ вьючиться (*Hahn*, Alban. Stud., 137). Отъ Осетинъ я слышалъ о созвѣздіи *Фысыммъ цауджитъ*, то-есть, о Б. Медвѣдицѣ, что она движется въ направленіи противоположномъ всѣмъ остальнымъ звѣздамъ. См. примѣчанія къ гл. IV, № 44, о движущемся противъ теченія винокуреномъ снарядѣ, о плывущемъ противъ теченія трупѣ женщины и пр. Въ этихъ сказаніяхъ, можетъ быть, выражены наблюденія первобытнаго чело-вѣка надъ неравномѣрнымъ видимымъ движеніемъ звѣздъ, поведшія къ открытію различія между планетами и неподвижными звѣздами.

Полярная звѣзда.

11) Къ стр. 137. Башкиры: *Тимуръ-казыя*, „железный столбъ“ (сообщ. г. М. В. Малаховымъ).

Калмыки на Волгѣ: *Altan Gadassun*, „Золотой колъ“ (Bergmann, Nomad. Streifer. unt. Kalmtäken, t. III, 42). Въ бурятскомъ произношеніи это имя было бы алтынъ-хатыгынъ; Рашидъ-Эддинъ (Зап. Имп. Археол. Общ., XIV, 154) предкомъ нѣкоторыхъ племенъ называетъ Алтанъ-Ходого. Въ башкирскомъ и киргизскомъ именахъ П. Звѣзды, вмѣсто алтынъ стоитъ темиръ; темиръ-казыя въ монгольскомъ было бы темуръ-хатысынъ, въ бурятскомъ темуръ-хатыгынъ; въ Алтанъ-Тобчи упоминается Темиръ-Хатаги, у котораго семь сыновей (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 64); ср. кабардинское преданіе о Хетагѣ, у котораго было семь сыновей (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, отд. 3, стр. 8). Рашидъ-Эддинъ говоритъ, что въ вѣкъ Чингисъ-хана „государемъ и главою племени“ Ойратъ былъ Хутуга-бикъ; вѣроятно, дѣло идетъ о предкѣ Ойратовъ; у этого Хутуга-бикъ было два сына: Иналджи и Дуралджи; ср. съ адыгейскими преданіями, по которымъ имена Хетагъ и Иналъ также стоятъ въ родственной связи, хотя въ обратной послѣдовательности (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 76—78; в. III, стр. 30); въ другомъ мѣстѣ Рашидъ-Эддинъ упоминаетъ имя Еди-Иналъ въ племени Киргизъ (стр. 130). Еще разъ Рашидъ-Эддинъ упоминаетъ (стр. 58) имя съ членомъ хутуку, именно Хутуку-нойонъ или Шики-хутуку (въ Юаньчао-миши—Шикханъ; Труды Пек. дух. мисс., IV, 67); это былъ мальчикъ, найденный въ полѣ Чингисъ-ханомъ и переданный имъ на воспитаніе своей женѣ; эпизодъ этотъ напоминаетъ барабинскую сказку, въ которой старикъ находитъ ребенка въ степи, отдаетъ его женѣ на воспитаніе и даетъ имя Идыге-пи (см. прим. къ гл. IV, къ № 76). Калмыкія на Волгѣ и дюрбютскія на Убса-норѣ легенды о предкѣ ихъ племени развязываютъ, какъ о найденныѣ (см. выше стр. 325; Очерки, II, 161; Позднѣевъ, „Образцы народн. лит.“, стр. 135); поэтому ойратскаго Хотуга-бикъ и найденныша Шики-Хутуку можно принять за одно лицо. Ср. съ именемъ предка Хаггинскаго поколѣнія Одюгъ-бо (стр. 24), который охотился за тремя лебедями. О Хутуку-нойонѣ Рашидъ-Эддинъ (стр. 59) передаетъ, что онъ охотился за тридцатью оленями; объ охотѣ за тремя оленями см. въ примѣч. къ главѣ IV, № 38. Въ турецкихъ племенахъ это имя также нерѣдко является предкомъ: Ногай дѣлился на три орды, которыя имѣли во главѣ своей трехъ братьевъ, потомковъ Едигея; Иссыкъ-кульскіе Киргизы считаютъ своими предками Атагай и Тогай (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1851, V); Кундровскіе Татары считаютъ своимъ древнѣйшимъ правителемъ (предкомъ?) Эддыгэ (Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1851, т. 2). Черкесы сами себя называютъ Адыге. У сѣверныхъ Киргизъ (Акмоул. обл.) есть легендарное имя Идыге-би, которое совпадаетъ съ бурятскимъ Одюгъ-бо,

если можно допустить филологическую связь между монгольск. бо, бугъ, „шамангъ“ и турецкимъ би, „судья“, бей, бекъ, „князь“. Форма бугъ, можетъ быть, слышится въ сложномъ Хотуга-бики, или еще лучше, въ Бугу-Хатаги, какъ назывался одинъ изъ двухъ сыновей Аланъ-гоа (Алт. Тобчи, стр. 5; Труды Пек. дух. мисс., IV, 27). См. также прим. 37 къ гл. I.

Уйгурское имя П. Звѣзды *Altin Kazik*, „Золотой колъ“ (Vamberg, Die primit. Cult. d. turko-tat. Volkes, 154).

Амурскіе Тунгусы: *Xada* (Castrén, Tung. Gramm., 129).

Енисейскіе Остяки: *Нуа-чехуа*, „Божій гвоздь“ или рычагъ, на которомъ вертится все небо (Третьяковъ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415).

Чукчи: *Ayguat'kokkötsetten* (Vega-expedit. vetenskapliga jakttagelser, af Nordenskiöld, B. I., 397).

Лопари: *Cuddanaste*, „Pfahl-stern“ (Melang. russ., 2, 1851—1855, p. 416).

Эсты *Röbja-nael*, „Nord-nagel“, гвоздь сѣвера (ibid.).

Осетины: *Аксагъ Тѣмур* (ср. съ киргизскимъ и башкирскимъ; аксагъ вм. казыкъ?). Въ давнія времена, когда ангелы ходили вмѣстѣ съ людьми, жилъ злой человекъ Аксагъ-Темуръ. Въ определенное время дня онъ ходилъ за водою. Жили въ то же время семь братьевъ простяковъ (Ладзартъ, то-есть, В. Медвѣдица) и ихъ сильно притѣснялъ Аксагъ-Темуръ. Они отправились къ Водяному (Донбедтыр), и чтобы расположить его къ себѣ, взяли у него питомца (эмпега) для выкормленія, полагая, что Аксагъ-Темуръ, боявшійся Водянаго, оставитъ ихъ въ покоѣ. Однако Аксагъ-Темуръ пришелъ къ нимъ и убилъ ихъ воспитанника. Братья пожаловались Водяному. Тотъ сказалъ имъ, что Аксагъ-Темуръ въ известное время приходитъ къ водѣ, гдѣ они могутъ его подкараулить. Но Аксагъ-Темуръ какъ-то провѣдалъ ихъ планъ и пересталъ ходить къ водѣ. Братья начали ежедневно ходить къ водѣ, чтобы накрыть Темура; только къ утру они убѣждаются, что онъ не придетъ, и направляются къ нему, но разсвѣтъ скрываетъ его отъ ихъ глазъ (сообщ. Вс. Ѳ. Миллеромъ; см. также въ его Осет. Этюд., II, стр. 300). Ср. съ монгольск. сказаніемъ о верблюдѣ (темень), который ходитъ къ водѣ караулить морала (Оч., II, 168), а также гл. IV, № 35, вар. в. Въ чеченскихъ сказаніяхъ потеряннаго сына ищеть Аксагъ-Темиръ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, ст. „Чечекск. темя“, стр. 41); въ сказаніяхъ Ингушей (тотъ же Сборникъ, в. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 20) самъ потерянный мальчикъ носить имя „Хромой Темиръ“. Хромымъ (аксагъ) онъ сталъ потому, что отецъ перешибъ ему ногу, чтобы убавить у него быстроту бѣга.

Ингуши: *Кулба сѣтх*.

Кабардинцы о какой-то свѣтлой звѣздѣ говорятъ: заныр дышевэгокэ зышыжя, „мать продалъ за шубу“. Существуетъ повѣрье, что одинъ сынъ продалъ свою мать за шубу или за свѣтлыя ризы. Въ память о такомъ преступленіи Богъ помѣстилъ шубу на небѣ (сообщ. Кабардинцемъ г. Хатановымъ). На кабардинскомъ языкѣ г. Хатановъ назвалъ еще какую-то звѣзду *Ваголитъ* и созвѣздіе изъ четырехъ звѣздъ *Ваголукумъ*.

Хюркилинцы: *Зуръав* (Усларь, Азб. хюрк. яз.).

Кюринцы: *Оутби* (Кутби) (Усларь, Азб. кюр. яз.).

Сербы: *Смараць* (Лавровскій, Сербск. слов., 140).

12) Къ стр. 137. Первобытныи челоуѣкъ, наблюдаа небо и видимое движеніе звѣздъ, долженъ былъ замѣтить, что въ то время, какъ всѣ звѣзды закатываются за горизонтъ и даже начезаютъ изъ глазъ на продолжительный періодъ времени, одна звѣзда, Полярная, остаются вѣчно на одномъ мѣстѣ. Вотъ гдѣ, могъ онъ думать, крѣпъ вселенной, или рука, держащая и направляющая, по путямъ другія свѣтила. На нѣкоторыхъ ідиомахъ сѣверной Азіи она называется желѣзнымъ или золотымъ коломъ. Б. Медвѣдица, отчетливо выступающая на небѣ, хотя движется подобно другимъ звѣздамъ, однако не сходитъ съ неба, не закатывается, какъ будто движется на привязи, прикрѣпленной къ Полярной звѣздѣ. Въ головѣ дикаря могла явиться идея о зависимости существованія вселенной отъ этихъ звѣздъ; еслибъ этотъ колъ (Полярная звѣзда) былъ выдернутъ, семь прикрѣпленныхъ къ нему звѣздъ сорвались бы съ своего мѣста, порядокъ движенія звѣздъ нарушился бы, и міръ постигла бы гибель. Отсюда повѣрья и легенды о кончинѣ міра, связывающія ее съ Б. Медвѣдицей или съ числомъ семь. Киргизы видятъ въ Б. Медвѣдицѣ семь волковъ, гонящихся за иноходцами; когда догонятъ, конецъ міра (Аванас., Поэт. Возр., II, 762; Желѣзновъ, „Уральцы“, II, 281). По южнорусскому повѣрью есть на небѣ три сестрицы зарянницы, представленныя сторожить пса, который прикованъ у М. Медвѣдицы на желѣзную цѣпь и хочетъ перегрызть ее; когда перегрызетъ, конецъ міра. Минусинскіе Татары вѣрятъ, когда семь собакъ съ желѣзными когтями сорвутся съ желѣзныхъ цѣпей, настанетъ конецъ міра (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ., 1855, VI, 191—8). Въ одной сказкѣ Минусинск. Татаръ (Mel. asiat., 3, Ueber d. Heldens. d. Minuss. Tat., 379) два брата Ай-Темусъ и Куй-Темусъ слышатъ, что скоро конецъ міру, что семь скованныхъ собакъ Джедай-хана сорвались съ цѣпей и лаютъ; затѣмъ прилетаютъ два ворона, вьющіе гнѣздо на желѣзной горѣ, и приносятъ вѣсть, что Ала-Картага убилъ Джедай-хана и сорвавшихся собакъ снова посадилъ на цѣпи. Въ книгѣ Еноха (гл. 18) разказывается, что онъ видѣлъ мѣсто, гдѣ находятся семь звѣздъ, пылающихъ, какъ горы огня. Это тѣ звѣзды, „сказалъ ему ангелъ,—которыя преступили повелѣнія Божіи; онѣ заключены здѣсь до кончины неба и земли“ (Порфирьевъ, Апокрио. сказанія о ветхозав. лицахъ и событ., 205). Нечистыя племена Гогъ и Магогъ Александръ Македонскій загналъ на сѣверъ и заключилъ горами, отверстіе заперъ желѣзными вратами. Горы разомкнутся, когда конецъ свѣта наступитъ: „Гогъ бѣ крылатъ, держать его двадцать девять челоуѣкъ цепями раздѣленъ на четыре страны, дабы не забѣлъ вси челоуѣкоудцы“ (Тихонравовъ, Памятн. отреч. литер., 259). Въ другомъ вариантѣ говорится „о затворенныхъ Татарехъ:“ тогда отверзутся врата сѣверная и изыдутъ силы азыческія, (ibid.). Ср. нѣмецкія повѣрья о ракѣ (Krebse), лежащемъ на цѣпи на днѣ

Mohrin'sкаго озера и объ угрѣ на днѣ пруда близъ Putzig'a (Zeitschrift für Ethnologie, 1881, Н. 1 и 2, s. 28).

По другимъ татарскимъ повѣрьямъ, земля утверждена на рогу быка. Ср. съ русскою загадкой о колокольнѣ: стоять быкъ на горахъ о семи головахъ (Садовн., Заг. русск. нар., № 1004; сходная съ нею о львѣ, № 1301; левъ не вмѣсто ли монгольскаго лунь, драконъ?) Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ есть сорокорогій быкъ (сорокъ—по татарски вырѣ, рогъ мюю, урянх. менгусь), на которомъ ѣздитъ Катай-ханъ; Катай-хана мы сближаемъ съ Джедай-ханомъ тѣхъ же минусинскихъ сказокъ и съ Джеды-ганомъ, то есть, Б. Медвѣдцей. Къ этимъ повѣрьямъ примыкаетъ, вѣроятно, и русское о томъ, что земля стоитъ на семи или на трехъ вѣтахъ. Въ стихѣ о Федорѣ Тиронѣ вмѣсто вѣта Титъ-рыба и Кытра-рыба; кытръ—мамонтъ (Поповъ, Хроногр., I, 261). По другимъ (книжнымъ) сказаніямъ, земля держится на „великорыбѣ“, на „огнеродномъ вѣтѣ“, на „змѣѣ“ Елеафамѣ, на „жельзномъ столпѣ“ (Ж. М. Н. Пров., 1863, апрѣль, стр. 14). Ягичъ приводитъ „4 вѣтове златы“, „брави четверокрилати“ (Archiv, V. I, s. 123; Временникъ IX, 10). Катай-ханъ минусинскихъ сказокъ убиваетъ Акъ-хана („блага хана“); дѣти Акъ-хана брошены въ колодезь, имѣющій 70 сажень глубины; къ колодезю приставлена стража изъ семи богатырей; вѣщій жеребенокъ являлся на помощь мальчику; на немъ мальчикъ, получающій потомъ имя Ай-Долей, вскарабкивается на высокую желѣзную гору, вступаетъ здѣсь въ бой съ Катай-ханомъ и убиваетъ его (Mel. asiat., t. III, livr. 4, p. 376). Въ другой сказкѣ Ай-Долей вступаетъ въ бой съ Катай-Альпомъ, убиваетъ его, но не можетъ одолѣть Лебеда; послѣ девятилѣтняго боя съ нею, Ай-Долей погружается въ семнадцатый слой земли, гдѣ его прибаваютъ гвоздями къ черной мѣдной скалѣ, поднимающейся изъ глубины земли въ область солнца (ibid., p. 374). Въ третьей Акъ-ханъ своего семилѣтняго сына отвозитъ къ Джедай-хану, который живетъ при подошвѣ желѣзной горы на мѣстѣ, гдѣ небо сростается съ землей (ibidem, p. 379). Повѣрье Минус. Татаръ о желѣзной горѣ есть и у Радлова (Proben, II, 602); она находится на срединѣ земли; на ней стоитъ семилѣтвистая береза. Сходство въ положеніи и одинаковое жительство на желѣзной горѣ говорятъ за тожество Катай-хана и Джедай-хана. Въ сказкахъ сѣверно-сибирскихъ Татаръ встрѣчается Кюдѣнъ-ханъ или Кидэнь-ханъ (Radloff, Proben, IV, 58 и 187), а въ книжныхъ монгольскихъ и мусульманскихъ сказаніяхъ, о предкахъ Чингисъ-хана китайскій ханъ Алтанъ-ханъ; дада или Татары схватили Амбай-хана (или Амбагай-хана; ср. съ Комбу, Гомбугуръ, стр. 205 и 332) и передали его Алтанъ-хану китайскому, и тотъ пригвоздилъ его къ деревянному ослу. Этотъ „китайскій ханъ“ можетъ быть есть не кто другой, какъ Джедай-ханъ (Катай-ханъ, Кидэнь-ханъ). Такимъ же затемнѣніемъ можетъ быть объяснено и алтайское сказаніе о „китайскихъ собакахъ“, съѣвшихъ богатыря Сартактая (см. прим. къ гл. IV, къ № 61). Съ идеей о кончинѣ міра связывается представленіе о царствѣ мертвыхъ и его управителѣ. Современныя алтайскія, урянхайскія и монгольскія

повѣрѣя управителемъ царства мертвыхъ представляютъ Ерликъ-хана. Въ вышеприведенныхъ сказаніяхъ можно видѣть намеки на то, что нѣкогда тѣ же представленія соединились и съ именемъ Джедай-хана (или Киданъ-хана). Катай-ханъ ѣздитъ на быкѣ подобно монгольскому Ерлику (стр. 242 и др.); въ царствѣ китайскаго хана или Джедай-хана прибываютъ герои гвоздями подобно тому, какъ въ царствѣ Ерлика всегда есть скованный плѣнникъ (стр. 173, 483). У Джедай-хана есть злыя собаки, какъ и у Ерлика.

Высшее божество у качинскихъ Татаръ называется Джеты-кудай, „семь боговъ“; это названіе совершенно совпадаетъ съ монгольскимъ названіемъ Б. Медвѣдица Долонъ-бурханъ, „семь боговъ“, а потому можно и въ Джеты-кудай видѣть Б. Медвѣдицу. Можетъ быть, это имя было парнымъ тавтологическимъ и не заключало теперешняго смысла; ср. черем. шуды-водишь, пермице. кады-вадышь, русск. чудо-юдо. Только впоследствии второму члену кудай татарскія племена могли усвоить значеніе „богъ“, какъ Монголы усвоили то же значеніе второму члену монгольскаго имени Б. Медвѣдицы. Ориенталисты считаютъ турецкое кудай словомъ персидскимъ; самую лучшую этимологію персидскаго куда считаетъ данная Боппомъ; онъ производитъ это слово отъ санскритскаго q'a-d'āta, „самъ себя создавшій“, составленное въ родѣ прозвища Вишну Svaum-b'u буквально—„самъ собою сущій“ (Bopp, Vergleich. Grammat., B. I, § 35; Vullers, Lexicon persico-latinum etymolog., Bonnæ, 1864, T. II, 660; Vambery, Die primit. Cult. d. turkotat. Volkes, 242). Вездѣ мы встрѣчаемъ слово богъ происходящимъ изъ временъ докультурныхъ; почему турецкія племена должны составить исключеніе, забыть свое докультурное имя бога и принять чужое, которое могло быть составлено только въ позднее время головой, занимавшейся богословіемъ? Скорѣе примѣръ такой утраты своего слова былъ бы мыслимъ у западныхъ Арійцевъ, чѣмъ у не Арійцевъ отдаленнаго Востока, жившихъ почти внѣ исторической жизни. Плато Карпини говоритъ о Половцахъ, что они называли своего бога Камъ, то-есть, императоръ; камъ въ настоящее время значить только „шаманъ“; путешественнику слѣдовало бы написать: ханъ; но можетъ быть, въ древности обѣ профессіи сливались, и формы ханъ и ханъ суть только разныя произношенія. Не есть ли это случай, когда второй членъ имени Б. Медвѣдицы Джетыганъ, подобно членамъ бурханъ и кудай, получилъ значеніе „богъ?“ По сербскому сказанію, предъ царемъ солнцемъ двѣ дѣвы, заря утренняя и заря вечерняя, и семь судей (Аеанас., Поэт. Возр., I, 82). Въ галицкой поговоркѣ: „передъ богомъ солнцемъ судице-царица“ (ibid., 67). Въ сербской сказкѣ (ibid., II, 234), представляющей сходство съ нашими о Маркѣ богатомъ и съ монгольской о Бурханѣ-баши (стр. 273), юноша идетъ за разрѣшеніемъ темныхъ загадокъ къ Усуду (въ южно-русскихъ къ солнечной матери). Ср. русскія выраженія: суди—боги, Судьба Божія, Судъ Божій. Буслаевъ приводитъ выраженіе: „суди—боги на меня не складывай“ (Ист. Оч., I, 123); [въ Волог. губ. въ Никол. у. крестьяне божницу, а по ней и весь передній уголъ зовутъ „судки“. Затменіе отъ Суда Божія (Сумцовъ въ Ж. М. Н. Пр., 1880, ноябрь, 92). Русская посло-

вица: „въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ“. Въ свадебной пѣснѣ: „поведу тебя къ Суду Божьему, ко златому вѣнцу“ (Терещенко, Бытъ русск. нар., ч. II, стр. 110). Въ былинѣ богатырь Святогоръ наѣхалъ на Судъ Божій, на кузнеца, который выковалъ ему жениться въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки-калѣки (Рыбн., I, 40). Въ сборникѣ Шейна двѣка семилѣтка отгадываетъ загадки, изъ которыхъ послѣдняя разрѣшается словами: „безъ отвѣту Судьба Божья“ (Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, стр. 367, № 2). Поговорка: „дожидайся солнцевой матери, Суда Божія“ (Снѣгиревъ; Пословица, стр. 99). Въ чешской сказкѣ солнцева мать названа судицей (Аеонас., Поэт. Возвр., II, 124). Ср. также съ горой Судомой, на которую будто бы спускалась цѣпь съ неба, и съ горой Судимой (Шейнъ, Русск. нар. пѣсни, стр. 367, № 2). Подъ Судицами западные Славяне разумѣютъ то же, что означало древне-славянское Роженица, которая встрѣчается рядомъ съ именемъ Родъ. Родъ упоминается въ значеніи ада (Калачевъ, Архивъ истор.-юр. свѣд., в. II, полов. 1, стр. XXIII) и творца (Аеонас., Поэт. Возвр., II, 437). Въ азбуковникѣ Роженицы называются семью звѣздами; это семь планетъ; но едва ли съ планетами не стали ихъ отождествлять только впоследствии, съ развитіемъ астрономіи. Судицы—то же, что южно-русская доля, что вотлицкій шудъ. Можетъ быть, и черемисскій шуды-водышъ, водяной духъ, имѣетъ сродство съ вотлицкимъ шудомъ. Повѣрья Мордвы помѣщаютъ судьбу въ водѣ; старуха Ведьава (водяная баба) плететъ нити человѣческой судьбы (Майновъ, Оч. быта Мордвы, въ журн. Слово, 1879, июль, стр. 54). Формы суди-боги и судьба ср. съ формами Дажь-богъ, Стри-богъ и Даж-бай, Астри-бай (Поповъ, Хроногр., I, 181).

По армянскому повѣрью, души покоятся на Б. Медвѣдицѣ. Въ академическ. армянск. словарь (изд. въ Венеціи въ 1749 г.) значится: „Ютнъ-астегіанъ; такъ называется: 1) созвѣздіе изъ семи звѣздъ, 2) сооруженіе съ семью алтарями, 3) семь небесъ, и 4) царство небесное, какъ имѣющее семь лучей благодати св. Духа. По повѣрью Армянъ, „души усопшихъ праведныхъ переселяются на семизвѣздіе“. Этимъ сообщеніемъ мы обязаны г. Ерицеву. О повѣрьяхъ Нѣмцевъ относительно страны усопшихъ см. у Мангардта, Germ. Myth., 330 и слѣд. Страна эта называлась Engelland и находилась за облаками, куда можно было залетать только на журавлѣ или лебедѣ. Въ одной нѣмецкой пѣснѣ поется: *da di sieben Sterne standen, standen si in Engelland*. По древне-скандинавскому сказанію, въ мірѣ тѣней горитъ семь огней (Mannhardt, Germ. Myth., 310—311). Русскія повѣрья помѣщаютъ рай на горѣ, бѣлорусскія на желѣзной горѣ; для подниманья на нее требуется лѣстница о семи ступенькахъ. Въ первоначальныхъ представленіяхъ, вѣроятно, всѣ умершіе шли въ одно мѣсто; впоследствии страна блаженныхъ отдѣлилась отъ мѣста вѣчнаго мрака. Рай повсюду на европейскихъ языкахъ означаетъ садъ (Аеонас., Поэт. Возвр., II, 139). Ср. съ представленіями о лиственницахъ или березахъ, растущихъ на желѣзной горѣ; у Третьякова (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 432) остояцкій шаманъ видитъ на небѣ семь лиственницъ, стоящихъ среди тундры. „Тутъ дѣ-

*

душа его (то-есть, предокъ его и всего человѣчества?) дѣлалъ бубенъ“. У Киргизъ есть представленіе о какой-то блаженной странѣ, по которой текутъ семь рѣкъ; не съ этихъ ли представленій они перенесли на южную Джунгарію имя Семирѣчье, Джетысу? Въ индѣйскихъ пѣсняхъ Рагаѣага „съ неба стекаютъ семь рѣкъ“. Bollensen къ этой фразѣ дѣлаетъ примѣчаніе: „семь рѣкъ ведійской Индіи были перенесены на небо“ (Zeitschr. Deut. Morgenl. Gesell., V. XXII, N. IV, 613). Скорѣе на оборотъ; число было дано небомъ и на землѣ подсчитывалось сообразно съ сказаніями. Въ той же замѣткѣ Боллензенъ говоритъ, что Sarasvatî названъ Saptasvasar, „семь сестеръ имѣющей“.

Къ такимъ мнѣніемъ странамъ блаженныхъ, вѣроятно, нужно отнести и Ергенехонъ, откуда будто бы вышли Монголы. Послѣ титанической войны Сіюнчъ-хана и Ильхана, кончившейся поголовнымъ истребленіемъ монгольскаго народа, два брата Нукузъ и Кыянь бѣжали въ гору; тропинка, проложенная каменными баранами (ср. съ аварскою сказкой, въ которой олень, спасая героя отъ гибели, заноситъ его за семь горъ; Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. II, отд. 1, стр. 48) завела ихъ на высокую гору, гдѣ они нашли долину, обильную злаками; въ Уч., II, 125, мы уже указали на сходство имени этой долины Эргенехонъ съ урянхайскимъ названіемъ Б. Медвѣдицы Джеты-Урганъ; ср. также съ Бурганъ-ганъ, названіемъ семи куколокъ на шаманскомъ плащѣ (стр. 51). Размножившееся потомство вышло изъ Ергенехона, расплавивъ желѣзный богъ долины посредствомъ семидесяти мѣховъ. Нукузъ ср. съ Нехъ, именемъ Б. Медвѣдицы; у Кастрена лось по остяцки пох, поух (Verg. e. Ostjack. Sprachl.). Окончанія *узъ* и *изъ* обыкновенны въ монгольскихъ именахъ повогвѣній, напримѣръ Иргизъ, Киргизъ, Монгусъ, Тунгусъ, и потому могутъ быть отброшены.

Млечный путь.

13) Къ стр. 138. Чукчи: *Tyueygue* (Vega-expedit. vetenskapliga iakttagelser, af Nordenskiöld, V. I, S. 397).

Енисейскіе Остяки: *Нуа-чиррис*, то-есть, Божья спина (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415).

Вотяки: *Луд жаяжек шурэс*, „дорога дикихъ гусей“.

Крымскіе Татары на южномъ берегу: *Кябэ-ѣлы* (Кябэ — страна, куда ходятъ хаджи, мусульманскіе паломники).

Сѣвернокавказскіе Татары-горцы: *Кой-джолъ*, „баранья дорога“ (Сообщ. г. Саф. Урусбѣвъ).

Дагестанскіе Татары: *Шамы-ѣлы* и *Мякьянунъ-ѣлы*, то-есть „дорога въ Мекку“ (сообщ. г. Габеркорнъ).

Въ Закавказьи и вокругъ Чернаго моря у Турковъ Млечный путь принимается за рассыпанную солому. По Вамбери восточные Турки зовутъ Млечный путь — *Hazilar-joli*, „путь пилигримовъ“; западные Турки *Saman ogrisi*, „соломоврадъ“; по персидски онъ называется *Kalkesan*, „несущій

солому“ (Vamberg, Die primit. Cult., s. 156). Киргизское названіе у того же автора *Kus zoli*, туркменск. *Kuslar joki*, „птичья дорога“ (ibid., 155); у казанск. Татаръ *Kuk kas juli*, „дорога дикихъ гусей“ (ib., 156). Вѣроятно, Хаджиларъ вышеупомянутаго названія явилось вмѣсто кушларъ или казларъ; ср. съ именемъ ангела Kusanъ въ арабскомъ и турко-османскомъ названіи радуга (ib., 168).

Армяне Млечный путь называютъ „слѣдомъ соломокрада“; легенда разсказываетъ, что Вахангъ укралъ зимою у ассирійскаго родоначальника солому и скрылся въ небѣ; Млечный путь образовался отъ того, что воръ обронялъ солому дорогой (Кавказская старина, Тифлисъ, 1873, № 4 и 5, стр. 117). У Пикте (Orig. indo-europ., II, 583) приведено армянское названіе *jarkogh*, „воръ соломы“.

Болгары: *Штва*; это сѣно, разровленное воромъ, который укралъ его у своего кума. Для обличенія его великаго грѣха (кума обидѣть считается великимъ грѣхомъ) оно записано на небѣ (Каравеловъ, Памятн. нар. быта Булгарь, I, 184).

Сербы въ Болошинѣ: *Кумова солома* (сообщ. П. А. Ровинскій); легенда та же.

Албанцы: *хѣсте е кобмтерит* (Hahn, Alb. Stud., II, 201); *хѣсте*, солома; *кобмтерит* человѣкъ, несущій вѣнецъ во время вѣнчанія; онъ же крестный отецъ перваго ребенка. Буквальный переводъ имени Млечнаго пути, сдѣланный самимъ Ганомъ: *des Gefatters Stroh*, солома кума (Hahn, ibid., III, 43).

Осетины: *Арфанъ-фадъ* „слѣдъ Арфана“; Осетинамъ не безызвѣстно сказаніе, что это дорога, усыпанная украденною соломою.

Ингуши: *Силасатѣс чатѣж дѣмыт*, „солома, разсыпанная Силасатой“. Силасата несла солому, собираясь родить. Г. Аучину одинъ Чеченецъ объяснилъ, что это слѣдъ тропы, по которой медвѣдь тащилъ человѣка.

Кабардинцы: *Шуляно* (сообщ. г. Хатановъ).

Грузины: *Харисъ-да-ирмисъ-навали*, „слѣдъ быка и оленя“. Въ этому названію есть преданіе: быкъ и олень заспорили, кто кого перегонитъ; олень быстро побѣжалъ, оставилъ за собою слѣдъ пыли и не добѣжалъ до цѣли; а быкъ терпѣливо и тихо дошелъ до нея. Ср. Аррисъ и Ермисъ (Марсъ и Меркурій), двѣ звѣзды, стоящія рядомъ въ спискѣ планетъ въ древнихъ азбуковникахъ (Ж. М. Н. Пр., 1863, июль, с. 20—21).

Тальшинцы: *Шамъ вуровъ* (сообщ. г. Габеркорнъ).

Казиеумыки: *Эсажъ холю*.

Греки въ Θεοδοσία (въ Брѣмѣ): *Аспронъ-синифонъ*, то-есть, „бѣлое небо“. Новогреческое народное: *Αρόμος του Ιορδάνου* (сообщ. И. Г. Троицкій).

Древне-нѣмецкое названіе: *Wuotanes wec*, *Wuotanes strāza*, *Iringes vec* (Iringsweg). Англосаксы одну изъ четырехъ дорогъ, пересѣкавшихъ Англію съ с. на ю. называли *Erminge-straete*, а имя Млечнаго пути, который назывался *Waetlinga straet*, давалось дорогѣ изъ Дувра въ Кардиганъ (Pictet, Orig. indo-europ., VI, 583). Нижне-нѣмецкое: *Каурпат* (Kuhpfad), „коровій путь“.

Кимры: *Llwybr caer Gwdion*, „дорога изъ жилища Гвидіона“. *Gwdion* или *Gwidion*, великій волхвъ, „master of the illusion and the phantasy“, сынъ *Don'a* (последнимъ именемъ называлось созвѣздіе Кассіопея).

Литовцы: *Paukysisii kielés* то-есть, птичья дорога.

Русскія областныя: *Мышны тропки*, Нижегород. губ.; *Батыева дорога*, Тамб. и Тульск.; *Становише*, Тульск. (Оп. обл. сл.). *Дороги*, въ Лужск. у. Петерб. губ. (Зап. Геогр. Общ. по этн., IV, 273).

Радуга.

14) Къ стр. 138. Вотяки: *ву уисъ*; „воду пьеть“; *вусь похромъ*.

Остяко-Самоѣды на Оби: *юдереть*, т. е. „пьеть“ (Сообщ. Г. П. Григоровскимъ). По повѣрью Самоѣдовъ, радуга есть край плаща бога Нума (громовника), какъ то видно изъ ея названія *Numbapu* (Этн. Сборн., IV, 293).

Камчадалы, по Крашенинникову, почитаютъ радугу за подзоръ на платьѣ бога Пилячуча или Билювая, который ниспускаетъ на землю громъ, молнію и дождь (Крашен., Оп. Камч., II, 75).

Мордва называетъ радугу *пиргене йонксъ*, дуга Пиргене, бога грома; онъ надѣваетъ ее въ видѣ украшенія, празднуня то мгновеніе, когда оплодотворитъ „Вед'авинъ тектеръ“, дочь богини воды, тучу (сообщ. В. Н. Майновымъ). По другому свѣдѣнію, это подоль бога Нешке, расшитый пѣвтною бумагой его матерью Анге-патай (Мельниковъ, Оч. Мордвы, въ Русск. Вѣстн., 1867, сент., стр. 401).

Лопари: *аѵеке дауге*, arcum avi, лукъ дѣда, arcum Thoronis (Schefferi, Laponia, 96); *ajan jokva*, лукъ грома (Castren, Finn. Myth., 49).

Черемисы радугу называютъ *сонарь-юлѣ*, то-есть, охотничья собака громовника; ея появленіе объясняется тѣмъ, что она будто спускается на рѣку или озеро утолять свою жажду (сообщ. г. Антріевымъ, учителемъ Бирской инородч. школы).

Якуты: *Sasyul igä*, „лисыя моча“ (Бётлингеръ). Это сасыль-иге можно принять за подогнанное къ новому смыслу алтайское названіе громовника Яжиганъ (см. выше, стр. 51); ср. также монгол. цавилганъ, молнія.

Вамбери приводитъ имена радуги осм. *Alaim-saghma* отъ арабск. *alaim-i-seta*, „знакъ неба“, а также *Kausi Kusañ* (арабск.), „лукъ облачнаго ангела Кузы“. Въ гирканской степи Вамбери самъ слышалъ еще названіе: *Chidr köprüsü*, „мостъ пророка Ильи“ (Die prim. Cultur, 168—169).

Тобольск. Татары: *йймурь*, *караванъ-юль* (Гигановъ, Грамматика тат. яз., 1801, стр. 23).

На языкѣ сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ радуга называется *тепери кыльчъ*, „божій мечъ“ (сообщ. г. С. Урусбиевъ). Второй членъ ср. съ урянхайскими названіями радуги: джелешъ, телешъ.

Въ монгольскомъ радуга—*солонго*; тѣмъ же именемъ солонго, въ другихъ нарѣчіяхъ холонго, называется звѣрокъ, извѣстный Русскимъ подъ именемъ колонка. Въ монгольскомъ сабля селимъ, въ бурятск. хельме (ср. якутск. салама, алт. ялама; см. на стр. 93 и въ примѣч. къ ней); о чудесной саблѣ Келимъ-селимъ см. стр. 424. Въ Холмской Руси громовыя стрѣлы народъ

называет кулями и думаетъ, что ихъ св. Илья пускаетъ въ чертей (Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 21).

Киргизское названіе радуги кемпырынгъ-кусагы, „овцевязъ старухи“ (см. Оч., II, стр. 127, гдѣ вкралась ошибка: вм. „Киргизы разказываютъ“ напечатано „Монголы разказываютъ“); у Урянхайцевъ овцевязъ называется джеленъ. Въмѣсто этого народнаго толкованія киргизскаго имени радуги, можетъ быть, слѣдуетъ искать другое. Къ члену кемпыръ близка форма Камбаръ; это личное имя и теперь носятъ нѣкоторые Киргизы; есть киргизская былина о Камбарь-біѣ. Имя Камбаръ или Камберъ встрѣчается и у Радлова (Ргобен, III, 112, IV, 332); см. также ниже въ примѣч. къ гл. IV, къ № 136. Въ крымско-татарскомъ имени радуги (см. ниже) вм. Кемпыръ первымъ членомъ стоитъ ягмуръ, „дождь“. Не было ли Кемпыръ именемъ громовника? Съ татарск. рѣченіемъ комбуръ соединяется понятіе о громѣ (Будаговъ, Сравн. слов., II, 163). Золотницкій въ своемъ чувашск. словарѣ приводитъ поволжскія названія радуги: чувашск. сьурень-киберъ, сьувекъ-киберъ, салаватъ кибери и татарское салаватъ-купре; вторые члены въ обоихъ языкахъ понимаются, какъ мость. Не образовался ли второй членъ изъ кемпыръ чрезъ выпаденіе м? Киберъ, купырь ср. съ названіемъ (мигической?) стрѣлы кюбуръ или куйбуръ (Труд. Пек. дух. миссіи, IV, стр. 107 и 217, а также въ старинномъ переводѣ башкирск. сказанія о Козу-Курпачѣ, напечатанномъ въ Казани). Форма камбаръ сходна съ вторымъ членомъ чувашско-черемиск. сложнаго Пигамбаръ или Пи-амбаръ; такъ называется божество, покровительствующее домашнему скоту, охраняющее его отъ волковъ и смѣшиваемое съ нашимъ Егоріемъ Храбрымъ (Золотницкій, Чув. сл., 202, 203; его же, Невидим. міръ по шам. воззр. Черемисъ, 1877, стр. 23). Первый членъ этого имени ср. съ Шемъ въ одномъ болгарскомъ сказаніи (Верковичъ, Опис. быта Болгаръ, Изв. Общ. люб. естеств., антроп. и этн., т. XIII, в. 1, стр. 9: Пій первый сынъ Бога; онъ научилъ свое потомство садить виноградники и дѣлать вино; онъ открылъ огонь и желѣзо; въ заключеніе онъ былъ запертъ Богомъ въ пещеру). У горцевъ сѣвернаго Кавказа слову пакомпаръ, кажется, также придается какое-то немусульманское значеніе въ родѣ мелкихъ духовъ (ср. Вс. Миллеръ, Осетинск. Этюды, I, стр. 149). На нѣкоторыхъ кавказскихъ нарѣчіяхъ это слово произносится пайхомаръ. Ср. грузинск. мегамура или гамура, „летучая мышь“. Второй членъ: кусагы, кушаки ср. съ якутск. кусяга; такъ называются металлическіе диски на шаманскихъ плащахъ (Порядинъ, Якут. слов.); тѣ же диски въ алт. называются кузюмо, въ монгол. толи; въ 25 прим. къ гл. II мы указали на сопоставленіе этого слова съ мѣсяцемъ въ самыхъ образцахъ народно-шаманской поэзіи; названія луны пермяцк. тѣлысь, зырянск. тѣлысь, ост. тѣлыс (Золотн., Чув. сл., 156) ср. съ урянхайск. джелешъ или телешъ, „радуга“; въ тунгусск. dilasa, „солнце“. Не назывался ли именами отъ того же корня также и болидъ (ср. сказаніе объ упавшемъ съ неба кудьюнго, стр. 110), явленіе, которое уму дикаря могло представляться среднею формою между молніей и солнцемъ.

Рядомъ съ монгольской формой солонго или холонго, *Mustela sibirica*, существуетъ монгольское шилугунъ, „рысь“; въ бурятскомъ это слово измѣняется въ чилугунъ; ср. *sulaku*, лисица по тунгусски; халхасское солонго, „колонокъ“ въ манджурскомъ и тунгусскомъ переходитъ въ солохи, „колонокъ“ (Маакъ; Пут. по Усури, I, 101). Не придавались ли эти формы грозовому явленію? У Якутовъ есть слово, скулюкунъ, „водяной“ (Порядинъ, Якут. сл.); русско-сибирское областное въ Зап. Сибири „остроголовый шилукунъ“, то-есть, чортъ, вѣроятно заимствованное у инородцевъ и занесенное изъ Вост. Сибири. Остроголовые деревянные болванчики упоминаются путешественниками и у Самоѣдовъ (Этн. Сб., IV, 65); обь островерхихъ столбахъ, которые ставились Шведами у огня въ честь Тора см. у Мангардта, Germ. Myth., 236. Ср. также манджурск. шулхунъ, суженный къ концу, заостренный (Захаровъ, Мандж. сл., 686). Эта заостренная форма, можетъ быть, подражаніе формѣ стрѣлы, подъ которою представлялась молнія. Съ инициаломъ т сходныя формы встрѣчаются въ личныхъ именахъ, какъ напр. Тюлюгунъ, Талэгень и пр. Ср. Тюльгунъ даетъ огонь Чингисъ-хану (стр. 229). При выпаденіи звука г отъ формы чулугунъ получается форма чилунъ или шилунъ; подъ словомъ шилунъ или силунъ Манджуры разумѣютъ рысь. Въ тюркскихъ же нарѣчіяхъ по киргизски джиланъ, по карагасски чжуланъ (Castren, Koibal. und Karagas. Spr., 156), на языкѣ Крымскихъ Татаръ гиланъ, на языкѣ Черневыхъ Татаръ тиланъ, у Казанск. Татаръ иланъ значить амѣя; въ монгольскомъ чилунъ, „камень“. Не потому ли, что этимъ именемъ, можетъ быть, сначала назывались аэролиты и камни, народнымъ повѣрьемъ принятые за упавшіе съ неба? Обь Урянхайцахъ есть сказаніе, что они происходятъ отъ камня (чилунъ). Не поконтся ли оно на связи грозовыхъ явленій съ представленіями о началѣ всякой жизни на землѣ? По монгольскому повѣрью, одна изъ мукъ въ аду состоитъ въ томъ, что грѣшнику разбиваютъ голову на каменной плитѣ камнемъ, похожимъ на корову: укыр-чилогунъ (Ниль, Буддизмъ, 352). Укыр-хара-чило иногда встрѣчается въ сказкахъ, наприм. въ № 114 и 135 (стр. 441); въ № 111, вар. г (стр. 383) быкъ (укуръ) и камень (чило) являются отдѣльно.

На языкѣ Крымскихъ Татаръ радуга *ямуръ-кушагъ*, „поясъ дождя“, *чунъ-хулагъ*, „уши котла“ и *куртгаджа-гоинь-джай-ханъ*, „разбѣжавшееся стадо овецъ Хорхаджани“, Хорхаджанъ собственное имя какой-то злой старой бабы (сообщ. А. Калачевымъ изъ Алушты). У Кондаракъ (Опис. Крыма, т. I, ч. II, стр. 2) *курдгаджа-кетень-джайланъ*, то-есть, вѣдьма, растянувшая полотно. Въ дер. Капсихоръ на южномъ берегу Крыма я записалъ имя радуги: *эбемъ-кушагъ*.

Вамбери (Die primit. Cult., 169) казанско-татарское *салаватъ-кунури* переводить: „мостъ молитвъ“ и даетъ еще другое татарское *сиратъ-кунури*, „мостъ страшнаго суда“. Киргизы толкуютъ слово *салаватъ*: прощеніе, амнистія; Башкиры видятъ въ немъ имя богатыря.

У Дагестанскихъ Татаръ: *койсы-кюзя*, *ковсу-казагъ*, *хауфсу-казагъ*, *кесу-кузехъ* (съ арабскаго); также зовутъ радугу и Талышницы; народное

у Дагестанск. Татаръ *пайтамбардынъ-куршаги*, „поясъ пророка“. Ср. въ нашихъ сказаніяхъ Добрыня Златой Поясъ, Тимоня Златой Поясъ (Квашнинъ, Самаринъ, въ Русск. Бесѣдѣ, 1871, май, 231).

Кюринцы на Кавказѣ: *ходжажъ джажъ*, (записано отъ г. Ибова, милиціонера въ Тифлисѣ). У Услара въ его литограф. азбукѣ Кюринск. языка радуга—*јаєрнѣ рунѣ*, то-есть, „длинная дѣвушка“, но Кюринецъ, отъ котораго мы записывали, сказалъ, что этимъ послѣднимъ именемъ называется не радуга, а богѣзнь въ видѣ краснаго пояса; появляется на одномъ мѣстѣ красное пятно, которое, разрастаясь, опоясываетъ тѣло, и когда поясъ сомкнется, человекъ моментально умираетъ.

У Чеченцевъ на Кавказѣ: *стѣлинъ ладъ*, то-есть, „небесный лукъ“ (Усларъ, Авб. чеч. яз.).

У Ингушей: *силладъ*.

У Кабардинцевъ: *лягунукъ* (лягушъ-дужка у котла). При появленіи ея дѣти кричатъ: лягунукъ, лягунукъ! дѣкошинж дивунѣ вошхъ къшхижынгымъ! то-есть „Радуга, радуга! Пойдемте домой! Больше дожда не будетъ!“

Турское названіе на Кавказѣ: *лати* (лат по турски и небо, и гора)—*дышка*, то-есть, небесный поясъ, что напоминаетъ, дѣлаетъ примѣчаніе Шифнеръ, литовское *dangaus josta*, (Учен. Зап. Ак. Н. по I и IV отд., 1855, т. III, ст. Шифнера: Кратк. харавт. Турск. яз., стр. 91).

Казикумыки: *суру курта*.

У Осетинъ: *сосланѣ андурѣ*, то-есть, Сослановъ лукъ (Вс. Миллеръ, Осет. Эт., II, 285); обмѣновенно же *арвѣрдимъ*, то-есть, небесный (арв) лукъ (ардын).

Ассоры: *штиты маранъ*.

Греки въ Θεοδοσίи (въ Крыму): *даратилъ*.

Громовый ударъ Кюринцы (Ахтинскіе) на Кавказѣ (по показанію г. Ибова) называютъ *алпанцай* и отличаютъ его отъ *цайлипе*, то-есть, какъ выразился г. Ибовъ, отъ „огня въ видѣ плети“, который сопровождаетъ громъ. Цайлипе всегда сопровождаетъ громъ, а алпанцай падаетъ рѣдко и бываетъ безъ дожда, но за то всегда убиваетъ.

Громъ.

15) Къ стр. 138. Къ № 1. Аюнго ср. съ самоѣдск. *haigo*, молнія, собственно „огонь идола“.

16) Къ № 2. Алтайское Улы или Улу, конечно, есть то же, что монгольское лу или лунь, „драконъ“. Ср. съ сербск. ала, змѣй, наводящій облака и градъ (Аванас., Поэт. Возвр., II, 520), а также съ тюрко-татарск. именами змѣи (см. выше, стр. 744); встрѣчающіяся въ алтайскихъ сказаніяхъ Катънъ-джула, Кара-кула (Radloff, Proben, I, 62; II, 185; Mel. asiat., t. III, livraisons. 4, p. 374) содержать вторые члены, сходные съ алтайскимъ улы. Сюда же, можетъ быть, слѣдуетъ отнести монгольское уланъ, когда оно встрѣчается въ легендарныхъ именахъ и даже когда въ названіяхъ урочищъ. Ср.

руссіа Зміуланъ, „вода Елена“, „вода Олыяно“, „водица Улянице“ (Труд. этн. эксп. въ Запад. русск. край, I, 1, 43; Н. Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., I, стр. 3), „мать сыра земля Уляна“ (Нижегор. Сборн., V, 260). Приведенныя на стр. 47 и 99 формы Улуть-ханъ, Олыты-тесъ, записанныя г. Ядринцевымъ, по видимому, не слѣдуетъ принимать за неправильныя записи вмѣсто Булуть-ханъ. Чокурь-корукъ ср. съ цокурь-номынъ, „еротъ“, который также преслѣдуется молніей. Форма шухуръ встрѣчается ниже въ № 4. Паръ, стоящій надъ зимовьемъ громовника, ср. съ словами Рашид-эдина о Буть-тэнгри, подъ которымъ ледъ таялъ и поднимался паръ (Зап. Археолог. Общ., XIV, 159).

17) Къ № 3. Тосъ ср. съ Олыты-тесъ на стр. 47. Тосъ по урянх. свинья; форма эта произошла чрезъ выпаденіе носоваго звука изъ *томусъ*, свинья, какъ на другихъ татарскихъ нарѣчіяхъ. Въ сѣверной Монголіи есть гора Тосъ-хаирханъ. Въ монгольскихъ сказаніяхъ громовникъ также является иногда подъ именемъ Хурмустенъ-хана, напр. въ № 111 въ вар. б, и въ № 145.

18) Къ № 4. У Нила, Буддизмъ, стр. 65: когда лу производитъ громъ, враждебный асури начинаетъ бить въ чудовищный кенгерге. Казн-кумыхи на Кавказѣ о громѣ думаютъ: Малаки (ангелъ) бьетъ въ землю, чтобы трава росла. Ингуши: млекъ (ангелъ) гонитъ тучу. Вотяки говорятъ о молніи *квасъ чиликя*, молнія сверкаетъ, о дождѣ *квадъ саръ*, дождь идетъ; при этомъ объясняютъ, что Квадъ—старый богъ, то-есть, богъ, которому прежде поклонялись.

19) Къ № 7. Кызылъ—красный. Ср. урянхайское (стр. 138) *кызаннаш*, молнія. *Хасмыл* или *хатыл*—ложка для возліанія молокомъ у Монголовъ и Бурятъ. По показанію одного Урянхайца съ р. Елегеса, въ Точжи-урянхайской землѣ есть гора Отыкъ-кызылъ (въ монгол. переводѣ Улянъ-сэтертей); черезъ нее никто не можетъ проѣхать, не оставивъ всего краснаго, что съ нимъ есть; поэтому проѣзжающіе, переваливая черезъ гору, всегда вѣшаютъ красныя лоскутья. Ср. у Сюань-Цаня (Memoires sur les contrées occid., trad. p. Stan. Sulien, t. I, p. 11).

20) Къ № 10. Банзаровъ (Учен. Зап. Каз. унив., 1846, III, 94) слово сулдэ переводитъ „покровитель“; ср. съ именемъ онгона Зультунъ, (стр. 122). Банзаровъ приводитъ выраженіе: „мы здоровы подъ сулдэ государя“; небо, правшее міромъ, также имѣетъ свое сулдэ; оно-то олицетворено въ девяти тэнгри, *юсунъ-сульдэ*, которыя встрѣчаются въ призываніяхъ. Они называются братьями, *аха дгу йисунъ сулдэ тэгри*, „девять тэгри родныхъ братьевъ“. Банзаровъ напоминаетъ также, что Чингисханово знамя, состоявшее изъ девяти бунчуковъ, называлось *сулдэ*. Сульдесъ (множ. ч. отъ сулдэ) встрѣчается какъ имя монгольскаго поколѣнія (Зап. Археол. Общ., XIV, 168); ср. събтысь, „звѣзда“ на нарѣчій Косогольскихъ Урянхайцевъ. Исунъ-сулдэ не будетъ ли значить „девять звѣздъ“ и не есть ли названіе какого-нибудь созвѣздія, въ которомъ полагалось такое число членовъ? См. также примѣчанія къ гл. IV, къ № 132. Объ обычаяхъ кавказскихъ горцевъ пѣть особія пѣсни во время громоваго удара см. въ Сборн. свѣд. о кав-

казск. горцахъ, в. V, Религ. вѣров. Абхазцевъ, стр. 16; в. IX, ст. „Сувѣрія Осет.“, стр. 30; Матер. для описанія племенъ Кавказа, в. 1, ст. Урусбиева „Сказ. Татаръ-горцевъ“, стр. 36, а также объ обычаяхъ Албанцевъ собирать девять женщинъ по имени Маро и пѣть пѣсню послѣ ужаленія тарантула *merçâge*, см. Hahn, Alban. Stud., 157.

21) Къ № 12. Арахынъ, ср. съ корюкъ, бурундукъ по алтайски и урянхайски или съ харьхо, вротъ по дархатски; въ обоихъ звѣрей по мѣстнымъ повѣрьямъ бьетъ молнія. Шиткуръ или читкуръ, въ другихъ нарѣчьяхъ хоткоръ, ср. съ kutker, „летяга“ по остяцки (Castren's, Vers. ein. ostjak. Sprg., стр. 83). Объ Арахынъ см. гл. IV, № 43. Подобное же повѣрье о чортѣ, дразнящемъ Бога, есть и въ южной Россіи (Труды Этн. эксп. въ зап.-рус. край, т. I, в. 1, стр. 19); въ скандинавской мифологіи Geirrodg прячется отъ брошеннаго Торомъ громоваго топора за столбъ, сближаемый Мангарттомъ со скалой, которою прикрывается Utgardaloki отъ удара Тора (Germ. Myth., 202). По повѣрью Ингушей на Кавказѣ, черти становятся другъ на друга, чтобъ слушать, что Богъ говоритъ ангеламъ, и Богъ поражаетъ чертей молніей.

22) Къ № 13. О дельфинахъ, какъ мифическихъ ѣздовыхъ животныхъ, см. Böttiger, Ideen zur Kunst-Myth., В. II, s. 330. Одному изъ такихъ ѣздовыхъ дельфиновъ давалось даже собственное имя *Σιρόν*.

23) Къ № 15, 16 и 17. Лопари вѣрятъ, что громъ преслѣдуетъ колдуновъ. По осетинскому сказанію, громъ разразился надъ Батразомъ за то, что онъ убилъ элій. Вс. Миллеръ „Осет. Этюды“, I, 149.

24) Къ № 16. Васюганскіе Остяки, по сообщенію свящ. о. П. Краснова, имѣютъ такое повѣрье о летучей мыши: кто имѣетъ летучую мышъ при себѣ, тотъ бываетъ счастливъ въ домашнихъ промыслахъ, рыболовствѣ, птицеводствѣ и др. Нѣкоторые зашиваютъ летучую мышъ въ шапки и одежду, но только эти шапки и одежду они носятъ дома, а не ходятъ въ нихъ въ гѣсъ на звѣринный промыселъ. Это потому, что медвѣдь издавна имѣетъ зло на летучую мышъ; онъ можетъ погнаться за зашитую въ шапкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, погубить и человѣка. По какому случаю медвѣдь золь на летучую мышъ—не извѣстно.

25) Къ № 23. Въ осетинскомъ сказаніи Батразъ началъ подыргивать на 300 сажень, когда надъ нимъ разразился громъ. Къ этому добавлено, что онъ теперь называется Уаскыргіемъ (Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, стр. 149). У Ингушей на Кавказѣ повѣрье о Тамажѣ, что онъ, разсердившись, увеличивается въ 15 разъ; Сб. свѣд. о кавк. горц. в. V, 13—14. Ср. также съ вырастающею старухой въ ск. Амьн-Цаганъ Бюрю, стр. 196. Въ Тифлисѣ нами записано отъ Леагина Абдуль-Рашида Ибובה, показаніе, что у Кюринцевъ (Ахтинцевъ) есть повѣрье о привидѣннй алпаб, которое вырастаетъ на глазахъ человѣка до роста дерева; во время родовъ алпабъ вытаскиваетъ внутренности родильницы, отчего она умираетъ; въ предупрежденіе этого, родственники становятся на крышу дома и стрѣляютъ изъ ружей.

26) Къ стр. 143. Формы, сходныя съ хулу (первою половиной слова хулу-

гана) встрѣчаются въ сказкахъ: въ алтайской—въ сложномъ Кулумъ-кара (Radloff, Proben, I, 286), въ киргизской—въ сложныхъ Наранъ-сулу (ibid., III, 321) и Баянъ-сулу (ibid. III, 269), въ барабинской—въ сложномъ Кунъ-сылу (ibid., IV, 65). Во всѣхъ случаяхъ таеъ называется дѣвица, похищаемая или увозимая богатыремъ; наранъ ср. съ монгол. наръ, солнце, кунъ съ татарск. кунъ, день и солнце. Въ дюрбютской былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ (стр. 442) дѣвица, похищаемая богатыремъ, называется Наранъ-Хуухюнъ Наголынъ-Хоо; хуухюнъ ср. съ тунгусск. dzokun, „солнце“. Ср. также женскія имена Агыланъ-ко (Radloff, Prob., II, 386) и Аланъ гоа; послѣднюю похищаетъ Дува-Сохоръ въ книжномъ монгольскомъ сказаніи; въ членѣ Аланъ еще Сенковскій усматривалъ тюркское планъ, амѣя. Не были ли эти формы: Наголынъ (ср. съ тунгусск. наленга, „медвѣдь“), Аголанъ, Аланъ, Кулу (Кулумъ-кара ср. съ алт. карагула, „левъ“), сулу, хулу именами солнца? Въ сказкѣ или былинѣ о Ховугу (Очерки, II, 175) конь богатыря называется Солонго; тѣмъ же именемъ: Солонгосъ (множествен. число отъ солонго) въ Алтанъ-Тобчи (стр. 18) называется народъ, среди котораго Чингисъ-ханъ живетъ съ дочерью солонгосскаго хана, забывъ свою законную жену; ср. съ „солнечнымъ городомъ“, въ которомъ въ нашей сказкѣ заживается Урусланъ Залазаревичъ (Тихонравовъ, Лѣт. рус. лит., IV, 100). Не отъ того ли же корня происходитъ имя алтайскаго верховнаго божества Ульгенъ? У Якутовъ ilughön „летага“ (Pall., Zoogr., I, 190). Такое же сходство можно видѣть и между именами Камъ-Курмосъ (стр. 328) и курмиши, бурятск. „летучая мышь“; Ерленъ-Номонъ-ханъ и ерленъ, татарск. „крыса“, „кротъ“; номонъ монгольск. „кротъ“; Нумъ самоѣдск. „богъ“ и нумоло, мордовск., „заяцъ“; Волгенче, божество молніи у Черемисовъ и мулгачъ, чувашск. „заяцъ“, Пилячучъ, громовникъ у Камчадаловъ (Крашенинниковъ, Описание Камчатки, II, 73 и 78) и biltschutsch, заяцъ (*Lepus variabilis*) по камчадалски (Pall., Zoogr., I, 146). Ср. также русскую загадку о громѣ и молніи: Туръ ходитъ по горамъ, а турица (мышь) по норамъ (Садовн., Заг. рус. нар., № 1940).

27) Къ стр. 143. Въ алтайскомъ сказаніи (Миссіонеръ, за 1877 годъ, № 20, стр. 160) описывается споръ между кусечекъ—немечекомъ (маленькою полевою мышью) и Чельбегенемъ, кто увидитъ первый восходящее солнце.

Названія растений.

28) *Aconitum napellus*, хара хоросу. Ср. хара-гуресу, „медвѣдь“, монгольск. По Палласу, Башкиры *As. Lycostonum* зовутъ аю-кубши, „медвѣжья трава“. Вотяки зовутъ его гондырь-кудо, „святъ медвѣда“. Казанскіе Татары: аю табаны, „медвѣжья лапа“.

29) *Archangelica officinalis*, балтырганы. По русски балдырьянъ, по нѣм. *Baldrian*, по латышски *Baldrini*, *Baldriani*, по чешски *baldrian*, *paldrian* называется другое растеніе, именно маунъ, *Waleriana officinalis*. По баш-

кирски балтирганъ, *Hedysarum spondilium*; киргизск. балдрианъ, *Waleriana*. Ср. *бултрынъ*, волкъ на языкѣ Босогол. и Хукск. Урянхайцевъ. Въ одной нѣмецкой дѣтской пѣсенкѣ Bullerjan, см. Manhardt, Germ. Myth., 387.

30) *Atragene alpina*, юргомьшъ; ср. съ алт. *юргомьшъ*, паузъ.

31) *Juniperus*, арца. По якутски *арчы*—шаманское освященіе для изгнанія нечистыхъ духовъ пучкомъ сожженныхъ лучинокъ, взятыхъ преимущественно отъ дерева, разбитаго грозой. Порядинъ, Якут. слов., рукоп.

32) *Lasiagrostis*, дэрису, ср. съ польск. *dyrsa*, *Bromus secalinus*; русское тырса, тирса, *Stipa*.

33) *Pulsatilla vulgaris*, „кукушкинъ слѣдъ“. По русскому повѣрью, „богородская трава“ выросла по слѣдамъ плачущей Богородицы; по слѣдамъ уходившаго въ горы Буха-нонна выросла пихта (см. стр. 265, вар. *); ср. также въ сказкѣ о Цаганъ-Бюрю золотые цвѣты, выросшіе на дѣтскихъ слѣдахъ (стр. 197). Богородица въ именахъ травъ иногда замѣщается кукушкой (Анненъ., Бот. Слов.: *Surgipedium*). По монгольски кукушка хухэй, дѣвица хуухюнь.

34) *Solanum dulcamara*, узюгъ-аши, „ѣда мертвыхъ“. По самоѣдски *lattar-tobert-ри*, можжевальникъ; *lattar*—трупъ; названіе кустарника въ переводѣ будетъ значить: дерево ягоды мертвыхъ. Castren's Wörterverz. aus d. Samo-jedisch. Sprache, 130.

Названія животныхъ.

35) *Canis alpinus*, субуръ. Ср. Цубера, урочище къ с. отъ Уласутая; Баянъ-Цумбуръ, гора въ южн. Монголіи (Пржевальскій, Монголія, т. I, см. на картѣ въ Алашанск. хребтѣ), Сумбуръ-ола, гора въ сѣв. Монголіи (Оч., I, 272). Гомбоевъ упоминаетъ имя какого-то мелкаго звѣрка зумбра (Алтанъ-Тобчи, стр. 9). *Vos usus* на славянск. языкахъ зубуръ, у южныхъ Славянъ и Румыновъ *zimbru* (Cihac, Dict. d'etymol. d'asogom., Francf., 1870, стр. 27).

36) *Felis Leo*. На Кавказѣ для льва существуютъ названія: осетинск. франк или фаранг, чеченск. луом, казакумьск. аслан и каллан, аварск. галбац, грузинск. аслан и лом. Въ Грамм. алт. яз., Казань, 1869, стр. 48 и 150, противъ слова „левъ“ стоятъ: арслан и орсыл айу; въ скобкахъ авторомъ поставлено: орсыл-анг? Не правильнѣе ли разбить это слово на орс и ылан или ормс и лан? Вамбери разбиваетъ тюркскія названія звѣрей такимъ образомъ: *ars-lan*, левъ; *kar-lan*, тигръ; *zirt-lan*, Нуәне; *ku-lan*, дикій осель; *jil-an*, *jil-lan*, змѣя; *zu-an*, ящерица, *sic-an*, мышь, *kuj-an*, заяцъ, *zeig-an*, антилопа и въ окончаніяхъ *an* и *lan* видитъ восточно-тюркское и монгольское *анг*, то-есть, „животное“, при чемъ замѣчаетъ, что *lan* древнѣйшая форма, удержавшая гласную (*Die primit. Cult.*, s. 184—185). У сѣверн. Бузятъ существуетъ повѣрье о животномъ аргалынъ-занъ, которое когда-то жило на землѣ, а теперь живетъ подъ землей (ср. урянх. аргалынъ, каменн. баранъ); это повѣрье, конечно, относится къ мамонту и аргалынъ, вѣроятно, то же, что орсыланъ. Въ прикамскомъ Поволжьѣ съ именемъ ырслень

соединяются повѣрья о летучемъ змѣѣ; г. Магнитскій передалъ мнѣ слѣдующій чувашскій разсказъ: „Есть такой змѣѣ, назыв. ырслень; если онъ за кѣмъ погонится, отъ его укушенія никто не уйдетъ; ѣхалъ одинъ Чувашъ; ырслень полетѣлъ за нимъ; Чувашенинъ погналъ лошадь, но какъ ни торопился, уѣхать не могъ. Ырслень налетѣлъ на него и съ размаху попалъ въ пещуръ, бывшій на спинѣ чувашенина; въ пещурѣ были горячіе хлѣбы; ырслень, попавъ между ними, и самъ испекся“. У Венгровъ имя *orszlan* носитъ похититель дѣвиць (А. Веселовскій, Разыск. въ обл. русск. дух. стих., с. 149). Въ чеченскихъ сказкахъ похитителемъ дѣвиць бываетъ или арже-ногай, „черный ногаецъ“ или гауръ-орсай „невѣрный русскій“. (Сборн. свѣд. о кавказск. горц., въ VI. ст. Лаудаева: „Чеченск. племя“, 18). Киргизск. арыстанъ, можетъ быть, даетъ право осетинское Ростомъ и вообще иранское Рустемъ объяснять испорченнымъ Арсланъ, Урусланъ, а не на оборотъ, какъ дѣлаетъ г. Ор. Миллеръ.

37) *Mustela putorius et sibirica*. Формы гарса, хырса, гырса ср. съ корсакъ, корсукъ, киргизск.: *Canis corsak*, кирса, монгольск.: *idem*; *hirs*, персидск.: медвѣдь, арсь, осетинск.: арсь; керсъ, носорогъ въ уйгурск. словарѣ Клапрота; каршанъ, башкирск.: волкъ (Pall., Zoogr., I, 36); карзакъ, чувашск.: заяць-русакъ; барсукъ, борсукъ, порсукъ, *Melex Taxus* на разныхъ татарскихъ нарѣчіяхъ отъ Косокола до Дуная; борзъ, барсукъ, венгерск.: *idem*; *piris*, пырьсъ, черемиск.: кошка (Золотницк., до рукоп. сообщ., Pall., Zoogr., I. 26); барсъ, русск.: *Felis irbis*; барисъ, каз. тат.: *idem*; джулбарсъ, киргизск.: *Felis tigris*; въ журналѣ „Природа“, издав. Сабанѣевымъ, было приведено употребляемое будто бы въ Ташкентѣ имя для этого звѣря юль-барсакъ; бирсъ, бирсъ на кавказск. нарѣчіяхъ: *Hyena striata*; борзъ, ингушск.: волкъ. Въ слѣдующихъ именахъ какъ будто прямая замѣна инициаловъ б и к: барсукъ (*Meles Taxus*) по остиацки корсукъ (зап. г. Поляковымъ на средн. теченіи Оби); чувашск. карзакъ, заяць-русакъ, по вотяцки прусакъ; монг. хара-гуресунъ, бурятск. баранъ-гурогунъ, медвѣдь, въ послѣднемъ случаѣ баранъ значить черный, какъ и халхасское хара, но существованіе словъ баръ, тигръ по халхасски, бартахы, медвѣдь по бурятски, свидѣтельствуетъ, что баранъ могло и не быть эпитетомъ. Ср. также названія поперечины въ бубнѣ: баръ, барсъ, барзъ, марсъ, борзы.

38) *Mustela sibirica*. Курюнь ср. съ венгерск. *gőrény*, хорекъ.

39) *Mustela vulgaris*. Тобольск. Татары: уршанъ (Гигановъ, Грамм. тат. яз., С.-Пб., 1801 г., стр. 37). Ср. коржанъ, южнорусск.: „летучая мышь“ (Данильченко, Эти. свѣд. о Подол. губ., 1869, в. I, 14).

40) *Pteromys volans*. Алтайская народная этимологія имени бобырганъ сходна съ бурятскимъ объясненіемъ имени удода, бобольжинъ. Удодъ въ мусульманскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ является на мѣстѣ киргизскаго байгуса, о которомъ Киргизы разказываютъ то же, что Монголы о летучей мышѣ. Между удодомъ, летучею мышью и летягой есть, по видимому, мнѣнческая связь. Названіе крыльевъ вѣжі напоминаетъ названіе летучей мышѣ у Крымскихъ Татаръ: гедже-кушъ (ср. южно русское кожанъ, летучая мышь).

Чулымск. Татары, по рукописн. сообщенію св. о. І. Соколова, летягу зовуть: паабарганъ. Съ абирганъ ср. миеологическія имена Абырганъ, „змѣй“, Моргонъ-хара, миеическій шаманъ, обладавшій способностью взлетать къ небу.

41) *Spergophylus*. Отъ формы *дзурмэ* не происходитъ ли названіе киргизскаго поколѣнія Сары-Джумартъ? Ср. съ дюрбютск. именемъ того же звѣрка: шаръ дзурмынъ, Оч., II, 141. Последнее имя сходно съ Сарыкэрмэнъ („рыжая бѣлка“ по монг.), какъ по Шпильбергеру будто бы назывался у Татаръ въ его время таврической Херсонесъ (Корсунъ). Имя Херсонъ считается греческимъ, но эта форма встрѣчается и въ сѣверной Монголіи: уроч. Кэрсонъ-чило лежитъ къ с. отъ Уляссутая (Оч., I, 235), другое въ котловинѣ оз. Урюкъ-норъ (*ibid.*, 330).

42) *Ursus arctos*. Бурятское бартахи ср. съ венгерск. *ragduc*, пантера. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: „пардужій“; въ начальной лѣтописи: пардусъ. Дѣдомъ медвѣдь называется на многихъ языкахъ; по якутски эгэ, эсэ, медвѣдь и дѣдь; у Алтайцевъ абшіякъ, медвѣдь и дѣдь; у Остяковъ жіг, медвѣдь и дѣдь; у Тунгусовъ атігкан, медвѣдь и старикъ; у Урянхайцевъ убукъ, медвѣдь; по монгольски убугунъ, старикъ; ба-абагай, по монгольск. медвѣдь, абагай—дѣдь, утыганъ по монгольск. медвѣдь и старѣйшина; по гольдски мафа, медвѣдь и дѣдь.

43) *Vespertilio* и вообще *Nirotega* у Чулымскихъ Татаръ (по сообщенію св. о. І. Соколова): арытанатъ, курнучучаъ, артопокъ. О ней есть у нихъ повѣрье: кто черезъ нее перешагнетъ, лишится дѣторожденія, а живущія дѣти умрутъ; если положить ее на три ночи подъ изголовье, постигнетъ бессонница. Джергашъ ср. съ черкасъ, бурундукъ у казанск. татаръ, Черкасами у насъ назывались казаки; Черкесы у своихъ сосѣдей извѣстны подъ именемъ Гизихи, Касоги; ср. казакъ, русск. областн. „летучая мышь“. Киргизами мы называемъ народъ, который самъ себя называетъ Казагъ.

44) Обращаютъ на себя вниманіе парныя, очень часто встрѣчающіяся въ названіяхъ летучей мыши. Кромѣ помѣщенныхъ на стр. 162 и Оч., II, 132, можно еще привести якутск. абасы — юримитчита, черемисск. боду—буджиранга. Есть парныя и для другихъ животныхъ; у Палласа медвѣдь названъ по самоѣдски *haebidae—sermik*; у другихъ авторовъ эти члены приводятся въ разбивку; монгольское ба-абагай, можетъ быть, составлено изъ оба, чувашск. медвѣдь, аба, алт. дѣдь и абагай, монг. дѣдь. Въ алтайскомъ левъ назыв. орсылъ-айу. Въ котскомъ (*Castren's Vers. ein. Jeniss.-ostj. Spr.*, 239) лисица сумаръ-когана (сумаре лисица по айнски, коганъ лисица по остяцки). У Дюрбютовъ альпійскій волкъ называется цибръ-хайгыль. Ср. наши названія летучей мыши нѣт-опыръ, лят-опыръ, нѣмецкое *Fleder-maus* (въ румынскомъ *flutur*, бабочка, въ албанск. *флюѣтореза*, *idem*). Въ книжныхъ нашихъ сказаніяхъ встрѣчается парное: вага-астратуръ (астрафилъ, страфилъ; ср. съ астрахи, „молнія“ у крымск. Грековъ; Кондараки, *Опис. Крыма* т. I, ч. II, стр. 1); въ литовскихъ сказаніяхъ *gerto-venax*; въ нѣмецкихъ: *lindvurm*. Парныя встрѣчаются и въ именахъ грозоваго явленія. Черемисы почти сливаютъ свои божества грома и молніи въ одно имя Кудурчо-Волгенче; у Вотяковъ грозовой богъ Иньмаръ спаривается съ Кыдышиномъ

или Кольчиномъ; говорятъ: Иньмарь-Кольчинъ; начало послѣдняго члена напоминаетъ вотяцкое кыле, „галька“, инькыле — „громовая стрѣла“. Въ нашихъ сказкахъ о лисицѣ, женищей сироту на царской дочери, являются рядомъ Громъ-батька и Царица-Моланья; въ бурятскихъ преданіяхъ небесный отецъ предка бурятскаго народа назыв. Исыгы-Маланъ-тэнгри; исыгы дѣдъ, тэнгри — небо (гремящее?); маланъ не будетъ ли молнія? Въ индѣйскомъ эпосѣ громъ и молнія также спариваются въ имени Indragñi, то-есть Индра и Агни (Mannhardt, Germ. Mith., 296; Holtzmann, вь Zeitschr. d. Deutsch. Morgenländ. Gesel., В. XXXII, Н. II, 313—314); ср. съ русскою загадкой у Садовникова, Загад. русск. нар., № 2453. Лузь и стрѣла постоянно спариваются въ эпическихъ разказахъ, какъ Монголами, такъ и тюрко-татарскими племенами; Урянхайцы говорятъ укъ-джа, „стрѣла-лузь“; Монголы: номынъ-сумынъ, „лузь-стрѣла“. Монголы спариваютъ также солнце и луну: саръ-наръ или по бурятски харъ-наръ. Въ молитвѣ къ огню Монголы спариваютъ два его имени турецкое отъ и монгол. галь: Удъ-Халай-ханъ (Зап. Археол. Общ., XIII, стр. 238). Такія соединенія синонимовъ можно видѣть въ слѣдующихъ парныхъ: у Радлова (Proben, II, Vorwort, XII) упоминается народъ Итъ-Ногай; собака итъ по татарск., ногой по монгольски; ср. въ Эддѣ имена великановъ hundálf и hundólf, Hundalf и Hundwolf; у Рашидъ-Эддина поколѣніе Хонгъ-Хотанъ; лебедь монгол. хонгъ, остяцъ. хотангъ; Ай-Толмызъ, имя героя въ сказкѣ абаканскихъ Татаръ (Radl., Prob., II, 176); мѣсяцъ ай татарск., тѣлмъзъ остяцъ.; Тась-Таракай, имя, которое въ алтайскихъ и урянхайскихъ сказкахъ получаетъ богатырь, когда принимаетъ видъ заморыша; плѣшивый тась по алтайски, тарагай по якутски; эшле-зенгеръ, по чувашски купорось; по Золотницкому (Чуваш. сл., стр. 9) отъ татарск. яшид, зеленый и зенгер, голубой. Иногда парныя имена представляютъ какъ будто только различныя произношенія; наприм. въ монгольскомъ имени возули дзура-гурия; ср. наше чудо-юдо, черемисск. шуды-водушъ, Качинск. Татаръ: Джеты-Кудай. Спариванія собственныхъ именъ практикуются и современными народами Средней Азии; часто сливаются имена сосѣднихъ урочищъ; такъ напримѣръ, Киргизы сливаютъ горы Ку и Кентъ въ одно имя Ку-Кентъ, рѣки Буконь и Чигилекъ въ парное Буконь-Чигилекъ, Тюмень и Тобольскъ въ Тюмень-Тобоякъ; извѣстно, что Синкаме одного стариннаго путешественника по Азии разъяснилось спареніемъ городовъ Сининъ и Хами. Въ личныхъ именахъ и Монголы, и Киргизы любятъ парныя, какъ наприм.: Чиринъ-Дорджи, Банинъ-Цаганъ, Санинъ-Белекъ, Уланъ-Баяръ у Монголовъ, Коворъ-Кульджа, Кутайменды у Киргизовъ; тоже самое замѣчается въ именахъ поколѣній; наприм. у Киргизовъ: Кунъ-Садакъ, Кутту-Каданъ, Андо-Жужа; у Алтайцевъ спариваются нѣкоторыя отдѣльно существующія кости; смотри выше ст. 7. Ср. Роксъ-Алавы, Варъ-Хониты, Русъ-Варяги, Русъ и Поляне. Въ алтайскихъ и урянхайскихъ сказкахъ встрѣчается имя двухъ собакъ: Асырь-Басырь или Хасырь-Басырь (284 и II, 175); въ якутской сказкѣ (у Миддендорфа) парное Эрендахъ-Бурундахъ.

44) *Columba*, буркынъ-шибонъ, то-есть, „божья птица“; ср. съ чеченск. и осетинск. Солсановъ голубъ (Сборн свѣд. о кавк. горц., в. IV, ст. „Изъ чеченск. сказ.“, стр. 3). Мною записано ингушское названіе какой-то птицы, похожей на голубя: солса-кожь, Солсановъ голубъ; Солсанъ избралъ ее своимъ голубемъ, поэтому она и кричитъ, сѣвъ на дерево: солса! солса!

45) *Grus*, бур. тохурюнъ. Ср. наше былинное Тугаринъ Змѣевичъ. Въ южно-русской сказкѣ Журавель является вмѣсто Кошечки или Змѣя (Труд. этн. эксп. въ зап. русскій край, II, 250).

46) Имя ювакъ, сходное съ телеутскимъ джузаакъ, можно слышать и отъ Крымскихъ Татаръ въ Крыму, оно дается какой-то ночной птицѣ; Русскіе же въ Судавской долинѣ называютъ ее сплюкъ. Это не куликъ, какъ сказано на стр. 164, а какъ намъ сообщилъ М. Н. Богдановъ, сова, *Strix Scops*. См. гл. IV, № 12.

47) Змѣя, уралх. удзун гурт, то-есть, длинный червь. Подобное смѣшеніе червя съ змѣей встрѣчается во многихъ языкахъ: въ осетинскомъ *khalm*, змѣя и червь, по аварски *boroh*, змѣя и червь (Усларъ, Азб. авар. яз.), по лезгски *shata*, змѣя и червь (Усларъ, Азб. лезг. яз.); Пикете приводитъ примѣры изъ арійскихъ языковъ: санскрит. *krmi*, *krimi*, червь, сванд. *ogmr*, готск. *wurp*, червь и змѣя; финск. *kämet*, змѣя, а въ литовск. *kirmitis*, кроль. Сходное сближеніе имени змѣи съ четвероногомъ представляетъ также ежъ: греч. *ἔγξ*, випера и *ἐγυίος* ежъ; санскр. въ ведахъ *hāuga*, змѣя и латин. *heres*, *ergaseus*, ежъ; литов. *angis*, змѣя, *egns*, ежъ; русское ужъ и ежъ (жнорусск. *ж*). (Pictet, *Origin indo-europ.*, I, 417, 453, 499, 500). Ср. киргизское *керпе* или *керпекъ*, „ежъ“ съ монгольскимъ *гурбюль* „ящерица“.

Въ главѣ IV.

1. Медвѣдь.

Въ Туранскомъ караулѣ Иркутск. губ. мною записаны слѣдующія повѣрья русскихъ казаковъ звѣролововъ. У осниманнаго медвѣдя на груди означается крестъ пѣз мяса. Медвѣдь и волкъ—люди „омраченные“; они не могутъ видѣть человѣческое лицо; оно имъ кажется какъ огонь; все равно, что намъ смотрѣть на солнце. Отъ этого и волкъ, и медвѣдь, встрѣтившись, только разъ взглянуть на человѣка и потомъ уже не смотрятъ; и если звѣръ послѣ того бросается на человѣка, то опустивъ голову. Русскіе охотники, идя на медвѣдя въ чистомъ полѣ, нахлобучиваютъ шапку на глаза, чтобъ было меньше видно лица, чтобъ звѣръ не узналъ человѣка. Медвѣдь, въ какой бы трущобѣ ни былъ, узнаетъ сразу, что близъ него ходитъ человѣкъ, а не кто другой. Буряты, по словамъ казаковъ, прежде чѣмъ бить медвѣдя въ берлогѣ, три раза прокричатъ ему: Ханъ хунъ байбыл хадыгыгъ хумулт хатун байбыл улыгыгъ хумулт, то-есть, если ты царь, то сними съ себя хадыки (то-есть, лукъ и стрѣлы; такъ толкуютъ Буряты; садакъ—колчанъ)! Если ты царица, сними съ себя полотенце (то-есть, выинивъ

въ утробы дѣтей—толкуютъ Буряты)! Буряты думаютъ, что грѣхъ убить медвѣдицу съ зачатыми дѣтьми. Русскіе охотники увѣряютъ, что имъ никогда не доводилось убивать медвѣдицу въ берлогѣ и найти въ ея утробѣ хоть какое-нибудь „заведеніе“, между тѣмъ они убѣждены, что она всегда родитъ въ берлогѣ и выводитъ дѣтей вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ зимней спячки. Ханъ хунь буквально „царь человѣкъ“. Но едва ли это не парное имя звѣря, то-есть, и ханъ и хунь не были ли именами звѣря? Хунь ср. съ названіемъ тигра у косокольск. Урянховъ: кунгъ-гурохенъ (Radde, Reisen im Süd v. O. Sibirien, I, 93); ханъ, ганъ, канъ встрѣчаются въ видѣ суффиксовъ во многихъ именахъ звѣрей въ монгольскомъ и соотвѣтствуютъ окончаніямъ ан, анг и лан въ турецкихъ именахъ звѣрей. Ср. также имя Гунь-Гурогунъ (стр. 185). Гурохенъ, гурогунъ „звѣрь“; кунгъ-гурогунъ Радде переводитъ „человѣкъ-звѣрь“. Въ лѣсу, говорятъ туранскіе охотники,—медвѣдь дѣлаетъ затеси, когда ходитъ, какъ будто спрашиваетъ: „Если кто его старше, выше?“ Одинъ Зуктей (такъ зовутъ Буряты Нижнеудинскаго округа и Тунгусовъ въ вершинахъ Оки) поспорилъ съ нимъ; шелъ тѣмъ же лѣсомъ и замѣтилъ топоромъ повыше медвѣдя. На другой годъ медвѣдь еще выше оцарапалъ дерево, а человѣкъ выше и того. На третій годъ и человѣкъ, и медвѣдь сошлись разомъ у этого дерева, и человѣкъ убилъ медвѣдя. Отъ крестьянина дер. Веденьщина записано: „Медвѣдь просилъ у Бога дать ему большой палецъ; Богъ отказалъ. Кабы ему дать большой палецъ, то человѣку нужно бы крылья, а собаѣ ружье. У него 12 конскихъ силъ“.

Енисейскіе Остяки думаютъ, что медвѣдь человѣкъ, что медвѣжья шеура только покровъ его, подъ которымъ скрывается существо, имѣющее человѣческій видъ и одаренное божескою силой и мудростью. Самоѣды говорятъ, что медвѣдь родился отъ женщины, имѣвшей любовную связь съ лѣшимъ, „намтуръ“; у матери медвѣдя одна половина туловища была звѣриная, а другая человѣчья (Третьяковъ въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 486). Ср. съ преданіемъ о происхожденіи Гунновъ отъ колдуній, изгнанныхъ Готскимъ королемъ Филимеромъ въ пустыню, гдѣ они вступили въ связь съ лѣшими. Имя Гуннъ ср. съ формами: хунь-ханъ гунъ-гурогунъ и пр. Разказы о сожителствѣ съ медвѣдемъ совпадаютъ съ разказами о связяхъ женщинъ съ лѣшими. Въ Ж. М. Н. Пр., 1863, кн. 1, стр. 36 помѣщенъ записанный въ Казанск. губ. разказъ о дѣвицѣ, уведенной лѣшимъ и прижившей съ нимъ дѣтей. О сынѣ женщины и медвѣдя, богатырѣ, разказывается въ русскихъ и инородческихъ сказкахъ; у Аванас., Народн. русск. сказки, в. IV, № 11, и вып. VIII, № 6; Пермск. сб., ч. II, стр. 168; аварск. сказка на Кавказѣ „Медвѣжье ухо“ въ Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, ст. „Нар. ав. св.“, 16—24; сказка о женщинѣ, уведенной медвѣдемъ на тундру, есть у Алеутовъ и записана г. Гребницкимъ.

По повѣрью Васюганскихъ Остяковъ, медвѣдь былъ прежде человѣкъ богатырь, который въ жизни своей любилъ ходить часто въ лѣсъ; всякій разъ онъ возвращался, однако, домой благополучно, но однажды заблудился въ лѣсу и зашелъ въ такое мѣсто, что ему нельзя было выйдти ни взадъ,

ни впередь. Оставалось одно: перелѣзть черезъ огромную колоду, бывшую тутъ и поросшую на четверть мхомъ. Но сколько не пытался богатырь перелѣзть черезъ эту колоду въ своей одеждѣ, не могъ этого сдѣлать. Тогда онъ снялъ съ себя верхнюю и нижнюю одежду, положилъ ее около колоды и перелѣзъ черезъ нее нагимъ. Какъ только онъ перелѣзъ, какъ почувствовалъ тяжесть въ своемъ тѣлѣ; осмотрѣлъ себя и увидѣлъ, что тѣло его покрылось такою шерстью, какую мы видимъ теперь на медвѣдяхъ. Богатырь испугался своего новаго вида и рѣшился перелѣзть назадъ черезъ ту же колоду, чтобы найти свою одежду и прикрыть шерсть, покрывшую его тѣло. Перелѣзть обратно ему удалось, но одежды онъ не нашелъ ни на томъ мѣстѣ, гдѣ ее оставилъ, ни на какомъ другомъ. Ее унесъ, по объясненію Остяковъ, діаволь; шерсть на тѣлѣ богатыря образовалась изъ мха, когда онъ перелазилъ черезъ покрытую мохомъ колоду. Все это съ богатыремъ сдѣлалъ діаволь. Богатырь, не имѣя человѣческой одежды и будучи покрытъ шерстью, не пошелъ въ такомъ видѣ жить къ людямъ, а сталъ скитаться по лѣсу и питаться тѣмъ, что только найдетъ себѣ въ лѣсу (ср. съ сказаніемъ о гордомъ царѣ Аггеѣ у А. Н. Веселовскаго, „Разысканія“, въ Зап. Ак. Наук., т. II, стр. 107 и 149 и о дятлѣ, *picus*, у Овидія, *Метам.*, XIV, 320). Принявъ звѣрскій видъ, богатырь сохранилъ внутреннюю сторону человѣка: умъ, совѣсть и знаніе остяцкаго языка. Признавая въ медвѣдѣ совѣстливость, при неожиданной встрѣчѣ съ нимъ въ лѣсу Остяки и промышленники, стараясь подвѣствовать на его совѣсть, ведутъ съ нимъ разговоръ въ такомъ родѣ: „За чѣмъ ты ищешь насъ и гоняешься за нами? Что мы сдѣлали тебѣ худое?... Говори!... Ты хочешь ѣсть и ищешь себѣ въ лѣсу пищу? Такъ все равно, и мы хотимъ ѣсть и ищемъ себѣ пищу!... Неужели одна только дорога? Тебѣ дорога, намъ другая! Ну что ты отворачиваешься отъ насъ и не смотришь на насъ прямо?“ и пр. Въ то время, какъ они ведутъ подобный разговоръ, медвѣдъ, какъ увѣряютъ Остяки, стоитъ какъ вкопанный, оставивъ глаза свои въ землю, и слушаетъ ихъ. Остяки стараются разговоръ съ медвѣдемъ продлить до тѣхъ поръ, пока всѣ, сколько есть человѣкъ въ товариществѣ, не зарядятъ свои ружья и вообще не приготовятся къ бою съ медвѣдемъ. Остяки не только допускаютъ въ медвѣдяхъ человѣческой умъ и совѣсть, но и приписываютъ ему даже высшій умъ; они говорятъ о медвѣдѣ: „медвѣдъ все знаетъ“. Въ силу такого повѣрья они не любятъ разговаривать о медвѣдяхъ, особенно съ такимъ собесѣдникомъ, который позволяетъ себѣ шутки и насмѣшки надъ звѣремъ. Если когда и приходится Остяку говорить о медвѣдѣ по необходимости, то говорить онъ о немъ съ какимъ-то страхомъ и благоговѣніемъ, стараясь не упоминать слова „медвѣдъ“, а замѣняя его мѣстоимѣніемъ „онъ“. Медвѣдъ, по повѣрью Остяковъ, знаетъ всѣ разговоры человѣка, которые касаются его, гдѣ бы эти разговоры ни говорились, въ домѣ ли, въ другомъ мѣстѣ, хотя самъ медвѣдъ находится въ это время въ лѣсу; онъ знаетъ, кто его боится, кто нѣтъ. Тѣмъ людямъ, которые о немъ говорятъ хорошо, боятся его и относятся къ нему съ уваже-

*

нѣмъ, онъ старается не показываться въ лѣсу, чтобы не испугать ихъ; такимъ людямъ онъ никогда не вредить и не желаетъ вредить; напротивъ, людей, которые о немъ худо думаютъ и замышляютъ его убить, а въ особенности тѣхъ, которые принимаютъ ложно остоящую присягу, онъ самъ ищетъ въ лѣсу, подкарауливаетъ ихъ, вредитъ имъ и даже причиняетъ смерть. Остязи боятся даже мертвыхъ и съѣденныхъ медвѣдей; когда Остязи убьютъ и съѣдятъ медвѣдя, кости его выносятъ на улицу и кладутъ ихъ съ словами: „Ты не сердчай на насъ! это не мы тебя съѣли! это тебя съѣли сороки да вороны“ (сообщ. свящ. П. Красновъ).

У Ингушей на Кавказѣ о происхожденіи медвѣдя изъ человѣка разказываютъ слѣдующее: одна женщина сѣла на крышу дома и стала считать звѣзды; когда сосчитала, стала медвѣдицей и убѣжала въ лѣсъ; отъ нея-то и произошли медвѣди. По русскимъ повѣрьямъ медвѣдь человѣкъ, хотѣвшій крикомъ испугать Бога, ходившаго по землѣ (Драгомановъ, Малорусск. пред., стр. 5; Труды этн. эксп. въ зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 50; Аванас., Народн. лег., стр. XI; Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., Камен.-Подол., 1869, в. I, стр. 13); по повѣрью, разказанному послѣднимъ авторомъ, это былъ мельникъ Герасимъ, хотѣвшій испугать Христа, надѣвъ шубу шерстью вверхъ.

Объ уваженіи медвѣдя Обдорскими Самоѣдами см. Schrenck, Reise nach d. Nordost. d. europ. Russland, Th. I, s. 408; Вотяками въ Изв. Общ. археолог., ист. и этн. при Казанск. унив., т. II (1879), стр. 16. Орочны, отправляясь на охоту, надѣваютъ на грудь мѣдный щитикъ съ изображеніемъ медвѣдя, и убивъ дичь, жиромъ ея мажутъ изображение (сообщ. г. Родваномъ). Инородцы Туруханскаго края привѣшиваютъ медвѣжьи когти къ оленю для охраны отъ волковъ (Третьяковъ въ Зап. Р. Г. Общ. по этн., II, 486). Изъ множества духовъ, говоритъ тотъ же авторъ,—едва ли не первенствуетъ у шамановъ тотъ, который имѣетъ образъ медвѣдя. Туруханскіе инородцы всѣ убѣждены, что медвѣдь понимаетъ „весь умъ человѣка“ (ibid). Алтайцы думаютъ, что онъ все слышитъ черезъ землю. Для открытія истины сибирскіе инородцы заставляютъ влясться передъ норой медвѣдя или зубомъ его (въ Туруханскомъ краѣ), или передъ его шкурой. Вѣроятно, монгольское вѣрованіе, что „небо все знаетъ, отъ него ничто не укроется“ (Банзаровъ въ Уч. Зап. Казан. унив., 1846, III, 66), относилось не къ одному небу, и монгольское восклицаніе: „небо ты вѣдай! тенгри, чи меде!“ было клятвенною фразой также и предъ медвѣжьею шкурой или головой. Въ нашихъ свазкахъ медвѣдь иногда замѣщается змѣемъ (Тр. этн. эксп. въ зап. русск. край, т. II, с. 138); это показываетъ, что и у насъ медвѣдю приписывалась сверхестественная сила.

На востокѣ Сибири, у Айновъ и Гиляковъ сохранились „медвѣжьи праздники“, то-есть, закланія медвѣдя въ жертву, сопровождаемыя пиромъ (Депредавичъ, въ Сборникѣ свѣден. о Сибири, изд. Б. Милютина, т. II, в. 1, стр. 32—39; Добротворскій въ Учен. Зап. Казанск. универ., 1875, № 2, стр. 41, и № 4, стр. 60—62; Кириловъ, „Гиляк“ въ Др. и Нов. Россіи, 1881, февр.

273—275). Медвѣжонокъ ловится живой и откармливается въ срубѣ; въ день смерти его привязываютъ къ столбу и украшаютъ стружками, затѣмъ убиваютъ стрѣлой изъ лука. Мясо сѣдаютъ, а голову и шкуру вѣшаютъ на дерево; это у Гиляковъ жертва Бѣжуху. Слѣды такихъ медвѣжьихъ праздниковъ есть и западнѣе; у Бурятъ онъ описанъ г. Стуковымъ въ Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 162. У Лопарей погребеніе медвѣдя совершалось съ множествомъ обрядовъ (Этн. Сб., VI, 250); пласкъ надъ медвѣжьей шкурой у Остяковъ упоминается у Григ. Новицкаго въ рукоп. „Братк. опис. Остяцк. народа“. О медвѣжьей пляскѣ на Кавказѣ см. Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 1, стр. 10. Не сцена ли изъ медвѣжьаго праздника, когда животное, поддерживаемое натянутыми веревками изъ ремней, ведутъ къ смертному столбу, изображена на входѣ въ церковь св. Креста въ городѣ Laint-Lo во Франціи (Didron, Ann. archeolog. I, art. Chasses emblem. et serpent, par Schmit, p. 124)?

Нѣкоторые инородцы приписываютъ медвѣдю божеское происхожденіе; Остяки называютъ его сыномъ неба, который оставляетъ небо вопреки отцу (Поляковъ, Письма и отч. о путеш. въ долину Оби, въ прилож. къ XXX т. Зап. Ак. Н., № 2, стр. 64). Вогулы въ медвѣжьихъ пѣсняхъ называютъ медвѣдя сыномъ высшаго бога, который по зависти низведенъ съ неба на землю. Къ этому повѣрью приближаются повѣрья камскаго Поволжья о Кереметѣ, сынѣ неба, который спустился на землю; связь Керемета съ медвѣдемъ проглядываетъ и въ томъ, что онъ принимаетъ образъ медвѣдя, когда захочетъ показаться людямъ (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 50). Ср. манджурск. курима, звѣрь, похожій на тигра съ свиною щетиною, и пр. Захаровъ, Мандж. сл., 295.

Къ вар. а. Карабты ср. съ киргизск. карабче, воръ. Имя Курупчи встрѣчается въ сложныхъ женскихъ (Кара-Курупчи, Алтынъ-Курупчи) въ сказкахъ Качинскихъ Татаръ (Mel. Asiat., t. III, livr. 4, p. 377 et 383). Въ болгарскомъ эпосѣ встрѣчается форма Арапче; такъ называется противникъ то Стояна, то Марко-кравевича; въ другихъ сказаніяхъ противникомъ Стояна является медвѣдь, а противникомъ Марка-кравевича „Русскій“ царь (Буслаевъ, Ист. Оч., I, 342). Въ одной пѣснѣ Марко воюетъ противъ Арапа, который съ моря заперъ дороги, увозитъ дѣвицу и продаетъ ихъ на чужбинѣ; въ другой состязается съ „Чернымъ арапиномъ“. Изъ другихъ героевъ, Вълко или Велко бьется съ Арапче; Воинъ находитъ себѣ измѣнника и врага въ „Черномъ Арапѣ“; „При юнаци“ увозятъ дѣвицу; братья ея ѣдутъ въ землю „арапску“ и находятъ сестру у Арапъ-аги; у нея уже родился „арапинче черно“ (Болгар. пѣсни, изд. Безсонова, стр. 42—45).

Къ вар. б. Джелбага, конечно, то же самое, что алт. джелбегень. Мезиль ср. съ урянх. бисиль, налимъ (рукоп. спис. словъ косог. Урянх., Гельмерсена).

Къ вар. в. То же повѣрье есть и у Лопарей; см. въ газ. „Голосъ“, 1880, № 172, въ ст. „Лопарскія сказки и легенды“. Абтахъ, якутск. „кол-

дунь“ (Поряд., Якутск. слов.); авата, по тунгусски — чернобурая лисица (Маагъ, Пут. по Уссури, I, 108).

Къ вар. *д*. Сказаніе объ отрубленномъ пальцѣ сближаетъ медвѣда съ суркомъ. Русскіе въ Томск. губ. говорятъ: Когда Богъ создалъ міръ, медвѣдь остался недоволенъ тѣмъ, что у него большой палецъ не былъ оставленъ, какъ у человѣка. Онъ сѣлъ на городьбу и сталъ просить Бога отставить палецъ (Этн. Сб., VI, ст. Южн. часть Томск. губ.). Разказы о богѣ, упавшемъ съ испугавшейся лошади, относятся также къ Гесеръ-хану; см. стр. 250.

Къ вар. *и*. Какъ, съ одной стороны, медвѣдь считается оборотнемъ шаманомъ, такъ съ другой—о шаманахъ существуютъ повѣрья, что они знаютъ искусство обращаться въ медвѣда. Во время камланья они ворчатъ по звѣриному, руками дѣлаютъ „кошачьи лапы“, какъ бы готовясь грызть и царапать; можетъ быть первоначально и одѣяніе ихъ состояло изъ покрытыхъ шерстью звѣриныхъ шкуръ; самоѣдскіе шаманы Туруханскаго края прицѣпляютъ къ сапогамъ медвѣжьи когти (Зап. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 486); о медвѣжьихъ головахъ на шаманскихъ шапкахъ упоминается у Шренка (Reisen nach der Nord-Osten d. Russland, I, 408).

Къ вар. *і*. Русское повѣрье: чтобы сдѣлаться оборотнемъ, нужно перекувыркнуться чрезъ 12 ножей, поставленныхъ вверхъ острыми концами (О предрасудк. въ Нижегород. губ., ст. А. М., стр. 13).

2. Летучая мышь.

Отъ астраханскаго Калмыка въ Царицынѣ мною записанъ слѣдующій вариантъ: На горѣ Сумеръ-ула жилъ царь птицъ Ханъ-Гариде (то-есть, орелъ какъ пояснилъ самъ разказчикъ). Его жена или самка снесла яйца, вывела дѣтей и говоритъ царю: „Для нашихъ дѣтей нужно сдѣлать гнѣздо изъ птичьихъ когтей и птичьихъ перьевъ; поэтому собери всѣхъ птицъ и отъ каждой возьми по когтю и по перу“. Собрали всѣхъ птицъ, одной птицы „гурбылга“ нѣтъ; три дня ея не было, наконецъ она явилась. Ханъ-Гариде спросилъ ее: почему она не явилась по первому зову. Гурбылга отвѣчала: „Ты вѣдь не далъ мнѣ очей видѣть въ ясный день и не далъ крыльевъ летать въ сырую погоду!“ Дѣйствительно, эта птица не летаетъ въ ясные дни и въ сырую погоду. „Что же ты узнала, такъ долго летѣвши сюда?“ спрашиваетъ Ханъ-Гариде гурбылгу. — „Я узнала“, отвѣчаетъ гурбылга, — „что ночей болѣе, чѣмъ дней“. „Почему же не по ровну?“ спросилъ Ханъ-Гариде. „Я присчитываю къ ночамъ и пасмурные дни“, отвѣчаетъ гурбылга, — „потому что могу летать во время ихъ, какъ и по ночамъ“. „А еще что узнала?“ „Узнала, что мертвыхъ людей больше, чѣмъ живыхъ, потому что я присчитываю къ мертвымъ и спящихъ людей, такъ какъ они, подобно мертвымъ, ничего не знаютъ и еще узнала, что женщинъ больше чѣмъ мужчинъ, потому что и тѣхъ мужчинъ нужно считать за женщинъ, которые слушаются своихъ женъ“. Тогда Ханъ-Гариде сказалъ своей женѣ: „Послѣдняя изъ

всѣхъ птицъ надо мной смѣется!“ И распустилъ птицъ, сказавъ имъ, будто онъ собиралъ ихъ только для того, чтобъ посмотреть. Вотъ какъ самая послѣдняя птица совершила великое дѣло!“

Хитрый характеръ, приписываемый летучей мышѣ, едва ли можетъ быть объясненъ наблюденіями надъ правами звѣрка; вѣроятно, въ эти разказы вошли элементы изъ наблюденій надъ другими звѣрами, какъ напримѣръ, надъ медвѣдемъ, съ которымъ летучая мышъ имѣетъ то общее, что засыпаетъ на зиму. Четыре темы соединяются съ именемъ летучей мышѣ.

а) Захватъ царской власти. Ср. съ разказомъ объ амынь-цаганъ-хулугунѣ, стр. 143. Въ сказкѣ „Таска-матыръ“ (Radl., Prob., II, 700) узурпаторомъ является Удзэнгъ; онъ притворяется больнымъ; его воспитатель Таръ-пегъ беретъ его себѣ на загривокъ; отпечатки ногъ Удзэнга на крыльцахъ Таръ-пега служатъ потомъ Удзэнгу поводомъ настаивать, что онъ настоящій пегъ, а Таръ-пегъ его рабъ. Тема „царь на загривкѣ“ встрѣчается и въ нижнемъ монгольскомъ сказаніи о первомъ тибетскомъ царѣ Кузень-сандалигу (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., s. 21—23; Алтанъ-Тобчи, стр. 3). Ср. имена летучей мышѣ: гедже-кушъ или просто гедже у Крымскихъ Татаръ, русское кожанъ; еуджо—сѣноставка по монгольски; будонгъ-худе—хорекъ по монгольски; козанъ, заяцъ у Качинск. Татаръ; сасмѣъ кузень—хорекъ ко киргизск. Съ разказомъ о летучей мышѣ на спинѣ Ханъ-Гариде ср. мѣста у Веселовскаго: „Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ“, стр. 226 (гандарва на крылѣ Супанны); у Цорфирьева: „Апокрие. сказ. о вѣтхоз. лиц. и соб.“, стр. 76 (муравей на рукѣ Соломона), и въ тибетскомъ Дзанг-лунѣ о царѣ Асогѣ (Der Weise und d. Thor, überstz. v. Schmidt, SPth. 1843, s. 217).

б) Непригодность женскаго совѣта. Въ Собраніи сочиненій Желѣзнава приведено мѣсто изъ старой рукописи: „Въ книгѣ блаженнаго Августина речется: что есть хуже въ скотахъ? козелъ. Что есть хуже во звѣрихъ? ёжъ. Въ рыбахъ? рыба-ракъ. Во птицахъ? птица *натанъръ*. Въ человѣцехъ? Въ человѣцехъ нѣсть того хуже, которымъ жена владѣетъ“ (стр. 38). Вѣроятно и въ другихъ случаяхъ подъ птицей, дающей царю совѣтъ не слушать жены, т. е. подъ гурбылгы, байгусомъ (стр. 367), удодомъ, а также и подъ Ускузь-уломъ слѣдуетъ разумѣть летучую мышъ. Та же тема встрѣчается: 1) въ южнорусской сказкѣ про Кука (Тр. этн. эксл. въ зап. русск. край, т. II, стр. 110); Кукъ соотвѣтствуетъ Ханъ-Гаридею, а крукъ (воронъ) летучей мышѣ; 2) въ киргизской сказкѣ о байгусѣ (Оч., II, 147 и IV, 367). Киргизскій вариантъ о байгусѣ помѣщенъ также въ „Иллюстр. міръ“, 1880 г., № 7, стр. 98. См. прим. къ № 104.

в) Отказъ въ подати. Кюринская поговорка на Кавказѣ: „онъ, какъ летучая мышъ; когда на воробьевъ болѣзнь находить, онъ изъ мышей; когда на мышей болѣзнь находить, онъ изъ воробьевъ“, то-есть, умѣетъ вернуться отъ всякой напасти (Усларъ, Азб. кюринск. яз.) Ср. Liebrecht, „Zur Volkskunde“, s. 121.

г) Посѣщеніе любовницы ночью. Этотъ сюжетъ, очевидно, вызванъ на-

блюденіемъ надъ образомъ жизни животнаго, которое летаетъ только въ сумерки, а днемъ прячется въ трещины скалъ, гдѣ виситъ головою внизъ. Въ сказаніи Казанскихъ Татаръ, записанномъ мною отъ Татарина изъ дер. Яммуриной (Елабужск. у.), солнце враждебно относится къ джарканату (летучей мыши) за то, что онъ напомнилъ солнцу Божій приказъ ходить отъ востока до запада, когда оно, утомившись, остановилось. Солнце, осердившись, сказало джарканату, чтобы онъ не смѣлъ впередъ летать днемъ; въ противномъ случаѣ оно сожжетъ его крылья. Ср. Mannhardt, Germ. Myth., 188, а также южнославянскіе разказы о Троянѣ, осетинскій разказъ о Батиразѣ или Батразѣ, который умеръ оттого, что солнце растопило его мѣдный черепъ (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. И. Акад. Наук., т. XIV, кн. II, 43), скандинавское сказаніе объ alvis, летавшей ночью къ королю и погибшей вслѣдствіе того, что король, развлекаая ее разговорами, задержалъ ее у себя до разсвѣта, классическій разказъ объ Амурѣ и Психеѣ, мусульманскія сказанія о Сулейманъ-пайхомарѣ и птицѣ анкаа (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 1, стр. 36—42) и финское о Лемминкейненѣ, преслѣдуемомъ лучами солнца (Castr., Finn. Myth., s. 38).

Имя Батиразъ ср. съ осетинскимъ биттиръ (или халунбиттиръ), „летучая мышь“; то же имя биттиръ для летучей мыши и у Ингушей. Другая черта, приписываемая Батразу, подпрыгиваніе или взлетаніе къ небу, какъ бы означающее его споръ съ громомъ, напоминаетъ азиатскія повѣрья о летучей мыши и летягѣ (№ 10, вар. б и прим. къ № 47). Батразъ называется также Уаскыргіемъ, именемъ, которое филологи расчленяютъ на уас и кырги (Вс. Миллеръ, Осет. этюды, I, стр. 119); qurgu какая-то птица, судя по смыслу одной сказки (см. Шифнеръ, Осет. тексты, стр. 62). Скандинавское alvis ср. съ монгольск. ольби, „летяга“. Развлеченіе разговорами съ цѣлью опозднить къ сроку встрѣчается въ разказахъ о раздачѣ вѣръ въ прикамскомъ Поволжьѣ; Кереметь, сидящій на деревѣ, своими разговорами задерживаетъ идущаго къ раздачѣ предка Черемисовъ, а потомъ „слетаетъ“ на землю (Бехтеревъ, Вотьяки, Вѣстн. Евр., 1880 г., сентябрь, стр. 169); Кереметь ср. съ алтайскимъ курмесь, „злой духъ“ и бурятскимъ хурмуше, „летучая мышь“. Въ одномъ италянскомъ вариантѣ сказки объ Амурѣ и Психеѣ ночной посѣтитель называется Tiuone e lampre, „громъ и молнія“ (Liebrecht, Zur Volkskunde, s. 321); ср. съ парными именами, которыя приведены выше, на стр. 751 и 752. Чеченскій разказъ о птицѣ анкаа, переносящей въ свое гнѣздо среди моря царевнча, спрятавшася въ убитаго коня (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. I, стр. 36) ср. съ осетинскою сказкой о птицѣ Паковдзи (или Авцѣронъ—Пасконди), переносящею Амираана въ быкъ на небо (Вс. Миллеръ, Осет. этюды, I, 67) и съ орломъ, переносящимъ Урызмага на камень среди моря, гдѣ живутъ водяные, донбетгвр (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 71—86). Грузинское названіе летучей мыши гамура или мегамура; не помогло ли это обстоятельство привлеченію въ чеченскую сказку имени: пайхомаръ?

Къ вар. б. Общее убѣжденіе древнихъ было, говорить Лаза,—что добро-

вольная смерть невиннаго спасаетъ жизнь осужденнаго виновнаго (Lawsaulx, Studien des classischen Alterthums, s. 277). Нисхождение въ царство Ерлика съ цѣлью возвратитъ похищенную душу царевича находится въ связи съ мѣстными повѣрьями о болѣзни и смерти (см. стр. 64 и 85). Изъ этихъ повѣрій и изъ мистеріи шамана (стр. 64), по видимому, возникъ разказъ о путешествіи богатыря въ адъ по порученію хана; цѣль поѣздки бываетъ въ этихъ разказахъ иногда видоизмѣнена; вмѣсто души больнаго богатырь ѣдетъ добывать невѣсту-дѣвицу, живаго бога (стр. 423), винокуренный снарядъ (стр. 428), шапку (стр. 167), ножикъ (стр. 415), но иногда и прямо говорится о душѣ (напр. относительно богатырей Гесеръ-хана, Иринъ-Сайна и Аюбодясатта, см. стр. 316 и 482 и прим. къ № 50). Имя Гесеръ-ханъ напоминаетъ алтайское Газыръ-гамъ, которое переходитъ въ Кезеръ (см. № 64 и примѣч. къ нему). Газыръ-гамъ, кажется, тождественъ съ Тарханъ-бо, который также былъ приглашаемъ лечитъ царскаго сына.

Къ вар. *в*. Появленіе рядомъ Джарканата и Ускузь-ула, при чемъ Ускузь-уль какъ будто вытѣсняетъ Джарканата изъ сюжета, можетъ быть объяснено слияніемъ въ одинъ двухъ вариантовъ, изъ которыхъ въ одномъ вмѣсто Джарканата стояло Ускузь-уль. Ханскій сынъ Джангызъ-уль и прикованный Тэнгрэннгъ-улы (сынъ неба), вѣроятно, одно лицо, также какъ и Джаячи-ханъ, вѣроятно, есть нѣкто иной, какъ самъ Тэнгре-ханъ; въ словахъ джангызъ и тенгиръ окончанія тѣ же, какъ въ турецкомъ тенгисъ, море и венгерскомъ *tenger*, море; такіа замѣны окончаній въ турецкихъ нарѣчіяхъ не рѣдкость. Въ якутскомъ волкъ называется почительно тангара-ула, „сынъ неба“; это имя можно принять за тавтологію: тангара, монгольское тенгри—небо (громовое?); ула, алтайское улы, громовникъ, драконъ.

Джарканатъ по алт. летучая мышь. Первый членъ имени другаго лица ускузь ср. съ алт. уско, јускен, урянх. кускэ, крыса, съ урянх. джаскэ, летучая мышь. Разказчикъ Санашъ не хотѣлъ подъ Джарканатомъ видѣть летучую мышь; онъ говорилъ, что Джарканатъ былъ человѣкъ, который только носилъ имя „Летучая Мышь“. Но сходство этого варианта съ вар. *з*, и особенно съ вар. *а*, гдѣ излѣченіе царскаго сына приписывается Джарканату, указываютъ, что и здѣсь прежде подразумѣвалась летучая мышь. Ускузь въ алт. значить сирота. Киргизское байгушъ, „бѣдняга“ также напоминаетъ имя птицы байгусъ (стр. 367). Урянхайское абырганъ, „летяга“ и монголо-урянхайское Абырганъ или Абыркъ, „миоическій змѣя“, ср. съ кавказскою формой абрекъ, человѣкъ, отказавшійся отъ человѣческаго общества: по аварски абурикъ, по нугушски эбиргъ (ср. также съ аварскими аваратъ, пророкъ, апаратъ, скиталець, бездомный). Но типъ сироты идетъ не столько къ летучей мыши, живущей общественно, сколько къ одинокому скитальцу лѣсовъ, медвѣдо.

У Рашидъ-эдина (Зап. Имп. Археол. Общ., т. XIV, 52) Хабуль-ханъ приглашаетъ шамана Будуй Джиркыла для излѣченія своего шурина Саинъ-тегина; шаманъ не могъ излѣчить больнаго, и родственники послѣдняго убили шамана. Имя больнаго Саинъ-тегинъ соотвѣтствуетъ болѣе имени

самаго хана алтайскаго сказанія, чѣмъ его сына; Джаячи, монгольск. заячи— духъ покровитель; бурятск. заянъ, зал—счастье. Ср. съ разказомъ о сынѣ неба Джаянѣ и Бобырганѣ (стр. 233) и народною этимологіей имени летяги: бобырганъ (см. стр. 160). Можетъ быть въ прежней, болѣе подробной легендѣ о Джаянѣ также было приглашеніе. Въ имени Рашидъ-эдиновскаго шамана слышится одинъ корень съ именемъ алтайскаго шамана; джиркылъ ср. съ нынѣ существующими: джарканатъ, джергашъ, „летучая мышь“ (стр. 162). Не было ли формы джиркыланъ подобно турецкимъ: арсланъ, куланъ, джиланъ и др. названіямъ животныхъ и не есть ли форма джиркылъ такое же усѣченное отъ джиркыланъ, какъ въ алтайскомъ арсылъ отъ арсланъ (Грамм. алт. яз., стр. 48)? Въ монгольск. есть слово дзиргаланъ, счастье, а также марево. На Кавказѣ существуютъ названія летучей мыши: въ кюринскомъ языкѣ қарқулув, въ ахтинск. нарѣчій кюринскаго қірқарген, въ аварскомъ дергел или гергел. Жена Гесеръ-хана, Жиргылгышъ, вколачиваетъ стрѣлу въ глазъ чудовищу (стр. 255). Г. Березинъ имя шамана Будуй Джиркыла (Будуй ср. съ черемисскимъ названіемъ летучей мыши боду буджеранга, записаннымъ мною въ Елабуж. у.; на Кавказѣ въ хюркилинскомъ летучая мышь: пада) сближаетъ съ именемъ Игитъ-Иркыль-Ходжа (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 23); Иркыль есть другое произношеніе имени Джиркыль; Ходжа ср. съ гедже, летучая мышь на татарск. нарѣчійяхъ южной Россіи; игитъ ср. съ джигитъ въ имени Ельджигентъ-Джигитъ-ханъ (стр. 296, вар. д). По словамъ Рашидъ-эдина, Игитъ-Иркыль-Ходжа былъ установитель обрядовъ и церемоній; можетъ быть, Иркыль сначала былъ самъ предметомъ обожанія, божественнымъ лицомъ, которому приписывалось учрежденіе общественности; въ прикамскомъ Поволжьѣ существуютъ преданія о лицахъ, устанавливавшихъ между людьми поклоненіе своему лицу; подобное горные Черемисы разказываютъ о Юнгикирды вадышѣ (Знаменскій, Горн. Черем. Каз. губ., Вѣстн. Европ., 1867, дек., стр. 52), а также о Кереметѣ (Бехтеревъ въ Вѣст. Евр., 1880, сент., стр. 169; Магнитскій, Матер. къ объясн. чуваш. вѣры, стр. 2). Всѣ эти разказы, можетъ быть, отголоски сказанія въ родѣ остяцкаго о нисшествіи медвѣдя съ неба на землю для установленія правды на землѣ. Темиръ, первый членъ имени сына неба, значить „жельзо“. Ленорманъ въ одной изъ своихъ статей (*Les premières civilisations, t. 1, p. 88*) предлагаетъ совпаденіе классическихъ именъ жельза, *σίδηρος* и звѣзды, *sideris* объяснять тѣмъ, что первое знакомство съ жельзомъ люди сдѣлали по упавшимъ съ неба аэролитамъ. Въ Азій мы встрѣчаемъ форму темиръ въ приложеніи къ названію Полярной Звѣзды (Темиръ-казыль, Аксакъ-Темиръ; стр. 735). Въ числѣ легендарныхъ именъ встрѣчаются парныя: Темиръ-ханъ и Темиръ-сана; первое часто встрѣчается въ числѣ трехъ братьевъ (какъ въ алтайскихъ, такъ и кавказскихъ сказаніяхъ; см. стр. 70). Темиръ-сана также упоминается въ числѣ мнѣческихъ братьевъ (стр. 224 и 298) и постоянно является рядомъ съ Амырсана; обѣ формы, темир и амыр, помимо легенды, относящейся къ историческому Амурсанѣ, встрѣча-

ются и въ другихъ преданіяхъ; о формѣ Темиръ см. 37 прим. къ гл. II; амыръ мы находимъ въ названіи мнѣческаго звѣря Абырганъ (Амырг-могай, Амырга-джилапъ).

Къ вар. *д*. Ср. съ разказами о журавлѣ алтайскимъ (стр. 185) и якутскимъ (стр. 627). По повѣрью Болгарь, аисты (щръ-келе или щра-кувеле) переносятъ ласточекъ черезъ море (Каравеловъ, Пам. нар. быта болгарск., I, 260). Народныя повѣрья о ласточкахъ и летучихъ мышахъ имѣютъ общія черты; о первыхъ въ Малороссіи говорятъ, что онѣ на зиму укрываются въ воду, „сдѣпившись лапками“ одна за другую (Труды этн. эксп. въ зап. русскій край, I, 1, 59); этотъ образъ перезимовки очевидно навѣянъ наблюденіемъ надъ летучими мышами. Вар. *д* ср. также съ сказаніемъ о Ханъ-Гариде, несущемъ на своей спицѣ летучую мышъ и о верблюдѣ и амынь-цаганъ-хулугунъ (стр. 143); перепелъ замѣстилъ летучую мышъ, можетъ быть, потому, что кричитъ по вечерамъ; „будене“ иногда встрѣчается въ сказкахъ; см. стр. 372 и Radloff, Proben, IV, 109; ср. также съ именами Бодунъ (стр. 326). Будене въ осетниск. сказкѣ (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. I, отд. II, стр. 27) и Бодонджаръ; въ послѣднемъ второй членъ тотъ же, что начало въ именахъ летучей мыши въ турецкомъ джарканатъ и монгольскомъ шарисынъ.

Къ вар. *ж*. Нитка, по которой жена беркутиха узнаетъ своего мужа въ собраніи птицъ, встрѣчается въ сказаніи о Гесеръ-ханѣ (стр. 254). Обыкновеніе летучей мыши проводить день, прижавшись къ отвѣсной поверхности (головой внизъ), могло вызвать у первобытнаго человѣка представленіе о томъ, что такое для всякаго другого животнаго неестественное положеніе опредѣлено въ наказаніе за какое-нибудь преступленіе. Отсюда могли получить начало сказанія о пригвожденіи къ стѣнѣ и повѣшеніи (иногда головой внизъ). О повѣшеніи см. прим. къ № 49; мѣста о пригвожденіи въ сѣверо-азиатскихъ сказаніяхъ указаны въ Очерк., II, 57 прим. къ V гл. Объ изображеніяхъ Амура, привязаннаго къ столбу, у древнихъ, см. Böttiger, Ideen zur Kunst-Mythologie, B. II, s. 473 и 474, въ статьѣ: Die Fabel von Amor und Psyche. Въ нашихъ апокрифическихъ сказаніяхъ Кирикъ пригвожденъ къ столбу (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., III, 603—609). У Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Р. Археолог. Общ., XIV, 55) Норъ-Буйрюкъ приказываетъ Мергуза, Ванова отца, прибить къ деревянному ослу (модовъ-ельджигентъ?); Мергузъ ср. съ урянхайск. именемъ летучей мыши джергасъ (стр. 162); абырганъ (переходитъ въ амырганъ)—летяга по урянхайски.

Къ вар. *з*. Названіе Кохъ-Пехце первымъ членомъ напоминаетъ Кукъ южнорусской сказки (Тр. этн. эксп. въ зап. русск. край, т. II, стр. 110), вторымъ монгольское имя ночной птицы козодоя: цогцогъ. Въ Алтанъ-Тобчи птица цацкагай называется семидесяти-голосю (стр. 22). Отвѣтъ летучей мыши ср. съ сѣверно-индѣйскимъ сказаніемъ о летучей мыши (см. Liebrecht „Zur Volkskunde“, S. 103), будто бы думающей, что она потому ноги къверху держитъ, когда спитъ, что поддерживаетъ ими небо; иначе оно упадетъ. Опорой неба, по всей вѣроятности, представлялась Полярная Звѣзда;

ея неподвижное положеніе, вопреки общему свойству звѣздъ совершать видимое движеніе, должно было внушить мысль, что въ ней заключается залогъ прочнаго бытія міра. Оно же, вѣроятно, послужило основаніемъ къ сочиненію сказаній о прикованномъ на вершинѣ горы, то-есть на вершинѣ неба. По осетински Полярная Звѣзда называется Аксагъ Темиръ; ср. съ габша хамыгынъ, „людоѣдка“ по бурятски, и джаксы, „летучая мышь“ по уранхайски.

Въ монгольскихъ и алтайскихъ сказаніяхъ царемъ птицъ, собирающимъ ихъ въ сборище, является Ханъ-Гариде; на западѣ въ мусульманскихъ легендахъ царь, собирающій птицъ къ себѣ на помощь, отправляясь въ походъ, и знающій ихъ языкъ—Соломонъ. Къ Соломоновой женѣ относится и разказъ о женѣ Ханъ-Гариды, требующей постройки изъ птичьихъ носовъ; летучая мышь замѣнена удоомъ (Weil, *Biblische Legenden d. Musulmänn.*, 246). Удою же, по мнѣнію Грюнбаума, приноситъ Соломону шамиръ (Thumage въ *Gesta Romanorum*, Tamir у *Gervasius von Tilbury*); см. статью Грюнбаума: *Beiträge z. vergl. Mythol. въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch.*, V. XXXI, N. II и III, s. 205. Ночныя посѣщенія также иногда стоятъ въ связи съ именемъ Соломона (см. Сборн. свѣд. о кавказ. горц., в. 1, стр. 36—42). И на Востокѣ имя Ханъ-Гариде иногда замѣщается сходнымъ именемъ; въ *Оч.*, II, стр. 159 (№ 15) въ разказѣ о ласточкѣ и осѣ стоитъ Ханъ-Гариде, въ настоящемъ выпускѣ № 14 стоитъ Шулму-сенъ-ханъ. На Кавказѣ въ ласкомъ языкѣ челму—воробей; хѣчара челму летучая мышь; варани челму (верблюду воробей)—страусъ (Усларъ, *Азб. ласк. яз.*). Въ мусульманскихъ и семитическихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и удою является Венера (Balkis); въ монгольскихъ и татарскихъ нарѣчіяхъ звѣзда Венера носитъ названія: Чолпанъ, Шолпанъ, Цолбанъ, Цолмонъ, Солбанъ, Джилбы. Ср. царь Чалпанъ у Гильфердинга, *Онежск. былины*, № 12.

3. Хоттунъ птица.

Ср. съ тарбагатайскимъ названіемъ летучей мыши: джаргакъ—хотунъ (*Очерки*, II, 139).

4. Маны.

Число семь напоминаетъ Б. Медвѣдцу. Семь сыновей Маны ср. съ 7 сыновьями Мулики (Юаньчаомиши, стр. 137) или Мингликъ-Эчигэ (*Зап. Археолог. Общ.*, XIV, стр. 158); въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ Муликъ также представляется загордившимся. Муликъ ср. съ манулъ, та же кошка по монгол. Семь сыновей насчитывается и у Муудунъ (*Труд. Вост. Отд. Археол. Общ.*, ч. XIII, стр. 162). Дурныя послѣдствія отъ неудачной охоты за маны ср. съ монгольскими повѣрьями о сурченкѣ (*Оч.*, II, 152) и съ камчадалскими о ящерицахъ; Камчадалы принимаютъ ящерицъ за пословъ изъ подземнаго міра и предсказателей смерти; если ящерица уйдетъ не убитая, на Камчадала нападетъ тоска (Кращениниковъ, *Опис. Камч.*,

ч. II, стр. 350; ср. у Миллера, Сиб. Ист., стр. 40 объ аринцахъ). Названія манъ, маны, манулъ ср. съ звѣринными именами: меапг, собака по койбальски, мингей, лисица по койбальски, минги, id. по камасскински. Домашняя кошка по урянхайски мій. Въ вар. ж. вм. маны стоитъ мій, кошка. Съ возстановленнымъ носовымъ форма Мунулунъ получила бы видъ: мунгулунъ. Семь братьевъ, охотящихся на муйгака въ вар. а, д, с есть, по видимому, Б. Медвѣдица; ср. вар. з номера 35. Въ вариантѣ а барсукъ получаетъ ударъ въ лобъ, отъ котораго у него образуется лысина. Ср. калъджангъ, барсукъ по тунгус., калъджанъ, лысый по алт., халдзынъ, лысый по монг.

5. Семь братьевъ.

Ср. Аванас., Русск. Нар. Ск., в. 4, № 23. Замаскированная яма встрѣчается въ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ; см. стр. 232; Алтанъ Тобчи, стр. 15. См. также стр. 386. Въ телеутской сказкѣ всѣ братья звѣри, и только старшій называется Джельбегенъ. Не слѣдуетъ ли и въ этомъ последнемъ видѣть звѣринное имя, и именно имя медвѣдя, такъ какъ Джельбегенъ занимаетъ первое мѣсто. Въ числѣ нынѣ существующихъ въ сѣверной Азии звѣринныхъ именъ встрѣчаются: *albaga*, „соболь“ у качинскихъ Татаръ, *alruga*, *алрака*, „летяга“ у Котовцевъ (*Castren, Vers. Koibal. und Karagass. Spr., s. 77*); см. выше стр. 160, хасутск. ольбога, „летяга“; *албиэхъ, jilbigae, Canis procyonoides* по манджурски (Захар., Мандж. Сл., 79; *Radde Reise, I, 75*); ольби или олюбъ-хулугана, летяга по монгольски, ольбо, летяга по бурятски. Въ монгольскомъ есть халбагай, колища; эта птица въ нашихъ сказкахъ иногда является вмѣсто Могуль-птицы. Въ чеченской сказкѣ, которая представляетъ вариантъ алтайской о Тарданаеѣ, завязанномъ Джельбегенемъ въ мѣшокъ, Джельбегеню соотвѣствуетъ медвѣдь, завязывающій въ мѣшокъ мальчику, ходившаго собирать гриши (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IV, стр. 32). Монгольское олюбъ, летяга ср. съ формами алыпъ у Киргизъ и Татаръ, олыпъ у Чувашей, „великанъ“. Подъ этимъ именемъ разумѣются исполинскіе абортены страны, жившіе въ ней до прихода нынѣшнихъ жителей; рассказы о нихъ тѣ же, что русскіе о чуди. У Вотяковъ тѣ же рассказы соединяются съ именемъ алапъ-гасаръ. У Осетинъ алыпъ — особенный необыкновенный конь (Вс. Миллеръ, Осет. Этюд., I, 154). Иностранцы приамурскаго Поволжья кости мамонта, находимыя въ земныхъ слояхъ, называютъ „костями алыповъ“ и особаго имени для мамонта не имѣютъ; поэтому можно думать, что они мамонта звали алыпомъ, представляя его не звѣремъ, а великаномъ-человѣкомъ. Не отсюда ли сѣверно-европейскія названія верблюда: готск. *ulbandus*, древне-сѣв. нѣмецк. *olpenta*, древне-сакс. *olvund*, англо-сакс. *olfend*, сканд. *úlfaldi*? Шлегель и Гриммъ находили это имя стоящимъ въ связи съ южно-европейскими именами слона: греч. *ἐλέφας*, латин. *elephas*, герм. и испан. *elephant*, итал. *liofante*, старо-франц. *olifant*, *oriflant*, старо-сѣвер. нѣм. *helfant*, *elafant*, англосакс. *elpend*, *ylpend*, *elp*, *ylp* (откуда *ylpen-ban*, нѣм. *elfenbein*). Пикте (*Pictet, Lettre sur les origines de quelques noms de l'élé-*

phant a m. E. Burnouf въ Nouveau journal asiatique, 1843, t. II, serie 4 (sept-oct), p. 134—165) колеблется принять это мифіе и думаетъ что имена верблюда сѣверной Европы происходятъ изъ другого источника; въ то же время онъ говоритъ: имя elephant къ удивленію не находится ни въ одномъ идиомѣ Востока. Бошаръ выводитъ elephant отъ еврейскаго eleph, быкъ; Потъ принимаетъ Бошаровское объясненіе и окончаніе аvto находитъ въ прибавкѣ къ слову eleph слова hindi, „индѣйскій“ подобно тому, какъ слово тамариндъ составилось изъ tamar hindi, то-есть, индѣйская финиковая пальма. Пикте эти этимологіи отвергаетъ и предлагаетъ свою; онъ видитъ въ elephant фонетически измѣненное индѣйское āiḡavata; такъ въ индѣйской мифологіи называется царь слоновъ, на которомъ разъяжается Индра. Это имя произошло отъ iḡavat, „океанъ“ и означаетъ „сынъ океана“. Слоны Индры потому получили это имя, что выплели изъ моря. Не было ли неарійское имя мамонта олыпъ распространено въ доисторическое время по всей Европѣ вмѣстѣ съ нынѣшними повѣрьями о немъ и не заимствовали ли европейскіе Аріицы имя слона отъ неарійцевъ, жившихъ до нихъ въ Европѣ? Окончаніе ant. ср. съ именемъ антъ, которое и теперь еще употребляется въ смыслѣ „великанъ“, какъ въ Западной Европѣ (Ж. М. Н. Пр., 1879, ноябрь, стр. 83), такъ и на Кавказѣ (Ногмовъ, Истор. Адыгейск. народа, Тифлисъ, 1861, стр. 18). Не было ли elephant парнымъ тавтологическимъ именемъ? Въ киргизскомъ людѣдъ или людѣдка называется джалмаусъ; у сѣверо-кавказскихъ Татаръ-горцевъ Джалмаусъ является въ одномъ сказаніи, относящемся къ затменію луны, собственнымъ именемъ людѣдки; людѣдка же вообще на ихъ языкѣ — емегенъ. Сравнивая татарскія слова есауль, каанъ съ монгольскими дзасагуль, хаганъ, можно допустить вмѣсто джалмаусъ болѣе полную форму джалмагусъ; опущенное въ киргизскомъ г еще слышно въ алтайскомъ джелбегень. У Радлова (Proben, II, 225) встрѣчается форма Ала-мангысъ; не изъ нея ли образовалось джал-маусъ чрезъ выпаденіе носоваго звука? Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ Джелбегень представляется чудовищемъ, имѣющимъ семь (стр. 561 и Миссiонеръ за 1877 годъ, № 20) или 9 головъ (стр. 561 и Castren, Reisen und Erinnerung., 243), Finn. Myth, 148); слѣдовательно соотвѣтствуетъ многоголовому Мангысу монгольскихъ сказовъ. Подобно послѣднему, и онъ представляетъ цѣль для поѣздовъ богатырей. Джелбегень—представлялся, кажется, иногда летучимъ; у Радлова (Proben, II, 508) упоминается птица Джалбагай; ср. съ Джалбага, стр. № 34, вар. з. Въ одномъ старинномъ русскомъ памятникѣ встрѣчается амакаонъ вмѣсто греческаго ὀϊραε, „соколы“ (Шипинъ, Оч. лит. ист. стар. пов. и сказ. русск., 1857, стр. 161). Въ нашихъ былинахъ встрѣчается Соловей разбойникъ, гнѣздо котораго находится на семи (Рыбн., I, 47; IV, 21) или на 9 дубахъ (Кирѣев., в. IV, 49); эпитетъ „разбойникъ“ прилагается къ Б. Медвѣднцѣ (см. стр. 718). Въ малорусскихъ сказкахъ Соловью разбойнику; приписывается похищеніе женщины (Буслаевъ, Русск. богат. эпосъ). Въ сборникѣ Кирѣевскаго („Пѣсни“, в. 1, отд. IV, 80) Илья Муромецъ находитъ заставу: семь сыновъ вора разбойничка (то-есть Соловья разбой-

ника?). Младшій изъ братьевъ говоритъ: вонъ ѣдетъ нашъ батюшка! то-есть, совершенно въ томъ же родѣ, какъ въ другомъ вариантѣ („Пѣсни“, стр. 37) говоритъ младшая дочь Соловья разбойника. На стр. 43 у Соловья 9 сыновъ. Девять братьевъ разбойниковъ, взявшихъ въ полонъ свою сестру см. въ „Нижегор. Сборн.“, III, 117. Дочь Соловья, Пелька, бросаетъ въ Илью подворотней. Ср. съ старухой, бросающей желѣзной палкой въ Амынь-Пагань-Бурекея (№ 35, вар. *д*) и женой Шумусъ-хагана въ Шидди-куръ (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по этн., VI, стр. 26), бросающей желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку въ Масанта. Соловей по отчету Рахматовичъ (Рыбн., I, 53, II, 27); Рахмановичъ (*ibid.*, III, стр. 7); Соловей, птица рахманная (*ibid.*, II, 329). Другой Соловей это Соловей Будимировичъ (у Рыбникова, II, 194: Гудиморовичъ).

6. Тарбаганъ.

Всѣ повѣрья о тарбаганѣ или суркѣ, вѣроятно, первоначально относились къ медвѣдю (ср. № 1, вар. *г*), а еще прежде къ громовнику; отсюда представленія о немъ, какъ о стрѣлѣ, истреблявшемъ звѣрей. Въ вар. *а* онъ стрѣляетъ въ хищную птицу тельгенъ (ср. съ Шидыр-Тюльгуномъ, который даетъ Чингисъ-хану огонь; см. стр. 229), въ вар. *б* въ птицу Канъ-герей, въ вар. *в* и *г* въ солнце (см. прим. къ № 69), въ вар. *д* въ ласточку (харада по торгоутск.). Название тарбаганъ можно разбить на части тар и баганъ. На Иртышѣ въ степной его части Русскіе тарбаганами зовутъ тушканчиковъ, которые въ Хами у тамошнихъ туркестанцевъ носятъ имя таръ. Первымъ членомъ слово „тарбаганъ“ сходно съ началомъ монгольскаго Тарханъ (Тенгри-ханъ?) Поводъ къ повѣрью, что тушканчикъ (алыкдага) копы тарбагана, подало можетъ быть созвучіе имени звѣрка съ словомъ алакдага, „жеребенокъ“. Лошадь у Бодонъ-джара по Сананъ-сэ-цэну назыв. Угук-суссуку, то-есть, хомякъ (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., 61). По алтайскому повѣрью сусликъ есть конь птички таланъ-геле (см. Оч., III, стр. 242). Представленіе стрѣлка сиротой въ вар. *е* также напоминаетъ одинокаго скитальца сибирскихъ дѣсовъ и нейдетъ къ многочисленному сурку. Отрубленный членъ является въ сказаніяхъ о кровосмѣшеніи; см. въ сказаніяхъ о Чингисѣ, стр. 229 и 230, вар. *б* и *г*; вар. *б*. Сходенъ съ разказомъ въ Алтанъ-тобчи (стр. 41), гдѣ похищенная женщина, лишающая своего похитителя членовъ, есть невѣстка похитителя. Въ киргизской легендѣ о кровосмѣшеніи мужчина лишается глазъ, закапывается въ землю и становится подземнымъ жителемъ, подобно тарбагану, за несогласіе на кровосмѣшеніе (ср. съ летописнымъ сказаніемъ о Моисѣ Угрянѣ; Карамз., II, прим. 5). Въ Алтанъ-тобчи у похитителя (Елбекъ-хана) отбитъ мизинецъ—переходъ отъ темы оскотленія къ тому виду разказа, который передается о тарбаганѣ. Общая идея сказаній о суркѣ—наказанная хвастливость богатыря или гордаго охотника. Нерѣдко въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ инородцевъ проводится гуманная мысль о грѣхѣ немилосерднаго истребленія звѣрей; см. стр. 66 и 404. Ср. въ Дзанглунѣ о томъ же (Der Weise und. d.

Тног, 1843, с. 123); казнь истребителя звѣрей наказывается стрѣляніемъ въ его голову огненными стрѣлами. У Вогуличей на праздникахъ существуетъ обрядъ стрѣлянія въ голову медвѣдя; не имѣетъ ли онъ того же значенія?

11. Дергачъ.

У Вербицкаго (Правосл. Обзор., 1867 г., ч. I, стр. 165) рѣшено комаровъ родится отъ каждаго выкрика удода, который по телеутски назыв. кэрэль-дэй кувукъ, то-есть, „заика-кувушка“.

12. Ускозь-уль.

Въ Крыму одну ночью кричащую птицу Татары называютъ исакъ; птицы этой породы кричатъ: исакъ! въ утру сходятся, а потомъ опять различаются. По повѣрью Татаръ это были два любовника, юноша и дѣвица, бракъ которыхъ не состоялся, потому что не понравился отцу невѣсты.— Ср. съ Эсакъ у Овидія, Метам., XI, 749.

14. Ласточка и оса.

Вариантъ Крымск. Татаръ см. Кондараки, Опис. Крыма, т. III, ч. XIII, с. 133. На Кавказѣ нами записанъ ингушскій разказъ: змѣй (бехыл), стегрѣпшій рай (эльсы мале), послалъ одну птицу узнать, чье мясо слаще; ласточка встрѣтилась посланной птицѣ, когда та уже возвращалась, и отняла у нея кусокъ человеческого мяса, который та несла на пробу змѣю; за это змѣй хотѣлъ покарать ласточку, погнался за нею, но она успѣла улетѣть отъ него; змѣю удалось только выкусить у ней хвостъ, отчего онъ у нея и теперь съ развилкомъ. Ласточка по монгольски харадай, харада; ср. хара, „мѣсяцъ“.

18. Тама.

Ср. у Нила, Буддизмъ, стр. 65: лу проводить зиму въ морской пучинѣ. Бѣлый цвѣтъ имѣетъ какое-то отношеніе къ грому. Меркиты во время грозы садятся на бѣлыхъ коней (Оч., II, 44), урянхайскіе шаманы камлаютъ на бѣломъ войлокѣ. Киргизское поколѣніе Сююндуки, какъ намъ довелось слышать въ Баянъ-аульск. округѣ, во время грома покрываютъ посуду съ молокомъ чѣмъ-нибудь не бѣлымъ, потому что бѣлое привлекаетъ молнію. Ср. съ повѣрьемъ о летучихъ мышахъ, сающихся на бѣлое. Къ вар. б. Индра оставляетъ небо и скрывается въ воду, пока его тронъ занимаетъ узурпаторъ Nahusha (Holzmann, Indra въ Zeitschr. d. Deut. Morg. Gesellsch., 1878, V. XXXII, H. II, s. 310).

19. Налимъ.

Ср. съ вендскимъ сказаніемъ объ обратившемся въ карпа вендскомъ королѣ (Veckenstedt, Wendische Märchen, Garz, 1880, s. 33). Эти сказанія

вѣроятно, находятся въ связи въ представленіяхъ о громовникѣ, временно удаляющемся на дно моря или озера и остающемся тамъ до своего возрожденія; см. повѣрья о бѣлой совѣ, стр. 184. По бурятскому повѣрью, налимъ—предокъ поколѣнія Икирить. Ср. сказаніе о мзилѣ, № 1 вар. б.

20. Царь звѣрей.

Въ словарѣ, приложенномъ къ „Грамматикѣ алтайскаго языка“, Казань, 1869 г., Карагула переведено по русски „левъ“ (стр. 48). Имя Карагула встрѣчается въ сказкахъ, какъ темная сила; см. стр. 371. Для означенія льва оно стало употребляться, по видимому, только въ позднее время; когда сосѣди, подошедшіе къ краю съ юга, стали разказывать, что есть на свѣтѣ звѣрь, сильнѣе медвѣдя, Алтайцы обратились къ своимъ сказкамъ, нашли тамъ Карагулу и предположили, что звѣрь, о которомъ имъ говорятъ, и есть давно извѣстный имъ Карагула. Какъ далеко занесено это слово на западъ, показываетъ имя большой кошки каракаль, *Felis casaca*, которая водится въ степяхъ сѣверной Персіи. Вѣроятно, въ началѣ Карагула было именемъ медвѣдя и громовника; затѣмъ медвѣдь получилъ другое имя, и Карагула остался только въ сказкахъ, какъ сильное существо или какъ чудовищный звѣрь. Турецкое племя, подвигаясь на западъ, давало новымъ звѣрямъ вакантныя сказочныя имена; такимъ образомъ получилъ свое имя и каракаль. Вар. б. ср. съ записанною г. Борисовымъ якутскою сказкой о журавлѣ; стр. 627. См. Veckenstedt, *Wendische Märchen*, Graz, 1880, стр. 424, № 4.

21. Гунь гуругунь.

Сходные варианты есть у Казанскихъ Татаръ. Разказывается о шурали, то-есть, лѣшемъ и его дочери (см. Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 253), у Сибирскихъ Татаръ (Radloff, *Proben*, IV, 109; сказка о Кара-кѣкѣлѣ), у Чеченцевъ на Кавказѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., IV, ст. Ахриева „Изъ чечен. сказ.“, стр. 11), у Южно-Руссовъ (Тр. этн. эксп. въ зап.-русск. край, II, 250). Въ Нижегород. губ. говорятъ, что въ семикъ по землѣ ходитъ Семикъ съ Семичихой; въ эти дни наряжаются, какъ въ святки, и ходятъ попарно, парень съ дѣвицей; парень одѣвается дѣвицей, дѣвица парнемъ; собираютъ яйца, при сборѣ приговариваютъ: „Семикъ съ Семичихой пожалуйте по яичку!“ Въ полѣ дѣлаютъ яичницу, съѣдаютъ парами, цѣлуются черезъ яичную пленку и съ этого времени считаются кумами. Въ бурятскомъ людѣдка называется хамыгунь, что очевидно въ связи съ емегенъ „бабушка“ по монг., „старуха“ по алтайски, емеси, „теща“ по самоѣдски, емегенъ, „людѣдка“ сѣверно-кавказскихъ Татаръ горцевъ. Горская людѣдка представляется въ видѣ старухи съ грудями, заброшенными за плечи (Вѣст. Евр., 1869, авг., ст. Острикова „Нар. лит. Кабардинцевъ“). См. также Veckenstedt *Wendische Märchen*, S. 183—184, разк. о Schirman'ѣ и Schirrawa'ѣ.

Татарскій разказъ записанъ нами отъ Татарина дер. Яммузъной Елабужск. у. Дѣдъ разказчика Иманай любитъ лѣсные промыслы и проводилъ по многу времени въ урманѣ. Однажды онъ заночевалъ въ лѣсу; онъ разложилъ костеръ и грѣлся. Ночью къ нему подошелъ, приплясывая, какой-то человекъ съ желѣзнымъ шестомъ; это былъ Шурали. Побесѣдовавъ, они легли спать; ночью Шурали всталъ и положилъ свой шестъ въ огонь, чтобы накалился. Когда онъ отошелъ отъ костра, Иманай вскочилъ, положилъ на свое мѣсто чурбанъ, прикрылъ его своею шубой, а самъ съ ружьемъ залѣзъ на дерево. Вернувшись къ костру, Шурали вынулъ желѣзо и пригвоздилъ мнимо-спящаго сосѣда; въ это время Иманай выстрѣлилъ и ранилъ Шурали; Шурали сказалъ Иманая: „Я долженъ умереть; по слѣду моей крови ты найдешь въ лѣсу жилище, гдѣ живетъ моя дочь“. Иманай нашелъ жилище и сталъ жить съ дочерью Шурали. Всякій разъ, когда онъ подходилъ къ ея дому, онъ предупреждалъ откашливаніемъ или стукомъ. Такъ требовала дочь Шурали. Однажды ему захотѣлось увидѣть, что она дѣлаетъ передъ его приходомъ; онъ вошелъ безъ шума и увидѣлъ ея сидящую и чешущую свои волосы, которые она сняла съ головы, какъ шапку и держала на колѣняхъ. Тотчасъ же она упала на полъ мертвою. Ср. съ приведеннымъ выше (стр. 754) самоѣдскимъ повѣрьемъ о медвѣдяхъ, что они происходятъ отъ женщины, вступившей въ связь съ лѣшимъ, а также съ общеизвѣстнымъ сказаніемъ о Гуннахъ, которые будто бы произошли отъ союза лѣшихъ съ колдуньями. Раде (Reisen, V. I, S. 93) приводитъ слово Косогольскихъ Урянховъ *kung-gurochen*, которымъ они обозначаютъ будто бы тигра; вѣроятно, ему передали имя мифическаго гунъ-гурогуна, которое, можетъ быть, и въ дѣйствительности Урянхайцы начали примѣнять къ тигру (см. выше, стр. 754).

26. Кара-кулакъ.

Киргизы Акмолинской области говорятъ, что сильнѣйшій звѣрь на свѣтѣ—кара-кулакъ (черное ухо); величиной онъ съ кулакъ, но сила его превосходить силу медвѣдя и тигра. Въ этомъ повѣрьи, очевидно, скрывается память о сказочной темной силѣ Каракулѣ. У Алтайцевъ, кромѣ Каракулы, въ сказкахъ упоминаются еще Хатынь-Джула, Айранъ-Джула; второй членъ джула; вѣроятно, есть то же, что кула, и напоминаетъ джиланъ, джуланъ, змѣя; этотъ корень слышится въ татарскомъ и киргизскомъ названіи тигра: юлбарсъ и джолбарсъ. Примѣръ подобнаго же перехода мифическаго имени на звѣря въ осетинскомъ: оигъ у Осетинъ циклопъ, одноглазый великанъ, собственно левъ. (Сборн. свѣд. о кавк. горц., VIII, ст. „Въ осетин. аулѣ“, стр. 17). Ср. тюрксканкъ, „медвѣдь“. У Остяко-Самоѣдовъ на Оби, по сообщенію г. Григоровскаго, самый сильный звѣрь на землѣ называется Тегалду-тоузентъ-мадуръ; каковаго онъ вида и роста, они не знаютъ, и думаютъ, что онъ не водится и не водился въ ихъ мѣстахъ.

27. Амынь-сагань-хулугуна.

Хулугуна, хулагана по монг. значить „мышь“. Корень хулу содержится въ алтайскомъ имени Каракула и въ киргизскомъ Кара-кулакъ; въ послѣднемъ второй членъ кулакъ можно принять за хулагана съ отпадениемъ окончанія ана. Повѣрье о томъ, что амынь-сагань-хулугуна сосетъ кровь изъ дѣтей ср. съ повѣрьемъ Вендовъ о Golep, которые будто имѣютъ видъ сусликовъ; они высасываютъ кровь у людей и поѣдаютъ трупы недавно похороненныхъ людей: Veckenstedt, Wendische Märcchen, S. 354. Кромѣ Golep этимъ занимаются жабы и драконы (ibid. стр. 393 и 414). У Албанцевъ дѣтей поѣдаютъ Ljubia; Hahn, Alban. Stud., 162. Первые два члена: Амынь-Сагань встрѣчаются также въ имени Амынь-Сагань-Бурекей, что говорить о неумѣстности перевода этихъ членовъ словами „бѣлоротая“, какъ дѣлаютъ сами Буряты. Имя Чагань-амань-кула встрѣчается въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ у Рашидъ-эдина (Ж. М. Н. Пр., т. 79, 1858, ст. Березина, „Нашествіе Монг. на Россію“, стр. 226 — 227); г. Березинъ перевелъ это имя „бѣломордая соврасая лошадь“. Чингисъ-ханъ охотился; въ цѣль попалъ Джебе; одинъ изъ спутниковъ Чингиса, сидѣвшій на лошади Чагань-амань-кула, пустилъ въ Джебе стрѣлу, но промахнулся; Джебе тоже пустилъ стрѣлу и убилъ лошадь подъ противникомъ, потомъ самъ пришелъ къ Чингису, повинился предъ нимъ въ смерти лошади и обѣщаль въ замѣнъ убитой добыть 100 бѣломордыхъ лошадей. У Якутовъ въ каждомъ родѣ есть свой заступникъ, посредникъ между людьми и небомъ; его представляютъ въ видѣ бѣлогубаго жеребца или бѣлогубой кобылы (Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, стр. 276; кн. Костровъ, Оч. юрид. быт. Як. въ Зап. Р. Геогр. Общ. по этн., VIII, 292). У Хотогойту есть повѣрье о благодѣтельномъ вліяніи бѣлоротыхъ мышей (Оч., II, 152 и прим. стр. 36). Выраженіе „бѣлоротый“ или „бѣлогубый“, вѣроятно, есть позднѣйшее домышленіе. Въ Шиддигурѣ встрѣчается имя Амугулангъ; такъ называется паревичъ, отправляющійся за святымъ трупомъ; Амоголонъ-ханъ, гора въ восточной Монголіи (См. Опис. пути братьевъ Бутиныхъ, Иркутскъ, 1871 г., стр. 51). Амынь ср. съ Ама, мать шамановъ, и съ Амъ, страшный подземный дьяволъ у Енисейскихъ Остяковъ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 423).

Повѣрья объ ужахъ, змѣяхъ, вѣдьмахъ, сосущихъ коровъ, очень распространены въ Россіи и Европѣ (Тр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. I, в. 1, стр. 65; Аванас., Поэт. Возвр., II, 560). Казанскіе Татары, когда корова возвращается съ поля съ окровавленнымъ выменемъ, говорятъ, что ее сосала змѣя. Урянхайское и алтайское повѣрье приписываетъ высасываніе молока изъ коровъ или козъ тушканчику; по халхасски онъ называется амыкъ-дага, по торгоутски ялмавъ. Въ Орловской губ. о ласточкѣ повѣрье, будто она мститъ за разореніе гнѣзда тѣмъ, что, подлетая подъ корову, портитъ у ней молоко (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 21); подобное повѣрье о мести за гнѣздо порчей молока

чаще относится къ ужамъ. Такое смѣшеніе ласточекъ съ змѣями можетъ быть обусловлено тѣмъ, что эта птица носить имя одного корня съ нѣкоторыми именами змѣи: пастрица—змѣя у Полабскихъ Славянъ, гуштеръ—огненный змѣй у южныхъ Славянъ; ср. также птица Юстрица въ русской загадкѣ (Садовниковъ № 20, 29), настыръ—летучая мышь въ Орловск. губ. (Зап. Р. Г. Общ. по этн., II, 21). Объ аистѣ существуютъ повѣрья, что онъ мститъ за разореніе гнѣзда пожаромъ. Другія названія аиста: гайстеръ и бусель; первое близко къ гуштеръ, второе напоминаетъ „мысль“ (мысь) Слова о Полку Игоревѣ, которую сближали съ скандинавскою бѣлкой, бѣгающей по мировому дереву (то-есть, съ молніей); въ другомъ мѣстѣ „Слова“ упоминается „мыслено древо“. Не было ли „мысль“ именемъ летучей мыши, или летяги? Случай обменъ имени аиста съ ночными птицами и летучими четвероногими представляютъ формы: леглекъ по албански и румынски аистъ, лилякъ болгарск., лилявъ рум., лилякъ сербск., лылыкъ южно-русск. (Данильченко) въ Каменецъ-Подольск. г., лелекъ въ Новг. губ. Череп. у. (Барсовъ) летучая мышь, лелекъ въ Волог. губ. Ник. у.—ководой. Млечный путь имѣетъ областное названіе „Мышины тропы“. Сходное имя слышится въ окончаніи сложныхъ: Коромысло, обл. названіе Б. Медвѣдицы, Гостомысль, имя новгородскаго старѣйшины.

28. Змѣи.

Къ вар. б. Въ Томской губ. есть повѣрье: есть „змѣи-огневи“, которыя бросаются на человѣка, если отъ него падеть на нихъ тѣнь, и пробираются его насквозь. О томъ же повѣрѣ см. Аванас., Поэт. Возвр., II, 527. См. также въ прим. къ № 64 мѣсто о Бохоли-хара. Въ Новгородск. губ. Боровичск. у. повѣрье: молніи входятъ въ землю, а на зарѣ входятъ въ растеніе „заря“, и оно вслѣдствіе того разцвѣтаетъ (сообщ. г-жей Наумовой). Ср. „ревунъ“, *Epilobium angustifolium*; въ Калужской губ. о немъ повѣрье: реветъ по зарямъ. По нѣмецкому повѣрью, громовыя стрѣлы лежатъ въ землѣ семь лѣтъ, семь дней и семь часовъ, послѣ чего выходятъ на земную поверхность. (Mannhardt, Götterwelt, 204).

29. Дерево Оронъ-Ганцханъ-шодонъ.

Вѣроятно, подъ этимъ именемъ скрывается то древообразное расположеніе перистыхъ облаковъ, которое по нѣмецки называется Vetterbaum или Vindbaum; по народному повѣрью оно всегда предвѣщаетъ ненастье и дѣйствительно бываетъ обращено основаніемъ на западъ, а верхушкой на востокъ. Дерево Орбнъ упоминается въ котонскомъ преданіи о предкѣ (Оч., II, 162); см. № 53 и 76 и прим. къ нимъ.

30. Дзандынъ модо.

Русское повѣрье о камнѣ іакинфѣ: чтобы добыть его, бросаютъ мясо въ пропасть; камень прилипаетъ къ мясу; орлы, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, прилетаютъ на запахъ, берутъ мясо и поднимаются на вершины горъ; съѣвъ мясо, камень оставляютъ на горахъ: „Древности“, I, ст. Шеппинга „Символика камней“. Ср. также Пѣсни, собр. Кирѣевск., в. 2, стр. 100 и 102 (объ орлиныхъ перьяхъ и камнѣ тиронѣ); Рыбн., I, 295. Похищеніе змѣи абырга вмѣстѣ съ деревомъ напоминаетъ алтайское сказаніе о мѣсяцѣ, уносящемъ Дзельбегена вмѣстѣ съ деревомъ, на которомъ онъ сидѣлъ (см. стр. 192, вар. а).

31. Трава Буху-аранай.

Русскіе охотники въ Тункѣ (Иркутской губ.) говорятъ о медвѣдѣ, что во время яра онъ грызетъ осину и оттого пьянѣетъ. Въ другихъ мѣстахъ существуютъ повѣрья объ отыскиваніи медвѣдемъ корней, но не съ цѣлю охмѣленія; такъ Вотяки вѣрятъ, что медвѣдъ осенью копаешь и ѣсть корень растенія *Aconitum Lycostopum*, который и повергаетъ его въ зимнюю спячку; это растеніе Вотяки называютъ гондырь-кудо, свать медвѣдя. У Русскихъ для него есть имена: сонъ-трава, сонъ-даръ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., т. VI, 173 и 198). По туркестанскому повѣрью есть любовная трава, „анкъ-ути“, то-есть, „медвѣжья трава“. Третій видъ повѣрья: медвѣдъ роетъ коренья, какъ цѣлебное средство. По нѣмцамъ именемъ *Hirschbrunst* называется грибокъ *Fallus impudicus*, L. Связь растенія съ идеей о кровосмѣшеніи, на которую указываетъ это повѣрье, замѣчается и въ сказаніи о макѣ (стр. 351). Добываніе травы „буху“ въ вар. б напоминаетъ наши повѣрья о разрывъ-травѣ и вотяцкія о травѣ улыбъ. Последнимъ именемъ Вотяки зовутъ *Sedum Telephium*; они приписываютъ ей возбуждающее половую страсть свойство, но прибавляютъ, что это не настоящая улыбъ; настоящая восстанавливаетъ мужское безсиліе, воскрешаетъ змѣй и достается хитро. Для этого нужно найти табунъ амѣй и убить одну; тогда змѣи принесутъ траву улыбъ, проведутъ ея вдоль тѣла мертвой змѣи, и та оживетъ. Тогда траву нужно подобрать. Ср. осетинское повѣрье объ Аркъзовѣ зубѣ (Вс. Мидлеръ, Осет. эт., I, 39 и 41). У Ингушей на Кавказѣ разрывъ трава называется чай бутс, „медвѣжья трава“. Ее можно найти такимъ родомъ: нужно огородить плетнемъ отверстіе норы ежа; тогда ежъ принесетъ этой травы, притронется до плетня, плетень раскроется; ежъ оставить траву; тогда ее можно будетъ взять.

32. Камень дзада.

По якутскому повѣрью сата—особое вещество, которымъ можно вызвать ненастье, наиримѣрь, будто бы печеночный камень, привязанный къ пруту при

быстромъ верченіи по воздуху вызываетъ бурю; при этомъ вызывающій проблинаетъ себя и свое потомство (Порядинъ, якут. сл., рук.). Въ рукописномъ спискѣ якутскихъ словъ, составленномъ г. Евг. Борисовымъ, сата переведено словами: „насланный шаманомъ вѣтеръ и холодъ“. У Осетинъ подобныя повѣрья связываются съ рахус, то-есть, съ дѣвью, на которой въ дому виситъ котель (Об. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. „Въ осетин. аулѣ“ стр. 16); по аварски дѣвъ ракас; то же слово имѣетъ еще значеніе: „идти гуськомъ“ (Усларъ, Азб. аварск. яз.). Шеферъ разказываетъ о веревкахъ съ узлами, которыя употреблялись на сѣверѣ Скандинавскаго полуострова колдунами съ дѣвью поднять вѣтры морскіе; купцы, которые были удержаны у береговъ противными вѣтрами, покушали попутные вѣтры у колдуновъ. Олай Магнусъ приписываетъ это финляндскимъ колдунамъ, Циглеръ относитъ къ Лапландцамъ; Schefer, Histoire de Laponie, p. 113. У Крымскихъ Татаръ есть повѣрье о камнѣ араза, который находятъ у воловъ подъ желчью, и который даетъ тѣлесную полноту (Кондараки, Опис. Крыма, т. III, ч. XI, с. 16).

33. Мѣсяцъ.

Къ вар. *a*. Въ другихъ сказаніяхъ Алтайцевъ Джелъбегень является противникомъ Тарданака, который, по словамъ миссіонера о. В. Вербицкаго, у Черневыхъ Татаръ замѣняется Мешпереконъ или Маппараконъ. Сказка о Джелъбегенѣ и Тарданакѣ записана Радловымъ (Prob., I, 28); семиголовый Джелъбегень владетъ Тарданака, пахавшаго землю, въ мѣшокъ, относитъ въ свой домъ и хочетъ его сварить; Тарданакъ освобождается изъ мѣшка и бросаетъ дѣтей Джелъбегеня въ котель съ кипяткомъ; потомъ и самаго Джелъбегеня Тарданакъ обвариваетъ, опрокидывая на него котель. Варианты этого сказанія записаны также миссіонеромъ о. Вербицкимъ и напечатаны въ журналѣ „Миссіонеръ“, 1877, № 20. Чельбегени были богатыри, ставшіе людодѣлами; небо послало для ихъ истребленія солнце, оно сожгло ихъ всѣхъ, исключая семиглаваго (чети-башту) Чельбегеня, который скрылся въ глубокую, доходящую до центра земли, каменную пещеру. Солнце бокомъ старалось войти въ пещеру, но не могло и ушло на небо; когда солнце возвратилось безъ успѣха на небо, сталь спускаться на землю мѣсяцъ; онъ увидѣлъ, что Чельбегень гонится за мальчикомъ сиротою, чтобы съѣсть его, но мальчикъ забрался на высокую талину (ср. съ Торомъ, спасающимся отъ наводненія на дерево; Manhardt, Germ. Myth., 202). Чельбегень вырвалъ талину съ корнемъ и вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней мальчикомъ бросился въ озеро. Мѣсяцъ отхватилъ себѣ правое плечо, потомъ лѣвое, и такимъ образомъ уцербнувъ, бросился за Чельбегенемъ; когда они воевали, брыжи летѣли чрезъ близъ стоящую гору. Мѣсяцъ, схвативъ талину, Чельбегеня и мальчика, унесъ ихъ на небо. На мѣсяцѣ всегда можно видѣть Чельбегеневу голову и таловый кустъ. По другому варианту, Чельбегень погнался за Тарданакомъ, но тотъ успѣлъ залезть на желѣзное

дерево. Чельбегень сталъ рубить это дерево и усталъ. Къ нему подошла красная лисица, обманула его и забросила топоръ въ озеро, предварительно иступивъ его. Чельбегень досталъ топоръ изъ озера; лисица и въ другой разъ обманула Чельбегеня, перемѣнивъ красную шерсть на черную и вновь забросила топоръ; но Чельбегень опять досталъ его изъ озера и принялся рубить дерево. Тарданаѣ смотритъ на небо и видитъ: въ девяти тучахъ летать вороны, такъ что изъ-за нихъ закрылось солнце. Чельбегень, слышавъ вороній крикъ, спустился въ озеро. Вороны спросили у Тарданака: „Гдѣ Чельбегень?“ Тарданакъ указалъ на озеро и вороны вступили въ бой съ Чельбегенемъ, кончившійся гибелью послѣдняго (ср. съ разказомъ о папѣ Римскомъ въ Этногр. Сборн., IV, стр. 148 и съ примѣч. къ № 88). Послѣ этого Тарданакъ сошелъ съ дерева; всѣ люди происходятъ отъ Тарданака или Мешперека. Якуты видятъ въ пятнахъ на лунѣ одного великаго шамана, который когда-то давно вздумалъ вступить въ борьбу съ луною, но едва успѣлъ до нея прикоснуться, какъ тотчасъ же прильнулъ къ ней вмѣстѣ съ бубномъ (Третьяковъ, Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.; II, 415). Ср. о шаманѣ, вылетѣвшемъ съ бубномъ изъ огня на скалу, Оч., II, 172; разказъ очевидно относится къ Тарханъ-бо. Вариантъ о мѣсяцѣ и Ельбегенѣ разказанъ г. Ядринцевымъ (въ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, 249) съ добавленіемъ, что такъ какъ унесенному на небо Ельбегеню нечего было тамъ ѣсть, то мѣсяцъ согласился 15 дней кормить его своимъ тѣломъ, а 15 дней Ельбегень долженъ въ свою очередь кормить мѣсяцъ. Здѣсь мнѣ объ Ельбегенѣ сходится не съ затмѣніемъ, а съ фазами. Въ Кубанской области сохранилось слѣдующее преданіе о затмѣніи луны, изъ Куб. Вѣд. перепечатанное въ Моск. Вѣд. 1832, № 219: Въ незапамятныя времена жилъ князь; у него родилась дочь по имени Джалмаусъ (въ киргизскомъ джалмаусъ—людоедка, пожирающая скотъ и людей); въ первую же ночь по ея рожденіи исчезли ведро воды и теленокъ, и такъ потери стали дѣлаться каждый день, а княжеская дочь быстро полнѣла. Догадались, что княжеская дочь не простая смертная, а емегень (женщина громаднаго роста, пожирающая животныхъ и людей). Одинъ изъ ея братьевъ, Кіилы, спасаясь отъ погибели, ушелъ на берегъ Чернаго моря и жилъ тамъ, занимаясь рыболовствомъ; поймавъ однажды большую рыбу, онъ нашелъ въ ней щенятъ и выростилъ ихъ. Задумавъ побывать на родинѣ, Кіилы оставилъ собакъ, взявъ съ нихъ немного шерсти; на родинѣ онъ ни кого не нашелъ, кромѣ сестры и кузнеца. Сестра принимаетъ его, раскладываетъ огонь, потомъ отрываетъ у коня брата одну ногу, потомъ другую и т. д., пока не кончатъ коня совсѣмъ. Кіилы по совѣту мыши, вышедшей изъ норы, убѣгаетъ, Джалмаусъ гонится за нимъ. Тогда Кіилы призываютъ собакъ, и тѣ разрываютъ Джалмаусъ; осталась одна голова съ стальными зубами; собаки ухватились, одна за волосы, другая за нижнюю челюсть, и хотѣли разорвать голову, но она поднялась вмѣстѣ съ собаками на луну. Съ тѣхъ поръ голова вѣчно враждуетъ съ луной, а собаки стерегутъ послѣднюю; онъ круглый годъ не смыкаютъ глазъ и только одинъ разъ въ

году засыпаютъ. Тогда голова бросается на луну, и та темнѣетъ; въ это время жители Кубанской области стрѣляютъ и кричатъ, собаки просыпаются, оттаскиваютъ голову въ сторону и луна свѣтлѣетъ. Осетинскій вариантъ этого сказанія сообщенъ г. Вс. Миллеромъ (въ „Осет. Эт.“, II, 297). Въмѣсто емегени Джалмаусъ клыкастая дѣвушка (не заключается ли въ выраженіи „клыкастая“ въ осетинскомъ арханческаго имени злаго существа?); братьевъ у нея семь; одинъ изъ нихъ, удаляющійся отъ семьи и соответствующій Килы, по имени не названъ; мышъ, дающая ему совѣты убѣжать черезъ заднее окно, истолковывается душой матери юноши (ср. съ ролью Джонпая въ барабинской сказкѣ о Идыге, Radl., Prob., IV, 35). Во время бѣгства данные бѣглецу мышью вещи, разрастаясь дремучимъ лѣсомъ или горой, замедляютъ бѣгъ догоняющей злой сестры. Конечъ: юноша добѣгаетъ до башни, на вершинѣ которой живетъ его жена; она подаетъ ему руку, но въ это время за ногу юношу схватываетъ клыкастая сестра; женщины наконецъ уговариваются, чтобы двѣ недѣли въ мѣсяцъ юноша принадлежалъ одной, другія двѣ другой. Юноша сталъ мѣсяцемъ и ходитъ по небу; когда онъ въ рукахъ сестры, то она постепенно съѣдаетъ его, а потомъ жена снова его выкармливаетъ.

Къ вар. б. Подобный разказъ существуетъ у Казанскихъ Татаръ, Черемисовъ и Вотяковъ. Вотяки говорятъ, что злая мачиха очень рано по утрамъ выгоняла свою падчерицу за водой; дѣвушка стоя у потока, взмолилась мѣсяцу, хоть онъ бы пожалѣлъ ее; мѣсяцъ и взялъ ее къ себѣ, гдѣ ее съ ведрами и теперь видно (на Волыни дѣвицу съ коромысломъ видятъ въ Б. Медвѣдицѣ, Аван., Поэт. Возвр., 1, 356). Вотяки прибавляютъ, что дѣвушка была Черемиска. Долганское повѣрье: мѣсяцъ, сжалившись надъ голоднымъ мальчикомъ, взялъ его на себя и, осквернившись чрезъ это, сталъ смертнымъ (Зап. Р. Г. Общ. по общ. геогр., II, 423). Въ русскихъ повѣрьяхъ мѣсяцъ уноситъ дѣвицу (ср. съ пѣсней у Шейна, Русск. Нар. Пѣсни, М., 1870, стр. 523, № 24) или дитя. Въ Томск. губ. повѣрье: на мѣсяцъ долго смотрѣть не слѣдуетъ—утащить; замѣтивъ, что мѣсяцъ началъ отъ смотрѣнія на него чернѣть, нужно накрыть столъ скатертью, сѣсть подъ столъ и читать молитву, а сверху положить хлѣбъ. Мѣсяцъ унесетъ только хлѣбъ (Этн. Сб., VI, 117). Въ Бійскомъ округѣ записано мною: одна дѣвица гадала передъ мѣсяцемъ (гаданье производится такъ: садятся на перекрестокъ и наводятъ зеркало на мѣсяцъ или смотрятъ на ликъ луны, отражающійся въ проруби); мѣсяцъ сталъ спускаться къ дѣвицѣ; она испугалась и закричала. Родители посадили ее подъ столъ, а на столъ поставили хлѣбъ съ солью и тѣмъ спасли дочь. Въ Тунгивскомъ селеніи (Иркутск. губ.) мѣсяцъ загадываютъ: „въ пролубъ (прорубь) не заглянуть“. Ингуши на Кавказѣ пятна на лунѣ называютъ: уши венна юша, „сестра умершаго брата“. По ихъ повѣрью, на луну не слѣдуетъ смотрѣть прямо; луна въ печали оттого, что у нея умеръ братъ, и она не любитъ, чтобы на нее прямо смотрѣли; есликто на нее посмотритъ прямо, она тому скажетъ: „Пусть и у тебя не будетъ брата, какъ у меня“. Пятна, видимыя на лунѣ, и есть сама эта дѣвица, потерявшая брата (зап.

въ Тифлисѣ отъ Ингуша Сулеймана Бузурганова). У Черемисовъ Бирскаго уѣзда, Уфимск. губ., повѣрье: на полнолуніе (тэмшэ тылызѣ) не слѣдуетъ указывать пальцемъ, чтобъ не быть имъ проглоченнымъ подобно тому, какъ оно поступило съ дѣвицей, шедшею на рѣчку за водой. Если кто во время разговора о полнолуніи случайно укажетъ на него пальцемъ, тотъ тутъ же долженъ прикусить палецъ, которымъ указалъ (сообщ. учителемъ г. Аптріевымъ). Названіе дѣвушки Черемиской въ вотскомъ сказаніи, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить такимъ образомъ: имя Черемисъ, вѣроятно, то же, что Кереметь (ср. алт. Курмось), означало чудовищное, злое существо; оно упоминалось въ легендахъ, особенно о затмѣніи или ущербѣ луны; это было то злое существо, которому приписывалось сглатываніе мѣсяца; можетъ быть, такъ назывался и самъ мѣсяцъ, такъ какъ въ повѣрьяхъ роль мѣсяца различная: то онъ уноситъ дѣвицу или дитя, то спасаетъ дѣвицу или дитя отъ враждебнаго существа. Какъ имя злаго существа, оно стало прозвищемъ враждебнаго или чужаго племени, которое само себя называетъ Мари. Чуваша также видятъ на лунѣ дѣвицу съ коромысломъ (Магнитскій, „Матер. къ объясн. стар. чуваш. вѣры“, 64).

Къ вар. и и і. Олху или Алхы ср. съ манджурск. улху, „бѣлка“, тунгуск. улюки, „бѣлка“, ульги (ходженск.) „бурундукъ“; эти названія и монгольское ольби, „летяга“ различаются между собою только окончаніями.

Къ вар. л. Въ Томск. губ. есть повѣрье о кукушкѣ, что это царевна, у которой одна нога была обута, другая босая, когда она пустилась бѣжать (Этн. Сб., VI, 123). См. также у Садовникова, Сказки и предан. Самарск. края, стр. 6; Liebrecht, Zur Volkskunde, 363; Веселовскій въ Ж. М. Н. Пр., 1879, сент., стр. 123; Hahn, Albanesische Stud., 191.

Къ вар. и. Имя альбинъ-читкуръ ср. съ Джебегень, которое произносится также Ельбегень, и съ Гальбинъ-Минганъ-бурханъ, который заточаетъ Аюбодисатту (см. стр. 311). Объ альбинъ см. у Банзарова, Учен. Зап. Каз. Унив., 1846, III, 97. Ср. алмысь, злой духъ по алтайски и дюрбютски. На Кавказѣ у Ингушей илбис, чортъ (записано мною); по аварски илбис, чортъ (Усларъ, Авб. аварск. яз.). Съ приведенными здѣсь сказаніями ср. также легенды о животворной водѣ (стр. 209). Какъ тѣ, такъ и другія основаны очевидно на смѣшанныхъ наблюденіяхъ надъ фазами луны и затмѣніемъ свѣтла. Туруханскіе инородцы ущербъ луны объясняютъ похищеніемъ ея подземнымъ дьяволомъ „сыръ-кянда“ (Третьякова, Зап. Р. Г. Общ. по общ. геогр., II, 415). Фазы луны отразились на сказаніяхъ появленіемъ въ нихъ темы объ разрубаніи пополамъ; иногда мѣсяцъ самъ себя разрубаетъ пополамъ (стр. 774), иногда Бурханъ-Бакши (стр. 210) разрубаетъ злое существо, которое угрожаетъ мѣсяцу. Часто это сказаніе соединяется съ представленіями о водѣ: или дѣвушка беретъ воду въ ведра, или готовится животворная вода или во время похищенія и борьбы летятъ брызги; сл. съ народнымъ повѣрьемъ, что молодой мѣсяцъ омывается, то-есть, что во время новолунія всегда бываетъ ненастье. Умыванье водой есть въ сказкѣ о Тунгъ-Каратыханѣ (стр. 377); въ преданіи о Сартактаѣ вода добывается, вѣро-

ятно, для умыванья же (стр. 237); харь или сарь, „мѣсяць“. Въ осетинск. сказкѣ (Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, стр. 11) мненческое крылатое существо Пакондай уноситъ на небо Мысырби, когда тотъ бралъ воду. На сходство алтайскихъ сказокъ о Тарданагѣ и Джельбегенѣ съ русскими о бабѣ-ягѣ указалъ уже Шифнеръ (Radloff, Proben, I, стр. XIII). Въ одномъ изъ русскихъ вариантовъ мальчикъ называется Тельпушекъ (Аван., Нар. Ск., в. 1. № 4); въ аварской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горахъ, вып. II, ст. Аварск. нар. сказ., стр. 25; A. Schiefner, Awarische Texte въ Mem. d. l'Acad. d. Sc. d. St. Pet., t. XIX, № 6, p. 25) мальчикъ названъ Чилбикиъ, а вѣдьма Картъ. По Ипатьевской лѣтописи, Игоря, князя Сѣверскаго, плѣнилъ „Тарголове, мужъ именемъ Чилбукъ“. Въ вариантѣ, записанномъ о Вербицкимъ, является и дерево, на которое спасается мальчикъ. Оно напоминаетъ другое, подъ которымъ или въ вѣтвяхъ котораго находятъ мальчика, избираемаго потомъ въ цари. Легенды о найденншѣ-царѣ суть собственно легенды о родоначальникѣ племени или о первомъ человѣкѣ; Машпаракъ также первый человѣкъ. Ср. примѣч. къ № 76.

34. Большая Медвѣдица.

Г. Григоровскимъ намъ доставленъ остяцкій разказъ о совѣздѣи Лось (Большая Медвѣдица). Три охотника, Тунгусъ, Остякъ и Самоѣдъ промышляли звѣрей въ одномъ лѣсномъ мѣстѣ неподалеку другъ отъ друга. Однажды, будучи всѣ вмѣстѣ, они завидѣли лося и общимъ совѣтомъ рѣшили догнать его и убить. На этомъ же совѣтѣ возникъ у нихъ вопросъ, какъ они будутъ ѣсть мясо убитаго лося. Самоѣдъ сказалъ, что онъ будетъ жарить мясо на вертѣлѣ, Тунгусъ пожелалъ ѣсть сырое мясо, Остякъ же объявилъ, что онъ станетъ ѣсть вареное мясо; каждый пожелалъ ѣсть по обычаю своего племени. И пустились всѣ трое за лосемъ. А такъ какъ у Остяка не было съ собою котелка, чтобы варить лосиное мясо, то онъ вернулся въ свой станъ захватить котелокъ, надѣясь догнать своихъ товарищей охотниковъ. Взявъ котелокъ, онъ догналъ товарищей, уже нагонявшихъ лося. Тунгусъ былъ впереди, а Самоѣдъ отсталъ немного. Догнавъ товарищей, Остякъ обогналъ Самоѣда, но Тунгусъ уже былъ тогда такъ близко къ лосю, что ему оставалось только поразить звѣря „пальмою“ (родъ рогатины). Тунгусъ былъ чародѣй, и заноса пальму, просилъ своихъ духовъ, въ томъ случаѣ, если онъ убьетъ лося, чтобы съ этого времени лоси водились бы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ Тунгусы, и чтобы ни одинъ Остякъ и ни одинъ Самоѣдъ не могли бы никогда убить ни одного лося. За эту услугу онъ обѣщалъ своимъ духамъ, убивъ лося, тотчасъ же обернуться назадъ и тою же пальмою убить Остяка и Самоѣда. Но Остякъ также былъ хитрый и угадалъ мысли Тунгуса; онъ, взявъ вправо, пустилъ стрѣлу въ лося и убилъ его на повалѣ. Тогда Тунгусъ, увидѣвъ свои чары разрушенными, обратился къ товарищамъ и сказалъ: „Еслибъ мнѣ удалось убить лося, а затѣмъ и

вась, лоси стали бы водиться во множествѣ въ землѣ Тунгусовъ, но теперь будутъ не таеъ; они будутъ водиться только въ землѣ Остяковъ“. Въ то же время всѣ три охотника вмѣстѣ съ лосемъ были перенесены на небо и стали созвѣздиемъ Лось. Четыре звѣзды созвѣдія это четыре ноги убитаго Остякомъ лося и разставлены такъ, какъ были во время бѣга; задняя правая нога сдѣлала шагъ къ передней и въ это время звѣрь былъ убитъ. Первая звѣзда въ хвостѣ созвѣдія — Тунгусъ: онъ налегаетъ на лося. Вторая звѣзда—Остякъ, отсторонившійся вправо; воалъ него есть небольшая звѣздочка—это котелокъ Остяка. Третья звѣзда въ хвостѣ—Самоѣдъ. Впереди лося есть три звѣзды (двѣ рядомъ, а третья свяди) — это стрѣла, которою былъ пораженъ лось. Вмѣстѣ съ этимъ сказаніемъ г. Григоровскій сообщилъ и повѣрье Остяковъ, что бываютъ годы, когда Лось идетъ скорѣе другихъ созвѣздій и бываетъ въ ноябрѣ и въ началѣ декабря передъ утромъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ обменовенно бываетъ въ январѣ. Они замѣчаютъ, что въ эти годы весна бываетъ ранняя, дружная и многоводная и тогда бываетъ обильный промыселъ рыбы и звѣря. См. также Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 416 (объ охотѣ за оленемъ первыхъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ имѣетъ жену).

Къ вар. а. Исторія о томъ, что Плеяды потеряли одну изъ своихъ звѣздъ, разсказывается и у диварей Полинезіи. Негры на Золотомъ берегу говорятъ, что Плеяды состоятъ изъ семи, а не изъ шести звѣздъ, какъ это людямъ кажется; что шесть изъ нихъ красивыя дѣвицы, а седьмая не отличается изяществомъ и потому, когда считаютъ звѣзды, причется за сестеръ (Haliburton, Nature, 1881, № 631). См. наши вар. а, б, в, и и к. Въ южныхъ широтахъ нѣкоторые жители называютъ Плеяды „The seven Star“, Семизвѣздицей, въ родѣ того, какъ онѣ у Нѣмцевъ называются Siebengestirn; тѣмъ же именемъ Нѣмцы зовутъ и Б. Медвѣдицу. Подобное смѣшеніе именъ этихъ созвѣздій замѣчается и на востокѣ; въ вар. г. имя Плеядъ „Мечинъ“ является первымъ членомъ названія Большой Медвѣдицы. Смѣшеніе замѣчается и въ кавказскихъ сказаніяхъ объ исканіи потеряннаго сына (см. стр. 714 и 735; Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, стр. 41 и в. VIII, стр. 20).

Шесть по монгольски дзурганъ или дзурга. Сходныя формы встрѣчаются въ монгольскихъ легендахъ: Дзурганъ-бакши (стр. 272), Алтынъ-Зурге (стр. 202), Дзарга (вар. Джерге, Чарахай), Ерге, Ирхи; встрѣчаются въ Монголіи горы съ названіями: Байнъ-Дзюрку (буквально: „богатое сердце“), Байнъ-Чжпрукъ, гора къ с. отъ Урги (Тимковскій, Путеш., ч. I, 70), Байнъ-Джурекъ въ Киргизской степи, гдѣ прежде обитали калмыки (около Копала); въ киргизскомъ Джарыкѣ, названіе Венеры. Ср. съ видоизмѣненіями имени звѣрка бурундука: чирхи, чирем, джирхи, джирихи, тирьхи и также манджур. арха, барсъ; ѳрга, Felis igrbis; врацъ. ворга, медвѣдъ; обдорскихъ Самоѣдовъ уѳрекъ, медвѣдъ. (Захаровъ, Мандж. Сл., 191; Мааеъ, Путеш. по Уссурі, I, 115; Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 298, и пр.). Не было ли это именемъ Б. Медвѣдицы или Плеядъ или

другаго созвѣздія, и не стало ли оно числовымъ только уже впоследствии, когда укрѣпилось за Плеядами?

Къ вар. б и в. По повѣрью гренландскихъ Эсвимосовъ, Anningat, „мѣсяцъ“, влюбленный въ свою сестру Mallino, преслѣдуетъ её по небу. У нѣкоторыхъ Австралійцевъ мѣсяцъ Mituan былъ прежде котомъ, который за свою любовь къ чужой женѣ обреченъ вѣчно бродить по небу (Girard de Rialle, Mythol. comparée, 149). Ср. киргизск. повѣрье о кошкѣ Малинъ, ослѣпившей брата за отказъ вступить съ нею въ бракъ, послѣ чего онъ сталъ кротомъ (вѣчно живущимъ въ мракѣ?); кротъ по кирг. корь-тышкванъ, по монг. согурь-комынъ; для Плеядъ есть названія: Укуръ, Угарь, Ухэръ (стр. 137 и 193; Оч., II, 125). Въ нашихъ сказкахъ встрѣчается котъ, который вѣчно ходитъ на цѣпи (Аванас., Нар. Св., изд. 1861 г., в. VI, № 68, вар. д, стр. 351). Въ венгерской сказкѣ (Jagic, Archiv für Slavische Philologie, IV, 625) Garabonczás diák вѣчно летаецъ на драконѣ, гоняясь за злой феей, которая похитила любимую имъ дѣвушку Пона'у. О Haskeberg'ъ, осужденномъ вѣчно витать въ воздухѣ за то, что убилъ своихъ 7 сыновей, см. Manhardt, Germ. Myth., 300. Въ русской сказкѣ вѣчнымъ перевозчикомъ дѣлается Марко богатый (Аванас., Нар. Св., изд. 1863 г., в. 1, № 13, стр. 88). Вѣчный жидъ христіанской легенды представляется то вѣчно бродящимъ по землѣ, то прикованнымъ на цѣпи. Последнее сближаетъ его съ кавказскимъ мифомъ объ Амиранѣ, прикованномъ къ Ельбрусу. Вѣчный жидъ въ легендахъ носитъ имена: Малхъ, Картафилъ, Агасферъ, Маркъ. Вариантъ съ именемъ Картафилъ будто бы разказанъ армянскимъ епископомъ Матею Парижскому (А. Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1880, июль, стр. 87). Ср. Картвели, какъ зовутъ себя Грузины Карталиніи; Картвели былъ одинъ изъ трехъ легендарныхъ братьевъ родоначальниковъ (Вс. Миллеръ, Осет. Эт., I, 138). По скандинавской сагѣ Торъ, сынъ Одина, сковалъ Локи (ср. литовское lokis, „лось“; русское Лось, Б. Медвѣдипа) и привязалъ надъ тремя скалами; тутъ онъ лежитъ до скончанія вѣка. О скованномъ Люциферѣ (Lucifer, Зарница, Венера; по румынски Лучафиръ, Зарница) и волкѣ Фенрирѣ, „луноѣдъ“, см. Manhardt, Germ. Myth., 87, 88.—Алтайское сказаніе о Джитыганѣ, спускающемся на землю, ср. съ телеутскимъ о мѣсяцѣ, спускающемся для борьбы съ Джельбегенемъ. (Миссіонеръ за 1876 г., № 20, стр. 159). По русскому повѣрью, мѣсяцъ спускается на землю для похищенія дѣтей; по монгольскому и бурятскому повѣрью дѣтей похищаетъ читкуръ (см. 2 прим. къ гл. I). Рашидъ-Эдинъ разказываетъ эпизодъ о ребенкѣ Джиди-нойонѣ, котораго отъ преслѣдованія враговъ прячутъ въ шерсть (Зап. Археолог. общ., XIV, 190); здѣсь корень джиди прилагается не къ гонителю, а къ гонимому. Разказы о гоненіи младенца не были ли въ древней Руси прикрѣплены къ имени Хорсъ-Жидовинъ (см. прим. къ № 181)? Преданія о гонимомъ, прячущемся въ гѣсь, Хорсъ есть въ сѣверн. Кавказѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горахъ, в. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 26—27); съ Хорса эти преданія могли перейти въ апокрифическіе разказы о Христѣ, прячущемся въ солому, пшеницу и пр. О южно-русскомъ повѣрьѣ, по

которому Жиды перераждаются вмѣстѣ съ луной, см. у Веселовскаго въ Ж. М. Н. П., 1880, июль, стр. 87.

Къ вар. *е*. Ср. съ осетинскою сказкой о борьбѣ Амираана съ Авцарономъ Пакондзи; Амираанъ отрубаетъ ему изъ семи головъ шесть, съ одною головой Пакондзи улетаетъ на небо (Вс. Миллеръ, Осет. Эт., I, 145). Въ барабинской сказкѣ (Radloff, Proben, IV, 35) Идыге (Итаганъ?) исчезаетъ изъ юрты чрезъ дымовое отверстіе. Въ сказаніяхъ Черневыхъ Татаръ мѣсяцъ уноситъ Джельбегеня (ср. Джильбы, Чолпанъ, Зарница). Въ киргизской сказкѣ змѣя, принимавшая видъ жены Соломона, поднимается на небо и становится звѣздою Зурой (Иллюстр. Миръ, 1880 г., № 7, стр. 98). Отвороченную голову ср. съ сказаніемъ о верблюдѣ (Оч., II, 167).

Къ вар. *г*, *д* и *е*. Всѣ три номера заимствованы изъ неизвѣстнаго намъ списка сборника „Шиддикуръ“. Первые два соответствуютъ главѣ Ш-й Шиддикюра, а вар. *е* вступительному разказу. Вар. *г* и *д* кончаются комментариемъ, что они относятся къ Б. Медвѣдицѣ; если же I-ю главу Шиддикюра сравнить съ № 36, то и эту главу слѣдуетъ отнести къ Б. Медвѣдицѣ. Имя Шиддикуръ ср. съ формами читкуръ, Джедигеръ и проч. (см. стр. 713). Съ обоими именами соединяется мысль о похищеніи; читкуръ похищаетъ дѣтей (стр. 28); Шиддикуръ самъ похищается. Въ Шиддикурѣ вмѣсто Амынъ-Цаганъ-Бюрю стоитъ тугуль-ханшіуртэй (то-есть, съ телячьей мордой) Масангъ; вмѣсто дѣтскихъ слѣдовъ онъ видитъ дѣвицу и ея слѣды; конецъ иначе: съ неба спускается цѣпь, по которой Масангъ поднимается, но жена Шумусень-хагана схватила желѣзную палку съ пылающимъ пламенемъ и ударила его по спинѣ, отчего Масангъ разсыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь буддъ. Нѣкоторыми чертами сказаніе о Бюрю или Масангѣ сближается съ бурятскимъ преданіемъ о Буха-нонгѣ (стр. 264); въ обихъ: а) слѣды, на которыхъ появляется растительность (пихта, золотые цвѣты) и въ связи съ ними идущая дѣвица; б) борьба двухъ быковъ, небснаго и земнаго и в) бычья природа героя. Выдаваніе себя за лѣкаря съ цѣлью получить доступъ въ жилище врага есть и въ алтайск. сказкѣ (стр. 372). Подниманіе на цѣпи на небо ср. съ повѣрьемъ Енисейскихъ Остяковъ: каждый шаманъ имѣетъ въ себѣ духа „эсекинчъ“, который во время камланья поднимаетъ шамана на небо посредствомъ опущенной веревки (Третьяковъ, Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 414); кынчъ вообще духъ, идолъ, по видимому то же, что у Монголовъ онгонъ, у Алтайцевъ узюгъ; слѣдовательно, специальное имя духа, поднимающаго шамана, „эсе“; ср. хэсэ, посохи шамана, представляющіе коней, на которыхъ онъ ѣздитъ въ міръ духовъ. Алтайскую сказку объ Аранъ-Тайчы, который бросилъ Чыланъ-хана (царь-змѣя) къ небу и пока тотъ летѣлъ, не допуская его до земли, разсѣлъ его въ семи мѣстахъ, отчего Чыланъ-ханъ издохъ (Томск. губ. вѣд., 1882 г., № 33, стр. 534; Radloff, Proben, I, 418) ср. съ разказомъ въ Рамайянахъ о царѣ Тгісанку, котораго Viçramitra хотѣлъ унести на небо, но Индра сбросилъ его; Viçramitra удержалъ его, не допустивъ до земли, и онъ виситъ головой къ землѣ и блеститъ въ видѣ созвѣздія

изъ семи Rischis, то-есть, Б. Медвѣдицы (Angelo de Gubernatis, Die Thiere in der indogerm. Mytholog., th. v. Hartmann, Leipzig, 1874, S. 423). Семи чародѣйствъ, у которыхъ учится царевичъ въ Шиддикурѣ, въ вар. е соотвѣтствуютъ Бурханъ-Бакши, у котораго подъ властью семь волшебниковъ; въ санскритскомъ семь Rischis, „семь мудрыхъ“, по мнѣнію Макса Миллера, были прежде семь Rikscha, то-есть, семь медвѣдей, и находятся въ связи съ названіемъ Б. Медвѣдицы.

Въ аварской сказкѣ „Медвѣжье Ухо“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2 „Аварск. нар. ск.“, 16—24; Schiefner. Awarische Texten, s. 12 in d. Memoir. d. l'Acad. d. Sc. d. St. Pet., t. XIX, № 6), герой сказки, сынъ женщины и медвѣдя, имѣющій медвѣжьи уши, встрѣчаетъ сначала дровосѣка, потомъ мельника, съ которыми составляетъ товарищество; затѣмъ слѣдуютъ жизнь вмѣстѣ, очередное домовничанье, посѣщенія Заячьяго всадника (ангиль рекерау), спусканіе героя на веревкѣ въ ямѣ, вѣроломство товарищей, оставившихъ „Медвѣжье Ухо“ въ ямѣ, вытаскивъ изъ нея только богатство и царевну, драка между чернымъ и бѣлымъ баранами, паденіе „Медвѣжьяго Уха“ въ подземный міръ, пораженіе змѣя, залегавшаго воду и возвращеніе на этотъ міръ на орлѣ.

Въ Тифлисѣ отъ Ингуша Сулеймана Бузуртанова нами записана слѣдующая ингушская сказка о медвѣжьемъ сынѣ (че уа'): Одинъ пахарь, оставивъ быковъ на пашнѣ, пошелъ вырубить хворостину погонять быковъ и встрѣтилъ тамъ лежащую медвѣдицу, которая сказала, что если онъ съ нею не вступитъ въ связь, то она живаго не отпуститъ. Исполнивъ ея требованіе, пахарь началъ продолжать паханье. Къ нему подходитъ взрослый мужчина и говоритъ: „Отецъ, иди домой. Я попашу вмѣсто тебя!“ (ср. съ литовской о плотникѣ, пашущемъ на Перунѣ и чортѣ и съ вотяцкой о вотякѣ, у котораго пашню вспахали боги Иньмаръ и Колчинъ; послѣдній шелъ въ оглобляхъ, первый держался за рукоятку). „Какъ ты мнѣ сынъ?“ спрашиваетъ пахарь. „Ты мой отецъ, а та медвѣдица, которую ты недавно видѣлъ къ лѣсу, моя мать. Я сейчасъ родился и сразу сталъ большой“. Отецъ ушелъ; сынъ, оставшись въ полѣ, вспахалъ землю, потомъ пришелъ въ домъ къ отцу и сталъ у него жить, но вскорѣ сдѣлался абрекомъ (эбирки, эбиргъ; по аварски абурік, полакски ккарагъ; Усларъ, Азб. аварск. и лаяск. яыковъ) и сталъ бродить въ лѣсу (о причинѣ удаленія сына разказицѣ ничего не сообщилъ; изгнаніе полумедвѣдя богатыря изъ дому родителей, какъ неудобнаго сожителя встрѣчается въ русской сказкѣ: „Иванъ Медвѣдко“ [Аванас., Р. Н. Ск., в. VI, стр. 89]; ср. также „Батрагъ“ [в. V, стр. 42] и „Уруслунъ Залазаревичъ“ [Тихонравовъ, Лѣтописи, IV, 100]. Не представлятъ ли дикарь медвѣдя человѣкомъ, изгнаннымъ изъ человѣческаго общества? См. съ индѣйскимъ мнѣемъ о Варунѣ, изгоняющемъ своего сына Bṛghu. Въ лѣсу онъ встрѣтилъ богатыря, который забавлялся тѣмъ, что вырывать деревья и бросать ихъ; увидѣвъ медвѣжьяго сына (че уа'), этотъ богатырь сказалъ: „Будь моимъ старшимъ братомъ!“ Далѣе еще нашелся третій товарищъ. Они сдѣлали въ лѣсу шалашъ и стали жить въ

немъ; въ первый день остался караульщикомъ въ шалашѣ первый товарищъ; пришелъ къ шалашу человекъ, самъ шести четвертей, борода семь четвертей, и сталъ просить поѣсть; караульщикъ не далъ; тогда гость связалъ караульщика, все, что хотѣлъ, забралъ и ушелъ. По уходѣ бородатаго человека караульщикъ развазался и притворился больнымъ; ничего не сказалъ товарищамъ. На другой день остается караульщикомъ другой товарищъ и съ нимъ случилось тоже; и онъ сказался больнымъ и скрылъ случившееся съ нимъ. На третій день остался Медвѣжій сынъ; бородатый человекъ пришелъ и сталъ просить поѣсть; Медвѣжій сынъ далъ ему; поѣвши, гость хотѣлъ связать хозяина, но Медвѣжій сынъ схватилъ его самого, ударилъ имъ въ дерево и всадилъ, какъ топоръ. Пришли товарищи, Медвѣжій сынъ говоритъ: „вонъ, посмотрите, ваша болѣзнь!“ Пошли смотрѣть, бородатаго человека нѣтъ—онъ вырвался и ушелъ; по крови пришли къ башнѣ и увидѣли на ней женщину; она спустила цѣпь и подняла ихъ къ себѣ; когда пришелъ старикъ съ бородой, товарищи убили его. Тогда они рѣшились всѣ вчетверомъ уйдти изъ башни; Медвѣжій сынъ спустилъ двухъ товарищей и женщину внизъ посредствомъ цѣпи, а самому спуститься нельзя было; женщина говоритъ ему: „Въ будущую пятницу (перски) придутъ три барапа, черный, красный и бѣлый, тогда ты падай на нихъ; если упадешь на чернаго, въ третій (подземный) мѣръ провалишься, если на краснаго, во второй (подземный) мѣръ провалишься, если на бѣлаго—будешь на этомъ свѣтѣ“. (ср. съ нашимъ № 91). Пришла пятница; Медвѣжій сынъ прыгнулъ, попалъ на чернаго, очутился въ самой преисподней (ср. съ ново-зеландск. сказкой, Liebrecht, Zur Volkskunde, 245), на крышѣ какой-то землянки, и заплакалъ, да такъ обильно, что слезы прошли сквозъ крышу. Жившая въ землянкѣ женщина вышла посмотреть, отчего промокла крыша, увидѣла богатыря, спросила его, кто онъ и откуда, и получивъ отвѣтъ, пригласила жить къ себѣ. Онъ спустился въ землянку. Видитъ, она хочетъ печь хлѣбъ и собирается замѣсить его на мочи. „Зачѣмъ ты такъ хочешь сдѣлать?“ спросилъ ее Медвѣжій сынъ. Она ему отвѣчала: „Змѣй Сармыгъ (ср. сармикъ, sermik, и медвѣдъ по самоѣдски) залегъ кругомъ родника; за воду здѣсь отдаютъ каждую пятницу дѣвицу; поэтому мы воды мало имѣемъ“. Медвѣжій сынъ взялъ десять ведеръ, пошелъ къ роднику и добылъ воды, но не донесъ до землянки; на его десять ведеръ набросились люди, животныя и птицы и все выпили прежде, чѣмъ онъ вернулся домой. Онъ снова пошелъ къ роднику и на этотъ разъ донесъ воду домой, напился самъ и мать напоилъ. Когда онъ бралъ воду во второй разъ, Сармыгъ сказалъ ему: „Два раза я тебѣ далъ воды, въ третій не смѣй приходить! иначе я тебя проглочу“. Медвѣжій сынъ взялъ шапку и пошелъ въ третій разъ; Сармыгъ проглотилъ его, но Медвѣжій сынъ прокопался шапкой около хвоста, вышелъ (ср. съ осетинскимъ Амирамомъ; Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 63), изрубилъ Сармыга въ мелкіе куски и воткнулъ свою шапку въ тѣло змѣя, сказалъ ей: „Ничто пусть не вынетъ тебя, кромѣ меня!“ Между тѣмъ, въ слѣдующую пятницу снарядили на съѣденіе царскую дочь; приходятъ—весь змѣй уже изрубленъ

(ср. Аванас., Н. Р. С., в. 2, № 27, стр. 80); царь обрадовался и велѣлъ искать человѣка, который вынулъ бы пашку. Никто не можетъ ее вынуть. Докладываютъ царю, что есть одинъ иностранный человѣкъ, живущій у женщины въ землянкѣ; онъ еще не пробовалъ вынуть пашку, но ему не вынуть. Позвали Медвѣжьяго сына, онъ вынулъ пашку. „Ты убилъ змѣя?“ спрашиваетъ царь. „Я“, говоритъ онъ. „Чего хочешь, золота, скота, или мою дочь?“ спрашиваетъ царь. „Ничего“, говоритъ Медвѣжій сынъ,—„мнѣ не нужно. Только поставьте меня на верхній свѣтъ“. Царь говоритъ: „Это можетъ сдѣлать только орелъ, который живетъ среди моря на деревѣ“. Медвѣжій сынъ дошелъ до дерева; видитъ на деревѣ гнѣздо, и въ гнѣздѣ орловы дѣти, которыя говорятъ ему: „Сѣсть тебя нашъ отецъ, если увидитъ. Спрячься подъ наше гнѣздо“. Медвѣжій сынъ спрятался; прилетѣлъ орелъ и спрашиваетъ: „Что это воняетъ человѣкомъ?“ „Мы не летаемъ по свѣту“, говорятъ орлу дѣти;—„ты летаешь; отъ тебя, должно быть, воняетъ“. Потомъ они сказали орлу, что подъ гнѣздомъ спрятался человѣкъ и упростили его вынести Медвѣжьяго сына на свѣтъ. Орелъ согласился, но сказалъ Медвѣжьему сыну: „Когда я скажу въ первый разъ: „акъ!“ ты дай мнѣ 18 буйволовъ; когда скажу во второй разъ: „акъ!“ ты дай мнѣ 18 воловъ; когда скажу въ третій разъ: „акъ!“ ты дай мнѣ 60 барановъ“. Медвѣжій сынъ запасся 18 буйволами, 18 волами и 60 баранами. Полетѣли. При первомъ крикѣ орла Медвѣжій сынъ отдалъ ему буйволовъ, при второмъ—буйволовъ, при третьемъ—барановъ, но не успѣли еще долетѣть до свѣта, какъ орелъ крикнулъ въ четвертый разъ: „акъ!“ Тогда Медвѣжій сынъ вырѣзалъ кусокъ мяса изъ своихъ ляшекъ и отдалъ орлу, а самъ пошелъ и захромалъ. Орелъ узналъ, откуда взято послѣднее мясо, отпрыгнулъ его назадъ и снова прилѣпился на старое мѣсто. Медвѣжій сынъ нашелъ своихъ товарищей около той же башни, женился на женщицѣ, спущенной съ башни, женилъ и товарищей и сталъ жить.

Къ вар. и. Ср. съ семью братьями-охотниками въ №№ 4 и 5. Въ одной статьѣ покойнаго Чокана Великанова, оставшейся въ рукописи, по поводу киргизскаго названія Б. Медвѣдицы Джеты Каракчи сообщается, что это души семи разбойниковъ, которые днемъ воровали, а ночью калялись въ грѣхахъ, за что и были обращены послѣ смерти въ звѣзды. У этихъ семи воровъ находится похищенная дочь Пляедъ.

Къ вар. к. Кальпе ср. съ именами Зарницы. Джелъбы-хуньяетъ (Оч., II, 127), Чолпанъ, Цолмонъ, Солбанъ и пр. (см. стр. 137), а Зура съ именами зарницы: татарск. Зура, вотяцк. Зоря, малоросс. Зоря, киргизск. Джарныкъ. Киргизское повѣрье о звѣздѣ Зура разказано г. Стремоуховымъ въ „Иллюстр. Мирѣ“, 1880, № 7. Зура была вѣдьма, которая хитростью заставила царя Соломона жениться на себѣ; первымъ ея дѣломъ послѣ бракосочетанія было потребовать кибитку, рѣшетка которой должна состоять изъ птичьихъ костей, а войлока изъ птичьяго пуха. Мудрая птица Байгусъ научаеъ Соломона, какъ избавиться отъ змѣи-жены. Былъ сдѣланъ желѣзный домъ; Соломонъ завелъ туда жену, заперъ, обложилъ домъ дровами и разжегъ желѣзныя

стѣны дома. Когда дрова сгорѣли, и домъ остылъ, двери отворили; оттуда выползла змѣя, и сказавъ, что она вознесется на небо, станетъ звѣздой и оттуда будетъ посылать бѣды на людей, вышла и исчезла (ср. № 64, вар. а, б, е и и, а также № 63, вар. е, г, о, е и г). Соломонъ опечалился, но Байгусъ (сынъ) успокоилъ его и снабдилъ указаніями, какъ узнавать появленіе Зуры, ея положеніе на небѣ и путь ея слѣдованія (Зура ср. съ Сѣрѣ: въ барабинской сказкѣ [Radloff, Prob., IV, 30] птица Зузулѣ говоритъ, что въ молодости она боролась съ дракономъ и забросила его на гору Сѣрѣ; ср. Учъ-Сѣрѣ, алтайск. имя горы Бѣлухи; см. 43 прим. къ гл. II). Киргизское преданіе о Зурѣ связываетъ сказанія о Б. Медвѣдицѣ съ легендами о Соломонѣ; дырявое ведро, упоминаемое въ вар. г и д, встрѣчается также и въ сказкѣ Арджи-Борджи, состоящей, какъ извѣстно, также въ связи съ сказаніями о Соломонѣ; въ Арджи-Борджи воду въ дырявомъ ведрѣ приноситъ женщина Шулмусъ. Относительно имени Амынь-Цаганъ-Бюрю и Цаганъ-Бурекей слѣдуетъ замѣтить, что первые два члена Амынь-Цаганъ встрѣчаются въ названіи мыши Амынь-Цаганъ-Хулугуна (см. стр. 143 и 186); изъ нихъ первое: Амынь сходно съ Ämmä Балтійскихъ Финновъ (Castren, Finn. Myth., 45); второй членъ цаганъ ср. съ словомъ Черневыхъ Татаръ цаганъ—звѣзда, и тунгусскимъ dzokun, солнце. Этотъ же членъ является въ имени монгольскаго божества Цаганъ-убугунъ (бѣлый старикъ) (см. № 52 и прим. къ нему). Бюрю напоминаетъ турецкое бури, волкъ; въ формѣ Буреке то же начало, а окончаніе какъ въ словахъ хэнгрее, „бубень“, Тэнгрекей (Radl., Prob., I, 424); послѣднее, вѣроятно, версія монгольскихъ Тенгри-ху, „сынъ неба“, или Тенгри-ханъ, „царь неба“.

Между русскими сказками сходный сюжетъ (чередованіе съ товарищами въ уединенномъ лѣсномъ домѣ, опусканіе богатыря въ отверстіе, ведущее въ подземный міръ и пр.) содержится въ сказкахъ „Медвѣдко, Усыня, Горня и Дубня богатыри“ (Аеан., Р. С., в. VIII, № 6, вар. а), „Соска богатырь“ (тамъ же вар. б), „Иванъ-Сученко и Бѣлый Поляининъ“ (в. V, № 54), „Про богатыря Сухобродзенко и Настасью Прекрасную“ (Тр. этн. экс. въ Зап. русск. край, т. II, № 80) и „Покатыгорошко“ (ibid., № 62). Въ первой изъ перечисленныхъ сказокъ богатырь Медвѣдко происходитъ отъ сожительства женщины съ медвѣдемъ; половина его человѣчья, половина медвѣжья; въ сказкѣ о Сученкѣ (у Аеанасьева) герой родится отъ суки; сука здѣсь явилась, вѣроятно, потому, вслѣдствіе того, что богатырь носилъ подходящее имя Сухо-Бродзенко, которое напоминаетъ монгольское Цаганъ-Бюрю. Полубычья порода, какъ у Цаганъ-Бурекея, въ русскихъ сказкахъ является при другомъ сюжетѣ (троекратная битва со змѣями подъ мостомъ, бѣгство отъ матери змѣевъ, спасаніе въ кузницу, иногда проведене пахотной борозды плугомъ, запряженнымъ змѣихой). Эти сказки суть: „Буря-богатырь“ (Аеан., Н. Р. С., в. VIII, № 2) и „Иванъ-Быковичъ“ (ibid., в. VII, № 3); съ тѣмъ же сюжетомъ, но безъ звѣринаго происхожденія героя: „Иванъ Поляловъ“ (Аеан., Н. Р. С., в. II, № 30), „Покати горошекъ“ (в. III, № 2), „Иванъ, крестьянскій сынъ“ (в. IX, № 9), „Про Сученку бо-

гатыря“ (Тр. этн. экс. въ Зап. русск. край, т. II, №№ 68 и 69), „Покаты горошко“ (ibid., № 63) и „Иванъ Богодавецъ“ (ib., № 64). Концы сказокъ о „Иванѣ-Быковичѣ“, „Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ“ и „Богатырѣ Сухобродзенкѣ“ сходны съ нашимъ № 36; богатыри артелью добываютъ дѣвицу, иногда возвращаютъ похищенную; похитителемъ дѣвицы въ сказкахъ о Сученкѣ и Сухобродзенкѣ является Бѣлый Полянинъ. Такимъ образомъ, хотя эти сказки разнятся отъ Амынь-Цаганъ-Бюрю прямо, но чрезъ свое сходство съ № 36, онѣ равно находятся въ связи съ сказаніями о Б. Медвѣдицѣ. Наши Покаты Горошко, Коты Горошекъ не есть ли испорченное неарійское Джеты-Каравше, сохранившееся какъ киргизское названіе Б. Медвѣдицы? Соединеніе сходныхъ корней можно видѣть въ сказаніи Хотоновъ о хотонскомъ предкѣ и сорока (татарск. кыркъ, чувашск. кирихъ) служанкахъ его матери (Оч. II, 162). Въ киргизской сказкѣ у Баянъ-Сулу 40 подругъ (Radloff, Prob., III, 25); въ казакумхской (Сборн. свѣд. о кавк. горц., I, стр. 52) у царя родится 40 мальчиковъ, которыхъ онъ сначала забрасываетъ за гору, но потомъ возвращаетъ и ищетъ имъ 40 невѣстъ, дочерей одного отца (ср. съ киргизской объ Итыгылѣ, гдѣ 9 сыновъ и 9 дочерей одного отца; Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526); похождения младшаго изъ 40 царевичей Сунуны напоминаютъ Амынь-Цаганъ-Бурекея или героя сказки № 36. Ср. преданіе Исыкъ-кульскихъ Киргизъ о происхожденіи ихъ отъ сорока дѣвицъ (кыркыкызъ) и рыжей собаки. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ въ первую поѣздку онъ встрѣчаетъ сорокъ разбойниковъ, во вторую попадаетъ къ королевичнѣ, у которой проѣзжіе богатыри провалываются въ кровать (Рыбн., III, № 11); въ вариантахъ (Кирѣевск., I, отд. VI, № 2, стр. 89) Илья освобождаетъ изъ ея погребовъ сорокъ королевъ. Въ греческой Kırke Преллеръ видитъ луну (Preller, Griech. Myth., I, 355). Алтайская Очи-Каракшинъ, можетъ быть, не Б. Медвѣдица, какъ мы предположили (стр. 718), а луна; ср. бурятск. хара, „мѣсяцъ“. Монгольская форма Тайджинъ-Арахы или ея перестановка Арахы-Тайджинъ могла быть сосѣдними Тюрками понята, какъ кыркъ-тайджи, „сорокъ царевичей“. Въ Крыму около села Зуи (близъ Карасу-базара) есть уважаемая мусульманами мѣстность Хырхъ-азисъ, „сорокъ святыхъ“; христіане говорятъ, что тутъ сорокъ юношей были замучены за христіанскую вѣру (Кондараки, Опис. Крыма, т. I, ч. I, стр. 25). Русскій путешественникъ XVII в. Ѳеодотъ Котовъ разказываетъ, что около Дербента въ огороженномъ каменными плитами мѣстѣ лежитъ сорокъ челоуѣвъ, „а бусурмани сказываютъ и арменья, что тѣ русскіе сорокъ мученикъ святые“ (Ив. Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, ч. I, стр. 374). Названіе крымской мѣстности Керкеръ (Чуфуть-вале) Абульфѣда толкуетъ: „сорокъ мужей“ (Брунъ, О посел. итал. въ Газаріи, М. 1872, стр. 8). Въ 10 верст. отъ Сальянъ на Кавказѣ указываютъ остатки города Кархъ-Чарахъ, „сорокъ свѣтильниковъ“ (Газета „Кавказъ“, 1881. № 204). Въ Европейской Турціи и въ Крыму встрѣчаются названія кырк-келесе, „сорокъ церквей“; въ Болгаріи Кръклесие (Карав., Памятн., I, 180). Ср. также Караклиса на Кавказѣ (Сборн. свѣд. о Кавказѣ, т. V, ст. Списокъ насел. мѣстн. Кавк. края, ч. I, № 334) и Каралезъ или Каралесъ въ

Крым (Кеппенъ, Крымск. Сб., 249). Нерѣдко число сорокъ является въ связи съ именемъ „русскій“. Кромѣ вышеприведенныхъ сорока русскихъ мучениковъ, есть еще случаи: у Ибнъ-Фозлана сорокъ дѣвушекъ (по тат. кыркъ-кызъ) сидятъ на престолахъ вмѣстѣ съ Русскимъ царемъ (Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, ч. I, стр. 464); въ сказкѣ Кавказскихъ Татаръ-горцевъ упоминается Бодене, русскій переселенецъ, за которымъ постоянно движется „сорокъ“ телегъ; въ той же сказкѣ упоминается сорокъ служанокъ (Мат. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. I, отд. 2, стр. 27); сорокъ похожихъ другъ на друга дѣвицъ въ крымской (Кондараки, Опис. Крыма, т. III, ч. XIII, стр. 55). Не образовались ли формы кыркъ-кызъ и Киргизъ изъ Каракше, втораго члена въ киргизскомъ имени Б. Медвѣдицы? Мнѣнческое алтайское Киргизъ-ханъ (стр. 62), можетъ быть, было однимъ изъ именъ Б. Медвѣдицы. Можетъ быть, и Qirgis, стоящее въ книгѣ Fihrist на мѣстѣ Сатурна, не описка, какъ думаетъ г. Хвольсонъ (Die Ssabier, t. II, S. 172) вслѣдъ за Гаммеромъ, а имя этой планеты, перешедшее на нее съ Б. Медвѣдицы. Не было ли въ числѣ неарійскихъ мнѣнческихъ формъ кыркъ-урусъ, изъ которой могло получиться русское „сорокъ русскихъ“?

36. Долонь-Эбугуть.

Эбугуть дѣдъ, старикъ; старикомъ зовутъ и медвѣдя; ср. также убукъ, „медвѣдъ“ (см. стр. 161); поэтому Долонь-Эбугуть „семь медвѣдей“. Такое же прямое указаніе на Б. Медвѣдицу, какъ въ № 36, содержится и въ датской сказкѣ (Grundwig, Dänische Volksmährch., th. v. Leo, Leipz., 1878, S. 110), которая есть вариантъ нашей сказки о братьяхъ семи Семіонахъ (Аенас., Р. Н. Ск., вып. 2, стр. 182). Увозъ царской дочери рядомъ съ изцѣленіемъ царевича находится въ № 64; болгарскій разказъ о гнѣченіи царевича отъ змѣи, вошедшей въ его утробу у Каравелова, Памятн. народн. быта Болгарь, I, 250. Товарищи, отличающіеся разными способностями и помогающіе добыть дѣвицу, находятся въ киргизской сказкѣ „Итыгылъ“ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общ. геогр., т. I, стр. 526). Итыгылъ—сынъ обѣднѣваго старика, брошеннаго старшими девятью сыновьями; онъ родился отъ того, что мать его поѣла мяса, свареннаго для проѣзжавшаго гостя. Прийдя въ возрастъ, Итыгылъ отыскиваетъ своихъ девять братьевъ, но они соглашаются приѣхать къ отцу только подъ тѣмъ условіемъ, если тотъ найдетъ для нихъ девять неувѣствъ изъ одного дома. Старикъ ѣдетъ искать и находитъ юрту, изъ верхней отверстія которой высовывается девять дѣвичьихъ поющихъ головъ. Младшую, десятую, старикъ беретъ для Итыгыля; но дорогой шайтанъ, жившій въ озерѣ, схватываетъ старика за бороду и заставляетъ уступить ему Итыгыля на срокъ. Шайтанъ поручаетъ Итыгылю достать дочь Тохтамысь-хана. Итыгылъ ѣдетъ и находитъ товарищей: одинъ мастеръ бѣгать, другой—ѣсть, третій—пить, четвертый—въ банѣ сидѣть. Товарищъ героя въ № 36 вбиваетъ выставленнаго на поединокъ борца въ землю, по видимому, головою внизъ; ср. съ приведеніемъ противника въ подобное положеніе въ другихъ

*

сказаніяхъ (см. прим. къ № 49). Стрѣляніе въ Алтынъ-зурге ср. съ стрѣляніемъ въ три солнца, № 6, вар. *с* и *г*, или въ птицу Канъ-герей (вар. *б*).

Въ русскихъ сказкахъ сходныя черты см. у Аванас., Н. Р. С., в. VII, № 3; вып. V, № 54; в. IX, № 9; у Чубинскаго, Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. II, № 80. Въ послѣдней встрѣчается и выслушиваніе птичьаго разговора, что также есть и въ чеченской сказкѣ о Черкесь-Исѣ и Чечень-Исѣ (Сбор. свѣд. о кавк. горц., в. IV, отд. 2, стр. 15—20).

37. Мечинъ.

Мечинъ по монгол. обезьяна; ср. бичанъ, якут. кабарга (Bötlingk, Jacut. Wörterbuch); *obosi, opoci* (Mel. asiatiques, t. VIII, 1877, p. 366), алачи, обининъ (Трегьяковъ въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 298)—тунгусск. медвѣдь; мышей, башкирск., пыче, почо, черемисск., бушей, вотяцк., *Cervus tarandus*. Въ книжныхъ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается Шарыбычинъ, какъ имя перваго предка (Нилъ, „Буддизмъ“, 30 и 303). Споръ коровы съ верблюдомъ или конемъ, кому раздавить Мечина, ср. съ споромъ росомахи и тигра или барсука и тигра, кому стрѣлять въ мулгана (олена); см. стр. 176 и 177, вар. *а* и *д*. Варианты о верблюдѣ (темень), собирающемся раздавить Мечина ср. съ № 35, вар. *с*; не называлась ли Б. Медвѣдица Темень? Ср. у Сананъ-Сэдэна: семь Тюмюдовъ, дологан тюмюд (тюмюд мн. ч., ед. ч. тюмюв); впрочемъ, у него есть и шесть Тюмюдовъ, дзурган тюмен (Gesch. d. Ost-Mong., S. 171).

38. Оріонъ.

Созвѣдіе является цѣлю охоты; народное воображеніе видитъ въ немъ трехъ оленей; объ охотникѣ хотя и говорится, что онъ также на небѣ, но точнаго указанія на звѣзду или созвѣдіе, называющаеся его именемъ, намъ не удалось получить. Можетъ быть, подъ этимъ охотникомъ или мергеномъ разумѣлась Б. Медвѣдица или мѣсяць. Выше (стр. 778) нами помѣщенъ остяцкій разказъ, въ которомъ охота перенесена на Б. Медвѣдицу: въ ней самой совмѣщаются и преслѣдуемое животное, и охотники; послѣднихъ трое. Не существуетъ ли такихъ вариантовъ, по которымъ охотникъ (или три охотника) есть Оріонъ, содержащій въ себѣ три звѣзды, стоящія рядомъ, а преслѣдуемое животное—Б. Медвѣдица, которая на многихъ сѣверныхъ нарѣчіяхъ называется Лосемъ? У Самоѣдовъ Туруханскаго края за Б. Медвѣдицей, Форреда, охотится Полярная Звѣзда (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II 415). Охотой за моралухой начинается киргизская сказка о Козу-Курпешѣ (Radloff, Proben, III, 263); не указываетъ ли это на связь имени Курпешъ съ монгольскими именами Оріона, въ которыхъ есть членъ гурбы? Имена охотниковъ Сарыбай и Карабай ср. съ монгол. сара, бурят. хара, „мѣсяць“. О томъ, что подъ охотникомъ, преслѣдующимъ трехъ оленухъ, разумѣтся громовникъ, свидѣтельствуемъ, во первыхъ,

его огненная стрѣла (вар. *к*), воторыхъ, его названіе Сагадай въ вар. *н*, такъ какъ Сагадаю же другое сказаніе (№ 82, вар. *е*) приписываетъ открытіе огня. Другое его имя Кобюндей, очевидно, находится въ связи съ именемъ Кобонъ-Паганъ, Кобонъ-Чаганъ, или Кубынъ-Паганъ, которымъ называется то его лошадь (о конѣ Чаганъ-Хобонъ см. стр. 389), то собака, то стрѣла, то самъ онъ. Кубынъ по монгол. ведро. Не стоятъ ли имена Оріона въ связи съ сказаніями о предѣѣ, найденномъ въ ведрѣ (прим. къ № 76) или въ древесномъ дуплѣ, какъ Рашидъ-Эдинъ разказываетъ о предѣѣ Кыпчаковъ? Паганъ по монг. самка сѣв. олена, на яз. Чернев. Татаръ „звѣзда“; дзокунъ по тунгус. „солнце“. Ср. Сюрдахъ—сюгъ, якутск. божество (сардыкъ якутск. „свѣтъ“, а также кажется „мѣсяцъ“). Не есть ли это парное вродѣ монгольскаго: харъ—наръ „мѣсяцъ—солнце“? Кастреномъ записана у Минусинск. Татаръ сказка о Komdei-mirgan, который встрѣчаетъ на охотѣ Ytjun Agash (ср. съ киргизскимъ Джегы-Каракше, Б. Медвѣдица), дочь Талай-хана (морскаго царя), принявшую видъ черной лисицы; въ погонѣ за нею онъ ломаетъ себѣ ногу, вслѣдствіе чего не можетъ выстоять въ борьбѣ съ Djilbegal'омъ, который отрываетъ ему голову и уноситъ её въ Ирды-хану въ царство мертвыхъ. Отсюда къ жизни возвращаетъ его сестра его Кубай-во, которая спускается въ царство мертвыхъ (Castren, Finn. Myth., 155 и Reisen und Etinn., 243). Въ варіаціяхъ Когудей-матерь, Когольдей-мергенъ, Коголь-майманъ и Гоголь-голодай, форма Коголь не происходитъ ли отъ глагола (въ алтайскомъ) кункель „звенѣть“ чрезъ опущеніе носоваго н? О Майманъ см. прим. 7 къ гл. III. Голодай ср. съ формами Колду (стр. 423) или Голго (стр. 212). Варіаціи Когутей, Когодей, Куутей, Ковде, Кохоце ср. съ хого, самка марала по бурят. Сагадай, вѣроятно, образовалось изъ Коготей, такъ какъ и хого имѣетъ въ халхасскомъ соответствующее: сого. Кокѣтей-мергенъ встрѣчается въ Радловскихъ Proben, II, 185. Кохоце ср. съ урянхайскимъ названіемъ Оріона Кокчу-мергенъ (Оч. II, 124; ср. также съ Кокочу, однимъ изъ 7 сыновей Музлика; Зап. Археол. Общ., XIV, 158; Юаньчаомиши, 134). Кусега ср. съ башкирскимъ Аръ-Кусаеъ (стр. 723).

Къ вар. *а*. Окровавленная (въ другихъ варіантахъ красная или огненная) стрѣла встрѣчается въ мусульманской легендѣ о Немвродѣ (Weil, Bibl. Legenden d. Musulmänner, Fr., 1845, S. 77). У Манджуръ „огненной звѣздой“, Тува—усиха, называется Марсъ (Захар., Мандж. Слов., 765). У Коряковъ по Крашенинникову Юпитеръ называется Ичиваламакъ, „красная стрѣла“ (Опис. Камч., II, 160). Чукчи, по словамъ Нордквиста, Альдебарана называютъ Tsetl'omakom, производнымъ отъ tsetl'ч, „красный“ (Nordqvist, Bidrag till kännedomen om tshuktschernna, S. 32). По словамъ г. Гребницкаго, Алеуты Командорскихъ острововъ Сириуса называютъ Чинталлахъ „красный“, „горячій“.

Къ вар. *ж*. Первый членъ имени Комбу-Дорчжи тотъ же, что въ имени Гомбугуръ (стр. 332). Въ манджурскомъ амба, тигръ (Маакъ, Путеш. по Усури, I, 112). Рашидъ-Эдинъ разказываетъ объ Амбай-ханѣ или Амба-

гай-ханъ, что онъ былъ схваченъ Татарами, переданъ Алтанъ-хану и имъ привожденъ къ деревянному ослу (Зап. Археол. Общ., XIV, стр. 53 и 184). Амбагай (ср. амбагай, дархатс., дядя) былъ совѣстникъ Хабуль-хана (у котораго было девять сыновей). Та же судьба постигла и Укинъ-Бурхана, который на стр. 54 названъ старшимъ сыномъ Хабуль-хана; Укинъ-Бурханъ былъ схваченъ Татарами и переданъ Алтанъ-хану китайскому, а этотъ привождилъ его къ деревянному ослу (ср. съ Гомбугуромъ, прилипшимъ къ скалѣ, стр. 339). Не одно ли это лицо и Амбай-ханъ и Укинъ-Бурханъ, и не скрывается ли подъ обоими именами Б. Медвѣдница? Тема привожденія могла явиться въ связи съ созвѣздіемъ, вслѣдствіе его какъ бы привожденнаго положенія по отношенію къ Полярной звѣздѣ. Членъ бурханъ встрѣчается и въ имени созвѣздія (Долонъ-Бурханъ); Укинъ-Бурханъ одинъ изъ девяти братьевъ; число девять, можетъ быть, замѣщаетъ здѣсь число семь.

Къ вар. *л.* Названіе Хуху-Мунгунъ было уже нами сопоставлено съ формами Хуху-Монголъ, Ихи-Монголъ, Ихи-Мангысъ (прим. 6 къ гл. II); сюда же, можетъ быть, относится и форма Мунулунъ, или какъ у Рашидъ-Эддина: мать Мунулунъ (эхэ Мунулунъ?). Съ формой мангысъ ср. мымакъ, муйгакъ, „олень“ (стр. 157). Въ сопоставленіи формъ Учъ-Муйгакъ и Ихи-Мангысъ, членъ учъ будетъ соответствовать члену ихи; ихи или ихэ по монгол. „мать“; учъ ср. съ монгольск. эджн, „мать“. По монгольски созвѣздіе назыв. Гурбы-Мараль, что значитъ три олени самки. Въ сказаніяхъ встрѣчаются имена Гурбустень-ханъ, Учъ-Курбустанъ (стр. 429), Гучинъ-Гурбу-Гурбистанъ (стр. 429); послѣднее народъ понимаетъ, какъ „тридцать три Гурбистана“, но это, вѣроятно, народная этимологія. Изъ сравненія двухъ послѣднихъ формъ заключаемъ, что монгольское Гучинъ есть то же, что алтайское Учъ. Бурятскій Чурмусень-ханъ (стр. 329) имѣетъ трехъ сыновей, что намекаетъ на три звѣзды Оріона. Ср. также формы Ханъ-Тюрмасъ (см. прим. къ № 53), Камъ-Курмосъ (стр. 328), Ханъ-Хормусту (подъ послѣднимъ обыкновенно ориенталисты видятъ иранскаго Ормузда), Аджу-Хурмянъ (Оч., II, 16), мать Гурбесу (эджъ Гурбесу? Юаньчаомиши, стр. 100, 105 и 108), киргизское Козу-Курпешъ; у Радлова (Prob., I, 424): Курбусту Тэнгракэй Куджу. Гурбустень-ханъ, Гучинъ-Гурбу-Гурбистанъ, Ханъ-Хормусту представляются громовержцами; они бросаютъ на землю молнію. Не значило ли это Гурбустень то же самое, что Мангысъ, то-есть, змѣй (вендск. Azhi)? Ср. гурбюль, монгольск. „ящерица“; ежъ, котораго имена въ арійскихъ языкахъ часто смѣшиваются съ змѣиными (см. стр. 753), въ киргизскомъ называется керпекъ-шешенъ или керпе-чеченъ; второй членъ ср. съ киргизск. пеше или чече, „мать“ (= монгол. эджъ). Формы Курпешъ, Курмосъ и пр. ср. съ бурятск. курмиши, „летуч. мышь“, формы: козу, учъ, куджу и пр. съ гедже, „летуч. мышь“ у Крымскихъ Татаръ. Ср. переходы: Хаджи-тарханъ, Хозя-тороканъ, Астраханъ. У Русскихъ встрѣчаются сопоставленія: „Таракачниковъ-Корабликовъ“ (Рыбн., I, 174), „села Тараканова, жена Коробанова“ (Древн. и Нов. Россія, 1879, № 11, стр. 269), „на морѣ на Коробанскомъ, много скота Тараканскаго“ (Даль, „Пословницы“; Садовниковъ, № 1864, М.).

Членъ гурбы встрѣчается въ монгольскомъ выраженіи: гурбы эрдэни, которое обыкновенно переводится: „три драгоцѣнности“. Не архаическія ли это формы, которыя не слѣдуетъ толковать современнымъ языкомъ? Эрдэни ср. съ Ертене въ урянхайск. сказкахъ (№ 132); Ертене-мергенъ добываетъ живаго бога; въ монгольской (№ 83, вар. з) самъ живой богъ называется Ердене-Дво. Въ настоящее время члены Учъ и Гурбы имѣютъ значеніе числа „три“: первый въ турецкомъ, второй въ монгольскомъ; но не приобрѣли ли они это значеніе только вполнѣдствіи, когда эти имена были приурочены къ совѣздію Орионъ?

Къ вар. м. Въ бурятскомъ вмѣсто мараль, „оленуха“ стоитъ хого. Въ татарскихъ южно-сибирскихъ сказкахъ у Радлова у женскихъ именъ вторымъ членомъ иногда бываетъ Ко или Кога, что очевидно, то же самое, что монгольское гоа или хуа, „красавица“. Хуа переходитъ въ ха; такъ Урянхайцы въ Таннуолѣ говорятъ Ха-хемъ вм. Хуа-хемъ; ха ср. съ монгол. ца, сѣверный олень. Гоа-Мараль, мать всего монгольскаго народа (Рашидъ Эдинъ въ Труд. Вост. Отд. Археол. Общ., XIII, стр. 4), можетъ быть, просто тавтологія (мараль-оленья самка). Въ Алтанъ Тобчи (стр. 22) и у Сананъ Сэцэна упоминается Гурбельджинъ Гоа; ср. съ Гурбанъ Хого, названіемъ Ориона.

41. Открытіе неба.

Повѣрье о раскрытіи неба и дарованіи всякихъ благъ есть у Абхазцевъ (см. въ Азбукѣ абхазскаго языка, составл. Усларомъ, подъ словомъ раху) и у Чувашей (Магнитскій, Матер. въ объясн. стар. чуваш. вѣры, Каз., 1881 стр. 63).

42. Потопъ.

Изъ другихъ сибирскихъ инородцевъ преданіе о потопѣ записано у Енисейскихъ Остяковъ и у Черневыхъ Татаръ; по преданію первыхъ, отъ потопа спаслись только семь человекъ, сидѣвшихъ въ лодкѣ; прибывающая вода подняла ихъ къ самому небу, такъ что они сидѣли согнувшись подъ небеснымъ сводомъ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415). Ср. съ сказаніемъ о предѣхъ Монголовъ Нукузъ и со сказаннымъ о немъ въ 12 прим. къ III гл., стр. 740. О преданіи Черневыхъ Татаръ см. Вост. Обзор., 1882 г., № 30. Всеобщее наводненіе, въ которомъ гибнетъ старый міръ, чтобы дать мѣсто новому, у Монголовъ называется галабъ или галабунъ. Ср. съ альбинъ, злой духъ, нападающій на луну (№ 34, вар. м), а также съ вторымъ членомъ въ имени божества Сайнъ-Гальбинъ-Минганъ-бурханъ, похищающаго Аю-Бобисатту (луну? № 68). Миѣ о пожираніи луны относится, по видимому, не къ одному затменію, но и къ новолунію; по очень распространенному повѣрью новолуніе всегда сопровождается вѣнаниемъ; „молодой мѣсяцъ умывается“, говорятъ Русскіе. Не на этой ли почвѣ возникъ

миеъ о галапахъ? Враждебная сила (альбинъ, гальбинъ, ельбегень) въ постоянныхъ попыткахъ погубить оба свѣтила; но пока она вредитъ имъ временно; окончательная же гибель свѣтилъ должна повлечь за собою гибель всего свѣта. По ламайскимъ вѣрованіямъ, галагъ—періодъ существованія міра. Народъ монгольскій галапомъ зоветъ и самый переворотъ, представляя его въ видѣ всемірнаго наводненія. Повѣствованіе о галагѣ, понятно, должно соединяться съ разказомъ о началѣ новаго міра и о первыхъ царяхъ или міродержителяхъ. Содержаніе нашей Голубиной книги распадается на слѣдующія статьи: 1) упоминаніе трехъ или пяти царей; 2) изложеніе космическихъ загадокъ; 3) перечень пра-предметовъ (мать-камень, мать-рыба и пр.; ср. Оч., II, 99); 4) упоминаніе о борьбѣ двухъ зайцевъ (ср. № 53); 5) упоминаніе о соборной церкви папы Римскаго Климента (въ одномъ заговорѣ отъ зубовъ въ соборной церкви лежитъ „святой безсмертный“ [Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., IV, 319]; въ другихъ большею частью упоминается „мѣсяцъ въ небѣ“), и 6) упоминаніе о рожденіи Соломона и Соломиди. Последнюю статью ср. съ сказаніями о сынѣ неба, найденномъ подъ деревомъ, на которомъ сидѣла птица; иногда объ этомъ найденномъ (какъ на примѣръ, о Чингисѣ) въ другихъ преданіяхъ разказывается, что онъ былъ брошенъ въ море. Подъ Климентомъ въ Голубиной книгѣ, вѣроятно, разумѣется „папа римскій“ народныхъ повѣрій и легендъ; по повѣрью въ Новгород. губ., папа римскій каждый мѣсяцъ возрождается; мѣсяцъ старый и папа римскій становится старымъ, мѣсяцъ молодой и папа становится молодой (сообщ. г. Пѣвцовымъ); ср. съ сказаніями о Криво-Кривейто въ Ромовѣ. Алеша Поповичъ (ср. Baby, Попова семья, названія созвѣздій, стр. 730) по южно-русской думѣ также былъ брошенъ въ море. Ср. съ пошехонскимъ преданіемъ о бояринѣ Колмо; см. прим. къ № 88. Clemens, родоначальникъ албанскаго племени Klementer, былъ овечій пастухъ одного богатаго человека; хромая дочь послѣдняго Бубей забеременѣла отъ него; отецъ удалилъ ихъ въ горы, гдѣ они прижили сыновей, отъ которыхъ и пошли семь родовъ албанскихъ; Hahn, Alban. Stud., 183. Сл. областныя названія растений *Inula Helenium* и *Verbascum Thapsus* въ Бот. Словарѣ Анненкова. У Монголовъ есть какаѣ-то книги: Сайнь-Галабынь-судуръ, „книга о добромъ Галабѣ“ (Галстунскій, Монголо-ойратск. законы, С.-Пб., 1880 г., стр. 124).

Къ вар. *г*. Алапъ-мелекей можно перевести „великанъ-лягушка“, если принять алапъ за татарское алыпъ. У Нила (Буддизмъ) землю поддерживаетъ Алтанъ-мелекей; у Бергмана (Nomad. Streifer. unter Kalmücken, III, 29)—золотая черепаха. Кэзэръ-Чингисъ-Кайраканъ даетъ имя народу Тува подобно тому, какъ Чингисъ-ханъ по Сананъ-Сэзэну переименовываетъ народъ Беде въ Хуху-Монголь. Повѣрье объ обязанности народа Тува подносить Чингисъ-Кайракану птицу езиръ напоминаетъ Киргизъ, которые поднесли Чингисъ-хану въ знакъ покорности кречета (Зап. Археолог. Общ., XIV, 131). См. ниже прим. къ № 76.

Къ вар. *д*. О той же горѣ Адыганъ говорится въ Миссіонерѣ за 1876 г., № 5, стр. 28, гдѣ она названа Эдиганъ; см. прим. къ III гл., стр. 722. По пре-

данію Черневыхъ Татаръ, корабль (жереп) съ Намой и его тремя сыновьями Соозунъ-ууломъ, Саръ-ууломъ и Балыксоу остановился на горѣ Улудагъ (Вост. Обзор., 1882, № 30; стр. 9). Имя средняго сына Саръ ср. съ монгольскимъ саръ, „мѣсяць“; въ бурятской легендѣ (№ 82, вар. е) средній изъ трехъ братьевъ также мѣсяць.

43. Вода вѣчной жизни.

Изъ вар. *a* и *b* вытекаетъ, что Мангысь—Арахи. Урянхайцы вм. Арахи произносятъ Гарукъ или Карыкъ; ср. съ Каракше, вторымъ членомъ киргизск. имени Медвѣдицы. Семь поврежденій въ вар. *a* ср. съ Бюрю, разбитымъ на семь звѣздъ (стр. 198), съ Чыланъ-ханомъ у Радлова (Proben, I, 48) и у Вербицкаго (Томск. губ. вѣд., 1882, № 33, стр. 534) и съ Ghasan'омъ у Гаммера (Hammer, Hist. des Ikhans, II, 108). Затменіе въ народныхъ повѣрьяхъ приписывается или звѣрю или колдуну. О русскихъ и славянскихъ повѣрьяхъ см. Аванас., Поэт. Возр., I, 736, 750; II, 535; въ ст. Мельникова, Отеч. Зап., 1842, т. III; Этн. Сб., VI, 117; Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 13. О финскихъ повѣрьяхъ см. у Кастрена, Finn. Myth., 64; виновникъ гибели свѣтила называется Louhi, Rauhko и пр.; объ ущербѣ Финны говорятъ: „луна съѣдена“. Мордва приписываетъ затменіе вѣдунамъ; за вѣдуновъ принимаютъ огненные метеоры, *идемевь* (Матер. для ист. и стат. Симб. губ., изд. Симб. стат. комит., в. II (1866), стр. 34). По чувашскому повѣрью, луну съѣдаетъ вубуръ (Золотницкій, Чувашск. сл., 157). Черемисы (по сообщенію г. Аптріева изъ Бирска) объясняютъ затменіе луны тѣмъ, что её проглатываетъ *вуверъ* (чудовище), а на Пасху луну пожираютъ чародѣи и оборотни; подъ оборотнями разумѣются женщины, обладающія искусствомъ обращаться въ кошекъ, собакъ и пр. Эти женщины въ ночь на Пасху, рыская по чужимъ дворамъ и найдя гдѣ-нибудь оставленное неряшливою хозяйкой бѣлье, отрѣзываютъ частички отъ этого бѣлья, а прокравшись въ конюшню, отрѣзываютъ часть гривы у лошадей, затѣмъ всѣ оборотни со своею добычей отправляются къ какому-нибудь ключу, всѣ добытыя вещи вшпиливаютъ въ этотъ ключъ и тѣмъ портятъ скотъ и людей; послѣ того они поднимаются на небо жрать луну. По осетинскому повѣрью, луну и солнце пожираютъ звѣри май-хорта и хуръ-хорта (Сборн. свѣд. о Кавк. горц., в. IX, ст. Гатіева: „Суевѣріе у Осет.“, стр. 71). У Гаунскихъ Чукчей луну скрадываетъ шаманъ (Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ., кн. III, стр. 95). Туруханскіе инородцы видятъ въ пятнахъ на лунѣ шамана, который хотѣлъ схватить луну, но прилипъ къ ней, а ущербъ объясняютъ похищеніемъ подземнымъ дьяволомъ *сыръ-нянда* (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415). О Камчадалахъ Крашенинниковъ говоритъ: „причины явленія не знаютъ“ (Опис. Камч., II, 22). Нордквистъ не говоритъ, что Чукчи думаютъ о затменіи, но они связываютъ, какъ ему казалось, съ колдовствомъ круги около солнца. Остиго-Самоѣды на Оби лунныя и солнечныя затменія, по сообщенію г. Н. П. Григоровскаго, объяснить не умѣютъ и выражаются о нихъ только словомъ каемба, закрыль, покрыль. О лунномъ затменіи они иногда

говорять: эрендъ тити каемба, то-есть, облако закрыло мѣсяцъ, но о солнечномъ затменіи никогда не говорятъ, что облако закрыло солнце, а просто выражаются: тельндъ каемба, то-есть, „закрылъ солнце, закрылъ свѣтъ“, кто же закрылъ свѣтила, имъ не извѣстно. Они все-таки понимаютъ, что облако не можетъ такъ закрыть солнце, чтобы день превратить въ ночь. Съ вопросами, обращенными къ солнцу и лунѣ объ Арахи въ вар. а и б, ср. русскія загадки о росѣ: „заря, заряница... ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, а солнце скрало“; въ другихъ вариантахъ: „мѣсяцъ видѣлъ, не сказалъ, солнце увидало, подняло“; „солнце шло, ключи нашло, мѣсяцъ видѣлъ да не скажетъ“; (Садовниковъ, Загад. Р. Н., № 1935). Въ южно-русской коладѣ вино стерегла и не устерегла „дѣвка Варочка“ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, III, № 126). Въ финскихъ сказаніяхъ вопросы къ свѣтиламъ обращаются не по поводу напитка, а по поводу утраченного ребенка; мать Лемминкайнена спрашиваетъ о потерянномъ сынѣ, Дѣва Марія—о сынѣ Христѣ (Castren, Finn. Myth., 60). Точно также въ сказаніяхъ о св. Сисиніѣ похититель ребенка называется Гилло, въ одномъ вариантѣ Варахъ; вопросы обращаются не къ свѣтиламъ, а къ деревьямъ (А. Веселовскій, Разысканія, VI, 42—45). Похититель ребенка въ алтайскомъ сказаніи (Radloff, Proben, I, 415): Чиланъ-ханъ, „змѣй-царь“ (сл. стр. 744); имя похищенного ребенка Аранъ-Тайджи ср. съ Тайджинъ-Арахи въ № 43, вар. а.

У г. Остроумова („Китайскіе эмигранты“, Казань, 1879, стр. 32) Баркындъ-Багышъ (то-есть, Бурханъ-Бакши) разбиваетъ противника тарелкой. Раздвоеніе Арахына пополамъ ср. съ литовскимъ преданіемъ о томъ, что мѣсяцъ былъ разсѣченъ пополамъ за измѣну своей женѣ, солнцу. Къ мѣсяцу о разсѣченіи мѣсяца, можетъ быть, относилось и сказаніе о Тайнъ-Тирхинѣ, которому Чингисъ-ханъ разрубилъ лицо. По осетинскому сказанію, Балсагово колесо (Малсагово или Барсагово колесо; мѣсяцъ на юринск. варц, лакск. барз [ср. съ лакскимъ же барць, съ чеченск., боурз, волкъ], солнце по лакск. барг, по чеченск. малх), катаясь, разрѣзываетъ пополамъ Батраза (Всев. Миллеръ, Осет. Эт., I, стр. 25) или Сослана (Всев. Миллеръ, Поѣздка въ Осетию, въ Русск. Мысли, 1881, кн. VIII, стр. 84); колесо это насылаецъ или Фуд—Юанне (Джетгганъ?) или самъ Богъ. Сосланъ, видя катящееся колесо, проситъ ольху и орѣшникъ задержать его; ольха отказалась, орѣховое дерево задержало; первое за это проклято Сосланомъ. Ср. у Веселовскаго, Разысканія, VI, 42. Преслѣдованіе Арахына ср. съ алтайскимъ сказаніемъ (№ 48) о Джангѣ, преслѣдуемомъ летягу (бобырганъ по алтайски, абырганъ по урянхайски). Продѣваніе Мангысу повода въ носъ напоминаетъ одну халхасскую сказку, которую я слышалъ, но не успѣлъ записать. Содержаніе ея такое: Мальчикъ поймалъ зайца и хотѣлъ убить. Заяцъ убѣждаетъ сначала, что его не стоитъ убивать, выгоды нѣтъ: „Въ горахъ птица-ястребъ меня преслѣдуетъ, въ береговыхъ мѣстахъ—птица-элэ меня преслѣдуетъ, гдѣ мнѣ зайцу ходить? На полу шубы шкуры моей не хватить, на день мяса не хватить, стоитъ ли меня бить?“ (хадатей газыр харцхи шюбун шююрлюгун болно ергетей газыр ябухун элэ шюбуну шююрлюгун болно хамагор ябухун тулай болхуб хорма

хурдык арысын уга хонок хурдык маха уга нама ю хена адна). Затѣмъ заяцъ общается пригодиться мальчику въ будущемъ, и тотъ оставляетъ ему живнѣ. Потомъ мальчикѣ ловить лисенка, волченка, медвѣженка и другихъ, всего шесть звѣрей. Всѣ они семеро живутъ вмѣстѣ. У мальчика была сестра, которая принимала къ себѣ другаго богатыря и хотѣла убить брата. Заяцъ подслушалъ ея разговоръ, и всѣ семеро бѣжали. Они находятъ у одного озера дѣвицу и телегу съ солью. На распросы, кто она и зачѣмъ тутъ, дѣвица отвѣчала, что она обречена на съѣденіе Мангысу; чудовище должно выйти изъ озера и съѣсть ее и соль. Мальчикѣ побѣждаетъ Мангыса, продвѣваетъ ему буйлы и даетъ дѣвицѣ отвести его. Отъ хана были посланы два вельможи (тушмудъ) наблюдать за дѣвицей. Они провожаютъ ее къ хану, уговариваютъ ее умолчать объ истинномъ ея спасителѣ и себя выдаютъ за виновниковъ ея спасенія. Сказка кончается разоблаченіемъ коварства вельможъ. Представленіе о Мангысѣ на поводу ср. съ представленіями о Б. Медвѣдицѣ, прикрѣпленной арканомъ къ Полярной звѣздѣ. Разказъ объ опоганенномъ сосудѣ, въ которомъ была животворная вода, ср. съ распространеннымъ разказомъ о томъ, какъ при созданіи перваго человѣка злой духъ тайно пробрался къ слѣпку, изъ котораго долженъ былъ выйти первый человѣкъ, и оплевалъ его. По черемисской легендѣ, Кереметь въ отсутствіе творца Юмы осквернилъ тѣло только что сотвореннаго человѣка (Этн. Сб., VI, 120). См. ниже, прим. къ № 46. Не находится ли съ этимъ эпизодомъ въ связи обычай, описанный нами въ Оч., II, 97? Онъ, можетъ быть, не соблюдается, но слышать о немъ можно въ разныхъ мѣстахъ сѣверо-западной Монголіи. Въ названіи Арахи-амитынъ второй членъ въ монгольск. значить „животное“, „живое существо“; ср. съ самоѣдскимъ: haibida, „медвѣдъ“.

Къ вар. б. Въ осетинскомъ разказѣ (Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, стр. 11) Амиранъ, проглоченный змѣемъ (заріаг калм), дѣлаетъ отверзстіе и вновь выходитъ на свѣтъ, но голый, потому что волосы его были уничтожены ядомъ въ змѣиной утробѣ. Ср. русскія загадки о мѣсяцѣ, какъ о лисомъ (Садовн., Заг., № 1835, вар. д, з, и № 1835). Въ одной русской сказкѣ мальчикъ также при помощи ножичка освобождается изъ рыбы писварика (Труд. Бурск. Статист. Комит., 1863, кн. I, стр. 531); изъ воды его выносятъ летѣвшія мимо семь птицъ. Въ другомъ осетинскомъ сказаніи Амирана высвѣкаетъ изъ утробы своей любовницы его отецъ, Ростомъ (Осетин. этюд., I, 145).

Къ вар. в. Ср. съ южно-русскимъ повѣрьемъ о „непочатой“ водѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 43).

44. Изобрѣтеніе вина.

Къ вар. а. Бурхель, плывущій вверхъ по рѣкѣ ср. съ трупомъ захваченной Чингисъ-ханомъ женщины Гурбельжинъ Гоа, тоже плывущимъ противъ теченія (Алтанъ-Тобчи, стр. 28; см. также стр. 733). Виноуренный снарядъ по алтайск. джиракы, по вотяцки бургы, по черемисск. порго.

Жолобъ для стока воды при винокурении по монг. называется цорго; тѣмъ же именемъ называется и жолобъ въ дѣтской люлькѣ для стока мочи. По якутск. сорго—мѣховой жолобъ для пропуска мочи въ дѣтской люлькѣ (Поряд., Якут. слов., рук.). Имя женщины, захваченной Чингисомъ, находится въ какой-то связи съ парнымъ Темиръ-Олху; такъ называется ея могила (см. у Пржевальскаго, Монголія, I, стр. 139). Первый членъ встрѣчается въ названіяхъ Полярной звѣзды (стр. 734) и въ названіи одного урочища въ Монголіи: Темиръ-Цорго. Бурятское сказаніе принимаетъ рѣки за мочу Бухапоина (№ 53, вар. *д*); ср. разказъ объ Арахи, № 43, вар. *а*.

Къ вар. *б*. Ср. съ подобнымъ повѣрьемъ у Нижегород. Татаръ. Аванас., Поэт. Возвр., I, 381.

Къ вар. *в*. Здѣсь Чингисъ замѣняетъ Гесеромъ; Урянхайцы спариваютъ эти имена въ сложномъ Кезеръ-Чингисъ Кайраканъ (см. стр. 208); по видимому, Кезеръ и Чингисъ—одно и то же лицо. О смѣшеніи Чингиса съ Хасаромъ см. у Поеднѣва, „Монгольск. Лѣтопись“, 1883, С.-Пб., стр. XXVIII.

Къ вар. *г*. Ср. съ русскими загадками; у Садовникова № 2067, „ложъ“ загадывается: диво варило пиво, слѣпой увидалъ, безногий за ковшомъ побѣжалъ... Ср. также прим. къ № 2067 и загадку о водкѣ, № 2408; у Аванас. „Легенды“, стр. 43. Въ честь Индры пѣли: „Ты, побѣдитель Вритры, исцѣлилъ двухъ несчастныхъ: слѣпаго и хромаго“. Хромой (или безногий) и ослѣпленный встрѣчаются въ нашихъ сказкахъ и былинахъ; у Аванас., Р. Н. С., в. V, № 35; в. VIII, № 23: безногий (Катома, Колтома, Иванъ Голой) садится на слѣпаго (Марка-бѣгуна). Ср. съ классическимъ мифомъ объ ослѣпленномъ Орионѣ (Preller, Griech. Myth., I, 369).

Въ записанныхъ нами вариантахъ въ связи съ изобрѣтеніемъ вина (включая сюда и животворную воду), являются имена: Очирвани, Бурханъ-Баши, Чингисъ-ханъ, Гесеръ или Кезеръ, Галто-Бурханъ, Амида-Бурханъ и Адамъ-Ерликъ. Вотяцкая легенда объ изобрѣтеніи вина разказана Бехтеревымъ въ „Вѣстн. Евр.“, 1880, сент., стр. 151. Изобрѣтеніе или открытіе человѣку способа приготовленія вина приписано Кереметю, который при этомъ осквернилъ вино (кумышку), помѣстивъ въ него смерть. Русская пѣсня о пивѣ помѣщена въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по этн., IV, 53; у Аванас., Поэт. Возвр., II, 487. Мордовская у Веселовскаго, Разысканія, VII, 234, и въ Матер. для ист. и статист. Симб. губ., в. VI (Симб., 1867), стр. 38.

45. Преданія объ урочищахъ 1. Р. Таджилу и скала Абымъ-бомъ.

Таджи — князь; лу — притяжательная частица; таджилу будетъ значить таджіева. Это не болѣе, какъ народная этимологія; указаніе на змѣй въ концѣ разказа намекаетъ на какую-то связь его съ змѣями; поэтому въ лу, можетъ быть, можно видѣть монгольск. лу, драконъ; ср. Тайчжинъ-Арахи, чудовище, глотающее луну (стр. 209), вѣроятно, змѣй. Таджи-лу не есть ли тавтологія? Въ сѣверной Монголіи встрѣчаются названія Ташилюнъ и Ташилюкъ; окончанія люнь и люкъ не есть ли видоизмѣненія формы люнь,

которая сохранилась цѣлою въ имени Тумурлюнгъ (Оч., II, 44, 93). Нѣмецкое *Egkönig* ср. съ Ирль-ханъ Качинскихъ Татаръ, то же, что Ерликъ у Монголовъ. Ханъ, везущій свое дитя согласно обѣту, встрѣчается во многихъ сказкахъ южной Сибири.

45. Преданія объ урочищахъ 2. Ижмией.

Не находятся ли съ этимъ именемъ въ связи имена Ашемайли (Ашемайлу? ср. лу „драконъ“), Ачмайли, Ачамайли (Оч., II, стр. 3 и къ гл. I прим. 2), Очамайли, узбекск. поколѣние въ Шягрисябѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 217), Агамайли, узбекскій родъ въ Бухарѣ (Ханыковъ, Описаніе Бухарск. ханства, 1843, Спб., стр. 60). Можетъ быть, этими формами возможно будетъ объяснить появленіе на востокѣ имени Иамайло (см. стр. 233), которое Петръ Гантимуровъ произносилъ иногда Змайло, и Измаиль (Алтанъ-Тобчи, 70); Измаилу Алтанъ-Тобчи у Сананъ-Сэцэна соответствуетъ Исама. Ср. стр. 646.

45. Преданія объ урочищахъ 8. Лунъ-ханъ.

Въ Оч., II, 298 мы высказали предположеніе, что Улангомъ стоитъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ Иланъчжеу, „зминый городъ“ китайскихъ лѣтописей. Ср. членъ линъ-хумъ въ имени Джерке-линъ-хумъ у Рашидъ-Эддина, который мы сближаемъ съ хотогойтскимъ Уланъ-хунъ-тайджи (Оч., II, 76 прим. къ гл. V).

46. О сотвореніи міра.

Сходный съ вар. *a* и *b* разказъ уже былъ напечатанъ г. Радловымъ (Prob., I, 175 и въ Восточн. Обзор., 1882, № 7). Шифреръ принялъ этотъ разказъ за заимствованіе отъ Русскихъ (Radloff, Proben, I, s. X). Варианты этого сказанія находятся у Тунгусовъ (Middendorf, Reise, B. IV, Th. 2, S. 1602), Черемисовъ (Этн. Сборн., IV, 210; Вѣстн. Европы, 1880, сент., 168 и 1867 г., дек., 48—49); Самоѣдовъ (Купчелевскій, „Сѣверный Полюсъ и земля Ямалъ“, стр. 116 — собственно о сотвореніи человѣка и собаки и дарованіи послѣдней шерсти); Вогудовъ (Hunfalvy, Ethnogr. von Ungarn, Budapest, 1877, S. 159: Elmpi [сынъ неба] вынулъ землю изъ моря по указанію Тарома), у Долгановъ и Якутовъ (Третьяковъ, въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415 и 421), Мордвы (Древн. и Нов. Россія, 1881, мартъ, стр. 594). Конецъ варианта *b* есть монголо-бурятское сказаніе о трехъ братьяхъ, сынахъ неба или о трехъ богахъ, бросающихъ жребій объ обладаніи вселенной. Въ одномъ изъ этихъ сказаній (№ 79) одинъ изъ братьевъ носитъ имя Сагадай, напоминающее второй членъ сложнаго Цаганъ-Шувуты или Чувуты. Въ вариантѣ Радлова, помѣщенномъ въ Вост. Обзор., 1882, № 7, стр. 11, землю творитъ Тенгере-Кайраванъ — также съ товарищемъ, котораго онъ самъ же создалъ. Это былъ первый человѣкъ; за непослушаніе онъ былъ проклятъ Кайраваномъ и названъ Эрликомъ.

Онъ соотвѣтствуетъ Цаганъ-Шукуты, такъ какъ онъ по повелѣнію Байракана нырлетъ въ воду съ пѣвью достать земли. Въ вогульскомъ разказѣ нырающій помощникъ творца также сынъ его. Въ черемисскомъ нырлетъ Кереметь, сынъ неба. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ помощникомъ творца является его сынъ (или его созданіе) и принимаетъ враждебное положеніе къ отцу; въ вотяцкихъ и ингушскихъ (на Кавказѣ) также является спорщикъ Богу, въ первыхъ Колдышинъ или Колчинъ, во вторыхъ Елта; послѣдній прямо называется сыномъ Бога; въ то время, какъ Эрликъ и Кереметь являются въ спорѣ съ Богомъ вредителями человѣку, ингушскій Елта является его сторонникомъ и защитникомъ. Колдышинъ въ легендахъ о хожденіи съ Иньмаромъ по землѣ, вается, является враждебнымъ человѣку, но въ обрядѣ жертвоприношеній онъ представляется богѣ даже благотѣльнымъ, чѣмъ Иньмарь. Объ Елта и Колдышинѣ не имѣемъ легендъ, разказывающихъ о ихъ участіи въ сотвореніи земли и нырніи въ воду, но, можетъ быть, такія и отыщутся. Въ Прикамскомъ Поволжѣ существуютъ представленія о божествѣ, которому приписывается оплодотвореніе земли, наблюденіе за созрѣвающей нивой. У Мордвы это Анге-Патай, у Вотяковъ Му-Кылдышинъ или Му-Колчинъ, у Черемисовъ Меляндъ-ава (или Мляндзаба; Изв. Русск. Геогр. Общ., т. XV, в. 3, стр. 52; Этн. Сборн., т. IV, стр. 210); у Чувашей, по видимому, эквивалентное божество называется Хирле-Сырь или Херле-сырь; это послѣднее имя обыкновенно переводятъ „Красная Земля“ (ср. съ повѣрьемъ Вотяковъ о красной глинѣ у Бехтерева, Вѣстн. Евр., 1881, сент., 151). У Магнитскаго (Мат. къ объясн. стар. чуваш. вѣры, Казань, 1881, стр. 67) сказано: хирле сырь, красная земля, ярь; богъ, оплодотворяющій землю; это есть общее названіе всѣхъ утесовъ съ красными обрывами, то-есть, красныхъ яровъ. Въ ст. св. Смѣлова „Очерки религ. вѣров. Чувашъ“, приложенной къ книгѣ Магнитскаго (стр. 251), Херле - сырь является спутникомъ Бога-Торы, когда тотъ ходилъ по землѣ. Херле-сырь, подобно вотяцкому Кылдышину, старается осудить человѣка на неудачу, но Богъ-Тора даетъ совѣты человѣку; ср. съ киргизскимъ сказаніемъ о Чопанъ-атѣ, (Оч., II, 153) и съ чувашскимъ о медвѣдѣ, (Михайловъ, Чувашск. заговоры и сказки, Казань, 1853, стр. 50—56) и тѣмъ выручаетъ его. Вѣроятно были, а можетъ быть еще найдутся и теперь сказанія Чувашей о Хирлесырѣ, какъ о помощникѣ Бога въ созданіи міра, соотвѣтствующемъ Цаганъ-Шукуты Пахрасовой легенды, Кереметю черемисской, Ерлику алтайской. Херле или Хирле ср. съ алтайско-монгольскимъ Ерликъ и русскимъ Ярило. Въ „Изв. по Каз. епархіи“ № 2, есть разказъ о суднѣ, на которомъ плылъ русскій царь, и которое было остановлено Хирле-сыремъ противъ мѣстности, называющейся Хирлэ-сырь-кереметь; здѣсь Хирле-сырь соотвѣтствуетъ Оху или Морскому царю нашихъ сказокъ. У Знаменскаго (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 52) упоминаются черемисскіе вадыши, братья Юнги-кирдны и Хирь-сырь, которые, повелѣвъ Черемиссамъ приносить имъ жертвы, бросились въ р. Юнгу и утонули. Юнги ср. съ вогуличскимъ Йонгоб, „луна“.

Къ вар. *в.* У Алтайцевъ упоминается гора Сура; на ней находится сѣ-

далище семи Кудавъ, то-есть, семи боговъ (Джеты-Кудай?) и ихъ служителей ячучей (Радловъ въ „Вост. Обзор.“, 1882, № 7, стр. 12). Какъ жилище боговъ, эта гора соотвѣтствуетъ монгольской Сумерь-Олгъ (вар. Сумурь-Ола, Сумбурь-Ола). Гору Бѣлуху Алтайцы называютъ Учъ-Сюре; если это имя перенесено на землю съ неба, то первый членъ учъ, „три“, позволяетъ видѣть въ немъ названіе Оріона (ср. у Аванас., Поэт. Возвр., II, 468, о Триглавѣ, первой горѣ, вышедшей изъ всемірнаго потопа по хорутанск. повѣрью). См. стр. 689.

Къ вар. *а*. Тенгисъ произносится Тенисъ. Это несомнѣнно то же, что Чингисъ, которое встрѣчается въ вар. *ж* и *з*.

Къ вар. *д*. Еденъ-пууду-каанъ, или по другому произношенію, Едженъ-бугду-ханъ, есть Китайскій императоръ, Чаганъ-каанъ, то-есть, бѣлый царь—Русскій. По крайней мѣрѣ теперь эти имена такъ понимаются.

Къ вар. *е*. Главный богъ у сахалинскихъ Аино называется Муссири-сикасъ-макаммуй; богъ, сохраняющій островъ (каммуй — богъ, муссири — островъ); онъ обитаетъ въ нѣдрахъ земли и въ случаѣ неудовольствія на людей стоитъ ему пошевелиться, какъ горы начнутъ разсѣдаться, дома разрушаются, деревья падаютъ и море кипитъ. (Сборн. ист.-стат. свѣд. о Сибири, изд. Б. Милютина, „Этн. оч. южн. Сахалина“ ст. Депперадовича). По киргизскому повѣрью, земля утверждена на сивомъ быкѣ (Оч., II, 153). По повѣрью Ингушей на Кавказѣ, земля стоитъ на быкѣ (уст); когда онъ пошевелится, бываетъ землетрясеніе (мохъ бекбо). По повѣрью Кюринцевъ (Ахтинцевъ), земля утверждена на рогу краснаго быка (жеру яс). По повѣрью южнобережныхъ Татаръ въ Крыму, вѣтеръ (ель) держитъ воду, вода—рыбу (балыгъ), рыба быка, на рогу утверждена земля (записано въ Капсихорѣ); по другому: земля держится на буйволѣ, буйволъ на рыбѣ, рыба на водѣ, вода на вѣтрѣ, вѣтеръ на тѣмѣ. Уставши, буйволъ перемѣщаетъ землю съ одного рога на другой, чѣмъ вызываются землетрясенія. Когда буйволъ сдѣлаетъ извѣстное число дыханій, наступитъ конецъ міра (запис. г. Калачевымъ въ Алуштѣ). По черемисскому повѣрью, земля утверждена на рогахъ быка; одинъ уже сломился; когда сломится и другой, наступитъ кончина міра (сообщ. г. Аптріевымъ, учителемъ въ Бирскѣ). По повѣрью Чулымскихъ Татаръ, землю поддерживаетъ мамонтъ (сообщ. св. I. Соколовымъ). Ср. съ разказами о летучей мыши, поддерживающей небо (см. прим. въ № 2). Мамонтъ въ говорѣ Воронеж. губ. яндеръ (Зап. Акад. Наукъ, т. XXXVII, кн. 1, 1880 г., стр. 18); летучая мышь по мордовски по Альквисту: indgau.

Въ вар. *ж* и *з* творцами міра являются три лица, что напоминаетъ трехъ боговъ или трехъ братьевъ, спорящихъ объ обладаніи міромъ, тема, которая заключается и въ вар. *б*. Ср. № 79. Имена Шитаръ и Амурсана появляются вмѣстѣ и въ другихъ троицахъ; см. № 66. Иногда, кромѣ Амурсаны, встрѣчается Темирсана; стр. 224, вар. *д*. Не есть ли это двѣ версіи? Членъ Темиръ встрѣчается и въ другихъ соединеніяхъ: Темиръ-тайга (стр. 689), Тумурлюнгъ (Оч., I, 265), Тимуръ-ханъ, одинъ изъ трехъ сыновей Ульгена, прострѣленный въ горло (стр. 70 и Изв. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII,

в. 4, стр. 243), Темиръ-ханъ, братъ Со-хана и сынъ Йо-хана (Вост. Обзор., 1882, № 7, стр. 12), Темиръ-Джурекъ, „железное сердце“ (Radloff, Proben, II, 264), Темиръ-Терекъ-Джиланъ-ши, „железный тополь змѣя князь“ (ibid., I, 71), Темиръ-Цорго, въ кавказскихъ преданіяхъ хромоу Темиръ, потерявшій сына (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, стр. 41 и в. VIII, стр. 20), въ осетинскихъ Темиръ-ханъ, у котораго три сына: Тау-ханъ, Сау-ханъ и Донъ-ханъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IX, ст. изъ Осетинск. сказ., стр. 61).— Борьба Кезера съ Чингисомъ напоминаетъ ссору Чингисъ-хана съ своимъ братомъ Хасаромъ въ книжномъ монгольскомъ сказаніи; ср. также алтайскій разказъ о спорѣ Газыръ-гама съ Тостогошемъ (стр. 290) и дюрбютскій о борьбѣ Очиръ-вани съ Лусынъ-ханомъ (стр. 228). Въ чувашскомъ преданіи объ Ильѣ подаваніе раскаленнаго жельза разказывается рядомъ съ хожденіемъ Бога и Херле-сыря; не потому ли, что и здѣсь эта тема связывалась съ сказаніемъ о сотвореніи міра (Магнитскій, Матер. о стар. чуваш. вѣрѣ, Казань, 1881, стр. 251)? Къ этой темѣ Ильѣ привлекается и въ русскомъ разказѣ: о встрѣчѣ Ильи и Билогремища (или Старища Дивища; Библ. для Чт., 1864, № 9; Журн. М. Н. Пр. 1868, май, стр. 624).

Въ вар. κ богу Очирвани приписывается полученіе огня отъ Шитыр-Тюльгуна; такимъ образомъ онъ смѣшивается съ Чингисъ-ханомъ. См. № 47, вар. б.

Въ Оч., II, 161 помѣщенъ разказъ о сотвореніи людей изъ бросаемыхъ камней; у Вотяковъ Елаб. у. мы записали преданіе: семь братьевъ били молотомъ по скалѣ и отшибали осколки; каждый осколокъ превращался въ человѣка; младшій братъ, вмѣсто того, чтобы при ударѣ говорить: „Господи благослови!“ приговаривалъ: „Будь проклятъ!“ Изъ его осколковъ вышли нечистые духи. По другому вотяцкому разказу, они явились иначе: Богъ пришелъ въ гости къ одному бѣдному человѣку; тотъ постыдился показать своихъ дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья, спряталъ ихъ, кого въ лѣсъ, кого въ баню, и Богу сказалъ, что у него дѣтей нѣтъ и не было. „Ну пусть же и не будетъ!“ сказалъ Богъ. Гдѣ кто былъ спрятанъ, тотъ тамъ и остался нечистымъ духомъ. Ср. съ черемисскимъ о водышахъ, сакчяхъ или шугчяхъ (Вѣстн. Евр., 1867, дек., 52; Вѣстн. Евр., 1880, сент., 168), а также съ русскимъ обонезскимъ о дѣтяхъ Адама (Майновъ въ журн. Знаніе, 1874, № 4, стр. 65).

47. Очирвани.

Очирвани ср. съ Очурманы Пахрасовой легенды (стр. 220—223); переходъ ванъ въ манъ встрѣчаемъ и въ имени Шидырванъ-Шудурманъ (стр. 308). Второй членъ маны ср. съ Маны, „всеобщю матерью“ алтайскаго сказанія (стр. 176). Эти алтайскія сказанія указываютъ на связь имени ман, маны или мануа съ идеей о сотвореніи міра и человѣка. Имя Очиръ-вани прилагается Монголами къ бѣлку близъ Улассутая, который иначе называется

Отхонъ-хаирханъ или Отхонъ-тенгри; Отхонъ ср. съ татарскимъ названіемъ Б. Медвѣдицы Итыганъ и съ именемъ монгольскаго божества Этугэнъ „мать вселенной“ (Банзаровъ въ Уч. Зап. Каз. унив., 1846, III, стр. 75; Schott въ Abhandl. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851, S. 285; см. выше, стр. 995). Первый членъ Очиръ ср. съ формами: Хаджиръ-Чингисъ-бо, упоминаемою въ той же выше приведенной статьѣ Банзарова, Хасаръ (извѣстный братъ Чингисъ-хана), Гесеръ (Гесеръ-ханъ), Газыръ (Газыръ-гамъ; стр. 290), и пр. У трехъ формъ: Хаджиръ-бо, Гесеръ-ханъ, Газыръ-гамъ члену вани будутъ соответствовать: бо, ханъ и гамъ, изъ которыхъ бо и гамъ однозначуци и значать „шаманъ“. Атрибутъ бога Очиръ-вани, „очиръ“, ср. съ Aijeke wet-scheга, громовый молотъ у Лапландцевъ (Schefferi, Lapponia, 96).

Къ вар. а. Разказъ объ освобожденіи Очиръ-вани изъ-подъ горы, которою онъ былъ прижатъ, ср. съ № 138, а также съ повѣрьями о громовой силѣ, заключенной въ пещеру или гору, или о змѣяхъ, таящихся въ земной почвѣ, изъ которой онѣ при случаѣ съ необыкновенною силой вылетаютъ (№ 23, вар. б). Въ вар. а Очирвани является темною силой; въ разказѣ о Гэгэръ-Меджитѣ, записанномъ нами (Оч., II, 154), злой ханъ названъ Ухыръ-Бама-ханъ. Не стоитъ ли Ухыръ вмѣсто Очиръ и Бама вмѣсто вани? О сближеніи именъ Бама-ханъ и Ванъ-ханъ см. Очерки, II, 39 прим. къ гл. V.

Къ вар. б. Замороженіе моря встрѣчается у Радлова, Proben, IV, S. 61; см. Очиръ-вани Акъ-Кобѣкъ, см. Читгура Самыръ-Казанъ. Названіе Джанханъдзегенъ ср. съ Джанханъбо, братомъ Вана Кирейскаго (Зап. Импер. Археолог. Общ., XIV, 98).

Къ вар. в. Разказъ о прижатой камнемъ головѣ змѣя находится въ сборникѣ Боричевскаго (Пов. и Пред., 112—6; Аван., Поэт. Возвр., II, 779; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, 236); богатырь Валигора бросилъ на гору змѣя и прижалъ ему хвостъ, богатырь Вырвидубъ разможилъ змѣю голову. Богатыри были братья; послѣдній, вскормленный волчицей, напоминаетъ Шяла, брата Гэгэръ-Меджита, который вдвоемъ съ братомъ убиваетъ чудовищнаго Бамахана. Спускающагося на землю по повелѣнію неба Очирвани ср. съ Итыганомъ, спускающимся для истребленія шулмуса (стр. 194), мѣсяцемъ, спускающимся по повелѣнію Бога для уничтоженія Джельбегена (стр. 190), Цаганъ-Бюрю, по просьбѣ Тэнгри-хана, вступающимъ въ борьбу съ чернымъ быкомъ, а также съ сибирскими повѣрьями о медвѣдѣ, спустившемся съ неба на землю. О возможности сближенія Амынь-Цаганъ-Бурекея съ Гэгэръ-Меджитомъ см. въ прим. къ № 59. Лосы или лосунъ ср. съ остяцкимъ лозъ; см. прим. 62 къ гл. II. Выраженіе „Очирвани обращается въ высокія страшныя горы“ ср. съ сказаннымъ объ божествѣ Очирвани у Тимковскаго, Пут., III, 391 (жилище его уединенный хребетъ).

47. Чингисъ-ханъ.

Преданія о Чингисъ-ханѣ встрѣчаются преимущественно въ восточной части Монголіи; на Западѣ, гдѣ намъ приходилось преимущественно путе-

шествовать, это имя мало известно или преданія о немъ вытѣсняются преданіями о другихъ лицахъ. Вслѣдствіе того собранныя нами преданія о Чингисъ-ханѣ не многочисленны. По народнымъ преданіямъ Чингисъ-ханъ существо небеснаго происхожденія или, какъ выражается Сананъ-Сээнъ: „Чингисъ явился по волѣ „синяго вѣчнаго неба“, хуху-менгу-тэнгри“. Это былъ сынъ неба (въ бурятскихъ сказаніяхъ сынъ Хуху-Мунгунъ-тэнгри'а есть Буха-ноинъ; см. № 53), найденный подъ деревомъ (вар. а). Вар. *i* ср. съ киргизскимъ (Radloff, Prob., III, 82): въ воду брошенъ не самъ Чингисъ-ханъ, а его беременная мать; она заключена въ ящикъ, который ловятъ два брата Домдагуль-Сокуръ и Токтагуль-Мергенъ. Разказъ сливается Чингиса съ Бодонджаромъ; и дюрбютскіе варианты о найденншѣ подъ деревомъ (№ 76) говорятъ не о Чингисѣ, а о Бодунѣ (то-есть, о Бодонджарѣ?). Такое же смѣшеніе у царевича Вакухта въ его исторіи Грузии. О Thingiz'ъ, предкѣ Тамерлана (Lang-Themour), онъ разказываетъ исторію Бодонджара (Brosset, Hist. de la Georgie, P. I, l. II, p. 650). Въ книжномъ сказаніи о Чингисѣ вмѣсто бросанія въ воду по приказу гонителя прятаніе въ воду отъ гонителя. Ср. съ сказаніями о сынѣ неба (№ 48; въ вар. *e* прятаніе въ воду); правда, здѣсь прячется не сынъ неба, а его убійца, но есть сказанія объ укрывательствѣ безроднаго мальчика, которыя могутъ быть отнесены къ сыну неба. Киргизскій Есекенъ-батыръ (Оч., II, 149) съ таганомъ на шеѣ (замѣнившимъ колодеу Чингисъ-хана) брошенъ въ воду Мамыръ-ханомъ; Мамырханъ ср. съ Бобырганомъ, гонителемъ сына неба въ № 48, вар. *a*. Имя Есекенъ ср. съ конд. јускен, „водяная крыса“ (Грамм. алт. яз., стр. 180); въ сказаніяхъ о сынѣ неба вротъ, тушеачикъ и др. грызуны прячутся отъ молніи. Перенесеніе сказанія о сидѣннѣ въ водѣ съ Чингиса на Есекея (то-есть, Есугая, Чингисова отца?) можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что вариантъ съ именемъ Есугая могъ жить одновременно съ подобнымъ же сказаніемъ о Чингисъ-ханѣ; повидному объ Есугаѣ разказывалось то же, что о Чингисѣ. Нашъ вар. *л* также смѣшиваетъ Чингисъ-хана съ Есугаемъ, относя отравленіе къ сыну, а не къ отцу. У Якутовъ упоминается злое божество Ордахъ-Дзусюгай-Ая (Сборн. газ. Сибирь, Спб., 1876, стр. 416) или Жесюгай (Н. Щукинъ, Поѣздка въ Якутскъ, 1844, стр. 276), или Сюрдюгъ-Сюга (Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 406); Жесюгай, Сюга ср. съ первымъ членомъ бурятскаго Исыгы-Маланъ-тэнгри (стр. 264); такъ называется отецъ Буха-ноина, а съ послѣднимъ также связывается тема о мальчикѣ, брошенномъ въ льды. Не было ли вариантовъ объ Есугаѣ (или Есекенѣ), какъ о сынѣ неба, котораго гонителями были дада (ср. джиды, алт. сусликъ)? И на оборотъ, могло быть сказаніе о гонителѣ Есугаѣ и гонимомъ Дада (ср. о Джиди-ноинѣ у Рашидъ-Эдина). Кромѣ прятанья въ водѣ, въ Алтанъ-Тобчи есть еще разказъ (стр. 10), какъ Чингисъ-ханъ прятался отъ Тайджитовъ въ неприступное мѣсто въ горахъ (въ пещеру?). Два раза онъ хотеть оставить убѣжище, но дурныя знаменія останавливаютъ его и только въ третій разъ онъ выходить. Ср. съ русскою былинной (Рыбн., I, 312) о Шаркѣ и Дюкѣ (который

через сопоставленіе вариантовъ Рыбн., I, 295 и 311, совпадаетъ съ Юнко). Въ Даранатѣ: браминъ Саро съ семью братьями погибъ отъ дракона; сынъ его, Шанку былъ сохраненъ родственниками и скрытъ въ домѣ, но драконъ проникъ въ домъ и умертвилъ Шанку. Мать, положивъ Шанку въ лодку, спускается внизъ по рѣкѣ, умоляя воскресить ея сына. Черезъ три дня плаванія одна женщина воскрешаетъ его (Васильевъ, Буддизмъ, ч. III, стр. 108; см. также стр. 13). Нѣкоторыя сказанія называютъ Чингиса кузнецомъ, тарханомъ. Тимковскій упоминаетъ о наковальнѣ Чингисъ-хана близъ горы Дарханъ (Путеш., I, 169, 191—192 и 202); Пясецкій о его кузницѣ у горы Богдо-Улы (Пут., I, 79), Пржевальскій въ пескахъ Кузучи на Желтой рѣкѣ (Монголія, I, 150). Извѣстія о смерти Чингисъ-хана по-видимому взяты изъ мифическихъ сказаній; по Плано Карпини Чингисъ-ханъ убитъ молніей, по Марко-Поло умеръ отъ стрѣлы, попавшей ему въ колѣно, Сананъ-Сэцэновскій вар. см. ниже. Локализациа мѣста о кузницѣ, о виновуренномъ снарядѣ и пр., существованіе пѣсенъ о Чингисѣ, какъ изобрѣтателѣ виновуренія, появленіе его въ качествѣ творца земли въ урянхайскихъ повѣрьяхъ, свидѣтельствуютъ, что подъ Чингисъ-ханомъ народныхъ сказаній скрывается древнее божество средней Азии. Все, что разказывается теперь о Чингисѣ, вѣроятно начало разказываться не съ XIII вѣка, а жило уже въ устахъ народа давно и чуть ли не съ тѣмъ же именемъ Чингисъ. Если завоеватель принялъ имя Чингисъ-ханъ, то уже этимъ самымъ онъ назвалъ себя сыномъ неба. Поэтому нѣтъ надобности объяснять подражаніемъ китайскому двору появленіе у Чингиса этого званія. Точно также должно быть отвергнуто мнѣніе Банзарова, будто Чингисъ-ханъ „старался подражать Хормусдѣ“, изъ подражанія его 9 тэнгриамъ завелъ юсунъ урлукъ, „девять воеводъ“ и пр. Подъ Хормустой легендѣ о Чингисѣ вѣроятно слѣдуетъ разумѣть Курбистанъ-хана народныхъ сказаній, отпа всякаго „сына неба“. Банзаровъ говоритъ: „Даже кажется, что монгольской завоеватель принялъ имя одного генія, почитавшагося сыномъ неба. Въ рукописи, сообщенной Поповымъ, упоминается геній Хаджиръ-Чингисъ-тэнгри“ (Учен. зап. Каз. унив., 1846, III, 69). Въ Библ. Вост. Ист., изд. Березиннымъ, Банзаровъ даетъ полное имя этого генія: Хаджиръ-Чингисъ-ботэнгринь-кубунъ. Вотъ, вѣроятно, объ этомъ-то Хаджиръ-Чингисѣ и существовали тѣ легенды, которыя теперь выдаются за подлинный разказъ о дѣтствѣ и юности завоевателя.

Сказаніе о Чингисъ-ханѣ (Темучинѣ) ср. съ осетинской сказкой о Хамицѣ и Ацеко (Сборн. свид. о Кавк. горц., в. V, стр. 27—35). Сходныя черты: предложеніе невѣсты, срочная жизнь жениха въ домѣ невѣсты (вѣроятно древній обычай, который въ сказаніи о Чингисѣ затемненъ), насильственная смерть на пиру, месть сына за смерть отца. Исугай=Хамицъ (вар. кабард. Химашъ, чеченск. Хамча), Темучинъ=Ацеко (стрѣла котораго гремѣла, какъ громъ; ср. съ бурятскимъ Исыгы въ сложномъ Исыгы-Маланъ-тэнгри). Предупрежденіямъ Ацеко, чтобы мужъ берегъ свою жену отъ оскорбленій, соответствуетъ напоминаніе Есугая, что сынъ его боится со-

бакъ (не разумѣлъ ли онъ Тайджиутовъ? ср. съ тайганъ, алт. „собака“ [Грамм. алт. яз., 258] и Тайчжинъ-Арахы; см. стр. 209). Темучинъ, какъ сынъ коварно убитаго отца—Батразъ. Объ обоихъ, Чингисъ и Батразъ есть повѣрье о подпрыгиваніи съ земли (см. вар. *н* и Вс. Миллеръ, Осет. эт., I, 149).—Батразъ отмстилъ за смерть отца тѣмъ, что убилъ Буре-Ферныга и его „девять“ сыновей, убійцъ своего отца; затѣмъ его преслѣдованію подвергаются Зады и Дауеги. Чингисъ также имѣетъ соперниковъ въ лицѣ „семи“ сыновей Мунлика, изъ которыхъ одного, Тибъ-тенгери онъ убиваетъ (см. прим. къ № 64). Тѣло Батраза по смерти отказывается войти въ Сопійскій склепъ; гробница Чингисъ-хана на пути къ мѣсту погребенія останавливается и не движется. Батразъ смѣшивается съ Сосрыко вродѣ того, какъ Чингисъ сливается съ Кезеромъ или Гесерь-ханомъ.

Въ вар. *а*, сходномъ съ сказаніемъ объ Олунтай-Бодунтаѣ (№ 76) не упоминается о птицѣ на деревѣ; ср. впрочемъ у Тимковскаго, Путеш. въ Кытай, ч. I, стр. 169 и Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., S. 71.

Къ вар. *б*. Разказъ о Шитырь-Тюльгунъ-ханѣ ср. съ разказомъ объ Ельбекъ-ханѣ (олбого, „летяга“; см. стр. 160 и 765) въ Алтанъ-Тобчи (стр. 42) и у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. O.-Mong., 139—143). Ельбекъ-ханъ, отнявшій чужую жену, въ борьбѣ съ противникомъ лишается мизинца (ср. въ русскомъ устномъ преданіи: Соломону отрубаютъ палецъ по приказанію его матери; Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., Кам.-Под., 1869, I, стр. 10). Эпизодъ объ Ельбекѣ относится къ легендамъ о кровосмѣшеніи; онъ хотѣлъ завладѣть женой своего сына. Ср. съ киргизскимъ повѣрьемъ о вротѣ въ Оч., II, 148. Сказаніе о Шитырь-Тюльгунѣ (ср. ительге, ительгунъ, монгол. „ястребъ“, тюльгу, тат. „лисица“, telga, самоѣдск., „солнце“) представляетъ также сходныя черты съ сказаніемъ о борьбѣ Чингисъ-хана съ тибетскимъ ханомъ Шидургу (Алтанъ-Тобчи; въ Юаньчаомиши: Бурханъ, стр. 145); обѣщаніе добыть звѣзды Цолмонъ и Мечинъ упоминается и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 27); по заявленію Сананъ-Сэцэна Чингисъ-ханъ умеръ отъ какого-то насилія Гурбельджинъ-Гоа, жены тибетскаго царя; во время сна Чингиса она сдѣлала его тѣлу зло, отъ котораго онъ сталъ немощенъ, а сама утопилась въ Хара-муренѣ. По Алтанъ-Тобчи она тонетъ въ Хатунъ-голѣ; надъ ея тѣломъ насыпается холмъ Олху; у Сананъ-Сэцэна Темиръ-Олхо (стр. 103), у г. Пржевальскаго, который это преданіе слышалъ въ южной Монголіи (Монголія, т. I, стр. 139), Тумыръ-Олху. Марко-Поло на гору Алхай указываетъ, какъ на мѣсто погребенія самаго Чингисъ-хана (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 109). Другіе авторы указываютъ, какъ на мѣсто могилы Чингисъ-хана, на гору Бурханъ-Халдунъ или Бурханъ-Галдинъ (Тимковскій, Пут., III, 191). Въ № 44, вар. *а* и *е*, Чингисъ является изобрѣтателемъ винокуренія (ср. Алтанъ-Тобчи, стр. 23) и въ послѣднемъ вариантѣ къ нему приравнивается Голто-бурханъ. Не есть ли Бурханъ-Халдунъ то же, что и Голто-бурханъ? Сказанія о Чингисѣ и гуннскомъ Аттилѣ, кромѣ разказа о ихъ смерти, сходятся еще и въ томъ, что оба тайно погребены (Котляревскій, О погреб. об., 41); ср. также преданія о скрываніи смерти Хазар-

скаго хагана, литовскаго Криво-Кривейто и вел. кн. Владиміра (Бестужевъ-Рюм., Русск. Ист., 81; Бѣляевъ, Разказы изъ русск. ист., ч. IV, стр. 181). Полное имя жены Тибетскаго царя по Саванъ-Сэцэну: Шилугунъ-Гурбельджинъ-Гоа (ср. пр. 14 къ гл. III).

Вар. б намекаетъ, что Чингису приписывалось принесеніе огня; въ бурятской молитвѣ къ огню (см. 39 прим. къ гл. II) Банзаровъ подъ парицей Улукенъ разувѣтъ мать Чингиса, а подъ небожителемъ, высѣкшимъ (впервые?) огонь, самаго Чингиса. У Рашидъ Эддина (Зап. Археолог. Общ., XIV, 169), Сурганъ, избавивши Чингиса отъ враговъ Тайджіутовъ, снабдивъ его припасами, не далъ ему огнива (то-есть не отерпѣлъ огня?). Ср. съ № 82, вар. в: Богъ, создавъ людей, не далъ имъ огня, и съ Гезіодовымъ миеомъ о Прометей. Разказъ о Сурганѣ и Чингисѣ не есть ли вариантъ алтайскаго о Мешперекѣ, спасаемомъ отъ гибели мѣсяцемъ (см. прим. къ № 33)? Въ другихъ редакціяхъ вм. Сурганъ стоитъ Торгонъ (Тарханъ?), у d'Ossoп'a Scheburgan (ср. Абырганъ, „змѣй“).

Къ вар. д и е. Кромѣ упоминаемыхъ нами, есть еще указанія на котель и таганъ Чингисъ-хана на Ольхонѣ (Риттеръ, Землевѣд. Азіи, V, Забайкалье, стр. 7); г. Юренскій въ своей статьѣ о Дэлюнъ-Болдокъ (Зап. Сиб. Отд. Геогр. общ., т. II, Смѣсь, стр. 5) упоминаетъ о чашѣ Чингисъ-хана въ горахъ Гентея; на Ононѣ близъ ур. Дэлюнъ-Болдокъ, также указываютъ Тогонъ-чоло, то-есть камень, положенный на другіе камни, какъ котель на очагъ. Пржевальскій упоминаетъ Чингисову чашу въ южной Монголіи (Монголія I, 116). О Чингисовомъ таганѣ на остр. Ольхонѣ см. Миллеръ, Сиб. Ист., стр. 3.

Къ вар. и. Одинъ лама (Лубсынъ-Очуръ) сообщилъ намъ, что первый человекъ на землѣ назывался Чилунгу; онъ былъ сынъ Чингисъ-Хурмусту-хана. Ср. съ прим. 14 къ гл. III.

Къ вар. к. Ср. съ полнымъ именемъ Одунтай-тайши: Гурбуштень-Тэлгринъ-Ку (Оч., II, 161). Имя Гурбуштень-ханъ или Хурмуштень-ханъ дается или отцу Чингисъ-хана или ему самому; тотъ же корень слышенъ и въ именахъ ханской жены: Гурбельджинъ-Гоа (Алтанъ-Тобчи, стр. 28), Гурбесу (Труд. пек. дух. мисс., IV, 108). См. прим. къ № 79.

Къ вар. л. Отравленіе или спаяваніе особенно сильнымъ или простымъ виномъ въ сказкахъ и былинахъ часто соединяется съ низверженіемъ въ яму; см. №№ 5 и 112. Въ книжномъ сказаніи эти темы распались: отравленіе разказано только объ Есугаѣ, яма—о Чингисѣ (Алтанъ-Тобчи, стр. 15; яму копаютъ Джингиръ-Бухъ).

Къ вар. м. Талдентъ-ханъ ср. съ Тольты-ханъ въ № 79. Янгинъ-ола, Джингитень-дабанъ, Янджитъ-ола, какъ различно намъ произносили туземцы, суть вѣроятно варіаціи имени Шингисъ или Шингитъ. Наименованіе Ундюръ-сыхымынь ср. съ Мао-ундюръ, гдѣ, по Юанъчаомиши (Труд. Пек. дух. мисс., IV, 86—89), Чингисъ-ханъ скрывался отъ Вана. Членъ сыхымынь находится въ сложномъ имени урочьяща Дидахъ-сыхымынь, гдѣ Ванъ былъ убитъ. Холмъ Талы-болдокъ напоминаетъ мѣстность Деліунъ-Болдокъ,

гдѣ будто бы родился Чингисъ-ханъ. На картѣ сѣвернаго Косокола, составленной г. Радде, назначена рѣчка Толай-Болдой-горхонъ, которая будто бы впадаетъ въ рѣку Ханга справа; это вѣроятно то же, что нашъ Талы-Болдокъ; вѣроятно Толай-Болдой-горхонъ есть рѣчка, текущая мимо холма того же имени. Я на пути отъ устья Ханги въ долину р. Иркуты не пересѣкалъ такой рѣчки; можетъ быть она впадаетъ не въ Хангу, а въ Цаганъ-сайръ, или мнѣ ее назвали иначе. Мѣстность съ именемъ Делюнь-Болдокъ была отыскана около Чиндантаской крѣпости въ Забайкальи и признана за родину Чингисъ-хана; Косогольскій Талы-Болдокъ имѣетъ не менѣе правъ на эту честь; вокругъ нея не одно мѣсто связано съ именемъ Чингисъ-хана. Притомъ Талы-Болдокъ холмъ, что болѣе согласнось лѣтописнымъ сказаніемъ; чиндатскій же Делюнь-Болдокъ горизонтальное болото. По одному мѣстному преданію у Талы-Болдока былъ схваченъ Чингисъ; это преданіе какъ будто отождествляетъ Чингиса съ Шидырваномъ.

Къ вар. н. Способность Чингиса летать намекаетъ, что это имя придавалось какому-то летучему звѣрку; ср. якутское *tungu*, „летучая мышь“; урянхайское же *джаскэ*, „летучая мышь“ ср. съ именемъ Чингисова отца Есугай; грузинскій царевичъ Вакушъ въ своей исторіи Грузіи приписываетъ Чингисъ-хану рыжіе волосы *les cheveux roux* (M. Brosset, *Hist. de la Georgie*, I, 2, p. 448). Турума ср. съ Шидырваномъ (№ 66); смерть отъ незастегнутого ошейника съ алтайскимъ сказаніемъ о Тимурѣ (Изв. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, стр. 243). Турумъ медвѣжонокъ по урянхайски, цзурумъ, сусликъ по монг., турумъ, бурундукъ по остяцки (*Castren, Ostjak. Spr.*, 94). У Кастрена бѣжалъ изъ Китая Торосъ и былъ застигнутъ у Торосъ-дабана (*Castren, Reiseberichte*, S. 340). Торо ср. съ Джоро, первоначальнымъ именемъ Гесеръ-хана; см. прим. къ № 50.

48. Сынъ неба.

Легенда о сынѣ неба найдена нами только въ Алтайѣ и въ западной части сѣверо-западной Монголіи, то-есть, у Алтайцевъ, Дюрбютонъ и западныхъ Халхасцевъ; есть ли она у Халхасцевъ, живущихъ восточнѣе Уляссутая, мнѣ не извѣстно. У Урянхайцевъ въ системѣ верхняго Енисея мнѣ, не смотря на многочисленные разспросы, не довелось услышать эту легенду. На вопросъ о „сынѣ неба“, тѣмрѣдыи улы получался всегда разказъ о драконѣ, производящемъ громъ. Тѣмрѣдыи улы можно также переводить: небесный улы; улы тутъ будетъ то же, что у Монголовъ лу, драконъ. На вопросъ: кого бьетъ небо молніей? отвѣчали: камень и дерево. Наконецъ на вопросъ: преслѣдуетъ ли кто летягу или бурундука? отвѣчали невѣденіемъ.

Бобырганъ по алтайски летяга, по урянхайски абырганъ или афырганъ. Ср. наши формы: южнорусск. упырь, польск. *upiór*, сербск. *вепирь*, мертвецъ, ходящій по землѣ, вампиръ; русск. *непопырь*, польск. *лятопырь*, сербск. *медопирь*, летучая мышь, сербск. *лепирь*, бабочка. Убырь, кодуунъ, поѣдающій трупы по повѣрью Казанскихъ Татаръ (Золот-

ницкій, Чув. сл., 157; Зап. Русск., Геогр. Общ. по этн., т. VI, стр. 247); вубуръ или вобуръ—злое существо, которому Чувашами приписывается съѣданіе луны, то-есть, затменіе (Золотн., *ibid*), обуръ по повѣрью Крымскихъ Татаръ (записанному г. А. Калачевымъ въ Алуштѣ), покойникъ, который при жизни былъ злымъ человѣкомъ; тѣло такого человѣка не подвергается гніенію; онъ высасываетъ по ночамъ молоко у излюбленной имъ коровы, а иногда и женщины; не прочь иногда подавить спящаго человѣка. Свящ. о. Борисъ Гавриловъ обязательно доставилъ намъ отрывокъ изъ своихъ записокъ о повѣрьяхъ относительно ибыра, существующихъ у Вотьяковъ: „Ибырь по понятію однихъ, есть особый злой духъ, по понятію другихъ—душа умершаго ведуна (колдуна). Дѣятельность его заключается въ томъ, что онъ разными способами вредитъ людямъ, насылая болѣзни на нихъ и на ихъ скотину. Всѣ повальные болѣзни людей и скота приписываются ибыру. Онъ воруетъ у беременныхъ женщинъ дѣтей въ первое время беременности, о чемъ подобныя женщины ни кому не говорятъ; въ противномъ случаѣ ихъ заподозрили бы въ дружбѣ съ ибыромъ. У подобныхъ женщинъ вмѣсто ребенка показывается только вода и кровь. Это бываетъ ночью во время сна и сама женщина ничего не чувствуетъ. Точно также, только чаще, воруетъ онъ телятъ и жеребятъ. Ибырь съѣдаетъ и покойниковъ, особенно если ихъ оставляютъ однихъ въ избѣ. Съѣвъ покойника, ибырь принимаетъ его видъ и ложится на его мѣсто; такимъ образомъ его хоронятъ. Узнать это можно во время обмыванія покойника, потому что отъ горячей или слишкомъ холодной воды ибырь вздрагиваетъ. Такое же повѣрье объ убурѣ есть у Татаръ, убуръ есть особый духъ. Вотьяцкій ибырь летаетъ къ нѣкоторымъ женщинамъ и дѣвушкамъ и живетъ съ ними супружескою жизнью. Такія женщины сильно худѣютъ и бываютъ склонны къ уединенію. У Татаръ къ женщинамъ ходитъ пяррей жегете (молодой нечистый духъ), къ мужчинамъ пяррей кызы (дѣвушка пери). Бываютъ ли дѣти отъ подобнаго сожителства, слышать не приводилось. Ибырь летаетъ въ видѣ огненнаго змѣя или коромысла, по землѣ катится огненнымъ шаромъ иногда большихъ размѣровъ. Если во время полета его оборвать шнуровъ у воротника, замѣняющій пуговицу, то ибырь опускается на землю, принимая видъ человѣка, и говоритъ остановившему его: „Зачѣмъ ты меня остановилъ? Вѣдь я не къ тебѣ легль?“ Затѣмъ поднимается въ видѣ огня опять на воздухъ и возвращается обратно, а легль туда, куда легль ранѣе, уже не можетъ. Мѣсто жительства ибыра, какъ особаго духа, не извѣстно, а какъ душа умершаго ведуна, онъ поднимается съ его могилы. Ибырь особенно сильно проявляетъ свою дѣятельность въ ночь на великій четвергъ (кѣшуй по вотьяци, „страшная, противная ночь“). Вотьяки въ эту ночь постоянно стрѣляютъ изъ ружей или хлопаютъ чѣмъ нибудь другимъ. Ибырь боится можжевельника, рябины (дерева), пороховаго запаха и стали или собственно черты, проведенной сталью „Юберъ или йюберъ по вотьяцки дроздь. Ср. съ Айваръ, порогъ на Днѣпрѣ у Константина Порфиророднаго. Монгольскій врагъ сына неба ольби есть переводъ алтайскаго бобырганъ. Бобырганъ (уряих. афырганъ)

ср. также съ Абырганъ, названіемъ змѣя. Въ русск. духовномъ стихѣ гонимый Святополкъ иногда называется Опорхолъ; ср. финск. пергеле, демонъ, мордовск. пиргене, молнія; въ финск. сказкахъ злой Perkele гонится за царевичемъ, прорубается чрезъ волшебный лѣсъ, но тонетъ въ озерѣ, образовавшемся отъ выплеснутой чашки воды (Mel. russ., 1851—1855, ч. II, стр. 611). Въ русской сказкѣ за убѣгающею парой гонится Марко (Труд. Курск. стат. комит., 1863 г., кн. I, стр. 536—538). Монгольскій врагъ сына неба, ольби, есть переводъ алтайскаго бобырганъ. Остальные—или ночные грызуны, или ночная птица; грызуны, притомъ лазящіе по дереву или высоко подпрыгивающіе, какъ тушканчикъ. Не даетъ ли это право и въ хула-джирга, а равно и въ джиренъ-кѡль видѣть какое-нибудь летучее ночное животное? Ср. съ приведенными на стр. 762 кавказскими названіями летучей мыши; жоргили или дзюрги, по вотацки воробей. Джиренъ-кѡль ср. съ якутскимъ Еренъ-кылъ (стр. 646). Только въ алтайскомъ вариантѣ поставлено имя сына неба Джанкъ (ср. уйхъ, чувашск. „мѣсяцъ“); въ монгольскихъ онъ не носитъ имени, если слова тэнгринъ-ху или тэнгринъ-кубунъ не считать за собственные имена. Только одинъ Дюрбютъ, и то послѣ вопроса: „какъ звали сына неба“? подумавъ, объявилъ: Темиръ-Бѡсь. Это имя встрѣчается въ былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ (стр. 476); въ № 2, вар. *е*, скованный „сынъ неба“ Темиръ-Боко. Несомнѣнно, это одно и то же мифическое лицо (монгол. бѡсь, „вошь“ въ бурятск. переходить въ богунъ). Оковы указываютъ на неподвижное положеніе; ср. Темуръ-казыкъ, Аксакъ-тѣмуръ, „Полярная звѣзда“ (стр. 734 и 735). Боко по алтайски „силачъ“ (по монг. бѡхѡ); это значеніе чуть ли не позднѣйшее; ср. тунгусск. вакаја, монгол. ба-абагай, самоѣдск. бого, богто, „медвѣдь“. О скованномъ медвѣдѣ см. стр. 215 и 646. Имена враговъ сына неба сводятся къ именамъ чудовищъ, слгатыванію которыхъ приписывается затменіе луны; ольби ср. съ бурятск. альбинъ (стр. 193, вар. *ж*), съ урянх. Джельбага (стр. 192), съ алт. Джельбегень или Ельбегень (стр. 190—192, вар. *а*, *в*, *л*); ялмынъ варианта *г* ср. съ киргизск. атъ-джалманъ, Крымск. Татаръ атъ-чалманъ, „тушканчикъ“ и Чолпанъ, Цолманъ и друг. именами Венеры; и у Русскихъ: „Заря-зарянница мѣсяцъ скрала“ (Мельниковъ въ Отеч. Зап., 1842, т. III). Бобырганъ ср. съ чувашск. вубуръ, съ черемисск. вуверъ, которому приписывается съѣденіе луны. Корюкъ ср. съ урянх. Гаруъ (Оч., II, 126) и монгол. Арахы или Арахи (стр. 191—193, вар. *е*, *и* и *о*). Изъ этихъ сближеній какъ бы слѣдуетъ, что „сынъ неба“, гонимый врагами и мѣсяцъ, слгатываемый чудовищами, одно и то же лицо. Связь представленій о мѣсяцѣ и новорожденномъ, указанная въ прим. къ № 34, дѣлаетъ отчасти понятнымъ придаваніе имени сына неба, тэнгринъ-ху, нѣкоторымъ предкамъ княжескихъ фамилій; такъ предокъ дюрбютскихъ князей Одунъ-Тайши называется тэнгринъ-ку (Оч., II, 161); предокъ монгольскихъ князей Чингисъ-ханъ также сынъ неба (ср. Хаджиръ-Чингисъ-тэнгринъ-кубунъ; см. прим. къ № 47). Предокъ бурятскаго народа Буханонинъ (первый членъ имени котораго ср. со вторыми въ именахъ Темиръ-боко и Техо-бѡхѡ въ вар. *л*) также считается сыномъ неба. Эти формы

бобо, бѳхѳ, буха, бѳс ср. съ тунгусск. bega, „мѣсяцъ“. Въ латышск. пѣсняхъ сынъ Божій (дѣва дѣлс или дѣва дѣлс) также повидимому сливается съ мѣсяцемъ (ср. №№ 89, 96, 98, 99, 100, 102, 106 и 108 въ Сборн. антр. и этн., изд. Дашковымъ, М., кн. II). Въ ингушскихъ сказаніяхъ сынъ бога назыв. Елта (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. Ингуши, стр. 12); это сказаніе примыкаетъ къ кругу разказовъ о хожденіи бога по землѣ; у Чувашей подобныя разказы о Херле-сырь, у Вотяковъ о Колдысьинѣ; есть ли у Черемисовъ такіе разказы, неизвѣстно. Въ монгольскихъ сказаніяхъ хожденіе по землѣ относится къ Бурханъ-бакши; о немъ въ записанныхъ нами сказаніяхъ не говорится, что онъ сынъ неба; у Радова, однако, въ одной сойотской сказкѣ встрѣчается имя Курбусту-Тэнгрэкэй Пурханъ-пакши (Ргоб., I, 424), гдѣ тэнгрэкэй, конечно, есть не что иное, какъ монг. тэнгри-ху, „сынъ неба“. Разказы о ребенкѣ, котораго прячутъ подъ котелъ или въ телѣгу съ шерстью см. у Рашидъ-эдина о Джиданойонѣ, Зап. Археолог. Общ., XIV, 190; о Чингисъ-ханѣ, стр. 169; о Хайду, девятомъ сынѣ Дутумъ-Менена, Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., ч. XIII, стр. 17; въ осетинскомъ преданіи о Сана, сынѣ Тотика въ Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, ст. Шанаева, Осет. сказ., стр. 36. Въ нашихъ апокрифическихъ разказахъ прятанье въ рожь, подъ солому, подъ траву: хриstopродавку, хриstopоронку, хриstopратку (въ Елаб. у. Вят. г.), прикрыть, руту (см. Анненк., Ботан. Сл., стр. 7: Асон. excelsum., стр. 307: Ruta angustifolia; иногда растеніе называется копьемъ: Христово копье, Асон. excelsum; чуваш. охъ-туры, „наконечникъ стрѣлы“, Aspidium Filix mas; ibid, стр. 65). Въ духовныхъ стихахъ: „онъ темными лѣсами укрывался, бумажными листами устился“ (Безсоновъ, Кал. перех., в. 4, № 329, стр. 137). Ср. у Садовникова, Сказки и пред. самарск. края, стр. 315; у Аванас., Н. Р. С., в. I, № 8; у Магнитскаго, Мат. о чувашск. вѣрѣ, стр. 245 и у Шейна, Русск. нар. пѣсни, стр. 198, № 52. О Хорсѣ, прячущемся въ лѣсу, чеченское сказаніе см. въ Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VIII, ст. Ахріева, Ингуши, стр. 26. О прячущемся черемисскомъ сынѣ неба Кереметѣ см. у Ст. Кузнецова, Сюрэмъ, въ Изв. Р. Общ., т. XV, в. 3, стр. 48 и у Магнитскаго, Мат., стр. 1 и 2. Гонителями Керемета являются Татары (ср. дада, гонители Есугая) или человекъ, за которымъ движется туча. О убіеніи Керемета людьми см. у Бехтерева въ Вѣстн. Евр., 1880, сент., стр. 169; у Золотническаго, Невидим. міръ, стр. 24. Чуваши разказываютъ о Калымѣ, что богатые возненавидѣли его за его милость къ бѣднымъ и убили (Магнитскій, Матеріалы, стр. 106 и 245). О мордовскомъ Нишки-пасѣ см. у Мельникова, Очерки Мордвы, въ Русск. Вѣстн., 1867, окт., стр. 399. Чувашское Калымъ ср. съ Колмо (см. прим. къ № 88). Черемисскій Клемъ-ханъ-кого-юмо (Вѣстн. Евр., 1867, дек., стр. 11) не то ли же самое, что чувашскій Калымъ? У Чувашей, Черемисовъ, Вотяковъ и Татаръ привагскаго Поволжья существуетъ обрядъ гоненія на шайтана или чорта (Бехтеревъ въ Вѣстн. Евр., 1880, сент., стр. 161; Мозель, „Пермская губернія“, стр. 583; Магнитскій, Матеріалы, стр. 128; Гавриловъ, Произв. народ. слов. Вотяковъ, стр. 155). Не изъ такого ли обряда

создался классическій мифъ объ Орестѣ, гонимомъ эриніями? Обь обычѣ гонять лисицу (ср. корсь, хорть, кыртъ, названія лисицы, собаки и волка) у Нѣмцевъ, см. Liebrecht, Zur Volkskunde, S. 263. Чуваши обрядъ изгнанія чорта назыв. сьурень, срень; ср. съ урянх. ерень (стр. 94). Въ чувашскомъ разказѣ (36 прим. къ гл. III) ырслень (ср. арсланъ, башкирск. лисица) является гонителемъ. - Звѣрки обвиняемые въ смерти „сына неба“, несутъ казнь; см. вар. *и, и, к, и* Оч., II, 160; и наоборотъ, о Тэнгредынъ-улы разказывается, какъ о прикованномъ въ царствѣ Ерлика (стр. 173).— Не слѣдуетъ ли въ имени популярнаго на Кавказѣ и въ Крыму Керъ-оглу видѣть алтайское Тэнгри-улы?— Не было ли вариантовъ, въ которыхъ врагомъ сына неба являлась летучая мышь, въ монг. шарисынъ? Буряты это слово должны были бы произнести шаригынъ или шарихынъ; ср. наше лѣтописное Шаруканъ и былинное Шаркъ-великанъ, а также въ словѣ о полку Игоревѣ: „поютъ время Бусово, лелѣютъ мечь Шаруканю“.

49. Сказна о хитромъ ворѣ.

Всѣ семь сказокъ мы соединили въ одну группу на томъ основаніи, что въ нихъ много общаго. Такъ притворная смерть героя встрѣчается въ вар. 2 и 3; вымѣнъ быка въ вар. 2 и 3; корова, доставляющая серебро и золото (вар. 2) замѣнена въ вар. 5 подобною же кобылой; наконецъ вар. 1 родится съ вар. 4 эпизодомъ о присвоеніи посредствомъ хитрости чужого скота. Эти варианты еще болѣе сродняются, если сравнивать ихъ съ другими уже извѣстными сказками о хитромъ ворѣ. Въ нашихъ сказкахъ о Яшкѣ-шутѣ кромѣ горшка, который самъ варить пищу, и доставляющей золото коровы, есть еще эпизодъ о присвоеніи скота, какъ и въ монгольскихъ вар. 1 и 4, а также разказъ о топорѣ въ котлѣ вмѣсто мяса, напоминающій лопатку въ вар. 4. Въ чеченской сказкѣ о Цазикѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Ахрѣва, „Изъ чеченск. сказ.“, стр. 42—46) повторяются черты изъ сказки объ Андзынъ-Хурумчи (вар. 4 б и в): тѣ же формы обмановъ и намазыванье кровью губъ у овецъ. Шестьдесятъ Орхустойцевъ, противники Цазика, убиваютъ его мать; ср. съ вар. 1 и съ вотяцкой сказкой у Гаврилова, Произв. нар. слов. у Вотяковъ, Казань, 1880 г., стр. 136—139. Въ киргизской сказкѣ объ Ежигельды (Radloff, Proben, III, 332): казанъ, кипящій безъ огня, лошадь, носящая золото и гибель противника въ водѣ; кромѣ того въ этой сказкѣ есть еще новые эпизоды: Ежигельды убиваетъ Джалмауса съ шестью дочерьми, потомъ обманываетъ Даугаръ-Алыпа, одѣвается въ женское платье и притворяется лѣкаремъ; по жалобѣ Даугара царь велитъ поймать Ежигельды; новые эпизоды: распавшее золото и намазанныя подошвы, покража верблюда съ казной, спиваніе водкой стражи и похищеніе царской дочери. Послѣдніе три эпизода находятся въ русской сказкѣ о Шибаршѣ (см. А. Веселовскій, Сказки объ Ив. Грознамъ, въ Древн. и Нов. Россіи, 1876 г., № 4, стр. 317); въ южно-русской о Климѣ и чортѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, II, 362)

два: 1) казна и водка и 2) похищение жены. Въ русской (Аванас., Н. Р. С., в. VI, № 6, вар. 6, стр. 68) о ворѣ Климкѣ: спаваніе стражи, сованіе мертвеца въ окно, повража бариновой жены, для чего Климка вѣшается на дерево внизъ головой; въ отрывкѣ изъ другого варианта, приведенномъ подѣ строкой, Климка вѣшается на красной еромкѣ (ср. съ ниткой въ сказаніяхъ о летучей мыши, стр. 175, и о Гесерь-ханѣ, стр. 234). Въ концѣ сказки Климку хотятъ бросить въ воду и кладуть въ кугѣ на бережокѣ. Въ чеченской Цазика кладуть на досеу и отпускаютъ внизъ по рѣкѣ; онъ проплываеетъ мимо трехъ пастуховъ; два отказались спасти, третій овечій пастухъ спасъ его изъ воды (ср. съ мѣстомъ Даранаты [Васильевъ, Буддизмъ, III, 108] о плывущемъ по рѣкѣ Шанку, съ книжнымъ сказаніемъ о Чингисѣ, сидящемъ въ водѣ и съ киргизскимъ объ Есекентѣ). На условномъ языкѣ нищихъ въ Минск. губ. климъ, „воръ“ (Зап. Акад. Н., т. XXXVII, кн. II, стр. 189). Въ южнорусской сказкѣ (Рудченко, Нар. южно-русс. ск., в. 2, стр. 139) вмѣсто царя или барина атаманъ сорока разбойниковъ (у Аванас., Н. Р. С., в. 8, № 27 семь разбойниковъ); эпизодъ этой сказки о богатомъ братѣ, который не могъ найти выхода изъ жилища разбойниковъ по таинственной силѣ иконы Богородицы ср. съ мордовской пѣсней о 30 разбойникахъ, ихъ атаманѣ Пене-Деманѣ (то-есть собакаѣ Деманѣ) и женѣ Абыза, которая имѣла силу задержать разбойника; вмѣсто дѣвушки-чернавки рубить разбойниковъ Акула, жена Живая (Ж. М. Вн. Дѣл., 1839, № 10, окт., стр. 116). Обманываніе Ерлика посредствомъ обмѣна быка (вар. 2 и 3) есть въ сказкѣ о Джербанатѣ (то-есть летучей мыши? стр. 170). Сказки о летучей мыши (№ 2) представляютъ ее хитрымъ животнымъ; не слѣдуетъ ли и сказки о хитромъ ворѣ отнести къ эпосу о летучей мыши? Ср. имя Хурумчи съ бурятск. урмуше, хурмуше, „летучая мышь“, якутск. urjuntschi, idem (Pall., Zoog., I, 121). У Аванас., Р. Н. С., VI, № 8 воръ названъ Ерема. Въ вар. 2 встрѣчаются имена Шерисенъ-ганъ и Шарисынъ-ханъ; одно ли это и то же лицо, для разказчика не было ясно. Шарисынъ, „летучая мышь“ по монгольски. Киргизское Ежи ср. съ гедже, летуч. мышь у Крымскихъ Татаръ. Какъ въ вар. 1, въ нѣкоторыхъ русскихъ вариантахъ хитрый обманщикъ имѣетъ противъ себя „семь“ разбойниковъ (ср. киргизское названіе Б. Медвѣдицы Джеты-Каракше, „семь воровъ“); въ другихъ жида (ср. татарск. названіе Б. Медвѣдицы Жиди-ганъ). Въ вар. 3 самъ обманщикъ назыв. Талынъ-Хутулчи, „семьдесятъ вралей“. Талынъ, Долонъ (въ имени Долонъ-Дондышъ) ср. съ первымъ членомъ монгольск. названія Б. Медвѣдицы Долонъ-Бурханъ. Въ киргизской сказкѣ объ Ежигельды противъ хитреца также семь лицъ: Джалмаусъ съ шестью сыновьями; въ чеченской противъ Цазика шестьдесятъ Орхустойцевъ; въ чеченской противъ Ботоко-Ширтта (ширтта — звѣровъ ласка) шестьдесятъ Орхустойцевъ и Соска-Солса (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Народн. Сказ., стр. 38). Въ именахъ хитреца встрѣчаются формы: Ганци, Андынъ, Ежи. Ганци (ганцханъ, монгол., „одинокій“, то-есть сирота?) ср. съ Джангызъ-уль въ № 2, вар. в (джангызъ въ татарскомъ „одинокій“). Двухъ мальчиковъ въ

вар. б, найденныхъ подъ корнями серебрянаго и золотого тополея, ср. съ дѣтьми, убѣгающими отъ мачихи въ Шиддикурѣ; здѣсь дѣти названы Нарань-гэралъ и Сарань-гэралъ; наръ—солнце, саръ—луна. Привязаннаго къ дереву Ганпи-Ментыша ср. съ повѣрьями о Б. Медвѣдицѣ (см. стр. 736, а также сл. прим. къ № 2) и съ мусульманской легендой о Христѣ, Weil, *Bibl. Legend.*, 296. У Вотяковъ намъ удалось записать сказку слѣдующаго содержания: Отецъ, выстроивъ новый домъ, посылаетъ въ него поочередно спать трехъ своихъ сыновей; утромъ послѣ каждой ночи онъ требуетъ, чтобы ночевальщикъ разказалъ, что видѣлъ во снѣ. Двое старшихъ разказали, что они видѣли: „Поить, кормить отца въ этомъ домѣ!“ Младшій увидѣлъ во снѣ, будто онъ омылъ свои ноги водой, а отецъ выпилъ эту воду. Онъ отказался разказавъ свой сонъ. Отецъ велѣлъ вывести его въ лѣсъ, нагаго привязать къ березѣ и оставить. Терпя зной и укушенія насѣкомыхъ, младшій сынъ все таки молчалъ. Братья оставили его привязаннымъ и ушли. Ъхали мимо купцы, увидѣли его, отвязали и увезли въ городъ. Здѣсь онъ въ послѣдствіи становится царемъ. Отецъ его, при прежнемъ царѣ прѣзжавшій занимать денегъ, является съ этой просьбой и къ новому царю, не подозрѣвая въ немъ сына. Сынъ, прежде чѣмъ удовлетворить его просьбу и открыть истину, оставляетъ отца ночевать во дворцѣ. Ночью гость захотѣлъ пить и нашелъ тазъ съ водой, въ которой накануне царь вымылъ свои ноги. Подумавъ: „царевы ноги чисты“, онъ выпилъ эту воду. Утромъ сынъ разказываетъ отцу о себѣ кто онъ, и почему не хотѣлъ разказавъ сна.—Подкинутую шубу въ вар. 4 ср. съ подсунутыми печатами въ монгол. сказкѣ Арджи-Борджи. Въ записанномъ нами вариантѣ (Оч., II, 155) есть имя Джитымъ-Сенге, второй членъ котораго тотъ же, что въ имени Балымъ-Сенге. Джитымъ по кирг. сирота. Вар. 2 ср. съ кавказскими сказками, кабардинскою „Три дочери старика“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IX, стр. 108) и аварскою Езенъ-Зулхаръ (*ibid.*, в. II, стр. 39). Эпизодъ съ волосами, снесенными водой (вар. 240), см. въ аварской сказкѣ Езенъ-Зулхаръ и въ Шиддикурѣ, гл. XXIII. Уговоръ не входить въ домъ въ татарскомъ разказѣ о дочери Шурали'я (см. выше стр. 770). Боязнь чорта передъ колючими растеніями (вар. 2, б), каковы, напримѣръ, чертополохъ, чертогонъ и пр., рисуется и нашими повѣрьями. Въ осетинск. сказкѣ (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Ак. Н., т. XIV, кн. II, 1869, стр. 70) волка обманываетъ пойманная имъ ворона (халон), будто она боится быть сброшенной съ берега съ повѣшенными ей на шею хлѣбами и бобами.—Сказку о Бамбу-Шиту и Дзудзукѣ ср. съ древне-египетскою о двухъ братьяхъ Бату и Анпу или Satu и Аперу (*Lenormant, Les premières civilisations, t. I, Le roman des deux frères, p. 375; Wolf, Zeitschr. für Deut. Mythol., IV, 232*). Жена старшаго брата Анпу, послѣ неудачной попытки обольстить младшаго брата Бату, оговариваетъ его и Анпу гонится за братомъ, пока по волѣ солнца не появляется рѣка, раздѣляющая братьевъ (ср. въ тат. сказкѣ съ рѣкой, раздѣляющею Идыге и Дзанпал: Radloff, *Prob.*, IV, 48; въ чеченской сказкѣ: Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. IV, стр. Ахрѣва: Изъ чеченск. сказ., стр. 7). Бату убѣждаетъ брата въ своей невин-

ности, осконпяетъ себя и объявляетъ, что его жизнь отнынѣ будетъ заключена въ кедровой шишкѣ (ср. съ легендой города K'iu-tchi въ восточномъ Туркестанѣ, записанной китайскимъ монахомъ Сюань-Цаномъ; *Memoire sur les contrées occident., traduit par St. Julien, t. I, p. 8*); если кедровое дерево будетъ срублено, то и его постигнетъ смерть. Семь лѣтъ Анпу долженъ искать сердце брата и воскресить его. Послѣ того Бату поселился подъ кедровымъ деревомъ; боги послали ему жену. Волосы, посвященные ею рѣкѣ, пойманы прачками царя; царское войско взяло красавицу и срубило кедровое дерево; Бату умеръ. Анпу нашелъ сердце брата подъ кедровой шишкой и оживилъ его. Бату превращается въ быка; его вводятъ въ царскій дворецъ; царица узнаетъ его и приказываетъ убить быка. Изъ упавшей на землю капли быка вырастаютъ два дерева, которыя также по желанію царицы срублены; одна щепка попадаетъ въ ротъ царицѣ и она зачала; родился ребенокъ, который былъ все тотъ-же Бату въ новомъ видѣ. Имя Бамба ср. съ тунгусск. амба, амбанъ тигръ, (Маакъ, Путеш. на Уссурн, стр. 114 и въ прибавленіи стр. 11), что согласуется съ происхожденіемъ персонажа отъ тигрицы. См. сказки № 139 и 140.—Ежедневное возвращеніе Sati со скотомъ вечеромъ, при чемъ онъ всегда приносилъ вязанку травъ ср. съ легендами о Млечномъ пути и соломѣ (стр. 741).

Въ числѣ киргизскихъ сказокъ, доставленныхъ на петербургскій съѣздъ ориенталистовъ въ 1876 г., переведенныхъ г. Куртуковымъ и еще не изданныхъ, находится одна слѣдующаго содержанія: Царь Гармуль, владѣющій сорока городами (это число какъ будто намекаетъ на этимологію царскаго имени; кыр—„сорокъ“ по киргизски), не имѣетъ дѣтей, какъ и его визирь. Оба они много молились о дарованіи имъ дѣтей. Однажды они ходили въ полѣ вдвоемъ, утомились и заснули; во снѣ царю привидѣлось, что у нихъ родятся дѣти; царь и визирь договорились, если родятся мальчикъ и дѣвочка, то женить ихъ, а если мальчички, то сдѣлать ихъ друзьями. Родились мальчички; царевичу дали имя Шеринъ, сыну визиря—Шакиръ. Мальчички стали юношами и жили въ большой дружбѣ. Однажды царь выѣхалъ въ поле; царица соблазнилась красотой сына и стала подговаривать его взять ее женой, обѣщая хитростью убить отца. Сынъ отказался, а когда мать схватила его за руку, онъ ударилъ ее по лицу и зашибъ до крови. По возвращеніи царя царица оклеветала сына и царь велѣлъ казнить его. Визирь пожалѣлъ царевича, призвалъ его и своего сына Шакира, далъ имъ армамаковъ, запасу и драгоценныхъ камней и указалъ подземный ходъ изъ города, такъ какъ у всѣхъ сорока воротъ были поставлены часовые съ приказаніемъ никого не выпускать. Друзья выбрались изъ города и пріѣхали въ другой городъ, которымъ правилъ какой-то Малекъ, имѣвшій дочь красавицу Каракасъ. Черезъ женщину, приставленную къ красавицѣ, Шерину удалось, во время отсутствія Малека, проникнуть къ царевнѣ; но въ первое свиданье Шеринъ заснулъ, и когда проснулся, то нашелъ только *җасыгъ* (баранью кость), завернутую въ платокъ, сама же царевна уже ушла. Шакиръ растолковалъ ему, что этотъ подарокъ означаетъ сомнѣніе царевны, любить ли ее Шеринъ.

Потомъ Шерину удалось увидѣть царевну, но визири, которые сами хотѣли жениться на ней, узнали о посѣщеніяхъ царевича, уллучили время и арестовали ихъ, заставъ вмѣстѣ. Въ тюрьмѣ царевна спрашиваетъ царевича, есть ли у него товарищъ? Тотъ сказалъ, что есть, и что его зовутъ Шакиромъ. Царевна даетъ золотую диллю одному изъ стражи и проситъ извѣстить Шакира, что его другъ въ тюрьмѣ. Шакиръ, одѣвшись въ женское платье, проникаетъ въ тюрьму подъ видомъ жены заключеннаго, принесшей въ корзинѣ ему обѣдъ, передаетъ свое платье и пустую корзину царевнѣ Каракасѣ, платье съ даревны надѣваетъ на Шерина, а самъ одѣвается въ его платье. Царевна Каракасѣ благополучно выходитъ изъ тюрьмы, принятая за приходившую женщину съ милостыней. Когда Малекъ возвратился съ поля, ему предъявляютъ пойманныхъ, но на мѣсто царевны, видятъ какую-то другую дѣвицу. На распросы царя Шакиръ объявилъ, что принцъ изъ царства Гарыкыла, что дѣвица это его сестра, которую хотѣлъ насильно захватить и увести туркменскій ханъ, и что онъ, не надѣясь, чтобъ Гарыкыль защитилъ его, пріѣхалъ въ царство Малека искать его покровительства, и былъ здѣсь арестованъ, неизвестно по какой причинѣ. Царь велѣлъ визирей казнить, визиремъ сдѣлалъ Шакира, а мнимую сестру его велѣлъ помѣстить въ однѣхъ покояхъ съ дочерью Каракаса. Потомъ посредствомъ новой хитрости Шакиру удается устроить такъ, что самъ Малекъ выдаетъ свою дочь за Шерина. Ср. съ эпизодомъ въ монгольской Арджи-Бурджи, разсказываемымъ попугаемъ; Малеку соотвѣтствуетъ царь Цокту Илагусенъ, царевнѣ Каракасѣ—дочь его Наранъ (солнце), Шерину — чиновникъ Саранъ (луна), а мѣсто Шакира занимаетъ Саранова жена.

Эпизодъ о женщинѣ, живущей съ львами и тиграми, къ которой приходитъ Дзулдзукъ (стр. 240) ср. съ сказаніемъ о нохой-эртенъ (стр. 322) и съ южно-русскою сказкой о Трѣмсинѣ-Борисѣ, ходившемъ къ солнцу (Тр. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, т. II, стр. 294). Въ позднѣйшихъ русскихъ передѣлкахъ странствующимъ является солдатъ (въ легендѣ „Солдатъ и смерть“, Аван., „Русск. Лег.“, № 16, а также стр. 154). Захватъ Ерликова трона Бальномъ Сенге (стр. 242) ср. съ сказаніями о Соломонѣ, тронъ котораго временно занимаетъ, принявъ видъ самого царя или Ашмадай (Zeit. d. Deutsch. Morgenland. Ges., 1877, В. XXXI, Н. II и III, стр. 223) или ангелъ. Въ вар. 4, ѣ эпизодъ о спрятанныхъ мальчикахъ, дающихъ отвѣты на вопросъ: чей скотъ, ср. съ черемисскимъ преданіемъ о захватѣ земли Макаромъ; въ чувашскихъ вариантахъ захватившій землю называется различно: Мыгытъ, Сорумъ, Хыдымъ. Четыре сына, посаженные Макаромъ въ ямы, въ наказаніе за его жадность, умираютъ въ ямахъ (Магнитскій, Матер. къ объясн. стар. чувашск. вѣры, Казань, 1881, стр. 5); ср. съ вотяцкими преданіями о происхожденіи медвѣдя и чертей; см. выше стр. 800. Въ южно-русскихъ преданіяхъ также есть разказъ о присвоеніи земли посредствомъ подобнаго же обмана; сынъ, посаженный въ яму, въ наказаніе отцу былъ Богомъ сдѣланъ навѣки кротомъ (Драгомановъ, Малорусск. нар. предан., стр. 385). Кротъ на языкѣ Мордвы-эря называется maksazei (Wiedeman, Grammat d.

Ersa-mordw. Spr.); у Морша-мордвы maksaka (Ahlquist, Versuch e. Mokscha-mordw. Gramm.), по монгольски сокуръ; имя Сорумъ ср. съ монгол. цзурумъ, сусликъ, съ остяцкимъ турумъ, бурундукъ. По киргизскому повѣрью, кротъ, корь, зарытъ въ землю за то, что отвергъ любовь сестры, которая обращена за это въ кошку малинъ (Оч., II, 148); у Тобольск. Татаръ эта же кошка называется малимъ; ср. съ персидск. palang, леопардъ; вотяцк. баланъ, рысь; у Вотяковъ пеле, у Пермиковъ и Зырянъ падъ, летяга. Можетъ быть мнѣ о сестрѣ Малинъ и братѣ Корѣ разказывался въ прикамскомъ Поволжѣ; адѣсь мы встрѣчаемъ имена Балинъ-гузъ, Малимъ Хозя, Мулла Хазей (см. Шпилевскій, Древнѣ города Каз. губ., стр. 61, 71, 94). Первый членъ этаго имени ср. съ киргизскимъ малинъ; второй: гузъ, хозая, хазей ср. съ гедже, крымско-татарск. именовъ летучей мыши, см. стр. 759. На картѣ братьевъ Пицигани 1367 г. въ прикамскомъ Поволжѣ назначенъ городъ Sagabolam (Брунъ, Матер. для ист. Сугдеи). Въ мусульманскихъ разказахъ плутъ, соотвѣтствующій монгольскому Балинъ-Сенге, называется Насръ-Эддинъ; у Крымскихъ Татаръ въ этому имени прибавляется еще членъ Оджа (Кондараки, Опис. Крыма, Спб., 1875, т. III, ч. XIII, с. 108—113). У Казанскихъ Татаръ также есть разказы о Насръ-Эддинѣ, которому придается прозвище Кужа. Это былъ вивиръ какой-то дѣвицы, царствовавшей въ Поволжѣ; Кужа Насръ-Эддинъ правилъ государствомъ, за чтó и прованъ кужа, то-есть, хозяиномъ. Онъ былъ богоугодный человекъ, почему въ честь его были установлены жертвоприношенія на горѣ, известной и теперь подъ именемъ Кужаларъ-тау, „гора кужей“. Подъ старость онъ сдѣлался посмѣшищемъ народа и предметомъ многихъ анекдотовъ (Софійскій, О киреметяхъ крещенныхъ Татаръ казанск. края въ Изв. по каз. епарх. за 1877, № 24, стр. 7). Вѣроятно, Кужа казанское и Оджа крымское есть мѣстное имя, которое одно и было известно Татарамъ до тѣхъ поръ, пока книжное вліяніе не принесло имъ другое имя: Насръ-Эддинъ. Въ вотяцкихъ сказыахъ плутъ называется Алдаръ-тазъ или Вистамъ-тазъ (Гавриловъ, Произвед. нар. слов. у Вотяковъ. стр. 67, 68, 135 и 136), въ киргизскихъ есть плутоватый Алдаръ-косѣ (стр. 364). Тазъ по тат. плѣшивый, косѣ по киргизски безбородый; у Крымскихъ Татаръ кусе—человѣкъ, у котораго не растутъ борода и усы; у Османскихъ Турковъ летучая мышь жагаза, что собственно значить голый.

У Крымскихъ Татаръ есть слово кыркъяланъ, „обманщикъ,“ (Кешень, Крымск. Сборн., 1837, с. 312); буквально оно можетъ быть переведено: „сорокъ обмановъ“. Не было ли это именемъ сказочнаго плута въ родѣ Балинъ-сенге? Сложное кыркъ-яланъ созвучно съ монгольскимъ джиргаланъ; см. стр. 762.

Къ вар. 5. Паденіе съ дерева ср. съ аварскою сказкой о богатырѣ Назнаѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. 2, стр. 71—75).

Къ вар. 6 близко стоитъ киргизская сказка о Джентаѣ, которую я слышалъ въ Семипалатинск. области, но не записалъ; Джентай имѣетъ богатаго брата; онъ приставляетъ къ его юртѣ трупъ, а потомъ берется за плату упрятать его; богатый братъ приглашаетъ. воровать старуху, мать

семи злыхъ сыновей; Джентай тайно убиваетъ старуху, а потомъ берется отвезти ея трупъ къ ея сыновьямъ, помѣщаетъ ее на одного верблюда и когда сыновья выбѣгаютъ на встрѣчу и начинаютъ бѣгать и съ жадностью ловить рассыпаема я Джентаемъ сласти, онъ устраиваетъ паденіе мертвой старухи съ верблюда и самъ падаетъ. Испуганные семь братьевъ не только не взыскиваютъ за смерть матери, но еще задариваютъ Джентая, чтобъ не взыскивалъ за ушибъ. Приведеніе врага въ положеніе вверхъ ногами часто встрѣчается въ сказаніяхъ и повѣрьяхъ. Въ Рамаѳанѣ есть разказъ о царѣ Тгісѳанку, который виситъ головой внизъ и блеститъ въ видѣ созвѣздія изъ семи Rischis, то-есть, Больш. Медвѣдицы (Angelo de Gubernatis, Die Thiere in der indogerm. Mythologie übs. v. Hartmann, Leipzig., 423. См. также у Мангардта въ его Germ. Myth., стр. 552 и 553). По южно-русскому повѣрью, вѣдьмы являются на перекресткѣ дорогъ, чтобъ снимать звѣзды съ неба, для чего валззаютъ на кресты вверхъ ногами (Тр. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, I, в. 1, с. 25 и 198); діаволь дразнитъ бога во время грозы, становясь у скалы ногами вверхъ (ibid., в. 1, с. 19); Вотяки вѣрятъ, что шайтанъ влазитъ на дерево, становится вверхъ ногами и кажетъ Богу голый задъ; тогда молнія бьетъ въ это самое дерево. Богурусѳанскіе Мордовки въ молитвахъ просятъ своего бога спасти ихъ отъ колдуна: „поставь его, Господи, вверхъ ногами“! (Мельниковъ, Оч. Мордвы, Русск. Вѣстн., 1867, окт., стр. 412). По повѣрью сибирскихъ крестьянъ, мѣсяцъ портятъ, становясь оварачъ и смотря промежъ своихъ ногъ (Этн. Сб., VI, 117). Народъ въ Орлов. губ. вѣритъ, что летучая мышь вырываетъ изъ головы человѣка волосъ, вѣшаетъ его на сухой сукъ дерева и тѣмъ призываетъ на человѣка смерть (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 21). Въ другихъ повѣрьяхъ говорится о повѣшеніи ужей или змѣй (см. Аванас., Поэт. Возвр., II, 305 и 558; Чехи, чтобъ вызвать дождь, вѣшаютъ змѣю на древесномъ сукѣ головою внизъ). Ср. въ „Прѣвнїи Господа съ діаволомъ“: діавола вѣшаютъ „стремглавою за пятъ“ (Тихоураовъ, Памятн. отреч. литер., стр. 284). Въ Алтанѣ Тобчи (стр. 56): Сургана повѣсили такъ, чтобъ руки и ноги висѣли внизъ; ср. сарисынъ, „летучая мышь“ по монгольски. У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 153) Есенъ-хаганъ вѣшаетъ на деревѣ Боке-Сорсона, а потомъ Бого, сынъ Сорсона (стр. 169) вѣшаетъ самаго Есенъ-хагана на дерево. Въ русскихъ сказаніяхъ повѣшеніе вверхъ ногами или просто повѣшеніе разсказывается о князѣ Игорѣ, о бояринѣ Юрьѣ, повѣсившемся на сукъ (Изв. Имп. Русск. Археол. Общ., т. IX, въ ст. Рыковчскаго „Оп. собр. истор. зап. о г. Рославль“, 498); о сестрѣ Кучковичей, повѣшенной на воротахъ (Карамаз., III, прим. 43). Въ болгарскихъ разсказывается о повѣшеніи Стояна за измѣну побратиму и о Маркѣ-кравеличѣ, котораго изловилъ Демо-брдянинъ и хотеть повѣсить на городской стѣнѣ (Безсон., Болгарск. пѣсни, 60 и 105). Постояннымъ мѣстомъ жительства Марка былъ замокъ Прилѣтъ; прилѣтъ по болгарски летучая мышь; Лавровскій, Сербск.Словарь. Въ кавказскихъ: въ аварской сказкѣ, Есенъ-Зуххаръ (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 2, стр. 39—45) и въ кабардинской (ibid., в. 6, стр. 108).

Въ вар. 1, 6 и 3. Обмѣнъ ѣздоваго животнаго съ придачей молотка см. также въ бурятскомъ сказаніи: Молонтей мѣняется съ Ирхы-номономъ (ср. Ерлешъ-номонъ-ханъ, какъ иногда называется Ерликъ) быками и даетъ ему молотокъ (стр. 266).

Къ вар. 3. О котлѣ на головѣ см. Mannhardt, Germ. Myth., 193; въ нашихъ былинахъ подѣ коловоломъ является Пилигримше.

50. Гесерь-ханъ.

Впервые съ сказаніемъ о Гесерь-ханѣ познакомили Европу Бергианъ, который въ своихъ Streifereien unter den Kalmyken помѣстилъ такъ-называемаго у восточныхъ Монголовъ „малаго Гесера“; полный текстъ изданъ Шмидтомъ въ Петербургѣ въ 1836 г.; въ 1839 г. явился здѣсь его же переводъ на нѣмецкій языкъ подѣ названіемъ Die Thaten Bogda Gesser-chan's. Шоттъ изложилъ его вкратцѣ въ Abhandlungen v. Academie d. Wissensch. zu Berlin, 1851 въ ст. подѣ именемъ Ueber die Sage von Geserchan, выкинувъ обременительныя литературныя украшенія. Въ той же статьѣ Шоттъ сообщаетъ, что Венгерецъ Свома Кюбѣи въ своей тибетской грамматикѣ упоминаетъ тибетскую книгу подѣ названіемъ Gesardung, „разказъ о Gesag'ъ“, содержаніе которой, впрочемъ, не извѣстно за отсутствіемъ списковъ съ книги въ Европѣ. Нашъ вариантъ мало отличается отъ Шоттовой передачи; цвѣтистыя прибавленія книжника сами собою выпали изъ памяти нашего разказчика. Нашъ вариантъ не оконченъ, а потому мы дополняемъ его по Шотту, чтобы облегчить читателю сравненіе этого сказанія съ № 136. У Шмидта Нетайсара называется Jogo (ср. съ самоѣдскимъ jigu, ire и пр., „мѣсяцъ“ [Castren, Wörterverz. aus d. Samoied Spr., S. 252] и съ монгольскимъ сара, саръ, „мѣсяцъ“); сцену съ быкомъ онъ продѣлываетъ надъ своимъ отцомъ Sanglun'омъ (шпоры и паденіе съ быка ср. съ сказкой Аргата, стр. 250). Затѣмъ на сцену выступаетъ дядя Tschotong (ср. съ Джеты, первымъ членомъ въ киргизскомъ имени Б. Медвѣдницы), который хочетъ погубить Джоро и насылаетъ на него „семь альбиновъ“. Но альбины сразу узнали Гесера и со страхомъ привѣтствовали его. Джоро приказалъ имъ свои семь лошадей оставить и уѣхать на семи деревянныхъ тростяхъ. Далѣе говорится о дѣвицѣ Aalgo-goa, дочери Ма-Ваян'а, которая шла по степи съ вязякомъ за спиной; въ то время, какъ она заснула среди степи, Джоро подкинулъ ей жеребенка и потомъ упрекнулъ дѣвицу въ неестественномъ сожителствѣ; дѣвица соглашается стать его женой, если онъ дастъ обѣщаніе никому не говорить объ ея несчастіи. (Это мѣсто уже Шифнеромъ въ Radloff, Proben, I, стр. XI, было сближено съ мѣстомъ у Радлова, I, 425 о Пагай-Джоро; Пагай ср. съ тунгусск. bega, „луна“). Потомъ описывается поѣздка на пирь къ ламѣ Tshoridong'у, на дочери котораго Чотонгъ хотѣлъ жениться и поѣздка Джоро къ Manggu, гороподобному тигру, который свирѣпствовалъ на сѣверѣ и глоталъ людей. Три небесныя сестры предупреждаютъ Джоро объ опасности предпріятія (ср. Оч., II, 175),

но онъ все таки ѣдет и убивает Мангу. Этимъ кончается вторая книга. Въ третьей книгѣ Джоро ѣдетъ къ китайскому императору, который тоскуетъ по умершей женѣ; Джоро воруетъ ее, кладетъ на ея мѣсто пометь собаки и ускользаетъ отъ казни, прчась въ нору змѣи, въ огонь и пр., пока царь не отдаетъ за него дочь Купе-гоа (кунь, „солнце“, „день“ по татарски). Въ четвертой книгѣ разказывается, что Чотонгъ, воспользовавшись пребываніемъ Гесеръ-хана въ китайскомъ царствѣ, привязывается къ его женѣ Аралго-гоа, которая также называется Түмен-Dsirgalang. Но женщина крѣпится. Тогда двадцатиголовый великанъ насылаетъ на Гесера болѣзнь, которая можетъ прекратиться только подъ условіемъ, если Аралго-гоа переселится въ жилище великана. Гесеръ выздоравливаетъ, узнаетъ о мѣстопребываніи жены, но не знаетъ, что ея удаленіе отъ его семейнаго очага было съ ея стороны жертвою. Онъ убиваетъ все великаново отродье; жена даетъ ему забудушей воды, чтобы впредь онъ отъ нея не отлучался. Въ это время три хана-брата племени Ширайголъ совѣтовались между собой, гдѣ достать невѣсту сыну одного изъ нихъ. Они послали вѣстниковъ и ворона принесла извѣстіе о существованіи другой жены Гесера Рогмо-гоа; тогда духи-поворители трехъ царей обращаются въ трехцвѣтную птицу, которая летитъ въ Тибетъ, гдѣ живетъ Рогмо гоа; птица садится на урку и убѣждается въ правдѣ извѣстія, принесеннаго вороной (ср. № 185). Тогда ханы идутъ съ безчисленнымъ войскомъ; ихъ встрѣчаетъ братъ Гесера, Schikir, бьется съ ними, но утомившись отъ битвы, пьетъ воду изъ рѣки Хатунъ и, опьянѣвъ, впадаетъ въ сонъ; ханы отсѣкаютъ ему голову. Рогмо-гоа беретъ голову и ласкаетъ ее (ср. въ Юаньчаомиши о головѣ Ванъ-хана, Труд. Пек. дух. мисс., IV, 100), потомъ посылаетъ стрѣлы къ Гесеру, который въ это время спалъ въ жилищѣ великановъ. Гесеръ просыпается, принимаетъ видъ нищаго, и идетъ сначала къ своему дядѣ Чотонгу, который, пользуясь его отсутствіемъ, ховийничалъ въ его домѣ и дурно обходился съ отцомъ Гесера; мать свою Гесеръ находитъ обреченною собирать навозъ на топливо. Гесеръ приходитъ къ дядѣ и сначала объявляетъ ему, что Гесеръ будто бы умеръ, потомъ наказываетъ его. Затѣмъ онъ отправляется къ тремъ ханамъ и ложится у ключа, гдѣ ихъ дочери брали воду. Одна изъ нихъ полюбила Гесера (ср. съ сказаніемъ о шаманѣ Одюгъ Хогоръ-бо [стр. 24]; Гесеръ въ бурятскомъ произносится Гэгэръ; не стояло ли прежде мѣсто окончанія ханъ другое, именно ханъ, то-есть шаманъ; тогда значеніе вторыхъ членовъ въ обоихъ случаяхъ совпало бы). Гесеръ убиваетъ ея жениха и всѣхъ богатырей трехъ хановъ, а за тѣмъ и все племя Schiraigol'овъ. Въ послѣдней седьмой части во дворъ Гесера является Мангу подъ видомъ духовнаго лица. По просьбѣ Рогмо-гоа гость обращаетъ Гесера въ осла и кладетъ на него сѣдло; но другая жена Гесера Abs'u Mergen уничтожаетъ чары. Мать Гесера отъ печали, что ея сынъ обратился въ осла, умираетъ. Это подаетъ поводъ Гесеру спуститься въ преисподнюю; подъ видомъ птицы Гаруди онъ является въ адъ, топоромъ разсѣкаетъ ворота, освобождаетъ душу своей матери и относитъ ее на небо. Этимъ кончаются похождения Гесера.

Нѣкоторыя части этого сказанія напоминаютъ Ирнѣ-Сайна (№ 135); Гесерь бьется съ Мангусомъ, находитъ родителей своихъ въ поработленномъ состоянїи, является къ врагу въ измѣненномъ видѣ, передъ кровавой расправой сообщаетъ о своей мнимой смерти; въ заключеніе спускается въ адъ и освобождаетъ заключенную тамъ душу. Повидимому оба сказанія есть эпическое изложеніе шаманской мистерїи у кровати больного; подъ Джоро и Ирнѣмъ скрывается шаманъ, который отправляется въ адъ по душу больного человѣка; имена героев ср. съ дархатскимъ джаренъ, дзапренъ и теленгитскимъ ерень или джеренъ, „шаманъ“.

Имя Гесерь или Кезеръ известно и Урянхайцамъ, но разказывается ли у нихъ та же исторія, какую знаютъ Монголы, мнѣ не удалось разузнать. Урянхайское сказаніе своего Кезера называетъ кайраканомъ, то-есть громовникомъ. Иногда у Урянхайцевъ является сложное: Чингисъ-Кэзэръ-Кайраканъ (№ 42, вар. 1); ср. съ упоминаемымъ Банзаровымъ: Чингисъ-Хаджиръ Тэнгри (Уч. Зап. Каз. Унив., 1846, III, 69); у Березина (Библ. восточ. историковъ) то же имя полнѣе: Чингисъ-Хаджиръ бо Тэнгринъ кубунъ. Последніе три члена значать: „шаманъ сынъ неба“. Съ формой, приведенной Банзаровымъ, члены урянхайскаго сложнаго сопоставляются такимъ образомъ: Чингисъ=Чингисъ, Хаджиръ=Кэзэръ, Тэнгри=Кайраканъ. Съ формой изъ Березинской „Библ. вост. пис.“: Чингисъ=Чингисъ, Хаджиръ=Кэзэръ; бо не имѣетъ соответствующаго члена; Тэнгринъ-кубунъ=Кайраканъ. Въ халхасскомъ вмѣсто кубунъ стояло бы ху. Гесерь-ханъ въ вар. б и в также называется сыномъ неба. Членъ *Хаджиръ* ср. съ формами: 1) Каджиръ буура, верблюдъ громовника (стр. 141); 2) Хаджиръ, мифическая птица (стр. 182), 3) Очиръ-вани, имя бога (226).

У Киргизъ Гесерь-ханъ, по видимому, является подъ именемъ Кадыра, который сливается съ мусульманскимъ Хизръ-Ильясомъ. У Киргизъ Баянъ-аул. окр. я записалъ: „Ильясъ и Казыръ были двоюродные братья; Киргизы неправильно произносятъ Кадыръ. Ильясъ помогаетъ страждущимъ отъ крушенія на водѣ; гдѣ онъ проходитъ, тамъ трава зеленѣетъ. Казыръ и Ильясъ выпили животворной воды, потому и не умираютъ. Казыръ каждому человѣку является три раза въ жизни, но не въ своемъ видѣ, а въ видѣ хромага или въ другомъ подобномъ родѣ.“ О Гесерь-ханѣ у Ранидъ-Эдина см. въ Зап. Археолог. Общ., XIV, 113; фразу его о лѣкарствѣ Гесерь-ханъ, которое въ древности называлось гадеръ, ср. съ худури, монг. „кабарга“. О волшебномъ камнѣ Кагыръ у Золотницкаго, Чуваш. Слов., стр. 186. Обь алтайск. божествѣ Кыгыръ-ханъ у Вербицкаго, Зап. кочев. Алтайца, въ Вѣст. Геогр. Общ., т. XXIV, стр. 96.

Эпизодъ о птицѣ (сорокѣ или перепелкѣ), испугавшей лошадь, въ вар. а связанъ съ основаніемъ какого-то монастыря; въ русскомъ сказанїи объ основанїи Москвы сорока открываетъ убѣжище спрятавшагося боярина Кучки (Аванас., II, В., II, 606); въ киргизскомъ сказанїи жаворонокъ открываетъ убѣжище Козу-Курпеша; ср. Weil, Bibl. Legend., S. 50; Аванас., Поэт. Возвр., II, 378. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 25) Хасаръ, братъ Чингиса, подстрѣ-

*

лилъ сороку. Испуганный внезапно богъ встрѣчается въ повѣрьяхъ о медвѣдѣ (стр. 756). Красная нитка, привязанная къ Гесеръ-хану женами, по которой онѣ узнають его въ собраніи боговъ, напоминаетъ сказаніе о летучей мыши (стр. 174); въ этомъ послѣднемъ жена Вюргутъ; ср. съ именемъ Гесеръ-хановой жены Ана-Мергенъ. Товарищъ у Гэсеръ-хана называется Барсъ-батырь; не указываетъ ли это на существованіе другихъ вариантовъ, въ которыхъ вмѣсто Гэсеръ герой назывался Барсомъ? Сливая два варианта въ одинъ, позднѣйшая редакція могла обратить одно имя въ помощника.

Въ вар. *e* отецъ Гэсеръ-хана называется Хэрмысъ-ханъ. Ср. съ сказаніемъ, что Чингисъ-ханъ былъ сынъ Хормусты (Уч. Зап. Каз. универс., 1846, III, стр. 69).

51. Гегены.

Къ вар. *и*. Ср. Weil, *Bibl. Legend.*, S. 230: ангелъ вызываетъ огонь съ земли предъ Соломономъ и показываетъ сатану.

Къ вар. *i*. Завертываніе сердца въ хадакъ ср. съ завертываніемъ печени Зеленаго царя (Джиланъ-ханъ?) въ ширинку въ сказкѣ объ Урусланѣ (Лѣт. русск. литер., в. IV, стр. 100).

52. Разные бурхыны.

Бъ № 2. Чаганъ-Моринъ ср. Чаганъ-Бюрю (стр. 194).

Бъ № 4. Чаганъ эбугенъ переводится обыкновенно: „бѣлый старикъ“. У Самоѣдовъ есть Нувыи ази, „бѣлый дѣдъ“. Второй членъ „старикъ“, „дѣдъ“ подаетъ поводъ видѣть въ немъ или медвѣда (см. 42 прим. къ III гл.) или предка племени. Ср. у Татищева о Якутахъ: „а (именемъ) Заха они называются отъ одного ихъ древняго владѣльца“ (Н. Поповъ, Н. В. Татищевъ, стр. 710). Чаганъ ср. съ сойотск. дзегенъ, алт. джекенъ, текенъ, якутск. сегянъ, сйэгянъ, сйэганъ, халхасск. дзехе, калмыцк. dschakan, „россомаха“, тунгусск. и ламутск. дзюкунъ, djokop, „выдра“, мотор. dschokop, „рысь“ (Радде въ *Reise*, V. I, 17; Третьяковъ въ *Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, 299; *Pall. Zoogr.*, I, 29 и 74). Чаганъ у черневыхъ Татаръ „звѣзда“, dzokup у Тунгусовъ „солнце“; въ монгольскомъ чаган, чаган, „бѣлый“. Ср. также съ формами Дзюгу (Оч., II, 175), Сюгэ (въ сложномъ Сюрдюгъ-сюга-тоенъ; *Зап. Русск. геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, 406; см. также прим. къ № 38). Эбугенъ или убугунъ ср. съ тунгусск. бега, „мѣсяцъ“. Хромота Чаганъ эбугена: ср. о Ерликѣ (стр. 130), о Шарѣ-великанѣ (Рыбн., I, 312), о Есентайши (Алтанъ Тобчи, 56); боль въ ногахъ у Хонкиратовъ (Рашидъ-Эддинъ въ *Зап. Археолог. общ.*, XIV, 137), у Ирхитовъ (стр. 6). Ср. также прозвище „хромецъ“, данное лѣтописью Ярославу, мстителю за Бориса и Глѣба.

53. Буха-ноинъ.

Нисхожденіе Буха-ноина на землю (вар. и) ср. съ алтайскимъ сказаніемъ о мѣсяцѣ (стр. 190 и 774). Подобно алтайскому, и сказаніе о Буха-ноинѣ состоитъ въ связи съ идеей о предкѣ племени и съ повѣрьями о новорожденныхъ. Первый членъ имени Буха ср. съ тунг. *bega*, „мѣсяцъ“, а также съ самоѣдск. богто, „медвѣдь“, съ тунгусск. *bakaja*, *id*, съ остяцкимъ моко, „молодой медвѣдь“, съ монг. буха, „быкъ“, татар. буга, *id*, тат. богу, „олень“, а также съ вторымъ членомъ имени Темиръ-боко (стр. 173). Буха-ноина, являющагося пастухомъ въ вар. е ср. съ коровьимъ пастухомъ въ котонск. легендѣ о Гельгенѣ-ши (Оч., II, 162). У Рашидъ-эддина при Огузъ-ханѣ (то-есть Быкъ-ханѣ) также найденъ ребенокъ въ дуплѣ, предокъ племени Кипчакъ (Зап. Археолог. Общ., XIV, 19). Въ призваніяхъ баабай переводятъ отецъ; по тат. бабай „дѣдь“; Казан. Татары о громѣ говорятъ: Тенгри-бабай гремитъ. Бодонъ-Хотонъ-иби переводятъ „мать Бодонъ-Хотонъ“. Бодонъ-Хотонъ ср. съ Одувъ-Бодунъ (стр. 326). Пару Тэнгри-Баабай и Иби ср. съ скифской парой *Papajoz* и *Aria* (Herod., IV, 59). Мать Баданъ см. Оч., II, 3. Ильджихинъ ср. съ Ельджитенъ (№ 65); ильдъава, „медвѣдь“, по остяцки (Castren, *Wörterb. aus d. Samoied. Sprach.*, 203). Изы ср. съ эса, „медвѣдь“ и „дѣдь“ по якутски. Ирлыги-ханъ вѣроятно Ерликъ-ханъ (первый человекъ по повѣрью чернев. Татаръ; см. прим. 44 въ гл. II). Быри ср. съ полубыкомъ Бюрю; въ сѣв. зап. Монголіи есть озеро Бюрю-норъ или Брю-норъ (Оч., I, 66), о которомъ преданіе, что въ немъ утонулъ теленокъ, будто бы вынырнувшій потомъ въ озерѣ Талъ-норѣ, прошедши подземнымъ ходомъ. Юрюнъ ср. съ якутскимъ Аи-Юрюнъ-Тоёнъ (Сборн. газ. Сибирь, стр. 415) или Юрюнгъ-Аи-Тоёнъ („бѣлый добрый господинъ“, какъ переводить г. Гороховъ; Изв. Вост. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 37) и монгольскимъ именемъ мѣнческаго дерева Орунъ-Ганцханъ-Модонъ; и дерево (Оч., II, 162) и Буха-ноинъ (вар. е) питаютъ ребенка жидкостью, которую выдѣляютъ. У Якутовъ указываютъ божественную пару Аръ-Тоёнъ и Кюбей-Хотунъ; у нихъ сынъ Уляръ-Этинъ, „громъ“ (ст. Бюлера, Очерки Вост. Сибири, въ Отеч. Зап., стр. 206). У Кастрена въ бурятскомъ призваніи стоитъ: *Esege, esege Malan-tengri, eke, eke Jören-tengri*, то-есть отецъ, отецъ Маланъ-Тенгри! мать, мать Йörenъ-тэнгри (Castren, *Versuch e. burjat. Spr.*, 236). Ср. сложныя Оронъ-Ганцханъ-Модонъ (№ 29), Оранъ-Телегей (стр. 995), Юрюнъ-хатынъ-эджи (стр. 264), Юрюнгъ-Аи-тоёнъ, Арангасъ (стр. 710). Не придавалась ли форма Юрюнгъ предмету, съ которымъ было связано понятіе о бѣломъ? Ср. съ самоѣдскимъ *jiru, ire*, „мѣсяцъ“. Забеременѣніе отъ снѣжины ср. съ преданіемъ о Мундусахъ (стр. 3). Когда снѣгъ валится хлопьями, какъ будто совиныя перья, Казанскіе Татары говорятъ: „япалакъ, япалакъ каръ джауады“ или полнѣе въ киргизск. редакціи: „джа-балакъ, джабалакъ, каръ джауады, джаманъ хатунъ кызъ табады,“ то-есть

„какъ сова, снѣгъ идетъ, худая жена дѣвицу родить“. Джаманъ-хатунъ ср. съ Хатунъ-иби; мать по монгол. иби, по урянх. емь.

Къ вар. б. Борьбу двухъ быковъ сиваго и пестраго ср. съ борьбой двухъ звѣрей или двухъ зайцевъ, сѣраго и бѣлаго въ нашей Голубиной книгѣ (Безсоновъ, Кал. Перех., в. 2, стр. 273), а также въ Сибирской, такъ-называемой Кунгурской лѣтописи стр. 8.

Къ вар. в. Разказъ о Ханъ Джиргаѣ ср. съ алтайской сказкой о Джерканатѣ (стр. 170).

Къ вар. ж. Мѣсто о Молонтеѣ ср. съ Балынъ Сенге, стр. 241.

Къ вар. и. Булга-хара или Булганъ-хара, брошенный въ льдыгѣ, вѣроятно принадлежитъ къ ряду сказаній о сынѣ неба, брошенномъ въ воду или въ ящикѣ или въ бочкѣ. Въ Алтанъ Тобчи (стр. 53) упоминается Болго-ноинъ, дитя, спасенное отъ смерти. Второй членъ Хара ср. съ бурятскимъ хара, „мѣсяцъ“.

Въ дополненіе къ вышеприведеннымъ сказаніямъ о Буха-ноинѣ помѣщаемъ еще одно, записанное у Бурятъ въ Балаганскомъ вѣдомствѣ г. Хангаловымъ.

„Небо (тэнгэри) раздѣляется на Барулама-тэнгэри и Зулэмэ-тэнгэри; первыхъ считается пятьдесятъ пять тэнгэри, вторыхъ сорокъ четыре; первые помѣщаются на западѣ (бару), вторые на востокѣ (зу). Между западными 55-ю тэнгэри старшее у Кудинскихъ Бурятъ назыв. Заянъ-Саганъ, у балаганскихъ Ханъ-Тюрмасъ; нѣкоторые Кудинцы говорятъ, что Ханъ-Тюрмасъ восточное тэнгэри. Старшее изъ восточныхъ тэнгэри у Кудинцевъ называется Гужиръ, у балаганскихъ Ата-Уланъ. Нѣкогда у тэнгэри произошелъ расколъ: 54 тэнгэри ушли на западъ, 44 ушли на востокъ; одно тэнгэри осталось по серединѣ—это называется Сэгунъ-Сэбдэкъ; оно не принадлежало прежде ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, а потому и западные и восточные старались завладѣть имъ. Восточные говорили: „Старшіе братья, дайте намъ небо (тэнгэри) Сэгэнъ-Сэбдэкъ, такъ какъ вы больше насъ десяткою небами“. Тѣ не дали; такъ оно и осталось ни кому не принадлежащимъ. Его называли Обо, „граница“. Бохо-Тэли, сынъ восточнаго неба Гужира, сталъ устраивать кузницу и ковать желѣзо, но оно ломалось на куски и не ковалось. Однажды западные тэнгэри слышатъ громъ и стужъ на восточной сторонѣ; тогда Бохо-Муя, сынъ западнаго неба Заянъ-Сагана, пошелъ посмотрѣть, что дѣлаютъ восточные младшіе братья. Увидавъ тщетныя усилія Бохо-Тэли, онъ сказалъ ему: „если ты меня примешь въ соучастники, я помогу тебѣ“. Бохо-Тэли согласился; Бохо-Муя взялъ горный песокъ (хаданъ-харъ), бросилъ въ печь (хяха), гдѣ нагрѣвается желѣзо и они начали ковать. Послѣ этого Бохо-Муя не отдалъ кузницу Бохо-Тэли, и искусство ковать и кузницу оставилъ за собой, такъ что это искусство осталось за западнымъ небомъ, которое потомъ передало его и людямъ. Западное же небо взяло себѣ среднее небо, Сэгэнъ-Сэбдэкъ или Обо, такъ что на Западѣ стало 55 тэнгэри, а не 54. Тогда произошло между западнымъ и восточнымъ тэнгэри неудовольствіе. Бохо-Тэли, сынъ восточнаго неба Гужира, началъ преслѣдовать Бохо-Муя за

обманъ и за захватъ кузницы, которую онъ, Бохо-Тели, первый выдумалъ, а также за захватъ Сэгэнь-Сэбдэка. Тогда сыновья западнаго неба Заянь-Сагана спустились на землю Оборъ-Боксо (въ Монголіи), гдѣ и находились нѣкоторое время; потомъ Бохо-Муя сказалъ братьямъ: „Вы поднимитесь на небо, а я останусь здѣсь! меня будетъ преслѣдовать Бохо-Тели“. Братья поднялись на небо. Бохо-Тели спустился на землю, обратился въ пестраго пороза (таралэрэн буха) и пошелъ по слѣдамъ Буха-Муя. Послѣдній обратился въ пороза темносиняго цвѣта (хара хѳо буха), пошелъ черезъ горы Горхонъ-Ула и черезъ порогъ Зетбольнъ (на р. Селенгѣ) кругомъ Байкала черезъ гору Оборъ Улятай, остановился на ровномъ мѣстѣ Талани и сталъ ждать противника, сказавъ: „если я упаду на спину, то будетъ бѣлый царь (Саганъ-ханъ или Арайнь-Богдо ханъ), а если упаду на брюхо, то будетъ монгольскій царь“ (Оборъ-Богдо ханъ). Такимъ образомъ Бохо-Муя или монгольскій порозъ ждалъ своего противника. Въ это время подходитъ пестрый порозъ или Бохо-Тели; порозы начали бодаться. Темносиній порозъ, то-есть, Бохо-Муя, притворился; пестрый изъ всей силы бросилъ его черезъ голову; темносиній порозъ упалъ на спину, предвѣщая, что будетъ царство Саганъ-хана. Вставъ съ земли, онъ удалился на сѣверную сторону Байкала; пестрый порозъ опять узналъ, что онъ обманутъ, узналъ слова, которыя Бохо-Муя говорилъ передъ борьбой и пошелъ снова преслѣдовать его. Темносиній порозъ легъ и обратился въ каменнаго пороза; пестрый боднулъ его изъ всей силы и объ рога каменнаго пороза прокололъ свою губу; еще боднулъ разъ и испортилъ свой лѣвый рогъ; конецъ его раскололся немного. Узнавъ, что онъ въ третій разъ обманутъ, Бохо-Тели удалился, сказавъ: гуан бухадаш хорик хэхэб гунжан уундуш хуняла хэхэб и еще сказалъ: „люди мнѣ будутъ приносить жертвы наравнѣ съ тобою!“ Съ этими словами Бохо-Тели удалился на востокъ, гдѣ сдѣлался Ерленъ-ханомъ (тогохи дѳрбон). Темносиній порозъ удалился въ Тункинскія горы.

Буряты считаютъ себя потомками Чингисъ-хана. Этотъ послѣдній жилъ за моремъ, имѣлъ 13 женъ. Объ немъ балаганскіе Буряты поютъ:

Гули танхан гожулхън иден
Голто бурхани бутэхэн иден
Ширэм танхан шимэлжэн иден
Чингис богдон ботохэн иден.

Одна изъ женъ Чингисъ-хана забеременѣла, родила и тайкомъ положила ребенка въ желѣзную люльку, замкнула желѣзными ключами и бросила на сѣверную сторону моря (Байкала). Ребенокъ упалъ подъ грудью (бойное) темносиняго пороза, который лежалъ на сѣверной сторонѣ Байкала. Порозъ wormилъ его, давая ему сосать шибэс то-есть волосы около дѣтороднаго члена. На сѣверной сторонѣ Байкала жили только двѣ шаманки: Асуханъ и Кусыханъ; онѣ были бездѣтны, начали шаманить и предсказали другъ другу, что у каждой родится сынъ; одна предсказала, что онъ уже родился и лежитъ у синяго пороза, и что онѣ должны его усыновить. Пошли взять ребенка,

но порозъ не далъ его; шаманки пришли домой, начали шаманить и узнали, что порозъ есть Буха-нойонъ-бабай, что ему нужно принести жертву изъ трехъ животныхъ: 1) большую кобылу бѣлую съ желтоватымъ отливомъ, саган шарга ботакан, 2) большого барана съ рогами, манху малан хуса и 3) темножелтаго козла, шара харан тэхэ, и тогда только онъ уступить ребенка. Шаманки принесли жертву. Буха-нойонъ отдалъ ребенка, а самъ удалился въ Тункинскія сѣжныя горы. На пути онъ выдѣлилъ жидкость изъ мочевого пузыря; на орошенныхъ мѣстахъ выросли пихта и верескъ, считаемые чистыми и священными у Бурятъ (жеронъ тагнн жедо арбан тагнн арса); гдѣ онъ лежалъ и катался, на томъ мѣстѣ осталось изображеніе каменнаго порога. Указываютъ дерево, гдѣ будто онъ терся; тутъ теперь Буряты брызгаютъ и курятъ табакъ. По этому и говорятъ: покровитель и создатель Бурятовъ Буха-нойонъ удалился на высокія горы; баруни джирен юсун мундарга тобшолжи булад. При благословіяхъ всегда упоминаютъ Буха-нойона, какъ покровителя Бурятъ, напримѣръ, на свадьбахъ:

буха нойонъ бабай боног дорон шургарайн
будан хатан ибіэ ума дорон шургарайн

Буха-нойонъ сдѣлался ухань-хат'омъ или баруни-хат'омъ; вотъ почему Буряты говорятъ, что преслѣдуемая злыми духами души убѣгаютъ къ ухан хат или баруни-хат (водянымъ или западнымъ хат'амъ), у которыхъ и прячутся. Впослѣдствіи Буха-нойонъ женился на дочери неба по имени Будань-Хатань-иби, отъ которой имѣлъ 9 сыновей и дочь Эрхэ-Субэнь; эта дочь вышла замужъ за Шильбэндэръ-Сагань-Мишеши, сына Албинь-хана; у нихъ родился единственный сынъ Саудаль-нойонъ-Мишеши; самъ Албинь-ханъ есть сынъ Ерленъ-хана. Будань-Хатань-Иби есть дочь Эсэгэ-Малавь-Тэнгри, который имѣлъ трехъ сыновей и 9 дочерей.

Девять сыновъ Буха-нойона выбрали на землѣ девять разныхъ горъ и стали ихъ хозяевами или царями, баруни-джирен-хат, „девятисто западныхъ царей“. Слѣдовательно, 90 западныхъ хатовъ суть сыны Буха-нойона. Имена ихъ: Буха-Сагань-нойонъ есть Амани-эжинъ (то-есть, хозяинъ устья Ангары, правильнѣе ея выхода изъ Байкала), Монгото-заринъ есть Мохони-эжинъ, Хилма-нойонъ — Хяетинъ-эжинъ (хозяинъ Кяхты), Мульма-нойонъ или Китаранъ-Заринъ — Торбонъ-эжинъ, Эмнекъ-Сагань-нойонъ — Иркутъ-эжинъ (хозяинъ р. Иркуты), Тульмагъ-нойонъ — Туранъ-эжинъ, Ута-Сагань-нойонъ — Улятъ-эжинъ, Хурба-Заринъ — Хужари-эжинъ и Моргонъ-Дэгэ-Уланъ-Зала; мѣсто жительства послѣдняго не показано. Шаманка Асуханъ усыновила и воспитала ребенка и дала ему имя Такша-Моргонъ (тандуддаха-ондохон-такшаморгон, т. е. Булагать). Она жила съ нимъ у моря; подростши, Булагать ходилъ играть на берегъ моря съ тремя мальчиками, которые выходили изъ моря и поигравъ снова уходили въ воду. Одно изъ восточныхъ тэнгери подъ названіемъ Хурмусъ имѣло дочь, которая неизвѣстно отъ кого стала беременною. Тогда она опустилась на землю, родила трехъ дѣтей, двухъ мальчиковъ и одну дочь, и положила ихъ на берегъ, гдѣ они и выросли. Потомъ она соз-

дала животное и дала ему имя „яманъ“ то-есть, козель; отъ него пошли и наши козлы. За тѣмъ она сказала: „я наравнѣ съ вами буду ѣсть жертвоприношенія, въ которыхъ будутъ козлы“. Вотъ почему на тайлганахъ козлатъ и козловъ. Эти-то незаконнорожденные дѣти отъ дочери неба Хурмусъ и выходили изъ воды. Шаманки узнали объ нихъ отъ Булагата, хотѣли поймать водяныхъ дѣтей, но не могли. Они дали Булагату таракъ и оршо и научили, угостивъ мальчиковъ, уговорить ихъ прийти въ юрты. Однако напрасно. Наконецъ шаманки выдумали средство, поставили котель крѣпкого тарасуну (водки изъ молока), дали его Булагату вмѣстѣ съ урюм'омъ (сливочными пѣнками) и отправили его на берегъ; адѣсь мальчикъ разослалъ данный ему шаманками бѣлый войлокъ, сѣлъ на него, ѣлъ урюмъ и заливаетъ, вмѣсто воды, тарасуномъ. Дѣти вышли изъ воды, сѣли на войлокъ воелъ Булагата и вмѣстѣ съ нимъ стали ѣсть урюмъ и заливаетъ его тарасуномъ. Опьянѣвъ, дѣти легли спать на войлокъ. Шаманки, караулившія издали, подошли ближе, подняли войлокъ со спящими дѣтьми и понесли домой. На морѣ поднялись страшныя волны, которыми и унесли дѣвочку; она обратилась въ перпу и ушла въ море (хаб загахан болод далада оро); одинъ изъ мальчиковъ обратился въ черную бѣлку (хара-хэрминъ?) и убѣжалъ въ горы; остался на войлокѣ только одинъ мальчикъ. Другіе говорятъ, будто въ то время, какъ шаманки понесли дѣтей, на пути одно изъ нихъ проснулось и закричало: „возьми меня Молочное-море-мать и Недоступныя горы-отецъ“! (хуп дала эхе минн абышъ хѣмѣр ула эсэгэ минн абыш; Хубъ-дала вѣроятно тоже, что Сумъ-далай другихъ сказокъ, а Хѣмѣръ-ула есть Сумуръ-Ола или Сумбуръ-ола). Въ это время на морѣ поднялись волны, бросились на берегъ и едва не унесли обѣихъ шаманокъ въ море; двое ушли отъ нихъ, одинъ къ матери-мору, другой къ отцу Хѣмѣръ-улѣ (ср. у Всев. Миллера, Осет. эт., I, 145). Третьяго мальчика Хусымѣнъ усыновила и дала ему имя Экиритъ (эрихэ опдохон экирит, „въ яру найденный Экиритъ“). Когда онъ былъ маленькимъ, его воспитывала рыба налимъ пестраго цвѣта, а матерью его было ущелье берега. Потому и говорится: эргин габа эхэ эрен гутар эсэгэ, „береговая щель—мать, пестрый налимъ отецъ“. Придя въ возрастъ, мальчики женились: Булагатъ, иначе Шобого-нойонъ, женился на дочери Аю-хана, заплативъ калымъ животными. У Булагата было два сына: Бузганъ и Булганъ-Хара; Бузганъ женился, имѣлъ шесть сыновей и одну дочь. Булганъ-хара имѣлъ черную собаку, которая ловила звѣрей. Однажды онъ уѣхалъ на облаву (зэгтэ аба) въ царство цари Халыхъ-хана и отличился ловкостью и мѣтвостью; въ особенности отличалась его черная собака. Халыхъ-ханъ сталъ просить черную собаку и Булганъ-хара отдалъ ее, но взялъ за нее его дочь. У него былъ одинъ сынъ Тоглокъ. Шесть сыновей Бузгана выросли; изъ нихъ вышли отличные стрѣлки, въ особенности одинъ. Однажды сыновья Бузгана пригласили Тоглока, единственнаго сына Булганъ-хары, на облаву. Тоглокъ своею ловкостью и обиліемъ убитыхъ звѣрей возбуждѣлъ зависть въ шести братьяхъ. Тоглокъ погнался за оленемъ; шесть братьевъ поѣхали сзади и одинъ изъ нихъ вы-

стрѣлилъ въ Тоглока, но попалъ только въ кисть шапки, во второй и третій разы попали въ сѣдло. Тоглокъ сказалъ: „я думалъ вы поѣхали охотиться на звѣрей, а вы поѣхали охотиться за мной“. Въ слезахъ онъ пріѣхалъ домой и сильно заболѣлъ; его вылечила его двоюродная сестра. Братъ, узнавъ, убили сестру; умирая, она бросала кровь или молоко отъ праваго сосеа западнымъ тэнгри, отъ лѣваго восточнымъ, говоря: „шесть сыновей Бугана умрутъ бездѣтными, какъ сухое дерево, а единственный сынъ Буганъ-хары, Тоглокъ, будетъ имѣть дѣтей и многочисленное потомство!“ Тоглокъ женился два раза; отъ первой жены онъ имѣлъ шесть сыновей 1) Алгуй, 2) Булагъ-Саганъ, 3) Боржинъ-Далха, 4) Саганъ, 5) Булагъ-Саганъ-Бумаль и 6) Хурхуть. Отъ второй, которую онъ взялъ изъ племени Сэгэнъ, имѣлъ одного сына по имени Ашехаватъ. Экиритъ женился на дочери царя Олытъ-хана, отъ которой имѣлъ одного сына Запхи; Запхи имѣлъ 8 сыновей (или говорятъ, 4 сыновей и 4 племянниковъ): Абазай, Шоно, Хынгылдырь, Худыгъ-Саганъ, Манза; три сына умерли бездѣтными.

Усэй ханъ ср. съ Сайхай, женой Темуръ-Хадака у Сананъ-сэпэна. Темуръ-Хадакъ отнимаетъ мальчика Бату-Монке у женщины Бахай (ср. татар. бака, „лягушка“), которая его дурно воспитывала. У ребенка выросъ наростъ, который Сайхай стерла серебряной чашкой (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 179). По Алтанъ-Тобчи (стр. 64) Бату-Менко (или Даянъ-ханъ) былъ отданъ на воспитаніе Хутугану (ср. утуганъ, „шаманка“), потомъ Бахайю, у котораго его отнимаетъ Темуръ-Хадакъ. Ср. съ осетинск. сказаніемъ о Хамицѣ: жена, „волочащая задницу по кочкамъ“, наростъ на спинѣ Хамица (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Шанаева „Осет. карт. сказ.“, стр. 27). Нойонъ, второй членъ въ имени Буха-нойонъ, ср. съ нойонъ-гуресу, „тигръ“ (pojon gugusu: Radde, Reise, I, s. 93), нохай-хара-гуресу, „медвѣдъ“, нохонъ-гуресу, „россомаха“ (Оч., II, 139). Разказъ Алтанъ-Тобчи о Темуръ-Хадакѣ въ семеромъ съ братьями отнимающемъ ребенка ср. съ кавказскими легендами о Б. Медвѣдицѣ, см. стр. 735. О Бату-Монке см. прим. къ № 66.

54. Бурхынъ-банши.

Бурханъ, по алт. пырханъ, по урянх. пурганъ, „богъ“. Ср. 1) съ вторымъ членомъ въ монгольск. имени Б. Медвѣдицы Доловъ-Бурхынъ; 2) съ Пѣри-ханъ (волеъ-царь) въ № 131; Бурханъ-бапши въ вар. *i*, какъ и Пѣри-ханъ, даритъ ящигъ, дающій богатство; 3) съ Абырганъ, Абырга-джианъ, Абыргъ-могай, Амырга-могусъ, именами, которыя придаются чудовищному змѣю въ призваніяхъ шамановъ и въ сказкахъ; см. также у Тинковскаго о горѣ Абурга (Путеш., I, 223); 4) съ Моргонъ-хара, именемъ перваго шамана по бурятскому сказанію (Изв. Вост. сиб. отд. Р. Геогр. Общ., т. XI, № 1 и 2, стр. 89); 5) съ абырганъ, „летяга“ по урянхайски; по алтайскому сказанію (№ 48) летяга подвергается гоненію отъ сына неба Джаяка; Бурхынъ-бапши преслѣдуетъ Арахы; 6) съ атугаса, тунгусск. „медвѣдъ“ (Castren, Tungus. Spr., s. 120), мырга-мафа, „тигръ“ (Маакъ, Путеш. по Уссуря, I, стр. 112). Членъ бурханъ встрѣчается иногда въ монгольскихъ сложныхъ

именахъ высокихъ горъ, наприм. Бурханъ-ола; кромѣ того есть Буръ-хаирханъ, Бурень-хаирханъ и Бурень-ханъ; бурятское сказаніе ставитъ этотъ бѣлокъ въ связь съ представленіемъ о волкѣ (см. стр. 128). Второй членъ башии у Бурятъ и Солоновъ произносится багышъ (у семирѣчинскихъ Солоновъ Баркынды-багышъ; Остроумовъ, Китайскія эмигранты, Казань, 1879, стр. 32); багышъ ср. съ монгольскимъ мангысь, „змѣй“, въ якутскомъ произношеніи могуль, въ алтайскомъ моосъ. Есть парная форма Мингынъ-бурхынъ (стр. 277 и 301). Мангысу приписывается враждебное отношеніе къ мѣсяцу (№ 34, вар. *); сказаніе о Гесерѣ (стр. 818) помѣщаетъ Мангу на сѣверѣ т. е. тамъ, гдѣ находится Б. Медвѣдица. Въ духовномъ стихѣ о Цаганъ-дарихе (см. № 68 и примѣч. къ нему) Бурханъ-башии принимается видъ коня. Ср. также бура или бургазы, небесные кони (стр. 45 и 48).

Къ вар. а. Ср. съ № 79 и Оч., II, 149; въ 6 примѣч. къ V гл. II выпуска было указано на дѣтскую игру въ Володаря, которую О. Миллеръ обличаетъ съ англійской дѣтской игрой въ избраніе короля Артура; отъ одного забайкальскаго казака я записалъ слѣдующую дѣтскую пѣсенку, которую поютъ при дѣлежѣ играющихъ на двѣ стороны: „Первичики, другичики, на голуби, на жолобѣ, ставка, пленка, сучокъ, обручокъ! Заяцъ-мѣсяцъ сорвалъ травку, положилъ на лавку, кто взялъ — тотъ Турь-король!“ Есть вотяцкія и чувашскія преданія о трехъ братьяхъ, основателяхъ деревень; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ разсказывается объ уговорѣ или жребіи, бросаемомъ изъ-за обладанія участкомъ; одинъ братъ въ этихъ разсказахъ обыкновенно получаетъ участокъ обманомъ (Б. Гавриловъ, Произвед. народн. слов. Вотяковъ, стр. 145). Въ преданіи объ основаніи вотяцкаго села Бусурманъ-Можга разсказывается о подобномъ же бросаніи жребія и обманѣ одного брата. Младшій изъ трехъ братьевъ, Можга, по которому и село названо, за что-то разсерженнымъ отцомъ обозванъ былъ бусурманомъ. Вѣроятно въ первоначальной редакціи онъ-то и былъ обманщикъ. Въ нѣкоторыхъ приваемскихъ преданіяхъ о братьяхъ первоначальникахъ встрѣчается тема проклятія одного изъ нихъ; Бишъ осуждаетъ брата Тобаха на малое потомство за то, что онъ не поклонился водруженному имъ столбу (Чуваш. пред. Бичур. прихода, Казань). Г. Износковъ передалъ мнѣ преданіе о трехъ братьяхъ: Тюлязи, Мамалай и Ряшъ; отъ первыхъ двухъ произошли деревни того же имени, Ряшъ не оставилъ потомства; мотивъ можетъ быть забытъ. Проклятіе за захватъ земли яснѣе въ чувашскихъ сказаніяхъ о Маркарѣ и въ южно-русскомъ о вротѣ (см. выше, стр. 814). Ср. № 82, вар. е. Въ вотяцкомъ преданіи брата Можги бросали жребіи такимъ образомъ: участокъ долженъ достаться тому, кто, пнувъ въ кочку, переброситъ ее черезъ рѣку; ср. съ зырянской клятвой посредствомъ разрушенія кочки (Дневн. В. Латкина на Печорѣ, стр. 101), и съ клятвой заговорщиковъ противъ Чингисхада у Малъя (цитировано у Опперта: *Presbyter Iohannes*, стр. 105: *fi-gent ébouler avec les pieds quelques terres, qui bordoient le rivieres*). Одинъ изъ спорящихъ братьевъ предварительно тайкомъ отъ нихъ подрубаетъ свою кочку. Майтере ср. съ Бай-тере, какъ Алтайцы величаютъ въ своихъ призы-

ваніяхъ высокую гору Ялменку (по русски называемую Семинскимъ Блкомъ). Бай въ татарскомъ „богатый“; въ монгольскомъ произносится баниъ (въ якутскомъ боіун, „звѣрь“). Въ примѣненіи къ шаманскимъ божествамъ эта форма встрѣчается въ именахъ Бай-ана или Пай-ана (стр. 69), у Якутовъ Бай-баянай (Сборн. газ. Сибирь, 1876, Спб., стр. 416; Порядитъ, Якут. слов. рукоп. и др.). Тере по урянхайски небо; ср. Даниъ-тере, имя перваго шамана по алтайск. сказанію. Князя косокольскихъ Урянхайцевъ титулуютъ даниъ-нойонъ или дай-нойонъ, а также доро; нойонъ монгольск. „дворянинъ, князь“, доро то же самое по урянхайски. Дзаниъ, „медвѣдь“ по тунгусски. Алтайскаго Даниъ-тере мы сближаемъ съ Эской каменной бабой Даниъ-Тирхинъ (см. прим. къ № 64), съ которой также связывается вѣра о возвращеніи къ жизни.

Къ вар. *с*. Въ алтайскомъ сказаніи пишу раздаетъ хитрый старикъ тремъ родамъ Ирхитовъ (Оч., II, 173); ср. у Рашидъ-эддина объ Игитъ-Иркыль-Ходжѣ (Зап. Археолог. общ., т. XIV, с. 24); въ нашихъ апокрифическихъ разказахъ пишу волкамъ раздаетъ Христосъ или Егорій (Аванас., Поэтич. Возвр., I, 710). Формы ирхитъ, иркыль ср. съ остяцкимъ јигех, волкъ, самоѣдскимъ уѣркъ, „медвѣдь“, алтайскимъ орсулъ въ сложномъ орсулъ-айу, „медвѣдь“; о Иркыль-ходжѣ и Джерже-лингъ-хумъ, предкъ Тайджиутовъ см. прим. къ № 135; имя Тайджиутъ ср. съ тайганъ, собака по алтайски (Грамм. алт. яз., стр. 109). Два сына Джержелинга у Рашидъ-Эддина называются Кендучино и Улакшинъ-чино (чоно, монгол. „волеъ“); на волчью природу ихъ намекаетъ и самъ Рашидъ-эдинъ (I. с., стр. 188). Не перенесенъ ли и нашъ апокрифическій разказъ на Христа потому, что онъ разказывался можетъ быть о Хорсѣ (Хорсѣ ср. съ именами корсѣ, корсакъ, „степная лисица“; хортъ, хартъ, „ловчая собака“; ср. также башкирск. кыртъ, „волкъ“) и на Егорія (болгарск. Герги) потому, что на нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ близъ Чернаго моря для волка было имя gurg (Comes Gëza Kunn, Codex Comanicus, Buda-Pest, 1880, p. 12~). У Лапландцевъ по Шефферу было божество Storjunkage, которое завѣдывало всѣми звѣрями, медвѣдами, волками, лисицами, оленями и вообще всѣми животными, которыми питались Лапландцы; онъ считался помощникомъ высшаго божества, Тора или Tierмеса, громовника (Scheffer, Histoire de Laponie, p. 69). У Черемисовъ такимъ вторымъ божествомъ былъ вѣжета Пигамбаръ, котораго теперь Черемисы смѣшиваютъ съ Егоріемъ. Не былъ ли и Бурханъ-бакши подобнымъ же вторымъ божествомъ монгольскаго шаманскаго Олимпа, первымъ помощникомъ Тэнгри-хана? Въ прикамскомъ Поволжѣ встрѣчаемся съ легендами о раздатѣ вѣру Богомъ родоначальникамъ разныхъ племенъ, при чемъ родоначальникъ племени, которому принадлежитъ редакція, обыкновенно опаздываетъ; предокъ Чувашей опоздалъ потому, что провападся надъ обуваніемъ ногъ въ лапти (Магнитскій, Матер. къ объясн. чуваш. вѣры, стр. 246); шедшаго по вѣру Черемисина встрѣтилъ Кереметь и разговорами отвлекъ отъ цѣли (Этн. Сборн. IV, 20; Вѣстн. Евр., 1867, дек., 49; Вѣстн. Евр., 1880, сент., 169); когда Черемисинъ выслушалъ повелѣніе Божіе, сидѣвшій на деревѣ

въ видѣ селезня Кереметь слетѣлъ къ нему на землю и сталъ требовать поклоненія. Сидѣніе на деревѣ есть и въ разказахъ о раздачѣ пищи; въ разказѣ о Христѣ на деревѣ сидитъ человекъ, котораго Христосъ обрѣкаетъ на сѣденіе волку. У Аванасьева, Легенды, стр. 43, Егорія спрашиваетъ не волеѣ, а Цыганъ, имѣющій семь сыновей (ср. Джекенъ, „россомаха“, въ монг. дзехенъ, первый сынъ у семисыновней Маны, стр. 176), чѣмъ ему питаться и получаетъ разрѣшеніе на воровской промыселъ. Во время гѣмецкихъ праздниковъ Kirgess дѣлали куклу, которую выставляли на шесть; она называлась Zashäus (Lippert, Christenthum, 1882. Berlin, S. 656).

Вар. *д* ср. съ чувашскимъ у Магнитскаго, Матер. къ объясн. чуваш. вѣры, стр. 29, и съ южно-русской въ Труд. этногр. экспед. въ Зап.-русскій край, II, 355; конецъ послѣдняго варианта ср. съ легендой о Кырикѣ и Улитѣ (Этн. Сборн., VI, стр. 121). Въ осетинскомъ разказѣ Богъ, одѣтый въ лохмотья, ходитъ по землѣ и велитъ тремъ волкамъ съѣсть бѣдняка съ женой и коровой, хотя этотъ бѣднякъ принялъ его хорошо; слѣдующіе возродились въ богатствѣ; у бѣдняка послѣ того родилось семь сыновей (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, ст. Шанаева, „Осет. народ. сказ.“, стр. 8). Въ другомъ осетинскомъ разказѣ вмѣсто бога стоитъ Уастырджы (Сборн. свѣд. в. VII, стр. 22). Ср. съ монгольскимъ сказаніемъ о семи ламахъ, посѣтившихъ бѣдняка и улетѣвшихъ подъ видомъ семи ангировъ (Оч., II, 166) и съ индѣйскимъ объ Индрѣ, который подъ видомъ странствующаго нищаго-богомольца пришелъ къ семи Rishi (Holtzmann, „Indra“ въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesell., V. XXXII, N. II, S. 317). Разказъ о кормленіи своимъ тѣломъ звѣрей ср. съ алтайскимъ повѣрьемъ, записаннымъ г. Ядринцевымъ (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, с. 249): мѣсяцъ соглашается поднятаго имъ на небо Ельбегеня кормить своимъ тѣломъ 15 дней съ условіемъ, чтобъ другіе 15 дней Ельбегенъ кормилъ его, отчего и бываютъ ущербъ и наращеніе. Монгольское сказаніе о заячьей шкурѣ можетъ быть есть затемненный вариантъ сказанія о Ельбегенѣ, унесенномъ мѣсяцемъ; Монголы видятъ въ пятнахъ на мѣсяцѣ зайца, Алтайцы Ельбегеня. Не потому ли и въ монгольскомъ сказаніи о Гесеръ-ханѣ (или Джоро) является эпизодъ о накормленіи толпы мясомъ (стр. 254), что подъ Джоро можетъ быть скрывается мѣсяцъ? Въ монгольскомъ Дзанглунѣ есть разказъ о принцѣ Суссати, воплощеніи Будды, кормящемъ своимъ тѣломъ родителей, убѣгающихъ отъ своего гонителя Рахоли (Der Weise und. d. Thor, von Schmidt, Petb., 1843, S. XXV—XXXI); въ тибетскомъ Дзанглунѣ этого разказа нѣтъ; тѣмъ не менѣ первая глава переведеннаго Шмидтомъ Дзанглуня содержитъ рядъ разказовъ о Буддѣ, приносящемъ свое тѣло въ жертву, но не изъ прямого состраданія къ извѣстнымъ людямъ, а ради провозглашенія истины (ibid., S. 1—20); въ другой главѣ есть разказъ о златошерстномъ звѣрѣ Кунтѣ, который приноситъ себя въ жертву изъ состраданія къ одному изъ царскихъ слугъ и позволяетъ снять съ себя шкуру (S. 101). Ср. съ обрядностью медвѣжьихъ праздниковъ сѣверной и восточной Сибири. Разказы о самоотдающемся въ жертву оленѣ извѣстны изъ сѣверной Россіи.

Въ вар. е. Ср. у Аванас., Легенды, стр. 118, у Безсонова, Кал. переходж., т. I, стр. 692. Въ Дзанглунѣ, въ XIII главѣ (Der Weise und Thor, 1854, S. 97): Маслобойщикъ отказываетъ Буддѣ, просящему въ видѣ милостыни масла для влеченія своей болѣзни, и вмѣсто масла подаетъ комокъ выжимокъ, сопровождаая свѣю подачку насмѣшкою; жена маслобойщика вернула уходившаго Будду и дала ему чашу масла. Маслобойщикъ за свой отказъ и насмѣшку присужденъ въ будущемъ вѣвѣ родиться уродомъ и разлучиться съ женой. Въ заключеніи разказа говорится, что этотъ маслобойщикъ родился въ послѣдствіи царевичемъ Донгдумомъ (см. прим. къ № 56).

Въ вар. ж содержится намекъ на насильственную смерть Бурхана-бакши. Разказа, въ которомъ прямо бы говорилось о его умерщвленіи, намъ не удалось услышать. Рашидъ-эддинъ (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 54) сообщаетъ объ Укинъ-бурханѣ (ср. Чоканъ-борканъ, турем. поколѣніе; Вамбери Пут. въ Бухару), старшемъ сынѣ Хабуль-хана, который былъ схваченъ Татарами (Татарами же приписывается и смерть Есугая), выданъ китайскому хану и пригвожденъ въ деревянному ослу. Въ Юаньчаомиши старшій сынъ Хабуль-хана называется Оль-Бархакъ (ср. съ татарск. ель-барсъ, Felis tigris). У Абулгази пригвожденію подвергается Муррадъ-куджуне, отецъ Мемикая. Въ другомъ мѣстѣ у Рашидъ-эддина та же исторія о Татарахъ и казни пригвожденіемъ къ деревянному ослу разказывается объ Амбагаѣ; у Абулгази вмѣсто Амбагаи стоитъ Мемикай, а у Ердмана Нему-кай; ср. amican, тунгусск. „медвѣдь“; амба, амбанъ, тунгусск. „тигръ“ (Castren, Tung. Sprg., 72; Маакъ, Путеш. по Уссурі, I, стр. 114 и въ прибавленіи: „Ходженск. Словарь“, стр. 11). Ердманъ и Березинъ по поводу этихъ мѣстъ говорятъ, что подобная казнь была въ Китаѣ и ссылаются на китайскую драму, переведенную Сень-Жюльеномъ подъ названіемъ „L'Orpheline“. Слѣдуетъ ли подъ Татарами здѣсь разумѣть народъ? Не было ли это имя темныхъ духовъ? Ср. съ разказами о грызунахъ, преслѣдуемыхъ молніями. (См. стр. 141 и 142).

Вар. и есть сжатый разказъ очень обширной главы изъ Дзанглуну, который въ переводѣ Шмидта названъ: „Von der Demüthigung der sechs Irrlehrer“ (D. Weise und d. Thor. S. 67—85). Гоодомбы нашего разказа соответствуетъ Гаутамѣ Дзанглуну. Подобно Бурханъ-баишевой давшей отпрыски ковырялкѣ (см. также „Буддизмъ“, Нила, 219—227) въ сказаніи Казанскихъ Татаръ прорастаетъ палка первыхъ проповѣдниковъ ислама въ краѣ (Шпилевскій, Древніе города Казанск. губ.), въ чувашскомъ преданіи пруть въ рукахъ Топая („Чувашск. преданія Бичуринск. прихода“, Казань, стр. 3). О борьбѣ Шигемуни съ Дзурганъ-бакши у Нила, „Буддизмъ“, стр. 330. Утрату Дзурганомъ трехъ баиши ср. съ сказаніемъ о Плеядахъ, потерявшихъ одну звѣзду и оставшихся въ числѣ шести. Дзурганъ по монгольски шесть. Въ Монголіи встрѣчается названіе горъ Баянъ-Джорку, „богатое сердце“; ср. съ лопарскимъ именовемъ Плеядъ (стр. 193 и 194).

Вар. і ср. съ № 51, вар. і, а также съ русскими сказками о Маркѣ богатомъ и съ главой XV тибетскаго Дзанглуну (Schmidt, Der Weise und d.

Thor, S. 107—128), которая заключаетъ въ себѣ такой разказъ: Дряхлый старикъ хочетъ поступить въ монахи; онъ обращается къ разнымъ гелюнгамъ и подвижникамъ, но всѣ отказываются принять его; даже и гелюнгъ Schagûbi не хочетъ это сдѣлать, находя его устарѣвшимъ для пониманія предметовъ религiи. Перенесенный чудеснымъ образомъ на берегъ моря, онъ видитъ муки грѣшниковъ; страданія женщины, влюбленной въ самое себя, служанки, воровавшей кушанья, и охотника, который много истреблялъ дикихъ звѣрей. Последнему стрѣляли въ голову стрѣлами, лившими изъ себя огонь. Ср. съ вогуличскимъ обрядомъ стрѣланія во время медвѣжьего праздника въ голову выставленнаго мертваго медвѣдя; сообщ. г. Малаховымъ.

Въ русскихъ сказкахъ Василий Безчастный, пріемышъ Марки богатого, ѣдетъ къ змѣю (Аванас., Нар. Ск., в. I, № 13) или людоѣду (ibid., в. II, стр. 121). Въ южно-русской сказкѣ Борисъ-Треть-сынъ идетъ къ Солнцевой матери (Труд. этн. эксп. въ Зап.—русс. край, стр. 292). Въ курской сказкѣ (Труды Курск. статист. комит., 1863, кн. 1, стр. 536—538) у Марка 12 работниковъ и одна дочь Марья; дочь вышла замужъ за младшаго изъ работниковъ, что Маркѣ не понравилось; онъ задаетъ зятю мудренныя работы, которыя тотъ сначала исполняетъ при помощи своей жены, но потомъ молодые должны бѣжать, а Марко за ними гонится. Здѣсь Марко занимаетъ мѣсто морского царя другихъ сказокъ, что сближаетъ его съ Бурханомъ-бакши варианта *i*. Богатый по монг. баянъ, по татарск. бай, по тунгусск. мыргы (Брылькинъ въ прибавленіи въ Мааковомъ Пут. по Уссури, I, 15). Морской царь въ нашихъ сказкахъ встрѣчается не рѣдко; иногда его замѣщаетъ Охъ (Аван., Нар. ск., в. VI, № 45; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. II, №№ 102, 103 и 104; Рудченко, Нар. южнорус. сказки, в. II, № 29) или Акианъ-моря (Труды Курск. статист. комит., 1863, кн. I, с. 518), а въ аварскихъ Охай (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 2, стр. 52). Одинъ рядъ русскихъ вариантовъ, въ которыхъ выступаетъ Морской царь, содержитъ разказъ о плаваніи торговаго корабля и о бросаніи куча въ море (Садко и др.), въ другихъ разказъ о юношѣ, обѣщанномъ Морскому Царю (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, II, № 25) или Оху (ibid., 368, 372 и 375) и отданномъ ему на службу. Одинъ изъ вариантовъ послѣдняго рода вмѣсто Морского царя ставитъ Идола (Народн. ск., изд. Эрленвейна, с. 32); въ другомъ Морской царь называется „дидусъ“ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. II, № 5); у него передъ входомъ въ жилище два льва, подобно тому, какъ у входа въ жилище алтайскаго Ерлика двѣ собаки или у монгольскаго Далай-ламы два звѣря (стр. 335). Въ третьемъ вариантѣ юноша обѣщанъ морскому чудовищу Чуду-юдѣ (Аван., в. 6, № 49), въ четвертомъ медвѣдю, сидящему въ водѣ (Аван., в. 5, № 28). Въ Финской сказкѣ (Melang. russe, 2, 1851—1855; Ant. Schiefner, Ueber den Mythengehalt der finn. Mårchen, S. 605) мальчикъ обѣщанъ какому-то Wårarpyörä; ср. поря, татарск. „волкъ“, Puorea, Peåre, Päre, самоѣдское, Б. Медвѣдница (Castren, Wörterverz. a. d. Samoied., 203). Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ мѣсто Морского царя занимаетъ Джедай-ханъ или Катай-ханъ (Mel. asiat., 3, Ueb.

die Heldensag. d. Minuss. Tat., p. 379, 375—377); о сближеніи Джедай-хана съ Б. Медвѣдницей см. Оч., в. II, прим. 27 къ главѣ V. Сказки о мальчикѣ, отданномъ Морскому Царю, кончаются обменовенно тѣмъ, что ученикъ убѣгаетъ вмѣстѣ съ дочерью Морскаго царя, а послѣдній гонится за бѣглецами. Въ сходныхъ разказахъ о бѣгствѣ погоней является вмѣсто Морскаго Царя: Царь-медвѣдь, Баба-яга и вѣдьма. Имя Баба-яга состоитъ изъ двухъ членовъ; второй членъ напоминаетъ эге, „медвѣдь“, по якутски (въ то же время и дѣдь); первый членъ встрѣчается у Казанскихъ Татаръ въ имени громовника Бабай-тэнгри; очень вѣроятно что бабаемъ назывался и медвѣдь, потому что бабай по тат. значить „дѣдь“, а титулъ дѣдь многими народностями придается медвѣдю. На рѣкѣ Удѣ въ Иркутской губерніи есть скала, которая навыв. Ехе-баба (Изв. Вост. Сиб. отд. Геогр. Общ., т. VII. № 2 и 3 (1876 года), стр. 87: Буряты переводятъ: „большой дѣдушка“). Въ сказкахъ Якутовъ встрѣчается Джага-Баба (стр. 640). Въ нѣкоторыхъ сказкахъ баба-яга замѣщается „вѣдьмой“; это слово въ южнорусскомъ имѣеть мужскую форму „вѣдьмакъ“; была какъ будто профессія (вѣдьмачество), которою занимались и мужчины и женщины, вродѣ того, какъ у сибирскихъ и монгольскихъ дикарей существуютъ шаманы и шаманки; первые называются бб или хамъ, вторыя утыганъ. Послѣднее слово извѣстно и Тунгусамъ: idacon, шаманка (Castren, Tung. Spr., 75); uttucan, вѣдьма, людоедка; pl. uttucar (Melang. asiat., t. VII, S. 363). Вѣроятно и русское вѣдьма имѣло нѣкогда такой же миролюбивый смыслъ, какъ монгольское утыганъ, и только потомъ превратилось въ терминъ, исключительно обозначающій злое существо, которому приписывается похищеніе дѣтей изъ утробы матерей, повѣрье, близкое къ монгольскому о читкурѣ (см. стр. 28). Монгольское утыганъ, „шаманка“ ср. съ монгольск. же утыганъ, „медвѣдь“, тунгусск. хитусан, „медвѣженокъ“ (Mel. asiat., t. VIII, p. 379), а наше „вѣдьма“ съ южнорусскимъ вѣдьмедь. Славянское имя этого звѣря стоитъ уединенно среди другихъ названій его на арійскихъ языкахъ; изъ европейскихъ именъ медвѣдя только одно баскское mathgaman напоминаетъ его. Обѣимъ формамъ, славянской и баскской даютъ одинаковую этимологію; въ членахъ мед, math видятъ медь (Pictet, Les origin. indo-europ., II, 408). Не будетъ ли вѣрнѣе, однако, предположить, что арійское имя медвѣдя у славянскихъ племенъ было вытѣснено именемъ, которое было въ ходу у аборигеновъ Европы, неарійцевъ? Не есть ли славянское медвѣдь спареніе двухъ видоизмѣненій одного и того же корня, которыя у аборигеновъ звучали: можетъ быть вродѣ русскаго Чудо-юдо, черемисскаго шуды-водишь, пермяцкаго вадышь-водишь (см. Золотницкій, Невид. міръ по шаман. возвр. Черемисъ, Казань, стр. 6; Знаменскій, Горные Черемисы въ Вѣстн. Европы, 1867, дек., стр. 52; Мозель, Пермская губ., 585), качинскаго Джеты-кудай? Ср. также Mannhardt, Germ. Myth., 418: Uden-Aden и др. сходныя формы. О парныхъ именахъ звѣрей см. выше стр. 751.

Членъ Марко въ русскихъ сказкахъ соединяется съ формами: „богатый“, „убогой“ (Рудченко, сказки, I, № 3), „бѣгунъ“ (Аванас., Н. Р. С., в.

VIII, № 23, вар. b; въ послѣднемъ случаѣ онъ слѣпъ, но на него садится безногий Калтома, и они продолжаютъ дѣятельность. Въ сказкѣ Аванасъ, Н. Р. С., изд. 3, в. I и II, стр. 167, Марко-богатый становится „вѣчнымъ перевозчикомъ“. См. прим. къ № 34, къ вар. б и в (стр. 780) о вѣчно движущемся (не закатывающемся за горизонтъ) Жидиганѣ.

55. Бегеръ-Мджитъ.

Эпизодъ подсовыванія печатей въ товаръ, чтобы потомъ обвинить странниковъ въ воровствѣ, заключающійся въ вариантѣ, помѣщенномъ въ Оч., II, стр. 154, ср. съ мусульманскою легендой о Юсуфѣ (А. Веселовскій въ *Jagic's Archiv f. slav. Philologie*, III, 569). Мджитъ (Меджитъ) ср. съ Шарьмакчинымъ въ № 36, сары-мечъ въ Оч., II, гл. V, № 19, вар. б; Шарьбычинъ у Нила, Буддизмъ, стр. 30 и 303; Мечинъ, „Плеяды“ по монгольски.

56. Комбу-Дорчи.

Начало ср. съ сказкой Арджи-Борджи, а остальную часть съ № 57 и съ сказкой въ Оч., II, 173. Сватанье Чилунъ-Ташюра ср. съ иранскимъ сказаніемъ о Кирѣ и Массаетской царицѣ Томирисѣ у Геродота (I, 205) и съ болгарскимъ о князѣ Борисѣ и царицѣ Теодорѣ (М. Соколовъ, изъ древн. ист. Болгаръ, С.-Пб., 1879, стр. 227—241). Въ гл. XIII Дзанглуна, сходной съ нашимъ разказомъ о Дзурганъ-Багши (стр. 272), помѣщенъ вводный разказъ о царевичѣ Донгдумѣ (Dongdum), сходный съ № 56 (*Der Weise und der Thor*, St. Pet., 1843, s. 91). Царь Mahâschakuli имѣлъ 500 женъ, но не имѣлъ дѣтей. Богъ Dschadschin спустился съ неба, сдѣлалъ наваръ изъ травъ и далъ его выпить царскимъ женамъ; старшая вылила наваръ на землю. Всѣ жены забеременѣли; тогда старшая жена собрала землю и воду съ нея выпила; родила и она, но уродливаго мальчика; ему дали имя Донгдумъ (ср. прим. къ № 32, вар. е), то-есть, древесный обрубокъ (Holzklotz). Онъ однако приобретаетъ любовь отца послѣ того, какъ прогналъ одинъ цѣлое войско враждебнаго царя. Отецъ Донгдума посылаетъ къ царю Лишивача сватать его красивую дочь, приказавъ посламъ представить отцу невѣсты вмѣсто уродливаго Донгдума другаго красиваго юношу. Царь Лишивача отдалъ свою дочь; царь Махашакули заказалъ Донгдуму посѣщать жену только ночью. Однажды снохи царя Махашакули сказали женѣ Донгдума: „Твой мужъ безобразенъ, какъ обрубокъ дерева; въ этомъ ты сама можешь убедиться, если посмотришь на него днемъ!“ Женщина ночью зажгла лампу и увидѣла своего безобразнаго спящаго мужа; мгновенно она удалилась въ свое отечество. Донгдумъ отправляется искать ее; онъ беретъ свой лукъ и трубу и приходитъ къ царю Лишивачѣ; но тамъ шесть другихъ царей уже сватаются за его бѣжавшую жену (ср. съ Аранъ-Тайджи у Радлова, *Proben*, I, 415, и съ якутскою сказкой о Боско, № 186). Донгдумъ трубитъ въ свою трубу, и враждебное войско обращается въ бѣгство. Тогда Донгдумъ отрубаетъ шести царямъ головы; Лишивача снова отдаетъ свою дочь Донгдуму. Вернувшись

назадъ, Донгдумъ спросилъ жену о причинѣ ея бѣгства, и убѣдившись посредствомъ зеркала въ своемъ безобразіи, удаляется въ гѣсъ и хочетъ предать себя смерти, но въ это время богъ Dschadschinъ даетъ ему талисманъ, который дѣлаетъ его красивымъ. Ср. также съ сингалезской жатакой, переведенной Т. Стилемъ на англійскій языкъ и изданной въ Лондонѣ, а потомъ въ нѣмецкомъ переводѣ явившейся въ Петербургѣ (Ant. Schiefner, Awar. Texte, въ Mem. d. l'Ac. des Sc., Pet., VIII serie., t. XIX, № 6, s. XLVI). Бездѣтный царь называется Маһасасини; старшая жена не была разбужена, когда другія жены шли снадобье, доставленное Индрой; проснувшись, она узнаетъ, что снадобье было завернуто въ траву куца; она моетъ траву и выпиваетъ помои. Родится у нея сынъ съ 18 знаками безобразія; ему даютъ имя Куца. Дальнѣйшій ходъ разказа сходенъ съ предыдущимъ и съ разказомъ Ганьджура о царевичѣ Суданѣ (см. прим. къ № 155). Донгдумъ ср. съ „Гезарь-дунгъ“, о которомъ у насъ сказано въ прим. къ № 50; Шмидтъ перевелъ: „разказъ о Гезарѣ“, но можетъ быть, дунгъ тутъ не значитъ разказъ, а есть второй членъ собственнаго имени. Членъ Тунгъ встрѣчается въ № 110 (Тунгъ-Каратты-ханъ) и № 186 (Тунгусъ), а также въ сказаніи о Ванѣ кирейскомъ; убійцы послѣдняго называются Хорису-Баджу и Тунгъ-шяль (у Абуль-гази: Хури-Сумаджу; въ переводѣ Саблукова: Хурій и Сумаджугъ-Танива). Мы уже сближали эти имена съ персонажами сказки Арджи-Борджи, гдѣ братья Бегерь-Меджитъ (Гегерь-Меджитъ) и Шяль убиваютъ насильника Бама-хана (Ванъ-хана)? Не было ли варианта сказки Арджи-Борджи, въ которомъ вмѣсто Бегерь-Меджитъ или Гегерь-Меджитъ (первый членъ этого имени тотъ же, что въ имени Гегерь-ханъ, какъ Бураты прозываютъ Гесерь-ханъ), стояло Хорису-Меджитъ? Въ сказкѣ о Гесерь-ханѣ мы встрѣчаемъ имя его товарища: Барсъ (см. прим. къ № 50). Въ южно-русскихъ сказкахъ о заколдованной и убѣгающей женѣ, которую мужъ идетъ отыскивать, жена носить имя Арысь-поле или Рысю (въ зват. надежъ: Аван., Русск. Нар. Сѣ., в. 5, № 27; Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, т. II, № 138). Одинъ вельможа совѣтуетъ царю Лишывача, чтобы рѣшить споръ между Донгдумомъ и шестью царями, разрѣзать жену на семь частей и раздѣлить. Ср. съ предложеніемъ Тунгуса (стр. 639) разрѣзать спорную жену пополамъ. Разказъ въ Дзанглунѣ кончается увѣреніемъ, что Донгдумъ есть не кто иной, какъ Будда (Гаутама), а шесть царей, имъ побѣжденных,—это тѣ шесть учителей (Дзурганъ-Баеши нашего № 54), которыхъ Гаутама побѣдилъ впоследствии на состязаніи. Исключительно ночныя посѣщенія Донгдума или Кусы ср. съ повѣрьями о летучей мыши (стр. 175 и прим. къ № 2).

57. О женѣ, заподозрѣнной въ связи съ ламой.

Подъ Бѣлымъ царемъ (Цаганъ-ханъ) конца сказки, вѣроятно, разумѣется сказочный Цаганъ-ханъ (см. Оч. II, 178); ср. формы Цаганъ-убугунъ, Цаганъ-дареве и пр.

59. Анъ-Богдоръ.

Начало этой сказки сходно съ сказкой Барабинскихъ Татаръ о Идыге (Radloff, Proben, IV, 35); въ послѣдней судей, разсудившимъ споръ, который не могъ рѣшить царь, является мальчикъ Идыге, въ монгольской товарищъ по играмъ семи мальчиковъ (можетъ быть, въ другихъ редакціяхъ одинъ изъ семи?); это число семь, можетъ быть, обязано своимъ появленіемъ имени Идыге, начало котораго иды (еди, джеты) по татарски будетъ „семь“ (ср. Идыганъ, В. Медвѣднца). Эпизодъ о спаваніи стражи и посѣщеніи царевниныхъ покоевъ напоминаетъ наши сказки о хитромъ ворѣ. Дальнѣйшій ходъ разказа соотвѣтствуетъ сказкѣ Арджи-Борджи или Герерь-Меджитъ. Выраженіе: „мальчикъ въ пору входитъ послѣ всѣхъ и изъ норы выходитъ послѣ всѣхъ“ не имѣетъ ли въ виду луну, выходящую на небо уже послѣ того, какъ на немъ заблестѣла Б. Медвѣднца (по представленіямъ Киргизъ „семь волковъ“)? Или, можетъ быть, оно имѣло другую редакцію: входитъ послѣ всѣхъ, выходитъ раньше всѣхъ? Тогда въ этомъ выраженіи можно было бы видѣть Зарницу, которая позже всѣхъ звѣзд потухаетъ, раньше всѣхъ показывается. — Эпизоды о выниманіи эрдема изъ мертваго мальчика, плывущаго по рѣкѣ и о двухъ тронахъ, золотомъ и серебряномъ, также напоминаютъ Арджи-Борджи, только въ послѣдней не два, а одинъ тронъ. Ср. также лопарскій разказъ о медвѣдѣ, указавшемъ одной семьѣ на утонувшаго другаго медвѣда, у котораго подъ шкурой нашли черезъ, наполненный золотомъ и серебромъ (см. въ газ. „Голосъ“ 1880, № 172 въ ст. „Лопарскія сказки и легенды“). Добывъ эрдемъ, мальчики тотчасъ же идутъ къ Анъ-Богдору; можетъ быть, была другая редакція, въ которой Анъ-Богдоръ посылалъ мальчиковъ добыть эрдемъ, и они ходили для этой цѣли къ семи волкамъ, какъ у насъ падчерица ходила за огнемъ къ бабѣ-ягѣ (у Остяковъ есть преданіе, что огонь былъ добытъ тремя братьями отъ медвѣда; сообщ. И. Поляковымъ). Указанныя совпаденія сказки Анъ-Богдоръ съ сказкой Арджи-Борджи сближаютъ ее съ сказаніями объ увозѣ жены (Соломонъ и Китоврасъ). Въ средне-азиатскихъ сказаніяхъ увозъ жены содержится въ сказаніяхъ о шаманѣ Танинъ-Тирхинѣ, увезшемъ жену Чингисъ-хана (Оч., II, 157), о шаманѣ Тостогошѣ (№ 64, вар. б), о Чингисъ-ханѣ, отнимающемъ у Тибетскаго царя Шидургу его жену Гурбельджинъ-гоа. Въ послѣднемъ разказѣ по Алтанъ-Тобчи (стр. 22) Шидургу предлагаетъ Чингису Мечинъ и Цолмонъ; то же и въ записанномъ нами вариантѣ о Шютуръ Тольгунѣ (стр. 229). Это можетъ быть истолковано въ смыслѣ существованія затерянныхъ вариантовъ, въ которыхъ Цолмонъ и Мечинъ являлись въ видѣ женскихъ персонажей. Въ алтайскихъ сказаніяхъ Итыганъ преслѣдуетъ Мечина и покищаетъ у него одну изъ звѣздъ, въ другихъ (№ 36) семь братьевъ (то-есть, семь звѣздъ Большой Медвѣдницы) покищаютъ дѣвицу; народныя повѣрья въ одной изъ семи звѣздъ Медвѣдницы видятъ то звѣзду изъ Плеядъ, то покищенную дѣвицу. Въ дру-

*

гихъ сказаніяхъ на землю спускается мѣсяцъ и преслѣдуетъ Джебегеня; имя это въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ замѣщается Шулмусомъ, и сходно съ именами Зарницы: Джильбы, Чолпанъ, Шолманъ, Цолмонъ и др. (Имена этой звѣзды сближаются съ именами ночныхъ звѣрковъ; Джильбы имѣетъ параллельное ольби, олбо, „летяга“ по монгольски; Цолмонъ, Шолпанъ — ялмынъ, джалманъ, чалманъ по торгоутски, киргизски и на языкѣ крымскихъ Татаръ „тушеанчикъ“; киргизское названіе звѣзды Джарывъ имѣетъ созвучіе съ татарскимъ жарканатъ, „летучая мышь“. Въ классическомъ *Vesperugo*, „вечерняя звѣзда“ и „летучая мышь“). Не было ли вариантовъ объ Итыганѣ или мѣсяцѣ, уносящемъ дѣвицу Чолпанъ? Ср. съ Кальпе въ № 35, вар. к. Въ мусульманскихъ сказаніяхъ Соломонъ является мужемъ женщины, подъ видомъ которой скрывается нечистая сила (по монгольск. шулмусъ). Въ киргизской сказкѣ эта жена-змѣя узнана и подвергается сожженію, но окончательно уничтожить ее не удалось (какъ и Итыгану не удается уничтожить вполнѣ Шулмуса); она поднимается на небо и является тамъ подъ видомъ звѣзды Зуры (Иллюстр. *Миръ* за 1880, № 7). Ср. Заря, Зоря, и т. п. названія звѣзды Зарницы на разныхъ нарѣчіяхъ прикамскаго Поволжья (см. стр. 732); *Sarā*, вѣроятно, она же у Радлова (*Proben*, IV, 248). Въ сказкѣ Арджи-Борджи встрѣчается эпизодъ о женщинѣ-шулмусѣ и о ведрѣ безъ дна, которымъ она приноситъ воду. Тотъ же мотивъ содержится и въ сказкѣ объ Амынѣ Чаганъ-Буреке (стр. 196); эта вставка указываетъ на общность источника сказки о Амынѣ Чаганъ-Буреке и Гегерь-Меджитѣ (Оч., II, 154); Амынъ Чаганъ-Буреке борется съ врагомъ Тенгри-хана, принимающимъ видъ чернаго быка; Гегерь-Меджитъ также въ концѣ сказки вступаетъ въ бой съ Ухырѣ-Бама-ханомъ; ухырѣ, монгол. „корова“, Ухерь, урянх. „Плеяды“. Ср. съ дюрбютскимъ сказаніемъ о коровѣ, вступающей въ бой съ чудовищемъ, которое потомъ обращается въ созвѣздіе Плеяды, стр. 203—204.

Имя Арджи-Борджи признается за испорченное санскритское раджа-Божа, то-есть, царь Божа, который жилъ въ V в. по Р. X. (Веселовскій, Слав. сказ. о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб., 1872, стр. 10). Однако у жителей сѣверной Азіи есть слѣдующія формы: ардаа-хордза, водка особаго свойства въ монгольск. сказкахъ (см. стр. 491, 503); сначала изъ молока будто бы выкуриваютъ обмыновенное вино, араху или тарасунъ; потомъ уже изъ этого вина сидятъ ардзу-хордзу, которой въ дѣйствительности, можетъ быть, и не бываетъ. См. впрочемъ у Небольсина, Опис. быта Калмыковъ Хошоут. улуса, стр. 49, гдѣ имя араа дается двойной перегнанной водкѣ, а харадъ — тройной. Осадокъ отъ высидѣнной изъ молока водки въ видѣ творога по бурятски называется арса. Есть и формы: борса, бурятск., „сушеное мясо“; порса, сѣверно-сибирск., сушеная рыба. Порса для сѣверныхъ инородцевъ Сибири составляетъ одну изъ основъ ихъ пищи; точно также арса составляетъ главнѣйшую пищу у сѣверныхъ Бурятъ. Въ Алтанъ-Тобчи въ числѣ семи сыновей Даянъ-хана упоминаются два брата рядомъ Арсу-Болотъ и Барсу-Болотъ (стр. 68). И въ нашихъ сказаніяхъ встрѣчается подобное

парное; въ дѣтской присказкѣ: арци, барци (Гр. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, в. III, стр. 102); въ сказкѣ: юрза-мурза (ibid., в. II, стр. 281). Въ числѣ записанныхъ Ст. И. Гуляевымъ въ Барнаулѣ отъ крестьянина Тупицына и еще не изданныхъ былины есть одна, въ которой Илья Муромецъ самъ себя называетъ Ширишь-Маришь. Этотъ отрывокъ Ст. И. Гуляевъ имѣлъ любезность списать для насъ. Прежде всего Тупицынъ разказалъ известное преданіе о томъ, какъ Илья Муромецъ сиднемъ сидѣлъ тридцать лѣтъ и потомъ получилъ силу богатырскую; какъ отецъ его купилъ ему жеребенка за 300 рублей, на которомъ онъ и отправился „поленѣчать“; затѣмъ слѣдуетъ ниже приводимый отрывокъ:

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня
Изъ завозеньки, изъ новья;
Накладывалъ онъ потнички бумажные,
На потнички сѣделышко черкасское;
Клалъ объѣтъ на палицу боѣвую,
На сабельку на острую,
На копы мурзамецкое,
Чтобы не увязывать до города до Кіева,
До Солнышка до Сеславьева.
И ставалъ въ стременушко гомяшное
И садился въ сѣделышко черкасское.
Не ясенъ соволъ въ перелетъ леталь,
Не бѣлый вречеть перепархиваль,
Тутъ ѣхалъ удалой доброй молодець
Старой казакъ Илья Муромецъ.
Онъ ѣдетъ ко городу ко Кидошу.
Надъ Кидошемъ градомъ по грѣхамъ учинилось:
Подступала сила поганая.
Билъ, топталъ онъ силу поганую,
Билъ, топталъ трои суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слезаючи.
И во томъ во городѣ во Кидошѣ
Выходили попы-отцы, дьяконы,
Вносили образа и иконы святы,
И служили они службу молебную:
То ли городъ нашъ Богъ защитилъ,
То ли ангель святой —
И выбилъ, вытопталъ силу поганую?
И ѣдетъ старый казакъ ко городу ко Кидошу,
И ѣдетъ мимо той церкви соборныя,
И говорятъ попы-отцы, дьяконы:
„Ой ты, гой еси, удалый, добрый молодець!

„Садись за столъ хлѣбъ-соль кушати!
„Ты скажи намъ свою отчину!“
Проговорилъ удалый, добрый молодецъ:
„Я по поѣздѣ Ширишгъ-Маришгъ-Шипмаретингъ;
„По потѣхѣ Борисъ, королевичъ младъ;
„Не изволю я хлѣбъ-соль кушати.
„А скажите мнѣ дорожку прямоѣзжую
„Ко стольному ко городу ко Киеву,
„Ко ласковому князю Владимиру,
„Ко солнышку ко Сеславьеву“.

Далѣ говорится о томъ, какъ Илья Муромецъ схватилъ Соловья-Разбойника, привезъ его въ Киевъ, привязаннаго къ стремени, и заставилъ по требованію князя Владимира „свистать по соловьиному, прошипѣть по змѣиному“.

Въ якутской сказкѣ, записанной г. Борисовымъ въ Верхоянскѣ и представляющей нѣкоторыя родственныя черты съ Арджи-Борджи, упоминается Тунгусъ Арджаманъ-Джарджаманъ. У Бурятъ есть слово: арджигаръ-борджигаръ; такъ, по показанію миссіонера природнаго Бурята о. Яе. Чистохина, Буряты зовутъ человѣка съ длинными волосами и длинными зубами. Вѣроятно сказочный терминъ. См. прим. 44 къ гл. III, гдѣ приведено парное харь-нарь, „мѣсяцъ—солнце“. Не было ли парныхъ, въ которыхъ вмѣсто нарь стояло бы баръ. Въ № 49, вар. 2, а Бамба-шиту есть тигръ, по монгол. баръ, а въ № 139 ему соотвѣтствуетъ Дава, то-есть, солнце. Ср. наши формы сербаринникъ, шербаринникъ, „шиповникъ“, скарбариха, *Rubus caesius* (Анненковъ, Бот. Слов., 303); боровъ-серунъ въ сказкѣ о Коростѣ, записанной г. Адриановымъ въ Бійскомъ округѣ Томской губерніи.

60. Аю-чикты-ханъ.

У Бергмана (*Nomadische Streifereien unter d. Kalmücken, Riga, 1805*) помѣщенъ вариантъ этой сказки подъ названіемъ *Go-Tschikitu*. Въ примѣчаніи Бергманъ говоритъ, что въ другихъ вариантахъ часто вмѣсто *Го-Чикиту* стоитъ *Ожоо-Тschikitu*. Такъ называется не ханъ, а гонимый царевичъ; товарищъ его гоненій не братъ, а сестра *Aerdäni-Zäzäk*; имя ихъ отца—*Uennäkär Törölkitu*; злой духъ, который входитъ въ дочь пастуха и потомъ становится женой хана, называется *Allalaranga (Alabunga)*. Въ предисловіи къ этой сказкѣ Бергманъ говоритъ, что *Го-Чикиту* или *Ожо-Чикиту* есть одно изъ воплощеній *Хонджимъ-Бодисады*; ср. съ *Аю-Бодисатой* нашего № 68. Убѣжище гонимые находятъ въ странѣ *Schamprala*, которая находится подъ управленіемъ *Кутуету*; въ эту страну направляетъ ихъ *Ajalgo*, главный министръ хана. Ср. съ *Шигустей-Кутуету*, къ которому отвозятъ на воспитаніе преслѣдуемаго младенца въ *Алтанъ-Тобчи*, стр. 62. Имя *Шонъ-Доитъ* въ вар. 6 ср. съ *Шанъ-Тондубъ* въ № 139. Черезъ этотъ номеръ сказка объ *Аю-Чикты-ханѣ* примыкаетъ къ сказкѣ о *Бамба-Шиту* и его братѣ

(№ 49, вар. 2, а). Въ иранскомъ разказѣ (цитированномъ А. Веселовскимъ изъ Шпигеля, Сказанія о Соломонѣ, стр. 118) о Тахмурасѣ (Takhtō-uraris) человѣкѣ, отыскивающей трупъ своего брата, называется Джемъ. Вопросъ Аримана, чего боится Тахмурасъ, находитъ себѣ параллельное мѣсто въ сказкѣ о Балынъ-Сенге. Въ Авестѣ Джемшидъ (Джемъ) кончаетъ свою жизнь тѣмъ, что Зохаекъ велитъ распилить его пополамъ. Сожженіе ханской жены въ № 60 ср. съ концомъ жены Сулейманъ-Пейгамбара въ кыргызской сказкѣ (Иллюстр. міръ, 1881 г., № 7). Имена Шоно, Шонъ, Шанъ напоминаютъ одного изъ братьевъ въ № 59, именно Шоновъ-Хобунъ-Шолгу. Сказаніе о гонимыхъ царяцкю (мачихою) царевичахъ встрѣчается въ нашей Иоакимовской лѣтописи въ разказѣ о самобратахъ Борисѣ и Глѣбѣ и о Святохнѣ. Г. Веселовскій упоминаетъ новеллу о Мерлинѣ, въ которой у царя Ирода было семь мудрецовъ; они учатъ царя отыскать Мерлина, то-есть, дитя, рожденное безъ отца; новелла кончается тѣмъ, что семь мудрецовъ лишаются своихъ головъ. Не передѣлана ли новелла изъ народнаго разказа, въ которомъ Мерлинъ былъ сыномъ Ирода, и семь мудрецовъ не явились ли на мѣстѣ гонительницы мачихи?—Названіе старшаго брата ср. съ аю, татарск. „медвѣдь“, шово монгол. „волкъ“; бамбу № 49 ср. съ тунг. амба, „тигръ“.

61. Сартантай.

См. Оч., II, 80, 170 и прим. 86 въ V гл. Замерзаніе Сартакталя въ озерѣ (вар. а) ср. съ подобнымъ же эпизодомъ у Радлова (Proben, IV, 61) о Акъ-Кобокѣ и Самыръ-Казанѣ, а также въ настоящемъ выпускѣ, № 47, вар. б. У Рашидъ-Эддина (Зап. Археолог. Общ., XIV, 132) говорится, что Чингисъ-ханъ правителя племени Карлукъ переименовалъ изъ Арсланъ-хана въ Арслана Сартскаго, то-есть, Таджики; такъ понято и переведено г. Березинскимъ; въ текстѣ же, какъ видно изъ подстрочнаго примѣчанія, стоитъ: въ Арсланъ-Сартакты. Карлыкъ въ восточномъ Тьяньшанѣ—бѣлки, снѣговья горы (ср. сарлыкъ по халхасски, харлыкъ по бурятски, „тибетскій быкъ“); сардыкъ—бѣлки въ восточномъ Саянѣ у Бурятъ и Дархатовъ. Шмидтъ также принимаетъ за Малую Бухарію имя Сардакчинъ у Сананъ-Сээна (Gesch. d. Ost-Mong., 91 и 384), съ владѣтелемъ котораго Амбагай-ханомъ ведетъ войну Чингисъ-ханъ на Байгаль-муренѣ. Въ русской былинѣ Сартакъ—зять царя Калина (Пѣсни, собр. Кирѣевск., в. 1, отд. IV, стр. 72); въ другихъ зять татарскаго хана называется то Лукоперомъ, то Тараканчикомъ Корабликовымъ (Пѣсни, в. 2, стр. 93 и Рыбинск., I, 174). Подъ Сартактаемъ сказанія разумѣютъ устроителя земли, богатыря, который проводилъ дороги (ср. въ Изв. Русск. Геогр. Общ., 1881, т. XVII, в. 4, стр. 249, съ кумандинскимъ преданіемъ о Ташъ-богатырѣ), каналы, наливалъ озера, насыпалъ горы, мостилъ мосты, въ родѣ нашего Егорія или нашей Ольги. На востокѣ онъ смѣняется Чингисъ-ханомъ, а въ Танну-олѣ Кезеромъ, котораго впрочемъ Урянхайцы сливаютъ съ Чингисомъ (№ 42, вар. е); Алтайцы же имя Кезерь сливаютъ

съ Сартактаемъ (№ 61, вар. *д*). У Рашидъ-Эддина (Зап. Археолог. Общ., стр. 157): Хоро-Хаджаръ багадуръ и Сартакъ-багадуръ были братья. У него же въ другомъ мѣстѣ оба имени сливаются въ одно: Сартакъ-Куджоръ (стр. 118), подобно тому, какъ у Радлова, *Prov.*, I, 188: Сартактай-Кезеръ. Сартактая (вар. *д*) сѣждаютъ котунскія собаки; вѣроятно—то же, что китайскія, сѣвшія Кэзэра (вар. *э*). Двѣ собаки у богатыря встрѣчаются во многихъ сказкахъ (см. стр. 284); Ковдей-мергенъ, охотящійся за тремя оленями, то-есть, за Оріономъ, также имѣетъ двухъ собакъ (№ 38, вар. *е*); если подѣ Кокдеемъ разумѣть созвѣздіе Большой Медвѣдицы, то пару собакъ можно видѣть въ двухъ звѣздахъ Дракона, которыя киргизскими и татарскими сказаніями ставятся въ связь съ созвѣздіемъ (стр. 711). Китайскими они могли назваться потому, что созвѣздіе могло носить имя Киданъ-ханъ вмѣсто нынѣшняго Итыганъ или Джитыганъ. Первый членъ этого имени также могъ подать поводъ къ представленію о собакахъ; собака по кирг. ить, по чувашски йида, по тува-урянхайски гыть. У Верхоянскихъ Тунгусовъ утинга, „волкъ“ (*Melang. asiat.*, tirés du Bull. de l'Ac. des sc., t. VIII, 26 avr. 1877, p. 370); не это ли слово, спариваясь съ монгольскимъ нохой, дало монгольское повѣрье о большой, съ корову, тангутской собакѣ, тангутъ-нохой. Ср. даньхэ, „собака“ у Киданей (Васильевъ, въ Зап. Археолог. Общ., т. XIII, стр. 191). Преданія о слѣдахъ богатыря разказываются у насъ объ Ильѣ Муромцѣ; см. Пѣсни, собр. Кирѣевск., в. IV, прилож., стр. XXXII. Легенды о камняхъ, насыпанныхъ чертомъ, см. въ Этн. Сборн., III, 181, а также у Векенштедта (*Wendische Märchen*, Graz, 1880, S. 298) о чортѣ (по вендски *zart*), оставившемъ слѣды ногъ и сидѣнья на камняхъ; онъ бросалъ каменья, которые и теперь показываютъ. Сартакъ ср. съ якутскими формами: Ордахъ-сюэ, Сюрдюгъ-сюга, которыя иногда переводятъ „злой топоръ“. Сырдыкъ у Бетлинга (стр. 164) „свѣтъ“, „святой“ по одному нами записанному показанію: „мѣсяцъ“.

63. Начало намства.

Вар. *а* ср. съ сказаніемъ о знакѣ на лицѣ Таинъ-Тирхина отъ сабельнаго удара (Оч., II, 157) и о Шидыранѣ, рождающемся со знаками казни на тѣлѣ (Оч., II, 169).

64. Тарханъ-бо.

Любезности В. П. Васильева мы обязаны слѣдующею выпиской изъ китайскаго сочиненія Монгу-ю-муци (гл. VII, л. 26): „Въ толкованіи на стихи въ честь Хорина Ёлюй-Дао-шуана сказано: городъ Хоринъ находится въ древнемъ мѣстопребываніи Би-кя кэ-хана (Буха-хагана). При нашей династїи (т. е. Юаньской) Тайцзунъ (т. е. Угэдэй) обнесъ его стѣной и построилъ въ немъ дворецъ Ванъ-анъ-гунъ. Въ 70 ли на с.-з. отъ города находятся развалины дворцоваго города (дворца и города?) Би-кя-кэ-хана; на с.-в.

въ 70 ли находится монументъ Цюэ (Кюэ)-Тэ-гинь'я (Тэ-цзинь) съ надписью Танскаго императора Минь-хуана (Минь-ди) годовъ правленія Кай-юань (713—742). По исторіи Тукюэ, помѣщенной въ Танской исторіи, Кюэ-Тэгинь былъ сынъ Гу-ду-ду кэ-хана и младшій братъ Бигя-кэ-хана. Ему было Кюэ (Цюэ), а братья и сыновья кэ-хана называются тэгинь (тэ-цзинь). Въ 19 году Кай-Юань (732 г.) Кюэ-тэгинь умеръ, и императоръ отправилъ цзянь-цзюня Чжань-цзюй и лань-чжуна Люй-сана съ грамотой для принесенія жертвы и постановленія памятника, для котораго императоръ самъ составилъ надпись, велѣлъ соорудить особый храмъ, вырубить каменную статую; и эта статуя существуетъ донныѣ (то-есть, при Юаньской династіи). Какъ въ заголовкѣ памятника, такъ и въ самомъ текствѣ, вездѣ стоитъ Тѣ-цзинь (гинь), но въ новой Танской исторіи вмѣсто цзинь вездѣ пишется лэ. Это ошибка. У всѣхъ Тукюэцевъ обычай и теперь называть сыновей и братьевъ кэ-хана тэ-цзинь согласно съ надписью на памятникѣ⁴. Къ этому переводу В. П. Васильевъ отъ себя прибавляетъ: „Очевидно, что тэцзинь то же, что нынѣшнее тайцзы, тайчжи, какъ называются у Монголовъ всѣ происходящіе отъ княжескаго рода“. У Иакинава, Собр. свѣд. о нар. средн. Азій, ч. I, отд. II, стр. 332, братъ Бигя-хана Могиляня названъ Кюэ-Дэлэ; китайскіе іероглифы цзинь и лэ дѣйствительно похожи. Не относится ли это извѣстіе къ каменной бабѣ на р. Эгѣ? Намекъ на какое-то внѣшнее распоряженіе къ чествованію бабы заключается въ нашемъ вар. 1. Цюэ-тегинь ср. съ Саинь-Тэгинь, по поводу котораго Рашидъ-Эддинъ разказываетъ исторію приглашенія шамана въ качествѣ цѣлителя (Зап. Археолог. Общ., IV, 52).

Даннь-тере-тархань-бѣ ср. съ Таинь-Тирхинь (Оч., II, 157); Таинь = Даннь, Тирхинь = Тархань; бѣ по монг. значитъ шаманъ, чѣмъ былъ и Таинь-Тирхинь; наконецъ, членъ тере значитъ „небо“, а Таинь-Тирхину также придаютъ имя Таинь-Тэнгирь, гдѣ тэнгирь есть монгольское „небо“. Сходны и сюжеты: похищеніе женщины и казнь похитителя. По видимому, алтайскія и монгольскія легенды объ этомъ шаманѣ относятся къ тому шаману, о борьбѣ котораго съ Чингисъ-ханомъ разказывается въ нижнихъ сказаніяхъ. Въ этихъ сказаніяхъ шаманъ называется Буть-тэнгри (Зап. Археолог. Общ., XIV, 158) или Тѣбъ-Тэнгэри (Юаньчаомиши, 136). Формы тэнгэри, тэнгри не суть ли варіаціи имени Чингисъ? Самыя сказанія тоже смѣшиваютъ противниковъ. Такъ, по алтайскому сказанію, шаману придается имя Тархань; по монгольскому Чингисъ также назывался дархань (кузнецъ); см. у Тимковскаго, Путеш. въ Китай, I, 169; Oppert, Presbyter Johannes, Berlin, 1864, S. 59. Трехдневная смерть Тѣбъ-Тэнгэри какъ будто находитъ себѣ отголосокъ въ трехдневномъ укрывательствѣ Чингиса въ горѣ; см. прим. къ № 47. Имя Тѣбъ-Тэнгэри, вѣроятно, есть то же самое, что Тубуть-Тангри у Абульфараджа, а онъ это имя прилагаетъ къ самому Чингису. Полнаго разъясненія этихъ сказаній нужно ожидать отъ собранія сибирскихъ сказокъ и повѣрій, потому что, кажется, всѣ эти имена относятся не къ лицамъ монгольской исторіи, а къ божествамъ, и теперь еще почитаемымъ въ Сибири. Даннь-Тэнгирь ср. съ якутскимъ Ан-Тангара, Богъ-

создатель; Ага-Тангара, отецъ-Богъ; Тарханъ ср. съ Анъ-дарханъ, Анъ-дарханъ-хогунъ, богиня вселенной и растений (Поряд., Якут. сл.). Татищевъ имѣлъ свѣдѣніе о какомъ-то Делчи (Темучинъ?) — Тарханъ-тегинъ, который, поселившись между Бурятами и Якутами, разобщилъ ихъ (Н. Поповъ, „Н. В. Татищевъ“, М., 1861, стр. 710). Тубуць-тангри (ср. съ Тенгриинъ-кубунъ у Банзарова; см. выше стр. 803) Оппертъ толкуетъ: „духъ покровитель Тибета“ и думаетъ, что изъ этого слова западные писатели сдѣлали Давидъ, имя, подъ которымъ является то сынъ пресвитера Іоанна, убиваемый Чингисомъ, то самъ Чингисъ. Не вѣрнѣ ли видѣть въ „тубуць“ собственное имя духа покровителя? Другое имя Чингиса — Темучинъ; ср. переходы: теме, „верблюды“ по монгольски, „тебѣ“, idem на языкѣ Хасутовъ-урянхайцевъ на Косооголѣ. Тубуць ср. съ остяцк. *tabet*, „семь“. Упоминаемый Банзаровымъ шаманъ Чингисъ-Хаджиръ (см. прим. къ № 47), вѣроятно, тотъ же божественный шаманъ Тарханъ-бо. Злой характеръ, который приписываютъ сказанію шаману, иногда приписывается и Чингису; онъ похититель женщины, узурпаторъ, нѣкоторые сказанія представляютъ его скотокрадомъ или разбойникомъ (Oppert, *Der Presbyter Johannes*, S. 59). Съ другой стороны шаману, по видимому, приписывалось божественное происхождение; ср. его имя Кууджу у Рашидъ-Эдина съ Кууджу у Радлова (Proben, I, 424), котораго полное имя: Курбусту Тэнгрэкэй-Кууджу-Пурханъ-Паеши.

Къ вар. *a*. У Радлова въ призваніи шамана о превращеніи дождя: „предка моего Паштыгашъ я призываю“ (Вост. Обзор., № 7, стр. 12)! Тогошъ не слѣдуетъ ли раздѣлить на два члена: тошь и тогошъ? Тошь по урянхайск. свинья; эта форма образовалась изъ болѣе полной тонгусъ, свинья, чрезъ выпаденіе носоваго звука; тогошъ, можетъ быть, версія той же формы съ выпаденіемъ только носоваго н. Въ сказаніяхъ встрѣчаются сходныя формы: Тонгусъ, Тенгисъ, Мангысъ, и пр. Якутская сказка, описывающая, какъ Тунгусъ отнимаетъ жену у Боско, и какъ тотъ вновь возвращаетъ ее себѣ, убивъ Тунгуса, можетъ быть, представляетъ болѣе дѣльную обработку того же сюжета, который заключается въ отрывкахъ о Тарханъ-бо и Дайнъ-Гирхинѣ. Тонгусъ, „свинья“, „вепрь“, на языкѣ Османлы-Турковъ произносится *domuz*. Семитическій богъ Тамузъ по Маймониду былъ убитъ за вовѣщеніе новаго культа (семи планетъ), то-есть, за нарушеніе стараго? По другимъ свидѣтельствамъ, Тамузъ любилъ Ва'altl (Венеру) и похитилъ ее отъ мужа; когда послѣдній вышелъ искать жену, Тамузъ убилъ его; но потомъ на самаго Тамуза напала свинья и разорвала его. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ смерть еще иначе описывается; убилъ его Марсъ, принявъ видъ вепря (Chwolsohn, *Die Ssabier und der Ssabismus*, II, 206). Тамузъ, подъ именемъ *Dumu-zi*, былъ извѣстенъ уже Аккадцамъ (Lenormant, *Langue primitive et les idiomes touraniens*, Paris, 1875, p. 442); не слѣдуетъ ли Тамуза считать за божество, заимствованное Семитами у не семитскихъ аборигеновъ Передней Азіи?

Къ вар. *a*. Появленіе въ разказѣ двухъ сжигаемыхъ лицъ вмѣсто од-

ного можетъ быть объяснено соединеніемъ въ одинъ разказъ двухъ вариантовъ. Дарованіе ханомъ прозвища за особенное искусство или знаніе встрѣчается и въ другихъ разказахъ; ср. объ Илгисынъ-гэгэнъ (№ 51, вар. е); Чингисъ-ханъ пожаловалъ Бадаю и Кишлику тарханство (Зап. Археол. общ., т. XIV, стр. 166; Юаньчаомиши, 124); Косогольскіе Дархаты получили дарханство отъ Китайскаго императора (за намѣну своему князю, равно какъ и Бадай и Кишликъ); званіе Дай-дарханъ пожаловано Дайнъ-ханомъ семи старѣйшинамъ, которые помогли хану спастись бѣгствомъ изъ сѣчи (Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mong.*, 189); ср. также въ Восточн. Сборн., С.-Пб., 1872, I, стр. 39, разказъ объ архаунѣ Чэби, получившемъ отъ Китайскаго императора тарханство за излѣченіе царевича посредствомъ напитка. Отсѣченіе лапы у Ерликовой собаки, которое совершаетъ Газыръ-гамъ, напоминаетъ сходнаго по имени Хасара, брата Чингисова, который, по Сананъ-Сэцану (*Gesch. d. Ost-Mong.*, 101), попадаетъ стрѣлой въ колѣно старухѣ, насмѣяющей морь на Чингисово войско. Повѣрья о самоубійствѣ шамановъ распространены отъ Алтая до Байкала; г. Ядринцевъ слышалъ въ Алтай преданія о шаманѣ, который бросился въ рѣку Аргутъ. Эти болѣзненные явленія могутъ быть объяснены тѣмъ, что шаманы иногда люди, находящіеся въ ненормальномъ состояніи; роль шамана и для здороваго человѣка не можетъ быть привлекательною; нѣкоторые шаманы съ трудомъ несутъ наложенное на нихъ природой или обстоятельствами бремя. Русскіе прикащики въ Кобдо разказывали намъ объ одномъ монгольскомъ шаманѣ (гурьтунѣ), жившемъ и дѣйствовавшемъ въ куренѣ хошуна Цзахачинъ, что онъ жаловался на свою судьбу, сдѣлавшую его шаманомъ. Занятіе его было такъ тягостно для него, что онъ готовъ былъ бы, говорилъ онъ, — бѣжать въ Россію, еслибы было возможно тайно скрыться отъ своихъ земляковъ и надѣяться не быть выданнымъ. Кромѣ утомительнаго физическаго труда, и можетъ быть, болѣзненнаго состоянія во время шаманскаго дѣйствія, положеніе шамана отягчается еще народнымъ ропотомъ въ случаѣ неблагопріятнаго исхода предсказанія, а также, можетъ быть, и собственными сомнѣніями. Свѣтицизмъ явленіе не чуждое шаманистамъ; разказы, что шаманы — обманщики, случается часто слышать отъ мѣстныхъ жителей, и ихъ не слѣдуетъ приписывать постороннему вліянію; шаманистъ и безъ посторонняго вліянія имѣетъ поводы повѣрять своимъ вѣрованіямъ, отъ которыхъ онъ ждетъ результатовъ вещественныхъ, а не духовныхъ. Поэтому случается слышать разказы о томъ, какъ простой Алтаецъ бросается на шамана во время камланья, бьетъ его и разбиваетъ въ щепки его бубенъ, или какъ другой шаманистъ, убѣдившись въ безсиліи онгоновъ помочь ему, выбрасываетъ ихъ, негодую на то, что такъ долго обманывался на ихъ счетъ.

Къ вар. б. Въ исторіи Грузіи царевича Вакухта есть разказъ о царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ, который совершаетъ походъ противъ Осетинъ для возвращенія своей сестры, увезенной еще тогда, когда ей было три года. Царь вступаетъ въ поединокъ съ казарскимъ богатыремъ Тарканомъ, отрубаетъ ему голову и увозитъ съ поля (Brosset, *Hist. de la Georgie*, P. I, l. I, p. 150 et 157;

Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 58—61).—Объ улыбающейся отрубленной головѣ см. въ Юаньчаомиши (стр. 100); разказъ этого сказанія очевидно находится въ связи съ теленгитскимъ; Дайнь ср. съ Таянъ, именемъ найманскаго хана; отрубленная голова принадлежитъ не Таяну, какъ слѣдовало-бы для согласія съ теленгитскимъ сказаніемъ, а Вану; это, вѣроятно, произошло отъ перестановки именъ персонажей. У Сананъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 111) помѣщенъ слѣдующій разказъ о введеніи буддизма въ Монголію: Гаданъ, ханъ монгольскій, заболѣлъ отъ власти дракона и послалъ Дорда-Тархана изъ рода Оймагутъ звать Сакія-Пандиту. Святому мужу доложили, что пріѣхалъ посоль въ шапкѣ, какъ будто ястребъ сидитъ (уйль-брюкъ?). Сакія-Пандита поѣхалъ, исцѣлилъ Гадана и многихъ обратилъ на путь истинный. Не есть ли это эпическая передача поѣздки шамана въ царство Ерлика по душу заболѣвшаго? Ср. съ разказомъ о первомъ насадителѣ христіанства въ Китаѣ Сэлигисы и его дѣдѣ Чэби (Восточ. Сборн., С.-Пб., 1872, т. I, в. 1, стр. 39) и съ мусульманскими сказаніями Казанскихъ Татаръ о первыхъ проповѣдникахъ ислама въ Поволжьѣ. Окаменѣніе въ русскихъ сказкахъ постигаетъ Удадь-молодца (Нар. ск., изд. Эрленвейна, 50—72), Гнать-булата (Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край); ср. съ финскою о Лерраролку (Mel. russes, 1851—1855, т. II, р. 614) и съ аварскою о Езень-Зулхарѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. II, „Аварск. ск.“, стр. 39), а также съ русскимъ преданіемъ въ Вятской губерніи о богатыряхъ Онохѣ и Никулицѣ; въ послѣдней окаменѣваютъ друзья Онохи, не успѣвшіе до пѣтуховъ вернуться съ самоцвѣтными камнями для Никулицы. Во всѣхъ приведенныхъ сказкахъ окаменѣніе соединено съ сватовствомъ за дѣвицу; въ вятскомъ преданіи Оноха сватается за дочь богатыря Никулицы, у котораго семь богатырей. Но не называлась ли послѣднимъ именемъ сама добываемая дѣвица (имѣющая иногда семь братьевъ)? Никулица ср. съ именемъ вотяцкаго божества: Му-колчинъ, Му-колчинъ, Ость-Колчинъ. Въ русскихъ былинахъ Добрыня Никитичъ обращенъ въ тура Марьей Игнатьевной (Кирѣев., в. 2, стр. 45), и Михайло Потыкъ заключенъ въ камень Настасьей Лебедью бѣлой Лиходѣвной (Рыбн., I, 213). Настасья Микулишна жена или Добрыни Никитича или Данилы Ловчанина. Разказъ о казни Онохи ср. съ былиной о Дунаѣ (туно—колдунъ, вѣщій у Вотяковъ), который жилъ съ Настасьей, дочерью короля въ Литвѣ. Сказаніе объ обезглавленномъ шаманѣ ср. съ классическимъ мифомъ о Персеѣ: отрубленная голова Горгоны; окаменѣніе. Персей поднесъ голову Аѳинѣ; въ азіатскихъ сказаніяхъ: голова Вана въ рукахъ Гурбэсу (Юаньчаомиши, стр. 100), голова Гесерова брата въ рукахъ Рогмо-гоа (стр. 818); Мырадылъ подноситъ голову Тохтамыша его женамъ (Radloff, Proben, IV, 54); въ нашихъ былинахъ Алеша подноситъ голову Тугарина Владиміровой женѣ Опраксѣ.

Къ вар. е. Неуязвимость Тарханъ-бо сближаетъ его съ Шидырваномъ. Подобное же разказывается въ Крыму (въ Алуштѣ) о Чора-батырѣ, на Кавказѣ о дѣвочкѣ, которую не могли ни сжечь, ни утопить, пока Тхость не наложилъ на нее оковы (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, стр. 15), а у Зырянъ—

о агъ-мортѣ (Изв. Общ. любит. естествознан., антр. и этн., XIII, в. 2, стр. 19—20). Чора-батырь (ср. съ Джоро, именовъ Гесерь-хана, стр. 817) былъ колдунъ; его рѣзали и другимъ способомъ терзали, но не могли убить; мать его сказала палачамъ: „Что бы вы ни дѣлали, вамъ не убить его!“ Кто-то нашелся однако и совѣтовалъ бросить его въ море; бросили, и онъ утонулъ; теперь онъ лежитъ въ морѣ и стережетъ сокровища (запис. г. Калачевымъ въ Алуштѣ; о сокровищѣ, хранящемся на небѣ или на днѣ озера см. Mannhardt, Germ. Myth., 150, 198, 269 и 642). Ногайцы ждуть возвращенія Чоры; когда положеніе ихъ дойдетъ до крайности, Чора выйдетъ изъ нѣдръ земли и освободитъ Ногайцевъ (Кандараки, Опис. Крыма, 1875, т. III, ч. IX, стр. 100). Ср. съ нашими былинами о Егоріѣ Храбромъ: пилы его не берутъ, въ кипяткѣ онъ не тонетъ. Врагомъ Егорія являются: Феодоръ, его собственный отецъ (Кирѣевск., Пѣсни, I), царь Кудреянице (ib., стр. 15), царь жидовскій Діоклитіанище изъ града Китаева (ib., стр. 23), царь Дадіанъ (корни жидъ и татъ часто замѣщаются; напримѣръ, въ названіяхъ растенія *Cirsium*: татаринъ, дѣдовникъ, жидовское кресло; см. также прим. къ № 66), у котораго подъ вѣдомствомъ „семь“ царей (семьдесятъ царей) или царь Агапей въ царствѣ Рахлинскомъ (ср. съ Арахалунъ, чудовище, глотающее луну; Тимковскій, Путеш. въ Китай, ч. III, стр. 372). Преданія о первомъ и самомъ могущественномъ шаманѣ есть и у другихъ народовъ сѣверной Азіи. Г. Хангаловымъ записано два бурятскія преданія, одно о шаманѣ Бохоли-хара, другое о шаманѣ Моргонъ-хара (Изв. Вост. Спб. Отдѣла Русск. Геогр. Общ., т. XI, № 1 и 2, стр. 87 и 89). Бохоли-хара имѣлъ книгу, полученную отъ Эсэгъ-Маланъ-Тэнгри, не уступалъ въ силѣ богамъ и даже однажды создалъ ребенка для одной бездѣтной женщины. Объ этомъ узналъ Эсэгъ-Маланъ; три посла его подъ видомъ ламъ спустились на землю, взяли душу новорожденнаго и унесли на небо; Эсэгъ-Маланъ обратилъ ее въ муху, помѣстивъ въ бутылку и отверстие бутылки заврылъ пальцемъ; Бохоли-хара, по просьбѣ матери, сѣлъ на бубенъ и возлетѣлъ на небо; обратившись въ осу, онъ ужалилъ Эсэгъ-Малана въ лобъ (у Грековъ былъ *Jupiter muscarius*, напустившій мухъ на Алфея, и были изображенія Юпитера съ мушинными крыльями на щекахъ) см. Böttiger, Ideen z. Kunst-Mythol., Leipz., 1850, В. II, S. 139); богъ хотѣлъ убить осу, отнялъ палецъ отъ бутылки и освободилъ душу. Бохоли-хара изловилъ ее, оживилъ ребенка и похвалился своей силой. За это Эсэгъ-Маланъ разорвалъ его внигу и разрубилъ его бубенъ пополамъ. Девять сыновей Эсэгъ-Малана упросили отпустить шамана на землю, потому что онъ возвращаетъ съ земли стрѣлы, пускаемыя ими съ неба (ср. Mannhardt, Germ. Myth., 141: о громовомъ молотѣ Тора, возвращающемся всякій разъ въ руки бога; Holtzmann's Indra въ Zeitschr. d. deut. Morgenl. Gesell., 1878, В. XXII, Н. II, s. 296: о копѣ Индры. По южнорусскому повѣрью громовая стрѣла черезъ семь лѣтъ по ударѣ выходитъ на дневную поверхность; Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., вып. I, стр. 1. Въ осетинской сказкѣ Сосрыко возвращаетъ на гору спущенный съ нея камень абра; см. Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. На-

родн. сказ. горцевъ, стр. 54. Эсэгэ-Маланъ все-таки осудилъ шамана скакать на черномъ камнѣ до тѣхъ поръ, пока сотрется камень, или изотрется самъ шаманъ. Если камень сотрется, Бохоли-хара вернется на землю; если онъ самъ, то погибнетъ шаманство. Бохоли-хара надѣлъ желѣзные сапоги и началъ скакать; камень стирается, и пришествіе Бохоли-хара наступаетъ. Въ другомъ бурятскомъ вариантѣ о первомъ шаманѣ Моргонъ-хара (ср. съ Абырганъ-джиланъ, Амрыкъ-могай и пр.) отъ скаканья на черномъ камнѣ величиною съ корову (о „черномъ коровьемъ камнѣ“ укыр-хара-чило, см. 14 прим. къ III гл., стр. 744) не камень, а самъ шаманъ истирается. Скаканье на камнѣ ср. съ шаманомъ, который, отправясь къ Ерлику по душу больного, долженъ прыгать между припадающими краями земли и неба (стр. 65 и 37 прим. къ II гл.). Въ Далмаціи близъ Imoschi есть рядъ отдѣльно стоящихъ скалъ и земляныхъ холмовъ, которые называются скаковыми камнями Мариа Кралевича, потому что Марко скакалъ на нихъ, когда былъ мальчикомъ. Въ Албаніи также въ двухъ мѣстахъ указываютъ слѣды прыгавшаго съ одной горы на другую Deli Marku (Hahn, Alb. Stud., 85). Второй членъ въ названіяхъ бурятскаго шамана, хара, ср. съ бурятскимъ хара „мѣсяцъ“. Огонь въ алтайской загадкѣ загадывается: „красноголовая старуха ржетъ и скачетъ“. Въ нартовскихъ сказаніяхъ Кавказа Сосрыко пляшетъ на камняхъ и истираетъ ихъ въ песокъ (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. 1, стр. 33). Въ бурятскомъ вариантѣ о Бохоли-хара книгу шамана съѣлъ баранъ, но Бохоли-хара заколдовалъ его и на его лопаткѣ прочиталъ все; вотъ почему шаманы ворожатъ на лопаткѣ. Повѣрья о съѣденной короною книгѣ есть у Алтайцевъ (Вербицкій, „Зап. миссіонера“, въ Правосл. Обзор. за 1866 г.), у Чувашей (Сбоевъ, Изсл. о инород. Казан. губ., стр. 65) и у Васюганскихъ Остяковъ. Въ старину однажды Остякъ пригласилъ Русскаго идти вмѣстѣ на промыселъ; въ лѣсу они не оставляли другъ друга и не расходились далеко. Однажды они шли вмѣстѣ по дугу, какъ вдругъ увидали, что съ неба передъ ними падаютъ двѣ калія-то бумаги. Русскій сказалъ: „Богъ спустилъ съ неба потому двѣ бумаги, что насъ двое; одну онъ спустилъ для меня, другую для тебя. Выбирай же себѣ ту, какую ту желаешь, а я возьму ту, которая останется“. Взяли каждый по бумагѣ; Русскій прочиталъ свою бумагу и положилъ за пазуху; Остякъ подержалъ свою бумагу въ рукахъ, посмотрѣлъ, что въ ней написано, и положилъ на пень, сказавъ: „Когда будемъ возвращаться съ дневнаго промысла къ нашему стану, тогда возьму ее“. Возвращаясь къ стану, они подошли къ пню, гдѣ была положена Остякова бумага; ея не оказалось; по слѣдамъ вокругъ пня промышленники догадались, что тутъ проходилъ лось и съѣлъ бумагу. Вотъ потому-то, говорятъ Остяки, — у насъ нѣтъ своей остяцкой грамоты (сообщ. свящ. П. Красновымъ). — Третій бурятскій вариантъ о древнемъ шаманѣ, ничего новаго не прибавляющій къ предыдущимъ, напечатанъ Шашковымъ по рукописи Бурята Балдонова (Живопоисн. Обзор., 1879, № 19, стр. 414); шаманъ названъ Хара-Гыргенъ. Наконецъ, вѣроятно, то же мнѣнческое лицо нужно видѣть въ шаманѣ Убукгунѣ Улукчиновѣ въ разказѣ г.

Стукова (Зап. Спб. Отд. Геогр. Общ., т. VI, стр. 164); этот шаманъ, кромѣ того, что онъ обладалъ даромъ чудотворенія, описывается, какъ главный противникъ буддизма, съ которымъ приходилось бороться ламамъ при введеніи новой вѣры въ Забайкальи. Онъ иногда и теперь возрождается въ видѣ медвѣдя и другихъ животныхъ, чтобы вредить ламанстамъ. Легенды о немъ г. Стуковъ сообщаетъ по случаю медвѣжьяго праздника у Бурятъ, на которомъ ему пришлось присутствовать; убитый тогда медвѣдь также былъ принятъ Бурятами за новое воплощеніе Убукгуна. Убукгунъ по бурятски „старикъ“; убукъ—„медвѣдь“ (стр. 161). Это же имя Эбугъ, Eboukéne, дается Бартанъ-багадурю (см. у Рашидъ-Эддина, Труды Вост. Археолог. Общ., XIII, 68 и Aboulgazi, trad. par Desmaison, p. 73), который былъ пригвожденъ къ деревянному ослу. У Киргизъ также, по видимому, были легенды о первомъ шаманѣ. Въ одной рукописи Чокана Валиханова упоминается, что первый киргизскій шаманъ назывался Хорхутъ; онъ научилъ Киргизъ играть на кобыѣ и пѣть пѣсни. О немъ есть легенда, говоритъ Валихановъ, — но самой легенды не приводитъ (хорхо, монгол. „червь“; см. въ прим. 46 къ гл. III о смѣшеніи червя съ змѣей). Выше и ниже этого мѣста о Хорхутѣ онъ говоритъ о томъ, что шаманисты боялись смерти, и что бѣгство отъ смерти, постыдное съ мусульманской точки зрѣнія, составляетъ одинъ изъ постоянныхъ мотивовъ легендъ шаманскихъ народовъ. Изъ этого контекста можно заключить, что самое имя шамана народнымъ доммысломъ ставилось въ связь съ татарскимъ глаголомъ хорк, „бояться“. Кастрень сообщаетъ о самоѣдскомъ шаманѣ Уриерѣ, мудрѣйшемъ и могущественнѣйшемъ изъ всѣхъ шамановъ; онъ съ двумя женами на нартахъ поднимался на небо. (Этн. Сборн., IV, 298). Вѣроятно, къ такому же вѣщему шаману относится разказъ Третьякова о шаманѣ, влетѣвшемъ на луну (Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 415) и сообщеніе Фердинанда Миллера о древнемъ шаманѣ, который въ то же время былъ и разбойникъ (Müller, Unter Timgusen und Jakuten, Leipz., 1882. S. 114). У Васюганскихъ Остяковъ свящ. о. Красновымъ записано слѣдующее сказаніе: Въ старину жили одновременно два какіе-то мудрые старика (подъ „мудрымъ старикомъ“ въ разказахъ Остяковъ разумѣется обыкновенно или богъ, или дьяволъ, или шаманъ; кого слѣдуетъ разумѣть въ помѣщаемомъ разказѣ, сами Остяки не знали). Эти старики изслѣдовали и узнали все существующее на землѣ; умъ ихъ однакожь не могъ успокоиться и ограничиться познаніемъ одной только земли; познавъ землю, онъ сталъ стремиться къ другимъ, еще большимъ знаніямъ: къ познанію неба и того, чтѣ есть подъ землею. Старики сообщили другъ другу о томъ, чѣмъ занята ихъ мысль, и сказали: „Намъ непремѣнно слѣдуетъ узнать, что такое небо, какой тамъ свѣтъ и что тамъ есть, а также нѣтъ ли и подъ землею свѣта? Съ этою цѣлью одинъ изъ насъ долженъ идти на небо, другой—подъ землю“. Какъ старики рассудили, такъ и сдѣлали. Одинъ поднялся на небо, другой ушелъ подъ землю. Поднявшійся на небо имѣлъ сына и сноху, сыновнюю жену, но онъ не взялъ ихъ съ собою. Спустя нѣкоторое время онъ сошелъ съ неба опять на зем-

лю и сказалъ своимъ семейнымъ: „Я былъ на небѣ, видѣлъ тамошній свѣтъ и тамошнее житіе; жить тамъ несравненно лучше, чѣмъ на землѣ; я затѣмъ только и спустился, чтобы взять васъ съ собою на небо. Когда вы будете туда собираться, вотъ что, дѣти мои, соблюдайте: не берите съ собою на небо ничего стараго или ветхаго; все должно быть у васъ новое: и одежда, и обувь, и нарта“. Когда все было готово къ отъѣзду, старикъ, сынъ его и сноха сѣли въ нарту, и она стала какъ бы сама собою подниматься отъ земли кверху на небо. Дорогой старикъ замѣтилъ, что нарта медленно и тяжело поднимается. Онъ сталъ осматривать вещи и нашелъ на задней части нарты вмѣстѣ съ другими вещами старыя остяцкія чарки (башмаки); тогда старикъ взялъ топоръ и отрубилъ ту часть нарты, гдѣ лежали старыя чарки. Какъ только онъ это сдѣлалъ, нарта стала легко и свободно подниматься все выше и выше и такимъ образомъ со старикомъ, сыномъ его и снохой очутилась на небѣ. Старикъ же, который ушелъ подъ землю, никогда не возвращался оттуда, а потому и осталось не извѣстно, есть ли подъ землею свѣтъ и жизнь. Ср. это сказаніе съ № 83; отрубаніе задняго конца нарты соответствуетъ отрубанію задней половины „живаго бога“. Въ сказаніи о самоѣдскомъ шаманѣ Уріерѣ одна нарта опускается отъ присутствія поношенной вещи. У Садовникова (Сказки и пред. Самар. края, стр. 26): Борма-Дрыжка вырѣзываетъ изъ плота каплю крови, отъ которой плоть сталъ тонуть. Крашенинниковъ разказываетъ о камчадальскомъ богѣ Гаечѣ, который былъ первый покойникъ на землѣ; онъ поднялся на небо, потомъ вновь спустился на землю и научилъ людей нынѣшнему образу жизни. У него, какъ и у остяцкаго „мудраго старика“, были двѣ женщины (двѣ его дочери), которыхъ онъ взялъ съ собою на небо. Когда онъ спустился на землю, люди испугались его, какъ покойника и стали умирать. Ср. Оч., II, 167, № 26. Другое преданіе, записанное о. Красновымъ же у Васюганскихъ Остяковъ, разказываетъ объ остяцкомъ идолѣ то, что южно-сибирскія преданія говорятъ о первомъ шаманѣ. Одинъ землемѣръ, измѣряя землю въ мѣстахъ, населенныхъ Остяками, нашелъ въ лѣсу случайно остяцкаго деревяннаго идола; онъ взялъ его съ собою съ намѣреніемъ въ первыхъ же юртахъ сжечь его въ присутствіи Остяковъ. Прибывъ въ юрту, землемѣръ приказалъ русскому рабочему, бывшему съ нимъ, затопить печь и бросить идола въ огонь. Когда дрова прогорѣли, деревянный идолъ оказался цѣль и невредимъ. Землемѣръ приказалъ рабочему вновь затопить печь и увеличить число дровъ; но и во второй разъ дрова прогорѣли, а идолъ былъ цѣль. Тогда землемѣръ велѣлъ разрубить идола на мелкія части и въ этомъ размелченномъ видѣ бросить его въ огонь. Только рабочій занесъ топоръ, какъ онъ вонзился вмѣсто идола ему въ ногу и перерубилъ жилу. Тогда землемѣръ испугался, самъ своими руками поднялъ идола, пошелъ въ лѣсъ и поставилъ его на томъ же мѣстѣ, откуда и взялъ. Ингушское преданіе на Кавказѣ: всѣ птицы хотѣли сжечь Махомедъ-пегемера и носили подъ него сѣно, солому и огонь, а ласточка и лягушка принесли воду и залили; за это пророкъ приказалъ никогда не убивать лягушекъ и ласточекъ (запис.

въ Тифлисѣ отъ Ингуша Сулейм. Бузуртанова). Ср. съ русскимъ повѣрьемъ: лягушку не раздави, пойдетъ дождь.

Въ прикамскомъ Поволжьѣ существуютъ легенды: 1) О трехъ проповѣдникахъ ислама, изъ которыхъ одинъ исцѣляетъ дочь хана и женится на ней; по одному варианту, его имя Зубейръ-бенъ-Джаде, по другому—Бюларь. Въ краѣ указываютъ на три могилы мусульманскихъ святыхъ, можетъ быть, относящіяся къ тѣмъ же проповѣдникамъ. Одна изъ могилъ называется Меулимъ-Хозяя, другая—Шибелемъ-Хозяя; первое имя ср. съ Малумъ-Ходжа, названіемъ той же могилы по другому автору, Мулла-Хазей, названіемъ могилы въ другой мѣстности, Балынъ-гусъ, названіемъ горы, на которой лежатъ эти могилы (Шпилевскій, Древн. города Казан. губ., стр. 10, 26, 31, 61), и съ Мелимъ-хузя (Илемъ-хузя, Валимъ-хузя, Малемъ-хузя, Маюмъ-хозяя) чувашскимъ фетишемъ (см. Золотницкій, Чуваш. слов., 151; Магнитскій, Матеріалы, стр. 69—75). Этотъ фетишъ замѣченъ въ уѣздахъ Чебоксарскомъ, Ядринскомъ и Козьмодемьянскомъ. Мялимъ у Тоб. Татарь—*Felis manul*, которая у Киргизъ называется малинь, и о которой есть сказаніе (Оч., II, 148), что это была сестра врата (корь). Такое соединеніе (малинь и корь), кажется, тоже не чуждо Поволжьѣ; ср. Сагаболан, городъ на Волгѣ на картѣ Пицигани 1367 года. 2) О невредимомъ выходѣ изъ огня: Казанскій ханъ собралъ всѣхъ змѣй въ одну яму, засыпалъ ихъ хворостомъ и соломой и велѣлъ сожечь; одинъ только змѣй вылетѣлъ невредимо и поднялся на воздухъ (Шпилевскій, I. с., 72). Въ томъ же краѣ записана легенда о дочери Болгарскаго царя, невредимо вышедшей изъ огня (Шпилевскій, I. с., 212). Къ Елабугѣ отнесена легенда объ огненномъ змѣѣ, который жилъ въ капищѣ и передъ приходомъ Русскихъ вылетѣлъ въ видѣ густаго дыма и оставилъ край (Рычковъ, Опытъ Казанской Истор., 1767 г.). Ср. также съ вотяцкимъ сказаніемъ о разрушеніи куалы въ Вяткѣ (Бор. Гавриловъ, Проязвед. народн. слов. Вотяковъ, стр. 152) и съ легендой о построеніи города Чебоксарь (А. Фуксъ, Зап. о Чувашахъ и Черемис., стр. 109). Рядомъ съ сказаніями о исчезнушемъ изъ края змѣѣ въ прикамскомъ Поволжьѣ существуютъ сказанія о удалившемся не извѣстно куда ханѣ или князѣ. У Башкировъ это Тураханъ (Древности, изд. Моск. Археолог. Общ., II, 46, 51 и 53), у Чувашей Торганъ, у Мордвы Тюштянь (Древн. и Нов. Россія, 1881 г., мартъ, XIX, 3, ст. Дубасова, стр. 591). Чувашскій Торганъ былъ будто послѣдній національный царь у Чувашей, отличавшійся справедливостью; его время рисуется временемъ всеобщаго благосостоянія; онъ самъ же и жрецъ былъ и разъ въ году приносилъ жертву при общемъ собраніи народа (заимствовано изъ одной рукописи, написанной природнымъ Чувашемъ). 3) Легенда объ обезглавленномъ святомъ, идущемъ за своею катящеюся головой. Одинъ вариантъ приуроченъ къ сел. Карадуванъ близъ города Казани; трое мусульманскихъ святыхъ встрѣтили разбойниковъ, хотѣли помѣшкать ихъ преступленію и навлекли на себя ихъ мечь; одному изъ святыхъ людей разбойники отрубили голову, но онъ, взявъ ее въ руки, пошелъ съ нею. Другой вариантъ говоритъ, что три проповѣдника были въ городѣ Базани во время взятія ея Русскими; когда одному изъ нихъ была отруб-

лена голова, она покати́лась отъ города по тому направле́нiю, гдѣ теперь деревня Карадуванъ. Голова остановилась у Карадувана; здѣсь она и была похоронена вмѣстѣ съ туловищемъ (Шпилевскій, 1. с.) Ср. съ легендой Алуштинскихъ Татаръ въ Крыму о мѣстномъ святомъ Азисѣ, которому русскіе казаки отрубили голову; святой шесть верстъ несъ голову подъ мышкой до деревни Корбеклы, гдѣ и почилъ на вѣкъ (сообщ. А. Калачевымъ).

У Остяко-Самоѣдовъ на Оби есть преданіе, сообщенное намъ г. Григоровскимъ, что до прихода Русскихъ у рѣчки Подбельничной близъ села Новоильинскаго жили шаманы; тутъ былъ идолъ, серебряный младенецъ на серебряномъ блюдѣ. Онъ хранился въ обласѣ (маленькой лодочкѣ) и былъ обернутъ берестою. Каждая женщина, родившая младенца, обязана была посѣтить это мѣсто и привезти идолу подарокъ. Здѣсь шаманы при звукѣ бубновъ раскрывали изъ-подъ бересты идола, показывали ему младенца и принимали отъ матери подарокъ идолу (кѣза) и потомъ отпускали ее домой. Когда пришли Русскіе, шаманы порѣшили перенести идола въ болѣе сокрытое мѣсто. Къ назначенному дню собралось множество окрестныхъ жителей; впереди въ большой лодкѣ поплыли шаманы, стуча въ бубны; въ серединѣ ихъ лодки стоялъ обласокъ съ идоломъ; свади плыли въ лодкахъ другіе жители. Не извѣстно куда шаманы отвезли идола, но инородцы думаютъ, что они зарыли его на прежнемъ мѣстѣ у Подбельничной; это предположеніе они основываютъ на томъ, что родильницы и въ позднѣйшее время продолжали ѣздить къ мѣсту стараго пребыванія идола, а еслибъ идолъ былъ увезенъ, то онѣ ѣздили бы на новое мѣсто. Это мѣсто (около р. Подбельничной) и въ настоящее время считается священнымъ (здѣсь въ обрывѣ берега залегаютъ угли и обломки горшковъ съ узорами).

65. Ельджигень.

Усыновленіе чрезъ грудное молоко упоминается въ кабардинской сказкѣ объ Алауганѣ (въ ст. Острякова въ „Вѣстн. Европы“, 1879, августъ) и въ аварской сказкѣ „Морской конь“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, стр. 10). См. также въ ст. Грабовскаго „Бытъ жителей Ингушевск. округа“ (тотъ же Сборникъ, в. III, стр. 24), въ кабардинской сказкѣ (*ibid.*, в. VI, отд. народ. сказаній, стр. 110), въ сказкѣ сѣверокавк. Татаръ-горцевъ (Матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавказа, в. 1, стр. 9). О кавказскомъ обычаѣ кровниковъ сосать грудь матери убитаго съ цѣлью примиренія и усыновленія см. Сб. свѣд. о кавк. горц., в. III, ст. Эконом. бытъ жителей Ингушск. окр., стр. 20. У Русскихъ есть повѣрье о молочномъ братѣ Христа. Божья Матерь шла съ ребенкомъ степью; разбойники схватили ее и отвели въ плѣнъ; у главнаго разбойника былъ ребенокъ, который ревѣлъ и плакалъ до того, что чернѣлъ, какъ уголь. Мать ребенка спрашиваетъ Богородицу: „Отчего твой ребенокъ такой спокойный, смиренный, а мой все реветъ? Не переѣмнится ли и мой ребенокъ, если ты покормишь его своимъ молокомъ?“ Богородица исполнила ея просьбу, покормила дитя разбойника, и оно стало послѣ того спокойнѣе. Впослѣдствіи

разбойникъ отецъ умеръ; сынъ его, которому Богородица дала нѣсколько капель молока, выросъ и сталъ атаманомъ въ шайгѣ разбойниковъ, но въ теченіе всей его жизни капля молока Божьей Матери всегда удерживала его отъ слишкомъ большой жестокости. Этотъ разбойникъ, молочный братъ Христа, былъ впослѣдствіи на крестѣ рядомъ съ Христомъ и покаялся (запис. въ Бійск. окр. Томск. губ.). Хлѣбъ, замѣшанный на молокѣ матери, въ сербскомъ сказаніи о Змаѣ см. у Худякова, Матер. для изуч. нар. слов., стр. 25.

Вариантъ ж, если не перепутанъ, можетъ служить подтвержденіемъ высказаннаго въ „Очеркахъ“, II, прим. 105 и 120 къ гл. I и пр. 124 къ гл. V предположенія, что имена монгольскихъ божествъ Чаганъ-дариху и Ногонъ-дариху находятся въ связи съ сказаніемъ о первыхъ Киданьскихъ царяхъ. Къ числу приведенныхъ уже тамъ примѣровъ названій урочищъ можемъ еще привести одинъ: во времена Гулагу Монголы называли одну рѣчку въ Персіи, гдѣ зимовалъ ханъ, именемъ Tchagaton-Nagaton (Quatremere въ Collect. orient., t. I, p. 401).—По алтайски бузина: емегенъ-сюеги, „кость старухи“, или можетъ быть, „кость Емегена“, если подъ этимъ именемъ разумѣть собственное имя; ср. съ поющею костью нѣмецкихъ сказаній. Въ малорусскихъ вариантахъ дудка калиновая; калина по татарски боланъ или коро-боланъ. Не находится ли это названіе въ связи съ киргизскимъ сказаніемъ о Малингѣ, которая зарыла своего брата Коря (Оч., II, 148)? Разказъ о ханѣ съ ослиными ушами имѣетъ книжные варианты (см. Шиддикуръ, гл. XXII, въ Этн. Сборн., VI, стр. 94) и въ то же время является локализованнымъ въ сѣверо-западной Монголіи. Имя Ельджигенъ встрѣчается близъ Танну-Олы какъ имя поколѣній; одно монгольское обитаетъ въ горахъ Ханъ-хухей, другое урянхайское въ долинѣ р. Хука (объ Ельджюгютахъ у Волжск. Калмыковъ см. П. Небольсинъ, Оч. быта Калм. Хошоут. ул., стр. 17). Рядомъ съ Урянхайцами Ельджигенами живутъ поколѣніе Джокду; близость этихъ именъ: Ельджигенъ и Джокду напоминаетъ сложное въ № 65 вар. б: Ельджигенъ-Джигтей. Въ Шиддикурѣ, гл. XXII, Этн. Сб., VI, стр. 94, имя хана съ ослиными ушами—Дайбангъ-хаганъ каракитайскій; въ алтайск. разказѣ, записанномъ Вербицкимъ (Томск. губ. вѣд., 1861, № 32), осель въ какой-то связи съ именемъ китайскаго народа: осель произошелъ изъ горы, сложенной Китайцами, а верблюдь—изъ горы, сложенной Тибетцами. Ельджигенъ ср. съ остяцкимъ *ildakka*, „медвѣдь“ (Castren, Wörterverz. aus d. Samojed. Sprg., 203); это имя медвѣдя могло жить въ сѣверо-зап. Монголіи, когда ее населяли племена, родственныя Остякамъ, и осталось въ легендахъ послѣдующихъ насельниковъ; джигенъ, второй членъ въ имени Ельджигенъ, является съ другимъ окончаніемъ: джигтей, джигту, а также джигить. Всѣ эти формы встрѣчаются и въ названіяхъ поколѣній: Ельджигенъ, Джокду, Борджигить, Байджигить. Другое имя медвѣдя: аю, сохранилось въ краѣ (у Дюрбютовъ и Алтайцевъ) до настоящаго времени; отъ спаренія этого имени съ предыдущею формой образовалось Аю-джигтей-ханъ, которое въ дюрбютскомъ было осмыслено въ Аю-чигтей-ханъ, „ханъ съ медвѣжьими ушами“ (см. на стр. 283), въ родѣ аварскаго „Медвѣжье ухо“ (Сб. свѣд. о

*

казв. горц., в. II, отд. V, стр. 16; A. Schiefner, Awarische Texten, S. 12), русскаго „Ивашко, Медвѣжьи уши“ (Пермск. сборн., ч. II, с. 168). Въ монгольскомъ ельдигенѣ получило значеніе осла; отсюда новое преобразованіе легенды; имя Ельдигенѣ-джиктей-ханѣ, которое живетъ еще у Урянхайцевъ, у Монголовъ перешло въ Ельдигенѣ-чиктей-ханѣ, „ханѣ съ ослиными ушами“.

Мысль о временномъ, періодическомъ превращеніи человѣка въ звѣря, могла возникнуть на почвѣ шаманской вѣры въ искусство шамановъ обращаться во время камланья (которое обыкновенно совершается ночью) въ медвѣдя или звѣря. Не безъ вліянія на это повѣрье, были, можетъ быть, и наблюденія надъ ночнымъ свѣтломъ; его фазы, въ которыхъ оно то уменьшается, то увеличивается, могли также истолковываться, какъ превращенія изъ одного вида въ другой. Ср. имена медвѣдя: азербидж. турк. ай, алтайск. айыгъ; имена луны: татарск. ай, чуваш. уйыгъ. Чаганъ или Цаганъ, которое входитъ въ составъ именъ нѣкоторыхъ звѣздъ (см. стр. 137, 205), ср. съ *чаганъ*, у Черневыхъ Татаръ „звѣзда“ вообще. Не было ли это также именемъ луны?

Къ вар. *е* и *ж*. Киргизы Аемол. обл. дикаго осла (*Equus onager*) зовутъ *альджманъ*, то-есть, потерявшій разсудокъ (Словцовъ, въ Зап. сиб. отдѣла Геогр. Общ., кн. III, с. 113). Есть впрочемъ татарскій глаголъ *альджимекъ*, изнуряться, уставать, откуда причастіе *альджманъ*, изнуренный, вышедшій изъ ума.

Къ вар. *е*. О выселеніи Китайцевъ на югъ изъ Сибири, испуганныхъ появленіемъ гѣса въ этой прежде будто бы голой странѣ, „понеже земля, какъ рогатая стала“, см. Миллеръ, Сиб. Ист., стр. 9.

66. Шидырванъ.

Молонъ-Тайджи, семилѣтній сынъ убитаго Тайсунгъ-хана, разказываетъ Алтанъ-Тобчи (стр. 58),—былъ отвезенъ къ Мулихай-Унгу (у Сананъ-Сэцэна Мулихай-Онгъ, Schmidt, Gesch. Ost-Mong., 173); послѣдній возвелъ Молона на ханскій престолъ. Вельможи Мункэ-хата и Буха (у Сананъ-Сэцэна одно лицо Ходобага), желая поссорить Мулихая съ ханомъ, оговорили перваго, будто онъ, подозрѣвая хана въ связи съ своею женой Самади (у Сананъ-Сэцэна Самантай), злоумышляетъ противъ хана, а потому совѣтывали ему предупредить врага и пойти на него съ войскомъ. Мулихай, увидѣвъ пыль, съ 300 воиновъ спрятался, а брата своего Монголь-дзаргучея отправилъ противъ Молонъ-хана; Молонъ былъ пойманъ и убитъ Мулихай-Унгомъ. У Сананъ-Сэцэна разказывается ближе къ нашему № 13. Ходобага оговариваетъ Мулихай-Онга предъ ханомъ, а Мулихаю въ свою очередь сообщаетъ, что ханъ идетъ на него съ войскомъ и хочетъ, убивъ его, овладѣть его народомъ. Если сопоставить это сказаніе съ Шидырваномъ, то Мулихай-Унгъ будетъ соответствовать Шидырвану, Молонъ-ханъ—Едженъ-хану и оговорщики Мэнку-хата и Буха—Уй-джанджину или Сайнь-Нойону. Далѣе Алтанъ-Тобчи разказываетъ, что по смерти Молона возведенъ на ханство младшій

братъ его Мандухули, который похороненъ въ мѣстности Магу-Ундуръ. На стр. 60 въ Алтанъ-Тобчи поясняется, что Молонь-ханъ убитъ въ отмщеніе за то, что Богдо-эдзень и Хасаръ убили Бэктара; это поясненіе представляетъ Мулихай-Унга врагомъ Богдо-Эдзена (то-есть, Чингисъ-хана)? Теперь Болоть-Унгъ, сынъ хорчинскаго Шигустэй-багатура, хочетъ отмстить Мулихай-Унгу. Онъ нагоняетъ Мулихая и убиваетъ его семерыхъ братьевъ въ мѣстности Дологодунъ-тологой. Ср. съ Чингисъ-ханомъ, который убилъ одного изъ семерыхъ сыновей Мунлика; не образовалось ли Мулихай изъ Мунликъ черезъ выпаденіе *н*? См. примѣч. къ № 4. Мулихай послѣ гибели братьевъ бѣжалъ, скитался въ степи и умеръ. У Сананъ-Сэцэна отмщеніе за смерть Молонь-хана выставляется дѣломъ Мандаголъ-хана (Мандухули-хана); онъ посылаетъ противъ Мулихая *Üebolod Ong'a*, который и убиваетъ Мулихая. У Болоть-Унга, по Алтанъ-Тобчи, былъ младшій братъ Болго-ноянъ, который былъ спасенъ отъ избіенія женщиной Харакчинъ-Тайбуцинъ (Харакчинъ ср. съ вторымъ членомъ киргизскаго имени Медвѣдцы: Каракше). Онъ былъ сначала доставленъ къ Шигустей багатуру (то-есть, отцу своему?), а потомъ къ своему старшему брату Болоть-Унгу, который и передалъ ему черное знамя (управленіе?); *ibid.*, стр. 53. По видимому, о томъ же Болго-ноянѣ разсказывается въ другомъ мѣстѣ (стр. 62), гдѣ онъ называется Баянъ-Мунху-Болхо-джинанъ. Имя Баянъ Мунху напоминаетъ Мѣнзбала у Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, стр. 126.), Майка-бий у Киргизъ (Очерки, II, 149) и монгольскія созвучныя слова: *мунку*, *мунхынъ*, „вѣчный“, что напоминаетъ сказанія о не умирающемъ окончательно, а вѣчно возрождающемся мѣсяцѣ; *мему*—серебро, металлъ одного цвѣта съ свѣтиломъ. Ср. у Хвольсона *Sinâ* „луна“, а также „серебро“ (Chwolsohn, *Die Ssabier und d. Ssabismus*, St. Pet. 1855, II, 156); *sahro*, „мѣсяцъ“, *sahro* „серебро“ у алхимистовъ (*ibid.*, 656). Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 62) Мандухули является братомъ Болхо-джинана; исторія олеветанія здѣсь вновь повторяется; гонимымъ является Болхо-джинанъ, котораго оговариваетъ Хонголи; у Сананъ-Сэцэна Хонгхолай, обвиняющій царевича въ томъ, что онъ живетъ съ ханскою женой Еке-Хабарту; когда Хонгхолай былъ казненъ ханомъ, съ тѣмъ же доносомъ является Исама-Тайджи. Изъ дальнѣйшаго хода разсказа видно, что Исама Сананъ-Сэцэна тождественъ съ Измаиломъ Алтанъ-Тобчи. Слѣдовательно, Мандухули соотвѣтствуетъ Молону выше приведеннаго разсказа, а Болхо—Мулихаю. Болхо убѣжалъ къ своей сестрѣ Богурунъ-гунджи, потомъ принужденъ былъ бѣжать отъ Ойратскаго Измаиль-тайджи, который отнялъ у него жену Шихэръ-тайху (стр. 63) или Шигуши-Шихэръ (стр. 62), дочь Шигустэя. Когда онъ скитался, жаждалъ и слѣзъ съ коня напиться кислаго молока, его уанала одна дѣвица, и Дзуншіебуты убили его. У Сананъ-Сэцэна разсказана другая исторія о Баянъ-Монгее (стр. 165—169); здѣсь его гонителемъ является Есень-хаганъ ойродскій, котораго Сананъ-Сэцэнь обыкновенно величаетъ повелителемъ сорова и четырехъ (ср. прим. 21 къ гл. I). Смерть Болхо напоминаетъ смерть Вана кирейскаго, который былъ убитъ Найманами въ то

время, какъ послѣ скитанія въ пустынѣ сошелъ съ коня напиться воды (Тр. Пек. Дух. миссія, IV, 99); мѣстность, гдѣ совершено было это убійство, названо въ Юаньчаомиши Дидиксахалъ; холмъ Ванъ-тологой, гдѣ будто бы арестованъ Шидырванъ, находится при подошвѣ горы, которую между прочимъ называютъ Бай-Ундурь-Сыхмынь; это имя только послѣднимъ членомъ напоминаетъ мѣсто смерти Вана кирейскаго; первые же два члена Бай-Ундурь ср. съ Мао-Ундурь, гдѣ, по Юаньчаомиши (стр. 86—89), Ванъ кирейскій имѣлъ битву съ Чингисомъ, при чемъ и съ Магу-Ундурь, былъ похороненъ Мандухули (Алт. Тобчи, стр. 60); не смѣшала ли Алтанъ-Тобчи мѣсто гибели Молона съ мѣстомъ погребенія Мандухули? Сходство въ содержаніи ведетъ къ заключенію, что въ записанныхъ нами вариантахъ о Шидырванѣ мы имѣемъ старую исторію о Мулихаѣ, Болхо или Молонѣ; если въ болѣе полномъ имени Мулихай-Унгъ послѣдній членъ соответствуетъ члену Ванъ (унгъ ср. съ торгоутскимъ онъ, то же, чтѣ калхасскій ванъ; Унгъ у Шмидта родоначальникъ Торгоутовъ), то первые члены Мулихай или Болхо являются формами еще болѣе сходными. У Абуль-фараджа Ванъ, ханъ кирейскій (Куникъ въ Учен. Зап. Ак. Н. по I и II отд., т. II, стр. 761—764) названъ Malko Juchanan (Juchanan сирийская форма имени Іоаннъ). Въ Очеркахъ, II, 168—170, указаны варианты сказанія о Шидырванѣ, записанные Радловымъ и Шишмаревымъ; въ отчетѣ объ экспед. Бутиныхъ (Иркутск., 1871 г., стр. 66) сообщенъ еще вариантъ легенды о Шидырванѣ. Въ примѣчаніяхъ къ вып. II Очерковъ мы указали на сходныя черты въ сказаніи о борьбѣ Чингисхана съ Ваномъ кирейскимъ, а также въ китайскомъ лѣтописномъ разказѣ о Хели-ханѣ и измѣнѣ его вассала Сянъто. Изъ послѣдняго видно, что исторія объ измѣнѣ одного изъ монгольскихъ князей разказывалась въ Монголіи уже въ VII в. по Р. Х. Связь исторіи Вана кирейскаго съ Хели-ханомъ тукюэскимъ обнаруживается изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) изъ сходства въ содержаніи: Хелихану измѣняетъ одинъ изъ его вассаловъ; разбитый войсками Китайскаго императора, ханъ одинъ безъ войска ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; 2) изъ сходства въ именахъ: Хелиханъ можно принять за испорченное китайскимъ произношеніемъ Кирейханъ, то-есть, ханъ Киреевъ; по смерти, говорится въ китайской лѣтописи, ему было даровано званіе вана; о Ванѣ также говорится, что ему званіе вана пожаловано Китайскимъ императоромъ (ср. № 64); милость эта дарована за усмиреніе мятежнаго предводителя Татаръ Султу-Мегуджинъ; не былъ ли это подвигъ въ родѣ усмиренія и доставленія ко двору Мангыса Иринъ-Сайномъ (Оч., II, стр. 178) или Колду-бурхана Ергене-Мергеномъ (№ 132)? Другое имя Хели-хана было Дуби; оно напоминаетъ формы Тибътангри, Туби-тангри, встрѣчающіяся въ легендѣ о Чингисханѣ (какъ имя одного шамана); впрочемъ у Абульфараджа самъ Темучинъ названъ Чингисъ-ханъ-Тубутъ-Тангри (M. Brosset, Hist. de la Geog., t. I, l. II, p. 485). Имя измѣнника Илихи, иначе Иванъ, напоминаетъ Эрке, брата Вана, который лишилъ послѣдняго престола, то-есть, совершилъ то же, чтѣ сдѣлалъ и Илихи. Наконецъ, 3) изъ поставленія исторіи Вана въ связь съ Инанчемъ

(то-есть, Инанемъ китайской лѣтописи) самими монгольскими и мусульманскими сказаніями о Ванѣ кирейскомъ (см. Оч., II, прим. стр. 51). Содержаніе сказанія о Ванѣ кирейскомъ въ общемъ сходно съ содержаніемъ сказанія о Шидырванѣ: Ванъ кирейскій составляетъ заговоръ противъ Чингиса; заговоръ этотъ выданъ Чингису, Ванъ бѣжалъ съ небольшимъ числомъ преданныхъ людей; несчастный герой въ обоихъ сказаніяхъ носитъ одно и то же имя; Ванъ кирейскій долженъ выслушивать упреки въ измѣнѣ; онъ былъ анда Чингиса, то-есть, другъ его. Измѣнники, выдавшіе Вана, въ обоихъ разказахъ получаютъ званіе дарханъ.—Въ грузинской исторіи, написанной царевичемъ Вакуштомъ, исторія Ong-khan'a разказана слѣдующимъ образомъ: Темурчи былъ храбрый человекъ и ловкій стрѣлокъ; онъ поднесъ Онгъ-хану подарки; ханъ оцѣнилъ его доблести и приблизилъ къ себѣ; Темурчи усмирилъ всѣхъ противниковъ хана (не составлялъ ли одну изъ этихъ услугъ походъ Чингисхана на татарскаго предводителя Мэгуджинъ-Султу?). Почести, которыми за это ханъ осыпалъ Темурчи, возбудили зависть въ братѣ Онгъ-хана, по имени Outkin, и сынъ его Kolak'ъ или Koulak'ъ. Они оговорили Темурчи въ замыслахъ свергнуть хана. Онгъ-ханъ хотѣлъ убить Темурчи, но послѣдній, извѣщенный о томъ двумя лицами, бѣжалъ. Онгъ-ханъ погнался за нимъ и захватилъ его женъ и богатство; послѣднее было такъ велико, что войско едва двигалось; въ это время Темурчи напалъ на Онгъ-хана, и послѣдній былъ убитъ въ битвѣ (Brosset, Hist. de la Georg., t. I, l. II, p. 448). Въ другихъ разказахъ ссора произошла изъ-за отказа Вана отдать свою дочь (у Малья ея имя Serpetchou) замужъ за Чингиса (или его сына). Другой эпизодъ изъ жизни Чингисъ-хана—его борьба съ тангутскимъ царемъ, есть, по видимому, опять повтореніе той же исторіи. Измѣнникъ, но, во первыхъ, имя тангутскаго царя Шидургу первую половиною напоминаетъ Шидырвана, во вторыхъ, въ Юаньчаомини при немъ упоминается Ашаганъ-бо, что очень напоминаетъ брата Вана кирейскаго Джаханъ-бо; наконецъ, способность Шидургу къ превращеніямъ отчасти напоминаетъ чудесную природу Шидырвана. Разказъ о томъ, что Чингисъ-ханъ не можетъ убить Шидургу до тѣхъ поръ, пока самъ Шидургу не указываетъ ему на средство къ тому, напоминаетъ подобную же черту въ азіатскихъ сказкахъ, напр. у Радова, Proben, IV, 66, 186, особенно 191; ср. также въ Юаньчаомини, стр. 113. Сказаніе о Шюдуръ-Тюльгунѣ нѣкоторыми чертами и сходствомъ перваго члена имени (Шидыръ и Шюдуръ) также напоминаетъ Шидургу (см. Оч., II, 84 прим. къ V гл.). Собаку, которая находится при Шидургу и своимъ лаемъ предсказываетъ общественную гибель, ср. съ средне-азиатскими повѣрьями о Б. Медвѣдицѣ, представляющими ее въ видѣ семи собакъ, освобожденіе съ цѣпей и лай которыхъ предскажутъ кончину міра. Самое имя тангутскаго царя напоминаетъ имя Б. Медвѣдицы; послѣдняя на разныхъ татарскихъ нарѣчіяхъ называется Итыганъ, Джитыганъ, Жидиганъ и т. п.; это имя составлено изъ двухъ членовъ: джиты и ганъ; первый членъ имени Шидургу отличается отъ джиты только инициаламъ и приставкой въ концѣ р. Еще ближе къ имени Б. Медвѣдицы

имя Шидырванъ; здѣсь второй членъ ганъ „царь“, замѣнено словомъ ванъ, по китайски „царь“, по монгольски „князь“. Съ приставкой р сходныя формы представляются въ именахъ: Итурганъ, личное имя въ Юаньчаомиши (стр. 97), Итурганъ у Рашидъ-Эдина (Тр. Вост. Отд. Арх. Общ., Т. XIII, стр. 144), Утаръ Карачи, поколѣние у Киргизъ внутренней Букеевской орды (З. Имп. Р. Г. Общ., т. 2); ср. съ Джеты-каракше, киргизскимъ названіемъ Б. Медвѣдицы. Въ Юаньчаомиши тангутскій царь названъ Бурханъ; ср. съ послѣднимъ членомъ въ монгольскомъ названіи Б. Медвѣдицы Долонъ-бурханъ. Троекратную смерть Шидырвана ср. съ скандинавскимъ сказаніемъ о томъ, что Асы три раза сжигали гадальщицу изъ породы Вановъ за то, что она трижды лгала. Рашидъ-Эдинъ говоритъ, что настоящее имя Вана кирейскаго было Тогруль, и тутъ же поясняетъ, что Тогруль есть другое произношеніе имени Кунгруль; послѣднимъ именемъ будто бы называется птица, которую онъ описываетъ такимъ образомъ: „Никто ея не видалъ, но она извѣстна людямъ также, какъ на западѣ птица анка (въ Юаньчаомиши упоминается стрѣла анхуа, которою владѣетъ братъ Чингиса, Хасаръ [Тр. Пек. дух. миссиі, IV, 107]; вѣроятно, здѣсь слѣдуетъ разумѣть громовую стрѣлу); когти ея крѣпки, какъ сталь; однимъ налетомъ она убиваетъ до двухъ или до трехъсотъ другихъ птицъ; охотники-степняки имѣли случай видѣть, какъ изъ воздуха падали сотни птицъ съ оторванными головами и крыльями и изломанными ногами, и догадывались, что это дѣло птицы кунгруль“ (Тр. восточ. Отд. Имп. Арх. Общ., ч. XIII, стр. 106). Это извѣстіе лѣтописи, что имя Вана было Тогруль или Кунгруль, вѣроятно, слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, что Тогруль или Кунгруль было личнымъ именемъ въ отличіе отъ вана, которое было только титуломъ его, а въ смыслѣ миеологическаго синонима. Кунгруль ср. съ Кункерь-ханъ (№ 69) и Кынкери-кушъ (см. прим. къ № 69).

Намеконъ на похищеніе дѣвицы или жены нѣтъ ни въ сказаніяхъ о Ванѣ кирейскомъ, ни въ сказаніи о Шидырванѣ; но они есть въ сходныхъ сказаніяхъ о Мулихаѣ и Болгоджинанѣ, а особенно въ исторіи борьбы Чингиса съ тибетскимъ царемъ Шидургу. Чингисъ, убивъ Шидургу, беретъ себѣ его жену Гурбельджинъ-гоа. Въ Очеркахъ, II, 157, мы помѣстили разказъ о Тайнь-Тирхинѣ, который увезъ жену у Чингисъ хана. По видимому, этотъ разказъ тотъ же, что и о тибетскомъ царѣ; онъ находится въ несомнѣнной связи съ разказомъ о борьбѣ Чингиса съ Таяномъ найманскимъ (см. прим. къ Тарханъ-бо). Разказъ кончается тѣмъ, что Чингисъ увозитъ жену Таяна, Гурбэсу, имя которой напоминаетъ Гурбельджинъ-гоа. Таянъ ср. съ Даинъ, однимъ изъ членовъ имени Тарханъ-бо. Шидургу названъ тангутскимъ или тибетскимъ царемъ; ср. съ Туби, Тибъ, Тубуть, формами, которыя придавались шаману, являющемуся въ исторіи Чингисхана. Въ сказкѣ Барабинскихъ Татаръ (Radl., Prob., IV, 35) Идыге (ср. медвѣдъ, монгол. ötogun, ötöge, ütege; бурятск. уменьшительное ötökoі; Schott, Altaische Studien, 281; у Радлова [Prob., I, 117] üdügä—замужняя женщина; по Кастрену, бурятск. otokoі, медвѣдица; въ уйгурскомъ atuk, aduk, „медвѣдъ“, которое, по Шотту, перешло въ узбекскомъ

въ аѣк и въ турецкомъ въ аѣ, аѣ; *ibid.*, 282) найденышъ служить у хана Тохтамыша (Тохтамышъ ср. съ Тохта-бѣки, именемъ одного изъ противниковъ Чингисъ-хана); Идыге ловить для хана дичь и играетъ на балалайкѣ; жены Тохтамыша замѣчаютъ, что при входѣ Идыге въ юрту ханъ нечувствительно для себя встаетъ съ трона; извѣщенный объ этомъ, ханъ убѣждается потомъ и самъ въ этомъ невольномъ отдаваніи почести своему слугѣ, спрашиваетъ о причинѣ того у одного свѣдущаго человѣка и узнаетъ, что Идыге займетъ его тронъ. Тохтамышъ задумываетъ погубить Идыге; у дверей юрты съ внѣшней стороны ждутъ убійцы въ то время, какъ Идыге сидитъ въ юртѣ и играетъ на балалайкѣ. У Идыге находится тайный благодѣтель въ лицѣ Цанпая, который готовилъ кумысъ для Тохтамыша; Цанпай дѣлаетъ знаки Идыге; послѣдній угадываетъ ихъ значеніе и исчезаетъ изъ юрты, въ нѣмецкомъ текстѣ черезъ Filzdach (войлочную кровлю), въ татарскомъ: унунг тебезинан, то-есть, черезъ вершину дугъ, которыя образуютъ сводъ юрты. Цанпай посланъ за нимъ въ погоню; онъ догоняетъ Идыге тогда только, когда тотъ уже находится на другомъ берегу рѣки. Стоя на берегу, Цанпай держитъ рѣчь къ Идыге, которая напоминаетъ упреки Чингисъ-хана къ Вану кирейскому и Китайскаго императора Хели-хану (ср. также въ нашей былинѣ разговоръ Ильи Муромца съ каликой Иванищемъ; Орестъ Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 748). На дальнѣйшемъ своемъ пути Идыге встрѣчаетъ русскаго богатыря Анисима (въ татарскомъ текстѣ: Орыс падыр Анисым), убиваетъ его и захватываетъ его беременную жену, дочь хана Сать-темира, насильно увезенную Анисимомъ. (Указаніе въ Очерк., II, 128, прим. къ гл. II, на Идыганъ-Тюмура не свидѣтельствуетъ ли, что сходный вариантъ живетъ въ устахъ народа въ восточной части Киргизской степи?). Идыге возвращаетъ дочь отцу, и тотъ отдаетъ ее за него замужъ. Отъ нея родится сынъ Мырадыль, который нападаетъ на Тохтамыша; Тохтамышъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; утомленный въ дорогѣ, онъ спускается возлѣ одной юрты съ лошади, чтобы выпить кислаго молока; въ это время Мырадыль догоняетъ его и убиваетъ. Эта сказка содержитъ въ себѣ нѣкоторыя сходныя черты съ лѣтописнымъ сказаніемъ о Ванѣ кирейскомъ, который будетъ соответствовать Тохтамышу барабинской сказки. Служебныя отношенія Чингисхана къ Вану сближаютъ его съ Идыге; невольно возникаетъ вопросъ: не былъ ли этотъ эпизодъ о Чингисѣ и Ванѣ просто монгольской былинкой, разказывавшей о Чингисѣ (по нѣкоторымъ сказаніямъ, подобно Идыге, найденномъ ребенкомъ въ степи), что онъ находился на службѣ у Ванъ-хана (подобно тому, какъ Идыге у Тохтамыша), и что ему, какъ и Идыге, было предопредѣлено занять престолъ послѣдняго, о чемъ заблаговременно стало извѣстно хану? Ванъ-ханъ хочетъ отдѣлаться отъ Чингиса; въ лѣтописныхъ сказаніяхъ это желаніе Ванъ-хана ничѣмъ не мотивировано—вѣроятно потому, что истинные мотивы, какъ чисто мнѣологическіе, редакціей лѣтописи были опущены; Ванъ составляетъ какой-то планъ, который однако выдаютъ два конюха, подслушавшіе разговоръ въ то время, какъ вносили въ юрту кобылье молоко (что напоминаетъ Цанпая); они пред-

упреждаютъ Чингиса, который двигается противъ Вана съ войскомъ. Ванъ спасается бѣгствомъ, странствуетъ одинокой въ пустынь, подобно Тохтамышу, и наконецъ убить въ то время, какъ спустился съ лошади къ рѣкѣ, чтобъ утолить свою жажду. Ср. въ Труд. этногр. эксп. въ Зап.-русскій край, II, 337 (въ сказкѣ о Тромъ сынѣ); у Weil'я *Bibl. Legend. d. Muselmänner*, 1845 г., S. 50: юноша Кадаръ убиваетъ чудеснаго, рожденнаго скалой, верблюда въ то время, какъ онъ пилъ. Верблюдъ (по монгольскн теме) поднялся на небо; изъ земли вышелъ огонь и сжегъ все племя Тамудовъ, изъ котораго вышелъ убійца верблюда; ср. также съ повѣрьемъ о тажа, стр. 184. Въ Магабаратѣ демонъ Раһи выпилъ воду безсмертія, предназначенную богамъ; солнце и луна, видѣвшіе это, извѣстили Вишну, который и отрубилъ демону голову. Но голова, ставъ безсмертною, преслѣдуетъ свѣтила (*Pictet, Orig. indo-europ.*, II, 534). Имена при непосредственномъ сближеніи этихъ двухъ сказаній объ Идыге и Ванѣ не сходны; Тохтамышу соотвѣтствуетъ Ванъ, Идыгею—Чингисъ. Но если привлечь къ сравненію сказаніе о Шидырванѣ, то и въ именахъ можно найти сходство. Въ сказаніяхъ о Шидырванѣ не его противникъ (Едзень-ханъ, который, можетъ быть, стоитъ тутъ вмѣсто Чингисъ-хана), а Шидырванъ (или просто Ванъ) представляется гонимымъ: такимъ образомъ роли перемѣняются, и Идыге будетъ совпадать не съ Чингисомъ, а съ Шидырваномъ или Ваномъ. Имя Идыге близко къ Итыганъ, татарскому названію Б. Медвѣдицы. Родство барабинской сказки съ сказаніемъ о Ванѣ кирейскомъ скрывается также въ эпизодѣ о богатырѣ Анысимѣ. Имя Анысимъ ср. съ Онъ-хапомъ или Онъ-Сомомъ сибирскихъ лѣтописей (Миллеръ, Сиб. Исторія, 30—32); по одному сказанію, онъ убить простымъ Татаринномъ Чингіемъ; въ честь послѣдняго потомъ названъ городъ Чингиндинъ или Тюмень; по другому, Онъ-сомъ убить Тюменскимъ княземъ Чингіемъ (Тюмень ср. съ Темучинъ); на стр. 32 у Миллера Чингіи сибирскихъ сказаній сопоставленъ съ монгольскимъ Чингисъ-ханомъ. Здѣсь присвоенія жены противника нѣтъ; но у Жербильона сохранено преданіе, отнесенное имъ, впрочемъ, къ XVII вѣку: Сенге захватилъ жену Ончона, когда тотъ былъ на войнѣ, и потомъ убилъ его (Позднѣевъ, Монг. лѣтопись, стр. 170). Г. Березинъ сблизилъ сибирское лѣтописное извѣстіе съ исторіей Вана кирейскаго, то-есть, онъ видитъ въ Онъ-Сомѣ Ванъ-хана, а въ Чингіѣ—Чингисъ-хана. Вѣроятно, этотъ отрывокъ попалъ въ лѣтопись изъ какого-нибудь татарскаго варіанта сказки объ Идыге, которая, можетъ быть, разказывалась иначе; именно Онъ-Сомъ или Анысимъ занималъ мѣсто Тохтамыша; онъ похитилъ царскую дочь, а Идыге ѣздилъ ее выручать. Впослѣдствіи имя Тохтамыша, ставшее громкимъ въ западныхъ степяхъ Азіи, вытѣснило Онъ-Сому. Если Анысимъ дѣйствительно то же самое, что Онъ-Сомъ, то убійца его Идыге будетъ соотвѣтствовать простому Татарину Чингію, въ которомъ г. Березинъ, какъ сказано, видитъ Чингисъ-хана.

Въ киргизской сказкѣ Козу-Курпешъ уноситъ красавицу Баянъ-Сулу въ дымовое отверстие (*Radloff, Proben*, III, 288); Курпешъ ср. съ Гурбесу и Гурбельджинъ-Гоа. Въ чеченской сказкѣ (*Оборн. свѣд. о кавк. горц.*, в. IV,

въ ст. Попова „Ичкерія“, стр. 9—10) Кусай похитилъ невѣсту у Бухарца Ахмата и бѣжалъ съ нею въ аулъ Нашаха (въ Чечнѣ); здѣсь онъ встрѣтилъ своего стараго друга Мааша и поселился подлѣ него; живя съ нимъ въ дружбѣ, Кусай предложилъ ему породниться, имѣя въ виду беременность женъ своей и своего пріятеля. То же самое дѣлаютъ и въ киргизской сказкѣ Сарыбай и Карабай; у перваго родится дочь Баянъ-Сулу, у втораго—сынъ Козу-Курпешъ; этотъ же мотивъ находится въ другой киргизской сказкѣ о двухъ преслѣдуемыхъ юношахъ (см. стр. 813). Кромѣ того, ср. съ осетинскою сказкой (у Всев. Миллера, Осет. этюды, I, 150), гдѣ выѣзжаютъ на охоту Кабардинецъ и Балкарецъ, мѣтятся подобно Сарыбаю и Карыбаю въ одну оленю самку, но о договорѣ поженить дѣтей не говорится. Кусай и Маашъ заключили условіе: если новорожденные будутъ мальчики, то пусть будутъ братья, если дѣвочки, то сестры, а если разныхъ половъ, то женихъ и невѣста. У Кусая родится сынъ Мулку, у Мааша дочь Яга. Между тѣмъ, Бухарецъ Ахмать, ища Кусая, прибылъ въ Нашахъ и тайно убилъ его. Хузеймать, мать Мулку, возвратилась тогда съ сыномъ къ братьямъ своимъ въ Бухару; ребенокъ ея съ равнихъ лѣтъ началъ обнаруживать свои необыкновенныя качества: нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду онъ уже твердо ходилъ и т. под. Живя въ Бухарѣ до 15 лѣтъ, онъ велъ себя дурно, не оказывалъ уваженія къ старшимъ, такъ что бухарскіе старшины рѣшили удалить его изъ своей среды. Они берутъ мальчика и его мать и вновь отвозятъ въ Ичкерію, на Кавказъ. Здѣсь мать посылаетъ сына въ Нашахъ, къ Маашу, просить свою суженую, его дочь, и Маашъ отдаетъ ее. И теперь указываютъ на развалины сакли, извѣстныя подъ именемъ Мулкунъ-мэтыкъ, то-есть, Мулкуево мѣсто. Сравнивая эту сказку съ киргизскою о Козу-Курпешѣ находимъ въ ней общія черты: договоръ отцовъ о женитьбѣ дѣтей, которые находятся еще въ утробѣ матерей, похищеніе невѣсты, укрыванье въ скрытномъ мѣстѣ; преслѣдованіе похитителя соперникомъ и смерть отъ него; только то, что приписано въ киргизской сказкѣ одному Козу-Курпешу, здѣсь распределено между двумя лицами: Кусаемъ и Мулку. Кусай ср. съ киргизскимъ Козу, имени Курпешъ въ чеченской сказкѣ нѣтъ; вмѣсто того Мулку. Въ чеченской сказкѣ недостаетъ эпизода объ охотѣ за оленемъ. Онъ находится въ осетинской сказкѣ о Балкарцѣ; не стоитъ ли тутъ Балкарецъ вмѣсто Мулку? Въ кабардинскихъ сказаніяхъ о нартахъ есть Малхъ; о немъ упоминаетъ Погмовъ въ своей „Исторіи Адых. народа“, стр. 47, но сказанія о немъ до сихъ поръ, кажется, никѣмъ не записаны. Подъ именемъ Балкарцевъ разумѣютъ иногда Татаръ-горцевъ сѣвернаго Кавказа, обитающихъ около Ельбруса; въ дѣйствительности Балкаръ есть имя только одного изъ обществъ этихъ горцевъ, тогда какъ другія общества носятъ имена Урусбій, Чегемъ и др. Варианты о Козу-Курпешѣ близко подходятъ къ Казани; ихъ рассказываютъ, или по крайней мѣрѣ, рассказывали Башкиры. Не было ли и здѣсь вариантовъ съ именемъ Мулку? Въ Поволжьѣ мы встрѣчаемъ имя города Болгарь, напоминающее сѣверно-кавказское Балкаръ. Кромѣ того, здѣсь появляется легендарное имя Малимъ-хузя, Мулла-хазей или Балынъ-гусъ; вторые члены

ср. съ Кусай чеченской сказки и Козу киргизской, а первые Мулла или Балынъ—съ Мулку? И въ монгольскихъ сказаніяхъ, какъ мы видѣли, рядомъ съ Мулихай и какъ бы замѣщая его, является имя Молонъ. Въ киргизской степи на р. Сарысу есть древняя могила Булганъ-ана и близъ нея другая Белень-ана; послѣдняя приставка ана значить „мать“, что указываетъ на какое-то миеологическое значеніе этихъ именъ, въ родѣ черемисскаго божества Меляндъава, „матьземля“, Мюлляндэ-авя, Мляндэ-аба (Кузнецовъ, Сюрэмъ, стр. 52; Золотницкій, Невид. міръ, стр. 22; Этногр. Сборн., IV, 210). Мулку ср. также съ черемисскимъ Кудурго-Волгендэ; такъ называется божество грома; первый членъ этого имени есть собственно божество грома, второй—божество молніи. Въ бурятскихъ сказаніяхъ мы встрѣчаемъ имя Исыгы-Молонъ-Тэнгри (см. № 53). Соперникъ киргизскаго Козу-Курпеша, соответствующаго чеченскому Мулку, называется Кодоръ-би. Не были ли имена Мулку и Курпешъ миеологическіе синонимы, вслѣдствіе чего въ однихъ мѣстахъ укоренились легенды съ первымъ именемъ, въ другихъ—тѣ же легенды съ другимъ? Ср. Булагачинъ и Керемучинъ, которые часто встрѣчаются рядомъ (19 прим. къ I гл.). Между именами звѣрей встрѣчаемъ: булыганъ, булганъ, булыгъ—соболь по монгольски; мялимъ (ср. Мялимъ-хузя) на языкѣ Тобол. Татаръ, степная кошка *Felis marul* (тоже, что по киргизски малингъ); баланъ по вотяцки рысь; *ralang* на куманскомъ языкѣ—леопардъ (*Cod Cuman*; ср. *plop*, огненный змѣй у Лужичанъ, Аванас., Поэт. Возвр., II, 555). Не лишнее указать здѣсь на киргизское повѣрье объ окраскѣ кошки малина (См. Оч., II, 148), которое въ свою очередь напоминаетъ алтайское повѣрье о бурндукѣ (корюкѣ), бичеванномъ отъ бога.

Общее заключеніе изъ этихъ сопоставленій можетъ быть такое: Всѣ разказы о Ванѣ кирейскомъ, погибшемъ отъ руки Чингисъ-хана, о Хелиханѣ, по смерти названномъ Ваномъ и погибшемъ во враждѣ съ Китайскимъ императоромъ (Едзень-ханомъ?), о Шидырванѣ, казненномъ Едзень-ханомъ, о сибирскомъ Онъ-Сомѣ, убитомъ рукой Татарина Чингя, а также о Мулихай-Онгѣ и Болго-джинонгѣ, относятся къ одной миеической личности. Имя Шидырванъ распадается на двѣ части, и страстотерпецъ, который разумѣется подъ этимъ именемъ, въ другихъ вариантахъ могъ являться только съ одною половиною имени; вотъ, можетъ быть, почему и появляются легенды, то о Ванѣ, то о Джиде-нойонѣ. Рашидъ-Эдинъ упоминаетъ (Зап. Археол. Общ. XIV, 99) какія-то „запрещенныя рощи Вана“; не были ли это мѣста поклоненія Вану, какія-нибудь таилганы? Средне-азиатскія племена, двигавшіяся на западъ, должны были занести эти сказанія въ Поволжье, въ южную Россію, на Кавказъ и на Балканскій полуостровъ. Разность этотъ могъ начаться давно; если нашъ взглядъ на исторію Хели-хана правиленъ, легенда о Ванѣ жила уже въ VII вѣкѣ въ центральной Азій, то-есть, за 200 лѣтъ до призванія Варяговъ Русью (если китайская записъ современна событіямъ). Средне-вѣковыя сказанія иногда сливали личность Вана кирейскаго съ пресвитеромъ Іоанномъ; по мнѣнію ученыхъ, поводомъ къ этому слиянію послужило только сходство именъ Іоаннъ и Ванъ; но едва ли роль не болѣе важную при этомъ

играли и легенды. Пресвитеръ Іоаннъ является въ западныхъ сказаніяхъ подъ формами: *Presbyter Iohannes, Padescha prestegiani, Prester chan, Prestus Iohannes, Prebste Jehan, Prestre Iohan, Preste Guan*. Оппертъ приводитъ догадку ученаго Нуде, что *Presbyter Iohannes* могло возникнуть изъ невѣрно разслышанныхъ *Phristoa* и *chan*; такимъ образомъ *Presbyter Iohannes* могло звучать, какъ *Pristoa-han* (*Pesb. Iohannes, S. 10*). Фирриштэ въ произношеніи Казанск. Татаръ пярриштэ, у Киргизъ пэристе, „ангелъ“. Гаммеръ Пургшталь говоритъ, что *Owang-chan*, благодаря средневѣковымъ миссіонерамъ, не меньшую извѣстность получили подъ именемъ пресвитера Іоанна, какъ въ древнее миеологическое время *der Fisch Oannes als Gesetzgeber an der Küste des rothen Meeres*. У Бероза эта рыба называется Одаконъ; она явилась изъ Чермнаго моря при Вавилонскомъ царѣ Едоранхѣ, который былъ седьмой между допотопными царями (*Chwolohn, Die Ssabier, II, 300—301*). Въ западныхъ легендахъ Ванъ кирейскій иногда называется Давидомъ; иногда Давидъ причитается внукомъ Ванъ-хану, иногда самъ Чингисъ-ханъ выдается за Іоаннова внука (Ученныя Зап. Ак. Н. по I и II отд., т. II, стр. 761—764). Имя Давидъ Оппертъ объясняетъ формой Тубуть, которая встрѣчается въ сказаніи о Чингисханѣ (смотри прим. къ № 64). Чавудъ на нѣкоторыхъ кавказскихъ нарѣчіяхъ, Чуфуть на языкѣ Крымскихъ Татаръ, произносится вмѣсто Жидь.—Въ вар. а, б, д и другихъ рядомъ съ Шидырваномъ стоитъ имя Амурсана (по произношенію Таранчей въ Кульджѣ Умрисена). Другая рядомъ форма Темиръ-сана какъ бы повтореніе той же самой. Можетъ быть, эти формы не обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно позднѣйшему герою монгольской исторіи, джунгарскому князю Амурсанѣ, а уже находились въ древнихъ сказаніяхъ. Сана ср. съ формою Шоно, которая часто встрѣчается въ сказаніяхъ.

Къ вар. г и п. Въ обоихъ этихъ вариантахъ указывается на заключеніе побратимства между Шидырваномъ и Амурсаной (№ 4) или между Шидырваномъ и Сайнъ-Нойономъ (№ 16). Легенда о клятвopреступленіи, вѣроятно, находится въ связи съ повѣрьями сибирскихъ инородцевъ о медвѣдѣ, какъ представителѣ справедливости, блюстителѣ за исполненіемъ клятвъ и карателѣ за ихъ несоблюденіемъ. Ср. съ сказаніемъ о Дуклианѣ (Безсоновъ, Кал. перех., в. III, № 136). Монгольское имя ванъ, „князь“, произносится: ванъ у Халхасцевъ, онъ у Тарбагатайскихъ Торгоутовъ, уанъ по хотогойтски; нѣкоторые Дурбюты произносятъ это слово *ум*. Къ этимъ версиямъ слѣдуетъ присоединить убанъ и манъ, какъ Алтайцами и Бурятами произносится второй членъ имени Шидырванъ: Шидыръ-Убанъ и Шудурманъ. Нѣкоторыя изъ этихъ версій близки къ именамъ звѣрей; убанъ напоминаетъ алтайское аба, медвѣдъ, чувашское оба, медвѣдъ; самоѣдское уанъ и ванъ-собака (Этн. Сборн., IV, 52), монгольское манъ—кошка особой породы (*Felis manul*). У Палласа вмѣсто самоѣдскаго уанъ стоитъ *уеп, wep, ueпоекое, weneku* (*Zoogr., I, 57*); *vuang* у Тавгинцевъ (*Zoogr., ibid*). Эта форма распространяется на югъ до Саяновъ, гдѣ находимъ *теang* у Койбаловъ,

„собака“ (Pall., Soogr., I, 57), *mingei*, лисица у Койбаловъ (Pallas, Soogr., I, 46); у Кастрена самоѣдскія имена для собаки: *wueno*, *wueng*, *bang*, уменьш. *wuenuko*, *wueniko* (Wörterverz. a. d. Samojed., 237). Такимъ образомъ носовой звукъ появляется и въ звѣриныхъ именахъ, какъ онъ замѣчается и въ версияхъ слова *ванъ* (*ум*, Мулихай-Унге или Мулихай-Онгъ). Кроме того, въ татарскомъ мы находимъ *ангъ*, животное вообще, въ частности иногда олень. Въ алтайскомъ *пунгъ* „каменный козелъ“ *Aegoceros sibiricus* (онъ же называется и *джунгма*). Въ Монголіи этому имени, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ такіа названія горъ, какъ *Пунгъ*, *Бунгъ*, *Бунхонту*. *Valgus*—имя божества земли у Енисейскихъ Остяковъ и также *мамонтъ*, по мнѣнію Кастрена (*Vorlesungen üb. die Finn. Mythologie*, S. 228). И такъ, мы имѣемъ въ звѣриныхъ именахъ формы: *уанъ*, *ванъ*, *манъ*, *ангъ*, *uang*, *teang*, *пунгъ*. Что одна изъ этихъ формъ могла получить значеніе княжескаго титула, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если только она придавалась сильному звѣрю въ родѣ медвѣдя. Въ тюрко-татарскихъ нарѣчіяхъ для обозначенія княжескаго званія существуютъ формы: *пегъ*, *бегъ*, *бей*, *бигъ*, *бій*, *пи*, съ которыми, говоритъ Вамбери, въ тѣсной связи стоитъ тюрко-тат. *бай*, *бой*, *бій*, „богатый“ (*Vamberg, Die primit. Cultur d. türccotat. Volkes*, S. 137). О Палладій приводилъ форму *бегъ* въ связь съ монгольской *бѣ* или *бугъ*, „шаманъ“ и „старшина“ (*Труд. Пек. дух. мис.*, IV, 228). Въ тюркскихъ языкахъ, по Вамбери, для выраженія о шаманѣ были формы: *багъ*, *бай*, *бѣй* (I. c., 246). У Киргизъ форма *бай*, „богатый“, употребляется также, какъ званіе хозяина (ср. съ обычаемъ нашихъ сѣверныхъ крестьянъ называть медвѣдя „хозяиномъ“) и входитъ въ составъ личныхъ именъ, какъ окончаніе, напримѣръ, *Кашкарбай*; въ половецкихъ именахъ вмѣсто *бай* является *опа* или *оба*, напримѣръ, *Алтынопа*, *Кулоба* (*Карамз.*, II, прим. 200, 203, 350; III, прим. 60, 70). Въ якутскомъ *убай*, дядя, младшій братъ отца; вообще всѣ младшіе мужчины отъ отца (*Порядинъ*, Яв. Слов., рус.). Въ алтайскомъ существуютъ формы: *Бай-Ульгень*, „богатый Ульгень“ и *Ульгень-пи* „Ульгень-князь“ (*Вост. Обзор.*, 1882 г., № 7, гдѣ стоитъ *Ульгень-Ри*, очевидно, вслѣдствіе опечатки). Въ тунгусскомъ *богатый мырга*; *тигръ мырга-мафа*, „богатый дѣдъ“; едва ли тутъ *мырга*—эпитетъ.

Къ вар. г. Обрядъ, который совершилъ Шидырванъ при заключеніи договора съ князьями, напоминаетъ западные обряды при заключеніи побратимства. О Скивахъ см. въ *Лѣтоп. русск. лит.*, изд. Тихонравова, в. I, 130. У *Малья Самоо* устраиваетъ заговоръ противъ Чингисхана; заговорщики влялись, ломая рѣчной берегъ (см. выше, стр. 827). У *Мирхонда* заговорщики убили лошадь, быка, овцу и собаку и сказали, „Если мы измѣнимъ, то да будемъ также убиты“. (*Oppert, Pesb. Johannes*, S. 105). Легенды о заговорѣ *Самоо* или *Джамуки*, вѣроятно, варианты заговора *Вана*. Заговоръ по *Малья* выдаетъ *Темучину* женщина *Саоуг*, которая прежде жила у *Темучина*, а потомъ была замужемъ за однимъ изъ заговорщиковъ.

Къ вар. ж. Здѣсь Шидырванъ сливается съ *Шоно-батыремъ* (*шоно*, монг. „волкъ“), и разказъ представляетъ вариантъ извѣстныхъ сказаній о

Шоно изъ сборника Радлова (которыя г. Стасовъ сближалъ съ нашею былинной объ Ильѣ Муромцѣ; кстати замѣтить, что въ былинахъ объ этомъ богатырѣ иногда является калита Иванище). Отсѣченіе пальца вошло въ разказъ изъ повѣрій о медвѣдѣ и сурѣѣ (см. стр. 179). Старуха, напускающая морь, встрѣчается также въ сказаніи о братѣ Чингиса, Хасарѣ (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongol). Если поставить рядомъ два варианта * и л, то нельзя не увидѣть нѣкотораго сходства монгольскаго сказанія съ нашимъ книжнымъ сказаніемъ объ Акирѣ премудромъ. Вар. № 11 разказываетъ о хитрости, употребленной врагами Шидырвана съ цѣлью погубить его; Шидырванъ здѣсь является, какъ Акирь, другомъ и совѣтителемъ царя; враги Шидырвана пишутъ подложныя письма, которыя дѣлаютъ друзей врагами. Въ вар. л Шудурманъ является изгнанникомъ изъ царства, вновь призываемымъ для спасенія отечества отъ враговъ, посредствомъ рѣшенія загадки, какъ и въ сказаніи объ Акирѣ. Поднятіе Шидырвана на воздухъ въ вар. в ср. съ летаніемъ Акира на Ногь-птицахъ.

Къ вар. л. Шидырванъ носить еще другое имя Шоголдынъ; ср. Галданъ въ сказаніяхъ о Шоно.

Къ вар. ж и н. Эпизодъ о богатырѣ Гульдзе-Токчи ср. съ мѣстомъ въ Алтанъ-Тобчи, стр. 72, о богатырѣ Сайнь-Тулэгэнѣ, который надѣваетъ на себя шлемъ Бегерсена.

Къ вар. н. Оппертъ въ своей книгѣ: *Presbyter Iohannes in Sage und Geschichte*, Berlin, 1864, приводитъ разказъ Абульфеды о царствѣ Парасъ и Туркахъ-Кафирахъ (*Turku el kiffagu*). Турки-Кафиры напали на царство Парасъ, опустошили его и ушли не извѣстно куда. Разгнѣванный царь Парасскій отправляется за ними въ погоню; одинъ изъ среды враговъ берется провести его чрезъ пустыню, въ которой нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни; запасы, взятые съ мѣста, истреблены, а цѣль еще не достигнута; вожакъ говоритъ, что онъ заблудился; царь велитъ отрубить ему голову; ища выхода изъ пустыни, войско достигаетъ до страны, гдѣ живутъ Жиды; они сказали Парасскому царю, что они союзники Турковъ, и кто дурное замышляетъ противъ послѣднихъ, тотъ дурное дѣлаетъ и для нихъ. Парасскій царь сказалъ имъ, что если они не продадутъ ему припасовъ и не укажутъ дороги къ Туркамъ, то онъ отмститъ это на Жидахъ, которые живутъ въ его царствѣ; Жиды приняли его и содержали въ довольствѣ въ теченіе 15 дней, а между тѣмъ дали знать Туркамъ. Эти стали въ горныхъ проходахъ, дали сраженіе Парасскому войску, многихъ убили, и Парасъ бѣжалъ въ числѣ немногихъ лицъ. Изъ работы Опперта вытекаетъ, съ одной стороны, тожество *Turku el kiffagu* Абульфеды, *Karher Togok* Абулфараджа съ подданными Иоанна Пресвитера, съ другой — тожество Жидовъ Абульфеды и десяти колѣнъ еврейскихъ письма Иоанна Пресвитера съ Татарами *Vincentius'a Bellovasontis*, данниками короля Давида, сына пресвитера Иоанна, Татарами Рубруквиса, сосѣдами Уивана, и Татарами Жуанвиля; во всѣхъ трехъ послѣднихъ сочиненіяхъ Чингисъ является предводителемъ Татаръ, которые избираютъ его для сверженія ита пресвитера Иоанна или его сына (*Pres-*

byter Iohannes, S. 22, 59, 66 и 74); ср. съ сказаннымъ въ прим. 23 въ гл. I о именахъ поколѣній Джеты и Додо. Подъ этими и сходными имъ формами въ сказаніяхъ дальней Азии едва ли всегда слѣдуетъ разумѣть имя народа; иногда подъ ними, кажется, скрываются темныя, враждебныя силы, отъ которыхъ гибнетъ свѣтлый богъ. Примѣры такого замѣщенія формъ жид и тат встрѣчаются и на западѣ. У Мангардта приводится дѣтская пѣсенка (№ 22):

Majkäfer, fliej uff!
mah dīnre mueder d'schūr uff!
d'Jude kumme,
d'Heide kumme,
welle mit dir reche,
welle dich und dine kind zsamme zu dod steche.

Въ другомъ вариантѣ (№ 24) вм. Jude стоитъ Tattre. Въ третьемъ (№ 11) вмѣсто Жидовъ стоитъ „семь“:

Herrgottsschäfchen, Flienwäppchen (Coccinella)!
dein Töpfchen kocht,
dein Kindelen ureischt,
da kommen ihr sieben mit Spiessen,
Wollen dich erschiesen...
(Mannhardt, Germ. Myth., 349, 352, 353).

Приводимъ для сравненія съ сказаніемъ о Ванѣ албанскую легенду о монастырѣ св. Іоанна (Jon по албански; Hahn, Albanesische Studien, Jena, 1854, S. 83—84): Іоаннъ, построившій этотъ монастырь, назывался Владимірскимъ будто бы потому, что родился въ городѣ Владимірѣ; онъ велъ набожную жизнь и занимался охотой, такъ какъ страна была тогда дикою; однажды онъ преслѣдовалъ державшаго въ когтяхъ крестъ бѣлаго сокола до тѣхъ поръ, пока тотъ не уронилъ креста; тамъ гдѣ послѣдній упалъ, Іоаннъ построилъ церковь. Жена, съ которою онъ жилъ въ дѣвственномъ бракѣ, желавшая другой любви, пожаловалась своему брату; тотъ хотѣлъ убить Іоанна, но мечъ не могъ взять его; Іоаннъ подалъ свой мечъ, и тотъ отрубилъ ему голову; Іоаннъ взялъ свою голову въ руки и отвезъ ее самъ въ свою любимую церковь. Франки хотѣли вывезти его останки на чужбину и спустили гробницу съ ними въ рѣку, но гробница поплыла не внизъ, а вверхъ по рѣкѣ и остановилась противъ церкви, изъ которой была взята. По другому сказанію, Іоаннъ или Владиміръ былъ царь далматинскій, сынъ одного изъ трехъ братьевъ, сыновей царя Chualimir'a. При Владимірѣ на Далматію напалъ Болгарскій царь Самуилъ; Владиміръ со своимъ народомъ удалился на Mons obliquus (въ Черную гору, думаетъ Ганъ). Видя неприступность его убѣжища, царь отступилъ, оставивъ при подошвѣ горы часть войска. Между тѣмъ жупанъ этой горы (mons obliquus) сталъ сносятся съ

царемъ; Владиміръ послѣшилъ предупредить его и отдался въ руки царя. Въ плѣнника влюбилась Cossaga, дочь царя; царь отдалъ дочь за него и далъ ему въ управленіе область. Затѣмъ царь умеръ; его наслѣдникъ былъ убитъ хитростью на охотѣ, по наущенію Константинопольскаго императора, своимъ родственникомъ Владиславомъ. Ставъ царемъ, Владиславъ началъ приглашать къ себѣ въ гости Владиміра. Жена посовѣтовала мужу вмѣсто себя послать къ царю ее; Владиміръ такъ и сдѣлалъ. Царь принялъ ее съ почетомъ и вновь сталъ приглашать самого Владиміра. Въ знакъ того, что у него въ головѣ были мысли честныя, онъ послалъ золотой крестъ, но такъ какъ Христосъ потерпѣлъ не на золотомъ, а на деревянномъ крестѣ, то Владиміръ потребовалъ деревянный (не по совѣту ли мудрой жены?) и царь послалъ ему такой съ двумя епископами и однимъ отшельникомъ. Тогда Владиміръ тронулся въ путь. Прибывъ въ резиденцію царя, онъ прежде всего вошелъ въ церковь, но при выходѣ изъ нея у церковныхъ дверей былъ обезглавленъ.

Къ вар. о. Ср. съ дымомъ куреній, поднимавшимся до небесъ отъ мотыги убитыхъ Бориса и Глѣба въ нашихъ духовныхъ стихахъ: „явился столбъ красный огненный отъ земли до неба“, „становился тамъ демьянъ-ладонъ воженный столбъ поднебесный“ (Безсоновъ, Кал. переходже).

Къ вар. п. Въ этомъ вариантѣ измѣнникомъ является Сайнъ-нойонъ; у Шишмарева—одинъ изъ князей аймака Сайнъ-нойона; наша редація, вѣроятно, древнѣе и больше приближаетъ сказаніе о Шидырванѣ къ лѣтописному извѣстію о Хели-ханѣ; подъ Сайнъ-нойономъ (Сайнъ-нойонъ, можетъ быть, окажется тѣмъ же лицомъ, которое является въ другихъ исключительно восточно-монгольскихъ сказаніяхъ подъ именемъ Сайнъ-хана или Хайнъ-хана) можно видѣть измѣнника Хели-хана, сѣинъгосскаго князя Инаня, который въ лѣтописи иногда просто называется Сѣинъго.—Въ этомъ же вариантѣ желтый хадакъ, поднесенный китайскимъ чиновникомъ, самъ собою обвязывается вокругъ рукъ Шидырвана; не находится ли эта черта въ связи съ шаманскимъ обрядомъ связыванія вновь посвящаемаго шамана съ его учителемъ, старымъ шаманомъ? См. стр. 58. Въ нашемъ русскомъ свадебномъ обрядѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молодымъ связываютъ руки полотенцемъ. Можетъ быть, при накопленіи свѣдѣній о свадебныхъ обрядахъ у нашихъ инородцевъ откроется болѣе соприкосновеній съ легендой о Ванѣ. Въ рукописной статьѣ г. Верещагина о Вотякахъ села Сосновки, доставленной въ Географ. Общество, сообщенъ обычай, соблюдаемый во время свадьбы: когда поѣзжане жениха пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты съ цѣлю увести ее въ домъ жениха, невѣста прячется въ ржаномъ полѣ въ розѣ (зимой же на гумнѣ); кто-нибудь изъ ея родственниковъ выдаетъ мѣсто ея укрывательства жениховымъ поѣзжанамъ за монету копѣекъ въ 10 или 20.

Къ вар. р. Сниманіе грудины указываетъ на обрядъ жертвоприношенія; у Монголовъ обычай изъ жертвеннаго животнаго вырѣзывать такъ-называемую зюльду (стр. 90). Эта черта сказанія приводитъ къ догадкѣ: не заклю-

чается ли въ сказаніи о Шидырванѣ описанія медвѣжьяго праздника, то есть, принесенія медвѣдя въ жертву богамъ?

Къ вар. с. Семь ангировъ встрѣчаются и въ другомъ сказаніи, помѣщенномъ уже нами въ „Очеркахъ“, II, 166. Ср. семь мудрецовъ Angigas въ Ведахъ: Rapis, злое существо, украло коровъ у семи мудрецовъ Angigas (angigas ср. съ Ыгурь, жангуру, „волкъ“ у Амурскихъ Тунгусовъ; Маакъ, Путеш. по Уссури, 106 и въ Прибавл., 14; по киргизскому повѣрью Б. Медвѣдица—семь „волковъ“). Мудрецы пожаловались Индрѣ, Индра послалъ искать коровъ собаку Sagata, которая нашла ихъ, но Rapis далъ ей молока и Sagata скрыла отъ Индры истину; Индра ударилъ собаку палкой и она выблевала молоко. Ср. съ монгольскими повѣрьями о затменіи (стр. 210). Ангиръ красная утка, Vulpraseg gutila, по монгольски.

67. Шуно.

Шоно по монгольски волкъ. Бурте-чино, предка Монголовъ, Говорсъ въ своей „History of the Mongols“, I, 33, сближаетъ съ Ашина или Sena, предкомъ Тукюзэцевъ. Буртечино — преслѣдуемый принцъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, женившійся потомъ у озера и въ нѣкоторыхъ вариантахъ замѣняемый волкомъ; Сена—преслѣдуемый принцъ, перенесенный за рѣку и воспитанный волчицей. Въ вариантѣ Радлова (Proben, I, 206), у ойротскаго хана Конгодоя отъ старшей жены сынъ Шѳнѳ и отъ младшей три сына: Амырь-сана, Тѣмиръ-сана и Калданъ-чѳрѳ. Шѳнѳ убиваетъ тигра и привязываетъ его къ дереву; завидующіе братья оговариваютъ его, и ханъ велитъ изломать Шѳнѳ лопатки и бросить въ яму. Впослѣдствіи, когда хану грозитъ чужеземное нашествіе, Шѳнѳ вынимаютъ изъ ямы; онъ отражаетъ бѣду, но оставляетъ отечество навсегда. Въ другомъ вариантѣ (Proben, II, 380), семилѣтній Суну-матыръ, сынъ Конгдайжи; на народъ Конгдайжи напалъ тигръ; Суну хотеть идти стрѣлять въ него, отецъ отговариваетъ его: „Ты малъ еще, дитя мое!“ Суну однако убиваетъ тигра. Подданные Конгдайжи, испуганные силой богатыря, оговариваютъ его, будто онъ наслучаетъ ихъ женъ и дочерей. Ханъ велитъ бросить его въ яму, изломавъ лопатки (ср. Mannhardt, Germ. Myth., 202; Юаньчжаомиши, стр. 69: о Бурѣ-боко; бурѣ, татарск. „волкъ“). Затѣмъ Суну вынимаютъ изъ ямы, и онъ удаляется къ Бѣлому Царю (ср. № 74 и примѣч. къ нему). О братьяхъ Суну не упоминается, но по окончаніи разказа о немъ слѣдуетъ особый разказъ объ Амырь-Саранѣ, который также кончается тѣмъ, что уходитъ къ Бѣлому Царю. Въ древне-болгарскомъ сказаніи: Мартагонъ (Омортагъ), имѣющій трехъ сыновей, садитъ въ тюрьму Киннама (Соколовъ, Изъ древн. истор. Болгар., С.-Пб., 1879 г., стр. 122—134). У Кульджинскихъ Таранчей (Пантусовъ, Война Таранчей съ Китайцами, Казань, стр. 38) есть преданіе объ Умрисена или Умурсева; у Киргизъ—о Сна-батырѣ. Ср. съ парнымъ: шонгъ-бори, альпійскій волкъ (см. стр. 156); бѣлокъ въ вершинахъ Иркута называется Шоно-нойонъ и Буренъ-ханъ (см. стр. 128).

Калѣченые ребенка, съ цѣлю убавить его силу въ будущемъ, разказывается о Лангъ-Тамерѣ (Гавстгаузенъ, Закавказскій край, ч. I, стр. 158), въ осетинскихъ преданіяхъ о хромомъ Темирѣ или Аксакъ-Темирѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. VI, ст. „Чечен. пл.“, стр. 41; вып. VIII, ст. „Ингуши“, стр. 20): отецъ Аксакъ-Темира, чтобъ уменьшить его прыткость въ бѣгѣ, переломилъ ему ногу въ дѣтствѣ. У Радлова (Proben, IV, 307) Цѣдай-ханъ велитъ избить младенцевъ; къ матери Аксакъ-Темира приставленъ ея родственникъ, который, жалючи родственницу, ограничивается тѣмъ, что нажимаетъ на животъ беременной женщины; женщина родитъ хромого Аксакъ-Темира; ср. съ киргизскимъ преданіемъ о Чопанъ-атѣ (Оч., II, 153).

68. Цаганъ-дареке.

Палласъ въ своихъ Sammlungen hist. Nachr. th. d. Mongol. Völkerschaften, Th. II, s. 87, кажется, того же Аю-бодисата разумѣетъ подъ именемъ Chondschin-boddi-sado; онъ живетъ на горѣ Будада вмѣстѣ съ Ногонъ-дареке и Цаганъ-дареке (у Бергмана: Nojon Daga äkä и Zagaan Daga äkä; Nomad. Streifer. unt. Kalmüken, th. III, S. 67). Онъ печальнигъ рода человеческого, борется съ злыми духами, души умершихъ, предназначенныя къ блаженству, направляетъ въ уготованное имъ жилище и облегчаетъ мало по малу муки осужденныхъ грѣшниковъ; онъ долженъ придти на землю воплощенный и собрать около себя всѣ души. Chondschin ср. съ названіемъ идола, которому по грузинскому царевичу Вакушту поклонялись Уйгуры или Угуры: Koundjith, Koudjin, Kourdjine (Brosset, Hist. de la Georg., t. I, l. II, p. 486 и 487). Не потому ли Вакуштъ и Рашидъ-эддинъ отзываются о вѣрованіяхъ и преданіяхъ Уйгуровъ, какъ о невѣроятныхъ и ложныхъ, что они услышали отъ нихъ разказъ о Аю-бодисатѣ, который смутилъ ихъ религиозное чувство. Вотъ слова Вакушта: les Ouïghours, tribu dont l'histoire, merveilleuse et approchant de la fable, est réellement fabuleuse et fautive, en sort qu'il est inutile d'en parler ici (p. 490). Ср. у Рашидъ-эдина въ Зап. Археолог. Общ., XIV, 126. Сказаніе объ Аю-бодисата ср. съ сказкой Черневыхъ Татаръ у Радлова (Proben, I, 418): Аранъ-Тайджи похищенъ еще изъ утробы матери Чиланъ-Монгусомъ (Чиланъ-ханомъ у Вербицкаго Томск. губ. вѣд., 1882 г., № 33, стр. 534) и въ подземномъ царствѣ прибѣтъ къ столбу; Алтынъ-Моко отправляется его освобождать, но Аранъ-Тайджи самъ разрываетъ свои узы; по возвращеніи изъ подземнаго міра, Алтынъ-Моко подвергается нападенію двухъ богатырей Шойунъ-Гаса и семиголоваго Чельбегеня; Аранъ-Тайджи вступаетъ съ ними въ борьбу и освобождаетъ Алтынъ-Моко. Кончается сказка поѣздкой Аранъ-Тайджи за своею невѣстой. Въ татарской сказкѣ сложное Сайнъ-Гальбинъ-Мингынъ какъ будто разбилось на отдѣльныя имена; Сайнъ ср. съ Шойунъ (дзаянъ, тунгусск. „медвѣдь“), Гальбинъ съ Чельбегенъ, Мингынъ съ Монгусъ, приставкой къ имени Чиланъ. Похищеніе на третій день ср. съ повѣрьюми о похищеніи новорожденныхъ (см. стр. 27); у Албанцевъ третій день послѣ

*

рожденія называется *Поимикомъ* (Поимик) ребенка (Hahn, Alban. Stud., 146). Исканіе матерью своего потеряннаго сына ср. съ поисками Божьей Матери въ нашихъ стихахъ и колыдахъ (Труд. Этн. Эксп. въ Зап. русск. край, III, 387; Безсоновъ, Кал. Перех., в. 4, стр. 554). Тѣ Монголы, которыми знакомы русскія вѣрованія, смѣшиваютъ Цаганъ-дареке съ нашею Божьею Матерью. Поддержкой смѣшенія служатъ, можетъ быть, отчасти нѣкоторыя отдаленныя черты сходства въ живописныхъ изображеніяхъ той и другой; Цаганъ-дареке, какъ насъ нѣкоторые очевидцы увѣрили, изображается иногда съ младенцемъ на животѣ. Мнѣ не удалось видѣть такихъ изображеній, но образку Знаменья Божьей Матери, который былъ съ нами, Монголы всегда давали имя Цаганъ-дареке. Въ одномъ изъ апокрифическихъ народныхъ разказовъ (Безсоновъ, Кал. Перех., в. 4, стр. 116), Жиды о Богородицѣ спрашиваютъ: „не проходила ли бѣлоголовая“ (по монгол. будетъ цаганъ-теригунтей)? „Бѣлоголова королева“ въ загадкахъ у Садовникова, № 1833, вар. ж. Выраженіе „весь Баргу вышель плавать“ не находится ли въ связи съ сказаніемъ Рашидъ-эддина о Джиданойонѣ (Зап. Археолог. Общ., XIV, 190), преслѣдуемомъ врагами мальчикѣ, мать котораго была изъ племени Баргутъ? Эпизодъ со странникомъ ср. съ южно-русскимъ разказомъ о Пятницѣ, являющейся въ труднику или пустынику, который не владѣлъ ни руками, ни ногами (Веселовскій, въ Ж. М. Н. П., 1877, февр., стр. 212), и съ русскою сказкой о Силѣ Царевичѣ, который погребаетъ плававшего въ гробу по морю Ивалку-бѣлую рубашку (Аванас, Н. Р. С., изд. 1857, вып. III, стр. 120; Benfey, Orient and Occident, t. III, s. 93). Появленіе Бурхана-Бакши въ видѣ коня не намекаетъ ли, что сказаніе объ Аю-бодисатѣ есть эпическая обдѣлка хожденія шамана въ царство Ерлика (см. примѣч. къ № 54)? Въ Алтанъ-Тобчи Аби-Бурки—то конь, то человѣкъ (стр. 61).

Вар. в ср. съ вендскою легендой (Veckenstedt, Wendische Mährchen, Sagen und abergl. Gebräuche, Garz, 1880, S. 353) и болгарскою (Безсоновъ, Калики переходячіе) о невинно убитой сестрѣ, на крови которой выросла трава босилъ; въ малорусскихъ повѣрьяхъ подобная трава стоитъ въ связи съ темой о кровосмѣшеніи; „Иванъ-да-Марья“ (иногда День-и-ночь) это—братъ и сестра, которые были брошены матерью, выросли вдали другъ отъ друга и вступили въ бракъ (Анненковъ, Бот. Сл., 211). Въ Ведахъ Јамі (ночь) проситъ своего брата (день) сдѣлать ее своею женою, но братъ отклоняетъ просьбу, говоря: „грѣхъ брату жениться на сестрѣ“ (M. Müller, Lectures on the scien. of language, II ser., 510); ср. съ русскою загадкою у Садовникова, З. Р. Н., № 1870. Не влеталъ ли разказъ о кровосмѣшеніи въ легенду о Цаганъ-дареке, и не она ли является въ монгольскихъ сказкахъ подъ именемъ Цаганъ-ханъ, когда это имя придается женщинѣ (№ 74 и Оч., II, 174)? Тождественность этихъ персонажей чувствуется и самими Монголами, которые въ своихъ повѣрьяхъ сливаютъ Цаганъ-дареке и Цаганъ-хана (см. Оч., II, 32); это чувство, можетъ быть, внушается имъ сказками и повѣрьями, которыхъ мы еще не знаемъ. Цаганъ-ханомъ въ № 74

называется дочь Чингисъ-хана; киргизская Акъ-бибе, родоначальница „акъ-хановъ“, бѣлыхъ царей, тоже дочь Чингиса (см. Radloff, Proben, III, 84), а о Чингисѣ есть легенды съ темой кровосмѣшенія. Гуречи въ вар. е, гурочинъ въ № 88 не собственные ли имена? См. примѣч. къ № 141. Тема о кровосмѣшеніи нерѣдко соединяется съ темой о боѣ отца съ сыномъ, какъ, напримеръ, въ классическомъ о Едигѣ (брошенномъ въ долину Kırhegön) и въ болгарскомъ о Іудѣ, сынѣ Рувима и Циборин (Безсоновъ, Кал. перек., в. IV, стр. 210). Бой отца съ сыномъ (или ссора) заключается въ сказкѣ барбинскихъ Татаръ объ Идыге-би (Radloff, Proben, IV, 35); Мырадыль (Мыратъ, *ibid.*, 245) выплываетъ глазъ своему отцу Идыгею; въ нашихъ былинахъ Илья Муромецъ бьется съ своимъ сыномъ Борисомъ Збуть-королевичемъ. Матерью противника Ильи называется Семигорка баба Владимерка (Рыби., II, 349) или баба Латымирка; въ одномъ южнорусскомъ заговорѣ есть выраженіе „мисацю Владимыру!“ Латымирка ср. съ лятопырь, „летучая мышь“ (Fledermaus). Окончанія меръ, марь встрѣчаются въ пригамскомъ Поволжьѣ: Булымеръ, Билямаръ (село въ Вятск. губ.), Блалмаръ (названіе болгарскаго царя у арабскихъ писателей, по чтенію Хвольсона), Иньмаръ, высшее божество у Вотяковъ; послѣднее имя распадается на инъ „небо,“ „облако“ (въ татарскомъ облако: блуть, будутъ) и марь. Не слѣдуетъ ли видѣть въ имени Владимірь не славянское, а славянизированное не арійское имя? Не придавалось ли оно женѣ Владиміра, прославившейся своею доступностью для заѣзжихъ молодцевъ (ср. съ Ногонь-дареке, № 65, вар. ж), и не называлась ли этимъ именемъ иногда та невѣста, которую добывали для царя богатыри? Въ колядѣхъ у Чубинскаго (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, III, стр. 303) гречная панна Марія теряетъ съ головы вѣнокъ, унесенный въ воду; три рыболова ловятъ его; одному она даетъ шелковый платокъ, другому золотой перстень, а за третьяго идетъ замужъ. Ср. съ гнѣснымъ мотивомъ о полонянкѣ, вышедшей замужъ за брата перевозчика. Растеніе *Thymus Serpillum* въ разныхъ областяхъ носятъ имя: чаберъ, чиборъ, чебрикъ, цебрыкъ, зиберъ, дзиберъ, чамберъ, чембрикъ и др. (Анненковъ, Бот. Сл., 354); киргизское названіе того же растенія джиберъ (*ib.*, 355). То же растеніе въ другихъ мѣстахъ называется богородскою травой. Въ Пошехонскомъ уѣздѣ повѣрье: шла Богородица и плакала; гдѣ упали ея слезы, тамъ выросла богородская трава; чортъ создалъ другую, колючую траву, которая вытѣсняетъ теперь богородскую. Чаберъ на языкѣ Казанск. Татаръ: „красивый“, „красавица“. Не были ли формы чаберъ, дзиберъ и пр. именемъ женщины, о которой существовали сказанія, находившіяся въ связи съ повѣрьями о растеніи *Th. Serpillum* и потомъ перешедшія въ наши апокрифическія легенды?

69. Кункеръ-ханъ.

Хожденіе Абдуль-Хотона ср. съ Сайнъ Амугуланъ-Ябудалту, который въ сборникѣ Шиддикуръ ходитъ за святымъ трупомъ (Этн. сб., VI, стр. 9 и 10)

и съ принцемъ Gedon'омъ Дванглуна, который плаваеъ за чинтамани (Der Weise und der Thor, St. Pbg. 1843, S. 261—282), въ русскихъ сказкахъ съ Борисомъ Трѣминомъ, который ходилъ къ солнцу (въ Тр. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, стр. 290; ср. также II, стр. 167, № 51—герой ходитъ къ золотой горѣ). Въ алтайской сказкѣ объ Ирнѣ-Шайнѣ (стр. 427) Ханкереханъ представляется одновременно ханомъ, шаманомъ и женщиной. Посѣщеніе юрты Канкере богатыремъ сходно съ разказомъ въ русской сказкѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, стр. 7 и 11), въ которомъ вмѣсто Канкере стоитъ солнце. Въ дархатской (№ 162) являются царицы Толинды и Шюринды; толи—дискъ, мѣдный кружокъ, зеркало; шюръ—коралль. Не означаетъ ли первое солнце (ср. dilasa, тунгусск. „солнце“), а второе не есть ли испорченное монгольское саръ, „мѣсяцъ“? Въ сказкахъ часто солнце и луна стоятъ рядомъ въ видѣ двухъ красивыхъ сестеръ паревенъ. Можетъ быть, въ какой-нибудь другой редакціи объ Абдулъ-Хотонѣ также подразумевались солнце (алтынъ, золото) и луна (шюръ, кораллы). Ср. также разказы о поѣздкѣ за живымъ богомъ (№ 83); въ одномъ вариантѣ ханъ, ѣдущій за живымъ богомъ, названъ Абтай (Аватай) ханъ, въ другомъ Алтынъ-Гартай; послѣднее не было ли именемъ живаго бога? Членъ Алтынъ сходенъ съ Колду, какъ живой богъ называется въ урянхайской сказкѣ (№ 132), второй членъ Гартай совзвученъ съ ерсене или ердене, первымъ членомъ названія живаго бога въ вар. б (стр. 333): Ердене-Дзо (русская загадка о солнцѣ: на дубѣ стародубѣ сидитъ птица веретеница; Садовниковъ, № 1817). О Ханъ-Дываровой (Ханъ-Тенгировой?) казнѣ, въ которой хранится рогъ однорога, звѣря, называемаго кергеденомъ, см. Карамз., Ист., VI, пр. 534. Въ сказкѣ Качинскихъ Татаръ птица Канкыри-кушъ выноситъ богатыря изъ подземнаго царства (Этн. Сборн., IV, 108); такимъ родомъ мнѣческой образъ приближается къ западному грифу, который по греческому мнѣу стережетъ золото. Канкыри-кушъ, вѣроятно, то же, что алтайская птица Канъ-кереде, монгольск. Ханъ-Гариде, Ханъ-Гаридь, Ханъ-Гарди и т. п. Послѣдній членъ этого имени ср. съ литовскимъ gerto-anaх. Формы Канкыри, Куньяръ ср. съ хонгоръ, калмыцк. соколь, сонкоръ, монгол. idem. По словамъ о. Чивалкова (въ Улагѣ), въ телеутскихъ сказкахъ птицы Канъ-кереде нѣтъ; вмѣсто нея въ нихъ упоминается птица Пудайчи. Мусульмане (напримѣръ, въ Дагестанѣ) Хуньяромъ зовутъ Турецкаго султана (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. 2, стр. 44). Вамбери считаетъ титулъ Chunkiar, осм. Hünkar, Hünkiar,—персидскаго происхожденія, но глубоко въоренившимся въ жизни турецкихъ племенъ. Въ кочевомъ бытѣ у Тюрковъ, говоритъ онъ, старѣйшій и сильнѣйшій сочленъ, обязательный священнымъ долгомъ кровавой мести, у нѣкоторыхъ племенъ называется chunkiar (Vambergy, Die primit. Cultur des turko-tatarisch. Volkes, Leipz., 1879, s. 136). Нѣкоторые старинные арабскіе писатели, какъ напримѣръ, Ибнъ-Сайдъ и Димешки, имя Хункаръ давали Венгерскому народу (Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста о Хозарахъ, стр. 112 и 113). Заключение сказанія о книгѣ Абдула ср. съ замѣчаніями Бенфея о Nangasuna (Nagasena,

Nagardschuna), который спасает царевича от преслѣдующихъ семи чародѣевъ (Mel. asiatiques, t. III, l. 2 (1858), p. 180).

70. Нохой-эртень.

Ср. съ южно-русскими сказками въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, т. I, в. 1, стр. 4 (солнце украдо дѣвицу, братъ идетъ возвращать ее и они убѣгаютъ вмѣстѣ); т. II, стр. 13 (мать солнца прячетъ зашедшаго къ ней мальчика); стр. 290 (Борисъ идетъ къ солнцу, гдѣ его принимаетъ мать солнца). Нашими повѣрьями на крайнемъ западѣ помѣщаются счастливые „рахмане“. О рожденіи „штановъ“ изъ капель или брызгъ во время восхода солнца, см. въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, I, в. 1, стр. 30. Черемисы вѣрятъ въ существованіе людей съ собачьими головами и коровьими ногами; они называютъ ихъ пій-норэшкэ (сообщ. г. Аптріевъ, учитель въ Бирскѣ). Въ южной Россіи сходныя повѣрья о „волохахъ“ или „волохатыхъ людяхъ“; о какихъ-то отношеніяхъ между „волохами“ и „цыганами“ см. у Костомарова въ Вѣстн. Европы, 1873, янв., стр. 16.

72. Идзиль-Цзай.

Подъ этимъ парнымъ именемъ можно видѣть наши рѣки Волгу (Идиль) и Уралъ (Яиль); Астраханскіе Калмыки зовутъ Волгу Еджильмюрюнь. Киргизское названіе рѣки Ишима Исель не есть ли испорченное Идзиль? Начало имени Еджиль ср. съ монгольскимъ еджъ или еджи, „мать“. Озеро Косоголь у мѣстныхъ жителей называется Еджъ, то-есть, „мать“; на югѣ Монголіи подобное же имя Эдзинъ дается рѣкѣ. Другое монгольское слово иби, также означающее „мать“, въ свою очередь дало, по видимому, начало многимъ рѣкамъ и озерамъ въ Монголіи, а именно: Ибить въ Дархатской землѣ, Имень или Ибенъ (въ сѣверовост. Монголіи близъ Хайлара), Эби-норъ (въ Джунгаріи), Емилъ въ Тарбагатаѣ (иби въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ переходитъ въ емъ) и проч. Большая сибирская рѣка Иртышъ въ своихъ вершинахъ называется Ебинъ. Болѣе употребительное имя озера Косоголь Хубсугуль; начало этого имени ср. съ Хубъ-далай (см. стр. 825). Хубъ по бурятски значитъ выдра; другія названія выдры: киргизск. супъ, якутск; йиме, у Казанск. Татаръ кама.

73. Едмень-ханъ.

О желаніи отравить Чингисъ-хана, который въ Алтанъ-Тобчи называется Богдо-Эдзеномъ, см. въ записанныхъ нами преданіяхъ, № 47, вар. л. въ княжнихъ сказаніяхъ есть разказъ объ отравленіи Чингисханова отца Есугая.

74. Цаганъ-ханъ.

Ср. съ Индрой, который предоставляетъ Кагна'ѣ выбрать себѣ все, что хочетъ, кромѣ vajra, любимаго его орудія (Donnerkeil); см. Holtzmann's,

Indra n. d. Vorst. d. Mahābhārata въ Zeitschr. d. deutsch. Morgenl. Gesellsch., 1878, В. XXXII, Н. 2, s. 276. Въ „Очерк.“, II, 164: сынъ Чингисъ-хана тайно уноситъ бѣлуръ и съ нимъ счастье монгольскаго народа. Въ книжныхъ сказаніяхъ Сурганъ, давъ Чингисъ-хану все, не даетъ огня (Зал. Археол. Общ., XIV, 170). У Осетинъ есть преданіе о выкраденномъ „булау“, которое было унесено въ Грузію; этому булау (по виргизски джелау, знамя; въ сказаніяхъ о Чинхисъ-ханѣ упоминается девятиножное или девятибунчужное знамя) и теперь еще Осетины приносятъ жертвы (Вс. Миллеръ, „Осет. Эт.“, I, 144). О бѣломъ знамени у Пржевальскаго, „Монголія“, I, 139: Чингисъ-ханъ даритъ русскому охотнику (Орусъ-гурбчинъ?) одну изъ своихъ женъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣлое знамя; такой чести Русскій удостоился за то, что убилъ двухсаженнаго волка. Ср. съ № 137 нашего собранія. У Сананъ-Сэцэна (въ переводѣ Шмидта, стр. 77) имя Чаганъ-ханъ также является совмѣстно съ Чингисъ-ханомъ; такъ называется ханъ Солонгосовъ, съ которымъ Темучинъ ведетъ войну и который наконецъ отдаетъ ему дѣвицу Хуланъ-гоа. Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 18) солонгутскій ханъ названъ Буха-Чаганъ (буха „бѣзь“; чаганъ „бѣлый“); онъ даетъ Чингисъ-хану свою дочь Хулунъ. По Сананъ-Сэцэну и Рашидъ-Эддину, онъ даетъ ему не свою дочь, а дочь Даиръ-Усуна или Даиръ-Урсуну; у Сананъ-Сэцэна Даиръ-Урсунъ принадлежитъ къ племени Солонгосъ-Мергетъ, у Рашидъ-Эддина къ племени Ухуръ-Мергитъ, у д'Оссона къ племени Огусъ (что по татар. значитъ бѣзь, какъ и монгольское ухуръ; поэтому Буха-Чаганъ-ханъ и Даиръ-Урсунъ какъ будто тождественны).

76. Одунтай Бодунтай.

Сказаніе о найденышѣ, ставшемъ потомъ предкомъ, имѣетъ обширное распространеніе. Для сравненія приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ. 1) Сказаніе Волжскихъ Калмыковъ: Предокъ Калмыковъ Чоросъ былъ найденъ въ дуплѣ; народная этимологія сближаетъ Чоросъ съ цорго, „дупло“ (Поляковъ, Образцы народ. литер. монг. племенъ, С.-Пб., 1880, стр. 135). Имя Чоросъ ср. съ Торосъ, именемъ героя одного сойотскаго сказанія (см. Castren, Reiseberichte, S. 340), съ Джоро, первоначальнымъ именемъ Гессеръ-хана. У Палласа (Saml., I, 32) этому предку дано еще другое имя: Ulinda-Budin-Taischi; Палласъ разказываетъ о немъ слѣдующее преданіе: За три поколѣнія до Чингисъ-хана жилъ Ёбогонъ-мергенъ (Yoboghon-mergen), который совершалъ свои походы и передвиженія пѣшкомъ, такъ такъ телѣга подъ нимъ не выдерживала и ломалась. Отъ этого Ёбогонъ-мергена ведутъ свое начало князья рода Хойтъ. Однажды Ёбогонъ-мергенъ охотился и встрѣтилъ красивую дѣвушку; онъ взялъ ее въ жены, но та въ отсутствіи мужа завела еще связь съ Бо-ханомъ (Boh-khan) или Бо-нойномъ (или наконецъ Luvsim-khan'омъ), который былъ князь, занимавшійся волшебствомъ. До возвращенія Ёбогонъ-мергена, жена его родила сына, и услышавъ о возвра-

щеніи мужа, положила ребенка подъ дерево, гдѣ его и нашелъ настоящій его отецъ Бо-ханъ, или, благодаря своей вѣщей природѣ, или, по другой редакціи, будучи извѣщенъ о мальчикѣ посланцемъ отъ матери (66—по монгол., бузъ по бурятски, шаманъ; исторія Цороса есть, повидимому, вариантъ легенды о младенцѣ Булганъ-хара, который былъ подкинутъ матерью къ его тайному отцу Буха-нойону, см. стр. 265). Бо-ханъ далъ ребенку имя Улинда-Будунъ, потому, во первыхъ, что нашелъ его во время дурной погоды (будунъ), и во вторыхъ, что надъ ребенкомъ порхала ушастая сова (или шибунъ). Мальчику была вставлена въ ротъ трубка изъ листьевъ пригнутой вѣтви, по которой въ ротъ ему текъ питавшій его древесный сокъ; эта трубка напоминала трубу винокуреннаго снаряда (чоросъ); отсюда другое имя мальчика, Чоросъ. Судьба Ёобогонъ-мергена разказывается такимъ образомъ: Въ Китаѣ начались неспокойства (по другой редакціи—въ Тибетѣ); Китайцы пригласили Ёобогонъ-мергена, и онъ, являсь съ своими Уйратами, успокоилъ страну; коварные Китайцы однако испугались, что будутъ имѣть такого сильнаго сосѣда, и поднося ему дары за его услугу, отравили его. Судьба Ёобогонъ-мергена напоминаетъ таковую же Есугая, Чингисова отца; имя Есугай или Есугъ сближаютъ съ монгольскимъ эцигъ, отецъ или дѣдъ, Ёобогонъ также значитъ дѣдъ или старикъ. Такимъ образомъ исторія Цороса сходится съ исторіей Чингиса въ трехъ чертахъ: а) въ сходствѣ судьбы отца, б) въ тожествѣ значенія имени отца, и в) въ одинаковыхъ обстоятельствахъ рожденія. Въ исторіи Чингисхана также можно указать на появленіе формы, сходной съ Ёобогонъ; внучка Ванъ-хана, которую онъ домогается получить себѣ въ жены и получаетъ, уничтоживъ царство Ванъ-хана и приведя его самого къ смертельной гибели, называется Абика (ср. съ Абахай въ сказкѣ № 60; такъ называется одинъ изъ двухъ гонимыхъ царевичей; у Бергмана, Streifereisen, IV, S. 10, этому царевичу соотвѣтствуетъ царевна Aerdäni Zazäk); ср. также съ Джамукой (вар. Zamuka Zizen), злоумышляющимъ противъ Чингиса.—2) Ичкерійское преданіе на Кавказѣ: Два брата Елсанъ и Дишни пришли на р. Хулхулау и поселились на ней; однажды они пошли вмѣстѣ на охоту и нашли въ глѣсу выдолбленную кадушку (хара) изъ чинары и внутри нея ребенка мужскаго пола, завернутаго въ бѣдное одѣяніе. Елсанъ рѣшилъ убить его, потому что это былъ подкидышъ, незаконнорожденное дитя; взять его, значило опозорить родъ. Но Дишни сказалъ, что у него нѣтъ дѣтей, и ребенка замѣнить ему сына. Елсанъ уступилъ по любви къ брату; Дишни отдалъ ребенка своей женѣ; дали ему имя Харачу (хара—кадушка, чу—внутри). Ср. съ монгольскимъ хара-гуресу, медвѣдъ и съ формой Горѣчи или Гурочинъ, встрѣчающейся въ сказаніяхъ (см. стр. 319 и 352); Елсанъ ср. съ Елисыномъ, также воспитателемъ найденныша (Оч., II, 178).—3) У Рашидъ-Эддина (Зап. Археол. Общ., т. XIV, стр. 19): Во время войны Огузъ-хана съ Итъ-бараками родился предокъ народа Кыпчакъ и былъ положенъ въ душко (по татарски кубукъ) дерева. Въ имени Итъ-баракъ первый членъ ср. съ первымъ членомъ вл. татарскомъ имени Б. Медвѣдичи: Иты-

ганъ; въ урянхайскомъ оно называется Иты-пурганъ.—4) По монгольскому сказанію, Чингисъ-ханъ найденъ ребенкомъ, лежавшимъ у основанія дерева (Оч., II, 173). Птица у Сананъ-Сэцэна является не во время его дѣтства, а передъ днемъ, когда его возводили въ хаганы; она по три утра вывала передъ юртой: Чингисъ! Чингисъ! Потому и дали ему имя Чингисъ-хаганъ; Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mongol.*, s. 71.—5) Въ барабинскомъ сказаніи Идыге найденъ бездѣтнымъ старикомъ въ степи и имя свое получилъ отъ татарскаго итугъ, „сапогъ“, потому что былъ привезенъ старикомъ заткнутымъ за сапогъ (Radloff, *Proben*, IV, 35).—6) Самоѣдское племя Wagätsup происходитъ отъ дѣвушки, принесшей дѣтя, отца котораго не знали и потому о ребенкѣ насмѣшливо говорили wagäsjhowu, то-есть, „украденное на сторонѣ“ (Зап. Русск. Геогр. Общ., VIII, 214).—7) Ср. также въ „Повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ“ (Тихонравовъ, *Лѣт. русск. лит.*, V, 20), въ „Голубиной Книгѣ“ у Безсонова, *Кал. Перех.*, ч. 1, с. 299 (дерево съ сидѣвшею на ней птицей толкуется рожденіемъ Соломона), въ Зап. Геогр. Общ. по этн., VI, 347 и въ „Повѣсти града Іерусалима“ (Тихонравовъ, *Лѣт. русск. литер.*, вып. III, с. 34).—8) Котонское сказаніе о Гельгенъ-пи. См. Оч., II, 162. Дочь Котонскаго хана вышла гулять съ сорока служанками, вышла воды, забеременѣла и была изгнана отцомъ; въ изгнаніи она родила и положила ребенка подъ дерево берегу; коровій пастухъ (огузчи; ср. Огузъ-ханъ въ легендѣ о предкѣ Кыпчаковъ; Ага-Огузъ въ № 187; Огузсайу, „медвѣдь-самецъ“ по телеутски по сообщенію о. Чивалкова) нагнулъ вѣтви дерева къ устамъ ребенка и тотъ сокомъ этой вѣтви питался. Ср. Veckenstedt, *Wendiche Märchen, Sagen und abergl. Gebräuche*, стр. 147: юноша, брошенный съ корабля въ море, спасается на островъ и здѣсь семь дней питается деревомъ. Птицу Уйль, служившую отцомъ ребенку, ср. съ киргизскимъ преданіемъ о предкѣ Казбековъ (Оч., II, 4); названіе птицы уйль, ули ср. съ формами улы, „драконъ“ по алтайски, лу по монгольски, Ульгенъ верховное божество у Алтайцевъ; не отсюда ли Олють, имя народа?—9) Въ числѣ кавказскихъ легендъ о брошенномъ ребенкѣ есть одна, разказываемая о камнѣ близъ минеральнаго ключа въ 5 верстахъ отъ кр. Ахты; на этомъ камнѣ есть отпечатокъ будто бы человѣческаго сидѣнья. Одно еврейское дѣтя, „чавуданн сѣа“, было брошено и голодало; какая-то добрая женщина взяла его на колѣни и покормила; это сидѣнье ея на камнѣ и отпечаталось (запис. въ Тифлисѣ отъ Кюринда Гибова).—10) Сказка сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ разказываетъ о Бѣдене, русскомъ переселенцѣ на Кавказъ, который занимался рыболовствомъ; одна изъ сорока служанокъ, бывшихъ у сосѣдней княгини, пошла по воду, встрѣтила Бѣдене и зачала. Рожденный ею ребенокъ былъ брошенъ въ воду. Бѣдене подобралъ его и воспиталъ (*Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа*, Тифл., 1881, отд. II, стр. 27).—11) Монгололамайское сказаніе, помѣщенное у Сананъ-Сэцэна (Schmidt, *Gesch. d. Ost-Mongol.*, s. 21): У короля Patsala (мадзалай, „медвѣдь“ по монгольски), по имени Orogholukschi, родился ребенокъ, волосы на головѣ голубые, пальцы соединенные, какъ у

гуса. Когда царь показалъ ребенка свѣдущимъ браминьмъ, тѣ посоветовали убить его. Придворные, однако, какъ ни старались, не могли убить, положили ребенка въ мѣдный ящикъ и опустили въ Гангъ. У рѣки одинъ земледѣлецъ имѣлъ пашню; онъ остановилъ ящикъ и нашелъ въ немъ прекрасное дитя; чтобы скрыть его отъ царя, онъ положилъ его подъ деревомъ; птицы приносили ребенку лучшіе плоды, звѣри лучшіе куски мяса. Когда онъ подросъ и узналъ о своемъ происхожденіи, онъ пошелъ въ сѣверное сильное царство. Съ вершины гремящей горы боговъ девятью ступенями онъ сошелъ въ долину Ярлунга и достигъ башни съ четырьмя воротами. Здѣсь, встрѣтившіе его люди спросили его: кто онъ и откуда? Онъ указалъ пальцемъ на небо и разказалъ свою исторію. Признавъ его сыномъ неба, они сдѣлали сѣдалище, посадили его на сѣдалище, и подыавъ на свои шеи, отнесли его на гору Schambu и объявили повелителемъ. Его имя было Sseger Ssandalitu Chagan Tül (Chagan Tül ср. съ названіемъ одного урочьяща въ Монголіи Цаганъ-сѣль. Сегерь—корова по остатку, смырь у Казанск. Татаръ, откуда киргизское смырь). Ср. также преданія о Буханоинѣ (№ 53) и о Гесеръханѣ (№ 50); у Осетинъ и Кабардинцевъ существуетъ сказаніе о Сосрыко или Совироко (Ногмова, Ист. Адыгейскаго вар., Тифлисъ, 1861, стр. 47 или Кавк. Календарь на 1859 годъ, стр. 46). По однимъ сказаніямъ, Сосрыко рожденъ въ камень, по другимъ—вырванъ изъ чрева умершей матери; вообще онъ слыветъ побочнымъ сыномъ. Слово кесарихъ, съ которымъ Ногмовъ сближаетъ имя Совироко, значитъ по черкесски: „выпорокъ изъ матери“. Кость хотогойтская Кусеръ (Оч., II, 25) названа такъ будто бы потому, что происходитъ отъ незаконнорожденнаго. Происхожденіе отъ камня Монголы приписываютъ Урянхайцамъ.—12) Монгольское книжное сказаніе о Болхо-Джинонѣ у Санагъ, Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost.-Mong., 165—169): Есень-хаганъ былъ повелитель Ойратовъ; у Санагъ-Сэцэна онъ величается обыкновенно „повелитель сорока и четырехъ“ (см. прим. 21 къ гл. I). Онъ захватилъ власть надъ монгольскимъ народомъ; монгольскимъ ханомъ былъ Акбарджи; Ойраты завали его къ себѣ будто на пиръ, но въ юртѣ устроили яму и погубили его (хитростью же захватываетъ власть Удзэнгъ [Radloff's Prob., II, 700]; Удзэнгъ, сидѣвшій на загривкѣ Тарь-пэга, напоминаетъ монгольскаго Kūsūn schiregetu [Schmidt's Gesch. d. Ost.-Mongol., s. 21—23 и Алтанъ-Тобчи, стр. 3], то-есть, хана, воссѣдающаго на шеѣ; этотъ Kūsūn былъ сынъ короля по имени Urghulun [джиргаланъ?]; ср. приведенныя выше сказанія о летучей мыши № 2, вар. 1., и примѣч. къ этому №). Есень-хаганъ сталъ уговаривать свою дочь Цэцэнъ-бейджи выйти вновь замужъ, но она отказалась и призналась, что беременна. Есень порѣшилъ, если родится мальчикъ, убить его. Но Харгоцокъ, отецъ мальчика, подмѣнилъ ребенка дѣвочкой, дочерью Одой Емегена изъ племени Хулабадъ, мальчика же отдалъ женѣ Санъ-Халдура изъ Солонготовъ по имени Харакчинъ-Тайбучинъ. Мальчику дали имя Баянъ-Мѣнгке. Есень продолжалъ преслѣдовать мальчика; тогда нашли одного изъ Ойратовъ, недовольнаго ханомъ, именно Ючетай Дай-бо, и поручили ему отвезти мальчика къ Монголамъ. Тотъ и

отвезъ ребенка къ Orodshu Schigüssutai изъ Орогодовъ, который обручилъ мальчика съ своею дочерью Шикеръ. Между тѣмъ два ойратскіе вожди Алакъ-Джингсангъ и Темуръ-Джингсангъ напали на Есена и разгромили его; одинокій ханъ бродилъ въ степи и наткнулся на Bagho, сына Bōke Ssorsson'a. Баго убилъ Есена и повѣсилъ его трупъ на дерево въ горахъ Kūgei-chaп. Впослѣдствіи Баянъ-Мѳнгке (не тотъ ли Баянъ-Мѳнгке подразумѣвается у Рашидъ-Эддина подъ именемъ Мѳнке-бая, перваго хана Уйгуровъ, Зап. Имп. Археолог. общ. XIV, 126?) былъ привезенъ въ Монголію при Mandaghоl чаган'ѣ въ сопровожденіи жены Шикеръ-бейджи, Орочу-Шигустей и четырехъ вельможъ. Мандаголь-хаганъ переименовалъ его въ Bolcho-Dschinong. Сананъ-Сэцэнъ (стр. 75) упоминаетъ Орочу-Шигуши, бурятскаго посла, который явился къ Чингисъ-хану съ кречетомъ (сонхоръ?): Шмидтъ (стр. 380) сближаетъ его съ Орусь-иналомъ киргизскимъ у мусульманскихъ авторовъ. Не будутъ ли Орусь-Иналъ, Орочу-Шигуши и Оручу Шигустей, а можетъ быть, и Иналъ-гере, слуга Хагорцова, помогающій ему спасать ребенка, одно и то же лицо, и ястребъ, котораго везетъ Орочу-Шигуши, не есть ли спасаемый мальчикъ? Ср. также въ сказкѣ Минусинск. Татаръ съ Акъ-Ханомъ, который по данному обѣщанію везетъ своего сына Ала-Картага (картага—ястребъ у казанск. татаръ) къ Джедай-хану (Mel. asiat., 3, Ueb. d. Heldensag. d. Minuss. Tat. v. A. Schiefner, S. 379). Имя Болго, Болго (Алтанъ-Тобчи, стр. 53, 62) ср. съ Мулку чеченскаго преданія; когда мальчикъ Мулку подросъ, онъ обнаружилъ такой дурной нравъ, что соплеменники общественнымъ приговоромъ присудили выселить его изъ страны вмѣстѣ съ матерью (ослабленная тема бросанія въ море матери съ ребенкомъ, заключенныхъ въ бочку?). Тутъ же на Кавказѣ есть общество горскихъ Татаръ, которое живетъ по р. Малка и называется Балваръ; другое общество тѣхъ же Татаръ называется Урусь-бій. Такимъ образомъ и здѣсь формы Балка и Урусь стоятъ близко.—Одинъ изъ главныхъ предковъ монгольскаго народа, Бодонъ-джаръ, получаетъ у Сананъ-Сэцэна полное имя Бодонджаръ-Монгъ-ханъ; это Монгъ ср. съ остяцкимъ названіемъ Большой Медвѣдицы Пенъ (стр. 712). По Сананъ-Сэцэну Бодонджаръ, изгнанный братьями, ночь проводилъ въ шалапѣ, крытомъ травой (ср. съ образомъ жизни Бороддая-ху, Оч., II, 171), а днемъ ѣздилъ пить питье къ сосѣднему народу. Когда исхавшій его братъ Белгетей спросилъ о немъ у этого народа, ему отвѣчали: „твой братъ ежедневно является къ намъ выпить свое питье; при его приближеніи всегда идетъ дождь; помедди немного и онъ придетъ“. Въ то время какъ они говорили, при безоблачномъ небѣ пошелъ дождь и Бодонджаръ пріѣхалъ (Schmidt, Gesch. d. Ost. Mong., S. 61.). Изъ этого разказа очевидно, что Бодонджаръ лице сверхъестественное, способное ниводить дождь. Въ сочиненіи „Москва“ Снѣгирева и Мартынова, М. 1865, с. III, упоминаются два урочища, лежація въ Москвѣ рядомъ: Подонъ и Сара; авторы этой книги указываютъ на двѣ текуція рядомъ рѣчки въ Золотой ордѣ: Подонъ и Сара.—Въ Алтанъ-Тобчи (стр. 53) Болго-Ноянъ (вѣроятно, тотъ же, Болго-Джинонгъ, стр. 62) вынесенъ изъ сраженія на

концѣ копыя. Въ осетинскомъ сказаніи Сана, сынъ Тотика, вынесенъ изъ битвы въ мѣшкѣ съ шерстью. См. Сборн. свѣд. о кавк. горцахъ, в. III, стр. 35—38.

Къ вар. а. Мордовское преданіе объ избраніи мѣста подѣ поселеніе посредствомъ вѣщаго сна стариковъ помѣщено въ Матер. для ист. и статист. Симб. губ., в. II (Симбирскъ, 1866), стр. 3.

77. Найраканъ.

Тенгере-Кайраканъ по повѣрью Алтайцевъ есть творецъ земли и человѣка, „отецъ и мать человѣческаго рода“ (Радловъ въ „Вост. Обзор.“ 1882, № 7, стр. 11). Имя Камъ-Курмосъ ср. съ именами животныхъ: курмуше, урмуше, кэрмишэ, бурятск. „летучая мышь“, кэрмынь, дюрбют. „бѣлка“, хэрми, хагхас. „бѣлка“, гурмохунъ, тунгусс. „заяцъ“; въ манджурскомъ курима, звѣрь, похожій на тигра съ свиною щетиною (Захаровъ, Мандж. Сл., стр. 295), очевидно—какое-то мнѣгическое существо, показывающее, что имя это придавалось нѣкогда крупному и сильному звѣрю. Ср. также ирбисъ, *Felis irbis*. Подобно тому, какъ монгольское Тенгри-ханъ распалось на многочисленныхъ тэнгировъ, какъ рядомъ съ алтайско-урянкайскимъ Кайраканомъ живеть представленіе о множествѣ кайракановъ, такъ и рядомъ съ единоличнымъ Камъ-Курмосемъ появилось представленіе о множествѣ курмосей; кѳрмѳс—дѣволъ по алтайски (Грамм. алт. яз., стр. 212). Кѳрмѳс ср. съ черемисскимъ Кереметь. Слѣна окончаній с и т самая обыкновенная въ азиатской мнѣологической номенклатурѣ (ср. формы мангыс и мангытъ). Шифнеръ въ предисловіи къ I-му тому Proben Радлова сближаетъ курмосъ съ иранскимъ Ормуздомъ и монгольскія формы Курбистанъ, Курбусту и пр. принимаетъ за переходныя. Однако, сказанное нами въ примѣч. къ № 38 не показываетъ ли, что упомянутыя монгольскія формы самостоятельны и стоятъ въ связи съ сѣверно-азиатскими именами созвѣздія Оріонъ (въ которыхъ есть членъ Гурбы) и съ именами звѣрей, играющими роль въ мнѣологии или по своей значительной силѣ, или по загадочному образу жизни? Тѣмъ, что эта форма была именемъ Оріона, объяснится, почему Гурбустень-хану (стр. 442) или Чюрмусень-хану (стр. 329) дается три сына; это намекъ на три звѣзды въ поясѣ Оріона. Связь этой формы съ именемъ летучей мыши объяснить хитрый характеръ Камъ-Курмося и сходныя черты преданія о немъ съ сказкой Андынь-Хурумчи, именно одинаковое отношеніе къ Ерлигу. Наконецъ, предположеніемъ, что это имя придавалось и медвѣду, объясняется связь представлений о Кереметѣ и медвѣдѣ, которое существуетъ у поволжскихъ инородцевъ; если Кереметь недоволенъ человѣкомъ, онъ является ему въ видѣ медвѣда. Полученіе дара камлання отъ удара Ерлика ср. съ № 64, вар. 2. Въ русскихъ сказаніяхъ богъ Ярило ударилъ золотою возгой по головѣ человѣка и тотъ сталъ съ умомъ (Мельниковъ, „Въ Лѣсахъ“, ч. IV, стр. 1). Поведеніе Камъ-Курмося на небѣ ср. съ южнорусской сказкой у Чубинскаго (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. II, стр. 9): юноша идетъ

къ солнцу и разбиваетъ у него кровать; ср. эту сказку съ южнорусской же о Борисѣ Треть-сынѣ (*ibid.*, стр. 290). Покража быковъ у Тэнгри-хана приписывается алтайскимъ сказаніемъ бурундуку (Изв. Русск. Геогр. Общ. 1881, т. XVII, в. 4, стр. 249). Не соединялась ли эта тема съ формой курмось? Ср. съ Урумчи въ № 49 вар. 4; въ вар. 2, б., по видимому, тотъ же персонажъ обманомъ завладѣваетъ быкомъ Ерлика. Первый членъ въ имени Камъ-Курмось тотъ же, что въ парномъ камъ-катынь; такъ называется у Алтайцевъ и Урянхайцевъ шаманка (камъ—шаманъ, катынь—женщина), въ Codex Stenanicus камъ-катынь переведено *incantatrix*, то-есть, вѣдьма; это нѣсколько расширяетъ смыслъ термина; камъ-катынь ср. съ формой хонгъ-хотанъ или ку-катынь; подъ послѣднее татарскія сказки южной Сибири разумѣютъ дѣвъ, обращающихся въ лебедей, то-есть, существа, способныя къ оборотничеству, существа въ родѣ вѣдьмъ. Въ сказаніи на стр. 175 является птица Хотунъ вмѣсто летучей мыши.

78. Изобрѣтеніе письма.

См. Schmidt's Geschichte d. Ost-Mongol., S. 394.

79. Три сына Ханъ-Чурмусенъ-Тэнгри'я.

Имя Ханъ-Чурмусенъ-тэнгри ср. съ алтайскимъ будто бы прежнимъ названіемъ Кайракана (то-есть, громовника) Сары-гырмашь (стр. 328), съ Ханъ-Тюрмасомъ бурятскаго сказанія (стр. 822), съ Камъ-Курмосемъ алтайскаго (стр. 328), и наконецъ, съ Гурбустенъ-ханомъ монгольскаго (стр. 429); послѣднему, какъ и Ханъ-Чурмусену, приписывается три сына (стр. 442). Легенда о трехъ сынахъ неба встрѣчается у Алтайцевъ; имена этихъ сыновей различны; кромѣ приведенныхъ на стр. 69 и 70, у другихъ авторовъ приводятся еще слѣдующія троицы: 1) г. Адриановъ (Изв. И. Русск. Геогр. Общ., 1881 г., в. IV, стр. 44) сообщаетъ вѣрованіе Черневыхъ Татаръ, что у Пай-Ульгена три сына или три брата: Чажинъ-канъ, Кыргызь-канъ, и Мурчакъ-канъ (бурчакъ, „градъ“, „горохъ“); другіе перечисляютъ трехъ братьевъ: Пай-Ульгенъ, Когушь-канъ и Паку-канъ. 2) У г. Радлова (Вост. Обзор., 1882, № 7, стр. 12): отъ Кайракана ведутъ свое начало три высшихъ бога: Бай-Ульганъ, Кызаганъ-Тенгере и Мергенъ-Тенгере. — По монгольской бышинѣ у неба три сына: Китынь-Зеби, Китынь-Арслынь и Иринъ-Сайнь (стр. 442); въ бурятской три сына грома: солнце, мѣсяцъ и огонь (стр. 332). У Якутовъ по Татищеву три невидимыя божества: Арь-теугонъ, Шуго-тойгонъ (Счуго-теугонъ) и Тайгара (Н. Попова, Н. В. Татищевъ, стр. 710). На западѣ у Ингушей на Кавказѣ три сына бога называются Воскресенье (Кирииде?), Етеръ и Елта; у Вотяковъ существуютъ три божества: Султанъ (соотвѣтствуетъ востоку), Иньмаръ (полдню) и Акташь (западу). При сопоставленіи этихъ именъ бросается въ глаза сходство нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ это видно изъ слѣдующаго ряда:

Въ бурятск.	Тольги	Сагадай
„ алт.	Солты-гаанъ	Ялгуръ Охту
„ ингуш.	Елта	„
„ вотск.	Султанъ	Акташъ

Ялгуръ-Охту алтайскій и Сагадай бурятскій представляютъ сходство и въ томъ еще, что первый считается виновникомъ грозъ, а второму приписывается открытіе огня. Акту — „блаженные“ у Алтайцевъ по Радлову („Вост. Обзор.“, 1882 г., № 8, стр. 12). Сказаніе о бросаніи жребія объ управленіи міромъ см. на стр. 269. Подобно сказанію о Бурханъ-Баеши, и въ другихъ вариантахъ одинъ изъ соперниковъ получаетъ проклятіе или становится царемъ подземнаго міра. Осетинскій Елта также привлекаетъ на себя гнѣвъ Бога. Г. Адриановъ (въ „Вост. Обзор.“, 1882, № 21) приводитъ еще сойотскій вариантъ: „Были три брата, Еркинъ-ханъ, Китайскій царь и Акъ-ханъ (то-есть, бѣлый царь); между ними завелъ споръ, кому изъ нихъ быть старшимъ (царемъ). Усѣлись они рядомъ съ чашками въ рукахъ, и, закрывъ глаза, начали читать номы. Въ чашкѣ Еркина было вино, у Китайскаго царя вода, а у Акъ-хана молоко. Во время молитвы въ чашку Еркинъ-хана упалъ съ неба цвѣтокъ. Китайскій царь, который съ умысломъ не прикрывалъ плотно глаза, тихонько переложилъ изъ чашки Еркина цвѣтокъ въ свою чашку и затѣмъ объявилъ, что онъ вычиталъ объ упавшемъ къ нему цвѣткѣ. Еркинъ по всевѣденію своему и могуществу зналъ о поступкѣ Китайскаго царя и тогда же сказалъ ему: „Пусть ты будешь владѣть народомъ, но за то и этотъ народъ будетъ сплошь воры; краденнымъ же онъ будетъ и албанъ тебѣ платить“. Съ тѣхъ-то поръ Сойоты и стали ворами“.—Въ прикамскомъ Поволжьѣ также встрѣчаются преданія о трехъ братьяхъ, но они приурочены къ исторіи заселенія края; братья обыкновенно представляются пришельцами, первыми колонистами извѣстной мѣстности; иногда разказывается, что они бросаютъ жребій о землѣ; обыкновенно одинъ обманываетъ другихъ и получаетъ лучшій участокъ. См. выше примѣч. въ № 49, стр. 814 и № 32, а также Б. Гаврилова, Проявл. нар. слов. Воляковъ, стр. 145. Въ нѣкоторыхъ преданіяхъ прикамскаго Поволжья о братьяхъ одинъ изъ нихъ подвергается проклятію; намъ не удалось однако встрѣтить такого, чтобы проклятіе слѣдовало за обманъ при бросаніи жребія о землѣ.

Гаданье на цвѣтахъ въ ходу у нашего народа. Въ Никольск. у., Волог. губ., дѣлежь сѣнокосныхъ луговъ производится посредствомъ бросанія жеребьевъ изъ цвѣтовъ. Растенію *Polygonatum officinale* въ Рязанск. губ. приписываютъ свойство чистить тѣло; но не всякій экземпляръ способенъ къ этому; чтобъ узнать, пустой или дѣлебный экземпляръ въ рукахъ, дѣвица, обрывая одинъ листикъ за другимъ, произноситъ: пена! лупена! пена! лупена! Которое изъ этихъ словъ придется на послѣдній листикъ, по тому заключають, годное или негодное растеніе. По этому употребленію *Pol. officinale* и носить имена: купена, купъ, купина, купень, купѣни, лупена, пена-лупена. Слово „пена“ встрѣчается и въ жеребьевыхъ дѣтскихъ пѣсенкахъ: „плыла

пена изъ-за моря, стали пену бить, колотить, вымспрашивати“. По лепесткамъ купавы или кубышки *Nuphar luteum* гадаютъ о женитьбѣ, отрывая лепестки. Пучки или вѣнчики, связанные изъ купальницы, *Ranunculus acris*, бросаютъ на бани, загадывая о смерти. Объ *Erigeron acris*, который называется купала, у Анненкова сказано: растение это играло важную роль въ знахарствѣ и колдовствѣ.

Нашъ народъ знаетъ три звѣзды „дѣвичьи зори“ (ср. Три царя, областное названіе Оріона, стр. 724—725); это были три сестры вѣдьмы, которымъ досталось горѣть близъ Млечнаго Пути (Ж. М. Н. Пр., 1863, июль, стр. 21); у Аванасьева: три сестрицы-варяницы приставлены сторожить пса, который прикованъ у М. Медвѣдицы (Поэт. Возвр., I, 762). Киргизы различаютъ три звѣзды—утреннюю Джарыкъ, вечернюю Джарыкъ и полуночную Джарыкъ. Въ Никол. у., Волог. губ., стожарами (ср. Стожарь, „Плеяды“) называются три кола, вбитые въ землю въ рядъ, между которыми набивается сѣно для просушки. По числу колевъ это имя болѣе шло бы къ Оріону, чѣмъ къ Плеядамъ.—Формы Тирмашъ, Тюрмасъ ср. съ Торумъ, Тармъ, Тоормъ и пр., „Богъ“ и „небо“ на языкѣ Остатовъ и Вогуличей; торумъ, медвѣженокъ на языкѣ Урянхайцевъ; см. стр. 162.

80. Отчего ламы безъ штановъ ходить.

Южно-русское сказаніе, отчего чортъ безпятый: чортъ, подражая Богу создавшему человѣка, сдѣлалъ слѣпокъ, но не могъ оживить его; Богъ оживилъ чертовъ слѣпокъ, вышелъ волеъ и побѣждалъ ва чертомъ; чортъ на ольху, волеъ откусилъ ему пятку. Данильченко, Этн. свѣд. о Подол. губ., Кам. Под., 1869, стр. 13; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русс. край, т. I, в. 1, стр. 23. Въ алтайскомъ сказаніи на дерево спасается Джебегень (№ 34, вар. а); мѣсто объ откушенной пяткѣ измѣнилось въ сказаніе объ одной ногѣ, оставшейся не обутою. Ср. съ болгарскимъ сказаніемъ объ Иванѣ и Дувліанѣ (Безсоновъ, Кал. Перех., в. 3, № 136), русскимъ повѣрьемъ о кукушкѣ, у которой во время бѣгства или вылета въ окно одинъ башмакъ былъ сдернутъ (Этн. Сборн., VI, 123), киргизскимъ сходнымъ (Оч., II, 159) и бурятскимъ объ Одюго (стр. 24).

82. Огонь.

Къ вар. е. Въ Нижегородской губ. существуетъ повѣрье о летунахъ или летучихъ духахъ, являющихся къ тоскующимъ по умершимъ; они летаютъ медленно, полетъ ихъ подобенъ колыханію; цвѣтомъ они красные (О предрасудк. въ Нижегород. губ., ст. А. М., стр. 11).

Къ вар. е. Въ литовскомъ сказаніи солнце называется сыномъ грома; въ индѣйскомъ мнѣе огонь есть братъ Индры (Mannhardt, Germ. Myth., 143; ср. также стр. 205). Въ нашихъ памятникахъ: „И послѣ (Сварога) царствовалъ сынъ его солнце, сынъ Свароговъ, его же наричють Дажь Богъ.

Солнце царь, сынъ Свароговъ, еже есть Дажь Богъ, бѣ мужъ силенъ*; въ другомъ мѣстѣ: „И огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ“ (Аванас., Поэт. Возвр., I, 65). Приговоръ отца-грома объ огнѣ ср. съ библейскимъ объ Іафетѣ: потомки твои населятъ шатры Сима (Иск. IX, 27). Тройное число синовей встрѣчается въ сказаніяхъ о трехъ синовьяхъ Гурбустень-хана или Ханъ-Чурмусень-Тэнгри и др. (см. прим. къ № 79). Въ другихъ сказаніяхъ о трехъ братьяхъ или трехъ богахъ, бросающихъ жребій, также одинъ проваливается, напримѣръ, въ монгольскомъ сказаніи, стр. 269, Бурханъ-баши; въ сойотскомъ, стр. 879, Ерликъ-ханъ и пр. Въ хронографѣ, описанномъ Поповымъ, рядъ болгарскихъ царей начинается тремя именами Авитохоль, Ирникъ и Гостунъ; послѣдній названъ намѣстникомъ; первые два изъ рода Ерми. Такъ какъ эти три имени стоятъ въ началѣ ряда, то очень можетъ быть, что они прибавлены къ историческому ряду изъ болѣе древняго преданія, въ основѣ котораго лежитъ мифъ. Гостунъ ср. съ греческимъ Ἐστία, Ерми съ греческимъ Ἑρμῆς. Членъ гость встрѣчается въ старо-славянскихъ именахъ: Радогость, который назывался также Swarozitz; Пирогость (съ которымъ, вѣроятно, стоитъ въ связи Пирогоща, провище иконы Божьей Матери); первую половину послѣдняго имени ср. съ греческимъ Πυρός. Имя втораго царя Ирника представляетъ сходство съ эрне или арня, пятница по черемисски и по вотицки. Вар. е ср. съ эстонскимъ сказаніемъ о сватовствѣ за дѣвцу Salme синовей солнца, мѣсяца и звѣзды. За мѣсяцъ она не идетъ потому, что его лицо то слишкомъ узко, то слишкомъ широко; за солнце потому, что оно зло: во время сѣнокоса пускаетъ дождь, а во время проростанія овса дѣлаетъ засуху. За звѣзду же она идетъ охотно, потому что та пунктуально сидитъ въ своемъ домѣ на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ Семизвѣздицы (Плеядъ? Castren, Finn. Myth., 54). Въ сказаніи Казанск. Татаръ о лѣтучей мыши (см. стр. 760) послѣдняя, упрекая солнце за непослушаніе и остановку въ пути, говоритъ, что оно должно ходить безостановочно: въ противномъ случаѣ, тамъ гдѣ оно остановилось, трава сгоритъ, а тамъ, куда оно опоздало, трава сгниетъ. — Телеутская загадка объ огнѣ: кызылъ башту куртыяв кыйгыра кыйгыра чааб тур, „красноголовая старуха ржетъ и скачетъ“. Киргизская: саратсийген джирге чоб чипайды, „на мѣстѣ, омоченномъ саврасымъ конемъ, трава не растетъ“. Ср. съ сербскою (Аванас., II, В., II, 5) и албанскою (Hahn, Alban. Stud., 161).

83. Поѣздка за живымъ богомъ.

Отголосокъ этого сказанія есть у Сананъ-Сэдэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 253). Abitai Ghalsagho Taidachi (у Тимковскаго Абиды-Галсанъ-ханъ, Путеш. въ Китай, III, стр. 211) халхасскій посѣтилъ Далай-ламу съ цѣлью помолиться и поднести подарки; Далай-лама подарилъ ему образъ бога Wadschgarāni, который былъ тѣмъ замѣчательнъ, что не сгорѣлъ въ огнѣ, сжегшемъ всѣ другія иконы. Легенда о поѣздкѣ монгольскаго хана въ Тибетъ сложилась, по видимому, изъ шаманскихъ сказокъ. Составленіе

Абтай-сайнг-хана съ Далай-ламой въ силѣ и чудотворствѣ ср. съ сѣверно-кавказскимъ сказаніемъ о Сосрыко, который по просьбѣ Нартовъ достаетъ огонь. Вокругъ огня лежитъ, свернувшись вольцомъ, голова подъ ногами, спящій великанъ (зміѣй?). Проснувшись, великанъ заставляетъ Сосрыко показать ему нартовскія игры; Сосрыко, ставъ у подошвы горы Капишкой, слаченный съ нея камень абра (вѣроятно громовую стрѣлу), ударивъ лбомъ, подгоняетъ въ гору; затѣмъ Сосрыко наполняетъ ротъ стрѣлами, наконецъники отрываетъ, а дерево выбрасываетъ; раскаленный лемехъ проглатываетъ и охлажденный въ утробѣ возвращаетъ. Все это съ успѣхомъ продѣлываетъ и великанъ. Потомъ Сосрыко погрузился на семь сутокъ въ семь морскихъ пучинъ и вышелъ изъ льда; великанъ же замерзъ во льду; въ это время Сосрыко отрубилъ ему голову и привезъ пылающую головню къ Нартамъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. „Изъ кабард. сказаній о Нартахъ“, стр. 53). Въ другомъ осетинскомъ разказѣ описывается такое же составленіе Сосрыко съ Ептаганомъ (Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 33). Имя Сосрыко, Сосуруро (Зап. Имп. Ак. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 87), Сосероко или Косприхъ (Ногмовъ, Ист. Адых. народа, 47; Вс. Миллеръ, Осет. Этюды, I, 7), которое Ногмовъ сближаетъ съ словомъ кесарихъ, вѣроятно, на основаніи народной этимологіи, ср. съ монгольскимъ Гесеръ-ханъ, которому также приписывается добываніе огня. Камень, который, разсѣдаясь, родитъ Сосрыко, напоминаетъ „мать камень“, изъ котораго родится огонь; см. прим. 9 къ гл. I. Въ кабардинскихъ сказаніяхъ Сосрыко называется: „кривая нога пастухова сына, вырощеннаго въ бѣломъ камнѣ“ (Ногмовъ, 48); не намекъ ли на происхожденіе Сосрыко отъ какого-то пастуха? Батразъ также родится изъ камня, отъ связи Сатаны съ пастухомъ. Темиръ хромой упоминается въ ингушскихъ сказкахъ; это былъ бараній пастухъ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., VIII, „Ингуши“, 20). Есть какая-то связь этого хромого Темира съ сказаніями о Батразѣ; у него потерялся сынъ, который оказался въ рабствѣ у Баркума, а Баркумъ есть ингушскій Батразъ.

Вѣроятно, разказъ о добываніи живаго бога принадлежалъ сначала къ ряду тѣхъ сказаній, въ которыхъ описывается поѣздка къ Еркикъ-хану. Двѣ собаки, которыя стоятъ предъ ставкой Далай-ламы въ вар. д, напоминаютъ алтайскихъ тайгалу-итъ, шару собакъ, стерегущихъ входъ въ ставку Еркикъ-хана. (Въ дагестанской сказкѣ герой добываетъ птицу бурбуль отъ дикой дѣвицы, у входа въ жилище которой стоятъ арсланъ и калканъ, то-есть, левъ и львица; Сборн. свѣд. о кавказ. горц., VIII, 22). Сказки о поѣздкѣ въ Еркиково царство находятся въ связи съ повѣртіями о нисхожденіи въ подземный міръ камлающаго шамана (см. прим. къ № 135). На предположеніе, что сказаніе о добываніи живаго бога есть ничто иное, какъ поѣздка шамана въ царство Еркика, наводитъ самое имя героя — Абтай по бурятски значитъ особенно искусный шаманъ (см. стр. 168; абтахъ, по якутски „волдунъ“; Порядинъ, якут. слов., рук.; по чувашски обада, по вотяцки обьда, „колдунья“). Мотивъ выбора предмета изъ ряда другихъ, совершенно сходныхъ другъ съ другомъ, также встрѣчается въ дру-

гихъ сказаніяхъ; преимущественно приходится выбирать невѣсту изъ сходныхъ дочерей царя (въ южно-русской сказкѣ про „морскаго царя“ герой выбираетъ невѣсту изъ 12 дочерей, которыя всѣ другъ на друга похожи; у воротъ царя стоятъ два льва; Труд. этн. экс. въ Зап.-русск. край, II, № 5), или выбирать своего сына, обращеннаго волшебникомъ въ ворона и стоящаго въ ряду другихъ вороновъ и т. п. Появленіе Далай-ламы на мѣстѣ Ерлика не слѣдуетъ ли объяснить тѣмъ, что первоначально въ этомъ сказаніи стояло Далай-ханъ, „морской царь“, который и былъ смѣнанъ съ Далай-ламой? Далай, „море“ по монгольски; по тунгуски море—лому. Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ Талай-ханъ есть властитель надъ моремъ, которое отдѣляетъ нашъ міръ отъ міра Ирль-хана, то-есть, отъ міра мертвыхъ; онъ представляется людоедомъ (Castren's Finn. Myth., 154 и Nordisch. Reisen und Eginneq., 254). Этого же Далай-хана, вѣроятно, разумѣетъ одна сойонская сказка у Радлова (Prob., I, 424), въ которой говорится, что вверху живетъ Пурханъ-ханъ Курбусту Тэнгрэкэй, а внизу Карасанъ Аттыгъ (аттыгъ „медвѣдь“) ханъ Талай-ханъ.

Къ вар. а. Живой богъ носитъ названіе Гомбутуръ; собаки, кричащія передъ войной, напоминаютъ собаку тибетскаго царя Шидургу въ Алтанъ Тобчи, стр. 24, а также повѣрья о Большой Медвѣдицѣ (стр. 736). Гомбутуръ ср. съ Кожбу-дорджи, стр. 205 и 275; съ пригвожденнымъ Амбагаемъ у Санаъ-Сэцэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 387).

Къ вар. б. Указаніе женщины, какъ узвать святыню, напоминаетъ сказки о дочери морскаго царя, которая учитъ героя, какъ увести ее, а также разказы о выдачѣ женщиною тайны, какъ взять городъ. Подобныя сказанія часто встрѣчаются на Балканскомъ полуостровѣ (см. въ статьѣ Сыреу въ Ж. М. Н. Пр., 1880 г., июнь, стр. 404; праведійское преданіе у Теплякова, Письма изъ Болгаріи, стр. 169—170, и на Кавказѣ, Сборн. свѣд. о кавказ. горц. в. V, ст. Пфаффа, Матер. для ист. осет., стр. 96). Въ Крыму наша гѣтописъ разказываетъ его при взятіи Корсуни Владиміромъ. Икона Владимірской Божіей Матери указана Андрею Боголюбскому также женщинами. Отрубаніе части идола ср. съ мѣстомъ у Садовникова, Сказки и пред. Сам. края, и въ остоящемъ преданіи. См. прим. къ № 64. О разрубаніи пополамъ см. Mannhardt, Germ. Myth., 163 и 164.

Къ вар. в. Эпизодъ съ конемъ, остановившимся на перевалѣ, ср. съ нашимъ сказаніемъ объ Андрѣ Боголюбскомъ, похитившимъ икону Владимірской Божьей Матери изъ Вышгорода (Карамз., т. III, прим. 383).

Къ вар. ж. По бурятскому сказанію, баранья лопатка потому употребляется при гаданьи, что на ней отразилось письмо изъ книги, которая была дана первому шаману Бохоли-хара, и которую съѣлъ баранъ (Изв. Вост. слб. отд. Геогр. Общ., т. XI, №№ 1 и 2, стр. 90); см. прим. къ № 64.

Въ „Сбор. свѣд. о кавк. горц.“ въ IV, отд. 2, стр. 15—20, напечатана чеченская сказка: „Чеченецъ Иса и Черкесь-Иса“. Чеченецъ Иса былъ замѣчательный воръ; онъ и Черкесь Иса сдѣлались „присяжными друзьями“, и первый для послѣдняго хотеть добыть жену. Вдвоемъ они пріѣзжаютъ въ

*

ауль, гдѣ есть красавица, которая никому не показывается; одна вдова учить ихъ какъ поступать, и Чеченцу удастся похитить дѣвушку въ то время, какъ она вышла гулять въ садъ, состоящій изъ орѣшника. Конецъ сказки напоминаетъ наши сказки о Гнать-булатѣ (Чубинскій, Труды, т. II, стр. 321), Удакъ-молодцѣ (Нар. Ск., изд. Эрленвейна, стр. 50—72), Сучкѣ-продукчѣ (Труд. Курск. Стат. Ком., 1863, кн. I, 520).

Иначе эта сказка въ ингушской передачѣ, которую я записалъ въ Тифлисѣ отъ Ингуша милиціонера Сулеймана. У одной матери былъ единственный сынъ; были они очень бѣдны; мальчикъ приводилъ товарищей, съ которыми игралъ, къ себѣ въ гости и угощалъ яйцами. Мать однажды сказала ему: „Чѣмъ добывать въ домъ, ты только расходуешь домашнее добро“. Тогда мальчикъ надумался стать воромъ. Онъ укралъ у царя лошадь, которая была за девятью замками, привелъ ее къ себѣ, и помѣстилъ подъ своей землянкой. Царь послалъ людей искать, кто укралъ лошадь изъ подъ девяти замковъ; посланные не нашли. Воръ самъ пришелъ къ царю и говоритъ: „я укралъ вашу лошадь“. Царь сказалъ: „Я очень радъ, что въ моемъ государствѣ есть такой молодецъ, который можетъ украсть лошадь изъ-подъ девяти замковъ!“ Далъ ему золота и серебра и выстроилъ ему дворецъ, въ которомъ тотъ воръ и поселился. Имя ему было Черси-Иса. Разъ къ нему пришли 59 кабардинскихъ князей и просили поѣхать съ ними на добычу; такъ какъ онъ такой славный богатырь, то они рассчитывали, что если поѣдутъ съ нимъ вмѣстѣ, то не вернуться съ пустыми руками. Они отправились въ городъ Тифлисъ; Иса оставилъ ихъ за городомъ, а самъ вошелъ внутрь; въ домѣ князя Ираклія было дѣвичье собраніе; Черси-Иса узналъ объ этомъ и сообщилъ своимъ товарищамъ. Ночью онъ вынесъ изъ собранія 59 дѣвицъ и шестидесятую дочь князя Ираклія. Дѣвицъ они увезли домой. Черси-Иса, когда наступила ночь, приказываетъ дочери Ираклія раздѣть его; царевна отказывается и говоритъ, что онъ или можетъ отвезти ее домой и за это получить отъ царя золота и серебра или принять ее себѣ въ жены. Иса на это сказалъ, что прежде она будетъ его женой, а потомъ онъ за нее возьметъ золото съ царя. Когда онъ заснулъ, царевна взяла его лучшую лошадь и лучшее оружіе и бѣжала. Проснувшись, Иса надѣлъ самое худое, какое осталось, оружіе, сѣлъ на худую, какая осталась, лошадь и пустился въ погоню. У Мцхета онъ догналъ царевну; она говоритъ ему: „теперь тебѣ не взять меня, потому что твоя лучшая лошадь и лучшее оружіе у меня въ рукахъ“. Черси-Иса хочетъ взять ее, но она разсѣкаетъ ему голову. Онъ падаетъ на землю. Тогда она завала ему голову, надѣла на палецъ кольцо, и сказала: „если выздоровѣешь, пріѣзжай и покажи кольцо, по нему я тебя узнаю“,— посадила его на лошадь и отправила домой. Черси-Иса выздоровѣлъ и вновь пріѣхалъ въ Тифлисъ; тутъ онъ нашелъ въ одномъ домѣ веселье по случаю свадьбы, въ другомъ плачь, въ третьемъ живетъ одинъ человекъ, который ни на веселье, ни на похороны не идетъ. Черси-Иса зашелъ къ этому человеку и спрашиваетъ: что значатъ эти веселье и плачь. Тотъ объяснилъ, что гдѣ

платъ, тамъ умеръ главный священникъ, гдѣ веселье, тамъ выдаютъ замужъ дочь царя Ираклія. „А ты откуда?“ спросилъ житель у Черси-Исы. „Я изъ Кабарды“, отвѣчалъ Иса. „Не знаешь ли ты знаменитаго Черси-Исы“, доспрашивается хозяинъ дома. „Не знаю“, говоритъ Черси-Иса. Но тотъ сталъ приставать, и Черси-Иса признался, что это онъ и есть. Тогда хозяинъ объявилъ, что онъ называется Анди-Иса, и они стали братьями. Потомъ Черси-Иса разказалъ по требованію Анди-Исы, о причинѣ своего приѣзда. Въ это время дочь Ираклія прислала за Анди-Исой звать его поиграть въ послѣдній разъ на пандорѣ (балалайкѣ); Анди-Иса взялъ кольцо у Черси-Исы и пошелъ. Царевна узнала кольцо и спрашиваетъ Анди-Ису: не убилъ ли онъ Черси-Ису, или онъ здѣсь? Тогда Анди-Иса объявилъ ей, что Черси-Иса здѣсь. Царевна приказала прійти Черси-Исѣ, а собраніе гостей распустила. Черси-Иса ночевалъ съ нею; утромъ она отсылаетъ его, онъ не хочетъ уйти безъ нея. Тогда она отворила окно и выбросила Черси-Ису; отлетѣлъ онъ на три версты, приходитъ въ Анди-Исѣ. Тотъ спрашиваетъ: „Что ты такъ долго?“ Черси-Иса разказалъ, какъ царевна выбросила его въ окно. Анди-Иса осердился и хотѣлъ разбить городъ: „Въ горсть зажду городъ и раздаю въ пыль!“ закричалъ онъ. Но Черси-Иса уговорилъ его не сердиться. Дочь Ираклія вышла замужъ за царя и ее отвезли въ другой городъ. На третью ночь, когда молодые вступаютъ на брачное ложе, Черси-Иса пошелъ ко дворцу, отрѣзалъ часовому голову, одѣлся въ его платье и ходить. Вышелъ царь и говоритъ ему: „ходи исправнѣе, караулъ получше!“ Когда царь вошелъ въ покои жены и сталъ приказывать ей разуть себя, та сказала, что онъ недостойнъ этого. „Какъ!“ говоритъ царь.— „Ты разувала пастуха Черси-Ису и не хочешь разуть царя!“ Царица отвѣчаетъ: „Если бы Черси-Иса случился здѣсь, онъ доказалъ бы, кто изъ васъ достойнѣе“. Черси-Иса вошелъ въ покой и спрашиваетъ: „Что съ царемъ сдѣлать? Кумыхскимъ ли княземъ снять его голову или изъ грузинскаго перенг'а (пистолета) прострѣлить его?“ „Сними княземъ голову!“ сказала царица. Черси-Иса исполнилъ ея приказаніе. Онъ взялъ ее, пріѣхалъ въ Тифлисъ въ своему товарищу Анди-Исѣ и женился на ней.

84. Мынг хонгор атту Тюмендей и его внукъ Ерьсару.

Ерьсару ср. съ Сары-еръ, именемъ туркменскаго святаго, могила котораго на Мангышакѣ (Вамбери, Путеш. въ средн. Азію, 1865, С.-Пб.). Общаніе отдать дѣтей въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ дается Китайхану или Джедай-хану (*Melanges asiatiques*, t. III, l. IV, 1859, p. 375 и 379), въ русскихъ—морскому царю, медвѣдю, Оху (см. прим. къ № 54). Убѣгающія дѣти встрѣчаются въ бурятскомъ повѣр'ѣ объ онгонѣ Тулашинѣ (см. стр. 107) и въ дорбютской сказкѣ (№ 85). О Джебьбага см. въ прим. къ № 5. Преслѣдованіе убѣгающихъ дѣтей ср. съ сѣверно-азиатскими легендами о Б. Медвѣдницѣ; въ № 35 вар. б и в она является вѣчно преслѣдуемою, но есть варианты, гдѣ она сама является преслѣдователемъ (см. Оч., II, 125). Рѣва, чрезъ которую при-

ходится переправляться бѣглецамъ, не Млечный ли путь? Три ели на противоположномъ берегу не вызваны ли видомъ трехзвѣднаго пояса Ориона? Сцену съ бобромъ ср. съ вопросами, которые въ киргизской сказкѣ задаетъ сурокъ пробѣгающимъ мимо коню и коровѣ (Оч., II, 152). Три черты уринхайской сказки: бѣглики, ищущія спасенія отъ вражеской силы на вершинѣ дерева (три дѣвицы, сидящія на деревѣ въ кабардинской сказкѣ; Сб. свѣд. о кавк. горахъ, в. VI, отдѣлъ народн. сказокъ, стр. 109), мнимый дождь и пролетающіе гуси, напоминаютъ наши сказки объ Ивашкѣ, бѣлой рубашкѣ. Выходъ замужъ и дальнѣйшій ходъ сказки представляютъ сходство съ монгольскимъ разказомъ объ Арья-Пало, который былъ переведенъ Шмидтомъ въ приложеніи къ Саманъ-Сѣценовой исторіи (Gesch. d. Ost-Mong., S. 425—488). Приводимъ его вкратцѣ: У народа Беде былъ царь Тегусъ-Дзокту; жена его называлась Тегусъ-Гегенъ; у нихъ была единственная дочь Саманъ-Табадри и двѣ служанки-рабыни. Служанки завидовали почету, который всѣ отдавали царевнѣ и придумали средство унижить ее; онѣ уговорили царевну отправиться въ лѣсъ мыть бѣлье, взявъ съ собою тазы, золотой царевнинъ и мѣдныя, принадлежавшія служанкамъ. Въ лѣсу служанки стали убѣждать царевну опустить свой тазъ въ воду; царевна сначала отказывалась, но когда увидѣла, что тазы служанокъ плаваютъ, а не тонуть, опустила и свой, но онъ тотчасъ же пошелъ ко дну. Тогда царевна велѣла одной изъ служанокъ пойти къ царю отцу и спросить: „Будутъ ли родители сердиться, если она вернется, или ужъ ей ѣхать въ чужое царство?“ Царь отвѣчалъ: „Золотыхъ тазовъ у меня много, а дочь одна.“ Служанка же, вернувшись къ царевнѣ на лошади, нагруженной припасами, сказала: „Царь осердился, прислалъ лошадей и припасы и велѣлъ убираться изъ его царства“. Всѣ три сѣли на одну лошадь, служанки впереди, царевна сзади, и поѣхали. Ихъ встрѣчаетъ молодой царь Амуголангъ-Ябукчи и спрашиваетъ: кто онѣ и куда поѣхали? Служанки отвѣчаютъ, что онѣ царскія дочери и поѣхали искать жениха. „А чѣмъ вы славны?“ спрашиваетъ царь. Одна служанка общается горстью лоскутьевъ одѣтъ сто человекъ, другая—горстью муки накормить сто человекъ, а царевна родитъ ребенка съ золотою грудью. Царь беретъ царевну въ жены, а служанокъ заставляетъ служить ей. Приближаются роды, царь ѣдетъ искать мамокъ. Въ это время царица родитъ золотогрудаго царевича; служанки пьютъ обезумиваютъ ее, ребенка прячутъ подъ порогъ и оставляютъ только послѣдъ. Царь возвращается, проходитъ черезъ порогъ, что-то его дергаетъ; онъ велитъ изслѣдовать порогъ; служанки помѣщаютъ ребенка надъ верхнимъ косякомъ двери; тогда что-то волосы у хана трогаютъ; служанки перемѣщаютъ ребенка подъ тронъ, въ хлѣвъ, наконецъ зарываютъ въ садъ. Тутъ вырастаетъ дерево, но его портятъ овцы; отъ одной овцы родится ягненокъ, который превращается въ князя Ердени-Харалика; этотъ-то князь наконецъ и открываетъ отцу истинную исторію своей матери. Ердени-Хараликъ былъ воплощеніе Арья-Пало. Ср. Асанас., Н. Р. С., в. 3, № 13: сказка о косоручкѣ; Народн. св., изд. Эрленвейна, стр. 28; ка-

бардинская сказка в Сб. св. о кавк. горц., в. IX, стр. 108 и аварская, ib. вып. VI, стр. 39; послѣднія двѣ очень сходны между собою; содержаніе ихъ слѣдующее: Три сестры; царь женится на младшей; подмѣненные щенки; дѣти, дѣвочка и мальчикъ, брошены въ воду; тети научаютъ дѣвочку посылать брата въ опасныя поѣздки; послѣдняя поѣздка къ дѣвицѣ, передъ которою юноши каменѣютъ; сестра оживляетъ окаменѣвшаго брата. Въ кабардинской сказкѣ дѣвица, передъ которою каменѣютъ люди, называется Айришъ-Айриша-канъ, въ аварской—Езень-Зулхаръ.

Займствованіе искусства врачеванія изломанныхъ конечностей у мнѣшей см. въ барабинской сказкѣ о Кадышъ-мергенѣ (Radloff., Prob., IV, 77—78). Пастухъ, котораго встрѣчаетъ богатырь, подъѣзжая къ родинѣ своей невѣсты, есть и въ киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ, который также убиваетъ пастуха и является въ домъ отца невѣсты одѣтымъ въ платье убитаго (Radloff, Prob., IV, 18). Имя Таракай встрѣчается въ алтайскихъ сказкахъ въ сложномъ имени Тасъ-Таракай (Radloff, Prob., I, 44); это имя богатырь обыкновенно принимаетъ, когда богатырскій видъ пережмиваетъ на невзрачный; „богатырь обратился въ Тасъ-Таракай“, переводятъ русскіе переводчики съ алтайскаго; улагинскій Телеутъ Иванъ Чивалковъ, служившій намъ вмѣсто переводчика, при передачѣ Урянхайцемъ этой сказки слово Таракай перевелъ: „голова, покрытая коростами“. Въ нашихъ загадкахъ пастухомъ очень часто загадывается мѣсяцъ; въ такихъ загадкахъ скотъ, который пасетъ этотъ пастухъ, иногда называется тараканскимъ. „Джеты тасъ куделю“ можно перевести: семь лисыхъ зятьевъ. Въ монгольскомъ тасъ или тасо называется большая птица, *Gyps himalajensis*, которая у Урянхайцевъ зовется езеръ. Соперничество Таракай въ сватовствѣ съ семьёю плѣшивыми ср. съ подобнымъ же соперничествомъ Тастаракая съ семьёю зайсанами въ выше указанной алтайской сказкѣ у Радлова (Proben, I, 44). О Куделю см. примѣч. 5 къ гл. III (стр. 721). Коварство зятьевъ, присвоивающихъ себѣ дѣла Ерь Сару, сверженіе послѣдняго въ глубокую яму, извлеченіе его изъ ямы посредствомъ привезенной издалека конемъ богатыря дѣвицы, опускающей въ яму свои косы,—общія черты съ сказкой Абаканскихъ Татаръ о Сѣдѣй-мергенѣ (Radloff, Prob., 607). Ерь Сару—Сѣдѣй-Мэргенъ.—Обрѣзываніе частей лица встрѣчается въ одной осетинской сказкѣ о Маргуцѣ (ср. съ приведенными на стр. 794 именами луны на горскихъ языкахъ), который описывается, какъ пастухъ многочисленнаго скота; онъ лишилъ себя носа послѣ того, какъ убилъ свою жену и сына, вѣроятно, не подозревая существованія послѣдняго (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. III, стр. 19). Ослѣпленіе женщины, родившей ребенка съ серебряною шеей и золотой головой, ср. съ киргизскою легендой о Корытшканѣ или слѣпшѣ (Asralax Syphenus), который не хотѣлъ вступить въ грѣховную связь съ своею сестрой и за это былъ ею ослѣпленъ, зарытъ въ землю и обращенъ въ слѣпша. Эта связь представленій о кровосмѣшеніи и слѣпомъ звѣркѣ живетъ и въ повѣрьяхъ южной Россіи; по повѣрью въ Подольск. губ., зиньске щена, Asralax Syphenus, рождается

отъ женщины за ея грѣхъ; эти звѣрки ядовиты и за то слѣбны по Божьей волѣ (Н. Данильченко, Этнограф. свѣд. о Подольск. губ., Кам. Под., 1869, вып. 1, стр. 13). Ср. въ нашихъ былинахъ ослѣпление и зарываніе въ землю Касьяна, атамана сорока каликъ перекожихъ, по навѣту жены Владиміровой (Рыбник., II, стр. 92, № 18). Настоящею причиною преслѣдованія Касьяна былъ отказъ отъ вступленія въ грѣховную связь съ царицей. Вѣроятно, киргизское повѣрье можно дополнить изъ урянхайскаго еще одною чертою, кромѣ ослѣпленія, именно поломкой рукъ; вывороченныя внаружи ладони переднихъ лапъ крота, припоровленныя къ копанію земли, могли подать поводъ къ легендѣ объ изломанныхъ рукахъ. Хотя ни урянхайское сказаніе, ни наши сказки о косоручкѣ не содержатъ въ себѣ намековъ на кровосмѣшеніе, но фигура косоручки, по видимому, заимствована отъ крота, и сказаніе о ней можно отнести къ эпосу объ этомъ животномъ. Не безъ значенія и то обстоятельство, что въ урянхайской сказкѣ новорожденный чудесный ребенокъ подмѣняетъ звѣркомъ кѣй куска, то-есть, кротомъ. Ср. съ легендами о кровосмѣшеніи у Бессонова (Кал. перех., в. 4, стр. 210: о Іудѣ, сынѣ Рувима, по прозванію Симона, и Циборин) и у Чубинскаго (Труды этн. эксп. въ Запад.-русск. край, I, 1, 182: о Маріи Египетской и Андрѣ Критскомъ). Въ обѣихъ легендахъ мать опускаетъ своего ребенка въ воду. Выбрасываніе ребенка матерью разказывается и о Соломонѣ; въ сибирско-русскихъ сказаніяхъ о немъ говорится, что онъ еще въ утробѣ заговорилъ, услыхавъ разговоръ своей матери съ своею подругой о своихъ любовникахъ; ребенокъ произнесъ: „одна... другую каблукомъ (?) приврываетъ“; мать осердилась за это на не родившагося еще сына, и когда онъ вышелъ на свѣтъ, она велѣла его выбросить; его подбросили къ одному кузнецу; кузнецъ принялъ ребенка, и такъ какъ онъ нашелъ его въ соломѣ, то далъ ему имя Соломонъ (зап. отъ г. Родвана, родомъ изъ г. Колывани Томск. губ.).

Соединеніе темъ утопленія дѣтей и кровосмѣшенія въ пѣснѣ у Шейна (Зап. Геогр. Общ. по отд. этн., т. V, стр. 542, № 452). Въ одной южнорусской колядкѣ, гречная панна Марія роняетъ вѣнокъ въ рѣку (вар. въ Дунай); она проситъ поймать вѣнокъ трехъ рыболововъ; одному общаетъ шелковый платокъ, другому—золотой перстень, а третьему—„сама молода“ (Тр. этн. эксп. въ Запад.-русск. край, т. III, 300 и 303). Въ другихъ пѣсняхъ сходная сцена разказывается о сестрѣ съ братьями. Ср. южно-русскія повѣрья о травѣ Иванъ да Марья (Melampyrum nemorosum или Viola tricolor), въ которую обратились братъ и сестра, брошенные матерью въ дѣтствѣ и потомъ поженившіеся; у Бессонова, Кал. Перех., I, 697, стих. о Васильѣ и Софьюшкѣ и у Аеванас., II. В., II, 506: повѣрье объ *Ocimum basilicum*. Въ болгарскомъ сказаніи на невинной крови вырастаетъ трава дятлина, которой у насъ даются имена ивасиль, светлебей, божій хлѣбъ. Сестрой, кровосмѣнительницей въ киргизской сказкѣ выставляется коша малинь; эта же коша по алтайски и монгольски называется маны; бурятское моно-кохоръ, кротъ (Radde, Reise) представляетъ слияніе двухъ именъ, развитыхъ легендою на два отдѣльные персонажа

(малинь и корь); у Алтайцев о маны говорится, что она мать всего, и что у нея семь сыновей; въ дюрботской же редакціи этого повѣрья вмѣсто маны стоитъ баръ (*Felis tigris*); см. стр. 176. Разказъ о заритомъ въ землю Коръ ср. съ повѣрьями о громовой стрѣлѣ, уходящей въ землю. О травѣ „заръ“ см. прим. къ № 28; зарницей у насъ называются нѣмны молніи, которымъ приписывается содрваніе хлѣбовъ; Мордва, то же электрическое явленіе приписываетъ божеству, отъ котораго зависитъ плодородіе нивъ, и которое по черемисски называется Меландъ-ава, „мать-земля“. *Melampyrum nemorosum*, кромѣ именъ Иванъ-да-Марья, братья-да-сестра, День-и-Ночь, называется еще зубровая, забрей (Анненковъ, Бот. Сл.); *Galeopsis tetrahit*—зубрей, забрей, забирь, жабрей, жаберъ, жабрикъ (*ibid*); въ его цвѣтахъ также, какъ и въ цвѣтахъ *Mel. nemorosum* и *Gal. tetrahit*, двѣ краски:—желтая и синяя, чѣмъ и можетъ быть объяснено сходство именъ. *Thymus Serpyllum* носятъ въ народѣ имена: чаберъ, чебрикъ и пр.; см. прим. къ № 68. О *Th. Serpyllum* есть повѣрье, что она выросла на слезахъ Богородицы: Божья Матерь искала Христа и плакала; гдѣ пали ея слезы, тамъ и выросла эта травка, и распространилась потомъ по землѣ; чортъ создалъ другую колючую траву, которая теперь повсюду вытѣсняеть богородскую (сообщ. г. Трусовымъ, уроженцемъ Помехонскаго уѣзда). По „Голубиной книгѣ“ на слезахъ Богородицы выросла трава плакунъ (Аванас., П. В., II, 414); такое имя нашъ народъ придаетъ двумъ растеніямъ, сходнымъ тѣмъ, что у обѣихъ верхина кончается длиннымъ султаномъ изъ малиновыхъ цвѣтовъ, именно *Epilobium angustifolium* и *Lythrum Salicaria*. По нѣмецкому повѣрью, на слезахъ Дѣвы Маріи выросла *Otchis mascula*, которая также имѣетъ султанъ малиновыхъ цвѣтовъ. У насъ это растеніе называется кукушкины слезы; кукушкѣ приписывается много растеній: кукушкины башмачки, кукушкины дары, зозулины черевички и пр. (Анн., Бот. Сл., 233, 236 и др.). Не обязано ли привлеченіе кукушки къ кругу этихъ повѣрій тому обстоятельству, что кукушка подбрасываетъ своихъ дѣтей въ чужія гнѣзда, обстоятельству, которымъ иногда начинаются легенды о кровосмѣшеніи? *Epil. angustifolium* называется копоръ, киперь, кипрей, а также Иванъ-чай. Чаберъ, дивберъ и пр. ср. съ татарскимъ и персидскимъ джуффаръ, мускусъ; джуффаръ, выхухоль на языкѣ Казанскихъ Татаръ; въ киргизскихъ сказаніяхъ Джушпаръ, первый конь на землѣ, предокъ нынѣшнихъ коней (Оч., II, 152). Папоротникъ называется мѣстами купоротникъ (Анн., Бот. Сл., 55). Съ темой о кровосмѣшеніи иногда связывается эпизодъ о боѣ сына съ отцомъ или убіеніе отца. Иногда разказъ о боѣ отца съ сыномъ стоитъ отдѣльно отъ темы кровосмѣшенія. Въ нашихъ былинахъ боѣ отца съ сыномъ разказывается объ Ильѣ. Противникъ Ильи носятъ имена: Борисъ-Королевичъ, Бориско; въ сходныхъ былинахъ, но безъ упоминанія о родствѣ Ильи съ противникомъ—Жидовинъ, Идолице; см. прим. къ № 135. Мать сына Ильи Муромца называется баба Семигорка, Латымірка, Владимірка. Имя Владимірка или Латымірка, вѣроятно, есть то же самое, что Владиміръ нашихъ быливъ; окон-

чаніе *ка* есть уступка духу русскаго языка, чтобы придать имени женскій родъ. Именемъ Владиміръ не называлась ли въ старинныхъ исчезнувшихъ вариантахъ жена Владиміра Опракса или Апраксѣвна? Такія перестановки именъ дѣло обыкновенное въ средней Азіи, гдѣ нерѣдко имя героя-богатыря былинны въ другомъ вариантѣ является именемъ его невѣсты или жены и т. п. О женѣ Владиміра разказывается, что она хочетъ склонить на любовную связь Касьяна, каліку переходящую; въ другихъ былинахъ она также рисуется женой невѣрною. Эти представленія о женщинѣ, вступающей въ любовную связь со многими (что Монголами разказывается о Ногонъ-Дарекѣ, стр. 297), можетъ быть, находятся въ связи съ идеей о божествѣ, отъ котораго зависить плодородіе. — Имя Андрей, кромѣ легенды о Марьѣ Египетской, является въ связи съ темой кровосмѣшенія въ сказаніи о Москвѣ (Карамз., т. II, прим. 301). Въ одномъ вариантѣ коварная жена повѣшена на воротахъ и разстрѣлана; убійцы ея мужа, захитые въ коробъ, брошены въ озеро. Ср. съ преданіемъ о болринѣ Колмо; см. прим. къ № 88. Повѣшеніе на воротахъ есть въ кабардинской сказкѣ (Сб. св. о кавк. горц., в. VI, отд. народн. сказ., стр. 110); ср. также въ аварской (Сб. св. о кавк. горц., в. II, отд. нар. ск., стр. 40). Въ другомъ вариантѣ сказанія о Москвѣ Кучковичи являются любовниками Улиты Юрьевны, жены Давиловой. Въ Туранск. караулѣ Иркутск. губ. русское повѣрье: „Киря Улита страшная живетъ. Одна женщина сѣла прастъ у окна въ день Киря-Улиты, ее убило громомъ. Не живетъ этотъ день безъ грома“. У Дала: кто на Киряка и Улиту жветъ, тотъ маньяки видитъ („Послов.“, 989). Къ историческому Андрею Боголюбскому приурочивается и сказаніе объ увозѣ Владимірской Божіей Матери изъ Вышгорода, см. прим. къ № 83.

Въ южно-русской сказкѣ „про дочку, гонимую мачихой“ (Труды Этногр. эксп. въ зап. край, II, 451), разказывается, что мачихина дочь, завидуя тому, что падчерица понравилась пану, и что онъ на ней женился, позвала ее купаться; тамъ она ударила ее рогаго, приговаривая: „Лети, рись, гускою!“ Та и улетѣла въ лѣсъ. У Аванасьева (Н. Р. С., в. 7, № 27) помѣщенъ только небольшой отрывокъ изъ этой сказки; обращенная женщина называется Арысь-поле. Арысь, рись ср. съ русскимъ рысь, *Felis lupx*, киргизскимъ корсагъ, русскимъ на нижней Волгѣ корсъ, *Canis sogzak*, южно-русскимъ въ Подольск. губер. коржанъ, летучая мышь, а также съ именемъ славянскаго божества Хорсъ. Ср. также съ прим. 37 къ гл. III. Поле ср. съ вотяцкимъ валанъ, баланъ, „рысь“; съ вотяцкимъ же пеле, пермяцкимъ и зырянскимъ пајі,, „летяга“; пополовецки *palang* „leopardus“ (Codex Sumanicus, изд. граф. Gëza Kunu, Budapest, 1880 г., стр. 98). Парное Арысь-поле ср. съ арс-ланъ, „левъ“ по монгольски и тюркски, „лисица“ по мещерски. Лѣтописная фраза: „Поляне, иже зовомая Русь“. Формы пили, бѣло встрѣчаются въ соединеніяхъ: Пилитримиче, Билогремиче, Бѣлояндрихъ; вторые члены отдѣльно: Индрихъ, Угрюмиче. Василій Буславъ былъ отданъ въ обученіе къ Угрюмищу и выучился отъ него „не листи писать, а соколомъ летать“ (обертываться? Аванас., Нар. Ск. I, 51). Въ

другихъ сказкахъ герой отдается въ обученіе Оху, морскому царю, Идолу. Можетъ быть, въ старинныхъ утраченныхъ редакціяхъ вмѣсто Оха или Морскаго царя стояло иногда Пилигримище. Названія кустарника калины: кага балам татарское, болан черемисск. и чувашск., вятско-татарск., баши-кирск., joetel bolan татарск., когорола Крымск. Татарь. Въ русскомъ чернобыль придается артемиин; кара по татарски черный; быль, конечно, сокращенное полынъ. О чернобыли существуютъ повѣрья (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край Кр., т. I, в. I 82; Анн., бот. сл., 42); между прочимъ въ одной сказкѣ дѣвницѣ, побывавшей въ царствѣ змѣй, дается зарокъ не говорить слово чернобыль; ср. съ обычаемъ народовъ Сибири не произносить серьезные термины въ родѣ имени медвѣдя или имени тученоснаго бѣлка. Въ одной былинѣ Тугаринъ, вмѣсто Змѣевича, названъ Бѣлевичемъ (Кирѣев., Пѣсни, IV, стр. 57). Названія растений носятъ иногда имена мифическихъ персонажей; многія изъ нихъ связаны съ легендой о страстотерпцѣ; такимъ образомъ имѣются травы: кровь св. Яна, Андреевъ крестъ, Иванъ да Марья и др. Красный цвѣтъ коры или ягодъ особенно подаетъ поводъ къ образованію такихъ повѣрій. Въ Красноярскѣ, Енис. губ., *Cornus* называется Христова розга; его вѣтвями стегали жиды Христа, отчего онѣ и имѣютъ красную кожу. Не было ли и о калинѣ легенды, что она выросла на мѣстѣ зарытаго страстотерпца? Татарское имя калины коро-баламъ ср. съ киргизскимъ коръ и малинъ. На другихъ нарѣчіяхъ калина называется чангишъ; въ монгольскихъ сказаніяхъ имя Чингисъ иногда связывается съ мыслью о кровосмѣшеніи; въ одномъ кровосмѣшеніе приписывается сыну Чингисхана, въ другомъ самому Чингису приписывается насиліе надъ женщиной; см. примѣч. къ № 47.

Конѣцъ № 84 представляетъ сходство съ варіантомъ киргизской сказки о Козу-Курпечѣ, находящимся въ рукописномъ собраніи киргизскихъ сказокъ, доставленныхъ къ петербургскому съѣзду ориенталистовъ; Козу-Курпечъ, убитый Кодаромъ, снова воскресаетъ по молитвѣ сорока мулъ; онъ ѣдетъ къ матери и находитъ, что его весь скотъ захваченъ его слугою Джидыбаемъ, а мать обращена въ служанку; онъ убиваетъ Джидыбая; въ это время подъѣзжаетъ съ многочисленнымъ караваномъ Баянъ-Сулу; мать Козу-Курпеча выходитъ ее встрѣтить, но отъ радости умираетъ. Другая сходная черта: у Ерьсару семь противниковъ, семь тасовъ; у Козу-Курпеча противникъ Кодаръ окруженъ 90 или 9 слугами. Третья сходная черта, умерщвленіе пастуха, указана выше.

85. Убѣгающій на быкъ отъ шулума мальчикъ.

Ср. съ качинскою сказкой о Солбанѣ-мергенѣ (Radloff, Prob., II, 392), гдѣ также сначала дѣтей уноситъ вѣщій конь, а потомъ они скрываются въ листовницахъ. Солбанъ (Цолмонъ?) ср. съ Шулумъ (Шулмусть?).

86. О предкѣ хойху.

Ср. съ исторіей о бодисатвѣ Шарь-бычинь-Мандѣ въ „Буддизмѣ“ пр. Нила, стр. 30, а также съ киргизскою легендой о родоначальницѣ племени Казбекъ („Очерки“, II, 4) и съ средневѣковою легендой о происхожденіи Гунновъ. По ходу разказа исторію о Шарьмакчинѣ можно причислить къ кругу легендъ о кровосмѣшеніи, хотя этой послѣдней черты въ немъ и нѣтъ; № 87 также приурочивается къ Китайнѣ и Битайцу (см. также „Очерки“, II, стр. 81, о взглядѣ Монголовъ на ихъ метисацію съ Китайцами). Не была ли эта легенда о происхожденіи повольтнѣ Джиды или Джеты, которое и теперь еще живеть въ верховьяхъ Енисея, а также о предкѣ народа Бидань (почему, можетъ быть, къ легендѣ и примѣшивается имя китайскаго народа). Въ нашихъ сказаніяхъ мы встрѣчаемся съ именемъ Жидовинь, который, по видимому, есть сынъ (незаконнаго?) сожителства Ильи Муромца, выросъ въ неизвестности о своемъ отцѣ, случайно встрѣчается съ нимъ и вступаетъ въ бой. Тему о ребенкѣ, подобрешномъ въ свиной хлѣвъ, ср. съ сказкой о Саламджѣ, найденномъ брошеннымъ въ солому (Radloff, Proben, IV, 358), и особенно съ сказаніемъ о сынѣ Чингисъ-хана (стр. 230), за кровосмѣшеніе съ матерью изгнанномъ въ степь; царевичъ сталъ предкомъ Киргизъ, въ память чего Киргизы брѣютъ волосы; послѣднее указаніе сближаетъ легенду о сынѣ Чингисъ-хана съ сыномъ Шарь-макчина; по другому сказанію („Оч.“, II, 164), киргизскій народъ произошелъ отъ сына Чингисъ-хана, изгнаннаго за кровосмѣшеніе съ матерью въ степь, гдѣ онъ вступилъ въ связь съ свиной (по монгол. гахай). При этомъ онъ снесъ белюрь. Третье сказаніе приписываетъ подобное воровство дочери Чингисъ-хана, которой оно даетъ имя Цаганъ-хань (см. стр. 324). У Нила Ногонъ-дара является женой Шарь-бычина. Въ осетинскихъ сказаніяхъ кровосмѣшеніе соединяется съ именами Урызмагъ и Сатана (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, „Осет. сваз.“, собр. Шанаевымъ, стр. 15). Урызмагъ въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ является въ формѣ Урызманъ; рузманъ — пятница на нѣкоторыхъ кавказскихъ нарѣчіяхъ; по чеченски пятница париски. Начало этихъ формъ, урыз, руз, парис, ср. съ именами звѣрей, приведенными въ прим. 37 къ гл. III. Объ обращеніи Урызмага въ собаку см. Сборникъ свѣд. о кавк. горц., IV, отд. II, стр. 21; Всев. Миллеръ, „Осет. Этн.“, № XI.

88. Конь изъ тѣста.

Это, вѣроятно, одинъ изъ вариантовъ поѣздки въ царство мертвыхъ для похищенія души или живаго бога (огня?). Разказъ съ сходными чертами, записанный мною отъ Русскаго въ Томск. губ., помѣщенъ въ Этн. Сборн., VI, 148: „Одинъ былъ дога, черти ему на воздухъ мостъ мостили и на бѣгу лошадь подковывали“. Онъ приходитъ въ хижину одной старухи и проситъ у ней сына (ср. Христосъ у жены Алилуевой, Бес., Кал. Перех., в. 4, № 330; въ Алтанъ Тобчи, 53: Тайджіуты приходятъ къ матери Темучина

и требуютъ выдачи ея сына; *ibid.*, 10). Старуха не отдаетъ сына. Въ это время гуча изъ вороновъ налетѣла и начала клеветать трехъ голубей, сидѣвшихъ на крышѣ. Дока нарисовалъ коня, сѣлъ на него и выскакалъ изъ дома, но вороны его заклевали. Въ Шиддикурѣ, гл. VII (Этногр. Об., VI, 45), жена челоуѣка, обращеннаго въ птицу, послѣ того, какъ она сожгла его птичью шкуру, должна была защищать палькой входъ въ свой домъ отъ злыхъ духовъ въ теченіе семи сутокъ; она не вытерпѣла, на седьмыи сутки вдремнула; духи унесли ея мужа. Она долго искала его въ горахъ, клича: шибегунъ герьту (съ птичьимъ чехломъ), и наконецъ, нашла. Русскій разказъ изъ Томской губерніи разказчикъ называетъ „о папѣ Римскомъ“. Это имя встрѣчается въ Голубиной книгѣ (Везсон., Кал. Перех.), именно изъ океана или изъ моря выходитъ церковь „святаго Климента, папа Римскаго“ (308), мощи „папа Римскаго, слава—Клементьева“ (276), церковь „Клима папа Римскаго“ (281). Имя „Климентъ“ встрѣчается въ южно-русскомъ вариантѣ сказки о хитромъ ворѣ (Гр. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, 362), и въ велико-русскомъ (Аванас., VI, № 6, вар. 6; сказка кончается тѣмъ, что царь велитъ Клименту бросить въ воду). Отъ г. Трусова мною записано преданіе объ озерѣ Колмо (близъ Шексны, Мологскаго уѣзда) и селѣ Капорѣ; около озера жилъ богатый бояринъ Колмо, у котораго была жена красавица; Капорскій князь, будучи однажды на охотѣ, заѣхалъ къ боярину въ гости; жена боярина сильно приглянулась ему, и онъ задумалъ, погубивъ мужа, завладѣть ею; онъ приказалъ своимъ людямъ схватить боярина, связать и бросить въ сосѣднее озеро, что тѣ и исполнили, а князь вдалъ за себя его жену. Озеро по боярину и теперь слыветъ Колмово. И теперь Колмо стонетъ по ночамъ въ озерѣ. Рыбаки нашли однажды въ озерѣ серебряную подкову; Колмо былъ такъ богатъ, что лошадей подковывалъ серебряными подковами. Когда удятъ въ озерѣ, читаютъ заговоръ—просятъ удачи у Колмо. Ср. у А. Веселовскаго, „Разысканія“ въ Зап. Имп. Ав. Наукъ, т. XI, кн. II, стр. 97: кипрскій царь отнимаетъ жену у Соломона. Въ Новгородск. губ. (сообщ. г. Пѣвцовымъ) есть повѣрье о папѣ Римскомъ, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ старѣется и молодѣетъ; сходное повѣрье существовало о Криво-Кривейто, резиденція котораго называлась Ромово. Есть дѣтскія пѣсенки о какомъ-то убитомъ дядѣ Романѣ. Имя Колмо встрѣчается нерѣдко на сѣверѣ Европейской Россіи: городъ Холмогоры, озеро Холмовское (въ 18 вер. отъ Пинеги), Колмогорская деревня въ Мезенск. у., гора Колмогорка въ Кемск. у., ручей Колморучей (Ефименко, Заволоцкая Чудь, Арханг., стр. 23 и др.), Колмовъ монастырь, прежде Паданская пустынь (Зап. Имп. Р. Г. Об. по этн., II, 59). Въ Монголіи озеро: Холбо („Очерки“, I, 307), Хулму (*ibid.* 115); гора Калмы-гологой.

89. Хлѣбъ.

Ср. съ русскимъ (Аванас., Поэт. Возвр., I, 434, 482; Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, I, 1, 156), болгарскимъ (Каравеловъ, Памятн. нар.

быта Болгарь, I, 239) и осетинскимъ преданіями (Сборн. свѣд. о кавк. горц., IX, ст. Изъ осетинск. сказ., стр. 20).

90. Тигръ и быкъ братья.

Ср. съ разказомъ о тигрѣ и теленкѣ, которому тигръ навѣшиваетъ воловоличье (Оч., II, 163); въ нѣмецкихъ сказкахъ о Пинкегѣ, похищающемъ козла у великанши, рога послѣдняго были увѣшаны воловоличьями (Mannhardt, Germ. Myth., 176). О теленкѣ и львенкѣ, воспитывавшихся вмѣстѣ, см. въ Шиддивурѣ, гл. XX. Въ вар. *a* можно видѣть мнѣ о смѣнѣ дня и ночи, представленный въ видѣ вражды, кончающейся смертью обоихъ (то-есть, день превращается ночью, а ночь днемъ). Въ бурятскихъ сказаніяхъ Буха-ноинъ, пестрый, небесный быкъ борется съ чернымъ быкомъ; пестрины на быгѣ, можетъ быть, пятна на лунѣ (по монгольски пестрый алмык, по татарски ала). Баръ, можетъ быть, вмѣсто наръ „солнце“.

96. Лунатизмъ.

Названіе разказу дано мною неправильно. На разспросы о лунатизмѣ Дюрбюты отвѣчали мнѣ невѣдніемъ о такомъ явленіи. Г. Григоровскій въ письмѣ ко мнѣ сообщаетъ объ Остяко-Самоѣдахъ, что они также не слыхивали о лунатикахъ.

97. Три товарища.

Ср. съ казыкумхскою сказкою въ Сборн. свѣд. о кавказ. горц., в. I, стр. 67.

98. Заячи.

Ср. у Афанасьева „Двѣ доли“, в. V, № 51. У Вотяковъ, Елаб. уѣзда, мною записанъ разказъ о бѣднякѣ, очень сходный съ № 51. Вмѣсто доли побои терпятъ „шудъ“ (въ каракиргизскомъ, какъ намъ сообщилъ г. Раковъ, еудъ, „счастье“); „воръ-шуд’ами“ Вотяки называютъ берестяныя коробки, служащія для храненія священныхъ предметовъ, которымъ приписывается благотѣльная сила; воршудъ имѣется въ каждой семьѣ; онъ хранится въ лѣтникѣ или шалапѣ, такъ называемой „куалѣ“. Ставятъ его на полку у задней стѣны; такимъ образомъ по своему положенію онъ очень напоминаетъ алтайскій джайкъ. Въ Курской губерніи записанъ слѣдующій разказъ, въ которомъ вмѣсто доли является звѣрь саранча. Бѣдный братъ замѣчаетъ, что на пашнѣ его богатаго брата работаетъ звѣрь-саранча, съ его бѣднякова поля беретъ сѣмя и пересаживаетъ на поле къ богатому. Бѣднякъ начинаетъ бить саранчу; тогда саранча говоритъ, что у него, бѣдняка, есть своя саранча, и если онъ её побьетъ, тогда и онъ будетъ богатѣть (Труд. Курск. стат. комит., 1863 г., кн. I, стр. 541—542). Имя саранча

ср. съ Джеренше въ киргизской сказкѣ у Радлова (Proben., IV, 201); та же сказка записана Радловымъ у Алтайцевъ, у которыхъ вмѣсто Джеренше стоитъ Джерень (Proben., I, 197). Форма джерень или ерень употребляется Урянхайцами, почти какъ нарицательное для всѣхъ онгоновъ и соответствуетъ монгольскому слову онгонъ и алтайскому джанкь. Можно предположить, что у одного изъ племенъ, жившихъ въ Курской губерніи, когда она еще была занята не Арийцами, былъ онгонъ подъ названіемъ джеренше или саранча; отъ не Ариядавъ это повѣрье перешло и къ позднѣйшему населенію изъ Русскихъ. Переходъ имени онгона на полевое насѣкомое можно объяснить такъ: имена онгоновъ у осѣдлыхъ жителей перешли на тѣхъ животныхъ, которые любятъ селиться около человѣка; у насъ и у Киргизъ ласточкамъ приписывается принесеніе богатства; о ласточкѣ говорится: „бабочка подь-домъ носить огонь, ласточка—воду“ (Этн. Сб., VI, „Южн. часть Томск. губ.“). Въ Томской губ. есть повѣрье: въ томъ домѣ будутъ счастливы, гдѣ поселится звѣрокъ ласочка (*Mustela vulgaris*, которая въ нѣкоторыхъ областяхъ называется ласточка, ластаца). Ансть (южно-русс. гайстеръ; ср. съ обл. Орловск. губ. настерь, „летучая мышь“; см. Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этн., II, 21), устроившій гнѣздо на крышѣ, почитается добрымъ предзнаменованіемъ, а оставленіе имъ крыши предвѣщаетъ пожаръ. Чернымъ тараканамъ также приписывается благотворное вліяніе; случайно замѣтивъ чернаго таракана на полу, хозяинъ бережно относитъ его за печь, чтобы кто-нибудь нечаянно не раздавилъ его; гдѣ появились черные тараканы, въ томъ домѣ будетъ довольство; чернымъ тараканамъ выставляютъ даже пищу, какъ домовому. Тараканы предсказываютъ пожаръ; передъ пожаромъ они удаляются изъ-дому. Имя этихъ насѣкомыхъ напоминаетъ форму тарханъ, о значеніи которой см. примѣч. къ № 64. Если съ именемъ тарханъ можно связать представленія о змѣѣ, то съ другой стороны и съ формой ерень, вѣроятно, связывалось подобное же представленіе (ср. Ерень-кыль; стр. 646). Насѣкомыя, живущія около печи, могли получить имена онгоновъ потому, что нѣкоторые изъ послѣднихъ также помѣщаются близко около очага; имя саранча могло сначала перейти на домашняго сверчка и потомъ уже на истребителя нивъ. Ср. пружи и прусаекъ (по вотячки прусаекъ, „заяцъ“). Нашими мисологами указана связь домового съ громовникомъ, но путь, которымъ громовникъ прошелъ подъ печь или подъ порогъ недостаточно ясенъ; онъ становится понятнымъ, если въ повѣрьяхъ о домовомъ и о догѣ видѣть слѣды повѣрій о домашнихъ идолахъ. Домовой помѣщается или подъ печкой или подъ порогомъ; онгоны также помѣщаются или подлѣ двери или противъ очага у задней стѣны, а иные еще ближе къ очагу.

100. Ерень-чэчэнъ и Яра-чэчэнъ.

См. у Радлова, Proben, I, 197; IV, 201.

101. Дмиренше-шешень.

См. Оч., II, 158.

102. Умная жена и глупый мужъ.

Бала-аяга ср. съ Вѣль-Вѣлянинъ русскихъ сказовъ, который есть, по мнѣнію Ор. Миллера, мѣсяць (Хрестом., 169).

105. Предки скота.

Записанное въ Баянаульскомъ округѣ Семипал. области, это повѣрье представляетъ сравнительно съ помѣщеннымъ въ „Очеркахъ“, II, 152, позднѣйшую редакцію, явившуюся подъ мусульманскимъ вліяніемъ. Въ Крыму записано нами въ деревнѣ Капсихоръ преданіе: Вейсиль-коранъ былъ верблюжій пастухъ, угодившій пророку; онъ ходилъ за верблюдами и все плавалъ, молясь, какъ бы ему увидать пророка. Ой по монг. гѣсь, а также горностаѣй (иначе оинъ, уинъ; ср. имя поколѣнія у Урянхайцевъ Уинъ). Сложная форма Зенгъ-баба встрѣчается нерѣдко въ западномъ Туркестанѣ, какъ имя урочища; кромѣ указаннаго уже въ „Очеркахъ“ (II, прим. 31 въ гл. V), урочище съ этимъ именемъ встрѣчается въ Туркменіи, близъ Узбола (Гедройць, Предварит. отчетъ о геолог. изслѣд. на Аму-Дарьѣ, 8). Не версія ли это ягутскаго Джахе-баба? Ср. Seng-baba, воспитанникъ тигрицы въ индѣйскомъ мифѣ (Bunsen, Die Iejaden, 441). О святомъ Чабанъ-ата есть преданія у Киргизъ Адаевцевъ; см. Сб. свѣд. о кавк. горц., в. VI, ст. „Преданія Адаевцевъ“, стр. 12. Джушаръ, имя предка лошади (Оч., II, 152), ср. съ джуффаръ, душаръ, „выхухоль“, джуфаръ, „мускусъ“ по персидск.; въ имени киргизскаго поколѣнія Чубаръ-айгыръ второй членъ значить „жеребецъ“.

106. Алашаханъ.

См. Очерки, II, 148; въ сюжетахъ избранія царя часто является журавль (стр. 185); оппозицію журавлю составляетъ птица будене (перепелъ). Въ русскомъ разказѣ, какъ извѣстно, упоминается Гостомысль; ср. имя аиста гайстеръ-бусѣль. Отдѣленіе отъ племени ср. съ отдѣленіемъ Шунобатыря съ придачей ему свиты, какъ это разказывается въ нѣкоторыхъ вариантахъ о немъ. О крикѣ „алашъ“ см. Оч., II, прим. 6 въ гл. V. Монголы во время атаки троекратно кричали Ahla! Ahla! Ahla! (Brosset, Hist. de la Georg., P. I, l. II, p. 519 и 518); можетъ быть, эти крики Ahla принадлежали Туркамъ, бывшимъ въ монгольскихъ подчищахъ. Это былъ военный кличъ въ родѣ нашего: керълешъ или крлешъ (Буслаевъ, Ист. Оч., II, 76). О крикѣ хурей см. выше прим. 57 въ гл. II Ягуты кричатъ уруй во время жертвоприношеній и при удачномъ уловѣ медвѣдя, лося и другихъ животныхъ (Изв. Вост.-сиб. отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 38). Въ центральной части Киргизской степи указывается могила Алача-хана. На Сары-су и на Кенгирѣ, по Шангину (въ Сибирск. Вѣстникѣ), находятся могилы Джанъ-ана и Белянъ-ана; послѣдняя въ двѣ вѣды отъ оз. Телекуля. По разпросамъ г. Балкашина, который года четыре тому назадъ проѣхалъ

черезъ Голодную степь, въ верховьяхъ р. Нуры находится не Джанъ-ана, а Джуанъ-ана; при устьѣ Кара-Кенгира Булганъ-ана, выше ея Алача-ханъ; Белянъ-аны не знаютъ. Въ затерянныхъ теперь рукописныхъ запискахъ моего отца, который прошелъ вдоль р. Сарысу до ея низовья въ 40-хъ годахъ, я помню, упоминались могилы Булганъ-ана и Белянъ-ана. На картѣ Западной Сибири, изд. Военно-топогр. депо, на Сарысу назвачено урочище Талмасъ-ана (ана по киргизски мать), можетъ быть, также могила. Въ атласѣ Ремезова 1701 года (С.-Пб., 1883), на лѣвомъ берегу Сарысу при знакахъ, изображающихъ какія-то постройки, находятся надписи: „мечать Булганъ-ана“, а ниже ея „Талмасата“. Могилы Алача-ханъ и Джучи-ханъ, по словамъ г. Балкашина, находятся при впадении Сары-Кенгира въ Кара-Кенгиръ, недалеко отъ зимовки Ердени Сандыбаева, батыря Кенсаринскаго времени. У Алача-хана сохранились стѣны, лѣстницы, своды; есть эмальированный кирпичъ.

109. Каратты-ханъ.

Въ сказкѣ Тарскихъ Татаръ душа Ташвана хранится подъ видомъ семи перепеловъ (подѣне), которыя находятся въ одномъ изъ семи мараловъ (ср. Долонъ-хого, Б. Медвѣдица, стр. 136), приходящихъ пить изъ колодца подъ семью тополями (Radloff, Proben, IV, 109). О Суть-кулѣ см. стр. 70 и 692. Въ прикамскомъ Поволжьѣ въ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ Чуваши, встрѣчаются озера, которыя называются Шюды-куль, то-есть, свѣтлыя озера; думаютъ, что въ нихъ живутъ духи. У Золотницкаго, Чув. слов., 75: сьуда-куль. Ср. русск. обл. едикуль, адъ, крошечная. Объ одномъ изъ такихъ озеръ, лежащемъ близъ дер. Анчикъ-касы, г. Магнитскій сообщилъ мнѣ слѣдующія повѣрья: Грязная вода никогда не втекаетъ въ озеро, а всегда минуетъ его; по тому, какъ весной ледъ на озерѣ исчезаетъ, падаетъ ли на дно или разстаетъ, не погружаясь, заключаютъ объ урожаѣ. Прежде озеро было при дер. Асламазъ, но изъ него вышла какая-то большая страшная рыба и перенеслась въ Анчикъ-касы; ни жители, ни собаки не смѣли къ рыбѣ подступиться. Налетѣли какія-то птицы стадами и истребили это чудовище. Съ той поры озеро образовалось на нынѣшнемъ мѣстѣ. Въ соседнихъ съ Чуваши мѣстностяхъ встрѣчаются русскія названія: Свѣтлыя или Святлыя озера; не переводы ли это прежняго, инородческаго шюды-куль? Въ Нижегород. губ. существуютъ сказанія объ озерахъ, на днѣ которыхъ существуютъ монастыри. Невидимый городъ блаженныхъ Китезъ находится у озера Свѣтлогора; вода озера почитается дѣлебною отъ болѣзни глазъ и отъ припадковъ у женщинъ, повторяющихся при каждомъ рождении новаго мѣсяца (Древн. и Нов. Россія, 1877 г., № 11). На днѣ озера Нестяръ находится монастырь, въ которомъ „семь“ иноковъ (Нижегор. Сборн., IV, 24); оба монастыря станутъ видимыми при кончинѣ міра. Золотницкій указываетъ на значеніе черемисоваго слова сот, которое по чувашски произносится сьут, свѣт и придается къ имени высшаго божества: Сот-тия-

кого-юмо; сот или сота хотя и произносится горными Черемисами, какъ свѣт, съвѣт, свѣтъ, но въ понятіяхъ ихъ оно тождественно съ лугово-черемисскимъ съут и русскимъ „свѣтой“, чѣмъ и поясняется приводимое г. Знаменскимъ „Свѣтъ-ханъ-кого-юмо“ (Золотницкій, Невид. міръ по шаман. возвр. Черемисовъ, Казань, 1877, стр. 9 и 10). Не скрывается ли въ этой чувашско-черемисской формѣ сот, съут, свѣт первый членъ татарскаго имени Б. Медвѣдницы, и черемисское Свѣтъ-ханъ не есть ли татарское Жидиганъ? Въ русскомъ свѣтъ въ связи съ мѣсяцемъ; „свѣтель мѣсяцъ“ въ пѣсняхъ; въ Голубиной книгѣ: „бѣлый свѣтъ отъ самого Христа, отъ луны его“ (Безсов., Кал. перек., 231). Не слѣдуетъ ли и русское Свѣтогоръ принять за форму, передѣланную изъ неарійской въ родѣ Едигеръ и т. п. (см. стр. 713)? Съ формой съвѣт ср. начало имени перваго Болгарскаго царя Авитохоло по хронографу, описанному Поповымъ.

110. Тунгъ Каратты ханъ.

Сходныя черты есть въ ново-зеландской сказкѣ, которая приведена Либрехтомъ въ *Zug Volkskunde*, S. 245. Въ черемисской сказкѣ (Знаменскій, Вѣстн. Евр., 1867, дек., 38): у Юмы была дочь, которую онъ спускалъ на землю по войлоку пасти скотъ; она научила человѣка похитить ее. Опущенное въ сосудъ кольцо, по которому женщина узнаетъ своего мужа, см. у Тихонравова, Памятн. стар. русск. лит., III, стр. 59; Асанас., Н. Р. С., в. 8, № 5. У Чеченцевъ обычай при заключеніи побратимства пить пополамъ стаканъ воды или молока, на дно котораго опущена золотая или серебряная монета; сходный обычай и у Осетинъ (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Ак. Наук., т. XIV, кн. II, стр. 54). Сопоставленіе формъ Амырга-Могусъ и Темиръ-Могусъ ср. съ сопоставленіями Амурсана и Темирсана въ другихъ сказаніяхъ (напримѣръ, стр. 667).

111. Боролдай ху.

См. „Очерки“, II, а также въ Труд. эксп. въ Зап.-русс. край, II, 204: сказка про Ивана Богатаго. У Радлова (*Prov. IV*, 358) переданъ вариантъ этой сказки Тобольскихъ Татаръ; бѣднякъ называется Саламджа; онъ былъ найденъ въ соломѣ и вскормленъ лисцей. Въ сибирскихъ вариантахъ русскаго сказанія о Соломонѣ онъ выброшенъ матерью въ поле за то, что будучи еще въ утробѣ, упрекалъ мать за распутство; ребенка нашелъ одинъ крестьянинъ въ соломѣ и далъ ему имя Соломонъ. Скотъ и домъ, которыми лисица овладѣваетъ для своего питомца Саламджи, принадлежатъ Джильбегену; въ монгольскихъ—Мангысу, въ русскихъ—Тугарину Змѣвичу. На Кавказѣ вариантъ записанъ у Аварцевъ (Об. свѣд. о кавказск. горцахъ, в. 2, отд. 2, стр. 45); герой сказки называется Букучиханъ; лисья штука продѣлываетъ лисица; вмѣсто Гурбустень-хана монгольскихъ сказокъ и Грома-батьи русскихъ являются „семь царей“. — Въ вар. 6.

У Бодонджара (Алтанъ-Тобчи, стр. 16) шалашъ изъ травы, какъ и у Бороддая (Оч., II, 171)

112. Батырь Чонунъ бель.

Не разказывалось ли въ этой сказкѣ о возвращеніи увезенной жены? Появленіе въ сказкѣ Тончжи Молонь-хана ничѣмъ не вызвано, и въ послѣдующемъ разказѣ онъ не упоминается. Не его ли слѣдуетъ видѣть ниже подъ видомъ старика, вступающаго въ бракъ съ эмеженой Хончжи-харемъ? Бурятское сказаніе ведетъ человѣчество или свое племя отъ Исги Молонь-тэнгри и Бодонъ-хатунъ-иби (см. № 53). Эпизодъ о Санхони-цецекъ ср. съ разказами о богатырѣ, спасаемомъ женщиною изъ ямы при помощи своихъ косъ (сказка „Сѣдэй-мергенъ“ у Радлова, Ргобен, II, 607). Амынь-Цаганъ-Бюрюя самъ Тэнгри-ханъ вытаскиваетъ на небо на цѣпи изъ жилища хана шумусовъ (подземнаго царства? см. стр. 198); раньше Амынь-Цаганъ-Бюрюю попадаетъ въ яму, изъ которой вылѣзаетъ по дереву. По видимому, сказка объ Амынь-Цаганъ-Бюрюю слита изъ двухъ вариантовъ, въ которыхъ эпизодъ о ямѣ разказывался различно. Низверженіе въ яму у Сананъ Сэцэна, стр. 81: Vñke Tschilger копаютъ яму для Чингиса; въ Алтанъ Тобчи, стр. 15: Джингиръ-Бухе. Отравленіе разказывается объ Есугаѣ, отцѣ Чингиса; онъ отравленъ на пиру Дада. Въ кабардинской сказкѣ Пши-Бадиноко подвергается попыткѣ быть отравленнымъ на пиру нартовъ, на которомъ предсѣдательствуетъ князь Дада (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 59). Приѣздъ Пши-Бадиноко замѣчаетъ дѣвица, пошедшая за водой (какъ въ № 112 приближеніе Чонунъ-беля).—О змѣѣ, свернутомъ кольцомъ, см. въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, т. I, в. 1. стр. 36; у Аванас., Поэт. Возр. II, 122, 549, 551; у Тарбагатайскихъ Торгоутовъ существуетъ повѣрье, что вокругъ снѣжной вершины горы Мустагъ въ хребтѣ Сауръ лежитъ, свернувшись кольцомъ, змѣѣ. Въ монгольскихъ сказкахъ вмѣсто ямы иногда стоитъ тамъ, „адъ“. Низверженіе въ яму, въ тамъ, не равносильно ли забрасыванію на (темное ночное) небо? Форму тамъ ср. съ Темиръ въ сложныхъ: Темиръ-казыкъ, „Полярная звѣзда“ и т. п. См. стр. 734 и прим. 37 къ гл. II.

113. Эртэнъ-ерге.

Ср. Аванас., Н. Р. С., в. V, № 21.

117. Тончжи-мергенъ.

Ср. съ сказкой Минусинск. Татаръ о Кѣкъ-ханѣ и Сагу-Моко (Mel asiaticq., t. III, L. 4, p. 382) и сказаніемъ кавказскихъ Карачаевцевъ (въ Кубанской области) о Джалмаусѣ и братѣ ея Кинлы, котораго собаки спасаютъ отъ сестры людоедки (см. прим. къ № 33 вар. а). Въ финской сказкѣ съ сестрой Paganainen'a живетъ любовникъ, который съѣдаетъ Пагалайна, и

но собака послѣдняго съѣдаетъ любовника и оживляетъ хозяина. Въ сойотской сказкѣ (Radloff, Proben, I, 428) собаки Талай-хана (то-есть, морскаго царя) съѣдаютъ Пагай-джуро. Въ № 61 Сартактая (вар. Сартакай) съѣдаютъ котунскія собаки. Формы Пагай, Paḡalainen, Буха ср. съ тунгусскимъ бѣга, „мѣсяць“, и самоѣдск. бого, богто „медвѣдь“, съ окончаніемъ русскаго росомаха, росомака (Владиміровъ, Нѣсколько данныхъ для изуч. сѣв. рус. нарѣчій. Казань, 1878), зырянскаго лольмаха, Gulo borealis. Въ монгольскомъ махачинѣ, „людоѣдь“, въ якутскомъ могуль, „обжора“. Шарь-бухо ср. съ монгольскимъ шарь-мавчинѣ. Формы Джуро, Шарь, Сарь ср. съ самоѣдскими jiru, jirie, ire, äge, irea, irgi, ega, „мѣсяць“ (Castren, Wörtervergez. a. d. Samoied. Spr., S. 252) и съ монголо-урянкайскимъ ирей, „медвѣдь“. Такай ср. съ алтайскимъ текенъ, росомаха, съ окончаніемъ бурятскаго бартахи, „медвѣдь“; сложное Сартакай ср. также съ формами Така-джа-ранъ, Джеренъ-шешенъ и пр. (Зап. Археолог. Общ., XIV, 166; Radloff, Prob., I, 197 и IV, 201), и съ монголоторьскими формами картага, харцига, карцига, „ястребъ“; въ сказкахъ Минусинск. Татаръ богатырь Ала-картага („пестрый ястребъ“) убиваетъ Джедай-хана и связываетъ его семь собакъ (Mel. asiatiq., t. III, l. 4, p. 415); окончаніе цига, чига ср. съ цаганъ; въ хошунѣ Таджи-Урянхай на вопросъ: какой кости? одинъ Монголь отвѣтилъ мнѣ: харпаган ястай. Хар ср. съ бурятск. харъ, „мѣсяць“, цаганъ съ чаганъ, у Чернев. Татаръ „звѣзда“. Въ южнорусской сказкѣ Марко-Богатаго разрываютъ зятевы собаки (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, 341).

124. Сенге-хунъ-тайджи.

Ундуръ по монгол. „высокій“; такъ это слово и слѣдуетъ, можетъ быть, понимать въ нѣкоторыхъ сложныхъ названіяхъ горъ, какъ напримѣръ, Ундуръ или Индырь-Хайрханъ (Оч., II, 364), Ундюръ-Сыххылынъ (см. выше стр. 805). Въ другихъ случаяхъ нужно, кажется, искать для этой формы другаго значенія. У Туркменъ есть родъ Баж-индырь (Вамберн, Путеш. по средн. Азій). Въ тунгусскомъ эндуръ, „богъ“, а также „духъ“ (Брылкинъ, въ Путеш. по Усури г. Маака, I, 14). Звѣринныя имена: хундуръ, „бобръ“, у Чувашъ; ундуръ, idem, у горныхъ Черемисъ; вандеръ у Остяковъ средняго теченія Оби, вантѣръ у Назимовскихъ Остяковъ (запис. И. С. Поляковымъ), wondog у Вогуличей (Pall., Zoogr., I, 77); gonter, „выдра“, у Остяковъ въ Самаровѣ; indrau, „летучая мышь“ у Мордвы-Мокши; гондырь, „медвѣдь“, у Вотьяковъ; hidris, ydrîe, ydrif или андріонъ, ихневмонъ въ древнихъ bestiаріяхъ (онъ закапывается въ рѣчной илѣ, даетъ себя проглотить крокодилу, прокусываетъ ему желудокъ и кишки и тѣмъ его убиваетъ). Въ азбуковникѣ, напечат. Сахаровымъ: „индрія звѣрь есть водный“; г. В. Миллеръ сблизилъ это повѣрье съ повѣрьями о мамонтѣ (Древн., V, стр. 6). Позднѣе г. Поляковымъ найдено областное въ Воронежск. губ.: индеръ, „мамонтъ“ (Зап. Ак. Н., т. XXXVII, кн. I, 1888, стр. 18). Въ нѣмецкой загадкѣ крогъ и лягушка названы: uedrioan un adrioan (Wolf, Zeitschr.

f. Deut. Myth., III, 186). Вотяки думаютъ о кротѣ, что если случайно, вмѣсто того, чтобы прокопаться подъ дорогой, онъ выйдетъ на нее и увидитъ свѣтъ Божій, то долженъ умереть. То же самое Русскіе въ Сибири разказываютъ о мамонтѣ, вышедшемъ изъ яру на дневную поверхность. Въ нашихъ былинахъ: Бѣлоандрихъ, Ондрионице, Андронице (Рыбн., II, 238); послѣдній ставится вмѣсто Пилигримище. Въ загадкахъ: 1) *макъ*: Андронъ Андроновичъ сквозь землю проходилъ, огонь выносилъ (Садовниковъ, З. Р. Н., № 816); Дрень Дреновичъ, Иванъ Ивановичъ, сквозь землю прошелъ, на головѣ огонь пронесъ (ibid., № 816, а); 2) *свѣтецъ*: Дронъ Дроновичъ, сквозь огня прохаживалъ, огонь на головѣ вынашивалъ (ibid., 198). Въ вотяцкой загадкѣ свѣтецъ загадывается также Андреемъ (Б. Гавриловъ, Произв. нар. слов. у Вотяковъ, стр. 114, № 30). Въ числѣ областныхъ названій растений имя Андреева трава, Андреевъ крестъ прилагается къ вероникѣ, которая имѣетъ другія имена: Егорьево копые, Змѣева трава, амѣнный укусъ; послѣднее имя намекаетъ, вѣроятно, на легенду о травѣ, созданной Богомъ для лѣченія отъ болѣзней и обкушенной дьяволомъ (ср. у Анненкова, Бот. сл. подъ именемъ *Scabiosa Succisa*). Имя Андрихъ встрѣчается въ лѣтописяхъ; въ Никоновской подъ 1004 г.: „Андриха Добрянкова храбраго отравою окориша свои его слуги“ (Квашнинъ-Самаринъ, въ ст. „Русск. быliny“, въ журн. „Бесѣда“, 1871, май, стр. 229). Въ апокрифическихъ сказаніяхъ апостолъ Андрей совершаетъ поѣздку къ челоуѣоидцамъ для освобожденія изъ тюрьмы апостола Матея; темницу сторожатъ семь стражей; Андрей ѣдетъ туда на кораблѣ, которымъ править Господь съ двумя ангелами. Въ другихъ сказаніяхъ Андрей странствуетъ къ Хазаренамъ, въ городъ Мирмидонъ (Васильевскій, Хожд. ап. Андрея, въ Ж. М. Н. Пр., 1877, янв., 59—69). Ср. надпись *сiv. quod matthoea* на картѣ братьевъ Пицигани 1367 года, помѣщенную на *terra incognita* къ в. отъ Волги; подъ городомъ представлено дерево, изъ-подъ корней котораго струится источникъ (животворной воды?) подлѣ надпись: *arboго do q... ag (u)a ex...t*. Такое же дерево изображено и на картѣ Герберштейна близъ загадочнаго озера *Kithau*, изъ котораго будто бы вытекаетъ рѣка Обь. Снимокъ съ этой карты помѣщенъ у Миддендорфа (*Reise*, V. IV, Th. 1, s. 31). Вода жизни у корней Золотой березы встрѣчается въ сказкахъ Минусинск. Татаръ (*Mel. asiaticq.*, t. III, l. 4, p. 418).

126. Дзюникъ-бо.

Лопарскій богатырь Лаврукаджъ былъ вожакомъ Русскихъ въ ихъ набѣгахъ на Лопь и всегда губилъ ихъ своею ловкостью; Русскіе упоминаются въ числѣ семи лодокъ. Однажды онъ отчалилъ со всѣми семью лодками, оставивъ Русскихъ на островѣ безъ запаса, и они умерли отъ голода; въ другой разъ онъ связалъ всѣ семь лодокъ вмѣстѣ, велѣлъ Русскимъ лечь лицомъ ко дну, направилъ ихъ внизъ по р. Потсіоки къ находящемуся на ней водопаду, самъ выскочилъ на береговой камень, а Русскіе погибли въ

водопадъ (Этн. Сборн., IV, 225). Ср. разказъ въ былинѣ о гибели Олега на мосту въ Овручѣ, въ лѣтописи Вручей; шестой порогъ на Двѣрпѣ у Константина Порфиророднаго называется Леанти или Веручи. Карельскій разказъ о порогѣ Юмѣ на р. Кеми см. въ Древн. и Нов. Россіи, 1880 г., февр., въ ст. Камкина: „Архангел. Карелы“, стр. 294—295. Число семь съ именемъ Русскихъ связываетъ и Димешки (Соловьевъ, Ист. Росс., т. I, стр. 348, прим. 150), разказывающій о семи островахъ на Черномъ морѣ, на которыхъ жили Руссы-разбойники. Ср. съ сложнымъ Еди-Урусъ, которое возстановляетъ г. Березинъ въ текстѣ Рашидъ-Эддина (Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, 270), и которое можно перевести „семь Русскихъ“; разбойничій характеръ приписывается Б. Медвѣдицѣ. Въ Лѣтоп. русск. лит., изд. Тихомировымъ, IV, стр. 86, приведенъ отрывокъ о семи женахъ, исходящихъ отъ моря; г. Некрасовъ сближаетъ ихъ съ русалками. Г. Гаревы (въ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XII, въ ст. „О происхожд. нѣкот. геогр. назв. на Тавр. полуостр.“) указываетъ на мѣсто въ Александриадѣ, написанной поэтомъ Низами, въ которомъ разказывается о нашествіи на Абхазію, сдѣланномъ въ ночное время Руссомъ, жаднымъ до битвъ, *le Russe avide de combats*, изъ страны Геркъ и Аланъ, у Ердмана Аланъ-керкъ. То же парное упоминаетъ Катмеръ (*Histoire des Mongoles*, t. I, p. 71); имя португальскаго города *Alangner*, по увѣренію португальскихъ историковъ, образовалось изъ *Alanckerkana*, что будто бы означало „церковь Алановъ“. Въ другомъ мѣстѣ поэмы Низами о Кинталѣ, вождѣ Русскихъ, сказано: *Quintal leva une armée dans les sept provinces dépendantes de la Russie* (буквально: *les 7 Russes*); см. Дорнъ, Каспій, стр. 501. Кинтала Низаміевой поэмы Дорнъ сближаетъ съ Бандавломъ Александриады, переведенной Шпигелемъ (*ibid.*, стр. L). О сближеніи именъ Кандава и Геркулеса см. Benfey, *Orient und Occident*, t. II, s. 17. Сложное Геркъ-Аланъ ср. съ монгольск. джиргаланъ, „счастье“, „блаженство“, а также „маревъ“, и съ крымско-татарск. кыргъ-аланъ, „плутъ“ (Копенъ, Крымск. Сборн., 1837, стр. 312). Окончаніемъ своимъ джиргаланъ сходно съ названіями нѣкоторыхъ звѣрей, какъ напримѣръ арсланъ, кашпанъ и др.; начало ср. съ монг. джирхе или джирихъ, бурундукъ, торгоутск. хув-джиргы, летяга, урянх. джеркашъ, летуч. мышъ, татарск. черкасъ, бурундукъ и джерванатъ, летучая мышъ, а также съ остяцкимъ жүгехъ, волкъ, самоѣдск. уѣркъ, медвѣдь, юрацк. ворга, медвѣдь, манджурск. ярха, барсъ и ходзенск. ѣрга, барсъ. Въ аварскомъ на Кавказѣ летучая мышъ назыв. гергел или дергел (Азб. авар. яз., Услара).

127. Галданъ-бошко и Побей-Хотунъ батырь-бели.

Истребленіе непріятелей орудіемъ, повертываемымъ въ ругѣ, ср. съ разказомъ о кievскомъ богатырѣ Чоботкѣ, поражавшемъ Татаръ чоботомъ. Чоботомъ сближался съ Ильей Муромцемъ (ср. съ Збуть въ имени сына Ильи: Борисъ Збуть Королевичъ). Выколупываніе драгоцѣнности изъ Гомбугура ср. съ сурожскою легендой о Русскомъ князѣ Бравиннѣ (ср. Муров-

линъ вм. Муромецъ у Лассоты). Збутъ ср. съ крымско-татарскимъ чуфуть, чумуть, „еврей“; сл. съ примѣч. къ № 181 (съ мѣстомъ о Збутъ-королевичѣ и Жидовинѣ). Хабуту есть прозвище Хасара, брата Чингисъ-хана въ Алтанъ-Тобчи.

129. Бохолъ и Борзой.

Сидѣнье въ ямѣ ср. съ охотой на змѣя посредствомъ засады въ ямѣ (Буслаевъ, Ист. Оч., I, 274).

131. Ульберге.

Ср. съ сказкой Минусинскихъ Татаръ о мальчикѣ, поймавшемъ бѣлаго волка, который потомъ оказывается Бѣрѣ-ханомъ (Mel. asiat., t. III, l 4, p. 392). Бичагъ (то-есть, ножъ, за которымъ ѣдетъ богатырь) ср. съ башкирскимъ башагъ, „наконечникъ стрѣлы“ (сообщ. г. Малаховъ).

132. Эртене-мергенъ.

Ср. южно-русскую сказку въ Труд. эксп. въ зап. русск. край, II, 15: Оврамъ по совѣту сына идетъ къ его отцу, солнцу, и получаетъ „яйце-бильце“, отъ котораго происходитъ множество скота. Въ сказкѣ Минусинскихъ Татаръ Агое (Этн. Сборн., IV, 86—94. У Шифнера *Melanges asiat.*, t. III, l. 4, стр. 377, вм. Агое стоитъ Агай, что онъ переводитъ „бѣлый мѣсяцъ“; въ Этногр. же Сборникѣ Агое переведено: „бѣлый лунь“) богатырь ѣдетъ къ Соръ-кану (Сорджи?); въ пути ему встрѣчается море необъѣдное и два богатыря, между которыми нужно проѣхать, не глядя на нихъ (они соответствуютъ, по видимому, толкучимъ горамъ въ поѣздкахъ другихъ богатырей). У Соркана двѣ дочери: Алтынъ-арахъ и Кышын-арахъ (ср. въ № 131, съ двумя красавицами Пѣри-хана, которыя, вѣроятно, были его дочери); Сорканъ отдаетъ дочь свою Алтынъ-арахъ за Агое (въ книжныхъ сказаніяхъ о Чингисъ-ханѣ упоминается человекъ изъ племени Суддесъ по имени Сурганъ-Шира [Раш. Эдд. въ Зап. Археолог. общ., XIV, 68] или Сорханъ-Шира [Тр. Пек. дух. мисс., IV, 43] или Торганъ-Шара [Алт. Тобчи, II, 12], который не даетъ ему огнива. Не намекъ ли на молнію и мнѣе объ открытіи огня? Одинъ изъ сыновей Сургана называется Джилаунъ [по Рашидъ-Эддину], Чилаоунъ [по Юаньчаомиши], Чилагунъ [по Алтанъ Тобчи]. О Шилаунгунъ или Чулунгунъ см. стр. 744). Имя Галто-бурханъ встрѣчается въ бурятской пѣснѣ о винѣ (см. стр. 212); въ другой строфѣ оно замѣнено именовъ: Чингисъ-ханъ; не было ли это одно изъ именъ Чингисъ-хана или его титулъ? Колду-Бурханъ ср. съ Бурханъ Халдунъ или Бурханъ Галдинъ, именовъ горы, которая часто встрѣчается въ сказаніяхъ о Чингисѣ, (Тимковскій, Путешеств. въ Китай, III, 191; Труды Пекинск. духовн. мисс.,

IV, 50; Зап. Имп. Археологич. Общ., XIV, 92, 144; Schmidt, Geschichte d. Ost-Mongolen, 57); такой горы до сей поры на картах Монголии не значится, но встречаются горы: Халдзунь-Бюргутай, Халдзынь Бургонту (Пржевальский, Монголия, I, 182); холзань, *Aquila chrysaetos*, вѣроятно, съ монгольскаго; бюргуть, орелъ, *Aquila imperialis*. У Алтайцевъ есть поколѣніе Кальджань-ирхыгъ. Поѣздку за Колду-бурханомъ ср. съ халхасскимъ разказомъ о добываніи Амитынь-бурхана. Въ обоихъ дѣло идетъ о добываніи „живаго бога“; отрубаніе пальца живому богу въ урянхайской сказкѣ ср. съ разрубаніемъ живаго бога пополамъ въ монгольской. Монгольское названіе Амитынь, замѣняющее урянхайское Колду, ср. съ формой Амиды-бурханъ, которая какъ бы замѣщаетъ форму Голто въ бурятской пѣснѣ вину (№ 44, e). Между именами халхасскаго хана, ѣдущаго за живымъ богомъ, встрѣчается Алтынъ-Гартай (№ 83, вар. б). Въ № 68 Аюдобисатъ привозитъ невѣсту, дочь Галдунъ-тэнгира, чудесный конь, который потомъ оказывается Бурханомъ-Баеши. Членъ Алтынъ встрѣчается во многихъ сложныхъ именахъ, какъ героическихъ лицъ, такъ и урочищъ въ Монголіи, и постоянно, хотя можетъ быть не всегда умѣстно, переводится „золотой“. Такъ мы знаемъ урочища: Алтынъ-имель (золотое сѣдло), Алтынъ-хухэй (золотая кукушка), Алтынъ-кузэй, Алтынъ-чочей, или выраженія Алтынъ Гургудей (гургудейды—громъ гремитъ на языкѣ крымскихъ Татаръ), Алтынъ-зурге, (см. выше стр. 202), Алтынъ-тельхе (Altan dälakäi у Шотта; Abhandlung. Acad. d. Wissensch. zu Berlin, 1851), Алтынъ мелекей (золотая лягушка) и пр. Въ сказкѣ Минусинскихъ Татаръ (Mel. asiat., III, Üb. Heldensag. d. Minussin. Tatar. v. A. Schiefner, S. 379; Этн. сб., IV, 112) встрѣчаются братья Кулаты и Чалаты; послѣдній всё вещи знаетъ, и къ нему ѣдутъ братья Ай-темусъ и Куй-темусъ узнавать, дѣйствительно ли близокъ конецъ міра; въ тѣхъ же сказкахъ встрѣчается Джалаты-мергенъ, который знаетъ языкъ всѣхъ звѣрей и знаетъ все, что случится (Mel. asiat., III, Schiefner's Die Märchen d. Minus. Tatar., S. 419); Ъвѣ-Чиледу въ Юаньчаомиши (Труд. Пек. дух. мисс., IV), Бокэ-Чиледу у Сананъ-Сэдэна (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongolen), Ежи-гельды въ киргизской сказкѣ о хитромъ ворѣ (Radloff, Proben, III, 332); Канкильды, родъ киргизскій („Очерки“, II, 3); ханъ-чильдыкъ, монгольское названіе одной водяной птицы; бизъ-гельдекъ, киргизское названіе стрепета въ Акмолл. области и куропатки въ Тарбагатаѣ (тѣмъ же именемъ называется и болѣзнъ лихорадка).

У Вотяковъ Кыддышинъ — божество, которое ставится рядомъ съ Иньмаромъ, громовникомъ. Они вмѣстѣ ходятъ по землѣ; Иньмаръ, повидимому, представляется старикомъ, Кыддышинъ — молодымъ; во время общественныхъ жертвоприношеній первый день посвящается Иньмару, второй Кыддышину; если Иньмаръ громовникъ, то не будетъ ли Кыддышинъ соответствовать молніи? Кыддышинъ есть богъ плодородія; онъ ходитъ по межамъ и даетъ урожай нивамъ, слѣдовательно, соответствуетъ мордовской Ангепатай, которая сближается съ зарницей (нѣмою молніей). Сходныя формы

Солтыганъ (см. стр. 70), Султанъ одно изъ трехъ божествъ у Вотяковъ. У Чувашей есть божество Сюдди-тора, по Сбоеву (Исслѣд. о инородц. Каз. губ.) повелитель надзвѣднаго міра; производить отъ чувашскаго сюддыръ, „звѣда“. Слово сульдэ напоминаетъ татарскія формы, служація для обозначенія звѣзды: юлдузь, джуддузь, ылтысь, сытысь и пр. Сл. съ примѣч. 20 къ главѣ III. Бурятскаго онгона Зульгынъ ср. съ манджурскимъ шилтанъ „шаманскій шестъ“ и ылтанъ, „флагъ“; урянхайское призваніе едзень-сульдэ ср. съ Іезимъ-пій, упоминаемымъ въ алтайскомъ призваніи, производимомъ весной, когда цвѣтутъ цвѣты (см. стр. 70). Выраженіе Ирень-юсунъ ср. съ Ерень-Чечень, Джерень-шешень (стр. 362; Radloff, Proben, I, 197). Едзень, шешень ср. съ монгол. еджъ, кирг. шеше, „мать“. Въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ встрѣчается Муджинъ Султу (Зап. Археолог. Общ., XIV, 55) или Мэгуджинъ-султу; не было ли это враждебное существо, которое Чингисъ было поручено усмирить въ родѣ того, какъ Иринъ-Сайнъ усмирять Мангыса (Оч., II, 179). Банзаровъ форму: юсунъ-сульдэ сближаетъ съ знаменемъ Чингисъ-хана; по записанному нами сказанію оно также увозится, какъ и Болду-Бурханъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ старый обладатель его лишается счастья (см. № 74 и примѣч. къ нему). Сабля Кулеме-селиме, сама побивающая народъ (стр. 424), напоминаетъ подобныя же самооблюція орудія другихъ сказокъ, какъ напримѣръ, моны или мына въ № 95. Селиме ср. съ выраженіемъ „Соломоновъ мечъ“, встрѣчающимся въ мусульманскихъ сказаніяхъ (см. Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста о Хазарахъ, стр. 195).

134. Иринъ-Шайнъ-Чичирге.

Ср. съ аварскою сказкою „Медвѣжье ухо“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. 2, стат. „Народн. аварск. сказки“, стр. 16—24). Богатыря посылаютъ привести страшную старуху карть, потомъ змѣя, въ разчетѣ, что онъ въ этихъ поѣздкахъ погибнетъ. Но богатырь привозитъ чудовища, и царь проситъ поскорѣе отослать ихъ на свое мѣсто. Герой прижитъ царскою дочерью съ медвѣдемъ, который унесъ ее въ свою пещеру; мальчикъ, родившійся отъ этого брака, имѣлъ медвѣжьи уши, которыхъ онъ стыдился, и которые пряталъ подъ войлочные чехлы. Узнавъ отъ матери о томъ, что она нѣкогда была оскорблена медвѣдемъ, онъ убиваетъ медвѣда, своего отца, а самъ уходитъ бродить по свѣту и занимается къ одному царю. Имя Иринъ ср. съ урянхайскимъ ирей, „медвѣдъ“. Борьба сына съ отцемъ въ нашихъ сказкахъ разказывается объ Урусланѣ, имя котораго также сближаютъ съ звѣриннымъ именемъ арсланъ, „левъ“; см. прим. 36 къ гл. III. У халхаской сказки объ Иринъ-Сайнѣ („Очерки“, II, 178) съ алтайскою сходныя черты: 1) поѣздка за Карагулой, соответствующая поѣздкѣ за Адгырь-Хара-Мангысомъ, 2) переправа черезъ ядовитыя воды, при чемъ конь повреждается; 3) поѣздка за дѣвицей; въ халхаской онъ ѣдетъ за невѣстой для хана, а не для себя; изъ конца сказки не видно, передалъ ли онъ ее хану: можетъ быть, она дѣлается женою самого богатыря. Сходство есть

и въ дюрбютской сказкѣ (№ 135), въ которой также есть поѣдки за невѣстой и къ Ерлику, при чемъ описаніе поѣдки къ Ерлику повторяетъ алтайскую сказку: задобриваніе стражей глазами, жилами и бабками вм. колевъ; поѣдки за Мангысомъ нѣтъ, но есть разказъ о побойщѣ съ Мангысами. Въ нашихъ былинахъ Илья Муромецъ привозитъ во дворъ къ князю Владимиру Соловья разбойника, который своимъ гнѣиемъ также пугаетъ князя, какъ Канкере-ханъ своимъ камланьемъ пугаетъ Тойбонъ-хана алтайской сказки и Адтырь-Хара-Мангысъ Цаганъ-хана халхасской. Г. Квашнинъ-Самаринъ сближаетъ русскую былинку съ извѣстіемъ Никоновской лѣтописи о томъ, что въ 1008 г. въ Кіевъ привели славнаго разбойника Могута („Бесѣда, за 1871 г., кн. IV, стр. 85). Ср. съ Мангытъ, бурятскою варіаціей имени Мангытъ, изъ которой чрезъ выпаденіе носоваго и могла образоваться форма магытъ. Имя Чичирге ср. съ schaschirgana, „сѣноставка“ на языкѣ Сойотовъ и Бурятъ (Radde, Reise, V. I, S. 229), tatschergana у Палласа (Zoogt., I, 150), сытырганъ, то же животное по алтайски (см. выше стр. 159), dshigugkan, idem у Ламутовъ (Pall., Zoogt., I, 150), цапаре, молодая рысь по холзенски (Маакъ, Путеш. по Уссури, I, 112), а также съ цициргана, „облѣпиха“, ягодный колючій кустарникъ. Въ сѣверной Монголіи встрѣчаются урочища со сходными названіями: Цициргана („Очерки“, I, 303, III, 115), Цицирликъ (I, 137, 240, 287), Цициринъ-голъ (I, 213); названіе Цициргана дается иногда такимъ урочищамъ, гдѣ облѣпихи вовсе нѣтъ и быть не могло при нынѣшнихъ физическихъ условіяхъ тѣхъ урочищъ. Ср. также съ именемъ кавказскаго нарта Сосрыко. Въ осетинской сказкѣ (Вс. Миллеръ, „Осет. Эт.“, I, 33 и 35) Сосрыко достаетъ головную золотую кожу съ Ел-тагана и Муккары. Тойбонъ-хана, у котораго девять зайсановъ, ср. съ Рашидъ-Эддиновымъ Тумена-ханомъ, у котораго девять сыновей (Зап. Археолог. Общ., XIV, 189).

135. Иринъ-Сайнъ.

(Посвящено А. Н. Веселовскому).

Въ нашемъ собраніи имѣется три варианта этого сказанія: два монгольскихъ (изъ нихъ одинъ напечатанъ въ „Очеркахъ“, II, стр. 177, другой печатается здѣсь, и кромѣ того, въ краткой редакціи напечатанъ въ Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., 1880, в. II, стр. 172) и одинъ алтайскій. По показанію ламы Лубсынъ-Очура, уроженца хошуна Сайнъ-нойона, на его роднѣ также поютъ былинку о царскомъ сынѣ Иринъ-Зайнъ-Харынъ-Дунгу. Это сказаніе мы прежде всего сближаемъ съ мистеріей кама, приносящаго жертву Ерлику (см. выше, стр. 64); былинки передаютъ въ эпической формѣ тотъ же сюжетъ, который содержится и въ лицедѣйствіи кама. Какъ камъ, такъ и Иринъ-Сайнъ, въ двухъ вариантахъ—алтайскомъ и дюрбютскомъ, ѣдутъ къ Ерлику, съ разницей только въ дѣлахъ: камъ ѣдетъ возвращать душу, похищенную у человѣка, вслѣдствіе чего тотъ заболѣлъ, Иринъ-

Шайнъ алтайскій ѣдетъ похитить джпракы, винокуренный снарядъ, а Иринъ-Сайнъ монгольскій возвращать на небо души, заточенныя въ аду. Камъ на пути встрѣчаетъ препятствія: ужасную желѣзную гору, море, чрезъ которое приходится ѣхать по мосту изъ волоса, мѣстность, гдѣ сходятся и припадаютъ концы земли и неба (толкучія горы?), страшныхъ собакъ и привратника, которые его не пускаютъ къ Ерлику, не получивъ подачки. Точно также Иринъ-Шайнъ алтайскій и Иринъ-Сайнъ монгольскій встрѣчаютъ неприступныя горы, непроходимыя лѣса и страшныхъ вороновъ и другихъ стражей, которыхъ нужно умилостивлять подачками, или съ которыми нужно сражаться. Эти черты единства усиливаются еще близостью имени богатыря Иринъ къ слову ерень, которое обозначаетъ у Урянхайцевъ и Алтайцевъ онгона, шаманскій плащъ, и по видимому, самого шамана, и къ дархатскому дваренъ или дзайренъ, „шаманъ“. Словомъ, сказаніе эпическими чертами передаетъ о томъ, какъ ерень (то-есть, камъ) спускается въ царство Ерлика съ цѣлью возвратить душу. Эти сказанія, вѣроятно, послужили первымъ матеріаломъ для космографіи дикарей; иногда сказка развиваетъ подробности въ описаніи видѣнныхъ богатыремъ чудесъ въ такой степени, что сказка получаетъ видъ какъ бы вселенскаго путешествія, какъ въ сказкѣ Татаръ, живущихъ на р. Кіѣ, о Таскабатырѣ (Radlof, Proben, II, 700). Не изъ подобныхъ ли сказокъ пошло въ нашу лѣтопись извѣстіе о путешествіи Гюраты Роговича? Въ сказаніяхъ, однако, противъ шаманскаго лицедѣйствія есть новыя черты и надбавки. Въ дюрбютскомъ вариантѣ Иринъ-Сайнъ сначала бьется съ темною силой, Хара-хурмукинномъ, потомъ побиваетъ братьевъ Мангысовъ, опустошившихъ его землю и полонившихъ его народъ и родителей, и потомъ добываетъ себѣ невѣсту, дочь Тотурхай-илгысынъ-хана; только совершивъ эти подвиги, онъ наконецъ отправляется въ Ерликово царство и выводитъ души изъ ада. Въ алтайскомъ вариантѣ развязывается о трехъ поѣздкахъ: къ Кара-гулѣ (которую можно принять за соответствующую эпизоду о Мангысахъ), къ Канкере-хану и къ Ерлику. Поѣздка къ Канкере-хану соответствуетъ поѣздкѣ монгольскаго Иринъ-Сайна къ Тотурхай-Илгысыну, потому что алтайскій герой получаетъ здѣсь свою невѣсту. Въ алтайскомъ вариантѣ отецъ Иринъ-Шайна названъ Улакшинъ; въ этомъ имени можно видѣть Илгысына дюрбютскаго варианта, хотя онъ и занимаетъ другое мѣсто въ сказаніи. Въ монгольскомъ вариантѣ, напечатанномъ во II вып. „Очерковъ“, описываются двѣ поѣздки: одну Иринъ совершаетъ за Мангысомъ: эпизодъ, очень напоминающій поѣздку алтайскаго Иринъ-Шайна за Канкере-ханомъ; и Мангысъ, и Канкере-ханъ, привезенные героемъ, приводятъ хана въ ужасъ, и онъ, подобно нашему Владимиру въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, проситъ богатыря поскорѣе удалить чудовище; въ другую поѣздку онъ привозитъ невѣсту для хана, дочь Ирбисенъ-хана (или Ирбисенъ-хана). Въ этомъ вариантѣ отецъ богатыря называется Эльсынъ-убугунъ, очевидно испорченное или измѣненное Улакшинъ. Улакшинъ по монгольски сука (пса и волка). Къ этимъ сказаніямъ объ Иринъ-Сайнѣ примыкаетъ алтайская сказка о Джерканатѣ, помѣщенная въ этомъ выпускѣ. Это былъ камъ, ко-

торый долженъ былъ по повелѣнію своего хана Джаячи спускаться въ царство Ерлика съ цѣлью возвратитъ душу заболѣвшаго ханскаго сына. Хотя разказчикъ и отрицалъ, что сказка подѣ Джерканатомъ разумѣетъ летучую мышь (джерканатъ—летучая мышь по алтайски), но, вопервыхъ, эпизодъ, вставленный въ сказку, о томъ, какъ Ускузбулъ замедлилъ явиться на ханскій зовъ, занятый считаньемъ (стр. 170), иногда прямо приписывается летучей мышѣ (см. 173 [ср. стр. 176 и 367], а также въ южно-русскомъ вариантѣ; Труд. этн. эксп. въ Зап. русс. край, т. II, стр. 111); вторыхъ, другое алтайское сказаніе о Джерканатѣ (см. стр. 169, вар. а), тоже ходившемъ къ Ерлику по порученію Джаячи-хана и съ тою же цѣлью, прямо говоритъ, что Джерканатъ былъ прежде камѣмъ, но обращенъ въ летучую мышь рассерженнымъ ханомъ. Отожествленіе Джерканата съ Иринь-Сайномъ или съ камомъ, „еренемъ“, отправляющимся по душу къ Ерликъ-хану, ведетъ за собою новое сближеніе. Въ книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается имя Джерке-Лингъ-хумъ (у Рашидъ-Эддина: Джеркэ-Лин-гунъ; Зап. Имп. Археол. Общ., XIV, стр. 183; въ Юаньчаомиши: Чарахай Линху; Труды Пек. дух. мисс., IV, стр. 31). Такъ назывался предокъ народа Тайджіутовъ. У Джеркэ-Лин-гуна по Рашидъ-Эддину было два сына: Кенду-чоно и Улакшинъ-чоно. Появленіе имени Улакшинъ рядомъ съ Джерке, хотя и не въ качествѣ отца, какъ надо было бы ожидать, а въ качествѣ сына, даетъ все-таки поводъ предполагать, что свѣдѣніе о Джерке-Лин-гунѣ зашло въ книги изъ народныхъ сказаній о Джерканатѣ, то-есть, о камѣ, обращенномъ въ летучую мышь. Джерке-лингъ не было ли именемъ летучей мышѣ? Первый членъ этого имени и теперь слышнень въ именахъ летучей мышѣ, какъ напримѣръ, въ татарскомъ джерк-анатъ, въ урянхайскомъ джерк-ашъ; въ монгольскомъ есть слово джиргаланъ или дзиргаланъ; оно означаетъ счастье, а также (какъ мы узнали это у Дюрбюттовъ) „маревѣ“; соединеніе съ этимъ рѣченіемъ понятія о чемъ-то трясущемся одновременно можетъ напоминать и трясущагося шамана и порхающую летучую мышь. На стр. 762 мы привели кавказскія названія летучей мышѣ гергел или дергел, qerqeluv, qirqargen. Въ „Крымск. Сборникѣ“ Кешпена приведено слово кырк-алайъ, которое представляетъ сравнительно съ дзиргаланъ разницу только въ начальномъ звукѣ; крымское слово означаетъ большаго плута, и, можетъ быть, осталось наслѣдіемъ отъ забытой сказки о плутѣ или хитромъ ворѣ, въ именахъ котораго на Востоку иногда легко угадывается имя летучей мышѣ (см. стр. 811). Въ южно-русской сказкѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап. русс. край, № 34), соответствующей монгольской № 2, вар. 4, вмѣсто летучей мышѣ стоитъ „крукъ“.

Записанная нами легенда о Цаганъ-дарихе, распѣваемая Дюрбютами, многими чертами сходится съ сказаніемъ объ Иринь-Сайнѣ. Здѣсь также описывается поѣздка героя Аю въ адъ къ Ерлику, откуда онъ выводитъ грѣшниковъ, подобно Иринь-Сайну дюрбютскаго варианта. Затѣмъ также есть эпизодъ его женитьбы, хотя онъ не ѣдитъ за невѣстой, а она сама къ нему прѣзжаетъ. Отецъ невѣсты называется Гадунъ-Тенгиръ; имя это вто-

рымъ членомъ напоминаетъ Канкере-хана алтайскаго варианта. Сближая эти два сказанія, мы нѣсколько уясняемъ себѣ темное упоминаніе въ алтайскомъ вариантѣ о томъ, что передъ ставкой Канкере-хана стоитъ конь; въ стихѣ о Паганъ-дарихе этотъ конь имѣетъ значеніе. Кромѣ того, въ стихѣ о Паганъ-дарихе опять встрѣчается имя Улакшинъ; только это не отецъ Иринъ-Сайна, какъ въ алтайскомъ и халхасскомъ вариантахъ, а по видимому, дядька невѣсты (а можетъ быть, и отецъ ея; ср. въ дюрбютскомъ съ именемъ отца невѣсты Илгысынъ). Такимъ образомъ связь дюрбютскаго стиха съ алтайскимъ Иринъ-Сайномъ, а также и съ монгольскими, несомнѣнна; это, по нашему мнѣнію, новая редакція эпическаго переложенія камской мистеріи. Этимъ объясняется и появленіе коня и его имя въ сказаніи; конь, на которомъ камъ ѣздитъ въ царство Ерлика, называется Буры или Аргамакъ; конь, на которомъ Аю ѣздитъ въ царство Ерлика, превращается въ Бурханъ-бакши.

Мы можемъ привести еще другую алтайскую сказку, которая обнаруживаетъ еще болѣе отношеній къ нашему стику, именно записанную г. Радловымъ объ Аранъ-Тайджи. Этотъ Аранъ-Тайджи былъ ребенкомъ выкраденъ изъ утробы жены Кокъ-хана (у Иринъ-Сайна въ новомъ монгольскомъ вариантѣ отецъ его Тэнгри-ханъ, то-есть, небо; кокъ въ татарскихъ языкахъ также употребляется въ значеніи небесной лазури); выкралъ его Чиланъ-Монгусъ (чиланъ по татарски змѣя). Подобно тому и Аю на третій день похищенъ Сайнъ-Гальбинъ-Минганъ-бурханомъ; разказчикъ или пѣвецъ въ послѣднихъ двухъ словахъ видѣлъ смыслъ: „тысяча боговъ“ и увѣрялъ меня, что это божество такъ и изображается на буддійскихъ иконахъ въ видѣ множества человѣческихъ фигуръ. Изъ сопоставленія стиха съ сказкой объ Аранъ-Тайджи можно однако заключить, что Минганъ здѣсь явился просто вмѣсто Монгусъ и есть, какъ можно думать, варіація послѣдняго имени. Аранъ-Тайджи былъ пригвожденъ семью гвоздями; Алтынь-Моко, другъ Кокъ-хана, ѣдетъ освобождать его, борется съ Чиланъ-Монгусомъ, но не можетъ одолѣть. Аранъ-Тайджи самъ, подобно Аю, расторгаетъ свои узы и помогаетъ Алтыну-Моко побѣдить Монгуса. Послѣ того Аранъ-Тайджи выходитъ на свѣтъ и спасаетъ Алтына-Моко отъ напавшихъ на него Шоюнъ-Таса и Чельбегеня. Появленіе, хотя и позднее, этихъ двухъ персонажей дополняетъ сходство сказаній; въ стихѣ врагомъ Аю является одинъ человекъ Сайнъ-Гальбинъ-Минганъ; здѣсь изъ одного стало три: Шоюнъ (вмѣсто Сайнъ), Чельбегенъ (вмѣсто Гальбинъ) и Чиланъ-Монгусъ (вмѣсто Минганъ). Связка заканчивается тѣмъ, что Аранъ-Тайджи, слѣдуя указанію Айдангъ-Арыгъ, жены Алтына-Моко, ѣдетъ за невѣстой Очу-Каракшинъ („злая красавица“), у которой семь братьевъ; она уже просватана за Саръ-Алтына, но Аранъ-Тайджи борется съ женихомъ и братьями невѣсты и одолеваетъ ихъ. Имя Алтынь-Моко первымъ членомъ напоминаетъ Галдунъ-Тэнгира дюрбютскаго стиха; впрочемъ мѣста, которыя занимаютъ оба персонажа въ сказаніяхъ, не тѣ же. И такъ, въ дюрбютскомъ стихѣ и въ алтайской сказкѣ объ Аранъ-Тайджи мы находимъ четыре сходныя имени:

Монгусъ и Минганъ, Шоюнъ и Сайнъ, Чельбегень и Гальбинъ, Алтынъ и Галдунъ. Затѣмъ самое имя героя если не тождественно фонетически, за то можетъ быть принято за однозначное. Аю—медвѣдь по татарски (и дюрбютски; Аранъ же есть несомнѣнно только вариация формъ: Иринъ, Ерень и пр., которыя въ свою очередь напоминають монгольское ирей, медвѣдь. Ср. имя высшаго божества у Якутовъ Ай-Юрюнь; здѣсь какъ будто взяты обѣ формы, и изъ сказки, и изъ стиха, то-есть, взяты и Иринъ и Аю, и слиты въ одно парное имя Ай-Юрюнь (Аю-Иринъ?).

Сопоставленіемъ выше приведенныхъ вариантовъ, со включеніемъ въ то число и камской мистеріи, устанавливается на большую монгольскую былинку объ Иринъ-Сайнъ и на стихъ о Цаганъ-Дарихе такой взглядъ, что эти произведенія народнаго творчества не суть заимствованія изъ южно-буддійскихъ сказаній, а возникли самостоятельно на шаманской почвѣ южной Сибири и сѣверной Монголіи. Еслибъ они были принесены извнѣ, то стояли бы особнякомъ отъ остальнаго міра монгольскихъ и татарскихъ миеовъ, не представляли ли бы такой филиальной связи съ другими сказаніями, а также съ обрядами сѣверной Азии, каковая обнаруживается изъ сличенія ихъ, и главное, не допускали бы того анализа, который къ нимъ приложимъ. Общій строй сказанія объясняется изъ представленій сѣверно-азиатскихъ шаманистовъ о причинахъ болѣзней; отдѣльныя черты сказаній совпадаютъ съ представленіями шаманистовъ о царствѣ душъ и съ содержаніемъ камскаго дѣйствія у кровати больного. Собственныя имена, встрѣчающіяся въ сказаніи, какъ мы видѣли, только подтверждаютъ сказанное выше. Основаніемъ сюжета послужила повѣдка кама на своемъ конѣ Буры въ темное царство Ерлика съ цѣлью возвратитъ отъ него похищенную душу. Въ описаніи подобной мистеріи, помѣщенномъ нами выше на стр. 64, камъ устраиваетъ дѣло съ Ерликомъ миролюбиво, посредствомъ задариванія. Но не такъ подобострастенъ и ничтоженъ былъ мнѣнческій шаманъ, о которомъ собраны нами легенды (см. № 64 и прим. къ нему); онъ похищалъ души у Ерлика, избивалъ собакъ, стоящихъ у входа въ его жилище, насмѣхался надъ безсиліемъ и глупостью Ерлика. Аналогично съ этимъ и въ сказаніяхъ объ Иринъ-Сайнъ герою приписывается превосходство надъ темною силой.

У первобытнаго человѣка всѣ темныя явленія обобщались и сливались въ одно мрачное божество; поэтому въ сюжетѣ о смерти являются впутанными черты, заимствованныя отъ представленій о смѣнѣ дня ночью, зимы—лѣтомъ или о затмѣніи свѣтила. Такъ, въ сказаніи о Цаганъ-дарихе можно видѣть черты послѣдняго явленія; Аю, заключенный въ бомбы, это мѣсяць; Сайнъ-гальбинъ-минганъ-бурханъ — это то чудовище, которое, по повѣрью Монголовъ и южно-сибирскихъ Татаръ, сплываетъ мѣсяць. Ср. бурятское сказаніе о чигкуръ-альбинъ (см. № 34, вар. м). Есть еще одна черта, разительна показывающая, что сюжетъ сказанія объ Иринъ-Сайнъ коренится на мѣстной почвѣ; мы разумѣемъ болѣе или менѣе ясно намеки на лицо, которое называется „сыномъ неба“. Въ дюрбютскомъ вариантѣ это имя упоминается въ двухъ мѣстахъ: вопервыхъ, на пиру у Тотурхай-илгысына въ

числѣ пирующихъ богатырей упоминается Темиръ-бось, тэнгрианъ-кумунъ (въ буквальномъ переводѣ: сынъ неба Желѣзная Вошь); вовторыхъ, Тотурхай просить Иринъ-Сайна прежде полученія невѣсты освободить верблюда, скованнаго за ноги за то, что онъ сдѣлалъ какой-то вредъ сыну неба; въ царствѣ же Ерлика Иринъ-Сайнъ находитъ грушника, котораго не можетъ освободить; по-словамъ Ерлика, это былъ человекъ, убившій своихъ отца, мать и учителя (Ср. съ колядкой въ Труд. этн. эксл. въ Зап. русск. край, т. III, стр. 481). Въ алтайскомъ сказаніи о Джерканатѣ (см. стр. 170) эпизодъ о сынѣ неба уже яснѣе; Джерканатъ и Усковъ, спустившись въ царство Ерлика, находятъ тамъ скованнаго Темиръ-боко тэнгрэдимъ улы, то-есть, сына неба Темиръ-боко; они освобождаютъ его. Этотъ Темиръ-боко хотя и является тутъ лицомъ отдѣльнымъ отъ ханскаго сына, за душой котораго камы спустились подъ землю, но не окажется ли въ послѣдствіи, при накопленіи матеріала этого рода, что въ первоначальной редакціи это было одно лицо, и оно-то и было цѣлью поѣдки камовъ. Это можно предполагать изъ того, вопервыхъ, что появленіе Темиръ-боко ходомъ сказанія не вызвано, вовторыхъ, прованіе тэнгрэдимъ-улы, сынъ неба, легко приложимо и къ имени ханскаго сына. Ханъ въ сказкѣ о Джерканатѣ называется Джаячи; по повѣрью Алтайцевъ, Джаячи-ханъ или Ячи-ханъ есть творецъ дѣтей; очевидно, это творецъ земли и всякой жизни на ней, сливающийся съ понятіемъ о громовникѣ, который по монгольски называется Тэнгри-ханъ; поэтому сынъ Джаячи-хана можетъ быть названъ и сыномъ Тэнгри, то-есть, неба. Въ алтайскихъ легендахъ о сынѣ неба также эти имена сходятся: самъ сынъ неба называется Джаячъ, что едва ли не есть только варіація имени Джаячи. Вѣроятно, въ первоначальной редакціи сказки о Джерканатѣ говорилось, что этотъ камъ спускался къ Ерлику по душу сына Джаячи-хана (онъ же Тэнгри-ханъ?), по имени Темиръ-боко. Въ монгольскомъ вариантѣ остался только легкій слѣдъ этой темы въ эпизодѣ о скованномъ верблюдѣ, о которомъ говорится, что онъ сдѣлалъ что-то вредное сыну неба; вѣроятно, это былъ самъ сынъ неба, и верблюдъ явился потому, что монгольское имя этого животнаго темень напоминало имя сына неба Темиръ; въ другомъ мѣстѣ той же дюрбютской былинны сохранено одно имя сына неба въ измѣненной формѣ Темиръ-бось, не обрисованное ни какою эпическою чертой. Это могло такъ случиться: дюрбютское сказаніе объ Иринъ-Сайнѣ слагалось изъ многихъ вариантовъ, въ числѣ которыхъ были такіе, которые изображали его, подобно Джерканату, освободителемъ сына неба Темиръ-боко или Темиръ-боса, и такіе, которые посылали его добыть себѣ или хану невѣсту. Дюрбютскій вариантъ преимущественно держался послѣдней редакціи, но вклеилъ и черты изъ первой въ видѣ побочныхъ обстоятельствъ; такъ какъ мѣсто Темиръ-боко во второй редакціи занято невѣстой, то эта редакція должна была отодвинуть Темиръ-боко въ сторону, что она и сдѣлала, представивъ его гостемъ-богатыремъ. Легенды о сынѣ неба коренятся въ мифологіи сѣверной Азіи и находятся въ связи съ повѣрьями сѣверной Сибири о медвѣдѣ. Вогуличи, Айны (Добротворскій, „Аинскій Словарь“ въ Изв. и

Уч. Зап. Каз. Унив., 1875, № 2, стр. 41), Остяки считают его сыномъ неба; по мнѣнію Остяковъ, медвѣдь отпущенъ Туромомъ (небомъ), его отцемъ, на землю затѣмъ, чтобъ онъ „вѣдь бы не нравихъ и злыхъ людей, былъ бы на землѣ представителемъ справедливости“ (Поляковъ, Письма о путеш. въ долину р. Оби, С.-Пб., 1877, стр. 62). Этимъ, можетъ быть, объясняется, почему страстотерпецъ въ стихѣ о Цаганъ-дарихе называется Аю, то-есть, медвѣдь. Въ якутской сказкѣ (стр. 646) Арѣндахъ-Бурѣндахъ освобождаетъ заключеннаго въ подземелье медвѣдя, который называется Ага-Огусъ, то-есть Отецъ-быкъ.

Относительно частныхъ въ былинѣ объ Иринъ-Сайнѣ замѣтимъ слѣдующее:

Иринъ-Сайнъ родится съ кровавымъ пятномъ на руцѣ; подобное говорится и о Чингисъ-ханѣ: онъ родится съ комкомъ крови въ руцѣ. Замѣчательно начало сказанія о св. Георгіѣ, изъ англійскаго сборника Перси, приведенное г. Веселовскимъ въ его статьѣ: „Разысканія въ области русск. дух. стиховъ“ въ Зап. Имп. Ак. Н., т. XXXVII, кн. 1, стр. 113: Мать св. Георгія видитъ во снѣ, что она зачала дракона; спросили о томъ Kalub, the wise lady of the woods. Мальчика вырѣзали изъ утробы матери, пожертвовавъ въ пользу ребенка жизнью ея: на груди у ребенка былъ образъ дракона, на правой руцѣ крестъ цвѣта крови, на лѣвой ногѣ золотая лъвявка. Нѣсколько дней послѣ рожденія волшебница Kalub похищаетъ ребенка и воспитываетъ до 14-лѣтняго возраста, добываясь его любви. Но Георгій ея же чарами заключаетъ ее въ скалу, освобождая другихъ подвижниковъ. Св. Георгій называется у Русскихъ: Егорій и Юрій, въ былинахъ Егорій Храбрый; у Болгаръ Гергъ; у Чуди Угѣала; у Казанск. Татаръ Джагурджа; у Осетинъ Уастырджи, Уастырги, Уаскерги. У сѣверо-кавказскихъ Татаръ-горцевъ (общ. Урусбій, Малваръ и др.) есть „гяурге - кунъ“ (день Георгія?).

Невѣста Иринъ-Сайна называется Зандынъ-Толи; второй членъ по монгольской значить зеркало, а также круглая бляха, нашиваемая на шаманскій плащъ. См. прим. 25 къ гл. II. Иринъ-Сайнъ, по дюрботскому сказанію, сынъ неба, Тенгри-хана; онъ одинъ изъ трехъ братьевъ; два другіе носятъ названія Китынъ-Зеби и Китынъ-Арсланъ. Иринъ-Сайнъ по недоразумѣнію бьется съ своимъ братомъ Арсланомъ, который подъ видомъ волка стережетъ предѣлы какого-то царства; этотъ эпизодъ напоминаетъ богатыря Ивашку Бѣлую Поляницу въ сказкѣ объ Урусланѣ Залазаревичѣ (напечатанной въ Лѣт. русск. лѣт., Тихонравова, IV, стр. 100). Вообще въ этой сказкѣ много сходныхъ чертъ съ дюрботскою былинной, а именно:

1) Эпизодъ о Ивашкѣ, конюхѣ отца Урусланова, Залозаря, который па-сетъ тридцать лѣтъ табуны его и пригоняетъ ихъ; впереди бѣжитъ къ водоему вѣщій Арашъ. Подобно тому пастухъ Акъ-сахаль Адучи ловить для Иринъ-Сайна коня Хангилъ-Таши-морина.

2) Урусланъ, возвращаясь изъ первой поѣздки на родину, находитъ

Кирюусово царство пустынь; оно опустошено Данилой Бѣлымъ; царь и отецъ Уруслана уведены въ плѣнъ. Иринъ-Сайнъ, совершивъ поѣздку противъ Хара-Хурмукина, возвращается домой; земля его опустошена, отецъ, мать и весь народъ уведены въ плѣнъ братьями Мангысами; Мангысъ въ монгольскихъ сказкахъ является на мѣстѣ нашего многоголоватаго змѣя или Тугарина-амбевича; ср. прозвище Даниила Бѣлымъ съ прозвищемъ Тугарина Бѣловичемъ („Пѣсни“ Кирѣевскаго, IV, № 3, стр. 57).

3) Урусланъ идетъ освобождать отца и царя; онъ входитъ въ городъ плѣшій, „никто его не позна за простаго человѣка мѣсто“. Точно также и Иринъ-Сайнъ является къ Мангысамъ въ обращенномъ, а не въ богатырскомъ видѣ.

4) Мечъ, которымъ можно убить Зеленаго царя, лежитъ подъ головой богатыря. Къ этому эпизоду можно приравнять въ дюрбютской былинѣ разказъ о смерти Мангыса, для отысканія которой Иринъ-Сайнъ долженъ предпринять отдаленную поѣздку. Возвратившись въ свой опустошенный нутекъ Иринъ-Сайнъ находитъ подъ тулою (очагомъ; ср. тологой, голова) записку, изъ которой узнаеть, гдѣ найти доспѣхи и оружіе. Этотъ эпизодъ напоминаетъ въ сказкѣ объ Урусланѣ мѣсто, какъ онъ находитъ мечъ подъ богатырскою головою. См. интересную замѣтку г. Безсонова о братьяхъ Агрикановыхъ и о мечѣ Агрикановомъ (Тэнгрикановомъ или Тегрикановомъ?) въ Пѣсняхъ Рыбникова, ч. II, стр. XXVI. Извлеченіе воткнутаго глубоко меча встрѣчается также въ записанномъ нами ингушскомъ вариантѣ сказки о сынѣ медвѣда (стр. 782) и въ № 181, стр. 615.

6) Князь Иванъ спрашиваетъ свою жену, а потомъ и самъ Урусланъ спрашиваетъ у дѣвицъ, которымъ нашель въ полѣ, есть ли богатырь его удаче. Подобный вопросъ задаетъ Хара-Хурмукинъ своей женѣ.

7) Эпизоду о богатырѣ Ивашѣ Бѣлой Поляницѣ, который семь лѣтъ стережетъ крайину царства Индѣйскаго, и съ которымъ Урусланъ вступаетъ въ бой, соотвѣтствуетъ борьба Иринъ-Сайна съ Арсланомъ. Исходъ боя въ дюрбютской былинѣ другой: Урусланъ убиваетъ Ивашку, а Иринъ-Сайнъ кончаетъ примиреніемъ и признаніемъ во врагѣ своего брата; какъ будто въ русской редакціи разказъ раздвоился, и конецъ дружелюбнаго окончанія и побратимства перенесанъ на другое лицо, на Иванъ-князя, которому Урусланъ помогаетъ жениться на дочери Θεодуль-змѣя, изгнющаго пламенное копье, огненный щитъ. Г. Стасовъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы, сближаетъ Θεодула съ Джедай-ханомъ сказокъ Абаганскихъ Татаръ; Канакъ Калешъ находитъ своего роднаго брата Ай-Долея среди изгнутаго воинства и ѣдетъ добывать для него невѣсту, дочь Джедай-хана. Имя дочери Θεодула змѣя—Кондурія; ср. гондырь, медвѣдъ по волтацки. Въ дюрбютской былинѣ Арсланъ если не помогаетъ, то даетъ совѣтъ Иринъ-Сайну, какъ съ успѣхомъ совершить поѣздку за невѣстой; мненскій характеръ Θεодуль-змѣя можно усматривать въ именахъ отца невѣсты другихъ монгольскихъ и алтайскихъ вариантовъ—въ Галдунъ-Тентирѣ и Канкере-ханѣ. Въ сказкѣ объ Иванѣ бѣломъ (Лѣт. русск. лит., V, 8), которая на половину

есть одинъ изъ эпизодовъ сказки объ Урусланѣ, Иванъ Бѣлый является какъ и Арсланъ, роднымъ, а не „названнымъ“ братомъ безыменному герою, соответствующему Уруслану. Иванъ Бѣлый соответствуетъ одновременно и князю Ивану (для него безыменный герой, какъ Урусланъ для князя Ивана, добываетъ невѣсту), и Ивану Бѣлой Поляницѣ (безыменный герой находитъ его также спящимъ, какъ и Урусланъ Поляницу). Сказка кончается тѣмъ, что герой ея, женивъ брата князя Ивана, и самъ добываетъ себѣ невѣсту Семикрасу. Ср. съ Араномъ-Тайджи, который, освободивъ Алтынъ-Моко, добываетъ себѣ невѣсту Очу-каравшинъ, имѣющую семь братьевъ.

Эти сходныя черты русскихъ сказокъ объ Урусланѣ и Иванѣ Бѣломъ съ сѣверноазиатскими наводятъ на мысль о единствѣ источника, изъ котораго тѣ и другія происходятъ. Какъ объяснить это сходство? Тѣмъ ли, что наши предки, живя на востокѣ въ Средней Азій, могли имѣть общую миеологию съ остальными племенами той первоначальной родины, и уходя на новыя мѣста, унесли съ собою сѣверносибирскія повѣрья и сказанія, или тѣмъ, что они, придя въ южную Россію, нашли тутъ вѣрованія и сказанія, сохранившіяся въ странѣ отъ ея самыхъ раннихъ насельниковъ, которые могли быть пришельцами изъ сѣверной Азій; подобно своимъ предшественникамъ, Готамъ и другимъ Арійцамъ, и Славяне, смѣшиваясь съ остатками отъ прежнихъ обитателей страны, многое могли отъ нихъ усвоить и такое нѣчто, что этими послѣдними въ свою очередь было унаслѣдовано отъ еще болѣе древнихъ, и можетъ быть, самыхъ раннихъ обитателей. Въ сказкѣ объ Урусланѣ есть однако черты, указывающія на позднѣйшее заимствованіе съ востока. Мы разумѣемъ мѣсто о птицахъ-хохотуняхъ. Чтобы достигъ до царства Зеленаго царя, Урусланъ долженъ былъ добыть птицу-хохотуня; пріѣхавъ онъ съ этою цѣлью на указанное мѣсто; „ажно летить великое стадо птицъ-хохотуней да учили около дуба садитися кругомъ; посидѣвъ немного да сошли на землю да учили изметоватися красными дѣвницами“. Ясно, что эти хохотуни тѣ дѣвы-лебеди, о которыхъ говорится, какъ въ нашихъ западныхъ сказкахъ, такъ и въ восточныхъ; въ алтайскихъ и сибирско-татарскихъ сказкахъ эти дѣвы называются ку-катынь отъ словъ ку, „лебедь“, и катынь, „жена“, почему г. Радловъ въ своихъ Proben и переводитъ ихъ вездѣ Schwanfrau. Эти-то ку-катынь и явились въ русской сказкѣ подъ именемъ хохотуней. На языкѣ монгольскихъ сказокъ мнѣ не встрѣтилось термина, соответствующаго лебеди-дѣвѣ, хотя этотъ мнѣшескій образъ въ нихъ и есть; тѣмъ не менѣе въ монгольскихъ сказаніяхъ встрѣчается имя Хонгъ-хотанъ; это имя одного поколѣнія (теперь такого поколѣнія въ сѣверной Монголіи, по видимому, нѣтъ); Мунлигъ или Минглигъ современникъ Чингисъ-хана, едва ли не изъ миеологіи попавшій въ исторію и имѣвшій семь сыновей, считался родомъ изъ племени Хонгъ-хотанъ (Рашидъ-Эдинъ, Зап. Имп. Археолог. Общ., XIV, стр. 158); эти семь сыновей Мунлига у Сананъ Сэцэна названы Долонъ-хонгхотанъ, то есть, „семь хонгхотановъ“. Число семь напоминаетъ созвѣдіе Большую Медвѣдицу, семь

звѣздъ которой, кажется, фигурируютъ въ сѣверно-азиатской мѣологіи подъ видомъ семи лебедей. Въмѣсто семи небесныхъ дѣвъ, представленныхъ въ видѣ кукуловъ на воротникѣ плаща у алтайскаго шамана (стр. 51), на нагрудникахъ тунгусскихъ шамановъ, изображенныхъ у насъ въ табл. XXVI, находится изображеніе семи лебедей изъ желѣза. Самое имя Хонгхотанъ можно принять за парную тавтологію изъ однозначущихъ членовъ: хонгъ, „лебедь“ по монгольски, хотанъ, „лебедь“ по остячки. Ср. съ тунгусскимъ названіемъ бубна хунтуунъ, а также съ алтайско-урянхайскимъ хамъ-хатынъ или камъ-хатынъ, шаманка. Въ куманскомъ словарѣ камъ-хатынъ переведено: *incantatrix*, „вѣдьма“, что нѣсколько отдалается отъ алтайско-урянхайскаго значенія. Нами на Кавказѣ записаны отъ Ингуша слѣдующія показанія о ингушскихъ повѣрьяхъ: женщина-чертъ называется „гамъ“; она можетъ сдѣлаться кошкой; когда она на кого-нибудь злится, у того коровы перестаютъ доиться, скотъ тощаетъ, словомъ, гамъ жить тому на свѣтѣ не даетъ. „Гамъ“ или „гамъ-сесукъ“ (сесукъ-женщина, то же, что татарск. катынъ) по ночамъ выдаетъ коровъ.—Въ сказкѣ объ Урусланѣ враждебныя силы носятъ названія Бѣлый Данила и Зеленый царь; въ Монголіи встрѣчаются формы съ эпитетами цаганъ, „бѣлый“ (Цаганъ-ханъ, Цаганъ-дарихе, Цаганъ-убугунъ) и ногонъ, „зеленый“ (Ногонъ-дарихе). Урусланъ ѣдетъ за желчью зеленого царя (по монгольски было бы Ногонъ-ханъ); въ монгольскихъ сказкахъ герой ѣдитъ за сердцемъ и печенью (стр. 71) Мангыса, то есть змѣя; ср. съ именами змѣи: татарск. джыланъ, чуваш. сгулянъ (ср. Зилантъ въ собственныхъ именахъ урочищъ въ Поволжьѣ), монгольск. могой или могай. Въ нашихъ сказкахъ и книжныхъ сказаніяхъ встрѣчается мѣиическая птица, которая называется Могуль, Нугай, Ногъ, Науй, Черногарь; г. Веселовскійближаетъ ее съ литовскою сказочною птицею *wanagas*, латышск. *wanags*, нѣмецко-прусск. *gerthoпах*: *пах* вм. *wanags*, а также съ сербскимъ названіемъ страуса, ной. По своимъ качествамъ и роли въ сказкахъ эта птица соответствуетъ монгольскому мѣиическому змѣю Мангысу или Ханъ-Гариде. Къ имени Мангысъ очень часто прибавляется эпитетъ хара, черный. Въ дюрбютской былинѣ объ Иринѣ-Сайнѣ Мангысъ является похитителемъ его отца и матери; въ сказкахъ кавказскихъ горцевъ Ногой обыкновенно является похитителемъ дѣвицъ или женъ (см. Семеновъ, Сказки и легенды Чеченцевъ, Владикавказъ, 1882, стр. 12). Мангысъ иногда является въ видѣ птицы и носить на себѣ героя сказки по воздуху (№ 116). Образованіе формъ Могуль, Нугай, Науй и ной гораздо проще объясняется искаженіями формы мангысъ, тѣмъ предположеніемъ, что изъ названія страуса ной могли образоваться Могуль и Черногарь. Имя Мангысъ является иногда именемъ поколѣній (см. стр. 11); поэтому имя Монголь можно принять за вариацию съ другимъ окончаніемъ; чрезъ опущеніе носоваго и получается форма могол, близкая къ Могуль; форма ногой близка къ монгольскому могай, „змѣя“, которое по значенію близко къ Мангысъ; Мангысъ въ сказкахъ иногда теряетъ носовое *n* и замѣняется формой могусъ (см. стр. 378); въ якутскомъ могусъ, „обжора“ и „баснословное чудовище“ (рукоп. списокъ якут. слов., сост. г. Евг. Борисовымъ). Замѣ-

чительно, что Большая Медвѣдница у двухъ сосѣднихъ народовъ, живущихъ на Оби, называется Нѣхъ и Пенкъ (стр. 712). Образование формы Ноой и Ной изъ Ногой встрѣчается въ именахъ алтайскихъ поколѣній (см. стр. 2). Кромѣ эпитета „хара“, Мангысу придавался, по видимому, другой: сары, „желтый“; по крайней мѣрѣ въ „Грамматикѣ алтайскаго языка“ есть форма сарымангысъ, „саранча“ (стр. 101). Переходъ монгольскаго мангысъ въ алтайскомъ въ моосъ подтверждаетъ нашу догадку о происхожденіи окончанія киргизской формы джалмаусъ изъ монгольскаго мангысъ.

Въ дюрбютской сказкѣ герой называется Иринъ-Сайномъ; братъ, съ которымъ онъ вступаетъ въ бой по недоразумѣнію, называется Арсланомъ; можетъ быть, были и такіе варианты въ Монголіи, въ которыхъ роли персонажей были переставлены, именно главный герой назывался Арсланомъ. Алтайская сказка объ Аранъ-Тайджи сближаетъ съ Иринъ форму Аранъ; выше мы привели также якутское Юрюнь, которое въ свою очередь можетъ быть сближаемо съ бурятскими, монгольскими и урянхайскими формами: Урунь, Оранъ (см. прим. 50 къ гл. II и къ №№ 29 и 53 главы IV). Въ русскихъ заговорахъ встрѣчается „змѣя Ирина“ (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. II, стр. 486). Формы: сѣрень, сьурень, срень встрѣчаются у Чувашей; такъ называется день, когда выгоняютъ изъ деревни чертей (Магнитскій, Матер. къ объясн. стар. чув. вѣры, стр. 130—133). Не назывались ли сьуренями у Чувашей сами изгоняемые черти? Радуга по чувашски сьурень-киберъ (Золотницкій, Чув. слов., стр. 75). Въ бурятскихъ призываніяхъ форма Юрюнь, Йорень соединяется съ членомъ, означающимъ мать (стр. 821); это наводитъ на мысль, что и въ киргизскомъ сказочномъ имени Джереншешенъ (въ алтайскомъ Джеренъ-чеченъ), второй членъ шешенъ, чеченъ, можетъ быть, значить не „мудрецъ“, а „мать“, шеше, чече. Въ примѣчаніяхъ къ „Гесирь-хану“ (№ 50) мы указали на сходство этого сказанія съ Иринъ-Сайномъ; другое имя Гесирь-хана есть Джоро; ср. съ различными видами имени одного и того же лица въ книжныхъ сказаніяхъ: Тава-Джаранъ у Рашидь-Эддина, Ёке-Черянь въ Юаньчаомиши и Эке-Дзоро у Саванъ-Сэцэна; см. Труд. Вост. Отд. Археолог. Общ., т. XIII, стр. 227; въ тѣхъ же примѣчаніяхъ къ № 50 нами указано на существованіе сходныхъ названій луны: jiru, jirie, äre, ireä, irri, erg (Castren, Wörterverz. a. d. Samojed., S. 252). Племя Хотогойту считаетъ своимъ предкомъ Иринъ-Сайнь-Мергена Хунъ-Тайджи, по другимъ показаніямъ онъ называется Эрте-Сайнь-Мергенъ Хунъ-Тайджи или Уланъ-Хунъ-Тайджи (Оч., II, 25). Во второмъ случаѣ вмѣсто Иринъ стоитъ Эрте, какъ будто это варіанція того же имени. Въ самомъ дѣлѣ въ урянхайской сказкѣ № 132 герой называется Ертене-Мергенъ, а самая сказка своимъ содержаніемъ напоминаетъ нѣсколько алтайскаго Иринъ-Шайна. Не замѣнялась ли форма Ерте формою Ерке? Ср. прим. 107 къ гл. I, гдѣ съ именемъ хотогойтскаго предка сближается предокъ Тайджитовъ—Джерке-Лингъ-гунъ. Эрте-Сайнь-Хунъ-Тайджи или Уланъ-Хунъ-Тайджи, предокъ Хотогойту; у Рашидь-Эддина: Джерке Лингъ-Гунъ, тайджиутскій предокъ, сынъ Хайду-хана. Сходными членами оказываются: Эрте и Джерке,

Уланъ и Линъ, Хунъ и Гунъ, Тайджи и тайджиутъ, Гайту и Хайду. У Сана-нъ-Сэцэна (Shmidt, Gesch. d. Ost-Mong., 375) на мѣстѣ Хайду-хана въ родословной Чингисъ-хана стоитъ Хаджи-Булюкъ (Chatschi küllük). Ср. урянхайское ерень, онгонъ и чувашское йрихъ; въ именахъ звѣрей, встрѣчаются вопервыхъ: прей, „медвѣдь“, урянк.; джара, двара „ѣжъ“ монгол.; вовторыхъ: жүгех, „волкъ“, остана; йрхэ, манчжурск., названіе чернаго звѣря, похожаго на тигра безъ переднихъ ногъ, Захар., Мандж. слов., 197; ярха, „тигръ“ по манчжур.; джирхъ, джирен, чирен, тирхи „бурундукъ“, монг.: иркă, иргă, йргă, суровъ по карагасски (Castren, Versuch. e. Koib. u. Kag. Spr., 87, 89). Между монгольскими именами голубя есть два—кугуль-джирны и кугуль-джирганъ.

Отъ Палладія въ Восточн. Сборникѣ, С.-Пб., 1872, т. I, в. 1, стр. 27, говоря объ Архаунахъ или Еркеунахъ, приводитъ имя ихъ главнаго божества Эркеунъ или Эрке. Нѣкоторые памятники выдаютъ Архауновъ за христіанъ изъ Монголовъ, другіе—за особое монгольское поколѣніе. Не слѣдуетъ ли въ этомъ Эрке видѣть вариациі имени Бурханъ-бакши, который также почитается учредителемъ религіи? Можетъ быть, Эрке есть турецкое произношеніе слова бурханъ. Ср. Большая Медвѣдица по монг. Долонъ-Бурхынъ, по урянхайски Джеты-Пурганъ или Джеты-Урганъ; на уйгурскомъ, по видимому, Еди-Эрканъ (см. стр. 715). Ср. также монгольск. бурхаль и алтайское джиракы, „виноуренный снарядъ“. Не къ тому ли же божеству Эрке относилось и выраженіе гурба-ердене, то есть, не было ли это сложное собственнымъ именемъ божества? Форма ердене или ертене встрѣчается иногда въ такихъ сложныхъ: Нохой-эртене (стр. 322), Ертене-мергенъ (стр. 416), гдѣ объясненіе ея нынѣшнимъ смысломъ этого слова „драгоценность“ оказывается неудобнымъ. Имя Эрке-Хара (хара, бурятск., „мѣсяцъ“) носитъ братъ Вана кирейскаго, подвергающійся говенію со стороны послѣдняго.

Мѣсто о единственномъ грѣшникѣ, котораго Иринъ-Сайнъ не можетъ освободить изъ ада, кромѣ указанной колядки въ Труд. этн. эксп. въ Зап. русск. край, III, стр. 481, ср. также съ другою, помѣщенной тамъ же на стр. 444. Въ „Голубиной книгѣ“ царя Давида спрашиваютъ: какой самый тяжкій грѣхъ, и онъ отвѣчаетъ: „кто блудитъ съ кумой крестовныя, кто въ чреви сѣмена заправливаетъ, кто бранить отца съ матерью“. — О душахъ умершихъ, сидящихъ на деревѣ, см. у Котляревскаго „О погребальн. обычаяхъ“, 189 и слѣд., а также 197.—Иринъ-Сайна въ утробѣ вѣи ср. съ осетинскою сказкой объ Амранѣ (см. прим. къ № 43, вар. б). Судьбу родителей Иринъ-Сайна въ плѣну у Мангысовъ, гдѣ они обращены въ пастуховъ, ср. съ сказкой о Ховугу (Оч. II, 175), съ нашимъ книжнымъ сказаніемъ объ Акирѣ Премудромъ, а также со стихами о Егорѣ Храбромъ.

Къ эпизоду о Иринѣ-Сайнѣ, переѣхавшемъ черезъ хребетъ, привязавъ себя и коня къ стрѣлѣ (стр. 473): Въ осетинскомъ сказаніи о Батырадѣ записанномъ Цоравымъ и напечатанномъ Шифнеромъ въ „Осет. текстахъ“ (Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II, стр. 43—50), Батырадъ влезать въ муртиру (дუმбара) и велитъ своимъ семи слугамъ выстрѣлять; такимъ обра-

зомъ онъ перелетѣлъ черезъ городскую стѣну и очутился среди враговъ, которыхъ хотѣлъ истребить. Одинъ Осетинъ старикъ по поводу этого мѣста замѣтилъ: „Кому бы имѣть въ то время мортиры, когда еще въ его молодости немногіе имѣли ружья, сражались же большею частью лукомъ и стрѣлами“. Старикъ увѣрялъ, что въ прежней редакціи Батырадъ приказывалъ сдѣлать лукъ, который двѣнадцать быковъ съ трудомъ тащутъ, привязать себя къ стрѣлѣ и выстрѣлить. Это мѣсто о думбарѣ можно объяснить такимъ образомъ: имя думбара въ старину означало необыкновенный лукъ, лукъ громовника; Батырадъ приказалъ привязать себя къ стрѣлѣ этого лука; впоследствии имя лука было перенесено на огнестрѣльное орудіе, по силѣ превосходящее всякое другое. Въ другомъ вариантѣ Батырадъ заставляетъ засадить себя въ пушку Бораты; переводчикъ поясняетъ: въ пушку фамиліи Бораевыхъ. Но въ третьей осетинской сказкѣ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. V, стр. 15) именемъ Бораты называется осель, на которомъ ѣдетъ Урмагъ. Если полная форма чувашскаго и татарскаго члена въ имени радуги киберь, купре была въ родѣ этого осетинскаго думбара, то чувашское названіе радуги съурень-киберъ и друг. (см. стр. 744; Золотницкій, Чуваш. слов., стр. 75) будетъ значить „лукъ Съуреня“ (Джиреня?), „лукъ Съувека“ или „лукъ Салавата“.

Птицу Зарынъ, свившую гнѣздо на деревѣ дзакъ (стр. 431), ср. съ птицей Иро, которая свила гнѣздо на тѣлѣ Мисеръ-Улюка въ то время, когда онъ спалъ (у Рашидъ-Эддина, Зап. Имп. Археол. Общ., XIV, 154).—Имя Хурмукинъ ср. съ киргизск. урмукаче, наукъ. Ужущеніе наука, ужаленіе змѣи и ударъ молніи могли казаться сходными; заяп на нѣкоторыхъ турецкихъ языкахъ скорпіонъ, на другихъ змѣя.

Для сравненія съ обрядомъ постриженія Иринъ-Сайна приводимъ общее намъ г. Григоровскимъ остяко-самоѣдское преданіе: Въ давнія времена еще до русскаго подданства у Остяко-Самоѣдовъ были сильные люди, „пагатуръ“; эти пагатуры ходили воевать сосѣднія племена на лодкахъ въ 60 гребей; лодки эти назывались анда. Предводителемъ войска (мють) былъ пагатуръ; его помощниками „тубутъ“ и „мадуръ“; это были какъ бы воеводы; остальное войско называлось мютегинъ-гула. Пагатуръ, тубуты и мадуры были вооружены мечами, тѣга, и луками, мндъ, со стрѣлами, тысэ; на себя они надѣвали шлемы, квѣзи ёкъ, колчуги, квѣзи капѣртъ, и латы, квѣзи порконтъ; была у нихъ также бранная труба, пыбы. При каждомъ новомъ походѣ былъ обязателенъ обрядъ присяги. Для этой цѣли пагатуръ садился на что-то въ родѣ стула съ золотымъ или серебрянымъ плетенемъ, который назывался „альгѣни куранъ покусаръ“ (съ золотымъ плетенемъ) и комдѣи куранъ покусаръ (съ серебрянымъ плетенемъ); въ руки ему подавали ножницы, „сидонѣпа“. Тогда подходили къ нему поодиночѣ всѣ тубуты, мадуры и всѣ мютегинъ-гула; каждый становился передъ нимъ на одно лѣвое колѣно, и пагатуръ, постригая человѣку волосы на лбу и на затылкѣ, произносилъ: невонджармондъ Номтъ верытымнекъ и мента югольджимбакъ, „влянись, что Богу вѣруешь и мнѣ повинуйся“. На эти слова

присягавшій отвѣчалъ: неонджау Номтъ верытмынау и тенга юнгольджи-бесъ, то-есть: „клянусь, что въ Бога вѣрую и тебя послушаюсь“.

139. Шань-Дондубъ и Тамба Шанджи.

Ср. съ главой V Шиддибура (Этногр. сб., в. VI, стр. 35—40). Овловѣвшій хаганъ, имѣвшій уже одного сына, вновь женился; новая жена также родила сына. Старшаго сына звали Наранъ-гэрэлъ (лучъ солнца), младшаго Саранъ-гэрэлъ (свѣтъ луны). Мать Саранъ-гэрэла, не желая, чтобы ханскій престолъ достался Наранъ-гэрэлу, задумала погубить пасынка. Она притворилась больною и упростила мужа приказать изжарить для нея сердце Наранъ-гэрэла. Тогда оба мальчика убѣгають изъ родительскаго дома. Дорогой Саранъ изнемогъ; Наранъ похоронилъ брата и пріютился у отшельника, который усыновилъ его. Сосѣдній хаганъ во время орошенія полей ежегодно бросалъ въ озеро въ жертву драконамъ человѣка, родившагося въ годъ барса, и потребовалъ мальчика у старика; старикъ посадилъ мальчика въ пересѣкъ и замазалъ глиной, будто въ немъ хлѣбное вино; когда ханскіе послы стали бить старика, мальчикъ самъ высочилъ изъ пересѣка и отдался имъ. Его бросили въ озеро; за нимъ послѣдовала дочь хагана, которая полюбила его. Но царь драконовъ высадилъ ихъ невредимо на берегъ въ награду за ихъ великодушіе. Затѣмъ Наранъ женится на дѣвицѣ и возвращается къ своему отцу; мачиха, истекая кровью, умираетъ.

140. Гумъ-ханъ.

Ср. съ джурбютскою сказкой о царевичахъ, гонимыхъ мачихой, стр. 283, и съ киргизскою—о Гарыкулѣ, приведенною нами на стр. 813.

141. Два бѣхѣ Комбу.

Вмѣсто „Русскій“, вѣроятно, въ текстѣ стоитъ Орусъ. Едва ли этому слову слѣдуетъ давать тотъ смыслъ, который приданъ разказчикомъ; скорѣе тутъ нужно видѣть архаическое слово. Подъ изгнанникомъ Орусомъ скрывается миѣчическій изгнанникъ, изгнанникъ легендъ и сказокъ. Имя Уранга встрѣчается съ окончаніями на ая или ынъ: Урянханъ, Арангынъ (стр. 663); имя Уранга Солоны придаютъ Ороочонамъ (см. стр. 22); не слѣдуетъ ли здѣсь видѣть переходъ звука нг въ звукъ ч? Сказка объ изгнанникѣ Орусѣ представляетъ вариантъ сказки о Хунъ-гурогунѣ, гдѣ гурогунъ есть то же самое, что халхасское гуресунъ, то-есть, звѣрь. Такимъ образомъ подъ изгнанникомъ кажется разумѣлся лѣсной звѣрь, медвѣдь (хара-гуресу), и формы Хунъ-гурогунъ, арангынъ, ороочонъ, орусъ суть названія этого звѣря. Выше мы указали, что вмѣсто Рашидъ-эдинова Орусъ-инала, подносящаго ястреба Чингисъ-хану, у Сананъ-Сэцэна стоитъ Орочу-шигушей. Къ этому нужно прибавить, что Урянхайцы разказъ о поднесеніи ястреба Чингисъ-Кайракану относятъ къ своему народу. Черта изгнанничества удержалась

при имени Орусъ, по видимому, и на западѣ; въ монгольскихъ сказаніяхъ есть лицо Бодонджаръ, который изгнанъ братьями, живетъ уединенно у рѣки и занимается ловлей птицъ; у сѣверно-кавказскихъ Татаръ-горцевъ есть разказъ о Бѣдене, „русскомъ“ переселенцѣ, который ведетъ одинокую жизнь при подошвѣ Кавказа и занимается рыбною ловлей (Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. I, отд. II, стр. 27).

148. Тангылъ-мергенъ.

Ср. съ классическимъ мифомъ о Пелеѣ. Пелей принятъ, какъ бѣглый принцъ, при дворѣ царя Акаста; царица Астидамія клеветаетъ на принца передъ царемъ за отказъ въ любви; Пелей брошенъ на съѣденіе кентаврамъ; кентавры нападаютъ на него; онъ въ опасности быть пожраннымъ и не находитъ своего ножа, который имѣлъ особенную силу и былъ данъ ему Гефестомъ; ножъ этотъ былъ выкраденъ въ то время, какъ Пелей спалъ, царемъ Акастомъ и заложенъ подъ коровій пометъ; кентавръ Хиронъ находитъ этотъ ножъ и подаетъ Пелею. Послѣ того Хиронъ продолжаетъ дружескія отношенія къ Пелею и научаетъ, какъ захватить морскую дѣву Фетиду; дѣвица эта въ рукахъ Пелея принимаетъ разные виды и наконецъ вновь принимаетъ человѣческій. Съ нею Пелей приживаетъ ребенка, котораго мать ночью кладетъ въ огонь, чтобъ уничтожить въ немъ унаслѣдованное отъ отца смертное. Пелей однажды замѣтилъ это и высказалъ порицаніе, послѣ чего Фетида скрылась. Мальчика Пелей отвезъ на воспитаніе къ Хирону, который кормилъ его мозгомъ медвѣдей и вепрей и внушенностями львовъ (Preller, Griech. Myth., II, 396). Маннгардтъ указываетъ вскользь на родственность этого мифа съ сказкой о „двухъ братьяхъ“ (Wald und Feld-kult., S. 49). Другой разказъ о Хаеринъ-Хара-беко (№ 138) своимъ эпизодомъ объ ящигѣ, слущенномъ внизъ по рѣкѣ, представляетъ сходство съ сказкой о „двухъ братьяхъ“ въ ея монгольской редакціи (№ 49, вар. 2).

155. Мани-Ветыръ-ханъ и Харъ-Горѣчи.

Ср. съ № 110 и съ сказкой изъ Ганьджура, переведенной Шифнеромъ (Awarische Texte, въ Mem. d. Ac. des Sc. de St. Pet., VII ser., t. XIX, № 6, s. XXVI). Изъ двухъ сосѣднихъ царей въ странѣ Pantschala у сѣвернаго подданные богатѣютъ, у южнаго бѣднѣютъ; узнавъ отъ министра, что сѣверный царь обогащеніемъ своихъ подданныхъ обязанъ дающему дождь Читраджангѣ, сыну Наги (Nāga), живущему въ озерѣ, южный царь посылаетъ волшебника похитить сына Наги; около озера живутъ два охотника Masūraka и Phalaka; по просьбѣ Читраджанмы Палааа убиваетъ волшебника, который вбилъ уже четыре гвоздя Khadiga и прочиталъ заклинанія; за это сынъ озернаго царя ведетъ Палааку на дно озера, гдѣ онъ, по совѣту одного gishi, отшельника, запрашиваетъ себѣ не промахивающійся

арканъ. Царь сѣверной Панчалы былъ бездѣтенъ; по его молитвамъ бодисатва Bhadrakalpa вступилъ въ утробу царицы, и она родила сына, которому дали имя Sudhana. Палака во время охоты находитъ отшельника, который 40 лѣтъ провелъ въ пустынѣ; отъ него онъ узнаетъ, что на сѣвѣннй прудъ каждое 15-е число мѣсяца приходитъ Manoharâ, дочь Друмы (Druma), царя Kinnaga. При помощи своего аркана, полученнаго отъ овернаго царя, Палака ловитъ Маногару. Сопровождавшія дѣвицу Киннары разбѣжались; Маногара передаетъ Палакѣ Scheiteljuwel (джинсу?), силой которой она можетъ подниматься на небо; Палака передаетъ и дѣвицу, и Scheiteljuwel царевичу Суданѣ. Вельможа и совѣтникъ отца Суданы хочетъ погубить царевича. Въ это время жители горъ возмущились; семь разъ царское войско ходило на усмиреніе, но возвращалось разбитое; вельможа совѣтуетъ царю послать царевича, не давъ ему позволенія передъ отъѣздомъ видѣться съ Маногарой; Судана передаетъ своей матери Scheiteljuwel Маногары и отправляется въ походъ; прежде чѣмъ Судана достигъ до непріятеля, его усмиряетъ предводитель якшей (Jakscha), Панчала, посланный магараджей Висраваной. Якши окружили городъ мятежниковъ; отъ крика слоновъ и лошадей, отъ шума и звона оружія и колесницъ стѣны города пали и мятежники покорились и отворили царевичу Суданѣ городскія ворота. Во время отсутствія царевича царь, его отецъ, увидѣлъ сонъ, будто воршунъ разорвалъ его животь и унесъ его внутренности. Вельможа, врагъ царевича, даетъ царю злой совѣтъ—выкупаться въ крови серна и помазаться жиромъ нечеловѣка, то-есть, демона; подъ демономъ же онъ разумѣлъ Маногару. Узнавъ о готовящейся участи, Маногара идетъ къ царицѣ и получаетъ отъ нея Scheiteljuwel; царь, выкупавшійся въ крови, ждетъ смерти Маногары; ее приводятъ, чтобъ убить, но она улетаетъ, оставивъ у того самого отшельника, который научилъ Палаку яловить ее, кольцо для передачи Суданѣ. Царевичъ, вернувшись изъ похода и получивъ кольцо, отправляется искать Маногару. На пути къ ней онъ преодолеваетъ препятствія: двухъ бодающихъ другъ друга барановъ, ракшасу, желѣзныя губы которой то раскрываются, то смыкаются, кипучій колодезь, черезъ который онъ долженъ перепрыгнуть и проч. Достигнувъ до города Киннарскаго царя, Судана увидѣлъ Киннарцевъ, черпающихъ воду изъ пруда. Онъ спросилъ ихъ: „Зачѣмъ вамъ такъ много воды потребовалось?“ Они отвѣчали, что Маногара, дочь Киннарскаго царя, попала въ руки человѣка, и что человѣческій запахъ долженъ быть смытъ съ нея. Судана отпускаетъ въ сосудъ кольцо, по которому Маногара узнаетъ о его прибытіи. Они возвращаются на землю съ согласія отца Маногары. Ср. съ классическимъ мифомъ объ Орестѣ; Ифигенія—Маногара—Юсунъ; Агамемнонъ—отецъ Мани-Ветиръ-хана; Калхасъ—Хара-эмчи. Въмѣсто обмыванія небесной дѣвы, осквернившейся отъ прикосновенія къ людямъ, омовеніе статуи Артемиды, оскверненной прикосновеніемъ чужеземцевъ.

Харь-Горѣчи ср. съ хара-гуресу, „медвѣдь“. Джетыкулъ ср. съ Итыгиль, который въ киргизской сказкѣ достаетъ для шайтана дочь Тохтамышъ-

хана (Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., I, 526 и прим. къ № 36). Это прелюбленіе исполнено, какъ въ сказкахъ, о семи братьяхъ, добывающихъ не-вѣсту (см. № 36); въ русскихъ вариантахъ добываемая невѣста оказывается лебедью-дѣвой. Въ № 110 Тунгъ-Каратты-ханъ обращается въ крысу, подъ видомъ которой портитъ доспѣхи у Джюсунъ-хана; въ Ганьджурѣ помо- щь царевичу оказываютъ якши; ср. урянхайск. джаксы, „летучая мышь“ (стр. 162). Имя Джюсунъ въ № 110 носитъ враждебный герою ханъ, въ № 155 Юсунъ имя небесной дѣвы. Ср. также съ Езень-Зулхаръ въ аварской сказкѣ (Avarische Texte, S. 94; Сб. свѣд. о кавк. горц., в. 2, стр. 39). Эпизодъ о крысахъ записанъ въ городѣ Хотанѣ въ VI в. китайскимъ монахомъ Сюань-цаномъ (Риттеръ, Землев. Азія, Восточный Туркестанъ, русск. перев. Григорьева, в. 1, стр. 67 и слѣд.; Liebrecht, Zur Volkskunde, S. 13). Хунну сдѣлали нашествіе на Хотанъ; царь помолился царю крысъ, и въ ночь крысы изгрызли доспѣхи у Хунну. Другія хотанскія легенды: Первымъ ца- ремъ и родоначальникомъ хотанской династіи былъ богъ Биджамынъ или Бишамынъ; Будду Хотанцы называли Биджи-фо (ср. съ Мечинъ, названіемъ Плендъ). Первое заселеніе Хотана связывается съ бѣгствомъ одного князя изъ сосѣдняго царства, который ослѣпилъ сына царя и былъ изгнанъ (ср. съ № 48, вар. а и б). Рѣка превращаетъ теченіе; духъ дракона рѣки, подъ видомъ женщины, выходитъ на сушу и требуетъ себѣ мужа вмѣсто прежняго, который умеръ; Мѣвву, рѣшившійся на самопожертвованіе, вѣ- жаешь въ рѣку верхомъ на лошади (ср. съ № 182); лошадь изъ воды выно- ситъ барабанъ въ знакъ того, что Мѣвву принять въ число боговъ и сталъ патрономъ города; барабанъ былъ вывѣшенъ на городскихъ воротахъ и ве- давалъ звуки, когда городу угрожало вражеское нашествіе (ср. съ собакой Тибетскаго царя Шидургу, Алтанъ Тобчи, стр. 24, и съ собаками Гомбугура въ № 83, вар. а). Буддійскій храмъ въ Хотанѣ былъ построенъ между двумя скалами, которыя назывались „бычьи рога“ (см. о Буханоннѣ, стр. 264). Статуя будды, которую везли изъ Кашмира, остановилась въ Хотанѣ и не хотѣла двинуться дальше (ср. съ № 83). Одинъ павильонъ при дворцѣ но- ситъ названіе „Семь Фениксовъ“; ср. Долонъ-Хонгъ-Хотанъ. Хотанское ска- заніе о крысахъ давно уже сближаютъ съ египетскимъ разказомъ Геро- дота (II, 141) о царѣ-жрецѣ Сеосѣ или Сеонѣ (Sethon), которому кры- сы помогли прогнать царя Арабовъ Сеннахерима; предшественникъ Се- оона былъ слѣпой царь Anysis, который былъ изгнанъ изъ Египта егип- тскимъ царемъ Сабакономъ и 50 лѣтъ скрывался въ болотѣ, пока Сабакосъ не оставилъ Египетъ добровольно, услышавъ во снѣ призываніе собрать всѣхъ жрецовъ и разрубить ихъ по животамъ. Ранѣе Анизія царствовалъ царь Микеринъ, который совершилъ насиліе надъ своей дочерью и похоронилъ ее въ пустой статуѣ телицы; царица отрѣзала руки тѣмъ, которые передали царевну ея отцу (кн. II, гл. 131; сл. съ прим. къ № 84).—Имя дѣвицы: „де- ватью девять восемьдесятъ одну задачу рѣшившая“ ср. съ русскою свадеб- ною пѣсней, въ которой молодецъ благодаритъ дѣвицу за рѣшеніе шести (или семи) загадокъ и въ заключеніе говоритъ: „а и быть тебѣ, дѣвица, за

мною да и жить со мною“ (Матер. для ист. и стат. Сибир. губ., изд. Сиб. стат. комитета, в. VI [1867], стр. 72).

160. Боро болджоханъ туджи.

Ср. съ сербскою сказкой о невѣрной матери (Jagic, Archiv für Slavische Philologie, t. I, S. 273); вмѣсто бокширго—курица; вмѣсто майма-хуня (въ другихъ вариантахъ, вѣроятно, стоитъ Китаецъ) Жидь. См. у Аванасьева, VIII, № 26 и Оч., II, 163, № 21. Конецъ монгольской сказки (обманъ при дѣлѣжѣ наслѣдства) ср. съ венгерскою сказкой о Garabonczás diák'ъ (Jagic, Archiv, t. IV, s. 625); Garabonczás diák' ѣздитъ на драконѣ, подъ видомъ котораго скрывается дѣвица, обращенная въ этотъ видъ своею мачихой. Въ сибирско-татарскомъ вариантѣ (Radloff, Prob., IV, 477) мальчики брошены въ ящикъ въ воду; старшаго (по указанію птицы) избираютъ потомъ въ цари. Арабскій вариантъ изъ Мосула помѣщенъ въ Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesell., V. XXXVI, H. II, S. 238; вмѣсто майма-хуня Жидь; старшій изъ братьевъ избирается въ цари по указанію птицы.

166. Мальчикъ съ ушко.

Ср. Аванас., Н. Р. С., в. V, № 21 и Поэт. Возр., II, 767. У Векенштеда (Wendische Märchen und Sagen, S. 95) о Till Eulenspiegel'ѣ.

168. Аргата-Унюгъ.

Семь волковъ, приморовившихъ хвосты, ср. съ повѣрьями о Б. Медвѣдицѣ, представляемой въ видѣ семи волковъ на цѣпи.

176. Хангавай.

Имя это въ рукописи г. Адрианова было иногда написано Хангамай, также какъ въ слѣдующей сказкѣ Кирвесь иногда было замѣняемо формой Кирбесъ. Хангавай ср. съ вогуличскими: а) Ёнгобъ, „луна“, б) анкобо, названіе какого-то (медвѣжьяго?) праздника.

179. Человѣческая голова.

Г. Михайловымъ напечатана чувашская сказка: Мать поочередно посылаетъ своихъ трехъ дочерей за водой, и когда онѣ приносятъ воду, не впускаетъ ихъ въ домъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ согласія выйти замужъ за роднаго брата. Младшая не соглашается на требованіе матери и уплываетъ въ лодкѣ; за нею гонится обьда (вѣдьма); лодка садится на мель; пролетаютъ воронъ и сорока; обьянка проситъ ихъ полетѣть на ея родину и сказать ея роднымъ о ея положеніи, но воронъ и сорока отказываются. Кукушка летитъ по просьбѣ дѣвицы къ ея брату и велитъ ему заколотъ краснаго быка въ жертву богу Херле-сырю; тогда лодка съ дѣвицей

двинулась вновь по рѣкѣ (Спиридонъ Михайловъ, Чувашскіе разговоры и сказки, Казань, 1853, стр. 29—49).

181. Хэрэкъ-Нирвэсъ Хэирэ-мергенъ.

Г. Адриановъ записалъ въ Бійскомъ округѣ Томск. губ. отъ русской крестьянки сказку о Коростѣ: Царскій сынъ подслушиваетъ разговоръ трехъ дѣвицъ и женится на младшей; жена родитъ ему трехъ золоторукихъ мальчиковъ, но Ягишна подмѣняетъ ихъ котенкомъ, щенкомъ и „сыномъ Коростой“; царскій сынъ велитъ заключить ихъ въ бочку и кинуть въ море: бочку прибываетъ къ острову, Короста вышибаетъ ногами дно у бочки. Ёдутъ мимо купцы; Короста прячется на корабль, прѣвращаетъ во двору царскаго сына, подслушиваетъ разказъ Ягишны о трехъ золоторукихъ мальчикахъ, находящихся въ заточеніи у медвѣдя въ норѣ, освобождаетъ ихъ, обманывая медвѣдя, и приводитъ мальчиковъ къ матери. Царскій сынъ узнаетъ объ островѣ и живущей на немъ матери съ тремя мальчиками, возвращаетъ ее въ свой домъ, а Ягишну приказываетъ разстрѣлять на воротахъ.—Въ другой сходной сказкѣ, записанной г. Адриановымъ тамъ же, герой называется Иваномъ, крестьянскимъ сыномъ. Короста вмѣсто желѣзнаго оленя и оружія Толонъ-Армекъ-Дархана достаетъ борова-серуна и kota, который по столбу ходитъ; въ вариантахъ у Аванас. (в. VI, № 68) добываются въ одномъ самомѣлющая мельница и котъ, ходящій по золотому столбу, въ другомъ волкъ, который находится на океанѣ, на островѣ Буанѣ, въ третьемъ молочная рѣка. Объ Иванѣ, крестьянскомъ сынѣ, у Аванас. (в. VIII, № 4), совсѣмъ другой сюжетъ: Онъ три года по обѣту служить даровымъ перевозчикомъ и возвращаетъ царю похищенную у него дочь. Короста ср. съ лѣтописнымъ Коростенъ (Искорость); легенда о взятіи Коростена Ольгой разказывалась также о городѣ Хирсова; этотъ городъ г. Брунъ сближалъ съ замкомъ Хоросъ-Керменомъ близъ Азова (Брунъ, „Неудачн. осада Азова“ въ Зап. Одесс. общ. ист., VIII, стр. 6 и 19). Въ другихъ сказкахъ вышибаніе дна бочки ногами приписывается Збутъ Збутовичу; сынъ Иглы-Муромца, вступающій съ нимъ въ бой, носитъ имя Борисъ Збутъ-королевичъ Збутъ ср. съ Собоотекъ, Чеботокъ, прозвищемъ самаго Иглы Муромца по явленію Лассоты.

Г. Барсовымъ записана сказка о самобратахъ Борисѣ и Глѣбѣ: Царь, подслушавъ разговоръ трехъ дѣвицъ, выбираетъ третью, похваставшуюся золотую и серебряною ступней. Одна баба обратила царицу въ утку, а на ея мѣсто поставила свою дочь. Утка, подхвативъ слону царя во время его охоты, родитъ двухъ мальчиковъ, самобратовъ Бориса и Глѣба. Царь пригмашаетъ ихъ къ себѣ на пиръ, мачиха убиваетъ ихъ (Древн. и Нов. Россія 1879, № 9, стр. 403). Ср. русскія названія растений: семибратная кровь. *Hypocistis perforatum*; оно же—заячья кровь, зелье святоянское, и зелье св. Ивана, *Iohannisblut*, *herbe de St. Jean*, *herbe à milles trous*, *chasse-diable* (Анненк., Бот. Слов., 1878, стр. 172). Въ Іоакимовской лѣтописи, въ исторіи

о двух гонимых князьях, отец их названъ Борисомъ Даниловичемъ, а жена его, мачиха молодыхъ князей—Святохной.

Въ другихъ русскихъ сказкахъ имя Борисъ встрѣчается съ отгнаннымъ отъ предмудраго содержаніемъ. Въ одной южно-русской (Труд. этн. эксп. въ зап. русск. край, II, № 76, стр. 290) находится имя Трёмсинъ-Борисъ. Только что рожденный, онъ былъ унесенъ орломъ въ гнѣздо; его находятъ три брата и даютъ ему имя Трёмсинъ (трёмъ сынъ) Борисъ. Начало сказки сходно съ нѣмецкимъ сказаніемъ о Вольфъ-Дитрихѣ, котораго унесла волчица (Liebrecht, Zug Volkskunde, Heilbr., 1879, S. 463); добытый изъ ея норы охотниками, онъ былъ взятъ въ замокъ и получилъ прозвище „Волкъ“ (ср. съ примѣч. къ гл. IV, къ № 55 и 37 прим. къ III гл.). Другая южно-русская сказка (Труды этн. эксп. въ Зап. русск. край, II, № 86, стр. 337) разсказываетъ о Тромъ сынѣ, не называя его Борисомъ; начало сходно. Мать закопала дитя; Богъ, Павло и Петръ оживили его; отсюда и „тромъ сынъ“. Ср. въ Оч., II, 176 съ оживленіемъ Ховугу тремя дѣвками и у Мангардта, Germ. Myth., 42 и 57, съ индѣйскимъ миеомъ о Ribhus, иногда представляемомъ въ числѣ трехъ и съ нѣмецкимъ о ельбахъ, соадающихъ изъ костей съѣденной коровы новую корову. Этимологія имени Трёмсинъ сближаетъ сказку о Борисѣ съ классическимъ миеомъ объ Оріонѣ (триактрос; Preller, Griech. Myth., I, 371); одинъ изъ трехъ отцовъ—Гермесъ. Добываніе меча находится въ ингушской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ (см. стр. 782). Ср. также въ Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, II, стр. 7 и 11. Тромъ ср. съ Торумъ, громовникъ по остяцки, торумъ медвѣжонокъ по урянхайски; азиатская форма Хурмустень-ханъ также соединяется съ числомъ три (см. прим. къ № 79).

Борисъ и Глѣбъ кузнецы спасаютъ юношу, убѣгающаго отъ змія; самого змія запрягаютъ въ плугъ и проводятъ по землѣ борозду, которая и доселѣ называется Зміевымъ валомъ (Буслаевъ, Истор. Оч., II, 107). Въ другихъ близство приписывается Коршбуры Попелюху (Драгомановъ, Малорусск. нар. преданія, 262), Ивану Попялову (Аеанас. Ск., в. II, № 30), Сученкѣ (Тр. этн. эксп. въ Зап. русскій край, II, 255 и 263). Борисъ и Глѣбъ Паликопы сжигаютъ снопы у тѣхъ, кто работаетъ въ день, имъ посвященный (Аеанас., Поэт. Возр., I, 479); ср. съ подобнымъ же повѣрьемъ о Кирикѣ и Улитѣ. Въ заговорѣ (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, I, в. 1, стр. 127, загов. № 10) имя Борисъ стоитъ рядомъ съ двумя другими Дыннсъ и Лывко (отъ ихъ крови текутъ три рѣки; ср. съ Борис—тень). Можетъ быть, порчу имени Борисъ представляетъ также имя: Персидскій царевичъ (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск. край, т. II, стр. 195). Буслаевъ (Ист. оч., II, 114) цитируетъ сказаніе о томъ, что въ городѣ Переяславѣ чтили камень, лежавшій у потока за Борисомъ и Глѣбомъ; ср. преданія о Переяславѣ (Карамзинъ, I, прим. 471) и Переяславцѣ (Макаровъ, Русск. Пред., М., 1838, стр. 75). Шора Ногмовъ въ своей „Исторіи Адыгейск. народа“, Тифлисъ, 1861, стр. 125, сообщаетъ черкесское преданіе о князѣ Хатожуко, который велитъ удавить двухъ братьевъ Жанъ-Боримаса и Жанъ-Борискана, племянниковъ князя Шужія, скрывавшихся съ своимъ атакомъ въ пещерахъ и ущельяхъ. Шужія хочетъ от-

мстити за смерть племянниковъ и приглашаетъ Хатожуку будто бы на пиръ къ себѣ; гости собрались, но Хатожуку случайно не приѣхаль, и князю Шужія удалось убить только любимца Хатожукова Созирахо (Сосрыко?). Жена Шужія такъ оплакивала свою погибшую въ усобицахъ родню: „Ахъ, Жанъ-Боримасъ, ахъ, Жанъ-Борисханъ! Куда васъ дѣну для защиты отъ страшнаго смертоубійства! Васъ взяли въ пещеру ущелья Урди, кормили какъ лошадей или быковъ, но откормивъ, зарѣзали острыми ножами“. Не память ли это о медвѣжьемъ праздникѣ? Имя Борисъ встрѣчается въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ; такъ называется его сынъ, съ которымъ онъ вступаетъ въ бой. Кирѣвск., Пѣсни, в. I, отд. I, № 4: Борисъ Коваловъ; № 5: Бориско; № 6: Збуть-Борисъ Королевичъ; въ № 1: Татарченко; „кабы мать твоя не кума была“, говоритъ ему Илья,—стр. 2; въ отд. IV, № 1: Нахвальщина; ср. чувашск. хвель „солнце“; № 2: Сокольниковъ-Нахвальничекъ. Рыбниковъ, т. I, стр. 75: Сокольниковъ; мать Сокольника Латымира; т. II, стр. 349: Сокольниковъ; мать Сокольника Семигорка баба Владимерка. Сокольникъ ср. съ Скиломъ Геродотовой сивской легенды о братоубійствѣ (IV, 78, 80); саялы, якутск. „лисица“, дзайгыл, дюрбют. альпійскій волкъ, шакалъ на Кавказѣ особый видъ волка; у Грековъ въ Крыму скили, домашняя собака (Бондарки, Опис. Крыма, т. I, ч. II, стр. 17). Въ другихъ былинахъ эпизодъ о борьбѣ отца съ сыномъ разказывается о Саурѣ Ванидовичѣ и его сынѣ, Кирѣвск., Пѣсни, в. 2, стр. 113, и о Саулѣ Леванидовичѣ и его сынѣ, *ibid.* (Саула ср. съ Савліемъ Геродотовой легенды, IV, 76). Сходно съ тою же былиной разказывается другая, гдѣ противникомъ Ильи является Жидовинъ, хотя послѣдній за сына Ильи и не выдается. Имя Жидовинъ встрѣчается въ „Бесѣдѣ трехъ святителей“ спареннымъ съ другимъ членомъ Хорсъ: „Два ангела громная есть: елленскій старецъ Перунъ и Хорсъ-Жидовинъ — два еста ангела молниина“. Хорсъ „Бесѣды“ не есть ли версія Бориса быliny объ Ильѣ Муромцѣ? Не было ли имя сына Ильи Муромца сначала парнымъ Хорсъ-Жидовинъ, по другому произношенію Борисъ-Жидовинъ и не сохранились ли въ народной памяти только тѣ варианты, въ которыхъ это парное имя распалось на свои члены, выѣстъ съ чѣмъ и утратилась память о томъ, что Жидовинъ также сынъ Ильи Муромца? Не отголосокъ ли того же спариванія слѣдуетъ видѣть въ лѣтописномъ извѣстіи о Борисѣ Жидиславичѣ, воеводѣ Андрея Боголюбскаго? Личныя имена древней Руси: Жидиславъ, Жидята, можетъ быть, указываютъ, что форма жиди не явилась на Руси только послѣ знакомства съ Евреями, а обязана своимъ происхожденіемъ до-арійскому міру южной Россіи. Жидовинъ встрѣчаемъ какъ прозвище Анбала, убійцы Андрея Боголюбскаго (по поводу его лѣтописецъ вспомнилъ убійцу Глѣба Горясѣра). Въ одномъ старинномъ русскомъ сказаніи Египетскій царь Гаврило Черкасскій заказываетъ доктору Жидовину приготовить отраву для епископа Іоакима Александрійскаго; епископъ выпиваетъ отраву безъ вреда, а Жидовина разрываетъ отъ простой воды, которую въ томъ же сосудѣ подаль ему епископъ (руконись прошлаго вѣва, принадлежащая Д. Н. Садовникову).

Въ сказаніи о Тарсеѣ-Жидовинѣ имя его сына, убитого имъ, Малха ср. съ именемъ вѣчнаго жидѣ, Малха, который иногда замѣщается Маркомъ (Iudeu Marcu; Веселовскій, въ Ж. М. Н. Пр., 1880, июль, 86). Въ болгарскомъ эпосѣ Влькахинъ или Вукахинъ спорить о коронѣ съ Урошемъ; Марко-кравевичъ, сынъ его, высказывается за Уроша; спасаясь отъ отца, онъ слышитъ голосъ: „Бѣги въ церковь, Марко!“ (Безсоновъ, Болг. пѣсни, 33). Ср. съ кабардинскимъ преданіемъ о Хетагѣ, котораго спасаетъ крикъ: „Бѣги въ лѣсы!“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. III, 30); мѣсто, гдѣ скрылся Хетагъ, получило имя Бираги дзенджи цагаты, то-есть, волчьей голени. Бирагъ—волкъ по осетински; вирагъ, уирагъ—по осетински Еврей; это имя встрѣчается, кажется, только въ пословицахъ; болѣе употребительно для Евреевъ другое имя: дзуть (Шифнеръ, Осет. тексты, въ Зап. Имп. Акад. Наукъ, т. XIV, кн. II (1869), стр. 11, пословица № 88 и стр. 15 и 22). Ср. выраженія: жиды-ураги (Зап. югозап. отд. Русск. Геогр. Общ., I, 1873, стр. 32—33), Juda waqag въ древне-саксонскомъ Heiland'ъ, Джеты-уругъ, Джеты-варакше, Итъ-Баракъ, состоящіе въ борьбѣ съ Огузъ-ханомъ, „быкомъ-царемъ“ (Зап. Имп. Р. Археолог. общ., т. XIV, стр. 18—19).

Эпизодъ о битвѣ отца съ сыномъ есть также въ сказкѣ объ Урус-ланѣ Залазаревичѣ (см. прим. 36 въ гл. III и стр. 913). О Хонгхотанѣ, кромѣ указанной тамъ цитаты, см. также Труд. Пек. дух. мисс., IV, 193; Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong, 64. У Абульгази вмѣсто Хонгхотанъ стоитъ Кунукмаръ, Qongqomar (Саблуковъ, стр. 51; Desmaison, Histoire d. Mogols et d. Tatares, 1874, p. 54). Хонгъ по монг. „лебедь“, хотунъ „госпожа“. О лебеди, жегѣ шамана Одюгэ, см. стр. 24; Хоринскіе Буряты женитьбу на лебеди приписываютъ своему предку Хоридою, и поютъ о немъ: хонгъ шобунъ горбултай хосунъ модонъ сэрглгэтэй ширунъ сулъ эсэлгэтэй алунгъ гова эвгэтэй Хоридой, „воспѣвшій фамилію Хонгъ, имѣвшій коновязью дерево береазу, отцомъ Ширунъ-сула, матерью Алунгъ-гову, Хоридой“. По тому же сказанію Хоридой, Булагаты и Эвирить вышли изъ морской пѣны и усновлены шаманкою Асойханъ-одегонъ, обитавшею вмѣстѣ съ двумя родственными поколѣніями Атагаты и Хатагитъ. По другому преданію, эти три брата дѣти Буханонна и Буданъ-хотунъ. (Памятн. кн. Иркут. губ. 1881 г., стр. 164—189). Сл. стр. 672 и 734.—Ловлю ребенка, выходящаго изъ воды въ № 181 ср. съ бурятскимъ сказаніемъ о шаманкѣ Асуйханъ (стр. 824).—Наблюденіе надъ исцалеченною мышью, наводящее на цѣлебную траву, см. въ № 84 (стр. 343).

Приводимъ случаи совпаденія корня жиди, геди и пр. съ числомъ семь:

а) Въ сибирскомъ вариантѣ извѣстной сказки о хитромъ ворѣ, записанномъ г. Адриановымъ въ Бійскомъ о. Томск. губ., Яшка-шуть обманываетъ семь разбойниковъ (ср. киргизск. Джеты-Каракше, В. Медвѣдица); въ малорусскомъ вариантѣ вмѣсто семи разбойниковъ стоитъ „Жиды“. б) Поговорка: „На всякаго мірянина по семи Жидовиновъ“ (Даль, Послов., 149). в) Въ пѣснѣ: жидомиръ давить семь дѣтей (Шейнъ, Русск. пѣсни, стр. 244, № 8). г) Въ дѣтской пѣсенкѣ (ibid., стр. 52, № 91): „Оедьба-воръ, укажи намъ дворъ на семи вер-

стахъ?" Дворъ на семи верстахъ также у Соловья-разбойника (Кирѣевскій, Пѣсни, IV, прилож. XI; Рыбн., II, 332) и у Маришки (Кирѣевск., в. II отд. I, п. 7, стр. 69). д) Въ нѣмецкой дѣтской пѣснѣ Judde замѣщается чрезъ sieben; (см. стр. 864). е) Въ сербской молитвѣ противъ нежита семь или семьдесятъ ангеловъ, которые, кажется, отождествляются съ самимъ нежитомъ (Ж. М. Н. Пр. 1863, кн. 1, стр. 11). ж) Въ сказаніяхъ о св. Георгіѣ царь Дадианъ имѣеть по славянскимъ и латинскимъ вариантамъ семь подвластныхъ царей; по мусульманскимъ семьдесятъ князей (Кирпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, въ Ж. М. Н. П., 1878, дек., стр. 280). з) Гедминъ, князь Литовскій, имѣлъ семь сыновей. По одной легендѣ онъ былъ конюхомъ литовскаго князя Витеня; въ заговорѣ съ его женой онъ убилъ его; по другой кн. Витенець былъ убитъ громомъ; жену его взял рабъ его, конюшій Гедманикъ (Антоновичъ, Очерки ист. вел. кн. Литовскаго, Кіевъ, 1878, стр. 39). и) Сидимонъ, родоначальникъ дворянской грузинской фамиліи Эристовыхъ, есть старшій изъ семи сыновей Осибогатара (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. V, ст. Пфаффа, „Мат. для ист. Осет.“, 58—61). і) Городъ Θεοδοσία въ Крыму въ древности называлась Ардаба, что на языкѣ Алановъ будто бы значило „семь боговъ“. У Осетинъ ардзавда, „громовой ударъ“ (Сборн. свѣд. о кавк. горц., вып. IX, ст. Гатіева: Суевѣрія и предразс. Осетинъ, стр. 29). Падлась объяснялъ аланское имя крымской Θεοδοσίας изъ восточнаго нарѣчія: паг, семь и dada, отецъ. Шора Ногмовъ (Ист. Адыг. нар., 78) говоритъ, что у Кабардинцевъ сохранилась память о боѣ Мстислава Тмутараканскаго съ Редедею; въ память о гибели Редеди поется пѣсня на свадьбахъ, во время жатвы и на другихъ сборищахъ съ пригѣвомъ „о Ридади!“ Редеди могъ припомниться автору по его собственному соображенію, но есть и другія показанія (Сб. свѣд. о кавк. горц., в. 2, отд. 3, стр. 4) о томъ, что у Кабардинцевъ существуетъ пригѣвъ „оридади!“ Въ Сибири на Иртышѣ и на югѣ Томск. губ. и теперь существуютъ русскія свадебныя пѣсни съ пригѣвомъ: „уредиди!“ У Убсинскихъ Хотоновъ къ пѣснямъ пригѣвають: „джаарай!“ у Хамійскихъ Туркестанцевъ: „айре!“

Первый членъ въ эпитетѣ „самобраты“ встрѣчается въ выраженіяхъ: самовилы (есть и семь вилъ), Самородъ въ русскихъ былинахъ. Въ южно-славянскомъ встрѣчаются формы: Юдо жемская (Вс. Миллеръ въ Ж. М. Н. Пр., 1878, дек., 253—259); Симеонъ Юда въ галицкой поговоркѣ (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 299), Szimon Juda въ чешской (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., VI, 287). Не былъ ли этотъ корень уже знакомъ жителямъ восточной Европы до принятія христіанства или даже до прихода сюда Арійцевъ? Въ русскомъ встрѣчаемъ формы: Семиль и Семичиха (см. прим. къ № 21), семь Семіоновъ; въ южно-русскомъ заговорѣ „Семеново пѣздо“, въ которомъ лежитъ Оленова змѣя (Труд. этн. экс. въ Зап. русск. край, т. I, в. 1, стр. 121). Форма юдо встрѣчается и отдѣльно; въ болгарскомъ Юдинскій царь (Ж. М. Н. П., 1878, дек. 253—259); ср. Жидитанъ Едиканъ, гдѣ послѣдній членъ иногда толкуется народомъ: „даръ“. Въ южно-русскомъ заговорѣ: Юдо и Юдыха (Труд. этн. эксп. въ Зап.-русск.

край, т. I, в. 1, стр. 85); Юдо приравнивается заговоромъ къ місячному відьмачу, Юдыха къ відьмѣ; не намеє ли на повѣрье о вѣдмахъ, портящихъ мѣсяць или похищающихъ ихъ на Васильевъ вечеръ? Самородъ встрѣчается только въ отечествахъ богатырей: царь Кумбалъ Самородовичъ (Пѣсни Кирѣев., в. 2, стр. 108); царь Кунгуръ Самородовичъ (ib., 113). Рѣва Смородина не есть ли только женская форма того же имени? Въ рѣкѣ Смородинѣ тонетъ богатырь Добрыня; въ другихъ случаяхъ Смородина смѣняется рѣкою Почай; ср. гибель Василя Вуслаева отъ „морской пучины“ (Аванас., в. I, № 11). Имя Почай перешло, по видимому, на земныя рѣки; о рѣкѣ Почайнѣ близъ Нижняго Новгорода есть народное повѣрье, что она передъ кончиной міра выйдетъ изъ береговъ и затопитъ Нижній (Храмцовскій, Краткій оч. ист. Нижн. Новгорода, т. II, стр. 13). Второй членъ имени Самородъ, то-есть, Родъ, встрѣчается отдѣльно въ древнихъ памятникѣхъ и ставится рядомъ съ рожаницами, то-есть, съ семью звѣздами. Въ былинахъ объ Онигѣ вмѣсто смертельной рѣки или пучины является Смерть; у Рыбникова (I, 465) Оника встрѣчаетъ: „чудо“. Г. Ждановъ (Кіевск. Универс. извѣст., 1881, мартъ) сближаетъ былинну объ Онигѣ съ разказомъ о смерти Святогора; примѣриваніе гроба есть и въ одной татарской сказкѣ (Radloff, Proben, VI, 71), гдѣ въ гробъ ложится Акъ-Кѣбокъ, противникъ Киданъ-хана. Съ русскими загадками о смерти (Садовн., Загадки, № 2027 и слѣд.) сходны загадки о репейникѣ (№№ 839 и 842); въ числѣ названій этого растенія (*Carduus*) есть между прочимъ „мордовникъ“, „царь Мурать“; оно же называется дѣдовникъ, татаринъ. По татарски оно называется шайтанъ-таягы, „чортова палка“, по вотяцки кый-боды, „посохъ“ или „батогъ змѣи“; по черемисски шайтанъ-шоарбондо, „посохъ чорта“. Не находится ли съ этимъ въ связи выраженіе „мертвецъ“ въ загадкахъ о громѣ? Членъ „само“ встрѣчается также въ соединеніи съ членомъ рыгъ въ имени самарыга; такъ называется большой рябой коршунъ; чтобъ отыскать „разрывъ-траву“, захватываютъ дѣтей самарыги и запираютъ; тогда мать приноситъ траву (Зап. Русск. Геогр. Общ. по этн., II, 26). Ср. съ вотяцкимъ повѣрьемъ о травѣ улыбъ (см. стр. 773). Форма арыгъ часто встрѣчается въ татарскихъ сказкахъ: Алтынъ-Арыгъ, Ай-Арыгъ, Кунъ-Арыгъ; ср. также съ киргизскимъ Джеты-Уругъ (см. стр. 720). Разрывъ-трава въ другихъ мѣстахъ называется „спрыгъ-трава“. Ср. спорышъ, спарижъ, шпарышъ, парышъ, *Polygonum aviculare* (Анн., Ботан. Слов., 263); польск. *sporysz*, *Gerniaria glabra*; оно же *zabie gronka*, малорос. гримъ (ib., 166); спорынья, споришъ, *Sclerotium clavus* (ib., 320); спрыгъ, *Epilobium angustifolium* (ib., 132). Въ кыргызскомъ испарикѣ, *Delphinium* (ib., 123). Съ растеніемъ *Asparagus officinalis* также соединяются названія: громовой камень, *hromek* (ib., 53). Въ одномъ старинномъ травникѣ говорится: „трава зимаргъ очень бѣла, сорви ее и брось на воду, то она противъ воды поплыветъ“; слѣдовательно, ей приписывается то же, что и „разрывъ-травѣ“ (Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, II, 276). Движеніе противъ теченія встрѣчается въ осетинскомъ повѣрьѣ объ одномъ созвѣздіи или звѣздѣ (см.

стр. 733) и въ Алтанъ-Тобчи (стр. 28) о трупѣ царицы, надъ которою насыпанъ потомъ холмъ Темиръ-Олху. Въ мусульманскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ птица Симуругу приписывается доставленіе шамира. У Крымскихъ Татаръ чортъ достаетъ для Соломона „Джемире“. Сюлейманъ-Пейгамберъ, могущественный и богатый владѣтельный князь, жилъ въ замкѣ. Его несчетныя стада барановъ пасли наемные работники. Однажды въ числѣ прочихъ онъ нанялъ въ пастухи чорта, не зная того, конечно. Задолго до условеннаго срока лѣзвивый, а можетъ быть, и черезчуръ хитрый работникъ является къ Сюлейману-Пейгамберю и проситъ разчетъ за всѣ отработанные дни. Требованіе работника было странно и непонятно для хозяина: дьяволъ просилъ за свои труды „вѣру“. Сюлейманъ недоумѣвалъ; въ этомъ затрудненіи онъ обращается къ звѣрямъ. Въ княжескихъ чертогахъ перебывали всѣ сильные звѣринаго міра, но никто не могъ помочь ему. Только маленькій ежикъ (кирпи) далъ ловкій совѣтъ; хитрецъ предложилъ царю послать чорта отыскать и поймать Джемире. Царь такъ и сдѣлалъ. Одураченный чортъ и по сей день бродитъ по свѣту и не можетъ никакъ поймать эту Джемире. На вопросъ записывателя сказанія: „что такое Джемире?“ Татаринъ отвѣтилъ, что это не духъ, не дьяволъ, не святой и не богъ; сказалъ только, что Джемире является на землю 12-го марта и приноситъ съ собою тепло. Отъ Джемире зависитъ также волненіе воды и колебаніе земной коры (зап. г. Калачевымъ въ Алуштѣ).

Упомянутый на стр. 613 восьмичашечный (сагысь-аяклу?) конь, можетъ быть, слѣдовало перевести восьминогий (сагысь-аяклу; аякъ и „чашка“, и „нога“).

182. Кумюсъ-Иргэнь.

Ары, второй членъ въ женскихъ именахъ ср. съ Арыгъ, часто встречающимся въ женскихъ именахъ. Алтынъ-Ары ср. съ Алтынъ-Арыгъ (Mel. asiatic., t. III, l. 4, S. 412). Отче-Ары ср. съ Очы-Каравшинъ въ сказкѣ у Радлова (Proben, I, 421). Въ сказкахъ Минусинск. Татаръ Ütjün-Areg, дочь Üsüt-çan'a, принимающая видъ черной лисицы; ее бичуетъ Комдей-миргенъ (Mel. asiat., t. III); ср. съ повѣрьями о бичеванномъ бурундукѣ; бурундукъ по урянхайски корюкъ.

184. Тызынь-богатырь.

На другомъ нарѣчій произносится Тыгынъ. Повѣрья о пришествіи бѣлыхъ людей есть у Гиляковъ (см. Сибирская Газета, 1882 г., № 13, ст. „Русскіе колокола у Гиляковъ“) и у Корейцевъ (Русск. Вѣстн., 1882, февр., ст. Вс. Крестовскаго, „Очерки Южноуссур. края“, стр. 782). Въ гиляцкомъ вариантѣ разказъ о сожительствѣ съ бѣлыми людьми женщины, оставшейся отъ вымершаго племени, ср. съ мѣстомъ о Хончжи-харэмъ-емергенъ на стр. 387. Корейскій разказъ связываетъ „бѣлыхъ людей“ съ свиньями. Бѣлый по монгольски цаганъ, свинья гахай.

186. Боско.

Ср. съ дюрбютской былиной объ Иринь-Сайнѣ (№ 135). Сходныя черты: 1) поѣздка за невѣстой, у отца которой пируютъ женихи (въ Иринь-Сайнѣ 14, въ Боско 9); 2) поѣздка богатыря по трудному порученію отца невѣсты; Иринь-Сайнѣ ѣдетъ освобождать скованнаго верблюда, Боско розыскиваетъ Гунтурунта, стараго друга отца невѣсты; 3) поѣздка съ цѣлью возвращенія уведенныхъ въ плѣнъ лицъ: въ Иринь-Сайнѣ это отецъ и мать его, въ Боско его жена. Подобно Иринь-Сайну, Боско убиваетъ своего противника и его женъ. Противникъ Иринь-Сайна называется Мангысъ; противникъ Боско—Арджиманъ-Джарджиманъ, родомъ Тунгусъ. По видимому, Тунгусъ въ этой сказкѣ не есть имя племени, а есть мифологическая форма въ родѣ Мангысъ, Тентисъ, Чингисъ (см. прим. къ № 50): подъ именемъ Тунгусъ, можно думать, разумѣлось у Якутовъ многоголовое чудовище, людоедъ. У Монголовъ есть повѣрье о большой собакѣ Тангутъ-нохой; первый членъ Тангутъ не есть ли то же, что и Тунгусъ, только съ другимъ окончаніемъ; и монгольское Мангысъ въ бурятскомъ принимаетъ другое окончаніе и превращается въ Мангытъ. Появленіе формы Тунгусъ въ качествѣ имени племени можетъ быть отнесено къ позднѣйшему времени; встрѣтивъ чужое племя, Якуты могли дать ему имя, съ которымъ они уже привыкли соединять понятіе о чемъ-то враждебномъ и страшномъ. Подобный примѣръ представляетъ бурятское Мангытъ, „змѣй“, которымъ Буряты обозначаютъ теперь Русское племя. Риттеръ говоритъ, что Буряты Русскихъ зовутъ Манъ или Мангутъ; по Гмелину Мангутъ или Мунгутъ ругательное слово; по Палласу Буряты Русскихъ зовутъ Кара-Мангутъ (Риттера, Землевод. Азіи, V, Забайкалье, 141). Подобно Бурятамъ и Калмыки Казанскихъ Татаръ называютъ Мангысъ или Мангытъ (Небольсинъ, Хошоутовск. улусъ, 15). О подобномъ же значеніи слова Уранга см. прим. 13 къ гл. I. Народъ, извѣстный намъ подъ именемъ Урянхайцевъ, самъ себя называетъ Тува, но на первый вопросъ: кто ты такой? Урянхаецъ отвѣчаетъ обыкновенно не Тува, боясь быть не понятымъ, а Уранга, то-есть, называетъ себя именемъ, которое этому народу даютъ сосѣди, Монголы. Едва ли не въ томъ же родѣ народныя имена Иштякъ, Черемисъ (не варіація ли формы Кереметь?), Ноогай; по характеру соединяемыхъ представленій Иштякъ у Башкиръ и Киргизъ то же, что Уранга у Монголовъ. У Воляковъ Ногай то же, что русское чудь, у Чеченцевъ Ногай въ родѣ нашего Качея (см. прим. 36 къ гл. III). Нѣкоторыя сказанія, соединенныя съ именемъ Русь (стр. 962), кажется, позволяютъ предполагать, что и это имя, прежде чѣмъ оно было усвоено нашимъ племенемъ, прилагалось къ нему сосѣдами, какъ бранное. Можетъ быть, въ этомъ же направленіи слѣдуетъ исправить мнѣніе г. Буслаява, высказанное имъ по поводу именъ: Чудь, Обры, Половцы и пр.

Изъ „тонгусъ“ чрезъ выпаденіе носоваго н получается форма „тогус“, которую и встрѣчаемъ въ примѣненіи, по видимому, къ Б. Медвѣдицѣ у Ка-

*

чинскихъ Татаръ; высшее божество у нихъ называется или Джеты-кудай (то-есть, „семь боговъ“; это, можетъ быть,—то же, что Джетыганъ [Б. Медвѣдница], гдѣ второй членъ ганъ замѣненъ редупликаціей перваго) или Тогозь-кудай, то-есть, „девять боговъ“ (русск. переводъ Землевѣд. Азіи К. Риттера, т. IV [дополненія къ III тому], стр. 574; Castren's Vorlesungen ub. d. Fin-nisch. Mythologie, S. 14). Не есть ли значеніе семь и девять, придаваемое теперь формамъ джеты и тогузь, позднѣйшее, возникшее уже послѣ того, какъ люди привыкли эти формы соединять съ созвѣздіями, въ которыхъ насчитывали семь и девять звѣздъ? Что было какое-то девятизвѣздное почитаемое созвѣздіе, на это указываютъ сѣверноазиатскія повѣрья. Въ рукописномъ якутскомъ словарѣ Порядина говорится, что Якуты различаютъ двѣ Б. Медвѣдницы; одну называютъ Аррангасъ, а другую—Тунгусъ-Аррангасъ, то-есть, Тунгусскою Б. Медвѣдницей. Вѣроятно, Тунгусъ тутъ не эпитетъ, а собственное имя. Монголы, подобно Якутамъ, кромѣ семи звѣздъ Большой Медвѣдницы, почитали еще другія девять звѣздъ. Банзаровъ (въ Учен. Зап. Казанск. Универс., 1846, III, 73) говоритъ: „Не менѣе были почитаемы девять большихъ звѣздъ, которыя соотвѣтствовали девяти тенгріямъ. Онѣ имѣли на людей одинакое же вліяніе, какъ и семь старцевъ“ (то-есть, Б. Медвѣдница). У Алтайцевъ также есть какая-то другая Медвѣдница—Итъ-Тидыганъ. При той очерченности, однако, которою отличается Б. Медвѣдница, это созвѣздіе едва ли могло подать поводъ къ численію до девяти. Не составлялся ли изъ девяти звѣздъ Оріонъ, о которомъ сказанія Сѣверной Азіи путаются съ сказаніями о Б. Медвѣдницѣ? Вслѣдствіе этой путаницы и имя, придававшееся Оріону, могло перейти на Б. Медвѣдницу; тогда потребовалось для согласованія съ числовымъ значеніемъ имени присчитать къ числу семи еще два. Это дополненіе семи до числа девяти замѣтно въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ Сѣверной Азіи. Въ сказкѣ Минусинскихъ Татаръ (Mel. asiat., III, Ueb. die Heldensag. d. Minuss. Tatar. v. A. Schiefner, 379; Этн. сб., IV, 115) упоминаются два ворона, которые свили гнѣздо на семи листовницахъ, стоящихъ на Желѣзной горѣ (см. прим. 12 къ гл. III); ни приносятъ извѣстіе о смерти Джедай-хана. Ср. о Хурюкшутѣ, стр. 104. Въ одной изъ нашихъ былинъ рядомъ упомянуты: семь братьевъ Збродовичей (ср. семь братьевъ Грядовичей; Рыбн., I, 75), два брата Хапиловы (Кирѣевск., „Пѣсни“, I, 45). Киргизское повѣрье семь звѣздъ Б. Медвѣдницы ставитъ въ отношеніе съ двумя свѣтлыми звѣздами Дракона (см. стр. 711 и Оч., II, 125). Въ татарскихъ и монгольскихъ сказкахъ (а также и въ южно-русскихъ) богатырю нерѣдко даются двѣ собаки, которыя въ монгольскихъ сказкахъ иногда называются Асыръ-Басыръ. Не представлялась ли иногда Б. Медвѣдница богатыремъ-охотникомъ, а двѣ звѣзды Дракона ея собаками? По алтайскимъ повѣрьямъ, при дверяхъ Ерлика стоятъ собаки; по бурятскимъ и монгольскимъ повѣрьямъ, онъ высылаетъ ночью двухъ послы; эти Ерликовы послы, напоминающіе двухъ собакъ индѣйскаго Ямы, вѣроятно,—тѣ же двѣ собаки мионическаго богатыря. Важность числа семи, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ, довольно извѣстна. Происхожденіе этого уваженія относится

къ самому отдаленному времени, къ началу ассирійской цивилизаціи. Географическое распространение этого этнографическаго явленія также обширно; кромѣ передней Азіи, оно простирается на всю Европу и на всю сѣверную Азію. Чѣмъ внушено это уваженіе къ числу семи? Въ древнѣйшихъ преданіяхъ передней Азіи мы находимъ число семь связаннымъ съ семью планетами, но едва ли въ этихъ преданіяхъ заключается отвѣтъ на заданный вопросъ. Еслибы почитаніе числа семи возникло отъ почитанія семи планетъ, то какъ объяснить распространенность этого почитанія на всю Сибирь? Вліяніемъ ассирійско-халдейской цивилизаціи? Но во первыхъ, вліянія, которыя этотъ міръ могъ производить на востокъ, могли только совершаться путемъ проповѣдничества и торговыхъ сношеній, слѣдовательно, при посредствѣ единичныхъ силъ, обширныя же струи распространения повѣрій и легендъ посредствомъ массовыхъ переселеній проходили въ обратномъ направленіи; во вторыхъ, на сѣверѣ Сибири мы видимъ стоящія въ связи съ почитаніемъ числа семи повѣрья сильно укоренившимися въ народныхъ вѣрованіяхъ, связанными съ туземною обрядностью, такъ что появленіе ихъ вслѣдствіе внѣшняго вліянія трудно допустить (см. Этн. Сборн., IV, 60; ст. Третьякова въ Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, стр. 429 и 433; у Иславина въ его книгѣ „Самодѣды“, С.-Пб., 1847, стр. 117: самодѣдскій Уэсако имѣетъ семь лицъ). Мы замѣчаемъ, что число семь здѣсь часто связывается съ представленіемъ о Б. Медвѣдицѣ; не тутъ ли и нужно искать начало почитанія этого числа? Приписывая это начало планетамъ, приходится думать, что до открытія планетъ не было и этого почитанія; однако сибирскіе инородцы, не выдѣляющіе планетъ изъ ряда неподвижныхъ звѣздъ, кромѣ Венеры, уже питаютъ это уваженіе къ семи. Къ тому же трудно допустить, чтобы столь замѣчательное, столь рѣзко выдающееся созвѣздіе, какова Б. Медвѣдица, не отразила своего вліянія на творческую дѣятельность ума первобытнаго человѣка. Грозное явленіе, солнце, луна и недосягаемое звѣздное небо съ господствующимъ на немъ сѣвернымъ созвѣздіемъ—вотъ были, вѣроятно, первые элементы почитанія; культъ планетъ явился уже позднѣе, съ развитіемъ наблюденій. Настоящее число планетъ, извѣстныхъ древнимъ, было не семь, а пять; къ нимъ присоединились солнце и луна, и только тогда составлялось число семь. Уже эта неоднородность заставляетъ сомнѣваться, чтобы число планетъ послужило основаніемъ для священныя „семи“. Чаще всего въ сказкахъ и повѣрьяхъ встрѣчаются числа: три, семь и девять. Принимая за исходную точку семь планетъ, чѣмъ объяснить почитаніе числа три? Если же допустить участіе созвѣздій въ образованіи понятій о числахъ, то почитаніе трехъ легко объяснится тремя звѣздами пояса Ориона. У Финскихъ и Тюркскихъ племенъ первоначальная система счисленія была семиричная; то же самое было и въ венгерскомъ языкѣ (Vambergy, Die primitive Cultur des turko-tatarisches Volkes, Leipz., 1879, S. 115; Hunfalvi, Ethnographie von Ungarn, S. 154). Узбеки трехъ ханствъ и теперь еще для „восьми“ употребляютъ выраженіе „двумя менѣ десяти“ и для „девяти“—„однимъ

менше десяти". Это свидѣтельствуеъ, что почитаніе числа семи или важность его у этихъ племенъ своимъ началомъ восходитъ къ эпохѣ образованія числовыхъ представленій. Въ одномъ аккадскомъ отрывкѣ, переведенномъ у Ленормана (*Etudes assadiennes*, III, 130), вѣроятно, слѣдуетъ подъ семью злыми богами, нападающими на мѣсяцъ, видѣть семь звѣздъ Б. Медвѣдицы. Въ сѣверно-азиатскихъ сказаніяхъ есть намеки на враждебность этого созвѣдія къ мѣсяцу. Поводомъ къ нападенію семи боговъ въ аккадской легендѣ чуть ли не былъ какой-то напитокъ; ср. съ сказаніемъ о Бурханъ-Бакши.

Число семь часто замѣщается девятью; ср. у насъ въ № 4: у Манн то 7, то 9 сыновей; у Хазаровъ по Массуди было 7, по Эль-Истахри 9 судей; (у Качинскихъ Татаръ подземнымъ міромъ правятъ девять Ирль-хановъ; *Castren, Finn. Myth.*, 147). То же самое замѣчается въ арійскихъ повѣрьяхъ; ср. между прочимъ у Мангардта (*Mannhardt, Germ. Myth.*, 146, 160 и 161) то семь, то девять городовъ, въ которыхъ Индра или Вритра забираетъ воду. Число семь часто является въ сказаніи о родоначальникахъ человѣческаго племени. Такъ, семь предковъ человѣческаго рода насчитываютъ Якуты (*Middendorf, Sibir. Reise*, V. IV, Th. II, Lief. III, S. 1602), Енисейскіе Остяки (Третьяковъ въ *Зап. Русск. Геогр. Общ. по общ. геогр.*, II, 422), Буряты (стр. 216); семь предковъ племени въ сказаніяхъ: осетинскомъ о семи или девяти сыновьяхъ Осн-багатара (*Сборн. свѣд. о кавк. горц.*, в. V, стр. 58—61), албанскомъ о семи сыновьяхъ *Clemens'a*, родоначальника поколѣнія *Klementer*, и семи сыновьяхъ *Detali Bratosi*, родоначальника поколѣнія *Kastrati* (*Hahn, Alban. Stud.*, S. 183 и 188) и грузинскомъ (*Brosset, Hist. de la Georgie*, p. I, l. I, p. 16 и 218). Халдеи или другіе аборигены, положившіе свои доисторическія легенды въ основаніе ассирійской цивилизаціи, вѣроятно, до почитанія планеты поклонялись уже Большой Медвѣдицѣ, которой и теперь еще въ сѣверной Азіи приносятся жертвы (см. стр. 80; Д. Банзаровъ въ *Учен. Зап. Каз. Унив.*, 1846, III, 73, говоритъ о жертвахъ Большой Медвѣдицы у Буряты) и чтили число семь. По монгольскому сказанію, раздѣленіе Монголіи на семь хошуновъ произошло послѣ Чынгисова потомка Харасанца-Цзалаира (Гересандза-Джалаиръ), у котораго было семь сыновей. Харасанца Цзалаиръ ср. съ Карасанъ-Талай-ханъ у Радлова, *Prob.*, I, 424.

Эпизодъ похищенія жены Боско Тунгусомъ ср. съ сказкой Абаканскихъ Татаръ о Канъ-Тонгусѣ, похищающемъ сестру у Картага-мергена по имени Канъ-пурканъ (*Radloff, Prob.* II, 500). Канъ-пурканъ ср. съ Бурганъ-гапъ, именемъ семи небесныхъ дѣвъ (стр. 51). Имя девятаго богатыря на пиру Сигирь-уола-темиръ-силирденъ ср. съ Тенгри-ху-Темиръ-боко въ сказаніи о Иринъ-Сайнѣ. Тангара-ула по якутски „сынъ неба“; такъ Якуты зовутъ вола. *Pall. Zoogr.*, I, 36. У Шмидта было какое-то калмыцкое сочиненіе, въ которомъ описывался пиръ Чынгисъ-хана съ 9 ордками (юсунъ ордкы); Шмидтъ приводитъ имена этихъ ордковъ (*Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong.*, s. 381). Не слѣдуетъ ли въ этомъ видѣть указанія на то, что нѣкоторые

черты сказанія о Чингисѣ зашли въ него изъ сказки о миѣнческомъ Чингисѣ, которая, можетъ быть, разказывалась въ родѣ дюрбютской обь Иринь-Сайнѣ (гдѣ также перечисляются пирующие женихи) или въ родѣ якутской о Боско? Имя Боско ср. съ Бузукай въ № 84; это имя пастуха; по *Petit de la Croix* Есугай, имя Чингисханова отца является подь формами: *Resoukai*, *Pisonka*, *Mysuka*, *Jesuka* (*Oppert, Presb. Iohannes, 96*). Съ обычаемъ отдавать извѣстную часть убитаго звѣря проѣзжающему лицу ср. сказаніе монгольское о Добомергенѣ (*Труды Пек. дух. миссіи, IV, 25*).

187. Богачъ Бомлыть и бѣднякъ Бордо.

Еренкылъ ср. джиренхоль (№ 48, вар. *e*), Арахоль или Арахалунъ-дой (Арахи нашего № 43, вар. *a*), темнымъ существомъ, причиняющимъ лунныя затменія (Нилъ, Буддизмъ, 64), Карагула (стр. 371 и 427), Джиркылъ (стр. 762), а также съ алтайскимъ арсуль-айу, „левъ“, ходзенскимъ дзаргуль, манджурск. дварху, *Canis alpinus*, *Pall* (Маакъ, Пут. по Уссури, I, 107), *djerkul*, *idem* (*Radde Reise, I, 60*). *Arendjula*, въ татарск. сказкахъ южной Сибири эпитетъ богатойрской лошади (*Castren, Versuch e. Koib. u. Karag. Spr., 77*). Окончаніе кыл, кула, джула ср. съ названіями змѣи на татарскихъ нарѣчіяхъ, приведенными въ прим. 14 къ гл. III (стр. 744), къ которымъ еще можно прибавить чувашское сзуланъ (духъ Сзуланъ, по повѣрью Чувашъ Симб. губ., покровительствуетъ женщинамъ; Мальховъ, Симбирск. Чуваши, Казань, 1877, стр. 12) и тунгусское *kulin* (*Castren, Grundz. e. Tung. Spr., 110*). Въ якутской сказкѣ, вѣратцѣ изложенной въ Изв. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 37, Юрюнгъ-Уоланъ есть сынъ неба, спустившійся на землю.

Дополненія къ тексту.

Еъ главѣ I.

Сѣбки и шуточные характеристики инородческихъ родовъ (сѣбковъ).

(Записано г. А. Адриановымъ въ 1881 г.).

У Тюркскихъ и Финскихъ племенъ, населяющихъ южную часть Сибири, Алтай, каждый народъ въ тѣсномъ смыслѣ, каждое нарѣчіе, дѣлится на роды, поколѣнія—*сѣбк* (кость), которые ведутъ свое происхожденіе отъ какого-либо общаго предка. Исторія каждаго рода хранится въ преданіяхъ въ настоящее время уже перезабытыхъ и живущихъ въ памяти немногихъ стариковъ. Каждый родъ имѣетъ свое названіе, большею частію по предмету всѣ члены одного рода, хотя бы они и не знали другъ друга, считаются братьями, родными и потому не могутъ брать женъ изъ своего рода. При встрѣчѣ другъ съ другомъ, инородцы предлагаютъ первый вопросъ—какого сѣека, кости и если окажется—одного и того же, то они держатся какъ родные, помогаютъ другъ другу, мѣняются вещами или и совѣтъ ихъ дарятъ и вообще не отказываютъ ни въ какой просьбѣ, обращенной сородичемъ. Между родами всегда существуетъ извѣстный антагонизмъ и соревнованіе, которое выражается, напримѣръ, при борьбѣ, при бѣгахъ на лошадахъ, при добычѣ звѣря, орѣховъ и т. д. Одержавшій верхъ становится предметомъ гордости цѣлаго рода. Впрочемъ, мнѣ не довелось ни разу убѣдиться, чтобъ этотъ антагонизмъ переходилъ во вражду между родами. Проявленіе этого антагонизма лучше всего выражается въ тѣхъ шуточныхъ или бранныхъ характеристикахъ, которыя сочиняетъ одинъ родъ про другой. Во время путешествія я записывалъ эти характеристики, когда мнѣ удавалось выпытать ихъ. Замѣчу при этомъ, что ихъ сообщали всегда съ крайнею неохотой, точно боясь этимъ обидѣть какого-либо родовича, и безъ сомнѣнія, сообщали мнѣ болѣе невинныя характеристики, ничего не упоминая про оскорбительныя и рѣзкія. Я приведу ихъ здѣсь всѣ въ переводѣ о. Василя Вербицкаго, любезно принявшаго на себя этотъ трудъ.

1) Сѣекъ *Каларъ* обитаетъ по р. Мундыбашу, большому правому притоку Кондомы (ниже устья р. Тольбесъ), а также на стени по р. Камѣ. Пре-

даніе разказываетъ, что Ойроты, проходя съ огнемъ и мечемъ, встрѣтили народъ, который переваренную пищу кладетъ себѣ снова въ ротъ; подивились они ихъ младенческой простотѣ, побудившей начальника Ойротовъ произнести „калар!“ (останется). Съ тѣхъ поръ *Калары* и остались дѣлы отъ погрома. Про нихъ говорятъ: *Кабырга жерге кар жуқпас* (букву *ж* черневые татары произносятъ какъ русское *ч*), *Калария мал жуқпас* „на косогорѣ снѣгъ не держится—у Каларъ скотъ не ведется“.

2) Сѣкъ *Шор*—самый распространенный, занимаетъ почти все теченіе Кондомы. Онъ раздѣляется въ свою очередь еще на три сѣека: Карашор, Сары-шор и Узутъ-шор. а) *Кара-шор* (давшій поводъ назвать чиновнику одну изъ волостей по р. Кондомъ Карачерскою). Про нихъ разказываютъ, что однажды проголодавшіеся охотники добыли шуку; такъ какъ народу было много, и утолить голодъ всѣхъ шукой было не возможно, то налили въ котель побольше воды, въ надеждѣ на уху. Но снимая котель съ огня, они его опрокинули. Съ тѣхъ поръ и говорятъ про Кара-шоровъ: *Шардын шоры шортан міні*—„эхъ, ты, Шор—щучья уха“. *Кабырга жерге калба көп, алы шордын жооқы көп* „на косогорѣ родится много калбы (черемша—*Allium ursinum*), а у Шоровъ много разговоровъ“. *Ыштаным тубу жок, езерінің кажы жок*, „у Шоровъ (тоже, впрочемъ, и у каларовъ) штаны безъ втокъ (безъ дна), а сѣдла безъ дугъ“. *Карасу каймадын каймагын жіген*, сваривши ключевую воду, кушали сметану⁴ [то-есть, пѣну на водѣ]. в) *Узут-шор*—этотъ родъ живетъ въ вершинахъ р. Кондомы (Карачерская вол.), а также въ системѣ р. Пызаса (Чегоралъ) и въ улусѣ Кузедѣевскомъ (Кондомско-Безбоятов. вол.). Про нихъ говорятъ: *Узут агажынын аразында одурган сымырын табышкан*, „сидѣли въ кустарникахъ бузины, и находили другъ друга по свисту“. с) *Сары-шор*—по р. Кондомѣ. Объ этой кости не удалось записать.

3) *Челей* (Елей) составляетъ самостоятельныя волости Кондомско-Елейскую по р. Кухтенѣ близъ села Салтонскаго и Мрасско-Елейскую по р. Мрассу, а также входитъ въ составъ частію Карачерской вол. по рр. Кондомѣ, Кылдашу, Акшинѣ и Ндрапу (Актропу). Про нихъ говорятъ: *желейдин жери жок, састап жабал*, то-есть, у „Челеевъ земли нѣтъ, а если и есть немного, то она хуже болота“; или: *желтірек жерге кар жуқпас, желейге мал жуқпас*, то-есть, „на мысу снѣгъ не держится, а у Челеевъ скотъ не ведется“.

4) *Четибер* (жетібер) образуетъ самостоятельную волость Кондомско-Итиберскую по степи, близъ села Салтонскаго, а также по рр. Кондомѣ, Ндрапу и Мундумашу. Про эту кость говорятъ: *жетти апшак терезі талашкан жері чок жетібер*, то-есть, у „Четиберовъ, спорившихъ о шкурахъ семи медвѣдей, земли нѣтъ“.

5) *Карга* образуетъ самостоятельную волость по Мрассу при устьѣ р. Анзаса и частію входитъ въ составъ Кондомско-Елейской вол. по р. Мунжѣ. О нихъ не записано.

6) *Табыска*—по рр. Чумышу, Бахтѣ и Межену, пишутся Тагабской волости. *Тас табыска сас журтлу, сагалак немні, тос саадакты, тобан*

азыкты! *Олду тууза одус жаштын ерттезин, кыс тууза кырык жаштын ерттезин*, то-есть, „О, вы плѣшивые Табыски, живущіе въ болотѣ, питающіеся сагалаками (маленькая усатая рыбка), сражающіеся берестяными луками, берущіе съ собою въ запасъ хлѣбную пыль (труху)! Если у васъ родится сынъ, то пусть не живетъ долѣе 30 лѣтъ, а если дочь, то 40 лѣтъ!“ Такое заклинаніе произнесли Ойроты ¹⁾.

7) *Каран* (передѣлано изъ *карам*—жадный)—живутъ въ улусахъ Кузедѣвскомъ и Подкатуновскомъ на р. Кондомѣ, Кондомско-Бежболатовск. вол. Про нихъ говорятъ: *Вазанын тескері аскан*, то-есть, „варили пищу подъ котломъ“ (чтобъ никто не видалъ). *Вазанын устуне жаба тушкен*, то-есть, „упали на котелъ“ (схвативъ руками, чтобы никому не дать) ²⁾.

8) *Кызыл ия сѣк* (Красная гора)—по р. Мрассу около устья р. Кобырау составляютъ Кызыльскую вол. Про эту кость говорятъ: *Кызыл эт талажын таш аразына кыстальшканар*, то-есть, „споря о красномъ мясѣ стѣснились между камней“.

9) *Кыбий*—образуетъ Кивійскую волость по р. Кобырау.

10) *Кыйбык*—въ улусѣ Часовниковскомъ, бливъ лѣваго берега Кондомы (Кондомско-Барсойтской вол.). *Табылада тазыл кѣп, Кыйбыкта кыс кѣп*, то-есть, „у таволги много корней, у Кыйбыка—дочерей“.

11) *Кереш*—самостоятельная волость по лѣвому притоку Кондомы р. Билерѣѣ. Про эту кость говорятъ: *Аташ жабалы терек, кѣжі жабалы Кереш*, „изъ деревьевъ худшее—тополь, изъ людей—Кереш“.

12) *Телемет*—образуетъ самостоятельную волость по рр. Бачату и Кондомѣ ниже г. Кузнецка.

13) *Тогул*—въ улусѣ Керлегешскомъ на р. Чумышѣ; самостоятельная волость. Про нихъ говорятъ: *Тогул тон пок кебирге*—„Тогуль грязь мерзлый калъ“ (мой толмачъ былъ изъ этого сѣека, и потому, конечно, сказалъ мнѣ, что ничего не знаетъ про свою кость).

14) *Тастар* (плѣшивые)—по р. Біѣ. *Тастар улы пактанчык*—„Тастара дѣти хвастуны. *Тас кайын бажы жок, зекенин бажы жок*... „у голой березы нѣтъ вершины, у ровсомахи нѣтъ головы“ (что-то не досказано)

15) *Тон*

16) *Тоту*

17) *Шабат*

} Эти сѣеки живутъ по р. Біѣ, въ черни.

18) *Тайаш*—образуютъ особую волость по р. Пызасу, именуемую у администраторовъ сибирскихъ Мрасско-Изушерскою. Не знаю, на сколько заслуживаетъ вѣроятія объясненіе Чолышманскаго миссіонера, Телеута о. Михаила Чивалкова, происхожденія этой кости, но я его все-таки приведу. По мнѣнію о. Чивалкова. *Тайаш* передѣлано изъ *таик*—баджокъ, то-есть, деревянное подобіе репис'а, игравшее такую важную роль у Телеутовъ Багатскихъ и Чумчшскихъ, во время камлаія съ березой Ульгену. *Тайаш* это собственно *кошиз* (*качога* по телеутски), то-есть, блядунъ, а *коши* (въ-

¹⁾ Сообщ. О. В. Вербицкимъ.

²⁾ Сообщ. имъ-же.

роятно, олицетвореніе развратнаго человѣка), за распутство былъ заброшенъ на седьмое небо камомъ Кадылбашемъ (это тотъ самый знаменитый камень, который улетѣлъ изъ огня, когда кто-то захотѣлъ сжечь всѣхъ камней): Отецъ Михаилъ высказалъ увѣренность, что Таяш-сѣекъ есть въ сущности *томул-сѣекъ*. Словомъ, для меня осталось все не выясненнымъ относительно *Таяш-сѣека* и еще другаго— *Узут-шор*, по видимому, обитающаго тутъ же; я замѣтилъ только, что принадлежащіе къ этимъ востямъ инородцы стараются скрывать постоянное названіе своего сѣека и называются другимъ, чужимъ. Про *Тайашей* говорятъ: *казы эт талажып тащ аразына тараган—* „споривши о красномъ мясѣ, разсѣялись между камнями“.

19) *Себі* (русск. цѣпь)—обитають въ волостяхъ Кондомско-Бажбоятвской и Кондомско-Барсойтской, на р. Кондомѣ, ниже устья р. Тѣлбеса. Одинъ звѣропромышленникъ набрелъ въ Черни на женщину съ двумя дѣтьми, которая съ испугу забилась подъ колодину. Звѣропромышленникъ привелъ женщину въ свой домъ, чтобы она не убѣжала, привязавъ ее на цѣпь. *Септѣ себілер сепке жадып симирген—* „сидѣвши на цѣпи, отжирѣли“. *Курені себізі жадып тапкан!—* „ѣй, ты, бурѣха, сорвавшаяся съ цѣпи и найденная подъ колодой“.

20) *Кый*—самостоятельная волость по р. Кыйзасу, притоку Мрассу. *Кыйкчып журузуп талажып кечим алтына кирген—* „споривши о перьяхъ орла, забились подъ кичимъ“ (кожа поверхъ потника, при сѣдланіи коня).

21) *Шалкан*—особая волость по р. Лебеди (правый притокъ Біи), обозванная сибирскими администраторами „Шелвальскою“. *Шалканын сѣдѣи шалканактан жабал—* „Шалканы хуже крапивы“.

22) *Шашкылы*—тамъ же, гдѣ и Шалканы (сами родовичи произносятъ *чалканы* и *чачкылы*). *Кириндем киринде кирген шашкылы!—* „вы попали къ намъ въ плѣны!“

23) *Куманды*—двѣ волости по р. Біѣ (ниже Лебеди)—верхняя и нижняя Кумандинскія. *Куру каптан Курттул эт жіен; нубурткадай кыр тапкан, піледей тат тапкан—* „изъ пустаго мѣшка ѣли мясо съ червями; на яйцѣ нашли край и на оселеѣ ржавчину“. *Артым зайы алайды, нѣл зайы кѣдешти!—* „у васъ въ каждомъ порогѣ (рѣки) по котелку и въ каждомъ оверѣ по горшку“.

24) *Кузен*—особая волость по р. Біѣ, выше Лебеди. *Кулу ітпек тартышкан куле жала талажыпкан—* „изъ-за хлѣбовъ съ волою шути спорили“— *жаман кыстары кѣжее барбас зоонколу* (между прочимъ, эта востъ живетъ по р. Ёнколы, впадающей справа въ р. Бію (*ѣте кирбес—* „дочери ихъ съ толстыми руками, не упомѣщающимися въ р. Біѣ, замужъ не выходятъ“). (Не заключается ли здѣсь намекъ на то, что р. Ёнколу не имѣетъ устья, то-есть, предъ впаденіемъ въ Бію срывается въ песокъ. Знакъ ж здѣсь произносится уже не какъ ч, а какъ йотъ!).

25) *Комдош*—особая волость при р. Сары-Копшѣ, лѣвомъ притока Біи. *Ынырнаны улузу очкозы кѣзу жок—* „жители Ынырги—всѣ слѣпцы“.

26) *Кѣбѣк*—по р. Улагану, правому притоку Башкауса. *Кѣбѣктумулузу*

көн, кобузу кума жараи табак куртаган— „улуь Кобёка великъ, но многе изъ нихъ пригодны лишь на прислугу и въ горлѣ у нихъ завелись черви“. Разказываютъ, что въ древности было четыре брата Теленгета, отъ которыхъ пошли 4 сёека: 1) Тёёлсь, 2) Оргончи, 3) Кобёк и 4) Чабак (стало быть, всѣ 4 сёека между собою родственны).

27) *Сал*—сёекъ по р. Чолыману.

28) *Сал*—тамъ же. *Саадагын салжыпалын, саралазын пöру жин*— „луькъ со стрѣлою вѣтеръ унесъ, а жеребенка волкъ съѣлъ“. *Енечи-сал пийболас, улак терези ййге кирбес*— „бабка (повивальная) начальникомъ не бываетъ, а кожа козленка на выдѣлку не пригодна“.

29) *Гьтас*—по р. Башкаусу. *Кёбёктин казан кайнаттас, конгоруду аркыт туруснас, жери кичикту гьтас*— „у Кобёка котель не кипитъ, колокольчатый мѣхъ (для кумыса) не стоитъ, а у Джитаса (титасъ по мѣст. произношенію) маловато земли“.

30) *Кереш*—въ верхнемъ теченіи р. Биз, смежно съ Комдошами.

Какъ я выше сказалъ, всѣ члены одного рода сёека считаются родственниками и на этомъ основаніи въ супружество между собою не вступаютъ. Но есть сёеки, которые считаются и между собою родственными, а въ такомъ случаѣ члены этихъ сёековъ также *кыс алышнас*, между собою не женятся; таковы, напримѣръ, родственные сёеки: Калар и Челей; Юту и Куманды; Тастаръ и Куманды; Карашор и Узут шор.

Изъ сёековъ по дорогѣ я слышалъ объ Алмат-сёекѣ на Биле, на берегу Телецкого озера и Кыпчака на Башкаусѣ и др. Про каждый сёекъ народомъ сложены шуточныя или оскорбительныя, бранныя характеристики, и не одна, не двѣ, а по нѣскольку; но какъ я замѣтилъ выше, добродушные инородцы не охотно ихъ сообщали, не желая оскорблять тотъ или другой родъ, а тѣмъ болѣе не желая сообщать каждый о себѣ нелестныя характеристики. Смыслъ нѣкоторыхъ изъ нихъ затерялся, и преданіе не сохранило ихъ объясненія, но нѣтъ сомнѣнія, вызваны эти характеристики тѣми же предлогами, по которымъ они существуютъ и у насъ для различныхъ губерній или областей; у насъ говорятъ: „Сибирякъ — солёныя уши“, „Тюменцы—ворчажники“ или „горшечники“, „Тоболяки—язвники“, „Томичи—аленичи“ или „баеланы“ и т. д. На Кондомѣ мнѣ назвали еще сёекъ — *Кадын-ал*; можетъ быть, мой толмачъ не разобралъ, что ему говорили, и перевралъ, но о. Василій Вербицкій утверждаетъ, что такого сёека нѣтъ, а *Кадын-ал* есть улусъ Подкатунскій, стоящій на правомъ берегу Кондоми. верстахъ въ 8 отъ улуса Кузедѣвскаго. Про обитателей этого улуса говорятъ: *Алы Кадын-ал кызыл-даш куачактаган курсагы куйген. Паланын мизин шыгара паскан*— „дураки Катунцы! Красный камень взяли въ охабку и сожгли себѣ брюхо, а у ребятъ мозгъ выдавливали“. Поводомъ къ этой насмѣшкѣ послужило слѣдующее преданіе: Въ мѣстности, гдѣ стоитъ Подкатунскій улусъ, росъ богатырь, но дураковатый. Это-то сочетаніе въ богатствѣ силы съ глупостью и заставило Подкатунцевъ порѣшить богатыря, для чего они придумали слѣдующее: На утесѣ г. Кадынъ (залежи жерноваго песчаника)

они раскалили большой камень; а отецъ богатыря и говоритъ: „Ну, милый сынъ, пойди, встань на берегу рѣки и смотри на утесъ; мы оттуда будемъ гнать краснаго оленя, а ты его хватай и держи до моего прихода“. Раскалившійся камень полетѣлъ съ утеса Кадына, а богатырь его схватилъ. Камень прожигаетъ его богатырское сердце, но онъ говоритъ самъ себѣ: „Пусть всего ты меня изожжешь, а ужъ я тебя не выпущу, пока не придетъ батюшка“. И дѣйствительно, не выпустилъ, но за то и поплатился жизнью.

Къ гл. III.

Дѣтскія названія пальцевъ.

(Записано г. Адриановымъ въ 1881 г.).

У Черневыхъ Татаръ по р. Кондомѣ.	У Теленгытовъ по р. Улагану.	У Сойотовъ.
Большой	пат-пара	пат-падыр
Указательный	пажы-корай	пажы-курлу
Средній	он-торый	орта-мерген
Безъимянный	ондур-бора	ова-чечен
Мизинецъ	ежі-бубай	кит-тобок

Эти названія пальцевъ шуточные, употребляемыя въ дѣтской игрѣ.

Къ гл. IV (стр. 182).

Птица дуудынкъ.

Когда птица дуудынкъ закричитъ, всѣ птицы должны повиноваться, прятаться; сама она небольшая. Птица ительги нанесла яицъ; слетѣлись орлы и отняли гнѣздо; ительги не могъ справиться и улетѣлъ. Черезъ недѣлю онъ вернулся, а за нимъ еще какая-то небольшая птица, которая одного за другимъ всѣхъ орловъ перебила. Думаютъ, что это была дуудынкъ.

(Зап. мною отъ Калмыка Астраханск губ., въ городѣ Царицынѣ).

Къ примѣчаніямъ.

Къ гл. II.

Къ прим. 16. Крестъ на нарѣчій Тобольск. Татаръ *каци* (Гягановъ Грамм. тат. яз., С.-Пб., 1801 г., стр. 55). По осетински *дзуаръ*; *дзуаръ-текти*, то-есть, „летучій дзуаръ“, называется падающая звѣзда. По грузински *джвари*.

Еъ гл. III.

Большая Медвѣдица.

Качинскіе Татары: *Джытыманъ* (изъ рукоп. ст. г. Попова).

Якуты: *Арангасъ сулусъ*, „навѣсъ звѣзда“; арангасъ—навѣсъ на 4, 6 или 8 столбахъ; въ сказкахъ: алтынъ-арангасъ, „мѣдный навѣсъ“ строится въ домѣ невѣсты для пріѣзжавшаго жениха; на немъ женихъ лежитъ, не спускаясь на землю, чтобъ не оскверниться (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 36).

Зырянск.: *Лампатуј* „лыжный слѣдъ“ (сообщ. г. Г. Лыткинымъ). Мною отъ одного Зырянина Яренск. у., пріѣзжавшаго въ Петербургъ, записано: *Ой-кодзюль*; ой—„ночь“, кодзюль—„звѣзда“.

Алеуты на Командорск. островахъ: *Итмакъ*; М. Медвѣдица—*Итмакуча*: иткахъ, „олень“, „лось“ на языкѣ Уналашкинскихъ Алеутовъ; у Камчадаловъ Б. Медвѣдица называется именемъ, которое въ переводѣ значить сохатый (сообщ. г. Гребницкимъ).

Оріонъ.

Качинскіе Татары: *Усь-мыйлакъ* (изъ рукоп. ст. г. Попова).

Якуты: *Омукъ-юряля*, ламутскія Плеяды (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 37).

Плеяды.

Качинскіе Татары: *Ольгэръ* (изъ рукоп. ст. г. Попова).

Якуты: *Юряль*, „продушина“, „дувалка“ (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIII, № 3, стр. 36).

Зыряне: *Вој кодзул*, „ночная звѣзда“; *Јурјыл кодзул*, „надголовная звѣзда“ (сообщ. г. Лыткинымъ). Отъ вышеупомянутаго Зырянина Яренск. у. мною записано: *Чежь-котыръ*, „табунъ утокъ“; чежь—утка; котыр—матка съ птенцами.

Зарница.

Зыряне: *Рытја кыа кодзул*, „звѣзда вечерней зари“ (сообщ. г. Лыткинымъ).

Полярная звѣзда.

Зыряне: *Војла дор вест кодзул*, „звѣзда противъ ночной страны“ (сообщ. г. Лыткинымъ).

Алеуты на Командорскихъ островахъ: *Адакъ*; отецъ—адакъ (сообщ. г. Гребницкимъ).

Сказанное на стр. 736 о значеніи Б. Медвѣдицы въ смыслѣ прочности вселенной и ея порядка ср. съ употребленіемъ китайскими писателями выраженія „держать въ своей рукѣ окончность Большой Медвѣдицы—*Pe-teou*“ въ смыслѣ „царствовать“, „управлять“ (*Memoires sur les contrées occidentales par Hiouen-Thsang, traduit par St. Julien, p. XLV*).

Млечный путь.

Зыряне: *Кай левзан туј*, „дорожка, по которой летать птицы“ (сообщ. г. Лыткинымъ).

Алеуты на Уналашкѣ: *имим-асягида*; иникъ, „небо“, „верхъ“ „асягидакъ“, *linea alba*; у Лисьевскихъ Алеутовъ Млечный путь: *Куссумъ хасса*, „полоса наверху“ (сообщ. г. Гребницкимъ). Объ армянскомъ повѣрѣіи о соломокрадѣ см. Матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа, в. II, отд. II, стр. 24.

Радуга.

Качинскіе Татары: *кугуртъ чѣлы* (изъ рукоп. ст. г. Попова); *кугуртъ*, „громъ“; *чель*, „дорога“.

Якуты: *кустукъ* (Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. III, № 3, стр. 39). *Кустукъ* по якутски „стрѣла“.

Зыряне: *би-мелыр*, „огненная дуга“; *оика-мѣшка*, „быкъ съ коровой“; *жем вудж*, „дугъ Божій“. Іен — „Богъ“, „сильный“, „удивительный“, „дивный“ (сообщ. г. Лыткинымъ). Отъ Зырянина Яренск. у. мною записано: *жем-вуж*.

Сѣверное сіяніе.

Отъ Зырянина Яренск. у. записано: *остымъ*.

Ез прим. 26. Къ числу именъ мелкихъ звѣрковъ, сходныхъ съ именемъ многочислаго звѣря, слѣдуетъ привести еще урянхайское абырганъ, афырганъ, „летага“; ср. съ Абырганъ, „звѣрь“.

Къ гл. IV.

Къ № 38. Въ сказкахъ Минусинскихъ Татаръ *Kögel-çan*, шаманъ, за которымъ ходятъ семь сѣрыхъ собакъ (*Mel. asiatiques, t. III, l. 4, p. 423*).

Къ № 44, вар. б. Въ сказаніяхъ о сотвореніи человѣка постоянно является караульщикомъ голый песь.

Къ № 50. Гесеръ-хана, ѣдущаго подъ видомъ заморыща къ Чоридонгу вмѣстѣ съ дядей Зотынъ-нойономъ, ср. у Радлова съ Тасъ-таракаемъ, ѣдущимъ къ Ай-хану; вм. Зотынъ-нойонъ у Радлова *јатті јайзангъ*, „семь зайсановъ“ (*Ргобен, I, въ нѣм. стр. 44, въ тат. стр. 44*). Зайсанъ по алтайски то же, что нойонъ по монгольски.

Къ № 66. Въ легендѣ, послужившей сюжетомъ для известной китайской драмы „Китайскій сирота“, находится между прочимъ слѣдующія черты: Злой царь Ling-kong преслѣдуетъ своего министра Чао-туна; онъ приглашаетъ его на пиръ и приготовляетъ снаружи дворца засаду, но поваръ искуснымъ намекомъ заставляеть Чао-туна воздержаться отъ вина, что даетъ ему возможность своевременно убѣжать изъ дворца. Съ именемъ Чао-тунъ связано число три; врагъ его Ту-ан-ку убиваетъ вмѣстѣ съ нимъ трехъ его братьевъ, и сверхъ того, треста другихъ его родственниковъ. Заточенную во дворцѣ беременную царевну ср. съ № 59; родившійся мальчикъ, котораго ожидала смерть, тайно вынесенъ изъ дворца въ коробѣ, прикрытой травами. Отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій царевичъ спасенъ тѣмъ, что одинъ человекъ выдаетъ за него своего сына, котораго солдаты и разсѣкаютъ на три части (ср. съ нашею легендой о Кирикѣ и Улитѣ и съ монгольской о Болго-ноянѣ). Драма кончается торжествомъ гонимаго царевича. Ту-анъ-ку присужденъ къ медленной смерти; онъ притвожденъ къ деревянному ослу. Царскій министръ приказываетъ солдатамъ: „Soldats, prenez-moi ce brigand, clouez-le sur l'âne de bois et disséquez le lentement en trois mille morceaux. Quand vous aurez coupé toute sa peau et enlevé toute sa chaire, vous fendrez sa poitrine et vous lui trancherez la tête“ (Tchao-chi-kou-eul ou l'Orphelin de la Chine, traduit par Stan. Julien, Paris, 1834, p. 127). Ст. Жюльенъ не дѣлаетъ къ этому мѣсту никакого примѣчанія о томъ, есть ли другія указанія въ памятникахъ о существованіи въ древнемъ Китаѣ подобной казни. Медленное уничтоженіе тѣла напоминаетъ ущербъ луны. Сюжетъ для этой драмы заимствованъ изъ китайскаго историка Сы-ма-цзяня, жившаго за 100 л. до Р. X., а Сы-ма-цзянь относитъ эту исторію за 600 лѣтъ до Р. X.

Къ № 68. Изображеніе женщины съ ребенкомъ на животѣ есть у Аспелина (Aspelin, Antiquités du Nord Finno-Ougrien, III, p. 131).

Алфавитный указатель.

А.

Аба—покол. Татарь, 669.
 Абагази—мно. лицо, 113.
 Абагань—рѣка, 327.
 Абагы—см. Абахы.
 Абадень—хубынь—шошки—дѣйств. лицо ск., 403.
 Абавай—пред. Буряты, 826.
 Абай-Гесерь-Богдо—см. Гесерь-хань.
 Абакань—р. въ Алтай, 10, 72, 128, 155, 618, 664.
 Абакты—предокъ Киргизь, 14.
 Абакъ—предокъ Киргизь, 14, 669.
 Абакъ Кирей—дѣйств. л. ск., 669.
 Абакъ-Кирей—Кирг. покол., 670.
 Абатый Сай хань—дѣйств. л. ск., 336—340.
 Абатый-Сань-хань—халхасскій хань, 333—340.
 Абахай—дѣйств. л. ск., 873.
 Абахай-ары—дѣйств. л. ск., 618, 619.
 Абахай-дангинь—дѣйств. л. ск., 392—395.
 Абахай-Цецекъ—дѣйств. л. ск., 284, 285.
 Абахы, Абагы—диаволь, 647.
 Абашей—Буряты, 174, 184, 203, 206, 251, 266, 289, 329.
 Абдань—предокъ Киргизь, 14.
 Абджи-нойонь—предокъ Дюрбютовъ, 326, 327.
 Абдрахмь—предокъ Киргизь, 15.
 Абдуль-Хотонь, Абдыль-Хотонь—дѣйств. л. ск., 320, 321, 869, 870.
 Абень—предокъ Киргизь, 18.
 Аби-Бурки—мно. конь, 868.
 Абида-Галсань-хань—истор. лицо, 881.
 Абикиа—дѣйств. л. ск., 873,
 Абишь—предокъ Киргизь, 16.
 Абкай-шурдечжень—созвѣдѣ, 712.
 Аблай—киргиз. хань, 16.
 Абрагань—подземн. божество, 218.
 Абрый-могай—мно. змѣй, 826.
 Абрый-Сасэнь-Мангытхай—дѣйств. л. ск., 255, 256.

Абрыкчи-Бурхань—дѣйств. л. ск., 482.
 Абрый—мно. змѣй, 761.
 Абтай-сайнь-хань—дѣйств. л. ск., 332, 870, 882.
 Абульгази—восточн. историкъ, 666, 669, 830.
 Абульфараджъ—вост. пис., 841, 854, 863.
 Абульфеда—араб. пис., 786, 863.
 Абурга—гора, 826.
 Абхазия—страна, 902.
 Абхазцы, Абхазы—народъ, 675, 747, 791.
 Абыгань—гора, 128.
 Абыгань—мно. лицо, 70, 72, 692.
 Абызь—дѣйств. л. ск., 811.
 Абынь-бомъ, Абомъ-бомъ—мѣстность, 214, 215, 666, 796.
 Абырга—мно. рыба, 226,
 Абырга-джиланъ—мно. змѣй, 50, 826, 846.
 Абырга-могай—мно. змѣй, 188, 500, 511, 543.
 Абыргань—мно. змѣй, 751, 761, 763, 806, 808, 826, 943.
 Абысь-камъ—дѣйств. л. ск., 77, 290, 291.
 Абысь-Кыдай—дѣйств. л. ск., 290.
 Абысь-Тостогошъ—дѣйств. л. ск., 293.
 Абэ-Гэсырь-богдо-хань—см. Гесерь-хань.
 Аварцы—народъ, 702, 714, 723, 730, 782, 844, 898.
 Авары—древн. народъ, 651.
 Аватай-Сайнь-хань—дѣйств. л. ск., 339.
 Августинъ Блаженный—церк. пис., 759.
 Авд-хой,—созвѣд., 714, 730.
 Авеста—свящ. книга, 839.
 Авитхогъ—болгарск. царь, 881, 898.
 Австралийцы—народъ, 780.
 Авваронъ Пакондзи—мно. птица, 760, 781.
 Авваронъ-Паконди—мно. птица, 760.

- Авъ-Весаво—божество, 687, 696, 698.
 Агай—дѣйств. л. ск., 903.
 Агамайли—узбек. покол., 797.
 Агамемнонь—дѣйств. л. ск., 921.
 Ага-огусь—мно. быкъ, 646, 874.
 Агапей—царь въ ск., 845.
 Агарь—рѣка, 21.
 Агаряне—народъ, 690.
 Агасферъ—дѣйств. л. ск., 780.
 Ага-Тангара—якут. божество, 842.
 Аггей—дѣйств. л. ск., 755.
 Агинское бурятское вѣдомство, 143, 168, 263.
 Агни—божество, 752.
 Агое—дѣйств. л. ск., 690, 903.
 Аголангъ—дѣйств. л. ск., 748.
 Агрикановы братья—дѣйств. л. ск., 913.
 Агу-Ногонъ—мно. птица, 486—488.
 Агмыангъ-во, Агмыннгъ-во—дѣйств. л. ск., 719, 747.
 Агмырь—дѣйств. л. ск., 207.
 Агмырь—рѣка, 188.
 Агмысь—предокъ Киргизъ, 19.
 Агмысь-бастахъ-Андурай—дѣйств. л. ск., 633.
 Адай, Адаевцы—кирг. покол., 671, 896.
 Адай—предокъ Буряты, 23.
 Адай—дѣйств. л. ск., 411, 412.
 Адай-дархатъ, Адай-таргытъ—народъ, 21, 671.
 Ада-вижи—имя Еркина, 70.
 Адамъ—дѣйств. л. ск., 693, 800.
 Адамъ-Еркикъ—дѣйств. л. ск., 71, 214, 220, 796.
 Адамъ-Тогой-Тэнгрэ—мно. лицо, 69, 70.
 Адаргинь—племя, 704.
 Адахъ—звѣзда, 942.
 Адгырь-Хара-Мангысь—дѣйств. л. ск., 905, 906.
 Азербиджанскіе Турки—народъ, 1, 653.
 Аджи-Сурджи-бакши—дѣйств. л. ск., 373, 374, 376.
 Аджу-Хурманъ—хотонскій предокъ, 790.
 Адзыргенъ-голь—рѣка, 292.
 Адриановъ—членъ экспедиціи, 86, 556, 559, 583, 618, 647, 650, 683, 833, 878, 879, 923, 924, 927, 936, 941.
 Адучи—дѣйств. л. ск., 439, 440.
 Ады-ганъ—гора, 208, 690, 722, 792.
 Адмыгъ—народъ, 734.
 Адмыгъ—богатырск. конь, 423, 424.
 Авясь—мусульм. святой, 850.
 Авія—страна, 651, 652, 661, 669, 671, 672, 674, 678, 681, 689, 693, 694, 716, 719, 722, 733, 736, 752, 762, 765, 803, 836, 842, 845, 864, 890, 910, 914, 922, 932—934.
 Азовское море, 682.
 Азовъ—городъ, 924.
 Азузъ—божество у Сабеевъ, 689.
 Ай-арыгъ—дѣйств. л. ск., 570, 929.
 Айбике—родоначальница кирг. народа, 16.
 Айваръ—порогъ на Днѣпрѣ, 807.
 Ай-ганъ—дѣйств. л. ск., 425, 426.
 Айгулакъ—уроч., 95.
 Айдабуль—предокъ Киргизъ, 17, 18.
 Айдангъ-Арыгъ, дѣйств. л. ск., 909.
 Ай-Долей—дѣйств. л. ск., 682, 737, 913.
 Айдошъ—предокъ Киргизъ, 15.
 Айканъ—дѣйств. л. ск., 557, 569, 570.
 Ай-каратъ—богатырск. конь, 558.
 Аймасъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Айносы, Айны—народъ, 54, 675, 688, 698, 699, 705, 756, 799, 911.
 Айрапханъ—предокъ Киргизъ, 18.
 Айранъ-джула—мно. лицо, 770.
 Айришь-Айриша-канъ—дѣйств. л. ск., 887.
 Ай-Тангара—якут. божество, 841.
 Ай-Темусъ—дѣйств. л. ск., 736, 904.
 Ай-Тоень, Ай-Тойонъ—божество, 631, 640.
 Ай-Толмыс—дѣйств. л. ск., 752.
 Айтъ—пред. Киргизъ, 14.
 Айтъ-воджа—пред. Киргизъ, 18.
 Айтюмбекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Ай-ханъ—дѣйств. л. ск., 614, 943.
 Аича—пред. Киргизъ, 17.
 Ай-Юрюнь—якут. божество, 910.
 Ай-Юрюнь-Тоень—якут. божество, 821.
 Акай—предокъ Киргизъ, 17.
 Аканъ—пред. Киргизъ, 17.
 Акаста царь—дѣйств. л. ск., 920.
 Акбарджи—ханъ монг., 875.
 Акбась—пред. Киргизъ, 18.
 Акдербисъ—пред. Киргизъ, 17.
 Акиръ Премудрый—дѣйств. л. ск., 863, 917.
 Акианъ-море—дѣйств. л. ск., 831.
 Аккадцы—древн. народъ, 842.
 Акканъ—дѣйств. л. ск., 593, 594.
 Акканъ-Алтынгъ-ганъ—дѣйств. л. ск., 618, 619.
 Акксы—пред. Киргизъ, 16.
 Акмолинская область, 19, 734, 770, 904; округъ, 666, 707.
 Акпуслагъ—дѣйств. л. ск., 578—582.
 Аксагалдай—дѣйств. л. ск., 583—585.
 Аксакаль-Ашыагъ—дѣйств. л. ск., 416.
 Аксакъ-Темиръ—дѣйств. л. ск., 867.
 Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Темиръ—звѣзда, 690, 735, 762, 764, 808.
 Аксаиткаъ—богатырск. конь, 624.
 Аксаратъ—богатырск. конь, 566, 568, 571—573.

Аксары—пред. Киргизъ, 14.
Аксымды—дѣйств. л. ск., 507, 508.
Актай—пред. Киргизъ, 18.
Акташъ—божество у Воляковъ, 692, 878, 879.
Акту—блаженные, 879.
Акть—Джетъ—урянк. покол., 668.
Акть—Додотъ—урянк. покол., 668.
Акула—дѣйств. л. ск., 811.
Ак-ханъ—дѣйств. л. ск., 208, 423, 682.
Акча—чернев. Татаринъ, 373.
Акчабай—пред. Киргизъ, 18.
Акша—пред. Киргизъ, 18.
Акшинъ—рѣка, 937.
Акъ-бике—дѣйств. л. ск., 869.
Акъ-бей—дѣйств. л. ск., 369.
Акъ-бура—пред. Киргизъ, 19.
Акъ-жоль—пред. Киргизъ, 14.
Акъ-Джоту—урянк. покол., 12, 668.
Акъ-ирень—онговъ, 95.
Акъ-Каратъ—богатырск. конь, 576.
Акъ-Кобокъ—дѣйств. л. ск., 801, 839, 929.
Акъ-куль—пред. Киргизъ, 18.
Акъ-Мангышъ—урянк. суммъ, 11.
Акъ-сары—пред. Киргизъ, 18.
Акъ—софы—пред. Киргизъ, 14, 15.
Акъ-тагъ—гора, 412.
Акъ-талай—море, 557.
Акъ-таскылъ—гора, 577.
Акъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 423, 737, 876, 879.
Алабей-алты-азакты—богатырск. конь, 572.
Ала-гошѣкъ—пред. Киргизъ, 19.
Ала-гула—мнѣ. страна, 72.
Алакаинъ—уроч., 69.
Ала-Картага—дѣйств. л. ск., 736, 876, 900.
Ала-Ко—дѣйств. л. ск., 719.
Алакъ-Джингсантъ—дѣйств. л. ск., 876.
Ала-Мангынъ—дѣйств. л. ск., 682.
Ала-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 766.
Аланъ—страна, 902.
Аланъ-Гасаръ—мнѣ. народъ, 671, 748.
Аланъ-Керъгъ—страна, 902.
Аланы—народъ, 902, 928.
Аланъ-гоа—дѣйств. л. ск., 719, 735, 748.
Аланъ-гова—дѣйств. л. ск., 719.
Алапъ-мелекей—мнѣ. лагуша, 208, 792.
Аларская степь, 411, 412.
Аларскіе Буряты—см. Буряты.
Аларъ—уроч., 112.
Аласа-ханъ—дѣйств. л. ск. 689.
Алатыръ—мнѣ. камень, 690.
Алауганъ—дѣйств. л. ск., 849.
Алача-ханъ—дѣйств. л. ск., 896, 897.

Алачи-Укуръ Хара-батыръ—дѣйств. л. ск., 483.
Алашанскій хребетъ, 749.
Алашанъ—страна, 231.
Алаша-ханъ—дѣйств. л. ск., 368, 896.
Ала-шильдыръ—соввѣд., 730.
Алашъ—военный кличъ кирг. народа, 368.
Албанія—страна, 846.
Албанцы—народъ, 682, 710, 733, 741, 747, 771, 867.
Албинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 824.
Албынъ-Цаганъ—мнѣ. горы, 439.
Алгуй—предокъ Бурятъ, 826.
Алданъ—островъ, 730.
Алдаръ-косе—дѣйств. л. ск., 364, 365, 815.
Алдаръ-тазъ—дѣйств. л. ск., 815.
Алдебаранъ—звѣзда, 789.
Алдіяръ—пред. Киргизъ, 16.
Александрида—вост. поэма, 902.
Александръ Македонскій—736.
Алексѣй—Телеутъ, 226, 286.
Алеуты—народъ, 754, 789, 942, 943.
Алеша Поповичъ—дѣйств. л. ск., 792.
Алибекъ—пред. Киргизъ, 18.
Алике—пред. Киргизъ, 17.
Алилуева жена—дѣйств. л. ск., 892.
Алиметъ—пред. кирг. нар., 16, 17.
Алимень—пред. Киргизъ, 18.
Алмать—покол. въ Бухарѣ, 668.
Аллауганъ—дѣйств. л. ск., 711.
Алмать—покол. алт. нар., 7, 62, 141, 177, 181, 940.
Алмусъ—дьяволъ, 429.
Алтай—пред. Киргизъ, 19.
Алтай—горная система, 1, 2, 10, 40, 43, 54, 57, 61, 64, 75, 78, 95, 125, 128, 142, 200, 206, 220, 262, 286, 300, 304, 328, 431, 438, 445, 465, 653—656, 658, 660, 661, 663, 666, 667, 682, 683, 691, 693, 806, 843, 936.
Алтанъ-Сайнъ-Суме—дѣйств. л. ск., 715.
Алтайская миссія, 649.
Алтай-ханъ—горн. духъ, 704.
Алтайцы—народъ, 1, 2, 9, 27, 36, 38—42, 46, 49—51, 62, 63, 68—70, 77—79, 83, 89—91, 93—98, 100, 123, 128—131, 133, 135—138, 141, 161, 165, 181, 182, 189, 190, 193, 206, 207, 225, 286, 618, 650, 653—656, 658, 660, 666—668, 672, 678, 682, 689, 691, 692, 697—702, 704, 718, 750—752, 756, 769, 770, 774, 781, 798, 799, 806, 827, 829, 839, 843, 846, 851, 861, 874, 877—879, 889, 895, 904, 907.
Алтанъ-сегсэ—дѣйств. л. ск., 486, 487.
Алтанъ-тобчи—монгольская лѣтопись,

- 668, 713, 734, 735, 749, 759, 763, 765, 767, 791, 795, 797, 802, 804, 805, 816, 819, 820, 822, 826, 835, 836, 838, 852—854, 863, 868, 871, 872, 875, 876, 883, 892, 899, 903, 922, 930.
- Алтанъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 790.
- Алтанъ-Ходого—предокъ монг. народа, 734.
- Алтеэ-сарымъ—киргиз. покол., 16.
- Алтынопа—личн. имя, 862.
- Алтынъ-Айра—дѣйств. л. ск., 667.
- Алтынъ-арахъ—дѣйств. л. ск., 903.
- Алтынъ-Арбый—дѣйств. л. ск., 572.
- Алтынъ-Ары—дѣйств. л. ск., 618, 619, 930.
- Алтынъ-Арымъ—дѣйств. л. ск., 558, 567, 573, 929, 930.
- Алтынъ-Ганджуръ-Ганджуръ—свещ. книги, 262.
- Алтынъ-Гартай-ханъ—дѣйств. л. ск., 332, 333, 340, 341, 870, 904.
- Алтынъ-Горголтэй—дѣйств. л. ск., 184.
- Алтынъ-Гургульдей—мнѣ. птица, 904.
- Алтынъ-делегей—божество, 691.
- Алтынъ-Дзандынъ-Абахай-Эгечи—дѣйств. л. ск., 505, 506.
- Алтынъ-Зотви—книга, 519.
- Алтынъ-Зурге—предм. въ сказ., 779, 788, 904.
- Алтынъ-имель—гора, 904.
- Алтынъ-Иргекъ—дѣйств. л. ск., 573, 574, 622, 624.
- Алтынъ-каэмъ—звѣзда, 137.
- Алтынъ-канъ—дѣйств. л. ск., 556, 557.
- Алтынъ-Картага—дѣйств. л. ск., 568, 569, 575.
- Алтынъ-Кокъ-кызмъ торгу куйнекты—дѣйств. л. ск., 557—560, 562—565.
- Алтынъ-кукэй—гора, 904.
- Алтынъ-кулъ—озеро, 602, 607, 608.
- Алтынъ-Куручи—дѣйств. л. ск., 757.
- Алтынъ-Кылышъ—дѣйств. л. ск., 573—577.
- Алтынъ-мелекей—мнѣ. лягушка, 697, 792, 904.
- Алтынъ-Моко—дѣйств. л. ск., 867, 909, 914.
- Алтынъ-норъ—озеро, 24.
- Алтынъ-Очиръ—звѣзда, 138.
- Алтынъ-Сабакъ—дѣйств. л. ск., 556—557, 622.
- Алтынъ-Сабакъ епчывъ—дѣйств. л. ск., 566.
- Алтынъ-Сагасу—звѣзда, 138.
- Алтынъ-тагъ—мнѣ. гора, 556—559, 563, 572, 578, 581, 624.
- Алтынъ-Тайгине—дѣйств. л. ск., 426, 427.
- Алтынъ-тау—гора, 128.
- Алтынъ-тельке, Алтынъ-тельхе—боже-
- ство, 450, 695, 696, 904.
- Алтынъ-Тона—дѣйств. л. ск., 566, 577—583.
- Алтынъ-Торо—пред. Киргизъ, 17.
- Алтынъ-ту—гора, 370.
- Алтынъ-Тулго—дѣйств. л. ск., 578, 580—582.
- Алтынъ-Улугуй—горы, 691.
- Алтынъ-ульбекъ—дѣйств. л. ск., 560—562, 565.
- Алтынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 588—590.
- Алтынъ-Хатысынъ—уроч., 152.
- Алтынъ-хулъ—мнѣ. озеро, 373, 374.
- Алтынъ-хухэй—гора, 904.
- Алтынъ-чагай—дѣйств. л. ск., 596—600.
- Алтынъ-Чилтысъ—дѣйств. л. ск., 561, 581, 582.
- Алтынъ-чиргай ноёнъ—духъ покровитель, 126.
- Алтынъ-Чобе—дѣйств. л. ск., 566—574.
- Алтынъ-чочей—гора, 904.
- Алтынъ-шагай—дѣйств. л. ск., 186.
- Алтынъ-шаргы-моритэй-Хаирханъ—духъ покровитель, 126.
- Алтанъ-Шата—гора, 453, 469.
- Алтынъ-Эргекъ—дѣйств. л. ск., 872, 573.
- Алтынъ-Эчжинъ—дѣйств. л. ск., 386.
- Алтычи-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 466.
- Алушта—сел., 723, 744, 799, 807, 844, 845, 849, 930.
- Алфей—дѣйств. л. ск., 845.
- Алха—см. Олху.
- Алхай—гора, 804.
- Алхы—чудовище, 777.
- Алхы—см. Олху.
- Алхынсай—мнѣ. лицо, 118.
- Алъ - отъ - и ччитя — божество огня у Якутовъ, 699.
- Алмычи-Дайсынъ—дѣйств. л. ск., 482.
- Алмсай—пред. Киргизъ, 16, 19.
- Альбинъ-Цаганъ-гоби—стѣпь въ сказаніи, 453, 467, 469.
- Альджанъ—пред. Киргизъ, 14, 18.
- Алькынствъ—учен., 799.
- Альни-куньль—звѣзда, 732.
- Альчинбай—пред. Киргизъ, 16.
- Альчинъ—пред. Киргизъ, 14.
- Алэ—пред. Киргизъ, 15.
- Аля—богатирск. конь, 454.
- Аляшаръ-тырга—дѣйств. л. ск., 386.
- Ама—мнѣ. лицо, 771.
- Аманбай—пред. Киргизъ, 16.
- Амани-эжинъ—дѣйств. л. ск., 824.
- Аманкулъ—пред. Киргизъ, 19.
- Аманъ—пред. Киргизъ, 18.
- Аманъ-гельды—пред. Киргизъ, 16.
- Амаръ-юмаръ—мнѣ. страна, 72.

- Амбагай-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 789, 790, 830, 839, 883.
 Амбай-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 789, 790.
 Амганъ-Паганъ—горн. проходъ, 445, 450.
 Амгудунъ-Едликчи-ханъ—дѣйств. л. ск., 199.
 Амидя-Бурханъ—божество, 796.
 Аминъ-савичи—дѣйств. л. ск., 330.
 Амيرانъ—дѣйств. л. ск., 760, 780, 781, 783, 795, 917.
 Амито-бурхынъ—божество, 482, 484.
 Амить-Даба-Бурхынъ—божество, 311, 313.
 Амить-Даба-уланъ-гегетей—божество, 261.
 Амитынъ-бурханъ—божество, 904.
 Амоголонъ-ханъ—гора, 771.
 Амрыгъ-могай—мно. змѣй, 763, 846.
 Амуголангъ-Ябукчи—дѣйств. л. сказ., 886.
 Амугулангъ—дѣйств. л. ск., 771.
 Аму-Дарья—рѣка, 896.
 Амурсана, Амурсана—дѣйств. л. сказ., 224, 225, 298—300, 303—305, 307, 308, 667, 799, 861, 898.
 Амурскій край, 688.
 Амуръ—греч. богъ, 760, 763.
 Амуръ—рѣка, 40, 659, 683, 692, 697, 730.
 Амъ—духъ подл. міра, 771.
 Амь-голынъ-ханъ—дѣйств. л. сказ., 256.
 Амь-гьлынъ-ханъ—дѣйств. л. сказ., 232, 233, 309.
 Амьнъ-саганъ-хулугуна—мно. звѣрь, 771.
 Амьнъ-Паганъ-Бурекей—дѣйств. л. ск., 194—196, 198, 199, 721, 747, 767, 770, 771, 785, 786, 801, 836.
 Амьнъ-паганъ-хулугуна—мно. мышь, 143, 174, 186, 187, 785.
 Амьнъ-Паганъ-Бурю—дѣйств. л. ск., 196, 747, 781, 785, 786, 899.
 Амырга-джиланъ—мно. змѣй, 763.
 Амырга-могусъ—мно. змѣй, 378, 826, 898.
 Амыръ-бай-сахмынъ—буд. монастырь, 403.
 Амыръ-Гоя, Амыръ-гуя—дѣйств. л. ск., 254, 256.
 Амы-Паганъ—мно. баранъ, 472.
 Амырсана, Амыръ-сана—дѣйств. л. ск., 762, 866.
 Амыръ-саранъ—дѣйств. л. ск., 866.
 Анай—пред. Киргизъ, 17.
 Ана-Мергенъ, см. Ана-Мэргынъ-Хатунъ.
 Ана-Мэргынъ-Хатунъ—дѣйств. л. ск., 256, 257, 820.
 Ананда—дѣйств. л. ск., 271.
 Ананьева—деревня, 725.
 Анатолийскіе турки—народъ, 1.
 Анбаль—дѣйств. л. ск., 926.
 Ангара—рѣка, 216, 403, 655, 824.
 Ангаренъ-воинъ—духъ покровитель, 84.
 Ангепатяй—божество, 691, 696, 742, 798, 904.
 Англія—страна, 741.
 Англосаксы—народъ, 741.
 Анголынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 302.
 Ангудай—русск. сел., 6, 43, 57, 59, 78, 141, 160.
 Андаръ—урянх. сумнъ, 11.
 Андзынъ-хурумчи—дѣйств. л. ск., 244—247, 810, 877.
 Анди-Иса—дѣйств. л. ск., 885.
 Андо-Бара—онгонъ, 113—115.
 Андо-Жуза—повол. кирг. нар., 752.
 Андрей—дѣйств. л. ск., 901.
 Андрей Боголюбскій—русск. князь, 883, 890, 926.
 Андрей Критскій—дѣйств. л. ск., 888, 890.
 Андрихъ—истор. лицо, 901.
 Андрониде—дѣйств. л. ск., 682, 901.
 Андронъ Андроновичъ—имя въ загадкѣ, 901.
 Анизій—дѣйств. л. ск., 922.
 Анисимъ—дѣйств. л. ск., 857.
 Анисимъ—дѣйств. л. ск., 857, 858.
 Анненковъ—русск. ученый, 155, 682, 717, 749, 792, 809, 868, 869, 879, 880, 889, 901, 924.
 Анпу—дѣйств. л. ск., 812, 813.
 Антоновичъ, В.—русск. учен., 928.
 Антропъ—рѣка, 937.
 Анучинъ, Д. Н.—русск. учен., 714, 723, 730, 741.
 Анчигъ-васы—сел., 897.
 Анъ-Богдоръ—дѣйств. л. ск., 279, 280, 282, 283, 835.
 Анъ-дарханъ-тоенъ—божество огня у Якутовъ, 699.
 Анъ-дарханъ-хотунъ—якутск. божество, 842.
 Анъ-Долманъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 256.
 Анымъ-Мергенъ-хатунъ—дѣйств. л. ск., 330, 331.
 Анымъ-Хара-талай—мно. море, 439.
 Аозъ—пред. Киргизъ, 16.
 Апраксевна—дѣйств. л. въ былинѣ, 890.
 Аптей-джиштей—мно. слово, 522, 523.
 Аптріевъ—собиратель сказ., 713, 742, 777, 793, 799, 871.
 Арабы—народъ, 681, 922.

- Аравія—страна, 656.
 Арагасъ—созвѣзд., 710.
 Арайтъ-Богдо-ханъ—мнѣ. лицо, 823.
 Аракшанъ—пред. Киргизъ, 19.
 Аралбай—пред. Киргизъ, 19.
 Аралго-гоа дѣйств. л. ск., 695, 818.
 Араъ-Дэубъ—дѣйств. л. ск., 402.
 Ара-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 596, 599.
 Арангасъ—созвѣзд., 662, 663, 710, 821, 932, 942.
 Арангынъ—народъ, 919.
 Арандахъ-Бурандахъ—дѣйств. л. ск., 912.
 Аранъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 794, 833, 867, 909, 914, 916.
 Аранъ-Тайчы—дѣйств. л. ск., 781.
 Арапче—дѣйств. л. ск., 757.
 Арапъ—дѣйств. л. ск., 757.
 Арапъ-Ага—дѣйств. л. ск., 757.
 Арасай—рѣка, 671.
 Арахалунъ—чудовище, 845.
 Арахалунъ-дой—чудовище, 935.
 Арахи—чудов., 793, 794, 808.
 Арахи-амитынъ—дѣйств. л. ск., 209, 210, 795.
 Арахолъ—чудовище, 935.
 Арахи—чудовище, 191—193, 212, 292, 808, 826, 935.
 Арахынъ—дѣйств. л. ск., 747, 794.
 Арахынъ-Шиткуръ—мнѣ. лицо, 141.
 Арахи-Тайджинъ—дѣйств. л. ск., 786.
 Арашъ—конь въ ск., 912.
 Араша—пред. Киргизъ, 19.
 Арба—мнѣ. ямбй, 50.
 Арбынъ-гурба-Датнэ—духи горъ, 215.
 Аргамакъ—мнѣ. конь, 681, 909.
 Аргата—дѣйств. л. ск., 249, 250, 647.
 Аргатъ-Унюгъ—дѣйств. л. ск., 923.
 Аргуй—богатырск. конь, 435, 438, 439.
 Аргутъ—рѣка, 667, 843.
 Аргынъ—пред. Киргизъ, 14, 670.
 Аргынъ—покол. Татаръ, 668.
 Аргыны—покол. Киргизъ, 666.
 Аргытъ-саръ-унюгунъ—дѣйств. л. ск., 352.
 Ардабай—пред. Киргизъ, 16.
 Арджакъ—уранх. сумынъ, 11.
 Арджаманъ-Джарджаманъ—дѣйств. л. ск., 638, 641, 838, 931.
 Арджи-Борджи—дѣйств. л. ск., 279, 785, 812, 814, 833, 834, 835, 836, 838.
 Ардэга Уланъ—горы, 476.
 Аржаная—гора, 149, 214.
 Аржанту—гора, 149.
 Арманъ—иранск. божество, 839.
 Арийцы—народъ, 651, 652, 662, 671, 716, 738, 766, 914, 928.
 Арионъ—древнй музыкантъ, 679.
 Аркай—колчанъ, 492.
 Аркызовъ зубъ, 773.
 Армяне—народъ, 714, 724, 730, 732, 739, 741.
 Аролбай-Эго-ханъ—дѣйств. л. ск., 600—618.
 Аррисъ—авѣада, 741.
 Арсандола—духъ подземнаго міра, 639, 640.
 Арсланъ—дѣйств. л. ск., 750, 913, 914, 916.
 Арсланъ—левъ въ ск., 405, 406.
 Арсланъ-Ганъ—царь звѣрей, 169, 502.
 Арсланъ-Сартакты—ист. лицо, 839.
 Арсланъ-Сартскій—истор. лицо, 839.
 Арсланъ-ханъ—истор. лицо, 839.
 Арсланъ-Цаганъ—горы, 439, 453, 457, 469, 476, 478, 481.
 Арслынъ-Ола—мнѣ. гора, 318, 319.
 Арслынъ-Тергитей—дѣйств. л. ск., 482—484.
 Арсу-Болотъ—дѣйств. л. ск., 836.
 Арта-курюнъ-аскыръ—богатырск. конь, 416.
 Арта-хон—созвѣзд., 724.
 Артемьда—божество древн. грековъ, 921.
 Ар-Торхолиякъ—рѣка, 61, 139.
 Артуръ—дѣйств. л. ск., 827.
 Артынъ—пред. Киргизъ, 17.
 Арфанъ-фадъ—Млечный путь, 741.
 Архауны—назв. христіанъ въ древней Монголіи, 917.
 Архынъ—рѣка, 292.
 Архытъ-хара—богатырскій волчанъ, 434.
 Аршанты—горы, 287.
 Аршанъ или Аржанъ—китайская торговая фирма, 217.
 Арши-цаганъ-лама—дѣйств. л. ск., 402.
 Арь-Кусаеъ—созвѣзд., 723, 725, 789.
 Арь-теугонъ—якут. божество, 878.
 Арь-Тоёнъ—якутск. божество, 726, 821.
 Арь-Хангай—гора, 458.
 Арыбжанъ-Зая-Бандида—свящ. лицо, 328.
 Арысь-поле—дѣйств. л. ск., 834, 890.
 Ары-Сюдюрту-Уланъ—мнѣ. гора, 482.
 Арья-Балынъ—божество монг. народа, 297.
 Арья-Пало—дѣйств. л. ск., 886.
 Арюнъ-Иденъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 272.
 Асать—пред. Киргизъ, 18.
 Асинская бурятская управа, 76.
 Асламазъ—сел., 897.
 Асока царь—дѣйств. л. ск., 759.
 Аспелинъ—шведск. учен., 683, 686, 687, 944.
 Аспронъ-синифонъ—млечн. путь, 741.

Ассоры—народъ, 724, 732, 733, 745.
 Астидамия—дѣйств. л. ск., 920.
 Астраханская губ., 941.
 Астрахань—городъ, 790.
 Астри-бай—славянское божество, 739.
 Астыгь-модарацъ—совѣзд., 730.
 Асуйханъ, Асуханъ—дѣйств. л. ск.,
 114, 267, 268, 823, 824.
 Асхаби-Тефови—совѣзд., 730.
 Асы—сканди. мнѣ. племя, 856.
 Асмрь-Басмрь—мнѣ. собака, 399, 670,
 752, 932.
 Атага—совѣзд., 730.
 Атагай—пред. Киргизъ, 15, 16, 18,
 734.
 Атаговы—пред. Киргизъ, 16.
 Атамкуль—пред. Киргизъ, 14.
 Ата-санданъ—дерево, упомина. въ ск.,
 375.
 Ата-Уланъ—дѣйств. л. ск., 822.
 Атбасарскій округъ, 658.
 Атбашъ-Ергене—мнѣ. конская голова,
 368.
 Атгарь-Хара-Мангысь—дѣйств. л. ск.,
 454, 513.
 Атгарь-Шарь-Мангысь—дѣйств. л. ск.,
 529, 713.
 Атиль—дѣйств. л. ск., 721.
 Атаа—пред. Киргизъ, 15.
 Атила—предводитель Гунновъ, 697,
 804.
 Атуйхинъ—мнѣ. лицо, 113.
 Атучи-Аксага-Ашыкъ—дѣйств. л. ск.,
 416, 417, 419, 421.
 Атыр-хара-мангысь—дѣйств. л. ск.,
 513, 530, 531.
 Ать-Тьетыгэнь—совѣздіе, 136.
 Афа—мнѣол. существо, 675.
 Аха—дѣйств. л. ск., 216.
 Ахматъ—дѣйств. л. ск., 859.
 Ахметъ—дѣйств. л. ск., 404.
 Ахривъ—собиратель ск., 769, 809, 810,
 812.
 Ахта—крѣп., 874.
 Ахтинцы—народъ, 746, 747.
 Ахъ-сахалъ-Алучи—дѣйств. л. ск., 438,
 466, 467, 912.
 Ацекъ—дѣйств. л. ск., 803.
 Ачамайи—узбек. покол., 797.
 Ачиларъ—Джумаларъ, Ачиларъ—Юма-
 ларъ—мнѣ. страна, 72.
 Ашаганъ-бо—дѣйств. л. ск., 855.
 Ашахай—бурятск. покол., 22.
 Ашмайли—узбек. покол., 797.
 Ашехавагъ—пред. бурят. народа, 826.
 Ашехай—пред. Бурятъ, 23.
 Ашина—пред. Тукюэскихъ хановъ, 866.
 Аширобекъ—пред. Киргизъ, 16.
 Ашмадай—дѣйств. л. ск., 814.
 Аю—пред. Киргизъ, 18.

Аю-бодисатта—дѣйств. л. ск., 178,
 310—319, 675, 761, 777, 791, 838, 867,
 868, 904, 908—910, 912.
 Аюханъ Будыханъ—дѣйств. л. ск., 251.
 Аю-Чимты-ханъ—дѣйств. л. ск., 283—
 285, 838.
 Аюша—монголь, 188.
 Ая-хубиганъ, 319.
 Аюанасьевъ—русск. учен., 660, 688,
 690, 722, 732, 736, 738, 739, 745, 754,
 755, 771, 772, 776, 778, 780, 782, 784,
 785, 788, 793, 796, 799, 801, 809, 811,
 814, 816, 819, 828—834, 860, 868, 880,
 881, 886, 888, 890, 893, 894, 898, 899,
 923—925.
 Аюнна—греч. богиня, 844.

В.

Ваатыръ—подземн. божество, 218.
 Бабай-Зайсанъ—урянх. князь, 655.
 Бабай-тэнгри—божество, 832.
 Бабасанъ—пред. Киргизъ, 15.
 Баба-яга—дѣйств. л. ск., 323, 832.
 Бабынь—пред. Киргизъ, 19.
 Багадзень-чило—гора, 231.
 Багай—пред. Киргизъ, 18.
 Багатудъ—покол. Ойратовъ, 667.
 Багма-хатунъ—дѣйств. л. ск., 310, 313.
 Баго—дѣйств. л. ск., 876.
 Багысь—предокъ Киргизъ, 15.
 Бадай—дѣйств. л. ск., 848.
 Бадагъ—родоначальница Киргизъ, 821.
 Бадзыр-огурды—урянх. хошунъ, 11.
 Бадмъ-Араши—мнѣ. престолъ, 312.
 Бадырханъ—пред. Бурятъ, 23.
 Бадырхонъ—покол. Бурятъ, 22.
 Бажиндыръ—турем. покол., 900.
 Байана—божество, 691, 692, 828.
 Бай-баянай—божество Якутъ, 691, 828.
 Байбекъ—пред. Киргизъ, 17.
 Бай-Бородай—дѣйств. л. ск., 379, 380,
 381, 694.
 Бай-бура—пред. Киргизъ, 19.
 Бай-буругъ—божество, 63, 69, 328.
 Байбуръ—пред. Киргизъ, 16.
 Бай-габыль—пред. Киргизъ, 15.
 Байгалъ-муренъ—мѣстность, 839.
 Байгара—сумынь, 11.
 Байгашинъ—онгонъ, 107.
 Байгомы—пред. Киргизъ, 16.
 Байгусъ—дѣйств. л. ск., 367, 784, 785.
 Байгутту—пред. Киргизъ, 18.
 Байгызъ—пред. Киргизъ, 18.
 Байгынъ—мнѣ. конь, 112.
 Байдалы—пред. Киргизъ, 19.
 Байдаулетъ—пред. Киргизъ, 19.
 Байджигитъ—кирг. покол., 665, 851.
 Байкаль—ов., 23, 25, 124, 128, 129,
 665, 823, 824, 848.

Байкара—пред. Киргизъ, 18.
 Байкаръ—пред. Киргизъ, 18.
 Байкушукъ—пред. Киргизъ, 15.
 Байма—дѣйств. л. ск., 412.
 Баймамбетъ—пред. Киргизъ, 15.
 Баймбетъ—пред. Киргизъ, 15.
 Баймуратъ—пред. Киргизъ, 18.
 Бай-мурза—пред. Киргизъ, 19.
 Баймурунъ—пред. Киргизъ, 17.
 Байнъ-Джиргылъ—Дюрбютъ, 194, 327.
 Байнъ-Джурекъ—гора, 779.
 Байнъ-Джуреу—гора, 691, 779.
 Байнъ-Дорджи—дѣйств. л. ск., 384.
 Байнъ-ола—гора, 292, 691.
 Байнъ-Уланъ—уроч., 231.
 Байнъ-хаирханъ—гора, 691.
 Байнъ-Хуйныгъ—дѣйств. л. ск., 501, 502.
 Байнъ-Цаганъ—Дюрбютъ, 190, 216, 227, 235, 237, 257, 260, 269, 274, 285, 287, 352, 356, 357, 649, 650, 752.
 Байнъ-Чжирухъ—гора, 779.
 Байрактаръ—созвѣд., 725.
 Байрменъ-дабайъ—горн. прох., 217.
 Байръ-ханъ—шаманка, 128.
 Байсанкуръ—пред. Монголовъ, 672.
 Бай-теке—пред. Киргизъ, 14.
 Бай-тере—божество, 706, 827.
 Байтерекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Байтовъ—пред. Киргизъ, 19.
 Байты—народъ, 326, 654.
 Бай-тыкой—пред. Киргизъ, 14.
 Бай-Ульгянъ—божество, 862, 878.
 Бай-Ундуръ-Сыхмынъ—гора, 854.
 Байха—покол. Остако-Самоѣдовъ, 712.
 Байшингу—уроч., 217.
 Бай-шума—пред. Киргизъ, 18.
 Байшуме—пред. Киргизъ, 17.
 Бакай—Алтаецъ, 218.
 Бакалъ—пред. Киргизъ, 16.
 Бакыръ—пред. Киргизъ, 15.
 Бала аякъ—мѣсяцъ, 366.
 Балаганъ, Бала-ханъ—дѣйств. л. ск., 287—289.
 Бала-мергенъ—дѣйств. л. ск., 404.
 Балбенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 306.
 Балдоновъ—Бурятъ, 846.
 Балдынъ—Дархатъ, 303.
 Балихай—мне. лицо, 74, 75, 126, 694.
 Балканскій полуостровъ, 733, 860, 883.
 Балкаръ—татарск. общ. на Кавказѣ, 859, 876.
 Балкашинъ—лицо, сообщ. свѣд., 658, 670, 896, 897.
 Балсагово колесо, 794.
 Балта-гара—пред. Киргизъ, 18.
 Балтыръ—Бурятъ, 86.
 Балхашъ—оз., 655.
 Балъ-Дорджи лама—дѣйств. л. ск., 297.
 Балмкса—дѣйств. л. ск., 793.

Балмичи—урянх. покол., 11, 179, 665.
 Балынъ-гузъ, Балынъ-гусъ—гора, 815, 849, 859.
 Балынъ-Сенте—дѣйств. л. ск., 241—243, 244, 812, 814, 815, 822, 839.
 Бальчикъ—пред. Киргизъ, 19.
 Бама-ханъ—дѣйств. л. ск., 834.
 Бамба-шиту—дѣйств. л. ск., 237—239, 241, 812, 838.
 Бамья Вади—дѣйств. л. ск., 275.
 Бандынъ-Цзанъ—дѣйств. л. ск., 488—490.
 Банзаровъ—русскій ученый, 659, 661, 667, 674, 688, 691, 695, 696, 699, 700, 710, 727, 746, 755, 777, 801, 803, 805, 819, 849, 906, 932, 934.
 Ванту-тологой—см. Ванту тологой.
 Ванчинъ Богдо, Ванчинъ-Далай-лама—свящ. лицо, 292, 333, 335.
 Бара, Баръ-убюгунъ—онгонъ, 122.
 Бараба—страна, 655, 658.
 Барастаръ—дѣйств. л. ск., 692.
 Барга-Буратъ—покол. Ойратовъ, 667.
 Баргана—пред. Киргизъ, 18.
 Баргу, Баргутъ—племя, 868.
 Баргу—солонъ—покол. Соконовъ, 22, 188.
 Баркумъ—дѣйств. л. ск., 882.
 Баркынды-балмышъ—дѣйств. л. ск., 794, 827.
 Барнаулъ—городъ, 837.
 Барнута—покол. Дархатъ, 21.
 Барсагово колесо, 794.
 Барсовъ—авт., 772, 924.
 Барсу-Бологъ—дѣйств. л. ск., 886.
 Барсъ—дѣйств. л. ск., 820, 834.
 Барсъ Батыръ—дѣйств. л. ск., 265.
 Барганъ-багадуръ—пред. Монголовъ, 847.
 Баруламъ-тэнгери—дѣйств. л. ск., 822.
 Барунъ-далай—назв. оз. Косооголъ, 128.
 Барунъ-Дзу—страна, 332.
 Барчинъ-Хара-Бюргутъ—дѣйств. л. ск., 477.
 Баръ, Паръ—дѣйств. л. ск., 177, 178.
 Баръ-Зайсанъ—пред. Дюрбютовъ, 327.
 Баръ-Тайга—гора, 354.
 Баръ-Убюгунъ—см. Бара.
 Барынъ—покол. крымск. Татаръ, 668.
 Барьманбекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Басентинъ—пред. Киргизъ, 15.
 Басыръ—собака, упом. въ ск., 234, 399, 506, 507, 671.
 Баташъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
 Батеръ-Богагыръ—дѣйств. л. ск., 629.
 Батразъ, Батразъ, Батырадъ—дѣйств. л. ск., 747, 760, 794, 804, 882, 917, 918.
 Батракъ—дѣйств. л. ск., 782.
 Бату—дѣйств. л. ск., 812, 813.

- Бату-Менко, Бату-Монке — дѣйств. л. ск., 826.
 Батыева дорога—Млечн. путь, 742.
 Батырадъ—см. Батиразъ.
 Батыръ Бели, Батыръ Бель—дѣйств. л. ск., 304, 306, 335, 336.
 Батыръ-Цванъ—дѣйств. л. ск., 544.
 Батыръ-Чонунъ-Бель — дѣйств. л. ск., 899.
 Бауджилъ—см. Тамджинъ Чоджилъ.
 Бахай—дѣйств. л. ск., 826.
 Бахта—рѣка, 937.
 Бахтаганъ—божество, 218.
 Бахмыкъ—пред. Бурятъ, 23.
 Бахмнъ—мног. лицо, 118.
 Бачатъ—селеніе и рѣка, 2, 64, 667, 938.
 Башкаусъ—рѣка, 1, 293, 327, 667, 939, 940.
 Башкиры—народъ, 1, 19, 652, 653, 655, 699, 711, 723, 734, 744, 748, 849, 859, 931.
 Бая—пред. Киргизъ, 16.
 Баягалъ-Итчита-Балхаъ — дѣйств. л. ск., 634.
 Баянай—божество, 691.
 Баянъ—пред. Киргизъ, 18.
 Баянъ-аулъ—сел. и округъ, 13, 19, 131, 404, 649, 653, 666, 731, 763, 819, 896.
 Баянъ-джурекъ—гора, 691.
 Баянъ-дзюрку—гора, 830.
 Баянъ-Монге — дѣйств. л. ск., 853, 875, 876.
 Баянъ-Мунху-Болкодживангъ—дѣйств. л. ск., 853.
 Баянъ-Огу — дѣйств. л. ск., 691, 786, 858, 859, 891.
 Баянъ-Пумбуръ—гора, 749.
 Бегендыкъ—пред. Киргизъ, 17, 19.
 Бегерсень—дѣйств. л. ск., 863.
 Бегеръ-Мджидъ—дѣйств. л. ск., 833, 834.
 Бедь—народъ, 674, 792, 886.
 Бѣдѣне—дѣйств. л. ск., 874, 920.
 Бессоновъ—русс. пис., 757, 809, 816, 822, 830, 865, 868, 874, 880, 888, 898, 913, 927.
 Бейкемъ—рѣка, 11, 583, 618, 654, 664, 668.
 Бексъ—пред. Киргизъ, 18.
 Беконъ Беренъ—рѣка, 217.
 ал-Бекри—арабск. писатель, 701.
 Беклясъ—пред. Киргизъ, 19.
 Бектемиръ—пред. Киргизъ, 16.
 Бектеръ-Джаджинъ — дѣйств. л. ск., 360—362.
 Бекъ-булатъ—пред. Киргизъ, 16.
 Вела—венг. лѣтописецъ, 711.
 Белгетей—дѣйств. л. ск., 876.
 Белекъ—Телегитъ, 96, 97.
 Беленъ-ана, Белянъ-ана — развалины, 860, 896, 897.
 Бельгунъ—богатырск. конь, 250.
 Бельджинаръ—дѣйств. л. ск., 427.
 Бельтысъ—рѣка, 21.
 Бельчиръ—бурятск. улусъ, 192.
 Бергманъ—авт.; 792, 817, 833, 867, 873.
 Бердалы—пред.—Киргизъ, 18.
 Бердыгуль—пред. Киргизъ, 16.
 Бердысъ—пред. Киргизъ, 16.
 Березинъ—русс. учен., 660, 665, 667, 669, 720, 725, 771, 803, 830, 839, 858, 902.
 Береме-Чочжи—дѣйств. л. ск., 327.
 Берозъ—древн. писат., 861.
 Бертъ-Эръ — дѣйств. л. ск., 641, 643—647.
 Берюлзаны—дѣйств. л. ск., 297.
 Бесермене — народъ, 670.
 Бестужевъ-Рюминъ—русс. учен., 805.
 Ветлингъ — нѣм. учен., 705, 710, 742, 840.
 Бехринъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
 Бехтеревъ—авт., 760, 786, 793, 809.
 Би—дѣйств. л. ск., 280, 291.
 Бигедеръ—дѣйств. л. ск., 422.
 Биля-ханъ-Могиланъ—истор. лицо, 841.
 Виджимынъ—божество, 922.
 Виджи-фо—божество, 922.
 Биджанъ—пред. Киргизъ, 18.
 Вившѣ—пред. Киргизъ, 19.
 Бия-Буханъ—истор. лицо, 840.
 Биле—уроч., 940.
 Биликчинъ—дѣйств. л. ск., 425, 426.
 Билотремище—дѣйств. л. ск., 800, 890.
 Бильджинаръ, Билчинаръ—дѣйств. л. ск., 425, 427.
 Билюкай—божество, 694, 742.
 Билямаръ—село, 869.
 Биляръ—разв. города, 46.
 Бимы—селеніе, 713, 730.
 Бираги-дзвенджи-цагатъ—уроч., 927.
 Биритъ—уроч., 310.
 Бирскъ—городъ, 742, 777, 793, 799, 871.
 Битбара-шудуръ—созвѣзд., 723.
 Бишамынъ—божество, 922.
 Биширлыгы Ванъ—монг. князь, 12, 299, 300, 308, 406, 534.
 Бишъ—дѣйств. л. ск., 827.
 Бійсенъ—пред. Киргизъ, 18.
 Бійскій—округъ, 8, 29, 776, 883, 851, 924, 927.
 Бія—рѣка, 9, 123, 938—940.
 Бламаръ—болгарскій царь, 869.
 Боба—предокъ Киргизъ, 15.
 Бобьрганъ—гора, 128.
 Бобьрганъ—дѣйств. л. ск., 69, 233—235, 762, 802.
 Богдановъ, М. Н.—русс. учен., 753.

- Богдо—дѣйств. л. ск., 499.
 Богдо-бурхынъ—дѣйств. л. ск., 257.
 Богдогегенъ—свят. лицо, 210, 259, 260, 263, 304—306, 308, 406, 407, 534, 535.
 Богдо-Джисынъ Дамба Таранетъ—божество, 263.
 Богдонингъ Боро-тангъ—горы, 425, 426.
 Богдо-ули—гора, 803.
 Богдоханъ—дѣйств. л. ск., 288.
 Богдохуре, Богдо-курень—городъ, 259, 260, 308.
 Богдо-эвденъ—дѣйств. л. ск., 722, 853, 871.
 Бого—дѣйств. л. ск., 816.
 Богурунъ-гунджи—дѣйств. л. ск., 853.
 Бодене—дѣйств. л. ск., 787.
 Боди гуругунъ—дѣйств. л. ск., 186.
 Бодинъ Ороль—мнѣ. книга, 315.
 Бодонджаръ—дѣйств. л. ск., 665, 719, 763, 767, 802, 876, 899, 920.
 Бодонджаръ-Монгъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 876.
 Бодонъ-Хатунъ-ноби, Бодонъ-Котонъ-ноби—бурят. божество, 32, 33, 84, 87, 112, 126, 266, 268, 821, 822, 824.
 Бодотай Бурхынъ—дѣйств. л. ск., 310, 311.
 Бодулу Ола—мнѣ. гора, 315.
 Бодунъ—дѣйств. л. ск., 326, 763, 802.
 Бодмынъ-Ола—мнѣ. гора, 314, 315.
 Божа—дѣйств. л. ск., 836.
 Бокмытъ—дѣйств. л. ск., 641—647, 935.
 Боквай—пред. Киргизъ, 17.
 Боканъ—пред. Киргизъ, 18.
 Бокс-Сорсонъ—дѣйств. л. ск., 816.
 Бокс-Чиледа—дѣйств. л. ск., 904.
 Бѣкобай—пред. Киргизъ, 15.
 Боксынъ-Шинъ—мнѣ. дерево, 555.
 Бокухъ—дѣйств. л. ск., 411.
 Болгарія—страна, 786, 883.
 Болгаръ—бывш. городъ на Волгѣ, 859.
 Болгары—народъ, 671, 741, 743, 763, 787, 894, 912.
 Болго-джинангъ—дѣйств. л. ск., 673, 857, 860.
 Болго-нонгъ, Болго-нонгъ—дѣйств. л. ск., 821, 853, 876, 944.
 Болдогой-Боро-тологой—горы, 512.
 Болдой—покол. Бурятъ, 22, 25.
 Болотъ-Унгъ—дѣйств. л. ск., 853.
 Болтогой-Тологой—холмъ, 517—519.
 Волуспай—пред. Киргизъ, 16.
 Болхо-Джинонъ—дѣйств. л. ск., 875, 876.
 Вольжинъ-Тохой—уроч., 287.
 Большая Медвѣдица—созвѣдіе, 136, 662, 671, 672, 675, 682, 687, 689, 690, 692, 694—696, 710—722, 729, 730, 733, 736, 738—740, 764, 765, 772, 776, 778—790, 801, 811, 812, 816, 817, 826, 827, 831, 832, 835, 840, 853, 855, 856, 866, 873, 880, 881, 883, 885, 897, 902, 914, 916, 917, 923, 927, 931—934, 942, 943.
 Бонварий—звѣзда, 732.
 Бо-нолонъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Боппъ—нѣм. учен., 738.
 Бораевы—фамилія на Кавказѣ, 918.
 Бораты—сказочн. пушка, 918.
 Борбокай-канъ—дѣйств. л. ск., 559.
 Борголтай—рѣка, 12.
 Борджигитъ—поколѣніе, 665—758.
 Борджонъ—пред. Бурятъ, 23.
 Бордо—дѣйств. л. ск., 641, 935.
 Боржинъ-Данха—пред. Бурятъ, 826.
 Борзой—дѣйств. л. ск., 411, 412, 903.
 Бориско—дѣйств. л. ск., 889, 926.
 Борисовъ—собиратель сказ., 625, 638, 645, 647, 650, 704, 769, 774, 838, 915.
 Борись—русск. князь, 820.
 Борись—болгарск. князь, 833.
 Борись—дѣйств. л. ск., 839, 865, 924, 925.
 Борись Даниловичъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Борись Жидиславичъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Борись Жидовинъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Борись-Збутъ-Королевичъ—дѣйств. л. ск., 838, 869, 889, 902, 924.
 Борись Козковъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Борись - Трѣмсиъ, Борись - Трѣмсиъ—дѣйств. л. ск., 831, 870, 871, 878.
 Боричевскій—авт., 801.
 Борма-Яржжа—дѣйств. л. ск., 848.
 Боро-Болдветей Тологой—горы, 336, 386.
 Боро-Боргосунъ—уроч., 215.
 Боровичскій уѣздъ, 772.
 Бородай-ху—дѣйств. л. ск., 379, 381, 382, 876, 896, 899.
 Бородай-ху—дѣйств. л. ск., 381—383.
 Бородай-Обгонъ—дѣйств. л. ск., 517—519.
 Боро-Нахылъ—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Боръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Бурсулъ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
 Бортогонъ—покол. Соломоу, 22.
 Борунъ-ихи—онгонъ, 703.
 Борцугутъ—покол., 665.
 Боръ-джиргай—дѣйств. л. ск., 266.
 Борьсъ—дѣйств. л. ск., 925.
 Боръ-Итчита-Борбухай—дѣйств. л. ск., 634.
 Боско, Боско-чалай-долонхса—дѣйств. л. ск., 629, 632, 633, 842, 931, 934, 935.
 Богой-бушилъ-болотъ-саганъ—дѣйств. л. ск., 268.
 Ботоко-Ширтага—дѣйств. л. ск., 811.

- Ботпай—пред. Киргизъ, 14.
 Ботпанай—пред. Киргизъ, 17.
 Боттигеръ—нем. учен., 673, 706.
 Бо-ханъ—дѣйств. л. ск., 872, 873.
 Бохоли-хара—дѣйств. л. ск., 690, 772, 845, 846, 883.
 Бохолю—дѣйств. л. ск., 411, 412, 903.
 Бохо-Муй—дѣйств. л. ск., 822, 823.
 Бохо-Тали—дѣйств. л. ск., 822, 823.
 Бохукъ, Бохымъ—дѣйств. л. ск., 23, 412.
 Бочанъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Бошаръ—франц. учен., 766.
 Бошко-ханъ—монг. князь, 410.
 Бошоху-ханъ, Бошуху-ханъ—дѣйств. л. ск., 23, 25, 320, 321, 411.
 Бошухубуху—уроч., 320.
 Бошанъ, Бочанъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Бравлинъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Брунь—русск. учен., 786, 815, 924.
 Брунь-жи, Боруль-жи, Бронхи—онгонъ, 116, 117, 703.
 Брылкинъ—авт., 692, 705, 718, 831, 900.
 Бру-норъ—ов., 821.
 Брубей—дѣйств. л. ск., 792.
 Буба-Хагунъ-Батыръ—дѣйств. л. ск., 325.
 Бугу-Салджи, Бугу-Салджиго—предокъ Монголовъ, 665.
 Бугу-Хатаки—предокъ Монголовъ, 672, 735.
 Будаговъ—русск. учен., 732, 733, 738, 743.
 Буда—божество, 829, 830, 834.
 Будене—дѣйств. л. ск., 763.
 Будуй Джиркыль—дѣйств. л. ск., 761, 762.
 Будумынъ Шонхой Цаганъ котель—мн. гора, 316.
 Будумылъ Дзандынъ Ола—гора, 443.
 Бузганъ—пред. Бурятъ, 825, 826.
 Бузукай-Таракай—дѣйств. л. ск., 345, 347, 348, 935.
 Бузуртановъ Сулейманъ—Ингушъ, 724, 776, 777, 780, 782, 849, 884.
 Буамъ—пред. Киргизъ, 14.
 Бука—пред. Киргизъ, 15.
 Букеевская орда, 653, 665, 670, 710, 856.
 Бузонъ-берень—рѣка, 20, 752.
 Бузонъ-Чигилекъ—уроч., 752.
 Бузучи—ханъ—дѣйств. л. ск., 722, 898.
 Булагать—пред. Бурятъ, 824, 825.
 Булагачинъ—монг. покол., 665, 860.
 Булагъ-Саганъ-Бумаль—пред. Бурятъ, 826.
 Буламанъ-патай—божество, 689, 691.
 Булатъ-хожа—пред. Киргизъ, 15.
 Булганъ-ана—развалины, 860, 897.
 Булганъ-хара, Булга-Хара—дѣйств. л. ск., 84, 126, 266—268, 821, 822, 825, 826, 873.
 Булагать—дѣйств. л. ск., 267, 268.
 Булгаша, Ханъ-Булгаша—онгонъ, 115, 116.
 Булгунъ-Абахай Цицинъ—дѣйств. л. ск., 503.
 Булгучинъ—покол. Дюрботовъ, 20.
 Булотъ-хурэ—дѣйств. л. ск., 391—395.
 Булунъ—уроч., 583.
 Булунъ-Тохой—уроч., 287.
 Булутъ-ганъ—онгонъ, 96, 691.
 Булутъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 746.
 Бушмеръ—село, 869.
 Бунгуй—дѣйств. л. ск., 268.
 Бунгъ—гора, 862.
 Бунхонту—гора, 862.
 Бура, Буры—мн. конь, 680.
 Бурганъ-ганъ—онгонъ, 51, 687, 722, 934.
 Бургустай—рѣка, 516.
 Буреке, Бурекей—дѣйств. л. ск., 194, 785.
 Бурень—рѣка, 11, 77, 80, 94, 101, 136, 140, 144, 695.
 Бурень-хаирханъ—гора, 827.
 Бурень-ханъ—гора, 827, 866.
 Буре-Ферныгъ—дѣйств. л. ск., 804.
 Буреша—пред. Киргизъ, 19.
 Бури-Бого—дѣйств. л. ск., 866.
 Бурканъ-Бакши—дѣйств. л. ск., 378.
 Бурканъ Ха лама—дѣйств. л. ск., 422—424.
 Буркель—гора, 230.
 Буроны—онгонъ, 409.
 Бурте-чино—пред. Монголовъ, 866.
 Буруль-ханъ—дѣйств. л. ск., 503—506.
 Буруль-Цохуръ—богат. конь, 394.
 Бурутванъ—покол. Бурятъ—268.
 Бурханъ-Бакши—дѣйств. л. ск., 179, 192, 198, 200, 209, 210, 225, 226, 244, 258, 259, 268—276, 318, 407, 494, 555, 556, 721, 738, 777, 782, 794, 796, 809, 826, 828, 830, 831, 868, 879, 881, 904, 909, 917, 934.
 Бурханъ-Галдинъ—гора, 804, 903.
 Бурханъ-Ола—гора, 827.
 Бурханъ-Халдунъ—гора, 804, 903.
 Бурханъ—дѣйств. л. ск., 804, 856.
 Бурхатъ—мн. лицо, 73.
 Бурхонъ-Бюсенъ-Дабанъ, Бурхунъ-Бюсетей-Дабанъ—гора, 335, 336.
 Бурхонъ-Хаганъ-Лама—дѣйств. л. ск., 514.
 Буръ-хаирханъ—гора, 827.
 Буры—мн. конь, 909, 910.
 Бурьтунъ—покол. Бурятъ, 23.
 Бурьтунъ—онгонъ, 120.
 Бурюнъ-ханъ—гора, 129.
 Бури богатырь—дѣйств. л. ск., 785.
 Бурятай—дѣйств. л. ск., 268.
 Бурятъ—онгонъ, 102, 122.

Буряты—народъ, 21—23, 25, 30, 31, 37, 40, 54, 55, 57, 63, 68, 76, 79, 80, 83—87, 92, 93, 104—106, 114, 119, 121—129, 131, 133, 135—138, 141, 143, 148, 152, 157, 161, 164, 165, 168, 174, 184, 192, 215, 216, 231, 264, 266—268, 283, 329, 403, 407, 655, 663, 665, 672, 686, 688, 695, 698—700, 702, 704, 707, 720, 746, 849, 751, 753, 754, 757, 771, 810, 822—824, 827, 832, 834, 836, 838, 839, 842, 847, 861, 906, 931, 934.

—Аларскіе, 22, 25, 26, 28—30, 33, 36—40, 49, 54—57, 59, 66, 68, 73, 74, 78, 80, 81, 84, 89, 91—93, 103, 106, 117, 120, 121, 123, 126, 128, 131—133, 135—138, 141—143, 149, 153, 168, 174, 181, 184, 187, 207, 212, 213, 262, 290, 309, 332, 411, 663, 702.

—Балаганскіе, 23, 33, 37, 49, 55, 76, 117, 121, 126, 128, 264, 822.

—Забайкальскіе, 137, 138, 165, 168, 184, 190.

—Ингуренскіе, 129, 332.

—Иркутскіе, 74, 125, 650.

—Кударинскіе, 129.

—Будинскіе, 55, 822.

—Селенгинскіе, 161, 162.

—Тункинскіе, 38, 93, 127, 137, 141, 153, 154, 168, 169, 181, 264, 267, 695.

Буслаевъ—русск. учен., 690, 738, 896, 903, 925, 931.

Буслаевъ, Василий—русск. богатырь, 690, 890, 929.

Бусурманъ—Можга—село, 670, 827.

Бусъ—дѣйств. л. ск., 810.

Бутны—авт., 771, 854.

Бутушъ—Алтаецъ, 176, 215.

Буть—тэнгри—дѣйств. л. ск., 746, 841.

Буунчукъ—Теленгитъ, 7, 44, 62, 69, 142, 204, 233, 328.

Буха—дѣйств. л. ск., 852.

Буха-поинъ—дѣйств. л. ск., 25, 32, 33, 84, 87, 88, 126, 264—268, 329, 704, 722, 749, 781, 802, 806, 821, 822, 824, 826, 875, 894, 923.

Бухара—городъ и ханство, 655, 666, 668, 671, 830, 859.

Бухари-атахъ—дѣйств. л. ск., 629.

Бухарія Малая—страна, 839.

Бухаръ—Киргизъ, 17, 18.

Буха-Саганъ—дѣйств. л. ск., 824.

Буха-хаганъ—истор. лицо, 840.

Буха-Паганъ—дѣйств. л. ск., 872.

Бухтанъ-Бухтановичъ—дѣйств. л. ск., 722.

Бухтарма—рѣка, 655, 658.

Буху аранай—мно. трава, 183, 773.

Бухунъ Будеринъ—божество, 311, 313.

Бумръ-норъ—оз., 188.

Буянты—рѣка, 287.

Буянь—островъ, 924.

Бызаубай—пред. Киргизъ, 17.

Былыбыл—пред. Киргизъ, 16.

Бѣлая—гора, 412, 413.

Бѣлевичъ Тугаринъ—дѣйств. л. ск., 891.

Бѣлогримище—дѣйств. л. ск., 682.

Бѣлоруссія—страна, 699.

Бѣлоандрихъ—дѣйств. л. ск., 682, 890, 901.

Бѣлуха—гора, 128, 785, 799.

Бѣль-Бѣлянинъ—дѣйств. л. ск., 896.

Бѣлый Полянинъ—дѣйств. л. ск., 786.

Бѣлый царь—дѣйств. л. ск., 283, 625, 866.

Бѣляевъ—русск. истор., 805.

Бѣгэръ Мджитъ—дѣйств. л. ск., 275.

Бѣктэръ—дѣйств. л. ск., 853.

Бѣль Шадджимини—божество, 313, 314.

Бѣсенъ—пред. Киргизъ, 15.

Бюларъ—дѣйств. л. ск., 849.

Бюлеръ—авт., 688, 821.

Бюргунъ—Урянхаецъ, 167.

Бюргутъ—Урянхаецъ, 212, 225, 288, 290, 332, 342, 358, 359, 379, 381, 416, 424, 427.

Бюргутъ—дѣйств. л. ск., 820.

Бюркунтай—пред. Киргизъ, 17.

Бюрб—пред. Киргизъ, 15.

Бюрю—дѣйств. л. ск., 721, 781, 798, 821.

Бюрю-норъ—оз., 821.

В.

Вагоба—совѣзд., 714, 730.

Ваговашибль—совѣзд., 714.

Ваголитъ—авѣзда, 735.

Ваголукумъ—совѣзд., 724, 735.

Вакуштъ царевичъ—груз. истор., 802, 806, 843, 855, 867.

Вала—рѣка, 670.

Валигора—дѣйств. л. ск., 801.

Валимъ-хуза—чуваш. фетинъ, 849.

Валихановъ Чоканъ—авт., 784, 847.

Вальвиръ-кижели—совѣзде, 730.

Вамбери—венгерск. писат., 671, 678, 681, 713, 715, 731, 733, 735, 738, 740—742, 744, 749, 750, 862, 870, 885, 900.

Ванджинъ лама—дѣйств. л. ск., 335.

Ванту-Тологой, Ванъ-Тологой—холмъ, 232, 299, 300, 303, 306, 307, 408, 854.

Ванъ—озеро, 724.

Ванъ-анъ-гунъ—монг. дворець, 840.

Ванъ-Тологой, см. Ванту.

Ванъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 801, 818, 834, 861.

Вань—ханъ Кирѣевъ, 668, 763, 801, 806, 834, 844, 853—858, 860—862, 864, 865, 873, 917.
 Варгъ-лозь—божество, 704.
 Варочка—дѣйств. л. ск., 794.
 Варуна—инд. богъ, 782.
 Варъ-Хониты—народъ, 752.
 Варяги—народъ, 860.
 Василий, Василій Безчастный—дѣйств. л. ск., 831, 888.
 Васильевскій—русс. учен. 901.
 Васильевъ, В. П.—снмологъ, 659, 718, 803, 811, 840, 841.
 Васюганскіе инородцы, 732.
 Васюганъ—рѣка, 676.
 Вахангъ—дѣйств. л. ск., 741.
 Вахангъ Горгасланъ—груз. царь, 843.
 Ведехщина—деревня, 754.
 Веды—свящ. книги, 866, 868.
 Ведьава—божество, 739, 742.
 Вейсиль-Коранъ—дѣйств. л. ск., 896.
 Векенштедтъ—собратель ск., 840, 923.
 Веле—созвѣздіе, 730.
 Велко—дѣйств. л. ск., 757.
 Вельяминовъ-Зерновъ—русс. ученый, 668, 670.
 Венгрія—страна, 711.
 Венгры—народъ, 711, 713, 723, 730.
 Венды—народъ, 771.
 Венера—греч. богиня, 703, 764, 779, 842.
 Венера—звѣзда, 731, 779, 780, 806, 933.
 Венеція—городъ, 739.
 Вербицкій—авт., 45, 64, 78, 83, 661, 664, 768, 774, 778, 793, 819, 846, 851, 867, 936, 938, 940.
 Верещагинъ—авт., 865.
 Верковичъ—авт., 671, 743.
 Веручи—порогъ на Днѣпрѣ, 902.
 Верхнеуральскъ—городъ, 723.
 Верхоянскъ—городъ и его округъ, 625.
 Веселовскій—русс. учен., 750, 755, 759, 777, 780, 794, 796, 810, 833, 838, 868, 893, 912, 915, 927.
 Вилланова—городъ въ Италіи, 679.
 Вистэмъ-тазь—дѣйств. л. ск., 815.
 Витень, князь—дѣйств. л. ск., 928.
 Витковский—авт., 46.
 Вишну—инд. богъ, 738, 858.
 Відміна—злое существо, 673.
 Владиміръ—дѣйств. л. ск., 889.
 Владиміровъ—авт., 900.
 Владиміръ—русскій князь, 805, 838, 844, 865, 883, 888, 889, 890, 906, 907.
 Владиміръ—дѣйств. л. въ албан. легендѣ, 864.
 Владиміръ—русс. городъ, 864.
 Владиміръ—городъ въ Европ. Турціи, 864.
 Владиміръ, о.—начальникъ алт. миссіи, 10.

Владиміръ Мономахъ—русс. князь, 690.
 Владиславъ—дѣйств. л. ск., 865.
 Владимырь—названіе мѣсяца въ заговорѣ, 869.
 Власожельцы—созвѣзд., 731.
 Влашите—созвѣздіе, 730.
 Вльканинъ—дѣйств. л. ск., 927.
 Вогулы, Вогуличи—народъ, 656, 664, 697, 757, 767, 797, 880, 900, 911.
 Возница—созвѣзд., 714.
 Воеъ—созвѣздіе, 714.
 Вой-кодзуль—созвѣздіе, 942.
 Войла-доръ-вестъ—звѣзда, 942.
 Волга—рѣка, 717, 721, 734, 871, 849, 890, 901.
 Волгенче—божество, 748.
 Вологодск. губернія, 708, 738, 772, 879, 880.
 Володаръ—дѣтская игра, 689, 827.
 Волосожары—созвѣзд., 731.
 Волосъ—слав. богъ, 703, 704.
 Волосыни—созвѣзд., 731.
 Волхъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Волхья звѣзда—звѣзда, 732.
 Волынъ—русс. область, 689, 776.
 Вольфъ-Дитрихъ—дѣйств. л. ск., 925.
 Воронежск. губернія, 682, 730, 799, 900.
 Вороновъ—лицо, сообщ. свѣдѣнія, 714, 724, 732.
 Востоковъ—русс. учен., 725, 731.
 Вотская—платина, 688.
 Вотяки—народъ, 45, 46, 52, 671, 692, 693, 696, 698, 713, 723, 730, 740, 742, 746, 748, 755, 760, 765, 773, 776, 798, 800, 807, 809, 810, 812, 815, 816, 827, 844, 865, 869, 878, 879, 894, 900, 901, 904, 906, 931.
 Вреде—путешественникъ, 656.
 Вритра—инд. богъ, 796, 934.
 Вручей—городъ, 902.
 Вуважинъ—дѣйств. л. ск., 927.
 Вълко—дѣйств. л. ск., 757.
 Вырвидубъ—дѣйств. л. ск., 801.
 Вытенець—дѣйств. л. ск., 928.
 Вышгородъ—древн. городъ, 883, 890.
 Вятка, Вятск. губернія, 730, 653, 670, 849.

Г.

Габеркорнъ—лицо, сообщ. свѣд., 711, 714, 732, 740, 741.
 Гавриловъ, Бор.—авт., 144, 807, 809, 810, 815, 827, 849, 879, 901.
 Гаданъ—монг. ханъ, 844.
 Гадолитгу—рѣка, 309.
 Гадьсъ—скала, 230.
 Гачъ—камчад. богъ, 693, 848.

- Газарія—страна, 786.
 Гайперь-гамъ—дѣйств. л. ск., 290, 291, 761, 800, 801, 843.
 Гайпердж—пред. Кыргызъ, 18.
 Гакстаузенъ—нѣмец. учен., 697, 867.
 Гакта-хонходыр—повол. Бурятъ, 23.
 Гакша-хамыгынъ—дѣйств. л. ск., 186.
 Галданъ—дѣйств. л. ск., 863.
 Галданъ-бошко—дѣйств. л. ск., 410, 902.
 Галдушинъ—онгонъ, 121.
 Галдума—дѣйств. л. ск., 187.
 Галдунъ-теггиръ, Галдунъ-тэнгиръ—дѣйств. л. ск., 904, 908, 913.
 Галдинъ-Тенгрий—божество, 317—319.
 Галсанъ—Дархатъ, 306, 408.
 Галстунскій—авт., 792.
 Галто-бурханъ—дѣйств. л. ск., 796, 903.
 Галынъ-Габыкъ—богатырск. стрѣла, 433.
 Гальбинъ-Минганъ-бурханъ—дѣйств. л. ск., 777.
 Гамбы-гарбы—божество, 261.
 Гаммеръ Пургшталъ—нѣм. учен., 787, 793, 860.
 Гангенъ-Муренъ, Гангъ—рѣка, 336, 875.
 Ганджуръ-Танджуръ—свящ. книги, 326, 336, 429, 491, 512, 834, 920, 922.
 Ганджуръ-Цаганъ—горы, 439, 476.
 Гантимуровъ—Тунгусъ, 169, 186, 193, 206, 216, 233, 256, 302, 330, 797.
 Ганци-Ментышъ—дѣйств. л. ск., 235—237, 721.
 Ганъ—нѣм. учен., 864.
 Ганъ-су—китайск. провинція, 653.
 Гарди-Церби-ханъ—дѣйств. л. ск., 462.
 Гаркави—ориенталистъ, 902.
 Гартуль, Сартуль—покол. Бурятъ, 23, 25.
 Гарудай, Гаруди—мно. птица, 693, 818.
 Гарукъ—чудовище, 793, 808.
 Гарыкуль—дѣйств. л. ск., 813, 814, 919.
 Гатисвъ—авт., 793, 928.
 Гаутама—основатель буддизма, 830, 834.
 Гахай-Баеши—божество, 227, 261, 263.
 Гахай-Тологой-Тюлюкчи—дѣйств. л. ск., 539, 540.
 Гашангана—дѣйств. л. ск., 312.
 Гвилюнъ—кимрск. богъ, 741.
 Гегерь-Меджидъ—дѣйств. л. ск., 834, 835, 836.
 Гегерь-ханъ—дѣйств. л. ск., 834.
 Гедиминъ—литовск. князь, 928.
 Гедройць—авт., 896.
 Гедьманикъ—дѣйств. л. ск., 928.
 Гезаръ-дунгъ—тиб. книга, 834.
 Гезихій—древн. писат., 714.
 Гезиодъ—класс. пис., 805.
 Геликъ—дѣйств. л. ск., 406—408.
 Геликъ-Армьба-Ганъ-Ола—гора, 439.
 Гельгенъ-ли—дѣйств. л. ск., 821, 874.
 Гельмерсенъ—русск. учен., 165, 725, 757.
 Гелюнгъ-Сакхилъ—дѣйств. л. ск., 292.
 Гелюхене-Комитонъ—буратск. названіе Тунгусовъ, 25.
 Генпринъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 524, 527.
 Гентей—хребетъ, 805.
 Генъ—нѣм. учен., 656.
 Георги—путешеств., 656, 696, 697, 703, 712, 730.
 Георгій—дѣйств. л. ск., 912, 928.
 Геранъ-кярванъ—авѣда, 733.
 Герасимъ мельникъ—дѣйств. л. ск., 755.
 Герберштейнъ—старин. путеш., 901.
 Герги—христ. имя, 828, 912.
 Гересандза-Джеларь—предокъ монг. князей, 934.
 Геркулесъ—греч. герой, 902.
 Геркъ—страна, 902.
 Германия—страна, 663.
 Гермесъ—греческ. богъ, 688.
 Геродотъ—греч. истор., 833, 922, 926.
 Герстфельдъ—русск. путеш., 730.
 Гесеръ-ханъ, Гесиръ-ханъ, Гэсеръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 210, 250, 251, 255—258, 260, 261, 276, 330, 331, 660, 671, 675, 705, 758, 761—763, 796, 801, 804, 806, 811, 817—820, 827, 829, 834, 844, 845, 872, 875, 882, 916, 943.
 Гецеръ-ханъ—волш. леваство, 819.
 Гефестъ—греч. богъ, 920.
 Гигановъ—авт., 732, 742, 750, 941.
 Гизельское селеніе, 724, 732.
 Гивихи—народъ, 751.
 Гиксы—древн. народъ, 681.
 Гильфердингъ—русск. пис., 764.
 Гиляки—народъ, 674, 697, 729, 756, 757, 930.
 Глѣбъ—русск. князь, 820, 865, 839, 924.
 Гмелинъ—нѣм. учен., 931.
 Гнатъ-булатъ—дѣйств. л. ск., 844, 884.
 Гоа-Маралъ—дѣйств. л. ск., 791.
 Го-Баннъ—дѣйств. л. ск., 319.
 Гоби—пустыня, 270, 311.
 Говедяршица—авѣда, 733.
 Говорсъ—англ. писат., 866.
 Гоголь-голодай—дѣйств. л. ск., 206, 789.
 Гогъ—мно. народъ, 736.
 Гокчу-мэргэнъ-ашьякъ—дѣйств. л. ск., 725.
 Голодная степь, 897.
 Голто-бурханъ—божество, 789, 804, 904.
 Голто-Мого-ханъ—дѣйств. л. ск., 486.
 Голубина книга, 682, 792, 822, 869, 893, 897, 917.

Голуметь—рѣка, 23.
 Голхондо—мнѣ. лицо, 119.
 Гольцманъ—нѣм. писатель, 695.
 Гомбоевъ—авт., 702, 703, 721, 749.
 Гомбутуръ—тайм. богъ, 205, 332, 338, 339, 737, 790, 883, 902, 922.
 Гомбу-Тышету-Ханъ—дѣйств. л. ск., 339.
 Гондогъ-царь—дѣйств. л. ск., 486—488.
 Гончикъ—Дархатъ, 296, 410.
 Гонъ-Саюнъ—повол. Яматовъ, 661.
 Гоодомба—дѣйств. л. ск., 830.
 Горбуштень-Тэнгриныъ-Ку—божество, 805.
 Горгасланъ—груз. царь, 843.
 Горгона—мнѣ. лицо, 844.
 Горѣчи—дѣйств. л. ск., 873.
 Гороховъ—авт., 821.
 Горныя—дѣйств. л. ск., 785.
 Горхонъ-Ула—гора, 823.
 Гостсвръ—дѣйств. л. ск., 926.
 Гостомыслъ—дѣйств. л. ск., 772, 896.
 Гостунъ—болгарск. царь, 881.
 Готоль—повол. Бурятъ, 23.
 Готы—народъ, 663, 754, 914.
 Го-Чиктгу—дѣйств. л. ск., 838.
 Грабовскій—авт., 850.
 Гребницкій—натуралистъ, 754, 789, 942, 943.
 Греки—народъ, 672—674, 688, 714, 716, 724, 731, 732, 741, 745, 751, 845, 926.
 Григоровскій—миссіонеръ, 677, 702, 704—706, 708, 712, 723, 730, 732, 770, 778, 779, 793, 850, 894, 918.
 Грнжула волесница—совѣзд., 725.
 Гриммъ—нѣмецк. учен., 765.
 Громъ-батыо—дѣйств. л. ск., 722, 752, 898.
 Грузины—народъ, 724, 730, 741, 760, 780.
 Грузія—страна, 806, 843, 872.
 Грюнбаумъ—нѣмецк. пис., 764.
 Грядовичи—русскіе богатыри, 932.
 Губюръ—пред. Киргизъ, 15.
 Гуджиръ—уроч., 233.
 Гудулу кѣханъ—истор. лицо, 841.
 Гужиръ—дѣйств. л. ск., 822.
 Гужиръ-тэнгри—онгонъ, 121.
 Гуйденъ-Саянъ-Гелюнгъ—дѣйств. л. ск., 312.
 Гула-гу—персидск. государь, 851.
 Гульдѣ-Токчи—дѣйств. л. ск., 303, 305, 863.
 Гуляевъ—собр. свая, 837.
 Гумбольтъ—нѣмецк. ученый, 128.
 Гумбутуръ—божество, 410.
 Гумъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 495, 919.
 Гундоин-Гурмиоль-Хара-Ула—гора, 316.

Гуны—народъ, 651, 754, 770, 892.
 Гунтурантай—дѣйств. л. ск., 636—638, 931.
 Гунунъ-Хонгуръ—богатырск. конь, 476.
 Гунъ-гурогунъ—мнѣ. животное, 769.
 Гунынь—Халхасецъ, 139—141, 175, 244, 261, 292, 294, 398, 401, 403, 406, 534, 547.
 Гунынь—богатырск. конь, 454, 458.
 Гунынь-Настай-Мекеле—дѣйств. л. ск., 432, 433, 437, 440—442, 444—447, 451—455, 463, 465, 470, 480.
 Гунынь-Хара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 454, 458.
 Гунъ-хара-усу—мнѣ. воды, 476.
 Гурба-Когонъ—мнѣ. олени, 205.
 Гурбанъ-Мушинъ—совѣздіе, 137.
 Гурбанъ-Сокъ—совѣздіе, 137.
 Гурбанъ-Хого—совѣздіе, 137, 791.
 Гурбелджинъ-Гоа—дѣйств. л. ск., 791, 795, 804, 803, 835, 856, 858.
 Гурбесу—дѣйств. л. ск., 790, 805, 844, 856, 858.
 Гурбу-Сого—совѣздіе, 137, 205.
 Гурбустень-ханъ—дѣйств. л. ск., 429, 448, 451, 452, 790, 877, 878, 805, 881.
 Гурбы-Маралъ—совѣздіе, 137, 205, 790.
 Гурбы-Огулдыан—уроч., 446.
 Гурбы-Эрдени—три драгоцѣнности, 499.
 Гурочинъ—дѣйств. л. ск., 873.
 Гурунь-Барыкъ, Гурунь-гурогень—совѣздіе, 137, 206.
 Гурунь-Гурогень—совѣздіе, 137.
 Гусинцы—сербы, 725, 730.
 Гучинъ-Гурбу-Номту-Тэнгиръ—божество, 470.
 Гучинъ-Гурбу-Хурмусту—божество, 460, 461, 465, 481, 482.
 Гэгэръ, Кэгэръ—дѣйств. л. ск., 251.
 Гэгэръ-Меджигъ—дѣйств. л. ск., 801.
 Гюра-Тороговичъ—дѣйств. л. ск., 907.

Д.

Дабысынъ-Дабанъ—горн. проходъ, 299.
 Дабысынъ-Далай—море, 460.
 Дава—дѣйств. л. ск., 838.
 Дава-Тайджи—дѣйств. л. ск., 495, 496.
 Давидъ—дѣйств. л. ск., 842, 861, 863, 917.
 Дагестанъ—страна, 870.
 Дагна, Дагинэ—небесная дѣва, 227, 374, 375, 377, 378, 382, 383, 516, 517.
 Дагуръ—народъ, 25.
 Дада—народъ, 720, 721, 802, 899.
 Дада князь—дѣйств. л. ск., 899.
 Даданъ—царь, 845, 928.
 Даж-бай—слав. богъ, 739.
 Даж-богъ—славян. богъ, 739, 881.
 Дайбангъ-хаганъ—дѣйств. л. ск., 851.

- Дай-дарханъ—звание, 843.
 Даянь-Дархэ—каменная баба, 280, 291, 292.
 Даянь-тере, Даянь-дере—дѣйств. л. ск., 293, 828, 841.
 Даянь-Тирхинъ—дѣйств. л. ск., 828.
 Даянь-Тэнгирь, Даянь-Тэнгри—дѣйств. л. ск., 293, 841.
 Даянь-ханъ—истор. лицо, 843.
 Даярь-Урсунъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Даярь-Усунъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Дамбы-Цаганъ—дѣйств. л. ск., 481.
 Далай-кузнецъ—дѣйств. л. ск., 483.
 Далай-лама—дух. л., 232, 332, 333, 335—337, 340, 341, 410, 429, 495, 831, 881—883.
 Далай-Тайши—пред. Дюрбютювъ, 326.
 Далай-ханъ—дѣйств. л. ск., 20, 883.
 Даммація—страна, 846, 864.
 Далхай—пред. Бурятъ, 23.
 Даль, В. И.—русск. писат., 790, 927.
 Данджинъ-Хошучи—пред. Дюрбютювъ, 326.
 Данило—дѣйств. л. ск., 890.
 Данило Бѣлый—дѣйств. л. ск., 913, 915.
 Данило Ловчанинъ—дѣйств. л. ск., 844.
 Данильченко—авт., 675, 689, 746, 750, 771, 772, 804, 845, 888.
 Даяничъ—сербск. писат., 708.
 Даяница—звѣзда, 733.
 Даравата—тибетск. книга, 803, 811.
 Дариху-бурхынъ—божество, 429.
 Дарханъ—гора, 803.
 Дархатская земля, 299, 300, 303, 305, 307, 406, 407, 409, 410, 488, 534, 647, 650, 655, 871.
 Дархатъ—онгонъ, 73, 111, 122, 126.
 Дархаты—народъ, 13, 21, 22, 25, 37, 78, 93, 101, 103, 119, 137, 142, 156, 161, 162, 164, 175, 176, 181, 188, 192, 244, 295, 296, 299, 300, 303, 307, 407, 408, 534, 535, 647, 653, 671, 695, 839, 843.
 Дархынъ-хонторъ—богат. конь, 384.
 Даугаръ-Алыпъ—дѣйств. л. ск., 810.
 Даудъ—предокъ Киргизъ, 15.
 Дауеги—народъ, 804.
 Даулетенбекъ—пред. Киргизъ, 17.
 Даулетъ—пред. Киргизъ, 16.
 Дачинъ-Хошучи—пред. Дюрбютювъ, 326.
 Даянь-ханъ—истор. лицо, 826, 836.
 Дебачи—монг. князь, 326.
 Деветь—дѣйств. л. ск., 711.
 Деджить-Аха—дѣйств. л. ск., 406, 407, 534.
 Дежичъ—созвѣд., 729.
 Делюнъ Болдокъ, Делюнъ-Болдокъ—уроч., 805, 806.
 Деманъ—дѣйств. л. ск., 811.
 Демичи-Ерентъ—дѣйств. л. ск., 369—371.
 Демо-брдаянъ—дѣйств. л. ск., 816.
 Десперадовичъ—авт., 675, 687, 799.
 Денчи—дѣйств. л. ск., 842.
 Дёрменъ—покол. Узбековъ, 671.
 Детханъ-лама—дѣйств. л. ск., 526.
 Джаба—пред. Киргизъ, 16.
 Джабаганъ—пред. Алтайцевъ, 7.
 Джабагъ—покол. Алтайцевъ, 7, 62, 193.
 Джавотей—пред. Киргизъ, 16.
 Джага-Баба—дѣйств. л. ск., 640, 641, 832.
 Джагурджа—татарск. имя св. Георги, 912.
 Джалыки—покол. Киргизъ, 670.
 Джанкъ—онгонъ, 91, 93, 94, 96, 233—235, 692, 701, 762, 794, 808, 826.
 Джайлыу—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Джайрау—пред. Киргизъ, 18.
 Джаксылыкъ—пред. Киргизъ, 14.
 Джаламанъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джалаты-мергенъ—дѣйств. л. ск., 904.
 Джалбагай—птица, 766.
 Джалбыратъ—Урянхаецъ, 424.
 Джалмаусъ—дѣйств. л. ск., 766—776, 811.
 Джаманай—пред. Киргизъ, 15.
 Джаманъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Джамбы-лама—дѣйств. л. ск., 544—546.
 Джамука—дѣйств. л. ск., 862, 873.
 Джамцинъ-Солонъ, 22, 188, 235, 297, 306, 339, 351, 407, 410, 411, 555.
 Джанабай—пред. Киргизъ, 18.
 Джанабатыръ—пред. Киргизъ, 16.
 Джанабыгъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джанай—пред. Киргизъ, 15, 18.
 Джанай-чеченъ-тумазы—дѣйств. л. ск., 591, 592, 594.
 Жангельды—пред. Киргизъ, 18.
 Жангызъ-улъ—дѣйств. л. ск., 761, 811.
 Жангыс-дабанъ—горн. прох., 301.
 Жангыс-Улы—дѣйств. л. ск., 170—172.
 Джанджи-музэ—дѣйств. л. ск., 585.
 Джанджинъ-Мергенъ-Вана хошунъ, 231.
 Джандость—пред. Киргизъ, 17.
 Джандось—пред. Киргизъ, 15.
 Джанибекъ—пред. Киргизъ, 16, 18.
 Джанксы—пред. Киргизъ, 16.
 Джанта—пред. Киргизъ, 17.
 Джантакъ—пред. Киргизъ, 18.
 Джанту—пред. Киргизъ, 16.
 Джантыкей—предокъ, 670.
 Джантыкъ—предокъ, 670.
 Джанузакъ—пред. Киргизъ, 16.
 Джанчувъ—пред. Киргизъ, 18.
 Джанъ-ана—развалины, 896, 897.
 Джанъ-базаръ—пред. Киргизъ, 19.

- Джанъ-кара—пред. Киргизъ, 17.
 Джанъ-кошекъ—пред. Киргизъ, 16.
 Джанъ-мурза—пред. Киргизъ, 19.
 Джанысъ—пред. Киргизъ, 15.
 Жаппай—Урянхайка, 61, 231.
 Жапсылъ—дѣйств. л. ск., 209.
 Жарканатъ—дѣйств. л. ск., 169—173, 761.
 Жарыкъ—имя Ульгена, 70.
 Жарыкъ—звѣзда, 784, 779, 784, 836, 880.
 Жарылганъ—пред. Киргизъ, 17.
 Жарылганъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джауаръ—пред. Киргизъ, 15.
 Джаханьбо—дѣйств. л. ск., 801, 855.
 Джакандэ-гегенъ—дух. лицо, 227, 257, 260, 801.
 Джаке-баба—дѣйств. л. ск., 896.
 Джалачи-ханъ—дѣйств. л. ск., 169, 170, 691, 692, 761, 762, 908, 911.
 Жебе—дѣйств. л. ск., 771.
 Жевлукуль—оз., 186.
 Жедай-ханъ—дѣйств. л. ск., 692, 719, 736—738, 831, 832, 876, 885, 900, 93, 932.
 Жедигонъ—созвѣдіе, 711, 717, 730.
 Жедигеръ—личн. имя, 781.
 Жеды-бурханъ—созвѣдіе, 715.
 Жедыганъ—созвѣдіе, 136.
 Жекенъ—дѣйств. л. сказ., 176, 177.
 Жекъ-кукъ—созвѣдіе, 713.
 Желайръ—покол. татаръ, 688, 670.
 Жельбага—дѣйств. л. ск., 167, 178, 189, 190, 192, 341, 342, 757, 765, 766, 772, 774, 777, 778, 780, 781, 808, 880, 885.
 Жельбегенъ, Джилбегенъ, Ельбегенъ, Чельбегенъ, Тельбегенъ—чудовище, 561, 773, 774, 778, 780, 781, 801, 808, 836, 898, 909.
 Жельбы-хунякъ—звѣзда, 784.
 Жемире—мнѣ. существо, 690, 930.
 Жемшидъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Жемъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Джентай—дѣйств. л. ск., 815.
 Джерге—дѣйств. л. ск., 779.
 Джершене-шешень—дѣйств. л. ск., 364, 365, 719, 895, 916.
 Джеренъ, Джеренъ—дѣйств. л. ск., 719, 895.
 Джеренъ-шешень, Джеренъ-чечень—дѣйств. л. ск., 900, 905, 916.
 Джерканатъ—дѣйств. л. ск., 811, 822, 907, 908, 911.
 Джерке-лин-гунъ, Джерке-Линъ-хумъ—дѣйств. л. ск., 828, 908, 916.
 Джерь балыкъ—рѣка, 682.
 Джесь Маадыръ—мнѣ. лицо, 140, 207.
 Джесь-Тумана, Джесь-Томана—богатырск. стрѣла, 344, 389.
 Джетегей—созвѣдіе, 711, 717.
 Джеты—поколѣніе Урянхайцевъ, 721, 864, 892.
 Джетыганъ—созвѣдіе, 80, 136, 193, 194, 200, 671, 717, 718, 722, 737, 738, 794, 932.
 Джетыгеръ—личн. имя, 713.
 Джеты-гуръ—божество, 70.
 Джеты-каракше, Джеты-Караки—созвѣдіе, 703, 718, 720, 784, 786, 789, 811, 856, 927.
 Джеты-Кудай—божество, 738, 752, 799, 832, 932.
 Джетыкулъ—дѣйств. л. ск., 921.
 Джетымень—созвѣдіе, 671, 711, 717.
 Джеты-пурганъ—созвѣдіе, 917.
 Джеты-ру—покол. Киргизъ, 720.
 Джеты-Сару—покол. Алтайцевъ, 7, 8.
 Джеты-су—страна, 740.
 Джеты-Тасъ—дѣйств. л. ск., 345—348, 721.
 Джеты-Таянджи-кулъ—дѣйствит. л. ск., 376.
 Джеты-Урганъ—созвѣдіе, 740, 917.
 Джеты-уругъ—покол. Киргизъ, 720, 927, 929.
 Джибей—рѣка, 11.
 Джибаунъ-Хамбы, Джибцаунъ-Цамбу—дух. лицо, 271, 328.
 Джигенъ-Дайлыбынъ-Хара—дѣйств. л. ск., 437.
 Джиглигенъ дабанъ—горн. прох., 21.
 Джида-нойонъ—дѣйств. л. ск., 780, 802, 809, 860, 868.
 Джиды—урянх. покол., 892.
 Джидыбай—дѣйств. л. ск., 891.
 Джиланъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 820.
 Джилаунъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Джилбы—звѣзда, 764.
 Джилкыпъ-ата—мусульм. святой, 368.
 Джилбегенъ, см. Жельбегенъ.
 Джилбы—звѣзда, 780, 781, 836.
 Джингиръ-Бухе—дѣйствит. л. ск., 805, 899.
 Джингитенъ-дабанъ—горный проходъ, 805.
 Джинсанъ-суме—буддѣйскій храмъ, 310, 313.
 Джиргылынгты—рѣка, 430.
 Джиршене-шешень—дѣйств. л. ск., 895.
 Джиремъ—дѣйств. л. ск., 935.
 Джитасъ—покол. Алтайцевъ, 940.
 Джитыганъ—созвѣдіе, 136, 692, 711, 717, 780, 840, 855, 942.
 Джитымъ-Сенге—дѣйств. л. ск., 811.
 Джиты-Пурганъ—созвѣдіе, 136, 715.
 Джиты-тасъ—покол. Алтайцевъ, 9.
 Джиты-Урганъ—созвѣдіе, 715, 717.
 Джитыханъ—созвѣдіе, 717.
 Джихджитъ—божество, 261.

- Джипункубъ Бурханъ—божество, 500.
 Джинналы—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Джокду—покол. Урянхайцевъ, 12, 672, 851.
 Джолумбетъ—пред. Киргизъ, 17.
 Джонпай—дѣйств. л. ск., 776.
 Джоро—дѣйств. л. ск., 660, 806, 817—819, 829, 845, 872, 916.
 Джоту—покол. Дархатовъ и Урянхайцевъ, 10, 22, 720.
 Джуанъ-ана—развалины, 897.
 Джуджу лама—дѣйств. л. ск., 407.
 Джулымъ-софа—пред. Киргизъ, 17.
 Джуманъ—пред. Киргизъ, 19.
 Джумартъ—пред. Киргизъ, 18.
 Джумбуль-дорджи-ханъ—дѣйств. л. ск., 232.
 Джунария—страна, 655, 659, 740.
 Джушпаръ—мнѣ. конь, 681, 889, 896.
 Джуть-вара—пред. Киргизъ, 18.
 Джучи-хана—развалины могилы, 897.
 Джюсунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 374—376, 922.
 Дзабхынъ—рѣка, 20, 149, 654.
 Дзайгылъ—рѣка, 11.
 Дзалзынъ—дѣйств. л. ск., 500.
 Дзалутай—мергенъ, 503—512.
 Дзангунъ—тиб. книга, 759, 767, 829, 830, 833, 834, 869.
 Дзандынъ-Модо—мнѣ. дерево, 188, 511, 773.
 Дзаннай—дѣйств. л. ск., 812.
 Дзанъ-Хаясынъ—богатырск. конь, 441, 443, 445.
 Дзарга—дѣйств. л. ск., 779.
 Дзасакту-ханъ—монгол. кн., 306.
 Дзидзилыкъ—караулъ, 299.
 Дзось-дабанъ—горн. прох., 445.
 Даулдукъ—дѣйств. л. ск., 237—241, 812, 814.
 Дауту—Дархатъ, 493, 531, 544, 556.
 Дзунгаръ—покол. Бурятъ, 310.
 Дзундунъ—Дархатъ, 512.
 Дзуншисебуты—дѣйств. л. ск., 853.
 Дзурганъ-бакши—дѣйств. л. ск., 779, 830, 833, 834.
 Дзурхайчи бакши—божество, 312.
 Дзюгу—дѣйств. л. ск., 820.
 Дзюджинъ-Омбо—дѣйств. л. ск., 271.
 Дзюникъ-бо—дѣйств. л. ск., 408—410, 901.
 Дзюнь-далай—названіе оз Байкала, 128.
 Дзюрку—богатырск. конь, 485.
 Дидиксахалъ—уроч., 805, 854.
 Дидзуганъ—поколѣніе, 718.
 Дивавуль—ханъ турецкій, 667.
 Димешки—араб пис., 870, 902.
 Дишни—дѣйств. л. ск., 873.
 Дюклитіанище—дѣйств. л. ск., 845.
 Днѣпръ—рѣка, 807, 902.
 Добомергенъ—дѣйств. л. ск., 935.
 Добротворскій—авт., 677, 688, 699, 705, 756, 911.
 Добрыня—русск. богатырь, 745, 844.
 Добрянковъ—истор. лицо, 901.
 Дохо—урянх. покол., 721, 864.
 Додой—дѣйств. л. ск., 641—643.
 Додоть—урянх. покол., 720.
 Додъ-норъ—озеро, 21.
 Докшинъ—предокъ, 667.
 Докшинъ-Хара-Кюрюль—дѣйств. л. ск., 474, 475.
 Долганы—народъ, 797.
 Дологодунъ-тологой—мѣстность, 853.
 Долонъ бурханъ—созвѣздіе, 136, 194, 687, 721, 722, 738, 790, 811, 826, 917.
 Долонъ-Дондышъ—дѣйств. л. ск., 235—237, 721, 811.
 Долонъ Кубынъ—созвѣздіе, 136.
 Долонъ Мундурго—бѣлокъ, 127.
 Долонъ-убугутъ, Долонъ-Эбугутъ—созвѣздіе, 136.
 Долонъ-Хатынъ—дѣйств. л. ск., 441.
 Долонъ Хобдокъ—дѣйств. л. ск., 368.
 Долонъ-хого, Долонъ-хогонъ—созвѣздіе, 136, 695, 719, 897.
 Долонъ-Хонхотанъ—дѣйств. л. ск., 914, 922, 927.
 Долонъ-хугынъ—уроч. 76, 694.
 Долонъ Читкуръ—дѣйств. л. ск., 518.
 Долонъ-Эбугутъ—дѣйств. л. ск., 200, 787.
 Домдагуль-Сокуръ—дѣйств. л. ск., 802.
 Донбеттырь—водяной, 735.
 Дондумъ—дѣйств. л. ск., 830, 833, 834.
 Дондукъ—пред. Киргизъ, 16.
 Дондукъ-Церень—истор. лицо, 217, 326, 327.
 Доной—предокъ, 667.
 Дононъ-Хундей—дѣйств. л. ск., 270.
 Дононъ-Хара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 454, 459.
 Донъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Дорбонъ-ойродъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 289.
 Дорбонъ—народъ, 20.
 Дорда-Тарханъ—дѣйств. л. ск., 844.
 Дорджи—Халхасецъ, 351.
 Дорджиджалбы—дѣйств. л. ск., 402.
 Доринкэ—богатырск. конь, 454.
 Дормой—предокъ, 233.
 Дорнь—русск. уч., 663, 902.
 Дороги—Млечн. путь, 742.
 Дорошенко—дочинный писарь, 39.
 Дорджи-Тангъ—гора, 223.
 Досанъ—пред. Киргизъ, 18.
 Досканъ—пред. Киргизъ, 15.
 Дѣше-Тологой—гора, 306.
 Драгомановъ—русск. пис., 754, 814.

Драконъ—совѣздіе, 840, 932.
 Дренъ Дреновичъ—имя въ загадкѣ, 901.
 Дронъ—Дроновичъ—имя въ загадкѣ, 901.
 Друма—дѣйств. л. ск., 920.
 Дуа-Сохоръ—предокъ Монголовъ, 667.
 Дубасовъ—авт., 849.
 Дуби—дѣйств. л. ск., 854.
 Дубня—дѣйств. л. ск., 785.
 Дува Сохоръ—дѣйств. л. ск., 748.
 Дувръ—городъ, 741.
 Дугунъ-Текенъ—уроч., 410.
 Дукланъ—дѣйств. л. ск., 861, 880.
 Дулакъ—пред. Киргизъ, 16.
 Дуланге—народъ, 661.
 Дуланъ-ола—хребетъ, 129.
 Дулатъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Дунай—дѣйств. л. ск., 844.
 Дунай—рѣка, 750.
 Дурбень-Ойраты—народъ, 654, 666.
 Дурбень-хара-Уланъ—уроч., 465.
 Дурманъ-ноинъ—мнѣ. лицо, 111.
 Дурманъ—покол., 671.
 Дурьтунъ—покол. Бурятъ, 23.
 Дутумъ-менень—пред. Монголовъ, 809.
 Дуть-Байнъ—дѣйств. л. ск., 270, 271.
 Дыньсъ—имя въ заговорѣ, 925.
 Дьдигенъ—совѣздіе, 711.
 Дьлуда—покол., 720, 721.
 Дэлюнъ-болдокъ—уроч., 805.
 Дэрэнъ-изи—онгонъ, 107, 113.
 Дэтхэ-Тэнгри—божество, 470.
 Дюгуръ-Дзайсанъ—дѣйств. л. ск., 335.
 Дюсембэ—предокъ Киргизъ, 16, 17.
 Дюсенбай—пред. Киргизъ, 18.
 Дюкъ—дѣйств. л. ск., 802.
 Дюрболджинъ-хангай—горы, 459.
 Дюрбютская земля, 326, 327.
 Дюрботы, Дюрбб—народъ, 20, 27, 37—
 39, 78, 89, 124, 125, 131, 132, 136,
 137, 150, 152, 189, 203, 229, 262, 325,
 360, 407, 410, 535, 650, 654, 660, 666,
 671, 693, 721, 751, 806, 808, 851, 861,
 894, 908.
 Дюргучи-Батыръ—дѣйств. л. ск., 308.
 Дюрюсту Дюркунъ-Ханъ—дѣйств. л.
 ск., 272.

Е.

Ебинъ—рѣка, 871.
 Ебоганъ—озеро, 186.
 Европа—страна свѣта, 651—653, 674,
 699, 716, 766, 771, 928, 933.
 Египецъ—страна, 922.
 Егорій Храбрый—дѣйств. л. ск., 743,
 823, 829, 839, 845, 912, 928.
 Едды-Кардашъ—совѣздіе, 711.
 Еденъ-пууду-каанъ—дѣйств. л. ск.,
 224, 799.

Едженъ-бугду-ханъ—прозвище кит.
 имп-ра, 799.
 Едженъ-Ко—дѣйств. л. ск., 719.
 Едженъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 187, 225,
 285, 290, 302, 303, 323, 324, 356,
 663, 871.
 Едженъ-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 208.
 Еджиль—рѣка, 871.
 Едзь—озеро, 871.
 Едзень-ханъ—китайскій императоръ,
 258, 259, 287, 288, 291, 298—300,
 304—308, 321, 361, 408, 409, 489, 490,
 858, 860.
 Едзень-Сулде—божество, 140.
 Едиганъ—рѣка, 286.
 Едигей—истор. лицо, 711, 734.
 Едигеръ—личн. имя, 713, 898.
 Еди-Иналъ—предокъ, 734.
 Едишъ—дѣйств. л. ск., 869.
 Еди-уручъ—страна, 720.
 Еди-Урусь—страна, 720, 902.
 Едиканъ—совѣздіе, 717, 928.
 Еди-Эрякъ—совѣздіе, 917.
 Едоранхъ—мнѣ. царь, 861.
 Еженъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 302.
 Ежигельды, дѣйств. л. ск., 810, 811, 904.
 Езень-Эулхаръ, дѣйств. л. ск., 812, 816,
 844, 887, 922.
 Езень-ханъ—дѣйств. л. ск., 722.
 Езымъ—горн. духъ, 48.
 Езе-Хабарту—дѣйств. л. ск., 853.
 Елабуга—городъ и уѣздъ, 725, 730, 770,
 800, 809, 849, 894.
 Елбекъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 767, 804.
 Елефамъ—мнѣ. змѣй, 737.
 Елегешъ, Елегешъ—рѣка, 10, 61.
 Елейскій улусъ, 128.
 Елисынъ—дѣйств. л. ск., 873.
 Елсанъ—дѣйств. л. ск., 873.
 Елта—дѣйств. л. ск., 693, 793, 809,
 878, 879.
 Елтаганъ—дѣйств. л. ск., 906.
 Елуге-Кмингъ—совѣздіе, 712.
 Ельбегень—дѣйств. л. ск., 192, 775, 777,
 808, 829.
 Ельбекъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 767, 804.
 Ельбичи-хамъ—дѣйств. л. ск., 288.
 Ельбурсъ—гора, 711, 780, 859.
 Ельджигенъ—покол. Уранхайцевъ, 12,
 102, 296, 665.
 Ельджигенъ—дѣйств. л. ск., 821, 850,
 851.
 Ельджигенъ-Джигитъ, Ельджигенъ-
 Джигетей—дѣйств. л. ск., 762,
 850, 852.
 Ельджигенъ-чигтей-ханъ—дѣйств. л.
 ск., 852.
 Ельджюкюгъ—калм. покол., 851.
 Ельтекъ—подзем. божество, 218.
 Ельчибай—пред. Киргизъ, 15.

Емегельджинъ, Емегенъ-онгонъ, 99, 101, 122, 123, 703.
 Емиль—рѣка, 660.
 Енги-уль—дѣйств. л. ск., 359.
 Енилъ—рѣка, 583.
 Енисей—рѣка, 10, 72, 618, 654, 720, 806.
 Енколь—рѣка, 939.
 Енохъ—дѣйств. л. ск., 736.
 Ербей-Ширбей—богатырск. конь, 344.
 Ерге-бурге—дѣйств. л. ск., 390.
 Ергене-хонъ—страна, 659, 660, 740.
 Ердене-Дэо—божество, 791, 870.
 Ердени-Хараликъ—дѣйств. л. ск., 886.
 Ердень-Сандыбаевъ—Киргизъ, 897.
 Ердманъ—учен., 830, 902.
 Ерельдей—дѣйств. л. ск., 218.
 Ерельтъ заиранъ—Дархатъ, 245, 519.
 Ерень—Чеченъ, Ерень-чэчэвъ—дѣйств. л. ск., 362, 363, 895, 905.
 Ерень—мио. лошадь, 454.
 Ерень, аг-ерень—онгонъ, 62, 80, 94, 703.
 Ерень-кылъ, Еренкылъ—мио. змѣй 808, 895, 935.
 Ерень Сайнгъ-Гунинъ Настай-Мекеле—дѣйств. л. ск., 430, 452.
 Ерикъ—дѣйств. л. ск., 670.
 Ерицевъ—армян. пис., 739.
 Ерие—дѣйств. л. ск., 667, 779.
 Еркеуны—название христіанъ въ древн. Монголіи, 917.
 Ерленъ-номонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 177, 694, 817, 823, 824.
 Ерликъ-кайраканъ—подземн. духъ, 62, 68, 225.
 Ерликъ-ханъ—божество, 62, 64—66, 67, 69, 71, 79, 86, 87, 88, 91, 129, 130, 167, 169—173, 180, 218, 219, 225, 241—245, 259, 290, 319, 328, 329, 415, 416, 426—429, 451, 481, 483, 504, 516, 617, 661, 680, 688, 689, 692—694, 698, 738, 761, 797, 798, 810, 811, 814, 817, 820, 821, 831, 843, 844, 846, 868, 877—879, 881—883, 906—911, 939.
 Ерми—древн. болгар. родъ, 881.
 Ермисъ—звѣзда, 741.
 Ерусланъ—дѣйств. л. ск., 719, 913.
 Еръ-Гокчу—дѣйств. л. ск., 725.
 Ерьса-абыганъ—божество, 47.
 Еръ-Сару—дѣйств. л. ск., 341, 344—348, 885, 887, 891.
 Ергене-мергенъ—дѣйств. л. ск., 416—424, 791, 854, 916, 917.
 Ергень-ерге—дѣйств. л. ск., 387—391.
 Есегень-батыръ—дѣйств. л. ск., 802, 811.
 Есень—дѣйств. л. ск., 666, 875, 876.
 Есень-тайши—дѣйств. л. ск., 722, 820.
 Есень-хаганъ—дѣйств. л. ск., 816, 853, 875.

Есугай—дѣйств. л. ск., 802, 803, 805, 806, 809, 830, 871, 873, 899, 935.
 Етеръ—дѣйств. л. ск., 878.
 Ефименко—авт., 893.
 Ехе-баба—свала, 832.
 Ехиньтъ—покол. Бурятъ, 192.

Ж.

Жанъ-Боримасъ—дѣйств. л. ск., 925, 926.
 Жанъ-Борисханъ—дѣйств. л. ск., 925, 926.
 Жарныгасъ—покол. Киргизъ, 710.
 Ждановъ—авт., 929.
 Желтая рѣка, 803.
 Желъзовъ—авт. 736, 759.
 Жербельонъ—иезуитъ въ Китаѣ, 858.
 Жесюгай—Якутск. богъ, 802.
 Жеянь-ждолдузъ—звѣзда, 733.
 Живай—дѣйств. л. ск., 811.
 Жидиганъ—созвѣдіе, 711, 717, 811, 855, 898.
 Жидовинъ—дѣйств. л. ск., 889, 892, 903, 926.
 Жиды—народъ, 780, 781, 868.
 Жидята—славянск. има, 926.
 Жиргылднъ—дѣйств. л. ск., 762.
 Жуанвилъ—старин. франц. писат., 863.
 Журавель—дѣйств. л. ск., 753.
 Жускэй-батыръ—дѣйств. л. ск., 232.
 Жюльенъ—франц. учен., 830, 944.

З.

Забѣлинъ—русск. учен. 786, 787.
 Загали—мио. олень, 226.
 Загры-Барди—дѣйств. л. ск., 275.
 Зады—народъ, 804.
 Зайсанъ—оз. и долина, 655, 658.
 Залозаръ—дѣйств. л. ск., 912.
 Замбы-дандынъ—мио. дерево, 223.
 Замбы-Теби—мио. страна, 441.
 Зандынъ-Тагне—дѣйств. л. ск., 317—319.
 Зандынъ-Толи—дѣйств. л. ск., 479, 480, 912.
 Запальницы—деревня, 714.
 Запхи—пред. Бурятъ, 826.
 Зарница—звѣзда, 137, 780, 781, 784, 835, 836, 943.
 Зарькъ—мио. птица, 431, 918.
 Заса Шикыръ—дѣйств. л. ск., 256, 257.
 Заха—предокъ якутовъ, 820.
 Захарка—има въ обрядовой пѣснѣ, 703.
 Захаровъ—русск. учен., 712, 765, 779, 789, 877.
 Захенъ Зондыръ—мио. дерево, 226.
 Заяни-алтынъ-чара судуръ—бвнта ст-дебъ, 392.

Заянь-Саганъ—дѣйств. л. ск., 822, 823.
 Заячн—духъ покровитель, 77, 359, 360.
 Заячій всадникъ—дѣйств. л. ск., 782.
 Заяша, Заянь—онгонъ, 107.
 Збродовичи братья—русск. богатыри, 932.
 Збутъ Борисъ Королевичъ—дѣйств. л. ск., 902, 903, 926.
 Зекци-Цаганъ—мно. старухи, 471.
 Зеленый царь—дѣйств. л. ск., 820, 913, 914, 915.
 Зенгъ Баба—предокъ коровъ, 368, 704, 896.
 Зилантъ—мно. змѣй, 915.
 Змай—мно. змѣй, 851.
 Змайло—предокъ, 797.
 Змиуланъ—дѣйств. л. ск., 746.
 Знаменскій, П.—русск. учен., 681, 693, 695, 711, 732, 762, 793, 832, 897.
 Золотая орда, 876.
 Золотницей—авт., 672, 711, 717, 750, 752, 793, 806, 807, 809, 819, 832, 849, 860, 897, 898, 916.
 Золотой берегъ въ Африкѣ, 779.
 Зоря—звѣзда, 784.
 Зорянка—звѣзда, 732.
 Зоту—покол. Дархатъ, 22.
 Зоть—покол. Урянхайцевъ, 12, 720.
 Зотынъ-нойонъ, Зотынъ-хара-Бука—дѣйств. л. ск., 251, 252, 254, 255, 943.
 Зохакъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Зубейръ-бенъ-Джаде—дѣйств. л. ск., 849.
 Зудъ—страна, 668.
 Зуулѳ—мно. птица, 785.
 Зукденъ, Зуктей—покол. Бурятъ, 672, 753.
 Зултынъ, Зултынъ—бурятск. онгонъ, 121, 122, 746, 905.
 Зулэмэ-тэнгэри—дѣйств. л. ск., 822.
 Зура—звѣзда, 781, 784, 785, 836.
 Зургенъ-Зандынъ—богатырск. конь, 474, 475.
 Зурхаевъ—звѣзда, 736.
 Зуря—звѣзда, 200, 784.
 Зуя—село, 786.
 Зынь Заха Зоготонъ—имя якутск. народа, 672.
 Зыра—богатырск. лукъ, 7.
 Зыряне—народъ, 656, 664, 695, 699, 815, 844, 942, 943.

И.

Ибенъ—рѣка, 871.
 Ибиятъ—рѣка, 871.
 Ибнъ-Даста—араб. пис., 870, 905.
 Ибнъ-Сандъ—араб. писат., 870.
 Ибнъ-Фоцданъ—араб. пис., 787.
 Иванище, калика—дѣйств. л. ск., 857, 863.

Иванъ—дѣйств. л. ск., 880, 924.
 Иванъ Богатый—дѣйств. л. ск., 898.
 Иванъ-Богодавецъ—дѣйств. л. ск., 786.
 Иванъ Быковичъ—дѣйств. л. ск., 785.
 Иванъ Бѣлый—дѣйств. л. ск., 719, 913, 914.
 Иванъ Голой—дѣйств. л. ск., 796.
 Иванъ Грозный—русск. царь, 810.
 Иванъ Ивановичъ—имя въ загадкѣ, 901.
 Иванъ князь—дѣйств. л. ск., 913, 914.
 Иванъ крестьянскій сынъ—дѣйств. л. ск., 924.
 Иванъ Медвѣдко—дѣйств. л. ск., 782.
 Иванъ Попяловъ—дѣйств. л. ск., 785, 925.
 Иванъ Сученко—дѣйств. л. ск., 785.
 Ивашка Бѣлая Поляница—дѣйств. л. ск., 912—914.
 Ивашка, бѣлая рубашка—дѣйств. л. ск., 690, 852, 868, 886.
 Игитъ Иркыль-ходжа—дѣйств. л. ск., 762, 828.
 Игорь—русск. вел. князь, 689, 816.
 Игорь—кн. Сѣверскій, 778, 810.
 Идень-нагуръ-газе-понгъ—созвѣдіе, 723.
 Идеркинъ—племя, 704.
 Иджинъ-ханъ—горн. духъ, 127.
 Иджихынъ—мно. лицо, 127.
 Идзиль Цвай—рѣка, 323, 871.
 Идиль—рѣка, 871.
 Игинскіе Буряты, см. Буряты.
 Идиркинъ—онгонъ, 117, 120, 704.
 Идолице—дѣйств. л. ск., 889.
 Идолъ—дѣйств. л. ск., 721, 831, 891.
 Идыганъ—созвѣдіе, 835.
 Идыге-би—дѣйств. л. ск., 404, 672, 711, 722, 734, 776, 781, 812, 835, 856—858, 869, 874.
 Идыганъ - Тюмуръ—родоначальникъ, 857.
 Идыль—дѣйств. л. ск., 721.
 Идыръ Арсланъ—дѣйств. л. ск., 476.
 Йеддйаръ—созвѣдіе, 713, 717.
 Ижеря—звѣзда, 732.
 Ижимей—гора, 215, 797.
 Ижичъ—созвѣдіе, 729.
 Избасъ—пред. Киргивъ, 15.
 Измайло—предокъ, 233, 797.
 Изамалъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 853.
 Износковъ—авт., 827.
 Иби Аралъ—уроч., 287.
 Ибиратъ, Икиритъ—монг. покол., 660, 769.
 Иланъ-одунъ—звѣзда, 138.
 Иланъчжуе—древн. городъ, 797.
 Илгысынъ-гэгэнъ—дух. л., 257, 258, 843.
 Илгысынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 475, 479, 480, 907, 909.

Илевей—пред. Киргизъ, 17.
 Илекъ-ондовъ—совѣщаніе, 729.
 Илемъ-хуызъ—чуваш. фетишь, 849.
 Илхи—дѣйств. л. ск., 854.
 Ильгельды—пред. Киргизъ, 16.
 Ильджихинъ—божество, 821.
 Ильминскій—русскій ученый, 649, 650.
 Ильгузеръ—пред. Киргизъ, 18.
 Ильханъ—дѣйств. л. ск., 740.
 Илья—христіан. св., 742.
 Илья Муромецъ—русск. богатырь, 689, 766, 767, 800, 837, 838, 840, 857, 863, 869, 889, 892, 902, 903, 906, 907, 924, 926.
 Ильясъ—мусул. святой, 819.
 Иманай—дѣйств. л. ск., 770.
 Иманалы—пред. Киргизъ, 14.
 Иматондуръ—уроч., 84, 126.
 Иматинскій улусъ, 126.
 Имень—рѣка, 660, 871.
 Инакъ-гере—дѣйств. л. ск., 876.
 Инаджи—предокъ, 734.
 Иналь—предокъ, 734.
 Инанчъ—истор. лицо, 854.
 Инанъ—князь, 854, 855, 865.
 Инбацкія юрты, 687.
 Инграсъ—поколѣніе, 669.
 Ингуренскіе Бураты—см. Бураты.
 Ингуши—народъ, 673, 674, 681, 714, 723, 730, 732, 735, 741, 745—747, 755, 760, 773, 776, 777, 780, 782, 799, 809, 848, 850, 867, 882, 884, 915.
 Индія—страна, 740.
 Индра—индѣйскій богъ, 695, 752, 766, 768, 781, 796, 829, 834, 845, 934.
 Индрихъ, Индрихъ—мно. звѣрь, 682, 890.
 Индрія—мно. звѣрь, 682.
 Индырь-Хаирханъ—гора, 900.
 Инимъ-асагида—Млечный путь, 943.
 Инырь-цолбанъ—звѣзда, 731.
 Иньмаръ—божество, 693, 696, 751, 752, 782, 798, 869, 878, 904.
 Иня—рѣка, 2.
 Йобогонъ-мергенъ—пред. Монголовъ, 872, 873.
 Йорень—бурятск. божество, 821, 916.
 Ио-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Ираклій—грузинск. царь, 884, 885.
 Ирбисень-ханъ—дѣйств. л. ск., 907.
 Ирбисъ—дѣйств. л. ск., 176, 177, 178.
 Иргай-Шяргай—дѣйств. л. ск., 393—395.
 Иргенъ—поколѣніе, 664.
 Иргизъ—поколѣніе, 740.
 Иргягъ—урянк. сумынь, 10, 11, 664.
 Иргыль-бугъ—мно. лицо, 117.
 Ирень-юсунъ—божество, 905.
 Ирень—мно. лицо, 207.
 Ирень-Шайнь-Чичирге—дѣйств. л. ск., 427—429, 692.

Иреть—рѣка, 128.
 Ирбисень-ханъ—дѣйств. л. ск., 907.
 Ирина—мно. змѣя, 916.
 Ирингенъ-голь—рѣка, 292.
 Ирингъ—дѣйств. л. ск., 670.
 Иринчинъ—Дархатъ, 324.
 Иринъ-Зайнь-Харынъ-Дунгу—дѣйств. л. ск., 906.
 Иринъ-игынъ-шошолыкъ—мно. лицо, 116.
 Иринъ-игытъ-хатъ—божество, 262.
 Иринъ-Сайнь-Гунмынь-Настай-Меке-ле—дѣйств. л. ск., 429, 442, 452, 455, 479, 650, 747, 761, 808, 819, 854, 878, 905—913, 915—917, 931, 934, 935.
 Иринъ - Сайнь - Мергенъ - Хунъ - Тай-джи—предокъ Хотогойтцевъ, 916.
 Иринъ-Шайнь-Чичирге—дѣйств. л. ск., 870, 905—907, 916.
 Иринъ-Ба-Эльдженъ—хошунъ, 293.
 Иритъ-Обогонъ—дѣйств. л. ск., 512.
 Иритъ-Хара—богатырск. дугъ 512.
 Иркутскъ—городъ и губернія, 26, 53, 55, 152, 161, 289, 290, 309, 654, 698, 714, 753, 771, 773, 776, 832, 890.
 Иркутъ—рѣка, 22, 23, 25, 136—138, 163, 216, 698, 806, 866.
 Иркыль-ходжа—дѣйств. л. ск., 762, 828.
 Иркытъ—поколѣніе, 2, 6, 7, 141, 176, 182, 660, 661, 664.
 Ирэъ—пред. Киргизъ, 16.
 Ирэбай—пред. Киргизъ, 18.
 Ирлыгы-ханъ—божество, 821.
 Ирлыкъ-номынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 266.
 Ирль-ханъ—божество, 789, 797, 883, 934.
 Ирвахъ—сынъ Аттилы, 696.
 Ирякъ—болгар. царь, 697, 881.
 Иро—мно. птица, 918.
 Ирога—монг. божество, 696.
 Иродъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Ир-сары-мугъ—дѣйств. л. ск., 584—587.
 Иртышъ—рѣка въ урянх. землѣ, 11.
 Иртышъ—рѣка въ Сибири, 655, 658, 667, 767, 928.
 Ирхедархатъ—народъ, 407.
 Ирхи—дѣйств. л. ск., 779.
 Ирхитъ—сумынь, 11, 12.
 Ирху—дѣйств. л. ск., 216.
 Ирхы-номонъ—дѣйств. л. ск., 266, 817.
 Ирхытъ—покол. Сойотовъ, 94, 406, 664.
 Ирхыты—Алт. покол., 820, 828.
 Иръ-наваръ—пред. Киргизъ, 18.
 Исама—дѣйств. л. ск., 797, 853.
 Исатай—пред. Киргизъ, 17.
 Иса-чеченецъ—дѣйств. л. ск., 883.
 Исебекъ—пред. Киргизъ, 19.
 Исель—рѣка, 871.
 Исенбай—пред. Киргизъ, 18.

Исенгуль—пред. Киргизъ, 18.
 Исентай—пред. Киргизъ, 17.
 Исенъ—пред. Киргизъ, 16, 18, 19.
 Исенгельды—пред. Киргизъ, 19.
 Искорость—древн. городъ, 924.
 Иславинъ—авт., 933.
 Иссыкъ—куль—оз., 734.
 Истекъ—народъ, 19.
 Исугай—дѣйств. л. ск., 803.
 Исункэ—князь, 671.
 Исунъ-сулдэ—божество, 746.
 Исыги-Маланъ-тэнгри, Исыги-Молонъ-тэнгри—божество, 142, 206, 264 — 266, 722, 752, 802, 803, 860.
 Итаганъ—созвѣдіе, 781.
 Ители—покол. Киргизъ, 721.
 Итмакуча—созвѣдіе, 942.
 Итмахъ—созвѣдіе, 942.
 Итти-кулъ—звѣзда, 732.
 Итога—божество, 696.
 Итпасаръ—пред. Киргизъ, 18.
 Иттыганъ—созвѣдіе, 711.
 Итурганъ—дѣйств. л. ск., 856.
 Итурянь—лицо упом. въ сказ. 704, 856.
 Итъ-аякъ—пред. Киргизъ, 17.
 Итъ-бараки—народъ, 873, 927.
 Итъ-куста—пред. Киргизъ, 17.
 Итъ-Ногай—народъ, 752.
 Итъ-Тидыганъ—созвѣдіе, 932.
 Итъ-Тъэдегенъ—созвѣдіе, 136.
 Итыганъ—созвѣдіе, 136, 672, 690, 696, 717, 718, 722, 801, 835, 836, 840, 855, 873.
 Итыгиль, Итыгиль—дѣйств. л. ск., 786, 787, 921.
 Иты-пурганъ—созвѣдіе, 874.
 Иты-Удрекъ—уроч., 288.
 Иты-Эрканъ—созвѣдіе, 715.
 Ихе-Монголь, Ихи-Монголь—народъ, 674, 790.
 Ихе-Тагны—мнѣ. лицо, 317.
 Ихи-Бурхынъ—дѣйств. л. ск., 190.
 Ихимангынь—онгонъ, 104.
 Ихи-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 190, 790.
 Ихинъ-Чихинъ—мнѣ. дерево, 435.
 Ихиритъ—покол. Бурятъ, 22, 25, 669.
 Ичиваламакъ—звѣзда, 789.
 Ичкерійцы—народъ, 873.
 Ичкерія—страна, 859.
 Ичкюрхтэ—божество, 70.
 Ишига-Тайши—пред. Дюрбютотъ, 326.
 Иши-Джамсынъ—Дархатъ, 539.
 Ишимъ—рѣка, 871.
 Иштаяъ—народъ, 931.
 Ифигенія—дѣйств. л. ск., 921.

I.

Иваинѣ, о.—синологъ, 144, 661, 669, 675, 841.

Иафеть—библ. лицо, 881.
 Изимъ-пій—алт. божество, 905.
 Иер-сези—духъ земли, 70.
 Ибовъ—кюрипецъ, 745, 747, 874.
 Иоакимъ—еп. Александрійскій, 926.
 Иоаннъ—дѣйств. л. албан. ск., 864.
 Иоаннъ Мандевильскій—старин. писат., 696.
 Иоаннъ пресвитеръ—мнѣ. лицо, 842, 860, 861, 863.
 Иотнъ-астеганъ—созвѣдіе, 739.
 Иоторъ-кысъ—духъ покровитель, 704.
 Иоторъ-уолъ—духъ покровитель, 704.
 Иоту—покол. чернев. Татаръ, 938, 940.
 Иотъ-Байгаль-Итчита—дѣйств. л. ск., 634.
 Иуда—дѣйств. л. ск., 869, 888.
 Иуринъ водзуль—созвѣдіе, 942.
 Іэ—дѣйств. л. ск., 216.
 Ія—рѣка, 216.

К.

Каанъ-кередей—мнѣ. птица, 693.
 Каанымъ—божество, 218.
 Кабакъ—рѣка, 327.
 Кабарда—страна, 885.
 Кабардинцы—народъ, 724, 730, 732, 735, 741, 745, 769, 859, 875, 928.
 Кабыль—пред. Киргизъ, 16, 18.
 Кавкааскіе горы—725, 769.
 Кагыръ—волш. камень, 819.
 Кагыръ-ханъ—злой духъ, 130.
 Каддаръ—дѣйств. л. ск., 858.
 Каджиръ-Буура—мнѣ. верблюдъ, 141, 819.
 Кадринъ—рѣка, 327.
 Кадылбашъ—дѣйств. л. ск., 68, 939.
 Кадынъ—гора, 940.
 Кадырбекъ—пред. Киргизъ, 17.
 Кадыръ—дѣйств. л. ск., 819.
 Кадышъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 887.
 Казакъ—народъ, 652, 655, 720, 722, 751.
 Казанганъ—пред. Киргизъ, 16.
 Казанская губернія—653, 730, 754, 830.
 Казань—городъ, 649, 660, 665, 668, 743, 749, 769, 827, 830, 849, 859, 866, 924.
 Казбекъ—покол. Киргизъ, 674, 874, 892.
 Каземъ-Бекъ—русск. учен. 669.
 Казибекъ—пред. Киргизъ, 16.
 Кази-кумыхи, Казы-кумыхи—народъ, 694, 714, 724, 730, 741, 745, 746.
 Казы—пред. Киргизъ, 19.
 Казыръ—мусульм. святой, 819.
 Кайганъ—дѣйств. л. ск., 577.
 Кайраканъ, Кайраканъ-кудай—божество, 62, 63, 69, 77, 80, 91, 95, 96, 225, 327, 328, 694, 797, 798, 877.
 Кайраканъ—онгонъ, 96.

- Кай-Теберь—бродь, 476.
 Кай-Юань—годы правленія въ Китаѣ, 841.
 Кай лебанъ ту—Млечный путь, 943.
 Кака-бай—пред. Киргизъ, 16.
 Какай—дѣйств. л. ск., 176.
 Каларь—покол. чернев. Татаръ, 936, 937, 940.
 Калачевъ—русск. учен., 739.
 Калачевъ, А.—липо, сообщив. свѣд., 711, 723, 744, 799, 807, 845, 850, 930.
 Калбинскій—хребетъ, 655.
 Калданъ-чэрб—дѣйств. л. ск., 866.
 Калибекъ—пред. Киргизъ, 19.
 Калинин-царь—дѣйств. л. ск., 839.
 Калучинъ—урянк. сумья, 12.
 Калка—см. Халха.
 Калкаманъ—пред. Киргизъ, 17, 19.
 Калмыки—народъ, 77, 660, 721, 734, 758, 779, 792, 851, 931, 941.
 астраханскіе: 661, 663, 665, 668, 680, 710, 871, 872.
 Калмы-тологой—гора, 893.
 Калтаръ—богатырск. конь, 584, 586, 587.
 Калужская губ., 772.
 Калмы-Теберь—мяе. лѣсъ, 476.
 Калымъ—онговъ, 96.
 Калымъ—дѣйств. л. ск., 809.
 Кальджакшинъ—имя Тунгусск. народа, 665.
 Кальжанъ-Ирхытъ—алтайск. покол., 2, 665, 904.
 Кальпе—дѣйств. л. ск., 200, 784, 836.
 Кама—рѣка, 717, 936.
 Камбаръ, Камберъ—личн. имя, 743.
 Камбаръ-бій—дѣйств. л. ск., 743.
 Камду—рѣка, 94.
 Каменецъ-Подольская—губ., 772.
 Камбинъ—авт., 902.
 Камногонъ—имя народа, 25.
 Камчадалы—народъ, 676, 694, 723, 729, 742, 748, 764, 793, 942.
 Камчатка—страна, 725, 748, 789.
 Камъ-божество у Половцевъ, 738.
 Камъ-вадылбашъ—дѣйств. л. ск., 288.
 Камъ-Курмосъ—дѣйств. л. ск., 328, 748, 790, 877, 878.
 Кавакъ-Калешъ—дѣйств. л. ск., 913.
 Канга-Каратъ—богат. конь, 584, 586, 587.
 Кангынь-Цаганъ-эгечи—дѣйств. л. ск., 491.
 Кандавль—дѣйств. л. ск., 902.
 Канеровы-юрты—уроч., 706.
 Канбере-ханъ—дѣйств. л. ск., 428, 429, 870, 906, 907, 909, 913.
 Канкильды—кирг. покол., 904.
 Канкыри—мяе. птица, 870.
 Канское озеро, 186.
 Канъ-Бозра—богат. конь, 620.
 Канъ-Гариде, Канъ-Гереле, Канъ-Кариде, Канъ-Кереде—мяе. птппа, 169, 179, 185, 389—391, 767, 788, 870.
 Канъ-губа-хулунъ—мяе. жеребець, 346.
 Канъ-Джайкъ—см. Джанкъ.
 Канъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 557, 574, 575, 577, 620, 621.
 Канъ-пурканъ—дѣйств. л. ск., 934.
 Канъ-Тона—дѣйств. л. ск., 579, 581, 583.
 Канъ-Тонгусъ—дѣйств. л. ск., 934.
 Канъ-Улетэй—дѣйств. л. ск., 372.
 Капшккай—гора, 882.
 Капорье—село, 893.
 Капсихоръ—деревня, 729, 732, 744, 799, 896.
 Капчагъ—дѣйств. л. ск., 220.
 Кара-Алматъ—покол., 2.
 Карабай—дѣйств. л. ск., 788, 859.
 Карабай—пред. Киргизъ, 18.
 Карабатырь—пред. Киргизъ, 15.
 Карабты-ханъ—дѣйств. л. ск., 167, 414—416, 423, 757.
 Каравеловъ—авт., 741, 763, 786, 787, 893.
 Карага-Короба-Булдуръ-Аймага—дѣйствит. л. ск., 639.
 Карагассы—народъ, 1, 652, 655, 668, 672, 710, 720, 729, 744, 765.
 Карагат-ханъ—лицо дѣйств. въ сказ., 559, 565.
 Кара-Гула, Кара-кула, Кара-гулакъ—дѣйств. л. ск., 177, 178, 185, 186, 371, 372, 427, 745, 769—771, 905, 907, 935.
 Карагызъ—пред. Киргизъ, 18.
 Карадасъ—дѣйств. л. ск., 567—571, 574.
 Кара-Джоту—покол. Урянхайцевъ, 668.
 Кара-Доратъ—богатыр. конь, 557.
 Карадуванъ—сел., 849, 850.
 Кара-Ирентъ—покол., 2.
 Кара-канъ—дѣйств. л. ск., 564.
 Каракасъ—дѣйств. л. ск., 813, 814.
 Кара-Кенгиръ—рѣка, 897.
 Каракилиса—мѣстность, 786.
 Кара-Киргизы—народъ, 1, 652, 655, 656.
 Кара-Кисекъ—пред. Киргизъ, 15, 16.
 Кара-көкөль—дѣйств. л. ск., 769.
 Кара-кула—см. Кара-гула.
 Кара-кулакъ—мяе. звѣрь, 770, 771.
 Каракуль—дѣйств. л. ск., 770.
 Кара-курмесъ—темный духъ, 99.
 Кара-Курунчи—дѣйств. л. ск., 757.
 Кара-Кушканъ—божество, 218.
 Каракше—созвѣдзіе, 719, 787, 793, 853.
 Каралезъ, Каралессъ—мѣстность, 786.
 Кара-Майманъ—покол., 2, 8.
 Кара-Мангутъ—бурятск. прозвище русскихъ, 931.
 Кара-Мангысъ—дѣйств. л. ск., 599, 600.

- Кара-Манджи—покол. 8.
 Карамзинъ—русск. историкъ, 688, 702, 767, 816, 862, 925.
 Кара-Могусъ—дѣйств. л. ск., 580—582.
 Кара-Мужъ—дѣйств. л. ск., 566, 574.
 Каранъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
 Кара-пиратъ, Кара-братъ—покол., 8, 661.
 Карасанъ-Талай-ханъ—дѣйств. л. ск., 883, 934.
 Кара-Сойонъ—покол. 2.
 Кара-софы—пред. Киргизъ, 14.
 Карау-базаръ—городъ, 786.
 Кара-Сурунь-Юла-Шилу-Частой—дѣйств. л. ск., 634.
 Каратавда—уроч., 667.
 Кара-Тоёлесъ—покол., 2, 9, 662.
 Кара-Тотошъ—покол., 2.
 Каратты-ханъ, Караты-ханъ—дѣйств. л. ск., 371—373, 376, 377, 416—421, 424, 591—594, 597, 598, 897.
 Караулъ—пред. Киргизъ, 14, 18.
 Караханъ—дѣйств. л. ск., 589, 590.
 Карахты-ханъ—дѣйств. л. сказ., 558.
 Карачаевцы—племя, 899.
 Карачерская волость, 937.
 Карашоръ—покол. чернев. Татаръ, 937, 940.
 Карашъ—подземн. божество, 218.
 Карга—покол. черн. Татаръ, 937.
 Кардажесталъ—звѣзда, 732.
 Кардег-стали—звѣзда, 732.
 Карджасъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Карджитъ—дѣйств. л. ск., 634.
 Кардиганъ—городъ, 741.
 Карелы—народъ, 902.
 Каряке—пред. Киргизъ, 19.
 Каркаралы—селеніе, 404.
 Бардукъ—племя, 839.
 Карлыкъ—горы, 839.
 Каролинскіе острова, 708.
 Каршыкъ—пред. Киргизъ, 19.
 Карсэнъ-киринеи—покол. Киргизъ, 16.
 Картага-мергенъ—дѣйств. л. ск., 934.
 Карталици—страна, 780.
 Картафиль—дѣйств. л. ск., 780.
 Каргвели—народъ, 780.
 Каргъ—дѣйств. л. ск., 778.
 Каруанъ-кушъ—созвѣздіе, 733.
 Карунынг-оруги—Млечный путь, 138.
 Кархъ-Чаряхъ—слѣды города, 786.
 Карчитъ—божество, 70.
 Каршитъ—божество, 218, 697.
 Карыкъ—чудовище, 793.
 Каскарау—предокъ Киргизъ, 14.
 Касоги—народъ, 751.
 Каспійское море, 653.
 Кассіопея—созвѣздіе, 713, 741.
 Кастренъ—финск. учен., 723, 730, 735, 740, 742, 744, 749, 751, 765, 766, 789, 793, 821, 856, 862, 872.
 Кастыкъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Касьянъ—дѣйств. л. ск., 883, 890.
 Катай-Алмыъ—дѣйств. л. ск., 737.
 Катай-ханъ—дѣйств. л. ск., 682, 737, 738, 831.
 Катановъ—лицо, сообщ. свѣд., 677, 683.
 Катигорошекъ—дѣйств. л. ск., 660.
 Катвандашъ—дѣйств. л. ск., 582, 583.
 Катома—дѣйств. л. ск., 796.
 Катрмеръ—франц. учен., 902.
 Катунъ—рѣка, 1, 2, 78, 133, 208, 286, 287, 327, 666.
 Катчигыръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 597, 598.
 Катысъ—предокъ Киргизъ, 15.
 Катэнь-джула—дѣйств. л. ск., 745.
 Кашгаръ—городъ, 720.
 Кашка-Буурулъ—дѣйств. л. ск., 327, 328.
 Кашкарбай—личн. имя, 862.
 Кашмиръ—страна, 922.
 Кашеговы зубы—созвѣздіе, 725.
 Кашей—дѣйств. л. ск., 931.
 Каяумъ-Насыровъ—авт., 695.
 Квадь—божество, 746.
 Квашиниъ-Самаринъ—авт., 745, 901, 906.
 Квенде-ондозъ, Квенде-шилдыръ—созвѣздіе, 723.
 Кводде-кызынганъ-сей—звѣзда, 732.
 Кебисъ-Бюдыръ—дѣйств. л. ск., 476.
 Кедей—пред. Киргизъ, 17.
 Ке-Замбылай—дѣйств. л. ск., 476.
 Кезеръ-Чингисъ-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 208, 212, 225, 332, 761, 796, 800, 804, 819, 839.
 Келекъ—Алтаецъ, 68, 293.
 Кельгиръ-Сайханъ—уроч., 439.
 Кельдибекъ—пред. Киргизъ, 16, 18.
 Кемпыръ—личное имя, 743.
 Кемскій уездъ, 893.
 Кемчикъ—рѣка, 11, 95, 291, 661, 666.
 Кенгирбай—пред. Киргизъ, 18.
 Кенгиръ—рѣка, 896.
 Кенджебай—пред. Киргизъ, 18.
 Кенджегаръ—пред. Киргизъ, 18.
 Кендже-софы—предокъ Киргизъ, 15.
 Кенду-чино, Кенду-чано—предокъ Монголовъ, 908.
 Кенисара—киргизск. султанъ, 897.
 Кентъ—горы, 404, 752.
 Кеньги—оз., 47, 68, 186, 293.
 Кешпенъ—авт., 688, 787, 815, 902, 908.
 Керантъ—поколѣніе, 669.
 Керванъ-кушъ—созвѣздіе, 733.
 Кергенъ—покол. черн. Татаръ, 940.
 Кергиль—поколѣніе, 2, 4.
 Кергутъ—поколѣніе, 654, 667.
 Керей—подземн. божество, 218.
 Керель-ду—дѣйств. л. ск., 694.
 Кереметь—божество, 681, 693, 757, 760, 777, 795, 796, 798, 809, 828, 829, 877.

- Керемучинъ—поколтвнне, 20, 665, 860.
 Керешъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
 Керкеръ—сел., 786.
 Керлегешскій улусъ, 938.
 Керуанъ-керентъ, Керуанъ-Коранъ—со-
 звѣдіе, 733.
 Керъ-оглу—дѣйств. л. ск., 810.
 Кессыпъ—горы, 128.
 Кетеджанъ—пред. Киргизъ, 16.
 Кечубай—пред. Киргизъ, 17.
 Квѣйская волость, 938.
 Кидани, Кидань—народъ, 675, 840, 892.
 Кидань-ханъ—дѣйств. л. ск., 929.
 Кидошъ—мнѣ. городъ, 837.
 Кидонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 737, 738.
 Килигъ—богатырск. конь, 442.
 Кимры—народъ, 741.
 Кинерка—рѣка, 938.
 Киннамъ—дѣйств. л. ск., 866.
 Киннары—народъ, 921.
 Кинталъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Кипчакъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Кипчакъ—племя, 2, 5, 6, 668, 821.
 Кирбесъ—дѣйств. л. ск., 923.
 Кирванъ-геранъ—звѣзда, 732.
 Кирвесъ—дѣйств. л. ск., 923.
 Киргизская стѣнь—722, 779.
 Киргизъ-каанъ—мнѣ. лицо, 69.
 Киргизъ-норъ—ов., 20.
 Киргизъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 787.
 Киргизы—народъ, 1, 2, 10, 13, 19, 133,
 138, 147, 148, 152, 154, 157, 164, 165,
 186, 187, 200, 230, 365, 367, 368, 405,
 649, 652—659, 661, 665—667, 670, 680,
 691, 699, 707, 708, 710, 711, 717—720,
 722, 734, 736, 740, 742, 743, 750—752,
 759, 765, 770, 784, 787, 792, 819, 835,
 847, 849, 852, 853, 856, 860, 862, 866,
 880, 892, 894, 931.
 Киргизы Иссыкульскіе, 712, 734, 786.
 Киргисъ—уранх. сумынъ, 11, 92.
 Кирей—предокъ Киргизъ, 14.
 Кирентъ—покол., 666.
 Кирикъ—дѣйств. л. ск., 763, 829, 890,
 925, 944.
 Кириловъ—авт., 756.
 Кири-Улита—дѣйств. л. ск., 890.
 Киркоусъ—дѣйств. л. ск., 913.
 Киропалакъ—чудовище, 682.
 Киръ—перс. царь, 833.
 Кирѣвскій—русск. пис., 703, 766, 773,
 786, 839, 840, 844, 845, 891, 926, 928,
 929, 932.
 Китаевъ градъ въ ск., 845.
 Китаецъ—дѣйств. л. ск., 490, 545, 546.
 Китай—страна, 64, 277, 657, 663, 665,
 678, 806, 830, 844, 873.
 Китайскій царь—дѣйств. л. ск., 879.
 Китай-ханъ—дѣйств. л. ск., 885.
 Китайцы—народъ, 10, 227, 233, 250,
 251, 291, 300, 302, 306, 336, 339, 350,
 351, 361, 365, 366, 403, 532, 657, 851,
 852, 866, 873, 892.
 Китарапъ-Зоринъ-Торбинъ-Эжинъ—по-
 кров. духъ, 824.
 Китатъ-манджи—покол., 8.
 Китатъ-Тотошъ—покол., 2.
 Китежъ—мнѣ. городъ, 897.
 Китмиръ—звѣзда, 730.
 Китоврасъ—дѣйств. л. ск., 226, 759,
 835, 836.
 Китой—рѣка, 22, 411, 412.
 Китынъ-Арсланъ—дѣйств. л. ск., 442,
 470—472, 480, 878, 912.
 Китынъ-Зеби—дѣйств. л. ск., 878, 912.
 Китыгъ-ху—дѣйств. л. ск., 529—531.
 Кичаги—совѣздіе, 725.
 Кичиги—совѣздіе, 723, 724.
 Киши-Чолбанъ—совѣздіе, 137, 206.
 Кишлигъ—дѣйств. л. ск., 843.
 Киамать-Торо—божество, 693.
 Киевъ—городъ, 837, 838, 906, 928.
 Кійлибъ—богат. конь, 452.
 Килы—дѣйств. л. ск., 775, 776, 899.
 Кійсыкпекъ—пред. Киргизъ, 19.
 Кійтынъ-Зеби—дѣйств. л. ск., 442, 452,
 453, 465, 470.
 Кіонто—совѣздіе, 723.
 Кія—рѣка, 907.
 Кіянто-жондозъ—совѣздіе, 723.
 Клемъ-ханъ-кого-юмо—божество, 809.
 Климентъ, Климъ—римскій папа, 893.
 Климко—дѣйств. л. ск., 811, 893.
 Климъ, Клымъ—дѣйств. л. ск., 810, 893.
 Ключи Петровы—совѣздіе, 730.
 Кобдо—рѣка, 13, 20, 41, 68, 94, 285,
 650, 653, 660, 664, 691.
 Кобдо—городъ, 147, 148, 150, 178, 287,
 649, 650, 678, 681, 843.
 Кобей—пред. Киргизъ, 16.
 Кобій—покол. чернев. Татаръ, 933.
 Кобогошъ—предокъ, 7.
 Кобокъ—покол., 7, 167, 939, 940.
 Коболу—покол., 2.
 Кобонъ-Чаганъ, Кобонъ-Чаганъ—
 дѣйств. л. ск., 205, 789.
 Кобундей, Кобунъ—совѣздіе, 723.
 Кобунъ-Сайра—уроч., 326.
 Кобырзу—рѣка, 938.
 Кобокъ—пред. Киргизъ, 18.
 Кобундей Мергенъ—дѣйств. л. ск.,
 205, 789.
 Когать—звѣзда, 711.
 Когенъ-Чаганъ—богат. конь, 206.
 Когодей Мергенъ—дѣйств. л. ск., 206,
 789.
 Когольдей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 789.
 Коголь-Майманъ—дѣйств. л. ск., 204,
 660, 725, 789.
 Коголь-Майманъ—поколтвнне, 2, 8.

- Когудей-матрь—дѣйств. л. ск., 789.
 Когутей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 205, 206, 789.
 Когушъ-канъ—божество, 878.
 Кодаръ—дѣйств. л. ск., 891.
 Коджагуль—пред. Киргизъ, 15.
 Коджанъ—пред. Киргизъ, 18.
 Коджебергенъ—пред. Киргизъ, 17.
 Коджобай—пред. Киргизъ, 16.
 Кодогинъ-Кокб-Зогуль—волкъ, 469.
 Кодончи-кыпчакъ—предокъ, 6.
 Кодоу-ханъ—дѣйств. л. ск., 737.
 Кодоу-ташъ—мн. камень, 286.
 Кодоръ-би—дѣйств. л. ск., 860.
 Кожемберды—пред. Киргизъ, 18.
 Ковгакъ—пред. Киргизъ, 15.
 Ковганъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Коворъ—дѣйств. л. ск., 288.
 Кову-Курпешъ, Кову-Курпачъ—дѣйств. л. ск., 691, 743, 788, 790, 819, 858, 859, 860, 887, 891.
 Козмбакъ—пред. Киргизъ, 15.
 Козмодемьянскій уѣздъ, 849.
 Койбагаръ—пред. Киргизъ, 16.
 Койбалы—народъ, 652, 668, 710, 861, 862.
 Кой-джоль—Млеч. путь, 740.
 Койсары—пред. Киргизъ, 15, 17.
 Койсойманъ—пред. Киргизъ, 17.
 Коканъ—пред. Киргизъ, 16.
 Кокдей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 840.
 Кокетей-мергенъ—дѣйств. л. ск., 789.
 Кок-кал—скала, 559, 563, 567.
 Кок-котель—горн. перев., 287.
 Кокбаль—дѣйств. л. ск., 468, 469, 480.
 Кокочу—дѣйств. л. ск., 789.
 Кокуй-куль—оз., 404.
 Кокце—дѣйств. л. ск., 789.
 Кокчетавскій округъ, 131, 707.
 Кокчу-кузъ—предокъ Киргизъ, 15.
 Кокчулутуны—племя, 94, 654.
 Кокчу-мергенъ—дѣйств. л. ск., 789.
 Кокъ Джанджинъ—дѣйств. л. ск., 324.
 Кокъ Лусай-ханъ—дѣйств. л. ск., 531.
 Кокъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 899, 909.
 Колашинъ—городъ, 725, 730, 733, 741.
 Колду-бурханъ—божество, 421—424, 789, 854, 870, 903—905.
 Колдынья, Колдышинъ, Кылдышинъ—божество, 693, 751, 798, 809, 904.
 Колмо—дѣйств. л. ск., 792, 809, 890, 893.
 Колмово—оз., 893.
 Колмовъ монастырь, 893
 Колмогорка—гора, 893.
 Колмогорская деревня, 893.
 Колморучей—рѣка, 893.
 Колтома—дѣйств. л. ск., 796, 833.
 Колчинъ, Кольчинъ—вотяц. богъ, 752, 782, 798.
 Колыванъ—русс. богатырь, 713.
 Колыванъ—городъ, 888.
 Командорскіе острова, 789, 942.
 Команы—народъ, 696.
 Комбу—дѣйств. л. ск., 497, 498, 737.
 Комбу—Урянхаецъ, 293.
 Комбу—бѣхъ—дѣйств. л. ск., 919.
 Комбу-Дорджи—дѣйств. л. ск., 205, 276, 277, 789, 833, 833.
 Комдей-миргенъ—дѣйств. л. ск., 930.
 Комдошъ—покол. черн. Татаръ, 202, 939.
 Конай—пред. Киргизъ, 18.
 Конгдайжи—дѣйств. л. ск., 866.
 Контодой-ханъ—дѣйств. л. ск., 866.
 Конграй, Конграй-сайхай—страна, 10, 664.
 Конградъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Конгураты-бикжи—дѣйств. л. ск., 560—562.
 Кондараки—авт., 55, 672, 680, 744, 751, 768, 774, 786, 787, 815, 845, 926.
 Кондома—рѣка, 618, 653, 936, 937, 938, 939, 940, 941.
 Кондомско-Барсойтская волость, 938, 939.
 Кондомско-Бежбойтовская волость, 937, 938, 939.
 Кондомско-Елейская волость, 937.
 Кондомско-Итиберская волость, 937.
 Кондубай—пред. Киргизъ, 15.
 Кондурія—дѣйств. л. ск., 719, 913.
 Коноръ-Кульджа—личное имя, 752.
 Конрой—рѣка, 72.
 Константинъ Порфирородный—древн. пис., 711, 807, 902.
 Конуръ—предокъ Киргизъ, 14.
 Коцаль—городъ, 691, 779.
 Копбоджанъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Корабликовъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Коранъ—пред. Киргизъ, 19.
 Корбеклы—селен., 850.
 Корейцы—народъ, 930.
 Коробанова—дѣйств. л. ск., 790.
 Коробанское море, 790.
 Коромыслъ—созвѣздіе, 714, 772.
 Короста—дѣйств. л. ск., 838, 924.
 Коростень—городъ, 924.
 Корсунъ—городъ, 751, 883.
 Коршбуры Попелюхъ—дѣйств. л. ск., 925.
 Коръ—дѣйств. л. ск., 815, 851, 887, 889.
 Коряки—народъ, 712, 723, 730, 789.
 Косприхъ—дѣйств. л. ск., 882.
 Косоколь—оз., 12, 13, 21, 103, 127, 128, 133, 144, 155, 296, 652, 655, 658, 664, 665, 750, 806, 842, 871.
 Костомаровъ, Н. И.—русс. историкъ, 871.
 Костровъ, кн.—авт., 771.

- Косубай—пред. Киргизъ, 19.
 Косутай—пред. Киргизъ, 17.
 Котанъ—пред. Киргизъ, 14.
 Котгоръ-Мундусъ—пред. Мундусовъ,
 4, 660.
 Котляревскій—русск. учен., 707, 804,
 917.
 Котовцы—народъ, 665, 712, 765.
 Котовъ Ѳедотъ—стар. русск. путеш.,
 786.
 Котоголь—уроч., 126.
 Котонскій ханъ—дѣйств. л. ск., 874.
 Котоны—народъ, 20, 320.
 Котгубай—пред. Киргизъ, 16.
 Котгумбетъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Коту, Котунъ—уроч., 68, 287, 289, 293.
 Коты горошекъ—дѣйств. л. ск., 786.
 Коурай—народъ, 665.
 Кохоце—дѣйств. л. ск., 789.
 Кохъ-Цехце—дѣйств. л. ск., 175, 763.
 Кочень—пред. Киргизъ, 15.
 Кочкорбай—киргиз. богатырь, 218.
 Кочгоръ-Мундусъ—покол., 2, 4.
 Кошагачъ—уроч., 78, 94, 215, 666.
 Кошкѣ—пред. Киргизъ, 17.
 Кошкарбай—пред. Киргизъ, 16.
 Кошваръ—пред. Киргизъ, 18.
 Кошанъ—пред. Киргизъ, 19.
 Кошей—дѣйств. л. ск., 725, 753.
 Коянбай—пред. Киргизъ, 15.
 Красная гора, 43.
 Красновъ—священникъ, 676, 677, 680,
 687, 709, 712, 732, 747, 755, 846,
 847, 848.
 Красноярскъ—городъ, 655, 665, 891.
 Крашенинниковъ—русск. путеш., 673,
 676, 693, 694, 712, 713, 723, 729, 730,
 742, 748, 764, 789, 793, 848.
 Кребули—созвѣздіе, 730.
 Кресь-илдысъ—созвѣздіе, 138.
 Криво-Кривейто—литов. дух. л., 792,
 805, 893.
 Криворатъ—созвѣздіе, 713.
 Кру-ѣлы—Млечный путь, 138.
 Кружнлія—созвѣздіе, 725.
 Крыжинъ—русск. путеш., 664, 668.
 Крымскій-ханъ, 668.
 Крымъ—полуостровъ, 55, 671, 672, 714,
 717, 724, 731, 732, 741, 744, 751, 753,
 768, 774, 786, 787, 797, 799, 810, 844,
 849, 883, 896, 926, 928.
 Крымъ-ходжа—пред. Киргизъ, 18.
 Кръклесіе—мѣстность, 786.
 Крюнъ Дзандынъ ола—мио. гора, 444.
 Ку—рѣка, 752.
 Куандыкъ—пред. Киргизъ, 15, 16,
 18, 19.
 Куаншъ—пред. Киргизъ, 16.
 Куарыгъ—покол. Чудымскыхъ Та-
 таръ, 1.
 Кубай-госъ—дѣйств. л. сказ., 624.
 Кубай-ко—дѣйств. л. сказ., 789.
 Кубанская область, 775, 776, 899.
 Кубашъ—дѣйств. л. ск., 574, 575.
 Кубекъ—пред. Киргизъ, 16.
 Кубынъ-Цаганъ—дѣйств. л. сказ.,
 206, 789.
 Кубыръ-Чолмонъ—звѣзда, 137, 207.
 Кувандыкъ—покол. Киргизъ, 658.
 Кугульдей Матырь—дѣйств. л. сказ.,
 204.
 Кудай—божество, 142, 171, 799.
 Кудай-базыру—уроч., 344, 387.
 Кудайбергень—пред. Киргизъ, 18.
 Кудай-берды—пред. Киргизъ, 15, 16.
 Кудреянище, царь—дѣйств. л. ск., 845.
 Кудурго-Волгендэе—черем. божество,
 751, 860.
 Кудюръ—богатырск. лукъ, 433, 477.
 Кужа—дѣйств. л. ск., 815.
 Кужаларъ-Тауы—гора, 815.
 Кузедѣвскій улусъ—937, 938, 940.
 Кузень—покол. чернев. Татаръ, 939.
 Кузень-сандалигу—дѣйств. л. ск., 759.
 Кузень ширету ханъ—дѣйств. л.
 ск., 220, 224.
 Кузнецкій округъ, 29, 41, 45, 667, 938.
 Кузнецовъ—авт., 809, 860.
 Кузулчи—пески, 803.
 Кузь-Тайгине—дѣйств. л. ск., 426, 427.
 Куиртысъ—рѣка, 125.
 Куй-Темусъ—дѣйств. л. ск., 736, 904.
 Куджу—дѣйств. л. ск., 842.
 Ку-Кентъ—горы, 752.
 Куклинъ—Забайкальскій казакъ, 190.
 Кукъ—птица, 759, 763.
 Куланъ—пред. Киргизъ, 19.
 Кулатай—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Кулаты—дѣйств. л. ск., 904.
 Кулба-сѣтхъ—звѣзда, 735.
 Кулеме-селиме—миоич. сабля, 420, 421,
 422, 424, 905.
 Кулоба—личн. имя у Половцевъ, 862.
 Култукъ—селеніе, 136, 137.
 Кулубай—пред. Киргизъ, 18.
 Кулукъ-кара—дѣйств. л. ск., 748.
 Кулунду-Талбу—уроч., 667.
 Куль-кара—пред. Киргизъ, 18.
 Кульджа—городъ, 687, 861.
 Куль-ханъ—дѣйств. л. сказ., 614.
 Кулюкъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Кулюкэ—пред. Киргизъ, 17.
 Кулюстей-мергенъ—дѣйств. л. ск.,
 419—421.
 Куманда—покол. черн. Татаръ, 1, 9,
 44, 70, 97, 98, 130, 193, 939.
 Куманы—народъ, 680.
 Кумбаль Самородовичъ—дѣйств. л. ск.,
 929.
 Кумова солома—Млечн. путь, 741.

- Кумуль-Чамалъ—уроч., 8.
 Кумушъ-тагъ—мнѣ. гора, 556, 563.
 Кумыспай—пред. Киргизъ, 16.
 Кумышская волость, 653.
 Кумюсъ Иргэкъ — дѣйств. л. ск., 618, 621, 622, 930.
 Кунарыгъ — дѣйств. л. ск., 579, 580, 582.
 Кунграй-Сагай—страна, 10.
 Кунгуруль—мнѣ. птица, 866.
 Кунгуръ Самородовичъ—дѣйств. л. ск., 929.
 Кунделенъ—рѣка, 124.
 Кундыкэръ—пред. Киргизъ, 16.
 Кунеръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 322.
 Кунигъ—русск. учен., 663, 711, 854.
 Кунганъ—дѣйств. л. ск., 567, 579.
 Кункеръ Залчи — дѣйств. л. ск., 329, 333—335.
 Кункерь Маца-ханъ — дѣйств. л. ск., 321.
 Кункерь-ханъ — дѣйств. л. ск., 215, 320, 321, 869.
 Кункэръ—мнѣ. птица, 870.
 Кункыръ-каанъ — дѣйств. л. ск., 224.
 Кунтъ—мнѣ. звѣрь, 829.
 Кунукмаръ—повол., 927.
 Кунъ—нѣм. учен., 693.
 Кунъ-Арыгъ—дѣйств. л. ск., 929.
 Кунъ-ганъ—дѣйств. л. ск., 426.
 Куньль—звѣзда, 732.
 Кунъ-Садакъ—покол. Киргизъ, 752.
 Кунъ-сылу—дѣйств. л. ск., 747.
 Кунъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 530, 531.
 Куплюнъ — дѣйств. л. ск., 515.
 Курайская степь, 214, 215.
 Курашъ—пред. Киргизъ, 16.
 Курбеджиянъ-норъ—озеро, 517.
 Курбистанъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 803, 877.
 Курбустунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 372, 877.
 Курбусту-Тэнгрэкэй-Кукджу-Пурханъ-Пакши—дѣйств. л. ск., 790, 809, 842.
 Курде-Орчолукчи-ханъ — дѣйств. л. ск., 319.
 Куреутъ—древн. шаманъ, 671.
 Курманалы—пред. Киргизъ, 18.
 Курмось, Курмэсъ—злой духъ, 43, 171, 222, 226, 234, 777, 790.
 Курнешъ—дѣйств. л. ск., 788, 790.
 Курсары—пред. Киргизъ, 14, 18.
 Курская—губ., 686, 714, 730, 894, 895.
 Курсякъ-паркъсть—созвѣдіе, 713.
 Куртуковъ—переводчикъ, 813.
 Курубашъ—дѣйств. л. ск., 571—573.
 Курукпай—шаманка, 235.
 Курумсуйъ—уроч., 21.
 Курунгай—мнѣ. лисица, 445.
 Курунчи—дѣйств. л. ск., 757.
 Курчлю—созвѣдіе, 730.
 Курюдей-Мергенъ — дѣйств. л. ск. 515—517.
 Курюмесъ—злой духъ, 222.
 Куса—дѣйств. л. ск., 834.
 Кусай—дѣйств. л. ск., 859, 860.
 Кусеге-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 137, 206, 789.
 Кускунъ-кайранъ, Кускунъ-куйранъ — дѣйств. л. ск., 425 — 427.
 Кускунъ-сайранъ—дѣйств. л. ск., 425.
 Куссумъ-хасса — Млечный путь, 943.
 Кусыхэнъ—дѣйств. л. ск., 823.
 Кусэръ—поколѣніе, 875.
 Кутай-Менды—дѣйств. л. ск., 405, 752.
 Кутанъ—онгонъ, 96.
 Кутби—звѣзда, 736.
 Кутезекъ—поколѣніе, 572.
 Кутту-Каданъ—покол. Киргизъ, 752.
 Куттумбетъ—пред. Киргизъ, 19.
 Кутулыту—дѣйств. л. ск., 838.
 Кутха—божество, 693.
 Кутчанъ—пред. Киргизъ, 19.
 Куутей-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 206, 789.
 Кухтенъ—рѣка, 937.
 Кучки—созвѣдіе, 730.
 Кучко—дѣйств. л. ск., 819.
 Кучковичи—дѣйств. л. ск., 816, 890.
 Кучунъ-мука—дѣйств. л. ск., 622.
 Кучурлинское—озеро, 186.
 Кущелевскій—авт., 682, 697, 699, 715, 797.
 Кушукъ—пред. Киргизъ, 16.
 Кшеркъ—созвѣдіе, 724.
 Кыгыръ-ханъ—божество, 819.
 Кыданбекъ—пред. Киргизъ, 17.
 Кызыганъ-Тенгере—божество, 878.
 Кызылъ-боркъ—предокъ Киргизъ, 14.
 Кызылъ-гая—уроч., 291, 938.
 Кызылъ-гуртъ—уроч., 670.
 Кызылъ-гуртъ—пред. Киргизъ, 16.
 Кызылъ-Корюнъ—мнѣ. хорекъ, 140.
 Кызыльцы—народъ, 652, 938.
 Кызымъ-гуртъ—предокъ, 670.
 Кый—покол. чернев. Татаръ, 939.
 Кыйбыкъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
 Кыязасъ—рѣка, 939.
 Кыдашъ—рѣка, 937.
 Кылды—пред. Киргизъ, 14.
 Кыдышинъ—см. Колдышинъ.
 Кынкири-кушъ—мнѣ. птица, 856.
 Кыпчаки—поколѣніе, 2, 293, 789, 873, 874, 940.
 Кыргызъ-канъ—божество, 878.
 Кыркысъ—ураянъ. покол., 12, 92, 136, 139, 144.
 Кырындай—гора, 418.
 Кыскэ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
 Кыстай-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 570, 576, 577.

Кысь-танара — онгонъ, 700.
 Кысылъ — рѣка, 125.
 Кытень-Кыталынь — дѣйств. л. ск., 644.
 Кытра-рыба — мнѣ. рыба, 737.
 Кышынъ-арахъ — дѣйств. л. ск., 903.
 Кыянь — дѣйств. л. ск., 740.
 Кэзэръ-Чингисъ-Кайраканъ — дѣйств. л. ск., 792.
 Кэйюлюкъ — дѣйств. л. ск., 432.
 Кэинъ — дѣйств. л. ск., 476.
 Кэргэшъ — дѣйств. л. ск., 220.
 Кэрдэкъ-военнъ-баабай — духъ покровитель, 126.
 Кэрсонъ-чило — уроч., 751.
 Кэспій — Тэленгитъ, 169.
 Кэтуганъ — собств. имя, 718.
 Кюбей-хотунъ — божество, 821.
 Кюе-Далэ — истор. лицо, 841.
 Кюе-Тегинъ — ист. лицо., 840, 841.
 Кюринцы — народъ, 724, 730, 732, 733, 736, 745, 747, 759, 799, 875.
 Кюрюль — дѣйств. л. ск., 475—479.
 Кябэ-элы — Млеч. путь, 740.
 Кярванъ-кушъ, Кярванъ-кяшъ — звѣзда, 732.
 Кяхта — слобода, 260, 824.

Л.

Лаванъ — Бурятъ, 297, 298.
 Лавровскій — русск. учен., 736.
 Лаврудажъ — дѣйств. л. ск., 901.
 Ладвартъ — совѣздіе, 714, 729, 735.
 Ладэгута — совѣздіе, 724.
 Ладжимъ — дѣйств. л. ск., 275.
 Лаки — народъ, 714.
 Лама-ава — божество, 262.
 Ламай-предоуъ, 233.
 Лама-Чочжи — дѣйств. л. ск., 327.
 Ламнырь-Чугнукъ — дѣйств. л. ск., 228.
 Лампату — совѣздіе, 942.
 Ламуты — народъ, 906.
 Лангъ-Тамеръ — дѣйств. л. ск., 867.
 Ланъ-Дарма-ханъ — дѣйств. л. ск., 298.
 Лапландія — страна, 40.
 Лапландцы — народъ, 774, 828.
 Лассота — старин. пис., 903, 924.
 Латкинъ — авт., 827.
 Латымірка — дѣйств. л. ск., 869, 889, 926.
 Латыши — народъ, 713.
 Лаудаевъ — кавказецъ, 750.
 Леанти — порогъ на Днѣпрѣ, 902.
 Лебедь — рѣка, 939.
 Леви — звѣзда, 731.
 Лезгины — народъ, 747.
 Лека — одноглазый бѣсъ, 706, 707.
 Лемникейненъ — дѣйств. л. ск., 760, 794.
 Лена — рѣка, 625, 662.

Ленорманъ — франц. учен., 711, 714, 715, 762, 934.
 Лепехинъ — русск. путеш., 656.
 Летынъ-Хамбу — уроч., 304, 306, 308.
 Либердъ — совѣздіе, 729.
 Литва, Литовцы — народъ, 663, 674, 702, 742, 844.
 Лиходѣвна — дѣйств. л. ск., 844.
 Лишвача — дѣйств. л. ск., 833.
 Локи — дѣйств. л. ск., 780.
 Лондонъ — городъ, 834.
 Лопари, Лопъ — народъ, 674, 677, 680, 695, 712, 730, 735, 742, 747, 757, 835, 901.
 Лоса — совѣздіе, 714.
 Лосунъ-хатъ — духъ воды, 469.
 Лосы, Лосунъ — дѣйств. л. ск., 228.
 Лось — совѣздіе, 714, 716, 778, 780, 788.
 Лу — краковъ, 499, 518, 519, 549.
 Лубсынъ-Гончигъ-Дагмы — Урянхаецъ, 122, 127, 300.
 Лубсынъ-лама — Дюрбютъ, 230, 258, 292.
 Лубсынъ-Очуръ — Халхасецъ, 258, 270, 805, 906.
 Лу-Гуна хошунъ, 139, 140, 175, 233, 296, 488.
 Лужичане — народъ, 860.
 Лужск. уѣздъ — 732, 742.
 Лузынь-Саты — Дюрбютъ, 234.
 Луисъ-астагъ — звѣзда, 732.
 Лува-катѣка — дѣйств. л. ск., 739.
 Лукоперъ — дѣйств. л. ск., 839.
 Лунъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 217, 797.
 Лусай-ханъ, Лусенъ-ханъ, Лусынъ-ханъ — божество, 261, 285, 297, 330, 429, 441, 479, 494, 499, 509, 510, 512, 515, 517, 519 — 522, 555, 800.
 Лучафиръ — звѣзда, 780.
 Лывко — имя, упом. въ заговорѣ, 925.
 Лытенъ — лицо, сообщ. свѣд., 942, 943.
 Люй-сянь — истор. лицо, 841.
 Люциферъ — дѣйств. л. ск., 725, 780.
 Ляйханъ-суревдыкъ — духъ покровитель, 128.

М.

Маакъ — русск. путеш., 670, 684, 691, 692, 718, 744, 753, 779, 789, 813, 826, 830, 831, 900, 906, 935.
 Маашъ — дѣйств. л. ск., 859.
 Маевъ — авт., 658.
 Магабарата — инд. поэма, 858.
 Магди — дѣйств. л. ск., 404.
 Магнитскій — авт., 673, 681, 710, 750, 762, 777, 799, 793, 800, 804, 814, 823, 849, 897.
 Магогъ — мнѣ. народъ, 736.
 Магу-Ундуръ — мѣстность, 853, 854.

- Магны-Кыса-тынырыхтахъ— онговъ, 700.
- Маданъ-хопра—звѣда, 732.
- Маджигъ—пред. Киргизъ, 19.
- Маджи-шири—дѣйств. л. ск., 224.
- Мажаръ—созвѣдіе, 711.
- Майдери—божество, 33, 133, 411, 708.
- Майка-бій—кирг. предоевъ, 853.
- Майкы—пред. Киргизъ, 16.
- Майлибалта—пред. Киргизъ, 15.
- Майманъ—покол. Алтайцевъ, 2, 725, 789.
- Маймонидъ—старин. евр. писат., 842.
- Майновъ—авт., 713, 723, 730, 732, 739, 742, 800.
- Майтере—божество, 260, 269, 827.
- Макарий—русск. духов. писат., 688.
- Макаровъ—авт., 925.
- Макаръ—дѣйств. л. ск., 119, 814, 827.
- Македонія—страна, 671.
- Ма-кошѣкъ—пред. Киргизъ, 16.
- Максъ-Миллеръ—англ. учен., 668, 782.
- Макшинъ-Бади-ханъ—дѣйств. л. ск., 275.
- Маланъ-Тенгри—божество, 821.
- Малаховъ—авт., 711, 734, 831, 903.
- Малая Киргиз. орда, 666, 670.
- Малая Медвѣдица—совз., 942.
- Малбагты—пред. Киргизъ, 18.
- Малгызъ—пред. Киргизъ, 18.
- Малекъ—дѣйств. л. ск., 813.
- Малемъ-хуя—чуващ. фетишь, 849.
- Малимъ-хозяя—могила святаго, 815.
- Малингъ—дѣйств. л. ск., 780, 815, 851.
- Малка—рѣка, 876.
- Малкаръ—тат. общество на Кавказѣ, 732, 912.
- Малкаръ—пред. Киргизъ, 17.
- Маловы послы—дѣйств. л. ск., 689.
- Малороссія—страна, 675, 762.
- Малсагово колесо—794.
- Малумъ-ходжа—могила святаго, 849.
- Малхъ—дѣйств. л. ск., 780, 859, 927.
- Мальховъ—авт., 935.
- Малья—франц. учен., 827, 855, 862.
- Мамадышскій уѣздъ, 144.
- Мамалай—дѣйств. л. ск., 827.
- Маманъ—пред. Киргизъ, 18.
- Мамбетпай—пред. Киргизъ, 16.
- Мамбетъ-Алы—пред. Киргизъ, 17.
- Мамыкъ—предокъ Кичаковъ, 5.
- Мамыр-ханъ—дѣйств. л. ск., 802.
- Манатъ—пред. Киргизъ, 16.
- Мангардтъ—нѣмецк. учен., 661, 671, 673, 682, 688, 694, 816, 864, 934.
- Мангу, Мангусъ—чудовище, 818, 819, 827.
- Мангутъ—бурятск. прозвище русскихъ, 931.
- Мангырбе-бурханъ—божество, 270.
- Мангырь—богатырск. плеть, 444.
- Мангысь—дѣйств. л. ск., 191, 192, 209, 212, 299, 379—381, 386, 387, 399, 433, 455, 458, 460—465, 475, 490, 495, 502—507, 509, 510, 514, 526, 528—530, 766, 790, 793—795, 827, 842, 854, 898, 905—907, 913, 915, 917.
- Мангытхай—дѣйств. л. ск., 186, 206, 251, 252, 255, 256, 323.
- Мангытъ—покол. Татаръ, 668.
- Мангытъ, Мангытъ-ханъ—чудовище, 301, 906, 931.
- Мангытъ-хара—богатырск. плеть, 435, 457, 469.
- Мангышлакъ—полуостровъ, 884.
- Мангышь—урянх. сумынъ, 11.
- Мандаголь-хасанъ—дѣйств. л. ск., 853, 876.
- Мандай—пред. Киргизъ, 15.
- Мандахай—мно. лицо, 117.
- Манджи—покол., 2, 8.
- Манджишири-бурганъ—божество, 261, 427.
- Манджракъ—покол. Дархатовъ, 21.
- Манджуръ—бурятскій шаманъ, 283.
- Манджуры—народъ, 298, 712, 744, 789.
- Мандухуи—дѣйств. л. ск., 853, 854.
- Мандырга—гора, 23.
- Манва—пред. Бурятъ, 826.
- Манвановъ—Бурятъ, 256.
- Мани-Ветыр-ханъ—дѣйств. л. ск., 523, 525—527, 920.
- Маногара—дѣйств. л. ск., 921.
- Мансоръ—пред. Киргизъ, 18.
- Мануль—дѣйств. л. ск., 178.
- Манухай—духъ покров., 126.
- Манъ—бурятск. прозвище русскихъ, 931.
- Манъ—дѣйств. л. ск., 499.
- Маны—дѣйств. л. ск., 176, 177, 764, 800, 829, 934.
- Мао-ундуръ, Мао-ундюръ—уроч., 805, 854.
- Маргуць—дѣйств. л. ск., 887.
- Мари—народъ, 777.
- Маришка—дѣйств. л. ск., 928.
- Марія—дѣйств. л. ск., 799, 869, 888.
- Марко-богатый—дѣйств. л. ск., 738, 780, 808, 830—833, 900.
- Марко-бѣгунъ—дѣйств. л. ск., 796.
- Марко-Кралевиць—дѣйств. л. ск., 757, 816, 927.
- Марко-краль—дѣйств. л. ск., 846.
- Марко-Поло—стар. путеш., 803, 804.
- Маркъ—дѣйств. л. ск., 780, 927.
- Маро—женск. имя, 747.
- Марсъ—звѣда, 741, 789.
- Марсъ—греч. богъ, 842.
- Мартаговъ—дѣйств. л. ск., 866.
- Мартыновъ—авт., 876.

- Марья—дѣйств. л. ск., 831; египетская—888, 890; Игнатъевна—844.
 Масангъ—дѣйств. л. ск., 721, 781, 767, 781.
 Маскутъ—киргизъ, 17.
 Массетеръ—созвѣдіе, 724.
 Массуди—араб. пис., 934.
 Матакпай—пред. Киргизъ, 19.
 Матхановъ—Бурятъ, 30, 57, 111, 112, 119, 134, 141, 174, 185, 192, 211, 216, 226, 265, 268, 323, 650.
 Маты—урянх. покол., 13.
 Матѳей—дѣйств. л. ск., 901.
 Матѳей Парижскій—стар. пис., 780.
 Махагаль—божество, 262, 411, 430, 449, 466.
 Маха-Лавджимъ—дѣйств. л. ск., 275.
 Махарандза—божество, 430.
 Махашакули—дѣйств. л. ск., 833.
 Махомедъ-пегемеръ—дѣйств. л. ск., 848.
 Махунай—дѣйств. л. ск., 289.
 Махэшинъ—миѳ. народъ, 323.
 Машпарагъ—дѣйств. л. ск., 774, 775, 778.
 Маюмъ-хозя—чуваш. фетишъ, 848.
 Медвѣдица—созвѣдіе, 793.
 Медвѣдво—дѣйств. л. ск., 785.
 Медвѣдь—дѣйств. л. ск., 753.
 Медвѣжатникъ—созвѣдіе, 714.
 Медвѣжій сынъ—дѣйств. л. ск., 783, 784.
 Медвѣжье ухо—дѣйств. л. ск., 754, 782.
 Меженъ—рѣка, 937.
 Мезенскій уѣздъ, 893.
 Мейеръ—авт., 666, 670, 671.
 Мекеле—дѣйств. л. ск., 432, 441, 443, 445, 447—451, 453, 454, 456—469, 471—485.
 Меле-бурхынъ—дѣйств. л. ск., 205.
 Мелекей—миѳ. лягушка, 694.
 Мелимъ-хузя—чуваш. фетишъ, 849, 860.
 Мельниковъ, П.—авт., 689, 691, 742, 793, 803, 809, 816, 877.
 Меляндъ-ава—божество, 696, 798, 860, 889.
 Мемикай—дѣйств. л. ск., 830.
 Менгу-вызъ—дѣйств. л. ск., 347.
 Менджебай—пред. Киргизъ, 18.
 Мендышъ—Алтаецъ, 141.
 Менебай—пред. Киргизъ, 18.
 Мѣнтукъ—пред. Киргизъ, 15.
 Мѣнь—уроч., 127, 128, 698.
 Мервь—городъ, 652.
 Мергенъ-дзайсанъ, дѣйств. л. ск., 304.
 Мергенъ-Тенгере—божество, 878.
 Мергенъ-Шары-Тогой—миѳ. уроч., 439.
 Мергузъ—дѣйств. л. ск., 763.
 Мереть—покол. Алтайцевъ, 2, 3.
 Меркитъ—покол. Алтайцевъ, 2, 3, 664.
 Меркитъ—покол. Киргизъ, 768.
 Меркурій—греческ. богъ, 712.
 Мерлинъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Метгль-Хара—дѣйств. л. ск., 432.
 Меулимъ-хозя—могила святаго, 849.
 Мечинъ—созвѣдіе, 193, 194, 198, 200, 203, 204, 779, 783, 804, 833, 835, 922.
 Мечинъ-Бавши—божество, 261.
 Мечинъ-Солбы—звѣзда, 137.
 Мечиртезъ—дѣйств. л. ск., 177.
 Мечи-хуаръ—дѣйств. л. ск., 361.
 Мешперекъ—дѣйств. л. ск., 774, 775, 778, 805.
 Мидлендорфъ—русск. академикъ, 645, 730, 752, 901.
 Миллеръ, Г. Ф.—историкъ, 804, 805, 852, 858.
 Миллеръ, Вс.—профессоръ, 697, 710, 714, 724, 732, 735, 743, 745, 747, 760, 765, 773, 776, 778, 780, 781, 783, 794, 795, 825, 859, 872, 882, 892, 900, 906, 928.
 Миллеръ, О.—профессоръ, 689, 750, 827, 857, 896.
 Миллеръ, Фердинандъ—путеш., 847.
 Милютинъ, Б.—издатель, 756, 799.
 Минганъ-бурханъ, Мингынъ-бурхынъ—божество, 277, 430, 675, 827.
 Мингаты, Мингыты—народъ, 299, 653, 864.
 Мингликъ-Эчигъ—дѣйств. л. ск., 764, 914.
 Мингъ—покол. въ Бухарѣ, 668.
 Мингыты—урянх. покол., 11.
 Минская губернія, 811.
 Минусинскій округъ, 144, 207, 661.
 Минъ-ди—кит. им-рь, 841.
 Минъ-Хуанъ—кит. им-рь, 841.
 Мирмидонъ—городъ въ сказ., 901.
 Мирхондъ—персид. истор., 862.
 Мисеръ-Улюкъ—дѣйств. л. ск., 918.
 Михайловъ—авт., 798, 923.
 Михайло Потынь—дѣйств. л. ск., 844.
 Михаленковъ—казакъ, 649.
 Мійрямъ-софы—пред. Киргизъ, 14, 15, 17, 19.
 Мійву—дѣйств. л. ск., 922.
 Мланде-аба, черем. божество, 798, 860.
 Млечный путь, 138, 740, 741, 772, 813, 880, 886.
 Могилянъ—древній ханъ, 841.
 Мого-ханъ—дѣйств. л. ск., 486.
 Могуль—миѳ. птица, 765, 915.
 Могутъ—дѣйств. л. ск., 906.
 Модонъ-обо—уроч., 61.
 Модонъ-Тюрельтей-Тальгиръ—дѣйств. л. ск., 195—197.
 Мохоръ—покол., 2.
 Можга—дѣйств. л. ск., 670, 827.
 Мозель—авт., 676, 809, 832.
 Моисей Угринъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Моиславъ—дѣйств. л. ск., 690.

Мокша—см. Мордва.
 Мологскій уѣздъ, 893.
 Молонтей—дѣйств. л. ск., 266, 817, 822.
 Молонъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 852.
 Молонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 384, 853.
 Момырь-Эрдени—миѳ. камень, 523.
 Монголь—дѣйств. л. ск., 548, 549.
 Монголь-дваргучей—дѣйств. л. ск., 852.
 Монгото-заринъ—покров. духъ, 824.
 Мѳнгѳтуй-Олы—миѳ. гора, 254.
 Монгошъ—уряих. покол., 11.
 Монгусъ—поколѣніе, 740.
 Монгу-ю-муцзи—ѳит. книга, 840.
 Мондю-байсинъ, уроч., 127.
 Мѳнке-бай—уйгурск. ханъ, 853, 876.
 Моргонъ-Дэгэ-Уланъ-Зала—покров. духъ, 824.
 Моргонъ-хара—дѣйств. л. ск., 690, 751, 826, 845, 846.
 Мордва—народъ, 691, 696, 716, 723, 730, 732, 739, 742, 793, 797, 798, 809, 816, 849, 889.
 Мордва-Мокша—713, 723, 730, 732, 815, 900.
 Мордва-Эрзя—713, 723, 730, 732, 814.
 Мори-ирхи-изи—онгонъ, 106.
 Моринъ-нойонъ—горный духъ, 127.
 Морово—предокъ, 233.
 Морской царь—дѣйств. л. ск., 798, 831, 832, 891.
 Москва—городъ, 672, 819, 876, 890.
 Мосуль—городъ, 923.
 Мохони-ажинъ—покров. духъ, 824.
 Мочалы—пред. Киргизъ, 16.
 Мравали—созвѣдіе, 730.
 Мрасса-рѣка, 653, 937, 938, 939.
 Мрасско-Елейская волость, 937.
 Мрасско-Изушерская волость, 938.
 Мстиславъ—Гмудараканскій князь, 928.
 Мугай—миѳ. птица, 675.
 Мугамедъ-али—пред. Киргизъ, 19.
 Мудай—Телегитъ, 167, 193.
 Муджинъ-Султу—племя, 905.
 Музыганъ-канъ—предокъ Мундусовъ, 3, 62, 69.
 Муйгаъ—дѣйств. л. ск., 176.
 Муинъ—пред. Киргизъ, 19.
 Мувкары—дѣйств. л. ск., 906.
 Му-Колдышинъ—вотан. богъ, 798.
 Му-Колчинъ—вотан. божество, 844.
 Му-Колчанъ—божество Вотаяковъ, 696, 798, 844.
 Мулгочинъ—хошунъ, 665.
 Мулхай Онгъ, Мулхай-Унгъ—дѣйств. л. ск., 852—854, 856, 860, 861.
 Мулгу—дѣйств. л. ск., 859, 860, 876.
 Мулгунъ-мэгъиъ—урочище, 859.
 Мула-Хазей—могила святаго, 815, 849, 859.
 Мульма-нойонъ—покров. духъ, 824.

Му-Монто—дѣйств. л. ск., 846—488.
 Муму-Колчинъ—божество у Вотаяковъ, 696.
 Мундей—уряих. сумынъ, 12.
 Мундузъ, Мундусъ—предокъ, 660, 667.
 Мундумашъ, Мундыбашъ—рѣка, 936, 937.
 Мундура—гора, 412.
 Мундургонъ—бѣлокъ, 128, 129.
 Мундусъ—Алт. покол., 2, 3, 4, 62, 660, 821.
 Мунжа—рѣка, 937.
 Муни-ола—хребетъ, 659.
 Мунко-саганъ, Мунко-Сардыъ—бѣлокъ, 127—129, 232, 306, 665.
 Мунко-хуредякъ—бѣлокъ, 665.
 Мункэ-хата—дѣйств. л. ск., 852.
 Мунлигъ—дѣйств. л. ск., 764, 789, 804, 853, 914, 927.
 Мунулунъ—дѣйств. л. ск., 764, 765, 790.
 Мурать—пред. Киргизъ, 19.
 Мурать-царь—название растенія, 929.
 Мураагуль—пред. Киргизъ, 17.
 Мури—миѳ. народъ, 119.
 Муркатъ-куджуне—дѣйств. л. ск., 830.
 Муровлинъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Муромскій князь Константинъ, 702.
 Мурчакъ-канъ—божество, 878.
 Мусатай—пред. Киргизъ, 17.
 Муссири-сикасьма-каммуъ—божество, 799.
 Мустагъ—гора, 899.
 Муслманкулъ—пред. Киргизъ, 16.
 Мусюнь-дабанъ—горн. прох., 300.
 Мутукъ-Дайнъ—дѣйств. л. ск., 500, 501.
 Мучеке—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Му-шибонъ—миѳ. птица, 186.
 Мцхетъ—городъ на Кавказѣ, 884.
 Мыгытъ—дѣйств. л. ск., 814.
 Мый—дѣйств. л. ск., 177, 178.
 Мынбай—пред. Киргизъ, 18.
 Мындай—пред. Киргизъ, 18.
 Мынджанъ—пред. Киргизъ, 17.
 Мынхэнъ-хара угунъ—животворн. вода, 210, 211.
 Мырадылъ—дѣйств. л. ск., 672, 857, 869.
 Мыратъ—дѣйств. л. ск., 869.
 Мырджипай—пред. Киргизъ, 19.
 Мырзагельды—пред. Киргизъ, 17.
 Мырзанбекъ—пред. Киргизъ, 17.
 Мысырби—дѣйств. л. ск., 778.
 Мыши—созвѣдіе, 137.
 Мышины тропы—Млечн. путь, 742, 772.
 Мыюта—селеніе, 41, 130.
 Мэгуджинъ Султу—племя, 855, 905.
 Мэнку тургеле, Мэнку Дургюль—дѣйств. л. ск., 429, 475.

Мэнь—рѣка, 286.
 Мэрэмьт богдо-хань — дѣйств. л. ск., 332.
 Молляндэ-авя—черем. божество, 860.
 Мюсю-муке—дѣйств. л. ск., 564.
 Мякьянунь-ѣлы—Млечн. путь, 740.
 Млямимъ-хуза—чувашск. фетишь, 859.
 Мятень—пред. Кыргызъ, 18.

Н.

Наванъ—Бурятъ, 123, 307.
 Нага—дѣйств. л. ск., 920.
 Наглымъ-Хоо — дѣйств. л. ск., 442 — 453.
 Надань-усиха—совѣздіе, 712.
 Наджирь-Хара—гора, 453, 457, 469.
 Наджи-тархынъ — дѣйств. л. ск., 435.
 Надыр-софы—пред. Кыргызъ, 14, 15.
 Назаръ—пред. Кыргызъ, 17.
 Назыкпай—пред. Кыргызъ, 18.
 Назнай—дѣйств. л. ск., 815.
 Назыкпай—пред. Кыргызъ, 16.
 Найба—Алгаецъ, 142.
 Найдыкъ—Урянхайка, 61.
 Найдынъ — Халхасецъ, 178, 181, 210, 258, 271, 272, 275, 299, 333, 355, 381, 387, 399.
 Найма—рѣка, 2.
 Найманъ — покол. Кыргызъ, 14, 660; Алтайцевъ, 220, 725; древн. народъ, 853.
 Найтектэй-мергенъ—дѣйств. л. ск., 432.
 Найху—совѣздіе, 712.
 Налъ-хатунъ — мно. лицо, 111.
 Налъбыръ—дѣйств. л. ск., 641, 643.
 Нама—дѣйств. л. ск., 793.
 Наманай—пред. Кыргызъ, 16.
 Намчи хара моринъ—богатырск. конь, 316—318.
 Навбай—пред. Кыргызъ, 18.
 Нанъ-Шанъ—хребетъ, 652.
 Наранъ—дѣйств. л. ск., 814.
 Наранъ-гэрэлъ—дѣйств. л. ск., 812, 919.
 Наранъ-сулу—дѣйств. л. ск., 748.
 Наранъ-Хуухюнъ Наголынъ-Хоа — дѣйств. л. ск., 747.
 Нарбай—пред. Кыргызъ, 18.
 Нарбы Тэагиръ—мно. лицо, 318.
 Нары-морэнъ—мно. рѣка, 199, 325.
 Наринъ-Замбы—дерево, 456.
 Наринъ-сумынъ—рѣка, 664.
 Наринъ-Хоро—рѣка, 305.
 Наринъ-шилъбы-Идирхинъ—мно. лицо, 118, 119.
 Нарсынъ-Гуали—дѣйств. л. ск., 508—510, 512.
 Наргъ-эмбыргэ—совѣздіе, 730.
 Наръ-алмьт — богатырск. конь, 348, 349.

Наръ-Банджинъ — дѣйств. л. ск., 257, 258.
 Нарымскій врай, 716.
 Нарындынъ-Дэгино, Нарындынъ Хатунъ — дѣйств. л. ск., 528, 529.
 Нарынъ - Хуухунъ - Наглымъ - Хоо—дѣйств. л. ск., 442, 452.
 Насръ-Эддинъ—дѣйств. л. ск., 815.
 Настасья-Лебедь-бѣлая—дѣйств. л. ск., 844; Мнгулишна, 844; Прекрасная, 785.
 Настя Самопраця—дѣйств. л. ск., 719.
 Нау—мно. птица, 915.
 Наумова—доставительница сообщений, 772.
 Наурэзкъ—пред. Кыргызъ, 19.
 Нахурай—онгонъ, 105.
 Нахушваго—эвѣзда, 792.
 Нашахъ—аулъ въ Чечнѣ, 859.
 Ндрапъ—рѣка, 937.
 Небольсинъ — авт., 661, 663, 665, 666, 668, 670, 680, 836, 851, 931.
 Невельскій—адмиралъ, 675.
 Негры—народъ, 779.
 Некрасовъ—дѣйств. л. ск., 902.
 Нема-Тайджи — дѣйств. л. ск., 495, 496.
 Немродъ—дѣйств. л. ск., 789.
 Нерчинскъ—городъ, 664.
 Нестяръ—оз., 897.
 Нѣтай Сара—дѣйств. л. ск., 252—255, 817.
 Нехъ—совѣздіе, 712, 740, 916.
 Нешке—божество, 713, 730, 742.
 Нигды-улусъ, 216.
 Нижегородская губернія, 653, 675, 714, 730, 742, 758, 769, 880.
 Нижнеудинскій округъ, 25, 754.
 Нижний Новгородъ—городъ, 929.
 Низами—восточ. пис., 902.
 Никола Можайскій - дѣйств. л. ск., 690.
 Никольскій уѣздъ, 738, 772, 879, 890.
 Никулица—дѣйств. л. ск., 844.
 Нилгинскій улусъ, 54, 55, 84, 125, 126.
 Нилханъ-нартынъ—уроч., 128.
 Нилъ, еп.—авт., 677, 682, 686—689, 697, 704, 707, 744, 746, 768, 788, 792, 833, 892, 935.
 Нилтянйтъ—совѣздіе, 713.
 Нишми-пасъ — божество, 809.
 Новгородская Губернія, 708, 714, 772, 792, 893.
 Новицкій - авт., 697, 757.
 Новоильинское село, 850.
 Повороссія—сграна, 688.
 Погай—предокъ Кыргызъ, 14; дѣйств. л. ск., 725, 931.
 Поган, Погайлы — народъ, 653, 688, 734, 845.
 Погмовъ—авт., 766, 859, 875, 882, 925, 928.

Ногай—мнѣ. племя, 931; дѣйств. л. ск., 915; покол., 2, 8; предокъ, 8.
 Ноговъ-дара, Ноговъ-дарже, Ноговъ-Дариху—божество, 271, 297, 319, 320, 499, 500, 851, 887, 889, 890, 892, 915.
 Ноговъ - тэмэнь - тэнгарлеръ кызъ — дѣйств. л. ск., 611—616.
 Ноговъ Тэнгеринъ—онгонъ, 409.
 Ногъ—мнѣ. птица, 868, 915.
 Ной—алт. покол., 916.
 Ноинъ - хутукъ, Нойонъ - Хутукта—духов. лицо, 260, 407, 534.
 Номгонъ Убашинь Дабанъ—гора, 834.
 Номгоду—мнѣ. лицо, 119.
 Номъ Тологой—деревня, 188.
 Ноой—алт. покол., 916.
 Норвегия—страна, 668.
 Нордвистъ—алт., 713, 789, 793.
 Норъ-Буйрюкъ—дѣйств. л. ск., 763.
 Ноурузбай—пред. Киргизъ, 15.
 Нохой, Ноой, см. Ногай.
 Нохой-эргене — мненч. народъ, 322, 870, 917.
 Нуа-чехуа—звѣзда, 735.
 Нуа-чирриэ—Млечный путь, 740.
 Нувый ази—самоед. божество, 820.
 Нугай—мнѣ. птица, 916.
 Нукувъ—дѣйств. л. ск., 740.
 Нумъ—божество, 697, 698, 742.
 Нусабай—пред. Киргизъ, 16.
 Нура - рѣка, 897.
 Нураны—пред. Киргизъ, 14.
 Нурбай—пред. Киргизъ, 19.
 Нуръ-бике—жена кирг. предка, 16, 17.
 Нуръ-сумынь—урялх. сумынь, 11.
 Нъзъ-барышъ—звѣзда, 732.
 Нъмцы, 691, 739, 779, 810.
 Нювъ-оль-имаркъ—созвѣдіе, 730.
 Нурба — казначей въ монастырѣ, 41, 49.

О.

Обо—дѣйств. л. ск., 822.
 Обори-Богдо-ханъ—мнѣ. лицо, 823.
 Оборъ-Бовсо—дѣйств. л. ск., 823.
 Оборъ-Улятай—дѣйств. л. ск., 823.
 Обры—древн. народъ, 931.
 Объ—рѣка, 667, 676, 702, 708, 723, 730, 732, 742, 750, 757, 770, 793, 901, 911, 916.
 Ова—гора, 128.
 Овидій—древній писат., 755, 767.
 Оврамъ—дѣйств. л. ск., 908.
 Овручъ—городъ, 902.
 Огузъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 821, 873, 874.
 Огуртенъ - урянхай, Ухиртенъ - урянхай—племя, 13.
 Огусъ—племя, 872.
 Одаконъ—мнѣ. рыба, 861.
 Оджа—дѣйств. л. ск., 815.

Одинъ—сканд. богъ, 780; горный духъ, 127.
 Одинъ-Ошинъ—созвѣдіе, 705.
 Одой-Емегенъ—дѣйств. л. ск., 875.
 Одой-ханъ—дѣйств. л. ск., 206.
 Одунъ-Бодунъ, Одунтай-Бодунтай—предокъ дюрбютскихъ князей, 229, 325, 326, 804, 805, 806, 821, 872.
 Одунъ-мышинъ, Одунъ-мышить, Одунъ-Мечинъ—созвѣдіе, 111, 137, 705.
 Одунъ-Солбинъ—звѣзда, 187.
 Одогъ-Хогоръ-6о, Одогъ—древн. шаманъ, 24, 672, 706, 711, 734, 818, 880, 927.
 Ойдыгъ-цаганъ—мнѣ. имя, 111.
 Ой-водзюль—сов., 942.
 Ой кузнецъ—дѣйств. л. ск., 483.
 Оймагутъ—монгол. покол., 844.
 Оинъ-Иргень—покол., 664.
 Оинъ-шибонъ—мнѣ. птица, 84.
 Ойо-Чикиту—дѣйств. л. ск., 838.
 Оира—покол., 669.
 Ойратъ, Ойротъ, Ойродъ—народъ, 2, 654, 660, 661, 666, 667, 669, 734, 875, 937, 988.
 Ойродъ-канъ, Ойродъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 207, 291, 298, 666, 667.
 Ойсуль-кара, Ойсъ-кара—киргиз. святой, 368, 704.
 Ойтынъ - Мэргэнъ - Тэбэнэ—дѣйств. л. ск., 229.
 Ой - Тюрелътай - Тэлыгиръ—дѣйств. л. ск., 195—197.
 Ойхо-охоцонъ-Олотъ—дѣйств. л. ск., 283.
 Ока—рѣка 22, 216, 652, 654, 661, 754.
 Окторго-Долонъ-Бурхынъ—созвѣдіе, 137.
 Окторгей-Джеды-Бурханъ—созвѣдіе, 136.
 Олай-Магнусъ—иностр. учен., 774.
 Олбо—злой духъ, 142, 430.
 Олдегъты—рѣка, 430.
 Оленева вѣтя, 928.
 Олень-дабанъ—горн. прох., 21, 585.
 Олѣты, Олюты—народъ, 21, 232, 320, 325, 410, 473, 664, 665, 667, 874.
 Олимпъ—гора, 823.
 Олбѣондинъ-Дженгисъ-покови—дѣйств. л. ск., 428.
 Олонко—Алтаецъ, 177, 215.
 Олосы—народъ, 663.
 Олотъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 288.
 Олху, Алхы—дѣйств. л. ск., 192, 777; холмъ, 804.
 Олъ-Бархахъ—дѣйств. л. ск., 880.
 Олыпъ—мнѣ. народъ, 671.
 Олыпъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 826.
 Олыты-кыстаръ—мнѣ. лицо, 47.
 Олыты-тэсъ—божество, 47, 746.
 Олыяно—цѣлебн. вода, 746.

- Ольберге—дѣйств. л. ск., 412, 413.
 Ольга—русск. княгиня, 689, 839, 924.
 Ольге—оз., 691.
 Ольгэръ—созв., 942.
 Ольджелиды—пред. Киргизъ, 19.
 Ольхонъ—остр., 129, 215, 806.
 Олюты см. Олѣты.
 Омаръ—пред. Киргизъ, 15.
 Ожолай, Омогой—предоузъ Ялутовъ, 625, 662.
 Омскы—городъ, 15, 668.
 Омукъ-юргала—созвѣздіе, 942.
 Онгетень-Тонгиръ—дѣйств. л. ск., 275.
 Онгонъ-Кокъ-Ола—гора, 432.
 Онгонъ-Ола—гора, 406.
 Онгу, Онгурёнъ—уроч., 290.
 Онгъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 853.
 Ондронище—дѣйств. л. ск., 901.
 Онежская область, 764.
 Онаясъ—рѣка, 556.
 Онега—дѣйств. л. ск., 929.
 Ононь—рѣка, 805.
 Оноха—дѣйств. л. сказ., 844.
 Онцо-Гериль-хатынь—небесная дѣва, 437.
 Ончикъ-зайсанъ—пред. Дюрбютювъ, 327.
 Ончонъ—дѣйств. л. ск., 858.
 Онъ-Гала-ханъ—божество, 262.
 Онъ-Сомъ—сибир. царь, 858, 860.
 Онъ-ханъ—сибир. царь, 858.
 Оорцугъ—покол., 665.
 Опорхоль—дѣйств. л. ск., 808.
 Оппертъ—нѣм. уч., 827, 842, 861—863.
 Опракса—дѣйств. л. ск., 844, 890.
 Оразъ—пред. Киргизъ, 17.
 Оранъ-телегей—божество, 77, 92, 101, 125, 127, 225, 691, 417, 419, 421, 689, 691, 695, 697, 821, 916.
 Оранъ-эззи—мног. лицо, 391, 697.
 Оргольджинъ—уроч., 111.
 Оргончи—алт. поколѣніе, 940.
 Ордахъ-Дзусюгай-Аи—ялутск. богъ, 802.
 Ордахъ-сыгъ—ялутск. богъ, 840.
 Орду-Цаганъ—сказоч. гора, 435.
 Оренбургская губернія, 725, 730.
 Оренбургъ—городъ, 658.
 Орестъ—греч. герой, 810, 920.
 Оржанту—гора, 214.
 Орионъ—созвѣздіе, 137, 660, 670, 713, 718, 723—725, 788, 790, 791, 796, 799, 840, 877, 880, 886, 932, 933, 942.
 Орланъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 260.
 Орловская губ., 771, 772.
 Орловъ, П. Д.—спутникъ экспедиціи, 671, 713.
 Ормуздъ—иранск. богъ, 790, 877.
 Орогоды—племя, 876.
 Ордынъ-ханъ—мног. книга, 315.
 Оролынъ—дѣйств. л. ск., 693.
 Оролынъ-мангысъ—дѣйств. л. ск., 397, 398.
 Оролынъ-чигтүрү—дѣйств. л. ск., 395, 401, 402, 417.
 Оронъ-Ганпхашъ-Модонъ—мног. дерев., 187, 298, 772.
 Ороконы—народъ, 138, 663, 677, 688, 697, 755, 919.
 Орочу-Шигустей, Орочу-Шигуни—дѣйств. л. ск., 876, 919.
 Орунь-Гандханъ-Модонъ—мног. дерев., 821.
 Орунь-Дэлыкъ—божество, 125.
 Орусь—пред. Киргизъ, 18; имя русскаго народа, 663, 664; имя, встрѣчающееся въ сказ., 919, 920.
 Орусь-гурбчинъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Орусь-Иналь—древн. князь, 876, 919.
 Орусь-ханъ, Орусенъ-ханъ—дѣйств. л. сказ., 225, 304, 322.
 Орусь-Цаганъ-Бёко—дѣйств. л. ск., 489.
 Орфей—древн. музык., 679.
 Орхонъ—рѣка, 12, 106, 410.
 Орхонъ-хулудбахча—дѣйств. л. ск., 233.
 Орхустойцы—дѣйств. л. ск., 810, 811.
 Орчинъ-солонъ—покол., 22, 663.
 Орь-куремь—онгонъ, 99, 697.
 Осетины—народъ, 674, 697, 700, 704, 707, 710, 714, 718, 724, 730, 732, 735, 741, 747, 765, 770, 774, 775, 843, 872, 875, 879, 898, 912, 918, 928.
 Осетия—страна, 674, 794.
 Оси-багатаръ—дѣйств. л. ск., 928, 934.
 Османлы-турки—народъ, 815, 842.
 Османъ—пред. Киргизъ, 15, 16, 17.
 д'Оссонъ—франц. учен., 872.
 Остроумовъ—авт., 794, 827.
 Остриковъ—авт., 711, 769, 850.
 Остъ-Колдинъ, вояцк. божество, 844.
 Остяки—народъ, 656, 664, 676, 677, 680, 682, 697, 701, 702, 706, 707, 712, 732, 751, 755—757, 778, 779, 851, 900, 912, 934.
 Остяки Васюганскіе, 676, 677, 680, 687, 712, 716, 747, 754, 847, 848.
 Остяки Енисейскіе, 712, 716, 735, 740, 754, 771, 773, 779, 781, 791, 835, 836, 862.
 Остяки нарымскіе, 717, 730.
 Остяко-Самоеды—народъ, 676, 677, 702, 704, 708, 709, 712, 717, 732, 742, 770, 793, 850, 894, 918.
 Отѣнь—пред. Киргизъ, 19.
 Отконъ-Цаганъ-Дагине—дѣйств. л. ск., 499.
 Отукъ-батыръ—дѣйств. л. ск., 304.
 Отучи—дѣйств. л. ск., 191, 261.
 Отханъ-хайрханъ, Отхонъ-теугра—гора, 722, 801.
 Отче-ары—дѣйств. л. ск., 618—620, 930.

Отъеъ-кызыль—гора, 746.
 Офта—совѣздіе, 713.
 Охай—дѣйств. л. ск., 831.
 Охтну-ахпаръ—совѣздіе, 714.
 Охтырганъ—царевна, 528.
 Охъ—дѣйств. л. ск., 798, 831, 885, 891.
 Очамайли—узбек. покол., 797.
 Очи-Каракишиъ—дѣйств. л. ск., 715, 718, 786.
 Очиръ-Вани, Очирвани-тэнгиръ; Очир-бани—божество, 192, 209, 228, 225—228, 257, 260, 261, 285, 292, 298, 314, 334, 335, 340, 430, 449, 450, 466, 796, 800, 801, 819.
 Очиръ-даръ-лама—духовн. л., 217.
 Очу—Каракишиъ, Очи—Каракишиъ—дѣйств. л. ск., 909, 914, 930.
 Очурманы—дѣйств. л. ск., 220, 221—223, 800.
 Ошкыъ—горн. духъ, 127.
 Оюмъ—пред. Киргизъ, 17.
 Ою-Чикты-ханъ—дѣйств. л. ск., 283—285, 672.

П.

Павзаній—древ. писатель, 673.
 Павло—дѣйств. л. ск., 925.
 Пагай-джуро—дѣйств. л. ск., 817, 900.
 Пагайлиненъ—дѣйств. л. ск., 899.
 Падакшья—пустынь, 893.
 Падеринъ—рисовальщикъ, 98.
 Падпакиши—дѣйств. л. ск., 424—427.
 Пай-ана—алт. божество, 69, 691, 828.
 Пай-ульгенъ—божество, 691, 878.
 Пакоджи—мнѣ. птца, 760, 778, 781.
 Пакту ханъ—божество, 878.
 Пакьянъ шаманъ, 48.
 Палака—дѣйств. л. ск., 920, 921.
 Пала-муусъ—пред. покол. Манджи, 8.
 Палапъ—покол., 2.
 Паликопа—прозвище свв. Бориса и Глѣба, 925.
 Палкинъ—переводчикъ при экспедици, 21, 52, 142, 174, 176, 188, 244, 308, 320, 340, 383, 408, 409, 488, 647, 649, 650.
 О. Паладій—русск. ориенталистъ, 663, 862, 917.
 Палласъ—русск. путеш., 656, 662, 688, 691, 708, 717, 720, 748, 750, 751, 861, 867, 872, 928.
 Пантусовъ—авт., 866.
 Панчала—страна, 920, 921.
 Парасъ—царство, 863.
 Паръ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
 Паспаулъ—гора, 48.
 Пахрасть—Халхасецъ, 223, 279, 798, 800.
 Паштыгашъ—древн. шаманъ, 842.

Пекинъ—городъ, 258, 285, 287, 299, 302—304, 307, 360, 361, 488, 664.
 Пеле—уроч., 9.
 Пелей—дѣйств. л. ск., 920.
 Пелька—дѣйств. л. ск., 767.
 Пене-Деманъ—дѣйств. л. ск., 811.
 Пензенская губ., 653.
 Пенкъ—совѣздіе, 712, 876, 916.
 Переяславецъ—русск. богатиръ, 925.
 Переяславль—городъ, 925.
 Перино—озеро, 672.
 Перкуансъ—дѣйств. л. ск., 723.
 Пермикианъ—путеш., 665.
 Пермская губ., 809, 882.
 Пермяки—народъ, 664, 676, 680, 815.
 Персей—греч. герой, 844.
 Перси—англ. издатель, 912.
 Персія—страна, 731, 733, 769.
 Персы—народъ, 681.
 Перунъ—божество, 782, 926.
 Песчаная—рѣка, 7, 182, 650.
 Петерб. губернія, 732, 742.
 Петлинъ—казацк-путеш., 665.
 Петроавловскъ—городъ, 652, 658.
 Петръ—дѣйств. л. ск., 925.
 Печенѣги—народъ, 651, 711.
 Печора—рѣка, 827.
 Пи-амбаръ—божество, 743.
 Пигамбаръ—божество, 743, 828.
 Пикте—франц. учен., 707, 714—716, 741, 753, 765.
 Пилигримище—дѣйств. л. ск., 682, 817, 890, 891, 901.
 Пиллчучъ—божество, 694, 742, 748.
 Пинета—городъ, 893.
 Пинкель—дѣйств. л. ск., 894.
 Пина—совѣздіе, 723.
 Пиргене—божество, 742.
 Пирогость—слав. личн. имя, 881.
 Пицигани—составитель старин. картъ, 815, 849, 901.
 Пинагоръ—древній музык., 679.
 ПIANO Карпини—старин. путеш., 696, 738, 803.
 Пляды—совѣздіе, 137, 705, 714, 729, 779, 780, 784, 830, 836, 880, 881, 922, 942.
 Плиній—древ. писатель, 723.
 Пльва—Млечн. путь, 741.
 Побей-Хотунъ батырь-белг—дѣйств. л. ск., 410, 902.
 Поволжье—страна, 670—672, 690, 693, 696, 749, 757, 762, 765, 798, 809, 815, 828, 836, 844, 848, 849, 860, 869, 879, 897, 915.
 Поганикъ—название дня, 868.
 Подкатунскій улусъ, 940.
 Подольск. губ., 804, 887, 888, 890.
 Подонъ—уроч., 876.
 Подъельничная—рѣка, 850.

Позднѣвъ—авт., 650, 667—667, 692, 734, 796, 872.
 Покатигорошекъ, Покатыгорошко — дѣйств. л. сж., 785, 786.
 Полабскіе славяне, см. Славяне.
 Полинезія—страна, 779.
 Половцы—народъ, 661, 680, 704, 711, 738, 931.
 Поляковъ—авт., 663, 750, 757, 835, 900, 912.
 Поляне—народъ, 752, 890.
 Полярная звѣзда — 137, 694, 734, 736, 762—764, 788, 790, 795, 796, 899, 942,
 Поморское царство, 739.
 Попій—авт. зайсанъ, 77.
 Попова семья—созвѣдіе, 730, 792.
 Поповъ, Н.—авт., 656, 661, 672, 820, 842, 878, 927.
 Поповъ, А.—русск. учен., 737, 739, 881, 898.
 Поповъ—авт., 859.
 Поповъ, Клавд.—авт., 656.
 Поповъ—монголизмъ, 803.
 Поговъ—учитель въ Минус. окр., 942, 943.
 Порбакъ-ханъ—дѣйств. л. сж., 562.
 Пори-ханъ—дѣйств. л. сж., 177, 413, 826, 903.
 Поро-ниджилъ—дѣйств. л. сж., 562.
 Порсукъ, см. Борсукъ.
 Портъ—созвѣдіе, 712.
 Порфирьевъ—авт., 736, 759.
 Порядниъ—состав. словаря, 663, 682, 683, 687, 691, 699, 703, 710, 729, 731, 743, 749, 758, 773, 774, 795, 828, 842, 862.
 Постниковъ—миссіонеръ, 41, 64, 76, 134, 208, 220, 223, 279.
 Потбѣ—Алтаецъ, 239.
 Потюки—рѣка, 901.
 Поттъ—нѣмецк. учен., 766.
 Потыкъ—богатырь, 690.
 Пошехонскій уѣздъ, 869, 889.
 Почай—мнѣ. рѣка, 929.
 Пчѣбъ, Почуѣ—Алтаецъ, 6, 8, 141, 170, 189, 224.
 Преллеръ—нѣмецк. учен., 786.
 Преходница—звѣзда, 733.
 Пржевальскій—путеш., 662, 663, 749, 796, 803—805, 872.
 Пригбпъ—замокъ, 816.
 Прометей—дѣйств. л. сж., 805.
 Пруссъ—народъ, 663.
 Психея—греч. богиня, 760.
 Псурманъ—пред. Киргизъ, 18, 670.
 Птичье гнѣздо—созвѣдіе, 730.
 Пудайчи—мнѣ. птица, 870.
 Пувгъ—гора, 862.
 Пуруль-то—оз., 706, 707.
 Пурутъ, Прутъ—покол., 2.

Пурханъ-Курбусту—Тэнгрэкай, дѣйств. л. сж., 883.
 Пурюкше—дѣйств. л. сж., 715.
 Пфаффъ—авт., 883, 928.
 Пши-Бадинокъ—дѣйств. л. сж., 899.
 Пшэбъ-пшаго—звѣзда, 732.
 Пызась—рѣка, 556, 937, 938.
 Пыпинъ—русск. пис., 766.
 Пѣвцовъ—путеш., 792, 893.
 Пясецкій—авт., 803.
 Пятница—дѣйств. л. сж., 696, 868.

Р.

Раби-Петакія—старин. пис., 704.
 Раде—путеш., 769, 806, 820.
 Радловъ—ученный, 1, 156, 650, 655, 682, 691—693, 704, 711, 718, 719, 721, 737, 742, 745, 747, 752, 763, 766, 769, 774, 776, 778, 781, 790, 791, 793, 797, 799—802, 809, 833, 836, 839, 840, 842, 854—856, 858, 862, 866, 867, 869, 874, 875, 877—879, 883, 887, 894, 895, 898, 899, 909, 914, 923, 930, 934, 943.
 Рай—пред. Киргизъ, 18.
 Рамайана—инд. поэма, 781, 816.
 Рахлинское царство, 845.
 Рахмановичъ—дѣйств. л. сж., 767.
 Рахматовичъ—дѣйств. л. сж., 767.
 Рахоли—дѣйств. л. сж., 829.
 Рашидъ-Эддинъ—персид. историкъ, 20, 653, 661, 662, 664, 665, 668, 669, 671, 672, 704, 720, 722, 734, 746, 752, 761—763, 771, 780, 789—791, 797, 802, 805, 809, 819, 821, 823, 830, 839, 840—842, 846, 853, 856, 860, 867, 868, 872, 873, 876, 902, 903, 906, 908, 914, 916, 919.
 Реа—греч. богиня, 673.
 Редея—дѣйств. л. сж., 928.
 Ремезовъ—составитель атласа, 897.
 Речеречаръ—созвѣдіе, 724.
 Ривиль-хама—духъ покровитель, 123.
 Ригведа—свѣщ. книга, 715.
 Ригъ—дѣйств. л. сж., 670.
 Римскій Климентъ—дѣйств. л. сж., 792.
 Римскій папа—дѣйств. л. сж., 775.
 Риттеръ—нѣмецк. учен., 665, 805, 922, 931, 932.
 Ритциль-утгаль—созвѣдіе, 723.
 Рихтгофенъ—нѣмецк. учен., 659.
 Ровинскій—путеш., 664, 725, 730, 733, 741.
 Рогмо-гоа—дѣйств. л. сж., 844.
 Роговъ—авт., 680.
 Родванъ—доставитель скаа, 138, 184, 697, 755, 888.
 Родъ—слав. божество, 739, 929.
 Роженица—слав. божество, 739.
 Роксъ-Аланы—народъ, 752.

Романъ—дѣйств. л. ск., 893.
 Ромово—мѣстность, 792, 893.
 Рославль—городъ, 816.
 Ростомъ—дѣйств. л. ск., 750, 795.
 Россія—страна, 651, 659, 671, 672, 686,
 689, 699, 700, 730, 742, 747, 762, 771,
 829, 843, 871.
 Рубрувись—старин. путеш., 863.
 Рувимъ—дѣйств. л. ск., 869, 888.
 Рудченко—соб. ск., 811, 831, 832.
 Румыны—народъ, 749.
 Русская земля, 320, 321, 408, 497.
 Русскіе — народъ, 152, 155, 161, 164,
 165, 227, 356, 625, 626, 663, 664,
 671—673, 677, 681, 682, 702, 717, 753,
 754, 758, 767, 773, 808, 872, 901, 902.
 Русскій царь—дѣйств. л. ск., 291, 330,
 408, 757.
 Руссь—дѣйств. л. ск., 902.
 Руссы—народъ, 902.
 Рустемъ—дѣйств. л. ск., 750.
 Русь—народъ, 278, 279, 403, 700, 752,
 860, 890, 926, 931.
 Русь-Вараги—народъ, 752.
 Рыбниковъ—авт., 673, 690, 739, 767,
 773, 786, 790, 802, 803, 820, 839, 844,
 913, 926, 928, 929, 932.
 Рыкочевскій—авт., 816.
 Римскій паша—дѣйств. л. ск., 893.
 Рысамбетъ—пред. Киргизъ, 16.
 Рыспай—пред. Киргизъ, 16.
 Рысь—пред. Киргизъ, 18.
 Рытжа-кыя-кодзулъ—звѣзда, 942.
 Рычковъ—стар. русск. пис., 849.
 Рязанская губернія, 879.
 Рязь—дѣйств. л. ск., 827.

С.

Саба-илдызы—звѣзда, 732.
 Сабанъ-аялъ—созвѣздіе, 723.
 Сабанъевъ—авт., 750.
 Сабен—народъ, 689.
 Саблуковъ—ориенталистъ, 666, 669, 927.
 Сабуй-я-бай-тогю, дѣйств. л. ск., 633—
 637.
 Сабунъ-дабанъ—горн. прох., 304.
 Савельевъ—археологъ, 680.
 Савлій—дѣйств. л. ск., 926.
 Сагадай—дѣйств. л. ск., 329, 332, 692,
 789, 797, 879.
 Сагайская степь, 10.
 Сагалъ—алт. покол., 2, 940.
 Сагантынъ—пред. Бурятъ, 23.
 Саганъ—пред. Бурятъ, 826.
 Саганъ-нойонъ—дѣйств. л. ск., 329.
 Саганъ-Солбы—звѣзда, 137.
 Саганъ-ханъ—име. лицо, 823.
 Сагатай-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 206,
 789.

Сагашту-ханъ—дѣйств. л. ск., 417.
 Садибель—пред. Киргизъ, 18.
 Саджо—дѣйств. л. ск., 673, 831.
 Садовниковъ—авт., 693, 694, 698, 722,
 736, 748, 752, 772, 777, 790, 794—796,
 809, 848, 867, 868, 893, 901, 926, 929.
 Сажары—созвѣздіе, 714.
 Сазанъ—пред. Киргизъ, 16.
 Сайдалы—пред. Киргизъ, 19.
 Сайдымъ—дѣйств. л. ск., 555.
 Сайдутъ—покол., 661, 669.
 Санителе—дѣйств. л. ск., 583, 584.
 Сайнъ-Амугуланъ-Ябдалту—дѣйств. л.
 ск., 869.
 Саниъ-Белекъ—личное имя, 752.
 Сайнъ-Галабминъ-судуръ—монг. книга,
 792.
 Саниъ-Гальбинъ-Мингынъ-буркынъ—
 божество, 311—314, 450, 791, 867,
 909, 910.
 Сайнъ-нойонъ—монг. князь, 306, 352,
 861, 865; его хошунъ, 906.
 Саниъ-Тегинъ—дѣйств. л. ск., 761, 841.
 Саниъ-Тульганъ—дѣйств. л. ск., 863.
 Сайнъ-ханъ—монг. князь, 335, 336.
 Саниъ-Хунъ-Тайджи—дѣйств. л. ск.,
 530, 531.
 Саниъ-Похуръ-мори—богатырск. конь,
 503.
 Сайхай—дѣйств. л. ск., 826.
 Сай-ханъ—дѣйств. л. ск., 295.
 Сакей—пред. Киргизъ, 19.
 Сакія-Пандита—дух. л., 844.
 Салавата лукъ—радуга, 918.
 Салаватъ—горы, 735.
 Саламджа—дѣйств. л. ск., 892, 898.
 Саларцы—народъ, 653.
 Сали-Кальджиго—предокъ Монголовъ,
 665.
 Салтонское село, 937.
 Салтыганъ—божество, 905.
 Салтыковъ—Бурятъ, 267, 332.
 Саль—алт. покол., 940.
 Сальджаки—урянх. покол., 11, 21, 39,
 77, 80, 92, 94, 125, 136, 140, 141, 144,
 160—162, 167, 665, 695.
 Сальджи-бай—пред. Киргизъ, 15.
 Сальджиуты—покол., 665.
 Сальхинъ—богатырск. конь, 505, 522,
 528.
 Сальянъ—сел., 786.
 Самади—дѣйств. л. ск., 852.
 Самай—пред. Киргизъ, 18.
 Самантай—дѣйств. л. ск., 852.
 Саманъ-Табадри—дѣйств. л. ск., 886.
 Самаркандъ—городъ, 658.
 Самарово—сел., 900.
 Самарская губ., 777.
 Самбай-дагине—дѣйств. л. ск., 373—377.
 Самгылтай—рѣка, 12.

- Самдынь—шаманка, 61.
 Самородъ—дѣйств. л. ск., 928, 929.
 Самоѣды—народъ, 656, 664, 674, 677, 682, 687, 696, 697, 699, 702, 724, 742, 744, 754, 778, 779, 788, 797, 820, 933; березовскіе, 712; обдорскіе, 756.
 Самратъ—пред. Киргизъ, 18.
 Самуилъ—болгарск. царь, 864.
 Самурааканъ—селеніе, 733.
 Самыръ-Казанъ—дѣйств. л. ск., 801, 839.
 Сана—дѣйств. л. ск., 809, 877.
 Саналэнь-Чымыкъ—дѣйств. л. ск., 284,
 Сананъ-Сэценъ—монг. гѣтописецъ, 654, 665, 666—668, 694, 767, 788, 791, 792, 797, 802—805, 816, 826, 839, 843, 844, 852, 853, 872, 874, 876, 839, 843, 844, 852, 853, 881, 883, 886, 899, 904, 914, 916, 917, 919.
 Санашъ—Алгаецъ, 173, 288, 291, 355, 429.
 Сангай—горы, 265.
 Сангай—онгонъ, 96, 99.
 Сангинъ-Далай—озеро, 654, 661.
 Саңдагъ-нойонъ-Мишени—дѣйств. л. ск., 824.
 Санджи—дѣйств. л. ск., 4.
 Санхе-Зукденъ—отдѣлъ Бурятск. народа, 23.
 Санхони-цедекъ—дѣйств. л. ск., 386, 899.
 Санъ—дѣйств. л. ск., 280, 281.
 Санъ-халдуръ—дѣйств. л. ск., 875.
 Санылъ-Хани-хуухуль-Гургюмъ-Гоо—небесная дѣва, 437.
 Сара—рѣка, 876.
 Саракаралты—дѣйств. л. ск., 567, 568, 571.
 Сарандза-Гомбу-ханъ—дѣйств. л. ск., 297.
 Саранъ—дѣйств. л. ск., 814.
 Саранъ-гэрэлъ—дѣйств. л. ск., 812, 919.
 Сараса—деревня, 40.
 Саратъ—звѣзда, 711.
 Саратъ-Сабы-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 622.
 Сардакчинъ—страна, 839.
 Сарджанъ—пред. Киргизъ, 15.
 Сарике—пред. Киргизъ, 18.
 Сарикъ—пред. Киргизъ, 17, 18.
 Сарисынъ—Дорбютъ, 138, 174, 178, 182, 183, 187, 189, 190, 199, 211, 216, 217, 224—226, 228, 234, 261, 262, 271, 272, 275, 286, 319, 321, 323, 325, 327, 329, 331, 335, 353, 356, 359, 360, 366, 486, 650.
 Сарисынъ—Баабга, Сарисынъ-Бакбагай—дѣйств. л. ск., 173—174.
 Сармантай—пред. Киргизъ, 19.
 Сармыгъ—мно. амѣй, 783.
 Саро—дѣйств. л. ск., 803.
 Сартакай—дѣйств. л. ск., 900.
 Сартактай—дѣйств. л. ск., 285—288, 737, 777, 900.
 Сартактай-Кеверъ—дѣйств. л. ск., 286, 840.
 Сартактень-буху—канавы, 287.
 Сартакъ—дѣйств. л. ск., 839, 840.
 Сартакъ-багадуръ—дѣйств. л. ск., 840.
 Сартакъ-Буджоръ—дѣйств. л. ск., 840.
 Сартаулъ, Сартоль, Саргуль—халкасск. хошунъ, 23, 25, 270, 296, 654.
 Сартъ—пред. Киргизъ, 18.
 Сартъ—покол. Алтайцевъ, 2.
 Сарты—народъ въ Туркестанѣ, 158.
 Сару-чалъ—онгонъ, 96.
 Саръ-Алтынъ—дѣйств. л. ск. 909.
 Саръ-уулъ—дѣйств. л. ск., 793.
 Сары—предокъ Киргизъ, 14, 15.
 Сары-Алматы—покол. Алтайцевъ, 2, 72.
 Сарыбай—дѣйств. л. ск., 788, 859.
 Сарыгаты-беръ-тулуну—дѣйств. л. ск. 563.
 Сарыгиргитъ—покол. Алтайцевъ, 11.
 Сары-Далай—мно. море, 371, 428.
 Сары-Джумартъ—покол. Киргизъ, 751.
 Сары-еръ—дѣйств. л. ск., 885.
 Сары-Кенгиръ—рѣка, 897.
 Сары-Копша—рѣка, 939.
 Сары-кулъ—пред. Киргизъ, 18.
 Сары-кэрманъ—городъ, 751.
 Сары-Мангышъ—урянк. сумнь, 11.
 Сары-сойонъ—покол. Алтайцевъ, 2, 293.
 Сары-софы—пред. Киргизъ, 14, 15.
 Сары-су—рѣка, 860, 896, 897.
 Сары-Тоелесъ—покол. Алтайцевъ, 2.
 Сары-Тырмашъ—дѣйств. л. ск., 823, 878.
 Сарышоръ—покол. чернев. Татаръ, 937.
 Сары-Юсунъ—пред. Киргизъ, 670.
 Сасцари—созвѣздіе, 724.
 Сатана—дѣйств. л. ск., 892.
 Сати—дѣйств. л. ск., 724.
 Сатибоджилки—созвѣздіе, 723, 724.
 Сатурнъ—звѣзда, 715, 787.
 Сатурнъ—греч. богъ, 673, 715.
 Сать-Темиръ—дѣйств. л. ск., 857.
 Сатылганъ—пред. Киргизъ, 17.
 Саулъ-Левандовичъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Сауръ Ванидовичъ—дѣйств. л. ск., 926.
 Сауръ—хребетъ, 899.
 Саусканъ-сайранъ—дѣйств. л. ск., 426, 427.
 Сау-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Сафьяновъ—миусинскій купецъ, 618.
 Сахалинъ—островъ, 675.
 Сахаровъ—авт., 900.
 Саховъ—Бурятъ, 168, 301.
 Сахулу-сэтхъ—звѣзда, 732.
 Сая—урянк. сумнь, 11.
 Саянцы—народъ, 1.

- Саяны, Саянскій хребеть, 61, 301, 303, 652, 653, 655, 656, 717, 839, 861.
 Сбоевъ—авт., 906.
 Сварогъ—слав. божество, 880, 881.
 Сварожичъ—слав. божество, 881.
 Свѣтлояръ—оз., 897.
 Свѣтлыя овера, 897.
 Свѣтъ-ханъ-бого-юмо — черемис. бо-
 жество, 898.
 Святогоръ—русск. богатирь, 739, 898,
 929.
 Святополье—рус. кн., 808.
 Святохна—дѣйств. л. ск., 839, 924.
 Святыя овера, 897.
 Себи—покол. черн. Татарь, 939.
 Сегиъ-Сары—предошь Киргизь, 14.
 Сеги-тоенъ—духъ покровитель, 704.
 Седзень—рѣка, 128.
 Седмъ бурханъ—божество, 534.
 Сеитъ—пред. Киргизь, 19.
 Сексенбай—пред. Киргизь, 18.
 Селенга—рѣка, 655.
 Семеново гнѣздо, 928.
 Семеновъ—авт., 725, 915.
 Семи горка — дѣйств. л. ск., 869, 889,
 926.
 Семизвѣздца—созвѣздіе, 779, 881.
 Семираса—дѣйств. л. ск., 719, 914.
 Семизъ—мне. лицо, 769, 928.
 Семинскій бѣлокъ, 706, 828.
 Семипалатинская область, 13, 649, 655,
 815, 896.
 Семирѣче—страна, 740.
 Семиты—раса, 662, 842.
 Семичика—мне. лицо, 769, 928.
 Семіоны—дѣйств. л. ск., 787, 928.
 Сенге—дѣйств. л. ск., 858.
 Сенге Дорджи — халхасецъ, 215, 231,
 262, 325.
 Сентелинъ хунъ тайджи—дѣйств. л. ск.,
 407.
 Сенгенъ - хунъ - тайджи, Сенге - хунъ-
 тайджи — дѣйств. л. ск., 406, 407,
 900.
 Сенге-ханъ—дѣйств. л. ск., 279.
 Сентылъ—дѣйств. л. ск., 251, 252.
 Сенковский—русск. пис., 748.
 Сентубай—пред. Киргизь, 16.
 Сентуль—рѣка, 653, 654.
 Сенахеримъ—дѣйств. л. ск., 922.
 Сены—народъ, 725, 730, 733, 736, 741.
 Сергачск. уѣздъ, 713.
 Сердьянъ-годжа—пред. Киргизь, 15.
 Сеславьевъ — дѣйств. л. ск., 837, 838.
 Сеткилинъ - Чыммъ — дѣйств. л. ск.,
 284.
 Сеонъ—дѣйств. л. ск., 922.
 Сеосъ—дѣйств. л. ск., 922.
 Сибирь — страна, 411, 651, 652, 653,
 655, 656, 659, 662, 668, 673, 676, 682,
 683, 688, 700, 716, 730, 744, 756, 797,
 799, 828, 829, 878, 891, 897, 901, 910,
 928, 933, 936.
 Сигирь-Уола Темиръ Сигирденъ —
 дѣйств. л. ск., 635.
 Сидимонъ—дѣйств. л. ск., 928.
 Силасата—дѣйств. л. ск., 741.
 Сила Царевичъ — дѣйств. л. ск., 868.
 Симбирская губ., 653.
 Симеонъ Юда—название дня, 928.
 Симонъ—дѣйств. л. ск., 888.
 Симуръ—мне. птица, 930.
 Сизмъ—библ. лицо, 881.
 Сининъ—городъ, 752.
 Синкаме—городъ, 752.
 Сирдонъ—дѣйств. л. ск., 718.
 Сириусъ—звѣзда, 789.
 Сирия—страна, 673, 706.
 Сисемъ-длштъ, Сисемъ-оаясть — соз-
 звѣздіе, 730.
 Сіюнчъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 740.
 Скандинавскій полуостр., 774.
 Скиль—дѣйств. л. ск., 926.
 Скорпионъ—звѣзда, 733.
 Славяне — народъ, 663, 700, 701, 732,
 749, 772, 914; полябскіе, 772.
 Словоць—авт., 862.
 Смораць—звѣзда, 735.
 Смородина—мне. рѣка, 929.
 Смыловъ—авт., 798.
 Сна-батырь—дѣйств. л. ск., 866.
 Снѣгиревъ—русск. пис., 739, 876.
 Сobotекъ—дѣйств. л. ск., 924.
 Собринъ—обдорскій остякъ, 680.
 Согуръ-туганъ ашакы — дѣйств. л. ск.,
 389.
 Сѣдѣй-мергенъ—дѣйств. л. ск., 887, 899.
 Созироко—дѣйств. л. ск., 875, 926.
 Совурчо—дѣйств. л. ск., 882.
 Сойонъ—урагх. сумынъ, 10.
 Сойонъ—покол., 7, 11, 661, 664, 669.
 Сойоны—народъ, 40, 80, 94, 554, 702,
 703.
 Сойотская земля, 650.
 Сойоты—народъ, 618, 647, 652, 653 —
 655, 661, 879, 906, 941.
 Соитъ—поколѣніе, 661, 664, 669.
 Соколовъ—миссіонеръ, 136, 155—160,
 162—164, 166.
 Соколовъ, I. — священникъ, 709, 751,
 799.
 Соколовъ—авт. 833, 866.
 Сокольникъ-Нахвальничекъ — дѣй-
 ств. л. ск., 926.
 Солбанъ, Солбынъ — звѣзда, 137, 764,
 784.
 Солбанъ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 891.
 Солбынъ—звѣзда, 137.
 Солдаты — Вуряты, 122, 142, 193, 232,
 352, 382.

- Солнцева мать—дѣйств. л. ск., 831.
 Солнышко Сеславьевъ—дѣйств. л. ск., 837.
 Соловей Будимировичъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Соловей разбойникъ—дѣйств. л. ск., 766, 767, 838, 906, 928.
 Соловьевъ—русск. истор., 668, 902.
 Соломидія—дѣйств. л. ск., 792.
 Соломоновъ мечъ, 906.
 Соломонъ—дѣйств. л. ск., 690, 760, 759, 764, 781, 784, 785, 792, 804, 814, 820, 835, 836, 838, 888, 893, 898, 980.
 Солоногъ—богат. конь, 748.
 Солоногосовъ ханъ—дѣйств. л. ск., 872.
 Солоногосъ—народъ, 748.
 Солоногосъ Мергетъ—народъ, 872.
 Солоноготы—народъ, 875.
 Солоны—народъ, 663, 827.
 Солсанъ—дѣйств. л. ск., 753.
 Солты-гаанъ, Солтыганъ—божество, 879.
 Солтынгаанъ—божество, 69.
 Соозунъ-уулъ—дѣйств. л. ск., 798.
 Сошійскій скленъ, 804.
 Сорба-Хоя-Итчитя-Соодагъ-Бого—дѣйств. л. ск., 684.
 Сорготой—рѣка, 23, 412.
 Сорджи—дѣйств. л. ск., 908.
 Сорджи-бакши—дѣйств. л. ск., 421.
 Сорбъ—мнѣ. гора, 786.
 Сорочинская гора, 690.
 Сорукдунъ Гомбу Джалбу—дѣйств. л. ск., 319.
 Сорумъ—дѣйств. л. ск., 814, 816.
 Сорханъ-Шира—дѣйств. л. ск., 903.
 Соръ-канъ—дѣйств. л. ск., 903.
 Сосерово—дѣйств. л. ск., 882.
 Сосва богатырь—дѣйств. л. ск., 785.
 Соска-Солса—дѣйств. л. ск., 811.
 Сослановъ-дугъ—радуга, 746.
 Сосланъ—дѣйств. л. ск., 794.
 Сосновка—село, 865.
 Сосрыко—дѣйств. л. ск., 804, 845, 846, 875, 881, 906, 926.
 Сосмырь—Хасутъ-урянхаецъ, 182.
 Сот-тня-Бого-юмо—черем. божество, 897.
 Софійскій—авт., 815.
 Софы—предки Кыргызъ, 19, 670.
 Софьюшка—дѣйств. л. ск., 888.
 Со-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Спасскій—авт., 665.
 Стрѣнь Галда—дѣйств. л. ск., 809.
 Становище—Млечн. путь, 742.
 Старый Крымъ—селеніе, 711.
 Стасовъ—авт., 863, 913.
 Степановъ—авт., 688.
 Стожары—совѣдіе, 730, 880.
 Стоянъ—дѣйств. л. ск., 757, 816.
 Стремоуховъ—авт., 784.
 Стри-богъ—слав. богъ, 739.
 Стубовъ—авт., 757, 847.
 Суанъ—предокъ Кыргызъ, 14.
 Сугаднигъ-эргене—драгоценность, 380.
 Сугду-сумуръ-уланъ—мнѣ. гора, 233.
 Судакская долина, 753.
 Судана—дѣйств. л. ск., 834, 921.
 Судима—гора, 739.
 Судицы—мнѣ. сущ., 739.
 Судома—гора, 739.
 Суки-Боди—дѣйств. л. ск., 318.
 Сулай-ханъ—духъ воды, 226.
 Сугдесъ—племя, 903.
 Сулейманъ Бузуртановъ—Ингушь, 724, 776, 782.
 Сулейманъ-пайхомаръ, Сулейманъ-ней-гамбаръ—дѣйств. л. ск., 760, 839.
 Султанъ—божество, 878, 879, 905.
 Султу-Мегуджинъ—татарск. повол., 854.
 Сульд-Тэнгри, Сульдэ—божество, 224.
 Сумаджуть-Танка—истор. лицо, 834.
 Сумберъ-ола, Сумбуръ-ола, Сумбуръ-ола—мнѣ. гора, 240, 891, 429, 515, 516, 555, 690, 799.
 Сумерь-ола, Сумуръ-ола, Сумаръ-улапъ—мнѣ. гора, 70, 223, 314, 518, 372, 690, 692, 758, 799.
 Сумцовъ—авт., 738.
 Сумъ-Далай—мнѣ. море, 189, 314, 318, 429, 692, 825.
 Сумаръ-улапъ, см. Сумерь-ола.
 Суну-матиръ—дѣйств. л. ск., 866.
 Сунуна—дѣйств. л. ск., 786.
 Суокъ—монгол. караулъ, 20, 286.
 Супанна—дѣйств. л. ск., 759.
 Сурганъ—дѣйств. л. ск., 805, 816, 872.
 Сурганъ-Шира—дѣйств. л. ск., 903.
 Сурунзу Варди—дѣйств. л. ск., 275.
 Сурья Ханъ—дѣйств. л. ск., 275.
 Суря—гора, 793.
 Суссати—дѣйств. л. ск., 829.
 Суть-кулъ, Суть-хулъ—мнѣ. озеро, 70, 372, 389, 692, 897.
 Сухобродзено—дѣйств. л. ск., 785, 786.
 Сученно—дѣйств. л. ск., 785, 786, 925.
 Сучжеу—городъ, 653.
 Сучеа-продукча—дѣйств. л. ск., 884.
 Спитія—страна, 711.
 Шетялха—совѣдіе, 724.
 Шыздыкъ—пред. Кыргызъ, 16.
 Сы-ма-цянь—кит. историкъ, 944.
 Сырку—авт., 883.
 Сы-чуанъ—китайск. провинція, 653.
 Съювекъ—названіе радуги, 918.
 Съюланъ—духъ покровитель у Чу-валъ, 935.
 Съюрень—названіе радуги, 918.
 Съянъ-то—древн. народъ, 669, 864, 865.

Сэгунь-Сэбдэкъ — дѣйств. л. ск., 822, 823.
 Сэгэнъ—племя, 826.
 Сэлгисы — дѣйств. л. ск., 844.
 Сэръ—горы, 20.
 Сюань-Цань — кит. путеш., 746, 813, 922.
 Сюлу-Мангисъ—дѣйств. л. ск., 490.
 Сюлейманъ - Пейгамберъ — дѣйств. л. ск., 930.
 Сюльди-гора — черемис. божество, 906.
 Сюрдогъ-сюга, Сюрдахъ-сюгэ—якутск. богъ, 789, 802, 820, 840.
 Сюртъ-дабанъ—горн. прох., 337.
 Сюра—мнѣ. гора, 692.
 Сютенгень—пред. Киргизъ, 18.
 Сюндукъ — покол. Киргизъ, 15—19, 658, 768.
 Сябыръ—пред. Киргизъ, 15.
 Сяньби—поколѣніе, 660.

Т.

Таба-Ярья—дѣйств. л. ск., 280—283.
 Табылды—пред. Киргизъ, 16.
 Табынь-Сага—уроч., 217.
 Табынь-Сахалъ — шаманъ, 187, 225, 227, 228, 230, 235.
 Табынь-хошугу—онгонъ, 120.
 Табиска—покол. чернев. Татаръ, 937, 938.
 Тавгинцы—народъ, 861.
 Тагабская волость, 937.
 Тагъ-чокуръ-агъ—богатырек. конь, 584, 585.
 Таджи-боко—духъ морей, 226.
 Таджики—народъ, 839.
 Таджилу—рѣка, 214, 215, 796.
 Таджи-Урянхай — хошунъ, 654, 655, 664, 900.
 Тажа—бѣлая сова, 184, 768.
 Тазванъ—мнѣ. женск. лицо, 69.
 Тазъ—пред. Киргизъ, 16.
 Тайашъ, Таяшъ—покол. черн. Татаръ, 938, 939.
 Тайбажинъ—пок. бурят. нар., 23.
 Тайбажинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 266.
 Тайбинъ-ханъ — китайскій императоръ, 429.
 Тайганчи—см. Таанджи, 374.
 Тайганъ—мнѣ. собака, 66.
 Тайгара—божество, 878.
 Тайга-този—мнѣ. лицо, 71.
 Тайга-Човуръ—богатырск. конь, 373.
 Тайгине—дѣйств. л. ск., 424, 425, 427.
 Тайгыль-итъ—мнѣ. собака, 290.
 Тайджи-Дава—дѣйств. л. ск., 495.
 Тайджине—см. Тайгине.
 Тайджинъ-Арахы—дѣйств. л. ск., 209, 786, 794, 796.

Тайджи-Нема—дѣйств. л. ск., 495.
 Тайджи-Тонгри—дѣйств. л. ск., 224.
 Тайджи-ханъ, дѣйств. л. ск., 265, 267, 268.
 Тайджиуты—древн. народъ, 802, 804, 805, 828, 892, 908, 916.
 Таймасъ—пред. Киргизъ, 19.
 Тамнь-Дерхе—дѣйств. л. ск., 293.
 Тамнь-Тирхинъ — дѣйств. л. ск., 794, 835, 840, 841, 856.
 Тамнь-Тонгри—дѣйств. л. ск., 841.
 Тамръ-бергенъ—пред. Киргизъ, 17.
 Тайсунъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 852.
 Тайсы—народъ, 231.
 Тайтеке—пред. Киргизъ, 18.
 Тайтурская степь, 411.
 Тайфу—народъ, 231.
 Тайхынъ—мнѣ. лицо, 127.
 Тайцаунъ—вѣт. им-рѣ, 840.
 Тайчжинъ-Арахы—дѣйств. л. ск., 804.
 Тайчибай—пред. Киргизъ, 16.
 Така—уроч., 430.
 Така-джаранъ—дѣйств. л. ск., 668, 900, 916.
 Такянсунъ—дѣйств. л. ск., 731.
 Такпа-Моргонъ—дѣйств. л. ск., 824.
 Талай-Лама—духовн. л., 339.
 Талай-малай—пред. покол. Манджи, 8.
 Талай-ханъ—божество минус. Татаръ, 789, 883, 900.
 Таландай—горы, 418.
 Таласъ—рѣка, 655.
 Талда—рѣка, 59.
 Талдёнъ-ханъ, Талдёнъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 232, 805.
 Талмасъ-ана, Талмасъ-Ата — развалины, 897.
 Талъ-норъ—оз., 821.
 Талы-болдогъ—холмъ, 232, 805—806.
 Талынъ-хутулчи — дѣйств. л. ск., 243, 811.
 Талынъ-Элькинъ-хара — дѣйств. л. ск., 454.
 Талышинцы—народъ, 732, 741, 744.
 Талыни—уроч., 823.
 Тамажъ—дѣйств. л. ск., 747.
 Тамба-Шанджи—дѣйств. л. ск., 493—495, 919.
 Тамбовская губернія, 742.
 Тамджинъ-Чоджилъ—лама, 181.
 Тамдынъ—мнѣ. лицо, 140, 207.
 Тамерланъ—дѣйств. л. ск., 802.
 Тамуды—племя въ ск., 858.
 Тамузъ—семит. богъ, 842.
 Тамуръ-сана—дѣйств. л. ск., 667.
 Тамъ—пред. Киргизъ, 18.
 Тапа-Герель—дѣйств. л. ск., 424—427.
 Танатаръ—пред. Киргизъ, 15.
 Тангаръ—мнѣ. лицо, 75.
 Тангну-ола—см. Танну-ола.

Тангракъ—пред. Киргизъ, 17.
 Тангутская—страна, 534.
 Тангутъ-похой—мнѣ. собака, 931.
 Тангуты—народъ, 180, 188, 337.
 Тангылъ-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 512—517, 920.
 Танза—Урянхаецъ, 139, 212.
 Танну-ола—горн. хр., 10, 61, 215, 230, 299, 652, 653, 791, 839, 851.
 Танская—династ. кит. имп., 841.
 Тансымъ-хара-сумынъ—богатырская стрѣла, 445.
 Танъ—дѣйств. л. ск., 499, 500.
 Танъ-цолбанъ—звѣзда, 732.
 Таныркулъ—пред. Киргизъ, 18.
 Тарази, Таразы—совѣздіе, 670, 723.
 Таракай—дѣйств. л. ск., 887.
 Тараканово село—790.
 Тараканскій скокъ, 790.
 Тараканчиковъ-Корабниковъ—дѣйств. л. ск., 790.
 Тараканчикъ—дѣйств. л. ск., 839.
 Тарақты—пред. Киргизъ, 14.
 Тарақты—покол., 670.
 Тараъ—пред. Киргизъ, 14.
 Таракъ-Тамга—покол., 670.
 Тара-Лонху-Цастай—уроч., 326.
 Таранатъ-гегенъ—свящ. лицо, 335.
 Таранчи—народъ, 866.
 Таранъ—шаманъ, 7, 10, 43, 50, 51, 53, 57, 59, 60, 62, 68, 69, 72, 178, 215, 235, 291, 298, 328, 367.
 Тарбаганъ—дѣйств. л. ск., 177—180.
 Тарбогатай—горн. хр., 707, 733, 904.
 Тарголове—дѣйств. л. ск., 778.
 Таргутай-Кирилтухъ—дѣйств. л. ск., 694.
 Тарданакъ—дѣйств. л. ск., 765, 774, 775, 778.
 Тарданакъ-Мэргынъ—дѣйств. л. ск., 180.
 Тарджишъ-Дарджишъ—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Тарисъ—рѣка, 11.
 Тарканъ—дѣйств. л. ск., 843.
 Тармы-Цаганъ—богатырск. кольчуга, 432.
 Таромъ—божество, 797.
 Тарсей жидовинъ—дѣйств. л. ск., 927.
 Тарха—богатырск. лукъ, 492.
 Тарханъ—дѣйств. л. ск., 805.
 Тарханъ-бо—дѣйств. л. ск., 289, 290, 671, 761, 767, 775, 840, 842, 844, 856.
 Тарханъ-бо-Даянъ-Тере—дѣйств. л. ск., 290, 293.
 Тарханъ-бэйли—дѣйств. л. ск., 298.
 Тарханъ-дурискъ—духъ покров., 127, 232.
 Тархи—божество, 534.
 Тархоликъ—рѣка, 139, 144, 215, 695.
 Таръ-пегъ—дѣйств. л. ск., 759, 875.

Таска-батыръ—дѣйств. л. ск., 907.
 Таска-матыръ—дѣйств. л. ск., 759.
 Таспулатъ—пред. Киргизъ, 17.
 Тастаракай—дѣйств. л. ск., 372.
 Тастаръ—покол. черн. Татаръ, 938, 940.
 Тастъ-Кайя-Итчитя-Толь-Эгой—дѣйств. л. ск., 634.
 Тастъ-Таракай—дѣйств. л. ск., 752, 887, 943.
 Татай-эмэгенъ—онгонъ, 122.
 Татары—народъ, 144, 664, 665, 670, 698, 701, 707, 717, 721, 744, 750, 751, 765, 767, 769, 790, 820, 830, 854, 863, 876, 902.
 Татары абаканскіе или минусинскіе, 1, 690, 736, 737, 752, 789, 831, 832, 876, 885, 887, 899, 901, 903, 904, 913, 930, 932, 943.
 Татары барабинскіе, 1, 19, 653, 655, 658, 711.
 Татары горы, 653, 703, 711, 729, 732, 740, 742, 766, 769, 787, 850, 859, 874, 912, 920.
 Татары дагестанскіе, 711, 732, 733, 740, 744, 745.
 Татары казанскіе, 655, 672, 695, 711, 723, 744, 748, 760, 769—771, 776, 806—809, 815, 821, 830, 832, 844, 860, 869, 871, 875, 881, 889, 912, 931.
 Татары качинскіе, 40, 41, 49, 136, 138, 144, 160, 618, 652, 655, 671, 676, 677, 680, 691, 697, 698, 700, 701, 707, 738, 752, 757, 759, 765, 796, 870, 927, 932, 934, 942, 943.
 Татары крещенные, 711.
 Татары крымскіе, 653, 680, 711, 725, 729, 732, 740, 744, 750, 753, 759, 767, 774, 790, 799, 807, 808, 811, 815, 836, 849, 860, 891, 930.
 Татары кузнецкіе, 70, 692.
 Татары кундровскіе, 653, 666, 670, 734.
 Татары лебедянскіе, 1.
 Татары Мишарь, 711, 723, 729, 732.
 Татары нижегородскіе, 796.
 Татары сибирскіе, 1, 650, 652, 655, 719, 769, 910.
 Татары тарскіе, 897.
 Татары тобольскіе, 711, 732, 742, 750, 815, 849, 860, 898, 941.
 Татары томскіе, 653.
 Татары черевые, 1, 40, 41, 44, 45, 48, 54, 67, 70, 97, 98, 129, 130, 136—138, 193, 556, 618, 653, 660, 662, 676, 678, 692, 774, 781, 785, 789, 791, 793, 832, 867, 900, 941.
 Татары чулымскіе, 653, 682, 709, 711, 732, 751, 799, 907.
 Татжигу—рѣка, 215.
 Татищевъ, В. Н.—русск. историкъ, 656, 661, 672, 820, 842, 878.

- Таттибеть—пред. Киргизъ, 16.
 Тау-ханъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Тахмураь—дѣйств. л. ск., 839.
 Тачки-Урянхай—хошунъ, 178.
 Ташилюкъ—уроч., 796.
 Ташин-хай—предокъ, 660.
 Ташванъ—дѣйств. л. ск., 897.
 Ташвентъ—городъ, 404, 750.
 Ташъ—богатырк. конь, 425, 426.
 Ташъ-богатырь—дѣйств. л. ск. 839.
 Ташъ-Курень—богатырк. конь, 424.
 Тащавовъ—Теленгитъ, 56.
 Таянджи—дѣйств. л. ск., 373—376.
 Таянъ-ханъ найманскій, 844, 856.
 Таяншъ—покол. черн. Татаръ, 556.
 Таясь-хара-чило—мнѣ. камень, 440.
 Тебене-кога—дѣйств. л. ск., 719.
 Тебикъ-Уланъ-Дзалуга—дѣйств. л. ск., 503, 504.
 Теби-ханъ, Бюрюнъ-ханъ, Узунъ-орой-ду—мнѣ. гора, 503.
 Тегадду-тоузень-мадуръ—мнѣ. животное, 770.
 Тегусъ-Гегенъ—дѣйств. л. ск., 886.
 Тегусъ-Двотку—дѣйств. л. ск., 886.
 Теди-Гучинъ-Ханъ-Хурмушту—божество, 441.
 Тежиганъ—божество, 70.
 Тейко—совзвядіе, 730.
 Телегей—дѣйств. л. ск., 225.
 Телегей—предокъ, 9, 225, 662.
 Телекуль—оз., 896.
 Теленгетъ—покол. черн. Татаръ, 938; покол. Алтайцевъ, 940.
 Теленгитъ—народъ въ Алтай, 1, 2, 9, 10, 39, 40, 63, 73, 96, 97, 136, 138, 144, 150, 225, 286, 291, 653, 655, 662, 941; поколѣніе волжск. Калмыковъ, 661.
 Теленгитъ—предокъ Теленгитовъ, 9.
 Теленгутъ—покол., 661.
 Телеуты—народъ, 2, 9, 10, 27, 29, 38, 42, 48, 63, 68—70, 78, 79, 130, 136—138, 144, 160, 179, 180, 182, 193, 218, 286, 288, 649, 653, 661, 666, 667, 887, 938.
 Телесы—народъ, 667.
 Телецкое озеро, 9, 10, 48, 666, 667, 940.
 Телешъ—дѣйств. л. ск., 207.
 Тельбегень—см. Джебьбегень.
 Тельпушекъ—дѣйств. л. ск., 778.
 Темень-Шаръ-Боко—дѣйств. л. ск., 511.
 Темерчинская волость, 653.
 Темешъ—пред. Киргизъ, 19.
 Темирбевъ—пред. Киргизъ, 18.
 Темирсана или Темирсана, дѣйств. л. ск., 224, 298, 799, 889, 898.
 Темиръ—дѣйств. л. ск., 762, 763, 882.
 Темиръ-боко—дѣйств. л. ск., 689, 808, 821, 911.
 Темиръ-босъ—дѣйств. л. ск., 235, 476, 477, 510, 689, 808, 911.
 Темиръ-Джурекъ—дѣйств. л. ск., 800.
 Темиръ-каанъ—божество, 69.
 Темиръ-казыкъ—звѣзда, 690, 762, 899.
 Темиръ-могусъ—чудовище, 378, 898.
 Темиръ-мука—дѣйств. л. ск., 585.
 Темиръ-Олхо, Темиръ-Олху—холмъ, 796, 804, 930.
 Темиръ-сана—дѣйств. л. ск., 689, 762.
 Темиръ-софы—пред. Киргизъ, 14, 15.
 Темиръ-тайга—мнѣ. страна, 64, 689, 690, 799.
 Темиръ-Теревъ-Джиганъ—пи—дѣйств. л. ск., 800.
 Темиръ-ханъ—дѣйств. л. ск., 689, 762, 800.
 Темиръ-ханъ-Шура—крѣпость, 733.
 Темиръ-хатаги—предокъ, 734.
 Темиръ-Цорго—рѣка, 800.
 Темиръ-Цорго—уроч., 796, 800.
 Темиръ-Цохуръ батырь—дѣйств. л. ск., 385, 386.
 Темурчи—дѣйств. л. ск., 855.
 Темуръ-Джинганъ—дѣйств. л. ск., 876.
 Темуръ-казыкъ—звѣзда, 808.
 Темуръ-хадакъ—дѣйств. л. ск., 826.
 Темучинъ—истор. лицо, 803, 804, 842, 854, 858, 862, 872, 892.
 Тенгере-Кайраканъ—дѣйств. л. ск., 797, 877.
 Тенгинъ—рѣка, 668.
 Тенгисъ—мнѣ. лицо, 224, 799, 842.
 Тенгисъ—рѣка, 21, 654, 668.
 Тенгрекой—дѣйств. л. ск., 721.
 Тенгри-бабай—божество, 821.
 Тенгри-ханъ, Тэнгре-ханъ—божество, 33, 138, 141, 142, 174, 184, 197, 227, 233—235, 425, 442, 480, 482, 555, 694, 721, 761, 767, 785, 801, 828, 836, 877, 878, 899, 909, 911.
 Тенгри-ху—дѣйств. л. ск., 785.
 Тенгри-ху-Темиръ-боко—дѣйств. л. ск., 934.
 Тенибекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Тенешъ—дѣйств. л. ск., 799.
 Тешляковъ—авт., 883.
 Тергитъ-Тайши—пред. Дюрботовъ, 326.
 Тердынгъ-Улы—божество, 140.
 Терекъ—рѣка, 732.
 Терень-тиби—онгонъ, 121.
 Терещенко—авт., 739.
 Термисъ—рѣка, 11, 37.
 Терсъ-Тамгалы—покол. Киргизъ, 670.
 Тертесъ—покол. Бурятъ, 25.
 Тёртъ—ата—предки Киргизъ, 14.
 Теръ-Герельтей-ханъ—см. Тюре-Герельтей-ханъ.
 Теръ-норъ, Теръ-хуль—оз., 11, 12, 96, 137, 138, 140, 179, 205, 296.

- Терь-хань—дѣйств. л. ск., 375 — 381, 721.
- Тёсъ—рѣка, 61, 300, 652.
- Тесьпы—см. Кеспы.
- Теке-Бехо, Теко-бѣхѣ—дѣйств. л. ск., 285, 308.
- Тибетцы—народъ, 664, 851.
- Тибетъ—страна, 332, 334, 335, 657, 659, 818, 842, 873, 881.
- Тибѣ-тангри, Тибѣ-тенгери—дѣйств. л. ск., 804, 864.
- Тидыгань—совѣздіе, 718.
- Тимковскій—путеш., 691, 692, 779, 801, 803, 804, 826, 841, 845, 881, 903.
- Тимона Златой Поясъ—дѣйств. л. ск., 744.
- Тимуръ—дѣйств. л. ск., 806.
- Тимуръ-казань—вѣздѣ, 734.
- Тимуръ-хань—дѣйств. л. ск., 799.
- Тимуръ-хань—см. Темиръ-хань.
- Тинигъ-ачагъ—дѣйств. л. ск., 591.
- Титагань—дѣйств. л. ск., 200.
- Тить-рыба—мнѣ. рыба, 737.
- Тифлисъ—городъ, 694, 708, 713, 714, 724, 741, 745, 747, 777, 782, 849, 874, 884, 925.
- Тихомировъ—русск. учен., 670, 681, 719, 736, 748, 782, 816, 828, 862, 874, 898, 902, 912.
- Тиремьсъ—заплатдск. богъ, 828.
- Тлемисъ—пред. Киргизъ, 16.
- Тлеу—покол. Киргизъ, 661.
- Тлеу—пред. Киргизъ, 18.
- Тлеубекъ—пред. Киргизъ, 17.
- Тлеуэкъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
- Тлянчи—пред. Киргизъ, 16.
- То—уроч., 326.
- Тобахъ—дѣйств. л. ск., 827.
- Тобольская губ., 674, 687, 724.
- Тобольскъ—городъ, 652, 752.
- Тобуклы—пред. Киргизъ, 15.
- Тогай—предокъ, 734.
- Тоголокъ—дѣйств. л. ск., 825, 826.
- Тоговъ-Будай—божество, 932.
- Тогонъ-чило—скала, 806.
- Тогосъ-башты-джелъбегень—дѣйств. л. ск., 561.
- Тогосъ-конгураты-бинжи—дѣйств. л. ск., 560, 561.
- Тогосъ-чаячи—дѣйств. л. ск., 572.
- Тоготъ-улусъ—селеніе, 126.
- Тогрулъ—дѣйств. л. ск., 856.
- То-гунъ—уряхайскій князь, 11.
- Тогурасланъ—предокъ Киргизъ, 14.
- Тогуро-Кетская—волость, 706.
- Тогусъ—дѣйств. л. ск., 220.
- Тогусъ-сары—предокъ, 670.
- Тодошъ—дѣйств. л. ск., 220.
- Тодоянъ—собств. имя, 718.
- Тоелесъ—покол., 1, 2, 4, 9, 129, 177, 668.
- Тойбонъ-Хань—дѣйств. л. ск., 427—428, 906.
- Тоймасть—пред. Киргизъ, 15.
- Тойнъ—пред. Дурбюттовъ, 326.
- Токанъ—пред. Киргизъ, 18.
- Токводжа—пред. Киргизъ, 18.
- Токсанъ—пред. Киргизъ, 19.
- Токтагулъ-Мергенъ—дѣйств. л. ск., 802.
- Токтасъ—пред. Киргизъ, 18.
- Токтокуръ—мнѣ. птица, 315.
- Токъ-бура—пред. Киргизъ, 19.
- Толай-Болдой-горхошъ—рѣка, 806.
- Толтыр-Талъджинъ—дѣйств. л. ск., 319.
- Толы-Занданъ-тайгнъ—дѣйств. л. ск., 467, 475.
- Толидинъ-Хань—дѣйств. л. ск., 528, 542, 870.
- Толонъ-Армыъ-Дархана—дѣйств. л. ск., 608—611, 924.
- Толонъ-Шюбгуръ-Мантысъ—дѣйств. л. ск., 249, 250.
- Толуцакъ—дѣйств. л. ск., 427, 428.
- Тольбесъ—рѣка, 936, 939.
- Тольджамай—шаманка, 61.
- Тольджинаръ—дѣйств. л. ск., 425—427.
- Тольты-ханъ—дѣйств. л. ск., 329, 805, 879.
- Томприсъ—дѣйств. л. ск., 833.
- Томская губернія, 161, 772, 776, 777, 838, 851, 892—894, 924, 928.
- Томскъ—городъ, 653, 667.
- Тонъ—рѣка, 21.
- Тонжанъ, Тонжуанъ—покол., 2, 6, 8.
- Тонговъ—покол., 2, 13.
- Тонгулъ—покол. черн. Татаръ, 933.
- Тонгусъ—покол., 842.
- Тонгъ—покол. чернев. Татаръ, 938.
- Тонджи-Молонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 385.
- Тондыкъ—дѣйств. л. ск., 547, 548.
- Тонжуанъ—дѣйств. л. ск., 220.
- Тонсыгъ лама—дѣйств. л. ск., 227, 261.
- Тонджи-мергенъ—дѣйств. л. ск., 399, 400, 401, 899.
- Тонджи-Молошъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 899.
- Тоодинъ—хакаск. покол., 330.
- Тоблѣсъ—алт. покол. 940.
- Тоондоръ—покол., 9.
- Тоонъ—покол. кумандинцевъ, 9.
- Тоормъ—божество, 880.
- Тошай—дѣйств. л. ск., 830.
- Топчи хара—мнѣ. книга, 340.
- Тора—чуваш. богъ, 798, 806.
- Тораманъ—покол. Туркменъ, 671.
- Торганъ—дѣйств. л. ск., 849.
- Торганъ-Шара—дѣйств. л. ск., 903.

Торгонъ—дѣйств. л. ск., 806.
 Тороути—народъ, 654, 854, 861, 899.
 Торджи Нелба—нижний адъ, 556.
 Торки—народъ, 711.
 Тормъ—божество, 880.
 Торо—покол. Алтайцевъ, 2, 6, 660.
 Торось—дѣйств. л. ск., 806, 872.
 Торось-дабанъ—горн. прох., 806.
 Тортогулы—покол. Киргизъ, 18, 19, 666.
 Торумъ—божество, 880, 925.
 Торхула—гора, 286, 287, 650.
 Торцо—дѣйств. л. ск., 475—479.
 Торъ—сканд. богъ, 722, 744, 747, 774, 780, 828, 845.
 Тосогошъ—предокъ шамановъ, 62, 72, 290, 291, 293, 800, 835, 842.
 Тостубашъ—дѣйств. л. ск., 289.
 Тось-хакрханъ—гора, 746.
 Тотжи-Урянхай—народъ, 63.
 Тотъ—птица, 819, 820.
 Тотикъ—дѣйств. л. ск., 809.
 Тотой—Теленгитка; 142, 177, 180, 193, 205, 215, 234.
 Тотой-каанъ—жмо. лицо, 69.
 Тотой-генере—божество, 70.
 Тоторъ—предокъ половецкѣи Мандж., 8.
 Тоторъ манджи—повол., 8.
 Тотошъ—повол., 2.
 Тотурхай Илгисинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 467, 471, 475, 480, 907, 910, 911.
 Тофа—имя карагаск. народа, 668.
 Тохта-беки—дѣйств. л. ск., 857.
 Тохтамсы-ханъ, Тохтамышъ—дѣйств. л. ск., 787, 844, 857, 858, 921.
 Точжи-огурды хошунъ, 11, 12.
 Точжи-урянкай—страна, 746.
 Трѣсинъ-Борисъ—дѣйств. л. ск., 814, 925.
 Третьяковъ—авт., 676, 677, 680, 683, 687, 688, 697, 700, 716, 717, 735, 739, 740, 754, 775, 777, 781, 788, 797, 820, 847, 933, 934.
 Триглавъ—гора, 799.
 Три-царя—созвѣдѣ, 725, 880.
 Три дельфи—созвѣдѣ, 724.
 Тронцкій, И. Г.—профессоръ, 714, 731, 741.
 Тромъ-сынъ—дѣйств. л. ск., 858, 925.
 Троянъ—дѣйств. л. ск., 760.
 Трусовъ—доставитель сказаній, 889, 893.
 Ту—рѣка, 327.
 Ту-ан-ку—дѣйств. л. ск., 944.
 Туба, Тува—народъ, 1, 26, 36, 37, 54, 77, 80, 90, 93, 130, 136—141, 192, 205, 208, 666, 931.
 Туби-тангри, Тубуть-Тангри—дѣйств. л. ск., 841, 842, 854, 860.
 Тува, см. Туба.

Тува-усиха—звѣзда, 789.
 Тутаринъ Бѣлевичъ—дѣйств. л. ск., 913.
 Тутаринъ Змѣвичъ—дѣйств. л. ск., 753, 891, 898, 913.
 Тугумъ ханъ—предокъ, 670.
 Тугу-сакта—дѣйств. л. ск., 330.
 Тувъ-улъ—дѣйств. л. ск., 359.
 Туйбась—Алтаецъ, 2, 7, 289.
 Тукей—пред. Киргизъ, 18.
 Тужма—народъ, 841.
 Тулашинъ—онгонъ, 107, 108, 121, 703, 885.
 Тулѣпай—пред. Киргизъ, 18.
 Тулекъ—пред. Киргизъ, 18.
 Тульмагъ-нойонъ-Туранъ-экинъ—покров. духъ, 824.
 Тульская губ., 686, 742.
 Тулючинъ—дѣйств. л. ск., 425, 426.
 Тулюшъ—хошунъ, 12.
 Тулюшъ—урянх. повол., 12, 668.
 Тумановъ—фотогр., 330, 688, 725.
 Тумать—покол., 2, 12, 139.
 Тумена-ханъ—монгол. ханъ, 669, 906.
 Тумурджонъ—уроч., 797, 799.
 Тумуръ-Джиргылмыъ—дѣйств. л. ск. 254—256.
 Тумчугашъ—шаманъ, 76.
 Тумуръ-олху—хонгъ, 804.
 Тунгуска—рѣка, 692.
 Тунгусъ—повол., 740.
 Тунгусъ—дѣйств. л. ск., 834, 838, 842, 931, 932, 934.
 Тунгусъ-Аррагасъ—созвѣдѣ, 710, 932.
 Тунгусы—народъ, 26, 162, 638—640, 656, 662, 664, 665, 676, 682, 683, 688, 692, 697, 701, 712, 716, 717, 730, 751, 754, 778, 779, 820, 832; амурскіе, 735, 866; верхолянскіе, 840.
 Тунгъ-Каратты-ханъ—дѣйств. л. ск., 373—379, 777, 834, 898, 922.
 Тунгъ-шялъ—истор. лицо, 834.
 Тунка—селен., 22, 23, 108, 111, 155, 161, 164, 169, 233, 265, 655, 717, 772, 773, 776.
 Тункинскія горы, 823, 824.
 Тунципыгъ—сказатель былинъ, 837.
 Туранскія минеральныя воды, 126.
 Туранскій варзудъ, 753, 890.
 Туранцы—народъ, 681.
 Тураханъ—дѣйств. л. ск., 849.
 Турдубезъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Туркестанцы—народъ, 72, 658.
 Туркестанъ—страна, 320, 658, 681, 813, 896, 922.
 Турки—народъ, 769, 863, 896; азербиджанскіе, 733; балканскіе, 1; закавказскіе, 723, 740; кавказскіе, 1; крымскіе, 1; саянскіе, 658.

- Туркмены — народъ, 1, 652, 671, 900; ихъ земля, 658, 896.
- Туркобай — пред. Кыргызъ, 18.
- Туромъ — остякъ божество, 912.
- Турсунбекъ — пред. Кыргызъ, 19.
- Турсунъ — дѣйств. л. ск., 404.
- Туртѣ Дабы — божество, 261.
- Турубъ, Турумъ — дѣйств. л. ск., 233.
- Турууъ — мнѣ. птица, 454.
- Турумъ — дѣйств. л. ск., 806.
- Турумъ-Бодонъ-хошуи см. Турубъ.
- Туруту — мнѣ. кобы, 454.
- Туруханскій край, 676, 677, 683, 687, 697, 756, 777.
- Турція — страна, 786.
- Туръ — городъ, 731.
- Турюши-ханъ — дѣйств. л. ск., 253.
- Туфа, Туха — название урянхайскаго народа, 12, 13, 668.
- Тухтугенъ-куру — горы, 20.
- Түше-Гунъ — монгольск. князь, 306.
- Түшету Ханъ — монгольск. князь, 336, 340.
- Түшцы — народъ, 745.
- Тхостъ — дѣйств. л. ск., 844.
- Тпальвади — созвѣдіе, 730.
- Тпетцесъ — византійск. писат., 682.
- Тшакъ — пред. Кыргызъ, 16.
- Тыгынъ — якут. богатырь, 930.
- Тыжилъ-Кутху — божество, 694.
- Тызынъ — якутск. богатырь, 625, 626, 930.
- Тырмашъ — дѣйств. л. ск., 880.
- Тытыганъ — созвѣдіе, 136.
- Тьедыганъ — созвѣдіе, 717.
- Тьедыгаръ — созвѣдіе, 717.
- Тьетегенъ, Тьидегенъ — созвѣдіе, 717.
- Тьянь Шанъ — горн. хреб., 188, 652—656, 839.
- Тѣбъ-Тэнгери — дѣйств. л. ск., 841.
- Тѣбиръ-ханъ — божество, 218.
- Тѣбянъ Тюрельтей Тѣлгырь — дѣйств. л. ск., 195—197.
- Тѣкъ-мука — дѣйств. л. ск., 585.
- Тѣкэбай — пред. кирг. нар., 18.
- Тѣлѣ — пред. Кыргызъ, 17.
- Тѣлэгенъ — личн. имя, 744.
- Тѣмень-Ногонъ — дѣйств. л. ск., 615.
- Тѣмиръ Бось — дѣйств. л. ск., 475.
- Тѣмиръ-сана — дѣйств. л. ск., 866.
- Тэнгиринъ-гурба-басыгытъ — онгонъ, 121.
- Тэнгиринъ урту-шаръ — дѣйств. л. ск., 399.
- Тэнгиръ Төвтывчи Едзень-ханъ — китайскій импер., 327.
- Тэнгиръ Хормусты — дѣйств. л. ск., 518.
- Тэнгиры — добрые духи, 223.
- Тэнгредынъ Улы — мнѣ. лицо, 140.
- Тэнгре-Кудай — божество, 290, 291.
- Тэнгре Тушету-Ханъ дѣйств. л. ск., 287.
- Тэнгре-Хормусту ханъ — дѣйств. л. ск., 381.
- Тэнгри-Горбустэнь Ханъ — дѣйств. л. ск., 234.
- Тэнгри-гурба-галдаушинъ — онгонъ, 106, 113.
- Тэнгри-улы — дѣйств. л. ск., 810.
- Тэнгри-ханъ, см. Тенгри-ханъ.
- Тэнгри-ханъ Хурмушту — дѣйств. л. ск., 194, 940, 346.
- Тэнгри Цаганъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 198.
- Тэнгринъ-ку, Тэнгринъ-ху — дѣйств. л. ск., 181, 325, 503, 510.
- Тэнгринъ-Буха — мнѣ. быкъ, 194.
- Тэнгринъ ойдымъ — Млечный путь, 138.
- Тэнгре Бурканъ — божество, 141, 181.
- Тэнгредынъ-улы — дѣйств. л. ск., 806, 810.
- Тэнгрекэй — дѣйств. л. ск., 785.
- Тэнгренынъ-улы — дѣйств. л. ск., 173, 761.
- Тенебекъ — пред. Кыргызъ, 17.
- Тенесъ — пред. Кыргызъ, 15.
- Терсинъ Дзурганъ Бакши — дѣйств. л. ск., 272.
- Тертѣ — пред. Бурятъ, 23.
- Тюбешъ — шаманъ, 56.
- Тюдюбъ — Дархатъ, 499.
- Тюлюгунъ — личное имя, 744.
- Тюлюкчи — дѣйств. л. ск., 540—542.
- Тюлюнгутъ — пред. Кыргызъ, 14.
- Тюльгунъ — личное имя, 744.
- Тюлязи — дѣйств. л. ск., 827.
- Тюмедъ — повол., 667.
- Тюмендей — дѣйств. л. ск., 341, 885.
- Тюмень — городъ, 652, 752, 858.
- Тюменьги Бурканъ — дѣйств. л. ск., 180.
- Тюмюды — монг. повол., 788.
- Тюргунъ-бѣлокъ, 20, 124.
- Тюре Герельтей Ханъ — дѣйств. л. ск., 284, 285.
- Тюрки — племя, 1—20, 652, 653—658, 687, 693, 786, 870.
- Тюрмасъ — дѣйств. л. ск., 880.
- Тюштянь — дѣйств. л. ск., 849.
- Тянибесъ — пред. Кыргызъ, 16.
- Тянь-Шанъ — горн. хреб., 717.

У.

- Уакъ — предокъ Кыргызъ, 14.
- Уарани-тцоби — созвѣдіе, 714.
- Уаскерги, Уаскыргий — дѣйств. л. ск., 912.
- Уастырги — дѣйств. л. ск., 912.

- Уастырджи — дѣйств. л. ск., 724, 829, 912.
 Уастырджи-бахъ — созвѣдіе, 724.
 Уастырджи-сахсынъ — созвѣдіе, 724.
 Убиртыкъ Хормоздъ — дѣйств. л. ск., 611—613.
 Убса — оз., 20, 136, 661.
 Убугунъ Улукчиновъ — дѣйств. л. ск., 846, 847.
 Угада-Шигы — богатырск. конь, 416, 418, 424.
 Угаръ — созвѣдіе, 137, 203, 780.
 Угатай Джилгы — богатырск. конь, 416.
 Угеледъ — покол. Ойратовъ, 667.
 Угрюмище — дѣйств. л. ск., 682, 890.
 Угузъ-каанъ — мнѣ. лицо, 69.
 Угулунчи ханъ — дѣйств. л. ск., 555.
 Угуръ — покол. Буратовъ, 22.
 Уэгдэй — монголо-кит. нип-ръ, 840.
 Уда — рѣка, 832.
 Удактай — мнѣ. страна, 33.
 Удалъ-молодецъ — дѣйств. л. ск., 844, 884.
 Удэингъ — дѣйств. л. ск., 759, 875.
 Удзюмта — рѣка, 430.
 Удзюмчи-солонъ — покол. Солонувъ, 22.
 Удзюмъ-гунъ — дѣйств. л. ск., 298.
 Удъ-халай-ханъ — божество огня, 699, 752.
 Узбеки — народъ, 652, 671, 933.
 зун- жуль — рѣка, 618.
 Узунъ-ачакъ — дѣйств. л. сказ., 591 — 594.
 Узунъ-шоръ — покол. Чернев. Татаръ, 556, 937, 939, 940.
 Уйбатъ — рѣка, 618.
 Уйгуры — народъ, 1, 653, 654, 669, 735, 867.
 Уй-джанджинъ — дѣйств. л. ск., 216, 298, 304, 852.
 Уйдзинъ Гуна кошунъ, 230, 231.
 Уилханъ — рѣка, 292.
 Уйль — птица, 874.
 Уинъ — урянх. покол., 10, 12, 21, 664, 896.
 Уинъ — богатырск. конь, 476.
 Уинъ-Замбылай — дѣйств. л. ск., 476.
 Уйраты — народы, 873.
 Уйтгынъ дабанъ — горн. прох., 457.
 Увальтежидъ — созвѣдіе, 723.
 Укертай — рѣка, 300.
 Уининъ-бурханъ — дѣйств. л. ск., 790, 830.
 Уку — дѣйств. л. сказ., 177.
 Укуръ — созвѣдіе, 780.
 Укуръ Ганъ — дѣйств. л. ск., 193.
 Укыръ-хара-чило — камень, 744.
 Улаганъ — рѣка, 666, 934, 941.
 Улакшинъ — дѣйств. л. ск., 427, 907, 909.
 Улакшинъ-чино, Улакшинъ-чоно — предокъ, монг. народа, 828, 908.
 Улала — селен., 8, 53, 148, 152, 153, 179, 180, 182, 208, 213, 218, 649, 666, 870.
 Улаз-зары — шаманъ, 125.
 Улангомъ — монастырь и княж. ставка, 20, 41, 174, 178, 182, 216, 217, 262, 320, 321, 326, 327, 650, 797.
 Уланъ Аргата Уногу — дѣйств. л. ск., 552.
 Уланъ-Бааръ — личн. имя, 752.
 Уланъ-сэтертей — гора, 746.
 Уланъ-Тологой — гора, 305, 399.
 Уланъ-Улукчунъ — дѣйств. л. ск., 334.
 Уланъ-Хатъ — онгонъ, 409.
 Уланъ-хорюгонъ — название жертвы, 85.
 Уланъ-Хунъ-Тайджи — монгол. предокъ, 797, 916.
 Уланъ-цахиусъ — священныя знамена, 123.
 Улахай-Тайши — предокъ Дюрбютувъ, 326.
 Улбуръ-Шари — дѣйств. л. сказ., 325.
 Улей дабанъ — горн. прох., 306, 307, 309.
 Улень-шибонъ — мнѣ. птица, 84.
 Улинда-Будунъ — предокъ Калмыковъ, 873.
 Улита — дѣйств. л. ск., 829, 890, 925, 944.
 Улита Юрьевна — дѣйств. л. ск., 890.
 Улу — мнѣ. змѣй, 142, 177, 422, 423.
 Улудагъ — гора, 793.
 Улу-Далай — мнѣ. море, 207.
 Улувенъ, Улукэнъ — божество, 691, 806.
 Улутъ-ханъ — онгонъ; 99, 691; дѣйств. л. ск., 746.
 Улу-Хемъ, Улу-Кемъ — рѣка, 12, 40, 41, 61, 77, 78, 80, 94, 99, 128, 133, 136—138, 164, 165, 583, 618, 647, 649, 695.
 Уль — дѣйств. л. ск., 422.
 Улы, Улу — божество, 745.
 Улы-Кайраванъ — божество, 77, 139, 289.
 Ульберге — дѣйств. л. ск., 412—416, 903.
 Ульбо — урянхаецъ, 139, 225.
 Ульгенъ — божество, 47, 62, 64, 69, 70, 71, 79, 91, 130, 218, 331, 691, 692, 698, 748, 799, 874, 938.
 Ульгенъ-Пи — божество, 862.
 Ульгаръ, Ульзаръ, Ульхэръ — созвѣдіе, 137, 729, 730.
 Уляница — цѣлебн. вода, 746.
 Уляръ-этингъ — божество, 821.
 Улясутай — городъ, 12, 289, 304, 749, 751, 806.
 Умрисена, Умурсена — дѣйств. л. ск., 861, 866.
 Умурзакъ — предокъ Киргизъ, 16.
 Уналапка — островъ, 943.

- Унгира—поколѣніе, 669.
 Унгуиъ—мори — богатырск. конь, 507, 512.
 Унгуты, Юнгуты—мнѣ. народъ, 116.
 Унгъ—торгоут. предокъ, 854.
 Ундольскій—собиратель памятниковъ, 912.
 Ундуръ дерхи-убугунъ—мнѣ. лицо, 76.
 Ундюръ-бай-сахмынъ—гора, 232.
 Ундюръ-Богдо—дух. лицо, 339, 407.
 Ундюръ-Гегенъ—духов. лицо, 340, 406.
 Ундюръ-Сыхмынъ—гора, 805, 900.
 Унканъ—дѣйств. л. ск., 863.
 Унцынъ — Халхасецъ, 232, 293, 298, 320.
 Уоръ-вожъ—созвѣдіе, 714.
 Ушъ—божество, 716.
 Уразъ-Мухамедъ — касимовскій царевичъ, 668.
 Уралъ—рѣка, 871; горн. хребетъ, 653, 699.
 Уранга—народъ, 22, 662—664, 919, 931.
 Уранга Солоны—народъ, 919.
 Уранъ-Мандзи-шири—божество, 697.
 Урга—городъ, 179, 181, 259, 260, 301, 691, 779.
 Урди—уроч., 926.
 Урилинъ Цолмонъ—звѣзда, 137.
 Уриеръ — дѣйств. л. ск., 847, 848.
 Уркеръ—созвѣдіе, 200.
 Урманше—покол. Киргизъ, 719.
 Урошъ—дѣйств. л. ск., 927.
 Урта-Юзъ—Киргизск. орда, 658.
 Уруманъ—дѣйств. л. ск., 681.
 Уруль-цукъ—созвѣдіе, 714.
 Урумчи—дѣйств. л. ск., 878.
 Урунгу—рѣка, 655.
 Урунь—мнѣ. дерево, 326.
 Урунь-Дельхе, Урунь-Тельхе — боже-ство, 691, 695, 916.
 Урусбевъ, Саф. — авт., 711, 729, 732, 740, 742, 747.
 Урусбій—татарск. общество на Кав-казѣ 732, 876, 859, 912.
 Урусланъ — дѣйств. л. ск., 750, 820, 905, 913, 914, 915, 927; Залазаре-вичъ, 681, 748, 782, 912.
 Урусъ-Янъ-Ола—гора, 497.
 Уру-Цаганъ—мнѣ. верблюдъ, 471.
 Уръ—рѣка, 292.
 Урмамагъ — дѣйств. л. ск., 681, 760, 892.
 Урыманагъ—дѣйств. л. ск., 681.
 Урыманъ—дѣйств. л. ск., 892.
 Урызмегъ—дѣйств. л. ск., 681.
 Урингхусъ—народъ, 662, 663.
 Урянха—народъ, 114, 662, 664.
 Урянхайская земля, 10, 78, 128, 306.
 Урянхайцы—народъ, 1, 10, 12, 13, 21, 22, 26, 36, 37, 40, 41, 49, 50, 54, 63, 68, 77, 78, 80, 90, 91, 93 — 95, 99—103, 114, 122, 123, 125, 128, 130, 132—134, 137, 144, 150, 152, 153, 165, 180, 189, 203, 206, 296, 356, 406, 649, 650, 663—655, 662 — 665, 668, 672, 680, 696, 697, 699, 701, 717, 743, 744, 746, 751, 752, 761, 770, 791, 793, 796, 806, 819, 828, 839, 875, 878, 880, 897, 895, 896, 907, 919. 931: ко-согольскіе, 12, 658, 660, 664, 746, 748, 770; хукскіе, 749.
 Урянханъ—народъ, 662, 919.
 Урянхитъ—народъ, 662.
 Урянхэ—народъ, 663.
 Урюкъ-норъ—оз., 751.
 Усенъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Ускезе-оль—дѣйств. л. ск., 588—590.
 Ускозь-улъ—дѣйств. л. ск., 768, 911.
 Ускузь-улъ—дѣйств. л. ск., 170—173, 182, 759, 761, 908.
 Усларъ—ученый, 705, 708, 714, 723, 730, 735, 736, 745, 753, 759, 764, 774, 777, 780, 782, 791, 902.
 Усамбетъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Усури—рѣка, 758, 779, 789, 826, 830, 831, 900.
 Устькаменогорскъ—городъ, 655.
 Устюги Бурханъ—дѣйств. л. ск., 180.
 Усудъ—дѣйств. л. ск., 738.
 Усупъ-сайръ—рѣка, 232.
 Усыня—дѣйств. л. ск., 785.
 Усь-мыйгахъ—созвѣдіе, 942.
 Усэйханъ, Усэйхенъ — дѣйств. л. ск., 265, 826.
 Усэтенъ—онгонъ, 28, 107, 121, 674.
 Усюкъ-Дзюль—рѣка, 209, 333.
 Утаръ Карачи—кирг. покол., 856.
 Ута-Саганъ-нойонъ - Улять-эжинъ — покров. духъ, 824.
 Утебай—предокъ Киргизъ, 17, 19.
 Утекянъ-тэнгри—гора, 722.
 Утёмьсъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Утеулъ—предокъ Киргизъ, 16.
 Утичье гнѣздо—созвѣдіе, 730.
 Утэнь—предокъ Киргизъ, 17.
 Уфимск. губ., 775, 777.
 Уха-дархатъ—народъ, 22, 671.
 Уха-солбынъ—звѣзда, 137.
 Уха-хемъ—гора, 671.
 Ухеръ—созвѣдіе, 836.
 Ухунъ-дабанъ—горн. прох., 457.
 Ухуртенъ-голь—рѣка, 305, 664.
 Ухуртенъ уранга—народъ, 664.
 Ухуръ Мергитъ—племя, 872.
 Ухыръ-Бама-ханъ—дѣйств. л. ск., 801, 836.
 Ухыръ-Урянхай—народъ, 13, 664.
 Ухэръ—созвѣдіе, 137, 780.
 Учарга—созвѣдіе, 137.
 Учерекъ—созвѣдіе, 137.

Учь-Арка—созвѣдіе, 137.
 Учъбурханъ—дѣйств. л. ск., 189.
 Учъ-Курбустанъ—дѣйств. л. ск., 171—
 173, 225, 429, 790.
 Учъ-мйгакъ, Учъ-Муйгакъ, Учъ-Мнй-
 гакъ—137, 200, 204—206, 790.
 Учъ-Сѳръ, Учъ-скори, Учъ-Сюре—гора,
 128, 785, 799.
 Ушейтанъ—дѣйств. л. ск., 33, 674.
 Уширь—рѣка, 409.
 Ушь-Мыйгакъ—созвѣдіе, 137.
 Уэсако—самоѳд. божество, 933.

Ф.

Фенриръ—мнѳ. волкъ, 780.
 Фиджи—острова, 708.
 Филимеръ—король Готск., 754.
 Финикія—страна, 673, 706.
 Финляндія—страна, 663.
 Финны—народъ, 656, 663, 664, 671, 713,
 730, 785.
 Финскія племена, 652, 664, 696.
 Фишеръ—историкъ Сибири, 676.
 Форрѳдъ—созвѣдіе, 712, 788.
 Франки—народъ, 864.
 Франція—страна, 757.
 Фуксъ, А.—авт., 849.
 Фысыммъ цауджитъ—созвѣдіе, 714,
 733.
 Фуд-Іоанне—дѣйств. л. ск., 794.

Х.

Хабаровъ—русскій прикащикъ, 649,
 650.
 Хабуть-ханъ—дѣйств. л. ск., 761, 790,
 830.
 Хабхень-Кѳкѳль—дѣйств. л. сказ.,
 467, 468.
 Хавъ-Боа—созвѣдіе, 714.
 Хада—звѣзда, 735.
 Хадако—самоѳд. божество, 696.
 Хаджи-Кулюкъ—предокъ Монголовъ,
 917.
 Хаджиръ-ноёнъ—духъ покровитель,
 126.
 Хаджиръ-шибонъ—мнѳ. птица, 182.
 Хаджиръ-Чингисъ-тенгри—дѣйств. л.
 ск., 801, 803, 808.
 Хаджи-тарханъ—городъ, 790.
 Хадзыръ-далай—сказочн. море, 429.
 Хаеранъ-Хара-бѳхо, Хаеринъ-хара-
 бѳхо—дѣйств. л. ск., 491—493, 513—
 516, 920.
 Хазарскій хаганъ, 804.
 Хазары, Хазарены—древн. народъ,
 901, 905, 934.
 Хайбентъ Харъ Курмэ—дѣйств. л. ск.,
 465.

Хайдуть—поколѳніе, 661, 669.
 Хайду-ханъ—предокъ Монголовъ, 809,
 916, 917.
 Хайдыпъ—дѣйств. л. ск., 209.
 Хайларъ—городъ, 871.
 Хайнъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 23, 411,
 865.
 Хаирханъ—гора, 722.
 Хайръ-Чидуръ—мнѳ. страна, 442.
 Хайрынъ—дѣйств. л. ск., 500.
 Хай-тебе—мнѳ. уроч., 439.
 Хайханъ-хамыгынъ—дѣйств. л. ск.,
 393, 394.
 Ха-кемъ—рѣка, 618.
 Халама—дѣйств. л. ск., 421—424.
 Халдаевъ—Бурятъ, 330.
 Халден—древн. народъ, 714, 934.
 Халдзунъ-Бюргутай—гора, 904.
 Халдзу-Уланъ-муренъ—рѣка, 495.
 Халдзынъ-Бургонту—гора, 904.
 Халисъ-гоби—уроч., 534.
 Халланъ-Ола Харылы Мохсоголъ—
 дѣйств. л. ск., 645, 646.
 Халтинскій улусъ, 86.
 Халтынгъ-Хамыръ—горн. прох., 299.
 Халтынъ-убугунъ—мнѳ. лицо, 84.
 Халтынъ-ундюръ—уроч., 76, 126.
 Халтэнъ—мнѳ. имя, 119.
 Халха—страна, 286, 304, 335.
 Халха, Халхасынъ—народъ, 25, 95, 168,
 229, 291, 293, 340, 410, 535, 650, 654,
 662, 667, 724, 806, 861.
 Халыхъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 821.
 Халъха-голь—мнѳ. рѣка, 445.
 Хамбы-гегенъ—дѣйств. л. ск., 258.
 Хами—кит. городъ, 653, 752, 767.
 Хами-гурше—созвѣдіе, 724.
 Хамицъ—дѣйств. л. ск., 80, 826.
 Хамногынъ—прозвище Тунгусовъ,
 114, 119.
 Хамча—дѣйств. л. ск., 803.
 Хамъ—божество, 696.
 Ханга—рѣка, 680.
 Хангавай—дѣйств. л. ск., 583—587,
 923.
 Хангай—горн. хребетъ, 125, 62, 429,
 431—434, 445, 458, 465, 653, 669.
 Хангай-талай—мнѳ. море, 511.
 Хангай-ханъ—горн. духъ, 73, 125, 704.
 Хангаловъ—Бурятъ, 283, 488, 650, 698,
 822, 845.
 Хангамай—дѣйств. л. ск., 923.
 Хангилъ-Тапи—богатырск. конь, 438
 —440, 444—447, 451, 452, 455—460,
 463—470, 472—479, 481—484, 5. 3,
 912.
 Хангинскій караулъ, 126, 184; ку-
 ренъ, 122.
 Хангинъ—покол. Бурятъ, 23, 120, 121.
 Хангылъ-Цаганъ—дѣйств. л. ск., 512.

- Хандакь—Буряты, 141.
 Ханкере-хань—дѣйств. л. сказ., 870.
 Хань - дѣйств. л. ск., 268.
 Хань-алтай—духъ горь, 125.
 Хань-Гариде—мнѣ. птица, 173—176, 179, 183, 188, 217, 228, 346—348, 420, 430, 433, 440, 449, 461, 466, 502, 505, 511, 693, 758, 759, 763, 764, 870, 915.
 Хань-джиргай—предокъ покол. Хондогорь, 23; дѣйств. л. ск., 84, 114, 822.
 Хань-Дыкарь—дѣйств. л. ск., 870.
 Хань-инныхъ-кочулахъ-ко—дѣйств. л. ск., 633.
 Хань-Курбусту—дѣйств. л. ск., 721.
 Хань-Мергѣй—дѣйств. л. ск., 216.
 Хань-моринь—гора, 127.
 Хань-нырмилъ-тэнгри—предокъ, 119.
 Хань-Сайнъ—дѣйств. л. ск., 435, 437.
 Хань Сулеймань—дѣйств. л. сказ., 367.
 Хань-тайга—горы, 296.
 Хань Тенгриь, Хань-тэнгри—дѣйств. л. ск., 445, 870.
 Хань-Тюрмасть—дѣйств. л. сказ., 790, 822, 878.
 Хань Хермысь-хань-Тэнгриь-нойонъ—дѣйств. л. сказ., 251, 254, 257.
 Хань-Хормусту—божество, 549, 790.
 Хань Худзурь Хайхань Хамыгынъ—дѣйств. л. сказ., 393.
 Хань-Хухей—хребеть, 125, 654, 851.
 Хань-цаганъ-асгырь—мнѣ. конь, 206.
 Хань Чинкей—дѣйств. л. сказ., 476.
 Хань-Чурмушень-Тэнгри — дѣйств. л. сказ., 329, 878, 881.
 Ханьковъ—учен., 666, 671.
 Хапиловы—русскіе богатыри, 932.
 Хапъ-Балыгъ—рыба, 422.
 Хара-аргалинту—горы, 20.
 Харабадырханъ—покол. Буряты, 23.
 Хара-бечи-тоень—духъ покровительствующ., 704.
 Хара-Гыргень—дѣйств. л. ск., 846.
 Хара-Дархатъ—покол. Дархатовъ, 21.
 Хара-Джегъ—урянк. покол., 668.
 Хара-джиргай—дѣйств. л. ск., 266.
 Хара-джоту—сумынь, 12.
 Хара-Додотъ—урянк. покол., 668.
 Хара-Души—дѣйств. л. ск., 485.
 Хара-иргитъ—поколѣніе, 11.
 Хара-Иря—уроч., 408.
 Харакинъ-Тайбуцинъ—дѣйств. л. ск., 853, 875.
 Хара-Лосуней-ханъ—дѣйств. л. ск., 472, 473, 479.
 Хара-Лосней-вуку-буху—мнѣ. быкъ, 471.
 Харалы-Харь-Галдынъ—богатырск. конь, 443, 452, 466, 468.
 Хара-Мангысь—дѣйств. л. ск., 385, 454, 455, 460, 463.
 Хара-Мангышь—сумынь, 11.
 Хара-Махагаль—божество, 325.
 Хара-Муренъ—рѣка, 804.
 Хара-Муюзту—богатырск. конь, 420.
 Хара-Нидунъ-Тайджи—дѣйств. л. ск., 237.
 Хара-Сагашту-ханъ—дѣйств. л. ск., 416—420.
 Харасапта-Цэаланрь—предокъ монг. князей, 934.
 Хара-Тайгине—дѣйств. л. ск., 425, 427.
 Хара-Того—уроч., 230.
 Хара-Усу—оз., 287.
 Хара-хошуть—уроч., 216.
 Хара-Хурмукинъ—дѣйств. л. ск., 907, 913.
 Харачу—дѣйств. л. ск., 873.
 Харбагари—мнѣ. лицо, 119.
 Харги-мандырь—духъ покровитель., 126.
 Харгоцокъ—дѣйств. л. ск., 875, 876.
 Хардархытъ—покол. Дархатовъ, 22.
 Харитай—дѣйств. л. ск., 441, 450, 452, 672.
 Харисъ да - ирмисъ - навали—Млечн. путь, 741.
 Харкира—бѣлокъ, 20, 124.
 Хар-лосъ—черный мулъ, 337.
 Хармы-Аво—онгонъ, 409.
 Харнаръ-ижинъ—онгонъ, 121.
 Харнутъ—покол. Дархатовъ, 21, 22.
 Харь-Бакши—дѣйств. л. ск., 500.
 Харь-ванчигъ, Харь-банчигъ—царь онгоновъ, 409.
 Харь-Горѣчи—дѣйств. л. ск., 227, 523—525, 920.
 Харь-Лусай-ханъ—дѣйств. л. ск., 508, 511—512.
 Харь-Луса-Эмегенъ—онгонъ, 409.
 Харь-Малджинъ-Гоо-хатынь—дѣйств. л. ск., 453.
 Харь-Тыгынъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 382.
 Харь-Хурмукинъ—дѣйств. л. ск., 442, 443, 445—453, 463, 465, 475, 650.
 Харь-Эмчи—дѣйств. л. ск., 525—527.
 Харьдынъ—богатырск. конь, 266.
 Харэн-хухунъ—мнѣ. лицо, 122.
 Харясь, Харятъ—бурят. покол., 23, 305.
 Хасаръ—дѣйств. л. ск., 796, 800, 801, 819, 843, 853, 856, 863.
 Хасуть—урянк. покол., 12, 103, 122, 129, 133, 144, 181, 182, 842.
 Хасмыъ—имя Киргизск. народа, 230, 722.
 Хасырхай-Хованъ-Шютень—дѣйств. л. ск., 513.
 Хасырь, Хасырь-Басырь—мнѣ. собака, 234, 505, 507, 514, 752.

- Хата-Далай—мие. оксаць, 228, 496.
Хатановъ—Кабардинецъ, 714, 724, 730, 732, 735, 741.
Хатожуко—дѣйств. л. ск., 925, 926.
Хатунъ-голь—рѣка, 231, 804, 818.
Хату-Ширюнъ—дѣйств. л. ск., 476.
Хатха-далай—мие. море, 400.
Хаты-маилга—онгонъ, 105.
Хатынь-Джула—мие. л., 770.
Хатынь-Сайнь—дѣйств. л. ск., 435, 437.
Хатынь-Хара-Хурмуэчинъ—дѣйств. л. ск., 441, 444.
Хатынь-Чинги—дѣйств. л. ск., 512.
Ха-хемъ—рѣка, 791.
Хачи-Бюлдугъ—предошь, 707.
Хвольсонъ—учен., 787, 853, 869, 870, 905.
Хе-Даинъ—дѣйств. л. ск., 555.
Хели-ханъ—тукюэск. ханъ, 854, 857, 860, 865.
Хельбисъ-Батырь (будырь)—дѣйств. л. ск., 528, 529.
Хемъ—рѣка, 299.
Хердыгытъ—урянк. покол., 11, 665.
Хердякъ, Хердякъ—урянк. покол., 11, 12, 665.
Херидъ—урянк. покол., 11.
Херле-сырь—см. Хирле-сырь.
Хермысь-ханъ—дѣйств. л. ск., 820.
Херсонь, Херсонъ—городъ, 751.
Хетагъ—дѣйств. л. ск., 734, 927.
Хетмиръ—собака, 731.
Хивръ-Ильясъ—мусульм. святой, 819.
Хилма-нойонъ—Хягтынъ-эжинъ—по-кров. духъ, 824.
Химашъ—дѣйств. л. ск., 803.
Хирле-сырь—чуваш. божество, 696, 798, 800, 809, 923.
Хиронъ—кентавръ, 920.
Хирсова—городъ, 924.
Хиръ-сырь—дѣйств. л. ск., 798.
Хитыгырь-заринъ онгонъ, 660.
Хитынъ-Хуху-голь—мие. рѣка, 444.
Хо—богатырск. конь, 454, 458, 474, 475, 477.
Хобдо—рѣка, 438, 457, 459, 471, 473.
Хобугенъ-Шиль—уроч., 326.
Ховалыгъ—урянк. сумынъ, 11.
Ховугу—дѣйств. л. ск., 748, 917, 925.
Хогоръ-бо—дѣйств. л. ск., 672.
Ходжагуль—пред. Киргизъ, 18.
Ходжигда—дѣйств. л. ск., 498, 499.
Ходзены—народъ, 692.
Ходобага—дѣйств. л. ск., 852.
Хо-обинъ—рѣка, 125.
Хозары—народъ, 870.
Хозя-горованъ—городъ, 790.
Хокъ—покол., 12, 668.
Хоймаръ—гора, 216.
Хонтъ—покол., 654, 661, 667, 669, 872.
Хойтъ-омбо—титулъ урянк. князя, 661.
Хонръ-хувшюгутъ—онгонъ, 104—106.
Хойхоры—народъ, 669.
Хойху—мусульмане въ Китаѣ, 669.
Хойхы—пред. Буряты, 23.
Холбо—ов., 893.
Холмовское—оз., 893.
Холмогоры—городъ, 893.
Холмская Русь, 742.
Холонгота-убюгунъ—онгонъ, 117.
Хѳль—сумынь, 11.
Хѳмѳръ-ула—мие. гора, 825.
Хомысчи—урянк. сумынъ, 11.
Хонгодаръ—покол., 671.
Хонголи—дѣйств. л. ск., 853.
Хонгрень-дабанъ—горн. прох., 303.
Хонгхойлай—дѣйств. л. ск., 853.
Хонгъ-хотанъ—поколѣние, 672, 687, 752, 914, 915, 927.
Хонджимъ-Бодисада—монг. божество, 838.
Хони-Маилганъ—горн. прох., 303.
Хони-Хотой-Орунь-Халхкинъ-Хуткур-дой—мие. уроч., 255.
Хонкиратъ—монг. покол., 660, 669, 820.
Хонувовъ—Осетинъ, 724.
Хонуханъ-Шиль—уроч., 326.
Хонходоръ—дѣйств. л. ск., 268; поко-лѣние Буряты, 22, 23, 57, 123, 671.
Хончжикъ—божество, 341.
Хончжи-харемъ—дѣйств. л. ск., 386, 387, 899, 930.
Хорать—богатырск. конь, 584.
Хорету—уроч., 309.
Хори—уроч., 108, 111.
Хоринъ-хоиръ-хухутъ—онгонъ, 107.
Хоринъ—древн. городъ, 840.
Хорису-Баджу—ист. лицо, 834.
Хормусда, Хормуста—пран. божество, 803, 820.
Хоро—рѣка, 299.
Хоролай-Мергенъ-Ханъ—дѣйств. л. ск., 505—507.
Хоролмой—покол. Дархатовъ, 21, 410.
Хоронъ-Далай—мие. море, 460, 461, 471.
Хорось-Керменъ—врѣпость, 924.
Хоро-Хаджаръ-багадуръ—дѣйств. л. ск., 840.
Хорсь—слав. богъ, 780, 809, 828, 890; дѣйств. л. въ чеченск. ск., 780.
Хорсь-Жидовинъ—громовой ангелъ, 780, 926.
Хортай-Мергенъ—дѣйств. л. въ ск., 503.
Хортонъ-могай—мие. змѣй, 399.
Хорутане—народъ, 702.
Хорхаджанъ—мие. лицо, 744.
Хорхутъ—дѣйств. л. ск., 847.

Хотань—городъ, 922.
 Хотгорь-хара-мангыс—дѣйств. л. ск., 385, 454, 713.
 Хотогойту, Хотогойту—племя, 298, 653, 654, 661, 669, 771.
 Хотоны—народъ, 10, 320, 786, 928.
 Хотунъ—птица, 176, 878.
 Хотуга-бики—предокъ, 734, 735.
 Хохорь-Богдонъ—духъ покровитель, 126; шаманъ, 128.
 Хохъ-Дзандынъ-ола—гора, 443.
 Хо-Цохуръ—мнѣ. змѣй, 471.
 Хочирь—рѣка, 410.
 Хошоутскій улусъ, 663.
 Хошоуты—монг. покол., 473, 836.
 Храмовскій—авт., 929.
 Христосъ—дѣйств. л. ск., 780, 794, 812, 828, 829, 850, 851, 889, 891, 892, 887.
 Хромой-Темиръ—дѣйств. л. ск., 735.
 Хуа-дархатъ—покол., 21, 671.
 Хуа-хемъ—рѣка, 11, 39, 41, 77, 78, 80, 99, 101, 128, 583, 618, 649, 664, 671, 791.
 Хубогай-Хуйныкъ—дѣйств. л. ск., 501, 502.
 Хубсугуль—оз., 871.
 Хубъ-далай—мнѣ. море, 692, 825, 871.
 Хубай-хатунъ—божество, 672.
 Хувалыръ-дархатъ, Хуулуръ—покол., 21.
 Худыкъ-Саганъ—пред. Бурятъ, 826.
 Худяковъ—авт., 851.
 Хувейматъ—дѣйств. л. ск., 859.
 Хуй-Сальхинъ—мнѣ. воин, 476.
 Хушюгутъ—мнѣ. лицо, 117.
 Хуъ—рѣка, 12, 21, 102, 122, 136, 137, 144, 206, 296, 300, 305, 664, 815.
 Хуабадъ—племя, 875.
 Хуланъ-гоа—дѣйств. л. ск., 872.
 Хулму—оз., 893.
 Хултэ-мергенъ—дѣйств. л. ск., 476.
 Хулу—богатырск. конь, 476.
 Хулхулау—рѣка, 873.
 Хумуръ—мнѣ. гора, 33, 690.
 Хунгира—покол., 669.
 Хункаръ—народъ, 870.
 Хункаръ—турсецкй султанъ, 870.
 Хунну—народъ, 922.
 Хунъ-Гурогунъ—дѣйств. л. ск., 185, 919.
 Хунъ-Одунъ—созвѣздіе, 138.
 Хунъ-тайджи—дѣйств. л. ск., 309, 499, 534, 535.
 Хунъ-хере—воронъ, 518, 519.
 Хурба - Заринъ - Хужари - эжинъ — покров. духъ, 824.
 Хургинъ-заринъ—онгонъ, 104, 105.
 Хургунъ-мори—богатырск. конь, 507, 512.
 Хурекдыгъ—урянх. сумынъ, 12.
 Хури-Сумаджу—истор. лицо, 834.

Хурмукинъ—дѣйств. л. ск., 918.
 Хурмустенъ-ханъ—божество, 63, 499, 501, 502, 518, 519, 549, 746, 805, 925.
 Хурмусъ—дѣйств. л. ск., 824, 825.
 Хуртунъ - Цохуръ - мори — богатырск. конь, 503.
 Хурумчи—дѣйств. л. ск., 811.
 Хурхутъ—покол. Бурятъ, 23, 671; его предокъ, 23, 826.
 Хурюкшутъ—буратск. онгонъ, 104, 105, 703, 715, 932.
 Хурюнь-Халдынъ-Халгачи—дѣйств. л. ск., 498, 499.
 Хурюнь-Яманъ—богатырск. конь, 499.
 Хусай-убюгунъ—онгонъ, 104, 105.
 Хускунъ—урянх. покол., 11.
 Хусмыэнъ—дѣйств. л. ск., 825.
 Хутело—дѣйств. л. ск., 721.
 Хутуганъ—дѣйств. л. ск., 826.
 Хутуку-нойонъ, дѣйств. л. ск., 734.
 Хутуль-ханъ—горный духъ, 127.
 Хутухта—дух. л., 534.
 Хуухунъ-Хутухта—дух. л., 260, 263, 298, 300, 307.
 Хухенъ-багирь-Хорулмой—дѣйств. л. ск., 409.
 Хуху-Монголь—народъ, 790, 792.
 Хуху-морьтунъ—предокъ, 57, 123.
 Хуху-Мунгунъ-Тэнгри—божество, 206, 266, 709, 802.
 Хуху-норъ—оз., 659.
 Хухухото—городъ, 147, 296.
 Хухэй—птица, 184.
 Хухэ-Монголь—народъ, 674.
 Хучи-Бѣхо—дѣйств. л. ск., 528.
 Хыдымъ—дѣйств. л. ск., 814.
 Хынгыдыръ—пред. Бурятъ, 826.
 Хырхъ-аяисъ—дѣйств. л. ск., 786.
 Хэби-Гунъ—монг. князь, 295.
 Хэрдэеъ—урянх. покол., 11, 665.
 Хэрэкъ - Кирвесь - Хэмэрэ-Мергенъ — дѣйств. л. ск., 600, 609—618.
 Хэсылъ—рѣка, 409.
 Хюрелинцы—народъ, 736.
 Хятагай—народъ, 127.

Ц.

Цаатынь—покол. Калмыковъ, 668.
 Цаганъ—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Цаганъ-Беко—дѣйств. л. ск., 489.
 Цаганъ-Бурекей—дѣйств. л. ск., 785.
 Цаганъ-Бюрю—дѣйств. л. ск., 194, 196, 197, 749, 785, 820.
 Цаганъ-Дагине—дѣйств. л. ск., 499.
 Цаганъ-дареке, Цаганъ-дариху—дѣйств. л. ск., 271, 297, 311—320, 499, 500, 650, 827, 834, 851, 867, 868, 909, 910, 912, 915.
 Цаганъ-кюшочило—каменная баба, 216.

Пагань-Лусай-хань—дѣйств. л. ск., 514, 517.
 Пагань-Моринь—дѣйств. л. ск., 261, 820.
 Пагань-моринь-дагна—дѣйств. л. ск., 227.
 Пагань-сайрь—рѣка, 806.
 Пагань-Соль—уроч., 875.
 Пагань-убугунь—монг. божество, 785, 834, 915.
 Пагань-Ула—гора, 471.
 Пагань-хань—дѣйств. л. ск., 232, 309, 310, 324, 403, 834, 868, 871, 872, 892, 906, 915.
 Пагань-Чукуты—дѣйств. л. ск., 797.
 Пагань-Шари—богатырск. конь, 476.
 Пагань-шибо—птица, 234; богатырск. конь, 522.
 Пагань-Шикуртей—дѣйств. л. ск., 335.
 Пагань-Шукуты—дѣйств. л. ск., 797, 798.
 Пагань-Шюккурту—книга, 550.
 Пагань-Эбугенъ—божество, 261, 362, 661, 820.
 Пазикъ—дѣйств. л. ск., 810, 811.
 Пайлимъ-Пагань—озеро, 435.
 Пайлюрь-Пагань-норъ—мнѣ. озеро, 443.
 Пакцагай—мнѣ. птица, 713.
 Пакрыгань-богатырь—дѣйств. л. ск., 476.
 Палку—созвѣздіе, 730.
 Паль—уроч., 326.
 Паметей-гегенъ—дѣйств. л. ск., 258.
 Пангысъ—мнѣ. дерево, 433.
 Панде-Мергенъ-Хатунъ—дѣйств. л. ск., 514.
 Пандай—дѣйств. л. ск., 857.
 Панъ-Бомбу—свящ. книга, 227.
 Паричынъ—городъ, 758, 941.
 Пахюсъ—онгонъ, 122.
 Пенкиръ-Пагань-Уланъ—мнѣ. гора, 455.
 Пенки-Пагань-Хата—скала, 443.
 Перинъ-Убаши—пред. Дюрбютовъ, 326.
 Цеценъ-хань—дѣйств. л. ск., 188, 298, 306, 336.
 Пибория—дѣйств. л. ск., 869, 888.
 Циглеръ—нѣмец. учен., 774.
 Цициргана—уроч., 906.
 Цициринъ-голь—рѣка, 906.
 Цицирликъ—уроч., 906.
 Пзанъ—дѣйств. л. ск., 545—547.
 Пзахачинъ—хошунъ, 843.
 Пзусымынъ—уроч., 649.
 Цокту-Илагуксенъ, Цокъ-Илгысмынъ-хань—дѣйств. л. ск., 355, 814.
 Полбонъ—звѣзда, 731, 764.
 Цолмонъ—звѣзда, 229, 764, 784, 804, 808, 835, 836.
 Цорасевъ—авт., 917.

Цорго—скала, 230.
 Цорджи-Лама—дѣйств. л. ск., 549.
 Цорось—пред. Калмыковъ, 326, 873.
 Цоука лукъ—созвѣздіе, 712.
 Цубера—уроч., 749.
 Цулпанъ—звѣзда, 732.
 Цыгане—народъ, 710, 829.
 Цэпэнъ-бейджи—дѣйств. л. ск., 875.
 Цюльтумъ—урянхаецъ, 320, 517, 527.
 Цюнкунъ—дѣйств. л. ск., 523.
 Цюэ-тэгинъ—истор. л., 840, 841.

Ч.

Чаазунъ-улъ—дѣйств. л. ск., 359.
 Чабакъ—алтайск. покол., 940.
 Чабанъ-ата—дѣйств. л. ск., 896.
 Чавудъ—народъ, 861.
 Чагантай—пред. Киргизъ, 17.
 Чаганъ-аманъ-кула—лошадь, 771.
 Чаганъ-каанъ—прозвище русск. императора, 799; дѣйств. л. ск., 224.
 Чаганъ-Хобонъ—богатырск. конь, 389, 390, 789.
 Чаганъ-Шукуты—дѣйств. л. ск., 220—223.
 Чаганъ-чугурту увазы—дѣйств. л. ск., 591, 594.
 Чагысъ-чаячи—дѣйств. л. ск., 572.
 Чадвакасъ—Киргизъ, 17.
 Чажинъ-канъ—божество, 887.
 Чаиъ-каанъ—мнѣ. л., 69.
 Чакабай—пред. Киргизъ, 15.
 Чакырби—онгонъ, 96.
 Чакагай Куюкунъ—мнѣ. птица, 434.
 Чалаты—дѣйств. л. ск., 904.
 Чалпанъ—дѣйств. л. ск., 764.
 Чангаръ—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Чао-тунь—дѣйств. л. ск., 944.
 Чапанъ—Алтаецъ, 288.
 Чапанъ-Ата—дѣйств. л. ск., 658.
 Чапрашты—Кирг. покол., 14.
 Чапты—покол., 2.
 Чарахай Линху—дѣйств. л. ск., 779, 908.
 Чахары—народъ, 227.
 Чакхыръ-Саянъ—дѣйств. л. ск., 370, 371.
 Че—предокъ Дюрбютовъ, 326.
 Чебаты—рѣка, 125.
 Чебоксары—городъ, 849; уѣздъ, 730, 849.
 Чегемъ—татар. общ. на Кавказѣ, 859.
 Чегендыкъ—пред. Киргизъ, 19.
 Чегорагъ—рѣка, 937.
 Чезъ-котыръ—созвѣздіе, 942.
 Чекановскій—русс. учен., 712.
 Чекань—мнѣ. чудовище, 614.
 Челей—покол. чернев. Татаръ, 937, 940.

- Чельбегень (см. Дзельбегень), 748, 774, 867.
- Чельсары-канъ—дѣйств. л. ск., 562, 563.
- Чердэкъ—покол., 11.
- Черемисы—народъ, 672, 681, 693, 695, 696, 705, 713, 716, 723, 730, 732, 742, 760, 762, 776, 777, 793, 797, 798, 809, 828, 832, 871, 898, 900, 931.
- Череповск. уѣздъ, 772.
- Черваскій князь, Гаврило—египетск. владѣлецъ, 926.
- Черкесъ-Иса—дѣйств. л. ск., 788, 883.
- Черкесы—народъ, 734, 751.
- Чермановъ, Муса—Киргизъ, 14, 17, 404, 731.
- Черное море, 861.
- Черногарь—мнѣ. птица, 915.
- Черное море, 111, 653, 740, 775, 904.
- Черный Арабъ—дѣйств. л. ск., 725, 728, 729, 757.
- Черный Воронъ—дѣйств. л. ск., 725—729.
- Черный Иртышъ—рѣка, 94, 655, 666.
- Черск-Иса—дѣйств. л. ск., 884, 885.
- Черскій—русск. ученый, 73, 74, 103, 124, 126, 128, 215, 264, 266, 332.
- Чертмынъ—покол., 665.
- Четегень—созвѣдiе, 711, 717.
- Четиберъ—покол. черн. Татаръ, 937.
- Чехгэръ—созвѣдiе, 730.
- Чеченецъ-Иса—дѣйств. л. ск., 883, 884.
- Чеченцы—народъ, 725, 741, 745, 760, 769, 898, 915, 931.
- Чечень-Иса—дѣйств. л. ск., 788.
- Чечень-ханъ—дѣйств. л. ск., 367.
- Чечинъ-кызъ—дѣйств. л. ск., 585, 587.
- Чечня—страна, 674, 859.
- Чжанъ-цюй—истор. л., 841.
- Чивалковъ, Иванъ—переводчикъ, 649, 650, 887.
- Чивалковъ, о. Михайлъ—миссіонеръ, 3, 6, 9, 10, 20, 21, 42, 53, 56, 62, 64, 66, 67, 70, 71, 90, 136, 156, 158, 178, 180, 182, 185, 190, 192, 204, 213, 214, 218, 226, 249, 286, 288, 331, 363, 649, 694, 870, 874, 938.
- Чиванъ—дархатъ, 299.
- Чигилекъ—рѣка, 752.
- Чивей—шаманка, 61.
- Чилагунъ—дѣйств. л. ск., 903.
- Чиланъ-канъ—дѣйств. л. ск., 577, 578.
- Чиланъ-монгусъ—дѣйств. л. ск., 867, 909.
- Чиланъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 794, 867.
- Чилаоунъ—дѣйств. л. ск., 903.
- Чилбикъ—дѣйств. л. ск., 778.
- Чилбукъ—дѣйств. л. ск., 778.
- Чилъспай—пред. Киргизъ, 19.
- Чилинъ-Хара-Халдынъ—богатырскій конь, 475.
- Чилтысъ-канъ—дѣйств. л. ск., 661.
- Чилунгу—дѣйств. л. ск., 805.
- Чилунъ-Ташюръ—дѣйств. л. ск., 275, 276, 833.
- Чиманъ—пред. Киргизъ, 18.
- Чимпавъ—божество, 723, 732.
- Чимпазынъ-вара—звѣзды, 732.
- Чимыръ—предокъ Киргизъ, 14.
- Чингалахъ—звѣзда, 789.
- Чингиджекъ—Урянхаецъ, 140, 167, 204.
- Чингинъ—городъ, 858.
- Чингисъ—дѣйств. л. ск., 225.
- Чингисъ-Кайраванъ—дѣйств. л. ск., 792, 919.
- Чингисъ-Кэвэръ-Кайраванъ—дѣйств. л. ск., 819.
- Чингисъ-Тэнгиръ—дѣйств. л. ск., 293.
- Чингисъ-Хаджиръ—дѣйств. л. ск., 819, 842.
- Чингисъ-ханъ—монгол. ханъ, 211, 228—231, 233, 295, 306, 324, 325, 667, 669, 674, 692, 694, 707, 734, 744, 746, 764, 765, 767, 771, 791, 792, 795, 796, 800—806, 808, 809, 811, 819, 820, 823, 827, 835, 839, 841—843, 853—858, 860—863, 869, 871—874, 876, 891, 892, 899, 903, 905, 915, 931, 934, 935.
- Чингисъ-ханъ-Тубугъ-Тангри—дѣйств. л. ск., 854.
- Чингисъ-хурмусту-ханъ—дѣйств. л. ск., 805.
- Чингій—дѣйств. л. ск., 858, 860.
- Чинъ-Темиръ—дѣйств. л. ск., 689.
- Чипчинъ-солонъ—поколѣнiе, 22.
- Чиргэтъ—горы, 20.
- Чиринъ-Дорджи—Халхасецъ, 649, 752.
- Читкуръ—злой духъ, 142, 801.
- Читраджанма—дѣйств. л. ск., 920.
- Чистохинъ, о. Яв.—миссіонеръ, 33, 137, 143, 161, 168, 180, 184, 189, 232, 264, 265, 369, 395, 403, 404, 650, 838.
- Чициргана—караулъ, 215.
- Чичирге—дѣйств. л. ск., 905, 906.
- Члѣнбай—пред. Киргизъ, 19.
- Чоботокъ—дѣйств. л. ск., 902.
- Чо-Джампинъ—халхасецъ, 200, 205, 209, 226, 229, 230, 251, 269, 276, 277, 279, 323, 352.
- Чодырманъ—дѣйств. л. ск., 301, 302.
- Чока—пред. Киргизъ, 15.
- Чокай—пред. Киргизъ, 15.
- Чоканъ-борканъ—туркм. покол., 830.
- Чоканъ-Валихановъ—Киргизъ, 74, 784.
- Чокуръ-бейли—дѣйств. л. ск., 258.
- Чокуръ-ворукъ (корюкъ)—дѣйств. л. ск., 139, 746.
- Чолбанъ, Чолбонъ—звѣзда, 137, 731.
- Чолманъ, Чолмонъ—звѣзда, 137, 731.

Чолпанъ—звѣзда, 764, 781, 784, 808.
 Чолпонъ—звѣзда, 732, 764, 781.
 Чолышманъ—рѣка, 940.
 Чонутъ—покол. Дархатовъ, 21.
 Чонунъ-белъ—дѣйств. л. ск., 384—386.
 Чончу—Телегитка, 141, 181, 226, 235, 286, 293, 321, 323.
 Чонъ—пред. Киргизъ, 19.
 Чопанъ-ата,—дѣйств. л. ск., 798, 867; мусульм. святой, 368.
 Чора-батыръ—дѣйств. л. ск., 844, 845.
 Чорѣкъ—пред. Киргизъ, 15.
 Чоридонгъ—дѣйств. л. ск., 943.
 Чорманъ—Киргизъ, 17, 18.
 Чорось—пред. Калмыковъ, 872, 873.
 Чотонгъ—дѣйств. л. ск., 817, 818.
 Чрѣнъ—пред. Киргизъ, 18.
 Чубаръ-айгыръ—киргиз. покол., 896.
 Чубинскій—собиранель сказ., 788, 869, 877, 884, 888.
 Чуваши—народъ, 1, 681, 696, 702, 710, 713, 717, 723, 730, 750, 765, 777, 791, 798, 807, 809, 810, 828, 846, 849, 897, 900, 905, 916, 935.
 Чудо-юдо—чудовище, 831, 832.
 Чудъ—племя, 671, 912, 931; заволоцкая, 893.
 Чуйская степь, 177, 178, 181.
 Чувчи—народъ, 678, 712, 713, 723, 730, 735, 740, 789; чаунскіе, 793.
 Чулохамъ—шаманъ, 101.
 Чулту—Алтаецъ, 69.
 Чулумъ-Мундусъ—покол., 2, 4, 660.
 Чулунъ-Чипха—дѣйств. л. ск., 504.
 Чулышманъ—рѣка, 1, 10, 69, 666, 667.
 Чумишъ—рѣка, 937, 938.
 Чурмусевъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 692, 790.
 Чуткуръ-бурхынъ—дѣйств. л. ск., 199, 227.
 Чуть—дѣйств. л. ск., 247—249.
 Чуфутъ—народъ, 861.
 Чуфутъ-кале—сел., 786.
 Чуя—рѣка, 1, 2, 7, 30, 43, 44, 60, 68, 70, 95, 96, 133, 138, 142, 144, 149, 150, 153, 164, 167, 169, 180, 193, 214, 215, 286, 291, 404, 666.
 Чыланъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 781, 793.
 Чэби—дѣйств. л. ск., 843, 844.
 Чэбиль—пред. Киргизъ, 14.
 Чютуръ-ванъ—дѣйств. л. ск., 300.
 Чяльча—пред. Киргизъ, 17.

III.

Шабанъ—пред. Киргизъ, 18.
 Шабаршинъ—онгонъ, 115.
 Шабатъ—покол. черн. Татаръ, 938.
 Ша-бэйси—халхасск. князь, 12.
 Шагарская волость, 653.

Шагдуръ-Гутаевъ—Бурятъ, 265.
 Шагшатъ—гора, 218.
 Шахджи—бурханъ—божество, 481.
 Шакиръ—дѣйств. л. ск., 813, 814.
 Шалканъ—покол. черн. Татаръ, 939.
 Шамъ—дѣйств. л. ск., 499.
 Шамъ-вуровъ—Млечн. путь, 741.
 Шамы-ёлы—Млечн. путь, 740.
 Шанаевское селеніе, 724, 732.
 Шанаевъ—авт., 809, 826, 829, 892.
 Шангинъ—авт., 896.
 Шанку—дѣйств. л. ск., 803, 811.
 Шанъ-Тондубъ—дѣйств. л. ск., 493, 494, 838, 919.
 Шарабадырхонъ—покол. Бурятъ, 23.
 Шара-бычинъ—дѣйств. л. ск., 788.
 Шарай-голь—рѣка, 491, 493.
 Шара-Лама-ханъ—дѣйств. л. ск., 254.
 Шарголи-ханъ—дѣйств. л. ск., 256.
 Шаргольдзинъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 491—493.
 Шаргы-голь—рѣка, 300, 305.
 Шаргынъ-моринъ-кутухта—духовн. л., 260.
 Шаренъ-Даячи—духовн. л., 260, 261.
 Шари-Китынъ—уроч., 291.
 Шаримни-Гоодоомы—дѣйств. л. ск., 272.
 Шарисенъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 811.
 Шарисмынъ—дѣйств. л. ск., 174, 175.
 Шаркуйгунголь—рѣка, 260.
 Шаркъ-великанъ—дѣйств. л. ск., 802, 810, 820.
 Шарнугъ—покол. Бурятъ и Дархатовъ, 21, 22.
 Шаруеванъ—имя, упом. въ лѣтописи, 810.
 Шаръ-даячи-лама—духовн. л., 260.
 Шаръ-бёко—дѣйств. л. ск., 510.
 Шаръ-бухо—дѣйств. л. ск., 399, 400, 900.
 Шаръ-бычинъ—дѣйств. л. ск., 833, 892.
 Шаръ-джатымъ—пред. Киргизъ, 15.
 Шаръ-макчинъ—дѣйств. л. ск., 350, 351, 833, 892.
 Шаръ-тарханъ—дѣйств. л. ск., 433.
 Шарътехе—назв. жертвы, 85.
 Шаръ-Усу—рѣка, 551.
 Шаръ-Хермиль-төшөмилъ—дѣйств. л. ск., 528.
 Шаренъ-Кобунъ-Моломъ-Тень—дѣйств. л. ск., 271.
 Шарятъ—покол. Бурятъ, 23, 25.
 Шатуйхинъ—миѳ. лицо, 113.
 Шау—путеш., 720.
 Шахай-Туссыръ—дѣйств. л. ск., 256, 257.
 Шахджи-мани—божество, 430, 449.
 Шапгай-ханъ—дѣйств. л. ск., 357, 538, 539.
 Шашковъ—русск. пис., 846.

- Шашкылы—покол. черн. Татарь, 939.
 Шведы—народь, 744.
 Швеция—страна, 663.
 Шейнь—авт., 702, 703, 739, 776, 809, 888, 927.
 Шексна—рѣка, 893.
 Шелнальская волость, 98, 939.
 Шепингъ—русск пис., 773.
 Шеринъ—дѣйств. л. ск., 813, 814.
 Шерисень-ганъ—дѣйств. л. ск., 237, 240.
 Шершужь-вижели—созвѣдіе, 730.
 Шерь-хитынь—уряч. сумынь, 12.
 Шефферъ—ипостр. учен., 680, 774, 828.
 Шибарша—дѣйств. л. ск., 810.
 Шибелимъ-Хозяя—могила святаго, 849.
 Шибельдей—злой духъ, 575.
 Шибирь—рѣка, 124.
 Шивэя—народь, 675.
 Шигемуни—дѣйств. л. ск., 830.
 Шигимуни—божество, 212.
 Шигустей-багатуръ—дѣйств. л. ск., 853.
 Шигустей-Кутуегу—дѣйств. л. ск., 838.
 Шигуши-Шихарь—дѣйств. л. ск., 853.
 Шиддигурь—книга, 721, 767, 771, 781, 782, 812, 851, 869, 893, 894, 919.
 Шиджирь-ватыръ—дѣйств. л. ск., 231.
 Шидзургу—дѣйств. л. ск., 804, 835, 856, 856, 883, 922.
 Шидырань, Шитырань—дѣйств. л. ск., 12, 21, 215, 298—301, 303—308, 325, 407, 408, 800, 806, 840, 844, 852, 854—856, 860—863, 865, 866.
 Шидыренъ-тологой—гора, 306.
 Шидырь-Тюльгунъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Шидырь-Убанъ—дѣйств. л. ск., 861.
 Шиджигуни—божество, 182, 212.
 Шикеръ—дѣйств. л. ск., 875, 876.
 Шики-хутуку—дѣйств. л. ск., 734.
 Шикурту-номъ—книга, 241, 242.
 Шидугунъ-Гурбельжинъ-Гоа—дѣйств. л. ск., 805.
 Шильбэндэръ-Саганъ-Мишеша—дѣйств. л. ск., 824.
 Шильды-Занги—дѣйств. л. ск., 403, 404.
 Шилюсъ—дѣйств. л. ск., 178.
 Шимки—селеніе, 168, 180, 184.
 Шиммиъ-бурхынъ—божество, 269.
 Шингисъ—дѣйств. л. ск., 805.
 Шингитъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 232, 805.
 Шингыбыль—дѣйств. л. ск., 329.
 Шингисъ—дѣйств. л. ск., 231.
 Шингитъ-бурханы—божество, 330.
 Ширайголь—племя въ ск., 818.
 Шира-Ирмытъ—покол., 2.
 Ширинъ—покол., 668.
 Шитаръ—дѣйств. л. ск., 225, 799.
 Шиткуръ—злой духъ, 747.
 Шитырань—см. Шидырань.
 Шятыръ-Тюльгунъ—дѣйств. л. ск., 226, 229, 800, 804.
 Шифнеръ—учен., 681, 693, 710, 718, 724, 745, 760, 778, 782, 797, 812, 817, 876, 898, 903, 917, 920.
 Шихарь-тайху—дѣйств. л. ск., 853.
 Шипкитъ—рѣка, 21, 78, 125, 137, 299, 407, 408, 653, 668.
 Шипмаревъ—консулъ, 854; прикащикъ на заимкѣ Сафьянова, 618.
 Шипмаретинъ, Ширинъ-Маринъ—прозвище Ильи Муромца, 837, 838.
 Шкай—морд. божество, 723, 732.
 Шкайнъ-валма—звѣда, 732.
 Шлегель—нѣм. учен., 765.
 Шмидтъ—нѣм. учен., 659, 757, 759, 767, 817, 829, 830, 839, 854, 872, 874—876, 878, 886, 927, 934.
 Шогодынь—дѣйств. л. ск., 302, 863.
 Шодонъ-Харь-Тологой—гора, 335.
 Шойунъ-Гасъ—дѣйств. л. ск., 867.
 Шоегъ-шудуръ—созвѣдіе, 730.
 Шолбанъ, Шолпанъ, Шолманъ—звѣда, 137, 764, 836.
 Шоно—предокъ Монголовъ, 826, 861, 866.
 Шоно-батырь—дѣйств. л. ск., 301, 862.
 Шоно-Донгъ—дѣйств. л. ск., 235, 838.
 Шоно-нойонъ—горн. духъ, 128, 866.
 Шононь-Хобунъ-Шолгу—дѣйств. л. ск., 283, 839.
 Шонъ-би—дѣйств. л. ск., 404, 406.
 Шонъ-Модонъ—мнѣ. дерево, 477, 479.
 Шордо—созвѣдіе, 713.
 Шорой-Бавши—дѣйств. л. ск., 227, 261.
 Шоронги—горн. прох., 438.
 Шоронъ-гуа—дѣйств. л. ск., 309.
 Шоръ—покол. черн. Татарь, 1, 937.
 Шотгъ—нѣм. учен., 675, 695, 703, 705, 817, 856, 904.
 Шотханъ-Тологой—гора, 334.
 Шошки—дѣйств. л. ск., 403.
 Шополымъ—покол. Бурятъ, 23; рѣка, 122.
 Шюнь-Гасъ—дѣйств. л. ск., 909, 910.
 Шпигель—нѣм. учен., 902.
 Шпилевскій—авт., 815, 830, 849, 850.
 Шпильбергеръ—старин. путеш., 751.
 Шубунъ-Уланъ-Будунъ—дѣйств. л. ск., 528.
 Шубуртъ-балы—пред. Киргизъ, 15.
 Шуго-тойгонъ—божество Якутовъ, 878.
 Шудурманъ—дѣйств. л. ск., 308, 309, 800, 861, 863.
 Шужій—дѣйств. л. ск., 925, 926.
 Шуйская волость, 653.
 Шулмусень-ханъ—дѣйств. л. ск., 271, 764.
 Шулмусъ—дѣйств. л. ск., 785, 836.
 Шулуанъ—дѣйств. л. ск., 176, 177.
 Шулумъ—дѣйств. л. ск., 891.

Шульмусъ — злой духъ, 176, 197, 198, 221—223, 237, 525.
 Шуманакъ — пред. Киргизъ, 19.
 Шумусень-хаганъ, Шумусъ-хаганъ — дѣйств. л. ск., 767, 787.
 Шуно-батырь — дѣйств. л. ск., 309, 310, 667, 866, 896.
 Шуну — дѣйств. л. ск., 187.
 Шурали — лѣсн. духъ, 770, 812.
 Шухляго — Млечн. путь, 741.
 Шыттыкуръ-Бурханъ — дѣйств. л. ск., 531, 533.
 Шюгунъ-хара — мнѣ. лѣсъ, 471.
 Шюдуръ-Тюльгунъ, Шютуръ-Тюльгунъ — дѣйств. л. ск., 835, 855.
 Шюды-вуль — оз., 897.
 Шюринды — дѣйств. л. ск., 870.
 Шюриндынъ-хатынь — дѣйств. л. ск., 542, 543.
 Шю-Талай — мнѣ. море, 460.
 Шютунъ-бурханъ — божество, 481.
 Шютунъ-Сакіусъ — святыня монг. нар., 481.
 Шябавъ-юлдузъ — звѣзда, 732.
 Шягрислѣзъ — страна, 658.
 Шяванъ — пред. Киргизъ, 17.
 Шякшааъ — пред. Киргизъ, 15.
 Шяль — дѣйств. л. ск., 801, 834.
 Шяль-ганъ — дѣйств. л. ск., 424—427.

Ш.

Шаповъ — русск. пис., 725.
 Шукинъ — авт., 771, 802.

Ы.

Ыжыхъ — божество, 729, 757.
 Ымылту — рѣка, 310.
 Ынырга — сел., 939.
 Ыргаръ — созвѣздіе, 729.
 Ырскуюль, Рыскуюль — пред. Киргизъ, 15.
 Ырспай — пред. Киргизъ, 16.
 Ырсынбетъ — пред. Киргизъ, 17.

Ъ.

Ъке-Черянь — дѣйств. л. ск., 916.
 Ывъ-Чиледу — дѣйств. л. ск., 904.
 Ылюй-Дао-шунъ — истор. л., 840.

Э.

Эби-норъ — оз., 871.
 Эбогонъ-Мангысъ — дѣйств. л. ск., 508.
 Эбугъ — прозвище Бартанъ-багадура, 847.
 Эго-ханъ — дѣйств. л. ск., 600, 601, 603.
 Эгъ — рѣка, 230, 288.
 Эда — поэтич. произв., 690, 752.

Эддыгъ — предокъ, 734.
 Эдеръ-Хара-Мангысъ — дѣйств. л. ск., 459—461, 463, 464.
 Эдженъ-ко — дѣйств. л. ск., 722.
 Эдиганъ — гора, 722, 792.
 Эке-Дзоро — дѣйств. л. ск., 916.
 Эжиритъ — бурятск. покол., 825, 826.
 Эжювынь-гедъ — звѣзда, 732, 733.
 Эле — мнѣ. птица, 454.
 Элегесъ — рѣка, 746.
 Элгэръ — Этинъ-Гола-Бура-Дохсунъ — дѣйств. л. ск., 634.
 Эльге — уроч., 691.
 Эльджигенъ — покол. Урианхайцевъ, 22; халхасцевъ, 293, 294.
 Эльджигенъ-Джигитъ — дѣйств. л. ск., 295.
 Эльджигенъ-нойонъ — дѣйств. л. ск., 293—295.
 Эльджигенъ-чиктей-ханъ — дѣйств. л. ск., 294, 295, 297, 298, 672.
 Эль-Истахри — араб. пис., 934.
 Эльсынъ-убугунъ — дѣйств. л. ск., 907.
 Эмарскія минер. воды, 717.
 Эмегенъ — онгонъ, 703; дѣйств. л. ск., 472.
 Эмлэ — уроч., 326.
 Эмнекъ-Саганъ-нойонъ-Иркутъ-эжинъ — покров. духъ, 667, 824.
 Эндирва-Цаганъ — богатырская стрѣла, 492.
 Энетхыгъ — страна, 182.
 Энекуртеле — дѣйств. л. ск., 429.
 Энке-Дургюль — дѣйств. л. ск., 476.
 Энчу — Алтаецъ, 42, 43, 49—53, 57, 59, 60, 68, 204, 207, 289.
 Эрги-Тохо — кони, 476.
 Эргюль — уроч., 231.
 Эрдемчинъ-Тѣрѣ — святыня, 481.
 Эрдене-Торхула — гора, 453.
 Эрдени-Дзо, Эрдени-Цзо — буддйск. монаст., 332, 333, 410; божество, 333, 340.
 Эрдени-Торхо-хара-ула — гора, 484.
 Эрдени-Торъ-Хара-ола — гора, 443, 445.
 Эрдэнэ-Абахай-Цецекъ — дѣйств. л. ск., 283, 284.
 Эрель — Дархатъ, 409.
 Эрендахъ-Бурундахъ — дѣйств. л. ск., 752.
 Эренчинъ-Джончинъ-ханъ — дѣйств. л. ск., 493.
 Эрень-Сайнь-Гунынъ-Настай-Мекеле — дѣйств. л. ск., 475.
 Эрень-Сайнь-Кійтинъ-Хара-Души — дѣйств. л. ск., 485.
 Эрень-Сайнь-Хамъ — богатырск. конь, 476.
 Эрень-кыль — мнѣ. змѣй, 646.
 Эрень-Нидунъ-Торцо — лѣйств. л. ск., 474, 480.

Эрзя—см. Мордва.
 Эрстовы—грузинск. фам., 928.
 Эрке, Эркеунъ—божество, 917; дѣйств. л. ск., 854.
 Эрке-хара—дѣйств. л. ск., 917.
 Эрки-Баханъ-Сѣнеке—дѣйств. л. ск., 476.
 Эрлейнвейнъ—изд. сказокъ, 722, 831.
 Эрленъ-Номонъ-ханъ—дѣйств. л. ск., 748.
 Эрлигъ-Номынъ-ханъ—божество подземн. міра, 316, 317, 481—483, 693, 797, 798.
 Эрсъ—пред. Киргизъ, 18.
 Эртене-мергенъ—дѣйств. л. ск., 416, 903.
 Эргенъ-ерге—дѣйств. л. ск., 899.
 Эрте-Сайнъ-Мергенъ-Хунъ-Тайджи—предокъ Хотогойтцевъ, 916.
 Эрхэ-Субэнь—дѣйств. л. ск., 824.
 Эсакъ—дѣйств. л. ск., 767.
 Эсвигмосы—народъ, 780.
 Эскиадельфи—созвѣдіе, 731.
 Эссахъ-холю—Млечн. путь, 741.
 Эстляндія—страна, 663.
 Эсты—народъ, 713, 735.
 Эсэгъ-Маланъ-Тэнгри—дѣйств. л. ск., 267, 488, 824, 845, 846.
 Этегенъ—созвѣдіе, 711, 717.
 Этвигттыбомъ—скала, 421.
 Этрурія—страна, 722.
 Этүгәнъ-экэ—божество, 695, 696, 801.
 Этүгеръ—мне. змѣй, 713.
 Эхе-бронъ—дѣйств. л. ск., 267.

Ю.

Юаньская династія кит. имперіи, 840, 841.
 Юаньчаомиши—кит. соч., 662, 669, 704, 707, 734, 764, 789, 790, 804, 805, 818, 830, 841, 843, 844, 854—856, 866, 903, 904, 916.
 Юдинскій царь—дѣйств. л. ск., 928.
 Юдо—мне. существо, 928, 929.
 Юдо-жемская—мне. существо, 928.
 Юды-самовилы—мне. существа, 672.
 Юдыха—мне. существо, 928, 929.
 Южно-Русск.—племя, 769.
 Юлтаугъ—созвѣдіе, 723.
 Юлюбъ—покол., 2, 660.
 Юма—порогъ на р. Кемп, 902.
 Юмо—черем. божество, 794, 898.
 Юнга—рѣка, 798.
 Юнгиврды—божество, 762, 798.
 Юнко—дѣйств. л. ск., 803.
 Юнь-Кубынъ—созвѣдіе, 137.
 Юптеръ—звѣзда, 711, 789; греч. богъ, 686.
 Юраки—народъ, 676, 702, 712.

Юргаль—созвѣдіе, 729, 942.
 Юренскій—авт., 805.
 Юрій—христ. имя, 912; бояринъ въ ск. 816.
 Юрронкумъ—имя Самоѣдовъ, 664.
 Юрюнгъ-Ая-Тѣнъ—якутск. богъ, 821, 916.
 Юрюнгъ-Уоланъ—дѣйств. л. ск., 935.
 Юрюнъ-хатынъ-эджи—бурятск. божество, 821.
 Юстрица—мне. птица, 772.
 Юсунъ—предокъ Киргизъ, 14, 669; дѣйств. л. ск., 921, 922.
 Юсуфъ—дѣйств. л. ск., 833.
 Юсынъ-вса—дѣйств. л. ск., 525, 526.
 Юсь—лицо дѣйств. л. ск., 220.
 ЮчетаЙ-Дай-бо—дѣйств. л. ск., 875.

Я.

Ябакъ—предокъ покол., 7.
 Ябашъ—подземн. божество, 218.
 Яга—дѣйств. л. ск., 859.
 Яганъ-ѣвунъ—богатырск. сѣдло, 513.
 Ягичъ—учен., 737.
 Ягишна—дѣйств. л. ск., 924.
 Ягъ-мортъ—дѣйств. л. ск., 845.
 Яджитенъ-дабанъ—горн. прох., 309.
 Ядиеъ—предокъ, 670.
 Ядринскій уѣздъ, 849.
 Ядринцевъ—русск. пис., 36, 40, 41, 44, 46—48, 54, 97, 98, 128, 129, 136—138, 142, 160, 181—183, 186, 193, 200, 206, 370, 660, 689, 746, 775, 829, 843.
 Яжиганъ—сынъ Ульгена, 218.
 Яжилганъ—онговъ, 51, 722, 742.
 Яикъ—божество, 218; рѣка, 871.
 Яикъ-каанъ—мне. лицо, 69, 218.
 Яикъ-ту—гора, 128.
 Якутскъ—городъ, 625, 626, 771.
 Якуты—народъ, 1, 625, 626, 633, 639, 640, 650, 652, 656, 661—663, 672, 676, 682, 683, 687, 688, 691, 699, 701, 704, 705, 710, 717, 729, 731, 742, 744, 748, 771, 775, 797, 820, 821, 828, 832, 842, 878, 896, 910, 931, 932, 934, 942, 943.
 Ялшимбетъ—пред. Киргизъ, 16, 17.
 Ялмалъ—земля, 797.
 Ялменко—гора, 706, 828.
 Ялчи-кыпчакъ—предокъ, 6.
 Яма—индѣйск. богъ, 932.
 Ямандага—божество, 692.
 Яматы—горы, 287.
 Ямграту-Яжиганъ—божество, 69.
 Ямгыр-охту-Яжиганъ—божество, 70, 268, 692, 879.
 Ямурзина—деревня, 760, 770.
 Ямши—дѣйств. л. ск., 259.
 Ямъ—божество, 693.
 Ямышъ—оз., 655.

Янгинъ-ола—гора, 805.
 Янгитъ—гора, 232.
 Янгисъ—гора, 301.
 Янгисъ-казыкъ—звѣзда, 137.
 Янджисъ—гора, 301.
 Янджитъ—гора, 301, 309, 805.
 Янсыкъ-Улакчинъ—дѣйств. л. ск., 317, 318.
 Янь—личн. имя, 891.
 Яныскостю—злой духъ, 130, 706.
 Яньшань—горный хребетъ, 653.
 Ярантъ—имя Самоѣдовъ, 664.
 Яра-чэчэнъ—дѣйств. л. ск., 362, 363, 895.
 Яренскій уѣздъ, 942.
 Ярло—древнерусск. божество, 798, 877.
 Ярлунгъ—долина, 875.
 Ярославъ—русск. кн., 820.

А.

Abitai Ghalsagho Taidshi—историч. лицо, 881.
 Abs'u Mergen—дѣйств. л. ск., 818.
 Abulgazi—вост. пис., 847.
 Acanse—созвѣздіе, 712.
 Aerdāni-Zazāk—дѣйств. л. ск., 838, 873.
 Ahlquist—авт., 815.
 Aijeke—лопарскій богъ, 801.
 Ajalgo—дѣйств. л. ск., 838.
 Akarul'tenne—созвѣздіе, 723.
 Akreb—звѣзда, 733.
 Alabunga—дѣйств. л. ск., 838.
 Alaim-saghma—радуга, 742.
 Alanguer—городъ, 902.
 Allalapanga—дѣйств. л. ск., 838.
 Altan dälākai—божество, 904.
 Altan Gadassun—звѣзда, 734.
 Alten Tactai—дѣйств. л. ск., 667.
 Altin Kazuk—звѣзда, 735.
 Amar-Utuki—звѣзда, 711.
 Ammä—мио. л., 785.
 Аперу—дѣйств. л. ск., 812.
 Angelo de Gubernatis—итал. учен., 782, 816.
 Angiras—семь мудрецовъ, 866.
 Anningat—мѣсяцъ, 780.
 Anysis—египет. царь, 922.
 Ари—скинское божество, 821.
 Aralgo-goa—дѣйств. л. ск., 817, 818.
 Arctos—созвѣздіе, 716.
 Архаба—городъ Θεодосія, 928.

Ярубай-камъ—дѣйств. л. ск., 170.
 Ярунхо—имя самоѣд. народа, 664.
 Ясынъ-Чипха—дѣйств. л. ск., 504.
 Яулубай—пред. Киргизъ, 14.
 Я-хадако—божество, 696.
 Яшеа-шуть—дѣйств. л. ск., 810.
 Ячи-ханъ—божество, 69, 78, 911.

Ө.

Өедоръ-Тиронъ—дѣйств. л. ск., 737.
 Өедька-воръ—дѣйств. л. ск., 927.
 Өеодора—греч. царица, 833.
 Өеодоръ—дѣйств. л. ск., 845.
 Өеодосія—городъ, 724, 725, 731, 732, 745, 928.
 Өеодуль-змѣй—дѣйств. л. ск., 719, 913.
 Өетида—дѣйств. л. ск., 920.

Arendjula—богатырск. конь, 935.
 Arguarkartergosten—созвѣздіе, 712.
 Арктос—созвѣздіе, 714.
 Aspelin—швед. учен., 683, 686, 687, 944.
 Астров τῆς Τραμοντάνας—созвѣздіе, 714.
 Ахсақ Төмүр—звѣзда 735.
 Аугуат'коткотсетлен—звѣзда, 735.
 Azhi—мио. змѣй, 790.

В.

Va'alti—дѣйств. л. ск., 842.
 Vaby—созвѣздіе, 730, 792.
 Vagho—дѣйств. л. ск., 876.
 Valkis—божество, 764.
 Vangus—остяцк. божество, 862.
 Venfey—нѣм. учен., 868, 870, 902.
 Bergmann—нѣмец. путеш., 734.
 Vnadrakalpa—дѣйств. л. ск., 920.
 Biörn—дѣйств. л. ск., 723.
 Blau—нѣмецк. писат., 680.
 Böke Ssorsson—дѣйств. л. ск., 876.
 Bolcho-Deschinong—дѣйств. л. ск., 876.
 Bollensen—нѣмец. пис., 740.
 Böttingk—учен., 788.
 Böttiger—нѣм. учен., 723, 747, 763, 845.
 Brhgu—божество, 782.
 Brosset—франц. учен., 802, 806, 843, 854, 855, 867, 896, 934.
 Buke Tschilger—дѣйств. л. ск., 899.
 Bunsen—авт., 896.
 Burnouf—франц. учен., 766.

C.

- Carabolam — городъ, 815.
Castren — финск. учен., 662, 663, 665, 668, 672, 691, 695, 703, 707, 711, 712, 715, 785, 789, 806, 817, 821, 826, 830, 832, 851, 883, 900, 916, 917, 932, 934, 935.
Χειρον — дѣйств. л. ск., 920.
Chidr kúprüst — радуга, 742.
Chondschin-boddi-sado — божество, 867.
Chualimir — далматинск. царь, 864.
Schwolsohn — учен., 662, 689, 715, 842, 853, 860.
Cihac — учен., 749.
Clemens — пред. албанцевъ, 792, 934.
Cossara — дѣйств. л. ск., 865.
Csomo-Kögösi — венгер. учен., 817.
Culdánaste — звезда, 735.

D.

- Δαβουλη — созвѣздіе, 714.
Deli-Marku — дѣйств. л. ск., 846.
Desmaison — ориенталистъ, 847, 927.
Detali Bratosi — предокъ албан. народа, 934.
Didron — франц. учен., 679, 757.
Djilbegán — дѣйств. л. ск., 789.
Don — созвѣздіе, 741.
Dongdum — дѣйств. л. ск., 833.
Dooriskui — богатирск. оружіе, 705.
Dschadschin — дѣйств. л. ск., 833, 834.
Dubb — созвѣздіе, 714.
Dumu-zi — аккад. божество, 842.

E.

- Eboukéne — прозвище Барганъ-багадурра, 847.
Elmpri — дѣйств. л. ск., 797.
Elouguei — уроч., 691.
Engelland — мнѣ. страна, 739.
Erlkönig — дѣйств. л. ск., 797.
Erminge-straete — Млечн. путь, 741.
Ἐρμῆς — греч. богъ, 831.
Ἐστία — греч. божество, 881.

F.

- Faula — созвѣздіе, 712.
Fiastyuk — созвѣздіе, 730.
Fihrist — араб. соч., 787.

G.

- Garabonczás diak — дѣйств. л. ск., 780, 923.
Gedon — дѣйств. л. ск., 870.

- Geirradr — дѣйств. л. ск., 747.
Gesser chan — дѣйств. л. ск., 817.
Géza Kuun — издатель Куманск. слов., 890.
Gezdum — созвѣздіе, 733.
Ghasan — дѣйств. л. ск., 793.
Girard de Rialle — авт., 708, 780.
Golen — мнѣ. сущ., 771.
Go-Tschikitu — дѣйств. л. ск., 838.
Grizulo rotas — созвѣздіе, 725.
Grundwig — авт., 787.
Guan preste — мнѣ. лицо, 861.
Gun-Bilik — дѣйств. л. ск., 694.
Gwidion — кирск. богъ, 741.

H.

- Hackeberg — дѣйств. л. ск., 780.
Hahn — нѣмец. учен., 741, 747, 771, 777, 792, 846, 864, 868, 881, 934.
Haliburton — иностр. пис., 779.
Hammer — нѣм. уч., 793.
Hartmann — нѣм. уч., 782.
Hawlan — созвѣздіе, 712.
Hazlar-joli — Млечн. путь, 740.
Hemu-kai — дѣйств. л. ск., 830.
Herodot — греч. истор., 821.
Heteveny — созвѣздіе, 730.
Hetu Moger — предки Венгровъ, 711.
Höglen — созвѣздіе, 712.
Holtzmann — нѣмец. пис., 752, 768, 829, 845, 871.
Howlyn — созвѣздіе, 712.
Hundalf — мнѣ. сущ., 752.
Hunfalvy — венг. пис., 711, 797, 933.
Hunwolf — мнѣ. сущ., 752.
Huyotkenotsutlen — созвѣздіе, 712.
Hyde — англ. учен., 861.
Humir — дѣйств. л. ск., 673.

I.

- Иона — дѣйств. л. ск., 780.
Imoschi — мѣстность, 846.
Indra — инд. богъ, 845.
Indragni — божество, 752.
Iringes vec — Млечн. путь, 734.
Iringsweg — Млечн. путь, 741.
Itog — божество, 696.
Iwlyn — созвѣздіе, 712.

J.

- Jami — дѣйств. л. ск., 868.
Jagic — ученый, 780, 833, 923.
Jehan prebste — мнѣ. лицо, 861.
Jesouka — дѣйств. л. ск., 935.
Johannes prestus — мнѣ. лицо, 861.
Johan preste — мнѣ. лицо, 861.
Jon — дѣйств. л. ск., 864.

Jören-tengri—божество, 821.
Joro—дѣйств. л. ск., 817.
Juda Warag—дѣйств. л. ск., 927.
Jude—народъ, 864.
Judel—божество, 691.
Julien, Stanisl.—франц. учен., 943, 944.
Jupiter—богъ, 845.

К.

Kahkesan—Млечн. путь, 740.
Kalewa—дѣйств. л. ск., 713.
Καλλιότο—созвѣдіе, 719.
Kalmúken—народъ, 838.
Kalýb—дѣйств. л. ск., 912.
Karher Torok—народъ въ сказ., 863.
Karna—дѣйств. л. ск., 871.
Karpaluk—назв. Азовск. моря, 682.
Kastrati—албан. покол., 934.
Kaszahngy—созвѣдіе, 723.
Kaupat—Млечн. путь, 741.
Kausi Kusah—радуга, 742.
Khadira—гвоадъ, 920.
Khasias—народъ, 708.
Kinnara—страна, 921.
Kirke—дѣйств. л. ск., 786.
Kiskael-puogéa—созвѣдіе, 712.
Kithay—оз., 901.
K'iu-tchi—городъ, 813.
Klementer—алб. покол., 792, 934.
Kögel-chan—дѣйств. л. ск., 943.
Kolak—дѣйств. л. ск., 855.
Komdei-mirgan—дѣйств. л. ск., 789.
Konkol—созвѣдіе, 713.
Koszi—созвѣдіе, 723.
Koudjin—идолъ, 867.
Koulak—дѣйств. л. ск., 855.
Koundjith—идолъ, 867.
Kourdjín—идолъ, 867.
Kuça—дѣйств. л. ск., 834.
Kugei-chan—гора, 876.
Kune-goa—дѣйств. л. ск., 818.
Kusah—ангелъ, 741.
Kuslar joli—Млечн. путь, 741.
Küstn schiregetu—дѣйств. л. ск., 875.
Kus zoli—Млечн. путь, 741.
Kyk kaz juli—Млечн. путь, 741.

Л.

Laint-Lo—городъ, 757.
Laronie—страна, 774.
Lasaulx—франц. учен., 761.
Lenormant—франц. учен., 812, 842.
Lerpäpollku—дѣйств. л. ск., 844.
Liebrecht—нѣмецк. учен., 699, 759,
760, 763, 777, 783, 810, 898, 925.
Ling-kong—дѣйств. л. ск., 944.
Lischiwatscha—дѣйств. л. ск., 838.
Ljubia—мнѣ. сущ., 771.

Llwybr caer Gwdion—Млечн. путь,
741.
Louhi—мнѣ. л., 793.
Lucifer—дѣйств. л. ск., 780.
Lussim-khan—дѣйств. л. ск., 872.

М.

Ma-Bajan—дѣйств. л. ск., 817.
Mahâsasuni—дѣйств. л. ск., 834.
Mahâschakuli—дѣйств. л. ск., 833.
Malan-tengri—божество, 821.
Malko-Juchanan—дѣйств. л. ск., 854.
Mallino—дѣйств. л. ск., 780.
Mandaghol-chagan—дѣйств. л. ск., 876.
Manggu—чудовище, 675, 817.
Mannhardt—нѣм. уч., 723, 725, 739, 744,
747, 749, 752, 760, 772, 774, 780, 817,
832, 845, 886, 880, 883, 925, 934.
Manohara—дѣйств. л. ск., 921.
Marko-Kraal—дѣйств. л. ск., 846.
Masûrasa—дѣйств. л. ск., 920.
Max-Muller—англ. уч., 689, 699, 715,
716, 868.
Mel'utankin—созвѣдіе, 713.
Middendorf—путеш., 797, 934.
Mityan—дѣйств. л. ск., 780.
Mohrin'ское озеро, 737.
Mortillet—франц. писатель, 679.
Müller—путеш., 847.
Mycérinus—дѣйств. л. ск., 922.
Mysuka—дѣйств. л. ск., 935.

Н.

Naga—дѣйств. л. ск., 920.
Nagardchuna—дѣйств. л. ск., 871.
Nagasena—дѣйств. л. ск., 871.
Nahusha—дѣйств. л. ск., 768.
Nangasuna—дѣйств. л. ск., 870.
Nordenskiöld—путеш., 712, 723, 730,
735, 740.
Nord-nagel—звѣзда, 735.
Nordqvist—авт., 723, 789.
Numbanu—радуга, 742.

О.

Oann—мнѣ. лицо, 861.
Ojoo-Tschikitu—дѣйств. л. ск., 838.
Ong-khan—дѣйств. л. ск., 855.
Oppert—нѣм. уч., 841, 842, 935.
Orodschu-Schigûssutai—дѣйств. л. ск.,
875.
Orogholuktschi—дѣйств. л. ск., 874.
d'Osson—франц. уч., 805.
Otáva—созвѣдіе, 713.
Outkin—дѣйств. л. ск., 855.
Owang-chan—мнѣ. лицо, 861.

P.

Pagalainen—дѣйств. л. ск., 899.
 Padescha-prestegiani—миенч. лицо, 861.
 Panis—злое существо, 866.
 Pantschala—страна, 920.
 Parajos—скнск. божество, 821.
 Parasaga—пѣсня, 740.
 Paras—царство въ ск., 863.
 Page—совѣздіе, 831.
 Pagge—совѣздіе, 712.
 Patsala—страна, 874.
 Paukszcziŋ-kielēs—Млечн. путь, 742.
 Peare—совѣздіе, 712, 831.
 Perkele—злое сущ., 808.
 Pesoukai—дѣйств. л. ск., 935.
 Pe-teou—совѣздіе, 943.
 Peti de la Croix—франц. учен., 935.
 Phalaka—дѣйств. л. ск., 920.
 Pictet—франц. учен., 858.
 Pisonka—дѣйств. л. ск., 935.
 Plejaden—совѣздіе, 896.
 Пласъ—совѣздіе, 731.
 Pöhja-nael—звѣзда, 735.
 Pord—совѣздіе, 712.
 Port—совѣздіе, 712.
 Poule—совѣздіе, 712.
 Preller—нѣм. учен., 786, 796, 920, 925.
 Presbyter-Iohannes—мие. лицо, 861.
 Prester-chan—мие. лицо, 861.
 Пала—совѣздіе, 731.
 Puorä—совѣздіе, 712, 831.
 Putzig—городъ, 737.

Q.

Qirgis—звѣзда, 787.
 Qongqomat—повол., 927.
 Quatremere—франц. уч., 851.
 Quintal—дѣйств. л. ск., 902.
 Qutbi (кутби)—звѣзда, 736.

R.

Radde—путешеств., 661, 670, 754, 765, 770, 826, 935.
 Radloff—ученый, 781, 785, 786, 794, 797, 810, 812, 817, 835, 856, 887, 891, 892, 897, 900, 904, 905, 907, 929, 934.
 Rahkoi—чудовище, 793.
 Rahu—демонъ, 858.
 Rau—совѣздіе, 723.
 Ribhus—дѣйств. л. ск., 925.
 Rikscha—дѣйств. л. ск., 782.
 Rischis—дѣйств. л. ск., 816, 829; совѣздіе, 782.
 Rogmo-goa—дѣйств. л. ск., 818.
 Rootsi-kabu—совѣздіе, 713.
 Rul'tenne—совѣздіе, 723.
 Russe—дѣйств. л. ск., 902.

S.

Sabacos—дѣйств. л. ск., 922.
 Saktawun—совѣздіе, 712.
 Salme—дѣйств. л. ск., 881.
 Saman ogrisi—Млечн. путь, 740.
 Samoho—дѣйств. л. ск., 862.
 Sanglun—дѣйств. л. ск., 817.
 Saour—дѣйств. л. ск., 862.
 Saptasvasar—инд. божество, 740.
 Sarama—мие. собака, 866.
 Sarasvati—божество, 740.
 Sary—Мокко—дѣйств. л. ск., 899.
 Sassy igä—радуга, 742.
 Satu—дѣйств. л. ск., 812.
 Schambu—гора, 875.
 Schampala—страна, 838.
 Scharibu—дѣйств. л. ск., 831.
 Scheburgan—дѣйств. л. ск., 805.
 Scheffer—нѣмец. уч., 742, 774, 801, 828.
 Schiefner—уч., 778, 782, 831, 834, 852, 904, 932.
 Schikir—дѣйств. л. ск., 818.
 Schiraigol—племя, 818.
 Schirman—мие. сущ., 769.
 Schirrawa—мие. сущ., 769.
 Schmidt—нѣм. монголизмъ, 674, 695, 804, 816, 826, 829, 830, 843, 844, 852, 863, 883, 904, 934.
 Schott—нѣм. уч., 801, 856.
 Schrenk—русск. ученый, 712, 756, 758.
 Sekis-jolduz—совѣздіе, 733.
 Sena—предокъ Тукюзск. хановъ, 866.
 Seng-baba—дѣйств. л. ск., 896.
 Serpetchou—дѣйств. л. ск., 855.
 Sethon—египетск. царь, 922.
 Seula—совѣздіе, 730.
 Siebengestirn—совѣздіе, 779.
 Simrok—нѣмецк. уч., 690.
 Siw-numgy—совѣздіе, 712.
 Som—совѣздіе, 712.
 So'om—совѣздіе, 712.
 Spiegel—нѣм. уч., 839.
 Sseger-Ssandalituchagan—дѣйств. л. ск., 875.
 Steele, Th.—авт., 834.
 Storkjunkare—лапландск. божество, 828.
 Sudhana—дѣйств. л. ск., 921.
 Svaum-b'u—имя Вишну, 738.
 Swarozitz—слав. бож., 881.
 Szimon Juda—дѣйств. л. ск., 928.

T.

Takhmō-urupis—дѣйств. л. ск., 839.
 Tattre—народъ, 864.
 Tchagaton-Nagaton—уроч., 851.
 Thoronis—божество, 742.
 Thorr—дѣйств. л. ск., 673.

Tōki—совѣздіе, 712.
 Triçanku—дѣйств. л. ск., 781, 816.
 Truone e lampe—дѣйств. л. ск., 760.
 Tschotong—дѣйств. л. ск., 817.
 Tsetl'omakom—звѣзда, 789.
 Tshoridong—дѣйств. л. ск., 817.
 Tsueygue—Млечный путь, 740.
 Tūmen-Dsirgalang—дѣйств. л. ск., 818.
 Tuonen—дѣйств. л., ск., 692.
 Turku el kuffaru—народъ, 863.
 Тур—дѣйств. л. ск., 673.

У.

Uaetskatsop—совѣздіе, 730.
 Uennakar Törökütu—дѣйств. л. ск., 838.
 Ukko—божество, 692.
 Ulinda Bulun Taischi—дѣйств. л. ск., 872.
 Уан—совѣздіе, 713.
 aruger—совѣздіе, 712.
 Ulebolod Ong—дѣйств. л. ск., 853.
 Uotkinautl—совѣздіе, 712.
 Urghulun—дѣйств. л. ск., 875.
 Urgöl—совѣздіе, 730.
 Usüt-chan—дѣйств. л. ск., 930.
 Utgardaloki—дѣйств. л. ск., 747.
 Utjün-Areg—дѣйств. л. ск., 930.

V.

Vambery—венг. писат., 713, 862, 933.
 Veckenstedt—нѣмецк. пис., 768, 769, 771, 868, 874.

Vesperugo—звѣзда, 836.
 Viçramitra—дѣйств. л. ск., 781.
 Vincentius Bellovacensis—франц. писат., 863.
 Vullers—нѣм. учен., 738.

W.

Wääräpyörä—чудовище, 831.
 Wadschrapani—будд. бож., 881.
 Waetlinga straet—Млечн. путь, 741.
 Wana wanker—созв., 713.
 Warätsyn—племя самоѣд., 874.
 Weil—уч., 764, 789, 812, 819, 820, 858.
 Wiedeman—уч., 814.
 Wolf—нѣм. уч., 812, 900.
 Wuotanes sträza—Млечн. путь, 741.
 Wuotanes wec—Млечн. путь, 741.

X.

Xoglen—совѣздіе, 712.

Y.

Yriana—дѣйств. л. ск., 912.
 Ytjyn Arach—дѣйств. л. ск., 789.

Z.

Zamuka Zizen—дѣйств. л. ск., 873.
 Zejan joldus—звѣзда, 733.
 Zohra—звѣзда, 731.
 Zwerinne—звѣзда, 732.
 Zwiretnice—звѣзда, 732.

Опечатки и ошибки.

Стран.	Стр.	Напечатано:	Читай:
	158	30 feo	Leo
	185	4 а.	б.
	193	16 А	Ай
	205	10 Ковде-меренъ	Ковде-мерген .
	210	13 зэнгри	тэнгри
	229	29 кремля	кремня
	241	13 Банынъ	Балынъ
	280	10 рдема	эрдема
	351	12 Ень	онъ
	370	19 Демичи-Саяна	Демичи-Ерена

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Читай:</i>
376	24	Суда	Буда
472	34	Ogis	Ovis
494	27	луги	слуги
499	11	онъ	она
—	19	Тамъ	Танъ
632	2	Бдско	Боско
656	26	Шогулами	Вогулами
660	22	Коголь-Найманъ	Коголь-Майманъ
668	33	сатынъ	святинъ
681	32	лыкъ	лынъ
711	29	tul	t и l
718	29	каракше	каракшинъ
—	31	Очи-каракше	Очи-каракшинъ
735	34	Чечекск. тема	Чеченск. племя
738	10	Б. Медвѣдца	Б. Медвѣдцы
739	35	сем	семь
750	17	арсь	idém
777	35	сыръ-кянда	сыръ-нянда
—	37	разрубаетъ пополамъ	обрубаетъ
793	33	Гаунскихъ	Чаунскихъ
830	26	Сенъ-Жюльеномъ	Стан. Жюльеномъ
854	8	при чемъ и съ Магу-Ундуръ былъ	и съ Магу-Ундуръ, гдѣ былъ
860	9	Кудурго	Кудурчо
863	8	№ 11	*
870	9	царицы	царь и царица
873	8	или	ули
897	19	семи	семью
907	35	онъ	Иринъ
912	25	Ugiana	Ygiana

Страницъ 977—992 не существуетъ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

21.

22.

23.

24.

25.

26.

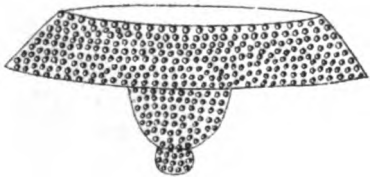
27.

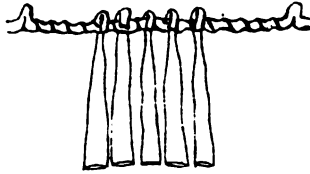
28.

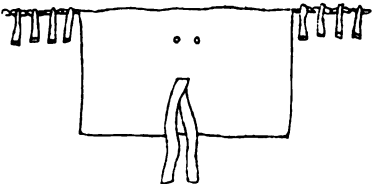
29.

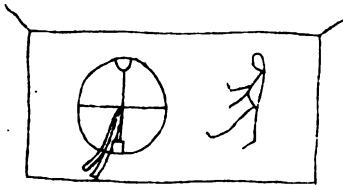
30.

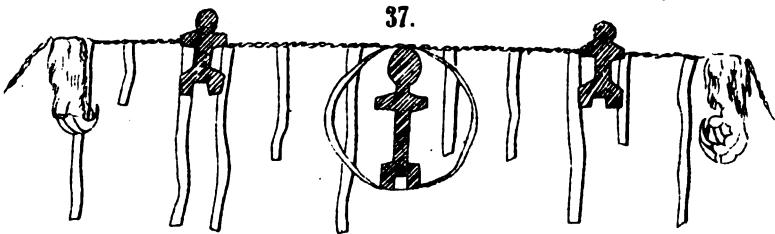
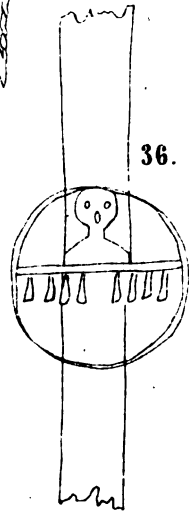
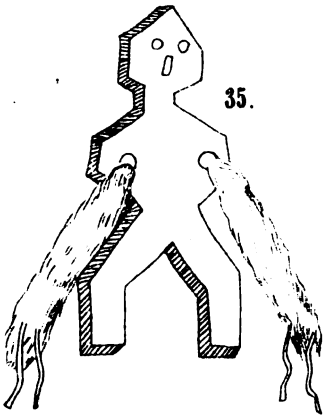
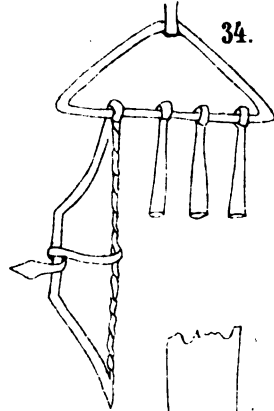
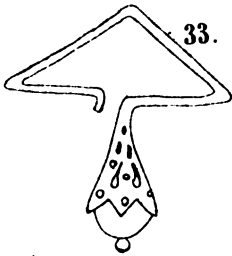

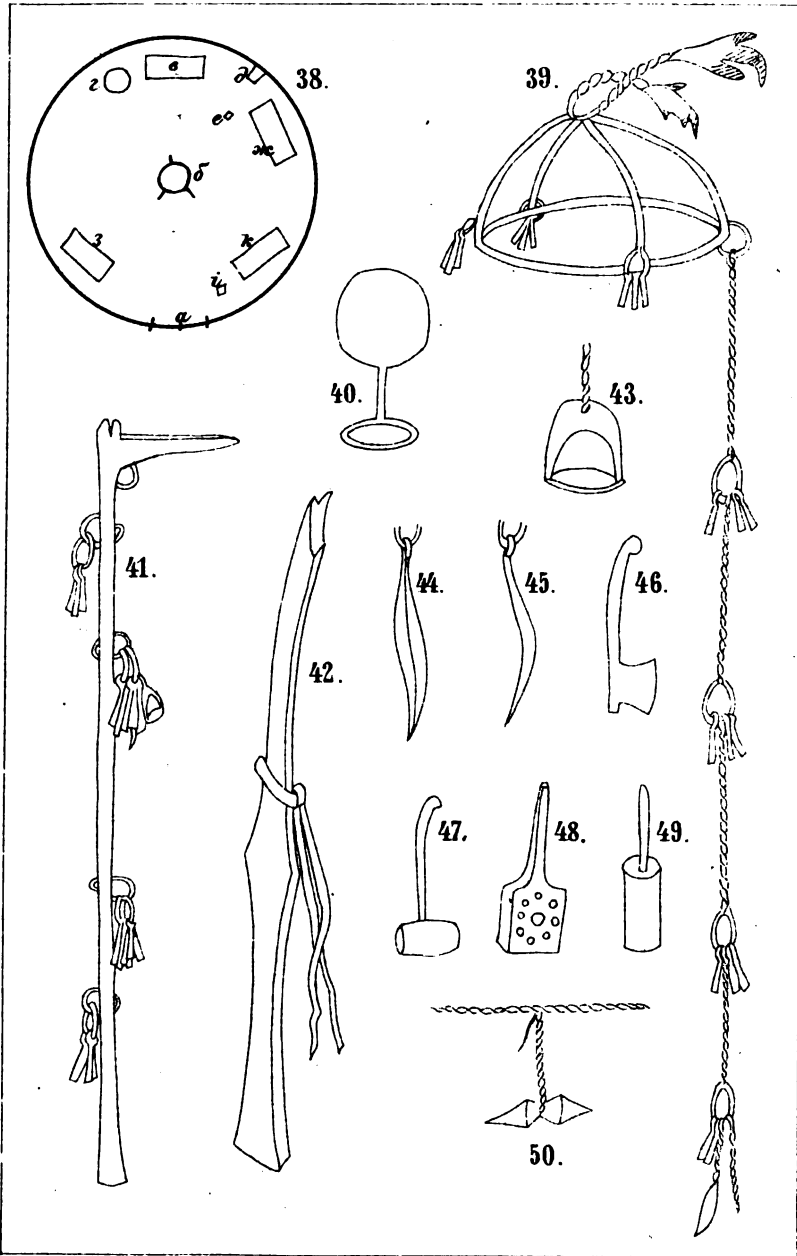
31.

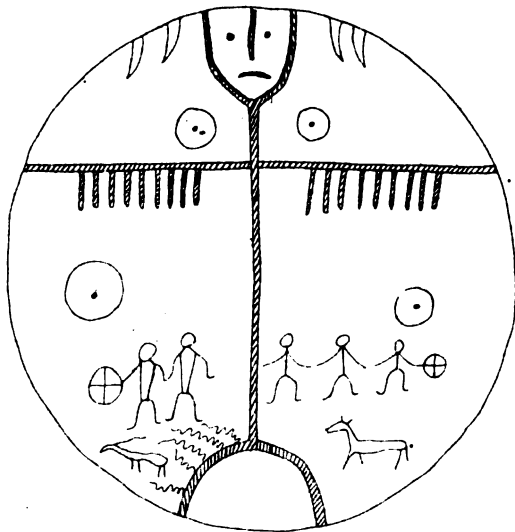
32.

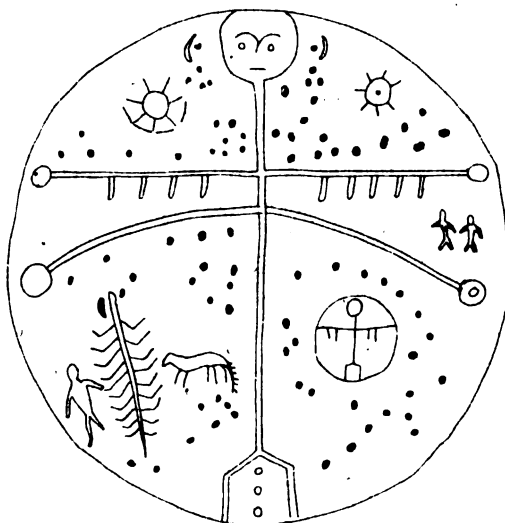

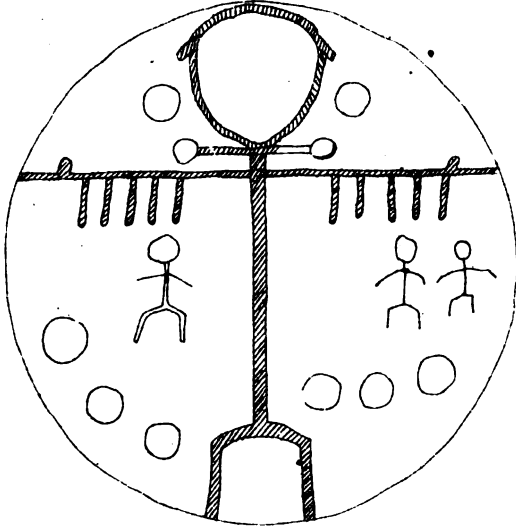
51.

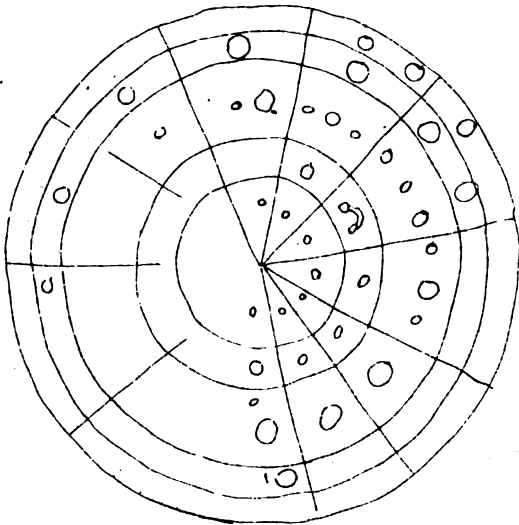
52.

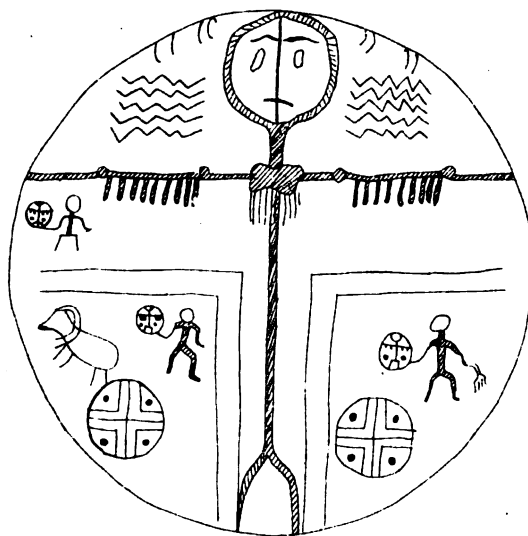
53.

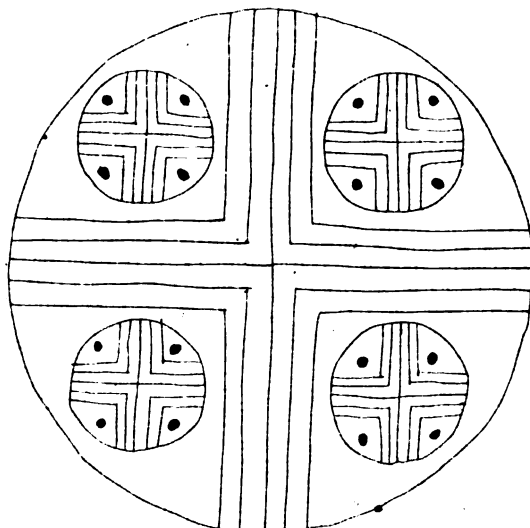
54.

55.

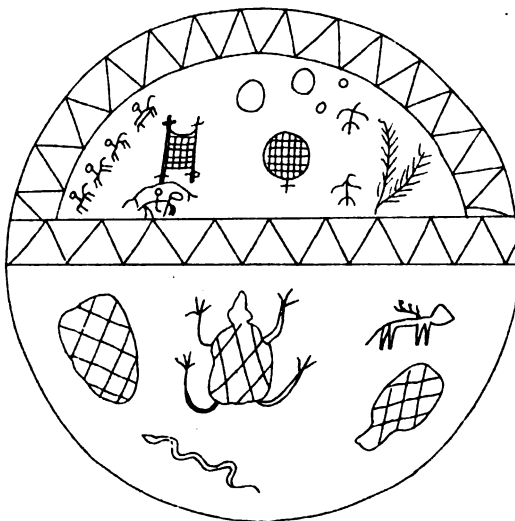
56.

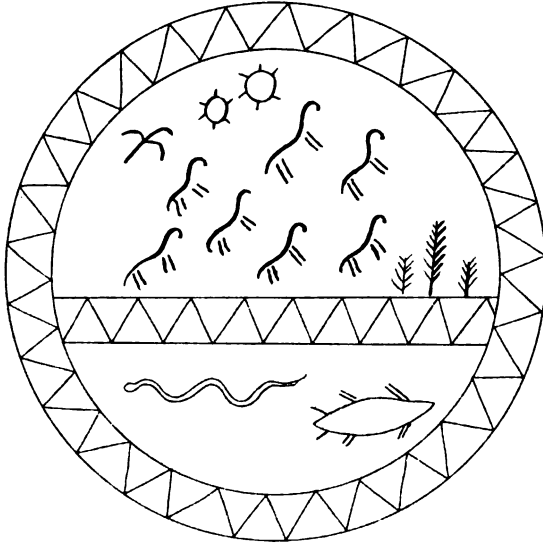
57.

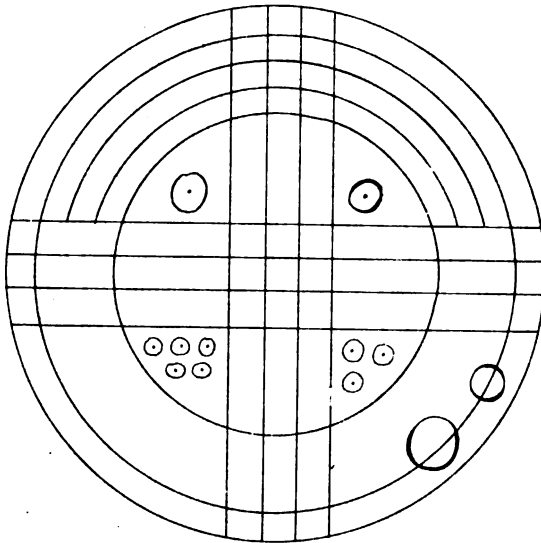
58.

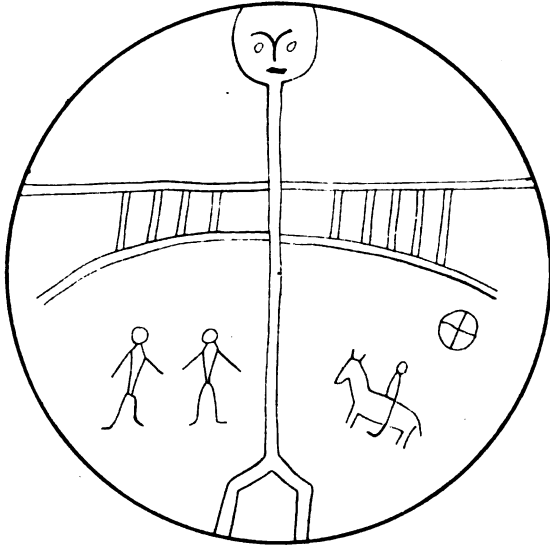
59.

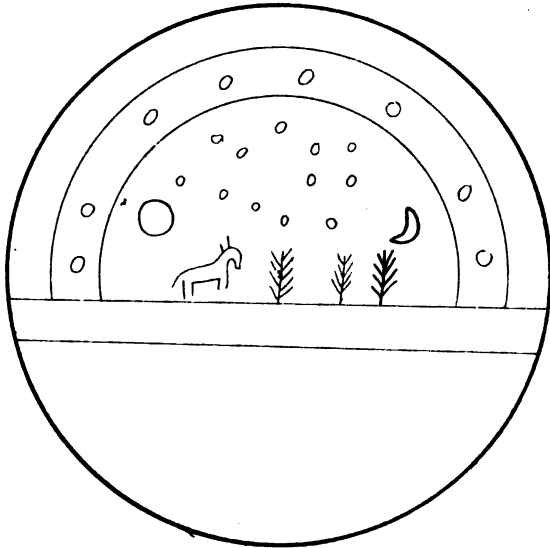
60.

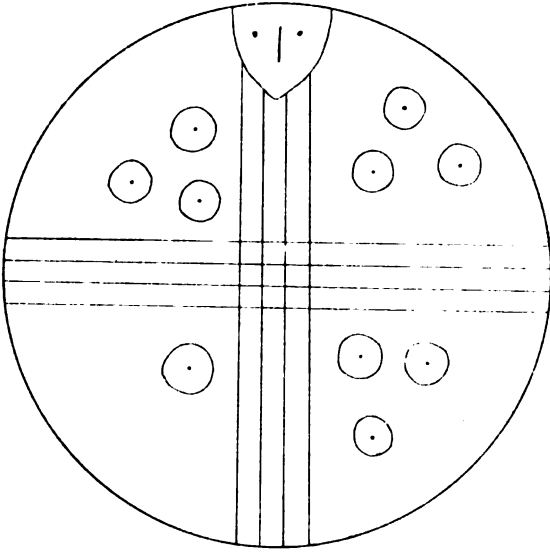
61.

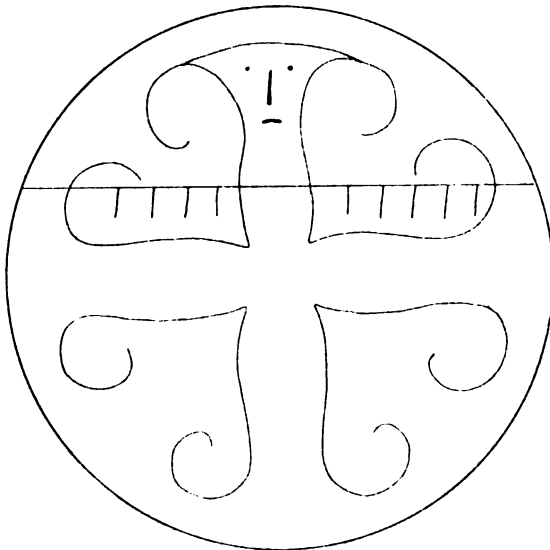
62.

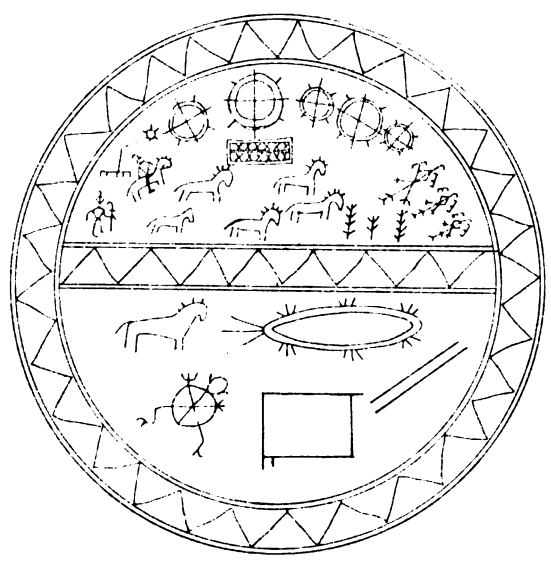
65.

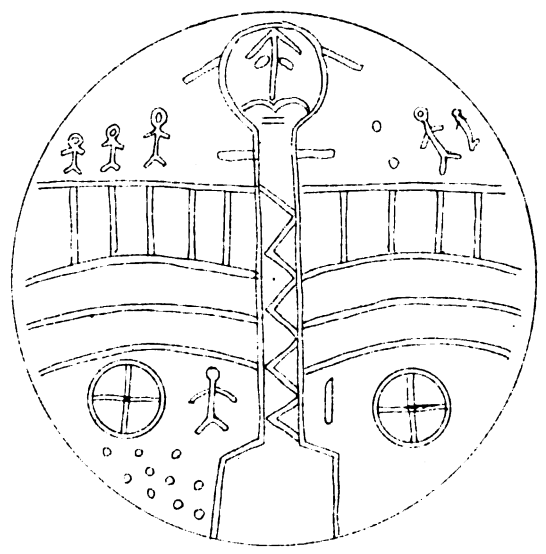
66.

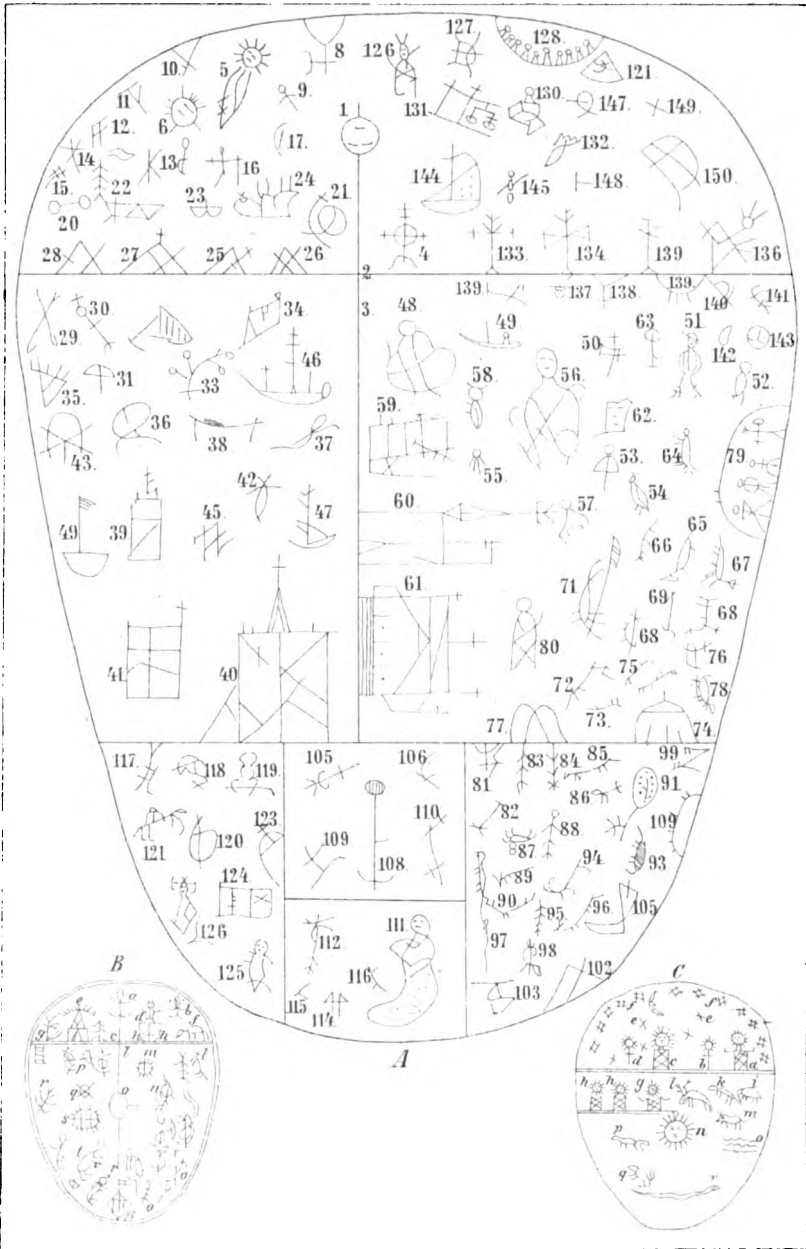

63.

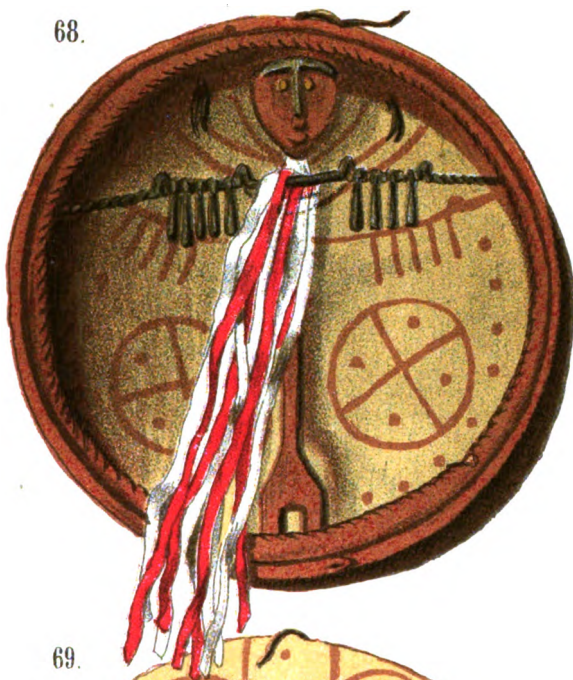

64.

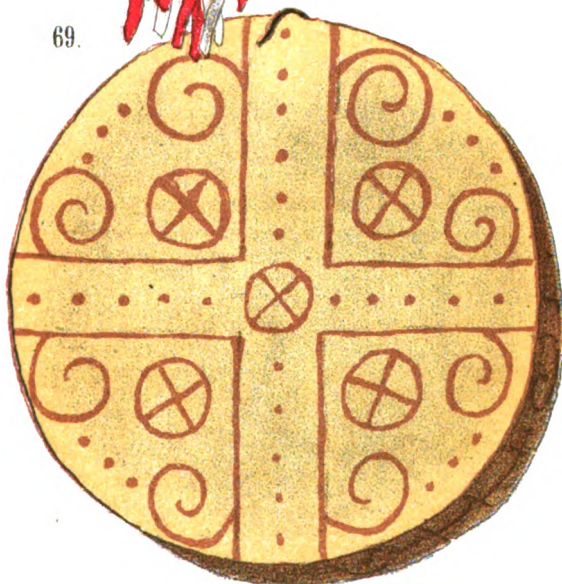

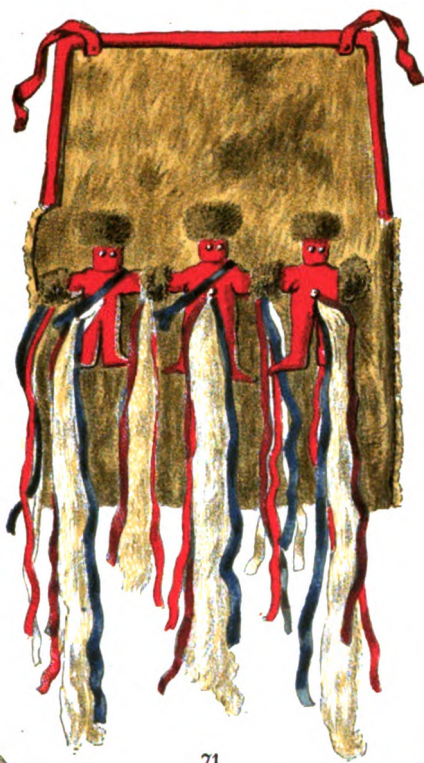
68.

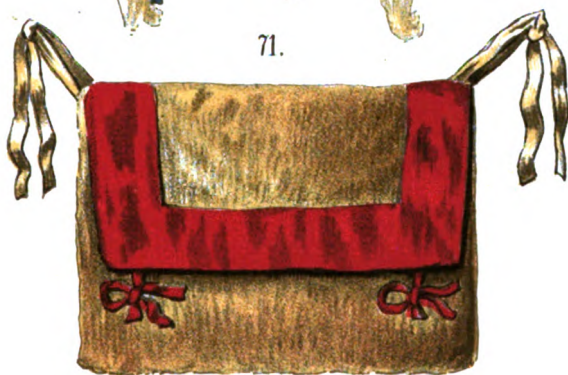
69.

70.

71.

Лит. А.Ильина

72.

Лит. А. Ильина.

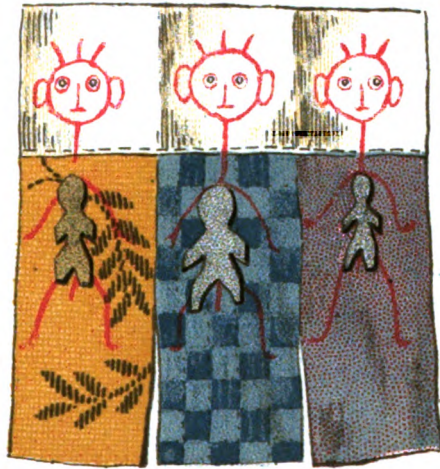
73.

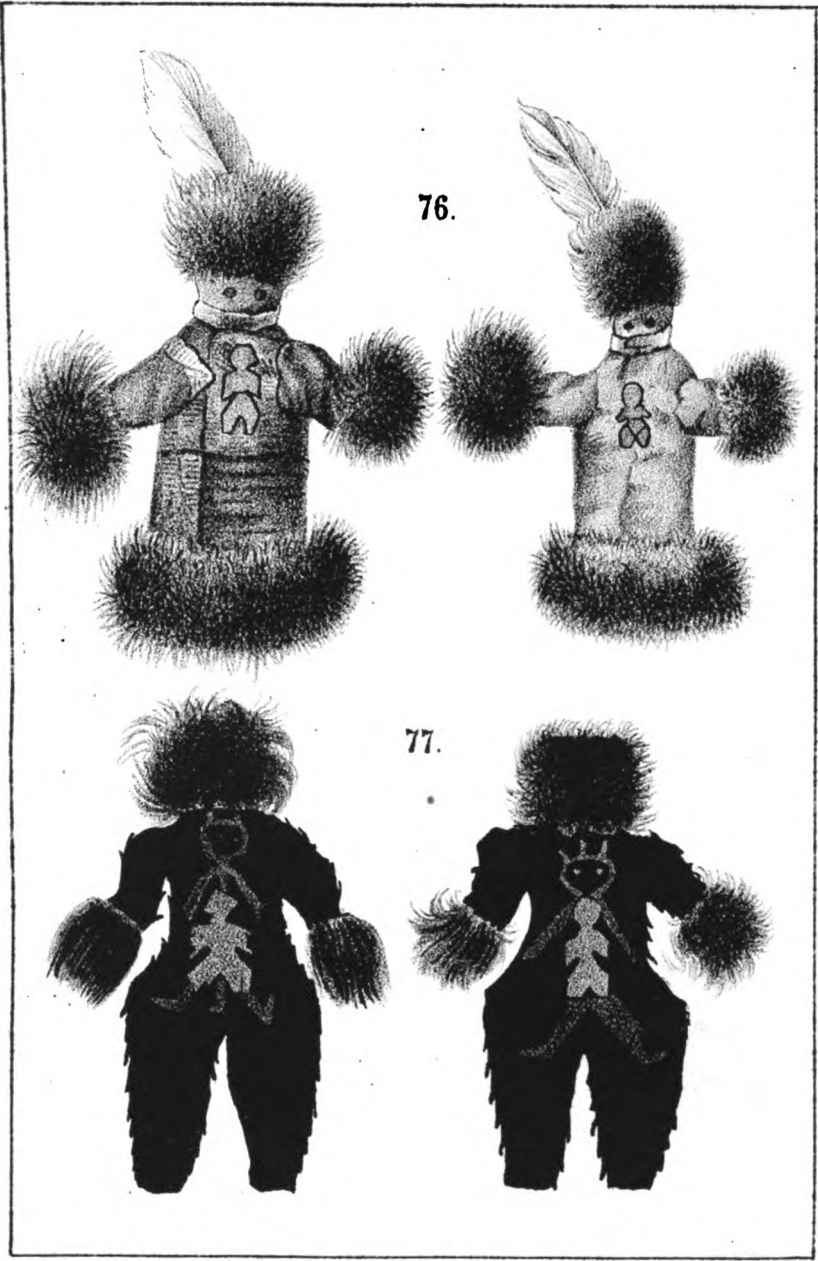

74.

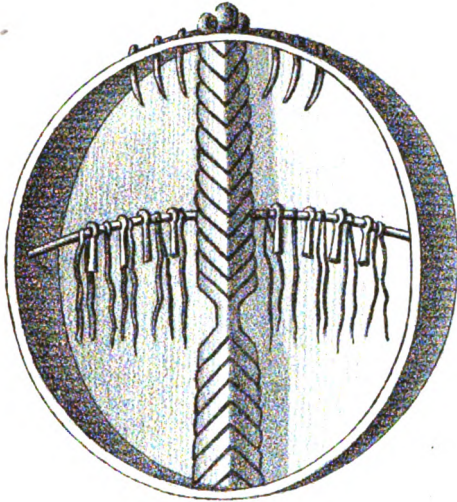

75.

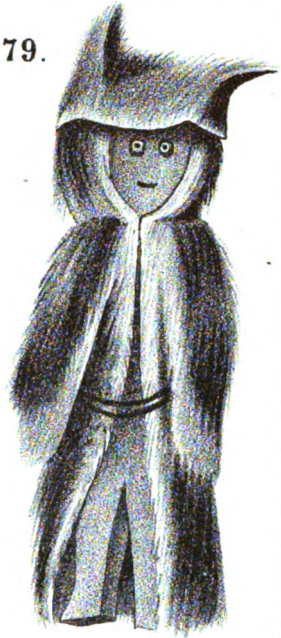

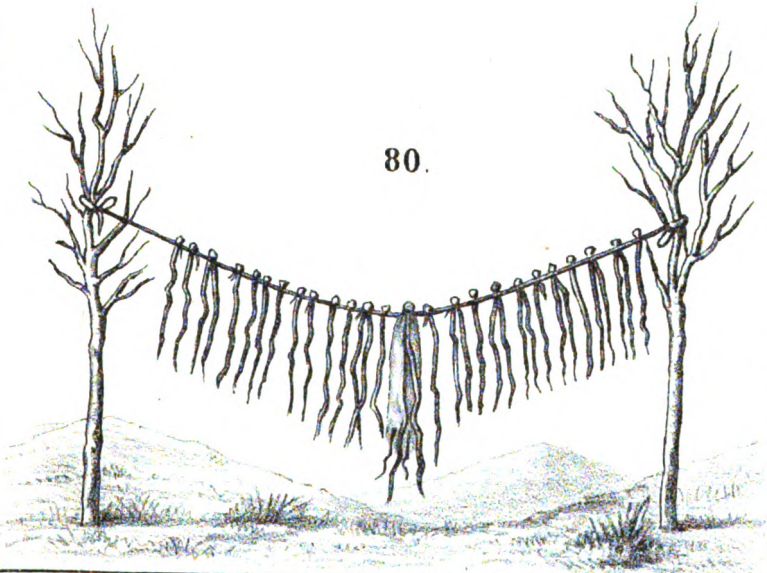
78.

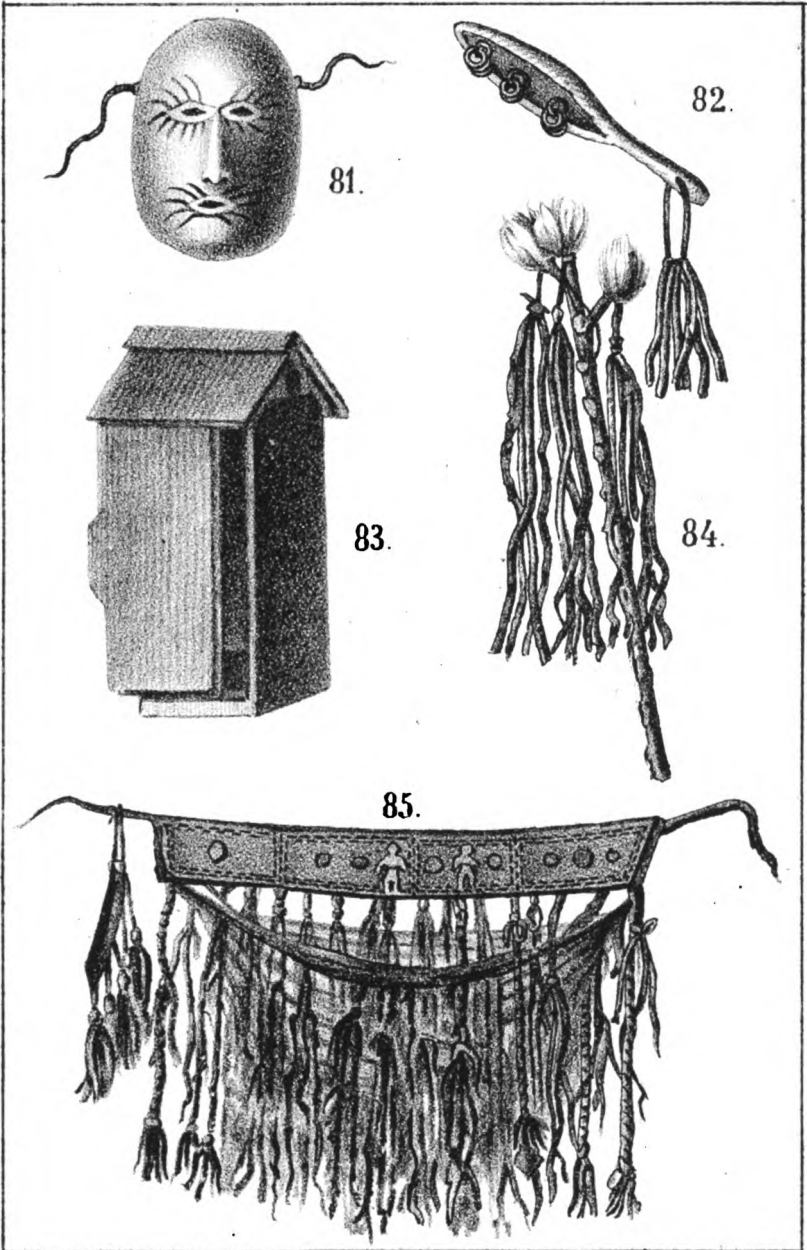

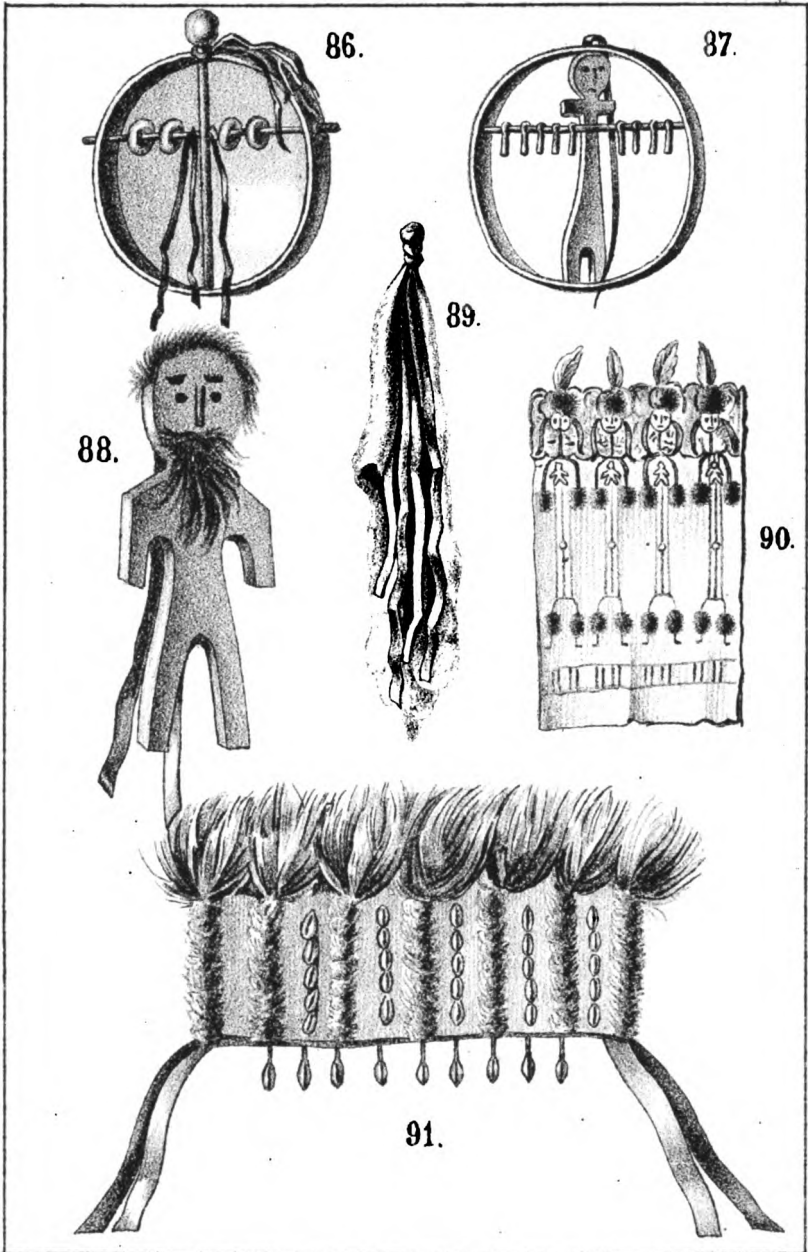
79.

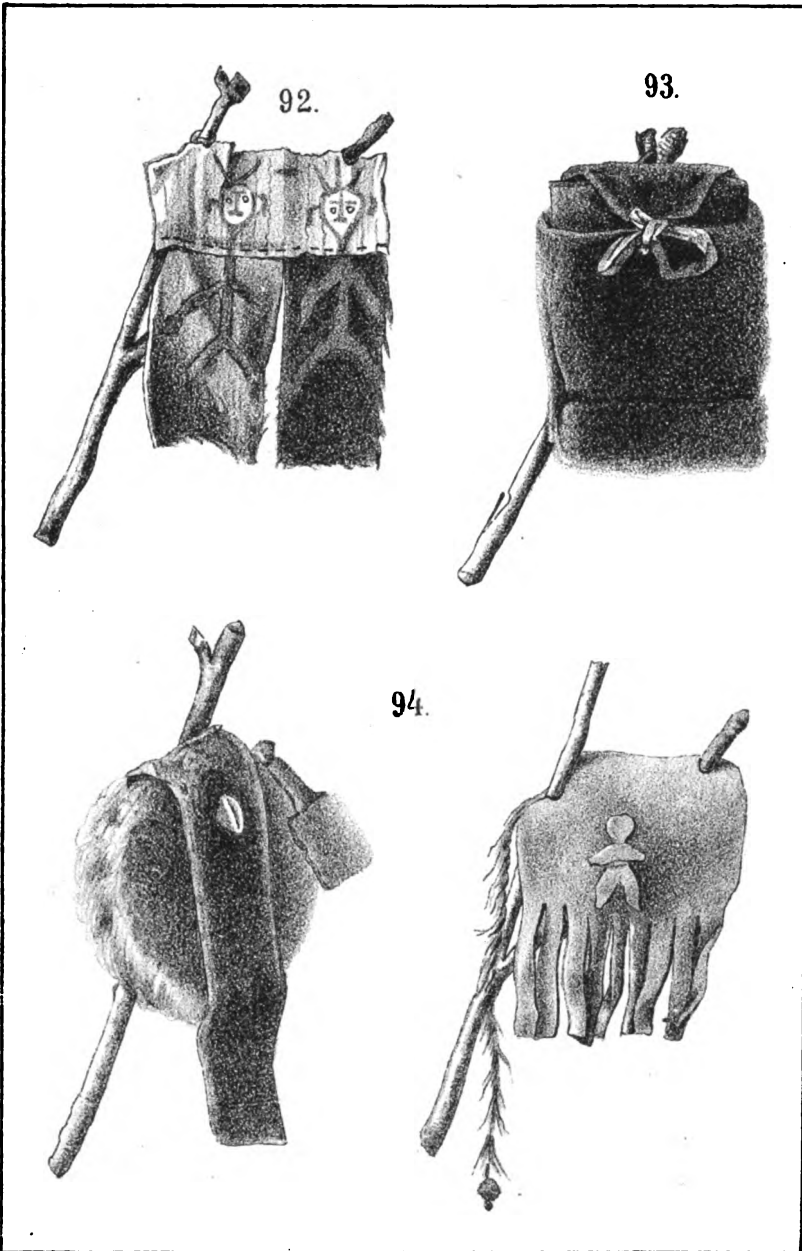

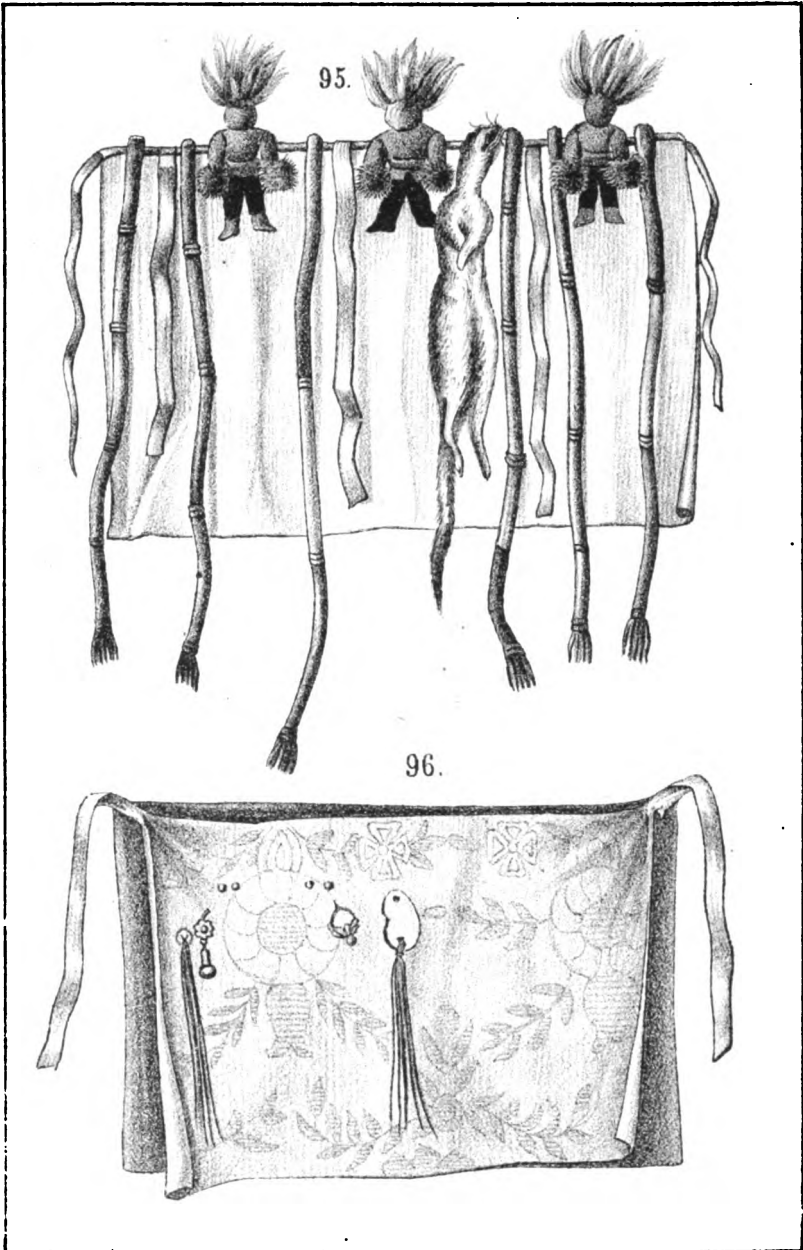
80.

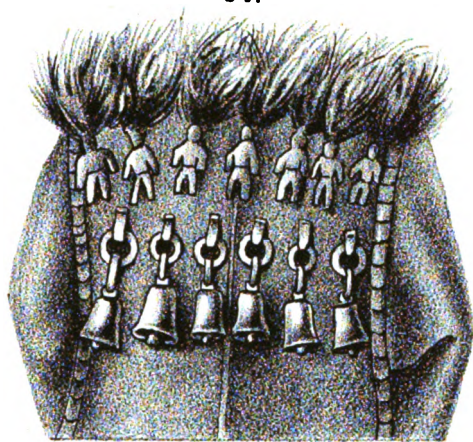

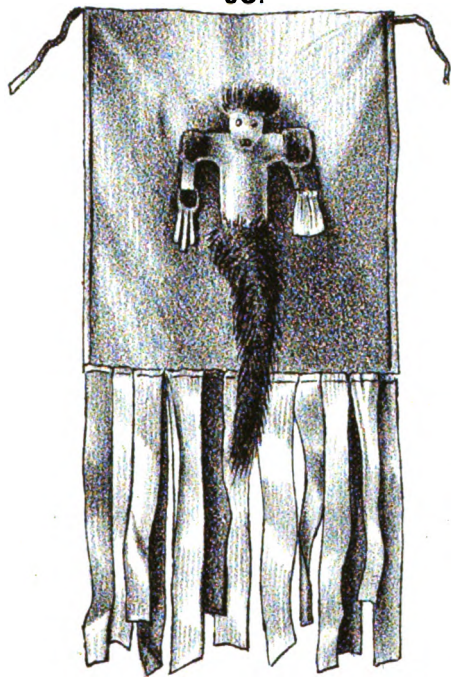

97.

98.

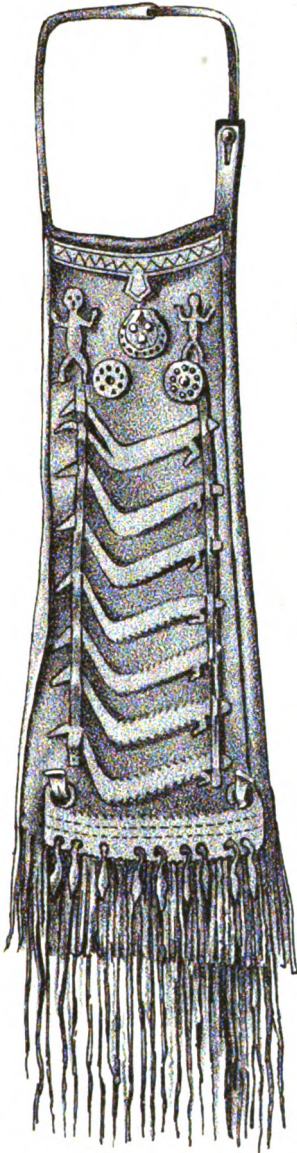
99.

100.

101.

102.

